

91
П. 64

№4

Потанин
Очерки Селен-
Западной Монголии
вып. 4

1883

91/5)

86

280

910 (51.7)

ОЧЕРКИ
СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛІИ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПУТЕШЕСТВІЯ,

исполненнаго въ 1879 году по порученію Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества

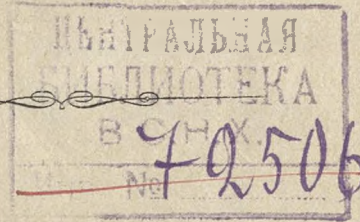
членомъ-сотрудникомъ оного

Г. Н. Потанинымъ.

ВЫПУСКЪ IV.

МАТЕРІАЛЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ,

съ 26-ью таблицами рисунковъ.

С. Петербургъ.

Типографія В. Киршбаума, въ д. М-ва Финансовъ, на Дворцовой площади.
1883.

Проверено 1934 г.

24/5

572/5
89/5

1938
ПРОВЕРЕНО

91/57.2/91
91
54650
1935 г.

ПРОВЕРКА

34ГНБ1949

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавленіе.

	Стан.
I. Племена и поколѣнія, населяющія сѣверо-западную Монголію	1— 25
I. Тюрки:	
1. Тюрское племя Русскаго Алтая	1— 10
2. Урянхайцы	10— 13
3. Киргизы	13— 19
II. Монголы:	
1. Дюрбюты	20— 21
2. Дархаты	21— 22
3. Буряты	22— 25
II. Замѣтки о семейномъ, общественномъ и религіозномъ бытѣ	26—135
1. Обряды при рожденіи дѣтей и уходъ за дѣтьми	26— 29
2. Свадебные обряды	29— 36
3. Похоронные обряды	36— 38
4. Семейные и общественные обычаи	38— 40
5. Бубны и шаманы	40— 77
5 (bis). Жертвоприношенія	78— 93
6. Онгопы	93—123
7. Повѣрья о духахъ и о почитаніи священныхъ горъ, лѣсовъ и камней	123—130
8. Повѣрья о болѣзняхъ, звѣряхъ и нѣкоторые предразсудки	130—133
9. Повѣрья о загробной жизни	133—135
10. Гаданія	135
III. Названія звѣздъ, мѣсяцевъ, пальцевъ, растений и животныхъ и повѣрья о нихъ	136--166
1. Названія звѣздъ и созвѣздіи	136—138
2. Повѣрья о громѣ	138—142

	Стран.
3. Названія мѣсяцевъ	143—144
4. Названія пальцевъ руки	144—145
5. Списокъ мѣстныхъ названій растений	145—155
6. Списокъ мѣстныхъ названій животныхъ	155—166
IV. Сказки и легенды	167—647
1. Медвѣдь.—Волкъ	167—169
2. Летучая мышь	169—175
3. Хотгунъ и птица	175—176
4. Маны и его семь сыновей	176—178
5. Семь братьевъ	178—179
6. Тарбаганъ (сурокъ)	179—180
7. Тупеанчикъ	180
8. Верблюдъ	180—181
9. Бурундукъ	181
10. Летяга	181—182
11. Дергачъ	182
12. Ускозь-уль	182
13. Хаджиръ-шибонъ	182
14. Ласточка и оса	183
15. Сорока	183
16. Филинъ	183
17. Хухэй	183—184
18. Тажа (бѣлая сова)	184
19. Налпъ	184
20. Царь звѣрей	185
21. Хунъ Горогунъ	185
22. Боди-Гурогунъ	186
23. Му-шибунъ	186
24. Гакша хамыганъ	186
25. Водяная корова	186
26. Кара-гулакъ	186
27. Амынъ саганъ-хулугуна	186—187
28. Зыги	187
29. Дерево Оронъ-Ганцхонъ-Модонъ	187—188
30. Дзандынъ-модо	188
31. Трава Вуху аранай	188—189
32. Чай	189
33. Камень „дзада“	189—190
34. Мѣсяцъ	190—193
35. Большая Медвѣдица	193—200
36. Долонъ Обугутъ (Большая Медвѣдица)	200—203
37. Мечинъ (созвѣздіе Плеяды)	203—204

	Стран.
38. Орионъ	204—206
39. Кубыръ чолмонъ	207
40. Радуга	207
41. Открытіе неба	207
42. Потопъ	207—208
43. Вода вѣчной жизни	209—211
44. Изобрѣтеніе вина	211—214
45. Преданія объ урочищахъ:	
1. Р. Таджигу и скала Абымъ-бомъ	214—215
2. Ижимей	215
3. Арынъ гурба дагна	215
4. Ханъ-Мергѣй	216
5. Хоймаръ	216
6. Три рѣки Иркутъ, Ока и Ія	216
7. Паганъ кюшочило	216—217
8. Луянь-Ханъ	217
9. Горный проходъ Байрименъ дабанъ	217
10. Гора Шагшагъ	218
46. О сотвореніи міра и человека	218—226
47. Очирванн	226—228
47 (bis). Чингисъ-ханъ	228—233
48. Сыпъ неба	233—235
49. Сказки о хитромъ ворѣ:	
1. Дононъ Дондушъ и Ганци Ментышъ	235—237
2. Бамба Шиту и Дзудзукъ	237—243
3. Талынъ Хутулчи	243—244
4. Андзынъ Хурумчи	244—247
5. Чуть	247—249
6. Аргата	249—250
50. Гесыръ-ханъ	250—257
51. Гегены	257—261
52. Разные бурханы:	
1. Туртэ Дагбы	261
2. Пять боговъ братья	261
3. Боги чая, масла, воды и солн.	261
4. Паганъ Обугенъ	261—262
5. Сабдыки Алтая и Хангай	262
6. Лама ава	262
7. Огонь	262
8. Богъ воды	262
9. Гахай бакши	263
10. Хухенъ Хутухту, хубилганъ Шидырвана	263—264
53. Буха-ноинъ	264—268

	Стран.
54. Бурхынъ-бахи	268—275
55. Бэгаръ Мджитъ	275
56. Комбу Дорчжи	275—277
57. О женѣ, заподозрѣнной въ связи съ ламой	277—279
58. Сенге ханъ	279
59. Анъ-Богдоръ	279—283
60. Аю-Чигты-ханъ	283—285
61. Сартагтай	285
62. Балаганъ	288
63. Начало камства	288—290
64. Тарханъ бо	290—293
65. Эльджигснъ	293—298
66. Шидырванъ	298—309
67. Шуно батырь	309—310
68. Цаганъ Дарихе	310—320
69. Кункеръ-ханъ	320—322
70. Нохой-эртэнъ	322—323
71. Махэшилъ	323
72. Идзыль Цзай	323
73. Ежлень-ханъ	323—324
74. Цаганъ ханъ	324—325
75. Бубэ Хатунъ Батырь	325
76. Одунтай Бодунтай	325—327
77. Кайраканъ	327—328
78. Изобрѣтеніе письма	328—329
79. Три сына Ханъ Чурмусенъ Тэнгрия	329—330
80. Отчего ламы не носятъ штановъ	330
81. Халкаская востъ Тоодынъ	330
82. Огонь	330—332
83. Поѣздка за живымъ богомъ	332—341
84. Мынг хонгор атту Тюмендей и его сынъ Ерь Сару	341—348
85. Убѣгающій на быкѣ отъ шулума мальчикъ	348—350
86. О предѣхъ хойху	350—351
87. Легенда о кровосмѣшеніи	351—352
88. Конь изъ тѣста	352
89. Хлѣбъ	352—353
90. Тигръ и быкъ братья	353—354
91. Воръ, крадущій коровъ, и тигръ	354—355
92. Выдумка и знаніе	355—356
93. Отчего монгольскія женщины носятъ шубы съ бу- фами	356
94. Отчего у Русскихъ глаза круглые, волосы длинные, платье короткое	356

	Стран.
95. Сорока и ея волшебный подарокъ	357—358
96. Лунатизмъ	358—359
97. Три товарища	359
98. Заячи	359—360
99. Бектеръ-Джанджинъ	360—362
100. Еренъ чэчэнъ и Яра чэчэнъ	362—363
101. Джиренше шешентъ и Алдаръ-кесе	364—365
102. Умная жена и глупый мужъ	365—366
103. Два царя, близливыи и бойкѣи	367
104. Байгусъ	367
105. Предѣи скота	367—368
106. Алаша ханъ	368
107. Долонъ Хобдокъ	368—369
108. Демичи-Еренъ	369—371
109. Каратты ханъ	371—373
110. Тунгъ Каратты ханъ	373—379
111. Бай Боролдай	379—383
112. Батырь Чонунъ-бель	384—387
113. Ертенъ-ерге	387—391
114. Мальчикъ Булотъ-хурэ и его конь	391—395
115. Оролынъ читкуръ	395—398
116. Мангысъ	398—399
117. Тончжи мергенъ	399—401
118. Палочка и ердене-цаганъ	401—403
119. Абаденъ-хубынъ-шошки	403
120. Шильды занги	403—404
121. Бала мергенъ	404
122. Шёнъ-би	404—405
123. Арсланъ	405—406
124. Сенгенъ Хунъ тайджи	406—407
125. Геликъ-нойонъ	407—408
126. Дзюниъ Бё	408—410
127. Галданъ бошко и Побей-Хатунъ батырь бели	410—411
128. Бокухъ	411
129. Бохолъ и Борзой	411—412
130. Бохыкъ и Адай	412
131. Ульберге	412—416
132. Ердене-мергенъ	416—424
133. Тана-Герель	424—427
134. Иренъ Шайнъ Чичирге	427—429
135. Иринъ-Сайнъ-Гуинъ-Настай-Мекеле	429—486
136. Му-Монто	486—488
137. Бандынъ-Цзанъ	488—490

	Стран.
138. Хаеринъ-Харъ-Бѣко	491—493
139. Шанъ Тондубъ и Тамба Шанджи	493—495
140. Гумъ ханъ	495—496
141. Два бохъ Комбу	497—498
142. Хурюн Халдын Халгачи	498—499
143. Братъ Танъ и Шамъ, мужа Цаганъ и Ногонъ Да- рихэ	499—500
144. Мутугъ Даниъ или Харъ Бакши	500—501
145. Хубогай Хуйныкъ	501—502
146. Занъ дзертъ Дзалута Мергенъ	503—507
147. Дзалута Мергенъ	507—512
148. Тангыль Мергенъ	512—517
149—152. (Эти №№ пропущены).	
153. Боролдзой Обогонъ	517—519
154. Дочь Лусай-хана	519—523
155. Мави Ветыръ ханъ и Харъ-Горѣчи	523—527
156. Хельбисъ будыръ	528—529
157. Китытъ-Ху	529—531
158. Шыттыкуръ-бурханъ	531—534
159. Хунъ-Тайджи	534—535
160. Боро болджоханъ туджи	535—539
161. Гахай Тологой Тюлюкчи	539—542
162. Толпиндынъ Ханъ и Шюрпиндынъ Хатынь	542—544
163. Батырь Цзанъ	544—547
164. Тондыкъ	547—548
165. Змѣи	548—550
166. Мальчикъ съ ушко	550—551
167. Левъ	551—552
168. Уланъ Арбата Унью	552—554
169. Вуху бюрэ	554—555
170. Бурханъ-Бакши и Хе-Даниъ	555
171. Сумбуръ-Уль	555—556
172. Харига Шибо (коршунъ)	556
173. Алтынъ канъ	556—565
174. Алтынъ Чобе	566—577
175. Алтынъ-Гѣна	577—583
176. Хангавай	583—587
177. Ускезе-олъ	588—590
178. Уаунъ-ачагъ	591—594
179. Человѣческая голова	594—595
180. Алтынъ-Чагай	596—600
181. Хэрэкъ-Кирвесъ Хэмрэ-мергенъ	600—618
182. Кумюсъ-Иргэкъ	618—622

	Стран.
183. Алтынъ-Иргекъ	622—624
184. Тызынъ богатырь	625—626
185. Перелетъ птицъ	627—629
186. Боско	629—641
187. Богачъ Бонилтъ и бѣднякъ Бордо	641—647

Примѣчанія.

Общее введеніе къ примѣчаніямъ	649—660
Къ главѣ I-й	660—672
Къ главѣ II-й	672—710
Къ главѣ III-й:	
Большая Медвѣдица	711—723
Оріонъ	723—729
Плеяды	729—731
Зарница	731—733
Полярная Звѣзда	734—740
Млечный путь	740—742
Радуга	742—745
Громъ	745—748
Названія растеній	748—749
Названія животныхъ	749—753
Къ главѣ IV-й:	
1. Медвѣдь	753—758
2. Летучая мышь	758—764
3. Хоттунъ птица	764
4. Маны	764—765
5. Семь братьевъ	765—767
6. Тарбаганъ	767—768
11. Дергачъ	768
12. Ускозь-уль	768
14. Ласточка и оса	768
18. Тажа	768
19. Налимъ	768—769
20. Царь звѣрей	769
21. Гунъ гуругунъ	769—770
22. Кара-кулакъ	770
27. Амынь-саганъ-хуагуна	771—772
28. Зиби	772
29. Дерево Оронъ-Гандханъ-модонъ	772
30. Дзандэнь модо	773

	Стран.
31. Трава Буху-аранай	773
32. Камень „дзада“	773—774
33. Мѣсяць	774—778
34. Большая Медвѣдница	778—787
36. Долонъ-Эбугутъ	787—788
37. Мечинъ	788
38. Орѣонъ	788—791
41. Открытіе неба	791
42. Потопъ	791—793
43. Вода вѣчной жизни	793—795
44. Изобрѣтеніе вина	795—796
45. Преданія объ урочищахъ	796—797
46. О сотвореніи міра	797—800
47. Очирвани	800—801
47 (bis). Чингисъ-ханъ	801—806
48. Сынъ неба	806—810
49. Сказки о хитромъ ворѣ	810—817
50. Гесыръ-ханъ	817—820
51. Гегены	820
52. Разныя бурханы	820
53. Буха-нонъ	821—826
54. Бурхынъ-бакши	826—833
55. Бегеръ-Мджигъ	833
56. Комбу-Дорчжи	833—834
57. О женѣ, заподозрѣнной въ связи съ ламой	834
59. Анъ-Богдоръ	835—838
60. Аю-чиеты-ханъ	838—839
61. Сартакгай	839—840
63. Начало камства	840
61. Тарханъ-бо	840—866
67. Шуно	866—867
68. Цаганъ-дареке	867—869
69. Кункеръ-ханъ	869—871
70. Нохой-эргень	871
72. Идзиль-Цзай	871
73. Еджень-ханъ	871
74. Цаганъ-ханъ	871—872
76. Одунтай Бодунтай	872—877
77. Кайраканъ	877—878
78. Изобрѣтеніе письма	878
79. Три сына Ханъ Чурмусанъ Тенгрія	878—880
80. Отчего ламы безъ штановъ ходятъ	880
82. Огонь	880—881

	Стран.
83. Поѣздка за живыми богамъ	881—885
84. Мынъ хонгор атту Тюмендей и его внукъ Еър сару	885—891
85. Убѣгающій на быкѣ отъ шуума мальчикъ	891
86. О предкѣ хойху	892
88. Конь изъ тѣста	893
89. Хлѣбъ	893—894
90. Тигръ и быкъ братья	894
96. Лунализмъ	894
97. Три товарища	894
98. Залчи	894—895
100. Еревъ-чэчэнъ и Яра-чэчэнъ	895
101. Джиренше-пешень	895
102. Умная жена и глухой мужъ	896
105. Предки скота	896
106. Алашаханъ	896—897
109. Каратты-ханъ	897—898
110. Тунгъ Каратты ханъ	898
111. Боролдай ху	898—899
112. Батырь Чонунъ белъ	899
113. Эргэнъ-ерге	899
117. Тончжи-мергенъ	899—900
124. Сенге-хунъ-тайджи	900—901
126. Дзюнкъ-бо	901—902
127. Галданъ-бошко и Побей-Хотунъ батырь-бели	902—903
129. Бохоль и Борзой	903
131. Ульберге	903
132. Эргене-мергенъ	903—905
134. Ирпиль-Шайнъ-Чичирге	905—906
135. Ирпиль-Сайнъ	906—919
139. Шанъ-Дондубъ и Тамба Шанджи	919
140. Гумъ-ханъ	919
141. Два бѣхъ Комбу	919—920
148. Тангыль-мергенъ	920
155. Мани-Ветиръ-ханъ и Харъ Горѣчи	920—923
160. Боро болджохайнъ туджи	923
166. Мальчикъ съ ушко	923
168. Аргата-Уньюгъ	923
176. Хангавай	923
179. Человѣческая голова	923—924
181. Хэрэкъ - Кирвасъ Хэмрэ-мергенъ	924—930
182. Кумюсъ-Иргэкъ	930
184. Тызынъ-богатырь	930
186. Боско	931—935

187. Богачъ Бодилъ и бѣднякъ Гордо	Стр. 935
Дополненія къ тексту:	
Къ главѣ I-й: Сѣлки и шуточные характеристики ино- родческихъ родовъ (сѣбковъ)	936— 941
Къ главѣ III-й: Дѣтскія названія пальцевъ	941
Къ главѣ IV-й: Птица дуудийъ	941
Дополненія къ примѣчаніямъ:	
Къ главѣ II-й	941
Къ главѣ III-й	942— 943
Къ главѣ IV-й	943— 944
Алфавитный указатель	945—1025
Опечатки и ошибки	1025—1026

Перечень рисунковъ.

Табл. I. Ф. 1—6. Тамги киргизскихъ поколѣній: 1) Кипчаки; 2) Аргыны; 3) Найманы; 4) Конгратъ и Кирей; 5) Уакъ; 6) Таракты (стр. 14).—Ф. 7—16. Тамги Алтаидцевъ.—Ф. 17. Тамга киргизск. поколѣнія Чубаръ-айгыръ, неправильно представленная въ Оч., в. II (табл. XXVI, ф. 21).—Ф. 18—26. Тамги на джундскихъ монетахъ, заимствованныхъ изъ сочиненія Френа (Fraehn, *Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschis's*, S. Ptblg., 1832: Tabl. XII, f. 1, 2, 3, 4, 7, 9, 18; Tabl. XIII, f. 3, 13, 19, 28), представляемыя здѣсь для сравненія съ рисунками на бубнахъ (стр. 679).—Ф. 27 и 28. Знаки, которые иногда встрѣчаются на наружной поверхности китайскихъ фарфоровыхъ чайныхъ чашекъ.—Ф. 29. Шалочка мингатской женщины, отличающаяся отъ халхаской, представленной въ Оч., II, табл. XXIII, большимъ отверстіемъ надъ теменемъ.—Ф. 30. Кунгру или погремки на бубнѣ (стр. 41—42).—Ф. 31. Алтайскій онгонъ Куреместенготхуны (стр. 98).—Ф. 32. Алтайскій онгонъ съ изображеніемъ камлання (стр. 99).

Табл. II. Ф. 33. Серьга торгоутской женщины, представленная для сравненія съ привѣской на шаманскомъ плащѣ, изображенномъ на ф. 34.—Ф. 34. Желѣзная привѣска къ шаманскому плащу въ видѣ треугольника съ кунгру (стр. 50).—Ф. 35. Кумандинскій онгонъ Терджалы (стр. 98).—Ф. 36. Онгонъ Тюнгурчекъ, подвѣшенный къ отвѣсной полосѣ изъ дабы (стр. 98).—Ф. 37. Алтайскій онгонъ Тюнгурчекъ (стр. 98).

Табл. III. Ф. 38. Планъ юрты шамана и ея внутренняго расположенія: а, дверь; б, очагъ, в, у ламаитовъ мѣсто для божницы, у чистыхъ шаманистовъ мѣсто для онгона Джайка или Ереня; г, бубенъ; д, онгонъ Емегель-джинъ; е, онгонъ Цахиусъ (стр. 101 и 103); ж, кровать; з, станокъ для бурдюковъ съ кислымъ молокомъ и масломъ; и, мѣсто для онгона Сангай или

для онгона, представленнаго на ф. 84 (стр. 96 и 101); к, станокъ для мелкой и берестяной посуды.—Ф. 39. Желѣзный вѣнецъ бурятскаго шамана, хранящійся въ музеѣ Восточно-сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества въ Иркутскѣ (стр. 53).—Ф. 40. Бубенъ китайскаго ворожеи по рисунку Клитайца Сунъ-генъ-сы, живущаго въ городѣ Кобдо (стр. 678).—Ф. 41. Харьбо, желѣзный жезлъ бурятскаго шамана, хранящійся въ музеѣ Восточно-сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества въ Иркутскѣ (стр. 54).—Ф. 42. Деревянный жезлъ бурятскаго шамана (стр. 54).—Ф. 43—45. Желѣзные привѣски къ желѣзному жезлу, изображенному на ф. 41.—Ф. 46—49. Деревянные и желѣзные привѣски къ шнуру зэлэ (стр. 55).—Ф. 50. Часть шнура зэлэ (стр. 55).

Табл. IV. Ф. 51 и 52. Изображенія на внутренней сторонѣ алтайскихъ бубновъ (стр. 43 и 47).

Табл. V. Ф. 53. Изображенія на внутренней сторонѣ алтайскаго бубна.—Ф. 54. Изображенія на вѣшной сторонѣ того же бубна (стр. 43).

Табл. VI. Ф. 55. Изображеніе на внутренней сторонѣ алтайскаго бубна.—Ф. 56. Изображеніе на вѣшной сторонѣ того же бубна (стр. 43).

Табл. VII. Ф. 57. Изображеніе на бубнѣ Черневыхъ Татаръ (стр. 45).—Ф. 58. Изображеніе на бубнѣ Черневыхъ Татаръ, хранящемся у миссіонера о. Вербицкаго (стр. 45).

Табл. VIII. Ф. 59 и 60. Изображенія на внутренней и наружной сторонахъ бубна Черневыхъ Татаръ, хранящемся при полицейскомъ управленіи въ городѣ Кузнецкѣ (стр. 45).

Табл. IX. Ф. 61. Изображенія на бубнѣ съ оз. Кеньги (стр. 47).—Ф. 62. Изображенія на наружной сторонѣ бубна шамана Пахьяна (стр. 48).

Табл. X. Ф. 63. Изображенія на бубнѣ съ р. Чуи (стр. 46 и 47).—Ф. 66. Изображенія на алтайскомъ бубнѣ (стр. 47).

Табл. XI. Ф. 63. Изображенія на остячкомъ бубнѣ, который былъ выставленъ на съѣздѣ ориенталистовъ въ 1876 году, съ рисунка д. члена Имп. Р. Г. Общества А. И. Савельева (стр. 680).—Ф. 64. Изображенія на бубнѣ алтайскаго шамана Энчу (стр. 43).

Табл. XII. Ф. 67. Изображенія на лопарскихъ бубнахъ изъ Шеффера (Scheffer, *Histoire de Laponie, sa description, l'origine etc.*, p. 372), съ его объясненіями. Бубенъ А: 1, церковь св. Павла въ Торнео (Paul de Torna); 2, рѣка Торнео; 3, ручей Торнео; 4, показатель вѣтровъ, указывающій сѣверъ посредствомъ два раза перекрещенной линіи; 5, Богъ; 6, солнце; 7, мѣсяцъ; 8, громъ (Tonnerre) или Тюръ (Ture); 9, ангелъ Божій; 10, ангелъ Гавріиль; 11, св. Іоаннъ; 12, св. Петръ; 13, св. Матвій; 14, св. Мартинъ; 15, св. Лука; 16, слуга Божій; 17, дождь; 18, свѣтъ солнца; 19, вѣтеръ; 20, счастье; 21, несчастье; 22, земля; 23, вода; 24, огонь; 25, старецъ горы, предназначенный для жертвоприношеній; 26, старуха горы, предназначенная для жертвоприношеній; 27, гора Стадебергъ, предназначенная для жертвоприношеній; 28, гора Тирро (Tirro), предназна-

ченая для жертвоприношений; 29, Швеція; 30, Россія; 31, Голландія; 32, Англія; 33, Испанія; 34, Франція; 35, Кельнъ; 36, Турція; 37, Лапландія; 38, Финляндія; 39, города Финляндіи; 40, города Швеціи; 41, города Германіи; 42, деревни земледѣльцевъ; 43, война; 44, миръ; 45, люди, идущіе въ церковь; 46, большой корабль; 47, лодка; 48, идолъ Лопарей; 49, судно діавола; 50, священное дерево Лопарей; 51, горожанинъ; 52, горожанка; 53, крестьянинъ; 54, крестьянка; 55, Лопарь или его жена; 56, приставъ при Лопаряхъ; 57, конюхъ пристава; 58, стражъ; 59, церковь для Лопарей; 60, церковь города Торнео; 61, крестьянская церковь въ округѣ Торнео; 62, священный камень Лопарей; 63, священный пенъ Лопарей; 64, медвѣдь; 65, корова; 66, быкъ; 67, волкъ; 68, сѣверный олень; 69, баранъ; 70, свинья; 71, лошадь и сани; 72, журавль; 73, аистъ; 74, гусыня; 75, большой дикій пѣтухъ; 76, Лопарь, ѣдущій въ саняхъ; 77, горы Лапландіи, назначенныя для жертвоприношений; 78, жилище Лопаря; 79, самые опасные и наиболѣе дѣлающіе вреда колдуны; 80, священникъ; 81, человѣкъ; 82, бѣлка; 83, ель; 84, сосна; 85, заяцъ; 86, лисица; 87, внутренности сѣвернаго оленя; 88, береза; 89, кошка; 90, коза; 91, озеро и въ немъ рыбы и судно; 92, бобръ; 93, животное, называемое іервъ (ierf) или росомаха; 94, козуля; 95, собака; 96, орнескръ или орнскръ (orneskre ou ornskrek), слово испорченное, можетъ быть, означающее змѣиную кожу или выползокъ (la peau ou dérouille d'un serpent); 97, змѣя; 98, лягушка; 99, богъ Нао (Naо); 100, яма чертей; 101, горный духъ; 102, адскій холмъ; 103, смерть; 104, выдра; 105, Люциферъ; 106, Асмодей; 107, тиръ (tyre) или волшебный шаръ; 108, волшебныя стрѣлы; 109, совершилось то, чего хотѣлъ діаволъ; 110, не исполнилось того, чего хотѣлъ діаволъ; 111, тотъ же діаволъ; 112, самый близкій его служитель; 113, адскій котелъ; 114, привидѣнія; 115, волки-оборотни; 116, адскій воронъ; 117, верховный глава въ собраніи колдуновъ; 118, второй глава того же собранія; 119, третій глава того же собранія; 120, четвертый глава того же собранія; 121, волшебницы, которыя ѣдутъ въ свое собраніе съ дѣтьми съ цѣлью учить послѣднихъ волшебству; 122, мѣсто, гдѣ собираются волшебницы; ихъ верховный господинъ; 123, Дронтеймскій округъ; 124, висѣлица; 125, палачъ; 126, предсѣдатель суда; 127, законъ; 128, двѣнадцать судей; 129, палата, гдѣ судьи совѣщаются; 130, глава судей квартала (le prefect des juges du quart); 131, то, что справедливо; 132, то, что не справедливо; 133, праздникъ Рождества Христова; 134, праздникъ Пасхи; 135, Троицынъ день; 136, праздникъ Богоявленія; 137, день пресвятой Дѣвы Маріи; 138, день солнца; 139, день св. Эрика; 140, день св. Иоанна; 141, день св. Петра; 142, день св. Іакова; 143, день св. Михаила; 144, нужно приносить жертвы безъ исключенія; 145, тотъ, который говоритъ правду; 146, тѣ, которые вредятъ землѣ и морю; 147, здоровье; 148, болѣзнь; 149, смертельный ударъ волшебнаго копья; 150, не слѣдуетъ никому приносить жертвъ — ни божееству горъ, ни какому дереву, ни какому камню, ибо этотъ знакъ указываетъ, что то бесполезно и безуспѣшно. Эти объясненія знаковъ заимствованы изъ фран-

цузскаго перевода книги Шеффера; въ самой книгѣ эти объясненія не сходятся съ рисункомъ; такъ на рисункѣ нѣтъ нумеровъ: 7, 18, 19, 32, 44, 70, 100, 101, 104, 113, 122, 129, 135, 146; нумера: 68, 105, 121, 126, 136, 139 на рисункѣ поставлены вдвойнѣ; наконецъ, есть знаки не пронумерованные между 30 и 34, между 89 и 110, между 131 и 130. Группу 136—143, вѣроятно, слѣдовало изобразить выше горизонтальной черты.—Бубень В: *a*, Богъ Отецъ; *b*, Иисусъ; *c*, св. Духъ; *d*, св. Іоаннъ; *e*, досадная смерть (la mort fâcheuse); *f*, коза; *g*, бѣлка; *h*, небо; *i*, солнце; *l*, волкъ; *m*, рыба сіикъ (siik); *n*, дикій буйволъ; *o*, дружба съ дикими оленями; *p*, Анундусъ Екрици (Anundus Ecrici), которому принадлежалъ бубень, убилъ волка; *q*, дары (les dons); *r*, выдра; *s*, дружба Лопарей съ другими; *t*, лебедь; *u*, знакъ, чтобъ узнать въ какомъ состояніи находятся другіе, и можетъ ли болѣзнь быть излѣчима; *x*, медвѣдь; *y*, свинья; *z*, рыба; *γ*, тотъ, кто уноситъ душу въ адъ. Литеръ *i*, *y*, *γ* у самаго Шеффера на рисункѣ нѣтъ, а литера *l* поставлена вдвойнѣ.—Бубень С: *a*, Торъ; *b*, его служитель; *c*, Стоорюнкаръ (Stoorjunkare); *d*, его служитель; *e*, птицы; *f*, звѣзды; *g*, Иисусъ Христосъ; *h*, апостолы; *i*, мѣдвѣдь; *k*, волкъ; *l*, сѣверный олень; *m*, быкъ; *n*, солнце; *o*, озеро; *p*, лисица; *q*, бѣлка; *r*, змѣя.

Табл. XIII. Ф. 68. Бубень алтайскаго шамана, доставленный г. Ядринцевымъ въ музей Имп. Русск. Геогр. Общества въ Петербургѣ, съ внутренней стороны.—Ф. 69. Онъ же съ наружной стороны (стр. 41—44).

Табл. XIV. Ф. 70. Урянхайскій онгонъ Емгель джигъ; войлочный мѣшокъ вывороченъ, чтобы показать внутри его пришитыя куклы.—Ф. 71. Тотъ же онгонъ снаружи, въ закрытомъ положеніи, какъ онъ обыкновенно виситъ, привязанный къ юрточной рѣшеткѣ (стр. 99).

Табл. XV. Ф. 72. Онгонъ Хукскихъ Урянхайцевъ, называющійся Бурятъ (стр. 102).

Табл. XVI. Ф. 73. Бурятскій онгонъ Хурюкшутъ (стр. 104).—Ф. 74. Бурятскій онгонъ Мори-ирхи-изи (стр. 107).—Ф. 75. Бурятскій онгонъ Тэнгри-гурба-гадзупинъ (стр. 106).

Табл. XVII. Ф. 76. Бурятскій онгонъ Хусай-убюгунъ и Хургипъ-Заринъ (стр. 104).—Ф. 77. Бурятскій онгонъ Нахурай (стр. 105).

Табл. XVIII. Ф. 78. Бубень Черневыхъ Татаръ съ внутренней стороны; по рисунку г. Ядринцева (стр. 44).—Ф. 79. Онгонъ Баргутовъ, живущихъ въ южной Монголіи около города Долонъ-норъ; вывезенъ г. Позднѣвымъ. Онъ называется Гахай-бакши; состоитъ изъ продолговатаго лоскутка войлока, представляющаго человѣческое тѣло; нижній конецъ войлока разрѣзанъ на двое; на верхней части пришиты двѣ бисеринки вмѣсто глазъ и намѣченъ ротъ; сверху кукла одѣта шубою изъ бѣличьей шкурки; на головѣ изъ той же шкурки шапка.—Ф. 80. Алтайскій онгонъ Джанъ, растянутый между березками.

Табл. XIX. Ф. 81. Маска шамана Черневыхъ Татаръ, по рисунку г. Ядрищева (стр. 54).—Ф. 82. Орбо или колотушка къ бубну (стр. 48).—Ф. 83. Ящикъ для онгона Усэтенъ (стр. 103).—Ф. 84. Урянхайскій онгонъ, который ставится въ честь Оранъ-Телегея у дверей (стр. 101).—Ф. 85. Урянхайскій онгонъ Ерень (стр. 100).

Табл. XX. Ф. 86. Онгонъ Черневыхъ Татаръ по имени Тюручекъ (стр. 97).—Ф. 87. Алтайскій онгонъ Тюнгурчекъ (стр. 98).—Ф. 88. Бурятскій онгонъ Бурьтынъ (стр. 120).—Ф. 89. Онгонъ Цахиусъ; въшивается Урянхайцами на Хукъ и Дархатами между изголовьемъ и очагомъ (см. табл. III, ф. 38, подъ знакомъ е и стр. 101, 103 и 122).—Ф. 90. Бурятскій онгонъ, вывезенный г. Позднѣвымъ; состоитъ изъ лоскутка красной шелковой матеріи; у верхняго края желтою краской нарисованы четыре человѣческія фигуры; на груди каждой фигуры укрѣплена жестяная фигурка, изображающая человѣка; къ головамъ, концамъ рукъ и къ ногамъ пришиты кусочки бѣличьей шкурки, долженствующіе изображать шапки и отвороты рукавовъ и обуви; надъ каждою шапкой укрѣплено итигье перо.—Ф. 91. Шапка алтайскаго шамана, доставленная въ музей Имп. Р. Геогр. Общества въ Петербургѣ г. Ядрищевымъ; представлена съ наружной стороны; она украшена вертикальными рядами изъ раковинъ каури, перемежающимися съ опушками изъ бѣличьяго мѣха; верхній край усаженъ пучками совиныхъ перьевъ; къ нижнему краю подвѣшены каури.

Табл. XXI. Ф. 92. Бурятскій онгонъ Хоиръ-Хукшюгутъ (стр. 105).—Ф. 93. Бурятскій онгонъ Дэрэнь-изи (стр. 113).—Ф. 94. Бурятскій онгонъ Андо-бара (стр. 113).

Табл. XXII. Ф. 95. Теленгитскій онгонъ Ерень (стр. 97).—Ф. 96. Бурятскій онгонъ Тулашинъ (стр. 107).

Табл. XXIII. Ф. 97. Спинка плаща алтайскаго шамана Энчу (стр. 51), съ фотографіи г. Адрианова.—Ф. 98. Онгонъ косогольскихъ Урянхайцевъ или Хасутовъ (стр. 102).

Табл. XXIV. Ф. 99. Теленгитскій шаманъ Таранъ въ шаманскомъ плащѣ и шаманской шапкѣ спереди; съ фотографіи г. Адрианова.

Табл. XXV. Ф. 100. Онъ же сзади; на спинѣ видны двѣ круглыя мѣдныя бляхи, такъ-называемыя кудзюпо; съ фотографіи г. Адрианова.

Табл. XXVI. Ф. 101 и 102. Замшевые нагрудники отъ шаманскихъ плащей тунгусскихъ шамановъ, хранящіеся въ музеѣ Имп. Русск. Геогр. Общества въ С.-Петербургѣ. На нагрудникѣ ф. 101 нашиты желѣзныя дугообразныя пластинки, утвержденныя горизонтально у верхняго и нижняго краевъ; къ нижней пластинкѣ привѣшено 9 желѣзныхъ подвѣсокъ; непосредственно подъ верхнею пластинкой подшиты три круглыя бляхи, двѣ рядомъ, а третья надъ ними; съ боковъ двѣ человѣческія желѣзныя фигуры; ниже этихъ фигуръ семь желѣзныхъ фигуръ птицъ, представленныхъ сбоку и обращенныхъ головой влѣво; верхняя птица двуглавая. На нагрудникѣ ф. 102 также двѣ пластинки у верх-

няго и нижняго края; у верхней пластинки средняя часть оттянута внизъ въ видѣ шпоры; между пластинками семь желѣзныхъ фигуръ птицъ, обращенныхъ головами вправо; противъ двухъ верхнихъ птицъ съ боковъ пришиты желѣзныя фигуры, по видимому, изображающія птицъ сверху. Птицы, представленные сбоку, имѣютъ длинныя шеи, и кажется, должны изображать лебедей.

Рисунки исполнены М. В. Бородиною: фф. 1—62, 64—66, 78, 80, 81, 86—частью съ набросковъ, сдѣланныхъ мною во время путешествія, частью съ набросковъ г. Ядрищева, ф. 63—съ рисунка, сдѣланнаго г. Савельевымъ, ф. 67—съ рисунка, напечатаннаго въ книгѣ Шеффера, фф. 68—77, 79, 82—85, 87—98, 101 и 102—съ оригиналовъ, фф. 99 и 100—съ фотографій.

I.
ПЛЕМЕНА И ПОКОЛѢНІЯ,
НАСЕЛЯЮЩІЯ СѢВЕРО-ЗАПАДНУЮ МОНГОЛІЮ.

I.
Тюрки.

1. Тюркское племя русскаго Алтая.

Тюркское племя русскаго Алтая не имѣетъ общаго имени, однако различаетъ въ своей средѣ три отдѣленія: Алтай, Теленгитъ и Тоёлесъ. Первое отдѣленіе кочуетъ по лѣвому берегу р. Катунь, второе — по р. Чуѣ, третье — по Чулымману и Башкаусу ¹⁾. По языку они мало различаются и составляютъ одинъ народъ; кромѣ этого дѣленія, существуетъ другое на секи (кости) или поклѣнія: сами Алтайцы кажутся насчитываютъ ихъ 24 ²⁾;

¹⁾ Г. Радловъ дѣлитъ всѣхъ Тюрковъ по языку на 4 группы: I) Восточные Тюрки, II) Западные Тюрки (Киргизы, Кара-Киргизы, Сибирскіе или Иртышскіе Татары, Башкиры и Волжскіе Татары), III) Средне-азиатскіе Тюрки (осѣдлые Турки Восточнаго и Западнаго Туркестана), и IV) южные (Туркмены, Турки Азербиджанскіе, Кавказскіе, Анатолійскіе, Крымскіе и Турки Балканскаго полуострова). Якуты и Чувашы представляютъ собою чуждую струю, влившуюся въ турецкое море. Алтайскія племена принадлежатъ къ группѣ восточныхъ Тюрковъ, которая разбивается на 8 языковъ: 1) южно-алтайскій 2) барабинскій, 3) сѣверно-алтайскій (Лебедянскіе Татары, куда относятся Куманда и Черневые Татары, называющіе себя Туба и Шоры), 4) языкъ Абаканскихъ Татаръ, 5) Куарыгъ или языкъ Чулымскихъ Татаръ, 6) языкъ Саянцевъ или Урянхайцевъ, 7) языкъ Карагассовъ и 8) языкъ Уйгуровъ — мертвый, оставшійся только въ письменныхъ памятникахъ). Въ южно-алтайскомъ языкѣ г. Радловъ различаетъ два нарѣчія: собственно алтайское и телеутское.

²⁾ См. *Erman's Archiv*, В. XXI, стр. 281.

вѣроятно, это—цифра мистическая, а не дѣйствительная. Секи въ Алтаѣ живутъ смѣшанно, а не такъ какъ у Киргизъ, у которыхъ каждый родъ кочуетъ, не разбиваясь, вмѣстѣ; въ Алтаѣ въ одномъ и томъ же ущельѣ можно встрѣтить и Мундуса, и Кипчака, и Тоёлеса. Названія секоковъ у трехъ отдѣленій—у Алтайцевъ, Теленгитовъ и Тоёлесовъ, почти одни и тѣ же. Ниже я привожу имена секоковъ, записанныя мною у Алтайцевъ на лѣвомъ берегу Катунѣ и у Теленгитовъ на Чуѣ; тѣ имена, у которыхъ стоитъ знакъ †, найдены мною какъ у Алтайцевъ, такъ и у Теленгитовъ; имена безъ знака записаны только въ алтайскихъ стойбищахъ.

Вотъ эти имена секоковъ: † Сары Тоёлесь, † Кара-Тоёлесь, † Сагалъ (Sahal), † Иркытъ; по показанію Алтайдца Туйбаса, этотъ сеокъ дѣлится на три вѣтви: Кара-Иркытъ (черные Иркыты), Шира-Иркытъ (желтые?) и Кальджанъ-Иркытъ (голодные?), Туматъ, † Ойродъ, † Кыпчакъ (Кыпчаки и Иркыты самые многочисленные секи), Сартъ, Кара-Сойонъ, Сары-Сойонъ, † Мундусъ (у Алтайцевъ эта кость дѣлится на двѣ вѣтви: Чулумъ-мундусъ и Коткоръ-мундусъ), Меркитъ (этой кости много также между Телеутами въ Бачатской степи; этихъ послѣднихъ нужно отдѣлять, по крайней мѣрѣ по языку, отъ тройственной группы Алтайцевъ, Тоёлесовъ и Теленгитовъ, не смотря на то, что Телеуты сами себя называютъ, какъ и послѣдніе, Теленгитами); Мереть, Пурутъ (произносятся также Прутъ), Ногой (произносятся также Нохой, Ноой), † Кара-алматъ, Сары-Алматъ, Модоръ (о послѣднихъ говорятъ, что они немного отличаются своимъ нарѣчіемъ), Юлюбъ (живутъ на р. Наймъ), † Кергиль, Торо (исключительно встрѣчается у Телеутовъ), † Тонгжанъ (произносятся также Тонгжуанъ; многочисленный сеокъ), † Коболу, Манджи, Майманъ или Найманъ (состоящій изъ двухъ вѣтвей: Кара-Майманъ и Коголь-Майманъ), Тототъ (Кара-тототъ и Китатъ-тототъ), Паланъ, Чапты, Тонгокъ (послѣдніе три на р. Инѣ).

О нѣкоторыхъ изъ этихъ костей существуютъ присказки и легенды.

Присказка о Меркитахъ:

меркит меркит пеш меркит
пежилезі пій меркит

или:

пежилезі ялагалу меркит

То-есть: Меркиты, Меркиты, пять Меркитовъ! и всѣ пять бѣи (князья).

О Меретахъ:

мерет мереть пеш мереть
пежилезі кул мерет

То-есть: Мереты, Мереты, пять Меретовъ! и всѣ пять рабы!

Присказка о Мундусахъ:

мус пурчактанъ ярылган
музыган кааннымъ јеевѣ

То-есть: рожденный (или сотворенный) изъ градины (буквально изъ ледяной горошины) потомокъ (собственно племянникъ) Музыган-кана.

Эта присказка объясняется слѣдующею легендой ¹⁾: Была дѣвица, убѣжавшая отъ военнаго разоренія, шаталась голодная по лѣсу и по горамъ; черезъ нѣсколько дней нашла аилъ, пришла беременная. Спрашиваютъ ее: Мужа не имѣешь, какъ стала беременною? Она разказала: Когда я сидѣла въ пустомъ мѣстѣ, шелъ великій градъ; одну градинку разбила и въ срединѣ ея нашла два пшеничныя зерна; рада была и этой пищѣ; съѣла зерна и съ того времени забеременѣла. Разрѣшившись, дѣвица родила двойниковъ; потомъ, вышедши за мужъ, отъ законнаго мужа родила еще третьяго. Всѣмъ тремъ сначала именъ не было. Отецъ раздѣлилъ между ними труды: одному велѣлъ овецъ пасти, другому верблюдовъ, третьему таскать воду и дрова для отца. Когда дѣти пришли въ полный возрастъ, наступило время дѣлить наслѣдство; сначала дѣлили овецъ на четыре части (въ томъ числѣ отцу часть); по счету одинъ баранъ съ рогами оказался лишнимъ. Братья начали спорить: кому лишній баранъ? Двое братьевъ совѣтуютъ: убить и артелью съѣсть, а третій, который пасъ овецъ, говорить: Я пасъ овецъ; лишній мнѣ слѣдуетъ.—Поймалъ пастухъ барана за рога, а братья ухватили барана за туловище, тащили, тащили, пастухъ и оторвалъ у барана рога. Отецъ далъ ему за это имя:

кочкор мѣюзин кодоро тарткан
коткор — мундусъ поззын

¹⁾ Эта легенда сообщена мнѣ о. Михаиломъ Чивалковымъ.

То-есть: тащившій за бараньи рога будь же коткоръ-мундусомъ ¹⁾). Потомъ стали дѣлить верблюдовъ; одинъ верблюдъ оказался лишній. Братъ, пасшій верблюдовъ, сказалъ: Братъ, пасшій овецъ, взялъ лишняго барана; поэтому лишній верблюдъ долженъ быть мой. Отецъ за эти слова далъ ему имя:

тюз артыгын алган тоёлёс болзын

То-есть: лишняго верблюда взявшій будь тоёлёсъ ²⁾). Третій сынъ, жившій у отца, получилъ имя Чулумъ-мундусъ.

Есть о Мундусахъ еще другая прическазка:

мундус мундус мунг алу
пука юлун уй болбос
мундус юлун ель болбос
уйди сюзегенъ
юттій юреген
аттій тебеген
аюдій тудатан.

То-есть: Мундусы, мундусы! тысяча дураковъ.

Отъ сборища быковъ телятъ еще не будетъ—

Сборище Мундусовъ народа не составятъ.

(Ты) какъ бодливая корова,
Какъ собака, охотно лающая,
Какъ лежающаяся лошадь,
Какъ рвущій медвѣдь!

Кергилей дразнятъ:

кергиль кергиль керъ тас
кедегези курту тас
атка минзе некон тас
(атка минзе чабаган тас)
анлга кырзе кобчи тас
аракы ичсе чалчык тас
ором была чича тан
ойтук пыла сие-тан

То-есть: Кергиль, кергиль, гнѣдой плѣшивецъ! съ червивою ко-
сою плѣшивецъ! на лошадь сядешь — горбатый плѣшивецъ! (Или:
на лошадь сядешь — скачущій плѣшивецъ!) въ юрту войдешь —

¹⁾ По смыслу этого толкованія выходитъ, что приставка коткоръ проис-
ходитъ отъ глагола кодоро, тащить.

²⁾ Отъ тоё, верблюдъ.

клеветникъ плѣшивецъ! вина выпьешь — драчунъ, взбаломошный
плѣшивецъ! на улицѣ—засеря, въ ложку—зассыха.

Кипчаковъ дразнятъ:

кыпчак кыпчак кырган
кызын берип тирльген
аланчѣстан астыгын
алты тилга теніген
теельгенды кыштедын
айгыр салган кыпчактар
кутчиакты чиктадын
кулун салган кыпчактар

То-есть: Кипчаки, Кипчаки! истребленные! Отдавъ дочь, ожив-
шіе, отъ аланчика отставъ, шесть лѣтъ шатавшіеся! Кипчаки, при-
нимавшіе за жеребца коршуна, принуждая его ржать! Кипчаки,
принимавшіе (или имѣвшіе) за жеребенка чирпкающую птичку.

Присказка объясняется преданіемъ, что однажды всѣ Кипчаки
вымерли отъ ясу уру (горячки); остался одинъ Мамытъ съ сестрой;
онъ шесть лѣтъ шлялся по свѣту, никто за него не пошелъ за
мужъ; онъ и женился на своей сестрѣ.

О Кипчакахъ же разказываютъ, что они народъ острый, на
все способный: „корон сары јыланын озөгінені ¹⁾ чыкан шулмус
кыпчак“, то-есть: изъ утробы ядовитой желтой змѣи вышедшій
чертъ Кипчакъ!

Еще прическазка о Кипчакахъ:

іде баса ідін алган
іде баса кельдын алган
комурга архыт ту
кодок пычкилу
дейлеген айгырлу
сааскан белю
кычакту кыпчак

Переводъ на мѣстѣ не удалось сдѣлать.

Четвертая прическазка о Кипчакахъ же:

кыпчак кыпчак кыльган
кызын алып тирльген

¹⁾ Звукъ *н*, напечатанный курсивомъ, мы ставимъ тамъ, гдѣ въ татар-
скомъ стоитъ такъ-называемый сагыръ-нунъ, то-есть, гдѣ онъ произносится
въ носъ, какъ напримѣръ, въ алтайскомъ *тенирѣ*, небо; гдѣ же *н* напеча-
танъ обыкновеннымъ шрифтомъ, слѣдуетъ произносить, какъ въ монголь-
скомъ *тенгри*, небо.

кеніне болуп кельдын алган
кызылна болуп кызын алган

То-есть: Кипчакъ, Кипчакъ! умеръ, а взявъ дѣвицу, ожилъ; красивую сноху взялъ, красную дѣвицу взялъ!

Одинъ Алтаецъ (Пѣчѣкъ въ Ангудаѣ) сообщилъ мнѣ, что Кипчаковъ было два брата: Кодончи-кыпчакъ былъ старшій братъ и Ялчи-кыпчакъ младшій; оба брата приносили жертву богу и народному собранію (гостямъ) мяса не дали; старшій братъ взялъ себѣ картъ (заднее мѣсто), за это Кодончи (кодон—задница), младшій гриву, за это Ялчи (ялъ—грива по алтайски).

Присказка о Торо:

торо торо тортеткен
тогушту уи юркеткен
агаш казык айланган
ады юркуи малтаган
тогус аяк коче ичиб
тойбогон ит торо

То-есть: звякнувшій (торкнувшій) Торо, Торо! коровы ¹⁾ испугался! ²⁾ деревянный колъ завертѣлся, испуганная лошадь побѣжала! девять чашекъ водки ³⁾ выпилъ, ненасытная собака Торо!

О Тонгжуанахъ:

тонгжуан тонгжуан тортеткен
тогуз аяк коче икен
тоинбаган ит тонгжуан

То-есть: звякнувшій Тонгжуанъ! девять чашекъ водки выпившій, ненасытная собака, Тонгжуанъ.

Объ Иркытахъ:

иркыт, иркыт
ирынду пут азымту
зыра јазын тартып албас
јаман адын миніп албас
јаман катын уредіп албас.

То-есть: Иркытъ! съ запасомъ гноящихся ногъ, не могущій

¹⁾ Слова тогушту о. Мих. Чивалковъ, переводившій мнѣ эти присказки, не знаетъ. Уи можно переводить и изба, и корова.

²⁾ Юркеи — дыбомъ стали волосы.

³⁾ Кашица или родъ супа (изъ муки и сыра).

натянуть лука Зыра ¹⁾, не могущій сѣсть на худую лошадь и выучить худую жену ²⁾.

Кость Иркытъ происходитъ отъ дерева ргай (Cotoneaster). Говорятъ о нихъ: ргай чедрек. Другіе говорятъ: у Иркытовъ отецъ—ргай, мать—береза; поэтому Иркыты жарятъ шашлыкъ на березовыхъ прутьяхъ. Часто приходится замѣчать, что нѣкоторыя кости спариваются, напримѣръ Джабакъ-Кобокъ, Иркытъ-Сойонъ; это объясняется по отношенію къ послѣднимъ преданіемъ, что Иркытъ и Сойонъ были два брата, у которыхъ отецъ былъ ргай, мать—береза.

О Сойонахъ поговорка:

сойон кіжіде ук јок
корбо талда кок јок

То-есть: у сойонскихъ людей роду нѣтъ, у сухого тала золы нѣтъ.

Кости Кобокъ и Джабакъ также, какъ и Иркытъ-сойонъ, произошли отъ двухъ братьевъ — Кобогоша и Джабагаша, какъ сообщилъ мнѣ Теленгитъ Буунчукъ. Ябакъ или Джабакъ былъ прежде человѣкъ, который осѣдлалъ пѣгую лошадь и поѣхалъ на той (свадьбу); но когда пріѣхалъ, все уже было съѣдено и выпито; Джабакъ услышалъ, что въ сосѣдствѣ есть другой той, поѣхалъ туда и тамъ ничего не засталъ, тогда ему сказали, что въ одномъ мѣстѣ три брата устраиваютъ праздникъ; Джабакъ поѣхалъ туда, но и тамъ нашелъ только пьяныхъ людей. Поэтому его и прозвали: калъджан алаайгырту джабак, то-есть: Джабакъ на голодномъ пѣгомъ жеребцѣ. Этотъ послѣдній разказъ сообщилъ мнѣ камъ Таранъ кости Алмать на Чуѣ.

Присказка о Джабакахъ:

айгырмын кочео јитпес
ябындаган явак
кочуб юртма јитпес яман явак
јундашкан явак
торбоке той итпес яман явак.

О Джеты-Сару:

јеті сару уул
кечууныи уусын боктобе
кенг јолыи ачип пер
кердыи уусын тартпа

¹⁾ Зыра—жердь по алтайски; но тутъ кажется собственное имя лука; у мнѣологическихъ героевъ луки и стрѣлы носили имена.

²⁾ Записано отъ Туйбаса, Алтайца кости Иркытъ на р. Песчаной.

То-есть: Джеты-сару молодець! бродъ не загораживай, широкую дорогу давай, не тяни ротъ гнѣдого.

О Кара-пиратахъ (произносятъ иногда Кара-братъ):

кату темір төдөгөзі
кара агантанг өзгөргөн чыкан
кара пиратъ

То-есть: отъ породы чернаго желѣза, изъ утробы чернаго дерева вышедшіе Кара-пираты.

Көгөль-Майманъ и Кара-Майманъ были два брата; Кара-Майманъ былъ старшій, Көгөль младшій.

Присказка о Көгөль-майманахъ:

көгөль майман
сас жечин таштаган
какъ жерге конгон

То-есть: Көгөль-майманъ, болотистые мѣста оставившій, въ сухомъ мѣстѣ ночующій.

Присказка о Кара-майманахъ:

караи терези пөрүктү
кажат пажын журтаган кара майман
кумуль чамалды пажын кезе журтаган
курмолгонду кур майман
кузь жакшы токийди
журтыпа таштаган ит майман.

То-есть въ шапкѣ изъ шкуры караба (ястреба), обитающій на горной вершинѣ ¹⁾ Кара-найманъ! обитающій урочище Кумуль-Чамаль ²⁾ Майманъ, хорошаго зятя бросившій собака—Майманъ.

Кость Манджи дѣлится на двѣ: Кара-манджи и Тоторъ-манджи; Тоторъ былъ старшій братъ. Отецъ ихъ былъ Талай-малай; отецъ Талай и Малая Пала-муусъ. Это сообщилъ мнѣ Пөчөкъ, крепеный Алтаецъ въ Ангудаѣ. По другому его же показанію, вѣтви Манджи называются Китатъ-манджи и Тоторъ-манджи.

Тонгжуанъ, родоначальникъ Тонгжуановъ, былъ младшій изъ девяти братьевъ.

Ногой родился въ то время, какъ гремѣлъ громъ и съ неба упала нокто (обротъ или недоуздокъ); потому ему и имя дали Ногой

¹⁾ Кажат баш—отдѣльная близъ рѣки горная вершина.

²⁾ Чемаль, рѣка, впадающая въ Катунь справа выше Бійска и миссионерскаго селенія Улаы; урочище Кумуль мнѣ неизвѣстно.

Настоящее имя Тоелесовъ—Джпты тасъ (жетп тас), то-есть, семь плѣшивыхъ. Когда дѣлили сеоки (кости), то-есть когда Алтайскій народъ дѣлился на сеоки, семь братьевъ, имѣвшихъ лысныя головы, не получили кости (сеока). Ихъ и прозвали „семь плѣшивцевъ“. Присказка о Тоёлесахъ:

тоёлёс, тоёлёс тынг тырюлген
тынмысоко саплаган

То-есть: Тоёлёс, Тоёлёс, съ коня упалъ, къ пню приткнулся.

На вопросъ о. Михаила Чпвалкова, откуда взялось названіе Телеметъ, одинъ Алтаецъ сказалъ ему, что есть старинное выраженіе: телегейдымъ телымъ кыз, аннангъ туулган уулдымъ ады телепгет, то-есть: отъ дикой ¹⁾ дочери Телегея родился сынъ по имени Телепгитъ. О Теленгетахъ Алтайцы также выражаются: ала каннангъ кобъ Телемет, то-есть, Теленгетовъ больше, чѣмъ пѣгой березы. Есть еще старинное выраженіе: алтон тумен телемыт, то-есть: шестьдесятъ туменей Теленгитовъ; а такъ какъ каждый тумень равняется десяти тысячамъ, „слѣдовательно“ — насчитываютъ сами Телеуты—„народъ простирался до 600,000 душъ“.

Кара-тоёлёс, живущіе на урочищѣ Пеле, на восточномъ берегу Телецкаго озера, считаютъ своимъ предкомъ медвѣдя.

Куманда, народецъ, обитающій по р. Бѣ, раздѣляется на верхнихъ: öрегу Куманды и нижнихъ: төмөнги Куманды; они произошли отъ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ поселился вверху, другой внизу. Третье отдѣленіе Кумандицевъ называется Тоонъ, во множ. ч. Тоондоръ; Кумандицы говорятъ: это съ боку пришедшіе; другіе говорятъ, что они помѣсь, метисы. Самы Тооны говорятъ: предки наши вышли изъ пня. Это сообщилъ мнѣ о. Мих. Чпвалковъ.

Люди одного поколѣнія у Алтайцевъ считаются родственниками; Тотошъ, встрѣтивъ Тотоша, старше себя лѣтами или хотъ днемъ, называетъ его дядей, абагай ²⁾; младшаго возраста соплеменника онъ назоветъ ачимъ, племянникъ ³⁾; женщину Тотошку старше годами темге, тетка, старуху абёнеш, бабушка, дѣвочку сійнымъ (младшая сестра) или едем (старшая сестра).

¹⁾ Телимзек—полоумный.

²⁾ Дядя по отцу абагай, по матери тай.

³⁾ Племянникъ съ отцовской стороны ачим, съ материнной дегным.

Одинъ старикъ на р. Чулышманѣ передавалъ о. архимандриту Владиміру (начальнику Алтайской миссіи), что Чулышманскіе Теленгиты пришли сюда послѣ того уже, какъ въ этой странѣ смѣнились послѣдовательно одинъ послѣ другого нѣсколько народовъ; прежде тутъ жили Киргизы, потомъ Китайцы, потомъ Хотоны, но ушли—одни по недостатку лѣса, другіе—хлѣбопахатныхъ мѣстъ, Хотоны—кажется потому, что нѣтъ мѣста для разведенія верблюдовъ. Тогда эти мѣста заняли Теленгиты, вышедшіе изъ страны Конграй, которую разказчикъ указывалъ на сѣверо-востокъ отъ Телецкого озера ¹⁾.

2. Урянхайцы.

Предѣлы обитанія Урянхайцевъ, то-есть, ихъ южную границу, я обозначилъ въ Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи, II, стр. 8. Здѣсь сообщу новыя свѣдѣнія объ административно-племенномъ раздѣленіи этого народа. Урянхайскимъ народомъ управляютъ пять князей, которые называются огурта ²⁾. Одинъ изъ нихъ считается старше другихъ, называется амбанемъ, и кажется, остальные князья подчинены ему. Этотъ амбанъ живетъ на р. Самгалтаѣ, на южномъ склонѣ Танну-олы, и имѣетъ свой хошунъ, какъ и другіе князья. Всѣ хошуны, за исключеніемъ одного кемчискаго, состоятъ изъ четырехъ сумыновъ, изъ которыхъ одинъ считается княжескимъ; по имени его и весь хошунъ называется; то же имя обыкновенно приставляется и къ слову огурта. Такъ, амбаневскій хошунъ состоитъ изъ сумыновъ: Уинъ, Сойонъ, Иргитъ и Джоту; Уинъ считается княжескимъ сумыномъ, по нему и весь хошунъ называется Уинъ и самъ амбанъ иногда называется Уинъ-огурта. Уиновъ мы много встрѣчали на Елегесѣ близъ заимки купца Веселкова; всѣ Урянхайцы, пріѣзжавшіе на заимку, были Уины.

¹⁾ См. ниже мѣсто, гдѣ приводится показаніе шамана на р. Чуѣ Тарана, что р. Абаканъ впадаетъ въ Конграй; слѣдовательно, Конграй есть Енисей. О. Чивалковъ сообщилъ мнѣ, что Телеуты увѣряютъ, будто кромѣ Алтая Бійскаго округа, есть еще другой Алтай, больше этого, который называется Кунграй-Сагай. Туда изъ Алтая ѣздятъ торговать (это по видимому Сагайская степь).

²⁾ Это слово въ разныхъ мѣстахъ Урянхайской земли произносится различно: огурта, огурда, гурта.

Вся долпна Кемчика занята самымъ большимъ урянхайскимъ хошуномъ Бадзырь-огурды; въ немъ считаютъ 10 сумыновъ: два Мангыш'а (Хара-мангышъ, и вѣроятно, Агъ или Сары мангышъ), два Ховалык'а, Андаръ, Сая, Хомисчи, Ирхитъ и два Арджак'а.

По р. Бурену, на озерной степи къ западу отъ нея и по рр. Джибей и Дзайгылу, а также на оз. Терхулѣ и вершинахъ рр. Тариса и Термиса лежитъ хошунъ Сальджакъ-огурды; въ немъ четыре сумына: Сальджакъ, Киргисъ, Холь, Байгара. Сальджаки сидятъ по Бурену и Джибей, Киргизы—на Дзайгылѣ и Иртышѣ, Байгара—на правомъ берегу Хуакема, люди сумына Холь—вокругъ озера Терхоль, по которому они и называются „озерными“ ¹⁾; Монголы этотъ сумынъ также зовутъ озернымъ: Нуръ-сумынъ. Заподозривъ въ этомъ имени искусственно-административное названіе, я, когда прибылъ на озеро, спросилъ у тамошняго дзянги, изъ какихъ костей состоитъ сумынъ, и онъ мнѣ назвалъ опять четыре: Балыкчи, Хэрдэкъ или Хердыгытъ, Иргитъ и Хускунъ. Но едва ли этими четырьмя костями или сеоками ограничивается составъ озернаго сумына; число четыре, по видимому, является какъ число административныхъ участковъ, дѣйствительно существующихъ или идеальныхъ. На озерѣ же я узналъ, что кость Иргитъ раздѣляется на двѣ вѣтви: Хара-иргитъ и Сарыг-иргитъ, на Тарисѣ же и Термисѣ, гдѣ живутъ также Хольсумынскіе Урянхайцы, мнѣ назвали кости: Мингытъ, Монгошъ, Сойонъ, Хирендъ, Хередякъ. Хередяковъ зовутъ также Чердэкъ; ихъ всего 5 дымовъ, и они не подчинены Сальджакъ-огурдѣ, а платятъ „албу“ хотогойтскому То-гуну.

Вѣроятно, и Сальджаки, и Уппы, и всѣ остальные сумыны также составлены изъ многихъ костей, но почему-то неохотно сообщаютъ ихъ названія. Присказокъ, подобныхъ алтайскимъ, у Урянхайцевъ я не узналъ. Разказали мнѣ только, что надъ костью Балыкчи смѣются, что она происходитъ отъ рыбы; надъ костью Кускунъ или Хоскунъ—что она происходитъ отъ херхенъ (небольшая сова?); говорятъ Хосхуну: угун эбугун сень херхен! то-есть: твой родоначальникъ херхенъ! Хердыковъ ведутъ отъ каменнаго козла, теке или те (Aegocerus sibiricus).

На Бейкемѣ лежитъ четвертый хошунъ, хошунъ Точжи-огурды,

¹⁾ Холь, значить озеро.

состоящий изъ четырехъ сумыновъ: Точжи, Хара-джоту, Акъ-джоту и Хонкь.

Пятый кошунъ, не подвѣдомственный Уинъ-огуртѣ, находится на сѣверныхъ берегахъ озера Ксогола и состоитъ также изъ четырехъ сумыновъ: Хасутъ, Калиучинъ, Хердэкъ и Мундэй (по другому показанію: Хасутъ, Ирхитъ, Шерхиттинъ и Хуреклыгъ). По первому изъ этихъ показаній и весь кошунъ зовутъ хасутскимъ; нойонскимъ то-есть, княжескимъ сумыномъ мнѣ называли Калиучинъ, а не Хасутъ, тутъ разногласіе съ приведенными выше примѣрами сомненности хошуна съ княземъ произошло вѣроятно оттого, что нынѣшній да-ноинъ назначенъ начальствомъ, а не по наслѣдству вступилъ въ управленіе; это едва ли не нововведеніе въ этомъ краѣ. Вѣроятно, прежніе огурды принадлежали къ сумыну Хасутъ, и только нынѣшній, не по обычаю сдѣлавшійся правителемъ народа, вышелъ изъ кости Калиучинъ. Косогольскіе Урянхайцы называютъ себя Туфѣ или Тухѣ. Они платятъ подати (алба) въ Уляссутай; а Уинъ-огурдѣ обязаны барщиной изъ трехъ въ годъ человѣкъ, которые и отправляются изъ хошуна на Самгылтай, а черезъ три года смѣняются. Косогольцы предлагали было князю исполнять барщину на ихъ родинѣ, но князь не согласился.

Кромѣ этихъ сумыновъ, есть еще Урянхайцы, не подчиненные огуртамъ. Такъ, на Улу Хемѣ, именно въ долину р. Аръ-Торхолка, находится небольшой кошунъ Тулюшъ, который подчиненъ халхасскому князю Ша-бэйсы (Ша-бейзи, по выговору Урянхайцевъ), имѣющему ставку на Орхонѣ; они управляются талыномъ, присылаемымъ отъ Ша-бэйсы. Въ этомъ кошунѣ мнѣ называли кости: Тулюшъ, Кыргысъ, Туматъ. Другой такой отрывокъ Урянхайскаго народа, независимый отъ огурта-князей, обитаетъ въ долину р. Хука; они подчинены хотогойтскому Биширилты-вану и управляются дзайсаномъ; ихъ курень находится на р. Борголтай; въ кошунѣ считается три кости: Джокду, Зотъ и Ельдженъ. По собственному ихъ показанію, они платятъ присылаемому отъ Шитырвана тамылу, въ лѣтнемъ среднемъ мѣсяцѣ такъ-называемый сон-годыкъ, состоящий изъ кобылъ, соболей и рысей; зимой же съ нихъ собирается шусэнъ, который идетъ въ пользу тамыла. На Терхулѣ же объ нихъ говорятъ, что они платятъ Биширилтывану 9 бѣлыхъ (цаган юсун) лошадей и одного бѣлаго верблюда съ

серебрянымъ буйлемъ. Сами себя хукскіе Урянхайцы называютъ Туфѣ или Тухѣ; слово урянхай произносятъ урангай. Одѣваются по-монгольски; женщины носятъ болты, но узкія, какъ Мингыткѣ на р. Кобдо, такъ что отверстіе на темени большое; по бокамъ есть височные полукруглые придатки (см. табл. I, фиг. 29). Волосы убираются по халхасски и седеваются въ пластины; мѣшочки, въ которые прячутся концы косъ, называются „шибергылъ“. Сверхъ шубы, женщины надѣваютъ черную кофту „аджи“; у нея разрывъ на груди противъ горла убранъ поперечными серебряными пластинками и кораллами. Буфы на плечахъ называются тунтюгуръ.

Мы уже упоминали третьяго не урянхайскаго князя, имѣющаго данниковъ въ Урянхайскомъ народѣ: это хотогойтскій то-гунъ. Можно было бы думать, что въ отличіе отъ этихъ Урянхайцевъ, платящихъ дань хотогойтскимъ и халхасскимъ князьямъ, остальныхъ, подчиненныхъ огуртамъ, называютъ Огуртенъ-урянхай, Ухуртенъ-урянхай или Ухиръ-урянхай. Дѣйствительно, по выѣздѣ въ Дархатскую землю, я услышалъ выраженіе, что за хребтомъ, лежащимъ въ вершинахъ Тариса и Тармиса, живутъ Ухуртенъ-урянхайцы. Но названіе Ухуртенъ-урянхай Дархаты придаютъ и хукскимъ Урянхайцамъ какъ бы въ отличіе отъ Хасутовъ; здѣсь даже и долина, на которой ихъ больше всего скопляется, называется Ухуртенъ-голь.

Кромѣ перечисленныхъ костей, мнѣ еще упоминали двѣ: Маты и Тонггокъ, безъ указанія ихъ мѣста жительства.

Дархаты зовутъ языкъ Урянхайцевъ уйгурскимъ; уйгуръ кельтей улусъ, то-есть, народъ уйгурскаго языка; такъ Дархаты выражаются объ Урянхайцахъ; вотъ гдѣ, вѣроятно, причина, почему П. А. Гельмерсенъ, бывшій на Косоголѣ до насъ, своему небольшому собранію хасутскихъ словъ далъ ¹⁾ названіе словаря уйгурскаго языка.

3. Киргизы.

Возвращаясь изъ поѣздки 1880 года, я заѣхалъ въ Баянъ-аулскій округъ Семипалатинской области, гдѣ провелъ недѣлю

¹⁾ См. Табл. I, фиг. 29.

въ аулѣ Мусы Чермановича Черманова. Г. Чермановъ обязательно предложилъ мнѣ воспользоваться бумагами, которыя были приготовлены имъ для покойнаго Чогана Валиханова, приходившагося г. Черманову племянникомъ. Эти бумаги содержатъ родословныя записи нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ, которыя я и привожу здѣсь съ дозволенія г. Черманова.

Предокъ всего Киргизскаго народа былъ Котанъ; онъ имѣлъ трехъ сыновей—Акъ-джолъ, Альчинъ и Юсунъ. Отъ Акъ-джола произошла Средняя орда, отъ Альчина—Малая и отъ Юсуна—Большая.

У Юсуна два сына: Тарахъ и Абахъ. О дѣтяхъ Тараха свидѣній въ бумагахъ г. Черманова нѣтъ. У Абаха значится три сына: Адбанъ, Суанъ и Дулатъ. У Адбана было пять сыновей, но внесены въ записи только два: Сары и Чэбилъ. У Сары два сына, Альджанъ и Сегизъ-Сары. У Чэбиля дѣти: Айтъ, Бузымъ, Кастыкъ, Кызылъ-боркъ, Конуръ; у Кызылъ-борка сынъ Бай-теке, у Бай-теке Атамкулъ. У второго сына Абакова Суана два сына—Бай-тыкей и Тогурасланъ. У третьяго сына Абакова Дулата: Ботя пай, Чпыръ, Каскарау и Чапрашты.

У Акъ-Джола было восемь сыновей: Кипчакъ, тамга—арабска¹⁾ буква „алипъ“ (см. табл. I, ф. 1); Аргынъ, тамга—глаза, „кузь“, (ф. 2); Найманъ, тамга—косяки, „босага“ (ф. 3); Кониратъ, Кирей, тамга—лоза, „чпликъ“ (ф. 4); Уакъ, тамга—подпорка для войлока прикрывающаго верхнее отверстіе юрты, „баканъ“ (ф. 5); Таракты: тамга—гребень, „тарахъ“ (ф. 6); Тюлюнгутъ, тамга—пика, „найза“. Первые четыре сына: Кипчакъ, Аргынъ, Найманъ и Кониратъ происходятъ отъ законной жены Акъ-джола; другіе четыре: Кирей (у него было пять сыновей: Абакты, Курсары, Аксары, Иманлы и Нуралы), Уакъ, Таракты и Тюлюнгутъ—отъ незаконной, а потому они должны были служить первымъ четверемъ своимъ братьямъ. Одинъ мелъ юрту—оттого у него и тамга лоза, другого обязанность была ставить юрту, за что получилъ тамгу подпорку, третій чистилъ лошадей, поэтому тамга—гребень, а четвертый пасъ лошадей съ пикой въ рукѣ, поэтому и тамга у него—пика.

У Аргына шесть сыновей: Мійрямъ-софы, Кара-софы, Сары-софы, Акъ-софы, Надыръ-софы, Темиръ-софы.

У Кара-софы сынъ Караулъ, у Караула сыновья: Джаксылыкъ, Кылды, Ногай, Яулубай (эти четыре вмѣстѣ называются Тёртъ-

ата, то-есть четыре отца; общіе ихъ потомки кочуютъ около Омска), Аткай, Джауаръ, Ментукъ, Сары.

У Кендже-софы сынъ Атагай. У Атагая всего было 12 сыновей, но въ записи находятся только слѣдующіе: Кудай-берды, Баимбетъ, Майлибалта, Багысъ, Бабасанъ, Боба и Даудъ.

У Сары-софы сынъ Басентинъ. У Басентинна два сына: Катъсъ и Кокчукузь. У Катъсы три сына: Мандай, Баимбетъ, Бюрё. У Баимбета 9 сыновей: Бука, Чокай, Губюръ, Коянбай, Джаманай, Кочень, Чорёкъ, Танатаръ, Бэсень. У Джаманая: Коджагулъ, Козыбакъ, Козгакъ, Койсары, Ырскулъ (произносятъ также Рыскулъ), Ноурузбай, Джанай. У Ырскула три сына: Чакабай, Бёкобай и Карабатыръ. У Чакабая: Тоймасъ и Джандосъ. У Тоймаса: Ай-досъ, Сердынь-годжа и Избасъ; у Джандоса: Ельчибай, Сальджибай, Тэвесь, Сябыръ, Бакыръ, Алэ, Османъ, Омаръ. У Бёкобая: Чока, Байкушукъ, Сарджанъ, Бай-габылъ. У Чока: Досканъ, Кондубай и Джанысъ у Джаныса: Утёмисъ; у Утёмиса Муса; у Мусы Баймамбетъ и Абдрахмъ¹⁾.

У Акъ-Софы сынъ Тобуклы, у Надыръ-софы сынъ Шарджатымъ и у Темиръ-софы сынъ Шякшакъ.

У Мійрямъ-софы четыре сына: Шубуртъ-балы (малочисленное поколѣніе, не болѣе 500 кпбитокъ), Кара-кисекъ (Булатъ-ходжа), Куандыкъ и Сююндукъ (последніе два отъ одной матери, старшей жены Мійряма).

¹⁾ Последніе два, можетъ быть,—наши современники; вѣроятно, и Муса, носящій мусульманское имя, также или живущее лицо, или покойникъ, но память о которомъ еще жива. Можетъ быть, и Утёмисъ—лицо недавно жившее. Родословныя киргизскія обыкновенно составляются изъ двухъ источниковъ: изъ народнаго преданія о предкахъ, изъ котораго составляется начало родословной нисходящимъ путемъ, и изъ памяти живущихъ людей о ихъ умершихъ дѣдахъ и прадѣдахъ, по которой создается конецъ родословной восходящимъ порядкомъ, на встрѣчу нисходящей линіи предковъ; двѣ линіи смыкаются произвольно. Опредѣлить грань этихъ двухъ линій или точку смычки, то-есть, сказать: вотъ на этомъ имени кончается восходящая линія людей, дѣйствительно жившихъ, а дальше идутъ имена легендарныя,—трудно; для этого нужно разспросить на мѣстѣ массу лицъ, работа, не стоящая труда. Кто захочетъ воспользоваться приводимыми данными для своихъ изслѣдованій, можетъ самъ отсѣчь нижніе концы особенно длинныхъ линій, какъ не нужные.

Кара-кисекъ (буквально: черный кусокъ) былъ прозванъ такъ за свое черное тѣло; настоящее его имя было Булатъ-ходжа. Родъ Кара-кисековъ многочисленный, до 2000 кибитокъ. У Кара-кисека два сына: Майкы и Бошнякъ (произносятся и Бочянкъ). Отъ Майкы происходятъ поколѣнія Карсѣкъ-киринеи и Алтекѣ-сарымъ. У Бошняка были дѣти: Джанту, Байбурѣ, Тазъ, Мочалы и Манатъ. У Таза: Былбылъ и Наманай. У Былбыла дѣти: Купукъ, Алдіяръ, Чанчаръ, Кудай-берды и Усѣпъ. У Чанчара были три жены: Отъ первой сынъ Алысай. Отъ второй жены Айбике четыре сына: Джанибекъ, Тишпбекъ, Кельдибекъ и Аширбекъ; Кельдибекъ-Айбике былъ самый знаменитый человѣкъ въ Кара-кисекахъ. У Кельдибека сынъ Казпбекъ (это былъ знаменитый родоначальникъ въ степи; сынъ его Бекъ-булатъ былъ современникъ Аблая, слѣдовательно, жилъ въ срединѣ прошлаго столѣтія; о Казпбекѣ сохранилось преданіе, что онъ имѣлъ громкій голосъ и поговорка о немъ: „каздаусты Казпбекъ“, съ голосомъ гуси Казпбекъ); у Казпбека Бекъ-булатъ, у Бекъ-булата Тлянчп, у Тлянчи Альчинбай, у Альчинбая Какабай. Отъ третьей жены Нуръ-бике у Чанчара было три сына: Бердысъ, Турдубекъ и Тлеукѣ. У Бердыса семь сыновей: Бектемиръ, Кызылъ-гуртъ, Аозъ, Усамбетъ, Умурзакъ, Коканъ и Джанабатыръ. У Кызылъ-гурта, были дѣти: Ильгельды, Акксы, Джанксы, Сенкубай, Исѣнъ, Кубекъ. У Ильгельды: Назыкнай и Тшянкъ. У Тшяна: Сыздыкъ, Абишъ, Аймасъ, Кетеджанъ, Копбджанъ, Османъ Омаръ. У Аоза, второго Бердысова сына: Тлемисъ, Ма-кошѣкъ и Джанъ-кошѣкъ. У Тлемиса: Мамбетпай и Дулакъ. У Бектемира, третьяго Бердысова сына, дѣти: Даулетъ, Бая и Мучекѣ. У Даулета дѣти: Дондукъ, Аманъ-гельды, Утеулѣ, Аманбай, Кабылъ и Бакалъ. У Бакала: Иркѣ, Атагозы и Курашъ. У Атагозы сынъ Кобей. У второго сына Бектемирова Бая дѣти: Джаба, Бердыгулъ, Атагай, Аблай и Байгозы. У Джаба: Ардабай, Куаншъ, Рыспай (или Ырспай) и Мусулманкулъ. У Куанша: Кумышпай, Нусабай и Болуспай. У третьяго сына Бектемирова Мучекѣ: Казангапъ, Сазанъ, Куандыкъ, Сююндукъ, Кулатай, Джайляу, Кошкарбай, Тайчибай, Коджобай, Коттубай, Джавотѣй, Кундыкеръ и Табылды. У Казангапа: Рысамбетъ, Коттумбетъ, Таттимбетъ, Койбагаръ, Якшимбетъ, Алпимбетъ и Дюйсембѣ. У Рысамбетя четыре сына; записанъ одинъ: Джанузакъ. У Таттимбетя дѣти:

Мусатай, Косутай и Исатай. У Коттумбетя сынъ Османъ. У Якшимбетя сынъ Бюркютпай (имена другихъ шести сыновей не записаны). У Алпимбетя сынъ Джамакъ (имена другихъ четырехъ сыновей не записаны). У Дюйсембѣ сынъ Сыздыкъ.

У Кулатая, Мучекеева сына, дѣти: Кыздалбекъ, Мырзанбекъ, Османъ и Тлеубекъ.

У Джайляу, Мучекеева сына: Итъ-куста, Итъ-аякъ и Тамракъ. У Итъ-куста: Байбекъ и Чинъ-темиръ. У Итъ-аяка семь сыновей, изъ нихъ записанъ одинъ: Мынджанъ. У Танграка сынъ Чангантай.

У Турдубека, втораго Чанчарова сына, отъ второй жены Нуръ-бике былъ сынъ Ботпанай, у Ботпаная Бокай, у Бокай Байшуме, у Байшуме Илекей, у Илекея Кадырбекъ. У Тлеуке, третьяго сына Чанчара отъ той же Нуръ-бике, сынъ Джарылгапъ, у Джарылгапа Джаламанъ, у Джаламана Койсоймасъ, у Койсоймаса Баймурунъ, у Баймуруна Акай, у Акая Айча.

У Сююндука, третьяго сына Мйрымъ-софы, дѣти: Карджасъ, Айдабулъ, Кулюкъ и Козганъ. У Карджаса три сына: Сатылганъ, Кулюкѣ и Алтынъ-торѣ. У Кулюкѣ: Алпимбетъ, Тѣлѣ и Оюмъ. У Тѣлѣ сынъ Анай, у Анай Мурзагулъ, у Мурзагула Сятій, у Сятія Кошѣкъ, у Кошѣка Чорманъ, у Чормана Муса (составитель всей этой родословной записи), у Мусы Чадвакасъ, у Чадвакаса Маскутъ (послѣдніе три лица всѣ живы; Маскутъ — трехлѣтній мальчикъ). У Оюма сынъ Утѣнъ, у Утѣня Бызаубай. У Алтынъ-торѣ дѣти: Джолумбетъ, Мамбетъ-алы и Артыкъ. У Джолумбета: Назаръ, Ырсынбетъ, Калкаманъ и Койсары. У Назара: Коджебергенъ, Мырзагельды и Даулетенбетъ; у Ырсынбета Аканъ, Шяканъ и Чяльчѣ; у Калкамана: Бухаръ; у Бухара: Аедербисъ, Джарылгапъ и Джанга.

У Мамбетъ-алы, втораго сына Алтынъ-торѣ, сынъ Джандостъ у Джандоста Таспулатъ; у Таспулата Джанъ-кара, Кечубай, Бошнякъ и Кедей; у Кедея сынъ Утебай, у Утебая Тѣнебекъ, у Тѣнебека Исентай, у Исентай Джанабылъ.

У Козгана (у котораго настоящее имя было Бегендыкъ, Козганомъ же онъ названъ отъ слова „козгалу“ за то, что вѣчно двигался, не стоялъ на мѣстѣ) были дѣти Таиръ-бергенъ и Сарикъ. У Таиръ-бергана Оразъ, Малкаръ и Джулымъ-софъ. У Ораза: Джіи-

налы, Курманалы, Актай и Кенджебай. У Джиналы: Ильгузёръ, Чрёнь, Мансоръ и Джантыкъ. У Курманалы: Баймуратъ, Самратъ, Боканъ и Токанъ. У Актая: Аю, Акчабай и Орусъ. У Кенджебая: Джумартъ, Мятень, Жангельды и Сартъ.

У Сарика, второго сына Козганова, дѣти: Токтасъ, Кожемберды и Ходжагуль. У Токтаса: Исенгуль, Эрсъ (или Рысъ), Кобэкъ, Тенибекъ, Тайтеке и Акбасъ. У Исенгула: Туркобай, Бикджанъ и Назикпай.

У Туркобая: Гайперды, Айтъ-воджа, Баргана, Кудайбергенъ и Бердалы.

У Бикджана: Рай, Кенгирбай, Иркэбай, Курсары, Айракпанъ и Алимэнь. У Рая: Байгутту, Баргана, Мындай, Карагызъ, Токкоджа, Маманъ, Псурманъ, Сексенбай и Джанчузъ. У Токкоджи дѣти: Байгызъ, Малгызъ, Байтерекъ, Жангельды, Тулѣкпай и Кошкаръ. У Байгыза: Джанай, Конай, Атагай и Караулъ. У Жангельды: Бйсенъ, Нанбай, Менджебай, Альджанъ, Итпасаръ и Абень. У Байтерека: Менебай, Джанабай и Досанъ. У Тулѣкпая: Беисъ, Джайрау и Бухаръ; у Бухара: Джаманъ, Аманъ и Чиманъ.

У Назикпая, третьяго сына Исенгула, сына Токтасова, было четыре сына: Таныркуль, Акъ-сары, Коджанъ и Тамъ.

У Эрса, второго сына Токтасова, дѣти: Тэкэбай и Дюйсенбай; у Тэкэбая: Бай-шумъ, Крымъ-ходжа, Малбакты, Акъ-куль, Джанибекъ, Алибекъ, Кулубай и Мынбай. У второго Эрсова сына, Дюйсенбая дѣти: Исенъ, Байкаръ, Кенджегаръ, Джуть-кара и Балтагаръ.

У Кобэка, третьяго Токтасова сына, былъ сынъ Акша, у котораго были дѣти: Баянъ, Самай, Багай и Исенбай.

У Тайтэкэ, пятаго Токтасова сына, было три сына: Тулекъ, Садибекъ и Темирбекъ. У Тулекэ дѣти: Кабыль и Тлеу. У Кабыла дѣти: Тугей и Нарбай, у Тугея: Карабай, а у Нарбая: Байкара, Куль-кара и Сарыкуль. У Тлеу, Тулекеева сына, дѣти: Иръ-назаръ, Айтюмбекъ, Барьманбекъ и Кельдибекъ. У Иръ-назара сынъ Сарике. У Айтюмбека: Сютенгенъ и Асатъ; у Сютенгена: Шабалъ; у Асата: Чорманъ и Джаманъ.

Потомки четырехъ сыновей Сююндука: Карджаса, Айдабула, Кулюка и Козгана носятъ общее имя: Тортоулъ. По народному преданію оба брата Сююндукъ и Куандыкъ вышли въ Киргизскую

степь изъ Туркестана. Другой отрывокъ Тортоуловъ находится въ южной части Акмолинской области; и тамъ также, какъ мнѣ обязательно сообщилъ бывший въ ихъ кочевьяхъ г. Балкашинъ, есть тѣ же преданія о Сююндукѣ и Куандыкѣ, вышедшихъ изъ Туркестана, и о шести братьяхъ Софы, сыновьяхъ Аргына. По другому показанію, записанному мною въ Баянъ-аульскомъ округѣ отъ одного Киргиза, Тортоулы происходятъ отъ четырехъ братьевъ: Чегендыка, Бегендыка, Шуманака и Маджика.

У Куандыка ¹⁾, четвертаго сына Мйрямъ-софы, было шесть сыновей: Бурѣши (отъ него небольшое потомство, не болѣе 300 кибитокъ въ настоящее время), Темешъ, Алтай (самый многочисленный родъ, до 10,000 кибитокъ), Карпыкъ, Агысъ и Калкаманъ. У Алтая дѣти: Сайдалы, Алысай, Алике, Байдалы, Муинъ и Нурбай; послѣдній отъ „истекъ-катынъ“, то-есть, отъ жены Остячки ²⁾. У Муина: Муратъ, Карикѣ, Аманкулъ и Аракшанъ.

У Карикѣ: Наурзэкъ, Бай-бура, Акъ-бура, Токъ-бура, Ольджелиды и Джанъ-базаръ. У Токъ-буры: Отень, Куланъ, Ала-гошѣкъ, Исенъ, Сеитъ, Сакей и Казы; кромѣ того, еще три не записаны, такъ какъ всего у Токъ-буры было 10 сыновей. У Ала-гошѣка: Бектасъ, Чиликпай, Баймурза, Джанъ-мурза и Кошанъ. У Бектаса: Матакпай, Члѣнбай, Мырджикипай, Таймасъ и Бальчикъ; у Таймаса сынъ Токсанъ.

У другаго Муинова сына Аракшана были дѣти: Калибекъ и Сармантай. У Калибека: Аралбай, Куттумбетъ и Арашя. У Аралбая: Байтока и Бикшѣ. У Байтоки сынъ Бабыкъ, у Бабыка: Утебай и Косубай; у Утебая сынъ Кутчанъ, у Кутчана сынъ Мугамедъ-али; у Косубая сынъ Турсунбекъ, у Турсунбека Кійсыкпекъ.

У втораго Аракшинова сына Сармантая дѣти: Байдаулетъ и Джуманъ; у Байдаулета сынъ Исенгельды, у Исенгельды Байтокъ; у Джумана сынъ Коранъ, у Корана Чонъ, у Чона Исебекъ.

¹⁾ Имя Куандыкъ, по мнѣнію самихъ Киргизъ, происходитъ отъ глагола куаныб, обрадовался.

²⁾ Впрочемъ Киргизы зовутъ Истеками также Башкиръ и Барабинскихъ Татаръ.

II.

Монголы.

1. Дюрбюты.

Во время поѣздки въ 1879 г. экспедиція всю первую половину лѣта вращалась въ предѣлахъ дюрбютскихъ, кочевьевъ и изъ нихъ почти исключительно въ предѣлахъ обширнаго хошуна дюрбютскаго вана. Къ сообщеннымъ о Дюрбютахъ въ первыхъ „Очеркахъ“ (II, стр. 28—33) свѣдѣніямъ можемъ прибавить, что Дюрбютскимъ народомъ управляютъ четыре князя: ханъ, который часто титулуется Далай-ханъ (въ честь будто бы озера Убса, какъ увѣряютъ Дюрбюты), ванъ, бейли и дзасмъ. Весеннія и осеннія перекочевки Дюрбюты совершаютъ въ трехъ направленіяхъ, такъ что народъ раздѣляется на три группы: одна часть, зимующая на рр. Бу-конъ-бурени и Кобдо, имѣетъ лѣтовки на высокихъ поляхъ вокругъ бѣлковъ Харкира и Тургунъ; сюда же являются и ламы изъ Улангомскаго монастыря, и Котоны, зимующіе въ низовьяхъ р. Шибе. Другая группа, имѣющая зимовки на урочищахъ, лежащихъ къ западу и къ юго-западу отъ оз. Киргизъ-нора, поднимается лѣтомъ на гребень хребта Тухтугенъ-нуру. Наконецъ, третья группа, зимовки которой расположены въ южной части хошуна около горъ Чиргэтъ, Сэръ, Хара-аргалингу, лѣтомъ кочуетъ на берегахъ р. Дзабхына.

Легенда о родоначальникѣ дюрбютской княжеской фамиліи будетъ помѣщена ниже въ гл. IV: „Сказки и легенды“. Здѣсь внесу только сообщенное мнѣ о. Михаиломъ Чивалковымъ преданіе, будто бы свое названіе Дюрбютъ этотъ народъ получилъ за то, что предокъ его завѣдывалъ четырьмя народами. Тѣмъ же о. Михаиломъ было мнѣ сообщено извѣстіе, что около монгольскаго караула Суокъ есть два дюрбютскія поколѣнія—Булгучинъ и Керемучинъ; въ истинѣ этого показанія мнѣ не довелось убѣдиться; заново однако это извѣстіе потому, что, съ одной стороны, эти два поколѣнія упомянуты уже у Рашидъ-аддина ¹⁾, и также

¹⁾ Введеніе, стр. 8 и 86.

рядомъ, а съ другой—потому, что о. Михаилъ могъ это извѣстіе получить только изъ устъ народныхъ.

2. Дархаты.

Дархаты занимаютъ всю котловину р. Шишкита, за исключеніемъ долины Хука, гдѣ живутъ Урянхайцы; внизъ по Шишкиту ихъ земли простираются до устья Тенгиса. Кромѣ того, имъ же принадлежитъ южная половина западнаго берега Косогола отъ горнаго прохода Джигилигенъ-дабанъ до бомовъ, которыми обставленъ западный берегъ у южнаго конца озера, а также къ Дархатской землѣ относится вся правая сторона долины р. Бельтыса и нижнія части р. Агара, отъ устья до ур. Курумсукуъ. Лѣто Дархаты проводятъ въ долинѣ Шишкита и вокругъ озера Додъ-нора; осенью народъ распадается на три группы, изъ которыхъ самая многочисленная идетъ на югъ, черезъ горный проходъ Олѣнь-дабанъ, и располагается на зимовку въ широкихъ долинахъ Бельтыса, трехъ Томовъ и Агара; другая группа идетъ на востокъ и садится по берегу Косоголу, третья—удаляется на Тенгисъ.

Что Дархаты составляютъ шаби ургинскаго кутухты—извѣстно давно. Управляются они тремя чиновниками, избираемыми изъ Дархатовъ же; эти чиновники называются тарга и пользуются равною властью; меня увѣряли, что они могутъ дѣлать свои распоряженія только сообща, втроемъ, и одинъ тарга, не снѣсшись съ товарищами, распоряжаться не смѣетъ. Зимой всѣ три тарга проводятъ на южной сторонѣ Олѣнь-дабана, то-есть, въ долинахъ Агара и Бельтыса. Лѣтомъ ежегодно бываетъ сугланъ, то-есть, народное собраніе, которое устраивается близъ куреня.

У Дархатовъ считается три омока: Хара-дархатъ, Хуа-дархатъ и Хувалыръ-дархатъ (или Хуулуръ); послѣдній живетъ по Тенгису. Впрочемъ, на вопросъ, какія кости есть у Дархатовъ, называя опять тѣхъ же Хара-дархатовъ, Уха-дархатовъ и Хуулуровъ, еще прибавляли имена: Шарьнутъ, Харнутъ, Барнутъ, Чоннутъ, Хоролмой, Олѣтъ, Манджракъ (по показанію нѣкоторыхъ, Манджраки происходятъ отъ Бурятъ).

Урянхайцы, по крайней мѣрѣ, Сальджаки и Уины, называютъ Дархатовъ Адай-таргытъ.

Дархаты, по видимому, стали Монголами сравнительно въ недавнее время, а прежде были Урянхайцами. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ, во первыхъ, то обстоятельство, что ихъ шаманы, какъ въ этомъ имѣлъ случай убѣдиться зимовавшій въ ихъ средѣ г. Палкинъ, до настоящаго времени дѣлаютъ призыванія онгоновъ на урянхайскомъ языкѣ. Повторяя, хукскіе Урянхайцы, на вопросъ, сколько ихъ, Урянхайцевъ, отвѣчаютъ: четыре отука, изъ которыхъ три отука шабинскіе, а одинъ платитъ албу Шпдырвану; кости въ шабинскихъ отукахъ называются: Уха-дархытъ (очевидно, то же, что хуа-дархатъ), Хардархытъ, Харнутъ и Шарнутъ, кости воинскаго, то-есть, княжескаго отука Эльджигенъ, Зоту и Джонту; такимъ образомъ, выходитъ, что они причисляютъ Дархатовъ къ Урянхайцамъ.

Въ Дархатской землѣ я встрѣтилъ одного Солона, который давно уже здѣсь живетъ и женился здѣсь; имя его Джамцинъ. Отъ него я записалъ имена солонскихъ поколѣній. Всего считается Солонъ пять отуковъ: Бару-солонъ, Чипчинъ-солонъ, Удзюмчп-солонъ, Бортогонъ-солонъ и Орчинъ-солонъ. Орчинъ-солонъ, другіе солонъ зовутъ Уранга, то-есть, Урянхайцами, и говорятъ о нихъ, что они „хандагатай малтай улус“, то-есть, народъ, у котораго скотъ состоитъ изъ лосей. Джамцинъ былъ убѣжденъ, что Орчинъ-солонъ ѣздятъ на лосяхъ, а патѣи дѣлаютъ деревянныя.

3. Буряты.

Съ Бурятами намъ довелось познакомиться въ предѣлахъ Иркутской губерніи—въ долинѣ р. Иркуты, а также въ Аларскомъ вѣдомствѣ, которое лежитъ между рр. Китоемъ и Окой. Помѣщаемъ здѣсь кое-какія отрывочныя свѣдѣнія, которыя удалось узнать о бурятскихъ родахъ.

Въ Аларскомъ вѣдомствѣ считается 10 родовъ; изъ нихъ 8 родовъ относятся къ одному поколѣнію Хонгдоръ, роды котораго есть и въ долинѣ Тунки; остальные два аларскіе рода принадлежатъ къ поколѣнію Шарнутъ. Кромѣ Хонгдоръ и Шарнутовъ, между сѣверно-байкальскими Бурятами существуютъ роды: Ихиритъ, Булагатъ, Бадыхонъ (съ частью его: Ашахай), Угуръ,

Тайбажинъ, Болдой, Хурхутъ, Хангинъ, Шополыкъ, Готолъ, Дурьтунъ, Бурьтунъ, Гартулъ или Сартулъ. По мѣстному преданію, Хонгдоръ пришли въ край чрезъ вершины рр. Тунки и Иркуты; тогда какъ другіе бурятскіе поколѣнія на пути съ юга на сѣверъ переходили черезъ Байкаль. Предокъ Хонгдоръ былъ одинъ изъ трехъ сыновей Ханъ-джирга; имена этихъ сыновей были: Хонгдоръ, Далхай и Борджонъ. Одинъ изъ подродковъ хонгдорскихъ называется Гакта-хонходыръ. По другому показанію, у Аше-хая было семь сыновей: Хонгдоръ, Хурхутъ, Бадыханъ, Сагантинъ, Далахай, Хойхы, Шошооликъ, Тэртэ. Они пришли въ долину Иркуты въ то время, когда въ Монголіи возгорѣлась война между Бошохту-ханомъ и Хайнъ-ханомъ. Родъ Бадыхонъ происходитъ отъ двухъ братьевъ: Адай и Бохукъ (или Бахикъ); отъ старшаго (Адая) произошли Харабадырхонъ, отъ младшаго (Бохука)—Шарабадырхонъ. Объ Адаѣ и Бохукѣ сохранился разказъ: оба они, стоя на горѣ Сорготой, стрѣляли въ гору Мандырга (близъ р. Голумети); когда пришли на гору Мандырга посмотрѣть, увидѣли, что стрѣла Адая упала на изюбря, а стрѣла Бохука—на камень и разбила его.

О происхожденіи бурятскаго рода Дурьтунъ разказываютъ, что одна дѣвица родила и отъ стыда спрятала ребенка въ яму; эту яму разрыли быки и вырыли ребенка; люди нашли ребенка и дали ему имя Дурьтунъ—въ память о томъ, что онъ вырытъ быкомъ. Дуру — отверстіе въ носу, въ которое быку продѣваютъ бальну.

Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ есть родъ Хангинъ; Хангины почитаютъ своимъ предкомъ лебедя; они говорятъ, что три лебеди прилетали на озеро, снимали съ себя шкурки, обращались въ прекрасныхъ дѣвицъ и купались въ сзерѣ. Предокъ Хангиновъ стащилъ одну шкурку, когда дѣвицы вошли въ воду; двѣ дѣвицы, обратившись въ лебедей, улетѣли, а одна осталась и должна была стать женою похитителя шкурки. Хангинъ считаетъ великимъ грѣхомъ убить лебедя; о нихъ разказываютъ даже, будто они стараются взять въ руки лебединое перо. Много разказовъ о томъ, какъ человекъ, убившій лебедя, потомъ пострадалъ. Эти разказы есть и у другихъ Бурятъ. Когда прилетятъ лебеди весной въ первый разъ, Буряты дѣлаютъ либацію, брызжутъ водкой. Женщина,

увидѣвъ весной въ первый разъ прилетѣвшаго лебедя, кланяется ему, сложивъ руки на лбу, и молится.

Вариантъ того же сказанія былъ мнѣ разказанъ аларскимъ Бурятомъ, какъ сказаніе о происхожденіи родовъ Харяты и Шаряты: Есть въ юго-западной сторонѣ озеро Алтынъ-норъ; къ нему летали купаться три дочери неба (тэнгриин гурбанъ басмыгъ [или кукутъ]) подъ видомъ лебедей (саган шибо); въ то время былъ шаманъ Одюгэ-Хогоръ-бо, то-есть, кривой Одюгэ. Онъ въблизи того озера вырубилъ ящикъ на вершинѣ горы и самъ спрятался за скалою. Прилетѣли дочери неба; старшая говоритъ: „Здѣсь дурно пахнетъ; вѣрно есть человѣкъ“. Младшая возразила: „Съ какой стати въ такомъ чистомъ мѣстѣ будетъ вонь!“ Когда онѣ сложили на берегу свои лебединыя одежды и вошли въ воду, бѣ'укралъ платье младшей и спряталъ въ каменный ящикъ. Вышли дѣвицы изъ воды, младшей не во что одѣться. Двѣ старшія, обратившись въ лебедей и сказавъ младшей сестрѣ: „Мы отлетаемъ въ небо, а ты оставайся на землѣ и будь счастлива“, — улетѣли. Шаманъ взялъ оставшуюся дѣвицу замужъ; жили они три года и прижили сына и дочь. По истеченіи трехъ лѣтъ жена говоритъ мужу: „Что жъ ты мнѣ не отдашь мое лебединое платье; вѣдь мы ужъ три года какъ живемъ. Я бы попробовала, могу ли еще летать!“ „Гдѣ ужъ тебѣ летать!“ сказалъ бѣ; — „ты теперь нечистая, осквернилась землею нечистотой“. Однако онъ пошелъ за платьемъ. Жена безъ него стала омываться водою изъ чистаго родника и окуриваться арсой (можжевельникомъ), чтобъ очиститься отъ земной грязи и воня. Очистилась и ждетъ. Бѣ принесъ платье; она стала надѣвать его, а бѣ принялся обмазывать котелъ для сидѣнья водки глиной смѣшанною съ свѣжимъ навозомъ. Надѣвъ платье, жена взлетѣла на полку, потомъ на крышу дома ¹⁾; мужъ, когда она снималась съ полки, испугался, подумалъ, что жена улетитъ, хотѣлъ было ее удержать и схватился руками за ея ноги, но руки его отъ глины и навоза были слзпки, и ноги лебедя выскользнули изъ нихъ.

¹⁾ Нужно подразумѣвать бурятскій домъ или юрту, гдѣ потолокъ пѣтъ а осмыскавая крыша наверху имѣетъ широкое отверстіе, чрезъ которое выходитъ дымъ.

Лебедь съ крыши поднялась и полетѣла по небу, сдѣлавъ предварительно надъ жильемъ шамана три круга и проговоривъ: „Будьте счастливы мои дѣти! да выйдетъ отъ сына родъ Харяты, а отъ дочери родъ Шаряты“.

Вотъ почему Харяты и Шаряты, считая лебедей своими предками, поклоняются имъ, приносятъ имъ жертвы и не убиваютъ ихъ. И вообще Буряты считаютъ дурнымъ убить лебедя, особенно съ красными ногами. Лебедь съ сѣрыми ногами, это — та жена шамана, у которой онъ замаралъ ноги глиной; она земная, и потому ее не такъ опасно убить. Но особенно опасно убивать лебедей съ красными ногами; это — небесные лебеди, дочери неба.

Дархаты называютъ Буряты Иркутской долины Харяты или Харясы; Тунгусы зовутъ Аларскихъ Буряты Дагуръ, а Буряты Тунгусовъ — Камнагонъ, и говорятъ, будто Тунгусы сами себя называютъ Гелюнхене-камнагонъ. Аларскіе Буряты, небольшое бурятское население Нижнеудинскаго округа (всего считаютъ 108 семей), зовутъ ихъ Санхе Зукденъ.

О Болдояхъ есть присказка:

бурь бурь уханда богдагын болдэй
бот иненде хондалдагын болдэй
харь харь угында халдыгын болдэй
харакши иненде хондалдагын болдэй

То-есть: Ручьевъ не могшій перейти Болдой, на стельной коровѣ переѣхавшій Болдой! Шиверой прегражденный Болдой, на черной коровѣ переѣхавшій Болдой!

Предки двухъ родовъ Ихиратъ и Булагатъ были дѣти Буха-ноина. О нихъ сохранилось выраженіе: иргеге олгон Икирит, бутага олгон Булгын.

О поколѣніи Гартуль (иногда произносятъ Сартуль) говорятъ, что имъ запрещается ѣсть кровь и ѣздить на крашенныхъ сѣдлахъ: шого пдику шонхо эмэль токугэй; кто же изъ нихъ преступитъ эту заповѣдь, у того изъ носу кровь пойдетъ.

О поколѣніи Тертесъ: Была война между Халха и улѣтскимъ Бошохтуханомъ; отъ этой войны много народу бѣжало. Въ томъ числѣ одинъ человѣкъ съ бабой прибѣжалъ на озеро Байкаль, спилъ волосами лодку и переправился черезъ озеро; отъ него пошли Тертесы, расселившіеся вверхъ по Иркуту.

II.

ЗАМѢТКИ

О СЕМЕЙНОМЪ, ОБЩЕСТВЕННОМЪ И РЕЛИГИОЗНОМЪ БЫТІИ.

1. Обряды при рожденіи дѣтей и уходъ за дѣтьми.

У Аларскихъ Бурятъ (Иркутской губерніи) при рожденіи ребенка женщины-родственницы собираются къ родильницѣ, поднимаютъ новорожденнаго подъ спину и потомъ опускаютъ, такъ чтобы младенецъ упалъ свободно на мягко устланый полъ; при крикѣ младенца приемная мать тотчасъ приступаетъ къ отрѣзавію пуповины ножичкомъ, сперва перевязавъ ее шелковою ниткой или скотскою жилою на два пальца отъ пупка, и на столько же отступая отъ завязаннаго мѣста, дѣлаетъ вторую перевязку. Пуповина отрѣзается между этими двумя перевязками; такимъ образомъ концы пуповины остаются оба завязанными. Затѣмъ малютку обмываютъ тепловатою водою и кладутъ въ пеленки. Для черезъ два или три пазначается пиръ; тогда всѣ являются, не дожидаясь приглашенія; родители ребенка колятъ барана и бьютъ корову или быка; начинается угощеніе гостей по средствамъ хозяина. Затѣмъ приступаютъ къ обряду пеленанія младенца въ люльку. Выбираютъ одного изъ присутствующихъ, преимущественно мальчика, обязанность котораго отвѣчать на вопросы приемной матери. Последняя, держа въ рукахъ стрѣлу и мозговую кость съ мясомъ праваго задняго стегна, спрашиваетъ: „Кого пеленать, малютку или мозговую кость?“ Мальчикъ или дѣвочка отвѣчаетъ: „Малютку“. „Внизъ или вверхъ головою?“ „Вверхъ“, отвѣчаетъ мальчикъ. Эти вопросы и отвѣты по-

вторяются до трехъ разъ. Затѣмъ сидящіе нарекаютъ имя новорожденному. Малютку кладутъ въ люльку, сдѣланную въ родѣ четырехугольнаго корытца, приподнятаго въ изголовьи. Пиршество кончается обрядомъ: около мѣста рожденія кладутъ огонь, всѣ садятся вокругъ него, въ томъ числѣ и отецъ новорожденнаго, запасаются саламатой, брызгаютъ масло изъ рта въ огонь, и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: „Дай больше счастья! дай сына!“ и пр. Повторивъ эти слова трижды, мараютъ другъ друга масломъ, не щадя никого и никакой одежды; женщины стараются превзойти мужчинъ и на оборотъ; задоръ доходитъ до того, что женщины мараютъ мужчинъ сажей и заранѣе приготовленнымъ свѣжимъ скотскимъ пометомъ.

У Алтайцевъ, если дѣти въ семействѣ умираютъ, не достигая болѣе зрѣлаго возраста, родители, желающіе имѣть потомство, воруютъ у кого-нибудь ребенка, такъ что его мать сначала не знаетъ, куда онъ дѣвался; дня черезъ три мать узнаетъ—гдѣ ребенокъ, а черезъ мѣсяцъ родители ребенка идутъ къ ворами съ водкой и выкупаютъ его ¹⁾. У Телеутовъ желающіе имѣть ребенка не воруютъ, а покупаютъ его, а потомъ, покормивши, возвращаютъ его. Кроме того, у Алтайцевъ, чтобы отогнать діавола, похищающаго младенцевъ, вѣшаютъ въ люльку плетъ, стрѣлку и колючее растеніе.

У Урянхайцевъ (Тува) на Улукемѣ, когда дѣти не ведутся, новорожденнаго прячутъ подъ котелъ; сверхъ котла кладутъ агъирени (то-есть, онгонъ состоящій изъ заячьей шкуры), а также слѣпленную изъ талкана ²⁾ фигурку ребенка, надъ которымъ призванный камъ начинаетъ камлатъ. Ребенокъ, по увѣренію передававшего этотъ разказъ Урянхайца, дѣлается живой; тогда ему распарываютъ брюхо; онъ плачетъ и реветъ, а изъ раны течетъ кровь. Послѣ того тѣстянаго человѣчка разрѣзаютъ на три части и зарываютъ вдали отъ жилья. Вѣрятъ, что послѣ того настоящій ребенокъ не умретъ.

У Дюрбютовъ, въ случаѣ невода дѣтей, новорожденнаго кто-нибудь изъ родныхъ воруетъ. Украденнаго младенца прячутъ подъ котелъ, подъ которымъ держатъ трое сутокъ, отерывая раза два въ

¹⁾ Это показаніе кажется мнѣ сбивчивымъ.

²⁾ Талканъ—мука изъ жаренаго ячменя.

день, чтобы покормить. Въ то же время похитившій ребенка дѣлаетъ куклу изъ травы и подбрасываетъ вмѣсто украденнаго младенца. Родители украденнаго, найдя куклу, притворно принимаютъ ее за настоящее свое дитя, но не живое, а мертвое, плачутъ и потомъ хоронятъ. Думаютъ, что читкуръ (чертъ), желающій похитить ребенка, повѣритъ, что ребенокъ дѣйствительно умеръ и пойдетъ искать добычи въ другомъ мѣстѣ.

У Аларскихъ Бурятъ обрядъ пеленанія ребенка совершается на третій день послѣ родовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ребенку нарѣкаютъ имя. Бурятъ боится безчадія; если у него нѣтъ дѣтей, онъ говоритъ тоскливо: „Огонь моего очага потухнетъ!“ Бурятская клятва заключается въ словахъ: „Пусть потухнетъ мой очагъ“¹⁾. Этому страху обязаны своимъ происхожденіемъ нѣкоторые обряды.

Въ томъ случаѣ, если дѣти мрутъ, ловятъ филина и кормятъ его: думаютъ, что тогда ребенокъ не будетъ плакать въ люлькѣ; филина отпугиваетъ отъ ребенка духа анахай. Кроме того, заводятъ онгона „Усэтенъ“²⁾. Для этого приглашается камъ; цѣлое общество принимаетъ участіе въ устройствѣ онгона; изъ женщинъ кто шьетъ куклы, кто вышиваетъ глаза; мужчины дѣлаютъ ящикъ. Женщина, въ видахъ которой это дѣлается, носитъ въ это время въ рукахъ пеленку или нарочно сдѣланную куклу и дѣлаетъ видъ, будто кормитъ ребенка; другія женщины съ участіемъ спрашиваютъ ее: „каковъ ребенокъ, спокойный ли, не крикливъ ли, не хлопотно ли съ нимъ водиться?“ Потомъ берутъ куклу у нея изъ рукъ и сами водятся. Иногда та женщина оставитъ свою куклу въ юртѣ, а сама уйдетъ изъ нея по какому-нибудь дѣлу; другія кличутъ ее подъ предлогомъ, будто ея ребенокъ плачетъ.

У Бурятъ Идинскаго вѣдомства, если дѣти не родятся, устраиваютъ вечеринку, призываютъ шамана, покупаютъ водки; дѣвицы сначала пляшутъ, потомъ садятся; шаманъ беретъ въ руки харьбо, начинаетъ пѣть гимнъ баабагай онгону (то-есть, медвѣдю—онгону) и волотить рукой по щекамъ присутствующихъ. Кого ударить сильнее—говорятъ, тому выпадетъ счастье.

¹⁾ Въ Балаганскомъ округѣ полиція даже употребляла заливаніе очаговъ водой, какъ мѣру для вынужденія признанія.

²⁾ Описаніе онгона Усэтенъ помѣщено ниже.

У Аларскихъ Бурятъ существуетъ обычай становиться „найджи“ съ шаманомъ. Слово „найджи“ значитъ собственно „другъ.“ Найджи называются тѣ домохозяева, съ которыми шаманъ, такъ-сказать, покумился. Когда послѣ родовъ зарѣжутъ барана, то стегно или другую часть посылаютъ какому-нибудь шаману; шаманъ заключаетъ изъ этого уже, что его хотятъ пригласить въ найджи. Дѣйствительно, его потомъ призываютъ. Шаманъ приходитъ, заказываетъ сдѣлать небольшія харьбо¹⁾ и втыкаетъ ихъ у дверей; потомъ навѣшиваетъ ребенку шелчинку или что-нибудь въ этомъ родѣ. Этотъ визитъ шамана называется сакіух баплга, „пожалованіе сакіуха“. Въ теченіе года ребенокъ состоитъ подъ покровительствомъ шамана; чуть ребенокъ прихворнулъ, зубы прорѣзываются, съ нимъ жаръ, ребенокъ кричитъ, сейчасъ зовутъ шамана, и онъ долженъ успокоить ребенка. Иногда ему приходится спать по три дня въ домѣ у своихъ найджи. Если ребенокъ кричитъ такъ, что ни мать, ни отецъ унять его не могутъ, его кладутъ шаману за пазуху, и онъ водится съ нимъ, пока ребенокъ не замолчитъ. По истеченіи года сакіухъ возвращается шаману. Тогда родители ребенка шьютъ шаману, его семьѣ и роднѣ обнови, берутъ съ собой угощеніе и ѣдутъ къ шаману; иногда приводятъ лошадь. Шаманъ, въ свою очередь, расходуетъ на угощеніе гостей. Родители берутъ съ собою также залу; послѣдняя берется вотъ на какой случай: если кого-нибудь изъ родни шамана забудутъ и обнови ему не привезутъ, ему-то и подносятъ залу. Бываетъ, что получившій залу, опьянѣвъ отъ угощенія, начнетъ сильно шумѣть: „Къ чему мнѣ дали залу? Здѣсь есть люди важнѣе меня! Мнѣ изъ нея не шубу шить!“ Подобныхъ найджи у одного шамана насобируется до двадцати. Когда онъ задумаетъ завести бубенъ, онъ обращается къ найджи за помощью, и они везутъ барановъ и тарасуну. При ихъ матеріальной помощи совершается обрядъ освященіе бубна.

2. Свадебные обряды.

Свадебный обрядъ у Телеутовъ (въ Кузнецкомъ и Бійскомъ округахъ) сопровождается пѣніемъ свадебныхъ пѣсень, „той са-

¹⁾ Харьбо — шаманскій жезлъ; ихъ бываетъ пара.

рынъ"; поютъ ихъ сваты и сватьи; дѣвицы не поютъ. Въ числѣ обрядовъ, совершаемыхъ во время свадьбы, одинъ состоитъ въ томъ, что когда невѣсту и жениха вводятъ въ юрту къ родителямъ послѣдняго, между огнемъ и порогомъ протягиваютъ занавѣсь, „кѣшѣго“; края занавѣски укрѣплены у березокъ, которыя держутъ два человѣка. Молодые и весь сопровождающій ихъ народъ, переступивъ черезъ порогъ, останавливается за занавѣской. Когда „алкышчи“ (читающій благословеніе) кончитъ „алвышь“ (благословеніе), молодые кланяются родителямъ жениха, не выходя изъ-за занавѣски. Всѣ присутствующіе дѣлаютъ тоже и кричатъ: адъ, енѣ баш баттым! Затѣмъ занавѣсь убираютъ. Въ огонь выливаютъ цѣлую чашку масла; пламя взлетаетъ до дымоваго отверстія; опять всѣ закричатъ: баш баттым! Есть еще обрядъ во время свадьбы: водятъ молодыхъ вокругъ пустаго мѣста по солнцу. На свадебномъ тоѣ бываетъ игра: аил бузар „ломать домъ“; для этого разбираютъ у юрты двери; въ образовавшееся отверстіе въѣзжаетъ быстро кто-нибудь изъ родныхъ невѣсты и старается выскочить изъ аила ¹⁾ наружу, пытаясь даже проломить стѣнку юрты въ цѣломъ мѣстѣ; находящіеся въ юртѣ люди стараются обогнать всадника; рвутъ стремени, патфію и даже отпускаютъ совсѣмъ безъ сѣдла. Отобранное поступаетъ невѣстѣ и называется „счастье невѣсты“.

Вставляемъ здѣсь отрывокъ изъ описанія Аларскаго Бурятскаго вѣдомства, которое составлено въ Аларской думѣ въ 1864 г. подъ руководствомъ бывшаго тайши Матханова.

„Буряты имѣютъ обыкновеніе сватать съ малолѣтства; за невѣсту платятъ условленный калымъ отъ 20 до 80 головъ разнаго скота и деньгами; по достиженіи молодыми зрѣлаго возраста, иногда раньше назначается свадьба. Дня за два или за три до свадьбы невѣста дѣлаетъ вечеринку и посѣщаетъ своихъ родныхъ въ сопровожденіи молодыхъ подругъ. На прощаніи ея колятъ барана, пьютъ тарасунъ и пляшутъ „ѣхоръ“ (хороводъ, который такъ называется отъ кликовъ: ѣхоръ, ѣхоръ! которыми сопровождается). Въ день, когда невѣсту слѣдуетъ отвезти къ жениху, всѣ соби-

¹⁾ Аилъ—юрта.

раются въ домъ ея отца, родные и посторонніе, приглашенные въ гости, и готовятся къ выѣзду; при этомъ невѣста причется отъ мужчинъ, ей въ этомъ помогаютъ подруги; мужчины находятъ ее; подруги не даютъ, защищаютъ, составляютъ кругъ или цѣпь около нея и укрѣпляютъ другъ друга платками. Мужчины стараются разрознить кругъ и по одиночкѣ отрываютъ дѣвицъ; плачь и рыданія сопровождаютъ эту сцену. Обрядъ этотъ означаетъ, что невѣста хочетъ остаться цѣломудренною; такое толкованіе придается ему сами Буряты. Въ то же время у жениха идетъ приготовленіе къ приему гостей; занасаются тарасуномъ и разными снадобьями; во дворѣ втыкаютъ березовое дерево, означающее, что потомки новой четы должны разрости, какъ вѣтви дерева; на дерево навѣшиваютъ шубу съ кофтой и ставятъ къ нему онгоны. Большие и малые, родные и не родные собираются на свадьбу. Невѣстина сторона, приближаясь, посылаетъ впередъ верховыхъ посланниковъ („туруши“); одинъ изъ нихъ держитъ стрѣлу съ желѣзнымъ накопечникомъ; на другомъ концѣ стрѣлы привязанъ кудыкъ (кусочъ бѣлой матеріи). Этотъ туруши, прискакавъ къ дому жениха, бросаетъ лошадь, не привязавъ къ столбу (другіе должны подобрать ее), вбѣгаетъ въ юрту, и не оглядываясь и ни съ кѣмъ не здороваясь, стремительно подходитъ къ западной тенге (подпоркѣ), которая находится между очагомъ и семейною кроватью, и втыкаетъ въ нее свою стрѣлу такъ, чтобъ она была обращена хвостомъ своимъ на востокъ. Затѣмъ онъ садится на самое почетное мѣсто или гдѣ вздумается; если мѣсто это занято, онъ грубо сталкивается съ него сидящаго, хотя бы то былъ почтенный старикъ; если то молодой, то садится къ нему прямо на голову. Затѣмъ онъ здоровается со сватомъ; является угощеніе. Женцова сторона, завидѣвъ поѣздъ, встрѣчаетъ гостей на дорогѣ, и тамъ же начинается угощеніе тарасуномъ, виномъ и мясомъ. Въ домѣ жениха въ это время пляшутъ ѣхоръ; затѣмъ подъѣзжаютъ гости къ дому свата; молодые люди на верховыхъ коняхъ бросаются въ середину пляшущихъ, ихъ удерживаютъ за поводья; значеніе этого обычая Бурятамъ не извѣстно. Невѣста съ своей матерью и прочими женщинами входитъ въ особую юрту свата, который долженъ сидѣть у подпоры, а жена его у стѣны кровати съ хлѣбомъ и тарасуномъ; послѣ угощенія и изліянія родственныхъ

чувствъ приступаютъ къ обряду бракосочетанія. Два шамана подносятъ съ двухъ сторонъ тарасунъ и водку въ юртъ свата и особо въ юртъ жениха и невѣсты, призывая особенно Буха-нонна и Бодонъ-хатунъ. Невѣсту одѣваютъ въ женскую одежду; косу расплетаютъ, плетутъ многія мелкія косички, распуская ихъ надъ ушами и украшая ихъ золотыми и серебряными монетами и марджаномъ; надѣваютъ женское платье; затѣмъ назначаются къ невѣстѣ съ ея стороны и со стороны жениха свахи, обязанность которыхъ указывать невѣстѣ, что дѣлать во время обряда. Прежде всего онѣ навѣшиваютъ на ея лицо покрывало изъ бѣлаго коленкора (какъ бы для того, чтобы скрыть ее отъ стыда), а на свои пальцы навязываютъ хадьки; противъ глазъ и рта невѣсты въ покрывалѣ дѣлаются отверстія. Послѣ того ведутъ невѣсту на дворъ въ сопровожденіи родственниковъ обѣихъ сторонъ, держа надъ головой невѣсты за углы шаль; подойдя къ вышеупомянутому дереву, у котораго сидятъ оба свата и всѣ гости, свахи и невѣста кланяются и поворачиваются¹ направо назадъ, обходятъ юрту жениха правою стороною, останавливаются на лѣвой и кличутъ жениха: „Давайте суженаго!“ Тутъ въ первый разъ является имъ на встрѣчу женихъ въ сопровожденіи двухъ товарищей, для важности поддерживаемый подъ руки. Не подходя близко, женихъ останавливается; его зовутъ къ себѣ дважды; но онъ не идетъ; послѣ третьяго зова женихъ, поклонившись, подходитъ къ невѣстѣ; свахи принимаютъ жениха и въ правую руку даютъ конецъ платка, другой конецъ держитъ невѣста. Это означаетъ соединеніе молодой четы. Тѣмъ же порядкомъ молодые поварачиваются назадъ, обходятъ юрту, останавливаются у двери съ правой стороны и трижды кланяются сидящимъ тутъ. Въ этой толпѣ сидятъ на войлокахъ и то лицо, которое избрано для произнесенія благословенія; это обыкновенно бываетъ простой человѣкъ, ни лама, ни шаманъ; отъ него только требуется, чтобы умѣлъ произнести орѣль, то-есть, благословеніе; передъ нимъ стоитъ скотское мясо непремѣнно съ скотскою головою. При общемъ молчаніи во весь голосъ „орельщикъ“ (какъ выражаются Русскіе) произноситъ рѣчь:

1) „Да! кланяйся свѣту восходящаго солнца и будь счастлива подъ свѣтиломъ! кланяйся свѣту вечерней луны и будь благосло-

венна! Идя мимо бѣлаго моря, воспользуйся святою водою. Идя мимо величайшей горы (Сумбергъ), возьми кремьнь!“

2) „Да! силѣ южнаго Буха-нонна отца кланяйся и къ покровительству Бадунъ-хотунъ матери прибѣгни! Кланяйся девяносто хатамъ, предайся милостямъ ихъ; многочисленнымъ хатамъ кланяйся, покровителямъ предайся.“

3) „Да! предаваясь воплощенію Ушейтана въ красной шелковой одеждѣ, кланяйся божеству его; кланяйся многимъ тысячамъ Ушейтановъ, и милостямъ ихъ будь счастлива!“¹⁾

При этомъ молодая чета кланяется. По окончаніи рѣчи гово-

¹⁾ Къ этимъ орѣлямъ Аларскаго вѣдомства могу присоединить еще орѣли, записанные въ Балаганскомъ вѣдомствѣ и переданные мнѣ о. Яковомъ Чистохиннымъ:

✓ „Отъ югозападнаго (барулакши), отъ вѣчнаго Тэнгри да будетъ твое происхожденіе; отъ снѣжнаго вѣчнаго Тэнгри да будутъ твои дѣти (буквально: твой пупъ). Сѣрая береза—мѣсто почесаться, бѣлый несокъ—вальбище; черезъ грудь Буха-нонна баабая прійди, чрезъ утробу матери Буданъ-хатунъ прійди, посредствомъ широко разставленныхъ роговъ черезъ великую Сумбергъ гору перевалъ соверши; подобными арангха (полати для сушки арсы или для тѣла убитаго громомъ) большими рогами, алзамай'ю (?) подобными большими копытами черезъ бѣлое великое море (Цаганъ ихе далай), черезъ Хумуръ-олу переходя, бродъ проложи. Тамъ вполне (тѣмъ собственно четвероугольный, въ переносномъ смыслѣ полный, счастливый, ровный), здѣсь всегда блаженствуй“.

„Въ странѣ, называемой Удактанъ, испивъ воды, пріѣзжай! Трѣмъ богочеловѣкамъ, семи тоблук'овымъ преклоняясь помолись и потомъ пріѣзжай. Твоя поклоняющаяся голова да вѣчно блаженствуетъ! Вѣчно живущихъ людей благословеніе подобно шовдомани да пріймите! Здѣсь всегда, тамъ вполне блаженствуй!“

„Съ вершины высокой Хумуръ-горы лучи золотого солнца притягивая на свою голову, прійди! Изъ пучины глубокаго моря бѣлый каменный шовдомани держа въ правой рукѣ, принеси! Среди многочисленнаго бѣлаго табуна, живя, блаженствуй? Бѣлаго бога Майдери привлекая на свою голову, прійди! Сѣвъ на коня, догоняющаго волка, пріѣзжай! Держа въ правой рукѣ подобную рыси (шулусун), пріѣзжай! Пришивъ на плечо перламутрово-серебряную пуговку, пріѣзжай! Призывая на себя благословеніе (хурэйлаху—призывать, произнося: „Хурэй!“¹⁾ здѣсь пребывающаго народа, пріѣзжай! Тамъ вполне, здѣсь всегда блаженствуй! Блаженную жизнь на себя прійми, сѣдые волосы да сплетутся на твоей макушкѣ!“

рить свое благословеніе свекоръ, за нимъ другіе сидящіе, кто какъ можетъ. Женихъ отходитъ отъ неvěсты, беретъ кусокъ жиру, и зайдя въ юрту, бросаетъ въ огонь. Между тѣмъ сваты встаютъ съ мѣста, входятъ въ юрту, садятся рядомъ, за ними идутъ неvěста и прочіе въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде, только безъ жениха. Какъ только войдутъ они въ юрту, на нихъ бросаютъ поверхъ головы зерновой хлѣбъ въ убѣжденіи, что зерновой хлѣбъ прогоняетъ злыхъ духовъ. Невѣста останавливается передъ огнемъ у дверей; ее ставятъ на войлокъ, даютъ ей раскрошеннаго жиру; она трижды бросаетъ его въ огонь; потомъ такой же жиръ бросаютъ на разосланный подолъ свекра, повторяя это трижды; въ послѣдній разъ бывшіе тутъ люди отнимаютъ жиръ у свекра; неvěста причетъ часть жира въ свои рукава, какъ говорятъ на свое счастье. Потомъ неvěстѣ подають въ чашкѣ молочной пищи: но свахи принимаютъ ее раньше неvěсты; онѣ не пьютъ, а только прикасаются губами къ блюду, сагалаху, то-есть, молосничаютъ; неvěста дѣлаетъ это послѣ всѣхъ. Затѣмъ уходятъ въ юрту жениха; тутъ только съ неvěсты снимаютъ покрывало. Вслѣдъ за ними приходитъ свекровка съ своимъ тарасуномъ и шаньгами и въ первый разъ здороваются съ сватьею, подаетъ ей тарасунъ и шаньги, а та отдаетъ ей привезенное съ собою скотское мясо. Тогда оба свата входятъ въ юрту неvěсты, держа подъ мышкою дрова, которые кладутъ въ огонь, говоря: „Будь огонь неугасимый!“ Послѣ угощенія, которое имъ сдѣлають въ юртѣ, сваты уходятъ въ другую юрту, садятся рядомъ, и начинается вновь угощеніе. Между тѣмъ неvěста становится передъ огнемъ; ей подають коровье масло въ чашкѣ, которое по указанію свахъ она льетъ на огонь трижды; потомъ свекровь благословляетъ неvěсту и даритъ ей золото, серебро и денегъ, смотря по состоянію, и нѣкоторое количество скота. То же дѣлаетъ свекоръ и всѣ родственники дарятъ, кто что можетъ. Затѣмъ неvěста изъ юрты свекра, въ которой до сего времени исключительно находилась, уходитъ въ юрту жениха; за нею приходитъ свекровка съ сватьею. Послѣ взаимнаго угощенія мать неvěсты отдаетъ привезенное мясо во всемъ составѣ (сакимжа); изъ него отдѣляются для свадьбы печенка, почка и другія внутренности (и хирекчи-иден). По окончаніи бурятскаго обряда приступаютъ къ ламайскому. Призванный лама садится у

подпорки на видномъ мѣстѣ, ставитъ икону и передъ собою скамейку съ священными книгами. Женихъ съ неvěстою стоитъ передъ каминномъ на войлокѣ, лама читаетъ тибетскую молитву. Затѣмъ, омывъ руки и лицо ихъ арчіяскомъ и священной водою, онъ кончаетъ чтеніе. Супруги молятся иконѣ и получаютъ благословеніе ламы приложеніемъ книги къ ихъ головамъ. Послѣ этого обряда гости посѣщаютъ родственниковъ свата, равно и неvěста въ сопровожденіи свахъ, которыя держатъ надъ ея головою шаль о четырехъ углахъ. При входѣ неvěсты въ каждую юрту также бросаютъ зерновой хлѣбъ, шаманы брызгаютъ тарасуномъ, а неvěста, стоя передъ огнемъ, кидаетъ на подолъ родственника подпругу отъ сѣдла съ матеріей и шелкомъ, которыя привѣшиваются къ столбу юрты. Затѣмъ неvěста трижды льетъ масло, а хозяинъ дома послѣ благословительной рѣчи даритъ ей золото, серебро и деньги въ томъ количествѣ, въ какомъ въ послѣдствіи можетъ получить за свою дочь-невѣсту. Послѣ угощенія у одного родственника посѣщаютъ другаго и т. д. Затѣмъ неvěста возвращается домой и тогда только освобождается отъ церемоній; послѣ этого неvěста угощаетъ гостей по обыкновенному. Далѣе начинается состязаніе обѣихъ сторонъ; пробуютъ лошадей въ бѣгу, избиваются борцы. Зрители дѣлятся на партіи, держатъ пари; бываетъ и драка, послѣдствія которой на другой день забываются. Снова идетъ угощеніе „дукариноомъ“; дукаринъ — взаимное угощеніе тарасуномъ. Отпивши, гость передаетъ свой пай другому—это дукаринъ; каждому приходится выпить много чужихъ паевъ; отказъ принимается за обиду. Гулянка кончается черезъ два, три дня и болѣе. Въ тотъ день, когда гости уѣзжаютъ домой, ставятъ на дворъ въ большомъ количествѣ вино и тарасунъ на угощеніе всѣмъ („укыръ ерки“, то-есть, бычачій тарасунъ), потому что по обычаю свать долженъ для гостей бить быка, но его замѣняютъ тарасуномъ. Но если гости недовольны чѣмъ-нибудь, то требуютъ быка въ натурѣ; въ случаѣ отказа угоняютъ изъ этого улуса чьею попало быка, дорогой убиваютъ, мясо съѣдаютъ, а кожу раздѣляютъ ремнями. Послѣ свать платитъ хозяину быка деньгамъ. При этомъ бывають кулачные бои. Вмѣстѣ съ гостями уѣзжаетъ къ родителямъ и неvěста; вновь къ мужу она пріѣзжаетъ черезъ полгода или ранѣе вмѣстѣ съ своими подругамъ. Проживъ у мужа мѣсяць, опять

отправляется къ родителямъ, но тогда уже не такъ долго у нихъ остается. Затѣмъ посѣщенія мужа учащаются, и она наконецъ окончательно поселяется въ домъ мужа. Отецъ даритъ своей дочери въ приданое разный скотъ и разную утварь, зятю—также скотъ и разныя вещи, такъ что на это приданое уходитъ весь калымъ, полученный за невѣсту^а.

3. Похоронные обряды.

У Алтайцевъ покойника одѣваютъ въ шубу, шапку и другую одежду, даютъ ему чашку, ложе и кладутъ въ деревянный срубчикъ. У богатыхъ колютъ лошадь. Прежде просто клали на землю и закладывали (колодами?). Въ старое время устраивали для покойниковъ полаты на деревьяхъ. Поминокъ не дѣлаютъ; на разпросы о поминкахъ мнѣ отвѣчали Русскіе: „Какія поминки! они боятся срубчиковъ или могилъ и стараются подальше ихъ объѣхать“. Н. М. Ядринцевымъ записано показаніе, что черезъ семь дней послѣ смерти человѣка у Алтайцевъ камлаютъ Тусъ-шайтану. Мать и отецъ, у которыхъ умеръ ребенокъ, сорокъ дней не входятъ ни въ чью юрту.

У Урянхайцевъ (Тува) шамановъ хоронятъ на полаты, устроенныя на лиственницахъ; бубенъ и маньякъ вѣшаютъ выше на тѣхъ же деревьяхъ, надъ головой покойника. Тѣла простыхъ людей кладутъ въ деревянный срубъ; въ головахъ ставятъ столбъ, раскрашенная верхушка котораго имѣетъ видъ чашки. Зажигаютъ костеръ передъ срубомъ и на немъ сжигаютъ масло, мясо и муку. Лошадь съ сѣдломъ дарятъ ламамъ. Богатые одѣваютъ покойника въ богатую шелковую шубу, къ которой все-таки пришиваютъ локутокъ старой поношенной шубы покойника. По смерти человѣка семейство въ память о покойникѣ чрезъ каждые шесть дней въ седьмой, считая со дня смерти, ничего не выноситъ изъ юрты, не продаетъ и даромъ не даетъ ни молока, ничего другого; внутри юрты можно гостя накормить, но дать что-нибудь на выносъ нельзя. У Монголовъ есть этотъ обычай въ извѣстные дни не давать на выносъ, но онъ не погребальный; по монгольски онъ называется керектей удур, сэрътэй; Тува (Урянхайцы) зовутъ этотъ обычай ширлих. У Аларскихъ Бурятъ это запрещеніе выносить изъ дому соблюдается послѣ жертвы огню и называется хурирь или сэрътэй.

Дархаты и Дюрбюты, когда кладутъ или холостятъ скотъ, не даютъ ничего изъ дому въ теченіе трехъ дней. У Дюрбютовъ существуетъ обычай не давать изъ юрты на выносъ въ день, когда кто умретъ; напимѣръ, если человѣкъ умретъ въ 13-е число мѣсяца, то не даютъ 3-го, 13-го и 23-го числа. Иногда по какому-нибудь случаю устанавливаютъ недаваніе изъ дому 9-го, 19-го и 29-го, или 7-го, 17-го и 27-го числа. Почитаютъ также день, въ который посвящаютъ лошадей или другой скотъ Богу.

Если молніей убьетъ скотину или человѣка, Урянхайцы (Тува) устраиваютъ сэръ, то-есть, четыре столба съ полатами и на послѣднія кладутъ тѣла убитыхъ. Мяса убитыхъ молніей животныхъ не ѣдятъ¹⁾.

У Бурятъ Аларскаго вѣдомства покойниковъ или зарываютъ, или сжигаютъ, или просто заваливаютъ въ лѣсу хворостомъ. При похоронахъ собираются родственники; у головы покойника ставятъ огонь съ благовоннымъ куреніемъ; самого его одѣваютъ въ лучшую одежду, ротъ и глаза завязываютъ платкомъ, признавая запахъ изо рта покойника вреднымъ для здоровья живыхъ, какъ и послѣднее дыханіе покойнаго. Хоронятъ въ день смерти или на другой день, рѣдко на третій. Гробъ дѣлается изъ досокъ; такъ какъ кладбищъ нѣтъ, то трупъ просто отвозятъ на лучшей лошади въ лѣсъ; тамъ привалютъ двѣ колоды, одна подлѣ другой; на нихъ положить трупъ, одѣтый въ шубу и завернутый въ войлокъ, потомъ завалютъ хворостомъ и подожгутъ или оставятъ такъ. Прежде Аларскіе Буряты при похоронахъ убивали лошадь; этотъ обычай въ Аларскомъ вѣдомствѣ уничтожили ламы; они настояли, чтобы лошадь поступала въ дацанъ. Нынѣ, когда вліяніе ламства въ Аларскомъ вѣдомствѣ подорвано полицейскими мѣрами, шамансты лошадь только отводятъ въ лѣсъ и оставляютъ подлѣ покойника; если похороны происходятъ зимой, и лошадь не останется въ лѣсу, а прибѣжитъ къ своему двору, ея не пускаютъ во дворъ, отгоняютъ прочь и наконецъ, отводятъ къ Русскимъ на продажу. Этой лошади Буряты боятся, какъ и самаго покойника. Она называется холго. Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ убіеніе лошади еще

¹⁾ На Термисѣ въ 1878 г. молнія убила въ одномъ богатомъ аилѣ разомъ человѣка и 104 барана.

сохранилось. Шамана въ Аларскомъ вѣдомствѣ хоронятъ на по-
мостѣ, сдѣланномъ на соснахъ. Туда же относятъ всѣ шаманскія
принадлежности, въ томъ числѣ и бубенъ, который при этомъ
протыкается. Въ Тункинскомъ вѣдомствѣ тѣло умершаго шамана
сжигаютъ; въ память же о немъ ставятъ при дорогѣ три столба.

4. Семейные и общественные обычаи.

Жена у Дюрбютовъ не называется имени мужа и вообще муж-
чинъ старше по родству, а замѣняетъ ихъ имена подходящими
словами, напримѣръ, вмѣсто имени Сарисынъ употребляютъ илыгынъ;
оба эти слова имѣютъ одно значеніе „выдѣланная кожа“. Тотъ
же обычай соблюдается и у Телеутовъ; для замѣны настоящихъ
именъ мужей у женщинъ есть запасъ подставныхъ именъ; такъ,
имя Тіенгашъ (въ переводѣ значитъ бѣлочка) замѣняется именемъ
Керемель (ср. монг. керми, бѣлка), вмѣсто Коёнокъ (зайчикъ) го-
ворятъ Тулай (ср. монгол. тулай, заяцъ), вм. Элигешъ (уменьши-
тельное отъ эликъ, козуля) говорятъ Анай (ср. анай по соптски
сѣверный олень).

У Аларскихъ Бурятъ женщина почитаетъ за стыдъ явиться
предъ однородцемъ, который старше ея лѣтами, съ голыми пле-
чами, съ открытою грудью, съ обнаженными ногами; предъ стар-
шими у женщинъ голова должна быть покрыта шапкой, подолъ за-
пахнуть, пуговицы застегнуты; поэтому однородецъ, при входѣ въ юр-
ту, прежде чѣмъ открыть дверь, кашляетъ; и если хозяйка не го-
това, она кричитъ ему, чтобы погодилъ. Старшаго лѣтами одно-
родца женщина называетъ хадым-аха, свекоръ братъ, онъ же ее
зоветъ бэрэ или бэрэ басыгын. Предъ чужеродцами женщины не
стыдятся.

У Алтайцевъ племянникъ имѣетъ право на „баркы“, то-есть,
подарокъ отъ дяди съ матерней стороны. До семи лѣтъ ребенку
вяжутъ впереди уха косички; на седьмомъ году дядя говоритъ
мальчику: „Пріѣзжай, я тебѣ отдамъ баркы“. Пріѣхавшему племян-
нику онъ отрѣзаетъ косичку и долженъ дать ему лошадь. Если
не дастъ, то родители ребенка вытребуютъ ее черезъ зайсанга.

У Аларскихъ Бурятъ существуетъ запрещеніе брать въ руки
кость (баранью лопатку) при роднѣ со стороны матери; въ против-
номъ случаѣ привяжутъ на шею ремень съ тою лопаткой. Но кто

знаетъ девять поколѣній предковъ съ отцовской и съ материнской
стороны, тотъ избавляется отъ наказанія. Во время обѣда голову
подаютъ первому гостю, а лопатку—второму.

У Теленгитовъ на Чуѣ существуетъ обычай заключать союзъ
братства; при этомъ одинъ лижетъ лезвее топора, другой—дуло.

У Сальджаковъ (Урянхайцевъ) на Хуакемѣ обрядъ заключенія
братства называется тангуракъ.

Обрядъ клятвы или присяги у Алтайцевъ заключается въ томъ,
что кланущійся садится на шкуру медвѣдя и цѣлуетъ его въ
ноздри. Медвѣдь считается карателемъ за преступленія; если кто-
нибудь оговариваетъ другого въ какой-нибудь суммѣ денегъ и
несправедливо взводитъ на него долгъ, невпипный, не умѣя на судѣ
убѣдить судей въ своей правотѣ, говоритъ: „Хорошо, я возьму въ
одну руку медвѣжью голову, а другою рукой отдамъ деньги; возьми!“
Человѣкъ, несправедливо требующій, не рѣшится настаивать, и
часто бывають случаи, что истецъ, начавъ дѣло, передъ этою клят-
вой отказывается ¹⁾. Пріими клятву по алтайски: шерть ич, „пей
шерть!“ По видимому, прежде при клятвѣ что-то ѣли или пили.

У Сальджаковъ (на Хуакемѣ) о клятвѣ выражаются: джяганга
криб тур, „войдти въ джяганъ“. Клятва состоитъ въ томъ, что
говорятъ: „видитъ это солнце и мѣсяцъ“, кунъ ай куруб тур; при
этомъ лижутъ конецъ ружья, лезвее ножа (ножъ складной или
бритва по урянхайски танграк), наконецъ, пьютъ воду, въ которую
положенъ черепъ медвѣдя съ словами: „какъ я пью эту воду, такъ
пусть съѣстъ меня медвѣдь“. Слово шерть у Сальджаковъ не из-
вѣстно.

У Аларскихъ Бурятъ считается сильною клятвой жженіе жилъ
сѣбра или альпійскаго волка. Вора, отпирющагося въ преступле-
ніи, заставляютъ жечь ихъ.

У Дюрбютовъ когда дѣлать имущество, всякому, кто хотя слу-
чайно присутствовалъ при этомъ, что-нибудь да дадутъ; а чело-
вѣку, который дѣлилъ, иногда даже лошадь дарятъ: мори такина,
„лошадью кланяются“. Когда невѣсту привезутъ въ домъ жениха,
женихъ тещѣ также „кланяется лошадью“.

¹⁾ Сообщилъ дюрбинный писарь г. Дорошенко.

У Бурятъ шаманы въ обществѣ всегда становятся въ ряду первыми съ правой руки: барунгар дархугей.

У Алтайцевъ существуетъ обычай, убивъ бурундука, втыкать его заднимъ концомъ на палку; въ ротъ ему вкладываютъ пучокъ травы; потомъ эту палку втыкаютъ въ листовницу подъ кору или въ щель съ восточной стороны (сообщено однимъ новокрещенымъ въ дер. Сараса).

5. Бубны и шаманы.

На мѣстныхъ языкахъ существуютъ слѣдующія названія бубна: по монгольски хэнгкэ или хэнгрикъ; по алтайски тумырь, по урянхайски тюнгуръ; на языкѣ Качинскихъ Татаръ тюръ или тюре, на языкѣ Аларскихъ Бурятъ хэсэ.

Всѣ бубны, которые мы видѣли въ сѣверо-западной Монголіи и въ русскомъ Алтаѣ, у Урянхайцевъ и Алтайцевъ, имѣли круглый видъ; яйцевидной формы, которая встрѣчается въ Лапландіи и на Амурѣ, я въ сѣверо-западной Монголіи не видѣлъ ¹⁾. Бубень состоитъ изъ обода въ ладонь шириной, какъ у нашего рѣшета, обтянутаго сыромятью изъ моральей шкуры; кожа покрываетъ бубень только съ одной стороны; съ другой шаманскій бубень полый, чѣмъ онъ отличается отъ тѣхъ съ обѣихъ сторонъ обтянутыхъ бубновъ, которые употребляютъ при буддійскомъ богослуженіи. Кожа покрываетъ собою и наружную сторону обода; край кожи длиннѣе обода на вершокъ, подвернуть внутрь бубна, но не приколотъ къ внутренней сторонѣ обода, а стянуть сдержкой. Эта кромка называется карлыгачъ; она, какъ мнѣ говорили, бываетъ только на бубнахъ Алтайцевъ и Теленгитовъ; у Сойоновъ и Урянхайцевъ ея нѣтъ (въ бытность на Улухемѣ мнѣ было не вдомекъ убѣдиться въ этомъ самому). Наружнымъ своимъ видомъ шаманскій бубень больше всего напоминаетъ наше лукошко; поперечникъ его бываетъ до 26 англ. дюймовъ, ширина обода до 8 дюймовъ.

Въ полости бубна укрѣплены двѣ поперечины, вертикальная деревянная и горизонтальная желѣзная. Деревянная поперечина у Алтайцевъ называется баръ; это слово я слышалъ и у Монголовъ въ

¹⁾ По словамъ г. Ядринцева, у Черневыхъ Татаръ всѣ бубны овальныя.

окрестностяхъ города Кобдо, гдѣ оно употребляется въ значеніи всего бубна; напримѣръ, говорятъ объ извѣстномъ шаманѣ, что онъ бартай бѣ, то-есть, что онъ—шаманъ, имѣющій бубень, въ отличіе отъ шамана, камлающаго безъ бубна ¹⁾. У Черневыхъ Татаръ Кузнецкаго округа, по свидѣтельству г. Ядринцева, эта поперечина называется марсъ; у Урянхайцевъ на Улу-хемѣ и Хуа-хемѣ она называется тутъ; у Качинскихъ Татаръ—тудъ. У алтайскихъ бубновъ она имѣетъ видъ стержня, распрямляющагося на концахъ; сверху это расширение имѣетъ видъ набалдашника, обдѣланнаго въ видѣ человѣческой головы: тутъ вырѣзаны подбровныя углубленія для глазъ, выдающіеся впередъ носъ, губы и подбородокъ. Круглыя выпуклыя мѣдныя бляхи въ родѣ гладкихъ пуговицъ прибиты на мѣстѣ глазъ; конецъ носа, губы и подбородокъ также иногда окованы мѣдными пластинками. Внизу стержень кончается развилкомъ, то-есть, распреніемъ, въ которомъ вдоль оси сдѣлана сквозная продолговатая вырѣзка; эта раздвоенная часть стержня у Алтайцевъ называется путъ, то-есть, ноги. Ниже головы на стержнѣ у нѣкоторыхъ бубновъ встрѣчаются горизонтальные придатки въ родѣ обрубленныхъ рукъ. На востокѣ у Урянхайцевъ я не замѣтилъ человѣческаго лица на барѣ, но развилка встрѣчается.

Желѣзная поперечина называется у Алтайцевъ кришъ (или крышъ), тетива, у Урянхайцевъ на Улухемѣ—шійджекъ; это—желѣзный пруть въ гусиное перо толщиной; на немъ навѣшаны желѣзныя погремушки, которыя по монгольски называются холбого, по алтайски кунгру, по телеутски (въ Кузнецкомъ округѣ) сянкэръ, у Урянхайцевъ на Улухемѣ кунгура. Кунгру состоитъ изъ длинной трубочки, имѣющей сверху ушко, которымъ оно надѣто на тетиву. Число кунгру различно; иногда ихъ надѣто по девяти штукъ на правой и на лѣвой сторонѣ отъ бара; иногда ихъ всего девять; тогда на правой сторонѣ—четыре, на лѣвой—пять. Разница въ числѣ кунгру, по словамъ о. Постникова, миссіонера въ сел. Мыютѣ, соответствуетъ званію кама; у нѣкоторыхъ бываетъ всего четыре кунгру, у другихъ болѣе;

¹⁾ Нюрбы или казначей ламайскаго монастыря въ Улангомѣ на мой вопросъ, какъ называется эта поперечина по дюрбютски,—отвѣчалъ: онгонъ. Не знаю, названіе ли это этой части бубна, или толкованіе его значенія.

число ихъ указываетъ на количество „чалу“, то-есть, силъ или духовъ, которыми повелѣваетъ шаманъ. Кунгру могутъ перекатываться по тетивѣ, когда бубень наклоняютъ, но не по всей длинѣ тетивы; ихъ удерживаютъ бугорки на тетивѣ, образованныя складкою ея (см. табл. I, рис. 30); всѣхъ бугорковъ четыре, два—на правой и два—на лѣвой. Они дѣлятъ тетиву на пять частей, изъ которыхъ средняя и двѣ крайнія гладкія, остальные двѣ, на которыхъ только и навѣшаны кунгру, рубчатыя; эта рубчатость произведена тѣмъ, что желѣзный прутъ въ этомъ мѣстѣ скрученъ. Рубчатость тетивы усиливаетъ шорохъ, который происходитъ, когда при наклоненіи бубна кунгру катятся по тетивѣ.

Кромѣ поперечины, слѣдуетъ еще указать на саблевидныя желѣзныя небольшія привѣски на внутренней сторонѣ бубна, прикрѣпленныя вправо и влѣво отъ головы бара. Они называются или срга, то-есть, серьги, или клычъ, то-есть, сабли, или наконецъ, кулакъ, уши. Съ наружной стороны обода, какъ разъ надъ головой бара, прикрѣпленъ ремешокъ; онъ служитъ для подвѣшиванія бубна въ рѣшеткѣ юрты и называется гизеге или кэджиге, то-есть, коса. На бубнѣ ангудайскаго шамана Энчу на наружной сторонѣ обода подъ кожей находятся бугорки величиной съ конопляное сѣмечко; они расположены въ 9 поперечныхъ рядовъ; по толкованію шамана Энчу, это—кочкоръ, то-есть, аркары или каменные бараны. На другихъ бубнахъ эти шишки крупнѣе, съ бобъ или съ ружейную пулю, и тогда число ихъ меньше, и они помѣщаются только на плечахъ бубна. По словамъ о. Чивалкова, у Телеутовъ они называются ѳркъшъ (такъ называются собственно горбы у верблюда); при камланьи говорится о бубнѣ: алт' ѳркъшъту ах ягалым, то-есть, „шестишпичный мой бѣлый (святой?) бубень!“

На тетивѣ подъ бородой бара всегда можно видѣть навязанною связку узкихъ полосокъ матеріи, такъ-называемыхъ ялама; эта связка образуется вслѣдствіе обыкновенія привязывать полоску матеріи къ тетивѣ всякій разъ, какъ бубень поднимаютъ съ мѣста для камланья. Эта связка, по показанію нѣкоторыхъ шамановъ, называется мончо, по показанію другихъ—кунгэ.

На кожѣ, которою обтянутъ бубень, иногда на обѣихъ сторонахъ, наружной и внутренней, иногда только на внутренней, красною краской сдѣланы рисунки; Алтайцы полагаютъ, что красная

краска для этого должна быть взята изъ Красной горы на р. Чуѣ. Тѣ рисунки, которые я видѣлъ на внутренней сторонѣ бубновъ алтайскихъ и теленгитскихъ шамановъ въ Алтай, суть изображеніе внутреннихъ частей самаго бубна (см. табл. IV, рис. 51 и 52, табл. V, рис. 53, табл. VI, рис. 55, и табл. XI, рис. 64); именно на ней прежде всего проведены двѣ перекрещивающіяся черты, одна вертикальная, другая горизонтальная; вертикальная вверху снабжена подобіемъ человѣческаго лица, а внизу имѣетъ раздвоеніе; это—баръ. На поперечной, изображающей кришъ, тетиву, представлены подвѣшенныя кунгру; не забыты и саблевидныя привѣски, клычъ. Иногда подъ тетивой проведена еще другая или двѣ другія черты; это, по толкованію шамановъ—солонго, радуга (табл. IV, рис. 52 и табл. XI, рис. 64). Затѣмъ въ четырехъ отрѣзкахъ, образованныхъ перекрещивающимися въ кругѣ линіями, представлены еще разныя фигуры, въ выборѣ которыхъ является уже болѣе произвола и личной фантазіи. Такъ, на бубнѣ теленгитскаго шамана Тарана (табл. VI, рис. 55) въ обоихъ верхнихъ секторахъ изображено по пяти ломаныхъ линій въ родѣ того, какъ у насъ представляется молнія. По объясненію шамана, это—змѣи. Подъ крышемъ съ лѣвой стороны изображенъ шаманъ съ бубномъ, то-есть, человѣческая фигурка, держащая въ лѣвой рукѣ, если принять ее стоящею задомъ, кружокъ, внутри котораго опять можно замѣтить баръ кришъ и даже кунгру. Ниже криша двумя чертами отдѣлены два сектора; въ лѣвомъ секторѣ находится опять фигура шамана съ бубномъ, аркаръ или баранъ и кругъ съ перекрещивающимися линіями и секторами. Въ правомъ секторѣ третья фигура шамана съ бубномъ въ лѣвой рукѣ и съ колотушкой въ правой; подъ фигурой такой же кругъ, какъ и въ лѣвомъ секторѣ.

На бубнѣ алтайскаго шамана въ Ангудаѣ Энчу (табл. XI, рис. 64) въ верхнихъ секторахъ изображено нѣсколько человѣческихъ фигурокъ; это по его собственному объясненію тэиридыны кыз, небесныя дѣвы; ниже криша, подъ радугой, — солонго, изображенной тремя дугообразными линіями, представлены два кружка, перекрещенные внутри; это курмѳсныи тунгуры, то-есть, бубны Курмѳся; въ лѣвомъ секторѣ, кромѣ того, находится человѣческая фигурка—это самъ Курмѳсъ; въ правомъ секторѣ ко-

роткая вертикальная черта представляет его колотушку. Точки числом 10, въ лѣвомъ секторѣ—звѣзды.

На бубнѣ теленгитскаго шамана на Чуѣ Буунчука (табл. V, рис. 53) представлены баръ съ однимъ виѣшнимъ очертаніемъ головы безъ глазъ и носа; нижній конецъ бара представленъ съ раздвоеніемъ; подѣ головой проведена короткая горизонтальная черта, какъ бы распятія руки; ниже ея другая черта, упирающаяся концами въ стѣнки бубна — это кришъ; на немъ представлены не только кунгрю, но и складки или бугорки; подѣ кришемъ три человѣческія фигуры; кромѣ того, надѣ кришемъ два кружка, а подѣ кришемъ — шесть, всѣ пустые, перекрещенные. По толкованію самаго владѣльца бубна, пустые кружки суть изображеніе бубновъ, тюмурдымъ бои; человѣческія фигурки — тюмурнымъ еезі ¹⁾. На наружной сторонѣ бубна были начерчены изъ центра расходящіеся радіусы (болѣе 10) и четыре концентрическіе круга, а въ клѣткахъ — мелкіе кружки и точки; это—„звѣзды и свѣтила“.

Помѣщаемъ извлеченіе изъ дорожныхъ замѣтокъ Н. М. Ядринцова о бубнахъ Черпевыхъ Татаръ, которыхъ намъ не довелось видѣть.

Бубны Черпевыхъ и Кумандинскихъ Татаръ, какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны, отличаются отъ алтайскихъ. На внутренней сторонѣ первыхъ вертикальная поперечина не имѣетъ изображенія человѣческаго лица; она имѣетъ видъ дощечки, въ ладонь или въ три пальца ширины, середина которой посредствомъ вырѣзокъ съ правой и съ лѣвой стороны сдѣлана уже, чтобъ удобно было держать за эту часть поперечины рукой. Эта поперечина, какъ сказано выше, называется марсъ. На наружной сторонѣ марса сдѣланы нарѣзки въ верхней половинѣ въ видѣ буквы V, въ нижней—въ видѣ буквы Л ²⁾. Впереди марса проходитъ горизонтальный желѣзный пруть, кришъ, на которомъ желѣзные подвѣски, сууръ, по четыре на каждой сторонѣ; между подвѣсками под-

¹⁾ Ээзі—хозяинъ, также духъ урочища или вообще неодушевленной природы.

²⁾ См. рисунки, табл. XIII, фиг. 1. Такіе рисунки я видѣлъ и въ алтайскихъ бубнахъ на нижней расширенной части бара: семь чертъ на лѣвой и семь на правой сторонѣ отъ средней линіи.

вязаны ленты, также по четыре на сторонѣ. Вверху на ободѣ подвѣшены желѣзные пластинки колычъ, сабли: три влѣво отъ верхняго конца марса и три вправо отъ него. Бубенъ у Черпевыхъ Татаръ называется тюрѣ.

На наружной сторонѣ бубна находятся рисунки животныхъ и деревьевъ; поверхность бубна раздѣлена горизонтальною полосой на двѣ неровныя части; въ верхней большей части изображена дуга, обращенная концами внизъ и упирающаяся въ горизонтальную полосу; эта дуга, можетъ быть, изображаетъ радугу. Внутри ея находятся два дерева; на каждомъ изъ нихъ сидитъ птица карагушъ, обращенная носомъ влѣво, лѣвѣе же деревьевъ представлены два кружка, одинъ свѣтлый, это—солнце, кунъ; другой темный, это—мѣсяцъ, ай. Подѣ горизонтальною полосой изображены лягушка, пага, ящерца, келескенъ и змѣя, тиланъ. На дугахъ и на поперечной полосѣ изображены звѣзды, чаганъ.

Въ Кузнецкой Черни устройство бубновъ вполне сходно съ устройствомъ ихъ у кумандинскихъ и бійскихъ Черпевыхъ Татаръ; такой же марсъ, кришъ и пр., но въ рисункахъ наружной стороны является разнообразіе. На бубнѣ, находящемся у о. Вербицкаго, наружная поверхность или кругъ бубна раздѣленъ также горизонтальною полосой, но какъ эта полоса, такъ и кайма, по окружности круга вмѣсто звѣздочекъ украшена ломаною линіей или зигзагами ¹⁾. Въ верхней половинѣ круга представлено до семи фигуръ, напоминающихъ лошадей; это копи, „бура“, возносящіеся на небо, то-есть, жертвы; надѣ ними вверху два кружка, испускающіе лучи, луна и солнце; вправо отъ лошадей три дерева. Подѣ горизонтальною чертой слѣва находится змѣя, справа рыба, керъ балыгъ (китъ-рыба по объясненію о. Вербицкаго, буквально: гнѣдая рыба) ²⁾.

Бубенъ, конфискованный полиціей близъ Кузнецка, имѣетъ такое же дѣленіе на верхнюю и нижнюю половину ³⁾; на немъ также кайма и поясъ украшены ломаною линіей. Въ верхней половинѣ

¹⁾ Подобныя украшенія зигзагами, можетъ быть, означающими молвію, встрѣчаются и на мѣдныхъ гребняхъ, которыя носятъ на поясѣ дѣвцы у Вотяковъ Вятской губерніи.

²⁾ См. табл. VIII, фиг. 59.

³⁾ См. табл. VII, фиг. 58.

вверху два кружка—солнце и луна; въ лѣвомъ боку пять всадниковъ на лошадяхъ; подъ ними стрѣлецъ, атыгжа, также верхомъ на лошади; средину пространства занимаютъ изображенія невода, созурге, и спта для просѣванія кедровыхъ орѣховъ, елекъ; въ правомъ боку—два дерева, бай газынъ или бай капнъ (буквально: богатая береза), надъ которыми парятъ двѣ птицы, карагушъ. Подъ чертой на правомъ и на лѣвомъ боку по овальной фигурѣ съ рѣшетчатою или чешуйчатою кожей; это два керъбалыка; въ срединѣ между ними—лягушка и олень, а внизу—змѣя. На верху къ ободу бубна прикрѣплено филиновое перо, укѣ.

Г. Ядринцевымъ описаны видѣнные имъ бубны и у Алтайцевъ. Онъ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Большой чуйскій бубенъ нѣсколько отличается отъ черневаго. Внутренняя сторона его заключаетъ вертикальную поперечину съ изображеніемъ идола съ мѣдными глазами; этотъ идолъ называется борзы, боры или борысь; поперечный прутъ называется кришъ, а привѣски на немъ—конру; ихъ девять, четыре—на одной, пять—на другой сторонѣ; вверху подвѣски по двѣ пары на сторонѣ, всего четыре пары; эти подвѣски называются кулакъ, то-есть, уши. Рисунокъ на передней сторонѣ бубна не былъ объясненъ, хотя онъ изображалъ, какъ видно, радугу, солнце, луну и какое-то созвѣздіе. На боковой поверхности бубна находятся поперечныя полосы, которымъ даютъ названіе босхышъ, ступеньки.

Другой чуйскій бубенъ ¹⁾ имѣлъ на наружной сторонѣ изображеніе борсы, криша и верхнихъ подвѣсковъ или кулаковъ; выше криша были изображены солнце и луна въ видѣ кружковъ съ точкою по срединѣ ²⁾. Ниже криша также два такіе же кружка съ центральною точкою. Кромѣ того, внизу изображены на лѣвой сторонѣ два шамана и подъ ними дикій козелъ, теке, и змѣя, на правой сторонѣ—три шамана и олень.

На третьемъ чуйскомъ бубнѣ, видѣнномъ г. Ядринцевымъ, че-

¹⁾ См. табл. IV, фиг. 51.

²⁾ Кружки съ центральною точкою встрѣчаются на мѣдныхъ гребняхъ, употребляемыхъ Вотиками Вятской губерніи; они есть также на костяныхъ издѣліяхъ, находимыхъ на городищѣ древняго Билъра, и на предметахъ, недавно открытыхъ г. Витковскимъ около Иркутска изъ кургановъ, гдѣ они лежали вмѣстѣ съ орудіями каменнаго вѣка.

тыре вертикальныя полосы изображали борсы, четыре горизонтальныя линіи радугу, солонго; точки между ними звѣзды; кромѣ того, нарисованы кружки съ центральною точкою, въ трехъ секторахъ по три кружка въ каждомъ, и въ четвертомъ секторѣ—одинъ кружокъ ¹⁾.

На четвертомъ бубнѣ вмѣсто выше описанныхъ рисунковъ начертанъ крестъ, концы котораго разщепляются и образуютъ завитки; на концѣ одной вѣтви креста изображеніе человѣческаго лица. Изображеніе этого креста перечеркнуто чертой, представляющею кришъ съ конгру.

На устьѣ р. Кеньги г. Ядринцевъ видѣлъ два бубна: одинъ былъ посвященъ Ерьсу абыгапу; на внутренней его сторонѣ имѣется „боры“, кришъ съ 9-ю конгру и конче, то-есть, связка лентъ, привязанныхъ къ кришу; вверху по сторонамъ головы боры подвѣшено къ ободу по парѣ ушей, кулакъ. На боковой поверхности бубна поперечныя полосы были названы кочворъ и „богова дорога“. На наружной поверхности бубна нарисованы: боры, кулаки, кришъ, солнце и луна въ видѣ концентрическихъ кружковъ съ центральною точкою и съ лучами, выходящими къ окружности; радуга въ видѣ пологой дуги подъ кришемъ; надъ радугой—двѣ человѣческія фигурки: богаты дѣвицы, истюгуну кыстар; подъ радугой на одной сторонѣ—бубенъ, на другой—группа, представляющая принесеніе въ жертву коня. Какъ выше, такъ и ниже радуги, разсыпаны точки; это—звѣзды. О дѣвицахъ шаманъ отозвался, что это—дочери Ульгена, которыя играютъ: спускаются въ тайгу и поднимаются на небо ²⁾.

На другомъ кеньгинскомъ бубнѣ, который, по словамъ шамана, былъ посвященъ мѣдному посу ³⁾ Олыты-тѣсъ, были представлены: боры и кришъ, подъ которымъ проходитъ еще черта, означающая радугу, солонго; кришъ съ этою послѣднею соединена поперечными чертами. Внизу на лѣвой сторонѣ двѣ человѣческія фигуры, Олыты-кыстар, божьи дочери, на правой—всадникъ и надъ нимъ солнце.

¹⁾ См. табл. X, фиг. 65.

²⁾ См. табл. IV, фиг. 52.

³⁾ Г. Ядринцевъ записалъ это имя только въ переводѣ; по татарски это должно быть джесь-мурунъ; не собственное ли это имя, испорченное домысленіемъ?

Близъ Паспаула на дорогѣ къ Телецкому озеру въ аилѣ у Черневыхъ Татаръ г. Ядринцевъ нашелъ кама Пакьяна, въ юртѣ котораго былъ бубень, посвященный, какъ объяснилъ камъ, горному духу Езыму, сидящему на семи бубнахъ. Бубень Пакьяна походилъ скорѣе на алтайскій, чѣмъ на бубень Черневыхъ Татаръ. На внутренней его сторонѣ находился вдоль съ мѣдными глазами; ниже подбородка стержень имѣетъ два толстые придатка, какъ бы руки; на кришѣ были подвѣски сууръ или сумкыръ. Рисунокъ на наружной сторонѣ напоминаетъ бубны Черневыхъ Татаръ¹⁾; кругъ раздѣленъ горизонтальною чертой на двѣ половины; поле верхней половины посредствомъ дугъ или полукруговъ раздѣлено на три слоя, изъ которыхъ первый слой—небо, второй—солонго, радуга; въ нижнемъ слоѣ изображены звѣзды, чеган, солнце на лѣвой сторонѣ и серповидная луна на правой, козуля, елнѣ, деревья, и наконецъ, какое-то неопредѣленное изображеніе, которое на нашемъ рисункѣ не передано; камъ называлъ его бура. Одни переводили (или толковали) это слово облако, другіе—небесныя кони. Можетъ быть, это—тожественно, прѣбываетъ г. Ядринцевъ; по крайней мѣрѣ, при объясненіи явленія грома называютъ небесныхъ коней, которыми даютъ имя: кудайдымъ бургазы. На нѣкоторыхъ бубнахъ изображаются несущіеся по небу кони. На боку Пакьянова бубна отъ сколачиванія обода гвоздями видны шпички, которыя называются мююзъ (рога). Поперечныя полосы на боковой поверхности бубна объясняются: тенкишъ, ступеньки на небо.

Для нанесенія ударовъ въ бубень служитъ колотушка, которая имѣетъ видъ лопатки (длинною до 10 англ. дюймовъ) и состоитъ изъ ручки и широкой ложковидной части, которая съ одной стороны выпукла, а съ другой имѣетъ углубленіе; выпуклая сторона обтянута шкурой дикаго козла (*Aegoceros sibiricus*) или зайца; на противоположной сторонѣ (которую иногда зовутъ алака, ладонь) въ полости ложковиднаго углубленія вставлены поперекъ его три проволоки, на которыхъ нанизаны колечки; къ ручкѣ, какъ и къ бару, бываетъ привязанъ пучокъ лентъ или яламы, который называется кункэ; другіе зовутъ его манджакъ. Телеутскіе шаманы зовутъ эту связку лентъ ту, то-есть, знамя; число ленточекъ будто-

¹⁾ См. табл. IX, фиг. 62.

бы означаетъ, какъ велика подчиненная шаману дружина духовъ. Колотушка, какъ у Алтайцевъ, такъ и у Черневыхъ Татаръ и у Урянхайцевъ, называется орбо или орбы, а у Балаганскихъ Бурятъ тоборъ¹⁾. Кольца, нанизанныя на проволоку, иногда по девяти штукъ на каждую, называются чангракъ, чамгракъ или чамыракъ²⁾.

Бубень дѣлается не самимъ шаманомъ, а постороннимъ лицомъ; когда бубень готовъ, онъ, по показанію шамана Энчу, не можетъ сейчасъ же быть употребленъ въ дѣло; шаманъ долженъ предварительно выслѣдить звѣря, изъ шкуры котораго сдѣланъ бубень, то-есть, разузнать, гдѣ онъ бѣгалъ, гдѣ пилъ, гдѣ кормился и пр. Узнаетъ онъ это, конечно, посредствомъ камланья, при чемъ всю исторію звѣря рассказываетъ присутствующимъ. Это выслѣживаніе будто бы иногда продолжается дня три.

У Аларскихъ Бурятъ ободъ бубна выдалбливается изъ ствола лиственницы. Освященіе его сопровождается обрядами. Во время камланья бурятскій шаманъ величаетъ свой бубень такими словами:

ой шиннык ургой миня урмара бытэ
хэри шиннык хэси мини хэбэрэ бытэ.

То-есть: лѣсу подобная, моя нерукотворная шапка, степи подобный, мой единымъ словомъ созданный бубень.

Спеціальная одежда шамана состоитъ изъ плаща, сшитаго изъ шкуры дикаго козла или оленя; подолъ плаща спускается немного ниже колѣнъ. Главная особенность шаманскаго плаща состоитъ въ томъ, что наружная поверхность его вся или за малымъ исключеніемъ бываетъ увѣшана множествомъ жгутовъ различной величины, которые представляютъ собою змѣй. Эти жгуты обшиты цвѣтными матеріями, ситцемъ и иногда парчей и пришиты къ плащу своими верхними концами; толщиной они дѣлаются въ палецъ и толще; нѣкоторые, впрочемъ немногіе, имѣютъ толщину въ ружейное дуло. Жгуты нашиты на спинѣ, плечахъ, рукавахъ (преимущественно вдоль задняго шва) и спереди на груди. Нѣкоторые жгуты пришиты къ плащу не самымъ концомъ

¹⁾ По словамъ „нюрбы“ Улаигомскаго монастыря, по дюрбютски колотушка къ бубну называется докуръ.

²⁾ У Качинскихъ Татаръ колотушка состоитъ изъ ручки съ набалдашникомъ.

своимъ, а такъ, что верхній конецъ жгута остается свободнымъ и вызываетъ представленіе о головкѣ змѣи; на немъ очень часто битью вышиваются кружки вмѣсто глазъ; у толстыхъ жгутовъ этотъ верхній конецъ дѣлается разщепленнымъ, такъ что змѣя выходитъ съ разинутою пастью; такіе толстыя змѣи называются Абыргаджиланъ. У чуйскаго шамана Тарана на плащѣ были пришиты подѣ самымъ воротникомъ два Абыргаджилана съ разинутыми ртами и съ голубыми бусянками вмѣсто глазъ. Концы большихъ змѣй раздвѣиваются, и каждый конецъ кончается кистью; на тѣлѣ такихъ змѣй въ двухъ мѣстахъ пришиваются пары тонкихъ жгутиковъ, кончающихся кистями, вѣроятно—ноги. Камъ Энчу толстыхъ змѣй на своемъ плащѣ назвалъ Арба. Иногда дѣлаются три змѣи съ одной головкой. Кромѣ жгутовъ, на плащѣ нашито бываетъ множество узкихъ ремней изъ оленьей кожи, прикрѣпленныхъ пучками, какъ и тонкіе жгуты; пучки и тѣхъ, и другихъ состоятъ изъ девяти штукъ каждый. У хорошихъ и богатыхъ камовъ, говорятъ камы,—бываетъ тысяча и семь десятковъ змѣй или жгутовъ. Мелкіе жгуты у Алтайцевъ называются маньякъ (манджакъ, мандьякъ); этимъ же именемъ зовутъ и весь плащъ. Урянхайцы на Улукемѣ, какъ жгуты въ отдѣльности, такъ и весь шаманскій плащъ, называютъ ерень или манджакирень.

Кромѣ жгутовъ и ремней, или другими словами, кромѣ маньяка, къ плащу пришивается еще много другихъ символическихъ знаковъ и погремушекъ. Часто встрѣчаются стремянообразные желѣзные треугольники, на одно изъ колѣнъ которыхъ вздѣты желѣзные привѣски: желѣзный лучокъ съ наложенною стрѣлкой (онъ имѣетъ свою цѣлью отпугивать отъ камлающаго шамана злыхъ духовъ) и нѣсколько трубочекъ, которыя называются холбого ¹⁾. На плащѣ у Энчу такихъ треугольниковъ или кришей (кришь—тетива) было нашито четыре; на плащѣ у Тарана, кромѣ множества мелкихъ кришей, пришитыхъ въ разныхъ мѣстахъ и снабженныхъ холбого по четыре штуки на каждый, на спинѣ между крыльцами помѣщены еще два большіе криша, на которыхъ было подвѣшено на одномъ 4, на другомъ 5 холбого или кунгру въ 3 вершка длиной. На спинѣ нашиваются двѣ круглыя мѣдныя бляхи, называемыя у

¹⁾ См. табл. II, фиг. 34.

Алтайцевъ кусумы или кулер кусумы; иногда двѣ другія нашиваются и на груди. Шкурки звѣрковъ горностаевъ, бурундуковъ и летягъ также пришиваются вмѣстѣ съ маньякомъ. На плащѣ у Тарана я замѣтилъ четыре кисета; хотя они, конечно, пусты, но воображается, что въ нихъ насыпанъ табакъ, которымъ камъ угощаетъ духовъ во время странствованія въ ихъ мірѣ. Воротникъ плаща обшивается бахромой изъ филиновыхъ или совиныхъ перьевъ; у кама Энчу вмѣсто подобной бахромѣ къ воротнику пришито семь куколокъ; каждая куколка состоитъ изъ туловища, пары ногъ и пары рукъ; къ головкѣ каждой куколки, или вѣрнѣе, къ верхнему концу туловища, пришить густой плюмажъ изъ филиновыхъ перьевъ; эти плюмажи отъ семи куколокъ своею совокупностью и дѣлаютъ воротникъ плаща опереннымъ. Куколки эти, по объясненію Энчу,—небесныя дѣвы, тэнгриин кыстар: „Ихъ называютъ на небѣ Яжилганъ или Бурганганъ“.

Не у всѣхъ, какъ сказано выше, шамановъ маньякъ покрываетъ всю поверхность ихъ плаща; у нѣкоторыхъ плащей спинка отъ воротника до пояса остается открытою; на ней иногда нашивается особаго цвѣта, на примѣръ, красный лоскутъ матеріи, на которомъ симметрически располагаются кусумы, холбого и часто русскіе колокольцы. У шамана Энчу на открытой спинѣ было пришито, въ рядѣ, шесть русскихъ колокольцевъ ¹⁾; по одному такому же колокольчику было у него пришито и къ рукавамъ противъ локтей. У болѣе богатыхъ камовъ на спинѣ бываетъ девять колокольцевъ.

По объясненію Энчу, звуки этихъ колокольцевъ — голосъ семи дѣвицъ, пришитыхъ подѣ воротникомъ и вызывающихъ къ духу, чтобъ онъ спустился къ нимъ. На плащѣ у Энчу была еще та особенность, что его поверхность на мѣстахъ болѣе открытыхъ (на передней сторонѣ плечъ и рукавовъ и на груди) была расшита въ рѣшетку шнуркомъ изъ бити; въ каждой точкѣ пересѣченія трехъ линій была посажена коническая шишечка изъ бити же. Вообще новый маньякъ долженъ представлять блестящее и яркое одѣяніе.

¹⁾ Было какъ-то странно читать на шаманскомъ плащѣ надпись на колокольцахъ: „въ Слободскомъ Василій Макушинъ“.

Кромѣ бубна, при камланьи употребляется еще желѣзный инструментъ, который вкладывается въ ротъ; г. Палкинъ видѣлъ его у дархатскихъ шамановъ, которые называютъ его хуръ. При этомъ ставится березка, на которую привязаны хадаки пяти цвѣтовъ.

Шапка алтайскаго и урянхайскаго шамановъ представляетъ квадратную или четверугольную пластину изъ шкуры оленьяго теленка, покрытую съ лицевой стороны матеріей яркаго цвѣта или сукномъ; у Энчу лицевая сторона расшита въ рѣшетку шнуркомъ изъ бити также, какъ и плащъ. (Конпческія шипечки нашиты въ три ряда, въ каждомъ ряду по девяти шипечекъ). На одномъ боку пластины пришиты двѣ мѣдныя пуговицы, на другомъ—двѣ петли. Верхній край пластины у Энчу усаженъ перьями беркута или филина, которыя нашиваются пучками; по нижнему краю сдѣлана бахрома изъ каури, подвѣшенныхъ на шнуркахъ (у Энчу ихъ 19); между второю и третьею раковинами, какъ отъ лѣваго, такъ и отъ праваго края пластины, спускаются ремешки, на которые также нашиты бусы и каури, по двѣ на каждый, а къ концамъ ремешковъ прикрѣплены хвосты черной бѣлки. Эта пластинка налагается нижнимъ краемъ на лобъ; бока ея заворачиваются къ затылку, застегиваются сзади на пуговицы и образуютъ надъ головой шамана цилиндръ ¹⁾; если пластинка узка и достаточна жестка, то верхній край ея, украшенный плюмажемъ, торчитъ прямо, и тогда головной покровъ шамана походитъ на діадему; если же пластинка широка, тогда цилиндръ образуется высокій, и верхній край его, особенно если пластинка отъ ветхости стала мягкою, падаетъ назадъ, въ родѣ того, какъ верхъ у поварскаго колпака. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ шаманъ не имѣетъ того царственнаго вида, какъ тогда, когда плюмажъ поднимается прямо вверхъ, но во время пляски движущійся въ воздухѣ верхній конецъ шапки вводитъ въ картину нѣсколько новыхъ эффектовъ.

¹⁾ Съ этимъ шаманскимъ головнымъ покровомъ есть общія черты у женскихъ шапокъ у Вотяковъ. Вотская женская шапка, такъ называемый айшонъ, состоитъ изъ берестянаго тюрюка, на который спереди наложена облицовка или такъ-называемый ирбыртылэмъ; эта облицовка состоитъ изъ четырехугольнаго лоскута чернаго сукна, на который сверху нашитъ кусокъ красной матеріи, усаженный монетами; бока ея заворочены назадъ и стануты завязками позади тюрюка. Шаманскій головной покровъ—тотъ же ирбыртылэмъ, только безъ берестянаго остова.

У нѣкоторыхъ телеутскихъ шамановъ, какъ мнѣ говорилъ о. Михайлъ Чивалковъ въ Улалѣ,—шаманская шапка дѣлается изъ шкуры филина, при чемъ крылья не отрѣзываются, а остаются при шкурѣ и украшаютъ шапку; иногда и голова филина оставляется на шапкѣ. Мнѣ такихъ шапокъ не удалось видѣть. По словамъ о. Чивалкова, шапка шамана называется юльбрек (уйль-берк? уйль по монгольски какая-то хищная ночная птица, берк по алтайски и телеутски—шапка).

У Тарана шапка совершенно того же устройства, какъ и у Энчу, только въ подробностяхъ разница; лицевая сторона, покрытая краснымъ сукномъ, обшита по краямъ позументомъ, а внутри также разгорожена на четверугольники посредствомъ поперечныхъ, вертикальныхъ полосокъ изъ позумента же; кромѣ того, здѣсь же нашита битъ зигзагами, такъ что четверугольники разбиваются на треугольники, въ каждомъ треугольнике нашиты „яламаши“ или рядами, или звѣздочками; верхній и нижній край пластины опушены рысью; къ нижнему краю привѣшены нитки съ нанизанными на нихъ синими бусами, кончающіяся яламашемъ; къ верхнему краю пришитъ „юльбрекъ“, то-есть, пучки филиновыхъ перьевъ. Надъ лбомъ двѣ мѣдныя гладкія бляшки въ дюймъ поперечникомъ: это—глаза. Къ двумъ заднимъ угламъ пластины пришиты двѣ тесьмы, „учу“, соотвѣтствующія двумъ лентамъ обыкновенной шапки; къ нижней пуговкѣ сзади привязанъ шелковый шнурокъ, снабженный внизу девятью шелковыми длинными кистями на длинныхъ шнуркахъ, украшенныхъ яламашемъ, бусами и узелками изъ бити. Къ нижнему краю пластины пришито десять горностаевыхъ шнурокъ.

Не всѣ камы—„юльбректу“ и „маньякту“, то-есть, съ филиновою шапкой и съ маньякомъ; другимъ камамъ это одѣяніе не приличествуетъ; право ношенія ихъ указывается выше во время камланья.

У бурятскихъ шамановъ вмѣсто филиновой шапки голова во время шаманскаго дѣйствія покрывается желѣзнымъ вѣнцомъ, который я видѣлъ только въ музеѣ Восточно-сибирскаго отдѣла Геогр. Общества въ Иркутскѣ ¹⁾, онъ состоитъ изъ горизонтальнаго желѣзнаго

¹⁾ Этотъ вѣнецъ изображенъ у насъ на табл. III, фиг. 39.

обруча, надѣваемого на лобъ; на этомъ обручѣ укрѣплены двѣ дуги: одна концами приходится противъ ушей, другая—однимъ концомъ противъ лба и другимъ—на затылкѣ. Вверху эти дуги перекрещиваются; въ точкѣ перекрещиванія ихъ укрѣплено желѣзное украшеніе въ видѣ двухъ роговъ, отброшенныхъ назадъ; концы роговъ лопатообразны, какъ у лося, и имѣютъ по три отрасли; какъ стержни роговъ, такъ и отрасли, подвергнуты крученію и имѣютъ винтообразно рубчатую поверхность. Въ четырехъ же точкахъ прикрѣпленія вѣнечныхъ дугъ къ обручу подвѣшены кольца; на переднее кольцо и два височныя вздѣты желѣзныя холбого, по три штуки на каждое; на затылочное же кольцо привѣшена длинная цѣпь, состоящая изъ четырехъ звѣнцевъ; каждое звѣно состоитъ изъ желѣзнаго крученаго прута; звѣнья соединяются посредствомъ колецъ; на каждомъ кольцѣ находится три холбого; цѣпь кончается внизу четвертымъ кольцомъ, на которомъ, кромѣ холбого, подвѣшены еще крученый желѣзный прутикъ и небольшая лопаточка съ крученымъ черенкомъ ¹⁾.

У Черневыхъ Татаръ шаманы употребляютъ иногда маски, кочо, сдѣланныя изъ бересты и украшенныя бѣличьими хвостами вмѣсто бровей и усовъ. Кромѣ маски, у Черневыхъ же Татаръ г. Ядринцевъ замѣтилъ употребленіе двухъ костылей; одинъ изъ нихъ состоитъ изъ простой палки и называется тая, то-есть, палка, посохъ; другой называется тайжанъ и на одномъ концѣ имѣетъ утолщеніе, а на другомъ—двѣ подвѣски; это, по толкованію кама—конь. Ни у алтайскихъ, ни у урянхайскихъ (Тува) шамановъ я не встрѣчалъ жезловъ ²⁾, но они употребляются у Бурятъ. Въ Аларскомъ вѣдомствѣ я видѣлъ костыли, харьбо или харьбы, какъ они здѣсь называются, у одного шамана въ Нилгынскомъ улусѣ; это была пара деревянныхъ четырехгранныхъ немножко кривыхъ палокъ ³⁾; въ серединѣ костыль имѣетъ утолщеніе, какъ бы суставъ или колено;

¹⁾ Шаманы у Айносовъ надѣваютъ на голову вмѣсто шапокъ или вѣнковъ вѣнокъ изъ рододендроновъ.

²⁾ Впрочемъ въ Алтай мнѣ сообщили, что шаманы иногда, чтобы узнать, какимъ духомъ послана болѣзнь, навязываютъ на палку аршина въ два длиной лоскутъ въ видѣ флага и машутъ имъ надъ больнымъ. Это орудіе называется чабытъ.

³⁾ См. табл. III, фиг. 42.

одинъ конецъ костыли утолщенный, противоположный же кончается двумя короткими отростками (уши?). Къ серединѣ костыля навязанъ хадакъ или тряпка. Другіе харьбо я видѣлъ въ музеѣ Восточно-сибирскаго отдѣла Геогр. Общества въ Иркутскѣ ¹⁾; это были желѣзные четырехгранные прямые костыли съ загнутымъ подъ прямымъ угломъ верхнимъ концомъ вродѣ клюки; надъ загибомъ имѣются два рожа (или ушка?); по длинѣ костыли приковано пять скобочекъ, двѣ на одной сторонѣ и три на противоположной; на каждую скобочку продѣто одно или два кольца, а на каждомъ кольцѣ виситъ три холбого; на третьей же сверху скобочкѣ, кромѣ двухъ колецъ, висятъ еще желѣзныя модели обоюдоостраго ножа или кинжала и стремени; третья привѣска въ родѣ иглы или проволоки для чистки трубки (можетъ быть—плеть?) ²⁾. Харьбо у Аларскихъ Бурятъ увѣшивается по всей длинѣ зала (то же, что ялама), шкурками и погрешками. Во время камланья шаманъ дѣлаетъ разныя эволюціи жезлами, когда приходитъ въ безпамятство. Кудинскіе Буряты называютъ эти трости хэсэ; они дѣлаютъ ихъ изъ березы такой же длины, какъ и у Аларскихъ Бурятъ; одинъ конецъ имѣетъ видъ лошадиной головы; на ту хэсэ, которую шаманъ держитъ во время камланья въ правой рукѣ, привязаны четыре колокольчика и шелковыя тряпки, а на лѣвой хэсэ три колокольчика и тряпки. У Балаганскихъ Бурятъ хэсэ той же формы; только, кромѣ тряпокъ, на нихъ вяжутъ и шкурки, какъ у Аларскихъ Бурятъ. Балаганскіе Буряты зовутъ ихъ морин харьбо, то-есть, „лошади харьбо“.

У аларскаго шамана въ Нилгынскомъ улусѣ я нашелъ еще снарядъ, который называется элэ; это шнуръ, на которомъ навѣшаны на отдѣльныхъ короткихъ шнуркахъ костыльки, чакта ³⁾; къ концу элэ привязана связка желѣзныхъ и деревянныхъ моделей: молотокъ, малта, топоръ хухэ, колотушка, шугуй и ложка для либацій съ девятью углубленіями, сара ⁴⁾. Элэ ⁵⁾ растягивается между двумя

¹⁾ См. табл. III, фиг. 41.

²⁾ См. табл. III, фиг. 43, 44 и 45.

³⁾ Такой костылекъ изображенъ на табл. III, фиг. 50.

⁴⁾ См. табл. III, фиг. 46, 47, 48, 49. Срав. эту ложку съ подвѣской на поясъ, изображенной на каменной бабѣ въ книгѣ Кондараки: „Описаніе Крыма“, т. IV, ч. XV, стр. 82, правый рисунокъ.

⁵⁾ Элэ собственно шнуръ, къ которому привязываются телята.

березками, когда шаманъ совершаетъ либацію своимъ предкамъ, а также этимъ зэлэ обводятъ юрту три раза, чтобы ребенокъ, въ ней находящійся, былъ защищенъ отъ духа анахай и другихъ; въ этомъ случаѣ зэлэ, или какъ онъ еще называется боголь, держится на юртѣ цѣлый годъ.

Шаманы въ Аларскомъ вѣдомствѣ носятъ въ отличіе отъ простыхъ людей зала, то-есть, шелковую кисть на шапкѣ; прежде будто бы шаманы носили косы, потомъ стали носить оселедцы, еще позже стали носить только нѣсколько болѣе длинные волосы на темени, нынѣ носятъ совсѣмъ ровные.

Камское званіе получается не по общему, а по физическому наслѣдству; способность къ камланью врожденная, обученіемъ пріобрѣтается только знаніе алышей, напѣвовъ и вообще внѣшняго обряда. Вотъ что мнѣ по этому поводу сообщилъ о. Михаилъ Чивалковъ: Человѣкъ, которому суждено природой сдѣлаться шаманомъ, рано начинаетъ чувствовать свое предрасположеніе къ тому; онъ становится болѣзнь и по временамъ впадаетъ въ бѣшенство ¹⁾. Нѣкоторые по нѣсколько лѣтъ воздерживаются отъ вступленія въ камы, потому что участь шамана не завидная; камы и адучи (вожаки на звѣриномъ промыслѣ), какъ говоритъ народная примѣта, — не бываютъ богаты. Но это воздержаніе обходится имъ дорого; оно соединено съ большими страданіями; отдаленные звуки бубна сначала приводятъ такого болѣзненного человѣка въ легкую дрожь; его начинаетъ подергивать, потомъ подергиванія становятся все сильнѣе и сильнѣе; человѣкъ начинаетъ кривляться, глаза разгораются; онъ вскакиваетъ, мечется, дуритъ. То же бываетъ съ тѣми, которые вдругъ прекратили камланье. Есть крестившіеся камы, воздерживающіеся отъ камланья добровольно; они при всякомъ звукѣ бубна страдаютъ отъ подергиванія и приступовъ бѣшенства. Крещенный камъ Григорій Тащаковъ, въ Улалѣ, былъ шерстобитъ; часто звуки струны, напоминающая бубенъ, вызывали въ немъ экзальтированное состояніе,

¹⁾ Призваніе къ шаманству иногда обнаруживается задолго до зрѣлаго возраста; камъ Тюбешъ, жившій на Телецкомъ озерѣ, началъ будто бы камлатъ съ шестилѣтняго возраста.

ливавшееся до бѣшенства, въ которомъ онъ ломалъ свой инструментъ иногда усмиренъ.

Подобное же разказывали мнѣ и въ Ангудай, въ центрѣ Алтая. Если на кого выпадетъ рокъ быть шаманомъ, тотъ сначала терпитъ физическія мученія; ему ведетъ руки, ноги; онъ становится болѣзнь. Послѣ того онъ учится у стараго кама; сначала слушаетъ напѣвы, потомъ повторяетъ ихъ тотчасъ же за учителемъ. Камское званіе не всегда передается отцемъ сыну, но какъ врожденная болѣзнь, влеченіе къ камству бываетъ наслѣдственно. Потому у кама часто рождаются дѣти, предрасположенные къ болѣзненнымъ припадкамъ, влекущимъ за собою вступленіе въ камское званіе. У ангудайскаго шамана Эячу и отецъ, и дѣдъ были камы. Если родится мальчикъ или дѣвочка съ припадками въ семействѣ, въ которомъ нѣтъ шамана, все-таки надо полагать, что кто-нибудь изъ умершихъ членовъ восходящей линіи былъ шаманъ. Ужъ если въ роду былъ шаманъ, то кровь его непременно отродится въ потомкахъ. Чуйскій шаманъ Таранъ выразился, что камская страсть наслѣдственна, какъ дворянская порода, какъ „бѣлая кость“; если сынъ кама не почувствуетъ склонности къ камскому званію, то какой-нибудь племянникъ родится съ этимъ призваніемъ. Но есть, по видному, и такіе шаманы, которые вступили въ это званіе по личному хотѣнію; сообщая объ этомъ, Таранъ употреблялъ выраженіе „родовой шаманъ“, укту кам: родовые шаманы, говорилъ онъ,—могущественнѣе обыкновенныхъ.

То же самое я слышалъ и у Бурятъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ. Шаманская способность врожденная и бываетъ наслѣдственна, какъ нервная болѣзнь ¹⁾. Человѣкъ обнаруживаетъ склонность къ ней

¹⁾ У Аларскихъ Бурятъ, кромѣ понятія о „кости“, яган, то-есть, понятія о происхожденіи отъ извѣстнаго предка, есть еще другое оставшееся для насъ невъясненнымъ понятіе объ утхэ или утха. Такъ напримѣръ, у Н. В. Матханова, съ которымъ я познакомился въ Иркутскѣ, родъ называется Хонходоръ, а утхэ Хуху—морьтунъ. Мнѣ объясняли „утхэ“ именемъ предка матери или бабушки, или же говорили, что „утхэ“ есть „родство по шаманству“. Последнее выраженіе можетъ быть значить, что во время камланья только „утхэ“ имѣетъ значеніе, кость же, „яган“, вовсе не упоминается. Если во время винокуренья паръ сбросить крышку и молоко бросится въ трубу, тогда припоминаютъ, кто бы это изъ покойниковъ могъ пошутить. Подозрѣніе падаетъ на какого-нибудь

заблаговременно; онъ видитъ сны, испытываетъ болѣзненные припадки и т. п. Замѣтивъ это, сосѣди совѣтуютъ больному сдѣлаться бо, шаманомъ; ему даютъ провожатаго, и онъ вдвоемъ съ нимъ отправляется по улусу для сбора приношеній; провожатый держитъ березовую вѣтку, къ которой привязаны тряпочки, шкурки и пр.; это дѣлается въ серединѣ лѣта; возвратясь изъ улуса, будущій шаманъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ отправляется въ лѣсъ, гдѣ они вырубаютъ два посоха; посохи у бурятскихъ шамановъ есть у каждого, тогда какъ бубны не у всѣхъ; какъ болѣе дорогой предметъ, бубенъ заводится послѣ. Посохи или харьбо вырубаютъ изъ березы, но такъ, чтобы дерево осталось на корнѣ, то-есть, ихъ выдалбливаютъ изъ дерева; по тому, засохнетъ или нѣтъ дерево послѣ этого, замѣчаютъ хорошо или дурно будетъ будущее новаго шамана. Затѣмъ тутъ же нарубаютъ кустовъ или деревцовъ; часть ихъ идетъ на постройку шалаша „бухэк“, часть—именно девять штукъ—втыкаютъ въ рядъ передъ шалашемъ нѣсколько правѣ входа, одно деревцо вполоть къ другому. Бухэкъ имѣетъ до 2½ саж. въ поперечникѣ; березки для него втыкаютъ кругомъ и верхушки связываютъ; посрединѣ бухэка раскладывается огонь. Внутри бухэка сидятъ старики, держащіе харьбо и другія вещи, старухи, лица постороннія, приглашенные изъ уваженія, и наконецъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ шаманы; одинъ изъ старыхъ шамановъ приглашается по выбору ставленника быть его отцомъ; правило требуетъ, чтобы старый шаманъ, котораго молодой зоветъ отцомъ, зависѣлъ отъ тѣхъ же духовъ, отъ которыхъ зависптъ и посвящаемый. Два эти шамана, старый и молодой, связываются вмѣстѣ и камлаютъ въ одно слово, въ одинъ жестъ. Посвящаемый шаманъ и тотъ, который названъ его отцемъ, имѣютъ на головахъ бѣлыя шапки съ шелковою красною кистью, такъ-называемою зала. Эти-то залы и связаны у шамановъ. Процедура посвященія длится девять сутокъ, и изъ нихъ въ теченіе трехъ духовные отецъ и сынъ остаются связанными.

Обрядъ посвященія въ шаманы обходится дорого; при этомъ болятъ до 20 барановъ и нѣсколько жеребятъ; въ теченіе девяти

богатаго Бурята, память о которомъ живетъ въ улусѣ, и тогда брызгаютъ въ честь „утхэ“ этого богатаго человѣка.

сутокъ происходитъ непрерывный пиръ и безпробудное пьянство и шумъ; пьютъ тарасунъ, варятъ и ѣдятъ мясо, ѣдятъ торохъ; дѣвицы пляшутъ такъ-называемый „ѣхоръ“, то-есть, водятъ хороводъ съ припѣвомъ: „ѣхоръ, ѣхоръ, ѣхоръ“, а передъ дверью бухэка поочередно шаманятъ шаманы. Кто-нибудь сидитъ съ виномъ; кто захочетъ, беретъ отъ него стаканъ вина, подноситъ его священнодѣйствующему шаману и проситъ предсказанія. Шаманъ, выпивъ весь стаканъ или возвративъ невыпитый, предсказываетъ. Вѣрятъ, что въ это время бываютъ самыя вѣрныя предсказанія, и потому съѣздъ бываетъ большой. Вечеромъ каждый день шаманъ съ ударами бубна три раза обходитъ пирующую толпу, которая сама сгружается къ бухэку, чтобы не очутиться внѣ круга.

Существенная часть обряда заключается въ подниманіи шамана на войлокъ. Этотъ обрядъ называется: бо бегде, то-есть, шаманъ вознесся. Шамана ставятъ на войлокъ, поднимаютъ на воздухъ и подносятъ къ девяти воткнутымъ въ землю деревцамъ; посвящаемый шаманъ соскакиваетъ съ войлока на вершинку крайняго деревца, по верхушкамъ деревьевъ, держась рукою, обѣгаетъ ихъ быстро вокругъ три раза и снова вступаетъ на подставленный войлокъ. Послѣ этого обряда шаманъ начинаетъ камлатъ, ворожить и лѣчить, но еще безъ бубна. Бубенъ онъ уже самъ приобретаетъ года черезъ три.

Каждое лѣто у Аларскихъ Бурятъ совершается тѣломятіе шамана; это бываетъ два раза въ лѣто во время весенняго и осенняго пролета птицъ. Шаманъ садится на бѣлый войлокъ съ бубномъ и камлаетъ, а старики въ это время водятъ по немъ вѣниками, которые предварительно макаютъ въ ведро съ водою.

Во время проѣзда чрезъ Ангудай, 7-го мая, мы цѣлою компаніей нарочно ѣздили въ аилъ на р. Талдз, въ 6 верстахъ отъ Ангудая, чтобы видѣть камланье молодаго шамана Энчу. Камланье его состояло изъ четырехъ частей: 1) передъ огнемъ, сидя къ нему лицомъ, 2) стоя задомъ къ огню, 3) антрактъ, во время котораго камъ, поставивъ бубенъ ребромъ на землю и опираясь на него, разказалъ намъ то, что было ему разказано или показано духами, и 4) въ заключеніе камъ еще покамлатъ задомъ къ огню передъ мѣстомъ, гдѣ виситъ обыкновенно бубенъ, и раздѣлся. Передъ этимъ заключительнымъ камланьемъ мы спросили кама, при-

ѣдутъ ли наши спутники, которыхъ мы ждемъ изъ Омска; для этой цѣли камъ удалился къ дверямъ и еще немного покамлялъ лицомъ къ нимъ. Приступая къ своему камлянью, камъ прежде всего попросилъ духовъ не сердиться, потому что онъ призываетъ ихъ не изъ своей прихоти, что онъ человѣкъ подначальный, податной, что русскій чиновникъ требуетъ отъ него показать ему, какъ алтайскіе шаманы камлаютъ, и что только страхъ послушаться чиновника заставляетъ его беспокоить духовъ. По окончаніи камлянья Энчу говорилъ, что онъ не помнитъ, что было съ нимъ, когда онъ плясалъ, стоя на ногахъ спиною къ огню. Въ это время онъ бѣшено крутился тѣломъ, не сдвигая ногъ; онъ глубоко присѣдалъ, извивался и выпрямлялся, какъ бы подражая своимъ тѣломъ движеніямъ змѣи; отъ быстрого колебанія верхней части его тѣла маньяки разсыпались и кружились въ воздухѣ, образуя изящныя волнообразныя линіи. Въ то же время онъ неустанно работалъ съ бубномъ, заставляя его вертѣться въ воздухѣ вертикально. Повертывая свое тѣло налѣво, онъ поворачивалъ бубень головой бара внизъ; вслѣдъ затѣмъ, повертывая свое тѣло на право, онъ заставлялъ бубень дѣлать оборотъ вокругъ центра (слѣва на право). Отъ этого вращенія бубна къ грому его, свисту и шуму маньяковъ и навѣшанныхъ на плащѣ холбого присоединялся шорохъ перекатывающихся по кришу кунггу. Иногда Энчу придавалъ бубну горизонтальное положеніе баромъ вверхъ и при этомъ нестово билъ въ бубень снизу; это, по объясненію нашимъ ангудайскихъ спутниковъ, означало, что онъ собиралъ въ бубень духовъ. По окончаніи этого отдѣла, состоявшаго изъ нестовой пляски, камъ сѣлъ спиной къ огню; въ это время онъ камлялъ гораздо спокойнѣе; онъ иногда прерывалъ удары въ бубень, съ кѣмъ-то разговаривалъ, хохоталъ (очевидно, онъ былъ въ обществѣ духовъ). Въ одномъ мѣстѣ онъ протяжно и очень пріятно пѣлъ подъ удары въ бубень, похожіе на топотъ коней; говорилъ, что это онъ пѣхалъ вмѣстѣ со своею дружиной.

Другое камланье мы устроили на р. Чуѣ; здѣсь мы пригласили извѣстнѣйшаго на Чуѣ шамана Тарана, который и провелъ въ нашемъ аялѣ цѣлыя сутки. Таранъ пѣлъ, хуже чѣмъ Энчу; сравнительно съ послѣднимъ, въ числѣ особенностей Таранова камлянья одна состояла въ томъ, что онъ выходилъ съ буб-

номъ изъ юрты и камлялъ внѣ ея; тутъ онъ кружился на одномъ мѣстѣ въ томъ же родѣ, какъ шаманка Найдыкъ, которую мы видѣли на Тесѣ въ 1877 г. (Очерки, II, стр. 86). Отъ Тарана я записалъ нѣсколько сказаній, но вѣроятно, онъ знаетъ ихъ больше, только заставить его разказать было трудно. Вообще шаманы въ Алтаѣ, въ Саянахъ и Таннуолѣ—главные хранители народныхъ преданій, но дѣлятся своими знаніями неохотно.

На Улухемѣ намъ удалось устроить камланье только одинъ разъ, хотя нигдѣ на нашемъ пути не было столько шамановъ, какъ здѣсь. На Аръ-торхоликѣ (въ ур. Модонъ-обо) мы видѣли трехъ утыганъ, то-есть, шамановъ—Чикей, Джаппай и Самдынъ; болѣе знаменитая утыганъ Тольджамай откочевала въ это время внизъ; устроить здѣсь камланье не удалось; въ первый день, когда мы пришли въ юрту урянхайской шаманки, съ насъ запросили одинъ кирпичъ чая, чтобы положить на мѣсто бубна (это правило; бубень нельзя снять съ мѣста, не положивъ на его ложѣ какого-нибудь подарка) и кромѣ того, бѣлую лошадь, на которой будетъ отвезенъ прень (такъ здѣсь зовутъ шаманскій плащъ) и бубень въ нашу юрту. Пожертвовать лошадь за удовольствіе видѣть процедуру улухемскаго камлянья, конечно, было очень дорого; потомъ мы узнали, что можно было бы ограничиться однимъ чаемъ, еслибы камланье устроить въ юртѣ самой шаманки; къ сожалѣнію, мы не захватили съ собою чая и потому на этотъ разъ должны были отказаться отъ зрѣлища. На другой день молоденькая и живая утыганъ Джаппай сама пришла къ намъ въ гости и предлагала камлять за одинъ чай; послали за бубномъ, но не догадались послать бѣлый войлокъ и девять бѣлыхъ вещей, которые должны быть повѣшены на бубень, когда его берутъ съ мѣста: таковъ будто бы обычай; вслѣдствіе несоблюденія этого обычая намъ не дали бубна. Въ другихъ мѣстахъ нигдѣ такъ дорого съ насъ не просили за камланье, и очевидно, что шаманки запрашивали съ насъ небывалую цѣну.

Только на Елегешѣ намъ удалось устроить камланье одной пожилой шаманки; почему-то она не согласилась камлять въ нашей юртѣ, и мы цѣлымъ обществомъ должны были отправиться въ сосѣдній урянхайскій аялъ. Юрта, въ которой происходило камланье, была очень тѣсна; желѣзный таганъ былъ вынесенъ изъ юрты,—

не знаю почему, требует ли того обрядъ, или только потому, что въ юртѣ было тѣсно. Шаманка имѣла при себѣ въ качестве помощника своего мужа, который помогалъ ей одѣваться, сушилъ бубенъ надъ огнемъ, бросалъ въ огонь можжевельникъ и пр. Въ камланьи елегешской шаманки намъ пришлось въ первый разъ видѣть изступленіе и корчи; бросивъ бубенъ, шаманка начала тянуться къ сидящимъ въ юртѣ, съ оскаленными зубами и съ распяленными пальцами въ видѣ звѣриной лапы; потомъ она упала, или лучше сказать, грохнулась на землю, что вызвало у сидящей публики единодушный возгласъ: э, кѣркей! ахъ, бѣдная! Падая, шаманка чуть не попала головой въ огонь или на очажный камень; лежа на землѣ, шаманка корчилась и нѣсколько разъ пыталась грызть зубами накаленные камни, которыми былъ обложенъ очагъ. Публика при этомъ торопливо кричала: э, кѣркей, кѣркей! а мужъ удерживалъ ее за голову и произносилъ слова: джидек! джидек! пук! изъ которыхъ первое значитъ: вонюче! и второе, вѣроятно, что-нибудь въ томъ же родѣ ¹⁾.

Процедура камланья, по словамъ Алтайцевъ, у разныхъ камовъ разная: и самое дѣйствіе разнообразно, и пѣсни другія, и боги, которыхъ камъ призываетъ тоже другіе. По видимому, составъ дружины духовъ зависитъ отъ того, къ какому поколѣнію принадлежитъ шаманъ, и вообще отъ его родственныхъ отношеній. О. Чивалковъ говорилъ мнѣ, что всякая кость (сеок) имѣетъ своего бога и камлаетъ ему; такъ на примѣръ, Мундусы камлаютъ Музыганъ-хану (то-есть, своему предку); кто жепился на дѣвицѣ другой кости, камлаетъ и богамъ кости своей жены. Только будто бы Ульгенъ и Ерликъ боги общіе для всѣхъ Алтайцевъ. По словамъ чуйскаго шамана Тарана, Алматы, въ нѣдрахъ которыхъ живетъ будто бы потомство могущественнѣйшаго шамана Тостогоша, могутъ камлатъ всякому курмесю; Джабаки же не могутъ камлатъ Ульгеню: они камлаютъ только мѣстнымъ тайгамъ и Кайракану, который былъ изъ ихъ породы. Шаманъ Буунчукъ, котораго мы видѣли въ долинѣ Чуи, и который по старости лѣтъ уже прекратилъ камлатъ, призывалъ трехъ духовъ: Ерликъ-кайракана, Кайракана и Ереня;

¹⁾ Пакай по урянхайски—гадко, худо.

Кайракана въ своихъ призываніяхъ онъ величалъ Бай-буруль. Камы призываютъ и своихъ умершихъ отцовъ, какъ духовъ.

Если камъ женится, то онъ начинаетъ призывать и тѣхъ духовъ, которыхъ жена приведетъ съ собою; поэтому одинъ Телеутъ выразился въ разговорѣ со мною, что дружина духовъ у кама какъ будто приданое; частью она составляется изъ доставшагося по наслѣдству, частью пріобрѣтается новыми родственными связями.

Духовъ, которыхъ камъ призываетъ, Алтайцы называютъ курмось ¹⁾, Монголы—онгонъ, Урянхайцы—ужютъ, узютъ ²⁾, хамнынъ джиме (шаманскія вещи) или хамнынъ ээзи (хозяева шамана). Урянхайцы думаютъ: если узюты помогутъ хаму, онъ можетъ показать ельби, „чудо“ (на примѣръ, въ пустую чашку молоко начнетъ капать съ бубна, или камъ вколачиваетъ себѣ ножъ въ грудь); если они не прійдутъ на помощь къ нему, тогда каму становится трудно; его схватятъ корчи, и онъ будетъ мучиться. Жженіе можжевельника во время камланья дѣлается для того, чтобъ отуманить голову шамана (баш тенеб); когда голова его обезумѣетъ, тогда къ нему сходятъ узютъ. У худаго шамана узютъ кружатся вокругъ огня, у средняго—на высотѣ вершины дерева, у сильнаго—въ небесной высотѣ. Есть высокое хвойное дерево хара чѣйгон (пихта?); его зовутъ хам няш, камское дерево. Его также жгутъ вмѣсто можжевельника; отъ него также голова кружится. Корень (тогузи) точжинскихъ камовъ ³⁾ происходитъ отъ этого дерева, это—плохіе камы, багай хам. Камовъ два рода: одни—хорошіе, происходятъ отъ неба; другіе—худые, происходятъ отъ дерева.

Смотря по божеству, къ которому обращаются съ молитвой или съ жертвой, процедура камланья бываетъ различна; она должна

¹⁾ Слово курмось Урянхайцамъ не извѣстно; нечистаго духа они называютъ адзъ. Бурятамъ также не извѣстно, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какой ему придаютъ Алтайцы. У нихъ есть выраженіе: ты не сѣмя (или сынъ) Коремоса, коремосен урэ биши или коремосен кубун биши; говорятъ это человѣку важничающему. Тутъ скорѣе намеки на Хурмустень-хана.

²⁾ Узютъ по алтайски души умершихъ людей; узют-байрам—родительскій день.

³⁾ То-есть, камы изъ поколѣнія Точжи-урянхай.

изобразить поѣздку шамана со своею дружиной духовъ къ далекому обиталищу божества. Если божество это живетъ на небѣ—какъ на примѣръ, Ульгень, то мистерія кама должна изобразить наглядно путешествіе на небо, при чемъ шаману приходится, какъ по ступенямъ лѣстницы, переходить съ одного неба на другое, пока онъ не достигнетъ послѣдняго седьмого неба. Если божество живетъ подъ землей, какъ на примѣръ Ерликъ, то мистерія изображаетъ, какъ шаманъ спускается въ подземное царство. Мистерія, изображающая поѣздку къ Ульгенью, описана была миссіонеромъ о. Вас. Вербицкимъ¹⁾; намъ удалось записать интересный разказъ о Чивалкова о камланьи Ерлику.

Мистерія начинается выѣздомъ кама изъ того урочища, гдѣ онъ камлаетъ, въ страну, гдѣ живетъ Ерликъ. Если камъ камлаетъ въ Бачатѣ, онъ начинаетъ описывать, какъ онъ выѣзжаетъ изъ Бачата; путь къ Ерлику идетъ отсюда на югъ; камъ проѣзжаетъ чрезъ сосѣднія къ Бачату мѣста, переваливаетъ черезъ Алтай, описываетъ мимоходомъ Китайскую землю: „кытай јері кызыл кум“, то-есть, Китайская земля—красный песокъ; затѣмъ камъ переѣзжаетъ черезъ желтую степь, черезъ которую сорока не летаетъ; „съ пѣснями черезъ неѣ проѣдемъ!“ приглашаетъ камъ свою дружину (сангыскан учпас сары чѣль, сарын была баралдар). При этомъ камъ запѣваетъ пѣсню; молодежь подсаживается къ нему и подтягиваетъ; о. Михаилъ Чивалковъ въ молодости самъ часто принималъ участіе въ этомъ хоровомъ пѣніи. Пѣсня, которая при этомъ поется,—та же самая, какъ и при сидѣніи водки изъ молока (она приведена ниже въ главѣ: „Сказки и легенды“). За желтою степью камъ проѣзжаетъ чрезъ блѣдную степь, по которой воронъ не пролеталъ, и опять предлагаетъ дружину развеселить себя пѣсней: кускум учпас куба²⁾ чѣль, кубат³⁾ была баралдар. За двумя скучными степями лежитъ желѣзная гора Темірѣ тайха (то-есть, желѣзный блокъ), упирающаяся въ небо; камъ приглашаетъ дружину быть единодушнѣе на опасномъ подъемѣ;

¹⁾ Вѣстникъ Р. Геогр. Общества, XXIV, стр. 97—101.

²⁾ Сарын—пѣсня; сарынчи—пѣсенникъ. Ср. обл. на Тульск. оруж. заводѣ сарычи, музыкантъ (сообщилъ свящ. В. Постниковъ).

³⁾ Куба—блѣдный.

⁴⁾ Кубат—веселье.

темірѣ тэбильген¹⁾ темір тайха тэмь билэ чигалдар, то-есть: небо лежащую желѣзную тайгу съ единодушіемъ пройдемъ. Далѣе камъ описываетъ трудный подъемъ на гору, представляетъ, будто онъ поднимается на нее и потомъ, взбравшись на вершину горнаго перевала, тяжело вздыхаетъ. На горѣ онъ видитъ множество костей когда-то погибшихъ при смѣломъ и самонадѣянномъ подъемѣ камовъ, отправившихся также къ Ерлику, но не обладавшихъ достаточнымъ количествомъ силы:

јеръ сюѣгы эзрету полуптыр

ат сюѣгы алату полуптыр

„Кости мужей навалены рябыми горами, конскія кости пѣгами горами стали“.

темірѣ тозі тэбильген

темір капкак кагылган²⁾

темірѣ тозі тэбильген

тэмь билэ одолтыр

темір капкак кагылган³⁾

тэменіб калыб одолтыр

„Небесный край прядаетъ, желѣзная крыша ударяется. Небесный край прядаетъ; единодушно пройдемъ! Желѣзная крыша ударяется; прыгнувъ, перескочимъ!“

Пропѣвъ эти слова, камъ и въ самомъ дѣлѣ прыгаетъ; тихо поколотивъ въ бубенъ послѣ прыжка и помолчавъ немного, камъ тяжело вздыхаетъ. И здѣсь камъ удивляется тѣми же словами грудамъ костей погибшихъ камовъ и лошадей. Потомъ камъ подъѣзжаетъ къ отверстію, ведущему въ подземный міръ: јеръ уузы, „земная пасть“, или јеръ тунигы (туниг, выводъ изъ очага или труба). Спустившись въ земную пасть, камъ опять ѣдетъ по плоскости и встрѣчаетъ море, черезъ которое протянутъ одинъ волосъ. Онъ переходитъ по этому опасному мосту. Чтобы наглядно представить этотъ переходъ, камъ шатается изъ стороны въ сторону и по временамъ будто падаетъ. Здѣсь онъ опять видитъ на днѣ моря множество костей погибшихъ камовъ и замѣчаетъ, что ни одна грѣшная душа не въ состояніи пройти чрезъ это море

¹⁾ Тэбильген—лежающійся.

²⁾ Такъ по телеутски; по алтайски: табылган.

³⁾ Каду кагылган, вбитый гвоздь.

и при переходѣ по волосу непременно упадетъ въ море и утонетъ ¹⁾. На другомъ берегу моря камъ видѣтъ человѣка, который прибитъ за ухо къ столбу; камъ спрашиваетъ свою дружину, зачѣмъ онъ прибитъ; дружина отвѣчаетъ ему, что этотъ человѣкъ, когда живой былъ, любилъ подслушивать людей. Далѣе встрѣчается человѣкъ, подвѣшенный на столбѣ за языкъ: это былъ при жизни клеветникъ. Еще далѣе человѣкъ, окруженный лѣтцами и папиками, но руки его не достаютъ до нихъ, и сидитъ онъ голодный: это былъ при жизни скупой. Еще далѣе сидитъ человѣкъ на раскаленной желѣзной лошади, слѣзти не можетъ, а горѣтъ — не горитъ, только мучается: это — человѣкъ, воровавшій чужую скотину. Другихъ мукъ грѣшниковъ о. Чивалковъ не помнитъ; помнитъ однако, что тутъ терпятъ муку и такіе, которые слишкомъ много стрѣляли звѣрей.

Послѣ того камъ подѣзжаетъ къ Ерликову жилищу. Его встрѣчаютъ собаки, ерликтимъ тайгандары ²⁾. Камъ является къ придвернику, тотъ не пускаетъ; камъ даетъ ему подарокъ. Еще до начала камланья бывають приготовлены туясы (бураки) съ брагой, вареное мясо, хоряковыя шкуры; изъ этого запаса и дѣлаетъ камъ подарки и угощеніе придвернику. Принявъ подарокъ, придверникъ впускаетъ кама въ юрту Ерлика; при этомъ камъ отходитъ къ дверямъ той юрты, въ которой онъ камлаетъ, и изображаетъ, какъ будто онъ подходитъ къ Ерликъ-хану, сидящему въ глубинѣ юрты; камъ кланяется хану, приложивъ бубенъ ко лбу, говоритъ: мергу! мергу! и докладываетъ, откуда онъ и зачѣмъ пришелъ. Затѣмъ онъ вскрикиваетъ; это значитъ, что Ерликъ замѣтилъ его и закричалъ, осердившись на его появленіе. Камъ отскакиваетъ къ дверямъ, будто испуганный гнѣвомъ бога, и снова

¹⁾ У Аларскихъ Бурятъ мнѣ не удалось собрать свѣдѣній о камланьи Ерлику. Я записалъ только такое повѣрье: шаманъ, который грѣшенъ, при переходѣ черезъ пропасть (на какомъ пути она ему должна встрѣтиться, и зачѣмъ ее нужно переходить — осталось мнѣ неизвѣстнымъ) по волосу, упадетъ на дно ея и тамъ будетъ мучиться.

²⁾ Тайганъ — особая порода собакъ, въ дѣйствительности, кажется, не существующая. Въ словарѣ, приложенномъ къ Алтайской грамматикѣ (Казань, 1869 г., стр. 258), тайганъ — собака, но не указано, употребляется ли это слово въ общепитіи, или заимствовано изъ сказокъ.

приближается къ его престолу. Это онъ продѣлываетъ до трехъ разъ. Послѣ третьяго раза Ерликъ-ханъ говоритъ:

канату поо учпайтан
кайгаку поо паспайтан
кара конис тиды титанып
кайдап поо кельдын

„Пернатые сюда не летаютъ, имѣющіе когти ¹⁾ не ходятъ; ты, черный, пахучій жукъ, откуда сюда явился?“ Камъ говоритъ свое имя, имя своего отца, сеока, называетъ себя „камкадылбашевымъ остаткомъ“, и наконецъ, угощаетъ хана виномъ; при этомъ онъ дѣлаетъ видъ, будто бубномъ черпаетъ изъ туясьевъ или ведеръ (по телеутски коцѣк, по алт. саба) вино и подноситъ Ерликъ-хану. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ камъ представляетъ самого хана, пьющаго вино, и дѣлаетъ вмѣсто хана отрыжку. Подпоивъ хана, камъ предлагаетъ ему быка (который былъ заколотъ ранѣе) и толу, „откупъ“; такъ называется собраніе шубъ и платьевъ, на этотъ случай вынутыхъ изъ ящичковъ и развѣшанныхъ на веревку; трогая эти вещи рукой, камъ будто одну за другою передаетъ онъ хану. При этомъ онъ говоритъ:

аткодербэс ар толу
арха мойныма кэбъ ²⁾ ползын

„Разнообразный толу, который на лошади не поднять, пусть тебѣ будетъ одеждой на шею и на все туловище“.

Впрочемъ этотъ скарбъ потомъ остается у хозяина. При передачѣ каждой вещи хану дѣлается ударъ въ бубенъ. Ерликъ пьянѣетъ, и камъ передразниваетъ пьянаго человѣка. Затѣмъ Ерликъ шлетъ благословеніе просителю, общаетъ дать приплодъ скота, открываетъ даже каму, какая кобыла родитъ жеребенка и съ какими примѣтами. Оттуда камъ съ радостью возвращается назадъ. Впередъ онъ ѣхалъ на копѣ, назадъ поднимается на гусѣ; онъ ходитъ по юртѣ на ципочкахъ, чтобы показать, что онъ летитъ;

¹⁾ Кайгакъ — копытцо; по словамъ о. Чивалкова, это слово встрѣчается только въ пѣсняхъ; въ разговорѣ же оно не употребляется; въ одной пѣснѣ Черневыхъ Татаръ соболю называется кайгаку.

²⁾ Кэбъ — сапожная колодка; одежда; лицо человѣческое.

въ рѣчь свою въ это время онъ вставляетъ подражаніе гусиному крику: найнга! найнга! Камланье затихаетъ, камъ садится. Бубенъ онъ не кладетъ своими руками; кто-нибудь другой беретъ его изъ рукъ кама, при чемъ ударяетъ въ него три раза. Камъ продолжаетъ еще бить колотушкой по ладони или по своей груди; берутъ у него и колотушку. Потомъ камъ протираетъ глаза, какъ будто послѣ сна; его спрашиваютъ: „Каково съѣздилъ? съ какимъ успѣхомъ?“ Камъ отвѣчаетъ: „Съѣздить благополучно! принять былъ хорошо!“

Нынѣшніе шаманы, по общему убѣжденію, какъ Алтайцевъ и Урянхайцевъ, такъ и Бурятъ, далеко не обладаютъ тѣми знаніями и властью надъ таинственными силами природы, какъ прежніе; нынѣшніе шаманы—не настоящіе, а только обманщики. Разказовъ о могуществѣ прежнихъ шамановъ много. Такъ, въ мѣстности Коты (Котунъ въ вершинахъ р. Кобдо?) жилъ камъ, который камлалъ по семи сутокъ Ерликъ-кайракану; прежде приносили ему въ жертву по семи лошадей; трехъ или четырехъ дѣлали „джанбами“, остальныхъ рѣзали (показаніе чуйскаго шамана Тарана).

У Аларскихъ Бурятъ различаются два рода шамановъ: саганэбо и харэнбо, или саган утхэтэй бо и хара утхэтэй бо, то-есть, „шаманы бѣлаго утхэ и шаманы чернаго утхэ“ (или можетъ быть, шаманы утхэ Сагана и шаманы утхэ Хара). Первые находятся подъ покровительствомъ юго-западныхъ хатовъ; ихъ зовутъ еще: тэнгирен бо, саганэй тэнгирен бо. Въ случаѣ болѣзни можно обращаться къ тѣмъ и другимъ.

Нѣкоторые алтайскіе шаманы ведутъ свой родъ отъ славнаго и сильнаго шамана, котораго Алтайцы и Телеуты называютъ Кадылбашъ, а Теленгиты на Чуфъ—Тостогошъ. Такъ нашъ знакомый шаманъ Таранъ самъ считалъ себя потомкомъ Тостогоша. На озерѣ Кеньги живетъ шаманъ Келекъ; намъ не удалось его видѣть, но отъ многихъ Алтайцевъ мы слышали увѣренія, что онъ происходитъ отъ Кадылбаша. Такъ сказывалъ и ангудайскій шаманъ Энчу, у котораго въ аилѣ мы были.

У Аларскихъ Бурятъ шаманы находятся въ нѣкоторой зависимости отъ стариковъ; на примѣръ, если гдѣ-нибудь появилась горячка, шамана зовутъ туда, и онъ порывается поѣхать ради своего дохода, но старики запрещаютъ ему это во избѣжаніе перенесенія заразы (не отъ прилипчивости болѣзни, о чемъ Буряты не

имѣютъ понятія, а потому, что духи болѣзни могутъ отмстить улусу за то, что его шаманъ выѣхался въ дѣла чужаго улуса), и шаманъ не ѣдетъ.

Прежде бурятскіе шаманы не входили въ русскія избы, потому что въ избахъ есть полати со входа надъ дверьми, а на полатахъ могутъ быть женщины: это осквернило бы шамана. Женщина не можетъ перешагнуть черезъ шаманскую шапку, тѣмъ болѣе—черезъ „харьбо“.

Во время камланья шаманы поютъ призыванія богамъ; число этихъ призываемыхъ божествъ значительно, и не всѣ изъ нихъ имѣютъ повсемѣстное распространеніе у Алтайцевъ. Меня даже увѣрили, что извѣстный шаманъ можетъ призывать только опредѣленныхъ духовъ, и другіе духи будутъ глухи къ его призываніямъ. Вотъ имена боговъ, которые, кромѣ Ульгена и Ерлика, упоминаются въ призываніяхъ алтайскихъ камовъ: Угузь-каан, Таз-каан (это женщина, мать Ульгена, живетъ на 16-мъ небѣ, самъ же Ульгенъ, по однимъ—на 12-мъ, по другимъ—на 15-мъ), Музыган-каан, Бобьрган, Ялк-каан (у Черневыхъ Татаръ произносятся Чаик-каан; онъ дѣлалъ потопъ на землѣ), Киргиз-каан, Тотой-каан или Адам-Тотой-Тэнгрэ.

Буунчукъ, чуйскій шаманъ, призывалъ кайракана, какъ было уже сказано подъ именемъ: Бай-буурул. Другой чуйскій шаманъ Чулту сказалъ мнѣ: „Какъ зовутъ Кайракана, не знаю; знаю только, что мы, Алтайцы, говоримъ: Кайракан! когда громъ гремитъ, или когда бѣда случится, или когда во снѣ что страшное привидится“. По словамъ шамана Тарана, Кайраканъ умеръ и похороненъ въ мѣстности Алаканъ на Чулышманѣ; это урочище, поросшее березами различнаго роста.

Яяче, Джаячи—творецъ земли и міра, по представленіямъ Телеутовъ. Если ребенокъ во снѣ смѣется, это значитъ, что съ нимъ играетъ Пайана или Джаячи; этотъ ребенокъ будетъ здоровый, крѣпкій. На вопросъ, кто такая Пайана, одна Теленгитка отвѣтила намъ: тэмри, кудай. Плачь ребенка во снѣ приписывается курмѣсю.

У Ульгена Телеуты насчитываютъ трехъ сыновъ и двѣнадцать дочерей; другіе говорятъ: семь дочерей. Сыновья носятъ имена: Темир-каан, Солтыгаан и Ямграту-Яжигаан; этотъ послѣдній про-

изводитъ грозу ¹⁾. Сходно съ этимъ записаны у Телеутовъ имена и г. Ядринцевымъ: у Ульгена три сына: 1) Ямгырь-охту Яжиганъ, это — громовержецъ; 2) Солтыганъ; 3) Тимырь-ханъ; послѣдній заика и богъ войны. У Кумандинцевъ, по г. Ядринцеву, главный богъ, кудай, называется Ичкирюхтэ. Ульгенъ въ трехъ лицахъ, о трехъ шапкахъ; у него три сына: 1) Ямырь-охту Яжиганъ и Тежиганъ, громовержецъ; 2) Темиръ-ханъ; 3) Солтыганъ, который называется еще Тотой-генере.

Ульгена въ разныхъ мѣстностяхъ называютъ различно: Алтайцы зовутъ его Ульгенъ и Карчитъ; другіе (на Чуѣ) называютъ Джарыкъ, Черневые—Абыганъ.

Духъ земли, которому приносятъ жертвы весной, когда расцвѣтутъ цвѣты, въ призваніяхъ называется Іер еези или Іезим піѣ, при этомъ еще упоминаются Джеты гурэ, Сутькуль (молочное озеро) и Сумэръ Уланъ, высокая гора.

Полныхъ призваній къ божествамъ намъ не удалось записать, какъ по трудности собиранія подобнаго матеріала для путешественника, который не имѣетъ возможности подолгу оставаться въ одной мѣстности, такъ и вслѣдствіе неимѣнія хорошаго переводчика. Привожу здѣсь тѣ отрывки, которые удалось на лету записать, преимущественно отъ рабочихъ.

Телеутское призваніе Адам-тотой-тэнгрію ²⁾:

айлянжа айга чирган
алтын сюдэр саппган
ак позаты ярадып
ак ульгенде яргы алышкан
колёныже кунъ качірган
кумыш сюдэр саппган
кок посатты ярадып
кок ульгенде яргы алышкан

„Кругомъ за мѣсяцемъ слѣдующій, золотой зонтикъ водрузивъ

¹⁾ Сообщилъ свящ. Чивалковъ.

²⁾ Телеуты разливы рѣчной весной или послѣ дождей называютъ джанк; вода, выступившая зимой поверхъ рѣчнаго льда, также называется джанк или чане; о всѣхъ подобныхъ явленіяхъ говорятъ: су дан джалк чпккты, изъ воды Джанк вышелъ. Алтайцы называютъ разливы джайкынъ.

³⁾ Сообщилъ свящ. Чивалковъ.

шіѣ, бѣлоспую лошадь начредивъ ¹⁾, вступающій въ сношеніе ²⁾ съ бѣлымъ Ульгеномъ; за тѣнью солнца гоняющійся, серебряный зонтикъ водрузившій, снеспую лошадь начредивъ, вступающій въ сношеніе съ сиппымъ Ульгеномъ“.

Призваніе Ерлика ³⁾:

кара мійе сакалду
канга чапкоп чирайлу
карыш нолгоп камакту
курдаг јетпес пельду
кучан јетпес моінду
кара бука минитту
кара джиган камчилу

„Черноусый и чернородый, румянолицый ⁴⁾, имѣющій четверть между бровей, кушакъ ⁵⁾ не охватываетъ твоего чрева, обхватомъ не обхватима твоя шея; на черномъ быкѣ ѣздящій, черную змѣю употребляющій вмѣсто плети“...

При описаніи жилища Ерлика, которое дѣлается камомъ во время камланья, о Ерликѣ говорится: кара кундус тожѣкту, „имѣющій бобровое одѣяло“. Ерлика въ призваніяхъ величаютъ: Ерлик ада (ада—отецъ), другіе—Ада кжи (кжи—человѣкъ). Кузнецкіе Татары зовутъ его Адамъ и считаютъ первымъ человѣкомъ.

Отрывокъ изъ призванія Тайга-този:

ак саратъ мійету
сары ичкы тѣшиню
керельтены кенит
чигалтаны тарып

¹⁾ Переводъ сдѣланъ о. Чивалковымъ. Ярадып — чередить, готовить, лять скакуна лошадь къ бѣгу.

²⁾ Яргы — судъ, сношеніе (судебное). Другаго значенія этому слову о. Чивалковъ не нашелъ въ своей памяти.

³⁾ Сообщилъ свящ. Чивалковъ.

⁴⁾ Варіантъ этого призванія помѣщенъ въ „Алтайской грамматикѣ“ (стр. 196). По мнѣнію о. Чивалкова, выраженіе: канга чапкан чирайлу слѣдуетъ перевести: румянолицый, на томъ основаніи, что встрѣчающееся въ пѣсняхъ выраженіе: чирайна кан чап јюрю обыкновенно понимается въ смыслѣ: въ лицѣ румянецъ играетъ. Точно такъ оно переведено и въ „Алтайской грамматикѣ“.

⁵⁾ Курдаг—ременный поясъ.

„Съ никомъ изъ бѣлоголовой лошади, съ жертвой изъ желтаго козла; прибыль, чтобъ прибыла, убытокъ, чтобъ уменьшился“.

Призываніе аркару, которое сообщилъ мнѣ теленгитскій шаманъ Таранъ ¹⁾:

✓ Золоторогій аркаръ по имени, сидящій верхомъ на коуромъ аркарѣ съ головой въ видѣ комыса ²⁾.

Какъ краснѣ (ты), съ змѣей (въ рукѣ) вмѣсто плети! Шестигранный мѣсяцъ, кусумы ³⁾ (на себя) наложившій.

Шестисуставчатый пестрый маньякъ надѣвшій, живущій въ урочищѣ Амаръ-юмаръ, рыскающій (по урочищу) Ачыларъ-джумаларъ ⁴⁾, достойнѣйшій абысъ ⁵⁾ Тостогошъ!

Въ золотой шубѣ, которую лошадь не подниметъ, съ бѣлою радугою вмѣсто костыля, передъ мѣсяцемъ не робѣющій ⁶⁾!

Бѣлою молніей играющій, золотоголовый, обитающій рядомъ съ Абыганомъ! ⁷⁾

Родившійся, какъ свѣтлое солнце, съ блескомъ полного мѣсяца! ⁸⁾

Одѣтый въ шелковый мандыкъ! ⁹⁾

¹⁾ Это призываніе Таранъ мнѣ сказалъ въ отвѣтъ на мою просьбу пропѣть какое-нибудь призываніе знаменитому Тостогошу.

²⁾ Комысъ—струнный инструментъ.

³⁾ Кусумы—круглая мѣдная бляха, нашиваемая на шаманскій плащъ.

⁴⁾ По объясненію Тарана, это — географическія имена; онъ произносилъ ихъ также: Амаръ-джумаръ, Ачыларъ-Юмаларъ, и прибавилъ еще третью мѣстность: Ала-гуль.

⁵⁾ Абысъ—высшій родъ шамановъ.

⁶⁾ Въ текстѣ: ай тышту; переводчикъ перевелъ: „съ отвѣтомъ передъ мѣсяцемъ“; но ай тышту значитъ: „съ зубомъ мѣсяца“.

⁷⁾ По объясненію Тарана, это—не р. Абаканъ, впадающая въ р. Конгрой (такъ онъ самъ выразился; отсюда слѣдуетъ, что подъ именемъ Конгрой Алтайцы разумѣютъ Енисей ниже бома), а небожитель Абытанъ.

⁸⁾ Въ текстѣ стоитъ керельду; Таранъ не могъ объяснить этого слова; я перевожу „съ блескомъ“, принимая керель за монгольское керель, отраженіе, отблескъ.

⁹⁾ Мандыкъ, по произношенію Туркестанцевъ: манлыкъ, дорогая шелковая китайская матерія, расшитая цвѣтными изображеніями драконовъ или другихъ фигуръ. Не отъ алтайскаго ли маньякъ или мандыкъ.

Девять мораловъ доившій, девять топтогошевыхъ лютыхъ неукротимыхъ! ¹⁾

Взявшій огонь съ неба, Яламою удостоенный Сары-алматъ! ²⁾

Стоглазый Сары алмасъ! ³⁾

На голешникъ спустившаяся желтая утка! ⁴⁾ пришедшіе желтые алматы, ⁵⁾ рѣдкіе!

Съ сайдаками мергены, разоряющіе желтыхъ змѣй, играющіе съ желтыми облаками, усмиряющіе желтые вѣтры, неисчислимые, какъ тьмы рѣчныхъ галекъ!

Шаманы у Аларскихъ Бурятъ призываютъ нѣкоего Дархата:

дайныга гархан дархат

буинга гархан бурхат

То-есть: „Изъ сраженія вышедшій Дархатъ, изъ вышедшій Бурхатъ“.

Молитва путешественника къ Хангаю ⁶⁾:

Оспа голой жилѣши баин хангай

ани харгуй дымнэ

дабан дадар угэ

хутулдэ хулугу угэ

нарин харгаши

хуру топтогоши

сэх сэх баин хангай

или

татыш татыш баин хангай

Смыслъ призыванія въ общихъ чертахъ: Чтобы дорогой на перевалѣ лошади не падали бы, спускъ былъ бы благополученъ, погода (солнце) стояла бы хорошая, дождя не было бы.

¹⁾ Въ текстѣ калји—дикій (о звѣряхъ), лютый; дикій конь—калји ат; тутъ же другое слово въ текстѣ: токшун—полохливый (о лошади); ср. монгольское докшин, бѣшенный.

²⁾ Сары-алматъ, то-есть, желтый Алматъ.

³⁾ Сары-алмасъ—желтый Алмасъ; конечно, это то же, что желтый Алматъ. Ниже пропущена строка, которая переводится: „сумасшедшихъ сто абызовъ“; судя по ходу текста, это есть величаніе все того же Алмата или Алмаса, хотя и въ множественномъ числѣ.

⁴⁾ Въ текстѣ не знакомое Теленгитамъ слово: сазып.

⁵⁾ Въ текстѣ старинное, забытое слово: санјилганду.

⁶⁾ Записана г. Черскимъ у сѣверо-байкальскихъ Бурятъ.

По сообщенію г. Черскаго, бурятскіе шаманы призываютъ Шилун нухэй эжилхэн гурбунбакиш лама, трехъ ламъ - учителей, живущихъ въ каменной пещерѣ. О нихъ дѣйствительно говорятъ, что они живутъ въ пещерѣ въ скалѣ; передъ ними стоитъ котель, полный тарасуну.

У сѣверо-байкальскихъ Бурятъ бываютъ иногда паломничества. Партіи паломниковъ ходятъ изъ деревни въ деревню и поютъ въ честь бездѣтнаго Балихая. Это называется боолешпнъ. Обыкновенно начинается такъ: какой-нибудь человѣкъ, будучи болѣзнью, отъ которой не можетъ отдѣлаться, беретъ посохъ или плеть, привязываетъ къ ней колокольчикъ и отправляется по деревнѣ, напѣвая пѣсню. Къ нему присоединяется другой, третій; толпа эта растетъ и превращается въ процессію. Иногда собирается до 40 человѣкъ; бываетъ даже, что бросаютъ жатву и присоединяются къ паломникамъ. При входѣ въ юрту главному въ толпѣ странствующихъ хозяева подаютъ черепокъ съ жодо (пиктой) или арса (можжевельникомъ); онъ окуриваетъ себя и передаетъ товарищамъ. Если у хозяевъ есть тарасунъ, гостей угощаютъ имъ или повязываютъ на ихъ посохи зала. При этомъ поется пѣсня, отрывокъ которой, записанный г. Черскимъ, здѣсь приводится:

далай алтын минагар
даро ложе надобэ
аёренге халагда
тужеренге тулугде
булугеен заянда
дуулагееи заянда
дуулануге яхабэ
алтын дуутэ шингенур
далоложе надобэ
ханайкэн хара тумурор
хара зурке хорни харгаба
хугун модор мугой хыже
хара зур куруга шага

Въ видѣ припѣва къ стихамъ повторялось:

Аёренге шумурда
Тужеренге шумурда

Въ Аларскомъ вѣдомствѣ мнѣ также продиктовали отрывокъ

изъ середины призванія Балихая, которое, можетъ быть, есть и что иное, какъ вариантъ предыдущаго:

узур убэй модон
ундэ хэнган хурэ
уры угэй Балихай
сэжгэн хурэ
.....
алтын мюнгун шанья нур
алтай дэгур зэдылэ
тангарнэ хубун Балихай
амитын зондо зугала
хылыр мунгун шаньянур
хутхо дэгур зэдылэ
хунэй хубун Балихай
зонхун дондо зугала
тангарынэ Балихай
танюлхал ябаным
татэ хайшын зоноро
зугалхал ябаным
халтын ундюр хуудыл
долон хугын серге
унюшын хундэ нсыгы би
уныр хундэ аха би
хараты нмы прхиде
халха боломше би
бороты нмы прхиде
бүргүлаже абымше би.

„Безвершинное дерево съ корня сухо, (у) бездѣтнаго Балихая въ груди ¹⁾ сухо. Златосеребрянный колокольчикъ надъ Алтаемъ звенить, Тангаровъ ²⁾ сынъ Балихай въ живомъ народѣ пируетъ. Тумпаково-серебрянный колокольчикъ надъ толпой звенить, сынъ человѣческій Балихай среди народа пируетъ. (Я), Тангаровъ Балихай, хожу, чтобы познакомиться, между пріятнымъ и добрымъ народомъ хожу, чтобы попить. Халтинская возвышенность—

¹⁾ Въмсто сэжген г. Матхаповъ предположилъ здѣсь сэжде, грудь, такъ какъ сэжгенъ для него совершенно непонятно.

²⁾ Тангар нэ хубун, можетъ быть, значить сынъ неба; ср. тангара, небо по якутски; тогда слѣдующія слова: сынъ человѣческій, будутъ эпическимъ противоположеніемъ первой фразы. По бурятски сынъ неба будетъ не Тангарнэ Хубун, а Тэвгринн Хубун.

мое) жилище, Семь березъ ¹⁾ — (моя) коновязь. Сиротъ я отецъ, благополучному братъ; я—защита отъ злыхъ намѣреній, я—защита отъ дурныхъ замысловъ“.

Шаманъ, когда бѣшеное состояніе его во время камланья стихнетъ, стоя лицомъ къ югу и спиной къ публикѣ, вдругъ обращается къ ней со словами: кара толгой зон хамгара барун менду, хэрэ толгой зон хылгыдэ барун менду, то-есть: „черноголовый народъ весь, здравствуй, темноголовый народъ весь, здравствуй“; послѣ этого привѣтствія онъ говоритъ: унтагана хербеют мартагана ханабают, „спящіе пробудились, забывшіе вспомнили“; юндэ тиме хан убэй бэрхэ ухыр хашин, „зачѣмъ такъ бѣдность трудна, быкъ лѣнивъ?“ Эти всѣ фразы шаманъ говоритъ уже не отъ себя, а отъ духа, который въ немъ воплотился. Загал танай хусыже зайн танай ороже бэк уйлы танай бутыже улыгыр танай хусыже бэк, „желаю, чтобъ жертва ваша была принята, пусть „заянъ“ вашъ сойдетъ; пусть жертва ваша исполнится, ваше сказаніе достигнется“.

Въ Идинскомъ вѣдомствѣ призываютъ Ундур дэрхи убугун'а, „старика, обитающаго на бугрѣ“. Имя его считается опаснымъ произносить, не брызнувъ при этомъ водкой; думаютъ, что онъ за это вредить. Ему посвящаютъ лошадей (онгон мори); думаютъ, что такая лошадь не испортится. Его столбъ (табис) находится въ Идинскомъ вѣдомствѣ недалеко отъ Асиинской управы; проѣзжая мимо столба, Буряты льютъ вино. Этотъ убугунъ пользуется большимъ почетомъ у Бурятъ Балаганскаго и Идинскаго вѣдомствъ; о немъ говорятъ, что онъ былъ шаманъ.

Помѣщаемъ здѣсь еще нѣсколько замѣчаній о шаманствѣ, описанныхъ нами изъ записной книжки алтайскаго миссіонера о. Василія Постникова:

„Камъ Тумчугашъ разказывалъ, что діаволь является къ нему во время камланья въ видѣ темнаго облака, похожаго на шаръ. Когда это облако осѣняетъ, въ это время онъ ничего не помнитъ, весь задрожитъ отъ страха и говоритъ, уже самъ не помнитъ что. На совѣтъ креститься, онъ отвѣчалъ миссіонеру: „Если окрещусь, діаволь задавитъ меня“. Камы разказываютъ, что русскіе

¹⁾ Долонъ—хугынъ, то-есть, Семь березъ—урочище къ сѣверу отъ мѣстности Халтынъ-ундюръ.

образа, мѣдныя и рисованныя, такъ велики, что достаютъ до небесъ. Надъ русскими абысами (то-есть, священниками) носятся духи свѣтлыя на подобіе голубей, а надъ камами летаютъ духи черныя, какъ галка. Духи разказываютъ камамъ, что отъ Русскихъ нестерпимо какъ скверно пахнетъ. Если два Калмыка (то-есть, Алтайца) поссорятся и оба не примирившись помрутъ, а свидѣтель останется въ живыхъ, Калмыки вѣрятъ, что и свидѣтель скоро умретъ, чтобы на томъ свѣтѣ объяснить, какъ было дѣло между ссорившимися. Калмыкъ не жалѣетъ приносить въ жертву лучшихъ лошадей, потому что вѣритъ, что на томъ свѣтѣ она ему отдастся; онъ смотритъ на это, какъ на запасъ для будущей жизни. Поэтому больные нерѣдко переводятъ на тотъ свѣтъ весь свой скотъ ¹⁾. Абысъ если лжетъ, будетъ на томъ свѣтѣ строго наказанъ, а если говоритъ правду, то онъ будетъ богомъ, будетъ являться абысамъ на камланья и возвѣщать отвѣты и волю боговъ. Когда камъ умретъ, дѣлаютъ пдола и называютъ именемъ покойника“.

У Урянхайцевъ на Улухемѣ и Хуахемѣ намъ удалось узнать еще о слѣдующихъ вѣрованіяхъ. Два Кайракана существуютъ: одинъ небесный, производящій громъ; это Кайракан-Кудай; другой, живущій на землѣ въ лѣсу (то-есть, медвѣдь). Улы-Кайраканъ обитаетъ вверху вмѣстѣ съ солнцемъ и луной.

У Сальджаковъ на Буренѣ и Хакемѣ почитается Оранъ-телегей. Ему посвящаютъ воронихъ лошадей, увѣнчиваютъ ихъ яламой (адык по урянхайски), а также въ честь его увѣнчиваютъ яламой и деревья. „Ему молюсь о поданіи добычи на охотѣ“, говорилъ мнѣ Сальджакъ Джалбыратъ,—„и другихъ боговъ не знаю“.

Оранъ-телегею молятся, кланаясь на четыре стороны, сначала впередъ, потомъ направо, и т. д., слѣдовательно, посолонъ. При этомъ произносятъ: Оранъ-телегей ѳрше. Это дѣлается когда варятъ чай; при этомъ плещутъ чаемъ въ честь Оранъ-телегея.

Вѣра въ Заячи существуетъ у Урянхайцевъ (Тува), какъ и у Монголовъ; они называютъ его джаян и думаютъ, что онъ дѣлаетъ то же, что и его двойникъ-человѣкъ, и предохраняетъ человека отъ зла. Алтайцы зовутъ его джаячи (на другомъ нарѣчій теіачи) и ару пайана.

¹⁾ Зайсанъ Попій, будучи боленъ, прокалалъ 100 быковъ и умеръ.

5. Жертвоприношенія.

Кровавыя жертвоприношенія сохранились только у Алтайцевъ и Бурятъ; здѣсь колятъ не только овецъ, но и коровъ, лошадей и возловъ; здѣсь, то-есть, какъ въ Алтаѣ, такъ и въ бурятскихъ мѣстностяхъ (по крайней мѣрѣ въ Аларскомъ вѣдомствѣ), и теперь еще можно видѣть деревянныя подставки, на которыхъ виситъ шкура принесеннаго въ жертву животнаго. Въ Урянхайской землѣ (въ системѣ Улукема) и у Дархатовъ, какъ и въ остальной ламаѣйской Монголіи, кровавыя жертвоприношенія уничтожены, вѣроятно, вліяніемъ ламъ; проѣзжая по долинѣ Улукема и Хакема, не говоря уже о долинѣ Шпшкита, мы нигдѣ не встрѣтили слѣдовъ кровавыхъ жертвъ, то-есть, этихъ подставокъ съ вывѣшанною шкурой, такъ называемыхъ по бурятски куруковъ или по алтайски таилгъ. Какъ единственный остатокъ кровавыхъ жертвоприношеній у Урянхайцевъ, Дюрбютовъ и Дархатовъ, существуетъ только жертвоприношеніе огню, при чемъ колятъ овцу.

Обряда приношенія въ жертву лошади намъ не довелось видѣть; спрашивать же объ этомъ обрядѣ мы сочли излишнимъ въ виду существующаго описанія его, сдѣланнаго, по видимому, очевидцемъ, о. Вербицкимъ ¹⁾, къ которому и отсылаемъ желающихъ съ нимъ познакомиться.

Опишу здѣсь только таилгъ, который мы видѣли 13-го мая на правомъ берегу Катуня. На пути отъ Ангудая до Кошагача мы видѣли ихъ нѣсколько, но этотъ таилгъ былъ больше всѣхъ другихъ. Онъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ построекъ; на каждой были вывѣшаны по двѣ шкуры, одна лошадиная, другая овечья. Каждая постройка состояла изъ четырехъ столбиковъ, на которые были насланы полати или повѣты; эти постройки называются по алтайски ширэ, по телеутски таскае; полати состоятъ изъ березовыхъ вѣтвей; на нихъ сверху сложены кости. Къ западу отъ cadaго такого жертвенника въ землю вбитъ столбъ съ развилкомъ вверху; высота столба выше полатей; на развилокъ положена длинная жердь, которая западнымъ концомъ уперта въ землю; другой восточный

конецъ ея торчитъ въ воздухѣ какъ разъ надъ серединой полатей. Упертый въ землю конецъ укрѣпленъ тремя кольями. На восточный свободный конецъ наплаена шкура лошади ¹⁾, снятая цѣликомъ, въ видѣ рукава; эта-то жертвенная шкура собственно и называется таилгъ; жердь проходитъ чрезъ заднее отверстіе и переднимъ концомъ поддерживаетъ головной черепъ; ноги съ копытами болтаются свободно. Ширэ, на которомъ вывѣшена баранья шкура, совершенно такого же устройства; оно было сооружено рядомъ съ лошадыю съ лѣвой или сѣверной стороны. Впереди этихъ двухъ ширэ, то-есть, съ восточной стороны, стояли у одной постройки двѣ жердочки съ сдѣланными изъ дерева птичками, шонхор, то-есть, соколамъ (жердочки съ деревянными птичками на вершинахъ у Телеутовъ называются каршитъ); между жердочками привязанъ шнуръ, на который по всей его длинѣ навѣшано множество тесемокъ, нарванныхъ изъ бѣлой бязи, шириной въ большой палецъ, длиной въ двѣ четверти. По разказамъ туземцевъ, въ серединѣ шнура привязывается еще шкурка зайца. Эти жердочки съ тесмами называются кэджиль. Съ южной стороны поставлены другія двѣ жердочки близко одна отъ другой, одна южнѣе другой; на вершинѣ каждой изъ нихъ укрѣплена горизонтально дощечка, на углахъ которой есть вертикальныя колышки; это—тэбкитъ, лѣсенка.

Другіе два жертвенника такого же рода стояли поодаль отъ этихъ; вѣроятно, тутъ два таилгъ, которые хотя можетъ быть и однимъ хозяиномъ сооружены, но не въ одно время.

Въ этомъ второмъ таилгѣ не было тэбкиты, и ялама была укрѣплена не на жердочкахъ, а на воткнутыхъ въ землю березкахъ, у которыхъ вѣтви не были обрублены. Такія березки съ яламою Алтайцы зовутъ яикъ, Телеуты—сомъ; по словамъ первыхъ, они ставятся въ честь Яика или Джанка. Къ югу отъ первой таилги вдали была воткнута березка, въ которой на сукъ надѣтъ большой березовый вѣнокъ; по словамъ нашихъ проводниковъ, тутъ было особое жертвоприношеніе изъ мелкой скотины; въ вѣнокъ

¹⁾ Головой на востокъ выставляютъ жертвенныя шкуры послѣ жертвоприношенія Ульгеню; шкуры же животныхъ, принесенныхъ въ жертву Ерлену, выставляются головой на западъ.

¹⁾ См. статью: „Алтайцы“ въ *Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, XXIV.

будто бы складываются кости. На жердь, на которую повѣшена шкура, и которая называется чюкелп, на серединѣ вбито три колышка для того, чтобы собаки или волки не взобрались на шире и не изорвали шкуры. Въ последнее время появились воры, крадущіе жертвенныя шкуры; въ предупрежденіе этого жертвоприносители стали портить шкуры, надрѣзывая ихъ ножомъ.

У Урянхайцевъ (Тува) на Улукемѣ, Хакемѣ и Буренѣ лошадей въ жертву не приносятъ, а только увѣшиваютъ ихъ „адыками“ или „ыдыками“: чубарыхъ въ честь Джетыгана, спыыхъ (кок порат) въ честь Кайракана и бѣлыхъ въ честь Ереня. Этотъ обрядъ безкровнаго жертвоприношенія называется „ыдыгтар“; такое посвященіе животнаго Большой Медвѣдицѣ, по мнѣнію Урянхайцевъ, приноситъ жертвователю богатство. Овецъ колютъ въ честь Джетыгана и Кайракана. Въ честь Джетыгана Сальджаки Урянхайцы колютъ бѣлаго лысаго барана (то-есть, бѣлаго барана съ черною головой и съ бѣлымъ пятномъ на лбу). Въ честь огня колютъ краснаго козла (показаніе одного Урянхайца). По другому показанію, Урянхайцы въ жертву не приносятъ лошадей, это дѣлаютъ только Соёны; Урянхайцы же приносятъ въ жертву только барановъ, аккальджан (съ бѣлой лысиной?), особенно при началѣ поста, а также когда заводятъ аг-ереня (фетиша); шкуру барана вѣшаютъ на жердь, которая называется такылга; кости сжигаютъ, а переднюю часть подносятъ большому человѣку (улу кши). Ерликъ-Кайракану приносятъ жертву въ весенній мѣсяцъ; колятъ барана и поклоняются на всѣ четыре стороны, вращаясь слѣва направо (то-есть, посолонь) сначала на востокъ, потомъ на югъ и т. д.

У Бурятъ Аларскаго вѣдомства жертвоприношенія бываютъ общія и частныя; общія жертвоприношенія называются таилганъ или тайлаганъ и бываютъ три раза: 1) лѣтомъ въ честь земли и воды, газыр-угун; 2) лѣтомъ же въ честь хатовъ, и 3) осенью опять въ честь земли и воды; первый ранній лѣтній и третій осенній называются бага таилган, „малый таилганъ“; на нихъ менѣе истребляется животныхъ, чѣмъ на среднемъ. Въ жертву приносятъ кобылъ и овецъ; бараны доставляются членами общества поочередно, кобылы покупаются. Для правильной раскладки налога на таилганъ, улусъ разбивается на части или артели; каждая артель на первый лѣтній таилганъ даетъ приблизительно одну кобылу и отъ двухъ до пяти барановъ,

на большой лѣтній отъ 5 до 20 барановъ и одну или иногда двѣ кобылы; въ осенній таилганъ не требуется барановъ, но за то артели мельче, такъ что какая часть народа приносила въ ранній лѣтній одну, приносить теперь двухъ кобылъ. Впрочемъ, тѣ артели, которыя не имѣютъ средствъ купить кобылицъ, рѣжутъ барановъ; эта замѣна допускается во всѣхъ трехъ таилганахъ. Первый лѣтній таилганъ бываетъ въ началѣ іюня, когда переѣзжаютъ въ лѣтники; большой, въ честь хатовъ,—въ началѣ іюля или около Петрова дня; нынче больше стали придерживаться послѣдняго времени; осенній—по уборкѣ хлѣба, въ концѣ сентября. Когда рѣшатъ день таилгана, дружно всѣ начинаютъ помогать: кто ѣдетъ покупать кобылицу, кто везетъ котлы на мѣсто дѣйствія. Таилганное сборище производится для каждаго улуса въ опредѣленной мѣстности и не одновременно для всего Аларскаго вѣдомства; послѣднее дѣлится на четыре хурэна ¹⁾, въ каждомъ хурэнѣ стараются совершить таилганъ одновременно, но нѣкоторые опаздываютъ. Таилганомъ завѣдуетъ избранный убугунъ, „старикъ“; шаманы никакой роли на этой церемоніи не играютъ.

Располагается таилганъ такимъ образомъ: молящіеся образуютъ фронтъ, обращенный лицомъ на югъ; восточное или лѣвое крыло этой линіи занимаютъ лошади, на которыхъ привезены вещи; къ западу отъ нихъ очаги; еще западнѣе разстилаются войлоки, на которыхъ разсаживаются семейства (на таилганахъ участвуютъ мужчины, дѣвцы незамужнія и дѣти; замужнія женщины и просватанныя дѣвцы на таилганахъ не бываютъ); эти войлоки образуютъ линію, идущую съ востока на западъ; передъ каждымъ войлокомъ (или семействомъ) воткнутъ березовый прутъ, „тургы“, а впереди прутка стоитъ посуда съ припасами (тарасуномъ, молокомъ, сыромъ и проч.). На правомъ крылѣ этой линіи стоятъ старики, и изъ среды ихъ впередъ выстраиваются въ рядъ лицомъ на югъ тѣ, которые должны будутъ дѣлать возліяніе; убугунъ становится на ихъ правомъ крылѣ. Сзади стариковъ помѣщаются случайные гости и пріѣзжіе; это такъ-называемый зошонъ. На югъ

¹⁾ Эти четыре хурэна называются: Додо-хурэнъ, Донду-хурэнъ или Хигинъ-хурэнъ, Дедехурэнъ и Зунъ-хурэнъ. По хурэпамъ распредѣляются сѣнокосы; раскладка же податей въ вѣдомствѣ производится по родамъ.

отъ этой линіи, впереди разосланныхъ войлоковъ, стоятъ жертвенники по числу жертвенныхъ животныхъ. Это или камни, или четыре вбитые въ землю кола, изъ которыхъ два южные выше сѣверныхъ; они сверху покрыты покатою кровлей. Жертвенники ставятся въ рядъ, который параллеленъ общей линіи расположенія. На правомъ крылѣ жертвенника втыкается въ землю залмъ, то-есть, срубленное березовое деревцо, вершина котораго должна быть выше жертвенника; подлѣ залма находится маленькій жертвенникъ, ширѣ, на которомъ разложенъ огонь. Каждый хозяинъ, явившись на тайлганъ, идетъ къ залмѣ съ тусомъ, наполненнымъ молокомъ; къ дужкѣ врышки туса обыкновенно бывають привязаны двѣ „зала“, то-есть, двѣ тряпочки, бѣлая и синяя; подошедшій сначала бросаетъ въ огонь арса (можжевельникъ) или жодо (пихту) и потомъ, повертѣвъ въ дыму жертвенника двѣ зала, или правильнѣе сказать, сдѣлавъ ими три круга, привязываетъ ихъ къ залмѣ. Впереди жертвенниковъ, по въ значительномъ отдаленіи отъ нихъ, стоитъ жертвенная лошадь, бараны же ставятся близъ жертвенниковъ.

Первое дѣйствіе на тайлганѣ—возліаніе тарасуна и молока; представители отъ каждого предназначеннаго въ жертву животного, какъ мы сказали выше, становятся вмѣстѣ съ убугуномъ на правомъ крылѣ; въ руки даютъ имъ чашки, въ которыя наливаютъ тарасунъ или молоко, собранныя по каплѣ со всѣхъ принесенныхъ на тайлганъ тусовъ; старики брызжутъ до трехъ разъ, призывая на свой улусъ милость боговъ, просятъ сдѣлать волковъ беззубыми, камни тупыми, шопо шуды угэй, шилун прык угэй, потомъ кидаютъ чашки и всѣ идутъ смотрѣть; если чашка упала отверстіемъ вверхъ, говорятъ: „тѳряхъ“; это—къ счастью. Убугунъ выкрикиваетъ, кому что выпало. Которымъ выпалъ тѳряхъ, тѣ весело ему отвѣчаютъ. Если у кого чашка упала дномъ вверхъ, тотъ идетъ молча; это замѣчаютъ тѣ, которые разливаютъ тарасунъ, спрашиваютъ, чѣмъ онъ дѣлалъ возліаніе, тарасуномъ или молокомъ, и сейчасъ наполняютъ ему чашку вновь. Онъ снова кидаетъ ее. Такимъ образомъ онъ можетъ повторить этотъ опытъ до трехъ разъ. Если за всѣмъ тѣмъ ему нѣтъ тѳряха, убугунъ говоритъ: кого-то забыли сегодня; не такого-то ли забыли? припоминаетъ имя какого-нибудь умершаго родственника того человѣка, которому не выпадаетъ тѳряхъ,

или имя умершаго шамана, и самъ кидаетъ чашку, кидаетъ недалеко и бережно. Если чашка упадетъ наконецъ отверстіемъ вверхъ, всѣ говорятъ: да, да, забыли такого-то!

Послѣ возліанія колятъ животныхъ ¹⁾; кожи, снятыя съ нихъ, складываютъ вдвое шерстью вверхъ и разстилаютъ по одной передъ каждымъ жертвенникомъ съ южной стороны; мясо сваливаютъ въ котлы и варятъ; народъ шумитъ, хлопочетъ около котловъ, пьетъ тарасунъ. Мясо варится снятое съ костей, но и оголенные кости также опускаются въ котель; головы опаливаютъ, очищаютъ и также варятъ; когда онѣ готовы, на лбу и щекахъ надрѣзываются треугольники; убугунъ отдираетъ ихъ и кидаетъ въ пламя жертвенника. Свареное мясо рѣжется на куски; при этомъ стараются, чтобы всякому семейству досталось по куску всякаго рода мяса. Если сорокъ душъ на тайлганѣ (подъ душой разумѣется женатый мужчина), то на примѣръ, правая задняя нога рѣжется на сорокъ частей; если у кого три женатые сына, ему дается четыре части. Мелкія вещи, на примѣръ, сердце, яловый жиръ, рѣжутся мелкими кусками и правильно раздѣляются. Почки не дѣлятся, а или отдаются тому, кто продалъ свою кобылу на жертву, если онъ, продавая ее, предварительно договорился о томъ, или тому, кто ѣздилъ покупать кобылу, или въ томъ случаѣ, если предварительнаго договора о почкѣ ни съ кѣмъ не было, — тому, кто себя попроситъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ торгуются и уступаютъ почки за рубль или за полтора. То же самое и съ кожей: ее или продаютъ, или уступаютъ тому, кто продалъ кобылу. Остатки отъ ляшки противъ сорока, на примѣръ, кусковъ предназначаются зошону, то-есть, обществу гостей и постороннихъ. Нарѣзанные куски складываются въ ведра; кто-нибудь беретъ ведро съ однимъ сортомъ мяса и раскладываетъ его на полянѣ; такимъ же родомъ раскладываются и другіе сорта; образуется сорокъ кучъ; когда мясо разложено, хозяева разносятъ его

¹⁾ По разказамъ самихъ Бурятъ, жертвенное животное валятъ на землю, разрѣзываютъ ему животъ и отрываютъ сердце: въ то же время другіе люди тянутъ животное за переднія ноги впередъ и за заднія назадъ. Этотъ обычай растягивать животное есть и у Алтайцевъ; о немъ сообщаетъ и о. Вербицкій въ своей статьѣ, и я самъ слышалъ о немъ отъ Алтайцевъ.

каждый на свой войлокъ къ своей семьѣ. Тогда убугунъ беретъ свое ведро, качаетъ его надъ жертвенникомъ и выкрикиваетъ: ай, хурэй! и затѣмъ просить у боговъ милостей. За нимъ подходятъ и другіе поочередно съ своими ведрами и произносятъ тѣ же слова. Послѣ того мясо съѣдается. Кровь барана, начиненную въ кишки, и нѣкоторые другіе куски кладутъ на пучки прутьевъ, связанныхъ своими вершинами; два человѣка, взявшись за комлевые концы прутьевъ, подносятъ эти части къ жертвеннику съ южной стороны и три раза вертятся съ ними.

Возвращаясь съ таплагана, каждый беретъ съ собою головню съ огнемъ, и пріѣхавъ домой, владетъ ее въ очагъ. Заключеніе таплагана представляетъ оригинальное зрѣлище: при вечернемъ освѣщеніи въ разныя стороны несутся, иногда во весь опоръ, подгулявшіе Буряты съ факелами въ рукахъ, разсыпая искры въ воздухъ. Женатый человѣкъ считаетъ своимъ долгомъ привезти съ таплагана своей женѣ кусокъ конины.

Кромѣ этихъ общественныхъ жертвоприношеній, у Аларскихъ Бурятъ бываютъ частныя, такъ-называемыя курукъ; тѣмъ же именемъ называютъ и шкуры животныхъ, вывѣшанныя на жердь¹⁾; произносятъ это слово также хурйк или хрик; есть еще имя для нихъ: сасалъ. Каждый Бурятъ считаетъ своимъ долгомъ въ теченіе своей жизни разъ принести жертву Буха-ноину, его женѣ Бодынъ-хатунъ и ихъ сыну Булганъ-хара-кубуну. Если же имѣетъ средства, то можетъ приносить ихъ и ежегодно и даже чаще. Каждый домохозяинъ приноситъ жертвы своимъ домашнимъ огнямъ. Затѣмъ Аларскіе Буряты приносятъ еще жертвы Халтынъ-убугуну, Ангарен-ноину (господину Ангара), Ханъ-джиргаю и двумъ какимъ-то птицамъ—Оинъ-шибону и Улэнъ-шибону. Халтынъ-убугуну приносятъ жертву только Нилгинскій улусъ; Имагинскій улусъ имѣетъ своего убугуна, деспѣхи котораго также были вывѣшаны на возвышенномъ мѣстѣ, носящемъ названіе Има-тэнундур.

¹⁾ Проѣзжая по бурятскимъ улусамъ Аларскаго вѣдомства, часто приходится видѣть передъ воротами, которыя бываютъ обыкновенно обращены на югъ, четыре столбика съ повѣтью и жердь со шкурой, наклонно положенною на этотъ жертвенникъ. Съ западной стороны всегда воткнуты березки. Это „куруки“.

Во время дѣтскаго возраста сына приносится жертва подъ названіемъ Шарътехе (колятъ бѣлаго козла); если шаманъ присовѣтуетъ, то эта жертва приносится два раза; иногда она совершается до трехъ разъ. Потомъ приносятъ въ жертву бѣлаго ягненка—также иногда до трехъ разъ; эта жертва называется Уланъ-хорюгон (красный ягненокъ?)¹⁾. Кромѣ того, когда ребенокъ не имѣетъ еще году, бываетъ булкык: колютъ, если ребенокъ дѣвочка,—овечку или козлушку, если мальчикъ—барана или козла. Эта жертва считается какъ бы за омовеніе.

Наконецъ, бываютъ еще случайныя жертвы, напримѣръ, въ случаѣ болѣзни. Камланье во время болѣзни основано на слѣдующихъ повѣрьяхъ: Буряты не имѣютъ никакихъ понятій о физическихъ причинахъ болѣзней; они не знаютъ слова простуда, всякая внутренняя и наружная болѣзнь, за исключеніемъ развѣ поруба, порѣза, ушиба и т. п., приписывается сверхестественной причинѣ; поэтому и лѣченіе болѣзней, по мнѣнію Бурятъ, возможно только посредствомъ колдовства; цѣлебное же свойство травъ и другихъ произведеній природы, за исключеніемъ минеральныхъ источниковъ, шаманистамъ - Бурятамъ не извѣстно. Въ числѣ причинъ болѣзней одною изъ главныхъ является исчезновеніе души изъ тѣла; Буряты допускаютъ существованіе въ человѣкѣ двухъ душъ; такое представленіе, по видимому, является, какъ объясненіе страннаго явленія сновидѣній у спящихъ людей. Буряты думаютъ, что въ то время, какъ одна душа во время сна остается въ тѣлѣ спящаго человѣка, другая, которая называется худыгын²⁾, бродитъ въ разныхъ мѣстахъ, бываетъ въ поляхъ, въ тайгѣ и т. д. Если къ утру что-нибудь помѣшаетъ попасть ей обратно въ тѣло, человѣкъ пробуждается безъ души; онъ тотчасъ же начинаетъ болѣть. Задержаніе души внѣ тѣла можетъ происходить отъ разныхъ причинъ: душа во время ночныхъ прогулокъ могла заблудиться въ тайгѣ или вообще въ пустынѣ, или вер-

¹⁾ Двѣ жертвы Шарътехе и Уланъ-хорюгонъ называются алба; онѣ совершаются ради только мальчиковъ, почему мальчики и называются албатай, дѣвочки же зовутъ—албаугей.

²⁾ О смерти не говорятъ: „худыгын“ оставила тѣло, а дыханіе, „амин“, прекратилось.

нувшись къ тѣлу, не можетъ найти входъ въ него (худыгын хойга), или наконецъ, она похищена послами Ерликъ-хана. Каждую ночь Ерликъ высылаетъ двухъ своихъ ельчи, пословъ, ловить шатающіяся души людей; ельчи схватываютъ душу и увлекаютъ ее въ ерликовъ „тамы“. Это вѣрованіе такъ распространено между Бурятами, что по улусамъ можно собирать разказы очевидцевъ или свидѣтелей подобныхъ похищеній. Случилось, на примѣръ, Буряту или Буряткѣ выйти въ полночь изъ юрты; она прислушивается и различаетъ въ ночномъ воздухѣ какой-то шумъ, происходящій возлѣ юрты одного изъ сосѣдей ¹⁾, какъ будто идетъ какая-то борьба; затѣмъ раздается тонкій, едва слышимый крикъ или плачь, который постепенно затихаетъ съ шопотомъ удаляющихся ногъ ²⁾. На другой день Бурятка возвѣщаетъ своей семьѣ, что сегодня ночью ерликовы ельчи унесли чью-то душу, которую схватили, когда она проходила мимо избы такого-то ³⁾. Вѣсть эта облетаетъ улусъ; гдѣ-нибудь въ это время прихворнетъ человѣкъ, и его болѣзнь сейчасъ же сопоставляется съ ночнымъ происшествіемъ. Призванный къ постели больного шаманъ долженъ прежде всего опредѣлить, отчего заболѣлъ человѣкъ: заблудилась ли его душа, и находится гдѣ-нибудь въ нежиломъ мѣстѣ, или она тутъ, но не умѣетъ войти

¹⁾ На зимникахъ юрты или избы Буряты строятся на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ сажень одна отъ другой.

²⁾ Когда Ерликовы послы ловятъ бродячую душу, слѣдуетъ молчать; посторонній разговоръ испугаетъ пословъ, помѣшаетъ имъ исполнить свое дѣло, и тогда они вмѣсто той души унесутъ душу помѣшавшаго имъ. Г. Адриановъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая: чесавшій шею ягненокъ завязилъ шею въ пряслахъ и задышался въ судорогахъ; Бурятъ-ямщикъ не рѣшился освободить его боясь, что та же сила, которая его тутъ засадила, за освобожденіе его, похититъ большаго барана.

³⁾ Буряты указываютъ стариковъ, которые знаютъ и видятъ, когда ерликовы ельчи изловляютъ бродячія души; въ Халтинскомъ улусѣ этимъ вѣдѣніемъ отличался нынѣ умершій уже старикъ Балтырь. Къ такимъ старикамъ заходятъ сами ерликовы ельчи и оповѣщаютъ, чья душа намѣчена. Встаетъ Балтырь утромъ и проговаривается своей женѣ, что сегодня душу такого-то поймали. Жена тихоночь сообщаетъ сосѣдѣ; слухъ дойдетъ до человѣка, душа котораго изловлена, и онъ ѣдетъ къ Балтыру. Балтырь сначала отпирается, говоритъ, что это баба выдумалъ, но потомъ произноситъ многозначительное арга бедирхэ, то-есть, нужно искать исхода.

въ тѣло, или наконецъ, она въ темницѣ Ерлика. Предварительное камланье даетъ отвѣтъ шаману: если онъ находитъ ее возлѣ, тогда задача лѣченія простая; нужно только вставить ее въ тѣло больного, что шаманъ посредствомъ особыхъ дѣйствій и совершаетъ; если ее нѣтъ возлѣ, шаманъ отправляется искать ее по всему свѣту, въ дремучихъ лѣсахъ, въ степяхъ, на днѣ морскомъ; если онъ найдетъ ее, опять приноситъ ее въ улусъ и вставляетъ въ тѣло. Душѣ, ловимой шаманомъ, можетъ прійти капризъ ускользнуть отъ его преслѣдованій; она или бѣжитъ туда, гдѣ ходили бараны,—слѣды души смѣшиваются съ слѣдами бараньихъ ногъ, и шаманъ не можетъ отличить ихъ; или она убѣгаетъ къ барунъ хатамъ (юго-западнымъ хатамъ), то-есть, къ Буханоину и Бадунъ-хатунѣ. Здѣсь она бзопасна отъ преслѣдованій шамана. Но если души нигдѣ нѣтъ въ предѣлахъ нашего міра, значитъ—она похищена Ерликомъ; тогда шаману приходится совершать трудный, сопряженный съ опасностями путь въ Ерликово подземное царство, а больному это обходится дорого, такъ какъ на умиловленіе Ерликъ-хана требуются жертвы. Но не всегда Ерликъ бываетъ удовлетворенъ жертвами изъ домашнихъ животныхъ; онъ требуетъ въ замѣнъ заточенной души другую душу, притомъ такую, которая ему также понравилась бы, какъ и та, которою онъ уже завладѣлъ. „Кто у тебя самый близкій другъ?“ спрашиваетъ шаманъ больного. Если больной не на столько великодушенъ, чтобы любить своего друга больше себя, онъ выдаетъ своего друга. Тогда шаманъ продолжаетъ камлатъ и ловить душу друга больного въ то время, когда тотъ спитъ, то-есть, дѣлаетъ то же, что дѣлаютъ Ерликовы ельчи. Душа, преслѣдуемая шаманомъ, обращается въ жаворонка, шаманъ обращается въ ястреба, изловляетъ душу и доставляетъ Ерлику, который и отпускаетъ въ замѣнъ ея душу, взятую его ельчамъ. Больной выздоравливаетъ, но его другъ начинаетъ болѣть и умираетъ. Впрочемъ эта замѣна дѣйствительна только на срокъ; больной можетъ сохранить жизнь только на трѣ, на семь или на девять лѣтъ; поэтому онъ проводитъ остатокъ своей жизни въ кутежахъ. Другіе Буряты не соглашались на замѣну душой своего друга; дружба побѣждаетъ страхъ передъ смертью.

Нѣкоторые жертвоприношенія совершаются на дворѣ или на

улицъ, другія, какъ напимѣрь, халтинскому убугуну или тарасинскимъ шаманамъ,—внутри дома. При жертвоприношеніи на улицѣ кости жертвы сжигаются на жертвенникѣ, который называется ширэ. Сжигаются кости, ноги, голова и горло съ небольшою частью легкихъ, то-есть, преимущественно вещи, неудобосъѣдомыя или совсѣмъ не съѣдомыя. Огонь раскладывается подъ жертвенникомъ; когда кости и другія вещи на него сложены, огонь усиливаютъ; колья, поддерживающіе жертвенникъ, подгораютъ, — жертвенникъ и лежащее на немъ падаетъ въ середину костра. „Цзурь-мыгынъ“, то-есть, кусокъ брюшины, обернутый саломъ и обмотанный тонкою кпшкой, вѣшается на сучокъ одного изъ кольевъ, поддерживающихъ жертвенникъ; онъ также предназначается въ жертву и долженъ бы сгорѣть, но когда огонь подойдетъ подъ этотъ кусокъ, и онъ начнетъ подгорать, схватываютъ его съ сучка и съѣдаютъ.

Жертвоприношеніе „гушпнъ тоготу“, то-есть, „тридцатикотловое“, нынѣ уже не бываетъ; о немъ только старики разсказываютъ. При этомъ устраивался будто бы шалашъ въ родѣ того, какъ при посвященіи шамана. Совершившій это жертвоприношеніе смотрѣлъ съ высокомяремъ на тѣхъ, которые приносили жертвы только хатамъ. Онъ считалъ себя огражденнымъ отъ всякихъ несчастій; всѣ духи и Ерликъ имъ были задобрены, и не откуда ему было ждать напасти. Онъ говорилъ: Би загала доудан хунэ или хусэн хунэ, то-есть: „я человѣкъ, окончившій всѣ загалы“ (жертвы); онъ называлъ себя: догурхэ бохолдэяга айха угей хунэ, „человѣкомъ, не боящимся низшихъ бохолдеевъ“. Жертвоприношеніе „гушпнъ тоготу“ приносилось только тогда, когда домохозяинъ совершилъ постепенно въ теченіе своей жизни всѣ обязательныя жертвы: хатамъ, то-есть, Бухановну и его семейству, мѣстнымъ убугунамъ и домашнимъ онгонамъ.

При нѣкоторыхъ жертвахъ посуду, бывшую подъ молокомъ, въ теченіе трехъ дней не вносятъ въ домъ, и мясо также; при другихъ же вносить не возбраняется.

Когда дархатскій дзайранъ камлаетъ, семья или больной торгуется съ вызваннымъ имъ онгытомъ. Онгытъ требуетъ непомятой жертвы; мать семейства, услышавъ это, кричитъ: „Сколько тебѣ уже закололи овецъ, а все еще не доволенъ, какой больше-

ротый (ямыр ики амьтей цатхуга байна). Видно у тебя вовсе силы нѣтъ, что не можешь сдѣлать, чего отъ тебя просятъ!“ Онгытъ потпхоньку сбавляетъ, пока, наконецъ, шаманъ не уговоритъ его ограничиться лоскуткомъ или яламой. Теперь дзайранъ торопитъ его въ дорогу: Джуреръ! джуреръ! кричитъ онъ ему. Онгытъ смиренно говоритъ: Джа, джуреръ, джуреръ! иду, иду! На пути онъ еще разъ останавливается, оборачивается назадъ и говоритъ: Нельзя ли прибавить! Дзайранъ безъ церемоніи ругаетъ его словомъ „каташы!“ (эта брань есть и у Алтайцевъ) и гонитъ дальше.

Жалобы на то, что онгоны стоятъ дорого, повсемѣстны. Аларскіе Буряты, показывая мнѣ своихъ онгоновъ, говорили: „Страсть обжорливы, какъ овцы! По многу ѣдятъ“.

Бываютъ и другія причины болѣзней, кромѣ плутанія души; иногда ихъ насылаютъ духи. Призванный шаманъ узнаетъ сначала, какимъ духомъ наслана болѣзнь. Напимѣрь, если помнятъ, что умеръ кто-нибудь постоянно страдавшій животомъ, и если у кого изъ живыхъ заболитъ животъ, разужаютъ утхэ покойника и брызгаютъ ему.

Если гдѣ бываетъ горячка, туда много съѣзжается шамановъ; о горячкѣ говорятъ: хадут буга, то-есть, „хаду спустились“. Это особенные духи, ни барун-хаты, ни дзонъ-хаты.

При сифилисѣ также приносятъ жертву, обыкновенно чернаго барана: жертвенникъ устраивается на сѣверъ отъ жилья. Это не хорошая жертва; никто въ ней добровольно не участвуетъ, и „хурика“, то-есть, выставленной шкуры, боятся.

Во время жертвоприношеній вообще женщины сидятъ вдали за огнемъ. Въ „пхп-засалъ“, въ большомъ жертвоприношеніи, женщины вовсе не допускаются,—только одна хозяйка присутствуетъ. При нѣкоторыхъ жертвоприношеніяхъ даже дѣтямъ возбраняютъ присутствовать.

Алтайцы приносятъ жертву огню послѣ перваго грома. При этомъ колятъ рыжеголоваго барана, сарбашту кой; подлѣ огня кладутъ на четырехъ углахъ тряпки, въ рукахъ также держатъ тряпки, камъ въ это время камлаетъ вокругъ костра. Огонь Алтайцы называютъ от енем, мать-Огонь.

У Дюрбютовъ обрядъ жертвоприношенія огню можетъ быть совершенъ свѣтскимъ человѣкомъ, хара-хунемъ, безъ ламы. Ко-

лать барана на западной сторонѣ отъ юрты на бѣломъ войлокѣ, исполнителемъ этой процедуры отнюдь не бываетъ самъ хозяинъ, а кто-нибудь другой, — такой, у кого ни отецъ, ни мать, ни братья, ни сестры не умирали. Отъ бараньей тушки отрѣзываютъ зюльду, то-есть, грудную часть съ внутренностями и нижнюю челюстью (такъ вырѣзываютъ зюльду и алтайскіе охотники, приносятъ его въ домъ и вѣшаютъ отъ входа на западъ, гдѣ у Алтайцевъ висятъ пенаты). Очистивъ мясо, грудную часть (зюльду) вмѣстѣ съ мясомъ варятъ въ котлѣ; нѣкоторые присутствующіе вынимаютъ кости изъ котла, а остальную мелочь (сердце, легкое и проч.) завертываютъ въ зюльду и завязываютъ бѣлымъ шерстянымъ шнуркомъ. Сваривъ, хозяинъ вынимаетъ мясо изъ котла, колеблетъ имъ въ воздухѣ и читаетъ молитву, держа въ рукѣ „сумынь“¹⁾, то-есть, палочку съ пятью наконечниками, къ которымъ привязаны „пять цвѣтовъ“, то-есть, трипочки пяти цвѣтовъ. Остальные присутствующіе держатъ чашки съ сыромъ, молокомъ и проч. Чтецъ воспылаетъ: Балбы орунаса алтын кишик хурэй, хурэй, хурэй! Китат орунес иден кишик хурэй, хурэй, хурэй! Тибет орунэс номын кишик хурэй, хурэй, хурэй! То-есть: „Съ балбинской стороны золотое довольство приди (?), съ китайской стороны довольство въ пищѣ приди, съ тибетской стороны духовное (книжное) довольство приди!“ Всѣ, колебля въ воздухѣ чашами съ сыромъ и т. п., кричатъ: хурэй! Это мясо послѣ обряда въ теченіе трехъ дней не ѣдятъ; по истеченіи же этого срока хозяинъ раздаетъ мясо только своимъ семейнымъ. Нѣкоторые даютъ и постороннимъ.

Урянхайцы (Тува) поклоняются (тагыр) огню, льютъ масло и бросаютъ сало въ огонь; при этомъ держатъ въ рукахъ сыръ (пиштакъ) и кричатъ: куруй! куруй!

Алтайцы имѣютъ особый родъ жертвы, который называется тебиш, что буквально значитъ „сѣльница“. Это—жертвы родителямъ и дѣдамъ, по словамъ о. Чивалкова. По другому показанію, тебиш устраивается по случаю болѣзни, и жертва эта приносится разнымъ духамъ, въ томъ числѣ „тюнгурчэку“; показаніе это, по видимому, не противорѣчитъ предыдущему, по крайней мѣрѣ по

¹⁾ Сумынь—стрѣла.

духу своему. Убиваютъ барана не рѣжа, а задушая; затѣмъ вырѣзаютъ изъ его тушки въ видѣ цѣльнаго куска голову, горло легкія и печень, и какъ эти части, такъ и остальное мясо, варятъ; немного поваривъ, голову съ висящими на ней частями кладутъ въ тебишъ; камъ держитъ ее передъ собою и произноситъ алкышъ; послѣ того выкладываютъ эти части передъ „якомъ“¹⁾, а остальное мясо довариваютъ и съѣдаютъ.

Во время жертвоприношенія огню у Аларскихъ Бурятъ ставятъ подлѣ огня ведро со смѣтаной, въ которое опущена стрѣла (утка); эта смѣтана поѣдается въ теченіе трехъ дней, и во все это время стрѣла остается въ ведрѣ. Послѣ жертвоприношенія огню три дня изъ дому ничего не даютъ, даже воды и трубки съ табакомъ. Во время жертвоприношенія пересматриваютъ, нѣтъ ли въ юртѣ чужихъ вещей, и возвращаютъ ихъ хозяевамъ; это дѣлается изъ опасенія, что хозяинъ вещи, вмѣсто своей, можетъ, по ошибкѣ, унести вещь, принадлежащую дому. Или объявляютъ всѣмъ, чтобъ тѣ, кто имѣетъ свои вещи въ домѣ, взяли ихъ.

У Алтайцевъ существуетъ обычай приносить жертвы у обо, то-есть, у кучъ, сложенныхъ изъ камней и называемыхъ такылганъ. Къ кому онѣ относятся, къ самому ли обо, или къ духу урочища, я себѣ не уяснилъ.

Возліаніе по алтайски называется чачылгы. Возліаніе молокомъ, по увѣренію Алтайцевъ, производится въ честь Кайракана, лама вѣшается въ честь Джанка, Ульгеню же и Ерлику приносятся кровавыя жертвы. Возліанія производятся во время грома и при началѣ всякаго камланья. Телеуты, когда дѣлаютъ возліаніе, протяжно восклицаютъ: чээк! Алтайцы же произносятъ это восклицаніе коротко: чѣк! Говорятъ: чѣктѣб јат, то-есть: „онъ дѣлаетъ возліаніе“.

Урянхайцы льютъ молоко въ честь ужютовъ; подъ именемъ ужют или узют Урянхайцы разумѣютъ тѣхъ духовъ, которыхъ призываютъ камы; поэтому они называются: хамнынъ джиме, то-есть, шаманскія вещи.

Первый выходъ вина изъ „буркеля“ у Урянхайцевъ наливается въ чашку, и хозяйка сначала брызжетъ на „прена“ (опгона), ви-

¹⁾ Якъ—шпуръ съ заячьей шкуркой и яламой, хранящійся въ чехлѣ въ юртѣ противъ дверей.

сящаго надъ дверью, потомъ три раза на „иреня“, висящаго передъ дверью у задней стѣны, потомъ льетъ немного на огонь.

Буряты брызгаютъ, кромѣ хатовъ, филину (шарьшибо), а также орлу (хоньшибон). Для куренія во время жертвоприношеній и камланья Аларскіе Буряты употребляютъ можжевельникъ арса, а также траву гангъ (*Thymus Serpillum* или *Oryganum vulgare?*). Шаману во время шаманскаго обряда даютъ въ руку жодо, то-есть, березовую вѣтвь длиной въ 1½ четверти аршина; комель вѣтки заостренъ, вершина тупо обрублена, а ниже вершины оставленъ цѣлый сучекъ, къ которому навязываютъ зала, если же просьба къ духамъ важная, то — залъчушку; верхній конецъ жодо расщепленъ, и въ расщепъ вставляется пихтовая кора ¹⁾, которая при этомъ зажигается. Шаманъ, умѣющій владѣть этимъ талисманомъ, называется жодотэй бо. Жодо употребляется только при кровавыхъ жертвоприношеніяхъ.

У каждаго улуса есть мѣсто, гдѣ всякій отъѣзжающій изъ улуса куритъ съ духами трубку или брызжетъ водкой; при этомъ онъ говоритъ: урду минн харан болхн, хойни баран балхн. Урянхайцы на охотѣ устраиваютъ сан, то-есть, куреніе можжевельникомъ на ургѣнѣ; ургѣн — треножникъ, на который кладется дощечка, а на дощечку угли; на угли кладутъ можжевельникъ (по урянхайски артыш). Подобныя куренія на ургѣнѣ устраиваются и въ томъ случаѣ, когда молятся о приплодѣ скота. Они предназначаются въ честь Оранъ-телегеня.

Посвященіе животныхъ божествамъ распространено по всей странѣ. По монгольски такое посвященное животное называется сэтэртэй, по алтайски — джанкъ или микъ, по урянхайски — отыкъ (или одык).

Сальджаки коню одыку или адыку вяжутъ въ гриву только яламу и хадаки (шелковые тряпочки), а Киргизы-Урянхайцы — зайца-бѣляка (котан); тѣ же Киргизы вороного коня дѣлаютъ адыкомъ, привязывая ему въ гриву медвѣжьей волосъ; на этомъ конѣ ночью запрещается ѣздить; онъ называется туне одо ат.

Обычай посвящать лошадей божеству существуетъ и у Тун-

¹⁾ Пихта по бурятски — жодо, пихтовая кора — жодонн холтогон; отсюда, вѣроятно, и названіе курительнаго орудія.

кинскихъ Бурятъ; такихъ лошадей Буряты зовутъ сетертэ или онгонъ; я лама же по бурятски называется адыкъ или цзурмытеген. Аларскіе Буряты навязываютъ яламу въ честь Буха-ноина рогатому скоту; такое животное зовутъ онгонъ, а яламу — залъ и также хадыкъ. Увѣшиванье деревьевъ яламой или залой, то-есть, лентами, существуетъ у Алтайцевъ, Урянхайцевъ, Дархатовъ и Бурятъ. Тункинскіе Буряты эти навѣшанныя на деревьяхъ ленты называютъ модон сумени.

6. Онгоны.

Домашнихъ фетишей, которые встрѣчаются только на крайнемъ сѣверѣ Монголіи — у Алтайцевъ, Урянхайцевъ (Тува), Дархатовъ и Бурятъ, я называю въ своей книгѣ монгольскимъ именемъ онгонъ, хотя ни Алтайцы, ни Урянхайцы этого имени не употребляютъ. Я потому прибѣгъ къ помощи монгольскаго языка, что у Тюркскихъ племенъ нѣтъ общаго имени для фетишей, тогда какъ Монголы называютъ всѣхъ урянхайскихъ фетишей безъ различія именемъ онгонъ.

У Алтайцевъ самый распространенный онгонъ — такъ-называемый джаикъ. Въ разныхъ мѣстахъ это имя произносится различно: джаик, яик, ник, иик. Этимъ именемъ называется шкурка бѣлаго зайца, прикрѣпленная къ серединѣ шнура въ сажень и болѣе длиной; къ ушамъ, переднимъ и заднимъ ногамъ и къ хвосту зайца пришиты длинныя и узкіе лоскутки цвѣтной бязи въ палецъ или въ два шириной и до 1½—2 четвертей длиной; эти лоскутки называются яламъ. Подобная же ялама навязана и къ самому шнуру отъ одного конца его до другаго ¹⁾; весь этотъ онгонъ бываетъ обыкновенно свернутъ и уложенъ въ войлочный мѣшечекъ, который завязывается завязкой и всегда виситъ на кереге противъ дверей, гдѣ у буддистовъ обыкновенно помѣщается божница. Если въ юртѣ имѣется нѣсколько онгоновъ, мѣсто противъ дверей всегда занято джаикомъ. Когда въ юрту по какому-нибудь случаю приглашается камъ камлатъ, джаикъ растагивается передъ дверями

¹⁾ См. табл. XVIII, фиг. 80.

юрты на березки. Не во всякой куртѣ, говорятъ, встрѣчается джайкѣ; у нѣкоторыхъ онѣ замѣняется другимъ онгономъ. „Иному“, объясняли мнѣ Алтайцы, — „джайка держать не только не полезно, но даже вредно“. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ юртахъ Алтайцевъ, въ которыхъ мнѣ приходилось входить, я находилъ джайкѣ.

У Кокчулутуновъ или Сойоновъ, живущихъ въ вершинахъ р. Кобдо, также есть джайки, но они замѣняютъ это имя другимъ именемъ: ерень. Это заключеніе я сдѣлалъ изъ слѣдующаго обстоятельства: Въ Кошагачѣ (на Чуѣ) я встрѣтилъ Сойонку поколѣнія Ирхитъ съ вершины р. Камду, какъ она сама назвала рѣку; по разъясненію оказалось, что она назвала такъ р. Кобдо ¹⁾. Она мнѣ сказала, что у Сойоновъ, ея сородичей, джайка нѣтъ, но есть ерень; изъ ея описанія было видно, что это — тотъ же заяцъ съ яламой; кромѣ того, по ея же словамъ, Сойоны дѣлаютъ ерени и въ видѣ куколки, изображающей человѣка; смыслъ ея показанія, по видимому, такой: у Сойоновъ плени „джайкѣ“ нѣтъ, а слово это замѣняется другимъ: ерень. Затѣмъ она прибавила, что есть два ерени, одинъ Кудай-окту, другой Джеръ-окту, то-есть, одинъ ерень — божескаго или небеснаго происхожденія, другой — земнаго. Который же изъ двухъ ереней небеснаго происхожденія, заяцъ или куля, понять было нельзя.

По словамъ Алтайцевъ, джайкѣ ставится въ честь Джайка.

У Урянхайцевъ на Улухемѣ зайцы-фетиши называются аг-ирень, то-есть, „бѣлый ирень“; сосѣдніе Монголы, напримѣръ, Халхасцы караульной линіи, переводятъ это имя на свой языкъ словами цаган-онгытъ, то-есть, „бѣлый онгонъ“. Мнѣ самому не удалось видѣть зайца у Урянхайцевъ; у Сальджановъ же, кажется, нѣтъ зайцевъ, а вмѣсто того куклы, пришитыя внутри войлочнаго мѣшочка. Имя же ирень или ерень распространено вплоть до оз. Терьхулъ по всей Урянхайской странѣ; этимъ именемъ здѣсь называютъ шаманскій плащъ. Я былъ очень удивленъ, когда во время стоянки въ долину р. Бурень-гола, я вошелъ въ юрту одного сальджан-

¹⁾ Камду — по алт. выдра; ср. также бурятское имя выдры хобъ (Pall. Zoogr., I, 77). По видимому, Хобдо то же самое, что киргизское Супту, „выдрова“, какъ называется одинъ притокъ Чернаго Иртыша.

скаго кама и попросилъ его показать его ирень; вмѣсто зайца онъ выложилъ передо мною большой мѣшокъ, въ которомъ, какъ оказалось, когда я его опорожнилъ, лежалъ шаманскій плащъ. Названіе ерень для плаща, кажется, извѣстно и Алтайцамъ. Одинъ камъ на р. Чуѣ на мой вопросъ, кто такой былъ ерень, отвѣчалъ: „Ерень — это камъ, который имѣетъ маньякѣ“.

Одинъ Халхасецъ, долго жившій между Урянхайцами, разказалъ мнѣ такое повѣрье о началѣ заведенія аг-ирени: „Одинъ старикъ Урянхаецъ охотникъ застрѣлилъ зайца бѣляка, цаган шпиндага, снялъ сумочкой (то-есть, безъ продольнаго разрѣза) и спрашиваетъ старуху, что бы сдѣлать изъ него пригодное. Старуха сказала: „Сдѣлаемъ изъ него цаганъ-онгытъ“. Набили его травой и поставили противъ дверей. Однажды старикъ заболѣлъ и призвалъ кама; тотъ сталъ камлатъ, и цаганъ-онгытъ явился каму. Съ той поры стали почитать цаганъ-онгыта. Эта вѣра началась недавно, распространяется отъ Кемчика, а на Терьхулѣ ея еще нѣтъ“.

Между Урянхайцами я записалъ отъ разныхъ лицъ слѣдующія повѣрья: Ерень прежде былъ куртъ, „червь“ (?) На его голову упала молнія, и онъ сталъ камомъ. Акъ-ирень слетѣлъ съ неба; его камы призываютъ, когда камлаютъ. Акъ-ирень и Улу-кайраканъ (см. выше, стр. 77) — одно и то же лицо. Акъ-ирень падаетъ съ неба въ бубенъ, когда камъ камлаютъ; его никто не видитъ, кромѣ самого хама.

Въ Алтаѣ же отъ Алтайцевъ я слышалъ: Ерень былъ могущественный камъ съ бубномъ и маньякомъ. „Ерень кемчикъ окту“, то-есть: Ерень родомъ изъ Кемчика. „Его призвалъ къ себѣ Кайраканъ“.

Кромѣ джайка, у Алтайцевъ есть еще и другіе онгоны. 17-го мая 1879 г. на Айгулакѣ я заѣхалъ въ юрту одного Алтайца; противъ дверей у него висѣлъ войлочный мѣшочекъ; въ немъ, по словамъ хозяина, хранился джайкѣ, вѣдь отъ него по берегу были развѣшены другіе пенаты: два квадратные лоскута съ пришитыми къ нимъ тремя куколками на каждомъ, которыя изображали „небесныхъ дѣвъ“, тэнгріи кыстар; головы куколокъ были увѣнчаны пучками совиныхъ перьевъ; къ одному лоскуту, кромѣ того, было пришито три жгутика съ красною бахромой на концахъ; хозяинъ юрты назвалъ ихъ маньякѣ. Наконецъ, еще лѣвѣе былъ горизонтально протянутъ

шнурокъ, на которомъ навѣшана ялама, шкурка бѣлки и лисья морда; это—Сару-чалъ ¹⁾).

На Чуѣ, въ юртѣ богатаго Теленгита Белека противъ дверей мы нашли подвѣшенную шкурку бѣлаго зайца безъ шнура и не въ войлочномъ мѣшочкѣ, а открыто висѣвшую; уши, ноги и хвостъ зайца были снабжены красною и бѣлою яламою. Одинъ изъ сидѣвшихъ въ юртѣ туземцевъ пояснилъ, что этотъ онгонъ называется Булутъ-ганъ ²⁾, хозяйка же назвала его просто джаикъ. На вопросъ, почему онъ называется „царемъ облаковъ“, намъ отвѣтили только, джаикъ кудаиданъ тушкан, „Джаикъ сошелъ съ неба“ (собственно отъ Бога). Влѣво отъ джаика висѣлъ маленький бубенъ; онъ былъ сдѣланъ въ родѣ большаго, но безъ шкуры; внутри обода двѣ поперечины; баръ или вертикальная поперечина имѣла на верхнемъ концѣ вырѣзанное лицо, а въ нижнемъ развилоу; на деревянномъ кришѣ было нанизано девять деревянныхъ кунгрю ³⁾. Его назвали намъ Кайраканъ; зовутъ этотъ онгонъ, также и тюнгурчекъ — уменьшительное отъ тюнгуръ, бубенъ. На немъ было повѣшено за углы два квадратные куса синей и красной бязи, а правѣе отдѣльно на веревкѣ еще два такіе же; это были кайраканныи джаигы, то-есть, „джаики Кайракана“; хозяйка же назвала ихъ кыакъ, при чемъ объяснила, что джаикъ и кыакъ—одно и то же. У дверей съ лѣвой стороны, то-есть, съ восточной, такъ какъ юрта стояла дверью на югъ, было еще два онгона: Самай и Калымъ; подъ Самаемъ разумѣли шкуру какого-то звѣрка съ подвѣшенною на ней яламою ⁴⁾; Калымъ—это была медвѣжья лапа на шнуркѣ, на которомъ, кромѣ того, было прикрѣплено семь жгутиковъ (это, по

¹⁾ По показанію одного Алтайца, тѣмъ же именемъ Сару-чалъ называется онгонъ, который вѣшается у дверей и состоитъ изъ шкуры колонка (сарас) съ желтою яламою; его зовутъ также Кутанъ и Чакырби. Ему дѣлаютъ талгу изъ лошади, а также соловую лошадь въ честь его дѣлаютъ „янкомъ“, то-есть, обвѣшиваютъ яламою. Сары или сару значить желтый; чалу имѣетъ три значенія въ алтайскомъ: 1) шаманскій бубенъ, 2) вывѣшиваемые ленты или ялама, во множ. числѣ чалулар, и 3) силы, подвластные каму.

²⁾ Буквально: „облако-царь“.

³⁾ См. табл. XX, ф. 87.

⁴⁾ Теленгиты утверждали, что Самгай всегда дѣлается безъ жгутовъ и состоитъ только изъ шнурокъ бѣлыхъ съ яламою.

толкованію самихъ Теленгитовъ, семь змѣй), два русскіе изломанные замка и изломанныя ножницы.

Въ аилѣ Белека мы заказали себѣ сдѣлать ерени, и женщины Теленгитки спили намъ онгона, который представленъ на таблицѣ XXII ф. 95. Онъ состоитъ изъ лоскута бязи въ 2½ четверти длины и 2 четверти ширины; къ верхнему краю лоскута пришито три куколкы изъ цвѣтныхъ лоскутковъ; къ концамъ рукавовъ пришиты мѣховые лоскутки, а къ головамъ пучки совиныхъ перьевъ; судя по этому головному украшенію, куклы изображаютъ шамановъ или шаманокъ; по показанію нѣкоторыхъ Теленгитовъ, куклы означаютъ „небесныхъ дѣвъ“, тэнградыи кыз. Къ верхнему же краю лоскута пришиты шкурка хорька, три лентообразныя трипочки изъ бязи и шесть жгутиковъ отъ 2 до 3 четвертей длиной и въ мизинецъ толщиной, обшитыхъ матеріей разнаго цвѣта; верхніе концы жгутиковъ—тупо заостренные, слегка напоминающіе голову змѣи; нижніе концы имѣютъ видъ кисточекъ, сдѣланныхъ изъ цвѣтныхъ ленточекъ; мѣстами жгуты перетянуты битью. Вмѣсто хорька иногда пришивается шкурка бѣлки, бурундука или другаго мелкаго звѣрка ¹⁾.

Деревянныхъ истуканчиковъ намъ не довелось видѣть у Алтайцевъ, но существованіе названія для нихъ „курмежекъ“, которое мы слышали, свидѣтельствуетъ о существованіи и самихъ истуканчиковъ.

Г. Ядринцевъ передалъ намъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ онгонахъ у Черневыхъ Татаръ и Кумандинцевъ. У тѣхъ и у другихъ встрѣчаются тюнгурчеки или маленькіе модели бубновъ. Они состоятъ изъ обода съ двумя поперечинами: вертикальной—марсъ и горизонтальной—кришъ; на послѣдней вмѣсто кунгрю нанизаны четыре деревянные кружка, которые называются суыръ, серьги; къ этой же поперечинѣ бываетъ подвязана связка изъ лентъ, кялова, буквально „кисть“. Ободъ иногда бываетъ обтянутъ брюшиной. Къ модели бубна присоединяется и модель колотушки, орбосы. Эти модели Черневые Татары называютъ „тюручекъ“ ²⁾.

¹⁾ На стоянкѣ у Белека я услышалъ отъ Теленгитовъ слово натагай хотя они примѣняли его къ куколкамъ онгона, но потомъ разъяснили, что такъ зовутъ только дѣтскія куклы.

²⁾ Табл. XX, фиг. 86.

Кромѣ этихъ тюручековъ, въ жилищахъ встрѣчаются небольшіе идолы съ мѣдными пуговками вмѣсто глазъ; они называются у Кумандинцевъ терджалы, у кузнецкихъ Черневыхъ Татаръ куртоякъ. Къ шейкѣ или къ рукамъ идола привязываются бѣличьи хвостики ¹⁾. У Шелькальцевъ, по разказамъ, встрѣчаются идолы о двухъ головахъ. Ихъ обрызгиваютъ брагой послѣ охоты.

У Алтайцевъ г. Ядринцевъ также, какъ и я, видѣлъ тюнгурчекъ, которые Алтайцы ему называли турместимъ тумыр въ отличіе отъ настоящаго шаманскаго бубна, называемаго кудайтимъ тумыр; алтайскіе тюнгурчекъ всегда дѣлаются съ баромъ, то-есть, на вертикальной поперечинѣ имѣется пзображеніе человѣческаго лица, чего на бубнахъ и ихъ моделяхъ у Черневыхъ не встрѣчается. Иногда тюнгурчекъ у Алтайцевъ комбинируются съ маньякомъ или шнуромъ съ яламой. Такъ г. Ядринцеву рисовальщикомъ Падеринимъ былъ доставленъ рисунокъ онгона, состоявшаго изъ тесьмы съ яламой; къ серединѣ тесьмы подвѣшенъ тюнгурчекъ съ изображеніемъ бара внутри. Съ лѣвой и съ правой стороны къ тесьмѣ прикрѣплены деревянные фигуры въ родѣ идола терджалы, а на обоихъ внѣшнихъ концахъ тесьмы привязано по лапѣ какой-то хищной птицы ²⁾. Иногда тюнгурчекъ подвѣшивается и на срединѣ отвѣсно висящей полосы ³⁾.

Кромѣ тюнгурчековъ, г. Ядринцевъ видѣлъ и другіе онгоны, какъ напримѣръ, пластину изъ синей бязи, пришитую къ шнуру; къ шнуркамъ, пришитымъ къ двумъ верхнимъ угламъ лоскута, съ каждой стороны подвѣшено по четыре желѣзные подвѣски, какія бывають на бубнахъ; у верхняго края лоскута пришиты двѣ мѣдныя пуговицы, а къ срединѣ ея двѣ ленты, красная и синяя; этотъ онгонъ называлъ г. Ядринцевъ Куреместенготхуны ⁴⁾. Другой онгонъ состоялъ изъ лоскута бѣлой бязи, на которомъ посредствомъ красной краски представлено камланье, то-есть, нарисованъ шаманъ съ орбо въ рукѣ и отдѣльно отъ него бубенъ; къ сердцу бубна пришитъ пучокъ

¹⁾ Табл. II, фиг. 35.

²⁾ Табл. II, фиг. 37.

³⁾ Табл. II, фиг. 36.

⁴⁾ Табл. I, фиг. 31.

яламы ¹⁾. Въ той же куртѣ, въ которой находился этотъ онгонъ, былъ и деревянный тюнгурчекъ, посвященный по словамъ обитателей юрты Ору-куремесю и Улутъ-хану (Будутъ-хану?), занявъ шкурка съ яламой на ушахъ, лапахъ и хвостѣ, такъ-пазываемый „чаикъ“, посвященный Улутъ-ханъ-куремесю, а у дверей шнуръ, на которомъ находятся медвѣжья лапа и рядъ бѣличьихъ шкурокъ; медвѣжья лапа посвящается Кара-куремесю, бѣлки Сангай-куремесю.

У Урянхайцевъ на Улукхемѣ и Хакемѣ мы стали встрѣчать онгонъ Емегельджинъ или Емегенъ ²⁾; этотъ онгонъ устраивается тѣмъ, кто не имѣетъ дѣтей (у кого они не родятся, или родятся да умирають). Емегельджинъ состоитъ изъ четвероугольнаго дабоваго лоскута, на которомъ нашиты куколки съ руками и ногами; на головахъ куколокъ сдѣланы мѣховыя шапки; къ животу куколокъ пришиваются пучки яламы, или какъ Урянхайцы произносятъ, джалама; на лицахъ тремя бисеринками намѣчены глаза и носъ; вмѣсто шапочекъ пришить лоскутокъ отъ шкурки бѣлки или другаго звѣрка; такіе же лоскутки пришиты къ концамъ рукъ вмѣсто ошлаговъ. Этотъ лоскутъ имѣетъ сверху шнурки, которыми онъ подвѣшивается къ юрточной рѣшеткѣ (жереге). Предварительно лоскутъ опускается въ войлочный чехоль, который также посредствомъ шнурковъ подвѣшивается къ рѣшеткѣ. Иногда куколки прямо нашиваются внутри войлочнаго чехла, который тогда имѣетъ одинъ край у отверстія длиннѣе и закрывается въ родѣ нашихъ портфелей ³⁾. Емегельджинъ, который былъ сдѣланъ для насъ по заказу (въ стойбищахъ Сальджаковъ на Улукхемѣ), состоялъ изъ войлочнаго мѣшка, внутри котораго нашиты три куколки, обшитыя красной бязью; къ животу пришито по пуговицѣ и по пучку ленто-видныхъ тряпочекъ; такіе же пучки пришиты къ концамъ рукъ; у двухъ куколокъ черезъ лѣвое плечо надѣта перенязъ изъ синей бязи. Такъ какъ Улукхемскіе Урянхайцы всѣ считаютъ себя ламапстамъ, то мѣсто противъ дверей всегда занято божницей съ буддійскими божествами; эмегены же вѣшаются обыкновенно между божницей и пзголовьемъ кровати. Эмегенамъ курятъ верескомъ, льютъ молоко и масло.

¹⁾ Табл. I, фиг. 32.

²⁾ Табл. XIV, фиг. 70.

³⁾ Табл. XIV, фиг. 71.

У нихъ же я замѣчалъ и онгоны въ видѣ шнура, горизонтально протянутого, на который были навѣшаны ялама, жгутики въ видѣ змѣй, бѣличьи шкурки, а къ серединѣ шнура была прикрѣплена куколка менѣе четверти длиной; къ лѣвой рукѣ куколки былъ прикрѣпленъ маленький бубень, имѣвшій не болѣе дюйма въ поперечникѣ. Кромѣ того, къ тому же шнуру была пришта сшитая изъ тряпки кукла, изображающая четвероногого животного; это мал, „скотина“, по объясненію Урянхайца. Этотъ онгонъ намъ называли еренемъ.

Иногда ерень ближе напоминаетъ шаманскій плащъ, имя котораго онъ носить. На табл. XIX, фиг. 85 представленъ ерень, состоящій изъ моральей кожи, выкроенной въ родѣ спинки шаманскаго плаща; на этомъ лоскутѣ въ три четверти аршина длины и полчетверти ширины прикрѣплены двѣ человѣческія фигурки, вырѣзанныя изъ жести, а по бокамъ два жестяные кружка въ 30 мм. въ поперечникѣ, конечно, изображающіе то, что Алтайцы называютъ кусумы, Урянхайцы кудзюнго, а Монголы толи. Нижний край ерени украшенъ бахромой изъ лентовидныхъ тряпичекъ и жгутиковъ, сдѣланныхъ изъ замши и бязи; жгутики толщаной въ гусиное перо, длиной около 2 четвертей; они плотно прошиты нитками изъ скотскихъ жилъ; всѣхъ жгутиковъ девять; на нижнихъ концахъ ихъ находятся кисточки изъ ремешковъ; въ однѣхъ кистяхъ насчитывается семь ремешковъ, въ другихъ девять; иногда, кромѣ конечной, на жгутикѣ прикрѣплена такая же кисточка еще въ серединѣ его длины. Лентообразныя тряпочки (ялама) пришиты, какъ отдѣльными единицами, такъ и цѣлыми пучками. Однихъ пучковъ насчитывается семь штукъ; въ каждомъ пучкѣ или семь или девять лентъ; иногда вмѣсто лентъ привязанъ хадакъ; кромѣ того, отъ лѣваго конца пластины до праваго протянута горизонтальная полоска каленкора, на которой прикрѣплено еще семь пучковъ яламы. Къ концамъ нѣкоторыхъ жгутиковъ прикрѣплены въ видѣ привѣсокъ верблюжіи ноздри, косточки изъ ноги какого-то животного, звѣрушечьи мордки, бѣличій хвостъ. Къ верхнимъ угламъ лоскута прикрѣплены ремни для привязыванія его въ юртѣ въ вертикальномъ положеніи; къ лѣвому ремню привязанъ другой ремень въ два пальца шириной, на которомъ, кромѣ яламы, нашито пять жгутиковъ, такихъ же, какъ и на самомъ лоскутѣ, только короче.

Въ другихъ юртахъ я замѣчалъ вмѣсто Эмгельджина или подобнаго ерени просто густую связку яламы; подобныя связки вѣшаются также у изголовья, но не на кереге, а на уну ¹⁾, на такой высотѣ, что связка приходится между изголовьемъ кровати и огнемъ. Подобную связку я нашелъ въ юртѣ у одного сальджакскаго кама на Буренѣ. При входѣ въ его юрту прежде всего бросались въ глаза два бубна, изъ которыхъ одинъ, старый, хранился въ чехлѣ. Бубны стояли лѣвѣе буддійской божницы, то-есть, западнѣе. У кровати висѣла связка закоптѣвшихъ и грязныхъ тряпокъ, среди которыхъ блестѣлъ мѣдный кругъ. На мой вопросъ: какъ это называется? камъ отвѣчалъ: Кудзюнго. Далѣе онъ сообщилъ, что этотъ Кудзюнго упалъ съ неба на камень, что въ то время, какъ онъ игралъ на камнѣ; его поймалъ Чулохамъ, отъ котораго, передаваемый изъ поколѣнія въ поколѣніе, онъ достался наконецъ этому каму. Отъ Чулохама же нынѣшній обладатель Кудзюнго насчитывалъ пять поколѣній.

Еще есть одинъ видъ онгоновъ у Урянхайцевъ. Онъ состоитъ изъ березоваго сучка съ тремя отраслями, который втыкается отраслями вверхъ около дверей, внутри юрты; высота сучка около трехъ четвертей; на концы отраслей навязываются совиныя (или орлиныя) перья и ялама. Этотъ онгонъ, по словамъ Урянхайцевъ, устраивается въ честь Оранъ-телегея и кажется изображаетъ священное дерево, увѣшанное яламой ²⁾. Въ юртахъ намъ не удалось самимъ видѣть подобный онгонъ; мы нашли его брошеннымъ въ долинѣ р. Хакема въ общей связкѣ съ кожаной пластиной, описанною выше и представленною на фиг. 85. Въ той же связкѣ находилось еще два онгона: желѣзное кольцо около 3 дюймовъ въ поперечникѣ, съ навѣшенными на немъ яламой и жгутами въ 3 четв. длиной, и шкурка хорька, увѣшанная яламой и ремешками.

У Дархатовъ, также какъ и у Урянхайцевъ, онгоны встрѣчаются рядомъ съ буддійскими божницами; на вопросъ: что это такое? они отвѣчаютъ: онгонъ или сакіусъ (сакюсъ). Ему не поклоняются, говорятъ Дархаты,—потому что поклоняться онгонамъ дурно, хур-

¹⁾ Уны — стрѣлы, которыми поддерживается верхъ юрты.

²⁾ Табл. XIX, фиг. 84.

мучи; но эту вещь полезно держать въ домѣ: скоть хорошо ведется, болѣзней въ домѣ не бываетъ; вещи эти получаютъ отъ шамановъ. Образки буддійскихъ божествъ, носимые на шеѣ, въ отличіе отъ сакіусовъ шаманскихъ, называются бурхынай сакіусъ.

У сосѣднихъ Урянхайцевъ, то-есть, у Хукскихъ и Косоголскихъ Урянхайцевъ онгоны одинаковые съ дархатскими. Это четырехугольные лоскутки матеріи съ нашитою на нихъ куколкой и разноцвѣтною яламой или связки одной яламы. Въ одной юртѣ косоголскаго шамана (хасута) я увидѣлъ онгонъ отличный отъ видѣнныхъ въ другихъ мѣстахъ и заказалъ съ него копію; онъ состоялъ изъ четырехугольнаго лоскута болѣе $1\frac{1}{2}$ четвертей высоты и немного болѣе четверти ширины, по срединѣ его была нашита изъ бѣлой бязи кукла, въ 2 вершка длиной, съ распростертыми руками; шапка и обшлага рукавовъ были обозначены лоскутками бѣлаго мѣха; бѣличій хвостъ былъ пришитъ къ нижнему концу куклы; подъ правою рукою пришито кольцо, на которомъ навѣшены три мѣдныхъ кунгуну; подъ лѣвою рукою пришитъ будто бы висящій на сдержкѣ кисетъ, въ которомъ было положено немного табаку. Къ нижнему краю синяго лоскута была пришита ялама изъ красныхъ, синихъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ лентъ; всѣхъ лентъ было двѣнадцать; нашиты онѣ были въ двѣ отдѣльныя партіи съ промежуткомъ въ срединѣ. Къ верхнимъ угламъ лоскута были пришиты шнуры, которыми онъ прикрѣплялся къ юрточной рѣшеткѣ ¹⁾.

У Урянхайцевъ поколѣнія Ельдзигентъ, живущихъ въ долинѣ р. Хука, онгоны въ этомъ же родѣ; по моей просьбѣ мнѣ сдѣлали и здѣсь копію съ онгона, который назвали по имени „Бурятъ“ ²⁾. Это лоскутъ краснаго коленкора четверть высоты и двѣ длины, висящій отвѣсно на стѣнѣ юрты противъ изголовья кровати. По срединѣ лоскута нашита кукла съ опущенными руками, одѣтая въ плюсовое одѣяніе; на головѣ мѣховая шапка, у рукавовъ мѣховые обшлага; на лицѣ три бисеринки—двѣ вмѣсто глазъ, одна вмѣсто носа или рта; на груди двѣ бисеринки сверхъ шубы, обозначающія сосцы груди; ниже пояса бисеринкой обозначенъ пупъ. Кукла нашита не прямо на каленворъ, а подъ нее подложенъ голубой

¹⁾ Табл. XXIII, фиг. 98.

²⁾ Табл. XV, фиг. 72.

шелковый лоскутъ, такъ - называемый хадакъ, а подъ хадакомъ еще другой красный шелковый лоскутокъ. Противъ рукъ съ правой и лѣвой стороны куклы, въ разстояніи отъ нея на вершокъ, пришиты шелковые хадаки. Къ нижней каймѣ лоскута пришито девять узкихъ полосокъ изъ разныхъ цвѣтныхъ матерій; каждая такая полоска имѣетъ $1\frac{1}{2}$ четверти длины и два пальца ширины; на шести изъ нихъ, именно на трехъ лѣвыхъ крайнихъ и трехъ правыхъ крайнихъ, въ половинѣ длины ихъ нашиты придатки или четырехугольные лоскуточки, на темныхъ полосахъ свѣтлые, а на свѣтлыхъ темные; эти лоскуточки пришиты только верхнею каймой; снизу они свободны и разрѣзаны на внутренней трети, а на двухъ внѣшнихъ четвертяхъ вертикальными надрѣзами, отчего эти придатки имѣютъ видъ четырехъ и пяти внизъ направленныхъ зубчиковъ. Они, можетъ быть, должны обозначать ноги. Этой нижней бахромѣ, когда мы о ней спросили, Урянхайцы дали имя маньджакъ-салбинъ или чимнѣ. Какъ у Дархатовъ, такъ и у Урянхайцевъ рода Хасутъ (на оз. Косоголь), я встрѣчалъ простыя связки яламы и хадаковъ (ф. 89), подвѣшанныя къ своду юрты между изголовьемъ кровати и очагомъ; ихъ называли мнѣ сакіусъ, цакюсъ, сакюсъ; это имя, по видимому, имѣетъ здѣсь такое же значеніе, какъ на западѣ ерень или манджакъ, которые также придаются самымъ простымъ онгонамъ.

У Аларскихъ Бурятъ онгоны сохранились еще во множествѣ; у крещенныхъ ихъ вмѣсто жилой пзбы держатъ въ амбарахъ. Самый главный онгонъ у Аларскихъ Бурятъ называется ихъ онгонъ, „большой онгонъ“ или усэтенъ; онъ состоитъ изъ ящика, который привѣшивается къ стѣнѣ пзбы съ улицы вправо отъ входа въ пзбу. Ящикъ имѣетъ видъ скворешницы; онъ состоитъ изъ четырехграннаго обрубка, въ которомъ выдолблена полость, закрываемая съ боку подвижною дверцей; сверху ящикъ прикрытъ двускатною крышцей ¹⁾. Въ этомъ ящикѣ хранятся слѣдующіе онгоны, сдѣланные изъ тряпокъ ²⁾:

¹⁾ Таб. XIX, фиг. 83. Г. Черскій также видалъ подобныя ящички, иногда съ стеклянными оконцами; ему называли ихъ: гурбун хуухун бурхын, то-есть, три бого-дѣвицы.

²⁾ Онгоны Аларскихъ Бурятъ описаны мною по содержанію одной только бурятской пзбы.

1) Хурюкшутъ, шелковый почти квадратный лоскутокъ около 5 дюймовъ въ поперечникѣ ¹⁾; въ серединѣ лоскута пришито семь маленькихъ человѣческихъ фигурокъ, вырѣзанныхъ изъ жести; надъ каждою фигуркой помѣщено по двѣ бисеринки для обозначенія глазъ. Фигурки эти представляютъ какихъ-то дѣвъ. Края лоскута обшиты собольимъ мѣхомъ; тотъ же край, который приходится надъ головами фигурокъ, усаженъ семью пѣтушными (за непмѣнѣемъ совиныхъ) перьями. Къ этому же онгону прикладывается еще отдѣльный онгонъ, совершенно такой же, какъ онгонъ Хоиръ хукшюгутъ, который будетъ ниже описанъ. На этомъ дополненіи Хурюкшута имѣется рисунокъ двухъ человѣческихъ фигуръ; это—также дѣвы; съ прибавкою ихъ въ Хурюкшутѣ насчитывается всего девять дѣвъ. Призываніе Хурюкшуту начинается словами:

Олон тумун усэтен
хамы тумун хайсэтен
Бурят хуни табилгы
Болгот хунэ ёго

То-есть: „Многотысячная Усэтенъ, тысячная Хайсэтенъ, создательница Бурятъ, правительница Болготовъ!“

Девять дѣвъ Хурюкшутъ; по преданію Бурятъ, прибыли къ Буратамъ изъ юго-восточныхъ странъ.

2) Хусай-убюгунъ ²⁾ и Хургинъ-заринъ ³⁾; другіе называли его Ихмапгынъ хитыгыръ-заринъ ⁴⁾. Это двѣ очень нарядныя куклы, на которыхъ выдѣляются голова, руки и туловище; голова отдѣлена отъ туловища галстучкомъ изъ согнутой жестяной полоски; двѣ бисеринки обозначаютъ глаза, голова прикрыта собольею шапкой съ пѣтушьимъ перомъ; туловище куклы одѣто въ шубку изъ желтой шелковой матеріи, подолъ которой и обшлага у рукавовъ опушены соболемъ; на груди прикрѣплена жестяная пластинка, вырѣзанная на подобіе человѣческой фигуры. Обѣ куклы сдѣланы совершенно одинаково, но, по толкованію Бурятъ, одна изъ нихъ представля-

¹⁾ Табл. XVI, фиг. 73.

²⁾ Хусай—баранъ, убюгунъ—старикъ.

³⁾ Хургунъ—ягвеннокъ, заринъ—шаманъ.

⁴⁾ Табл. XVII, фиг. 76

етъ шамана Хусай Убюгуна, другая—его жену, шаманку Хургинъ-заринъ. Другіе, впрочемъ, давали обѣмъ кукламъ одно имя: Хаты-маплга или Хаты-маилгынъ, и говорили, что это—двѣ старухи, что онѣ въ родѣ нянекъ, качаютъ дѣтей и помогаютъ, когда дѣти бываютъ больны.

3) Нахурай; это—двѣ совершенно одинаково вырѣзанныя изъ чернаго сукна человѣческія фигурки съ опущенными внизъ руками ¹⁾. На лицевой сторонѣ по сукну сдѣланъ красною краской рисунокъ, изображающій человѣческую фигуру съ головой, руками и ногами; на грудь этой нарисованной фигуры наложена жестяная человѣческая фигурка. Къ головѣ и концамъ рукавовъ съ лицевой стороны пришиты лоскуточки бараньяго мѣха. О нахураяхъ говорятъ, что это слуги шамана Хусай-убюгуна или Хитыгыра и становятся на запяте саней, когда тотъ отправляется въ гости. Шаманъ Хитыгыръ сидитъ въ саняхъ впереди и правитъ лошадью; сзади его сидитъ его жена; онъ не видитъ, что Нахурай любезничаютъ съ его женой Хаты-Маилганъ и держатъ свои руки у нея за пазухой. Когда шаманъ пріѣзжаетъ въ гости, его и его жену сажаютъ въ почетное мѣсто и выставляютъ передъ ними самое разнообразное кушанье; но шаманъ и его жена, какъ люди важные, церемонятся и едва трогаютъ его, Нахурай же, какъ простые люди, безъ церемоній съѣдаютъ все, что передъ ними поставятъ. Поэтому и теперь у Бурятъ, если что-нибудь дѣлать, наприкладъ, прогъ, и послѣднему выкроится кусокъ больше, чѣмъ другимъ, смѣются и зовутъ этого счастливца „нахурай“. Нахурай съѣдаютъ остатки смѣтаны отъ жертвъ, которыя приносятся дѣвицамъ Хурюкшутъ.

4) Хоиръ-хукшюгутъ; этотъ онгонъ напоминаетъ полотно коругви; онъ состоитъ изъ трехъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, сшитыхъ вмѣстѣ; каждый лоскутъ имѣетъ длину болѣе чѣмъ вдвое противъ ширины; одинъ лоскутъ—основной верхній, горизонтальный, два другіе нижніе вертикальные; послѣдніе пришиваются своими короткими боками къ нижнему длинному боку верхняго; между собою же нижніе лоскуты не сшиваются и образуютъ два свободные языка знамени; каждый языкъ имѣетъ четыре дюйма длины и два

¹⁾ Табл. XXI, фиг. 77.

съ половиной ширины. На лицевой сторонѣ этого знамени красною краской нарисованы человѣческія фигурки, по одной на каждомъ языкѣ; туловища приходятся на языкахъ знамени, головы—на верхнемъ основномъ лоскутѣ; на мѣстѣ глазъ, кромѣ красныхъ точекъ, означенныхъ охрой, нашиты бисерянки; изъ каждой головы исходить три луча или три волоса. На груди нарисованныхъ фигуръ наложены человѣческія фигурки изъ жести ¹⁾. По толкованію Бурятъ, этотъ онгонъ представляетъ двухъ шаманокъ, которые при были къ Бурятамъ съ сѣвера; ихъ единственную кобылу украли и съѣли; кости кобылы плясали. Отрывокъ изъ призыванія Хукшюгутамъ:

нюгулэ ихидэ нюхун голи ижилэ
шибилэ ихидэ шихун голи ижилэ
арбын гурбын ахунэ алчин дэрэ хужелэ
хорин гурбы ахунэ хорин дэрэ хужеле.

То-есть: „Будучи многогрѣшною ²⁾, завладѣла ямистою падью, будучи многогрѣшною, завладѣла прямою падью, тринадцать ахунновъ ³⁾ парила на ладони, двадцать три ахуна парила въ наперсткѣ!“

Онгонъ Хокшюгутъ помогаетъ при выкармливаніи дѣтей.

5) Тэнгри гурба галдзушинъ ⁴⁾; этотъ онгонъ отличается отъ предыдущаго только тѣмъ, что верхній основной лоскутъ длиннѣе (при 2 1/2 дюймахъ ширины, семь дюймовъ длины) и снизу къ нему пришито не два, а три разноцвѣтные (желтый, снѣгій и красный) языка тѣхъ же размѣровъ, какъ и у Хоринъ-хукшюгута; остальное все то же: тѣ же фигурки, тѣ же жестяныя накладки, только все въ тройственномъ числѣ. Это три дочери какого-то шпрэтэя, которые прибыли къ Бурятамъ на козлѣ вслѣдъ за Хурюшутомъ. Въ честь Галдзушина приносятъ въ жертву черного козла: предварительно навязываютъ ему на морду красную узду и подъ шкуру выкаютъ семь заостренныхъ деревянныхъ лучинъ, потомъ вытаскиваютъ его, кричащаго отъ боли, изъ юрты въ верхнее дымовое отверстіе и закалываютъ.

¹⁾ На табл. XXI, фиг. 92 представленъ онгонъ, полотнище котораго устроено совершенно такъ, какъ въ онгонѣ Хукшюгутъ.

²⁾ Нюгултэй шибилтэй, говорятъ про хитраго плута.

³⁾ Ахуна, куропатка, *Lagopus alpinus* по халхасски. Аларскіе Буряты слова ахуна не знаютъ.

⁴⁾ Табл. XVI, рис. 75.

6) Морн-прхи-изи; четыроугольный продолговатый лоскутокъ (5 дюйм. длины и 3 дюйма ширины) яркой матеріи; на лицевой сторонѣ пришита человѣческая фигурка изъ жести; верхній и нижній края лоскута опушены мѣхомъ; на бокахъ противъ жестяной фигуры также пришиты лоскуточки мѣха ¹⁾. Объ этомъ онгонѣ передали слѣдующее отрывочное сказаніе: У одного человѣка было десять дочерей; девять вознеслись на небо, десятая осталась на землѣ; потомъ черезъ три дня и она вознеслась, сказавъ людямъ, что она будетъ покровительницей дѣтей.

Усэтенъ заводится, когда женщина выйдетъ замужъ, и когда у ней болѣютъ и умираютъ дѣти. Завести Усэтена не дешево; говорятъ, что заведеніе его по малой мѣрѣ обходится рублей въ пятьдесятъ. Прежде всего нужно принести въ жертву богамъ двухъ барановъ, во время самой постройки и шитья куколъ еще двухъ барановъ, потомъ еще одного барана и одну лошадь; кромѣ того, нужны расходы на подарки шаману, который приглашенъ былъ камлатъ, и на угощеніе народа.

Внутри бурятской юрты находятся, частью закрытые, частью открытые онгоны. Закрытыхъ два—Тулашинъ и Дэрентъ-пзи.

7) Тулашинъ, иначе называется Байгашинъ, Заяша, Заянъ, или наконецъ, Хоринъ хоиръ хухи, то-есть, двѣ хоринскія дѣвцы. За то что этотъ онгонъ вѣшается обыкновенно на правую заднюю подпорку (тенге) въ лѣтней юртѣ, то-есть, на ту, которая приходится между очагомъ, находящимся въ серединѣ юрты, и пзголовьемъ кровати, этотъ онгонъ зовутъ еще тэнгитхи заянъ „счастье подпорки“. Этотъ онгонъ хранится въ деревянномъ ящикѣ и состоитъ изъ лоскута хорошей матеріи, иногда парчи, верхнею кромкой пришитой на другой лоскутъ изъ болѣе простой матеріи, служащей вмѣсто подкладки ²⁾; чаще, говорятъ, Тулашинъ состоитъ изъ семи отдѣльныхъ узкихъ полосъ, которые пришиты къ подкладкѣ только своими верхними концами и висятъ вертикально. На лицевой сторонѣ Тулашина пришиты двѣ пары бисеринокъ, да кромѣ того, двѣ сережки и двѣ костяныя пуговицы или перламу-

¹⁾ Табл. XVI, фиг. 74.

²⁾ Табл. XXII, фиг. 96.

тровня бляшки, изъ-подъ которыхъ висятъ пряди или кисти шелку ¹⁾. Эти украшенія обозначаютъ двѣ пары глазъ и двѣ косы и должны указывать на существованіе двухъ дѣвицъ. Лоскутъ обыкновенно свертывается въ трубку и укладывается въ ящичекъ, окрашенный красною краской и имѣющій около 15 дюймовъ длины и около 2 1/2 дюймовъ ширины. Ящикъ закрывается задвигною крышкою и подвѣшивается къ подпоркѣ.

По толкованію бурятскихъ шамановъ, Тулашинъ—двѣ дѣвочки, бѣжавшія отъ злой мачихи изъ мѣстности Орхонъ-тула; во время ихъ пребыванія еще на родинѣ, когда ихъ дядя уѣзжалъ смотрѣть табуны, въ его отсутствіе одну дѣвочку бодала корова; отъ этого онѣ бѣжали сначала въ Хори, потомъ въ Тунку и здѣсь умерли. По другому разказу, онѣ умерли оттого, что мать положила ихъ, больныхъ дѣвочекъ, въ разрѣзанную утробу коровы.

Въ честь Тулашина бываетъ моленье; у столба, на которомъ обыкновенно виситъ онгонъ, ставятъ столъ; на немъ выкладываютъ онгона, вынувъ его изъ ящика; передъ онгономъ ставили прежде плошку изъ глины или изъ тѣста, а нынѣ просто чайное блюдо, наполненное масломъ, въ которое погруженъ конецъ зажженной свѣтильни; правѣ этой плошки ставится чашка съ чаемъ, еще правѣ чашка со смѣтаной. Напитки ставятся у очага около огня; дѣвицы Тулашинъ водки не пьютъ, пьютъ только ихъ дядя; поэтому водка предназначается только ему. Шаманка беретъ платокъ въ обѣ руки, и то приподнимая его, то опуская, протяжно напѣваетъ призываніе:

Сэн шибун сэрыл
хонг шибун хорил
долон хошун хуудыл
дурман ноин нсмы
найман хошун хуудыл
нал хатун ихы
утхы лама утха

¹⁾ У сѣверо-байкальскихъ Бурятъ на панкахъ посрединѣ верха пришивается кисть или прядь шелковыхъ шнурковъ, которая называется дзала или зала; точка прикрѣпленія этой пряди сверху прикрывается перламутровой пластинкой: иринджин тобчи. Не этотъ ли головной уборъ представленъ на Тулашинѣ?

дайнага гаргын дархын
шэкше ноин шимкеша хатун
Уйлюше ноин ульгерше хатун
шара далан захаде
шазы мынгеп шрэн
бурхандо орчи буруга меде угей
бурханай шара Зула шатал гажа гара
егендо орчи гмыле меде угей
егенай шара Зула шаталгажи гара
хори дере байхада хорин хонр хухут
хорига хойше ирхиде бушкэ буумы хонр
окторгодо гархыда
ойдыл цаган харгуй
одун мышин серге
найман хуре нарын ихы
югун хуре хар псыкэ (искэ)
хорэ гежи газыр
хото прижи байга
хонр мингын хардул
шорхиржи байга
тункен гежи газыр
тухержи байга
тумын мингын хардын
шорхиржи байга
орду газыр борижи
улан сайгар удухе
оргольджиндо орчи
улан тамхи гѣбшюр
шарьтэ зухэ шанаже
шагалзажи наада
шата сэмэген шанаже
тунтуй деже нада
шарэн далан захеде
шазын
харадалэн захаде харахчи
иненэ ханчирта амыра
хабтагайхын шолугар дарула
алтын тобчи арыда
аханьре хурюктэ
мюнгун тобши морюдо
мунхпыре хурюктэ
холо яра хохиржи
хушин найгур гулэ
тангала яра танширжи

татэ найгур гулэ
гунхыр гунхыр гунхырда
гурбар гурхын гурлей
найгур найгур найгурда
наймар гургын гурлей
чихинде ихитей
горхонда ордахатэй
уга барта бугахтай
пржи менгун толл
ирхин доро золготэ
боржи менгун толл
бугалга доро золготэ
адүшельже гаргын абган барык
аргалным гежи бангын
хойто ихэ барык
дурбэн хултэ малда
донжин ирэхини ббзекдык
хоир хылтэ хохимыдэ
хойтэ ихн быуэюкдык
шанья пуха захид
шара улап хоир
шата алгында захид
шамшинь шара зула
уныр хаята хужи
дун хаята домбур
дурбюн хэлыгу ширэн намтыршаже
дюнун харэн туян
хайхашаже дыгдэ
долон жалгэн санага
докшилдыжи прхидэ
дойбод хэйтэ палагар
хибиисиже преб
найман жалгэн санага
найгурдалжи преб
нарын хэйтэ палагар
хибиисиже преб
газыре холого прхидэ
гакстан модон залмоя
хатхулыже преб
тангыт улап такши мини
табилгында зоход
тажи торгон хуриь менэ
дэлгэсидэ зоход
аларь гежи газырде прхидэ

минган шаргэн байгашь нэ
бойгын шаргада хурбаэ
арбан аха байгалинэ
бодони тэлиды хурбаэ
урду газыр орижи
улан сайгар ундыхэ
хойту газыр орижи
хонгыр сайгар ундыхэ
тамхиде хургагын тамхянжи бергын
архидэ хургагын архинже абага.

То-есть: „Птица сэнъ твой сэрилъ, птица лебедь твой хорилъ, семь хошуновъ твоё сѣдалище, Дурманъ-нониъ твой отецъ, восемь хошуновъ твоё сѣдалище, Налъ-госпожа твоя мать. Твой родъ изъ войны вышедшій Дархытъ, На берегу желтаго моря престолъ изъ серебра „шазы“. Къ Богу входя, виноватымъ не былъ, желтую божескую свѣчу затепливъ выходилъ; къ святи-телю входя, вины не зналъ; желтую святиТЕЛЬСКУЮ свѣчу затепливъ, выходилъ. Въ Хори пребывавшій, двѣ хоринскія дѣвы, отъ Хори на сѣверо-западъ направляясь, назывались двумя святынями ¹⁾: Возносясь на небо, имѣють дорогою Ойдылъ-цаганъ (буквально бѣлую прощву; Млечный путь?); Одунъ-мышинъ (то-есть, Плеяды) служатъ пмъ маякомъ ²⁾. Восьмикруговое солнце мать, девяти-круговой мѣсяцъ отецъ! Мѣстность Хори разстпается, двѣ тыся-чи хардуловъ струятся; мѣстность Тункэ представляетъ видъ по-луокруга, десять тысячъ хардыковъ (бѣлковъ) струятся. Въ юго-восточной мѣстности жажду утоляли краснымъ чаемъ, въ Оргольд-жинъ прбыли, красный табакъ сосали. Масляную смѣтану сва-ривъ, играли; кость „шата семегенъ“ сваривъ, играли На берегу Желтаго моря. . . На берегу Чернаго моря въ ханчирѣ (слоѣ мяса подъ кожей на животѣ) отъ черной коровы умерли (собственно: отдохнули), плоскимъ камнемъ придавлены. Золотая пуговица на спинѣ, великое (или старшее) имя на хурюкѣ (изобра-женіи), серебряная пуговица на влючицѣ, вѣчное имя на хурюкѣ ³⁾.

¹⁾ Словомъ „святыня“ г. Матхановъ перевелъ выраженіе: бушкэ буумыл.

²⁾ Сѣре—верстовой столбъ, также коновязь.

³⁾ Здѣсь, по видимому, шаманка описываетъ онгонъ, пуговицы, нашитыя на немъ, серьги и пряди шелку, долженствующія изображать косы.

Горломъ хрипя, старымъ найгуромъ назывался, пощелкивая языкомъ, сладкимъ найгуромъ назывался. Три заплетенныя косы качаются, восемь заплетенныхъ косъ болтаются ¹⁾; въ ушахъ серьги, на перстахъ перстни, на запястьяхъ браслеты. Перламутровое серебряное „толи“ подъ (двернымъ) косякомъ закопано, каралловое (борджи-марджанъ?) серебряное „толи“ подъ порогомъ закопано. Жаль, что дядя выѣхалъ въ табуны; жаль, что мачиха имѣетъ злой умыселъ ²⁾. Въ числѣ четырехногихъ животныхъ четырехгодовалую пеструху не дай видѣть; между двуногими людьми ³⁾ мачиху не дай видѣть! Къ болокольчигу подстать два желтоватыхъ (?); шамшп-ская желтая свѣча для затепленія годятся. Ароматическая „хужи“, звѣнящій „домбуръ“ (бубенъ)! Четырехножный престолъ считая (для себя) низкимъ, увлекаясь блескомъ молодой ⁴⁾ луны, (вы) вознеслись (на небо). Направляясь изъ-за семи долинъ, ни хлынцевъ, ни рысью (вы) пришли, помахивая платкомъ съ шахматнымъ рисункомъ. Изъ-за восьми долинъ, шатаясь (собственно: совершая шаманскую пляску), (вы) пришли, помахивая платкомъ съ солнечнымъ рисункомъ. Изъ дальняго края приходя, заставили поставить одинокое дерево залмы. Тангутскую красную мою чашку можно поставить на столъ, яркій шелковый нашъ образъ можно развернуть. Придя въ мѣстность Аларъ (говорила): Хотя и есть здѣсь тысяча соловыхъ лошадей, да не будутъ стоять одного соловья Байгына; хотя и есть десять старшихъ братьевъ, да не стоятъ средняго сына Бодона. Въ юго-восточной сторонѣ краснымъ чаемъ питалась, въ сѣверо-восточной сторонѣ коурнымъ чаемъ питалась! Научившая меня курить табакъ, табачная сноха! научившій пить вино, винный дядя!“

¹⁾ Четыре эти строки не переводимы вполне; смыслъ въ нихъ очевидно пожертвованъ музыкѣ. Гурле—плетеная коса; гунахире—мотать головой (говорится о пьяномъ). Что такое найгуръ—Бураты не могли объяснить.

²⁾ Намекъ на то, что мачиха убила дѣтей, заложивъ ихъ въ утробу коровы. Глаголъ: аргылхэ, по мнѣнію г. Матханова, намекаетъ, что мачиха принялась врачевать больныхъ съ заднею цѣлю погубить ихъ.

³⁾ Въ текстѣ: хойр хультэ хохимый, „двуногій хохимый“.

⁴⁾ Въ текстѣ дюнун хар; хар—луна, дюнун—четырехгодовалая корова; гунетэ, дунэтэ говорятъ о трехлѣтнемъ, четырехлѣтнемъ ребенкѣ.

8) Дэрэнь-пэп, буквально: хозяинъ подушки ¹⁾. Онгонъ этотъ имѣетъ тотъ же видъ, какъ описанный выше Гурба галдзушинъ, то-есть, состоитъ изъ четырехъ лоскутковъ, сшитыхъ въ видѣ знамени о трехъ хоругвяхъ; верхній горизонтальный лоскутъ бѣлый; на немъ красною окрой представлены три человѣческія фигурки; на лицахъ, гдѣ быть глазамъ, кромѣ точекъ, назначенныхъ окрой, пришиты еще бисерники; нижніе лоскутки разныхъ цвѣтовъ, синій, красный и бѣлый; на нихъ рисунковъ нѣтъ, но нашиты человѣческія фигурки изъ жести. Этотъ онгонъ свернутый укладывается въ сукованный кошелекъ, который вѣшается на уну надъ изголовьемъ. Двѣ изъ изображенныхъ на немъ фигуръ представляютъ дѣвицу Атуйхпизъ и Шатуйхинъ, а третья—Абагази (ихъ тетку). Говорятъ также, что отецъ этихъ двухъ дѣвицъ—хату-булутъ (то-есть, крѣпкій булатъ), а мать—харъ шилунъ (то-есть, черный камень) ²⁾. Отрывокъ изъ призыванія пмъ:

хойн ханэ хамырхада
буршакта ханэ бугалхада
харыл моринэ хамнэдэ
бурыл моринэ болшиндэ
харжи ирэ.

То-есть: „Во время войны и во время смуты (вы) прибыли, (скрываясь) подъ горломъ своей лошади, подъ ногой (подъ мышкой) у сѣрой лошади“.

Слѣдующіе онгоны открыто висятъ на палочкахъ, вотнутыхъ въ пазы избы:

1) Андо бара. Состоитъ изъ двухъ частей, висящихъ на отдѣльныхъ палочкахъ. На одной палочкѣ виситъ модель бубна, которая состоитъ изъ обода, имѣющаго $3\frac{1}{2}$ дюйма въ поперечникѣ и обтянутаго съ одной стороны мохнатою шкуркой; задняя сторона бубна открыта, и въ ней видна горизонтальная поперечина. При бубнѣ виситъ пропорціональныхъ размѣровъ колотушка въ видѣ небольшой деревянной лопаточки, одна сторона которой покрыта мѣхомъ. На концѣ той же поддерживающей онгонъ палочки виситъ узкій и длинный (восемь дюймовъ длины и $1\frac{1}{2}$ дюйма ширины) лоскутъ

¹⁾ Табл. XXI, фиг. 93.

²⁾ Также называются отецъ и мать огня.

толстаго краснаго сукна, на которомъ пришта раковина каури. Другая палочка имѣетъ на концѣ развилку, на который повѣшанъ четырехугольный лоскутъ оленьей кожи (5 дюйм. длины и 4 дюйм. ширины); нижній край лоскута разрѣзанъ на девять язычковъ; по серединѣ лоскута нашита человѣческая фигурка изъ жести. Къ той же палочкѣ привязанъ волосяной шнурокъ съ большою бусиною внизу ¹⁾. По объясненію Бурятъ, онгонъ этотъ представляетъ шамана и его жену; шаманъ символизированъ посредствомъ бубна съ колотушкой; суконный лоскутокъ съ каури представляетъ его шубу; вмѣсто шаманки представленъ посредствомъ лоскутка оленьей кожи ея плащъ; волосяной шнурокъ—это коса шаманки. Андобара былъ сынъ шаманки Асуйханъ; эта шаманка однажды нашла двухъ мальчиковъ, которые были закованы въ люлькахъ. Она приняла ихъ и полюбила болѣе родныхъ дѣтей; однако одинъ изъ нихъ, именно Андобара, оставилъ шаманку и пошелъ прочь; шаманка шла вслѣдъ за нимъ, и проклиная его, крикнула: „Если будешь ходить въ лѣсу, будешь Урянха, если будешь по скаламъ ходить, будешь Хамногынъ!“ Андобара зашелъ на сѣверъ; здѣсь Урянха ²⁾ угощали его головами тулангъа, то-есть, тальменя. Когда же Андобара пришелъ къ Бурятамъ, его кормили головами козъ. Андобара былъ промышленникъ и хорошій шаманъ; онъ убилъ оленя, принадлежащаго другому шаману, который и погнался за Андобарой; Андобара бѣжалъ отъ него и скрылся въ юрту, хозяиномъ которой былъ Ханъ-джиргай-ханъ-ноппъ-баабай. Ханъ-джиргай спряталъ его; хозяинъ оленя сталъ требовать выдачи Андобары; ханъ сказалъ: „Возьми его въ видѣ Андобара“. Хозяинъ оленя не согласился и ушелъ, сказавъ: „Если хочешь, такъ возьми его себѣ“. Ханъ и сдѣлалъ его онгономъ. Андобара не хатъ, но спутникъ хатовъ. Когда дѣлаютъ жертвоприношеніе богамъ, шаманъ наливаетъ чашку виномъ, подаетъ ее назадъ себя и говоритъ: „Андобара!“ Кто-нибудь изъ толпы подскакиваетъ и

¹⁾ Табл. XXI, фиг. 94.

²⁾ Аларскіе Буряты подъ именемъ Урянха разумѣютъ дикій лѣсной народъ въ родѣ тунгусскаго. Мѣсто жительства его указываютъ на сѣверъ отъ своихъ мѣстъ. „Ты хочешь быть Урянха-хамногынъ“, говорятъ тому, кто праздно ведетъ себя, шатается безъ дѣла.

схватываетъ чашку. Онгонъ Андобара мажутъ смѣтаной, когда идутъ на охоту, а также если имѣютъ чесотку на тѣлѣ.

2) Шабаршинъ хонръ-хубутъ. На двухъ концахъ раздваивающейся палочки привязаны на одномъ концѣ шкурка куницы (хуныр), на другомъ—горностаѣ (унн), почему онгонъ еще называется: унты-хунырты. Это былъ рыболовъ. Ему брызгаютъ, когда глаза болятъ. Жертву приносятъ рыбой, а за непмѣніемъ ея—конскимъ жиромъ. Въ призваніи ему говорится между прочимъ:

увын дыгил уин
забукты заян
хошуя дыгил хунырн
боло булгынды бурхын боло.

3) Булгаша или Ханъ-булгаша. Онгонъ состоитъ изъ заячьей шкуры, къ которой пришиты сала къ спинѣ, переднимъ лапамъ и къ хвосту по одной штукѣ, и къ груди двѣ штуки. Ханъ-булгаша была девятибубенная шаманка. Въ призваніи ей описывается ея превращеніе:

хулугуна боложе хубилхугей
джирхе боложе джибылхугей
хасура дэрэ халялдаже
хара булгын хубилган минн
наргын дэрэ халялдаже
нарин булгын хубилган минн
тумэнэн шинн бын увгут хунэ
тиргэр дурюн прын игын шошоолыкта тушэ
хан булгаша тудэ
харьга ханильгын хани минн буши ихн зарин
прин игын тэнгри иргулэ
ихн оргойн захай худэрэ
игын хысэ той быр бая
хобиыкта хахил боло
болындо бурхын боло
забыкта заян боло
принны угей ихит гулхмугей
харгана убэй хахит гулхмугей
мансуйтын мангысхы
убетей унсыглыхы
агдырэн ¹⁾ минн гэрэтэ

¹⁾ Неизвѣстное старинное слово.

аэта ¹⁾ юмэ узюх угей
хобтоп ²⁾ шини гэрэтэ
хорто юмэ узюх угей

То-есть: „Въ видѣ мыши не возрождайся, въ видѣ бурундука не возрождайся, на ели перелетывающій черный соболь хубилганъ мой, на соснѣ перелетывающій тонкій соболь, хубилганъ мой! Твой родъ (тутъ переводчикомъ пропущено слово: тумэн) происходитъ отъ Унгутовъ, (весь) улусъ вполне прибѣгъ къ Ирнѣ-пгынѣ-шошолыку, бабушѣ Ханъ-булгаши! Съ чужой стороны (чужеродецъ?) присоединившійся другъ мой, великій ружейный шаманъ! Десяно-сто-девять тэнгри гремѣло. Великаго шаманскаго плаща воротникъ накинута, отъ девяти бубновъ колотушку держалъ. Стражемъ у столбика въ изголовьѣ кровати сталъ, въ углу (стоящимъ) богомъ сталъ, въ „забытѣ“ занятомъ сталъ. Рѣшетчатую люльку не тряси, изъ кустарника (сдѣланную) люльку не тряси, лежащаго въ пеленкахъ наблюдай, лежащаго въ люлкѣ охраняй. Въ жилищѣ ядовитыхъ вещей не терпи, въ жилищѣ, наполненномъ ящиками, вредныхъ вещей не терпи“.

4) Брунѣ-пхи, Борунѣ-пхи, или Бронхи. Онгонъ состоитъ изъ трехъ лоскутковъ бязи, сшитыхъ въ видѣ знамени на манеръ онгона хукшюгутъ ³⁾; онъ подвѣшивается къ двумъ концамъ развилистой палочки, которая втыкается въ пазъ около дверей. Этотъ онгонъ помѣщается на женской половинѣ юрты и считается полезнымъ для скота. Борунѣ-пхи былъ пастухъ; его не кормили, ножа у него не было, поэтому онъ палкой убивалъ телятъ, а козловъ вѣшалъ и ѣлъ. Когда замѣтили, что теряются телята, стали угощать его, чтобы телята впередъ не терялись. Брунѣ-пхи мажутъ смѣтаной, когда бываютъ больны телята. Отрывокъ изъ призыванія ему:

хоргон пхи дахата
хоръ пхи утхэтэ
ханъ пхи боронихи
шарьту ⁴⁾ зухэ ⁵⁾ шабай баря

¹⁾ Ак—ядъ.

²⁾ Хопто—ящичекъ.

³⁾ Табл. XXI, фиг. 92.

⁴⁾ Шарьту—масло въ саламатѣ.

⁵⁾ Зухэ—смѣтана.

тугул тархугей
ишиги илтырэх угей ¹⁾

То-есть: „Въ борловой большой дахѣ ²⁾ съ великою стрѣлой, оперенною перомъ глухаря, большой царь Бронхи! Масляную смѣтану подношу (тебѣ) кушать! Телята пусть будутъ цѣлы, козлята пусть не теряются“.

5) Холонгота убюгунъ, буквально „старикъ съ колонкомъ“. Стоитъ изъ шкуры колонка, къ которой присоединенъ пучекъ „зала“ и волосаной шнурокъ съ большою бусой на концѣ. Къ шкурѣ колонка на серединѣ прикрѣплена человѣческая фигурка изъ жести. Это былъ шаманъ, зять шаманки Хукиюгутъ; имя его было: Иргыл-бугэ тункэ-галдзу; отецъ его назывался Мандахей. Отрывокъ изъ призыванія:

шаръ тэнгир гэзиге шара холонго мена
мандахэй кубун иргуль бугэ тункэ галдзу
куден голю хугохуга ушюта газыр худыл.

6) Идирхинъ или Алхынсанъ-идирхинъ. Онгонъ состоитъ изъ зайца съ двумя залами. Идирхинъ былъ знаменитый шаманъ, Алхынсанъ имя его отца ³⁾. Призываніе Идирхины:

убуген танай бахын
исыгын танай алхынсай
нарян шилбы идирхин
алых жоро морли
актэн туру забора
алхынсан идирхин
ирень туру забора
ундюр халю малахай
удюршин газыр тыглэгэ
алхынсан хубун идирхэн
хабагай газа харбада
утха гурбун дзон мури
гучин гурбын хамнагын

¹⁾ Илтырхэ—отламываться (объ осколкахъ отъ горшка или камня).

²⁾ Борловая даха—шуба оленя шерстью вверхъ.

³⁾ Алхынсанъ, по словамъ Аларскихъ Бурятъ, былъ шаманъ, очень известный въ трехъ вѣдомствахъ Аларскомъ, Балаганскомъ и Идинскомъ; онъ закладывалъ шапку въ кабака, и она сама уходила изъ кабака и возвращалась ему на годову. Въ честь его приносятъ жертвы: саган тулай, то-есть, бѣлаго зайца, и сагдул модон, березовый прутикъ.

дурбюн дзон мури
 дюшин дурбын хамнагын
 уйгыр ихы хэлптын
 уйгын заби забитын
 хэлтигей ихы нюртын
 хэрмын жоро баритын
 ихы шини номгошу
 ихин шини утхын
 хамык тумын ханъян
 хан нырбил тэнгри
 хойин кундэгэн хубширгэин бариган
 буше ихы зарип
 ботоголо нагасы
 аилган ханилгык
 ажин хубын шарикшын
 хада улэн юнгутей
 харэлгажи гархада
 халтэн хубун харбагари
 ижил ханн аба
 хатурхажи ханильгын
 шаргэн хонр шуумыр
 хаймыл саган горнисэ
 хабсагайда дууредэ
 саган монгун хоолобше
 сайбыл закше голхонда
 улан монгун хоолобше
 улан закше голхонда
 голхонон нэрэрин гол бэрэ ябаб
 бани джурген хобундэ
 баха тыжи ороб
 махар гэжэ хобуинь
 мори барюгын модо тохогын абаб
 модон бутэ мулеже
 ногой бутэ зулмага
 гол бэрэ ороже
 табын шоро захаже
 татэ хусэ шорло
 табын тогонэ архэр
 тала бариным
 унюшинг хундэ аха болоб
 саган тулай билык,
 сагдул модон залмы.

То-есть: „Твой дѣдъ Бахымъ, твой отецъ Алхынсай, Наринъ-шилъ-

бы Идирхинъ! ¹⁾ Пѣгій иноходецъ игриво опережаетъ кладенныхъ ²⁾ лошадей; Алхынсаевъ Идирхинъ игриво впереди мужчинъ идетъ. Высокая бобровая шапка на дневное пространство виднѣется; Алхынсаевъ сынъ Идирхинъ проложилъ дорогу къ кабаку! Родъ твой — триста Мури, тридцать-три Хамнагына; четыреста Мури, сорокъ-четыре Хамнагына, великимъ уйгирскимъ ³⁾ языкомъ говорящие, въ берестяныхъ лодкахъ ходящія ⁴⁾, съ кривымъ ⁵⁾ большимъ лицомъ иноходую бѣлку (или можетъ быть: иноходца Хэрмына) ловящія! Мать твоя Номгошу, родъ матери твоей Ханънырыль-тэнгри, и всѣ десять тысячъ ханъянновъ. Пуговину отрѣзавъ, поперечины люльки ⁶⁾ держалъ (то-есть, укладывалъ въ люльку) великій ружейный шаманъ Ботоголо, дядя по матери. Его улусный товарищъ, сынъ Ажина, (былъ) Шарикшинъ ⁷⁾. Когда ты махнулъ на лошади въ скалистые горы, гдѣ (живутъ) Юнгуты, то въ товарищи-друзи взялъ Харбагари, Халтэнова сына. Избралъ друзьями крѣпкихъ (духомъ) двухъ Шаргэевыхъ (сыновей) Шуумыръ. Бѣлая, тесаная горница тихо стоитъ, въ скалахъ ⁸⁾ эхо раздается. Бѣлосеребряное монисто ⁹⁾ у блестящей (жены) Голхондо, красно-серебряное монисто у румяной Голхондо. Искать жену по падямъ, къ Бани'евымъ шести сыновьямъ яро входилъ, изъ нихъ Макара взялъ, чтобы лошадей ловилъ, сѣдла сѣдлалъ. Какъ дерево, оскоб-

¹⁾ Шилбы — голенная кость: нариш шилбы — тонкая голенная кость. Почему такъ названъ Идирхинъ — Буряты не знаютъ. Есть еще выраженіе: шилбы дзалау, въ цвѣту молодости. Можетъ быть, это собственное имя, не имѣющее никакого отношенія къ голенной кости.

²⁾ Слово акта оставлено безъ перевода. Буряты всегда ѣздятъ на кладенныхъ лошадяхъ, но не на жеребцахъ и кобылахъ.

³⁾ Уйгыр г. Матхановъ перевелъ: „непонятный“. Я оставилъ слово безъ перевода въ виду того, что этотъ эпитетъ есть, можетъ быть, память о существованіи уйгурскаго языка, такъ какъ Дархаты зовутъ урянхайскій языкъ: уйгур кэли, то-есть, уйгирскимъ языкомъ.

⁴⁾ Уйгыр — береста.

⁵⁾ Можетъ быть — съ наклоненнымъ лицомъ.

⁶⁾ Хубширгэ — поперечины люльки.

⁷⁾ Шарикшинъ — самка антилопы, Antil. gutturosa по халхасски.

⁸⁾ Хабсагай — утесъ.

⁹⁾ По видимому, дѣло идетъ о серебряномъ уборѣ на груди.

лилъ, какъ со змѣи шкуру ¹⁾ содралъ; въ разныя пади заѣзжая, пять роженъ заставилъ сдѣлать; вкуснаго барана на нихъ насадилъ, отъ пяти котловъ водкой угостилъ. Спротѣ становился отцомъ, богатому дѣтми братомъ ²⁾. Бѣлый заяцъ—приношеніе (тебѣ), дерево сагдуль вмѣсто залмы.

Еще два отрывка изъ призываній Идирхину:

аргымайхан алык моритей
алхынсайин хубун идирхин!

То-есть: „Имѣющій пѣгаго аргамака Алхынсаевъ сынъ Идирхинъ!“

ирдэин даро хуга угэйб
алхынсайин хубун идирхин
актэйн хойно яба угэй
аргымайхын алык мори минн!

То-есть: „Ниже удалаго молодца не сплывалъ Алхынсаевъ сынъ Идирхинъ; сзади лошадей не бѣгивалъ мой пѣгій аргамакъ!“

8) Табынъ хошуту (то-есть, семишкурный или семипушанный). Состоитъ изъ шнура, на который привѣшено на равномъ разстояніи другъ отъ друга пять шкурокъ: зайца-бѣляка, ягненка, козули, колонка (холоного), горносталя (цаган уин) и бѣлки; въ промежуткахъ же между шкурками привязаны зала.

9) Въ родѣ Хангинъ въ большемъ употребленіи онгонъ, состоящій изъ человѣческой фигуры, вырѣзанной изъ дерева ³⁾. Фигура эта вырѣзывается изъ доски; длина ея около 1½ четвертей аршина или болѣе; на фигурѣ представлены шея, руки и ноги; на лицѣ кусочки свинца, вбитыя въ углубленія, обозначаютъ глаза; верхушка фигуры (темя), мѣста надъ глазами (брови), верхняя губа и борода украшены пучками лошадиныхъ волосъ; на затылкѣ прикрѣплены двѣ лептообразныя тряпочки разныхъ цвѣтовъ. По сторонамъ лица прибиты желѣзныя привѣски вмѣсто серегъ. Онгонъ носитъ названіе Буртынъ; такъ назвала его одна Хангинка, которую я встрѣтилъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ. Буртынъ былъ шаманъ.

У Аларскихъ Бурятъ, которые считаютъ себя изъ рода Дагхатъ, есть особый онгонъ, состоящій изъ небольшихъ желѣзныхъ

¹⁾ Зулмаган—выползокъ, шкура вылинявшей змѣи.

²⁾ Уныр—богатый дѣтми.

³⁾ Табл. XX, фиг. 88.

моделей молотка, наковальни и напилка; этотъ онгонъ обыкновенно виситъ на западной тѣнѣ (подпорокѣ) внутри юрты; во время жертвоприношенія шаманъ беретъ ихъ въ руки и примѣрно куетъ.

У кузнецовъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ устраиваются особые онгоны въ видѣ лоскута бѣлой бязи, на которой изображены красною краской лягушки, змѣи, люди и пр.; кромѣ того, другой онгонъ снабженъ молоткомъ, щипцами и другими подобными орудіями. Послѣдній онгонъ называется Гужиръ-тэнгри.

У Балаганскихъ Бурятъ, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, встрѣчаются онгоны: усайтэн, то-есть, ящичекъ, и въ немъ три небесныя дѣвицы, Тэнгприн-гурба-басыгты; при нихъ есть одинъ или два нахура, „товарища“. Кромѣ того, есть Харнар-ижинъ, „господинъ луны и солнца“, и еще Галдзушинъ, „шесть бѣшенныхъ дѣвъ“ ¹⁾.

Аларскіе Буряты, когда хозяинъ дома умретъ, сжигаютъ онгоновъ—онго галда, или какъ еще выражаются, „онгона возвращаютъ хозяину“, онго харюла. Въ Хангинскомъ родѣ онгоны переходятъ въ наслѣдство.

Онгонамъ, хранящимся въ ящикахъ или чехлахъ, только брызжутъ виномъ или тарасуномъ; остальныхъ же, кромѣ того, мажутъ смѣтаной и масломъ. Оттого только тѣ, которые въ чехлахъ (какъ напримѣръ, Усэтенъ, Тулашинъ и пр.), остаются съ чистою наружностью; остальные же всегда замазаны, грязны и покрыты копотью отъ дыма. Когда топятъ масло, всегда нѣсколько капель каплютъ на Тулашина (то-есть, на ящикъ, въ которомъ оно хранится); въ это время въ черепокъ бросаютъ можжевельнику на горячіе угли, и сдѣлавъ въ дыму отъ можжевельника онгономъ три круга, переливаютъ топленое масло изъ котла въ посуду, такъ чтобы нѣсколько капель упало на онгонъ. При переѣздахъ съ лѣтниковъ въ зимники и обратно Буряты всегда угощаютъ онгоновъ масломъ и тарасуномъ.

У Тункинскихъ Бурятъ я видѣлъ онгоны: надъ подушкой или изголовьемъ кровати заяцъ, украшенный залой; его называли мнѣ

¹⁾ Галдзу—водобоязнь, помѣшательство.

Теренъ-тиби ¹⁾; другого же онгона, который хранился подъ крышей въ сѣняхъ въ войлочномъ чехлѣ, назвали Зултынъ; хозяева пзъ суетвѣрнаго страха отказались снять его оттуда и показать мнѣ; по ихъ словамъ, у него есть, между прочимъ, двѣ серьги; далѣе сказали, что это небесная дѣва, Тэнгриин басыгът. По преданію, одна дѣвица жила съ мачихой и пошла за водой, взявъ желѣзное ведро и мѣдный ковшъ; только какъ стала она черпать, мѣсяцъ (хар) ухватилъ ее и унесъ на небо. И теперь ее видно на мѣсяцѣ. Ее зовутъ Харэн-хукун, дочь мѣсяца. Съ той поры Бурятки считаютъ за грѣхъ черпать воду пзъ источника мѣднымъ ковшомъ ²⁾.

По разказамъ, у мѣнскихъ жителей есть еще и третій онгонъ—Бара или Баръ-убюгунъ, то-есть, старикъ Баръ. Онъ состоитъ пзъ двухъ частей: одна часть заключается въ деревянномъ кружкѣ, другая—въ кожанной пластинкѣ съ надрѣзами внизу, отъ которыхъ получается пять лепестковъ. Отъ этого онгона зависитъ хорошій уловъ звѣря, здоровье дѣтей, удача въ торговлѣ, здоровье скота и телятъ.

У Урянхайцевъ на Хукѣ въ одной юртѣ я видѣлъ три онгона: 1) Бурятъ-онгонъ, 2) Дархатъ-онгонъ и 3) Цахиусъ. Онгонъ „Бурятъ“ описанъ выше ³⁾; онгонъ Дархатъ отъ предыдущаго отличался только тѣмъ, что вмѣсто кузлы изъ тряпокъ на серединѣ четырехугольнаго лоскута бязи была укрѣплена большая жестяная пластинка, вырѣзанная въ видѣ человѣческой фигуры.

О Бурятъ-онгонѣ, который называли также и Емгелъджинъ, намъ разказали, что это была Бурятка отогонъ (шаманка), вышедшая замужъ въ урянхайскій отукъ; о Дархатъ-онгонѣ—что это былъ сильный шаманъ, который назывался Татай-эмэгэнъ. Цахиусъ и у Хукскихъ Урянхайцевъ состоитъ изъ связки тесемокъ или лентъ ⁴⁾. У Косогольскихъ Хасутовъ встрѣчаются онгоны: Цахиусъ

¹⁾ На р. Шошолыкѣ, въ долинѣ Иркутъ же эготъ онгонъ зовутъ чеби.

²⁾ Сообщилъ мѣнскій житель Бурятъ Солдатъ.

³⁾ Стр. 102.

⁴⁾ Въ Хапгивскомъ куренѣ пастырь его лама Лубсынъ Гончигъ Дагбы любезно показалъ намъ свою собственную образину. Это былъ небольшой деревянный баракъ, сплошь уставленный предметами почитанія. Середина его была занята особымъ отдѣленіемъ въ родѣ темнаго чу-

и Эмгелъджинъ; послѣдній есть будто бы онгонъ хозяина, первый—онгонъ остальныхъ домочадцевъ.

У Аларскихъ Бурятъ, кромѣ понятія о „кости“, *яганъ*, то-есть, понятія о происхожденіи отъ предка, есть еще другое, не выясненное мною понятіе объ *утхэ* или *утха*. Такъ напримѣръ, у Н. В. Матханова, съ которымъ я познакомился въ Иркутскѣ, родъ называется Хонходоръ, а утхэ—Хуху-морьтунъ. Мнѣ объясняли утхэ племенемъ предка или матери или бабушки, или говорили, что утхэ есть „родство по шаманству“. Послѣднее выраженіе, можетъ быть, значить, что во время камланья только „утхэ“ имѣетъ значеніе, кость же, *яганъ*, вовсе не упоминается. Если во время винокуренья паръ сброситъ крышку, и молоко бросится въ трубу, тогда припоминаютъ, кто бы это изъ покойниковъ могъ пошутить. Подозрѣніе падаетъ на какого-нибудь богатаго Бурята, память о которомъ живетъ въ улусѣ, и тогда брызгаютъ въ честь утхэ этого богатаго человѣка.

7. Повѣрья о духахъ и о почитаніи священныхъ горъ, лѣсовъ и камней.

Всѣ обитатели сѣверной Монголіи, какъ сами Монголы и Буряты, такъ и Урянхайцы и Алтайцы, населяютъ духами окружающій человѣка міръ природы. Каждая долина, каждая гора имѣетъ своего духа или хозяина, который по алтайски называется ээзи ¹⁾, по джурбютски—сабдыкъ, по бурятски—хатъ. Отъ этого хозяина мѣста зависитъ пользованіе дарами природы; хозяинъ таѣжныхъ мѣстностей даетъ уловъ звѣрей, хозяинъ степныхъ—урожай скотскихъ кормовъ. Это нашъ домовый, только вѣдѣнію его подлечь не одинъ дворъ, а цѣлая долина или цѣлая гора со многими на ней долинами, или наконецъ, даже цѣлая горная система. Человѣкъ обязанъ съ почтеніемъ относиться къ этимъ духамъ. Буряты и Алтайцы, выѣхавъ на переваль, съ котораго онъ увидѣлъ

лана; черезъ маленькую дверь, которую намъ открылъ лама, трудно было много разглядѣть, что тамъ есть внутри; я замѣтилъ только изображенія мертвыхъ головъ. Лама сообщалъ, что тамъ по стѣнамъ стоятъ знамена. Эту святыню лама называлъ Уланъ-цахиусъ.

¹⁾ Ту-эззи—хозяинъ горы; су-эззи—хозяинъ рѣки; ээлю—хозяева скалъ или пещеръ.

новую долину, дѣлаетъ либацію духу этой новой долины, а если съ нимъ нѣтъ ни вина, ни воды, онъ накладываетъ трубку, раскуриваетъ и выбрасываетъ изъ нея зажженный табакъ на воздухъ. То же самое дѣлается, если съ перевала откроется видъ на бѣлокъ или высокую гору; иногда путникъ, если знаетъ, что съ дороги онъ не увидитъ уважаемой горы, сворачиваетъ съ пути, поднимается на одну изъ ближайшихъ къ дорогѣ возвышенностей и тамъ совершаетъ поклоненіе горѣ, распростираясь на землѣ. Иногда въ такихъ пунктахъ устраивается небольшое куреніе: наламываютъ можжевельнику и сжигаютъ на камнѣ, что называется сан или хан. Г. Черскій передавалъ мнѣ, что ему, во время его разъѣздовъ кругомъ Байкала, не разъ доводилось видать, какъ Буряты, выѣхавъ на перевалъ, привѣтствуетъ хата новой долины; обычая снимать шапки и кланяться у Бурятовъ нѣтъ; поэтому Буряты оттягиваютъ только голову впередъ по направленію къ новой долинѣ, трясетъ головой и улыбается, дѣлая видъ, какъ будто видитъ какое-то лицо, съ которымъ свиданіе доставляетъ ему удовольствіе.

Хотя этимъ духамъ придаются фантастическія плотскія формы, — такъ, напримѣръ, Дюрбютъ представляетъ иногда своего сабдыка съ птичьимъ клювомъ, но въ то же время представленіе объ ээзи, сабдыкахъ и хатахъ сливаются съ самою природой; хозяинъ горы или долины и есть сама гора или долина. Житель сѣверной Монголіи одухотворяетъ части природы; каждая мѣстность представляется для него живымъ тѣломъ. Замѣчательна въ Монголіи квалификация географическихъ именъ; здѣсь часто рѣка на своемъ теченіи носитъ нѣсколько именъ, какъ будто цѣльность рѣки не ощущается; напротивъ, одно и то же имя часто дается и рѣкѣ, и горѣ, возлѣ нея стоящей, и озеру, возлѣ лежащему, и степи, которая вкругомъ озера разстилается ¹⁾. Такъ, напримѣръ, бѣлокъ Харкира носятъ одно имя съ рѣкой, которая съ него течетъ; а бѣлокъ Тюргунъ даетъ начало даже двумъ Тюргунамъ, текущимъ въ разныя стороны. Немного ниже восточный Тюргунъ уже теряетъ это имя и получаетъ другое — Шибиръ, а еще ниже та же рѣка называется Кунделенъ. У насъ рѣка измѣняетъ названіе

¹⁾ Алтайское су-ээзи, хозяинъ рѣки, я думаю также слѣдуетъ скорѣе понимать въ смыслѣ духа пади, долины, а не исключительно водяной струи.

только отъ присоединенія новыхъ притоковъ, въ Монголіи же на измѣненіе названія рѣки влияетъ характеръ мѣстности. Такъ напримѣръ, р. Хо-ебинъ или Куиртысъ получаетъ новое имя Чебеты только потому, что горный характеръ окружающей страны уступаетъ степному; р. Шинкитъ превращается въ Кысылъ только потому, что долина, прежде довольно просторная, превращается въ тѣсныя и непроходимыя щели. Монголь и Урянхаецъ видятъ въ урочищѣ цѣльное и нераздѣльное тѣло: горы, скалы, вода, лѣсъ, степь этого урочища — какъ будто его неотдѣлимые члены. Такое урочище живетъ самостоятельною жизнью; у него есть душа. Такъ какъ урочища сливаются въ цѣлыя страны, то рядомъ съ представленіемъ о духахъ мелкихъ урочищъ въ народномъ воображеніи создаются духи, соотвѣтствующіе этимъ обширнымъ представленіямъ. Являются сабдыки цѣлыхъ кошуновъ, или сабдыки горныхъ хребтовъ. Такъ есть сабдыкъ Алтая, Хангая и Ханъ-хухея. Эти великіе сабдыки у Монголовъ уже получаютъ титулъ хановъ, то есть царей; сабдыкъ Алтая называется Хан-алтаемъ, сабдыкъ Хангая — Хан-хангаемъ ¹⁾. Есть поговорка у Дюрбютовъ: у Алтайскаго сабдыка длань открыта, у Хангая сжата (см. ниже, гл. IV). Наконецъ, представленіе объ окружающемъ насъ мірѣ расширяется до представленія обо всей землѣ, о цѣлой природѣ; въ мірѣ духовъ этому представленію соотвѣтствуетъ у Сальджакъ-Урянхайцевъ Оранъ Телегей, у Дархатовъ — Орунъ Дэльхы.

У Аларскихъ Бурятовъ мѣстные духи называются убугутъ, „старикъ“, съ приложеніемъ названія мѣстности; въ Аларскомъ вѣдомствѣ насчитывается три такихъ убугуна, а именно:

1) Около Нилгынскаго улуса указываютъ сосну, на которой будто бы еще недавно висѣлъ желѣзный вѣнецъ и другія желѣзныя вещи шамана; тутъ, говоритъ преданіе, былъ назадъ тому сто лѣтъ похороненъ убусинскій ²⁾ шаманъ Улал-зары; эта мѣстность на-

¹⁾ Въ имени хребта Ханъ-хухей этотъ эпитетъ сабдыка остался при названіи хребта, и безъ него хребетъ не называется. У Бурятовъ слово ханъ, но только въ формѣ множественнаго числа хатъ, явилось нарицательнымъ для сабдыка.

²⁾ Убусу мѣстность въ Иднскомъ вѣдомствѣ. У Сѣверо-Байкальскихъ Бурятовъ извѣстны убусинскіе и тарасянскіе шаманы, между которыми существуетъ ревность и вражда.

зывается Халтын-ундурь. Халтинского уругуна почитаетъ только Нильгинскій улусъ, и онъ одинъ приноситъ ему жертвы.

2) Иматинскій улусъ имѣетъ своего уругуна, который назывался Хохорь-богдонъ; его доспѣхи также были вывѣшены на возвышенномъ мѣстѣ, которое называется Иматэн-ундурь.

3) Третій уругунъ Аларскаго вѣдомства называется Харги-мандурь; онъ почитается въ улусѣ Тоготъ.

Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ самые важныя уругуны: Балихай и Манухай (мѣсто почитанія послѣдняго называется Зуларэн-ундурь).

Бурятскіе уругуны, по видимому, соотвѣтствуютъ мелкимъ монгольскимъ сабдыкамъ. Хаты выше уругуновъ; хаты это Буха-нонъ, Бадунъ-хатунъ и Булганъ-хара; эти трое называются барун хат, юго-западные хаты; это добрыя хаты, дающіе людямъ благополучіе, оказывающіе имъ покровительство. Есть еще дзунъ хаты, сѣверо-восточныя: то нечистыя хаты.

Хаты, по повѣрью Аларскихъ Бурятъ, живутъ на скалахъ; ихъ считаютъ бумылъ, то-есть, испустившимися (съ неба). Къ мѣстамъ, гдѣ живутъ хаты, женщинамъ запрещается подходить.

Г. Черскій слышалъ вмѣсто хатъ названіе хангай; у каждой долины есть свой хангай; переваливая изъ долины въ долину, Бурятъ дѣлаетъ либацію водкой сначала тому хангаю, долину котораго благополучно миновалъ, а потомъ хангаю долины, по которой предстоитъ ѣхать. Либацію дѣлаютъ, обмакивая въ водку палецъ или травинку; при этомъ произносится слово: сэ! Иногда чмокаютъ при этомъ губами, какъ мы дѣлаемъ, когда зовемъ собакъ. Когда нѣтъ водки, даютъ духу покурить; наложивъ трубку, устремляютъ мунштукъ въ воздухъ и встряхиваютъ табакъ; если табаку въ кисетѣ мало, то ограничиваются только тѣмъ, что протягиваютъ трубку въ воздухъ.

У Бурятъ, живущихъ въ мѣстности Котоголъ (въ долинѣ Иркут-та), мѣстный уругунъ называется Алтынъ-чиргай-ноёнъ и Кәрдекъ-ноёнъ-баабай; близъ Туранскаго минеральнаго источника—Алтынъ-шаргы-моритэй Хайрханъ, то-есть, Хапрханъ на золото-соловой лошади; на Хангинскомъ караулѣ—Дарханъ-ноёнъ; въ мѣстности Мёнъ — Хаджиръ-ноёнъ. (Такъ говорилъ одинъ Бурятъ изъ Котогола).

Тункинскимъ Бурятамъ извѣстенъ также и Оранъ-делехе. Ему брызгаютъ, а также приносятъ жертвы (дѣлаютъ тайлганы), когда волки начинаютъ давить скотъ.

Буряты, живущіе въ мѣстности Менъ, называютъ мѣстныхъ духовъ-покровителей вообще хатъ-бурхытъ, а своему мѣстному даютъ имя Тарханъ-дурискъ; у него отецъ былъ Тайхынъ, мать Иджи-хынъ. Онъ былъ кузнецъ и жилъ въ мѣстности Менъ, когда здѣсь еще никого не было. По другому показанію, Тарханъ-дурискъ былъ шаманъ и кузнецъ, который жилъ въ здѣшней мѣстности. Одна дѣвица копала сарану; Тарханъ-дурискъ попросилъ у нея одну лужу и сѣлъ; должно быть, женщина была „мѣсячная“, „въ красѣ“; Тарханъ-дурискъ захворалъ, поднялся на голецъ ¹⁾ и умеръ на горѣ Мондю-байсинъ. Съ той поры здѣсь нѣтъ змѣй, бѣлой сараны и сосны, и не ходитъ верблюды. (Недавно проѣхали мужъ съ женой на верблюдахъ, и оба вскорѣ умерли; съ этихъ поръ стали встрѣчаться змѣи). Кромѣ того, здѣсь мѣстнымъ духомъ считается Мунку-саганъ-пджинъ-ханъ-моринъ-ноёнъ-баабай, то-есть, если переводить буквально, „мать вѣчно бѣлая, отецъ Царь-Лошадь господинъ“. Разказчикъ прямо отнесъ это имя къ тому вѣчному снѣгу, который въ нашихъ географіяхъ называется Мунко-сардыкъ. Другіе Буряты называли бѣлокъ нѣсколько иначе, именно: Мунку-саганъ-хутуль-ханъ-моринъ-нойонъ. Говорятъ еще, что Хятагай слетѣлъ съ неба вмѣстѣ съ громомъ на Мунко-саганъ; при этомъ толкуютъ, что Ханъ-моринъ и Хятагай—два имени вершины бѣлка Мунко-сагана. Вѣлчаніе, которое дѣлается Мунко-сагану въ призваніяхъ бурятскихъ шамановъ, заключается въ словахъ: окторгоин буумыл хумо харбаджи буга один ганц нюдугей ошин ганц шюдугей, то-есть: „стрѣляя небесною стрѣлой спустился (ты) одноглазый Одинъ, однозубый Ошинъ“. Дархатскій лама Гончикъ показалъ, что бѣлокъ въ вершинахъ Косокола (Мунко-саганъ) прежде назывался Долонъ Мундурго. Я переспросилъ его, чтобъ убѣдиться, не значитъ ли первый членъ „озерный“, далэн, но Гончикъ отрицательно качалъ головой и выставилъ семь паль-

¹⁾ Гольцами въ Восточной Сибири называютъ скалистыя вершины, поднимающіяся выше предѣльной линіи лѣсовъ.

цевъ руки ¹⁾. По словамъ же бурятскаго ламы на Мёнѣ Навана. Мунко-саганъ прежде былъ Шоно-нойонъ, при чемъ слово шоно-лама перевелъ русскимъ словомъ: волеѣ. Этотъ же Шоно-нойонъ назывался Ляйханъ-сурукдыкъ, который былъ иджин, хозяинъ Барунъ-далая (оз. Косогола), а Ривилъ-хама былъ иджинъ Дзюнь-далая (Байкала).

Священные горы, какъ Алтайцы, такъ и Улукемскіе Урянхайцы, ознаменовываютъ устройствомъ на ихъ вершинѣ обо пзъ камней или хворосту, на который навѣшивается ялама; подобнымъ горамъ молятся о звѣрномъ уловѣ. Такія поклонныя горы по алтайски называются джапкъ-ту, по урянхайски ыдыкъ-тагъ. Въ русскомъ Алтай, по сообщенію г. Ядринцева, священными считаются слѣдующія горы: 1) три горы Кесъны или Тесъны на р. Біѣ (имъ молятся, когда бываетъ горячка; 2) гора Ова, въ 15 в. отъ улуса Елейскаго; 3) гора Бобырганъ на р. Біѣ; 4) гора Абыганъ въ вершинахъ р. Абакана, по словамъ туземцевъ — о шести горбахъ; 5) гора Алтыпъ-тау со скалами, посвященныя названію сына и снохи (коледы); 6) гора Бѣлуха, по алтайски Учъ-сюри; 7) гора Яикъ-ту, въ Чуйскихъ бѣлкахъ. Въ Урянхайской же землѣ, по собраннымъ нами самимъ свѣдѣніямъ, одна ыдыкту лежитъ на лѣвомъ берегу Хакема близъ устья Седзена, а другая—противъ нея на противоположномъ берегу Хакема.

Въ Аларскомъ Бурятскомъ вѣдомствѣ на р. Ирети есть лѣсъ, который называется Нилханъ-наргынъ, „нилханова сосна“. Въ этомъ лѣсу запрещается рубить деревья. Здѣсь, по преданію, удавилась одна шаманка Баиръ-ханъ; она спорила съ однимъ шаманомъ (Хохоръ-богданомъ), чьи духи сильнѣе; шаманъ предсказалъ ей: „тебѣ не доѣхать до дому“, а шаманка предсказала шаману: „ты по приѣздѣ домой на третій день умрешь“; на пути домой шаманка повѣсплась; шаманъ доѣхалъ до дому, но на третій день умеръ.

Въ Балаганскомъ Бурятскомъ вѣдомствѣ есть бѣлый камень, валяющійся на степи. Буряты называютъ его бумыл саган шпдун, „бѣлый упавшій камень“, и думаютъ, что онъ спустился съ неба.

¹⁾ Названія Мундургонъ, значащагося у Гумбольдта на мѣстѣ бѣлка Мунко-цаганъ ни я, ни г. Черскій, объѣхавшій бѣлокъ со многихъ сто-

Алтайскіе ээзи, монгольскіе сабдыки и бурятскіе хаты—благодѣтельные духи.

Кромѣ того, у народовъ сѣверо-западной Монголіи есть вѣра въ злыхъ духовъ. Буряты вѣрятъ въ существованіе духовъ: анахай ¹⁾, зэтхыръ, ада. Маленькій анахай имѣетъ способность превращаться въ крысу и кошку; въ послѣднемъ случаѣ онъ мяучитъ. Если крыса долго живетъ, шерсть сходитъ съ нея, и она превращается въ анахая.

Если въ юртѣ ночью слышны шаги, шумъ, стукъ отъ паденія утвари—это дѣлаетъ бохолдэй. Тогда призываютъ человека, который одаренъ способностью видѣть и прогнать бохолдэя, „бохолдэй улдюдикъ хунъ“ или „бохолдэй хараша“. Этотъ человекъ видѣть бохолдэя и рассказываетъ, какого онъ роста, какъ одѣтъ. Если силъ его хватитъ, онъ прогоняетъ бохолдэя, обходя вокругъ юрты съ черепкомъ, въ которомъ курится жодо (нихта), арса и ганга; иногда такой человекъ говоритъ, что это не простой бохолдэй, и что его прогнать можно только посредствомъ жертвы: тогда призываютъ шамана.

Г. Ядринцевымъ записаны слѣдующія повѣрья Черневыхъ Татаръ и Алтайцевъ:

Черневые Татары вѣрятъ въ существованіе злыхъ духовъ аза; кромѣ того, у нихъ существуютъ для темныхъ силъ имена: шай-тапъ, алмысь, каала, куремесь, курюм-тертигры или тертигры-курюмъ, айна и четверъ (послѣдніе два—слуги куремеса). Телеса не знаютъ айна, а Алтайцы не знаютъ аза.

Ерликъ-ханъ есть высшій злой духъ. Его же Черневые Татары называютъ аю или медвѣжья лапа. Прислужникъ его, по словамъ

ронъ, не слышали. Отъ всѣхъ Бурятъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, онъ слышалъ только имя Мунко-саганъ; также и я, за исключеніемъ показанія Гончика. Хасуты зовутъ бѣлокъ Бурюнь-ханъ. Но, будучи у Ингурѣнскихъ Бурятъ (живущихъ на берегу Байкала къ с. отъ острова Ольхова), онъ слышалъ отъ жителей, что имъ Кударинскіе Буряты рассказываютъ, будто къ западу отъ Байкала есть высокія горы Мундургонъ. На картѣ г. Орлова къ в. отъ бѣлка Мунко-сардыкъ назначенъ хребетъ Дуланъ-ола.

¹⁾ Именами анахай и ада Буряты въ шутку зовутъ шустрыхъ мальчиковъ; малорослымъ людямъ иногда даютъ уличное прозвище арахынъ. „Бохолдэй“ служатъ бранью для взрослыхъ людей, какъ у насъ сатана, чортъ, дьяволъ, лѣшій.

Кумандинцевъ, называется кебенекъ, у Телеутовъ—янгызъ-конекъ, въ сказкахъ онъ представляется хромымъ и кривымъ. Телеуты объясняютъ, что Ерликъ и Ульгенъ прежде были ханами на землѣ и брали подать; теперь та же подать идетъ имъ жертвами. У Телеутовъ есть еще въ числѣ злыхъ духовъ Кагыръ-ханъ.

Узютъ—мертвецъ, превратившійся въ злаго духа и причиняющій болѣзни; душа покойника три года насылаетъ болѣзни.

Эрке, гарышъ—домовой у Черневыхъ Татаръ. У Алтайцевъ живишь савчи—хозяинъ юрты.

У Алтайцевъ есть вѣрованіе о кривомъ чортѣ, который называется чулмыс; полный его титулъ: яныс костью (янгыс тысту, то-есть, однозубый?) сокор караматыр, то-есть, кривой черный богатырь Яныскостю.

На перекресткахъ дорогъ, перевалахъ и близъ приторовъ происходитъ собраніе чертей, „тургак“; оттого эти мѣста опасны и, мпновавъ ихъ, ставятъ обо.

8. Повѣрья о болѣзняхъ, звѣряхъ и нѣкоторые предразсудки ¹⁾.

Алтайцы словомъ тиргильдинъ называютъ переливы въ воздухѣ во время рефракціи, а также трепетаніе воздушной струи надъ пламенемъ костра. Лихорадка приписывается тому, что тиргильдинъ входитъ внутрь человѣка, или что человѣкъ своимъ дыханіемъ втягиваетъ его въ себя, когда спитъ; тряска въ лихорадкѣ оттого и происходитъ, что тиргильдинъ трясется въ человѣкѣ ²⁾.

О кошмарѣ Телеуты выражаются: гурмосъ тумалабъ ят; для предотвращения кладутъ ножикъ или топоръ подъ постель. По другому показанію Алтайца, узютъ курмосъ, душа покойника давитъ человѣка. У Урянхайцевъ (тува) кошмаръ приписывается аза или адза; для отогнанія адзы призываютъ кама, который камляетъ въ юртѣ предъ таловымъ прутомъ съ „привязанными пятью цвѣтами“ (то-есть, лоскутками или тесемочками пяти цвѣтовъ). По другому показанію, нашенываютъ на землю и послѣднюю выбрасываютъ въ дверь.

У Алтайцевъ бываетъ болѣзнь, похожая на дѣтскій молочникъ; Алтайцы названія для нея не имѣютъ, а выражаются о ней посред-

¹⁾ Нѣкоторые повѣрья о животныхъ помѣщены ниже въ главѣ сказокъ.

²⁾ Записано въ д. Мыота, населенной Телеутами.

ствомъ глагола: ылбрабъ. На губахъ выступаютъ бѣлые пузырьки и конецъ языка болитъ; становится затруднительно ѣсть, пить горячее и говорить. Лѣчатъ купоросомъ.

Отъ вереда, по телеутски чійчан, по урянхайски (тува) хатага, Алтайцы прикладываютъ заячью шкуру, намазанную мыломъ.

Рану отъ порѣза Алтайцы лѣчатъ мозгомъ изъ заячьей кости.

Оспа по телеутски называется кінъ, по урянхайски (тува) тоолга.

Заговоръ у Аларскихъ Бурятъ отъ вереда (бомо, шихан):

алхугед шійхан обошинъ бэрхэ
абырхугед (ноинъ) бошынъ бэрхэ
улыкэ талар гаргынъ нарынъ хурсэ
удуреръ оргонъ ноинъ бэрхэ.

Отъ зубной боли Буряты добываютъ языкъ черного дятла (желны), и высушивъ его, ковыряютъ имъ въ больномъ зубѣ.

При воспаленіи глазъ или при бѣльмѣ (у Бурятъ) къ глазамъ прикладываютъ сырое мясо или моютъ дѣтскою мочою.

При болѣзни урѣ шагаху Буряты протыкаютъ грудь живаго барана, и больной смотритъ въ отверстіе (стараясь, чтобы горячій воздухъ шелъ въ глазъ). Во время горячки Буряты дѣлаютъ припарки изъ горячихъ внутренностей барана, обкладывая ими больного сверху и снизу.

Въ Баянаульскомъ округѣ киргизскія дѣвицы носятъ на шапкахъ филиново перо, уку; навязываютъ его также дѣтямъ. Особенно распространенъ этотъ обычай въ Кокчетавскомъ округѣ, гдѣ носятъ уку не только дѣвицы, но и джигиты: полезно отъ сглазу. Первый взглядъ упадаетъ на уку, второй только, уже безвредный, — на самого человѣка.

У Дюрбютовъ существуютъ слѣдующіе предразсудки:

Красная шпичка на шапкѣ (дзала или джинса) есть знакъ подчиненности нойону; если придти къ нойону безъ этого знака, думаютъ, что онъ оскорбится и приѣдетъ.

Чигенъ (кумыс) и вообще цаганъ иден, „бѣлую ѣду“, то-есть, молочное, пролить на землю грѣхъ. Проливъ, мочать въ лужѣ пальцы и вытираютъ ихъ о правое плечо и правое колѣно. Если предъ кочевкой прольютъ, собираютъ смоченную землю, везутъ съ собою и выбрасываютъ на новой стоянкѣ.

Говорить имя своего нойона не слѣдуетъ — нойонъ не обидится,

но худо будетъ тому человѣку, кто произнесетъ имя нойона; онъ можетъ заболѣть, или лошадь, на которой онъ ѣхалъ, можетъ умереть.

Дѣтямъ не даютъ кости съ мозгомъ—въ противномъ случаѣ будутъ сонливы. Не даютъ и мозгу изъ головы—въ противномъ случаѣ будутъ не крѣпко ѣздить въ сѣдлѣ.

Грѣхъ: перешагивать черезъ пищу; задѣть, проходя, полой платья за посуду; класть тряпку, которой вытираютъ котелъ, на землю.

Ѣсть послѣ другаго человѣка нѣкоторые брезгуютъ: „Съ твоими соплями не буду ѣсть“, говорятъ. Но послѣ дѣтей берутъ пищу безъ замедленія. Считаютъ за счастье, если ребенокъ самъ подаетъ не доѣденное, и принимаютъ отъ него, прилагая сложенные ладошки ко лбу.

На двери въ юртѣ Дюрбюты вѣшаютъ кость бутѣ чумы, къ которой привязываютъ „бу“, деревяшку; въ этой кости, украшенной деревяшкою, находятъ сходство съ человѣкомъ, стрѣляющимъ изъ ружья (ружье—бу); этотъ снарядъ будто бы отпугиваетъ отъ юрты читкура.

Урянхайцы привѣшиваютъ къ „ерепю“, вмѣстѣ съ кораллами, серебрянными и золотыми вещами, баранью голую голенистую кость.

Убить сурка, но не поймать, допустить, чтобы онъ улезъ въ нору—тому человѣку, думаютъ Дюрбюты, худо будетъ. Убить лисицу и дать ей улезти въ нору—того больше худо. Тогда нужно цѣлымъ сумыномъ вырыть ее, если охотникъ одинъ своими силами не можетъ добыть ее; если сумынь не сможетъ, цѣлымъ хошунуомъ слѣдуетъ рыть ее. Худо тому, думаютъ Дюрбюты, кто убиваетъ сурковъ въ излишествѣ, и кто убиваетъ мараловъ (бугу) болѣе двухъ въ годъ. Если заяцъ (тоола) перебѣжитъ дорогу—худо; если волкъ (чоно)—хорошо. Если лисица быстро пробѣжитъ мимо ѣдущаго—худо; если тихо—ничего. Волка увидѣть въ дорогѣ вообще хорошо.

Лебедя, по понятію Дюрбютовъ, грѣшно убивать; если убьешь, другой, жившій съ нимъ парой, будетъ проклинать тебя. Если убьешь осенью во время отлета, черезъ годъ въ тотъ же самый день умрешь.

Аларскіе Буряты считаютъ дурнымъ предзнаменованіемъ, если

удодъ поселится подъ кровлей жилья, на примѣръ, лѣтника. Точно также дурной знакъ видятъ и въ томъ, если въ лѣтникѣ, до переселенія въ него семьи изъ зимника, поселится дикая утка, или если въ зимникѣ поселится хорекъ. Змѣю увидѣть подлѣ дома также считается у Аларскихъ Бурятъ знакомъ къ бѣдѣ. Они же считаютъ дурнымъ предзнаменованіемъ, если ласточка выброситъ дѣтеныша изъ гнѣзда.

Если кукушка сильно кукуетъ или глухарь сильно токуетъ, тунельскіе Буряты говорятъ, будетъ худой годъ.

Тува-Урянхайцы (по словамъ Урянхайца Котрукпая, кости Сальджакъ, на Бурень-голѣ) думаютъ, что не слѣдуетъ убивать летягу (абырганъ); кто убьетъ, тому будетъ худо.

Алтайцы считаютъ за грѣхъ убивать журавлей, какъ сѣрыхъ (турпна), такъ и другой видъ (харкыра, *Grus Virgo*), ангыровъ (*Vulpanser rutila*), лебедей, тельгеновъ (родъ астребовъ), голубей (кудай кушъ) и ласточекъ.

О ежѣ повѣрье у Хасутъ-Урянхайцевъ на Косоголѣ: кто поситъ его пглы, зашитыя въ платѣ, въ тяжбѣ не проиграетъ. О звѣрѣ миджинъ-халю (выдра?) Хасуты думаютъ, что онъ ловитъ рыбу, примораживая ее къ хвосту. По повѣрью Аларскихъ Бурятъ, когда чернота съ ушей зайца сойдетъ, наступитъ царство Майте-ре. Урянхайцы на Улукхемѣ думаютъ, что коровъ сосетъ алындага (тушканчикъ).

У Киргизовъ существуетъ повѣрье, если лошадь поѣстъ траву, выросшую на мѣстѣ, гдѣ ударила молнія и сожгла траву, съ той лошади шерсть облезетъ, какъ у опаршивѣвшей, особенно на ребрахъ.

Субръ, по повѣрью Бурятъ, сильный и смѣлый звѣрь, бросающійся на человѣка; онъ кидается камнями, становится на заднія ноги, беретъ въ переднія лапы хворостъ и бросаетъ имъ въ дичь, которую загоняетъ, хлопаетъ при этомъ въ ладоши и хохочетъ по человѣчески.

О мамонтѣ ничего не знаютъ ни Алтайцы на Катунѣ и Чуѣ, ни Монголы.

9. Повѣрья о загробной жизни.

Алтайцы вѣрятъ, что на томъ свѣтѣ мы будемъ жить также, какъ и здѣсь, то-есть, будемъ сѣять хлѣбъ, водить скотъ, пить вино

и ѣсть говядину. Только на томъ свѣтѣ мы будемъ жить гораздо богаче, потому что намъ будетъ отданъ не только весь тотъ скотъ, который мы имѣли на землѣ, но и тотъ, который околѣлъ. Кто окрестится, тотъ будетъ мучиться за свои грѣхи, а кто не окрестится, того мучить на томъ свѣтѣ не будутъ, а только посадятъ въ темное мѣсто (изъ записокъ миссіонера о. Постникова).

По вѣрованію Урянхайцевъ, души худыхъ людей идутъ къ Ерлику, въ „тамы“, то-есть, въ адъ, въ которомъ ужасный жаръ и ужасный холодъ; души хорошихъ становятся Орапъ-тува-джанъ-бурхан'омъ. По смерти человѣка душа его три дня живетъ около того мѣста, гдѣ онъ умеръ. Душа покойника не можетъ сразу понять, что она оставила тѣло, три дня ходитъ по старому жилищу, и только тогда догадывается, что она свободна, когда замѣтитъ, что она не оставляетъ слѣдовъ на золѣ огнища. Душа умершаго хорошаго хама остается тамъ, гдѣ онъ похороненъ, и каждую ночь камляетъ тутъ. Души умершихъ приходятъ иногда къ своимъ живымъ, родственникамъ; тогда Урянхайцы просятъ хуваракъ¹⁾ читать молитвы и посѣщенія прекращаются. Иначе тотъ, кого посѣщаетъ покойникъ, заболѣетъ и умретъ. Эти привидѣнія называются аза. Душа покойнаго хама, бродящая и являющаяся живымъ, называется аза-пукъ.

Слѣдующій рассказъ записанъ со словъ Бурята Н. В. Матханова.

Иногда человѣку шаманской вѣры видится такой сонъ: Будто бы зашелъ онъ въ какое-то незнакомое, глухое, лѣсистое мѣсто; видитъ мостъ черезъ пропасть; съ моста каплетъ что-то; на противоположномъ берегу стоятъ человѣкъ и стадо овецъ. Видящій этотъ сонъ спрашиваетъ пастуха, что все это значитъ. Тотъ объясняетъ: „Я былъ шаманъ; стадо это—тѣ бараны, которые были заколоты по моему указанію и не приняты богами. Съ моста каплетъ молоко, которое я брызгалъ, и которое также было не принято“. Видящій сонъ идетъ далѣе и находитъ другаго шамана (указывается и имя какого-нибудь недавно умершаго знакомаго шамана); онъ прикованъ къ дереву; передъ нимъ поставлены яства и напитки, но онъ не можетъ достать ихъ. Это шаманъ, отличавшійся скупостью. Рассказъ этотъ становится извѣстнымъ во всемъ улусѣ, и всѣ

¹⁾ Хуваракъ—духовное лицо у ламантовъ.

запомнить, что такой-то шаманъ страдаетъ, распятый на деревѣ. Потомъ какъ-нибудь въ обществѣ сидящихъ Бурятъ вдругъ какого-нибудь тутъ же спящаго шамана схватятъ корни; онъ побѣснуется, потомъ утихнетъ и расскажетъ, что онъ былъ внезапно унесенъ въ міръ духовъ и тамъ присутствовалъ при освобожденіи распятаго шамана. Съ этой поры всѣ вѣрятъ, что мученикъ сдѣлался свободнымъ.

10. Гаданья.

Гаданье по лопаткѣ у Аларскихъ Бурятъ производитъ обыкновенно шаманъ, но онъ передаетъ ее и старикамъ, которые также разбираютъ черты. Одна сторона лопатки считается холодною, другая теплою. Если образовалась поперечная трещина—значитъ требуется „дельбыргы“, то-есть, возліаніе передъ шнуромъ съ залой, которое выше простаго брызганья. Отвѣты, даваемые лопаткой, въ родѣ слѣдующихъ: кражу совершилъ халун хунъ, теплый человѣкъ, то-есть, однородецъ или харъ-хунъ, черный человѣкъ, то-есть, чужеродецъ. Рубецъ на лопаткѣ—баранья дорога.

У Алтайцевъ гадаютъ, бросая чашку; такъ напримѣръ, пахоясь на охотѣ, гадаютъ будетъ ли уловъ. Если чашка вверхъ дномъ упадетъ, несчастья не будетъ—комгоро тушсэ рьс ек; если чашка упадетъ вверхъ впадиной, счастья не будетъ—алча тушсэ, кэжикъ ек. Ворожатъ у Алтайцевъ также ударами бубенной колотушки по лѣвой ладони, и посредствомъ лучка. Послѣдняя ворожба называется: тюльго салып. Лучокъ дѣлается изъ прутика тогда же, когда въ немъ явилась надобность. Камъ беретъ его пальцами за середину тетивы, устанавливаетъ равновѣсіе, потомъ слегка потрясетъ его и водить вдоль тетивы носомъ, какъ будто нюхаетъ.

III.

НАЗВАНІЯ

ЗВѢЗДЪ, МѢСЯЦЕВЪ, ПАЛЬЦЕВЪ, РАСТЕНІЙ И ЖИВОТНЫХЪ И ПОВѢРЬЯ О НИХЪ.

1. Названія звѣздъ и созвѣздій ¹⁾.

Большая Медвѣдица.

Алтайцы: *Итмианъ* (по сообщенію о. Соколова: йеттеген); Теленгыты на Чуѣ: *Джетыманъ*; Телеуты, по словамъ свящ. Чивалкова, говорятъ *Тъэтыманъ*, нѣкоторые же *Тъэтыманъ*; въ послѣднемъ случаѣ имя будетъ значить семь царей. По словамъ о. Чивалкова же, зовутъ это созвѣздіе также *Атъ Тъэтыманъ* (атъ лошадь); въ этомъ созвѣздіи различаютъ ноги—четыре звѣзды и хвостъ, въ которомъ три звѣзды; есть еще созвѣздіе *Итъ Тъэдегенъ*—тоже семь звѣздъ, но хвостъ крючкомъ (итъ—собака).

Тува-Урянхайцы кости Кыргысъ (на Улу хемѣ): *Джитыманъ*; Тува-Урянхайцы кости Сальджакъ (на Буренъ голѣ): *Джедыманъ* и *Джиты-турганъ*; Урянхайцы въ долинѣ р. Хукъ: *Окторгой Джеды бурханъ*.

Дюрбюты на оз. Убса: *Окторгенъ-Долон-Бурханъ*.

Буряты въ вершинахъ Иркуты: *Долонъ-Бурханъ*, *Долонъ убулутъ* (7 стариковъ) или *Долонъ Хогонъ* (семь моралухъ).

Буряты близъ д. Култука: *Долонъ Кубынъ*; Буряты Аларскаго вѣдомства: *Долонъ Эбулутъ* (семь стариковъ).

¹⁾ На языкѣ Чернев. Татаръ звѣзда: чаган (сообщ. г. Ядринцевъ), на языкѣ Качинск. Татаръ: чилтыс, Алт. илдыс, у Сальджакъ и Тува вообще: сылтыс, дзылтыс.

Дархаты на Шишкитѣ: *Окторю Долонъ-бурханъ*.
Оріонъ.

Алтайцы: *Учъ-Арка*, *Учъ Мыйнакъ*; Телеуты (сообщ. г. Ядринцевъ): *Учарга*; Черневые Татары (сообщ. г. Ядринцевъ): *Учерекъ*.

Тува-Урянхайцы на Улу-хемѣ: *Учъ Мыйнакъ*; Тува Урянхайцы на оз. Теръ-норъ: *Киши Чолбанъ*; Урянхайцы на Хукъ: *Ушъ мыйнакъ*.

Буряты въ вершинахъ Иркуты: *Гурба хою* (три моралухи); Буряты близъ Култука: *Юнъ Кубынъ*; Буряты Аларскаго вѣдомства: *Гурунъ Барыкъ* или *Гурунъ-Гуроенъ*; Забайкальскіе Буряты, по словамъ свящ. Як. Чистохина: *Гурбанъ Мушинъ*, *Гурбанъ Сохъ* (то-есть, три пламеняющіе угля); Тункинскіе Буряты, по показанію одного обурятывшагося Тунгуса, *Кусе-меренъ*.

Дархаты: *Гурбу Сога* (три моралухи).

Дюрбюты: *Гурбы Маралъ* (три моралухи).

Плеяды.

Алтайцы: *Улькэръ*.

Тува-Урянхайцы (на Улу Хемѣ): *Уларъ*. Тува-Урянхайцы (на Теръ норѣ): *Ухэръ*. Урянхайцы въ долинѣ р. Хукъ: *Ульхэръ*.

Буряты въ вершинахъ Иркуты: *Мыши* (по ихъ словамъ, созвѣздіе состоятъ изъ 6 звѣздъ).

Буряты Аларскаго вѣдомства: *Одунъ-Мышитъ*.

Зарница.

Алтайцы *Чолмонъ*, *Кубыръ-Чолмонъ*; по словамъ о. Соколова, они различаютъ утреннюю *танъ чолмон* и вечернюю *энир чолмон*.

Телеуты: *чолмонъ илдысъ*; по сообщ. г. Ядринцева: вечерняя *еныр-чалманъ*, утренняя *танъ-чалманъ*. Черневые Татары (сообщ. г. Ядринцевъ): вечерняя зарница *кыраг бола*, утренняя *тонжол бола*.

Тува-Урянхайцы (на Улу-хемѣ): *Чолбанъ*; (на Теръ-норѣ): *Дзыл-тызъ*; Урянхайцы въ долинѣ р. Хукъ: *Шолбанъ*.

Буряты Аларск. вѣдомства: *Одунъ Солбынъ*, *Уха Солбынъ*; *Солбынъ* (ему приносятъ жертвы).

Буряты въ вершинѣ Иркуты: *Мечинъ Солбы*, *Саганъ-Солбы*.

Дюрбюты: *Урилинь Чолмонъ* (собств. утренняя зарница).

Полярная звѣзда.

Телеуты и Алтайцы: *Ямыс казык* (одинокій колъ) или *алтынъ казыкъ* (золотой колъ).

Буряты въ вершинахъ Иркутъ: *Иланъ Одунъ*. Забайкальскіе Буряты: *Алтынъ-Очиръ* (золотой очиръ) (сообщ. Д. Ос. Родванъ).

Орочоны: *Алтынъ Сагасу* (сагасу—коль внутри двора) (сообщ. г. Родванъ).

Кромѣ того, называютъ еще слѣдующія созвѣздія и звѣзды: Телеуты: *Кресъ-илдысъ*, созвѣздіе въ видѣ креста, и Буряты въ вершинахъ Иркутъ: *Хунъ-Одунъ* или *Хонъ-Одунъ* (лебедь-звѣзда), созвѣздіе, состоящее изъ 5 звѣздъ.

Млечный путь:

Телеуты: *Кру елы*.

Тува-Урянхайцы (на Улу Хемѣ): *карунынгъ орунъ*.

Буряты Аларск. вѣдомства: *тэнгиринъ ойдылъ* (небесная прошва).

Радуга: Тува-Урянхайцы на оз. Теръ-Хулъ: *джелешъ; телешъ, телеишъ*; Чернев. Татары (сообщ. г. Ядринцевъ): *титень*, Алт.: *солонго*.

Громъ гремитъ по тува-урянхайски: *харыра, тибребъ, кайраканъ едыт ят, кан едыт ят, тюндже тенгри етеды*. Алтайцы говорятъ: *тенгри едыт ят* (про кукованіе кукушки также говорятъ: *куук едыт ят*); Черневые Татары: *тегре груеп* (сообщ. г. Ядринцевъ). Буряты Аларск. вѣдомства: *тенгри тугара*. Теленгиты на Чуѣ: *кудай кукребъ ят*.

Паденіе дождя и снѣга по тува-урянхайски—*джаикъ*.

Молнія по тува-урянхайски: *аинга; кызанинацъ*. На языкѣ Качинскихъ Татаръ *торъ*. На языкѣ Черневыхъ Татаръ: *тегре ялтан* (сообщ. г. Ядринцевъ). У Бурятъ Аларск. вѣдомства: *бодыл*¹⁾. По киргизски блескъ молніи называется *джасынъ*. Киргизская клятва: ой, джасыныи огы туссун, да стрѣлятъ въ тебя громовая стрѣла!

Громовая стрѣлка (орудіе каменнаго вѣка) по тува-урянхайски *чанникъ*; на языкѣ Бурятъ Аларск. вѣдомства: *будылын ши-лун, бурхынай хахыл*; у Теленгитовъ: *кордон шуамус*.

2. Повѣрья о громѣ.

1) Громъ происходитъ оттого, что Тенгри ѣздитъ на лу (драконѣ); когда Тенгри потянетъ бурундукъ (поводъ), лу сердится и кричитъ, какъ верблюдъ кричитъ въ подобномъ случаѣ. Тенгри,

¹⁾ Дѣтская стрѣлка по бурятски *боделе*; стрѣлка для большаго лука *утке*; ея вѣдущій *гомо*.

потянувъ за бурундукъ, бросаетъ въ это время стрѣлу аюнго сумунъ въ одноногого тиринъа (ханцхан кельтей тирин), который на одной ногѣ такъ быстро бѣгаетъ, что стрѣла „аюнго“ едва его достигаетъ.

(Сарисшиъ, Дюрбютъ изъ Улапгома).

2) Громъ производитъ Улы-Кайраканъ; онъ зимуетъ на землѣ, на высокихъ горахъ, а лѣтомъ поднимается на небо. Мѣста его зимовки недоступны, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи ихъ видѣть; гдѣ онъ зимуетъ, паръ стоитъ. Улы-Кайраканъ бросаетъ молнію въ Чокуръ-Корюка (полосатаго бурундука), на котораго почему-то сердитъ; почему—не знаетъ.

(Урянхаецъ Ульбо, кости Кыргысъ. Р. Аръ-Торхоликъ).

3) Молнію кидаетъ съ неба Хормусту-Тостъ-Кара-Тэнгиръ. Она падаетъ на тѣхъ людей и животныхъ, которые что-нибудь сдѣлали противное небеснымъ кайраканамъ.

(Танза Урянхаецъ, кости Туматъ. Торхоликъ).

4) Нѣкоторые говорятъ, что лу есть бо, шаманъ; другіе—что это небесный верблюдъ, тэнгиринъ-теме, при которомъ три человѣка: одинъ сидитъ между кочками и бьетъ въ хэнгрикъ, бубень; отъ этого происходитъ громъ; другой помахиваетъ въ воздухѣ бѣлымъ лоскутомъ, на которомъ написана тангутская молитва (такіе лоскуты вѣшаются на деревья и называются цаганъ-шухуръ); отъ этого происходитъ молнія; третій потягиваетъ за поводъ; изъ рта верблюда течетъ вода: это—дождь. Въ этомъ значится алба, то-есть, служеніе этихъ трехъ человѣкъ, имѣющее цѣлью производить дождь и вызывать зелень на землѣ и возрожденіе жизни послѣ зимняго оцѣпенѣнія; гдѣ пройдетъ дождь, тамъ появляется множество мелкихъ тварей, дѣйствительное количество которыхъ убѣгаетъ отъ человѣческихъ глазъ. Есть люди, которые могутъ отводить грозу; это грѣшно, потому что на томъ мѣстѣ, гдѣ тѣ три человѣка хотѣли грозу сдѣлать, жизнь замретъ, и они, можетъ быть, должны будутъ пойти въ другое мѣсто, гдѣ не нужно дождя. Какъ ни великъ бываетъ иногда ливень, онъ все-таки не можетъ сравниться съ тѣмъ потокомъ, какой небесный верблюдъ въ состояніи произвестъ, еслибы онъ не умѣрялъ себя; пролей онъ всю свою слюну, сдѣлался бы „галапъ“, потопъ.

(Гунынъ, грамотный лама Халхасецъ хошуна Лу-гуна).

5) Монголы говорятъ, что лу зимуетъ на высокихъ горахъ.

Если на скалахъ этихъ горъ намерзаетъ ледъ, образуя свѣсившіяся массы, думаютъ, что этотъ ледъ образовался отъ дыханія лу.

(Гувинъ, грамотный лама Халхасецъ хошуна Лу-гуна).

6) Громъ производитъ Тердынъ Улы (можно перевести: сынъ неба и небесный драконъ); онъ зимуетъ на землѣ, лѣтомъ поднимается на небо. Въ долину р. Аръ-Торхоликъ есть гора, которая называется „зубы Тердынъ Улы“, тердынъ улы тыши.

(Тува-Урянхайцы).

7) У Тамдына былъ богатырь Джесъ Маадырь, которому навредилъ Кызылъ-Курюнь (хорекъ); теперь Джесъ Маадырь бросаетъ въ него молніей. Тамдынъ былъ великій камъ (шаманъ); всѣ нынѣшніе камы есть его потомки.

(Шаманъ тува-урянхайскій, кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

8) Есть камы, которые могутъ сводить молнію съ неба; если они на кого сердиты, то бросаютъ молнію на его скотину.

(Оль же).

9) Громъ производитъ сынъ неба, Тэнгредынъ Улы, который зиму проводитъ на землѣ. Это показаніе старикъ Чингиджекъ далъ въ отвѣтъ на вопросъ: есть ли сынъ у неба?

(Чингиджекъ, Тува-Урянхаецъ, кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

10) Громъ Тува-Урянхайцы приписываетъ лу, который сердится и крутитъ хвостомъ, отчего происходитъ громъ. Когда бываетъ первый громъ, туваскіе камы на Теръ-поръ камлаютъ на бѣломъ войлокѣ, разосланномъ внѣ юрты; на томъ же войлокѣ кладутъ заколотого барана и три девятка, то-есть, двадцать-семь разныхъ свѣстныхъ вещей, какъ-то: пушкулюкъ (сыръ), аруль (сыръ), арххи (водку) и пр. Этотъ обрядъ называется теръ-тагырь. Въ то же время юрту обливаютъ молочнымъ; „обмываютъ юрту“, какъ говорятъ. При этомъ „обмываньи“ произносятъ слова: „Едзень-Сульдэ“.

11) Если громъ убьетъ человѣка, вырываютъ яму и кладутъ въ нее покойника; затѣмъ девять тайджи на бѣлыхъ лошадяхъ въ бѣлой одеждѣ ѣздятъ кругомъ и кричатъ; если этотъ обрядъ не совершить, другого кого-нибудь постигаетъ та же участь. Иногда бываетъ, что тотъ, вокругъ котораго ѣздятъ, оживаетъ. Въ предупрежденіе несчастія отъ грома брызжутъ надъ бѣлымъ войлокомъ

молокомъ посредствомъ „цасыла“, то-есть, деревянной лопаточки, на которой сдѣлано девять углубленій.

(Гувинъ, Халхасецъ хошуна Лу Гуна).

12) Громъ, по мнѣнію Бурятъ, производитъ Тэнгри; онъ стараются убить Арахынъ-Шиткура, который прячется то за дерево, то въ щель, и послѣ громоваго удара дразнить Тэнгри, выскакивая изъ щели уже въ другомъ мѣстѣ и показывая палецъ Тэнгри какъ бы говоря: „Вотъ уже гдѣ я очутился“. Арахынъ-Шиткуръ прячется также подъ собаку. Щепки отъ разбитаго грозой дерева хранятъ въ домахъ. Въ дерево громъ кидаетъ каменною стрѣлой, въ животныхъ огнемъ. Найденныя стрѣлы также хранятъ.

(В. Н. Матхановъ, Бурятъ, бывший тайша Аларскаго вѣдомства).

13) Громъ производитъ луй. Это—его крикъ; онъ кричитъ, когда на него садится Тенгиръ-бурхынъ (такъ называется громъ) и ѣдетъ. Зимой луй (они многочисленны) живутъ въ морѣ, лѣтомъ поднимаются на небо. У луй два камня эрдене, которыми онъ производитъ грозу; одинъ во рту, другой въ рукѣ.

(Хандакъ, Бурятъ Тункинск. вѣдомства).

14) У Тэнгрэ-Буркана есть Каджиръ-Буура (то-есть, верблюдъ, жеребецъ Каджиръ); его коренной зубъ (азу тыжи) есть молнія. У Каджира на спинѣ четыре горба (терт оркешъ), которые соответствуютъ четыремъ днамъ неба (терт түб).

(Почукъ, крещеный Алтаецъ. Ангудай).

15) По мнѣнію Тува-Урянхайцевъ кости Сальджакъ, молнія бьетъ въ летягу (абырганъ), по другимъ—въ бурундука (корюкъ).

16) Молнія бьетъ въ бурундука (корюкъ) и летягу (бобырманъ); оба почему-то неприятели небу; почему, неизвѣстно. Шкурки обопхъ вывѣшиваются при камланьи; когда камъ поднимается, камлая, на небо, онъ видитъ тамъ „бобыргана“ привязаннымъ и стреноженнымъ. Когда во время камланья выставляютъ „толу“, то-есть, вывѣшиваютъ девятки платя (богатые вывѣшиваютъ до 5 и 7 девятковъ), то вывѣшиваютъ также и шкуру бобыргана.

(Мендышъ, Алтаецъ кости Иркытъ. Р. Иня).

17) Молнія бьетъ въ „корюка“, то-есть, въ бурундука. Тэнгрэ мститъ ему за то, что онъ выкопалъ глаза младшему сыну Тэнгрэ.

(Чончу, вдова Теленгитка, кости Алматъ Долгана Чуи).

18) Молнія называется курдайдыи ялыш, громъ — курдайдыи кукурт; если бьетъ молнія, это значитъ, что Кудай (небо) уноситъ съ земли бурундука (корюкъ) на небо; зачѣмъ-то онъ ему нуженъ. (Найба, Алтаецъ въ Ангудаѣ).

19) Молнія бьетъ въ корюка; послѣ удара вокругъ дерева бываетъ видна борозда; это молнія окружила дерево, преслѣдуя корюка.

(Буунчукъ, шаманъ Теленгитъ. Чуя).

20) Громъ производитъ Улу, который зимуетъ на тайгахъ (бѣлкахъ), а лѣтомъ поднимается на небо; молнія происходитъ отъ влїянїя его хвостомъ, громъ его голосъ. Молнія бьетъ въ то дерево, гдѣ скрывается бурундукъ; она оплываетъ дерево винтообразно (айландра) и уходитъ въ землю.

(Тотой, Теленгитка. Чуя).

21) Громъ производитъ Исыгы Малан тэнгри, у котораго подѣлствомъ пятьдесятъ-пять тэнгри, табин табин тэнгри. Когда молнія ударитъ во что-нибудь, небесное нужно поднять на небо. Тогда призываютъ тэнгриин бо, тэнгриева шамана, который записитъ отъ грома и молнїи, будыл, Сѣдлаютъ девять лошадей и кричатъ что-то.

(Лама изъ Аларскихъ Бурятъ).

22) Громъ бьетъ въ бурундука или въ грѣшное дерево, въ которомъ поселился чулмусъ, или въ грѣшныхъ людей. Когда первый громъ гремитъ, примѣчаютъ съ которой стороны въ юртѣ его слышно: если съ женской — будетъ хороший удои молока, съ мужской — прибыль въ звѣрѣ и т. п. Во время грозы стоятъ съ ковшомъ молока, которымъ и тушатъ, если гдѣ загорится. Также, въ предотвращенїе этого бѣдствїя, жгутъ растенїе, которое Русскіе называютъ „росной ладонь“.

(Записаль г. Ядрипцевъ въ русскомъ Алтаѣ).

23) Громъ и молнію на землю пускаетъ Тэнгри. Онъ преслѣдуетъ прячущагося Читѣура. Олбо — это злой духъ, котораго Тэнгри хочетъ убить молніей. Олбо во время грома сердится и становится большой, съ котель величиной.

(Солдаты, Бурятъ Тункинск. вѣдомства).

24) Волковъ Дархаты зовутъ тэнгриин нохой, то-есть, собаки Тэнгри.

(Записаль г. В. Палкинъ).

3. Названїя мѣсяцевъ.

Шаманскїй счетъ мѣсяцевъ у Бурятъ начинается съ осени:

1) Улара. „Въ мѣсяцъ улара вода замерзаетъ“, улара сарда уга саган хурхэ.

2) Уре. Сѣномъ кормить скотъ начинаютъ, убугун идпхэ.

3) Гуранъ, то-есть, „козуля“. „Въ ноябрѣ козулинъ прыжокъ прибавится“, гура харда гурнэ харасы нылихэ.

4) Буга, то-есть, порогъ юрты. „Бѣлое подѣ порогомъ тлѣетъ“, боготен саган шимылээ.

5) Хуса (февраль).

6) Уланъ зодынъ, то-есть, красный хребетъ. „Въ мартѣ красная лужа потечетъ“, улан зодында улан хэб урдыха.

7) Ихн боргунъ.

8) Бага боргунъ или ноготу.

9) Ганигара. Поговорка: ганигара галдзу пден, „въ іюнѣ бѣшеная йда“.

10) Хожа (іюль). „Коровы прекращаютъ доиться“, инеп хогорхы.

11) Уульджинъ. Сѣно косятъ, убугу шэпишхэ.

12) Хук-гара.

Года соединяются въ циклы по двѣнадцати; каждый годъ носитъ названїе звѣря. Имена эти тождественны съ извѣстными именами монгольскаго цикла. Первый годъ носитъ названїе мышинаго; по сказанїю Аларскихъ Бурятъ, ему слѣдовало бы быть верблюжьимъ, но верблюды лишились этой чести: тэмен пхибхыже желэгэ хождэ, „верблюды, считая себя великимъ, лишился года“. По преданїю, верблюды и мышь (хологуна) спорили, кому первымъ годомъ владѣть. Рѣшили: тому, кто увидитъ первый лучъ солнца. Верблюды легъ головой на востокъ; мышь сѣла ему на кочку и смотритъ на западъ. Еще солнце не показалось изъ-за горизонта, верблюды еще не видятъ его, а мышь уже увидѣла свѣтъ на западныхъ горахъ. Ей и достался первый годъ.

Другой варіантъ того же сказанїя, записанный отъ о. Чистохина, уроженца Агинскаго Бурятскаго вѣдомства, такой: Амынь-саганъ-хулугуна и верблюды спорили, съ чьего мѣсяца годъ начинать. Рѣшили: съ того, кто первый увидитъ восходящее солнце. Верблюды легъ мордой на востокъ, а хулугуна забралась къ нему на кочку,

увидѣла первая и закричала. Верблюды спросили ее, какъ она могла увидѣть первую, и когда хулугуна объяснила свою хитрость, верблюдъ осердился и кинулся на нее. Хулугуна зарылась въ золу отъ страха. И теперь верблюдъ разрываетъ часто огнище и золу въ надеждѣ найти хулугуну. Говорится: арбан хонр жили ахаза-ха амы саган хулугуна, то-есть: „пзъ двѣнадцати лѣтъ главная и первая бѣлоротая мышь“.

„Ухырѣ (корова) — холодъ, могай (змѣя) — засуха“, говорятъ Аларскіе Буряты.

4. Названія пальцевъ руки.

У Телеутовъ.

Обыкновенныя:	Дѣтскія:
Большой: эргэк	паш патыр (главный богатырь),
Указательный: сук кол	пашы кырлю (граненая голова),
Средній: ортон кол	ортон оймок (средній наперстокъ),
Безымянный: аты јок кол	обо чечен (мѣловой мудрецъ),
Мизинецъ: чпчалык	кпчинзек бубеш (бубеш — люлька по телеутски ¹⁾).

У Теленистовъ на Чуть. У Урянхайцевъ поколѣнія Кырысь на р. Торхоликъ.

Дѣтскія:	Дѣтскія:
Б. паш паатыр	мат падыр
Ук. пажы гырлю	баши гурлю
Ср. обо чечен	ху башеджен
Безым. орто мерген	орта мерген
М. кпчи бобей	бичи бобей

У Урянхайцевъ поколѣнія Сальд-жакъ на р. Буренъ. У Урянхайцевъ Хасутъ на озе-рѣ Косоюлтъ.

Дѣтскія:	Дѣтскія:
Б. пад матыр	ба борлай
Ук. пажы гурлу	баши гурлюк
Ср. орто мерген	орто мерген

¹⁾ По алтайски люлька — кабай.

Безым. уа чеджек уртун хойлюк
М. бичи бобей вичигене бобей

У Урянхайцевъ въ долину р. Хука.

Обыкновенныя:	Дѣтскія:
Б. улу иргек	бат байран
Ук. долабыр	баши хойлян
Ср. орта иргек	урта мерген
Безым. ат джок иргек	уашъ иджи
М. шиме джидур	бичи бобык

У Качинскихъ Татаръ Минусинскаго округа.

Обыкновенныя:

иргек
устук сала
ортун сала
кос сала
чпмалчик

У крещеныхъ Татаръ Мамадышскаго уѣзда Вятск. губ. (сообщено свящ. о. Борисомъ Гавриловымъ).

Дѣтскія:

Б. баш бармак
Ук. балан ізек (калиновый подбородокъ)
Ср. урта тыяк („собачка“ въ ткацкихъ кроснахъ)
Безым. сырлы сюяк (бороздчатая кость)
М. бабайкей.

5. Списокъ мѣстныхъ названій растений ¹⁾.

Abies дюрб. чигырсынъ; ал. бур. жодо.
Aconitum napellus, там. дурзэломъ; манчинъ; дюрб. хара хо-росу, то-есть, черный ядъ.
Agriophyllum agerarium—дюрб. сурькуръ. О. Іакинѣвъ упоминаетъ (Зап. о Монголіи, т. I, ч. 1, стр. 75) траву суля, доставляющую

¹⁾ Сокращенія:

ал. бур.—Буряты Аларскаго вѣдомства.

алт.—Алтайцы.

дарх.—Дархаты.

дюрб.—Дюрбюты.

вач. тат.—Качинскіе Татары.

кирг. Б. а.—Киргизы, кочующіе около горъ Баянъ-аулъ.

жителямъ южной Монголіи подспорье въ пищу; это, вѣроятно, то самое соли, о которомъ мнѣ разсказывали въ сѣверо-западной Монголіи, какъ о хлѣбномъ растеніи, отличая его отъ *Agriophyllum aenearium*; однажды мнѣ выдали за соли *Teloxys aristata*, но кажется, невѣрно. Можетъ быть, это *Agriophyllum gobicum*?

Allium fistulosum—алт. согонб; тува на Улх. сонгон; мон. сонгинъ.

Allium sativum, чеснокъ—кит. ссуай; ал. бур. гогонъ; тел. въ Улаалъ джеръ-ускумы.

Allium ursinum—алт. калба; тунк. и ал. бур. халаръ.

Allium неопредѣл. вида—тунк. бур. ханджяна, манджяна; вѣроятно, тотъ же лукъ извѣстенъ у Аларскихъ Бурятъ подъ названіемъ маньяганъ.

Alnus sp. (?)—тува на Хх. чброшъ.

Alnus glutinosa—кирг. Б. а. карагачъ.

Anabasis cretacea—дюрб. дээрэцъ-дэль.

Ancathia igniaria—тува на Улх. сійргакъ.

Angelica sylvestris—тува на Улх. моргу, марга; преи, балтырганы, то-есть, медвѣжіи балтырганъ.

Aquilegia glandulosa—дюрб. хархоросу (смѣшпваютъ съ *Aconitum napellus*); употребляютъ въ лѣкарство; тамг. дурзсломъ.

Artemisia frigida—кирг. Б. а. мынгъ-джусанъ.

кит. — Китайцы.

минг. — Мингаты.

монг. — Монголы.

танг. — Тангуты.

теленг. — Теленгиты.

тел. — Телеуты.

тува ух. на Улх. — Тува (то-есть, Урянхайцы), живущіе на р. Улухемъ.

тува хх. на Хх. — Тува на р. Хуахемъ.

тува хк. на Хк. — Тува на р. Хукъ.

тува на Ксг. (Кос.) или Хас. на Ксг. (Кос.) — Тува на оз. Косоголъ,

или, что все равно, Хасуты на Косоголъ.

тува на Терхъ — Тува на оз. Теркуль.

тува на Трх. — Тува на р. Торхоликъ.

тунк. бур. — Буряты Тунинскаго вѣдомства.

халх. — Халхасы.

черн. тат. — Черные Татары.

як. — Якуты.

Artemisia maritima—дюрб. цаганъ-шарплъджинъ, камбы-шарплъджинъ.

Artemisia rutaefolia—дюрб. хара-шарплъджинъ, шявыкъ или шабыкъ.

Artemisia sacrorum—дюрб. шявыкъ.

Astragalus mongolicus—халх. хончиръ.

Atragene alpina—дюрб. чюдуръ-убюсу, то-есть, путы-трава, хоцу; тува на Улх. кайраканъ-крыджи (или керджи), атыгъ-крыджи, преи-крыджи (всѣ три наименованія означаютъ: „тетива медвѣдя“); тел. въ Улаалъ кумдакъ-сабы, то-есть, хмѣлевой стебель; алт. юргомышъ ¹⁾.

Atraphaxis spinosa—мон. нохай ширенъ (собачья голень), темень-соль (верблюжий хвостъ); дюрб. нохой хошунъ, то-есть, собачій носъ; теленг. емегепъ-джилиги, то-есть, голень старухи.

Atriplex sibirica—халх. хамгылъ; по словамъ Монголовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по дорогѣ изъ сѣверо-западной Монголіи въ Хухухото это единственные дрова; дюрб. хумхуросу (?), хургуль (?).

Axyris amarantoides—дюрб. тэскій.

Berberis sibirica—дюрб. шары мото, то-есть, желтое дерево; дарх. алтынъ-харагана, то-есть, золотая карагана, ургюстей карагана, то-есть, колючая карагана; теленг. сары текенекъ, то-есть, желтая колючка.

Beta—кит. въ Кобдо лагадзи.

Betula alba—тунк. бур. хогунъ; ал. бур. хагынъ; тува на Хх. кадынъ, хадынъ.

Betula fruticosa—тува на Улх. кадынъ.

Betula nana—тува на Улх. харахараганъ.

Blitum неопред. вида—кирг. Б. а. алабота; собирается Киргизами для полученія поташа; растеть на старыхъ становищахъ и около бараньихъ дворовъ.

Camelina sativa—ал. бур. шаръ топы.

Cannabis sativa—ал. бур. ултэныкъ.

Caragana Bungei—мон. ухиръ-харагана, то-есть, коровья карагана.

Caragana jubata—тунк. и ал. бур. темень-гуль (то-есть, верблюжий хвостъ); тува теме худуру, idem.

¹⁾ Юргомышъ по алтайски — паукъ.

Caragana pugnata—*дюрб.* боро-харагана, шарь-харагана, ямань-харагана.

Cnicus esculentus—*дюрб.* когусунь.

Conferva—*дюрб.* цзамыкь.

Convolvulus arvensis et Ammani—*дюрб.* башига марбу (съ тангутскаго?).

Convolvulus Gortschacowii—*дюрб.* сэдэргенэ.

Coriandrum sativum—*кит.* въ Кобдо юаньцей, сяндей.

Cotoneaster—*алт.* пргай.

Crataegus—*ал. бур.* дулогань; *тунк. бур.* ургынъ-дологынъ.

Cynomorium coccineum—*дюрб.* гаёха; *халх.* гаё.

Cypripedium calceolus—*тунк. бур.* тутэнь-хабтыга (тутэ—голубь, хабтыга—сума, кошель), тутэнь-хаптасу (хаптасу—полица у сёдла), тутэнь-хабтагань; *ал. бур.* халдыгынъ-ногонъ.

Elymus lanuginosus—*дюрб.* котюнъ.

Ephedra—*тува на Хх.* джустынь-таръ-отъ; *телен.* тарутъ; *мон.* дзеергене.

Equisetum—*тел.* въ Уламъ сылганъ; *ал. бур.* ужиргынъ.

Euphorbia—*телен.* кось.

Eurotia ceratoides—*дюрб.* тэскій, тэскена, кургуль (?).

Ferula paniculata—*халх.* цоргунъ.

Fragaria vesca—*ал. бур.* седэгэнэ.

Galium Aparine—*кит.* въ Кобдо хуйшю.

Galium (?)—*ал. бур.* носоргана.

Gentiana decumbens et sulcata—*мин.* дегде.

Geranium davuricum—*кит.* въ Кобдо: кыучидзы, то-есть, собачья лапа; *мон.* адзырга.

Glycyrrhiza—*тел.* въ Уламъ кадышеанъ.

Halogeton arachnoides—*кирг. Б. а.* тье-гарынъ, то-есть, верблюжий желудокъ; собирается Киргизами для получения поташа; растётъ на мѣстахъ верблюжьихъ ночевокъ.

Neomerocallis flava—*тел.* въ Уламъ: карга улёны то-есть, воронья ягода; *тунк. бур.* шоньинъ-тюбусу или шоньинъ-тюбугунъ, то-есть, волчья сарана.

Neracleum sibiricum—*тува на Улх.* балтырганъ; люди ѣдятъ стволы; *тува на Кси.* балтырганъ; *тунк. бур.* балтырганъ, бальд-жиргана; Буряты не ѣдятъ; *дарх.* бальчпрганъ; *ал. бур.* расте-

не въ цѣломъ видѣ называютъ бальчпрганъ, а съѣдобный стебель отдѣльно суръ.

Hippophae ramnoides—*тува на Хх.* адзыргана.

Hordeum vulgare—*кит.* та мя; *дюрб.* ходжугуръ.

Hyoscyamus niger—*ал. бур.* тэнцкь-убугунъ.

Hyoscyamus physaloides—*дюрб.* хунхоросу.

Inula Helenium—*кирг. Б. о.* карандась.

Iris'ы, растущіе большими кустами и зарослями—*алт.* кыйгакъ; юргомышъ (то-есть, паукъ; сомн.); *дюрб.* цахильдыкъ, цахильдыкъ, сагылдакъ; на Дзабхынѣ сѣмена варятъ въ водѣ и ѣдятъ.

Iris неопредѣл. вида—*алт.* чемене олбнъ.

Iris неопредѣл. вида—*кирг. Б. а.* кыякъ; корень употребляется какъ слабительное; присутствіе кыяка означаетъ, что въ этомъ мѣстѣ, если рыть, можно близко къ земной поверхности встрѣтить воду.

Juniperus—*алт.* аршанъ, аржанъ; отсюда въ долині Чуй названіе горы Аржанту, то-есть, можжевельниковая гора; Русскіе зовутъ ее Аржаная гора; у Аларскихъ Бурятъ различаютъ: хони арса и яманъ арса, бараній и козливый межжевельникъ.

Kalidium foliatum—*дюрб.* цзак-цзамылъ.

Lasiagrostis splendens—*алт.* хулзунъ; *телен.* на Чунъ чый; *тува на Улх.* терезинъ.

Larix davurica—*дюрб.* харагай, *алт.* тыдъ; шишка *дюрб.* тоур-цыкъ; *алт.* чочогой.

Larix sibirica—*тува на Хх.* каранашъ, то-есть, черное дерево; *ал. бур.* шиньгынъ.

Ledum palustre—*тунк. бур.* сорго, хасура (?).

Leontopodium alpinum—*дюрб.* бегеръ (?).

Lepidium latifolium—*кит.* въ Кобдо тягуцко.

Lilium Martagon—*тува на Улх. и на Хх.* ай, сарыгъ-ай, то-есть желтый ай; *алт. и телен.* сарагай, саргай, саракай.

Limnathemum pumphoides—*дюрб.* бюльбб.

Lonicera—*тунк. бур.* дале халигынъ (семьдесятъ коръ); *мон.* таланъ халисынъ (idem).

Lycium turcomanicum—*кирг. Б. а.* ить-сйгэкъ, то-есть, собачья моча.

Mulgedium sibiricum—*кит.* въ Кобдо ку джу цхай.

- Nanophytum caspicum*—*дюрб.* таръ.
Nitraria Schoberi—*дюрб.* хармыкъ; *телен.* на Чунъ катугара (?).
Orchis неопред. вида—*тунк.* бур. нмы-убугунъ.
Oxytropis aciphylla—*дюрб.* цаганъ ортытъ.
Oxytropis microphylla—*дюрб.* такшъ, такшъ; *дарх.* такшъ ¹⁾.
Oxytropis ampullata—*халх.* уланъ ортытъ ²⁾.
Raeonia anomala—*алт.* чейне; *тел.* чейнабашъ; *тува* на Улх. шегне; *Урянхайцы* ѣдятъ варенье корни; *тунк.* бур. спна; *ал.* бур. сійныкъ.
Panicum miliaceum—*мон.* шарь бута; *тува* на Улх. кара бута.
Paraver alpinum—*дюрб.* мамбыръ; *телен.* на Чунъ: кунганъ.
Patrinia sibirica—*дарх.* серимджи, серхеликъ; корни ея будто бы ѣдятъ люди; настой изъ нея и настой изъ *Rheum*, выпитые одинъ вслѣдъ за другимъ, по мнѣнію Дюрбютовъ, опьяняютъ человѣка, какъ хлѣбная водка.
Phaseolus vulgaris—*кит.* въ Кобдо тшуджадза.
Pinus Cembra—*дюрб.* самырсынь; *тува* на Хк. и Хх. пѣшь; *хас.* на Кси. бошь; *алт.* мошь; *ал.* бур. хошѣ.
Pinus sylvestris—*ал.* бур. паргынь.
Pinus Picea Endl.—*ал.* бур. хасура.
Plantago—*кит.* въ Кобдо трава чичанцо, сѣмяна чичанцы; колосокъ фунба (то-есть, хвостъ тигра).
Polygonum aviculare—*ал.* бур. гахай ноговъ, то-есть, свипая зелень.
Polygonum convolvulus—*ал.* бур. шюдуръ - убугунъ, путы трава.
Polygonum fagopyrum—*ал.* бур. пршуза, хурлушъ.
Polygonum viviparum—*алт.* мангыръ; *тува* на Улх. мынрякъ; корни собираютъ на оз. Теръхулъ изъ мышиныхъ норъ; *тува* на Хк. мынрякъ; *мон.* мякыръ; *ал.* бур. мяхыръ.
Populus nigra *тува* на Улх. терекъ.

¹⁾ Кроме того, Монголы даютъ то же имя сходнымъ съ *Ox. microphylla* видамъ—*Ox. muricata* и *Ox. trichophylla*, Bge.

²⁾ *Ox. tragacanthoides* также называется уланъ ортытъ. Теленгиты на Чунъ вм. ортытъ произносятъ отгутъ.

Populus tremula—*ал.* п *тунк.* бур. улагынъ; считается нечистымъ деревомъ (ошкѣ); шаманы не употребляютъ его ни на что.

Улясын модонэй утавинъ хорон
 улпиха изын харалинь хорон

то-есть, дымъ осины ядовитъ, брань сварливой бабы ядовита.

Potentilla anserina—*тува* на Улх. кичигенѣ; ѣдятъ корни, сваривъ въ водѣ.

Potentilla bifurca—*дарх.* гижигене; корни весной дѣтп и взрослые ѣдятъ.

Potentilla fruticosa—*алт.* тая; *тува* на Кси. тая; *дарх.* тап.

Prunus padus—*ал.* и *тунк.* бур. мѣйгынъ.

Prunus pedunculata Pall.—*дюрб.* хатугара.

Pulsatilla patens, *алт.* куукъ таманъ, то-есть, слѣдъ кукушки; *тува* на Хх. хэкъ-тамапъ, *idem*—*дюрб.* юрго; прикладываютъ къ распухшимъ членамъ; *тунк.* бур. ургуй; *мон.* ургѣй.

Pyrus baccata—*ал.* бур. улпръ.

Rheum leucorhizum—*тува* на Хк. епчиуна; *тунк.* бур. пшіуны; пьютъ вмѣсто чая; корень сушатъ, толкутъ и варятъ; *тува* на Кси. сарапчи.

Rhododendron davuricum—*алт.* маралъ; *тува* на Улх. юбяндже; *тува* на Трх. ухэнджи; *тунк.* бур. тэрэлгинъ, тэрэльджинъ; *ал.* бур. яма-арса (?), то-есть, козлиный можжевельникъ.

Rhododendron chryzanthum—*алт.* ползынь (?); *тува* на Кси. гашия такшп; *дарх.* касылгынъ; привязываютъ растеніе къ опухольямъ у лошадей, образовавшимся отъ падава сѣдломъ; порошкомъ присыпаютъ раны.

Rhododendron parvifolium—*тува* на Хх. юбяндже; *тува* на Кси. кара такшп.

Ribes неопредѣл. вида—*алт.* тожула; *дарх.* хаскурго; *дюрб.* укуринъ нюдъ, то-есть, коровій глазъ, укуринъ хатъ, коровья ягода

Ribes rubrum—*тува* на Улх. кызылганъ; *дюрб.* моринъ-хатъ, то-есть, лошадиная ягода.

Rubus saxatilis—*ал.* бур. улагына.

Rosa—*алт.* текенекъ; птъ кудѣ, то-есть, собачья задница; *тунк.* бур. нохонъ хончуръ, то-есть, собачій носъ; *ал.* бур. ургене; *дарх.* нохой хошу, собачій носъ; *дюрб.* нохонъ хошу, *id.*; *кирг.* Б. а. пт-мурунъ, собачій носъ; *тува* на Улх. тэнгъ.

Rumex неопред. вида—*тува на Кси.* курганъ гулха, ягнячье ухо; *дарх.* хургунай чикы, *idem*; *дюрб.* моринъ чикынъ, лошадиное ухо.

Salicornia herbacea и Schoberia corniculata (?)—*кирг.* Б. а. сары-сузанъ.

Salix, разные виды—*дарх.* бургасу; *ал. бур.* ушогынъ; *тува на Улх. и Хк.* хакъ.

Salsola неопред. вида—*тува на Улх.* атпакъ.

Sanguisorba—*халх.* соди; *тува на Улх.* хочжинъ; длинные корни растения Урянхайцы ѣдятъ; *ал. бур.* худунъ.

Saussurea laciniata—*дюрб.* хадзырь-кукэ; найденъ въ уроч. Алтынъ-хатысынъ; по словамъ Дюрбютовъ, употребляется ими для курений въ кумирняхъ.

Saxifraga crassifolia—*тунк. бур.* буда, буданъ; Буряты пьютъ вмѣсто чая; *ал. бур.* боданцай.

Scirpus Tabernaemontani—*дарх.* цзэгисъ.

Scirpus maritimus—*кирг.* Б. а. чомко торторъ; растение это, по разказамъ Киргизовъ, ѣдятъ кабаны.

Sempervivum—*ал. бур.* могой иденъ, то-есть, змѣиная ѣда.

Setaria viridis—*монг.* хонькъ; *тува на Улх.* хунькъ.

Sibbaldia procumbens (?)—*дарх.* херенъ хошунъ, то-есть, вороній клювъ.

Solanum dulcamara—*тел. въ Уламъ* узутъ-аши то-есть, ѣда покойника.

Solanum melongena—*кит. въ Кобдо* чидза.

Sorbus aucuparia—*ал. бур.* тышп.

Spiraea media—*алт.* согускенъ, соускенъ, сѣскенъ; *дюрб.* табилхъ; *дарх.* табилгынъ.

Spiraea Ulmaria—*ал. бур.* масай пай.

Statice Gmelini—*кирг.* Б. а. томаръ буяу.

Taraxacum officinalis—*тунк. бур.* харацай; *ал. бур.* гахай ногонъ, свинячья зелень; Русскіе въ Иркут. губ. зовутъ его свинячье молоко.

Thermopsis lanceolata—*дюрб.* темень-буконъ, то-есть, верблюжья титъка; *тува на Хк.* тарбаганай шпръ, то-есть, голень сурка.

Thymus serpyllum—*кирг.* Б. а. кикъ оту, саёжій кормъ.

Tragopyrum laetevirens—*дюрб.* нохай шпренъ, собачья голень.

Triticum vulgare—*дюрб.* паганъ таранъ.

Trollius asiaticus—*тел. въ Уламъ* манай; *ал. бур.* вубку иденъ, то-есть, ѣда кукушки.

Ulmus campestris—*монг.* хайласъ.

Urtica cannabina—*телен.* на Чуръ: чалканъ; *тел. въ Уламъ* ачу чалканчакъ; *тува на Улх.* чагаръ-отъ; *дюрб.* халха.

Usnea barbata—*тува на Улх.* джаматъ; *тунк. бур.* хубы или хубкэ.

Vaccinium myrtillus—*ал. бур.* ухиренъ хара нидунъ, коровій черный глазъ.

Vaccinium vitis idaea—*тува на Улх.* кичъ-кыла, чжечекъ-батъ; *тунк. бур.* нюргунъ; *ал. бур.* аляргынъ.

Vaccinium uliginosum—*дарх.* анирсъ.

Veratrum album—*тел.* аксыргакъ; *алт.* аламашъ; *тунк. бур.* бальчирганъ; *кирг.* Б. а. у-коргасынъ.

Vicia cracca—*ал. бур.* кпси-убугунъ.

Vincetoxicum sibiricum, *дюрб.* тэмэнъ-чикы, верблюжье ухо.

Грибъ—*алт.* атын сидэгн, то-есть, лошадиная моча.

Остались не опредѣленными:

Кытатъ-цыгень—*тува на Улх.*; Урянхайцы ѣдятъ корни сырымъ; вкусомъ они сладкіе; по монгольски это растение, какъ увѣряютъ Урянхайцы, называется чигыръ-сыгень ¹⁾. Не то ли же это растение, корни котораго ѣдятъ Тункинскіе Буряты весной въ половинѣ мая, когда они бываютъ полны и сочны, и которые они называютъ шамырсынъ, шамыргынъ и чамыргынъ? Аларскимъ Бурятамъ также извѣстно водяное растение замырганъ.

Эмпшъ кеекъ (послѣднее к глубоко гортанное)—*тува на Улх.*; корни Урянхайцы ѣдятъ.

Топчи гонуръ—*тува на Улх.*; кустарникъ, зола котораго употребляется на порохъ.

Джаба—*тува на Улх.*; ядовитое растение.

Укыръ-бо—*тунк. бур.*

Дахулунъ-убугунъ, то-есть, хрошая трава—*тунк. бур.*

¹⁾ Чигыръ-сыгень, впрочемъ, урянхайскія слова, которыя значать „сахарная трава“.

Куку-убугунъ, то-есть, кукушечья трава—*тунк. бур.*

Сарыбсынъ—*дарх.*; ср. сарабчи, *урянх.* пмя ревеня, *Rheum leucorhizum*.

Харгуна; это имя одинъ Тункинскій Бурятъ далъ золотарнику, *Potentilla fruticosa*, прибавивъ, что имъ чистятъ, вытираютъ котлы. Но можетъ быть, этимъ именемъ называется *Saragana arborescens*.

Джалманъ-кулакъ—*кирг. Б. а.*, сочное растеніе; зимой лошади ѣдятъ его, что замѣняетъ имъ водошой.

Тымеи-тапхай—*ал. бур.*, водяное растеніе.

Акъ-ширгана—*ал. бур.* ядовитое растеніе; ср. *алт.* акъ-сыргаъ, (чемерица, *Veratrum album*).

Шонэнь-убугунъ, то-есть, волчья трава—*ал. бур.* (*Aconitum*?).

Могой-убугунъ, змѣиная трава—*ал. бур.*, пахучее растеніе; кладутъ въ курительный табакъ (*Melilotus officinalis*?).

Каскыр-джемисъ, волчья ѣда—*кирг. Б. а.*, кустарникъ съ черными горькими ягодами.

Шпрмаукъ, то-есть, дрожжи—*кирг. Б. а.*, вьющееся растеніе.

Шангышъ—*кирг. Б. а.* (*Viburnum*?).

Шябага—*тува на Улх.*

Джау-касынъ—*кирг. Б. а.* (*Erythronium Dens canis*); дѣти ѣдятъ; послѣ грома матери запрещаютъ ѣсть его; говорятъ, съ того времени оно становится ядовито; жаворонки, вороны и галки, по словамъ Киргизовъ, выкапываютъ корни и ѣдятъ.

Бууддукъ—*кирг. Б. а.*; корневище въ кулакъ бываетъ; ѣдятъ печеный въ золѣ (*Alisma plantago*?).

Би емчекъ, то-есть, кобылье вымя, или тьебанъ, то-есть, верблюжья подошва—*кирг. Б. а.*; ѣдятъ вѣтенообразный корень сырой или варятъ съ молокомъ.

Кумыздыкъ—*кирг. Б. а.* (*Rumex acetosa*); ѣдятъ кислые листья, а послѣ мая, когда листья высохнутъ, ѣдятъ кислый стволъ, который называется солбулдакъ.

Джуа—*кирг. Б. а.*; мелкій лукъ; кой-джуа растетъ на горахъ, ить-джуа въ луговыхъ мѣстахъ.

Атъ-чонбай—*кирг. Б. а.*

Агашъ-кога—*кирг. Б. а.*; цилиндрическіе полые молодые побѣги отъ камыша.

Май-кога—*кирг. Б. а.*; роговидные, неполые побѣги отъ растенія каракога (*Turpha*?); пухомъ съ послѣдняго растенія набиваютъ подушки.

Балдырганъ—*кирг. Б. а.*; по русски пучка (*Hieracium sibiricum*?); „балдыргандай майискаа“, губка, какъ дягиль: такъ хвалятъ женщинъ.

Булдюргунъ—*кирг. Б. а.*; кой-булдюргунъ (*Fragaria collina*?) и сир-булдюргунъ (земляника, *Fragaria vesca*?).

Селеу (*Stipa*?)—*кирг. Б. а.*; зерна, запутавшись въ шерсть, впадаютъ въ тѣло, дѣлаютъ раны, отчего бараны худѣютъ; въ дождливые годы селеу бываетъ обильнѣе, то-есть, болѣе экземпляровъ въ цвѣту и плодахъ.

Тье-гарынъ (*Salsola*?)—*кирг. Б. а.*; изъ этого растенія дѣлаютъ поташъ (сахаръ) для мыла.

Хангаля-хара-тюбугунъ (или тюбусу), черная хангаева сарана—*тунк. бур.*; это же растеніе Русскіе въ Тункѣ называютъ купротвицъ (*Aspidium Filix mas*?).

Халунъ убугунъ, то-есть, горячая трава—*тунк. бур.*; Русскіе въ Тункѣ называютъ это растеніе каменный звѣробой.

Хара-тюбугунъ, то-есть, черная сарана—*тунк. бур.*; растетъ только по берегамъ Косогола.

Нохонъ-кылынъ, собачій языкъ—*тунк. бур.*; Русскіе въ Тункѣ называютъ это растеніе пьяна трава.

Ава-ногонъ—*тунк. бур.*; ею лѣчатся отъ глазныхъ болѣзней, отъ темноты въ глазахъ.

Кылыкей—*тунк. бур.*; ср. *Dsongilgah* (*Erythronium dens canis*, Анненк., Бот. сл., стр. 138) и кельки (Очерки сѣв.-зап. Монг., II, 136).

Шивей—*тунк. бур.*; Русскіе называютъ: семиколѣнная; трутся ею отъ чесотки; употребляется въ краску.

6. Списокъ мѣстныхъ названій животныхъ.

1. Звери.

Aegoceros sibiricus—*алт.* пунг, (по сообщ. о. Соколова) теке, самка юнга; телята: юнганыи балдары; *кач. тат.* на Абаканъ

чинма; *тува* на *Трх.* самка джумма; самецъ *техе*, *те*; *тува* на *Хк.* самка джумма; самецъ *те*; *хас.* на *Кс.* самка юнма; самецъ *ямă*; *ал.* *бур.* *пмангурогун*; *тува* на *Хк.* *аргали*.

Antilope gutturosa—*кач.* *мат.* *кин*; *тува* на *Хк.* *джерэн*; *ал.* *бур.* *гурогун*.

Antilope subgutturosa — *кирг.* *Б. а.* *карагуйрюк*.

Antilope saiga — *кирг.* *Б. а.* *кин*; зимой, когда животное бѣлѣтъ, *буконь*; самка *кинтен ишкэсэ*; самецъ *теке*.

✓ *Arctomys bobac*—*всѣ тува тарбаган*; самецъ: *тува* на *Хк.* *бурху*; *хас.* на *Кс.* *бурхө*; *дарх.* *бурхп*; самка: *тува* на *Хк.* *тарчи*; *хас.* на *Кс.* *тарчă*; *дарх.* *тарчи*; сурчата: *алт.* (по сообщ. о. Соколова) *мѣндѣлѣ*; *тува* на *Хк.* *оглы*; *хас.* *нк Кс.* *мундула*; *дарх.* *мундуле*; прошлогодній сурченокъ: *хас.* на *Кс.* *хотолă*; *дарх.* *хотолă*; *кирг.* *Б. а.* *суур*; самый большой караней; трехлѣтній так *кутурар*; двухлѣтній *сары туша*; самый маленький *куде бас* (*куде*—трава, *бас*—голова?).

Arvicola—*Дархаты* мышъ, собирающую корни растенія *Polygonum viviparum*, называютъ *ургенше хулугуна*. *Аларскіе Буряты* мышъ, собирающую сарану, корень *худунъ*, колосья, называютъ *ургенше*, *Идинскіе Буряты*—*атахай хулугуна*.

Bos taurus—самецъ: *кач.* *мат.* *бугă*; *тува* на *Улх.* *бухă*; *хас.* *бухă*; кладеній: *кач.* *мат.* *тазын*; *тува* *шар*; корова: *кач.* *мат.* *инѣк*; *тува* на *Улх.* *пнѣк*; *тува* на *Хк.* *эбшпнѣк*; *хас.* на *Кс.* *хусъ*; теленокъ: *кач.* *мат.* *бызă*; *тува* на *Улх.* *быза*; *тува* на *Хк.* *будзă*; *хас.* на *Кс.* *тугул*; двухлѣтній теленокъ: *кач.* *мат.* *усъ елик*; *хас.* на *Кс.* *гуна*.

Bos gruniens—*алт.* *сарлык*; *помѣсь сарлыкасъ Bos taurus*: *кайлык*. *тува* на *Хк.*, *хас.* на *Кс.* *сарлык*.

Camelus bactrianus—*тува* на *Хк.* *тебă*; *хас.* на *Кс.* *темѣ*.

✓ *Canis alpinus*?—*тува.* на *Хк.* *шөббори*, *шөй бори*, *шонг бори*; *хас.* на *Кс.* *цөбр*; *дарх.* *цөбр*; *дюрб.* *чагыл цөбр*; *ал.* *бур.* *сѣбр*, *сйбр*; *бур.* *тунк.* *субр*. Это же животное, вѣроятно, разумѣется подъ алтайскимъ именемъ *чопору* въ спискѣ алтайскихъ звѣрей о. Мих. Чивалкова, помещенномъ у г. Радлова (*Prob.*, I, въ тат. текстѣ стр. 154, въ нѣмецк. 168).

Canis corsak—*кирг.* *Б. а.* *карсак*; *тува* на *Улх.* *кырза*.

Canis lupus — *тел.* *пѣрю*; *кач.* *мат.* *бюр*; *тува* на *Трх.*

бурö; *тува* на *Хк.* *бөре*, *волченокъ большрэк*; *хас.* на *Кс.* *вайгал*, *боджонö*, *носунтологой*, *обök*, *бултрүк*; *кирг.* *Б. а.* *касқыр*, *бури*; самецъ: *арлан касқыр*; самка: *канчик касқырь*¹⁾; *бур.* *тунк.* *шонö*, *султы*; *бур.* *ал.* *шонă*; *монг.* (по словамъ Бурятъ) *хайгыл*.

Canis vulpes—*чер.* *мат.* *тюльгы*; *кач.* *мат.* *тюльгу*; *тува* на *Трх.* *дельги*; *тува* на *Хк.* *тильгă*; *хас.* на *Кс.* *дулхо*, *тульхө*, *ширишь хак* (?); *як.* (записано отъ якутскаго купца) *сагыл*, *сиводушка*: *вермясь сагыл*; *бур.* *тунк.* *унегѣ*; *бур.* *ал.* *уныгын*²⁾.

Canis familiaris—*кач.* *мат.* *адай*; *тува* на *Трх.*, *Хк.* и *Кс.* *ыт*; *шенокъ*: *тува* на *Хк.* *ытоглы*; *хас.* *иньк*.

Capra hircus—*кач.* *мат.* *өскэ*; *тува* на *Трх.* *ушкеу*; *тува* на *Хк.* *ошке*; *хас.* на *Кс.* *самецъ пмă*; *бур.* *ал.* *самецъ пманъ*; *ягненокъ*: *хас.* *ичпген*.

Castor fiber — *тува* на *Терх.* *сары кундуз* (живетъ въ водѣ, ѣстъ прутья); *тува* *хук.* *хундуз*; *хас.* *темен халю*; *бур.* *ал.* *халюн*.

Cervus Alces—самецъ: *алт.* (по сообщ. о. Соколова) *пулан*; *кач.* *мат.* *булан*; *тува* на *Терх.* *бур*; *тува* на *Хк.* *буур*; *хас.* *хандагай*; самка: *алт.* (по сообщ. о. Соколова) *тяжи пуланъ*; *тува* на *Терх.* *иниг*; *тува* на *Хк.* *ингидик*.

✓ *Cervus Elaphus*—*алт.* (по сообщ. о. Соколова) *ани*; самецъ *сыгын*; *кач.* *мат.* *сын.* *тува* на *Улх.* *сыгын*; *тува* на *Терх.* *сын*; *тува* на *Хк.* *сын*; *хас.* на *Кс.* *сон*; *бур.* *ал.* *саган гурогун.* *кирг.* *Б. а.* *бугу*; самка: *алт.* (по сообщ. о. Соколова) *мыйгак*; *тува* на *Терх.* *мыйгак*; *тува* на *Хк.* *мынйак*; *хас.* на *Кс.* *маймай.* *кирг.* *Б. а.* *марал*; теленокъ—*алт.* (по сообщ. о. Соколова) *анинын балазы*; *тува* на *Терх.* *мыйгак оглу*.

✓ *Cervus capreolus*—*алт.* (по сообщ. о. Соколова) *элик*; самецъ *алт.* (по сообщ. о. Соколова) *куран*; *кач.* *мат.* *кульбус*; *тува* на *Терх.* *кульбус*; *тува* на *Хк.* *гуран*; *хас.* на *Кс.* *курăн*; самка: *алт.*

¹⁾ У всѣхъ звѣрей Киргизы самца зовутъ *арлан*, самку *канчик*.

²⁾ Киргизы зовутъ лисицу *тюльку* и различаютъ сорта: *кокче тюльку* алтайскую, *алтай тюльку*, *красную алтайскую*, *кара тюльку* *чернобурю*, *арка-тюльку* *киргизскую* и *урман-тюльку* *лѣсную*.

(по сообщ. о. Соколова) керекшин; кач. тат. илик; тува на Терьх. елик; тува на Хк. илик; хас. елик; кирг. Б. а. элик; теленокъ: алт. (по сообщ. о. Соколова) чаап; тува на Хк. анхай; хас. пидзага.

Cervus tarandus—алт. (по сообщ. о. Соколова) ак кинк; кач. тат. ак-кинк; тува на Улх. ибе; самецъ: тува на Терьх. дзарь; тува; ни Хк. джар; хас. джар; самка: тува на Терьх. пби; тува на Хк. иби; хас. ебши джар.

Dipus jaculus—тува на Улх. алага; тува на Терьх., Хк. п Кс. алыкдага; кирг. Б. а. косаяк.

Elephas (живущіе виды)—алт. улы, андалма (по предположенію о. Михаила Чивалкова; оба имени, кажется, встрѣчаются только въ сказкахъ и повѣрьяхъ; подѣ андалмой о. Михаилъ разумѣетъ слона на томъ основаніи, что это слово въ переводѣ означаетъ: не валяющийся, о слонѣ же извѣстно не основанное впрочемъ на дѣйствительности повѣрье, будто онъ спитъ, не ложась на землю, а прислонясь къ дереву); хас. дзан; кирг. пль.

Elephas primigenius—бур. ал. арсалын зан; Сарты зовутъ именемъ керък едннорога.

Enhydris lutris, L.—кач. тат. камчат.

Erinaceus europaeus—алт. или тел. ян., яган (сообщ. о Млх. Чивалковымъ); тува на Терьх. и Хк. джар; хас. на Кс. дзар.

Equus caballus—кач. тат. ат; хас. ат; жеребеть: тува на Хк. и Кс. аскыр; кобыла: тува на Хк. би; хас. гу; жеребеноекъ: тува на Хк. п хас. хулун; годовникъ: тува на Хк. джафа; хас. шутлян. двухгодовой: хас. хедзалам; трехгодовой: соёлони; четырехлѣтній: джетылген (то-есть, достигшій, дошлый).

Felis catus—кач. тат. кошка; тува на Терьх. п Хк. мп-вохой; хас. ми; кирг. мысык.

Felis leo—тува на Хк. арслын; хас. арслан; кирг. Б. а. арыстан; бур. ал. бар.

Felis irbis—тел. ирбисъ; кирг. Б. а. кабан.

Felis tigris—алт. (по сообщ. о. Соколова) парс; тува на Хк. и Кс. бар; бур. ал. ирбит; кирг. джолбарс.

Felis manul—тува на Терьх. и хас. манул; тува на Хк. маныл; кирг. Б. а. мялин; халх. ман.

Felis lynx—тел. усь; алт. шулюзин; есть ат шлюз, лоша-

дная рысь съ грубою шерстью, п кой шлюз, овечья рысь съ мягкой шерстью; кач. тат. усь; тува на Улх. юс; тува на Терьх. и Хк. ус или усь; хас. алд; кирг. Б. а. слеусин отличаютъ тай-слеусин жеребачью рысь и кой-слеусин, овечью; дарх. шилюсу; бур. тунк. шилюсу; бур. ал. чулугун.

Gulo borealis—тел., алт. и черн. тат. джекен, текен и екен; тува на Улх. джекен, джекпе; тува на Терьх. и Хк. джекпе; хас. чекпе; бур. тунк. и ал. дзеген.

Lagomys ogotona—кач. тат. кускэ (?); тува на Улх. сары теге; тува на Терьх. хучуген; хас. огутон; дюрб. сернг теке; дарх. кучуген; бур. тунк. охотона.

Lagomys alpinus—алт. (сообщ. о. Соколова) сыгырган; тува на Улх. купиген; тува на Хк. таширган. кирг. Б. а. конгур тышкан, его сѣно тышкан курук; дарх. таджиргана; бур. тунк. шадиргана.

Lepus variabilis—алт. койон; тел. коён; кач. тат. козан; тува на Улх. котан; тува на Терьх. ходан; тува на Хк. хотан; хас. на Кс. койхын, хотан; кирг. Б. а. ор-гоян. бур. ал. шиндагын.

Lepus, особый видъ—кирг. кокше кун; водится за р. Чуей.

Lutra vulgaris—кач. тат. хомнус; тува на Улх. кара кундуз (живетъ въ водѣ, ѣстъ рыбу); тува на Терьх. кундуз; тува на Хк. субхалю; хас. минджин халю; бур. тунк. халю; бур. ал. хоб-халюн.

Meles taxus—кач. тат. борсук; тува на Терьх. боорсык; тува на Хк. борсук, борсок; хас. торгон; кирг. борсук; бур. тунк. торго; бур. ал. доргунъ.

Moschus moschiferus—алт. (по сообщ. о. Соколова) табыргы; кач. тат. табыргы; тува на Терьх. тоорго; тува на Хк. тоорхы; хас. худар, шибьрган; струя кабарожья: тува на Улх., Хк. и Кс. кин; тува на Терьх. гин; дарх., дюрб. хударин дзар.

Mus вообще—кач. тат. мыс; тува на Хк. п хас. на Кс. куска.

Mustela erminea—тел. агас, алт. (по сообщ. о. Конст. Соколова) тоштонокъ; кач. тат. горносталя; тува на Улх. аг-ас; тува на Терьх. и Бк. ас; хас. уэ; кирг. Б. а. актышкан; бур. ал. уин.

Mustela martes—тел. сузар ¹⁾; тува на Улх. соосар; тува на Хк. соосар; хас. на Кс. сосур; кирг. Б. а. суасар.

¹⁾ Различаютъ: кин сузары—соболь кунца, сарас сузары—колонковая кунца и ас сузары—горностаевая кунца. Не гибриды ли?

Mustela putorius—*тел.* кузень; *алт.* бон мойн, то-есть, толстая шея *тува на Улх.* джидыг кырса, оозы джидёк, то-есть, вонючий ротъ; *тува на Терх.* джидыг кырса; *тува на Хк.* бөдөрэй; *хас. на Кси.* дөтөчө; *кирг. Б. а.* сасыкь кузень.

Mustela sibirica—*алт.* кошкулу (въ рукописномъ сообщеніи о. Конст. Соколова изъ с. Ангудая калазакъ); *тел.* сарас; *тува на Улх.* кызыл-курюн (?); *тува на Хк.* кызыл-гырса (?); *тува на Терх.* кырса; *тува на Хк.* солонго; *дарх.* солонго; *бур. ал.* холунго.

Mustella zibellina—*тел.* кишь ¹⁾; *кач. тат. кыс*; *тува на Улх.* выш; *тува на Терх.* кишь; *тува на Хк.* алды; *хас. на Кси.* кишь; *як. сарба*, кыс (запис. отъ якут. кунца); *бур. ал.* булгын; имя, употребляемое на охотѣ: хошун.

Mustela vulgaris—*тел.* токтовок ²⁾.

Ovis argali—*алт.* (по сообщ. о. Соколова) самецъ кочеор; самка аркар; *тува на Улх. и Терх.* аргалин, аргар.

Ovis aries, — *хас. на Кси.* баранъ: куча; овца: кой, ебши кой, ягненокъ: хурган.

Phoca—*бур. тунк. и ал.* хаб загыгын.

Pteromys volans—*алт.* (по сообщ. о. Соколова) пабырган; названа такъ будто бы за то, что она камлаетъ, издаетъ звуки: бо, бо, бо (сообщ. г. Ядринцевымъ; ср. *монг.* бө, шаманъ); *тува на Хк.* (Сальджакъ): абырган, его крылья: ёйжі; *тува на Терх.* абырган; *тува на Хк.* абырган, афырган, апхырган; *хас. на Кси.* ольбогө. *бур. тунк.* олбо; *бур. ал.* олбын.

Sciurus vulgaris—*тува на Хк.* (Сальджакъ): тин, сырбык; *тува Терх., Хк. и на Кси.* тин. *бур. тунк. и ал.* хермин.

Siphneus aspalax—*тел.* кучигень кучу номон ³⁾.

Spermophilus Eversmanni—*тел.* тибран; *алт.* урө; *кач. тат.*

¹⁾ Телеуты говорятъ, что есть ай быстан кышь, у котораго ость вся одноцвѣтная, а не какъ у алтайскаго, у коего корень, середина и вѣтшій конецъ волоска трехъ разныхъ цвѣтовъ; поэтому объ такомъ соболю говорятъ: үёзі жок кара киш, безостный черный соболь.

²⁾ Кажется, ласку Качинскіе Татары зовутъ ак кузрукъ.

³⁾ Подвожу подъ это опредѣленіе только на томъ основаніи, что, по разказамъ, это слѣпой звѣрекъ.

ургэ; *тува на Хк.* (Сальджакъ) ургө; *тува на Терх.* ургэ; *тува на Хк.* ургă; *хас.* ургă; *дарх.* цзурум; *бур. тунк.* цзумрэ; *бур. ал.* цзуммурэ; *кирг. Б. а.* сары чунаъ (?); *Русскіе въ Тункѣ*—замурышка; *Русскіе* по большому тракту между Иркутскомъ и Томскомъ—шнырокъ.

Sus scrofa—*кач. тат.* соска; *тува на Улх.* хаба, самецъ: азыглыг, то-есть, клыкастый; *тува на Хк.* хаба; *хас. на Кси.* тонис; самка ебши тонис; *кирг. Б. а.* кабан, чотка.

Talpa europaea—*тел.* терсаяк ¹⁾, кара номон; *тува на Хк.* кей куске; *тува на Терх.* куске; *тува на Хк.* номин куске, кара куска; *кирг. Б. а.* кортышкан; *дарх.* номын (номин) хулугуна; *бура тунк.* харьхо ²⁾; *Русскіе въ Тункѣ*—кротъ, земляная мѣдвѣдка.

Tamias striatus—*тел.* корюк ³⁾; *тува на Терх.* хорюк; *тува на Хк.* хурюк, хөрик; *хас. на Кси.* джерхө; *дарх.* джурхө; *бур. тунк.* джирхи; *бур. ал.* жирхө.

Ursus arctos—*тел.* аю; на охотѣ пзъ суетвѣрнаго страха это имя не употребляется, а говорятъ: абагай, дядя, пли абышка, старикъ; если назвать медвѣдя настоящимъ именемъ, онъ услышитъ, потому что медвѣдь ерь кулакту, „пмѣть земляное ухо“; *кач. тат.* аба (что кромѣ того, значить дѣдъ); *тува на Улх. и Хк.* кайракан, атыг, преи, пакпагай; *тувана Хк.* атыг, убук, оббк, преи; *хас. на Кси.* кара кайрхан; гар гаирхан; *бур. тунк.* баабагай, хара гуресу *бур. ал.* баабагай, баран ⁴⁾ гурөгун; *бур. Селенгинскіе:* бырь тыхи, бырь тыки (сообщ. о. Я. Чистохинъ, родомъ Селенгинскій Бурятъ) ⁵⁾. Самецъ: *тува на Улх.* ергө ергек; *тува на Терх.* прхек. Самка: *тува на Улх.* неш; *тува на Терх.*

¹⁾ Терсъ—противъ; аяк—нога; звѣрекъ будто бы названъ такъ за свои вывороченныя ноги.

²⁾ И у Дархатовъ есть имя хархы; особый ли это звѣрекъ, или тотъ же номинъ—уяснить не удалось.

³⁾ Просыпается послѣ зимней спячки въ мартѣ, почему этотъ мѣсяцъ у Телеутовъ и называется „бурундучьимъ“, корюкай.

⁴⁾ Баран—черный, темный.

⁵⁾ Въ „Очеркахъ“, вып. II въ прим. 6 къ III главѣ по ошибкѣ было напечатано: бартахи—медвѣдь, записано отъ Алтайца; слѣдовало: отъ Бурята.

джарынды; *Буряты Селенгинские*: былъ тыкчин. Медвѣженокъ: *тува ух.* инѣ; *тува на Терх.* торум, кульге; *хас. на Кси.* инык.

Vespertilio—*кач. тат.* чарханат; *тува ух.* джаксы, джаскы; Сальджики *Хх.* джаскы, джергас, джергаш, джергаш-джаскы; *тува на Терх.* джапкыш (?); *тува на Хх.* джаскѣ, джаскѣ; *хас. на Кси.* сарсын эрбехэй. *кирг. Б. а.* джарганат; *дарх.* сарисын эрбакэ; *бур. тунк. и ал.* урмушѣ, хэрмишѣ, кермиши.

2. Птицы.

Alauda вообще — *кирг. Б. а.* бос тургай—*бур. ал.* бульд-жумыр.

Anas вообще—*хас.* ногусѣ, удрек.

Anser вообще—*тува хх.* каз; дикій гусь *алт.* (сообщ. о Соколова) йаламказ.

Ardea cinerea—*алт.* (сообщ. о Соколова) балыгчы.

Aquila—*алт.* (сообщ. о Соколова) мюркют; *тува на Хх.* эсыр.

Astur palumbarius—*алт.* (сообщ. о Соколова) карчага.

Botaurus stellaris — *кирг. Б. а.* аупельдек; *бур. ал.* норп буха (озерный быкъ?)

Bubo maximus — *алт.* (сообщ. о Соколова) укю; *тунк. бур.* шарь шибѣ; *ал. бур.* шарь шибон; *тува на Хх.* хугу; *хас.* сары гушъ.

Caprimulgus—*телен.* на Чунъ: тэнгердекэ; *дарх.* чекчеге, чекчог; Дархаты думаютъ, что козодой на зиму ложится въ норы сусликовъ.

Coccothraustes Caryocatactes—*алт.* (сообщ. о Соколова) тарал.

Ciconia—*тунк. бур.* шилын.

Columba *дарх.* такта; *бур. тунк.* тутэ, хоро; *хас.* такта. *бур. ал.* тутэ; *Тунусы Малобильскаго* рода ту.

Columba—друг. видъ—*ал. бур.* бурхын-шибон.

Corvus corax—*кирг. Б. а.* кара барга; *алт.* карган.

Corvus corone—*кирг. Б. а.* кузгун; киргизская поговорка: „вѣкъ ворона не проживешь“, кузгунча мын джасамассын; *тува хх.* кускун.

Corvus daurica—*алт.* (сообщ. о Соколова) ала таан.

Corvus frugilegus—*алт.* (сообщ. о Соколова) кам-карлыгаш, то-есть, шаманская ласточка.

Corvus monedula — *тува хх.* карган; *алт.* таан; *кирг. Б. а.* узак.

Coturnix dactylisonans—*алт.* пѣдне.

Cuculus canorus—*алт.* (сообщ. о Соколова) куук; *кирг. Б. а.* кѣкѣ; *тува на Хх.* хэк.

Cygnus вообще—*дарх.* хунг; *тува на Хх.* хун.

Falco peregrinus—*алт.* (сообщ. о Соколова) шомжор.

Fregilus Graculus—*тува на Хх.* шомгул.

Fulica atra—*ал. бур.* халыстап.

Fuligula cristata—*ал. бур.* шогодокъ.

Grus cinereus—*алт.* (сообщ. о Соколова) туруна; *тува на Хх.* дурян; *бур. тунк.* тохурюн; *хас.* тогюру; *бур. ал.* тохурюнъ ылы.

Grus Virgo—*бур. тунк.* харкира; *хас.* хара тогюру; *алт.* харкыра; *кирг. Б. а.* джипафарлу турна; *бур. ал.* абага.

Gypaetos barbatus—*алт.* тарбальджин.

Gyps himalayensis — *алт.* тас; *тува на Ух.* эзир, эзир джул, ой дай; *кирг. Б. а.* тас-гара.

Hirundo rustica—*хас.* харацге; *кирг. Б. а.* кырлагаш.

Lagopus alpinus—*тел.* акуна; *алт.* агун, (по сообщ. о Соколова) агунак.

Larus вообще—*дарх.* цахылъ; *бур. тунк.* сахалъ.

Mergus—*тел.* сускас; *алт.* ала тархат.

Milvus ater (?)—*алт.* (сообщ. о Соколова) теилген.

Motacilla вообще—*алт.* (сообщ. о Соколова) йылкычы.

Nyctale Tengmalme—*алт.* (сообщ. о Соколова) юзаак (русское сычъ).

Otis tarda—*кирг. Б. а.* ток дуздак; *алт.* (по сообщенію о Соколова) бюй кенек (?) *бур. ал.* тогудакъ.

Otis orientalis—*кирг. Б. а.* джек-дуздак.

Passer domesticus—*алт.* (сообщ. о Соколова) кучыак.

Perdix huckar—*алт.* тарло; *кирг. Б. а.* чил.

Pica caudata—*алт.* (сообщ. о Соколова) самгаскан; *кирг. Б. а.* саускан; *хас.* шяцгай; *тува хх.* сяскан, сааскан.

Picus, *алт.* (сообщ. о Соколова) томуртеа; *кирг. Б. а.* токулдак; *тува хх.* торга.

Platalaea leucoroides, *кирг. Б. а.* ак колбагай.

Pelecanus crispus—*дюрб.* хордо; *халх.* хоттун.

Podiceps auritus—*ал. бур.* хунь ногов.
 Podiceps cristatus—*алт.* (сообщ. о Соколова) чуптай.
 Scolopax (бекасъ)—*ал. бур.* харальджин.
 Sturnus—*алт.* (сообщ. о Соколова) кара паарчык; *кирг. Б. а.* джилыши кара тургай ¹⁾; *ал. бур.* шаршигулдэй.
 Surnia funerea (?)—*алт.* (сообщ. о Соколова) мерчитки.
 Tetrao Bonasia—*алт.* сумда, симда; *ал. бур.* ахиду.
 Turdus, вообще—*алт.* (сообщ. о Соколова) поро-паарчык.
 Totanus (кроншнепъ)—*ал. бур.* утугальджинъ (вообще же кулики сусгальджинъ).
 Tertao tetrax—*алт.* (сообщ. о Соколова) куртук.
 Tertao Urogallus—*алт.* (сообщ. о Соколова) чай; *дарх.* соръ, хара шибо; *Киргизы баянаульскіе* различаютъ три вида тетеревовъ: кара кур, комур кур и ак кур.
 Urra eops—*алт.* (сообщ. о Соколова): кууетын энезі; *Бур. тунк:* бобольджин; по мнѣнію Бурятъ названіе это происходитъ отъ глагола бобулеху, шаманить; птица будто кричитъ: бѣ-бѣ-бѣ; *дарх.* обальджин; *кирг. Б. а.* удугуд; *тува жк.* итияв.
 Vanellus cristatus—*дюрб.* цзарык.
 Vanellus pygargus—*кирг. Б. а.* таргак.
 Vulpanser rutila—*тува жк.* ангыр.
 Кромѣ того мною записаны еще слѣдующія названія:
 Одинъ видъ утки по алтайски называется чоугуш (чонгуш?) другая ныряющая птица—чуптаай.
 На ночлегахъ на р. Улегемѣ и Чуѣ, по вечерамъ кричала кабая-то птица, по видимому, изъ буликовъ, по алтайски ускузь уул (то-есть, сирота), по телеутски джузаак.
 Дархатскія названія птицъ: саральджин (*тува на Хк.* таргый); алтын гургултай (*тува на Хк.* бас арык); хухэй (водяная черная ныряющая птица; бакланъ?); цуцал (*Русскіе въ Тунки* зовутъ ее же водянымъ дроздомъ; зимородокъ?); хуху дигиле (береговая птица); цорхилур (птица, лазающая по скаламъ); бештиргѣн

¹⁾ Киргизы знаютъ двѣ птицы, которыя называютъ кара торгай; одна изъ нихъ, водящаяся зимой стадами на солонцахъ, называется кара боздакъ, другая—джилыши кара торгай.

(хищная птица; сова?); у *Урянхайцевъ на Улукхемѣ* есть также видъ совы буксерге, у *Забайкальскихъ Бурятъ* боксерге, бокбатырь.

Бурятскія: хольджиръ—небольшая птичка въ родѣ жаворонка; выкармливаетъ птенцовъ кукушки; сюксеси.

Киргизскія названія водяныхъ птицъ: джатаганъ; кок котан; карабай (бакланъ?); окпак (по ночамъ кричитъ: ок!); тау кудрет. Хищныя: кара джапалак, ак уку (бѣлая сова; по замѣчанію Киргизъ, если бѣлыхъ совъ много, зима будетъ суровая), байгис, бѣктерге, кесыгуйрук (то-есть, вырѣзанный хвостъ), карагус, акпас кучюгунъ, ак сары, куйконтай ¹⁾, турунтай, джагалтай, карагылыч ²⁾. Изъ воробьиныхъ: алаганат ³⁾, чибышек ⁴⁾, тонгаша ⁵⁾. Изъ куриныхъ булдурукъ, два вида: туэтаакъ булдурукъ и май булдурукъ.

Алтайскія названія буликовъ: чуучелишь, кедей балык.

3. Гады.

Лягушка—*тува жк.* мелехей.

Ящерица—*тува жк.* келескѣ.

Змѣя—*тува жк.* удзун гурт.

4. Рыбы.

Acipenser sturio—*алт.* сары балык, то-есть желтая рыба.

Acipenser ruthenus—*алт.* оской.

Chondrostoma (?)—*алт.* сѣек-балык (то-есть, костлявая рыба).

Cobitis taenia (у *Русскихъ* вьюнъ?) *алт.* копрундуш.

Cyprinus Carassius—*алт.* язы-балык.

Esox lucius—*алт.* чортон.

Gadus lota—*алт.* ит-балык, то-есть, собака-рыба; *тува на Кси* (рук. Гельмерсена) бисил.

Perca fluviatilis—*алт.* алабуга.

Salmo coregonoides—*алт.* туулы.

¹⁾ Ястребъ, ловящій только мышей.

²⁾ Ястребъ небольшой; для ястребиной охоты не годится.

³⁾ Жаворонокъ съ бѣлыми крыльями.

⁴⁾ Пташка съ желтой грудью, держится около лошадей и барановъ.

⁵⁾ Мелкая пташка, водящаяся въ лугахъ; осенью живетъ около юртъ.

Salmo fluviatilis—алт. пель.

Salmo nelma—алт. ае балык.

Thymallus vulgaris—алт. чараган.

Урянхайскія названія рыбъ въ оз. Терьхулѣ: бютельгене, шерешъ, торшъ или шуршъ (1 ф. длинной), дзебеге (до $\frac{3}{4}$ арш.), хатырхе (до 1 ф. длинной) и калбакъ (по монгольски тосутологой).

5. Насѣкомыя и другія низшія животныя.

Жукъ—алт. бонгус.

Бабочка—алт. кѣбѣлѣк; хас. эрбэхи, шибегян. тува хобоган; тува хх. кобыган.

Слѣпень—алт. кѣбѣнѣк; тува хх. сээк.

Паутъ (*Tabanus*)—алт. кѣгѣен.

Пчела—алт. ару, адару.

Муравей—алт. кузюрим; бур. тунк. шоргольджин; муравьище: шоргольджинэй гыр; хас. шоргольджин; кирг. курмуска; тува хх. хыммыс-кымык.

Муха—алт. чымын; тува хх. батаган.

Комаръ—алт. томоное; тува хх. нмра.

Мошка—алт. кылдорок.

Кузнечикъ—алт. чегиртки, сегирткиш. тува хх. шартла.

Тараканъ—алт. таракан.

Блохъ—алт. бляп; кирг. кандала.

Паукъ,—алт. йоргомыш; паутина: йоргомышнымъ уйазы, то-есть, гнѣздо паука; кирг. урмукше.

Клещъ, алт.: салъйа (сообщ. о. Соколовъ); теленг. шальджи хас. хачик; тува хукск.—хачик.

Дождевой червь—алт. чолышкан.

Червякъ—тува хх. курт, гурт.

Раковина—алт. паканымъ кабыгы (то-есть, скорлупа лягушки).

IV.

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ.

1. Медвѣдь.—Волкъ.

а. Медвѣдь былъ прежде ханъ, по имени Карабты-ханъ. Онъ приказалъ одному сиротѣ (ускѣзъ) достать себѣ лисью шапку (тюлькэ бюркэ) Ерликъ-хана. Сирота спросилъ: „Какъ я достану?“ Карабты-ханъ сказалъ: „Иди какъ будто съ войной на него; когда онъ выйдетъ къ тебѣ, схвати съ него шапку“. Сирота пошелъ доставать лисью шапку Ерликъ-хана; подѣхавъ къ его юртѣ, онъ закричалъ. Крикъ его былъ подобенъ крику ста человѣкъ, топотъ его лошади былъ подобенъ топоту ста лошадей. Ерликъ-ханъ испугался и выскочилъ; сирота схватилъ съ него шапку и поскакалъ прочь. Ерликъ-ханъ закричалъ ему въ догонку: „Зачѣмъ ты унесъ мою шапку?“ Сирота отвѣчалъ, что такое ему было порученіе отъ Карабты хана. Тогда Ерликъ сказалъ: „Пусть же Карабты-ханъ станетъ медвѣдемъ, его жена свиньей (какай), а сынъ его звѣздой“.

(Мудай, Теленгитъ кости Кобокъ. Чуйская степь).

б. Прежде поѣдалъ людей Джельбага и всѣхъ уже съѣлъ,—остался одинъ старикъ съ женой; Джельбага хотѣлъ и ихъ съѣсть, но эти двое убѣжали; мужъ убѣжалъ въ лѣсъ и сталъ медвѣдемъ, а жена въ воду и стала рыбой мезилъ. Вотъ почему медвѣдь кижи уганду, то-есть, съ человѣческимъ смысломъ и со слѣдомъ, похожимъ на человѣческій.

(Чингиджекъ, старикъ 69 лѣтъ, и Вюргунъ, оба Урянхайцы кости Сальджакъ. Р. Буренъ-голь).

в. Медвѣдь прежде былъ охотникъ (ангупин) и шаманъ (бо), даже больше, чѣмъ простой шаманъ; онъ былъ абтай-хунь; бо бываютъ ложные, врутъ; абтай никогда. Онъ, отправляясь на охоту, обходилъ три раза одно дерево и обращался въ медвѣдя; въ такомъ видѣ онъ ловилъ звѣрей, потомъ снова обходилъ вокругъ дерева три раза и становился человѣкомъ. Кто-то срубилъ то дерево, и шаманъ остался навѣки медвѣдемъ.

(Кузьма Саховъ, Бурятъ. Р. Иркутъ).

г. Медвѣдь былъ прежде человѣкъ, и очень сильный. Богъ, видя, что съ этимъ богатыремъ люди не смогутъ справиться, отрубилъ ему большой палецъ, чтобы силы было меньше, и обратилъ его въ звѣря.

(О. Яковъ Чистохинъ, свящ. въ дер. Шимки, родомъ Забайк. Бурятъ).

д. Медвѣдь былъ человѣкъ, который, выскочивъ, испугалъ лошадь ѣхавшаго мимо бога; лошадь бросилась, богъ упалъ съ лошади и за это обратилъ того человѣка въ звѣря.

(У Бурятъ Агинскаго вѣдомства слышалъ тотъ же разказчикъ).

е. Одинъ охотникъ (гуречи) наткнулся на медвѣдя, который свалилъ его и началъ бить лапой; когда человѣкъ потерялъ уже силы, медвѣдь началъ испытывать, мертвъ или еще живъ человѣкъ: приложить ухо къ тѣлу, прислушается къ дыханію и снова побѣдетъ. Охотникъ притаилъ дыханіе; тогда медвѣдь завалилъ его лѣсомъ и ушелъ.

(Халхасецъ).

ж. Одинъ гуречи подсмотрѣлъ, какъ медвѣдица шла съ медвѣжатами, отыскала двѣ чурки, подвела медвѣжатъ къ обрыву, уложила и придавила чуркой, а съ другой спустилась въ долину и убила ея морала.

(Халхасецъ).

з. Тункинскіе и Аларскіе Буряты величаютъ медвѣдя хавъ-хунь, „царь-человѣкъ“.

и. Медвѣдь былъ прежде человѣкъ; онъ былъ абтай пръ хунь; обойдя противъ солнца вокругъ одной одинокой березы (хогун), онъ обращался въ медвѣдя; потомъ обойдя посолонь, становился опять человѣкомъ. Одинъ человѣкъ срубилъ березу въ то время, какъ абтай-хунь былъ въ медвѣжьемъ видѣ. Пришелъ онъ, увидѣлъ

срубленную березу, долго плакалъ, да такъ и остался на вѣки медвѣдемъ.

(Бурятъ Тунк. вѣдомства, создатель).

і. Было три брата; всѣ трое ѣздили въ лѣсъ по дрова; младшій всегда привозилъ больше старшихъ. Старшіе братья сговорились подсмотрѣть, какъ это онъ успѣваетъ, и увидѣли: воткнувъ два ножа въ пень, ихъ младшій братъ перекувырнулся между ножами, сталъ волкомъ и убѣжалъ. Братья выдернули ножи. Въ ту же ночь волкъ подбѣгалъ къ юртѣ братьевъ, и на другую ночь подбѣгалъ, но уже не такъ близко, а потомъ совсѣмъ отсталъ.

(Петръ Гантимуровъ, обурятившійся Тунгусъ, родомъ изъ долины Тунки).

2. Летучая мышь.

а. Когда царь птицъ Канъ-Каридэ потребовалъ алманъ (дапъ) отъ птицъ, Джарканатъ (летучая мышь) сказалъ, что онъ не птица, потому что у него есть клыки; когда сталъ собирать алманъ царь клыкастыхъ (аратынъ) животныхъ Арсланъ-Ганъ, Джарканатъ сказалъ, что онъ—птица, что онъ имѣетъ крылья. Всѣ птицы платятъ алманъ Канъ-Каридэ, всѣ клыкастые животные платятъ алманъ Арсланъ-Гану,—Джарканатъ отбилъ отъ того и другого: никому данн не платить.

(Кеспій, Тэлэнгитъ, кости Телесъ. Р. Чуя).

б. Джарканатъ (летучая мышь) прежде былъ камомъ (шаманомъ). Джаячи-ханъ призывалъ кама Джарканата камлатъ надъ своимъ большимъ сыномъ. Джарканатъ покамлатъ и объявилъ, что нужно поднести жертву Ерликъ-хану изъ 9 черныхъ лисыхъ (кальджанъ) коней, 9 черныхъ быковъ и 9 черныхъ барановъ. Джаячи-ханъ велѣлъ заколотъ животныхъ, но, не довѣряя каму, когда тотъ сталъ камлатъ, самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ въ подземное царство Ерлика. Ерликъ-ханъ не принималъ жертву. По тогдашнему обычаю слѣдовало, если хотятъ, чтобы больной человѣкъ выздоровѣлъ, а Ерликъ животную жертву не принимаетъ, вмѣсто больного человѣка принести въ жертву здороваго человѣка. Джарканатъ вернулся отъ Ерликъ-хана и сказалъ Джаячи-хану, что Ерликъ-ханъ не принималъ жертву. „Зачѣмъ же ты не остался самъ у него“ (то-есть, не отдалъ себя въ жертву)? спросилъ Джаячи-ханъ. „Летай

же ты послѣ этого только ночью, и пусть отъ тебя не будетъ людямъ никакой пользы“.

(Пѣвѣкъ, крещенный Алтаецъ. С. Ангудай).

в. У Джаячи-хана былъ сынъ Джангысъ-Уль; сынъ этотъ заболѣлъ. Джаячи-ханъ призывалъ многихъ камовъ: никто не могъ помочь. Онъ обратился къ знаменитому каму Ярубай; Ярубай также оказался беспомощенъ. Тогда Джаячи-ханъ призвалъ другаго знаменитаго шамана Джарканата. Камъ Джарканатъ пришелъ, покамлалъ и сказалъ, что душу Джангысъ-Ула хочетъ взять Ерликъ-ханъ, что нужно принести ему въ жертву 9 лягушекъ, 9 змѣй, 9 воронихъ лысыхъ коней и 9 черныхъ быковъ. Джаячи-ханъ подумалъ: „Эти камы только обманываютъ меня! Пойду я самъ слѣдомъ за Джарканатомъ и самъ выслушаю отвѣтъ Ерлика“. Камъ пошелъ къ Ерлику, а Джаячи украдкой за нимъ и слушаетъ, что будетъ говорить Ерликъ. Камъ предложилъ Ерлику 9 лягушекъ — Ерликъ не принялъ; затѣмъ Джарканатъ послѣдовательно подносилъ 9 змѣй, 9 лошадей, 9 быковъ — Ерликъ ничего не принялъ. Тогда камъ преподнесъ Ерлику свою шубу и бубенъ; когда Ерликъ и отъ этихъ приношеній отказался, камъ предложилъ ему свою душу. И ту Ерликъ не принялъ и сказалъ, что ему нужно только одного Джангысъ-Ула. Джарканатъ вернулся къ Джаячи-хану и передалъ ему отвѣтъ Ерлика. Тогда Джаячи-ханъ сказалъ: „Если Ерликъ-ханъ хочетъ взять у меня сына, то пусть возьметъ и весь народъ; мнѣ не такъ жалъ народъ, какъ сына“. Послѣ этого Джаячи велѣлъ собрать весь народъ. Собрали народъ, одинъ только сирота, по имени Ускузь-Уль¹⁾, не пришелъ. Ханъ послалъ искать его. Ускузь-Уль сказалъ посланнымъ, что черезъ три дня придетъ, однако не пришелъ. Снова послали за нимъ; онъ опять сказалъ, что придетъ черезъ три дня, и опять не пришелъ. Въ третій разъ то же самое. Тогда ханъ велѣлъ связать его и привести. Когда Ускузь-Ула привели, Джаячи-ханъ спросилъ его: „Почему ты не пришелъ черезъ три дня послѣ первыхъ пословъ?“ Ускузь-Уль отвѣчалъ: „Я считалъ рыбу въ водахъ“. „Всю ли сосчиталъ?“ спросилъ ханъ. „Всю“, отвѣчалъ Ускузь-Уль, — „только одной не досчитался“. Тогда вышелъ изъ народа одинъ старикъ и сказалъ, что дѣйствительно онъ на дняхъ

¹⁾ Ускузь — по алтайски сирота.

поймалъ одну рыбу. Тогда ханъ спросилъ: почему онъ послѣ вторыхъ пословъ не пришелъ. Ускузь-Уль отвѣчалъ, что онъ считалъ цвѣты и одного не досчитался. Тогда изъ толпы вышелъ одинъ мальчикъ и сказалъ, что онъ пасъ овецъ и одинъ цвѣтокъ сорвалъ. Послѣ третьихъ пословъ онъ не пришелъ потому, что увидѣлъ человека — съ ногъ нищій, съ головы знатный, и не могъ надвинуться этому явленію. Джаячи-ханъ догадался, что Ускузь-Уль говоритъ о его жепѣ, и хочетъ сказать, что она — шулмусъ (нечистый духъ). Ускузь-Уль объяснилъ хану, что когда онъ высваталъ за себя ханскую дочь, шулмусъ убила ее, а сама, принявъ ея образъ, стала женой хана. Джаячи-ханъ велѣлъ убить свою жену. Послѣ того Ускузь-Уль влѣзъ въ бубенъ къ Джарканату. Сталъ Джарканатъ камлать и удивляется, отчего бубенъ сталъ тяжелый. Ускузь-Уль, сидя въ бубнѣ, сталъ упрекать Джарканата, что онъ не могъ возвратить душу Джангысъ-Ула; Джарканатъ принялъ это за голосъ Курмося и сказалъ: „Видно это повелѣніе Кудая (бога), чтобы я снова камлалъ о Джангысъ-Улѣ. Но какъ я добуду душу отъ Ерлика?“ И уснулъ. Тотчасъ Ускузь-Уль надѣлъ его шубу, взялъ бубенъ и отправился къ Ерлику; бубенъ и шубу повѣсилъ на столбѣ, вошелъ въ юрту къ Ерлику: тотъ спитъ. Ускузь-Уль схватилъ душу Джангысъ-Ула и убѣжалъ. Ерликъ проснулся, видитъ — души Джангысъ-Ула нѣтъ; онъ выскочилъ изъ юрты, видитъ — шуба и бубенъ Джарканата. „Это Джарканатъ укралъ душу Джангысъ-Ула“, подумалъ онъ, и послалъ двухъ вороновъ погубить Джарканата. Увидѣлъ Ускузь-Уль, что прилетѣли два ворона и стали клевать глаза скоту, догадался, что это Ерликовы вороны, хотѣлъ поймать ихъ, но поймалъ только одного; другой улетѣлъ. Ускузь-Уль пойманному ворону отрубилъ носъ, отхлесталъ его плетью и отпустилъ. Воронъ далъ заклятье никогда не приходить въ другой разъ и улетѣлъ. Ерликъ-ханъ самъ отправился къ Джарканату; Ускузь-Уль то же пришелъ, принявъ другой видъ, и на требованіе Ерлика отвѣчалъ, что душу Джангысъ-Ула взялъ Учъ-Курбустанъ. Ерликъ пошелъ къ Учъ-Курбустану, а Ускузь-Уль, обернувшись боро-кучіакомъ (пташкой), прилетѣлъ къ Учъ-Курбустану и учить его потребовать отъ Ерлика въ подарокъ его бѣлую шелковую шубу и бѣлаго коня, а вмѣсто того дать ему чернаго быка. Такъ Учъ-Курбустанъ и сдѣлалъ; онъ потребовалъ въ подарокъ бѣлую полковую шубу (акъ

торхо тонъ) и бѣлаго коня, а въ замѣнъ того далъ Ерлику быка и топоръ и сказалъ: „Если быкъ не побѣжитъ, ударь его топоромъ по головѣ; тогда онъ побѣжитъ, какъ лошадь“. Поѣхалъ Ерликъ домой и дорогой встрѣтилъ Джарканата, хотѣлъ поймать его; быкъ не бѣжитъ. Онъ ударилъ быка топоромъ по головѣ, разрубилъ ему голову, быкъ палъ; Ерликъ остался пѣшъ. Тогда Ерликъ-ханъ послалъ своего богатыря позвать Ускузь-Ула и велѣть ему достать душу Джангысь-Ула отъ Учъ-Курбустана. Ускузь-Улъ обѣщалъ прійти черезъ три дня, но не пришелъ. Когда его привели къ Ерлику, и тотъ спросилъ: отчего онъ не пришелъ по первому зову. Ускузь отвѣчалъ, что онъ не могъ прійти безъ шубы и бубна, которые висѣли на столбѣ предъ Ерликовою юртой. Ерликъ отдалъ ему эти вещи. Такимъ образомъ Ускузь еще разъ обманулъ Ерлика. Теперь Ускузь велитъ Джарканату снова камлатъ Ерлику; Джарканатъ началъ камлатъ, а Ускузь-Улъ пошелъ за нимъ слѣдомъ (то-есть, оба спустились въ Ерликово царство). Джарканатъ пришелъ къ юртѣ Ерлика; Ерликъ отъ страха забился въ уголъ и клянется, что онъ не будетъ больше требовать Джангысь-Ула. Ускузь-Улъ послѣ этого ударилъ Джарканата по щекѣ; Джарканатъ думалъ, что это Ерликъ ударилъ его, и убѣжалъ. Ускузь-Улъ спрашиваетъ его: что онъ слышалъ и видѣлъ. Джарканатъ сказалъ, что Ерликъ поклялся въ томъ, что больше не будетъ требовать Джангысь-Ула, а потомъ ударилъ его по щекѣ. Тогда Ускузь-Улъ снова заставляетъ Джарканата камлатъ, и когда тотъ явился въ царство Ерлика, Ускузь-Улъ ударилъ по его бубну и раскололъ его. Въ третій разъ Ускузь-Улъ заставляетъ камлатъ Джарканата; Джарканатъ возражаетъ, что ему не на чемъ камлатъ; бубень его разбитъ. Ускузь-Улъ доставляетъ ему другой девятиглавый (тогузь-башту) бубень, который, скованный по ногамъ, былъ зарытъ въ землю. Тогда Джарканатъ снова начинаетъ камлатъ. Спустившись въ область Ерлика, онъ видитъ коня, который стоитъ въ вывороченныхъ оглобляхъ. На вопросъ Джарканата: что это значитъ,—духи отвѣчаютъ ему, что этотъ конь тонталъ чужой хлѣбъ. Потомъ онъ видитъ человѣка, подвѣшеннаго за языкъ; этотъ при жизни велчался своею знатностью. Другой человѣкъ былъ распятъ на деревѣ (за что—разказчикъ забылъ). Затѣмъ Джарканатъ увидѣлъ еще человѣка, прикованнаго за руки и за ноги. „Ты кто?“ спросилъ Джарканатъ.

„Я кокъ-боро-атту Тэнгрэннмиъ-Улы Темиръ-Боко“ (сынъ неба Темиръ-Боко на сивосѣрой лошади), отвѣчалъ прикованный. „Остался ли у тебя кто на свѣтѣ?“ спросилъ Джарканатъ. „Только одинъ сынъ Ускузь-Улъ“. Джарканатъ вернулся и разказалъ Ускузь-Улу, что онъ видѣлъ. Ускузь-Улъ говоритъ, что нужно освободить отца, но какъ это сдѣлать—не знаетъ, и потому опять Джарканатъ долженъ былъ камлатъ и спросить у духовъ объ этомъ. Духи открываютъ, что это могутъ сдѣлать только два нама (ламы) при Учъ-Курбустанѣ, а если не они, то—два великіе абыса. Отправился Ускузь-Улъ къ двумъ намамъ: тѣ посмотрѣли въ книги и сказали, что время пришло, и что онъ можетъ ѣхать выручать отца. Ускузь-Улъ спустился къ Ерлику, разбилъ желѣзные путы на ногахъ отца и вывелъ его на свѣтъ.

(Сапашъ, Алтаецъ).

г. Ханъ Гариде еще не былъ птичьимъ царемъ. Стали птицы выбирать царя и порѣшили: кто выше всѣхъ взнимется и потомъ быстрѣе всѣхъ опустится, тотъ и будетъ царь. Начали птицы подниматься. Сарисынъ Бакбагай (летучая мышь) сѣла къ Ханъ Гариде на спину, взявъ съ собою камень. Ханъ Гариде не замѣтилъ этого и полетѣлъ; поднялся выше всѣхъ, увидѣлъ, что всѣ птицы очутились внизу, крикнулъ имъ: „Кто выше меня?“ И услышалъ надъ собою голосъ: „Я, Сарисынъ Бакбагай! Теперь нужно внизъ спускаться“. Сарисынъ Бакбагай прижала камень къ груди, прыгнула съ Ханъ Гариде и живо прилетѣла на землю. Царемъ ея не сдѣлали, но освободили ее отъ албы (дани) и опредѣлили, чтобы птицы строили для нея гнѣздо. Ея гнѣздо (собственно ремезовы) называются Бакбага урюнь шибонай урь (гнѣздо птицы бакбага-урюнь). У Ханъ Гариде родился сынъ; ханъша говоритъ, что нужно для новорожденнаго сдѣлать колыбель изъ птицъ; ханъ послушался своей жены, собралъ всѣхъ птицъ и проткнулъ имъ носы, чтобы связать ихъ и сдѣлать колыбель. Сарисынъ-Бакбага не явился; Ханъ Гариде послалъ за нимъ, Сарисына привели. Ханъ спросилъ, зачѣмъ онъ медлитъ прійти по первому ханскому приказу? Сарисынъ отвѣчалъ: „Я былъ занятъ рѣшеніемъ двухъ задачъ: чего больше—дней или ночей, мужчинъ или женщинъ?“ „Чего же больше“, спросилъ ханъ,—„ночей или дней?“ „Ночей“, отвѣчалъ Сарисынъ. „Почему же?“ „Есть время“, отвѣчалъ Сарисынъ,—„когда

хотя и свѣтло, но солнца нѣтъ; это утренніе и вечерніе сумерки; это время нужно причислить къ ночи“. „А мужчинъ или женщинъ больше?“ спрашиваетъ опять ханъ. „Мужчинъ“, отвѣчаетъ Сарисынъ;— „потому что если женщина станетъ требовать что-нибудь отъ мужа неразумное, ему слѣдуетъ только крикнуть на нее, и она замолчитъ“. Ханъ подумалъ: „Это Сарисынъ на мой счетъ говорить; это правда“. И велѣлъ всѣхъ птицъ отпустить.

(Сарисынъ, Дюрбютъ хошуна Вана. Г. Улангомъ).

д. Птицы стали избирать царя; кто-то предложилъ журавля, но перепелка (будене) сказала, что онъ не дастъ покою ни днемъ, ни ночью, все будетъ кричать. Журавль осердился, топнулъ ногой о будене и надломилъ ей хребетъ, отчего она не можетъ далеко летать. За это птицы присудили, чтобы журавль на своей спинѣ относилъ перепелку въ теплые края. И теперь, когда журавли летятъ, Буряты, прислушиваясь къ журавлиному крику, отлываютъ какой-то отдѣльный пискъ: это — крикъ перепелки. Въ царя избрали орла и стали подчинять ему всѣхъ птицъ. Летучая мышь (урмуше) отказалась подчиниться, сказавъ, что она не птица, что хотя у нея и есть крылья, но есть и зубы. Когда же мыши стали избирать своего царя и избрали Амшнъ Цаганъ Хулугуну, летучая мышь сказала, что она не мышь: у нея есть крылья. За это птицы и мыши присудили ее летать только ночью, а не днемъ. Всѣ птицы, подчиненныя царю птицъ, имѣютъ проткнутые носы.

(Н. В. Матхановъ, Бурятъ, бывший тайша Аларск. вѣдомства).

е. Когда ханъ птицъ хотѣлъ подчинить себѣ летучую мышь (урмуше), она сказала, что она не птица, а человѣкъ, потому что она имѣетъ коренные зубы, какъ у человѣка; когда же онъ хотѣлъ ее подчинить себѣ ханъ людей, она сказала, что она — птица; такимъ же родомъ она отказалась подчиниться царямъ звѣрей, змѣй и мышей. За это Тэнгри присудилъ ей не жить на бѣломъ свѣтѣ (Алтын тельхиде) днемъ, а только ночью.

(Абашей, Бурятъ Аларск. вѣдомства).

ж. Шарисынъ (летучая мышь) познакомился съ беркутомъ-самбой (емъ беркутъ) и леталъ къ ней ночью спать. Беркутиха не знала въ лицо своего посѣтителя; онъ прилеталъ поздно вечеромъ и улеталъ рано утромъ; днемъ же при свѣтѣ она никогда его не видѣла. Желая узнать, что онъ за птица, беркутиха привязала къ ногѣ

Шарисына красную нитку. На завтра Ханъ Гарди сдѣлалъ сборъ всѣмъ птицамъ; всѣ птицы собрались; старшія большерослыя сидѣли на вершинѣ дерева лзандынъ; беркуты сидѣли въ срединѣ; ниже ихъ сидѣли разныя мелкія птицы, а на самомъ низу воробьи (бокшпрге). Беркутиха примѣчала, гдѣ сидитъ ея другъ съ красною ниткой; вверху такой не было; стала смотрѣть ниже, и только на самомъ низу на землѣ замѣтила своего друга; онъ сидѣлъ лицомъ къ дереву, прячась подъ тѣнь, потому что боялся засохнуть на солнцѣ. Съ тѣхъ поръ беркутиха бросила вести съ нимъ дружбу.

(Записано г. Палкинымъ отъ Гупына, Халхасца, хошуна Лу-Гуна).

з. Сарисынъ баабга познакомился съ птицей Кохъ-Цехце. Эта спросила его однажды: какое мѣсто онъ занимаетъ между птицами, и зачѣмъ онъ прилетаетъ поздно вечеромъ и улетаетъ рано утромъ. Сарисынъ отвѣчалъ, что онъ, какъ старшій вельможа (тушимитъ) у Ханъ Гарди, днемъ долженъ быть въ обществѣ вельможъ и разбирать и судить дѣла. Кохъ-Цехце полетѣла, чтобы убѣдиться своими глазами въ истинѣ словъ своего друга, и не могла его найдти между птицами; когда ночью онъ вновь прилетѣлъ, Кохъ-Цехце спросила: гдѣ жъ онъ былъ? Она-де видѣла собраніе птицъ, тамъ его не было. На верку дерева сидѣлъ беркутъ, а не онъ. Сарисынъ Баабга отвѣчалъ, что это онъ и былъ, только обернувшись (хувильсин). Кохъ-Цехце не повѣрила и опять на другой день полетѣла за нимъ. Увидѣвъ, что онъ прильнулъ къ большой скалѣ подъ тѣнь, она вернулась; когда ночью Сарисынъ Баабга прилетѣлъ къ ней, она спросила: зачѣмъ онъ прильнулъ къ камню? Онъ отвѣчалъ, что онъ держалъ этотъ камень, потому что былъ вѣтеръ, и еслибъ онъ не прикрылъ камень собою, то его сорвало бы съ мѣста и убило бы имъ много народа. Однако Кохъ-Цехце не повѣрила и развелась съ нимъ.

(Записано имъ же отъ Дархата).

3. Хоттунъ птица ¹⁾.

Ханъ Гариди подружился съ шұльмусомъ, которая и сдѣлалась его женой. Однажды она сказала: „Ханъ Гариди, хорошо бы

¹⁾ Хоттунъ по монгольски пелликанъ; такъ какъ сказка представляетъ вариантъ предыдущихъ, мы помѣщаемъ ее вслѣдъ за ними.

сдѣлать башню изъ птичьихъ носовъ". Ханъ Гариди согласился съ этимъ и велѣлъ собратъ всѣмъ птицамъ. Когда они собрались, Ханъ велѣлъ протѣнуть имъ всѣмъ носы, чтобы ловчѣе было отрубить ихъ всѣмъ за разъ. Собрались всѣ птицы, не явилась только Хоттунъ пибо; три раза за нею посылали, и она только на третій день явилась. Ханъ Гариди сталъ спрашивать, почему она не явилась по первому призыву. На это Хоттунъ птица отвѣчала, что въ первый день она считала, чего больше: дней или ночей; во второй день потому, что считала: мужчинъ ли больше или женщинъ; въ третій день считала: сырыхъ ли деревьевъ больше или сухихъ? Ханъ Гариди спросилъ: „Ну, такъ чего же больше?“ Хоттунъ птица отвѣчала, что ночей больше, если къ нимъ причислить всѣ пасмурные дни, что сухихъ деревьевъ больше, если считать и такіе, у которыхъ хоть одна вѣточка высохла, и что женщинъ больше, если причислить къ нимъ и всѣхъ тѣхъ мужей, которые своихъ женъ слушаются. Ханъ Гариди понялъ намекъ и отмѣнилъ приказаніе рубить птичьи носы. Шулъмусъ разсердилась на Хоттунъ птицу и велѣла ея шею три раза противъ солнца повернуться; шея однако повернулась только одинъ разъ. Послѣ этого у всѣхъ птицъ клювы остались проткнутыми.

(Записано г. Паленинымъ у Дархатовъ).

4. Маны и его семь сыновей ¹⁾.

а. У Маны было семь сыновей; старшій сынъ назывался Борсукъ (барсукъ); слѣдующіе носили имена: Джекенъ (россомаха), Ирбисъ, Шулузинъ (рысь), Кыскэ (кошка), Какай (свинья), младшій назывался Паръ (тигръ). Они были звѣропромышленники, ходили на охоту; однажды они встрѣтили звѣря Муйгака (благородный олень). Паръ говоритъ: „Я его поймаю“. Барсукъ ему на это: „Нѣтъ я старшій братъ; я его поймаю“. И схватилъ муйгака за ногу. Муйгакъ ударилъ Борсука въ лобъ и ранилъ. Впослѣдствіи рана заросла, но мѣсто это покрылось бѣлою шерстью; оттого-то барсукъ и съ лысиной.

(Бутушъ, Алтаецъ кости Иркытъ).

¹⁾ Маны, алт. имя кошки, *Felis manul*, которую Монголы называютъ манула и просто манъ.

б. Въ древности былъ человѣкъ по имени Маны; у него было 9 сыновей: старшій назывался Паръ, затѣмъ другіе были Ирбисъ, Шулузинъ, Порсукъ, Ерленъ (крыса), Кыске, Кара Гула, Джекенъ, младшій Тарбаганъ (сурокъ).

(Олонко, Алтаецъ кости Алматъ. Р. Чуя).

в. Маны, имѣющая семь сыновей, есть мать всего: барчаными энези Маны джети уулду. Имена сыновей суть: Каругула, Улу (драконъ), Паръ, Борсукъ, Мечирткэ (сова). (Одинъ старикъ, присутствовавшій при разсказѣ, вмѣсто мечирткэ называлъ Уку (филпинъ).

(Тотой, женщина Теленгитка кости Телесъ. Р. Чуя).

г. Звѣрь Маны не боится охотника, ждетъ его спокойно, не убѣгая, потому что думаетъ: „Сильнѣе меня никого нѣтъ, такъ какъ у меня семь сыновей“. Оттого его и убиваютъ часто. Если кто увидитъ маны, да маны побѣжитъ отъ него, и охотнику не удастся убить его — худой знакъ; тотъ человѣкъ скоро умретъ.

(Она же).

д. Маны есть мать всего, барчаными (или марчаными) энези. Онъ имѣлъ семь сыновей, которые назывались: Баръ, Ирбисъ, Уку (филпинъ), Мэрчиткэ, Мый (кошка)...., а потому, завидѣвъ охотника, не встаетъ съ мѣста, не боится, думаетъ что она сильная, такъ какъ у нея есть семь сыновей. Старшій сынъ ея Баръ отправился однажды на охоту и встрѣтился съ Джекемомъ (россомахой), также выѣхавшимъ на охоту. Джекенъ спросилъ его: „Кто ты и какого роду?“ Баръ отвѣчалъ: „Я Баръ, сынъ Маны“. „А ты кто?“ „Я Джекенъ“, сказалъ тотъ, — „роду Поръ“ (волка). Они поѣхали вмѣстѣ и встрѣтили звѣря ангъ (морала, благороднаго оленя). Баръ говоритъ своему товарищу: „Я буду стрѣлять первый“. Джекенъ сталъ спорить: „Нѣтъ, я буду стрѣлять первый! Посмотри, какая у меня шерсть на загривкѣ?“ Баръ сказалъ: „Вся вывалилась или побѣлѣла; ты устарѣлъ!“ „А посмотри“, сказалъ опять Джекенъ, — „сыплются ли у меня пскры изъ глазъ“. „Не только не сыплются пскры, а глаза сдѣлались, какъ ямы“. Пока они спорили, мораль убѣжалъ.

(Старикъ Теленгитъ на Чуйской степи).

е. Маны, марчаными энези, имѣла семь сыновей; старшій былъ Борсукъ, младшій Баръ. Братья пошли вдвоемъ на охоту и встрѣтили моралуху (муйгака). Борсукъ говоритъ: „Я буду стрѣлять“. Баръ: „Я“. Пospopили, поспорили, и Баръ уступилъ. Борсукъ хо-

тѣлѣ застрѣлить моралуху, но та ударила его копытомъ и раскропила ему лобъ. Борсукъ едва живъ остался. Баръ убилъ моралуху. Послѣ того Баръ сталъ страшнымъ охотникомъ, не было отъ него никакому звѣрю проходу.

(Далѣе разказчикъ отказался продолжать, сознавшись, что конецъ забылъ).

(Савашъ, Алтаецъ).

ж. У Бара было семь сыновей (барын ху долон ху; вар. у кошени было семь сыновей, мйгес ху долон ху): Шилусть (рысь), Мый (кошка), Аю (медвѣдь), Ирбисъ (прбисъ), Манулъ (кошка манулъ, *Felis manula*), Хара Хулу. Съ матерью Баромъ ихъ насчитывается семь.

(Чо Джамцынъ, Халхасецъ изъ хошуна Тачжи Урянхай и Табынъ Сахалъ, Олетъ-Урянхаецъ изъ г. Кобдо).

5. Семь братьевъ.

Было семь братьевъ промышленниковъ: лисица, барсукъ, заяцъ, сурокъ, человѣкъ, собака и котъ; всѣ были одной породы. Они ловили звѣрей. Другіе пять: Джельбегень, медвѣдь, волкъ, барсъ и левъ (арсланъ) охотились отдѣльною артелью. Лисица встрѣтилась съ медвѣдемъ; медвѣдь говоритъ: „Лисица, я тебя съѣмъ!“ „Не ѣшь“, говоритъ лисица, — „а то не радъ будешь, я не одна, у меня шесть товарищей: сурокъ, человѣкъ, барсукъ, заяцъ, собака и котъ; если ты съѣшь меня, они отомстятъ тебѣ; особенно лютый изъ нихъ котъ“. Медвѣдь оставилъ ее живою, пришелъ къ товарищамъ и говоритъ: „Встрѣтилъ я лисицу, хотѣлъ ее съѣсть, а она мнѣ въ отвѣтъ: не ѣшь, у меня есть шесть товарищей, которые отомстятъ за меня, а лютѣе ихъ всѣхъ котъ. Сурка, человѣка, собаку, зайца, барсука мы знаемъ, какая у нихъ сила, но котъ (мый) что за звѣрь? Намъ нужно его извести, а то если дѣйствительно онъ насъ сильнѣе, намъ живыми не быть“. Придумали звѣри хитрость, сдѣлали яму, закрыли ее вѣтвями, сверхъ вѣтвей наставили кущанья. Лисицу попросили пригласить кота на пиръ и Джельбегеню сказали: „Ты изъ насъ всѣхъ смѣлѣе и ловче, ты скажи ему первое привѣтствіе и пригласи откусать“. Медвѣдь залѣзъ на березу, подъ которою была вырыта яма; барсъ, волкъ и левъ залезли на утесы. Котъ, подходя къ ямѣ, какъ увидѣлъ ѣду, глаза вытаращилъ;

Джельбегень думаетъ: „Въ самомъ дѣлѣ должно быть сильный звѣрь, коли у него такіе большіе глаза“. Говоритъ коту: „Пожалуйте, закусите“. А самъ все пятится назадъ, бонится кота. Пятился, пятился, наступилъ на вѣтви и упалъ въ яму. Котъ испугался и махнулъ на березу. Медвѣдь думаетъ: „Одного брата успѣлъ въ яму отпавить, теперь за мною идетъ“. Бултыхъ съ березы да въ ту же яму. Котъ съ испугу съ дерева на утесъ, а тамъ левъ; левъ бросился съ утеса, разбился до смерти, котъ — на другой утесъ. Такъ всѣ пять сильныхъ братьевъ и убились.

(Свящ. Михаилъ Чивалвовъ, род. Телеутъ. Сел. Угала).

6. Тарбаганъ (сурокъ).

а. Тарбаганъ (сурокъ) прежде былъ человѣкъ, лхой охотникъ, срѣкей атучи. Однажды онъ хотѣлъ убить тельгена (родъ хищной птицы), выстрѣлилъ и попалъ ему въ хвостъ, отчего и теперь у тельгена хвостъ съ выемкой. Промажнувшись, Тарбаганъ проклялъ себя, отрубилъ себѣ большой палецъ, зарылся въ землю и сказалъ: „Чтобы мнѣ только четыре мѣсяца жить въ году!“

(Сарисынъ, Дюрбютъ изъ Улангома).

б. Тарбаганъ (сурокъ) былъ человѣкъ и безстрашный стрѣлокъ; онъ никого не пропускалъ, не исключая и сильныхъ звѣрей, и подстрѣлилъ крыло у птицы Канъ Герей. За это Канъ Герей отрубилъ ему палецъ, закопалъ его въ землю и сказалъ: „Пусть тебѣ никто спуска не даетъ, пусть тебя бѣдные люди ѣдятъ, птицы и звѣри таскаютъ!“

(Таранъ, теленгитскій шаманъ. Чуйская степь).

в. Сурокъ былъ прежде человѣкъ, охотникъ. Въ то время было три солнца; онъ намѣтилъ попасть въ одно изъ лука и промѣтилъ; осердился, отрубилъ себѣ большой палецъ и зарылся въ землю.

(Комбу, Тува Урянхаецъ кости Балыкъ. Оз. Теръ-норъ).

г. Сурокъ прежде былъ охотникъ; въ то время было четыре солнца, на каждой сторонѣ неба по солнцу. Онъ началъ стрѣлять по солнцамъ и три уже застрѣлилъ. Тогда Бурхынъ-багши испугался, что не будетъ свѣта на землѣ и обратилъ этого охотника въ сурка.

(Найдынъ, богдошавинецъ изъ Урги).

д. Сурокъ былъ прежде человѣкъ и стрѣлокъ, Тарбаганъ-мэргынъ; онъ имѣлъ лошадей. Однажды онъ сказалъ, увѣренный въ своей мѣткости, что если онъ не попадетъ въ ласточку, то коню отрубить переднія ноги, себѣ большой палецъ, не будетъ пить черную воду (хара усунъ), будетъ ѣсть пырей (кякъ) и зароется въ землю. Онъ промахнулся и попалъ только въ хвостъ, отчего и образовалась въ немъ выемка. Самъ Тарбаганъ-мэргынъ обратился въ сурка, живущаго въ норѣ и пьющаго только росу, а его конь былъ обращенъ въ тушканчика (алымдага).

(О. Яковъ Чистохинъ, свящ. въ дер. Шимки, родомъ Бурятъ).

е. Тарбаганъ былъ прежде спрота, выросшій безъ отца и матери. Изъ него вышелъ большой охотникъ, который много истреблялъ звѣрей. Устюгъ Бурканъ (Всевышній Богъ) осердился, отрубилъ ему большой палецъ и бросилъ его (самого лн, палецъ ли—отъ разказчицы нельзя было добиться) къ Тюменгъ Буркану (Нижнему Богу) и сказалъ: „Пусть же тебя бьютъ, стрѣляютъ и ѣдятъ голодные люди, пусть ловятъ звѣри, клюютъ птицы“.

(Тотой, Теленгитка. Р. Чүя).

7. Тушканчикъ.

а. На Чүѣ есть какой-то длинноногій звѣрекъ, о которомъ говорятъ, что онъ по ночамъ сосетъ корову.

(Свящ. Мих. Чивалковъ, род. Телеутъ. С. Угала).

б. У Урянхайцевъ на Терхулѣ повѣрье, что тушканчикъ ночью гоняется за козлухами и сосетъ ихъ молоко.

(Урянхаецъ на оз. Терхулѣ).

8. Верблюдъ.

в. Богъ создалъ аргамакъ; Ерликъ-ханъ позавидовалъ и хотѣлъ создать такое же красивое животное, сдѣлалъ шею также дугой, но приставилъ её наоборотъ, такъ что шея выгнулась не вверхъ, а внизъ; у него не вышло, какъ у Бога. Такимъ образомъ явился на свѣтъ верблюдъ.

(Свящ. Мих. Чивалковъ, род. Телеутъ. Угала).

г. Тангуты хотѣли отнять у Монголовъ чочжинъ (искусство чюдеса совершать), и слѣпивъ изъ тѣста верблюда, привезли его въ

Монголію и молитвами своими (чтеніемъ нома) оживили его. Верблюдъ пошелъ во дворъ ламы Тамджинъ Чоджилъ (книжное имя: Бауджикъ); но ламы догадались, подрылись подъ лапы верблюда, и онъ упалъ. Тогда они продѣли ему „буль“ въ носъ и стали на немъ ѣздить.

(Найдынь, богдошабицеъ изъ Урги).

9. Бурундукъ.

а. Бурундукъ собиралъ орѣхи. Медвѣдь попросилъ у него орѣховъ, и бурундукъ далъ ему. Медвѣдь погладилъ его за это лапой, и оттого онъ сталъ полосатый.

(Тункинскіе Буряты).

б. Бурундукъ потому полосатый, что Кудай (богъ) бичевалъ его (камчплана).

(Чончу, Теленгитка, кости Алматъ. Долина р. Чүи).

в. Бурундука Алтайцы убиваютъ и бросаютъ, потому что онъ что-то на небѣ непріятное сдѣлалъ, и Тэнгирэ-бурканъ прогналъ его на землю. Его натыкаютъ на палочку, и вложивъ въ ротъ траву, вѣшаютъ на дерево съ западной стороны ствола.

(Сообщено Алтайцемъ).

г. Бурундукъ укралъ у Бога (тэнгри?) корову, за что божій посланникъ преслѣдовалъ его и билъ плетью, отчего на спинѣ у него остались слѣды. Преслѣдованія его небомъ продолжаются и донинѣ; молнія бьетъ именно въ то дерево, подъ которымъ скрывается Бурундукъ.

(Записано г. Ядринцевымъ у Алтайцевъ).

10. Летяга.

а. Летягу (ольби) Дархаты считаютъ за полезное убивать. Убивши, слѣдуетъ сжечь ее и пепелъ развѣять по воздуху. Это дѣлается за то, что она что-то худое сдѣлала сыну неба—Тэнгиринъ ху. Въ нее же падаетъ молнія; поэтому ольби боятся молніи и лѣтомъ прячется, а показывается только зимой.

б. По повѣрью Аларскихъ Бурятъ, летяга (олбо или олбын) во время грома становится большою, съ петель; она вступаетъ въ споръ съ громомъ. Хасутъ-Урянхаецъ, встрѣтя ее въ лѣсу, непре-

мѣнно стрѣляетъ въ нее, потому что небо радуется смерти этого звѣрка; небо на него сердится, за что не извѣстно.

(Хасутъ Сосырѣ).

в. По повѣрью Алтайцевъ, летяга была прежде шаманомъ.

(Зап. г. Ядринцевъ).

11. Дергачь.

Весной отъ каждаго крика дергача родится рѣшето комаровъ, а осенью умираетъ рѣшето комаровъ.

(Свящ. Мих. Чивалковъ, род. Телеутъ. С. Улаа).

12. Ускозь-уль.

Птица, называемая по алтайски ускозь-уль, то-есть, спрота сынъ, по телеутски юзаакъ или джюзаакъ, кричитъ по ночамъ, начиная съ сумерекъ, съ семи часовъ вечера, летая вдоль горныхъ рѣчекъ. О ней Бутушъ разказалъ слѣдующее: Женить съ невѣстой, находясь въ пути, встрѣтили рѣбу, стали ее переѣзжать и утонули; одного выкинуло на одинъ берегъ, другую на другой; они цѣлую ночь ходили, одинъ по одному берегу, другая по другому, клича другъ друга, а къ утру, когда ихъ освѣтило солнце, они обратились въ птицъ.

(Бутушъ, Алтаецъ, кости Прекъ. Р. Песчаная).

13. Хаджиръ-шибонъ.

Хаджиръ-шибонъ называется похалхасеп та же птица, которую Дюрбюты зовутъ тасъ. Эти птицы живутъ на родинѣ Шпеджимуни ¹⁾, въ странѣ Энетхыкъ. Когда появится падалъ или человѣческій трупъ въ какой-нибудь землѣ, наприимѣръ, въ Улангомѣ, Хаджиръ-шибонъ поднимается вкруги до самаго неба и оттуда прямо спускается на землю, на что употребляетъ всего одинъ день; также въ одинъ день онъ возвращается назадъ. Голова у Хаджиръ-шибона бѣлая, потому что онъ при своихъ странствованіяхъ на падалъ обтираетъ ее объ небо. Птица тасъ „табынъ гелюнгъ ухэтей“, то-есть, убить таса все равно, что убить пять гелюнговъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

¹⁾ Сакія-муни.

14. Ласточка и оса.

Дзюгу (оса) — шулмусанъ хубилганъ, то-есть, оса, перерожденецъ шулмуса. Ханъ шулмусовъ (шулмусенъ-ханъ) послалъ дзюгу узнать, чье мясо вкуснѣе. Дзюгу попробовала кусать и пить кровь разныхъ животныхъ, и когда укусила человѣка, нашла, что его мясо вкуснѣе всѣхъ, и полетѣла къ Хану. Ей на встрѣчу птица харада (ласточка); спрашиваетъ: „Куда ты дзюгу летала?“ „Я—ханскій посолъ“, сказала она дзюгу; — „имѣла порученіе узнать чье мясо вкуснѣе“. „Что жъ, чье же мясо вкуснѣе?“ спросила птица харада. „Человѣчье“. „А ну, покажи языкъ, я посмотрю“, сказала харада. Дзюгу высунула языкъ, а харада откусила его. Дзюгу прилетѣла къ хану, ханъ спрашиваетъ ее, а дзюгу ничего не можетъ сказать, а только бунчитъ: „Бу, бу, бу!“

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

15. Сорока.

Сорока была жена Ханъ-Гарида, но не понравилась ему, и онъ прогналъ ее и наложилъ на нее обязанность выпаривать яйца кушкы.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

16. Филинъ.

а. Филинъ (шаръ-шибо) кричитъ: супъ! супъ! Выдры (супъ) думаютъ, что ихъ кличутъ, сбѣгаются къ нему, и онъ ихъ убиваетъ. Одинъ охотникъ нашелъ гнѣздо филина, досталъ изъ него много выдровыхъ шкуръ и разбогатѣлъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ).

б. Филинъ, уеё, былъ прежде камомъ, но превращенъ богомъ въ птицу. Когда онъ плачетъ или кричитъ, будетъ покойникъ.

(Запис. г. Ядринцевъ у Алтайцевъ).

17. Хухэй.

Птица хухей прежде была единственной дочерью одного богатаго человѣка; пришло время отдавать дочь замужъ; старикъ устроилъ девятидневный пиръ, но пожалѣлъ скота и на угощеніе

гостей зарѣзалъ самую худую овцу въ своемъ стадѣ. Дочь, пня которой было Алтынъ Горголтай, отъ стыда бросилась въ воду и утонула. Родители, чтобъ оплакать дочь, сквасили тарыкъ и мутовкой начали бить свой скотъ; козы ихъ превратились въ дикихъ козловъ (яманъ-гурёсу), овцы — въ козуль (гурогень); вотъ отчего у послѣднихъ задъ бѣлый: это слѣдъ тарыка. Всѣ звѣри были нѣкогда домашнимъ скотомъ этого скупца. Дочь же по ночамъ и теперь выходитъ изъ воды въ видѣ птицы хухэй и стонетъ: „Ай халыкъ, ай халыкъ, хухэй!“

(Абашей, Бурятъ Аларск. вѣдомства).

18. Тажа (бѣлая сова).

а. Тажа живетъ лѣтомъ у вершинъ елочекъ, потому что здѣсь никогда не падаетъ громовая стрѣла. Во время грозы она выходитъ изъ своего убѣжища, ставитъ грому (Тэнгри) кукишъ (салаппи) и потомъ скрывается. Такимъ образомъ она издѣвается надъ громомъ, который сердится на нее. У Тэнгри есть семьдесятъ-семь плѣшивыхъ кузнецовъ (Тэнгриин дахын долондархашул)¹⁾, которые каждый день выковываютъ стрѣлы; этими стрѣлами Тэнгри и стрѣляетъ. Громовая стрѣла, попавъ въ цѣль, остается на землѣ, потому что становится поганою; ушедши въ землю, черезъ три дня, она становится каменною; ихъ находятъ и называютъ тенгриинъ хумынъ. Тѣ стрѣлы, которыя не попали въ чиккура, возвращаются на небо.

(Свящ. Яв. Чистохинъ, род. Забайкальскій Бурятъ. Д. Шимки).

б. Саганъ шибонъ, бѣлая сова, только зимой живетъ на землѣ, а лѣтомъ погружается въ воду, и когда подгоняютъ поплъ табунъ къ тому озеру, въ которое она укрылась, она убиваетъ громомъ по нѣскольку скотинъ за разъ.

(Д. О. Родванъ слышалъ о бѣлой совѣ отъ Забайкальскихъ Бурятъ).

19. Налимъ.

Рыба налимъ (гутаръ) была прежде дѣвпца; родители за что-то осердились на нее, и она утопилась.

(Бурятъ съ Хангинскаго бараула).

¹⁾ Въ монгольскомъ текстѣ слово „плѣшивый“ опущено; плѣшивый по монгольски галдзынь.

20. Царь звѣрей.

а. По однимъ, царь звѣрей — арсланъ, левъ; по другимъ, — Кара-Гула. Одни говорятъ, что Кара-Гула слонъ, другіе — что левъ.

(Свящ. Мих. Чивалковъ, род. Телеутъ. С. Улала).

а. Звѣри и птицы собрались, чтобъ избрать себѣ царей. Царемъ птицъ выбрали орла, который называется Канъ-Кереде; царемъ звѣрей выбрали льва, арслана. На этомъ собраніи и журавлю дали мѣсто какого-то начальника; дергачъ, стоя въ сторонкѣ, сказалъ: „Зачѣмъ дали такое мѣсто такому длинноногую и длинноносомую?“ Журавль обидѣлся, клюнулъ дергача и переломилъ ему спину; оттого теперь дергачъ не можетъ сразу подняться на воздухъ, а сначала долженъ побѣждать по землѣ. Дергачъ въ свою очередь содралъ съ головы журавля хохолъ, отъ котораго только остатки около ушей сохранились.

(Онъ же).

21. Хунъ Гурогунъ.

Хунъ-гурогунъ — называются человѣко-подобные звѣри, живущіе въ лѣсу; ихъ стати человѣческія, они говорятъ человѣческимъ языкомъ; только тѣло ихъ покрыто шерстью. Они ходятъ подвое, мужъ съ женой. У женщины груди до колѣнъ; когда она бѣжитъ, то закидываетъ ихъ за плечи. Иногда они подходятъ къ огню разложенному человѣкомъ въ лѣсу. Однажды четыре охотники започевали въ лѣсу, разложили огонь и легли спать; трое уснули, одинъ не спитъ. Приходятъ хунъ-гурогунъ, мужъ съ женой, и говорятъ: „Принесемъ колоду, положимъ на нихъ и задавимъ, а вещи соберемъ и унесемъ.“ Товарищъ, когда хунъ-гурогунъ ушли, разбудилъ охотниковъ; они оставили на мѣстахъ, гдѣ они лежали, только свои шубы, а сами, взявъ ружья, залезли на дерево. Пришли хунъ-гурогунъ, навалили колоду, хохочутъ, что задавили людей. Мужъ говоритъ: „Одной колоды мало, принесемъ другую“. Пошли, принесли другую, положили. Въ это время раздался выстрѣлъ изъ четырехъ ружей; жену ранило въ плечо. Жена закричала, заругалась на мужа. „Я“, говоритъ, — „говорила, что не нужно ихъ трогать.“ И побѣжала прочь, закинувъ груди на плеча. Оба убѣжали.

(Бурятъ, родомъ изъ Забайкалья. С. Тунва).

22. Боди-Гурогунъ.

Есть звѣри боди-гурогунъ или бурхани-гурогунъ; они очень смѣлы, не боятся человѣка. Сядутъ въ рядъ и смотрятъ на приближающагося человѣка. Ихъ поэтому и убивать легко.

(Тувинскій Бурятъ).

23. Му-шибунъ.

Въ прежнее время водилась птица Му-шибунъ, которая подлетала къ путнику и принимала сначала видъ нарядной и красивой дѣвицы, закрывающей рукавомъ носъ, а потомъ заклеивала человѣка своимъ большимъ и крѣпкимъ клювомъ.

(Н. В. Матхановъ, Бурятъ, бывшій тайша Аларск. вѣдомства).

24. Ганша хамыгынъ.

Ганша хамыгынъ является въ бурятскихъ сказкахъ болѣе, какъ мать Мангытхая. Какой-нибудь витязь (Алтынъ-шагай напр.) ѣдетъ и въ полѣ находитъ „убугун-бухэг“, то-есть, шалашъ, покрытый травой; изъ него выходитъ старуха: это и есть Ганша хамыгынъ. Она принимаетъ витязя привѣтливо, жалѣетъ утомленнаго путника; но витязь или убиваетъ ее или бьетъ желѣзнымъ прутомъ. Является сынъ, находитъ избитую мать и преслѣдуетъ витязя. Мангытхай изображается нерѣдко многоголовымъ; его особенность — обжорство.

25. Водяная корова.

Въ озерахъ Алтая (Кучурлинскомъ, Кенъге, Ебоганѣ, Канскомъ и Джевлукулѣ) живетъ „куль еези“, хозяинъ озера. Онъ кричитъ, какъ быкъ.

(Запис. г. Ядринцевымъ).

26. Кара-гуланъ.

Кара-гулакъ дигенъ джолбарстимъ шямы, „Кара-гулакъ есть „шямы“ (стыдъ, срамъ) для тигра“, то-есть, тигръ боится кара-гулака.

(Киргизы Баянаульск. округа).

27. Амынь саганъ-хулугуна.

а. Амынь-саганъ-хулугуна сосетъ дѣтей, то-есть, высасываетъ изъ нихъ кровь.

(Петръ Гантимуrowъ, обурятившійся Тунгусъ).

б. Амынь-саганъ-хулугуна самый сильный звѣрь на землѣ.
(Буряты Аларск. вѣдомства).

28. Змѣи.

а. У бѣлой змѣи въ головѣ есть камень, который приноситъ счастье.

(Буряты Аларск. вѣдомства).

б. Есть въ Гоби такіе змѣи, которыя, если на нихъ падетъ тѣнь, бросаются и пробиваютъ насквозь не только человѣка, но даже верблюда и два мѣста чаю.

(Дюрбютъ хошуна вана).

в. Змѣя, которая сто лѣтъ не видитъ человѣка, становится аждаха; которая тысячу лѣтъ не видитъ человѣка, становится джука; эта можетъ принимать всякій видъ.

(Киргизы Баянаульск. округа) ¹⁾.

29. Дерево Оронъ-Ганцханъ-Модонъ.

а. На западѣ есть дерево Оронъ-Ганцханъ-Модонъ; подъ его тѣнью могутъ укрыться двѣ тысячи человѣкъ; шишки на немъ съ юрту (геръ), листья толсты, какъ лепешки. Оно стоитъ на равнинѣ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни травы, ни лѣсу, ни песку, ни камня, а почва мягкая.

(Табынъ Сахаль, шаманъ въ г. Кобдо, родомъ Олетъ-Урянхаецъ).

б. Шуну и Галдума были. Шуну отправился на Едженъ-хана и покочнулъ его престолъ. Едженъ-ханъ велѣлъ его схватить и молоткомъ изломать лопатки. Шуну поѣхалъ прочь, и въ знакъ своей силы, которую сохранилъ, не смотря на поломанныя лопатки, выстрѣлилъ въ дерево Орунъ Ганцханъ Модонъ и отшибъ его верхнюю половину. Оно теперь безъ вершины. Когда оно отроснетъ, Шуну снова явится. До Орунъ Ганцханъ Модона нѣтъ еще не могъ дойти; оно такъ велико, что тѣнь отъ него сходитъ только въ полдень. Изъ одного листа его выходитъ шесть покрышъ на юрту.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

в. Въ землѣ Киргизской (хасыкен потукту) есть дерево Орунъ Ганди Модо; беръ юрмакта ун алты атлыкъ кши батаду; на од-

¹⁾ Записано отъ человѣка, знающаго татарскую и арабскую грамоту.

номъ его листъ помѣщается (?) человекъ съ шестнадцатью лошадьми.

(Аюша, Халха, проживающій въ сартской деревнѣ Номъ Тологой, у восточнаго конца Тянь Шаня).

30. Дзандынъ-модо.

Дерево дзандынъ растетъ дальше Тангутской земли въ недоступной мѣстности. На немъ обвившись сидитъ Абыргамогой. Ханъ-Гариде, питающійся только этою змѣей, тамъ и живетъ; въ нашихъ краяхъ оттого и нѣтъ птицы Ханъ-Гариде, что здѣсь нѣтъ Абырга-могой. Ханъ-Гариде беретъ змѣю вмѣстѣ съ деревомъ, вырываетъ послѣднее съ корнемъ, и летя черезъ Тангутскую землю, склевываетъ змѣю, а затѣмъ бросаетъ дзандынъ-модонъ тамъ, гдѣ кончитъ змѣю. Только такимъ образомъ Тангуты получаютъ это дорогое дерево. Когда Ханъ-Гариде летитъ, поднимается сильная буря. Тогда люди удаляются въ мѣста, куда не проникаетъ буря, или застигнутые врасплохъ, прилегаютъ къ землѣ. Богомольцы прячутся въ цвѣтокъ батманъ-цедекъ отъ жаровъ и гада; цвѣты эти большіе: по нѣскольку человекъ помѣщаются въ ихъ чашечку; вечеромъ цвѣтокъ закрывается со своими гостями, утромъ раскрывается.

(Записано г. Палкинъ во время зимовки на р. Агирь, отъ Дархатъ).

31. Трава Буху аранай.

а. Осенью, когда бываетъ течка у мараловъ, они ѣдятъ одну траву, которая называется буху аранай убюсу. Одинъ охотникъ осенью убилъ марала въ то время, когда тотъ ѣлъ эту траву. Онъ вынулъ траву изо рта марала и попробовалъ; трава имѣла такое дѣйствіе на его половые органы, что онъ лишился бы ихъ, если бы мать не рѣшилась проспать съ нимъ три ночи. Цеценъ-ханъ былъ 90 лѣтъ, жена его 16 лѣтъ; онъ не имѣлъ уже половой способности и велѣлъ послать солдатъ набить осенью мараловъ, собрать изъ ихъ ртовъ этой травы и отдать докторамъ; доктора высушили ее и истолкли въ порошокъ; Цеценъ-ханъ выпилъ, силы его подновились, но образовалась течь, и онъ умеръ.

(Джамцинъ, Баргусолонъ съ оз. Бумь-норъ).

б. Есть трава „буху“, то-есть, сплать. Эту траву ѣдятъ маралы во время ярованья. Она производитъ возбужденіе и придаетъ силу человекъ; ее можно найти такимъ образомъ: заткнуть гнѣздо желны (хара тонгшюль) и разослать подъ нимъ простыню; тогда птица принесетъ въ лапахъ эту траву и приложитъ къ гнѣзду, а потомъ броситъ ее на землю. Сила травы такова, что прикосновениемъ къ дереву эта птица можетъ выворотить кусокъ больше, чѣмъ человекъ это могъ бы сдѣлать.

(Свящ. Як. Чистохипъ, род. Бурятъ изъ Забайкалья. Д. Шимки).

32. Чай.

Когда чай кипитъ, думай, что Сумъ Далай волнуется—цай буцухаду Сум Далай долгисву гечп сана. Когда слышишь черпанье чая, думай, что хувараки молитвы читаютъ — самьрахад бурсун ховыры ном аилдаба; когда пьешь чай, думай, что золотая чакчагай въ нору входитъ—цай уухадач алтын чакчагай нюкунду орбо.

(Сарисынъ, Дербютъ. Г. Улангомт).

33. Камень „дзада“.

Повсемѣстно въ сѣверной Монголіи распространено повѣрье о камнѣ, который имѣетъ способность низводить дождь съ неба. Дюрбюты называютъ его дзада, Урянхайцы и Алтайцы—джада. Нѣкоторые говорятъ, что его находятъ на горахъ, другіе—въ головахъ змѣи. Дюрбюты думаютъ, что этимъ камнемъ обладаютъ Урянхайцы; такъ думаютъ потому, что когда Урянхайцы привозятъ въ Дюрбютскую землю для воровства, бываетъ обыкновенно ненастье ¹⁾.

Камень дзада находятъ въ головахъ звѣрей, напримѣръ, изюбря, или птицъ—ангира, утки и пр. Находятъ камни дзада и въ животѣ быка. Цвѣтомъ они бываютъ черные и полосатые, а величиной иногда съ кулакъ. Нѣкоторые обманщики выдаютъ простые камни за дзада; поэтому, чтобы не быть обманутымъ, нужно знать признаки, по которымъ можно отличить настоящій дзада отъ фальшиваго. Настоящій дзада, зажатый въ руку, холодитъ,

¹⁾ Вообще Урянхайцы представляются монголамъ народомъ, обладающимъ знаніемъ тайныхъ силъ природы. Они называются „народомъ съ черной книгой“, хара номтай улус.

такъ что рука едва терпитъ; поднесенный къ уху, онъ издаетъ звуки, почииваетъ. Когда хотять посредствомъ дзада произвести ненастье, то камень мочатъ въ естественномъ водоемѣ, отнюдь не въ искусственномъ, въ родѣ, на примѣръ, чашки или выкопаной ямы; кромѣ того, нужно въ это время побрызгать на солнце. Камень дѣйствуетъ въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ чего умираетъ. Тогда его оживляютъ; для этого нужно подстрѣлить животное той породы, изъ какой былъ вынутъ дзада, и подставить камень подъ дыханіе умирающаго звѣря или птицы. Чтобы не умиралъ дзада, его держатъ завернутымъ въ перья той птицы или въ шерсть того звѣря, изъ которыхъ онъ вынутъ. Если дзада дѣйствуетъ сильно, такъ что дождь льетъ черезъ мѣру, дзада вытираютъ и сушатъ. Вѣра въ дзада здѣсь такова, что всякая дурная погода приписывается дзада—камню; морозъ — это кто-нибудь дзада пустилъ, чтобы заморозить рѣку, по которой ему нужно проѣхать; пошелъ снѣгъ—это Урянхайцы сдѣлали дзада, чтобы можно было слѣдить звѣря.

Кромѣ камня дзада, ненастье производятъ посредствомъ нѣкоторыхъ корней; тѣми же чудотворными корнями лѣчатъ отъ полома костей, рукъ и пр. Такой больной, лѣчащійся этимъ корнемъ, долженъ прятать, зарывать свою мочу, а то сдѣлается такая дзада, такой ливень, что произведетъ галашъ, то-есть, „всемирный потопъ“.

34. Мѣсяцъ.

а. Джельбегень очень губилъ людей. Учъбурханъ, то-есть, трибога, совѣтовались между собою, что дѣлать. Солнце сказало: „Я бы спустилось на землю, но отъ моего жара люди сгорятъ“. Мѣсяцъ сказалъ: „Отъ жара пожалуй сгорятъ, но мой холодъ можетъ быть стерпять“. Онъ спустился и засталъ Джельбегеня ѣвшимъ ягоды на черемухѣ; мѣсяцъ схватилъ его вмѣстѣ съ вустомъ, посадилъ за пазуху и унесъ съ собою на небо. Отъ джельбегенева прожорства уцѣлѣло только восемь человѣкъ; отъ нихъ и расплодился вновь люди.

(Почувъ, крещеный Алтаецъ въ с. Августѣ въ Алтай).

б. Одна мать послала дочь за водой съ ведрами (хонькѣ) и когда она замѣшгалась, мать кляла ее: „Чтобъ тебя мѣсяцъ взялъ!“

Дѣвушку мѣсяцъ и взялъ; и теперь она видна на мѣсяцѣ вмѣстѣ съ своими ведрами.

(Записано отъ Забайкальскаго казака Кузлина, который слышалъ повѣрье отъ Забайкальскихъ Бурятъ).

в. Джельбегень былъ прежде на землѣ и поѣлъ множество людей; мѣсяцъ унесъ его на небо. Теперь Джельбегень сглатываетъ мѣсяцъ: отъ этого бываетъ затмѣніе. При этомъ бьютъ въ желѣзо, стрѣляютъ, кричатъ: „Аим, гунпм салъ!“ (оставь мой мѣсяцъ, мое солнце). Бьютъ собаку.

(Алтаецъ).

г. Затмѣніе по алтайски называется „ай каршкан“; говорятъ также: „ай кары“, „ай карые тутты“.

(Записано отъ одного алтайскаго зайсана).

д. У Алтайцевъ есть фраза въ родѣ нашего: „Господи помилуй“,—о солнце мать, о мѣсяцъ отецъ! Э, кайракан, кунъ энэ! Э, кайракан, ай ада!

(Свящ. Мпханъ Чивалковъ, родомъ Телеутъ. С. Улала).

е. Въ прежнее время по землѣ ходилъ Ихп-Мангсъ и поѣдалъ скотъ и людей. Одинъ Ихп Бурхынъ разрубилъ его пополамъ и переднюю часть (чѣджи) помѣстилъ на луну, заднюю или нижнюю часть (бѣксе) на солнцѣ. И теперь виднѣются эти части подъ видомъ черныхъ пятенъ на лунѣ и солнцѣ. Передняя часть Мангсы и есть тотъ Арахы, который борется съ мѣсяцемъ, отъ чего бываетъ затмѣніе: „саръ куртеля“.

(Банинъ-Паганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

ж. Когда не было ни солнца, ни луны, люди летали по воздуху, сами сыпали искры и не нуждались въ солнечномъ теплѣ. Одинъ изъ нихъ заболѣлъ. Богъ послалъ Отучи-гелюнга искать лѣкарства; гелюнгъ взялъ трость въ 10.000 сажень длинной, сталъ ею шарить на днѣ океана (хадваду далай) и спугнулъ съ него сначала одну арягенъ-бурхынъ (дѣву-бога), потомъ другую; обѣ онѣ возлетѣли на небо. Потомъ онъ ушарилъ „толи“ (круглое металлическое зеркало), которое очень блестяло; онъ помѣстилъ его на небо; потомъ нашелъ и другое толи; онъ и это помѣстилъ на небо. Съ тѣхъ поръ на землѣ стало свѣтло.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

з. Затмѣніе происходитъ оттого, что луну хочетъ схватить Джельбага. Во время затмѣнія кричатъ: „Оны салъ! Голосъ такого-то (кричащій произноситъ собственное имя), одинокаго человѣка (ерь джангысь), дойдетъ до неба!“

(Тува-Урянхаецъ кости Кыргысь. Р. Улукхемъ).

и. О затмѣніи Буряты выражаются: Арахъ баря или Олху баря, то-есть, Арахъ схватилъ или Олху схватилъ. Г. Матхановъ еще помнитъ, какъ во время его дѣтства при затмѣніи стучали желѣзными вещами, били собакъ и кричали: „Олху таби!“ То-есть: Олху, положи!

(Н. В. Матхановъ, Бурятъ, бывшій тайша Аларскаго вѣдомства).

і. Во время затмѣнія луну схватываетъ Алхы, когда та спитъ. Во время полнолунія мѣсяцъ спитъ въ растяжку.

(Бурятъ Балаганск. округа, рода Ехиньтѣ, изъ улуса Бельчиръ).

к. Дархаты объясняютъ затмѣніе тѣмъ, что луну глотаетъ семидесяти головый Мангысь, котораго разбилъ пополамъ Очпръ-Вани за то, что онъ выпилъ у Бурхынъ-Бакши „аршанъ“. Очпр-Вани былъ посланъ Бурхыномъ-Бакши, потому что послѣдній сказалъ: „Я не могу сдѣлаться синимъ; я долженъ быть бѣлымъ; такъ мнѣ предназначено“. Поэтому Очпр-Вани, получивъ отъ Бурхынъ-Бакши очпръ, догналъ Мангыся, разбилъ его, выпилъ его мочу и сталъ синимъ.

л. На землѣ не стало житья отъ семпголоваго Ельбегеня, который поѣдалъ и скотъ, и людей. Люди взмолились солнцу и мѣсяцу. Солнце спустилось, но людямъ стало жарко, и оно должно было снова подняться, чтобы не сжечь людей. Спустился мѣсяцъ, схватилъ Ельбегеня; но тотъ ухватился за кустъ. Мѣсяцъ унесъ его, и съ кустомъ вмѣстѣ. Въ рукѣ у Ельбегеня былъ чумахъ (тусъ-каръ), одна нога была обута, другая босая. И теперь на лунѣ видно руку съ чумакомъ, одна нога толще, другая тоньше. Передъ тѣмъ, какъ спускаться на землю, чтобы легче это совершить, мѣсяцъ разрѣзалъ себя пополамъ.

(Свящ. Михаилъ Чивалковъ, родомъ Телеутъ. С. Угала).

м. Мачиха ругала падчерицу, пошедшую за водой: „Чтобъ тебя взяли солнце, мѣсяцъ“. Мѣсяцъ и спустился на землю; дѣ-

вушка ухватилась за кустъ тальника; мѣсяцъ вырвалъ тальникъ съ корнемъ и унесъ дѣвицу на небо вмѣстѣ съ ведромъ, ковшомъ и кустомъ тальника. Когда бываетъ затмѣніе, это альбинъ-читкуръ хочетъ отнять дѣвицу у мѣсяца. Во время затмѣній въ старые годы (Петруха еще помнитъ) науськивали собакъ, чтобы они своимъ лаемъ прогнали альбинъ-читкура отъ мѣсяца.

(Петруха Гантимуровъ, обурятавшійся Тунгусъ, родомъ съ вершинъ р. Иркутъ).

н. О затмѣніи мѣсяца говорятъ: „мѣсяцъ омертвѣлъ“ оттого, что „орбыше“ и „торынчи“ (колдуны) закрыли его. При этомъ начинаютъ камлать, стрѣлять, бить въ желѣзо (у Кумандинцевъ) и кричатъ. Затмѣніе солнца у Телеутовъ называется: кунъ караган (солнце почернѣло), у Черневыхъ Татаръ: „Кунъ ѳльде“ (солнце умерло). Алтайцы также во время затмѣнія стрѣляютъ, кричатъ, заставляютъ колотушками дѣтей плакать, а собакъ дерутъ для вою. При этомъ кричатъ: „А кунюм салъ айм кунюм божот“ (мѣсяцъ, солнце оставь! мой мѣсяцъ, мое солнце отпусти!)

(Зап. г. Ядрищевымъ у Телеутовъ и Черневыхъ Татаръ).

о. Богъ преслѣдовалъ Арахы за то, что онъ съѣлъ шерсть на человѣкѣ; послѣдній былъ созданъ съ шерстью. Богъ спросилъ у мѣсяца: не видѣлъ ли онъ Арахы. Тотъ указалъ, гдѣ спрятался Арахы. Богъ догналъ Арахы и очиромъ разбилъ его на двое; осталась одна верхняя половина. Арахы мститъ теперь мѣсяцу, проглатываетъ его, но мѣсяцъ снова изъ него вываливается.

(Солдаты, Бурятъ Тункинск. вѣдомства).

35. Большая Медвѣдица.

а. Джетыганъ (Большая Медвѣдица) и Укуръ-Ганъ (Плеяды) были прежде ханы; у перваго было шесть звѣздъ, у втораго—семь. Они между собою имѣли споръ, и Джетыганъ отобралъ у Укура одну звѣзду. Ее и теперь видно: это маленькая звѣзда, которая видна въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается „куйрукъ“, хвостъ, Джетыгана.

(Тотой, Теленгутка рода Телесъ. Р. Чуя).

б. Итыганъ укралъ у Мечина (Плеяды) звѣзду; съ тѣхъ поръ Мечинъ гонится за Итыганомъ по небу, но не можетъ догнать.

(Мудай, Теленгитъ кости Кобахъ. Р. Чуя).

в. Джитыганъ прежде жилъ на небѣ; Мечинъ (Шлеяды) былъ куртъ-чулмусъ (червь—чортъ), жилъ на землѣ и много поѣдалъ людей и скота. Джитыганъ не вытерпѣлъ и спустился на землю, чтобъ уничтожить его, и спрашиваетъ своего коня: „Какъ бы мнѣ убить Мечина?“ Конь отвѣчаетъ: „Я раздавлю его копытомъ“. Корова предупредила коня, топнула Мечина, который лежалъ на льду, но онъ ускользнулъ чрезъ щель въ ея раздвоенномъ копытѣ. Джитыгану удалось изъ семи шулмусовъ Мечина унести на небо только одного. Мечинъ погнался за нимъ; Джитыганъ отвернулъ свою голову въ сторону. И до сихъ поръ Мечинъ, состоящій нынѣ изъ шести звѣздъ вмѣсто семи, гонится по небу за Джитыганомъ.

(Санашъ, Алтаецъ).

г. Древній ханъ Амынь-Цаганъ-Бурекей наготовилъ себѣ различныхъ кушаній; къ нему пришла старуха и попросила милостыни. Амынь-Цаганъ-Бурекей не далъ ей. Она пришла во второй разъ и получила отказъ, въ третій разъ также. Амынь-Цаганъ-Бурекей подумалъ, что это, должно быть, шулмусъ (нечистый духъ), захотѣлъ испытать ее и послалъ за водой съ ведромъ, у котораго было вышиблено дно. Старуха принесла воды. Тогда Бурекей рѣшилъ убить ее хитростью; онъ предложилъ ей играть, а во время игры обвинилъ старуху веревкой, связалъ и потомъ молоткомъ сталъ бить шулмуса въ грудь и убилъ его. Потомъ Амынь-Цаганъ-Бурекей поднялся на небо въ Тэнгри-Ханъ-Хурмусту и оттуда увидѣлъ двухъ быковъ: бѣлый быкъ Тэнгриинъ-Буха гоняетъ чернаго, земнаго. Бурекей спустился на землю и увидѣлъ, что весь домъ его разрушенъ. Онъ догадался, что это сдѣлалъ шулмусъ, обратившійся въ чернаго быка. Онъ выстрѣлилъ въ него, но быкъ боднулъ Бурекея и перешибъ; нижняя половина его осталась на землѣ, верхняя съ головой поднялась на небо. Это и есть теперь созвѣздіе Мечинъ Окторго Долонъ-Бурхинъ (то-есть, Большая Медвѣдица).

(Баниъ-Джиргылъ, лама въ хошунѣ Дюрбютскаго хана).

д) Созвѣздіе Долонъ-Бурхинъ прежде было Цаганъ-Бюрю. Въ старое время жили старикъ со старухой, питались отъ одной коровы. Старикъ говоритъ старухѣ: „Пришло лѣто, корова не телится; надо искать быка“. Искать, искали и не нашли быка; самъ замѣнилъ быка. Корова отделилась бычкомъ: верхняя половина—че-

ловѣкъ, нижняя—быкъ съ длиннымъ хвостомъ. Старикъ, увидавъ такое чудо, испугался и хотѣлъ застрѣлить быка стрѣлой, но теленокъ сказалъ: „Не бей меня; я буду тебѣ помощью подъ старость!“ „Какъ же тебя звать?“ спросилъ старикъ. Теленокъ сказалъ: „Амы Цаганъ Бюрю“. Послѣ этого теленокъ пошелъ въ лѣсъ, упалъ тамъ сидящаго человѣка, спросилъ его: „Кто ты?“ Тотъ отвѣчалъ: „Я Ой¹⁾ Тюрельтэй Тельгиръ“. Бюрю сказалъ: „Если ты мнѣ скажешь свое имя, то пойдемъ вмѣстѣ“. Когда они шли двое, въ лѣсу нашли третьяго человѣка, который назвалъ себя Модонъ²⁾ Тюрельтэй Тельгиръ. Идя втроемъ, они увидѣли спящаго человѣка, сидящаго на прилавкѣ изъ сянга камня; спросили его имя, онъ назвалъ себя Тебсинъ³⁾ Тюрельтэй Тельгиръ. Четверо идутъ, идутъ долго, перевалили большую гору, нашли въ пустынѣ домъ (байшинъ), наполненный всякимъ изобиліемъ. Цаганъ-Бюрю говоритъ своимъ товарищамъ: „Вѣрно боги назначили намъ этотъ домъ! Остаемся здѣсь“. Остались. Жили нѣсколько времени. Бюрю опять говоритъ своимъ товарищамъ: „хотя боги и послали намъ это добро, но все такъ когда-нибудь придетъ ему конецъ; чтобъ оно не истощилось, нужно вновь приобретать. Пойдемъ на охоту, а одного оставимъ варить пищу“. Трое пошли на охоту, а Ой Тельгиръ оставили въ байшинѣ. Приходить въ байшинъ старуха съ огромною ношей и говоритъ Ой Тельгиру: „Какъ же вы безъ спросу поселились въ чужомъ домѣ и ѣдите чужое? По крайней мѣрѣ, дай мнѣ поѣсть!“ Ой Тельгиръ открылъ ей казанъ, въ которомъ онъ варилъ пищу для своихъ товарищей; она разомъ все пожрала и ушла. Ой Тельгиръ, устыдившись, что испугался старухи, придумалъ скрыть это обстоятельство отъ товарищей; взялъ конское копыто, надѣлалъ имъ на землѣ знаковъ и напускалъ въ степь стрѣлы. Пришли товарищи, просятъ ѣсть. Ой Тельгиръ говоритъ имъ: „Приходило большое войско и поѣло пищу; я изстрѣлялъ всѣ свои стрѣлы, и не могъ отбить войско. Если не вѣрите, пойдите въ степь и посмотрите, вы увидите слѣды конскихъ копытъ и мои стрѣлы“. Товарищи повѣрили. На другой день остается Модонъ

¹⁾ Ой—лѣсъ по монгольски.

²⁾ Модонъ—дерево.

³⁾ Тебсинъ—прилавокъ, по объясненію разказчика.

Тельгирь; опять приходит старуха и поѣдает все, что было въ котлѣ. Модонъ Тельгирь нашелъ копыто лосы (мула) и имъ надѣлалъ знаки. Когда товарищи пришли и попросили поѣсть, и онъ объяснилъ пустоту въ котлѣ тѣмъ, что приходило войско. Товарищи опять повѣрили. При Тебсинѣ Тельгирѣ исторія повторяется, и онъ кладетъ знаки сарлычьимъ копытомъ. На четвертый день остается караульщикомъ Амы Цаганъ Бюрю. Началъ онъ варить, ходитъ кругомъ котла со своими большущими рогами. Пришла старуха съ огромною ношей; онъ подумалъ: „Не она ли это съѣдала все у его товарищей, не обманывали ли они, разказывая о приходѣ войска?“ Старуха проситъ у Бюрю поѣсть. Бюрю говоритъ: „Я варю чай и мясо своимъ братьямъ; принеси воды, сварю и тебѣ“. и далъ ей дырявое ведро. Пошла старуха за водой и сдѣлалась высокою, высокою. Посмотрѣлъ Бюрю въ ея оставленной ношѣ, а тамъ желѣзный арканъ, желѣзный молотокъ и желѣзные щипцы. Онъ взялъ эти вещи себѣ, а ей положилъ въ ношу деревянный молотокъ, деревянные щипцы и ременный арканъ. Старуха пришла безъ воды и говоритъ: „Ты хитрый! Далъ мнѣ дырявое ведро. Давай играть!“ „Давай“, соглашается Бюрю,—„но какъ?“ Старуха говоритъ: „Сначала я тебя свяжу моею веревкой и буду тебя щипать и бить, а потомъ ты меня свяжи и бей“. Бюрю далъ ей себя связать, стала она его щипать щипцами и бить молоткомъ. Деревянный молотокъ и деревянные щипцы изломались, онъ потянулся и изорвалъ веревку; потомъ онъ связалъ ее у нея же украденнымъ желѣзнымъ арканомъ, сталъ щипать ее желѣзными щипцами и бить желѣзнымъ молоткомъ. Отъ втораго удара молоткомъ у старухи пошла кровь, она рванулась, разорвала желѣзный арканъ и убѣжала. Когда товарищи пришли, Бюрю говоритъ имъ: „Мы обманывали другъ друга; вѣрно и къ вамъ, какъ ко мнѣ, приходила старуха; я ее зашибъ. Пообѣдаемъ и пойдемъ искать ее по слѣдамъ крови“. Взялъ Бюрю лукъ и стрѣлы и пошелъ со своими товарищами; кровяные слѣды привели ихъ на вершину крутой каменной горы; влезли на гору, а тамъ пропасть, на днѣ которой накоплено множество всякаго добра и драгоценностей; между ними лежитъ и трупъ умершей старухи. Бюрю говоритъ: „Надо спускаться и доставать добро“. Три брата боятся; тогда Бюрю говоритъ: „Спустите меня на арканъ; когда все вытащите, я закричу вамъ, тогда вы и меня вытяните“.

Спустили братья Бюрю въ пропасть, начали таскать имущество; когда уже ничего въ ямѣ не осталось, Бюрю привязалъ себя въ веревкѣ и закричалъ, чтобъ его тащили. Братья совѣтуются между собой: „Онъ насъ всѣхъ сильнѣе и умнѣе; онъ убьетъ насъ и все имущество возьметъ себѣ. Оставимъ его въ ямѣ, а сами будемъ жить въ томъ байшинѣ“. И оставили его на днѣ ямы. Задумался Бюрю; въ ямѣ ничего не осталось, кромѣ трехъ челюстей скотскихъ. Истолокъ онъ ихъ въ порошокъ, замѣшалъ на своей мочѣ, сдѣлалъ трехъ бурхановъ, поставилъ ихъ на плоскомъ камнѣ и помолился словами: „Если жить мнѣ, да выростутъ три дерева на днѣ ямы!“ Легъ головой на трупъ старухи и заснулъ. Спалъ два или три года, проснулся и видитъ три дерева. Онъ по сучьямъ ихъ вышелъ изъ ямы, нашелъ тропу къ байшинну, гдѣ жили его три брата, дошелъ до байшинна, вошелъ внутрь и нашелъ тамъ трехъ женщинъ. „Кто вы такия?“ спросилъ онъ ихъ. „Мы жены трехъ братьевъ“, отвѣчали женщины,—„Ой Тельгира, Модонъ Тельгира и Тебсинъ Тельгира“. Гдѣ же они сами? „На охотѣ“, отвѣчаютъ женщины. Бюрю пошелъ къ нимъ на встрѣчу съ умысломъ убить ихъ; увидѣвъ ихъ, онъ натягиваетъ лукъ и хочетъ спустить стрѣлу. Братья говорятъ ему: „Мы виноваты передъ тобой! Все оставляемъ тебѣ, и байшинъ, и богатство, и женъ своихъ, только оставь насъ живыми. Мы уйдемъ отсюда“. Бюрю увидѣлъ въ это время дѣтскій слѣдъ, въ каждомъ слѣдочкѣ вышелъ золотой цвѣтокъ. Бюрю сказалъ братьямъ: „Хорошо, идите къ своимъ женамъ и не бойтесь болѣе меня. А я пойду, послѣжу этотъ дѣтскій слѣдъ“. Слѣдъ этотъ прошелъ на небо, гдѣ стоитъ большая юрта Тэнгриинъ Цаганъ Хана. Бюрю вошелъ въ юрту и видитъ: сидитъ ханъ, старый, престарый, изнемогающій отъ болѣзней. Бюрю поклонился хану; ханъ сказалъ: „Я — небесный царь; знаю, что ты хорошій богатырь, и что ты думаешь другимъ сдѣлать добро, а тебѣ дѣлаютъ худо. Я каждый день бьюсь съ царемъ Шулмусовъ; оба мы въ это время обращаемся въ бѣлое, я — въ бѣлаго, онъ — въ чернаго. До полдень я его побиваю, съ полдня онъ меня побиваетъ. Помоги мнѣ; послѣ полудня ты стрѣлай ему въ бѣлое пятно на лбу; попадешь — услугу мнѣ сдѣлаешь, и я тебя вознагражу за нее, не попадешь — тебѣ худо будетъ“. Бюрю послѣ полудня выстрѣлилъ и попалъ въ пятно на лбу, черный быкъ убѣжалъ. Тэнгри-ханъ сказалъ Бюрю: Ты мнѣ

оказалъ услугу, живи у меня, пей аршанъ". Бюрю отвѣтилъ: „Не могу у тебя остаться; у меня есть старикъ отецъ, я ему еще долженъ послужить". „Хорошо", сказалъ Тэнгри-ханъ, — „иди; если будешь въ бѣдѣ, я тебѣ помогу. Выйдя отсюда, ты заблудишься; увидишь байшинъ и возлѣ него старуху; назовись ей емчи (лѣкаремъ), она тебя тогда допуститъ къ хану Шулмусовъ. Когда увидишь его, убей его окончательно. За тобою старуха затворитъ три желѣзныя двери, но я тебѣ спущу въ верхнее отверстіе желѣзную цѣпь и вытащу тебя". Бюрю пошелъ отъ Тэнгри-хана, заблудился и попалъ къ байшину хана Шулмусовъ. Старуха не хотѣла было пускать его, но Бюрю сказался лѣкаремъ, и старуха впустила его. Ханъ Шулмусовъ, увидѣвъ передъ собою мнимаго емчи, сказалъ ему: „Я воевалъ нѣсколько лѣтъ съ Тэнгри-Цаганъ-Ханомъ, но онъ не могъ меня побѣдить; ему помогъ какой-то богатырь, который ранилъ меня. Не вылѣчишь ли меня!" Бюрю велѣлъ ему лечь противъ отверстія въ крышѣ, сталъ разсматривать рану, вытащилъ украдкой другую стрѣлу и убилъ. Но выйти онъ уже не могъ; двери плотно заперлись. Тогда же съ неба спустилась цѣпь, Бюрю схватился за нее, и Тэнгри-Цаганъ-Ханъ потащилъ его на небо. Это увидѣла старуха и бросила въ Бюрю желѣзнымъ эдриномъ (эдринь—зубчатая линейка, которой мнутъ овчины, когда выдѣлываютъ) и разбила его тѣло на семь частей. Тэнгри-Цаганъ-Ханъ однако не допустилъ упасть частямъ на землю, а взялъ ихъ на небо; вотъ они-то теперь и есть семизвѣздное созвѣздіе Окторгэнъ Долонъ Бурхынъ.

е. Былъ одинъ царскій сынъ; отправился онъ къ Бурхынъ-Бакши учиться грамотѣ и волшебству, не возвращаясь два года. Одинъ сановникъ послалъ своего сына провождать царевича и отвезти ему запасъ. Оказалось, что царскій сынъ ничему не научился, потому что Бурхынъ-Бакши заставилъ сначала царевича служить себѣ три года. Сынъ сановника подошелъ къ дверямъ, посмотрѣлъ туда и увидѣлъ, какъ семь волшебниковъ, бывшихъ у Бурхынъ-Бакши, волшебствуютъ; высмотрѣвъ ихъ дѣйствія, онъ и самъ научился волшебствовать. Сынъ сановника сказалъ ханскому сыну: „Я выучился волшебству, поѣдемъ домой. Если не вѣрнись, я тебѣ покажу на дѣлѣ свое знаніе: я сдѣлаю сивымъ конемъ, ты продай меня, но безъ узды". Царевичъ продалъ коня, но узду забылъ взять. Бур-

хынъ-Бакши узналъ, что это не конь, а человѣкъ; его семь волшебниковъ посадили коня сначала въ крѣпкую конюшню и стреножили, потомъ хотѣли убить его и съѣсть, а чтобы мясо не было вредно отъ волшебства, хотѣли предварительно напоить его въ рѣкѣ Нарзы-морэнъ, но только подвели коня къ водѣ, онъ упалъ въ ней рыбу, обратился въ эту рыбу и ушелъ въ воду. Семь волшебниковъ стали чайками и гонялись за рыбой по морю; сынъ сановника сдѣлался булджумуромъ (небольшою пташкою), семь волшебниковъ стали семью коршунами (карцига). Подлетѣлъ булджумуръ къ скалѣ, видитъ отверстіе пещеры, и въ ней сидитъ лама; онъ проситъ ламу спасти его. „Какъ я тебя могу спасти?" спросилъ лама. „Отъ твоихъ четоковъ", сказалъ тотъ, — „отдѣли четыре зерна и удержи ихъ въ рукѣ, остальные разсыпь по полу". Лама такъ и сдѣлалъ; семь волшебниковъ обратились въ семь пѣтуховъ и стали клевать зерна. Тогда сынъ сановника, скрывавшійся подъ видомъ тѣхъ зеренъ, которые лама держалъ въ рукѣ, обратился въ человѣка и убилъ семь пѣтуховъ. Лама сказалъ: „Вотъ я тебя спасъ, а ты семь человѣкъ убилъ!" „Наложите на меня покаяніе", сказалъ тотъ. „Есть мѣсто, укеръ" (кладбище), сказалъ лама, — „гдѣ выросла золотая тополь; на ней сидитъ Чуткуръ-бурхынъ; зови его, не пойдетъ—этимъ золотымъ топоромъ руби ту золотую тополь; тогда онъ, жалѣя тополь, сойдетъ съ нея къ тебѣ, и ты привези его ко мнѣ на себѣ; но въ дорогѣ ни одного слова не промолви, что бы онъ тебѣ ни говорилъ". Когда сынъ сановника нашелъ золотую тополь и сталъ звать Чуткуръ-бурхана, послѣдній сказалъ: „Не пойду; тотъ лама совершилъ великій грѣхъ". Но когда сынъ сановника сталъ рубить тополь, Чуткуръ-бурханъ сказалъ: „Поѣду, но не иначе, какъ на твоихъ корточкахъ". Сынъ сановника несетъ Чуткуръ-Бурхана, а онъ все говоритъ съ нимъ и упрасиваетъ отвѣчать; сынъ сановника крѣпится, не говоритъ. Тогда Чуткуръ-бурханъ началъ разказывать сказку объ Амы Цаганъ Бюрю, и когда кончилъ, то сынъ сановника воскликнулъ: „А какъ же Бюрю хотѣлъ возвратиться къ отцу, къ матери и служить имъ"! Какъ только онъ сказалъ это, Чуткуръ-бурханъ возвратился на золотую тополь. Имя сына сановника было Амгулунге Едиликчи ханъ кубынъ, то-есть, сынъ хана Амгулунге Едиликчи.

(Сарисынъ, Дюрбютъ Ванскаго хошуна. Г. Улангомъ).

з. Одна изъ звѣздъ Большой Медвѣдицы есть Бурхынъ-Бакши.
(Чо Джамцинъ, лама, Халхасецъ хошуна Тачжи Урянхай).

и. Большая Медвѣдица называется Титаганъ, „семь государей“. Это были семь братьевъ промышленниковъ, которые промышляли морала; у нихъ было три собаки, которыя преслѣдовали трехъ моралухъ, послѣднія поднялись на небо (это Учмийгак, то-есть, Орионъ); за тремя моралухами поднялись и три собаки. Богъ заклилъ ихъ здѣсь. Титаганъ отобралъ себѣ одну звѣзду у Мечина (Плеяды): это маленькая звѣзда около Титагана.

(Записано г. Ядринцевымъ въ русскомъ Алтаѣ).

к. Джеты-каракше были семь братьевъ; они украли у Уркера (Плеядъ) одну изъ двухъ дочерей; украденную звали Кальпе, оставшуюся Зура.

(Киргизъ около ст. Семіарской, на Иртышѣ).

36. Долонъ Эбугутъ (Большая Медвѣдица).

Были два брата, оставшіеся сиротами; одинъ былъ богатый, другой бѣдный. Бѣдный пошелъ наняться въ работники и нашелъ мѣсто у одного богатаго человѣка; тотъ послалъ его дрова рубить; вошелъ бѣдный братъ въ лѣсъ, хотѣлъ рубить одно дерево, оно было хорошее, онъ подумалъ: „Оно красиво и хорошо, какъ мой богатый братъ“. Пожалѣлъ и пошелъ къ другому дереву. То было худое; онъ опять подумалъ: „Это дерево жалкое, какъ я же“ и тоже, пожалѣвъ, не срубилъ. Послѣ того онъ не сталъ болѣе выбирать деревъ, набралъ прутьевъ, хворосту и вернулся изъ лѣсу; хозяинъ поругалъ его и снова послалъ въ лѣсъ; онъ и во второй разъ также деревья жалѣлъ—одни какъ похожія на богатаго брата, другія какъ похожія на себя, и опять вернулся только съ хворостомъ. То же, наконецъ, случилось, когда въ третій разъ хозяинъ послалъ его въ лѣсъ. Тогда хозяинъ прогналъ его. Идетъ онъ и встрѣчаетъ старика, который спрашиваетъ: „Куда идешь?“ Тотъ разказалъ ему о своемъ приключеніи. Они остановились отдохнуть, бѣднякъ заснулъ. Въ это время старикъ вытянулъ ему языкъ изъ рта и сдѣлалъ на немъ 70 уколовъ иголкой. Когда бѣднякъ проснулся, старика уже не было; видитъ онъ далѣе, что на сосну, подъ которою онъ лежалъ, прилетѣлъ воронъ, держа глазъ въ клювъ, а за нимъ ворониха. Послѣдняя спрашиваетъ ворона: „Гдѣ ты

взялъ глазъ?“ „Молчи“, говоритъ воронъ,—„подъ деревомъ лежитъ человѣкъ и услышитъ“. „Развѣ онъ можетъ понять птичій языкъ!“ А бѣднякъ дѣйствительно получилъ способность понимать всѣ языки отъ наколовъ, которые сдѣлалъ ему старикъ. Воронъ сталъ разказывать воронихѣ, что гдѣ-то далеко царскій сынъ болѣнъ, что у хана теперь большой съѣздъ большихъ ламъ и шамановъ съ цѣлью излѣченія, что принесены большія жертвоприношенія (таилганъ), и что онъ у убитой скотины выклевалъ глазъ. „Чѣмъ же болѣнъ царевичъ?“ спросила ворониха. „Къ нему въ ротъ вошла змѣя и въ его утробѣ разплодилась, отчего у него животъ вздуло“. „Чѣмъ же можно вылѣчить?“ спросила ворониха. „Нужно выбрать изъ девяти табунновъ“, сказалъ воронъ,—„одну жирную три лѣта не жеребившуюся соловую лошадь, убить ее и куски жирнаго мяса бросать въ огонь, разложенный такъ, чтобы царевичъ, стоя на возвышенномъ мѣстѣ надъ огнемъ, могъ вдыхать въ себя открытымъ ртомъ паръ отъ горящаго жира“. Бѣднякъ пошелъ въ ту сторону, явился къ хану и сказалъ, что онъ можетъ вылѣчить сына царя. Царь велѣлъ слугамъ слушаться его приказаній; обиженные ламы отступились отъ лѣченія. Тогда бѣднякъ сдѣлалъ все такъ, какъ говорилъ воронъ. Царевича поставили на крышу дома такъ, чтобы паръ отъ кидаемыхъ въ огонь кусковъ мяса шелъ ему въ открытый ротъ. Змѣи, какъ только услышали запахъ жирнаго мяса, одна за другою во множествѣ вышли изъ его рта. Тогда царь пожелалъ наградить врача и предложилъ ему половину своего богатства, но тотъ отказался и попросилъ себѣ только семь тощихъ соловыхъ кобылицъ, осѣдланныхъ ветхими сѣдлами, и табунъ лошадей. Получивши эту плату, онъ отправляется въ путь. Дорогой онъ встрѣчаетъ человѣка, который переставляетъ горы съ мѣста на мѣсто. „Ты что дѣлаешь?“ спрашиваетъ бѣднякъ. „Говорятъ, что я силачъ, пробую силу“. Бѣднякъ пригласилъ его идти съ собою. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ человѣка, который приложился ухомъ къ землѣ. „Что ты дѣлаешь?“ спрашиваетъ опять бѣднякъ. „Говорятъ“, отвѣчаетъ тотъ,—„что я имѣю такой слухъ, что могу даже слышать, что подъ землею“. „Что же слышно?“ „У подземныхъ людей моръ“. И этого бѣднякъ пригласилъ съ собою. Идутъ втроемъ и встрѣчаютъ человѣка, который смотритъ на небо. На вопросъ, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: „Говорятъ, что я отличный стрѣлокъ; я

попробовалъ выстрѣлить; теперь смотрю на свою стрѣлу, скоро ли она возвратится“. Черезъ нѣсколько времени стрѣла съ шумомъ летитъ съ неба и вмѣстѣ съ нею обломокъ скалы, который она оторвала отъ неба. Бѣднякъ пригласилъ стрѣлка съ собою. Пошли далѣе вчетверомъ и встрѣчаютъ человѣка, который переставляетъ перья отъ ворона къ сорокѣ, а отъ сороки ворону. На вопросъ, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ: „Говорятъ, что я такой мастеръ, что могу переставлять перья и вещи; такъ вотъ я пробую свое искусство“. Теперь они пошли впятеромъ. Дорогой еще встрѣтили человѣка, который обладалъ способностью вбирать въ свой ротъ цѣлую рѣку и снова выпускать. Взяли и этого съ собою. Далѣе имъ встрѣтился еще человѣкъ, который такъ быстро бѣгалъ, что могъ обгонять дикую козу: и его также взяли съ собою. Потомъ они говорятъ тому, который можетъ все слышать: „Приложи ухо въ землѣ и послушай, что тамъ дѣлается“. Тотъ послушалъ и говоритъ: „Въ одной сторонѣ ханъ выдаетъ свою дочь, которая сидитъ за двѣнадцатю занавѣсами; отовсюду съѣзжаются женихи свататься и предварительно подвергаются тремъ испытаніямъ; на правой сторонѣ поставлены столы съ ядовитыми яствами, а на лѣвой безъ яду“. Сѣли семь богатырей на соловыхъ лошадей и поѣхали. Прибывъ въ ханство, бѣднякъ выставляетъ сначала противъ ханскаго силача своего товарища, переставляшаго горы; сначала народъ расхохотался надъ этимъ противникомъ, такъ какъ онъ былъ малъ ростомъ. Однако онъ схватилъ противника и для пробы вбилъ его въ землю, такъ что поверхъ ея торчалъ одинъ только большой палецъ ноги. Потомъ соперники должны были стрѣлять въ алтынъ зурге, золотой дискъ, висѣвшій между небомъ и землею; бѣднякъ выставилъ своего стрѣлка, и тотъ разбилъ золотое зурге. Потомъ пустили въ бѣгъ обгонявшаго козу съ двумя гакша хамыгынъ (старухами-людоѣдками); отошедши съ своимъ соперникомъ на назначенное разстояніе, старухи сѣли, пригласили его отдохнуть и стали пскать у него въ головѣ; онъ заснулъ; тогда онѣ побѣждали; онѣ были уже въ половинѣ пути, когда онъ проснулся; онъ побѣждалъ стороной и приближалъ ранѣе ихъ. Послѣ этого семь товарищей взяли ханскую дочь и повезли. Ханъ послалъ за ними погоню; когда войско стало приближаться, они остановились на ночлегъ на вершинѣ горы; тогда одинъ изъ

семерыхъ, умѣвшій набирать воду, набралъ въ ротъ цѣлое море и пустилъ воду съ горы; все войско потонуло въ ней. Потомъ они пришли къ ламѣ просить его простить ихъ грѣхи. Лама, вмѣсто того, чтобы сдѣлать имъ добро, велѣлъ имъ взойти на высокую гору и скатиться; они скатились, и у всѣхъ головы отлетѣли. Богъ, видя, что они пострадали отъ коварства ламы, воскресилъ ихъ и поднялъ на небо; это теперь семь звѣздъ Большой Медвѣдицы (Долонъ-Убугуть); малая звѣзда въ серединѣ—жена ихъ. А ламу Богъ обратилъ въ ангара и проклялъ, сказавъ: „Истребляй своихъ дѣтей“.

(Абашей, Бурятъ Аларск. вѣдомства).

37. Мечинъ (созвѣздіе Плеяды).

а. Въ прежнее время Мечинъ былъ былъ на землѣ, и тогда на землѣ было вѣчное тепло. Верблюдъ (тэмень) и быкъ (угуръ) вздумали его раздавить и поспорили, кому совершить это предпріятіе. Верблюдъ говорилъ, что онъ вѣрнѣе исполнитъ его, потому что у него широкая лапа; корова однако предупредила его, первая наступила, и Мечинъ, проскользнувъ чрезъ ея раздвоенное копыто, ушелъ на небо. И теперь, когда онъ восходитъ на небо (то-есть, зимой, когда онъ бываетъ видимъ на небѣ), бываетъ холодно. (Дюрбютъ на Дзабхынѣ).

б. Прежде Мечинъ напускалъ на землю большіе снѣга, голодъ и моръ на скотину. Верблюдъ, корова и другой скотъ и животныя сговорились раздавить его. Такъ какъ Мечинъ прятался въ золу огнища, верблюдъ пришелъ и наступилъ на золу лапой; корова ему сказала: „Твоя нога мягкая; дай я лучше раздавлю своимъ копытомъ!“ Верблюдъ посторонился; корова наступила на золу. Мечинъ раздѣлился на шесть звѣздъ, проскользнулъ чрезъ ея копыто и поднялся на небо. Еслибы не было Мечиновъ, не было бы холодно. Верблюдъ и теперь любитъ ложиться на золу, все думаетъ раздавить мечина.

(Сарисынъ, Дюрбютъ Г. Улангомъ).

в. Созвѣздіе Угаръ прежде было на землѣ; лошадь и корова спорили, кому его раздавить. Корова напередъ наступила, Угаръ сквозъ разщепъ ея копыта ушелъ на небо.

(Урянхаецъ кости Кыргысъ. Р. Улукемъ).

г. Мечинъ прежде былъ на землѣ; въ то время было жарко. Верблюды и корова стали спорить, кому его раздавить. Корова сказала: „я старше!“ и наступила на Мечина, но онъ ушелъ на небо черезъ ея раздвоенное копыто. И съ тѣхъ поръ стало холодно.

(Чингиджекъ, 70-лѣтній старикъ Тува-Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

38. Оріонъ.

а. За Учъ-муйгаками, тремя моралухами, гнался богатырь Кугульдей Матырь; моралухи обѣжали всю землю, нигдѣ не могли найти убѣжища отъ преслѣдующаго богатыря и поднялись на небо. Кугульдей-матырь также поднялся; лошадь оставилъ на востокѣ (гдѣ указываютъ большую звѣзду), а самъ выстрѣлилъ по звѣрямъ два раза; эти двѣ стрѣлы также указываются на небѣ; одна бѣлая звѣзда, другая красная; эта послѣдняя есть та окровавленная стрѣла, которая прошла сквозь тѣло моралухъ. Кугульдей-Матырь также указывается на небѣ.

(Свищ. о. Мих. Чивалковъ, Телеутъ. С. Узала).

б. Коголь-Майманъ охотился за учъ-майгакомъ. Одна звѣзда изъ Оріона—собака Коголя, другая—его беркутъ, третья—стрѣла; остальные три звѣзды—хвостъ Учъ-муйгака. Этому Коголь-Майману молятся звѣроловы и просятъ объ удачѣ.

(Енчу, Алтаецъ, шаманъ. С. Ангудай).

в. Когольдей богатырь охотился за моралухами (муйгакъ); разъ онъ сказалъ: „Выбью всѣхъ, ни одного не оставлю!“ За это богъ проклялъ его. Три „муйгака“ стали тремя звѣздами въ небѣ; четвертая звѣзда Оріона—самъ Когольдей богатырь; пятая—лошадь его; шестая—стрѣла; седьмая—собака.

(Алтаецъ).

г. Былъ на свѣтѣ сирота (ускюзъ), который былъ очень ловкій стрѣлокъ (мергенъ). Ни одинъ звѣрь отъ него не уходилъ. Много звѣрей такимъ образомъ онъ пригубилъ; люди спросили его: „Ты по божьему повелѣнію истребляешь звѣрей, или по своей волѣ?“ Мергенъ отвѣчалъ: „Что мнѣ богъ! я кого хочу, того и стрѣляю“. Послѣ этого онъ поѣхалъ на охоту, встрѣтилъ Учъ муйгака, не могъ догнать; лошадь устала, собакъ распустилъ; Учъ муйгакъ

поднялся на небо, за нимъ поднялся и стрѣлокъ, и его конь, и собаки. Всѣ они теперь видны въ видѣ звѣздъ; тутъ же есть и его окровавленная стрѣла.

(Буунчукъ, Теленгитъ на р. Чуѣ, шаманъ).

д. Учъ-муйгаки были преслѣдуемы охотникомъ по имени Кобонъ Чаганъ; онъ пустилъ на нихъ собаку, но она не догнала ихъ; потомъ пустилъ стрѣлу, и она прошла Учъ муйгаку чрезъ сердце. Теперь на небѣ и Учъ муйгакъ и собака и стрѣла.

(Тотой, женщина Теленгитка. Р. Чуя).

е. Кюнде-меренъ Кобонъ Чаганъ моритай хонръ нохойтай (Кюнде стрѣлецъ на бѣлой лошади Кобонъ съ двумя собаками) охотился за Гурбы Мараль (тремя моралухами).

(Дюрбютка въ ханскомъ куренѣ).

ж. За тремя моралухами, Гурбы марыль или Гурбы сого, гнался охотникъ Когульдей-мергенъ Кобунъ Чаганъ сумутай Асырь Басырь нохойтой Когненъ Чаганъ моритай (вооруженный стрѣлой Кобунъ Чаганъ, имѣющій двухъ собакъ Асырь и Басырь и лошадь Когненъ Чаганъ). Моралухи добѣжали до горы, на которую спустился Меле-бурхынъ; онъ тутъ сидѣлъ и читалъ книгу; моралухи, добѣжавъ до горы, остановились и смотрять на святаго; охотникъ и собаки также остановились и смотрять на него. Меле-бурхынъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ поднялъ на небо; еслибъ онъ не сдѣлалъ этого, охотникъ застрѣлилъ бы моралухъ. Всѣ они сдѣлались бурхынами. Когульдей мергенъ назывался также Комбу Дорчжи ¹⁾.

(Чо Джаминъ, грамотный лама, халха изъ хошуна Тачжи Урянхай. I. Кобдо).

з. Въ Учъ муйгака стрѣлялъ Когутей-мергенъ.

(Чингиджекъ, Тува Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

и. Тува Урянхайцы на Терьнорѣ въ Оріонѣ, Киши Чолбанъ, впадать двѣ руки, двѣ ноги, туловище и голову.

і. Охотникъ, стрѣлявшій въ Гурбы Сого, назывался Кобюндей-мергенъ.

(Дархатъ. Р. Шишгитъ).

¹⁾ Выраженіе „назывался также“ даетъ поводъ догадываться, что подобное же сказаніе разсказывается и о богатырѣ Комбу Дорчжи.

к. Охотникъ назывался Кусеге-мергенъ или Кохоце-мергенъ кубынь; у него была собака Кубынь Паганъ. Онъ родился отъ коровы, голова его была человѣчья, туловище—конь. Его стрѣла называлась Гал хомынъ (то-есть, „огонь стрѣла“).

(Петръ Гаптимуровъ, обурятавшійся Тунгусъ, родомъ съ вершины Иркутъ).

л. Гурунь-Барынь или Гурунь-гурогень — это три звѣзды рядомъ; три, лежащія ниже ихъ, звѣзды — три собаки Ког оден-Мергена, караулящія звѣрей; всю эту группу Когодей-Мергенъ поставилъ на небо на память людямъ о себѣ. Въ сторонѣ отъ этой группы стоитъ конь Когодей-мергена, созданный изъ девяти простыхъ лошадей. Направо отъ Орiona кровавая звѣзда (краснаго цвѣта): это—стрѣла мергена, которою онъ прострѣлплъ среднюю козулю (гурогень), и которая несетъ на себѣ слѣды крови. Когодей-мергенъ былъ сынъ Хуху-Мунгунъ-Тэнгри; онъ спустился на землю, чтобы спасти родъ человѣческій отъ Мангытхал, который разорялъ народъ; былъ моръ на людей отъ Мангытъ-Хая, всѣ люди погибли, осталось только семь старухъ, которыя поднялись на высокую гору, плакали и молились о спасеніи. Отъ этихъ старухъ ведетъ свой родъ нынѣшнее человѣчество. Когодей-мергена послалъ на землю Иссыгъ-Маланъ-Тэнгри, и мергенъ родился отъ старца и старухи. Потомъ Иссыгъ-Маланъ-Тэнгри послалъ мергену богатырскаго коня, въ полной сбруѣ.

(Абашей, Бурятъ аларскаго вѣдомства).

м. Въ Гурба-Когонъ (три моралухи) стрѣлялъ Куутей-мергенъ; на небѣ видны, какъ моралухи, такъ и онъ самъ съ собакой.

(Бурятъ въ вершинахъ р. Иркутъ).

н. Гурба морала гонитъ Сагатай мергенъ съ тремя собаками. Другіе говорятъ: его гонитъ Одой-ханъ.

(Бурятъ Аларск. вѣдомства).

о. Богатырь Гоголь голодай стрѣлялъ въ моралухъ; пули его летѣли на небо. Его пуля и теперь видна: это—красная звѣзда, высыл-плтыс.

(Зап. г. Ядринцевъ отъ Алтайцевъ въ русскомъ Алтайѣ).

п. Богатырь, стрѣляющій въ трехъ моралухъ (ушь-мыйгае) называется Когудей мергенъ. У него жеребецъ—Ханъ-паганъ-аскыръ: это—большая звѣзда, которая выходитъ послѣ Ушь-мыйгае.

(Урянхайцы въ долинѣ р. Хука).

39. Кубыръ чолмонъ ¹⁾.

Звѣзда, Кубыръ-чолмонъ удалась отъ Ойродъ-кана, который прежде былъ на землѣ ²⁾. Кубыръ-чолмону Алтайцы поклоняются. (Шаманъ Энчу, Алтаецъ. С. Ангудай).

40. Радуга.

Радуга—лукъ Джесь-мадыра; аинга (громовая стрѣла)—стрѣла того же богатыря. Радуга называется солонго, а когда бываетъ полосатою (?), называется телешъ. По одной полосѣ радуги спускается на землю Тамдынъ, по другой Агыръ, по третьей Телешъ; всѣхъ ихъ девять.

(Тува Урянхаецъ на р. Буренъ голѣ).

41. Открытіе неба.

Когда бываетъ „открытіе неба“, Аларскіе Буряты думаютъ, что слѣдуетъ произнести слѣдующіе стихи:

мэнгын адун кэрэк угей
мэхин хэлин кэрэктей
тумун адун кэрэк угей
тухэ хэлин кэрэктей,

и тогда тебѣ небо дастъ то, чего ты желаешь.

42. Потопъ.

а. Въ древности вода разлилась и затопила землю; спасся только одинъ старикъ съ тремя сыновьями на салѣ (плотѣ); одинъ изъ этихъ сыновей назывался Хамъ; онъ-то и былъ первый хамъ туваскій.

(Тува-урянхаецъ, жившій годъ въ Минусинскѣ. Р. Улукхемъ).

в. Этотъ разказъ былъ разказанъ на вопросъ: кто былъ Ирень? Когда же разказчикъ спросили: этотъ камъ что ли и былъ Ирень? онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, но онъ призывалъ Иреня и его силой дѣйствовалъ“.

¹⁾ Судя по второму члену имени, это зарница.

²⁾ При этомъ разказчикъ употребилъ причастіе: эрбаб, которое мы не могли перевести.

б. Нѣкогда былъ потопъ, и одинъ старикъ спасся на желѣзномъ плотѣ.

(Одна женщина Тува-Урянхайка. Р. Бурен-голъ).

в. Прежде вода покрывала всю землю, и лѣсу не было. Все растущее явилось только послѣ потопа.

(Тува-Урянхаецъ, кости Сальджакъ. Р. Седзень).

г. Земли лежатъ на Алапъ-мелекеѣ (то-есть, на лягушкѣ Алапъ). Когда лягушка пошевелится, пожалуй и земля упадетъ. Однажды она пошевелилась; Улу-Далай (великое море) заволновалось, какъ будто закипѣло, и вышло изъ береговъ. Одинъ только старикъ предвидѣлъ это обстоятельство и выстроилъ плотъ, окованный желѣсомъ—темір хадалу сал, сѣлъ въ него съ немногими людьми и запасомъ и тѣмъ спасся. Этотъ плотъ и теперь стоитъ на высокой тайгѣ, на которой нѣкогда остановился. Всѣ остальные люди и животные погибли.

Послѣ этого Кезеръ Чипгисъ Кайраканъ началъ творить то, что теперь есть на землѣ; онъ создалъ горы, лѣса; онъ открылъ огонь, научилъ людей всему, что они дѣлаютъ, научилъ курить вино, выстроилъ хуралъ и былъ правителемъ ихъ. Онъ далъ имя народу Тува, потому что они были его подданные. Тувасцы не платили ему подати (албан), а только обязаны были доставлять ему птицу езір. Потомъ къ нему пришелъ съ войной Едженъ Кайраканъ; въ первый разъ ударилъ его саблей, ничего не могъ сдѣлать; со втораго раза отсѣкъ ему голову и взялъ его хуралъ и народъ. Однако Кезеръ поднялся на небо и сказалъ: „Прійдетъ время, и тебѣ будетъ такой же конецъ“. Съ той поры Тува платятъ албанъ Едженъ-хану соболями, бѣлками и проч. Прежде Кезеръ-Кайраканъ находился близъ Акъ-Хана (то-есть, бѣлаго или Русскаго царя)—Акъ-Ханынъ янда, Орусныи-Ханынъ янда.

(Бюргунъ, Тува-Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Буренъ-голъ).

д. Алтайцы вѣрятъ, что былъ потопъ. Салъ (плотъ), на которомъ спасся предокъ нынѣшняго человѣчества, и теперь цѣлъ; онъ стоитъ на горѣ Адиганъ (къ ю. отъ с. Улалы, на правомъ берегу р. Катуня). Кто взойдетъ на эту гору, тотъ уже не возвратится оттуда, умереть.

(Изъ записокъ миссіонера о. Постникова).

43. Вода вѣчной жизни.

а. Очирвани-тэнгиръ облагодѣтельствовалъ бы насъ долгимъ вѣкомъ, продолжительною счастливою жизнью, если бы не помѣшалъ ему Мангысъ. Очирвани велѣлъ солнцу и мѣсяцу сварить „аракшинъ“, а самъ долженъ былъ куда-то отправиться; поѣхалъ и скрылся за горнымъ переваломъ. Въ это время наѣхалъ Мангысъ, поѣлъ „аракшинъ“ и въ чашу, въ которой онъ былъ, помочился. Потомъ спросилъ: „Куда поѣхалъ Очирвани?“ Мѣсяцъ сказалъ, а солнце умолчало. Мангысъ поѣхалъ слѣдомъ за Очирвани; только онъ исчезъ изъ виду, какъ Очирвани вернулся домой и спрашиваетъ, что безъ него случилось. Ему рассказали. Очирвани выѣхалъ на переваль; увидѣлъ Мангыса, бросилъ въ него своимъ очуромъ и нанесъ ему семь поврежденій: на лицѣ испортилъ глаза, перешибъ руку, повредилъ спину и т. п.; кромѣ того, перешибъ его пополамъ, въ носъ продѣлъ желѣзный „буйль“ (палочка, втыкаемая въ ноздри верблюда) и далъ солнцу и лунѣ держать его. И теперь солнце и мѣсяцъ держатъ эту верхнюю половину (чоджи) Мангыса; иначе этотъ Мангысъ называется Тайчжипъ-Арахы. Его „чоджи“ (туловище) и теперь видно на мѣсяцѣ (это пятно).

(Чо Джамцинъ, лама Халхасецъ съ р. Усюнь-Дзюль въ хошунѣ Тачжип Урянхай).

б. Бурхынъ-Багши жилъ въ небесныхъ высотахъ, гдѣ ходитъ солнце. Ему пришла мысль спуститься на землю и посмотреть, каково житье людей и животныхъ (амптыи); спустился и сталъ ходить съ двумя шаби: Хайдынъ и Джапсынъ; онъ вырубилъ палки, сдѣлалъ хабчинъ (дорожную суму) и подъ видомъ батырчи (калпки переходяго) втроемъ съ своими товарищами обошелъ всю землю. Насмотрѣвшись на земную жизнь, Бурхынъ-Багши сказалъ своимъ ученикамъ, что жизнь людей и животныхъ на землѣ трудна и несчастлива. Ученики удивились, не сознавая трудныхъ условій земной жизни. Тогда Бурхынъ-Багши поставилъ иглу остриемъ вверхъ, сталъ сыпать на нее зерно и сказалъ: „Какъ трудно сдѣлать, чтобы всѣ зерна попали на острие, также трудно жить на землѣ. Нужно сдѣлать ихъ жизнь вѣчною и счастливою!“ И съ этою цѣлью онъ снова поднялся на небо и сталъ готовить арашанъ; читая молитвы надъ водой. Когда онъ кратковременно отлучился, Арахы-ами-

тынъ выпилъ арашанъ и самъ убѣжалъ. Не найдя приготовленнаго напитка, Бурхынъ-Бакши спросилъ солнце: „Кто выпилъ арашанъ?“ Солнце сказало: „Арахи-амитынъ“. „Гдѣ же онъ?“ „Далеко, далеко! Арахи сказало, что онъ, выпивъ арашанъ, сталъ безсмертенъ, и что убьетъ тебя!“ Бурхынъ-Бакши побѣждалъ далѣе и спросилъ у мѣсяца: видѣлъ ли онъ Арахи? „Видѣлъ“, отвѣчалъ мѣсяцъ. — „Только что мимо пробѣжалъ“. И указалъ ему, гдѣ найдти Арахи. Бурхынъ-Бакши догналъ Арахи, и ударивъ его по поясу очиромъ, разбилъ его поаламъ: нижняя половина его упала на землю, верхняя поднялась на небо; изъ его обрубленной утробы вылилась моча. Бурхынъ-Бакши собралъ ее въ чашку и подумалъ: „Вылить на землю—на темлѣ все сгибнетъ отъ этаго яда; вылить на небо—будетъ худо для зэнгри“. Выпилъ самъ, лице его почернѣло, тѣло стало спнимъ. Такихъ его и рисуютъ. За то, что солнце и мѣсяцъ выдали, Арахи, который хотъ и разрубленъ, сталъ теперь, выпивъ арашанъ, безсмертнымъ, мститъ обѣимъ свѣтиламъ тѣмъ, что старается проглотить ихъ; солнце онъ не можетъ проглотить, а мѣсяцъ проглатываетъ; но такъ какъ задъ у него обрубленъ, то мѣсяцъ снова вываливается изъ его утробы. Такъ какъ мѣсяцъ всю правду сказало, а солнце скрыло, что Арахи былъ близко, Арахи назадаетъ на мѣсяцъ чаще, чѣмъ солнце.

(Найдынъ, богдо-шабинецъ, Халха, изъ г. Урп).

в. Потомъ Бурхынъ-Бакши снова началъ готовить арашанъ, далъ его воронѣ, велѣлъ снести на землю и вылить на голову человѣку. Ворона прилетѣла на землю, сѣла на ель (хацзура) и дожидается, когда пойдетъ человѣкъ мимо, чтобы вылить воду ему на голову. Случилось, что въ то же время на ели сидѣлъ филинъ (шаръ шибо); онъ крикнулъ, ворона испугалась и пролила арашанъ; поэтому ель вѣчно зеленая, хвоя никогда не опадаетъ съ нея. Послѣ второй неудачи Бурхынъ-Бакши удалился на небо, гдѣ и теперь находится, а вмѣсто себя на землю послалъ Богдогегена.

(Овъ же).

г. Воронъ пьетъ воду Мынхэнъ хара угунъ (по варианту, разказанному Петромъ Гантимуровымъ, Бурятъ съ верш. Иркут: мунко-хара угунъ, „вѣчную черную воду“), и оттого бываетъ долговѣченъ. Богъ послалъ ворона отнести этой воды во рту человѣку, чтобы сдѣлать его безсмертнымъ. Воронъ понесъ и дорогой сѣлъ на сосну

отдохнуть, а на той же соснѣ сидѣлъ филинъ и закричалъ. Воронъ испугался, раскрылъ ротъ и пролилъ воду; оттого сосна и не теряетъ хвои зимой, что была облита водой Мынхэнъ хара угунъ. Изъ арашана, чтобы вода имѣла силу, нужно брать утромъ прежде, чѣмъ напьется изъ него воронъ, потому что воронъ рано прилетаетъ пить. Оттого онъ получаетъ безсмертіе.

(Н. В. Матхановъ, бурятъ, бывший тайша Аларск. вѣдомства).

44. Изобрѣтеніе вина.

а. Арихи-чингисъ-ханай идэ, водка—Чингисъ-ханова ѣда. До Чингисъ-хана люди не знали ея. У него было много скота, много молока; что дѣлать съ излишкомъ? Онъ устроилъ бюрхель, цорго и выгналъ въ котлѣ вино, собралъ сановниковъ, угостилъ ихъ и самъ выпилъ. Всѣ стали пьяны, и ханъ также. Въ ханской юртѣ подпору были красныя; Чингисъ-ханъ, будучи пьянъ, принялъ красную подпору за свою жену, которая ходила обыкновенно въ красномъ шелковомъ одѣянн (хунтусъ), обнялъ подпору и сталъ ее цѣловать. Назавтра, когда ему разказали, что съ нимъ было, онъ сказалъ: „Это ядъ! если ханъ такія вещи сдѣлалъ, что будутъ дѣлать его подданные!“ Онъ склалъ все въ бюрхель и спустилъ по рѣкѣ, а самъ снялся и ушелъ къ ея вершинамъ. Когда разбили ханскую ставку на новомъ мѣстѣ и пошли за водой, смотреть—бюрхель, спущенный въ воду, тоже тутъ; онъ приплылъ вверхъ по водѣ. Тогда ханъ сказалъ: „Видно было угодно самому Тэнгри, чтобы я изобрѣлъ этотъ напитокъ“. И повелѣлъ своимъ подданнымъ курить водку, но только не напиваться. При его жизни народъ сдерживался, но послѣ его смерти народные нравы ослабѣли, началось пьянство. Молоко, кумысъ, творогъ нельзя проливать или ронять на землю; сдѣлавъ это нечаянно, нужно омочить пальцы въ пролитомъ и вытереть о правое плечо,—потому что эти три вещи „Чингисъ-ханай кэшикъ“, то-есть, счастье, оставленное Чингисъ-ханомъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ изъ г. Улангома).

б. Вино (арихи) составлено изъ девяти ядовъ (хоронъ), человѣкъ изъ десяти; только потому, что въ человѣкѣ есть одинъ ядъ лишній, онъ и можетъ пить водку. Яды, вошедшіе въ составъ, слѣдующіе: иѣна изъ рта самца верблюда, бьющая во время гона (оттого

пьяные скрежещутъ зубами); зрачекъ (щепекъ) изъ глаза бѣшенанаго волка (оттого глаза у пьяныхъ мутны); мозгъ слона (цанъ) (оттого пьяные валятся ко сну, какъ слоны); слизи отъ жены Мангыса (оттого у пьяныхъ появляется похотливость и друг.).

(Онъ же).

в. Водку изобрѣлъ Гесеръ.

(Танза, Урянхаецъ кости Туматъ. Р. Аръ Торхонинъ).

г. Водку изобрѣлъ бурхынъ Шигимунн; онъ сдѣлалъ ее и напоилъ ею слѣпаго и безрукаго-безногаго; слѣпой выпилъ и говоритъ: „Вотъ я и съ глазами сталъ!“ А безрукій-безногій сказалъ: „А я сталъ съ руками и ногами“. И начали они драться. Приходитъ богъ, увидѣлъ послѣдствія своего изобрѣтенія и убавилъ силу у воды; повелѣлъ народу дѣлать только тарасунъ (молочную водку), въ которомъ только одна треть воды.

(Старуха Бурятка, въ верш. р. Иркута).

д. Водку изобрѣлъ Арахн; онъ сдѣлалъ ее изъ девяти ядовъ (югунъ хорор) и сначала напоилъ ею слѣпаго и безногаго (кѣльугейтей).

(Сынъ той старухи).

Водку первый сдѣлалъ Кезеръ-Кайраканъ.

(Бюргутъ, Тува Урянхаецъ кости Салджакаъ. Р. Буренъ-голь).

е. Хвала вину, которую поютъ Буряты въ Аларскомъ вѣдомствѣ:

Чиримъ танхада шимигын иден
Чингис ханен бутегын иден
Тэрэ иден тюрюдъ зоход
Тюмын адун тиргенде зоход
Гууле танхада гоожигын иден
Голто бурханай бутегын иден
Тэрэ иден тюрюдъ зоход
Тюмын адун тиргенде зоход
Алтын танхада амилгын иден
Амида (вар. Аха) бурханай бутегын иден
Тэрэ иден тюрюдъ зоход
Тюмын адун тиргенде зоход

То-есть:

Въ чугунный кувшинъ точащееся вино,
Чингисханомъ созданная ѣда!

Эта ѣда пріятна на пирѣ ¹⁾,
Десять тысячъ скота пріятны въ улусѣ.
Въ мѣдный кувшинъ струящееся вино,
Живымъ богомъ ²⁾ созданная ѣда!
Эта ѣда пріятна на пирѣ,
А десять тысячъ скота пріятны въ улусѣ.
Въ золотой кувшинъ испаряющееся вино,
Амида бурхыномъ созданная ѣда!
Эта ѣда пріятна на пирѣ,
А десять тысячъ скота пріятны въ улусѣ.

ж. Сидя въ ожиданіи выкурки тарасуна, Аларскіе Буряты поютъ:

Булхын, булхын танхы бусылхын хулен
Бурхын, бурхын Баабен урюлинь хулен
Ханэ мингын барында угей
Хабагай удын хара угей
Халюп-булгын зугынде
Хунэ хабы уидэ
Арахин биде уи
Тамахин биде татаи,
Алихын номогор цзугалиэ.

То-есть:

Будемъ ждать кипѣнія круглаго, круглаго кувшина,
Будемъ ждать призыванія въ бурхыну Баабею!
Царскія деньги не кончались,
Кабацкія двери не заперты,
Выдра, соболь въ доброй цѣнѣ,
Человѣкъ въ полномъ возрастѣ!
Будемъ водку пить,
Табакъ курить,
Тихо и мирно веселиться!

з. Пѣсня, которую поютъ во время выкурки вина Телеуты (сообщилъ о. Мих. Чпвалковъ, живущій въ Улалѣ). Для этого избираются красивыя молодыя замужнія женщины, хорошо наряженныя.

Айдын алдыннан акан агын су (или ару су)
Арал кинэ сугады
Арулар јеткен ае айран
Адам Ерлин сугады
Кунь алдыннан аекан су
Корѣль кинэ сугады

¹⁾ Тюрю—свадьба, поминки, избраніе царя.

²⁾ Голь—по указанію г. Матханова, живой.

Коркулю јеткен кок айран
Кондулю Ерлик сугады

или:

Кокшин Ерлик сугады.

Къ каждой строчкѣ припѣвъ: ай ай ду! ай ду!

Переводъ: Подъ мѣсяцемъ быстро ¹⁾ текущая вода — водопой звѣрей, живущихъ въ чащѣ ²⁾; чистыми (или красивыми) женщинами сдѣланный бѣлый айранъ (кислое молоко), напитокъ Адамъ-Ерлика; подъ солнцемъ текущая вода — водопой король-звѣря ³⁾; красавицами ⁴⁾ сдѣланный синій айранъ — напитокъ почтеннаго (или стараго) Ерлика.

45. Преданія объ урочищахъ.

1. Р. Таджилу и скала Абымъ-бомъ.

(Р. Таджилу впадаетъ съ сѣвера въ р. Чую. Она течетъ по западной окраинѣ Курайской степи, омывая восточную подошву горы Оржанту (оржанъ — можжевелникъ, ту — гора), извѣстной у Русскихъ подъ именемъ Аржаной горы. Скала Абымъ-бомъ находится на правомъ берегу р. Чуи, выше Курайской степи).

а. На рѣкѣ Таджилу въ древности жилъ халхасскій таджи, то-есть, князь; по нему рѣчка названа Таджилу. Онъ высваталъ въ вершинахъ Чуи невѣсту; отецъ и мать везли ее къ жениху, но въ мѣстности, которая теперь называется Абымъ-бомъ, ей стало холодно, хотя она была одѣта въ девять шелковыхъ покрововъ. Она

¹⁾ Агын — быстро.

²⁾ Переводъ пѣсни сдѣланъ о. Михайломъ. Слово *аралъ* онъ принялъ за чащу; но можетъ быть, аралъ-кипъ — названіе какого-нибудь особаго звѣря.

³⁾ О. Михайлъ слово корбъ призналъ за старинное, значеніе котораго ему не извѣстно.

⁴⁾ Такъ перевелъ о. Михайлъ, основываясь на томъ, что въ одной пѣснѣ есть выраженіе: коры яшины кюрюб алгыча, когы яшины сураб ал, то-есть: чѣмъ смотрѣть на красоту, спроси о добротѣ. Есть впрочемъ тунгусское слово: коркелю, *corcelä*, степной рябчикъ (*Castren, Grundz. ein. tungus. Sprachlehre, S. 104*).

замерзла, успѣвъ только произнести: „Абым!“ (мой батюшка!) Женихъ, услыжавъ, что невѣста его умерла, съ горя застрѣлился ¹⁾.
(Бутушъ, Алтаецъ).

б. На урочищѣ Таджилу жилъ би (князь), по имени Таджилу; у него была дочь. Онъ просваталъ ее за халхасскаго князя, который жилъ на рѣкѣ Боро Бургусунъ, къ востоку отъ мѣстности Кошагачъ; отецъ везъ свою дочь къ жениху; тамъ, гдѣ лежитъ въ долинѣ Чуи столообразный камень, случился буранъ. Дѣвица была одѣта въ шелковое платье въ девять рядовъ, но мѣху не было, и она умерла отъ мороза, успѣвъ только сказать: „Абым, эди!“ (батюшка, матушка!) Таджилу, пораженный смертью дочери, внезапно умеръ. Послѣ этого событія въ здѣшней мѣстности не стало змѣй и лягушекъ, потому что покойники сказали имъ: „Мы здѣсь будемъ жить, а вы удалитесь“.

(Тотой, старуха Теленгитка кости Телесъ на р. Чубъ).

в. Шидырванъ просваталъ свою дочь за Кункеръ хана и везъ ее къ нему. На мѣстности Абомъ-Бомъ невѣста замерзла, хотя была закутана въ девять слоевъ шелку (тогуз кат торхо).

(Таранъ, шаманъ Теленгитъ на Чуйской степи).

2. Ижимей.

На островѣ Ольхонѣ самая высокая гора Ижимей. По повѣрью Ольхонскихъ Бурятъ, на ней находится безсмертный медвѣдь въ цѣляхъ. На эту гору Буряты не осмѣливаются входить.

(Сообщено г. Черскимъ).

3. Арбынъ гурба дагна.

Танну-ола въ вершинахъ р. Торхолика (по урянх. Торголикъ) называется Арбынъ гурба дагна; это — тринадцать онгоновъ; ихъ призываютъ хамы.

(Сенге-дорчжн, Халха съ караула Чидиргана).

¹⁾ Алтаецъ Олѣнкѣ показалъ намъ въ восточномъ концѣ Курайской степи, въ ущельѣ, по которому протекаетъ р. Чую, на горизонтальной террасѣ, по которой проходитъ дорога, вправо отъ послѣдней, если ѣхать на востокъ, два камня, лежащіе отдѣльно; восточный имѣетъ кубическую форму безъ слѣдовъ искусственной обтѣски; въ поперечникѣ онъ болѣе аршина. Кто-то его обрылъ. Другой камень неправильной формы. Подъ первымъ будто бы похоронена невѣста Таджи, подъ вторымъ положенъ конь, убитый на поминкахъ.

4. Ханъ-Мергѣй.

Близъ бурятскаго улуса Нигды въ Аларскаго вѣдомствѣ, близъ роши, гдѣ удавилась шаманка Бапръ-ханъ, у мыса Хара-хошунъ, есть мѣсто, гдѣ шаманъ Ханъ-Мѣргей, гонимъ за звѣремъ, умеръ.

5. Хоймаръ.

Въ долину Иркутъ есть гора Хоймаръ. На вершинѣ ея находится изображеніе двухъ бѣлыхъ лошадей; тутъ источникъ вѣчной святой воды, которая кипитъ ключомъ. Достать эту воду невозможно: крутъ подъемъ. Одинъ Бурятъ поднимался на оленѣ, но привезъ только вѣтви чернаго можжевельника. Тотъ же разказчикъ (Бурятъ-Петръ Гантимуровъ) въ другой разъ сказалъ, что на этомъ камнѣ находится изображеніе солнца и луны. Буряты дѣлаютъ этому камню возліанія.

6. Три рѣки Иркутъ, Ока и Іа.

Ирху (Иркутъ), Аха (Ока) и Іа (Іа) были три брата или сестры; Ирху былъ упрямый, капризный (ирхэху—капризничать), пошелъ отъ двухъ другихъ въ сторону и ударился объ Анггару. Аха былъ старшій изъ трехъ.

(Сообщ. Н. В. Матхановъ; бурятское сказаніе).

7. Цаганъ кюшочило.

а. Каменная баба этого имени, стоящая около города Улангома, только для простаго человѣка кажется простымъ камнемъ, но ногомъ-дариху открыла нойону (то-есть, Дюрбютскому вану), что это бурхынъ, и нойонъ велѣлъ надъ нею построить фанзу. Этому камню молятся объ открытіи кражи или о потерѣ: Цаганъ-кюшочило имѣетъ силу открывать потерянное.

(Байнъ Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Нѣкоторые говорятъ, что тутъ лежитъ прахъ Уй-Джанджипна (Уй-Джанджипинъ куръ), другіе—что тутъ похороненъ царь здѣшнихъ мѣстъ. Пріѣзжалъ однажды въ Улангомъ великій лама, смотрѣлъ кюшочило и сказалъ, будто камень обратился къ нему съ такими словами: „Я стою надъ великимъ кладомъ; мнѣ неприлично

стоять безъ одежды“. Поэтому одѣли камень и построили фанзу. Другой лама заявилъ, что нужно въ честь его соорудить обо на черной горѣ, что лежитъ къ востоку отъ Улангома, будто потому, что эта горка служить защитой для кюшочило. Это обо и было насыпано.

(Сарисынъ, дюрбютъ. Г. Улангомъ).

8. Лунъ-Ханъ.

Къ сѣверу отъ монастыря Улангома лежитъ мѣстность, состоящая изъ голаго голешника; она считается мѣстомъ жительства Лунъ-хана. Въ честь его-то и строить новый тугумъ въ Улангомѣ. Лунъ-ханъ хозяинъ (едзен) всего Улангомскаго урочища; срубить не сухое, зеленое дерево въ Улангомѣ значитъ впасть въ отвѣтственность передъ Лунъ-ханомъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

9. Горный проходъ Байрименъ дабанъ.

На Беконъ Берени выше Табынъ Сала, на правомъ берегу подлѣ красныхъ горокъ, гдѣ нынѣ находятся фанзы китайскихъ купцовъ (торговой фирмы Аршанъ), по разказамъ мѣстныхъ жителей, видны слѣды старинныхъ построекъ. Во времена Дондукъ-Церена былъ знаменитый лама Очиръ Даръ лама, который раскапывалъ эту мѣстность и нашелъ два огромные въ аршинъ длинной, стремени, люльку дѣтскую въ полсаженн длинной, конскую голову въ полсаженн длинной и объявлялъ, что тутъ прежде былъ китайскій городъ. Въ это время въ народѣ были надежи, болѣзни; лама предположилъ, что это по той причинѣ, что тутъ былъ китайскій городъ. Чтобъ отвратить бѣдствія, лама съ народомъ возшелъ на Байрименъ-дабанъ, откуда видно мѣсто развалинъ, именуемое теперь Байшинту, и здѣсь молился четырьмя силами, дурбенъ учителя: тигру (бар), льву (арслан), Ханъ Гариде и дракону (лу). Бѣды прекратились. Въ память этого и поставлено на горномъ проходѣ Байрименъ-дабанъ большое обо съ деревянными изображеніями на четырехъ странахъ свѣта, дракона, льва и другихъ животно-мнѣологическихъ формъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

10. Гора Шагшагъ.

Шагшагъ—гора близъ селенія Улала, лежитъ къ в. отъ нея. Здѣсь отсиживались Алтайцы отъ киргизскаго батыря Кочкорбая, пришедшаго подѣ Улалу съ двумя сыновьями. Теперь преданія разногласятъ: одни говорятъ Кочкорбая застрѣлилъ Ерельдей, другіе: дѣдъ зайсана Бакая. Сѣверная сторона этой горы покрыта чернью, южная открытая; народъ и скотъ Алтайцы спрятали въ чернь на сѣверной сторонѣ горы, вершину горы съ южной стороны обложили лѣсомъ и камнями. Кочкорбай былъ одѣтъ въ кольчугу, такъ что стрѣла не брала его; Ерельдей нацѣлилъ въ луку, прострѣлилъ ее и попалъ въ животъ Кочкорбая, который не былъ защищенъ кольчугой, что зналъ Ерельдей; въ полдень Кочкорбай умеръ. На другой день старшій сынъ Кочкорбая подѣхалъ къ засѣдѣ, держа въ рукѣ щитъ. Ему Ерельдей нацѣлилъ въ шагшагъ, те-есть, въ сочлененіе пальцевъ съ пястемъ; другой сынъ былъ раненъ въ колѣно.

(Свящ. Мих. Чивалъовъ, род. Телеутъ. Улала).

46. О сотвореніи міра и человѣка.

а. Есть на небѣ Ульгень; у него есть семь сыновей: Яжиганъ, Каршитъ, Бахтаганъ, Кара Кушканъ, Каанымъ и Яикъ (въ честь послѣдняго навѣшпваются лоскутки на березу). У Ерлика также семь сыновей: Баатыръ, Керей, Ельтекъ, Тэбиръ-ханъ, Абраганъ ¹⁾. Когда не было ни неба, ни земли, а была только вода, Ульгень спустился къ водѣ, чтобы сотворить землю. Думалъ, думалъ и не знаетъ, какъ начать. Въ это время къ Ульгению подошелъ человѣкъ; Ульгень спросилъ его: „Ты кто?“ „Я тоже пришелъ сотворить землю“, отвѣчалъ тотъ. Ульгень осердился и сказалъ: „Я не могу сотворить, гдѣ же тебѣ?“ А человѣкъ ему въ отвѣтъ: „Я сейчасъ найду изъ чего сотворить землю“. „Откуда же ты возьмешь такую вещь, изъ которой можно сотворить землю?“ спросилъ Ульгень. „Ты не сердись, а я знаю, откуда ее достать“, сказалъ тотъ. Ульгень сказалъ: „Я сердиться не буду; если можешь достать эту вещь, то скорѣй доставай“. Человѣкъ сказалъ Ульгению: „Если не

¹⁾ Ябашъ—Черневыхъ Татаръ и Карашъ Алтайцевъ.

будешь сердиться, то я достану“. И тутъ же нырнулъ въ воду. На днѣ воды онъ нашелъ гору, оторвалъ отъ нея кусокъ земли и набилъ ею свой ротъ. Вылезши изъ воды, человѣкъ выплюнулъ землю въ пригоршни Ульгению. Ульгень бросилъ эту землю, и стала земля только изъ дерна. У человѣка же между зубами осталось немного земли; онъ плюнулъ и сдѣлалась согра, то-есть, кочковатое и болотистое мѣсто. Ульгень осердился и говорить человѣку: „Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ? Землю надо гладкою сотворить“. Тутъ Ульгень осердился, сталъ ругать человѣка; у того человѣка была палка, на которую онъ опершись стоялъ и слушалъ, пока богъ ругался. Наконецъ, Ульгень сказалъ: „Пусть тебя не будетъ на этой землѣ“. Тотъ выслушалъ и говорить Ульгению: „Дай мнѣ хоть только мѣста, сколько занимаетъ конецъ моей палки!“ Ульгень сказалъ: „И этого не дамъ“. Человѣкъ стоитъ и плачетъ. Тогда Ульгень съ сердцемъ сказалъ: „Ну возьми это мѣсто! Что ты изъ него сдѣлаешь?“ При этихъ словахъ тотъ человѣкъ провалился сквозь мѣсто, которое выпросилъ, и его не стало.

Теперь Ульгень сталъ думать, какъ сотворить дерно. Прилетѣла къ Ульгению ласточка; у ней во рту было дерно, она и разсѣяла его по землѣ. Потомъ Ульгень сотворилъ лѣсъ и все, что есть на землѣ. Сотвореннаго было очень много, плоды такъ и вѣсились. Потомъ Ульгень вздумалъ сотворить человѣка. Тѣло онъ сотворилъ изъ земли, кости изъ камней; потомъ сотворилъ женщину изъ ребра и положилъ ихъ двоихъ на землю. Только душу не могъ вложить въ человѣка. Потомъ сотворилъ собаку живую, но безъ шерсти. Затѣмъ онъ задумался и ушелъ, толи такъ ушелъ, толи душу искать, а собаку оставилъ караулить тѣла двухъ человѣкъ. Не извѣстно, откуда явился человѣкъ, имя ему Ерликъ (это былъ тотъ самый, который провалился въ дыру). Собака начала лаять на него и не пускать къ тѣламъ. Ерликъ говоритъ ей: „Я пришелъ сотворить тебѣ шерсть и вложить въ тѣла душу“. „Если такъ“, сказала собака,—„то иди и дѣлай“. Ерликъ говоритъ собакѣ: „Съѣшь то, что я тебѣ дамъ!“ Пошелъ, испражнился, и собака съѣла его испражненіе; оттого у нея выросла шерсть. Потомъ Ерликъ сломилъ дудку, вложилъ ее въ заднепроходное отверстіе человѣку и дунулъ. Тѣла ожили, и Ерликъ исчезъ. Ульгень воротился къ тѣламъ и думаетъ: „Вотъ человѣкъ, который

провалился, обманулъ меня и вмѣшался въ мое дѣло“. Сѣлъ Ульгенъ и не знаетъ, что дѣлать, толи истребить эти тѣла и новыя сотворить, потому что Ерликъ вложилъ въ нихъ худую душу, толи такъ оставить? Когда Ульгенъ сидѣлъ и думалъ. Къ нему прискакала лягушка и говоритъ: „Зачѣмъ истреблять ихъ? Пусть себѣ живутъ: которые умираютъ, пусть умираютъ, которые живутъ, пусть живутъ“. Ульгенъ послушался и оставилъ людей жить.

Потомъ Ульгенъ сталъ думать, изъ чего бы сотворить огонь, — потому что люди были нагіе. Лягушка говоритъ Ульгеню: „На горѣ есть камни, а на березѣ губа“. Ульгенъ догадался, взялъ губу, сдѣлалъ трутъ, потомъ взялъ два камня и добылъ огонь. Потомъ Ульгенъ сказалъ людямъ: „Всѣ плоды ѣшьте, только съ одного дерева не ѣшьте плодовъ“ (какое дерево не извѣстно), и не извѣстно куда ушелъ. Въ его отсутствіе Ерликъ вышелъ и говоритъ людямъ: „Худые плоды Богъ велѣлъ вамъ ѣсть, а хорошіе себѣ оставилъ“. Люди послушались и сѣли плоды запрещеннаго дерева, и какъ только сѣли, такъ и почувствовали, что они наги; имъ стало стыдно, и они разбѣжались въ разные стороны. Когда Ульгенъ воротился, онъ не могъ найти людей; кликнулъ ихъ и они отозвались. Ульгенъ говоритъ имъ: „Вы что не идете ко мнѣ?“ Они сказали: „Намъ стыдно“. „Идите“, говоритъ Ульгенъ, — „не стыдитесь“. Они взяли съ дерева листьевъ, закрылись и пришли къ нему. Ульгенъ осердился на людей и говоритъ: „Я не велѣлъ ѣсть плодъ съ этого дерева, зачѣмъ вы ѣли? Теперь сами добывайте себѣ хлѣбъ и одежду“. Послѣ того онъ сотворилъ другихъ животныхъ.

У перваго человѣка Адама родилось девять сыновей: Тонжуанъ, Тодошъ, Найманъ, Капчакъ, Комдошъ, Юсь, Кузень, Тогусъ, Кэргашъ (отъ нихъ пошли сеокн или кости этихъ именъ) и девять дочерей. Эти братья взяли сестеръ замужъ, и отъ нихъ расплодился люди; они сѣяли хлѣбъ, разводили скотъ.

(Записано миссіонеромъ о. Вас. Постниковымъ у Алтайцевъ въ д. Мьюгѣ).

б. Сначала было небо да вода; земли еще не было. Очурманы жилъ на небѣ, ему и присѣсть было негдѣ. Вотъ онъ смотрѣлъ внизъ и думалъ: „Что это все вода да вода, дай сдѣлаю мѣстами землю“. Вздумалъ сдѣлать землю, а самъ сталъ сомнѣваться: „ну-ка не сдѣлаю!“ И сталъ онъ искать товарища. Нашелъ Чаганъ-Шу-

куты и сталъ просить его спуститься съ неба внизъ. Они согласились между собою и стали спускаться на воду. Лишь только они стали приближаться къ водѣ, увидали лягушку (лягушекъ въ Алтай не бьютъ, потому что на лягушкѣ земля стоитъ), которая, какъ только замѣтила ихъ, нырнула въ воду. Очурманы послали товарища Чаганъ-Шукуты отыскать въ водѣ лягушку. Товарищъ нырнулъ въ воду, вытащилъ лягушку, на поверхности воды повернулъ ее вверхъ брюхомъ. Очурманы сказали Чаганъ-Шукуты: „Я сяду на брюхо лягушки, а ты нырни въ воду и достань со дна, что тебѣ попадется. Только въ водѣ поминай меня, а то тебѣ своею силою ничего не сдѣлать“. Чаганъ-Шукуты спустился въ воду, а Очурманы остался на лягушкѣ и дожидался товарища. Чаганъ-Шукуты, достигнувъ дна, захватилъ цѣлую охапку жидкой земли и съ нею вынырнулъ. Очурманы сказали: „Давай сюда землю“. Чаганъ-Шукуты сказалъ ему: „Если бы не я, такъ тебѣ не достать бы земли“. Лишь только онъ это выговорилъ, земля вывалилась у него изъ рукъ и упала въ воду. Очурманы сказали: „Какой же ты дуракъ! вѣдь я тебѣ говорилъ, чтобы ты поминалъ мое имя, а ты этого не сдѣлалъ. Ты бы такъ сказалъ: не я тебя земля беру, а Очурманы, а ты, дуракъ, только разъ меня помянулъ“. Потомъ Очурманы послали своего товарища въ воду и на этотъ разъ наказалъ ему: „Что тебѣ попадется, то ты и неси ко мнѣ, да при этомъ говори: не я тебя беру, а Очурманы беретъ, а когда понесешь, говори: не я тебя несу, а Очурманы тебя несетъ“. Спустился Чаганъ-Шукуты на дно, сталъ брать землю и не можетъ взять: очень тверда земля; вылезти же ни съ чѣмъ не хотѣлось; поэтому онъ сталъ руками царапать землю и пацарапалъ только пригоршни, при чемъ говорилъ: „Не я тебя земля беру, а Очурманы тебя беретъ“. И когда понесъ изъ воды, сталъ говорить: „Не я тебя несу, а Очурманы тебя несетъ“. Когда Чаганъ-Шукуты вынырнулъ и принесъ землю Очурманы, то Очурманы велѣлъ высыпать землю на лягушку, самъ сѣлъ на эту землю и товарища посадилъ рядомъ съ собою. Лягушки не стало видно, а только была видна земля, и притомъ столько, сколько они двое заняли мѣста, лишней же земли не было. Посидѣли они оба и задремали, а прежде имъ негдѣ было отдохнуть; потомъ и заснули оба. Во время ихъ сна явился Шулмусъ и смотритъ, что это два человѣка

лежать на землѣ, а лишней земли подъ ними нѣтъ. Подошелъ и думаетъ: „Взять ихъ и бросить вмѣстѣ съ землею въ воду“. Пока онъ брался за край земли, взглянулъ, воды уже нѣтъ; онъ поспѣшно схватилъ ихъ обоихъ и бѣгомъ понесъ, чтобы добѣжать до края земли и бросить ихъ въ воду; но пока онъ бѣжалъ, земля все росла; Шулмусъ бѣжалъ, бѣжалъ, изъ силъ выбился, а воды все не видать; бросилъ онъ ношу, и Очурманы пробудился съ своимъ товарищемъ. Шулмусъ успѣлъ убѣжать еще въ то время, какъ они глазъ не раскрыли. Очурманы сказалъ товарищу: „Когда насъ Курюмесь хотѣлъ бросить въ воду и утопить, земля насъ защитила“. Сотворивъ землю и отдохнувши, Очурманы съ товарищемъ стали ходить по землѣ. Очурманы говорятъ товарищу: „Я выдумалъ, а ты мнѣ помощникъ. Теперь давай дѣлать на землѣ живое“. Вотъ и вздумали они сотворить человѣка.

Очурманы съ товарищемъ Чаганъ-Шукуты (или Чукуты) сотворили тѣло человѣка изъ земли. Чаганъ-Шукуты сказалъ Очурманы: „Мы сотворили человѣка; надо искать душу, чтобы онъ былъ живой“. Очурманы возразилъ: „Когда мы уйдемъ, это тѣло потеряется; діаволъ украдетъ“. „Сдѣлаемъ караульщика“, сказалъ Чаганъ-Шукуты, — „чтобы онъ никого не допускалъ“. Сдѣлали собаку, но безъ шерсти, и сказали ей: „Мы пойдемъ тебѣ шерсть искать, а человѣку душу“. Лишь только они двое ушли, приходитъ діаволъ. Собака не пускаетъ его, а сама между тѣмъ мерзнетъ и ѣсть хочетъ. „Ты на меня не лай и не ворчи, я тебѣ дамъ шерсть и накормлю тебя“, сказалъ діаволъ. Собака допустила, діаволъ пошепталъ что-то, и собака стала съ шерстью. Она стала просить ѣсть. Діаволъ сказалъ ей: „Вотъ твой хозяинъ, онъ тебя накормитъ“. Потомъ діаволъ подошелъ къ тѣлу человѣка, зажегъ пряжу, дымъ вдунулъ ему въ носъ, и человѣкъ сталъ ходить, а діаволъ скрылся. Очурманы съ товарищемъ возвратились, нашли его живымъ и сказали: „Мы тебя сотворили, пошли искать душу, не успѣли къ тебѣ воротиться, а ты ужь живой. Кто тебѣ далъ душу?“ „А я какъ знаю“, отвѣтилъ человѣкъ, — „вы ли, кто другой меня сотворилъ“. Создавши человѣка и скотину, Очурманы сказалъ товарищу: „Теперь всему сотворенному нуженъ правитель. Ты хотъ мнѣ помогать, но самъ ты ничего не выдумалъ“. Чаганъ-Шукуту обидѣлся и сказалъ: „Если бы не я, такъ ты ничего бы не сдѣлалъ“. Слово за сло-

во и поругались; хотѣли было драться, но Очурманы сказалъ: „Постой, мы поставимъ чашку съ водой и сядемъ подлѣ чашки одинъ противъ другаго. На чьей сторонѣ выростетъ въ чашкѣ цвѣтокъ, тому и быть богомъ и править землею“. Во время ихъ ссоры явился Шулмусъ и сказалъ: „Вы спорите о томъ, кому быть богомъ и править землею, а меня позабыли. Если бы не я, такъ земли бы не было. Давайте же и мнѣ пай изъ сотвореннаго“. Долго они спорили и ругались, наконецъ, чтобы какъ-нибудь отвязаться отъ Шулмуса, Очурманы, посоветовавшись съ товарищемъ, сказалъ: „Вотъ твой пай; сколько есть земли подъ оконечностью твоей палки, то и возьми“. Шулмусъ осердился, ткнулъ палкою въ землю, выдернулъ ее и оттуда поползли черви, змѣи и прочіе гады. Послѣ того Очурманы съ товарищемъ налили чашку воды, сѣли и стали дожидаться, на чьей сторонѣ выростетъ цвѣтокъ. Пока сидѣли, оба задремали. Чаганъ-Шукуты проснулся напередъ, посмотрѣлъ однимъ глазомъ на товарища, видитъ, что тотъ еще не открылъ глазъ, взялъ да и сорвалъ цвѣтокъ и положилъ на свой край блюда. Проснулся Очурманы, посмотрѣлъ, видитъ, что цвѣтокъ на сторонѣ Чаганъ-Шукуты, а корень на его сторонѣ, догадался въ чемъ дѣло и сказалъ: „Вотъ мы, боги, воруемъ другъ у друга, значитъ, и люди будутъ такіе же воры, все сотворенное будетъ въ постоянной ссорѣ и враждѣ, и люди и животныя будутъ стараться истреблять другъ друга“. Обидѣлся Очурманы и вознесся на небо. Ему жертвъ не приносятъ, хотя онъ настоящій богъ; Ульгенъ—это не богъ; это выдумали камы.

(Записано о. В. Постниковымъ отъ Халхаса Пахраса).

в. Земли не было; была въ началѣ одна вода, изъ которой выывались только двѣ горы Сумеръ Ула и Дорчжи Тангъ. На вершинѣ Сумеръ Улы было три сумэ, въ которыхъ жили 33 тэнгира; при подошвѣ горы была трехугольная площадка (въ память о которой у людей лицо суживается книзу клинообразно). На ней росло дерево Замбы дандзынгъ, вершина котораго поднималась выше верхушки Сумеръ Улы; тэнгиры питались плодами этого дерева. Бывшіе на площадкѣ подъ деревомъ Замбы ассыры кричали тэнгирамъ: „Зачѣмъ вы поѣдаете плоды дерева, которое принадлежитъ намъ, потому что растетъ на нашей землѣ!“ И однажды побили тэнгировъ. Тэнгиры пожаловались Очирвани; этотъ богъ ото-

слалъ ихъ въ Сульди-Тэнгри ¹⁾, а этотъ—къ Тайтжи-Тэнгри. Послѣдній вынулъ изъ океана мѣшокъ и въ немъ разные военные доспѣхи и молотъ; этимъ молотомъ онъ отломилъ отъ Сумеръ Улы камень, выковалъ изъ него желѣзо, изъ желѣза оружіе, подошелъ къ краю горы и крикнулъ на ассировъ: „Джа! джа! джа! хум! хум! хум! пад! пад! пад!“ Всѣ ассиръ отъ этого крика погибли. Послѣ того на ту гору слетѣлись тысячи боговъ и стали разбрасывать съ нея песокъ; бросали и золото, поэтому землю и зовутъ алтынн-тельке; подобно смѣтанѣ, густѣющей на молокѣ, сгустился песокъ, затвердѣлъ, и образовалась земля. Тогда боги сказали: „Надо ее населить“. Два бога, одинъ мужскаго, другой женскаго пола спустились на землю и стали жить по человѣчески. Стыда и срама они не знали. Богъ-мужъ отрѣзалъ конецъ отъ чулка и повѣсилъ на дверь на веревочкѣ; мышъ отгрызла веревочку, собака унесла упавшій чулокъ; Тэнгри наказалъ за это собакъ тѣмъ, что они послѣ совокупленія распадаются мордами врознь, а мышей тѣмъ, что онѣ скопляются. У пары боговъ родились сынъ и дочь. Они испробовали плодовъ дерева *балъ* и почувствовали стыдъ; попробовали плодовъ дерева *салъ* и еще болѣе устыдились, и больше грѣшить стали. Послѣ того у нихъ расплодилось большое потомство; жизнь усложнилась, начались споры, тяжбы; избрали старшину; потомъ потребовались судьи, наконецъ ханъ. Этого хана носили на носилкахъ, почему ему имя было Кузень ширету ханъ, то-есть, ханъ съ престоломъ на шеѣ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

г. Міръ создалъ Тенгисъ.

(Старикъ Теленгитъ. Чуйская степь).

д. Четыре кана (царя) держатся за „небесную пуговицу“, тэн-гринны тобчисы; этимъ крѣпится міръ. Четыре эти кана суть: Кун-быръ-каан, Еденъ пууду каан, Чаган-каан и Амырсананымъ улы Темірсана (то-есть, Темірсана, сынъ Амырсаны).

(Почукъ, крещенный Алтаецъ. С. Ангудай).

е. Маджи шпри обратился въ лягушку, легъ на брюхо, растянулъ

¹⁾ По словамъ рассказчика, у войоновъ черезъ три года бываютъ жертвоприношенія Сульдэ.

руки и на своемъ брюхѣ утвердилъ имъ же созданную землю. Если одинъ палецъ пошевелится у лягушки, бываетъ землетрясеніе.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

ж. Три кайракана: Шитаръ, Чингисъ и Кезеръ сотворили Оранъ-Телегея, то-есть, міръ.

(Бюргутъ, Тува Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Буренъ-голъ).

з. Дерево и камень на землѣ создалъ Оронъ Телегей Кайраканъ—Оронъ Телегей няшъ, ташъ булгашъ. Три кайракана на небѣ: Кезеръ, Чингисъ и Амырсана; всѣ они трое — одно, джангызла. Или какъ онъ же выразился: учъ кайраканнигъ, „три кайракана — одинъ“ ¹⁾. Ихъ всѣхъ виѣстѣ называютъ Телегей. Всѣ они трое сильны и страшны; человѣкъ не можетъ вынести ихъ вида; увидѣвъ, умираетъ. Изъ трехъ кайракановъ Кезеръ-кайраканъ азы то-есть, старшій, Амырсана аныякъ, то-есть, младшій. Кезеръ, испытавъ силу Чингиса, сталъ пытаться слуху Амырсаны. Амырсана подаль ему змѣю; Кезеръ проглотилъ ее безъ вреда. Потомъ Кезеръ положилъ топоръ въ огонь, и когда тотъ накалился, далъ Амырсанѣ; Амырсана не могъ выдержать ни тяжести, ни жара желѣза и уронилъ топоръ, который ушелъ въ землю. Кезеръ сказалъ: „Нѣтъ, въ тебѣ силы мало, но все-таки больше, чѣмъ у Чингиса“.

(Отъ него же).

и. Ерликъ-кайраканъ живетъ на небѣ (вопреки вѣрованію Алтайцевъ, Теленгитовъ и Монголовъ, которые помѣщаютъ его подъ землей). На небѣ живетъ Учъ Курбустанъ, то-есть, три хана: Ерликъ-ханъ, Орусъ-ханъ и Еджень-ханъ.

(Ульбо Тува Урянхаецъ. Р. Улукхемъ).

і. Была прежде тьма на землѣ; по ней летали злые духи Кэрэлъ и убивали людей камнями. Людямъ невозможно было жить на землѣ; тогда Очирвани закричалъ: „Солнце и мѣсяцъ, гдѣ вы?“ Бурхынъ Бакши отвѣчалъ, что они на днѣ океана. Тогда Очирвани велѣлъ свѣтиламъ подняться на небо и освѣтить землю.

(Табынъ Сахалъ, шаманъ, Олегъ Урянхаецъ. Г. Кобдо).

к. Очирвани взялъ огня, положилъ на очуръ и подбросилъ въ небо,—и загорѣлось солнце. Ударилъ очуромъ по водѣ,—и появился на небѣ мѣсяцъ. Свѣтъ солнца оттого и горячъ, что оно сдѣлано

¹⁾ Учъ—три по урянхайски, ниг—одинъ по монгольски.

изъ огня; свѣтъ мѣсяца холодный потому, что онъ изъ воды. Огонь для солида Очирвани взялъ отъ Шитыръ Тюльгуна.

(Чо Джамдинъ, лама, Халхасецъ изъ хошуна Тачжи Урянхай).

л. Три драгоценности, золото, серебро и красную мѣдь, гурбу ердени алтын мэнгу дзесь, Бурхынъ Бакши вымѣнялъ у худыхъ существъ на землю и далъ людямъ.

(Чо Джамдинъ; лама, Халха хошуна Тачжи Урянхай. Г. Кобдо).

д. Два бурхана, создавая человѣка, совѣтовались, какую душу вложить въ него. Одинъ говоритъ: „Бѣлую, какъ лебедь“. Другой: „Черную, какъ воропа“. Первый сказалъ: „Если вложить черную, то онъ въ адъ будетъ идти“. А другой думалъ такъ: „Если вложить бѣлую, какъ онъ будетъ рѣзать барашковъ? Онъ съ голоду умретъ“. И потому согласились дать человѣку душу пеструю, какъ сорока. Такимъ образомъ сорока есть образъ человѣческой души.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

е. Земля состоитъ изъ семи слоевъ; на каждомъ народъ. Въ сказкахъ говорится: джеты кат джердынъ дже сокты, пробилъ семь слоевъ земли.

(Алексѣй, крещеный Телеутъ. С. Ангудай).

ж. Су ээзі Сулай каан, Талай ээзі Таджи боко, то-есть, духъ водъ Сулай ханъ, духъ морей Таджи боко.

(Чончу, Теленгитка. Р. Чуя).

з. Бурятскія сказки начинаются такимъ предисловіемъ:

захэн зондыр модони уртыгун байхада
загали нхи бугэ нзыгын байхада
абырга нхэ загахани джараха байхада
ихи нхи далэн горхон байхада

„Въ то время, когда дерево Захэнъ-зондыръ было прутомъ, великій одень Загали былъ теленкомъ, великая рыба Абырга была малькомъ, великое море Нхи было ручьемъ“.....

(Сообщ. Н. В. Матхановымъ).

и. Летучихъ мышей (ярганатъ), ящерницъ, змѣй, лягушекъ сотворилъ Курмэсъ, по кумандински аза.

(Сообщ. о. М. Чивалговъ; телеутское повѣрье).

47. Очирвани.

а. Очирвани прежде былъ „докшинъ“, то-есть, дикій, какъ „мечп“ (обезьяна?); творилъ людямъ зло, убивалъ ихъ. Онъ обладалъ ве-

ликою физическою силой. Богъ (Тэнгри) завалилъ его горой; какъ ни силенъ былъ Очирвани, онъ не могъ свалить съ себя горы, потому что на горѣ лежала книга Цанъ Бомбу. Былъ одинъ лама Тонсыгъ; онъ съ неба услышалъ крикъ Очирвани, спустился къ нему и спросилъ: что ему нужно. Очирвани разказалъ, что онъ давно уже заваленъ горой, и просилъ освободить его. Лама спросилъ: какимъ образомъ онъ можетъ ему помочь. „Сними только съ горы книгу Цанъ Бомбу“, сказалъ Очирвани. Тонсыгъ лама взомель на гору и снесъ съ нея книгу. „Теперь ты уйди какъ можно дальше“, сказалъ Очирвани,—„потому что я имѣю силу скакать по тысячѣ мерге“. Тонсыгъ Лама отошелъ, Очирвани вскочилъ, и гора слетѣла съ него. Потомъ Очирвани пошелъ въ Тонсыгъ ламѣ, взялъ у него книгу Цанъ Бомбу и пошелъ отъ него прочь. Въ одномъ мѣстѣ онъ легъ ночевать; подъ нимъ сдѣлалось море, и онъ сталъ тонуть. Очирвани прижалъ книгу Цанъ Бомбу подъ мышкамъ и сталъ переплывать черезъ море. Во время этого плаванія все тѣло его покрылось писаніемъ. Вышедши на берегъ, онъ началъ вытряхиваться; куда тряхнетъ рукой или ногой, туда летѣло особое писаніе. Такимъ образомъ получили особое писаніе Китайцы, Чахары, Монголы, Русскіе. Четыре божества были товарищи: Гахай Бакши, Шорой Бакши, Цаганъ моринъ дагна¹⁾ и Очирвани. Въ настоящее время Джаяхандзегегенъ есть хубилганъ Очирвани.

(Тыбинъ-Сахалъ, Олетъ-Урянхаецъ, шаманъ въ г. Кобдо).

б. Очирвани ики тэнгэтэй бурхын, то-есть, богъ съ великою физическою силой. „Читкуръ“ (діаволь) хотѣлъ его обмануть и сказалъ ему: „Если ты сильный, то войди зимой въ море“ (далай). У него на умѣ было, чтобы въ то время, когда ледъ покроетъ озеро и скуетъ шею Очирвани, отрубить ему голову саблей. Море застыло, ледъ окружилъ шею Очирвани; Читкуръ собирался уже отрубить ему голову. Очирвани приподнялся, не могъ ничего сдѣлать, въ другой разъ то же, въ третій разъ поднялся и сбросилъ съ себя ледъ. Въ настоящее время Очирвани переродился въ Джаяхандзе-гегена.

(Баянъ Цаганъ, Дюрбютъ изъ г. Улангома, кости Шадагъ).

¹⁾ Дагна—небесная дѣва.

в. Очирвани кучи экитей, то-есть, съ большою физическою силой. Изображается приподнимающимся на правую ногу, правая рука протянута вверхъ съ очиромъ въ кулакѣ, лѣвая у груди; ротъ разинутъ. Въ древности Лосы, большой змѣй, жившій въ водѣ, пускалъ ядъ по землѣ, отчего люди и скотъ мерли. Тэнгри (небо) повелѣлъ Очирвани спуститься на землю и укротить Лосы; у Очирвани силъ не хватило на борьбу съ Лосун'омъ; послѣдній не только не сдался на его слова, чуть самага Очирвани не побѣдилъ. Очирвани поднялся съ земли, улетѣлъ на высокую гору Сумеръ Улы, постился, молился и курилъ благовонія передъ Тэнгри, прося о дарованіи ему силы, и чрезъ семь дней обратился въ Канъ Гариде, схватилъ Лосун'а за голову, обтащилъ три раза вокругъ вершины горы и голову прижалъ ему камнемъ. Лосунъ былъ такъ великъ, что въ то время, какъ голова его лежала придавленная на вершинѣ горы, а тѣло было три раза обернуто вокругъ горы, хвостъ его все-таки лежалъ въ водѣ. Лосунъ спросилъ: „Ты кто?“ „Я Очирвани“, отвѣчалъ противникъ. „Ты прежде не былъ такъ силенъ?“ „Я молился Тэнгри семь дней“, отвѣчалъ Очирвани. Тогда Лосунъ покорился. И теперь Очирвани держитъ Лосуна въ повиновеніи. Когда поклоняются Лосуну, то вывѣшиваютъ икону Очирвани. Лосунъ господствуетъ въ водѣ, Канъ Гариде на горахъ. Очирвани обращается (?) въ высокія страшныя горы, въ скалы, на которыхъ голова кружится.

О Канъ Гариде разказчикъ прибавилъ, что въ „номѣ“, то-есть, въ писаніи, онъ называется Ламнырь-Чугнукъ.

(Сарисынъ, грамотный Дюрбютъ изъ г. Улангома).

г. Очирвани въ одной рукѣ держитъ очуръ, который также называется *алтынъ-берія*. Эту вещь онъ добылъ отъ Лосына, спустившись на дно Хата-Далая (океана). Въ настоящее время онъ, держа ее въ рукѣ, держитъ океанъ въ границахъ и не позволяетъ ему выйти изъ береговъ.

(Табынъ Сахалъ, шаманъ, Олетъ-Урянхаецъ хошуна Тачжи Урянхай).

47. Чингисъ-ханъ.

а. Кто говоритъ, что Чингисъ-ханъ былъ бурхынъ, кто—что это былъ ханъ. Разказываютъ, что это былъ сынъ неба, который сошелъ на землю и лежалъ подъ деревомъ; возлѣ этого дерева

стояло другое, и оба дерева вершинами склонялись и соединялись. Съ вѣтвей одного дерева капалъ сокъ и попадалъ въ ротъ ребенка, чѣмъ онъ и питался. Въ это время Дзюнгарскій ханъ умеръ, не оставивъ наслѣдника; сановники собрались, чтобы выбрать хана, но не могли прійти къ соглашенію, потому что всякому хотѣлось быть ханомъ; потому рѣшили выбрать хана внѣ своей среды и выбрали этого ребенка. Халха называютъ этого ребенка Чингисъ-ханъ, Дюрбюты—Одунтай Бодунтай Тайши Гурбустенъ-ханъ.

(Ламъ Лудзынъ, Дюрбютъ, въ г. Улангомѣ).

б. Чингисъ-ханъ съ большою свитой выѣхалъ однажды на охоту; въ это время выпалъ снѣгъ; дорогой ханъ увидѣлъ ямку, въ которой была налита кровь, смѣшанная со снѣгомъ. Чингисъ-ханъ, прельщенный яркостью краски, спросилъ старшаго изъ своихъ приближенныхъ: „Бываютъ ли такіе красивые люди, какъ хороша эта окраска?“ Тотъ отвѣчалъ, что есть такая одна женщина—это жена Шитырь Тюльгунъ-хана. Чингисъ-ханъ задумалъ овладѣть ею; онъ послалъ противъ Шитырь Тюльгунъ-хана войско; хана схватили, и Чингисъ-ханъ хотѣлъ убить его. Шитырь Тюльгунъ-ханъ общалъ Чингисъ-хану изловить звѣзду Цолмонъ, чтобы война никогда не посѣщала его царства; Чингисъ-ханъ отказался; Шитырь Тюльгунъ-ханъ общалъ изловить звѣзду Мечинъ, чтобы въ царствѣ Чингисъ-хана никогда не было холодно; Чингисъ-ханъ отказался. Шитырь Тюльгунъ общалъ уничтожить безводье, то-есть, открыть искусство, будучи въ безводной степи, добывать воду; и на это Чингисъ-ханъ не согласился. Тогда Шитырь Тюльгунъ ханъ сказалъ, что онъ научитъ искусству, очутившись въ темнотѣ, добывать огонь. Чингисъ-ханъ пожелалъ знать это искусство, и Шитырь Тюльгунъ-ханъ высѣкъ ему огонь изъ кремля. Но Чингисъ-ханъ все-таки убилъ Шитырь Тюльгунъ-хана и взял его жену. Жена Тюльгунъ-хана ночью оскотила ножомъ Чингисъ-хана, и онъ отъ этого умеръ. Чингисъ теперь на небѣ, то-есть, богъ, бурхынъ онъ; въ настоящее время на землѣ его нѣтъ (то-есть, его плоченія, хубилгана). Въ молодости Шитырь Тюльгунъ-ханъ назывался Ойтынъ Мэргэнъ Тэбэнъ.

(Чо Джамцынъ, Халха, родомъ съ р. Узюнъ-Дзюль, въ хошунѣ Тачжи-Урянхай; записано въ г. Кобдо).

в. Чингисъ-ханъ былъ сынъ Хурмустанъ-хана; отъ него пошло до десяти туменей (тумень—10,000) потомства. Онъ изобрѣлъ водку. Время его было временемъ веселья, пированія и непрерывнаго блаженства; войнъ ни съ кѣмъ не было.

(Табинъ-Сахалъ, шаманъ въ г. Кобдо, родомъ Олетъ-Урянхаецъ).

г. Чингисъ отправился на охоту; въ его отсутствіе ночью ханьша слышитъ, что кто-то входитъ въ ея покои. Она удивилась, кто смѣлъ войти въ ея спальню, и обмарава руку о закопченный бокъ котла, тронула вошедшаго по сплнѣ. Утромъ она велѣла осмотрѣть всѣхъ людей въ ставкѣ; пятно оказалось на сплнѣ ея младшаго сына. Она сказала: „Это не сынъ мой!“ и велѣла его казнить, а отрубленную голову, руки и дѣтородный членъ принести. Палачи увели тайджи (царевича) въ поле, но пожалѣли его — отрѣзали ему только косу, ошлага (нотургу) и часть тѣла съ дѣтороднаго члена. Царевичъ сдѣлался потомъ нойономъ у Хасыковъ, то-есть, у Киргизовъ. Вотъ отчего Киргизы брѣютъ волосы и не носятъ косъ, не имѣютъ ошлаговъ на рукавахъ и совершаютъ обрядъ обрѣзанія.

(Чо Джамдинъ, Халхасецъ).

д. Около монастыря на р. Эгъ, гдѣ стоитъ каменная баба Даннъ Дэрхэ, есть мѣстность Хара-Того (черный котелъ); эта круглая впадина, снаружи черная, внутри заросла лѣсомъ; возлѣ нея гора по имени Буркель (такъ называется сводообразная покрывка, надѣваемая на котелъ во время выкуриванія воды); другая гора называется Тангна (жолобъ, употребляемый при винокурении и вставляемый для стока воды); четырехугольная скала съ жолобомъ по срединѣ называется Цорго (трубы, употребляемыя при выкуриваніи воды). Это все приписывается Чингисъ-хану. Есть тутъ также и Гадысь, то-есть, колъ, въ которому будто Чингисъ-ханъ привязывалъ своего коня. На немъ видна полоса въ родѣ пояса.

(Лубсынъ лама, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

е. Въ Хошунѣ Уйдзинъ-Гуна есть котелъ (того) и таганъ (толго) Чингисъ-хана. Котелъ этотъ величиной съ тѣ котлы, что бывають въ буддйскихъ монастыряхъ; таганъ также большихъ размѣровъ. Въ 8-й лунѣ 15-го числа празднуютъ — варятъ мясо, а котелъ Чингисъ-хана наполняютъ арикомъ (кислымъ молокомъ), пушюликомъ (сыромъ) и вообще „бѣлою ѣдой“, цаганъ иденъ (то-есть, молочнымъ). На котлѣ есть отверстіе больше пальца; замѣчаютъ,

если изъ него потечетъ—къ общественной невзгодѣ (му цакъ); не потечетъ—ко благу.

(Сенге Дорджи, писарь на караулѣ Цициргана; Халха хошуна Уйдзинъ-Гуна).

ж. Чингисъ былъ ханомъ у народовъ Тайсы и Тайфу, которые живутъ въ востоку отъ Хатунъ-гола и Алашана; они ждутъ его пришествія черезъ 80 лѣтъ и ходятъ по Монголіи дѣлать сборъ; простой людъ ничего не даетъ, князья, которые всѣ суть потомки Чингиса, подаютъ усердно; княгини и княжны (бэръ) не показываются этимъ сборщикамъ. Въ хошунѣ Джанджинъ-Мергенъ-Вана есть мѣстность Эргуль; это квадратная долина, окруженная съ четырехъ сторонъ горами; горы мягкія. Нѣкто изъ поселившихся тамъ началъ раскапывать гору и нашелъ гробъ изъ дерева замѣтный, опоясанный пятью стальными обручами; раскрывъ гробъ, онъ нашелъ въ немъ женщину съ огромною головой; на каждомъ пальцѣ было по кольцу, на рукахъ браслеты и въ ушахъ серьги золотыя и серебряныя. Это была могила жены Чингисъ-хана. Снова сложили останки и драгоценности въ могилу, закрыли ее и приставили стражу. Шелковыя вещи при открытіи гроба тотчасъ пстѣли. вмѣстѣ съ женой Чингиса тутъ было открыто 18 другихъ труповъ.

(Онъ же).

з. Въ хошунѣ Уйдзинъ-Гуна, въ горахъ Байнъ-Уланъ есть мѣстность, обильная водой; здѣсь была зимовка Чингиса; она усыяна черными камнями, которые почитаются за аргаль (пометъ) чингис-хановыхъ овецъ; камни эти жгутъ и дымомъ ихъ окуриваютъ хворающій скотъ. Въ горахъ Багадзень-чило указывается зимовка Шиджыръ-ватыра.

(Онъ же).

и. Міръ создалъ Чингисъ, возсѣдая верхомъ на десяти шуу—он шуу мэнген.

(Шаманка Джаппа, Урянхайка. Р. Торхоликъ).

і. У Бурятъ есть сказка о Шингысѣ, которая начинается такимъ образомъ: У одного хана было двѣ жены; у младшей родился ребенокъ, у старшей не было. Младшая написала мужу, находившемуся въ походѣ, письмо; старшая подмѣнила письмо и написала въ немъ: родился ни ребенокъ, ни звѣрь. Царь на это письмо отвѣтилъ: „Оставить до моего приѣзда“. Старшая жена опять под-

мѣнила письмо и написала: „Заложить въ смоленную бочку и бросить въ море“. Носило бочку по морю и пришло къ берегу. Шингисъ, заключенный въ бочкѣ, топнулъ ногой, и бочка разлетѣлась. Онъ вышелъ изъ бочки. Въ это время жаворонокъ пропѣлъ: „Шин, шин!“ За это и дали ему имя Шингисъ.

(Свящ. Як. Чистохинъ, род. Бурятъ изъ Забайкалья, д. Шимки).

к. Чингисъ-Тэнгиръ-Ханъ-Курбусту прежде былъ на землѣ, теперь на небѣ.

(Унцанъ, Халха хошуна Сартаулъ, родомъ изъ уроч. Хуху Дерису).

л. У Шингисъ-хана отецъ назывался Жускэй-батырь. Шингисъ-ханъ имѣлъ врагами Олетовъ, которые его преслѣдовали, хотѣли отравить и копали яму.

(Лама изъ Аларскихъ Бурятъ).

м. Шингитъ-ханъ имѣлъ четыре сына: старшій — Далай-лама, слѣдующій — Амы-гылынъ-ханъ, третій — Талдэнъ-ханъ (онъ же Джумбулъ-дорджиханъ); онъ собиралъ въ свое вѣдѣніе тѣхъ умершихъ, которые были воры или преступники; четвертый младшій сынъ былъ Цаганъ-ханъ. Вѣчный снѣгъ бѣлка Мунко-сагана есть слюна, которую сплюнулъ Шингитъ-ханъ, покуривъ трубку; гдѣ онъ выколотилъ изъ нея золу, образовался голецъ Баинъ-ола, лежащій не вдалекѣ къ югу отъ Мунко-сагана ¹⁾. Гора Янгитъ, лежащая къ востоку отъ бѣлка Мунко-сагана, — это джипса (камень) съ шапки Шингитъ-хана, который оставилъ ее тутъ.

Другой Бурятъ, объясняя точно также образованіе Баинъ-олы, Янджитъ-олы и льда Мунко-сагана, приписалъ это, вмѣсто Шингитъ-хана, Тарханъ-дуриску ²⁾.

(Бурятъ Тункинск. вѣдомства, солдатъ).

¹⁾ Баинъ-ола коническая, крутая, каменная и безлѣсная гора; снѣгъ зимой на ней не лежитъ, и она бросается въ глаза своею чернотой среди другихъ побѣлѣвшихъ горныхъ вершинъ.

²⁾ Одинъ лама Урянхаецъ ту гору, которую другіе обыкновенно называли Янгитъ-олой, назвалъ Ундюръ-бай-сыхылынъ; по его же словамъ, къ сѣверу отъ нея, влѣво отъ дороги, если ѣхать съ Косогола на Иркутъ, на сѣверной сторонѣ р. Усунъ-сайръ (Цаган-усунъ?) находится холмъ Талы-болдокъ-тологой, гдѣ былъ взятъ Шингисъ-ханъ. У южнаго же конца горы Ундюръ-бай-сахылынъ находится холмъ Ванту-тологой.

н. Чингисъ-ханъ посадилъ Амыголынъ-хана подъ желѣзную рѣшетку (тэмур шибэ), но братъ Чингиса, Турубъ или Турумъ (полное его имя: Турумъ Бодонъ хошуши), подрылъ подъ рѣшетку ходъ; она провалилась, и Амыголынъ-ханъ вышелъ на третій день послѣ заключенія. Чингисъ-ханъ приходитъ посмотрѣть, Амыголынга нѣтъ; онъ удивился: „Какъ такъ, у него силы меньше, чѣмъ у меня, какъ онъ спасся?“ Чингисъ могъ летать на три сажени, онъ былъ крылатый. Когда Чингисъ-ханъ полетѣлъ, народъ испугался его и разбѣлся. Отъ крыльевъ поднялась буря, отъ которой снесло съ горы Сугду-сумур-уланъ (онъ же произносилъ: монастырь сукту сэн муру ола), вмѣстѣ съ жившимъ тамъ святымъ Орхонъ-хулубахча. Турумъ (или Турай или Турубъ) былъ убитъ въ мѣстности Гуджиръ близъ Тунки тремя стами Китайцевъ; онъ не былъ бы убитъ, да жена въ торопяхъ не застегнула ему ошейника, которымъ прихватывались нижніе концы шлема, и стрѣла попала ему въ горло. Петръ Гантимуровъ считалъ себя потомкомъ этого Турума; именно онъ насчитывалъ съ собою семь поколѣній: 1) Турумъ Бодонъ хошуши, 2) Измайло, 3) Гурубъ или Гурникай, 4) Ламай, 5) Дормой, 6) Морово.

(Петръ Гантимуровъ, обурятавшійся Тунгусъ).

48. Сынъ неба.

а. Бобырганъ (летяга) выкопалъ глазу Джайку, сыну Тэмрэ-нынъ-Кана (небеснаго царя). Поэтому камы во время камланья имѣютъ при себѣ шкуру летяги. Я долженъ сознаться, заявилъ Буунчукъ, — что во время камланья я видѣній никакихъ не имѣлъ, а чувствовалъ себя только въ туманѣ; по голосу слышалъ, чтобы вязали бобыргана, несли узду и желѣзные треноги и наложили крѣпи на него. Вѣрно онъ только на землѣ ничтоженъ, на небѣ же становится великъ и силенъ.

(Буунчукъ, камъ на р. Сарытума, Алтаецъ кости Кобокъ).

б. Бобырганъ прежде жилъ на небѣ; онъ выколупалъ глаза сыну божію (Кудайдымъ-олы) Канъ-Джайку и бѣжалъ съ неба на землю; Канъ-Джайкъ бросился за нимъ, сошелъ на землю, но не могъ найти, остался на землѣ и сталъ курюмесемъ. Когда камъ камлаетъ, то слышится голосъ, гремачій съ неба къ Джайку, что

нужно стреножить Бобыргана. На вопрос: гдѣ же теперь Джапкъ, — старуха отвѣчала: Кто его можетъ видѣть. Это Курюмесъ! Ходящія по небу акъ-булутъ, вокъ-булутъ (бѣлые и синіе облака) мы называемъ Джаикъ.

(Тотой, старуха кости Телесъ, на р. Чуѣ).

в. Тэнгиринъ Цаганъ-шибо (небесная бѣлая сова), солонгд, или иначе называемый чокуръ-адзырга (бурундукъ), и сокуръ-номынъ (кротъ?) втроемъ погубили единственного сына неба (Тэнгиринъ-кубунъ); поэтому они теперь боятся молніи и прячутся; цаганъ-шибо на лѣто уходитъ на дно моря, сокуръ-номынъ дѣлаетъ нѣсколько норъ, чтобы Тэнгиръ не узналъ, въ которой онъ норѣ сидитъ; бурундукъ прячется подъ корни дерева; поэтому молнія часто падаетъ въ дерево, и убивая бурундука, разщепляетъ и дерево.

(Сарисынъ, Дюрбютъ хошуна Вана. Г. Улангомъ).

г. Цаганъ-шибо, ямынъ (тушканчикъ) и чокуръ-номынъ убили сына неба (Тэнгри кубынъ). Теперь молнія стрѣляетъ въ этихъ звѣрей. Убивъ ямына, народъ нашъ втыкаетъ его осниманное мясо на тычку или вершину дерева брюхомъ вверхъ, распяливъ погн; шкуру бросаютъ.

(Дюрбютъ хошуна Вана сумына Хондого).

д. Сынъ Тэнгри-Гурбустэнъ-хана былъ убитъ на землѣ птицей цаганъ-шибо и звѣркомъ чокуръ-номынъ. Поэтому оба скрываются отъ молніи: цаганъ-шибо на лѣто улетаетъ изъ края и является только зимой, когда грома не бываетъ; чокуръ-номынъ зарывается въ землю.

(Лузынъ Саты, Дюрбютъ хошуна Вана на р. Дзабхынъ).

е. Тэнгри цаганъ-шибо, чокуръ-номынъ и джиренъ-холь (наѣкомое двухвостка) втроемъ убили сына неба; поэтому цаганъ-шибо на зиму улетаетъ; иные говорятъ, лежитъ въ морѣ.

(Дюрбютъ хошуна Вана, на р. Дзабхынъ).

ж. Сынъ неба былъ убитъ сокуръ-номыномъ; въ него теперь стрѣляетъ молнія; онъ боится ея и потому дѣлаетъ много отнорковъ; молнія не знаетъ, въ которомъ отноркѣ онъ дѣйствительно находится, и попадаетъ въ пустую. На вопросъ: какъ зовутъ сына неба,

Баинъ цаганъ отвѣчалъ: Слышалъ, какъ старые люди называли его Темпръ Бёсъ (желѣзная вошь).

(Баинъ цаганъ, Дюрбютъ ханскаго хошуна изъ г. Улангома).

з. Сына неба убилъ звѣрокъ хула джиргы. Разказчикъ прибавилъ, что у этого звѣрка подъ мышками есть крылья (слѣдовательно, это летяга).

(Табынъ сахалъ, шаманъ въ г. Кобдо, кажется, Олетъ-Уряхецъ).

и. Бобырганъ (летяга) прежде жилъ на небѣ; онъ выкопалъ глаза старшему сыну неба Джапкъ. Джапкъ погнался за нимъ, спустился на землю, но не могъ догнать и найти Бобыргана, который спрятался въ кедрѣ (мёшь). Небо бросило въ него молнію. Оттого молнія всегда поражаетъ карагачъ (чернолѣсъ), но не падаетъ на сарагачъ (желтый лѣсъ). Когда камъ приносятъ на небо (во время мистерій) шкуру бобыргана, небо велитъ стреножить его, связать ему руки и сковать ноги.

(Таранъ, камъ на р. Чуѣ).

і. Сынъ неба, „воплотившись, спустился“ на землю—хубулубъ тушер.

(Шаманка Курукнай, Тува Урянхайка кости Сальджаеъ. Р. Улукемъ).

к. Бобырганъ (летяга) выкопалъ глаза любимому сыну Тэнгиръ; поэтому, если камъ восходитъ на небо съ бобырганомъ (то-есть, камлетъ, пмѣя привязанною къ плащу или бубну шкуру летяги), то его (бобыргана) тамъ схватываютъ, вяжутъ и треножаютъ.

(Чончу, Теленгитка, вдова кости Алматъ. Долина р. Чуи).

л. Были сынъ неба (тэнгиринъ ху) Техе бёхо и сынъ земли (гадзыренъ ху) Якъ-бёхо-ясенъ-бёхо; они боролись между собою.

(Джамцинъ Солонъ, съ оз. Буиръ-нора).

49. Сказки о хитромъ ворѣ.

1. Долонъ Дондушъ и Ганци Ментышъ.

Жили семь Дондушей (долонъ семь по монгольски), имѣвшіе семь матерей; жилъ также Ганци Ментышъ съ матерью. Дондыши убили мать у Ментыша; Ментышъ собралъ кровь своей матери, пошелъ въ поле, увидѣлъ тамъ семь верблюдовъ съ бѣлыми лысынами (цаган манхынтай) и вымазалъ эти лысины кровью своей матери. Потомъ онъ пошелъ далѣе, встрѣтилъ человѣка, который спросилъ его: „Не

видалъ ли моихъ семь верблюдовъ, съ бѣлыми лысынами? „Видѣлъ семь верблюдовъ, но съ красными лысынами“, отвѣчалъ Ментышъ. „Это вѣрно мои и есть“, сказалъ человѣкъ, — „только ты ошибся, принялъ бѣлыя лысыны за красныя“. Поспорили, и тотъ человѣкъ сказалъ Ментышу: „Пойдемъ и посмотримъ, и если лысыны окажутся красныя, то пусть верблюды будутъ твои“. Приѣхали къ верблюдамъ, и хозяинъ долженъ былъ убѣдиться, что Ментышъ былъ правъ, и отдалъ ему верблюдовъ. Гонимъ Ганци-Ментышъ семь верблюдовъ и встрѣчаетъ Долонъ Дондышей; тѣ спрашиваютъ: „Гдѣ ты взялъ верблюдовъ?“ Ментышъ отвѣчаетъ: „Ханъ далъ ихъ мнѣ за убитую вами мою мать“. Семь Дондышей пошли домой, убили своихъ семь матерей, отнесли ихъ къ хану и стали просить, чтобы тотъ и имъ далъ за каждую по семи верблюдовъ. Ханъ взялъ двѣ палки сухую и сырую и избилъ ими Дондышей. Плачутъ они, идучи домой, и думаютъ: „Надо отмстить Ментышу“. Пришли къ нему, исколотили его, привязали крѣпко спиной къ столбу, рѣшили убить его, а сами ушли домой (за топоромъ?) Къ дереву подѣхалъ горбатый старикъ на красномъ быкѣ, гнавшій тысячу сѣрыхъ барановъ. „Зачѣмъ ты, молодой парень, привязанъ?“ спросилъ горбунъ. „У меня спина горбата“, отвѣчалъ Ганци-Ментышъ, — „такъ я привязалъ себя къ дереву, чтобы выпрямить ее“. „Привяжи меня вмѣсто себя, чтобы и моя спина выпрямилась“, проситъ горбунъ. Развязалъ онъ Ментыша, и Ментышъ крѣпко прикрутилъ старика къ дереву вмѣсто себя. Старикъ говоритъ: „Пока я буду привязанъ, ты попаси моихъ овецъ“. „Хорошо“, сказалъ Ментышъ, сѣлъ на красного быка и угналъ стариковыхъ овецъ къ себѣ домой. Дондыши вернулись и хотятъ рубить горбуна. Горбунъ сталъ кричать, что онъ другой человѣкъ, что тотъ, кого они привязали, обманулъ его, сказавъ, что привязываніе къ дереву выпрямляетъ спину, что этотъ обманщикъ угналъ у него овецъ; Дондыши не повѣрили горбачу и убили его. Ёдутъ домой и встрѣчаютъ Ментыша, который сидитъ на быкѣ и гонитъ тысячу овецъ. „Гдѣ ты досталъ быка и овецъ?“ спрашиваютъ его. „Два озера дѣлили между собою наслѣдство“, отвѣчалъ Ментышъ — „я помогалъ дѣлежу и за то получилъ этотъ подарокъ“. „Да развѣ можно попасть къ нимъ (эзенамъ озеръ)?“ спрашиваютъ Дондыши. „Очень легко“, говоритъ Ганци-Ментышъ, — „нужно только поясъ привязать къ палкѣ, бросить ее на воду и

вскочить на нее: она, кружась, пойдетъ ко дну, и вы легко съ ней вмѣстѣ спуститесь“. „Покажи дорогу къ тѣмъ озерамъ“, проситъ Долонъ Дондышъ. Ганци-Ментышъ указалъ имъ дорогу къ озерамъ, которые были вблизи; Дондыши такъ и сдѣлали, какъ ихъ училъ Ментышъ, и всѣ семь утонули. Долонъ Дондыши имѣли дурное сердце и погибъ, а Ганци-Ментышъ имѣлъ добрую душу и сталъ богатъ.

(Баянъ цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

2. Вамба Шиту и Дэулдаужъ.

а. Былъ Шерисенъ-ганъ; близъ него жилъ Шулмусъ подъ видомъ старухи, у которой была всего одна корова — сарлыкъ. Однажды сынъ хана Хара Нидунъ-тайджи, играя, зашелъ къ старухѣ съ своимъ провожатымъ; у нея въ юртѣ оказалось всякаго добра и пищи — арулу, урюму, пшсыху обиліе; Тайджи спросилъ: откуда старуха имѣетъ все это, когда у нея всего одна корова? Старуха отвѣчала, что ея корова такая, что возлѣ нея она всегда вмѣсто навоза находитъ серебро и золото. Тайджи разказалъ отцу, и ханъ послалъ его купить чудесную корову. Тайджи снова пришелъ къ старухѣ и предложилъ ей вмѣсто этой коровы другую съ теленкомъ; шулмусъ отказалась; тогда онъ ей предложилъ пять коровъ, потомъ 10, и 20, но старуха не хотѣла и слышать, и только тогда уступила корову, когда Тайджи предложилъ ей пятьдесятъ коровъ съ телятами. Тайджи вернувшись къ отцу и сказавъ ему, что старуха проситъ за свою корову; ханъ сказалъ: „Ничего, пусть отведутъ ей 50 коровъ съ телятами: въ пять дней корова старухи доставитъ намъ золота и серебра столько, что можно будетъ снова купить 50 коровъ“. Согнали ханскихъ коровъ къ старухѣ, а у нея взяли ея единственную; спустя нѣкоторое время, навѣдался къ этой коровѣ, — подлѣ нея лежитъ вмѣсто серебра обыкновенный навозъ. Ханъ сказалъ: „Старуха обманула насъ; нужно допросить ее: отчего корова не даетъ золота и серебра, а даетъ обыкновенный навозъ?“ Допросили старуху, и она сказала, что нужно корову въ то время, когда замѣтять, что она хочетъ класть навозъ, бить желѣзнымъ пестомъ (тумур мун). Повѣрили старухѣ, но только изломали коровѣ ноги, а кромѣ навоза, все-таки ничего не получили. Тогда ханъ послалъ воиновъ убить старуху обманщицу; воины подошли къ юртѣ и

видятъ, изъ юрты огонь стоитъ до неба; они посмотрѣли въ про-
рѣху въ войлокѣ и увидѣли, что старуха варить въ котлѣ цѣлую
корову и мѣшаетъ мѣднымъ носомъ (дзесь кошу). Воины испуга-
лись и убѣжали. Ханъ сказалъ: „Это шулмусъ, его не убьешь. На-
до скорѣе скочевать отсюда“. И уководили, а шулмусову корову,
которая была стельная, бросили. Корова выздоровѣла и пошла.
На встрѣчу ей тигрица (бар). „Куда корова идешь?“ спрашиваетъ
тигрица. „Телиться“, отвѣчаетъ корова. „Ну, и я съ бременемъ“, го-
воритъ тигрица; — „пойдемъ вмѣстѣ“. Пошли вмѣстѣ, нашли одно спо-
койное мѣсто, остановились. Тигрица родила напередъ, пришла къ
коровѣ и говоритъ: „Дай моему дѣтенышу имя“. Корова дала ему
имя Бамба Шиту. Потомъ отелилась корова, и тигрица дала имя
теленку Дзулдзукъ. Стали жить вмѣстѣ, и тигренокъ игралъ съ
теленкомъ, какъ съ братомъ подъ деревомъ, когда корова уходила
на траву, а тигрица ловить сурковъ. Однажды корова не пришла,
Дзулдзукъ плачетъ; Бамба Шиту пошелъ къ своей матери и спро-
силъ: „Гдѣ мать Дзулдзукъ?“ Тигрица сказала: „Молчи, не спра-
шивай“. Однако Бамба Шиту присталъ къ матери, и тогда она
сказала: „Ее волки съѣли“. Пришелъ Бамба Шиту къ Дзулдзукъ, тотъ
плачетъ и говоритъ: „Ты имѣешь мать, а у меня нѣтъ матери, ее
волки съѣли“. Бамба Шиту отвѣчаетъ: „Твою мать не волки съѣли, а
моя мать. Я убью ее за это, и будемъ оба жить равными спротами“. Бамба Шиту сталъ уговаривать свою мать показать ему мѣсто, гдѣ
волки съѣли корову. Тигрица не хотѣла, но наконецъ, согласи-
лась, привела сына на высокую скалу и показала кости. Посмотрѣлъ Бамба Шиту: слѣды все тигрицны, а не волчьи. Онъ говоритъ: „Подвинься еще, я поближе посмотрю; еще под-
винься! еще!“ Тигрица двигалась до самаго края, и сынъ столк-
нулъ ее со скалы; тутъ она и убила. Потомъ Бамба Шиту
сказалъ Дзулдзукъ: „Пойдемъ отсюда“. Пошли; дорогой встрѣтили
мѣсто, гдѣ стоялъ аилъ, и на аилищѣ нашли колокольчикъ (хонхо);
Бамба Шиту взялъ его и привѣсилъ теленку, сказавъ: „Если мы
разойдемся, по звуку этого колокольчика я буду тебя находить“. Однажды они шли одинъ по одну сторону горы, другой по другую. Тигренокъ все слышалъ колокольчикъ; потомъ звуки вдругъ пре-
кратились. Онъ бросился въ ту сторону и видитъ—два батырчи
(нищѣ) успѣли уже убить теленка и варятъ мясо, а четыре ноги

лежатъ въ сторонѣ. Тигръ (бар) заплакалъ надъ костями бычка
и съ словами: „У меня теперь нѣтъ ни матери, ни товарища“
тутъ же умеръ. На этомъ мѣстѣ выросли два тополя золотой и
серебряный. Кочевалъ мимо тополей Хара Нидунъ тайджи, уви-
дѣлъ тополи и сказалъ: „Вотъ хорошее мѣсто для стоянки“. И раз-
блѣ тутъ свою ставку. Работница, вставая рано, замѣтила, что
тутъ по утрамъ играютъ два красивые мальчика, одинъ въ спи-
ней, другой въ желтой шубѣ, и когда она ихъ увидитъ, уходятъ
въ тополи. Она сказала о томъ тайджи; тотъ захотѣлъ въ этомъ
самъ убѣдиться и всталъ пораньше; дѣйствительно, такъ случи-
лось и въ это утро. На слѣдующій день тайджи приказалъ выво-
ротить эти деревья съ корнемъ; подъ корнями нашли храмъ (су-
минъ) и въ немъ двухъ играющихъ дѣтей. Тайджи взялъ этихъ
дѣтей и отдалъ воспитывать своей женѣ. Однако старшій маль-
чикъ Бамба Шиту сказалъ своему брату: „Ты здѣсь живи у тайд-
жи, а я долженъ идти на востокъ, гдѣ солнце всходитъ“. И ушелъ.
Дзулдзукъ остался у тайджи и звалъ его отцемъ, а жену его ма-
терью. Однажды, проигравъ въ юрты до полудня, онъ пришелъ
къ матери и попросилъ ѣсть: „Едзи, я хочу ѣсть!“ Мать сказала:
„Что ты такъ рано захотѣлъ, поди еще поиграй“. Мальчикъ еще
поигралъ, и уже поздно стало, онъ снова пришелъ просить ѣсть,
но получилъ тотъ же отвѣтъ. Тогда онъ подумалъ: „Видно мнѣ
здѣсь не дадутъ ѣсть; пойду на востокъ къ старшему своему бра-
ту“. И ушелъ. Шелъ, шелъ, пришелъ къ горѣ, на которой жилъ
отшельникъ-лама. Дзулдзукъ пришелъ къ ламѣ; тотъ спросилъ:
„Куда ты идешь, мальчикъ?“ Дзулдзукъ сказалъ: „Иду къ брату Бам-
ба Шиту, который ушелъ на востокъ; меня не накормили дома,
и я рѣшился разыскать брата“. Потомъ онъ прибавилъ, что не
надѣется найти брата, и хочетъ остаться жить здѣсь у ламы,
и попросилъ ѣсть. Лама сказалъ: „Я молюсь и пощусь, и у меня
нѣтъ ничего тебѣ дать поѣсть, и жить тебѣ здѣсь остаться
нельзя; лучше ступай дальше къ брату; вотъ могу только тебѣ
дать на дорогу эту вещицу!“ И далъ мальчику круглый кусочекъ
дерева дзандынъ. Идетъ мальчикъ далѣе, приходитъ къ желѣзной
стѣнѣ; стучалъ, стучалъ, на силу достучался. Отворила ему двери
прекрасная женщина; внутри двора многоэтажный дворецъ (бай-
син): одинъ ярусъ чугунный, другой стеклянный, третій желѣзный.

Женщина ввела его въ домъ; при входѣ лежалъ слѣпой тигръ (бар); Дзулдзукъ ударилъ его по головѣ; женщина накормила мальчика, и онъ сказалъ ей, что онъ останется тутъ жить. Женщина стала отговаривать его: „Тутъ остаться тебѣ жить нельзя; потому что мужчины въ здѣшней землѣ все львы (арслан) и тигры (бар) и съѣдятъ тебя“. Однако мальчикъ объявилъ, что онъ дальше не пойдетъ, потому что все равно, если не здѣсь отъ львовъ и тигровъ, то въ дорогѣ придется умереть съ голода. Женщина спря-тала Дзулдзука подъ войлокъ. Пришли левъ и тигръ и слышали запахъ дерева дзандына, стали допрашивать женщину. Она сказала, что никого нѣтъ. „Мы слышимъ запахъ дерева дзандына“, сказали тѣ. Слепой тигръ также сообщилъ, что его кто-то, проходя, ударилъ по головѣ, когда ихъ не было дома. Однако женщина не выдала мальчика. Когда левъ и тигръ ушли, женщина сказала: „Ну, теперь намъ нужно бѣжать обоимъ, не то и меня, и тебя съѣ-дятъ“. Побѣжали. Левъ и тигръ тоже побѣжали за ними въ пого-ню; женщина увидѣла ихъ и говоритъ Дзулдзуку: „Левъ и тигръ догоняютъ; нѣтъ ли у тебя средства отвратить опасность“. Дзулдзукъ сказалъ, что у него есть только шарикъ изъ дерева дзандына, данный ему ламою. Женщина посоветовала ему бросить шарикъ на дорогу и помолиться ламѣ. Дзулдзукъ бросилъ шарикъ и про-говорилъ: „Лама, помолись обо мнѣ“. Шарикъ обратился въ скалу до небесъ, и левъ и тигръ больше не могли догнать ихъ. Дошли бѣглецы до высокой горы; Дзулдзукъ спросилъ: „Что это за гора?“ „Это Сумбюръ-ола“, сказала женщина. При подошвѣ горы видно было двѣ бѣлыя юрты (цаган гер). Женщина жила тутъ прежде и привела сюда Дзулдзука. Стали они тутъ жить. Дзулдзукъ сталъ звать ее матерью. Однажды мать говоритъ: „Я буду волосы чесать, тебѣ не годится видѣть; не входи въ юрту“. Мальчикъ однако подсмотрѣлъ въ прорѣху, и у матери волосы посыпались съ головы; мать узнала и сказала: „Коли ужъ подсмотрѣлъ, то вой-ди“. Мать собрала волосы, заперла въ желѣзный ящикъ и сказала сыну: „Отнеси и положи въ чистое мѣсто“. Сынъ подумалъ: какое же мѣсто чище рѣчной воды, и спустилъ ящикъ на рѣку; ящикъ уплылъ внизъ, а внизу жилъ Шарисынъ-ханъ. Когда хану прине-сли ящикъ и вскрыли, онъ сказалъ: „Въ вершинахъ рѣки, вѣроят-но живетъ дагине, дочь Тэнгри Хурмустень-хана; у дагине воло-

сы сыплются, если кто подсмотритъ, какъ она чешется“. Поѣхалъ ханъ посмотрѣть, увидѣлъ красную дагине и ея мальчика, задумалъ взять ее замужъ за сына. Онъ послалъ къ ней служанку; эта по совѣту хана сказала мальчику: „Спроси у матери: гдѣ нашъ богъ, и потомъ скажи мнѣ“. Дзулдзукъ сдѣлалъ по просьбѣ служанки, и дагине указала сыну на харадюрбюльджинъ (черный четверугольникъ), находившійся на топѣ¹⁾. „Ты брось его въ огонь“, сказала потомъ служанка мальчику. Дзулдзукъ бросилъ, богъ сгорѣлъ, и Дзулдзукъ умеръ. Въ это время пришелъ къ дагине Бамба Шиту, увидѣлъ мертваго Дзулдзука и говоритъ: „Это мой братъ! Какъ онъ сюда попалъ и отчего умеръ?“ Дагине разказала. Тогда Бамба Шиту открылъ пазуху у брата, поплевалъ ему на грудь, и тотъ ожилъ. Съ той поры Дзулдзукъ сталъ называться Бамбинъ-Сенге.

(Найдывъ, богдошабинецъ изъ г. Урги).

б. Ерликъ ханъ, узнавъ, что есть Бамбинъ-Сенге, послалъ двухъ своихъ ельчи (пословъ) взять его душу. Тѣ пошли, но не нашли. Тогда онъ послалъ другихъ и сказалъ имъ, что если придутъ ни съ чѣмъ, то онъ ихъ броситъ въ адъ. Ельчи пошли и нашли Бамбинъ-Сенге, но онъ притворился мертвымъ. Они посыпали ему соли въ глаза—онъ не пошевелился; надрѣзали пятки и насыпали гуджирю—не пошевелился. Ельчи сказали: „Пойдемъ пока за другой душой и придемъ сюда снова черезъ три дня; если онъ не притворился, то найдемъ его опять на томъ же мѣстѣ и въ томъ же видѣ“. Пошли ельчи къ одному богатому человѣку, взяли душу его сына, положили въ мѣхъ (бурдюкъ) и пошли опять къ Бамбинъ-Сенге; онъ лежитъ все въ томъ же видѣ. Тогда они пошли къ Ерликъ хану; Бамбинъ Сенге догналъ ихъ, спрашиваетъ: „Куда идете?“ „Къ Ерликъ-хану“, отвѣчаютъ;—„ходите за душой Бамбинъ-Сенге, но не нашли; несемъ душу сына одного богатаго человѣка“. „Я пойду съ вами“, просится Бамбинъ-Сенге. „Иди“, сказали ельчи. Идутъ вмѣстѣ. Дорогой Бамбинъ-Сенге спрашиваетъ ихъ: „Вы чего боитесь?“ „Мы боимся колючей караганы (ургюстей харагана) и Шикурту нома“. „А ты чего боишься?“ въ свою очередь спрашиваютъ ельчи. „Я боюсь мяса и чая“, отвѣчалъ Бамбинъ-Сенге. Идутъ далѣе. На

¹⁾ Топъ—верхний деревянный кругъ, служащій замкомъ для свода юрты.

дорогѣ растеть карагана. Балынъ-Сенге говоритъ своимъ товарищамъ: „Вамъ трудно пройти черезъ карагану; дайте я перенесу черезъ нее вашу ношу, а вы обойдите кругомъ“. Тѣ отдали мѣхъ Балынъ-Сенге, и онъ бросился въ середину пустой караганы и началъ читать Шикуртуномъ. Ельчи думаютъ: „Надо его выгнать оттуда“. И стали въ карагану бросать мясо и чай. Балынъ-Сенге сварилъ чай и мясо, сидитъ и закусываетъ. Ельчи ушли ни съ чѣмъ. Тогда Балынъ-Сенге пошелъ къ богатому человѣку, у сына котораго была взята душа и возвратилъ душу; сынъ ожилъ. Отецъ говоритъ: „Ты намъ сдѣлалъ большую радость; что тебѣ подарю? сколько скота?“ Балынъ-Сенге отвѣчаетъ: „Ничего мнѣ не нужно, дай только худого сиваго быка (хуху буха) и ковшъ“. Получивъ, что просилъ, вышелъ онъ на рѣчку и поливаетъ на быка изъ ковша водой. Когда ельчи доложили Ерлику, что не нашли Балынъ-Сенге, онъ самъ поѣхалъ за его душой. Ёдетъ Ерликъ на лу; Балынъ-Сенге спрашиваетъ его: „Куда поѣхалъ?“ „За душой обманщика Балынъ-Сенге“, отвѣчаетъ Ерликъ. „А ты что дѣлаешь?“ „Обливаю быка“, отвѣчаетъ Балынъ-Сенге. „Зачѣмъ?“ „Этотъ быкъ обыкновенно обвозилъ меня семь разъ кругомъ земли въ одинъ день, а вчера только три раза успѣлъ обвезти; должно быть не выстоялъ, хорошо“. Ерликъ думаетъ: „Мой лу только три раза успѣваетъ меня обвезти; пужпо вымѣнять быка“. И предложилъ мѣну. Балынъ-Сенге согласился. Отдавъ своего быка Ерлику, Балынъ-Сенге сѣлъ на лу, поѣхалъ прямо въ адъ, привязалъ лу къ столбу и сѣлъ на Ерликовъ шире (престолъ); слуги Ерлика думаютъ: „Какъ измѣнился Ерликъ послѣ послѣдней поѣздки!“ А Ерликъ между тѣмъ на синемъ быкѣ не можетъ отѣхать отъ того мѣста, гдѣ вымѣнялъ быка. Балынъ-Сенге приказываетъ слугамъ Ерлика: „Я нашелъ обманщика Балынъ-Сенге; онъ на такой-то рѣчкѣ ѣдетъ на сивомъ быкѣ; поѣзжайте сейчасъ туда и бросьте обманщика въ адъ. Пожалуй онъ будетъ называться вамъ Ерликомъ, такъ не вдайтесь въ обманъ и тащите его прямо въ адъ“. Посланные слуги поймали настоящаго Ерлика, и не смотря на его крикъ и на увѣренія, что они введены въ заблужденіе обманщикомъ Балынъ-Сенге, бросили его въ адъ. Тогда Ерликъ изъ ада закричалъ Балынъ-Сенге: „Будь ты Ерликомъ на мое мѣсто, только отпусти меня изъ ада“. Балынъ-Сенге отпустилъ его и сдѣлалъ привратникомъ ада. При

старомъ Ерликѣ муки были вѣчны, при новомъ стали срочны; новый Ерликъ мѣсяца три продержитъ и отпустить.

(Онъ же).

3. Талынъ Хутулчи.

Талынъ Хутулчи (семьдесятъ вралей) не могъ слова сказать, чтобы не соврать. Однажды онъ куда-то ушелъ и на дорогѣ встрѣтилъ человѣка, который несъ котелъ на головѣ. „Ну-ка, Талынъ Хутулчи, соври мнѣ что-нибудь!“ „Не до тебя“, говоритъ Талынъ Хутулчи; — „все небо горитъ, а ты тутъ съ шутками“. Тотъ взглянулъ на небо, уронилъ котелъ на землю и разбилъ его. Тотъ же Талынъ Хутулчи и былъ потомъ Балынъ-Сенге. Пришелъ онъ къ юртѣ, въ которой женщина была при смерти; у дверей уже стояли два ельчи отъ Ерлика, и одинъ говорилъ другому: „Завтра на восходѣ солнца возьмешь душу этой женщины; ее на ночь перенесутъ въ другую юрту; я схвачу ее за больное мѣсто, она чихнетъ, ты не прозѣвай и схвати ея душу“. Балынъ-Сенге вошелъ въ юрту и говоритъ: „Я сдумѣю сдѣлать, что она не умретъ. Положите въ другую юрту не покойницу, а глиняную куклу, одѣтую въ платье покойницы; остальное мое дѣло“. Самъ раздѣлся до нага и спрятался у юрты. Когда ельчи схватился за куклу, Балынъ-Сенге выскочилъ и закричалъ: „Что вы дѣлаете? Развѣ Ерликъ послалъ васъ глиняныя куклы давить!“ Потомъ они согласились пойдти далѣе втроемъ; дорогой Балынъ-Сенге спрашиваетъ: „Вы чего боитесь?“ „Мы боимся“, отвѣчали ельчи, — „колючей караганы, искръ отъ огня и навара отъ непромытой брюшины. А ты?“ „Я боюсь краснаго чая, иѣгаго (то-есть, жирнаго, съ бѣлыми кусками сала) мяса и бобо“ (бѣлаго хлѣба). Когда поравнялись съ караганой, Балынъ-Сенге закричалъ въ нее; ельчи, чтобы выгнать его оттуда, начали бросать въ него чаемъ, мясомъ, бобо. Живетъ себѣ Балынъ-Сенге въ караганѣ, есть у него и ѣда, и питье. Побились, побились ельчи и оставили. Когда ушли, Балынъ-Сенге идетъ далѣе, видитъ—дѣвица съ быкомъ стоитъ у колодца и смотритъ. „Что смотришь?“ спрашиваетъ Балынъ-Сенге. „Кольцо уронила, не знаю какъ достать“. „Это сдѣлать просто“, говоритъ Балынъ-Сенге; — „я спущу тебя на веревкѣ“. Спустилъ да и веревку бросилъ; взялъ быка и ѣдетъ на немъ. На встрѣчу Ерликъ и предложилъ ему обмѣнъ, далъ ему лосы (мула) и взялъ быка. Быкъ не идетъ; онъ ударилъ его по лбу,

какъ совѣтовалъ Балынъ-Сенге, и убилъ быка; отрѣзалъ быку голову и несетъ ее. Между тѣмъ Балынъ-Сенге забѣжалъ впередъ въ адъ (тамы) и говоритъ: „Идите на встрѣчу человѣку съ коровьею головой (укыртологойтей) и отдуйте его хорошенько“. Потомъ самъ пошелъ и сказалъ Ерлику: „Ты валилъ въ свой адъ народъ безъ разбора, не отличая грязи отъ свѣтлаго зеркала“. Съ тѣхъ поръ Ерликъ сталъ брать въ адъ только грѣшниковъ и на срокъ, послѣ котораго сталъ выпускать.

(Гунынъ, Халха хошува Лу-Гуна).

4. Андзынъ, Хурумчи ¹⁾.

а. Однажды, чтобъ обмануть двухъ пословъ Ерликъ-хана Андзынъ Хурумчи притворился мертвымъ; надѣлъ даху, взялъ въ ротъ комъ масла, въ руки по молотку, легъ на дорогѣ и велѣлъ, чтобъ у него изъ зада выросла трава. Двое ельчи Ерликъ-хана пришли и удивляются этому чуду, думаютъ: „Какою смертью умеръ человѣкъ? Если подумать, что онъ замерзъ, то даха на немъ; подумать, что звѣри убили, то два молотка (мон) въ рукѣ; если подумать, что умеръ съ голоду, то кусокъ масла во рту; если подумать, что умеръ недавно, то изъ зада уже трава выросла большая; если подумать, что давно, то масло во рту еще не растаяло“. Не могли разгадать образа его смерти и возвратились безъ его души.

(Записанъ г. Палкинъ отъ Дархата).

б. Бурханъ Бакши послалъ Андзынъ-Хурумчи обманывать народъ; народъ былъ сильно глупъ; вотъ онъ и послалъ его обманывать, чтобъ умъ народа сталъ острѣе (ухан хурцу болтогой). Андзынъ-Хурумчи взялъ найденную имъ на дорогѣ оглоданную овечью лопатку, вымазалъ ее кровью изъ своего носа и пришелъ въ одинъ аилъ. Хозяинъ аила, не разсмотрѣвъ, что она голая, принялъ ее за покрытую мясомъ. Андзынъ-Хурумчи постоянно держалъ лопатку въ рукѣ, прижавъ къ груди, и выходя изъ аила, и снова входя, не выпускалъ ее изъ рукъ. Хозяинъ сказалъ ему: „Что ты ее носишь, что не сварилъ?“ Андзынъ-Хурумчи опустил лопатку въ котелъ и спросилъ: „А что, вашъ котелъ, я думаю, не съѣстъ мясо съ моей лопатки?“ Хозяинъ захохоталъ и сказалъ: „Если котелъ

¹⁾ Дархаты не знаютъ имени Балынъ-Сенге.

съѣстъ мясо съ твоей лопатки, то возьми котелъ себѣ“. Черезъ нѣсколько времени лопатка выплыла наверхъ бѣлая, потому что кровь смылась, и Андзынъ-Хурумчи сталъ упрекать хозяевъ: „Что же вы обманываете, говорите, что вашъ котелъ не ѣстъ мяса. Смотрите, гдѣ же мясо, которое было на лопаткѣ?“ Хозяинъ началъ извиняться; онъ говорилъ, что онъ самъ не зналъ, что его котелъ ѣстъ мясо, и накормивъ Андзынъ-Хурумчи своимъ мясомъ, отдалъ ему котелъ. Андзынъ-Хурумчи пошелъ дальше и на другой день остановился ночевать въ аилѣ, гдѣ только и была одна сѣрая овечка. И здѣсь онъ, когда выходилъ изъ аила, носился съ котломъ, не выпуская его изъ рукъ. Хозяинъ сказалъ: „Что его не положишь?“ Андзынъ-Хурумчи оставилъ котелъ внѣ юрты и сказалъ: „А что, я думаю, ваша овца не изломаетъ мой котелъ“. Старикъ захохоталъ и сказалъ: „Если она изломаетъ, то ты ее и возьми тогда себѣ за котелъ“. Легли спать. Андзынъ-Хурумчи тихонько ночью вышелъ изъ юрты, разбилъ котелъ и опять легъ въ юртѣ. Старикъ утромъ, увидѣвъ, что котелъ разбитъ, сказалъ проснувшемуся Андзынъ Хурумчи: „Горе случилось! Твой котелъ изломала наша овца!“ И отдалъ ему овцу за котелъ. Пошелъ Андзынъ-Хурумчи дальше и остановился ночевать въ богатомъ аилѣ, гдѣ была тысяча сѣрыхъ овецъ. Здѣсь опять онъ водилъ за собою, не отпуская, овцу, и на предложеніе хозяина аила отпустить ее въ его стадо, согласился, но отпуская, сказалъ: „А что, я думаю, ваши овцы не съѣдятъ моей?“ Хозяинъ сказалъ: „Если съѣдятъ, то ты возьми ихъ всѣхъ за нее“. И вотъ Андзынъ-Хурумчи всталъ ночью, закололъ свою овцу, вымазалъ ее кровью губы тысячи овецъ, мясо отдалъ собакамъ, воротился въ юрту и легъ спать. Хозяинъ утромъ вышелъ изъ юрты, и увидавъ кровь на губахъ своихъ овецъ, пришелъ назадъ и сталъ будить Андзынъ-Хурумчи, говоря: „Горе случилось!“ „Что за горе?“ спрашиваетъ Андзынъ-Хурумчи. „Твою овцу наши овцы съѣли“. И заплатилъ ему за нее, какъ самъ же говорилъ, тысячу овецъ.

(Записано имъ же отъ Дархата Ерельтъ-заеранъ).

в. Ельчи или посланникъ Ерликъ-хана искалъ Андзынъ-Хурумчи семьдесятъ лѣтъ и не могъ поймать или узнать его; разъ онъ подошелъ къ одному человѣку и сталъ его спрашивать: не видалъ ли онъ Андзынъ-Хурумчи, — не подозрѣвая, что его же самага

спрашивалъ; не знаетъ ли онъ, сколько лѣтъ Андзынъ-Хурумчи; старъ ли, молодъ ли? Андзынъ-Хурумчи отвѣчаетъ ему: „Лѣта его узнать я могу тебя научить“. „Какъ же?“ говоритъ елчи. „Ты иди на такую-то гору, тамъ у ключа увидишь старика, насущаго тысячу бѣлыхъ лошадей; ты поймай одну лошадь и поведи поить, а пой ее задомъ“. Тотъ такъ и сдѣлалъ, пришелъ на гору къ ключу, увидѣлъ старика, поймалъ лошадь и сталъ поить ее задомъ; тогда старикъ проговорилъ: „Живу“, говоритъ, — „я вотъ уже сто восемьдесятъ лѣтъ, но ни разу не видалъ, чтобы лошадей поили задомъ!“ Этотъ старикъ былъ самъ Андзынъ-Хурумчи переродившійся.

(Записано имъ же отъ Дархата).

г. Андзынъ-Хурумчи гналъ лѣтомъ въ зной тысячу овецъ. Они у него устали и не пошли далѣе. Андзынъ-Хурумчи закололъ ихъ, изъ крови рѣку пропустилъ, внутреннимъ саломъ поля устлалъ, ноги воткнулъ въ землю вмѣсто лѣсу, изъ почекъ холмъ сдѣлалъ (цусар кол хисын, семджигар талы хисын, ширер бут хисын, бѣрер губе хисын) и пошелъ далѣе. Ему попался человѣкъ въ собольей шубѣ и спросилъ: „Откуда ты?“ Андзынъ-Хурумчи отвѣчалъ: „Я“, говоритъ, — „ѣхалъ черезъ кровяную рѣку, сальную степь, ножковый лѣсъ и почковый холмъ“. Тотъ возразилъ, что мѣстностей съ такими названіями нѣтъ, что онъ готовъ биться объ закладъ, что онъ не могъ проѣзжать черезъ подобныя мѣста. „Я отдамъ тебѣ свою соболью шубу, если ты мнѣ покажешь такое мѣсто“, сказалъ онъ. Андзынъ Хурумчи повелъ его и указалъ на мѣсто, гдѣ зарѣзалъ своихъ овецъ, взялъ соболью шубу; поѣхалъ далѣе и пріѣхалъ въ одинъ аилъ. Выходя изъ него и входя обратно онъ носилъ въ рукахъ свою соболью шубу; хозяинъ ему и говоритъ: „Что ты не покинешь своей шубы? Кто ее возьметъ?“ „Нѣтъ“, говоритъ Андзынъ-Хурумчи, — „ваши два сына возьмутъ“. „Они у насъ иголки не возьмутъ“, сказалъ хозяинъ. „А если они украдутъ мою шубу, то я ихъ возьму себѣ?“ спросилъ Андзынъ-Хурумчи. „Возьми“, сказалъ хозяинъ. Андзынъ-Хурумчи всталъ ночью, разрѣзалъ свою шубу пополамъ, снялъ съ пояса ключи у обоихъ сыновей и положилъ въ ихъ ящики, по половинѣ въ каждый, привязалъ ключи и легъ спать. Утромъ встали и онъ говоритъ: „Дайте мою шубу! Я пойду!“ Хозяинъ отвѣтилъ ему: „Кто-то укралъ твою шубу“. „Кто же, кромѣ твоихъ дѣтей“, сказалъ Андзынъ-Хурумчи и велѣлъ открыть ихъ ящики. Открыли ящики

и въ каждомъ нашли по половинѣ собольей шубы. Андзынъ-Хурумчи взялъ обоихъ сыновей хозяина этого аила и теперь пошли уже втроемъ. Андзынъ-Хурумчи дорогой говоритъ двумъ мальчикамъ: „Я посажу одного изъ васъ на лѣсину, а другаго въ яму, выкопанную къ землѣ. Погонитъ одинъ человѣкъ тысячу лошадей, и я скажу, что лошади мои, а когда онъ начнетъ спорить, то я скажу: ну хорошо, если не мои, то спросимъ небо и землю, и тогда вы отвѣчайте, когда я васъ спрошу: твой, а когда онъ спроситъ: не твой“. Такъ и сдѣлали. Идетъ человѣкъ и гонитъ тысячу лошадей. Андзынъ-Хурумчи встрѣчаетъ его слопами: „Спасибо, что пригналъ! Я“, говоритъ, — „иѣшій, когда бы ихъ нашелъ“. Тотъ говоритъ: „Я не понимаю, что ты говоришь“. „Да это мои лошади, говорю“, говоритъ Андзынъ-Хурумчи. Хозяинъ заспорилъ съ нимъ, и Андзынъ-Хурумчи предложилъ ему спросить у неба и земли, чьи это лошади, и пусть такъ и будетъ, какъ небо и земля скажутъ. „Ну, спрашивай“, сказалъ хозяинъ лошадей. Тогда Андзынъ-Хурумчи закричалъ: „Небо, небо, чьи это лошади?“ Сверху раздался голосъ: „Это лошади Андзынъ-Хурумчи!“ Потомъ хозяинъ лошадей закричалъ: „Небо, небо, чьи это лошади!“ Опять сверху раздался голосъ: „Это лошади Андзынъ-Хурумчи“. Потомъ оба они такимъ же образомъ спросили и землю: „Земля, земля, чьи это лошади?“ Услышали изъ земли голосъ: „Это лошади Андзынъ-Хурумчи“. И онъ взялъ ихъ. Поѣхали всѣ трое далѣе, поселились въ одномъ мѣстѣ и стали жить. Андзынъ-Хурумчи заболѣлъ и въ бреду разказалъ всю свою жизнь, какъ обманывалъ людей, и два его воспитанника сварили его въ молокѣ за то, что онъ ихъ обманомъ увелъ отъ отца и матери. Затѣмъ они возвратились обратно къ отцу и къ матери.

(Записанъ имъ же отъ Дархата).

5. Чутъ.

Жилъ одинъ пахарь Чутъ; онъ варилъ въ горшкѣ пищу; ѣдутъ четыре купца; онъ огонь потушилъ, закрылъ угли дерномъ, горшекъ поставилъ на печь. Подѣзжаютъ купцы, видятъ—горшекъ кипитъ, спрашиваютъ: „Что это за чудо?“ Чутъ говоритъ: „Я человѣкъ бѣдный, варить не кому, Богъ мнѣ далъ такой горшекъ; положу въ него припасъ, онъ самъ варитъ“. „Продай намъ“, говорятъ

купцы. „А какъ же я останусь безъ горшка? Кто мнѣ будетъ варить?“ Однако купцы уговорили Чуту продать чудесный горшекъ за четыреста рублей; сложились купцы по сотнѣ, отдали деньги Чуту и повезли горшекъ. Дорогой остановились ночевать, наклали въ горшекъ мяса, налили воды, поставили на печь; вода какъ была холодная, такъ и осталась холодною. „Обманулъ Чуть“, говорятъ купцы;—„нужно его убить“. Ёдутъ къ нему, а онъ ужъ ждалъ. Загородилъ свою кобылу, смѣшалъ навозъ съ деньгами, которыя получилъ за горшекъ, сидитъ и выбираетъ изъ пудовки монеты; нѣсколько монетъ спряталъ кобылѣ подъ хвостъ. Купцы спрашиваютъ: „Что ты дѣлаешь?“ Чуть отвѣчаетъ: „Богъ вмѣсто горшка далъ мнѣ, бѣдному человѣку, кобылу, которая деньгами гадитъ; вотъ сижу и выбираю“. „А по многу она денегъ приносить?“ спрашиваютъ купцы. „А вотъ это она за вторыя сутки наложила; вчера не удалось выбрать“. Въ это время въ виду купцовъ кобыла стала еще класть навозъ, и вмѣстѣ съ нимъ посыпались и тѣ монеты, которыя Чуть спряталъ подъ хвостъ. „Продай кобылу“, опять говорятъ купцы. Продавъ Чуть кобылу, купцы увели ее, накормили овсомъ, подставили пудовку, полную наложила навозу, а денегъ ни гроша. „Опять насъ обманулъ“, говорятъ купцы;—„надо его убить“. А Чуть уже ждетъ ихъ, поймавъ двухъ воронъ; одну ворону женѣ оставилъ, другую съ собою взялъ. Женѣ наказалъ самоваръ поставить, то-то и то-то наготовить. Пашетъ пашню; подѣзжаютъ купцы. Вздятъ—опять выдумка, ворона на что-то привязана; угадать не могутъ. „Это мой слуга“, говоритъ Чуть. „Зачѣмъ ты насъ обманулъ?“ спрашиваютъ купцы. „За обманъ и почтите“; отвѣчаетъ Чуть,—„отдайте назадъ горшекъ и кобылу, а деньги возьмите. Повремените только, я допахую; а потомъ поѣдемъ ко мнѣ, и я отдамъ вамъ деньги“. Ворону отвязалъ, гладитъ ее и наговариваетъ: „Ворона, лети къ моей женѣ, скажи, чтобъ самоваръ поставила, то-то и то-то приготвила“. И отпустилъ ворону. Потомъ попахалъ еще и говоритъ купцамъ: „Теперь поѣдемте“. Приѣхали купцы къ Чуту, видятъ—самоваръ готовъ, на столѣ стоятъ тѣ самыя блюда, которыя Чуть заказалъ воронѣ, и сама ворона тутъ же. А Чуть говоритъ женѣ: „А что же вотъ такого-то кушанья нѣтъ? Я наказывалъ воронѣ“. Жена оправдывается; говоритъ, что ворона ей объ этомъ не передавала. Чуть ругать жену и ворону, но купцы принялись за-

ступаться. „Нѣтъ, другъ“, говорятъ Чуту,—„ты самъ не заказывалъ этого; мы всѣ рѣчи твои слышали и помнимъ“. Думаютъ купцы: „А эта воропа и намъ годится. Продай“, говорятъ,—„ворону“. Продавъ Чуть ворону, и только они уѣхали, Чуть убѣжалъ подальше, чтобы купцы его не нашли.

(Свящ. о. Михаилъ Чивалковъ, род. Телеутъ. С. Улала).

6. Аргата.

У одного хана былъ сынъ. Тайджи ¹⁾ ходилъ на охоту, тамъ его убили. Убийца боялся, что его откроютъ, и обратился съ просьбой къ одному аргата (хитрецу), нельзя-ли сдѣлать такъ, чтобы подумали, что тайджи самъ убитъ. Аргата взялся за это дѣло. Ночью онъ принесъ мертваго въ ханскоеургѣ ²⁾, и поддѣлываясь подъ голосъ убитаго тайджи, проговорилъ съ улицы: „Мать, дай мнѣ чего-нибудь поѣсть!“ Мать сердилась, что онъ такъ долго не шелъ домой и говоритъ: „Не посылаютъ тебя, по своей охотѣ до этой поры шатаешься! Теперь чего найдешь, то и ѣшь!“ Аргата, опять поддѣлываясь подъ голосъ тайджи, отвѣчалъ: „Если мать мнѣ такъ говорить, такъ я удавлюсь!“ Перекинулъ веревку черезъ кругъ вверху юрты и повѣсилъ на ней мертвое тѣло; самъ ушелъ потихоньку. На другое утро увидали повѣшеннаго; ханъ усумнился въ томъ, чтобы тайджи самъ удавился. Онъ послалъ за матерью Толонъ, Шюбгуръ Мангысовъ, которая была утыгунъ (шаманка). Собралось множество народа смотрѣть, какъ она будетъ шаманить; въ оградѣ было столько осѣдланыхъ лошадей, сколько и въ табунѣ пасущихся не всегда бываетъ; тутъ же былъ и Аргата; онъ очень боялся, что утыгунъ откроетъ убійцу, и потому рѣшилъ убить ее. Когда всѣ были въ анлѣ, онъ остался на улпцѣ, перевязалъ всѣхъ лошадей хвостами, нѣкоторымъ подвязалъ подъ хвосты какіе-нибудь твердыя вещи, накалилъ желѣзку и началъ ею тыкать лошадей. Они перепугались, забѣспились, и пошла суматоха, словно на войнѣ; весь народъ, не исключая и хана, выбѣжалъ изъ юрты посмотреть, что случилось. Въ это время Аргата вбѣжалъ въ юрту, задушилъ утыганъ и засунулъ ее ногами вверхъ въ большой бурлоръ съ кумисомъ, а самъ вышелъ опять на дворъ и сталъ

¹⁾ Тайджи—царевичъ.

²⁾ Ургѣ—вняжеская ставка.

съ прочими ловить коней. Успокоившись, вошли опять все въ порту, и не видя утыганъ, думали, что она вышла на дворъ. Сѣли ее поджидать; Аргата сѣлъ возлѣ сумы съ кумысомъ и сказалъ: „Уставшимъ людямъ хорошо бы теперь кумысу выпить!“ Всталъ къ мѣшку и говоритъ: „Не поболтавши, кумысъ въ чашки не наливаютъ“. Сталъ болтать и бормочетъ себѣ подъ носъ: „Что это за мѣшалки объ двухъ ручкахъ, словно какъ человѣчьи ноги“. Услыхавъ его бормотанье, ханъ закричалъ: „Чего ты тамъ врешь! Какія человѣчьи ноги увидалъ!“ Аргата говоритъ: „Да я дѣйствительно человѣчьи ноги вижу, совсѣмъ не вру“, и вытащилъ изъ мѣшка старуху. Ханъ испугался, что Толонъ Шюбгуръ Мангысы будутъ ему мстить за смерть старухи, сталъ просить Аргата, чтобы помогъ онъ ему отдѣлаться отъ нихъ. Аргата обѣщалъ. Велѣлъ напечь себѣ полный мѣшокъ сладкихъ пироговъ, осѣдлать беспокойнаго верблюда, а самъ привязалъ себѣ на грудь пузырь съ кровью, къ сапогамъ приделалъ шилья, сѣлъ на верблюда, взялъ мертвую старуху и отправился въ путь. Подѣхалъ къ старухину аилу; собаки залаiali, все Толонъ Шюбгуръ Мангысы выбѣжали навстрѣчу, кричатъ: „Наша мать пріѣхала, намъ гостинца привезла“. Аргата бросилъ имъ мѣшокъ съ пирогами и кричитъ: „Уйдите скорѣй въ аилъ; у меня верблюдъ беспокойный“. Мангысы все бѣгаютъ вокругъ него да подбираютъ пироги. Аргата прищипилъ шильями верблюда, тотъ сдѣлалъ скачекъ, Аргата упалъ, сдернулъ съ собою убитую старуху, раздавилъ пузырь, весь облился кровью и лежитъ, притворившись мертвымъ. Мангысы увидали мать мертвую и Аргата въ крови и говорятъ: „Мать то хоть и убилась, это ничего, а вотъ что ханскій посланецъ (эльчи) убитъ—это плохо! Ханъ подумаетъ, что мы убили“. Ушли къ себѣ въ аилъ, горюютъ. Немного погодя, Аргата всталъ и зашелъ къ нимъ въ аилъ; охаетъ, а они обрадовались, что онъ живъ остался. Такъ и избавился Аргата отъ мертвой старухи.

50. Гесыр-ханъ.

а. Гесыр-ханъ ѣхалъ на гнѣдомъ конѣ Бельгунъ (Бельгунъ Герморинъ) мимо цѣли, въ которую стрѣляли изъ луковъ Китайцы; у нихъ былъ какой-то праздникъ. Одинъ выстрѣлъ китайскаго стрѣлка спугнулъ сороку, которая сидѣла на цѣли или мшени; лошадей

Гесыр-хана испугалась, бросилась и сронила Гесыр-хана на землю; онъ былъ очень старъ и ушибся. Сынъ его сказалъ Китайцамъ, что онъ повоюетъ ихъ, если они не вылѣчатъ его отца. Китайцы испугались и сказали: „Вѣрно мы сдѣлали проступокъ, стрѣляя въ этотъ день“. Они вылѣчили Гесыр-хана и построили ему на томъ мѣстѣ сумэ (храмъ); онъ сталъ ихъ богомъ.
(То Джамцинъ, лама Халхасецъ, родомъ съ р. Усюнъ-Дзюль въ хошунѣ Тачжи Урянхай).

б. Гэгэръ былъ сынъ неба, родился отъ старика и старухи на землѣ. Мангытхай пришла и спрашиваетъ: „Сосетъ ли ребеночъ?“ „Нѣтъ“, „говорятъ родители“. „Это оттого“, говоритъ Мангытхай, — „что у него болитъ языкъ; дайте, я ему поправлю во рту своимъ языкомъ“. И всунула языкъ въ ротъ ребенка; ребеночъ откусилъ ей языкъ, и Мангытхай умерла. Послѣ того Кэгеръ поѣхалъ на битву съ Мангытхаемъ, не могъ его убить, положилъ подлѣ горы и сдѣлалъ съ нимъ условіе на три года.....

(Абашей, Бурятъ Азарск. вѣдомства).

в. Гесэр-ханъ былъ сынъ Ханъ-Хэрмысъ-ханъ Тэнгиръ-Нойона; онъ родился отъ тринадцатилѣтней дочери царя Аюханъ-Буды-хана. Раньше его на землю спустился дядя его Зото-нойонъ или Зотынъ Хара Буха. Узнавъ о существованіи дочери Аюханъ-Буды Зотынъ со своимъ слугою старикомъ Сенгыломъ поѣхалъ сватать ее; увидѣвъ старика-жениха, дѣвица бѣжала прочь; сваты погнались за нею; она упала, конь наступилъ ей на ногу и изломалъ ее Зотынъ нойонъ счелъ за стыдъ имѣть хромую жену и отдалъ ее Сенгылу. Но когда она выздоровѣла и перестала хромать, Зотынъ-нойонъ сталъ постоянно стараться ссорить ихъ; однако тѣ жили мирно; за то, что Сенгылъ не билъ свою хозяйку, Зотынъ-нойонъ сослалъ Сенгыла вмѣстѣ съ нею въ сѣверную сторону, гдѣ они жили нѣсколько лѣтъ. Онъ ловилъ петлей хохын'овъ(?) и горностаевъ (охотыр уин), сперва по немногу, потомъ по семидесяти въ каждую петлю. Однажды онъ не могъ управиться съ добычей и пробылъ на охотѣ весь день до вечера; жена его пошла за водой, увидѣла слѣдъ великана, пошла слѣдомъ и пришла къ щели, гдѣ сидитъ старикъ съ длинною бородой до полу; въ это же время ударилъ громъ, и старикъ исчезъ; она упала безъ чувствъ и очнулась беременною. Начерпавъ воды, только успѣла добѣжать до

шалаша (бухэк), въ которомъ они жили, какъ отъ нея начали рождаться одинъ вслѣдъ за другимъ безчисленныя дѣти и уходить на небо. Одинъ только послѣдній остался при ней, потому что былъ уродъ: одинъ глазъ смотрѣлъ въ небо, другой въ землю, одна рука искалѣчена, одна нога искалѣчена, носъ сопливый. Мать хотѣла его зарыть, потому что думала, что это шулмусъ; она выкопала яму, но никакъ не могла справиться съ ребенкомъ, который не хотѣлъ въ нее лѣзть. Прибылъ Сенгылъ и рассудилъ такъ: „Будь это и шулмусъ, все-таки лучше кормить его; все равно, онъ намъ не поддастся, такъ лучше не сердить“. Соплякъ три дня плакалъ, не давая покою матери, и постоянно марался своими соплями. Къ нимъ пришелъ Манхытхай, притворившись ламой. Родители спрашиваютъ, что дѣлать съ беспокойнымъ ребенкомъ. Манхытхай говоритъ: „У него „хото“, прыщъ подъ языкомъ. Я его сейчасъ вылѣчу, надрѣжу своимъ языкомъ“. Манхытхай всунулъ ребенку въ ротъ свой языкъ, но ребенокъ ухватился зубами за языкъ ламы, ударилъ ногами его въ грудь, вырвалъ языкъ и лама замертво палъ. Черезъ три года мальчикъ пошелъ къ берегу моря, построилъ серебряный мостъ, изъ трехъ девятковъ прутьевъ сдѣлалъ лошадей, изъ трехъ девятковъ травъ сдѣлалъ молодцовъ и катался съ ними по серебрянному мосту. Пришли три пары шулмусовъ и попросили проѣхать по мосту на его коняхъ. Нѣтай Сара (такое имя ему дали) далъ имъ коней; шулмусы вѣхали на средину моста; тогда Нѣтай Сара уничтожилъ свое созданіе, мостъ исчезъ, лошади обратились въ прутья, и только когда ихъ выкинуло на берегъ, они снова стали лошадьми; шулмусы же упали въ море и утонули. Зотынъ нойонъ, узнавъ, что родился Нѣтай Сара, вытребовавъ его мать къ себѣ, построилъ ей домъ и надѣлилъ табуномъ; однако Нѣтай Сара не жилъ въ домѣ съ матерью, а предпочиталъ жизнь въ собачьемъ гнѣздѣ. Однажды Нѣтай Сара говоритъ Зотынъ нойону: „Отчего въ твоихъ владѣніяхъ, дядя, китаицы сѣютъ таранъ (ячмень)? Поѣдемъ, посмотримъ“. Поѣхали на одномъ быкѣ втроемъ: впереди кучеръ, въ срединѣ на быкѣ сидѣлъ Зотынъ нойонъ, сзади Нѣтай Сара. Когда проѣзжали нивой, изъ жнива вылетѣла перепелка (бодене), быкъ испугался, а Нѣтай Сара еще ударилъ его сапогами, въ которые были вколочены гвозди; быкъ бросился въ сторону, отчего всѣ трое упали.

Зотынъ нойонъ притворился мертвымъ, чтобъ испытать, что объ немъ думаетъ племянникъ. Онъ одинъ глазъ прищурилъ, другимъ смотритъ. Нѣтай-Сара говоритъ тому, что правилъ быкомъ: „Это худой знакъ, если человѣкъ умеръ, а глазъ остался открытымъ; нужно выколоть его“. И хотѣлъ ножомъ ткнуть въ глазъ. Зотынъ-нойонъ закрылъ глазъ. Тогда Нѣтай Сара говоритъ: „Если бы пашни не было, не было бы будене; еслибъ не будене, быкъ не испугался бы; если бъ быкъ не испугался, онъ насъ не сбросилъ бы. Нужно сжечь Зотынъ нойона, потому что тѣло великаго хана нельзя оставить на посмѣяніе“. Они вдвоемъ собрали травы и сухихъ дровъ, разожгли костеръ и положили на него Зотынъ нойона. Тотъ вскочилъ. Нѣтай Сара сказалъ: „Это худо, если великій ханъ, умерши, снова оживаетъ“. „Но я живой!“ сказалъ Зотынъ нойонъ. „Это худо, если великій ханъ, умерши, заговоритъ“, сказалъ Нѣтай Сара и бросилъ его снова въ огонь. „Я шутилъ“, признался Зотынъ нойонъ. „Это худо“, сказалъ Нѣтай Сара, — „если великій ханъ шутить“. Послѣ этого, увидѣвъ, что Зотынъ ханъ порядочно обжегся и обгорѣлъ, онъ болѣе уже не толкалъ его въ огонь, и они возвратились.

Днемъ Нѣтай Сара постоянно шаялся по степи; однажды онъ видитъ, кобыла только что ожеребилась, тутъ же дѣвица спитъ подъ шелковымъ одѣяломъ; онъ мокраго жеребенка подсунулъ ей въ платье, взялъ съ ея руки кольцо и закричалъ: „Вставай!“ А когда она встала, онъ прибавилъ: „Что за чудо! Отъ дѣвицы не слѣдовало бы родиться жеребенку“.

Зотынъ нойонъ, не говоря никому, тайно собрался въ сѣверную сторону къ Турюши-хану, который выдаетъ дочь. Ѣдетъ ханъ, а Нѣтай Сара сзади бѣжитъ пѣшкомъ. Зотынъ нойонъ сказалъ ему: „Племянникъ, не хорошо родственнику великаго хана прибыть пѣшкомъ. Вернись“. Нѣтай Сара вернулся, а когда стали подъѣзжать къ Турюши-хану, смотрятъ—Нѣтай Сара ѣдетъ на жеребой кобылѣ, сѣвъ лицомъ къ хвосту, и палкой погоняетъ. Зотынъ нойонъ опять началъ его уговаривать не срамить своего дядю, а вернуться. Нѣтай Сара послушался, вернулся. Но когда Зотынъ нойонъ подѣхалъ къ ханской юртѣ, Нѣтай Сара снова предсталъ на кобылѣ лицомъ къ хвосту и съ палкой въ рукѣ. Зотынъ нойона проводятъ въ почетное мѣсто, а Нѣтай Сара также протѣсняется въ толпу, обмазывая всѣхъ соплями; всѣ его стараются оттолкнуть

отъ себя, а онъ еще болѣе мараеъ толпу. Ханъ объявляетъ, что дочь отдаеъ тому, кто въ то время, какъ она разъ обернется, разрѣжетъ мясо кобылицы, семьдесятъ лѣтъ сохшее, на триста частей и раздастъ его. Многіе принимались за эту задачу; кто не успѣлъ и ножа вынуть, пока обернулась царевна, кто ножъ изломалъ о сухое мясо. Выходитъ Нѣтай Сара. Ему говорятъ: „Куда ты? мясо только замараешь“. Нѣтай Сара на это возразилъ: „Слово хана назадъ не возвращается; плюнувъ, слюну назадъ въ ротъ не берутъ“. Ханъ велѣлъ допустить его, Нѣтай Сара разрѣзалъ мясо и роздалъ его прежде, чѣмъ царевна успѣла обернуться. Онъ беретъ ее, садитъ сзади себя на коня и везетъ, часто оглядываясь, будто справиться: тутъ ли, и всю обмоталъ соплями. Имя ея было Тумуръ Джиргылынъ. Отвезши ее домой, онъ выстроилъ для нея хорошій домъ, а самъ опять живетъ въ собачьемъ гнѣздѣ.

Черезъ три года Зотынъ нойонъ опять поѣхалъ на этотъ разъ въ Шара-Лама-хану, выдававшему замужъ свою дочь Амыръ Гоя. Поѣздка описывается почти дословно тѣми же словами; на этотъ разъ рѣзали коровье мясо, сохшее пятнадцать лѣтъ. Опять царевна досталась Нѣтай Сара. Привезъ онъ Амыръ Гоя къ себѣ, построилъ ей домъ, а самъ опять живетъ въ собачьемъ гнѣздѣ. Еще три года прошло. Нѣтай Сара обернулся юношей и пришелъ къ двумъ своимъ женамъ въ видѣ странника; они угостили его и уговорили ночевать. Ночью имъ что-то показалось, они вскочили въ испугѣ—странника нѣтъ. Тогда они начали сучить шелковую нить, намотали клубокъ. Утромъ Нѣтай Сара пришелъ къ нимъ завтракать, они конецъ нити заткнули ему за спину. Когда онъ ушелъ, они пошли слѣдить за нимъ и пришли на вершину горы Мѳнгѳтуй-Олы (серебряной). Здѣсь они увидѣли собраніе боговъ и самаго Ханъ-Хэрмысъ-хана, Тэнгиръ-Нойна; далѣе они видятъ—передъ богами стоитъ человѣкъ, великій какъ гора, и получаетъ отъ нихъ благословеніе, а къ спинѣ его привязана шелковая нить. Женщины спрятались за дерево, но Ханъ-Хурмусъ-ханъ Тэнгиръ Нойонъ увидѣлъ ихъ и говоритъ: „А, это мои невѣстки!“ Подозвалъ ихъ и далъ каждой сосудъ вина, старшей опустилъ въ сосудъ свой большой палецъ, отрѣзавъ его, а младшей—мизинецъ. Первая проглотила вино съ пальцемъ, вторая выпила только вино, а палецъ возвратила. Хурмусъ-ханъ сказалъ: „У старшей ро-

дится сынъ, который будетъ стрѣлокъ, у младшей родилась бы дочь, но она останется бездѣтною“. Женщины вернулись домой, вернулся и Нѣтай Сара; онѣ ему говорятъ: „Сколько времени ты уже съ нами живешь, скрывая, что ты Гесеръ-ханъ; зачѣмъ ты насъ мучишь? Прійми свой настоящій видъ“. Онъ принялъ свой настоящій видъ послѣ тринадцатилѣтняго калѣчества. „Такъ какъ за три дня ранѣ сдѣлалъ я это, чѣмъ слѣдовало, то я долженъ буду проиграть три битвы“, сказалъ онъ.

Добывъ богатырскаго коня и тридцать-трехъ богатырей, да къ нимъ триста кошуи (помощниковъ) и три „тука“ войска, онъ отправился на первый разъ на Мангытхая, который въ одной сторонѣ губилъ народъ. Онъ поѣхалъ туда съ однимъ богатыремъ, который назывался Барсъ-батырь. Три мѣсяца боролся Гесеръ-ханъ и убилъ Мангытхая. Затѣмъ онъ возвратился домой. Въ это время Зотынъ-нойонъ убилъ чернаго барана, кишки, начиненныя кровью, зарылъ на перекрестѣ трехъ дорогъ, „гурбунъ харуй бельширъ“, а желудокъ, наполненный кровью, вложилъ въ сапогъ Гесеровой жены Тумуръ-Жиргылынъ и крикнулъ: „Невѣстка, всѣ телята сосутъ коровъ!“ Та бросилась надѣвать сапогъ, раздавила кишку, кровь брызнула въ огонь, пошелъ смрадъ, попалъ въ носъ Гесеръ-хана, и онъ заболѣлъ. Призвали ламу на совѣтъ, и онъ сказалъ, что онъ выздоровѣетъ, если Тумуръ-Жиргылынъ уйдетъ въ жены къ Абыргъ-Сэсэнъ-Мангытхаю, живущему въ мѣстности Хони-Хотой Орунъ Хальхинъ-Хуткурдой. Хотя Гесеръ-ханъ уговаривалъ свою жену Тумуръ-Жиргылынъ не ходитъ, она все таки отправилась къ Абыргъ-Сэсэнъ-Мангытхаю. Гесеръ-ханъ выздоровѣлъ и пошелъ выручать свою жену; онъ переродился двумя мальчиками, родившимися въ той мѣстности, гдѣ жила Тумуръ-Жиргылынъ. Когда мальчики подросли, они рѣшили убить напередъ сестру Абыргъ-Мангытхая; они сдѣлали палки съ крючками и пришли къ ней; она обыкновенно сглатывала проходящихъ и ихъ стала сглатывать, но только заглотала палки, онъ выдернулъ ихъ назадъ и вырвали у ней вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ, сердце и легкое. Потомъ они пришли домой и сдѣлали жаръ. Абыргъ-Мангытхай говоритъ: „Слышу жаръ Гесеръ-хана. Надо очиститься, омыться передъ битвой“. Пошелъ къ морю; тамъ на берегу два мальчика дерутся и спорятъ, кто изъ нихъ застрѣлилъ алтынъ-гургултая Абыргъ-

Мангытхай сталъ разнимать ихъ и говорить: „Стрѣляйте мнѣ въ большой палецъ; кто попадетъ, тотъ, значитъ, и застрѣлилъ алтынъ-гургултай“. И подставилъ палецъ. Одинъ мальчикъ выстрѣлилъ и попалъ ему прямо въ глазъ. Абыргъ-Мангытхай прибѣжалъ домой, разказалъ этотъ случай женѣ и спрашиваетъ ее: не вынетъ ли она стрѣлу, выколачивая исподволь молоткомъ, такъ какъ рукой она не вытаскивается; такъ туго и глубоко вошла. Между тѣмъ Тумуръ-Жиргмыль узнала, что это стрѣла Гесеръ-хана, взяла молотокъ и еще крѣпче забила стрѣлу. Абыргъ-Мангытхай умеръ.

Потомъ Гесеръ-ханъ боролся съ Анъ-Долманъ-ханомъ, былъ увѣченъ и страдалъ; тутъ его выручаетъ одинъ изъ его братьевъ Заса Шикыръ. Есть у него еще третій братъ Шахай Туксырь. Потомъ онъ воевалъ съ Шарголи-ханомъ.

(Манзановъ, грамотный Бурятъ Аларск. вѣдомства).

г. Однажды Гесеръ-ханъ попалъ къ тремъ дочерямъ Мангытхая, которыя приняли видъ красавицъ; тамъ его напоили виномъ и онъ девять лѣтъ въ безпамятствѣ бродилъ въ ихъ странѣ. Когда его исцѣлили три сестры Гурбунъ Хухой Эвхи „три дѣвы сестры“, онъ поѣхалъ домой; подѣзжая къ своему дому, онъ видитъ мальчика девяти лѣтъ. Онъ узналъ своего сына и спросилъ: „Что дѣлаетъ мать?“ Тотъ отвѣчалъ: „Лукъ строптъ“. Онъ сообразилъ такимъ образомъ, что это она на него дѣлаетъ лукъ за то, что онъ жилъ девять лѣтъ у дочерей Мангытхая, ревнуя его къ нимъ. Онъ велѣлъ сыну сказать матери, что онъ ушелъ въ эту сторону, если она сирокитъ его о томъ, а самъ ушелъ въ другую. Амыръ Гуя вышла, смотритъ въ ту сторону, куда показалъ сынъ—нѣтъ мужа; обернулась въ другую сторону, увидѣла, но онъ уже далеко, стрѣла не достанетъ; она осердилась и застрѣлила сына. Потомъ „мать“ изломала свой лукъ на семьдесятъ частей.

(Онъ же).

д. Гесеръ—богдоханъ, онъ же—Амы-голынъ ханъ; это теперь Китайскій императоръ.

(Петръ Гантимуръ, обурятившійся Тувгусъ).

е. Полное имя Гесера: Абэ Гэсырь-богдо-ханъ; имя его жены: Ана Мэргынъ-хатунъ. По другому показанію Абай Гесеръ-богдо имѣлъ три жены: 1) Тумуръ-Джиргмыль, 2) Амыръ-гуя и 3) Ана-

мергенъ. Отецъ его назывался: Ханъ-Хэрмысъ-ханъ тэнгиръ ноинъ; мать его была тринадцатилѣтняя дѣвочка. Жилъ онъ въ мѣстности Морильджинъ Дайдунъ мынку далай. У него было тридцать три богатыря и къ нимъ триста хошуши (помощниковъ) и три тука войска. Два брата его носили имена: старшій—Заса-шикыръ, младшій—Шахай-туксырь.

(Бурятъ Аларск. вѣдомства).

51. Гегены.

а. У Гесырь-хана прежде было 32 богатыря; самый старшій изъ нихъ былъ Богдо-бурхынъ, который теперь хутухтой въ Ургѣ; второй по немъ былъ Очирванъ, нынѣ Джахандзе-гегенъ; остальные богатыри стали гегенами: Илгысынъ, Наръ банджинъ и друг.

(Банъ Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Джахандзе-гегенъ теперь семи лѣтъ мальчикъ. Когда онъ былъ трехъ лѣтъ, къ нему на поклоненіе пришелъ одинъ человекъ. Гегенъ ему сказалъ: „Ступай, напередъ возврати украденную тобою серебрянную патфію“ (худорго). Вотъ до какой степени онъ святъ (срѣкей бурхынъ)!

(Онъ же).

в. Нарбанджинъ-гегенъ наинъ найманъ седетей, то-есть: Нарбанджинъ-гегенъ владѣетъ искусствомъ производить 88 чудесъ. Одинъ батырчи (каликъ переходя) шелъ къ этому гегену молиться и встрѣтилъ человека на лошади, который ѣхалъ въ табунъ. Батырчи спросилъ его: гдѣ живетъ Нарбанджинъ-гегенъ? Человекъ на лошади сказалъ, что онъ не знаетъ. Такъ какъ это было близко отъ жилища гегена, и старику показалось страннымъ это незнаніе, онъ высказалъ свое недовѣріе къ отвѣту и еще разъ попросилъ указать ему дорогу. Человекъ на лошади не хотя указалъ ему дорогу и самъ поѣхалъ прочь. Когда батырчи пришелъ къ Нарбанджину, гегенъ спросилъ его: кто ему указалъ его домъ. Батырчи сказалъ: „Человекъ на лошади, который ѣхалъ въ табунъ“. Нарбанджинъ удивился, потому что это былъ человекъ, который не признавалъ святости Нарбанджина и не звалъ его гегеномъ, а просто Нарбанджиномъ. Нарбанджинъ вознамѣрился убѣдить этого человека въ своей святости. Онъ пригласилъ его на охоту; встрѣтили трехъ мараловъ. Нарбанджинъ сказалъ товарищу, чтобъ онъ заворотилъ

звѣрей, а самъ приготовился стрѣлять. Когда звѣри заворотились, Нарбанджинъ выстрѣлилъ и убилъ одного звѣря; онъ сказалъ своему товарищу, чтобы тотъ навьючилъ звѣря на своего коня, но тотъ отговаривался тѣмъ, что поздно, что можно и завтра это сдѣлать. На завтра этотъ человѣкъ поѣхалъ одинъ и напелъ вмѣсто марала вдову, у которой половина тѣла была отстрѣлена (ихинэр орбсын тал). Это была шулмусъ.

(Лубсынъ Очуръ, лама Халхасецъ, хошуна Сайнъ нойона).

г. Одинъ нойонъ послалъ посла къ Нарбанджинъ-гегену требовать отъ него шаргылъ-моринъ (буланую лошадь), на которой тотъ постоянно ѣздилъ. Нарбанджинъ отказалъ. Тогда нойонъ самъ пріѣхалъ къ нему и лично потребовалъ этой лошади, но Нарбанджинъ и тогда ему отказалъ. Нойонъ послалъ своихъ людей поймать лошадь; Нарбанджинъ осердился и ударилъ по столу трубкой, которую курилъ. Огонь вспыхнулъ, разлился, сталъ пламенемъ и опалилъ нойона, и вмѣстѣ съ этимъ нойонъ лишился своихъ опгытовъ (то-есть, власти надъ ними). До того онъ былъ шаманъ (бо).

(Онъ же).

д. Хубилганъ Бурхана-Бакши есть ургинскій хутукту.

(Лубсынъ, лама Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

е. Прослышавъ о мудрости и чудотворствѣ Илгысынъ-гегена, Едзень-ханъ пригласилъ его въ Пекинъ, налилъ ему въ чашку воды или чаю и молока и спросилъ: можетъ ли онъ раздѣлять ихъ въ чашкѣ. Молоко отдѣлилось отъ воды и стало само по себѣ. Поэтому Едзень-ханъ даровалъ ему имя Илгысынъ, „отдѣлплось“. Прежде его имя было Цаметей-гегенъ.

(Найдынъ, шабинецъ изъ Урги).

ж. Прежнее имя Джахандзе-гегена было Очирвани. Едзень-ханъ пригласилъ его въ Пекинъ и подаль ему чашку; въ рукахъ у Очирвани она всколебалась, и въ то же время почва подъ Пекиномъ покачнулась. Оттого этотъ городъ и теперь стоитъ на косогорѣ, а также отсюда и имя гегена Джахандзе, „качается“. Гегену вслѣдствіе этого запрещенъ въѣздъ въ Пекинъ.

(Онъ же).

з. Илгысынъ-гегенъ, Хамбы-гегенъ и Чокуръ бейли—аха дү гурбь, трое родныхъ братьевъ.

(Онъ же).

и. Бурхынъ бакши одного изъ своихъ шааби (учениковъ) называлъ Богдо гегенъ. Тогда одинъ изъ совѣтниковъ Богдо-Едзень-хана, по имени Ямши, спросилъ его: знаетъ ли онъ, что есть еще Богдо? Тотъ отвѣчалъ, что онъ единственный Богдо на землѣ. „Нѣтъ“, отвѣчалъ Ямши;— „есть еще Богдо гегенъ“. Тогда Богдо Едзень велѣлъ позвать гегена въ Пекинъ и спросилъ: кто далъ ему это имя. „Бурхынъ Бакши“, отвѣчалъ тотъ. „Кто далъ тебѣ джинсу“ (знакъ на шапкѣ)? спросилъ Богдо Едзень. „Это не джинсу, а очиръ или пахиусъ, данный мнѣ Бурхыномъ-Бакши“, отвѣчалъ гегенъ. Потомъ Едзень-ханъ сказалъ ему: „Если ты дѣйствительно великій чудотворецъ, то покажи мнѣ Ерликъ-хана“. Богдо гегенъ отвѣчалъ, что можетъ это сдѣлать, что онъ почуветъ для этого у хана. Онъ сталъ читать номъ, ночью разбудилъ Едзень-хана, вывелъ его въ поле: передъ ними изъ земли показалось пламя, и въ серединѣ его огненная голова, держащая во рту сердце. Ханъ испугался и умолялъ Богдо гегена убрать этотъ призракъ. Затѣмъ отпустилъ его, сказавъ: „Ты дѣйствительный Богдо“.

(Онъ же).

и. Жилъ одинъ бѣднякъ и надумался па старости лѣтъ идти на богомолье въ Богдохуре (то-есть, въ Ургу) поклониться Богдо (то-есть, кутухтѣ). Идетъ онъ дорогой, усталъ, нѣтъ мочи идти далѣе, видитъ хорошую юрту, вошелъ въ нее; тутъ сидитъ лама, сѣдой, съ длинною бѣлою бородой, читаетъ „мани“; старикъ лама такъ долго молился, что у него и четки износились, и пальцы истерлись отъ перебирания. Лама спросилъ старика, куда онъ идетъ, и узнавъ, что онъ идетъ къ Богдо, передалъ ему свои четки и сказалъ: „Когда придешь къ Богдо, отдай ему эти четки и скажи ему, что я вотъ до чего домолился, истеръ пальцы и износилъ четки. Достаточно ли моя добродѣтель передъ нимъ?“ Пошелъ старикъ далѣе, проходить высокія горы, снѣжныя поля, опять усталъ, увидѣлъ худую юрту и хочетъ войти. Вышедшая старуха не пускаетъ его и говоритъ: „Здѣсь нельзя ночевать“. „Какъ можно отказывать въ ночлегѣ уставшему и голодному страннику?“ возразилъ старикъ. Но старуха отвѣчала ему, что она его же пользы ради не пускаетъ его: ея мужъ—„махачи“, ѣстъ только людскія почки и сердца и каждый день истребляетъ по пятисотъ человѣкъ. Старикъ подумалъ, что женщина обманываетъ его, и вошелъ въ юрту. Хозяинъ

спросилъ его: куда онъ идетъ. „Въ Богдохуре поклониться Богдо“, отвѣчалъ старикъ и разказалъ, что ему одинъ богомольный лама поручилъ передать Богдо свои изношенные чѣтки. Хозяинъ велѣлъ жепѣ угостить и уложить путника; тотъ улегся, но не могъ сомкнуть глазъ, потому что хозяинъ всю ночь оттачивалъ ножъ. Утромъ стали провожать старика въ дальнѣйшій путь. Махачи разрѣзали свою грудь, вынули свое сердце, отдали его старикъ и сказали: „Передай это Богдо и скажи ему, что я великій грѣшникъ, много зла на землѣ сдѣлалъ; пусть проститъ меня“. Послѣ этого онъ тотчасъ же умеръ. Жена махачи подала старикъ желтый шелковый лоскутъ (хадакъ) и просила отъ себя также передать Богдо. Старикъ завернулъ сердце въ шелковый лоскутъ и пошелъ дальше. Придя въ Богдохуре, онъ предсталъ передъ Богдо, передалъ ему чѣтки и сердце и разказалъ, кѣмъ они посланы. „Хорошо“, сказалъ Богдо; — „есть здѣсь два ключа, серебряный и золотой; въ одинъ ключъ положи чѣтки, въ другой сердце, а завтра посмотри и скажи мнѣ, что увидишь“. Старикъ такъ и сдѣлалъ; на завтра пошелъ посмотреть и увидѣлъ: въ одномъ колодцѣ часть чѣтокъ обсохла и валяется на сухомъ берегу, другая часть покрыта червями, которые кишатъ на нихъ; въ другомъ колодцѣ вмѣсто сердца въ 80 локтей высотой статуя бога Май-Тере. Вотъ почему и говорится: Май Тере родился изъ сердца разбойника. Богдо потомъ объяснилъ старикъ: „Лама хотя и великій богомолецъ, но онъ молился только о себѣ, а не о другихъ; вотъ почему и молитва его не пошла въ его пользу; махачи же хотя и великій грѣшникъ, но онъ сразу, не думая, отъ полного сердца покался; потому онъ и сталъ бурхыномъ“.

(Баинъ Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

к. Шаргынъ-моринъ-кутукта имѣетъ сумунъ къ востоку отъ Кяхты на р. Шаргуйтунголъ; другіе зовутъ его Шар-даянчи-лама, и еще Мунко-лама, то-есть, вѣчный лама.

(Халха).

л. Въ старину было пять богатырей; нынѣ они живутъ подъ видомъ пяти ламъ (гегеновъ): 1) Шаренъ-даячи, живетъ между Кяхтой и Ургой; 2) Хуухунъ Хутукта; 3) Нойонъ-Хутукта; 4) Орланъ мергенъ и 5) Очирвани. Послѣдній есть хубилганъ Гесеръ-хана. Такъ какъ послѣдній былъ свирѣпъ и много зарѣзалъ народа, то и неприлично Джахандзе-гегена, который есть ху-

билганъ Очирвани, называть Гесеръ-ханомъ. Шаренъ - Даячи щедрый, даетъ все, что ни попросишь. „Дай мнѣ ердене“, скажешь. „Дза, дза, больно!“ отвѣтитъ. „Дай успѣха въ воровствѣ“, спросишь, а онъ опять: „Дза, дза! больно!“ Отрубилъ онъ однажды пяти чело-вѣкамъ головы; онѣ висѣли, какъ на ниткахъ; дунулъ—и снова люди стали живы. Шаренъ-Даячи можетъ, убивъ чело-вѣка, снять съ него божу, разрубить его на части, и уложивъ мясо въ телегу, снова оживить его.

(Гунынъ, Халхасецъ, хошуна Лугуна).

52. Разные бурхыны.

1. Туртэ Дагбы.

1. Туртэ Дагбы бурхынъ былъ чочинъ-лама, то-есть, шаманъ-лама. Онъ открываетъ воровъ и покражу.

(Баинъ Цаганъ и Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

2. Пять боговъ братья.

Шорой-Бакши, Мечинъ-Бакши, Гахай-Бакши, Цаганъ-моринъ и Тансыгъ лама были братья. Цаганъ-Моринъ былъ сынъ хана лосунъ (Лосунай ханъ).

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

3. Боги чая, масла, воды и соли.

Богъ чая—Амптъ Даба уланъ гегетей, то-есть, краснолицый; молока—Джигхджитъ цаганъ гегетей—бѣлолицый; богъ масла—Манджинпри улбур шара гегетей; богъ воды—Отучи хара коко гегетей; бога соли разказчикъ забылъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

4. Цаганъ Эбугенъ.

а. Цаганъ Эбугенъ есть хозяинъ (едзен) всей земли и всего на ней находящагося: камней, горъ, воды, лѣса, травъ, звѣрей и проч.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Цаганъ Эбугенъ по ламски называется Гамбы-гарбы. Во время священный пляски монахъ, изображающій Цаганъ Эбугена, представляется хромымъ. Цаганъ Эбугенъ жилъ въ пустынѣ; къ нему

приходили козули, лебеди и другія животныя, почему онъ и изображается среди ихъ ¹⁾.

(Лама изъ Аларскихъ Бурятъ).

5. Сабдыкы Алтая и Хангая.

Сабдыкы Алтень-хана, то-есть, Алтайскихъ горъ, держитъ длань открытою, щедръ на раздачу милостей скоту и народу. Сабдыкы Хангая держитъ длань сжатою, скупъ. Алтай гаран делгиджи байна, Хангай гаран атхаджи байна.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

6. Лама ава.

Изъ павшей джунгарской столицы, во время переселенія Дюрбютовъ на сѣверъ въ нынѣшнюю землю, въ Улангомъ перенесены Алтынъ-Ганджуръ-Танджуръ и истуканы Махагаль и Лама ава, „отецъ лама“. Послѣдній считается главнымъ покровителемъ Дюрбютскаго народа; во время перекочевокъ куреня на лѣтовку или зимовку, его везутъ впереди всего кортежа.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

7. Огонь.

Бурхынъ огня называется Онъ-Гала ханъ и постоянно пребываетъ надъ вершиной пламени; онъ имѣетъ матерью камень Хайръ, отцомъ желѣзо Хатунъ; хайръ чило эджитей, хатун тюмур эцпгтей.

(Сенге Дорджи, Халха хошуна Тачжи Урянхай).

8. Богъ воды.

Бурхынъ водъ называется по шамански Принъ-нгынъ-хатъ, по ламски Гушпнъ дзурнъ лусыта. Лусутовъ три рода: бѣлые, синіе и черные: цаганъ-лусутъ, хуху-лусутъ и хара-лусутъ; каждого рода двѣнадцать, всего тридцать-шесть. Бѣлымъ жертву приносятъ зимой, синимъ весной и чернымъ лѣтомъ.

(Лама изъ Аларскихъ Бурятъ).

¹⁾ Въ дацанъ Аларскаго вѣдомства Цаганъ убугунъ изображенъ въ видѣ старика съ длинною бородой въ бѣломъ платьѣ, съ тростью въ правой рукѣ. Подъ нимъ изображены въ уменьшенномъ противу его фигуры масштабъ быки, козы и бараны. На другихъ рисункахъ посохъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой четки. На вершинѣ посоха изображена звѣриная головка; тутъ же подвѣшены какія-то двѣ вещицы на шнурѣ.

9. Гахай бакши.

Въ Агинскомъ вѣдомствѣ говорятъ весной, въ 17-й день апрѣля: гахай бакши гадзар доро гал тулена, то-есть: Гахай бакши подъ землей огонь разводитъ. О немъ есть легенда, рисующая его глуповатымъ, привязавшимъ свою шубу къ хвосту лисицы и потерявшимъ ее, далѣе—залезшимъ въ тарбаганью нору.

(Сообщилъ свящ. Чистохинъ).

10. Хухенъ Хутухту, хубилганъ Шидырвана.

Къ Богдо Гегену пришелъ разъ Хухенъ Хутухта просить у него разрѣшенія жениться. „Ты дай мнѣ“, говоритъ, — „нимиръ-сельби“. Богдо сказалъ: „Дамъ“. Хухенъ Хутухта отправился обратно. Взялъ пятьдесятъ человекъ шабinceвъ, двадцать верблюдовъ завьючилъ, взялъ новый аилъ и отправился. Приѣхали въ одну гоби; Хухенъ Хутухта сказалъ, что тутъ нужно остановиться. „Здѣсь“, говоритъ, — „я буду жениться, сюда приѣдетъ моя невѣста“. Велѣлъ шабinceмъ все приготовить къ свадьбѣ, въ томъ числѣ вино и чпгенъ (вумысь). На другой день увидали столбы пыли, и когда они приблизились, то разглядѣли прекрасную молодую дѣвушку въ зеленой шелковой шубѣ, всю увѣшанную серебромъ, золотомъ и кораллами. Хутухта вышелъ къ ней на встрѣчу, помогъ ей сойти съ лошади и повелъ въ аилъ ¹⁾, шабinceмъ же запретилъ слѣдовать за собою; между тѣмъ одинъ изъ его шаби снялъ сапоги, и подошедши потихоньку къ аилу, сталъ смотрѣть въ небольшое отверстіе. Хутухта и его невѣста пили вино; онъ наливалъ и подчивалъ невѣсту, но она мало пила и все подчивала своего жениха; Хутухта былъ уже замѣтно пьянъ. Потомъ Хутухта сказалъ невѣстѣ, чтобъ она раздѣлась и легла съ нимъ спать; сначала она отказывалась, но потомъ согласилась, сняла съ себя одежду и легла, и стали они бороться; долго боролись въ аилѣ, такъ что аилъ изломался, и они очутились на степи и все продолжали бороться; то невѣста была на верху, то Хутухту; солнце уже закатилось; тогда Хутухта закричалъ: „Богдо Джибсынъ-Дамба-Таранетъ нимиръ сель-

¹⁾ Аилъ—юрта.

би дай мнѣ!“ И тотчасъ накатилась маленькая тучка, брызнуло нѣсколько капель дождя, раздался громъ, затѣмъ все было тихо. Хутухта отряхивалъ съ себя пыль, а его невѣста лежала убитою. Тогда всѣ узнали, что это была шульмусъ; чтобы убить ее, Хутухта обманомъ заманилъ ее къ себѣ. Кожу съ нея сняли и сдѣлали изъ нея „депси“ (коверъ, подстилка), а тѣло положили въ желѣзный ящикъ. Хухенъ Хутухту по этому событію и рисуютъ на иконахъ съ головой, загнутою къ верху, а подъ нимъ обнаженную распростертую на землѣ дѣвушку.

(Записано г. Палевнымъ у Дархатовъ).

53. Буха-ноинъ ¹⁾.

а. Призыванія:

Буха ноин баабай

Бодон хотон иби

Ильджихинъ изы

Ирмуги хан быри ²⁾.

(Записано отъ сѣверо-байк. Бурятъ г. Черскимъ).

Буха ноин баабэй

Юрюн хатын эджен

То-есть: „Буха-ноинъ—отецъ, Юрюнъ хатунъ—мать“.

(Сообщено о. Чистохинимъ).

Буха ноинъ баабай

Бодын хатун иби.

(Сообщено г. Матхановымъ).

б. У Исыгы-маланъ-тэнгри былъ сивый порозъ. Этотъ порозъ однажды закричалъ: „Есть ли такой силачъ, какъ я, порозъ Исыгы-маланъ-тэнгри?“ Бывшій въ это время за Байкаломъ двухлѣтній Буханоёнъ, услышавъ этотъ хвастливый крикъ, явился на едино-

¹⁾ Буха—быкъ, ноинъ—господинъ, князь. Буха-ноиномъ называется незначительная скала съ двурогою вершиной, которая въ общей картинѣ Тункипскаго хребта, представляющеюся изъ селенія около Тункинской степной думы, рѣзко выдѣляется на темномъ фонѣ цѣлаго хребта своимъ бѣлымъ цвѣтомъ. Прежде женщины подходили къ Буха-ноину и изцѣлялись; послѣ того, какъ на одной изъ двухъ вершинъ (прежде на обѣихъ были обо) поставили крестъ, женщины перестали изцѣляться, и Буряты говорятъ, что богъ оставилъ эту гору.

²⁾ Въ призываніяхъ у Тункипскихъ Бурятъ каждой строкѣ предшествуетъ слово: дод, напимѣръ: дод буха ноин баабай дод бодон хотон иби и т. д. У Балаганскихъ Бурятъ вмѣсто дод употребляется: сян! (Сообщ. г. Черский).

борство. Въ первое лѣто сивый порозъ одолѣвалъ Буха-ноина, на второе Буха-ноинъ сталъ побѣждать. Пастухи сообщили Исыгы-малану-тэнгри, что какой-то быкъ пришелъ и одолѣваетъ сиваго пороза. Исыгы-маланъ-тэнгри пришелъ и ударилъ своего быка пруткомъ разъ, а чужаго два. Буха-ноинъ сказалъ: „Вотъ и самъ Исыгы-маланъ-тэнгри несправедливъ; своего быка ударилъ только разъ, а меня два“. Послѣ того онъ побѣждалъ и окаменѣлъ.

(Записано отъ свящ. Чистохина).

в. Буха-ноинъ пришелъ изъ Забайкалья, чтобы побороть пороза; соперникъ Буха-ноина былъ злой духъ. Боролся девять дней и девять ночей. Буха-ноинъ шелъ изъ Забайкалья черезъ хребетъ Санга; гдѣ онъ мочился, тамъ выросли кедры. Когда онъ отправился къ Хормусту (умеръ), тѣло его осталось въ мѣстности Торо (противъ Тункинской степной думы) въ видѣ камня.

(Тунк. Бурятъ Шагдуръ Гутаевъ).

г. У Тайджи-хана была дочь; однажды она увидѣла, что спустившійся съ неба сивый быкъ сталъ бороться съ быкомъ ея отца, и послѣдній взялъ верхъ. Небесный быкъ и былъ Буха-ноинъ; побѣжденный, онъ сталъ удаляться по направленію къ тункипскимъ гольцамъ; дочь Тайджи-хана пошла посмотрѣть слѣдомъ за нимъ; по его слѣдамъ выросли пихтовые деревья. Быкъ, дойдя до горъ, окаменѣлъ. Дѣвушка забеременѣла. Призвали шаманку (одюгон) Усэйхэнъ, которая была первымъ по времени шаманомъ на землѣ, и спросили ее: что значить беременность ханской дочери. Шаманка объяснила, что отецъ ребенка—сивый небесный быкъ Буха-ноинъ, что ханская дочь забеременѣла оттого, что въ то время, какъ она слѣдила за быкомъ, шелъ свѣтъ и попалъ ей въ ротъ. Царевна родила сына, отнесла его къ окаменѣвшему Буха-ноину, положила подлѣ него и оставила. Быкъ кормилъ ребенка своею мочей; ребенка нашли въ люлькѣ, на которой были надѣты желѣзные обручи. Опять позвали шаманку, и она сказала, что для освобожденія ребенка нужно достать цимпынгъ (голенную кость быка) и спросить: что положить въ люльку, эту кость или ребенка; присутствующіе должны отвѣтить: ребенка. Это должно повторить до трехъ разъ. Этотъ обычай и теперь соблюдается съ новорожденными.

(Аларск. Буряты; сообщено Н. В. Матхановымъ).

д. Гдѣ Буха-ноинъ прошелъ, по слѣдамъ его полосой выросъ кедровый лѣсъ. Онъ началъ мочиться—отъ этого пошла рѣка.

(Сѣверо-байк. Буряты; сообщено г. Черскимъ).

е. Буха-ноинъ, сынъ Хуху-мунгунъ-тэнгри, пасъ скота у Исыгы-маланъ-тэнгри; подъ видомъ порога онъ спустился на землю. Исыгы-маланъ-тэнгри, хватившись пастуха, послалъ за нимъ Хара-джиргай; Хара-джиргай спустился на землю, увидѣлъ, что Буха-ноинъ борется съ быкомъ Тайбажинъ-хана, и легъ спать; на утро Хара-джиргай пробудился; Буха-ноинъ нѣтъ; подняться на небо Хара-джиргай уже не могъ, потому что отъ земнаго духа онъ испортился. Послѣ того Исыгы-маланъ-тэнгри послалъ Боръ-джиргай; съ тѣмъ случилась та же исторія. У Буха-ноина была жена Бодунъ-хатунъ; отъ дочери Тайбажинъ-хана былъ сынъ Булгахара. Саганъ-ноинъ унесъ дочь Буха-ноина къ Ирлыкъ-номонъ-хану. Буха-ноинъ посылаетъ Ханъ-джиргай, но Ирлыкъ запираетъ его. Тогда Бороджиргай ѣдетъ къ Ирлыку, переѣзжаетъ черезъ Шарьдалай и освобождаетъ душу Ханъ-джиргай.

(Абашей, Буряты Аларск. вѣдомства).

ж. Хуху мунгунъ тэнгриин хубун ирхы номон тайжи харьдын хара моритай, то-есть, „Ирхы-номонъ царевичъ, сынъ Хуху-Мунгунъ (сине-серебрянаго) Тэнгриа, на карей лошади Харьдынъ“, поѣхалъ и встрѣтился съ Молонтей-убугюномъ на порозѣ; сила Молонтея равнялась силѣ его быка. Ирхы-номонъ-тайджи спросилъ Молонтей-убугюна: „Куда ѣдешь?“ „Я“, отвѣчалъ тотъ, — „обѣзжаю въ день три раза землю“. Ирхы-номонъ удивился и предложилъ въ бѣгъ бѣжать. Остановились сначала на пескѣ, чтобы видѣть слѣдъ. Молонтей выѣхалъ изъ песка на быкѣ и тотчасъ вернулся; Ирхы обѣхалъ разъ землю, вернулся, а Молонтей уже тамъ. Ирхы-номонъ-тайджи предложилъ ему помѣняться животными, и помѣнялись; Молонтей-убугюнъ далъ Ирхы-номыну молотокъ погонять быка. Затѣмъ Молонтей убилъ быка, снялъ шкуру цѣликомъ, надѣлъ на себя и пришатился къ табуну одного хана; тамъ одинъ быкъ сталъ его бодать. Днемъ они бодались, а ночью Молонтей-убугюнъ снималъ шкуру и ходилъ къ царевнѣ. Наконецъ, испугавшись врага, онъ бѣжалъ въ горы, тамъ высѣкъ изъ камня быка, готоваго къ бою, а самъ

спрятался. Быкъ ханскій въ ярости не разобралъ, ринулся на мнимаго врага, сломалъ о каменнаго быка оба рога и возвратился.
(Буряты Аларск. вѣдомства).

з. Буха-ноень былъ кочерикъ (двухгодовалый бычокъ). Онъ пришатился къ стаду Тайжи-хана. Дочь (абахай) ханская увидѣла его, и замѣтивъ, что онъ бодается съ пестрымъ большимъ порозомъ, велѣла кормить его лучше. Ночью Буха-ноинъ обошелъ три раза юрту царевны, благодаря ее за покровительство, и сказалъ: „Черезъ годъ въ это самое время у тебя родится сынъ“. Сынъ и родился. Тогда она отъ стыда заключила ребенка въ зыбку, обвила желѣзными ремнями и бросила въ кочки. Буха-ноинъ услышалъ крикъ голоднаго ребенка и сталъ кормить его своею мочей. Потомъ нашли его люди, взяли и дали ему имя: Бутага олгон хубун Булган хара тургун саган, „въ кочкахъ найденный мальчикъ Булганъ-хара-тургунъ-саганъ“.

(Салтыковъ, Буряты Аларск. вѣдомства).

и. Одинъ изъ сыновей отца неба (Эцеге-маланъ-тэнгри) и матери Эхе-ёронъ спустился во образѣ порога сивой шерсти. Ходя по землѣ, порозъ наткнулся на улусъ племени Хотогойду, состоявшій изъ десяти юртъ. Владѣтельница улуса была шаманка Асуй-ханъ, которая была бездѣтна, почему родственники хотѣли развести ее съ мужемъ и выгнать изъ улуса, такъ какъ бездѣтная женщина у Буряты въ презрѣніи. Асуй-ханъ знала это и молилась Богу о защитѣ. Въ это время низшедшій порозъ боролся съ пестрымъ порозомъ царя Тайжи, у котораго была единственная дочь прекрасной наружности. Она видѣла, какъ пестрый порозъ пересилилъ сиваго небеснаго, и какъ этотъ послѣдній бросился въ сторону, а по слѣдамъ его выросли дремучіе лѣса. Дочь царя удивилась и скорѣй забеременѣла; приблизилось время разрѣшенія отъ бремени; дѣвица стыдилась людей, хотя и была невинна. Наконецъ, она рѣшилась идти за небеснымъ порозомъ, который, боясь своего противника—пестраго порога, что на горѣ въ Тункинскомъ вѣдомствѣ поставилъ статую свою изъ камня въ видѣ готоваго къ бою быка. Царевна нашла порога вблизи отъ этого камня. Порозъ принялъ ребенка и кормилъ его своею мочью. Царевна, возвращаясь домой, зашла къ шаманкѣ Асуй-ханъ и разказала ей обо

всемъ. Асуй-ханъ, призвавъ родственниковъ, объявила, что къ ней снизошелъ ребенокъ, но чтобы достать его, нужно сначала сдѣлать тайлаганъ небесному порозу Буха-ноину. Родственники принесли въ жертву бѣлоголовую кобылу. Тогда порозъ или Буха-ноинъ оставилъ младенца въ люлькѣ съ желѣзными ремнями, которыхъ развязать не могли. Поэтому шаманка снова собрала родственниковъ, заколола двухгодовалого бычка бѣлой шерсти и мозговой костью правозадняго стегна (подъ названіемъ пата семигын) пллила желѣзные ремни. Ремни расторглись и освободили младенца. Родственники Асуй-ханъ пировали отъ радости и тутъ же нарекли младенцу имя Булгаты. Отъ него впоследствии родился сынъ Ботой-бушилъ-болотъ-сяганъ, отъ этого—Булганъ-хара, отъ Булганъ-хары—Бурятай, отъ Бурятай—Бунгуй, отъ Бунгуя—два сына: Ханъ и Хонготоръ. Ханъ захотѣлъ основать особое племя отъ брата, и его потомки называются Бурутканъ („противное племя“); потомки Хонходора называются Хонхоторъ. Хонхоторовъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ много родовъ; еще болѣе, говорятъ, осталось въ Монголіи. По этому преданію Буряты считаютъ своимъ предкомъ Буха-ноина (которому придаютъ жену Бадунъ-хатунъ) и дочь царя Тайжи, почему и дѣлаютъ ежегодно жертвоприношеніе Буха-ноину и Бодунъ-хатуну, называемое большимъ тайлаганомъ, или тайланъ, а обрядъ шаманки Асуй-ханъ и по нынѣ соблюдаютъ при рожденіи дѣтей.

(Изъ записки: „Этнограф. свѣдѣніе за Аларск. вѣдомство“, составл. въ 1864 г.; рукопись доставилъ мнѣ для пользованія г. Матхановъ) ¹⁾.

54. Бурхынъ-бакши.

а. Сначала огонь, вода и вѣтеръ были въ смѣшеніи, и земли не было. Бурхынъ-бакши взялъ праху (порою), и раздѣливъ стихіи, сталъ сыпать его надъ водой: образовалась земля, на которой произрастали травы и деревья. Затѣмъ онъ создалъ и человѣка. Бурхынъ-бакши теперь одна изъ большихъ звѣздъ созвѣздія Большой Медвѣдцы.

¹⁾ Записка эта была составлена сельскимъ учителемъ по предложенію Иркутскаго статист. комитета въ бытность г. Матханова аларскимъ тайшей. Можетъ быть, и по другимъ вѣдомствамъ были составлены подобныя же записки и лежатъ безъ обработки въ архивѣ комитета.

Три драгоценности (гурбу эрдэни): золото (алтынъ), серебро (мэнгу) и красную мѣдь (дзесь), Бурхынъ-бакши вымѣнялъ у худыхъ людей на землю и далъ людямъ.

Теперь время Бурхынъ-бакши. Три бога—Май-Тере, Бурхынъ-бакши и Шимынъ-бурхынъ, хотѣли рѣшить, кому изъ нихъ быть правителемъ міра. Они сѣли рядомъ, Бурхынъ-бакши въ серединѣ; каждый поставилъ передъ собою чашку и сталъ читать книгу, чтобы у него въ чашкѣ выросъ цвѣтокъ. У Май-Тере выросъ цвѣтокъ; онъ пошелъ сообщить объ этомъ товарищамъ, но въ его отсутствіе Бурхынъ-бакши сорвалъ у него цвѣтокъ, сдѣлалъ ямку въ своей чашкѣ и воткнулъ его. Май-Тере уступилъ ему правленіе вселенной, но сказалъ: „Пусть будетъ твое время, но оно будетъ отличаться тѣмъ, что люди будутъ имѣть низкій ростъ, краткій вѣкъ и будутъ заниматься воровствомъ!“ Наше время и есть время Бурхынъ-бакши; потомъ придетъ на землю Май-Тере, и наступитъ его время; близость прішествія Май-Тере ознаменуется тѣмъ, что люди станутъ ростомъ съ локоть, кони будутъ величиной съ зайца. Когда же наступитъ время Май-Тере, люди станутъ ростомъ въ 80 локтей.

(Чо Джамцынь, лама Халхасецъ, хошуна Тачжинъ Урянхай съ рѣки Усюнь Дзюль).

б. Теперь время Бурхынъ-бакши. Май-Тере и Бурхынъ-бакши сидѣли вмѣстѣ; передъ каждымъ была золотая чашка, совершенно одинаковая; Май-Тере держалъ ее дномъ книзу, Бурхынъ-бакши дномъ къверху. Задремали боги и заснули. Бурхынъ-бакши проснулся прежде, и перемѣнилъ положеніе чашекъ; себя поставилъ вверхъ дномъ, а у Май-Тере дномъ внизъ. Май-Тере узналъ и сказалъ: „Ты своровалъ. Твое время будетъ воровское“.

(Банъ Цаганъ, Дюрбютъ хошуна хава).

в. Когда Бурхынъ-бакши создалъ людей, животныхъ и народы, онъ сталъ раздавать имъ номы (писанія), имена и назначать пищу: кому — скотское мясо, кому — траву; волею опоздалъ и пришелъ позже; онъ спросилъ у Бурхынъ-бакши: что же ему ѣсть. Бурхынъ-бакши уже всю пищу раздѣлилъ и потому сдѣлалъ такое рѣшеніе: „Ты захватывай самъ, что тебѣ попадется чужое, и пусть люди тебя бьютъ, ловятъ и убиваютъ“.

(Чо Джамцынь, лама Халхасецъ хошуна Тачжинъ Урянхай, съ р. Усюнь Дзюль).

г. Бурхынъ-бакши въ старое время ходилъ по землѣ подъ видомъ батырчи, съ котомкой и посохомъ, не обнаруживая своего божескаго происхожденія. Только одному старцу онъ открылся, написавъ буквы ка и ха. Онъ научилъ людей закону, грамотѣ и врачебному искусству; онъ училъ жить пустынноически, указалъ гелюнгамъ носить дзабиръ. Если бы держать законъ такъ, какъ училъ Бурхынъ-бакши, гелюнги не должны бы жить въ юртахъ съ семействами и заниматься хозяйствомъ, а должны бы жить въ пещерахъ.

(Лубсынъ Очуръ, лама Халхасецъ хошуна Санинъ-Нойона).

д. Бурхынъ-бакши имѣетъ 32 перерожденія (гучинъ хонръ хубилгетей). Однажды онъ обратился въ рыбу, чтобы тѣломъ своимъ накормить звѣрей; звѣри съѣли верхнюю половину и не могли перевернуть рыбу, потому что она была велика; тогда Бурхынъ-бакши самъ перевернулся, и звѣри доѣли другую его половину. Потомъ онъ превратился въ зайца величиною съ гору и умеръ, чтобъ опять накормить звѣрей. Звѣри съѣли его, а шкуру его Мангырбе Бурхынъ помѣстилъ на мѣсяцъ: вотъ ее-то мы и видимъ въ видѣ пятенъ на мѣсяцѣ. Онъ обращался также и въ вша (хотѣлъ извѣдать, каково житіе всякаго звѣря и всякой животной твари) и вошелъ въ волосы одной обовипившей ханской дочери; царевна выбирала вшей изъ головы и убивала ихъ, катая между пальцами; испытавъ на себѣ мучительность такой смерти, Бурхынъ-бакши постановилъ сразу убивать вшей, не муча ихъ, какъ дѣлала ханская дочь. Ходилъ Бурхынъ-бакши по землѣ также въ видѣ гуйлинчи (нищаго); приходитъ въ мѣстность, гдѣ жили два богача — Дутъ Байнъ и Дононгъ-Байнъ. У нихъ было столько скота, что они его не считали, а загоняли скотъ въ долину Дононгъ-Хундей (будто бы есть такая мѣстность въ хошунѣ Сартаулъ), и если долина наполнилась, значитъ — скотъ весь. Бурхынъ-бакши пришелъ въ юрту Дононгъ-Байна и попросилъ ѣсть; Дононгъ-Байнъ въ это время стругалъ дерево; онъ отвѣчалъ Бурхуну-бакши: „Мы ѣдимъ вотъ эти стружки; другой ѣды у насъ нѣтъ“, и положилъ ихъ въ чашку, которую протянулъ къ нему Бурхынъ-бакши. За это Бурхынъ-бакши обратилъ весь скотъ обоихъ богачей въ дикихъ животныхъ: лошади Дононгъ-Байна стали тѣка, хулунъ и чиктэй (дикие ослы), которые теперь живутъ въ Гоби, а

верблюды Дутъ-Байна обратились въ дикихъ верблюдовъ (тэмэнъ-гурёсу).

(Сарисынъ, пѣвецъ и музыкантъ, Дюрбютъ изъ г. Улангома).

е. Бурхынъ-бакши въ древности ходилъ съ двумя шаби подъ видомъ батырчи съ хабчикомъ за спиной. Пришли къ одной женщинѣ, у которой была тысяча коровъ; женщина въ это время доила. Бурхынъ-бакши подставилъ свою чашку и попросилъ молока; богатая женщина положила ему въ чашку коровьяго аргалу. „Живи же ты“, сказалъ святой, — „тысячу лѣтъ въ аргалѣ“. Послѣ этого женщина обратилась въ червя, который живетъ въ навозѣ. Потомъ онъ увидѣлъ бѣдный аилъ, изъ котораго вышли голые бѣдные дѣти; онъ попросилъ у нихъ поѣсть, но у нихъ ничего не было. Они искали, искали и только нашли въ цокцо, чашечкѣ, стоявшей на божницѣ зерна, и подали ихъ Бурхуну-бакши. Онъ сказалъ имъ: „Да будете вы Джибзунъ Хамбы“. Одинъ изъ дѣтей сталъ Ногонъ Дариху, другіе — тегенами. Такимъ образомъ Ногонъ дариху пашель Бурхынъ-бакши, а уже Ногонъ нашла Цаганъ-дариху.

(Найдынъ, богдошабинецъ изъ г. Урги).

ж. У Бурхынъ-Бакши было два шаби: Шарэнъ-Кубунъ-Моломъ-Тень и Ананда; Бурхынъ-Бакши жилъ вмѣстѣ съ ними. Ханъ шулмусовъ пришелъ къ этимъ шаби и сталъ соблазнять ихъ убить своего учителя. Шаби не согласились. Бурхынъ-Бакши ушелъ въ одно уединенное мѣсто, чтобы помолиться наединѣ. Ханъ шулмусовъ пришелъ къ нему и сталъ просить у него самаго его смерти. Бурхынъ-Бакши молился, ничего не говоря. Шулмусенъ-ханъ отрубилъ ему руку; Бурхынъ-Бакши продолжалъ молиться, молча; Шулмусенъ-ханъ отрубилъ ему другую руку, Бурхынъ-Бакши продолжалъ молчать. Тогда Шулмусенъ-ханъ спросилъ его: „Ты ли Бурхынъ-Бакши?“ „Если я Бурхынъ-Бакши“, сказалъ тотъ, — „то мое тѣло снова будетъ цѣло“. И руки его снова приросли къ тѣлу.

Послѣ того, какъ Бурхынъ-Бакши помолился, шаби нашли его мертвымъ; они жалѣли и плакали; положили его тѣло въ желѣзный гробъ, одѣли въ семь шелковыхъ одеждъ и подъ гробъ положили древесныхъ опилокъ, но не могли ихъ зажечь. Пришелъ посмотреть на святаго Дзюеджинъ Омбо (это книжное имя; мон-

гольское имя Дюрюсту-Дзюркунъ-Ханъ); опилки загорѣлись; гробъ накапился. Когда гробъ раскрыли, оказалось, что три одежды сгорѣли, остались цѣлы только четыре одежды и четыре зуба; одинъ зубъ взялъ себѣ Тэнгри, другой Ананда, третій Лосынай-ханъ (ханъ лосовъ); четвертый находится у какого-то гэгэна. Отца Бурхынъ-Бакши звали Арюнъ Иденъ Ханъ, брата этого хана—Цаганъ Иденъ ханъ; третій братъ также назывался Иденъ-ханъ; первый членъ имени разказчикъ забылъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

з. Создавъ животныхъ, Бурхынъ-Бакши помѣстилъ въ сосѣднихъ ущельяхъ въ одномъ кобылу съ жеребенкомъ, въ другомъ корову съ теленкомъ, въ третьемъ верблюдицу съ верблюденкомъ, въ четвертомъ женщину съ ребенкомъ, привязавъ ихъ на арканы. Женщина и ребенокъ были также четвероногія. Черезъ сутки онъ пришелъ посмотреть: у всѣхъ въ ущельяхъ травы довольно, а у женщины пусто, и она уже начала обижать своихъ сосѣдей. Тогда Бурхынъ Бакши подумалъ, что она такимъ образомъ оголодать всѣхъ животныхъ, и указалъ, чтобы люди ѣли мясо животныхъ, и изъ переднихъ ногъ сдѣлалъ имъ руки.

(Найдывъ, неграмотный богдинскій шабинецъ изъ Урги).

и. Тэрсинъ Дзурганъ Бакши и одинъ гециль, по имени Шарминъ Гоодомбы, спорили: кто изъ нихъ болѣе знаетъ. Пошли они къ хану; гостямъ подали чай; гециль пьетъ, а у Дзурганъ-Бакши въ чашкѣ заledenѣло; гециль наливаетъ себѣ другую чашку, а у Дзурганъ-Бакши чай изъ домбы не льется; послѣ чаю ханъ угостилъ гостей мясомъ; гециль, поѣвъ мяса и сдѣлавъ изъ дерева ковырялку, ковырялъ въ зубахъ и воткнулъ ковырялку въ землю; ковырялка принялась, быстро выросла и стала деревомъ. Дзурганъ-Бакши также воткнулъ свою ковырялку, но она такую и осталась. Такихъ чудесъ гециль совершилъ пятнадцать. 15-го числа зимняго средняго мѣсяца гециль возсѣлъ на арсланъ-шире, львиный престолъ; это былъ Бурхынъ-Бакши. Дзурганъ Бакши ударилъ льва, левъ побѣжалъ и потопталъ Дзургана; послѣдній взмолился, и Бурхынъ-Бакши удержалъ льва; у Дзургана послѣ того осталось только три бакши, а три бакши улетѣли на озеро и утонули.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

і. Было двѣ юрты; въ одной жили богатые люди, въ другой бѣд-

ные. Къ богатымъ всѣ ѣдутъ: ламы часто посѣщаютъ ихъ, читаютъ номъ и служатъ молебны; у бѣдныхъ никто не бывалъ. Они состарѣлись и говорятъ: „Вотъ мы стали стары, а у насъ никто не былъ, никто изъ ламъ у насъ никогда Богу не молился, нѣтъ у насъ и дѣтей“. Старуха сказала: „Поѣзжай и пригласи кого-нибудь“. Старикъ поѣхалъ къ одному худому ламѣ; тотъ сказалъ: „Ступай домой, я слѣдомъ буду“. Однако не пріѣхалъ. На другой день старикъ пригласилъ другаго; тотъ сказалъ, что онъ долженъ сейчасъ ѣхать къ одному больному, и что онъ оттуда уже пріѣдетъ къ нему. Но и этотъ обманулъ, не пріѣхалъ. Послѣ того старикъ поѣхалъ къ одному гецилю. Тотъ тоже обманулъ. Тогда, по совету старухи, старикъ сѣлъ съ силкомъ пзъ аркана на перекресткѣ трехъ дорогъ; ѣдетъ лама на огромномъ бѣломъ верблюдѣ. Старикъ набросилъ на ногу верблюду петлю. Лама осердился и закричалъ, но старикъ разказалъ ему, какъ онъ дожилъ до старости и не былъ посѣщаемъ ламами, приглашалъ трехъ, но они обманули его. Лама пріѣхалъ къ старику и пропѣлъ молитвы; старики хотѣли готовить ему чай, хотѣли угостить его и оставить ночевать, но лама сталъ отговариваться, что у него дивій верблюдъ. Старикъ сказалъ ламѣ, что онъ привяжетъ всѣ четыре ноги верблюда къ кольямъ, а самъ будетъ держать въ рукѣ поводокъ и такъ будетъ спать. Такъ и сдѣлалъ; однако утромъ верблюда не стало. Старикъ въ юрту къ ламѣ, и ламы нѣтъ. Старикъ подумалъ: не читуръ ли это? Но старуха говоритъ: „Если читуръ, слѣда не должно быть, а если есть слѣдъ, то это настоящій лама. Поди посмотри, и если увидишь слѣдъ, то ступай этимъ слѣдомъ“. Старикъ нашелъ слѣдъ и пошелъ имъ. Шелъ, шелъ—пришелъ къ двурогой змѣѣ, пожирающей животныхъ и людей. Старикъ спрашиваетъ: не видѣла ли змѣя ламу на бѣломъ верблюдѣ, по слѣду котораго идетъ. Змѣя ему сказала: „Это не лама, а Бурхынъ-Бакши. Зачѣмъ ты къ нему идешь?“ Старикъ разказалъ. Змѣя отломла одинъ рогъ, отдала старику и сказала: „Покажи этотъ рогъ Бурхину-Бакши и спроси его: за что онъ наказалъ меня этою парой роговъ; они мѣшаютъ мнѣ пролѣзать въ нору, и выходя изъ нея, я всегда сбиваю кожу съ головы. Пусть проститъ меня“. Старикъ пошелъ дальше. Пошелъ дождь, старикъ спрятался подъ высокую скалу и слышитъ на вершинѣ горы человѣческій голосъ.

Взглянул—тамъ сидитъ лама. Старикъ поднялся къ нему и спрашиваетъ: не видѣлъ ли онъ ламу на бѣломъ верблюдѣ. „Это Бурхынъ-Бакши“, сказалъ лама;—„когда дойдешь до него, спроси, когда будетъ конецъ моей молитвѣ. Восемнадцать лѣтъ сажу здѣсь. руки не разводя, такъ что онѣ обросли травой. Не пора ли мнѣ дать отпущеніе?“ Идетъ старикъ дальше и встрѣчаетъ трехъ махачи (людоедовъ), которые въ день съѣдаютъ по 500 человѣкъ. Они просятъ старика попросить Бурхынъ-Бакши, чтобы тотъ простилъ ихъ, великихъ грѣшниковъ. Дальше идетъ старикъ и приходитъ къ морю; идти больше некуда, слѣдъ ушелъ въ воду. Старикъ рѣшился войти въ воду; только вошелъ въ нее, воды не стало, и онъ увидѣлъ двѣ юрты; въ одной жилъ самъ Бурхынъ-Бакши. Онъ угостилъ старика чаемъ и спросилъ: что онъ видѣлъ дорогой. Старикъ сказалъ, что онъ видѣлъ дорогой змѣю, которая проситъ снять съ нея рога. Бурхынъ-Бакши сказалъ, что ей не будетъ отпущенія, потому что она много зла сдѣлала. На счетъ ламы Бурхынъ-Бакши сказалъ, что ему тоже не будетъ отпущенія, потому что онъ молился только о себѣ, а о другихъ людяхъ и тваряхъ не думалъ. Про трехъ же махачи сказалъ, что онъ ихъ прощаетъ, потому что они давно покаялись и признали себя грѣшниками. Потомъ Бурхынъ-Бакши далъ старику ящикъ съ бурхынами и не велѣлъ въ него заглядывать до прихода домой. Пошелъ старикъ домой. Только сказалъ онъ волю Бурхына-Бакши тремъ махачи, какъ они тотчасъ же стали подниматься на небо и сдѣлались бурхынами. Лама, 18 лѣтъ молившійся, выслушавъ рѣшеніе Бурхынъ-Бакши, тотчасъ умеръ и свалился съ горы. Змѣя, выслушавъ старика, заплакала, взяла рогъ, снова приставила къ головѣ и уползла въ нору. Пришедши домой, старикъ раскрылъ ящикъ, поставилъ въ него и своихъ бурхыновъ, зажегъ дзулу и легъ спать. Утромъ онъ пробудился молодымъ, старуха его также стала молодою; въ эту же ночь у нихъ родился сынъ. Вышелъ старикъ изъ юрты—стѣна на всѣ четыре стороны покрылась скотомъ четырехъ шерстей (то-есть, четырехъ видовъ).

(Баинъ Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

в. Создавъ людей и животныхъ, Бурхынъ-Бакши роздалъ имъ пищу, а волка забылъ. Когда онъ отослалъ животныхъ отъ себя, волкъ подошелъ къ нему и спросилъ: чѣмъ же ему питаться?

Бурхынъ-Бакши позволилъ ему воровать скотъ у людей. Создавая корову, Бурхынъ-Бакши забылъ дать ей почку, и когда она заявила ему о томъ, Бурхынъ-Бакши взялъ отъ почекъ всѣхъ животныхъ по кусочку и создалъ почку коровѣ. Поэтому большіе ламы не ѣдятъ коровьей почки: она состоитъ изъ поганныхъ кусочковъ. Верблюду Бурхынъ-Бакши забылъ дать мочу; когда верблюдъ сталъ просить мочи; Бурхынъ-Бакши не могъ дать ему много и далъ небольшую мочу. Верблюдъ осердился и ушелъ. За это Бурхынъ-Бакши обернулъ его дѣтородный членъ назадъ.

(Найдынъ, богдошабинецъ изъ Урги).

55. Бэгэръ Мджитъ.

а. Макшинъ Бади ханъ имѣлъ двухъ женъ: Лакджимъ и Маха Лакджимъ; отъ первой было два сына: Загры Варди и Сурунзу Варди; отъ второй—Бэгэръ-Мджитъ. Старшіе братья были женаты, Бэгэръ-Мджитъ не женатъ. Однажды онъ вернулся съ охоты и попросилъ у невѣстки ѣсть. Та была занята какою-то работою для бога и сказала, что ей некогда, пусть самъ пощетъ. „Какая упрямая!“ сказалъ Бэгэръ Мджитъ.—„Неужели кончить твою работу дороже, чѣмъ накормить голоднаго человѣка?“ И онъ поѣхалъ искать невѣсту и гдѣ разѣзжаетъ, до сихъ поръ не извѣстно.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Бэгэръ-Мджитъ женился на дѣвицѣ Бамья Вади, которая была дочь Онгѣтенъ-Тэнгира, но воспитана была Сурья-ханомъ.

(Онъ же).

56. Комбу Дорчжи.

Жилъ царь Комбу-Дорчжи; онъ умеръ, его вдова осталась бездѣтна. Сосѣдній царь Чилунъ Ташюръ предложилъ ей выйти за него замужъ; у него было тысяча-одна жена, но дѣтей не было, а онъ хотѣлъ имѣть дѣтей. Вдова царя Комбу Дорчжи однако отказалась отъ предложенія; у ней было богатство, народъ, и ей также хотѣлось имѣть дѣтей; поэтому она отправилась къ ламѣ Бурхынъ Бакши, который сидѣлъ въ скалахъ и читалъ книгу; она попросила его дать ей дѣтей. Бурхынъ-Бакши скалъ тѣста и далъ ей. Она пришла домой и половину съѣла; остальную половину съѣла ея служанка. Обѣ забеременѣли. Ханьша сказала служан-

кѣ: „Ты вѣрно съ кѣмъ нибудь имѣла дѣло!“ „Нѣтъ“, отвѣчала служанка. „Я“, сказала ханьша, — „оттого забеременѣла, что съѣла тѣсто, а ты?“ „Я тоже съѣла тѣсто“, призналась служанка. У нихъ обѣихъ родились дѣти. Чилунъ Ташюръ снова прислалъ пословъ сватать вдову-ханьшу, но она сказала, что у нея есть теперь наследникъ, и что теперь она имѣетъ болѣе прежняго основаній отказать ему. Чилунъ-Ташюръ сказалъ, что это не законный сынъ, что онъ, вѣроятно, прижитъ отъ лами, который спдитъ въ скалѣ, и послалъ за ней тысячу воиновъ (чириковъ). Ханьша снова обратилась къ Бурхынъ-Бакши; тотъ велѣлъ нарѣзать тысячу камышинъ съ головками и воткнуть ихъ на пути непріятельскаго войска. Камышъ обратился въ войско изъ желѣзныхъ солдатъ съ желѣзными лошадьми. Большая часть Чилунъ-Ташюрова войска была избита; остатки бѣжали. Ханъ велѣлъ послать сто тысячъ войска, но вернушіеся изъ перваго похода сказали ему, что напрасно онъ будетъ тратить свое войско: непріятельскіе солдаты сильные да и желѣзные. Тогда онъ велѣлъ всѣмъ своимъ женамъ отправиться къ тому же Бурхынъ-Бакши и просить его, чтобы онъ и имъ далъ дѣтей подобно тому, какъ далъ вдовѣ хана Комбу Дорчжи. Ханскія жены пошли, предпославъ Бурхину Бакши на подносѣ кувшинъ (домбу) чаю и молочную пищу (цаган иден). Когда ханскія жены пришли, Бурхынъ-Бакши угостилъ ихъ этимъ же чаемъ; тысяча женъ пили и не выпили кувшина чая, ѣли молочную пищу и не опорожили подноса. Потомъ онъ далъ имъ снадобье. Дорогой самая младшая жена попробовала: оно было горькое, и она бросила его. Всѣ тысяча женъ забеременѣли, только та, которая бросила снадобье дорогой, не забеременѣла. Она пришла къ старшей женѣ и жалуется на свою участь. Когда она созналась, что свою долю снадобья она выбросила, старшая жена, которая съѣла не всю свою долю, а только половину, отдала оставшуюся часть младшей женѣ, и та такъ поторопилась съѣсть ее, что забыла развести снадобье предварительно водой. Родился и у нея сынъ, но уродъ—все тѣло исковерканое, руки и ноги врознь, глаза кривые, языкъ неправильный. Она съ старшею сестрой вдвоемъ пошла къ Бурхынъ Бакши; тотъ при видѣ новорожденнаго урода не могъ удержаться отъ хохота, но сказалъ, что это будетъ замѣчательный человекъ; онъ будетъ ханъ, а остальные тысяча сы-

новей сдѣлаются Мингынъ-Бурхыномъ. Уродъ получилъ имя Гесыръ-ханъ и возсѣлъ на китайскій престолъ. Потомки хана Комбу Дорчжи—нойонское сословіе у Монголовъ, а потомство служанки—подданные монгольскихъ нойоновъ.

(Чо Джамцинъ, лама Халха, хошуна Тачжи-Урянхай. Г. Кобдо).

57. О женѣ, заподозрѣнной въ связи съ ламой.

Мнѣ разказывалъ Калка (Халхасецъ): Въ Китаѣ воцарился новый царь. Послѣ восшествія на престолъ этотъ царь потребовалъ отъ своихъ подданныхъ, чтобы ему выстроили особый огромный дворецъ, дали сто-двадцать женъ, и чтобы для каждой жены былъ особый домъ. Какъ царь требовалъ, такъ и сдѣлали. Потомъ царь оградилъ свой дворецъ и дома своихъ женъ высокою оградой и поставилъ стражу у воротъ, чтобы никто не смѣлъ ходить изъ мужичинъ. Стража была вся изъ евнуховъ. Жилъ этотъ царь со своими женами, и никто изъ мужичинъ не ходилъ на женскую половину. Онъ однако не зналъ всѣхъ женъ, такъ какъ ихъ много было, другихъ даже и въ глаза не видалъ. Однажды царская жена, которую царь никогда не видалъ, прогуливаясь по двору, увидала что-то блестящее, подняла и съѣла, и оттого сдѣлась беременна. Этой царской женѣ показалось удивительнымъ, какъ она, не зная мужа, могла забеременѣть. У царя жилъ нама (лама?), лицо духовное, не женатый и лѣкарь. Эта жена обратилась за разъясненіемъ недоумѣнія къ намѣ. Нама, посмотрѣвъ въ свою книгу, сказалъ: „Ты на дворѣ увидала что-то блестящее и съѣла. Это царь плюнулъ; ты съѣла его слюну и зачала. Ты объ этомъ не тужи, я самъ переговорю на этотъ счетъ съ царемъ“. Пришелъ нама къ царю и разказалъ ему, что одна изъ женъ его, которой онъ никогда не видалъ, съѣла его слюну и оттого забеременѣла. Царь не повѣрилъ ему и сказалъ: „Ты самъ видно жилъ съ этою женою, такъ ступай же, живи съ нею“. Потомъ царь приказалъ отвезти наму и свою невѣрную жену на одинъ морской островъ и тамъ поселилъ ихъ въ разныхъ избахъ, а между тѣмъ велѣлъ потихоньку доглядывать, будетъ ли нама ходить къ его женѣ. Нама поселился въ своей избѣ и все читалъ свою книгу, а жена царская жила въ другой избѣ, и другъ къ другу они никогда не ходили. Прошло нѣсколько времени, жена царская ро-

дила сына. Царь спросил сторожей: „Ходилъ ли нама къ его отверженной женѣ?“ Тѣ отвѣтили, что никогда не ходилъ. Царь сказалъ: „Теперь родился ребенокъ, вы смотрите строже; непременно они будутъ ходить одинъ къ другому“. Прошло нѣсколько времени, ребенокъ сталъ расти и уже сталъ ходить. Однажды женѣ царской нужно было сходить за дровами. Ребенка одного нельзя было оставить дома, а взять съ собою то же не доводилось. Поэтому царская жена привела этого ребенка къ намѣ и попросила его, чтобъ онъ покураулилъ ея ребенка. Нама согласился, посадилъ ребенка подлѣ себя, а самъ сталъ читать свою книгу; читалъ, читалъ и зачитался до того, что не видалъ, какъ ушелъ отъ него ребенокъ. Хватился, искалъ его, звалъ и все-таки найдти не могъ. „Должно быть утонулъ“, подумалъ онъ;— „островъ малъ, вездѣ вода“. Какъ быть? Вотъ и вздумалъ нама: дай почитаю книгу. Почиталъ, и видно вычитавъ въ книгѣ, взялъ муку, замѣсилъ тѣсто, вылѣпилъ точь въ точь такого же ребенка и посадилъ его подлѣ себя. Между тѣмъ воротилась съ дровами царская жена, пришелъ и потерявшійся ребенокъ. Чтѣ тутъ дѣлать? Нама и порѣшилъ: пусть оба растутъ. А между тѣмъ доглядчики донесли царю, что у царицы теперь уже другой ребенокъ. Царь осердился, послалъ нѣсколько солдатъ и велѣлъ имъ убить наму и царицу съ дѣтьми. Когда солдаты подплывали къ острову, на которомъ жили нама и царица съ дѣтьми, нама по книгѣ узналъ, что ѣдутъ посланцы отъ царя, чтобъ убить ихъ. Онъ приказалъ царицѣ, чтобъ она поскорѣе принесла ему одну горсть камышу. Царица принесла. Нама изъ этого камыша сдѣлалъ солдатъ. Когда посланцы отъ царя высадились на островъ, то произошло сраженіе. Солдаты царскіе всѣ были побиты, кромѣ одного, который, воротившись, сказалъ царю, что силы у царицы много, и солдаты всѣ побиты, и что остался онъ только одинъ. Нама кормилъ солдатъ, сдѣланныхъ изъ камыша. Они его спрашиваютъ: „Что же намъ теперь дѣлать?“ „Ступайте на западъ“, сказалъ онъ;— „тамъ есть какая-то Русь; туда идите, тамъ вамъ и мѣсто“. Солдаты ушли. Царь отправилъ солдатъ еще больше и велѣлъ убить наму, царицу съ дѣтьми и ихъ солдатъ. Когда это войско подъѣзжало къ острову, нама по книгѣ опять узналъ, что ѣдутъ бить ихъ. Онъ велѣлъ принести двѣ горсти камышу, сдѣлалъ изъ него солдатъ, и они

побѣдили царскихъ солдатъ, а потомъ также были отосланы въ Русь. Послалъ царь въ третій разъ большое войско. Нама дочитался, что идетъ большое войско, велѣлъ принести цѣлую охапку камышу. Принесли. Нама опять сдѣлалъ изъ него солдатъ. Когда посланные отъ царя высадились на островъ, произошло сраженіе, царскіе солдаты были всѣ побиты, кромѣ одного, который и принесъ царю извѣстіе, что все войско его избито. Тогда царь поинялъ, что ему ничего не сдѣлать съ намой и отверженной царницей. Онъ призвалъ къ себѣ наму и ласково спросилъ: какъ это родился у царицы другой сынъ? Нама разказалъ ему, какъ было дѣло, то-есть, что ребенокъ былъ сдѣланъ изъ тѣста, а солдаты изъ камыша. Тогда царь повѣрилъ намѣ во всемъ. Онъ призвалъ къ себѣ царицу, одного сына, который зачался отъ слюны, взялъ себѣ, а царицу съ другимъ ребенкомъ отправилъ на западъ. „Идите въ западную сторону“, сказалъ царь царицѣ и солдатамъ, — „тамъ есть Русь, тамъ ты будешь царицею; а потомъ воцари тамъ своего сына“. Тѣ ушли, какъ велѣлъ имъ царь. Когда они ушли, царь обрадовался и сказалъ своимъ приближеннымъ: „Съ этими солдатами Русскій царь побѣдитъ весь міръ, спорщика съ нимъ не будетъ на бѣломъ свѣтѣ; хорошо, что они ушли отъ насъ безъ всякаго спора“. Вотъ откуда пошелъ царскій родъ Бѣлаго царя.

(Записано алтайск. миссіонеромъ о. Вас. Постниковымъ отъ жителя с. Мыюта, Алтайца Пахраса).

58. Сенге ханъ.

Послѣ Арджи Борджи на его золотой престолъ вступилъ Сенге-ханъ; этотъ ханъ заболѣлъ; чтѣ ни ѣлъ, ни что не выходило изъ него: ни калился, ни мочился. Когда онъ умеръ, и животъ его разрѣзали, нашли жеребенка, верблюденка и ребенка, которыхъ онъ съѣлъ предъ смертію.

(Чо Джамцинъ, лама Халхасецъ, хошуна Тачжи Урянхай. Г. Кобло).

59. Анъ-Богдоръ.

Жилъ царь Анъ-Богдоръ, который имѣлъ одну дочь. Однажды царь увидѣлъ сонъ, будто его дочь родила сына, который сдѣлался царемъ. Тогда царь Анъ-Богдоръ заперъ свою дочь въ подземную темницу вмѣстѣ со стряпкой, которая приготавлила ей ку-

шанье и ухаживала за нею. Нѣкто, по имени Би, молодой человѣкъ, отправился искать эрдэмъ (волшебный камень); послѣ долгихъ поисковъ онъ нашелъ его, и встрѣтивъ товарища, по имени Санъ, передалъ ему найденный эрдэмъ, прося его отнести домой и передать роднымъ, а самъ пошелъ дальше. Но Санъ не передалъ эрдэмъ, а удержалъ у себя. Когда Би пришелъ домой и узналъ отъ родныхъ своихъ, что Санъ не передавалъ имъ эрдема, онъ отправился искать своего товарища; послѣ долгихъ поисковъ нашелъ его и спросилъ: гдѣ его эрдэмъ. Санъ сказалъ ему, что онъ эрдема отъ него не бралъ, а нашелъ самъ. Тогда Би отправился къ царю жаловаться на Сана; царь позвалъ Сана и спросилъ его: бралъ ли онъ отъ Би эрдэмъ для передачи его роднымъ? Санъ отвѣчалъ: „Я Би не видалъ, эрдэмъ я самъ нашелъ“. Тогда царь сказалъ, обращаясь къ Би: „Иди домой, такъ какъ Санъ говоритъ, что самъ нашелъ эрдэмъ; у тебя же нѣтъ свидѣтелей“. Тогда Би пошелъ домой; дорогой идетъ и плачетъ. На одномъ бугоркѣ пасли телятъ семь сыновей богатаго человѣка; съ ними вмѣстѣ пасъ одинъ сынъ бѣднаго человѣка одного теленка. Всегда они играли и бѣгали въ бѣгу, и если кто выбѣжитъ, тотъ становился царемъ и судилъ другихъ. Однажды дѣти богатаго человѣка прибили сына бѣдняка; этотъ мальчикъ шелъ и плакалъ; съ нимъ встрѣтился Би, который тоже плакалъ. Сынъ бѣдняка спросилъ у Би: почему онъ плачетъ. Тотъ разказалъ свое горе, какъ у него удержалъ эрдэмъ его товарищъ Санъ, и какъ царь не удовлетворилъ его жалобы. Мальчикъ сказалъ: „Если царь не можетъ разсудить это дѣло, то какъ же онъ сдѣлался царемъ?“ Би, въ свою очередь, спросилъ мальчика, почему онъ плачетъ. Тотъ отвѣчалъ: „Дѣти богатаго человѣка прибили меня таба ярьмать“. Оттого онъ и получилъ имя Таба Ярья. Дѣти богатаго человѣка пошли домой и разказали отцу, что говорилъ Таба-Ярья, а отецъ ихъ пошелъ къ царю и ему разказалъ.

Царь Анъ-Богдоръ призвалъ сына бѣднаго человѣка Таба Ярья и сказалъ ему: „Если ты не разсудишь ихъ, то отрублю твою голову“. Тогда потребовали Би и Сана; Санъ привелъ съ собою трехъ свидѣтелей, которые говорили, что эрдэмъ нашелъ Санъ, а не Би. Таба Ярья поставилъ ихъ отдѣльно другъ отъ друга, а самъ пошелъ къ рѣкѣ, тамъ взялъ глину, раздѣлилъ ее на пять частей,

роздалъ по части тремъ свидѣтелямъ, а также Би и Сану, посаженнымъ въ разныхъ мѣстахъ и сказалъ, чтобы каждый изъ нихъ сдѣлалъ изъ глины фигуру, какую имѣетъ спорный эрдэмъ. Похожія фигуры сдѣлали только Санъ и Би, а свидѣтели слѣпили разныя фигуры. Тогда Таба Ярья сказалъ: „Би сдѣлалъ фигуру, похожую на эрдэмъ, потому что самъ нашелъ ее; Санъ сдѣлалъ похожую фигуру, потому что взялъ эрдэмъ отъ Би и видѣлъ его; свидѣтели не сумѣли сдѣлать похожей фигуры, потому что не видали эрдема; это ложные свидѣтели. Санъ привелъ ложныхъ свидѣтелей; значить, онъ не самъ нашелъ эрдэмъ“. Поэтому Таба Ярья разсудилъ эрдэмъ отдать Би, а Сана и его трехъ свидѣтелей наказать. Тогда царь Анъ Богдоръ велѣлъ казнить виновныхъ, а Таба Ярья сдѣлалъ первымъ чиновникомъ.

Однажды царь говоритъ Таба Ярья: „Я посадилъ въ темницу свою дочь, чтобы она не родила сына, который можетъ лишить меня царства и самъ сдѣлаться царемъ. Что съ нею дѣлать?“ Таба Ярья сказалъ: „Пусть сидитъ въ темницѣ“. Но самъ сталъ ходить въ темницу смотрѣть царевну. Скоро царевна сдѣлалась беременною. Царь узналъ, что его дочь скоро должна родить, и поставилъ къ темницѣ строгій караулъ. Въ тотъ день, когда царевна должна была родить сына, Таба Ярья наполнилъ всѣхъ стражей дурманомъ, отчего всѣ они опьянѣли и упали безъ чувствъ. Тогда Таба Ярья вошелъ въ темницу и увидѣлъ, что царевна родила двухъ близнецовъ, которыхъ онъ взялъ, вынесъ изъ темницы и унесъ домой. На другой день стражи поднялись и стали на караулъ у темницы; въ это время приходитъ царь съ намѣреніемъ взять родившагося сына, чтобы убить его. Онъ вошелъ въ темницу, но не нашелъ ребенка, и потому подумалъ, что дочь его еще не родила. Таба Ярья воспитывалъ этихъ дѣтей нѣкоторое время, а потомъ пустилъ ихъ въ лѣсъ. Одинъ изъ нихъ воспитывался съ волчатами. Когда волчата выходили изъ норы, то сзади всѣхъ выходилъ мальчикъ безъ одежды; въ нору онъ входилъ послѣ всѣхъ. Другой мальчикъ воспитывался въ лѣсу (вѣмъ—разказчикъ не сообщилъ). Однажды этотъ послѣдній подкрался и поймалъ того мальчика, который росъ съ волчатами. Они стали жить въ лѣсу вдвоемъ.

Однажды ихъ окружило семь волковъ, которые стали выть.

Это были тѣ самые волки, съ которыми онъ выросъ; такъ какъ одинъ изъ мальчиковъ росъ съ волками, то понималъ, что они говорили. Семь волковъ говорили: „Царь Анъ Богдоръ узналъ про васъ и послалъ искать васъ триста человѣкъ войска. Мы задавимъ у нихъ лошадей, а вы идите дальше“. Въ ту же ночь семь волковъ задавили триста лошадей, а войска, оставшись безъ лошадей, возвратились и сказали царю, что царевичей не могли найти, лошади же пропали отъ голода. Тогда царь Анъ Богдоръ послалъ искать царевичей пятьсотъ человѣкъ войска. Семь волковъ снова окружили мальчиковъ и воють: „Царь Анъ Богдоръ послалъ пятьсотъ человѣкъ войска искать васъ; въ эту ночь мы задавимъ всѣхъ ихъ лошадей, а вы идите дальше“. Въ ту ночь семь волковъ задавили пятьсотъ лошадей у посланнаго войска; войско ушло домой и сказало царю, что не могли найти царевичей. Тогда Анъ Богдоръ послалъ семьсотъ человѣкъ войска. Тѣ же волки опять окружили царевичей и воють: „Царь Анъ Богдоръ послалъ семьсотъ человѣкъ войска искать васъ; мы ночью задавимъ всѣхъ ихъ лошадей. Когда вы встанете утромъ, то идите дальше; вы придете къ рѣчкѣ; тутъ купайтесь и ловите рыбъ. Въ это время сверху по рѣкѣ поплыветъ мертвый ребенокъ; вы распорите ему брюхо, тамъ найдете эрдэмъ; возьмите его, а мальчика положите подъ камнями. Тогда можете явиться къ царю Анъ Богдору“. Въ ту ночь волки задавили семьсотъ лошадей, и войско пошло домой, какъ и прежде.

Два мальчика утромъ пошли далѣе и пришли къ рѣчкѣ, гдѣ стали купаться и ловить рыбу. Въ это время теченіемъ рѣки принесло мертваго ребенка; они распорили ему брюхо, нашли въ немъ эрдэмъ, вынули его, а ребенка положили подъ камнями и сами пошли къ царю Анъ Богдору.

Таба Ярѣя велѣлъ копать тотъ бугорокъ, гдѣ онъ пасъ теленка и гдѣ игрывалъ съ дѣтьми въ царя; когда бугорокъ раскопали, оттуда вышли два престола (шэрэн), одинъ золотой, другой серебряный; каждый изъ нихъ имѣлъ по двадцати-пяти деревянныхъ вооруженныхъ солдатъ, которые стояли на ступенькахъ престола съ разныхъ сторонъ. Царь Анъ Богдоръ хотѣлъ сѣсть на одинъ престолъ, но деревянные солдаты не пустили его; Таба Ярѣя тоже хотѣлъ попробовать сѣсть, но и его не пустили солдаты. Въ это

время пришли тѣ два мальчика, которыхъ искалъ Анъ Богдоръ. Они получили имена одинъ Ойхо опдохон Олотъ, то-есть, въ лѣсу найденный Олотъ, другой Шонон Хобун Шолгу, то-есть, волчій сынъ Шолгу. Когда они пришли, ихъ попросили сѣсть на престолы; мальчики сѣли, деревянные солдаты не оказали имъ противодѣйствія. Олотъ сѣлъ на золотой престолъ, Шолгу на серебряный. Тогда Анъ Богдоръ спросилъ: „Что дѣлать?“ Таба Ярѣя отвѣчалъ ему: „Сними свою полную одежду и отдай Олоту, а я сниму свою полуодежду (то-есть, полукафтанье) и отдамъ Шолгу“. Олотъ надѣлъ полную одежду, то-есть, длинное платье, и сдѣлался Олотъ-ханомъ или Монгольскимъ царемъ, а Шолгу надѣлъ полуодежду, то-есть, короткій кафтанъ, сдѣлался Бѣлымъ царемъ (то-есть, Русскимъ). Поэтому послѣдній и его подданные и носятъ теперь короткое платье. Вотъ какимъ родомъ, по мнѣнію Бурятъ, Русскій и Китайскій цари родня между собою.

(Записано учителемъ Галхановымъ отъ Бурятскаго шамана Манджу въ Кудинскомъ вѣдомствѣ).

60. Аю-Чикты-ханъ.

а. Жилъ одинъ ханъ Ою-Чикту-ханъ; у него было два тайджи (сына), одинъ четырехъ лѣтъ, другой трехъ; перваго звали именемъ отца Ою-Чикты, другаго Эрденэ-Абахай-Цедекъ; была у него и жена, очень красивая и добрая; въ которую сторону она взглянетъ, тамъ солнце всходитъ. Она умерла. Ханъ жалѣлъ, что лишился такой жены, и послалъ пословъ искать себѣ другую, такую же добрую и красивую. Послы объѣздили все царство и не нашли. У хана было два сановника (тушемилъ), которые узнали, что у ханскаго пастуха есть красивая дочь, и поѣхали посмотрѣть на нее, добра ли она или зла. Тушемилы были прозорливы, умѣли предугадывать (шикджильна) и убѣдились, что дѣвушка зла. Приѣхавъ къ царю, они сказали, что хотя она и красива, но зла, не годится въ царицы. Царь не послушался, поѣхалъ самъ; она такъ ему понравилась, что ханъ взялъ ее за руку, посадилъ на свою лошадь, увезъ и сдѣлалъ ханьшей. Увидѣвъ тайджей, ханьша задумала погубить ихъ. Дня черезъ три она притворилась больною; ханъ испугался, что и вторая жена умретъ. Онъ сталъ уговаривать ее лѣчиться; но она сказала, что ей никто не можетъ помочь; есть только одно сред-

ство: если она съѣстъ сердце и почки двухъ тайджи, то выздоровѣтъ. Ханъ послалъ своихъ двухъ тушемилей убить тайджи. Тушемили, зная, что подъ видомъ ханьши скрывается шулмусъ, не убили тайджей, а заперли ихъ въ стеклянный домъ, на ханскій же столъ доставили сердца и почки двухъ собакъ. Ханьша, съѣвъ ихъ, сказала, будто выздоровѣла. Прошло нѣсколько времени, тайджи какъ-то вышли изъ своего стекляннаго дома; ханьша увидѣла ихъ, узнала, что ее обманули, снова притворилась больною и снова потребовала, чтобъ ей доставили сердца и почки тайджей. Ханъ снова отдалъ приказъ тѣмъ же тушемилямъ; тогда тушемили дали тайджамъ лошадей и запасу и велѣли имъ уѣзжать, а сами опять закололи собакъ и подали ханшѣ собачьи сердца и почки. Ханьша съѣла ихъ и сказала, что выздоровѣла. Ъхали, ѣхали тайджи, до того долго ѣхали, что запасъ у нихъ вышелъ, они проголодались, а поѣсть было нечего. Въ это время съ неба упалъ „хэтэ“, мѣшокъ съ молокомъ; это было молоко матери, которая была уже въ это время бурхн-номъ и жила въ небѣ. Они стали питаться этимъ молокомъ, которое не убывало. Наконецъ тайджи пріѣхали къ юртѣ Тюре-Герелтей-хана, двери которой оберегали двѣ огромныя, величнныя съ быковъ, собаки Хасыръ и Басыръ. Собаки сидѣли на цѣпяхъ, и срываясь, съѣдали человѣка вмѣстѣ съ лошадью. Онѣ были въ это время на свободѣ, кинулись къ тайджи и стали ласкаться къ нимъ. Ханъ удивился, принялъ ихъ и разпросилъ: откуда они? У хана было два сына: Саналэнъ-Чымыкъ и Сеткилинь-Чымыкъ. Принцы сдружились; Саналэнъ-Чымыкъ съ Ою-Чикту выстроили себѣ домъ, Сеткилинь-Чымыкъ и Абахай-Цецекъ—другой. Здѣсь они выросли. Тогда старшій говоритъ: „Я поѣду провѣдать наше царство и нашъ скотъ!“ Младшій заспорилъ и сказалъ, что онъ лучше поѣдетъ. Старшій уступилъ. Ханъ далъ Абахай-Цецеку лошадь, которая пробѣгала въ день пространство съ мѣсяцъ ѣзды, а въ мѣсяцъ—пространство въ годъ ѣзды. Пріѣхалъ тайджи къ пастуху коровъ; пастухъ и думаетъ: „Что ровно это сынъ нашего Ою-Чикту, какъ похожъ на него!“ Тайджи не признался ему, поѣхалъ дальше, набралъ душистыхъ травъ въ мѣшокъ, пріѣхалъ наконецъ къ отцу и вошелъ въ домъ. Въ дому вонь, а самъ ханъ едва живъ. Жена его была нечистый духъ (читкуръ), ночью голова ея обращалась въ лебединую, которую она просовывала въ его ротъ и сосала его

кровь. Сынъ объяснилъ это отцу и научилъ его ночью лечь на ящикъ, въ который долженъ былъ спрятаться самъ тайджи, на ящикъ положить мѣшокъ съ травой, а въ руки взять сабли. Ханъ такъ и сдѣлалъ. Когда жена пришла къ нему, и обративъ свою голову въ лебединую, стала просовывать ее въ ротъ хана, ханъ отрубилъ ей голову; отрубленная голова все еще бросалась на хана, но ханъ и выскочившій изъ ящика тайджи забросали ее травой, зажгли и пепель развѣяли по воздуху. Потомъ тайджи стали лѣчить и чистить отца; день кормилъ его овечьимъ молокомъ, день коровьимъ и т. д. Очистивъ отца, тайджи собралъ весь скотъ и народъ, взялъ отца, которому омерзѣло его царство, и уѣхалъ къ Теръ Герелтей-хану, у котораго и стали всѣ жить.

(Баинъ-Цаганъ, неграмотн. Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

6. У Аю-Чикты-хана было два сына: Абахай-Цецекъ и Шоно-Доптъ¹⁾; послѣдній былъ „баръ-джильтей“, то-есть, онъ родился въ годъ „бара“, тигра, а такихъ людей уноситъ Лосынай-ханъ. Когда онъ пришелъ къ одному старцу; тотъ сказалъ, что ему предстоитъ отъ Лосынай-хана. Лосынай-ханъ пришелъ вмѣстѣ съ дочерью, та полюбила Шоно-Допта и сказала отцу: „Если ты его унесешь въ воду, то и меня возьми вмѣстѣ съ нимъ“.

(Дюрбютъ).

61. Сартактай.

а. Сартактай былъ хубилганъ бога Очирвани. Ему или Едженъ-ханъ или другой кто—разказчикъ не помнить—сказалъ, чтобъ онъ вошелъ въ озеро и замерзъ въ немъ. „Если ты послѣ того будешь имѣть силу вылѣзть изъ озера, сдѣлаю тебя ханомъ“, сказалъ ханъ. Сартактай вошелъ въ озеро по горло, и вода замерзла; Сартактай сталъ шевелиться, и ледъ заколебался. Тогда ханъ сказалъ, чтобъ онъ подождалъ, пока образуется девять слоевъ льда. Сартактай переждалъ и хотѣлъ пошевелиться, но не могъ. Дунулъ, отъ этого по льду прошла дорога, но богатырь все-таки не могъ выйти. Тогда Едженъ-ханъ сталъ ѣздить по озеру въ телегѣ и колесами убилъ Сартактая. Сартактай рылъ канаву (буху), чтобы провести воду изъ рѣки Кобдо въ Пекинъ для одной дѣвнцы. Во время

¹⁾ Шоно—волкъ по монгольски.

работы онъ похвасталъ надъ водой: „Теперь я овладѣлъ тобою, вода, не какъ верблюдомъ, а какъ верблюденкомъ (ботогонъ), не какъ конемъ, а какъ жеребенкомъ, не какъ быкомъ, а какъ теленкомъ, не какъ бараномъ, а какъ ягненкомъ“. Вода не пошла въ его канаву, которая и теперь стоитъ сухая, а пошла мимо горы Торхула.

(Сарисынъ, Дюрбютъ Г. Улангомъ).

б. Сартактай называется у Алтайцевъ Сартакай¹⁾. Онъ охотился на гусей, бросая въ нихъ камни; и теперь указываютъ эти камни въ Алтаѣ: это большія скалы. Ниже устья р. Едигана указываютъ слѣды ногъ его и слѣды сидѣнья; тутъ-то онъ и строилъ мостъ черезъ Катунь.

(Свящ. о. Мих. Чивалковъ, родомъ Телеутъ, въ Алтаѣ).

в. Сартактай хотѣлъ перекинуть мостъ черезъ Катунь, носилъ камни къ рѣкѣ, но поссорился съ сыномъ, собралъ камни въ подолъ и ссыпалъ ихъ выше устья р. Яламана.

(Чопчу, Теленгитка кости Алматъ. Р. Чуя въ Алтаѣ).

г. Въ долинѣ р. Мэнъ, притока Чуи, лежитъ камень Көдөргө-ташъ; это камень, брошенный Сартактаемъ въ гусей.

(Алексѣй, крещеный Телеутъ).

д. Сартактай Кэзеръ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ прудилъ Катунь камнями; немного уже осталось доложить,—наступилъ вечеръ, пошли спать. Сартактай сказалъ своему сыну, чтобъ онъ въ эту ночь спалъ одинъ, безъ жены. Сынъ преступилъ заповѣдь отца; Сартактай на завтра сталъ поднимать камень и не могъ. Онъ бросилъ его, осердился и ушелъ въ землю Халха. Слѣды его лошади показываютъ около китайскаго караула Суокъ. На р. Мёнъ лежитъ камень, который онъ возилъ въ „баптырă“ (мѣшочекъ для пуль). Алтайцы любятъ пробовать поднимать этотъ камень; часто случается, что между тѣмъ, какъ одни поднимаютъ этотъ камень, другой человекъ, хотя и болѣе сильный, не можетъ отдѣлать камень отъ земли; это знакъ, что этотъ человекъ скоро умретъ.

¹⁾ Отъ Алтайцевъ и чуйскихъ Теленгитовъ я всегда слышалъ „Сартактай“, а не „Сартакай“. Вѣроятно, такъ называютъ его Кузнецкіе Телеуты. Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ мнѣ удалось убѣдиться, что то, что о-Михаилъ Чивалковъ называлъ особенностью Алтайцевъ, на дѣлѣ оказывалось особенностью Телеутовъ.

Сартактай ушелъ въ мѣстность Коту, гдѣ состарѣлся и умеръ. Тѣло его съѣли котунскія собаки.

(Тотой, старуха Теленгитка кости Телесъ. Р. Чуя).

е. Сартактай имѣлъ старшую сестру (эгичъ), выданную замужъ въ Пекпнъ. Въ этой столицѣ вода плохая; сестра просила брата достать воды изъ вѣчныхъ снѣговъ вершины рѣки Кобдо. Сартактай, жалѣючи сестру, началъ копать канаву (буху). При этомъ онъ похвастался, что это дѣло у него совершится также легко, какъ легко надѣтъ обротъ (ноето) на верблюда. Хозяинъ (эдзень) водъ обидѣлся этимъ и сказалъ: „Если вода пойдетъ впередъ, будетъ Икп-Аралъ, если—назадъ, то будетъ Большинъ-Тохой (или Булунъ-Тохой)“¹⁾. Поэтому вода бросилась въ рывину, которую Сартактай рылъ съ сыномъ, но назадъ обратилась²⁾. На завтра Сартактай велѣлъ сыну въ ночь не спать съ своею женой: „Хорошенько будемъ работать“, сказалъ онъ. Но сынъ не выдержалъ и на другой день совсѣмъ потерялъ силу.

(Баянъ-Цаганъ, Дюрбютъ изъ Улангома).

ж. Возлѣ города Кобдо есть двѣ красныя горы³⁾. Сартактай легъ на одну головой, на другую ногами. Волки пришли и стали грызть ему пятки. Сартактай почесалъ и сказалъ: „Волъ кусаетъ“.

(Молодой паренъ, родомъ Мингаты, на рѣкѣ Кобдо).

з. Едзеньханъ и Балаганъ были братъ и сестра (бала—по алтайски дѣвица). Едзеньханъ правилъ народомъ; сестрѣ также хотѣлось быть ханомъ. Съ западной стороны пришелъ красный туманъ; это шло войско. Балаганъ послала письмо, чтобъ это войско шло къ ней; Едзеньханъ звалъ его къ себѣ. Однако Балаганъ отдѣлилась съ народомъ отъ Едзеньхана; этому помогъ военачальникъ Тэнгрэ-

¹⁾ Икп-Аралъ—мѣстность въ долинѣ р. Кобдо выше Коко-котеля, Большинъ-тохой—мѣстность ниже Коко-котеля и выше горы Торхула.

²⁾ Сартактен-буху (канаву Сартактая) находится близъ оз. Хара-Усу, на западномъ берегу его южнаго конца, и тянется параллелью подошвѣ горы Яматы. Это рывина до 5 саж. ширины и въ сажень глубины. Восточный край ея выше, чѣмъ западный; на восточномъ боку замѣтно, какъ будто намыта галька. Вообще это водное, а не искусственное образованіе, потому что рывина не сопровождается отвалами.

³⁾ Онѣ называются Аршанты и запираютъ долину рѣки Булунту ниже города.

Түшетуханъ. Изъ шести богатырей, бывшихъ стражами при Едзень-ханѣ и Балаганѣ, Көзөръ пошелъ къ Балагану, а Сартактай къ Едзень-хану. Көзөръ хотѣлъ часть народа, оставшагося у Едзень-хана, перевести къ Балагану; изъ-за этого богатыри поссорились: Сартактай выстрѣлялъ въ Көзөра и прострѣлялъ ему грудь насквозь; кровь потекла ручьемъ, но Көзөръ не почувствовалъ этого и проѣхалъ мимо. Это случилось въ мѣстности Иты-Удрекъ, гдѣ и теперь видно красные камни, какъ будто недавно залитые кровью. Көзөра впослѣдствіи съѣла китайская собака тайгалу-итъ.

(Сапашъ, Алтаецъ. Чуйская степь).

62. Балаганъ.

Балаганъ тушинда кайшъ кырлу хара албату, то-есть, во времена Бала-хана (были) черные подданные съ ремненнымъ поясомъ. (Старинное выраженіе).

(Чанашъ, Алтаецъ. Р. Чуя).

63. Начало камства.

а. Первый хамъ была женщина. Богдоханъ сказалъ: „Если это дѣйствительный хамъ, то его не застрѣли!“ И велѣлъ въ нее стрѣлять. Хамъ-женщина не только не была убита, но еще сильнѣе прежняго начала камлатъ. Тогда богдоханъ призналъ ее дѣйствительнымъ хамомъ и далъ ей прозвище: Ельбичи-хамъ. У нея былъ ребенокъ, который вслѣдствіе этого стрѣлянія родился со знакомъ. Въ память объ этой шаманкѣ и теперь зовутъ свѣдущихъ хамовъ: ельбичи-хамъ, то-есть, хамъ, умѣющій производить ельби. Ельбилу, шиделу называется хамъ-чудотворецъ, который терзаетъ себя ножомъ, показывается присутствующимъ въ видѣ медвѣдя (обращающійся въ медвѣдя) и т. п.

(Салъджакъ Бюргутъ).

б. Одинъ ханъ велѣлъ собрать всѣхъ камовъ и сжечь; собрали, посадили въ одну юрту и зажгли. Всѣ сгорѣли, только одинъ камъ вылетѣлъ изъ огня невредимо и спасся; его имя было Камъ-кадылбашъ; отъ него-то и расплодился нынѣшніе камы. Телеутскіе камы при камланьи поминаютъ его, говорятъ о себѣ: камъ-кадылбашнымъ угумэн, то-есть: „я изъ поколѣнія Камъ-кадылбаша“. Другіе говорятъ: Кам-кадылбашнымъ калдыгмэн, то-есть: „я изъ кадылбашева остатка“.

(О. Чивалковъ, телеутское сказаніе).

в. Шаманъ Махунай былъ столь могущественъ, что садился въ сани, и они сами катились безъ лошадей. Иркутскій начальникъ велѣлъ позвать шамановъ и спросилъ ихъ: чѣмъ они докажутъ, что ихъ вѣра не ложь. Махунай сказалъ, что онъ не сгораемъ. Посадили его съ бубномъ на камень, обложили и завалили соломой, которой собрали семьдесятъ возовъ. Зажгли, солома сгорѣла, Махунай страхнулъ съ себя пепелъ и всталъ невредимъ. Послѣ этого иркутскій поенъ велѣлъ ему продолжать камланье.

(Абашей, Бурятъ Аларск. вѣдомства).

г. По словамъ ангудайскаго шамана Энчу, спаслось отъ огня двое: дядя и племянникъ; дядя выпесъ племянника подъ мышкой. Одного изъ нихъ звали Тостубашъ.

д. Во время двухъ хановъ Дөрбөнъ-ойродъ-хана и Балагана много было камовъ, но большая часть ихъ были ложные. Два хана положили собрать ихъ всѣхъ и сжечь: кто не ложный, тотъ спасется. Всѣ камы были собраны въ одну юрту и начали камлатъ снаружи юрты былъ сложенъ костеръ изъ дровъ и сухой травы и зажженъ. Всѣ камы сгорѣли, только одинъ шаманъ вылетѣлъ невредимо: Балаганъ¹⁾ положилъ ему имя абысъ-камъ, а Дөрбөнъ-ойродъ далъ ему имя Тарханъ-бо.

(Цётёкъ, Алтаецъ, кости Иркутъ).

е. По словамъ прыкта Туйбаса (Алтайца) возлетаніе кама изъ огня произошло на урочищѣ Коту, по сю сторону Улиссутая. На этомъ мѣстѣ видѣнъ его бубенъ и находится его могила.

ж. Ули-Кайраканъ, зпмующій на землѣ и лѣтомъ возносящійся на небо, бросаетъ молнію разныхъ цвѣтовъ и кому попадетъ въ голову, тотъ становится камомъ. Въ кого упадетъ бѣлая молнія, тотъ становится ак себкту хам.

(Урянхайская шаманка Чикей на р. Торхойкѣ).

з. Одинъ ханъ призвалъ кама-женщину (хам-катын) камлатъ; она была въ это время беременною и плохо камлала; ханъ велѣлъ застрѣлить ее. Дѣйствительно ее застрѣлили, но она родила сына

¹⁾ Бала-ганъ значитъ „жена-ханъ“; бала—незамужняя женщина. Это очевидно мяенческое имя Балаганъ Алтайцы переносятъ въ настоящее время на императрицу Екатерину II.

со знакомъ на лбу отъ стрѣлы. Это и былъ родоначальникъ всѣхъ камовъ ¹⁾).

(Бюргутъ, Сальджахъ-Урянхаецъ).

и. Шаманы получили начало на берегу какого-то Шарь-далая. (Бураты Аларск. вѣдомства).

і. Ханъ велѣлъ собрать всѣхъ шамановъ, сдѣлать для нихъ соломennую юрту и сжечь; онъ говорилъ: „Если они настоящіе шаманы, то не сгорятъ“. Всѣ сгорѣли, одинъ только вышелъ невредимъ. Это было въ мѣстности Онгу, которая лежитъ къ востоку отъ Иркутска (Онгурѣнь).

(Бураты въ вершинахъ р. Иркуты рода Хонгодоръ).

64. Тарханъ бо.

а. Было два великихъ кама: Тостогошъ и Газыръ-гамъ. Еджень-ханъ собралъ всѣхъ камовъ и велѣлъ сжечь, при чемъ сказалъ: „Худые сгорятъ, а настоящіе живы останутся“. Воля ханская была исполнена; всѣ камы сгорѣли, только эти два, Тостогошъ и Газыръ-гамъ, остались живы и вылетѣли невредимо изъ огня. Послѣ этого Тостогошъ сказалъ: „Я буду предсказывать войну“. А Газыръ-гамъ сказалъ: „я буду знать человѣческую смерть“. Съ этими словами они обратились къ Ерлику. Вдругъ пришла война, Тостогошу отрубили голову и повезли къ Еджень-хану; туловище кама пошло вслѣдъ за головой, и въ землѣ Еджень-хана стало кюшоташ'емъ (каменною бабой). Халхасское прозвище Тостогоша Тарханъ-бо-Даинъ-Тере. Тостогошъ однажды камлалъ какому-то Абысу и такъ понравился, что тотъ далъ ему прозвище: Абысъ-Кыдай. Газыръ-гамъ пошелъ къ Ерлику и сказалъ ему. „Я буду узнавать впередъ человѣчью смерть; если скажу, этотъ человѣкъ умретъ, онъ долженъ умереть; если скажу, оживетъ, онъ долженъ остаться живъ“. Ерликъ осердился на него и сказалъ: „Ты хочешь больше меня знаты!“ Они поссорились. Газыръ-гамъ въ сердцахъ отрубилъ лапу Ерликовой собакѣ Тайгылъ-итъ; собака умерла, а Газыръ-гамъ улетѣлъ къ Тэнгри-Кудая. Ерликъ пошелъ жаловаться къ Тэнгри-Кудая и сказалъ, что Газыръ-гамъ

¹⁾ Эта легенда была рассказана въ отвѣтъ на вопросъ: кто былъ первый шаманъ?

зарубилъ у него собаку. Тэнгри-Кудай обвинилъ Газыръ-гама. Газыръ-гамъ и здѣсь поссорился, схватилъ съ юрты Тэнгри-Кудая желѣзные „карачки“ (верхній кругъ юрты) и бросилъ на землю, а самъ убѣжалъ. Онъ кончилъ жпзнь самоубійствомъ на Кемчикѣ — бросился со скалы; скала отъ его крови и теперь красная; на мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, выросъ красивый тальникъ. Эта мѣстность называется Кызыль-гая; отсюда Кптайцы берутъ красныя стрѣлы (кызыль-окъ). Оба кама Тостогошъ и Газыръ-гамъ родомъ были съ рѣки Чуи, Теленгиты.

(Санашъ, Алтаецъ, кости Тонжуанъ).

б. Въ Теленгитахъ былъ одинъ великій камъ, по имени Тостогошъ. Русскій ханъ велѣлъ всѣхъ камовъ сжечь, но Тостогоша не могли убить. Тогда Русскій ханъ далъ ему имя Абысъ-камъ и позволилъ камлать. У Ойродъ-хана, толи у Эдзень-хана заболѣли сынъ и дочь; онъ пригласилъ Абысъ-кама покамлатъ надъ ними; Абысъ-камъ пріѣхалъ и вылѣчилъ больныхъ; ханъ подарилъ ему девять табунныхъ лошадей и человѣка; Тостогошъ отправилъ лошадей впередъ, а самъ тайно остался близъ хана, потому что задумалъ увезти ханскую дочь; онъ уговорился съ нею, и ночью на хорошей лошади они убѣжали вдвоемъ. Ханъ послалъ за ними погоню и велѣлъ, если поймутъ бѣглецовъ, привязать дочь къ конскимъ хвостамъ и разорвать, а каму отрубить голову. Посланцы такъ и сдѣлали — дѣвицу разорвали надвое, а каму отрубили голову и привязали въ торока; но голова въ торокахъ захохотала, и тѣло ходило, какъ живое. Привезли его къ Ойродъ-хану; Тостогошъ превратился въ камень; и теперь онъ стоитъ въ видѣ кюшочило; иному кажется буримъ (курѣн таш), иному бѣлымъ, иному краснымъ; около него живетъ большой камъ; хорошій камъ передъ нимъ камлаетъ безвредно, худой умираетъ. Халха приносятъ ему жертвы.

(Таранъ, шаманъ Теленгитъ на Чуйской степи).

Одинъ присутствовавшій при разказѣ старикъ сообщилъ, что въ жертву этому истукану всегда приносятъ чубарныхъ лошадей.

в. Каменная баба (кюшочило) Даинъ-Дерхе стоитъ въ мѣстности Шари Кытны; она стоитъ внутри сумѣ и обвѣшана многими хадаками (шелковыми лоскутками). Прежде этотъ камень лежалъ, теперь приподнимается. Цвѣтомъ сталъ коричневый — кровью на-

ливается! Наступило время совѣмъ встать ему. У Даинь-Дерхе спрашиваютъ о способахъ излѣченія, подаютъ ему бѣлыя бумажки; на нихъ появляется написаннымъ отвѣтъ, хотя въ это время около камня людей нѣтъ. Отвѣты эти народъ приписываетъ Даинь-Дерхе. (Лубсынъ, лама Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

г. Даинь-Дерхе прежде былъ Арахи; онъ что-то увралъ у Очирвани, ерхе (чотки) или что другое—разказчикъ не помнитъ,—сѣлъ на своего сѣросиваго жеребца (боро цаган адзырга) и убѣжалъ; Очирвани за нимъ въ погоню. Въ западной сторонѣ есть двѣ рѣки: Ирнгень-голь—тутъ онъ потерялъ свою покражу, и Адзыргень-голь—тутъ его лошадь устала. Очирвани догналъ и бросилъ въ него своимъ очпромъ; Даинь-Дерхе обратился въ кюшочило. Зимой голова этаго камня покрывается инеемъ, какъ у живаго человѣка. Отъ Банчинъ-Далай-ламы пришелъ приказъ (сундукъ, благословеніе)—основать возлѣ камня сумунъ; въ этомъ письмѣ точно было указано мѣстоположеніе камня: къ югу отъ рѣки Уръ, по ту сторону рѣки Уилханъ, по сю сторону рѣки Архынъ; Даинь-Дерхе даровано было названіе Гелюнгъ-Сахылъ. При Даинь-Дерхе прежде была шаманка (утаганъ) переводчица, которая передавала отвѣты Даинь-Дерхе. Однажды она дала одному богомольцу гребень, велѣла зайти въ одинъ аилъ и воткнуть его въ волосы живущей тамъ дѣвицы; тотъ такъ и сдѣлалъ. Та дѣвушка вдругъ стала камлать, а утаганъ умерла. Вокругъ сумуна сложены четыре кучи камней (обо); если шаманъ идетъ на поклоненіе къ Даинь-Дерхе, отъ котораго шаманы получаютъ сакиусы, и если онъ худой шаманъ, онъ падаетъ замертво у этихъ кучъ, дальше ихъ не можетъ проникнуть и теряетъ послѣднихъ онгытовъ; хорошій бо не только доходитъ до божественнаго камня, но и получаетъ отъ него сакиусъ. Около сумуна есть щели (капцылъ), въ которыхъ есть пещера; входъ въ нее узкій и темный, но онъ ведетъ въ свѣтлую залу; кто туда проникнетъ, безумѣетъ; одинъ лама прошелъ туда, но вышелъ безъ памяти. Тамъ, говорятъ, живутъ дѣти Даинь-Дерхе. Кто-то видѣлъ также около этой пещеры человѣка, ѣдущаго на сѣробѣломъ жеребцѣ, всего сѣдаго, съ огромною бѣлою бородой. Думаютъ, что это былъ Даинь-Дерхе. Долго послѣ смерти утаганъ-толковательницы показывали ея священническое одѣяніе, хранившееся въ сумунѣ при камнѣ; теперь уже не показываютъ.

(Гуниъ, грамотн. лама, Халха, хошуна Лу-Гуна).

д. Таинь-Дерхе былъ злой человѣкъ, многихъ убивалъ. Чингисъ-Тэнгиръ хотѣлъ его казнить. Таинь-Дерхе сказалъ, что онъ болѣе не будетъ такъ поступать. Таинь-Дерхе обратился въ камень. Онъ былъ бо.

(Уицинь, Халха, хошуна Сартаулъ, родомъ съ уроч. Хуху-дерису).

е. Два кама худой и хорошій камлали на Башкаусѣ; худой предсказалъ, что будетъ война; добрый не повѣрилъ. Пришли Калка (то-есть, Халхасцы) съ войной, хорошему каму отрубили голову и онъ умеръ; худого кама жгли огнемъ—изъ огня онъ вышелъ невредимъ; въ водѣ топилъ—изъ воды вышелъ цѣлъ; тогда отрубили ему голову и повезли въ торокахъ. Голова захохотала. Когда ее привезли къ калкаскому бію, она обратилась въ камень. И теперь эта каменная баба (кюшоташъ) стоитъ въ мѣстности Коту. Сколько ни камлали передъ камнемъ, онъ не шевелился; одинъ молодой человѣкъ пришелъ съ водкой (арыкы), сдѣлалъ возліяніе (чачылгы), и голова зашевелилась. Имя этому каму было Тарханъ-Бо-Таинь-Дере Тостогошевой породы.

(Теленгитка Тотой. Чуйская степь).

ж. Даинь-Дере (или Тере) былъ прежде сильный ханъ, подобный силою сакому небу. Потомъ онъ превратился въ камень. Близъ него есть камы, когорые камлаютъ, когда бываетъ громъ. Имя Даинь-Тере произносится, по словамъ Комбу, также Даинь-Тэнгри или Даинь-Тэнгиръ.

(Комбу, Тува-Урянхаецъ кости, Балыкчи. Оз. Теръ-Норъ).

з. Около Таинь-Дерхе шаманы (бо) столь могущественны, что сводятъ молнію съ неба.

(Севге Доръжи, Халха, хошуна Уйдзинъ-Гуна, писарь на караулѣ Цяциргана).

п. Ойродъ-ханъ воевалъ съ Кыпчаками и Сары Соёонами; послѣдніе схватили ойродскаго кама Абысь-Тостогоша и стали его жечь; онъ улетѣлъ отъ нихъ. Келекъ, камъ, нынѣ живущій на р. Кеньге, есть потомокъ этого кама.

(Чончу, Теленгитка Р. Чуа).

65. Эльджигень.

а. Эльджигены составляютъ два монгольскіе хошуна: 1) Лу-гуна или большой Эльджигень и 2) Ирпнъ Ба Эльджигень или малый

Эльджигень; послѣдній хошунъ называютъ также просто хошунъ дзасыка, потому что имъ управляетъ князь степени „дзасыкъ“, тогда какъ большой Эльджигень управляется княземъ степени „гунъ“. Предокъ этихъ князей Эльджигень-нойонъ имѣлъ ослиныя уши и скрывалъ ихъ подъ шапкой, а обривъ волосы, казнилъ брадобрѣя. Очередь идти брить нойона выпала мальчику, который былъ единственный сынъ у матери. Мать дала ему три капли молока; когда онъ брилъ нойона, одну каплю онъ взялъ въ ротъ, другую оставилъ за пазухой, третью уронилъ къ ногамъ нойона. Нойонъ спросилъ его: что это такое? Мальчикъ отвѣтилъ, что это вкусная пища. Нойонъ поднялъ, положилъ въ ротъ, и убѣдившись, что это было сладко, какъ сахаръ, спросилъ: „Откуда ты добылъ такое лакомство?“ Мальчикъ сказалъ, что мать дала ему на дорогу три капли молока, надонивъ его изъ своихъ большихъ грудей. Тогда нойонъ сказалъ: „Я съѣлъ молоко твоей матери, теперь я твой братъ, и потому убить тебя не могу, но ты ни кому не сказывай, что у меня ослиныя уши“. Мальчикъ вернулся къ матери и говоритъ: „Что мнѣ дѣлать? Такъ и хочется сказать!“ Мать научила его сказать объ этомъ въ нору мыши. Мальчикъ пошелъ въ поле, нашелъ мышиную нору, и нагнувшись къ ней, сказалъ: „У нашего нойона ослиныя уши!“ И вскорѣ потомъ повсюду между мышами, собаками и людьми пошелъ говоръ: „У нашего нойона ослиныя уши!“

(Лама хошуна Сартаулъ).

б. Въ древности былъ Эльджигень-чиктей ханъ (ослиноухій ханъ). Онъ казилъ всѣхъ, кто ему стригъ волосы. Позвалъ онъ мальчика, сына одной бѣдной женщины; та скатала хургуловъ (хургулъ — шарикъ, собственно пометъ бараній) изъ муки на молокѣ изъ своей груди и на сахарѣ, и сказала сыну: „Когда будешь брить хана, ѣшь это!“ Мальчикъ взялъ шарики и пошелъ къ хану; во время бритья онъ остановился и сталъ ѣсть ихъ. Ханъ спросилъ: „Что ты ѣшь? Дай мнѣ одинъ“. Мальчикъ далъ ему одинъ шарикъ. Хану понравилось и, онъ остальные выпросилъ у мальчика. Когда съѣлъ ихъ, спросилъ у мальчика: „Изъ чего это сдѣлано?“ И когда тотъ разказалъ ему составъ шариковъ, ханъ сказалъ: „Ну, я теперь пилъ молоко твоей матери и потому не могу тебя казнить. Иди домой, но никому не говори, что видѣлъ“. Пошелъ мальчикъ домой; идетъ полемъ, трава (олень) колышется; онъ думаетъ,

что она спрашиваетъ его: что онъ видѣлъ, и такъ ему хочется сказать ей. Не вытерпѣлъ и сказалъ травѣ: „У нашего хана ослиныя уши. Манай ханъ ельджигень чиктей!“ Идетъ дальше; мыши выглядываютъ изъ норъ и пищать: „Чиртъ, чиртъ!“ Онъ думаетъ, что онѣ его спрашиваютъ: что онъ видѣлъ, и такъ ему опять захотѣлось сказать. Не утерпѣлъ, и сказалъ мышамъ: „У нашего хана ослиныя уши!“ Идетъ дальше; стоитъ дерево, вѣтви его качаются въ воздухѣ. Онъ думаетъ, что дерево спрашиваетъ его: что онъ видѣлъ? Опять ему хочется сказать, и онъ сказалъ дереву: „У нашего хана ослиныя уши“. Поѣхалъ ханъ по своему ханству, трава качается и нашептываетъ: „Вотъ ѣдетъ ханъ съ ослиными ушами!“ Дерево шумитъ листьями: „Вотъ ѣдетъ ханъ съ ослиными ушами!“ Тогда ханъ подумалъ: „Теперь узнали не только всѣ подданные, но и трава, и лѣсъ, и звѣри“. И пересталъ казнить.

(Гунынь, Халха хошуна Лу Гуна или Ихэ-Эльджигень).

в. Эльджигень-нойонъ имѣлъ большіе уши, скрывалъ ихъ и казилъ тѣхъ, которые поочереди приходили брить его. Очередь дошла до единственнаго сына одной бѣдной женщины; она подовла изъ своей груди молока на сахаръ и велѣла сыну уронить его въ подолъ нойона во время бритья. Когда сахаръ упалъ въ подолъ нойона, нойонъ взялъ его въ руки, попробовалъ на вкусъ и спросилъ: „Что это такое?“ Юноша отвѣчалъ: „Молоко моей матери“. „Хорошо“, сказалъ нойонъ, — „я поѣлъ молока твоей матери, я тебя не убью. Но ты никому не говори о моихъ ушахъ; если же придется сильная охота сказать, скажи дереву, только не тому, которое прямо растетъ, а которое къ землѣ склонилось“. Пошелъ юноша домой, охота его разбираетъ сказать кому-нибудь объ ушахъ нойона, онъ отыскалъ нагнувшееся дерево и сказалъ ему: „Я брилъ нойона, у котораго ослиныя уши!“ Когда подулъ вѣтеръ, дерево качаясь стало говорить: „У нойона ослиныя уши, ослиныя уши!“ Шли мимо дерева люди, шли собаки — всѣ узнали, что у нойона ослиныя уши. Эльджигень — насмѣшливое прозвище; имъ невѣжливо называть жителей этого хошуна; слѣдуетъ говорить: хошунъ Хэби Гуна.

(Дюрбютскій мальчикъ лѣтъ 14-ти на р. Дзабхынъ).

г. Въ Дархатской землѣ жилали (потуглуджи байсэнъ) три хана: Чингисъ ханъ, Эльджигень-Джигитъ и Сай-ханъ. Эльджигень-чик-

тѣмъ ханъ имѣлъ ослинныя уши и никому ихъ не показывалъ; кто ему брилъ голову, тѣхъ казнилъ; люди назначались брить по порядку. Досталось одному парню; мать сварила изъ собственного молока „урукъ“ (густыя сливки) и велѣла ему во время бритья ѣсть, не переставая. Ханъ спросилъ: „Что ты это все ѣшь?“ „Это моя обыкновенная ѣда“, отвѣчалъ мальчикъ; — „очень ужъ она сладка, потому и ѣмъ все“. „Дай мнѣ“, сказалъ ханъ. Мальчикъ далъ. Хану понравилось и онъ еще попросилъ. Затѣмъ онъ спросилъ мальчика: „Изъ чего это сдѣлано?“ Мальчикъ сказалъ, что изъ молока его матери. Тогда ханъ не рѣшился казнить его, потому что они оба ѣли молоко одной женщины. Но послѣ этого всѣ узнали, что у хана ослинныя уши. Все стало говорить, и лѣсъ, и трава, и воздухъ, звѣри, и домашнія животныя, и люди, что у хана ослинныя уши. Ханъ не могъ вынести этого говора и удалился изъ Дархатской земли.

(Гончигъ-лама, Дархатъ, на р. Шижигтѣ).

д. По показанію разныхъ Урянхайцевъ, Ельджигентъ Джигитъ ханъ жилъ на озерѣ Теръ-норъ, гдѣ по срединѣ озера былъ его дворецъ (хашанъ), сложенный изъ глины. Отъ него-то и получили свое названіе Урянхайцы кости Ельджигентъ, живущіе въ верхней части долины р. Хукъ; главная вѣтвь Ельджигентовъ, по словамъ Хукскихъ Урянхайцевъ, находится между Сартулами подъ вѣдомствомъ Гуна (это, конечно, Лу Гунъ).

е. Ельджигентъ ханъ былъ дуракъ (тэнекъ-ханъ); онъ жилъ на озерѣ (то-есть, на оз. Теръ-норъ; Дархаты Теръ-норъ зовутъ просто озеромъ, а Косоголъ моремъ), когда тамъ еще ни озера, ни лѣса не было; воду брали изъ колодца. На днѣ колодца появилась мелкая рыба (джираха); ханъ сказалъ: „Нельзя здѣсь болѣе жить, вода испортилась, черви появились“. Когда стали появляться ростки лиственницъ, ханъ сказалъ: „Земля испортилась, лезетъ изъ нея какая-то колючка вмѣсто доброй травы“. И скочевалъ. Когда онъ поднялся на Ханъ-тайгу, взглянулъ назадъ и увидѣлъ, что долина наполнилась озеромъ, онъ воскликнулъ: „Удзи теръ-норъ! смотрите вонъ озеро!“ Съ тѣхъ норъ и стали то озеро звать Теръ-норъ¹⁾.

¹⁾ Теръ—небо по урянхайцамъ, норъ—озеро по монгольски.

На озерѣ и теперь видны остатки глиняныхъ стѣнъ его хашана. Онъ много на своемъ вѣку кочевалъ и умеръ близъ Хухухото. (Джамцынъ, Баргу-Солонъ съ оз. Буръ-норъ, проживающій въ Дархатской землѣ).

ж) Изъ слезъ Арья-балынъ родились двѣ дарихе: Цаганъ-дарихе и Ногонъ-дарихе¹⁾. Ногонъ-дарихе родилась дочерью Сарандзы Гомбу-хана; ухаживая за скотомъ, Ногонъ-дарихе вошла въ любовную связь съ многочисленною прислугой и родила четырехъ сыновей. Рабочихъ было много, она со многими жила. Воронъ (хара кпре) сказалъ ей доброе слово²⁾, что отъ нея родится сынъ Берюдзаны, и указалъ, гдѣ его найдти. За это Ногонъ-дарихе дала ворону способность видѣть за шестидесятью рѣками кусокъ мяса величиной только съ большой палецъ и летать, не боясь мороза, подъ небомъ выше облаковъ, гдѣ отъ мороза камни величиной съ ящикъ трескаются. Воронъ этотъ потомъ обратился въ ламу Балъ дорчжи. У Ногонъ-дарихе родился сынъ Эльджигентъ. Онъ былъ глупый и бѣшеный; онъ истребилъ номъ (святое писаніе); изъ типографскаго станка велѣлъ сдѣлать себѣ кровать. Балъ-дорчжи пріѣхалъ и осудилъ его; Эльджигентъ-ханъ рѣшился застрѣлить этого ламу. У Эльджигентъ-хана были ослинныя уши, и онъ казнилъ тѣхъ, которые по очереди чесали ему голову; очередь пала на младшую сестру ламы Балъ дорчжи. Мать дала ей „бобо“ (булочку), замѣшанную на своемъ молокѣ. Ханъ, поѣвъ бобо и узнавъ, изъ чего оно сдѣлано, сказалъ: „Теперь не могу убить тебя, потому что поѣлъ молока твоей матери, но ты никому не сказывай о моихъ ушахъ“. Дѣвушка не могла утерпѣть, чтобы не сказать и мать посовѣтовала ей передать тайну въ нору мышки; мышь передала тайну Лусай-хану, Лусай-ханъ—ламѣ даянчи (то-есть, отшельнику). Лусай-ханъ пошелъ къ ламѣ даянчи изучать номъ, и спросилъ: „Что у васъ новаго?“ „Ничего“, отвѣчалъ лама; — „а у васъ?“ „Слышалъ я“, сказалъ Лусай-ханъ, — „что у хана ослинныя уши!“ Отъ ламы даянчи

¹⁾ Лаванъ заявилъ между прочимъ, что Ногонъ-дариху то же, что у Русскихъ Дѣва Марія. Вѣроятно, есть какія-нибудь легенды о ней, сходныя съ нашими апокрифическими.

²⁾ Лаванъ, говорившій по русски, сказалъ просто: „Воронъ сказалъ ей добро“.

слухъ прошелъ и въ остальной народъ; Эльджигень-ханъ рѣшился застрѣлить ламу, но его защищали двѣ птицы голубь (такта) и павлинъ (тоготъ), бросаясь въ огонь и разсыпая уголь. Наконецъ таки лама былъ убитъ. Онъ возродился подъ видомъ Джакхандзе гегена, который есть хубилганъ Очирвани. Эльджигеньчиктей ханъ по тангутски называется Ланъ Дарма ханъ.
(Наванъ или Лаванъ, Бурятъ въ вершинахъ р. Пркута, въ мѣстѣ Менъ).

66. Шидырванъ.

а. Шитырванъ, Тарханъ-бэйли, Уй-Джанджинъ и Амурсана сговорились противъ Едзень-Богдо; Шитырванъ имѣлъ намѣреніе сѣсть на престолъ вмѣсто Едзень-Богдо. Уй-Джанджинъ (потомки его нынѣ составляютъ фамилію Цеценъ-ханъ) выдалъ заговоръ; Шитырванъ былъ схваченъ. Едзень-Богдо хотѣлъ его казнить; рубили ему голову до трехъ разъ, но онъ все воскресалъ. Его хубилганъ теперь существуетъ въ видѣ Хуухюнъ-Хутухту.
(Унцунъ, неграмотн. Халха хошуна Сартаулъ изъ мѣстн. Хуху дерису).

б. Шидырванъ былъ Ойродъ-ханъ; у него было два сына Темир-сана и Амурсана. Едзень-ханъ завоевалъ владѣнія Ойродскаго хана; Шидырванъ бѣжалъ не извѣстно куда. При этомъ онъ отсѣкъ коню половину хвоста и сказалъ: „Когда хвостъ отростетъ, верну мое царство“.

(Таранъ, шаманъ, Теленгитъ. Долина р. Чуи).

в. Шидырванъ былъ мингитскій ноёонъ; онъ родомъ былъ Хотогойту; халхасскій князь Удзюмъ-гунъ наговорилъ на него Едзень-хану, будто онъ замышляетъ измѣну, хочетъ оставить „тамгу“. Едзень-ханъ велѣлъ схватить Шидырвана; его схватили, но Шидырванъ поднялся на воздухъ; тогда Едзень-ханъ велѣлъ сдѣлать молебствіе; Шидырванъ долженъ былъ спуститься и отдаться въ плѣнъ; онъ былъ плѣненъ у дерева Орёнъ Ганцханъ Модонъ; ему связали руки желтымъ хадакомъ и привели къ Едзень-хану; нѣкоторые просили хана отпустить Шидырвана, но Манджуры настояли убить его; Шидырвану отрубили голову. Передъ казнью Шидырванъ сказалъ, что его кровь будетъ отомщена. Вотъ почему съ тѣхъ поръ манджурскій престолъ сталъ шатокъ. Въ то время, какъ Шидырвана брали подъ деревомъ Орёнъ Ганцханъ

Модонъ, на небѣ появилась радуга, а во время казни въ Пекинѣ произошла большая смута. Шидырванъ завѣщалъ Мингитами имѣть синія двери, чтобъ узнать ихъ среди другихъ племенъ впослѣдствіи, когда онъ снова прійдетъ. Поэтому-то у нихъ и обшиваются двери синею бязью.

(Мингиты. Р. Кобдо).

г. Шитырванъ былъ предокъ фамиліи хотогойтскаго Биширилтувана; и теперь въ хуренѣ послѣдняго хранятся котель (того) и великое черное знамя (икэ хара тук) Шитырвана, которые онъ оставилъ, отправляясь на войну противъ Амурсаны. До сихъ поръ онъ еще не возвращался, однако время его пришествія приближилось. На вопросъ, почему знаютъ, что онъ скоро прійдетъ, Хотогойту говорятъ, что въ ихъ хошунѣ родился мальчикъ восьми лѣтъ съ огромною головою, которую онъ съ трудомъ держитъ на плечахъ; голова имѣетъ девять отверстій; думаютъ, что это Мангысъ, котораго долженъ убить Шитырванъ. Шитырванъ и Амурсана заключили союзъ побратимства (тангрык хійгед), помѣнялись сакіусами¹⁾; при этомъ Шитырванъ обманулъ Амурсану; Амурсана погнался за Шитырваномъ; послѣдній бѣжалъ черезъ горные проходы Халтынь-Хамиръ (въ Тангну-олѣ въ востоку отъ Дзиндзилика) и Дабысинъ-дабанъ (еще восточнѣе), но въ вершинахъ Хема Амурсана догналъ Шитырвана и убилъ его.

(Найдынъ, богдошабинецъ изъ Урги).

д. Шитырванъ и Амурсана ушли одновременно, одинъ на западъ, другой на сѣверъ. Шитырванъ пришелъ къ Дархатамъ и просилъ перевезти его за границу; Дархаты сказали, что дадутъ ему верблюдовъ и лошадей нѣсколько сотъ, и указали дорогу черезъ Ванъ-Тологой (на р. Хоро), а сами дали знать Едзень-хану. Войска застали его у Ванъ-тологоя и тутъ схватили. Этотъ тологоя, „холмъ“, находится внизъ отъ Дархатскаго куреня по Шишкиту.

(Чиванъ, дархатскій камъ. Р. Шишкитъ).

е. Три монгольскіе князя Шитырванъ, Амурсана и еще какой-то третій согласились уйти на сѣверъ въ предѣлы Русскаго государства. Амурсана былъ изъ нихъ самый западный, жилъ про-

¹⁾ Сакіусъ, цахіусъ, цахюсъ — образокъ, который буддисты носятъ на шеѣ.

тивъ Алтай; Шитырванъ жилъ въ серединѣ; третій князь жилъ на востокѣ. Последній измѣнилъ и донесъ Едзень-хану; Шитырванъ бѣжалъ черезъ Дархаты и вышелъ на русскую границу; русскій пограничный дзанги сказалъ ему, что не смѣетъ пропустить его безъ полученія разрѣшенія отъ Цаганъ-хана; черезъ годъ пришло разрѣшеніе, но между тѣмъ 330 солдатъ было послано отъ Едзень-хана, и они окружили Шитырвана; Шитырванъ хотѣлъ обмануть китайское войско, одѣлъ своего любимца въ свое платье, посадилъ на свою лошадь и велѣлъ ему прорваться черезъ китайскую цѣпь, въ расчетѣ, что Китайцы удалятся въ погоню за посланнымъ. Однако кто-то изъ слугъ выдалъ это и сказалъ Китайцамъ, что Шитырванъ остался въ станѣ. Онъ былъ плѣненъ и казненъ; жены его также были казнены, осталась только одна она была беременна. Отъ нея-то и пошло потомство Шитырвана. Въ долину Хука, въ ущельѣ р. Укертай, указываютъ мѣсто, гдѣ лежитъ серебро, положенное Шитырваномъ; никто не смѣетъ взять его подѣ страхомъ казни. Говорятъ, что Шитырванъ во время побѣга имѣлъ сильно нагруженныхъ верблюдовъ, складывалъ серебро, зарывалъ въ землю съ зарокѣмъ, что кто его возьметъ, тотъ умретъ. На р. Шаргы-голѣ также указываютъ холмъ съ серебромъ Шитырвана; говорятъ, что на этомъ холмѣ растутъ три кедра, и что на одномъ изъ нихъ есть тамга.

(Русск. купецъ Григ. Ив. Посылинъ слышалъ отъ Дархатовъ).

ж. Шитырванъ былъ схваченъ у холма Ванъ-Тологой.

(Лубсынъ-Гончикъ, Дархатъ. Р. Шинкитъ).

з. Шитырванъ, Амурсана и Хуухюнъ-Хутухту бѣжали; двое послѣднихъ ушли, Шитырвана китайскіе солдаты нагнали у Мусюнъ-дабана (то-есть, у ледянаго перевала; гдѣ онъ находится разбазчикъ не знаетъ); половина народа успѣла перевалить черезъ хребетъ, другая, въ томъ числѣ и Шитырванъ, была захвачена. Бишприлты Шитырванъ (то-есть, нынѣшній хотогойтскій ванъ) ¹⁾—потомокъ казненнаго Шитырвана.

(Тува-Урянхаецъ съ р. Хука).

и. Чютуръ ванъ „гурбу дзонъ нюхуртэй“, то-есть, съ тремя стами товарищей, бѣжалъ на сѣверъ; путь его шелъ черезъ горный пере-

¹⁾ Ставка его на Тесѣ. См. „Очерки“, II, 24.

валъ Джангысъ-дабанъ (къ западу отъ горы Джангысъ; прозносятъ также Янгысъ, Янджисъ, Янджитъ). Онъ только 20 верстъ не дошелъ до границы,—тутъ его схватили и казнили; убивали его до трехъ разъ; но онъ воскресалъ каждый разъ. Снимали мясо кусочками величиной съ монету (дзосу).

(Кузьма Саховъ, крещенный Бурятъ. Верхняя часть долины р. Иркуты).

і. Шидырванъ съ разными другими ханами составилъ заговоръ; князья собрались въ Ургѣ, убили козла, ѣли мясо, пили кровь и поглились въ вѣрности общему дѣлу. Кто-то измѣнилъ; Шидырванъ бѣжалъ, но заблудился въ Саянскихъ горахъ. Подумавъ, что заблудился потому, что не запасся благословеніемъ хутухты, онъ послалъ къ нему за благословеніемъ, и пока ждалъ, его нашли и взяли въ плѣнъ.

(Няк. Вл. Матхановъ, Бурятъ, бывшій тайша Аларскаго вѣдомства).

к. Отрывокъ изъ пѣсни, которая о Шидырванѣ поется въ кругу стариковъ Бурятъ:

Будада шургагын больджамур
Хатъда тушигын Шидырман
Карасыда шургагын харасыгай
Ханда тушигын Шидырман
Ирьиде шургагын угольджин
Ижинъ-ханъда тушигын Шидырман

То-есть:

Подъ кочку прикурнувшій жаворонокъ,
Къ хапу преклонившійся Шидырман!
Подъ стрѣху прикурнувшая ласточка,
Къ хану преклонившійся Шидырман!
Подъ...? прикурнувшій удодъ,
Къ Ижинъ-хану преклонившійся Шидырман!

л. Шоно батырь Шудуръ манъ былъ сынъ, хана; онъ былъ очень силенъ; лугъ отца былъ слабъ для него и онъ безъ спроса отца отнесъ его передѣлать. Отецъ за такое своеволие велѣлъ ему отсѣчь большой палецъ у руки и изгналъ. Чодырманъ отправился къ Мангытъ-хану (то-есть, къ Русскому царю) и служилъ при его дворѣ. Отецъ Чодырмана получилъ трехъ верблюдовъ, навьюченныхъ крѣпкимъ лукомъ; кромѣ того, было на каждомъ, по 40 пудовъ вьюку, все одиѣ пголки. Никто въ государствѣ не могъ

ни лука натянуть, ни разгадать смысл присылки иголь. Тогда ханъ вспомнилъ о сынѣ и послалъ къ Русскому царю пословъ съ просьбой отпустить Чодырмана. Царь отпустилъ; Чодырманъ сталъ натягивать лукъ и изломалъ его; для него слабъ оказался; затѣмъ онъ объяснилъ отцу, что иголки означаютъ—сколько иголокъ, столь много будетъ противъ него послано войска. Затѣмъ самъ отира-вился къ Русскому царю; мать трое сутокъ шла за нимъ, упраши-вая его вернуться, держа въ рукѣ обнаженные груди, которыми она его вскормила; но онъ не внялъ ея рыданіямъ и ушелъ таки къ Русскому царю. Здѣсь, то-есть, въ Русской землѣ, появилась га-ша-хамыгынъ, старуха, которая своими заклинаніями производила моръ въ народѣ; желая избавить послѣдній, Чодырманъ взглянулъ въ книгу „Заянэ шара худыръ“ и тамъ увидѣлъ слова: „Высоко пу-стивъ стрѣлу, царя убьешь; низко пустивъ стрѣлу, народъ пере-бьешь; въ средину пустивъ стрѣлу, себя убьешь“. Народа ему было жалъ; оставить народъ безъ царя тоже не хотѣлось: какъ безъ царя будетъ народъ жить? И онъ сказалъ: „Лучше я собою пожертвую“. Пустилъ стрѣлу по срединѣ, убилъ старуху и самъ умеръ черезъ двое сутокъ. Онъ былъ похороненъ съ почестью.

(Абашей, Бурятъ Адарскаго вѣдомства).

м. Шогмлынъ батырь Чудурманъ былъ сынъ дѣвпцы. Его три раза убивали, но онъ снова родился ¹⁾. Китайцы стали выби-рать царя; произошелъ бунтъ, одни хотѣли одного, другіе—другаго; въ числѣ лицъ, хотѣвшихъ занять престолъ, былъ и Чудурманъ; его хотѣли поймать, послали за нимъ людей, но онъ обманулъ ихъ, придрѣлавъ себѣ бороду изъ бѣлаго конскаго хвоста; думали 70-лѣт-ній старикъ, не взяли, а это былъ онъ. Сынъ Чудурмана, Анго-лынъ-ханъ, былъ первый Китайскій царь.

(Петръ Гантимуровъ, обурятавшійся Тунгусъ, родомъ съ верш. р. Иркуты).

н. Шидырванъ и Еженъ ханъ были большіе друзья. Еженъ-ханъ очень довѣрялъ Шидырвану, и такъ какъ послѣдній былъ очень уменъ и зналъ управленіе, то Еженъ-ханъ уступилъ ему

¹⁾ Когда я въ первый разъ спросилъ Гантимурова: слышалъ ли онъ про Шидырвана, котораго Китайцы убили въ Пекинѣ, онъ возразилъ: „Кто вамъ сказалъ, что Чудурмана убили? Развѣ его можно убить? Онъ—сынъ неба“.

управленіе государства, а самъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ. Другіе монгольскіе нойоны стали говорить: „Почему Еженъ-ханъ такъ воз-высилъ этого монгольскаго князя? Мы—такіе же князья; почему не насъ?“ Одинъ изъ нихъ написалъ два письма, одно—Еженъ-хану, что Шидырванъ укоревываетъ съ народомъ прочь изъ государства, а другое Шидырвану, что Еженъ-ханъ посылаетъ войско противъ него, чтобы схватить. Обманутый письмомъ, Еженъ-ханъ дѣйствительно послалъ войска, а Шидырванъ, услышавъ, что войска и въ самомъ дѣлѣ идутъ, покочевалъ прочь. Онъ пришелъ въ Дархатскую зем-лю и потребовалъ себѣ подводъ и корму для свиты, но Дархаты уже получили приказъ, не пропускать Шидырвана и схватить его. Однако дархатскіе тарга не смѣли его схватить: онъ былъ важ-ный нойонъ, а они ничтожны; потому они прибѣгли къ хитрости и оттягивали время снабженія его подводами. Шидырванъ все-таки потихоньку подавался на сѣверъ на своемъ скотѣ; дархат-скіе тарга подговорили воровъ украсть у него лошадей. У Банту толгоя кони были у него отогнаны, и тутъ его догнало китайское войско. За свои дѣйствія дархатскіе тарга получили трехочковыи павлиньи перья на шапки, но впоследствии лишились этого знака за то, что заморили въ тюрьмѣ одного вора, который укралъ овцу. Хозяинъ выслѣдилъ вора по свѣгу и пришелъ въ его юрту, но воръ убилъ хозяина овцы. Вора посадили въ тюрьму; изъ Пекина былъ приказъ, выслать вора въ Пекинъ, но онъ тѣмъ временемъ умеръ въ тюрьмѣ. За это у дарга отобрали павлиньи перья.

(Балдынъ, Дархатъ. Р. Шишентъ).

о. Шидырванъ, Амурсана и другіе, всего шесть князей, сговорп-лись бѣжать; Амурсана ушелъ черезъ западныя страны, Шидыр-ванъ пошелъ черезъ Дархатскую землю. Остальные четверо раз-думали и донесли; Шидырванъ шелъ черезъ горныя проходы Хонп-Манганъ и Хонгрень-дабанъ. Дархаты завели его нарочно къ Ванту Толгой, чтобы ему нельзя ли было далѣе идти ¹⁾. Между тѣмъ пришли китайскіе солдаты; богатырь Шидырвана Гудзей-Токчи-батырь сѣлъ на Шидырванова аргамака и умчался быстро, какъ

¹⁾ Путь въ Россію мимо Ванъ-толгоя—наиболѣе удобный изъ всѣхъ, идущихъ черезъ Саяны.

воронъ, по воздуху. Когда Шидырвана стали брать, онъ ударилъ ханскаго посланника плетью, и у того кровь потекла по обѣимъ щекамъ. Его взяли и увезли въ Пекинъ. Солдаты жили у дархатскаго Мергенъ-дзайсана и истребляли овецъ до тѣхъ поръ, пока Отукъ-батырь не пріѣхалъ и не натянулъ лука; тогда солдаты удалились. Шадырвана въ Пекинѣ казнили, заклеивъ его монетами (дзосу). Онъ переродился женой Едзенъ-хана; увидали на ней тѣло, заклеименное монетами, казнили и ее. Такъ онъ перерождался три раза. У него было двѣ дочери, которыхъ онъ отдалъ подъ сохраненіе Богдогегену; Едзенъ-ханъ потребовалъ ихъ и казнилъ. Богдогегенъ осердился и сказалъ: „Дали мнѣ только два янца, и тѣ Едзенъ-ханъ отнял; какой я гегенъ послѣ этого!“ Не захотѣлъ остаться въ Халхасской землѣ и возродился въ далекой гоби Летынь-Хамбу. Отыскивать его пошелъ Батырь-бель; на пути онъ остановился въ одномъ аилѣ и увидѣлъ мальчика трехъ лѣтъ, которой сдѣлалъ себѣ маленькаго верблюда, навьючилъ его, водить и приговариваетъ: „Ботъ такъ у насъ въ Халхасской странѣ ѣздятъ на верблюдахъ съ караванами“. Батырь-Бели узналъ гегена; гегенъ понялъ, что онъ узналъ, и бѣжалъ было, но Батырь-Бели догналъ и привезъ его въ Халху.

(Старикъ Дархатъ. Р. Джара).

п. Назадъ тому 124 года три князя Шидырванъ, Амырсана и Уй-Джанджинъ, жившій въ Уляссутаѣ, сошлись вмѣстѣ и говорили о томъ, чтобъ уйдти отъ Едзенъ-хана къ Орусенъ-хану. Когда Шидырванъ вышелъ изъ собранія, одинъ изъ его мелкихъ чиновниковъ сказалъ ему, что Уй-Джанджину не слѣдуетъ довѣрять, что онъ, когда выходили заговорщики изъ дверей, не хорошими глазами смотрѣлъ на нихъ. Однако Шидырванъ не обратилъ вниманія на это предостереженіе и сказалъ: „Не можетъ этого быть, чтобы между нами нашелся измѣнникъ; мы такъ искренно разговаривали!“ Затѣмъ Шидырванъ обратился за благословеніемъ къ Богдо-гегену; тотъ благословилъ его на это дѣло, но сказалъ, что только на будущій годъ это предпріятіе будетъ имѣть благополучный конецъ. Между тѣмъ Уй-Джанджинъ донесъ Едзенъ-хану, и за Шидырваномъ были посланы 200 солдатъ съ двумя амбаними; Шидырванъ и Амырсана бѣжали; послѣдній ушелъ черезъ Сабынь-дабанъ въ Алтаѣ (и теперь Едзенъ-ханъ выставляетъ отрядъ ки-

тайскихъ солдатъ на этотъ дабанъ смотрѣть, не идетъ ли Амырсана). Шадырванъ пошелъ черезъ Дархатскую землю; дархатскіе тарга проводили его, чтобъ оттянуть время: одинъ дастъ подводу, другой уворуетъ; скажутъ ему: дорога по этой щели хороша, онъ пойдетъ и зайдетъ въ непроходимое мѣсто; покажутъ другую щель, и тамъ то же. Въ долину рѣки Ухуртенъ-голь (притокъ Хука) онъ сложилъ въ пещерѣ часть своего имущества; въ долину рѣки Шаргенъ-голь есть холмъ Уланъ-тологой; здѣсь на кедровомъ деревѣ онъ оставилъ затесь, зарылъ свое богатство и принесъ въ жертву челоуѣка; изъ Шаргенъ-гола ему указали дорогу на р. Ирху, завели по р. Наринъ-Хоро; перевалъ трудный, спускъ по гладкимъ плитамъ; тутъ у него много убилося верблюдовъ и изломался „тонъ“ его юрты, сдѣланный изъ задынь-модо. Наконецъ, онъ достигъ до Харятскаго дзанги; тотъ не рѣшился впустить его въ предѣлы со-сѣдняго государства безъ разрѣшенія своего начальства; прошло нѣсколько дней въ ожиданіи отвѣта; на завтра долженъ былъ пріѣхать русскій отрядъ, а вечеромъ пришли китайскіе солдаты и окружили вана. Въ ночь Шадырванъ сказалъ своему богатырю Гулдзе-Токчи, чтобъ онъ сѣлъ на его аргамака и вынесъ знамя. Стража стояла въ три ряда; однако аргамакъ пронесся, какъ вѣтеръ, черезъ стражу. Стража закричала: „Шадырванъ бѣжалъ!“ Но начальникъ отряда былъ проникательный, и сказавъ, что это только богатырь Шадырвана, а не самъ онъ, велѣлъ разорвавшуюся цѣпь снова сомкнуть. Утромъ Шадырвана взяли и отвезли въ Пекинъ. Едзенъ-ханъ сказалъ: „Сколько я тебѣ давалъ серебра! Гдѣ же оно?“ Шадырванъ отвѣчалъ: „Оно было сложено и спрятано у меня въ одномъ мѣстѣ, и была къ нему приставлена стража, но два амбана, посланные тобою, перебили эту стражу“. Едзенъ-ханъ подумалъ, что это правда, что генералы хотѣли присвоить богатство, и велѣлъ казнить генераловъ прежде Шадырвана. Самаго же его Едзенъ-ханъ велѣлъ казнить такимъ образомъ: налагать на его тѣло монеты (дзосу или чохъ, круглая монета съ отверстіемъ посрединѣ) и выковыривать мясо крючкомъ чрезъ отверстія ихъ, а потомъ отрубить голову. Послѣ казни Шадырвана у жены Едзенъ-хана родились дѣти, первое рябое, съ пятнами съ дзосу величиной каждое, второе безъ головы, третіе просто въ видѣ колоба. Это были перерожденія Шадырвана. У Шадырвана было два сына; онъ оставилъ ихъ Богдо-

гегену; Едзень-ханъ сталъ ихъ требовать, Богдо просилъ оставить ихъ ему. Но Едзень-ханъ сказалъ: „Ты знай одно свое дѣло—молитву“. Взялъ дѣтей и казнилъ. Тогда Богдо сказалъ: „Какой я послѣ этого гегень!“ Умеръ и возродился въ далекой странѣ Летынъ-Хамбы. Оттуда его досталъ Батыръ-Бели. (Джампинъ, Баргу-Солонъ съ озера Буыръ-поръ, проживающій въ Дархатской землѣ).

р. Шидырванъ прошелъ изъ дархатскаго куреня въ Урянхайскую землю чрезъ Улей-дабанъ; отсюда же, то-есть, съ Улей-дабана, посланная за нимъ погоня увидѣла дымъ надъ Ванъ-Тологоемъ, поднимавшійся до небесъ подобно пятицвѣтной радугѣ; это Шидырванъ дѣлалъ „санъ“, то-есть, сжигалъ воскуреніе богамъ. Начальникъ погоня былъ „галда“; онъ сказалъ: „Это Шидырванъ тамъ стоитъ; болѣе не кому“. Они увидѣли этотъ столбъ дыма съ Дөше-Тологой (гора близъ Улей-дабана, по высотѣ немногимъ ниже Мунко-Сагана); тутъ есть плоскій, какъ наковальня (дөше), камень. Прибывъ къ Шидырвану, посланный отъ галда три раза поклонился ему въ землю, потомъ связалъ ему руки желтымъ хадакомъ. У Шидырвана было два шаби; онъ сказалъ: „Меня вы можете убить, но оставьте живыми, по крайней мѣрѣ, двухъ моихъ шаби“. Однако Китайцы увезли ихъ всѣхъ и убили и его, и шаби. Русскій отрядъ пришелъ на другой день утромъ и не засталъ уже никого; Русскіе въ досадѣ изрубили саблями камень, на которомъ сидѣлъ Шидырванъ.

(Галсанъ, лама Дархатъ. Р. Шинкитъ).

с. У Чингисъ-хана было четыре сына; онъ раздѣлилъ свой народъ на четыре аймака; отсюда четыре хана: Цепенъ-ханъ, Туше-гунъ, Сайнъ-нойонъ и Дзасакту-ханъ. Шидырванъ жилъ на р. Тесѣ, князья съѣхались и рѣшили въ разговорѣ уйдти въ подданство къ Балбенъ-хану; Сайнъ-нойонъ и Шидырванъ дали другъ другу клятву, заключили „тонгракъ“; Шидырванъ пскрепно заключилъ союзъ и кланялся до земли, Сайнъ-нойонъ дѣлалъ клятву ложно: онъ влялся передъ пустою божницею, въ которой бурхыновъ не было. Онъ и донесъ Едзень-хану. Едзень-ханъ сталъ просить Богдо-гегена помочь ему поймать Шидырвана; тотъ далъ желтый хадакъ и сказалъ: „Имъ поймаете“. Шидырванъ пришелъ на Ванъ-Тологой (иначе Шидырентъ-тологой) и сдѣлалъ воскуреніе изъ арса (мож-

жевательника); дымъ поднялся и уперся въ самое небо. Погоня увидѣла этотъ дымъ съ Улей-дабана и сказала: „Это дымъ не простаго человѣка, а бурхына; это, вѣроятно, Шидырванъ“. Тутъ его настигли и поднесли ему желтый хадакъ, сказавъ, что это присылка Богдо-гегена. Только взявъ въ руки Шидырванъ этотъ хадакъ, какъ онъ обвязался вокругъ рукъ. Шидырвана отвезли въ Пекинъ; тамъ у него выпивали мясо щипцами сквозь отверстія дзосу; послѣ 81 дзосу онъ умеръ; черезъ годъ у хана родился ребенокъ съ 81 ранкой; ему отрубили голову; черезъ годъ родился ребенокъ съ перерѣзаннымъ горломъ.

(Наванъ, Бурятъ лама, грамотный. Р. Иркутъ).

т. Шидырванъ былъ нойонъ пяти лежащихъ на югъ отъ Дархатовъ, хошуновъ; онъ задумалъ отнять престолъ у Едзень-хана; съ этою цѣлью онъ пригласилъ дѣйствовать съ нимъ заодно Амырсану, но тотъ, будучи самъ нойономъ, позавидовалъ предпріятію Шидырвана и донесъ на него Едзень-хану. Послѣдній отправилъ два письма: одно Шидырвану, другое Амырсанѣ; послѣднему Едзень-ханъ писалъ, чтобъ онъ поймалъ Шидырвана. Письма по ошибкѣ перемѣшались, и Шидырванъ получилъ то, въ которомъ было написано о его поимкѣ; узнавъ, что заговоръ открытъ, и что ему грозитъ опасность, Шидырванъ бѣжалъ, но былъ пойманъ чериками (солдатами) Едзень-хана въ Дархатской землѣ у Ванту-Тологой; три дархатскіе чиновника или тарга измѣнили ему; они вызвались проводить его; одинъ велъ его караванъ, другой—его солдатъ, а третій провожалъ самого нойона; они завели его въ такое мѣсто, гдѣ онъ не могъ проѣхать впередъ; здѣсь онъ былъ схваченъ съ женой и матерью и увезенъ въ Пекинъ. Тамъ его никакъ не могли убить. Наконецъ, сняли съ него грудину и высушили; только тогда онъ умеръ, но снова возродился сыномъ Едзень-хана; его узнали, потому что у родившагося ребенка было пятно во всю грудь, какъ будто была снята грудина; его тотчасъ же убили, отрубивъ голову; но онъ опять родился другимъ сыномъ съ рубцомъ черезъ всю шею; и этого убили. На этотъ разъ онъ родился въ Монголіи; узнавъ о его новомъ рожденіи, Едзень-ханъ велѣлъ убить его. Но когда ему донесли, что онъ родился дѣвицей, Едзень-ханъ сказалъ: „Дѣлайте, какъ знаете!“ Такимъ образомъ онъ остался живъ подъ именемъ Хухень-Хутухту. Этотъ хубильганъ и теперь есть, живетъ въ трехъ

дняхъ ѣзды отъ Богдо-курень въ своемъ куренѣ. Только въ первый разъ онъ родился дѣвницей, послѣ же сталъ родиться мужчиной. Амырсана бѣжалъ со всѣмъ своимъ народомъ; этотъ-то народъ и называется ихи-Монголь, „великіе Монголы“, прішествія которыхъ ждутъ, и о которыхъ говорятъ, что они должны освободить Монголовъ изъ-подъ китайской власти.

(Записано В. А. Палкинымъ отъ Дархатовъ Атырь).

у. У Шидырвана было два сына; когда его поймали, онъ поручилъ ихъ Богдо-гегену, и тотъ обѣщалъ спасти ихъ, сдѣлавъ своими учениками, но Едзень-ханъ приказалъ ихъ тоже казнить. Богдо-гегень осердился; онъ самъ и шесть гелюнговъ, сдѣлавшись ангп-рами (турпанами или красными утками), улетѣли въ Летыпъ-Хомбу, въ столь недостижимое мѣсто, что ихъ оттуда нельзя было никакъ привезти. Нашелся однако нѣкто Дюргучи-Батырь, и онъ привнесъ его. Знамя Шидырвана о восьми ножкахъ (найман-кельтей) теперь хранится у Биширелты-Вана, который наследовалъ этотъ титулъ послѣ Шидырвана. Этому знамени прежде приносили въ жертву людей, а нынѣ приносятъ скотъ. Знамя черное.

(Записано имъ же. Тамъ же).

х. Отрывки пѣсенъ о Шудурманѣ:

1.

Ботода хоргонъ больджимур
Бурхында заригынъ Шудурманъ
Харасада хоргонъ харастай
Ханда заригынъ Шудурманъ

2.

Моривей ширбитымы борондо
Модонной хохурмо салхындо
Муя турасынъ Шудурванъ
Али голдо шокшоулово
Хонине ширбитымы борондо
Хубилган турасынъ Шудурванъ
Али голдо шокшоулово.

3.

Пѣсня, которую пѣла мать Шидырвана:
Хара болот юденъ
Ханьхи дархын бутэнбы?
Ханьширга гарысынъ Шудурванъ

Ямыв юмэ уйлитбы?
Хуху т эмыр юденъ
Хэни дархын бутэнбы?
Хубун турасынъ Шудурванъ
Ямыр юмэ уйлитбы?

(Записано у Бурятъ Аларскаго вѣдомства).

ф. Шудурманъ былъ братъ Амыгылынъ-хана и не захотѣлъ почему-то жить съ братомъ, пошелъ къ Цаганъ-хану; Амыгылынъ-ханъ послалъ за нимъ погоню. Нашлось у Шудурмана триста всадниковъ. Съ монгольской стороны начальникъ надъ погоней былъ хитрый человѣкъ (медеультей хунъ, хубилганъ хунъ); онъ съ Улейдабана увидѣлъ, что Шудурманъ прошелъ черезъ Хорету на Яджитенъ-дабанъ. Здѣсь Шудурманъ далъ знать хангинскому старшинѣ, а тотъ не пустилъ его черезъ границу и сначала послалъ запросъ въ Иркутскъ. А на завтра пришло монгольское войско и взяло Шудурмана на горѣ Янджитъ.

(Бурятъ Тункинск. вѣдомства).

67. Шуно батырь.

У Хунъ-тайджи было три сына: Шуно-батырь, Шоронъ-гуа и Срэнъ-Галда. Шуно былъ отъ другой жены, и два другіе брата его не любили. Шуно изломалъ отцовскую саблю (хельмы) и велѣлъ надѣлать изъ нея наконечниковъ стрѣлъ. За это отецъ приказалъ вырѣзать ему хрящи изъ лопатокъ, чтобы не былъ такъ силенъ. Сосѣдній ханъ прислалъ къ нему нѣсколько вьюковъ иголь и три лука. Отецъ ханъ подумалъ: „Это хорошая присылка. Она значитъ, что сильный ханъ считаетъ меня другомъ“. Шуно сказалъ: „Не радуйся отецъ; эта посылка объявленіе тебѣ войны. Иглы — это значитъ, что столько войска пошлетъ на тебя непріятель; луки, что будутъ противъ тебя посланы три богатыря“. Шуно взялъ ихъ и всѣ три разомъ натянулъ; въ это время у него пошелъ гной изъ лопатки. Ханъ пожалѣлъ, что такую силу испортилъ.

Три брата поѣхали на охоту. Шуно говоритъ: „Когда пріѣдемъ на Гадолиту (стрѣльную) рѣчку, стрѣлы найдемъ“. И изрѣзалъ свои стрѣлы на дрова, потому что остановились на мѣстѣ, гдѣ дровъ не было. Братья тоже сдѣлали и со своими стрѣлами. Шуно, какъ богатырь, дорогой снова добылъ себѣ стрѣлы, а братья не могли.

Снова приѣхали на ночлегъ безъ дровъ. Шуно опять говоритъ: „Впереди будетъ сѣдельная рѣчка (Ымылту), сѣдла найдемъ. Теперь можемъ изрубить свои сѣдла“. Изрубилъ свое сѣдло, изрубили свои и братья. И опять дорогой Шуно добылъ себѣ сѣдло, а братья остались безъ сѣделъ. Такимъ же образомъ Шуно оставилъ братьевъ и безъ луковъ. Когда наконецъ встрѣтились со звѣремъ, братья оказались безъ сѣделъ, луковъ и стрѣлъ. Обидѣвшись на Шуно, они сказали отцу, что Шуно замышляетъ противъ него, отца, войну. Ханъ послалъ за Шуно погоню, которая прижала его къ морю. Шуно запѣлъ:

Къ черному морю вы меня притиснули,
Черезъ черное море я перелечу,
Къ Цаганъ-хану уйду.
Къ синему морю вы меня притиснули,
Черезъ синее море я пересбреду,
Къ Цаганъ-хану я уйду.

А ранѣе онъ еще пѣлъ:

Удивляюсь я сколько на березѣ листьевъ,
Удивляюсь, сколько ненависти ко мнѣ въ моихъ братьяхъ;
Удивляюсь, сколько хвои на ели,
Удивляюсь, сколько довѣрія у моего отца къ моимъ братьямъ.

(Со словъ о. Чистохина; разказъ этотъ можно слышать у рода Дзунгаръ въ Балаганскомъ вѣдомствѣ; родъ Дзунгаръ живетъ въ мѣстности Бирянь).

68. Цаганъ Дарихе.

а. Омъ мани падме хомъ. Въ старое время въ монастырѣ Дунзынь-Гарбинъ-Китъ, въ храмѣ Джинсайнъ-суме въ пещерѣ (діянг) съ десяти лѣтъ возраста до семидесяти лѣтъ молилась богу Багма-хатунъ; она усердно просила его указать ей путь, по которому она должна идти; она просила у бога одной милости, чтобъ онъ ниспослалъ на нее одно изъ трехъ именъ хурула; на 99-мъ году жизни у нея родился сынъ, похожій на восходящее солнце, съ устами, похожими на красное бимбо, съ зубами какъ драгоценный камень нефритъ, съ лицомъ какъ дерево галбурусъ, съ видомъ Бодотай Бурхына; имя его было Аю (Ургумыл нарын мѣту унгетэй, улан бимбо мѣту урултай, хашъ эрдене мѣту шюдутай, галбурус модон мѣту нюгуртай, Бодотай Бурхынъ дюртэй Аю нэртэй

лубынъ гарба). Только два дня этотъ мальчикъ пососалъ сладкое молоко матери и возвратился къ отцу (умеръ). Цаганъ Дареке, стоя на колѣняхъ на голой землѣ, плакала и призывала своего сына, похожаго на восходящее солнце, съ устами, какъ красное бимбо, съ зубами какъ драгоценный камень нефритъ, и т. д. Она говорила: „На золотомъ престолѣ долженъ бы сидѣть ты, Аю, цвѣтомъ цвѣтка гюшп, похожій на гургюм талан, единственный мой сынъ, Аю-бодисатты мой! Мать свою оставилъ ты одну въ горячей Гоби и ушелъ далеко. Если счастье мое будетъ, то моя просьба доидетъ до неба; если я обречена на несчастье, и просьба моя не угодна небу, то да провалится она въ адъ“. Она спрашиваетъ тэнгировъ: „Вы не видали ли моего единственного сына Аю Бодисатты? Не найдете ли вы его душу? Не отыщите ли вы моего сына, у котораго на тѣлѣ полторы тысячи родимыхъ пятнышекъ (боко унгетей), на сердцѣ полторы тысячи бюстовъ, а на спинѣ красное пятно? По этимъ примѣтамъ пищите и пойманте (его душу?). Выше васъ есть Сайнъ Гальбинъ Мингынъ Бурхынъ; около него поищите въ 33 помахъ небесныхъ“. Тэнгиры отвѣчаютъ ей: „Мы твоего сына на землѣ не видѣли“. Тогда она обращается къ Сайнъ-Гальбинъ Мингынъ Бурхину: „Ты, Сайнъ Гальбинъ Мингынъ Бурхынъ, мой богъ, не видалъ ли моего единственного сына?“ „Не видалъ“, отвѣтилъ Мингынъ Бурхынъ. Цаганъ Дареке опять стала звать своего сына: „Подохожій на восходящее солнце, съ устами какъ уланъ-бимбо, съ зубами какъ драгоценный камень нефритъ, съ лицомъ какъ дерево галбурусъ, съ видомъ Бодотай Бурхына, Аю бодисатты мой! Къ моей черной горѣ прийди, рычащій черно-пестрый барсъ мой (хара ерень барс), сердце мое, левъ мой, покачиваясь, прийди! (Хара улан оргель дэркэ ханькин улын ябукчи хара ерень барс минн, хамыкъ букденъ дзюрху минн, арсын улан оргельдэркэ аилгы минн). Я воздухъ наполнила своимъ крикомъ, выплакала цѣлое море слезъ, отъ рыданья и плача я надсадилась; успокой мое сердце! Дума моя отъ тоски потемнѣла! Слезы мои льются, какъ дождь; рыданья мои, какъ „ура“ (крикъ) Амит Даба бурхына“.

Плакала, плакала Цаганъ Дареке и упала ницъ лицомъ. Бухунъ Букдеринъ своею божественною силой поднялъ ее. Съ трудомъ она поднялась на ноги и продолжала: „Не въ восемнадцать ли

адахъ онъ возродился Ерликъ ханомъ? Нѣтъ ли его между чер-
выми, звѣрями, звѣрями? Въ нихъ не обернулся ли онъ? Нѣтъ ли
его въ воздухѣ, между небомъ и землей, не вырнулъ ли въ хатанъ-
далай (океанъ)? Подите туда, зовите его, не откликнется ли на
зовъ? На золотой горѣ сидитъ Дзурхайчи Бакши кумынъ (веро-
жея); въ его книгѣ Долонъ Уйтэ Номынъ Чиниръ не написано ли?
Привѣтствуйте его и спросите! Глаза его далеко видятъ, умъ его
великъ; спросите его: гдѣ мой молодой лѣтами, кроткій душою,
единородный Бодисатта? (иди дзала настай, эльмэгэ джолнъ абир-
тэй, илты бурхынн шяби болыксн гакци турюксен Бодисатты
мнин удзюбу та геби). На тебя похожаго не видалъ ли?"

Цзурхайчи отвѣтилъ, что своимъ умомъ розыскать не можетъ.
„Ты поворожи предъ Богомъ (бурхынъ) и скажи мнѣ“, сказала
Цаганъ Дареке.

Черный бакши (хара бакши) сталъ ворожить на 366 чернобѣ-
лыхъ (хара цаганъ) четырехъвѣтныхъ камняхъ. Три раза погадалъ
онъ; въ первый разъ выпало: „Сайнъ Гальбинъ Мпнгынъ Бургынъ“;
во второй разъ: „366 золотыхъ бѣлыхъ бомбу“; въ послѣдній разъ:
„твой сынъ у Сайнъ Гальбинъ Мпнгынъ Бурхына въ 366 золо-
тыхъ бѣлыхъ бомбу заложенъ“. Съ радостью встала Цаганъ Да-
реке на золотую бѣлую коѣ (кбдэ Алтынъ Цаганъ) между
двумя горами, надопла ворожеѣ (Цзурхай чи) своего молока рѣку,
черезъ которую можно только на лодкѣ переправиться; отрѣзала
драгоценное мясо отъ четырехъ конечностей и подала ему.

„Тысячу возобновленій жизни дамъ я тебѣ!“ сказала она ему.—
„Я такую думу вложу въ тебя, что ты никогда зла не будешь
имѣть и въ водѣ не утонешь. По твоему сказанью пусть все бу-
детъ, а мнѣ бы найдти моего сына. Теперь будь хара бакши, а
когда переродишься да будешь выше Гашангана, держа въ рукѣ
посохъ съ головкой дракона, да будешь Гуйдвенъ Сайнъ-Гелюн-
гомъ!“ Дала такое обѣщаніе.

Потомъ подумала: „Если мнѣ идти въ своемъ видѣ къ Галь-
бину, не удастся мое дѣло. Обману его, пойду къ нему простою
женой въ прислужницы“.

Въ среднемъ лѣтнемъ мѣсяцѣ 15-го числа Аю Бодисада рас-
крылъ 366 златобѣлыхъ бомбу, вышелъ и возсѣлъ на престолъ
Бадмъ-Араши; со всѣхъ странъ свѣта къ нему слетѣлись тысячи

бодисадъ (удзюк удзюктен мингат мингат бодисада). Багма Хатунъ
увидала его на престолѣ и подумала: „Какъ будто мой сынъ?“
Сердце ея затрепетало при этомъ видѣ; на макушкѣ головы за-
шевелились волосы. Всѣмъ тѣломъ и нутромъ затрепетала. Она
подумала: „Хорошо, что въ плохомъ видѣ простою служанкой сюда
пришла по внушенію Вэль Шакджимини“. „Ты, Гальбинъ Бурхынъ,
зналъ ли эту нпшю?“ спросилъ Шакджимини у Гальбина. „Я пе-
реродилъ ее въ такой видѣ и послалъ искать сына“. Шакджимини
протянулъ передъ Цаганъ Дареке радугу двухъ цвѣтовъ, синяго
и бѣлаго, и она не стала видѣть своего сына. Цаганъ Дареке ду-
нула, радуга исчезла; она увидѣла только пустой престолъ и
стала снова оплакивать своего единороднаго (гакци турексн)
сына:

„Эй, подобный восходящему солнцу, съ устами какъ красное
бимбу, съ зубами какъ драгоценный камень нефритъ, съ лицомъ
какъ дерево галбурсъ, сіяющій, какъ пятнадцатидневная луна,
Аю мой! Цвѣтомъ подобный цвѣтку Гюши, Аю мой! Подобный
Гургумъ-Талану, Аю мой! Рожденный сидѣть на золотомъ пре-
столѣ, Аю мой! Черно пестрый барсъ мой, сердце мое, левъ мой!
Голосъ мой будь какъ голосъ Амитдаба-бурхына, слезы мои лей-
тись дождемъ!“

Плакала, плакала она и упала ницъ. Бухунъ Букдеренъ под-
нялъ ее своею силой. Съ трудомъ она поднялась.

„Какъ увидала тебя, изъ бѣлой груди море молока потекло,
внутренность посохшая снова оживилась, небо просвѣтлѣло, стало
видно солнце и мѣсяцъ. Какъ солнце скрывается за тучей, такъ
и сынъ мой опять скрылся. Какъ въ книгѣ письмо не ясно, такъ
не вижу моего сына. Ты, мой сынъ, Аю Бодисата, внемли сло-
вамъ своей матери царицы: выйди немедленно, какъ солнце!“

Какъ только онъ услышалъ слова матери, внутренности его
какъ будто выпали на землю, потемнѣло въ его умѣ. (Элькин,
бѣро гадзырту унуксен мѣту, нига мѣсюн хаб харальджи отод).
Онъ ринулся и въ мигъ разрушилъ бомбу, бросился къ матери и
обвилъ ее руками. Оба, сынъ и мать, заплакали; вышній Сайнъ
Гальбинъ загоревалъ (гашунъ даривдабо). Изъ Донзунъ-Гарбынъ-
Кита 84 тысячи отцовъ гелюнговъ пришли и начали горевать; изъ
Джинсайнъ-сумэ 84 тысячи матерей гелюнговъ пришли и загоре-

вали; всё плакали, жалѣли. Бэль Шакджимни Бурхынъ заплакалъ; слезы, какъ серебряныя и золотыя кольца, посыпались и навалились, какъ двѣ горы. „Аю Бодп, Дариху моя, подберите слезы (прекратите плачъ)! Ты плакала такъ, что я съ престола скатился? Море Сумъ-Далай заволновалось, гора Сумеръ Ола погрузилась, хозяева дома Баргу оставили его и вышли плакать, а которые остались, и тѣ задумались о твоёмъ горѣ, богослуженіе и хурулы оставили. Морю Сумъ Далай подобная, мать моя! Сумеръ-Олѣ подобная, мать моя! При тебѣ я сталъ, какъ будто я опираюсь на серебряный посохъ; какъ березовая подпорка, во время вѣтра поддерживающая юрту, ты меня поддержишь, подошвамъ моимъ подковою будешь! Перестань плакать!“

Таковъ былъ приказъ Аю Бодисаты.

„Хоть бы хотѣла тебя отпустить, руки мои замерли и не отпускаютъ. Какъ тревожно держать коршуна, боясь, какъ бы не выпустить изъ рукъ, чтобы не улетѣлъ, такъ я боюсь тебя выпустить“.

Очирвани бурхына приказъ вышелъ: „Не плачь, мать моя!“

Не послушалась его просьбы. Очирвани разсердился, сдѣлалъ изъ своего очура два гвоздя, разжалъ ими руки Цаганъ Дареке и освободилъ Аю Бодисата.

Аю Бодисата десять зубовъ выронилъ, сталъ трехлѣтнимъ мальчикомъ; 33 года сосалъ безостановочно груди матери; половину молока высосалъ, но еще не оправился; еще сосалъ до 57 лѣтъ; ополовинилъ молоко у матери и вошелъ въ разумъ. Цаганъ Дареке Гальбинъ Бурхину сдѣлала приношеніе тысячу головъ шелковья и въ сто сажень длинной связку изъ тысячи куджи (церковныхъ свѣчъ); поставила все это предъ его лицомъ. Она поселилась вмѣстѣ съ сыномъ близъ Бодылынъ Олы въ зданіи Мингунъ-Шиль. Одинъ вѣкъ (уй) прожили, и Аю Бодисата сказалъ своей матери: „Эй, царица мать моя! Я пойду, а ты въ благополучіи поживи здѣсь у горы Бодылынъ въ зданіи Мингунъ-Шиль. Я спущусь внизъ и научу весь народъ молиться, послѣ чего возвращусь назадъ“. Цаганъ Дареке сказала: „Эй, Аю Бодисата, единокровный сынъ мой! Я не хочу воспретить тебѣ эту поѣздку, но поживи еще со мною! Еще успеешь спуститься“.

Аю Бодисата еще прожилъ одинъ вѣкъ, и затѣмъ, переро-

дившись въ золотого павлина (алтын тогус), спустился. Цаганъ Дареке превратилась въ птицу съ золотымъ хвостомъ, съ серебряными крыльями, по имени Токточуръ; она остановилась на серединѣ между небомъ и землею, сѣла на престолъ и три дня кормила своего сына сладкимъ молокомъ. Потомъ спросила Аю Бодисата: „Когда ты вернешься? Въ какой день ждать тебя!“

„Мать царица моя! Возвращайся въ Мингунъ Шиль у Бодылынъ олы, живи тамъ благополучно, я чрезъ 15 дней возвращусь“.

Она полетѣла вверхъ, онъ сталъ спускаться внизъ. Она полетѣла къ 18-ти адамъ и смотреть: что за люди сидятъ, добродетельные или обманщики. Видитъ 10 тысячъ сажень пространства покрыто мракомъ, тысяча царицъ прилетѣли и провалились въ эту бездну. Цаганъ Дареке пять дней сидѣла, 50 тысячъ „манъ“ прочитала: силой этой молитвы тысяча царицъ вышли изъ бездны и поднялись на Бодулу-олу. Эти царицы за то попали въ адъ, что, выучась святому ученію у одного ламы, стали пренебрегать имъ. Опростала адъ Цаганъ Дареке и полетѣла на Бодулу-олу; срокъ возвращенія сына приблизился, она смотритъ во все стороны. Аю Бодисата написалъ двѣ книги—Бодинъ Орбъ и Орблынъ-ханъ. Не знавшіе книги (номъ) съ книгой стали. Мертвыхъ онъ ввелъ въ доброе мѣсто (сайнъ орун, рай?), всѣхъ страдавшихъ сдѣлалъ счастливыми, далъ людямъ блаженство и вѣчную жизнь. На все это употребилъ онъ восемнадцать дней и возвратился.

Прожилъ онъ съ матерью еще вѣкъ (уй).

„Въ Сэръ-Бэрэбинъ-Галдынъ-Гомингэнъ-китъ шестьдесятъ-шесть годовъ мы будемъ эркешиями, мы, мать съ сыномъ, ламами будемъ свидѣть выше всѣхъ ламъ, надъ китами китъ нашъ китъ ¹⁾ будетъ“.

Одинъ нищій лама (шебречи-лама), не имѣвшій ни ѣды, ни питья, былъ голоденъ; онъ лежалъ близкій къ смерти, томимый жаждой. Цаганъ Дареке взяла его на колѣни, обтерла ротъ отъ грязи, языкомъ сняла пыль съ глазъ, покормила его своимъ молокомъ; онъ окрѣпъ, ожилъ, послѣлъ. Взяли его мать и сынъ на плечи и отнесли изъ жаркаго мѣста въ прохладное.

¹⁾ Китъ—обитель.

Пошли дальше къ ламѣ, который выше всѣхъ другихъ ламъ. Онъ имъ повелѣлъ: „Переваливъ чрезъ гору Гундюни-Гурмиоль Хара Ула, поднимитесь на перевалъ Будулынъ-Шонхой-Цаганъ-котель; по ту сторону его увидите землю, точно серебро. На солнечной сторонѣ кипятъ два ключа, золотой и серебряный; въ вершинѣ по два дерева—серебряное дерево съ золотыми вѣтвями и золотое дерево съ серебряными вѣтвями; на каждой вѣточкѣ сидитъ бурхынъ. Тамъ выстройте свой китъ!“ Цаганъ Дареке, выслушавъ ламу, перевалила черезъ дабанъ и котель, увидала указанную ламой землю. Пришедши на мѣсто, она сѣла поблагодарить Бога, бросила нѣсколько зеренъ, чтобы провzрасли растенія, положила двѣ палочки, чтобы воздвигся китъ. Утромъ раньше полудня выстроила золотой китъ, который тысячу съ половиной лѣтъ нужно было бы строить, вечеромъ до заката серебряный китъ выстроила, который надо бы тысячу пять туменей лѣтъ строить. Выстроивъ киты, мать съ сыномъ легли вздремнуть. Утромъ встали, посмотрѣли: стоитъ лошадь съ золотымъ хвостомъ, съ серебряною гривой, съ булатными копытами; масть ея состояла изъ 88 цвѣтовъ; лошадь по имени Намчи хара моринъ; стоитъ она, до верхушекъ травы не касаясь, привязанная на золотой веревкѣ.

„Эй, царица мать! У насъ, кажется, не было лошади? Что же это за лошадь такой красивой масти (сайхан дзусюнтэй)? Я сяду на нее“.

Царица сказала: „Аю Бодисата, однородный сынъ мой! Хорошенько подумай! Эта лошадь къ намъ не ко злу пришла, а для пользы“.

Аю Бодисата пошелъ поймать лошадь. Она сама запуталась въ серебряныя косы своей гривы. Поѣздилъ на ней Аю Бодисата иноходью „бэръ“, около двухъ „бэръ“ проѣхалъ. До Эрликъ-хана 88 лѣтъ надо было ѣхать, онъ это пространство три раза въ день проѣзжалъ и его адъ, наполненный людьми, допуста опрастывалъ (харанху хар тамар хоб хосун хйгед). Сынъ Эрликъ-хана съ львиною головой (арслын теригунтей) сказалъ отцу: „Прежде три ада въ день наполнялись, отчего нынѣ въ день три опрастываются? Какой бодисатва ихъ опрастываетъ?“

Эрликъ Номынъ-ханъ вышелъ изъ города въ 300 асыровъ (этажей?) и посмотрѣлъ на востокъ; увидѣлъ два кита—серебряный

и золотой, которые сіяли, какъ будто солнце взошло. Онъ сказалъ сыну: „Это Цаганъ-Дареке съ сыномъ“. Эрликъ Номонъ-ханъ сталъ молиться ей: „Прости меня и укрѣпи (Ая дзурган дзелин икэ бургасын). Ты держишь живущихъ (амитын) подъ своимъ покровительствомъ; прійми и меня подъ свой кровъ!“

И сдѣлавъ восемьдесятъ-восемь поклоновъ, сказалъ сыну. „Иди къ Цаганъ Дареке-гэгэну и поднеси ей тысячу хадаковъ и стосаженную благовонную свѣчку“.

Эрликъ ханъ далъ своему сыну десять тысячъ лусы, чтобы ѣхать къ Цаганъ-Дареке; ѣхать нужно было десять тысячъ мѣсяцевъ; чрезъ каждый мѣсяцъ онъ мѣнялъ лусына. Приѣхавъ къ Цаганъ-Дареке, сынъ Эрлика сложилъ во дворѣ хадаки и куджи (свѣчки), и укравъ лошадь Намчи Хара моринъ, убѣжалъ. Онъ поставилъ лошадь въ горячій адъ, она двѣнадцать прохладъ внесла, и грѣшники возрадовались; сынъ Эрлика перевелъ ее въ студеный адъ, она внесла двѣнадцать теплотъ, и грѣшники возрадовались; сынъ Эрлика перевелъ ее въ мрачный адъ, она выпустила всѣхъ грѣшниковъ и улетѣла на небо.

Вышняго ламы (дэдын дэтхи лама) былъ наказъ: „Зандынъ-Тагне, хубилганъ Ике Тагын, дочь Галдынъ-Тэнгриа, и Аю Бодисата, будьте вмѣстѣ царями и беззаботно живите“ (Галдын Тэнгриин куукюн Мингын табын дзон уханд моргодживксыя, зандынъ тугузуксен ики Тагын хубилган Аю Бодисата хоюла сэткиль паирюлад хан оро борпхала).

Лошадь Намчи Хара взлетѣла на небо и стала у дверей Галдынъ Тэнгри, привязанная на золотой веревкѣ, не касаясь копытами верхушекъ травы Зандынъ-Тагне, перерожденецъ великой Тагне, увидавъ эту лошадь, воскликнула: „Это какая такая прекрасная лошадь? Приведите, я сяду на нее“. Проволникъ ея, Янсыкъ Улакчинъ, пошелъ къ лошади и думаетъ; подумавъ, назадъ вернулся. „Это не лошадиной, а человѣческой природы лошадь; на ней ѣздить нельзя!“ У Зандынъ-Дагне страсть овладѣть лошадью побѣждаетъ умъ. Она опять посылаетъ за лошадью, Янсыкъ Улакчинъ снова идетъ ловить ее; лошадь сама запуталась въ серебряныя косы своей гривы, и Янсыкъ Улакчинъ поймалъ ее. Зандынъ-Дагне сѣла на нее, одну „бэръ“ иноходью проѣхала; какъ другую „бэръ“ поѣхала, лошадь и увезла эту дѣвицу къ Аю Бодисата. Янсыкъ-

Улакчинъ спустился вслѣдъ за нею и доложилъ ей: „Ты, оставивъ отца и мать, и Нарбы Тэнгпра, старшаго брата, и 80 тысячъ шаби, ты куда одна пошла?“ „Ты подумай, Улакчинъ! Мнѣ вышній лама (дэдин дэтхин) предназначилъ быть женой Аю Бодисата. Царю отцу и царю матери отвези извѣстіе, что я осталась здѣсь и иду замужъ“. Отецъ и мать, выслушавъ это извѣстіе, заплакали.

Аю Бодисата и дочь Галдынъ-Тэнгріева въ лѣтнемъ среднемъ мѣсяцѣ 15-го числа поженились. Аю Бодисата проспалъ одну ночь, всталъ и увидѣлъ, что на крышѣ кита, гдѣ Цаганъ Дареке жила, горятъ три цзула (свѣчи), и что лошади Намчи Хара моринъ нѣтъ. Видитъ также, что трехъ временъ Бурхынъ Бакши (гурбын цаген Бурхын Бакши) сидитъ въ средѣ трехъ тысячъ ламъ. Бурхынъ Бакши сказалъ: „Ая, ты зналъ ли? Когда вы шли съ матерью между двумя „хэби“, вы нашли въ худомъ положеніи ламу, отерли съ него грязь, напоили, накормили и до устали тащили его на себѣ, чтобы доставить ему прохладу; это былъ я. Обратившись въ лошадь восьмидесяти-восьми цвѣтовъ, я отплатилъ вамъ!“ Сказавъ это, трехъ временъ Бурхынъ Бакши съ тремя тысячами шаби возлетѣлъ на небо.

Потомъ Цаганъ Дареке сказала ему: „Если ты обращался въ восьмидесяти-восьми цвѣтовъ лошадь, и если мой сынъ на тебѣ ѣздилъ, то да будешь ты гелюнгомъ“.

Въ лѣтній послѣдній мѣсяцъ 19-го числа Зандынъ-Дагнѣ увидѣла сонъ: монастырь сталъ безъ маковки, цвѣтокъ Аилгы Мандырба изломался (Алтынъ Ордо хашин орѣ бургулукин болына, Аилгы Мандырба пецик хугуруксен болына). „Морю Сумъ-Далай подобная мать моя, Сумеръ горѣ подобная мать моя, будь здорова, поскорѣ выйди!“ Аю Бодисата пошелъ посмотрѣть престолъ, на которомъ сидѣла Цаганъ Дареке: онъ былъ пустъ и опрокинутъ. Цаганъ Дареке отлетѣла; Аю Бодисата заплакалъ. Пришла Зандынъ Дагнѣ и также заплакала. Въ груди сперло, дышать не могутъ, такъ плакали цѣлый вѣкъ. Зандынъ-Дагнѣ сказала мужу: „Сходи въ вышнему ламѣ и узнай, что съ нами случилось. Сумъ-Далай морю подобная, Сумеръ горѣ подобная, переродись въ Суки Боди! На гору Арслынъ взойди, тамъ ея нѣтъ ли? На Сумеръ-олу взойди, тамъ ея нѣтъ ли? Трехголовую, трехголосую птичку (бокширги) спроси: ушами что слышала, глазами что видѣла?“ Одна голова сказала: „Ушами не слыхала, глазами не видала! На Арслынъ-олѣ

хубилганъ Цаганъ дареке сидитъ, слышала“. Зандынъ поблагодарила птичку и сказала: „Переродись за это въ гелюнга, сидящаго на престолѣ“. Зандынъ-Дагнѣ услышала запахъ куджи, идущій отъ горы Арслынъ-олы, зашла на гору, увидала хубилгана Цаганъ дареке и припала къ ея правой ногѣ. Цаганъ дареке сказала: „Ая, Галдынъ Тэнгріева дочь, хубилганъ великой Дагнѣ! Не плачь и встань!“ Аю Бодисата также прибылъ на гору Арслынъ-олу. Цаганъ Дареке сдѣлалась двадцатипятилѣтнею дѣвушкой.

Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ.

6. Цаганъ дареке и Ногонъ дареке были жены Курде Орчоулукчи хана (по тибетски Сорукдзунъ Гомбу Джалбу). Отца Цаганъ-дареке звали Го-Баннъ. Цаганъ-дареке молятся о дарованіи дѣтей и здоровья.

(Онъ-же).

в. Одинъ охотникъ (горѣчи) заблудился въ лѣсу; долго блуждалъ, наконецъ увидѣлъ бѣлый аилъ и зашелъ въ него; тамъ онъ увидѣлъ красивую дѣвушку, всю въ бѣлой одеждѣ, и гелюнга, котораго звали Толгыръ Тальджинъ. Охотникъ отдохнулъ у нихъ и спросилъ о дорогѣ; гелюнгъ разказалъ ему, какъ идти, и далъ хвостъ павлина (тогус). Охотникъ, возвратившись домой, былъ позванъ своимъ ханомъ и разказалъ, что видѣлъ; ханъ, взявъ его проводникомъ, поѣхалъ, чтобы взять себѣ эту дѣвушку въ жены. У хана было семь сѣрыхъ слоновъ (цзан) и семь сѣрыхъ овецъ; приведя невѣсту въ свой домъ, ханъ закололъ трехъ слоновъ и трехъ овецъ и сдѣлалъ пиръ. Прежде взятая имъ жена задумала погубить новую и велѣла ночью заколоть одного слона и одну овцу и вымазать ихъ кровью одежду новой жены. Ханъ узналъ, что его слонъ заколотъ, велѣлъ сыскать виноватыхъ, и служанки сказали, будто видѣли, какъ его новая жена ночью ѣла слона и овцу, и онѣ увѣрены, что ея одежда непременно окажется въ крови. Ханъ пошелъ къ новой женѣ и нашелъ ея одежду въ крови; онъ хотѣлъ ее зарубить, но въ это время прилетѣла птица Тоти и сказала: „Выслушай напередъ меня; одинъ человѣкъ просилъ бога, чтобы онъ далъ ему богатство, и богъ сказалъ, что бросить ему кусокъ серебра; когда серебро летѣло, нищій поставилъ руки, и ему ихъ оторвало“. Сказавъ это, Тоти улетѣла. Ханъ не казнилъ на этотъ разъ жену. На другой день служанки стар-

шей жены опять закололи слона, и ханъ, опять увидѣвъ у новой жены платье, запачканное кровью, хотѣлъ казнить жену, но птица Тоти вновь прилетѣла и стала говорить: „Одна голодная лисца нашла кусокъ жирнаго мяса; неся его, она увидала на берегу моря серебряный ножъ и бросила мясо, чтобы взять ножъ, потому что онъ дороже мяса“. Сказавъ это, Тоти улетѣла. Ханъ опять не казнилъ жену. Служанки еще закололи слона и овцу, опять сказали, что новая жена ихъ съѣла. Ханъ вывелъ жену на казнь. Тоти опять прилетѣла, но ханъ не сталъ ее слушать, и казнилъ жену. Казненная была хубильганъ Цаганъ дареке. Черезъ нѣсколько времени послѣ казни Цаганъ дареке спустилась съ небесъ, и протянувъ пятицвѣтную радугу (таби онго солонго татад), сказала служанкамъ, которыя ее оклеветали, чтобы они сдѣлались травой *джангыссэнъ-буръ* (травы, на которую мочатся собаки), хану сказала, чтобы онъ сталъ деревомъ *канди* (кандимодо, какое-то проклятое дерево), а его женѣ—чтобы она стала навознымъ червемъ (басын хорхо).

(Цюльтумъ, дархатскій лама. Записано г. Палкинымъ. Р. Шишкитъ).

Всѣхъ дариху три; двѣ изъ нихъ въ Олѣтахъ: Цаганъ-дариху и Ногонъ-дариху. Третью разказчикъ не могъ назвать. „Настоящая (чухум) Цаганъ-дариху у васъ въ Россіи“, прибавилъ разказчикъ.

(Халха хошуна Сартуль, по имени Уяпынъ).

69. Кункеръ-ханъ.

а. Въ Улангомѣ прежде жилъ Бошухту ханъ ¹⁾. Въ числѣ подданныхъ этого Бошухту-хана былъ Абдыль-хотонъ ²⁾, который отправился путешествовать на западъ. Сначала онъ пришелъ въ Русскую землю; здѣсь его спросили, кто онъ, откуда, ласково приняли и дали ему мѣдныхъ денегъ. Оттуда онъ пошелъ въ страну Кункеръ-хана; здѣсь также стали его разпрашивать, кто онъ, откуда, но приемъ не былъ такъ ласковъ, какъ въ Русской землѣ.

¹⁾ Близъ г. Улангома есть рывина или арыкъ (канавы), называемая Бошухтубуху, то-есть, канавы Бошухтуя.

²⁾ Хотонами или Котонами называются улангомскіе мусульмане, происходящіе изъ Туркестана (см. Оч., II, стр. 15); Абдыль—собственное имя.

Ему дали большую золотую монету. Абдыль откинулъ ее въ сторону. Тогда жители царства Кункера сказали: „Вотъ у насъ говорятъ, что царство Едзень хана бѣдное, что у Кункеръ-хана тысяча слоновъ, а у Едзень-хана только семь сѣрыхъ слоновъ (Едзень-ханъ долонъ боро пзантай). Вѣрно это не правда, если человекъ изъ этого царства бросаетъ данное ему золото“. Тогда спросили у Абдыла: съ какою цѣлью онъ путешествуетъ. Абдыль сказалъ, что Едзень-ханъ строитъ дворецъ и послалъ его искать кораллы (шюръ) для украшенія подпоръ или колонокъ; въ Русской землѣ онъ не нашелъ шюри и пришелъ въ царство Кункеръ-хана. Ханъ велѣлъ впустить его въ кладовую. Она была полна кораллами, нѣкоторыя связки рассыпались. Абдыль украдкой подобралъ рассыпавшееся, набилъ оба кармана; затѣмъ сказалъ, что эта „шюръ“ плоха и для Едзень-хана не годится. Потомъ онъ сталъ собираться домой. Ханъ велѣлъ провести Абдыла черезъ гору, отъ которой отламываютъ куски золота, чтобы онъ подивился, какими богатствомъ обладаетъ Кункеръ-ханъ. Когда стали проходить черезъ золотую гору, Абдыль уронилъ плетъ, слезъ съ коня, и будто ищетъ плетъ, а самый большой комокъ золота поднялъ съ земли и за пазуху. Потомъ пріѣхалъ онъ въ Улангомъ и разказалъ Бошухту-хану, что онъ былъ у Кункеръ-хана, привезъ хану шюръ и комокъ золота, и добывая эти подарки для хана, славу своего государства не уронилъ: предложенной золотой гривны не принялъ. Есть книга этого Абдыль-хотона; изъ нея ламы выбираютъ мѣста, выписываютъ и тѣмъ лѣчатъ людей.

(Сарисынъ, Джурбютъ. Г. Улангомъ).

б. Едзень-ханъ кулинъ-дзосутай, цаганъ-ханъ куренъ-дзосутай, Кункеръ-ханъ алтынъ-дзосутай. То-есть: Едзень-ханъ (Китайскій императоръ) имѣетъ деньги изъ желтой мѣди, Бѣлый ханъ (Русскій царь)—изъ красной мѣди, а Кункеръ-ханъ—изъ золота.

(Онъ же).

в. Кункеръ-ханъ обитаетъ на западѣ; это самый могущественный ханъ. Онъ ежемѣсячно умираетъ и снова возраждается, такъ что вѣчно живетъ.

(Чончу, Теленгитка. Р. Чуя).

г. Кункеръ-Маца-ханъ живетъ на крайнемъ западѣ. Это очень

богатый ханъ; когда нищія приходятъ просить милостыни, онъ велитъ слугамъ бросать имъ золото лопатю.

(Дархатъ, лама. Р. Шипкитъ).

70. Нохой-эргентъ

Къ западу отъ Орусень-хана (Русскаго царя) живетъ Кунерь-ханъ; за нимъ улусъ Шибитъ; за Шибитомъ хребетъ, а за хребтомъ нохой-эрте (или нохой-ергентъ, нохой-ердени), люди съ ксобачьими головами; такой видъ имѣютъ только мужчины, женщины же имѣютъ настоящій видъ и красивы. Однажды человѣкъ зашелъ въ ихъ страпу и вошелъ въ одну юрту; въ ней мужчинъ не было, была одна только женщина; она сказала ему, чтобъ онъ уходилъ отсюда какъ можно скорѣе, потому что какъ только мужъ ея прійдетъ, увидитъ его, позоветъ своихъ сосѣдей-собакъ, и собаки загрызутъ его. Тотъ просилъ спрятать его, но женщина отказалась, и сказала, что у здѣшнихъ людей очень сильное чутье, и они отыщутъ его. Тогда онъ ушелъ въ гору, нашелъ въ ней пещеру и залѣзъ туда; черезъ нѣсколько времени онъ видитъ, что прямо къ нему бѣжитъ человѣкъ съ собачьею головою, нюхая носомъ дорогу. Спрятавшійся въ пещеру человѣкъ выстрѣлялъ изъ ружья; раненый нохой-эрте убѣжалъ домой. Тогда странникъ пошелъ слѣдомъ за нимъ и пришелъ въ ту же юрту, въ которую раньше заходилъ; тамъ слышитъ, какъ нохой-эрте упрекаетъ свою жену за то, что она впускала къ себѣ человѣка и не сказала ему. Человѣкъ, войдя въ юрту, окончательно убилъ нохой-эрте. Тогда жена его сказала человѣку: „Намъ нужно убѣжать отсюда, въ противномъ случаѣ родные убитаго загрызутъ насъ“. Они убѣжали, и человѣкъ благополучно прибылъ на свою родину и сталъ жить съ этою женщиной. Только она все худѣла и дурнѣла. Онъ обратился къ ламамъ за совѣтомъ. „Чѣмъ ты ее кормишь?“ спросили тѣ. „Тѣмъ же, чѣмъ и самъ питаюсь“, отвѣчалъ онъ. „А ты попробуй покормить ее одними голыми костями, какъ мы собакъ кормимъ“. Сдѣлавъ онъ по ихъ совѣту, женщина стала поправляться, стала полною и красивою. Монголы вечеромъ не мочатся на западъ по той причинѣ, что нохой-эрте вечеромъ становятся на колѣни и кланяются въ нашу сторону (то-есть, на востокъ), прося небо, чтобъ у нихъ

родился нашъ ребенокъ (то-есть, ребенокъ съ настоящимъ человѣческимъ видомъ); когда онъ родится, они разрѣзываютъ его на мелкія части и дѣлаютъ изъ нихъ себѣ сакіюсъ; а ребенокъ съ нашею головою у нихъ рождается только тогда, если кто изъ насъ, людей, мочится на западъ и брызги попадутъ въ ихъ страну.

(Сарпынь, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

Въ сторонѣ „дзунъ-хойшо“ (то-есть, въ восточной) есть „нохой-иртэ“, народъ у котораго женщины люди, мужчины собаки. Они молятъ, чтобъ небо даровало имъ дѣтей, и тѣ рождаются только въ томъ случаѣ, если въ первые три весенніе мѣсяца здѣшніе люди мочатся, становясь лицомъ въ ихнюю (дзунъ-хойшо) сторону. Поэтому въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ слѣдуетъ воздерживаться и не мочиться на востокъ.

(Бурятъ изъ долины р. Иркутъ).

71. Махэшинъ.

У Аларскихъ Бурятъ есть сказаніе о народѣ Махэшинъ, то-есть, людоедахъ, которые живутъ въ сѣверной сторонѣ, въ странѣ, гдѣ небо безъ солнца, земля безъ растительности (наръ угей тэнгри, ногонъ угей дэдэ). Нашу русскую Бабу-Ягу въ бурятскихъ сказкахъ замѣняетъ Мангытхай.

(Сообщ. Н. В. Матхановымъ).

72. Идзиль Цзай.

На рѣкѣ Идзиль Дзай живутъ люди по сту лѣтъ и имѣютъ прекрасные глаза и прекрасные зубы.

(Чо-Джамцзинъ, лама, Халхасецъ хошуна Тачжи-Уранхай).

73. Еджень-ханъ.

Еджень-ханъ спросилъ однажды у ворожей (цзурхайчи) о своей судьбѣ, и тѣ ему сказали, что ему угрожаетъ смерть, но что онъ отъ нея избавится, если отправится совершить воровство. Еджень-ханъ вышелъ тайно изъ дворца съ намѣреніемъ украсть что-нибудь, и встрѣтивъ человѣка, спросилъ его: „Ты куда идешь?“ „Воровать“, отвѣчалъ тотъ. „И я тоже; возьми меня съ собою“. „Пойдемъ!“ „Куда же пойдемъ?“ спрашиваетъ Еджень-ханъ. „Есть“, гово-

рить тутъ Кокъ-Джанджинъ. У него во дворѣ много овецъ; одну украдемъ". Пришли ко двору; товарищъ спрашиваетъ у Еджень-хана, умѣетъ ли онъ воровать. „Вотъ то-то и бѣда“, отвѣчаетъ Еджень, — „что плохъ я по этой части“. „Ну, такъ ты стань на караулѣ подлѣ юрты“, учить его воръ, — „я прислушивайся, чтобы не поймали насъ“. Еджень-ханъ остался у юрты, а тотъ полезъ во дворъ. Еджень-ханъ посмотрѣлъ въ щелочку и видитъ: сидитъ Кокъ-Джанджинъ съ женой, передъ нимъ бутылка (лонху). „Что у тебя въ этой бутылкѣ?“ спрашиваетъ жена. „Зачѣмъ тебѣ знать, не твое дѣло“, сказалъ мужъ. „Какъ же мнѣ не знать, вѣдь я твоя жена“. „Это гостинецъ Еджень-хану“, сказалъ тогда мужъ; — „это ядъ. Я хочу поднести его хану; когда онъ отравится, престолъ перейдетъ нашему сыну“. Между тѣмъ воръ добылъ овечку, и ханъ съ воромъ пошли прочь. Дорогой воръ говоритъ хану: „Я теперь тебѣ отъ овечки долю не выдѣлю; ты только на караулѣ постоялъ, ничего не дѣлалъ, послѣ прійди, я что-нибудь тебѣ дамъ“. „А какъ же я тебя найду?“ спросилъ Еджень-ханъ. „Помѣняемся шапками“, предложилъ ханъ вору. Тотъ согласился, помѣнялись шапками и разошлись. Вернулся ханъ во дворецъ. На завтра приходитъ къ нему Кокъ-Джанджинъ и предлагаетъ напитокъ. Еджень-ханъ говоритъ ему: „Я теперь боленъ, принялъ лѣкарство, и выпью послѣ“. Затѣмъ налилъ поднесеннаго напитка въ чашку и поднесъ Кокъ-Джанджину. Тотъ было отказывался, но когда ханъ началъ настаивать, выпилъ и умеръ. Потомъ ханъ велѣлъ позвать вора и спросилъ его: „Ты ходилъ сегодня воровать?“ „Нѣтъ, ханъ“, отвѣчалъ воръ. „Не укралъ ли ты сегодня овечку?“ опять спросилъ ханъ. „Нѣтъ, ханъ“. „Не воровалъ ли ты сегодня ночью съ товарищемъ у Кокъ-Джанжина?“ „Нѣтъ, ханъ“. „Не твоя ли это шапка?“ спросилъ ханъ, показывая вору его шапку. „Не моя“, сказалъ воръ. Тогда ханъ сказалъ ему: „Ты не бойся; это я съ тобою ходилъ воровать“. Разказалъ ему, что онъ подслушалъ на караулѣ, какъ это открыло ему заговоръ противъ него, и наградивъ вора, отпустилъ. (Иривчинъ, лама, Дархатъ. Р. Шишкитъ).

74. Цаганъ ханъ.

Дочь Чингисхана, укравъ небесное бѣлое знамя, убѣжала и стала Цаганъ-ханомъ (Русскимъ царемъ) (Чингисханай хуухюн тэн-

грийнъ цаган тук абад хулахайлджи ябад орусэн нотукту—Цаган хан терь). Когда дочь Чингисхана отиралилась, Чингисханъ спросилъ ее: что она желаетъ получить въ приданое; она попросила бѣлое небесное знамя, тэнгрийн цаган тук. Чингисъ отказалъ, сказавъ, что онъ ханъ, властитель, и не можетъ отказаться отъ признака своей власти. Тогда дочь украла знамя и ушла. Оттого-то русскіе нойоны ходятъ въ бѣломъ платьѣ и бѣлыхъ шапкахъ. (Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

75. Бубэ Хатунъ Батыръ.

Бубэ Хатунъ Батыръ былъ олетскій тайджи (принцъ); онъ имѣлъ брань съ Шидырваномъ, отъ которой послѣдній бѣжалъ. Этотъ-то Бубэ Хатунъ Батыръ указалъ олетамъ носить разнѣзныя шапки (съ ушами), а олетскимъ женщинамъ имѣть шубу съ разрѣзомъ на груди.

(Севге-Дорджи, Халха хошуна Уйдзинъ-гуна. Караулъ Цициргана).

76. Одунтай Бодунтай.

а. Въ Ганджурѣ написано: Когда Улбуръ-Шари воевалъ, двадцать-одинъ человекъ женились и спрятались въ займищѣ на рѣкѣ Нарзы-морэнъ. Изъ нихъ одинъ былъ старше. Они молились Хара Махагалу, и когда приносили жертву, говорили: „Мы не имѣемъ среди себя никого, кромѣ старосты. Во снѣ или другимъ способомъ убажи намъ царя“. Старостѣ приснилось, что въ вершинѣ рѣки, на которой они жили, сидятъ три Лусовы дочери въ видѣ утокъ; къ средней спускается сынъ неба, Тэнгрику, и имѣетъ съ нею связь. Отъ нея родится сынъ. Утромъ староста спросилъ: „Кто что видѣлъ?“ Оказалось, что никто ничего не видалъ. Тогда онъ разказалъ свой сонъ и говоритъ: „Надо искать родившагося ребенка“. „Какъ же искать?“ спросили люди. „Какъ ищутъ лошадей“, отвѣчалъ староста. Всѣ разѣхались по степямъ, но ничего не нашли. Тогда староста сѣлъ ворожить, но и въ ворожбѣ ничего не выходило. Въ это время кто-то услышалъ крикъ ребенка вверху рѣки. Они поѣхали туда и нашли дерево дзандынъ, подъ нимъ старуху со старикомъ; старуха качаетъ ребенка и приговариваетъ: „Ольгут, ольгутъ!“ Поэтому Дюрбютотъ и называютъ Ольютъ. Другіе разказываютъ иначе. Будто подъ деревомъ

нашли колыбель и въ ней ребенка. Широкий древесный листъ согнуть и вложенъ въ ротъ ребенку, по листу изъ дерева течетъ ему въ ротъ сокъ, рядомъ съ нимъ въ чашкѣ вода. Искавшіе царя говорятъ: „Вѣрно это и есть нашъ царь!“ И такъ какъ возлѣ него стояла чашка, то дали ему имя Цоросъ. На деревѣ, подѣ которымъ онъ лежалъ, сидѣла птица ули, вслѣдствіе того и говорятъ: „Урун модон эцигтай, ули шибо эхитай Одун Бадын Тайши“, то-есть: Имѣющій отцомъ Урунъ дерево и матерью ули птицу Одунъ-Бадынъ-тайши. Люди взяли ребенка, воспитали и потомъ сдѣлали царемъ. Женили его, отъ него родилось три сына: Че, Тойнь и Цаганъ. Отъ этихъ трехъ родились дѣти: Далай-Тайши, Тергитъ-Тайши, Данджинъ Хошучи, Дачинъ Хошучи, Тарджинъ-Дарджинъ, Улахай Тайши, Ишига Тайши, Боро-Нахылъ. Абджи нойонъ ¹⁾ былъ потомокъ Цагана; отецъ Абджи-нойона назывался Церинъ-Убаши. Три сына Абджи-нойона пришли въ нынѣшнюю Дюрбютскую землю; отъ старшаго произошелъ ханскій хошунъ, отъ средняго—Баиты, отъ младшаго—хошунъ вана. Всѣхъ трехъ братьевъ звали Церинъ съ отдѣльною приставкой къ имени; полное имя съ приставкой у младшаго было Дондукъ-Церинъ. Дондуку не хотѣлось получить въ надѣлъ восточную часть земли, которая ему слѣдовала по порядку, и которую занимаетъ теперь баитскій хошунъ; онъ придумалъ хитрость; сказалъ своему слугѣ: „Когда ты будешь варить мясо и чай, я буду спать и бредить; ты меня въ это время разбуди!“ Онъ легъ, заснулъ и бредитъ: „Въ западной сторонѣ ханскій хошунъ. Какъ онъ прекрасенъ, какими горами обложенъ, какія хорошія рѣки! На востокѣ баитскій хошунъ, и онъ какъ хорошъ! Какія степи, какіе корма, какія воды! А въ серединѣ Улангомъ — какое худое мѣсто! Болото, голые пески, безплодная глина!“ Дѣло это происходило на полднѣвѣ, когда братья пріѣхали съ старой родины смотрѣть нынѣшнюю Дюрбютскую землю подѣ поселеніе своего народа. Старая родина трехъ братьевъ была тамъ, гдѣ лежатъ мѣста: Эмплэ, То, Цалъ, Кобукъ-Сайра, Хобугенъ-шилъ, Хонуханъ-Шиль, Тара Лонху Цастай. Когда братья вернулись на старую родину и сдѣлали народное собраніе, на немъ и опредѣлили старшаго брата поселить тамъ, гдѣ ханскій хошунъ,

¹⁾ Дебачи?

средняго поселили въ баитскій хошунъ, а младшему Дондукъ-Церину отвели Улангомъ. Послѣ того Абджи съ тремя сыновьями и ста-пятьюдесятью анлами переселился въ нынѣшнюю Дюрбютскую землю. Тэнгиръ-Тектыкчи-Едзень-ханъ царствовалъ 60 лѣтъ; они пришли въ тридцатый годъ его царствованія. Когда народъ устроился на новомъ мѣстѣ, Абджи роздалъ хлѣбъ на посѣвъ, взялъ Ончикъ-зайсана и Баръ-зайсана, и она втроемъ отправились въ Пекинъ, къ Едзень-хану. Въ то время, какъ они были еще на дорогѣ, у Едзень-хана замоеъ отъ дворца самъ собою слетѣлъ. Ханъ спросилъ у своихъ ламъ Береме Чочжи и Лама Чочжи: „Что это значитъ?“ Тѣ поворожили и сказали: „Войны нѣтъ, но ѣдетъ князь съ двумя придворными; не нужно съ нимъ ссориться, а принять и проводить съ честью“. Когда нойонъ пріѣхалъ, доложили Едзень-хану. Ханъ спросилъ ихъ: кто они и откуда. Абджи нойонъ отвѣчалъ, что въ старомъ мѣстѣ у нихъ были междоусобія, а потому они удалились на новое мѣсто. „Зачѣмъ же вы пріѣхали сюда?“ спросилъ ханъ. „Просить разрѣшеніе“, отвѣчалъ Абджи нойонъ. „Хорошо“, сказалъ Едзень-ханъ, — „живи тамъ; я тебя считаю хорошимъ человекомъ, дарю тебя чпномъ чп-вана, отокомъ (павлиньимъ перомъ), жалованьемъ въ 1.500 ланъ серебра и отъ 25 до 30 торхо“ (шелковыхъ матерій).

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Предокъ Дюрбютскаго народа Гурбынъ модонъ едзинтай Оли шибо ецигтай Одунъ Одунъ, то-есть: Одунъ Одунъ, имѣющій матерью дерево Гурбынъ (или можно перевести „три дерева“), а отцомъ птицу Оли.

(Байнъ-Джиргылъ, Дюрбютъ. Курень Дюрбютск. хана).

77. Кайрананъ.

а. Кайраканъ былъ прежде охотникъ; его настоящее имя было Кашка Буурулъ; онъ охотился въ вершинахъ рѣкъ Катунн, Сумулты, Кабака, Кадринъ, Ту Абаганъ (?). На одномъ озерѣ онъ встрѣтилъ муйгака (моралуху) и хотѣлъ убить его; предъ нимъ предсталъ сѣдой старикъ съ бѣлою бородой. Кашка Буурулъ застрѣлилъ-таки муйгака; бѣлый старикъ ударилъ его змѣей, которую держалъ вмѣсто плети; Кашка Буурулъ сталъ отъ этого удара безъ ума, пріѣхалъ домой и началъ съ той поры камлатъ. Вскорѣ затѣмъ у не-

го заболѣлъ сынъ и умеръ. Кашка Бууруль отправился на небо къ Тэнгри и спросилъ: почему старикъ ударилъ его плетью и вышибъ изъ ума, и за что Тэнгри отнял у него сына. Тэнгри отвѣчалъ, что это не онъ, а Ерликъ; что бѣлый старикъ, который ударилъ его змѣею, былъ посолъ отъ Ерлика. Тогда Кашка-Бууруль отправился къ Ерлику; при дверяхъ его стояли два богатыря съ желѣзными костылями; Кашка Бууруль перешибъ эти костыли и убѣжалъ; Ерликъ-ханъ послалъ за нимъ погоню, но Кашка Бууруль спрятался за семьдесятъ-семь слоевъ земли. Потомъ, когда Ерликовы посланные вернулись къ Ерлику, Кашка Бууруль продолжалъ жить въ Алтай. Когда онъ состарѣлся, то велѣлъ похоронить себя на устьѣ Башкауса и сказалъ: „Если я хорошій камъ, то на моей могилѣ вырастетъ береза, если—худой, то черное дерево“. На его могилѣ выросла береза въ сажень высоты. Потому и стали его почитать; въ честь его вѣшаютъ небольшой бубень; когда молокомъ брызжутъ, это ему жертва.

(Таранъ, шаманъ, Теленгитъ. Чуйская степь).

б. Настоящее имя Кайракана Бай Буруль; это былъ въ древности могущественный камъ; онъ имѣлъ бубень. Его величаютъ „кайраканъ“; его же зовутъ Камъ-Курмосъ. Онъ родомъ Теленгитъ, жилъ въ Кадринѣ. (Послѣдняя фраза служила отвѣтомъ на вопросъ: кто онъ и гдѣ жилъ, поэтому можетъ быть она есть ничто иное, какъ поблажка разпрашивателю).

(Буунчукъ, камъ, родомъ Теленгитъ, кости Жобока. Долина р. Чуи).

3. Нынѣшніе духи кайраканами называются изъ уваженія. Кайраканъ прежде былъ великій шаманъ, „јаан кам“, по имени Сары Тырмашъ. Этотъ камъ ходилъ черезъ рѣки по суху; проходя черезъ рѣку, высушить переправу, а какъ пройдетъ, послѣ него опять вода течетъ.

(Чончу, Теленгитка. Р. Чуя).

78. Изобрѣтеніе письма.

а. Тангутское письмо изобрѣтено ламами Джипцзунъ Цзамбу Кутухту и Арыбджанъ Зая Бандида; монгольское письмо долго не могли изобрѣсти. Когда молились цѣлымъ хуруломъ о дарованіи письма, одна старуха подошла къ собранію ламъ, держа на

плечѣ эдринъ (палку съ зарубками, которою выдѣлываютъ овчину). Кункерь Заячи сказалъ: „Это, вѣроятно,—указаніе свыше“. Съ этого эдрина и скопировали монгольское письмо.

(Сарпенъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Другіе говорятъ, что отправившись искать письмо, Монголы наткнулись на старуху, которая выдѣлывала овчину. Принявъ это за внушеніе свыше, истолковали обстоятельство такъ: бѣлая овчина—это бумага, знаки, оставляемые на ея поверхности эдриномъ,—буквы. И позаимствовали отсюда рисунокъ буквъ для тодо-монгольского языка.

(Онъ же).

79. Три сына Ханъ Чурмусень Тэнгриа.

У Ханъ Чурмусень Тэнгри было три сына—Шингыбыль, Сагадай эбугунъ и Тольты ханъ. Они между собою спорили, кому изъ нихъ управлять міромъ. Отецъ, чтобы рѣшить ихъ споръ, каждому далъ по золотому сосуду (алтынъ-лонху) и сказалъ: „Подите лягте спать; каждый пусть свой сосудъ поставитъ противъ себя; у кого за ночь вырастутъ цвѣты, тотъ и будетъ міровладѣльцемъ“. Старшій проснулся и видитъ, что у младшаго выросли цвѣты; онъ пересадилъ ихъ въ свой сосудъ и снова легъ спать. На утро встали и увидѣли цвѣты въ сосудѣ старшаго брата. Но младшій по книгамъ узналъ, что цвѣты украдены и сказалъ: „Ты укралъ цвѣты; ну, владѣй міромъ, а я, нечего дѣлать, буду Ерликомъ, но за это я сдѣлаю такъ, что твои двуногіе не будутъ жить болѣе столѣтъ, а четвероногіе болѣе сорока лѣтъ; лучшихъ двуногихъ и четвероногихъ я буду у тебя постоянно отнимать“. И самъ сталъ Ерликъ-ханомъ¹⁾. Сагадай эбугунъ имѣлъ сына Саганъ ноина; Тольты ханъ (онъ же и Ерликъ) захотѣлъ украсть себѣ въ жены дочь Буханоина и послалъ Саганъ-ноина; такимъ образомъ жена Ерлика есть дочь Буханоина. Саганъ эбугунъ улэн арейгага уга гарга, далэн оѣрга гал гарга, то-есть: „Саганъ-эбугунъ съ вершинъ горъ досталъ воду, со дна моря огонь“.

(Абашей, Бурятъ Аларск. вѣдомства).

¹⁾ У Бурятъ есть поговорка: бурхын бурхынган хулынхыме, „богъ у бога воруетъ“; говорится въ смыслѣ, что намъ-то, простымъ смертнымъ, и давно пристало воровать.

б. У Хурмустень хана три сына — Аминь-сакички, Гэсэръ-ханъ и Тугу-сакта.

(Лама Хамдаевъ изъ Аларскихъ Бурятъ).

в. Шингытъ бурхыновъ было трое. Они спорили о владѣніи міромъ; одинъ изъ нихъ укралъ цвѣтокъ и сталъ правителемъ. Поэтому и время его отличается воровствомъ и разбоями.

(Петръ Гавтимуровъ, обурятавшійся Тунгусъ съ р. Тунки).

80. Отчего ламы не носятъ штановъ.

Было два царя Русскій и Бурятскій; они между собою спорили, кому царствовать. Порѣшили посадить два цвѣтка, покрыть шапками и лечь спать: подъ чьею шапкой цвѣтокъ разцвѣтетъ, тотъ и царь. Ночью Бурятскому царю не спится; онъ заглянулъ подъ свою шапку, цвѣтокъ вышелъ изъ земли, но не разцвѣлъ; заглянулъ подъ шапку своему товарищу, у того цвѣтокъ разцвѣлъ. То да Бурятскій царь свой цвѣтокъ поставилъ подъ шапку Русскаго царя, а цвѣтокъ Русскаго царя подъ свою. Но въ это время проснулся и Русскій царь и хотѣлъ отнять свой цвѣтокъ у Бурятскаго царя. Бурятскій царь полетѣлъ на небо, Русскій царь за нимъ. У самаго неба Русскій царь успѣлъ схватить Бурятскаго за ноги, но у него въ рукахъ остались только одни штаны.

(Записано отъ Бурятъ г. Тумановымъ).

81. Халхасная кость Тоодынъ.

Найдынъ, нашъ рабочій, родомъ изъ этой кости, на вопросъ: откуда такое у кости имя, отвѣчалъ, что онъ на этотъ счетъ ничего не слыхалъ, но что есть обычай во время грома кричать: „Тоодынъ байна! Тоодынъ байна!“ Поэтому разказчикъ полагалъ, не отсюда ли произошло имя кости.

82. Огонь.

а. Гэсэръ-ханъ пріѣхалъ къ Лосынай-хану; у хана была дочь Анымъ-Мергенъ-хатунъ. Она вшила ему въ шубу длинную нитку въ три сажени длины. Когда Гэсэръ уѣхалъ, Анымъ-Мергенъ слѣда его на землѣ не нашла, но былъ видѣнъ слѣдъ нитки. Поэтому слѣду она догнала Гэсэра и спросила: „Ты куда ходишь,

что дѣлаешь?“ „Я“, отвѣчалъ Гэсэръ, — „до шестнадцати лѣтъ перерождался въ разные образы; я выдумываю то, чего людямъ не хватаетъ для блаженства“. Анымъ-Мергенъ сказала, что если онъ не будетъ болѣе перерождаться, она станетъ его женой. Въ другихъ книгахъ говорится, что онъ сдѣлалъ четыре выдумки: будучи въ полѣ безъ огня, добывать огонь посредствомъ огнива; въ безводномъ мѣстѣ добывать воду; когда воръ совершитъ кражу, дѣлать шаги его слышными, а также дѣлать громкими шаги приближающагося волка; у невѣрной жены вызывать появленіе хвоста, обличающее ея дурное поведеніе.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Вернувшись однажды утромъ изъ поѣздки, Гэсэръ-ханъ спросилъ свою жену Ань-Мергенъ-хатунъ: „Ты встала или нѣтъ?“ Та отвѣчала: „Проснулась, но не встала еще, лежу“. Гэсэръ-ханъ на это сказалъ: „Стыдно такъ валяться, какъ теленокъ на олѣнъ-травѣ (осоки?) или мараль (бугу) на высокой травѣ. Серебро снаружи, золото внутри (мэнгунъ катырла, алтан тоотырла)!“ Этими послѣдними словами онъ хотѣлъ сказать: „Разводи огонь“.

(Онъ же).

в. Богъ (Ульгенъ) создалъ все живое, звѣрей и человѣка, но огня не создалъ. Какъ быть человѣку? Онъ голый, безъ огня холодно, да и ѣсть нужно варить. Всѣ звѣри собрались, совѣтуются, какъ достать огня. Нѣсколько дней совѣщались и не могли прійти ни къ какому открытію. Птица колборхы (сичъ, который летаетъ опускаясь ребромъ внизъ то вправо, то влево, откуда будто бы и имя его происходитъ), которую прежде звали алу-кушъ (глухая птица), говоритъ собранію: „Не знаете, гдѣ огня достать! Я дуракъ, да знаю“. „Знаешь, такъ скажи“, сказали звѣри. Колборхы на это сказалъ:

Каинда мэхкэ ёк па?

Каяда там ёк па?

То-есть: „Развѣ на березѣ нѣтъ губы, развѣ въ скалѣ нѣтъ камня?“ Птицы и звѣри не поняли, а колборхы улетѣлъ. Потомъ птицы и звѣри снова обратились къ колборхы съ просьбой объяснить имъ, что значать его слова. Тогда колборхы сказалъ: „Возьмите два камня, уларыте другъ о друга и подставьте березовую губу“.

(О. Мих. Чивалковъ, свящ. въ Улалѣ въ Алтаѣ, родомъ Телеутъ).

г. Прежде огня не было; ударилъ громъ, отъ молніи (будылъ) Сагадай-убугунъ взялъ огонь. „Вотъ послѣ Сагадай у насъ на землѣ и сталъ бѣлый свѣтъ огонь“, добавилъ по русски разказчикъ¹⁾.
(Салтыковъ, Бурятъ Аларскаго вѣдомства).

д. Огонь указалъ людямъ Кезеръ-Кайраканъ.
(Бюргутъ, Тува-Урянхаецъ вості Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

6) Громъ имѣлъ трехъ сыновей. Въ то время, когда сыновья были на работѣ, отецъ (то-есть, громъ) принялъ на себя видъ незнакомца, пришелъ къ нимъ въ поле и сказалъ, что родители ихъ заболѣли и умираютъ. Узнавъ объ этомъ, старшій и младшій сыновья поспѣшили бѣжать къ заболѣвшимъ, не смотря на томившій ихъ голодъ; средній же сынъ остался пообѣдать и затѣмъ уже пошелъ къ родителямъ. За это отецъ (то-есть, громъ) сдѣлалъ его вѣчно измѣняющимся и временно умирающимъ мѣсяцемъ, тогда какъ старшій и младшій братья сдѣланы: первый не погасающимъ и согревающимъ солнцемъ, а второй—всѣми поддерживаемымъ и чтимымъ огнемъ.

(Запис. г. Черскимъ у Онгуренскихъ Бурятъ, живущихъ на сѣв. берегу Байкала противъ остр. Ольхона).

83. Поѣздка за живымъ богомъ.

а. Въ монастырѣ Эрдени Цзо есть бурхунъ Гомбугуръ; онъ имѣетъ свойство кричать передъ войной; при немъ до двадцати каменныхъ собакъ; онѣ также кричатъ въ это время. Бурхунъ этотъ имѣетъ только верхнюю половину тѣла. Прежде, когда Монголы еще не были буддистами, Гомбугуръ-бурхунъ находился въ Тибетѣ; при введеніи буддизма изъ Монголіи былъ посланъ въ Тибетъ за бурхуномъ одинъ шаби; Далай-лама указалъ на Гомбугура; но послѣдній отказался ѣхать въ Монголію. Тогда халхасскій Абта-Сайнь-ханъ съ досады разрубилъ его пополамъ. Сенге-Дорчжя, писарь на караулѣ Циниргана, родомъ Халха изъ хушуна Уйдзинъ-гуна).

б. Алтынъ гартай ханъ (златорукій царь), желая насадить въ своей землѣ вѣру, поѣхалъ въ страну Барунъ-Дзу, чтобы добыть

¹⁾ Одинъ лама изъ Аларскихъ Бурятъ также указалъ на Сагадай, какъ на изобрѣтателя огня, прибавивъ, что у ламъ Сагадай извѣстенъ подъ именемъ Мэрзынь-богдо-хана.

бога Эрдени-Дзо; пріѣхавъ туда, онъ обратился съ просьбою къ духовнымъ лицамъ Далай-ламѣ и Банчинъ-Богдо; тѣ сказали ему, что они не знаютъ, который богъ Эрдени-Дзо: пусть самъ найдетъ, Алтынъ-гартай-ханъ вошелъ въ сумунъ (кумирню); въ немъ было сто бурхуновъ, но всѣ они были похожи одинъ на другаго. Алтынъ-гартай-ханъ подумалъ: „Не узнаю ли, постукивая по богамъ бурительною трубкой?“ Началъ постукивать и прислушиваться, но не могъ отличить Эрдени-Дзо по звуку отъ другихъ боговъ. Тогда онъ обратился къ привратницѣ, старухѣ, жившей возлѣ сумуна въ худомъ обахѣ (войлочномъ шалашѣ). Та сказала, что она не смѣетъ выдать ему эту тайну, потому что какъ только она это сдѣлаетъ, Далай-лама и Банчинъ-Богдо тотчасъ же узнаютъ о томъ; у нихъ есть цзурхайчи (ворожея) такой хитрый, что узнаетъ сколько камней въ горѣ, сколько зеренъ пшеницы въ мѣшкѣ: „Если Далай-лама и Банчинъ-Богдо спросятъ его, онъ сразу узнаетъ кто тебѣ открылъ, какъ узнать Эрдени-Дзо. Развѣ ты возьмешься выручить меня?“ спросила старуха подъ конецъ. Алтынъ-гартай-ханъ поручился, что онъ ее выручитъ, и она тогда сказала: „Утромъ на зарѣ посмотри въ отверстіе сумуна. Вокругъ Эрдени Дзо будетъ колыхаться снѣгъ воздухъ!“ Алтынъ-гартай ханъ взялъ бога, затѣмъ выкопалъ яму въ три сажени, опустилъ на дно ея старуху, отверстіе ямы прикрылъ мѣднымъ котломъ и убѣжалъ. Далай лама и Банчинъ-Богдо, узнавъ, что Эрдени-Дзо увезенъ, спросили цзурхайчи, кто выдалъ тайну; тотъ погадалъ и сказалъ: „Старуха съ мѣднымъ носомъ въ три сажени глубины“. Ламы не догадались; однако послали погоню за Алтынъ-гартай-ханомъ. Погоня стала догонять хана; покищенный богъ всталъ на одномъ мѣстѣ и не движется. Тогда Алтынъ-гартай-ханъ отрубилъ ему верхнюю половину тѣла и только ее вывезъ въ Монголію, а задъ оставилъ. Оттого въ Монголіи вѣру скоро воспринимаютъ, но скоро и забываютъ, а гдѣ остался задъ, тамъ туго воспринимаютъ, но за то долго помнятъ.

(Найдынъ, шабинецъ вѣдомства Ургинскаго хутукты; разказъ слышалъ отъ ламы въ монастырѣ Эрдени-Цзо).

в. Абатай Санъ, ханъ халхасскій, имѣлъ у себя мудраго совѣтника Кункуръ-Заячи. Однажды Кункуръ-Заячи сказалъ Абатай Санъ хану, что нужно выстроить курэ (монастырь) и ввести номъ

(святое писаніе); поѣхали они вмѣстѣ искать мѣсто для куреня, пріѣхали на Усюнь-Дзюль, рѣку, которая составляется изъ множества вершинъ; на одномъ обширномъ ровномъ мѣстѣ они встрѣтили красную суку Уланъ Улукчунъ¹⁾ со множествомъ щенятъ, сосущихъ молоко изъ ея сосцовъ; Кункуръ-Заячи сказалъ: „Это предзнаменуетъ, что здѣсь долженъ быть выстроенъ нашъ курень; красная масть — это наше духовенство; щенята — многочисленное шаби; молоко — обиліе пищи и благоденствіе шаби“. Стали тутъ строить курень, и когда выстроили, Абатай Санъ ханъ и Кункуръ-Заячи поѣхали въ Тибетъ. На пути имъ пришлось переѣзжать чрезъ гору Шотханъ-Тологой; сабдыкъ (духъ, хозяинъ) этой горы не пропускалъ никого; онъ напустилъ холодъ и снѣгъ, когда путники поднялись на гору. Абатай Санъ ханъ, бывший хубилганомъ бога Очирвани, началъ стрѣлять изъ ружья и лука. Сабдыкъ, раненный имъ, обливаясь кровью, пришелъ къ хану и сказалъ: „Вижу, что ты сильный! Скажи, куда ты ѣдешь?“ Абатай Санъ-ханъ сказалъ, что онъ ѣдетъ за номомъ въ Тибетъ. „Когда привезешь номъ“, сталъ просить сабдыкъ, — „дай и мнѣ сакулъ²⁾; подъ этимъ условіемъ дамъ тебѣ пропускъ“. Путники дали согласіе, переименовали гору въ Номгонъ-Убашинъ-Дабанъ и поѣхали дальше. На пути ханъ нашелъ эрхе четки³⁾ и спросилъ у Кункуръ-Заячи: „Что это такое?“ Кункуръ Заячи сказалъ, что это вещь, употребляемая при молитвѣ. Сказавъ это, онъ надѣлъ ихъ на шею, намоталъ на руку и на пуговицу пубы и прибавилъ: „Старики будутъ носить ихъ на шеѣ, молодые на рукѣ, а женщины на пуговицѣ“. Поѣхали дальше; Абатай Санъ ханъ нашелъ царъ (церковный колокольчикъ съ ручкой). Онъ опять былъ въ недоумѣніи — что это за вещь, и Кункуръ-Заячи объяснилъ ему, что это церковная утварь³⁾. Пріѣхавъ въ Тибетъ,

¹⁾ Уланъ — красный, улукчунъ — сука.

²⁾ По объясненію разказчика, сакулъ — званіе среднее между ламой и простымъ міряниномъ.

³⁾ Въ другой разъ разказчикъ эпизодъ объ этихъ двухъ находкахъ помѣстилъ ранѣе поѣздки въ Тибетъ и намекнулъ, что эти-то находки и вызвали поѣздки въ Тибетъ; Кункуръ ханъ, объяснивъ значеніе вещей, сказалъ, что нужно строить курень и ѣхать въ Тибетъ за книгой.

Абатай Санъ ханъ, по совѣту Кункуръ-Заячи, сталъ просить живаго бога, амитынъ-бурхана. Ему позволили выбрать и ввели въ сумунъ; Абатай Санъ ханъ сталъ прикладываться къ сердцу каждаго свою руку; только у самаго послѣдняго, который былъ всѣхъ хуже, сердце билось. Абатай Санъ ханъ взялъ его. Потомъ онъ сталъ просить хуvaraковъ, книгу Ганьджуръ-Танджуръ и верблюдовъ подъ свозъ ея. Ему дали 21 хуvaraка, дали Ганьджуръ-Танджуръ, верблюдовъ подъ нее и крѣпкаго коня подъ живаго бога. Абатай Санъ ханъ привязалъ бога въ торока и поѣхалъ. Переваливая чрезъ гору Шодонъ Харъ Тологой, конь усталъ и не могъ идти далѣе. Абатай Санъ ханъ спросилъ коня: почему онъ не идетъ далѣе. Конь отвѣчалъ: „Я бога везу, оттого тяжело“. Тогда Абатай Санъ ханъ отрубилъ нижнюю часть (боксы) бога и взялъ только одну верхнюю, потому что въ ней чѣджи. Въ память объ этомъ событіи перевалъ этотъ названъ Бурхунъ-Боксетай-дабанъ (перевалъ Божьей нижней половины). Оттого у Халхасцевъ и бурханы дѣлаются только въ видѣ бюстовъ.

Одинъ женатый Халхасецъ Дюгуръ Дзайсанъ былъ въ Тибетѣ; однажды ламы пошли въ хуруль, а у дверей его стоятъ два тигра (баръ) и не пускаютъ. Тогда Дюгуръ Дзайсанъ одного тигра убилъ, на другого надѣлъ цѣпи и держалъ рукой. Разказчикъ не помнитъ кто, Далай лама или Бакчинъ-Богдо, открылъ въ книгахъ, что Дюгуръ Дзайсану назначено управлять хуруломъ у Абатай Санъ хана, — онъ и отправился въ Халхасскую землю. Оттого, что Дюгуръ-дзайсанъ былъ уже женатъ, и ламы у Халхасцевъ женатые. Дюгуръ-дзайсанъ былъ хубилганъ Цаганъ-Шикуртея. Онъ взялъ съ собою въ Халхасскую землю слоноваго молока и воды изъ рѣки Гангъ (Гангепъ-мурень).

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

г. Батырь Бель, подданный Сайнъ хана, ѣздивъ къ тремъ гегенамъ Далай ламѣ, Таранатъ-гегену и Ванджинъ-ламѣ просить бога; ему предоставили самому выбрать; Батырь Бель кололъ боговъ копьемъ въ сердце; у всѣхъ сердце шевелилось, только у бога Очирвани сердце не тронулось; онъ его и взялъ. На обратномъ пути онъ остановился на перевалѣ почевать и положилъ бога на камень. Богъ такъ прилипъ къ камню, что Батырь Бель на другой день утромъ не могъ отодрать его, и отрубивъ верхнюю часть

(чѣджи), увезъ съ собою только ее одну. Такъ какъ нижняя часть (бѣкси) осталась на перевалѣ, то послѣдній получилъ имя Бурхонъ-бѣксенъ-дабанъ (то-есть, перевалъ нижней части бога). Батырь Бель просилъ у трехъ гегеновъ, чтобъ они отпустили съ нимъ одного гегена; ему въ этомъ отказали, но сказали, что гегенъ явится въ его землѣ въ такой-то годъ, и что предъ его явленіемъ будетъ знаменіе. Сайнъ ханъ сталъ устраивать сумунъ для ожидаемаго гегена; строителемъ былъ Китаецъ. Сайнъ ханъ указывалъ Китайцу, какъ строить. Китаецъ былъ удивленъ знаніями хана и сказалъ: „Какой свѣдущій ханъ (яснъ абтай ханъ)! Съ тѣхъ поръ и стали звать этаго хана Абтай Сайнъ ханомъ. Когда сумунъ былъ готовъ, пошелъ дождь и градъ; Абтай Сайнъ хану доложили, что градъ пзбилъ всю золоченую крышу. Ханъ вышелъ изъ дома и увидѣлъ, что на степи выпала въ конское копыто крупа; это былъ ячмень (хар'тара). Съ этого времени и начали воздѣлывать землю. Абтай Сайнъ ханъ догадался, что это и есть то знаменіе, которое было обѣщано передъ прішествіемъ гегена. Гегенъ хотѣлъ родиться въ аймакѣ Цеценъ-хана, но у этого хана была въ то время война; потому онъ пошелъ къ Тушету хану и засталъ его за чтеніемъ большой книги; ему показалось приличіе всего здѣсь явиться, и онъ родился сыномъ Тушету-хана.

(Старикъ Дархатъ. Р. Джара, въ с.отъ дархатскаго куреня).

д. Абатай Сай ханъ былъ глупый ханъ (тенекъ ханъ); въ его время не было нома; ханъ ѣздилъ на черномъ лысомъ мулѣ (хара халдзынъ лусы). Однажды онъ поѣхалъ на охоту, увидѣлъ козулю (дзурь), хотѣлъ выстрѣлить, но разстояніе было большое; хотѣлъ ударить и подогнать свою лошадь плетью, но промахнулся, упалъ на землю и сказалъ: „Э, далай лама!“ Вернувшись домой, онъ сказалъ матери: „Я былъ на охотѣ, гнался за козулей, хотѣлъ ударить лошадь плетью, и промахнувшись, упалъ и сказалъ при этомъ: э, далай лама! Что это за слово? Я его не понимаю. Не чптуръ ли это?“ Мать отвѣчала: „Я слышала отъ покойнаго мужа, что это не чптуръ, а большой чудотворецъ“ (эдетей шидетей хунъ). Абатай Сай ханъ рѣшился поѣхать искать этого чудотворца; семь дней онъ выстаивалъ своего лусы, затѣмъ взялъ лукъ, стрѣлы и саблю и поѣхалъ. Ѣхалъ онъ до Далай ламы семь дней; въ этотъ срокъ онъ проѣхалъ пространство, на которое обыкновенной ѣзды нужно два

года. Доѣхавъ до Сюртъ-дабана ¹⁾, Абатай Сай ханъ слѣзъ отдохнуть. Боясь уснуть, не принявъ предосторожностей, онъ натянулъ лукъ, и держа его, въ такомъ положеніи, заснулъ; явился мѣстный сабдыкъ, увидѣвъ хана и думая: „Что за человекъ? Нѣтъ закона проѣзжать здѣсь людямъ!“ И хотѣлъ на него накинуть петлю (цалма). Хар-лосу ударилъ Абатай Сай хана копытомъ по лбу, и тотъ, пробудившись, выстрѣлилъ и отшибъ сабдыку руку вмѣстѣ съ петлей. Сабдыкъ закричалъ, побѣждалъ къ Далай-ламѣ и говорилъ ему, что какой-то человекъ отшибъ у него руку. Далай лама сталъ уговаривать сабдыка, чтобъ онъ не дѣлалъ впродъ вреда людямъ, и далъ ему цакплъ (посвятилъ въ ламы). Потомъ Далай лама распорядился, чтобы привязали двухъ лардзп нохой (нохой—собака), но Тангуты выпустили собакъ. Появилась пыль, увидѣли приближающагося богатыря; собаки бросились на встрѣчу, но, къ удивленію Тангутовъ, вмѣсто того, чтобы разорвать его, стали ласкаться къ нему. Тогда Далай лама испугался и спрятался въ парныя чашки (кангаръ; верхняя чашка прикрываетъ нижнюю, какъ крышка). Абатай Сай ханъ пріѣхалъ, отдалъ своего хара лосу Тангутамъ, подошелъ къ юртѣ, саблей поддѣлъ и откинулъ дверь, вошелъ и спросилъ: „Гдѣ Далай лама?“ Ему отвѣчали: „Нѣтъ его!“ „А что у васъ въ этихъ чашкахъ?“ спросилъ онъ и раскрылъ ихъ саблей. Далай лама съ испуганнымъ видомъ вылезъ и сдѣлалъ хану земной поклонъ. Абатай Сай ханъ сказалъ, что онъ пріѣхалъ посмотрѣть на него, такъ какъ слышалъ, что онъ большой чудотворецъ (едетей, шюдетей, элбитей, хубильгетей хунъ). Увидѣвъ боговъ, ханъ спросилъ: „Что это у тебя за вещи?“ Далай лама отвѣчалъ: „Это боги!“ „Къ чему же они полезны?“ опять спросилъ ханъ. „Они полезны“, отвѣчалъ Далай лама, — „въ этой и въ будущей жизни“. „Теперь“, сказалъ Абатай Сай ханъ, — „покажи мнѣ твое искусство“ (эльби). Далай лама взялъ дунгуръ (раковину, въ которую трубятъ въ кумирняхъ), вытянулъ ее въ три сажени и подпоясался ею. „Какъ ты это сдѣлалъ?“ воскликнулъ Абатай Сай ханъ. „Это не я, это искусство (эльби) отъ силы боговъ, которыхъ ты видишь“. Абатай Сай ханъ спросилъ: „Не посмотришь ли и ты эльби чернаго человека?“ Затѣмъ взялъ себя за уши и

¹⁾ Дабанъ—горный перевалъ.

вытянул их на сажень; изъ концовъ ихъ посыпались искры. Далай-лама раскрылъ ладонь и привлечь на нее пятицветную радугу. Абатай Сай ханъ сказалъ: „Дай мнѣ эту радугу (солонго)!“ Онъ взялъ ее въ руки, но тотчасъ бросилъ и сказалъ: „Какое горячее!“ Затѣмъ взялъ саблю, вытянулъ ее, извязалъ узлами, кинулъ къ Далай ламѣ и сказалъ: „Развяжи!“ Далай лама только дунулъ, сабля сдѣлалась постарому. „Чѣмъ ты это дѣйствуешь?“ спросилъ опять Абатай Сай ханъ. „Силой этихъ боговъ“, отвѣчалъ Далай лама, указывая на свою божницу. Тогда Абатай Сай ханъ сталъ просить себѣ одного бога; Далай лама сказалъ: „Завтра прѣзжай и получишь, останься ночевать въ моемъ худенькомъ обахаѣ (шалашѣ)!“ „Я не помѣщусь здѣсь“, возразилъ Абатай Сай ханъ. „Можетъ ли быть, чтобы не помѣстился? Ложись вонъ на ту кровать, сдѣланную изъ семидесяти слоновихъ костей“. „Она не сдержитъ одной моей ляшки“, сказалъ Абатай Сай ханъ. „Попробуй“. Абатай Сай ханъ облокотился на кровать, и она изломалась. Тогда Далай лама отпустилъ его ночевать въ полѣ. На завтра Абатай Сай ханъ прѣхалъ выбирать бога; ламы догадались, что идетъ искусный (эльбитей) Абатай Сай ханъ, и спрятали живаго бога Гомбугура въ желѣзный ящикъ, который зарыли по срединѣ сумуна, а сверху присыпали золой. Абатай Сай ханъ сталъ тыкать боговъ саблѣй и говорить: „Что жъ это за боги? Мѣдъ да шапкай (лошанка, которую теперь Дархаты употребляютъ на сшиваніе своихъ онгоновъ)! Кому вы молитесь? А это что за зола? Зола бросаютъ подальше, а не сыплютъ по срединѣ юрты“. Ковырнулъ саблѣй, выворотилъ ящикъ; разбилъ его и нашелъ Гомбугура; Абатай Сай ханъ воткнулъ ему саблю въ грудь, сабля задрожала. Тогда онъ сказалъ „Вотъ я этого худаго, выброшеннаго и засыпаннаго соромъ бога и возьму себѣ“. Далай лама сталъ ему совѣтовать, чтобы онъ хорошенько чествовалъ этого бога. Абатай Сай ханъ сказалъ: „Я не умѣю; поѣзжай ко мнѣ ты“. Далай лама отвѣтилъ ему: „Мнѣ не предназначено отсюда удалиться въ этой жизни; возьми другаго ламу“. Абатай Сай ханъ пошелъ выбирать ламъ, а ламы старшіе сѣли на мѣста младшихъ, младшихъ помѣстили на старшія мѣста, сами одѣлись въ войлочное платье, а свое хорошее платье надѣли на младшихъ. Абатай Сай ханъ сталъ давать имъ лязгать свою саблю; у всѣхъ пошла кровь съ языка. Лама, спдѣвшій на самомъ

последнемъ мѣстѣ, одѣтый въ самое худое одѣяніе, лизнулъ и ничего; даже на саблѣ лезвіе загнулось. Абатай Сай ханъ выбралъ этого ламу, но тотъ сказалъ, что теперь ему ѣхать нельзя, и назначилъ другой срокъ, когда онъ къ нему прѣдетъ. Абатай Сай ханъ сказалъ: „Какъ же ты, оставаясь здѣсь, посвятишь сумунъ?“ „Я отсюда посвящу“, сказалъ лама, и далъ хану горсть зеренъ. И еще сказалъ: „Я рожусь сыномъ твоего сына“. Абатай Сай ханъ положилъ горсть зеренъ за пазуху, привязалъ Гомбугура въ торока и поѣхалъ домой. На одномъ перевалѣ онъ слѣзъ помочиться и поставилъ Гомбугура на камень; богъ такъ прилипъ къ камню, что сколько Абатай Сай ханъ не ковырялъ его саблѣй, не могъ отдѣлать и сказалъ: „Если ты, задъ (боксп), не хочешь ѣхать со мной, то оставайся здѣсь!“ Съ этими словами онъ отрубилъ верхнюю половину бога, привязалъ въ торока и поѣхалъ дальше. Прѣхавъ домой, онъ выстроилъ сумунъ и поставилъ Гомбугура. Однажды поднялась буря, началъ градъ, когда посмотрѣли пристальнѣе, оказалось, что это было зерно. Абатай Сай ханъ вспомнилъ, что у него за пазухой было привезено зерно; вынулъ его изъ-за пазухи, сличилъ съ только что упавшимъ—оказалось одинаковое. Абатай Сай ханъ увѣровалъ, что то былъ великій лама. Жена у ханскаго сына Гомбу-Түшетухана еще до этого родила сына и съ трудомъ; потому она приняла снадобья, чтобы больше не родить, и сказала мужу, чтобы онъ жепился на другой. Ея мужъ взялъ другую жену, отъ которой и родился Ундюръ Богдо. Абатай Сай ханъ велѣлъ додѣлать нижнюю часть Гомбугура одному Кптайцу; но тотъ никакъ не могъ угадать въ мѣру; либо велики сдѣлаетъ ноги, либо малы. Абатай Сай ханъ снялъ свои штаны, велѣлъ смѣрять свой задъ и по этой мѣркѣ сдѣлать нижнюю часть Гомбугура. Мастеръ сдѣлалъ, примѣряли—и какъ разъ пришлось.

(Джамцянъ, Баргу-Солонъ съ оз. Бумръ, что близъ города Хайларъ, нынѣ проживающій въ Дархатской землѣ).

е. Аватай Сайнъ ханъ сдѣлалъ изъ трехъ-сотъ драгоцѣнныхъ камней трехъ божковъ и повезъ ихъ къ Талай ламѣ просить у него въ замѣнъ ихъ живаго бога и номъ; онъ отправился съ многочисленнымъ войскомъ; прибывъ къ Талай ламѣ, онъ сказалъ ему, что слышалъ, будто здѣсь есть номъ и живые боги, и потому просить, чтобы Талай лама далъ ему одного изъ боговъ. Талай

лама сказалъ, чтобъ онъ выбралъ самъ. Аватай Сайнъ ханъ сталъ пробовать боговъ, втыкая въ нихъ саблю; пзъ одного бога стала сочиться кровь; Аватай Сайнъ ханъ взялъ этого бога и уговорился съ Талай ламой, чтобы тотъ отпустилъ къ нему десятилѣтняго ламу Чо-Джамцинъ; назначили срокъ, въ который этотъ лама долженъ былъ прѣхать къ Аватай Сайнъ хану. Когда этотъ лама полетѣлъ въ Халхасскую землю, онъ усыпалъ всю землю зерномъ; послѣ этого и стали сѣять хлѣбъ, котораго прежде не знали. Прибывши въ Халху, лама сталъ называться Ундюръ-гегеномъ. На обратномъ пути отъ Талай ламы Аватай Сайнъ ханъ отрубилъ задъ у бога въ мѣстности, получившей названіе Бурхонъ Бокси дабанъ; привезенный богъ былъ Очирвани. Ханъ велѣлъ прѣдѣлать задъ къ богу, но мастеръ никакъ не могъ этого сдѣлать. Тогда ханъ приподнялъ полы, велѣлъ снять съ себя мѣрку и по ней сдѣлать задъ богу. Сдѣлали, и новый задъ припелся въ пору, потому что Аватай Сайнъ ханъ былъ хувильганъ бога Очирвани. Түшету ханъ считается потомкомъ Аватай Сайнъ хана.

(Записано г. Палкинымъ отъ Дархата во время зимовки въ Дархатской землѣ).

ж. Абатай Санъ хану живаго бога указала старуха шульму ¹⁾. Талай лама открылъ книгу Тончи Хара номъ и увидалъ изъ нея, что живаго бога выдала Абатай Сайнъ хану самка (емъ) съ мѣднымъ клювомъ пзъ земли въ три сажени глубиной; Талай лама разсердился на неясность книги и велѣлъ ее сжечь; пепель этой книги прильнулъ барану на лопатку; оттого онъ (лопатки) и „мергентъ“, то-есть, знаніемъ снабженный. Когда Абатай Санъ ханъ везъ живаго бога домой, въ одномъ мѣстѣ слѣзъ помочиться, а живаго бога положилъ на землю; богъ ушелъ въ землю по поясъ; Абатай Санъ ханъ отрубилъ его верхнюю часть, сказавъ нижней: „Оставайся здѣсь, если не желаешь ѣхать со мной“.

(Записано имъ же тамъ же).

з. Алтынъ Гартай ханъ захотѣлъ стать бурхыномъ и отпра-вился къ Далай ламѣ, но Далай лама былъ сердитъ на него за то, что увезъ Ердене Дзо, и сказалъ, что ему не бывать богомъ. Алтынъ Гартай ханъ возразилъ, что онъ искупитъ это воровство

¹⁾ Шульму—нечистая сила, дѣволъ.

своею жпзнью. „Ну развѣ такъ?“ сказалъ Далай лама. Тогда Алтынъ Гартай ханъ сложилъ ладони, перевязалъ себѣ руки по пальцамъ и положилъ ихъ на огонь; когда онъ сталъ догорать, голова его отлѣтѣла прочь, и онъ обратился въ бурхына, котораго Далай Лама пряталъ себѣ за пазуху. Теперь онъ на небѣ и называется Хончжпха.

(Найдывъ, богдо-шабинецъ изъ Урги).

84. Мынг хонгор атту Тюмендей и его сынъ Ерь Сару.

У старика Тюмендея, имѣвшаго тысячу коурыхъ лошадей (мынг хонгор атту), была старуха и три дочери. Однажды онъ пошелъ на рѣку и увидѣлъ, что по ней плыветъ желтый войлокъ; войлокъ вдругъ превратился въ джельбага, который схватилъ старика за бороду и грозился съѣсть его. Старикъ сказалъ джельбагѣ: „Возьми моихъ тысячу коурыхъ лошадей, только отпусти меня“. Джельбага отвѣчалъ: „Лошади не уйдутъ у меня и такъ, а тебя все-таки съѣмъ“. „Возьми еще моихъ трехъ дочерей“, сказалъ старикъ Тюмендей, — „только отпусти“. Джельбага согласился и отпустилъ старика. Прѣхавъ домой, старикъ взялъ три ведра (едыш), вышибъ у нихъ дны, далъ ихъ тремъ своимъ дочерямъ и велѣлъ идти въ лѣсъ по ягоды (бызыл кат), а самъ со старухой укочевалъ. Дѣти его долго ходили въ лѣсу и не могли насобрать ягодъ; наконецъ замѣтили, что ведра безъ дна; тогда они заткнули ихъ травой, собирали ягоды и пришли домой; здѣсь они увидѣли, что отецъ и мать ихъ укочевали, а на ихъ мѣстѣ лежитъ какой-то большой человѣкъ; однимъ ухомъ слушаетъ въ землѣ, другимъ въ небѣ. Дѣти догадались, что родители ихъ бросили, и спросили у незнакомца: что онъ за человѣкъ. Тотъ отвѣчалъ: „Я старый человѣкъ, не могу ни встать, ни ходить“. Ночь дѣти переночевали въ одной юртѣ съ незнакомымъ человѣкомъ; утромъ старшая дочь проснулась раньше всѣхъ и видитъ: подлѣ человѣка лежитъ топоръ (ай балта); она подумала, что это лихой человѣкъ, джельбага, и что онъ убьетъ ихъ. Проснулся человѣкъ и говорить: „Ну, дѣти, вставайте, играйте; скоро вамъ конецъ будетъ“ (кызтар ойна кылбырт, кылбырт! олдар ойна кылдырт, кылдырт)! Дѣти встали; старшая сестра сказала джельбагѣ: „Я хочу на дворъ сходить и вышла“. Вторая и третья сдѣлали то же. Втроемъ онъ

пустились бѣжать отъ джелбаги; старшая дочь захватила изъ родительской юрты забытый отцомъ брусъ (джана) и забытый матерью гребень (тыргакъ¹⁾). Джелбага, догадавшись, что дѣти убѣжали, пустился въ погоню за ними. Когда онъ сталъ догонять ихъ, одна дѣвочка бросила гребень,—сдѣлался дремучій лѣсъ (кой няш). Джелбага сталъ рубить лѣсъ топоромъ, прорубилъ и опять побѣжалъ за дѣтми; снова онъ сталъ догонять ихъ; тогда другая дѣвочка бросила брусъ,—сдѣлалась скала (кал). Джелбага принялся рубить топоромъ скалу, разрубилъ ее, снова побѣжалъ за дѣтми и опять догоняетъ ихъ. Дѣти въ это время добѣжали до рѣки, у которой лежалъ боберъ (кундуз); онъ, разложивъ огонь, грѣлся. Дѣти обратились къ нему съ просьбой: „Боберъ, перевези насъ на другую сторону! За нами гонится джелбага“. Боберъ спросилъ ихъ: „Хорошъ ли мой хвостъ?“ (худуру джагай ля). „Хорошъ“ (джагай)! отвѣчали дѣти. „Хороши ли мои ребра?“ (халбыргам джагай ля) опять спросилъ боберъ. „Хороши“, отвѣчали дѣти. „Хороши ли мои ребра“ (амыргам джагай ля)?²⁾ спросилъ боберъ въ третій разъ. Дѣти отвѣчали: „Хороши“. „Хороши ли мои зубы?“ (тышим джагай ля) въ послѣдній разъ спросилъ боберъ. Дѣти отвѣчали: „Хороши“. Тогда боберъ посадилъ ихъ къ себѣ на спину и перевезъ ихъ на другую сторону; здѣсь онъ указалъ имъ на три ели (шибе) и сказалъ: „Вотъ живите на этихъ еляхъ, здѣсь васъ джелбага не достанетъ“. Вслѣдъ за дѣтми къ рѣкѣ прибѣгаетъ джелбага и говоритъ бобру: „Гдѣ мое мясо?“ „Какое твое мясо!“ спрашиваетъ боберъ. „Тутъ у меня сбѣжали трое дѣтей“. „Я перевезъ ихъ на ту сторону“, говоритъ боберъ. „Ну, перевези теперь и меня“, проситъ джелбага. „А хвостъ мой хорошъ ли?“ спрашиваетъ боберъ. „Твой желтый хвостъ худой!“ отвѣчалъ джелбага. „Хороши ли мои ребра?“ Съ чего они будутъ хороши: они червивы, потому что ты ѣшь червивый талъ (хаб).“ „Хороши ли мои зубы?“ „И зубы твои червивы, потому что ты ѣшь червивый талъ“. „Хорошо“, сказалъ боберъ; — „теперь ты насыпай себѣ камней за пазуху и возьми въ руки стебель дягиля“ (балдырган). Джелбага такъ и сдѣлалъ; боберъ повезъ его черезъ рѣку, а на серединѣ отпустилъ; сте-

¹⁾ Тыргакъ по урянхайски—и гребень, и ноготь.

²⁾ Халбырга и амырга—кабъ будто два отдѣльные вида боберъ.

бель въ рукѣ у джелбаги изломался, камни потянули его внизъ, и онъ утонулъ.

Три дѣвцы сидѣли на вершинахъ трехъ елей и играли на чатагацѣ, шорѣ и экилѣ. Бѣжали три охотника, слышали игру на инструментахъ и подѣхали подъ деревья. Дѣвцы помочились; когда жидкость попала на головы молодцовъ, они подумали, что дождь идетъ, посмотрѣли вверхъ, увидѣли живыя существа и хотѣли стрѣлять, но дѣвцы закричали имъ, что онѣ люди, и разказали свои похождения. Когда молодцы узнали, что онѣ дѣвцы, они сказали имъ: „Мы не женаты; будьте нашими женами“. Дѣвцы спустились. На другой день старшій изъ молодцовъ говоритъ своей женѣ: „Мы теперь пойдемъ на охоту, ты что мнѣ сдѣлаешь?“ „Я сошью тебѣ даху изъ шкуры джалбана“. Средній спрашиваетъ свою жену: „Ты что сдѣлаешь?“ „Я“, говоритъ жена, — „сдѣлаю чехолъ на брусъ (джана хабы) изъ шкуры вши“ (бить кежи). Жена третьяго общалась родить мальчика съ серебряною шеей и золотою головою. Убѣжали мужа; третья сестра родила мальчика, какого общала; старшія двѣ позавидовали, бросили ея ребенка въ озеро и подложили вмѣсто него крота (кей куське). Вернулся мужа; у старшихъ вещи сдѣланы, младшій идетъ къ женѣ, видитъ колыбель, и думая, что въ ней лежитъ чудесный ребенокъ, хочетъ поцѣловать его; кротъ укусылъ его за губу; тогда мужъ изломалъ ноги и руки у жены и выколупалъ глаза. Потомъ всѣ трое укочевали, и искалѣченная сестра осталась одна. Вышла изъ норы крыса (куське) и стала грызть ей ноги; калѣка схватила палку, бросила ее и перешибла у крысы ногу. Крыса вырыла травку, съѣла, и ея нога выросла. Калѣка съѣла ту же травку и стала съ ногами. Другая крыса стала грызть ей руки; и ей калѣка перешибла ногу; крыса нашла травку, вырыла, съѣла, и нога ея выросла; тогда и калѣка поѣла той же травки и стала съ руками. Третья крыса стала грызть ей глаза; калѣка и ее зашибла палкой, такъ что вышибла ей глаза; крыса вырыла травку, съѣла, и глаза ея снова явились. Ту же травку съѣла калѣка и сдѣлалась съ глазами. Пошла она на сзеро и стала кликать сына; онъ вышелъ изъ воды и сталъ бѣгать кругомъ озера; мать хотѣла поймать его, но не могла; тогда она крикнула: „Абай, ача тутар!“ Это она взмолилась озеру. Мальчикъ снова ушелъ въ воду. Мать пришла къ лоскуту бѣлаго

войлока лучокъ и стрѣлку, положила на берегу и снова стала клп-
пать сына. Озеро заиграло, сынъ вышелъ и сталъ бѣгать. Мать
опять не могла его поймать и взмолилась: „Куль абай, куль ачей
тутар“ (отецъ-озеро, мать-озеро, поймайте)! Мальчикъ опять скрылся
въ водѣ. Только въ третій уже разъ ей удалось схватить и задер-
жать мальчика. Сынь сказалъ ей: „Если ты моя мать, то дай мнѣ
груднаго молока и пусти свои слезы въ мои глаза“. Она дала ему
молока и капнула слезы. „Теперь вижу, что ты моя мать“, сказалъ
мальчикъ. Сталъ онъ жить съ нею и ходить съ сдѣланнымъ ею
лучкомъ на охоту; онъ стрѣлялъ птицу „торло“ и кормилъ мать.
Матери наскучила птица, она попросила звѣринаго мяса. „Чѣмъ
буду стрѣлять звѣрей?“ спросилъ сынь у матери. Та ему отвѣчала:
„Отсюда близко есть Кудай-базыру¹⁾; отвали камень, тамъ найдешь
садакъ и лукъ“. Мальчикъ нашелъ лукъ, взялъ его и сталъ стрѣ-
лять звѣрей. Однажды въ его отсутствіе пролетѣли мимо его ма-
тери семь гусей (джеты-каз) и прокричали: „Ерь-сару дома ли, Ер-
бей-ширбей на приколѣ ли, Джесь-тумана на зарубкѣ ли?“ (Ерь-сару
уйде ба, Ербейширбей букде ба, Джесь тумана кисекте ба). Мать,
услышавъ этотъ крикъ, отрѣзала одно свое ухо. На другой день
опять летать семь гусей и кричать тѣ же слова; женщина отрѣ-
зала себѣ носъ; въ третій разъ услышавъ тотъ же гусиный крикъ,
она отрѣзала себѣ губу. Пришелъ ея сынъ и спросилъ: „Гдѣ твои
ухо, носъ и губа?“ Мать рассказала, что въ его отсутствіе три дня
сряду пролетали гуси и кричали: „Ерьсару дома ли, Ербей Ши-
рбей на приколѣ ли, Джесь-тумана на зарубкѣ ли“, и что, услышавъ
эти слова, она отрѣзала себѣ сначала ухо, потомъ носъ, потомъ
губу. Сынь ея самъ взялся караулить пролетъ гусей и не пошелъ
на промыселъ; онъ заснулъ и услышалъ крикъ: „Ерь-Сару дома ли?“
и проч. Онъ вышелъ изъ юрты; гуси были уже далеко; онъ все-
таки выстрѣлилъ; стрѣла прилетѣла назадъ и принесла на своемъ
концѣ человѣческій палецъ. Тогда онъ рѣшился пойти слѣдомъ
за гусями; онъ настрѣлялъ звѣрей и заготовилъ для матери въ
запасъ (шкырдь) мяса высотой съ юрту, потомъ спросилъ мать: „Если
спросятъ мое имя, что сказывать?“ Мать отвѣчала ему: „Твое имя
Ерь-сару, твоя лошадь Ербей Ширбей, твоя стрѣла Джесь-тумана“.

¹⁾ Базыру по урянхайски — древняя могильная насыпь.

Выслушавъ отвѣтъ матери, Ерь-Сару сдѣлался мальчикомъ, лошадь
сдѣлалъ жеребенкомъ и отправился. На дорогѣ ему попался ста-
рпкъ, пасшій телятъ, по имени Бузакай Таракай ашыкъ¹⁾. „Ты кто?“
спросилъ его Ерь-сару. Бузакай Таракай отвѣчалъ, что онъ хан-
скій пастухъ, и разказалъ также, что у его хана есть семь до-
черей, за которыхъ сватается Джеты-тасъ. „Ты ступай къ хану и
посватай его дочь за меня“, говоритъ Ерь-сару. „Гдѣ тебѣ равняться
съ ними“, говоритъ пастухъ; — „ты не стопшь одного куска изъ ихней
чашен. Они положатъ тебя на ладонь, щелкнутъ, отъ тебя ничего
не останется“. „Дай“, говоритъ Ерь-сару, — „я попробую щелкнуть
тебя!“ Щелкнулъ пастуха, убилъ его сразу, зарылъ въ землю, самъ
сдѣлался Бузакаемъ, пошелъ къ хану. Семь зятьевъ сидятъ тутъ же.
Ерь-сару, посмотрѣвъ на нихъ, подумалъ про себя: „Старпкъ правду
сказалъ, спльные богатыри!“ Ханъ, увидѣвъ Бузакаю, спросилъ его:
„Ты что здѣсь сидишь! Ступай, смотри за телятами; вотъ поймайка
одного теленка, да приведи сюда“. Побѣждалъ Ерь-сару, но не могъ
поймать теленка. Ханъ ударилъ его и приказалъ коровъ доить.
Корова не дается Ерь-сару; тогда онъ закричалъ: „Сагыл, сагыл!
молоко дойся!“ Ведро наполнилось молокомъ. „Что ты тамъ дuriшь!“
закричалъ ханъ; — „иди сюда; облизывай подошвы моихъ сапоговъ“.
Самъ ханъ легъ спать. Ерь-сару намазалъ ханскія подошвы смѣ-
таной и бросилъ ихъ собакамъ; тѣ ихъ вылизали. Пришли семь
дѣвицъ, красивы всѣ, а младшая всѣхъ краше, только указатель-
наго пальца у ней нѣтъ. Ерь-сару говоритъ ей: „Неужели ты пой-
дешь за Таса; онъ плѣшивый²⁾“. Пойди лучше за меня“. Ханъ на
другой день проснулся, всталъ съ постели и сталъ отдавать сво-
ихъ семь дочерей за семь Тасовъ (Джеты-тасъ); младшая сказала:
„Не пойду за Таса, пойду за Бузакаю“. Ханъ осердился, но согла-
сился и велѣлъ для нея поставить худую юрту. Поженивъ Джеты-
тасовъ, ханъ сказалъ имъ: „Достаньте мнѣ архаръ-кочкору“³⁾.
Джеты тасы собираются въ дорогу, собирается и Бузакай. Ханъ
говоритъ ему: „Куда тебѣ за ними гнаться? Одна пыль изъ-подъ
нихъ тебя задушитъ“. Ханша сказала: „Пусть поймастъ худого же-“

¹⁾ Ашыкъ-старпкъ.

²⁾ Тасъ — плѣшивый. Джеты-тасъ буквально — семь плѣшивыхъ.

³⁾ Каменный баранъ, *Ovis argali*.

ребенка и поѣдетъ“. Поѣхали зятя. Ерь-сару застрѣлили аркара и проговорилъ: „Наружное мясо да будетъ ядъ, внутреннее мясо да будетъ сладкій сахаръ (ком эдэ у корон бул, иште де амдан чпыр бул). Привезли мясо, ханъ сталъ ѣсть наружное мясо; оно оказалось горькое, и ханъ осердился. Ханьша сказала ему: „Ты попробуй внутренняго мяса, хоть съ пальца лизни“. Попробовалъ ханъ, чуть свой палецъ не съѣлъ; унесъ мясо въ отдѣльный домъ и тамъ ѣлъ. Потомъ ханъ велѣлъ застрѣлить такого аркара, у котораго наружное мясо было бы сладко. Зятя вновь поѣхали, но удалось застрѣлить аркара только Ерь-сару, который, убивъ звѣря, проговорилъ: „Внутреннее мясо будь, какъ ядъ, наружное мясо, будь какъ сладкій сахаръ“ (иште гаруне у горон бул, ком эдене амдан чпыр бул). Ханъ не могъ ѣсть горькое внутреннее мясо, но попробовалъ наружное и чуть не изжевалъ свой палецъ; унесъ мясо въ отдѣльный домъ и тамъ ѣлъ.

Потомъ ханъ сказалъ Джеты тасамъ: „У меня есть кобыла, которая родить каждый годъ жеребенка Канъ-губа-хулунъ, но Ханъ-Гариде всякій разъ уносить его. Ступайте къ Ханъ-Гариде и достаньте жеребенка“. Зятя собираются въ дорогу. Ерь-сару говоритъ: „И я вмѣстѣ поѣду“. Ханъ сказалъ ему: „Ты лучше телятъ паси“. Потомъ въ насмѣшку надъ нимъ, ханъ прибавилъ: „Пожалуй, поѣзжай, осѣдлавъ трехъ священныхъ вороныхъ коней Тэнгри-хана“ (Тэръ-ханымъ ушь адак¹⁾ харатъ). Ерь-сару, выслушавъ эти слова хана, поднялся по радугѣ (Телеш) на небо, поймалъ трехъ вороныхъ коней, къ хвостамъ ихъ привязалъ когур-хонекъ (ведро и поддонникъ?) и отпустилъ; кони сами прибѣжали на дворъ къ хану. Жены Джетытасовы хохочутъ и говорятъ: „Какъ тэнгрихановы-то кони таскаютъ Бузакаю!“ Стали Джетытасы караулить. Прилетѣлъ Ханъ-Гариде; Джетытасы выстрѣлили, промахнулись; Ерьсару выстрѣлилъ, отшибъ хвостъ у жеребенка и хвостъ у Ханъ-Гариде и спряталъ ихъ въ ящикъ подъ ханскимъ трономъ (шпире). Пришли Джетытасы домой; ханъ спрашиваетъ ихъ: „Ну что?“ Джетытасы говорятъ: „Мы только отшибли хвосты у жеребенка и у Ханъ-Гариде“.

¹⁾ Адакъ — лентообразная тряпочка, привязываемая къ предметамъ, посвященнымъ божеству, къ деревьямъ, лошадямъ и пр.; адак ат — лошадь, посвященная божеству, въ знакъ чего къ ея гривѣ навязываются адаки.

„Гдѣ же хвосты?“ „Не знаемъ, не могли найти“. „Ну, достаньте же теперь самаго жеребенка“, сказалъ ханъ. Поѣхали Джетытасы; поѣхалъ за ними и Ерь-сару; на половинѣ дороги онъ нашелъ Джетытасовъ — похудѣли, своихъ лошадей съѣли, подошвы ногъ ихъ состарѣлись. Ерь-сару настрѣлялъ имъ дичи три стога, а самъ поѣхалъ дальше. Приѣхалъ къ Ханъ-Гариде, тотъ испугался. „Зачѣмъ ты приѣхалъ?“ спрашиваетъ. „За тобою“, говоритъ Ерь-сару; — „ханъ тебя требуетъ“. „Не убивай меня“, говоритъ Ханъ-Гариде, — „возьми жеребятъ, изъ которыхъ теперь накопился цѣлый табунъ, возьми и послѣдняго жеребенка, который сталъ уже конемъ, скажи хану, будто убилъ меня, и покажи ему вотъ этотъ пухъ“. Вырвалъ Ханъ-Гариде изъ себя пуху и далъ богатирю. Ерь-сару навьючилъ пухъ на коня, взялъ табунъ и погналъ его. Среди дороги лошадь его остановилась и спрашиваетъ своего хозяина: „Ты не знаешь ли чего?“ „Ничего не знаю“, говоритъ Ерь-сару. „Джетытасы“, говоритъ конь, — выстроили хорошую юрту (аил), выкопали въ семьдесятъ сажень глубиной яму (собственно тамы, что по монгольски значитъ адъ), прикрыли ее бѣлымъ войлокомъ и хотятъ тебя бросить въ эту яму“. Ерь-сару подъѣхалъ къ юртѣ Джетытасовъ, они схватили его и бросили въ тамы; потомъ они хотѣли убить его лошадь, но не могли ее поймать; она убѣжала. Далеко, далеко жила Менгу-кызъ¹⁾; она собралась кочевать, въ это время увидѣла прибѣжавшаго коня, поправился онъ ей, она поймала и сѣла на него; конь привезъ ее къ тамы, вырытый Джетытасами, и попросилъ вынуть Ерь-сару. Менгу-кызъ спустила въ тамы свои волосы, которые были длиною шестьдесятъ сажень; волосы не достали до дна; тогда она отрѣзала одну косу, наставила другую косу и вытащила Ерь-сару. Богатырь заплакалъ и спрашиваетъ у Менгу-кызъ: чѣмъ онъ можетъ ей отплатить. Менгу-кызъ попросила только одного, чтобы лошадь, которая привезла ее сюда, снова отвезла бы ее на ея родину. Когда конь вернулся, Ерь-сару поѣхалъ къ своему хану; когда онъ подъѣзжалъ, земля зашевелилась, ханъ испугался и послалъ посмотреть, что случилось. Посланные отвѣчаютъ ему, что приѣхалъ какой-то богатырь. Ханъ велѣлъ звать его въ ханскую юрту. Ерь-сару вошелъ въ юрту; когда онъ проходилъ въ двери, желѣзные косяки ея не выстояли,

¹⁾ Кызъ — дѣвица.

изломались. „Кто ты такой?“ спросил ханъ. „Я Ерь-сару“, отвѣчалъ богатырь, — „а прежде былъ твой Бузакъ; я убилъ Ханъ-Гариде“. Ханъ не повѣрилъ ему. „Посмотри въ ящикъ подъ твоимъ шпире, тамъ лежатъ хвосты, отшибленные мною“. Ханъ нашелъ хвосты, но все еще не хотѣлъ вѣрить. Тогда Ерь-сару сказалъ: „Прикажи, чтобъ Джетытасы вмѣстѣ со мною выстрѣлили въ небо; кто не правъ, того стрѣла, обратно возвращаясь, убьетъ“. Ханъ отдалъ приказъ, стали стрѣлять, выстрѣливъ Ерь-сару, его стрѣла упала мимо; Джетытасы выстрѣлили и были убиты своими стрѣлами. Пожилъ Ерь-сару у хана и говоритъ: „У меня есть мать, поѣду, провѣдаю“. Приѣхалъ къ матери; мясо, которое онъ оставилъ, лежитъ цѣлое, не убавилось, а мать состарѣлась. „Гдѣ ты былъ?“ спрашиваетъ она сына. Ерь-сару все разказалъ ей и прибавилъ, что онъ женился на ханской дочери. Мать не повѣрила. Въ это время поднялся шумъ и громъ, мать вышла изъ юрты и видитъ — ѣдетъ жена Ерь-сару, красавица ханская дочь съ своею свитой. Старуха обрадовалась, бросилась снять ее съ сѣдла; конь лягнулъ ее и ушибъ до смерти. Пожалѣли старуху и похоронили.

(Бюргутъ, Уранхаецъ кости Сальджакъ. Р. Бурень-голъ).

85. Убѣгающій на быкъ отъ шулума мальчикъ.

Жилъ одинъ богатый старикъ, имѣвшій тысячу лошадей и единственнаго сына, у котораго былъ для ѣзды конь Наръ-алыкъ, имѣвшій восемь ногъ. Однажды старикъ погналъ своихъ лошадей поить на озеро; лошади не подходя къ берегу, кружатся около, а къ водѣ не идутъ. „Что это значитъ?“ думаетъ старикъ. Заѣхалъ онъ посмотреть съ восточной стороны и видитъ: въ озерѣ сидитъ шулумъ (чортъ) съ саблей въ рукѣ и говоритъ: „Я, старикъ, тебя зарублю“. Старикъ въ отвѣтъ: „Не руби, мнѣ жизнь дороже, чѣмъ весь этотъ скотъ; возьми эту тысячу лошадей“. Шулумъ не согласился. Старикъ опять говоритъ: „У меня есть единственный сынъ; возьми его“. Шулумъ говоритъ: „Какъ я его возьму; мнѣ нельзя отсюда уйти“. Старикъ отвѣчаетъ: „Я скокую“. „Если ты скокуюшь, то и сына съ собою увезешь“. „У моего сына“, говоритъ старикъ, — „есть двѣ бабки (шяга), золотая и серебряная, я оставляю ихъ на старой кочевкѣ, и сынъ мой приѣдетъ за ними; ты и возьмешь его въ это время“. Шулумъ согласился. Старикъ

скочевалъ съ сыномъ на другое мѣсто, а шяга оставилъ. На новой кочевкѣ сынъ хватился своихъ шяга, спрашиваетъ отца: гдѣ они. Отецъ отвѣчаетъ: „Я видѣлъ ихъ на старой кочевкѣ, хотѣлъ положить и забылъ“. Сынъ говоритъ отцу: „Дай мнѣ моего коня, я поѣду за нимъ“. Съѣлъ онъ на Наръ-алыка и поѣхалъ; шулумъ уже сидитъ на старой кочевкѣ возлѣ бабокъ. Подѣхавъ къ шулуму, сынъ старика говоритъ ему: „Подай мнѣ мои шяга. Шулумъ отказался исполнить его просьбу подъ предлогомъ, будто ему нельзя съ мѣста встать“. „А мнѣ“, сказалъ сынъ старика, — „нельзя съ лошади слезти“. Потомъ сынъ старика разогналъ своего Наръ-алыка, смаху схватилъ шяга съ земли и поскакалъ прочь. Шулумъ за нимъ въ погоню, догналъ и отрубилъ Наръ-алыку одну ногу; скачетъ Наръ-алыкъ на семи ногахъ; шулумъ отрубилъ ему еще ногу, Наръ-алыкъ скачетъ на шести ногахъ; постепенно шулумъ отрубаетъ Наръ-алыку по одной ногѣ, и онъ скачетъ на пяти ногахъ, потомъ на четырехъ, потомъ на трехъ, на двухъ, на одной и все уходитъ отъ шулума. Наконецъ, шулумъ отрубилъ ему и послѣднюю ногу; конь и безъ ногъ скачетъ (это былъ бурхынъ-мори, богъ-конь, пояснилъ разказчикъ). Подскакалъ наконецъ конь къ лиственницѣ, и сынъ старика залѣзъ на дерево. Шулумъ сталъ рубить дерево; рубилъ, рубилъ, наконецъ сронилъ его, схватилъ сына старика, связалъ его и привезъ въ свой худенькій, прехуденькій обахай (шалашъ). Сидятъ вдвоемъ въ обахай; вдругъ обахай заходилъ ходенемъ. Сынъ старика спрашиваетъ: „Что это значить?“ „Это должно быть верблюдъ пришелъ и трется боками“, говоритъ шулумъ; — „поди, прогони его“. Развязалъ его шулумъ и выпустилъ, а самъ думаетъ: „Если и вздумаетъ бѣжать, такъ неужели мнѣ не догнать его пѣшаго, когда догналъ его на лошади?“ Сынъ старика вышелъ изъ обахая и говоритъ верблюду: „Увези меня, верблюдъ, къ моему отцу; буду тебя чествовать, какъ отца роднаго“. Верблюдъ ему сказалъ: нѣтъ, „Не увезу тебя; ты меня обзывалъ: гувру“. Потомъ приближала лошадь, и она отказалась увезти мальчика, потому что онъ обзывалъ ее „цоксаль“; приближалъ барашекъ, и то же отказался, потому что онъ обзывалъ его „хоргрѣ“; козелъ и козова также, потому что онъ первого обзывалъ „худрѣ“, а вторую — „момырѣ“. Послѣ всѣхъ приближаетъ быкъ, у котораго вмѣсто рта и морды змѣиный носъ; сынъ старика

обратился съ тою же просьбой и къ нему; быкъ сказалъ: „Дотронься до меня“. Мальчикъ тронулъ его. У быка появились бычьи морда и ротъ. Тогда быкъ научилъ мальчика въ руку взять бѣлый камень, въ ротъ воды и сѣсть на его спину. Мальчикъ сдѣлалъ такъ, и быкъ побѣжалъ. Шулумъ догадался и пустился въ погоню. Когда онъ сталъ догонять, быкъ велѣлъ мальчику бросить камень; сзади быка вся степь покрылась камнями; шулумъ запнулся, упалъ и разбилъ себѣ лобъ; вотъ съ тѣхъ поръ онъ и сталъ уланъ халдзынъ, краснолицый; пока онъ перебирался черезъ камни, быкъ ушелъ впередъ. Однако шулумъ все-таки догналъ его снова; тогда быкъ велѣлъ мальчику выплюнуть воду. Образовалось озеро. Шулумъ подбѣжалъ къ озеру и закричалъ мальчику: „Какъ ты перебрался черезъ озеро?“ Мальчикъ ему отвѣтилъ: „Я разрѣзалъ себѣ животъ, выпустилъ кишки и по нимъ перебрался“. Шулумъ разрѣзалъ себѣ животъ и умеръ тутъ же. Быкъ тогда сказалъ мальчику: „Теперь ты меня заколи“. Мальчикъ сталъ ему говорить: „Какъ можно, чтобъ я тебя закололъ! Ты спасъ меня; я тебя буду почитать, какъ отца, сдѣлаю тебя сэтэромъ“. „Нѣтъ“, говоритъ быкъ, — „заколи, а то тебѣ будетъ худо“. Закололъ мальчикъ быка и одну ногу бросилъ на востокъ, другую на югъ, третью на западъ, четвертую на сѣверъ; изъ одной вышли лошади, изъ другой верблюды, изъ третьей коровы, изъ четвертой бараны. Вычистивъ внутренности, мальчикъ залѣзъ внутрь бычьяго остова и тамъ ночевалъ; утромъ пробудился, лежѣтъ онъ не въ бычьемъ нутрѣ, а въ богатой юртѣ, наполненной всякими вещами; тутъ у него не откуда и жена явилась. Сдѣлался онъ богатымъ и сталъ жить.

(Банъ-Цаганъ, Дюрбютъ ханскаго хошуна).

86. О предкѣ хойху.

Жили богатые Китаецъ и Китайка; у нихъ была единственная дочь; однажды эта дочь вышла гулять въ поле, тамъ провела ночь на одномъ ложѣ съ Шарь Макчиномъ, и забеременѣла. Родителямъ стыдно стало, убить дочь однако было жалко; они накормили ее и сказали ей, чтобъ она шла въ пустыню, гдѣ никого нѣтъ, и тамъ бы родила. Дѣвица ушла въ степь, родила ребенка, бросить его въ степи пожалѣла и понесла съ собою; при-

шла въ одинъ „хашанъ“ (дворъ), гдѣ были свиньи (тахай). „Есть же хозяйнѣ у этихъ свиней“, подумала она, — „и вѣроятно, онъ подберетъ моего ребенка“. И съ этими словами она оставила ребенка въ этомъ дворѣ. Хозяинъ хашана нашелъ ребенка, и такъ какъ былъ бездѣтный, былъ радъ находкѣ. Когда ребенокъ подросъ, онъ отдалъ его учиться въ школу. Тамъ школьники обижали его: „Твой отецъ Шарь Макчинъ, твоя мать свинья!“ Безродный мальчикъ спросилъ ихъ: на какомъ основаніи они его такъ дразнятъ; тогда ему разказали исторію его происхожденія. Когда мальчикъ выросъ, отецъ отправилъ его торговать. Странствующій юноша остановился въ одномъ домѣ; разговаривая съ хозяйкой его, она спросила его: кто онъ; Енъ сказалъ, что ему въ школѣ говорили: „Отецъ твой Шарь Макчинъ, мать твоя свинья!“ Тогда хозяйка узнала, что это ея сынъ. Отъ него произошли хойху (дунгане, китайскіе мусульмане); оттого они и подбрасываютъ усы на губахъ, что дочь Китайки цѣловалась съ Шарь-Макчиномъ.

(Дорчжиг, неграмотный лама Халхасецъ хошуна Дзасагтухава, постоянно проживающій въ гор. Кобдо).

87. Легенда о кровосмѣшеніи.

а. Одинъ Китаецъ имѣлъ двухъ враговъ; когда они умерли, онъ взялъ ихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, и заперъ въ фанзу, перегородленную по срединѣ стекломъ; когда дѣти достигли пятнадцатилѣтняго возраста, Китаецъ убралъ стеклянную перегородку; узники познакомились и сошлись; когда они творили блудъ, Китаецъ подрылъ стѣны, крыша упала и задавила любовниковъ; на мѣстѣ ихъ смерти выросла трава; это былъ макъ. Китаецъ собралъ ея сокъ, покуривъ и открылъ чудное свойство этой травы.

(Джамцинъ, Баргу-Солонъ съ оз. Буыръ-норъ).

б. У одной женщины умеръ мужъ; она была беременная. Мальчикъ изъ утробы говоритъ: „Ты не ложись съ другимъ мужчиной, мой отецъ умеръ“. Мать родила, подбросила ребенка въ солому въ чужой дворъ, а себѣ взяла другаго ребенка, который въ это время родился у сосѣдей. Хозяинъ соломы хотѣлъ брать ее виллами да и нашелъ ребенка. Онъ выкормилъ его. Пошелъ маль-

чикъ по свѣту, напросился ночевать къ одной одинокой женщинѣ, а потомъ выпросился къ ней на постель. А это была его мать.

(Бурятъ Тункинскаго вѣдомства, Создать Ивановъ, почти не умѣющій говорить по русски. Р. Иркутъ).

88. Конь изъ тѣста.

Въ прежнее время одинъ охотникъ (гурочникъ) выстрѣлилъ въ дичь и замѣтилъ, что она упала на дно ущелья, спустился въ него, но тамъ нашелъ какаго-то звѣря, похожаго на верблюда (ботогонъ); онъ сѣлъ на него, не подозрѣвая, что это былъ лугу. Лугу поднялъ его высоко на воздухъ, подъ нижнее небо, и спустился снова на землю. Съ того времени этотъ человѣкъ сталъ невидимкой; онъ ходилъ по землѣ, ѣлъ, пилъ; люди замѣчали, какъ около нихъ что-нибудь убывало, но не могли понять, отчего это происходитъ. Только одна догадливая дѣвушка ударила палкой по лицу этого „гурочника“, и онъ сталъ видимъ. Отъ удара у него распухла голова, и онъ пошелъ лѣчиться къ одному ламѣ; тотъ замѣсилъ тѣсто, а самъ вышелъ за чѣмъ-то на улицу. Въ его отсутствіе „гурочникъ“ надѣлалъ изъ тѣста фигурокъ, лошадей, сѣделъ, взялъ помъ ламы, и вышедши къ нему на дворъ, сказалъ, что онъ хочетъ показать ему своего иноходца; вынулъ изъ-за пазухи фигурку, обратилъ ее въ коня, сѣлъ и уѣхалъ. Лама вошелъ въ свой домъ, но тамъ нашелъ только фигурки изъ тѣста, а помъ его былъ выкраденъ.

(Чо-Джамцинъ, Халха хошуна Тачжп-Урянхай. Г. Кобло).

89. Хлѣбъ.

а. Въ старое время не снѣгъ, а бѣлая мука (цаганъ гүлюръ) падала съ неба зимой на землю. Одна жепщина имѣла единственнаго сына; онъ огадился, она потерла его тѣстомъ, и съ той поры вмѣсто муки сталъ падать снѣгъ.

(Банинъ-Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Прежде зерна покрывали стволъ жпта отъ верхушки до земли; кто-то, бурхынъ или человѣкъ, принявъ это растеніе за непужное, сталъ ногой ошмыгивать зерна, и они все осыпались; прибѣжала собака и стала просить оставить для нея. Только и оста-

лось, сколько теперь есть въ колосѣ. По этому слѣдуетъ засѣвать хлѣбъ на собаку или на дѣтей, чтобы хлѣбъ хорошо родился.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

90. Тигръ и быкъ братья.

а. Жила одна тигрица (бар), которая сѣла корову, а теленка, оставшагося отъ той коровы, стала воспитывать вмѣстѣ съ своимъ тигренкомъ. Впослѣдствіи дѣти выросли, тигренокъ сдѣлался взрослымъ тигромъ, бычокъ порозомъ; жили они какъ братья; тигрица, умирая, завѣщала дѣтямъ, чтобы они жили побратски; жили они въ вершинѣ одной рѣки; окрестные жители были счастливы, люди не умирали, скотъ не падалъ. Тогда лисица (унюгунъ) пришла къ хану того народа и начала жаловаться, что ей ѣсть нечего, народъ не умираетъ, скотъ не падаетъ. Ханъ сказалъ, что такое состояніе причиняетъ братская жизнь двухъ братьевъ—быка и бара. Тогда лисица пошла къ быку въ то время, когда баръ ушелъ въ горы на добычу. Она сказала ему: „Тебя хочетъ братъ убить“. „Ты врешь“, отвѣчалъ быкъ;—„онъ братъ мой, мать намъ завѣщала жить дружно. Какіе же есть знаки, что онъ задумываетъ противъ меня дурное?“ „Запримѣть“, сказала лисица,—„если утромъ онъ не будетъ потягаться и хвостъ изгибать, тогда я лгу“. Потомъ она пошла къ тигру. Тотъ спросилъ у нея: „Что новаго?“ „Время худое настало“, говоритъ лисица,—„начали скотъ и люди умирать; кромѣ того, твой братъ быкъ замышляетъ тебя убить“. „Ты врешь“, сказалъ тигръ;—„онъ мой братъ, мать намъ завѣщала жить дружно. Какіе же знаки того, что онъ имѣетъ дурныя мысли?“ „Когда онъ утромъ встанетъ“, отвѣчала лисица,—„онъ голову опуститъ, и въ глазахъ измѣнится взглядъ“. Въ ту ночь братья легли врознь; утромъ они оба замѣтили, что каждый изъ нихъ такъ сдѣлалъ, какъ говорила лисица. Они бросились другъ на друга и другъ друга убили. Послѣ того въ томъ краю люди и скотъ начали умирать.

(Дюрбютскій лама).

б. Тигръ (баръ) и быкъ (укуръ) жили вмѣстѣ; тигръ повѣсилъ быку колокольчикъ; а самъ уходилъ въ горы. Аргытъ саръ унюгунъ (лисица Аргытъ ¹⁾ саръ) задумала съѣсть укура. Она сѣла

¹⁾ Аргата—хитрый.

его, а хвостъ воткнула въ скалу; тигръ отыскалъ хвостъ, подумалъ, что его товарищъ влѣзъ въ скалу, потянулъ за хвостъ, выдернулъ, упалъ навзничъ, зашибся и умеръ.

(Дюрбютъ на р. Дзабхинѣ).

91. Воръ, крадущій коровъ, и тигръ.

а. Жили старикъ и старуха; у нихъ было пять коровъ. Кто-то укралъ одну, на другую почъ другую, осталось три. Пошелъ старикъ караулить коровъ и видить—вмѣстѣ съ коровами лежить тигръ (бар). Въ это время пришелъ воръ; принявъ тигра также за корову, онъ выбралъ на этотъ разъ его украсть и наслѣлъ на него. Тигръ вскочилъ и побѣжалъ; воръ не успѣлъ соскочить и долженъ былъ поѣхать на тигрѣ; дорогой онъ хотѣлъ удержаться за дерево, схватился за него, но дерево вырвалось съ корнемъ; онъ схватился за змѣю, и та стащила его. На другой день коровы отелплись тремя телятами; тигръ опять лежить между ними. Высмотрѣли двѣ лисицы и пошли сказать своей матери шулмусу, что есть три коровы и при нихъ четыре телепка, одинъ теленокъ пестрый, лучше всѣхъ: котораго принести? Шулмусъ велѣла принести пестраго. Лисицы пошли и схватили тигра, принесли къ порѣ шулмуса; одна осталась держать тигра впѣ поры, другая пошла въ пору сказать матери. Въ это время тигръ вырвался и убѣжалъ. Между тѣмъ старуха, хозяйка коровъ, стала пухнуть; черезъ нѣсколько дней она стала здорова, и у нея явился мальчикъ. Старикъ подумалъ, что это шулмусъ родился; поэтому родившійся мальчикъ спѣшилъ удалиться и подговорилъ тигра отправиться на гору Баръ Тайга, чтобы жить тамъ вмѣстѣ. Въ это время лисицы пришли, съѣли коровъ и старика со старухой. Тигръ пришелъ, не нашелъ никого, отрѣзалъ себѣ конецъ хвоста и поклялся отмстить шулмусу. Пришелъ опять воръ и говоритъ тигру: „Что жъ ты не выручаешь коровъ и стариковъ?“ Тигръ соглашается свезти этого человека, если онъ возьмется за это дѣло. Воръ сдѣлалъ изъ змѣи пеструю плетъ, сѣлъ на тигра, стегнулъ его два раза, и тотъ много довезъ его до шулмуса. Тогда человекъ схватилъ шулмуса. Шулмусъ сталъ просить не убивать его; человекъ спросилъ Шулмуса: полезетъ ли онъ въ отверстіе, которое онъ пробьетъ желѣзнымъ коломъ въ девяти слояхъ земли? Шулмусъ залезъ въ ды-

ру, и человекъ снова заткнулъ ее желѣзнымъ коломъ. Потомъ онъ схватилъ лисицъ и велѣлъ имъ возвратитъ стариковъ и коровъ; лисицы отдали.

(Санашъ, Теленгитъ кости Тонжуанъ. Чуйская степь).

б. Жили старикъ и старуха, у которыхъ была всего одна корова; однажды вечеромъ тигръ (бар) пришелъ съ умысломъ съѣсть корову, легъ подлѣ нея и дожидался, когда старики уйдутъ изъ юрты. Между тѣмъ того же дня высмотрѣвшій корову воръ лама тоже пришелъ на дворъ и удивился, что видѣлъ прежде одну корову, теперь стало двѣ. Рѣшился съѣсть на одну и уѣхать на ней, да угадалъ на „бара“; тотъ испугался, побѣжалъ; воръ не знаетъ, что дѣлать; хотѣлъ ухватиться за дерево, но вырвалъ его съ корнемъ. Утромъ „баръ“ завезъ его на ханскій дворъ, здѣсь его поймали и думаютъ—должно быть хитрый лама, что „бара“ взнуздаль. На ханскій дворъ повадился шесть баровъ ходить и душить скотъ; ханъ попросилъ ламу уничтожить ихъ. Лама велѣлъ отрубить хвостъ тому „бару“, на которомъ пріѣхалъ, и отпустить, а затѣмъ спросилъ: гдѣ живутъ тѣ шесть баровъ. Ему указали отвѣсную скалу, на вершинѣ которой было дерево. Лама залѣзъ на дерево и увидѣлъ подъ скалой семь баровъ; былъ въ томъ числѣ и его баръ съ отрубленнымъ хвостомъ. Когда бары замѣтили ламу на деревѣ, вздумали его съѣсть. Но какъ его достать? Куцый баръ сталъ подъ дерево; другіе стали становиться другъ на друга, въ расчетѣ, что верхній прійдется противъ ламы. Лама крикнулъ сверху: „Ты куцый! Или тебѣ мало отъ меня досталось? Хочешь, чтобы я прибавилъ!“ Тотъ узналъ ламу, бросился бѣжать, а остальные попадали подъ скалу въ долину и убились.

(Найдунъ, богдо-шабинецъ изъ Урги).

92. Выдумка и знаніе.

Цоктъ Илгысынъ ханъ, имѣвшій лысаго слона (халдзы цан), собралъ однажды своихъ вельможъ и спросилъ: „Что выше, догадливость (аргы) или знаніе (билик)?“ Вельможа, хуже всѣхъ одѣтый и сидѣвшій ниже всѣхъ, сказалъ: „Догадливость выше“. Ханъ возразилъ: „Врешь! Знаніе выше“. Вельможа стоялъ на своемъ. Ханъ осердился и велѣлъ его выбросить на сѣденіе слону, во дворъ,

въ которомъ тотъ содержался. Слона поили виномъ, и онъ былъ пьянъ. Вельможа, очутившись передъ слономъ, догадался сѣсть, какъ будто испражняется; приближала собака, и онъ, поймавъ ее, сталъ держать передъ собою. Собака изцарапала слову хоботъ, и тотъ, зарывавъ убѣжалъ. Ханъ узналъ объ этомъ, согласился, что догадливость или выдумка выше, чѣмъ знаніе, и сдѣлалъ этого вельможу старшимъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

93. Отчего монгольскія женщины носятъ шубы съ буфами.

Разъ Едженъ-ханъ заболѣлъ; присудили привести въ жертву мальчика и дѣвочку; выбрали ихъ и выбросили въ степь. Дѣвочка была одѣта въ шубу съ буфами; въ память объ этомъ халхасскія женщины носятъ шубы съ буфами. Откуда же, говорятъ, происходитъ названіе народа Урянхай: урунхай, то-есть, гаргисын бай, „выброшенное“.

(Онъ же).

94. Отчего у Русскихъ глаза круглые, волосы длинные, платье короткое.

Въ одномъ монастырѣ (сумэ) принесли въ жертву богамъ глинянаго человѣчка; въ голову фигурки воткнули березку, самое одѣли въ бересту, глаза намѣтили камышинкой: вотъ отчего у Русскихъ, которые произошли отъ этой фигурки, глаза круглые, волосы длинные (березка), платье короткое.

(Онъ же).

95. Сорока и ея волшебный подарокъ.

а. Жили старикъ со старухой въ крайней бѣдности; былъ у нихъ только сивый быкъ съ испорченною спиной. Навьючивъ на него свой худой обахай (шалашъ), старики покочевали, ведя быка въ поводу; остановясь въ одномъ мѣстѣ на ночлегъ, быка пустили пастись. Утромъ старикъ приходитъ посмотреть быка—спину его расклевали сороки (шацгай). „Какъ, старуха, поѣдемъ?“ спрашиваетъ старикъ. Старуха научила его: „Надо намазать спину быка клеемъ, сорока сидеть и прильнетъ ногамъ. Тогда поймемъ ее, оборвемъ крылья и привѣсимъ—сороки будутъ бояться“. Такимъ образомъ удалось поймать одну сороку. Сорока проситъ старика:

„Не убивай меня, я тебя награжу“. „Ты врешь“, говоритъ старикъ, — „что у тебя есть!“ „Иди“, снова говоритъ сорока, — „куда я тебѣ велю, и тогда увидишь, что я не лгу“. Старикъ пошелъ, держась за сороку. Пришли къ урго (ставкѣ) сорочьяго хана (Шацгай-хана). Сорока выпросила у хана для старика алыкдагы (пестраго жеребенка) и сказала: „Если тебѣ понадобится золото и серебро, только скажи: багулюкъ,—и онъ будетъ вальтаться золотомъ и серебромъ; если нужно будетъ ѣды, скажи: дургулюкъ,—и у тебя явится всякая ѣда; если вздумаешь достать дичь, то скажи: тугулюгулюкъ,—и онъ будетъ стрѣлять чугунными пулями“. Старикъ взялъ алыкдагы, отпустилъ сороку, вернулся къ старухѣ и сталъ богатъ; много у него стало скота, золота, серебра; узналъ ханъ, призвалъ его и спросилъ: откуда онъ это все взялъ. Старикъ отвѣчалъ: „Сорока дала“. „Лживая ложь“, сказалъ ханъ, — „можно ли этому повѣрить?“ Старикъ разказалъ все, какъ было. Ханъ велѣлъ, чтобы старикъ отдалъ ему этого алыкдагы, но старикъ не согласился и уѣхалъ. Ханъ послалъ тысячу солдатъ взять алыкдагы силой; пришли къ нему солдаты, но старикъ произнесъ: „Тугулюгулюкъ!“ И алыкдагы осыпалъ ханское войско чугунными шарами. Тогда ханъ объявилъ старика ханомъ и снабдилъ его „цахиркчи“ и другими чиновниками.

(Баниъ Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Жили старикъ и старуха; у нихъ скота не было, кромѣ жеребенка, да и тому сорока расклевала спину; жеребенокъ бился, бился и утонулъ въ озерѣ. Старикъ осердился на сороку (саусканъ, шацгай) и погнался за нею; она взлетѣла на небо, и онъ за нею; она опустилась на землю, на землѣ онъ поймалъ ее и говоритъ: „Я тебя убью“. „Нѣтъ, ты не убивай меня“, говоритъ сорока; — „я тебѣ подарю три подарка“. И дала ему дойную корову (кайдакъ пнекъ). Старикъ отпустилъ сороку. Стала старуха доить корову—молока много; на этой же коровѣ старикъ и ѣздилъ вмѣсто коня. Вздумалъ онъ поѣхать въ гости къ хану; приѣхавъ, привязалъ корову, самъ вошелъ къ хану въ юрту, стали бесѣдовать. Ханъ зачѣмъ-то вышелъ изъ юрты, увидѣлъ корову, сказалъ: „Какая красная корова! Поймайте въ моемъ табунѣ такого же цвѣта корову, осѣдлайте сѣдломъ старика и привяжите, а эту отпустите въ мой табунъ“. И вошелъ въ юрту. Старикъ поѣхалъ домой, билъ, билъ корову, на силу домой доѣхалъ; старуха стала доить, молока

вовсе нѣтъ. Тогда старикъ сказалъ: „Сорока обманула меня, худую корову подарила, только до времени была годна“. Поймалъ онъ сороку, хочетъ убить. Сорока дала ему Атбашъ Ертене (драгоценность—конская голова). Что ни попроситъ старикъ у Ертене, которую онъ поставилъ въ своей юртѣ на мѣстѣ бурхана, все дастъ Ертене: вино, молоко, хумысь, лошадь куда съѣздитъ. Вздумалъ онъ опять поѣхать къ хану въ гости, попросилъ у Ертене лошадь; явилась лошадь. Онъ осѣдлалъ ее, Ертене привязалъ къ сѣдлу, поѣхалъ. Оставивъ Ертене въ торокахъ у сѣдла, самъ вошелъ къ хану. Ханъ угостилъ его, вышелъ изъ юрты, и увидѣвъ Ертене, сказалъ: „Тамъ валяются лошадиныя черепа, одинъ изъ нихъ принесите и привяжите старику въ торока, а этотъ спрячьте ко мнѣ“. И вошелъ въ юрту. Старикъ уѣхалъ домой, поставилъ лошадиный черепъ на мѣсто бурхана. Захотѣлъ ѣсть, попросилъ—нѣтъ ничего; чего ни попроситъ—ни что не является, какъ прежде. Онъ разбилъ черепъ, пошелъ снова, поймалъ сороку, и сказалъ: „Давай третій подарокъ“. Сорока дала ему темиръ-мына (мына — деревянный пестъ, которымъ толкутъ ячмень въ ступѣ; темиръ мына — желѣзный пестъ). „Что я буду дѣлать имъ?“ спросилъ старикъ. „Если захочешь дичь убить, прицѣлься — убьешь“. Сталъ старикъ охотиться съ желѣзнымъ пестомъ. Поѣхалъ снова къ хану; увидѣли люди, сказали хану, что старикъ ѣдетъ съ желѣзнымъ пестомъ, должно быть, мстить ѣдетъ. Ханъ велѣлъ отнять у старика пестъ, но пестъ началъ бить, людей и убилъ многихъ, убилъ самого хана и его женъ и дѣтей. Взялъ старикъ свою корову, Атбашъ Ертене и весь скотъ и народъ хана. Сталъ богатъ и говорить женѣ: „Иди, поймай темиръ мына“. Та пошла ловить, но пестъ убилъ старуху; старикъ послалъ людей, пестъ прибилъ всѣхъ людей; самъ пошелъ, пестъ и его убилъ.

(Бюргутъ, Тува Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

96. Лунатизмъ.

Монголы думаютъ, что душа оставляетъ тѣло и бродить, а тѣло ходитъ за нею слѣдомъ. Двое спали; одинъ изъ нихъ проснулся и видитъ, что душа его товарища вышла изъ рта въ видѣ крошечнаго краснаго паучка (аальджин), который живетъ подъ камнями; паучокъ проползъ подъ траву „цаганъ-дерису“; проснув-

шійся товарищъ кинулъ въ паучка песчинкой, а между тѣмъ слюной намазалъ ротъ товарищу. Испуганный паучокъ пустился бѣжать, хотѣлъ попасть въ ротъ, попалъ въ слюну, долго барахтался и ушелъ въ носъ. Тогда наблюдавшій все это разбудилъ товарища и спросилъ: что онъ видѣлъ во снѣ. Тотъ сказалъ, что онъ очутился въ высокомъ лѣсу, тамъ онъ нашелъ огромныя глыбы золота и серебра (это были песчинки золота и серебра), но какой-то охотникъ выстрѣлилъ въ него, и онъ бѣжалъ, на дорогѣ упалъ въ море и чуть не утонулъ.

(Сарисмынь, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

97. Три товарища.

Тузь уль, Чаазунъ уль и Енги уль, то-есть, соль-молодецъ, бумага-молодецъ и кость-молодецъ, жили въ одной юртѣ (ал); на дворѣ залаяли собаки; Чаазынъ уль, какъ былъ старше другихъ, велѣлъ Енги улу выйти посмотреть; собаки подхватили его и унесли. Чаазынъ уль выслалъ Тузь ула посмотреть, куда дѣвался Енги уль. Тузь уль вышелъ — пошелъ дождь, и онъ растаялъ. Вышелъ самъ Чаазынъ уль, поднялся вѣтеръ, подхватилъ его и унесъ.

(Бюргутъ, Тува Урянхаецъ, кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

98. Заячи.

Одинъ человѣкъ былъ сильно бѣденъ, ничего у него не было. Пошелъ онъ къ мергенъ-ламп (ученому) и проситъ его научить разбогатѣть. Лама сказалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, а пусть онъ попроситъ своего заячи. Вышелъ бѣднякъ на дорогу, по которой шли заячи. Ёдетъ одинъ заячи въ шелковой красной шубѣ на отличной лошади; бѣднякъ схватилъ его, давалъ бить и таскать и приговаривать: „Ты мой заячи! самъ въ шелковой шубѣ, а меня держишь въ бѣдности“. Тотъ кричитъ: „Я не твой заячи, я другаго“. Бѣднякъ отпустилъ его. Видитъ—ѣдетъ другой такой же богатый заячи. Онъ принялся того бить, но тотъ также закричалъ, что онъ не его, а другаго человѣка заячи. Отпустивъ этого, видитъ—ѣдетъ третій: и съ тѣмъ то же. Много богатыхъ заячи проѣхало, но все чужіе. На послѣдокъ тащится на худой

клячѣ весь оборванный бѣдный заячи. „Не ты ли мой заячи?“ спрашиваетъ его бѣдный человѣкъ. „Я“, отвѣчаетъ тотъ. „А, такъ ты и самъ на клячѣ въ оборванной шубѣ ѣздишь, и меня въ томъ же видѣ держишь!“ сталъ упрекать его бѣднякъ. „Ты самъ виноватъ“, сказалъ заячи;— „ты воровалъ, плутовалъ, ничего не пажилъ; оттого у тебя ничего и нѣтъ, да и я по твоей милости въ такомъ видѣ“. Бѣднякъ началъ просить его научить, какъ побогачѣть. Заячи сказалъ: „Гдѣ ни какъ добудь верблюда, убей его, шкуру его набей сухою травой, зашей и внеси на гору“. Когда заячи собрались всѣ къ Богу, заячи бѣдняка крикнулъ: „Посмотрите какой силачъ, верблюда на себѣ несетъ на гору“. Всѣ боги и заячи, засѣдавшіе въ собраніи, взглянули въ ту сторону. Въ то же мгновеніе у бѣдняка стало множество скота. Скоро скотъ такъ расплодился, что старикъ одинъ управиться съ нимъ не можетъ, а нанять пастуховъ не хочетъ; не добрая дума была у него; думалъ, что воровать и наживаться около него стануть. Онъ опять къ мѣргенъ-ламѣ и говоритъ: „Скота у меня слишкомъ много, не управлюсь; воры разворовываютъ, волки тащутъ. Убавь, сдѣлай въ мѣру“. Лама ему въ отвѣтъ: „Вѣдь у тебя скота не убываетъ, съ тебя хватить, пусть воры воруютъ и волки тащутъ; имъ тоже ѣсть нужно“. „Да вѣдь скотъ-то мой“, вскричалъ бывшій бѣднякъ;— „развѣ мнѣ его не жалко?“ Тогда мѣргенъ-лама научилъ его, что дѣлать: „Выноси семь дней золу изъ юрты на югъ, отвори семь дней дверь корытомъ (тебиш) и ковшомъ (шинг) и семь разъ ударь собаку пазникомъ (уль)¹⁾. Онъ такъ и сдѣлалъ, и у него ничего не осталось; снова сталъ бѣднякомъ, какъ былъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

99. Бектеръ Джанджинъ.

а. Пекиномъ управлялъ умный амбанъ Бектеръ Джанджинъ. Въ это время одинъ Китаецъ сказалъ своей женѣ: „Я пойду на годъ въ работу и заработаю денегъ“. Ушелъ и пробылъ годъ; заработалъ 50 ланъ; пришедши домой, не сказавъ женѣ, положилъ ихъ подъ бурхину надъ воротами. Прийдя къ женѣ вечеромъ, онъ

¹⁾ Все это у Дюрбютовъ запрещается дѣлать.

спросилъ: каково она жила, а она его: принесъ ли что. Китаецъ сказалъ, что онъ принесъ 50 ланъ и положилъ подъ бурхиномъ надъ воротами. Воръ Мечи Хуаръ подслушалъ разговоръ и вынулъ серебро. На завтра Китаецъ, не найдя денегъ, пожаловался амбаню Бектеръ Джанджину. Амбанъ велѣлъ собрать весь народъ и предъ сборище принести также и бурхина. Амбанъ сказалъ бурхину: „Покажи, кто изъ народа взялъ изъ-подъ тебя деньги“. Мечи Хуаръ началъ прятаться. Хотя Бектеръ Джанджинъ и не видѣлъ этого, онъ все-таки закричалъ: „Ловите его, ловите!“ Мечи Хуаръ побѣжалъ; его поймали, привели къ Джанджину, и онъ повинился.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Этотъ умный и честный амбанъ три года правилъ Пекиномъ; другіе амбаны грабили народъ и досадовали, что Бектеръ-Джанджинъ ставитъ имъ въ укоръ. Проправивъ три года, Бектеръ-Джанджинъ обратился къ Едзень-хану съ просьбой отпустить его домой, потому что ему захотѣлось посмотрѣть свою родину. Ханъ отпустилъ его. Три года прослуживъ, честный Бектеръ-Джанджинъ ничего не пажилъ; онъ велѣлъ однако завьючить 50 досы (муловъ) ящиками, наполненными кирпичами (той-цу); когда онъ выѣхалъ, другіе амбаны донесли хану, что прослывшій честнымъ Бектеръ-Джанджинъ вывезъ на пятидесяти мулахъ серебра. Ханъ велѣлъ вернуть Бектера съ его грузомъ. Бектеръ возвратился въ Пекинъ; торжествующіе враги Бектера говорятъ ему: „Вотъ говорили, что ты былъ честенъ и не нажилъ богатства; а что же ты везешь въ ящикахъ такое тяжелое, какъ не серебро“. „Дѣйствительно“, сказалъ Бектеръ,— „я съ народа ничего не бралъ, но стыдно уѣзжать изъ Пекина, прослуживъ у Едзень-хана амбанемъ три года безо всего; что народъ скажетъ объ амбанѣ, который ничего у Едзень хана не выслужилъ? Поэтому я велѣлъ нагрузить ящики кирпичами“. „Это твои выдумки, чтобы только отклонить осмотръ ящиковъ“, сказали обвинители. Тогда Бектеръ сказалъ: „Если въ ящикахъ все серебро, то пусть оно будетъ ваше; если окажется, что въ ящикахъ все кирпичи, то вы должны будете наполнить ихъ серебромъ; согласны ли вы?“ Амбаны такъ вѣрили въ то, что въ ящикахъ было серебро, что согласились. Вскрыли ящики, и Едзень-ханъ приказалъ обвинителямъ наполнить ихъ своимъ сереб-

ромъ. Бэктеръ-Джанджинъ отправился на родину съ ящиками, нагруженными серебромъ, на 50 мулахъ.

Хубилганъ Бэктеръ-Джанджина есть Цаганъ Эбугенъ.

(Онъ же).

100. Ерень чэчэнъ и Яра чэчэнъ.

Ерень чэчэнъ вздумалъ женить сына и поѣхалъ искать умную невѣсту, потому что сынъ былъ глуповатый. Ѣдетъ дорогой и видитъ—дѣвцы идутъ съ дровами; пошелъ дождь; всѣ дѣвцы положили свои пучки и сѣли на нихъ; одна спjala съ себя платье, открыла имъ дрова и сѣла сверху нагая; руки сложила не тамъ, гдѣ бы другая ихъ держала, а прикрыла имъ груди. „Зачѣмъ ты“, спрашиваетъ Ерень Чэчэнъ,—„прикрыла дрова своимъ платьемъ, а сама сидишь нагая и прикрываешь то, что не надо, а что прикрыть надо, держишь открыто?“ „Мои родители старые“, отвѣчала дѣвица;—„прийдя домой, я должна буду тотчасъ же развести огонь, чтобъ обогрѣть ихъ; дрова у меня тотчасъ разгорятся, потому что будутъ сухие, не подмоченные. Открытое мѣсто у меня видѣли отецъ и мать, а груди никто не видалъ“. Ерень Чэчэнъ подумалъ: „Она это умно говоритъ“. И взялъ ее за своего сына. Его начальникъ, Яра Чэчэнъ, узнавъ, что у Ерень-Чэчэна такая хорошая сноха, захотѣлъ отобрать ее. Онъ призвалъ Ерень-Чэчэна и велѣлъ ему сдѣлать сапоги изъ камня: „Иначе“, говоритъ,—„казню“. Запечалился Ерень-Чэчэнъ, пришелъ домой, рассказываетъ снохѣ. Сноха говоритъ: „Не печалься, сиди дома“. Сама на другой день въ назначенное время плетъ на дорогу. Яра-Чэчэнъ ѣдетъ за каменными сапогами и видитъ сноху Ерень-Чэчэна, сидитъ у дороги и собираетъ песокъ въ кучу. Яра-Чэчэнъ спросилъ ее: зачѣмъ она это дѣлаетъ? „Ерень-Чэчэнъ велѣлъ свить веревку“, отвѣчала женщина. „Развѣ можно веревку свить изъ песка?“ возразилъ Ерень-Чэчэнъ. „А развѣ можно шить сапоги изъ камня?“ Яра-Чэчэнъ покраснѣлъ и вернулся домой. Потомъ Яра-Чэчэнъ даетъ Ерень-чэчэну быка и говоритъ: „Уведи его къ себѣ; я буду къ тебѣ черезъ три дня; чтобы къ моему приѣзду быкъ принесъ бы теленка, и ты угостишь бы меня молокомъ отъ быка“. Ерень-Чэчэнъ идетъ домой и плачетъ. „О чемъ ты плачешь?“ спрашиваетъ сноха. Ерень-Чэчэнъ говоритъ, что

Яра-Чэчэнъ далъ ему быка и велѣлъ, чтобъ этотъ быкъ принесъ теленка. „О чемъ тутъ плакать?“ говоритъ сноха;—„отдай быка на мои руки, принесетъ онъ теленка“. Сноха вышла на дорогу, по которой долженъ былъ ѣхать Яра-Чэчэнъ, рветъ траву и складываетъ въ кучу. Яра-Чэчэнъ, увидѣвъ ее и говоритъ: „Езень! Зачѣмъ рвешь траву?“ Женщина ему въ отвѣтъ: „Свежоръ родитъ ребенка, такъ надо травы подослать“. „Развѣ мужчина можетъ родить?“ „А развѣ быкъ можетъ телиться?“ Яра-Чэчэнъ со стыдомъ воротился. Потомъ Яра-Чэчэнъ снова призываетъ Ерень-Чэчэна и велитъ ему прибыть къ себѣ ни въ рубахѣ, ни нагишомъ, ни на лошади, ни пѣшкомъ, ни дорогой, ни безъ дороги, и чтобы ни въ юрту вошелъ, ни за юртой остался. Сноха опять научила Ерень-Чэчэна, какъ выпутаться изъ бѣды; она научила его надѣть на себя сѣть, сѣсть верхомъ на палку, идти хребтикомъ между бороздами дороги и въ дверяхъ одну ногу оставить снаружи порога, другую за порогомъ. Яра-Чэчэнъ смотритъ на него: нагишомъ нельзя сказать, да и въ рубахѣ нельзя—тѣло видно; нельзя сказать также, что пѣшкомъ онъ пришелъ, да и на лошади сказать нельзя. Яра-Чэчэнъ велѣлъ вырыть яму и бросить въ нее Ерень-Чэчэна, а къ его сыну послалъ семь пословъ. Ерень-Чэчэнъ пишетъ съ нимъ письмо: „Лежу на шести слояхъ бѣлаго шелку, покрываюсь семью шелковыми одеялами, играю въ шашки, пью сладкое свѣтлое вино. Дома у меня есть семь барановъ, шесть убейте, седьмому выколите глаза, изломайте руку и пришлите сюда. Это письмо разберетъ моя сноха“. Письмо перехватилъ Яра-Чэчэнъ, но ничего не понялъ. „Ладно написано“, сказалъ онъ;—„видно хочетъ поддаться“. Семь пословъ принесли письмо сыну Ерень-Чэчэна; тотъ прочелъ и говоритъ: „Моему отцу хорошо живется у Яра-Чэчэна“. Сноха ему на это: „Дуракъ, ничего ты не понялъ; сладкое вино это слезы, бѣлый шелкъ это снѣгъ, шашки это звѣзды. Семь барановъ это семь пословъ. Ерень-Чэчэнъ велитъ шесть пословъ убить, а седьмому выколоть глаза“. Сынъ Ерень-Чэчэна такъ и сдѣлалъ. Затѣмъ сноха собрала своихъ людей и велѣла окривѣвшему послу вести себя къ Яра-Чэчэну; ночью ея люди нечаянно окружили Яра-Чэчэна, убили его, и Ерень-Чэчэнъ на мѣсто его сдѣлался начальникомъ.

(Свящ. Мих. Чивалковъ, родомъ Телеутъ. С. Улала).

101. Джиренше шешенъ и Алдаръ-косу.

Однажды дѣвушки пошли собирать дрова; пошелъ дождь; дѣвицы побросали свои дрова и убѣжали въ юрты; одна только дочь Алдаръ-косу осталась въ полѣ, прикрыла подоломъ свою вязанку караганы и сидитъ. Ёхалъ Джиренше-шешенъ и спросилъ ее: почему, когда другія убѣжали, она осталась подъ дождемъ и сама мокнетъ, а дрова спрятала подъ подолъ. Дѣвушка отвѣчала: „Хотя меня и замочитъ дождемъ, я прииду домой съ сухими дровами, зажгу огонь и скоро высохну и обогрѣюсь“. Джиренше-шешенъ не спросилъ ея имени; потомъ, вздумавъ женить своего сына, хотѣлъ отыскать эту умницу, но не зналъ, какъ спрашивать. Онъ взялъ своего сына, поѣхалъ по городамъ и въ каждомъ городѣ бьетъ его. Когда его спрашивали, за что онъ бьетъ сына, Джиренше-шешенъ отвѣчалъ: „За то его бью, что онъ все дѣлаетъ такъ, какъ ему скажешь“. Всѣ удивляются глупому отцу. Одна только дочь Алдаръ-косу сказала: „И бей его; его нужно бить, пока онъ не начнетъ поступать по своему разуму“. Тогда Джиренше-шешенъ угадалъ, что это та самая, которую онъ ищетъ, и взялъ ее замужъ за своего сына.

Джиренше-шешенъ былъ въ одномъ собраніи, гдѣ говорили, что Алдаръ-косу—самый умный человѣкъ; что нѣтъ человѣка котораго онъ не могъ бы обмануть. Джиренше-шешенъ, не встрѣчавшійся еще съ Алдаромъ-Косе, сказалъ: „Можетъ быть, онъ и обманываетъ людей простоватыхъ, но человѣка съ прямымъ умомъ не обманетъ; меня обмануть ему не удастся“. „Испробуй на себѣ его искусство“, сказали Джиренше-шешену, и онъ поѣхалъ. Алдаръ-косу предупредили, что ѣдетъ Джиренше-шешенъ съ умысломъ помѣряться съ нимъ умомъ. Алдаръ-косу оставилъ свою юрту, уѣхалъ въ горы и тамъ около одной сопки ходитъ пѣшкомъ то вправо, то влѣво, то впередъ, то назадъ. Джиренше-шешенъ спрашиваетъ: „Что дѣлаешь?“ Алдаръ-косу отвѣчаетъ: „Вотъ ханъ поручилъ мнѣ мудреное дѣло—измѣрять, гдѣ середина земли; между тѣмъ шагами мѣрять трудно, шаги неровные бываютъ, а палка мѣрная осталась въ юртѣ, идти за нею тяжело“. Джиренше-шешенъ говоритъ: „Возьми мою лошадь и съѣзди за палкой“. „Хорошо“, сказалъ Алдаръ-косу. Сѣлъ онъ на лошадь Джиренше-шешена и

сказалъ ему: „Эй, Джиренше-шешенъ, поговорку: „джердын ортасы кок тюбз“¹⁾ слышалъ ли? (И теперь Киргизы говорятъ эту поговорку, когда кто кого проведетъ).

Алдаръ-косу и шайтанъ отправились на охоту и вмѣстѣ убили звѣря. По киргизскому обычаю, добыча принадлежитъ тому, кто изъ охотниковъ старше. „Кто изъ насъ старше?“ спрашиваетъ Алдаръ-косу у шайтана. „Тебѣ сколько лѣтъ?“ Шайтанъ сказалъ: „Когда Богъ создавалъ свѣтъ, мнѣ было семь лѣтъ“. Давай же Алдаръ-косу плакать. „О чемъ ты плачешь?“ спрашиваетъ шайтанъ. „У меня сынъ родился въ тотъ самый годъ, какъ и ты! Онъ былъ бы такой же большой, какъ и ты, еслибъ не умеръ! Какъ мнѣ не плакать!“ Шайтанъ повѣрилъ и добычу взялъ Алдаръ-косу.

(Записано у Киргизовъ Баянаульск. округа).

102. Умная жена и глупый мужъ.

Одна женщина имѣла глупаго сына. Разъ она подумала: „Дай узнаю, есть ли въ городѣ человѣкъ глупѣ моего сына“. Съ этою цѣлью она послала его въ городъ продать овцу за двѣнадцать чашекъ муки и чтобы овцу назадъ привезти, завьучивъ ее купленною мукой. Дуракъ ходитъ по городу, но кому ни скажетъ о странномъ условіи, всякій расхохочется и отойдетъ отъ него. Одна женщина увидала его изъ воротъ, подозвала, и узнавъ о цѣнѣ, остригла овцу, взяла себѣ шерсть и заплатила за нее двѣнадцать чашекъ муки. Дуракъ пришелъ домой и съ мукой, и съ овцой. Мать подумала: „Должно быть это умная женщина; возьму ее замужъ за своего сына“. И взяла. То была бѣдная женщина и привела только чернаго быка. Надоѣло ей жить съ глупымъ мужемъ, послала она его въ городъ продать быка ни больше, ни меньше, какъ за 50 ланъ серебра. Дураку давали въ городѣ и болѣе, и менѣе, но онъ не отдалъ быка. Одинъ Китаецъ согласился дать ему пятьдесятъ ланъ и взять быка. „А гдѣ же деньги?“ спрашиваетъ дуракъ. „За ними приди послѣ“, сказалъ Китаецъ;—„домъ мой ты узнаешь по слѣдующимъ примѣтамъ: на верху два лу, на западной сторонѣ два льва, съ западной стороны течетъ рѣкой бѣлое масло, съ восточной жел-

¹⁾ То-есть: середина земли—синяя сопка.

тое масло; когда Бала-аяка ¹⁾ наполнится, тогда приходи за получкой". Дуракъ передалъ женѣ слова Китайца. Жена перевела: „Два лу это двѣ трубы на домѣ; два льва—два жернова на мельницѣ; бѣлое масло—ткуть бѣлую дабу; желтое масло—ткуть красную дабу. Бала-аяка—это мѣсяцъ. Въ полную луну иди къ нему". Въ срокъ дуракъ пришелъ къ Китайцу за деньгами. Тотъ спросилъ: „Самъ ли ты разгадалъ мои загадки или кто другой?" Дуракъ сказалъ, что ему разгадала жена. Китаецъ подумалъ: „Зачѣмъ умная жена за такимъ дуракомъ. Надо ее отобрать". Онъ отдалъ 50 ланъ и при этомъ женѣ дурака послалъ подарокъ—въ одномъ свертѣ конскій аргаль (визякъ, сухой коровій пометъ), въ другомъ черныи сахаръ и леденецъ. Жена угадала; смыслъ загадки былъ такой: „Твой мужъ аргаль пусть отдѣльно живетъ, а мы вдвоемъ два сахара вмѣстѣ". Она убѣждала къ Китайцу. Тогда дуракъ, проживъ 50 ланъ, пришелъ къ Китайцу, и разказавъ свое горе, что у него жена бѣжала, и что онъ голоденъ, сталъ просить у него ѣсть. Китаецъ пожалѣлъ его и велѣлъ ему, надѣвъ на себя два сѣдла и два потника, подкладываемыхъ подъ сѣдла, пройти на четверенькахъ по городу и слѣдить, кто его увидитъ. Дуракъ прошелся по городу и вернулся къ Китайцу. „Что, видѣли тебя люди?" спросилъ Китаецъ. „Многіе видѣли, смѣялись". „А жена твоя видѣла?" „Она также выглянула въ ворота". „Ну, теперь ступай домой; она дома. Отдай ей эти пять ланъ". Дуракъ вернулся домой и тамъ нашелъ свою жену; она поняла, что два сѣдла значили—живите вмѣстѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Китаецъ все-таки послалъ ей пять ланъ серебра, что значило, что онъ—сынъ амбана, получающій жалованье серебромъ. Это былъ знакъ, что Китаецъ все-таки не бросаетъ мысль взять ее замужъ. Она завернула серебро въ длинный, длинный хадакъ и вновь отослала къ Китайцу. Китаецъ понялъ, что она согласна выйти за него, что она прійдетъ къ нему (хадакъ означалъ дорогу), но просить отсрочки. Отецъ Китайца умеръ, сынъ сдѣлался амбанемъ на мѣсто отца, женился на этой женщинѣ, а мужа сдѣлалъ помощникомъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

¹⁾ Аяка—чашка.

103. Два царя, боязливый и бойкій.

Было два хана, одинъ боязливый, другой бойкій; послѣдній—по прозванію Чеченъ ханъ. Бойкій ханъ захвастался, что онъ ничего не боится, даже самаго солнца. Боязливый ханъ сказалъ ему, что впередъ нельзя такъ самонадѣянно говорить. Поспорили и побились объ закладъ. Боязливый ханъ велѣлъ приготовить угощеніе Чеченъ-хану; поставилъ передъ нимъ разныя блюда и сласти; самъ вышелъ на улицу, и увидѣвъ тамъ множество дѣтей, впустилъ ихъ въ домъ, гдѣ сидѣлъ Чеченъ-ханъ. Дѣти вошли, набросились на сласти, все разтащили и перебили; Чеченъ-ханъ устранился этаго нашествія, и когда вошелъ другой ханъ, почувствовалъ себя пристыженнымъ.

(Таранъ, Теленгитъ, Р. Чуя).

104. Байгусъ.

Ханъ-Сулейманъ женился на царской дочери и спросилъ ее однажды: довольна ли она имъ. Она сказала, что довольна, по что ей не достаетъ только одного: дворца изъ птичьихъ костей. Тогда ханъ Сулейманъ рѣшается построить дворецъ и велѣлъ собрать всѣхъ птицъ; байгусъ не явился. Ханъ велѣлъ ястребу привести его силой на ремнѣ, продернувъ его въ носъ. Ястребъ прокололъ байгусу носъ и привелъ. Ханъ спросилъ байгуса: отчего онъ не шелъ ранѣе. Байгусъ отвѣчалъ, что онъ былъ занятъ дѣломъ: считалъ — кого больше: умершихъ или живыхъ, мужчинъ или женщинъ? „Кого же больше?" спросилъ Сулейманъ. „Умершихъ больше, чѣмъ живыхъ" отвѣчалъ Байгусъ, — „потому что я считалъ и тѣхъ за мертвыхъ, кто рано ложится спать и поздно встаетъ; и женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, потому что я считалъ за женщинъ и тѣхъ мужчинъ, которые слушаются совѣтовъ женщинъ". Сулейманъ понялъ отвѣтъ байгуса и отпустилъ птицъ.

(Записано у Киргизъ Баянаульск. окр.).

105. Предки скота.

Есть у Киргизовъ обычай молиться о здоровьѣ скота святымъ, покровителямъ особыхъ породъ. Напримѣръ, даютъ сто рублей

бѣдняку и просить его молиться о верблюдахъ даващаго деньги святому Ойсъ-кара (Киргизы будто бы по незнанію произносятъ Ойсулъ-кара). О коровахъ молятся святому Зенгъ-баба, объ овцахъ святому Чопанъ-ата, о лошадяхъ святому Джилкышъ-ата. Прежде женщины о животныхъ говорили не иначе, какъ „дѣти Чопанъ-аты“ вмѣсто бараны, „дѣти Ойсулъ-кары“ вмѣсто верблюды. (Тамъ же).

106. Алаша ханъ.

Уранъ всего Киргизскаго народа есть: Алашъ! Съ этимъ крикомъ киргизскіе витязи всегда ходили въ атаку. Есть выраженіе: Алаша-ханъ ёшу хан аксак кулан шошиган, то-есть: „Алашаханъ . . . (?) хромоу куланъ (дикій осель) испугался“. Объяснительной легенды мнѣ не передали. Другое выраженіе: алаш алаш булганда, алаша ханбулган да, то-есть: во время (повѣтрія) „алашъ“, во время хана Алаша. Есть болѣзнь „алаша“, заключающаяся въ появленіи пятенъ на тѣлѣ. Хотя ни ранъ, ни боли нѣтъ, но болѣзнь не излѣчима, и такихъ людей отдѣляли. У хана заболѣлъ сынъ этою болѣзнью, и отецъ держалъ его при себѣ; народъ началъ говорить: „Почему у простонародья больныхъ отдѣляютъ, а у хана нѣтъ“. Тогда ханъ отдѣлилъ сына, придавъ ему сто человѣкъ свиты. Когда сынъ прощался съ матерью, та дала ему еще сто человѣкъ; бабушка (мать отца) еще сто. Вотъ эти-то три сотни и образовали Киргизскій народъ. (Тамъ же).

107. Долонъ Хобдонъ.

Въ давнишнее благое время одинъ молодой богатый юноша поѣхалъ къ тестю въ гости. На пути онъ увидѣлъ семь стариковъ (хобдоковъ), которые варили себѣ мясо. Юноша, увидѣвъ ихъ огонь, слѣзъ съ своего коня, не поздоровавшись съ ними, закурилъ трубку отъ ихняго огня, потомъ сѣлъ на коня и поѣхалъ было дальше; тогда одинъ изъ семи стариковъ сказалъ ему: „Юноша, когда кто-либо съ кѣмъ увидится, неужели не поздоровается? Ты не поздоровавшись, закурилъ отъ нашего огня трубку, это еще ничего; ты развѣ не знаешь бурятскую пословицу: отъ сваренаго поѣшь, отъ старика послушай совѣту“. Тогда юноша сказалъ старику: „Вѣрно, вѣрно, старички, извините, причиною моей оплошно-

сти 15-ти лѣтняя неопытность и 25-ти лѣтняя безпечность“. Сказавъ это, юноша слѣзъ съ коня, и отъ свареной ихъ пищи попробовавъ, ихъ совѣту послушавъ, поѣхалъ дальше. На пути молодому человѣку захотѣлось спѣть пѣсенку; когда онъ затянулъ ее, то у него запѣли глаза, уши, поздри; юноша испугался и удивился этому. Доѣхавъ до своего тестя, онъ, не сказавъ ни одного слова, напился у него чаю и возвратился домой. Пріѣхавъ домой, не поговоривъ съ женою своею, онъ поѣхалъ пасти свой табунъ; день пасеть, два пасеть и недѣлю пасеть, не возвращается домой. Тогда жена сказала сама себѣ: „Что такое значить, что мужъ мой, возвратившись изъ гостей отъ своего тестя, а отъ моего отца, не сказавъ мнѣ ни одного слова, уѣхалъ пасти табунъ и до сихъ поръ не возвращается? Это что-нибудь да значить“. Сказавъ это, она велѣла осѣлать себѣ коня и поѣхала съ однимъ товарищемъ разыскивать своего мужа; увидѣвъ его, поймала и привезла домой. Спрашиваетъ: „Что съ тобою, почему ты сталъ бѣгать изъ дому своего, какъ пріѣхалъ изъ гостей отъ моего отца?“ Мужъ молчитъ. Жена продолжаетъ допрашивать. Наконецъ, онъ вышелъ изъ терпѣнія и началъ говорить въ семь отверстій, то-есть, ушами, глазами, поздрами и языкомъ. Тогда жена узнала въ чемъ дѣло и побранила за то, что долго не сказывалъ. Потомъ сказала ему: „Завтра утромъ я разбужу мальчишку-пастуха овецъ, чтобъ онъ разводилъ огонь въ юртѣ; когда онъ нагнется и станетъ раздувать головню, тогда ты перескочи черезъ него“. Мужъ такъ и сдѣлалъ. Болѣзнь ея мужа перешла на мальчику; тогда эта женщина велѣла мальчику, когда онъ пойдетъ пасти овецъ, перешагнуть черезъ козла-ямана, а потомъ привязать его на волчій слѣдъ; мальчикъ такъ и сдѣлалъ. Волкъ, пришедши, съѣлъ этого козла и съ тѣхъ поръ стали пѣть на семь голосовъ, а мальчикъ вылѣчился.

(Записано по памяти свящ. о. Я. Чистохинымъ, природнымъ Забайкальскимъ Бурятомъ).

108. Демичи-Еренъ.

У Акъ-бія ¹⁾ былъ сынъ Демичи-Еренъ; у него былъ рыжій конь, на которомъ онъ ѣздилъ на охоту. Много лѣтъ онъ былъ

¹⁾ Акъ-біи — бѣлый князь.

охотникомъ, и когда опомнился, его волосы были сѣды. Наконецъ, онъ вспомнилъ о домѣ и воротился. Когда онъ пріѣхалъ домой, то нашелъ слѣдъ около Алтынъ-ту (золотой горы). „Что это значитъ?“ подумалъ онъ;— „никогда здѣсь птица не летала, а теперь богатырь побывалъ“. Осмотрѣвъ слѣдъ, онъ сѣлъ за столъ. Жена и дочь подаютъ кушанья; онъ не ѣстъ и спрашиваетъ: „Отчего около горы, гдѣ птица не летала, слѣдъ богатыря лежитъ?“ Жена говоритъ, что это слѣдъ дочери; она ѣздила. Дочь начала утѣшать отца и пѣть пѣсни. Отецъ принялъ пищу. Тогда на конювязь прилетѣлъ бѣлый воронъ (акъ - кусунъ). Демичи-Еренъ взялъ ружье и застрѣлилъ его. Дочь побѣжала и принесла убитого; у ворона оказалась надпись: „Домъ находится безъ хозяина, женщина безъ мужа“. Это была надпись сына неба Чахыръ-Саяна, который хотѣлъ жениться на дочери Демичи-Ерена. Онъ спустился съ неба, убилъ Демичи-Ерена, а жену и дочь его, а также и все его имѣніе, взялъ себѣ. Когда они поднимались на небо, жена спросила Чахыръ-Саяна: „Когда ты убивалъ мужа, срѣзалъ ли ты родимое пятно надъ его бровью“. „Нѣтъ—убить, убилъ, а родимое пятно не срѣзалъ“, отвѣчалъ Чахыръ-Саянъ. Убивъ Демичи-Саяна, Чахыръ-Саянъ поѣхалъ на его конѣ; въ пути лошадь пропала. У ней также было родимое пятнышко. Жена Демичи-Ерена сказала Чахыръ-Саяну: „Ты какъ у моего мужа не срѣзалъ родимаго пятнышка, такъ не срѣзалъ и у коня; тебѣ счастья не будетъ“. Когда она сказала ему это, Чахыръ-Саянъ воротился къ коню срѣзать пятно, но коня уже не было. Лошадь ожива и побѣжала къ Демичи-Ерену; она не могла оживить своего хозяина и прибѣжала къ его матери; та сказала коню: „Ступай на небо къ Чахыръ-Саяну, у него есть двѣ сестры: если старшая будетъ тебя ловить, не давайся, если младшая, то дайся“. Такъ и было. Лошадь далась младшей сестрѣ; она осѣдлала ее и поскакала. Лошадь понравилась ей; она сказала: „Это мое счастье, это моя лошадь!“ Потомъ лошадь привезла дѣвицу къ своему хозяину Демичи-Ерену и просила оживить его. „Хорошо“, сказала сестра Чахыръ-Саяна;— „только потомъ вповѣ отвези меня на небо“. Тогда она оживила Демичи-Ерена. У Демичи-Ерена было семь собакъ; онѣ были также похищены. Демичи-Еренъ сказалъ дѣвицѣ: „Выкрадъ у брата моихъ семь собакъ, тогда я возвращу тебя на небо“. Дѣвица обѣщала. Тогда ее посадили

на лошадь, и она была отвезена на небо, а Демичи-Еренъ остался дома. Когда дѣвица поднималась на небо, она увидѣла утку и просила отпустить семь сабаекъ. Утка помогла отпустить собакъ; онѣ пустились бѣжать. Тогда Чахыръ-Саянъ погнался за собаками. Лошадь Демичи-Ерена успѣла прискакать впередъ. Чахыръ-Саянъ и Демичи-Еренъ съѣхались и начали бороться. Они боролись семь лѣтъ, но ни тотъ, ни другой не могъ взять верхъ. Тогда они помирились, и Чахыръ-Саянъ возвратилъ Демичи-Ерену его жену, дочь и имѣніе.

(Записано г. Ядринцевымъ у Черневыхъ Татаръ).

109. Каратты-ханъ.

Каратты ханъ былъ старъ и бездѣтенъ; у него была тайга (высокая снѣжная гора) и желтое море (Сары-Далай). Разъ онъ пошелъ на тайгу, услышалъ громъ, испугался и прибѣжалъ домой. На золотой престолъ къ нему упало золотое письмо отъ Кара-Гулы, который грозилъ войной. Каратты ханъ написалъ Кара-Гулѣ такой отвѣтъ: „Я сталъ старъ и неспособенъ воевать; видно мой народъ будетъ твоимъ!“ Самъ взошелъ на тайгу заплакалъ и сказалъ: „Нѣтъ у меня сына, который заступился бы за меня“. Вернувшись домой, онъ нашелъ, что его жена въ его отсутствіе родила сына. Каратты ханъ отнесъ его на тайгу и тамъ спряталъ подъ корни березы. Когда онъ вернулся, у него въ юртѣ уже сидѣлъ Кара Гула. Онъ сурово спросилъ Каратты хана: „Говори скорѣе, или будешь воевать или идешь въ подданство?“ Каратты Ханъ пошелъ въ подданство; Кара Гула увелъ его со всѣмъ народомъ, и Каратты ханъ побѣднѣлъ. Одна сѣрая лошадь и пять козловъ (ичкэ) убѣжали назадъ; Кара Гула не могъ ихъ догнать. На старомъ мѣстѣ остались старики и старуха; однажды старики говорятъ своей женѣ: „Гдѣ-то спрятанъ сынъ Каратты-хана, надо его поискать“. Старики пошелъ на тайгу, нашелъ ребенка и принесъ домой, а между тѣмъ прибѣжала лошадь и пять козлухъ; молокомъ послѣднихъ старики стали кормить ребенка. Пришли къ старику семь волковъ и стали просить отдать имъ или ребенка, или единственную бывшую у нихъ корову. Старики хотѣлъ отдать корову, но мальчикъ уговорилъ старика отдать его; онъ былъ отданъ волкамъ; тотчасъ же онъ убилъ ихъ

всѣхъ одною стрѣлой и изъ шкуръ ихъ спилъ себѣ одну рукавицу. Послѣ того сынъ Каратты хана сталъ доспрашивать у стариковъ: кто его отецъ. Когда ему сказали, что отецъ его Каратты ханъ, увиденный въ плѣнъ Кара-Гулой, юноша рѣшился ѣхать отыскивать отца. Сначала онъ помолился Курбустунъ-хану, чтобы тотъ далъ ему коня. На другой день является огромный быкъ, подсѣдельные потники на немъ велики какъ степь, сѣдло какъ гора; сынъ Каратты хана поѣхалъ, обратившись въ Тастаракаю (плѣшивца). Когда онъ вошелъ въ юрту Кара Гулы, тотъ спросилъ его: „Заѣмъ ты, худой мальчишка, пріѣхалъ?“ „Я пріѣхалъ сказать, что у меня не хватаетъ заплатить тебѣ подать“. Кара Гула прогналъ его. Сынъ Каратты хана заѣхалъ къ своему отцу; отецъ не узналъ его. Въ то время, какъ сынъ сидѣлъ въ юртѣ отца, его сивый быкъ (бок буха) началъ рыть копытомъ землю; когда сынъ Каратты хана услышалъ шумъ и вышелъ изъ юрты, быкъ говоритъ ему: „Что ты дѣлаешь? Есть Сумеръ Уланъ тайга ¹⁾ и озеро Суть-куль ²⁾; въ этомъ озерѣ маралъ, въ маралѣ душа Кара-Гулы; если овладѣешь этою душой, и Карагула будетъ въ твоихъ рукахъ“. Поѣхалъ Тастаракай добывать душу Кара-Гулы; подѣхавъ въ Суть-куль, Тастаракай обернулся сѣрой мышью, а его быкъ звѣздой, и оба они поднялись на небо; маралъ (муйгакъ) также поднялся на небо, но быкъ схватилъ его и спустился съ нимъ на землю; здѣсь Тастаракай взрѣзалъ маралу животъ, вынулъ золотой ящикъ, и отервъ его, нашелъ въ немъ три перепелки (будене); Тастаракай положилъ ихъ въ карманъ и пріѣхалъ къ Кара-Гулѣ. Богатыри, которыхъ имѣлъ Кара-Гула, не пускаютъ Тастаракаю, говорятъ ему: „Кара-Гула боленъ“. Тастаракай объявилъ имъ, что онъ лѣкарь и можетъ вылѣчить больного. Тогда его впустили. Кара-Гула ласково спросилъ его: „Кто ты, хорошій мальчишка?“ Тотъ отвѣчалъ: „Я сынъ Тастаракаю“. И ударилъ Кара-Гулу по щекѣ. Кара-Гула осердился и началъ кричать. Тогда Тастаракай принялъ богатырскій видъ и убилъ Кара-Гулу. Потомъ онъ пришелъ къ своимъ отцу и матери и признался, кто онъ; собрали народъ, и давъ богатырю имя: Канъ-Улетэй на красно-ры-

¹⁾ То-есть, бѣлобѣ Сумеръ-уланъ.

²⁾ Суть-куль—молочное озеро.

жей лошади (кызылъ джирен атту), сказали ему алкышъ ¹⁾ (не кончено).

(Акча, Черневой Татаринъ изъ сел. Едиганъ).

110. Тунгъ Каратты ханъ.

Тунгъ Каратты ханъ на лошади Тайга Чокуръ (тайга чокур атту) имѣлъ сто восемь женъ, двухъ сановниковъ (тушмютъ)—старшаго съ двумя печатями (тамга), младшаго съ одной, и кромѣ того, семь рабовъ Таянджи (джеты таянджи кул). Близъ ханской урги было Золотое озеро (алтын хуль), на которомъ поили ханскіе табуны; у этого озера была гора, въ которой въ пещерѣ (агай) жилъ Аджи Сурджи бакши. Однажды въ озерѣ вода высохла, и ханскому скоту нечего было пить. Каратты ханъ обвинилъ въ этомъ таянджи-куловъ и велѣлъ ихъ ущемить въ деревьяхъ, то-есть, руки и ноги каждого положить между двумя туго связанными деревьями. Рабы пролежали въ такомъ положеніи безъ пищи такъ долго, что тѣло ихъ похудѣло, остались однѣ кости; тогда они безъ труда вынули свои руки и ноги изъ щелей и пошли къ Аджи-сурджи бакши просить пищи и разказать о томъ, что они потерпѣли отъ Тунгъ Каратты хана и по какой причинѣ. Аджи-Сурджи бакши сказалъ, что у него пищи нѣтъ, но подалъ имъ золотой арканъ. „Что жъ мы будемъ дѣлать съ нимъ?“ спросили Таянджи-кулы. „Идите и караульте на озерѣ; прилетятъ пять золотоголовыхъ утокъ (алтын башту удрекъ), и озеро тотчасъ нальется водой, утки будутъ купаться и полоскаться въ водѣ; одна изъ нихъ обратится въ Самбай-дагине. Вы на нее накиньте арканъ и поймите“. Семь рабовъ Таянджи пошли на берегъ высохшаго Алтынъ-хуля и стали ждать; пятеро изъ нихъ заснули, а двое увидѣли, что прилетѣло пять утокъ, и тотчасъ озеро налилось водой. Утки стали полоскаться, одна изъ нихъ обратилась въ Самбай дагине, одинъ изъ не спавшихъ товарищей накинулъ на нее арканъ и поймалъ. Она закричала, чтобы ее отпустили, но семь товарищей взяли ее и повели. Тогда она сказала, что если они ее не хотятъ отпустить, то пусть же построятъ ей домъ изъ бязи. Они выстроили ей домъ изъ бязи, поселили ее въ немъ и думаютъ: „Чѣмъ же будемъ кормить ее? У насъ ничего нѣтъ!“ Пошли къ

¹⁾ Благословеніе.

Аджи-Сурджи бакши и говорятъ: „Мы Самбай-Дагине поймали, но у насъ не чѣмъ ее кормить“. Аджи-Сурджи бакши сказалъ, чтобъ они закинули золотой арканъ за семь горъ (джеты таг). Они забросили и вытащили семь золотыхъ аркаровъ (джеты алтын архар); одного они дали Дагине, а трехъ сами съѣли. Дагине взяла только бедро, остальную часть мяса возвратила Таянджи-куламъ. Потомъ Таянджи-кулы снова пошли къ Аджи-Сурджи бакши спрашивать, что имъ дѣлать, и онъ сказалъ имъ, чтобъ они снова закинули арканъ за шесть горъ; они закинули и вытащили шесть золотыхъ аркаровъ, трехъ себѣ взяли, одного дали Дагине.

Младшій сановникъ Тумъ-Караттыхана поѣхалъ посмотрѣть скотъ, увидѣлъ Алтынъ хуль полное воды и на берегу домъ изъ бязи; удивился и хотѣлъ зайти въ домъ, но изъ дома вышелъ человекъ и сказалъ: „Не смѣй входить!“ Сановникъ разказалъ объ этомъ старшему сановнику; тотъ не повѣрилъ, самъ поѣхалъ посмотреть озеро; его также въ домъ не пустили. Онъ разказалъ о видѣнномъ хану. Ханъ самъ поѣхалъ, увидѣлъ озеро полное воды и хотѣлъ войти въ домъ, но и его остановилъ вышедшій изъ дома человекъ, сказавъ: „Хоть ты и ханъ, но въ домъ не смѣй входить!“ Хану стало не по себѣ, и онъ сказалъ: „Какой ни есть, но все-таки я ханъ; пустите въ домъ“. Его пустили. Войдя въ домъ, ханъ увидѣлъ красавицу и спросилъ ее: „Кто ты?“ „Я“, отвѣчала она, — „Самбай Дагине, жена семи Таянджи-куловъ“. Ханъ сталъ просить у семи Таянджи красавицу въ замѣнъ своего скота; Таянджи отказались; тогда ханъ общалъ къ скоту придать своихъ сто-восемь женъ. Таянджи-кулы согласились. Они поѣхали въ ханскую ургу и заняли мѣсто хана, а Тумъ-Каратты остался на ихъ мѣстѣ. Однажды Дагине говорить, что она видѣла худой сонъ, будто ханъ похудѣлъ и конь его отощалъ. Каратты-ханъ цѣлый день пролежалъ не вставая и вечеромъ сказалъ: „Идетъ на меня войной Джюсунъ-ханъ; у тебя есть двѣ крылатыя шубы, одну ты надѣнь, другую дай моей матери и улетай отсюда къ твоему отцу, а я поѣду отсюда на встрѣчу къ Джюсунъ-хану; не знаю, буду живъ, или мертвъ“. Осѣдлалъ ханъ коня и уѣхалъ. Дагине надѣла крылатую шубу (джалганду тонъ) и полетѣла сначала туда, гдѣ жили сто-восемь женъ Каратты-хана. Обратилась худою дѣвочной и вошла въ домъ. Семь рабовъ Тайганчи (такъ иногда произно-

силъ разказчикъ) жгутъ уголь. „Что это дѣлаете?“ спросила Дагине. „Сто восемь нашихъ женъ заставили насъ нажечь четыре мѣшка (торг борбу) угля“, отвѣчали ей Тайганчи-кулы. „Для чего же понадобился этотъ уголь?“ опять спрашиваетъ Дагине. „Хотятъ онѣ убить Самбай-Дагине“, отвѣчали Тайганчи-кулы. Потомъ они стали дѣлать порохъ. Она опять спрашиваетъ ихъ: зачѣмъ они дѣлаютъ порохъ, и они отвѣчали, что сто восемь ихъ женъ заставили ихъ приготовить четыре „борбу“ пороху, хотятъ убить Самбай-Дагине. Тогда Самбай-Дагине полетѣла назадъ и сказала матери Каратты-хана: „Меня хотятъ убить сто восемь женъ, дайте мнѣ крылатую шубу“. Старуха дала, и она улетѣла. Потомъ сто-восемь женъ припили и велѣли своимъ мужьямъ подложить уголь и порохъ подъ желѣзный домъ (темир байсин), который былъ выстроенъ Тумъ-Каратты ханомъ для Дагине. Таянджи-кулы подожгли порохъ и взорвали желѣзный домъ, вершина котораго достигала до неба. Жены ихъ говорятъ: „Ну, теперь Дагине, сплывшая въ верхней части дома, погибла; желѣзный домъ упалъ и задавилъ ее“. Между тѣмъ Дагине осталась невредимою; она была уже на небѣ у своего отца Теръ-хана.

Тумъ-Каратты ханъ встрѣтился съ Джюсунъ-ханомъ и говоритъ: „Теперь дѣло къ вечеру, отложимъ битву до завтра“. Тотъ согласился. Каратты ханъ ночью обратился въ крысу (вускѣ), пошелъ въ станъ Джюсунъ-хана и перегрызъ доспѣхи его войска, луки, стрѣлы и сайдаки. Утромъ онъ говоритъ Джюсунъ-хану: „Ну, теперь давай сражаться!“ Джюсунъ-ханъ говоритъ: „Какъ я буду сражаться! У меня ночью крысы изгрызли всѣ доспѣхи“. „Ну, такъ отошлемъ войска домой“, совѣтуетъ Тумъ-Каратты ханъ, — „и будемъ сражаться поединкомъ“. Джюсунъ-ханъ согласился, а Тумъ-Каратты и радъ этому; у него войска было мало противъ Джюсунъ-хановскаго. Отослали ханы войска. Тумъ-Каратты ханъ говоритъ: „Сначала я привяжу себя своею толстою косою къ дереву Ата-санданъ, а ты рѣжь меня; потомъ я тебя буду рѣзать“. Такъ и поступили. Джюсунъ-ханъ ударилъ Каратты-хана саблей (сэлиме), вся сабля искрами разсыпалась, осталась въ рукѣ одна рукоятка, а Тумъ-Каратты-ханъ остался невредимъ. Потомъ Джюсунъ-ханъ привязалъ себя къ дереву, и тоже у Каратты-хана сабля разсыпалась въ искры, и въ рукѣ осталась одна рукоятка. „Теперь будемъ стрѣлять другъ въ друга“, говоритъ Тумъ-Каратты-ханъ, —

„я сначала открою свою грудь“. Выстрѣлили Джюсунъ-ханъ въ открытую грудь Каратты-хана, и его стрѣла изломалась; выстрѣлили Каратты-ханъ въ открытую грудь Джюсунъ-хана, и его стрѣла изломалась. „Будемъ теперь бороться“, говоритъ Тумъ-Каратты-ханъ. Много лѣтъ они боролись; гдѣ были горы, стали равнины; гдѣ были ровныя мѣста, тамъ стали озера. Потомъ Джюсунъ-ханъ говоритъ: „Мы не можемъ другъ друга побороть; зачѣмъ намъ драться! Станемъ лучше друзьями!“ Прекратили ханы бой, подружился и разошлись.

Тумъ-Каратты-ханъ приходитъ къ своей матери, видитъ разрушенный желѣзный байсунъ и спрашиваетъ ее: кто его разрушилъ. Она говоритъ: „Не знаю; должно быть Самбай Дагине; она выпросила крылатую пубу, улетѣла, а потомъ и желѣзный байсунъ палъ“. Тумъ-Каратты-ханъ отправился къ Аджи-Сурджи бакши и его спросилъ; тотъ сказалъ, что байсунъ взорвали сто-восемь женъ и Джеты-Таянджи-кулы, что Самбай Дагине жива, что она улетѣла къ Теръ-хану, а ему на память оставила золотой перстень и золотой браслетъ (бельзекъ). Тумъ-Каратты-ханъ взялъ эти вещи у бакши, завернулъ ихъ въ платокъ, положилъ за пазуху, и обратившись въ худаго мальчика, поѣхалъ къ Теръ-хану. На встрѣчу ему летитъ воронъ (кусун) съ саженымъ носомъ, съ трехсаженными крыльями (джангыз кулач тумчукту, ушь кулашь турьту) и кричитъ: „Посторонись, худой мальчишка!“ Тумъ-Каратты-ханъ посторонился и спросилъ: „Суда, воронъ, летишь?“ Воронъ отвѣчалъ: „Клевать глаза коню Тумъ-Каратты-хана“. Каратты-ханъ выстрѣлилъ, подстрѣлилъ крыло ворону; воронъ упалъ. Каратты-ханъ билъ, билъ его, мучилъ, мучилъ, обломалъ его носъ и крылья до величины, какая теперь у ворона, сказалъ: „Будь же ты теперь такой павѣки“. И положилъ. Ыдетъ далѣе. Ыжить волкъ, носъ сажень, ноги по три сажени; волкъ кричитъ: „Посторонись, худой мальчишка!“ Каратты-ханъ посторонился и спросилъ: „Куда волкъ бѣжитъ?“ Волкъ отвѣчалъ: „Задавить коня Тумъ-Каратты-хана“. Схватилъ его Тумъ-Каратты-ханъ, билъ, билъ, обломалъ ему носъ и ноги до величины, какая теперь у волка, сказалъ: „Будь же ты отнынѣ такой“. И положилъ. Ыдетъ далѣе. Идетъ азъ съ саженымъ носомъ съ трехсаженными ногами и кричитъ: „Посторонись, худой мальчишка!“ Посторонился Каратты-ханъ и спросилъ: „Куда азъ идешь?“ Азъ отвѣ-

чалъ: „Задавить Тумъ-Каратты-хана и съѣсть его мясо, а кости унести съ собою“. Схватилъ его ханъ, билъ, билъ, изломалъ его, истеръ въ порошокъ и порошокъ разсѣялъ по воздуху; и стали изъ этого порошка три рода овода: паутъ, слѣпень (маас) и комаръ. Ыдетъ далѣе. Стоитъ непроходимый, страшный бомъ или утесъ (мунгуш кая); нѣтъ черезъ него дороги. Каратты-ханъ вырвалъ изъ хвоста лошади двѣ пряди волосъ, свилъ изъ нихъ двухъ вороновъ (кусун), пустилъ ихъ и сказалъ: „Посмотрите, есть ли дорога?“ Вороны летали, летали, крылья ихъ почернѣли, прилетѣли назадъ и говорятъ, что нѣтъ дороги. Тогда конь сказалъ богатырю: „Развѣ твоя стрѣла не богатырская? Стрѣлай!“ Тумъ-Каратты-ханъ выстрѣлилъ, прошибъ въ бомѣ дыру, проѣхалъ ею и снова отыскалъ свою стрѣлу, лежитъ она по край непроѣздной гряды (балгаш). Тумъ-Каратты-ханъ выдернулъ изъ хвоста лошади двѣ пряди волосъ, связалъ изъ нихъ двухъ воронъ (карган) и велѣлъ имъ посмотреть, есть ли проѣздъ. Воронъ вернулся и сказали: „Нѣтъ проѣзду“. Тогда конь сказалъ: „Развѣ твоя стрѣла не богатырская? Стрѣлай!“ Тумъ-Каратты-ханъ выстрѣлилъ, грязь высохла, ханъ проѣхалъ и прибылъ къ берегу великаго моря (удуг далай); здѣсь онъ увидѣлъ, что на водѣ плаваютъ золотой кувшинъ (алтын домбу) и золотой тазъ (алтын хо, собственно ведро), а на берегу сидятъ два мальчика. Тумъ-Каратты-ханъ спросилъ у мальчиковъ: „Что это за посуда?“ Тѣ отвѣчали: „Это посуда, изъ которой мы каждое утро подаемъ воду умываться Самбай Дагине“. „Всю ли воду до дна выливаете?“ спросилъ ихъ Каратты-ханъ. „Всю“, отвѣчали мальчики. Тогда Каратты-ханъ опустилъ въ домбу браслетъ и кольцо и сказалъ мальчикамъ: „Если Самбай Дагине увидитъ эти вещи и будетъ спрашивать, откуда онѣ, не сказывайте“. Мальчики налили домбу водой и ушли, а Каратты-ханъ остался на берегу моря. Когда Дагине увидѣла вещи, стала спрашивать мальчиковъ, гдѣ они ихъ взяли; сначала мальчики отпирались, потомъ одинъ признался, что вещи въ домбу положилъ какой-то большой человекъ, пріѣхавшій на большой лошади къ великому морю, гдѣ они черпаютъ воду для умыванья. Дагине пошла сама къ морю. Каратты-ханъ сказалъ ей, что онъ пріѣхалъ за нею. „Можно ли“, спросилъ онъ, — „идти ему къ Теръ-хану и пріиметь ли онъ его?“ „Гдѣ пріиметь!“ отвѣчала Дагине; — „онъ и меня то назы-

ваетъ вонючею (джидѣк), говорить: побывала на землѣ, провоняла, а тѣмъ болѣе тебя будетъ гнушаться! Все-таки я спрошу его". Дагине ушла къ отцу и сказала ему: „У меня на землѣ былъ другъ (иджим); онъ хочетъ прійти сюда; допустишь ли?" „И не говори", сказалъ ей Теръ-ханъ;— „они достаточно и отъ тебя, а ты только побывала не надолго на землѣ. А твой иджимъ—совсѣмъ земной человѣкъ". Тогда Дагине заплакала; отцу стало жаль ее, и онъ сказалъ: „Ну, если онъ хорошій человѣкъ, пусть прійдетъ". Дагине послала сказать Каратты-хану, чтобъ онъ пришелъ, и тотъ отвѣтилъ, что завтра утромъ онъ прійдетъ. На завтра онъ пришелъ, и Теръ-ханъ, увидѣвъ богатыря, сказалъ: „Это хорошій зять".

У Теръ-хана было три старика (ушъ ашия), которые стали говорить, что отъ этого богатыря житья не будетъ, нужно его сгубить, и присовѣтовали Теръ-хану послать богатыря съ порученіемъ убить змѣю Амырга Могуся, которая много поѣдаетъ людей. Теръ-ханъ призвалъ зятя и велѣлъ ему ѣхать, убить змѣю и что-нибудь привезти въ знакъ ея смерти. Поѣхалъ Тумъ-Каратты-ханъ; дорогой конь остановился и говорить: „Видишь желтую гору (танг) въ томъ ущельѣ? Какъ ты думаешь, что это такое!" „Гора", отвѣчаетъ Тумъ-Каратты ханъ. „Это Амырга Могуся", говоритъ конь. Подѣхалъ Каратты ханъ къ змѣѣ; цѣлый день лукъ натягивалъ; выстрѣлилъ, перешибъ змѣю пополамъ, вырѣзалъ легкое, привезъ домой, легкое оставилъ въ торокахъ, самъ вошелъ въ домъ къ Теръ-хану и доложилъ, что порученіе исполнилъ. Теръ-ханъ велѣлъ своимъ богатырямъ внести легкое въ домъ; тѣ не могли поднять. Теръ-ханъ самъ пошелъ, внесъ легкое въ домъ, и оно собою наполнило всю внутренность дома. Три старика опять научили Теръ-хана послать Тумъ-Каратты хана убить змѣю Темиръ-Могуся; Теръ-ханъ призвалъ зятя, отдалъ ему новый приказъ и сказалъ: „Это будетъ твоя послѣдняя служба: если ее исполнишь, отпущу съ тобою Дагине".

Поѣхалъ Тумъ-Каратты ханъ. Дорогой увидѣлъ четырехъ человѣкъ, которые землю копаютъ. „Что дѣлаете?" спросилъ ихъ Каратты ханъ. „Камни вырываемъ", отвѣчаютъ они. „Зачѣмъ?" „На пищу Темиръ Могуся", отвѣчаютъ они. „Развѣ онъ камни ѣстъ, а не людей?" спросилъ Каратты ханъ. „Прежде ѣлъ людей, но нынѣ заключилъ братство (танграк) съ Бурканомъ-Бакши и далъ слово не ѣсть людей", отвѣчали четыре человѣка. Подѣхалъ Тумъ-Каратты къ

змѣѣ и обратился въ пташку (кутчіяк), чтобы высмотрѣть змѣю. Змѣя лежитъ, какъ земля; конца края не видно; вся желѣзная; одно мѣсто полое—пупъ. Обернулся Тумъ-Каратты ханъ снова человѣкомъ; цѣлый день натягивалъ лукъ, намѣтилъ въ пупъ, выстрѣлилъ, убилъ змѣю, вырѣзалъ легкое и привезъ къ Теръ-хану. Богатыри не могли внести въ домъ привезенное, Теръ-ханъ вышелъ изъ дома, но и онъ не могъ поднять легкого. Самъ Каратты ханъ внесъ его въ домъ. Послѣ этого Теръ-ханъ отпустилъ Тумъ-Каратты хана на землю. Тумъ-Каратты ханъ сталъ у него просить скота, Теръ-ханъ не далъ. Тогда Тумъ-Каратты ханъ укралъ у Теръ-хана солнце и луну, первую положилъ за пазуху, вторую сзади бедра, и уѣхалъ. Теръ-ханъ проснулся и ждетъ разсвѣта, не свѣтаетъ; онъ спросилъ трехъ стариковъ: „Отчего долго не свѣтаетъ?" Тѣ сказали, что Тумъ-Каратты ханъ увезъ солнце и луну. Теръ-ханъ послалъ человѣка догнать Тумъ-Каратты хана и попросить его возвратитъ солнце и луну; Каратты-ханъ самъ вернулся и сказалъ тестю: „Ты пожалѣлъ мнѣ дать скота, поэтому я увезъ солнце и луну". Теръ-ханъ предложилъ ему скота, сколько хочетъ, только отдалъ бы солнце и луну. Но Тумъ-Каратты-ханъ отказался и уѣхалъ. Поэтому теперь на землѣ людямъ солнце и луна свѣтятъ, а у Теръ-хана вѣчныя потемки.

(Бюргутъ, Грянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Бурень-гоъ).

111. Бай Боролдай.

а. Одинъ сирота питался тѣмъ, что копалъ кичигене (корни травы гусиной лапки). Пришла къ нему лисица (тильке) и просить накопать и ей кичигене. Сирота сказалъ, что онъ и себѣ-то не можетъ достаточно добыть. „Ну, погоди", сказала лисица,— „придетъ время, ты мнѣ поклонись". Ушла къ богатому человѣку Мангысу и говорить: „Тебя ожидаетъ бѣда; Теръ-ханъ хочетъ сегодня убить тебя молніей". „Что же мнѣ дѣлать?" спрашиваетъ Мангысъ лисицу. Надо послать ему пятьдесятъ бѣлыхъ хадаковъ, (пежен ак адик). Мангысъ далъ ей пятьдесятъ бѣлыхъ хадаковъ и велѣлъ отнести къ Теръ-хану. Лисица отнесла хадаки къ Теръ-хану и говорить: „Бай Боролдай прислалъ меня сватать за него твою дочь и въ задатокъ (ас белек) прислалъ хадаки". Отъ Теръ-хана она опять зашла къ Боролдаю и ска-

зала: „Ты мнѣ не далъ кичигине; скоро наступитъ время, ты мнѣ поклонись“. Потомъ лисица снова пошла къ богатому человѣку Мангысу; тотъ спросилъ: „Ну, что? Принялъ ли Терь-ханъ хадаки?“ „Принялъ“, говоритъ — „лисица, но только согласился отсрочить твою смерть до завтра, а завтра, сказалъ, все-таки брошу молнію въ Мангыса“. „Что же мнѣ дѣлать?“ спрашиваетъ опять Мангысъ. „Терь-ханъ“, отвѣчаетъ лисица, — „проситъ доставить ему Сугадынь-эртене“. Мангысъ послалъ войско къ морю, и оно поймало эртене. Лисица взяла эртене и пошла къ Терь-хану. На пути ей встрѣтился волкъ и говоритъ, что онъ ее съѣстъ. „Не ѣшь меня“, говоритъ лисица; „я иду отъ Бай-Боролдая къ Терь-хану; лучше пойдемъ-ка вмѣстѣ сватами!“ Волкъ согласился; пошли вмѣстѣ. На встрѣчу имъ идетъ медвѣдь (ирей) и говоритъ: „Я васъ съѣмъ“. „Не ѣшь насъ“, говоритъ лисица, — „а лучше пойдемъ-ка вмѣстѣ сватами къ Терь-хану отъ Бай Боролдая!“ Медвѣдь согласился; пошли втроемъ. Имъ встрѣтился баръ (тигръ), потомъ арсланъ (левъ). И этихъ лисица уговариваетъ идти въ мѣстѣ съ нею. Идутъ теперь впятеромъ. Когда стали подходить къ Терь-хану, арсланъ и говоритъ: „Какъ же мы войдемъ къ Терь-хану? Онъ спроситъ: вы зачѣмъ?“ „Я знаю“, говорятъ лисица, — „что вамъ слѣдуетъ сказать. Нужно входить по одному; первымъ пусть войдетъ арсланъ; онъ сильнѣе всѣхъ. Пусть всякій скажетъ: я ищу темир тамака бинджи“ (то-есть, желѣзное кольцо въ носъ и цѣпь). Какъ только арсланъ, вошедшій первымъ, сказалъ это Терь-хану, ханъ сказалъ: „Это у меня найдется“. И велѣлъ слугамъ принести цѣпи и кольцо, и спутать и обрататъ звѣря. Та же участь постигла тигра, медвѣдѣ и волка. Потомъ пришла лисица и говоритъ Терь-хану: „Вотъ Бай Боролдай прислалъ вамъ въ калымъ (халымъ) за вашу дочь четырехъ звѣрей и Сугадынь-эртене“. Терь-ханъ принялъ эртене, попросилъ отъ него пищи, и столько отъ эртене явилось пищи, что всѣ подданные его ѣли и не прикончили. Терь-ханъ сказалъ: „Видно Бай Боролдай дѣйствительно богатый человѣкъ! Ну, скажи ему, что я самъ къ нему привезу свою дочь“. Лисица отправилась къ Мангысу. Тотъ спрашиваетъ: „Принялъ ли Терь-ханъ эртене?“ „Принялъ“, говоритъ лисица, — „но только на день отложилъ грозу; а завтра, говоритъ, непременно поражу его молніей“. „Какъ же быть?“ спрашиваетъ Мангысъ; — „что еще послать ему?“ Но лисица не хо-

четъ болѣе идти къ Терь-хану, говоритъ: „Не пойду, а то голову Терь-ханъ отрубитъ. Сильно грозный царь! И то кланялась, кланялась, на силу упросила отложить до завтра. Впрочемъ ты можешь выкопать глубокую яму и тамъ поселиться; тамъ живи, вари, ѣшь и спи. Если молнія и ударитъ въ твой домъ, только одинъ домъ сгоритъ. Скотъ пусть останется на землѣ“. Мангысъ велѣлъ людямъ выкопать яму и переселился туда со всѣмъ семействомъ. Тогда лисица сказала пастухамъ: „Сюда придетъ Терь-ханъ; если онъ спроситъ васъ, чей скотъ, говорите: Бай Боролдая; а если скажите Мангысовъ, Терь-ханъ убьетъ васъ“. Потомъ пошла къ Бай Боролдаю и велѣла ему идти за собою; ввела его въ домъ Мангыса, одѣла въ крытую шелкомъ лисью шубу и посадила на шире. Приѣхалъ Терь-ханъ и остался доволенъ богатствомъ зятя. Лисица научила Бай Боролдая сказать Терь-хану: „У меня есть къ бонцѣ овцевязи (джелен бажинда) гнилой скотъ (чирикъ мал), зарытый въ землю; не убьете ли ее, ханъ, своею молніей. Терь-ханъ бросилъ молнію и убилъ Мангыса. Лисица вырыла его и съѣла со всѣмъ его семействомъ.

(Бюргутъ, Уряхваецъ кости Салыджакъ. Р. Бурень-голь).

6. Найданъ, Халхасецъ, шабинецъ изъ Урги, разказалъ эту сказку почти безъ отмѣнъ противъ того, какъ она изложена въ „Очеркахъ“, II, 171; только имя Боролдай онъ произносилъ Боролдзай, и отца невѣсты называлъ Тэнгре Хурмусту ханъ. Началъ сказку онъ такъ: Жилъ сирота у берега моря, питаясь выкапываньемъ кореньевъ...

в. На берегу жилъ одинъ бѣднякъ (му хунъ), у котораго ничего не было. Жилъ онъ въ шалашѣ. Однажды онъ поставилъ петлю, и въ нее попалъ заяцъ (шиндыгун) и говоритъ: „Не бей меня! Насъ сорокъ зайцевъ собрала лисица (унюгун), хочеть доставить къ царю и сватать за тебя его дочь“. Боролдай отпустилъ зайца, и тотъ пошелъ къ царю. Послѣ того лисица спила изъ бересты лодку, убрала цвѣтами, спустила въ море и подвела противъ ханскаго дворца, сама вошла къ нему во дворецъ и говоритъ: „Мой сынъ Боролдай ѣхалъ сватать вашу дочь, но поднялась буря, и онъ потерялъ шубу и все платье“. А Боролдай сидитъ на берегу голый; у него вѣкъ никакой шубы не бывало. Царь послалъ ему шубу, шапку и кушакъ. Потомъ царь

сказалъ, чтобы лисица доставила ему сорокъ козуль, медвѣдя и волка, и что затѣмъ онъ самъ поѣдетъ посмотрѣть домъ Боролдая. Идетъ лисица, встрѣчаетъ медвѣдя. Она въ кусты прячется. „Ты чего?“ спрашиваетъ медвѣдь. „Идетъ человѣкъ“, отвѣчаетъ лисица, — „хочетъ убить меня“. „А мнѣ куда дѣваться?“ спрашиваетъ медвѣдь. „Ты можешь спрятаться вотъ въ тотъ домъ, я тебя запроу, и тебя никто не тронетъ“. Такимъ же родомъ она обманула волка и козуль. Потомъ приходитъ ко дворцу Харъ Тыгынъ-хана и бѣгаетъ то подъ крыльцо, то въ кусты. „Ты чего?“ спрашиваетъ ханъ. „Идетъ войско, оно убьетъ меня“. „А мы какъ?“ спрашиваетъ ханъ. „А вы съ женой выйдите изъ дворца, зайдите въ кусты и обратитесь въ деревья; васъ не узнаютъ“. Боролдай пріѣхалъ съ женой и тестемъ. Лисица говоритъ хану: „Для молодыхъ будетъ вредно оттого, что противъ дворца стоятъ два дерева; срубите ихъ!“ Ханскіе люди срубили ихъ.

(Солдатъ Ивановъ, Бурятъ поколѣнія Хонходоръ; вершина р. Иркута).

г. Боролдзай Ху былъ хорошій силачъ; у него былъ паршивый сѣрый жеребенокъ (хамутэй боро дага), на которомъ онъ ѣздилъ, и еще былъ черный лукъ. Разъ поѣхалъ онъ къ одному хану взять за себя его дочь замужъ. По дорогѣ остановился у ханскаго пастуха, который пасъ верблюдовъ; дома была одна старуха; она напоила и накормила его и велѣла отправиться дальше; Боролдзай хочетъ остаться у нихъ почевать, но старуха говоритъ: „Уѣзжай, скоро старикъ воротится, верблюдовъ пригонитъ; тамъ есть одинъ бура (самецъ), который, если тебя увидитъ, непременно убьетъ; я“, говоритъ старуха, — „тебя напоила и накормила; не мѣста тебѣ для ночлега жалѣю, а тебя самого мнѣ жалко“. Боролдзай ху все-таки остался ночевать. Воротился старикъ, пригналъ верблюдовъ, вошелъ въ анлъ, поздоровался и сказалъ юношѣ: „Нюгинда галтей нюринда цахтей тюхе улан царятей тюмун хуни скоре тюресынъ“ (то-есть: съ огненными очами и свѣжимъ румянымъ лицомъ... откуда и куда ѣдешь)?

„Бду я“, говоритъ Боролдзай, — „съ востока къ вашему хану взять его дочь замужъ; слышалъ, что съѣхались туда богатыри, и что приказъ (дзарликъ) есть, кто побѣдитъ всѣхъ, за того и отдадутъ Дагине замужъ; ты накорми меня, старикъ, досыта да завтра укажи дорогу“. „Хорошо“, говорятъ старикъ, — „я накормлю, скажи: чѣмъ и

кабъ? Накормить такого человѣка, какъ ты, я могу, благодаря хану (хани бун)! Боролдзай“ сказалъ: „Заколи верблюдицу, которая три года не жеребилась; старикъ сказалъ: „Поди выбирай самъ“. Пошелъ Боролдзай выбирать, на него бура бросился; ударилъ онъ его, и бура почувствовалъ ударъ богатырской руки, убѣжалъ; однако Боролдзай не могъ самъ выбрать верблюдицу, попросилъ старика. Старикъ указалъ верблюдицу, которая не жеребилась не меньше трехъ лѣтъ; тогда Боролдзай взялъ ее и бросилъ черезъ верблюдовъ къ анлу, оснималъ, сварилъ и сталъ ѣсть такъ, что кости черезъ носъ выпускалъ. Поѣли, легли спать. Боролдзай пробудился и закричалъ: „Вставай, старикъ, разсвѣтало!“ „Нѣтъ“, говоритъ старикъ; — „еще только полночь; это свѣтъ отъ Дагне, которая въ полночь выходитъ гулять; у нея на шеѣ солнце, а на спинѣ мѣсяцъ; отъ того такъ свѣтло, когда она гуляетъ“. Утромъ старикъ указалъ Боролдзаю дорогу и сказалъ, что за ханскимъ урго на западѣ стоитъ анлъ, въ которомъ собрались всѣ богатыри и тушмыты (знатные люди). „Ты“, говоритъ — „зайди прежде туда“. Онъ такъ и сдѣлалъ; вошелъ въ анлъ; богатыри поздоровались, потомъ стали разсуждать о томъ, на какое пространство слѣдуетъ имъ пустить въ бѣгъ своихъ коней. Боролдзай сказалъ, что они не дѣти, чтобы назначать пространство въ десять или двадцать дней пути, слѣдуетъ имъ пустить лошадей на три года пути. Всѣ согласились и пустили лошадей; онъ самъ не поѣхалъ, а посадилъ сѣдока. Стали ждать лошадей; завидѣвши пыль, каждый сталъ говорить: „Это моя лошадь бѣжитъ“. И Боролдзай говоритъ: „Это мой паршивый сѣрый жеребенокъ бѣжитъ; я узнаю его потому, что пыль по солнцу вьется“. Дѣйствительно хамутэй боро дага приближалъ первый. Сталъ бороться; Боролдзай всѣхъ поборолъ. Затѣмъ стали стрѣлять; онъ опять предложилъ, чтобы стрѣляли съ трехгодоваго пространства; положили камень въ ящикъ величиной, за нимъ быка, за быкомъ сюджи (кость съ отверстіемъ), за сюджи иголку; стали стрѣлять; у многихъ стрѣлы не долетѣли до мѣты, Боролдзай выстрѣлилъ, камень раздробилъ въ пепель, прострѣлплъ насквозь быка, попалъ въ отверстіе сюджи, затѣмъ въ ушко иголки. Послѣ того онъ взялъ за себя ханскую дочь и сталъ жить счастливо. Амыр сайхан джиргала!

(Записано г. Палкинымъ у Дархатовъ).

112. Батырь Чонунъ-бель.

Въ концѣ худаго времени и въ началѣ хорошаго времени жилъ сынъ Байна-Дорчжи богатырь Чонунъ-бель (бапи дорчжи ху батыр чонун бель); онъ имѣлъ мать старуху и двухъ братьевъ Ага и Дзуга. Онъ увидѣлъ однажды сонъ и сказалъ матери, чтобъ она приготовила его въ дорогу, поставила котель и пришила пуговицы къ шубѣ. „Куда ты хочешь ѣхать?“ спрашиваетъ мать. „Я видѣлъ во снѣ“, говоритъ Чонунъ-бель, — „что въ сѣверной сторонѣ есть красавица; поѣду на ней жениться“. Мать стала отговаривать его убѣждая, что на этой дорогѣ много препятствій (дай сын), и поднесла сыну желтый хадакъ въ сажень длиной. Батырь Чонунъ-бель отвѣчалъ ей, что мужчина не долженъ пугаться опасностей и отказываться отъ предпріятія; если ему назначено на сѣвѣрѣ добыть невѣсту, онъ долженъ за нею ѣхать. Поймалъ онъ коня своего Дархынъ-хонгора, положилъ на него великіе, какъ степь, токумы ¹⁾, великое, какъ гора, сѣдло, надѣлъ свою шубу, сшитую изъ шкуръ ста быковъ и обложенную шкурами шести мараловъ, взялъ свой лукъ и садакъ и отправился въ путь. Много дней ѣхалъ, не разсѣдывая коня, годовое пространство проѣзжалъ въ мѣсяцъ, мѣсячное пространство въ день. Когда онъ въѣхалъ въ промежутокъ между семьюдесятью горами, только племъ, сдѣланный изъ ста бояровъ (квадратныхъ кусковъ) листоватого желѣза и обтянутый желѣзною обложкой въ шесть сажень шириной, покачивался и блестѣлъ. Долго онъ ѣхалъ и встрѣтилъ старика Долонъ-тѣ сахылтай Тончжи-Молонъ-хана и спросилъ его: кто онъ? Тотъ назвалъ себя по имени. „Гдѣ твой домъ и куда ѣдешь?“ спросилъ Чонунъ-бель. „Домъ мой я миновалъ, мѣсто, куда ѣду, впереди“, отвѣчалъ старикъ, — „ѣду я въ южную сторону, гдѣ по слухамъ живетъ большой богатырь Чонунъ-бель съ матерью и двумя братьями. Хочу забрать его семью, народъ и скотъ. А ты, съ огнемъ въ глазахъ, съ румянцемъ въ глазахъ (видунту галтай, нюрюнду цоктай, шильдѣ шильдей, шильбеде чумуктѣй), ты кто и какъ тебя зовутъ?“ „Я сынъ Байна-Дорчжи, батырь Чонунъ-бель“, отвѣчалъ богатырь. При этомъ онъ тронулъ ногами и отъ стремянъ пошелъ

¹⁾ Потники.

громъ; отпихнулся—воздухъ помрачился; вынулъ саблю и взмахнулъ—земля всколебалась. Старикъ испугался и сказалъ: „Я не Тончжи-Молонъ-ханъ, а только его пастухъ“. Оставивъ старика въ живыхъ, богатырь поѣхалъ дальше, пріѣхалъ наконецъ на гору Боро-Болдзетей-Тологой и увидѣлъ съ нея юрту двадцати-голового Хотгоръ-хара-мангыса; юрта состояла изъ пятисотъ хановъ ¹⁾ и пяти тысячъ уннѣ ²⁾; передъ ея былъ прикрытъ шкурами мораловъ и опоясанъ шелковымъ поясомъ; правый бокъ юрты одѣтъ шкурами тигровъ (бар) и опоясанъ серебрянымъ поясомъ, задъ одѣтъ аркаръями шкурами и опоясанъ золотымъ поясомъ, лѣвый бокъ одѣтъ шкурами козуль (дзури). Женщины, доившія коровъ, увидѣли пріѣхавшаго богатыря и говорятъ между собою: „Какой-то великій богатырь пріѣхалъ“. Хара-мангысъ услышалъ этотъ разговоръ и сказалъ своему сыну Темиръ-цохуръ-батырю: „Поди, посмотри, что тамъ бабы увидѣли“. Темиръ-цохуръ вышелъ и затрясся отъ одного вида богатыря. Онъ вернулся и разказалъ отцу; тотъ взялъ свой лукъ изъ дерева зандынъ, сѣлъ на чернаго криваго быка (сохур хара буха) и поѣхалъ на гору. Подѣхавъ къ богатырю, онъ спросилъ: „Съ огнемъ въ глазахъ, съ румянцемъ въ лицѣ (видунту галтай, нюрюнду цоктай, шильдѣ шильтѣй, шильбеде чумуктѣй), кто ты и зачѣмъ пріѣхалъ?“ Богатырь назвалъ по имени и сказалъ, что онъ пріѣхалъ сразиться съ Хара-мангысомъ. „Я Хара-мангысъ; если ты пріѣхалъ за этимъ, сразимся“, сказалъ Хара-мангысъ. „По очереди будемъ стрѣлять другъ въ друга. Кто первый?“ „Я буду первымъ стрѣлять“, сказалъ Чонунъ-бель, — „потому что я пріѣзжій“. Мангысъ раскрылъ свою грудь, а Чонунъ-бель отѣхалъ на полдневное пространство, началъ натягивать лукъ, до полдень натягивалъ, съ пальцевъ сваливались куски мяса по тигру (бар) и льву (арсланъ) величиной; спустилъ стрѣлу, и она прошибла грудь Мангыса, пролетѣла насквозь, ударила въ гору и высѣкла изъ нея пламя. Чонунъ-бель навьючилъ зандыновый лукъ Мангыса на криваго быка и отпустилъ его. Быкъ пришелъ къ сыну Мангыса и говоритъ: „Ты, ничего не зная, сидишь

¹⁾ Ханъ—часть юрточной рѣшетки; въ обыкновенной юртѣ четыре хана, но бываетъ и до восьми хановъ.²⁾ Унны—стрѣлы, изъ которыхъ составляется сводъ юрты.

здѣсь. Твоего отца убилъ прѣзжій богатырь“. „Что же я сдѣлаю“, сказалъ Темиръ-цохуръ, — „если онъ моего отца, который бывало взглянетъ на югъ—весь южный народъ тянетъ къ себѣ, взглянетъ на сѣверъ—весь сѣверный народъ тянетъ къ себѣ, взглянетъ на востокъ и западъ, и оттуда весь народъ тянетъ къ себѣ, и того онъ убилъ?“ Быкъ сказалъ: „Развѣ ты не богатырь? Развѣ ты не можешь приготовить ядовитой водки ардзы хардзы, развѣ не можешь положить въ баранью голову яду и вырыть подъ его пятами тамы (яму)?“ Темиръ-цохуръ послалъ своего человѣка, Алтынъ-эжжинова сына Аляшаръ-тыргу (Алтын эжжи ху аляшаръ-тырга), собрать съ народа кумысу; Аляшаръ-тырга собралъ кумысу на пятистахъ верблюдахъ; везли верблюды тотъ грузъ съ большимъ трудомъ они скрипѣли бѣлыми зубами, черные глаза повыкатили (харын ниден мельтылдзед), серебряные буйли (поводки) натянули. Изъ привезеннаго кумыса выгнали арахы, изъ арахы выгнали ардзы-хардзы, положили яду въ баранью голову, выкопали въ Темиръ-цохуровой куртѣ тамы; Темиръ-цохуръ поѣхалъ на гору Боро-Болдзетей и сказалъ прѣзжему богатырю: „Ты убилъ моего отца, но я не сержусь; я пришелъ звать тебя на пирь“. Чонунъ-бель прѣхалъ къ нему; его стали угощать мясомъ и виномъ; Чонунъ-бель напился ардзы-хардзы и опьянѣлъ, съѣлъ баранью голову, отравился и провалился въ тамы, а Темиръ-цохуръ откочевалъ съ своимъ народомъ.

Была у Мангыса одна женщина Санхони-цецекъ; она увидѣла на днѣ тамы богатыря и думаетъ: „Что это за богатырь съ огнемъ въ глазахъ, съ румянцемъ въ лицѣ и пр.“ И смотрѣла на него глазами, какъ пятнадцатидневная луна; пролила слезы, какъ ключевую воду. Слезы упали на грудь богатыря, и онъ ожилъ и сказалъ: „Какъ я долго спалъ!“ „Ты не спалъ“, сказала Санхони-цецекъ, — „а тебя отравилъ Темиръ-цохуръ“. Всталъ богатырь, вылезъ изъ тамы, нашелъ Темиръ-цохура, убилъ его и его жену, весь народъ его перебилъ, а скотъ захватилъ, взялъ Санхони-цецекъ женой и ушелъ домой. Отъ этого побойща уцѣлѣла только одна старуха Хончжи-Харемъ въ черной шубѣ (хара девильтей емеген хончжи харем). Она подумала: „Весь Мангысовъ народъ избить: что я буду тутъ одна оставаться! Пойду искать мужа“. Сѣла на жеребца и поѣхала; на встрѣчу ей старикъ и спрашиваетъ: „Ты куда ѣдешь?“

„Ищу мужа“, отвѣчаетъ Хончжи-Харемъ. „Возьми меня“, предлагаетъ встрѣтившійся старикъ. „А у тебя каково мясо, которое причуть?“ „Какъ у твоего жеребца“, отвѣчалъ старикъ. „Мнѣ этого мало“, сказала Хончжи-Харемъ и поѣхала дальше. Видитъ большую гору и на ней старика. Она задаетъ ему тотъ же вопросъ: „Каково твое мясо?“ Новый старикъ отвѣчалъ: „Мое мясо обернетъ эту гору три раза“. Емегенъ согласилась выйти за него замужъ, и у нихъ множество дѣтей народилось, такъ что народъ сталъ не помѣщаться на горѣ. Старики порѣшили вывести народъ съ горы; на пути лежало море (далай). Старикъ положилъ свое мясо вмѣсто моста, и народъ началъ переходить. Въ это время ворона (хире) клюнула мостъ, онъ пошевелился, и весь народъ потонулъ. Тогда старикъ сдѣлалъ изъ своей шерсти неводъ, и начали они со старухой удить людей. Часть выудили, часть осталась въ водѣ. Отъ тѣхъ, которыхъ спасли старики, пошло человѣчество (или Монгольскій народъ; сказка была разказана на вопросъ: откуда взялись Монголы?), а отъ тѣхъ, которые утонули, произошла рыба.

(Найдынъ, Халха, шабинецъ изъ г. Урги).

113. Ертенъ-ерге.

Жили старикъ со старухой; у нихъ была только одна корова; старикъ зарѣзалъ ее, чтобъ имѣть мясо для варева; отрѣзывая кость, онъ нечаянно отсѣкъ себѣ палецъ; старуха завернула отрѣбленный палецъ въ заячью шкурку и заткнула въ куртѣ за уну противъ дверей ¹⁾. Палецъ обратился въ ребенка и заплакалъ; старуха хотѣла его взять, но онъ выскочилъ и началъ бѣгать по куртѣ. Поймали его и накормили молокомъ; въ ночь онъ выросъ такъ, что заячья шкурка уже недостаточно его покрывала; обернули его въ двѣ шкурки; на третій день потребовалось уже три шкурки. Старикъ убилъ двухъ птицъ—шюль и торло, и ихъ мясомъ выкормилъ мальчика; сталъ мальчикъ самъ ходить на охоту, бить птицъ и тѣмъ кормить стариковъ.

Однажды увидѣлъ онъ елика, пришелъ къ старику и спросилъ: „Видѣлъ я звѣря съ бѣлымъ задомъ. Можно ли его ѣсть?“ Старикъ

¹⁾ Слѣдовательно, на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно вѣшается главный онгонъ.

отвѣчалъ: „Можно; это еликъ!“ На другой день мальчикъ убилъ елика камнемъ и принесъ мясо старикамъ. На слѣдующій день онъ убилъ аркара, потомъ морала. Спустя нѣкоторое время онъ во время охоты увидѣлъ высокую гору, пришелъ къ старику и спрашиваетъ: „Что такое я видѣлъ, какъ будто солнце, какъ будто мѣсяцъ, такая гора?“ Старикъ отвѣчалъ ему: „Это должно быть лошадь, на которой я ѣздилъ въ молодости; прежде здѣсь жилъ ханъ; онъ хотѣлъ эту лошадь взять; ловили ее люди, но не могли поймать; лошадь убѣжала и стала горой“. Мальчикъ спросилъ старика: „Могу ли я ее осѣдлатъ?“ „Гдѣ тебѣ!“ возразилъ старикъ; — „сильные богатыри не могли ее осѣдлатъ“. Мальчикъ взялъ арканъ, подошелъ къ горѣ; она, дѣйствительно, оказалась лошадью; онъ накинулъ на нее арканъ и поймалъ, лошадь съ мѣста не двинулась. Привелъ онъ лошадь домой. Старикъ удивился и обрадовался, что сынъ его изъ богатырей. „Теперь мнѣ нужно сѣдло, узду, лукъ (ок-джа), гдѣ ихъ взять?“ спросилъ мальчикъ старика. Старикъ сказалъ ему: „Здѣсь недалеко есть скала Кудай базыру; въ ней найдешь эти доспѣхи, отваливши заложенный камень“. Мальчикъ пошелъ въ указанное мѣсто, нашелъ сѣдло, узду и лукъ, осѣдлатъ коня, надѣлъ куякъ (кольчугу), потянулъ лукъ и сказалъ: „Это по мнѣ!“ Поѣхалъ онъ на промыселъ; тамъ анг тагда гырыб, сугдымъ балыгы сугда гырыб, горную дичь на горахъ убивая, водяную рыбу въ водахъ убивая, такъ промыслилъ. Навьючилъ лошадь мясомъ и привезъ домой. На другой день онъ снова поѣхалъ и опять увидѣлъ высокую гору; вернувшись домой, онъ спросилъ старика: „Могу ли я захватить на вершину этой горы?“ „Гдѣ тебѣ“, говоритъ старикъ, — „я на нее не могъ захватить!“ Мальчикъ все-таки рѣшился взлѣзть на гору и поднялся на самую ея вершину, съ которой впереди увидѣлъ золотую тайгу (тайга—снѣжный бѣлокъ), окруженную дремучимъ лѣсомъ. Вернувшись домой, онъ вновь спросилъ старика: „Что это за тайга?“ Старикъ отвѣчалъ: „Золотая тайга—это золотой мораль, а лѣсъ—это войско, ханова защита; этотъ мораль ни кого не пропускаетъ къ хану. Когда я былъ молодъ, я также пытался пройти къ хану, но не смогъ“. „Нельзя ли мнѣ попробовать съѣздить?“ спрашиваетъ мальчикъ. Старикъ не пускаетъ его. „Сильные богатыри не могли проѣхать заставу, тебѣ ли удастся?“ Не послушался мальчикъ, поѣхалъ. Доѣхавъ до среди-

ны дороги, сдѣлался кротомъ (кусъке); дошелъ до морала, снова принялъ свой видъ. Смотритъ—у морала рога до неба, передняя половина тѣла золотая. Цѣлый день мальчикъ натягивалъ лукъ, выстрѣлилъ, пополамъ расшибъ морала; накиннулъ арканъ ему на шею, таскомъ приволочилъ домой, изъ шкуры сдѣлалъ урго (покрышку на верхнее отверстіе въ юртѣ), мяса навалилъ, какъ тайга лежать. Потомъ онъ опять поѣхалъ на ту же гору, встрѣтилъ дорогой человѣка и увидѣлъ идущія куда-то войска. Человѣкъ спросилъ его: „Какъ тебя зовутъ?“ Ничего не отвѣчалъ мальчикъ, вернулся домой и разказалъ о случившемся старику. Старикъ на это ему сказалъ: „Имя твое Ертенъ-ерге, коня твоего зовутъ Чаганъ-Хобонъ, лукъ Джесъ Томана; если кто встрѣтится и спроситъ тебя объ имени, такъ и скажи“. Опять мальчикъ поѣхалъ въ ту же тайгу и вновь увидѣлъ идущія войска. Онъ обернулся въ худаго мальчишку, лошадь обратилъ въ жеребенка, догналъ войско и спросилъ: „Куда идете?“ „Мы посланы отъ хана“, отвѣчало ему войско, — „идемъ на озеро Сутьхуль, на которомъ есть тайга, а въ тайгѣ живетъ Канъ-Герעדѣ“. Ханъ приказалъ привезти крылья Канъ-Герעדѣ: „Кто ихъ доставитъ мнѣ, за того выдамъ дочь свою“, сказалъ онъ. „Я поѣду съ вами“, напрашивается Ертенъ-ерге. Захотало войско: „Куда тебѣ такому худому (багай-олу); впрочемъ поѣзжай, если хочешь“. Поѣхалъ онъ съ ними. Пріѣхали на высокую гору и увидели—бѣлѣтся небо. „Это что за небо?“ спросилъ Ертенъ-ерге. Ему отвѣчали: „Это и есть Суть-хуль“. „А что это чернѣется по срединѣ его?“ спросилъ Ертенъ-ерге. „Это тайга, въ которой живетъ Канъ-Герעדѣ“. Стали они стрѣлять и не могли дострѣлить. Ертенъ-ерге спуталъ свою лошадь и сталъ натягивать лукъ. Чирики ¹⁾ смѣются надъ нимъ. Наконецъ, онъ пустилъ стрѣлу, Канъ-Герעדѣ упалъ. Ертенъ-ерге сѣлъ на лошадь и поплылъ черезъ озеро. Чирики заспорили, одинъ говоритъ: „Я убилъ“. Другой говоритъ: „Я!“ Нѣкоторые также поплыли слѣдомъ за Ертенъ-ерге, не могли доплыть до острова, гдѣ жилъ Канъ-Герעדѣ, и утонули. Ертенъ-ерге доплылъ до него, отломилъ крылья, переплылъ назадъ, вышелъ на берегъ, началъ свистать и кричать, конь сталъ чихать, сдѣлался туманъ, Согуръ-туганъ-ашаки ²⁾

¹⁾ Чирикъ по монгольски—солдатъ.

²⁾ Ашаки по урянхайски—старикъ.

заблудились: которые зашли въ тайгу, которые въ морѣ утонули. Стала тьма; только былъ слышенъ шумъ и громъ отъ ѣзды Ертенъ-ерге. Чирики, оставшіеся живыми, вернулись домой; ханъ спросилъ ихъ: добыли ли крылья? „Добыли“, отвѣчали чирики;— „Хана-Герееде убили, но одинъ великанъ напустилъ туманъ и отнялъ крылья“. „Какъ зовутъ его?“ спросилъ ханъ. „Не знаемъ“, отвѣчали чирики. Потомъ пришли ащики и сказали хану: „Великанъ не знакомый, а лошадь подъ нимъ была знакомая, извѣстная Чаганъ-хобонъ, на которой ѣздилъ Ерге-бурге“. Ханъ сказалъ: „Гдѣ ему самому теперь ѣздить; онъ уже старикъ“. Ханъ послалъ однако людей посмотрѣть; посланные увидѣли золотую ургу, съ наружной стороны которой лежали крылья Канъ-Герееде; они зашли въ юргу, увидѣли богатыря, и спугались и спросили у старика: „Кто такой этотъ богатырь?“ Старикъ отвѣчалъ: „Это мой сынъ“. Посланные вернулись и доложили хану. Ханъ послалъ къ старикѣ пять человѣкъ съ приказаніемъ, чтобъ онъ прикочевалъ къ ханской ургѣ. Старикъ отвѣтилъ имъ, что онъ привыкъ къ родному мѣсту и не хочетъ скочевать. Тогда ханъ послалъ десять человѣкъ съ приказомъ: добромъ не покочуетъ, силой привести. Старикъ пошелъ къ сыну и говоритъ: „Покочуемъ, что ли? Хана прогнѣвать не хорошо“. Сынъ согласился и сказалъ имъ: „Ступайте; я самъ доставлю къ хану свой домъ и семейство“. На другой день, сѣвъ на лошадь и напнувъ веревку на золотую ургу, онъ отвезъ ее къ хану. Ханъ вышелъ утромъ изъ своей урги, и увидѣвъ на степи другую золотую ургу, спросилъ: „Чья эта урга?“ Слуги сказали, что это урга старика Ерге-бурге. Ханъ послалъ человека за старикомъ, старикъ явился. Ханъ спросилъ его: „Какимъ образомъ ты приобрѣлъ золотую ургу?“ „Сынъ добылъ“, отвѣчалъ старикъ. „Откуда у тебя взялся сынъ?“ спросилъ ханъ; „ты былъ бездѣтенъ“. Старикъ разказалъ о происхожденіи Ертенъ-ерге. „А кто убилъ Канъ-Герееде?“ спросилъ ханъ. „Мой сынъ“, отвѣчалъ старикъ. „Пусть онъ будетъ моимъ зятемъ“, сказалъ ханъ;— „пошли его сюда“. Старикъ посылаетъ сына къ хану, а самъ радуется, что ханъ отдаетъ за него свою дочь. Сынъ говоритъ: „И самъ не пойду, и крылья не отдамъ, и его дочери мнѣ не надо“. Тогда ханъ послалъ къ Ертенъ-ерге пять человѣкъ звать его; онъ не пошелъ. Ханъ послалъ десять человѣкъ звать его. Ертенъ-ерге подумалъ: „Не надо гнѣвить хана“. И велѣлъ десяти человѣкамъ нести

къ хану крылья Канъ-Герееде, а о себѣ сказалъ: „Послѣ прійду“. Десять человѣкъ наспло подняли крылья, принесли ихъ къ хану; его домъ полонъ сталъ отъ крыльевъ. Вслѣдъ за десятью человѣками пришелъ и самъ Ертенъ-ерге; въ дверь онъ не могъ пройти и сломалъ ее желѣзными косяками. Ханъ спросилъ его: „Ты убилъ Канъ-Герееде“. Ертенъ-ерге отвѣчалъ: „Я“. „Ну, ты будешь мой зять“, сказалъ ханъ. Сдѣлали свадьбу, девять лѣтъ сряду пировали.

(Сказка этимъ не кончается; конецъ ея разказчикъ плохо зналъ, мѣстами забылъ и въ неполномъ, отрывочномъ видѣ, не смотря на упрасиванія, отказался разказывать, отговариваясь тѣмъ, что Орапъ ээпи подслушиваетъ сказки, и если кто сказку не вѣрно разказываетъ, тому дѣлается худо).

(Бюргутъ, Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Буревъ голъ).

114. Мальчикъ Булотъ-хурэ и его конь.

Въ старинное время, когда еще Сумбуръ-Ола была болотомъ, гуранъ еще былъ индзагашкой ¹⁾, когда снѣга были мелки, а сакхильдза (ковыль) былъ зеленый, въ то время жилъ одинъ мальчикъ; имя его было Булотъ-хурэ. У него не было ни роду, ни племени. Однажды пошелъ онъ на охоту, увидалъ козулю-самку; когда онъ выстрѣлилъ пзъ лука, козлуха, ударившись о землю, сдѣлалась лебедью, взяла его стрѣлу въ ротъ и сказала: „Если ты добрый молодецъ, то найдешь свою стрѣлу“. Сказавъ это, она улетѣла. Булотъ-хурэ когда внизъ смотрѣлъ, плакалъ, когда вверхъ смотрѣлъ, смѣялся. Воротившись домой, разказалъ своимъ отцу и матери, что съ нимъ случилось, и просилъ отца отпустить его отправиться на поиски лебеда. Отецъ не сразу согласился; онъ говорилъ сыну: „Кости твои хрящи, кровь твоя вода“. Булотъ-хурэ отпустилъ своего коня, чтобъ онъ копыта выросилъ, и мать свою попросилъ, чтобъ она починила его платье; самъ сталъ бить звѣрей и сушить борсу (сушеное мясо). Выладилъ своего коня, осѣдлалъ его сѣдломъ, сдѣланнымъ изъ дерева, выросшаго локтемъ (тохой), и отправился въ путь на востокъ. Когда кукушка начнетъ куковать, онъ думаетъ, что лѣто; когда сорока защекочетъ, онъ

¹⁾ Куранъ—самецъ козули; индоганъ—теленкъ козули.

думаетъ, что зима. Видитъ, летитъ надъ нимъ воронъ. Воронъ говоритъ: „На этой горѣ есть три слѣпыхъ даянчи; поѣзжай туда и спроси о своей судьбѣ“. Булотъ-хурэ поѣхалъ по совѣту вороны, трое сутокъ молился у дверей отшельниковъ, потомъ зашелъ въ юрту и разказалъ имъ, зачѣмъ поѣхалъ, чего ищетъ. Они открыли книгу судебъ (Заяни-алтын-чара судур) и сказали: „Твоя невѣста живетъ далеко отсюда на разстояніи восьмидесяти лѣтъ“. Булотъ-хурэ, взявъ отъ нихъ благословеніе, отправился въ путь. Гдѣ нужно десять лѣтъ ѣхать, доѣхалъ въ десять мѣсяцевъ; увидѣлъ на пути бѣлую юрту; привязалъ коня, вошелъ въ юрту, видитъ—старикъ со старухой сидятъ и пьютъ чай; старикъ пилтъ стрѣлы Булотъ-хара, не сказавъ ни слова, не поздоровавшись, закурилъ трубку; выкуривъ ее, поѣхалъ дальше. Старикъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и спросилъ: „Ты чей, мальчикъ, и откуда? Какъ ты смѣлъ въ мой домъ зайти и не поздороваться? Если есть у тебя языкъ, говори, а если нѣтъ, то сейчасъ твою голову отстрѣлю“. Тогда Булотъ-хурэ воротился и попросилъ у старика извиненія. Старикъ простилъ ему. Булотъ-хурэ, вошедши снова въ домъ, разказалъ, кто онъ и куда поѣхалъ. Старикъ сказалъ: „Эта лебедь будетъ мнѣ внучка“. И далъ ему совѣтъ, какъ добыть ее. Булотъ-хурэ приѣзжаетъ во владѣнія того хана, гдѣ его невѣста, передѣлалъ своего коня въ дряннаго жеребенка, самъ сдѣлался сопливымъ мальчишкой. По золотому мосту играютъ ханскія дочери, по серебряному мосту дочери вельможъ, по желѣзному мосту дочери ханскихъ подданныхъ. Булотъ-хурэ хотѣлъ съ царскими дочерьми плясать, онѣ сбросили его съ моста; съ боярскими дочерьми хотѣлъ играть, и тѣ его сбросили; дочери подданныхъ также сбросили. Онъ пролежалъ три сутки подъ мостомъ, на четвертую оправился и пошелъ къ царскому двору; шла мимо его та самая Абахай-дангинъ, которая унесла стрѣлу, узнала его и велѣла слугамъ накормить чужестранца; слуги дали ему сыворотку въ собачьемъ корытѣ. Онъ выпилъ сыворотку тайкомъ себѣ за пазуху. Назначена была стрѣльба; кто лучше выстрѣлитъ, тотъ возьметъ за себя Абхай-дангинъ: такъ опредѣлилъ ханъ. На мѣту было поставлено три предмета рядомъ; первая мѣта—чтобы стрѣла перебила по суставу траву ковыль (хилгана), вторая—разбила бы въ щепки тридцать возовъ дровъ, третья разорвала бы игольное ушко.

Всѣ съѣхались богатыри, и между ними былъ главный Иргай Ширгай (за него Абахай-дангинъ была уже просватана); стрѣляютъ и не могутъ попасть. Иргай-ширгай ковыль прострѣлилъ, дрова разщепалъ, но въ иголку не попалъ. Стрѣла Булотъ-хурэ попала въ иголку и вырыла мѣста въ землѣ, сколько можетъ занимать (подъ табуны) богатый человекъ. Тогда Иргай-ширгай проситъ Булотъ-хурэ, чтобы онъ сказалъ, будто этотъ послѣдній выстрѣлъ сдѣланъ имъ, Иргай-ширгаемъ. Булотъ-хурэ согласился съ условіемъ, чтобы Иргай-ширгай позволилъ вырѣзать два ремня изъ его спины. Послѣ того богатыри должны были бросать черезъ море камень, величиной съ корову (ухурин шинен ихи хара чило). Иргай-ширгай добросилъ только до половины моря, Булотъ-хурэ не только перебросилъ черезъ море, но еще на томъ берегу разбилъ утесъ. За это взялъ онъ съ Иргай-ширгая два мизинца. Потомъ былъ назначенъ бѣгъ съ матерью Иргай-ширгая, которую звали „съ граненымъ носомъ, съ пѣшневиднымъ подбородкомъ, съ волосами въ бровяхъ длиною съ четверть, съ глазами въ глубокихъ впадинахъ Хайханъ хамыгын“ (самсал хошута салир ургута гом нохо нитхидэ ургулын хонхулдзур хай хан хамыгын). Они должны бѣжать на разстояніи трехъ мѣсяцевъ; всѣ поѣхали на мѣсто, откуда бѣжать слѣдуетъ. Булотъ-хурэ ѣдетъ сзади на своемъ худенькомъ жеребенкѣ, всѣ смѣются надъ нимъ; конь его усталъ, и онъ остался сзади всѣхъ, но когда стали подъѣзжать къ ночлегу, Булотъ-хурэ уже тамъ сидитъ, набивъ дичи и звѣрей и наготовивъ мяса. На другой ночлегъ также. Такимъ образомъ они доѣхали до мѣты черезъ три мѣсяца. Ханъ Хулдзуръ-Хайханъ Хамыгынъ попросила водки, сказавъ: „Мы далеко будемъ бѣжать, путь будетъ трудный; нужно будетъ выпить чашки по три“. Когда всѣ выпили, всѣ заснули. Старуха побѣжала. Тогда конь Булотъ-хурэ прыснулъ и навелъ туманъ на три дня, такъ что старуха заблудилась и къ вечеру пришла на старое мѣсто. Такъ конь дѣлалъ до трехъ разъ, но такъ какъ онъ имѣлъ только гурбы эрдени (три драгоценности?), то болѣе трехъ разъ не могъ дѣлать это. Тогда онъ разбудилъ своего хозяина. „Булотъ-хурэ, хозяинъ мой, если живъ, то вставай; если не живъ, то я побѣгу въ свою землю. Сорокъ два моихъ зуба съ уздою вмѣстѣ гремятъ, четыре моихъ копыта свалиться хотятъ. Если можешь говорить, то говори, а если не можешь го-

ворить, то я прощаюсь съ тобой“. Таковы были слова коня. Булотъ Хурэ, вставши, спросилъ коня: что съ ними случилось? Конь сказалъ: „Хайханъ хамыгынъ напоилъ тебя водкой съ ядомъ“. Потомъ конь Буруль Цохуръ велѣлъ Булотъ-хурэю наложить четыре круглые камня въ пазуху и сказалъ: „Дери мои жирныя бедра плетью и мой ротъ раздѣрай до коренныхъ зубовъ. Мы догонимъ Хайханъ-хамыгынъ у чернаго моря, гдѣ она будетъ мыть свое лицо. Тогда ты бросишь одинъ камень и переломишь ей ногу“.

Когда Хайханъ-Хамыгынъ увидѣла, что у нея нога изломана, перевязала ее ковыль травой и побѣжала далѣе, сдѣлавъ все это на бѣгу. Булотъ-хурэй между тѣмъ убѣжалъ впередъ; но Хайхынъ-хамыгынъ догнала его и хотѣла своимъ подбородкомъ пробить его голову; тогда онъ выбилъ ей глазъ камнемъ. Хайханъ-хамыгынъ на бѣгу вырвала глазъ у лисицы и вставила себѣ, опять стала догонять Булотъ-хурэя! Тогда онъ ей перебилъ камнемъ руку. Она перевязала ее на бѣгу ковылемъ и побѣжала за нимъ. Въ четвертый разъ, когда она стала догонять, онъ перебилъ ей другую ногу; тутъ уже была близка граница, до которой они бѣжали. Булотъ-хурэй прибѣжалъ впередъ. Хайханъ-хамыгынъ говоритъ своему сыну Иргай-ширгай: „Ну, сынъ мой Иргай-ширгай, на сколько было у меня силъ, я постаралась для тебя, но такой прыти, какъ у этого мальчишки, я не видывала, хотъ много лѣтъ живу. Камни, летящіе изъ-подъ заднихъ ногъ Булотъ-хуреева коня, переломали мнѣ всѣ члены“. Сказавъ это, она сломала свою желѣзную „хыдырхэ“¹⁾, въ которой заключалась ея душа, и сказала: „Тебя пусть ржавчина точить, меня пусть точить червь“. А сыну сказала: „Много благожеланія!“ Повернулась и умерла. Тогда Иргай-ширгай пришелъ къ хану и сказалъ: „Я взялъ два приза, а Булотъ-хурэй одинъ“. Булотъ-хурэй перебилъ его: „Я взялъ всѣ три приза, потому что я имѣю задатки за первые разы: два ремня и два мизинца“. Ханъ согласился отдать свою дочь за Булотъ-хурэя и во время свадьбы велѣлъ богатырямъ накормить однимъ быкомъ всѣхъ подданныхъ, чтобъ еще узнать ихъ догадливость. Всѣ богатыри и Иргай-ширгай не могутъ раздѣлить быка. Булотъ-хурэй сварилъ

¹⁾ Кандыргэ, (а не хыдырхэ) — орудіе для выскабливанія шкуръ при ихъ выдѣлкѣ.

быка, пскропавъ его, и смѣшавъ съ чаемъ, сталъ брызгать въ народъ. Ханъ спросилъ народъ: „Насытились ли, когда васъ Булотъ-хурэй кормилъ“. „Нѣтъ“, отвѣчалъ народъ, — „мы даже не видали, чтобы Булотъ-хурэй кормилъ насъ“. Тогда Булотъ-хурэй привелъ одного подданнаго къ хану и говоритъ: „Еслибъ онъ не ѣлъ, откуда у него взялись бы пятна и брызги жира на платьѣ?“ Ханъ убѣдился, что Булотъ-хурэй и силенъ, и ловокъ, и уменъ, отдалъ за него Абахай-Дангинъ, а Иргай-ширгая казнили.

(Сказка Бурятъ Агинскаго вѣдомства; сообщ. о. Я. Чистохинъ).

115. Оролынъ читнуръ.

Жили старикъ со старухой; у нихъ ничего не было, ни дѣтей, ни скота; они едва пропитывались тѣмъ, что старикъ рубилъ дрова, носилъ въ городъ продавать и приносилъ оттуда по чашкѣ проса; были у него для этой работы топоръ и веревка. Такъ старики дожили до старости; ему стало шестьдесятъ лѣтъ, ей пятьдесятъ лѣтъ. Въ это время старуха забеременѣла; оба обрадовались, что родится пмъ кормилецъ. Родился сынъ, выросъ, достигъ восьмилѣтняго возраста, но нѣмой и слѣпой; на морозъ выйдетъ — слезы текутъ. Пользы отъ него нѣтъ старикамъ. Однажды мальчикъ сшилъ котель съ варившимся просомъ, и старики прогнали его; „Какой, дескать — это намъ помощникъ; онъ только ко вреду намъ“. На другой день старикъ хотѣлъ идти въ городъ, но ни веревки, ни топора нѣтъ; мальчикъ унесъ эти вещи. Старики стали уже собираться умирать, потому что послѣдняго заработка лишились. Но мальчикъ возвращается съ огромною ношей; у него за спиной перевязанный мѣшокъ, въ одной половинѣ котораго просо, въ другой мука. Мальчикъ сказалъ, что онъ нарубилъ дровъ, продалъ въ городѣ и купилъ припасовъ; потомъ мальчикъ наловилъ цзурумовъ (сусликовъ), и сдѣлали они себѣ такой обѣдъ, какаго старики никогда не имѣли. Послѣ того мальчикъ сказалъ старику, чтобъ онъ сходилъ въ городъ и купилъ веревку въ восемьдесятъ сажень длины и топоръ въ восемьдесятъ фунтовъ вѣсомъ. Старикъ заказалъ вещи общаея плату заносить дровами. И сталъ мальчикъ добывать дрова, цѣпляя деревья съ корнемъ выворачивалъ. Въ сосѣдствѣ, былъ богатый аплъ¹⁾, въ который повадился волкъ ходить и да-

¹⁾ Ауль.

вить скоть. Богатый хозяинъ аила вздумалъ нанять мальчика пасти скоть и пришелъ къ старикамъ; тѣ говорятъ: „Какой онъ караульщикъ; онъ нѣмой и слѣпой!“ Однако спросили у мальчика: не пойдетъ ли онъ въ пастухи; тотъ изъявилъ согласіе, взялъ съ собою веревку и топоръ, которые онъ никогда не оставлялъ, и отправился. Его накормили въ богатомъ домѣ и осѣдлали ему смирную лошада согласно его просьбѣ; веревку и топоръ онъ привязалъ въ торока. Хозяева говорили ему: зачѣмъ ему топоръ, пусть бы лучше взялъ укрюкъ. Но мальчикъ не согласился. „Что-то будетъ?“ подумали хозяева. Остался мальчикъ въ табунѣ ночевать и въ полночь слышитъ, что весь табунъ бросился въ сторону; онъ поѣхалъ на встрѣчу, видитъ что-то черное, схватилъ его, долго боролся, и наконецъ, убилъ. Утромъ онъ разсмотрѣлъ, что это былъ какой-то пестрый звѣрь; это былъ ирей ¹⁾. Онъ думалъ, что это волкъ, о которомъ говорилъ хозяинъ, привязалъ его и задавленную имъ кобылу въ торока, хотѣлъ ѣхать—коню не подъ силу было везти. Тогда онъ привязалъ одинъ конецъ веревки къ одному животному, другой къ другому и поволокъ къ себѣ; пришелъ къ хозяину и попросилъ ѣсть. Ему дали и спросили: „Въ какомъ положеніи дѣла?“ „Опять волкъ задавилъ кобылу“, отвѣчалъ пастухъ. Хозяинъ осердился, бросилъ въ него чашкой, въ которой была наложена ему ѣда, и прогналъ. Пошелъ потомъ хозяинъ изъ юрты, увидѣлъ какую-то кучу, разглядѣлъ кобылу и ирея, догадался, что онъ убилъ мальчикомъ, поѣхалъ къ старикамъ и говорить имъ: „Перекочевывайте жить подлѣ моего аила, ѣшьте мое, чтѣ хотите, надѣвайтесь, чтѣ вздумаете, только пусть вашъ сынъ пасетъ мой скоть. Старики перекочевали, мальчикъ сталъ пасти скоть. Замѣтилъ онъ однажды, что куда-то идетъ войско; ханъ набираетъ его и шлетъ на войну. Мальчикъ вернулся домой и говорить, что онъ пойдетъ въ чирики (солдаты). „Куда тебѣ!“ говоритъ хозяинъ;—„ты и нѣмой и слѣпой, твое дѣло скоть пасти“. Однако мальчикъ взялъ свою веревку и топоръ и ушелъ слѣдомъ за войскомъ; слѣдъ войска онъ потерялъ, а все-таки идетъ впередъ; перевалилъ гору, проголодался, видитъ подъ горой городъ, байшинны (глиняные дома) и подлѣ нихъ юрты;

¹⁾ Разказчикъ не могъ хорошо объяснить, что такое ирей; по его мнѣнію, это должно быть тигръ. По урянхайски ирей—медвѣдь.

онъ вошелъ въ бѣлую юрту (цаган геръ), чтобы попросить поѣсть. Тамъ сидѣли двѣ женщины, старуха и молодая. Онъ поздоровался съ молодою—ничего не отвѣтила; поздоровался со старухой—та что-то пробормотала, чего онъ не разобралъ. Онъ попросилъ ѣсть, ему дали. Молодая взглянетъ на него, улыбнется; отвернется, плачетъ. Мальчикъ (ху) спросилъ старуху: что это значитъ? Старуха объяснила, что у нихъ ежедневно посылаютъ по человѣку на съѣденіе Оролынъ-мангысу, что они семья одного тушемиля (вельможи) и что очередь идти на съѣденіе досталась его сыну, мужу молодой женщины. Мальчикъ спросилъ: „Не могу ли я вмѣсто него пойти?“ Родители обрадовались, и когда сынъ вельможи, сопровождаемый четырьмя „ка“, пріѣхалъ, мальчику сказали, чтобы онъ одѣлся въ платье сына вельможи и сѣлъ на его мѣсто. Мальчика одѣли въ шелковое платье, посадили на переднее мѣсто и служили ему, какъ сыну вельможи, а послѣднего посадили къ дверямъ одѣтаго въ худое платье мальчика; это для того такъ сдѣлали, чтобы Оролынъ-мангысъ не узналъ. Мальчика угостили, посадили на носилки и понесли въ степь. Дорогой онъ вспомнилъ, что забылъ топоръ и сказалъ о томъ четыремъ „ка“. Тѣ говорятъ: „Теперь топоръ, ужъ не спасетъ тебя“. Въ пустынь они достигли до одинокой фанзы или дома, хара мухор байшин ¹⁾; отомкнули огромный замокъ, который висѣлъ на дверяхъ; внутри байшина было пусто, былъ одинъ только голый канджинъ ²⁾. „Ка“ постлали бѣлый войлокъ на канджинъ, поставили масло, водку, пислыхъ (сыръ), сваренаго барана; мальчику велѣли встать подлѣ и не шевелиться; заперли байшинъ и уѣхали. Мальчикъ однако не сталъ слушаться ихъ приказанія, началъ ходить, поѣлъ, попилъ и даже помочился. Черезъ нѣкоторое время онъ замѣтилъ отверстіе въ крышѣ и увидалъ звѣзды, по которымъ разчиталъ, что на дворѣ полночь. Въ это отверстіе просунулся мѣдный носъ (джесь хамыр) и выпилъ масло; оно только зашурчало. Потомъ зашурчала и водка, когда ее потянулъ въ себя мѣдный носъ. Мальчикъ схватился одною рукой за носъ, другою за матицу (нуру); носъ началъ рваться. „Эхъ, нѣтъ топора“, пожалѣлъ мальчикъ. Мѣдный носъ вырвалъ, матицу разворочалъ и

¹⁾ Хара байшин—тюрьма.

²⁾ Канджинъ—нары.

крышу; тогда мальчикъ увидѣлъ, что это была огромная птица бѣлаго цвѣта. Онъ сѣлъ на нее и сталъ бить. „Не убивай меня“, сказалъ Оролынъ мангысъ;— „я тебѣ сослужу службу“. „Ну, такъ, вози меня къ хану“, потребовалъ мальчикъ. Оролынъ мангысъ повезъ его къ хану, а мальчикъ правилъ птицей, держа ее за носъ. Приѣхавъ къ хану, мальчикъ потребовалъ желѣзную узду, желѣзную веревку и желѣзные путы, чтобъ укрѣпить Оролына. Ханъ обрадовался, что его ханство избавилось отъ Оролына, и угостилъ мальчика.

Послѣ этого мальчикъ велѣлъ Оролыну везти себя къ своему хану, который ушелъ съ войскомъ на войну. Онъ нашелъ своего хана только съ небольшимъ числомъ войска; непріятель все почти войско у него избилъ. Ханъ объявилъ, что завтра онъ въ послѣдній разъ будетъ биться. Оролынъ сказалъ мальчику: „Войско хага потому побито, что непріятель умѣетъ драться не только надъ водой, но и подъ водой. Ты только сиди на мнѣ; я могу бить и подъ водой“. Выѣхали завтра на битву, Оролынъ мангысъ перебилъ все непріятельское войско. Тогда ханъ возвратился домой, мальчикъ убилъ Оролына, потому что онъ болѣе ему былъ не нуженъ, а ханъ мальчика освободилъ отъ податей, тархылна ³⁾.

(Гунынъ, Халхасецъ хошуна Дугуна).

116. Мангысъ.

Въ одномъ ханствѣ появился Мангысъ, которому на сѣдненіе ежедневно выставляли въ желѣзномъ байшинѣ масло, вино и человѣка. Очередь выпала ханскому тайджи; одинъ бѣдный человѣкъ вызвался пойти вмѣсто тайджи. Его одѣли въ платье тайджи, чествовали какъ тайджи, и онъ три дня пировалъ у хана; потомъ повели его къ Мангысу. Дорогой онъ вспомнилъ, что забылъ топоръ

³⁾ По объясненію сказочника, во время праздничныхъ игръ, устраиваемыхъ во время народныхъ сборищъ у монастырей, кто одержитъ верхъ надъ всѣми побѣдителями въ борьбѣ, въ первый годъ получаетъ прозвище Цанъ, на второй годъ—Арсланъ, на третій—Абрикъ-гариде, на четвертый—Тархылъ. Тогда онъ избавляется отъ податей и во время игръ болѣе уже не борется, а только сидитъ голый и получаетъ свою долю изъ призовъ, которая равняется девяти девяткамъ (то-есть, 81 шт.). Это, можетъ быть, не что иное, какъ народное повѣрье.

Провожатые сказали: „Что ужъ теперь думать о топорѣ, что имъ сдѣлаешь? Во всякомъ случаѣ тебя въ байшинѣ ждетъ смерть“. Отвели его въ гоби, ввели въ желѣзный байшинъ и заперли. Въ верхнее единственное отверстіе въ байшинѣ просунулся желѣзный клювъ и сталъ пить масло, потомъ выпилъ вино и только хотѣлъ приняться за человѣка, какъ послѣдній самъ ухватился за него. Мангысъ старался освободить свой носъ и разломалъ крышу желѣзнаго байшина. Тогда человѣкъ сѣлъ на Мангыса, и тотъ помчался съ своимъ всадникомъ, который дорогой до того билъ его, что заколотилъ до смерти.

(Найдынъ, Халхасецъ, шабинецъ изъ г. Урга).

117. Тончжи мергенъ.

Тончжи мергенъ на вороной лошади имѣлъ двухъ собакъ—Асыръ и Басыръ: на передней лукъ у него сидѣлъ бюргутъ, на задней—ястребъ; у него была мать и сестра; къ югу, западу и востоку отъ его юрты было по большому озеру, на которыя его мать и дочь ходили умываться. На южномъ берегу былъ верблюдъ, который три дня лежалъ не вставая, потомъ три дня ходилъ. Каждый день Тончжи-мергенъ ѣздилъ на охоту, и возвращаясь, подѣхавъ къ юртѣ, обыкновенно кричалъ: „Эджъ, эджъ, эгичъ, эгичъ! Мать, мать, сестра, сестра! Вывязывайте дичь изъ тороковы!“

Съ южной стороны приѣхалъ Тэнгиринъ-урту-шаръ-бухо богатый, спознался съ матерью и сестрой Тончжи мергена, и они втроемъ задумали убить послѣдняго. Однажды Тончжи мергенъ приѣзжаетъ къ юртѣ и кричитъ: „Мать, мать, сестра, сестра!“ Никто не выходитъ. Онъ вошелъ въ юрту и видитъ—мать лежитъ вываленная въ пеплѣ. Сестра говоритъ брату, что мать больна. „Чѣмъ тебя могу вылѣчить?“ спрашиваетъ Тончжи свою мать. „Достань сердце Хортонъ-могая“ (ядовитой змѣи), говоритъ мать. Поѣхалъ Тончжи; ѣхалъ такъ долго, что конь кровью сталъ мочиться. „Что съ тобой, конь?“ спросилъ Тончжи мергенъ. „Ты ничего не знаешь“, отвѣчалъ конь;— „твоя сестра и мать—„ерлики“; они задумали погубить тебя, спознавшись съ Шаръ-бухо“. Однако Тончжи-мергенъ доѣхалъ до змѣи; она показывалась только утромъ и въ полдень. Тончжи мергенъ, по совѣту коня, сталъ на гору Уланъ-гологой, съ утра началъ натягивать лукъ, въ полдень спустилъ стрѣлу,

убилъ змѣю, вырѣзалъ сердце, привезъ домой и отдалъ матери. Мать змѣиное сердце спрятала, а съѣла вмѣсто него бычье; сердце же змѣи она отдала Шарь-бухо, потому что она знала, что кто съѣстъ его, тотъ будетъ силенъ. Шарь-бухо, съѣвъ его, сказалъ: „Все еще я не силенъ его. Нужно послать его достать пѣны съ моря Хатха-далая. Либо онъ достанетъ пѣну, и тогда я выпью ее и стану силенъ его, либо онъ, не доставъ, погибнетъ“. Тончжи мергенъ поѣхалъ. Конь опять сталъ мочиться кровью. Тотъ же вопросъ со стороны богатыря и тотъ же отвѣтъ коня. При этомъ конь далъ богатырю такой совѣтъ: „Нужно заѣхать въ аилъ и попросить утварь „хобо“; я буду плавать, а ты лови пѣну (кось)“. Наловилъ Тончжи-мергенъ пѣны и привезъ ее своей матери. Подъѣзжая къ дому, онъ встрѣтилъ Шарь-бухо; богатыря стали бороться. Тончжи мергенъ свалилъ соперника и забилъ его подъ лежавшаго верблюда. Женщины нашли Шарь-бухо, но не могутъ выручить; били верблюда плетью, онъ не встаетъ. Они наезпали передъ верблюдомъ гуджиру, верблюдъ тянется къ нему, а все-таки не встаетъ. Провели ручей воды; верблюдъ потянулся, но не всталъ. Тогда Шарь-бухо присовѣтовалъ разложить подъ задомъ верблюда огонь; верблюдъ всталъ. Женщины ввели Шарь-бухо въ домъ и спрятали его въ большой ящикъ отца Тончжи мергена.

Привезенную пѣну Тончжи мергенъ отдалъ матери; мать сказала нѣсколько времени спустя, что она съѣла пѣну и теперь выздоровѣла. Возвратясь однажды съ охоты, Тончжи мергенъ спросилъ: „Гдѣ отцовская чашка?“ „Въ отцовскомъ ящикѣ“, отвѣчала мать. Тончжи мергенъ открылъ ящикъ, оттуда выскочилъ Шарь-бухо, и стали они драться. Не можетъ Тончжи мергенъ одержать верхъ и говорить матери: „Мать, положи подъ меня муки, а подъ врага моего верблюжьяго хорголу“. Мать подложила наоборотъ. Тончжи-мергенъ упалъ, Шарь-бухо убилъ его; выкопали яму, глубиной три года копать, бросили его въ нее. Собаки, птицы и конь Тончжи-мергена вознеслись на небо; спустя три года, они вернулись; собаки стали рыться и вырыли Тончжи-мергена; остались одни кости да мозгъ въ нихъ; конь лизнулъ кости, онѣ покрылись мясомъ, собаки лизнули, богатырь ожилъ. Съѣлъ онъ на коня, нашелъ Шарь-бухо, убилъ его; потомъ матери и сестрѣ сказалъ: „Выбирайте или восемьдесятъ арыковъ аргасуну носить въ день, или восемьдесятъ

кобылъ доить“. Они выбрали послѣднее; кобылы были дикія и убили женщинъ. Потомъ Тончжи мергенъ женился на дѣвицѣ, у которой на шеѣ было солнце, на затылкѣ мѣсяцъ.

(Гупинъ, Халха изъ хошуна Лу-гуна).

118. Палочка и ердене-цаганъ.

Жилъ старикъ съ сыномъ; оба были охотники, сынъ ловчѣе отца. Сыну досталось идти въ чирики; какъ ни жалъ было отцу сына, повезъ онъ его въ войско. На дорогѣ они остановились на ночлегъ. Сынъ замѣтилъ въ полѣ какой-то огонь, выстрѣлилъ въ него, и ему показалось, будто упало что-то величиной съ человѣческій палецъ. Сынъ сказалъ объ этомъ отцу; тотъ замѣтилъ, что это онъ худо сдѣлалъ. На утро сынъ пошелъ посмотреть и увидѣлъ, что онъ убилъ тигра (бар). Онъ опять сказалъ объ этомъ отцу, и отецъ опять сказалъ, что это не хорошо, однако снялъ шкуру съ тигра. Доѣхали они до войска, и отецъ сдалъ сына джанджину. Между тѣмъ дѣла у джанджина были плохи, войска у него осталось уже мало. Онъ отдалъ приказъ, чтобы чирики бросили котлы, оставили шапки и скорѣе уходили бы. Когда они ушли, въ станъ прибѣжалъ тигръ, одну шапку разорвалъ и убѣжалъ. Войско вернулось, чирики разобрали шапки, разорванною оказалось шапка охотника. Тогда джанджинъ сказалъ ему, чтобы онъ тутъ остался; дали ему палатку, оставили ѣды и двухъ верблюдовъ, а остальное войско ушло. Тутъ онъ догадался, почему отецъ сказалъ, что худо, что онъ застрѣлилъ тигра. Двѣ ночи онъ ночевалъ, на третью прибѣжалъ тигръ; увидя его, охотникъ натянулъ лукъ, и когда тотъ подошелъ ближе, убилъ его, шкуру снялъ, навьючилъ на верблюдовъ, поѣхалъ слѣдомъ войска, но слѣдъ потерялъ. Остановился на ночлегъ возлѣ одной норы, возлѣ которой была хорошая трава; палатку разбилъ дверями къ отверстію норы. Сварилъ чай, сталъ пить; изъ норы кто-то просунулъ чашку; онъ налилъ въ чашку. Сварилъ мясо, сталъ ѣсть; изъ норы снова высунулась чашка, онъ положилъ въ чашку мяса. На ночь онъ сдѣлалъ куклу, положилъ на свое мѣсто, одѣлъ въ свое платье и легъ въ сторонѣ, натянувъ лукъ. Изъ норы потянулось что-то длинное и черное; это былъ Оролынъ-читкуръ. Охотникъ выстрѣлилъ, и Оролынъ закричалъ: „Ай, ай, ай! цаганъ, цаганъ! кошулы!“ (то-есть: бѣлое! зарѣ-

зали!" Тотчасъ изъ норы показалось что-то бѣлое, и разбитый Оро-
лынъ снова сталъ цѣль и исчезъ въ норѣ; осталась только одна
кость „сключи“. Охотникъ успѣлъ однако схватить бѣлое. На
завтра онъ поѣхалъ далѣе. Задній верблюдъ вскрикнетъ и ото-
рвется, вскрикнетъ и оторвется. Охотникъ посмотрѣлъ изъ-подъ
лѣваго локтя и увидѣлъ, что кто-то жирный отрываетъ верблюда;
онъ выстрѣлилъ—ничего не стало; лежитъ одна палочка. Охот-
никъ взялъ ее, подумавъ: „Годится огонь растопить“. Ѣдетъ далѣе,
видитъ пять дзереновъ. Онъ сталъ палочкой пересчитывать ихъ;
сказалъ: „Одинъ!“ Звѣрь упалъ. Сказалъ: „Два!“ Другой упалъ. Такъ
всѣ пять дзереновъ упали мертвые. Онъ оснималъ звѣрей, сварилъ
мясо, сталъ ѣсть, порѣзалъ большой палецъ, сѣлъ и заплакалъ;
тутъ онъ вспомнилъ, что у него есть бѣлое, отъ котораго исцѣ-
лился Оролынъ, вынулъ его, приложилъ къ пальцу и сталъ здо-
ровъ. Навьючилъ мясо на верблюдовъ, поѣхалъ далѣе и прибылъ
къ джанджину; у того уже мало осталось войска. Охотникъ об-
явилъ, что у него есть чудодѣйственная палочка, и просилъ до-
зволѣнія испробовать ея силу на чирикѣ. Джанджинъ далъ позво-
леніе. Тогда охотникъ показалъ на чирика палочкой, и чирикъ
умеръ. На утро, когда войска сошлись на битву, сталъ охотникъ
помахивать палочкой надъ непріятельскимъ войскомъ, и все оно
легло мертвое. Послѣ этого войско пошло домой; дорогой наѣхали
на бѣлую юрту и вошли попросить „цаган еден“ ¹⁾. Лама, сидѣв-
шій внутри юрты, при входѣ ихъ сказалъ: „Вы заѣхали просить
цаганъ еден (онъ былъ пронизательный и впередъ узналъ ихъ на-
мѣреніе); вонъ въ ящикѣ возьмите“. Они отворили ящикъ и нашли
тамъ цаганъ еденъ всякаго сорта. Это былъ Арши-цаганъ-лама.
Увидѣвъ у охотника палочку, лама спросилъ его: „Что это у тебя
за палочка?“ Тотъ отвѣчалъ: „Такъ, пустая палочка; на дорогѣ по-
добралъ, огонь развести“. „Нѣтъ“, возразилъ лама,—„я знаю, что
это за вещь. Это моя вещь. Кромѣ нея, я знаю, у тебя еще есть
ердене-цаганъ. Насъ было всего трое: Арши-цаганъ-лама, Дорд-
жиджалбы и Аралъ Дзубъ. Мы вели войну съ Орудунъ-читкуромъ
и не могли одержать верха, потому что у насъ эти двѣ вещи,
палочку и ердене-цаганъ, украли. Отдай ихъ мнѣ и возьми за то

¹⁾ Цаганъ еден—молочная пища всѣхъ сортовъ.

что хочешь. Охотникъ отдалъ и въ замѣнъ ихъ получилъ другія вещи,
отъ которыхъ разбогатѣлъ. (Конецъ сказки разказчикъ забылъ).
(Гунынь, Халха хошуна Лугупа).

119. Абаденъ-хубынъ-шошки.

О немъ есть поговорка: „Абадаевъ сынъ Шошки если немоло-
децъ, то кто же онъ?“ (Абаден хубынъ шошки ырын биши юдэй
би). Онъ убилъ огненно-черную лисицу (галту хара унхугун) и по-
дарилъ Цаганъ-хану. Ханъ спросилъ его: „Что тебѣ нужно?“ Шошки
попросилъ ружье. Ханъ велѣлъ сковать ружье, и кузнецамъ, кото-
рымъ онъ поручилъ это, было приказано при каждомъ ударѣ мо-
лотомъ приговаривать: „Бей, бей!“ (ала, ала). Когда царь посылалъ
ружье къ Шошки, то совѣтывалъ ему не ѣсть первую убитую
этими ружьемъ дичь. Шошки застрѣлилъ въ первый разъ самку
сѣвернаго оленя (аиг саганн хого); смотреть—на шкурѣ семьдесятъ-
семь дыръ. Послѣ этого онъ никогда не дѣлалъ промаха. Однажды
къ нему пріѣзжаетъ старикъ на бѣлой лошади и спрашиваетъ: „Ты
молодецъ стрѣлять?“ Шошки отвѣчалъ: „Молодецъ!“ „Стрѣлай въ ме-
ня“, говоритъ старикъ,—„когда я побѣгу отъ тебя“. Шошки выстрѣ-
лилъ и промахнулся. Это была первая дичь, которую онъ, нацѣливъ
ружье, болѣе не увидѣлъ. Шошки продалъ ружье Монголамъ за
нѣсколько тысячъ головъ скота, но потомъ ему стало жаль ружья,
и онъ снова укралъ его. Когда Монголы стали догонять Шошку
на берегу Ангара, онъ бросился въ рѣку и вмѣстѣ съ ружьемъ
утонулъ.

(Сказаніе бурятское. Сообщ. о. Я. Чистохинъ).

120. Шильды занги.

Во время проведенія государственной границы Шильды Занги,
недовольный Китайцами, пошелъ въ Россію, но былъ схваченъ и
казненъ на самой границѣ. Голова его шесть верстъ катилась въ
Русь послѣ казни.

О немъ Буряты поютъ:

Гулгын ¹⁾, гулгын харахын
Гурбан дабхыр шюдуртэй

¹⁾ Гулгын—гибѣй.

Гурбы цымыши ¹⁾ Шильдэни
Гурбан дабхыр чериктей.
Дунын дунын харахын
Дурбан дабхыр шюдуртэй
Дурбылцакши Шильдэни
Дурбан дабхыр чериктей.

То-есть:

Тонкий, тонкий воронко
Въ три ряда стреноженный,
Увертливый Шильдэ,
Въ три ряда окруженный войсками,
Четырехлѣтний воронко
Въ четыре ряда стреноженный,
? Шильдэ,
Въ четыре ряда окруженный войсками ²⁾.

(Преданіе Бурятъ Агинскаго вѣдомства. Сообщ. о. Я. Чистохинъ).

121. Бала мергенъ.

Прежде въ Баянъ-Аулѣ, Каркаралахъ и Кентѣ было много всякаго звѣря—мораловъ, лосей, медвѣдей. Вездѣ ихъ истребилъ нѣкто Бала-мергенъ, умершій пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Онъ былъ великій истребитель; стрѣлялъ безъ сожалѣнія. Встрѣтивъ стадо саегъ, онъ избивалъ всѣхъ безъ остатка. Избивъ звѣрей въ здѣшнихъ мѣстахъ, онъ удалился на оз. Кокуй-куль, гдѣ-то за р. Чуей (которая течетъ къ с. отъ Ташкента), гдѣ множество всякаго звѣря, и онъ ходитъ безъ всякой боязни. Тамъ до Бала-мерегна охотился только Идыге-би. За грѣховное истребленіе и безжалостность къ звѣрямъ Богъ не далъ счастья Бала-мергену: онъ умеръ въ бѣдности и съ голоду.

(Киргизское преданіе. Сообщ. М. Ч. Чермановъ).

122. Шѳнъ-би.

Въ мусульманскомъ мірѣ являлось черезъ 600 лѣтъ другъ послѣ друга четыре Идыге, четыре Турсуна и четыре Ахмета. Послѣдній Идыге-би былъ киргизскій; теперь только ожидается Магди. У Идыге былъ сынъ Шѳнъ-би, которому было въ видѣ исключенія

¹⁾ Гурбылцакху — говорится о рыбѣ, когда она стоитъ и повливаетъ хвостомъ.

²⁾ Переводъ сдѣланъ о. Я. Чистохиннымъ.

предоставлено право вѣшанія, тогда какъ другіе би лишены этого права. Разказывается одно мудрое рѣшеніе Шѳнъ-би такого рода: На одномъ тоѣ (свадебномъ пирѣ) Киргизъ укралъ узюкъ (одинъ изъ двухъ войлоковъ, прикрывающихъ верхъ юрты); стали судить вора; кто сказалъ, что узюкъ стоитъ двадцать барановъ, кто — верблюда, и совѣтовали столько и взять съ вора. Кутай-Менды говоритъ: „Ты что, Шѳнъ-би, молчишь? Скажи слово!“ Шѳнъ-би отвѣчалъ: „Мало этого; узюкъ сколько человѣкъ прикрывалъ? За безчестіе этихъ людей еще нужно взять“.

(Киргизское преданіе, изъ Баянаульск. округа. Сообщено онъ же).

123. Арсланъ.

Жили старикъ со старухой. Видитъ онъ, что къ нему идетъ арсланъ (левъ), и испугался. Старуха говоритъ старику: „Не бойся, я научу тебя, что дѣлать. Возьми топоръ и молотокъ, иди на встрѣчу, и когда арсланъ спроситъ тебя: куда пошелъ старикъ, скажи: убить арслана на обѣдъ“. Старикъ такъ и сказалъ. Арсланъ говоритъ ему: „Развѣ ты сильнѣе арслана? Попробуемъ силы?“ „Хорошо“, соглашается старикъ. „Кто изъ камня выдавитъ масло, тотъ изъ насъ сильнѣе; кто же окажется слабѣе, тотъ пусть идетъ къ сильному въ услуженіе“. На этомъ договорились. Арсланъ нашелъ камень, а старикъ сходилъ въ лѣсъ, нашелъ тамъ птичье гнѣздо и вынулъ изъ него яйцо. Давилъ арсланъ камень, раздавилъ его въ порошокъ, а воды изъ камня не течетъ. Тогда старикъ спросилъ: „Вотъ видишь бѣлый камень“. „Впжу“, говоритъ арсланъ. Пожалъ старикъ и раздавилъ яйцо; потекла жидкость. Арсланъ пошелъ къ старику въ услуженіе; старикъ продѣлъ ему въ носъ буйль и началъ на немъ ѣздить. Только арсланъ сталъ догадываться на ѣздѣ, что старикъ не силенъ, и старикъ замѣтилъ, что арсланъ оцѣнилъ его силу, какъ слѣдуетъ; пришелъ старикъ къ старухѣ и говоритъ: „Арсланъ догадался, что у меня силы нѣтъ; онъ меня съѣстъ“. „Не бойся“, успокоиваетъ старуха, — „я тебя опять научу, что дѣлать. Когда ты вернешься домой на арсланѣ, сердито закричи на меня: что ты мнѣ сварила?“ Старикъ такъ и сдѣлалъ; когда онъ вернулся на арсланѣ, онъ сердито закричалъ на старуху: „Что ты мнѣ сварила?“ Старуха отвѣчала: „Я остатки отъ стараго арслана сварила,

да новаго арслана немного почала“. Арсланъ испугался; онъ подумалъ: „Старикъ арслановымъ мясомъ питается, двухъ арслановъ уже убилъ, убьетъ потомъ и меня“. И убѣждалъ арсланъ отъ старика. Ему встрѣтилась лисица и спрашиваетъ: „Что ты съ буйлемъ въ носу?“ Арсланъ разказалъ, какъ онъ попался въ руки къ спльному старику. „Обманули они тебя, все лгутъ“, сказала лисица; — „пойдемъ снова, ты ихъ задавишь, и тебѣ обѣдъ будетъ, и мнѣ кусокъ достанется“. Лисица ведетъ арслана къ старикамъ. Увидѣлъ ихъ старикъ, бросился къ старухѣ и говоритъ: „Старуха, лисица опять ведетъ арслана; теперь онъ съѣстъ насъ“. Взялъ старикъ топоръ и молотокъ, пошелъ на встрѣчу идущимъ и закричалъ: „Ахъ ты, обманщица лисица, я тебѣ приказалъ жирнаго арслана привезти, а ты того же и поймала, на которомъ я ѣздилъ“. Арсланъ подумалъ, что лисица подвела его, ударилъ ее, осердившись, по головѣ, убилъ до смерти, а самъ убѣжалъ.

(Гувинъ, Халха хошуна Лугуна).

124. Сенгенъ Хунъ тайджи.

а. Сенгенъ Хунъ тайджи бѣжалъ отъ своего отца и увелъ съ собой семь буланыхъ (шархыл) лошадей своей матери. Отецъ его, Хунъ тайджи погнался за нимъ, догналъ и просилъ отдать хоть одну лошадь, но Сенгенъ Хунъ тайджи не согласился; тогда отецъ проклялъ его, чтобъ ему не имѣть дѣтей, чтобы прервалось его потомство. Сенгенъ Хунъ тайджи прошелъ въ Дархатскую землю и поселился у Онгонъ-олы, на которой поставилъ обо и вырѣзанную гнѣдолюсую лошадь (геръ халдзын мори). На этомъ мѣстѣ и потомъ Дархаты приносили въ жертву упомянутой масти коня, а теперь колятъ только овецъ. Послѣ того Сенгенъ Хунъ тайджи отправился къ Ундюръ-гегену (то-есть, Богдо-гегену или ургинскому кутухтѣ), поднесъ ему тысячу ланъ серебра и сталъ просить его даровать ему дѣтей; Ундюръ-гегенъ не согласился. Сенгенъ Хунъ тайджи поднесъ еще тысячу ланъ; тогда Ундюръ-гегенъ сказалъ: „Вотъ только даю тебѣ два дара“. И у него родилась въ тотъ же годъ дочь, а на другой годъ родился сынъ. Первой Богдо-гегенъ далъ имя Деджитъ-Аха, второму — Геликъ. Дочь умерла и похоронена на горѣ Ундуръ-цацы-ола. Геликъ купилъ у Биширилтывана десять дымовъ (арбан урхо) Урянхайцевъ кости Ирхитъ и привелъ

ихъ въ Дархатскую землю. Отъ нихъ и пошли Дархаты ¹⁾. Потомъ Геликъ собрался уѣхать въ западныя страны (барун тиша), Богдо-гегену оставилъ золотую башню Бурхына-бакши (алтын субурги), менгунъ-даръхе и поясъ и просилъ его, чтобъ онъ безъ него научилъ его Дархатовъ закону, а ихъ самихъ подарилъ ему въ шаби. Богдо-гегеномъ былъ посланъ къ Дархатамъ учить ихъ Джуджулама, но Дархаты не повѣрили ему и сказали: „Пусть пришлютъ намъ нашихъ старыхъ боговъ“. Тогда начали искать оставленные у Богдо-гегена вещи и отыскивали золотую башню и менгунъ-даръхе по тому признаку, что они залипли шерстью, а поясъ узнали по масляному пятну. Отправили эти вещи къ Дархатамъ, но и тогда они не хотѣли принять законъ сразу, а опустили боговъ въ рѣку, сказавъ: Если это урянхайскіе, здѣшніе боги, то они поплывутъ вверхъ по рѣкѣ, если чужіе, то внизъ“. Боги поплыли вверхъ, и Дархаты приняли вѣру.

Когда Сенгенъ Хунъ тайджи впервые прибылъ въ Дархатскую землю, кабая-то птичка все кричала: цис, цис! За это и прозвали рѣку, протекающую по Дархатской землѣ, Шинкеитомъ.

(Старикъ Дархатъ съ р. Джара).

б. Сенгелинъ Хунъ тайджи былъ древнѣйшій владѣтель Дархатовъ; прежде Дархатская земля была пустая; Сенгелинъ Хунъ тайджи пришелъ и занялъ ее. Желая имѣть дѣтей, онъ обратился къ Ундюръ-богдо. Тотъ сказалъ, что онъ получитъ только двухъ дѣтей. Вскорѣ у него родилась дочь Деджитъ-аха и сынъ Геликъ-нойонъ-хутукту. Отецъ, мать и сестра умерли. Геликъ-нойонъ отдалъ своихъ Дархатовъ Нойонъ-хутукту, а самъ удалился въ Ели-стынъ-гоби. Дархатами завладѣлъ Шидырванъ. Одинъ лама вычиталъ въ книгахъ, что Дархаты — шаби Ундюръ-гегена, и тотъ сталъ просить Шидырвана отдать ему этотъ народъ. Шидырванъ уступилъ.

(Джамцинъ, Баргу-Солонъ съ оз. Буыр).

125. Геликъ-нойонъ.

Въ Дархатской землѣ жилъ Хунъ тайджи, у котораго были дѣти, — дочь Деджитъ-аха и сынъ Геликъ-нойонъ. Пришла война (дань); учинилъ ее народъ Дюрбѣ. Дюрбѣ угнали людей и скотъ

¹⁾ Иногда и Бураты зовутъ ихъ Ирхедархатъ.

Геликъ-нойона и его самого увели въ плѣнъ въ страну Харъ Иря, которая лежитъ за куренемъ Амиръ-бай-сахилинъ. Народъ и самъ Геликъ-нойонъ стали тосковать въ плѣну; коровы бросали телятъ и уходили въ свой старый нутукъ. Не вытерпѣлъ наконецъ и Геликъ-нойонъ и бѣжалъ съ своимъ народомъ снова на Шишкитъ, и съ тѣхъ поръ Дархаты живутъ здѣсь. Птичка „боро бульджумуръ“ сидѣла на вершинѣ пвы (бургасу) и щебетала: цис, цис! За это рѣку прозвали Шишкитъ.

(Галсанъ, Дархатъ, лама. Дархатскій курень).

126. Дзюникъ Бѣ.

а. Это былъ первый бѣ (шаманъ) на землѣ. Онъ сошелъ съ неба во время войны Шидырвана съ Дархатами, на помощь имъ. Вошелъ онъ въ средину Шидырванова войска; когда въ него стрѣляли, онъ вынималъ стрѣлы и бросалъ обратно, говоря: „Это твоя, это твоя!“ И сердился только за то, что они дырявили его шубу. Шидырванъ сказалъ: „Это сурькэй амитынъ (мудрая тварь)! Его не убьешь иначе, какъ огнемъ (тюмиртху)“. И приказалъ обложить егодровами съ двадцати вьючныхъ быковъ. Дрова сгорѣли, но Дзюникъ-бѣ остался невредимъ; даже соболю на его большой шапкѣ нисколько не опалился. Тогда Шидырванъ сталъ его упрашивать, чтобъ онъ перешелъ на его сторону. Но Дзюникъ Бѣ сказалъ, что онъ посланъ истребить его войска и взять его самого. Дзюникъ Бѣ отправился къ морю и сталъ, обращаясь къ войскамъ Шидырвана, махать рукой и кричать: „Таллынъ! таллынъ!“ Силой этихъ словъ онъ стянулъ все войско Шидырвана въ море, оставилъ только двѣнадцать человѣкъ въ доказательство своей побѣды и сдѣлалъ ихъ своими рабами. Это была первая услуга Дархатовъ Эдзень Хану; вторая состояла въ томъ, что у горы Банту толгой Шидырвана поймали; третья—въ томъ, что Дзюникъ Бѣ проложилъ границу съ Русскою землею и вѣдиль къ Русскому царю заключать пограничный договоръ. За эти три услуги Дархаты получили отъ Эдзень-хана дархатство.

(Записано г. Палкинымъ отъ Дархатовъ).

б. Дзюникъ бѣ не родился отъ человѣка, а вылезъ изъ отверстия въ большой скалѣ. Онъ былъ самый первый бѣ, и отъ него-то произошли миллионы бѣ; сколько ни было бы дѣтей, сыновей и до-

черей у каждого бѣ, всѣ они должны быть бѣ, и каждый умершій бѣ оставляетъ своего онгота, такъ что теперь и сосчитать нельзя сколько ихъ ¹⁾.

Разъ на Дархатскую землю пришла войной Хухенъ-батырь Хорулмой. Дзюникъ бѣ пошелъ къ ней. Его поймали, били, рубили, стрѣляли и жгли, но никакъ не могли истребить.

Хухенъ батырь (то-есть, дѣвица-богатырь) просила его быть проводникомъ; Дзюникъ-бѣ согласился, повелъ ея войско не вѣрною дорогою, привелъ къ большой рѣкѣ Уширь, въ тайгѣ, гдѣ вода била со скалы, велѣлъ положить нѣсколько деревьевъ и по нимъ велѣлъ переходить войску; всѣ переходившіе потонули, остались въ живыхъ только оставшіяся на берегу, именно сама Хухенъ батырь и сто ея чириковъ, да Дзюникъ бѣ съ двумя своими людьми. Здѣсь Хухенъ батыря поймали чирики Эдзень Хана. За это Дзюникъ бѣ получилъ званіе пойона (дворянство). Онъ же проложилъ границу между русскими и эдзень хановыми владѣніями. За эти три услуги Дархаты получили свое дархатство.

(Записана г. Палкинымъ отъ Дархата Эрель-Заерона).

в. Во времена „Хоролмой данъ“, то-есть, войны, которую произвелъ въ Дархатской землѣ Хоролмой, шаманъ Дзюникъ (Дзюникъ-бѣ) былъ такъ силенъ, что пули издырявили его голую кожаную одежду, а тѣла не повредили. Послѣ сраженія онъ сказалъ воинамъ Хоролмой: „Вы люди проѣзжіе; вамъ это сгодится“. И вытрясъ изъ-

¹⁾ Лама Эрель Заеранъ (заеранъ-шаманъ по дархатски), рассказывавшій г. Палкину эту легенду, называлъ шесть бывшихъ у него онготовъ. Вотъ имена четырехъ изъ нихъ: 1) Буроны, 2) Улапъ Хаты, 3) Хармы Аво, 4) Харъ Луса Эмегенъ; всѣ четыре были напшты на одномъ лоскутѣ красной матеріи, въ видѣ человѣчкова съ хвостиками изъ соболей; на нихъ красная одежда, а шапки и обшлаги на рукавахъ изъ собольяго мѣха; каждая кукла прикреплена къ бѣлой свареной въ маслѣ лептѣ. Два другіе онгота были напшты на желтой матеріи и тоже были прикреплены промасленными лептами; одинъ въ зеленой одеждѣ называется Ногонъ Тенгирынъ, другой въ мширной одеждѣ, называется Алтытѣй. Надъ постелью Заерана висѣло нѣсколько разноцвѣтныхъ лоскутковъ; это называли Харъ-ванчикъ или Хар-банчикъ, царь всѣхъ онготовъ. Онготы даютъ благосостояніе въ настоящей жизни; послѣ смерти отъ нихъ ни добра, ни худа. Они стараются дѣлать зло, и хороший бѣ ихъ прогоняетъ, а худой не можетъ. Прежде бѣ были сильнѣе; они могли быть въ одно время въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

за пазухи пули, которая въ него попали. Потомъ онъ взялся ихъ вести и обманулъ, сказавъ, что лучший путь имъ лежитъ черезъ Хэсылъ; они спустились по Хэсылу внизъ и утонули въ порогѣ.

(Гончиеъ, лама, Дархатъ. Р. Хукъ).

Хоролмой приходилъ войной на Дархатскую землю; отечество (уг) Хоролмоя называлось Дугунъ-Техенъ; Дзюникъ-бб-хаирханъ былъ богатырь дархатскій. Онъ уговорилъ войско Хоролмоя спуститься въ лодкахъ по Хочиру, и они утонули въ водопадѣ. Есть между Дархатами и теперь кость Хоролмой.

(Джамцинъ, Баргу-Солонъ, пресѣивающій въ Дархатской землѣ).

127. Галданъ бошко и Побей-Хатунъ батырь бели.

У Олѣтовъ былъ ханъ Галданъ-бошко; онъ поѣхалъ къ Далай-ламѣ и посвятился въ гелюнга, а ханомъ сдѣлалъ своего брата; но Халхасцы убили его брата, голову его привѣсили къ его коню вмѣсто колокольца; съ этою ношею конь прибѣжалъ въ ханскую ставку. Тогда Бошко ханъ сказалъ: „Приходится снять ламскую одежду и идти проливать человѣческую кровь“. Онъ собралъ войско, пошелъ на Халхасцевъ, взялъ Эрдени-Дзо, вошелъ въ сумунъ и сталъ саблѣй выколупывать „бадмарахъ-эрдени“ изъ лба бога Гумбугура; Гумбугуръ привсталъ и закричалъ: у-у! Двѣ каменные собаки около него также залаяли; Галданъ-бошко испугался, бѣжалъ, войско его также; много ихъ притонуло въ Орхонѣ; Халхасцы преслѣдовали ихъ; халхасскій богатырь Побей-Хатунъ-батырь-бели слѣдилъ за Галданъ-бошко, но онъ былъ не уязвимъ подъ толстою броней. Три дня онъ слѣдилъ за нимъ напрасно. Галданъ-бошко истреблялъ народъ, держа и повертывая въ рукахъ какое-то орудіе; только повернетъ—народъ сотнями валится мертвый. Разъ онъ приподнялъ руки, кольчуга поднялась, и открылось не покрытое мѣсто на животѣ. Батырь-бели кольнулъ его пикой въ животъ. Тогда Галданъ-бошко сказалъ: „Ты славный богатырь; я не зналъ, что ты тутъ; вынь копье, поговоримъ.“ Батырь-бели вынулъ копье. Галданъ-бошко оторвалъ кусокъ войлока отъ потника, заткнулъ рану и сказалъ: „Я долженъ умереть. Тѣло мое грѣшное, поганое! Не давай его никому, а выбрось“. Батырь-бели отрубилъ ему голову, а тѣло отдалъ лѣкарямъ на лѣкарство. Дюр-

бюты и теперь поютъ пѣсню, когда напьются пьяны: „Изъ подстилки Майтере сошьемъ потники, изъ Махагаловыхъ подстилокъ сошьемъ тебеньки“.

(Джамцинъ, Баргу-Солонъ съ оз. Буръ).

128. Бокухъ.

Назадъ тому двѣсти лѣтъ, при Хайнъ-ханѣ (добромъ царѣ?) былъ царедворецъ, ловкій въ стрѣлянн изъ лука. Его звали Бокухъ. Оклеветанный передъ царемъ за любовную связь съ приближенною къ царю женщиной, Бокухъ былъ присужденъ къ отрѣзанію большого пальца руки; когда казнь была исполнена, Бокухъ сумѣлъ на мѣсто отрѣзаннаго пальца вставить костяной палецъ изъ хвоста вочерпа (быка), который приросъ къ рукѣ Бокуха. Когда царь назначилъ необыкновенную облаву на звѣрей, Бокухъ выѣхалъ съ облавщиками и взялъ первую добычу, вонзивши стрѣлу въ одного большого звѣря. Царь узналъ объ этомъ, еще болѣе сталъ его бояться и велѣлъ посадить въ тюрьму. Дядя Бокуха съ матерней стороны Адай выручилъ его изъ тюрьмы, и боясь гнѣва царя, они оба Бокухъ Ирбаловъ (по другому показанію—Ирбановъ) и Адай съ соплеменниками и скотомъ вышли изъ Монголіи въ Сибирь въ то время, когда Хайнъ-ханъ велъ войну съ другимъ царемъ Бошукту-ханомъ. Бокухъ шелъ за вожака съ намереніемъ отдаться въ подданство „чистаго блага царя“, Арсонъ-цаганъ-хана. Хотя за Бокухомъ была послана погоня, но Бокухъ успѣлъ застрѣлить начальника посланнаго войска, и войско воротилось. Бокухъ поселился сначала на р. Китоѣ, оттуда переселился въ Тайтурскую степь, а оттуда въ Аларскую.

(Преданіе Бурятъ Аларскаго вѣдомства).

129. Бохолъ и Борзой.

Бохолъ съ племянникомъ своимъ Борзоемъ были подданные Хайнъ-хана¹⁾; во время войны его съ Бошукту-ханомъ Бохолъ рѣшился выйти изъ Монголіи. За нимъ была послана погоня въ триста человѣкъ; погоня догнала его у одной рѣки, но когда онъ уже

¹⁾ Мѣстожительство Хайнъ-хана указываютъ въ Монголіи.

успѣлъ переправиться. Бохолъ положилъ своего семилѣтняго племянника Борзю въ щель и далъ ему саблю, а самъ спрятался въ другое мѣсто. Воевода посланнаго войска переѣхалъ за рѣку одинъ и сѣлъ помочиться какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ Бохолъ племянникъ; тотъ всадилъ въ воеводу саблю, и тотъ умеръ. Войско, оставшись безъ воеводы, вернулось. Бохолъ поселился сначала на р. Китоѣ, а потомъ переселился въ Аларскую степь:

(Преданіе Бурятъ Аларск. вѣдомства. Сообщ. г. Матхановъ).

130. Бохыкъ и Адай.

Бохыкъ и Адай, состязаясь, стрѣляли съ горы Соргогой въ гору Мундура, между которыми нѣсколько верстъ разстоянія. У Бохыка былъ сынъ Байма, у котораго была дочь; она украла „алды—указъ“ и убѣжала ¹⁾.

(Преданіе Аларскихъ Бурятъ).

131. Ульберге.

Жилъ одинъ бѣдный человѣкъ, у котораго ничего не было, кромѣ семи соловыхъ лошадей (джеты сару атту); онъ никого не стрѣлялъ, потому что былъ жалостливъ. Однажды волкъ (пѳри) сѣлъ у него одну лошадь; Ульберге хотѣлъ застрѣлить его, но пожалѣлъ и не застрѣлил; на другую ночь волкъ сѣлъ у него другую лошадь, на третью ночь сѣлъ третью лошадь и т. д. до послѣдней. Тогда Ульберге стало жалко копей, и онъ натянулъ лукъ, чтобъ убить волка, но волкъ взмолился ему и сказалъ: „Погоди, не стрѣлай, а прійди ко мнѣ въ гости, и я тебѣ дамъ, что только ты не попросишь“. „А ты гдѣ живешь?“ спросилъ Ульберге. „Я живу“, отвѣчалъ тотъ, — „въ Бѣлой горѣ“ (Абъ-тагъ). Ульберге отпустилъ волка, и тотъ убѣжалъ. Взялъ Ульберге сѣдло и пошелъ въ Бѣлой горѣ; дорогой онъ увидѣлъ красную лисицу, натянулъ лукъ, и спустивъ стрѣлу, попалъ въ лисицу; подошелъ — стрѣла лежитъ одна, а лисицы нѣтъ. Онъ поднялъ стрѣлу. Лисица снова явилась и говоритъ ему: „Ты куда идешь?“ „Къ волку“, говоритъ Ульберге. „Онъ гдѣ живетъ?“ вновь спрашиваетъ лисица. „На Бѣлой

¹⁾ Что это за указъ „алды“ — разбазыкъ объяснить не могъ.

горѣ“, отвѣчаетъ Ульберге. „Это ханъ“, сказала лисица; — „къ нему пужно съ умомъ войти; если ты меняпустишь, я научу тебя, какъ войти къ волку. Когда войдешь къ нему въ юрту, ты увидишь двухъ красавицъ, которыя блистаютъ одна какъ солнце, другая какъ мѣсяцъ. Волкъ предложитъ тебѣ любую изъ нихъ, не бери; а попроси золотой ящичекъ (капрджакъ), который стоитъ подлѣ божницы (бурган ширэзи), и старый худой ширдекъ (войлочная подкладка подъ верблюжье сѣдло), лежащій у его изголовья“. Ульберге отпустилъ лисицу и пошелъ далѣе; подошелъ къ Бѣлой горѣ, нѣтъ въ нее входа. Онъ обошелъ ее три раза, но дверей не нашелъ и повернулся уже, чтобъ идти прочь, какъ увидѣлъ женщину (бурьяк). Та спросила его: что онъ ищетъ? Ульберге сказалъ, что онъ пришелъ къ волку, который живетъ на Бѣлой горѣ, но не можетъ найти дверь. Женщина показала ему двери. Ульберге вошелъ въ пихъ и увидѣлъ, что на постели лежатъ не волкъ, а ханъ; по сторонамъ сидѣли двѣ красавицы, одна блистала какъ солнце, другая какъ луна; подлѣ божницы золотой ящичекъ, а въ изголовьи старый ширдекъ. „А, пришелъ так!“ сказалъ Пѳри-ханъ; — „пу вотъ, любую изъ этихъ красавицъ выбирай“. „Нѣтъ“, сказалъ ему на это Ульберге; — „мнѣ не надо, а вотъ дай мнѣ этотъ золотой ящичекъ и тотъ старый ширдекъ“. „На что тебѣ ширдекъ?“ спросилъ ханъ, — „онъ худой“. „Я самъ худой“, сказалъ Ульберге. „Ну, нечего дѣлать“, сказалъ Пѳри-ханъ (волкъ-ханъ); — „надо держать слово“. Заплакалъ и отдалъ Ульберге просимыя вещи. Взялъ ихъ Ульберге и пошелъ домой. Дорогой остановился въ одномъ мѣстѣ почевать, на утро пробудился — лежитъ въ прекрасномъ дому, украшенномъ серебромъ; красивая дѣвица приготовила ему воды умыться и сварила чай; Ульберге по своему обычаю, прежде чѣмъ сѣсть за чай, надѣлъ шубу и вышелъ изъ дому, чтобы помочиться; вернулся — никакого дома нѣтъ, а только лежитъ золотой ящичекъ и старый ширдекъ. На другой почевкъ тоже, на третьей тоже. Наконецъ онъ догадался и на слѣдующій разъ, не выходя изъ дому, сѣлъ пить чай. Тотчасъ кругомъ дома появился скотъ въ такомъ количествѣ, что не можетъ помѣститься на стени; появились слуги; вскорѣ онъ узналъ, что все это имущество принадлежитъ ему, и дѣвица — его жена. Ульберге сѣлъ на лошадь и поѣхалъ съ своею женой домой; слуги погналы скотъ. Сынъ Караб-

ты-хана, увидѣвъ его домъ, заѣхалъ къ нему въ гости, зашелъ въ двери и такъ былъ пораженъ блистательною красотой жены Ульберге, отъ которой въ дому было свѣтло, что не смѣлъ двинуться дальше дверей. Жена Ульберге сказала ему: „Или ты людей не видалъ; проходи впередъ!“ Но сынъ Карабты-хана не только не пошелъ впередъ, а повернулся и убѣжалъ, при чемъ даже отъ поспѣшности двери изломалъ. Прийдя къ отцу, онъ разказалъ объ удивительной красотѣ жены Ульберге и сталъ просить его отнять эту женщину отъ бѣдняка и отдать ему. „Есть ли у тебя умъ?“ спросилъ отецъ;— „отъ живаго мужа вздумалъ жену отобрать“. Но сынъ сказалъ: „Если ты не достанешь ее мнѣ, я умру“. Тогда Карабты-ханъ поѣхалъ къ Ульберге, зашелъ къ нему въ домъ, посмотрѣлъ на удивительную красавицу, ничего не сказавъ, уѣхалъ домой и сказалъ сыну: „Какъ знаешь, такъ и добывай эту женщину“. Тогда сынъ хана отправился съ намѣреніемъ убить Ульберге; жена послѣдняго сказала мужу, что ханскій сынъ ѣдетъ убить его, чтобы взять ее за себя замужъ. „Куда же я отъ него спрячусь?“ спросилъ ее Ульберге. Жена ударила мужа палкой по сапогу, и онъ обратился въ худой старый сапогъ; жена забросила его за кул-дурго (посуда съ кумысомъ), а сама легла на кровать. Явился тайджи, началъ вездѣ искать Ульберге, нашелъ старый сапогъ, отбросилъ его въ сторону, не могъ найти Ульберге, хотѣлъ унести его жену, но не могъ поднять ее; хотѣлъ покачнуть ее, но и покачнуть не могъ, и вернулся домой. Жена Ульберге снова обратила своего мужа въ человѣка, и тотъ сказалъ: „Теперь, пожалуй, тайджи больше не придетъ. „Нѣтъ“, отвѣчала жена,— „онъ тебя не оставитъ, еще будетъ искать убить тебя. Онъ теперь обратился въ три тальника, стоящихъ на берегу рѣки. Если не вѣришь, самъ сходи и посмотри“. Пошелъ Ульберге на рѣку и увидѣлъ три тальника; только сталъ подходить къ рѣкѣ, какъ тальникъ превратился въ человѣка, который погнался за Ульберге. Послѣдній прибѣжалъ домой, и жена снова обратила его въ сапогъ. Тайджи опять не узналъ его, хотѣлъ унести жену его, но не могъ поднять и опять ушелъ. Послѣ этого жена сказала Ульберге: „Тайджи все еще не оставилъ тебя; онъ обратился въ воронаго красиваго коня и бѣгаетъ въ твоемъ табунѣ; вели слугамъ поймать его!“ Ульберге исполнилъ ея совѣтъ; поймали коня, мучили и потили до тѣхъ

поръ, пока конь не взмолился, и отпустили его. Потомъ жена говоритъ: „Теперь ступай еще и увидишь домъ, въ которомъ найдешь хорошій лукъ. Это тайджи“. Ульберге отправился по словамъ жены, нашелъ этотъ лукъ и сказалъ: „Вотъ лукъ приличный для меня!“ И началъ его натягивать. Тогда тайджи закричалъ: „Постой, постой! Ты изломаешь мнѣ спину“. Затѣмъ онъ снова принялъ свой настоящий видъ и ушелъ со стыдомъ. Послѣ этого Карабты-ханъ придумалъ послать Ульберге къ Ерлику достать отъ него булатный ножикъ, въ разчетъ, что Ульберге въ этой поѣздкѣ погибнетъ. Призвалъ ханъ Ульберге и велѣлъ ему ѣхать къ Ерлику; Ульберге согласился; пришелъ домой и сказалъ женѣ, что ханъ велѣлъ ему ѣхать къ Ерлику. „А ты согласился?“ спросила его жена. И когда Ульберге отвѣтилъ, что согласился, жена сказала ему: „Да вѣдь ты погибнешь! Ну по крайней мѣрѣ исполни совѣтъ, который я тебѣ дамъ: на дорогѣ тебѣ встрѣтятся сначала лугъ, конца краю не видно, можно заблудиться; ты ему повѣсь адыкъ изъ двухъ бѣлыхъ цвѣтковъ (ак чече); потомъ встрѣтишь красный утесъ (кызыл одру), чрезъ который нѣтъ возможности проѣхать; ему сдѣлай возліяніе (чачылгы) изъ бѣлаго молока на огонь; потомъ будетъ море, которое кипитъ, какъ вода въ котлѣ; ему тоже сдѣлай „чачылгы“ изъ бѣлаго молока. Потомъ встрѣтишь двухъ блѣдныхъ женщинъ (ку-куръякъ; можно перевести—лебедь-женщина); имъ дай жилю, употребляемая для шитья (синиыр); двумъ воронамъ, которыхъ увидишь далѣе, дай глаза, а не то они выключаютъ твои собственные глаза; еще далѣе двумъ верблюдамъ, чтобъ не затоптали тебя своими колѣнами, вколоти въ землю два колышка; двумъ собакамъ (ногой) дай по куску мяса; тремъ Ерликовымъ богатырямъ дай по аркану“. Выслушавъ эти совѣты, Ульберге велѣлъ поймать коураго коня, сѣлъ на него и поѣхалъ. Приѣхавъ на лугъ, онъ повѣсилъ адыкъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ и заготовилъ другія вещи для раздачи. На дальнѣйшемъ пути онъ благополучно миновалъ красный утесъ, сдѣлавъ возліяніе бѣлаго молока огню; миновалъ благополучно и кипящее море, также сдѣлавъ возліяніе; старухамъ подаль жилю, воронамъ глаза, верблюдамъ вбилъ колышки, собакамъ бросилъ по куску мяса и тремъ богатырямъ подаль арканы; всѣ они, завидѣвъ его, сначала бросались, чтобъ убить его, но потомъ пропускали его невредимо,

когда онъ дѣлалъ имъ приношенія. Такимъ образомъ онъ прибылъ въ ургу Ерлика; Ерликъ спалъ. Войдя къ нему въ юрту, Ульберге увидѣлъ булатный ножикъ пѣжакъ, схватилъ его и побѣждалъ. Когда Ерликъ проснулся и замѣтилъ пропажу, онъ бросился въ погоню, но не могъ догнать; добѣжавъ до своихъ богатырей, онъ велѣлъ имъ догонять вора; тѣ побѣжали и догнали Ульберге, но узнавъ въ немъ человѣка, давшего имъ арканы, отпустили его. Добѣжавъ до собакъ, Ерликъ велитъ имъ догонять Ульберге; собаки догнали его и сказали: „А, это тотъ человѣкъ, который далъ намъ мяса, когда мы были голодны“. И пропустили его. Такимъ же образомъ, жалѣючи, пропускаютъ его вороны, верблюды, старухи. Мгновѣннѣе опять благополучно и кипящее море, и красный утесъ и безконечный лугъ, Ульберге пріѣхалъ въ ургу Карабатынъ-хана, отдалъ ему булатный пожитъ, а самъ убѣжалъ въ свой домъ. Ерликъ прибѣжалъ къ Карабаты-хану, нашелъ у него свой ножикъ, его и сына убилъ и побѣждалъ къ Ульберге; въ это время жена придала своему мужу Ульберге необыкновенную силу, онъ поборолъ прибѣжавшаго Ерлика и сталъ драть его боярышникомъ (дулана). Ерликъ поклялся, что онъ не будетъ болѣе трогать ни его, ни его племена. Ульберге отпустилъ Ерлика, взялъ народъ и скотъ Карабаты-хана и сдѣлался ханомъ.

(Бургутъ, Урянхаецъ кости Салджакъ. Р. Бурень-голь).

132. Ертене-мергенъ.

Были два брата Атучи Аксага Ашыкъ (вар. Аксакаль ашыкъ) и Эртене-мергенъ. У перваго былъ конь Арта-курюнъ аскыръ (бурый жеребецъ Арта), у Ертене-мергена — Угада-Шилгы (вар. Угатай Джилгы). Золотая ставка (урга) у братьевъ была до неба, коновязь или приколъ, также достигавшій до неба, былъ толщиной 60 человѣкамъ не обнять. Спали братья по мѣсяцу. Каратты ханъ сказалъ: „Есть богатырь Ертене-мергенъ; идите къ нему, и если онъ окажется сильный, то схватите и приведите сюда; если безсильный, убейте, а его народъ и скотъ пригоните сюда“. Съ этими словами Каратты ханъ послалъ своего сына Хара Сагашту хана, придавъ ему на помощь пять ельбичиновъ („шулмусъ“, переводъ разказчикъ на монгольскій языкъ), двухъ сплачей (моко) и сто воиновъ (джосъ черу). Хара Сагашту ханъ отправился къ Ертене-

мергену и увидѣлъ его золотую ургу, поднимающуюся до неба; стали искать дверей и не могли найти; нашли двери, не могли отворить; срубили дерево, прислонили его къ ургѣ, къ вершинѣ дерева привязали веревку; при ея помощи влезли на вершину дерева и спустились въ юрту чрезъ верхнее дымовое отверстіе. Ертене-мергенъ девять сутокъ (или мѣсяцевъ?) спалъ безъ просыпа; люди Сагашту хана будили Ертене-мергена, не могли разбудить; два силача (моко) хотѣли поднять одну ногу, не могли поднять; сто воиновъ залѣзли всѣ разомъ на его тѣло; Ертене-мергенъ наконецъ проснулся, всталъ, и сто человѣкъ посыпались съ него на землю. Онъ вышелъ изъ юрты и помочился; изъ его мочи образовалось большое озеро; скотъ его пилъ воду изъ этого озера, но не могъ допить. Войдя обратно въ юрту, Ертене-мергенъ увидѣлъ Хара Сагашту хана и спросилъ его: „Зачѣмъ ты пріѣхалъ? Если съ худымъ намѣреніемъ, то будемъ драться, если съ добрымъ, то садись на порогъ и раскрой грудь, я буду въ тебя стрѣлять; если худаго намѣренія въ тебѣ нѣтъ, то стрѣла тебѣ вреда не сдѣлаетъ“. Хара Сагашту ханъ сѣлъ на порогъ и раскрылъ грудь; Ертене-мергенъ выстрѣлилъ и отшибъ Хара Сагашту хану мизинецъ. Хара Сагашту испугался, поднесъ Ертене-мергену адыкъ и сказалъ, что онъ пріѣхалъ предложить мергену свою сестру въ замужество. Ертене-мергенъ сталъ угощать Хара Сагашту хана. Въ это время конь Арта курюнъ аскыръ сталъ биться и ржать, такъ что самъ Оранъ-Телегей слышалъ ея крикъ; Атучи аксага ашыкъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ къ брату; конь его бѣжалъ съ такою силой, что гдѣ были горы, образовались озера, гдѣ были озера, вышли горы; отъ копытъ летѣли комья величиной съ мелкія горы. Ертене-мергенъ посадилъ ельбичиновъ и сплачей (моко) подъ мышки; прибѣжалъ конь, остановился и покрылъ своимъ копытомъ всѣхъ сто воиновъ. Ашыкъ спросилъ брата: что у него случилось. Тотъ отвѣчалъ, что онъ беретъ дочь Каратты-хана замужъ. Получивъ отвѣтъ, ашыкъ уѣхалъ домой. Хара Сагашту сталъ собираться домой; Ертене сказалъ, что онъ поѣдетъ черезъ день, и далъ ему на запасъ ногу перепела (будене); Сагашту сказалъ: „Что же ты, смѣешься что ли надъ нами? Насъ много“. „Ничего“, сказалъ Ертене; — „не думайте, что мало; еще останется“. Ельбичины также сказали, что этого будетъ имъ достаточно.

Поѣхалъ Хара Сагашту домой, и дѣйствительно, отъ ноги перепела еще осталось. На другой день послѣ отъѣзда гостей Ертене осѣдлалъ своего Угада Шилгы и поѣхалъ съ такою силой, что высокія деревья валились, люди Каратты хана, жившіе по окраинѣ его ханства, умерли. Конь на половинѣ дороги остановился. „Что ты остановился?“ спросилъ Ертене. „А сумѣешь ли ты узнать“, спросилъ конь, — „которая дочь Каратты-хана; онъ велѣлъ выставить сто юртъ и въ каждой будетъ по дѣвицѣ“. „Не знаю“, отвѣчалъ Ертене. „Ну, такъ знай“, сказалъ конь; — „у которой юрты я остановлюсь, въ ней и есть ханская дочь“. Конь подбѣжалъ къ одной изъ выставленныхъ юртъ; Ертене взялъ свою невѣсту красавицу на руки (*вар.* конь сказалъ: „Ханъ выставилъ сто юртъ и въ каждой посадилъ по дѣвицѣ; всѣ онѣ красавицы, одна только безобразная съ длиннымъ лицомъ, но эта-то и есть ханская дочь“). Рядомъ съ ханскою дочерью красавицей сидѣла еще безобразная старуха съ длиннымъ лицомъ; это тоже была ханская дочь въ превращенномъ видѣ. Она сказала Ертене-мергену: „Ты ли богатырь?“ Ертене отвѣчалъ: „Да, я богатырь“. „Если богатырь“, сказала та — „то прострѣли на вершинѣ Кырындая лѣсъ изъ 60 туменей тополей, на вершинѣ Таландая лѣсъ изъ 70 туменей тополей“ (кырындайдым кырында джеран тумен терек, таландайдым кырында таян тумен терек). „Хорошо“, сказалъ Ертене, — „а ты, если ты ельбичи, достанься неба кольчугу (хоо) и сбей съ неба на землю коралловую пуговицу (шур)“. Самъ сѣлъ на коня и поѣхалъ; доѣхавъ до тополей, онъ выстрѣлилъ и уронилъ весь лѣсъ; самъ догналъ и поймалъ свою стрѣлу; затѣмъ и второй лѣсъ сронилъ и снова догналъ и поймалъ свою стрѣлу; сложилъ весь лѣсъ вмѣстѣ и сжегъ. Когда онъ ѣхалъ назадъ, конь остановился и говоритъ: „Ты знаешь ли что?“ „Ничего не знаю“, отвѣчалъ Ертене. „Когда пріѣдешь“, продолжалъ конь, — „тебя будутъ стараться убить; ханъ подастъ тебѣ бѣлое блюдо и въ немъ кушанье, завернутое въ бумагу. Это ядъ. Ты прійми и скажи, что ѣсть не будешь, что тебѣ этой ѣды не вытерпѣть, а вытерпѣть ее черный камень, лежащій въ огнѣ. И брось на камень. Потомъ тебѣ подадутъ что-то въ синей бумагѣ. Ты опять скажи: это мнѣ не стерпѣть, а стерпѣть только очагъ (три камня, окружающіе огнище въ юртѣ) и брось на очагъ. Потомъ дадутъ тебѣ сто кокуровъ воды. Это можешь выпить“. Пріѣхалъ Ертене

къ своей женѣ, а у нея кольчуга уже готова, и пуговица лежитъ на землѣ. Пошелъ Ертене къ хану; сѣлъ у порога, а чумбуръ не выпускаетъ изъ рукъ. Каратты-ханъ говоритъ ему: „Что ты тамъ сѣлѣ; проходи впередъ“. „У насъ такой обычай“, сказалъ Ертене, — „мнѣ нельзя выпустить изъ рукъ коня, потому что въ немъ сидитъ моя душа“. Ханъ подаль ему чашу (шадзон) съ ядомъ въ бѣлой бумагѣ. Ертене сказалъ и сдѣлалъ, какъ конь училъ. Черный камень истлѣлъ и разсыпался. Ядъ, поданный въ синей бумагѣ Ертене бросилъ на очагъ; камни искрами взлетѣли вверх. Тогда Хара Сагашту ханъ сказалъ: „Надо его спонтъ виномъ, и тогда мы имъ овладѣемъ“. Дали ему сто кокуровъ вина, двѣ трети Ертене выпилъ самъ, одну треть спилъ коню. Оба стали пьяны, Ертене заснулъ, а конь пьяный валется. Ханъ и его сынъ велѣли связать Ертене желѣзными арканами и заключить въ желѣзный домъ (темир-байсын), а съ конемъ не могли справиться. Проспавшись, конь началъ биться, такъ что его ноги ушли по колѣно въ землю, и началъ ржать, такъ что самъ Оранъ Телегей слышалъ. Атучи Аксага ашякъ также слышалъ этотъ крикъ, осѣдлалъ своего коня и поѣхалъ. Пыль земная поднялась до неба, пыль небесная опустилась до земли, солнца стало не видно. Атучи Аксага ашякъ пріѣхалъ, увидѣлъ желѣзный домъ, ударилъ саблей и разбилъ его пополамъ. Ертене сказалъ: „Какъ я крѣпко спалъ послѣ вина!“ Пошевелилъ своими ногами, и желѣзный арканъ, бывшій на нихъ, порвался. Атучи Аксага ашякъ передалъ Ертене черного ягненка и желѣзный кокуръ на свадьбу и сказалъ, что молодому человѣку вино нужно пить умѣренно, а не то стубишь свою голову. Сказавъ это, Атучи Аксага ашякъ уѣхалъ. Послѣ того Каратты ханъ устроилъ свадьбу; девять лѣтъ пировали на свадьбѣ. У Хара Сагашту хана было три совѣтника, три сѣдые ельбичи; онъ сказалъ имъ: „Ертене нужно погубить, а не то намъ отъ него житья не будетъ“. Они посовѣтовали Каратты-хану послать Ертене достать чернорогаго аргамака (хара муюзту аргамак), который находится у Кулюстей мергена. Этотъ мергенъ былъ птица. Жилъ на небѣ. Каратты ханъ послалъ человѣка къ Ертене, велѣлъ ему пріѣхать и сказалъ, чтобъ онъ досталъ ему чернорогаго аргамака. Ертене сказалъ: „Хорошо“. И вернулся домой. Жена спросила его: „Зачѣмъ звалъ ханъ?“ Ертене разказалъ. Жена гово-

рптъ ему: „Лучше откажись; сколько богатырей пыталось добыть этого аргамака, но всѣ погибли; развѣ тебѣ меня не надо, что хочешь ѣхать въ опасную поѣздку?“ Однако Ертене, не смотря на уговоры жены, рѣшился поѣхать. „Когда ханъ велитъ, надо ѣхать!“ сказалъ онъ. Осѣдлалъ своего коня и поѣхалъ; конь остановился и спрашиваетъ у Ертене: „Какъ же ты будешь добывать чернорогаго аргамака?“ „Не знаю“, отвѣчалъ Ертене. „Полетятъ на тебя стрѣлы, какъ туча, посыпятся, какъ дождь!“ сказалъ конь. „Ничего“, сказалъ Ертене-мергенъ, — „я прикроюсь кольчугой“. „Потомъ“, сказалъ конь, — „прилетитъ самъ Кулюстей мергенъ и унесетъ насъ на небо“. Дѣйствительно, стало темно, надвинулась туча; это были стрѣлы; онѣ посыпались, какъ дождь. Ертене прикрывшись кольчугой и ею же прикрылъ коня; стрѣлы скользили и никакого вреда ему не сдѣлали. Потомъ прилетѣлъ самъ Кулюстей мергенъ (вар. Ханъ Гариде) и поднялъ Ертене мергена на небо вмѣстѣ съ конемъ. Ертене изловчился и изломалъ Кулюстей мергену крыло; всѣ трое упали на землю; Ертене угодилъ головой внизъ, ушелъ въ землю по грудь и выставилъ шею; у коня изломались переднія ноги. Ертене вытянулся изъ земли, ущемилъ свою голову въ щель дерева, выправилъ свою шею и думаетъ: „Хозяинъ у меня теперь въ рукахъ; и аргамакъ, хотя и улетѣлъ на небо, будетъ мой“. Натянулъ лукъ, чтобы выстрѣлить по аргамаку, но аргамакъ сказалъ: „Не стрѣлай въ меня; я изцѣлю твоего коня, если твой конь изцѣлитъ моего хозяина“. Ертене спросилъ: „Ты чѣмъ изцѣлишь?“ „Отрѣжь“, сказалъ аргамакъ, — „кончикъ моего рога и приложи къ ногамъ“. Ертене согласился и вылѣпилъ своего коня, а конь вылѣпилъ Кулюстей. Послѣдній сказалъ: „Ну, теперь намъ не нужно ссориться, будемъ друзьями“. Ертене сказалъ: „Развѣ отъ тебя прежде выйдетъ ссора, но не отъ меня“. Кулюстей мергенъ далъ Ертене мергену Хара Муюзту аргамака: „Ты за нимъ ѣхай, такъ и возьми его!“ сказалъ Кулюстей мергенъ и далъ ему еще саблю (кышъ) Кулеме-Селиме ¹⁾. Ертене пріѣхалъ къ Каратты хану и передалъ ему аргамака; Хара-Сагашту ханъ сталъ требовать саблю, но Ертене не далъ и сказалъ, чтобъ онъ самъ добылъ ее. Каратты-

¹⁾ Сабля по урянхайски кышъ, по калхасски селимъ, по бурятски хелме.

ханъ сѣлъ на аргамака и поѣхалъ на охоту, увидѣлъ марала (муйгакъ), хотѣлъ стрѣлять; конь сталъ бить и сбилъ Каратты-хана, а самъ улетѣлъ. Каратты-ханъ по колѣни ушелъ въ землю, такъ что пять богатырей не могли его вытащить. Ертене мергенъ вытащилъ его одною рукой, поймалъ аргамака и сказалъ: „Эта лошадь не по тебѣ“. Каратты-ханъ велѣлъ надѣть на нее желѣзные путы и запереть въ крѣпкое мѣсто; но конь путы изорвалъ, стопталъ людей и улетѣлъ къ Кулюстей-мергену. Три сѣдые ельбичина опять стали совѣтовать погубить Ертене и съ этою цѣлью послать его къ Халамѣ, чтобы достать отъ него Колду буркана (вар. къ Сорджи-бакши; сорджи-бакшиду Колду буркан джила тутар). Ертене согласился. Жена опять стала отговаривать его, но Ертене не хотѣлъ отказаться и послалъ человека за своимъ братомъ. Атучи Аксага ашякъ пріѣхалъ. Ертене говоритъ ему: „Я ѣду доставать Колду буркана; ты возьми мою жену и мое имущество и отвези къ Каратты-хану“. Атучи Аксага ашякъ взялъ жену, золотые и серебрянные ящики и поѣхалъ. На пути встрѣтился Эткиттынбомъ; Атучи Аксага ашякъ слѣзъ съ коня, засвисталъ, конь его заржалъ; бомъ, какъ свинецъ (коргольджин) расплавился и самъ внизу (въ подземномъ царствѣ?) живущій Оранъ Телегей пошевелился. Ертене услышалъ свистъ брата, догналъ его и сказалъ: „Я совсѣмъ ѣду“. „И я съ тобою поѣду“, сказалъ Атучи Аксага ашякъ; — „тамъ есть другая твоя невѣста“. Послѣ этого Атучи Аксага ашякъ построилъ домъ, чтобъ оставить въ ней жену Ертене-мергена; самъ Ертене-мергенъ оставилъ женѣ саблю Кулеме-Селиме; жена осталась отъ него беременною. Поѣхали вдвоемъ; Атучи Аксага ашякъ пошелъ впередъ, Ертене остался сзади; выпалъ снѣгъ, слѣдъ Атучи Аксага ашяка замело, только гдѣ, гдѣ его было видно; ашякъ въ махъ пошелъ. Однако Ертене догналъ его и говоритъ: „Здѣсь надо отдохнуть, коней накормить и чай сварить“. Стали чай варить. Ертене сказалъ: „Двоимъ что одно дѣло дѣлать; ты вари чай, я пойду за конями смотрѣть“. „Хорошо“, согласился ашякъ и остался чай варить, а Ертене пошелъ и изломалъ ашякову коню ногу. Напившись чаю, поѣхали далѣе; ашяковъ конь не идетъ. Догадался онъ и говоритъ: „Хорошо же, ты изломалъ ногу моего коня, теперь ты не зови меня братомъ и не увидать тебѣ меня во вѣкъ“. Съ этими словами Атучи Аксага ашякъ возвратился домой. Ертене поѣхалъ

одинъ, чего ему и хотѣлось. Конь его остановился и спрашиваетъ: Знаешь ли, что тебѣ встрѣтится на пути? „Не знаю“, отвѣчаетъ Ертене-мергенъ. „Проѣхать къ Бурканъ Халамъ трудно, у него есть много защитъ, и достать Колду Буркана не легко, потому что онъ хранитъ человѣческія души. Первая защита у Халамы—мараль, вторая тигръ (бар)“ и пр. Ѣдетъ мергенъ далѣе. Стоитъ мараль (муйгак), рога до неба. Ертене засвистѣлъ, мараль дрогнулъ. Ертене выстрѣлилъ и отстрѣлилъ голову у марала, привязалъ ее къ своему сѣдлу и Ѣдетъ далѣе. Стоитъ тигръ (бар). Опять засвисталъ Ертене; тигръ задрожалъ; Ертене мергенъ застрѣлилъ тигра. Ѣдетъ далѣе; встрѣчаетъ спящаго человѣка Бигедеръ съ чернымъ ножикомъ (хара пнжякту Бигедер). Ертене мергенъ взялъ этотъ ножикъ, поднялъ одною рукой и говоритъ: „Что это за богатырь, коли я одною рукой поднялъ его оружіе“. Взялъ ножъ и поѣхалъ. Бигедеръ проснулся, началъ кричать Ертене-мергену, чтобъ отдалъ ножъ назадъ, гнался за нимъ, но не могъ догнать. Потомъ Ертене-мергенъ пріѣхалъ къ большому морю, ударилъ своего коня два раза; конь скакнулъ, перескочилъ море до половины и поплылъ; коня схватила большая рыба Хапъ-балыкъ и до половины заглотала; Ертене разрубилъ рыбу пополамъ своею шестидесяти-саженною саблей Кулеме-Селиме, переднюю часть ея привязалъ къ сѣдлу и поѣхалъ далѣе. Видитъ—стоитъ человѣкъ, достигающій головой до неба. „Это“, говоритъ конь,—„Улъ на карей жеребой кобылѣ (бооз хара би атту Ул); онъ никого не пропускаетъ къ Бурканъ-Халамъ; онъ уже поставилъ котелъ (паш) на небо, кипятитъ воду и точитъ ножъ, чтобы тебя зарѣзать, сварить и съѣсть. У тебя есть сила, но ея одной мало; у меня есть мудрость. Держись за меня; я перескочу черезъ него“. Лошадь скакнула и перескочила не только черезъ Ула, но даже еще шесть горъ (алты таг) перемахнула, только копытомъ задѣла котелъ и сбросила его съ неба на землю. Перескочивъ черезъ Ула, Ертене-мергенъ увидѣлъ юрту, крытую травой (сыгэн ал); онъ посредствомъ своей мудрости обратился въ мальчишку, коня обратилъ въ жеребенка и вошелъ въ юрту. Сидѣвшій въ ней сѣдой старикъ спросилъ: „Куда ты такой молодой мальчишка поѣхалъ?“ „Я собираю волосъ на арканы“, отвѣчалъ Ертене-мергенъ;—„у моего хозяина много скота“. „Не слыжалъ ли ты про Ертене мергена?“ опять спросилъ

старикъ;—„говорятъ, что онъ сюда Ѣдетъ“. „Не видалъ, а слышалъ, что онъ убилъ Ула“. Старикъ подвинулся, что у Ертене-мергена хватило силы убить Ула. Потомъ Ертене спросилъ старика: чей это хорошій домъ онъ видѣлъ, когда ѣхалъ. „Это домъ“, отвѣчалъ старикъ,—„моего сына Акъ-хана, который взялъ въ жены дочь у Халамы Буркана“. Тутъ Ертене-мергенъ догадался, что это его невѣста. „Гдѣ теперь Акъ ханъ?“ спросилъ Ертене мергенъ. „Онъ на охотѣ, но скоро вернется“, сказалъ старикъ.

Ѣдетъ Акъ ханъ со своею женою, съ правой стороны ѣдутъ десять мужчинъ, играя на дудкахъ, съ лѣвой стороны—десять дѣвпцъ, играя на чатаганахъ. Они вошли въ юрту, и Ертене за ними. Жена Акъ хана догадалась, кто пріѣхалъ, глазъ съ Ертене-мергена не сводитъ. Акъ ханъ сказалъ: „Ты, худой мальчишка, зачѣмъ тутъ ходишь?“ „Я, худой мальчишка, собираю волосъ на арканы“, отвѣчалъ Ертене-мергенъ;—„у моего хозяина много скота“. „Дайте ему“, сказалъ ханъ;—„тамъ есть прокисшее молоко“ (ачу таран). „Развѣ онъ не человѣкъ? Зачѣмъ его обижать?“ сказала жена Акъ хана. Обидѣлся Ертене-мергенъ на Акъ хана и принялъ свой настоящій богатырскій видъ. Акъ ханъ испугался. „Зачѣмъ богатырь пріѣхалъ?“ спросилъ онъ. Ертене отвѣчалъ: „Дочь Бурканъ Халамы есть моя невѣста, я за нею поѣхалъ“. „Я ее взялъ за себя“, сказалъ Акъ ханъ;—„какъ же теперь быть? Миромъ ли, ссорой ли разойдемся?“ Ертене сказалъ: „Я сяду на порогъ; ты стрѣлай въ меня; убьешь—жена твоя! Потомъ ты сядь; я убью—я возьму дочь Бурканъ Халамы“. Сѣлъ Ертене-мергенъ на порогъ, выстрѣлилъ Акъ ханъ, стрѣла ударила въ Ертене-мергена и отлетѣла прочь. Сѣлъ Акъ ханъ на порогъ; дунулъ на него Ертене, Акъ-ханъ ударился о каменный косякъ двери и умеръ. Поѣхалъ Ертене къ Халамъ; тотъ спрашиваетъ: зачѣмъ пріѣхалъ. „У меня здѣсь есть невѣста, за которою я пріѣхалъ; кромѣ того, Каратты-ханъ проситъ привести Колду Буркана“. Халама сказалъ, что у него дочь уже выдана за Акъ хана. „Я убилъ его“, сказалъ Ертене-мергенъ. „Ну, если такъ“, сказалъ Халама,—„возьми ее, возьми и Колду буркана, только оставь вмѣсто него своего коня, а я тебѣ дамъ другаго воропаго коня, украшеннаго адыками или лоскутками“ (адык карат). Ертене-мергенъ взялъ Колду Буркана и невѣсту, сталъ сѣдлатъ Адыка, на силу рукой до его спины досталъ. Поѣхалъ

Ертене-мергенъ, конь по колѣна вязнетъ въ землю. Халама сѣлъ на Угада Шилгы, поѣхалъ провѣдать свой скоть; скоть вывалился; три его пастуха (джилкыши) тоскуютъ: „Какъ выйдемъ изъ степи безъ ѣды?“ Взошелъ Бурканъ Халама на высокую гору и заплакалъ; онъ вмѣстѣ съ Колду-бурканомъ и Адакъ-каратомъ отдалъ свое счастье (кешик). Приѣхавъ домой, онъ еще болѣе заплакалъ. Угада Шилгы убѣждалъ отъ Халамы, догналъ Ертене и сказалъ ему: „Ты увезъ у тестя счастье. Отведи его коня назадъ, отруби одинъ палецъ у Колду Буркана и отдай его тестю“. Ертене такъ и сдѣлалъ, и у Халамы опять скоть началъ умножаться. Приѣхавъ Ертене къ своей женѣ, у нея родился сынъ, но на его ургу напало чужое войско; сабля Кулиме Селпме одна изрубла это войско все безъ остатка; урга была окружена кровью по колѣна. Ертене сталъ жить съ двумя женами, одна дочь Каратты хана (*вар.* Мергенъ дайгине было ея имя), другая дочь Бурханъ-Халамы.

(Бюргутъ, Тува-Урянхаецъ кисти Салджаба. Р. Буренъ-голь. Варианты были подсказаны Джалбыратомъ, Урянхайцемъ-салджакомъ съ р. Джибей).

133. Тана-Герель.

Тана-Герель богатырь на лошади Ташъ Курѣнъ былъ подданный Шялъ-гана, у котораго было народа такое множество, сколько шерсти на трехъ лошадяхъ. У хана было 108 женъ, но не было дѣтей. Шялъ-ганъ задумалъ взять за себя замужъ Тайгине, дочь Падпакши. Онъ собралъ народное собраніе (чошъ шиглыб); три дня стоялъ народъ, но никто не рѣшался ѣхать сватомъ. Наконецъ вышелъ старикъ и сказалъ, что его сынъ поѣдетъ. Сановники спросили его: „Да развѣ твой сынъ въ состояніи совершить это дѣло?“ Старикъ увѣрялъ, что его сынъ сможетъ съѣздить сватомъ по Тайгине; когда старикъ сказалъ о томъ своему сыну, послѣдній согласился ѣхать, но спросилъ отца: „Какъ же я поѣду, не имѣя коня?“ Старикъ отецъ сказалъ: „Въ ящикѣ есть арканъ, возьми его и ступай въ поле; тамъ будетъ жеребиться лысая бурая кобыла; не прозѣвай и поймай ея жеребенка“. Сынъ пошелъ въ поле и увидѣлъ лысую бурую (кальджанъ курѣнъ) кобылу; голова жеребенка стала выходить, сынъ старика накинулъ на него арканъ; но жеребенокъ вырвался и улетѣлъ къ небу; сынъ старика погнался за нимъ; конь спустился

и когда летѣлъ по вершинамъ деревъ, молодецъ накинулъ на него арканъ, уперся въ землю ногой, такъ что нога ушла въ землю, остановилъ жеребенка и сказалъ: „Справлюсь съ тобою, сломлю тебѣ голову!“ Вернувшись домой, онъ спросилъ у отца: „Гдѣ же я достану сѣдло и токумъ?“ Отецъ сказалъ: „Есть большая гора, въ ней пещера; тамъ найдешь сѣдло“. Сынъ отправился, нашелъ гору, три раза обошелъ ее, но не могъ найти входъ и возвратился домой. Отецъ сказалъ ему, что входъ заваленъ большимъ камнемъ. Тогда его сынъ снова поѣхалъ, отворотилъ камень, досталъ изъ пещеры сѣдло величпной съ гору и потники величиной въ степь (шилъ джаланапъ), и осѣлавъ коня, поѣхалъ. Приѣхавъ къ горѣ Богдоннымъ Боро-тэнгъ, онъ ударилъ плетью два раза по небу, и оттуда спустился сынъ Биликчипа, Билчинаръ (Биликчинны-олы Билчинаръ) съ 50 воинами; ударилъ два раза по землѣ, оттуда вышелъ сынъ Тулюкчина, Тольджинаръ (Тулюкчинны-олы Тольджинаръ) съ 40 воинами. Вмѣстѣ съ ними онъ вернулся; собрали народъ, чтобы дать сыну старика имя, но никто не сумѣлъ. Старикъ самъ далъ ему имя Тана-герель на бурой лошади Ташъ (Таш курѣн атту Тана герель). Послѣ этого богатырь отправился за невѣстой. Дорогой онъ встрѣтилъ Кускунъ-куйранъ и Кускунъ-сайранъ¹⁾ и спросилъ ихъ: „Куда вы ѣдете?“ „Сватать дочь Падъ-падакши“, отвѣчали Кускунъ-куйранъ и Кускунъ-сайранъ. Тана-герель поймалъ ихъ, мучилъ, мучилъ и бросилъ. Далѣе на дорогѣ ему встрѣтился Тэнгри-ханъ; у него была одна женщина чибишинъ (?), которая увидѣла ѣдущихъ и сказала хану, что ѣдетъ Тана-герель на бурой лошади Ташъ, съ войскомъ. Ханъ зазвалъ богатыря къ себѣ и спросилъ: куда онъ поѣхалъ? Тана-герель сказалъ: „Ѣду сватать Тайгине²⁾, дочь Падъ-падакши“. „У меня есть дочь Хара-Тайгине; почему ее не сватаете?“ спросилъ Тэнгри-ханъ. „Хорошо“, сказалъ Тана-герель, — „обратно я заѣду и возьму ее“. Хара-тайгине дала ему въ задатокъ черный платокъ (хара орчул). Поѣхавъ Тана-герель далѣе: стоитъ ставка Ай-гана; его женщина шимекчинъ увидѣла ѣдущихъ и доложила хану, что ѣдетъ Тана-герель на бурой лошади Ташъ и

¹⁾ Кускунъ—воронъ.

²⁾ Намъ переводчикъ Телеутъ Иванъ Чивалковъ при передачѣ этой сказки произносилъ всегда Таджине вм. Тайгине.

съ нимъ съ пятидесятью войнами (пежан чпрулу) сынъ Биликчина Бильджинаръ и съ сорока войнами (тортан чпрулу) сынъ Тулюкчина Тольджинаръ. Ханъ велѣлъ звать ихъ къ себѣ. Тана-герель сказалъ, что ему нѣкогда, нужно торопиться. Тогда Айганъ послалъ другую шимекчинъ, и Тана-герель заѣхалъ къ нему. Ай-ганъ спросилъ: „Куда богатырь поѣхалъ?“ Тана-герель отвѣчалъ: „У Шяль-гана 108 женъ, но дѣтей нѣтъ; поэтому опъ послалъ меня сватать не-вѣсту у Падъ-падакши“. Ай-ганъ спросилъ: „Отчего не сватаете моей дочери Алтынъ-тайгине?“ Тана-герель сказалъ: „Хорошо, только не теперь, а въ обратный путь заѣду и возьму ее“. Алтынъ-тайгине дала ему въ задатокъ золотой платокъ (алтын олчур); онъ положилъ его за пазуху и поѣхалъ далѣе. Еще ѣдетъ и встрѣчаетъ юрту Кунь-гана; ханская женщина шимекчинъ увидѣла Тана-гереля и доложила хану: „Ѣдетъ Тана-герель на бурой лошади Ташъ, и съ нимъ сынъ Биликчина, Бильджинаръ и сынъ Тулюкчина, Тольджинаръ“. Ханъ велѣлъ зазвать богатыря къ себѣ, но онъ не поѣхалъ, сказавъ, что торопится впередъ, что у него времени нѣтъ. Тогда ханъ выслалъ вторую шимекчинъ, и Тана-герель заѣхалъ. Ханъ спросилъ: куда онъ ѣдетъ? Тана-герель отвѣчалъ, что Шяль-ганъ имѣетъ 108 женъ, но не имѣетъ дѣтей, и что онъ, богатырь, ѣдетъ доставать ему Тайгине, дочь Падъ-падакши. Кунъ ханъ предложилъ свою дочь Кузь-Тайгине, которая дала Тана-герелю въ задатокъ бурый платокъ (курэн олчур). Еще далѣе Тана-герель подѣзжаетъ къ ставкѣ Ерликъ-хана; его шимекчины были злые духи (аза-лар, множ. ч. отъ аза, злой духъ). Одна аза увидѣла Тана-гереля и доложила хану; тотъ велѣлъ зазвать богатыря, но Тана-герель по первому зову не поѣхалъ; ханъ послалъ вторую аза, и тогда только Тана-герель заѣхалъ къ хану. Восемь дверей прошелъ богатырь; восьмая дверь была стеклянная; Ерликъ-ханъ сидѣлъ на стеклянномъ престолѣ (шире); ханъ спросилъ богатыря: куда онъ поѣхалъ? Тана-герель разказалъ ему о цѣляхъ своей поѣздки. Тогда Ерликъ-ханъ сказалъ ему: „Погоди, погадаю“. Тана-герель сталъ ждать, но ему гаданье показалось долгимъ, не вытерпѣвъ, разбилъ стеклянную верхушку юрты (харачи) и уѣхалъ. Приѣхалъ онъ наконецъ къ Падъ-падакшѣ и обратился въ худаго мальчишку. У Падъ-падакши были уже два жениха—Кускунъ-кайранъ и Саусканъ-сайранъ, которые временно обращались въ птицъ, а теперь

сидѣли въ видѣ богатырей. Падъ-падакши спросилъ Тана-гереля: „Ты зачѣмъ приѣхалъ, мальчишка?“ Тана-герель отвѣчалъ: „Сватать вашу дочь за Шяль-гана“. „Моя дочь уже просватана за этихъ богатырей“, отвѣчалъ Падъ-падакша. Тогда Тана-герель принялъ свой настоящій видъ, женихи узнали его и испугались. Падъ-падакши сказалъ: „Боритесь, и кто побѣдитъ изъ васъ, тому и отдамъ свою дочь“. На Саусканъ-сайрана Тана-герель выпустилъ Тольджинара, вынудивъ его изъ-за пазухи; тотъ поднялъ Саускана къ небу и оттуда ударилъ о землю; ушелъ онъ глубоко въ землю. Кускунъ былъ сильнѣе; на него Тана-герель вынулъ изъ-за пазухи Бильджинара; боролись они девять лѣтъ; лежащій лѣсъ ломался лежа, стоящій лѣсъ ломался стоя; на небѣ громъ гремѣлъ, и била молнія. Наконецъ, Кускунъ усталъ; поднялъ его Бильджинаръ къ небу и ударилъ о землю. Отдалъ Падъ-падакши свою Тайгине Тана-герелю; Тана-герель отправилъ ее съ Бильджинаромъ и Тольджинаромъ къ Шяль-гану по небу, а самъ поѣхалъ по землѣ, чтобы забрать другихъ не-вѣстъ. Ерликъ велѣлъ своимъ аза схватить его, но Тана-герель вынулъ свои платки и ихъ силою обратился въ Манѣжишири-бургана, и аза ничего не могли ему сдѣлать. Такимъ образомъ онъ привезъ четырехъ не-вѣстъ вмѣсто одной; дочь Падъ-падакши (Падъ-падакшини тайгине) взялъ Шяль-ганъ, Кузь-тайгине взялъ Тана-герель, Хара-тайгине Тульджинаръ, Алтынъ-тайгине Билчинаръ (Белджинаръ).

(Бюргутъ, Урянхаецъ вости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

134. Ирень Шайнъ Чичирге.

Во владѣніи Тойбонъ-хана, при которомъ было девять хорошихъ зайсановъ, у старика Улакшина былъ сынъ Ирень Шайнъ Чичирге; Тойбонъ-ханъ сдѣлалъ совѣтъ съ девятью зайсанами; на совѣтъ порѣшили погубить его. Съ этою цѣлью Тойбонъ-ханъ послалъ его достать Кара-гулу ¹⁾; Ирень Шайнъ досталъ, но Тойбонъ-ханъ испугался Кара-гулы и запросилъ поскорѣе убрать его прочь. Послѣ того зайсаны совѣтуютъ Тойбонъ-хану приказать Иренъ Шайну привести девяти-бубеннаго кама Толучака подъ предлогомъ, будто у хана заболѣла жена, а она была совершенно здорова; Ирень

¹⁾ Разказчикъ сообщалъ, что Кара-гула и теперь есть; это—звѣрь, похожій на лошадь.

Шайнъ привезъ кама; началъ Толучакъ камлатъ, ханъша отъ испуга обмерла, ханъ испугался и сталъ просить Иренъ Шайна поскорѣе отвезти Толучака назадъ. Затѣмъ Иренъ Шайну поручаютъ достать Канкере; это была женщина, которая была въ одно время и ханъ, и шаманъ (хамъ). Иренъ ѣдетъ; на пути лежитъ ядовитое море Сары-Далай ¹⁾; здѣсь его встрѣчаетъ старуха и говоритъ, что ему не проѣхать далѣе, да и Канкере такъ силенъ, что овладѣть имъ не возможно. Однако, когда Иренъ Шайнъ подъѣхалъ къ морю, оно замерзло, и богатырь проѣхалъ по льду; только у коня отвалились копыта. Далѣе ему встрѣчается богатырь Олѣкѣндин дженгис покози; онъ даетъ Иренъ Шайну указанія, съ какими предосторожностями войти въ юрту Канкере, и какъ вести себя. Подъѣзжаетъ Иренъ Шайнъ къ юртѣ Канкере и видитъ золотой приколъ (алтын чакы), къ которому привязанъ конь. Иренъ Шайнъ обернулся пташкой (боро кутчіякъ) и влетѣлъ въ юрту. Канкере не было дома, въ юртѣ были только двѣ его дочери. Онъ вылетѣлъ изъ юрты, обернулся по прежнему человѣкомъ и вновь вошелъ. Дочери Канкере приняли богатыря. Вдругъ раздался громъ; это Канкере идетъ. Старшая сестра обратила Иреня въ красный платокъ и положила на столъ. Канкере вошла въ юрту, глаза ея налились кровью; она говоритъ дочерямъ, что она слышитъ—кто-то здѣсь есть. Старшая дочь бросила платокъ, сталъ Иренъ. Канкере спросила: кто онъ? Иренъ сказалъ, кто онъ и зачѣмъ посланъ Тойбонъ-ханомъ. „Не врешь ли ты?“ спросила Канкере. Потомъ она начала камлатъ и цѣлый день и ночь прокамлала. „Правду ты сказалъ“, объявила она Иреню; — „тебя хотѣлъ погубить Тойбонъ-ханъ. Поѣдемъ къ нему вмѣстѣ.“

Только въѣхали въ первые улусы, Канкере закамлала, ханъ Тойбонъ испугался, послалъ девять пословъ просить прекратить камланье и отправить Канкере домой. Канкере уѣхала, сказавъ Иренъ Шайну: „Пріѣзжай ко мнѣ черезъ три года“. Между тѣмъ Тойбонъ-ханъ вновь послалъ Иренъ Шайна достать джиракы (посуду для сидѣнья водки) отъ Ерлика. Отправился Иренъ Шайнъ; конь велѣлъ Иренъ Шайну зажмуриться, и они спустились подъ землю. Здѣсь конь говоритъ своему хозяину: „Телерь насъ встрѣтятъ

¹⁾ По монгольски—желтое море.

два ворона, девять черныхъ дѣвицъ и два верблюда; поймай девять ерликовыхъ коней, вынь у нихъ глаза и отдай воронамъ; они останутся этимъ довольны; дѣвицамъ отдай жилы лошадей, а верблюдамъ четыре желѣзныхъ кола“. Такъ и сдѣлалъ Иренъ Шайнъ, безпрепятственно пріѣхалъ къ Ерлику и сталъ просить у него джиракы. Ерликъ согласился, но въ замѣнъ того потребовалъ коня у богатыря. Иренъ Шайнъ отдалъ коня и получилъ джиракы. Ерликъ велѣлъ поставить коня въ стойло за девятью стѣнами. Заплакалъ Иренъ Шайнъ и пошелъ домой пѣшкомъ. Вдругъ громъ гремѣтъ, туча пили несется: это бѣжитъ его конь. Подбѣжавъ къ хозяину, конь велитъ ему садиться на себя и зажмуриться и выносить его на этотъ свѣтъ. Пріѣхалъ Иренъ Шайнъ къ Тойбонъ-хану, бросилъ ему джиракы, а самъ поѣхалъ къ Канкере. Канкере сказала ему: „Видно самъ Учъ-Курбустанъ назначилъ тебѣ мою дочь“. И отдала ему младшую. Вернулся Иренъ Шайнъ домой и сталъ дѣлать свадьбу. Девять зайсановъ и собравшійся на свадьбу народъ сдѣлали его ханомъ.

(Савашъ, Алтаецъ. Р. Чуя).

135. Иринъ-Сайнъ-Гунынъ-Настай-Мекеле.

Когда море Сумъ-далай было болотною лужей, гора Сумберъ-ола горюшкой была, Хангай былъ кочкой, дерево Хайлясъ было маленькимъ, океанъ Хадзыръ-далай былъ болотною лужей, когда Ганджуръ-Танжура еще не было, когда Далай-лама былъ банди, Тайбинъ-ханъ (Китайскій императоръ) былъ ребенкомъ, Дариху-бурхынъ была въ несмышленномъ возрастѣ, по волѣ вверху живущаго Гучинъ-Гурбу-Гурбустенъ-Тенгрина ¹⁾ послѣ трехъ сестеръ за три вѣка до Лусенъ-хана родился мальчикъ; матерью его была Энкэдургеле, отцомъ его былъ Мэнку тургеле. Отцу-хану было девятьсотъ девяносто лѣтъ, матери-ханьшѣ 886 лѣтъ; табуновъ своихъ ханъ въ шестнадцать лѣтъ не могъ счесть, своихъ подданныхъ въ тридцать-шесть лѣтъ не могъ счесть. Изъ утробы матери родившійся мальчикъ держалъ во рту алмыса ²⁾, въ правой рукѣ крови величиною съ барана, въ лѣвой драгоценность въ кулакѣ. Только что родившемуся, ему уже нужна была одежда, какъ на

¹⁾ Можно перевести: „тридцати трехъ Гурбустенъ-тенгирѣвъ“.

²⁾ Алмусъ—дьяволъ.

пятнадцатилѣтняго мальчика; со дня рожденія онъ уже могъ состязаться въ стрѣльбѣ и съ мудрецами бесѣдовать; въ крыльцахъ его была сила семидесяти лу (драконовъ), по поясъ у него была сила Ханъ-Гаридэ. Пальцы его были такіе, что чего ни коснется, все ломается; на верхней губѣ было слово „дѣ“, на нижней „то“, на лбу было изображеніе Махагала, на теменіи изображеніе Очирвани, на вискахъ Шахджи-мани; съ благословенія Мингацъ-бурхына ¹⁾ онъ родился. Все счастье было въ его рукѣ; имя его раздалось во всѣхъ сторонахъ. Если была война далеко, онъ поражалъ войска мыслью; если близко—личнымъ участіемъ. Сорокъ тысячъ мангысовъ онъ могъ подъ стремениемъ задавить, десять „муджи“ могъ ладонью раздавить. Съ не смущающимся умомъ, съ не падающимъ сердцемъ, не раздѣлимое у него было дѣлимо, не возможное возможно. Еренъ-Сайнъ-Гунынъ-Настай-Мекеле онъ именовался.

Три года онъ прожилъ на одномъ мѣстѣ, при устьѣ Така (Тактен амы); пять „муджи“ у него было подданныхъ въ низовьяхъ рѣки Уджюмты, въ вершинѣ рѣки Джиргмынгты, при впадѣніи рѣки Олдзеты, при огромномъ морѣ, гдѣ было шестьдесятъ шесть сопокъ съ вѣчными снѣгами, гдѣ сплѣтается гора Синяя Дзандынъ, гдѣ играетъ марево, гдѣ гуси и ангирь кричатъ, дерево гандыгари отъ вѣтра шатается. Весновалъ онъ въ кочковатыхъ чинахъ, зимовалъ на высокой горѣ, между восемью рѣчками лѣтомъ стоялъ, въ огромной Гоби осень проводилъ. Аилъ (юрта) его раскинулся на нѣсколько верстъ; столбы (багана) его были золотые; въ аилѣ было сорокъ четыре ханата, четыре тысячи унинъ, семьдесятъ-пять подстоекъ изъ слоновой и лвиной кости; по срединѣ харачи (то-есть, верхняго круга) порхалъ Ханъ-Гариде, на четырехъ сторонахъ харачи было по беркуту; на урکو пѣли разныя птицы. Задняя крыша была сдѣлана снаружи изъ канфы, а съ внутренней стороны изъ самаго чистаго войлока; передняя крыша снаружи изъ разныхъ матерій, а съ внутренней стороны изъ войлока, скатаннаго изъ самой нѣжной овечьей шерсти; двадцать-четыре шнурка были змѣевидно обвиты золотомъ и серебромъ; на четырехъ углахъ урко были Махарандзы съ разинутыми ртами. Съ одной стороны двери сидѣлъ баръ (тигръ), съ другой утѣго;

¹⁾ Можно перевести: „съ благословенія тысячи боговъ“.

черный мангысъ, съ проколотымъ носомъ, былъ привязанъ къ коновязи. Золотая маковка у урко хватала почти до неба. Когда онъ ставилъ свой аилъ, четыреста-сорокъ болѣзней и триста-шестьдесятъ бѣдъ подъ свой огонь сложилъ.

На передней (или солнечной) сторонѣ Хангая стояли его десять тысячъ табуновъ; никто ихъ никогда не воровалъ. На солнечной сторонѣ Алтая стояли его табуны также безвредно; годовики и двухгодовалые жеребята вѣчно рѣзвились. На вершинахъ этихъ горъ стояли не ѣзженные кони; въ жаръ они на мѣстѣ стояли, когда жаръ спадетъ, на кормъ шли; пыль стояла непроглядная, когда они играли; десять туменей было смирныхъ лошадей, десять туменей не смирныхъ. Изъ песчаной почвы западной долины выходили травы кокъ-битэгэ, котунъ-зоултыргана п аги-ширилъджинъ, которыя покрыли собою всю степь. Десять тысячъ пѣгихъ и двадцать тысячъ коурыхъ лошадей ѣли эту траву, изгибая свои высокія шеи; какъ щипцами, рѣзали ее, широкими бѣлыми зубами, какъ ножницами, стригли ее, громъ стоялъ на ихъ коренныхъ зубахъ; жеваную траву они проводили по длинному горлу; въ мигъ съѣденная трава сваривалась, скоро опрастывались ихъ желудки. Тѣневая сторона Алтая была также вся покрыта его скотомъ—четырехъ родовъ; подъ всякимъ кустомъ дэрсу лежало по десяти тысячъ пестрыхъ быковъ и коровъ; быки и порося были отдѣлены, коровы и телята ходили особо. Черные и красные быки сошлись въ одномъ тѣсномъ мѣстѣ, большіе бодались, малые играли; красный быкъ съ десятисаженными рогами, девяти сажень самъ длинной, былъ надо всѣми старшій. Рѣка Турюнтинъ была наполнена десятью туменами верблюдовъ; по утреннему вѣтерку они вставали по одному съ мѣста; жеребцы и атаны ходили отдѣльно, верблюдицы и верблюжата отдѣльно. Внизъ по рѣкѣ ходили синеголовые верблюды, вверхъ по рѣкѣ бурные бѣлоголовые. Тонкоживотый бѣлый верблюдъ, въ 50 сажень высотой, съ шеей въ 5 сажень длинной, ворчитъ и скрежещетъ зубами; передняя кочка его, какъ гора, задняя ледяная; между ними дзакъ растетъ; на дзакѣ сидѣла птица Зарыкъ и свила гнѣздо. Какъ по горамъ кустарникъ табилга, такъ безчетны были бараны. Когда они спускались съ Алтая, поднималась такая пыль, что ничего не было видно; отъ крика козлятъ и ягнятъ, отъ игры

прыковъ и стука о камни ничего не было слышно; большіе козлы бодались, малые играли.

Гунынь (Кунунъ) Настай Мекеле ѣздилъ на конѣ Кэйкюлюкъ, который родился отъ сѣрой кобылы и отъ двухъ мухортыхъ четырехлѣтнихъ жеребцовъ; съ трепещущею гривой и растилающимъ хвостомъ онъ бочился на лѣвую сторону, на правую шею заворачивалъ на подобіе звѣря „таки“¹⁾; животъ его былъ подобранъ; въ костяхъ его не было пустоты; жилы срослись съ костями. Грива была у него, какъ горный хребетъ; между крыльцами могли установиться два быка, на крупѣ могли рѣзвиться два верблюженка; шея его была крѣпка какъ напарья (урмѣ), ротъ былъ крѣпокъ какъ щипцы; зубы были изъ нефрита (халъ эрдэнэ шюдутай), губы серебряныя (халъ менгу), хребетъ не спаянный (слитный), остовъ зада какъ у волка; коренные зубы смотрѣли внутрь рта; на шеѣ были знаки (за чтѣ и былъ названъ кюлюкъ); ноздри какъ музыкальныя трубы, глаза, какъ подзорныя трубы. Желѣзное стремя ломалось отъ его бѣга; молодой человекъ могъ состарѣться въ то время, какъ онъ бѣжалъ, не уставая; когда стоялъ, никогда передними ногами не переступалъ, головы не клонилъ. На груди его бѣлая пѣна никогда не высыхала отъ рожденія; ѣзди, не ѣзди на немъ—тѣло его никогда не упадало; мозгъ былъ у него поверхъ костей. Грива его распадалась на двѣ стороны; промежутокъ между ними—какъ пометъ отъ 80 верблюдовъ. Между двухъ ушей укладывалось двадцать верблюдовъ. Умъ его былъ такой—гдѣ нужно годъ думать, онъ успѣетъ сообразить, пока ухомъ пошевелинетъ. Мотая головой, онъ движеніемъ чолки гналъ облака, черными копытами не сшибалъ травинки. Пять сѣделъ могло уложиться на его спинѣ. Какъ огромный Хангай, дикій гнѣдокарій конь!

Доспѣхи для Гунынь Настай Мекеле дѣлалъ кузнецъ Метиль-Хара, сынъ 88-лѣтняго Найтектэй-мергена. Тысячу человекъ посылали за этимъ кузнецомъ; онъ расплавилъ мѣхами гору Онгонъ-Кокъ-Ола, сдѣлалъ изъ нея черную сталь „тэмуренъ ханъ“; изъ желтой стали, размельченной на комариные носы, сдѣлалъ „Тармы Цаганъ“, кольчугу для Мекеле о семидесяти-пяти пуговицахъ. На-

¹⁾ Таки—дикая лошадь, Equus Przewalskii.

локотники ея были остры какъ ножи; на груди были четыре стальные „толи“; подложена кольчуга шелковою подкладкой, стегана на пуху; на полахъ были выкованы внизъ головой желѣзные мангысы; на задѣ были выкованы изъ желѣза левъ и тигръ съ раскрытыми пастьми, съ стиснутыми зубами, будто хотятъ схватить. Какъ снѣжный бѣлокъ, высокая шапка съ наушниками, которые закрывали все лицо, кромѣ глазъ; она была стянута 33 обручами, привинчена тремя тысячами винтовъ. Сапоги были изъ кожи „лодунъ“; десять тысячъ войска уходило въ одно голенище; на носкахъ былъ выкованъ Ханъ Гариде, оторочены сапоги желѣзною змѣей, каблуки изъ челюсти Мангыса.

Кузнецъ Далай семьдесятъ лѣтъ ковалъ, кузнецъ Ой много лѣтъ ковалъ саблю для Гунынь Настай Мекеле; трехлѣтній желтый кузнецъ (Шаръ тарханъ) три года закалывалъ, четырехлѣтній желтый тарханъ четыре года закалывалъ. Изъ двухъ желѣзовъ, сравнявъ ихъ, выбрали лучшее и изъ него сдѣлали саблю; отшлифовали ее, какъ ледъ, сверху покрыли сталью „агуй“. Сабля была волшебная, какъ „алмысъ“. Она была закалена на лошадиной раковинѣ, селитрѣ и каменной соли. Когда водили саблю противъ отверстія „кисы“ (дудки мѣховъ), бросая закалъ въ огонь, приговаривали, чтобъ она не гнулась ни отъ человѣческой кости, ни отъ стали, ни отъ камня, ни отъ заговора; въ студеномъ синемъ морѣ, по самой серединѣ его, обухомъ три раза и остриемъ три раза погрузивъ, остудили.

Тибке (косточки на стрѣльномъ лукѣ) были такія, что на нихъ могли установиться бодущіеся тѣкъ и мораль-самецъ (огулдза). Длина лука была такая, что внутри могли дикій осель (кулунъ) и тѣкъ сбѣжаться, а снаружи гусь (голунъ) и турпанъ (красная утка) слетѣться. На ручкѣ лука дрались тигръ (баръ) и утѣгѣ; съ наружной стороны наклеена береста съ десяти огромныхъ березъ; сверхъ бересты наложены конскія жилы; съ внутренней стороны лукъ подклеенъ рогомъ отъ ста моральныхъ роговъ. Тетива лука была сдѣлана изъ сотни человѣческихъ жилъ и сотни жилъ коней кулюкъ; это былъ коричнево-пестрый лукъ Кудюръ (Кудюръ крюнь чокуръ ному).

Стрѣла, по имени Галынъ Табыкъ, величиной съ небольшую степь, выстругана изъ дерева Цангысь, оперена перьями птицы

Чакцагай-Куукюнъ; развилось у нея было съ сѣдло; всего въ колчанѣ было 30 такихъ бѣлыхъ стрѣлъ; колчанъ (садакъ) носилъ имя Архытъ Хара.

Подъ копейцемъ красной стосаженной пивы былъ привязанъ ремень изъ кожи звѣря кудурь ¹⁾, на которомъ богатырь носилъ пикку. Копейцо было изъ стали „шургу“, обручъ на пикѣ изъ стали „шурукъ“; изъ черной стали были сдѣланы „хаджи“, то-есть, два ножа подъ копейцомъ (чтобы непріятель не могъ ухватиться рукой за пикку). Пика была воткнута съ правой стороны юрты за ея поясъ; отъ пивы до небесъ свѣтъ горѣлъ, внизъ по землѣ было сіяніе.

Ножны у poja были обложены слоновою костью, сами сдѣланы изъ дерева дзандынъ; на нихъ было тридцать-три черточки, три тысячи гвоздочка; имя ножу было Гульджинъ Цаганъ хутуху. Съ черны и острія летѣлъ огонь; изъ ядовитаго моря былъ взятъ матеріалъ для него. Въ восемь рядовъ онъ складывался; 83 сгиба было у него.

На правой сторонѣ огнива золотой рисунокъ бабочки (эрбекъ), на лѣвой—серебряный. Внутренній бокъ огнива (обращенный къ сумкѣ) изъ ледяной стали, ви́шній изъ настоящей стали; крышка у сумки (улубчи) — какъ верхняя крышка юрты (дэбиръ). Въ сумкѣ былъ, какъ застывшая кровь, кремь и труть по имени Тургюнь-шаръ; „тэкъ“ (или прицѣпокъ, брилокъ, закладываемый за поясъ) былъ изъ серебряной головы двухлѣтнаго верблюда въ настоящую величину.

Сѣдло было составлено изъ ставокъ изъ дерева дзандынъ, „кычмы“ (кожаная крышка на подсѣдельные потники) изъ слоновой кожи, задняя лука изъ дерева агыръ дзандынъ, передняя изъ дерева угюръ-дзандынъ. Полнцы у сѣдла изъ твердаго дзандына оправлены серебромъ; по оправѣ серебряные обручи. У сѣдла 66 подпругъ, 66 подтягъ. Какъ сѣдловина на Хангаѣ, такое было его черное сѣдло. Въ кольцо узды четырехлѣтній верблюдъ пройдетъ, а въ удила трехлѣтній; изъ самаго чистаго серебра набрана узда, обротъ изъ черной шелковой тесьмы „хамджакъ“. Поводъ въ тридцать саженъ длиной, въ три ряда сплетенный изъ кожи козули

¹⁾ Кудуръ-кабарга.

(гурунъ) перевить золотомъ. Черень у плети изъ дерева „дзягды“ убранъ серебромъ и золотомъ; петля (салдыргы) изъ шеи козули (гурунъ); самъ черень изъ чернаго звонкаго (гунышъ) дерева. Плетъ выплетена изъ 40 бычьихъ шкуръ; внутрь ея засыпано три мѣшка песку. Колечко на чернѣ съ годовика-верблюда. Имя плети было „Мангытъ-хара плетъ съ череномъ изъ дерева Ихинъ-Чихинъ“.

Изъ пестрой „хамбу“ черношелковый лабашекъ ему скроила премудрая мать, а теща (удма еджи) сложила; швецъ (най тархынъ) выстежилъ, Наджи тархынъ сшилъ; сто-восемь женъ восемь мѣсяцевъ стежили, шесть хорошихъ женъ пуговицы пришили, петли примѣтали.

Крѣпкіе красные штаны были сдѣланы изъ ста-шести бычьихъ шкуръ, ошкуръ изъ шести бычьихъ шкуръ.

Бѣлобородый старикъ пастухъ (ах сахал эбуген адучи) съ сѣдою бородой по колѣна протянулъ дзель (канатъ для привязыванія кобылицъ) на длинномъ зеленомъ лугу, поставилъ свою бѣлую юрту наравнѣ съ горой Орду-Цаганъ дверью на востокъ, осѣдлалъ мухортаго коня Аргуя, подкованнаго золотыми подковами и съ крикомъ и свистомъ пригналъ сто тысячъ пѣгихъ и двѣсти тысячъ коурыхъ кобылицъ; пѣгихъ и коурыхъ жеребятъ онъ по шерстямъ разбиралъ, бралъ за морды и надѣвалъ на нихъ оброты; выравнившихся жеребятъ онъ всѣхъ переловилъ и перевязалъ. Отъ вершины рѣки Джиньтырь-Наймынь до ея устья онъ на дзель навязалъ жеребятъ, чтобы посмотрѣть на лицо и сравнить ростъ. У всѣхъ одна походка; косички на вискахъ (халха усюнъ) почти до земли висятъ. Двадцать-пять дѣвушекъ брали по ведру и шли донть кобылъ; на помощь имъ шли такого же возраста двадцать-пять молодцовъ. Кумысъ (чигэнь) стоитъ въ архытѣ, какъ озеро Цайлимъ-Цаганъ; архытъ былъ такой, что десять тысячъ человекъ не могли пошевелить его, десять тысячъ туменей было на немъ колецъ (шиширге). Краснаго (то-есть, коровьяго) кумыса также было наготовлено. Была выкопана дэуху (яма вмѣсто очага), и запахъ отъ варенаго кобыляго мяса разносился по степи.

Ханъ-Сайнъ отецъ и Хатынь-Сайнъ мать говорятъ сыну: „Собери своихъ худыхъ и добрыхъ подданныхъ и угости“. Въ большую трубу

затрубили, стариковъ собрали; въ малую трубу затрубили, молодыхъ собрали. Тринадцать дней гласъ трубъ малыхъ и большихъ по всему царству раздавался. Восьмидесятилѣтніе старики и восьмилѣтніа дѣти не остались дома; безконныя пришли пѣшкомъ, больные были привезены; восьмилѣтніа и десятилѣтніа ребятишки ловили дикихъ жеребятъ, сѣдлали, и ѣхали на нихъ. Изъ хошуна женщины и дѣти везли на десяти тысячахъ верблюдовъ кумысъ въ архытахъ изъ слоновой кожи. На двадцатый и пятнадцатый день дальніе доѣзжали до ханской ставки; караванъ съ кумысомъ остановили за полдня до ставки, и отсюда къ ставкѣ слуги носили кумысъ на себѣ. Когда люди собрались, отецъ Гунны сказалъ: „Къ счастливому и богатому чиновные и хорошіе люди собираются, а ко мнѣ всѣ и худые и хорошіе собрались. Отворите мою ургу!“ Почетные старики съ праваго боку передняго мѣста сѣли, старыя и молодыя знатныя женщины съ лѣваго бока передняго мѣста сѣли, а молодежь и дѣти у дверей въ три ряда. Съ пригонъ величиною мѣдный (кулюр) котелъ былъ наваренъ краснаго чая; разлитъ былъ этотъ чай въ большія думбы (жбаны) изъ краснаго дзандына; въ желто-золотыя багбыры (чаши) была насыпана мука съ ароматомъ дерева агри, положено масло и золотыя ложки. Престарѣлые люди до поту чай пили; старыя и молодыя люди чай пили; остатки докончили слуги. Архытъ, который не могли сдвинуть десять тысячъ человѣкъ, бѣлобородый старикъ пастухъ (ах сахал эбуген адучи) поставилъ въ колѣни и сталъ разливать (кумысъ?). Семьдесятъ - пять молодыхъ людей только могли поднять, такую серебряную чашу наполнили и выносили прыскать (цатса), а потомъ подавали всѣмъ гостямъ старымъ и молодымъ. Послѣ перваго вина другая красная чашка изъ дзандына съ семьдесятью ручками, не поднимаемая и семьюдесятью человѣкамъ, была налита виномъ тамъ арза и поднята всѣмъ гостямъ. И справа, и слѣва сѣдящіе всѣ были обнесены. У стариковъ вино текло по усамъ, у молодыхъ сало текло по пальцамъ. Во время этого пирѣ не замѣтили, что солнце двадцать-пять разъ всходило и закаталось; двадцать-пять сутокъ за день показались. Охмѣлѣвшіе старики спорили о сказкахъ и пѣсняхъ и копали другъ другу пальцами глаза; охмѣлѣвшія старыя и молодыя женщины расхвастались или своимъ руководѣлемъ или самими собою;

подъ порогомъ сидѣвшіе, охмѣлѣвъ, спорили и ножами протыкали другъ другу ягодицы.

У Гунны кудри назадъ колышались, косички (орбюллэ) впередъ развѣваются; снявъ съ себя баринтыкъ (халатъ) и положивъ на плечо, онъ началъ играть въ бабки; игралъ онъ сорока бабками (сахы) отъ аргали ¹⁾, металъ (харбаджи) онъ сорока бабками отъ огулды ²⁾. Отецъ Ханъ-Сайнъ и мать Хатунъ-Сайнъ выпили по семидесяти красныхъ чашекъ и остановились пить. Отецъ и мать говорятъ своимъ подданнымъ: „Люди, вдали живущіе, о нашемъ сынѣ слышали, близко живущіе его видѣли. При этомъ нашемъ пирѣ нужно сдѣлать его съ косою!“ Все общество отвѣчало: „Царская рѣчь справедлива! Подождемъ только отсутствующаго сановника Джигенъ-Джилъбынъ-Хара“.

Джигенъ-Джилъбынъ-Хара съ двумя „кя“ пошевеливался, поворачивался и наконецъ пріѣхалъ. Онъ сѣлъ впередъ всего общества на восьми албыкахъ (подушкахъ), опершись руками на тушелы (подклады). Подали ему чай въ бѣлосеребряной чашкѣ, налили вина въ серебряную чару; на четырехъ углахъ ея налѣпили по куску масла величиною съ быка и подали чашку Джилъбыну. Джилъбыновы кя взяли Гунны съ улицы въ баринтыкъ, подвели его къ Джилъбыну и поднесли серебряныя ножницы. Джигенъ-Джилъбынъ-Хара принялъ ребенка, попробовалъ вино, помазалъ имъ и масломъ въ четырехъ мѣстахъ голову ребенка, остригъ волосы и сказалъ: „Отецъ и мать, четыреста-сорокъ болѣзней и триста-шестьдесятъ бѣдъ-напастей пусть срѣжутся, какъ срѣзались эти волосы“ ³⁾. Все общество провозгласило, кто какъ могъ, славу и непобѣдимость Гунны. Оставили ему тѣбикъ (оселедецъ) величиной съ огнище; шесть женъ сановниковъ шесть дней чесали тѣбикъ рѣдкимъ гребнемъ, восемь женъ сановниковъ восемь дней приглаживали тѣбикъ частымъ гребнемъ. Къ косѣ привязали бодыгъ, который небесная дѣва (окторгон хуухун) Ондо-Гериль-хатунъ много лѣтъ ткала, Санылъ-Хани хуухунъ Гургюмъ-Гоо восемь-

¹⁾ Аргали—каменный баранъ, самка.

²⁾ Огулды—самецъ той же породы животнаго.

³⁾ Здѣсь мы опускаемъ другія части благословенія, сказаннаго Джилъбыномъ, такъ какъ онъ остался безъ перевода.

десять-восемь узелочковъ на немъ завязала; въ хорошій день сампи сплела и завязала, въ счастливый день обровняла, въ справедливый день довершила. Изъ крученаго чернаго шелку бодыгъ въ широкой, какъ рѣка Хобдо, косѣ привязали; кисти на оба плеча пали.

Въ этотъ хорошій и славный день надѣли на него доспѣхи. Желѣзный племъ днемъ горѣлъ какъ солнце, ночью какъ мѣсяцъ; надѣвъ его, Гунынъ сѣлъ на восемь албыковъ. Крѣпкіе (сайн) сильные смотрѣли ему въ колѣни, слабые во взѣмы ступней: глаза его горѣли, какъ черныя угли. Порѣшили посадить его на коня. Бѣлобородому старику пастуху (ах сахыл эбуген адучи) велѣли привести коня, чтобы Гунынъ могъ въ этотъ счастливый день взѣхать на горы, увидѣть долины и проложить слѣдъ.

Пастухъ Ахъ-сахалъ-Адучи былъ старъ, и выпивъ семьдесятъ-пять чашекъ вина, обезсилѣлъ, но сказалъ: „Все-таки для вашего сына я изловлю коня“. Пастухъ завилъ свою огромную бороду, заложилъ ее за пазуху, взялъ семидесятиколѣнный урукъ съ семидесятью-семью ремнями, сѣлъ на мухортую лошадь Аргуй съ золотыми подковами и поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ ловить коня. Темногнѣдой конь Хангиль-Таши бѣгалъ по самой серединѣ табуновъ изъ пѣгихъ и коурыхъ лошадей, распустивъ хвостъ и поднявъ голову. За мѣсяцъ онъ слышалъ пастуха, за день зачуялъ, за полдня на видъ взялъ. Сталъ Ахъ-сахалъ-Адучи подъѣзжать, повернулъ Хангиль-Таши на востокъ и убѣжалъ изъ виду. Адучи поѣхалъ шагомъ; отъ бѣга Хангила подѣлались ямы. Адучи приходилось то спускаться въ ямы, то взѣзжать на бугры. Алтай съ тринадцатю перевалами мпновалъ, на высокій, какъ птица тасъ, черный перевалъ Шоронги выѣхалъ и увидѣлъ Хангила; онъ казался малъ какъ паутъ, а пыль отъ него стояла до неба. Пастухъ говоритъ своему коню: „Если ты его не догонишь, четыре твои копыта отрублю“. Конь ему отвѣчалъ: „Если ты его не поймашь, твои десять пальцевъ зубами изжую“. Пастухъ Ахсахылъ Адучи подумалъ: „Конь въ силѣ до десяти лѣтъ, человѣкъ до сорока лѣтъ, мнѣ уже пятьдесятъ лѣтъ. Конь мой крѣпокъ, догонить, а я старъ; какъ я его поймаю“. Заплакалъ бѣдняга (кѳркѣй). Подтянулъ онъ пятнадцать подпругъ, снова сѣлъ и смотреть, куда убѣжалъ Хангиль; его конь Аргуй туда же смотреть. Пастухъ видитъ гору, а конь

смотреть ближе. Взялъ Адучи урукъ, усѣлся въ сѣдло, какъ вбитый гвоздь, ударилъ коня справа три, съ лѣваго бока шесть разъ; тогда конь малыя горы перешагивалъ, на большія горы наступалъ, потрихивался, переваливался (ухын дабага алхад уйтын дабага кпшкяд эдзин товар бѣджин тюшед эбрин товар бѣгюн джурелед), головой моталъ, съ сѣдла (сѣдока) потягивалъ; удила съ громомъ грызъ, каменистое мѣсто въ мелкій камень разбивалъ, яры равниной дѣлалъ, пески въ плотный камень сбивалъ, гдѣ съезживался—лъ наперстокъ былъ, гдѣ растягивался—въ ремешокъ становился. Хвостъ и грива гребнемъ стояли, токумъ чуть изъ-подъ сѣдла не вылеталъ, Ахъ-сахылъ-Адучи отъ выпитаго вина чувствовалъ въ пальцахъ силу, зубы стиснулъ и губы сжалъ. На старшій слѣдъ нападаетъ—видитъ, что конь еще далеко, на новый слѣдъ нападаетъ—чувствуетъ близость коня. Взялъ Хангила на видъ, разчитываетъ, что онъ въ тринадцать дней, и видитъ: песокъ подъ нимъ камнемъ становится, огромныя камни въ щебенъ дробятся, изъ-подъ копыта летятъ камни на день ѣзды. Отъ четырехъ копытъ его слышенъ громъ, какъ отъ четырехъ бѣзующихъ быковъ. Огромную гоби ¹⁾ Хай тебе кругомъ обѣжалъ, ее же поперекъ пересѣкъ, бѣль ²⁾ горы Ганджуръ-Цаганъ всю пробѣжалъ, непроходимыя займища и бѣль горы Арсланъ-Цаганъ пробѣжалъ, всю гоби Албынъ-Цаганъ пробѣжалъ, по берегу моря Анымъ-Хара-талай кругомъ обѣжалъ, загналъ Хангила въ займище Мергенъ-Шары-Тогой. Но Хангиль-Таша вновь вырвался и съ правой стороны горы Гѣликъ-Арыкба - Чильтумъ - Тунджиръ - Инскъ-Ганъ-ола бѣлью убѣжалъ. Пастухъ билъ своего коня до самаго мяса; и у сайра ³⁾ Кельгиръ-Сайханъ Аргый догналъ Хангила. Набросилъ на него петлю пастухъ и урукъ бросилъ; воткнулся урукъ въ землю отвѣсно и за, дрожалъ. Хангиль натянулъ арканъ; пыль изъ-подъ него стоитъ—какъ отъ тысячи табуновъ; ногами, какъ сохой, землю всахпываетъ. Старикъ Адучи и его конь Аргый изъ всѣхъ силъ упираются. Хангиль, попавъ на арканъ, еще больше сердится. Аргый такъ упирался, что отъ каменистой почвы обезноживать началъ. Онъ говоритъ

¹⁾ Гоби—равнина.

²⁾ Бѣль—плоская подошва горы
Сайръ—сухое русло рѣки.

пастуху: „Я догналъ коня, и ты поймалъ его; но теперь у меня нѣтъ болѣе силы; во рту у меня сухо, ноги обезножили. Ты—человѣкъ; какую-нибудь хитростью удержи его, а моихъ силъ болѣе нѣтъ“. Слѣзъ съ коня Адучи, потащилъ его Хангилъ черезъ горы, черезъ гоби, черезъ озера. Возмолился Адучи Богу. На вершинѣ бѣли была сопка; пастухъ завернулъ за нее ремень. Ремень натянулся и оборвался. Оглянулся пастухъ и видитъ пыль: то догоняетъ его конь Аргый. Пастухъ сказалъ ему: „Ты не бросилъ хозяина, не далъ ему умереть въ гоби! У меня въ рукахъ остался только обрывокъ ремня“. Поправилъ коню чолку, погладилъ его слѣва, слѣва; какъ бѣлая лисица бѣжитъ Хангилъ, беркутомъ несетъ Ахъ-сахылъ-Адучи. Догналъ онъ Хангила до мѣста, гдѣ земля съ небомъ сходится, и гдѣ живетъ Ханъ-Гариде. Ухватился онъ за оборванный конецъ ремня, подтянулъ коня къ себѣ и говоритъ: „Сколько служилъ хану, не доводилось еще доѣзжать до конца міра! Видно суждено мнѣ обучить коня для царевича!“ Набросилъ на Хангила сѣдло и сѣлъ на него; Хангилъ полетѣлъ, какъ пуля изъ ружья; бьетъ задними погами. На двадцать-шестой день по выѣздѣ возвратился Адучи на Хангилъ, какъ на смирномъ конѣ. Беретъ въ руки урукъ, пересаживается на своего коня Аргыя и подѣзжаетъ къ ханской ургѣ. Былъ тутъ камень Теасъ-хара-чило, на немъ росло дерево дзандынъ, а кругомъ росли малые дзандыны; Адучи привязалъ Хангила къ дереву, стреножилъ его и вошелъ въ юрту. Гунынъ спросилъ его: „Поймалъ ли коня?“ Старикъ Адучи отвѣчалъ: „Никогда еще такого страху не испытывалъ!“ Выпилъ чашку водки и говоритъ Гуныну: „Пятнадцать лѣтъ служилъ твоему отцу, сѣрый жеребецъ со ста кобылами сталъ жеребцомъ съ тысячей кобылъ, рыжій жеребецъ со ста кобылами сталъ жеребцомъ съ тысячей кобылъ. Этого жеребенка я тебѣ сберегъ!“ Сказавъ это, онъ легъ спать.

Гунынъ вышелъ, увидѣлъ коня, и захотѣлось ему посмотрѣть хошунъ, слѣздитъ на гору. Вернувшись въ юрту, онъ вынулъ изъ ящика хадакъ, поднесъ его отцу съ матерью вмѣстѣ съ кумысомъ и сказалъ, что не будетъ болѣе жить здѣсь, а поѣдетъ: „Хоть и съ шапку тучка, а и изъ той бываетъ дождь; изъ большой же тучи бываетъ ливень; изъ горсти закваски въ архытѣ заводятся вино. Я родился отъ васъ, хорошихъ родителей; я сильный богатырь. По-

ѣду на югъ—кто мнѣ долженъ, съ того взыщу; кто зло сдѣлалъ моимъ предкамъ, тѣмъ отомщу“. Родители говорятъ: „Славный сынъ нашъ, ты росъ въ нѣгѣ, какъ кумысъ въ архытѣ! Отправляешься въ дальній путь, а людей хорошо не знаешь, нашъ несчастный Гунынъ-Настай-Мекеле“ (хайран Гунынъ Настай Мекеле минн)! Родители продолжаютъ упрашивать: „Какъ вѣтеръ въ полѣ, таковъ одинокій человѣкъ! Нѣтъ у тебя ни братьевъ, ни сестеръ! Проживи еще годъ у насъ“. Гунынъ отвѣчалъ родителямъ: „Если молодецъ задумалъ, да не сдѣлалъ, лучше умереть ему. Если дерево дзандынъ надломилось, лучше бы совсѣмъ упало!“ Родители думаютъ: „Надо его обмануть!“ И говорятъ они Гуныну: „Когда ты родился, одинъ лама сдѣлалъ намъ такое предсказаніе: не отпускайте его на третьемъ году, отпустите его только на четвертомъ; только въ такомъ случаѣ изъ него выйдетъ непобѣдимый богатырь“. И потомъ родители велѣли тайкомъ снять узду съ коня и отпустить его. Гунынъ вышелъ, увидалъ, что конь отпущенъ, ни слова не сказавъ, вновь вошелъ въ юрту и началъ безъ счету пить вино изъ чаши, которую семьдесятъ человѣкъ не могли поднимать и подносить гостямъ. Гости сказали ему ѳрѳль (благословеніе): „Если поѣдешь, будь счастливъ! Тысячу мангысовъ раздави подъ стремениемъ, десять муджи раздави на ладони“. Гости разъѣхались. Мекеле заснулъ.

Въ самое старое время на западѣ (арын нарын шинкуху дзюн-нотуктай), въ землѣ Замбы-Теби хозяинъ всей земли родился, въ седьмомъ вѣкѣ побѣдитель семи царствъ родился! Родился тотъ, который долженъ проглотить съ головой богатыря Долонъ-Хатына. Три колѣна боговъ Теди-Гучинъ-Ханъ-Хурмусту воевали съ нимъ и не могли побѣдить; три Теди-Гучинъ-Ханъ-Хурмусту громомъ поражали его, но не могли убить (Теди Гучун Гурбу Хан Хурмусту Гурбу тахиджи аюнга буулгад этат орхисѣ); земной Лусы-ханъ огнемъ хотѣлъ его пожечь, но напрасно; онъ синеватымъ камнемъ дѣлался, быкомъ-чернымъ-камнемъ (ухыр хара-чило) дѣлался.

У сына Харидая, богатыря Хатынъ-Хара-Хурмукчнна (Харида ни кумун) было десять туменей бѣшеныхъ (олдзу) богатырей да двадцать туменей пьяныхъ (сокту) богатырей и черногнѣдая лошадь по имени Дзанъ-Хаясынъ. Въ самое старое время, на сѣве-

ро-востокѣ въ странѣ Хайръ-Чидуръ родился обладатель десяти туменей, богатырь Кійтынъ Зеби, на синесѣрой (хох боро) лошади по имени Килпкъ ¹⁾.

Хара-Хурмукинъ пошелъ войной на Кійтынъ-Зеби; онъ убилъ его и его блистающую какъ солнце жену, Нарынъ-Хуухунъ-Наглынъ-Хоо отвелъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ десятью тысячами его подданныхъ; онъ выкопалъ восьмидесяти-саженную яму и закопалъ въ нее убитого Кійтынъ-Зеби. Харъ-Хурмукинъ не велитъ своимъ пьянымъ и бѣшенымъ богатырямъ разѣзжаться по домамъ, беретъ жену Наглынъ-Хоо за правую руку, вертитъ ее и говоритъ „Что я слышалъ! Будто ты знаешь впередъ за три года и назадъ за три года! Скажи, въ которую сторону мнѣ ѣхать, съ какимъ богатыремъ сразиться, и гдѣ болѣе достать добычи“. Наглынъ-Хоо вспомнила, что Кійтынъ-Зеби, передъ отправленіемъ на войну, заказывалъ ей, что на востокѣ у него есть меньшій братъ Гунинъ-Настай-Мекеле; ей жаль было выдать молодаго родственнаго богатыря, и она не сказала. Но у нея былъ ребенокъ, котораго она родила уже въ плѣну, такъ какъ была захвачена беременною; родивъ ребенка, она спрятала его въ желѣзную люльку и украдкой кормила. Вспомнивъ о ребенкѣ, она подумала: „Если провожу Харъ-Хурмукина въ походъ, ловчѣе будетъ кормить ребенка“. И она сказала Харъ-Хурмукину, что на востокѣ есть богатырь Гунинъ-Настай-Мекеле. Хара-Хурмукинъ догадался, что она имѣетъ сына, нашелъ желѣзный ящикъ (то-есть, люльку), разбилъ его и хотѣлъ убить ребенка. Наглынъ-Хоо подставила тогда свою шею и сказала ему: Развѣ вша убиваютъ ножомъ? Развѣ богатырю не стыдно убить младенца? Образумься! Если это мальчикъ, и если я вскормлю его, онъ будетъ тебѣ пасти табуны и собирать аргысъ (топливо изъ навоза); если дѣвица, она будетъ доить коровъ и выносить золу“. Хара Хурмукинъ собралъ своихъ десять тысячъ бѣ-

¹⁾ Разказчикъ пояснилъ, что Кійтынъ-Зеби былъ старшій братъ Гунина, что оба они были сыновья Тэнгри-хана, и что всѣхъ сыновей у Тэнгри-хана было трое: Кійтынъ-Зеби, Кийтынъ-Арсланъ и Иривъ-Сайнъ-Гунинъ-Настай-Мекеле; послѣдній былъ самый младшій. Дальнѣйшимъ текстомъ это поясненіе подтверждается.

шенныхъ и двадцать тысячъ пьяныхъ богатырей и спросилъ ихъ: „Послушаться ли этой плѣнной бабы?“ (олдзы даирсын эмь). „Твоя воля!“ отвѣчали богатыри. „Впрочемъ“, сказалъ Харъ-Хурмукинъ, — „какой вредъ мнѣ можетъ сдѣлать этотъ ребенокъ!“ Поѣхалъ Харъ-Хурмукинъ противъ Мекеле, взявъ своихъ богатырей; десять тысячъ бѣшенныхъ богатырей ѣдутъ по одну сторону, двадцать тысячъ пьяныхъ богатырей ѣдутъ по другую, а самъ Харъ-Хурмукинъ ѣдетъ по серединѣ. Послѣ его отъѣзда, Наглынъ-Хоо приложила своего ребенка къ груди, и глада по головѣ, говорила: „Ты, невинный младенецъ, не знаешь, что твоего отца убилъ Хара-Хурмукинъ и меня взялъ въ плѣнъ. Если ты счастливъ, то твой дяди убьетъ Харъ-Хурмукина, а не то онъ будетъ убитъ; на третьемъ году я посажу тебя на коня Харалы-Харъ-Галдзына, и поѣзжай ты вслѣдъ за Харъ-Хурмукиномъ“.

Харъ-Хурмукинъ высокія большія горы (ундюр ихп ола) переваливаетъ, безплодныя сухія гоби переѣзжаетъ, солнечный жаръ ему не мѣшаетъ, сухой вѣтеръ и буранъ его не держатъ, большія моря не останавливаютъ. На востокъ держитъ свой путь Харъ-Хурмукинъ. На гладкомъ его конѣ не скользить, на кругломъ не спотыкается. Годъ за мѣсяцъ, мѣсяцъ за день проѣзжаетъ. Черно-гнѣдой конь Дзанъ-Хайсянъ бѣжитъ, протинувъ голову, сорокъ бѣлыхъ зубовъ стиснувъ, желѣзными стременами брякая. Отъ Харъ-Хурмукиновыхъ длинныхъ, какъ растущій на горахъ тонкій лѣсъ, стрѣлъ вѣтеръ вслѣдъ ему струится. Десять туменей бѣшенныхъ богатырей и двадцать туменей пьяныхъ богатырей по сторонамъ бѣгутъ. Послѣ того, какъ семь лѣтъ и семь мѣсяцевъ прошло, и семь ночей онъ проночевалъ, доѣхалъ онъ до верхушки горы Эрдени-Торъ-Хара-ола, стоявшей на краю Гуниновой родины (нотук). Выстроились богатыри на вершинѣ горы рядами; увидѣли они съ горы Гуниновъ нотукъ. Увидѣли озеро Цайлюръ-Цаганъ-норъ; мысъ Синевѣлой скалы (Ценки-цаганъ-хата) обозначился, сто тысячъ рѣкъ засинѣлись; мысъ горы Будумылъ-Дзандынъ-ола сталъ видѣнъ, гора Хохъ-Дзандынъ-ола засинѣлась; стали они различать голубей (кугульджирны), стали слышать голоса гусей и ангировъ. Деревья „гандигаръ“ колеблются, кукуетъ (донгудад) кукушка, трава „хуху дзюльгунъ“ колышется. Лѣтомъ разныя птицы поютъ, весной прѣты растутъ, все радуется. Видно было лѣтовку, обросшую зелеными

деревьями. Съ горъ, съ восьми сторонъ восемь арипановъ протекли и соединились съ рѣкой Хитинъ-Хуху-голь. Хатынъ-Хара-Хурмукчинъ три дня стоялъ на вершинѣ горы и разсматривалъ нотукъ Гуннына-Мекеле. Десять туменей бѣшеныхъ и двадцать туменей пьяныхъ богатырей говорятъ ему: „Когда мы ѣхали, то голоду и холоду, жару и сухости натерпѣлись. Что же стояшь, насъ держишь и не ѣдешь сражаться?“ „Я ѣздилъ“, отвѣчалъ имъ Хартъ-Хурмукчинъ, — „по всему лицу земли, а не видалъ такого прекраснаго мѣста, какъ эта гора Крюнъ-Дзандынъ-ола, облегающая лѣтовку. Это не гора, а желѣзная крѣпость. Я слышалъ объ ней только отъ своей плѣнной бабы. Онъ (Гуннынъ) еще никуда не выѣзжалъ и теперь спитъ; и думаю, какъ къ нему приступить! Я теперь догадываюсь, что плѣнная баба съ умысломъ меня сюда проводила; у ней было на умѣ меня погубить, а ребенка своего на свободѣ вскормить. Онъ (Гуннынъ) спитъ; если найдемъ съ войной на спящаго, намъ не честь! Пусть проснется. А мы обратимся домой и убьемъ сначала плѣнную бабу, а потомъ снова приѣдемъ. Онъ же къ тому времени проснется“.

Спустились съ горы. Ходятъ Гуннынъ-Мекелеевы табуны. Они пытались въ теченіе трехъ дней обѣхать табуны слѣва, въ теченіе другихъ трехъ дней обѣхать справа, цѣлый день старались насквозь пробиться и не могли. Богатыри говорятъ Хартъ-Хурмукчину: „Мы семь дней бились; у насъ запасъ вышелъ; убьемъ скотъ“. Убили семьдесятъ кобылъ, наклали, какъ гору, костеръ, нажгли углей съ цѣлое поле и жарили мясо на шашлыкахъ. Поѣхали они далѣе; которое мѣсто ранѣе въ мѣсяцъ проѣзжали, теперь ѣхали полгода. Конь Хангиль-Таша сначала не догадывался, что табуны отгоняютъ, а не пасутъ; потомъ догадался и подумалъ: „Мой хозяинъ спитъ и остался безъ коня; проснувшись, онъ долженъ будетъ взять узду и идти пѣшкомъ“. Онъ превратился въ жеребенка и легъ, будто усталъ. Но Хатынъ-Хара-Хурмукчинъ узналъ его по своей черной плетью Мангыръ такъ сильно билъ его, что мясо, кости и кожу врознь разъединилъ и гналъ жеребенка четыре года. Пригнали табуны на Елисынъ-дабанъ (Песчаный перевалъ); Хангиль-Таша сдѣлался пескомъ. Хартъ-Хурмукчинъ закололъ семидесяти-четырехлѣтнихъ и семидесяти-пятилѣтнихъ кобылъ, снялъ съ нихъ шкуры рукавомъ, насыпалъ въ эти мѣха весь песокъ съ

перевала, и сказавъ: „Повезу песокъ запрудить рѣку Хальха-голь!“ положилъ ихъ на Дзанъ-Хаясына, на сѣдло и поѣхалъ. Еще четыре года гнали табуны и пригнали къ Дзосъ-дабану (Охриному перевалу). Хангиль-Таша обратился въ дзосъ (охру). Хартъ-Хурмукчинъ песокъ изъ мѣховъ высыпалъ, насыпалъ ихъ охрой, опять поѣхалъ. Еще гнали табуны четыре года; пригнали въ такой непроходимый лѣсъ, что комаръ не можетъ протиснуться; Хангиль-Таша сдѣлался синимъ мараломъ и ускочилъ въ лѣсъ. Тогда Хартъ-Хурмукчинъ велѣлъ и снизу, и сверху пустить огонь. Когда огонь сталъ доходить до Хангила, онъ обратился въ жирнаго сурка (тарбаган) и ушелъ въ сурью нору; Хартъ-Хурмукчинъ обратился въ длиннохвостаго хорька (курюню) и влѣзъ въ нору. Сурокъ выскочилъ въ другой отнорокъ, сдѣлался тридцатисаженною рыжею лисицей Курунгай (курунгай шар унюгу) съ трехсаженнымъ хвостомъ и побѣжалъ; Хартъ-Хурмукчинъ сдѣлался тридцатисаженною чернуборою сукой (улакчин) съ трехсаженнымъ хвостомъ и погнался за лисицей. Алтай онъ обѣжалъ кругомъ двадцать-четыре раза, Хангай обѣжалъ кругомъ двадцать-три раза, у перевала Амганъ-Цаганъ-котель сталъ догонять. Хангиль-Таша изъ лисицы обратился въ чернополосаго (хара иренъ) коршуна и полетѣлъ къ Ханъ-Тэнгрп. Тогда Хара-Хурмукчинъ принялъ свой настоящій видъ, схватилъ лукъ Далай-шаръ-Чохуръ-номынъ, со звономъ наложилъ на него стрѣлу Тансыкъ-хара-сумынъ, натянулъ лукъ на всю ручную сажень; лукъ сгибается во всю его гибкую способность; судорога тянетъ шею у Хара-Хурмукчина, пять его ушли въ землю, грудь въ судорогѣ, лопатки одна за другую зашли, желудокъ подтянулся, коренные зубы стиснулись, во рту завоняло отъ сухости, большой и указательный палецъ какъ иглой затыкало; распухли они съ баранью голову, и потекла алая кровь изъ нихъ. Концы лука сошлись вмѣстѣ; при закатѣ краснаго солнца началъ тянуть, на восходѣ краснаго солнца опустилъ и говоритъ: „Хоть ты подъ синія облака улетѣлъ, но я тебя не отпущу, хоть ноги отшибу!“ Отпустилъ стрѣлу; лукъ прозвенѣлъ: тап! стрѣла прозвенѣла: джип! и улетѣла; она отшибла Хангилу переднія ноги по колѣна, заднія по щетки. Упалъ конь, семьдесятъ логовъ поперекъ закрылъ своимъ тѣломъ. Хартъ-Хурмукчинъ, обратившись къ своимъ богатырямъ, сказалъ: „Теперь Гуннынъ-Настай Мекеле безъ коня; коня не нужно и доби-

вать; пусть онъ мучится.“ Конь поднялъ голову, три раза проржалъ и остался на мѣстѣ.

Мекеле пробудился и говоритъ отцу и матери: „Какъ долго я спалъ и какой дурной сонъ видѣлъ, будто Харъ-Хурмукинъ пришелъ на гору Эрдене Торъ-Хара-ола, угналъ все наши табуны и убилъ моего коня. Еслибъ онъ всѣхъ подданныхъ угналъ, не было бы такъ жалко, какъ коня“. Выходитъ Гунынъ-Мекеле въ своемъ баринтыкѣ изъ юрты, влазитъ на лѣстницу и смотреть. Табуновъ не видать; надѣлъ онъ штаны, спитые изъ шкуръ ста быковъ, взялъ трубку и пришелъ на то мѣсто, гдѣ ходили табуны; видѣвъ былъ только богатырскій слѣдъ. Пошелъ Гунынъ-Мекеле этимъ слѣдомъ. Гдѣ Харъ-Хурмукинъ ѣхалъ четыре года, Гунынъ-Мекеле сдѣлалъ только четыре шага и пришелъ на перевалъ, гдѣ Хангиль-Таши лежалъ, обратившись жеребенкомъ; тутъ онъ все узналъ, что сдѣлалъ Харъ-Хурмукинъ, осердился, зубы стиснулъ, глаза его разгорѣлись, какъ угли. Подоткнувъ полъ баринтыка, онъ въ четыре шага дошагнулъ до Елнстынъ-дабана; тутъ онъ увидѣлъ убитыхъ кобылъ; дошелъ до Дзосъ-дабана, увидѣлъ, что охра была забрана, понялъ все, сѣлъ, заплакалъ и сказалъ: „Я погибъ за то, что не послушалъ своего отца и матери и былъ пьянъ. Хотъ бы мнѣ увидеть кости своего коня, и тогда я разрубилъ бы Харъ-Хурмукина на десять частей, всѣхъ его подданныхъ и лошадей забралъ бы и своимъ подданнымъ отдалъ бы на съѣденіе.“ Въ три шага онъ дошелъ до сожженного лѣса; отъ пней еще дымъ идетъ. „Что это значитъ?“ думаетъ Гунынъ; — „здѣсь былъ большой лѣсъ, а теперь его нѣтъ“. Возшелъ на гору Дзандынъ-ола, сѣлъ, вынулъ трубку, огниво, табакъ и закурилъ. „Какъ я буду пскать коня?“ думаетъ онъ; — „дай я крикну, не донесется ли до него мой голосъ?“ Крикнулъ. Камни съ горы посыпались, земля затряслась, и до ушей Хангила голосъ хозяина, какъ стрѣла, долетѣлъ. Конь раскрылъ ротъ и заржалъ. Камни посыпались, земля затряслась, море всколебалось. Мекеле вскочилъ и камнемъ скатился съ горы; онъ искалъ коня и внизу у Гурбы Огульзуда, искалъ и сверху у Найманъ-Цигистей! Увидѣлъ онъ огромную сонку: „Дай,“ — думаетъ, — „взойду на нее и посмотрю“. А эта сонка и былъ его конь. Прибѣжалъ Мекеле, обнялъ шею коня и упалъ въ безпамятствѣ. Конь сказалъ ему: „Ты родился мнѣ хозяиномъ, а я тебѣ конемъ. Никогда ты

меня до поту не лачивалъ, къ дзандынъ-дереву не привязывалъ, ключевою водой не паивалъ, въ зимнее время подножнымъ кормомъ не кармивалъ, сѣдла на меня не накладывалъ. Зачѣмъ ты пришелъ? Ты посмотрѣлъ бы на мои ноги“. И Хангиль выхватилъ у Мекеле изъ мягкаго мѣста мяса съ чашку величиной. Посмотрѣлъ Мекеле на ноги коня; ихъ нѣтъ; изъ ранъ текутъ ключи и внизу засыхаютъ; кровью коня напитались лисицы и волки; которые изъ нихъ сидятъ подъ камнями, которые — подъ деревьями. Нашелъ Мекеле обрубки ногъ, вколотилъ ихъ въ землю; разъ попробовалъ поднять коня, поднялъ до колѣнъ; еще разъ приподнялъ, поднялъ по бедра; еще приподнялъ, и поднялъ по поясъ. Тогда онъ поставилъ коня на обрубки и вынулъ „бѣлое лѣкарство“; настоящимъ бѣлымъ лѣкарствомъ помазалъ — кожа и мясо narosли къ полудню; сладкимъ бѣлымъ лѣкарствомъ помазалъ — срослись ноги къ закату, и конь выдернулъ свои копыта изъ земли. Изъ косматой его гривы Гунынъ-Мекеле выдернулъ восемьдесятъ-восемь прядей, изъ сорока прядей сдѣлалъ стремяна, изъ сорока-восьми — узду съ чумбуромъ. „Если ѣхать домой за сбруей“, думаетъ онъ, — то Харъ-Хурмукинъ уѣдетъ далеко; за нимъ вслѣдъ ѣхать, дослѣховъ нѣтъ“. Однако рѣшилъ догонять Харъ-Хурмукина. Онъ вырвалъ три листовенницы, которыя росли у высокой горы на бѣли, и ударилъ коня по правому боку; конь побѣжалъ. Гдѣ Харъ-Хурмукинъ четыре года ѣхалъ, онъ четыре шага дѣлалъ. Гунынъ-Мекеле спрашиваетъ коня: „Когда били тебя и стрѣляли въ тебя, не говорили ли, далеко ли ихъ нотукъ?“ Конь сказалъ: „Если сказать, какъ говорятъ въ сказкахъ, съ сверкающими синими глазами, съ сгорбленою спиной, съ хохлатымъ лбомъ, съ толстою нахмуренною головой, съ орлинымъ полетомъ, съ серебрянымъ носомъ, съ полосатопестрыми крыльямъ, съ пятью эрдене на надхвостьѣ (эрдене таби котунтай), съ прямымъ двѣнадцатиперымъ хвостомъ, отъ спины къ хвосту тонкій, въ груди широкій, быстрый, прекрасный беркутъ въ три года можетъ туда долетѣть“.

Сталъ бить Мекеле своего коня по лѣвому боку, конь малыи горы между ногъ пушалъ, по большимъ шагаль. Сталъ Мекеле бить его по правому боку, конь полетѣлъ стрѣлой; подъ ногами у него какъ будто дулъ утренній вѣтеръ. Только гдѣ-гдѣ онъ прикасался къ горамъ. Поднялся онъ повыше черныхъ горъ, пониже синяго неба.

Пятнадцать дней Мекеле шелъ пѣшкомъ; пятнадцать дней лѣчилъ коня; десять дней ѣхалъ на немъ, и взялъ на видъ потукъ Харъ-Хурмукчина. Харъ-Хурмукчинъ былъ въ это время въ двухъ дняхъ отъ своего дома. Мекеле опередилъ его, спустился на высокую гору и крикнулъ; Гучинъ Гурбу Гурбустенъ-ханъ услышалъ его голосъ и сказалъ: „Сколько наши предки боролись съ Харъ-Хурмукчиномъ и не могли его побороть. Теперь Гучинъ Мекеле былъ безъ коня и догналъ его; нужно ему помочь. Нужно дать на каждую ногу десяти туменей пѣгихъ и двадцати туменей коурыхъ лошадей по десяти туменей чириковъ“. Когда пѣгіе и коурые кони услышали голосъ Мекеле, они повернули назадъ; десять туменей пѣгихъ лошадей затоптали десять туменей бѣшеныхъ богатырей, а двадцать туменей коурыхъ лошадей затоптали двадцать туменей пьяныхъ богатырей. Гора насыпалась изъ труповъ богатырей, и огромное озеро крови налилось. Харъ-Хурмукчинъ стоитъ и дивится. Мекеле сосчиталъ коней; восьмидесяти-восьми кобылъ не досчитался. Выхватилъ онъ десять деревьевъ, девять изъ нихъ заткнулъ за поясъ, одно взялъ въ руку и поскакалъ къ Хара-Хурмукчину. Подскакавъ къ нему, взялъ всѣ десять деревъ за вершины и говоритъ: „Если ты—сильный богатырь, побѣждай моихъ небесныхъ предковъ и лусовъ, моихъ земныхъ предковъ; ты крадучи угналъ мои табуны лошадей и моего коня, какъ волкъ ягненка у овцы. Ты не богатырь, а воръ, черная собака (Хулахай чи хара нохой)!“ Ударилъ онъ Харъ-Хурмукчина сзади по головѣ, комки деревъ отлетѣли прочь. Затуманилась голова богатыря, поворотилъ Харъ-Хурмукчинъ коня къ Мекеле: „Кто ты, чьихъ отца и матери, куда и зачѣмъ поѣхалъ?“ Мекеле отвѣчалъ: „Отправляясь изъ дому, куда ты ѣхалъ, у кого угналъ табуны? Ты безумный (монку) самъ знаешь. Хотя у меня нѣтъ всѣхъ dospѣховъ, но есть отъ отца и матери ростъ и сила; ими я развѣдаюсь съ тобою“. Хара-Хурмукчинъ сказалъ: „Ты молодой человѣкъ не можешь говорить такіа рѣчи. Хотя ты безъ узды и сѣдла въ старой худой шубѣ пріѣхалъ, но видно, что ты дородный богатырь. Я съ тобою теперь не сражусь, а наступитъ время, когда намъ придется сражаться: тогда сражусь“. Харъ-Хурмукчинъ думаетъ: „Сразу не нужно его сердить, а сначала нужно развѣдать его силу“. И говоритъ онъ: „У тебя во рту спеклось, ты пить хочешь, заѣзжай напиться чаю. Если у насъ споръ,

на полѣ послѣ разберемся. Или ты ѣдешь отплатить за своего старшаго брата или увидѣться съ нимъ?“ Мекеле сказалъ: „Ѣду отплатить за своего брата, если онъ убитъ, а если живъ, то повидаться съ нимъ.“ Харъ-Хурмукчинъ разсердился, стиснулъ зубы, ударилъ коня и ткнулъ Мекеле пикой въ правое ребро; три локтя пикой прошло насквозь. Три года они бѣжали; пика сидѣла въ Мекеле. Мекеле сталъ выходить изъ силъ, далекіе предметы не могъ уже разглядывать, голова затуманилась. Онъ думаетъ: „Я родился у отца и матери въ аилѣ, а умереть доводится на степи; послушаться бы мнѣ отца, матери, не пить вина, не спать бы долго“. Степь стала желтѣть въ его глазахъ. Онъ подумалъ: „Не буду сердить Хара-Хурмукчина, а спрошу его.“ „Я догналъ тебя“, сказалъ онъ ему,—и откровенно сказалъ, что я пріѣхалъ отплатить за брата. У меня нѣтъ ни узды, не dospѣховъ. Тебѣ это не въ честь,—безоружнаго трехлѣтняго мальчишку проткнулъ пикой и гонишь три года. Это все равно, что поссорившіяся бабы пожирцами другъ друга тычутъ“. Харъ-Хурмукчинъ говоритъ: „И дѣйствительно“, это мнѣ не честь“. Выдернулъ пикку; кровь не канула изъ раны. „Поѣдемъ въ ратное поле“, сказалъ Харъ-Хурмукчинъ. И они поѣхали на горную бѣлу. Отъ злости у Харъ-Хурмукчина изъ крыльцевъ и у его коня изъ хвоста пламя летѣло; у Мекелеева коня изъ-подъ четырехъ ногъ какъ степной пожаръ идетъ, а отъ скрежета зубовъ молнія сверкаетъ. Дорогой богатыри играютъ и стаскиваютъ другъ друга съ сѣдла. Доѣхали до мѣста, слезли съ лошадей, Харъ-Хурмукчинъ спялъ съ коня сѣдло, съ себя шлемъ, какъ бѣлую сопку, стрѣлы приставилъ къ камню; вынулъ изъ-подъ токумовъ шаровары, сшитыя изъ трехъ тысячъ бычьихъ шкуръ, и надѣлъ на себя. Мекеле спимаетъ шелковый баринтыкъ и кладетъ на землю, кладетъ серьгу величнннй съ верблюденка, обвертываетъ полу вокругъ головы.

Харъ-Хурмукчинъ превратился: изъ его темени вылетѣло пять орловъ; изъ плечъ вышло съ громомъ по двадцати-одному лу, изъ шеи огромная змѣя къ небу поднялась, изъ живота разныхъ цвѣтовъ змѣи вышли и обвили его; по поясу восемь лусовъ опоясали; грудь стала огромною, ближайшія сопки загорѣлись отъ него огнемъ. Мекеле превратился: въ его крыльцахъ стало семьдесятъ лусовъ, вдоль пояса явилось семьдесятъ Ханъ-Гариде, на головѣ

Очирвани, на лбу Махагалъ, на вискахъ образъ Шахджимини; десять его пальцевъ стали ядовиты. Саннъ-Гальбинъ-Мингынъ бурхнъ охранялъ его; его черные глаза съ сорока-четырьмя жилами стали какъ два угля, и не обращаясь назадъ, впдѣли, что есть сзади.

Когда Харъ-Хурмукчинъ увидѣлъ образъ Очирвани, сердце его упало. Два богатыря разѣзжались, огромную степь кругомъ обѣгали, изъ-за горы другъ друга высматривали, на гладкомъ мѣстѣ останавливались, земляныя кочки руками срывали; когда стали сходиться, красно-коричневыми стали, взялись руками, сдѣлались подобными бодающимъ порозамъ и дерущимся буръ (верблюдамъ-самцамъ). По лопатѣ мяса рвали другъ у друга изъ плечъ, по котлу мяса рвали изъ рукъ. На горѣ Амганъ Цаганъ котель два крѣпкіе мужа, два тамговые богатыря (тамгату батыр) кружатся, какъ птицы плз, ходять, какъ птицы дудаекъ (дрофа). Какъ вѣчный снѣгъ на горахъ не стаиваетъ, такъ стояли они неподвижно. Какъ громъ грянулъ, они схватились другъ за друга. Когда они крикнули: ай! Алтынъ-тельке пошевелилась; когда они крикнули: ой! земля (орун замбы тиб) ¹⁾ потряслась. Гдѣ была вода, тамъ стало сухо; гдѣ было сухо, стала вода. Каменные скалы рассыпались щебнемъ, листовичный лѣсъ весь выломался. Въ задорѣ они не замѣчали, что бамни сыпались чрезъ ихъ руки, какъ песокъ. Пятнадцать дней проборолись, смекая ухватки другъ у друга. Черезъ двадцать-пять дней начали догадываться, какъ сронить противника. Двадцать-пять дней боролись, и не могли другъ друга побороть, восемьдесятъ-пять дней боролись, не сходя съ мѣста. На плечахъ отъ борьбы мяса не стало, пальцы обезмясли. Два крѣпко рожденные тамговые богатыря не могутъ побороть другъ друга. Мекеле и Харъ-Хурмукчинъ просятъ Бога о помощи. Мясо на нихъ стало наростать, такъ что въ одежду не вмѣщается. Сынъ Хардая (Харданн кубун), Хатунъ Харъ-Хурмукчинъ, ухватился одною рукой за шаровары Мекеле, другою за его шею, подпелъ ногой и поставилъ Мекеле теменемъ на землю. Мекеле сказалъ: „Хоть ты и съ злою силой уронилъ меня, но я еще на тебя не сержусь“. Мекеле вскочилъ, какъ бул хара чило (колесо-черный-камень) и

¹⁾ Джамбудвипа?

какъ разъяренный быкъ. Мекеле взялся одною рукой за шаровары Харъ-Хурмукчина, другою за его шею и поставилъ его теменемъ на землю. Три вѣка (уї) бился Харъ-Хурмукчинъ, не могъ выбиться изъ-подъ Мекеле; восемьдесятъ разъ Мекеле надавливалъ колѣномъ на грудь Харъ-Хурмукчина, изъ носу и изъ рта пошла у него кровь. „Если ты можешь биться, то бейся“, говоритъ Мекеле;— „если хочешь мириться, то сказывай“. Харъ-Хурмукчинъ говоритъ: „Я двѣнадцать разъ прошелъ по всей землѣ, сколько я богатырей побѣдилъ, но этихъ словъ не высказывалъ; теперь выскажу ихъ тебѣ. Нѣкогда я погубилъ семь богатырей; семь ихъ женъ говорили мнѣ: Ты погибнешь отъ трехлѣтняго ребенка, и кровь свою передъ нимъ прольешь и ему взмолишься. Правду они говорили; теперь тебѣ сказываю. Хочешь убить, убей; хочешь помиловать, помилуй“. Мекеле придавилъ его колѣномъ, но убить его было не чѣмъ; такъ и держитъ, не зная, какъ быть. Хангилъ-Таша выдернулъ ножъ изъ ноженъ и принесъ хозяину. Замахнулся Мекеле и говоритъ: „Ты, молодой человекъ, не совсѣмъ зло сдѣлалъ. Я еще только жить начинаю. Вставай!“ Злой Харъ-Хурмукчинъ отвѣтилъ ему: „Со сколькими богатырями я боролся, не просилъ у нихъ прощенія, и у тебя, мальчишки, не буду! Хочешь рѣзать, такъ рѣжь“. Гунынъ Мекеле сказалъ: „Если дѣйствительно тебѣ жены семи богатырей говорили то, что ты сказалъ, то будешь ты у Ерлика, зло на меня не думай“. И Мекеле тридцати-саженнымъ ножомъ отрубилъ Харъ-Хурмукчину голову; голова отлетѣла, а туловище забилось на мѣстѣ. Мекеле снялъ грудь, положилъ ее на камень и обратился къ Гучинъ-Гурбу-Гурбустень-хану съ словами: „Вы сколько лѣтъ боролись, не могли побѣдить Харъ-Хурмукчина; должно быть вашею силой я убилъ его! Приношу вамъ это мясо!“ Съ неба прилетѣли тридцать-три ворона, искевали тѣло Харъ-Хурмукчина и вновь поднялись на небо.

Гунынъ Настай Мекеле собралъ доспѣхи Харъ-Хурмукчина; сложилъ костеръ съ цѣлую гору, огнище сдѣлалъ въ цѣлую степь и сжегъ доспѣхи Харъ-Хурмукчина. Двѣ лошади Гунынова и Харъ-Хурмукчинова въ это время стояли привязанныя къ двумъ деревьямъ и такъ выхудѣли, что кости ихъ торчали изъ кожи, какъ острія, и глаза впали. Гунынъ Мекеле хотѣлъ заколотъ Харъ-Хурмукинову лошадь, да и жалко было губить хорошую лошадь. Онъ

думаетъ: „Отпустить ее на свободу—въ дорогѣ будетъ плохо, отвести въ табунъ—табуну будетъ не хорошо“ (гэмтэй). Порѣшилъ убить ее, зажмурилъ глаза. Вынулъ ножикъ, у котораго черенъ изъ слоновой кости, ножны изъ дерева дзандынъ, на ножѣ тридцать-три полоски, три тысячи гвоздиковъ; имя ножу Гульджинъ-цаганъ (гибкій бѣлый ножъ). Этимъ ножомъ онъ прокололъ коня въ сердце. Такъ какъ это была первая побѣда Мекеле, то онъ сожегъ лошадь Харъ-Хурмукчина въ жертву Дэды-Гучинъ-Гурбу-Гурбусту.

Мекеле сѣлъ на своего Хангилъ-Таша безъ сѣдла и поѣхалъ въ нотукъ Харъ-Хурмукчина. Пробѣжалъ онъ годовое пространство; на встрѣчу ему несется вихоръ. Мекеле думаетъ: „Кто это ѣдетъ? Братъ ли, сынъ ли Харъ-Хурмукчина?“ Двухлѣтній парень верхомъ на Харалы-Хара-Халдзынѣ, въ рубашкѣ изъ чернаго шелка, съ сине-желтыми (ценкир шарп) волосами, которые разсыплются по спинѣ, держитъ въ рукѣ копьѣ въ сто сажень длиной и бѣжитъ, роняя пскры и поднимая пыль. Подбѣжавъ къ Мекеле, онъ представилъ свое копьѣ къ синевѣлому сердцу и спрашиваетъ: „Чей ты сынъ и кто ты? Откуда ѣдешь и куда? Безъ сѣдла на лошади ѣдешь, эльмиръ! Безъ узды на лошади ѣдишь, эльмиръ! Чей ты сынъ и кто ты, подвязавшій ширкунець (монцыкъ) подъ горло лошади?“ У Гунинъ-Мекеле подъ шеей лошади была подвязана голова Харъ-Хурмукчинова коня. Мекеле отвѣчалъ: „Я убилъ Харъ-Хурмукчина и ѣду въ его Хардаевъ нотукъ (Харданн нотукъ). Ты зачѣмъ меня спрашиваешь? Я Еренъ-Сайнъ-Гунинъ-Настай-Мекеле!“ Двухлѣтній парень заплакалъ: „Я—сынъ Кійтынъ-Зеби на синевѣрой лошади Кіилибъ; Нарыны Куукюнъ Нагылнгъ Гоо—мать моя. Хардаевъ сынъ Харъ-Хурмукчинъ убилъ моего отца, положилъ всѣхъ моихъ подданныхъ, взялъ въ плѣнъ мою мать. Моя мать сказала мнѣ о единокровномъ моемъ дядѣ Гунинѣ, что онъ уѣхалъ на войну; она послала меня на Харалы-Хара-Халдзынѣ посмотреть, живъ ли онъ или убитъ“. Сказавъ эти слова, мальчикъ въ слезахъ упалъ съ лошади. Мекеле слѣзъ съ коня, взялъ мальчика на колѣни, отеръ грязь съ его рта и понюхалъ въ обѣ щеки. Мекеле велѣлъ ѣхать ему впередъ къ матери: „Обрадуй ее, скажи, что я ѣду!“ сказалъ Мекеле.

Двухлѣтній мальчикъ, пріѣхавъ домой, слѣзъ съ лошади и говоритъ матери: „Готовъ урюмъ и чай, ѣдетъ мой дядя Иринъ-

Сайнъ-Гунинъ-Настай-Мекеле“. Пріѣхалъ Мекеле, слѣзъ съ коня, наполнилъ его и отпустилъ, а самъ вошелъ въ юрту; его встрѣчаетъ сынъ Кійтына Зеби съ чашкой въ рукѣ; увидала его Наголыннгъ-Гоо, узнала его, заплакала и сказала: „Не знала я, живъ ли ты!“ Три дня они праздновали.

Мекеле говоритъ снохѣ (бэргэн): „Я двадцать-пять лѣтъ не видѣлъ своего дома, родители мои стары, хочу ихъ посмотреть. Собирайте и вы весь свой народъ и вмѣстѣ поѣдемъ на мою родину“. Двухлѣтній мальчикъ и его мать говорятъ: „Ты убилъ Харъ-Хурмукчина; мы войдемъ въ твой улусъ. Даябъ! (да будетъ!)“ Мекеле погналъ народъ Харъ-Хурмукчина со скотомъ и собаками; двухлѣтній мальчикъ поѣхалъ въ свое старое царство и объявилъ, что онъ со своимъ народомъ поѣдетъ въ нотукъ Мекеле. Харъ-Хурмукчиновъ народъ заплакалъ, думая, что онъ на новомъ мѣстѣ погибнетъ; народъ Кійтынъ-Зеби кочевалъ съ радостью, какъ на свою родину. Подобно восьми чернымъ рѣкамъ гналъ Мекеле народъ; тонкая пыль къ небу поднимается. Харъ-Хурмукчинова отца Хардая заставили собирать аргысынъ и пасти скотъ; Харъ-Малджинъ-Гоо-хатынъ заставили коровъ доить и золу выносить. Серебро и золото навьючили на верблюдовъ, для Наголыннгъ-Гоо запрягли телегу. Широкое ихъ царство поѣхало, пыль къ небу поднимается. Высокую гору перевалили, широкую гоби пересѣкли, Альбинъ-цаганъ-гоби пересѣкли, гору Арслынъ-цаганъ перевалили. Года ѣдутъ, мѣсяца ѣдутъ. Наймынъ-Кійтынъ-Хара-гоби (восемь холодныхъ черныхъ гоби) пересѣкли, гору Наджиръ-Хара перевалили, къ горѣ Алтанъ-Шатъ пріѣхали. Гунинъ-Настай-Мекеле сказалъ двухлѣтнему мальчику: „Ты эти два улуса провожай, а я черезъ эту гору перевалю, съѣзжу къ отцу, къ матери и оповѣщу ихъ. Ты же узкую мѣстность мимо проходи, а въ круглыхъ мѣстахъ ночуй“¹⁾ На пять годовъ впередъ Мекеле уѣхалъ, достигъ до горы Эрдене-Торхула, взѣхалъ на нее и посмотрѣлъ на свой нотукъ: трава не топтана, воды не взмучены (убюсун сэрмунъ усун тонгылык); дома заросли травой, сумэ лежитъ въ развалинахъ. Когда подѣхалъ Мекеле ближе, изъ домовъ къ нему на встрѣчу выскочили волки и лисицы, изъ сумэ вылетѣли ворѣны (керэ шибо). Пріѣхалъ

¹⁾ То-есть: узкія долины минуи, въ котловинахъ перепочивай.

онъ къ своему дому, отпустилъ лошадь и вошелъ въ свой домъ: харачи (верхній кругъ) сѣлъ, вещи разбросаны. „Что же мнѣ отецъ и мать оставили“? думаетъ Мекеле, — письмо или закуску? „Увидалъ очагъ; подъ его ножкой болтолого онъ нашелъ свареннаго барана (бокцетей боро прик); если ѣсть его, на вкусъ словно аргасунъ (коровій сухой пометъ). Другую ножку хатынъ-толого поднялъ, на-шелъ въ мѣшкѣ (бѣрби) налитое молоко матери, ставшее вкусомъ, какъ вода. Подъ ножкой нойонъ-толого онъ нашелъ письмо въ пожелтѣвшемъ футлярѣ. Въ письмѣ Мекеле прочиталъ такія слова: „Когда ты, Гунынъ, уѣхалъ, черезъ семь дней послѣ твоего отъ-ѣзда десять туменей (алмычут) пѣгнхъ лошадей и двадцать туме-ней саврасыхъ лошадей назадъ пришли. Послѣ того черезъ семь дней съ востока, гдѣ солнце всходитъ, куда лошадь Ерень (ерен морин) не достигаетъ, птица Элэ не долетаетъ, лошадь Туругу не добѣгаетъ, птица Турукъ не долетаетъ, изъ такой дальней сторо-ны, куда быстрый прекрасный беркутъ съ сверкающими синими глазами, съ сторбленною спиной, съ хохлатымъ лбомъ, съ толстою нахмуренною головой, съ огромнымъ полетомъ, съ серебрянымъ носомъ, съ полосато-пестрыми крыльями, съ прямымъ двѣнадцати-перымъ хвостомъ, отъ спины къ хвосту тонкій, въ груди широкій, только въ три года долетаетъ (тюльбун ценкир нюдутей тунджир менгун хоншортей эрень цокур шанхуртай тюргур урю талтай эр-бес гэксын урюльгетей улюн мангын толгойтей туулун гардэн дэ-вилгетей бэлъ кусэр нарихэн экце арбын хоир сююльтей тиме сайхан бергут шибо гурбу гуучжад гурбан джил болод курху холо потугтай), изъ той-то стороны пришли пять братьевъ: на буроры-жей лошади Талынъ Элькинъ Хара, родившейся изъ камня, девя-носто-пяти-головый Хара-Мангысъ, на сивой лошади Дѣринкэ со-рока-пяти-головый Дѣпонъ Хара-Мангысъ, на сивой лошади Гу-нынъ тридцати-пяти-головый Гунынъ-Хара-Мангысъ, на сивой ло-шади Хо двадцати-пяти-головый Хотогаръ Хара-Мангысъ и на рыжей лошади Аля пятнадцати-головый Атгаръ-Хара-Мангысъ; пришедши, они безчисленный народъ въ плѣнъ взяли (гунъ ики турѣчи олдзылад), трехугольныя большія фанзы разбили (гургуль-джин ики байшинъ балбылад), все царское родство плѣнили (хан ики турѣчи олдзылад), всѣ плоскія большія фанзы разбили (хап-тагай ики байшинъ балбылад), ханышу, мать твою, и хана, отца

твоего, со всѣмъ подданствомъ, забравъ руками, въ торокахъ увезли. Твои сѣдло и доспѣхи мы положили въ пещеру на горѣ Ценкяръ-Цаганъ-Уланъ; черный ковшъ изъ дзандына (зандын хара сабыл), принадлежащій твоему царю-отцу, съ правой стороны сѣдла положили, кэрэсъ (память, сувениръ) твоей царицы-матери, сливки (алтын шары урук) золотисто-желтыя, навоенныя въ черный бурдюкъ ¹⁾ Хатысын (Хатысын хара бѣрбѣ), съ лѣвой стороны поло-жили. Ты, нашъ сынъ, въ добромъ здоровьѣ пріѣзжай съ побѣдой! Пять мангысовъ имѣютъ такую силу: если вверху летитъ птица, не уйдти ей — поймаютъ; если внизу бѣжитъ звѣрь, не утѣчь ему — пойма-ютъ; къ востоку близко, отъ сѣвера далеко увезены Хара-Мангысами твои отецъ и мать. Осѣдлай, Ирнѣ Сайнъ Мекеле, коня своимъ сѣдломъ, отыщи насъ, убей пять Мангысовъ. Твои отецъ и мать положили четки за пазуху. Такой войны мы еще не видали, лю-безный нашъ Мекеле (хайрын турѣксин Гунын Настай Мекеле минн). Твой царь-отецъ и твоя царица-мать двадцать-пять лѣтъ уже какъ въ рукахъ у Хара-Мангыса. Теперь мы тебя будемъ ждать пять лѣтъ, а если пройдетъ больше и тебя не дождемся, то на деревѣ задавимся“.

Гунынъ Мекеле, прочитавъ письмо, заплакалъ, положилъ пись-мо, сѣлъ на коня Хангилъ Таша и поѣхалъ къ сѣдлу; сѣдло и доспѣхи нашелъ въ не испорченномъ видѣ и обрадовался; сѣдло узда, ружье, садакъ, цакиусъ витязя (еръ кумын), все было цѣло „Ржавчины нѣтъ“, думаетъ Мекеле, — „и я одержу побѣду надъ Ман-гысами“. Мекеле отвязалъ отцову чашку и матерно молоко; мо-локо налилъ въ чашку и три дня пилъ и плакалъ. Конь Хангилъ-Таша человѣческимъ голосомъ сказалъ ему: „Ты будешь хорошимъ мужемъ, не заботься! Ты моимъ хозяиномъ родился, а я еще раньше тебя для тебя родился! На меня еще сѣдла не кладено, въ лѣ-систыхъ мѣстахъ (хангай) я еще не бѣгивалъ, черныя воды не перебѣгивалъ, траву не топталъ, въ большихъ войнахъ не бывалъ, крѣпкаго острія не испыталъ, копье въ моей крови не застывало. Крѣпко рожденный мой, Гунынъ-Настай-Мекеле! Въ черномъ логу сидя, зачѣмъ черные глаза свои надсажаешь плачемъ? Зачѣмъ не ѣдешь отца-царя и мать-царицу выручать отъ Хара-Мангысовъ?“

¹⁾ Бѣрбѣ — мѣшокъ изъ ноги животнаго.

Желтыя копыта мои уже отросли. Теперь пяти дней пельзя пропустить! скорѣе поѣзжай!" Мекеле сказалъ: „Твое слово вѣрно! Когда я увидѣлъ гэрэсъ отца-царя и матери-царицы, у меня изъ глазъ ключомъ полились слезы, красная, какъ пньчжуръ-эльвинъ, печень сама опустилась“. Съ этими словами Мекеле положилъ чашку (сабыл) и молоко (урук) опять въ ту пещеру, гдѣ лежало сѣдло, и сталъ сѣдлатъ коня и надѣвать доспѣхи. Онъ надѣлъ на лошадь черношелковую обротъ по имени Хамджакъ и потомъ, пригнувъ уши и наморщивъ мясо на щекахъ коня, заложилъ ему за уши узду съ бляхами (гулюк) велпчинной съ четырехлѣтняго верблюда, съ удплами съ трехлѣтняго верблюда и съ серебряною насѣчкой. Подъ шею привязалъ пятьдесятъ тысячъ колокольчиковъ. Такъ-тикъ на черношелковыхъ лентахъ. На черную спину Хангиль-таши, какъ на горный перевалъ, положилъ сѣдло. Какъ степь, великіе бѣлые токумы, скатанные шестью человекѣми изъ шерсти ста быковъ, положилъ на спину, подобную горному перевалу. Деревяга у сѣдла изъ дерева зандынъ, покрывка у токумовъ изъ слоновой кожи; задняя лука изъ дерева агиръ, передняя лука изъ дерева урукъ зандынъ. Шестьдесятъ-пять подпругъ съ лѣвой стороны и шестьдесятъ-пять подтяжекъ съ правой стороны туго подтянулъ, патфію, усаженную шестидесяти-пятью золотыми бляхами (шнхшвирге) положилъ. Черенъ у плети изъ дерева дзегде оправленъ мѣдью и серебромъ; петля на черенѣ изъ кожи звѣря гурѣнъ; черенъ изъ дерева гунъша, плетешокъ сплетенъ изъ кожъ сорока быковъ, внутри плети заложено тридцать бычьихъ шкуръ и всыпано три мѣшка песка; пуговка на плети изъ серебра „шархылъ“ велпчинной съ верблюда; имя плети—Ихэпъ-Упхэпъ-ишптей Мангытъ-хара-мала. Поводья изъ золота „джоръ“ прицѣпилъ къ уздѣ, заложилъ за переднюю и за заднюю луку и привязалъ къ торокамъ; потомъ, нагнувъ дерево зандынъ по имени Наринъ-Замбы, привязалъ къ нему коня Хангиль-Таша. Черный лабашакъ Мекеле снялъ и положилъ, надѣлъ рубаху изъ лебяжьего пуха (улбу) и перьевъ и изъ перьевъ и пуха гусей; лицо рубахи изъ черного шелка, подкладъ изъ синяго шелка. Сверху надѣлъ кольчугу съ семидесятью пуговками, подбитую бѣлою ватой, съ острыми, какъ бритва, палочниками (тохойбчи), съ четырьмя толи (халхабчи) на груди и

на спинѣ. Шлемъ былъ великъ, какъ бѣлокъ; днемъ отъ него шелъ свѣтъ какъ отъ солнца, ночью какъ отъ мѣсяца; къ верхушкѣ шлема Мекеле прикрѣпилъ харкыра (длинный шестикъ ¹⁾); откпнулъ въ сторону забрало (халхабчи); тридцать-три лу, изображенные на шлемѣ, блестятъ, какъ огонь. Завинтилъ онъ три тысячи винтиковъ, надѣлъ шлемъ на голову и туго его натянулъ. На свои широкія, какъ рѣка Кобдо, лягвевя онъ надѣлъ красные штаны, сдѣланные изъ ста бычьихъ хребтовъ со сдержкой (бѣкѣ) изъ шести бычьихъ шкуръ. Потомъ надѣлъ сапоги, которые шили нѣсколько туменей чириковъ. Потомъ взялъ множество садаковъ, подобныхъ листовничному лѣсу (ар харагай), и сто-саженную пикъ съ краснымъ копьемъ.

Отвязавъ поводья изъ тороковъ, Мекеле вступилъ въ тяжелыя серебряныя стремяна, нажалъ на пяти-ременное путлище, сѣлъ въ сѣдло, взялъ въ правую руку черную плеть Мангытъ и поѣхалъ на востокъ. Какъ будто полный мѣсяцъ выплываетъ на небо, ѣдетъ Мекеле; какъ цвѣтокъ атыръ-гадзыръ, онъ покачивался; Хангиль-Ташъ пноходью бѣжитъ; безъ хозяйскаго попуканья своею охотой бѣжитъ. Перевалъ Ухунъ-дабанъ ступью переѣхалъ; Уйтунъ-дабанъ малою рысью конь пробѣжалъ; головой играя, въ грудь себя покачиваетъ; головой подергивая, на широкую бѣлую грудь слюну набиваетъ; длинная грива развѣвается; ноги растянулъ, голову поднялъ, вотъ, вотъ порветъ уши у стремянъ! Крѣпкія булатныя удила со звономъ грызетъ. Затылокъ (ял) у коня какъ горный хребетъ, на которомъ могутъ разбѣжаться два марала трехлѣтній и четырехлѣтній; на крупѣ два верблюда-самца могутъ бѣгать и играть. Чолкой конь хлыщетъ по небу. Высокую гору перевалилъ, широкую гоби переѣхалъ, восемь холодныхъ черныхъ гоби переѣхалъ, черную гору Наджиръ перевалилъ, Альбинъ-Цаганъ-гоби переѣхалъ, гору Арсланъ-Цаганъ-Ола рысью перевалилъ, разбивая камень въ щебенъ, черные и красные камни выразивая, какъ ладонь. Косогоромъ бѣжитъ конь, камни сыплотся внизъ; отъ его храпа деревья турукъ-зандынъ падаютъ на пространство, которое глазомъ можно охватить. Отъ колчана

¹⁾ Каръара—у Киргизъ называется филиново перо, привязываемое къ шапкѣ.

вѣтеръ стоитъ, отъ пыли земля и небо помрачились. Сорокъ бѣлыхъ зубовъ оскаливъ, бѣжитъ конь; стремяна звѣняютъ, изъ-подъ копытъ искры шипятъ, грива съ стороны на сторону переваливается, топотъ отъ золотыхъ копытъ слышенъ и вверху, и внизу.

Пятьдесятъ-пять лѣтъ Мекеле не видался съ отцомъ. Въ пять лѣтъ онъ пріѣхалъ въ нотукъ пяти черныхъ Мангысовъ. Онъ говоритъ своему коню: „Я не зналъ, что ты такой сильный, не зналъ и своей собственной крѣпости“. И велѣлъ ему еще сильнѣе бѣжать. Взявъ дзада (дождетворный камень), сдѣлалъ вѣтеръ и выѣстъ съ нимъ полетѣлъ впередъ. Хангиль Таши на полдня еще прибавилъ бѣгу. Звукъ отъ копытъ Хангила черные Мангысы слышали за пять лѣтъ до его прибытія, и говорятъ промежь себя: „Со стороны солнзаката (арды нарын шинкугу удзюгес) идетъ вѣсть отъ четырехъ копытъ. Къ намъ не кому пріѣхать; развѣ Мекеле изъ своего нотука ѣдетъ. Поѣдемъ ему на встрѣчу и не допустимъ до нашей границы, зарубимъ!“ Поѣхали. Хангиль Таши говоритъ: „Думая и соображая, поѣзжай! Къ тебѣ на встрѣчу ѣдутъ пять Мангысовъ“. Мекеле сказалъ: „Я радъ, что они ѣдутъ на встрѣчу. Я поѣхалъ искать ихъ, а они сами ѣдутъ. Бѣги во весь махъ, а я ихъ всѣхъ перерублю!“ Хангиль Таши помчался. Мекеле взялъ семпсаженный мечъ, сіяющій, какъ зеркало, и разомъ отсѣкающій головы у семидесяти тысячъ человѣкъ, и погладилъ его семь разъ по своему бедру. Пятнадцати-головый Мангысъ встрѣтился ему на вершинѣ горы Аръ-Хангай; копоть отъ него столбомъ вилась, пятнадцать головъ торчмя стоятъ; десять головъ Мекеле просто отрубилъ, пять головъ въ видѣ зюльду ¹⁾ вырубилъ и бросилъ, какъ камни, черезъ гору. Еще годъ ѣзды проѣхалъ; на вершинѣ горы Хойту-Хангай ѣдетъ двадцати-пяти-головый Мангысъ на саврасой лошади Хо; пыль стоитъ столбомъ отъ него; Мекеле двадцать головъ просто отрубилъ, изъ пяти зюльду сдѣлалъ, лошадь на двадцать частей разрубилъ и забросилъ за Аръ-Хангай. Еще годъ ѣзды пространство проѣхалъ, на вершинѣ горы Гурбюльджинъ-Хангай увидѣлъ пыль столбомъ; то ѣхалъ тридцати-пяти-головый Хара-Мангысъ на спвой лошади Гунынъ. Мекеле тридцать головъ просто срубилъ, пять головъ въ видѣ зюльду вы-

¹⁾ О зюльду см. выше, стр. 90.

рубилъ, лошадь на тридцать частей разрубилъ и перебросилъ все черезъ гору Гурбюльджинъ-Хангай. Еще годъ ѣзды пространства проѣхалъ, увидѣлъ пыль столбомъ на вершинѣ горы Дурбюльджинъ-Хангай: то ѣхалъ сорока-пяти-головый Хара Мангысъ на лошади Дѣнѣнъ; Мекеле сорокъ головъ просто срубилъ, пять головъ въ видѣ зюльду вырубилъ, лошадь на сорокъ частей разрубилъ и перебросилъ черезъ Дурбюльджинъ-хангай. Мекеле не пьетъ ихъ крови, не ѣстъ ихъ мяса, ѣдетъ впередъ. Хангиль-Таши отъ крови сталъ красный. Еще годъ ѣзды пространства проѣхалъ, увидѣлъ на вершинѣ великой черной горы копоть отъ девяностопяти головаго Эдеръ-Хара Мангыса, ѣдущаго на буро-рыжей лошади Дагненъ. Мекеле три раза рубилъ его, но не могъ зарубить. Ткнулъ своимъ сто-саженнымъ копьемъ ему въ грудь, и оно назадъ отскочило. Эдеръ-Хара-Мангысъ вынулъ чернобулатный мечъ и разсѣкъ Мекеле и его лошадь пополамъ. Мекеле сказалъ: „Ха, ха!“ И двѣ половины снова срослись. Копьями и саблями они сражались цѣлый годъ, но другъ друга одолѣть не могли. Они говорятъ другъ другу: „Вотъ ужъ годъ, какъ мы сражаемся, но безъ послѣдствій. Поборемся безъ оружія одною тою сплой, которую мы получили отъ отца, матери“. Слѣзли съ лошадей, разошлись, сняли кольчуги, остались въ однихъ шараварахъ и пошли другъ другу на встрѣчу. Мекеле расправилъ свои шаровары, сшитыя изъ ста бычьихъ кожъ; Мангысъ на своихъ бѣлыхъ бедрахъ расправилъ шаравары, сшитыя изъ десяти тысячъ бычьихъ лбовъ. Два богатыря борятся, какъ ладонь, кочки сравниваютъ, красными-краснѣхоньки стали, какъ порозы, косятся, какъ буря, плечами толкаются, кожу другъ съ друга срываютъ, мясо клочьями рвутъ. Отъ вздоховъ Алтынъ-Дэльхэ: ахъ! золотой паръ идетъ; отъ вздоховъ ея: охъ! деревья качаются. Зло и сердце у богатырей такое, что схватятъ камень, сдавятъ между пальцами—согъ поидетъ. Мокрое мѣсто высушиваютъ, горы степью выравниваютъ, лѣсное мѣсто выкарчиваютъ, скалистое мѣсто разламываютъ. Пятнадцать дней борятся, никто никого не можетъ побороть и разойтись не думаютъ. Двадцать дней борятся, никто ни кого не можетъ побороть и разойтись не думаютъ. У обоихъ ляшки, какъ рѣка Кобдо, разстолстѣли, соски, какъ горы, вздулись. Девяносто-пяти-головый Эдеръ-Хара-Мангысъ отъ борьбы еще сильнѣе становится, а бѣд-

няга (хайрэн) Мекеле слабѣетъ. Десяносто-пяти-головый Мангысь взялъ Мекеле черезъ голову за поясъ (ардан ачин арда), и бросилъ на землю; Мекеле вывернулся и всталъ на ноги. Мекеле взялъ Мангыся черезъ голову за поясъ и бросилъ на землю; Мангысь черною своею силою, какъ черный камень, вывернулся. Конь Хангиль-Таша былъ созданъ изъ семидесяти одного хубильгана; одинъ хубильганъ отдѣлился, пошелъ къ лошади Хара-Мангыса, вывязалъ изъ торокъ ремень изъ человѣческой кожи, приблизился къ Мекеле и прошепталъ: „Мангысь силенъ; тебѣ его не побѣдить. Его смерть далеко. Вотъ сначала свяжи его этимъ ремнемъ и потомъ побъжай за его душой“. Мекеле закинулъ ремень, задернулъ петлю, когда Мангысь вступилъ въ нее ногой, уронилъ и связалъ его. Какъ только Мекеле связалъ Мангыся, Мангысова лошадь, сбивъ сѣдло, побѣжала на востокъ сообщать душѣ Мангыся объ опасности. Хангиль сбросилъ сѣдло и бросился вслѣдъ за нею; Мангысова лошадь обратилась въ осу (дзюгу), а Хангиль въ коромысло (тэмэль джиргене)¹⁾. Тогда Мангысова лошадь обратилась въ слюну, отъ которой трава выгорѣла. Хангиль-Таша вознесся къ Гучинъ Гурбу Хурмусту и попросилъ его убить Мангысову лошадь; Хурмусту пустилъ аюнга (молнію) и убилъ ее.

Мекеле надѣлъ свою кольчугу и доспѣхи, на щеку лошади повѣсилъ хадакъ, поклонился своей лошади три раза и сказалъ: „Скажи, далеко ли душа Мангыся?“ Хангиль-Таша сказалъ: „Въ солнечно-восходной сторонѣ есть три моря:—Хоронъ-Далай, Шю-Талай и Дабысынъ-Далай; въ серединѣ послѣдняго есть ледяная гора, на ней есть двѣ мѣдныя фанзы (цурюль-байшинъ и дзесь-байшинъ); въ нихъ черный трехлѣтній быкъ (укуръ), въ быкѣ два ящичка: золотой и серебряный; въ каждомъ ящикѣ по шести птишекъ (больджуха). Нужно ихъ убить, крови не пролить! Не то изъ каждой птички тумень мангысовъ выйдетъ“. Мекеле сѣлъ на коня и рысью побѣжалъ на востокъ.

(Далѣе слѣдуетъ описаніе бѣга лошади Хангиль-Таша, повторяющее все то, что говорилось, когда Мекеле ѣхалъ къ Мангысу).

¹⁾ Коромысло, libellula, по джурбютски—тэмэль-джиргене, по халхасски—аттинъ-суму.

Пять лѣтъ спустя Мекеле пріѣхалъ къ Хоронъ-Шю-Далай и сдѣлалъ девяносто-два заговора, взялъ большую дзаду; поднялась буря, моря покрылись льдомъ; Мекеле переѣхалъ моря и достигъ до чернаго, какъ уголь, ледянаго холма (долодо). Увидѣлъ двѣ фанзы, мѣдную и латунную, безъ оконъ и дверей. „Чѣмъ пзломать?“ думаетъ Мекеле. Онъ опять взялъ великую дзаду, пошелъ великій желѣзный градъ по чашкѣ величины и имъ разбило фанзы. Черный быкъ всталъ; Мекеле поймалъ и распоролъ ему брюхо, ящички выпали и раскрылись; птички больджуха разсѣлись по крышкамъ и запѣли; Мекеле заслушался и сталъ грезить; ему приснился его счастливый нотукъ, семья, отецъ и мать. Вдругъ всѣ двѣнадцать птишекъ снались и разлетѣлись на двѣнадцать сторонъ. Мекеле очнулся, опять сдѣлалъ великую дзаду; начался семидневный холодъ, небо сдѣлалось черно-краснымъ; солнце свѣтило только на переднюю и заднюю луку Мекелеева сѣдла; всѣ птицы, какія только есть на свѣтѣ, слетѣлись на двѣ луки сѣдла, а двѣнадцати больджуха нѣтъ. Тогда Мекеле еще на семь дней продолжилъ дзаду, самъ Ханъ-Гариде замерзъ и прилетѣлъ на луку погрѣться, а двѣнадцать больджуха спрятались къ нему въ тепло подъ крыльями. Мекеле вынулъ двѣнадцать птишекъ изъ-подъ крыльевъ Ханъ-Гариде и убилъ ихъ, катая ихъ по сѣдлу; потомъ вырылъ черный адъ (хара тамн) во сто сажень глубиной и взмолился Гучинъ-Гурбу-Хурмусту; тотъ пустилъ аюнга въ двѣнадцать шулмусовъ, заключенныхъ на днѣ ада. Потомъ поднялась погода, пошелъ дождь, и надъ этимъ мѣстомъ образовалось море: Мангысен сюнисэгэ дарикчи Аршан нур. Мекеле сѣлъ на лошадь и побѣжалъ рысью.

(Опять повторяется описаніе бѣга лошади).

Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ Мекеле оставилъ связаннымъ Мангыся; пріѣхалъ Мекеле, Мангысь только что умеръ, тѣло его лежитъ еще теплое. Разложилъ Мекеле огнище въ степь величпной, развелъ огонь, положилъ на него Мангыся и сжегъ безъ остатка; кости не осталось, какъ отъ (сжѣденнаго) быка остается; запаха не осталось лисицѣ понюхать. Пепель развѣялъ по воздуху.

Мекеле вѣхалъ въ владѣнія Мангыся. Такъ какъ на горахъ есть снадобья и яды (емчи хор), чтобъ чего не приключилось,

Мекеле переродился; сдѣлался невзрачнымъ; шуба на немъ войлочная дырявая, рукава отпали, конь хромою, колчанъ ветхій, вмѣсто пики пастушій посохъ. Стуча ногами и плетью, пріѣхалъ онъ на границу Мангысова царства. Тутъ какой-то старикъ пасетъ бумъ (сто тысячъ) быковъ, сидя на красномъ быкѣ; у всѣхъ быковъ рога врознь глядятъ, одинъ вверхъ, другой внизъ. Старикъ спрашиваетъ Мекеле: „Чей ты сынъ? Какъ тебя зовутъ? Гдѣ твой нутукъ? За какими дѣломъ ѣдешь молодецъ съ огнемъ въ глазахъ, съ румянцемъ въ лицѣ“ (нюдунтэн галтей нюртэн цоктей)? Мекеле отвѣчалъ: „Я изъ солнзакатной стороны пастухъ верблюдовъ хана Гарди-Церби. Поднялась буря (халып), я потерялъ верблюдовъ, заблудился и сюда пріѣхалъ“. „Твои верблюды съ какими примѣтами?“ спросилъ старикъ. „Съ носомъ, ртомъ не проколотыми старый бура и черная верблюдица и числа нѣтъ верблюдытъ! Десяносто-девять лѣтъ ищу ихъ, не найду!“ „Ты, человѣкъ съ солнзаката“, говоритъ старикъ, — „не слыхалъ чего про Мекеле? Не побѣдилъ ли онъ Мангыса?“ „А тебѣ на что?“ спросилъ Мекеле. „Я отецъ его,“ говоритъ старикъ; — меня Мангысъ захватилъ и заставилъ быковъ пасти. Я писалъ сыну, что черезъ пять лѣтъ задавлюсь, если онъ не пріѣдетъ и не освободитъ. Теперь срокъ подходитъ. Я старикъ сталъ; служба моя тяжела.“ Мекеле сказалъ: „Я хотя и худенькій человѣкъ, но слыхалъ, что Мекеле побѣдилъ Мангыса и хотѣлъ сюда пріѣхать. Или сегодня или завтра утромъ, гляди, пріѣдетъ“. „Ты, мой сынъ, радостную вѣсть мнѣ привезъ. Поѣзжай ко мнѣ, тамъ напейся и наѣвшись и лошадь покорми.“ Онъ указалъ ему свое жилище хуже хатгура, шалашъ изъ жердей (уль хара урцу). Мекеле вошелъ въ урцу и увидѣлъ старуху съ всклооченными волосами, съ рѣдкими зубами. „Чей ты сынъ, съ огнемъ въ глазахъ, съ краской въ лицѣ молодецъ? Откуда ѣдешь и куда? Когда я тебя увидѣла, сердце мое взрадовалось, изъ сосцевъ молоко пошло; что ты за человѣкъ?“ (Мекеле говоритъ ей то же, что и старику). Старуха спросила его: „Не слыхалъ ли ты чего о Мекеле?“ Мекеле отвѣчалъ: „Слыхалъ, что пять лѣтъ тому назадъ Мекеле побѣдилъ Мангыса, и что скоро пріѣдетъ.“ У старухи было приготовлено молоко для Мекеле; она сказала: „Мы хотѣли подождать еще два, три дня и умереть; теперь ты насъ обрадовалъ!“ И она подала ему приготовленное молоко. Мекеле

налилъ его въ черную чашку изъ дзандына и началъ пить; попьеть и отвернется, поплачетъ; долго плакалъ, отвернувшись. Пріѣхалъ старикъ и говоритъ: „Надо тебя покормить и самимъ поѣсть. Ступай, любого быка выбери изъ стада и убей!“ Мекеле пошелъ и убилъ того краснаго быка, на которомъ старикъ ѣздилъ. Съ трехъ ударовъ ножа убилъ, за три потяга всего обеснималъ, очистилъ, разложилъ мясо на шкурѣ, а голову внесъ въ урцу. Старикъ, увидѣвъ, заплакалъ. „Что ты сдѣлалъ!“ сказалъ онъ. — „Это былъ мой любимый быкъ, самый быстрый и съ мягкимъ бѣгомъ; мнѣ старику на немъ было хорошо пасти и заворачивать скотъ. Теперь я растеряю скотъ, и Мангысы меня убьютъ“. Гунынъ-Настай Мекеле сказалъ: „Что вы о быкѣ такъ плачете, о сынѣ такъ не плакали!“ Сварилъ онъ мясо и сталъ дѣлить его; мягкое мясо старикамъ отдавалъ, жесткое съ костями себѣ оставлялъ, большія кости ртомъ выплевывалъ, малыя кости черезъ носъ пропускалъ. Переночевавъ, Мекеле спрашиваетъ у стариковъ: Есть ли у Мангыса братья и дѣти; я поѣду на встрѣчу къ Мекеле и предупрежу его“. Старикъ отвѣтилъ: „У Мангыса нѣтъ никого, кромѣ жены; но жена хитрая; мысли внутри человѣка знаетъ, волосы на головѣ, не снимая шапки, можетъ сосчитать. Мекеле сѣлъ на Хангила, и не перемѣняя своего вида, поѣхалъ въ ургу Мангыса. Вошелъ въ юрту жены девяносто-пяти-головаго Эдеръ-Хара-Мангыса; тутъ всѣ пять женъ пяти Мангысовъ сидятъ и играютъ въ шатырь (шашки) и въ карты. „Чей ты сынъ, откуда, далеко ли ѣдешь и по какому дѣлу?“ спросили его Мангысовы жены. (Мекеле отвѣчаетъ имъ также, какъ и отцу съ матерью). Старшая жена спрашиваетъ: „Ты, человѣкъ съ западной стороны! Не видѣлъ-ли Хара-Мангыса и Мекеле? Кто изъ нихъ побѣдилъ?“ „Когда-то въ давнишнія времена я слыхалъ, что Мекеле побѣдилъ Харъ-Хурмукинна, сжегъ и пепель его развѣялъ по воздуху“. Жены Мангысовъ обрадовались, налили ему вислаго молока изъ архыта, сдѣланнаго изъ слоновой кожи съ мутовкой (белюр) изъ зандына; залили полную чашу и говорятъ: „У богатыхъ выпей семьдесятъ семь чашекъ и опростай архытъ!“ Мекеле выпилъ весь архытъ. Мангысова жена удивилась и думаетъ: „Какъ это такой ничтожный человѣкъ пьетъ, какъ богатырь!“ Мекеле также понялъ, что жена догадалась о его богатырской силѣ; онъ свою силу отбросилъ къ коню. Мангысова жена пошла къ коню, думаетъ: по коню не

узнает ли еще лучше. Тогда Мекеле свою силу въ себя втянулъ. Потомъ онъ сказалъ: „Живите благополучно; пождите три дня съ половиной, а я поищу своихъ верблюдовъ“. Переѣхавъ семь рѣкъ, онъ принялъ свой богатырскій видъ и спросилъ Хангила: „Есть ли кто, кого еще нужно бояться?“ Хангиль сказалъ: „Одна изъ пяти женъ беременна; въ ея утробѣ мѣсячный сынъ; его слѣдуетъ сейчасъ же убить; если же онъ станетъ двухмѣсячнымъ, тогда не побѣдить его не только намъ съ тобою, но и никому на свѣтѣ“. Мекеле, взойдя на высокую гору, закричалъ: „Мои подданные, я побѣдилъ пять Мангысовъ, народъ свой освободилъ! Возвращайтесь на свою родину!“ Народъ обрадовался; босые, безштанные, всѣ заторопились и начали собираться. Мекеле подѣхалъ къ пяти ургѣ, и вздѣнувъ каждую на копьѣ, отбросилъ въ сторону; Мангысовы жены закричали: „Что это за неvěжа! У насъ есть мужья Хара-Мангысы, которые на ногахъ бѣгая, ни кого на землѣ не пропускаютъ, на крыльяхъ летая, на воздухѣ никого не пропускаютъ“. Мекеле отвѣчалъ: „Я, Мекеле, пять Мангысовъ убилъ, мясо ихъ стѣлъ и кровь выпилъ“. Съ этими словами онъ прикололъ четырехъ женъ, а пятую беременную оставилъ, чтобы посмотреть, что отъ нея родится, и привязалъ въ торока. Поѣхалъ въ родители; тѣ уже приготовили было веревку, чтобы удавиться. Мекеле посо-салъ молока матерп, взялъ ее въ лѣвую руку, отца въ правую, посадилъ въ разукрашенную телегу и со всѣмъ своимъ народомъ и скотомъ отправился на родину. Народъ пяти Мангысовъ, когда его погнали, заплакалъ, скотъ заревѣлъ, собаки (улукчи нохой) завyli; остались только сороки, вороны и лисицы; трава поблекла, лѣсъ погибъ, моря взмутились, воды обратились въ болота. Жена девяносто-пяти-головаго Эдеръ-Хара-Мангыса была привязана на четырехлѣтняго мухортаго жеребца; онъ бросился впередъ, сбилъ Мангысову жену, началъ топтать ее и выдавилъ изъ нея одномѣсячнаго ребенка, который вскочилъ на ноги, и схватившись за чумбуръ, удержалъ коня. Мекеле подѣхалъ и хочетъ убить его; думаетъ: „Зачѣмъ я буду бить его мечемъ? Зашибу плетью“. Ударилъ три раза по головѣ, не могъ свалить его съ лошади. Хангиль сказалъ: „Ахъ, Мекеле, говорилъ я тебѣ, что нужно было его ранѣе убить. У него есть въ головѣ трехсаженная желтопестрая змѣя; ее нужно разрубить. Если она цѣла уйдетъ, не только тебѣ, самому

Гучинъ-Гурбу-Хурмусту ничего не подѣлать!“ Вынулъ Мекеле мечъ и съ трехъ разовъ разрубилъ Мангысова сына на три части, а съ нимъ и змѣю вмѣстѣ. Хангиль пстопталъ Мангысова сына, а змѣйные остатки проглотилъ, сказавъ, что это при случаѣ можетъ пригодиться. Гунинъ-Мекелеевы собаки разорвали Мангысова сына, а вороны исклевали его. Девять муджи (хошунговъ), принадлежавшихъ отцу Мекеле, и пять муджи Мангыса, девяносто пять лѣтъ шли подъ предводительствомъ Мекеле; выѣхавъ на высокую великую гору Хангай-олу, Мекеле увидѣлъ свой родной потугъ. Видитъ—его двухлѣтній племянникъ сражается съ тремя великими богатырями, защищаетъ свой народъ и кричитъ. Мекеле прислушался и разобралъ слова: „Въ среднѣ огня прохлады нѣтъ, среди земли покою нѣтъ (галын донду сэрюнъ уга, орчилинген донду амыр уга)! Гдѣ царь отецъ, гдѣ царица мать и гдѣ самъ Мекеле? Три сильные воина напали на меня!“ Кричитъ и плачетъ. Мекеле крикнулъ ему съ горы. Племянникъ воодушевился, ринулся и убилъ одного изъ нихъ, старшаго брата Хайбенъ-Харъ-Курмэ; двое другихъ братьевъ испугались, бросились прочь, въ сторону, гдѣ былъ Мекеле. Онъ убилъ ихъ. Двухлѣтній мальчикъ съѣздилъ въ потукъ трехъ братьевъ и привелъ ихъ улусъ. Десять муджи самаго Мекеле, десять муджи Харъ-Хурмукина, пять муджи Мангысовыхъ, десять муджи Кийтынъ-Зеби, три муджи Хайбенъ-Харъ-Курмэ съ братьями—всѣ собралъ Мекеле и расположилъ въ землѣ Алтай, сиротъ отдалъ богатымъ людямъ, собакъ и сукъ отдалъ хозяевамъ. Сынъ Кийтынъ-Зеби исправилъ тугуны и ставку Цаганъ-Далай-урго еще до прибытія Мекеле; въ эту ставку Мекеле помѣстилъ своихъ старыхъ родителей и пожелалъ имъ жить благополучно; мать двухлѣтняго мальчика поставила свою бѣлую ургу на западъ отъ урги Цаганъ-Далай. Скотъ четырехъ шерстей раздѣляли на двое, и матери двухлѣтняго мальчика Мекеле отдалъ половину. Она свой скотъ согнала на степь (бэльтала) Дурбенъ-Хара-Уланъ; скотъ Мекелеевъ сталъ ходить на степи Гурбанъ-Хара-Уланъ. Пять сивыхъ лошадей сдѣлали „сэтэръ“ въ честь онгона синяго неба (онгонъ кѣкѣ тэнгри сакіусында оро табык кѣкѣ мориг сэтирлед табинкѣбѣ). Всѣмъ своимъ царствомъ хурулъ (молебствіе) совершили. Тѣ два дерева зандынъ, къ которымъ Мекеле привязывалъ свою лошадь, вновь отросли, травы распустились, птицы

защептали, молоко полилось изъ выменъ. Мекеле съ Хангила и двухлѣтній мальчикъ съ своего коня сняли сѣдла, отпустили ихъ въ середину табуновъ. Собрали народъ, собрали арикъ (кислое молоко) и вино и устроили пиръ. Мекеле положилъ на лѣвое плечо желтопеструю флейту (лимбы), красную свою губу по ней разостлалъ, шестью пальцами сталъ перебирать по ней, поетъ двѣнадцать айдымовъ, шестьдесятъ джиргыловъ и восемьдесятъ-два паштыра безъ пропусковъ. У стариковъ вино бѣжитъ по усамъ, сало течетъ по пальцамъ. Семидесятью человѣками не поднимаемая чашка съ виномъ обходитъ всѣхъ отъ восьмидесятилѣтняго возраста до восьмилѣтняго. Красный чай затѣ, налитый въ коричневую думбу изъ дзандына, ячменную сладкую бѣлую муку, насыпанную въ золотой багырь, сладкое желтое масло, золотыми ложками наложенное, поставили предъ отцами, матерями, старшими братьями, силачами. Красный чай „кокте“ роздали старикамъ, красный чай „акте“ бабамъ и дѣтямъ и всѣ пили до пота. Большой пиръ восемьдесятъ-пять дней праздновали, ликованье девяносто-пять дней продолжалось. Мекеле сказалъ двухлѣтнему мальчику: „Налей вина, подай матери и ея ближнимъ“. Потомъ Мекеле сказалъ: „Надо ему дать имя“. И пригласилъ собраніе провозгласить имя молодцу и дать ему долю скота и народа. Изъ всего собранія ни одного голоса не вышло, только на правой сторонѣ сплѣвшій Алтычи-мэргэнъ, сынъ бѣлобородаго пастуха Ахсахыла-Адучи, сказалъ: „Я дамъ хорошее имя“. Семидесятью человѣками не поднимаемую чашку наполнили кумызомъ, подозвали Алтычи-Мэргэна и дали ему пить. Онъ сталъ говорить: „Ты, двухлѣтній ребенокъ, не пропуская словъ, слушай! Между лопатками въ спинѣ ты имѣешь силу семидесяти лу, въ поясѣ ты имѣешь силу семидесяти Ханъ-Гариде, грудь твоя полна духомъ (чѣджи) и изобрѣтательностью (аргы), десять твоихъ пальцевъ ядовиты! Ты, имѣющій вьюки на атанахъ ¹⁾, имѣющій полонъ изъ айльныхъ людей! Хоть семьдесятъ копей всади въ тебя, тебѣ ничего не сдѣлается, отъ долгой ѣзды (собственно: отъ нажима лукой) брюхо твое не заболитъ, поясницу твою семидесяти-саженными пиками пронзи, знамя въ твоей руке не дрогнетъ! Если въ большой войнѣ тебя перерубятъ, ты только скажешь: ха! ха! и

¹⁾ Атанъ—кладеный верблюдъ.

снова сrostешься. Богатыремъ и отличнымъ витяземъ будь (батыр сайн эр болтыгайчи). Во лбу у тебя Махагалъ возродился, а ниже его Очирвани. Кровь твоя не изсякнетъ, кости твои не утонѣютъ! Крѣпко рожденный Харалы-Хара-Галдзынь уретей Хабханъ-Шюдунъ-Хаиртхаръ-Кѣкѣль!“ Такъ сказалъ сынъ Ахсахыла-Адучи. Царь-отецъ, царица-мать, Мекеле и весь народъ прокричали: „Съ этимъ подаркомъ будь“ (тэръ бэлыгер болтогѣй)! Половину скота и половину народа дали сыну пастуха и провозгласили его дзасыкомъ.

Мекеле сказалъ своимъ отцу и матери и всему народу: „Восемьдесятъ дней мы пировали, девяносто-пять дней ликовали! Ты отецъ, не владьешь урукомъ, тѣ, мать, не можешь нитку въ иглоку вдѣть. Пока вы живы, мнѣ слѣдовало бы жениться (собственно: не время ли мнѣ увидѣть дымъ сына? Кубюни утаги удзюху цаг болбу). Вы укажите мнѣ, въ какую сторону и сколько лѣтъ до моей невѣсты ѣхать?“ Родители сказали: „Твои слова вѣрны!“ Царь отецъ сказалъ: „Въ восточной сторонѣ, гдѣ солнце восходитъ, куда ни птица не долетаетъ, ни звѣрь не добѣгаетъ (далѣе слѣдуетъ не разъ уже приведенное мѣсто о фалинѣ), есть Толи-Занданъ-тайгна, дочь Тотурхай Илгысынъ-хана. Это—твое счастье (чини дзая терѣ). Съ десяти сторонъ богатыри (ерчут), съ двадцати сторонъ богатыри (батырмут) три игры по закладу играютъ (гурбан толгой мѣрѣ надыв хпджи): борятся, въ бѣгъ бѣгаютъ и въ цѣль стрѣляютъ. За нею ступай и возьми ее!“ Мекеле сказалъ своему бѣлобородому табуныщику Ахсахылу: „Скорѣе приведи мнѣ мою лошадь Хангила!“ Ахсахыль-Адучи взялъ узду (слѣдуетъ приведенное уже выше описаніе узды), вышелъ на гору и сталъ махать уздой. Хангиль увидалъ, приближалъ и голову протянулъ. Ахсахыль-Адучи надѣлъ на него узду, привелъ на широкій дворъ, положилъ на него токумы, привязалъ къ дереву зандынъ (слѣдуетъ повтореніе описанія сѣдланья). Хабханъ-Кѣкѣль своего коня также осѣдлалъ и тутъ же поставилъ. Кѣкѣль вынулъ изъ ящика кольчугу своего отца и большой хадакъ, поднесъ ихъ Мекеле и сказалъ: „Я буду вести твою лошадь въ поводу и буду тебѣ въ дорогѣ товарищемъ“. Мекеле сказалъ: „Я одинъ съѣзжу и привезу невѣсту, а ты останься и оберегай наше царство“. Мекеле поставилъ отцу куджи и взялъ сахюсъ. Кѣкѣль сказалъ своей матери: „Я съѣзжу на границу царства, къ полдню вернусь“. Ро-

дители сказали Мекеле: „Ты назначь время, сколько годовъ, сколько дней тебя ждать?“ Мекеле отвѣчалъ: „Я вернусь черезъ двадцать пять лѣтъ; а если черезъ пятьдесятъ лѣтъ не вернусь, то знайте, что кровь моя пролилась на землю, и кости мои пстлѣли на солнцѣ“. Мекеле прошелъ въ двери, которыя семидесяти человѣкамъ не поднять, задѣлъ плечемъ и выставилъ ихъ. Однимъ прыжкомъ онъ вскочилъ на Хангила, какъ вѣтеръ взлетѣлъ Кокколь на Харалы, и они отправились. На тысячи хуруловъ помолились и поѣхали на востокъ. Семь лѣтъ, семь мѣсяцевъ и семь дней ѣхали до границы своего царства. Кокколь говоритъ своему дядѣ: „Дядя! неужели твоя земля такъ длинна во всѣ стороны?“ Мекеле отвѣчалъ, что во всѣ. Кокколь снова говоритъ дядѣ: „Ты прославился своею силой, земля твоя велика. Кто можетъ напуститься на такое сильное царство! Ты счастливымъ (алдар) родился! Еслибы мнѣ еще за эту гору съѣздить, оттуда бы я воротился!“ Мекеле согласился взять его съ собою еще на годъ. Доѣхали до горы, Мекеле отсылаетъ племянника домой. Кокколь говоритъ: „Правда твоя! Мнѣ слѣдуетъ вернуться! Но позволь еще до половины той горы доѣхать!“ „Какой ты охотникъ до ѣзды!“ сказалъ Мекеле и взялъ его еще на годъ. Доѣхавъ до половины горы, Мекеле сказалъ ему: теперь поѣзжай домой!“ Кокколь сказалъ ему: „Твоя правда! Но позволь мнѣ перевалить на солнечную сторону этой горы!“ Мекеле взялъ его еще на годъ. Перевалили на солнечную сторону, Мекеле отсылаетъ племянника, а Кокколь говоритъ ему: „Твоя правда! Отъ нашего царства теперь далеко, а отъ Тотурхай Илгысына близко; твое царство велико, никто его не тронетъ. Позволь мнѣ проводить тебя, держать твою лошадь; въ твоихъ состязаніяхъ я буду замѣнять тебя“. Мекеле сказалъ: „Далекіе люди услышатъ, близкіе люди увидятъ, что отъ рожденія сильный Мекеле пріѣхалъ за не вѣстой не одинъ; убыль моей славы! Вернись домой!“ Кокколь опять говоритъ: „Одному тебѣ въ дорогѣ не ловко, не кому лошадь поддерживать, когда ты войдешь въ домъ“. Мекеле вскричалъ: „У народа есть старшіе, у шубы есть край!“ Разсердился и замахнулся на племянника плетью. Кокколь наклонился и сказалъ: „Грудь моя широкая, спина моя брѣшная, выбирай мѣсто и бей!“ Мекеле опустил плеть и сказалъ: „Поѣзжай домой и берегай царство!“ Кокколь отвѣтилъ ему: „Какъ я буду оберегать его? Я не умѣю, я не бары-

вался! Научи меня, поборемся!“ Слезли съ коней, раздѣлись, подпоясались чумбурами. Мекеле сначала жалѣетъ племянника, тихо борется, но Кокколь нажимаетъ сильно; принялся и Мекеле заправду бороться. Кокколь привзялъ его и бросилъ на землю. Мекеле едва-едва поднялся на ноги и еле дыша побѣждалъ къ своей шубѣ. Послѣ этого Кокколь говоритъ: „Ты поѣзжай впередъ, а я поѣду назадъ“. И запѣвъ пѣсню, поѣхалъ. Въ четырнадцать лѣтъ Кокколь объѣхалъ всю границу царства Мекеле и вернулся къ его отцу, къ матери.

Мекеле ѣдетъ день и ночь. Высокую гору перевалилъ, широкую гоби переѣхалъ, восемь холодныхъ гоби переѣхалъ, черную гору Наджиръ перевалилъ, Альбинъ цаганъ-гоби переѣхалъ, гору Арсланъ-цаганъ-олу перевалилъ, доѣхалъ до перевала Алтынъ-Шатадабанъ, увидѣлъ большой камень Ханъ-Ардзга Уланъ съ острымъ верхомъ. Сталъ понуждать лошадь, перевалилъ гору Ханъ-Ардзга, три дня и три ночи ѣхалъ ущельемъ и выѣхалъ въ амынь¹⁾. Поперекъ дороги стоитъ пятидесятипсаженный волкъ Кюдогынъ-Кюкю-Зогулъ съ пятипсаженной шеей; сорокъ своихъ зубовъ оскалилъ, пзъ желѣзныхъ ногъ огонь летитъ, синяя шерсть дыбомъ стоитъ, хвостъ поднималъ вверхъ. „Что ты, волкъ, загораживаешь дорогу!“ вскричалъ Мекеле. Выхватилъ черную плеть Мангытъ и ударилъ волка три раза; рука у Мекеле заболѣла, а волкъ не пошевелился; ткнулъ его стосаженымъ копьемъ, оно отскочило. Саблей ударилъ, она отскочила. Волкъ подбѣжалъ ближе къ амыню и схватилъ Мекеле; ни впередъ, ни назадъ не можетъ Мекеле двинуться; бьетъ волка и саблей, и копьемъ—ничего ему не дѣлается.

Три дни Мекеле бился съ волкомъ, слѣзъ съ коня, снялъ доспѣхи, подвизался чумбуромъ и сталъ бороться безъ оружія. Волкъ рветъ у Мекеле мясо изъ лѣваго и праваго плеча по чашкѣ и бросаетъ; набросалъ горы мяса, кровь изъ Мекеле течетъ рѣками. Пять лѣтъ борятся. Водныя мѣста высохли, сухіе мѣста стали водянистыми, горы въ степи выровнялись; гдѣ были степи, горы стали; воздухъ такъ наполнился паромъ отъ дыханія, что въ пару ни птицы, ни звѣри не могутъ находить пищу. Лосунъ-хатъ (хо-

¹⁾ Амынь—нижнее отверстіе ущелья.

занивъ водѣ) удивился, что темно стало, солнца и луны не видно. „Должно быть“, подумалъ онъ, — „два хубилгана борятся, что этакъ небо изломали. И послалъ онъ письмо къ Гучинъ-Гурбу-Номту-Тэнгиру такого содержанія: „Не два ли это богатыря—хубилгана дерутся? Можетъ быть, это братья, не узнавшіе другъ друга. Нужно въ такомъ случаѣ одного убить“. Тэнгиры посмотрѣли въ свои тухэ (книги) и увидѣли: были три брата Кійтинъ-Зеби, Китынъ-Арслынъ и Гунынъ-Настай Мекеле; одинъ изъ нихъ родился на землѣ подъ именемъ Мекеле и теперь борется съ братомъ Китынъ-Арслыномъ, который во образѣ волка; другъ друга не узнали и мясо и кровь другъ у друга ѣдятъ. Тэнгиры спросили у Дэтхэ-Тэнгри: какъ поступить, и тотъ указалъ: кинуть имъ аюнго-сумынъ съ надписью на трехгранномъ копъецѣ: „Мы—ваши отецъ и мать! Китынъ-Зеби, Китынъ-Арслынъ и Мекеле—три наши сына; вы двое борящіеся—братья!“ Стрѣла пала въ средину между борящимися и отбросила одного къ одной горѣ, другаго къ другой. Волею прочелъ письмо, переродился въ красиваго юношу и сказалъ Мекеле: „Ты—мой младшій братъ. Я здѣсь охраняю предѣлы царства своего отца и матери отъ шулмусовъ и дурныхъ людей и никого не пропускаю. Только ты со мною такъ долго боролся, другихъ же я сразу побиваю. Китынъ-Арслынъ поймалъ Хангила, посадилъ Мекеле и повезъ его къ горѣ Ханъ-Ардзга-Уланъ въ свою ургу, которая была сдѣлана безъ крѣпей, изъ цѣльнаго камня. На „терме“ кругомъ были навѣшаны головы шулмусовъ. Китынъ-Арслынъ сталъ класть на раны Мекеле бѣлое, какъ горностай (унн), лѣкарство, вылѣчилъ ихъ ранѣе полдня; сталъ класть бѣлое, какъ баранъ лѣкарство, до вечера исцѣлилъ. Три дня братья пировали и гуляли. Мекеле сказалъ брату: „Я поѣхалъ жениться. Ты здѣсь восемьдесятъ—пять лѣтъ живешь, скажи, если мнѣ на пути препятствія?“ „Много будетъ препятствій“, сказалъ Китынъ-Арслынъ,—но ты ихъ одолѣешь. Не бойся! Пять лѣтъ проѣдешь, на бѣли горы Ихи-Ундуръ-Уланъ, у мелкой черной воды, въ мелкомъ лѣсу изъ зандына будетъ лежать бѣлый аргали; если ты не убьешь его, вернись сюда, а убьешь—возьми его два глаза, четыре бабки и восемь жилъ. Годъ еще проѣдешь, увидишь двухъ вороновъ (хун-кюре); одинъ воронъ скажетъ другому: Ты у лошади выклюй глаза, а я выклюю у богатыря!—Тогда ты отдай имъ два арга-

линыхъ глаза по своему разуму (эбренн сайн ухагар ог); если не возьмутъ, вернись сюда. Еще годъ проѣдешь, встрѣтишь двухъ старухъ Зекци Цаганъ, у которыхъ ноги дзерепи, клювы мѣднне (дзерен шилбитей дзесъ хоншортей зекци цаган хонр эмеген). Одна изъ нихъ скажетъ: Ты вынь себѣ жили (шпрбыс) у лошади, а я возьму жили у богатыря.—Тогда ты этимъ эмегенамъ (старухамъ) отдай по своему разуму аргалиныя жили. А если не возьмутъ, то вернись сюда. Еще годъ проѣдешь, ты встрѣтишь двухъ ребятъ; одинъ изъ нихъ спроситъ другаго: Тебѣ взять конскія бабки (шягà), а мнѣ человѣчьи или тебѣ человѣчьи, а мнѣ конскія?—Тогда ты отдай имъ по своему разуму бабки аргали; если не возьмутъ, то вернись сюда. Еще годъ проѣдешь, будетъ лежать змѣя Хо-Цохуръ, которая верхнюю челюсть упираетъ въ небо, нижнюю въ землю; величиной змѣя съ рѣку Кобло; лежитъ она свернувшись двадцать-три раза; за день виднѣтъ она человѣка, за полдень, потянувъ воздухъ, притягиваетъ къ себѣ. По своему разуму убей ее. Еще годъ проѣдешь, встрѣтишь лѣсъ Шюгунъ-хара; у него концы нѣтъ, чтобъ объѣхать; въ срединѣ просѣки нѣтъ чтобъ проѣхать (дэгур оирхо ихин уга адагарын гардык адак уга талын дондурын гардык цзабсыр уга шюгун хара буту би). По своему разуму преодолѣй его. Еще годъ проѣдешь, увидишь ледяную гору Цаганъ-Ула; ни концы у ней нѣтъ, ни переваловъ (ихин адак уга лабадык дабан уга тэнгирда хурмэ мөсин цаган ула би). Преодолѣй ее по своему разуму. Еще годъ проѣдешь, поперегъ дороги будетъ стоять быкъ Хара-Лосыней-куку-бүху, съ хвостомъ съ гнѣздо (урь), съ девяти-саженными рогами, а самъ быкъ длиною въ девяносто сажень. Преодолѣй его по своему разуму. Еще годъ проѣдешь, будетъ стоять посвященный богамъ верблюдъ—самецъ Уру-Цаганъ (тэнгрийн сэтэртэй уру цаган буру); верхнею губой хлещетъ по небу, нижнею губой хлещетъ по землѣ, изъ-подъ четырехъ лапъ дымъ идетъ. Преодолѣй его по своему разуму. Еще годъ проѣдешь, приѣдешь къ морю Хоринъ-Шюдалай. Своимъ умѣньемъ преодолѣй его. Еще годъ проѣдешь, достигнешь накоонецъ ставки Тотурхай-Илгысынъ-хаха¹⁾.

¹⁾ Эти девять препятствій были, по объясненію разказчика, девять хараулонъ царства Илгысынъ-хана, то-есть, девять заставъ.

Мекеле сѣлъ на Хангила; Китынъ-Арслынъ, сѣвъ на сивую лошадь, проводилъ его на годъ пространства и вернулся. Оглянулся Мекеле и увидѣлъ, что онъ опять обернулся волкомъ и побѣжалъ. Пожалѣвъ его Мекеле и подумалъ: „Трудное же ему порученіе дали родители“.

(Слѣдуетъ опять стереотипное описаніе бѣга лошади).

Проѣхалъ Мекеле пять лѣтъ, увидѣлъ аргали, пьющую воду; слышавъ запахъ человѣка, аргали (боро гурёсу)¹⁾ побѣжала за горный мысъ; не успѣла она обогнуть его, какъ Мекеле всадилъ въ нее двадцать-пять стрѣлъ, а когда обогнула, еще семьдесятъ-пять стрѣлъ. Аргали умерла. Это была златогрудая среброзадая аргали, по имени Амы-Цаганъ (алтын чѣджитей менгу боксетей амы цаган аргали). Мекеле взялъ два глаза, четыре пяга и восемь жилъ и поѣхалъ дальше. Подѣхавъ къ воронамъ, онъ сказалъ имъ: „Я убилъ своихъ отца и мать и вотъ привезъ вамъ ихъ глаза“. Сказавъ это, Мекеле отдалъ имъ аргалины глаза. Вороны сказали: „Намъ было приказано Хара-Лосуней-ханомъ для его дѣтей на игрушки достать два черныхъ богатырскихъ глаза и два черныхъ глаза богатырской лошади (кулюкъ мориней хара нидун). Поѣзжай благополучно, со व्यюкомъ на атанахъ, съ барышемъ аульныхъ людей“ (атан тэмэн ацатай аилин хумын олдзытай амыр менду харай).

Мекеле приѣхалъ къ Эмегенамъ (то есть старухамъ); онѣ спорятъ; одна говоритъ: „Ты возьми жилы у богатыря, а я у коня“. Другая говоритъ: „Нѣтъ, ты у богатыря, а я у коня“. Мекеле подѣхалъ къ нимъ и говоритъ: „Я двухъ своихъ братьевъ убилъ. Вотъ возьмите ихъ жилы!“ Эмегены сказали: „Мы посланы отъ жены Лосуней-хана достать для нея ширбысу для шитья²⁾. Атановъ завьючивъ, съ прибылью аульныхъ людей благополучно поѣзжай!“ Еще годъ Мекеле проѣхалъ, встрѣтился съ двумя мальчиками на четверенькахъ. Они спорятъ о бабкахъ: кто вынетъ ихъ изъ богатыря, кто изъ коня. Мекеле сказалъ имъ: „Я убилъ двухъ своихъ племянниковъ (ачи чиджи) и привезъ вамъ ихъ бабки“. „И

¹⁾ Аргали—самка каменного барана. Oris argali.

²⁾ Ширбысъ—скотскія жилы, а также нитки или волокна изъ жилъ, которые употребляются для шитья обуви, сбруи и т. п.

передалъ аргалины бабки. Дѣти взяли бабки и сказали, что они посланы отъ Хара-Лосуней-хана достать бабки для игры. „Завьючивъ атановъ, съ прибылью аульныхъ людей поѣзжай!“ сказали они ему. Еще годъ Мекеле проѣхалъ и встрѣтилъ змѣю большую, какъ рѣка Кобдо; какъ только приблизился онъ къ ней на полдень ѣзды, она втянула его въ свою пасть; Мекеле верхнюю ея губу прикололъ своимъ копьемъ къ небу, нижнюю губу придавилъ тупымъ концемъ къ землѣ, коня привязалъ къ копыю, самъ вошелъ въ пасть, началъ рубить направо и налево, прорубилъ изъ утробы змѣи отверстие въ спинѣ и вылѣзъ; захватилъ змѣю руками, разорвалъ на двѣ части и разбросалъ въ разныя стороны; на два дня разстоянія отлетѣли брошенныя части. Изнутри змѣи вышли два улуса Хошоутъ и Олютъ; два улуса сказали Мекеле: „Атановъ навьючивъ, съ прибылью аульныхъ людей поѣзжай!“ Хошоуты на сѣверъ пошли, Олюты на югъ (Хошоут хорон нюгад ѳлѳт ѳмѳрян нюгад). Еще годъ проѣхалъ, приѣхалъ Мекеле къ лѣсу; объѣзду нѣтъ, и насквозь проѣзду нѣтъ. Мекеле вынулъ лукъ; ширпой лукъ въ степь, подъемъ лука съ горный перевалъ (кодѳгич чинен эктей котѳлин чинен ѳнтей); на лукъ наложилъ стрѣлу; тетиву отъ лука на сажень оттянулъ, во всю силу натянулъ и спустилъ стрѣлу. Восьмидесяти чирпкамъ пройди — такую просѣку сдѣлалъ; проѣхалъ лѣсъ и снова стрѣлу свою нашелъ и вложилъ въ садакъ. Годъ спусти, доѣхалъ до горы, достигающей вершиной до неба. Взойти нельзя, такая гладкая; ни перевала нѣтъ, ни объѣзда нѣтъ. Мекеле вынулъ лукъ, на лукъ наложилъ стрѣлу, а къ стрѣлѣ привязалъ морду Хангила. Тянулъ тетиву съ утра до вечера, съ вечера тянулъ до утра и только утромъ спустилъ. Тетива закипѣла, дерево лука задымилось. Стрѣла перелетѣла черезъ гору и перенесла на себѣ Хангила и сидящаго на немъ Мекеле. Еще годъ Мекеле проѣхалъ; стоитъ быкъ Куку-буку съ девяти-саженными рогами и мычтъ. Мекеле слѣзъ съ лошади, засучилъ рукава, засучилъ штаны, заткнулъ за поясъ полъ кольчуги и всталъ въ ожиданіи. Быкъ набѣжалъ на него, девять разъ боднулъ его своимъ девяти саженнымъ рогомъ, но не могъ пробить до крови. Быкъ промывалъ: „Никто еще не устаивалъ отъ моихъ роговъ, никто мимо меня цѣлъ не проходилъ; вѣрно, это ты крѣпкорожденный съ печатью мужа (хату тюрексен ерь тамгатай) Мекеле!“

Мекеле сказалъ: „Теперь мой чередъ!“ Разгорѣлся, глаза скосилъ, зубы стиснулъ, схватился за девяти-саженные рога и разорвалъ быка на двое.

Проѣхалъ Мекеле еще годъ. Стоитъ верблюдъ, верхняя его губа по небу бьетъ, нижняя губа о землю бьетъ, губы раскрываются и вновь смыкаются; отъ этого грома скалы, камни катятся, деревья лиственницы падаютъ. Мекеле взялъ верблюда за двѣ кочки, ударилъ о землю; когда верблюдъ припалъ на переднія колѣни, Мекеле продѣлъ ему въ носъ буйль ¹⁾ изъ крѣпкаго дерева, выдернулъ изъ гривы Хангила пасмо волосъ, свилъ изъ нихъ пестрый бурундукъ ²⁾, привязалъ къ буйлю, и ведя за собою верблюда, поѣхалъ къ Ядовитому морю. Приѣхавъ къ его берегу, сдѣлалъ великую дзада ³⁾. Поднялась буря, сдѣлался холодъ; море покрылось льдомъ на девять четвертей. Мекеле переѣхалъ черезъ море, но у противоположнаго берега Хангилъ Таши проступился по щетку, и копыта его сгорѣли. Тогда Мекеле помазалъ ноги у коня бѣлымъ лѣкарствомъ и онъ выздоровѣли. Еще годъ Мекеле проѣхалъ, встрѣтилъ ѣдущаго съ юга богатыря. На сѣрой лошади Хо величиной съ гору, съ холодно-черными глазами, съ небольшою черною бородой, съ румянымъ лицомъ, богатырь Эре-Нидунъ-Торцо-Золу девяноста съ половиной лѣтъ отъ роду приѣхалъ на встрѣчу Мекеле. Онъ вынулъ изъ-за пазухи саженный хадакъ и разложилъ передъ Мекеле. Мекеле спросилъ его: „Откуда ты, кто ты и какъ тебя зовутъ?“ Богатырь отвѣчалъ: „Я рожденный небомъ твой „дзе“. Услыхавъ, что ты ѣдешь, двадцать-пять лѣтъ ждалъ у Илгысынъ-хана, который съ десяти сторонъ десять богатырей собралъ, съ двадцати сторонъ двадцать богатырей собралъ; богатыри въ три игры въ закладъ играютъ; богатырь по имени Докшинъ-Хара-Кюрюль, имѣющій домъ, подобный скалѣ, (хаданхуй гертей) и ѣздящій на бурой лошади Зургенъ-Зандынъ, у которой отъ зада до головы надо ѣхать цѣлый день,

¹⁾ Буйль—деревянная палочка, продѣваемая въ носъ; къ ней привязывается поводъ.

²⁾ Бурундукъ—верблюжий поводъ.

³⁾ Дзада — буря, дождь, гроза, причиненные посредствомъ чудеснаго дождетворнаго камня.

въ трехъ играхъ взялъ верхъ и завтра беретъ невѣсту. Я поѣхалъ къ тебѣ на встрѣчу“. Побѣжали вдвоемъ рысью. Лошадь Хо и лошадь Хангилъ побѣжали ухо съ ухомъ, грудь съ грудью, изъ носу, и рта дымъ и пламя летятъ; Мекеле ведетъ за собою верблюда. Стали пробѣгать мимо аяловъ и людей; люди удивляются красотѣ всадниковъ. Во дворѣ у хана собралось множество народу; доспѣховъ военныхъ точно лѣсъ стоитъ. Во дворѣ стоятъ кони Докшинъ-Хара-Кюрюлевъ бурый Зургенъ-Зандынъ и Темпръ-босевъ конь Чплинъ-Хара-Халдынъ, такой гладкій, что рукой не ухватить. Мекеле поставилъ рядомъ и свою лошадь. Всѣ три лошади были, какъ одна. Верблюда Мекеле привязалъ къ дереву зандынъ; воткнулъ копье и на него повѣсилъ свои доспѣхи. Мекеле вошелъ къ Илгысынъ-хану и привѣтствовалъ его, подавая хадакъ въ три сажени. Ханъ посадилъ его выше всѣхъ, даже выше и Докшинъ-Кюрюля; возлѣ Мекеле сѣлъ Торцо. Ханъ спросилъ: „Откуда ты, кто ты и какъ тебя зовутъ?“ Мекеле разказалъ о себѣ, что онъ сошелъ съ неба, что отца его зовутъ Мэнку Дургюль, а мать Энке Дургюль, что онъ поборолъ Харъ-Хурмукина и пять Мангысовъ, и что его самого зовутъ Эренъ Сайнъ-Гунинъ Настай-Мекеле. Ханъ спросилъ: „Какъ же ты проѣхалъ девять заставъ на границѣ моего царства?“ Мекеле разказалъ, какъ онъ велъ себя во время путешествія, и сказалъ, что во свидѣтельство (тэмдык) своихъ побѣдъ онъ привелъ верблюда. Тогда ханъ спросилъ: „съ какою цѣлью онъ приѣхалъ“. Мекеле сказалъ: „Отецъ цар и царица мать мнѣ сказали: Одно полѣно не горить, одинъ человѣкъ не человѣкъ (гакци цуцул гал болдуга гакци кумун кумун)! Изъ дѣтей бываютъ люди, изъ жеребятъ лошади (урярни кумун гэдык урягерин моринъ гэдык)! Родители мнѣ сказали: Твое счастье у Илгысынъ-хана. Затѣмъ я и приѣхалъ“. Невѣста его Толи вышла къ лошади Хангилу, чтобъ узнать по ней, что за богатырь приѣхалъ. Хангилъ забилъ копытомъ, не подпустилъ ее къ себѣ; она вернулась въ юрту. Мекеле посмотрѣлъ на богатырей и смѣялся ихъ силу; Толи посмотрѣла на Мекеле и постигла, сколько въ немъ хубилгановъ. Тотурхай сказалъ: „У меня собралось десять богатырей съ десяти сторонъ да двадцать богатырей съ двадцати сторонъ; досталась моя невѣста Кюрюлю. Но съ солнзакатной стороны не было соперника. Теперь, богатыри, снова въ три игры

играйте! Тому отдамъ свою дочь, кто побѣдитъ; кто поборетъ кто обѣжитъ на лошади и кто лучше выстрѣлитъ". Кюрюль сказалъ: „Ханское слово бываетъ одно (ханай дзарлиг ниген билэ); я выигралъ на трехъ играхъ. Пожалуй, ханъ, мнѣ свою дочь! Я больше бороться не буду и увезу свою невѣсту". Мекеле сказалъ: „Я двадцать-пять лѣтъ ѣхалъ къ невѣстѣ, дорогой мнѣ пришлось много воевать; а ты тѣмъ временемъ выигралъ мою невѣсту. Это не по совѣсти!" Богатыри съ десяти сторонъ и богатыри съ двадцати сторонъ сказали: Ханское и Мекелеево слово вѣрно! Вы двое играйте въ три игры, а мы будемъ смотрѣть".

Мекеле посмотрѣлъ на богатырей. Возлѣ богатыря Кюрюля сидитъ богатырь Темиръ-Бось-Тэнгріинъ-кумунъ; подлѣ него богатырь Ке-Замбылай изъ далекой, далекой родины на гнѣдой лошади Кэинъ; еще ниже сидитъ богатырь Уинъ-Замбылай изъ далекой, далекой родины на гнѣдой лошади Уинъ; за нимъ богатырь Хултэ-мергенъ на гнѣдой лошади Хулу; за нимъ два богатыря Ханъ-Чинкей на лошади Эрпъ-Сайнъ-Хамъ (эрен сайн хам бюргетей); за ними еще два силача (хоир боко) Идыръ-Арслынъ на двухъ лошадяхъ Эрги-Тохо; за ними два силача Хату-Ширюнъ на двухъ рыжихъ лошадяхъ Хуй-Салькынъ; за ними два силача Кебисъ-Бюдыръ на лошади Ке-Цохуръ; за ними на лошади Гунунъ-Хонгуръ (гунун хонгур уретей) богатырь Эрки-Баханъ-Сөнскэ съ огнищеподобнымъ теменемъ; за нимъ Цакылганъ-богатырь на лошади Цаганъ-Шарп.

Мекеле спросилъ: „Ваши лошади далеко ли бѣгаютъ?" Кюрюль отвѣтилъ: „Мой конь отъ солнечной подошвы горы Арслынъ побѣжалъ, воды Гунъ-хара-усу пробѣжалъ, не разбирая что большая вода (гунъ), что малая рѣчка (гэдиг): гору Гуши-Зандынъ перешагнулъ, не вѣдая переваловъ, гору Ики-Ундуръ перебѣжалъ, великія степи пересѣкъ, бродъ Кай-Теберъ мпновалъ, подъ лѣсомъ Калыбъ-Теберъ проскользнулъ, до подошвы (бэлъ) горы Ганьджуръ-Цаганъ добѣжалъ". Мекеле сказалъ: „Это дѣтскія игрушки!" Ханъ и богатыри сказали: „А по твоему каковъ же долженъ быть бѣгъ лошади?" „Я съ своимъ конемъ", отвѣчалъ Мекеле, — не былъ въ покоѣ, какъ вы; двадцать-пять лѣтъ я ѣду; у моей лошади копыта и подошвы изнашивались. И все-таки ей и горы, и воды ни-по-чемъ; гдѣ небо съ землею сходится, туда добѣгу и назадъ вернусь". Хангиль-Таша услышалъ слова хозяина и подумалъ: „Мало сказалъ;

еще бы на пять лѣтъ прибавить надо, чтобы до Ардзга-Улана сбѣгать". Всѣ богатыри заповаживали головамъ и стали пересаживаться. Богатырь Торцо сказалъ: „Вѣрно сказалъ!" Кюрюль подумалъ: „Если его правда, его невѣста будетъ". Мекеле сказалъ: „Я изъ далекой страны пріѣхалъ, съ собою никого не привезъ, дайте мнѣ Торцо, пусть сидеть на мою лошадь, а на его лошадь также посадите крѣпкаго человѣка. Ханъ позвалъ Барчинъ-Хара-Бюргута и его послалъ. Пятьдесятъ лѣтъ надо было ѣхать впередъ и обратно; не разбирая ни горъ, ни дорогъ, лошади летятъ. Добѣжали сѣдоки до мѣста, гдѣ сходятся небо и земля, не дали вздохнуть лошадямъ, пустились назадъ. Когда Мекеле догадался, что лошади отъ края небесъ пущены, онъ собратилъ землю (собственно: заступилъ землю на пуговицы, табин табын джилэ холо гадзыриг табын сарда тобчилед), гдѣ бы пять лѣтъ ѣхать, сдѣлалъ пять мѣсяцевъ; гдѣ пять мѣсяцевъ, тамъ пять дней. Давъ пробѣжать имъ половину пятилѣтняго пространства, онъ снова распустилъ землю. Хангиль впереди бѣжитъ, за нимъ лошадь Торцо, за нимъ лошадь Темиръ-Бось-Тэнгріинъ-Кумуна, Кюрюлева лошадь сзади всѣхъ на годъ отстала. Только тутъ онъ и видѣли Хангила; а потомъ онъ впередъ пошелъ, оставилъ всѣхъ лошадей на годъ позади себя. Какъ стрѣла летитъ; только потъ прошибся. Увидѣвъ своего коня, Мекеле вышелъ, засучилъ рукава, схватилъ чумбуръ, и ему съ сѣдокомъ Торцо вдвоемъ едва удалось удержать коня. Хангиль поненялъ хозяину: „Зачѣмъ удержалъ меня, я только что разгорячился!" Привязали лошадь къ дереву Шонъ-модонъ, только что сняли сѣдло, какъ мчится лошадь Хо. И ее за поводъ остановили, привязали къ дереву и сняли сѣдло. Когда первыя лошади уже выстоялись, прибѣжалъ Темиръ-Бось-Тэнгріинъ-кумунъ. Лошадь же богатыря Кюрюля едва-едва пришла, когда Темиръ-Босева лошадь уже высохла. Собрались всѣ богатыри и выпили арахъ (вина).

Ханъ сказалъ Мекеле: „Для стрѣльбы ты самъ выбери мѣту". Мекеле сказалъ: „Поставьте въ рядъ семь синевѣлыхъ камней (долонъ табхыр ценкир цаган хада), за ними лисью нору, потомъ былинку отъ травы бѣлой дэрису (уни цаган дэрису), ушко иголки, верблюжій хургусунъ ¹⁾ и въ листовницу, стоящую при подошвѣ

¹⁾ Хургусунъ—шарообразный пометъ верблюда.

Арслынъ-олы, вбейте гвоздь; я всѣ эти мѣты трону и не дамъ стрѣлѣ упасть, подхватю ее на лету". Богатыри такъ и сдѣлали. Кюрюль выстрѣлилъ, семь камней прострѣлилъ, но до лисьей норы стрѣла не долетѣла. Потомъ Мекеле сталъ натягивать свой желтопестрый лукъ Кудюръ (Кудюр шар цохур), величиной со степь, грудь втянулъ, животъ подобралъ, подошвы ногъ ушли въ землю; лопатки зашли другъ за друга, теми трясется, мышцы на спинѣ растянупись, изъ указательнаго и большаго пальцевъ кровь идетъ. Опустилъ стрѣлу; лукъ издалъ звукъ: тангъ! стрѣла пропѣла: джингъ! Камни стрѣла разбила въ крошки, не осталось кремня сдѣлать; угодила въ лисью нору, изъ нея въ дѣревинну, потомъ прошла чрезъ ушко иголки, попала въ верблюжій хургусунъ; Торцо сѣлъ на Хангила и пустился вслѣдъ за стрѣлой; вровень со стрѣлой бѣжитъ. Стрѣла ударилась въ намѣченное дерево, отъ дерева пошелъ огонь съ зимовку богатаго человѣка. Стрѣла не успѣла упасть на землю, какъ Торцо подхватилъ ее и пріѣхалъ назадъ. Слѣзъ съ лошади; богатыри также слѣзли и вошли въ ханскую урго. Торцо говоритъ: „Двѣ игры мы взяли; одна осталась. Позволь мнѣ бороться!“ Мекеле сказалъ: „Кто со мною, кто съ Торцо хочетъ бороться?“ Кюрюль сказалъ: „Я здѣсь двадцать-пять лѣтъ жилъ, выигралъ невѣсту; ты пріѣхалъ изъ неизвѣстнаго царства и уже успѣлъ выиграть двѣ игры. Невѣста будетъ твоя развѣ тогда, если ты изъ воды сдѣлаешь труть, изъ льду кремь и ледъ вмѣсто дровъ зажжешь (усар ул хійгед цасар цакіур хійгед мѡсер гал тулед) и цѣлаго двухлѣтнаго быка въ одинъ часъ сваришь. Если сваришь, ты возьмешь невѣсту; если не сваришь, невѣста моя!“ Мекеле вышелъ и спрашиваетъ у своей лошади: „Можно ли это сдѣлать? Ты лошадь съ семьдесятъ однимъ хубилганомъ“. Хангиль сказалъ: „Положи камни, поставь котелъ, налей воды, сложи быка, подъ котломъ разложи ледъ, какъ владугъ аргалъ ¹⁾, намочи бумагу въ водѣ и высѣкай на нее огонь; а я одного хубилгана пошлю тебѣ въ голову, ты будешь мигать глазами и изъ, нпхъ будутъ летѣть искры по кунану величпной; другой хубилганъ будетъ подкладывать сало въ ледъ. Ледъ разстаетъ, сало очутится наверху и загорится“. Всѣ богатыри вышли изъ урги.

¹⁾ Аргалъ—коровій и конскій пометъ, употребляемый вмѣсто дровъ.

Хубилганъ вошелъ въ голову Мекеле и стукнулъ его три раза, Мекеле мигнулъ три раза, огонь вылетѣлъ изъ его глазъ, сало загорѣлось; менѣе часу прошло, какъ мясо сварилось. Иренъ-Сайнъ усадилъ богатырей и роздалъ мясо. „Въ трехъ играхъ я старшій сталъ. Время настало взять Зандынъ-Толи!“ сказалъ Мекеле. Кюрюль сказалъ: „Зандынъ-Толи не мое счастье, твое!“

Илгысынъ-ханъ сказалъ Мекеле: „Сдѣлай еще одну службу, прежде чѣмъ взять мою дочь. На южной границѣ моего царства лежитъ черный буру (верблюдъ-самецъ); всѣ богатыри пробовали поднять его, но не могли. Когда земля и небо еще не были раздѣлены, тогда еще онъ былъ положенъ. Я просилъ Де-Тэнгри поднять его, но тщетно. Ноги его вросли въ землю. Подними его и отпусти въ мой табунъ“. Мекеле сказалъ: „Пусть такъ будетъ!“ Сѣлъ на лошадь, богатырю Торцо сказалъ: „Оставайся!“ и одинъ поѣхалъ. Годъ ѣзды проѣхалъ и на краю моря увидѣлъ верблюда. Видитъ и думаетъ: „Трудно поднять безъ хитрости!“ Мекеле обратился въ буру (верблюда-самца), Хангиль обратился въ верблюдницу; стали они другъ за другомъ бѣгать вокругъ лежащаго верблюда. Тотъ разъярился, вскочилъ на ноги и разорвалъ цѣпи, лежавшія на его ногахъ. Когда земля и небо были еще новыя (тэнгир гадзыр шппи битуджи байха цакту), этотъ верблюдъ хотѣлъ убить единственнаго сына неба (тэнгри ганцхан кумун) и за это былъ скованъ. У моря не было ни травы, ни (прѣсной) воды; верблюда кормилъ стерегшій его Лосунай-ханъ. Когда Мекеле освободилъ верблюда, изъ моря выступилъ посланный отъ Хара-Лосынай-хана и сказалъ: „Мы стерегли этого верблюда; но такъ какъ ты женишься и далъ обѣщаніе Илгысынъ-хану, ты же сынъ неба и родственникъ Лосынай хану, то Лосынай-ханъ отдаетъ тебѣ этого верблюда“. Мекеле погналъ его. Когда Мекеле вѣхалъ въ улусъ, когда увидѣли его и верблюда съ звѣнящими цѣпами, всѣ удивлялись богатырю, который всякое дѣло легко выполняетъ. Мекеле привязалъ верблюда къ дереву Шонъ-модонъ и своимъ копьемъ разбилъ цѣпи на верблюдѣ; въ честь Мекеле верблюда сдѣлали сэтэромъ ¹⁾ и отпустили въ табунъ, а желѣзныя цѣпи

¹⁾ Сэтэръ—животное, посвященное богамъ; ему въ гриву заплетають цвѣтныя ленты.

положили въ хорошее мѣсто. Если нужно кого сковать, это самия крѣпкія цѣпи. Богатыри говорятъ: „Ты одержаль верхъ въ трехъ играхъ; бери неvěсту и возвращайся въ свой домъ; и мы разѣдемся“. И уѣхали по своимъ нотукамъ. Ерень-Нидунъ-Торцо сказалъ: „Я изъ своего мѣста девяносто пять лѣтъ назадъ выѣхалъ, все это время я не видѣлъ своихъ родителей; нельзя ли поскорѣе сыграть свадьбу?“

Илгысынъ-Ханъ сказалъ: „Моя дочь Зандынъ-Толи шьетъ, какъ вшей кладетъ, строчитъ, какъ гнидь кладетъ. Если прямо взглянетъ, всѣ существа, живущія на югѣ, говорятъ: Заря занимается: солнце всходитъ! Если назадъ взглянетъ, всѣ существа, живущія на сѣверѣ, говорятъ: заря занимается, солнце всходитъ!“ Зандынъ-Толи сказала: „Моя дѣвнчья жизнь у Тотурхай Илгысынъ-хана кончилась, послѣдніе дни ея покончить Гунынъ-Настай-Мекеле!“ Ханъ сказалъ Мекеле: „Твое царство далеко; нашимъ людямъ до него не доѣхать и не вернуться; возьми атановъ, навьючь золотыхъ и серебряныхъ ковровъ и поѣзжай по своему разумѣнію“. Мекеле отвѣчалъ: „Мой нотуѣй далеку; своимъ умомъ уѣду. Я Зандынъ-Толи посажу въ сумку (топгурцык), въ другую сумку сложу ея драгоценности и буду держать обѣ сумки на глазахъ. Поѣхалъ Мекеле и сократилъ землю: „Мѣсто пять лѣтъ ѣхать сдѣлалъ мѣстомъ въ пять мѣсяцевъ, пятимѣсячное обратилъ въ пятидневное. Доѣхалъ до Ханъ-Ардзга-Улана. Кійтынъ-Арслыну срокъ службы кончился; онъ досталъ изъ моря свой домъ, раскинулъ его и ждалъ брата. Мекеле пріѣхалъ, досталъ изъ сумки Зандынъ-Толи и помолился брату. Три дня они здѣсь пировали, послѣ чего Мекеле снова посадилъ Зандынъ-Толи въ сумку. Кійтынъ-Арслынъ сказалъ: „Срокъ дзарлика (приказанія) моего отца Тэнгри кончился; шулмусовъ я искоренилъ; теперь твоя жена мнѣ помолилась“. Затѣмъ онъ протянулъ пятицвѣтную радугу и по ней поднялся на небо со всею своею ургою. Поѣхалъ Мекеле дальше, опять сокративъ землю. Пятнадцать лѣтъ прошло, какъ онъ отправился отъ Илгысынъ-хана и только до границъ своего царства доѣхалъ. Кѣкѣль уже ждалъ его на границѣ; онъ приготовилъ пятнадцать палатокъ, наготовилъ море кумысу и море чаю, думалъ: много народу пріѣдетъ. Тутъ они пропировали три дня и поѣхали со всѣмъ улусомъ въ ургу Цаганъ-Далай. Отецъ и мать съ южной стороны

урги повѣсили занавѣсъ (кѣшѣго), сдѣланную изъ шелка „тачжи“, настлали двѣнадцать рядовъ ковровъ, посадили жениха и неvěсту за занавѣсъ; царь-отецъ и царица-мать и всѣ присутствующіе помолились Шютунъ-сакіусу (или Шютунъ-бурхану) и запировали. Бурхану Шакджи, какъ солнцу, впередъ молились, Эрдемчинъ Тѣрѣ, какъ хашъ (пефритъ?), сзади поставили; кукушка кукуетъ, зеленая, трава зюльгунъ колыхается, руси, ангирь гогочать, дерево гандгарь качается, весь народъ пируетъ, кислое молоко и творогъ (апрыктарык), вино-кумысъ (арикинчиген), масло (окун тосун), красный чай пьетъ и ѣстъ.

Мекеле живетъ пять лѣтъ, но сына у него нѣтъ. Отецъ и мать говорятъ: „Ты взялъ жену, поставилъ свою ургу, мы твой дымъ увидѣли, а сына у тебя нѣтъ; пайди средство, чтобы пріобрѣсть сына“. Мекеле сказалъ: „Вы укажите мнѣ средство!“ Они сказали: „На юго-востокѣ, на горѣ Арслынъ-Олѣ въ пещерѣ живетъ лама Дамбы-Цаганъ, проводящій въ моленіи семьдесятъ лѣтъ. Возьми лучшую драгоценность изъ привезенныхъ тобою и поѣзжай къ нему“. Мекеле взялъ драгоценность, осѣдлалъ Хангила и поѣхалъ по указанію отца и матери. Пріѣхавъ къ Арслынъ-Олѣ, онъ вошелъ въ пещеру, досталъ хадакъ и драгоценность и передалъ ламѣ. Лама сказалъ: „Ты, славный богатырь, взялъ Зандынъ-Толи, но дитяти у тебя нѣтъ. Помолись Гучинъ-Гурбу-Хормусту; онъ дастъ“. Пріѣхавъ домой, Мекеле взошелъ на Ики-Ундюръ-Уланъ, сдѣлалъ великое обо ¹⁾, повѣсилъ на шестѣ куски дабы (бѣсы) пяти цвѣтовъ и сталъ кричать къ небу: „Семьдесятъ лѣтъ молящійся Дамбы-Цаганъ-лама сказалъ, чтобы я тебѣ помоллся. Гучинъ-Гурбу-Хормусту, помилуй, подай!“ Съ неба раздался голосъ: „Ты, крѣпко-рожденный герой, опростай восемнадцать адовъ Ерлика, уничтожь Ерликъ-Номынъ-хана! Если это повелѣніе исполнишь, у тебя родится сынъ!“ Мекеле, услышавъ повелѣніе неба, осѣдлалъ Хангила, взялъ желтый въ три сажени длиной хадакъ, зашелъ къ отцу и къ матери и сказалъ, что онъ ѣдетъ къ Ерлику. Тѣ сказали: „Восемьдесятъ-восемь лѣтъ ѣхать до Ерлика“. Мекеле сказалъ: „Я въ шестнадцать лѣтъ доѣду“ и поѣхалъ на солнзагатъ (ар нар шингугу удзюкту).

¹⁾ Обо—пасынь изъ камней.

(Слѣдуетъ описаніе бѣга лошади).

Ѣхалъ, Ѣхалъ, сдѣлалъ попутный вѣтеръ и полетѣлъ вмѣстѣ съ вѣтромъ. Полдня пролетѣлъ Хангилъ, у переднихъ ногъ его сдѣлались крылья; еще полдня пролетѣлъ, у заднихъ ногъ сдѣлались крылья. Пространство въ восемь мѣсяцевъ ѣзды въ восемь съ половиной дней проѣхалъ и спустился въ Ерликово царство. Арслынъ-тергитей (собственно: львиноголовый), сынъ Ерликъ-Номынъ-хана, взойдя на крышу трехэтажнаго дворца, увидѣлъ ѣдущаго богатыря и сказалъ отцу: „Какъ будто сорокъ тысячъ чириковъ бѣгутъ, а ѣдетъ всего одинъ человѣкъ! Это или Алыкчи-Дайсынъ, или Абырчи-Бурханъ въ наше мѣсто ѣдетъ“. Ерликъ-Номынъ-ханъ вышелъ и смотритъ: голова Мекеле въ небо уперлась, и земля дрожитъ подъ нимъ. Ерликъ послалъ ему на встрѣчу триста всадниковъ съ копьями и свое „керме“ (крѣпость) заперъ. Мекеле только показался на перевалѣ; у ѣхавшихъ ему на встрѣчу трехсотъ всадниковъ копья изъ рукъ выпали, и сами они замертво пали. Мекеле взялъ воды, сырынулъ чириковъ, и они встали. Только онъ подѣхалъ къ воротамъ, всѣ триста воротъ со звономъ: ханкиръ-чинкиръ! сами растворились. Войдя къ Ерлику, Мекеле разложилъ передъ нимъ желтый хадакъ на колѣни. Ерликъ сказалъ: „Кто ты и откуда? То ли ты Алыкчи-Дайсынъ, то ли ты Абырчи-Бурханъ?“ Мекеле разказалъ, какъ онъ женился, просилъ сына и Тэнгри-ханъ далъ ему порученіе опростать восемнадцать адовъ. Ерликъ-Номынъ-ханъ взялъ книги и тухэ Гучипъ-Гурбу-Хормустень-хана и сталъ разбирать ихъ. Тамъ было сказано: „Мекеле прійдетъ и опростаетъ восемнадцать адовъ на горѣ Ары-Сюдюрту-Уланъ.“ Ерликъ сказалъ: „Не о тебѣ ли это сказано? Это время пришло“. И онъ велѣлъ своему сыну Арслынъ-Тергитею отворить восемнадцать адовъ. Когда Арслынъ Тергитей привелъ Мекеле къ адамъ, они всѣ сами растворились. Сдѣлалась пятицвѣтная радуга, и всѣ заключенные поднялись на небо и сдѣлались бурханами. Потомъ они пришли къ восемнадцати адамъ, гдѣ были люди, заключенные на вѣки, ни слуху, ни духу нѣтъ о концѣ мученій (чѣло уга забы уга). Здѣсь двери не отворились. Тогда Мекеле произнесъ восемнадцать заклинаній въ честь Амиты-бурхана, дунулъ, и двери отворились. Явилась пятицвѣтная радуга, всѣ заключенные поднялись на небо и стали бурханами

Только одинъ богатырь Алачи-Укуръ-Хара-батыръ остался; Мекеле не могъ его поднять. Сталъ поднимать за руки—руки оторвались, взялся за поясъ—ноги отстали. Онъ пошелъ къ Ерлику и спросилъ: что это значить. Ерликъ сказалъ: „Этотъ человѣкъ семь лѣтъ рождался на свѣтъ, и каждый разъ во время своей земной жизни онъ убивалъ своихъ отца, мать и учителя (баеши). Когда опростаются восемьдесятъ уурхайевъ (ямъ для зерна), наполненныхъ просомъ (шари таран), выбираемымъ по одному зерну въ годъ, только тогда Алачи-Укуръ-Хара-батыръ освободится.“ Мекеле сказалъ: „Я пришелъ опростать всѣ восемнадцать адовъ: выпусти, помилуй и этого послѣдняго, а то мое дѣло будетъ не кончено. Если же ты не выпустишь его, я буду съ тобою сражаться“. И онъ схватилъ свою саблю. Ерликъ сказалъ: „Онъ самъ себя уронилъ туда и пусть лежитъ. Я родился на то, чтобы разбирать худыя и добрыя дѣла; я, Ерликъ-Номынъ-ханъ, разбираю дѣла вѣрно, на волосъ не ошибаясь. Для тебя я выпускаю его на волю на двадцать одинъ годъ, но по истеченіи этого времени онъ опять долженъ идти на свое старое мѣсто. Такимъ образомъ будетъ исполнена воля неба, чтобы ты опросталъ восемнадцать адовъ“. Мекеле сталъ просить прощенія, что онъ вынималъ саблю. Ерликъ-Номынъ-ханъ далъ ему золотую бомбу, наполненную аршаномъ, чтобы онъ былъ безсмертенъ. Мекеле спросилъ у Ерлика, какія главные добродѣтели и главные грѣхи. Ерликъ отвѣчалъ: „Главные добродѣтели—накормить голоднаго, подвезти безногаго и поклоняться тремъ драгоценностямъ (гурбы эрдени); грѣхи—брань, обида и побой и непочитаніе „гурбы эрдени“.

Ерликъ-ханъ пожелалъ ему хорошей дороги и сказалъ, чтобы онъ проѣхалъ чрезъ жаркую страну (зуурдан дзон найман хабцагай). Мекеле сѣлъ на Хангила, Арслынъ-Тергитей взялъ Хангила за поводъ и повелъ его. Пріѣхали въ мѣстность, гдѣ множество скота, верблюдовъ, лошадей, коровъ, овецъ, а также и людей, ходятъ, пстыканные пиками; плечи поранены, животы издыривлены кровью ручьями бѣжить; чуть ходятъ и по степи стонъ стоитъ. Мекеле спросилъ у Арслынъ-Тергитея: „Отчего это случилось съ ними?“ Тотъ отвѣтилъ: „Двадцать государствъ воевали между собою; израненные въ этой войнѣ люди не могутъ дойти до Ерлика и кружатся въ степи. Отправь ихъ на небо!“ Мекеле помолился

Амитбы-бурхыну, и тотъ поднялъ мучениковъ на небо, сдѣлавъ радугу. Потомъ пріѣхали къ дереву Багъ-модонъ; вѣтви его были усажены дѣтьми и птичками (бокширге), которыя пищали и плакали. Арслынъ-Тергитей сказалъ, что это души дѣтей, умершихъ во время той войны. И этихъ Мекеле переправилъ на небо, помолвившись Амитбы-бурхыну. Арслынъ-Тергитей распростился съ Мекеле и сказалъ: „Ты опросталъ наши восемнадцать адовъ; теперь мы стали, какъ братья!“ И уѣхалъ.

Мекеле поѣхалъ домой (слѣдуетъ описаніе бѣга лошади). Въ шестнадцать дней онъ пріѣхалъ въ свое мѣсто. Подъѣхавъ къ границѣ, онъ взѣхалъ на гору Эрдени-Торхо-хара-ула, посмотрѣлъ на свою урго и увидѣлъ—золотой столбъ водруженъ на юртѣ, а съ неба на него слетаетъ желтый хадакъ. Мекеле думаетъ: „Мое желаніе исполнилось, сынъ родился!“ И съ радостнымъ сердцемъ подъѣхалъ къ ургѣ. Снялъ сѣдло и узду съ Хангила и отпустилъ его въ табунъ. Сѣдло и всѣ доспѣхи внесъ въ домъ, надѣлъ свой желтый лабашакъ и увидѣлъ, на золотомъ престолѣ сидитъ годовой ребенокъ съ золотистыми волосами, ползаетъ и напѣваетъ: „Ом мани падме хом!“ Мекеле взялъ его на руки и нюхалъ. Потомъ онъ отдалъ приказъ, чтобы весь народъ съѣзжался на пиръ, и чтобы, навьючивъ на верблюдовъ, привезли для народа кумысу и вина. Поймавъ пепманныхъ кобылъ (байсин гунь), убилъ и варятъ и жарятъ. Въ бѣлыхъ архитахъ навезли множество кумысу. Въ Далай-Цаганъ-ургѣ старики сѣли на правой сторонѣ, женщины и дѣти на лѣвой, а молодые люди у входа. (Далѣе описывается угощеніе, какъ и при постриженіи самого Мекеле). Царь-отецъ, царица-мать, Мекеле съ женой и его сноха съ его племянникомъ сѣли въ хойморѣ¹⁾; стали подносить каждому гостю по семидесяти разъ чашу, которую семьдесятъ человекъ не поднимутъ, великую, какъ море. Большой пиръ восьмьдесятъ - пять дней продолжался, большое ликованіе девяносто-пять дней продолжалось. Не дожидаясь солнечнаго восхода, начинали и съ закатомъ солнца не кончали. У старшихъ съ усовъ вино бѣжитъ, между пальцевъ сало течетъ. Всѣмъ людямъ Мекеле годы жизни продолжилъ.

¹⁾ Хойморъ—почетное мѣсто въ юртѣ противъ дверей, занимаемое хозяиномъ.

Мекеле сказалъ: „Настало время моему сыну, которому теперь три года (гунин настай), подрѣзать волосы (хайчильна).“ Мальчику остригли волосы и оставили косичку (тэбпекъ). Мекеле въ свою чашу величиной въ море налилъ кумысу, на края положилъ комки масла величиной съ быка и сказалъ своему сыну орѣль¹⁾: „Сорокъ тысячъ попрасть пятой родившійся, десять муджи мангысовъ положить родившійся, двѣнадцать государствъ, находящихся подъ солнцемъ, спасти родившійся, восемнадцать холодныхъ адовъ освободить родившійся, будь ты Эренъ-Сайнъ-Кійтинъ-Хара-Душп на сивосѣрой лошади Дзюрку!“

Отецъ-царь, царица-мать и всѣ сказали Хара-Душп свои орѣли, и стали развѣзжаться. Старикъ по стариковски на коней садился, бабы по бабьи на коней садились, а молодые по молодецки, и на три кучи разбившись, поѣхали въ свои нутки. Гдѣ не было травы, трава пошла, гдѣ не было воды, вода просочилась, у недоенныхъ коровъ молоко потекло! Подъ тѣнью яровъ, въ свѣжей зелени, у прозрачныхъ водъ, безъ войны лѣтуя, безъ надежей зимую, безъ болѣзней и оханья, безъ походовъ, безъ кашля и насморка, съ полнымъ въ скотѣ, съ жиромъ въ тѣлѣ... въ предѣлахъ богами уставленныхъ правилъ наслаждаясь, пребывайте!

ур дондан усюксэн
уи дондан ковшириксэн
уин сайхан кокшин албыты
уйли мордод хариба
ур дондан усюксэн
уи дондан цогулуксэн
экеныр урлю мордод хариба
ур дондан усюксэн
уи дондан цогулуксэн
цзалаучит урлю мордод хариба
хубахай сайгар усун гуйгад
хубахай модонду намчи ургад
хуник кѣкѣнду усюн ород
ерген сюдурту
убюсюней бюрду
усунай тонгулукту
дайн уга дайданъ цзусах

¹⁾ Орѣль—благословеніе.

зут уга голдон убюльдзед
 ё геху убючин уга
 ябу геху заргы уга
 хав геху ханяд уга
 тонг геху тому уга
 то бюрун
 тому таргын
 энкэ сайхан төртей
 мёнку сайхан шаджитай
 бурхын номын ясор джиргад суба.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

136. Му-Монто.

У царя Гондола было двѣ жены; отъ старшей родился глупый сынъ, отъ младшей—умный и красивый; первому было имя Му-Монто; царь далъ ему желѣзный шестъ и велѣлъ пасти овецъ; имя младшему было Алтанъ Сэгсэ; его одѣвали хорошо, потому что онъ былъ любимецъ. Однажды Му-Монто, одѣтый въ телячью шубу, подпоясанный веревочнымъ поясомъ, спалъ ночью; пробудившись, онъ видитъ огненный вихоръ до неба, а въ немъ кружится золотое колесо и не можетъ высвободиться; Му-Монто желѣзнымъ пестомъ выкинулъ колесо. Оно сдѣлалось молодымъ красивымъ человѣкомъ, который назвалъ себя Мого-ханомъ; онъ велъ продолжительную войну съ Голто-Мого-ханомъ, былъ побѣжденъ, окруженъ пламенемъ и кружился девяносто лѣтъ. За спасеніе онъ пригласилъ Му-Монто въ гости. Мать подоила двухъ овецъ, на молоке сдѣлала два хлѣба и дала ихъ сыну на дорогу. Му-Монто пошелъ черезъ степи, моря и горы; стеръ ноги до костей, идетъ на колѣнахъ; стеръ до костей колѣна, идетъ на четверенькахъ; стеръ ладони, легъ на брюхо и покатился. Докатился до юрты; въ ней былъ старикъ, который сказалъ ему, что Мого-ханъ близко, и посоветовалъ просить у хана только Агу-Ногонъ. Пришелъ Му-Монто къ Мого-хану и попросилъ Агу-Ногонъ. Мого-ханъ далъ ему синюю птичку, завернутую въ золотой платокъ, и желтаго щенка, который дорогою долженъ поймать на пищу тетерева и ястреба. Взявъ подарки, Му-Монто пошелъ назадъ; щенокъ ничего не поймалъ; Му-Монто убилъ его и очутился въ богатомъ дворцѣ лежащимъ рядомъ съ красавицей. Му-Монто испугался и

бѣжалъ изъ дворца. Онъ очутился въ городѣ, зашелъ на базаръ, отобралъ у торговки калачей, поѣлъ и сталъ искать мѣста для ночлега, но лошади прогнали его изъ своихъ стойлъ, собаки прогнали его изъ своихъ конуръ. Онъ опять пришелъ во дворецъ. Дѣвица между тѣмъ бросила его телячью шубу въ огонь и сказала ему, что она его жена, что онъ—царь этого города и не долженъ бѣгать изъ дворца. Му-Монто одѣлся въ царское платье и пошелъ на рынокъ; однѣ торговки говорили: „Это тотъ парень, который у насъ отбиралъ калачи. Другія говорили: „Это нашъ царь.“ Въ это время Алтанъ Сэгсэ выѣхалъ посмотреть отцовскіе табуны, увидалъ новое богатое царство и спросилъ: что это за царь? Ему сказали: „Му-Монто, сынъ Гондола.“ Алтанъ Сэгсэ заѣхалъ къ брату, а потомъ, вернувшись домой, разказалъ о немъ отцу Гондолу. Гондолъ позавидовалъ сыну, и съ умысломъ убить его и завладѣть новымъ царствомъ, позвалъ его къ себѣ. Му-Монто пріѣхалъ къ отцу. Гондолъ поручилъ ему съѣздить на тотъ свѣтъ къ дѣду и попросить у него бѣлую лошадь съ сѣдломъ, которую ему Гондолъ далъ по смерти его и которую тотъ до сихъ поръ не вернулъ. Му-Монто вернулся домой и сказалъ своей женѣ о порученіи, которое ему сдѣлалъ отецъ. Агу-Ногонъ научила мужа, какъ вести себя въ дорогѣ въ царство мертвыхъ (додо зомби). Му-Монто приходитъ къ черному камню, вызываетъ большую лисицу, и держась за ея хвостъ, спускается въ подземный міръ; тамъ онъ видитъ души, которыя различнымъ образомъ мучатся за грѣхи. Наконецъ, приходитъ къ дѣду; дѣдъ говоритъ ему: „Друга не прогонишь, черезъ печь не перешагнешь“. Потомъ дѣдъ ведетъ его обратно; дорогой онъ толкуетъ казни грѣшниковъ. Сидятъ двѣ женщины; одна ничего не имѣетъ, но все находитъ; въ земной жизни она ничего не имѣла, но все отдавала бѣднымъ; другая была скупая, хотя богатая; за то здѣсь голодаетъ и куритъ пепель, хотя возлѣ ея лежатъ и яства, и табакъ. Нагія женщины обнимаютъ суковатыя полѣна и ранятъ себя; это—невѣрныя жены. Мужчины мучатся, будучи соединены руками и ногами; это были воры. Въ большомъ котлѣ кипятъ чиповники и шаманы (ноёт бѣхут), первые—за взятки и неправый судъ, вторые—за большіе поборы за жертвы, за ложное пуганье народа гнѣвомъ духовъ; тутъ были также тѣ шаманы, которые, зная, что больной не выздоровѣетъ,

вѣсть, все-таки брались шаманить, чтобы получить доходъ. Женщины соединены губами и языками за то, что кляузничали и ссорили людей. Домашнія животныя стояли по колѣни въ травѣ, а были тощи и падали безъ силъ; это—лошади худыхъ хозяевъ, которыя были такъ заморены, что не могутъ поправиться на хорошихъ кормахъ. Жирныя лошади стоятъ на голыхъ камняхъ; это—лошади хорошихъ хозяевъ, которыя такъ были откормлены, что, стоя на голой скалѣ, не теряютъ жира.

Когда дѣдъ и Му-Монто вышли на этотъ свѣтъ, дѣдъ далъ Му-Мунто бѣлаго коня съ сѣдломъ и велѣлъ передать Гондолу приказаніе пріѣхать на этомъ конѣ къ нему въ царство мертвыхъ. Когда Гондолъ услышалъ повелѣніе своего отца, страшно испугался, но все-таки велѣлъ Му-Монто снова ѣхать къ Эсэгэ Маланъ Тэнгри Бабаю и потребовать назадъ принесеннаго ему въ жертву, когда Му-Монто былъ еще ребенкомъ, бѣлаго барана и девять звѣриныхъ шкуръ. Агу-Ногонъ утѣшаетъ мужа, привязываетъ къ его плечу красную шелковую нитку и своей силою поднимаетъ его на небо. Му-Монто доложилъ Маланъ Тэнгрию требованіе своего отца. Маланъ Тэнгри сказалъ: „Черезъ три дня возвращу эти вещи, которыми онъ заплатилъ мнѣ слѣдующую дань.“ Му-Монто началъ спускаться на землю. Въ это время Эсэгэ Маланъ Тэнгри Бабай ударилъ громомъ и молніей. И Гондолъ со всѣмъ семействомъ, скотомъ и домомъ былъ истребленъ; Му-Монто на его мѣстѣ нашелъ только свою мать, сидящую на бугрѣ. Онъ взялъ ее, привезъ въ свой домъ и сталъ жить съ своею женою Агу-Ногонъ и царствовать.

(Записана г. Галхаповымъ у Бурятъ Кудинскаго вѣдомства).

137. Бандынъ Цзанъ ¹⁾.

Такъ назывался послѣдній бѣко (силачъ, богатырь) въ хошунѣ Лу-Гуна. Бандынъ-Цзанъ умеръ голодною смертію въ песчаной гоби, и послѣ него въ хошунѣ Лу-Гуна уже не было силачей. Въ молодости онъ былъ воръ и за воровство былъ посаженъ въ Пекинѣ

¹⁾ Ниже слѣдующія сказки отъ № 137 до № 169 включительно записаны г. Палкинымъ во время его зимовки въ Дархатской землѣ.

въ тюрьму. Въ хара-байшинѣ ¹⁾ просидѣлъ онъ двѣнадцать лѣтъ; услыхалъ онъ тамъ, что у вторыхъ воротъ Эдзень-ханова дворца лежатъ русскій бѣлый силачъ (Орусь Цаганъ-Бѣко) и никого не пропускаетъ къ Эдзень-хану: всѣхъ переходящихъ черезъ него онъ убиваетъ ногой, не вставая. Бандынъ-Цзанъ сталъ просить, чтобы доложили о немъ въ дзурганъ-ямынь. Когда узнали, что онъ вызывается убить Цаганъ-Бѣко, его тотчасъ же выпустили. Онъ просилъ приготовить для него три корма, говоря, что онъ отошлалъ, сидя въ хара-байшинѣ. Первый кормъ—сварить сто овецъ такъ, чтобы изъ нихъ получилась одна чашка мяса; другой кормъ—отъ ста овецъ молоко сварить такъ, чтобы получилась одна чашка, третій кормъ—сварить звѣринаго ремня сто сажень такъ, чтобы получилась одна чашка. Велѣвши это варить, пошелъ самъ посмотрѣть на Цаганъ-Бѣко; изъ первыхъ воротъ посмотрѣвши, увидалъ онъ, что-то длинное и бѣлое лежитъ у вторыхъ воротъ. Онъ воротился, съѣлъ два корма, отправился опять на ханскій дворъ и перескочилъ черезъ Цаганъ-Бѣко впередъ и назадъ, ушелъ и съѣлъ третье блюдо. Пришелъ опять къ Цаганъ-Бѣко. Тотъ всталъ, чего раньше не дѣлалъ, и стали они бороться; подняли страшную пыль, выбили огромную яму, а поборотъ другъ друга не могутъ; боролись три мѣсяца. Послѣ этого Цаганъ-Бѣко сказалъ, что не одолѣтъ его силой, но такъ какъ ему смерть суждена на этомъ мѣстѣ, то онъ и откроетъ Бандынъ-Цзану тайну, какъ убить его; онъ сказалъ, чтобы Бандынъ-Цзанъ ударилъ его выше лодыжки правой ноги, и что тогда онъ, Цаганъ-Бѣко, умретъ. Бандынъ-Цзанъ такъ и сдѣлалъ. Ударилъ Цаганъ-Бѣко по выше лодыжки и убилъ. Эдзень-ханъ сталъ предлагать Бандынъ-Цзану большія награды, но онъ ото всего отказался, попросилъ только, чтобы закололи ему быка и накормили до сыта. Наѣвшись, онъ пошелъ сейчасъ же домой; предлагали ему провожатыхъ, но онъ отъ нихъ отказался. Шелъ пятнадцать дней голодомъ, наконецъ по дорогѣ увидалъ табунъ лошадей, заколовъ одну лошадь и съѣлъ; на другой день остался тутъ дневать и другую лошадь съѣлъ; когда пріѣхалъ хозяинъ лошадей, Бандынъ-Цзанъ подалъ ему обѣ шкуры съѣденныхъ лошадей; обидѣлся хо-

¹⁾ Хара-байшинъ, то-есть, „черный домъ“,—тюрьма.

зяинъ, однако взялъ шкуры и уѣхалъ. Пошелъ Бандынъ-Цзанъ дальше; на встрѣчу ему бѣжить Сюку-Мангысь; схватилъ его, взялъ подъ пазуху и побѣжалъ дальше. Ёдетъ Китаецъ на верблюдѣ; и его также Сюку-Мангысь подхватилъ подъ другую пазуху и побѣжалъ дальше. Притащилъ ихъ къ одному камню, отворотилъ его; подъ нимъ былъ спускъ внизъ. Сначала лѣстница была тѣсная и темная, а потомъ просторно стало, и сверху откуда-то свѣтъ падалъ. Мангысь разложилъ большой огонь, положилъ въ него большущій вертѣль, а самъ, сидя у огня, задремалъ и сталъ клевать носомъ къ самому огню; Китаецъ все смѣялся; вдругъ мангысь очнулся, схватилъ вертѣль, насадилъ на него Китайца и поставилъ на огонь; сало такъ и затрещало, капая на огонь. Бандынъ ждалъ своей участи. Живо съѣлъ Мангысь Китайца и положилъ опять вертѣль въ огонь; въ это время послышался стукъ по лѣстницѣ; Бандынъ увидалъ, что бѣгутъ шесть барановъ, прибѣжали и улеглись въ углу у стѣны. Мангысь, съѣвши Китайца, еще пуще сталъ дремать, наконецъ совсѣмъ свалился и заснулъ. Бандынъ какъ увидалъ это, схватилъ вертѣль и выкололъ ему глазъ, который у него только одинъ во лбу и былъ. Мангысь заревѣлъ, заметался, полѣзъ прежде на лѣстницу, завалилъ крѣпче камень и сталъ искать Бандына; шарилъ, шарилъ—Бандынъ все отъ его длинныхъ рукъ увертывался; наконецъ, Мангысь повалился и уснулъ. Тогда Бандынъ разложилъ большой огонь, зарѣзалъ одного барана; мясо пжарилъ и съѣлъ, а въ шкуру самъ залѣзъ и ждалъ утра. Мангысь утромъ всталъ, и отваливши камень на столько, чтобы баранъ могъ пройти, сѣлъ у входа и сталъ пропускать по одному барану, ощупывая каждого. Бандынъ полѣзъ послѣднимъ; Мангысь, ощупывая по спинѣ, дошелъ до того мѣста, гдѣ шкура кончалась, и схватилъ за край шкуры; Бандынъ—нечего дѣлать,—не пожалѣлъ шубы, рванулся, оставилъ подолъ въ его рукахъ, а самъ убѣжалъ, но выбѣжалъ въ пустыню да и заблудился; тамъ и умеръ. Теперь, кто ѣдетъ въ Пекинъ, видятъ на дорогѣ камень: это и есть Бандынъ-Цзанъ; отъ него всегда берутъ немного песка, чтобы благополучно черезъ пустыню проѣхать. А Мангысь опять сталъ зрячимъ и опять таскалъ людей и ѣлъ; теперь по дзарлику Эдзень-хана приложили Эдзень-ханову печать къ его подземелью, и онъ уже больше не выходитъ.

138. Хаеринъ-Харъ-Бёко.

Въ вершинѣ Шарай-Гола жилъ богатырь Хаеринъ-Харъ-Бёко, а Шаргольджинъ ханъ жилъ въ низу. У Харъ-Бёко была старшая сестра Кангинъ-Цаганъ-эгечи. Разъ Харъ-Бёко пріѣхалъ съ охоты, набивъ дичи много: крупной дичи навлазъ, какъ аргылу (скотскаго навоза); мелкая дичь, какъ утукъ (навозъ), покрыла землю. Привязалъ онъ дичь въ торока, пріѣхалъ домой и сталъ звать сестру помочь ему сложить добычу, но она не вышла, и онъ засталъ ее въ слезахъ. Онъ спросилъ ее: о чемъ она плачетъ. Она ему отвѣчала: „Принеси зайца величиной съ овцу, который на сѣверной горѣ ходитъ (хойто улында ябыснъ хонинъ чиненъ боръ тулай апчирь), тогда я плакать не буду“. Онъ поѣхалъ и привезъ ей зайца; сестра его перестала плакать. На другой день опять онъ засталъ ее въ слезахъ; сталъ спрашивать: отчего она плачетъ. Она сказала: „Для чего у насъ на сѣверной рѣкѣ двадцать тысячъ коурыхъ кобылъ (конкоръ гуе)? Почему бы намъ не насидѣть вина и чигена (кумса)?“ Хаеринъ-Харъ-Бёко уѣхалъ за кобылами, чтобы пригнать ихъ домой. Сестра въ это время положила зайца въ золотой ящикъ и пустила въ низъ по рѣкѣ; на ушахъ его она написала: „Я, дѣвица, живу въ верху этой рѣки, почему никто не пріѣдетъ и не возьметъ меня?“

Братъ пригналъ табунъ, и она стала сидѣть вино; насидѣвши вина, сдѣлала десять когкуровъ ардзы и двадцать когкуровъ хордзы. Когда братъ пришелъ, она стала его угощать этимъ ядомъ. Выпивъ первый когкуръ, онъ проговорилъ: „Я держу двадцать тысячъ кобылицъ, я твой старшій братъ (танай аха би)! двадцать тысячъ каурыхъ лошадей, будьте моими младшими братьями (ихи хоринменгу хонгур ату надосъ дю болою)! За рѣкой распущенные ангиро-пѣгіе десять тысячъ лошадей, будьте моими младшими братьями!“ (ар голдо залысын арба-менгу ангиралык аду надосъ дю болою)! и другой когкуръ выпилъ. Сказавъ: „Ганджуръ-Танджуръ будь моимъ братомъ (ганджуръ танджуръ шуэнъ надосъ дю болою)!“ выпилъ и третій. Послѣ этого онъ сталъ пить ардзу; выпилъ десять чашекъ—во рту стало жарко; выпилъ двадцать чашекъ харцзы, пьянъ сдѣлался и легъ. Вдругъ послышался шумъ. Братъ спросилъ сестру: „Что это

за шумъ?" Она отвѣчала, что это двадцать тысячъ кобылицъ съ жеребятами играютъ. „Нѣтъ, не конскій это топотъ, то чирки идутъ! Достань мнѣ мою кольчугу.“ Сестра спрятала его кольчугу, взяла его девяносто-четырехъ струнный, стрѣлой Эндырва-Цаганъ снабженный, изъ семидесяти козловыхъ роговъ сдѣланный черный лукъ, по имени Тарха, съ чернымъ сайдакомъ Аркай, и шлемъ черную шапку (прини дюрба онтэй эндырва-цаган сумутэй талин техэ убюрер хійсын аркай хар садыктэй тарха хар ном энгирии сегуръ болсын тулгун хар малахай), и ушла на встрѣчу къ чирикамъ, посланнымъ за нею отъ Шарголожинъ хана. Служанки этого хана, поймавъ на водѣ ящикъ съ зайцемъ, принесли его къ нему, и онъ, узнавъ, что дѣвица ищетъ жениха, послалъ тысячу чириковъ взять ее. Пьянаго Хаеринъ-Харъ-Бёко чирики завалили семью горами, все забрали и ушли. Двѣ служанки (хоиръ шюбукчи) Шарголожинъ хана узнали объ этомъ и пошли ему помогать; взяли съ собою пемного мяса, пришли подъ тѣ горы, которыми Хаеринъ-Харъ-Бёко былъ придавленъ, и увидали, что у него голова изъ-подъ горы высунулась. Онѣ сказали ему, что пришли ему помогать; онъ попросилъ ѣсть; онѣ сварили мясо, наръзали и стали ему въ ротъ класть. Когда съѣлъ онъ мясо и выпилъ наваръ, онъ сказалъ, чтобъ онѣ уходили какъ можно дальше, а какъ услышатъ большой шумъ, такъ послѣ этого шли бы къ нему назадъ и несли ползвѣря мяса, которое они найдутъ на дорогѣ. Шюбукчи ушли за гору; услышавши шумъ, опять къ нему пошли, нашли по дорогѣ убитаго звѣря, отрубили заднія ноги и принесли къ Харъ-Бёко; онъ уже по поясъ выдвинулся изъ-подъ горы. Они опять сварили мясо, онъ его съѣлъ, выпилъ наваръ и сказалъ, чтобъ онѣ опять ушли и приходили бы послѣ того, какъ шумъ услышатъ. Онѣ такъ и сдѣлали. На этотъ разъ, когда онѣ воротились, Хаеринъ-Харъ-Бёко только уже пылъ съ себя отряхалъ. Всѣ трое пошли за горы, нашли тамъ звѣря, котораго осколкомъ скалы убило, когда Харъ-Бёко горы раскачалъ, изъ-подъ нихъ выльзая; сварили звѣря и съѣли. Хаеринъ-Харъ-Бёко такъ ѣлъ, что кости черезъ носъ выпускалъ. Наѣвшись, онъ отвелъ женщинъ въ безопасное мѣсто, набилъ имъ дичи и сказалъ, чтобъ онѣ его не дожидались, а самъ ушелъ и сдѣлался батырчи. Подходя къ царству Шарголожина, онъ встрѣтился съ ханомъ. Ханъ спросилъ у него: что онъ за человѣкъ и

зачѣмъ пришелъ? Батырчи отвѣчалъ, что пришелъ онъ съ верховьевъ Шорой-гола просить милости. Ханъ спросилъ его: не видалъ ли онъ тамъ Хаеринъ-Харъ-Бёко? „Какъ не видать“, говоритъ батырчи, — „видѣлъ одну только его голову, что семью горами завалена“. Ханъ сказалъ: „Хорошій ты человѣкъ; за добрыя вѣсти (за добрыя твои слова) пойдѣ ко мнѣ въ юрту, я угощу тебя чаемъ“. Батырчи пришелъ въ юрту; сестра узнала его по голосу; а онъ увидалъ свой черныи лукъ, схватилъ его, натянулъ стрѣлу и убилъ Шарголожинъ хана; потомъ онъ поймалъ двухъ кобылицъ, привязалъ сестру къ нимъ за ноги, пустилъ ихъ по полю, и они ее разорвали. Бёко привезъ къ себѣ хоиръ-шубукчи и сталъ съ ними жить счастливо, ханомъ сдѣлался.

(Запис. отъ Урянхайца Дзулгу).

139. Шанъ Тондубъ и Тамба Шанджи.

У Эренчинъ-Джончинъ-хана не было дѣтей, и онъ послалъ свою жену къ гелюгу, который жилъ въ пещерѣ и спасался. Гелюгъ сказалъ ей, что у нея будетъ сынъ. Помедши назадъ, она увидала на дорогѣ дѣвушку, которая лежала на травѣ; она взяла ее съ собою. Когда прибыли они домой, ханъ взялъ эту дѣвушку за себя замужъ; отъ обѣихъ женъ родилось по сыну. Ханъ снова послалъ къ гелюгу и просилъ его дать дѣтямъ имена. Гелюгъ сказалъ: „Отъ первой жены родившагося ребенка назовите Шанъ-Тондубъ, а отъ второй—Тамба-Шанджи.“ Дѣти росли вмѣстѣ, любили другъ друга и вмѣстѣ играли; Тамба-Шанджи звалъ сына первой жены дядей (ава-аха, „отецъ-братъ“).

Однажды младшая жена услышала, что ханъ хочетъ передать ханство сыну первой жены; она расплакалась, притворилась больною; ханъ созвалъ лѣкарей, и они сказали ему, что его жена больна отъ думы. Ханъ спросилъ ее: о чемъ она горюетъ? Она сказала: „До тѣхъ поръ я не буду снокойна, пока сынъ твоей первой жены не будетъ удаленъ“. Она надѣялась, что когда Шанъ-Тондуба удалятъ, то ея сынъ будетъ ханомъ. Ханъ, любя ее, послушался, велѣлъ завьючить одного слона, положить мѣшокъ крупы и велѣлъ сыну уѣзжать; но младшій сынъ никакъ не хотѣлъ разлучаться со старшимъ братомъ, и ханъ ихъ обоихъ велѣлъ отвес-

ти въ пустыню. Тамъ они съѣли крупу, бросили тогда слона и пошли дальше; воды не было; младшій умиралъ отъ жажды и совсѣмъ изнемогъ; старшій понесъ его на себѣ, но и самъ обезси-лѣлъ. Увидавъ, что братъ его уже не дышетъ, онъ снесъ его подъ дерево зандынъ, завернулъ листьями этого дерева и пошелъ даль-ше, грустя и плача о братѣ.

Дошелъ онъ до одной пещеры, гдѣ жилъ лама, который уже давно не вставалъ съ мѣста; у него на колѣняхъ выросли цвѣты; Шанъ-Тондубъ сталъ готовить и подносить пищу этому ламѣ и назвался его сыномъ. Неподалеку отъ нихъ жилъ ханъ, который приносилъ въ жертву людей, родившихся въ годъ лу (дракона). Однажды Шанъ-Тондубъ, играя, побѣждалъ всѣхъ; ханъ велѣлъ спросить его: какого онъ году? По его мнѣнію, такой муже-ственный человѣкъ (эръ-хунъ) непременно долженъ быть лу-джил-тей, то-есть, родившимся въ годъ дракона. Не зная, что такихъ лю-дей бросаютъ въ море въ жертву Лусай-хану, Шанъ-Тондубъ ска-залъ, что онъ — лу-джилтей. Когда настало время приносить жертву морю, ханъ послалъ къ старику, чтобы привели его сына; старый лама спряталъ сына подъ котелъ. Кѣ (слуги хана) стали требо-вать у старика сына: „А не то,“ говорятъ, — „мы тебя бросимъ, ты тоже должно быть лу-джилтей“ (драконова года). Шанъ-Тондубъ, услышавши это, вышелъ изъ подъ котла и говоритъ: „Не трогайте моего отца, возьмите меня“. Бросили его въ море, но онъ тамъ не умеръ, а пошелъ дальше и пришелъ во дворецъ Лусай-хана. Ханъ принялъ его, научилъ ному (книгамъ) и отпустилъ обратно. Тогда онъ опять пришелъ къ ламѣ; здѣсь его узнали ханскіе слуги и донесли хану, что онъ вышелъ изъ моря; ханъ потребо-валъ его къ себѣ и сталъ разспрашивать. Шанъ-Тондубъ разказалъ о своемъ происхожденіи, сказалъ, что его младшій братъ остался въ пустынѣ. Тогда ханъ далъ ему людей и лошадей и отпустилъ въ пустыню, чтобъ отыскать его младшаго брата. Шанъ-Тондубъ при-ѣхалъ подъ то дерево, гдѣ оставилъ брата, но не нашелъ его, и сталъ спрашивать проходящихъ и проѣзжающихъ: не видали ли они нагаго мальчика. Ему сказали, что видѣли человѣка, обросшаго шерстью, который ходитъ и кричитъ: „авъ ахъ“. Шанъ-Тондубъ прокричалъ: „Тамба-Шанджи, авъ ахъ тебя зоветъ!“ И Тамба-Шанджи явился. Шанъ-Тондубъ стеребилъ съ него шерсть, на-

училъ ному и самъ сталъ Бурхын'омъ-Бакши, а Тамба-Шанджи сталъ Далай-Ламой.

140. Гумъ ханъ.

Гумъ-ханъ ѣздилъ на охоту и встрѣтилъ дѣвушку-красавицу, полюбилъ ее и взялъ за себя замужъ. Она была шульмусъ, дочь Мангыса; отецъ нарочно послалъ ее соблазнить хана, чтобы дѣ-лать ему зло, сдѣлавшись его женой.

Возвратясь домой, Гумъ-ханъ сдѣлалъ праздникъ по случаю своей свадьбы; раньше у него была уже жена и два сына Тайджи-Дава и Тайджи-Нема. Молодая жена, завидуя старшинству этихъ тайджей, отравила старшую жену.

Разъ Гумъ-ханъ, возвратясь съ охоты, засталъ свою молодую жену больною; она сказала ему, что не выздоровѣетъ до тѣхъ поръ, пока не съѣстъ сердца и почекъ двухъ тайджи. Ханъ при-звалъ къ себѣ тамга-нойона ¹⁾ и поручилъ ему заколотъ дѣтей; но тотъ не убилъ ихъ, а спряталъ въ сдѣланное подземелье, заколовъ двухъ собакъ и поднесъ сердца и почки ихъ ханьшѣ. Она, узнавъ отъ служанокъ, что съѣла собачьи почки, опять притворилась больною, и когда ханъ приѣхалъ съ охоты, она разказала ему, что ее обманули, дали ей собачьи почки. Ханъ опять послалъ за тамга-нойономъ; на этотъ разъ онъ велѣлъ принести сердца, почки и мизинцы. Тамга-нойонъ нашелъ двухъ мертвыхъ мальчи-ковъ подходящаго возраста, и взявъ отъ нихъ все, чего требо-валъ ханъ, принесъ и отдалъ; при этомъ онъ плакалъ, какъ будто дѣйствительно убилъ тайджи. Между тѣмъ онъ надѣлилъ ихъ мясомъ и водой, разказалъ дорогу и отправилъ въ путь. На до-рогѣ имъ надо было пройти три гоби (пустыни). Двѣ они уже прошли, какъ у нихъ вода истощилась, и младшій Нема-тайджи упалъ въ изнеможеніи; старшій сталъ читать молитву, и Богъ послалъ дождь; Дава-тайджи подставилъ чашку, которая наполни-лась водой; ею онъ наполнилъ брата. Они пошли дальше и встрѣ-тили пастуха, который пасъ овецъ. Они спросили его: „Чей это табунъ?“ Пастухъ отвѣчалъ, что это табунъ хана: „Вы“, говоритъ,—

¹⁾ Тамга — печать, нойонъ — дворянинъ, сановникъ.

идите дальше къ другому пастуху, который пасетъ коровъ; онъ вамъ укажетъ ханское ургѣ; онъ самъ хану родственникъ" (тюр-гюль). Коровій пастухъ указалъ имъ дорогу къ хану, сказалъ, чтобъ они зашли напередъ въ ближній аилъ, а то у хана собаки сильно злы. Тутъ ихъ напоили, накормили и проводили къ хану; у него они прогостили семь дней, подробно разказали хану свои приключенія, и онъ послалъ ихъ къ Хата-Талай, гдѣ есть рѣка Халдзу Уланъ-мурень (бѣшеная красная рѣка); течетъ она айри-комъ (кислымъ молокомъ) и виномъ; народъ, живущій тамъ, блаженствуетъ (джиргалабайна). Въ той сторонѣ прожили они до тѣхъ поръ, какъ младшему брату исполнилось восемнадцать лѣтъ, послѣ чего они пошли отца провѣдать. Пришли въ то время, когда всѣ въ домѣ спали; старшій братъ, прочитавъ номъ, дунулъ на ма-чиху, и она лишилась жизни. Ханъ ужасно горевалъ: онъ не разлучался съ трупомъ; тамга-нойонъ собралъ цугланъ (народное собраніе) и сталъ уговаривать хана, чтобы онъ не грустилъ и съѣздилъ на охоту. Ханъ послушался и поѣхалъ; на дорогѣ, когда онъ возвращался, встрѣтилась ему красавица дѣвушка; ее поставилъ тутъ на дорогѣ и сдѣлалъ красивою Дава. Ханъ, удивившись ея красотѣ, сказалъ: „Неужели это дѣвушка изъ моего ханства?“ Онъ взялъ ее съ собою, но когда вернулся домой, онъ опять упалъ на тѣло своей мертвой жены, обнималъ ее и плакалъ. Опять вы-манили его изъ дому на охоту; во время его отсутствія взяли трупъ жены, увезли за семь горъ, вырыли яму въ девять сажень, зарыли и завалили камнемъ съ быка величиной. На дорогѣ домой хану опять попалась дѣвушка еще красивѣе прежней. Онъ взялъ ее съ собою. Приѣхавъ домой, онъ не нашелъ трупа своей жены и на другое утро поѣхалъ его искать. Уѣхавши за семь горъ, онъ увидалъ два зандынъ-дерева, растущія по краямъ камня велич-ной съ быка. Тогда ханъ сказалъ: „Вѣрно тутъ моя жена! Она превратилась (хубилжи) въ эти два дерева“. Онъ сталъ срывать листья съ деревьевъ, нюхалъ ихъ и курилъ, удивляясь ихъ за-паху. (Вотъ отъ того теперь и стали всѣ табакъ курить и нюхать.) На возвратномъ пути онъ опять встрѣтилъ красивую дѣвушку; на этотъ разъ онъ уже дѣйствительно полюбилъ ее, взялъ за себя замужъ и сталъ жить счастливо. Дѣти его сдѣлались солнцемъ и мѣсяцемъ. Имена ихъ тавгутскіе: Нема солнце, Дава мѣсяцъ.

141. Два бѣхѣ ¹⁾ Комбу.

Было два брата бѣхѣ Комбу старшій и Комбу младшій. Старшій сталъ звать младшаго на охоту въ Русскую землю на Урусь-Янъ-Олу. Младшій далъ слово ѣхать, но пришедши домой, задумался; три дня не пьетъ, не ѣстъ. Жена стала спрашивать: отчего онъ печалится? Онъ сказалъ, что далъ слово брату ѣхать въ опасную дальнюю дорогу; она пошла къ его родителямъ и разказала имъ это. Когда старшій Комбу приѣхалъ за братомъ, отецъ и мать сказали, что не отпустятъ они своего Комбу ѣхать съ нимъ.

Братъ сказалъ, что онъ одинъ поѣдетъ; пусть братъ не печалится, что далъ слово и не ѣдетъ. Приѣхавъ къ Янъ-Олѣ, Комбу убилъ козулю (дзуря), изжарилъ ее, повѣсилъ мясо на дерево, а самъ поѣхалъ опять промыслить, но ничего не убилъ, воротился и сталъ ѣсть жареное мясо; когда сталъ доѣдать, то замѣтилъ, что нѣтъ одной почки, и задумался онъ. „Не могъ же звѣрь быть объ одной почкѣ! Вѣрно здѣсь еще кто-нибудь живетъ“, подумалъ онъ. На-дѣлъ на бревно свою одежду, а самъ отошелъ въ сторону и спрятался съ ружьемъ, а бревно, прикрытое одеждой, у большого огня оставилъ. Въ полночь видитъ — идетъ высокій бѣлый старикъ съ огромнымъ широкимъ топоромъ; принявши прикрытое бревно за человѣка, старикъ ударилъ по немъ острымъ топоромъ; въ это время Комбу выстрѣлилъ; старикъ зажалъ рукой рану и сталъ звать къ себѣ на помощь, крича: „Умираю!“ Когда Комбу подошелъ, старикъ сталъ разказывать ему, что онъ — русскій изгнанникъ, что жилъ онъ здѣсь двѣнадцать лѣтъ и много накопилъ добра; много у него звѣринныхъ шкуръ, есть два ружья, изъ которыхъ не давалъ онъ промаха во всѣ двѣнадцать лѣтъ; и все это отказываетъ онъ ему; есть у него два котла; если стукнуть легонько по одному, будетъ готовъ чай; если стукнуть по другому, будетъ готова пища, какую пожелаешь; есть много серебра и золота. Разказалъ ему, какъ найдти дорогу къ его аилу, указалъ тропинку, которая вела на утесъ. „Тамъ“, говорилъ онъ, — „найдеши ты два жилища: въ одномъ жилъ я, въ другомъ стоятъ котлы, а на право въ пещерѣ сложены шкуры“. Потомъ еще сказалъ, что убить его

¹⁾ Бѣхо — силачъ, богатырь.

хотѣлъ затѣмъ, чтобы, завладѣвши лошадьми, возвратиться на родину. Сказавъ все это, старикъ отнялъ руку отъ раны, усталъ и умеръ. Комбу нашелъ все, какъ сказалъ старикъ, отдохнуль тутъ два дня, собралъ все дорогое оружіе и котлы и воротился домой.

142. Хурюн Халдын Халгачи ¹⁾.

Хурюнъ Халдынъ Халгачи поѣхалъ разъ куда-то на восьми верблюдахъ. Подъѣзжаетъ къ горѣ, спрашиваетъ: „Куда ведетъ эта дорога?“ Ему отвѣчаютъ: „Дорога ведетъ туда, куда тебѣ слѣдуетъ ѣхать, но теперь по ней ѣзды нѣтъ; на горѣ два шулмуса поселились, убиваютъ проѣзжающихъ. Поѣзжай“, говорятъ, — „вокругъ горы; хоть на три дня путь длиннѣе, да вѣдь жизнь дороже скота“.

Халгачи поѣхалъ прямо черезъ гору, остановился тамъ ночевать, развьючилъ верблюдовъ, разложилъ огонь, сварилъ мяса, наѣлся, и положивъ мѣшокъ съ мукой на землю, покрылъ его своею шубой, а самъ спрятался за дерево, взявъ съ собою ружье. Вскорѣ увидалъ онъ шулмуса съ красномъ носомъ; шулмусъ подошла къ покрытому мѣшку и вонзила въ него свой носъ. Халгачи выстрѣлилъ и отбилъ у нея носъ; шулмуса не стало, только вдругъ Халгачи слышатъ, кто-то разговариваетъ. Одинъ шулмусъ говоритъ другому: „Ступай“, говоритъ, — „Ходжигда, посмотри сама; у меня силы нѣтъ безъ носа“. Ходжигда пришла къ Халгачи и предложила ему свою дружбу. „Не убивай“, говоритъ, — „меня; я тебѣ все сдѣлаю, что ты хочешь, подружись только со мною“. „Да я тебя не вижу“, говоритъ Халгачи. „Ничего, ты только позови меня; я буду откликаться, ты и будешь знать, что я съ тобою“. „Все-таки желалъ бы я тебя посмотрѣть“, говоритъ Халгачи. Представилась она его глазамъ: тоненькая какъ пальчикъ, на тоненькихъ ножкахъ и съ короткимъ мѣднымъ носомъ. Показалась и сейчасъ же опять исчезла, и говоритъ ему: „Я теперь полечу впередъ, къ богатому человѣку въ аилъ и сдѣлаю больной его дочь, а ты, когда пріѣдешь, проси сколько хочешь за то, чтобы ее вылѣчить, и когда мнѣ скажешь, я оставлю больную.“ Шулмусы улетѣли. Халгачи пріѣхалъ въ богатый аилъ, тамъ его спрашиваютъ: не лѣкарь ли онъ, не вылѣчатъ ли ихъ дочь? Онъ назвался лѣкаремъ, угово-

¹⁾ Привратникъ коричневый Халдынъ.

рился, что за лѣчение они дадутъ ему верблюдовъ. „У моихъ“, говоритъ, — „спины у всѣхъ стерты“. Вылѣчилъ онъ имъ дочь, и они не только верблюдовъ ему дали, а еще всѣхъ ихъ серебромъ и шелковыми матеріями навьючили; отправился онъ дальше. На ночлегѣ онъ говоритъ: „Хаджигда, принеси мнѣ съ неба Гурба-Эрдени“ (три драгоценности). Она улетѣла, украла у Хурмюсти-хана гурба-чен-дамынь и стала спускаться съ неба. Лу сталъ ее догонять и она бросила одну эрдени, а двѣ принесла къ Хурюнъ Халдынъ Халгачи. Тогда онъ опять послалъ ее принести брошенный Лунъ шюръ убюръ (рогъ Луншюра). Принесла она и рогъ и отдала Халгачи; потомъ онъ видитъ огромную черную тучу; говоритъ Халгачи: „Спрячь меня подъ котелъ“. Спряталъ онъ ее, тамъ ее и убило ¹⁾. Тогда Халгачи возвратился домой и сталъ богатымъ человѣкомъ. Гурба-Эрдени онъ отдалъ Богдо, у котораго они и теперь хранятся, а самъ попалъ въ исторію; одинъ его чумыкъ (бедренная кость) хранится въ дархатскомъ куренѣ.

(Записано отъ Дархата Тюдюба).

143. Братья Танъ и Шамъ, мужа Цаганъ и Ногонъ Дарихэ.

Жили два брата, богатыря, одинъ Тамъ съ лошадью Хурюнъ-Яманъ (коричневый козелъ), рога остры какъ пика, черно-коричневые копыта, съ зубами крестовидно-серебряными (или съ зубами какъ серебряныя гвозди), каждый волосъ исписанъ, конечностнокрыленные (тамъ хурюн яман моритей хурюль джит убюртей хурюн турутэй хас менгу шудютэй усь болгон узюктей уй болгон джи беретей). Другой младшій назывался Шамъ; Шамъ читалъ однажды номъ; въ это время явилась къ нему дочь Лусай-хана, Отконъ Цаганъ Дагине. Когда она слушала его чтеніе, у нея капнула слеза; изъ этой слезы родился сынъ; потомъ капнула изъ другого глаза слеза; и изъ нея родился сынъ. Имъ даны были имена Манъ и Санджа.

Когда Шамъ прочиталъ номъ, то Отконъ Цаганъ Дагине не совѣмъ ушла, а спряталась въ дверяхъ. Шамъ пошелъ на улицу, съ удивленіемъ замѣтилъ, что двери стали тяжелыя и увидалъ тутъ Отконъ Дагине. Онъ спросилъ ее: почему она не ушла домой;

¹⁾ Грономъ?

она сказала, что хочет быть его женой. Онъ взялъ ее въ жены; это была хубилганъ Цаганъ Дарихэ. Старшій братъ жилъ на небесахъ и увидѣлъ во снѣ, что братъ женился; онъ приѣхалъ къ нему; шестьдесятъ дней веселились они, восемьдесятъ дней пиръ былъ; потомъ Танъ снова уѣхалъ на небо. Когда онъ спалъ, то опять увидѣлъ сонъ, что и онъ долженъ жениться; было ему сказано: „Поѣзжай на востокъ, тамъ найдешь сумунъ (монастырь), гдѣ живутъ двадцать-одна дагине; ты изъ нихъ долженъ взять одну въ жены“.

Онъ поѣхалъ, нашелъ сумунъ и увидѣлъ на оградѣ повѣшанную Абыргамогой (змѣю Абырга). Змѣя просила его, чтобъ онъ ее освободилъ. „Я“, говоритъ,—„за это укажу тебѣ, которую изъ дагине ты долженъ взять въ жены. Здѣсь двадцать-одна дагине; каждое утро они ходятъ вокругъ ограды и поютъ пѣснь двадцать-одной дарихе (хорин ниг дархе). „Ты“, говоритъ змѣя,—„поймай послѣднюю всю въ зеленомъ; она хоть теперь и некрасива, но когда ты ее возьмешь, будетъ всѣхъ красивѣе“. Танъ отпустилъ змѣю и сдѣлалъ такъ, какъ она его научила; Ногонъ Дарихэ сдѣлалась его женой.

144. Мутукъ Даинъ или Харъ Бакши.

Харъ Бакши говорилъ, что Бога нѣтъ, и Номъ (книгу) и ученіе называлъ обманомъ. Джицункубъ ¹⁾ узналъ, что онъ говоритъ такія слова народу, и послалъ къ нему двухъ своихъ учениковъ (шаби); они не могли убѣдить Мутукъ Даина, что Богъ есть. Тогда Джицункубъ, переродившись (хубиль юнар), поспѣшилъ самъ къ нимъ на помощь. Стали всѣ трое убѣждать Харъ-Бакши увѣрять въ Бога. Онъ убѣждалъ отъ нихъ на небо; Джицункубъ погнался за нимъ; Харъ-Бакши былъ уже высоко подъ самымъ „санфынъ сердзе“ (это вѣчно вертящееся мѣсто на небѣ). Джицункубъ

¹⁾ Джицункубъ Бурханъ, по словамъ Дархатовъ, показавъ ламамъ правила богослуженія, а простымъ людямъ правила жизни. У него было два „шаби“—Джалынъ и Хайрынъ; въ прежнес время онъ ходилъ по землѣ и училъ народъ, какъ жить, и обращалъ много невѣрныхъ въ свою вѣру. На иконахъ рисуютъ у него на правой рукѣ сто-восемь дзулъ (свѣчей или лампадъ). Празднуютъ ему 25-го числа средняго зимняго мѣсяца.

закричалъ ему: „Смотри, голову потеряешь!“ Мутукъ Даинъ взглянулъ кверху, увидалъ санфынъ сердзе и опустился на землю; тутъ его поймали и посадили въ башню, наполненную книгами. Мутукъ Даинъ, посмотрѣвши одну книгу, сказалъ: „Что это за ученіе!“ И положилъ книгу подъ сидѣнье. Черезъ нѣсколько времени онъ точно отъ сна проснулся, увѣровалъ, подобралъ всѣ книги по порядку; сталъ молиться и плакать, прося у Бога отпущенія грѣховъ. Теперь онъ Бурханомъ сдѣлался.

145. Хубогай Хуйныкъ.

Лежалъ разъ Хубогай-Хуйныкъ на сурочьей ямѣ, изъ которой онъ сурка выкопалъ; прибѣгаетъ лиса и говоритъ: „Спрячь меня, за мной охотники гонятся; я“, говоритъ,—„тебя потомъ награжу“. „Ладно“, говоритъ Хубогай-Хуйныкъ,—„ложись въ эту яму, я тебя собою прикрою“. Она спряталась. Приѣхали охотники, спрашиваютъ Хубогай-Хуйныка: не видалъ ли онъ лисы. Онъ сказалъ: „Не видалъ“. Они уѣхали. Лисица тогда сказала: „Ну, я тебя за твою услугу женю на дочери Хурмустенъ-хана“. „Полно болтать пустяки“, сказалъ на это Хуйныкъ,—„у меня до сихъ поръ рубахи не бывало, а ты хочешь меня женить на дочери Хурмустенъ-хана, ты бы лучше дала мнѣ поѣсть чего-нибудь“. Лисица убѣжала; попался ей на встрѣчу мораль; она говоритъ ему: „За тобою охотники гонятся, бѣги скорѣе къ Хубогай-Хуйныку, проси его спрятать тебя, онъ спасъ меня отъ смерти“. Мораль послушался, побѣжалъ къ Хубогай-Хуйныку и проситъ его спрятать, потому что за нимъ охотники гонятся. „Ладно“, говоритъ Хубогай-Хуйныкъ,—„полѣзай въ эту яму“. Мораль легъ въ яму; тутъ его и зарѣзалъ Хубогай-Хуйныкъ. Лисица опять прибѣжала, говоритъ: „Пойду сватать за тебя дочь у Хурмустенъ-хана“. Пришла къ хану и говоритъ: „Дайте вѣсковъ свѣшать серебро у Баниъ-Хуйныка (у богатаго Хуйныка); живетъ онъ одинъ и очень богатъ“. Ей дали вѣсы; она на нихъ вѣшала камни до того, что протерла дно у чашки, раздобыла гдѣ-то три лана серебра, пошла къ Хурмустенъ-хану благодарить за вѣсы, извиняется, что попорчены и даетъ три лана на починку. „Да еще“, говоритъ,—„Баниъ-Хуйныкъ проситъ вашу дочь себѣ въ жены“. Хурмустенъ-ханъ говоритъ: „Пусть онъ достанетъ мнѣ пять сильныхъ львовъ (табии кучптей арслан), тигра

(бар), медвѣдя, Ханъ-Гариди и ирбиса; тогда я отдамъ за него свою дочь". Лисица пришла къ Хубогай-Хуйныку и говоритъ: „Пойдемъ со мною. Онъ не идетъ; лисица его гдѣ ташила, гдѣ толкала и дотащила до дворца Мангыса, которому она еще раньше сказала, что Хурмустень-ханъ спустится сюда охотиться. Мангысъ испугался и спросилъ лисицу: что ему тогда дѣлать, когда придетъ Хурмустень-ханъ? Она сказала: „Вели выкопать яму въ восемьдесятъ сажень, запасись съѣстнымъ припасомъ, спустись туда и сиди дней двадцать". Онъ такъ и сдѣлалъ. Когда онъ спустился въ яму, лисица привела Хуйныка, одѣла его въ Мангысову одежду, сказала, что весь домъ, все что въ домѣ, и скотъ принадлежитъ теперь ему. Наказала Хуйныку почаще перемѣнять одежды и все показывать видъ, что недоволенъ ею. Пастухамъ наказала, чтобы на вопросъ: чей скотъ? отвѣчали Баннъ-Хуйныка. „Иначе", говоритъ, — „васъ Хурмустень-ханъ убьетъ". Побѣждала лиса веселая, распушивши хвостъ. Бѣжитъ, а на встрѣчу ей Арслынъ (левъ). „Что ты", говоритъ, — „такая веселая?" „Какъ", говоритъ, — „не веселиться! Хурмустень-ханъ выдаетъ дочь замужъ, меня послалъ васъ пригласить. У него будетъ пиръ (нарь), много всего сладкаго настряпано". „Ладно", говоритъ арслынъ, — „я пойду". „Только надо вамъ сказать", говоритъ лисица, — „что прежде на васъ надѣнуть желѣзные пути и узду, запрутъ въ желѣзную башню, а потомъ ужъ будутъ подбивать". „Ну, что ты меня учишь, я самъ все знаю, самъ въ ханы выбранъ", сказалъ левъ. Лисица и прочимъ звѣрямъ сказала тоже и привела ихъ къ Хурмустень-хану. Тамъ ихъ заперли, а ханъ сказалъ лисицѣ: „Ну, дѣлать нечего; коли слово дано, надо исполнить, а я и не думалъ, что Баннъ-Хуйныкъ можетъ мнѣ звѣрей доставить". Спустился ханъ съ дочерью на землю праздновать свадьбу; праздновали десять дней, послѣ чего ханъ Хурмустень сказалъ, что пора ему домой собираться. Лисица стала его просить, когда будетъ онъ дома, такъ пустилъ бы стрѣлу въ ихъ яму, куда поселился шульмусъ, что отъ этого шульмуса у нихъ скотъ не ведется. „Сегодня", говоритъ, — „штукъ сто пропало". Ханъ обѣщалъ, и дѣйствительно, пустилъ съ неба стрѣлу въ ту яму, гдѣ сидѣлъ Мангысъ. Узналъ послѣ Хурмустень-ханъ, что лисица его обманула и сказалъ: „Хель чини тасыра, ариси чини малахай бол" (то-есть: „прерви свой языкъ, шкура твоя пусть пойдетъ на шапки").

146. Занъ дзертъ Дзалута Мергенъ.

У Занъ-дзертъ Дзалута-Мергена было двѣ лошади: одна быстрая вѣтра (сальхипас тюргун) Саппъ Цохуръ мори (хорошая пѣгая лошадь), другая быстрая вихря (хуйнос тюргун) Хуртунъ Цохуръ мори. Были у него еще братъ и сестра. Братъ жилъ на сѣверъ отъ него, назывался Хортай Мергенъ; сестра называлась Булгунъ Абахай Ципинъ. На югъ отъ нихъ жилъ Буруль ханъ. Разъ Дзалутай Мергенъ пріѣхалъ съ охоты и засталъ свою сестру въ слезахъ. Онъ спросилъ ее: о чемъ она плачетъ. Она сказала: „Почему бы намъ не устроить пиръ?" Тогда онъ велѣлъ ей приготовить вина. Сестра насидѣла ардзы и хордзы (водка изъ молока и кумысу). Дзалутай Мергенъ напился, усталъ и умеръ. Сестра его уѣхала съ Мангысомъ, который и научилъ убить брата. Мангысъ взялъ его оружіе, скотъ и все царство; тѣло Дзалутай Мергена бросилъ въ 80-саженную яму. Только не могъ поймать двухъ его лошадей, которыя убѣжали на небеса; тамъ поймалъ ихъ Тенгриинъ Ху Тебикъ ¹⁾ Уланъ Дзалута. Лошадь привезла его въ царство Дзалута Мергена; здѣсь Тебикъ Уланъ Дзалута увидалъ исхудалаго волка и спросилъ его: „Чье это царство?" Волкъ отвѣчалъ: „Царство это было Дзалута мергена, но его отравила сестра, сама уѣхала съ Мангысомъ; а я теперь съ голоду умираю, такъ какъ раньше питался скотомъ Дзалута Мергена, а теперь его нѣтъ. Тѣло его лежитъ въ восьмидесяти-саженной ямѣ, а душа его на сѣверо-западѣ (барунъ хойто) на горѣ Теби Ханъ Бюрюнъ Ханъ Узунъ оройду, на лиственницѣ, которая растетъ на вершинѣ этой горы". Тебикъ Уланъ Дзалута уѣхалъ доставать душу Дзалутай Мергена и оживилъ его. Назвавшись братьями, поѣхали они вмѣстѣ, чтобы убить Мангыса. На дорогѣ попался имъ человѣкъ, поднимающій горы; они стали приглашать его съ собою; тотъ отвѣчалъ, что поѣхалъ бы да лошади нѣтъ. Дзалутай Мергенъ выдернулъ волосокъ изъ хвоста своей лошади и сдѣлалъ лошадь; поднимающій горы поѣхалъ съ ними. Дальше встрѣтился имъ человѣкъ съ лукомъ; они спросили: что онъ тутъ дѣлаетъ? Онъ отвѣчалъ, что

¹⁾ Тебикъ—темя.

застрѣлили подъ небесами ворону и дожидается, когда она упадетъ на землю; они пригласили его съ собою, и ему также сдѣлали лошадь изъ волоса своей лошади. Еще дальше встрѣтили они человѣка, который ловилъ дикихъ животныхъ и отпускалъ ихъ; пригласили и его съ собою, давши лошадь; поѣхали опять и увидали человѣка, который припалъ ухомъ къ землѣ; они спросили его, что онъ дѣлаетъ? Онъ отвѣчалъ, что слушаетъ, какъ у Эрликъ Хана поютъ; взяли и его съ собою, давши лошадь. Приѣхали они въ аилъ, гдѣ дѣлали громадный лукъ. Спросили: для чего этотъ лукъ? Имъ отвѣчали, что Мангысъ дѣлаетъ пиръ (нарь) и тамъ будутъ игры богатырей; два его сына Ясынъ Чипха и Чулунъ Чипха будутъ выступать въ играхъ. Еще дальше увидали они—дѣлаютъ саблю и стрѣлу для этого состязанія. Подъѣзжая ко дворцу Мангыса, Дзалута Мергенъ увидалъ свою сестру, которая пасла свиней; братья взяли и ее съ собою. Оставивши своихъ спутниковъ, пошли они двое къ Мангысу, сдѣлавшись нищими. Пришли и стали просить милостыни; онъ далъ имъ дохлаго ягненка; увидали они здѣсь саблю и спросили: для чего такая большая сабля. Мангысъ отвѣчалъ, что завтра будетъ пиръ, и онъ будетъ сражаться съ богатырями. Дзалутай Мергенъ взялъ саблю двумя пальцами за ея конецъ, повернулъ и изломалъ ее, сказавъ, что онъ пожалуй можетъ вредъ сдѣлать ею. Мангысъ удивился такой силѣ и подаль ему лукъ, прося испробовать и его. Дзалутай Мергенъ опять повернулъ и изломалъ лукъ. Ушли нищие отъ Мангыса, а на завтра явился въ своемъ настоящемъ видѣ. Когда стали стрѣлять на праздникѣ, Дзалута Мергенъ выставилъ стрѣла, котораго они взяли въ дорогѣ; онъ и взялъ верхъ; потомъ тотъ его товарищъ, что поднималъ горы, сразился съ Ясынъ Чипха и побѣдилъ его; Тебикъ Уланъ Дзалута убилъ Чулунъ Чипха, а Дзалута Мергенъ самаго Мангыса; взявши все его царство, возвратились они домой. Тебикъ Уланъ Дзалута взялъ за себя замужъ сестру Дзалутай Мергена; отпраздновали свадьбу и Тебикъ Уланъ Дзалута уѣхалъ на небо.

Буруль ханъ, что жилъ на югъ отъ Дзалутай Мергена, послалъ одного Мангыса убить его. Девяностопяти-головый Мангысъ приѣхалъ и сказалъ Дзалутай Мергену, что хочетъ его убить; они сразились, и Дзалутай Мергенъ побѣдилъ: тогда Буруль-ханъ,

услыхавъ объ этомъ, поѣхалъ къ нему на встрѣчу, взявши свою дочь. Встрѣтившись, онъ сказалъ Дзалутай Мергену, что посылалъ Мангыса не убивать его, а сказать, что желалъ бы свою дочь отдать за него замужъ. Дзалута Мергенъ женился на дочери Буруль-хана.

Буруль ханъ сталъ просить свою дочь, чтобы заставила она своего мужа достать сердце Ханъ-Гарди. „Иначе“, говоритъ, — „не выздоровѣю я и умру“. Жена Дзалута Мергена стала просить мужа, чтобы спасъ онъ ея отца отъ смерти. Съѣлъ Дзалута Мергенъ на свою лошадь Сальхинъ Хурдунъ Саппъ Цохуръ мори, поѣхалъ и убилъ Ханъ-Гарди. Въ немъ было множество людей, которыхъ онъ проглатывалъ; всѣ они разошлись по своимъ государствамъ, а Дзалутай Мергенъ привезъ Буруль-хану сердце Ханъ-Гарди. Но ханъ Буруль притворился опять больнымъ и сталъ просить зятя, чтобы тотъ досталъ ему сердце Хоролдай-Мергенъ-хана, думая, что Дзалутай Мергенъ непременно погибнетъ въ эту поѣздку, такъ какъ туда и птица не долетаетъ. По просьбѣ своей жены Дзалутай Мергенъ опять поѣхалъ, на дорогѣ увидалъ онъ двухлѣтняго бара (тигра), выстрѣлилъ и не попалъ его; сталъ власть стрѣлу и увидалъ его въ дырочкѣ стрѣлы. Баръ сталъ просить не убивать его. „Много ли“, говоритъ, — „ты изъ моей шкуры сдѣлаешь?“ Баръ разказалъ ему, что Хоролдай-Мергенъ находится на охотѣ съ своимъ беркутомъ и двумя собаками Хасыръ и Басыръ; что дворецъ его стоитъ среди моря и въ немъ живетъ его сестра, красавица Алтынъ Дзандынъ Абахай Эгечи. Тогда Дзалутай Мергенъ отпустилъ бара и поѣхалъ дальше. Приѣхалъ къ морю, увидалъ дворецъ; Алтынъ Дзандынъ Абаха вышла къ нему на встрѣчу, привела въ свой дворецъ (орѣ), напоила чаемъ и сказала, что братъ ея на охотѣ. Дзалута Мергенъ поѣхалъ искать его, встрѣтилъ беркута и собакъ и убилъ ихъ, потомъ встрѣтилъ самаго Хоролдай хана; поздоровались, покурили трубки, напился хорошаго чаю и стали разговаривать, какъ братья. Дзалутай Мергенъ сказалъ, что ему нужно его сердце, и они условились назавтра, какъ только взойдетъ солнце, стрѣляться. Хоролдай-ханъ сказалъ: „Я стану стоять съ распахнутой грудью, а ты стрѣлай по богатырски“. На утро стали стрѣлять; Дзалута Мергенъ выстрѣлилъ, стрѣла ударила въ грудь Хоролдай Хана, раздался звукъ какъ отъ желѣза

джинн! и какъ отъ дерева: ташъ! и стрѣла разломилась на семь частей; потомъ стала стрѣлять Хоролдай-ханъ и его стрѣла также изломалась на семь частей. Послѣ этого стали они рубиться саблями; Дзалута Мергенъ своею саблей съ рукояткой изъ зандынь дерева взмахнулъ до небесъ, ударилъ и изломалъ ее на семь частей; также сдѣлалъ и Хоролдай-ханъ. Стали они бороться; гдѣ были горы, тутъ стало ровное мѣсто, гдѣ были моря, тамъ стали болота; не могутъ побороть другъ друга. Тогда Дзалута Мергенъ, разсердившись, сказалъ: „Для чего въ моихъ лопаткахъ по семидесяти человѣчьихъ силъ и въ моихъ перстахъ въ каждомъ по силѣ тигра!“ Поднявъ Хоролдай Мергенъ-хана, ударилъ и переломилъ ему ногу. Тогда Хоролдай Мергенъ сказалъ: „Ну, когда ты меня изувѣчилъ, то и до смерти добивай. Въ правой моей ногѣ есть деревянный ящикъ, въ немъ желѣзный, въ желѣзномъ стальной, въ стальномъ мѣдный, въ мѣдномъ серебряный, въ серебряномъ золотой, и наконецъ, въ золотомъ стеклянный, а въ этомъ семь воробьевъ; ты ихъ убей; они моя смерть“. Дзалутай-Мергенъ нашелъ все, какъ тотъ сказалъ; разломалъ ящички, и когда разбилъ послѣдній, семь воробьевъ улетѣли подъ небеса; тогда онъ сдѣлалъ „дзадзу“ (навелъ дождь) съ желѣзнымъ градомъ и этимъ убилъ ихъ. Взявъ потомъ сердце у Хоролдай-хана, его сестру и все его царство и поѣхалъ обратно. Поѣхавши, Алтынъ-Дзандынъ взглянула на свое царство и заплакала съ горя. Прибѣжалъ волкъ и сталъ говорить Дзалута-Мергену, что его обманываютъ, что Буруль-ханъ здоровъ, что посылаетъ его въ дальнія царства только для того, чтобъ его погубить. „И ты“, говоритъ волкъ, — „убиваешь людей безвинно да и меня заставляешь умирать въ голодной стени“. Дзалутай-Мергенъ сказалъ волку, чтобъ онъ шелъ за нимъ, что онъ убьетъ Буруль-хана. Приѣхавши, онъ убилъ Буруль-хана, отдалъ привезенную Алтынъ-Дзандынъ своему брату въ жены, а самъ легъ спать на цѣлый годъ, приказавъ своей женѣ разбудить его, если будетъ нужно. „Возьми тогда“, сказалъ онъ, — „золотую колотушку и ударь ею меня по уху; если отъ этого я не проснусь, то ткни меня серебряною иглой въ бокъ“. Когда онъ уснулъ, жена узнала, что идетъ на нихъ Мангысъ; она не могла его разбудить и заплакала, слеза капнула ему на щеку, и онъ проснулся. Въ кладовой онъ не нашелъ своего оружія, которое украли бывшіе его товарищи богатыри и

уѣхали. Онъ сдѣлалъ „дзадзу“ и завалилъ дорогу Мангысу на 99 лѣтъ работы. Мангысъ, раскапывая эти горы, приближался; тогда Дзалута-Мергенъ взялъ лукъ Хоролдай Мергенъ хана и поѣхалъ на встрѣчу Мангысу. Мангысъ былъ только съ одною желѣзною зубчатою палкой. Когти его занимали все поле, пасть онъ разинулъ, такъ что верхняя губа уперлась въ небо, а нижняя въ землю. Сражаясь Мангысъ отрубилъ четыре ноги у восьминогой лошади Дзалута Мергена; тогда лошадь сказала своему хозяину, чтобъ онъ стрѣлялъ въ Мангыса въ середину того мѣста, гдѣ сходятся всѣ его головы. Дзалутай Мергенъ выстрѣлилъ и убилъ Мангыса; это былъ зять того Мангыса, котораго онъ убилъ раньше, доставая свою сестру. Послѣ этого стали жить счастливо. Амуръ сайханъ джиргаланъ!

147. Дзалута Мергенъ.

(Сказка начинается также, какъ и предыдущая того же имени, только въ описаніи оружія у героя вмѣсто сабли здѣсь упоминается топоръ).

...Одна лошадь у него называлась Унгунъ мори, другая Хургунъ морп; зпмовалъ Дзалута Мергенъ въ среднѣхъ трехъ большихъ горъ, а лѣтовка его была на берегу большой рѣки. Онъ жилъ вдвоемъ съ своею женой; его пастуха звали Акскылды. Дзалута Мергенъ спалъ обыкновенно по три года, а другіе три года вовсе не спалъ. Разъ, когда онъ ложился спать, жена спрашивала его: какъ ей разбудить его въ томъ случаѣ, если во время его сна придутъ его враги или друзья. Дзалутай Мергенъ сказалъ: „Вынь тогда изъ бѣлаго ящика бѣлый саженный хадакъ, и держа его въ рукахъ, поклонись мнѣ; если отъ этого не пробужусь, то вынь изъ желтаго ящика желтый хадакъ и съ нимъ поклонись; если и отъ этого не проснусь, то вынь изъ серебрянаго ящика серебряную иглу моей матери и уколи меня ей, тогда я встану. Мои собаки Хасырь и Басырь почувютъ зло за три года и будутъ лаять, лошади мои почувютъ зло за три мѣсяца, и будутъ бѣгать вокругъ аила; мой верблюдъ, встающій только разъ въ семьдесятъ лѣтъ, почуветъ зло за три дня, онъ встанетъ и будетъ чесаться объ аилъ съ западной стороны“. Сказавши это, заснулъ Дзалута Мергенъ, и вотъ во время его сна собаки стали лаять,

лошади бѣгать вокругъ аила, верблюды встали и стали чесаться объ аилъ. То шелъ на нихъ Эббонъ Мангысъ (старый Мангысъ). Встрѣтилъ онъ пастуха Акскылду и хотѣлъ его убить, но пастухъ сказалъ: „Не убивай меня, возьми всѣхъ лошадей“. Мангысъ сказалъ: „Лошади чьи, какъ не мои?“ Тогда Акскылда сказалъ: „Ну, если ты меня оставишь въ живыхъ, то я научу тебя убить Дзалута Мергена“. Тогда Мангысъ оставилъ въ живыхъ Акскылду и тотъ сказалъ ему, что Дзалута Мергенъ теперь спитъ, что на завтра его жена его разбудитъ, что надо скорѣе пстрелить оружіе Дзалута Мергена; пастухъ указалъ и мѣсто, гдѣ оно лежало.

Жена разбудила Дзалута Мергена, онъ одѣлся и пошелъ за своимъ оружіемъ, не нашелъ его, пошелъ на гору и сѣлъ на ея вершинѣ; тогда приближали къ нему объ его лошади и говорятъ: „Садись скорѣе на насъ и убѣгай въ степь“. Сѣлъ онъ безъ сѣдла и уѣхалъ. Долгое время ѣздилъ, наконецъ лошади сказали ему: „Что ты думаешь Маханъ ху (мясной паренъ или дитя мяса)?“ Онъ отвѣчалъ: „Такъ вотъ и думаю ѣздить въ полѣ, Убусъ ху (травяные парни)!“ „Нѣтъ“, говорятъ лошади, — „воротись на родину и посмотри, что безъ тебя сдѣлалось“.

Поѣхалъ Дзалутай Мергенъ и на своемъ прежнемъ огнищѣ нашелъ записку, въ которой говорилось такъ: „Поѣзжай на лѣтовку, тамъ найдешь письмо“. Поѣхалъ онъ на лѣтовку и тамъ нашелъ письмо, въ которомъ было сказано: „Оружіе твое закопано подъ золотою тополью; я, твоя суженая, дочь Харъ-Лусай-хана, Нарсынъ Гуали; если хочешь меня отыскать, то я помогу тебѣ убить Эббонъ Мангыса“.

Дзалутай Мергенъ взялъ свое оружіе, поѣхалъ и увидалъ дзурь¹⁾, выстрѣлилъ, убилъ, но не успѣлъ поднять добычи, какъ откуда-то взялся человѣкъ и раньше его схватилъ его добычу и исчезъ. Дзалута Мергенъ опять увидалъ звѣря, спустил стрѣлу и убилъ; и опять раньше его неизвестный человѣкъ поднялъ его добычу и исчезъ. „Что“, говоритъ Дзалутай Мергенъ, — „это за діаволь? Онъ уморитъ меня съ голоду!“ И поѣхалъ его искать. Въѣхалъ онъ на вершину лѣсной горы и увидалъ здѣсь человѣка, который спалъ; возлѣ стояла его лошадь, запертая на желѣзной цѣпи, и лежали

¹⁾ Козуля, *cervus capreolus*.

оба убитыя животныя. Разбудилъ его Дзалутай Мергенъ и спрашиваетъ: „Что ты за діаволь (читкуръ)? Ты два раза похищалъ мою добычу. Кто ты такой?“ Тотъ, ничего не отвѣчая, сталъ бороться; долго боролись, ни тотъ, ни другой одолѣть не можетъ. Дзалутай Мергенъ сказалъ: „Не бывало еще у меня такого сильнаго противника; скажи, богатырь, какъ твое имя?“ „Я своего имени не знаю“, отвѣчалъ тотъ; „когда я былъ трехъ лѣтъ отъ роду, мать посадила меня на лошадь, велѣла жить въ степи и питаться дичью. Она сказала, что отца моего зовутъ Дзалута Мергенъ“. Тогда Дзалута Мергенъ сказалъ ему, что онъ его отецъ, указалъ зимовку и лѣтовку и не велѣлъ уѣзжать отъ этихъ мѣстъ далеко. А я, говоритъ, поѣду доставать твою мать. Приѣхавши къ Мангысу, увидалъ онъ жену, которая поила верблюда; она сказала ему, что на завтра она опять придетъ повѣть верблюда и тогда скажетъ ему, гдѣ находится смерть Мангыса, и что у нея отъ Мангыса семеро остроголовыхъ дѣтей. Она научила своихъ дѣтей, чтобъ они спросили у Мангыса, гдѣ его смерть.

Младшій со слезами пришелъ въ отцу и спрашиваетъ: „Отецъ, отецъ (ава, ава), гдѣ твоя смерть?“ „Зачѣмъ тебѣ моя смерть?“ говоритъ Мангысъ. Чтобы утѣшить ребенка, онъ сказалъ однако: „На устьѣ пятнадцати рѣкъ (арбын табын голыинъ бельчирду колтуунду) бѣгаетъ красно-пѣгій тигръ, то моя смерть“. Потомъ пришелъ другой сынъ и также со слезами сталъ спрашивать отца: гдѣ его смерть? Чтобы утѣшить ребенка, Мангысъ сказалъ: „На вершинѣ горы, подъ которою мы живемъ, есть золотой бокширго, это моя смерть“. И такъ дальше Мангысъ всѣмъ своимъ дѣтямъ разказывалъ, гдѣ его смерть; послѣднему онъ опять сказалъ, что она среди пятнадцати рѣкъ. Дѣти разказали слышанное матери, а мать передала Дзалутай Мергену. Дзалутай Мергенъ сталъ убивать всѣ мангысовы смерти; тогда Мангысъ сталъ жаловаться на то, что у него спина болитъ; Дзалутай Мергенъ убилъ и послѣднюю его смерть, выстрѣливъ въ средину пятнадцати рѣкъ, послѣ того онъ убилъ всѣхъ дѣтей Мангыса и забралъ все его царство и жену.

Воротился домой, отыскалъ сына, и оставивъ ихъ съ его матерью, самъ поѣхалъ отыскивать свою суженую Нарсынъ Гуали.

Приѣхавъ въ царство Лусай-хана, онъ превратился въ простаго

человѣка въ худой одеждѣ (сарисын дельтей бор ху хувильсын), лошадей превратилъ одну въ однолѣтняго жеребенка, а другую въ стрѣлу, которую заткнулъ въ садакъ, и пришелъ въ орго (дворецъ) Харъ-Лусай-хана. Тамъ сидятъ три богатыря, одинъ по имени Мангысэнъ Теменъ Шаръ бѣко, другой Тенгринъ Ху Тебикъ Уланъ Дзалата, и третій Темиръ Бѣсъ. Дзалута Мергена спросили: чей онъ сынъ, какаго царя подданный? Онъ отвѣчалъ, что никакому хану онъ не подданный и никакой службы не несетъ, а ѣздитъ по свѣту нищимъ. Потомъ онъ въ свою очередь ихъ спросилъ: что они за люди? Богатыри отвѣчали, что они пріѣхали сюда силами помѣряться, а кто одержитъ верхъ, тотъ возьметъ за себя замужъ Нарсынъ Гуалъ. Тогда Дзалутай Мергенъ просилъ у Лусай-хана позволенія быть и ему на играхъ. Ему позволили и онъ сказалъ въ отвѣтъ на это: „Правая ваша рѣчь“. Въ это время привезли во дворецъ на семидесяти телегахъ лукъ, который Дзалутай Мергенъ видѣлъ дорогой, когда его дѣлали. Богатыри вышли, чтобы посмотрѣть на лукъ; Темиръ Бѣсъ не могъ его пошевелить, Тебикъ Уланъ Дзалата приподнялъ, Теменъ Шаръ Бѣко съ телеги снялъ, а Дзалутай Мергенъ натянулъ. Тогда Лусай-ханъ сказалъ ему: „Положи, еще убьешь кого-нибудь“. На это Дзалутай Мергенъ отвѣчалъ: „Правы ваши рѣчи!“ Поклонился и положилъ желѣзный лукъ на мѣсто. На завтра богатыри условились пустить лошадей въ бѣгъ, на разстояніи ста лѣтъ. Дзалутай Мергенъ взялъ съ собою мѣшокъ золы, мѣшокъ сѣнгу и мѣшокъ песку и на дорогѣ бросилъ ихъ. Дзалутай Мергенъ пріѣхалъ къ назначенному мѣсту, пятнадцать дней онъ своего коня водилъ, пятнадцать дней выстаивалъ, пятнадцать дней кормилъ и пятнадцать поилъ; тогда только пріѣхали остальные богатыри. Поѣхали они обратно; тогда, проѣзжая мимо своихъ мѣшковъ съ золой, сѣнгомъ и пескомъ, Дзалута Мергенъ велѣлъ имъ сдѣлать шюргунъ, вѣтеръ со сѣнгомъ и пылью. Прибѣжавъ къ дворцу Лусай-хана, онъ не могъ остановить своей лошади, и Нарсынъ Гуалъ остановила ее, напнувши золотую палму¹⁾. Опять Дзалутай Мергенъ пятнадцать дней водилъ свою лошадь, пятнадцать выстаивалъ, пятнадцать кормилъ и столько же поилъ; только спустя это время остальные богатыри на своихъ коняхъ едва

¹⁾ Набрасываемый на лошадей арканъ, лассо.

пріѣхали. Послѣ того стали бороться; Дзалутай Мергенъ въ борьбѣ переломилъ обѣ ноги у Теменъ Шаръ Бѣко, остальные два богатыря убѣжали. Дзалутай Мергенъ взялъ за себя дочь Харъ-Лусай-хана. Отецъ сильно горевалъ, что дочь его доставалась нищему безъ роду, племени, безъ званія и рѣшился погубить зятя. Былъ у него одинъ жеребецъ, котораго никакой богатырь не могъ ни поймать, ни усмирить; вотъ и послалъ онъ Дзалутай Мергена поймать его, думая, что убьетъ его жеребецъ. Дзалутай Мергенъ поймалъ жеребца, сѣлъ на него, а когда жеребецъ сталъ его бить, онъ ударилъ его кулакомъ два раза; жеребецъ почувствовалъ его силу и присмирѣлъ. Пріѣхалъ Дзалутай Мергенъ невредимо. Тогда Лусай-ханъ увидалъ, что ошибся и сталъ просить зятя, чтобы привезъ онъ ему пѣны съ Хангай-талая¹⁾. Не пѣна ему была нужна, а нужна была смерть Дзалутай Мергена; пѣна эта была ядовита, и кто ее тронетъ, тотъ долженъ умереть. Дзалутай Мергенъ отправился доставать эту пѣну, по дорогѣ увидалъ онъ дерево Дзандынъ Модо и на немъ гнѣздо Ханъ Гариди и змѣю Абырга могой, которая обвилась вокругъ дерева и уже готова была съѣсть дѣтей Ханъ Гариди; тогда Дзалутай Мергенъ пустилъ стрѣлу и убилъ змѣю Абырга могой. Дѣти Ханъ Гариди обрадовались и стали его спрашивать: откуда онъ и куда ѣдетъ. Онъ сказалъ, что идетъ доставать пѣны съ Хата-далая; на это они ему отвѣчали, что достать этой пѣны никто, кромѣ Ханъ Гариди не можетъ, потому что она ядовита и велѣли ему подождать ихъ матери. Онъ сталъ ждать; вдругъ подулъ вѣтерокъ, закапалъ дождикъ, и явилась Ханъ Гариди; увидавъ убитую змѣю, она спросила: кто ее убилъ? „Только Дзалута Мергенъ въ прежнее время убивалъ такихъ змѣй“. Дѣти рассказали ей, какъ ихъ спасъ человѣкъ, и Дзалута Мергенъ въ это время показался ей. Она сказала ему: „Проси у меня, чего хочешь; все для тебя сдѣлаю!“ Дзалутай Мергенъ просилъ ее, чтобы достала она ему пѣны съ Хата-далая. Она принесла ему на крыльяхъ пѣны, и онъ воротился къ Харъ-Лусаю живымъ. Тогда Харъ-Лусай велѣлъ выкопать яму глубиной въ девяносто сажень и прикрыть ее, подвелъ къ ней Дзалутай Мергена и сказалъ: „Я

¹⁾ При поклоненіи Хара Лусаю ламасы приносятъ ему въ жертву морскую пѣну (показаніе разказчикъ).

дѣлаю пирь; садись, вотъ твое мѣсто“. Дзалутай Мергенъ сѣлъ и провалился въ яму, а Харъ-Лусай скочевалъ съ этого мѣста. Лошади Дзалутай Мергена Унгунъ и Хургунъ прибѣжали къ ямѣ, узнали, что тамъ сидитъ ихъ хозяинъ, и побѣжали къ Ириттэ Обѣгону, у котораго была дочь съ косою въ девяносто сажень, посадили дѣвушку на себя и привезли ее; она отпустила свою ко-су въ яму, по ней выбрался на верхъ Дзалутай Мергенъ. Онъ убилъ Лусай-хана, взялъ все его имущество, взялъ Нарсынъ Гуали и воротился домой. Нарсынъ Гуали онъ отдалъ въ жены своему сыну.

(Запис. отъ Дархата ламы Дзундуна).

148. Тангылъ Мергенъ.

Послѣ галыпа въ началѣ Ганджуръ-Танжура, когда теленокъ умершаго дзерена (которые живутъ по тысячѣ лѣтъ) еще былъ маленькій (галып юля ганджур-танджир ихинда хуахай дзерены яиздык бага байха цафта), былъ Тангылъ-мергенъ. Мать его живетъ на небѣ, зовутъ ее Хатынь-Чинги. Его сестра старшая Хангылъ-Цаганъ у высокой горы зимуетъ, при широкой рѣкѣ лѣтуетъ (ундюр-ула убильдзатай ургюн гол дзуслынтай). Его лугъ звали Иритъ-Хара (оюн номын онотей малыр эрдним болдотэй барюлас батман цицин батырсын хичернес уру мандзышир дельгирсын прин теке богувнүлуджи хійсын ирит хар номтей). Ѣздилъ онъ на зелено-саврасой лошади, имѣвшей три сажени росту (гурбан алды бітей ногон-хулу моритей).

Вышелъ разъ Тангылъ-Мергенъ на гору Болдогой-Боро-тологой посмотреть, гдѣ есть хорошенькая дѣвушка, гдѣ есть богатырь, съ которымъ ему можно было бы сразиться, и счастье свое посмотреть (абмар санн хухен ю байна алылдар хую байна олзылмар санн ю байна).

Когда вышелъ онъ на верхъ этой горы и посмотрѣлъ, то увидалъ пылъ на сѣверо-западѣ. Воротился, собралъ десять тысячъ лошадей, которыя паслись на этой сторонѣ горы, и двадцать тысячъ, что паслись за горой; поймалъ годовалаго сѣраго жеребенка (боро-дага); сталъ на него надѣвать узду,—жеребенокъ сталъ двух-годовалымъ жеребенкомъ; наложилъ токумы (потники)—онъ сталъ четырехъ лѣтъ; сѣдло наложилъ—жеребенокъ сталъ лошадейю въ

полной силѣ. Сѣдло его было изъ слоновой кости сдѣлано, рыбьею костью оклеено и называлось Яганъ ѣвунъ (дзаны ясоръ дзаджи хійсын дзагасын ясор наджи хійсын яган ѣвун емель). Осѣдлалъ богатырь лошадь и поѣхалъ въ ту сторону, гдѣ пылъ видѣлся. Приѣхалъ и увидалъ, что то былъ Хаеранъ-Бѣхо, который пасъ овецъ. Лошадь этого богатыря ¹⁾ звали Хангай Чиненъ (величиной съ хангай) Хангылъ Таша. Богатыри поздоровались. Хаеранъ-Хара-Бѣхо спрашиваетъ: „Съ огнемъ въ глазахъ и румянцемъ на лицѣ юноша (нютинда галтей нюринда цоктей ку), какъ тебя зовутъ, откуда и куда ты ѣдешь?“ Тангылъ Мергенъ объявилъ свое имя и сказалъ, что поѣхалъ счастья искать и съ богатырями силой помѣриться. „Давай“, говоритъ,—„поиграемъ!“ „Какъ будемъ играть?“ Тангылъ-Мергенъ сказалъ: „Накладемъ сто бычьихъ вьюковъ дровъ, по ту и по другую сторону этихъ дровъ воткнемъ сюджи ²⁾ и пролку, и будемъ стрѣлять“. Такъ и согласились. Хаеранъ-Хара-Бѣхо помѣтился и пошалъ стрѣлою въ дрова, а заднюю сюджи и пролку и не тронулъ. Тангылъ-Мергена стрѣла пролетѣла, черезъ дырку въ кости, въ угольные уши, пробилла дрова и опять въ заднюю сюджи и пролку пролетѣла.

Послѣ этого стали бороться, послѣ трехъ дней борьбы Тангылъ-Мергенъ поборолъ Хаеранъ-Харъ-Бѣхо. Тогда Хаеранъ-Харъ-Бѣхо сталъ Тангылъ-Мергена просить, чтобы онъ убилъ его: „Ты“, говоритъ,—„мое имя унижилъ, поборолъ меня, окончи и жизнь. На тебѣ мой складень и имъ разрѣжь мнѣ грудь; иначе меня ничѣмъ не убьешь“.

Тангылъ-Мергенъ поднялъ его, обнялъ и подѣловалъ: „Что ты“, говоритъ,—„зачѣмъ тебя убивать! Будь мнѣ братомъ старшимъ по лѣтамъ! Поѣдемъ вмѣстѣ и убьемъ двадцатитрехголоваго Атхыръ шаръ мангыса, который много зла людямъ дѣлаетъ“. Подружились они и общались другъ другу всю жизнь не разлучаться. Поѣхали къ Мангысу, заѣхали съ двухъ сторонъ и убили его. Возвращаются домой къ Тангылъ-Мергену и не нашли ничего, ни его дома, ни скота, ни сестры. Узнали, что послѣ ухода изъ дому Тангылъ-Мергена приходилъ тринадцатиголовый Мангысъ и про-

¹⁾ Бѣхо (богатырь).

²⁾ Кость съ ямкой для вертлюга.

глотивъ его царство. Не найдя дому, они поѣхали на юго-востокъ въ Хасырхай-Хованъ-Шютен'у и Бурхонъ-Хаганъ-Ламѣ. Эти указали богатырямъ, куда ѣхать къ Мангысу. Поѣхали они на поиски и лишь подѣхали къ Мангысову жилищу, Мангысъ вышелъ и проглотилъ ихъ. Тангылъ-Мергенъ разрубилъ Мангыса своею саблей, ходя у него внутри; освободилъ свою сестру и подданныхъ, сталъ искать Хаиранъ-Харъ-Бехо, нашелъ его въ одной изъ головъ Мангыса, освободилъ и его. Приѣхали домой, стали праздновать, три года пировали. Послѣ этого Тангылъ-Мергенъ послалъ на небо шесть птицъ ¹⁾ спросить свою мать: кто его суженая. Птицы прилетѣли и сказали: „Твоя суженая (сютъ) дочь Цаганъ-Лусай-хана и Цанде-Мергенъ-хатун'ы“ (цаган лусай хан цанде мерген хатынас гарсын дагине). Товарищи отправились ее отыскивать; по дорогѣ Тангылъ-Мергенъ увидалъ лисицу на три года ѣзди отъ нихъ и пустилъ въ нее стрѣлу. Доѣхавши до того мѣста, не нашли они лисицы; заплакалъ тогда Тангылъ-Мергенъ и говоритъ: „Не стоить намъ ѣздить за невѣстой, когда я лисицы не могъ застрѣлить“. Но когда онъ поднялъ свою стрѣлу и сталъ класть ее въ колчанъ, то увидалъ, что лисица запуталась въ перьяхъ его стрѣлы. Лисица говоритъ: „Не бей меня! Много ли ты изъ моей шкуры сдѣлаешь? А я скажу тебѣ твою судьбу“. Тангылъ-Мергенъ согласился ее отпустить, если она скажетъ, какія препятствія ихъ ожидаютъ въ дорогѣ. Лисица сказала: „Первая преграда красная скала (улан хат) до небесъ, потомъ будутъ два ворона, всѣмъ глаза клюютъ, отъ нихъ какъ избавитесь? Дальше два верблюда бура (самцы), ѣдятъ людей; потомъ двѣ собаки Хасыръ-Басыръ, и море такое, что береговъ не видать; его какъ переѣдете! Ты прежде умрешь, а потомъ ужъ достанешь свою суженую“, прибавила лисица и скрылась. Тангылъ-Мергенъ запасся двумя мѣшками гуджиру (солонцу, которымъ кормятъ верблюдовъ), двумя мѣшками глазъ, двумя мѣшками костей и поѣхалъ. Приѣхали къ камню; Тангылъ-Мергенъ натянулъ свой лукъ до того, что у него съ пальца мяса съ барана упало и пустилъ стрѣлу; она пробила камень, и они проѣхали. Дальше встрѣтили вороновъ, бросили имъ два мѣшка глазъ и проѣхали; еще дальше встрѣтились два верблюда

¹⁾ Дзурган уззюк алдылуга тохтосын ноголын ногос номын.

бура; имъ бросили худжиръ; собакамъ бросили два мѣшка костей, послѣ того приѣхали къ морю. Лошади сказали имъ: „Бейте насъ до того, чтобы съ задъ и передъ упало по куску мяса съ быка величпной, тогда мы перескочимъ“. Они такъ и сдѣлали, лошади едва перескочили. Поѣхали они дальше, увидали пастуха, который лошадей пасъ; спросили его о дорогѣ къ Лусай-хану; онъ сказалъ: „Поѣзжайте за гору, спросите тамъ у пастуха, который верблюдовъ пасетъ“. Тотъ имъ сказалъ: „Поѣзжайте за гору, спросите у пастуха, который быковъ пасетъ“. Тотъ послалъ ихъ къ пастуху, что пасетъ овецъ; послѣдній указалъ имъ гору, за которой ханъ живетъ, и сказалъ, что у хана теперь пиръ, что его дочь выходитъ замужъ за Курюлдей мергена на жеребцѣ Куиклюнѣ (Куиклюнъ адзыргатай). Тангылъ-Мергенъ спросилъ его: „Гдѣ смерть жены Лусай-хана?“ Пастухъ отвѣчалъ, что внутри трехугольнаго горнаго хребта въ мышиной норѣ, въ четырехугольномъ бѣломъ камнѣ (курбельджин нуру туутур хулгуну нюхун туутур тербельджин цаган чулу), и они поѣхали. Приѣхали къ жилищу хана и переродились простыми людьми; спрашиваютъ: „Куда намъ привязать лошадей?“ Имъ сказали: „Если вы богатыри, такъ привязывайте къ желѣзному столбу; если простые люди, привяжите къ деревянному“. Они привязали къ желѣзному. „Куда“, говорятъ, — „намъ положить лукъ и стрѣлы?“ „Если вы богатыри, то положите въ желѣзную кладовую, если простые, то въ деревянную“. Они положили въ желѣзную. Потомъ они спросили: „Куда намъ идти?“ Имъ сказали: „Если вы богатыри, то въ желѣзные, если простые люди, то въ деревянные двери заходите“. Они вошли въ желѣзные и сѣли. Тамъ имъ говорятъ: „Если вы богатыри, то пейте вино и чегенъ (кумысъ) изъ желѣзныхъ чашекъ; если простые люди, то изъ деревянныхъ“. Они стали пить изъ желѣзныхъ. Когда стали спрашивать ихъ имена, они скрылись; на другой день они явились уже въ своемъ видѣ, и Тангылъ-Мергенъ сказалъ дочери Лусай-хана, что онъ Тангылъ-Мергенъ, и что она назначена небомъ ему въ жены. Она сказала, что ему надо сразиться съ Курюлдей-Мергеномъ и побѣдить; тогда она будетъ его женою.

Тангылъ Мергенъ вызвалъ Курюлдей Мергена и предложилъ ему сразиться; тотъ въ замѣнъ поединка предложилъ пустить въ бѣгъ лошадей: чья лошадь обѣжитъ напередъ гору Сумбуръ, тотъ, значить,

и будет победитель. Так и сдѣлала; Курюлдей Мергенъ поставилъ тысячу солдатъ по дорогѣ, и когда Тангылъ Мергенъ бѣжалъ, они пустили въ него стрѣлы и убили. Курюлдей Мергенъ не могъ поимать его лошади, она забѣжала на недоступную никому вершину горы. Женился на Дагине Курюлдей Мергенъ, но она знала, что ея суженый Тангылъ Мергенъ, и хотѣла его оживить. Переродившись, полетѣла она къ Эрликъ хану спросить его, кѣмъ родился теперь Тангылъ Мергенъ. Эрликъ отвѣчалъ ей: „Смотри сама въ книгѣ, если хочешь узнать“. Стала она смотрѣть и узнала, что онъ родился красношенимъ тигромъ (бар), который по утрамъ бѣгаетъ внизъ по рѣкѣ Бургастай, а въ полдень мычитъ. Тогда попросила она у Эрлика отдать его душу (сюнпс) и спросила: кѣмъ оживить богатыря. Эрликъ-ханъ сказалъ: „Въ ящикѣ есть стеклянка (лонхо) бѣлая; возьми ее“. Дагине взяла стеклянку, полетѣла къ Хаеранъ Хара Бехо и сказала ему: „Помоги мнѣ оживить твоего брата“. Хаеранъ Харъ Бехо отвѣчалъ, что не имѣетъ онъ столько силы; Дагине спросила: „Что нужно сдѣлать, чтобы ты былъ силенъ?“ „Мнѣ“, говорить,— „нужно съѣсть утромъ стадо овецъ и въ полдень стадо быковъ“. „Ну ѣшь“, сказала Дагине. Когда онъ съѣлъ, она спросила: „Теперь довольно ли ты силенъ?“ „Посмотрю“, говорить Хаеранъ Харъ Бехо, и взялъ двухъ бодающихся быковъ за ноги, бросалъ ихъ до небесъ и ловилъ три раза, не допуская падать до земли. „Теперь я силенъ“, говорить.

Дагине сказала: „Иди теперь на рѣку Бургастай, тамъ увидишь красношеюго тигра, убей его“. И дала ему лукъ и стрѣлы. Онъ пошелъ, увидалъ тигра и убилъ. Тогда Дагине стала лить тигру въ правую ноздрю изъ стеклянки, и онъ сталъ живъ и сталъ человѣкомъ, какимъ прежде былъ. Очнувшись, Тангылъ Мергенъ сказалъ: „Какъ долго я спалъ!“ Такъ какъ Дагине сдѣлалась невпидима, то Хаеранъ Хара Бехо разказалъ ему, что онъ былъ мертвъ, и что оживила его Дагине. Тогда Тангылъ Мергенъ поклялся убить ея отца, думая, что это онъ научилъ Курюлдей Мергена его убить. Обнялись они тутъ и долго плакали, потомъ Хаеранъ Хара Бехо сказалъ: „Будетъ плакать, надо о дѣлѣ говорить. Лошадь твоя на вершинѣ Сумберъ-олы“. Пошелъ Тангылъ Мергенъ, крикнулъ разъ—ничего не видно; крикнулъ въ другой—тоже; въ третій разъ крикнулъ—тогда только лошадь явилась къ нему. Го-

ворить: „Слышала я и первыя два раза твой голосъ, да боялась явиться; знала, что ты убить“. Долго онъ ее обнималъ и плакалъ надъ ней; потомъ лошадь сказала: „Будетъ плакать! надо тебѣ убить Цаганъ Лусай хана прежде всего“.

Цаганъ Лусай ханъ сидитъ дома и говорить женѣ, что у него голова болитъ. Жена сказала: „Что ты не слетаешь посмотрѣть свою душу?“ Полетѣлъ онъ къ Курбелджипъ-пору (къ трехугольному озеру)¹⁾; тамъ онъ сдѣлался рыбкой тальменемъ (тулу боло оржо). Тангылъ Мергенъ тоже сдѣлался рыбой и смотрѣлъ за нимъ; когда Лусай ханъ воротился, Тангылъ Мергенъ взялъ его душу (сюнпс) и разбилъ въ куски. Ханъ не долетѣлъ до дому, умеръ; дорогу улипъ кровью, которая бѣжала у него изъ носу и рта. Жена Лусай хана поѣхала по слѣду къ Тангылъ Мергену и сразилась съ нимъ; три раза его убивала, онъ все оживалъ; тогда стала она его просить, чтобы онъ оживилъ ея мужа, и улетѣла, сказавши: „Сражайся теперь съ Курюлдей Мергеномъ!“ Тангылъ Мергенъ обратился воробьемъ и полетѣлъ узнавать, гдѣ смерть Курюлдей Мергена; условились они съ Дагине убить его. Она сказала, что смерть Курюлдей Мергена иголка, которая воткнута въ его номуъ (лукъ или стрѣла). „Когда“, говорить,— „ты зарубишь его, брось ноги въ озеро, изрубивши на три части; потомъ гонись за мной, я возьму лукъ (номуъ) Курюлдей Мергена и брошу тебѣ назадъ себя иголку; ты ее и перестрѣли; тогда онъ умретъ“. Тангылъ Мергенъ такъ и сдѣлалъ. Убивъ Курюлдей Мергена, они бѣжали всѣ трое домой. Тутъ имъ оставаться было нельзя, потому что не могли они оживить отца Дагине Цаганъ Лусай хана и должны были бояться мести его жены.

Приѣхавши домой, стали они жить счастливо. Тангылъ Мергенъ отдалъ свою сестру замужъ за Хаеранъ Хара Бехо, надѣлилъ его скотомъ и стали они жить вмѣстѣ. (Записано отъ Урянхайца ламы Цюлтума, не знающаго по урянхайски и говорящаго только по дархатски. Зимуетъ на Оголыкѣ).

153. Боролдзой Обогонъ.

У Боролдзой Обогона были двѣ сивыя лошади, одна хорошая, другая худая, и шесть овецъ, которыхъ онъ пасъ на Болтогой то-

¹⁾ Можетъ быть, и выше слѣдуетъ поставить поръ, „озеро“, вмѣсто „пору“, хребетъ.

логой (на неприступном холмѣ). Однажды у него одна овечка обьягнлась, и ягненокъ родился лысымъ. Боролдзой пообѣщалъ посвятить его Тенгиръ-Хурмусти-хану, но прилетѣлъ Хунъ-Херэ (воронъ) и выклевалъ глаза у ягненка. Боролдзой сѣлъ на свою сивую лошадь (кок мори), догналъ Хунъ-Херэ и выкололъ ему глаза. Тогда Хурмусти-ханъ послалъ волка, чтобъ онъ за это сѣлъ у Боролдзой Обогона его хорошую сивую лошадь. „Узнать ее“, говорить,—„легко, потому что она всегда подъ токумомъ ходитъ (подъ чапракомъ), а худая ходитъ безъ покрывала“.

Узнать это Боролдзой Обогонъ раньше, чѣмъ волкъ до него добѣжалъ, и худую лошадь покрылъ токумомъ, а хорошую пустилъ такъ; волкъ и сѣлъ худую лошадь. Боролдзой догналъ его, содралъ кожу съ хвоста на голову и оставилъ тулуномъ ¹⁾ висящею на носу, отпустилъ въ такомъ видѣ волка. Ханъ-Хурмусти послалъ Лу убить у Боролдзой всѣхъ его овецъ, указавъ, что они всегда пасутся на Болтогой тологой. Боролдзой узналъ объ этомъ раньше и перегналъ овецъ на другое мѣсто. Лу ударилъ стрѣлой въ Болтогой тологой, но разбилъ только гору; Боролдзой догналъ его и переломилъ у него ногу.

Тогда Ханъ-Хурмусти послалъ семь чертей (долоя читкур), чтобъ они привели въ нему Боролдзой; они пришли и стали смотрѣть въ анлъ съ улицы, что дѣлаетъ Боролдзой, провертѣвъ для этого дырочки въ кошмѣ. Впять—онъ варитъ аргаль (скотскій калъ). Долоя Читкуръ удивляются, ждутъ, что дальше будетъ. Когда котелъ закипѣлъ, Боролдзой почерпнулъ полный ковшъ и выплеснулъ въ глаза чертямъ. Всѣ они отъ этого ослѣпли. (Въ другомъ вариантѣ онъ обмакнулъ въ варево пукъ караганы и ею выжегъ и выхлесталъ глаза чертямъ). Послѣ этого Хурмусти-Ханъ самъ пошелъ къ Боролдзой, чтобъ убить его. Узнавъ это Боролдзой, закололъ барана, у дверей юрты разослалъ бѣлую кошму, положилъ приготовленное мясо и велѣлъ вырости двумъ кедромъ по бокамъ мяса, затеплил девять девять восемьдесятъ одну дзулу (юсун юсо наин нига дзулу) ²⁾, самъ

¹⁾ Тулуномъ снять значитъ рукавомъ или мѣшкомъ, не дѣлая продольнаго разрѣза.

²⁾ Дзула—свѣча, ставимая передъ бурханами.

зашелъ въ анлъ и сталъ поджидать Хурмусти-Хана. Ханъ пришелъ и спрашиваетъ: „За что ты выкололъ глаза Хунъ-Херэ?“ „А за то, что онъ выклевалъ глаза тому ягненку, котораго я вамъ посвятилъ“. „Чья правда, какъ не Боролдзой!“ сказалъ Хурмусти-Ханъ. „А за что ты содралъ кожу съ волка, котораго я послалъ съѣсть твою лошадь?“ Боролдзой отвѣчалъ: „Ты послалъ волка съѣсть мою хорошую лошадь, а не худую, вотъ за то я его и ободралъ“. „Чья правда, какъ не Боролдзой!“ сказалъ Хурмусти-Ханъ. „Ну, а за что ты изломалъ ногу Лу?“ „А за то, говорить Боролдзой,—„что ты послалъ его убить моихъ овецъ, а не разбивать Болтогой тологой!“ „Чья правда, какъ не Боролдзой!“ сказалъ Хурмусти-Ханъ. „За что“, говорить,—„ты ослѣпилъ чертей мною посланныхъ?“ „За то“, говорить Боролдзой,—„что ты ихъ послалъ взять меня, а не рвать мой анлъ; вотъ за то я и выжегъ имъ глаза“. „Чья правда, какъ не Боролдзой!“ „Что это у тебя передъ дверями?“ спрашиваетъ Хурмусти-Ханъ. „Это тебѣ жертва, чтобы ты видѣлъ, что я тебя чту, какъ Бога“, сказалъ Боролдзой,—„чтобы ты прежде, чѣмъ меня убить, увидѣлъ это“. Ханъ остался очень доволенъ имъ, и послѣ того Боролдзой сталъ богатъ.

(Записана отъ Дархата Еретъ Заирава).

154. Дочь Лусай-хана.

Жилъ старикъ со старухой, у нихъ былъ одинъ только сынъ, и были они очень богаты. У нихъ было 1000 верблюдовъ, 1000 лошадей, 1000 быковъ и столько же овецъ. Однажды сынъ сказалъ отцу: „Не худо бы намъ доброе (буин) дѣло сдѣлать; ты ужъ сколько на свѣтѣ живешь, а еще ни разу не дѣлалъ добраго дѣла“. Отецъ велѣлъ сыну позвать ламу, который жилъ недалеко отъ нихъ. Сынъ пошелъ и позвалъ ламу; тотъ пришелъ и сталъ читать номъ: „Алтынъ Зотви“. Читая молитвы, онъ все требовалъ жертвъ; до того дошло, что онъ заставилъ ихъ весь ихъ скотъ прирѣзать, да и остальное имущество все въ жертву принести. Когда уже у нихъ почти ничего не осталось, тогда только онъ сказалъ: „Ну, ваши грѣхи теперь искуплены“. Осталось у нихъ всего на все только девять ланъ серебра. Старикъ и старуха померли, сынъ взялъ девять ланъ серебра и пошелъ изъ этого мѣста. По дорогѣ онъ встрѣтилъ ламу, далъ ему три лана серебра и сказалъ

„ѣрѣль таби!“, то-есть, сдѣлай поминовение! Тотъ отвѣчалъ: „Иди за семь горъ!“ И уѣхалъ.

Пошелъ сынъ дальше; пройдя семь горъ, онъ опять встрѣтилъ ламу въ желтой шелковой шубѣ, опять отдалъ ему три лана серебра и просилъ указать ему мѣсто, гдѣ онъ могъ бы счастливо жить. Лама сказалъ: „Иди за гору направо къ морю“. И уѣхалъ. Пошелъ молодой человѣкъ дальше и опять встрѣтилъ ламу, отдалъ ему послѣдніе три лана и просилъ указать дорогу къ морю. Тотъ, указавъ гору, сказалъ: „Ступай за эту гору, тамъ и увидишь море“. Пошелъ молодецъ и едва-едва дошелъ до моря отъ утомленія; увидалъ тамъ рыбаковъ, которые ловили рыбу, и попросилъ у нихъ рыбку, чтобы поѣсть. Они дали ему малька (джираха), у котораго передъ былъ золотой, а другая половина серебряная. Пожалѣвъ онъ ее съѣсть, думаетъ: „Много ли я поѣмъ!“ И отпустилъ ее опять въ море. Поплъ воды, умылся и пошелъ дальше. На встрѣчу ему идутъ два человѣка, подошли къ нему и зовутъ къ Лусай-хану, увѣряя, что ханъ послалъ ихъ за нимъ. Молодецъ не соглашается идти. „Какъ“, говоритъ, — „я въ воду пойду? Я тамъ задохнусь“. Но посланные отъ Лусай-хана, не слушая его, заткнули ему ротъ п носъ и кинулись вмѣстѣ съ нимъ въ воду. Очутился молодецъ у Лусай-хана, увидалъ тамъ весь свой скотъ. Тотъ лама, что приносилъ его въ жертву, былъ посланъ отъ Лусай-хана.

Лусай-ханъ сказалъ молодцу: „За то, что ты спасъ мою дочь отъ смерти, въ то время, какъ гуляла она въ морѣ рыбкой, вотъ тебѣ награда!“ И подалъ ему корячевый ящичекъ. „Только“, говоритъ, — „ты раньше трехъ дней его не открывай“. Затѣмъ онъ отпустилъ его. Когда очутился онъ на землѣ, сильно ему захотѣлось открыть ящичекъ и посмотреть, что въ немъ, однако терпѣлъ, боялся раньше срока открыть; на третій день не выдержалъ, открылъ и увидѣлъ тамъ рыбку, которую онъ раньше въ море отпустилъ, и сказалъ: „Ладно же онъ меня наградилъ! Тѣмъ, что я самъ бросаю“. И легъ спать.

Просыпается утромъ, видитъ — лежитъ онъ въ хорошемъ аилѣ, на шелковой постели и въ шелковой одеждѣ, а его старая одежда за дверями валяется. Подлѣ него сидитъ красивая знатная женщина. Онъ удивляется, гдѣ онъ и какъ попалъ въ такой богатый аилъ; ничего не могъ припомнить. Сталъ спрашивать красавицу,

что возлѣ него сидѣла и что-то шила: „Чей это аилъ?“ Она отвѣчала: „Вашъ, а я ваша жена, дочь Лусай-хана“. Вышелъ онъ изъ аила и увидѣлъ пять большихъ табуновъ скота, верблюдовъ, быковъ, лошадей, овецъ и сарлыковъ. И сталъ онъ жить счастливо.

Прошло нѣсколько дней; услыжалъ онъ, что пріѣхалъ въ ихъ сторону какой-то ханъ съ двумя тысячами солдатъ. Солдаты убили трехъ хучгунъ-хулу-гуна ¹⁾; ханъ послалъ ихъ въ аилъ мужа Лусай-хановой дочери, чтобы тамъ изжарить звѣрей. Пришли три солдата, стали жарить трехъ хучгунъ-хулугунъ да засмотрѣлись на красавицу и сожгли все жареное. Стали они жаловаться красавицѣ, что вотъ, засмотрѣвшись на нее, сожгли они ханское кушанье. „Убьетъ насъ теперь ханъ!“ говорятъ. Сжалась она надъ ними, сдѣлала изъ муки такихъ же три хучгунъ-хулугуны и говоритъ имъ: „Не узнаетъ вашъ ханъ, что не настоящіе!“ Принесли они кушанье хану, тотъ поѣлъ и отдалъ остатки солдатамъ; они всѣ наѣлись и не могли всего съѣсть. Тогда ханъ велѣлъ имъ на завтра убить пять хулугунъ, предполагая, пяти имъ хватить на два дня. На завтра солдаты пришли въ аилъ жарить пять хулугунъ и на этотъ разъ изжарили, какъ слѣдуетъ. Принесли хану, онъ одинъ все съѣлъ и не наѣлся; сталъ ихъ спрашивать: „Какъ такъ, вчера три звѣрка было, мы всѣ насытились, а сегодня пять и одному мало, чтобы быть сытыми?“ Тогда солдаты рассказали, что случилось на канупѣ, и ханъ поѣхалъ посмотреть на красавицу. Какъ увидѣлъ ее, такъ и упалъ въ обморокъ отъ ея красоты; она велѣла своимъ служанкамъ поднять его и привести въ чувство. Ханъ остался у нихъ ночевать; когда стали ложиться спать, дочь Лусай-хана попросила хана выдти закрыть уркѣ (кошму, закрывающую верхнее отверстіе юрты). Тотъ вышелъ, запутался въ веревкахъ, которыми уркѣ привязано, и ночевалъ на улицѣ около аила. На завтра онъ сказалъ ей мужу: „Давай отыскивать другъ друга (играть въ прятки)! если“, говоритъ, — „я тебя три раза найду, а ты меня не найдешь, такъ я буду мужемъ твоей жены“. Мужъ было отказываться, но жена сказала ему: „Ты долженъ согласиться на предложеніе хана; это тебѣ за то, что открылъ ты свой ящичекъ раньше срока“. Мужъ согласился; ханъ спрятался, и мужъ

¹⁾ Хулугуна —мышь и вообще звѣрокъ изъ рода грызуновъ

долженъ былъ искать хана. Горюетъ, пришелъ къ женѣ, говорить: „Не найти мнѣ его! онъ вѣрно во что-нибудь переродился“. Тогда жена ему сказала: „Иди направо за аилъ; тамъ увидишь три золотые тополя; ты руби среднее изъ этихъ деревьевъ“. Онъ пошелъ, замахнулся топоромъ надъ среднимъ тополемъ, а ханъ, превратившійся въ тополь, и закричалъ: „Не руби человѣчью спину“. Теперь слѣдовало мужу прятаться, а онъ не зналъ „илъби“ (искусство превращаться), пришелъ къ женѣ, спрашиваетъ: „Какъ я спрячусь?“ Она превратила его въ свой наперстокъ и ханъ не могъ его найти. Тогда ханъ говоритъ женѣ: „Пусть онъ въ другой разъ меня ищетъ! я его не могъ найти“. И ушелъ. Жена сдѣлала мужа какимъ былъ и сказала: „Поди, ищи теперь хана! онъ у себя въ аилѣ сдѣлался лукомъ; ты увидишь ихъ тамъ три; возьми средній и гни, черезъ колѣно“. Онъ такъ и сдѣлалъ; тогда ханъ закричалъ: „Не ломай человѣчью спину“. И сказалъ: „Ты меня два раза нашелъ, а я тебя не могъ; прячься еще! я попробую еще разъ“. Мужъ пошелъ къ женѣ, проситъ ее спрятать; она превратила его въ иголку, и ханъ опять его не нашелъ. Сталъ онъ искать хана въ третій разъ, спросилъ у жены; она сказала: „Ступай въ овечій табунъ, поймай среднего изъ трехъ приковъ, что стоятъ позади табуна, возьми его и положи на землю, какъ будто колоть хочешь“. Онъ такъ и сдѣлалъ, поймалъ среднего прика (взрослаго барана) и хотѣлъ его колоть; тогда ханъ закричалъ: „Не рѣжь человѣчьяго брюха!“ И сдѣлался человекомъ. Тогда молодецъ сказалъ: „Ясын аптей джиштей!“ Ханъ спрашиваетъ его: „Что это такое Аптей-Джиштей? Покажи мнѣ“. Мужъ пошелъ къ женѣ и разсказалъ, что проговорился, сказавъ при ханѣ слова: „Аптей-Джиштей“. Жена говоритъ: „Объ этомъ надо сказать отцу; осѣдлай лошадь Цаганъ Шиббо (Бѣлая птица) ¹⁾ и ступай къ моему отцу“. Поймалъ онъ лошадь Цаганъ Шиббо и поѣхалъ къ Лусай-хану, приѣхалъ и все ему разсказалъ. Ханъ сказалъ: „Вотъ это все оттого, что не послушался ты моихъ словъ, открылъ раньше срока коробочку; безъ этого жилъ бы себѣ покойно“. Однако смиловался Лусай-ханъ, далъ зятю двухъ бѣлыхъ верблюдовъ и говоритъ ему: „Когда приѣдешь домой, осѣдлай лошадь Сальхинъ (Вѣтеръ) и на ней

¹⁾ Именемъ цаганъ-шиббо Дурбюты зовутъ бѣлую сову, Буряты—лебедя.

бѣги во весь опоръ къ хану такъ, чтобы поводья оборвались у верблюдовъ. Когда приѣдешь къ хану, онъ тебя спроситъ: Привелъ ли ты Аптей-Джиштей? Ты ничего не отвѣчай, ударь верблюдовъ три раза по головѣ и три раза по задѣ, оборви поводья, выдерни серебряные буйли (палочки, проткнутые въ нозь верблюда, за которые ихъ привязываютъ) и гони ихъ, какъ можно сильнѣе!“ Онъ такъ и сдѣлалъ; привелъ къ себѣ верблюдовъ, осѣдлай лошадь Сальхинъ и помчался къ хану. Тотъ спросилъ его: „Принесъ Аптей-Джиштей?“ Мужъ Лусай-хановой дочери, не отвѣчая, выдернулъ буйли у верблюдовъ, разогналъ ихъ и убѣжалъ. Когда онъ оглянулся послѣ назадъ, на томъ мѣстѣ увидалъ озеро. Послѣ этого стали они жить покойно.

155. Мани Ветеръ ханъ и Харъ-Горѣчи.

Былъ одинъ бѣдный ханъ; у него былъ лама съ трехсаженною косою и съ лицомъ краснымъ, какъ кораллъ (шюрюн улан цартей). Разъ ханъ спросилъ его: „Что мнѣ сдѣлать, чтобы разбогатѣть?“ Лама сказалъ на это: „Есть ханъ озера Цюнкунъ, очень богатый ханъ; у него есть драгоцѣнный камень, величиной съ лошадь, по имени Молыръ-Эрдени, и два чендомына. Чтобъ отнять у него богатство, надо сдѣлать якорь (тар), бросить этотъ якорь въ его озеро да бросить туда же ядъ и человѣческую голову; тогда всѣ въ озерѣ помрутъ, а мы будемъ таскать якоремъ его богатство“. Ханъ послалъ ламу все это сдѣлать. Но Цюнкунъ, озерный ханъ, узналъ все это раньше и сказалъ женѣ, что хотятъ ихъ (озеро) опоганить и отравить. Тогда жена сказала: „По берегу постоянно ходитъ старикъ Харъ-Горѣчи и копаетъ тумысь (корни саранъ); надо его сюда позвать“. Послалъ ханъ двухъ человекъ, и они привели къ нему Харъ-Горѣчи. Ханъ сказалъ ему: „Не допускай ламу до озера, а за это я награжу тебя, чѣмъ ты пожелаешь!“ И отпустилъ. Харъ-Горѣчи вышелъ на берегъ, сталъ копать сарану и забылъ, что говорилъ ему ханъ. Только когда лама пришелъ и сталъ вбивать приколъ (хатас) для якоря, Харъ-Горѣчи вспомнилъ, и сказалъ ламѣ: „Если ты не уйдешь отсюда, то я тебя убью“. Лама ушелъ, вернулся къ хану и разсказалъ ему о неудачѣ. Ханъ посадилъ его въ ящикъ съ дырами и велѣлъ щипать его тѣло щипцами, какъ обманщика. Цюнкунъ-нуринъ-ханъ опять прислалъ за Харъ-Горѣчи; тотъ

спрашиваетъ у посланныхъ: что ему просить у хана въ награду; они сказали: „Пропи сумы (тали), что стоятъ за дверью въ ханскомъ аплѣ“. Харъ-Горѣчи такъ и сдѣлалъ. Ханъ сказалъ: „Возьми, только постоянно носи ихъ на себѣ и никогда не ставь на землю“. Взялъ онъ ихъ, вышелъ на сухую землю и пошелъ къ одному ламѣ, который спасался въ пещерѣ неподалеку, спросить: что такое въ этихъ сумкахъ. Лама сказалъ ему: „Я мало знаю. Ты поди вверхъ по рѣкѣ, тамъ живетъ въ пещерѣ лама, который прочиталъ десять тысячъ слоновыхъ выюковъ книгъ (номъ) и скоро уже будетъ взятъ на небо; онъ тебѣ скажетъ; я прочиталъ только тысячу выюковъ и не могу тебѣ сказать“. Харъ-Горѣчи пошелъ выше и увидалъ молодаго и очень красиваго ламу. спрашиваетъ его: отчего онъ такъ молодъ и такъ красивъ. Лама отвѣчалъ, что внизу есть золотой ключъ, гдѣ онъ умывается, оттого онъ такъ красивъ и молодъ. Харъ-Горѣчи пошелъ къ ключу, умылся въ немъ и сталъ молодъ и красивъ. Умываясь, онъ замѣтилъ на пескѣ много слѣдовъ маленькихъ и красивыхъ человѣческихъ ногъ; онъ воротился къ ламѣ и спрашиваетъ: „Ты живешь здѣсь одинъ, а я видѣлъ тамъ слѣды не твоихъ ногъ“. Лама отвѣчалъ, что пятнадцатаго числа каждаго мѣсяца на ключъ прилетаютъ восемь красивыхъ дѣвушекъ; выкупавшись, они приходятъ къ нему за благословеніемъ и потомъ улетаютъ. Харъ-Горѣчи говоритъ, что ему хотѣлось бы поймать одну изъ нихъ. „Это“, говоритъ лама,—„ты можешь сдѣлать, потому что у тебя въ сумѣ есть золотая веревка, которой привязываютъ солнце и мѣсяцъ“. Харъ-Горѣчи спрашиваетъ: что же дальше дѣлать? Лама научаетъ его спрятаться за него. „А когда“, говоритъ,—„я ихъ благословлю, я скажу: бросай веревку! Ты бросай и поймашь“¹⁾. Онъ такъ и сдѣлалъ. Когда дѣвушки подошли къ ламѣ для благословенія, Харъ-Горѣчи взглянулъ потихоньку, но не могъ смотрѣть на ихъ лица; они были блестящи, какъ солнце. Когда лама сказалъ: „бросай веревку“, онъ бросилъ и поймалъ одну изъ дѣвушекъ; лама посмотрѣлъ въ книжки и сказалъ: Это дочь конеголоваго Гениринъ-хана (морин то-

¹⁾ Лама не могъ иначе сдѣлать, не могъ отказать въ помощи, такъ какъ собирался летѣть на небо. Еслибъ у него попросили руку или ногу, то и ихъ отдалъ бы.

логойтей гениринъ хан); имя же ея Юсинъ юса Нанинъ нига Шиджи Бюрдюксинъ (девятью девятью восемью одну задачу рѣшившая); она должна быть женой Мани-Ветиръ-хана, ты долженъ ему ее доставить; ханъ наградитъ тебя за это и отдастъ свою дочь за тебя замужъ; она твоя суженая“. Лама научилъ Хара-Горѣчи снять съ пойманной дѣвушки покрывало (титимъ), потому что она безъ него не можетъ улетѣть, и отвести ее къ Мани-Ветиръ-хану, чтобы онъ ее хранилъ. Харъ-Горѣчи исполнилъ приказаніе ламы, и превративши себя и дѣвушку въ некрасивыхъ бѣдныхъ людей, наделъ на себя и на нее одежду слугъ и пошелъ къ хану. Слуги сначала не хотѣли ихъ допустить до Мани-Ветиръ-хана, но они настоятельно просили доложить о нихъ; ханъ услышалъ, что его спрашиваютъ какіе-то люди въ одеждѣ слугъ, и велѣлъ ихъ привести; когда они вошли и умылись, ханъ былъ пораженъ красотой дѣвушки до того, что упалъ въ обморокъ. Когда опомнился, онъ сталъ спрашивать Харъ-Горѣчи; тотъ разказалъ ему все, что случилось и что говорилъ лама. Ханъ наградилъ Харъ-Горѣчи отдалъ за него свою дочь и полцарства, а самъ женился на Юсинъ юса Нанинъ нига Шиджи Бюрдюксинъ. У него было еще сто-восемьдесятъ женъ, которыя теперь казались ему, какъ изъ тѣста вылѣпленныя, и онъ пересталъ ихъ навѣщать. Тогда жены пошли къ ламѣ Харъ-Эмчи (черному доктору), взявши по домбѣ (кувшину) чаю и по шелковому терлику (халату); все это они подарили Харъ-Эмчи, прося его помочь имъ избавиться отъ новой ханьши. Они жаловались ему, что ханъ ихъ совсѣмъ забылъ изъ-за этой шубуки (служанки), какъ называли они новую жену. Лама сказалъ, что лучше прежде всего удалить хана изъ дома; тогда имъ легче будетъ избавиться и отъ нея. Харъ-Эмчи привидѣлся во снѣ отцу Мани-Ветиръ-хана и сказалъ, что враги идутъ на ихъ царство войной. Отецъ Мани-Ветиръ-хана пошелъ къ Харъ-Эмчи и разказалъ ему, что во снѣ видѣлъ. Харъ-Эмчи сказалъ: „Да, дѣйствительно на ваше царство идутъ войной“. Отецъ Ветиръ-хана идетъ къ сыну и говоритъ, чтобы онъ взялъ солдатъ и шелъ непріятелю на встрѣчу. Сынъ послушался, взялъ съ собою Хара-Горѣчи и ушелъ; безъ него сто-восемьдесятъ женъ опять взяли богатые дары и пошли къ Харъ-Эмчи, просятъ избавиться ихъ отъ новой ханьши. Онъ обѣщалъ имъ; снова по его чарамъ

отец Ветирь-хана видитъ во снѣ, что ему Шулмусъ распарываетъ брюхо; онъ идетъ къ Харъ-Эмчи спросить, что значитъ этотъ сонъ. Харъ-Эмчи говоритъ: „Видно святой вы человекъ, что впередъ видите все, что вамъ можетъ повредить. Дѣйствительно, Шулмусъ хочетъ вамъ брюхо разрѣзать; надо скорѣе сдѣлать „курюнъ“ (жертвоприношеніе) и молебствіе для отогнанія Шулмуса“. Сталъ назначать, какія должны быть жертвы, и говоритъ, что надо крови и сала жены Мани-Ветирь-хана, той, что онъ недавно взялъ. Отецъ говоритъ: „Какъ можно жену сына заколоть?“ А Харъ-Эмчи на это сказалъ: „Хотите себѣ жизнь спасти, такъ не жалѣйте невѣстки“. Старикъ согласился и послалъ двоихъ людей заколоть невѣстку; посланные не нашли ее въ аилѣ, она была у матери Ветирь-хана. Когда они пришли и туда, мать ее мужа дала ей ея „титимъ“ и сказала: „Улетай! спасайся!“

Не нашелъ ханъ никакой войны, воротился домой и спрашиваетъ у своихъ ста-восьми женъ: „Гдѣ моя новая жена?“ Они говорятъ, что вскорѣ послѣ его отъѣзда, когда она вышла гулять, на нее напалъ трехголовый Мангысъ и убилъ. „Укажите“, говоритъ ханъ, — „мнѣ ея кости?“ Какія ужъ теперь кости!“ отвѣчаютъ жены; — „давно коровы и собаки съѣли“. Мани-Ветирь-ханъ узналъ отъ матери, какъ было дѣло, и пошелъ съ Харъ-Горѣчи отыскивать свою жену.

Пришли они снова къ Детханъ-ламѣ (верховному ламѣ), и онъ сказалъ имъ, что была у него Юсынъ юса Наппъ нига Шянджи Бюрдюксинъ, оставила свое золотое колечко и наперстокъ, просила передать отъ нея мужу на память и улетѣла на небо.

Мани Ветирь-ханъ просилъ ламу помочь ему воротить жену. Лама сказалъ: „Моя земная жизнь оканчивается; послѣ завтра я полечу на небо; вотъ когда я полечу, схватись ты за мой орхонджи и улетишь со мною“. Ханъ пошелъ къ золотому ключу, умылся, сталъ моложе и красивѣе прежняго, и на завтра улетѣлъ съ ламой на небо. Какъ поднялись съ земли, ханъ потерялъ сознание. Очнулся и увидалъ прекрасную дѣвушку, которая держала въ рукахъ золотую вазу (дзавья). Онъ спросилъ: куда она идетъ? она отвѣчала: „За водой; старшая моя сестра была на землѣ, стала вонючею и испоганилась, бывши тамъ женой какого-то хана; вода нужна, чтобъ ее обмыть; послѣ завтра нашъ отецъ проснется

отъ своего трехлѣтняго сна,—надо, чтобъ и она могла къ нему явиться“. Мани Ветирь-ханъ пошелъ за дѣвушкой къ ключу, и когда она почерпнула воды, онъ незамѣтно бросилъ въ ея сосудъ кольцо и наперстокъ, и сказалъ дѣвушкѣ: „Когда будете ее мыть, лейте воду не жалѣя; чѣмъ больше воды прольете, тѣмъ чище она будетъ“. Мани Ветирь-ханъ напился, умылся и остался у ключа.

Принесла дѣвушка воду и стала мыть свою сестру. „Слышала я“, говоритъ, — „тамъ на ключѣ отъ одного червяка, что надо лить воду не жалѣя“. Стала выливать остатки изъ вазы и уронила кольцо въ ротъ Юсынъ-юсѣ. Та узнала по этому, что мужъ ея на небѣ, сейчасъ же пошла къ нему и привела въ домъ. Обмыли его, одѣли въ небесныя одежды, и сталъ онъ совсѣмъ красавцемъ. На третій день проснулся отецъ дѣвушекъ, позвалъ дочерей къ себѣ; старшая разказала ему все, что съ нею случилось. Моринъ толгойтой Генирынъ-ханъ говоритъ: „Можно ли дочери небесъ выдти за земнаго человека?“ Дочь отвѣчала, что онъ ханъ большаго государства, да притомъ вѣдь и на землѣ много святыхъ людей, которые каждый день возносятся на небо. Моринъ толгойтой Генирынъ-ханъ сказалъ: „Дѣлать нечего, онъ у тебя красивъ и уменъ; сумѣлъ попасть на небо; сдѣлаемъ пиръ!“ И праздновали они три года. Послѣ того Мани Ветирь-ханъ сказалъ: „Пора теперь намъ домой собираться, потому что по вашему предопредѣленію (дзарликъ) я ханъ своего народа“. Моринъ толгойтой Генирынъ-ханъ сократилъ три года въ три мѣсяца, три мѣсяца въ три дня и далъ имъ по мечину (по звѣздѣ); держась за эти звѣзды, и слетѣли они на землю къ тому ключу, гдѣ остался Харъ-Горѣчи. Мани Ветирь-ханъ послалъ его посломъ въ свое царство къ отцу и велѣлъ сказать, что до его возвращенія долженъ онъ совершить судъ надъ ста десятью людьми. Отецъ понялъ, что, кромѣ ста-восьми женъ, Мани Ветирь-ханъ осудилъ и его самаго съ Харъ-Эмчи, и бѣжалъ изъ дому. Мани Ветирь-ханъ прибылъ домой, велѣлъ Харъ-Эмчи посадить въ ящикъ съ дырами и изщипать его тѣло на мелкіе кусочки, а сто-восемь женъ велѣлъ привязать погамъ къ кобыламъ и разорвать ихъ; отецъ его умеръ въ голодной гобѣ. И Мани Ветирь-ханъ сталъ жить счастливо (амыр сайхан джиргала).

(Записано отъ Урянхайца Цюлгума).

156. Хельбисъ будырѣ.

На южную сторону снѣжной горы ѣздилъ, четыре витязя, дѣти Охтыр-ганъ царевны; первый изъ нихъ назывался Хельбисъ Будырѣ, второй на буролобой желто-гнѣдой лошади Хучи Бѣхо (сильный силачъ), третій на рыже-гнѣдой лошади Шаръ Хермилъ тюшемиль, четвертый на кровномъ рысакѣ Шубунъ Уланъ Будунъ (цаста улан урту бѣду дюрба эрѣ ябысын охтырган дагни ху хельбис будырѣ хучи бѣхо хурюп мангнай сарыл хер моритѣй шагай чимен шар хер моритѣй шаръ хермил тюшемил хусун дзерд моритѣй шубун улан будун); такіе четыре витязя жили. Разъ мать сказала Хельбисъ Будырѣ: „Суженая твоя дочь Толпиндынь-хана Нарындынь Хатунъ живетъ на востокѣ; ѣзды до нея девяносто лѣтъ; ты поѣзжай туда. На дорогѣ будутъ три препятствія, которыя ты долженъ будешь одолѣть. Первое—море, не видать другаго берега; ты черезъ него долженъ переѣхать; второе—лѣсъ, который такъ густъ, что черезъ него даже муха пролетѣть не можетъ; третье—у Толинды-хана и Нарындынь-хатунъ живутъ два Мангыса; пхъ ты долженъ будешь побѣдить и тогда привезешь ты свою суженую“.

Хельбисъ Батырь отправился; черное сѣдло у него было изъ слоновой кости сдѣлано, рыбьею костью обложено, потники изъ бѣлаго войлока такіе, что пятьдесятъ человѣкъ могутъ подъ ними помѣститься (дзаны ясыр дзаджи хійсын дзасасын ясыр наджи хійсын хара эмилъ). Подѣхалъ онъ къ лѣсу, натянулъ свой девятичотырехструнный черный лукъ и пустилъ Индырве бѣлую стрѣлу (прин дюрба онтей хар ному и индырве цаган суму), прострѣлилъ себѣ дорогу и проѣхалъ по ней черезъ лѣсъ. Подѣхалъ къ морю, нахлесталъ свою лошадь и перескочилъ на ней черезъ море. Пріѣхавъ къ Толпиндынь-хану и Нарындынь-хатунѣ, онъ сказалъ имъ, что пріѣхалъ по указанію своей матери взять свою суженую (сютъ). „Ну, когда такъ“, сказалъ ханъ, — „надо дѣлать пиръ (нарь)“. Пировали шестьдесятъ лѣтъ. Хельбисъ Будырѣ, играя съ пятнадцатоголовымъ Мангысомъ, побѣдилъ его во всѣхъ играхъ. Первая игра была стрѣльба; наложили три вязанки дровъ, за ними поставили двухгодовалого быка, а за нимъ иглоку. Стали стрѣлять, Мангысъ пробилъ только дрова, тутъ его стрѣла и упала; быка

она даже и не тронула. Сталъ стрѣлять Хельбисъ Батырь; тинулъ свой лукъ съ вечера до утра, и пустивъ стрѣлу, пробилъ дрова и быка и стрѣла проскочила въ ушко серебряной иглоки.

Послѣ стали бороться; Хельбисъ Батырь переломилъ Мангысу обѣ лодыжки (шагай); сталъ бороться съ двадцатоголовымъ Атгырь Шаръ Мангысомъ, и также переломилъ ему лодыжки. Взялъ онъ ключъ отъ желѣзной башни и пошелъ посмотрѣть Нарындынь Дагине; вошедши въ желѣзную башню, онъ увидалъ зеркальную (или стеклянную) башню (толинды байсин) и въ ней Нарындынь Дагине, у которой во лбу было солнце, въ спинѣ мѣсяцъ; взявши за руку, онъ подвелъ ее къ дверямъ, гдѣ стоялъ его конь, и возвратился домой, гдѣ сталъ жить счастливо. Только разъ Нарындынь Дагине нашла въ рѣкѣ колечко, которое принадлежало ей матери; затосковала она о ней и скрылась.

Дальше разказчикъ не зналъ.

(Записано отъ Дархата Найдина).

157. Китытъ-Ху ¹⁾.

У одного Китайца былъ сынъ. Отецъ спросилъ его: чему хочешь онъ научиться? Сынъ сказалъ, что желаетъ учиться стрѣлять изъ лука. Отецъ купилъ ему черный лукъ, и сынъ выучился отлично стрѣлять изъ него. Разъ шли они вмѣстѣ; отецъ, увидавъ камень, сказалъ: „Когда я умру, ты похорони меня въ этой дырѣ ногами кверху.“ И онъ указалъ сыну отверстіе въ камнѣ. Сынъ такъ и сдѣлалъ; когда отецъ умеръ, онъ принесъ его къ этому камню и закинулъ въ дыру ногами кверху. Пошелъ дальше; попадаетъ ему старикъ съ ношей; Китытъ-Ху сталъ просить у него чего-нибудь съѣстнаго. „Я самъ думаю тебя съѣсть!“ сказалъ старикъ. Это былъ пятнадцатоголовый Мангысъ, сдѣлавшійся старикомъ. Онъ опять сталъ Мангысомъ, но Китытъ-ху натянулъ лукъ, наложилъ на него пятнадцать стрѣлъ, пустилъ пхъ въ Мангыса и убилъ его. Взявъ его ношу, онъ нашелъ въ ней съѣстное, поѣлъ чего-то и отправился дальше. Вдругъ видитъ между небомъ и землею летитъ что-то черное—Китытъ-Ху пустилъ стрѣлу изъ лука. Онъ видѣлъ, какъ стрѣла его упала на землю въ крови, а это черное, во что онъ

¹⁾ Сынъ Китайца.

стрѣлялъ, упало возлѣ скалы. Идя дальше, онъ встрѣтилъ тысячу чириковъ; онъ спросилъ ихъ: куда они идутъ? Чирики отвѣчали, что они идутъ искать Саинъ-Хунъ-Тайджи, которую унесъ двадцатипятиголовый Мангисъ, и спросили его: куда онъ идетъ! Онъ казалъ, что идетъ къ Кунъ-хану искать пропитанія, потомъ разказалъ имъ также, что онъ видѣлъ на небѣ что-то черное, стрѣлялъ въ него, что стрѣла его упала въ крови, а черное упало за ту скалу. Тогда чирики и ихъ начальникъ стали его уговаривать, чтобъ онъ шелъ съ ними и указалъ имъ, куда это черное упало. „Послѣ, когда мы Хунъ-Тайджи найдемъ, мы дадимъ тебѣ лошадь и къ хану привеземъ“, говорили ему солдаты. Китытъ-Ху согласился и поѣхалъ съ ними къ той скалѣ, куда что-то черное упало съ неба. Приѣхавъ, они увидѣли дыру внизъ, которая была закрыта огромнымъ камнемъ; чирики не могли своротить камня, а Китытъ-Ху одинъ своротилъ. Онъ велѣлъ связать вмѣстѣ восемьдесятъ татлыковъ ¹⁾, на нихъ спустить его въ эту яму и дожидаться, когда онъ подергается за веревку. Спустившись въ подземный міръ (энтэ тунду), онъ встрѣтилъ тамъ прекрасную дѣвушку, которая шла за водой; въ рукахъ у нея была серебряная ваза (менгу завъя). Она спросила его: какъ онъ сюда зашелъ и зачѣмъ? Китытъ-Ху отвѣчалъ, что пришелъ онъ спасти Хунъ-Тайджи отъ Атгыръ-Харъ-Мангиса. Дѣвушка сказала: „Я и есть Хунъ-Тайджи. Ты натяни свой лукъ; когда я подамъ Мангису воду, и онъ будетъ пить, ты выстрѣли ему въ бокъ; онъ еще не оправился и отъ перваго твоего выстрѣла, который получилъ въ то время, какъ несъ меня сюда“. Китытъ-Ху натянулъ двѣ стрѣлы, и спрятавшись за Хунъ-Тайджи, пошелъ къ Атгыръ-Харъ-Мангису. Дѣвушка подала Мангису серебряную вазу, высоко держа ее надъ нимъ; Мангисъ протянулъ руки кверху, чтобы взять вазу; въ это время Китытъ-Ху выстрѣлилъ, и Мангисъ упалъ мертвый. Пошли Китытъ-Ху и Хунъ-Тайджи къ отверстию, откуда висѣла веревка; Китытъ-Ху говорилъ, что Хунъ-Тайджи должна прежде подняться, а дѣвушка говорила, чтобъ онъ раньше поднимался; однако Китытъ-Ху переспорилъ; Хунъ-Тайджи поднялась, а онъ ждалъ, ждалъ веревки, не могъ дожидаться, захотѣлъ пить и пошелъ къ источ-

¹⁾ Татлыкъ—ремень, которымъ привязываютъ вьюкъ на верблюда.

нику живой воды (менгу-аршан), чтобы напиться; не то умеръ бы онъ тутъ съ голоду, силы у него ужъ совсѣмъ не стало. Напившись жпвой воды, онъ увидалъ подъ огромнымъ камнемъ прикованнаго старика; онъ спросилъ его, кто онъ? Старикъ отвѣчалъ: „Я Кокъ-Лусай-ханъ; приковалъ меня здѣсь Атгыръ-Харъ-Мангисъ“. Китытъ-Ху разказалъ старнеу, что съ нимъ случилось, и прибавилъ, что постарается его освободить. Лусай-ханъ сказалъ: „Я и посильнѣ тебя да не могу эту цѣпь порвать!“ Тогда Китытъ-Ху попросилъ его потянуть свою цѣпь какъ можно туже, уйти какъ можно дальше; ханъ натянулъ цѣпь, Китытъ-ху ушелъ на полдня пути, выстрѣлилъ, перешибъ цѣпь, Лусай-ханъ упалъ. Послѣ этого напился Лусай-ханъ живой воды и сказалъ Китытъ-Ху, что онъ вынесетъ его наверхъ. „Садись“, говоритъ,—„ко мнѣ на спину и держись крѣпче!“ Полетѣли; когда къ верху подлетали, темно было, потому что верхнее отверстіе было камнемъ закрыто, и только снизу проникалъ лучъ солнца; Китытъ-Ху натягивалъ свой лукъ съ вечера до утра, выстрѣлилъ и увидалъ, какъ стало свѣтатъ въ ямѣ. Вынеся его, Лусай-ханъ воротился, а Китытъ-Ху пошелъ къ Кунъ-хану и велѣлъ о себѣ доложить. Ему отвѣчали, что теперь никого не принимаютъ, что установлено „цертэй“ по случаю того, что Хунъ-Тайджи найдена тысячею солдатъ (чириками). Онъ сказалъ: „Чьею силой, какъ не моею она спасена! Поди такъ и царю доложи!“ Слуга пошелъ и доложилъ. Его тотчасъ же попросили войдти; Саинъ-Хунъ-Тайджи сидѣла на восьми коврахъ, и Хунъ-ханъ велѣлъ ей сойти съ своего мѣста и уступить его Китытъ-Ху. Узнавъ, какъ было дѣло, Кунъ-ханъ приказалъ казнить тысячу чириковъ, а за Китытъ-Ху выдалъ свою Хунъ-Тайджи, наградивъ скотомъ, серебромъ и золотомъ и сдѣлавъ его первымъ нойономъ, и всѣ стали жить счастливо! Амыръ сайханъ джиргала!

(Записано отъ Дархата Дзулту).

158. Шыттыкуръ-бурханъ.

У одного старика было три сына. Разъ онъ приказалъ имъ отправиться въ разныя стороны, научиться разнымъ художествамъ (гурба эрденим) и прійти въ одинъ день и въ одинъ часъ. Сыновья отправились и на развѣтвленіи трехъ дорогъ уговорились, кому куда идти и чему обучаться; старшій сказалъ: „Я пойду на

востокъ и буду учиться воровать и скоро бѣгать“. Средній сказалъ, что пойдетъ на югъ и будетъ учиться волшебству, искусству превращеній (хубильганству или эльби); младшій пошелъ на западъ и сказалъ, что научится слушать, что говорятъ на небѣ и на землѣ; послѣ этого они условились, въ какое время имъ возвратиться, и разошлись въ разныя стороны. Черезъ нѣсколько времени два младшіе брата научились чему хотѣли, воротились на условленный перекрестокъ и стали ждать старшаго брата; не дождавшись въ назначенный срокъ, они воротились къ отцу. Отецъ сердито спросилъ ихъ: „Гдѣ вашъ старшій братъ?“ Они отвѣчали, что не знаютъ. Тогда отецъ спросилъ: чему они научились? Средній отвѣчалъ, что онъ можетъ превращаться въ кого угодно, а также деревянныя четки можетъ превратить въ кораллы (шюръ). „Это хорошо!“ сказалъ отецъ. — „Ну, а ты чему научился?“ спросилъ онъ младшаго сына. Тотъ отвѣчалъ, что онъ научился „слушать“. Отецъ разсердился и сказалъ: „Какая въ этомъ польза?“ Въ это время пріѣхалъ и старшій сынъ. Отецъ и его спросилъ сурово, чему онъ научился? Тотъ отвѣчалъ, что научился воровать. Отецъ сталъ бить его за то, что онъ учился тому, чему не слѣдуетъ. Сынъ сказалъ: „Не бей меня! Я еще научился скоро бѣгать“. Тогда отецъ велѣлъ ему показать свое искусство сначала въ воровствѣ, а потомъ въ бѣгѣ. Сынъ вышелъ изъ апла, увидалъ зайца, тихо подкрался къ нему, поймалъ и сказалъ отцу: „Вотъ какъ я научился воровать!“ Послѣ этого онъ увидалъ нѣсколько дикихъ животныхъ (гурёсу), догналъ ихъ и поймалъ. Отецъ сталъ хвалить его, согласившись, что онъ научился полезному дѣлу. Послѣ этого средній братъ сказалъ старшему: „Пойдемъ въ городъ! Я сдѣлаюсь земнымъ иноходцемъ (ногон джоро); ты продавай меня, проси тысячу ланъ, за шестьсотъ уступивъ, только скажи, что нужно лошадь напоить на рѣкѣ и потомъ снять съ нея обротъ“. Братъ обѣщался исполнить все, какъ ему было сказано. Средній братъ сдѣлался зеленою лошадью (ногон джоро морин), старшій сѣлъ на него и поскакалъ вдоль улицы, какъ вѣтеръ. Китайцы любовались иноходцемъ; одинъ сталъ давать пятьсотъ ланъ, другой далъ шестьсотъ, и старшій братъ согласился продать, какъ ему было сказано. Купивши лошадь, Китайцы стали угощать продавца; онъ напился пьянъ и забылъ взять обротъ, взялъ серебро и уѣхалъ домой. Ки-

тайцы подумали, что это волшебная (эльбитэй) лошадь, заперли ее въ желѣзную конюшню, потомъ послали за прозорливцемъ (шпинджечу); тотъ сказалъ имъ: „Ведите лошадь къ рѣкѣ! Если она настоящая лошадь, то будетъ пить много, а если человѣкъ, то мало“. Дѣйствительно, лошадь мало пила, и они узнали, что это человѣкъ; лошадь, зная, что ее отведутъ опять въ желѣзную башню и тамъ заморятъ, и увидѣвъ, что надъ водой летаетъ боръ-больджихай (маленькая птичка), переродилась въ нее. Китайскій „шпинджи“ сдѣлался соколомъ (харцига) и полетѣлъ за птичкой слѣдомъ. Боръ-больджиха полетѣлъ къ старому ламѣ, который спасался въ горахъ, и сказалъ ему: „Позволь мнѣ сдѣлаться твоею бородой, а если у тебя попросятъ нѣсколько волосковъ изъ твоей бороды, ты не давай“. Лама отвѣчалъ, что онъ не можетъ этого обѣщать, что если у него попросятъ руку или ногу, то онъ и то долженъ будетъ отдать. Тогда боръ-больджиха сказалъ: „Позволь мнѣ сдѣлаться головкой твоихъ четокъ, и когда сюда прилетитъ харцига-шнбо, ты брось четки на землю, а головку оставь въ рукѣ“. Лишь только успѣлъ боръ-больджиха превратиться въ зернышко четокъ, какъ прилетѣлъ харцига; старикъ разорвалъ четки и разсыпалъ, оставивъ только головку въ рукѣ. Тогда харцига превратился въ семь голубей (долон-тохта) и сталъ клевать зернышки четокъ, склевывалъ всѣ, и не замѣтивъ, что тамъ не было головки, полетѣлъ назадъ. Боръ-больджиха сдѣлался тогда человѣкомъ, благодарилъ ламу за то, что онъ избавилъ его отъ смерти, сказалъ, что онъ за добро ему добромъ заплатитъ. Старикъ сказалъ: „Я былъ уже святъ, а теперь опять сдѣлалъ грѣхъ; утаивъ тебя, я не могу уже быть бурханомъ“. Молодой человѣкъ сказалъ, что онъ готовъ все сдѣлать, чтобы возратить ему безгрѣшность. Старикъ сказалъ: „Для этого нужно принести Шитытхуръ-бурхана, а тебѣ этого не сдѣлать, потому что онъ находится очень далеко, за пятьсотъ лѣтъ пути, и за все время пути, когда его несешь надо быть безмолвнымъ, а если что-нибудь скажешь, онъ опять назадъ воротится“. Молодой человѣкъ сказалъ, что онъ принесетъ Шитытхура молча. Старикъ сказалъ, что Шитытхуръ-бурханъ живетъ подъ тремя задынь-деревьями, что видъ имѣетъ сѣдого старика, а нести его надобно на спинѣ, посадивши въ большую думбу (жбанъ деревянный). Молодой человѣкъ такъ и сдѣлалъ. Пришелъ къ тремъ задынь де-

ревамъ, помолился, посадилъ Шитытхура въ дробу, которую нашелъ тутъ, и отправился обратно. Дорогой Шитытхуръ сказалъ: „Поговоримъ! Ты только слушай, я буду говорить, а на вопросы ты кивай головой; или самъ говори, я буду слушать; ты только не долженъ отвѣчать на мои вопросы“. Вотъ они и отправились; они приближались уже къ мѣсту назначенія, какъ вдругъ молодой человекъ проговорился и Шитытхура съ нимъ не стало. Такимъ образомъ онъ три раза ходилъ за нимъ и всякій разъ не могъ донести до мѣста. Онъ пошелъ къ Ламѣ сказать, что не можетъ принести, пришелъ и не нашелъ Ламы; онъ удивился, но увидѣлъ его на небѣ. Лама сталъ бурханомъ и сказалъ, чтобъ онъ больше не ходилъ за Шитытхуромъ. „Ты“, говоритъ, „искупилъ уже мой грѣхъ своими трудами“. Тогда средній братъ возвратился домой.

Дальше разказчикъ не знаетъ.

(Записано отъ Гуына, ламы, Халхаспа хушуна Лу-гуна).

159. Хунъ-Тайджи.

Хунъ-Тайджи былъ прежній нойонъ у Дархатовъ. У него дѣтей не было; онъ поѣхалъ къ Богдо-гегену, просить его о томъ, чтобъ у него были дѣти, тотъ отвѣчалъ, что у него будетъ сынъ и дочь. Сына велѣлъ назвать Гелипомъ (гелюномъ?), а дочь Деджитъ. Сынъ сдѣлался Нойонъ-Хутухту и дархатская земля сдѣлалась его „шаби“. Онъ поѣхалъ въ Тангутскую землю и передъ поѣздкой привезъ Богдо-гегену серебрянаго бурхана Тархи, іерикъ (поясъ), серебрянаго бурхана Седыть и подарилъ ему свою Дархатскую землю. Онъ умеръ въ Хались гоби. Хунъ-Тайджи происходилъ отъ Биширильты Вана, и Дархаты, не зная, что они подарены гегену, стали платить албынь (подать) Биширильты Вану. Послѣдній сталъ притѣснять ихъ, и тогда одинъ изъ шабинцевъ гелюнгъ, узнавъ, что они подарены Богдо-гегену, поѣхалъ и напомнилъ ему это. Гегенъ поѣхалъ къ Биширильты Вану и сказалъ, чтобы онъ отдалъ подаренную ему землю. „Иначе ты“, говоритъ, „мнѣ не молиси!“ Биширильты Ванъ сказалъ, что онъ будетъ молиться Хутухтѣ; на другой же день онъ изломалъ себѣ ногу; онъ понялъ, что это наказаніе гегена; раскаялся, заказалъ сдѣлать серебряный мандыль въ тысячу ланъ, повезъ его гегену въ подарокъ, молился ему и сказалъ, что поступилъ неправильно и теперь отдаетъ ему шаби,

прося исцѣлить ногу. Нога стала здоровою на другой же день. Вотъ какъ Дархаты стали принадлежать Богдо-гегену. Могила Хунъ-Тайджи находится близъ горнаго перевала Олѣнь-дабанъ; дочь-погребена возлѣ него; на могилѣ поставленъ памятникъ (соргиль чило).

Шаби, который напомнилъ Богдо-гегену о томъ, что они подарены ему, потребовалъ обратно бурхановъ, которые Геллингъ далъ гегену на сохраненіе; узналъ ихъ онъ потому, что они были набиты шерстью оленей (гуресу). Возвращаясь съ нимъ, онъ пошелъ къ рѣкѣ Долонъ-голъ; бросивъ ихъ въ воду, онъ сказалъ: „Если вы наши боги, то плывите вверхъ по рѣкѣ, а не наши, такъ потоните!“ Бурханы поплыли вверхъ по рѣкѣ; послѣ этого онъ принесъ ихъ въ свой монастырь.

Гелингъ сталъ дѣлиться съ своимъ отцемъ; послѣ раздѣла онъ угналъ у отца восемь бѣлыхъ лошадей. Хунъ-Тайджи догналъ его на дорогѣ и говорилъ ему: „Отдай мнѣ хотя четыре лошади! это лошади твоей матери“. Но Гелингъ не отдалъ и четырехъ; тогда Хунъ-Тайджи сказалъ: „Пусть не будетъ у тебя дѣтей и умрешь ты въ пустой гоби!“ Такъ и сдѣлалось.

160. Боро болджоханъ туджи ¹⁾.

Жили мужъ и жена; у нихъ было два сына; были они люди бѣдные и питались чѣмъ попало,—и птицъ ловили, и рыбу ²⁾. Однажды мужъ поймалъ маленькую бокширго ³⁾ и подумалъ: „Что же? Я его съѣмъ, сытъ не буду!“ и отдалъ его дѣтямъ, чтобы они играли съ нимъ. Послѣ этого звѣри стали сами приходиться къ нему, и онъ ловилъ ихъ руками. И стали они жить счастливо, то-есть, каждый день были сыты. Вотъ разъ, когда мужа не было дома, къ нимъ пришелъ майма-хунъ (торговый человекъ); онъ сталъ уговаривать жену, чтобъ она съ нимъ бѣжала; онъ говорилъ ей, что онъ богатъ и знатенъ. Жена согласилась съ нимъ убѣжать, но онъ при этомъ потребовалъ, чтобъ она сварила для него бокширго.

¹⁾ То-есть, сказка о сѣрой пташкѣ.

²⁾ Что у Халха и Дюрбютонъ считается за грѣхъ.

³⁾ Бокширго—воробей и всякая мелкая пташка.

Она поколотила дѣтей и прогнала ихъ изъ дому, схватила бокширго и сварила. Дѣти вернулись домой, стали искать бокширго и нашли его въ котлѣ сваренаго; младшій изъ дѣтей съѣлъ головку, старшій крылышко. Пришелъ торговецъ и сталъ требовать бокширго, хозяйка подала его ему; онъ увидалъ, что у птицы нѣтъ головы и крылышка, сказалъ, что онъ теперь жениться на ней не можетъ, и ушелъ. Мать стала бить дѣтей, и грозила совсѣмъ убить ихъ. Ночью, боясь, чтобы мать ихъ не убила, дѣти ушли изъ дома; въ туманѣ они заблудились и потеряли другъ друга. Младшій пришелъ къ какому-то городу и зашелъ въ первую избушку. Тамъ жила старуха чаугунца (монахиня). Она его накормила и стала спрашивать: чей онъ сынъ и откуда? Онъ разказалъ, и чаугунца взяла его къ себѣ въ сыновья. Старуха кормилась тѣмъ, что продавала вязанками сѣно; на другое утро ея названный сынъ понесъ продавать вязанку сѣна и продалъ ее за семь мѣшковъ муки, а старухѣ за такую вязанку давалъ всего муки одну чашку; такъ и были они сыты. Однажды молодой человѣкъ увидалъ прекрасную дѣвушку, дочь нойона, и полюбилъ ее; приходитъ къ старухѣ и спрашиваетъ, что хочетъ жениться на нойоновой дочери. Старуха ему говоритъ: „Не надо этого дѣлать!“ Но онъ ее не послушалъ и ушелъ. Когда онъ шелъ мимо дома нойона, дѣвушка его окликнула: „Нюдинда галтей, нюрминда цоктей ¹⁾! откуда ты и какъ тебя зовутъ?“ Зазвала его къ себѣ, стала угощать сластями и виномъ. Онъ сильно опьянѣлъ, и съ нимъ сдѣлалась рвота. Сначала изъ его рта выпали драгоцѣнные камни, наконецъ выпала головка бокширго; послѣ этого дѣвушка велѣла его вынести и бросить за огородъ. Проснувшись, онъ воротился опять къ старухѣ, и взявъ вязанку сѣна, понесъ продавать, но теперь ему за сѣно дали только одну чашку муки, потому что онъ лишился счастливой головки бокширго. Онъ ушелъ изъ этого города, но недалеко за городомъ увидалъ онъ семь человѣкъ, которые сильно спорили; они подозвали его и просили разсудить ихъ споръ. „Ты“, говорятъ, „посторонній человѣкъ, лучше разсудишь. У нашего отца было три вещи; онъ сталъ старъ и отдалъ ихъ намъ съ тѣмъ,

¹⁾ Съ огненными глазами и цвѣтущимъ лицомъ.

чтобы мы раздѣлили ихъ между собою; вещи эти: черная шапка, надѣвши которую человѣкъ дѣлается невидимъ, ящичекъ, исполняющій все, чего захочетъ тотъ, кто имъ владѣетъ, и посохъ, съ которымъ по водѣ можно ходить, какъ по землѣ. Молодой человѣкъ сказалъ имъ: „Я брошу камень, и кто первый изъ васъ его принесетъ, тотъ и будетъ хозяинъ этихъ вещей“. Они согласились; онъ бросилъ камень, и когда они побѣжали, онъ надѣлъ на себя шапку, сталъ невидимъ и пошелъ съ этими вещами опять въ городъ. Дочь нойона опять его зазвала къ себѣ, напоила виномъ, взяла его вещи и опять велѣла выбросить за городъ. Проснувшись онъ пошелъ по дорогѣ и зашелъ въ одну избушку; здѣсь также жила старуха чаугунца; онъ опять поселился у старухи, назвавшись ея сыномъ. Когда она стала варить чай, онъ замѣтилъ, что она положила туда яду; когда она подала ему чашку, то онъ сказалъ, что въ ихъ сторонѣ чай пьютъ закрывшись. Закрывшись полой, онъ чай выпилъ, а потомъ нарочно сталъ тянуть воздухъ ртомъ изъ пустой чашки, представляя, будто пьетъ. Потомъ сказалъ, что спльно хочетъ спать, легъ и притворился спящимъ. Тогда онъ увидѣлъ, что чаугунца была шульмусъ съ однимъ глазомъ во лбу и подходила къ нему, чтобы его съѣсть. Онъ сдѣлалъ видъ, будто просыпается, и замѣтилъ, какъ шульмусъ опять сдѣлалась старухой; онъ сказалъ ей: „Мать! что это за цвѣты стоятъ у тебя на ящикѣ?“ „Это“, говоритъ старуха, — „такіе цвѣты, которые, что захочешь, то и сдѣлаютъ“. Видя, что молодой человѣкъ не спитъ, старуха сама легла спать; тогда онъ накалилъ свой посохъ, который остался у него, потому что нойонская дочь не знала, что онъ волшебный, и выкололъ имъ глаза шульмусу; схватилъ цвѣты и убѣжалъ. Старуха разбила избушку и бросилась за нимъ; онъ добѣжалъ до моря, положилъ свой посохъ и пошелъ по нему черезъ море, какъ по сухой землѣ, а шульмусъ побѣжала за нимъ и утонула. Возвращаясь назадъ, онъ увидѣлъ на берегу дочь нойона, которая купалась вмѣстѣ съ своими семью служанками. Онъ подошелъ и сказалъ ей: „Будь моею лошадию съ сѣдломъ!“ Силой цвѣтовъ, которые онъ взялъ у старухи, она сдѣлалась лошадию, а ея служанокъ онъ превратилъ въ ословъ. Поѣхалъ въ городъ и сталъ тамъ жить. Нойонъ обѣщалъ большую награду тому, кто найдетъ его дочь; молодой человѣкъ явился къ нему и

сказалъ, что онъ найдетъ его дочь, если нойонъ отдастъ ему ея ящикъ. Нойонъ отдалъ ему ящикъ; онъ вынулъ изъ него голову бокширго, шапку и волшебный ящичекъ; послѣ этого велѣлъ принять лошади человѣческій видъ, но не прежній, а съ однимъ глазомъ. Отецъ сталъ требовать, чтобъ онъ возвратилъ ей настоящій видъ; тогда онъ сдѣлалъ ее по прежнему красивою. Отецъ выдалъ дочь за него замужъ и сдѣлалъ его старшимъ тушмятомъ (сановникомъ). Онъ разыскалъ своего отца и мать, отца сдѣлалъ тушмятомъ, а мать служанкой; наградилъ также старуху чагунцу.

Старшій его братъ, разставшись съ нимъ, поймалъ маленькую золотую сороку; онъ былъ голоденъ, но пожалѣлъ ее съѣсть и, сказавъ: „Сытъ я съ нею не буду!“ отпустилъ ее. Тогда сорока превратилась въ дѣвицу, сказала, что она дочь Шацга-хана, и повела его съ собою. Когда они пришли къ Шацга-хану, дочь разказала ему, что этотъ человѣкъ спасъ ее отъ смерти. Ханъ далъ ему одну бояру синей дабы (квадратный лоскутъ синей бумажной матеріи) и велѣлъ идти домой, никуда, ни въ какіе аилы не заходить по дорогѣ, а пришедши домой, положить дабу и сказать: „Дабу дельгиръ“ (даба, развернись)! Молодой человѣкъ не исполнилъ приказа; по дорогѣ заѣхалъ въ одинъ аилъ; тамъ угостили его виномъ; онъ разказалъ, что былъ у Шацга-хана, и что ханъ подарилъ ему одну бояру синей дабы. Хозяева переѣмили его дабу; онъ пріѣхалъ домой, развернулъ и сказалъ: „Дабу дельгиръ!“ Но даба была какъ есть даба.

Поѣхалъ онъ опять къ Шацга-хану и разказалъ, что его даба самая обыкновенная даба. Тогда ханъ сказалъ: „Ты заѣзжалъ въ аилъ и у тебя переѣмили мой подарокъ. Я дамъ тебѣ мунъ (чекмарь, паллицу); ступай въ этотъ аилъ и скажи: мунъ цохс! а если нужно будетъ остановить, то гладь и говори: цохсо мунъ! цохсо мунъ!“ Молодой человѣкъ пріѣхалъ въ аилъ, гдѣ у него переѣмили дабу и сказалъ: „Мунъ цохс!“ И мунъ сталъ всѣхъ колотить. Они закричали: „Отдадимъ тебѣ твою дабу, только останови мунъ!“ Онъ взялъ мунъ, сталъ его гладить и приговаривать: „Мунъ цохс“ (мунъ, стой)! Мунъ остановился. Онъ взялъ свою дабу и пріѣхалъ домой. Здѣсь онъ сказалъ: „Даба, развернись!“ И она развернулась. У него стало множество скота и слугъ; онъ указалъ слугамъ, что имъ каждому дѣлать. Тогда передъ нимъ явилась

дочь Шацга-хана, которую онъ взялъ за себя замужъ; сдѣлавшись большимъ нойономъ, сталъ онъ жить счастливо. Вотъ какъ счастливо было крылышко отъ бокширго, которое онъ съѣлъ.

(Запис. отъ Дархата гелюнга Иши Джамсына).

161. Гахай Тологой Тюлюкчи.

Гахай-Тологой-Тюлюкчи до старости дожилъ у своей матери; онъ боялся выходить изъ аила и даже за естественной нуждой не выходилъ. Разъ мать положила недалеко отъ дверей цѣлую брюшину (гудзе) съ масломъ (тосу) и говоритъ сыну: „Ты бы хоть мочиться выходилъ изъ аила!“ Онъ послушался, вышелъ за дверь и увидалъ гудзе тосу, принесъ его матери и радуется: „Я“, говорить, — „мать, цѣлое гудзе тосу нашелъ!“ „Видишь, я тебѣ правду говорила, что обмотавши палецъ ремешкомъ въ три ряда, ты будешь счастливъ; вотъ далеко ли ты вышелъ, а ужъ гудзе тосу нашелъ. А если дальше пойдешь, такъ чего ты не найдешь, такой мужественный человѣкъ“ (эръ хунъ)! Сынъ дѣйствительно былъ радъ, что нашелъ находку и сказалъ: „Завтра пойду еще дальше мочиться!“ Мать опять вынесла тихонько и бросила полный мѣшокъ арулю (сыру). Сынъ вышелъ на другой день, нашелъ его и принесъ къ матери, радуется. Мать говоритъ: „Какъ тебѣ не найти! Въдь ты эръ хунъ! Постоянно будешь находить; ты сядь на бѣлую лошадь, возьми бѣлогрудую собаку, ружье и поѣзжай дальше; посмотри сколько тамъ разныхъ звѣрей; ты ихъ стрѣлай и привози домой, мы тогда будемъ сыты и богаты“. Сынъ поѣхалъ, на дорогѣ увидалъ лисицу, выстрѣлилъ, промахнулся; лисица ушла въ нору. Слыхалъ онъ, что изъ норъ выживаютъ звѣрей дымомъ; разложилъ курево, дымъ пошелъ во многихъ мѣстахъ изъ отворковъ; онъ ихъ сталъ заткивать, которую халатомъ заткнулъ, которую шапкой, рубахой, раздѣлся до нага; всѣ норы утыкалъ. Лисица выскочила въ ту дыру, что была заткнута шапкой, и унесла на себѣ шапку; собака кинулась за лисицей, а лошадь у него была привязана къ собакамъ; она тоже усакала за собакой; ружье было привязано къ сѣдлу; осталшая одежда, что была заткнута въ норы, сгорѣла; остался онъ одинъ въ полѣ нагой. Подумалъ, подумалъ, что ему дѣлать, и рѣшилъ, идти въ ту сторону, куда убѣжала собака съ лошадыю. Стемнѣло; онъ дошелъ до аила и залѣзъ въ навозъ,

приготовленный для топлива, ночевать; онъ устроился такъ, что его снаружи не видно было; чтобы смотрѣть, дыру оставилъ; на другой день онъ боялся выльзти изъ своего гнѣзда и смотрѣлъ, что кругомъ дѣлается. Это было ханское ургѣ; ханская дочь вышла изъ юрты за нуждой и обронила золотое кольцо съ пальца; немного погодя, пришла на это мѣсто корова и положила на кольцо навозу; немного погодя, вышла служанка, увидала коровью лепешку, подняла и положила въ общую кучу, гдѣ Тюлюкчи сидѣлъ, чтобы сохла на дрова. Стали кольцо искать; поднялась тревога. Тогда Тюлюкчи рѣшился выйти изъ своего мѣста. Сталъ кричать, чтобы дали ему одежду. Доложили хану, что какой то человѣкъ сидитъ въ аргалѣ. Ханъ пошелъ самъ, спрашиваетъ его: „Кто ты такой?“ „Я Гахай-Толога-Тюлюкчи“. ¹⁾ „А если ты тюлюкчи“, сказалъ Ханъ, — „такъ найди намъ кольцо“. Дали ему одежду; онъ велѣлъ себѣ новый аилъ поставить, сказалъ, что книги будетъ читать (все обманывалъ, онъ никакой молитвы не зналъ), велѣлъ принести голую голову отъ издохшей свиньи, убралъ эту голову лентами и хадаками для обману, дулъ, плевалъ, дѣлалъ разныя гримасы и наконецъ покатилъ эту голову впередъ себя къ тому мѣсту, гдѣ было кольцо. Стукнулъ сухую коровью лепешку, кольцо изъ нея и выпало. Ханъ сказалъ: „Проси чего хочешь, все дамъ!“ Въ это время изъ аила крикнули: „Собирайте всю посуду! Она нужна для молока!“ Тюлюкчи и сказалъ хану, что ему нужна вся посуда для молока. Ханъ велѣлъ отдать, посмѣялся только надъ его прихотью.

Тюлюкчи привезъ домой цѣлый возъ посуды для молока и старой и новой; мать долго надъ нимъ смѣялась. „Лучше бы“ говоритъ, „тебѣ попросить у хана что-нибудь изъ одежды“. Прошло сколько времени, у хана заболѣлъ сынъ; онъ вспомнилъ про Тюлюкчи и послалъ за нимъ. Тюлюкчи испугался, потому что онъ ничего не зналъ; однако виду не подалъ, пріѣхалъ; его помѣстили въ тотъ аилъ, гдѣ больной жилъ. Больной былъ женатъ; видитъ Тюлюкчи, что жена переѣхалась что-то въ лицѣ, испугался этого, не знаетъ что ему дѣлать, помѣстилъ свиную голову туда, гдѣ бурханы стоятъ, взялъ четки, и плакалъ и дулъ на нихъ. Когда стемнѣло, жена

¹⁾ Гахай тологой тюлюкчи — „толкатель свиной головы“.

больного вышла изъ юрты и Тюлюкчи за нею. Слышитъ, жена шепчется съ кѣмъ-то. „Что, каковъ больной?“ „Плохъ!“ говоритъ жена. „Пора съ нимъ покончить!“ кто-то ей шепчетъ. „Нѣтъ“, погоди! — надо посмотрѣть, что Тюлюкчи будетъ дѣлать; я его боюсь; онъ все на меня глядитъ да держитъ свою свиную голову; я и ея боюсь!“ Вотъ что Тюлюкчи подслушалъ. На другой день онъ опять пошелъ слушать; слышитъ, кто-то говоритъ: „Надо украсть свиную голову, а потомъ съ нимъ и покончить!“ Тюлюкчи подумалъ, что это его самого собираются убить, и рѣшился бѣжать въ эту же ночь. Дальше слышалъ онъ, что жена больного тоже собирается бѣжать. „Чего“, говоритъ, — „намъ бояться; насъ никто не узнаетъ, я сдѣлаюсь лисицей, а ты сарлыкомъ; а и поймать, такъ вѣдь, чтобы насъ истребить, двадцать вьюковъ дровъ надобно; только на такомъ огнѣ насъ и сожжешь?“ А кто здѣсь это знаетъ.

Ночью Тюлюкчи не спалъ; когда всѣ уснули, онъ взялъ свою свиную голову, и вышелъ изъ дому, намѣреваясь бѣжать, да побоялся собакъ и полѣзъ на крышу сосѣдскаго двора; пошелъ по ней, вдругъ крыша подломилась; онъ провалился, упалъ на что-то мохнатое, испугался и давай колотить свиной головой; мохнатое захрюкало, какъ сарлыкъ; тутъ Тюлюкчи вспомнилъ, что жена больного собиралась съ кѣмъ-то бѣжать, который долженъ былъ обратиться въ сарлыка. На шумъ залаяли собаки, сбѣжались люди; самъ ханъ проснулся и вышелъ посмотрѣть, что случилось, а Тюлюкчи такъ избилъ сарлыка, что тотъ не можетъ двигаться. На сарлыка надѣли крѣпкую обороть и заперли въ желѣзную башню. Тюлюкчи велѣлъ приготовить двадцать вьюковъ дровъ и разложилъ изъ нихъ костеръ пменно такъ, какъ подслушалъ ночью. Вокругъ огня чириковъ поставили съ ружьями да пиками, привели сарлыка и поставили его на костеръ; солдаты не давали ему убѣжать изъ огня. Послѣ этого Тюлюкчи сказалъ, что надо сжечь и невѣстку; но ханъ на это не согласился и сказалъ, что онъ невѣсткѣ больше, чѣмъ сыну, вѣритъ. Тюлюкчи стоялъ на своемъ. „Вы только приведите ее къ огню“, говорилъ онъ, — „да посмотрите, что съ ней будетъ“. Ханъ наконецъ согласился. Привели жену больного къ костру, она оборотилась лисицей; тогда ее схватили и бросили въ огонь; нѣсколько разъ она выскакивала, да чирики ее опять въ огонь бросали. Послѣ этого ханскій сынъ выздоровѣ-

вѣлъ. Ханъ награди́лъ Тюлюкчи, сдѣлалъ его небольшимъ туш-мютомъ и сталъ онъ жить съ своей матерью счастливо.

162. Толиндынь Ханъ и Шюриндынь Хатынь ¹⁾.

Ханскій сынъ и сынъ нойона отправились путешествовать—искать счастья. Сынъ нойона зналъ девять языковъ, между прочимъ языкъ звѣрей, языкъ птицъ и т. д. Шли они и остановились отдохнуть у золотой тополи; прилетѣли на дерево вороны и стали между собою говорить. Воронъ говоритъ: „Эти молодцы будутъ счастливы, если пойдутъ къ Толиндынь-хану и увезутъ Шюриндынь хатынь!“ Ворона спрашиваетъ: „Какъ же они ее увезутъ?“ Воронъ разсердился и говоритъ: „Твое ли дѣло это знать?“ Ворона говоритъ: „Сколько лѣтъ я съ тобою живу, а ты мнѣ не хочешь сказать правды; когда такъ, я не хочу тебя знать!“ И полетѣла прочь. Воронъ закричалъ: „Воротись, скажу!“ Ворона воротилась, и онъ сталъ ей разказывать, что надо имъ для этого выучиться кузнечному и плотничьему ремеслу и эльби; сдѣлать хазыкъ-терге (телегу) и поймать тогусъ-шибо (павлина), прельстить этимъ хатынь, и когда она выйдетъ изъ юрты хана посмотрѣть на терге и тогусъ-шибо, схватить ее и увезти; вотъ тогда они будутъ счастливы!“ Сынъ нойона выслушалъ все это и сказалъ ханскому сыну: „Мы теперь должны разойтись и научиться плотничьему и кузнечному ремеслу“. Сынъ нойона пошелъ учиться кузнечному, а сынъ хана плотничьему; нойонскій сынъ скоро выучился и ремеслу и эльби, а ханскій сынъ не могъ ничему выучиться; сынъ нойона и плотничать самъ за товарища долженъ былъ научиться; и эльби за это время отлично научился. У него была четырехугольная бумажка; какъ онъ ей почему нибудь стукнетъ и скажетъ: „будь то то, и то то, все сейчасъ и сдѣлается“. Изъ дерева дѣлалъ серебро и золото. Когда сошлись они опять съ сыномъ хана, онъ стукнулъ бумажкой по дереву и сказалъ: „Будь хазыкъ-терге!“ И хазыкъ-терге была готова. Потомъ онъ стукнулъ опять по дереву и сказалъ: „Будь тогусъ-шибо!“ И тогусъ-шибо былъ передъ ними. Они сѣли въ телегу, взяли тогусъ-шибо и отправились къ Толиндынь хану. Когда

¹⁾ Зеркальный ханъ и коралловая царица.

они подъѣзжали къ его дому, дочь хана Шюриндынь Хатынь услышала стукъ телеги и пѣніе тогусъ-шибо и сказала отцу: „Я пойду, посмотрю хазыкъ-терге и тогусъ-шибо!“ Только подошла она къ нимъ, нойонскій сынъ схватилъ ее, посадилъ въ телегу и по-скакалъ съ нею назадъ. Выѣхали за границу этого ханства; сынъ нойона уничтожилъ терге и тогусъ-шибо и сдѣлалъ халчики (мѣшки); сами они сдѣлались нищими (батырчи) и пришли опять подъ золотую тополь отдохнуть. Опять прилетѣли двѣ вороны и сказали одна другой: „Смотри-ка, они въ самомъ дѣлѣ увезли Шюриндынь Хатынь. До счастья имъ однако еще далеко! Они идутъ теперь домой, и на дорогѣ имъ попадутся три пары сапогъ; они не должны ихъ брать, хотъ и босы; дальше три шубы; хотъ они и въ лохмотьяхъ теперь одѣты, они не должны брать эти шубы; еще дальше попадутся имъ три осѣдланныя лошади; они не должны ихъ брать и на нихъ садиться, хотъ и устанутъ. Последнее испытаніе ихъ будетъ состоять въ томъ, что попадется имъ Абырга-могой въ десять сажень длины; послѣ этого придутъ они домой“. Пошли они дальше и по дорогѣ нашли сапоги; сынъ хана непремѣнно хотѣлъ ихъ надѣть, сынъ нойона изрубилъ ихъ въ куски; нашли дальше три шубы; сынъ хана опять сталъ говорить, что онъ непремѣнно надѣнетъ шубу; сынъ нойона изрубилъ и шубы. Пошли дальше, увидели трехъ осѣдланныхъ лошадей; царскій сынъ хотѣлъ было уже сѣсть на одну лошадь, какъ нойонскій сынъ зарубилъ и лошадей. Пошли они дальше и черезъ нѣсколько времени остановились отдохнуть; пока другіе отдыхали, нойонскій сынъ все точилъ свою саблю; въ это время увидели они, что ползетъ на нихъ Абырга-могой; нойонскій сынъ однимъ размахомъ убилъ змѣю. Одна капля крови Абырги-могой брызнула на лицо Шюриндынь Хатунъ. Если эту кровь вытирать, то черное пятно останется, поэтому сынъ нойона слизалъ эту каплю языкомъ. Сынъ хана разсердился, сталъ укорять своего товарища, что обѣщалъ онъ отдать ему Шюриндынь Хатунъ въ жены, а самъ ее напередъ поцѣловалъ. Сынъ нойона обидѣлся на его упрёки и превратился въ камень. Тогда Шюриндынь Хатунъ стала плакать и упрекать ханскаго сына. „Сынъ нойона спасъ меня отъ пятна“, говорила она, — „а ты его оскорбилъ!“ Стала царица просить, чтобы небо дало ей живой воды (менку аршан). Устала ужъ она держать

чашку, а въ нее капнула еще только одна капля воды; стала она просить ханскаго сына, чтобы поддержалъ онъ чашку, пока еще капнетъ капля и чашка будетъ полная. Ханскій сынъ сталъ держать чашку да заснулъ и пролилъ живую воду изъ чашки. Тогда опять Шюриндынъ Хатунъ сама стала держать чашку, но только одна капля ей капнула; другой она такъ и недождалась. Подошла она къ камню и влила каплю живой воды въ отверстіе камня; тогда изъ него опять сдѣлался сынъ нойона, но онъ уже не зналъ ни эльби, ни языковъ, ни ремесла, сталъ простымъ человѣкомъ, потому что выпилъ только одну каплю живой воды; если бы двѣ выпилъ, у него остались бы старыя познанія и всѣ мы были бы такіе же знающіе, какъ онъ. (Дальше разказчикъ не зналъ).
(Записано отъ Урянхайца Дзулту).

163. Батырь Цзанъ.

Батырь-Дзанъ услышалъ, что на одной знаменитой горѣ живутъ очень богатые неизвѣстно какіе-то люди, что тотъ, кто къ нимъ съѣздитъ, возвращается богатымъ. Онъ задумалъ туда съѣздить и сталъ подыскивать себѣ товарища въ такую дальнюю дорогу. Приѣхалъ къ нему Джамба лама, тоже славившійся силой, и просилъ взять его съ собою, но Батырь-Цзанъ отказалъ, говоря, что онъ не можетъ равняться съ нимъ силой и удалью. Три дня ѣздилъ Джамба лама, упрашивая, чтобы его взяли, на четвертый Цзанъ согласился. Поѣхали они вмѣстѣ; близъ горы нашли они бѣдный хатгуръ (шалашъ изъ кошмъ), въ которомъ жили старикъ со старухой. Они сошли съ коней, стреножили ихъ и зашли въ аилъ; Цзанъ сѣлъ выше, Джамбалама ниже; поздоровались, покурили трубку, старикъ сталъ спрашивать: „Откуда вы и что за люди? Какъ васъ зовутъ? Куда вы ѣдете?“ и т. д.

Они сказали ему, что ѣдутъ искать счастья, а именно хотятъ проѣхать къ тѣмъ людямъ, что живутъ на ближней горѣ. Старикъ сказалъ, что раньше это были люди торговые, а теперь стали разбойники, и что кто къ нимъ приѣдетъ, назадъ уже не возвращается. Однако дорогу имъ указалъ, сказалъ, что надо сначала подниматься въ гору по узкому ущелью, дальше ѣхать по тропинкѣ, проложенной въ скалѣ, а тамъ они увидятъ площадку, на которой стоятъ пять аилловъ. Одинъ аилъ съ красными дверями,

другой съ синими, третій съ черными, а остальные два аила бѣлые; въ аилѣ съ красными дверями живетъ Китаецъ, Джамба-лама и одна хатуна (знатная женщина); люди эти заѣзжихъ къ нимъ людей бросаютъ въ колодезь, который есть выше ихъ юртъ на горѣ. Старикъ угостилъ Цзана и его товарища чаемъ и оставилъ ночевать. Цзанъ сталъ уговаривать Джамбу-ламу воротиться, но тотъ настаивалъ на томъ, чтобы ѣхать. Утромъ они отправились и нашли все такъ, какъ разказалъ имъ старикъ. У аила съ красными дверями они привязали коней у привязи, а сами вошли въ аилъ. Поздоровались съ ламой; онъ, отвернувшись, сказалъ только „менду“, а Китаецъ и хатуна и совсѣмъ промолчали; трубки никто изъ нихъ не принялъ; было тутъ еще двое съ звѣрскими лицами людей, они тоже не поздоровались и трубокъ не приняли. Китаецъ кивнулъ этимъ людямъ; они достали два черные ремня и стали связывать руки Цзанъ-батырю и Джамба-ламѣ; на помощь къ нимъ явился еще два человѣка; вывели богатырей изъ аила, посадили на лошадей и повезли на гору къ ямѣ. На горѣ они ссадили богатырей съ коней и Джамбу-ламу первого повели къ ямѣ; какъ онъ ни сопротивлялся, его туда столкнули, и Цзанъ-батырь только услышалъ, какъ онъ о дно стукнулся. Когда повели Цзана, онъ повернулъ руки; ремень затрещалъ; когда подвели его къ ямѣ, онъ дернулъ руками и порвалъ ремень, двухъ схватилъ, какъ щепки и бросилъ въ яму, третьяго туда же, а четвертый палъ на колѣни и сталъ просить пощады. Наложивши трубку, онъ сталъ подчивать Цзана; Цзанъ сталъ его спрашивать: сколько у нихъ людей, много ли скота, серебра и золота? Разбойникъ разказалъ, что верблюдовъ у нихъ одинъ суръ; столько же быковъ, лошадей и овецъ; въ ящикахъ все серебро и золото; самое худшее изъ того, что у нихъ есть, то соболи и шелковыя ткани. Далѣе разбойникъ разказалъ, что Китаецъ шинжечи, ворожкой знаетъ все впередъ, а Джамба-лама—такой сплачъ, что, схвативъ двухъ верблюдовъ, побѣжитъ съ ними такъ, что на конѣ не догонишь; хатуна это ихъ любовница; людей ихъ всего двадцать человѣкъ; они четверо самые послѣдніе по силѣ и ловкости; живутъ они въ аилахъ съ черными и синими дверями, а въ остальныхъ живутъ пастухи, повара, сторожа и другая прислуга. „Крѣпко ли они спятъ?“ спросилъ Цзанъ. „Спятъ какъ мертвые“, отвѣчалъ разбойникъ. „Какъ

же мы убѣжимъ отсюда?" спрашиваетъ Цзанъ. „Это трудно“, отвѣчалъ разбойникъ. „Не труднѣе же этого!“ сказалъ Цзанъ и столкнулъ разбойника въ пропасть. Взялъ шесть аргамаковъ, заѣхалъ въ лѣсъ и сталъ дожидаться ночи. Здѣсь онъ горевалъ, плакалъ и пѣлъ, потомъ сталъ ломать деревья; положивъ ихъ, онъ сталъ кидать на нихъ тяжелые камни, переломалъ почти всѣ; наконецъ, бросилъ на одну лѣсину камень съ ящикъ величиной, она не переломилась; онъ взялъ ее вмѣсто дубины. Дождавшись полночи, пошелъ онъ къ аиламъ; всѣ уже спали: уркѣ (кошма, прикрывающая дымовое отверстіе) было опущено, огня не видать. Онъ вошелъ въ аилъ, гдѣ жилъ Китаецъ съ ламой и женщиной; принесъ со двора аргалу и сталъ его разжигать на огнищѣ, чтобы только дымилось; одну половину дверей привязалъ и сталъ ждать на улицѣ. Китаецъ проснулся, закашлялся отъ дыму и сталъ звать ламу. „Это“, говорилъ онъ,—„вернулся одинъ изъ тѣхъ, что велѣли сегодня въ яму бросить“. Лама всталъ, крехтя: „Ахъ! ахъ!“ А Цзанъ съ улицы кричитъ толстымъ голосомъ: „Выходи скорѣе!“ Лама отвѣчаетъ: „Не торопись! поторопиться, задавлю!“ Не торопясь, подпоясавъ, взялъ саблю и пошелъ; но въ дверяхъ застрялъ, такъ какъ одна половинка была привязана. Цзанъ въ это время ударилъ его по головѣ; лама даже не покачнулся. Вылѣзъ на улицу совсѣмъ съ дверями, схватилъ Цзана и придавилъ колѣномъ къ землѣ, какъ шапку. Цзанъ ударилъ его подъ локоть и вышибъ изъ рукъ саблю; пока лама искалъ саблю, Цзанъ вывернулся изъ подъ колѣна и ударилъ Джамбу по косицѣ; тотъ покачнулся; Цзанъ схватилъ саблю и отрубилъ ему голову. Китаецъ разбудилъ женщину и велѣлъ ей чай варить, говоря, что придетъ сейчасъ Джамба и захочетъ чаю. Цзанъ подошелъ къ дверямъ и крикнулъ: „Выходи черный Китаецъ!“ Китаецъ, держа саблю подъ колѣнами, звалъ его къ себѣ, говоря: „Заходи, будемъ друзьями! Будемъ одну думу думать!“ Цзанъ ударилъ его по головѣ палкой и убилъ, потомъ женщина сказала: „Выходи, харъ янку!“ Та заплакала и стала просить пощады; онъ оставилъ ее въ живыхъ. Пошелъ къ тѣмъ аиламъ, гдѣ жили разбойники, сталъ у дверей и закричалъ, чтобы они всѣ выходили. Они выходили по одному, и онъ по одному убивалъ ихъ. Послѣ этого онъ созвалъ всѣхъ слугъ старыхъ и молодыхъ, красивыхъ и дурныхъ, и объявилъ имъ свободу. Къ утру онъ при-

казалъ имъ собрать весь скотъ и все имущество; бѣдняки не спали всю ночь, радуясь своей свободѣ. Цзанъ приказалъ женщинѣ перетеръ всѣ сундуки и сталъ осматривать богатство. На другой день онъ навьючилъ себѣ пятнадцать верблюдовъ всякаго имущества, остальное раздѣлилъ другимъ людямъ; женщина предлагала ему остаться у нея въ аилѣ, потомъ просила взять ее съ собою, но онъ, не отвѣчая на ея просьбы, убилъ ее за то, что не приняла у него трубки, когда онъ въ первый разъ къ нимъ зашелъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ опять къ старикамъ, которые приняли его тогда ласково, какъ сына, и указали дорогу въ горы, наградили ихъ и поѣхали домой. Сталъ жить богато и счастливо.

(Записано отъ ламы Гунына, Халхасца хошуна Лу-гуна).

154. Тондыкъ.

Тондыкъ былъ знаменитый воръ; онъ славился силой и ловкостью. Заѣхалъ онъ однажды ночевать къ вдовѣ, у которой былъ молодой сынъ; молодые люди разговорились, Тондыкъ признался, что онъ воръ. Сынъ вдовы сталъ проситься ѣхать съ нимъ воровать. Тондыкъ согласился, и вотъ они отправились вмѣстѣ; Тондыкъ послалъ товарища въ богатый аилъ, чтобы украсть тамъ хорошую лошадь; тотъ укралъ, вернулся и поѣхали вмѣстѣ дальше къ богатому аилу. Тондыкъ говоритъ, чтобы онъ меньше двадцати лошадей не воровалъ никогда, что всегда воруетъ или ровно двадцать, или ровно тридцать, или ровно сорокъ. Три дня они прожили на одной горѣ, ожидая удобнаго времени, наконецъ убрали двадцать лошадей. За Тондыкомъ давно уже слѣдили; хозяева лошадей бросились догонять ихъ, сына вдовы догнали, набросили на него веревку и сдернули съ лошади, а Тондыкъ ускакалъ на своемъ конѣ. Сына вдовы привели въ аилъ и стали пытать: кто съ нимъ былъ и откуда онъ самъ? Онъ ничего имъ не сказалъ, только охалъ, когда его били. Тондыкъ, когда замѣтилъ, что за нимъ ужъ нѣтъ погони, воротился назадъ, чтобы посмотреть, нельзя ли выручить товарища. Подѣхалъ къ аилу; вокругъ никого нѣтъ, только множество лошадей привязанныхъ стоитъ; онъ выбралъ ту вороную лошадь, на которой догнали его товарища, отвелъ ее въ кусты и тамъ привязалъ вмѣстѣ съ своею, а самъ вернулся къ аилу, привязалъ всѣмъ лошадямъ къ хвостамъ кошмы и

испугалъ ихъ. Изъ аила всѣ выбѣжали ловить своихъ лошадей; только одна женщина, варившая въ большомъ котлѣ чай, осталась. Тондикъ вбѣжалъ въ аилъ, перерѣзалъ на товарищѣ веревки, взвалилъ его себѣ на плечи и унесъ къ тому мѣсту, гдѣ были привязаны лошади; посадилъ его на вороную лошадь, самъ сѣлъ на свою, и погнали опять тѣхъ двадцать лошадей, которыхъ онъ успѣлъ отогнать. Три дня гнали; на четвертый день имъ пришлось гнать узкимъ ущельемъ; здѣсь увидали они человѣкъ двѣсти народа, который ихъ тутъ ждалъ, зная, что въ другомъ мѣстѣ прогнать лошадей не гдѣ. Тутъ Тондыкъ сказалъ своему товарищу, чтобъ онъ спасался. Тотъ отвѣчалъ, что онъ мастеръ бросать камни, и что ему случалось этимъ способомъ убивать звѣрей. Набравъ камней, онъ бросился впередъ и сталъ убивать людей; за нимъ Тондыкъ гналъ лошадей; нѣкоторые люди были убиты, другіе разбѣжались; хозяинъ лошадей кричалъ имъ съ горы, чтобы не угоняли его мухортую лошадь, что она *сетэртэй* (посвященная Богу); но Тондыкъ гналъ, не обращая ни на что вниманія. Когда они добрались до своего мѣста, Тондыкъ не далъ сыну вдовы ни одной лошади; только уже спустя нѣкоторое время, привезъ ему нѣсколько сотъ ланъ серебра и сталъ убѣждать его никогда не воровать больше. „Этихъ денегъ надолго хватитъ тебѣ платить албу (подать) и жить съ матерью“, сказалъ онъ; потомъ назвалъ сына вдовы своимъ старшимъ братомъ по ремеслу и уѣхалъ, взявши съ него слово, что онъ воровать не будетъ.

165. Змѣи.

Одинъ Монголь наткнулся на груды змѣй; испугавшись, онъ сталъ молиться имъ, думая, что они собрались по повелѣнію неба. Когда онъ молился, то увидѣлъ, что одна змѣя стала приближаться къ нему; на головѣ у нея онъ замѣтилъ два небольшіе красные рожка; змѣя подползла къ нему и потерла свою голову о его колѣни; одинъ рогъ съ нея свалился ему въ колѣни. Въ это время небо покрылось тучами, и пошелъ дождь; Монголь спрятался подъ утесъ, гдѣ было совершенно темно; пощупавъ кругомъ, онъ наткнулся на что-то мягкое, мелкое и круглое; онъ попробовалъ на вкусъ, оказалось сладкое, какъ сахаръ, и онъ поѣлъ его довольно; послѣ этого показалось ему, что все кругомъ закачалось

и онъ потерялъ сознаніе; пришедши въ чувство, онъ увидѣлъ передъ собою совершенно новую мѣстность, какой прежде не видалъ; лежалъ онъ на мѣстѣ большого скочевавшаго аила; вокругъ росли громадныя деревья, какихъ онъ раньше и не видывалъ; вставши, онъ пошелъ дальше и увидѣлъ большой аилъ; онъ вошелъ въ него и поздоровался, но на него не обратили никакого вниманія; между тѣмъ въ аилѣ было много молодыхъ людей необыкновеннаго роста, такая же высокая дѣвица, и сидѣлъ старикъ въ спней шелковой шубѣ, Ханъ-Хурмусть. Варился чай въ огромномъ котлѣ. Скоро всѣ стали пить, но ему не дали, и онъ догадался, что его не видятъ. Когда напился всѣ, чаю осталось довольно, онъ взялъ чашку и также напился. Пришло время варить мясо; точно также ему не дали, но онъ послѣ другихъ взялъ самъ мяса и наѣлся. Когда всѣ легли спать, онъ улегся въ рукавъ высокой дѣвицы, дочери хана. Вставши утромъ, дѣвица почувствовала себя нездоровою; послали къ Цорджи-ламѣ просить его къ больной, а если не поѣдетъ, то прислалъ бы цакіусъ. Черезъ нѣсколько времени цакіусъ явился; монголь также вышелъ посмотрѣть на цакіусъ; это былъ огромный бѣлый беркутъ. Беркутъ поспѣлъ немного и улетѣлъ, а дѣвущкѣ все не было лучше. Опять послали за Цорджи-ламой. Явился онъ самъ; это былъ громадной величины толстый сѣдой старикъ; онъ пощупалъ пульсъ у больной, потомъ сталъ въ своей книгѣ смотрѣть. Посмотрѣвши въ книгу, онъ обратился въ ту сторону, гдѣ былъ Монголь, и сталъ на него смотрѣть. Монголь поздоровался съ нимъ. Цорджи-лама отвѣтилъ ему привѣтствіемъ и спрашиваетъ: „Какъ ты сюда попалъ“? Монголь отвѣчалъ, что онъ не знаетъ. Тогда лама опять посмотрѣлъ въ книгу и сказалъ, что на небо его забросила Лу, что дочь Хурмусть-хана заболѣла отъ того, что онъ спалъ въ рукавѣ ея шубы, то-есть, отъ нечистоты. Монголь сталъ просить ламу, чтобъ онъ доставилъ его на землю. Цорджи-лама обѣщалъ и сказалъ: „Только крѣпче держись за коня, а не то притянетъ тебя огонь, и ты сгоришь“. Далъ ему книгу и сказалъ: „Когда ты увидишь вороную осѣдланную лошадь, садись на нее и будешь дома“. Послѣ этого лама замѣсилъ тѣсто, наѣпилъ изъ него пять лошадей съ сѣдлами и сталъ читать молитвы; лошади сдѣлались большущими и ожили; онъ бросилъ поводья одной изъ нихъ Монголу; тотъ сѣлъ на нее,—больше ничего не помнитъ. Опомился

онъ въ своей куртѣ рано утромъ; мать чай варила и удивлялась, какъ онъ могъ войти въ юрту, когда двери были завязаны. Сынъ напился чаю и сталъ припоминать, что съ нимъ было; пощупалъ за пазухой, тамъ лежитъ номъ, что далъ ему лама; это былъ номъ „Цаганъ-Шюкурту“. Черезъ нѣсколько времени онъ сходилъ на то мѣсто, гдѣ видѣлъ змѣй, и нашелъ красный змѣиный рогъ; онъ положилъ его вмѣстѣ съ номомъ и съ тѣхъ поръ живетъ очень счастливо; онъ сталъ богатъ, потому что „Цаганъ-Шюкурту“ и змѣиный рогъ приносятъ счастье.

166. Мальчикъ съ ушко.

Одна старуха загоняла козъ въ пригонъ; поймавши одного козла за хвостъ, она нечаянно оторвала его. Пришедши въ аилъ, она сунула хвостъ за кошмы и стала варить молоко. Когда накипѣла пѣнка, она сняла ее въ чашку и говоритъ: „Ахъ, нѣтъ у меня сыночка, не кому пѣнки ѣсть!“ Вдругъ слышитъ, кто-то кричитъ: „Мама, мама (эджи, эджи), я съѣмъ!“ Изъ хвоста сдѣлался мальчикъ съ ушко (чих чинек). Закомила разъ старуха верблюда ¹⁾ и говоритъ: „Ахъ не кому у меня и за хлѣбомъ въ поле съѣздить“. Мальчикъ кричитъ ей: „Эджи, я съѣзжу!“ Поѣхалъ онъ, навьючилъ на верблюда хлѣба, ѣдетъ обратно и поетъ. Сталъ накрапывать дождикъ; мальчикъ сѣлъ подъ листочекъ травы и сталъ пережидать; верблюдъ сѣлъ его вмѣстѣ съ травой и пошелъ домой. Старуха удивляется, что ея сына нѣтъ; стала развѣивать верблюда. Мальчикъ, услыжавъ, что старуха близко, закричалъ ей, что онъ въ брюхѣ у верблюда. Нечего дѣлать, заболола верблюда, но не могла пайти мальчика; онъ былъ въ слѣпой кишкѣ, а старуха ее выбросила. Не нашедши сына, старуха скочевала съ этого мѣста. Прибѣжалъ волкъ и сѣлъ брошенную кишку. Какъ только волкъ подбѣжалъ къ скоту, мальчикъ съ ушко и закричалъ въ его брюхѣ: „Ловите, ловите! Волкъ пришелъ!“ Волкъ испугался. „Что такое кричитъ у меня въ брюхѣ?“ думаетъ. Пошелъ онъ къ лисѣ и просить: „Матушка, полѣчи!“ Лиса велѣла ему напиться воды изъ рѣки

¹⁾ Закомить (выраженіе русскихъ привашиковъ въ Монголіи) значить привязать на спину верблюда „комы“, которые замѣняютъ вьючное сѣдло, и что въ родѣ двухъ тюфяковъ.

Шаръ-Усу (желтая вода), побѣгать подольше и послѣ того испражниться на семи перекресткахъ дорогъ. Волкъ такъ и сдѣлалъ. Мальчикъ съ ушко остался на одномъ перекресткѣ. Ыхали мимо два человѣка; онъ залѣзъ къ одному подъ сѣдельную луку и пріѣхалъ съ ними въ аилъ, гдѣ они остановились ночевать. Когда все улеглись спать, мальчикъ съ ушко вышелъ изъ аила и закололъ овцу; въ ней онъ нашелъ недоноска и положилъ его между двумя спящими дѣвушками; жидкость изъ брюшины вылилъ на постель двумъ парнямъ, съ которыми пріѣхалъ, а саломъ съ брюшины прикрылъ старика со старухой, самъ залѣзъ за кошмы и сталъ смотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Старикъ проснулся и потащилъ сало на себя, думая, что это его нагольная шуба; сало подсохло и потрескиваетъ; старуха также потащила на себя, чтобъ одѣться, и изорвала все сало; старикъ принялся бить старуху за то, что изорвала она его шубу. Дѣвцы проснулись, увидали на постели выкидышъ и заспорили, упрекая другъ друга: „Это твой выкидышъ!“ Парни проснулись и поссорились, тоже упрекая одинъ другаго. Мальчикъ съ ушко хохоталъ, хохоталъ, до того хохоталъ что у него задница треснула, и онъ умеръ.

167. Левъ.

Въ одномъ государствѣ былъ голодъ три года. Царь послалъ за ворожеемъ спросить его: отчего у нихъ голодъ? Ворожей отвѣчалъ, что прійдетъ въ ихъ землю левъ и поѣстъ весь народъ, если они изъ этихъ мѣстъ не откочуютъ. Ханъ сейчасъ же велѣлъ всемъ кочевать на новыя мѣста. Одинъ только старикъ съ своею старухой остались тутъ, потому что не на чемъ имъ было кочевать.

Узнали они, что левъ уже близко подходитъ, и что впереди его бѣжитъ лисица. Старуха и говоритъ старику, чтобъ онъ взялъ топоръ и шелъ льву на встрѣчу, и какъ левъ будетъ близко, то закричалъ бы на лисицу: „Что ты, обманщица, за тысячу ланъ привела мнѣ такого стараго да не жирнаго льва!“ Потомъ, научаетъ старуха, ты кричи мнѣ: „Есть ли у насъ львиное мясо?“ Старикъ такъ и сдѣлалъ. Какъ увидѣлъ, что левъ уже близко, онъ и закричалъ на лисицу: „Что ты, обманщица, за тысячу ланъ привела мнѣ такого худого льва!“ Потомъ къ старухѣ обратился, спрашиваетъ: „Братъ ли отъ лисицы за тысячу ланъ стараго и худого

льва? Есть ли у насъ львиное мясо?“ Старуха кричитъ ему изъ юрты: „Отъ бѣлаго льва есть задъ да отъ стараго крестецъ“ (уцъ). Левъ услышалъ это, поймалъ лисицу и убилъ. „Что ты это завела меня туда, гдѣ львовъ ѣдятъ“, говоритъ, и убѣжалъ. Черезъ два года пріѣхалъ ханъ, узналъ, что старикъ живъ, позвалъ его къ себѣ, разпросилъ какъ онъ остался живъ, и наградилъ ихъ съ старухой за выдумку, которою они обманули льва.

168. Уланъ Аргата Унюгу ¹⁾.

Жили вмѣстѣ лисица, тигръ, медвѣдь, ворона и волкъ; лисица задумала ихъ всѣхъ погубить: узнала она, что въ одной пещерѣ жилъ лама и умеръ; она взяла его одежду и принесла домой. Даетъ воронѣ четки (эрхи) и говоритъ: „Лети на вершину лѣсны, надѣнь четки на шею и читай „Манп“; ты будешь сыта“. Волку дала сапоги ламы и сказала: „Надѣнь ихъ, поди въ стадо барановъ и ѣшь ихъ; тебя не узнаютъ; подумаютъ—человѣкъ“. Медвѣдю дала цанъ (тарелки музыкальныя). Ворона, надѣвши четки на шею, взлетѣла на лѣсину, повѣсилась и удавилась; волка убили, когда онъ зашелъ въ стадо; а медвѣдь сталъ колотить въ тарелки, подумалъ, что это левъ рычитъ, испугался, убѣжалъ за семь горъ и пропалъ тамъ. Пошла лисица и пошла на дорогѣ узелокъ съ лакомствами и пропащаго дзерена, вымазала себѣ кровью глаза, пришла къ тигру, сама жуетъ что-то. Тигръ спрашиваетъ: „Что ты ѣшь?“ „Я проголодалась“, говоритъ лиса, „выкопала себѣ одинъ глазъ да его и ѣмъ“. „Вкусно?“ „Очень вкусно, выкопай и ты, вѣдь и однимъ глазомъ можно глядѣть“. „Нѣтъ, я не умѣю, выкопай ты мнѣ“. Лисица выдернула ему глазъ, бросила его, а ему подала вмѣсто глаза кусокъ сахару. Тигръ съѣлъ и сказалъ, что глазъ очень сладокъ. „Такъ выкопай и другой“, говоритъ лиса, — „чтобы досыта наѣстися; я буду тебя водить слѣпаго, не оставлю“. „Если такъ, то выкопай мнѣ и другой глазъ“. Лисица выдернула ему другой глазъ, и бросила ему въ ротъ. „Тфу!“ говоритъ, — „какой этотъ нехорошій!“ Лисица сказала: „Значитъ, и у меня другой-то былъ бы нехорошій!“ Пожалѣла, что выдернула тигру другой глазъ напрасну, и сказала,

¹⁾ Красная хитрая лисица.

что себѣ другой глазъ она уже не будетъ выдерживать, потому что горькій. Повела тигра дальше, на одной скалѣ остановились. Лисица развела большой огонь; легли; тигръ легъ на край. Лисица говоритъ ему: „Отецъ, подвинься! Твои пестрины горятъ“ (бар прень чини түледжи байна). Тигръ подвинулся и упалъ со скалы; падаю ухватился зубами за карагану и повисъ. Лисица закричала: „Ты ли это, отецъ, тамъ?“ „М-м! м-м!“ кричитъ тигръ. „Нѣтъ“, говоритъ лисица, — „еслибы то былъ отецъ, онъ сказалъ бы: я, а не мычалъ бы“. Тигръ, чтобы проговорить я, разинулъ пасть, упалъ, выпустивши карагану изъ рта, и убился.

Лисица побѣжала въ аплъ, гдѣ жили старикъ со старухой и ребенкомъ и говоритъ имъ: „Ступайте, возьмите мертваго тигра, который убился, упавши со скалы; очень жирный тигръ!“ Старикъ говоритъ: „Пошли бы да не кому съ ребенкомъ водиться“. „Идите“, говоритъ лисица „я повожусь!“ „Да ты умѣешь-ли?“ „Умѣю“, говоритъ лиса и начала напѣвать: „пѣбэй! пѣбэй!“ „Ну“, говорятъ старикъ и старуха, водись коли умѣешь“. И ушли. Лисица отрубила голову ребенку, мясо сварила, а голову уложила подъ шубу, будто ребенокъ спитъ. Когда воротились старикъ, она подала имъ мясо. Старикъ узналъ, что мясо—ихъ ребенка, схватилъ топоръ и бросился на лису, чтобы ее убить; она увернулась за старуху, и старикъ, промахнувшись, убилъ старуху. Лисица выбѣжала на улицу и стала бѣгать вокругъ спяваго быка; онъ только одинъ и былъ у стариковъ; старикъ сталъ бѣгать за лисцей, ударилъ въ нее топоромъ, да промахнулся и зарубилъ быка; съ горы убился и самъ; а лисица вытаскала изъ быка все сало, наѣлась и побѣжала дальше; на встрѣчу ей попались семь волковъ; лиса говоритъ имъ: „Давайте блевать! Кто саломъ наблюдаетъ?“ Стали блевать; у лисцы все одно сало. Тогда волки спросили: „Гдѣ ты наѣлась сала?“ „Я“, говоритъ, — „сидѣла на льду, опустивши хвостъ и задъ въ воду, и глядѣла, сверху разинувъ ротъ; мнѣ съ неба и падало, когда гудзэ ¹⁾ тосу, когда комъ величпной съ чашку“. „Укажи намъ это мѣсто!“ просятъ лисицу волки, „гдѣ ты сидѣла?“ Она привела ихъ къ рѣкѣ, посадила на ледъ и го-

¹⁾ Гудзэ—желудокъ; въ него обыкновенно накладываютъ сало и масло, чтобы сохранять и перевозить; слово тосу у Монголовъ значить и сало, и масло.

ворить: „Я въ полдень прибѣгу, а вы дайте мнѣ тогда маслица“. „Ладно“, говорятъ волки, — „если лишнее будетъ, дадимъ“. Лисица прибѣжала въ полдень, волки кричатъ ей, что имъ до сихъ поръ не унало еще ни кусочка, и хотѣли лису поймать, но у нихъ хвосты примерзли; лисица посмѣлась надъ ними и побѣжала дальше. Прибѣжала къ золотой тополи, увидала тамъ на гнѣздѣ сороку и кричитъ ей: „Сорока, брось мнѣ своихъ дѣтей, а не то я перегрызу золотой тополь (алтынъ-уляст), съѣмъ твоихъ дѣтей и тебя догоню и съѣмъ“. Сорока испугалась и бросила одного дѣтеныша, на завтра другого, на третій день третьяго; у сороки остался одинъ только; пролетаетъ мимо нея гусь, она и спрашиваетъ его: „Въ самомъ ли дѣлѣ лисица такая сильная, что можетъ перегрызть тополь?“ „Вретъ она“, сказалъ гусь. Въ слѣдующій разъ, когда лисица пришла просить послѣдняго дѣтеныша, сорока отвѣчала такъ, какъ научилъ ее гусь: „Прежде чѣмъ ты золотой тополь перегрызешь, ты свои зубы изотрешь; прежде чѣмъ меня догонишь въ степи, ты свои кости изотрешь!“ „А кто тебя научилъ такъ сказать?“ спросила лиса. „Гусь“, отвѣчала сорока. Побѣжала лисица къ морю разыскивать гуся, но ей встрѣтился у моря быкъ порозъ, который пилъ воду по мѣсяцу, и по мѣсяцу не пилъ; лисица увидала его мошонку и подумала, что скоро она упадетъ. „Мнѣ, говорятъ, „будетъ довольно пищи!“ Легла подъ брюхо ждать; ждала, ждала, да тутъ и умерла съ голоду, не могла дожидаться.

169. Буху бюрз.

Буху бюрз (порозъ, годовой бычѣкъ), ботгонъ тэмэ (годовой верблюженекъ самецъ), хургунъ-хуцъ (ягненокъ самецъ), эшигентъ-охону (козленокъ) и уцугунъ-адзырга (годовой жеребчикъ), жили вмѣстѣ подъ камнемъ. Пришелъ баръ (тигръ), чтобы съѣсть козленка; но прежде спросилъ: „Что у тебя подъ брюхомъ?“ Тотъ отвѣчалъ, что небо дало ему два батика! „А что на головѣ?“ спросилъ баръ. Онъ отвѣчалъ, что небо дало ему два копы, чтобы колоть ими. Баръ испугался и убѣжалъ. Встрѣтился ему волкъ и спрашиваетъ: „Чего ты баръ испугался?“ Баръ разказалъ; тогда волкъ уговорилъ его воротиться: „Ты посмотри“, говоритъ, „какъ я съѣмъ барана“. Тигръ все не соглашался; тогда волкъ привязалъ его къ своей шеѣ и

повелъ, говоря: „Не бойся, мы вмѣстѣ съѣдимъ добычу“. Пришли; козелъ подбѣжалъ къ тигру, зафыркалъ на него, затопалъ ногами; баръ испугался, побѣжалъ и помчалъ за собою волка. Волкъ издохъ. Баръ остановился, чтобы отдохнуть немного, увидалъ, что у мертвого волка оскалились зубы, подумалъ, что онъ надъ нимъ смѣется, увидалъ царапины отъ когтей на снѣгу, подумалъ, что волкъ записалъ, какъ было дѣло, разсердился на волка и убилъ его, и безъ того мертвого.

170. Бурханъ-Бакши и Хе-Даниъ.

Хе-Даниъ былъ не вѣрующимъ дурнымъ человѣкомъ, развращалъ людей; Бурханъ-Бакши взялъ его къ себѣ въ ученики. Онъ показалъ ему номовъ (книгъ) тысячу вьюковъ сѣрыхъ слоновъ, или все равно, одинъ вьюкъ бѣлаго слона, такъ какъ тысяча вьюковъ сѣрыхъ слоновъ совершенно равна вьюку одного бѣлаго слона. Хе-Даниъ сдѣлался гелюнгомъ по имени Сайдзыкъ, однако все-таки остался дурнымъ человѣкомъ. Бурханъ-Бакши возродился Угудунчи-ханомъ (то-есть, ханомъ раздавателемъ) и давалъ все, что у него ни попросилъ бы; въ это время пришелъ къ нему гелюнгъ Сайдзыкъ и сталъ просить его собственную голову; Бурханъ-Бакши наклонилъ голову и сказалъ: „Возьми!“ Небо и Лусайханъ не допустили этому совершиться. Сайдзыкъ упалъ на землю; пзъ рта и носа у него хлынула кровь. Бурханъ-Бакши сказалъ небу (Тэнгри-хану и Луса-хану): „Оставьте вашъ гнѣвъ, онъ долженъ взять мою голову!“ Велѣлъ встать Сайдзыку и опять наклонилъ голову. Сайдзыкъ отрубилъ ее; за это онъ находится теперь въ самомъ нижнемъ аду, который называется Торджи Нелба.

171. Сумбуръ-Уль.

Сумбуръ-Уль лежитъ на сѣверо-востокѣ; это—гора, окруженная четырьмя холмами, которые и называются четырьмя странами свѣта. Верха ея не видать; онъ кажется въ видѣ трехъ ступеней, верхушка четырехугольная; на самой вершинѣ квадратное пространство, надъ которымъ выросло огромное дерево Джамцунъ-Шиндинъ или Боксынъ-Шинъ; если залѣзть на вершину этого дерева, то земля покажется не больше конскаго копыта, плавающего въ морѣ; такъ

это дерево высоко. Если бросить съ этого дерева камень величиной съ быка, онъ долетитъ до земли только черезъ пятьдесятъ лѣтъ (табын он) ¹⁾ и упадетъ на землю только съ барана величиной.

172. Харцига Шибо (коршунъ).

Птица харцига-шибо въ прежнее время получила отъ неба силу и власть пробивать черепа у людей и ѣсть ихъ мозгъ; тѣмъ она и питалась. Когда Бурханъ-Бакши ходилъ по землѣ, то спросилъ ее: „Что ты ѣшь“? Она сказала ему, что пробиваетъ черепа у людей и ѣсть ихъ мозгъ. „Ну-ка“, говоритъ Бурханъ-бакши, — „я посмотрю, можешь ли ты теперь этимъ питаться? Вотъ“ говоритъ — „черепъ отъ мертвца чловѣка; ты взлети какъ можно выше и пробей его“. Положилъ на землю черепъ, а самъ сѣлъ возлѣ. Когда птица взвилась подъ небеса, онъ вмѣсто черепа положилъ круглый бѣлый камень; харцига со всею силой ударила носомъ о камень и потеряла сознание. Тогда Бурханъ-бакши опять на мѣсто камня положилъ черепъ и сказалъ птицѣ, когда она пришла въ чувство: „Время ѣсть чловѣческіе черепа прошло уже; ты не могла мертвца черепа пробить, тѣмъ болѣе тебѣ не пробить живца!“ И лишилъ птицу силы пробивать черепа у людей.

(Записано отъ Дархата Дзулута).

173. Алтынъ канъ ²⁾.

Старый 60-лѣтній царь Алтынъ-канъ и 70-лѣтняя жена его Алтынъ-Сабакъ не имѣли дѣтей. Жили они такъ бѣдно, что поѣсть иногда нечего было, никакого имущества не имѣли. Однажды Алтынъ-канъ отправился на промыселъ; перешелъ сначала серебряную гору Кумушъ-тагъ — ничего не встрѣтилъ; перешелъ золотую гору Алтынъ-тагъ и тоже ничего не нашелъ; только увидѣлъ слѣдъ богатыря и направился по нему. Видитъ — богатырь ѣдетъ по берегу Бѣ-

¹⁾ Онъ — десять лѣтъ.

²⁾ №№ 173—175 записаны А. В. Адриановымъ во время его поѣздки въ 1881 г. къ Черневымъ Татарамъ отъ одного нарпахчи (сказочника) въ Чергоралѣ, мѣстности по р. Онзасу, притоку р. Пызаса, гдѣ живутъ Узугъ-шоры или Таяшъ сеѣкъ (кость Таяшъ), какъ они сами себя называютъ.

лаго моря (Ак-талай), весь обвѣшанный звѣремъ, котораго онъ перебилъ въ золотой и серебряной тайгахъ: обвѣсился такъ, что только у коня уши видно было. Алтынъ-канъ остановился, натянулъ лукъ и пустилъ въ богатыря стрѣлу сдѣлался туманъ бѣлый и синій на семь дней. Когда разсѣлся туманъ, Алтынъ-канъ увидѣлъ богатыря, лежащаго убитымъ; стрѣла перешла его вмѣстѣ съ конемъ пополамъ. Это былъ Канъ-мергенъ и конь его Кара-доратъ. Алтынъ-канъ, пуская стрѣлу, позабылъ ей сказать, чтобъ она вернулась на свое мѣсто, она улетѣла впередъ. Погнался Алтынъ-канъ за стрѣлой. Много прошелъ неизвѣстныхъ горъ и рѣкъ и на пути видѣлъ, что гдѣ стрѣла проходила, тамъ она уничтожила маленькія царства. Наконецъ, по слѣду стрѣлы, онъ пришелъ къ двумъ братьямъ злодѣямъ Айкану и Кункану; у нихъ стрѣла воткнулась въ крыльцо и вошла въ него вся; только конецъ выставлялся. Братья пытались вытащить ее, но не могли, и потому стали стрѣлу на дрова рубить. Вошелъ къ нимъ Алтынъ-канъ, на четыре стороны поклонился, а тѣ и знать его не хотятъ. Тотчасъ сдѣшались, вышли въ поле и давай драться. Айканъ началъ одолевать Алтынъ-кана. Тогда одинъ старикъ, прислужникъ Айкана, и говоритъ, что слѣдуетъ сначала накормить-напоить Алтынъ-кана, да тогда и драться. Остановились. Послѣ отдыха опять схватились, и снова Айканъ началъ одолевать. Тотъ же старикъ обращается къ Айкану и говоритъ: „Ты лучше дочь у него возьми замужъ, и если не отдастъ, тогда и добивай его“. Послушались старика, поѣхали къ Алтынъ-кану. Когда пріѣхали, Алтынъ-канъ, говоритъ старухѣ женѣ: „Гдѣ у тебя дочь, давай ее сюда, а то смерть мнѣ“. Старуха пошла къ Алтынъ-тагу и вывела оттуда дочь — Алтынъ-Сабакъ. Айканъ увезъ ее съ собою. Послѣ этого Алтынъ-канъ началъ жену ругать, зачѣмъ она ему раньше не говорила, что у нихъ дочь есть, что вотъ теперь пришлось отдать ее чужому чловѣку. Пока бранились, изъ той же горы вышелъ мальчикъ въ красной рубашкѣ — Алтынъ-кокъ-кызыл-торгу-куй-некты и закричалъ: „Что вы бранитесь, отецъ и мать!“ Схватилъ ихъ и разбросалъ въ стороны. „Ну, теперь я ни черта, ни богатырей не боюсь“, сказалъ Алтынъ-канъ, и эти слова разнеслись повсюду: и на небѣ ихъ слышали, и богатыри, и діаволы слышали. На другой день пріѣхалъ къ Алтынъ-тагу какой-то богатырь, ступилъ на него

ногой и крикнулъ: „Алтынъ-кокъ, выходи, пострѣляемся; говорятъ, тебя стрѣла не беретъ!“ Алтынъ-кокъ взялъ лучекъ и стрѣлу, которые ему мать сдѣлала, и вышелъ изъ горы. Уставилъ грудь, раздвинулъ рубашку и говоритъ богатырю: „Стрѣлай, только рубаху не разорви!“ Тотъ выстрѣлилъ ему въ грудь, прямо въ сердце. Стрѣла остановилась, простояла тутъ девять дней и воткнулась въ небо. Тогда Алтынъ-кокъ выстрѣлилъ въ богатыря и тотчасъ повернулся и ушелъ въ свою золотую гору, и не посмотрѣлъ даже, попалъ или нѣтъ въ богатыря. На другой день послѣ этого, новый богатырь явился на Алтынъ-тагъ, также вызвалъ Алтынъ-кока драться и первый въ него выстрѣлилъ. Стрѣла ткнулась въ грудь, простояла девять дней, изломалась въ девяти мѣстахъ и воткнулась въ небо. Алтынъ-кокъ выстрѣлилъ въ богатыря и опять не посмотрѣлъ, что съ нимъ случилось,—видѣлъ только, что вчерашній богатырь лежалъ пополамъ разорванный вмѣстѣ съ конемъ. На третій день еще вышелъ изъ земли богатырь и закричалъ: „Что ты, Алтынъ-кокъ, зарылся въ гору, живъ ли тамъ? Говорятъ, тебя стрѣла не беретъ, дай-ка я попробую, не возьметъ ли моя?“ Алтынъ-кокъ вышелъ. Выстрѣлилъ въ него богатырь, стрѣла девять дней долбилась въ грудь, изломалась въ девяти мѣстахъ и улетѣла на небо. Алтынъ-кокъ выстрѣлилъ въ него и не посмотрѣлъ, а видѣлъ вчерашняго богатыря разстрѣленного пополамъ. Ночью затряслась земля, послышался конскій топотъ. Вышелъ Алтынъ-кокъ и видитъ, прибѣжалъ конь—Ай-каратъ, сбуя на немъ девятирядная, а на сѣдлѣ надпись: „Пора тебѣ, Алтынъ-кокъ, жениться; поѣзжай за дѣвяти небесъ къ Карахтыхану, у него есть дочь Алтынъ-арыгъ: ее возьми замужъ“. Алтынъ-кокъ привязалъ коня и сталъ собираться въ путь. Пошелъ благословиться къ отцу-матери и сказалъ имъ, чтобъ они сдѣлали салъ ¹⁾ и весло, потому что будетъ потопа въ теченіе семи дней такой, что вода сравняется съ бѣлою и синею тайгой. „Понесетъ“, говоритъ,—„васъ сначала въ одну сторону, потомъ назадъ, и принесетъ опять къ тому же мѣсту“. Благословившись, Алтынъ-кокъ сѣлъ на коня и ноги хорошенько не вдѣлъ въ стремя, какъ пролетѣлъ 40 небесъ. Наконецъ проѣхалъ онъ 200 небесъ къ назначенному мѣсту, при-

¹⁾ Салъ—плоть.

вязалъ коня къ золотому столбу, а узелъ завязалъ на другомъ ¹⁾. Вошелъ Алтынъ-кокъ къ Карагат-кану; тотъ лежитъ и не поворачивается. Семь лѣтъ передъ нимъ стояли двѣ сестры шибельдэй и сватали за своего сына его дочь: онъ не поворачивался; лежитъ, какъ гора. При входѣ Алтынъ-кока, одна изъ шибельдэй налила чашку арака и поднесла ему, а въ чашкѣ плаваютъ волосы; жена Карагат-кана, увидѣвъ это, вырвала чашку и выплеснула вино—на томъ мѣстѣ земля прогорѣла насквозь. Тогда она налила ему своего вина и подала. Алтынъ-кокъ выпилъ. Вышелъ онъ изъ дома и схватился за столбъ, корень котораго на семь рядовъ въ землю вошелъ (тебир тотъ ушь кокту утре ускен). Алтынъ-кокъ взвился на столбъ и втрое обвилъ его собою. Карагат-канъ вышелъ и говоритъ: „Эхъ, дитя, ты лучше подними столбъ“. Алтынъ-кокъ слѣзъ, полы заткнулъ, и выдернулъ столбъ съ корнемъ. Похвалилъ его Карагат-канъ, и велитъ поставить столбъ снова на мѣсто—тотъ поставилъ. Въ это время изъ Алтын-тага вышла дѣвица и пустила въ Алтынъ-кока стрѣлу, которая помчала его и прижала къ камню Кок-кая; однако, стрѣла грудь не пробила, а изломалась на девять частей и воткнулась въ небо. Тогда Алтынъ-кокъ выстрѣлилъ въ дѣвицу, но та поймала стрѣлу на лету и спрятала ее. Алтынъ-кокъ пошелъ опять къ Карагаты-кану; оба шибельдэя вышли ему на встрѣчу и схватились съ нимъ. Семь лѣтъ они бился—не могъ ихъ одолѣть Алтынъ-кокъ. Слышитъ онъ, во время боя, летитъ по небу дѣвица кукушкой и кричитъ ему, что за нею богатырь гонится: „Спасай, иначе, больше не увидишь меня!“ Съ яростью схватилъ Алтынъ-кокъ обѣихъ шибельдэевъ, поднялъ ихъ, и бросивъ о землю, убилъ. Затѣмъ, сѣлъ на коня и погнался за богатыремъ. Какъ только догналъ его, такъ и схватился съ нимъ; поднялъ богатыря Алтынъ-кокъ выше лѣсу и бросилъ на землю. Богатырь Борбакай-канъ только сквозь землю провалился и похваляется тамъ, что онъ и конемъ, и женой Алтынъ-кока завладѣетъ и его самого убьетъ. Алтынъ-кокъ взялъ дѣвицу и поѣхалъ домой. Ыхалъ—ыхали, и видятъ—на дорогѣ лежитъ богатырь Краты-Крчаты-мергенъ, сѣдло подъ голову подло-

¹⁾ По сообщенію г. Адрианова, существуетъ обычай. въ силу котораго женихъ, пріѣзжая свататься, завязываетъ два узла.

жилъ и поджидаетъ Алтынъ-кока, чтобъ убить его. „Слышалъ я“, говоритъ, „что тебя стрѣла не беретъ; дай, я попробую, буду стрѣлять“. Выстрѣлилъ въ грудь Алтынъ-коку; стрѣла девять дней стояла, не прошла, на девять частей сломалась и въ небо ушла. „Ну“, говоритъ богатырь,—„дай, попробую сзади выстрѣлить“. „Нѣтъ“, думаетъ Алтынъ-кокъ,—„сзади онъ меня еще кулаками пришибетъ“. Повернулся и ударилъ богатыря. Схватились драться—не могутъ одолѣть одинъ другого. Наконецъ, Алтынъ-кокъ поднялъ богатыря и бросилъ; тотъ провалился сквозь землю, поетъ тамъ пѣсни и похваляется, какъ и первый богатырь, забрать коня и жену Алтынъ-кока, а его убить. Приѣхалъ Алтынъ-кокъ съ женою домой и сталъ той ¹⁾ дѣлать. Послѣ этого свадебнаго пира Алтынъ-кокъ началъ такъ пить, что зиму и лѣто узнавалъ только потому, что его солнцемъ жгло или снѣгомъ мочило. Очнувшись немного, онъ увидѣлъ, что его жена въ половинѣ беременности; опять запилъ, и очнувшись, услышалъ, что жена мучится отъ родовъ. Въ третій разъ запилъ Алтынъ-кокъ, и когда очнулся, то увидѣлъ, что у него родился мальчикъ. Алтынъ-кокъ пьетъ безъ просыпу по прежнему, а мальчикъ между тѣмъ на столько подросъ, что уже самъ на охоту ходитъ. Слышитъ Алтынъ-кокъ громъ—очнулся; то конь прибѣжалъ, а на сѣдлѣ у него написано, что сынъ Алтынъ-кока Ак-койаты Алтын-ульбекъ долженъ ѣхать въ Тогосъ-конгураты-бикжи за 300 небесъ и взять тамъ себѣ жену. Снялъ онъ это письмо съ сѣдла и спряталъ. Ак-койаты Алтын-ульбекъ приходитъ къ отцу-матери самъ и начинаетъ просить ихъ отпустить его жену искать. Тѣ стали отговаривать. „Молодъ ты еще“ говорятъ,—„если близко указать невѣсту—не понравится, а далеко—будетъ трудно доставать ее“. Алтын-ульбекъ не отстаетъ, проситъ; „Чѣмъ дальше“, говоритъ,—„тѣмъ лучше“. Нечего дѣлать, пришлось родителямъ сказать, гдѣ ему искать свою жену. Снарядился Алтын-ульбекъ въ путь, осѣдлалъ коня, сѣлъ и поѣхалъ. Дорогой онъ, замѣчаетъ слѣдъ проѣхавшаго богатыря, который уже мохомъ поросъ. Погнался за нимъ Алтын-ульбекъ; пока богатырь сдѣлаетъ одинъ шагъ, Ульбекъ сдѣлаетъ два. На встрѣчу этому богатырю ѣхалъ другой, именно Конгураты-бикжи; схватились они при

¹⁾ Той—свадебный пиръ, званый праздникъ.

встрѣчѣ и давай драться, гора попадетъ на дорогѣ — гору разворачаютъ, море—расплещутъ; такъ дрались и незамѣтно пролетѣли 70 небесъ. Послѣ драки занялись разговоромъ, но не утерпѣли и опять начали драться, пока не пролетѣли полтораста небесъ. Тутъ Конгураты-бикжи убилъ богатыря. Подъѣхавшій Алтынъ-ульбекъ увидѣлъ убитаго богатыря. Наконецъ, Алтынъ-ульбекъ приѣхалъ. Конгураты-бикжи самъ только что приѣхалъ домой и сѣлъ за столъ. Народу собралось къ нему множество, со всѣхъ сторонъ съѣхались богатыри на пиръ, по случаю сватовства богатыря Акъ-шократы Алтынъ-чилтыса, приѣхавшаго съ неба сватать дочь Конгураты-бикжи. Съ нимъ же приѣхали и два свата: Джиты-башты-джельбегень и Тогосъ-башты-джельбегень ¹⁾. Когда Алтынъ-ульбекъ вошелъ, Тогосъ-Конгураты-бикжи подвинулъ ему скамейку о ста ножкахъ, а жена его принесла чашу вина, изъ которой 60 богатырей пиливались. Выпилъ онъ ее. Тогда Конгураты-бикжи сталъ его спрашивать: откуда, куда и зачѣмъ онъ поѣхалъ. Алтынъ-ульбекъ сказалъ, что приѣхалъ сватать его дочь. Конгураты говоритъ ему на это: „Много пропито и съѣдено, поздно приѣхалъ; дочь просватана за Чилтысъ-кана“. Алтынъ-ульбекъ погорячился и отвѣтилъ: „Я столько же могу дать всего, а если не отдашь мнѣ дочь добромъ—силой возьму“. Послѣ этого Конгураты-бикжи схватился съ Ульбекомъ: девять дней бились, другъ друга одолѣть не могли; наконецъ, Алтынъ-ульбекъ поднялъ противника, со всей силы ударилъ его о землю и растопталъ. Также точно онъ поступилъ съ Чилтысъ-капомъ и со всѣми присутствовавшими богатырями—всѣхъ убилъ. Вдругъ, въ это время вышла изъ подъ земли тѣрт-улуну карагатъ (черная баба о четырехъ косахъ), сдернула Алтынъ-ульбека подъ землю и начала съ нимъ драться. Такъ они подошли къ черному дому—дерутся; долго не могъ одолѣть ее Ульбекъ, но наконецъ разсердился, поднялъ ее, и ударивъ о землю, убилъ. Тотчасъ же изъ чернаго дома вышла ушь-улуну карагатъ (черная баба о трехъ косахъ) и вступила съ нимъ въ бой; Ульбекъ и ее также убилъ. Потомъ вышла о двухъ косахъ баба, которую онъ также убилъ, но уже совсѣмъ сталъ выбиваться изъ силъ—ребра у него были видны, и хребетъ засвистѣлъ. Наконецъ, вышла желтая баба обѣ

¹⁾ Семиголовый джельбегень и девятиголовый джельбегень.

одной костью; схватился съ ней Алтынъ-ульбекъ и потащилъ ее на свѣтъ, самъ то вылъзъ, а ее вытащить не можетъ; ей нельзя выходить изъ-подъ земли. Къ Алтынъ-ульбеку подбѣжалъ его конь, котораго онъ и отправилъ къ дочери Конгураты-бикъжи. Конь тотчасъ обратился человѣкомъ, взялъ мѣдный костыль и пошелъ къ Поро-нинджиль: такъ звали дочь Конгураты. Она въ это время сидѣла съ богатыремъ, который сватался за нее. Поро-нинджиль узнала коня и дала ему совѣтъ сходить къ Алтынъ-ульбеку и сказать ему, чтобы написалъ своему отцу письмо и просилъ его выручить изъ бѣды. Алтынъ-ульбекъ написалъ письмо надѣлъ на стрѣлу и пустилъ. Стрѣла ударила въ крыло Алтынъ-кока, который, услышавъ шумъ и свистъ, вышелъ. Взялъ письмо, прочиталъ и призадумался: „Два дня“ говорить, — „сыну осталось жить“. Велѣлъ Алтынъ-коку домашнимъ сдѣлать салъ и весло и быть готовыми на случай потопа, а самъ засѣдлалъ коня и какъ только сѣлъ на него, такъ изъ подъ копытъ потекли ручьи, и рѣчки, и настала вода. Алтынъ-коку пріѣхалъ къ Конгураты-кану, и увидѣвъ тамъ сына, оторвалъ его отъ бабы и отбросилъ въ сторону, а ту схватилъ за косу и началъ тащить. Однако вытащить не могъ, а только оторвалъ у ней косу, которая вмѣстѣ со шкурой осталась въ рукахъ Алтынъ-кока, сама же баба упала въ подземелье, ударила о черный домъ, разбившійся отъ этого въ дребезги, и пошла съ пѣснями. „Ну, ты поѣзжай съ молодою женой домой и устраивай тамъ той“, говоритъ Алтынъ-коку, — „а я поѣду отыскивать эту бабу“. Поѣхалъ Алтынъ-коку, спустился подъ землю и встрѣтилъ человѣка, котораго послалъ Чельсары-канъ-чельгуренъ-атыгъ отыскивать Алтынъ-кока. Послѣдній назвалъ себя и спросилъ посланнаго: „Праведный ли судья Чельсары-канъ?“ „Праведный“, отвѣчалъ тотъ. Пріѣхали къ Чельсары-хану и застали его за обѣдомъ. Глаза у него горятъ—небо прожигаютъ, а пятки горятъ—землю прожигаютъ. Поздоровались. Кроткій Чельсары-канъ обласкалъ Алтынъ-кока, посадилъ съ собою за столъ, угощаетъ, аракой поитъ. Сюда же пришли нѣсколько человѣкъ съ жалобой на Алтынъ-кока. Порбакай-канъ (тотъ, что гнался за кукушкой), пожаловался, что его Алтынъ-коку о землю ударилъ. Чельсары-канъ разсудилъ, что онъ неправъ: „Зачѣмъ мѣшалъ человѣку, когда тотъ жениться хотѣлъ!“ и велѣлъ Порбакану выдрать. Краты-краты-мергенъ жаловался, что

его Алтынъ-коку убить не убилъ, а до полусмерти избилъ, что всѣ теперь надъ нимъ насмѣхаются и говорятъ, что онъ получилъ полусмертную смерть (чарым ѳлешту олюм). Алтынъ-коку объяснилъ, какъ было дѣло, какъ Краты-краты-мергенъ поджидалъ его, чтобы убить какъ стрѣлялъ въ него и проч. Чельсары-канъ разсудилъ, что и Краты-мергенъ не правъ, и приказалъ его выдрать. Пришла съ жалобой и Сарыгаты-беръ-тулуну, что и ее Алтынъ-коку убить не убилъ, а только шкуру ободралъ да волосы, да такъ на смѣхъ и отпустилъ. Алтынъ-коку подробно разказалъ, какъ было дѣло. Чельсары-канъ разсердился и закричалъ: „Что вы, смущаете людей, мѣшаете имъ жениться?“ Приказалъ бабу выдрать. Судъ кончился, всѣ опять развеселились. Чельсары-канъ обращается къ Алтынъ-коку: „Давай“, говоритъ, — „я буду въ тебя стрѣлять! Если не возьметъ тебя моя стрѣла, то никакой богатырь тебя не застрѣлитъ“. Заплакалъ Алтынъ-коку, снялъ кольчугу и всталъ одною ногой на Алтынъ-тагъ, другой на Кумышъ-тагъ. Чельсары-кану привезли стрѣлу на 90 лошадей, а лукъ на 70. Тянулъ онъ эту стрѣлу отъ 7 до 9 дней, пзъ острія стрѣлы шелъ огонь, и когда спустилъ онъ ее съ тетивы, то ни стрѣлы не стало видно, ни Алтынъ-кока. Стрѣла унесла Алтынъ-кока за 70 небесъ и приткнула его къ зеленому утесу (кок кая), но пробить его не могла. Алтынъ-коку схватилъ ее, изломалъ на 9 кусковъ и бросилъ. Разсердившись, онъ пошелъ къ Чельсары-кану—стрѣлять его; шелъ по горамъ, только ноги хватали. Когда пришелъ, Чельсары-канъ вышелъ къ нему на встрѣчу, снялъ шапку и держитъ ее подъ пазухой, и на колѣняхъ проситъ Алтынъ-кока простить его. „Если“, говоритъ, — „будешь въ меня стрѣлять, убьешь; подружимся лучше и будемъ помогать другъ другу“. Отошло сердце у Алтынъ-кока, подружились они. Когда Алтынъ-коку сталъ собираться домой, Чельсары-канъ далъ ему письмо и говоритъ: „Когда будешь выѣзжать изъ-подъ земли, тебя встрѣтятъ 40 богатырей и станутъ стрѣлять; ты только покажи имъ это письмо, и стрѣлы, пущенныя ими, вернутся назадъ и ихъ же самихъ убьютъ“. Выѣхалъ Алтынъ-коку и дѣйствительно увидѣлъ 40 богатырей. Показалъ имъ письмо, но они ему сказали, что хоть одна стрѣла, да убьетъ его. Пустили стрѣлы; градомъ онѣ посыпались на Алтынъ-кока, но не сдѣлавъ ему вреда, вернулись назадъ и поразили всѣхъ богатырей. Ёдетъ Алтынъ-коку

дальше и видитъ, девять богатырей; спрашиваетъ ихъ: „убить его, что-ли, они хотятъ?“ Тѣ отвѣтили: „нѣтъ!“ А сами сѣли на коней лицомъ къ хвосту и ускакали прочь. 300 небесъ проѣхалъ Алтынъ-кокъ, и когда явился домой, устроилъ пиръ. Приѣхалъ къ нему посланникъ изъ-за 200 небесъ отъ Кара-кана и сказалъ, что одинъ изъ 66 сыновей его господина, младшій—Мюсю-мукъ, зоветъ къ себѣ Алтынъ-кока пострѣляться, что его также земля не сдерживаетъ и стрѣла не беретъ. „Если“, говорилъ Мюсю-мукъ,—„онъ убьетъ меня, то пусть возметъ къ себѣ мою мать, шибельдэя, а если я его убью, то увезу къ себѣ его жену“. „Ладно“, говоритъ Алтынъ-кокъ,—„выпей, вотъ, вива!“ И далъ посланному двѣ чашки. Тотъ выпилъ и поѣхалъ назадъ. Алтынъ-кокъ сталъ собираться въ путь и велѣлъ домашнимъ снова сдѣлать салъ. Когда онъ поѣхалъ, ручьи и рѣки потекли изъ-подъ копытъ. 40 небесъ онъ проѣхалъ и увидѣлъ, что вода въ уровень съ горами стоитъ. Такъ быстро ѣхалъ Алтынъ-кокъ, что нагналъ посланнаго и обогналъ его. Приѣхалъ къ Каракану; тамъ было 66 домовъ. Закричалъ Алтынъ-кокъ: „Эй, Мюсю-мукъ, выходи! Звалъ стрѣляться! Гдѣ ты тамъ спрятался въ горѣ?“ Тотъ вышелъ и выстрѣлилъ въ Алтынъ-кока; стрѣла унесла его къ зеленому камню, 9 дней стояла у груди и не могла его добыть, въ 9 мѣстахъ сломалась и воткнулась въ небо. Тогда Алтынъ-кокъ пришелъ къ Каракану, выстрѣлилъ въ Мюсю-мукъ и перешибъ его пополамъ. Принялись за него 65 братьевъ, но не могли справиться съ Алтынъ-кокомъ; онъ ихъ всѣхъ сложилъ въ кучу и тутъ же придавилъ. Послѣ того схватился съ нимъ самъ Караканъ. Дрались такъ, что гора казалась имъ кочкой, а море—лужей. Долго они возились; наконецъ, Алтынъ-кокъ поднялъ Каракана высоко и ударилъ о земь съ такою силою, что тотъ тотчасъ же и умеръ. Тогда вышла жена Каракана—шибельдэй и говоритъ Алтынъ-коку: „Теперь вези меня съ собою домой!“ „Не надо мнѣ тебя“, говоритъ тотъ,—„проклятую!“ И не взялъ ея. Баба ухватилась за него; началась драка. Много лѣтъ они боролись, такъ что у Алтынъ-кока борода до колѣнъ выросла. Наконецъ, онъ ухитрился и прибилъ ее гвоздями въ лобъ, въ руки и ноги къ камню, и самъ поѣхалъ домой. Только вдругъ видитъ, что шибельдэй оторвала утесъ и вмѣстѣ съ нимъ бѣжитъ за Алтынъ-кокомъ. „Что ты“, говоритъ,—„хозяинъ, меня бросилъ? Зачѣмъ отъ меня

бѣгаешь?“ Алтынъ-кокъ едва-едва примчался домой, вошелъ въ домъ и упалъ въ изнеможеніи на полъ. Шибельдэй слѣдомъ за нимъ прибѣжала, но не можетъ попасть въ двери,—камень не пролѣзаетъ. Жена Алтынъ-кока, увидѣвъ ее, обидѣлась, стала упрекать мужа за то, что онъ чужую жену къ себѣ привелъ, собралась и уѣхала къ своему отцу, Карагаты-кану. Послѣдній, выслушавъ жалобу дочери, направился къ Алтынъ-коку, приѣхалъ и говоритъ: „Ты что же падъ чужими дѣтьми смѣешься?“ Взялъ стрѣлу и прошибъ ею Алтынъ-кока въ самое сердце, насквозь. Когда обо всемъ этомъ узналъ Алтынъ-ульбекъ, онъ разсердился и сталъ мстить за смерть отца; схватилъ онъ шибельдэя и ударомъ о земь разбилъ ее на 9 кусковъ: шибельдэй была вылита изъ одной стали. Послѣ того Алтынъ-ульбекъ велѣлъ женѣ насидѣть 9 туясковъ (турсук) айрана, осѣдлалъ коня и поѣхалъ къ Карагаты-кану звать мать свою домой воротиться. Приѣхалъ туда, привязалъ коня къ двумъ столбамъ и вошелъ въ домъ. Карагаты-канъ лежитъ и не поворачивается. Алтынъ-ульбекъ налилъ айрана и подаетъ Карагаты-кану, упрашивая его выпить; тотъ не взялъ. Подала айранъ матери, она выпила, и наступивъ ему на ногу, вышла вонъ. Алтынъ-ульбекъ вышелъ за нею. Тамъ она отдала ему поясъ 70 сажень длины (кызыл-гур-джетон-гулат), затолкала ему на грудь и сказала: „Знай, что съ этимъ поясомъ тебя стрѣла не возьметъ!“ Какъ только получилъ поясъ Алтынъ-ульбекъ, сталъ тонуть въ землю—прибавилось у него силы. Карагаты-канъ вышелъ въ это время изъ дому и выстрѣлилъ въ Алтынъ-ульбека, но стрѣла изломалась на 9 кусковъ, не причинивъ вреда, и воткнулась въ небо. Алтынъ-ульбекъ подошелъ къ Карагаты-кану и ударилъ его по щекамъ; тотъ слетѣлъ съ ногъ. Карагаты-канъ обидѣлся. „Никто“, говоритъ,—„меня никогда еще не билъ, а это что за проклятый такой?“ Схватились драться. Много времени прошло въ борьбѣ, пока Алтынъ-ульбекъ не ударилъ его о земь и не расшибъ на 6 кусковъ. Тогда онъ сталъ звать мать къ себѣ, домой ѣхать, но она отказалась. „Я“, говоритъ,—„дала клятву не возвращаться туда болѣе, и если поѣду—умру; ты поѣзжай одинъ и живи и только навѣдайся потомъ обо мнѣ—жива ли я“. Уѣхалъ Алтынъ-ульбекъ домой и устроилъ съ женой пиръ, на которомъ ѣли мясо, пили айранъ.

174. Алтынъ-Чобе.

Аксаръ-атты Алтынъ-Тана и Алтынъ-Сабакъ-епчизы скота имѣли на 60 небесъ, а людей на 70. Дѣтей у нихъ не было, за что старикъ упрекалъ свою старуху и однажды сказалъ ей, что поѣдетъ за 9 небесъ къ своему другу Кара-Мукэ Кара-доръ-атты и отберетъ у него жену. Сказано — сдѣлано. Сталъ собираться, хотѣлъ надѣть свою девятирядную кольчугу, но не могъ ее поднять; надѣлъ одежду полегче, осѣдлалъ коня и поѣхалъ. Въ то время, когда Алтынъ-Тана подѣвжалъ къ дому Кара-Мукэ, тотъ уже куда-то поѣхалъ. Поздоровались саблями. Кара-Мукэ догадался о цѣли приѣзда старика и тотчасъ вступилъ съ нимъ въ бой; поднялъ его выше себя, ударилъ о землю и убилъ. „Поѣду“, говоритъ Кара-Мукэ, — „къ старику и убью его сына, а то худо будетъ“. Подѣвжаетъ и слышитъ такой плачъ ребенка, что у деревьевъ верхушки ломаются. Когда вошелъ въ домъ, то увидѣлъ, что Алтынъ-Сабакъ только что родила. Сталъ онъ ее просить отдать ему ребенка на вскормленіе; старуха обидѣлась: „Кормить, что ли у меня нечѣмъ? На старости лѣтъ родила, да буду отдавать ребенка въ чужіе люди!“ И отказала. Кара-Мукэ схватилъ ее и отбросилъ въ сторону, а мальчика вытащилъ изъ дому и ударилъ сначала о камень, потомъ сталъ бить его объ утесъ: чѣмъ сильнѣе бьетъ, тѣмъ мальчикъ больше растетъ; сталъ его бить о желѣзную ель, а тотъ приговариваетъ: „Бей сильнѣй, скорѣе вырасту!“ Билъ до того, что мальчикъ всталъ на ноги и говоритъ: „Что тебя, старика, бить.“ Взялъ, посадилъ его на коня и вмѣстѣ съ нимъ забросилъ за 9 небесъ, прямо къ его женѣ за пазуху. Когда мальчикъ возвратился домой, то увидѣлъ, что мать его горько плачетъ, жалуясь на свое горе. „Была“, говоритъ, — „у меня дочь; я спрятала ее и хотѣла вскормить тайкомъ; дочь пропала, неизвѣстно куда; былъ сынъ, и того потеряла“. Мальчикъ сталъ утѣшать свою мать и сказалъ, что онъ-то и есть ея сынъ; она признала, наконецъ, его. „Надо мнѣ коня“, говоритъ мальчикъ. Мать велѣла ему владѣть конемъ отца Аксаратомъ, на которомъ должны ѣздить три поколѣнія. Потомъ, онъ сталъ просить, чтобы мать дала ему имя. Та сказала, что въ ящикѣ, запертомъ 40 ключами, есть книга,

въ которой записаны имена, данныя ему и его сестрѣ Создателемъ. Онъ досталъ книгу и узналъ, что его имя было Аксаръ-атты Алтынъ-Чобе, а сестрѣ его — Алтынъ-Арыгъ. Собрался Алтынъ-Чобе отыскивать сестру, надѣлъ отцовскую кольчугу, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Мало ли, много ли онъ ѣхалъ, видѣтъ — на зеленомъ утесѣ Кокъ-кая стоитъ бѣлый дворецъ, а вдали подѣвжаетъ къ утесу богатырь и то скроется изъ глазъ, то опять покажется. Видѣтъ потомъ Алтынъ-Чобе, какъ этотъ богатырь вскочилъ до половины утеса, но тутъ сорвалось у коня копыто, и они оба полетѣли внизъ и убились. Много богатырей убилося здѣсь такимъ же образомъ. Аксаратъ и говоритъ Алтынъ-Чобе: „Ты дери меня (плетью) отъ мяса до кости, отъ кости до мозга и сильнѣе держай за поводья, а самъ глаза закрой“. Алтынъ-Чобе такъ и сдѣлалъ. „Ты что, уснулъ, не видишь?“ говоритъ Аксаратъ. Алтынъ-Чобе открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою бѣлый дворецъ. Слѣзъ съ коня и вошелъ туда; во дворцѣ онъ увидѣлъ дѣвицу съ такимъ прозрачнымъ тѣломъ, что видно было, какъ мозгъ въ костяхъ переливался. Переступивъ порогъ, Алтынъ-Чобе упалъ въ обморокъ. „Не видалъ, что ли, ты людей?“ говоритъ дѣвица; махнула чернымъ платкомъ по лицу Алтынъ-Чобе, и онъ всталъ. Очень понравилась ему дѣвица; онъ облокотился правою рукою на колѣно, а лѣвою взялъ дѣвицу за косы и говоритъ: „Возьму я тебя замужъ“. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ она, — „намъ съ тобою сходиться нельзя; вотъ книга, въ которой написано, за кого я должна идти замужъ“ (дѣвица была создана, а не рождена). Алтынъ-Чобе прочиталъ въ книгѣ, что она должна выйти замужъ за Карадоръ-атты-Карадаса, сына Чаракарахты-Карагатъ-черези (одноглазой черной бабы, земной хозяйки). „Ты поѣзжай искать сестру, Саракарахты все знаетъ“. Дѣвица посадила Алтынъ-Чобе за столъ, а онъ отъ роду еще ничего не ѣлъ; когда онъ сталъ ѣсть, кольчуга на немъ разсыпалась, вмѣсто нея появилась новая, самъ онъ сталъ расти и крѣпнуть. Когда пообѣдалъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Видѣтъ, передъ нимъ море, и никакъ его нельзя переѣхать. Тогда Алтынъ-Чобе схватилъ своего коня и бросилъ черезъ море, и сдѣлался желѣзный мостъ; онъ перешелъ по немъ, коня выдернулъ и поѣхалъ дальше. Подѣвжаетъ къ черному желѣзному дому, гдѣ жила Саракарахты. Когда онъ сталъ привязывать коня, то увидѣлъ на столбѣ надпись,

что Карадоръ-атты-Карадасъ уѣхалъ назадъ тому 40 лѣтъ; оставшіяся слѣды отъ его коня были величиною въ большое сито и уже поросъ мохомъ. Алтынъ-Чобе зашелъ въ домъ и видитъ, что Саракарахты-Карагатъ лежатъ, одну титку подъ себя подостлала, а другою сверху покрылась, пыли на ней накопилось на четверть, а глазъ у нея былъ величиною съ мѣсяцъ. Спрашиваетъ она, кто такой молодецъ, и откуда пріѣхалъ. Тотъ сказался. Старуха вскочила, пыль встряхнула и стала здороваться. „Твой отецъ“, говоритъ, — „былъ мнѣ другъ“. Стала разспрашивать, куда онъ поѣхалъ? Алтынъ-Чобе объяснилъ. „Да, твою сестру сначала я увела, хотѣла выкормить тайкомъ, а потомъ у меня увелъ ее жившій за 90 небесъ Аккойатты-Алтынъ-Картага. Молодъ ты, не доѣхать тебѣ. Нако, пососи мою правую грудь; если половину высосешь—лучше назадъ вернись, а всю высосешь—поѣзжай впередъ“. Алтынъ-Чобе принялся сосать и высосалъ всю: только кожа осталась. И сталъ онъ крѣпкій и большой, такъ что самъ себѣ дивится; въ одну сторону пойдетъ къ стѣнѣ—изба валится туда, въ другую поидетъ—сюда валится. „Теперь не сдержитъ твой Аксаратъ“, говоритъ Саракарахты. Сама вышла изъ избы, подозвала своего вороного коня, вырвала изъ его хвоста 3 волоса и привязала ихъ къ хвосту коня Алтынъ-Чобе. Аксаратъ тотчасъ выросъ. Вотъ теперь поѣзжай, говоритъ Саракарахты, и дала ему на дорогу черный шелковый платокъ его сестры. Саракарахты дала ему наставленіе: „На дорогѣ твоей будетъ лежать гора—не гора, человекъ—не человекъ; будетъ онъ играть на трубѣ, ты не слушай, а то сестру твою и оттуда снова уведутъ. Тамъ тебя ждутъ богатыри и всѣ звѣри и гады, собранные Алтынъ-Картагой; они уже знаютъ, что ты ѣдешь къ нимъ“. Алтынъ-Чобе поѣхалъ. Дорогой дѣйствительно увидѣлъ чудовище, которое играло въ трубу на всѣ лады, какъ всякія птицы поютъ; заслушался Алтынъ-Чобе, остановился, слѣзъ съ коня. „Дай“, думаетъ, — „хорошенько послушаю“. Заслушался такъ, что когда очнулся, то узналъ, что три дня тутъ слушалъ, и вспомнивъ наставленіе старухи, помчался впередъ. Наконецъ, пріѣзжаетъ къ бѣлому дому Алтынъ-Картага, входитъ въ него и видитъ тамъ девять дѣвицъ, всѣ—какъ одна. Вынувъ изъ кармана черный платокъ, онъ сталъ имъ утираться. Тогда одна изъ дѣвицъ заплакала и говоритъ: „Зачѣмъ ты, братъ, пріѣхалъ сюда на погибель?

Здѣсь много богатырей, гдѣ тебѣ съ ними справиться!“ Поздоровались братъ съ сестрой, поцѣловались, сѣли, поговорили. Видитъ Алтынъ-Чобе, что богатыри стали сходиться и усѣлись вокругъ дома въ 60 рядовъ; потомъ еще пришли другіе—усѣлись въ 70 рядовъ. Вдругъ поднялась погода, зашумѣло, — пріѣхалъ Карадоръ-атты-Карадасъ. Богатыри толкуютъ между собою, что если Карадасъ пристанетъ за Алтынъ-Чобе—всѣхъ ихъ перебьетъ, а если за нихъ, то они убьютъ Алтынъ-Чобе. Карадасъ слѣзъ съ коня и началъ обходить богатырей, сердитый, толкаетъ ихъ всѣхъ въ грудь; толкнулъ и Алтынъ-Чобе. „Ты, что“, говоритъ, — „погань, кляча така! Поѣхалъ сестру выручать, а не видишь, сколько могучихъ богатырей! Не думаешь ли со всѣми справиться?“ Такъ Карадасъ нѣсколько разъ обходилъ богатырей и толкалъ ихъ въ грудь, а Алтына-Чобе бранилъ (Саракарахты между прочимъ сказала Алтынъ-Чобе, чтобъ онъ ни въ чемъ не противорѣчилъ сыну, если тотъ пріѣдетъ). Потомъ Карадасъ поуспокоился и говоритъ: „Алтынъ-Чобе, вѣрно тебя научила моя мать не перечить мнѣ?“ Алтынъ-Чобе принялъ другой видъ, (а то былъ черный и плѣшивый), и сталъ хорошимъ богатыремъ. Поздоровавшись съ Алтынъ-Чобе, стали дружно разговаривать. Карадасъ ему и говоритъ: „Посмотри-ка, какъ я управлюсь съ этими богатырями!“ Схватилъ одного, вытащилъ изъ дворца и назадъ воротился,—убилъ, потомъ другого, третьяго и т. д., всѣхъ богатырей перебралъ—только трое остались; одного изъ нихъ Карадасъ также потащилъ и сталъ съ нимъ барахтаться, и кричитъ Алтынъ-Чобе: „Что ты сидишь, ротъ разинулъ! Поборись хоть съ оставшимися богатырями!“ То были Алтынъ-Картага, хозяинъ дома, и Айканъ. Алтынъ-Чобе ударилъ Алтынъ-Картагу, такъ что тотъ вылетѣлъ изъ дому, ударился объ утесъ, переломился пополамъ, да такъ тутъ и остался. Въ это время Карадасъ уже вернулся, убивъ богатыря. Алтынъ-Чобе хотѣлъ было убить и Айкана, но Карадасъ остановилъ его: „У него есть дочь, возьми ее замужъ“ (Айканъ жилъ отсюда за 30 небесъ). Уговорились сдѣлать такъ, что Карадасъ возьметъ съ собою сестру Алтынъ-Чобе и поѣдетъ за своею невѣстой на зеленый утесъ, оттуда, вернувшись домой, сдѣлаетъ той; Алтынъ-Чобе съ дочерью Айкана также вернется пировать къ Карадасу. Отправился Алтынъ-Чобе съ Айканомъ. Проѣхали 30 небесъ—стоитъ бѣлый дворецъ, гдѣ жилъ Айканъ

съ своею дочерью красавицей. Только что они вошли и сѣли за столъ, какъ вдругъ земля затряслась, послышался звукъ стремятъ; это джетонъ-куланъ-синьгъ-черин-атыгъ Кыстай-мергенъ коня сѣдлалъ; потомъ посыпался градъ—Кыстай-мергенъ поѣхалъ. У него также было намѣреніе убить Айкана, но тотъ откупился тѣмъ, что обѣщалъ выдать за него дочь. Приѣхалъ Кыстай-мергенъ, и усѣвшись за столъ, сталъ выговаривать Айкану: „Ты что дѣлаешь? Одному голову, а другому—задницу?“ Дочь Айкана—Айарыгъ на это сказала: „Я пойду замужъ за того изъ васъ, у кого конь сильнѣе бѣжитъ, и кто изъ самихъ васъ сильнѣе. Я пушу зайца (ак-коин), который обѣжитъ всю землю, поднимется па небо, пробѣжитъ мимо Создателя (чаячи) и еще дальше убѣжитъ“. Замотали богатыри узды на своихъ коняхъ и пустили ихъ за зайцемъ. Коня пробѣжали всю землю до края рядомъ; Аксаратъ выкусилъ у себя сначала одну холку, потомъ другую, и поднявшись на небо, сразу пролетѣлъ 30 небесъ, а другой конь отсталъ отъ него; потомъ пролетѣлъ мимо Создателя, какъ пуля; тотъ хотѣлъ было посмотреть на него и не успѣлъ. Аксаратъ догналъ наконецъ зайца, схватилъ его зубами и полетѣлъ назадъ, да на 40 небесъ пролетѣлъ дворецъ Айкана мимо—не могъ удержаться, и потомъ уже воротился съ зайцемъ. „Теперь поборитесь“, говоритъ Айарыгъ,—„кто изъ васъ окажется сильнѣе!“ А сама наступила на ногу Алтынъ-Чобе и вышла; онъ за нею. Айарыгъ дала ему черный шелковый платокъ и сказала: „Утрись имъ, когда понадобится; силой Кыстай-мергенъ тебя не возметъ, а хитростью одолѣть можетъ“. Потомъ богатыри стали бороться, да такъ разсердились, что отъ борьбы перешли къ дракѣ, во время которой незамѣтно подошли къ морю. Кыстай-мергенъ зоветъ Алтынъ-Чобе драться въ море, а тотъ не идетъ. Улучивъ минуту, Алтынъ-Чобе тихонько вытащилъ платокъ, утерся имъ, и моря не стало, одна дресва осталась. „Ну, теперь пойдемъ въ море драться“, говоритъ Алтынъ-Чобе. Кыстай-мергенъ упалъ передъ нимъ на колѣни и сталъ упрашивать побрататься. Тотъ подумалъ и согласился. Побратались—поцѣловались. Пришли къ Айкану и начали пировать. „Надо мнѣ ѣхать домой“, говоритъ Алтынъ-Чобе,—„соскучился я, а вы пруйте“. Собрался онъ, взялъ съ собою жену и поѣхалъ къ Карадасу, а тотъ пируетъ, все пѣсни поетъ и вспоминаетъ, отчего долго не

ѣдетъ его другъ Алтынъ-Чобе. Послѣдній, наконецъ, приѣхалъ, поздоровались—поцѣловались. Долго они пировали; Карадасъ три раза сваливался, а Алтынъ-Чобе пьетъ себѣ, да похаживаетъ. Попировали. Алтынъ-Чобе сталъ собираться домой: также той падо и ему сѣлать; сталъ звать къ себѣ Карадаса, но тотъ отказался. „Некогда“, говоритъ,—„мнѣ! Я еще съ женой не спалъ“. Алтынъ-Чобе уѣхалъ, увезъ и сестру съ собою. По приѣздѣ домой, сѣдали той и пѣсколько лѣтъ пировали со всѣми людьми. Только вдругъ во время пира Алтынъ-Чобе слышитъ, что конь его Аксаратъ ржетъ у крыльца, и вышелъ къ нему. „Ты что пируешь?“ говоритъ Аксаратъ,—„собирайся въ путь!“ Алтынъ-Чобе надѣлъ кольчугу, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Когда выѣхали на чистую гриву, Аксаратъ остановился и говоритъ: „Крѣпче натяни поводья, упрись въ стремяна и держись; прикатится пустая человѣческая голова и ударится въ тебя прямо противъ сердца; если она тебѣ спибетъ, не быть тебѣ живому“. Приготовился Алтынъ-Чобе и видитъ, катится голова по землѣ; и ударила она его въ грудь—изъ ума вышибла. Когда Алтынъ-Чобе очнулся, то увидѣлъ, что лежитъ на землѣ, и Аксаратъ передъ нимъ стоитъ. Поднялся онъ съ земли, сѣлъ на коня и поѣхалъ домой. Приѣзжаетъ и узнаетъ, что ничего не стало: ни скота, ни людей, только мать съ женой остались. Куда все дѣвалось—не знаетъ. Посмотрѣлъ на ладонь—онъ могъ видѣть на ладони за 70 небесъ—не видно слѣда; досталъ изъ ящика письмена (ворожейныя книги), и тамъ ничего не видно. Тогда Алтынъ-Чобе снарядился ѣхать за совѣтомъ къ Саракарахты-Карагаты-черези. Приѣхалъ опять къ морю, бросилъ коня, перешелъ по мосту, потомъ коня выдернулъ снова и доѣхалъ до Саракарахты. „Здравствуй, мама!“ Та поздоровалась и сама плачетъ, знаетъ уже въ чемъ дѣло. „Отрѣжь“, говоритъ,—„мою титьку и похорони меня, а титьку привяжи въ торока и не сноси, пока не приѣдешь къ Курубашу“ (пустой головѣ). Алтынъ-Чобе отрѣзалъ у Саракарахты титьку, и она скоро умерла; тогда онъ связалъ вершиннами 9 слей и на верху ихъ поставилъ гробъ съ тѣломъ старухи, а потомъ привязалъ титьку въ торока и поѣхалъ къ Курубашу. Спустился черезъ 7 рядовъ подъ землю и увидѣлъ,—стоитъ желѣзный домъ отъ земли до неба, нѣтъ въ немъ ни оконъ, ни дверей, ни маленькой щелочки. Алтынъ-Чобе замѣтилъ, что конь

его былъ весь въ пѣнѣ и спрашиваетъ: „Что ты, Аксаратъ, никогда не потѣлъ, а теперь въ пѣнѣ весь“? „А посмотри назадъ!“ отвѣтилъ тотъ. Алтынъ-Чобе оглянулся, а титка какъ гора налилась. Слѣзъ онъ съ коня у желѣзнаго дома и началъ сосать титку; высосалъ всю; тогда спала, въ дребезги разбилась кольчуга на немъ, а вмѣсто нея появилась новая. Алтынъ-Чобе взялъ саблю и копье и подошелъ къ дому. Махнулъ саблей—разсѣкъ пополамъ домъ и камень, который въ немъ лежалъ; тамъ, внизу стоялъ человѣкъ—Курубашъ (онъ происходилъ отъ сѣока Кутезекъ)—голый; сабля нехватила его немного и прошла мимо, только разсѣкла камень (съ корову величиной—инекче карадашъ), на которомъ онъ стоялъ, и ниже землю до 9 рядовъ. „Ну, Алтынъ-Чобе, отнялъ ты у меня всю хитрость“, говоритъ Курубашъ, — „я былъ такъ силенъ, что земля не могла меня сдержать, а потому я и ушелъ сюда. На, вотъ, книгу, прочитай“. Алтынъ-Чобе сталъ читать; въ книгѣ написано было, что они будутъ драться, но только не извѣстно, кто кого побѣдитъ. Курубашъ говоритъ: — „Я холостой, а ты женатый, но не успѣлъ еще поспать съ женой, такъ поѣзжай домой; а потомъ съѣдемся на чистомъ мѣстѣ, на землѣ (въ вашемъ мѣстѣ), и кто изъ насъ впередъ пріѣдетъ, тотъ и одолѣетъ. На мѣсто битвы съѣдется много богатырей, тутъ будутъ и создатели Чагысъ-чаячи и Тогосъ-чаячи. Ты теперь поѣзжай и выпусти своихъ людей и скотъ, иначе они задохнутся,—я заперъ ихъ въ твоёмъ Алтынъ-тагѣ“. Алтынъ-Чобе поѣхалъ домой, выпустилъ людей и скотъ. Скоро онъ сталъ собираться снова въ путь. Жена его сѣла на шестиногую кобылу—Алабей алты азалты, и проводивъ немного, воротилась домой. Богатыри ѣдутъ по гривѣ: съ этой стороны поднимается Алтынъ-Чобе, а съ той—Курубашъ, и никто изъ нихъ не ѣдетъ впередъ; къ назначенному мѣсту пріѣхали оба въ одинъ разъ. А народу собралось уже на это мѣсто многое множество. Богатыри поздоровались, сѣли разговаривать; слово за слово, начали ругаться и вступили въ драку. Не поднимаютъ ихъ земля, оба провалились сквозь семь рядовъ и тамъ, внизу, на чугунной землѣ начали драться, только земля трясется. Богатыри сидятъ вверху, ничего не видятъ, только громъ и стукъ слышатъ. Долго-долго они ждали, много лѣтъ, и не могли дождаться. Посылаютъ Алтынъ-Эргека (онъ уже женился на Алтынъ Арбыѣ), шурина

Алтынъ-Чобе спуститься и посмотрѣть ихъ тамъ. Тотъ поднялъ саблю, разсѣкъ землю и спустился; и видитъ—гдѣ гора была, тамъ богатыри разбили ее на мелкіе кремни, гдѣ было море, лужа осталась; во время драки они все расплескали и переломали. Когда Алтынъ-Эргекъ дошелъ до края земли, то увидѣлъ, что оба богатыря лежатъ мертвые, обхвативъ руками одинъ другаго. Алтынъ-Эргекъ взялъ Алтына-Чобе за ноги и началъ трясти; вдругъ у него пошла изъ носу кровь печенками; очнулся Алтынъ-Чобе и говоритъ: „Ну, еслибы не ты, не встать бы мнѣ, до чертовой дороги шести четвертей не дошелъ, а до покойницкой только три четверти (узут чолна ушь карыш четпеннандым, айна чолна алты карыш четпеннандым)“. Алтынъ-Чобе за это время совсѣмъ состарѣлся, обросъ бородой по колѣна, а глаза ввалились такъ, что птица гнѣздо могла свить; едва-едва сѣлъ онъ на своего Аксарата и поѣхалъ, а Курубашъ такъ и издохъ тутъ. Когда выѣхали на свѣтъ, Алтынъ-Эргекъ и говоритъ старику: „Ты поѣзжай ко мнѣ, а я къ тебѣ скоро вернусь“. Разъѣхались. Пріѣхалъ Алтынъ-Чобе къ зятю, бросилъ поводья: и коня не въ силахъ былъ привязать! Вошелъ онъ въ домъ. Сестра не узнала его, спрашиваетъ: „Откуда старикъ? не слыхалъ ли чего о мужѣ?“ А тотъ только одно и твердитъ, что старъ сталъ. Посадила Алтынъ-Арыгъ старика за столъ и замѣтила, что у него на одной рукѣ перчатка. „Неужели“, говоритъ,—„такъ и станешь ѣсть, не снимешь перчатку?“ А сама подошла и стала снимать, и увидѣла золотой перстень, по которому узнала, что это братъ ея. Стала его угощать. Вдругъ слышатъ громъ, затряслась земля; то изъ-за 40 небесъ ѣдетъ богатырь. Пріѣхалъ; вбѣгаетъ въ домъ мальчикъ и спрашиваетъ у тетки. „Гдѣ Алтынъ-Чобе? живъ-ли онъ?“ А это былъ сынъ его—Айкаратты Алтынъ-Кылышъ. Въ это время пріѣхалъ и Алтынъ-Иргекъ и дивится на ребенка: „По отцѣ“, говоритъ,—„будетъ! Не могъ съ нимъ ни сговорить, ни догнать его“. Говорятъ мальчику: „Вотъ твой отецъ, старикъ Алтынъ-Чобе!“ Алтынъ-Кылышъ сталъ спрашивать у дяди, есть ли такой богатырь, чтобъ ему подражаться съ нимъ? „Я бы“, говоритъ,—„взялъ, да разорвалъ его пополамъ или только дунулъ бы“. „Нарѣжь-ко, да принеси 9 пучковъ прутьевъ“, отвѣчаетъ ему на это Алтынъ-Иргекъ. Тотъ пошелъ и нарѣзалъ, но догадался, что дядя хочетъ его выдрать; принесъ, положилъ и не смотритъ на него. Дядя

выдралъ его и говоритъ: „Не стало-ли на свѣтѣ богатырей, и въ какомъ тайномъ мѣстѣ что ты хвастаешь!“ Алтынъ-Кылышъ молчитъ, сѣлъ на колѣно къ отцу. Слышатъ опять громъ, изъ-за 80 небесъ ѣдетъ богатырь. Приѣхалъ и вошелъ въ избу такой же ребенокъ и спрашиваетъ: гдѣ его дядя, Алтынъ-Чобе, живъ ли? Ему указали на дядю. Это былъ сынъ Карадаса — Айкараатты Канъ-мергенъ. И этотъ опять похваляется, спрашиваетъ: нѣтъ ли богатыря, ему подраться? Алтынъ Иргекъ и этого послалъ нарѣзать 9 пучковъ прутьевъ, выдралъ его и такой же выговоръ сдѣлалъ. Сѣлъ Канъ-мергенъ на другое колѣно къ Алтынъ Чобе, а тотъ ласкаетъ ихъ обоихъ. Алтынъ-Чобе собрался съ сыномъ домой, а Канъ-мергенъ провожать ихъ поѣхалъ. Когда стали подъѣзжать къ своему царству, Алтынъ-Чобе сказалъ: „Стойте, дѣти!“ Остановились. Онъ вырвалъ изъ своей бороды 3 волоса и положилъ ихъ за пазуху Алтынъ Кылышу, потомъ изъ хвоста Аксарата вырвалъ также 3 волоса и ввязалъ ихъ въ хвостъ коня сына; Алтынъ-Кылышъ выросъ какъ гора, и конь также выросъ. Когда подъѣхали къ дому, Алтынъ-Чобе слѣзъ съ коня, и обезсилѣвъ, упалъ на крыльцѣ и тутъ же умеръ. Жена его выбѣжала, плачетъ, жалѣетъ, что не могъ даже въ домъ войти и поговорить. Канъ-мергенъ, проводивъ ихъ, вернулся назадъ. Алтынъ-Кылышъ пообѣдалъ, простился съ матерью и поѣхалъ, куда глаза глядятъ. На дорогѣ ему встрѣтился Карамуке и жалуется, что къ нему приѣхалъ какой-то неизвѣстный богатырь свататься за его дочь. „Посмотри“, говоритъ Карамуке, — „какой онъ такой? И какъ ты скажешь, такъ и будетъ“. Приѣхали. Богатырь сидитъ. „Ну-ко“, говоритъ Алтынъ-Кылышъ, — „подеритесь! Я еще не видалъ, какъ богатыри бьются“. Схватились они — дерутся; Карамуке сталъ ужъ изъ силъ выходить; тогда Алтынъ-Кылышъ сдернулъ его, а самъ схватилъ другаго богатыря, растеръ его на ладони въ пыль и пустилъ по вѣтру. Самъ поѣхалъ дальше и слышитъ, кукушка на небѣ кукуетъ. Протянулъ онъ руку, досталъ — кукушку и спрашиваетъ: о чемъ она кукуетъ. „А если“, говоритъ, „не скажешь всѣ перья по одному выдергаю!“ „Я тебѣ зла не дѣлала“, отвѣчаетъ та, — „а кукую о томъ, что у Кубаша родилось два сына-двойника и такихъ сильныхъ, что оторвутъ гору, да лошадей и понужаютъ ея“. Алтынъ-Кылышъ кукушку отпустилъ, а самъ поѣхалъ назадъ, домой. Приѣзжаетъ, видитъ, — два

богатыря приѣхали, коней у столба привязали. Это были братья, дѣти Кубаша. Сталъ ихъ угощать Алтынъ-Кылышъ. Вдругъ послышался громъ — приѣхалъ Канъ-мергенъ. „Ты что“, говоритъ, — „вздумалъ ихъ угощать?“ Хватъ одного, тотъ вылетѣлъ изъ дома вонъ. „Вотъ имъ“, говоритъ, — „угощеніе!“ И самъ сѣлся съ нимъ. Алтынъ-Кылышъ ударилъ другаго, выпилъ изъ дому и схватился съ нимъ. Поднялся вдругъ непроглядный туманъ, другъ друга имъ стало не видно. Долго они дрались; наконецъ, Алтынъ-Кылышъ схватилъ богатыря, ударилъ о земь, разбилъ на 9 кусковъ и растопталъ ногами. Потомъ услышалъ такой громъ, какъ будто гора упала; то грохнулся гдѣ-то въ туманѣ другой богатырь: Канъ-мергенъ убилъ его. Тогда оба они вернулись домой и сѣли чай пить. „Хорошо еще“, говоритъ Канъ-мергенъ, — „что они двойни, а еслибъ спла не раздѣлилась, и родился одинъ, такъ во вѣкъ бы тебѣ съ нимъ не справиться, до старости дрался бы съ нимъ, какъ отецъ твой, и также бы ты погибъ, да и я не приѣхалъ бы тогда къ тебѣ“. „Что ты Алтынъ-Кылышъ, до сихъ поръ не женишься? Сколько изъ-за тебя народа гибнетъ? Поѣзжай къ Аккобатты Алтынъ-Картагъ, что живетъ за 90 небесъ; онъ тебя ждетъ, ни за кого не отдаетъ свою дочь, всѣхъ богатырей убиваетъ“. Канъ-мергенъ уѣхалъ домой, а Алтынъ-Кылышъ отправился къ Алтынъ-Картагъ. Подъѣзжаетъ къ дворцу — гора мертвыхъ тѣлъ богатырей и коней такая, что ни солнце, ни мѣсяцъ сквозь нихъ не свѣтятъ. Привязалъ онъ своего коня къ столбу, у котораго стоялъ также конь Картага; недавно, должно быть, приѣхалъ; дрался съ кѣмъ-нибудь. Алтынъ-Кылышъ вошелъ во дворецъ. Картага встрѣчаетъ его съ упрекомъ, отчего онъ долго не ѣхалъ взять замужъ его дочь. „И взнемогъ я“, говоритъ, — „до старости все дерусь съ богатырями и только что, вотъ, приѣхалъ съ боя“. Алтынъ-Кылышъ взялъ его дочь и сталъ домой собираться. „У меня“, говоритъ, — „хоть и небольшія горы и рѣчки, да есть; соскучился объ нихъ!“ „Я тебя не гоню“, отвѣчаетъ Картага, — „но и держать не держу“. Кылышъ приѣхалъ домой, устроилъ той и такъ запллъ, что ничего не сталъ помнить; очутился онъ подъ землей у Шибельдея въ мѣдной избѣ и горѣлъ въ печи. Шибельдей хитростью утянула его къ себѣ. Уже сгорѣла совѣмъ девятирядная кольчуга, и начало горѣть тѣло, когда, наконецъ, Алтынъ-Кылышъ очнулся и ударилъ кулакомъ: вся изба разле-

тѣлась въ дребезги. Выбѣжалъ онъ оттуда весь въ огнѣ, горить; бросился къ бѣлому морю — то высохло, а онъ пуще прежняго горить; побѣжалъ и бросился въ бѣлое озеро — и то все высохло, только дресва осталась. А между тѣмъ Алтынъ-Кылышъ все горить; у него отпала уже съ одной стороны рука, а съ другой нога. Взялъ онъ ихъ, подобралъ и не знаетъ, что ему дѣлать. Подбѣгаетъ его конь Аккарать и говоритъ: „Садись, поѣдемъ домой“. Алтынъ-Кылышъ сѣлъ; впередъ упадетъ — конь гривой подопретъ, назадъ отелонится — конь хвостомъ подопретъ. Приѣхали. Алтынъ-Кылышъ говоритъ женѣ: „Что мнѣ теперь дѣлать? Скажи, гдѣ бы умереть?“ „Слыхала я“, отвѣчаетъ жена, — „есть за 90 небесъ желѣзное озеро: кто въ него войдетъ, тотъ или выздоровѣетъ или умретъ“. Тотчасъ же Алтынъ-Кылышъ поѣхалъ туда на своемъ Аккаратѣ. Приѣхалъ наконецъ и говоритъ коню. „Если буду живъ, на девятый день выйду; если же черезъ 9 дней меня не будетъ, то умру“. Вскочилъ въ озеро и утонулъ, а оно закипѣло ключемъ, и послышался оттуда стонъ. Аккарать бѣгаетъ вокругъ озера и подъ конецъ протопталъ такую глубокую дорожку, что стремена стали задѣвать землю. Не слышно стало, наконецъ, и стоновъ. Конь все бѣгаетъ и думаетъ: „Вѣрно, не воротится Алтынъ-Кылышъ“. На девятый день озеро стало подниматься, и Алтынъ-Кылышъ вылетѣлъ; въ 10 разъ онъ сталъ здоровѣе и сильнѣе прежняго. Сѣлъ на Аккарата и поѣхалъ домой. Дорогой услышалъ, что кукушка въ небѣ кукуетъ; остановился и спросилъ ее. Та говоритъ ему, чтобы ѣхалъ скорѣе на помощь Кыстай-мергену, котораго хотятъ убить. Помчался Алтынъ-Кылышъ, и кукушка полетѣла: кто впередъ успѣетъ? Но кукушка стала-таки отставать, хвалитъ коня и проситъ Алтынъ-Кылыша посадить ее на коня. „А то устала“, говоритъ, — „я“. Онъ посадилъ ее и поѣхалъ дальше. Приѣзжаютъ къ Кыстай-мергену, а тамъ стоятъ 4 коня такихъ, что ушами до небесъ хватаютъ — айкараты терты кара мубе. Вошелъ въ домъ Алтынъ-Кылышъ и видитъ, что 4 богатыря связали Кыстей-мергена и на порогъ положили. Алтынъ-Кылышъ смѣется и хвалитъ ихъ. „А ну-ка“, говоритъ, — „трое четвертаго свалите, вырѣжьте изъ спины ремни да свяжите“. Тотчасъ трое вскочили и повалили четвертаго, вырѣзали у него ремни изъ спины и связали. Хвалитъ ихъ Алтынъ-Кылышъ. „А ну-ка“, говоритъ, — „двое третьяго также

свяжите“. Тѣ вскочили, повалили одного богатыря, вырѣзали ремни и связали. Осталось богатырей двое. Алтынъ-Кылышъ опять и говоритъ: „А ну-те, поборитесь, кто кого изъ васъ осилитъ?“ Тѣ начали барахтаться; одинъ одолѣлъ, вырѣзалъ у другаго изъ спины ремень и связалъ его. Оставшагося богатыря Алтынъ-Кылышъ самъ повалилъ и связалъ, а потомъ всѣхъ ихъ прибилъ къ черному камню величиной съ корову и вмѣстѣ съ камнемъ забросилъ въ бѣлое море. Друга своего Кыстай-мергена онъ развязалъ и сталъ съ нимъ пировать. Потомъ Алтынъ-Кылышъ собрался домой. „Будетъ“, говоритъ, — „драться! Поѣду на покой, да и къ тебѣ тоже пусть никто не ѣздитъ!“ Сначала Алтынъ-Кылышъ поѣхалъ къ Кайгану, тестю своему, попиравалъ у него и на прощанье сказалъ, что онъ ѣдетъ на покой. Потомъ заѣхалъ къ другу своему Канъ-мергену, съ нимъ попиравалъ и также распростился. По приѣздѣ домой, Алтынъ-Кылышъ сталъ пировать, а мнѣ пряники подавать.

175. Алтынъ-Тона.

Поѣхалъ Алтынъ-Тона промыслять на бѣлую гору (Ак-тас-кыль) и набилъ тамъ много всякаго звѣря. Воротившись домой, увидѣлъ, что у него ничего не стало — ни скота, ни людей; все куда-то дѣвалось. Посмотрѣлъ онъ сквозь пальцы: за шестьдесятъ небесъ ничего не видать; посмотрѣлъ на ладонь и увидѣлъ, что за семьюдесятью небесами живетъ Чиланъ-канъ, который и похитилъ все его имущество. Алтынъ-Тона собрался и поѣхалъ къ Чиланъ-кану, а тотъ, узнавъ объ этомъ, самъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, — превратился въ птицу „картага“ и летитъ. Алтынъ-Тона выстрѣлилъ въ птицу изъ лука и перешибъ ее пополамъ; тотчасъ Чиланъ-канъ выпустилъ и людей, и скотъ. Однако, Алтынъ-Тона не воротился домой, а поѣхалъ къ жилищу Чиланъ-кана. Стрѣла, пущенная Алтынъ-Тоной, на своемъ пути, гдѣ ни проходила, все уничтожила — горы, лѣса, и все владѣніе Чиланъ-кана. Приѣхалъ Алтынъ-Тона — его встрѣтила Чиланъ-канова жена, стала угощать айраномъ и называетъ своимъ хозяиномъ. „Не надо мнѣ тебя“, отказывается Алтынъ-Тона. Слово за слово, заспорили, потомъ вышли на улицу и давай драться. Вдругъ, его кто-то хлестнулъ; это былъ сынъ Чиланъ-кана.

Алтынъ-Тона схватился съ нимъ драться и началъ его одолѣвать. Тотъ кричитъ матери, чтобъ она спустила двухъ цѣнныхъ собакъ. Собаки бросились и начали кусать Алтынъ-Тона за ноги. Чиланъ-кановъ сынъ опять кричитъ матери, чтобы спустила двухъ орловъ. Тѣ прилетѣли и давай клевать Алтынъ-Тону. Тогда Алтынъ-Тона разсердился, схватилъ собакъ, разорвалъ и бросилъ, и собравъ послѣднія силы, убилъ Чиланъ-канова сына. Схватилъ онъ потомъ орловъ и сталъ имъ крылья ломать, но они начали его упрашивать, чтобъ отпустилъ ихъ. „Все равно“, говорятъ, — „вѣдь твои же будемъ!“ Онъ отпустилъ. Орлы стали его звать къ себѣ на Алтынъ-тагъ. Алтынъ-Тона пошелъ и видитъ — спущена съ пеба цѣпь къ столбу, который тутъ же стоитъ, и лежитъ на землѣ камень величиною съ корову. Къ этой цѣпи Чиланъ-канъ привязывалъ орловъ. Орлы говорятъ ему: „Подними этотъ камень выше себя, брось и прошибь землю, а иначе, мы поднимемъ тебя на небо, спустимъ отсюда и разсыплешься ты въ песокъ!“ Алтынъ-Тона взялся за камень — поднималъ его только до колѣнъ, а орлы ему угрожаютъ. Черезъ великую силу поднималъ онъ камень выше себя, бросилъ его и прошибъ землю (Алтынъ-тагъ) насквозь; видитъ — тамъ такое же солнце, мѣсяцъ и все другое, какъ и на этомъ свѣтѣ. Алтынъ-Тона сталъ туда спускаться и увидѣлъ дѣвицу; это была Алтынъ-Тулго, сестра девяти братьевъ Акпусагъ (тогося - акпусагъ); тутъ же онъ увидѣлъ и сестру свою, которая убѣжала, когда Чиланъ-канъ поглотилъ его владѣнія. (Эту гору — Алтынъ-тагъ — Чиланъ-канъ поглотилъ вмѣстѣ съ дѣвицей и орлами и увезъ къ себѣ). Дѣвица ему сказала, что 40 лѣтъ она томится здѣсь, ее ищутъ братья и найдти не могутъ, и что ей давно уже предназначено выйти замужъ за Алтына-Тона. Съ этими словами она подала ему книгу, въ которой тотъ прочиталъ, что, дѣйствительно, давно прошло то время, когда они должны были сойтись. Тогда Алтынъ-Тона сказалъ: „Ты поѣзжай теперь домой; я послѣ приѣду и увезу тебя съ собою, а теперь мнѣ нужно ѣхать стрѣлу отыскивать“. На прощаньи Алтынъ-Тулго сказала ему, что если попадется на встрѣчу бѣлый старикъ, то его не нужно трогать, это — братъ. Два орла подхватили гору Алтынъ-тагъ и понесли домой вмѣстѣ съ Алтынъ-Тулго, а Алтынъ-Тона поѣхалъ за стрѣлой. На встрѣчу ему попался сѣдой старикъ — младшій изъ брать-

евъ Акпусагъ. Поздоровались, разговорились. Старикъ объяснилъ, что онъ вотъ уже 40 лѣтъ ищетъ свою сестру и не можетъ найдти. „Быль“, говоритъ, — „и подъ землей, всѣхъ богатырей перебилъ тамъ; былъ на землѣ, также перебилъ всѣхъ, не могъ ни у кого доспроситься толку“. Алтынъ-Тона съ своей стороны сказалъ про себя, что онъ ни отца, ни матери, ни царства своего не знаетъ, а что сестру Акпусага нашелъ и домой отправилъ, — потомъ придетъ и возметъ ее за себя за мужъ. Старикъ поблагодарилъ Алтынъ-Тону и простился съ нимъ. Разѣхались. Опять на встрѣчу ему попадаетъ богатырь, стремглавъ летитъ. Остановились. Это былъ Аккойатты Канъ-Тона. Онъ сталъ спрашивать Алтына-Тону: откуда и куда тотъ ѣдетъ? „А тебѣ зачѣмъ?“ говоритъ тотъ. Алтынъ-Тона былъ грубый. Канъ-Тона продолжаетъ ласково разпрашивать. Алтынъ-Тона сказалъ, что ѣдетъ свою стрѣлу отыскивать. „Твоя стрѣла находится за 70 небесъ, воткнулась тамъ въ крыльцо Кункана, у котораго собралось много богатырей, и теперь идетъ пиръ“, отвѣтилъ Канъ-Тона и спросилъ Алтынъ-Тону: кто онъ такой и откуда родомъ? Алтынъ-Тона сказалъ, что не знаетъ ни отца, ни матери, ни царства своего, а зовутъ его Алтынъ-Тона. Кони, кольчуги и все прочее были одинаковы на обомъ богатыряхъ. Канъ-Тона и говоритъ: „А вѣдь, ты мнѣ братъ! Война разлучила насъ съ тобою“. „Какой ты мнѣ братъ?“ отказывается отъ него Алтынъ-Тона. Канъ-Тона опять говоритъ: „Поѣзжай ты къ Кункану, а я съѣзжу въ свое царство за 70 небесъ, вернусь оттуда и обгоню тебя, пока ты успеешь отѣхать только за девять небесъ“. Поѣхали. Алтынъ-Тона только и слышалъ, какъ конь Канъ-Тонни стукнулъ. Едва проѣхалъ онъ 9 небесъ, какъ тотъ обогналъ его. Наконецъ, Алтынъ-Тона приѣзжаетъ къ Кункану; народу было тамъ такъ много, что и коня негдѣ привязать: въ 60 рядовъ вокругъ дома были кони навязаны. Стрѣлу его съ крыльца срубили, потому что мѣшала, проходу не было. Алтынъ-Тона обратился мухой, залетѣлъ въ домъ и сидитъ тамъ; видитъ онъ, что его братъ Канъ-Тона сидитъ у порога. „Отчего же онъ впередъ не идетъ? Зачѣмъ у порога сидитъ?“ подумалъ про себя Алтынъ-Тона. Канъ-Тона знаетъ думу брата и про него тоже думаетъ: „Какой ты не догадливый, братъ! А того и не подумаешь, что съ порога богатырей легче таскать“. Видятъ оба брата, что дочь Кункана, Кунарыгъ,

гостей айраномъ угощаетъ; красавица была такая, что приглянулась обоимъ, и оба хотятъ ее замужъ взять. Алтынъ-Тона думаетъ про брата: „Только помѣшай—голову оторву!“ Схватилъ онъ Кунарыгъ, помялъ въ рукахъ, положилъ въ карманъ и поѣхалъ домой. За нимъ поѣхала также и сестра Кунарыгъ. Приѣхавши домой, онъ устроилъ той. Когда пиръ кончился, Алтынъ-Тона отправился на промыселъ. Сколько ни набилъ звѣри, все раздѣлилъ по ровну между своими людьми, а себѣ взялъ только оленью голову; бросилъ онъ ее на очагъ и принялся жену свою бить. Во второй разъ онъ также пошелъ на охоту, опять раздѣлилъ всю добычу, а себѣ оставилъ голову оленью; бросилъ голову на очагъ и пуще прежняго жену свою избилъ. Въ третій разъ пошелъ Алтынъ-Тона промыслять. Сестра и говоритъ Кунарыгъ: „Онъ бьетъ тебя, потому что вспомнилъ свою невѣсту Алтынъ-Тулгъ; ты скажи ему, чтобы онъ взялъ ее за себя“. Воротился Алтынъ-Тона съ охоты, все раздѣлилъ по ровну между людьми, а себѣ опять взялъ одну оленью голову; бросилъ ее на очагъ и давай бить жену. Кунарыгъ тутъ и сказала ему: „За что ты бьешь меня? Вѣдь, до смерти такъ добьешь! Отчего ты не возьмешь замужъ Алтынъ-Тулгъ?“ Алтынъ-Тона повеселѣлъ и не сталъ ее бить; велѣлъ приготовить айрану и сталъ паровать. Потомъ скоро собрался и поѣхалъ за Алтынъ-Тулгъ. Проѣхавъ три неба, видятъ—живутъ три брата Кара-Могусы. Алтынъ-Тона превратился въ самого худого стариченка, такого, что изъ него гной сочился, и вошелъ. Ушь-Кара-Могусы спрашиваютъ старика: кто онъ такой? Онъ назвался челоуѣкомъ Алтынъ-Тоны, празднующимся, а про Алтынъ-Тону сказалъ, что тотъ давно умеръ. Братья обрадовались этому извѣстiю, угостили старика и стали собираться къ девяти Акпусагамъ сватать—два брата за третьяго—сестру ихъ Алтынъ-Тулгъ. Поѣхали, и старикъ съ ними связался; не могъ онъ сдержать своего Аккойата, тотъ пролетѣлъ 100 небесъ, приѣхалъ впередъ, и пока Кара-Могусы подѣхали, да развѣчивались (девять туясковъ айрана привезли), старикъ ужъ сваталъ за нихъ Алтынъ-Тулгъ. „Мы“, говорятъ Акпусаги,—„ужъ стары, развѣ только айрану попьемъ; а за кого идти замужъ Алтынъ-Тулгъ, про это она сама знаетъ“. Кара-Могусы вошли и видятъ, что старикъ и въ самомъ дѣлѣ за нихъ сватаетъ. Акпусаги сказали, что Алтынъ-Тулгъ живетъ

отсюда за три неба, въ Алтынъ-тагъ. Плѣшивый, гноящiйся старикъ вызвался плѣшкомъ туда сбѣгать. Побѣжалъ, только въ трехъ мѣстахъ землю хватилъ. Подходить къ Алтынъ-тагу и видятъ, что 9 мальчиковъ (сыновья Акпусаговъ) играютъ въ бабки; старикъ вмѣшался въ игру и обобралъ у нихъ всѣ бабки, у кого силой, у кого обманомъ. Заллакали ребяташки, побѣжали къ Алтынъ-Тулгъ жаловаться, что какой-то плѣшивый и гнойный старикъ отобралъ у нихъ всѣ бабки. Алтынъ-Тулгъ послала ихъ нарѣзать 9 пучковъ прутьевъ, и когда они принесли, то выдрала ихъ: „Вишь“, говоритъ,—„вздумали еще съ дядей въ бабки играть!“ Старикъ вошелъ къ ней и сталъ опять прежнимъ богатыремъ. Послалъ Алтынъ-Тулгъ къ себѣ въ карманъ и вернулся къ Акпусагамъ. Кара-Могусы, увидѣвъ его, перепугались и убѣжали домой. Алтынъ-Тона устроилъ тутъ той, и, попиравъ нѣсколько времени, собрался домой и поѣхалъ, а Алтынъ-Тулгъ везетъ въ карманѣ. Дорогой вздумалъ онъ захватить къ Кара-Могусамъ и направляетъ туда коня: Аккойатъ не идетъ. Однако, Алтынъ-Тона заставилъ его силой туда ѣхать. Приѣхалъ—вошелъ въ домъ. Кара-Могусы посадили его за столъ и стали угощать. Алтынъ-Тона до того напился айрана, что потерялъ чувства, вышелъ на поле и свалился. Кара-Могусамъ только это и было нужно; они вырыли яму, сбросили въ нее Алтынъ-Тону и завалили землей и большими камнями, а жену вытащили изъ кармана и увели къ себѣ. Долго лежалъ тутъ Алтынъ-Тона. Наконецъ приѣзжаетъ къ этому мѣсту Канъ-Тона; раскидываетъ камни, раскидать не можетъ: дѣлныя горы навалены, а самъ обливается слезами. Слышитъ, подѣзжаетъ другой богатырь—Шакратты-Алтынъ-Чалтысъ. Это былъ старшiй ихъ братъ, жившiй за тремя рядами небесъ. Съ горькими слезами началъ и онъ раскидывать камни. Наконецъ, пытавши онъ Алтынъ-Тону: только, тотъ уже умеръ. Плачутъ надъ нимъ братья; Канъ-Тона сталъ уже терять чувства, но вдругъ точно кто отбросилъ его; онъ очнулся и увидѣлъ, что они оба умрутъ, если будутъ плакать. Оглянувшись Канъ-Тона назадъ и видить—стоитъ земная (?) гора, а на верхушкѣ ея камень, на которомъ 9 травокъ растутъ. Поднялся онъ на гору, отрѣзалъ у себя мизинецъ и приложилъ травку: палецъ зажилъ. Тогда онъ взялъ отъ корня травку и воротился назадъ; положилъ ее брату въ ротъ, тотъ очнулся и вскочилъ. „Ухъ, какъ я долго

спалъ!“ говоритъ. „На вѣкъ бы уснулъ, еслибъ не мы“. Шакратты-Алтынъ-Чилтысъ ударилъ Алтынъ-Тона и сказалъ: „Ахъ, ты, пьяница этакой! Дома то не могъ пить?“ Тогда всѣ отправились къ Кара-Могусамъ. Алтынъ-Тулгъ все время плакала, крошки въ ротъ не брала, а Кара-Могусы боялись ее взять замужъ. Алтынъ-Тона выстрогала палку, нанизала на нее трехъ Кара-Могусовъ, разложилъ огонь и сталъ ихъ жарить; также онъ поступилъ и съ двумя женами ихъ. Потомъ онъ взялъ Алтынъ-Тулгъ, зазвалъ братьевъ и поѣхалъ домой той устраивать. Стали пировать,—два старшіе брата во время пира три раза сваливались, а Алтынъ-Тона все на ногахъ. Наконецъ, они сказали, что всего вина у него не перепьешь, и поѣхали домой. По отѣздѣ братьевъ, Алтынъ-Тона сталъ еще пировать, и вдругъ слышитъ, что ѣдетъ богатырь. Приѣхалъ и сталъ сватать свояченицу Алтынъ-Тоны; звали его Айкаратты Каткандашъ. Когда Алтынъ-Тона сталъ разспрашивать: кто онъ и откуда? Каткандашъ сказалъ: „Ни отца, ни матери не знаю, мѣста своего также; родился я на камнѣ, лизалъ его и съ того выросъ, а потомъ сѣлъ на коня и съ тѣхъ поръ все ѣзжу,—теперь уже половина моей жизни прошла“. Алтынъ-Тона сказалъ, что онъ не имѣетъ никакихъ правъ на свою свояченицу, которая за кого сама захочетъ выйти за мужъ, за того и выйдетъ. Позвали ее и спросили. Сестра Кунарыгъ отвѣтила: „Какъ ты захочешь, такъ я и сдѣлаю.“ „Ну, если такъ, то поди за богатыря!“ Въ это время Алтынъ-Тона взглянулъ на свою жену Алтынъ-Тулгъ: та плачетъ; сталъ спрашивать: о чемъ? не говоритъ. Въ другой разъ взглянулъ—опять плачетъ, и въ третій разъ то же самое. Сталъ допрашивать о причинѣ, она сказала, что къ ея братьямъ наѣхало богатырей изъ-подъ земли въ 60 рядовъ войска, а съ земли въ 70 рядовъ,—и должно быть, теперь ея братьевъ ужъ и въ живыхъ нѣтъ. Алтынъ-Тона проситъ своего свояка поѣхать туда на помощь. Тотъ вскочилъ на коня и умчался; только и слышали, какъ его конь копытомъ стукнулъ. Алтынъ-Тона опять принялся за айранъ; пилъ, пилъ, разъ выпроситъ у хозяйки—выпьетъ, другой, третій—все не пьянъ. „Съ этого вина, должно быть, пьянъ не будешь?“ говоритъ Алтынъ-Тона, собрался и поѣхалъ къ Акпусагамъ. Приѣзжаетъ за 70 небесъ и видитъ, что ничего въ ихъ владѣніяхъ не стало: гдѣ

прежде были люди, скотъ, постройки, тамъ дудей выросли. Половину ихъ владѣній подъ землю унесли, другую по землѣ растащили. Подъ землю уѣхалъ драться Канъ-Тона, а по землѣ Каткандашъ; сюда же поѣхалъ и Алтынъ-Тона. Догналъ и видитъ, что Каткандашъ не столько саблей рубить, сколько конемъ топчетъ. Алтынъ-Тона также врубился. Всѣхъ богатырей они изрубили и очутились, наконецъ, другъ противъ друга только двое и остались среди поля битвы. Посмотрѣли по сторонамъ и увидѣли, на двухъ горахъ два богатыря сидятъ; эти самые и увели Акпусаговъ въ плѣнъ. Алтынъ-Тона и Каткандашъ забрались къ нимъ и давай драться: гдѣ гора, тамъ имъ кочкой кажется, гдѣ море—лужей. Убили, наконецъ, этихъ богатырей, сошлись, поцѣловались и отправились назадъ; Акпусаги уже пришли домой, и Канъ-Тона былъ съ ними: подъ землей онъ всѣхъ изрубилъ. Стали пировать у Акпусаговъ. Потомъ всѣ три богатыря отправились къ Алтынъ-Тонѣ. Нѣсколько времени пировали у него, а потомъ и домой стали собираться. Канъ-Тона уѣхалъ въ свое царство, а Каткандашъ взялъ молодую жену и говоритъ Алтынъ-Тонѣ: „Если у меня родится сынъ, а у тебя дочь, такъ пусть они женятся; если у меня дочь, а у тебя сынъ, такъ ты вели ему сейчасъ же ѣхать догонять; я живу такъ далеко, что если онъ опоздаетъ, то состарѣтся, пока доѣдетъ до меня. Я, вотъ, полвѣка своего ѣхалъ къ тебѣ, и теперь не знаю, доѣду ли?“ Съ этими словами Каткандашъ уѣхалъ ¹⁾.

176. Хангавай ²⁾.

Въ былое время жилъ богатырь Хангавай. Коуро-пѣгихъ лошадей и верблюдовъ у него было столько, что степь не вмѣщала. У него было два пастуха, Аксагалдай и Санигеле. Однажды поѣхали пастухи заворачивать (загонять) верблюдовъ,—не хватило

¹⁾ Сказка извѣстна нарнахчи (чорчхчи), то-есть разказичиу г. Адриана только до половины; онъ слышалъ и перенималъ ее отъ другого сказочника; подравшіеся въ юртѣ мужъ съ женой помѣшали дослушать сказку.

²⁾ Этотъ нумеръ записанъ г. Адриановымъ у Сойотовъ, именно отъ одного пастуха на Улукемѣ (Ешилѣ), въ мѣстности Булукъ, близъ сліянія Бейкеман Хакема.

цѣлаго угла; тогда Хангавай самъ поѣхалъ осматривать табунъ— не хватило только одного желтаго жеребца. Осѣдлавъ онъ своего коня Канга-Карата и отправился слѣдить. На встрѣчу ему идетъ желтый верблюдъ, но прострѣленный. Сталъ Хангавай раздумывать: „Кто бы могъ его прострѣлить?“ Осмотрѣлся кругомъ и видитъ— впереди гора—не гора, не знаетъ, что. Подѣхалъ ближе и увидѣлъ, что человѣкъ ѣдетъ; спросилъ его: кто онъ такой? Тотъ назвался Иръ-сары-мугэ, а коня его звали Тагъ-чокуръ-атъ. Хангавай назвалъ себя. Поздоровавшись, они начали пробовать свои силы. Сначала Иръ-сары-мугэ тянулъ свой лукъ съ утра до вечера и съ вечера до утра, и выстрѣлилъ прямо въ грудь Хангаваю: стрѣла отскочила. Тогда Хангавай началъ тянуть лукъ, тянулъ только съ утра до вечера и насквозь прострѣлилъ Иръ-сары-мугэ, не сдѣлавъ ему, однако, вреда. Тотъ долженъ былъ признать, за Хангаваемъ первую силу. Стали бороться; шесть дней и шесть ночей боролись, одинъ другаго не могутъ одолѣть. Иръ-сары-мугэ спрашиваетъ Хангаваю: на сколько у него еще хватитъ силы? Тотъ отвѣтилъ: „Съ утра до вечера, и съ вечера до утра, и еще съ утра до вечера“. „А у меня,“ отвѣчаетъ Иръ-сары-мугэ, — „хватитъ силы только съ утра до вечера и съ вечера до утра“. Боролись, боролись, Иръ-сары-мугэ сталъ слабѣть; Хангавай переломилъ ему погу, а самого завалилъ камнемъ, потомъ отрѣзалъ косу и спряталъ ее за голенище, а коня спуталъ. Самъ поѣхалъ и видитъ—на дорогѣ улусъ стоитъ. Хангавай зашелъ въ богатую юрту; тамъ сидѣла женщина, красавица собою. На ея разпросъ Хангавай назвалъ себя и разказалъ, что онъ убилъ Иръ-сары-мугэ. Женщина—жена убитаго—не повѣрила этому, сказавъ, что мужъ ея—сильный богатырь. Въ подтвержденіе своихъ словъ Хангавай вытащилъ косу и показалъ ей. Та признала косу, мужа, признала, что Хангавай еще болѣе сильный богатырь, и вышла за него замужъ. Хангавай и забылъ про свою первую жену живеть съ этою. А та ждала, ждала мужа, не дождалась и послала своихъ пастуховъ въ розыскъ. Аксагалдай осѣдлавъ коня трехгодовалого (тюрбес тюпен) Хората, а Сапигеле трехгодовалого (тюнен) Калтара и отправились; розыскавъ Хангаваю, они вернулись домой и все разказали его женѣ. Тогда она сама поѣхала на Тюненъ-Калтаръ по слѣду Хангаваю и дорогой услышала гдѣ-то человѣческій голосъ.

Подѣхала и увидѣла, что подъ камнемъ заложенъ богатырь Иръ-сары-мугэ. Просить онъ ее освободить, но она не можетъ своротить камня. Иръ-сары-мугэ просить поймать коня Тагъ-чокуръ-а. Хангаваева жена осмотрѣлась и сказала, что коня нѣтъ, а стоитъ какой-то спутанный жеребенокъ. А это и былъ Тагъ-чокуръ-а, но, спутанный желѣзными путами, пскудалъ до того, что казался жеребенкомъ. Иръ-сары-мугэ велитъ достать пзъ сѣдла подпирокъ (?) и перепилить пути, а потомъ привязать арканъ однимъ концомъ за камень, а другимъ за шею коня. Та такъ и сдѣлала. Конь сдернулъ камень. Тогда Хангаваева жена увезла Иръ-сары-мугэ къ себѣ домой, вырыла пещеру въ 60 сажень глубиной и спрятала его въ нее; туда же и пищу ему подавала. Во второй разъ посылаетъ она пастуха Аксагалдаю къ мужу спросить: отчего онъ такъ долго не ѣдетъ? Аксагалдай поѣхалъ къ Хангаваю и передалъ все. Тогда Хангавай со скотомъ и съ другою женою перекочевалъ къ первой женѣ. Живутъ всѣ вмѣстѣ. У Хангаваю была сестра Чечинъ-кызъ. Приѣхали три богатыря, братья Темиръ-мукэ, Джанджи-мукэ и Тэкъ-мукэ и два старшіе брата стали сватать Чечинъ-кызъ за младшаго брата Тэкъ-мукэ. Сначала сваталъ Темиръ-мукэ, пробилъ землю лбомъ до колѣнъ; потомъ сталъ сватать средній братъ, пробилъ землю по грудь. Хангавай видитъ, что какіе-то сильные люди приѣхали свататься, и сказалъ, что въ будущемъ мѣсяцѣ 15 числа отдастъ имъ сестру. Братья уѣхали, а Хангавай сталъ готовиться. Сдѣлали юрту, навьючили приданаго на 15 верблюдовъ и поѣхали. На дорогѣ имъ встрѣтилась крутая гора, которую они никакъ не могутъ перевалить. Чечинъ-кызъ заплакала, стала упрекать брата, что онъ везетъ ее на погибель. Хангамай началъ стрѣлять изъ лука; цѣлый день стрѣлялъ и пробилъ гору насквозь. Проѣхали. Ыхали, ѣхали, встрѣтили море. Сестра опять плачетъ и упрекаетъ брата. Тотъ сдѣлалъ морозъ, нагналъ иѣтеръ, и черезъ три дня море замерзло, такъ что они проѣхали по льду. Поѣхали дальше, попала въ самую дорогѣ гора, которая стѣной стояла, и проѣхать нельзя. Хангамай началъ стрѣлять изъ лука; три дня стрѣлялъ, пробилъ дыру, только-только верблюду пройти. Когда проѣхали эту гору, выбрались на прекрасную степь, на луга, гдѣ стояли большіе, бѣлыя юрты—тутъ и жили три брата. Когда Хангавай приѣхалъ, братья удивились, что онъ та-

кой сплывшій, поборолъ всѣ препятствія. Устроили той, стали угощать Хангаваю виномъ, но сколько онъ ни пьетъ, все трезвый, только около его коня лужи стоятъ; пилъ столько, что вина не хватало. Братья заплатили ему калымъ, дали скота, но Хангавай не взялъ его, а подарилъ сестрѣ. Стали прощаться, сестра ему и говоритъ, чтобъ онъ не пилъ вина, когда домой придетъ: она вѣщая была. Приѣхалъ Хангавай домой и видитъ, всѣ пьяны, веселятся. Спрашиваетъ: „Что это значитъ?“ Ему говорятъ, что у него родился сынъ отъ второй жены, худенькій такой. „По случаю такой радости, надо“, говорятъ, — „той сдѣлать!“ Хангавай убилъ черную яловую кобылу и 50 кукеровъ (кожаныхъ посуды) вина выставилъ. Мать взяла ребенка на руки и уколола въ ногу иглой; онъ закричалъ. Хангавай спрашиваетъ: „О чемъ кричитъ ребенокъ?“ Мать отвѣчаетъ, что онъ желаетъ знать: въ чемъ заключается сила отца? Хангавай, забывъ совѣтъ сестры, уже порядочно выпилъ. „Въ стрѣлѣ“, говоритъ — „заключается моя сила.“ Во второй разъ мать уколола ребенка, онъ опять закричалъ. Хангавай спрашиваетъ: о чемъ онъ кричитъ? Мать отвѣчаетъ, что сынъ хочетъ знать: въ чемъ настоящая сила отца заключается, почему онъ слыветъ богатыремъ? Хангавай сказалъ, что настоящая его сила въ лукѣ. Въ третій разъ мать уколола ребенка и на этотъ разъ вывѣдала отъ Хангава, что его настоящая сила заключается въ конѣ. Хангавай напился уже такъ, что лежалъ безъ чувствъ. Тогда его первая жена вызвала Ирѣ-сары-мугэ и спросила: можетъ ли онъ убить Хангава теперь, когда онъ безъ чувствъ? Тотъ побоялся, не найдясь на свою силу. Придумали они убить чернаго порося, сняли съ него шкуру тулуномъ (мѣшкомъ, нигдѣ не распарывая), и зашивъ въ нее пьянаго Хангама, бросили его въ море. Не даютъ имъ покоя волчанъ и лукъ, напоминая хозяина; хотѣли они забросить ихъ куда-нибудь, но не могли съ мѣста поднять. Тогда привязали они ихъ къ 30 жеребцамъ, увезли и забросили на островъ. Канга-Каратъ и другой конь Хангава Калтаръ тоже не даютъ покоя — рѣшились и ихъ убить. Поймали коней, завязали имъ глаза войлокомъ, но кони вырвались и убѣжали въ степь. Ребенокъ также напоминалъ Хангава; взяли его вмѣстѣ съ колыбелью и бросили на степь, какъ мертвыхъ бросаютъ. Опротивѣло имъ и самое мѣсто; сняли юрты, угнали скотъ и перекоче-

вали на другое мѣсто. Канга-каратъ, вырвавшись, убѣжалъ къ сестрѣ Хангава Чечинѣ-кызъ. Та, увидѣвъ его, сказала мужу, что дѣло не ладно, что Хангавай или убили, или что — нибудь сдѣлали съ нимъ; надо туда ѣхать. Всѣ три брата и Чечинѣ-кызъ отправились. Приѣзжаютъ; юрты нѣтъ, а мѣсто, гдѣ они стояли, травой поросло. Только слышать плачь ребенка. Подошли и увидѣли мальчика и около него люльку. Ребенокъ на столько уже выросъ, что могъ ходить и говорить. Чечинѣ спрашиваетъ: кто онъ такой? Тотъ сначала отвѣтилъ: „Не скажу!“ Потомъ онъ сталъ просить ее пустить на него изъ груди молока. „Если“, говоритъ, „оно попадетъ мнѣ въ глазъ, тогда точно, это ты, тетка“. Та брызнула молоко, и оно попало ему въ глазъ. Послѣ этого, ребенокъ разказалъ, какъ его отца пьянаго зашили въ тулунъ и бросили въ море. Братья начали стрѣлять утокъ, настрѣляли, нашили себѣ шубъ и поплыли по морю отыскивать кости Хангава. Нашли ихъ; тулунъ уже сгнилъ и мясо таеже. Кости сложили вмѣстѣ — не хватаетъ суставовъ пальцевъ рукъ. Снова стали нырять по морю; нашли и эти кости и приложили на мѣсто. Чечинѣ заставляетъ ржать Канга-карата, чтобъ оживить Хангава. Конь заржалъ, но богатырь не ожилъ. Стали осматривать кости и увидѣли, что не хватаетъ одного сустава отъ пальца. Стали опять нырять на дно, нашли суставъ и приставили. Тогда Калтаръ заржалъ и Хангавай ожилъ — опять сталъ человѣкомъ — потягивается. „Долго“, говоритъ, — „я спалъ, ничего не помню!“ Тутъ ему разказали, что съ нимъ было. Сестра его и зятя возвратились домой, а онъ поѣхалъ отыскивать свой лукъ и, по указаніямъ сына, нашелъ его. Поѣхали вдвоемъ отыскивать Ирѣ-сары-мугэ. Хангавай, когда стали подъѣзжать къ юртѣ, сына оставилъ въ степи, а самъ сдѣлался худенькимъ человѣкомъ, маленькимъ, коня тоже сдѣлалъ кляченкой; зашелъ въ юрту и проситъ напиться; ему подали „куйт-пака“ въ худой чашкѣ. Напился онъ и уѣхалъ. Сдѣлался настоящимъ богатыремъ, какъ прежде, и подъѣхалъ къ этой же юртѣ. Ирѣ-сары-мугэ, увидѣвъ его, испугался и спрятался за ящики. Хангавай вошелъ въ юрту, и ничего не говоря, убилъ Ирѣ-сары-мугэ, потомъ убилъ обѣихъ женъ своихъ, а юрту и весь скотъ перетаскалъ на старое мѣсто и сталъ тамъ жить.

177. Ускезе-оль.

Одинъ бѣднякъ Ускезе-оль жилъ вдвоемъ съ матерью старухой. Ничего у нихъ не было, кромѣ стада ямановъ. Жили они на большой рѣкѣ и питались частью рыбой, частью мясомъ. Случилось такъ, что они долго не могли наловить рыбы и принуждены были колоть ямановъ. Всѣхъ съѣли, только одна осталась яманушка. Умерла старуха, паренъ остался одинъ. Юрта у него совсѣмъ уже износилась, шерсти нѣтъ, и другую не изъ чего сдѣлать. Поголодалъ онъ дня три-четыре, рыбы наловить не могъ, а послѣднюю яманушку жалъ колоть. Увидѣлъ онъ, что на рѣкѣ люди рыбу ловили; сталъ просить у нихъ поѣсть; ему дали одну маленькую рыбку. Взялъ онъ ее, принесъ домой и хотѣлъ жарить, да пожалѣлъ: рыбка была золотая, хорошенькая такая, да къ тому же, маленькая. Ускезе-оль разсудилъ, что лучше отпустить рыбку назадъ въ рѣку. „Все равно,“ думаетъ, — „сытъ не буду!“ Отпустилъ рыбку въ воду, а самъ закололъ яманушку. На другой день слышитъ громъ на рѣкѣ; смотритъ—старикъ съ бѣлою бородой на бѣломъ конѣ, запряженномъ въ телегу, выѣзжаетъ изъ воды; онъ разпрашивать сталъ: кто такой? Старикъ объявилъ Ускезе, что рыбка, которую онъ вчера отпустилъ, былъ самъ Алтынъ-ханъ, что онъ, старикъ, присланъ за нимъ, Ускезе-оломъ отъ Алтынъ-хана. Ускезе-оль началъ отказываться: „Боюсь я!“ говоритъ; — „какъ въ воду поѣду?“ Старикъ успокоилъ его, завязалъ ему глаза, посадилъ въ телегу и поѣхалъ. Ыхали, ыхали, Ускезе показалось, что цѣлый день и ночь прошли. Наконецъ, ему развязали глаза, и онъ увидѣлъ золотой городокъ и золотые байшинны (то-есть домики). Старикъ съ бѣлою бородой и говоритъ ему: „Когда ты пойдешь къ Алтынъ-хану, поклонись ему, не бери ничего изъ того, что онъ будетъ тебѣ предлагать, а попроси только отдать *торлака* (рыбчика) или трехъ его дочерей“. Пошелъ Ускезе-оль къ Алтынъ-хану, поклонился ему. Алтынъ-ханъ сталъ его разпрашивать, кто онъ такой, и самъ ему разказалъ про себя, что онъ пошелъ поохотиться, но по неосторожности попалъ въ сѣти къ рыбакамъ, а отъ нихъ къ Ускезе-олу. Въ награду за спасеніе жизни Алтынъ-ханъ предлагаетъ ему все, что онъ тутъ видитъ. Ускезе-оль, какъ училъ его старикъ, сталъ просить торлака или

трехъ его дочерей. Алтынъ-ханъ далъ ему торлака. Ускезе-оль положилъ его за пазуху и пошелъ; на той же телегѣ старикъ съ бѣлою бородой увезъ его опять на старое мѣсто. „Ступай“, говоритъ, — „ты на гору, тамъ ночуй!“ Ускезе отправился, дошелъ до горы, а на верхушку никакъ не могъ забраться и остался ночевать внизу. Утромъ просыпается, и видитъ—онъ въ хорошей, новой куртѣ, а рядомъ съ нимъ молодая жена, красавица; въ куртѣ у него раскрашенные, золоченые сундуки и вся утварь, а жена варить ему чай, подаетъ трубку. Вышелъ онъ изъ юрты, посмотреть—скота у него многое множество. Радуется. Пріѣхалъ въ это мѣсто охотиться Караханъ, и убилъ двухъ птицъ чукчулъ (?); знаетъ онъ, что здѣсь живетъ Ускезе-оль, и послалъ къ нему трехъ человѣкъ готовить кушанье изъ убитыхъ птицъ. Пришли посланные въ юрту Ускезе, попросили позволенія жарить и засмотрѣлись на жену красавицу до того, что сожгли жареное; испугались и плачутъ: „Убьетъ ихъ за это царь“, думаютъ. Жена Ускезе-ола взяла у нихъ этихъ птицъ, прибавила муки и снова начала жарить, — половину изжарила, а половину сырымъ оставила. Принесли посланное жаркое къ Карахану, тотъ ѣсть и похвалиться не можетъ. На другой день Караханъ опять охотился и убилъ одного чукчула; послалъ двухъ человѣкъ жарить птицу. Тѣ уговорились на этотъ разъ, что пока одинъ смотритъ на красавицу, другой будетъ жарить, и на оборотъ. Пришли—одинъ жарить, другой любитъ. Изжарили птицу, принесли царю—не понравилось кушанье; сталъ ругать и допрашивать, почему такъ. Тѣ разказали. Караханъ наказалъ ихъ, а самому захотѣлось отбить жену у Ускезе-ола или ночевать съ нею. Зашелъ Караханъ въ ихъ юрту и просится ночевать. Ему постлали на одной сторонѣ, а на кровати улеглись Ускезе-оль съ женой. Ночью Караханъ встаетъ и говоритъ, что надо бы тюндюкъ (дымовое отверстіе) закрыть. Ему отвѣчаютъ, что они сами привыкли спать съ открытымъ тюндюкомъ, а что если онъ желаетъ, то пусть закроетъ. Нечего дѣлать, Караханъ пошелъ. Жена Ускезе-ола вѣщая была, знала намѣреніе Карахана, и устроила золотыя тенета, въ которыхъ онъ запутался и никакъ не могъ попасть въ юрту. Такъ ни съ чѣмъ утромъ Караханъ и уѣхалъ отсюда, однако пригласилъ Ускезе-ола къ себѣ въ гости. Когда Ускезе пріѣхалъ къ нему, Караханъ началъ предлагать ему со-

стяжаться сначала въ прятки, кто изъ нихъ окажется хитрѣе. Первымъ спрятался Караханъ. Ускезе-оль бѣжитъ къ женѣ просить ее помочь ему. Та говоритъ: „Увидишь большую, мягкую подушку въ юртѣ Карахана; возьми ее, и хлопни скажи: какая мягкая!“ Ускезе-оль такъ и сдѣлалъ; подушка превратилась въ Карахана. Очередь пришла прятаться Ускезе-олу. Онъ проситъ жену спрятать его. Та посадила мужа въ мѣдный сосудъ, что передъ бурханами ставится, напла туда масла и зажгла фитиль. Караханъ сколько не искалъ, не могъ найдти, долженъ былъ опять признать превосходство Ускезе-ола надъ собою. Сталъ прятаться еще разъ Караханъ. Ускезе побѣждалъ къ жепѣ, просить помочь. Та сказала: „Увидишь самого большого верблюда, хорошаго; подойди къ нему и поглади на шеѣ шерсть, (бахраму на горлѣ)!“ Ускезе такъ и сдѣлалъ, погладилъ, и Караханъ тутъ оказался. Ускезе проситъ жену спрятать его. Она обернула мужа кольцомъ, надѣла на палецъ и сидитъ. Не могъ его найдти Караханъ. Стали еще прятаться. Жена Ускезе сказала, чтобъ онъ погладилъ гриву баряго лысаго коня; Караханъ тамъ. Ускезе нашелъ его и сталъ прятаться самъ. Жена сдѣлала его иглой, сидитъ и шьетъ. Караханъ не могъ его найдти и на этотъ разъ. Видитъ, что хитростью ему не одолѣть Ускезе-ола. „Давай“, говоритъ, — „драться!“ Ускезе перепугался, пришелъ къ женѣ и проситъ ее выручить изъ бѣды. Она достала изъ ящика шубу изъ утиныхъ шкурокъ, нарядила его и послала къ своему отцу Алтынъ-хану. Пришелъ Ускезе-оль и сначала встрѣтилъ того же старика съ бѣлою бородой. Старикъ упрекнулъ его, зачѣмъ онъ не послушалъ его совѣта, не залѣзъ на гору, а ночевалъ подъ горой: „За это ты теперь и терпишь!“ Привезъ его старикъ къ Алтынъ-хану. Ускезе-оль разказалъ ему, какъ было дѣло, и зачѣмъ пришелъ къ нему. Алтынъ-ханъ далъ ему верблюда и далъ еще бѣлый стальной клинъ. „Если“, говоритъ, — „тебѣ удастся воткнуть этотъ клинъ въ юртѣ Карахана, тогда ты спасенъ“. Ускезе-оль сѣлъ на верблюда и отправился съ клиномъ. Подѣхалъ къ юртѣ Карахана и воткнулъ клинъ въ землю, — а Алтынъ-ханъ послалъ съ нимъ свою рѣку въ этомъ клинѣ-то. Вдругъ изъ того мѣста, гдѣ былъ воткнуть клинъ, полилась вода, потопила юрту Карахана и все его имущество и его самого унесло къ Алтынъ-хану. Ускезе-оль самъ сдѣлался Караханомъ и началъ управлять его народомъ.

178. Узунъ-ачакъ.

Въ старину жилъ Узунъ-ачакъ; у него было двѣ сестры, старшая — Чаганъ-чугурту-увазы, младшая — Джанай-чеченъ-тумазы. Старикъ промышлялъ звѣрей въ тайгѣ и тѣмъ питался, а скотскаго мяса и молока никогда не употреблялъ въ пищу. Джанай-чеченъ была еще мала и очень скучала и потому стала просить старика, чтобъ онъ сдѣлалъ ей какую-нибудь игрушку. Узунъ-ачакъ (ачакъ, ачакъ — старикъ) напустилъ холодъ, снѣгъ, разложилъ огня и собралъ сюда всѣхъ звѣрей; когда они собрались, онъ поймалъ изъ нихъ торго (кабаргу) и далъ ее сестрѣ играть. Джанай-чеченъ поиграла, поиграла съ нею, но осталась недовольна, потому что у кабарги были длинные зубы, она стала кусать дѣвочку. Опять она проситъ старика дать ей какую-нибудь другую игрушку. Узунъ-ачакъ напустилъ холодъ, собралъ всѣхъ звѣрей и поймалъ изъ нихъ соболя. Поиграла нѣкоторое время съ нимъ дѣвочка, но также осталась недовольна: и этотъ звѣрь кусался. „Сдѣлай мнѣ коробку!“ проситъ старика Джанай-чеченъ. Старикъ сдѣлалъ. Дѣвочка посадила въ нее соболя и положила туда же бумагу, на которой написала: „Кто одолѣетъ моего брата, за того я выйду замужъ; а для того, чтобъ одолѣть его, нужна сила ста солдатъ, каждому изъ которыхъ я дамъ по волчьей шубѣ“. Бумажку эту привязала къ уху соболя и въ коробкѣ пустила его по водѣ. Четырехцвѣтная коробка поплыла внизъ по рѣкѣ. Увидѣлъ ее сначала одинъ 60-лѣтній старикъ, который пасъ 60 ямановъ, погнался за коробкой, но не могъ поймать. Потомъ ее увидѣли пастухи, которые пасли барановъ Караты-хана, и тоже не могли догнать; коробка все плыветъ. Увидѣли ее пастухи того же хана, пасшіе табуны лошадей, погнались за нею, но поймать не могли. Наконецъ, увидѣлъ коробку Тинигъ-ачакъ, старикъ; онъ поймалъ чернаго верблюда, погнался за коробкой и вытащилъ ее. Принесъ онъ ее къ Караты-хану; достали изъ коробки письмо и стали его разбирать; никакъ не могли прочесть, сколько ни бились. Только, когда съ неба упали три бичеши (писаря), они прочитали письмо и разказали Караты-хану, что въ немъ было написано. Караты-ханъ собралъ сто человѣкъ и отправилъ ихъ вверхъ по этой рѣкѣ съ тѣмъ, чтобъ они убили Узунъ-ачака, а сестру его привезли къ нему (Ка-

раты-ханъ былъ уже женатъ). Между тѣмъ, Джанай-чеченъ сказала брату, что ей надоѣло играть, что она лучше желала бы заняться хозяйствомъ. Старикъ обрадовался этому, досталъ котелъ, всю посуду и домашнюю утварь и передалъ сестрѣ. Джанай-чеченъ стала доить скотъ, сдѣлала кумысъ и изъ него насидѣла вина, которымъ и начала угощать брата. Старшая сестра воспротивилась было этому и сказала, что братъ не употребляетъ молока, но Джанай-чеченъ обругала ее и заставила молчать. Старикъ выпилъ вина и слышитъ лай собачій и конскій топотъ. „Что бы это значило?“ спрашиваетъ онъ у Джанай-чеченъ. „Это пѣгій жеребецъ лошадей гонитъ“, отвѣчаетъ сестра, а сама продолжаетъ поить виномъ Узунъ-ачака. Второй разъ залаяли собаки, и топотъ послышался ближе; Узунъ-ачакъ тревожится, опять спрашиваетъ: „Что это такое?“ „Это карій жеребецъ кобылъ заворачиваетъ“. Въ третій разъ залаяли собаки, и топотъ раздался совсѣмъ близко. Джанай-чеченъ снова успокоила старика. „Это“, говоритъ, — „гнѣдой жеребецъ около юрты съ жеребятами играетъ“. Старикъ между тѣмъ, совсѣмъ опьянѣлъ, свалился и уснулъ. Джанай-чеченъ отрѣзала воротъ у его шубы и голенища отъ сапоговъ. Сто человѣкъ, посланныхъ Караты-ханомъ, пріѣхали и вошли въ юрту. Старикъ проснулся, но ничего не могъ сдѣлать; ему отрубили голову, вырыли на горѣ яму въ 60 сажень глубиной и закопали его туда, а Джанай-чеченъ взяли и увезли съ собою. У Караты-хана было двѣ жены; когда пріѣхала Джанай-чеченъ, онъ взялъ ее замужъ, а обѣихъ женъ бросилъ, оставивъ имъ ямановъ (козловъ), и укатывалъ на другое мѣсто. Остались двѣ жены и стали пасти ямановъ. Однажды на нихъ напали какіе-то люди, отобрали ямановъ и угнали ихъ; только одна яманушка осталась. Обѣ женщины погнались за яманами, догнать—не догнали, но заблудились; не могутъ найти свою юрту. Ходили, бродили и слышатъ изъ подъ земли человѣческій голосъ: „Закопите ямана, сварите и поставьте на такой-то камень! Я проголодался, ѣсть хочу“. Испугались онѣ этого голоса, но дѣлать нечего, закололи яманушку, сварили и поставили на указанное мѣсто. Въ ту же минуту мясо кто-то сразу проглотилъ. Скоро послѣ того изъ-подъ земли вышелъ старикъ и сталъ разпрашивать женщинъ: кто онѣ такіе? Тѣ отвѣтили ему, что онѣ—прежнія жены Караты-хана, который убилъ Узунъ-ачака, женился на его сестрѣ, а ихъ прогналъ; рассказали

какое несчастіе съ ними случилось; украли у нихъ ямановъ и послѣднюю яманушку они закололи для старика. Старикъ сказалъ, что онъ-то и есть самый Узунъ-ачакъ. Пошли всѣ вмѣстѣ. Проголодались женщины и обращаются къ старику съ просьбой помочь имъ. Узунъ-ачакъ говоритъ: „Прежде я охотился здѣсь за кабаргой!“ Поднялся на гору и увидѣлъ, что одна кабарга стоитъ; такъ какъ у него не было оружія, то онъ бросилъ въ звѣря камнемъ и убилъ его. Поѣли. Пошли дальше и снова женщины проголодались, просятъ у старика поѣсть. „Охотился“, говоритъ, — „я прежде въ этомъ мѣстѣ за дикими козлами“. Возшелъ старикъ на гору, увидѣлъ тамъ козлуху и убилъ ее камнемъ. Когда сталъ Узунъ-ачакъ распарывать ей брюхо, то увидѣлъ, что она беременна была двумя козлятами; ихъ онъ отдалъ женщинамъ, а самъ проглотилъ козлуху. Каждый разъ, какъ только Узунъ-ачакъ поѣстъ, онъ толстѣлъ и становился крѣпче. Пошли дальше и опять захотѣли дорогой ѣсть. „Охотился“, говоритъ старикъ, — „я прежде въ этомъ мѣстѣ на изюбрей“¹⁾. Пошелъ и одного убилъ. Наѣлись они мяса, а сколько осталось, то старикъ взвалилъ на себя, и пошли дальше. Дошли они наконецъ до прежней юрты Караты-хана; старикъ оставилъ тутъ обѣихъ женщинъ, а самъ пошелъ отыскивать Караты-хана. На дорогѣ онъ повстрѣчалъ пастуха овецъ; спрашиваетъ: чей онъ пастухъ? Тотъ разказалъ, что прежде онъ былъ пастухомъ Узунъ-ачака, а теперь пасетъ овецъ у Караты-хана. Старикъ назвалъ себя и велѣлъ пастуху со стадомъ идти на старое мѣсто, гдѣ онъ пасъ у Узунъ-ачака. Пошелъ далѣе и повстрѣчалъ пастуха съ лошадьми. Спросилъ его старикъ: чей онъ? Тотъ отвѣчалъ, что онъ изъ числа тѣхъ людей, которые ходили убивать Узунъ-ачака, а теперь пасетъ лошадей у Караты-хана. Узунъ-ачакъ убилъ пастуха. Дальше онъ повстрѣчалъ пастуха съ табуномъ верблюдовъ, еще дальше пастуха съ коровами. На разпросы старика они отвѣчали, что прежде были солдатами и оба изъ числа тѣхъ ста человѣкъ, которые ходили убивать Узунъ-ачака; старикъ убилъ ихъ обоихъ. Отправился онъ дальше, дошелъ до юрты Аккана и не можетъ никакъ пролѣзть внутрь ея. Спрашиваетъ: „Гдѣ живетъ Караты-ханъ?“ Акканъ сказалъ, что тотъ живетъ такъ далеко, что старику не дойти, и предложилъ ему коня. Узунъ-ачакъ от-

¹⁾ Изюбрь, мораль—по сойотски „сынъ“.

казался. „Я“, говорить, — „никогда на лошадяхъ не ѣздилъ, а всегда пѣшкомъ ходилъ!“ Тогда Акканъ вызвался сковать ему желѣзные сапоги. Въ нихъ Узунъ-ачакъ отправился. Дошелъ наконецъ до владѣній Караты-хана: стоитъ большая, бѣлая юрта. Сдѣлался Узунъ-ачакъ маленькимъ, вошелъ въ юрту и проситъ поѣсть. Ему подали чашку желтой сыворотки изъ-подъ пышка (прѣснаго сыра). Однако, сестра Узунъ-ачака, Джанай-чеченъ, начала догадываться, что этотъ старикъ — братъ ея, и о своихъ опасеніяхъ сказала Караты-хану. Тотъ разсердился, началъ ругать ее и укорять, увѣряя, что Узунъ-ачакъ убитъ. Старикъ между тѣмъ вышелъ изъ юрты, принялъ свой настоящій видъ и снова явился. Увидѣвъ его, Караты-ханъ испугался. „Ну, давай“, говорить, — „сражаться!“ Караты-ханъ тянулъ свой лукъ три дня и три ночи, спустилъ стрѣлу, та ударила въ грудь Узунъ-ачака и отскочила прочь. Тогда Узунъ-ачакъ взялъ свой лукъ, тянулъ его съ утра до вечера, пустилъ стрѣлу и перешибъ Караты-хану шею — убилъ его наповалъ. Забралъ все его имущество, скотъ и людей, и погналъ домой, а сестру привязалъ за ноги къ хвостамъ двухъ жеребцовъ, которые и разорвали ее. По дорогѣ Узунъ-ачакъ зашелъ въ юрту къ двумъ прежнимъ женамъ Караты-хана, женился на нихъ и отправился на свое старое мѣсто. Пришелъ туда, а тамъ ни юрты, ни имущества, ничего нѣтъ, только стоитъ столбъ, на которомъ на бумагѣ написано: „Если я черезъ три дня не вернусь, то жива не буду“. Прошло три дня, старшая сестра Узунъ-ачака, Чаганъ-чугурту, возвратилась, и они стали всѣ вмѣстѣ жить.

179. Человѣческая голова.

Жилъ старикъ со старухой; у нихъ была бѣдная юртенка, да корова, а больше ничего. „Давай“, говорить старикъ, — „заколемъ корову!“ Старуха не соглашается. „Чѣмъ мы“, говорить, — „потомъ питаться станемъ?“ А старикъ все пристаётъ: „Убьемъ, да убьемъ!“ Разъ погналъ онъ корову пасти и гдѣ-то съ горы отвалилъ на нее камень — корову задавило. Бѣжить къ старухѣ и кричать ей: „Вѣдь, я говорилъ тебѣ: заколемъ корову, ты не хотѣла, а вотъ теперь камнемъ ее и зашибло“. Заплакала старуха, но дѣлать нечего. Ободрали они корову, старикъ понесъ мясо въ юрту, а старуха стала кишки собирать. Когда собрала ихъ, пошла въ юрту и не можетъ попасть въ дверь; старикъ занерся на запоръ, не пускаетъ старуху. Заплакала

она и видитъ — летитъ ворона; старуха кричитъ ей остановиться, рассказала про свое горе и проситъ научить: куда идти? „Есть когда мнѣ дорогу тебѣ показывать! Мнѣ надо искать скорѣе, гдѣ бы глаза выклевать!“ И улетѣла. Стоитъ старуха, плачетъ, и видитъ, летитъ сорока; и ее старуха остановила, спрашиваетъ: куда ей дѣваться? Сорока сказала, что ей некогда, что она торопится расклеивать спины больныхъ лошадей, коровъ, верблюдовъ (испорченныхъ вьюками, сѣдлами) и улетѣла. Летитъ, наконецъ, воронъ. Старуха остановила его, рассказала про свое горе и пожаловалась, что никто ей не хочетъ помочь. „Отдай мнѣ“, говорить воронъ, — „кишки, такъ научу, куда идти“. Старуха отдала ему послѣднее, что имѣла; воронъ съѣлъ ихъ и говоритъ: „Ступай за пять рѣчекъ и за пять горъ, и когда ихъ перейдешь, то увидишь юрту; къ юртѣ подкатится человѣческая голова, — скота пригонять, а ты возьми топоръ и расколи эту голову, и если тебѣ это удастся, то все, что есть тамъ, будетъ твое“. Пошла старуха въ указанное мѣсто, перешла пять рѣкъ и пять горъ, и видитъ — стоитъ большая, бѣлая юрта. Вошла въ юрту, тамъ никого нѣтъ, а стоять ящери, лежатъ шелковые шубы, шапки и всякаго добра много. Погодя немного, старуха слышитъ шумъ; вышла изъ юрты и увидѣла, что бьется человѣческая голова, а вокругъ юрты множество скота. Схватила старуха топоръ, разсѣкла голову пополамъ. Вышло изъ головы 40 человѣкъ. Когда старуха снова вошла въ юрту, увидѣла, что въ котлѣ мясо варится; поѣла она, потомъ достала шелковую шубу, шапку соболью, одѣлась и вышла изъ юрты; смотреть — стоятъ два осѣдланные коня. „Поѣду“, говорить старуха, — „я за старикомъ!“ Сѣла на одного коня, другаго взяла за поводъ и отправилась къ своему прежнему жилищу. Приѣхала туда, зашла въ юрту, а старикъ еле живой, мясо все съѣлъ, голодаетъ. Старуха рассказала ему все, что съ нею произошло, и зоветъ его съ собою ѣхать. „Мы теперь“, говорить, — „богаты стали!“ Поѣхали со старикомъ. Приѣзжаютъ къ новой юртѣ, тамъ все цѣло, какъ было. Стали они жить. Разъ старикъ пошелъ скотъ загонять, и захотѣлось ему спать, легъ и уснулъ. Когда проснулся, оглядѣлся кругомъ, увидѣлъ, что ничего не стало, ни юрты, ни старухи, ни скота. Ходилъ, ходилъ старикъ кругомъ, искалъ, искалъ, ничего не могъ найдти, такъ и умеръ тутъ.

180. Алтынъ-Чагай.

Жили два брата. Старшій, Ара-Мергенъ, былъ промышленникомъ, охотился за звѣрями; младшій, Алтынъ-Чагай, былъ просто умный, знающій человекъ. Однажды ушелъ старшій братъ на охоту, а младшій остался дома, и захотѣлось ему почесать съ женой брата. Та посовѣтовала ему одѣться рысьимъ одѣяломъ. Когда братъ возвратился съ промысла, то ни та, ни другой не могутъ слова вымолвить отъ стыда. Ара-Мергенъ догадался, въ чемъ дѣло, и началъ бранить и стыдить брата и выговаривать ему, что у него самого высватана невѣста; и сталъ его посылать за невѣстой. „А на чемъ я“, говоритъ,—„поѣду?“ Ара-Мергенъ велѣлъ ему взять изъ табуна коня. Пошелъ Алтынъ-Чагай въ табунъ и увидѣлъ, что одна кобыла только что ожеребилась пѣгимъ жеребенкомъ. Поймалъ онъ этого жеребенка, и тотъ сталъ годовымъ; сталъ сѣдлать—жеребенокъ двухлѣтнимъ сталъ: подтянулъ подпруги, тотъ въ трехлѣтняго выросъ. Когда сѣлъ на него Алтынъ-Чагай, жеребенокъ сдѣлался настоящимъ конемъ, началъ скакать и бить ногами. Ара-Мергенъ велитъ ему взять своего большого коня. „Куда“ говоритъ,—„поѣдешь на такомъ дикомъ?“ Потомъ онъ смягчился, пересталъ сердиться и говоритъ брату: „Далеко тебѣ прійдется ѣхать! На дорогѣ попадетъ сначала большая гора (таскылъ), натиши поводья крѣпче и ударь коня: онъ перескочитъ; потомъ попадется стѣна каменная, ты возьми лукъ, натиши его и пусти стрѣлу (Ара-Мергенъ далъ брату и лукъ и колчанъ свой), стѣну прострѣлишь и проѣдешь; потомъ подѣдешь къ морю, крѣпче натиши поводья, хорошенько стегни коня; онъ перескочитъ черезъ это море“. Снарядился Алтынъ-Чагай и поѣхалъ. Подѣзжаетъ къ таскылу; тянулъ онъ поводья съ утра до вечера, стегнулъ коня, перелетѣлъ черезъ гору; опять ѣдетъ сколько времени, доѣхалъ до каменной стѣны; тянулъ лукъ съ утра до вечера и съ вечера до утра и на третьи сутки выстрѣлилъ, прострѣлилъ дыру—только, только коню пройти. Ѣдетъ опять много ли, мало ли, подѣзжаетъ къ морю; натинулъ онъ поводья, ударилъ коня; тотъ перенесъ его черезъ море, но переломилъ ногу. Алтынъ-Чагай слѣзъ съ коня, сидитъ и плачетъ; куда на безногомъ конѣ поѣдешь? Конь сталъ его упрекать, зачѣмъ онъ не послушалъ совѣта брата, худо тянулъ

поводья, худо ударилъ его плетью. Алтынъ-Чагай смотритъ, бѣжитъмышь съ переломленною ногой; подбѣжала къ одному мѣсту, начала рыть землю, вырыла корень куске-сарыджагъ (?), съѣла его и выздоровѣла. Алтынъ-Чагай накопалъ этихъ кореньевъ, далъ съѣсть коню, и тотъ сталъ здоровъ. Поѣхалъ дальше и пріѣзжаетъ къ юртѣ Караты-хана, у котораго еще отцомъ Алтынъ-Чагай была высватана для него дочь. Привязалъ коня, вошелъ въ юрту, поздоровался и сказался, кто онъ такой. „Отецъ мой заплатилъ тебѣ калымъ и высваталъ за меня твою дочь, такъ я за нею пріѣхалъ!“ говоритъ Алтынъ-Чагай. Караты-ханъ признался, что это дѣйствительно такъ, но только у него нѣтъ дочери, ее увезъ сильный богатырь Катчигыръ-ханъ и взялъ за себя замужъ. Алтынъ-Чагай вызвался выручить ее и поѣхалъ, хотя Караты-ханъ и предупредалъ его, что этотъ богатырь очень сильный и живетъ очень далеко. Ыхалъ Алтынъ-Чагай такъ спльно, что гдѣ надо ѣхать мѣсяцъ, онъ въ три дня проѣзжалъ, и увидѣлъ, наконецъ, овечьего пастуха. Обернулся онъ изъ богатыря въ худенькаго, хромаго и криваго стариченка, а коня сдѣлалъ клячей. Подѣхалъ къ пастуху, тотъ спрашиваетъ: кто онъ такой? Алтынъ-Чагай отвѣчаетъ, что живетъ недалеко и ѣздитъ собирать милостыню, и въ свою очередь сталъ разспрашивать пастуха: чей онъ? Пастухъ сказалъ, что онъ пасетъ скотъ у Катчигыръ-хана, который недалеко живетъ. Поѣхалъ Алтынъ-Чагай дальше, повстрѣчалъ скотскаго пастуха, еще дальше верблюжьяго, потомъ конскаго—со всѣми однимъ разговоръ былъ. Наконецъ онъ пріѣхалъ въ улусъ: стоитъ большая, бѣлая юрта, а около нея богатая коновязь. Алтынъ-Чагай привязываетъ къ коновязи свою клячу; его стали гнать. „Тутъ“, говорятъ,—„только ханъ привязываетъ своего коня!“ Однако, онъ привязалъ, потомъ вошелъ въ юрту и проситъ поѣсть. Ему подали желтой сыворотки; онъ ее выпилъ, съѣлъ половину чашки и ушелъ. Катчигыръ-ханъ дивится, до какой степени человекъ голоденъ, что полчашки съѣлъ. Алтынъ-Чагай подѣхалъ къ конскому пастуху и сдѣлался, какъ прежде былъ, настоящимъ богатыремъ. Пастухъ сказалъ ему, что ханъ—сильный богатырь; Алтынъ-Чагай назвалъ себя и разказалъ, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ. Потомъ снова подѣхалъ къ юртѣ Катчигыръ-хана, гдѣ его богатырскаго коня тотчасъ привязали, а самъ онъ вошелъ въ юрту; увидѣвъ богатыря,

ханъ испугался. Алтынъ-Чагай назвалъ и объяснилъ, что прѣхалъ за своею женой. „Ну, что жъ, пусть она будетъ твоею, если ты окажешься сильнѣе меня“. Сначала они начали пробовать свои силы на коняхъ. „У меня“, говоритъ Катчигыръ-ханъ, — „есть 50 бѣгунцовъ; съ любимъ изъ нихъ пускай въ бѣгъ своего любого коня!“ „А у меня одинъ только конь“, отвѣчаетъ Алтынъ-Чагай, — „я его пущу, а ты пускай всѣхъ пятьдесятъ!“ Пустили. Пѣганко Алтынъ-Чаяга далеко позади себя оставилъ всѣхъ бѣгунцевъ. „Ну на твоей сторонѣ первая сила“, говоритъ Катчигыръ ханъ, — „давай теперь стрѣляться!“ И сталъ тянуть свой лукъ; тянулъ его два дня и двѣ ночи и выстрѣлилъ: стрѣла ударила въ грудь Алтынъ-Чаяга, но отскочила. Тогда Алтынъ-Чагай началъ натягивать свой лукъ, тянулъ съ утра до вечера, и выстрѣлилъ: сшибъ Катчигыръ-хана съ ногъ, но не сдѣлалъ ему вреда. И вторая сила была признана за Алтынъ-Чаягемъ. Снова предлагаетъ Катчигыръ-ханъ испытать силу на коняхъ. „Давай“, говоритъ, — „пустимъ въ бѣгъ лошадей, нагруженныхъ пескомъ; у меня такихъ бѣгунцовъ есть 50“. Нагрузили всѣхъ 50, а Алтынъ Чагай пустилъ одного пѣганка, и тотъ обогналъ всѣхъ, не смотря на то, что ханъ прибѣгъ къ обману: на 50 лошадей своихъ онъ велѣлъ надѣть пустя сумы, а на пѣгаго коня съ пескомъ. И въ этотъ разъ сила осталась на сторонѣ Алтынъ-Чаяга. „Станемъ теперь драться на смерть!“ говоритъ Катчигыръ-ханъ. Тянулъ онъ свой лукъ три дня и три ночи и выстрѣлилъ: стрѣла попала въ грудь Алтынъ-Чаяга, но переломилась. Тогда Алтынъ-Чагай пустилъ свою стрѣлу съ такою силою, что отъ нея искры посыпались; стрѣла убила Катчигыръ-хана и сожгла его огнемъ. Алтынъ-Чагай тотчасъ взялъ свою жену, забралъ весь скотъ и отправился къ Караты-хану. Прѣзжаетъ; тотъ обрадовался, расхвалилъ его, что онъ такой сильный богатырь, и сталъ просить съ него остальной капы. Алтынъ-Чагай предложилъ ему взять все, что онъ хочетъ изъ скота, отобраннаго у Катчигыръ-хана, но Караты-ханъ сказалъ, что ему ничего не нужно, кромѣ пѣгаго коня. Жаль было расставаться Алтынъ-Чаягу съ конемъ, но жена для него дороже; отдалъ онъ коня и поѣхалъ. Дорогой его взяло раздумье, какъ ему безъ коня обойти всѣ препятствія, и онъ заплакалъ. Только слышитъ, гдѣ-то конь заржалъ; оглянулся, а это пѣганко прибѣжалъ. Караты-ханъ поставилъ его

въ желѣзное стойло и крѣпко заперъ тамъ, но конь все переломалъ и убѣжалъ. Благополучно преодолевъ всѣ препятствія, Алтынъ-Чагай пришелъ со своею женой на мѣсто прежняго жительства, но тамъ ни юрты, ни брата, ничего нѣтъ, и мѣсто это травой уросло. Удивляется Алтынъ-Чагай, что бы это значило, и увидѣлъ, виситъ на деревѣ большой бичикъ (письмо). Тамъ написано: „Если ты, братъ, прійдешь, такъ знай, что меня одолѣлъ Кара-Мангысъ, забралъ скотъ и меня самого, и угналъ“. „Надо выручить брата“, думаетъ Алтынъ Чагай. Оставилъ свою юрту и жену и поѣхалъ въ розыски. Ыхалъ, ѣхалъ, подвѣзжаетъ къ одной юртѣ; обратился изъ богатыря въ маленькаго стариченка, коня также сдѣлалъ худенькимъ и вошелъ въ юрту. Тамъ увидѣлъ своего брата Ара-Мергена; тотъ старикомъ уже сталъ, немощный такой. Стали разрашивать одинъ другаго: кто они такіе? Ара-Мергенъ разказалъ, что на него напалъ Кара-Мангысъ, отобралъ весь скотъ и его самого угналъ къ себѣ и сдѣлалъ работникомъ, измучилъ. „Былъ“, говоритъ, — „у меня младшій братъ. Онъ отправился за своею женой вотъ на такомъ же пѣгомъ конѣ, какъ у тебя, только тотъ конь былъ богатырскій“. Легли они ночевать въ юртѣ. Утромъ Ара-Мергенъ проснулся и увидѣлъ, что въ его юртѣ богатырь лежитъ, и призналъ въ немъ своего брата. Алтынъ-Чагай также проснулся. Обрадовались они другъ другу и поцѣловались. Алтынъ-Чагай разказалъ ему всѣ свои приключенія. „А теперь“, говоритъ, — „я тебя выручать поѣхалъ“. Ара-Мергенъ сталъ ему говорить, что отъ Кара-Мангыса можно освободиться, что у него есть знакомая старуха, которая живетъ въ работникахъ въ юртѣ самого Кара-Мангыса. Позвали эту старуху и стали ее просить помочь освободиться отъ Кара-Мангыса. Старуха сказала, что она также захвачена была злымъ Кара-Мангысомъ и также желаетъ отъ него освободиться. „Сила Кара-Мангыса“, говоритъ старуха, — „заключается въ его шубѣ и сапогахъ, а жизнь свою онъ носитъ на шеѣ“¹⁾. Старуха взялась прѣзжать у него сапоги, распоротъ шубу и порвать тетиву на лукѣ, пока онъ будетъ спать, а Алтынъ-чаягу съ Ара-мергеномъ велѣла его застрѣлить и какъ можно скорѣе сорвать у него съ шеи жизнь и бросить ее въ огонь, потому что онъ обладаетъ способностью возрождаться; самого же его ве-

¹⁾ То-есть, сакіусъ, мѣшечекъ, въ которомъ зашитъ бичикъ; онъ носитъ на шеѣ всякимъ ламантомъ.

лѣли сжечь и пепель развѣять. Такъ и сдѣлали. Ночью, когда Кара-мангысъ уснулъ, старуха отрѣзала у его сапоговъ голенища, распорола шубу, воротъ оторвала и перерѣзала тетиву на лукъ, а Алтынъ-чагай вошелъ въ юрту и сталъ натягивать свой лукъ. Въ это время Кара-мангысъ проснулся и тотчасъ схватился за сапоги, шубу и лукъ, но все оказалось изрѣзаннымъ. Тутъ Кара-мангыса и убили; сорвали съ шеи его жизнь и сожгли на огнѣ, а потомъ и его самого сожгли, а пепель развѣяли. Тогда Алтынъ-чагай взялъ съ собою брата вмѣстѣ съ женой его и старуху и поѣхали все на свое старое мѣсто, и стали тамъ жить.

181. Хэрэкъ-Кирвесъ Хэмрз-мергенъ.

Когда-то, въ былыя времена, жилъ сплнный богатырь Аролбай Эго-ханъ. У него было двѣ жены, а дѣтей ни одного. Людей подъ его властію было много, а скота еще больше. Въ своемъ улусѣ онъ рѣдко жилъ и все время проводилъ на охотѣ; подберетъ себѣ товарищей и уѣдетъ. Съ охоты онъ возвращался рѣдко съ товарищами, а то всего болѣе одинъ. Начнутъ жены спрашивать: гдѣ его товарищи? Онъ скажетъ, что они раньше его воротились, а то—поселились на новыхъ мѣстахъ или ушли въ какое-нибудь царство. Другого отвѣта нѣтъ, да и спрашивать нельзя.

Поживетъ Эго-ханъ нѣсколько времени дома и опять соберется на охоту, наберетъ съ собою людей больше прежняго и уѣдетъ, и опять о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Черезъ нѣсколько времени явится, и опять одинъ, а иной разъ воротится безъ оружія, безъ коня, да и самъ весь оборванный. Никто не смѣетъ его спрашивать объ этихъ поѣздкахъ, а между тѣмъ и люди, и скотъ все убываютъ. Такъ шло время, день за днемъ, годъ за годомъ. Разъ, воротившись съ такой охоты, Аролбай Эго-ханъ и говоритъ своей старшей женѣ: „Силы у меня одного не хватаетъ, да и ума не стало; дай мнѣ совѣтъ, какъ быть, и помоги!“ Жена отвѣчаетъ, что въ его дѣлѣ она пособить ему не можетъ, совѣтъ дать также. „Сошью“, говоритъ, „—я тебѣ шелковый халатъ, да сапоги и шапку соболью“. Аролбай Эго-ханъ остался доволенъ и этимъ. Потомъ обратился онъ къ младшей женѣ за совѣтомъ и помощью. Та говоритъ: „Сама я не могу помочь тебѣ, а рожу сына богатыря, который будетъ твоимъ помощникомъ“. Получивъ отъ обѣихъ женъ

по обѣщанью, Аролбай Эго-ханъ набралъ себѣ товарищей и уѣхалъ, не извѣстно куда. Младшей женѣ его начали сниться худые сны. Разъ, увидѣвъ во снѣ мужа, она пошла къ старшей женѣ и застала ее за работой; та собиралась кроить изъ черной шелковой матеріи халатъ мужу; младшая жена помогла ей скроить халатъ и сама его сшила весь, такъ что швовъ нигдѣ не видно, и за работой разказала, что видѣла во снѣ мужа не хорошо: не случилось ли съ нимъ какого несчастья? Старшая жена сказала, что она видитъ мужа хорошо, и стала упрекать младшую жену за то, что она, должно быть, худо про мужа думаетъ, худого ему желаетъ. Снова младшая жена увидѣла худой сонъ; идетъ къ старшей женѣ и застаётъ ее за работой; та кроитъ сапоги. Помогла ей скроить и сама сшила сапоги, такъ что на нихъ швовъ не видно, и разказала, что видѣла худой сонъ. Старшая жена говоритъ, что видѣла хорошій сонъ. Прошло еще нѣсколько времени, и видитъ младшая жена опять худой сонъ; другимъ разказывать его не хочетъ, пошла къ старшей женѣ. Та шьетъ мужу соболью шапку и не можетъ спать. Младшая жена сшила ей шапку сама и разказала про худой сонъ. Старшая жена запретила ей и говорить о своихъ снахъ, а сама замѣтила, что та беременна и скоро должна родить. Какъ только младшая жена ушла, старшая позвала къ себѣ старуху прислужницу и велѣла ей найти въ улусѣ только что родившагося щенка. Когда старуха нашла щенка, старшая жена пошла съ нею въ гости къ младшей женѣ и дорогой сказала ей, что если младшая жена Эго-хана родитъ дочь, то ее можно оставить, а если родитъ сына, то его нужно взять, а вмѣсто него подложить щенка. Когда они пришли къ юртѣ младшей жены, то ея прислужница старуха не хотѣла ихъ впускать въ юрту къ больной, зная, съ какимъ намѣреніемъ они пришли, но старшая жена Аролбай Эго-хана распорядилась вытолкать старуху, и онѣ остались въ юртѣ однѣ. Когда больная родила, то прислужница старшей жены, увидѣвъ, что родился мальчикъ, схватила его отъ матери, а ей подложила щенка, и затѣмъ, обѣ онѣ ушли домой, придумывая средство, какъ убить мальчика. Старуха посоветовала бросить его тамъ, гдѣ пасется табунъ лошадей съ воронимъ жеребцомъ. Такъ она и сдѣлала, въ увѣренности, что ребенокъ не останется живъ. Когда старуха

ушла, бросивъ ребенка, вороной жеребецъ услышалъ дѣтскій плачь, и подбѣжавъ къ ребенку, сталъ охранять его, чтобы другія лошади не раздавили. „Какъ люди глупы и жестоки!“ сказалъ конь; „бросаютъ того, кто долженъ быть главою и хозяиномъ имъ всѣмъ“. Онъ зналъ, что ребенокъ былъ сынъ Аролбай Эго-хана. На другой день старуха увидѣла, что ребенокъ живъ, удивилась и пошла сказать хозяйкѣ объ этомъ. Чтобы сбыть съ рукъ, они придумали бросить ребенка въ табунъ дикихъ верблюдовъ, но и тутъ ошиблись въ расчетахъ. По уходѣ старухи, къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ мальчикъ, подбѣжалъ желто-черный бура (не кладеный верблюдъ) и не давалъ подходить близко другимъ верблюдамъ, оберегая ребенка отъ опасности, какъ своего господина. На завтра старуха увидѣла, что ребенокъ живъ, и стала ругаться, что нѣтъ на него пропасти. Посовѣтовалась съ хозяйкой и бросила его въ стадо овецъ, но и тутъ неудачно. Не кладеный баранъ подошелъ къ ребенку, и зная, что онъ наслѣдникъ хана, не сдѣлалъ ему никакого вреда и всю ночь караулилъ, пока стадо паслось вблизи. Утромъ пошла старуха посмотреть и увидѣла, что мальчикъ по прежнему кричалъ и барахтался, и сказала объ этомъ хозяйкѣ. Придумали онѣ тогда бросить его въ озеро Алтынъ-куль, которое было не далеко отъ ихъ кочевья. Тѣмъ временемъ воротился Аролбай Эго-ханъ безъ оружія, коня и товарищей, сильно недовольный своею поѣздкой. Старшей женѣ онъ сказалъ, что тутъ ему нельзя жить, и нужно со всѣмъ перекочевать на другое мѣсто. Жена поднесла ему спитые будто бы ею халатъ, шапку и сапоги и насаждала на младшую жену, что та наворожила ему несчастье, и вмѣсто сына, котораго обѣщала, родила щенка. Озлобленный неудачей и обманомъ младшей жены, Аролбай Эго-ханъ велѣлъ все собирать и готовиться кочевать съ стараго мѣста, а самъ пошелъ къ младшей женѣ. Та лежала больная и ничего не знала о похищеніи ребенка и подмѣнѣ его щенкомъ; вмѣстѣ со своею прислужницей старухой она должна была перенести ругательства и побои; Аролбай Эго-ханъ переломилъ ей руку и ногу и выкололъ одинъ глазъ, и вмѣстѣ со старухой приказалъ бросить ихъ на старомъ стоянцѣ безъ всего, а самъ, когда собрали скотъ, лошадей, овецъ, верблюдовъ, все имущество и юрты, отправился искать себѣ со своимъ народомъ и старшею женою другія кочевья. Дорогою въ

одномъ изъ своихъ табуновъ онъ замѣтилъ хромаго пѣгаго жеребенка, который едва тащился за лошадьми; Аролбай Эго-ханъ велѣлъ отогнать его прочь и бросить; жеребенокъ кое-какъ уплелся назадъ, гдѣ осталась брошенная ханомъ жена съ прислужницей. Прошло нѣсколько времени; старуха пришла въ память, и видя, что кромѣ ихъ двоихъ и пѣгаго жеребенка нѣкого и ничего нѣтъ, собрала кое-какія старья лохмотья и укрыла ими жену хана, а сама принялась копать корни, потому что другой пищи не было. Черезъ нѣсколько времени хозяйка поправилась немного и съ помощью костыля могла ходить не далеко. Зная, что одними корнями не пропитаться, старуха придумала способъ ловить рыбу въ озерѣ Алтынъ-куль; она сдѣлала нѣсколько волосяныхъ силышковъ и каждое утро отправлялась на озеро ловить рыбу, а къ вечеру возвращалась домой со своею добычей. Хозяйка ея тѣмъ временемъ собирала все, что годилось для топлива. Однажды, сидя на камнѣ, жена Эго-хана увидѣла у ногъ своихъ мышъ, ударила ее костылемъ и переломила ногу; мышъ отползла недалеко, съѣла какую-то травку и побѣжала здоровою. Видя это, жена хана начала искать травку случайно наткнулась на нее и съѣла, и къ удивленію своему почувствовала, что переломленная кость ноги срослась, такъ что она могла свободно ходить безъ костыля. Спустя нѣсколько времени, хозяйка видитъ, что у чашки, въ которую были насыпаны зерна, найденная старухой въ мышинѣмъ гнѣздѣ, сидитъ маленькая птичка и клюетъ ихъ; она ударила птичку палкой и перешибла ей крыло. Птичка попрыгала, попрыгала, потомъ выбралась на травку, посидѣла тамъ и улетѣла здоровою. Жена хана догадалась въ чемъ дѣло, пошла на то мѣсто, откуда вылетѣла птичка, и стала искать цѣлебную травку; послѣ долгихъ трудовъ она нашла эту травку, и съѣвши ее, почувствовала, что сломанная рука выздоровѣла, — остался поврежденнымъ только глазъ. Въ этотъ день старуха, служанка ея, замѣшкалась на озерѣ и поздно вечеромъ воротилась домой съ пустыми руками. Хозяйка съ радостью разказала ей о случившемся. Въ свою очередь, старуха разказала ей, почему пришла безъ рыбы; съ ранняго утра и до поздняго вечера она сидѣла на берегу озера, спрятавшись за камни, и смотрѣла, какъ игралъ тамъ на берегу вынырнувшій изъ воды ребенокъ; старуха думаетъ, что это сынъ жены хана, потому что онъ, разговаривая самъ съ

собою, упоминалъ Аролбай Эго-хана, который будто бы ему ничего не оставилъ, кромѣ воды въ озерѣ и камушковъ на берегу. Когда старуха подходила ближе къ берегу, ребенокъ нырялъ въ воду, и потомъ снова появлялся поверхъ ея. Разказавъ другъ другу все, что съ ними случилось, онѣ стали придумывать средство, какъ поймать ребенка. На завтра онѣ принялись за работу; одна изъ нихъ собирала по всему кочевью клочки шерсти, а другая, найдя старыя ножницы, обрѣзывала гриву и хвостъ пѣгому жеребенку, который за это время поправился и пересталъ хромать. Изъ шерсти онѣ сдѣлали большую кошму, а изъ волоса два аркана; потомъ по краямъ кошмы надѣлали дыръ и проткнули въ нихъ одинъ изъ аркановъ, такъ чтобы двумя концами его можно было стянуть кошму, какъ мѣшокъ. Когда все было готово, онѣ наложили въ кошму разныхъ бабокъ и пошли къ озеру. Старуха разостлала войлокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ игралъ ребенокъ, а потомъ спряталась за камни вмѣстѣ съ хозяйкой. Недолго пришлось ждать; ребенокъ показался изъ воды и усѣлся играть въ камушки, но увидѣвъ что-то новое, онъ подошелъ къ кошмѣ, постоялъ и усѣлся на нее играть бабками, разговаривая самъ съ собою, что это — наслѣдство отъ отца. Старуха и мать ребенка выждали пока онъ разыграется, а потомъ дернули концы аркана и затянули войлокъ въ мѣшокъ; ребенокъ началъ кричать и биться, стараясь высвободиться изъ мѣшка; озеро, покойное до тѣхъ поръ, вдругъ заволновалось, валы выбѣгали одинъ за другимъ на берегъ далеко за кошму, и скатываясь назадъ, едва не снесли ребенка. Обѣ женщины старались дотащить войлокъ до того мѣста, гдѣ стоялъ пѣганко съ арканомъ наготовѣ, и когда дотащили, то привязали за конецъ другого аркана у жеребенка и погнали его. Ребенокъ уже прорвалъ кошму, высвободилъ руки и ноги и просилъ отпустить его назадъ въ озеро. Мать начала его успокаивать и сказала ему, что онъ — сынъ ея; ребенокъ сначала этому не повѣрилъ и захотѣлъ убѣдиться, дѣйствительно ли тутъ мать его. „Взойди“, говоритъ, — „ты на ближайшую гору и пусти изъ груди молоко; если оно попадетъ мнѣ въ ротъ, тогда ты точно мать моя; и тогда я не буду рваться въ озеро, а останусь съ тобою“. Мать согласилась на это, освободила его изъ войлока и оставила внизу со старухой, а сама взошла на гору и пустила изъ сосцевъ молоко. Молоко попало прямо ребенку въ ротъ, и тогда онъ

увѣрился, что это мать его, и остался жить съ женщинами. Старуха по прежнему ходила на озеро ловить рыбу, а мальчикъ билъ птичекъ камушками, ни по одной ни дѣлая промаха. Потомъ старуха сдѣлала ему для игры лучекъ и нѣсколько стрѣлокъ. Мальчикъ сталъ стрѣлять птичекъ изъ лучка. Разъ онъ увидѣлъ зайца, пустилъ стрѣлу и убилъ его. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ стрѣлять птичекъ, а охотился только за зайцами; изъ шкурокъ ихъ они шили себѣ одежду, а мясо употребляли въ пищу. Охотясь за зайцами, онъ увидѣлъ однажды другого звѣря. По его разказу, старуха догадалась, что это коза, таежный звѣрь, который рѣдко встрѣчается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ зайцы. Разпросивъ старуху объ этомъ звѣрѣ, мальчикъ принялся дѣлать для себя другой лукъ изъ найденнаго имъ рога, на тетиву вырвалъ прядь волосъ изъ хвоста пѣгаго жеребенка, а къ стрѣлѣ придѣлалъ костяной наконечникъ и началъ ходить въ тайгу за промысломъ козъ, билъ ихъ также, какъ и зайцевъ. Такъ они жили нѣсколько времени; день ото дня мальчикъ выросталъ, да и жеребенокъ тоже становился больше и крѣпче. Охотясь за козами, мальчикъ видѣлъ въ тайгахъ и большихъ звѣрей (сыновъ, сохатыхъ и медвѣдей) и сталъ дѣлать лукъ и стрѣлы больше и крѣпче, найденные обломки желѣза передѣлывалъ на ножи и наконечники для стрѣлъ, кости и рога употреблялъ на луки, а жилы на тетивы. Мать и ея служанка старуха стали беспокоиться, чтобы мальчикъ, гоняясь по тайгамъ за звѣремъ, не попалъ нечаянно на желѣзнаго звѣря (сына)¹⁾, и предупредили его, чтобы онъ не ходилъ на одну высокую гору, отдѣльно стоящую въ тайгѣ, гдѣ живетъ желѣзный звѣрь, покрытый желѣзною броней весь, кромѣ двухъ мѣстъ — на лбу и между стегнами; отецъ его, Аралбай Эго-ханъ, пробовалъ сражаться съ этимъ звѣремъ, но загубилъ много людей, а убить звѣря все-таки не могъ и въ послѣдній разъ оставилъ въ немъ и ножъ свой, сдѣланный его кузнецомъ: кромѣ этого ножа ничѣмъ больше нельзя оспаривать звѣря. Выслушавъ разказъ про желѣзнаго сына, мальчикъ охотился по прежнему на другихъ звѣрей и не показывалъ вида, что онъ отыскиваетъ запрещенное ему для охоты мѣсто.

¹⁾ Желѣзный изюбрь по сойотски будетъ темиръ-сынъ, а желѣзный звѣрь — темиръ-ангъ.

Однажды, онъ попалъ на эту гору, и подкравшись, высмотрѣлъ звѣря; какъ разказывали, звѣрь былъ весь въ желѣзѣ, только на лбу и между стегнами оставались два небольшіе пятна, не покрытые желѣзомъ, а вмѣсто шерсти вся кожа была покрыта желѣзными иглами; величиной звѣрь на столько превосходилъ другихъ звѣрей, что мальчику показалось, будто это лежитъ громадный камень, только похожій на звѣря, но камень этотъ шевелился, и при поворотѣ его мальчикъ увидѣлъ торчавшій въ боку громадный ножъ. Изъ разказа старухи мальчикъ уже зналъ, что это ножъ его отца Аролбай Эго-хана, и что этотъ звѣрь есть дѣйствительно желѣзный сынъ. Удалившись отъ звѣря не замѣченнымъ, мальчикъ пришелъ домой и принялся дѣлать новый лукъ, такъ какъ старые для него негодились. Старуха и мать его начали догадываться о намѣреніяхъ мальчика и уговорились караулить его по очереди, чтобъ онъ опять не ушелъ въ тайгу. Два дня и двѣ ночи такъ онѣ караулили, на третью сонъ одолѣлъ ихъ, а мальчикъ, притворяясь спящимъ, только и ждалъ, когда онѣ уснутъ, и не медля, собрался въ путь и пошелъ по извѣстной тропѣ, черезъ тайгу. Онъ засталъ звѣря спящимъ и сталъ оглядывать его, куда бы выстрѣлить; видя, что звѣрь начинаетъ шевелиться, онъ выпѣлилъ на лбу мѣсто, не покрытое желѣзомъ, и спустил стрѣлу. Звѣрь бросился прямо, на него и мальчикъ упалъ безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что передъ нимъ что-то лежить и загоразиваетъ свѣтъ; почувствовавшись совсѣмъ, онъ поднялся на ноги и увидѣлъ, что рядомъ съ нимъ лежитъ издохшій звѣрь. Оснимать его можно было, только вырѣзавъ всѣ внутренности, за что онъ и принялся добытымъ изъ боку звѣря отцовскимъ ножомъ, вынимая по частямъ мясо и кости. Часть мяса онъ взялъ съ собою и направился домой. Прийдя на стойбище, онъ не нашелъ тамъ ни матери, ни старухи; одинъ пѣгій жеребецъ ходитъ около юрты. Послѣ долгихъ поисковъ, онъ нашелъ ихъ на вершинахъ двухъ горъ не далеко отъ кочевья; онѣ пошли разыскивать его. Тогда онъ велѣлъ имъ идти назадъ и напрасно не горевать, а помочь ему перетаскать мясо убитого звѣря, и разказалъ имъ о своей удачѣ. Все мясо онъ перетаскалъ къ юртѣ, а изъ шкуры звѣря, оставшейся цѣлою, придумалъ устроить жилье для себя. Пѣгій жеребецъ помогъ ему перевезти шкуру, два

отверстія, на которой годились одно для дверей, а другое для выхода дыма. Управившись съ желѣзнымъ звѣремъ, сынъ Аролбай Эго-хана по старому принялся за охоту.

Между тѣмъ отецъ мальчика не забылъ своего старого кочевья; онъ выбралъ изъ подвластныхъ ему людей восемь чело-вѣкъ и послалъ ихъ узнать, что дѣлается у озера Алтынъ-куля, кочуетъ ли тамъ кто, или нѣтъ, и гдѣ живетъ желѣзный звѣрь? Четверо изъ посланныхъ вздумали вернуться съ половины дороги назадъ и стали уговаривать сдѣлать тоже и остальныхъ, боясь, что звѣрь ихъ съѣстъ, и имъ не быть живыхъ. „Скажемъ“, говорятъ, — „хану, что на прежнемъ кочевьѣ все по старому, улусовъ нѣтъ; желѣзный сынъ тутъ же живетъ“. Четверо другихъ посланныхъ не согласились на это и пошли далѣе, а тѣ вернулись и сказали хану, что товарищи ихъ погубили отъ звѣря, а они едва спаслись, что на старомъ кочевьѣ никого нѣтъ. Выслушавъ разказъ, ханъ отпустилъ ихъ домой. Между тѣмъ четверо другихъ посланныхъ подходили уже къ тому мѣсту, гдѣ жилъ желѣзный звѣрь, но не могли его отыскать, только замѣтили, что отъ того мѣста, гдѣ спалъ звѣрь, пошла дорога съ буграми земли по ту и другую сторону, какъ будто нарочно сдѣланная по направленію къ старому кочевью хана. Подходя къ старому стойбищу Аролбай Эго-хана, они, не спускаясь еще съ горъ, увидѣли, что видъ равнины измѣнился, посреди ея стоялъ холмъ, котораго прежде не было, а потомъ увидѣли много конскихъ слѣдовъ и задумались: кто тутъ могъ ѣздить, чьи табуны ходили, откуда взялся холмъ, кто сдѣлалъ дорогу? Все это отнимало у нихъ рѣшимость идти далѣе; не переселился ли туда желѣзный звѣрь? Разчитывая на вѣрную смерть, двое отказались идти впередъ, а другіе двое рѣшились во что бы то ни стало исполнить повелѣніе хана и пошли впередъ. Спускаясь съ горы и подходя ближе, они разсмотрѣли, что припавшее ими за холмъ была шкура желѣзнаго звѣря, а по дыму, выходящему вблизи ея, они заключили, что тутъ есть люди. Подойдя еще ближе, они увидѣли пѣгаго коня и двухъ женщинъ. Поздоровавшись, женщины велѣли войти имъ въ юрту, то-есть, подъ желѣзную крышу, и угостивъ ихъ, стали спрашивать: кто они такіе, куда и зачѣмъ идутъ? Посланные Аролбай Эго-хана разказали подробно, что ихъ сюда привело. Жена хана, услышавъ, кто они такіе, принялась обонхъ ихъ бить, приговари-

вая, что ихній ханъ не доволенъ должно быть тѣмъ, что оставилъ женщинъ безо всего и чуть живыхъ, и снова думаетъ воротиться сюда. Старуха служанка стала уговаривать хозяйку не бить этихъ людей, потому что они передъ ней не виноваты, такъ какъ пришли не по своей волѣ, а исполняя ханское приказаніе, и посовѣтовала дожидаться сына Аролбай Эго-хана. Старуха разказала имъ, что сынъ хана, родившійся отъ его младшей жены, ея госпожи, и утопленный по приказанію старшей жены въ Алтынъ-кулѣ, найденъ ими и живетъ тутъ же. Посланцы растерялись, боясь, чтобъ сынъ хана не вздумалъ мстить имъ за свою мать. Наконецъ, пришелъ сынъ Аролбай Эго-хана, и распросивъ посланцевъ подробно, приказалъ имъ привести и товарищей, не пошедшихъ съ ними. Тѣ сходили за ними, но не могли ихъ уговорить. Тогда сынъ Эго-хана самъ поѣхалъ, и связавъ ихъ, притащилъ къ юртѣ. На другой день онъ отправилъ ихъ обратно къ Аролбай Эго-хану и предварительно спросилъ: сколько времени они шли до его кочевья? Они отвѣтили ему, что шли одинъ мѣсяцъ и четыре дня. Тогда онъ далъ имъ по кости (цзала), а отцу послалъ отъ убитаго имъ желѣзнаго звѣря одну лытку и найденный имъ отцовскій ножъ. Когда посланцы возвращались, пробывъ въ дорогѣ 30 дней, и подходили уже къ кочевьямъ Аролбай Эго-хана, сынъ его поѣхалъ на пѣгомъ жеребцѣ и въ 4 дня догналъ ихъ около кочевья хана; оставивъ коня въ укромномъ мѣстѣ, онъ обернулся птичкою, полетѣлъ вслѣдъ за ними и въ одно время съ посланцами поспѣлъ къ хану, у дверей юрты котораго и сѣлъ. Аролбай Эго-ханъ, узнавъ о приходѣ остальныхъ четырехъ изъ посланныхъ восьми человекъ, потребовалъ къ себѣ тѣхъ и другихъ и ранѣе пришедшихъ велѣлъ тотчасъ же казнить, а послѣднихъ сталъ спрашивать подробно обо всемъ ими видѣнномъ. Посланцы передали ему посланную сыномъ лытку отъ звѣря и его ножъ; ханъ, увѣрившись, что желѣзный звѣрь убитъ, однако не рѣшился признать сына, говоря: „У моего сына должно быть имя, и онъ долженъ имѣть богатырскаго коня и богатырское оружіе отъ моего кузнеца Толонъ-Арыкъ-Дархана; тогда я повѣрю, что это мой сынъ.“ Присутствуя тутъ же, невидимый никѣмъ, сынъ его все выслушалъ и улетѣлъ; въ четыре дня онъ былъ уже дома на пѣгомъ жеребцѣ.

Прошло нѣсколько времени, старуха и хозяйка стали замѣчать, что сынъ ихъ печалится. На разпросы ихъ онъ отвѣтилъ, что ему, какъ сыну богатыря, нельзя жить безъ имени, нельзя обходиться безъ оружія и коня. Тогда его мать и старуха по общему съ нимъ совѣту наввали его Хэрэкъ-Кирвесь-Хэмэрэ-Мергенъ. Оставалось добыть коня и оружіе; Хэрэкъ-Кирвесь сталъ допытываться у матери и старухи: „Гдѣ живетъ кузнецъ Аролбай Эго-хана и какою дорогою къ нему доѣхать?“ Сначала тѣ стали отговаривать его отъ этой поѣздки, но должны были на неотступныя просьбы сказать, гдѣ живетъ кузнецъ Толонъ-Арыкъ-Дарханъ; старуха разказала дорогу и дала нѣсколько совѣтовъ. Хэмэрэ-Мергенъ не долго собирался, — взялъ свой лукъ и колчанъ со стрѣлами, накиннулъ потникъ на пѣгаго жеребца, сѣлъ и поѣхалъ; ѣдетъ по указанной дорогѣ и доѣхать не можетъ; наконецъ, выѣхалъ на чистое мѣсто и видитъ, табуны верблюдовъ ходятъ, а за ними ѣздятъ старикъ и пастухъ. Подъѣзжаетъ къ нему и спрашиваетъ: „Далеко ли живетъ Толонъ-Арыкъ-Дарханъ?“ „Недалеко!“ отвѣчаетъ старикъ. Поѣхалъ дальше; попадаютъ табуны лошадей и сколько ни ѣдетъ, нѣтъ конца этимъ табунамъ; наконецъ, подъѣзжаетъ къ послѣднему и спрашиваетъ у пастуха: „Далеко ли еще ѣхать до Толонъ-Арыкъ-Дархана?“ „Нѣтъ“, говоритъ, „недалеко! только проѣдешь стадо овецъ, а тамъ и юрты увидишь“. Доѣхалъ Хэрэкъ-Кирвесь-Хэмэрэ-Мергенъ до овечьихъ стадъ и, проѣхавъ ихъ, увидѣлъ юрты; подъѣзжаетъ къ самой большой изъ нихъ, привязываетъ коня и идетъ къ юртѣ, а на встрѣчу ему вышелъ старикъ, и называя его по имени, приглашаетъ зайти въ юрту. Угостивъ его, Толонъ-Арыкъ-Дарханъ говоритъ, что давно приготовилъ все, изъ чего нужно дѣлать оружіе, да только не знаетъ, будетъ ли оно ему подъ силу. „И конь богатырскій есть у меня“, говоритъ, — „только не знаю, справишься ли ты съ нимъ? Сдѣлаемъ испытаніе: если ты съ оружіемъ и конемъ справишься, то я награжу тебя всѣмъ, и народомъ, и скотомъ, и имуществомъ, а если нѣтъ, то ты долженъ будешь у меня остаться“. Кузнецъ началъ дѣлать лукъ изъ костей кита (хабъ балыкъ), тетиву изъ его жилъ, а колчанъ изъ китовой же кожи, потомъ обтянулъ лукъ бычачьими кожами, а стрѣлы сдѣлалъ изъ сандалнаго дерева со стальными головками. Когда оружіе было изготовлено,

Толонъ-Арыкъ-Дарханъ привелъ сиваго жеребца, осѣдлалъ его богатырскимъ сѣдломъ и подалъ лукъ, а для пробы поставилъ чернаго каменнаго пороza. Сѣлъ Хэрэкъ-Кирвесь-Хэмэрэ-Мергентъ на сиваго богатырскаго коня, взялъ лукъ и поѣхалъ на поле, гдѣ поставлена была мѣта. Тянулъ онъ лукъ съ утренней зари до вечерней и съ вечерней до утренней, пустилъ стрѣлу въ чернаго каменнаго пороza, пробилъ его насквозь и отбросилъ съ того мѣста, гдѣ онъ былъ поставленъ, а стрѣла улетѣла, и найдти ея не могли. Толонъ-Арыкъ-Дарханъ испытаніемъ остался доволенъ, надѣлилъ Хэрэкъ-Кирвеса всѣмъ, чѣмъ общалъ, а коня его взялъ себѣ. „Когда“, говоритъ, — „пріѣдешь домой, къ матери, возьми изъ стада овецъ чернаго некладенаго барана, заколи его, вынь глазъ и вставь матери вмѣсто выколотаго Аролбай Эго-ханомъ“. До половины дороги Хэрэкъ-Кирвесь ѣхалъ вмѣстѣ съ народомъ и помогалъ гнать подаренный ему скотъ, а съ половины поѣхалъ впередъ; гдѣ раньше ѣхалъ три дня, теперь пробѣгаетъ въ одинъ, а слѣдъ оставлялъ такой, что по нему шедшіи сзади народъ прогонялъ скотъ табунами. Когда народъ явился со скотомъ, онъ велѣлъ заколотъ чернаго барана, вынулъ у него глазъ и вставилъ матери, — та сдѣлалась зрячею.

Спустя нѣсколько времени, Аролбай Эго-ханъ опять посылаетъ людей на старое кочевье къ сыну просить у него шкуру убитаго имъ желѣзнаго звѣря себѣ на юрту, подъ тѣмъ предлогомъ, что войлочная ему не годна. Мать Хэрэкъ-Кирвеса не соглашалась отдать, но сынъ уговорилъ ее уступить отцу и отдалъ юрту посланнымъ людямъ; тѣ всѣ-то вмѣстѣ едва могли ее увезти. Хэрэкъ-Кирвесь заказываетъ передать хану, что у него есть и оружіе, и конь богатырскій отъ Толонъ-Арыкъ-Дархана, и что въ своемъ житѣ онъ не нуждается ни въ чемъ. Спустя мѣсяцъ по уходѣ посланныхъ, Хэрэкъ-Кирвесь поѣхалъ за ними на своемъ богатырскомъ конѣ, а затѣмъ, обернувшись ястребомъ, догналъ ихъ и сѣлъ у юрты Аролбай Эго-хана. Послы, передавъ шкуру желѣзнаго звѣря, сказали хану, что сына его зовутъ Хэрэкъ-Кирвесь-Хэмэрэ-Мергентъ, что у него есть оружіе и конь богатырскій, добытый имъ отъ кузнеца Толонъ-Арыкъ-Дархана, и что онъ богаче Аролбай Эго-хана. Ханъ, выслушавъ разказъ, говоритъ: „Хэрэкъ - Кирвесь, должно быть, дѣйствительно мой сынъ. Только удивляюсь я, отчего мой сынъ, такой сильный бога-

тырь, убивши желѣзнаго звѣря, добывъ себѣ оружіе и коня отъ Толонъ-Арыкъ-Дархана и имѣя такъ много народа, сидитъ дома и не хочетъ достать себѣ невѣсту, дочь Убиртыхъ-Хормозда, Ногонъ-тэмэнь-тэнгэрлеръ-кызъ“. Хэрэкъ-Кирвесь, выслушавъ, что ему нужно было, полетѣлъ обратно; и чрезъ четыре дня былъ дома. Мать его и старуха служанка стали замѣчать, что сынъ ихъ печалится. На разпросы ихъ онъ сказалъ, что ему нужно достать жену, дочь Убиртыхъ-Хормозда, Тэмэнь-ногонъ-тэнгэрлеръ-кызъ. Старуха говоритъ ему на это: „Отецъ твой Аролбай Эго-ханъ всю жизнь старался достать себѣ въ жены дочь Убиртыхъ-Хормозда, да не могъ, а только загубилъ много народа; отецъ этой дѣвицы, трехголовое чудовище, лежитъ на грани своихъ владѣній и не пропускаетъ въ свое царство ни пѣшаго, ни коннаго. Аролбай Эго-ханъ, должно быть, и тебя хочетъ извести, а если ты достанешь эту дѣвицу, то ханъ навѣрное отберетъ ее у тебя себѣ въ жены“. Сколько ни отговаривала его старуха не ѣздить туда, Хэрэкъ-Кирвесь стоялъ на своемъ. Тогда старуха сказала, что его богатырскій конь знаетъ дорогу къ дѣвицѣ и доведетъ его куда слѣдуетъ. Хэрэкъ-Кирвесь скоро собрался, осѣдлалъ коня богатырскаго, взялъ лукъ и поѣхалъ, куда конь его повезъ. Дорогой Хэрэкъ-Кирвесь спрашиваетъ коня: „Далеко ли еще до Убиртыхъ-Хормозда?“ Конь отвѣчаетъ, что и самъ не знаетъ. Хэрэкъ-Кирвесь разсердился и сталъ коня бить. Конь ему говоритъ: „Куда же ты поѣхалъ, и почему не видишь, что впереди на одной высокой горѣ виднѣется красный каменный утесъ? Это и есть самъ Убиртыхъ-Хормоздъ!“ Не допуская близко до себя, Убиртыхъ-Хормоздъ кричитъ: „Куда поѣхалъ сильный и могучій богатырь Хэрэкъ-Кирвесь-Хэмэрэ-Мергентъ? Не въ мое ли царство? Не за дочерью ли моей? Такъ прежде помѣряемся силою!“ Кинули жребій, и первому досталось стрѣлять Хэрэкъ-Кирвесу. Натянулъ онъ свой лукъ и пустилъ стрѣлу въ Убиртыхъ-Хормозда, отбилъ у него всѣ три головы разомъ, а конь помогаетъ ему, топчетъ трупъ Хормозда. Затѣмъ, Хэрэкъ-Кирвесь въѣзжаетъ въ его владѣнія и встрѣчаетъ на дорогѣ старика; остановивъ его, онъ спросилъ: гдѣ ему найдти Ногонъ-тэмэнь-тэнгэрлеръ-кызъ? Старикъ, указавъ ея жилище, спрашиваетъ: какъ его пропустилъ сюда Убиртыхъ-Хормоздъ? Хэрэкъ-Кирвесь назвалъ ему себя и сказалъ, что онъ убилъ того.

Старикъ далъ ему совѣтъ, какъ найти и удержать Ногонъ-тэмэнъ: „У нея“, говоритъ, — „есть особая одежда, лидымъ, которую она никогда съ себя не снимаетъ; при входѣ твоёмъ Ногонъ-тэмэнъ можетъ въ юрту улетѣть, и тогда тебѣ ее не поймать“. Хэрэкъ-Кирвесь поѣхалъ къ юртѣ Ногонъ-тэмэнъ и дорогой сказалъ коню, чтобы тотъ караулилъ у дверей; когда подѣхали къ юртѣ, Хэрэкъ-Кирвесь соскочилъ съ коня и тотчасъ закрылъ тюндюкъ, а потомъ бросился въ юрту и схватилъ Ногонъ-Тэмэнъ за руки. Онъ сказалъ ей, что онъ сынъ Аролбай Эго-хана, Хэрэкъ-Кирвесь, что онъ отца ея убилъ и пріѣхалъ взять ее въ жены. Ногонъ-Тэмэнъ, вырвавшись пзъ его рукъ, бросилась въ верхъ юрты, чтобы вылетѣть, но не могла попасть; верхъ былъ закрытъ и привязанъ. Тогда она бросилась къ дверямъ, но тутъ конь не выпустилъ ея; тѣмъ временемъ Хэрэкъ-Кирвесь поймалъ ее снова. Видя, что ей не вырваться, она начала просить Хэрэкъ-Кирвеса послать человека узнать, точно ли имъ убить Убиртыхъ-Хормоздъ. „Если это такъ окажется“, сказала она, — „то я согласна быть твоею женою, но съ условіемъ, чтобы ты досталъ мнѣ трехъ коурыхъ лошадей, на которыхъ только я одна и ѣзжу; кони эти пасутся теперь на той сторонѣ кипящаго моря“. Пока у нихъ шли переговоры, посланный вернулся и сказалъ, что Убиртыхъ-Хормоздъ убитъ. Тогда Ногонъ-Тэмэнъ рассказала Хэрэкъ-Кирвесу, куда и какъ ѣхать за конями; черезъ кипящее море можно только перелетѣть, а иначе попасть на ту сторону нельзя. Дала она ему на дорогу трой пути для коурыхъ коней. Хэрэкъ-Кирвесь тотчасъ собрался и поѣхалъ. Ыхалъ, ѣхалъ, пріѣзжаетъ наконецъ къ кипящему морю, въ которомъ вода, какъ въ котлѣ кипѣла. Ударилъ онъ путами своего богатырскаго коня и перелетѣлъ черезъ море, только копытомъ задней ноги конь его коснулся воды, но это большаго вреда не причинило. Поѣхалъ дальше и увидѣлъ: ходятъ на лугу три коурые коня. Погнался Хэрэкъ-Кирвесь за первымъ, поймалъ и спуталъ; также поймалъ онъ и втораго; осталось еще поймать третьяго, восьмикрылаго. Подѣзжаетъ онъ къ нему и хочетъ только накинуть, какъ конь увернулся; сталъ ловить его и догнать не можетъ. Взялъ онъ перваго пойманнаго коня, началъ на немъ гоняться, не могъ поймать; взялъ другаго спутаннаго коня и также не поймалъ. Что дѣлать? Вернуться съ двумя конями нельзя,

а третьяго поймать не можетъ. Переночевавъ, онъ придумалъ средство поймать его. Утромъ, когда конь пасся на этомъ же лугу, Хэрэкъ-Кирвесь натянулъ свой лукъ и пустилъ стрѣлу въ копыто задней ноги, а потомъ догналъ его на своемъ свѣкѣ и поймалъ. Собравшись совсѣмъ, онъ сѣлъ на своего коня, а остальныхъ трехъ взялъ за поводья и перелетѣлъ черезъ море; въ этотъ разъ онъ бѣжалъ вдвое скорѣе, чѣмъ впередъ. Тэмэнъ-Ногонъ-тэнгэр-лэръ-кызъ вышла встрѣчать своего жениха и замѣтила, что восьмичашечный (восьмикрылый) коурый конь хромаетъ на заднюю ногу и спрашиваетъ Хэрэкъ-Кирвеса: „Отчего это сдѣлалось?“ Тотъ рассказалъ, какъ онъ не могъ поймать коня и принужденъ былъ выстрѣлить, чѣмъ и попортилъ ногу. Ногонъ-Тэмэнъ говоритъ: „Ты не ногу испортилъ, а бѣгъ; теперь восьмичашечный конь долженъ летѣть три дня то пространство, какое пробѣгалъ прежде въ одинъ день; я сама виновата въ этомъ, потому что позабыла сказать средство, какъ поймать коня“. Ногонъ-Тэмэнъ достала лѣкарство „эмъ цаганъ томъ цаганъ“ и только приложила его къ копыту, какъ конь выздоровѣлъ и пересталъ хромать.

Пробывъ тутъ нѣсколько времени, Хэрэкъ-Кирвесь и Ногонъ-тэмэнъ собрали всѣ свои богатства, людей и скотъ, и перекочевали на то мѣсто, гдѣ жилъ Хэрэкъ-Кирвесь съ матерью, и начали тамъ жить, да поживать. Много ли, мало ли времени жили, только опять пришли посланцы отъ Аролбай Эго-хана узнать, что тамъ дѣлается. Хэрэкъ-Кирвесь, угостивъ ихъ и надѣливъ подарками, отправилъ обратно и велѣлъ передать хану все, что они видѣли. Посланцы такъ и сдѣлали. Аролбай Эго-ханъ, узнавъ, что сынъ его досталъ себѣ въ жены дочь Убиртыхъ-Хормозда, Ногонъ-Тэмэнъ-тэнгэр-кызъ, велѣлъ своимъ людямъ идти снова туда и звать Хэрэкъ-Кирвеса съ женою и матерью въ гости. Посланцы явились и передали повелѣніе хана. Младшая жена хана отказалась ѣхать и сказала, что не желаетъ, чтобы ханъ еще разъ переломалъ ей руки и ноги; Ногонъ-Тэмэнъ также не поѣхала, потому что Аролбай Эго-ханъ не посылалъ сватовъ съ предложеніемъ взять ее замужъ за сына, да и самъ едва убрался, когда хотѣлъ взять себѣ въ жены; мужу своему Ногонъ-Тэмэнъ совѣтовала не ослушиваться повелѣній хана и отца и ѣхать въ гости, только не пить вина и не отказываться, если ему будутъ давать какія-либо порученія.

Посланцы воротились къ хану съ отвѣтомъ, а вслѣдъ за ними пріѣхалъ и Хэрэкъ-Кирвесъ-Хэмэрэ-Мергенъ. Гулянья и пирамъ, которые устраивалъ отецъ для сына, не было конца, но на этихъ пирахъ Хэрэкъ-Кирвесъ отказался отъ вина подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ никогда его не пилъ и не будетъ пить. Аролбай Эго-ханъ предложилъ сыну перекочевать вмѣстѣ съ женою и матерью его на одно мѣсто, такъ какъ онъ становится старъ и не можетъ всѣмъ управлять. Хэрэкъ-Кирвесъ сказалъ, что на это не согласится его мать, а одну ее оставить онъ не смѣетъ, и отказался. Тогда Аролбай Эго-ханъ обратился къ нему съ просьбой достать отъ чудовища Чеканъ, которое живетъ около Куль-хана и Айхана, восемь клыковъ. „Боюсь“, говоритъ, — „я, чтобы жилище мое, сдѣланное изъ шкуры желѣзнаго звѣря, отъ тяжести не упало и не задавило насъ съ женой, и хочу изъ клыковъ сдѣлать подпорки подъ желѣзную крышу“. Сынъ согласился исполнить волю хана и поѣхалъ домой. Когда онъ разказалъ женѣ о новой службѣ, наложенной на него отцемъ, Ногонъ-Тэмэнъ научила его, гдѣ и какъ достать клыки. „Была бы эта служба легкая, еслибы не былъ испорченъ восьмичапечный коурый конь! успѣетъ-ли онъ убѣжать отъ чудовища?“ Жена посоветовала ему не оборачиваться назадъ на обратномъ пути. „А иначе“, говоритъ, — „Чеканъ тебя съѣстъ!“ Хэрэкъ-Кирвесъ осѣдлалъ коураго восьмичапечнаго коня и поѣхалъ, куда ему указали. Доѣхалъ до мѣста, гдѣ жило чудовище Чеканъ, нашелъ тамъ клыки, и привязавъ ихъ къ сѣдлу, помчался назадъ. Чекана не было дома на это время, но когда онъ узналъ о похищеніи, кинулся догонять. Слышитъ Хэрэкъ-Кирвесъ, что чудовище его настигаетъ, вотъ-вотъ схватить, но оглянуться нельзя; уже увидѣлъ онъ и табуны свои, а чудовище все гонится за нимъ, щелкаетъ зубами; наконецъ, онъ ударилъ коня и вбѣжалъ въ свои табуны; тогда вдругъ Чеканъ неизвестно куда скрылся. Хэрэкъ-Кирвесъ оглянулся—никого нѣтъ, только хвостъ у коня его какъ будто сталъ короче. Пріѣхавъ домой, онъ все разказалъ женѣ. „Не много подальше“, говоритъ онъ, — „будь гравъ, за которую чудовище не можетъ переходить, не остался бы я въ живыхъ“. Какъ бы то ни было, служба была окончена. Хэрэкъ-Кирвесъ отвезъ клыки хану, установилъ ихъ тамъ подъ юртой и воротился домой. Спустя нѣсколько времени, Аролбай Эго-

ханъ требуетъ сына къ себѣ и велитъ ему отыскать мечъ, потерянный гдѣ-то въ тайгѣ отцомъ Аролбай Эго-хана. Хэрэкъ-Кирвесъ не смѣетъ отказаться и по пріѣздѣ домой разказываетъ женѣ о приказаніи хана. Ногонъ-Тэмэнъ успокоила его и велѣла ѣхать на первомъ пойманномъ имъ коуромъ конѣ въ тайгу и тамъ ни на кого не нападать, никого ни убивать напрасно, кто ни попалъ бы ему на встрѣчу. Почти всю тайгу извѣдиль Хэрэкъ-Кирвесъ, не могъ найдти меча и не знаетъ, гдѣ его искать. Разъ, взбираясь на таскылъ (высокую гору), увидѣлъ онъ на полянѣ кошку и аргали (каменныхъ барановъ, самца и самку), дерущихся между собою; онъ подѣхалъ и рознялъ ихъ. Звѣри стали его спрашивать: кто онъ такой, откуда и зачѣмъ ѣдетъ? Хэрэкъ-Кирвесъ разказалъ имъ все подробно. Аргали и кошка посоветовались о чемъ-то между собою и говорятъ, что они хотятъ ему помочь за то, что онъ ихъ рознялъ. Аргали остался караулить лошадь его, а кошка велѣла ему сѣсть на себя верхомъ и побѣжалъ съ нимъ въ тайгу. Сколько ни попадалось имъ на встрѣчу разнаго звѣря, кошка выспрашивалъ у всѣхъ: не видѣлъ ли кто меча въ какомъ-нибудь мѣстѣ по этимъ тайгамъ, но никто ничего не зналъ. Наконецъ, одинъ старый престарый кошкарь сталъ разказывать, что будучи еще маленькимъ и бѣгая съ матерью, онъ видалъ на одной горѣ въ камнѣ что-то похожее на мечъ. Послѣ долгихъ поисковъ, кошкарь привелъ ихъ къ этой горѣ и указалъ камень. Хэрэкъ-Кирвесъ видитъ что-то похожее на мечъ, но оно все вросло въ камень; разбивъ камень, онъ досталъ мечъ и помчался на кошку къ мѣсту, гдѣ остался аргали караулить его коня. Затѣмъ Хэрэкъ-Кирвесъ поблагодарилъ кошку и аргали, выбрался на своемъ конѣ домой и отвезъ отцу найденный имъ мечъ.

Прошло нѣсколько времени, Аролбай Эго-ханъ требуетъ сына къ себѣ и велитъ ему достать со дна моря сѣть, оставленную тамъ его прадедомъ, который однажды поймалъ такъ много рыбы, что не могъ вытащить ея и оставилъ сѣть въ морѣ. Возвратясь домой, Хэрэкъ-Кирвесъ разказалъ женѣ о новомъ приказаніи хана, прося ее помочь ему. Тэмэнъ-Ногонъ говоритъ, что и эта служба не служба, исполнить ее можно; и дала ему указаніе, какъ доѣхать до моря, и посоветовала никого не обижать, а пользоваться случаемъ. Велѣла ему взять другого ко-

ураго коня. Поѣхалъ Хэрэкъ-Кирвесь къ морю, живетъ тамъ день, другой,—никто не ѣдетъ; на третій день видитъ, что море у береговъ заволновалось, подходит ближе—два большіе тайменя дерутся; онъ поймалъ ихъ обоихъ и бросилъ въ разныя стороны въ воду. Таймени подплываютъ къ нему и спрашиваютъ: кто онъ такой и зачѣмъ тутъ сидитъ? Выслушавъ его разказъ, они обѣщали поискать на днѣ моря сѣтъ и нырнули въ воду. Долго онъ сидѣлъ и ждалъ у моря тайменей; наконецъ они вернулись и сказали, что нашли сѣтку, только не могутъ ее вытащить. „Не можешь-ли ты“, говорятъ,—„сдѣлать такой сильный вѣтеръ, чтобы море взволновалось до самаго дна; тогда мы соберемъ другихъ рыбъ и будемъ разрывать песокъ, который валами унесетъ въ разныя стороны“. Хэрэкъ-Кирвесь сдѣлалъ вѣтеръ, а таймени и подвластная имъ рыба принялись за работу и выручили сѣтку, подтащили ее къ берегу и тамъ оставили, а сами ушли. Хэрэкъ-Кирвесь привязалъ сѣтъ въ торова и повезъ домой, а потомъ доставилъ ее Аролбай Эго-хану. Получивъ сѣтку, ханъ вновь началъ придумывать службу, чтобы поскорѣе сжить со свѣта своего сына. Хэрэкъ-Кирвесь немного попилъ дома, какъ Аролбай Эго-ханъ потребовалъ его къ себѣ и велѣлъ достать ему изъ подземнаго царства даху (шубу), оставшуюся тамъ отъ его прадѣда. Когда Хэрэкъ-Кирвесь воротился домой и разказалъ Ногонъ-Тэмэнъ о порученіи хана, она сказала мужу, что эта служба тяжелая, разказала, какъ попасть въ подземное царство, и посоветовала быть осторожнымъ, а то пожалуй, и не воротишься. Долго ѣхалъ Хэрэкъ-Кирвесь, никто не попадался; ѣдетъ дальше, видитъ въ сторонѣ отъ дороги мальчика и около него нѣсколько коровъ и вьючную лошадь; поидетъ мальчикъ за конемъ, коровы идутъ въ стороны; станеть заворачивать коровъ, лошадь остается; никакъ не можетъ съ ними справиться. Проѣхалъ еще и видитъ—на травяной лужайкѣ, около которой выходилъ небольшой ключъ съ чистою водой, привязана карая кобыла, до того сухая, что едва ногами шевелить, а трава и вода подъ самымъ ртомъ. Немного подальше привязана была вороная кобыла, кормъ около нея былъ весь выбитъ, и вода едва сочплась между кочками, а между тѣмъ кобыла была жирная. Не зная, что все это значитъ, онъ поѣхалъ дальше и наконецъ увидѣлъ множество юртъ. „Дай“, думаетъ,—„спрошу, далеко

ли до Эрликъ хана?“ И остановился у первой юрты. Только что успѣлъ сойти съ коня, какъ его вдругъ схватили, сковали желѣзными цѣпями и втолкнули въ юрту. Придя въ себя, онъ видитъ, что передъ нимъ на высоко устроенномъ мѣстѣ сидитъ сѣдой старикъ, который, назвавъ его по имени, обратился къ нему съ вопросомъ: зачѣмъ онъ пришелъ сюда и какъ смѣлъ прійти, зная, что отсюда нѣтъ выхода никому? Хэрэкъ-Кирвесь отвѣчаетъ, что онъ пришелъ сюда не по своей волѣ, а по приказанію отца Аролбай Эго-хана за дахою его прадѣда. Старикъ засмѣялся и говоритъ: „Ханъ и безъ того скоро будетъ здѣсь вмѣстѣ съ женою, не за чѣмъ было посылать и сына“. Сталъ старикъ спрашивать Хэрэкъ-Кирвеса: что онъ видѣлъ дорогой. Тотъ передалъ подробно о мальчикѣ и двухъ кобылахъ, которыхъ онъ видѣлъ. „Что же все это значитъ?“ продолжалъ допрашивать Эрликъ ханъ. (А это онъ и былъ, старикъ-то). Хэрэкъ-Кирвесь не зналъ, что отвѣтить. Эрликъ-ханъ объяснилъ: Сухая кобыла на хорошемъ корму и обильной водѣ означаетъ богатаго и завистливаго человѣка, который не приноситъ пользы не только другимъ, а даже и себѣ. Жирная кобыла на худомъ корму и при недостаточной и худой водѣ означаетъ бѣднаго человѣка, довольнаго и тѣмъ, что у него есть, поэтому-то она и на худомъ корму жирна, а другая и на хорошемъ, да тоща. Мальчикъ, котораго онъ видѣлъ, мучится не по своей винѣ; ему давали другіе столько скота, что ему не подъ силу съ нимъ справиться. „На обратномъ пути ты долженъ помочь мальчику“, говоритъ Эрликъ-ханъ,—„а когда воротишься отсюда на свѣтъ, то объяви всѣмъ людямъ, живущимъ на землѣ, чтобы они не приносили никакой жертвы при смерти дѣтей, а приносили бы только при смерти взрослыхъ. Когда ты воротишься домой, то первыхъ родившихся при тебѣ жеребенка отъ карей кобылы и телку отъ черной коровы принеси въ жертву“. Послѣ того Эрликъ-ханъ велѣлъ отдать ему проспую даху и сказалъ, что отецъ его Аролбай Эго-ханъ, вмѣстѣ со старшею женою, не замедлятъ прійти въ подземное царство на замѣну вытребованной ими дахи. Хэрэкъ-Кирвесь, получивъ даху, безъ оглядки бѣжалъ изъ подземнаго царства, чтобы не остаться тамъ. Мальчику, котораго онъ раньше видѣлъ, пособилъ собрать скотъ, а самъ скорѣе поторопился выѣхать на свѣтъ. Какъ ему говорилъ Эрликъ-

ханъ, такъ и случилось: лишь только онъ воротился домой, оже-ребилась карая кобыла, и отелилась черная корова; жеребенка и теленка онъ закололъ; даху онъ отвезъ своему отцу Аролбай Эгохану, который послѣ того скоро умеръ; умерла и его жена. Все наслѣдство досталось сыну его, и съ тѣхъ поръ Харэкъ-Кирвестъ-Хэмэрэ-Мергенъ сталъ ханомъ ¹⁾.

182. Кумюсъ-Иргэнъ ²⁾.

Были три дѣвицы—сестры. Старшую звали Алтынъ-ары, среднюю—Абахай-ары и младшую—Отче-ары. Отца ихъ звали Акканъ Алтынъ-ганъ Аккойатты ³⁾. Все достояніе ихъ заключалось въ 300 рубльяхъ денегъ и трехъ табунахъ лошадей. Вдругъ эти три табуна потерялись. Акканъ задумалъ отправиться на поиски, осѣдлалъ коня и хочетъ ѣхать. Старшая дочь выбѣжала, ухватила лошадь за поводъ—не пускаетъ отца, спрашиваетъ его не ѣздить. Тотъ бился, бился: „Я“, говоритъ, — „три дня уже не ѣздилъ!“ Вырвался и уѣхалъ. Долго ли, мало ли прошло времени въ поискахъ, нашолъ Акканъ свои табуны въ чистомъ полѣ и гонитъ ихъ домой. На дорогѣ встрѣтилось ему желтое озеро. Какъ перейти черезъ него? Одна кобыла отлучилась отъ табуна, не идетъ черезъ

¹⁾ Эта послѣдняя сказка получена г. Адриановымъ въ Томскѣ отъ г. Шпшмарева, который управляетъ главною заимкой купца Сафьянова на лѣвомъ берегу Енисея (Улукема), близъ слиянія Бейкема и Хакема. Въ бытность свою тамъ, г. Адриановъ просилъ г. Шпшмарева, какъ превосходно знающаго монгольскій языкъ, а также и сойотскій, собирать сказки, легенды и пѣсни и этнографическій матеріалъ и съ этою цѣлью составилъ программу, какія свѣдѣнія желательны получить.

²⁾ Слѣдующія двѣ сказки записаны г. Адриановымъ на р. Узун-жуль (ключикъ въ системѣ р. Уйбата, впадающаго въ Абаканъ) отъ 80-лѣтняго пастуха Татарина. На вопросъ г. Адрианова о сеѣкѣ (кости, родѣ), этого Татарина, онъ оказался Карашоръ; при дальнѣйшихъ разпросахъ о его роднѣ и на выраженное г. Адриановымъ предположеніе, не съ Кондомы ли онъ, такъ какъ эти сеѣки только тамъ существуютъ, Татаринъ сказалъ, что его отецъ вышелъ на Абаканъ изъ Кузнецкой Черни.

³⁾ Аккойатты значитъ: „на бѣломъ конѣ“. Во всѣхъ сказкахъ, записанныхъ г. Адриановымъ у Черневыхъ Татаръ, Качинскихъ и Сойотовъ и прежде слышанныхъ имъ у Алтайцевъ, вмѣстѣ съ богатыремъ упоминается и конь, на которомъ онъ ѣздитъ, въ видѣ эпитета богатыря.

озеро. „Вѣрно, есть какая-нибудь помѣха!“ думаетъ старикъ, и надумалъ сдѣлать изъ своей бороды неводъ. Началъ неводить—ничего нѣтъ. Сдѣлалъ тогда изъ бороды сито и сталъ черезъ него сѣять песокъ со дна озера. Кобыла перешла. Гонитъ Акканъ табунъ дальше; вдругъ подбѣжала красная собака семи сажень длины и ухватила старика за бороду—не пускаетъ. Акканъ проситъ ее отпустить его, предлагаетъ ей и три табуна, и 300 рублей денегъ,—ничего собака не беретъ. „Я и такъ“, говоритъ, — „это могу взять, если захочу“. Тогда Акканъ предлагаетъ ей отдать любую изъ своихъ дочерей. Собака отпустила его при этихъ словахъ и сказала, что черезъ три дня прійдетъ. Старикъ возвратился домой, плачетъ. Дочери разпрашиваютъ его: о чемъ онъ плачетъ. Онъ разказалъ. Старшая дочь, Алтынъ-ары, услышавъ это, начала его ругать и упрекать, зачѣмъ онъ не послушалъ ее—поѣхалъ; потомъ и Абахай-ары напустилась на отца и говоритъ, что его стоитъ только убить за это. Пуще прежняго заплакалъ старикъ и пошелъ къ своей младшей дочери; сталъ ей разказывать про свою горе. Отче-ары заплакала, утѣшаетъ отца, что она выйдетъ за собаку замужъ. „Если“, говоритъ, — „ты мнѣ камень на шею навяжешь и въ воду бросишь, такъ я и въ томъ смучаю не пойду противъ твоей отцовской воли!“ При этихъ словахъ, отецъ обрадовался, повеселѣлъ. На третій день собака эта приходитъ, языкъ высунула на сажень, вездѣ бродитъ—нюхаетъ, но не говоритъ ни слова. Отдалъ ей Акканъ младшую дочь; собака пошла впередъ, Отче-ары за нею. Дорогой дѣвица и спрашиваетъ собаку: кто она—добрый ли богатырь или кто другой? Собака молчитъ, сама идетъ себѣ впередъ. Опять спрашиваетъ ее дѣвица: „Далеко ли еще идти намъ?“ Собака только подняла морду вверхъ—молчитъ. Шли, шли они и добрались до моря. Собака закинула на спину хвостъ—стоитъ. Отче-ары догадалась, не сѣсть ли ей на хвостъ; сѣла, и собака тотчасъ поплыла черезъ море. Выплыли, а тамъ стоятъ домъ, амбары, все вызолоченое. Отче-ары пошла въ одинъ амбаръ и нашла тамъ много всякаго мяса. Сходила за водой, сварила мясо и подала на столъ. Собака сидитъ и кусочки, что пожирѣе, подталкиваетъ мордой дѣвицѣ, а себѣ выпраетъ похуже. Пришла ночь—переночевали. На утро Отче-ары опять мяса сварила и опять собака ей подталкивала, что пожирѣе. Поѣвши, собака собралась на

охоту и переплыла за море. Осталась дѣвица одна и думаетъ: „Дай посмотрю, что наложено въ амбарахъ!“ Отворила одну, а тамъ 70 головъ человѣческихъ лежатъ; другой отворила—тамъ 60 труповъ женскихъ безъ головъ, а въ третьемъ—80 головъ богатырей. „А, а!“ думаетъ Отче-ары,—„вотъ онъ что дѣлаетъ!“ И заплакала. Потомъ надумала она идти по слѣду за собакой и досмотрѣть, что она тамъ дѣлаетъ. Пошла и видитъ—на дорогѣ наложено много убитыхъ звѣрей и птицъ. „Постой,“ думаетъ,—„онъ хитеръ, а я его перехитрю!“ А она красавица такая была и умная. Обратилась она травинкой (спгѣнъ, изъ котораго дѣлаютъ вязальныя спицы) и ждетъ. Видитъ—ѣдетъ ей мужъ богатыремъ на конѣ; это былъ Канъ-мергенъ. Приѣхалъ домой и не нашелъ тамъ своей красавицы. Отправился разыскивать ее; 17 царствъ объѣхалъ, всѣхъ спрашивалъ—не нашелъ. А Отче-ары изъ травинки опять сдѣлалась дѣвицей, воротилась домой, наготовила всего и ждетъ мужа. Канъ-мергенъ приѣхалъ съ безуспѣшныхъ поисковъ домой и обрадовался. Собрались они въ гости къ тестю. Поѣхали, погостили и назадъ вернулись. Сестеръ своихъ Отче-ары не застала у отца: онѣ вышли обѣ за мужъ за богатырей. Собрались они опять ѣхать въ гости къ сестрамъ. Приѣхали; Отче-ары и давай ихъ бить; бьетъ и приговариваетъ, отчего они не хотѣли къ ней на свадьбу приѣхать. Канъ-мергенъ запилъ у свояковъ; семь дней пилъ безъ просыпу. Жена стала его уговаривать, чтобъ онъ не пилъ,—лучше прежняго Канъ-мергенъ запилъ; пилъ девять дней безъ просыпу и свалился. Двое свояковъ его, обиженные за оскорбленія Отче-ары, сговорились убить Канъ-мергена, пока онъ пьянъ. Чѣмъ ни бьютъ, все ломается, ничто его не беретъ. Удумали привезти его собственное оружіе и имъ убить; привезли саблю, но никто изъ нихъ не можетъ поднять ее надъ нимъ. Наконецъ, вчетверомъ подняли саблю стоймя и уронили; она упала и какъ разъ угодила по шеѣ; отлетѣла голова прочь, умеръ Канъ-мергенъ. Конь его Канъ-бозра убѣжалъ домой, жена возвратилась туда же. Черезъ девять мѣсяцевъ родился у нея сынъ, такой, что ночь ночуетъ—ему годъ, двѣ ночи—ему два года. Когда онъ сталъ подростать, началъ ловить отцовскаго коня, но не могъ съ нимъ совладать, не поймалъ—маль былъ еще. Конь Канъ-бозра посадилъ мальчика на жеребенка и сталъ водить его за собою. Между тѣмъ,

двое дядей мальчика, задумали и коня Канъ-мергенова поймать; ловили, ловили, не могли поймать, а поймали только жеребенка съ мальчнкомъ и увели ихъ къ себѣ. Мальчикъ восемь сутокъ жилъ у нихъ и все съ ними боролся; боролся и убилъ ихъ обоихъ. Мальчика звали Кумюсъ-иргекъ. Убивъ дядей, онъ пошелъ къ отцу, нашелъ его мертвого и оживилъ. Канъ-мергенъ точно отъ сна проснулся—ожилъ, удивляется, что долго спалъ. Затѣмъ, онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе всю семью свояковъ, кого въ пастухи, кого въ стряпки, и т. д. Живетъ Канъ-мергенъ дома. Вдругъ Кумюсъ-иргекъ почувалъ что-то недоброе, что войной на нихъ идутъ, и сказалъ отцу. Канъ-мергенъ выскочилъ изъ дому и видитъ, что войско тутъ и есть, кругомъ заставой стоитъ. Противъ этой заставы отецъ съ сыномъ вдвоемъ идутъ. Впередъ шли—70 человѣкъ перебили, улицу сдѣлали, назадъ шли—60 убили. Черезъ шесть дней перебили все войско. Подъ таскыломъ ¹⁾ стоятъ два богатыря и два буланыхъ коня; вызываютъ они Канъ-мергена на поединокъ, а смотрѣть на нихъ нельзя: такъ они свѣтятъ. Семь сутокъ Канъ-мергенъ съ сыномъ боролись съ богатырями—не могутъ одолѣть одного. На седьмой день Кумюсъ-иргекъ поднялъ этихъ богатырей, ударилъ о земь—они рассыпались. Поѣхалъ Канъ-мергенъ съ сыномъ домой и на дорогѣ повстрѣчалъ старуху—косы конопляныя, ѣдетъ на коурой кобылѣ. Кумюсъ-иргекъ схватился съ нею тотчасъ, но не можетъ одолѣть. Слышитъ, ѣдетъ богатырь на бѣло-голубомъ конѣ и кричитъ: „Бейся, старуха, держись, пока я не подѣжду!“ Подѣхалъ богатырь, схватилъ старуху за косы и началъ ее бить нагайкой; старуха его убила. Потомъ Кумюсъ-иргекъ опять схватился съ нею и убилъ ее. Другой богатырь ѣдетъ на саврасомъ конѣ и поетъ: „Если трава не родится, я сдѣлаю, что она будетъ расти; если листа на деревѣ нѣтъ, я сдѣлаю, что онъ будетъ, только не отпускайте до меня старуху!“ Когда онъ подѣхалъ, Кумюсъ-иргекъ схватилъ его и тутъ же убилъ. Слышитъ Кумюсъ-иргекъ потопъ, наноситъ ему вѣтромъ голосъ: „Поможетъ ли нѣтъ моему горю?“ Затѣмъ и другой голосъ слышитъ: „Не помогай и не давай защиты; это все обманъ“. Съ той стороны, откуда слышался первый голосъ, приѣхала дѣвица; приѣхала и по-

¹⁾ Таскылъ—бѣлогорье, высокія горы.

воротила тотчас назадъ. Кумюсъ-иргекъ кинулся за нею. Гонится за тридевять земель, гонится на востокъ и догнать не можетъ. А дѣвица обернулась лебедемъ, летитъ впереди него на свою родину. Попадаетъ на встрѣчу богатырь Кучунъ-мукъ на буромъ конѣ. Встрѣтились—начали драться; гдѣ повернутся—земля не остается, гдѣ развернутся—воды не стаетъ, въ мерзлой землѣ дерутся—по колѣно, въ талой—по поясъ; за что другъ друга ухватить, то и вырвутъ. Дѣвичій голосъ наноситъ Кучунъ-мукъ слова, чтобъ онъ какъ-нибудь осилилъ Кумюсъ-иргека. Но послѣдній схватилъ богатыря, поднялъ чуть не до неба и забилъ его въ землю совсѣмъ, убилъ. Снова погнался за дѣвицей. Догналъ ее: она красива такая, что съ одной стороны глянетъ, какъ мѣсяцъ покажется, съ другой глянетъ, какъ солнце покажется. Видитъ Кумюсъ-иргекъ, что это его суженая. Звали ее Алтынъ-Сабакъ. Она не велитъ ему подходить къ ней. Однако, Кумюсъ-иргекъ поймалъ ее—ничего она не можетъ съ нимъ подѣлать. Пока они боролись, съ неба Саратъ-Сабы-мергенъ обернулся лошадю и выстрѣлилъ въ Кумюсъ-иргека, да мимо. Усмотрѣлъ Кумюсъ-иргекъ своего врага между облаками, выстрѣлилъ туда и убилъ его. Тотъ упалъ на землю. Какъ только онъ упалъ, у дѣвицы въ карманѣ письмо появилось. Читаетъ она его, а тамъ сказано, что сколько бы она ни бласъ, а быть ей за Кумюсъ-иргекомъ за мужемъ. Тогда она бросилась къ нему на шею и поцѣловала. Отправились они отсюда домой. Близко ли, далеко ли ѣдутъ—доѣхали. У Кумюсъ-иргека было два табуна; съ радости онъ всѣхъ лошадей переколотъ на свадьбу, на которую слѣпыхъ везутъ, а хромые на костыляхъ плетутся. Девять дней пируютъ—земля не поворохнется; остатки доѣдаютъ—народъ расходится. Хорошіе хвалятъ, а худые ругаютъ: „Два табуна заколотъ, а накормить не можетъ!“

183. Алтынъ Иргекъ.

Жили около моря братъ съ сестрой и ничего не знали о своемъ происхожденіи. Сестра была старше. Когда они подросли, сестра стала совѣтовать брату заняться какимъ-нибудь промысломъ для пропитанія. Братъ сдѣлалъ изъ дерева лучокъ, изъ лыка тетиву, и пошелъ охотиться. Впередъ шелъ—семь убилъ, назадъ пошелъ—шесть убилъ. Этой пищи было мало. Сестра совѣтуетъ ему

пленки поставить. Онъ поставилъ на горѣ на тетерь, подъ горой—на зайцевъ; самъ легъ спать и видитъ во снѣ, что въ пленки ему попались зайцы и тетерп. Утромъ всталъ и увидѣлъ, что по горамъ въ каждой пленкѣ по косачу, а на рѣчкѣ—по зайцу. Сталъ онъ вынимать тетерь; они рванулись, силки порвали и улетѣли; то же случилось и съ зайцами: порвали пленки, убѣжали. Разсердившись на неудачу, онъ вырвалъ дерево съ корнемъ, сдѣлалъ его батогомъ и пошелъ куда глаза глядятъ, а сестру оставилъ. Сначала онъ шелъ по тайгѣ, ничего не встрѣтилъ, потомъ шелъ близъ моря и ушелъ на таскылъ—нигдѣ ничего найти не могъ. Поднялся онъ на таскылъ и оттуда увидѣлъ вдали огонь, и не знаетъ, чтобы такое это было. Направился онъ на огонь, и, когда сталъ къ нему подходить, вдругъ изъ огня навстрѣчу ему вышелъ змѣй, вытянулъ голову и хотѣлъ ужалить. Тотъ сказалъ: „Подожди, что ты такъ наступаешь на меня“. И змѣй обернулся человѣкомъ. Парень объяснилъ этому человѣку, что онъ шелъ на огонь узнать, чтобы онъ значилъ. Человѣкъ, обернувшійся изъ змѣя, сказалъ, что тамъ его жилище, серебромъ и золотомъ крытое, что тамъ много змѣй живетъ, много всякаго золота и серебра, и далъ парню совѣтъ, что когда онъ прійдетъ туда и увидитъ у дверей привязаннаго щенка желтаго, то чтобы ничего не бралъ, ни золота, ни серебра, а просилъ бы эту собачку. Получивъ совѣтъ, онъ отправился; когда пришелъ въ юрту, всѣ змѣи бросились на него, но онъ обошелся съ ними, и они сдѣлались людьми. Онъ имъ сказалъ, что онъ бѣдный человѣкъ, нѣтъ у него ни роду, ни племени. Ему даютъ серебра, золота, одежды всякой—ничего не беретъ, а, увидѣвъ собачку, сталъ просить ее. Всѣ тогда заплакали вдругъ, но все-таки отдали. Пошелъ онъ съ этой собачкой и думаетъ: „Поймать бы хоть выдру!“ Встрѣтилъ выдру, сталъ собаку усыкать на нее, но та бросилась назадъ, ему подъ ноги. Пошелъ дальше, въ тайгу. „Попробую“, думаетъ,—„на соболя пустить!“ Но и отъ него собака бросилась назадъ. Попробовалъ на медвѣдя пустить—убѣжала. Потомъ, встрѣтилъ 60 мараловъ, пускаетъ на нихъ собаку, та не идетъ. „Что“, думаетъ,—„за собака? Ни на какого звѣря не идетъ!“ Пошелъ домой. Дорогой попалась береза; онъ сѣлъ подъ ней отдохнуть и уснулъ. Проснувшись, видитъ, что онъ весь въ золотѣ и серебрѣ, сапоги у него съ отворотами, а

березы не стало. Собаченка тутъ же лежитъ. Передъ нимъ стоитъ столъ со всякими кушаньями и винами. Пока онъ любовался всѣмъ этимъ, его опять позвало на сонъ. Проснулся, смотреть—за столомъ сидитъ дѣвица, красавица и нарядная такая; сидитъ и шьетъ; а это собачка обернулась въ нее: потому и плакали такъ о ней дома. Дѣвица говоритъ парню, что мѣсто это чужое, и проживаться имъ тутъ не слѣдуетъ, а нужно идти на свое мѣсто. Сироту этого дѣвица тутъ же назвала Аксаптакъ-атгыгъ-Алтынъ-Иргекъ. Повелъ онъ дѣвицу къ себѣ домой, гдѣ сестра его жила. Пришли; сестры нѣтъ, а вся домашность, хозяйство тутъ. Началь Алтынъ-Иргекъ сестру звать, кричать: не выйдетъ ли откуда? На этотъ крикъ изъ Алтынъ-тага вышло множество скота; передніе идутъ—траву ѣдятъ, а заднимъ достается только землю лизать. Скотъ былъ запертъ въ Алтынъ-тагъ его сестрой. И слышитъ Алтынъ-Иргекъ, что кто-то, гдѣ-то пѣсни поетъ, а потомъ, вдругъ, все стихло. И сталъ онъ спрашивать у дѣвицы, теперь ужь у жены, кто бы это былъ. Та хоть и не видала, но знала, что это былъ Кубай-госъ, который его сестрѣ выколупнулъ одинъ глазъ и отломилъ руку. „И тебя“, говоритъ,—„хотѣлъ убить, но побоялся и вернулся назадъ“. Алтынъ-Иргекъ сейчасъ осѣдлалъ коня, поѣхалъ къ этому богатырю, который завладѣлъ его сестрой. Много рѣкъ и таскыловъ проѣхалъ онъ, море проѣхалъ, и видитъ—въ одномъ мѣстѣ около юрты богатырскій конь стоитъ Коратъ. Изъ юрты вышелъ богатырь, сѣлъ на коня и выѣхалъ на встрѣчу Алтынъ-Иргеку. Поздоровались. Алтынъ-Иргекъ началъ выговаривать Кубай-госу зачѣмъ онъ его сестру увезъ. Тотъ отвѣтилъ, что онъ ее взялъ потому, что у нея ничего не было, и она голодала, взялъ ее изъ жалости. Однако, Алтынъ-Иргеку обидно стало, зачѣмъ увезъ ее Кубай-госъ и изуродовалъ. Схватились драться, и Кубай-госъ былъ убитъ. Алтынъ-Иргекъ забралъ все его имущество и скотъ, оздоровилъ свою сестру, а женѣ Кубай-госа въ отместку выкололъ глазъ и переломилъ руку и погналъ ее къ себѣ домой вмѣстѣ со скотомъ. Приѣхали. Жена Алтынъ-Иргека встрѣтила ихъ. Жену Кубай-госа заставили скотъ пасти, пастухомъ сдѣлали.

184. Тызынь богатырь ¹⁾.

Очень давно прибѣжалъ на Лену якутъ Омогой съ большимъ семействомъ; спустя нѣсколько лѣтъ послѣ него приплылъ Якутъ Тызынь-богатырь и поселился вмѣстѣ съ Омогоемъ въ мѣстахъ, гдѣ теперь находится Якутскъ. Тызынь отличался необыкновеннымъ ростомъ и силою. Когда онъ былъ убитъ въ сраженіи съ Русскими, свѣшали на вѣсахъ одинъ его глазъ, и онъ вытянулъ три фунта; глазъ этотъ былъ отосланъ казакамъ Бѣлому царю. Народъ выбралъ Тызына-богатыря своимъ вождемъ. Вотъ однажды приѣзжаютъ сверху по Ленѣ „бѣлые люди“. Ихъ было человекъ восемь. Они притворились, что убѣжали отъ притѣсненій, и просили убѣжища. Тогда Якуты, посоветовавшись между собою, рѣшили принять ихъ въ свое общество: „Народъ они сильный; будутъ намъ помощниками!“ Но перезимовавъ, бѣлые люди, какъ только Лена очистилась отъ льда, исчезли. Послѣ оказалось, что это были Русскіе. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ приплыло сверху множество плотовъ и лодокъ съ „бѣлыми людьми“, которые подплыли къ столицѣ Тызына, и высадившись на берегъ, поднесли ему богатые подарки и множество бисеру (такъ Якуты называютъ мелкіе бусы), который тогда цѣпился Якутами наравнѣ съ алмазомъ. За одну бисерину, величиною съ горошину, давали корову или быка.

Перезимовавъ съ Якутами, Русскіе попросили у нихъ клочокъ земли для поселенія. Якуты, собравшись на совѣтъ, сначала не рѣшались впустить въ свою среду Русскихъ, опасаясь ихъ, какъ сильныхъ людей. Но когда Русскіе попросили у нихъ такой клочекъ земли, который будетъ величиною въ длину и ширину съ воловью шкуру, то Якуты, удивившись такой скромности просьбы, охотно согласились дать просимый кусокъ земли. „Зачѣмъ вамъ такой клочекъ земли? Что вы будете дѣлать съ нею?“ спрашивали добродушные Якуты.

Русскіе, изрѣзавъ бычью шкуру на тончайшіе ремешки, от-

¹⁾ Сказки подъ №№ 184—187 заимствованы нами, съ дозволенія автора, изъ рукописныхъ записокъ о Верхоянскомъ округѣ Якутской области, составленныхъ Евг. Пв. Борисовымъ. Всѣ они записаны у Якутовъ Верхоянскаго округа.

мѣрили столько земли, сколько хватило ея, измѣренной въ длину и ширину связанными ремешками воловьей шкуры. На этой землѣ они построили городъ, обнесли его деревянною стѣной съ башнями и такимъ образомъ заложили городъ Якутскъ. Дома привезли они готовыми на плотахъ, разобранными. Только тогда Якуты увидѣли, что были обмануты; но примприслись съ новымъ положеніемъ тѣмъ болѣе, что Русскіе обращались съ ними гостепріимно и часто принимали ихъ у себя. Но Русскіе на этомъ не остановились. Они стали въ своемъ городѣ по дворамъ разбрасывать въ большомъ числѣ бисеръ, который и привлекалъ во дворы громадныя толпы Якутовъ, собиравшихъ по русскимъ дворамъ эту драгоценность. Сами же Русскіе подавали видъ, что не обращаютъ на это никакого вниманія. Впослѣдствіи Русскіе вдругъ потребовали отъ Якутовъ свой бисеръ. Это и послужило предлогомъ къ открытой войнѣ, такъ какъ разбросанный бисеръ ни коимъ образомъ нельзя было собрать снова въ томъ количествѣ, въ какомъ онъ былъ разбросанъ по дворамъ. Начинается война. Русскіе заперлись въ своемъ укрѣпленномъ городкѣ и съ успѣхомъ отстрѣливались отъ нападений Якутовъ, вооруженіе которыхъ состояло изъ луковъ и стрѣлъ, между тѣмъ какъ Русскіе сражались огнестрѣльнымъ оружіемъ. Якуты, не знакомые съ ружьями, крайне удивлялись такому способу защиты. „Что это значитъ?“ недоумѣвали они;— „прилетитъ какая-то муха, укуситъ, и человекъ умираетъ“. Якуты были побѣждены въ этой войнѣ. Только богатырь Тызынъ съ своею дружиною побѣдою отражаетъ нападенія Русскихъ, которые, убѣдившись въ невозможности взять его силою, рѣшились завладѣть имъ хитростью. Заключивъ миръ, Русскіе пригласили Тызына и другихъ богатырей съ дружиною къ себѣ на мировой пиръ. Когда Тызына и его дружину Русскіе угощали водкой, то гости сначала обидѣлись и не хотѣли брать въ руки чашекъ съ виномъ. „Въ великой Ленѣ много воды и ею мы угощаемъ даромъ не только людей, но и скотъ нашъ“, говорили Якуты. Но когда, послѣ усиленныхъ просьбъ, гости попробовали водку, то крайне удивились и говорили: „Что это значитъ? Пьешь воду, а жжетъ огнемъ и веселіе великое находитъ“. Когда Якуты перепились, Русскіе перебили всѣхъ ихъ на мѣстѣ.

185. Перелетъ птицъ.

Въ незапамятныя времена всѣ птицы, прилетающія сюда на лѣто, не дѣлали этаго, а жили постоянно на югѣ. Но когда имъ сдѣлалось тѣсно и жарко, онѣ созвали собраніе и начали говорить: „Намъ сдѣлалось тѣсно, корму недостаетъ, отъ жаровъ яйца наши гніютъ, число дѣтей не увеличивается; необходимо найти другое мѣсто для лѣтняго времени. Для этого нужно послать кого-нибудь высмотрѣть хорошія удобныя мѣста“. Съ этимъ всѣ согласились и выбрали журавля, птицу важную, почтенную, умную, осторожную, умѣющую хорошо летать и отлично ходить, благодаря длиннымъ ногамъ. Дали журавлю три года сроку, ибо ему нужно было облетѣть и осмотрѣть три страны: западь, сѣверъ и востокъ. Журавль улетѣлъ. Утка чирокъ была красивѣе всѣхъ птицъ; перья ея блестѣли ярко-зеленымъ цвѣтомъ; кромѣ того чирокъ отличался юркостью, веселостью и волокитствомъ. Когда улетѣлъ журавль, чирокъ сейчасъ же началъ ухаживать за журавлихой и очень ей понравился. Зажили они знатно и чирокъ даже поселился у журавлихи. Прошло три года. Какъ-то ночью прилетѣлъ журавль и сейчасъ же къ своей женѣ; чирокъ едва успѣлъ спрятаться подъ гнѣздо. Журавль и говоритъ своей женѣ: „Прекрасныя мѣста нашелъ я на сѣверѣ—обширныя, привольныя, прохладныя, изобильныя кормомъ. Тамъ можно много расплодить птенцовъ. Но я не дуракъ. Завтра на общемъ собраніи птицъ я заявлю, что на сѣверѣ хуже, чѣмъ гдѣ либо, а потомъ мы съ тобой полетимъ на сѣверъ и тамъ заживемъ на славу; никто не помѣшаетъ!“ Чиркъ! чиркъ! закричалъ чирокъ и вылетѣлъ изъ подъ гнѣзда. „Что это такое?“ спросилъ журавль у жены. „Ахъ, другъ“, сказала журавлиха: „здѣсь чудится. Послѣ того, какъ ты улетѣлъ, я ни одной ночи не провела спокойно; все чудится, кричитъ, свиститъ, поетъ, хохочетъ, стонетъ, плачетъ“. „Да, да, всегда такъ бываетъ“, сказалъ журавль.

Маленькая бойкая утка богоргоно, родственница чирка, отличалась невоздержностью языка. Чирокъ прилетѣлъ прямо къ богоргоно и говоритъ: „А знаешь? Журавль вернулся!“ „Ну и что же?“ спрашиваетъ богоргоно. „А то, что журавль хочетъ погубить весь нашъ птичій родъ!“ „Не врешь ли? Этакая почтенная птица, какъ

журавль, не сдѣлаешь дурнаго дѣла“. „А вотъ сдѣлала же! Слушай, сейчасъ я случайно слышала разговоръ журавля съ своей женой; онъ говорилъ, что на сѣверѣ есть прекрасныя мѣста для лѣтовки, а собранію хочетъ доложить, что на сѣверѣ скверно; хочетъ улѣтѣть туда только самъ съ своею женой“. „Смотри, какой мерзавецъ!“ сказала богоргоно. „Но, постой! Надѣлаю я ему стыда; пусть вспомнитъ онъ, какъ однажды при многихъ женщинахъ онъ смѣялся надъ моими короткими ногами“.

Вотъ собрались всѣ птицы большія и малыя на совѣтъ. Журавль рассказываетъ о томъ, что видѣлъ онъ во время своего полета. „Былъ я“, говоритъ, „на западѣ и на востокѣ; тамъ все одно, какъ и здѣсь; тѣсно, жарко, корму мало; потомъ я полетѣлъ на сѣверъ и едва, едва вернулся оттуда живымъ; тамъ ужасно холодно; вѣчные туманы, нѣтъ лѣта, постоянная зима; растительности нѣтъ никакой, въ добавокъ тамъ водятся огромныя хищныя птицы съ клювомъ, длиною, какъ коса и съ такими же когтями; онѣ прожорливы и жестоки; если летѣть туда, никто не воротится“. „А какъ же ты вернулся?“ вдругъ спросилъ богоргоно, и затѣмъ, обратясь къ собранію, продолжалъ: „Не вѣрьте ему. онъ вретъ“. Прошлую ночью онъ женѣ своей рассказывалъ совсѣмъ другое; онъ одинъ хочетъ воспользоваться удобствами сѣвера, онъ одинъ хочетъ расплодить птенцовъ. Я случайно узналъ о его зломъ умыслѣ“. „Какъ ты смѣешь предъ такимъ почтеннымъ собраніемъ позорить меня?“ вскрикнулъ журавль и, вскочивъ съ своего мѣста, бросился на богоргоно. Не успѣли крупныя птицы броситься защищать богоргоно, какъ большая птица журавль до полусмерти избила маленькую птицу богоргоно, вывихнула ему ноги и вѣроятно убила бы, если бы собраніе не спасло ее. Птицы сказали журавлю: „Старикъ журавль, ты напрасно такъ разгорячился, напрасно такъ избилъ бѣднаго богоргоно. Мы этого не одобряемъ онъ, вѣдь семейный. Смотри онъ чуть живъ. Нѣтъ, мы тебѣ теперь не вѣримъ!“ Нѣсколько успокоившись, птицы снова обсудили вопросъ и рѣшили: „Если бы журавль говорилъ дѣйствительно правду, то не ожесточился бы такъ сильно на малую птицу. Ясное дѣло, что бѣдный богоргоно не удержался и сказалъ слыханное. Поэтому надобно послать снова кого нибудь на сѣверъ. Пусть полетитъ туда орелъ, птица умная, дальнозоркая, храбрая и ско-

рополетная. Дадимъ ему годъ сроку. А богоргоно пусть лечится и кормится на счетъ журавля, который пусть впередъ не расправляется своей волей; на то есть общественное собраніе!“ Орелъ полетѣлъ на сѣверъ. Ровно черезъ годъ, весной, вернулся орелъ. Опять собрались птицы. Орелъ доложилъ, что онъ на сѣверѣ нашелъ прекрасныя, обширныя, прохладныя и обильныя кормомъ мѣста; для вывода птенцовъ мѣста какъ нельзя болѣе удобныя. Никакихъ страшныхъ птицъ, о которыхъ сказывалъ журавль, тамъ нѣтъ.

Не теряя времени птицы собрались для полета на сѣверъ и только что хотѣли тронуться, какъ явился предъ ними богоргоно хромою и съ вывихнутымъ крыломъ. „Старики“, сказалъ онъ, — „я имѣю слово сказать. Въ прошломъ году при васъ же журавль избилъ меня безвинно и за правду; сами вы теперь видите. Вы теперь улетаєте, а куда я дѣнусь больной и при томъ семейный человекъ? Безъ общества я здѣсь останусь на вѣрную погибель. Посмотрите на меня „теплымъ глазомъ“, отцы-господа; рѣшите мою участь, пока не улѣтели!“ „Да, онъ правду говоритъ“, сказали всѣ птицы. „Дѣйствительно, онъ погибнетъ безъ посторонней помощи, а дать погибнуть своему брату птицѣ будетъ для насъ срамомъ. Такъ какъ въ его безпомощности виноватъ журавль, который виноватъ и тѣмъ, что вралъ передъ нами, то онъ и долженъ нести наказаніе: пусть онъ отнынѣ и до вѣка таскается къ сѣверу и обратно на себѣ птицу богоргоно“. И съ тѣхъ поръ при полетѣ на сѣверъ и обратно богоргоно садится на спину журавля. послѣдній поэтому и рѣдко долетаетъ до дальняго сѣвера, ибо ранѣе другихъ птицъ устаетъ, такъ какъ летитъ съ тяжестью на спинѣ. А орла за его заслугу зовутъ тоѣнъ (господинъ, начальникъ).

186. Боско.

Въ одномъ изъ чудныхъ и прелестныхъ уголковъ земли жили три брата. Старшаго звали Батеръ-богатырь; средняго — Бухари-атахъ; а третій былъ калѣка-дурачекъ, тридцать лѣтъ лежавшій въ постели. Старшіе братья занимались звѣроловствомъ и въ продолженіе 30 лѣтъ добыли такое множество богатства, что биткомъ набили девять амбаровъ дорогой пушниной. Старшіе братья не любили младшаго и кормили его объѣдками послѣ себя. 30 лѣтъ

калѣка терпѣливо выносилъ всякія обиды отъ своихъ братьевъ, тридцать лѣтъ кормился объѣдками, которые бросали ему на полъ, но на 30-й годъ не стерпѣлъ и задумалъ отомстить братьямъ.

Однажды старшіе братья отправились на промыселъ; калѣка взялъ горячую головню, зажегъ три амбара съ пушниной, а когда они сгорѣли, собралъ остатки обгорѣлой кожи и снова началъ жарить, чтобы съѣсть этотъ обгорѣлый мусоръ до прихода братьевъ. Братья такъ удачно охотились, что и лошадей навьючили и на себѣ едва тащили добычу. Подходя вечеромъ къ дому, они еще издали услышали горѣлый запахъ кожъ и никакъ не могли догадаться, что это значитъ. Предчувствуя недоброе, они бросили добычу и скорѣе побѣжали домой. Очень они удивились, когда увидели, что три амбара съ пушниной сгорѣли. Войдя въ юрту, они нашли калѣку за ѣдой жареной кожъ, которой онъ набилъ себѣ полонъ рогъ. Братья догадались, кто сжегъ амбары, а калѣка съ усмѣшкой поздравилъ ихъ съ богатой добычей. Тогда старшій братъ страшно разсердился и говоритъ среднему: „Возьми его, стащи въ тайгу и убей тамъ! Тридцать лѣтъ копили мы богатство, а онъ въ одинъ день сжегъ третью часть“. Калѣка мало беспокоился о своей участи, но все таки уговаривалъ братьевъ его не убивать, пугая ихъ судомъ. Средній братъ схватилъ калѣку за волосы, вытащилъ изъ юрты и началъ топтать своими богатырскими ногами, такъ что у калѣки кости трещали; бросилъ онъ его бить только тогда, когда уже калѣка едва дышалъ; братъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ умретъ. Черезъ три дня братья опять отправились на охоту. Калѣка послѣ ихъ ухода оправился и первымъ дѣломъ опять сжегъ еще три амбара. Когда братья возвратились съ охоты, старшій сказалъ среднему: „Зачѣмъ ты не убилъ калѣку? Видно ты съ нимъ за одно?“ Средній братъ оправдывался и общалъ на этотъ разъ непременно убить калѣку. „Въ противномъ случаѣ“, говорить, — „ты убей меня“. Калѣка снова усовѣщивалъ братьевъ, просилъ не убивать его и пугалъ судомъ, но средній братъ вытащилъ его за волосы изъ юрты, и такъ топталъ ногами, что всѣ кости изломалъ, потомъ зарылъ его въ глубокую яму, землю притопталъ а поверхъ могилы наложилъ толстыхъ бревенъ. Черезъ три дня братья снова отправились на охоту, а калѣка снова очнулся и опять сжегъ три амбара. Когда братья вернулись и увидели это,

старшій страшно разсердился и сказалъ среднему: „Я васъ обоихъ убью! Тридцать лѣтъ копили мы богатство, терпѣли и голодъ и холодъ, сколько разъ насъ едва звѣри не разстерзали, а этотъ калѣка-дуракъ лишилъ насъ всего, сдѣлалъ опять пищми!“ Средній братъ оправдывался и говорилъ: „Если ты мнѣ не вѣришь, [такъ убей меня сейчасъ!“ Калѣка же началъ подтрунивать и смѣяться надъ братьями; тогда старшій братъ схватилъ его за волосы, вытащилъ изъ юрты. Калѣка все не переставалъ смѣяться и пугалъ братьевъ судомъ, если они его убьютъ. Старшій братъ замахнулся на него копьемъ, но промахнулся и копье воткнулось въ землю такъ глубоко, что изъ ямы пошла вода и затопила весь дворъ. Старшій братъ въ гнѣвѣ и не замѣтилъ, какъ калѣка у него вывернулся и скрылся подъ корнями большого дерева; потомъ онъ вышелъ оттуда, началъ стучать по дуплу и заплѣлъ: „Ты, мать моя, родившая меня, услышь меня! Тридцать лѣтъ я жилъ и тридцать лѣтъ меня братья обижали; за это время много горя вытерпѣлъ я отъ нихъ! Теперь настало время мнѣ встать и сбросить братское иго! Въ небесахъ есть для меня конь и все оружіе богатырское, пошли мнѣ ихъ на землю и дай мнѣ силы!“

Дерево расщепилось на двое, и изъ него вышла полная женщина съ бѣлыми волосами; вся одежда на ней была изъ рысѣго мѣха; женщина утѣшала калѣку и дала ему сосать лѣвую грудь. Потянувъ три раза, калѣка почувствовалъ прибыль необычайной силы и причинилъ женщинѣ такую боль, что она его оттолкнула. Калѣка снова заплѣлъ, прося ея помощи. Женщина обратилась къ Ай-Тоёну (Творцу вселенной) съ такими словами: „Твой сынъ, проклятый тобою, тридцать лѣтъ пролежалъ на землѣ, терпя всевозможныя лишенія; теперь прости его и прекрати его несчастья!“

Въ отвѣтъ на эту молитву съ четырехъ сторонъ поднялись вѣтры и небо все заволокло тучами, засверкали молніи, загремѣлъ громъ и вдругъ небесный сводъ разверзся пополамъ и изъ сіяющей расщелины показалось много людей въ бѣлыхъ одеждахъ; они спустили на землю коня и все оружіе. Тогда женщина сказала калѣкѣ: „Смотри, не опусти своего коня, а то на вѣѣ потеряешь свою богатырскую судьбу!“ Конь чуть было не убѣжалъ, но калѣка ловко поймалъ его за узду, ударилъ плетью и остановилъ его. На сѣдлѣ коня были два мѣшка съ одеждой, оружіемъ и припасами.

Свѣтлые люди, благословляя калѣку на добрыя дѣла, запѣли: „Отнынѣ имя твое будетъ Бдско-чалай-долонхса; да будешь ты непобѣдимъ и неузвимъ!“ Послѣ этого свѣтлые люди удалились на небо, и небеса сомкнулись.

Калѣка снялъ мѣшки и началъ примѣрять одежду и оружіе и все пришлось ему какъ разъ впору. Тогда вскочилъ онъ на коня и конь носилъ его три дня по горамъ и доламъ; калѣка не пспугался и подъ конецъ усмирить своего коня. Все это братья видѣли и дивились диву. Спустя три дня калѣка вернулся къ братьямъ и говорилъ: „Тридцать лѣтъ вы обижали меня всячески. Что теперь долженъ я дѣлать съ вами? Самому мнѣ драться съ вами грѣшно, поэтому я вмѣсто себя поставлю иноплемennыхъ богатырей!“ И повернулъ калѣка своего лихаго коня на западъ; долго калѣка ѣхалъ на западъ и пріѣхалъ наконецъ въ желѣзное царство. Вдали онъ увидѣлъ большую восьмигранную желѣзную юрту; къ столбу возлѣ былъ привязанъ желѣзный двуногій конь, который ѣлъ каленое желѣзо, и испражнялся холоднымъ. Калѣка поставилъ своего коня рядомъ, кони начали драться и вырывали другъ у друга клочья тѣла. Калѣка вошелъ въ юрту и увидѣлъ на желѣзной кровати трехграннаго желѣзнаго человѣка, спящаго глубокимъ сномъ. Присмотрѣвшись, калѣка замѣтилъ, что этотъ человѣкъ имѣетъ одну ногу, одну руку, одинъ глазъ; человѣкъ, очевидно такъ давно спалъ, что обросъ мохомъ и землей засыпался: глазъ у него былъ такой огромный, что черви величиной съ быка ползали въ немъ. Калѣка дивился; осмотрѣвшись, увидѣлъ онъ тридцатипудовую палицу; онъ три раза ударилъ этою палицей по лбу спящаго человѣка. Желѣзный человѣкъ проснулся и пробормоталъ: „Что за черви не даютъ мнѣ спать!“ Калѣка объяснилъ, что разбудилъ его онъ, и разказалъ, зачѣмъ къ нему пріѣхалъ. Желѣзный человѣкъ внимательно его выслушалъ, а когда калѣка закончилъ свою рѣчь словами: „Всего у насъ много да ѣсть некому!“ онъ сказалъ: „Я поѣду къ вамъ и все поѣмъ!“ Потомъ желѣзный человѣкъ всталъ, одѣлся въ желѣзную одежду, вышелъ изъ юрты и сѣлъ на желѣзнаго коня бокомъ; калѣка ѣхалъ сзади желѣзнаго всадника. Когда они пріѣхали туда, гдѣ жилъ калѣка, послѣдній предложилъ желѣзному всаднику ѣхать впередъ и вызвать его братьевъ на поединокъ, общая пособить, еслибы случилось, что желѣзный всадникъ не

осилить братьевъ. Желѣзный человѣкъ, подѣзжая къ юртѣ братьевъ, поднялъ шумъ. Старшій братъ, увидавъ желѣзнаго человѣка, удивился и пошелъ сообщить объ этомъ среднему брату. Потомъ взялъ лукъ и стрѣлы, величиною съ юрту и вышелъ навстрѣчу желѣзному человѣку. Тридцать дней онъ прицѣливался и натягивалъ лукъ, выстрѣлилъ прямо въ печень желѣзному человѣку; стрѣла прошла насквозь. Калѣка, погорѣвавъ, что не смотря на всѣ трудности въ поѣздкѣ, онъ привезъ такого слабаго богатыря, сказалъ братьямъ, что онъ поищетъ другаго посильнѣе и поѣхалъ на югъ. Долго пришлось ему ѣхать, наконецъ пріѣхалъ онъ въ мѣдную землю, гдѣ увидалъ мѣдную юрту и возлѣ нея привязаннаго къ столбу мѣднаго коня на восьми ногахъ. Привязавши своего коня рядомъ, калѣка вошелъ въ юрту и увидѣлъ спящаго мѣднаго человѣка, о восьми головахъ и двухъ ногахъ. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ 30-пудовую мѣдную палицу и ударилъ ею мѣднаго человѣка по лбу. Мѣдный человѣкъ проснулся и заговорилъ на восьми языкахъ. Калѣка разказалъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ и просилъ богатыря помочь одолѣть братьевъ. Мѣдный человѣкъ сказалъ, что еще до его пріѣзда онъ зналъ про обиды, которыя калѣка терпѣлъ отъ братьевъ, но что онъ самъ помочь ему не можетъ; совѣтовалъ ѣхать на востокъ, гдѣ живетъ богатырь, родовитый Якутъ, извѣстный подъ именемъ Сабуй-и-бай-тоіго (то-есть, первый богачъ въ мірѣ). „У этого богатыря“, сказалъ онъ, — „есть дочь по имени Ханъ-инныхъ-кочулахъ-ко (румяныя щеки, завитая дѣвица); ея хотятъ завладѣть девять богатырей; иди, побей ихъ, возьми дѣвицу за себя замужъ! Мнѣ же твоей благодарности и богатства вапей страны ненужно, такъ какъ я имѣю владѣнія во всѣхъ четырехъ странахъ свѣта и голодать мнѣ еще не случалось. Если же ты не одолѣешь девяти богатырей, то я тебя убью! Мое имя Агысь-бастахъ-Андурай (восьмиголовый богатырь). И такъ согласенъ ли ты или нѣтъ?“ Калѣка разсердился на мѣднаго богатыря и сказалъ: „Не хвастай своими восемью головами! я растопчу ихъ, какъ ягоды!“ Взбѣшенные, бросились они другъ на друга и вступили въ бой; земля подъ ними дрожала, глубоко взрывалась подъ ихъ ногами, лѣса и горы падали, шумъ отъ ихъ поединка разнесся по всему міру и дошелъ до небесъ. Двадцать-три колѣна свѣтыхъ духовъ на небесахъ услышали этотъ шумъ, испугались и

поставили по дорогамъ стражу; а двадцать шесть колѣнъ подземныхъ духовъ, испугавшись этого шума и землетрясенія, поставили по дорогамъ двойную стражу. Наконецъ калѣка изловчился и повалилъ восьмиголового человѣка на землю; отъ его паденія земля подалась на восемь сажень въ глубину. Калѣка наступилъ врагу колѣномъ на грудь и занесъ уже ножъ, чтобы заколотъ его, какъ вдругъ восьмиголовый богатырь исчезъ изъ подъ него, а калѣка ушелъ въ землю еще на семь сажень въ глубину. Тогда калѣка всталъ и началъ осматриваться, не вѣря своимъ глазамъ, а потомъ заревѣлъ съ горя, что потерялъ противника. Вдругъ калѣка услышалъ изъ подъ земли плачь восьмиголового человѣка: „Столько лѣтъ я славился во всемъ мѣрѣ своею силой и вдругъ нашелся такой простофиля—увалень и поборолъ меня. Но подожди, придетъ время, когда ты женишься и у тебя будутъ дѣти; я прииду и раздѣлаюсь съ тобою!“ Порѣшивши, что восьмиголового богатыря ему теперь не найти, калѣка вспомнилъ его слова и отправился на востокъ къ Якуту Сабуйя-бай-тоѣго. Долго ѣхалъ калѣка и пріѣхалъ въ прекрасную золотую рошу, слѣзъ къ ковы, обратилъ его въ кремнь и положилъ его въ карманъ; самъ же превратился въ бѣднаго, одѣтаго въ рубище, парня. Идя по дорогѣ, онъ сдѣлалъ себѣ мѣдный ножъ и деревянные ножны. По дорогѣ встрѣтилъ онъ такого же парня съ ведрами, который гналъ на водопой девять телятъ. Калѣка спросилъ у него: куда онъ зашелъ, въ какую землю и кто здѣсь живетъ? Парень началъ ругать калѣку за то, что онъ его останавливаетъ; калѣка подарилъ этому работнику мѣдный ножъ, тотъ обрадовался подарку и рассказалъ ему тоже, что говорилъ и восьмиголовый богатырь. „Третій годъ“, говорилъ слуга, „живутъ здѣсь девять богатырей; поѣли они много скота; вотъ имена этихъ богатырей: первый богатырь ллэръ-Этинъ-Юла-Бура-Дохсунъ (то-есть, сынъ грома, страшно дерзкій, неукротимый); второй: Карджитъ, сынъ неба, свѣтлый богатырь; третій: Кара-Сурунъ-Юла-Шилу-Частой; четвертый: Тасъ-Кайя-Итчитя-Толь-Эгой (горный духъ каменный богатырь); пятый: Сорбя-Хоя-Итчитя Соодаль Бэго, духъ утеса; шестой: Баягаль-Итчитя Балхакъ (морской богатырь, духъ волнообразный); седьмой: Ютъ-Байгаль Итчитя (богатырь духъ огненного моря); восьмой: Боръ-Итчитя-Борбухай богатырь, подземный духъ; девятый: Спгирь-

Уола-Темиръ Силирденъ (сынъ земли, желѣзо сокрушающій). Черезъ три дня у нихъ порѣшено биться изъ за дѣвицы, изъ за дочери Сабуйя-бай-тоѣго; сильнѣйшій будетъ ея женихомъ“. Выслушавъ слугу, калѣка отправился къ дому богача Якута, но встрѣтилъ на дорогѣ такую огромную толпу народа, что три дня ему понадобилось, чтобы добраться до юрты; потомъ столько же времени пошло на то, чтобы добраться отъ дверей до самого богача. Калѣка началъ звать хозяина и жаловаться, что его не накормили. Старикъ богачъ приказалъ слугамъ накормить калѣку, который, хорошо поѣвши, тихонько отправился на дѣвичью половину. Подойдя къ двери, онъ услышалъ женскій голосъ: „Завтра послѣдній день жпзни моей съ вами! Завтра одинъ изъ девяти богатырей увезетъ меня! Скучно мнѣ! Увеселяйте меня пѣснями и сказками!“ Это говорила дочь богача своимъ рабынямъ. Рабыни отказываются пѣть и рассказывать, говоря, что не умѣютъ; тогда калѣка входитъ къ нимъ какъ бы нечаянно; ему предложили развлечь скучающую красавицу. Онъ охотно согласился и началъ рассказывать въ формѣ сказки свои похождения. Когда свой разказъ довелъ онъ до конца, то началъ плакать. Красавица спросила, отчего онъ плачетъ. Калѣка притворился, что онъ усталъ, что ему холодно; тогда красавица предложила ему лечь къ ней на бровать. „Ахъ“, сказала она, „какъ бы я желала быть женой этого славнаго богатыря, про котораго ты раказывалъ!“ Тогда калѣка принялъ свой настоящій видъ, во всемъ открылся красавицѣ и объяснилъ ей цѣль своего пріѣзда. Послѣ этого калѣка опять началъ плакать и жаловаться на то, что красавица не его жена. Красавица сказала, что она полюбила его и что отъ него зависитъ отбить ее у девяти богатырей. Калѣка поклонился, что постарается убить всѣхъ до единого. Затѣмъ онъ опять сталъ плакать и жаловаться на то, что ему холодно. Красавица обняла его и старалась согрѣть своимъ тѣломъ,—калѣка не переставалъ плакать и жаловаться; тогда красавица предложила ему лечь на нее, и обхвативъ его ногами, старалась согрѣть его, но калѣка все жаловался на холодъ.... Въ это время вдругъ подъ окномъ заржалъ конь калѣки и сказалъ ему: „Господинъ мой, не увлекайся и не предавайся любви. На тебя хотятъ напасть девять богатырей и захватить тебя въ располхъ. Спѣши же приготвиться и встрѣ-

тять ихъ, иначе ты погибнешь". Калѣка вскочилъ и отправился къ Сабуйя-бай-тоіго, объявилъ ему свое имя и цѣль прїѣзда, и здѣсь же попросилъ его дочь себѣ въ жены. Сабуйя-бай согласился и началъ гадать о судьбѣ ихъ брака. „Если счастливъ будешь, отдамъ за тебя свою дочь!“ сказалъ онъ и призвалъ шаманку гадать. Шаманка взяла золотое кольцо и бросила его на полъ, сказавши: „Если это кольцо не разобьется на двое, то бракъ будетъ счастливъ!“ Кольцо оказалось съ одной стороны немного надтреснутымъ и шаманка дала благопрїятный отвѣтъ. Тогда Сабуйя-бай, обратясь къ калѣкѣ, сказалъ ему: „Теперь отъ тебя зависитъ твое счастье; если побѣдишь девять богатырей, то будешь владѣть моею дочерью“. Калѣка во всеоружіи вышелъ изъ дому богача, и едва успѣлъ немного отойти, какъ на него напали девять богатырей, которые ожидали его тутъ. Первый богатырь чуть было не убилъ его, но промахнулся и упалъ самъ. Калѣка упрекнулъ богатырей, что они нападаютъ на него вдесятеромъ на одного, какъ разбойники, и предложилъ имъ выходить съ нимъ на поединокъ по очереди. Но они его не слушали и продолжали нападать все разомъ; тогда изъ лѣсу вылетѣла птица и испустила на калѣку кусокъ помета; онъ почувствовалъ при этомъ, что силы у него прибавилось. Однако калѣка, обороняясь, продолжалъ отступать къ тремъ елямъ; дойдя, онъ взобрался на одну изъ нихъ и началъ просить дерево упасть, предлагая отдать за это свои обручальные кольца. Дерево упало. Калѣка схватилъ его и началъ размахивать елью вокругъ себя, наступая на богатырей. Только такимъ способомъ удалось ему побѣдить богатырей. Отдохнувши въ некоторое время у рѣки, калѣка возвратился къ своему тестю. Между тѣмъ въ душѣ тестю не хотѣлось имѣть калѣку своимъ зятемъ и онъ думалъ, что калѣка погибнетъ въ борьбѣ съ богатырями; увидавши, что калѣка возвратился живъ и невредимъ, Сабуйя-бай скрылъ свое удивленіе и неудовольствіе и сказалъ: „Былъ у меня сынъ Гунтурунтай (исполнѣ), но вотъ прошло уже тридцать лѣтъ, какъ я не имѣю о немъ никакихъ извѣстій и незнаю, гдѣ онъ. Если можешь, то исполни мою просьбу, отыщи моего сына!“ Калѣка согласился, и распростившись съ тестемъ, вышелъ на дворъ и вскочилъ на коня. Тогда вышла къ нему его жена тайно отъ отца, удержала коня и сказала: „Не торопись, побудь

со мной! Когда девять богатырей нападали на насъ, отецъ послалъ за Гунтурунтаемъ, чтобы онъ избавилъ насъ отъ нихъ, но онъ не явился; отецъ посылаетъ тебя на вѣрную гибель“. Калѣка выслушавъ свою жену, ударилъ коня по уху, превратилъ его въ камень, положилъ въ карманъ и пошелъ. Жена превратила его въ пыжика ¹⁾, въ пыжиковъ же обратила шесть слугъ. Сама она пошла домой, брызнула на очагъ масломъ и обратившись въ дятла вмѣстѣ съ дымомъ вылетѣла въ трубу и полетѣла вслѣдъ за пыжикомъ—мужемъ. Къ этому времени воротился домой изъ извѣстнаго своего пребыванія Гунтурунтай. Онъ былъ девяти сажень въ плечахъ, исполинскаго роста и такой тяжести, что девять лѣсинъ не могли его сдержать; онъ принужденъ былъ съѣсть на гору. Отъ дыханья его шелъ огонь и палилъ кругомъ лѣсъ. Онъ спросилъ Сабуйя-бая, зачѣмъ его звали послѣ тридцати лѣтъ разлуки. Сабуйя-бай сказалъ: „Звали тебя на помощь, такъ какъ девять богатырей хотѣли взять силой твою сестру. Теперь же калѣка якутъ увелъ ее съ собою и пропалъ безъ вѣсти; тебѣ нужно отыскать ихъ“. Тогда Гунтурунтай, убравъ огонь въ ротъ, пустился въ погоню за бѣглецами. Отъ его бѣга происходилъ страшный шумъ, лѣсъ и дома трещали, Гунтурунтай нагонялъ ихъ. Дятель, услышавъ погоню, велѣлъ пыжикамъ бѣжать во весь духъ. Шесть пыжиковъ слугъ разбѣжались въ разные стороны, а дятель съ пыжикомъ мужемъ побѣжали на востокъ. Гунтурунтай погнался прежде за шестью пыжиками, потомъ, не догнавъ ихъ, бросился за пыжикомъ съ дятломъ; догоняя ихъ, онъ кричалъ, что съѣсть ихъ. Тогда дятель велитъ бѣжать пыжику въ каменный домъ съ высокой каменной стѣной, который былъ недалеко; дятель быстро долетѣлъ до дома, а пыжикъ едва успѣлъ добѣжать; едва его не схватилъ великанъ. Дятель и пыжикъ заперлись въ домѣ. Гунтурунтай началъ уговаривать свою сестру, чтобы она на свое волшебство не надѣялась, а лучше бы отдалась ему въ руки вмѣстѣ съ ея похитителемъ. Послѣ этого Гунтурунтай наклеилъ себѣ желѣзный носъ въ три аршина длиной и началъ долбить имъ стѣну; разломивши ее, онъ вошелъ во дворъ. Затѣмъ, раскрывъ свою пасть, онъ положилъ верхнюю челюсть на крышу дома, а нижнюю

¹⁾ Молодой олень.

подъ основаніе и хотѣлъ проглотить ихъ вмѣстѣ съ домомъ. Видя свою погибель, сестра предложила, что лучше она съ мужемъ выйдетъ изъ дома и сами они войдутъ въ ротъ Гунтурунта. Великанъ согласился, бѣглецы вмѣстѣ съ оружіемъ вошли въ ротъ и Гунтурунта проглотилъ ихъ. Попавъ въ желудокъ, они прорубили его своимъ оружіемъ, добрались до сердца и изрубили его. Гунтурунта, чувствуя себя не хорошо и быстро теряя силы, упалъ на землю въ предсмертныхъ мукахъ. „Это я потерпѣлъ наказаніе за то, что не пожалѣлъ свою родную сестру!“ воскликнулъ онъ и мгновенно умеръ. Калѣка съ женой, прорубивъ его грудь, вышли наружу, сожгли трупъ великана, а пепелъ и кости бросили въ море.

Обрадовавшись побѣдѣ, калѣка предложилъ женѣ поѣхать къ отцу. Они поѣхали; на дорогѣ встрѣтился имъ Тунгусъ промышленникъ, въ пестрой оленьей шубѣ и на такомъ же оленѣ; онъ только что убилъ сохатаго (лося) и предложилъ имъ отдохнуть и раздѣлить съ нимъ пищу въ нарочно разбитой для нихъ палаткѣ¹⁾.

Тунгусъ прозывался Арджаманъ-Джарджаманъ; поѣвъ и отдохнувъ, Тунгусъ предложилъ калѣкѣ игру въ трости. Она состояла въ томъ, что оба они кидали другъ другу свои трости и должны были ловить ихъ. Послѣ этой игры, въ которой оба оказались одинаково ловкими, калѣка съ женой продолжали свой путь вмѣстѣ съ Тунгусомъ. Однажды путешественниковъ вдругъ настигла тьма, и калѣка впалъ въ безпамятства. Въ такомъ состояніи онъ пролежалъ трое сутокъ, и проснувшись, не увидалъ ни Тунгуса, ни своей жены.

Сильно погорѣвавъ о томъ, что послѣ такихъ громадныхъ трудовъ пришлось потерять жену, калѣка пустился отыскивать ее. Долго онъ блуждалъ, пока попалъ на слѣды Тунгуса и пошелъ прямо на югъ. Дойдя до мѣста, гдѣ расходилось нѣсколько дорогъ, онъ хотѣлъ было отдохнуть, но конь посоветовалъ ему не останавливаться и продолжать путь: „Пріѣдемъ сперва въ то мѣсто, гдѣ встрѣтятъ насъ девять волковъ и будутъ нападать на насъ; потомъ девять медвѣдей будутъ загораживать намъ дорогу

¹⁾ По сообщенію г. Е. Борисова, есть обычай отдавать извѣстную часть убитого звѣря лицу, которое въ моментъ охоты проѣзжало мимо.

и не пускать насъ; затѣмъ пріѣдемъ въ такое мѣсто, гдѣ будетъ множество разныхъ звѣрей. „Ты нигдѣ не останавливайся, продолжай путь! Послѣ всѣхъ этихъ препятствій ты отпусти меня и иди одинъ; когда же я тебѣ понадобится, ты крикни и я явлюсь“. Калѣка послушался совѣтовъ своего коня и поѣхалъ, не останавливаясь. Все, что предсказывалъ конь, такъ и случилось: волки, медвѣди и хищные всѣхъ родовъ звѣри нападали на калѣку, но онъ, преодолевая всѣ препятствія, ѣхалъ, не останавливаясь. Всѣ эти затрудненія въ путь ставилъ ему Тунгусъ Арджаманъ-Джарджаманъ. Наконецъ преодолевъ послѣднее препятствіе въ образѣ мошекъ и комаровъ, въ несмѣтномъ количествѣ папавшихъ на него, калѣка отпустилъ коня и по слѣдамъ Тунгуса пошелъ прямо къ девяти тунгусскимъ шаламамъ. Опъ вошелъ въ первый изъ нихъ и нашелъ тамъ свою жену. Онъ хотѣлъ ее распрашивать, но убѣдился, что она онѣмѣла. Тогда калѣка обошелъ всѣ девять шаламъ и въ каждомъ изъ нихъ нашелъ по одной женѣ Тунгуса. Вернувшись снова въ первый шаламъ, онъ засталъ тамъ вмѣстѣ съ своей женой и Тунгуса Арджаманъ-Джарджамана. „Ты пришелъ за своей женой, но я не уступлю тебѣ ее! Скажи, чѣмъ ты можешь отнять ее у меня?“ Калѣка показалъ ему кулакъ и вызвалъ его на поединокъ. Тридцать дней они дрались съ одинаковымъ успѣхомъ и наконецъ выбившись изъ силъ, дали себѣ раздыхъ. Тогда Тунгусъ, видя что единоборствомъ они не могутъ рѣшить спора, предложилъ отправиться на судъ въ страну подземнаго духа Карага-Короба-Буллуръ-Аймага. „Но, можетъ быть, ты согласишься разрѣзать ее пополамъ и взять одну половину?“ спросилъ Тунгусъ. Калѣка ни за что не хотѣлъ согласиться на это, потому что жена его была уже на третьемъ мѣсяцѣ беременности. „Тебя“, сказалъ калѣка, — „это можетъ удовлетворить, такъ какъ ты съѣшь эту половину, а меня нѣтъ“. И они рѣшили отправиться на судъ къ подземному духу. Якутъ калѣка обратился въ желѣзный гвоздь, а Тунгусъ въ расплавленное олово и опустились оба въ преисподнюю, въ то мѣсто, гдѣ было отдѣленіе подземнаго духа Арсандолы. Якутъ разсказалъ Арсандолѣ, какихъ трудовъ стоило ему добыть себѣ жену, и что въ концѣ концовъ Тунгусъ похитилъ ее и не отдаетъ ему. Арсандола, обратившись къ Тунгусу, спросилъ его: „Что ты можешь сказать съ своей стороны?“

Тунгусъ спросилъ: почему же ему не воспользоваться женой калѣки, если ему Арджаману дана на это спла? Арсандола присудилъ отдать жену Якуту-калѣкѣ. Тунгусъ остался недоволенъ рѣшеніемъ и снова предложилъ калѣкѣ разрѣзать жену пополамъ вдоль или поперекъ и подѣлиться половинами, но Якутъ не согласился и просилъ Тунгуса подчиниться суду Арсандолы. Тунгусъ не соглашался и предложилъ идти на судъ въ страну свѣтлаго духа, къ духу Аи-Тойону. „Въ преисподней судить неправильно; пойдемъ въ свѣтлую страну къ Аи-Тойону!“ говорилъ Тунгусъ. Якутъ-калѣка, заручившись письменнымъ свидѣтельствомъ судебного рѣшенія Арсандолы, который написалъ это рѣшеніе на бычачьей кожѣ смоляными чернилами, вышелъ съ Тунгусомъ на землю. Якутъ обратился въ дятла, а Тунгусъ въ сокола и полетѣли оба на небо. Калѣка, представъ передъ Аи-Тойономъ, упалъ передъ нимъ на далекомъ разстояніи и пзложилъ ему свою просьбу. Выслушавъ обоихъ, Аи-Тойонъ присудилъ жену Якуту, сказавъ: „Женщина, которую ты похитилъ, принадлежитъ якутскому племени и потому ты долженъ возвратить ее по принадлежности. Если же ты останешься недоволенъ рѣшеніемъ и не исполнишь его, то по своему могуществу я устрою иначе!“ Такъ говорилъ Аи-Тойонъ. Тунгусъ остался недоволенъ рѣшеніемъ. Тогда Аи-Тойонъ призвалъ своихъ духовъ и приказалъ жечь Тунгуса на раскаленномъ желѣзѣ. Тунгусу обожгли всѣ руки и ноги, но онъ все таки упорствовалъ. Тогда Аи-Тойонъ сказалъ калѣкѣ: „Мы не можемъ отнять у твоего противника душу, поэтому я отпускаю васъ и предлагаю рѣшить дѣло единоборствомъ, и съ своей стороны даю вамъ мое благословеніе“. Противники спустились на землю, завели снова бой и дрались въ продолженіе 30 дней. Случайно привелось калѣкѣ вышибить у Тунгуса оба глаза; затѣмъ онъ повалилъ Тунгуса на землю, распоролъ ему брюхо, вытащилъ внутренности, и схвативъ за животъ, далъ ему время проститься со свѣтомъ. Плача и рыдая, простился Тунгусъ со всѣмъ міромъ. Послѣ этого калѣка яростно рванулъ животъ его, тѣло обратилъ въ пепелъ и бросилъ въ море. Отдохнувъ, калѣка пустился въ путь къ своей женѣ, но заблудился и блуждалъ девять дней. У Тунгуса Арджамана-Джарджамана была мать Джага-Баба; она пришла къ женѣ калѣки и сказала, что съѣстъ ее вмѣстѣ съ ея ребенкомъ за то,

что ея мужъ убилъ ея сына. Жена калѣки совѣтуетъ Джагѣ-Бабѣ доподлинно убѣдиться: убить ли ея сынъ или нѣтъ. Джага-Баба согласилась и сказала, что за ночь она узнаетъ все обстоятельно. На другой день она объявила, что дѣйствительно калѣка убилъ ея сына; жена калѣки проситъ еще хоть одинъ день повременить ѣсть ее и еще разъ убѣдиться: дѣйствительно ли это такъ. „Вѣдь могло случиться и такъ, что Арджаманъ убилъ калѣку“. Джага-Баба соглашается повременить еще день. Тогда мать обращается къ своему ребенку и совѣтуется съ нимъ, какъ имъ избавиться отъ Джаги-Бабы... (конца нѣтъ).

187. Богачъ Боилытъ и бѣднякъ Бордо.

Нѣкогда жили въ сосѣдствѣ, въ урочищѣ Бурунуръ, богачъ Боилытъ и бѣднякъ старикъ Бордо съ тремя сыновьями: старшаго звали Додой, средняго Налыбыръ, младшаго Бертъ-Эръ.

Бордо и сыновья занимались охотой, тѣмъ и существовали. Въ одинъ годъ, неизвѣстно почему, совершенно не было охотничьяго промысла и жить бѣднякамъ пришлось очень трудно. Не смотря на то, что иной разъ имъ приходилось ничего не ѣсть, они все таки держались, не ходили на грабежъ ¹⁾. Пришла однако такая сильная нужда, что отецъ предложилъ сыновьямъ, чтобы одинъ изъ нихъ продался въ рабы къ Боилыту. Сыновья подумали и рѣшили между собой, чтобы шелъ въ рабы старшій, Додой. На другой день Додой пошелъ къ Боилыту, разказалъ ему, что охота у нихъ не удачна, что дома ѣсть нечего, и просилъ Боилыта помочь имъ, спасти ихъ отъ голодной смерти, а его взять за то въ рабы. Боилытъ выслушалъ, пожалѣлъ ихъ и сказалъ: „Хорошо, я тебя возьму и дамъ твоему отцу и братьямъ на прожитокъ, но ты поклянись, что будешь мнѣ вѣрнымъ слугою!“ Додой согласился. „Ну, ладно“, сказалъ Боилытъ, — „возьми теперь бересту и сдѣлай на ней свой клятвенный знакъ!“ Заторопился Додой, вытащилъ изъ ноженъ при бедрѣ костяной ножикъ и порѣзалъ имъ палецъ мизинца, кровью онъ намазалъ конецъ ножа и написалъ имъ на берестѣ не то копые, не то просто палку и проговорилъ: „Съ сего-

¹⁾ При этомъ разказчикъ сообщилъ г. Борису, что въ прежнее время въ голодные годы люди часто нападали на сосѣдей и грабили у нихъ, даже женъ и дѣтей отнимали.

дня чту тебя надъ собой владыкой!" Послѣ этого онъ поцѣловалъ окровавленный ножъ, и стоя на колѣняхъ подалъ бересту Боилыту. Боилытъ взялъ Додоя за руку и привелъ къ своимъ семи женамъ. „Вотъ мой новый подданный, вашъ рабъ!" Послѣ этого богатъ далъ Додоя нѣсколько штукъ рогатаго скота и лошадей и позволилъ идти домой къ отцу ночевать. На другой день, когда Додой пришелъ къ Боилыту, онъ ему сказалъ, что если онъ въ точности не исполнитъ всего, что ему прикажутъ, онъ его жестоко накажетъ; затѣмъ далъ Додоя хорошихъ быковъ, топоръ для рубки дровъ, далъ мясо для ѣды и сказалъ, чтобы онъ возилъ дрова. Выслушавъ приказъ Додой и вспомнилось ему, какъ одинъ старикъ работникъ рассказывалъ, какъ съ одного раба хозяинъ его велѣлъ содрать кожу за самую малую провинность и стало ему жутко. Въ страхъ онъ не зналъ, что ему и дѣлать; надо было, однако, собрать все что нужно и ѣхать по дрова. Въ лѣсу онъ все время думалъ о томъ, какъ съ раба содрали кожу и также о томъ, что невозможно ему одному нарубить десять возовъ дровъ въ одинъ день. Потъ лился съ него, а онъ все рубилъ да рубилъ. Наконецъ онъ такъ усталъ, что безъ чувствъ упалъ на землю. Очнувшись, онъ сталъ кричать: „На десять быковъ дровъ наколотъ! это невозможно!" Хотѣлъ было онъ встать на ноги, но силъ у него не было и онъ опять повалился. Сталъ онъ свою прежнюю жизнь вспоминать, какъ онъ охотился на всей своей волѣ. А теперь ждетъ быть можетъ и его такая же участь, какъ того раба, съ котораго кожу сняли! Не зналъ что и дѣлать Додой; голова у него кружилась, началъ онъ плакать и причитать: „Лучше бы мнѣ не жить, не видать свѣта, лучше умереть!" Оборотись въ ту сторону, гдѣ лѣсъ былъ гуще, онъ сталъ просить себѣ или смерти или помощи у лѣснаго духа, покровителя всѣхъ находящихся въ бѣдѣ. Запѣлъ Додой свою просьбу: „Владыка всѣхъ лѣсовъ претемныхъ, владѣющій пушминой, богатый милостію для бѣдныхъ, меня горемыку спаси!" Долго онъ тянулъ эту пѣсню, пока не задремалъ. Когда онъ проснулся, не было около него ни быковъ, ни инструментовъ, ни мяса. Какъ бѣшенный, искалъ Додой свою пропажу, но куда ни бросался, нигдѣ не нашелъ. Въ то время, какъ Додой спалъ, приходилъ Боилытъ и все утащилъ. Додой подумалъ, что быки могли уйти домой, онъ кинулся поскорѣе на хозяйскій дворъ:

но лишь только онъ вошелъ въ ворота, какъ его встрѣтилъ Боилытъ и сказалъ: „Плохой ты рабъ, клятвы своей не исполнилъ!" Потомъ обратясь къ слугамъ, онъ велѣлъ принести мечъ. Когда принесли мечъ, Додоя повалили и безъ всякой жалости содрали у него кожу со спины, съ ногъ и рукъ. Послѣ этого Боилытъ приказалъ Додоя бросить въ воду, а отцу и братьямъ сказать, что его въ лѣсу медвѣдь задралъ. Сильно горевали въ семьѣ о томъ, что Додой погибъ. „Вѣрно духу лѣсному такъ было угодно, коли его медвѣдь растерзалъ!" говорили его отецъ и братья. Промысла все не было, голодъ продолжался, Бордо съ семьей опять сталъ бѣдствовать и рѣшилъ, чтобы средній братъ Налыбыръ шелъ къ Боилыту въ работники. Съ Налыбыромъ случилось тоже самое, что съ Додоемъ; его также звѣрски убили и бросили въ воду. Старикъ Бордо такъ горевалъ о сыновьяхъ, что и самъ умеръ; остался теперь изъ всей семьи одинъ Бертъ-Эрь. Онъ былъ человѣкъ смѣшленный и имѣлъ необыкновенную силу; ему не разъ приводилось на охотѣ безъ всякаго оружія убивать медвѣдя или волка. Бертъ-Эрь не повѣрилъ, чтобы его братья были зарѣзаны медвѣдемъ и сильно ему хотѣлось узнать настоящую причину ихъ смерти; ему часто думалось, не виноваты ли въ ихъ смерти самъ Боилытъ? Думалъ, думалъ Бертъ-Эрь и рѣшился идти къ Боилыту въ рабы. Бертъ-Эрь, заключая съ Боилытомъ условіе, выговорилъ себѣ, что бы десять дней ему жить безъ работы. Въ эти десять дней, живя безъ работы, познакомился Бертъ-Эрь съ другими рабами и съ тѣмъ старикомъ, что рассказывалъ Додоя, какъ съ раба кожу содрали, и отъ него узналъ какой смертью погибли его братья. Сильно разсердился послѣ этого Бертъ-Эрь и поклялся отомстить Боилыту. Когда прошли десять дней, богатъ далъ Бертъ-Эрю быковъ, топоры и пицы и послалъ въ лѣсъ за дровами. Поѣхалъ Бертъ-Эрь; тамъ онъ живо справился съ работой, какъ какое дерево схватить, такъ его съ корнемъ и выдернетъ, положить въ сани и готово! Не прошло часу, какъ у него всѣ десять саней были деревомъ навалены; воза были такіе тяжелые, что быки ихъ едва тащили; Бертъ-Эрь гналъ ихъ до того, что они по дорогѣ у него подходили. Тогда Бертъ-Эрь связалъ всѣ сани и самъ поволокъ всѣ десять саней. Когда увидѣли это слуги, всѣ страшно перепугались, самъ Боилытъ былъ ни живъ, ни мертвъ отъ страху. Очнув-

ипись, Боилыть послалъ спросить: какъ дерзкій рабъ посмѣлъ убить его быковъ? Посланный съ большимъ страхомъ подошелъ къ Берть-Эрю, поклонился ему и говоритъ: „Добрый другъ, хозяинъ спрашиваетъ: зачѣмъ ты убилъ его быковъ?“ „Скажи хозяину, пусть онъ прежде скажетъ, зачѣмъ онъ убилъ моихъ братьевъ, тогда и я ему скажу, зачѣмъ убилъ быковъ“, отвѣчалъ Берть-Эрь. Посланный пересказалъ отвѣтъ Боилыту. Богачъ разсердился; въ другое время онъ убивалъ рабовъ ради своего удовольствія, а тутъ такъ струсилъ, что послалъ сказать Берть-Эрю: „Эту первую вину я ему прощаю, а вторую не прощу! пусть больше не попадается, а не то не миновать ему жестокой казни!“ Берть-Эрь велѣлъ ему сказать: „Нечего меня пугать, не боюсь я наказаній! пусть лучше хозяинъ подумаетъ, какъ жестоко отомщу я ему за братьевъ“. Возвращаясь съ этимъ отвѣтомъ, посланный думалъ: „Вотъ какой молодецъ Берть-Эрь! онъ Боилыта знать не хочетъ; вѣрно онъ сильный богатырь, коли такіа дѣла продѣлываетъ. Скоро видно конецъ настанетъ Боилыту. По дѣломъ ему! Жестокій онъ хозяинъ, съ кого кожу дралъ, кого подъ стрѣлами заставлялъ стоять; мало ли собака нашего брата мучилъ? Теперь остынешь! научить тебя Берть-Эрь, какъ съ людьми надо жить!“ При этомъ слуга даже подпрыгнулъ отъ радости; такъ онъ былъ радъ, что приходитъ конецъ Боилыту. Съ этого времени Берть-Эрь сталъ всѣмъ извѣстенъ; стали на него всѣ смотрѣть, какъ на необыкновеннаго человѣка. Стали ему всѣ почетъ оказывать; всѣмъ казалось, что онъ защитникъ угнетенныхъ, всякое слово рабы его слушали, какъ священное. Каждый рабъ старался, чтобъ Берть-Эрь обратилъ на него вниманіе. Имя его вездѣ было слышно, вездѣ говорили о добрыхъ дѣлахъ, какія дѣлалъ Берть-Эрь. Добродѣтель и геройство Берть-Эря почитались и въ домѣ Боилыта.

У Боилыта была дочь, красавица и добрая, совсѣмъ на отца не похожая; звали ее Кытень-Кыталынь; она полюбила Берть-Эря, а онъ полюбилъ ее. Боилытъ боялся того, что всѣ любили Берть-Эря, что рабы готовы были во всемъ его слушаться; онъ боялся за свою жизнь, онъ зналъ, что рабы ждутъ, не дождутся его смерти. Ему не разъ самому приводилось слышать, какъ рабы говорили: „Хорошо, еслибы Берть-Эрь этого Боилыта предоставилъ намъ! мы бы убили его, какъ собаку!“ Боилытъ задумалъ извести Берть-

Эря. Вотъ разъ приходитъ къ нему одинъ человѣкъ и говоритъ: „Ты теперь, господинъ нашъ, въ большой опасности! этотъ сиргидякъ (негодяй), діавольское отродье, слишкомъ дерзое! Мы покажемъ ему, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло! вѣдь ты искони нашъ великій владыка; никто никогда не смѣлъ противъ тебя идти“. „Что и говоритъ! Онъ кѣстюбитъ (очень бранное слово), ты песминя“ (ласковое слово)! сказала Боилытъ. „Не знаешь ли, какъ бы избавиться намъ отъ Берть-Эря?“ „Какъ не знать! Пошли его за медвѣдемъ, который кажется ужъ три вѣка сидитъ взаперти. Ты, господинъ, вѣрно слышалъ о богатырѣ Халланъ-Ола-Харыллы-Мохсоголѣ¹⁾, который жилъ еще при твоёмъ прадѣдѣ. Мохсоголъ схватилъ этого медвѣдя и посадилъ въ подземелье, а медвѣдь этотъ, говорятъ, питался только человѣчьимъ мясомъ, и не пропадетъ, пока нашъ міръ стоитъ“. „Ну что же будетъ изъ того, что мы пошлемъ Берть-Эря за медвѣдемъ? Еще согласится ли онъ идти!“ „Не безпокойся! навѣрное согласится, и навѣрное оттуда не вернется. Ты обойдись съ нимъ поласковѣе, скажи: „Вѣрный ты мой слуга и храбрый человѣкъ! Приведи ты мнѣ моего быка; стоитъ онъ у меня въ такомъ то подземельѣ; быкъ совсѣмъ особенный: онъ безъ роговъ и безъ хвоста“. Чтобы онъ навѣрное согласился, ты пообѣщай ему, что въ награду отдашь за него свою дочь замужъ; я слышалъ, что онъ ее очень любитъ, и за нее на все согласится“.

На другой день Боилытъ позвалъ къ себѣ Берть-Эря, принялъ его ласково и съ почетомъ, усадилъ на „бильлерикъ“ (самое почетное мѣсто въ домѣ, мѣсто, на которомъ сидятъ и спятъ старики и невинныя дѣвушки), угостилъ его жирнымъ конскимъ мясомъ и кумысомъ съ масломъ. Послѣ этого онъ началъ говорить: „Я почувствовалъ близость смерти, шаманы и снотолкователи (битяхтярь) тоже предсказываютъ мнѣ скорую смерть; вотъ я и думаю, кому оставлю я свое богатство и власть; сына у меня нѣтъ, а дочь безъ мужа что за человѣкъ! Чужіе люди могутъ все расхитить и дочь мою отдать на поруганіе. Вотъ я и придумалъ

¹⁾ По замѣчанію разказчика г. Борисову, это одинъ изъ главныхъ богатырей, о которомъ если бы пришлось разказывать, то разказъ тянулся бы не менѣе трехъ дней; въ сказкѣ, помѣщенной у Миддендорфа, ч. 2, в. 7, также упоминается о Мохсоголѣ. Халланъ—небо; ола—сынъ.

найти поскорѣ зятя. Тебя Берть-Эрь я люблю! Ты храбрый человекъ, хорошій; у насъ давно такихъ людей, какъ ты, не было; тоже самое говорить и моя дочь. Я желаю, чтобы ты былъ моимъ зятемъ, и моимъ наслѣдникомъ! Берть-Эрь не вѣрилъ своимъ ушамъ и глазамъ. Онъ себя не помнилъ отъ радости; забылъ всѣ обиды, забылъ и о томъ, что поклялся мстить Боилыту за братьевъ. Онъ упалъ на колѣни и, держа ноги своего будущаго тестя, увѣрялъ его въ своей преданности и говорилъ: „Ты меня прости, а я тебя прощаю.“

Боилытъ поднялъ съ пола Берть-Эря и сказалъ: „Теперь все твое: мое богатство, моя власть и дочь! Но ты, конечно, знаешь обычай, если кто желаетъ жениться на дѣвушкѣ, то прежде онъ долженъ почитать ея родителей—исполнить одно изъ ихъ желаній, хотя бы ему это грозило опасностью смерти. Такъ вотъ и я по обычаю желаю, чтобы и ты для меня послужилъ. Давно, очень давно, когда еще моего отца на свѣтѣ не было, жилъ на свѣтѣ медвѣдь, Ага-огусъ (отецъ-быкъ); мы такъ называемъ его изъ уваженія. Онъ былъ страшенъ всякому; онъ мстилъ тѣмъ, кто объ немъ отзывался непочтительно. По ночамъ онъ будто бы обращался въ Эренъ-кыла (змѣя) и въ этомъ видѣ леталъ по всему свѣту; къ какому сонному человеку притронется, такъ тому либо болѣзнь, либо смерть приключалась. Вотъ этого-то медвѣдя во времена моего дѣда, одинъ сильный, какъ ты, богатырь по имени Халланъ-Ола-Харыллы-Мохсоголъ, заковалъ въ желѣзные цѣпи, и заперъ въ подземельѣ, какое я тебѣ недавно показывалъ. Не знаю, за что онъ его туда заперъ, а много чудеснаго объ этомъ звѣрѣ разказываютъ въ народѣ; хотѣлось бы мнѣ посмотреть, каковъ онъ и правду ли про него говорятъ. Сходи, сынъ мой, приведи это чудовище ко мнѣ и тогда и дочь будетъ твоя и все богатство“.

„Хорошо, отецъ!“ проговорилъ Берть-Эрь, поклонился Боилыту и пошелъ изъ его дома, думая, какъ бы ему поскорѣ достать чудовище. Боилытъ радъ былъ, что устроилось все, какъ онъ желалъ, такъ легко и скоро и говорилъ своимъ приближеннымъ: „Довольно намъ Берть-Эря бояться! Пришло время съ нимъ покончить!“ Не долго времени прошло, слышитъ Боилытъ на дворѣ у него страшный шумъ: люди кричатъ, быки, коровы мычатъ, ло-

шадь ржутъ, собаки лаютъ; немного погодя въ его юрту вбѣжало человекъ двадцать, чуть въ дверяхъ другъ друга не передавили и всѣ кричатъ: Абытай! Абахи! Альлярхай! ¹⁾ Вбѣжалъ Боилытъ на дворъ, видѣть вездѣ мертвые люди валяются, и всякая скотина, а по двору бѣгаетъ чудовище и нападаетъ на Берть-Эря, и всякій разъ, какъ оно на него наскочитъ, онъ бьетъ его дубиной. Сильно испугался Боилытъ, упалъ передъ Берть-Эремъ на колѣни и молитъ: „Спаси, владыка!“ Тогда Берть-Эрь, не долго думая, съ одного взмаха убилъ дубиной чудовище, и изрубилъ его на мелкіе куски. Потомъ онъ подошелъ къ Боилыту и сказалъ: „Вотъ я твое желаніе исполнилъ, теперь ты свое обѣщаніе исполни“. „Бери, все твое“, сказалъ Боилытъ, взялъ его за руку и повелъ къ своей дочери. Показывая ей Берть-Эря, онъ сказалъ: „Дитя мое, вотъ твой мужъ!“ Послѣ этого богачъ никогда не отваживался просить о чемъ нибудь Берть-Эря.

Примѣчаніе. При окончательной проверкѣ текста сказокъ оказалось, что нѣкоторыя изъ нихъ остались безъ указаній, кѣмъ, гдѣ и когда онѣ записаны. Пополнимъ здѣсь этотъ пропускъ.

№ 49 вар. 6 подъ названіемъ „Аргата“ записанъ г. Палкинымъ отъ Дархатовъ во время зимовки въ Дархатской землѣ.

№ 170—172 записаны г. Палкинымъ отъ Дархатовъ, тамъ же.

№ 177—180 записаны г. Адриановымъ у Сойотовъ на Улукемѣ, въ той же мѣстности и отъ того же лица, какъ и № 176.

¹⁾ По сообщенію г. Борисова, абытай (больно) есть восклицаніе при обжогѣ. Абахи, абагы—дѣволъ, злой духъ; альлярхай—безпорядокъ, разрушеніе.

Примѣчанія.

Сказки, напечатанныя въ этомъ выпускѣ, были собраны мною такимъ же способомъ, какъ и въ первую мою поѣздку въ Монголію, въ 1876—1877 году, то-есть, я записывалъ ихъ со словъ русскаго переводчика. Киргизскія сказанія были записаны мною частью въ приобдинскомъ Алтайѣ (въ 1876 г.), частью въ Баянаульскомъ округѣ Семипалатинской Области (въ 1880 г.); въ первомъ случаѣ переводчикомъ былъ казакъ Михаленковъ, превосходно знавшій киргизскій языкъ; во второмъ сказанія записывались отъ Киргизъ, знающихъ русскій языкъ. Главный сборъ алтайскихъ и урянхайскихъ сказаній былъ сдѣланъ въ послѣднюю поѣздку: часть алтайскихъ сказаній записана мною отъ миссіонера о. Чивалкова; о. Чивалковъ—природный Телеутъ, знаетъ достаточно русскій языкъ, занимается переводами съ русскаго языка на алтайскій по порученію Алтайской миссіи и издалъ нѣсколько брошюръ для чтенія на алтайскомъ языкѣ, сочиненныхъ имъ самимъ; другія сказанія были переведены взятымъ мною въ путешествіе Телеутомъ И. Чивалковымъ, родственникомъ миссіонера; И. Чивалковъ учился въ миссіонерской школѣ въ Улаѣ и умѣетъ писать по русски и алтайски; нѣкоторые сказанія были записаны имъ на алтайскомъ языкѣ; эти алтайскіе тексты переданы мною Н. И. Ильминскому въ Казани. Тотъ же И. Чивалковъ служилъ переводчикомъ и при сборѣ сказаній у Урянхайцевъ въ долинахъ Улукема и Хуахема. Монгольскія сказки записывались при помощи знающихъ языкъ русскихъ прикащиковъ, которые были подъ рукою; главными моими помощниками въ этомъ дѣлѣ были прикащики г. Хабаровъ и В. А. Палкинъ. Оба они до знакомства со мною прожили въ краѣ около трехъ лѣтъ, и хотя не знали языка во всей тонкости, могли все-таки бѣгло объясняться съ Монголами. Г. Хабаровъ взялъ былъ мною въ Улангомѣ и провелъ со мною нѣсколько дней на Цзусыланѣ, но затѣмъ былъ мною оставленъ; дальнѣйшее путешествіе отъ Цзусылана до Кобдо было совершено безъ переводчика; затѣмъ въ Кобдо присоединился къ экспедиціи г. Палкинъ. Въ то время, когда я оставался безъ переводчика, я продолжалъ все-таки записывать сказанія, пользуясь при этомъ услугами одного изъ своихъ рабочихъ; во второе путешествіе такимъ посредникомъ между мною и разказчикомъ былъ обыкновенно Дюрбютъ Байнъ-Цаганъ, какъ въ первое путешествіе—Халха Чиринъ-Доржани. Помощь такого посредника состояла въ слѣдующемъ: разказчикъ передавалъ мнѣ сказаніе; затѣмъ Байнъ-Цаганъ, уже привыкшій ко мнѣ и знавшій предѣлы моихъ познаній въ монгольскомъ языкѣ, вновь передавалъ мнѣ тотъ же разказъ, стараясь обойтись тѣмъ запасомъ словъ, которые были извѣстны мнѣ. Такимъ образомъ я

получалъ краткое содержаніе сказанія. Записанныя безъ переводчика сказанія, впоследствии, когда къ экспедиціи присоединился г. Палкинъ, были при помощи этого послѣдняго провѣрены и дополнены со словъ Байнъ-Цагана. Переводы съ бурятскаго сдѣланы природными Бурятами о. Чистохинымъ и г. Матхановымъ.

Разказчики, отъ которыхъ записывались сказанія, были различны: это были шаманы, дамы грамотныя и безграмотныя, и простые люди; пѣвцовъ было встрѣтилось мнѣ мало: у Алтайцевъ только пѣвецъ въ вершинахъ рѣки Песчаной пѣлъ для меня пѣсни подъ аккомпанементъ струннаго инструмента; записанные отъ него Ив. Чивалковымъ тексты остались безъ перевода и находятся теперь въ рукахъ Н. И. Ильминскаго; у Урянхайцевъ я не встрѣтилъ пѣвцовъ, но думаю, что они у нихъ есть; у Халхасцевъ пѣвцовъ, кажется, нѣтъ; по крайней мѣрѣ мнѣ они не встрѣчались; но у Дюрбютовъ они есть, и отъ одного изъ нихъ, старика Сарисына, записано мною много сказаній, изъ которыхъ два — о Цаганъ-Дарихе и Иринъ-Сайнѣ, онъ пѣлъ подъ аккомпанементъ хура, струннаго инструмента. Сарисынъ — простой Дюрбютъ, старикъ лѣтъ 60-ти, знающій хорошо монгольское письмо, но лѣнивый писать; послѣ перваго свиданія съ нимъ въ Улангомѣ я, отъѣзжая въ Кобдо, оставилъ ему бумаги, для того, чтобы онъ записалъ „Иринъ-Сайна“ къ моему возвращенію, и обѣщалъ ему заплатить за трудъ серебромъ: онъ обѣщалъ, но ко второму моему пріѣзду ничего не сдѣлалъ. Былину объ Иринъ-Сайнѣ Сарисынъ разказывалъ мнѣ въ продолженіе семи дней; первая половина ея (до смерти Харъ-Хурмукчина) была переведена г. Хабаровымъ, вторая г. Палкинымъ. Сарисынъ же разказывалъ о другомъ пѣвцѣ Байтѣ, уже умершемъ, который записалъ былину объ Иринъ-Сайнѣ на бумагу. Во время проѣзда отъ Улангома въ городъ Кобдо я слышалъ о третьемъ пѣвцѣ, мингатскомъ дзанги, кочующемъ около горы Торхула у р. Кобдо; онъ также знаетъ былину объ Иринъ-Сайнѣ; поспѣть его у меня не было времени.

Къ собранію, сдѣланному лично нами, мы присоединили 50 сказокъ, записанныхъ г. Палкинымъ во время его зимовки въ Дархатской землѣ, 10 сказокъ, записанныхъ г. Адриановымъ во время его поѣздки въ Сойотскія земли въ 1881 г., 4 сказки Якутовъ, заимствованныя изъ рукописи г. Борисова, доставленной въ Географическое Общество, и нѣсколько сказаній бурятскихъ, записанныхъ у Иркутскихъ Бурятъ учителемъ Ханъ-Галовымъ, природнымъ Бурятомъ, доставившимъ ихъ въ Восточно-сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества.

Наше собраніе, сдѣланное при вышеописанныхъ условіяхъ, не имѣетъ той цѣнности, какую оно могло бы имѣть, будучи сдѣлано лингвистомъ, какъ, напримѣръ, собраніе сказаній южно-сибирскихъ Татаръ, составленное г. Радловымъ или то собраніе монгольскихъ устныхъ памятниковъ, какого мы въ правѣ ожидать отъ г. Позднѣва. Но если наше собраніе не имѣетъ значенія для лингвиста, оно не лишено его для филолога и мѣолога и можетъ служить имъ для выводовъ и сближеній. Поэтому думаю, что не напрасно мною

потрачено время на собраніе этихъ сказаній, тѣмъ болѣе, что специалистовъ-лингвистовъ не много, и слѣдовательно, путешествія ихъ въ Монголію не могутъ быть частыми и лингвистъ, захватившій въ такой обширный край, какъ Монголія, не можетъ же побывать вездѣ и не оставить пробѣловъ. Способъ собранія сказаній въ видѣ конспектовъ посредствомъ переводчиковъ въ особенности было бы полезно примѣнить въ отношеніи разнообразныхъ инородцевъ Сибири; ждать лингвистовъ по отдѣльнымъ языкамъ Сибири придется долго, а между тѣмъ преобразование племенъ въ другія національности идетъ быстро, и иное нарѣчіе вымретъ прежде, чѣмъ дождется изслѣдователя своего нарѣчія. Для мѣолога не имѣетъ такой важности, какъ для лингвиста, буквальная записъ сказанія; для него будетъ имѣть цѣну и одно содержаніе сказанія, съ сохраненіемъ собственныхъ именъ и тѣхъ типическихъ чертъ, сознаніе важности которыхъ воспринимается въ собирателѣ самимъ процессомъ записыванія.

Свое собраніе мы снабдили примѣчаніями, въ которыхъ сдѣланы указанія на сходство нѣкоторыхъ средне-азиатскихъ сказаній съ европейскими, особенно русско-славянскими сказаніями. Считаю приличнымъ сказать здѣсь нѣсколько общихъ словъ по поводу этихъ примѣчаній.

Сходство въ сказаніяхъ можетъ быть объясняемо тремя путями: единствомъ законовъ человѣческаго мышленія, племеннымъ сродствомъ и заимствованіемъ. Многое, что представляется сходнымъ въ сказаніяхъ азиатскихъ и западныхъ, вѣроятно, придется объяснить заимствованіемъ; тогда является вопросъ: какою путемъ и кѣмъ у кого сдѣлано заимствованіе. — Арійцами ли у не Арійцевъ или на оборотъ?

Распространеніе сказаній заимствованіемъ можетъ совершаться чрезъ: 1) торговля сношенія, посредствомъ каравановъ и т. п., 2) посольства, которыя въ прежнее время въ Азіи, кажется, по преимуществу выполнялись тѣми же купцами, 3) переселенія племенъ, и 4) завоевательныя арміи, которыя въ древнія времена совпадали съ переселяющимися племенами. Изъ этихъ четырехъ способовъ распространенія сказаній — самый существенный, конечно, переселенія племенъ.

Въ частномъ вопросѣ объ отношеніи сѣверо-азиатскихъ и средне-азиатскихъ сказаній къ западнымъ сходство ихъ можетъ быть истолковано: 1) заимствованіемъ европейскими народностями у Монголовъ и другихъ не арійскихъ племенъ (Половцевъ, Печенѣговъ, Аваровъ, Гунновъ), приходившихъ въ южную Россію въ историческое время; 2) заносомъ западныхъ сказаній Монголами и другими завоевательными толпами, послѣ нашествія на Европу возвратившимися въ центральную Азію, а также возвращавшимися въ Азію караванами; 3) принесеніемъ сказаній Арійскимъ племенемъ Европы съ своей отдаленной родины, гдѣ оно могло жить также и въ сосѣдствѣ съ не арійскими племенами, какъ жило и въ южной Россіи; наконецъ, 4) заимствованіемъ у не арійскихъ абorigеновъ Европы, которые жили въ ней до прихода Арійцевъ и могли прійти въ Европу изъ сѣверной Азіи. Изъ этихъ направленій распространенія сказаній наименьшее значеніе

можно приписывать тому, которое шло съ запада на востокъ; народныхъ переселеній въ этомъ направленіи въ историческое время не извѣстно, за исключеніемъ немногихъ случаевъ возвращенія племени, ушедшаго изъ центральной Азіи въ Европу. Торговымъ же и тому подобнымъ единичнымъ сношеніямъ приписывать болѣе важное, чѣмъ переселеніямъ, значеніе нельзя. Въ противоположность слабому воздѣйствію запада на востокъ, воздѣйствіе неарійскихъ племенъ Азіи на Европу посредствомъ переселеній продолжается почти во все историческое время, по крайней мѣрѣ въ восточной Европѣ; къ этому слѣдуетъ присоединить вліяніе Финскихъ племенъ, занимавшихъ европейскую территорію до Арійцевъ, слившихся съ ними и продолжающихъ сливаться. Чтобы отвергать возможность усвоенія сказаній отъ этихъ не Арійцевъ Европейцами необходимо допустить что-нибудь въ родѣ невоспримчивости Арійцевъ къ чуждымъ вліяніямъ вслѣдствіе, наприимѣръ, своей высшей расы или высшей культуры.

Вопросъ о распространеніи сказаній приводитъ къ вопросу о разселеніи племенъ изъ Азіи. Рѣшеніе этого вопроса находится въ рукахъ специалистовъ—антропологовъ и филологовъ; не могъ, однако, и насъ не интересовалъ этотъ предметъ, на сколько въ частности онъ относится къ той странѣ, въ которой намъ пришлось странствовать, и нѣкоторые замѣтки, которыя явились подъ нашею рукою вслѣдствіе наблюденій надъ бытомъ въ средней Азіи, и которыя мы помѣщаемъ ниже, полагаемъ, не будутъ лишними въ качествѣ матеріала для соображеній специалистовъ. Намъ довелось проводить время между Тюркскимъ и Монгольскимъ племенами.

Тюркское племя занимаетъ территорію, которая имѣетъ длины съ в. на з. около 65 градусовъ и ширины около 16-ти; такимъ образомъ уже самое липейное протяженіе этой территоріи отчасти указываетъ на направленіе, въ которомъ племя расселялось. Самое широкое и сплошное залеганіе племени приходится на арало-каспійскую низменность съ ея окрестностями; здѣсь обитаютъ Туркмены, Узбеки, Кара-Киргизы, Киргизы (Казаки) Башкиры и Сибирскіе Татары около городовъ Тюмени и Тобольска. Здѣсь Тюркское племя занимаетъ сплошь все пространство отъ Мерва до Петропавловска. Отъ этой площади на востокъ Тюркское племя идетъ клиньями вдоль трехъ большихъ горныхъ системъ алтайско-саянской, Тянь-шаня и Нань-шаня. Вдоль первой изъ этихъ системъ оно идетъ до Косогола и даже немного восточнѣе. Есть еще и болѣе восточные Тюрки—это Якуты, по они представляютъ отдѣльный далеко на сѣверо-востокъ Сибири заброшенный островъ. Сплошное тюркское населеніе начинается только отъ Косогола; отсюда оно тянется на западъ сначала узкою полосой, залегая сначала только по южную сторону Саяновъ, а потомъ и по обѣ ихъ стороны, а также и вдоль хребта Таннуола, параллельнаго Саянамъ. На сѣверной сторонѣ Саяновъ самый восточный отрывокъ Тюркскаго племени находится въ вершинахъ р. Оки; это сильно обурятавшіеся Сойоты; западнѣе обитаютъ Карагасы, Качинскіе Татары, Койбалы и Кызыльцы. На южной сторонѣ Саяновъ живутъ Урянхайцы или Сойоты; они занимаютъ

пространство между Саянами и Таннуолой; небольшая часть ихъ переходитъ на южную сторону Таннуолы къ ю. отъ устья Теса; отрывокъ Сойотскаго народа живетъ въ вершинахъ р. Кобдо. Сѣверный склонъ русскаго Алтая занятъ Алтайцами и Теленгитами; къ сѣверо-востоку отъ нихъ въ долинахъ Кондомы и Мрассы обитаютъ Черневые Татары, а прямо на сѣверъ—мелкія тюркскія поколѣнія: Телеуты, Томскіе Чулымскіе Татары и Барабинскіе Татары. Въ прошломъ еще столѣтіи эта часть Сибири представляла болѣе сплошное тюркское населеніе; между Алтаемъ и Томскомъ существуютъ инородческія волости Кумышская, Шуйская, Темерчинская, Шагарская и другія; часть ихъ омуслиманилась, другая, болѣе значительная—обрусѣла.

Вдоль Тянь-шаня Тюркское племя сидитъ преимущественно вдоль южной подошвы хребта, только мѣстами переходя на сѣверную его сторону. Отъ восточнаго конца Тянь-шаня тюркскія селенія простираются на юго-востокъ по направленію къ китайской провинціи Гань-су; въ Хами я самъ видѣлъ Тюрка изъ Сучжеу. По китайскимъ свѣденіямъ Тюрки или такъ называемые Саларцы встрѣчаются и въ застѣнномъ Китаѣ, въ провинціяхъ Гань-су и Сы-чуань.

На западѣ Тюркское племя также вдается въ Европу тремя клиньями; сѣверный клинь, начинаясь отъ южнаго Урала отъ границъ Башкиріи, простирается въ губерніи Казанскую, Вятскую, Нижегородскую, Пензенскую и Симбирскую; другой клинь тянется вдоль сѣверной подошвы Кавказа и береговъ Каспійскаго и Чернаго морей (Киргизы Букеевской орды, Ногайцы, Кундровскіе Татары, Горскіе Татары сѣвернаго Кавказа, Крымскіе Татары); наконецъ, третій клинь проходитъ по южной подошвѣ Кавказа (Азербиджанскіе Тюрки).

Мы свои примѣчанія ограничимъ только Тюрками западной Монголіи и южной Сибири.

Тюрки на западной окраинѣ Монголіи разобщены частью пустынями, частью китайскими колоніями, частью кочевьями Монголовъ. Такъ между восточнымъ концомъ Тянь-шаня, который окруженъ селеніями Тюрковъ, и южною границей Урянхайцевъ, лежитъ промежутокъ въ 700 верстъ, занятый Монголами. Но еще недавно, кажется, этотъ промежутокъ былъ менѣе; по всей южной границѣ Урянхайской земли мы встрѣчаемъ поколѣнія или отдѣлы народа, которыя чертами своего быта заставляютъ видѣть въ себѣ омонголившіеся Тюрковъ; такъ живущіе въ долинѣ Шишкита Дархаты, по видимому, не что иное, какъ омонголившіеся Урянхайцы; за такихъ же омонголившіеся Тюрковъ можно принять и населеніе пяти хошуновъ Хото-Гойту, а затѣмъ и небольшой хошунъ Мингатовъ на сѣверномъ берегу р. Кобдо, и наконецъ, народецъ, обитающій въ западной части монгольскаго Алтая, между вершинами рѣкъ Кобдо и Сенкуля и описанный во II выпускѣ „Очерковъ“ подъ названіемъ Урянхайцевъ, говорящихъ монгольскимъ языкомъ. Въ еще болѣе отдаленной древности промежутокъ между Яньшаньскими и Саянскими Тюрками былъ, по видимому, еще меньше. Уйгуровъ, народъ, многими ориенталистами причисляемый къ Тюркскому племени, Рашидъ-Эддинъ помѣщаетъ въ Хан-

гаѣ, что ясно изъ его описанія Уйгурской страны и названія рѣкъ, протекающихъ по ней. Въ средней части монгольскаго Алтая находится халхасскій хошунъ Тачжи-Урянхай; теперь это настоящие Монголы, но имя хошуна вполне совпадаетъ съ именемъ урянхайскаго поколѣнія Тачжи-Урянхай, которое живетъ въ вершинахъ Енисея по Бей-кему и Тентису. Не было ли то тюркское поколѣніе, въ послѣдствіи омонголившееся, но удержавшее свое имя? Этотъ халхасскій хошунъ лежитъ близко къ Тянь-шаню, и его южная граница отстоитъ отъ сѣверной подошвы Тянь-шаня всего на семьдесятъ верстъ. Не далеко отъ западной границы этого хошуна начинаются и земли Урянхайцевъ, говорящихъ по монгольски, такъ что этотъ хошунъ какъ будто еще недавно составлялъ восточную оконечность омонголивагося урянхайскаго населенія, жившаго вдоль гребня монгольскаго Алтая.

Можетъ быть, и Ойраты или Дурбень-Ойраты въ болѣе отдаленныя времена говорили тюркскимъ языкомъ; изъ четырехъ племенъ, причисляемыхъ къ нимъ, иногда упоминаются Кергутъ и Хонтъ; послѣднее, можетъ быть, ничто иное, какъ нѣмѣнское Соитъ, а первое есть или Киргизъ съ другимъ окончаніемъ; Кергуты съ Киргизами сходятся и потому, что Сананъ-Сэценъ разсказываетъ о Кергутахъ то, что другіе источники сообщаютъ о Киргизахъ; оба же эти имени Соитъ и Киргизъ встрѣчаются теперь, какъ имена тюркскихъ поколѣній или народовъ. Замѣчательно, что Алтайцы, народъ Тюркскаго племени, называетъ себя иногда Ойродъ, что едва ли достаточно объясняется тѣмъ, что они нѣкогда находились въ зависимости отъ джунгарскихъ хановъ.

Любопытная черта въ разселеніи Тюркскаго племени въ западной Монголіи заключается еще въ томъ, что въ областяхъ, гдѣ оно, по видимому, уступило монгольскому вліянію и омонголилось; остатки его, удерживающіе еще свой языкъ, сохранились не на равнинахъ, а близъ гребня хребта. Такіе островные отрывки Урянхайскаго народа, говорящіе тюркскимъ языкомъ и пріютившіеся у самаго гребня горъ, представляютъ собою Соиты, живущіе въ вершинахъ р. Оки въ Иркутской губерніи, и Союны (или Кочулутуны) въ вершинахъ р. Кобдо. Ту же привязанность къ лѣснымъ вершинамъ хребта выказываютъ и алтайскіе Урянхайцы, говорящіе монгольскимъ языкомъ; и отъ нихъ сохранился отрывокъ въ вершинахъ Сѣнгуля, окруженный со всѣхъ сторонъ другимъ племенемъ, Торгоутами.

Въ противоположность Тюркскому, Монгольское племя занимаетъ въ сѣверо-западной Монголіи мѣста болѣе низкія, какъ будто оно вторгалось въ тюркское море вдоль степныхъ долинъ, оттѣсняя Тюрковъ къ горамъ. Такъ въ киргизъ-норской низменности мы находимъ степную долину Дзаб-хына занятаю Халхасцами хошуна Сартоль; окружающія же низменности горы, приобидинскій Алтай, хребетъ Ханъ-Хухей, высокія окрестности Сангинъ Далаа, заняты Дюрбютами, Бантами, Хотогойтцами и Урянхайцами, говорящими по монгольски; такимъ образомъ съ трехъ сторонъ—съ востока, сѣвера и запада, киргизъ-норская низменность обрѣжена племенами, въ

которыхъ можетъ быть предполагается болѣе или менѣе густая тюркская кровь; на югъ же отъ этой страны вершины Алтая заняты сомнительнымъ халхасскимъ хошунѣмъ Тачжи-Урянхай. Если мы отъ горъ, окружающихъ киргизъ-норскую равнину, будемъ подниматься еще выше, къ лѣснымъ склонамъ бѣлковъ, то мы будемъ находить Урянхайцевъ, говорящихъ еще по тюркски.

Точно также и въ Восточной Сибири Бурятское племя распространялось вдоль степныхъ долинъ Селенги и Ангары, оттѣсняя Тюркское племя (Соитовъ и Карагасовъ) на югъ въ Саяны; вѣроятно, и Тункинская долина была занята бурятскимъ нашествіемъ съ сѣвера, отъ Ангары, а не съ юга, изъ Дархатской земли. Спускаясь вдоль Ангары, Бурятскій народъ еще на памяти сибирскихъ историческихъ авторовъ доходилъ до Красноярска.

Двигаясь вдоль южной подошвы монгольскаго Алтая, Монгольское племя дошло до рѣки Урунгу; отсюда оно разселилось по степнымъ долинамъ до озера Балхаша и еще западнѣе до рѣки Таласа. На сѣверѣ оно вошло въ степную долину Чернаго Иртыша и по ней достигло до озера Зайсана; ниже этого озера степная долина Иртыша прерывается щекани; но невысокій Калбинскій хребетъ, замыкающій долину, не служитъ препятствіемъ разселенію, и Монгольское племя разливается вдоль степной долины низвиго Иртыша; въ XVII столѣтіи Монголы занимаютъ иртышскія степи до озера Ямышъ и ниже. Такимъ родомъ въ теченіе XVII и начала XVIII в. иртышскіе Монголы отдѣляютъ Тюрковъ Алтая, то-есть Алтайцевъ и Теленгитовъ, отъ Тюрковъ арало-каспійской низменности, то-есть, отъ Киргизовъ (Казакъ). Подъ Урянхайцами, которые подъ предводительствомъ Зайсана Кабая являлись въ прошломъ столѣтіи ежегодно къ Устькаменогорску, спускаясь въ своихъ лѣтовъ въ вершинахъ Бухтармы, какъ о томъ сообщаютъ историческіе акты того вѣка (см. ст. „О караванной торговлѣ съ джунгарск. Бухаріей“ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск., стр. 101), слѣдуетъ разумѣть нынѣшнихъ приобидинскихъ Урянхайцевъ, говорящихъ монгольскимъ языкомъ. Вѣроятно, до прихода Монголовъ нынѣшняя Семипалатинская область, Джунгарія прошлаго столѣтія, была занята Тюркскимъ племенемъ, но какими поколѣніями его и куда эти поколѣнія были оттѣснены, это должны открыть послѣдующія изслѣдованія. Тутъ, конечно, напрашивается предположеніе: не занимали ли эти мѣста нынѣшніе Киргизы (Казань)? Но нѣкоторые обстоятельства хѣшаютъ согласиться съ такимъ предположеніемъ.

Еслибы Киргизы дѣйствительно занимали нѣкогда страну между Алтаемъ и Тянь-шанемъ, то они должны бы имѣть много общаго въ языкѣ и бытѣ, съ одной стороны, съ Алтайцами, съ другой, съ самими Монголами. Между тѣмъ это не такъ. Г. Радловъ, лингвистъ, дѣлаетъ двѣ отдѣльныя группы: группу восточныхъ и группу западныхъ Тюрковъ, изъ которыхъ къ первымъ онъ причисляетъ Соитовъ, Качинцевъ, Алтайцевъ и Барабинскихъ Татаръ, словомъ, всѣхъ Тюрковъ отъ Косогола до Барабы, ко вторымъ—Кара-Киргизовъ, Киргизовъ, Башкиръ, Сѣверно-Сибирскихъ и Казанскихъ Татаръ; если онъ правъ, то по языку Киргизы должны значительно отличаться

отъ Алтайцевъ, къ которымъ они теперь почти окончательно применили свои кочевьями; ихъ языкъ ближе къ языку Кара-Киргизовъ Тянь-шаня, чѣмъ къ языкамъ Алтая. Обращаясь къ чертамъ быта, находимъ факты, стоящіе въ согласіи съ показаніями лингвистики. Въ то время, какъ племена, населяющія Саяны и Алтай, имѣютъ въ одеждѣ, пищѣ, обычаяхъ и вообще въ образѣ жизни много общаго съ Монголами, съ которыми они давно живутъ рядомъ, у Киргизъ не замѣтно слѣдовъ подобнаго сосѣдства съ Монголами, или, предполагая, что западная Монголія была занята Тюрками, то съ этими домонгольскими Тюрками, бытъ которыхъ, вѣроятно, былъ тотъ же, что у нынѣшнихъ обитателей этой страны. Напротивъ, у Киргизъ замѣчаемъ много чертъ, усвоенныхъ какъ бы въ средѣ, чуждой монгольскимъ обычаямъ. Отмѣтимъ слѣдующія особенности киргизскаго быта сравнительно съ другими племенами:

1) Монголы и Тюркскія племена въ Алтаѣ и Саянахъ варятъ мясо не подолгу, не болѣе получаса времени, такъ что наваръ бываетъ невкусный, пропадаетъ даромъ и выплескивается; мясо, приготовленное Монголами, бываетъ полусырое; этимъ Монголы приближаются къ сибирскимъ сыромяцамъ. Киргизы, напротивъ, варятъ мясо часа два и болѣе, получается вкусный наваръ, который распивается изъ небольшихъ чашекъ въ заключеніе обѣда.

2) Монголы почти не употребляютъ соли; наваръ съ мясомъ совсѣмъ или почти не солятъ; гуджиръ (солонецъ) кладутъ только въ чай. И эта черта сближаетъ Монголовъ съ инородцами Сибири, почти не употребляющими соли; Остяки рыбу употребляютъ въ пищу безъ соли, а соленой рыбы вовсе не ѣдятъ. О томъ, что Зыряне прежде не знали соли, см. Клавд. Попова, „Зыряне“ въ Изв. Им. Общ. любит. естествозн., антроп. и этногр., т. XIII, в. 2, стр. 14. О неупотребленіи соли Шогулами см. у Палласа, Путеш., кн. I, ч. 2, стр. 328, и Лепехина, Дневн. Зап., О Финнахъ и Финнск. племенахъ вообще см. Hehn, Das Salz, Berl., 1873, s. 16. О Якутахъ см. Н. Попова, В. Н. Татищевъ, стр. 712. О Тунгусахъ у Георги, Опис. народ., стр. 47; о Самоѣдахъ у него же, стр. 8.

Киргизы, напротивъ, мясной наваръ солятъ даже больше, чѣмъ это дѣлаемъ мы, Европейцы, и куски варенаго мяса передъ отправленіемъ въ ротъ макаютъ въ густой растворъ соли. Впрочемъ и между степными номадами встрѣчаются не употребляющіе соли; Генъ въ вышеприведенной книжкѣ своей говоритъ, что путешественникъ по Аравіи Вреде утверждаетъ, будто есть кланъ бедуиновъ, который ѣстъ мясо безъ соли и употребленіе соли находитъ страннымъ обыкновеніемъ.

3) Монголамъ не извѣстно мытье бѣлья; разъ сдѣлавъ платье, Монголы носятъ его до износу. Монголы не дѣлаютъ мыла и не употребляютъ его. Слой грязи, накопившійся отъ времени на лицѣ и рукахъ, не смывается руками, а самъ собою сваливается съ отшелушивающеюся эпидермой, образуя по темному фону лица свѣтлыя пѣжинки. Киргизы въ этомъ отношеніи счастливо отличаются отъ Монголовъ; Киргизки моютъ бѣлье и даже сами умѣютъ варить мыло и готовить поташъ. Самый костюмъ Кир-

гизки отличается отъ монгольскаго тѣмъ, что разчитанъ на опрятность. Монголка носитъ на своей головѣ упизанную кораллами шапочку, приклеенную къ волосамъ пшбынымъ клеемъ и рѣдко снимаемую съ головы. У Киргизки на голову наматанъ кусокъ бѣлаго миткала или бязи, который былъ бы не излишенъ, еслибы не былъ часто мытъ.

4) Киргизки знакомы съ искусствомъ тканья; онѣ ткнутъ изъ верблюжьей шерсти родъ камлота, изъ котораго шьется верхняя одежда; имъ извѣстны многія мѣстныя красильныя растенія. Монголкамъ ткацкій станокъ не извѣстенъ; шерстяныя нитки онѣ рѣдко прядутъ, большею частью сучать, потому длинныя нитки у нихъ рѣдко встрѣчаются, большею же частью ихъ нитки короткія, немного болѣе фута; красящія растенія имъ неизвѣстны.

5) Монголы не коптятъ мяса. Киргизы въ зимнее время коптятъ его въ видѣ тушекъ, окороковъ и колбасъ.

Продолжая сравнивать киргизскій бытъ съ монгольскимъ, мы замѣчаемъ однако, что Монголы, представляя расу, какъ будто менѣе Киргизъ тропутую культурой, въ другихъ сторонахъ быта оказываются далеко выше Киргизъ. Перекочевки Монголовъ съ мѣста на мѣсто меньше; такъ называемыя кочевыя орбиты у Монголовъ большею частью въ 10 верстъ и рѣдко болѣе, тогда какъ у Киргизовъ они достигаютъ длины въ 200 верстъ. Юрта ставится Монголомъ прочнѣе; полъ иногда устилается досками, или вымощивается камнями; въ юртѣ встрѣчается мебель: деревянная кровать, деревянная этажерка для мелкой посуды и станокъ для бурдюковъ съ кислымъ молокомъ и масломъ; у Киргизъ самыя богатые люди кроватей не имѣютъ, спятъ на войлокахъ, посланныхъ на землѣ; мелкая посуда свалена просто на полу, а большіе бурдюки за горловину привязаны къ юрточной рѣшеткѣ. У Монгола домашній скрабъ уложенъ въ деревянные ящики, у Киргиза ящики рѣдкіе, чаще имущество хранится въ переметныхъ сумахъ. Посуда у Монгола въ преимущественно деревянная, у Киргизъ кожаная; вообще мелкихъ фабрикатовъ въ монгольской юртѣ больше; здѣсь даже встрѣчаешь шпиль для углей и утюги, чего у Киргиза и въ поминѣ нѣтъ. Кромѣ того, предметовъ духовной культуры, какъ напримѣръ книгъ, у Монголовъ несравненно болѣе, чѣмъ въ рукахъ Киргизъ; а сколько еще они затрачиваютъ на истукановъ и живописныя изображенія своихъ божествъ. Вглядываясь въ характеръ тѣхъ чертъ культуры, которыми отличаются эти два народа, можно придти къ такому заключенію, что все, чѣмъ богаче жизнь Монгола, принесено ему торговыми и религіозными сношеніями съ болѣе культурными расами, живущими на отдаленномъ югѣ, то-есть, изъ Китая и Тибета; Китайцы пріучили Монгола къ потребленію чая, къ потребленію китайскихъ тканей и множества другихъ фабрикатовъ; Тибетъ содѣйствовалъ развитію грамотности и любви къ книгѣ. Но въ то же время слѣды стараго быта, сыродство, нечистоплотность и пр. какъ будто свидѣлствуютъ, что Монголы никогда не жили совместно съ націями старой культуры, въ родѣ Китайцевъ или

Туркестанцевъ. Напротивъ, отсутствіе фабрикатовъ у Киргизъ говоритъ только за слабость торговыхъ сношеній, между тѣмъ существованіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ производствъ какъ будто показываетъ, что Киргизы жили гдѣ-то среди культурной расы, гдѣ усвоили нѣкоторыя привычки и производства, удаляющія ихъ значительно отъ дикарей; такимъ мѣстомъ ихъ прежняго жительства могъ быть Туркестанъ. Будучи далеко ниже Монголовъ въ отношеніи духовной культуры, во внѣшней Киргизы представляютъ нѣкоторый прогрессъ. Еслибы Киргизы пришли съ востока, отъ Алтая, то они не представляли бы такихъ рѣзкихъ различій съ Алтайцами; между ними было бы тоже отношеніе, какъ и между другими частями группы восточныхъ Тюрковъ; если сравнить Барабинскаго Татарина съ Косогольскимъ Урянхайцемъ, конечно будетъ найдена значительная разница, но если путешествовать отъ Косогола къ Барабѣ, то между крайними представителями этой группы окажется множество переходныхъ степеней, которыя ихъ свяжутъ; то же слѣдовало бы ожидать и относительно сосѣдствующихъ теперь Алтайцевъ и Киргизъ; разница могла бы быть, но до извѣстной степени; между тѣмъ на дѣлѣ вовсе не такъ, и быть Алтайцевъ представляетъ болѣе сходства съ иноязычными Монголами, чѣмъ съ Киргизами, которые въ вершинахъ Бухтармы живутъ теперь съ Алтайцами смежно. Очевидно Киргизы и жили сначала гдѣ-то очень далеко отъ Алтайцевъ.

Преданія Киргизъ отчасти указываютъ на Туркестанъ. Поколѣнія Кувандыкъ и Сююндукъ прямо говорятъ о приходѣ своемъ изъ Западнаго Туркестана; эти два племени встрѣчаются въ двухъ мѣстахъ, въ Баянаульскомъ и Атбасарскомъ округахъ; у Баянаульскихъ Кувандыковъ и Сююндуковъ мы сами записали это преданіе; г. Балкашинъ передавалъ намъ, что онъ слышалъ его отъ Атбасарскихъ. Въ Зайсанской долині народныя преданія Киргизъ говорятъ о переселеніи съ запада, что согласно и съ историческими извѣстіями, по которымъ можно прослѣдить постепенное передвиженіе восточной границы Киргизскаго народа на востокъ. На правый берегъ Иртыша Киргизы переселились только въ половинѣ прошлаго столѣтія; около Петропавловска и Омска они также явились только въ позднѣйшее время; на западѣ, около Оренбурга, точно также движеніе замѣчается отъ центра киргизской территоріи. Такимъ образомъ по всей сѣверной границѣ киргизскаго народа извѣстія о разселеніи не противорѣчатъ преданію о приходѣ племени съ юга. Есть одно любопытное извѣстіе о жителяхъ владѣнія Шягрисябъ, будто бы они считаютъ себя Киргизами Урта-Юза, то-есть, средней Орды (Матер. для статист. Туркест. края, в. II, изд. Маева, стр. 85).

Приведемъ еще одно обстоятельство, говорящее въ пользу южной родины Киргизскаго народа. У Киргизъ существуютъ преданія о предкахъ скота, о Зенгъ-бабѣ, предкѣ коровъ, Чанавъ-атѣ, предкѣ овецъ и др. Эти имена локализовались въ Туркестанѣ около Самарканда и въ Туркменской землѣ; это говоритъ за то, что киргизскія преданія жили и въ Туркестанѣ, между тѣмъ у Саянскихъ Тюрковъ подобныхъ именъ, а также и связанныхъ съ ними легендъ, пока не замѣчено.

Эти данныя не позволяютъ видѣть въ Киргизахъ потомковъ того народа, который занималъ Джунгарію до прихода Монголовъ. Ихъ слѣдуетъ искать между племенами, стоящими впереди киргизскаго фронта, то-есть, или между сибирскими племенами или племенами восточной Россіи.

Если относительно западной Монголіи очень вѣроятно направленіе разселенія Монголовъ съ востока на западъ, то для болѣе восточныхъ частей той же страны трудно сказать, откуда онѣ были заселены Монгольскимъ племенемъ, иными словами, гдѣ находилась первоначальная родина Монголовъ, на сѣверѣ, востокѣ или югѣ. Оріенталисты различно рѣшали этотъ вопросъ; Шмидтъ искалъ ее на югѣ около оз. Хуху-нора на основаніи только того, что въ какомъ то урочищѣ близъ этого озера узнавать имя легендарной родины Монголовъ Ергене-хонъ; Банзаровъ находилъ родину Монголовъ около Муни-олы. В. П. Васильевъ считаетъ родиной Монголовъ рѣку Амуръ, слѣдовательно, вопреки двумъ предыдущимъ ученымъ, ведетъ ихъ не съ юга, а сѣверо-востока. Рихтѣфенъ также указываетъ на сѣверъ, какъ на родину Монголовъ. Съ точки зрѣнія чертъ внѣшняго быта, единственно доступной для нашихъ наблюденій области, мы не смѣемъ съ рѣшительностью высказаться ни за ту, ни за другую гипотезу. Если сравненіе быта Монголовъ и Киргизъ ведетъ, съ одной стороны, къ заключенію о приходѣ Киргизъ съ юга, то съ другой—оно же благоприятно относится къ предположенію, что Монголы пришли съ сѣвера. Въ пользу такого предположенія говорятъ ихъ сыродство, неупотребленіе соли, неряшливость. Можетъ быть, и обычай выбрасыванія тѣлъ мертвыхъ не обусловленъ введеніемъ буддизма, а есть обычай, общій у Монголовъ съ дикарями Сибири, у которыхъ онъ также существуетъ. Замѣчательно также сходство Монголовъ съ сибирскими дикарями и въ ихъ мирномъ характерѣ, который также скорѣе можетъ быть отнесенъ къ расѣ, чѣмъ къ вліянію религіи.

Иногда полезныхъ указаній на исторію разселенія племени ищутъ въ географической терминологіи племени, но монгольская терминологія едва ли можетъ здѣсь оказать большую услугу. Монголы зовутъ западъ „правую“ стороной, востокъ „лѣвою“; это какъ будто говоритъ за то, что народъ шелъ съ сѣвера, имѣя западъ вправо, востокъ влѣво; но названіе юга „прежней“ стороной и сѣвера „будущей“ противорѣчитъ предыдущему. Подобныя выраженія, какъ и выраженія „передняя сторона“ горы вмѣсто южная и „задняя“ вмѣсто сѣвера, а также обычай ставить юрту лицомъ на югъ покоится можетъ быть не на традиціяхъ о направленіи разселенія, а на почитаніи солнца и другихъ свѣтилъ.

Важную пользу для рѣшенія вопроса о родинѣ Монголовъ можетъ доставить сличеніе повѣрій, сказаній и обрядовъ съ одной стороны у Монголовъ съ сибирскими инородцами, съ другой у Монголовъ съ дикарями сѣвернаго Тибета.

Прошу читателя принять въ свѣдѣнію, что тамъ, гдѣ указана страница безъ указанія книги, это значитъ, что ссылка относится къ настоящему IV выпуску моихъ „Очерковъ“.

Къ главѣ I-й.

1) Къ стр. 2. Имя Ойродъ намъ выдали за имя кости; у другихъ авторовъ оно является съ болѣе широкимъ смысломъ. Такъ г. Ядринцевъ въ ст. „Объ Алтайцахъ и Черневыхъ Татаряхъ“ (въ Изв. И. Р. Геогр. Общ., 1881, т. XVII; в. 4, с. 230), передавая подраздѣленіе алтайскихъ инородцевъ на 6 отдѣловъ, пятому отдѣлу даетъ имя: „Алтайцы-Ойроты или Алтайцы-Калмыки“ здѣсь Ойротъ является именемъ цѣлаго народа, а не кости. Въ другомъ же мѣстѣ (стр. 232) тотъ же авторъ говоритъ, что Черневые Татары помнятъ, что когда-то они платили подать Ойротамъ, которые жили на р. Имень (Емилъ?). Это очевидно память объ историческихъ Ойротахъ, то-есть, Дюрботахъ или Ойротахъ Монгольскаго племени.

2) Къ стр. 2. Названіе поколѣнія Юлюбъ ср. съ монгольскимъ названіемъ летяги, ольби, которое иногда произносится улюбъ-хула-гуна. См. Оч. II, 140.

3) Къ стр. 2. Торо ср. съ Джоро, первоначальнымъ именемъ Гесеръ-хана, героя одного монгольскаго сказанія. Замѣна т и дж обыкновенна въ тюркскихъ нарѣчіяхъ Алтая.

4) Къ стр. 2. Имя Найманъ Д. Банзаровъ производилъ отъ монгольскаго найманъ „восемь“ (Библиот. вост. истор., издаваем. Березиннымъ, Казань. 1854, т. II, стр. 27 татарскими цифрами). На языкѣ Косогольскихъ Урянхайцевъ маймай, „сѣверный олень“. У Алтайцевъ это слово неизвѣстно, но у нихъ есть имя созвѣздія Оріона Коголь-Найманъ, между тѣмъ въ другихъ вариантахъ имени этого созвѣздія часто во второмъ членѣ содержится сходное значеніе: моралуха или сѣверный олень. См. стр. 137 и въ соответствующемъ мѣстѣ примѣчанія къ ней.

5) Къ стр. 3. Подобно Мундусу отъ проглоченной градины родится Тапин-хай, основатель могущественнаго племени Сяньби (Банзаровъ въ Учен. Зап. Казанск. унив., 1846, III, 65). Ср. также съ исторіей рожденія Катигорошка въ русскихъ сказкахъ (Афанас., Р. Н. Ск., в. 3, № 2). Мундусъ ср. съ монгольск. мундуръ, „градъ“; замѣна на концѣ с и р въ языкахъ монголо-тюркской группы иногда встрѣчается.

6) Къ стр. 4. Коткоръ-мундусъ первымъ членомъ напоминаетъ сказочное имя Хотгоръ-мангысъ (см. стр. 385); это хотгоръ вѣроятно то же, что монгольское чигкуръ или зэгхэръ, „злой духъ“. Чулумъ ср. съ монгольскимъ шулумъ (стр. 348), то же, что шулумъ (см. также ниже примѣч. къ ст. 138 о радугѣ). Слова чигкуръ и шулумъ имѣютъ одинаковое значеніе. Въ числѣ бурятскихъ огновъ есть Хитыгыръ-заринъ (стр. 104).

7) Къ стр. 6. Преданіе о гнилыхъ ногахъ Иркытовъ напоминаетъ книжное о Хонкиратахъ, у которыхъ будто бы отъ обжога во время исхода изъ долины Ергене-хонъ была наследственная боль въ ногахъ (Зап. Имп. Археолог. Общ., т. XIV, стр. 137). О хромотѣ и поломанныхъ плечахъ въ арій-

скихъ мифахъ говорить Маггардтъ, Germ. Myth., 77, 163, 656, 708. Алтайское повѣрье хромоту приписываетъ Ерлику; во время священныхъ плясокъ при буддійскихъ монастыряхъ, по увѣренію Монголовъ, хуваракъ, изображающій Цаганъ-эбугена, долженъ прихрамывать. Человѣкъ, призваніе котораго стать шаманомъ, по алтайскому повѣрью узнаетъ о томъ по тому, что духи во время камланья открываютъ въ немъ поломанную кость (Изв. Имп. Р. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, с. 248).

8) Къ стр. 7. Сойонъ у Алтайцевъ является именемъ поколѣнія; но тѣмъ же именемъ они называютъ вообще всѣхъ жителей въ вершинахъ рѣкъ Кемчика и Кобдо. Слово Сойонъ, которымъ русскіе жители Минусинскаго округа обозначаютъ вообще Урянхайцевъ, признается за ту же форму съ другимъ окончаніемъ (множ. числа); близкую къ этой послѣдней форму Сойонъ мы встрѣтили къ в. отъ оз. Убса (Оч., II, 8). Въ числѣ четырехъ Ойратскихъ племенъ иногда упоминается Хоить, что отличается только заименомъ начальными с и х. Часть Сойотовъ, живущая въ вершинахъ р. Оки, сама себя называетъ Сайдутъ или Хайдутъ (Radde, Berichte üb. Reisen im Süden v. O.-Sibir., в. Bär und Helmersen's Beiträge, XXIII, p. 48). Ср. это имя съ вторымъ членомъ названія Хотогойту или Хотогойту, какъ себя зовутъ жители пяти хануновъ около оз. Сангинъ-Далай. Миссіонеръ о. Вербицкій приводитъ алтайское сказочное выраженіе сайдут или сайты, которое онъ переводитъ русскимъ „царедворцы“ (Томск. губ. вѣд., 1882, № 33, стр. 532) Можетъ быть, и урянхайскій Хойтъ-омбо не есть „сѣверный омбо“, какъ было истолковано мною въ Очерк. II, 35, а хонтскій омбо. У Якутовъ по Татищеву было поколѣніе Гонъ-Саюнъ (Н. Поповъ, В. Н. Татищевъ“ стр. 710).

9) Къ стр. 8. Присказка о Каралыратахъ даетъ имъ почти тѣхъ же родителей, какихъ одинъ гимнъ, приведенный Банзаровымъ (Учен. Зап. Каз. универс., 1846, III, 89) даетъ отцу, называя отцомъ его сталь, матерью кремь, а предками ильмовыя деревья. Не намекъ ли это на бывшую связь въ представленіяхъ о грозовомъ явленіи, открытіи огня и первомъ человѣкѣ? и въ силу этого нельзя ли присказку объ Иркытахъ (стр. 7): „отецъ ихъ рай, мать береза“ объяснять такимъ образомъ: для добыванія деревяннаго огня вертикальный стержень дѣлали изъ очень крѣпкаго ргаеваго дерева (Cotoneaster), а доску изъ березы? Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что на мои неоднократные спросы о добываніи огня изъ дерева Монголы отзывались повсемѣстно, что они такого обыкновенія не имѣютъ.

10) Къ стр. 9. Родъ Теленгитъ есть у Волжскихъ Калмыковъ. (Небольсинъ, Очерки быта хошуутск. улуса, стр. 17). Другихъ случаевъ упоминанія этого имени гдѣ-нибудь въ Алтай намъ не извѣстно. за исключеніемъ племени Дуланге, упоминаемомъ китайскими писателями (О. Иакинѣа, Собраніе свѣд. о народ. средн. Азии, ч. I, стр. 436) и племени Теленгутъ у Рашидъ-Эддина (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 89), подъ которыми, можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть предковъ нынѣшнихъ Теленгитовъ. У Киргизъ есть родъ Тлеу; ср. съ именемъ народа Телеутъ, которое обра-

зовалось изъ Теленгитъ. Имя Телегей вр. съ тюркскими наименованіями лисицы: тюзке, дульхо и пр.

11) Къ стр. 9. Выраженіе о многочисленности Теленгитовъ напоминаетъ такое же торгоутское о Халхасцахъ:

шаргын мориан носун ихъ бы
халга монгол ийн бы

то-есть: какъ много волось на буланой лошади, такъ много Халха-монголовъ. Едва ли впрочемъ эти выраженія всегда говорились по поводу многочисленности племени. Въ устныхъ памятникахъ встрѣчается указаніе на многочисленность звѣздъ или стрѣлъ громовника. У Урянхайцевъ слово кайраканъ, подъ которымъ разумѣется обыкновенно виновникъ грозового явленія, употребляется во множественномъ числѣ: „небесные кайраканы“ (стр. 139); по бурятскому повѣрью лу многочисленны (стр. 141); у камчадаловъ камулы также многочисленны. Монголы слово тэнгри, небо, употребляютъ иногда во множеств. числѣ. Подобныя же представленія были, кажется, у Семитовъ и Арійцевъ; см. Chwolson, Die Ssabier und d. Ssabismus, II, 675. См. также ниже примѣч. 43 къ II гл.

12) Къ стр. 9. Почитаніе Кара-тоелесами своимъ предкомъ медвѣдя, можетъ быть, имѣетъ себѣ параллельный случай въ преданіи Якутовъ, что ихъ предокъ былъ нѣкто Омаганъ, жившій въ вершинахъ Лепы (Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., кн. VIII, смѣсь, стр. 89); имя Омогай очень близко къ тунгусскому *amici*, „медвѣдь“.

13) Къ стр. 10. Имя Урянхай самими Урянхайцами произносится уранга, очень близко къ бурятскому аравга, помясть на четырехъ столбахъ; такой помясть по якутски называется арангастъ; тѣмъ же именемъ Арангастъ Якуты называютъ созвѣздіе Большую Медвѣдицу. На сѣверѣ Сибири созвѣздія очень часто носятъ имена звѣрей; нельзя ли поэтому и якутское имя Большой Медвѣдицы сблизать съ якутскимъ именемъ бѣлаго медвѣдя *urung-esse* (Pall. Zoogr. I, 69) или урунг-äcä (öröng-äcä, Böhlingk, Jakut. Wörter., 19)? Обыкновенный медвѣдь по якутски называется äcä, то-есть, „дѣдь“, следовательно специальное имя полярнаго медвѣдя будетъ урунг (öröng); это слово значить по якутски „бѣлый“, но едва ли это эпитетъ, данный звѣрю по цвѣту шерсти. Есть звѣриныя сходныя имена: оронго, миенчскій однорогій звѣрь у Монголовъ (см. Оч., II, стр. 161); оронъ, „олень“ у Тунгусовъ (Castren, Tungus. Sprachlehre, 76); имя оронго придается въ южной Монголіи особому, живущему, тамъ виду антилопы, открытому Н. М. Пржевальскимъ. Мѣсяцъ часто въ мифахъ представляется въ видѣ рогатаго животного. Монгольское чаганъ, также какъ и якутское урунг (öröng) имѣетъ двойной смыслъ: „бѣлый“ и „самая сѣверная олень“, а у Черневыхъ Татаръ чаганъ—значить „звѣзда“.

Названіе Урянхай у Рашидъ-аддина является съ окончаніемъ итъ: Урянхитъ; въ Юаньчаомини: Урянханъ; у нынѣшнихъ волжскихъ Калмыковъ есть родъ Урянхусъ. Это имя, конечно, одного происхожденія съ именемъ Урянхай; за это говоритъ калмыцкое преданіе, разказывающее, будто въ

древности, когда Калмыки кочевали еще за Алтаемъ, Урянхусы занимались звѣроловствомъ и платили подать звѣринными шкурами (Небольсинъ, Опис. быта Калмыковъ Хошоутовск. улуса, Сиб., 1852, стр. 18); то же самое разказываютъ о себѣ Урянхайцы (стр. 208). Ср. также у Палладія въ ст. „Слѣды христіанства въ Китаѣ“ (Восточн. Сборн., т. I, в. 1, стр. 49), гдѣ тѣ же обязанности приписываются императорской гвардіи, составленной изъ Озосы, т. е. изъ „Русскихъ“ (сл. съ сказкой о русскомъ изгнанникѣ, стр. 497). Имя Урянхусъ близко къ якутскимъ урунгасъ и Арангастъ; переданное сейчасъ преданіе указываетъ, что подъ урянхусами разумѣлся звѣроловный народъ. Такое же представленіе связываютъ съ именемъ Урянхъ Буряты и Солоны. Аларскіе Буряты о своемъ сородичѣ, занимающемся звѣроловствомъ и живущемъ грязно, говорятъ: урянхъ хамногонъ, то-есть, „грязный Тунгусъ“; по ихъ представленіямъ Урянхъ—народъ, живущій отъ нихъ на сѣверѣ, а не на югѣ. Солоны называютъ именемъ уранга племя Орчинъ (Орочонъ?) (стр. 22). У Якутовъ по Порядину урянхай „качество дурнаго человека, влаго духа“ (Якутск. слов. рукоп.). Этимологія слова Урянхай, какъ ее сочиняютъ сами Монголы, или, по крайней мѣрѣ, Дюрбюты, такого рода: Эдженъ ханъ, то-есть, Китайскій императоръ, изгналъ это племя изъ своихъ владѣній; вотъ почему оно называется урунгъ-кай; послѣдній членъ кай будто бы значить „бросовое“, выброшенная мерзость. Въ другомъ сказаніи (стр. 497) изгнаніе связывается съ именемъ Русскій, то-есть, вѣрнѣе съ архангелскою формой Орусъ. По заявленію г. Пржевальскаго на одномъ изъ его чтеній Цайдамскіе Монголы называютъ тибетскихъ дикарей аравгынами. По видимому, имя Урянхай означаетъ человека низшей культуры, звѣроловнаго быта, варвара и можетъ быть аборигена. Мысль объ отчужденіи отъ человеческой среды, соединяемая съ словомъ уранга, напоминаетъ намъ слово *waig*, сблизяемое нѣкоторыми учеными съ варягъ, *waigang* (Исторія Россіи, Соловьева, I, 347); слову *waig* придавалось значеніе негоднаго, изгнаннаго изъ общества; въ древней Германіи приговоренный за ограбленіе покойниковъ и преступленіе въ священныхъ мѣстахъ къ изгнанію въ лѣсъ назывался варгомъ. Въ смыслѣ врага, убійцы, вора это слово перешло отъ Готтовъ къ Пруссамъ, Литовцамъ, Финнамъ и Славянамъ. На скандинавскомъ сѣверѣ *waigr i wein* буквально „воле въ сятинѣ“, назывался человекъ, совершившій святотатство и изгнанный (см. примѣч. Куннеа къ соч. Дорна „Каспій“, стр. 401 и 406). Впрочемъ Куннеа возстаетъ противъ сблизенія *waig* и *waigang*. Оба слова, европейское *waig* и азиатское уранга, вѣроятно скрываютъ въ себѣ наемъ на одинокаго человѣкоподобнаго скитальца лѣсовъ, отчужденнаго отъ человѣческаго общества. Ср. съ остяцкимъ *jurex*, волкъ (Castren, Ostjak. Sprachlehre, 85), самоѣдскимъ уѣркъ, медвѣдь (Поляковъ, рукоп. общ.). Въ Норвегій, Швеціи, Финляндіи и Эстляндіи *waig*, „волкъ“ („Каспій“, стр. 405). Волжскіе Калмыки, впрочемъ, съ именемъ Урянхусъ соединяютъ понятіе объ отличномъ, избранномъ народѣ (Небольсинъ, Опис. Хошоут. улуса, стр. 18). Не было ли имя Урянхай, Уранга, Урянхъ именемъ медвѣдя, съ котораго оно могло быть перенесеннымъ на дикарей-аборигеновъ,

не сливавшихся въ мирное пастушеское общество, а продолжавших вести уединенную и разбойничью жизнь въ родѣ одинокаго скитальца царя лѣсовъ? Монголы до сихъ поръ, какъ мы видѣли, не соединяютъ съ нимъ опредѣленнаго этнографическаго понятія, а придаютъ его то Тюркамъ, то Тунгусамъ, то Тибетцамъ; можетъ быть, этимъ же именемъ они называли и финское племя, если только оно въ отдаленныя времена обитало въ Монголіи. Имя Урянхай и теперь иногда прилагается къ нѣкоторымъ частямъ Монгольскаго племени, живущимъ въ центральной Монголіи; такъ напр. есть хошунъ Таджи Урянхай (Очерки, II, 20); г. Ровинскій нашелъ имя Урянхай, прилагаемое къ чистымъ Монголамъ, въ восточной Монголіи на пути изъ Нерчинска въ Пекинъ. Финны въ свою очередь употребляли, по видимому, это же имя для племенъ имъ враждебныхъ; такъ Остяки зовутъ Самоѣдовъ Ярунхо, именемъ, очень близкимъ къ Уранга; Пермьки и Зыряне зовутъ ихъ Ярангъ, Вогуличи Юрронкумъ (Зап. Им. Русск. Геогр. Общ. VII, 42).

14) Къ стр. 10. Огурта, огурда, гурта, по видимому, состоитъ изъ двухъ членовъ: огур или гур и та или да; членъ да встрѣчается и отдѣльно; такъ старшины у Мингатовъ на р. Кобдо и у Олютовъ, которыхъ зовутъ Урянхайцами, называются просто да; этотъ же членъ слышенъ въ титулѣ правителя косокольскихъ Урянхайцевъ: да-нонпъ; у восточныхъ Урянхайцевъ, именно у бейкемскихъ Крыжинъ встрѣтилъ названіе даинъ-нонпъ. Мингатскіе старшины вмѣсто да иногда называются ухурда. Около Косогола намъ довелось слышать выраженіе ухуртенъ уранга, „огуртинскіе Урянхайцы“ т. е. Урянхайцы, подчиненные огурта. По видимому, это выраженіе относилось къ Урянхайцамъ, живущимъ въ долинахъ Бейкема и Хуахема: Урянхайцы въ долинѣ Хуахъ носятъ также специальное имя Ухуртенъ-уранга; но замѣчательно, что и рѣка, въ долинѣ которой они живутъ, называется Ухуртенъ-голь.

15) Къ стр. 10. Имя Иргитъ, Иркытъ, Ирхытъ ср. съ бурятскимъ выраженіемъ о медвѣдѣ (стр. 168, вар. и); не было ли иркунъ именемъ медвѣды? Рашидъ Эддинъ (Труд. Имп. Археолог. Общ. по Вост. отд., ч. XIII, стр. 48) у сложнаго имени поколѣнія Оинъ-Иргенъ первый членъ толкуетъ, какъ эпитетъ „лѣсной“; Иргенъ, вѣроятно, то же, что Иргытъ съ другимъ окончаніемъ (какъ мергенъ и Меркытъ). Спариваніе Иркытовъ и теперь въ обычаѣ у Алтайцевъ съ созвучнымъ Уипамъ именемъ Союнъ (см. стр. 7). Оюнъ по якутски шаманъ.

16) Къ стр. 10. Сумынъ Союнъ, упоминаемый здѣсь, конечно, тотъ самый, который лежитъ по р. Наринъ-сумыну, и который мы пересѣкли въ 1877 году (Оч. I, 292 и II, 8); жители его назвались намъ тогда Соитъ.

17) Къ стр. 10. Названіе Конграй-сахай представляетъ соединеніе тѣхъ же корней, какъ и въ словѣ хэнгрикъ-дзехе, монгол. россомеха. О. Вербицкій (въ „Миссіонерѣ“ за 1876 г., № 22) разказываетъ, что Татары въ вершинахъ Абакана, услышавъ отъ него, что онъ Русскій, и какъ будто перевода непонятное „Русскій“ на болѣе понятный языкъ, сказали ему: „а, ко-

урай!“ Не значить ли это, что въ какой-нибудь сказкѣ имена Орусь и Коурай спариваются? Кастрень говоритъ, что Котовцы и другіе Татары близъ Красноярска называются Kongroitschiris (Ann. d. voyag., 1849, t. III et IV, 131). Есть татарское слово kongoroi, означающее мѣсто, гдѣ звенятъ колокола.

18) Къ стр. 11. Вариациі имени Сальджакъ приведены въ Очеркахъ, II, прим. 80 къ гл. I. Окончаніе этого имени джакъ (въ другихъ вариантахъ джугутъ, джюгъ), вѣроятно, одного происхожденія со второй половиной названій другихъ поколѣній: Ельджигентъ, Байджигитъ, Борджигитъ (у волжскихъ Калмыковъ Борцугутъ; Небольсинъ, Очерки быта Хошутовъ улуса, стр. 19); у Алтайскихъ Олютовъ, которыхъ называютъ Урянхайцами, есть родъ Оорцугъ (Очерки, II, 36). Тунгусовъ Буряты зовутъ Кальджакшинъ (Риттеръ, Землев. Азіи, русск. перев., V, Забайкалье, 141), что можетъ быть только вариантъ формы сальджакъ; въ тунгусскомъ kalzangu, барсукъ (Castren, Grundz. ein. tungus. Sprachlehre, 101). Калмыцкая форма Боорцугутъ также напоминаетъ тюркское имя этого звѣря: борсукъ. Названіе алтайской кости Кальджапъ-Ирхытъ также, вѣроятно, архаическая форма. Предкомъ Сальджигитовъ Рашидъ Эддинъ называетъ брата Бодонджара, Бугу Сальджи (у Сапанъ Сэцэна: Бугу Сальджиго); въ числѣ предковъ Бодонджара у Сапанъ Сэцэна упоминается Сали Кальджиго.

19) Къ стр. 11. Названіе Балыкчи, можетъ быть, есть испорченное Булагачинъ и въ такомъ случаѣ не будетъ значить „рыбакъ“ отъ слова балыкъ, „рыба“, а будетъ стоять въ связи съ монгольск. именемъ соболя, булыганъ. Булагачинъ упоминается у Рашидъ Эддина (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 88) рядомъ съ именемъ Керемучинъ. Г. Березинъ, сводя первое имя съ словомъ булыганъ, второе сближаетъ съ монгольскимъ херими, „бѣлка“ (ibid., стр. 255); ср. также бурятское кермиши, „летучая мышь“. Въ нашемъ текстѣ (стр. 20) также упоминаются эти два имени рядомъ. Хошунъ Мулгочинъ упоминается въ южной Монголіи въ сказкѣ казака Петлина, ѣздившаго въ Китай въ 1620 году (напечатана въ „Сибирск. Вѣстникѣ“ Спасскаго). Сказанное выше даетъ нѣкоторый поводъ догадываться, что стоящее рядомъ съ Балыкчи имя Хэрдэкъ или Хердыгытъ соответствуетъ имени Керемучинъ, тѣмъ болѣе, что бѣлка на нѣкоторыхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, какъ наприм. по алтайски, носитъ названіе чырдыкъ (Граммат. алтайск. яз., Казань, 1869, стр. 13). Хердыгытъ, вѣроятно, то же, что поколѣніе Чертыкинъ у Пермькина, понятное имъ около Косогола („Вторая поѣздка на Косоголъ“, рукоп.). Ниже, на стр. 11, упоминаемое Хердыкъ есть только легкое измѣненіе имени Хэрдэкъ. Не лишне здѣсь замѣтить, что это имя напоминаетъ также слово хоредякъ или сардыкъ, какъ Буряты въ окрестностяхъ Косогола и къ з. отъ Байкала означаютъ бѣлки и гольцы. Бѣлокъ, лежащій у сѣвернаго конца Косогола, называется въ нашихъ географическихъ книгахъ или Мунко-сардыкъ или Мунко-хуредякъ. Балыкчи есть родъ Киргизской внутренней Букеевской орды (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. II, стр. 36).

20) Къ стр. 11. Племя Киреитъ упоминается у Кундровскихъ татаръ (Пав. Небольсинъ въ Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1851, ч. II, отд. V), въ Малой Киргизской ордѣ (Мейера, Киргизск. степь Оренб. вѣдом. стр. 92), у Узбековъ въ Бухарскомъ ханствѣ (Н. Ханыковъ, Опис. Бухарск. ханства, стр. 61 и 65).

21) Къ стр. 11. Некоторые факты свидѣтельствуютъ, что число четыре въ сѣверной Монголіи пользовалось особымъ значеніемъ въ родѣ чиселъ три, семь и девять. Это значеніе отразилось на дѣленіи племенъ. У Тува-Урянхайцевъ каждый хошунъ, за исключеніемъ одного, расположеннаго на Кемчикѣ, дѣлится на четыре сумына, которые носятъ названія костей; такое же четверное дѣленіе замѣчается и въ некоторыхъ поколѣніяхъ у Киргизъ; Тортогулы встрѣчаются въ трехъ мѣстахъ, на Черномъ Иртышѣ, въ Баянаульскомъ округѣ и въ югозападной части Акмолинскаго округа; не смотря на взаимную отдаленность этихъ участковъ, во всѣхъ трехъ замѣчается дѣленіе на четыре рода, хотя названія родовъ не всегда одни и тѣ же; это четверное дѣленіе Тортоуловъ сами Киргизы объясняютъ происхожденіемъ этого племени отъ четырехъ братьевъ. Четверное дѣленіе замѣтно и у Аргыновъ.

Дюрбюты кажется объясняли въ старину свое имя числомъ четыре, дюрбанъ, производя свое племя отъ четырехъ братьевъ (Очерки, II, 64 прим. къ 1 гл.; см. также Исторія Абульгази, перев. Саблукова, стр. 54). У Алтайцевъ повѣрье, будто имя Дюрбютскаго народа произошло отъ того, что этотъ народъ былъ подвластенъ четыремъ ханамъ. Можетъ быть на то же повѣрье, но нѣсколько въ другой редакціи, указываетъ эпитетъ: „повелитель сорока и четырехъ“, который Сананъ-Сэцэнъ (Gesch. d. Ost-Mong., s. 165—169) придаетъ хану Ойротовъ Есену. Алтайцы въ своихъ преданіяхъ часто спариваютъ обѣ формы въ одно сложное: Дурбень-Ойротъ; въ ихъ преданіяхъ упоминается Дурбень-Ойротъ-ханъ.

Ойротъ-ханъ у жителей Алтая, по видимому, лицо полумифическое, если не совсѣмъ мифическое. Помѣщаемъ здѣсь выписку объ этомъ ханѣ изъ не напечатанныхъ путевыхъ записокъ по Алтаю г. Ядринцева: „Преданія объ Ойротѣ существуютъ у Телеутовъ, у семи дючинъ Алтайцевъ, а также около Телецкаго озера, на Чуѣ и Чулышманѣ. У Телеутовъ Ойротъ связанъ съ ихъ родами и является то родоначальникомъ, то мифическимъ лицомъ, котораго ждуть Телеуты, какъ мессію алтайскихъ народовъ. Остальные Алтайцы не связываютъ свое родство съ Ойротомъ. Ойротами они называютъ народъ, жившій до нихъ и оставившій вездѣ огромныя каменные насыпныя могилы. Вездѣ говорятъ про курганы: „это ойротскія могилы“. Существуетъ могила Ойротъ-хана на устьѣ Улагана (въ системѣ Телецкаго озера); это большая могила. Около Улагана разказываютъ, что царь Ойротъ дошелъ до Улагана и тамъ умеръ. Но на Чуѣ вновь появляются разказы объ Ойротѣ, что онъ шелъ изъ Алтая по р. Чуѣ со свитой и войскомъ, откочевывая въ Монголію. Абымъ-бомъ названъ въ память его дочери, умершей здѣсь. На Чуѣ близъ Кошъ-агача есть мѣсто, гдѣ онъ стоялъ и

у четырехъ деревьевъ были растянута арканы для его лошадей. По Аргуту и по Катуні опять могилы „Ойротовъ“. У Телеутовъ подѣ Улагой и у Телесовъ сохраняются преданія о походѣ Ойротовъ въ чернь и въ Алтай. Они приходили даже одновременно съ Киргизами. Ойроты, какъ видно когда-то завоевывали Алтайцевъ. Они преслѣдовали шамановъ и особенно одного, котораго они сожгли, но онъ возродился изъ пепла, какъ фениксъ. Одно телеутское преданіе объ Ойротахъ говоритъ: сначала Ойроты жили на зимовкѣ Кулунду-Талбу, ближе вершины Иртыша, а лѣтники ихъ былъ у устья Иртыша, гдѣ онъ впадалъ въ Обь; по Оби отъ Томска до Кузнецка простирались ихъ кочевья. Ойротъ былъ царь надъ Телеутами. Старшій сынъ Ойрота былъ Тамуръ-сана, другой сынъ Амуръ-сана, а третій Шунабатаръ. Четыре семейства Ойротовъ отравились въ Алтай; въ числѣ этихъ семей былъ Мундузъ (теперь сеокъ); они и теперь живутъ въ Бачатѣ и въ Алтайѣ. Остальные остались подѣ Томскомъ на мѣстности Каратавдѣ. Дѣти просили у Ойрота благословенія; онъ благословилъ всѣхъ, чтобы они разсыпались по черниамъ; благословеніе это было произнесено въ стихахъ; оно и теперь хранится въ устахъ народа. Самъ Ойротъ переселился на Телецкое озеро и водворился тамъ, гдѣ протекаютъ Баникаусъ и Чулышманъ. Расселивъ людей, онъ самъ ушелъ въ горы. Уходя, Ойротъ сказалъ своимъ дѣтямъ: „Пройдетъ двѣнадцать поколѣній и я снова къ вамъ приду; тогда я своихъ Телеутовъ узнаю по глазамъ“. Теперь, говоря Телеуты, семь поколѣній послѣ его ухода уже прошло. Изъ четырехъ семей Ойротовъ только одно съ Шуной осталось въ русскомъ подданствѣ; остальные три разсѣялись“. Имя Alten-Aira встрѣчается въ сказкахъ мичусинскихъ Татаръ (Melang. asiatiques, t. III, liv. 4, стр. 389); онъ вѣщаетъ на кроютъ, между небомъ и землею, Alten-Tactai'я, который потомъ освобождается и убиваетъ Алтынъ-Айру.

Въ монгольскихъ сказаніяхъ формы дюрбонъ и ойратъ также спариваются (Позднѣвъ, Образцы, стр. 135; Банзаровъ въ Библиот. восточн. историковъ, изд. Березинимъ, т. I, стр. 23 татарск. цифр.); иногда встрѣчается выраженіе дурбень-тумень-ойротъ, то-есть, сорокъ тысячъ Ойротовъ, какъ и къ имени Монголъ иногда прибавлялось дючинъ-тюмень, т. е. „четыре тысячи Монголовъ“; встрѣчается также и просто дючинъ-монголъ. Иногда перечисляются четыре поколѣнія, на которыя будто бы раздѣляется народъ Ойратъ; такъ Сананъ-Сэцэнъ (Gesch. d. Ost. Mong. 57) приводитъ четыре племени: Угеледъ, Багатудъ, Хонтъ и Кергутъ, которыя будто бы произошли отъ четырехъ братьевъ: Доноя, Докшина, Эмнека и Ерке, четырехъ сыновей Дуа-Сохора. Палласъ (Sammlung. histor. Nachrichten, t. I s. 6) по калмыцкимъ показаніямъ называетъ четыре ойрадскія племени: Олютъ, Хонтъ, Тюмедъ и Барга-Буратъ.

Монгольское племя Халха, какъ извѣстно, дѣлится на четыре аймака; Чингисъ-ханъ раздѣлилъ свою имперію на четыре удѣла по четыремъ сынамъ своей старшей жены, которые носятъ специальное имя: четыре кулюка. Еще ранѣе, имперія Дизавула по византийскимъ источникамъ дѣлилась на четыре участка.

Четверное число племенъ является при восточномъ обрядѣ возведеніи на царство. Объ этомъ см. у Вельяминова-Зернова: „Изслѣдов. о Касимовск. царяхъ и царевичахъ“, т. II, (стр. 401, 411, 420, 426, 430 и 431). Возводимаго на царство хана садили на войлокъ или столъ, и поднимали за четыре угла послѣдняго; по видимому, беки, державшіе за углы, носили особенное названіе карачи (карачен нашихъ лѣтописей); такихъ карачеевъ было четыре при Крымскомъ ханѣ; они были изъ поколѣній Піринъ, Барынъ, Аргынъ и Кипчакъ; главнымъ изъ этихъ четырехъ бековъ считался Піринъ; здѣсь кстати замѣтить, что у Рашидъ-Эддина старшій бекъ Вана, Кирейскаго хана, „бекъ изъ бековъ“, называется Така-Джаранъ (Зап. Имп. Археолог. Общ., т. XIV, стр. 166). Вельяминовъ-Зерновъ думаетъ, что четыре карачи было и въ Казани, и что даже имена ихъ были тѣже; при возведеніи касимовскаго хана Уразъ-Мухаммеда упоминается четыре бека поколѣній: Мангытъ, Джелаиръ, Аргынъ и Кипчакъ. Карачи упоминаются также у Ногайцевъ и въ Сибири. Когда Бухарскаго эмира, который изъ рода Мангытъ, возводятъ на ханство, четыре угла войлока держать представители родовъ: Мингъ, Аллатъ, Бехринъ и Баташъ.

Здѣсь кстати вспомнить сходный съ обрядомъ возведенія на ханство обрядъ посвященія въ шаманское званіе (стр. 59), а также погребальный обычай, состоявшій въ выставленіи трупа шамана на помостъ, поддерживаемомъ четырьмя столбами. Такіе помосты на четырехъ столбахъ мѣстами (у Урянхайцевъ) называются шире; тѣмъ же именемъ Монголы называютъ сидѣнье главнаго ламы въ кумирняхъ, а также жертвенники, устраиваемые въ степяхъ и состоящіе изъ одного плоскаго камня, положеннаго на четыре другихъ, круглыхъ (что имѣетъ видъ миниатюрнаго домена).

Вельяминовъ-Зерновъ, на стр. 437 того же своего сочиненія, высказываетъ мнѣніе, что „карачи“ могло произойти отъ татарскаго слова карачи, „глядн-ка!“

22) Къ стр. 12. Именемъ Туфа называютъ себя также и Койбалы; (Castren's Versuch ein. Koibalisch. und Karagass. Sprachlehre, Vorwort, s. V). Карагассы сами себя зовутъ Тофа (Этн. Сб., IV, с. 1).

23) Къ стр. 12. Крыжинъ (Труды Сибир. эксп., матем. отд., стр. 90) упоминаетъ на Бейкемѣ поколѣнія Хара-Джетъ, Акъ-Джетъ, Хара-Додотъ, Акъ-Додотъ и Хойкъ. Вѣроятно Акъ-Джоту и Кара-Джоту, обозначая особия племена, филологически есть совершенно то же, что Акъ-Додотъ и Кара-Додотъ. Сближенія съ другими именами см. въ Очерк., II, 46 прим. къ I гл. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 4) упоминается страна Зудъ и рядомъ съ нею вода Тенгинъ (у Сананъ-Сецена: Тенгисъ; ср. съ названіемъ р. Тенгисъ, притока Шилкита). У Волжскихъ Калмыковъ есть родъ Цаатынъ (Небольсинъ, Опис. быта Хошуут. улуса, стр. 18). Тулюшъ вѣроятно тоже, что Тое-лесъ у Алтайцевъ. Ср. съ урянхайскимъ названіемъ радуги: делешъ (см. стр. 138 и примѣч. къ пей).

24) Къ стр. 13. Названіе урянхайскаго языка уйгурскимъ позволяетъ распространить и на Урянхайцевъ предположеніе г. Позднѣва (Образцы,

стр. 153) о Хото-Гойту, что это потомки древнихъ Хойхоровъ, подъ которыми, впрочемъ, г. Позднѣвъ, вопреки другимъ ученымъ, не хочетъ видѣть Уйгуровъ, а разумѣть особое племя. Можетъ быть выраженіе ухуртень-уранга или огуртень-уранга, а также княжеское званіе огурда, заключаютъ въ себѣ память о томъ же имени. Обыкновенно имя Уйгуръ производятъ отъ татарскаго глагола уймакъ, „соединяться“ (Березинъ, въ Зап. Русск. Археол. Общ., XIV, 221; Казембекъ въ Жур. Мин. Нар. Просв., 1841, авг., отд. II; Абульгази; см. перев. Сабдукова, стр. 38). Эта этимологія увлекла ученыхъ къ объясненію и другихъ именъ народовъ тѣмъ же способомъ; такъ объясняли названіе Ойратъ монгольскимъ ойрхо, „соединяться“ и имя Керантъ манджурскимъ керентъ, „общій“ (Березинъ, въ Зап. Русск. Археол. Общ., XIV, 258). Для имени Ойротъ г. Банзаровымъ было предложено другое объясненіе (Библ. восточн. ист., т. I, стр. 25 татарск. цифрами). Нельзя ли оба имени Уйгуръ и Ойратъ производить отъ хонгоръ или унгуръ путемъ перехода носоваго звука въ й? Форма хонгра могла дать вариации: Хонкиратъ (Рашидъ-Эддинъ); Унгпра, Хунгира (Юаньчаомиши), вѣроятно, то же, что Хонкиратъ; Ингирасъ (Абульгази), которое соотвѣтствуетъ поколѣнію Икирасъ у Рашидъ-Эддина, и вѣроятно то же, что нынѣшній бурятскій родъ Икиратъ; наконецъ Ойратъ (Рашидъ-Эддина), которому въ Юаньчаомиши соотвѣтствуетъ Оира. Форма унгур могла дать формы уйгуръ и огуръ; послѣдняя форма отъ выпаденія носоваго п. Ср. айгыръ, татарск. „жеребецъ“; ухуръ или укыръ, монгольск. „корова“.—Второй членъ имени Хото-Гойту не находится ли въ связи съ именами: Хонтъ, Сонтъ, Сойонтъ, Хайдутъ, Сайдутъ? см. примѣч. къ стр. 10. Замѣчательно отношеніе именъ Хойху (которое у Китайцевъ соотвѣтствуетъ имени уйгуръ мусульманскихъ историковъ) и Сѣянъ-то; это какъ будто одно и то же племя, бывшее абorigеномъ центральной части Монголіи (Хангай); ср. у о. Ювинеа, въ Свѣд. о народ. Средн. Азіи, ч. I, стр. 246 и 426—442. Сѣянъ не есть ли нынѣшнее Сойонъ?

25) Къ стр. 14. Въ Очеркахъ, II, 1 прим. къ I гл., первый членъ имени Абака-Кирей былъ нами сближаемъ съ татарск. выраженіемъ аб-акъ, „блѣхонекъ“. Вѣроятно же однако, что этотъ членъ, какъ и имя втораго Юсупова сына, Абака находится въ связи съ монгольскимъ убукъ, „медвѣдь“ или убугунъ, „дѣдъ“, если только такой переходъ филологически можетъ быть допущенъ. Почитаніе медвѣдя предкомъ возможно, по нашему мнѣнію, вслѣдствіе сліянія представленія объ этомъ звѣрѣ съ представленіями о громовникѣ. На стр. 9 приведено прямое указаніе на медвѣдя, какъ на предка. У кузнецкихъ Татаръ есть поколѣніе Аба (ср. аба, медвѣдь у Алтайцевъ).

26) Къ стр. 14. Раздѣленіе дѣтей на двѣ группы замѣчается и въ другихъ случаяхъ; у Рашидъ-Эддина разсказывается (Труды вост. отд. Р. Археолог. Общ., XIII, с. 28 и 31), что у Тумена-хана было девять сыновей, пять отъ одной жены и четыре отъ другой; за тѣмъ въ той же главѣ говорится, что потомству однихъ было указано рабство въ отношеніи другихъ. У Чингисъ-хана также выдвигаются четыре сына, дѣти старшей жены, подъ именемъ четы-

рехъ Кулюковъ (ibid., стр. 77). Ср. также мѣста въ Лѣтоп. русск. лит., изд. Тихонравова, в. 1, стр. 45, и въ Simrock's Edda, Stutg., 1876, 112—124; въ скандинавской сагѣ отъ трехъ паръ, съ которыми поочередно спитъ Ригъ (сокращенное отъ Ерикъ, которое тождественно съ Ирингъ) происходятъ рабы, крестьяне и дворяне.

27) Къ стр. 14. Названіе рода Таракты, совпадающее съ тамгой того же рода таракъ, „гребень“ напоминаетъ имя одного отдѣленія въ племени Джелайръ, которое упоминается въ одной татарской лѣтописи (Вельяминовъ-Зерновъ, Исслѣд. о касим. царяхъ, II, 121) и которое называлось Таракъ-тамга. „гребень-клеймо“. Ср. съ названіемъ существующаго въ восточной части Киргизской степи поколѣнія Терсъ-тамгалы. Ныпѣшнія названія Орiona Таразы или Тарази, „вѣсы“ (см. стр. 137) не произносились ли прежде таракъ? У кундровскихъ Татаръ тамга таракъ, „гребень“ есть тамга бѣлой кости (Пав. Небольсинъ въ Вѣст. Р. Геогр. Общ., 1851 кн. 2).

28) Къ стр. 14. Относительно имени Софы, которое придается всѣмъ сыновьямъ Аргына, г. Балкашинъ сообщилъ мнѣ показаніе одного Киргиза, что такъ они назывались будто бы за то, что были двосанды. Не находится ли это показаніе въ какой-нибудь связи съ повѣрьемъ о летучей мыши, которую привлекали къ платежу дани и царь звѣрей и царь птицъ (см. стр. 169)?

29) Къ стр. 16. Кызыль-гуртъ есть въ Малой Киргизской ордѣ (Мейера, Кирг. степь Оренбур. вѣд., Спб., 1865, стр. 89), въ Букеевской внутренней (вѣроятно, вслѣдствіе опечатки: Кызыль-куртъ; З. Р. Геогр. Общ., т. II, стр. 36). Ср. показаніе о происхожденіи всего киргизскаго народа отъ Кызыль-гурта („Очерки“, II, 149). Куртъ по киргизски „червь“, но въ урянхайскомъ удзунъ-гуртѣ, „змѣя“ (стр. 165).

30) Къ стр. 18. Джантыкъ можетъ быть одного происхожденія съ именемъ Джантыкей (Очерки, II, 3). Ср. янтако, йендако, Canis procionoides (Маакъ, Пут. по Уссури, I, 108; Radde, Reise, I, 75). Замѣтимъ здѣсь кстати о сородичахъ черноиртышскихъ Джантыкеевъ, о Джадыкахъ. Въ указанномъ мѣстѣ мы сообщили показаніе, что Абакъ-кирей, въ составъ которыхъ входятъ и Джадыки, происходятъ отъ Сары-Юсуна; если это имя принять за монгольское, то оно въ переводѣ будетъ значить „девять рыжихъ“. Вельяминовъ-Зерновъ въ своемъ „Исслѣд. о Касим. царевичахъ“, II, 269, приводитъ извѣстіе изъ восточныхъ мусульманскихъ лѣтописей, что у нѣкоего Ядика былъ сынъ Тугумъ-ханъ, родъ котораго звали Токузь-сары. „девять рыжихъ“.

31) Къ стр. 18. Существованіе имени Псурманъ среди киргизскихъ поколѣній внушаетъ мысль, что имя особаго племени Бесермене въ лѣтописныхъ сказаніяхъ, касающихся прикамскаго Поволжья, не есть испорченное „мусульманъ“, а древне-туземное, домусульманское имя; сами Татары и теперь еще часть своего народа въ Вятской губерніи называютъ этимъ именемъ. На р. Валѣ въ Вятской губ. есть село Бусурманъ-Можга; о происхожденіи этого имени разказываютъ, что тутъ жилъ отецъ съ тремя сыновьями; двое сыновей выселились, младшій по имени Можга, остался тамъ, гдѣ нынѣ

стоитъ село. Почему-то отецъ былъ недоволенъ сыномъ и назвалъ его бусурманомъ; съ того времени и стало такъ зваться это село. Такое толкованіе, вѣроятно позднѣйшее, можетъ быть, показывается, что бусурманъ было имя бранное, но едва ли оно означало у языческихъ Вотяковъ „мусульманинъ“. Не было ли оно въ устахъ Вотяковъ и другихъ Финновъ Поволжья именемъ аборигеновъ страны то-есть, тѣмъ же, что русское Чудь, чувашское Олыпъ и вотяцкое Аланъ-гасаръ? Въ сказкахъ сѣверной Монголіи встрѣчаются иногда собаки Асырь и Басырь (см. Очерки, II, стр. 175 и въ настоящемъ выпускѣ, стр. 284); эти два имени, конечно, одно въ двухъ различныхъ произношеніяхъ. Въ монгольскихъ преданіяхъ мы имѣемъ имя Гесеръ-ханъ, первый членъ котораго, вѣроятно, тождественъ съ именемъ собаки; самыя формы бесермен, бусурман, можетъ быть, только варіаціи имени Гесеръ-ханъ, занесенныя на западъ. Переходъ ханъ въ манъ едва ли можетъ возбуждать возраженія, въ виду того, напримѣръ, что Джелтайманъ, „Б. Медвѣдица“ иногда (въ Крыму) переходитъ въ Джелтаймень (см. ниже); сходный переходъ представляютъ слова волкынъ (чуваши) и вопианъ (черемисск.), чудовище, отличающееся обжорливостью. Правда, Гесеръ-ханъ существо свѣтлое, но на западѣ оно могло явиться существомъ темнымъ; отъ туземцевъ Европейской Россіи оно могло быть усвоено Русскими и явилось въ видѣ прозвища бусурманища, придаваемого темнымъ личностямъ.

32) Къ стр. 20. Во II в. Очерковъ, въ 113 прим. къ г. I, было уже указано на существованіе варіанта имени Дюрбютъ у Узбековъ въ Бухарѣ: Дѣрменъ у Вамбери (Путеш. въ Сред. Азію, М., 1874, стр. 302), Дурманъ у Ханыкова (Опис. Бухар. ханства, стр. 65). У Туркменъ есть родъ Тораманъ (Вамбери, ibid., стр. 266).

33) Къ стр. 21. Изъ двухъ показаній о Дархатахъ, въ одномъ стоитъ Хуа-дархатъ, въ другомъ Уха-дархатъ. Такая же замѣна замѣчается и въ другихъ случаяхъ; напримѣръ, высокая гора въ вершинахъ Арасая (въ дархатской землѣ) намъ была названа жителями южнаго конца Косогола Хуа-хемъ, на рукописной же картѣ нашего спутника г. Орлова на этомъ мѣстѣ значится Уха-хемъ.

34) Къ стр. 21. Первый членъ сложнаго Адай-дархатъ ср. съ адай, „собака“ у качинск. Татаръ; см. стр. 157. Въ Малой Киргизской ордѣ есть поколѣніе Адай (Мейеръ, Киргизск. степь Оренб. вѣдомства, стр. 89).

35) Къ стр. 23. Поколѣніе Хонходоръ у Рашидъ-Эддина не упоминается, но въ надписи на памятникѣ князя Исункэ значится племя Хонггодаръ (Труды Вост. Отд. Археолог. Общ. XIII, 199).

36) Къ стр. 23. Имя поколѣнія Хурхутъ напоминаетъ Куркутъ, имя древняго киргизскаго шамана. См. ниже, примѣч. къ ст. „Тарханъ-бо“.

37) Къ стр. 24. Сказаніе, подобное хангинскому, о происхожденіи племени отъ лебедя встрѣчается и у Аріидевъ; см. Mannhardt, Germ. Myth. 694 (рыцарь плѣвнѣтъ у воды дѣвцу, ставшую матерью семи Schwankinder). Верковичъ, „Описаніе быта Болгаръ въ Македоніи“, Изв. Им. Общ. любит.

естеств., антр. и этногр., т. XIII, в. 1, с. 17—18 (сказаніе о пастухѣ, который пасъ овецъ у оз. Перина, куда летали купаться Юды-самовилы); Труды этн. эксп. въ зап. русск. край, II, 195 (сказка о персидскомъ царевичѣ); Veckenstedt, Wendische Sagen, 1878, Graz, s. 120 (вм. шамана Trommelschläger). О существованіи подобнаго сказанія въ прикамскомъ Поволжьи свидѣлствуетъ г. Золотницкій (Невид. міръ по шам. воззр. Черемисовъ, стр. 18). То же сказаніе, по видимому, есть и у Якутовъ, потому что верховному богу Аръ-тоену Якуты даютъ въ жены Хубай-хатунъ, которая явилась предкамъ въ видѣ лебедя. Имя Аръ-тоень, можетъ быть, только вариация бурятскаго Харитай, о которомъ г. Позднѣвъ (Образцы народн. лит. монгол. плем., с. 265) записалъ такое же сказаніе, какое намъ передали объ Одюго. Имя Хубай-хатунъ, подобно монгольскому Хонгъ-хотанъ (см. ниже), можетъ быть парное тавтологическое. Хуба „лебедь“ по якутски, ходангъ, котенгъ „лебедь“ по остяцки (Castren, Ostjak. Sprachl., 120). Имя Одюго сходно съ именемъ героя барабинской сказки Идыге (Radlof, Proben, IV, 35; Одюго кривой шаманъ, Идыге также кривой; ему вышило глазъ сынъ его Мырадыль) и съ названіемъ Большой Медвѣдицы на татарск. нарѣчіяхъ: Итыганъ; ср. также одюгонъ, „шаманка“ по бурятски, утаганъ „шаманка“ по монгольски и урянхайски, утаганъ „медвѣдь“, а также старѣйшина по монгольски. Въ книжныхъ сказаніяхъ центральной Азіи встрѣчается предокъ Бугу Хатаки; это имя можно, пожалуй, разсматривать, какъ вариантъ имени Одюго-бо; бо соответствуетъ бугу; бо или бугэ значитъ шаманъ; Хатаки = Одюго. Форма Хогоръ бо можетъ быть принята за версію имени Байсанкуръ (у Рашидъ-Эддина), если допустить родство формъ бай и бо съ одной стороны, и формъ санкуръ и хогоръ съ другой.

38) Къ стр. 25. Имя Зукденъ, придаваемое Бурятами своимъ сородичамъ Нижнеудинскаго округа, близко стоитъ къ Зуктой, какъ Буряты зовутъ Карагассовъ, а также къ Джокту, кости у Урянхайцевъ (см. стр. 12). Ср. также со вторымъ членомъ имени хапа Ою-чикту въ одной сказкѣ (стр. 283) и съ такимъ же членомъ въ имени Ельдигентъ-чиктей-хана (стр. 294). По Татищеву Якуты сами себя называютъ Зынъ-Заха-Заготонъ (Н. Поповъ, В. Н. Татищевъ, Москва, 1861, стр. 610).

Къ главѣ II-й.

1) Къ стр. 27. Въ текстъ не внесенъ обычай Алтайцевъ омывать новорожденнаго густо соленнымъ чаемъ. Сходный обычай есть у крымскихъ Грековъ (Кондараки, Опис. Крыма, Сиб., 1875, т. III, ч. VIII, с. 101).

2) Къ стр. 27. Повѣрья о похищеніи новорожденнаго злымъ духомъ существуютъ у Русскихъ и у казанскихъ Татаръ (о послѣднихъ см. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по этн., VI, 255). Въ южной Россіи вѣрятъ, что дьяволъ можетъ украсть ребенка и подложить своего, который называется „відміною“.

Відміна до 7 лѣтъ не ходитъ при людяхъ и не говоритъ, по безъ пихъ лезетъ въ печь и съѣдаетъ въ ней все, а горшки разбиваетъ; эта характеристика Відміны напоминаетъ киргизское повѣрье о джалмаусахъ. Въ Сибири Русскіе вѣрятъ, что вѣщицы (вѣдьмы) воруютъ дѣтей даже изъ утробы матери, дѣтей съѣдаютъ, а вмѣсто нихъ кладутъ въ утробы голыки. На существованіе русскаго обычая класть въ люльки стрѣлки указываетъ выраженіе: „булать-желѣзо катается у маленькихъ робятъ по зыбочкамъ“ (Рыбн., I, въ былинѣ „Садко“, стр. 366). Другія русскія повѣрья говорятъ о похищеніи дѣтей мѣсяцемъ. Русско-сибирское повѣрье говоритъ, что на мѣсяцъ не слѣдуетъ долго смотрѣть: утащить. Когда мѣсяцъ начнетъ чернѣть (намекъ на затменіе?), тогда нужно накрыть столъ и положить хлѣбъ, а самому сѣсть подъ столъ; мѣсяцъ унесетъ одинъ только хлѣбъ. (Этн. Об., VI, стр. 117). Участіе мѣсяца въ повѣрьяхъ о поворожденныхъ объясняется тѣми физическими явленіями, которыми народный языкъ и названіе даетъ: „рожденіе мѣсяца“. Новолуніе, какъ и затменіе, представлялось, по видимому, въ видѣ похищенія; новолуніе, по народному повѣрью всегда сопровождается грозой и пенастью, было похищеніемъ поворожденнаго; мѣсяцъ похищаетъ ребенка—это перетасовка членовъ мифа. Вмѣсто ребенка въ иныхъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ является дѣвица; такъ у Русскихъ существуетъ повѣрье, что мѣсяцъ уноситъ тѣхъ дѣвицъ, которыя на святкахъ, гадаю, смотрятъ на отраженіе луннаго диска въ проруби. Повѣрья о дѣвицѣ, похищенной мѣсяцомъ, очень распространены; см. стр. 190 и слѣд. и примѣчанія къ нимъ. Прятанье подъ котель см. Mannhardt, Germ. Myth., 192 (жена людоѣда Нумигъ прячетъ подъ котель страпниковъ Thogt'a и Tug'a). Укрыванье ребенка подъ котель встрѣчается также въ сказаніи о Болго-джаннатъ (Алтанъ-тобчи, стр. 53). О чувашскихъ обрядахъ въ предупрежденіе отъ смерти новорожденнаго см. у Магнитскаго, Матер. къ объясн. чувашск. вѣры, стр. 196; см. также Крашенинникова, Опис. Камч., ч. III, стр. 127. У Ингушей на Кавказѣ, чтобы дитя не пугалось, подвѣшиваютъ къ люлькамъ камешки, а также медвѣжьё бабку, чей голыгъ и медвѣжьей коготь чей мар (изъ собственныхъ разпросовъ).

3) Къ стр. 28. Азіатскіе повѣрья о похищеніи новорожденныхъ злымъ духомъ бросаютъ свѣтъ на мифъ о Сатурнѣ, поглощавшемъ своихъ дѣтей. На дворѣ дельфійскаго храма Павзаній нашелъ камень, который ежедневно помазали; это былъ камень, который проглотилъ Сатурнъ вмѣсто своего сына; Реа, чтобы спасти новаго ребенка отъ угрожавшей ему участи быть проглоченнымъ, скрыла его, положивъ на его мѣсто камень, окутанный козлиными шкурами. Обманутый Сатурнъ проглотилъ камень вмѣсто ребенка (Böttiger, Ideen zur Kunst-Mythologie, Leipz. 1850, II B., S. 15). Боттигеръ по этому поводу приводитъ извѣстіе, что въ Финляндіи и Сиріи почитались павшіе съ неба камни, которые назывались Bätylen; такъ какъ случайно βαίτη значитъ козлиная шкура, то Греки, прицѣпившись будто бы только къ созвучію, создали цѣлую сказку (ib., 17). Созвучіе здѣсь могло послужить только къ прикрѣпленію сказанія къ дельфійскому священному камню; самое же ска-

заніе могло возникнуть помимо созвучія изъ элементовъ, которые давали повѣрья и образъ жизни, если они у древнѣйшихъ Грековъ были похожи на повѣрья и обычаи внѣшнихъ дикарей сѣверной Азии, гдѣ мы находимъ повѣрье объ истребленіи дѣтей, приписываемое читкуру, одѣваніе дѣтей въ бараньи и козлиныя шкуры и дѣланіе куколъ для обмана читкура. Въ сѣверной Монголіи, какъ эти куклы, такъ и онгоны дѣлаются изъ тряпокъ и камни не употребляются; но это мѣстная черта; у Самоѣдовъ Тоболск. губ. и у Лопарей онгонами дѣлались булыжные камни, которые при этомъ одѣвались въ платье.

4) Къ стр. 28. О филинѣ, котораго держать при люлькѣ и выкармливаютъ. см. въ Миссіонерѣ за 1878 г. № 29, стр. 231. Въ сказаніяхъ о сынѣ неба (то-есть о перворожденномъ на землѣ?) также является часто почная хищная птица уйлъ, которая иногда выдается за отца ребенка. См. стр. 233 и примѣчанія въ ней. Ср. также киргизское повѣрье о филинѣ, какъ предкѣ поколѣнія Казбекъ („Очерки“, II, 4). Въ Западной Европѣ покровителемъ дѣтей, кажется, считается аистъ. На западѣ говорятъ о ребенкѣ: „его аистъ принесъ“, какъ у насъ: „сорока на хвостѣ принесла“. Аистъ по албански и румынски леглекъ; имя это похоже на имена летучей мыши и козодоя: лелекъ, лилякъ и пр. У Литовцевъ люлькѣ или люлкисъ богъ дѣтей.

5) Къ стр. 33. Выраженіе „Ушейтанъ въ красной шелковой одеждѣ“, вѣроятно, намекаетъ на яркую одежду куколъ, содержащихся въ коробкѣ съ онгонами, извѣстной подъ именемъ Усэтенъ или Ушейтанъ.

6) Къ стр. 33. „Вѣчное синее небо“, въ текствѣ хуху мунгунъ тэнгри, обыкновенное выраженіе въ бурятскихъ шаманскихъ молитвахъ. Дорджи Банзаровъ переводитъ его точно также (Учен. Зап. Казанск. универс., 1846, III, 61). Осетины въ клятвахъ небо называютъ „голубой богъ“ (Сборн. свѣд. о Кавк. гор., вып. 5. Мат. для ист. Осетин, стр. 50). Въ числѣ легендарныхъ именъ у Монголовъ встрѣчаются имена: Хухэ-монголъ; такъ Чингисъ ханъ наименовалъ свой народъ Беде, когда сдѣлался ханомъ (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong.,); Ихэ-монголъ—легендарный народъ, обитавшій, будто бы, въ Монголіи въ древности („Очерки“, II, 151), гдѣ ихэ (ихэ по монг. большой, великій) явилось на мѣстѣ хуху, можетъ быть, только по созвучію; ихэ мангысъ, чудовище, встрѣчающееся въ монгольскихъ сказаніяхъ (см. выше, стр. 191, вар. е). Можно подумать, что всѣ эти выраженія: хуху-мунгунъ, хухэ-монголъ, ихэ-монголъ, ихэ-мангысъ только разныя версіи; не было ли хуху-мунгунъ именемъ неба прежде, чѣмъ образовались названія для понятій о синемъ и о вѣчномъ? Первый членъ хуху въ татарскомъ переходитъ въ кокъ, что означаетъ не только синій, но и небо. Это какъ будто подтверждаетъ догадку, что „хуху“, „кокъ“ означало прежде небо. Конечно люди сначала дали имя небу „кокъ“, а потомъ это же имя стали употреблять въ значеніи „голубой“. Для отвлеченія понятія о голубомъ, что можетъ служить лучше неба? Одна изъ приведенныхъ формъ ихэ-мангысъ въ сказаніи является во враждебномъ отношеніи къ мѣсяцу; такъ какъ подъ враждебнымъ мѣсяцу существомъ, какъ мы постараемся показать это ниже, нужно

разумѣть созвѣздіе Б. Медвѣдицу, то и подъ ихэ-мангысомъ можно разумѣть его же. Существомъ, враждебнымъ Аю-бодисатвѣ, подъ которымъ повидимому скрывается мѣсяцъ, является Минганъ, см. стр. 310. Въ сказаніи о Гессерѣ ханѣ упоминается Mangu, гороподобный тигръ, свирѣпствующій на сѣверѣ и поѣдающій людей (ст. Шотта въ Abhandl. v. Acad. d. Wissenschaft. zu Berlin, 1851, S. 271). У Рыбникова (Рыб., IV, 261) въ числѣ заговоровъ помѣщенъ одинъ подъ названіемъ: „призоръ отговаривать“. Онъ состоитъ изъ трехъ частей; въ первой говорится: есть синее море, на немъ синій островъ, на островѣ синій камень, на камнѣ синій человѣкъ, держитъ синій лукъ; во второй: есть серебряное море, на немъ серебряный островъ, серебряный камень, серебряный человѣкъ, держитъ серебряный лукъ; въ третьей: Мугай море, Мугай-островъ, Мугай птица. Въ первыхъ двухъ частяхъ какъ будто переводъ монгольскаго хуху мунгунъ; нашъ заговоръ какъ будто идетъ отъ какого-то монгольскаго заговора, содержащаго въ себѣ члены хуху и мунгунъ, изъ которыхъ первый переданъ словомъ „синій“, а второй, вмѣсто „вѣчный“, переведенъ словомъ „серебряный“ (мунгунъ—серебро). Форму Мугай ср. съ монгольскимъ могай, „змѣя“, которое, можетъ быть, произошло отъ одного корня съ „мангысъ“ чрезъ опущеніе носоваго и въ родѣ того, какъ монгольское мангысъ въ якутскомъ переходитъ въ могусъ.

7) Къ стр. 36. Обычай не давать изъ дома въ извѣстный день существовать на Кавказѣ. Абхазская семья чтитъ день, въ который громомъ убита скотина, и ничего не даетъ изъ дома въ этотъ день, говоря, что ожидаетъ посѣщенія Афы (Сбор. свѣд. о Кавк. горц., в. V, ст. Религ. вѣров. Абхазц., стр. 16—17). Въ Чечнѣ у Ингушей считается за грѣхъ противъ мѣстныхъ духовъ, аульныхъ патроновъ, работать въ праздники, давать что либо изъ дома въ день извѣстнаго праздника, особенно огонь. Когда случится несчастье, Ингушъ гадаетъ; ворожея говоритъ, что у него „гамъ“, согрѣшеніе противъ такого-то святаго или такого-то дня. Ингушъ общается въ этотъ день не работать и ничего не давать. Гиляки слѣдятъ, чтобы никто не выносилъ огня изъ юрты (Посмерт. зап. адмир. Невельскаго, стр. 127). Айны не выносятъ огня изъ юрты, если въ домѣ есть больной (Депрерадовичъ, Этнограф. очеркъ южнаго Сахалина въ Сборн. свѣд. о Сибири, изд. Миллютинымъ, стр. 25). Въ Малороссіи повѣрье: когда въ домѣ есть поворожденное дитя, не слѣдуетъ ничего давать изъ дома постороннимъ, особенно огонь, иначе вѣдьма можетъ отнять у дѣтей сонъ (Н. Данильченко, Этногр. свѣд. о Подольск. губ., Кам. Под. 1869, в. 1, с. 29). Въ Нижегородской губ. иногда не даютъ по пятницамъ.

8) Къ стр. 37. Объ обычаѣ Абхазцевъ выставлать убитаго громомъ человѣка или убитую скотину на вышкѣ въ 1½ саж. высоты, при чемъ родственники убитаго пляшутъ и благодарятъ Афы (громовника) за посѣщеніе, см. въ Сборн. свѣд. о Кавк. гор., в. V, ст. „Религ. вѣров. Абхазцевъ“, стр. 16—17. О погребеніи на вершинахъ нагорныхъ деревьевъ у Киданей и Шивзевъ см. у о. Іоакина: Собраніе свѣд. о народ. Средн. Азии,

ч. II, стр. 91 и 93. У Якутовъ на деревьяхъ въ старину хоронили шамановъ: на деревѣ устраивалась площадка, куда клали трупъ, котелокъ, деревянную ложку, топоръ, ножъ и бубень. (Сборн. газеты Сибирь, С-Пб., 1876, стр. 414). О томъ же обычаѣ у Тунгусовъ и Юраковъ въ Туруханск. краѣ см. въ ст. Третьякова въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 382, 398. Помость по тунгуски называется шривко. Остяко-самоѣды и Васюганскіе Остяки устраиваютъ подобные помосты только для складыванія припасовъ; первые называютъ ихъ клезъ, вторые—лугасъ.

9) Къ стр. 37. Бурятскій обычай класть покойника между колодами напоминаетъ погребеніе св. Глѣба: „Глѣбу же убьену бывшу и повержену на брезѣ межи двѣма колодами“. Лавр. лѣт., изд. 1872, стр. 134. У Тунгусовъ умершихъ женщинъ чаще всего заваливаютъ деревьями, положивъ на землю (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 383).

10) Къ стр. 39. О клятвѣ на шкурѣ медвѣдя разказываютъ многіе путешественники по Сибири. Въ другихъ случаяхъ упоминается цѣлованіе дула ружья или лизанье стрѣлы (Фишеръ, Спб. Ист., 421). У Васюганскихъ Остяковъ по сообщенію свящ. о. П. Краснова христіанская присяга не дѣйствительна; преступленія, воровство, обманы, нарушенія супружеской жизни открываются посредствомъ языческой клятвы, совершаемой надъ черепомъ медвѣдя, а такъ какъ его трудно найти, то большею частью надъ медвѣжьей шкурой. Приводимый къ присягѣ беретъ шкуру, кусаетъ ее и треплетъ зубами, при этомъ ворчитъ, подражая медвѣдю, и произноситъ слѣдующія слова: „если я сдѣлалъ то-то и то-то, то пусть меня, такого-то, выпѣшнимъ же годомъ найдетъ гдѣ-нибудь медвѣдь и пусть поступитъ со мною также, какъ я теперь поступаю съ его шкурой“. Кусать и трепать зубами шкуру медвѣдя при присягѣ значить кусать и трепать самого медвѣдя, который, по понятіямъ Остяковъ, все знаетъ: Остяки вѣрятъ, что ложно принявшій присягу, не умретъ естественною смертію, но она непременно послѣдуетъ отъ медвѣдя. Всякая смерть отъ медвѣдя Остяками объясняется обыкновенно или тѣмъ, что или погибшій принималъ ложную присягу или когда-нибудь дурно говорилъ или дурно думалъ о медвѣдѣ. О женѣ жилъ каменнаго барана для открытія воровства у Камчадаловъ см. у Крашенинникова, Опис. Камч., II, стр. 23. Перьями хранятъ послѣды домашнихъ животныхъ на случай потери ихъ и вѣрятъ, что если пожечь послѣдъ, то животное само прибѣжитъ домой (Мозель, Пермская губернія, стр. 569). Въ сказкахъ часто разказывается о покровительствующихъ звѣряхъ или птицахъ, которые прибѣгаютъ, когда ихъ волосы или перья были пожжены (Сбор. свѣд. о Кавк. горц., в. 2, стр. 30; Тр. Курск. стат. комитета, 1863, кн. I, стр. 531).

11) Къ стр. 40. Къ тюркскимъ формамъ имени бубна близко также якутское дюгуръ, образовавшееся изъ урянхайскаго тюнгуръ чрезъ выпаденіе носоваго н; у Качинскихъ и Черневыхъ Татаръ „туръ“ вслѣдствіе полнаго выпаденія носоваго звука. Остяко-самоѣды на Оби по сообщенію г. Григоровскаго называютъ бубень лынтыртъ; Остяки по Васюгану (по

сообщ. св. Краснова)—конимъ. Кроме того, у Васюганскихъ Остяковъ есть еще струнный инструментъ, который мѣстные Русскіе зовутъ домра, а Остяки нана-юхъ (нана—струна, юхъ—дерево); домра имѣетъ 5 струнъ изъ оленьихъ жилъ; устройство ея походитъ на гитару, только декъ ея безъ отверстія. Домра, какъ и бубень, имѣетъ важное значеніе для шамана. (Сообщ. св. Краснова). У Остяко-самоѣдовъ, по словамъ г. Григоровскаго, струнный инструментъ, употребляемый шаманами, называется лынтырса-гвоздь.

12) Къ стр. 40. Бурятское хэсэ (еще у Нила. Будд., стр. 354) ср. съ айинскимъ бацо (Добротворскій, Аинскій словарь, Изв. Казанск. унив., 1875, № 2, стр. 43) и съ хасъ у енисейск. Остяковъ (Третьяковъ, въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 428). Третьяковъ сообщаетъ слѣдующія названія бубна: торацкое пензеръ, по самоѣдски фэддізъ, по тунгуски уптоунъ (ibid.). По ороchonскіи, какъ значитъ на этикетѣ бубна, хранящагося въ И. Р. Геогр. Обществѣ, хунтунъ.

13) Къ стр. 40. Бубны упоминаются путешественниками у Самоѣдовъ, Остяковъ, Лопарей, Якутовъ, Тунгусовъ. Самоѣдскій бубень или пензеръ походитъ на рѣшето; одна сторона его выстѣ съ боками обтянута кожей убитаго оленьяго теленка, а другая остается открытою; внутри пензера по срединѣ проведена перекаладина и отъ нея въ одинъ изъ боковъ другая; перекаладина эти служатъ вмѣсто рукоятки (Этногр. Сборн., IV, стр. 60). Судя по этому описанію, крестообразной фигуры изъ поперечинъ въ самоѣдскомъ бубнѣ не образуется. На обѣихъ перекаладинахъ по тому же описанію вырѣзывается по семи идольскихъ лицъ „для означенія уважаемаго ими седмиричнаго числа“, ibidem. Ср. съ рисункомъ древняго распятія у Didron'a, *Annal. archeolog.*, t. III, p. 359.

Въ Туруханскомъ краѣ бубень односторонній; внутри бубна поперечина, по тунгуски называемая дзявалганъ; на ней вырѣзаны идольскія лица (Третьяковъ, Зап. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 429). На наружной сторонѣ намалевываются изображенія духовъ въ видѣ людей, звѣрей, птицъ, рыбъ и чего-то въ родѣ ящерицы и огромнаго паука (стр. 429). У Качинскихъ Татаръ (по рукоп. сообщ. г. Катанова) бубень называется тюръ, имѣетъ желѣзную поперечину съ привѣсками изъ желѣза, которые называются „хонгра“. На внутренней сторонѣ бубна изображаются черной краской разныя фигуры: линіи, имѣющія видъ молніи, кружки, изображающіе бубны, фигуры людей, державшихъ въ рукѣ бубень, то-есть фигуры шамановъ.

Ороchonскій бубень, хранящійся въ музеѣ Русск. Геогр. Общ. въ Петербургѣ, имѣетъ 4 четв. длины, $2\frac{1}{2}$ ширины, яйцевидной формы, подобно лопарскому, т. е. клинообразно суживающійся книзу, обтянутъ кожей только съ одной стороны. На открытой сторонѣ, вм. деревянныхъ поперечинъ, протянуты, сплетенные изъ ремней, тяжи, идущіе крестообразно; въ пунктѣ скрещенія помѣщено кольцо, къ которому и прикрѣплены четыре тяжа своими внутренними концами, вышніе же концы ихъ передъ прикрѣпленіемъ къ ободу первоначально раздвигаются, а нижній дѣлится даже на

три вѣтви. Концы вѣтвей укрѣплены за проволоочныя скобки, вбитыя въ ободъ. Кромѣ тѣхъ скобокъ, къ которымъ прикрѣплены тѣжи, въ ободѣ съ внутренней стороны вбито еще 8 скобокъ, четыре въ верхней половинѣ бубна и двѣ внизу; на нихъ привѣшены желѣзныя погремушки.

Бубны Чукчей отличаются, кажется, тѣмъ, что вмѣсто поперечины внутри бубна имѣютъ вѣшную ручку, придѣланную съ боку, такъ что бубенъ напоминаетъ форму зажигательнаго стекла, или круглаго китайскаго вѣера. Такіе же бубны употребляются и у дикарей сѣверозападной части Сѣверной Америки; образцы такихъ бубновъ находятся въ антропологическомъ музеѣ Академіи Наукъ. Одинъ Кятаецъ въ Кобдо передавалъ мнѣ, что въ Китаѣ гадалщики употребляютъ бубны съ ручкой; мнѣ не довелось видѣть такого бубна, но въ Кобдо въ рукахъ одного китайскаго ребенка я увидѣлъ игрушку, которая состояла изъ маленькаго, веревочъ въ діаметрѣ, двусторонняго бубна съ ручкой, прикрѣпленной къ ободу снаружи. Съ боку такого бубна на ремешкѣ была привѣшена колотушка, которая при быстрыхъ вращеніяхъ игрушки въ рукѣ била по бубну снаружи. Изображенія на нѣкоторыхъ менгирахъ сѣверной Монголіи, состоящихъ изъ кружка съ вертикальной чертой („Очерки“, II, табл. XI, XII, XIV) намекаютъ, можетъ быть, что форма бубновъ съ наружной ручкой была въ употребленіи и въ Монголіи. Чѣмъ болѣе ручка представляется удлинненною, тѣмъ форма бубна будетъ ближе подходить къ формамъ струнныхъ инструментовъ; не изъ бубновъ ли они образовались у народовъ Сѣверной Азии? Первые музыкальные инструменты у Тюрковъ, говоритъ Вамбери (*Die primit. Cultur*, S. 145), по видимому, были ударные; на это указываетъ глаголъ *calmak*, „играть на музыкальномъ инструментѣ“, собственно „бить“. Говорятъ *kobuz calmak*, бить на скрипкѣ, *boqu calmak*, бить на трубѣ, и т. п.

14) Къ стр. 41. Деревянная поперечина отличается въ бубнахъ Алтайцевъ и Черневыхъ Татаръ; у первыхъ она имѣетъ вверху изображеніе человѣческаго лица, внизу раздвоеніе; у Черневыхъ Татаръ вертикальная поперечина имѣетъ видъ доски, на которой вырѣзаны только украшенія въ видѣ повторяющейся фигуры V или V. Различіе въ типѣ алтайскаго бубна отъ бубна Черневыхъ Татаръ обнаруживается и на рисункахъ, сдѣланныхъ на кожѣ, какъ увидимъ ниже.

15) Къ стр. 43. Разсматривая подробнѣе рисунки на алтайскихъ бубнахъ, замѣчаешь, что нѣкоторые изъ нихъ представляютъ постепенное упрощеніе изображенія самаго бубна. На табл. VI, рис. 55 представлены три человѣческія фигуры, держащія бубны, внутри которыхъ изображены перекрещивающіяся поперечины; эти изображенія по своей простотѣ уже приближаются къ тѣмъ кругамъ съ крестообразнымъ рисункомъ внутри, которые видны внизу на рис. 55 и также на рис. 56. Тотъ же характеръ крестообразнаго рисунка развѣтывается и во всю величину бубна на рисункахъ табл. X, ф. 65 и 66, табл. VIII, ф. 60 и т. VI, ф. 56. Что эти крестообразныя фигуры произошли отъ бара, свидѣлствуютъ изображенія человѣческаго лица, иногда появляющіяся на верхнемъ концѣ креста,

какъ на табл. X, рис. 65 и 66. Крестообразныя фигуры, рис. 56, имѣютъ большое сходство съ фигурами, изображенными на концахъ глиняныхъ цилиндровъ, отрываемыхъ въ могильникѣ у Виллановъ въ Итали и относимыхъ къ доэтрусскому времени; см. Mortillet, *Le signe de la croix avant le christianisme*, Paris, 1866, на стр. 80 или 95—96, особенно фигуры 38, 37 и 40, или 44, 45 и 47. Иногда число параллельныхъ линий въ кругѣ сокращается до того, что все изображеніе состоитъ только изъ круга съ крестомъ внутри; такія фигуры мы имѣемъ на бубнѣ, представленномъ на рис. 64, а также на табл. XIII, на рис. 68 и 69; эта послѣдняя форма ближе всего къ ф. 38 у Mortillet. Вертикальная поперечина, несомнѣнно, представляетъ человѣка; на это указываетъ человѣческое лицо и названіе пути „ноги“, придаваемое нижнему раздвоенію. Фигура бара имѣетъ близкое сходство съ изображеніями людей на тѣхъ же бубнахъ; ср., напримѣръ, человѣческія фигуры на рис. 53, 55 съ изображеніемъ бара на рис. 53. Изображенный на ф. 65 у Mortilletъ египетскій іероглифъ, такъ называемый *tau egyptien* или *croix ansée*, напоминаетъ баръ нашего рис. 53, только не имѣетъ раздвоенія внизу.

Интересно также сравнить изображенія на бубнахъ съ фигурами, встречающимися на джучидскихъ монетахъ; эти фигуры представлены у насъ на табл. I, рис. 18—26. Номера 24, 25 и 26 особенно напоминаютъ баръ на табл. V, рис. 53; номеръ 22 какъ будто представляетъ баръ съ раздвоеніемъ и частью обода; номеръ 20 есть повтореніе номера 22; номера 18 и 19, можетъ быть, видоизмѣненіе той же формы; фиг. 27 и 28 взяты съ китайскихъ чашекъ; это, по видимому, осложненіе номера 18; фиг. 23, взятая съ джучидской монеты, представляетъ одну верхнюю часть фигуры 27-й; фиг. 21 также съ джучидской монеты повторяется на изображеніи ф. 28 внизу.

Изображеніе креста съ раздвоеннымъ нижнимъ концомъ встрѣчается и на древнихъ христіанскихъ памятникахъ. На нашихъ рисункахъ, табл. IV, ф. 51, т. V, ф. 53, по сторонамъ головы бара представлены два кружка, изображающіе, по всей вѣроятности, солнце и луну; ср. съ изображеніями у Didron, *Annal. archeolog.*, т. I, рисунокъ къ ст. „*Dalmatique imperiale*“, и т. III, р. 359 (распятіе: на правомъ концѣ диска съ изображеніемъ солнца, на лѣвомъ луны), р. 360 и наконецъ т. I, р. 57: миниатюра изъ реймской библиотеки, находящаяся въ книгѣ *Liber pontificalis*. Человѣческая фигура съ разставленными ногами и поднятыми руками, представляющая *Air*, изображена на поверхности круга; съ правой стороны головы изображено солнце, съ лѣвой—луна; по окружности расположено 9 музъ, а ближе къ центру представлены три великихъ музыканта древности: Аріонъ, Пивагоръ и Орфей. Появленіе крестообразной фигуры на бубнахъ не можетъ быть приписано вліянію христіанства: оно явилось, какъ видно, вслѣдствіе копирования бара; можетъ быть и монгольскій знакъ хасъ, представл. во II выпускѣ „Очерковъ“ на табл. XXVI, ф. 1, а также клейма въ видѣ креста, тамъ же ф. 20, и въ настоящемъ выпускѣ, т. I, ф. 8, происходятъ отъ изображенія бубна съ баромъ внутри. Самое монгольское названіе знака хасъ напо-

минаетъ бурятское имя бубна хэсэ (аинск. вацо) и остяцкое его имя хасъ (Третьяковъ, Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн., т. II, 428). Крымскіе Татары также крестъ называютъ „хачъ“ (Кондараки: Опис. Крыма, т. III, ч. XI, стр. 24); тѣмъ же именемъ „хачъ“, „ghac“ крестъ назывался и у Кумановъ или Половцевъ. Blau (Zeitschr. D. Morg. Gesell., XXIX, стр. 572) едва ли справедливо относитъ это обстоятельство къ слѣдамъ знакомства Половцевъ съ христіанствомъ. Киргизы клеймо въ видѣ креста зовутъ „чекъ“, Алтайцы „саракай“, Пермьки „перна“ (Роговъ, Пермск. Слов., стр. 266). Васюганскіе Остяки, по сообщенію свящ. о. П. Краснова, изображеніе креста называютъ „пирня“. У Волжскихъ Калмыковъ крестообразная тамга называется цагрыкъ; тѣмъ же именемъ Калмыки зовутъ верхній обручъ юрты (киргизское чангаракъ, монгольское харачи), который имѣетъ внутри двѣ пары перекрещивающихся поперечницъ (П. Небольсинъ, Очер. Хошут. улуса, стр. 35). Монг. харачи ср. съ карачеями; см. выше, прим. 21 къ I гл.

16) Къ стр. 45. Изображенія на бубнахъ Черневыхъ Татаръ сильно разнятся отъ алтайскихъ; вмѣсто бара, криша и погремукъ здѣсь представляются обыкновенно два міра, наземный и подземный, раздѣленные горизонтальной линіей, которая дѣлитъ бубень на двѣ половины: верхнюю и нижнюю. Такое же дѣленіе бубна и представленіе двухъ міровъ представлены и на остяцкомъ бубнѣ, рисунокъ съ котораго былъ доставленъ въ Геогр. Общество д. чл. А. И. Савельевымъ и копія съ котораго представлена у насъ для сравненія на табл. XI, ф. 63. Этотъ рисунокъ скопировать А. И. Савельевымъ съ бубна, выставленнаго на съѣздѣ ориенталистовъ въ Петербургѣ въ 1876 г.; бубень принадлежитъ антропологическому отдѣленію музея Академіи Наукъ; Обдорскій Остякъ Собринъ, находившійся на съѣздѣ, на разпросы А. И. Савельева, призналъ этотъ бубень за остяцкій. Еслибы это указаніе подтвердилось, оно могло бы вести къ заключенію о расселеніи племени; тогда можно было бы думать, что есть какая-то племенная связь у Черневыхъ Татаръ съ болѣе сѣверными Остяками. Здѣсь кстати замѣтить, что Черневые Татары и еще одной чертой напоминаютъ Остяковъ: они умѣютъ ткать изъ крапивы и конопля, знаніе, распространенное и у Остяковъ, но неизвѣстное, кажется, сосѣдямъ Черневыхъ Татаръ, ни Алтайцамъ, ни Качинскимъ Татарамъ, ни Урянхайцамъ. На бубнахъ Лопарей, представленныхъ у Шеффера (Ioannis Schefferi, Laponia, Francforti, 1672, стр. 125), есть раздѣленіе и горизонтальной и вертикальной линіей.

17) Къ стр. 45. Украшеніе ломаной линіей встрѣчается на желѣзныхъ бляхахъ на плащахъ тунгусскихъ шамановъ; см. ниже, а также „Очерки“, II, табл. XI, рис. 28 а.

18) Къ стр. 45. Именемъ Бура называется также и тотъ конь, на которомъ шаманъ поднимается на небо или спускается въ подземное царство Ерика. Эти формы бура и боргазы сходны съ варіантами названія тала по-монгольски; вообще таль (Salix) Монголы называютъ бургазунъ (Алтайцы произносятъ боргазынъ), а нѣкоторые виды его бура. Такъ какъ бубень тоже иногда представляется конемъ, на которомъ шаманъ ѣздитъ въ міръ духовъ,

то, слѣдовательно, самими шаманистами мненическій конь буры или боргазы отождествляется съ бубномъ. Можетъ быть названія мненического коня суть только версія названія бара, который называется еще: боры, борзы; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что названія бара переходятъ иногда и на весь бубень; такъ Монголы около Кобдо зовутъ иногда бубень баромъ; говорятъ: бартай бо, т. е. „шаманъ, имѣющій бубень“. Если форма борзы дѣйствительно придавалась мненическому коню, то это даетъ поводъ не разсматривать слово фаразъ, „конь“ въ сказкѣ объ Урусланѣ Залазаревичѣ (Тихонравова, Лѣтоп. русск. литерат., IV), какъ арабское; оно могло попасть въ нашу сказку прямымъ путемъ, какъ сѣверноазиатское имя мненического коня. Арабское фаразъ, можетъ быть, также пришло къ Арабамъ съ востока; извѣстно, что семитическій міръ позднѣе Туранцевъ узналъ коня, какъ домашнее животное; на египетскихъ памятникахъ изображеніе коня является только послѣ нашествія Гиксовъ.

Воображаемый конь, на которомъ шаманъ отправляется въ міръ духовъ, у Алтайцевъ называется Буры или Аргамакъ. Словомъ аргамакъ въ западномъ Туркестанѣ означаетъ арабскую породу лошадей; въ этомъ значеніи это слово вошло въ употребленіе и у Русскихъ. Начало слова нужно искать въ сѣверной Азіи; вѣроятно этимъ именемъ назывался здѣсь самъ громовникъ; другое имя этого коня, Буры, есть, вѣроятно, другое наименованіе громовника; ср. стр. 139 и 141, вар. 4 и 14; есть монгольское повѣрье о чудовищѣ усунай архамыкѣ, живущемъ на двѣ большихъ озерахъ, то-есть тамъ, гдѣ по одному повѣрью зимуетъ громовникъ. Мненическій характеръ слова аргамакъ сохранился и на западѣ. У Черемисовъ называютъ аргамаками изображенія лошадей, коровъ, быковъ, птицъ и пр., сдѣланные изъ сладкаго тѣста, и приносимы ими въ жертву водышамъ (Знаменскій, Горн. Черемисы въ Вѣстн. Евр., 1867, декабрь, стр. 54); Чуваши называютъ эти приноски оргамакъ и приносятъ ихъ въ жертву Керемети (Магнитскій, Матер. къ объясн. стар. чуваш. вѣры, Каз., 1881, стр. 11). Бурятское аргалынъ-занъ, названіе мненического звѣря, живущаго только подъ землей, началомъ своимъ сходно съ архамыкѣ или аргамакъ; разница заключается только въ замѣнѣ окончанія макъ и мыкъ другимъ окончаніемъ лыкъ (лунъ?). Можетъ быть въ имени богатыря Урызмага въ нартовскихъ сказаніяхъ сѣвернаго Кавказа мы найдемъ не что иное, какъ ту же форму только съ переходомъ г въ з. Имя это въ нарѣчіяхъ Кавказа варьируется такимъ образомъ: Урызмагъ, Урызмегъ, Урызмакъ, Урызманакъ (Шифнеръ, Осет. Тексты, с. 20), Урузманъ (Сб. св. о Кавк. горц., в. VIII, ст. Ингуши, стр. 33; ср. рузмакъ, „пятница“ по аварски на Кавказѣ).

Киргизское повѣрье называетъ предкомъ всѣхъ лошадей Джуппара (см. „Очерки“, вып. II, стр. 152); вѣроятно и это имя было первоначально именемъ громовника. Татарское айгырь, жеребецъ, также имѣло повидимому мненическій характеръ; Вамбери указываетъ на мненическое турецкое aigir, уйгурск. atkir, Ungebeuer, сказочное животное, то же что у Персовъ Gul-i-bijaban.

19) Къ стр. 45. Переводъ слова керъ-балыкъ русскимъ „китъ“ показываетъ, что подъ этимъ именемъ въ сказкахъ разумѣлось морское чудовище. Познакомившись съ Русскими, Алтайцы впервые, вѣроятно, услышали о китѣ и подъискавшему подходящее имя изъ сказочной терминологіи. Въ одной минусинской сказкѣ (Mel. asiat. d. Ac. Imp. des Sc. de SPb., t. III, l. 4, p. 376) дѣйствительно является Киропалакъ, въ море къ которому Катай-ханъ бросаетъ дѣтей Акъ-кана; у Радлова (Proben, II, 469) дитя женщины Ала-Мангныкъ брошено въ море на съѣденіе Керъ-палыку. Одно изъ брошенныхъ дѣтей, мальчикъ, впоследствии становится богатыремъ Ай-Долеемъ; ай мѣсяцъ по татарски: долей напоминаетъ финскій корень въ именахъ мѣсяца: тѣмъсь, тѣмъсь, тыльза и т. п. Не разумѣется ли въ этой сказкѣ подъ моремъ небо? Подъ брошенными въ море можетъ быть слѣдуетъ разумѣть луну и еще какоснибуди другое свѣтило, а подъ чудовищемъ Киропалакъ Большую Медвѣдицу. У Византія Тцеттеса Азовское море называется Каггалукъ. Нашебылинное Пилигримище или Бѣлогримище, которое распадается на пили и гримище, такъ какъ иногда замѣщается формой Угрюмище, не есть ли только перестановка тѣхъ же членовъ? Есть, кажется, поводъ и въ Пилигримищѣ видѣть морское чудовище; это имя замѣщается иногда именемъ Андронище, которое, по всей вѣроятности, одно съ именами Бѣлояндрихъ, Индрихъ-звѣрь, Индрія Голубиной книги и индѣрь, именемъ мамонта въ областномъ говорѣ Воронежской губерніи; Чулымскіе Татары мамонта называютъ „геръ“, что сходно съ первымъ членомъ имени Керъ-балыкъ; второй же членъ послѣдняго имени близокъ ко второму члену бурятскаго ха-палахъ „тюлень“. Пилигримище является покрытый колоколомъ, что напоминаетъ въ другихъ сказаніяхъ нерѣдко встрѣчающихся персонажей, покрытыхъ котломъ, т. е. по толкованію Маннгардта, сводомъ небеснымъ (Germ. Myth., 193). Въ чуйской долині въ Алтаѣ есть рѣчка Джеръбалыкъ „земляная рыба“, что, вѣроятно, есть только искаженіе имени Керъ-балыкъ. Было бы интересно собрать варианты этого имени у другихъ инородцевъ Сибири: судя по рисункамъ на остояцкомъ бубнѣ, представленномъ нами на табл. XI, ф. 63, можно думать, что представленія о Керъ-балыкѣ, т. е. морскомъ чудовищѣ, есть и у Остяковъ. У Албанцевъ *кара-боулахон*, журавль; Hahn, Alban. Stud., III, 195. Ср. также татарскія названія калины: *koropala*, *karabalam* (Анненковъ, Бот. Слов., стр. 378).

20) Къ стр. 46. Клеймо въ видѣ кружка съ точкою въ центрѣ встрѣчается и у Самоѣдовъ. См. у Кушелевскаго, Сѣв. пол. и земля Ялмалъ, стр. 66.

21) Къ стр. 48. Бубенная колотушка у Самоѣдовъ называется ладуранцъ; она обтянута оленью кожей; на рукояткѣ вырѣзано лицо идола (Этн. сб., IV, стр. 60). У Якутовъ колотушка называется булаяхъ; тѣмъ же именемъ Якуты называютъ цѣльную переднюю ногу скотины съ лопаткою (Порядинъ, Рукоп. як. слов.). У Нила (Буддизмъ, стр. 354) приводится, какъ бурятское имя колотушки, холбого. На этикетѣ при ороchonской колотушкѣ, хранящейся въ музеѣ Географ. Общества въ Петербургѣ, она названа гасъ; она имѣетъ

видъ линейки съ суженнымъ въ видѣ рукоятки концомъ; одна сторона ея покрыта кускомъ оленьей шкуры шерстью вверхъ, остальная поверхность покрашена въ красный и черный цвѣтъ; на рукояткѣ вырѣзана фигура четырехконечнаго креста, ромбическими расширеніями на концахъ напоминающая отчасти крестъ у Аспелина (Antiquités, III, № 1121). О гаданіи бросаніемъ лопатки см. у Третьякова (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 431); паденіе выпуклой, покрытой шерстью стороной вверхъ предвѣщаетъ счастье. По поводу приведенныхъ нами въ „Очеркахъ“, II, стр. 84, 86, терминовъ тѣрикъ и ойго въ Сибирской Газетѣ, 1882, № 16, стр. 387, сдѣлана г. Адриановымъ такого рода поправка: колотушка всего легче и чаще падаетъ при бросаніи на выпуклую сторону и шаманъ всего охотнѣе предвѣщаетъ счастье, почему тѣрикъ означаетъ счастье; если колотушка падаетъ выпуклой стороной вверхъ—ойго, это сулитъ несчастье. Г. Адриановъ видитъ въ этомъ его показаніи несогласность съ нашимъ, но перечитавъ стр. 84 и 86 своей книги, мы убѣждаемся, что новое показаніе г. Адрианова относительно значенія того или другаго образа паденія колотушки противорѣчитъ Третьякову, съ нашимъ же совпадаетъ. Или несогласіе показаній нашего и г. Адрианова заключается не въ толкованіи образа паденія колотушки, а въ примѣненіи терминовъ тѣрикъ и ойго къ сторонамъ ея? Слова эти, какъ видно изъ словаря Поридина, извѣстны и Якутамъ: тѣрикъ—ворожба упаденіемъ вверхъ брошеннаго знакомъ къ верху; уйгу—обиліе, богатство; хойгуо—1) затеска на лѣснахъ образа идола, 2) койло (ср. самоѣдское хайго, молнія). Тунгусы кидаютъ медвѣжью лапу и по паденію ея узнаютъ: былъ ли онъ людоедъ или нѣтъ? если она упадетъ подонной вверхъ, это значить, что онъ не пробовалъ человѣческаго мяса; въ такомъ случаѣ его можно ѣсть (Зап. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 487). Монгольское названіе колотушки тахѣуръ „плеть“ соответствуетъ представленію о бубнѣ, какъ о копьѣ, на которомъ ѣздитъ шаманъ.

23) Къ стр. 49. Плащъ самоѣдскаго шамана шьется изъ оленьей кожи и утирается кистями, бляхами, пуговицами и другими привѣсками (Этн. сб., IV, стр. 60); у шамановъ Туруханскаго края желѣзными или оловянными изображеніями звѣрей, птицъ и пр. (Зап. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 427). Плащъ у сагайскихъ и качинскихъ шамановъ шьется изъ бараньей кожи. Наружныя украшенія шубы состоятъ изъ ремней „хасъ“, лентъ изъ разныхъ матерій „сюбрекъ“ и желѣзныхъ привѣсковъ или бубенчиковъ „хонгра“ (Рукоп. сообщ. г. Катанова).

Въ петербургскихъ музеяхъ найдено нами только 7 шаманскихъ плащей, пять въ Географическомъ Обществѣ и два въ антропологическомъ отдѣленіи музея Академіи Наукъ. Послѣдніе два по типу, по видимому, тунгусскіе изъ Восточной Сибири; въ Географическомъ Обществѣ два того же типа, одинъ ороchonскій съ Амура и три недавно присланы г. Адриановымъ съ Алтая. Прилагаемъ описаніе этихъ плащей (за исключеніемъ присланныхъ г. Адриановымъ), изъ котораго будетъ видна важность числа семи у шамановъ.

Плащи въ музеѣ Русск. Геогр. Общества:

а) Шаманскій плащъ, доставленный г. Маакомъ. На задней сторонѣ плаща нашиты металлическія привѣски въ девять горизонтальныхъ рядовъ; самый верхній рядъ состоитъ изъ семи сферическихкихъ мѣдныхъ ширкунцевъ; слѣдующіе шесть рядовъ состоятъ изъ плоскихъ желѣзныхъ пластинокъ, подвѣшанныхъ къ кольцамъ попарно; эти пластинки, длиною отъ 8 до 11 см., имѣютъ ланцетовидное очертаніе; въ каждомъ ряду по семи паръ такихъ пластинокъ, за исключеніемъ верхняго, въ которомъ 10 паръ и нижняго съ 9 привѣсками. Еще ниже этихъ рядовъ рядъ трубчатыхъ привѣсокъ въ родѣ алтайскихъ кунгура; въ этомъ же ряду подвѣшены двѣ желѣзныя пластинки, вырѣзанныя въ видѣ четвероногихъ животныхъ; одна фигура напоминаетъ медвѣдя отсутствіемъ хвоста и опущенной головой; другая фигура имѣетъ длинный хвостъ. Кромѣ того на томъ же плащѣ находятся еще слѣдующія привѣски: на стоячемъ воротникѣ сзади посрединѣ мѣдная круглая бляха 7 см. въ поперечникѣ; у праваго плеча на воротникѣ такая же, украшенная узорами посредствомъ вдавленныхъ точекъ. Въ четвертомъ ряду желѣзныхъ привѣсокъ на срединѣ ряда прикрѣплена за середину желѣзная круглая бляха, украшенная узоромъ изъ концентрическихъ круговъ и прямыхъ черточекъ, расположенныхъ группами. Рукава снабжены желѣзными скобами, которыя прикрѣплены вдоль рукава; одна скоба пришта сзади рукава между плечомъ и локтемъ, другая между локтемъ и кистью руки. Подолъ плаща обшитъ бахромой изъ замшевыхъ ремней, которые имѣютъ до $\frac{3}{4}$ арш. длины. Къ одному изъ этихъ ремней привязано вырѣзанное изъ желѣзной пластинки изображеніе птицы; птица представлена сверху. На нагрудникѣ плаща сохранилась всего одна фигура; она также представляетъ птицу сверху, но вмѣсто одной вытянутой шеи, здѣсь ихъ двѣ.

б) Плащъ неизвѣстно откуда доставленный. Подъ воротомъ сзади двѣ круглыя бляхи изъ тонкой латуни съ выбитыми выпуклыми точками; длина бляхъ $5\frac{1}{2}$ см. Подъ ними къ спинкѣ плаща пришта рядъ круглыхъ плоскихъ (чечевицеобразныхъ) ширкунцовъ; они расположены попарно: всѣхъ паръ 9; десятая пара состоитъ изъ желѣзныхъ привѣсокъ въ видѣ пластинокъ; она помѣщена тутъ, можетъ быть, послѣ, за неимѣніемъ мѣста ниже. Подъ рядомъ ширкунцовъ находится пять рядовъ привѣсокъ, имѣющихъ видъ удлинненныхъ ромбоидальныхъ пластинокъ; такая пластинка имѣетъ въ нижнемъ концѣ разщепъ, а близко къ верхнему суженіе, что дѣлаетъ ее похожею на птицу безъ ногъ и крыльевъ, изображенную сверху. Въ третьемъ ряду находится мѣдная гладкая круглая бляха, прикрѣпленная за отверстіе въ срединѣ и желѣзный плоскій кружокъ съ большимъ круглымъ отверстіемъ въ срединѣ. На правомъ боку плаща желѣзная пластинка, вырѣзанная въ видѣ оленьяго рога съ 4 вѣтвями; подъ нею семь плотно, чешуеобразно налегающихъ, горизонтально нашитыхъ желѣзныхъ скобъ; на лѣвомъ боку также рогъ и подъ нимъ скобы. На плечахъ короткія скобы; на задней сторонѣ рукавовъ по двѣ длинныя скобы на каждомъ,

прикрѣпленные вдоль руки. Грудь прикрывается нагрудникомъ, на которомъ пришта желѣзныя украшенія; сверху подъ горломъ скоба, искривленная въ видѣ слѣпой воронки; подъ этой скобой семь изъ желѣзныхъ пластинокъ вырѣзанныхъ изображеній птицъ, головами обращенныхъ направо, т. е. къ лѣвому плечу шамана; шеи птицъ длинныя, высоко поднятыя. На уровнѣ верхней птицы, съ лѣвой и правой стороны, прикрѣплено по двѣ желѣзныя фигуры, изображающихъ птицъ сверху. Внизу у подола горизонтальная скоба въ родѣ такихъ, какъ на рукавахъ.

в) Ороchonскій шаманскій плащъ. Станъ плаща изъ замши, крылья покрыты широкимъ лоскутомъ, сшитымъ изъ 5 разноцвѣтныхъ горизонтальныхъ полосъ; эта пятицвѣтная пелерина пришта къ стану верхнимъ краемъ; крылья ея продолжаютъ вдоль рукавовъ и доходятъ до ихъ концовъ. Противъ спины къ нижнему краю этой пелерины придѣлано 11 треугольныхъ зубчиковъ съ кистями, а вдоль рукавовъ нижній край ея снабженъ бахромой изъ замшевыхъ ремней въ $1\frac{1}{4}$ арш. длиной; на концѣ каждого ремешка мѣдное колечко. Ниже поясницы сзади къ стану пришта другой лоскутъ, состоящій изъ семи цвѣтныхъ полосъ; онъ имѣетъ 4 пальца ширины; къ срединѣ этого цвѣтнаго лоскута прикрѣпленъ за середину жестяной кружокъ, украшенный выбитыми бородавками, расположенными концентрически; нижній край этого лоскута дѣлаетъ тупой уголъ внизъ; къ нему прикрѣпленъ узкій жентообразный надставокъ, къ нижнему концу котораго привязанъ мѣдный колокольчикъ. Подолъ стана обшитъ густой бахромой изъ замшевыхъ ремней, имѣющихъ до аршина длины.

Плащи въ музеѣ Имп. Академіи Наукъ:

г) Плащъ замшевый безъ воротника. На спинѣ семь горизонтальныхъ рядовъ желѣзныхъ привѣсокъ. Первый рядъ подъ воротомъ состоитъ изъ семи желѣзныхъ чечевицъ, подвѣшанныхъ за кольца. Второй рядъ: парныя пластинки на желѣзныхъ петляхъ. Длина пластинокъ 9 см.; пластинки имѣютъ видъ ланцетовидныхъ листьевъ; на наружной сторонѣ имѣютъ узоръ; уцѣлѣло только двѣ пары; для шести есть мѣста; слѣдовательно всѣхъ было 8, а не 7 паръ. Третій рядъ: семь паръ привѣсокъ; нѣкоторыя имѣютъ тотъ же видъ, какъ и предыдущія; другія въ видѣ линеекъ, на наружной сторонѣ украшенныхъ штрихами, обращенными острыми концами къ нижнему концу (не представляютъ ли они звѣриныя мѣха?); третій родъ привѣсокъ состоитъ изъ трубчатыхъ въ родѣ холбого или кунгура. Въ 4 ряду 5 паръ трубчатыхъ и одна пара плоскихъ привѣсокъ. Въ 5-мъ шесть паръ трубчатыхъ привѣсокъ; въ срединѣ пара плоскихъ ланцетовидныхъ; къ ней прикрѣплена желѣзная бляха 15 см. въ поперечникѣ; на бляхѣ изображены три птицы, изъ которыхъ одна большая съ разинутымъ ртомъ и приподнятыми крыльями; четвертая фигура изображаетъ животное вродѣ собаки, съ загнутымъ къверху хвостомъ. Въ 6-мъ ряду восемь паръ трубчатыхъ привѣсокъ; къ средней парѣ прикрѣплена круглая желѣзная бляха. Въ седьмомъ ряду шесть паръ трубчатыхъ привѣсокъ. На плечахъ прикрѣплено по одной круглой бляхѣ въ 7 см. въ поперечникѣ и по три квадрат-

ных; на рукавах по задней продольной линии двѣ желѣзные скобы длиною 22 см. Подолъ плаща снабженъ бахромой изъ замшевыхъ ремней длиною отъ 1 до 2 четв. арш. и болѣе. Спереди подъ горломъ желѣзная дужка съ выбитымъ на ней узоромъ. На груди двѣ мѣдныхъ пластинки, вырѣзанныя въ видѣ человѣческихъ фигурокъ (одна безъ головы). Подолы фигурокъ исчерчены вертикальными линиями, какъ-бы намекая на бахрामу изъ ремней; такая же бахрама намѣчена и вдоль рукавовъ, но ихъ нижней стороны отъ пазухи до вѣшняго конца; подъ горломъ проведена горизонтальная прямая линія; подъ ней у обѣихъ фигуръ семь точекъ, расположенныхъ въ горизонтальный рядъ; на животѣ два кружка, одинъ надъ другимъ, а выше ихъ двѣ точки, какъ будто сосцы. Ниже этихъ человѣческихъ фигурокъ сохранилась только одна фигура птицы, представленной съ боку; остальные растерялись. На бокахъ плаща, противъ реберъ шамана, по одной длинной линейной пластинкѣ, наложенной на плащъ горизонтально, параллельно ребрамъ человѣка.

д) Замшевый плащъ безъ воротника. Подъ воротомъ сзади нашиты четырехугольный длинный лоскутъ красного сукна, на которомъ бисеромъ вышиты кресты, вѣшнимъ очертаніемъ сходные съ крестомъ, изображеннымъ у Аспелина (*Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien*, III, стр. 230, № рис. 1121). Спина увѣшана четверугольными желѣзными бляхами 10 см. длиною; всѣхъ бляхъ около 70. Число рядовъ и вообще порядокъ прикрѣпленія трудно опредѣлить; бляхи навѣшаны густо и одна другую покрываютъ. Попадаютъ и грубчатые привѣски. На нѣкоторыхъ бляхахъ въ серединѣ выбиты фигуры въ родѣ андреевскаго креста. На рукавахъ нашиты узоромъ по локтевой задней поверхности цвѣтные треугольники изъ шерстяной матеріи; желѣзныхъ скобокъ нѣтъ. Подолъ плаща обшитъ бахромой изъ узкихъ ремней очень тонкой замши: бахрама въ 4 ряда; ремешки около 1 1/2 четв. длиною. Спереди грудь шамана прикрывалась нагрудникомъ; съ лѣвой стороны онъ прикрѣпленъ ремешками къ полѣ плаща, справа имѣетъ свободный край. Желѣзныхъ украшеній на немъ нѣтъ, но онъ расшитъ окрашенной шерстью и шнурами изъ замши. Подолъ нагрудника украшенъ бахромой.

25) Къ стр. 50. Словомъ „маньякъ“ въ Тульск. губ. называется падающая звѣзда; гдѣ она упадетъ, тамъ дѣвица лишилась невинности (ср. съ монгольскимъ повѣрьемъ о радугѣ [солонго], появленіе которой означаетъ воплощеніе божества въ утробѣ человѣческой). Въ Курск. губ. маньякъ—привидѣніе; маньячить—казаться, грезиться. Ср. Mannhardt, *Germ. Myth.*, 702: *manjak*, lat. *monia*. Маньякъ встрѣчается не разъ, какъ имя историческихъ лицъ въ южной Россіи (Ж. М. Н. Пр. XI, отд. II, с. 197 и 1872, кн. 12, стр. 272). У Бурятъ священная одежда шамана, увѣшанная погремушками, называется оргой (Ниль, Будд., 354). Ср. съ греческими представленіями о эгидѣ Юпитера, края которой были убраны молніеносными змѣями. Слово маньякъ (можетъ быть, правильнѣе мангякъ) первой своей половиной сходно съ названіемъ мнѣического змѣя у Монголовъ: мангысь. Ман-

лыкомъ въ Кульдѣжѣ Тюрки называютъ китайскую шелковую матерію съ изображеніемъ драконовъ.

24) Къ стр. 51. Выраженіе „шестигранный кусунгы мѣсяць наложившій“ (стр. 72) приравниваетъ кусунгы къ мѣсяцу. Монгольское „толи“ ср. съ остяцкимъ *toleze*, зырянскимъ *tolys*, „мѣсяць“. Въ повѣрьяхъ замѣчается связь между мѣсяцемъ и зайцемъ, названія же послѣдняго: монгол. тулай, алтайск. кузень. У Якутовъ: кусяга—1) желѣзный кружокъ, пришиваемый къ шаманской одеждѣ и означающій солнце и 2) роковое время (Порядинъ).

25) Къ стр. 51. Названіе Бурганъ-гапъ можно сближать съ именемъ Больш. Медвѣдицы, которая по монгольски называется Долонъ-Бурханъ; число семь, можетъ быть, соотвѣтствуетъ числу звѣздъ созвѣздія. Это число очень часто встрѣчается на изображеніяхъ, относящихся къ шаманскому культу; на нагрудникахъ тунгусскихъ шамановъ (см. табл. XXV) представлены семь фигуръ птицъ, можетъ быть лебедей, которые, вѣроятно, то же самое, что семь дѣвъ на плащѣ алтайскаго шамана, такъ какъ сказочныя дѣвы иногда превращаются въ лебедей и подъ этимъ видомъ летаютъ купаться на озеро. Такія мнѣическія дѣвы-лебеди существуютъ и въ азіатскихъ сказаніяхъ, и на татарскомъ нарѣчій называются Кукатынь, что значитъ „лебедь-жена“. Можно бы впрочемъ принять это слово за парное: ку татарское „лебедь“ и котанъ остяцкое „лебедь“. Въ виду сближенія этихъ мнѣическихъ дѣвъ-лебедей съ числомъ семь можно допустить, что и встрѣчающееся въ книжныхъ монгольскихъ сказаніяхъ Хонгъ-хотанъ (которое также сопоставляется съ числомъ семь; см. Труды Пек. дух. миссіи, т. IV, стр. 134 и 193, прим. 202), есть то же, что татарскія Кукатынь, дѣвы-лебеди. Самоѣды также почитаютъ число семь: по ихъ повѣрью темное божество Авъ-Весакъ имѣлъ семь лицъ; на поперечинѣ бубна они вырѣзываютъ семь лицъ (Этн. Сб., IV, с. 60). У инородцевъ Туруханскаго края сани, на которыхъ возятъ идоловъ, дѣлаются всегда на семи копыльяхъ съ изображеніями духовъ (Третьяковъ, Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 429). Группы изъ семи человѣческихъ или животныхъ фигуръ можно видѣть у Аспелина, *Antiquités du Nord Finno-Ougrien*, №№ 518 и 615.

26) Къ стр. 52. У бурятъ шапка шамана называется маяхаби или моя-хаби (Ниль, Будд., стр. 354). Самоѣдскіе шаманы также имѣютъ особую шапку, которой приписываютъ особенную важность; она называется „севбопцъ“ то-есть наглазникъ. (см. Этн. Сб., IV, стр. 60). У качинскихъ шамановъ шапка называется „бюрикъ“. У Васюганскихъ Остяковъ, по сообщенію святи. о. П. Краснова, —„ель-мюль“.

27) Къ стр. 54. Въ антропол. отдѣленіи музея Академіи Наукъ находится шаманскій вѣнецъ изъ мѣдной жести; онъ обозначенъ на этикетѣ остяцкимъ изъ юртъ Инбацкихъ (то-есть, изъ Тобол. губ.). О вѣнкахъ изъ рододендрона, которые надѣваютъ айинскіе шаманы, см. въ ст. Депредавича, Этногр. оч. Сахалина, стр. 30 въ Сборникѣ г. Милютина, т. II, в. I, С.-Пб. 1877. Въ Туруханскомъ краѣ шаманы надѣваютъ на голову ремень, обхва-

тывающий ее въ видѣ обруча, а въ болѣе важныхъ случаяхъ шапку, вылитую изъ олова или скованную изъ желѣза съ изображеніями духовъ. Тунгусскіе шаманы къ шапкѣ иногда прикрѣпляютъ рога (Третьяковъ, Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 428). И бурятскіе шаманы въ Забайкальи, какъ намъ разказывали, прикрѣпляютъ къ шапкѣ бычьи рога.

28) Къ стр. 54. Маски употребляются шаманами у Бурятъ, которые называютъ ихъ абагалдей (Нилъ, Будд., 354) и у Ороочоновъ, какъ это видно на фотографическомъ снимкѣ въ альбомѣ Туманова, № 218.

39) Къ стр. 54. Бурятское имя жезловъ у Нила „сорьби“ или „шалдей“ (Будд. 354), у Бюлера „харьбо“; по словамъ Нила это шаманскій конь. Имя харьбо ср. съ финскимъ словомъ арпа, агра, жребій, жезлъ (пруть) для узнанія тайнъ, также предсказатель; Кеппенъ (въ ст. Водъ и Вотская пяттина, Ж. М. Н. Пр., 1851, т. LXX, с. 114) сближаетъ это слово съ лѣтописнымъ арбуй, волхвъ въ Вотской пятинѣ (грамм. Макарія въ Древн. Востокѣ, ч. XIV, 168; Карамз., VII, пр. 371). О существованіи этихъ (желѣзныхъ) жезловъ у туруханскихъ шамановъ см. у Третьякова въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 429. Въ Новороссіи по малороссійски пастушья палка называется гырлыга или ырлыкъ, по татарски прыгъ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., II, 109). Имя это сходно съ именемъ урянхайско-монгольскаго божества Ерликъ. О чудотворной силѣ жезла по русскимъ повѣрьямъ см. у Аѳон., Поэт. Возвр., II, 391, 393, 422; ср. также Труды этн. эксп. въ зап. русск. край, т. II, 9 (о палочкѣ, отъ удара которой всѣ гады и всякій звѣрь со всего свѣта собираются). Гермесовъ надупей, какъ извѣстно, былъ украшенъ змѣями и крыльями; змѣи явились можетъ быть на мѣсто зала, которыя навязываются на харьбо; крылья указываютъ, что жезлъ представлялся у Грековъ не конемъ, а птицей. См. на стр. 67 о гусѣ, на которомъ шаманъ вылетаетъ изъ царства Ерлика.

30) Къ стр. 55. О шнурѣ, которымъ обводится домъ, см. Mannhardt Germ. Myth., стр. 664—685.

31) Къ стр. 56. О врожденномъ предрасположеніи къ шаманской профессіи см. у Банзарова (Черн. вѣра въ Учен. Зап. Казанск. универ., 1846, III, 107), Степанова (Енис. губ., ч. II, стр. 59), и Палласа (Reise, III, 59). Ср. съ русскимъ повѣрьемъ о травѣ „пьяныя коренья“, вызывающей подражательность (Этн. Сб., VI, 126), а также съ повѣрьями сѣверовосточной Сибири и Амурскаго края объ „омеричествѣ“, болѣзни, заключающейся въ повтореніи болнымъ тѣлодвиженій посторонняго человѣка.

32) Къ стр. 59. У Айновъ два рода пляски: безъ словъ и съ словами; послѣдняя назыв. юкара (Добротворскій, Анискій Словарь, Изв. Казанск. Универ., 1875, № 2, стр. 38); ср. съ бурятскимъ: ехоръ.

33) Къ стр. 59. Подниманіе на воздухъ часто встрѣчается при жертвоприношеніяхъ; во время жертвоприношенія огню у Монголовъ сыръ, который присутствующіе держатъ въ рукѣ, поднимаютъ и колышатъ въ воздухѣ; Якуты во время жертвоприношеній поднимаютъ къ небу кувшинъ съ молокомъ (Сборн. газ. Сибирь. С.-Пб., 1876, стр. 415); вотяцкій жрецъ до

трехъ разъ приподнимаетъ въ воздухѣ блюдо съ приносимомъ въ жертву пищей или виномъ; мордовская повивальная бабка во время праздника въ честь божества Буламань-патяй (26-го окт.) читаетъ молитву и съ помощью другихъ женщинъ приподнимаетъ три раза столъ съ поставленными на немъ кушаньями (П. И. Мельниковъ, Очерки Мордвы, въ Русск. Вѣст., 1867, окт., стр. 419); во время свадебнаго обряда въ южной Россіи поднимаютъ джигу на воздухъ и пляшутъ (Данильченко, Этногр. свѣд. о Подольск. губ., Каменецъ-Подольскъ, 1869, в. I, стр. 29); во время одной дѣтской игры въ „Володаря“ на Волыни поднимаютъ товарища и поютъ пѣсни, въ которыхъ обѣщаютъ дать дѣвицу (въ жертву? О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 328). Ср. еще киргизское сказаніе объ Аласаканѣ, котораго поднимали на воздухъ („Очерки“, II, 148); Маловыхъ по слову въ сказаніи о мести Ольги за Игоря также несли на рукахъ въ лодкѣ передъ тѣмъ, какъ бросить въ яму. Все это какъ будто указываетъ, что обрядъ подниманія шамана есть собственно обрядъ принесенія въ жертву.

34) Къ стр. 59. У Сабеевъ 30-го декабря былъ обрядъ, состоявшій въ томъ, что жрецъ хлесталъ всѣхъ вѣтвями; молились при этомъ о восстановленіи культа Azûz'a. Chwolson, Die Ssabier und der Ssabismus, II, 35.

35) Къ стр. 62. Къ слову: пук! У бурятъ букъ, домовый. Нилъ, Будд., 232.

36) Къ стр. 65. Первый членъ имени Темиръ-тайга встрѣчается часто въ собственныхъ именахъ сѣверной Азіи: Темиръ-ханъ, Темиръ-сана, Чинъ-темиръ и т. п. Въ числѣ подобныхъ именъ встрѣчается Темиръ-боко тэн-грэнынъ улъ, „желѣзный силачъ, сынъ неба“, въ алтайскомъ сказаніи (см. стр. 173) и Темиръ-бось-тэнгринъ кумунъ, „желѣзная вошь, сынъ неба“, въ дюрбютскомъ (см. стр. 476). Сынъ неба въ алтайскомъ сказаніи представляется скованнымъ въ царствѣ Ерликъ-хана, то-есть въ царствѣ мертвыхъ. Подобное положеніе на цѣпи напоминаетъ созвѣздіе Большую Медвѣдицу, которая иногда представляется въ видѣ семи собакъ или семи волковъ, сидящихъ на желѣзной цѣпи (Вѣстн. Р. Геогр. Общ., VI, 191—198). Отсюда можетъ слѣдовать догадка: не есть ли и Темиръ-боко, и Темиръ-бось, а также и скованный верблюдъ (теме) въ былинѣ объ Иринъ-сайнѣ (см. стр. 479), имя Большой Медвѣдицы? Равнымъ образомъ и Темиръ-тайга можетъ быть Большая же Медвѣдица; это не „желѣзная“ гора, а гора Темиръ. Приводимъ для сравненія нѣкоторыя имена звѣрей: теме „верблюдъ“, монг. (на другихъ языкахъ дюве, тюз, туга); теме-халю, „бобръ“, монгол.; йиме „выдра“ якут. (киргиз. и монгол. сунъ, бурят. хобъ); караджиме, „медвѣдь“ урянх. (см. Оч., II, стр. 138; кара-джиме по алтайски темные духи въ противоположность аяъ-джиме, свѣтлымъ духамъ). Между аріискими именами Б. Медвѣдицы есть латинское темо, которое толкуютъ и переводятъ словомъ „дышло“ (Max-Müller, Lect. on the sc. of lang., s. II, 366). Въ бурятскомъ или монгольскомъ темиръ (желѣзо) было бы тумуръ (ср. тумыръ, бубень на языкѣ Алтайцевъ, по словамъ г. Ядринцева; см. стр. 98); эти

формы близко подходят къ названію мнѣической горы буддизма: Халхаск. Сумеръ-ола или Сумбуръ-ола, бурят. Хумуръ или Сумуръ-ола. Членъ Темиръ и теперь еще встрѣчается въ небесной терминологіи; Полярная звѣзда по киргизски называется Темиръ-казыкъ (железный колъ), по осетински Акъ-сакъ-темиръ. Въ крымскихъ повѣрьяхъ существуетъ какая-то Джемире, которая появляется на землѣ въ определенное время (что намекаетъ на какую-то звѣзду, не всегда видимую надъ горизонтомъ) и которую старается добыть Соломонъ. Множество костей, лежащихъ на вершинѣ Темиръ-тайги, а также около того мѣста, гдѣ приходится прыгать между толкучими краями неба и земли, напоминаетъ прыгающихъ на камнѣ: мнѣической бурятскаго шамана Бохоли-хара (или Моргонъ-хара; см. Изв. Восточно-Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XI, №№ 1 и 2, стр. 87) и нашего Василя Буслаева. Последний скачетъ черезъ камень Алатырь и тутъ умираетъ; по другому варианту, Василій Буслаевъ встрѣчаетъ на горѣ Сорочинской кость человѣчью и горячъ камень, скачетъ, спотыкается и умираетъ (Рыбн., I, 362). Этотъ эпизодъ г. Буслаевъ сближаетъ съ лѣтописнымъ разказомъ о Моиславѣ, видѣвшемъ гору, на которой находится рай (П. С. Р. Л., VI, 87—89); сообщаемое объ этой горѣ напоминаетъ алтайское повѣрье о горѣ Адыганъ (см. стр. 208; ср. также Итыганъ, имя Большой медвѣдицы). И въ русскихъ повѣрьяхъ рай помѣщается на „железной“ горѣ (Авонас., Поэт. Возр., I, 120—121). Въ сказаніяхъ часто встрѣчаются „железные врата“; Владиміръ Мономахъ загналъ окайненныхъ Агарянъ за железныя врата (П. С. Р. Л., I, 55). Въ одной былинѣ Минусинскихъ Татаръ (Этн. Сб., IV, стр. 93) упоминается железный домъ о девяти углахъ, въ который заключенъ богатырь; домъ этотъ разжигается сорока мѣхами; по видимому, это адъ. Самая былина имѣетъ нѣкоторыя отдѣльныя черты сходства съ русскою о Потыкѣ: богатырь Агое встрѣчаетъ двухъ поляницъ (Чистое-Серебро и Чистое-Золото, то-есть луну и солнце?); на одной изъ нихъ онъ женится, затѣмъ борется съ другою и за это заключенъ въ железный домъ, откуда его выручаетъ его мать „бѣлый камень“ (акъ-ташъ?), лежавшій на днѣ моря. Въ Потыкѣ также двѣ сестры (луна и солнце?); на одной онъ женится, съ другою вступаетъ въ бой; затѣмъ онъ заключенъ въ камень, изъ котораго его освобождаетъ Никола Можайскій.

37) Къ стр. 65. Съ придающими краями неба и земли ср. въ Эддѣ поднимающееся и опускающееся небо; Simrok, Edda, Stutg., 1878, S. 39.

38) Къ стр. 67. Возращеніе шамана на гусѣ, можетъ быть, находится въ связи съ представленіями о возвращеніи лѣта вмѣстѣ съ весеннимъ прилетомъ птицъ изъ теплыхъ краевъ. Въ прикамскомъ Поволжьѣ инородцы, совершающіе языческія жертвоприношенія, подъ конецъ послѣднихъ колятъ гусей; говорятъ: „гусь жертвенному животному (лошади или быку, заколотымъ ранѣе) узду даетъ“, т. е. направляетъ жертву къ небу. Въ известной сказкѣ Иваша бѣлая рубашка (Авон., в. I, № 4) возвращается отъ вѣдмы домой на гусѣ или на крыльяхъ, сдѣланныхъ изъ гусиныхъ перьевъ. Не заключается ли въ этихъ чертахъ тотъ смыслъ, что весна и громъ должны возвратиться вмѣстѣ съ гусями?

39) Къ стр. 69. Ульгень или Пай-Ульгень известенъ только инородцамъ русскаго Алтая; у Качинцевъ есть божество Улаханъ, но оно, кажется, не занимаетъ того важнаго мѣста, какъ Ульгень у Алтайцевъ; Урнихайцы Ульгенья не знаютъ; здѣсь вмѣсто Ульгенья является Оранъ-телегей (у Дархатовъ Урунь-дельхе). Телегей, вѣроятно, то же, что монгольское Алтынъ-делегей, которое, можетъ быть, произносилось и Алтынь-Улугей; по крайней мѣрѣ въ сѣверной Монголіи есть хребетъ (къ ю. отъ Урги), который называется Алтынъ-Улугуй (Тимковск., ч. I, с. 172). Въ монгольскомъ гимнѣ огню, напечатанномъ Банзаровымъ (Учен. Зап. Каз. Унив., 1846, III, 89), находится фраза: „огонь, высѣченный небожителемъ и разведенный парицею Улукънъ!“ Вмѣсто „небожитель“ въ текстѣ, вѣроятно, стоитъ тэнгри или тэнгрирь. Не означаютъ ли эти тэнгри и улукънъ громъ и молнію? Въ числѣ алтайскихъ онгоновъ встрѣчается Улутъ-ханъ или Будутъ-ханъ (стр. 96 и 99). Между именами звѣрей встрѣчаются: улюки, ходзенск., улху, манджурск. „бѣлка“; альге, ходзенск., альгинъ, манджурск. „выдра“; uluki, тунгусск., ilughoen, якутское „летяга“. (Маакъ, Путеш. по Усс., т. I, стр. 105 и 121; Castren, Tung. Gramm., 101, Mel. asiat., t. VIII (1877), p. 368; Pall., Zoogr., I, s. 190) Часто эта форма встрѣчается въ названіяхъ урочищъ въ сѣверной Монголіи; напримѣръ, Ольге, озеро; Эльге, мѣстность на р. Кобдо; Eloughei, урочище въ восточномъ Алтайѣ („Очерки“, I, стр. 206, 309, 322); мѣста эти лежатъ къ югу отъ русскаго Алтая, въ широтахъ, гдѣ теперь не слышно татарской рѣчи; не указываютъ ли эти названія, что почитаніе Ульгенья распространялось прежде далеко на югъ отъ русскаго Алтая?

40) Къ стр. 69. Пай-ана или Байана Радловъ переводитъ „богатая мать“ (бай—богатая, ана—мать). У Якутовъ есть божество Баянай или Байбаянай, но съ другимъ значеніемъ; это богъ лѣсной, богъ звѣролововъ (Порядинъ, Якут. сл., рус.). Алтайской Байанѣ, покровительницѣ дѣтей, соответствуетъ у Нѣмцевъ Judel, которой кладутъ игрушку, чтобъ она, играя ею, не беспокоила ребенка; у Мордвы Ангепатий (patāi—„тетка“ по эрзямордовски, batāi—„дядя“, по мокшамордовски), которая навѣщаетъ дѣтей во снѣ и ласкаетъ ихъ, отчего они улыбаются (П. Мельниковъ, Очерки Мордвы, въ Русск. Вѣстн., 1867, окт., стр. 400); Анге-патий называется также Буламанъ-патий (буламанъ, „повивальная бабка“). Въ Монголіи часто встрѣчаются урочища съ сложными именами, первымъ членомъ которыхъ стоитъ баянь, обыкновенно переводимое словомъ „богатый“, напримѣръ, Баянь-ола, Баянь-дзюрку (богатое сердце), Баянь-хайрханъ и т. п. Это архаическое „баянь“ изъ монгольскаго въ киргизскій переходитъ въ формѣ баянъ; такъ когда-то калмыцкія урочища, въ послѣдствіи занятыя Киргизами, у послѣднихъ носятъ теперь названія Баянъ-аулъ (прежде вѣроятно Баянь-агола), Баянъ-джурекъ (гора близъ города Копала, прежде вѣроятно Баянь-дзюрку); въ известной киргизской сказкѣ о Козу-Курпешѣ героиня называется Баянъ-сулу. Монгольское же баянь „богатый“ разговорнаго языка въ киргизскій перешло въ формѣ бай (въ чувашскомъ богатый—пуянъ).

Въ алтайскихъ повѣрьяхъ Байана сливается съ Джаячи-ханомъ, твор-

цемъ дѣтей, который можетъ быть принять за посредствующее звѣно къ переходу отъ Байаны къ громовнику (ср. имя Джаячи-хана съ Джайкомъ; см. примѣч. къ стр. 231).

41) Къ стр. 70. Имя Ямгырь-охту можно бы перевести „съ дождевою стрѣлой“ или, принимая первый членъ за собственное имя, „со стрѣлою Ямгырь“. Второй членъ слышится и въ сказаніяхъ на другихъ нарѣчіяхъ. Въ бурятскомъ сказаніи одинъ изъ трехъ сыновей Чурмусень-хана носитъ имя Сагадай; ему приписывается открытіе огня (см. стр. 329 и 332); у Вотяковъ изъ трехъ божествъ, сопоставляемыхъ рядомъ въ молитвахъ, одно называется Акташъ. Агди—громъ у Ходзеновъ по Брылкину (Путеш. Маака по Уссурі, т. I, стр. 12), а также и у другихъ Тунгусовъ отъ нижней Тунгуски до Амура.

42) Къ стр. 70. О почитаніи Абыгана см. въ Изв. Р. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, с. 244.

43) Къ стр. 70. „Молочное озеро“ упоминается въ одной аварской сказкѣ на Кавказѣ; въ немъ купается морской конь, способный подниматься подъ самое небо (громовникъ?) (Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. 2, ст. Аварск. нар. сказ., стр. 11). Сутькуль или Суть-акъ-куль, вѣроятно, соответствуетъ монгольскому Сумъ-далай или бурятскому Хубъ-далай, также какъ гора Сюря, упоминаемая Радловымъ (Вост. Обзор., 1882 г., № 7, стр. 12),—монгольской Сумеръ-олъ.

44) Къ стр. 71. У Алтайцевъ, Черневыхъ Татаръ и Монголовъ Ерликъ считается властителемъ надъ міромъ умершихъ душъ (осетинскій Барастыръ, финскій Тупеп Икко). Монгольскія сказанія говорить, что Ерликъ-ханъ „царствовалъ прежде насильно гдѣ-то въ горнемъ мірѣ“, но былъ побѣжденъ божествомъ Ямандага (Амынь-цаганъ?), послѣ чего наименованъ владѣтелемъ нижняго міра (Тимковск., Путеш., III, стр. 390). Алтайскія призванія представляютъ его съ змѣей въ рукѣ вмѣсто плети (Тимковскій говоритъ, что онъ изображается съ арканомъ въ рукѣ). Алтайская пѣсня вино называетъ напиткомъ Ерлика, подобно тому, какъ бурятская зоветъ его напиткомъ Чингисъ-хана, къ которому сказанія относятъ и самое изобрѣтеніе вина (см. стр. 211); отсюда можно догадываться, что Ерликъ есть изобрѣтатель вина; къ нему ѣдетъ богатырь Ирень-Шайнь доставать джиракы, винокуранный спарядъ (см. стр. 429); призваніе изображаетъ Ерлика румянолицымъ, какъ бы богомъ веселія. Въ нѣкоторыхъ монгольскихъ сказкахъ Ерликъ представляется ѣдущимъ на быкѣ, что дѣлаетъ его похожимъ на качинскаго Джедай-хана, подъ которымъ, кажется, слѣдуетъ разумѣть Большую Медвѣдицу (Джигытанъ). Название Ерликъ-ада, то-есть, „отецъ Ерликъ“, заставляетъ видѣть въ немъ или перваго человѣка или творца его; Кузнецкіе Татары, сказано у насъ, и считаютъ его первымъ человѣкомъ; то же рассказываетъ и г. Радловъ (Восточн. Обзор., 1882, № 7, стр. 11); по его словамъ, Ерликъ былъ первый человѣкъ, котораго создалъ міросоздатель Ульгень, и который потомъ помогаетъ Ульгенью строить землю; тутъ же онъ и превращается въ соперника и завистника творцу міра; въ сказаніи, помѣщенномъ у насъ на стр. 220, раздоръ доходитъ до

битвы между соперниками, отцомъ и сыномъ. Кузнецкое Адамъ едва ли, какъ думаетъ г. Радловъ, слѣдуетъ приписывать мусульманскому вліянію; по всей вѣроятности это вліяніе никогда сюда не достигало. Имя Адамъ можетъ быть то же, что Дюрбютское Одунъ-Бодунъ, родоначальникъ княжеской фамиліи у Дюрбютовъ (то-есть первый человѣкъ на землѣ?). Не зачѣмъ приписывать это мусульманскому вліянію, если мы повѣрье о первомъ человѣкѣ, становящемся во главѣ міра умершихъ душъ, находимъ не у однихъ Тюрковъ Алтая, но и у другихъ инородцевъ. По черемисскому повѣрью, каждый Черемисинъ по смерти является къ Кіамать-торѣ, (первому покойнику, который однихъ шадить, другихъ отсылаетъ въ котель съ кипящей смолой (Вѣстн. Евр., 1880, сент., 172). Крашенинниковъ сообщаетъ о камчадалскомъ Гаецѣ, первомъ покойникѣ, сынѣ самого Кутхи, который спускался на землю, заходилъ во всѣ юрты и научилъ Камчадаловъ всему, чему они теперь вѣрятъ (Крашен., Опис. Камчатки, II, стр. 78). Ср. у Купа (Negabk., 10) о Ямѣ. Споръ отца съ сыномъ выраженъ въ ингушской легендѣ о сынѣ бога Елтѣ; споръ кончается тѣмъ, что отецъ выкалываетъ глазъ сыну (Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. VIII, ст. „Ингуши“, стр. 12). Сходные разказы у Вотяковъ о хожденіи по землѣ Инъмара и Колдышина подъ видомъ старца и молодого человѣка; вѣроятно, при ближайшемъ знакомствѣ съ сказаніями и повѣрьями инородцевъ прикамскаго Поволжья окажется связь между вотяцкимъ Колдышиномъ и черемисскимъ Кереметемъ. Кереметь въ сказаніи о сотвореніи міра у Черемисовъ занимаетъ то же мѣсто, что Ерликъ въ средне-азиатскомъ и также называется сыномъ Бога-творца. Вообще антагонизмъ двухъ творцовъ міра (отца и сына) въ зародышѣ открывается въ мифахъ сѣверной Азіи. Поэтому высказываемыя иногда мнѣнія о заимствованіи инородцами дуалистической легенды о сотвореніи міра у христіанъ (Знаменскій въ Вѣстн. Евр., 1867, дек., 49; Шифнеръ, въ предисловіи къ Радловскимъ Proben, t. I, S. X; Радловъ, Восточн. Обзор., 1882, № 8, стр. 12.) едва ли основательны. Въ монгольскихъ сказаніяхъ Ерликъ иногда смѣняется птицей Ханъ-Гариде; см. разказы о ласточкѣ („Очерки“, II, стр. 159 и настоящій выпускъ, стр. 183). Въ русскихъ загадкахъ о смерти встрѣчаются выраженія: „стоитъ дубъ Веретипской“, „дубъ Ордынской, на немъ птица Веретено“, „на полѣ на Ордынскомъ стоитъ дубъ Таратынскій, сидитъ птичка Веретено“ (Садовниковъ, Загадки, №№ 2027 и 2028); вообще смерть загадывается въ видѣ птицы (или орла, ibid., № 2033 и 2035), сидящей на деревѣ или кустѣ и сълевывающей ягоды или цвѣты. Ср. съ именемъ монгольской мифической птицы Ханъ-Гариде (манж. Гарудай, алт. Каанъ-Кередей; см. прил. къ гл. IV къ № 14). Не явился ли въ русской загадкѣ орелъ вмѣсто Ерлика, который иногда называется Ерленъ-ханъ, а въ одной сказкѣ (см. стр. 395), кажется, онъ же является подѣ именемъ Оролынъ? Ерликъ въ бурятскихъ сказаніяхъ иногда носитъ имя Ерленъ-Номонъ-ханъ; членъ Ерленъ ср. съ алтайскимъ ерзень, „крыса“, съ татарск. орлянъ, „кротъ“, съ горночеремисск. арланга, лугов. черем. орланге, „кротъ“, чувашск. арланъ, „кротъ“ (Золот-

ничей, Чувашск. Сл., стр. 6); помочь, „кротъ“, „крыса“ по монгольски. Къ этому можно прибавить, что въ одной алтайской незаписанной нами сказкѣ, какъ передавалъ намъ о. Чивалковъ, богатырь Боролдай, получивъ отъ хана порученіе съѣздить въ царство Ерлика, послѣдовательно побиваетъ высланные противъ него Ерликомъ сначала войско, ѣдущее на ерленахъ (крысахъ или кротахъ), потомъ на хорькахъ, потомъ на черныхъ лошадяхъ и наконецъ на черныхъ быкахъ. У Русскихъ въ Вѣнскомъ округѣ о мышахъ, дѣлающихъ нашествіе на нивы (*Mus agrarius*), есть повѣрье, что это скотъ „лѣснаго дѣдушки“; говорятъ, что онъ у него мѣченъ, у каждой уха порото. Кроты, какъ показываютъ нѣкоторыя сказанія (стр. 234), находятся въ связи съ представленіемъ о молніи; не напоминали ли этотъ звѣрокъ первобытному дикарю представленіе о громовой стрѣлѣ? И та, по повѣрью, и другой зарываются въ землю. Выше уже было сказано о многочисленности камчадалскихъ камуловъ, то-есть горныхъ духовъ, монгольскихъ тенгировъ, алтайскихъ кайракановъ (прим. 11 къ гл. I). Можетъ быть, и ерлены, составляющіе войско Ерлика (или Ерлентъ-номонъ-хана), относятся къ имени этого хана въ томъ же родѣ, какъ тенгиръ къ имени Тенгрихана или кайраканы къ имени Кайракана.—Одна изъ русскихъ загадокъ, въ которой фигурируетъ орелъ, загадывается не о смерти, а о царѣ (Садовниковъ, Загадки, № 2129).

45) Къ стр. 72. Къ слову *Керель ду*. Керель—монг., особые злые духи. Герель, монг., отраженіе луны или звѣзды въ водѣ. Въ книжныхъ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ есть личность Таргутаи-Кирилтухъ (Зап. Археолог. Общ., т. XIV, стр. 168 и 172; Труд. Пек. дух. мисс., IV, стр. 74).

46) Къ стр. 73. Фразу „доилъ девять“ ср. съ нѣмецк. пѣснями у Mannh. Germ. Myth., S. 388 (Марія или дѣвица доить семь коровъ).

47) Къ стр. 75. Балихай, вѣроятно, первый шаманъ, то-есть, громовникъ. У Камчадаловъ громовникъ назывался Вилюкай или Пилячучъ. Крашениниковъ приводитъ слѣдующее камчадалское повѣрье о немъ: Тыжилъ-Кутху, сотворивъ земныхъ звѣрей, опредѣлилъ къ нимъ „пастухомъ“ нѣкоего Пилячуча, подъ вѣденіемъ котораго они и теперь состоятъ. Пилячучъ ростомъ весьма малъ (?), живетъ на облакахъ со многими камулами и ниспосылаетъ на землю грозу. (Краш., Опис. Камч., II, стр. 73 и 78). Въ монгольскомъ есть слово мелекей, лягушка; міръ по монгольск. повѣрью утвержденъ на лягушкѣ. Въ другомъ мѣстѣ мы укажемъ на основанія, дающія возможность предполагать, что подъ опорой міра, на которой онъ неизбежно покоится, разумѣлась Полярная Звѣзда или Большая Медвѣдница; не скрывается ли это же созвѣздіе и подъ Мелекеемъ? У Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost.-Mongol., стр. 207) упоминается Gun-Bilik, у котораго „девять“ сыновей. Въ средней Азіи встрѣчаемъ слово меликъ, ангелъ; у Кавказскихъ горцевъ повѣрье: прозовую тучу гонить меликъ (то-есть, ангелъ). По записанному нами въ Тифлисѣ отъ Казыкумыка повѣрью: *малики* (ангелъ) бьетъ въ землю, чтобы трава выросла. Долонъ Хугунъ, упоминаемая въ призы-

ваніи, можетъ быть, не семь березъ, а Большая Медвѣдница, которая иногда называется Долонъ-хого, семь оленьихъ самокъ.

48) Къ стр. 77. По черемисскому повѣрью, у каждаго человѣка есть вуй-юма; родившемуся онъ тотчасъ пишетъ его судьбу (Знаменскій въ Вѣстн. Европы, 1867, дек., стр. 44). У Зырянъ ортъ есть духъ, который приставляется къ ребенку, какъ только тотъ родится. Куда бы ни пошелъ человѣкъ, туда же идетъ и его ортъ (Изв. Общ. любит. естеств., антр. и этн., т. XIII, в. 2, стр. 59). У Казанскихъ Татаръ по словамъ Каюма Насырова повѣрье: у каждаго человѣка есть урякъ (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по этн., т. VI, стр. 251); это, впрочемъ, скорѣе алтайскій узюгъ или монгольскій онгонъ. У Лопарей монгольскому заячи соотвѣтствовалъ *saivo* (Castrén's Finn. Myth., 138).

49) Къ стр. 77. Объ Оранъ-Телегей мы услышали только на р. Буренѣ у Сальджаковъ; западнѣ Бурена на Улукемѣ и Торхаликѣ мы этого имени не слыхали. Кажется, это имя извѣстно Дархатамъ и Тункинскимъ Бурятамъ, такъ какъ и они брызжутъ молокомъ и виномъ въ честь Урунъ-Тельхи. По монгольски тельхи „вселенная“; поэтому въ почитаніи Оранъ-Телегея можно видѣть обожествленіе вселенной, а въ членѣ Телегей испорченное монгольское тельхи. И дѣйствительно, сами Урянхайцы подъ Оранъ-Телегеемъ разумѣютъ всю вселенную; на вопросъ: „гдѣ живетъ Оранъ-Телегей и кто онъ?“ намъ отвѣчали: „Оранъ-телегей—это все; эти горы, рѣки, вода, лѣсъ, все это Оранъ-Телегей“. Между тѣмъ въ сказкахъ иногда разсказывается, будто богатырь такъ сильно закричалъ, что самъ Оранъ-Телегей услышалъ (стр. 419, 421); слѣдовательно, Оранъ-Телегею дается личный характеръ. Въ одномъ алтайскомъ сказаніи мы встрѣчаемъ имя Телегея, какъ лица (см. стр. 9). Не было ли это первоначально именемъ громовника (ср. Телегешъ, радуга; стр. 138), которое потомъ перешло въ наименованіе вселенной? Гольцманъ говоритъ (*Indra n. d. Vorstell. d. Mahābhārata: Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch. B. XXXII, H. II, S. 292*). Когда духъ народа пересталъ довольствоваться отождествленіями силъ природы и позади ихъ сталъ искать мировую душу, онъ прежде всего увидѣлъ еѣ въ Индрѣ. Этотъ пантеистическій взглядъ на Индру выразился въ гимнѣ къ Индрѣ: „Ты вѣтеръ, ты облако, ты огонь небесной молніи, ты блескъ всего существующаго ты солнце и огонь, ты земля съ горами и лѣсами, ты свѣтлое небо съ солнцемъ, ты великій океанъ съ рыбами *Timi* и *Timingila*“. У Бурятъ есть выраженіе Алтынъ-тельхе; Буряты переводятъ его русскимъ: „бѣлый свѣтъ“ (ср. *dilaça*, солнце по тунгусски). Шоттъ (*Abhandl. d. Acad. d. Wissensch. zu Berlin, 1851* въ ст. *Die Sage v. Geser-chan*, стр. 285) переводитъ его: „Золотая поверхность земли“; жена Гесера Аралго-гоа клянется золотою поверхностью земли, *altan dälägäi*, и синимъ небомъ, *kukä octorgoi*, изъ чего какъ будто слѣдуетъ, что Алтанъ-дэлэгэй противопоставляется небу. Далѣе Шоттъ говоритъ, что Аралго-гоа называетъ еѣ еще *adügän äkä*, то-есть, матерью здѣсь живущихъ. Д. Банзаровъ (въ Уч. Зап. Каз. универс., 1846, III, 75) Этүгәнъ-экэ переводитъ: „мать-земля“; по видимому, слово этүгәнъ утра-

тило свой настоящий смысл и дает повод к различным толкованиям; перевод Банзарова, впрочем, основан на понимании этого слова самим народом. Банзаров сближает Этугань с Итогой (Itoga) у Plano-Karпини, который говорит, что Команы того же Итогу называют Хамом или „великим императором“. Банзаров поправляет: „шаманом“ и думает, что Plano-Karпини смѣшал имена хамъ (или камъ) и ханъ. Шамана Монголы называют бугъ, шаманку удаганъ и идоганъ. Это сходство идоганъ, „шаманка“ с Итога и ввело будто бы Plano-Karпини въ заблужденіе; онъ услышалъ, что идога(нъ) по комански хамъ, то-есть, „шаманка“, и вывел собственнымъ соображеніемъ, что Команы называют Итогу хамомъ. Банзаровъ, очевидно, не признаетъ родственности между Итога и идоганъ, „шаманка“, но не суть ли всѣ эти выраженія Итога, идоганъ или утыганъ, какъ производятъ Урянхайцы, а также татарское Итыганъ (созвѣдіе Больш. Медвѣдицы) вариации одной формы? Въ той же статьѣ Банзаровъ упоминаетъ, что по Іоанну Мандевильскому высшее божество, „богъ природы“ у Монголовъ назывался Ирога (Iroga); Банзаровъ думаетъ, что это испорченное Итога или Этуганъ. Однако формы итыгъ и иригъ существуютъ и теперь въ шаманскомъ мірѣ востока съ тождественнымъ значеніемъ (см. ниже прим. 61). Банзаровъ говоритъ, что у Этуганъ-экэ были и другіе титулы: алтынъ-делехей, а также дэлежинъ-эдзень. Иногда вмѣсто одной Этуганъ насчитывали семьдесятъ семь, число, говоритъ онъ, — совершенно произвольное и составленное по примѣру иренъ юсунъ тэнгиръ, „99 геніевъ неба“. Не представляютъ ли эти числа наметъ на число звѣздъ Большой Медвѣдицы? О сближеніи чиселъ семь и девять будетъ сказано ниже.

У Самоѣдовъ упоминается божество Авъ-Весако, у котораго жена Хадако (т. е. бабушка); подъ этимъ послѣднимъ именемъ Самоѣды разумѣютъ лицо земли (слѣдовательно то же, что Алтынъ-тельхе у Монголовъ); въ призваніяхъ шамановъ она называется Я-хадако, „земля бабушка“ (Этн. Сб., IV, 64); ср. хадако съ монгольскимъ adugan.

У Финскихъ племенъ прикамскаго Поволжья также встрѣчается божество „мать-земля“. У Черемисовъ оно называется Меляндъ-ава (меляндъ — „земля“, ава — „мать“); у Мордвы Анге-патий (см. прим. 40); у Вотяковъ Му-Колчинъ или Муму-Колчинъ, гдѣ муму значить „мать“, по Георги Муму-Колчинъ считается матерью верховнаго божества Иньмара (Опис. народовъ, стр. 53). Всѣ трое въ то же время соединяются съ представленіемъ о свѣтовомъ явленіи; электрическій блескъ, такъ называемая зарница, считается за призракъ этого божества; ср. дельхе съ урянхайскимъ делешъ, „радуга“. У Чувашъ этому божеству кажется соотвѣтствуетъ Хирле-сьиръ (сьиръ — „земля“; Хирле-сьиръ переводятъ „красная земля“, но едва ли этимъ переводомъ можно ограничиться). Мордовская Анге-патий, по повѣрью о ней, сходится съ Пятницей нашихъ русскихъ повѣрій. Недѣльный день пятница называется у Вотяковъ арня, у Чувашъ эрне-ватты; соединяются ли съ этимъ именемъ повѣрья въ родѣ мордовскихъ объ Анге-патий или нашихъ о Пятницѣ — мы не извѣстно. Эрне напоминаетъ историческія имена: Ирнахъ —

сынъ Аттилы гуннскаго, Ирникъ — третій царь въ ряду Болгарскихъ царей по Хлудовскому хронографу. См. прим. къ гл. IV къ № 82, вар. е.

Кажется, тотъ же Оранъ-телегей разумѣется Урянхайцами и подъ именемъ Оранъ-эззи, „хозяинъ мѣстности“. Мы случилось имя его услышать по поводу недосказанной сказки; Урянхаецъ отказался досказать сказку, потому что плохо знаетъ ея конецъ, а плохое разказываніе сказокъ не любить Оранъ-телегей, который всегда слушаетъ, когда ихъ сказываютъ. Кстати замѣтимъ, что важность сказокъ признается и Орочами на Амурѣ; по словамъ г. Родвана, переданнымъ намъ лично, Орочами, отправляясь на охоту, расчищаютъ огнище, выравниваютъ пепелъ, опрокидываютъ котелъ и за тѣмъ, сѣвъ вокругъ, заставляютъ старика разказывать сказки. Окончивъ сказки, высказываютъ пожеланіе обильной добычи, снимаютъ котелъ и на пеплѣ находятъ слѣды звѣрей, по которымъ предугадываютъ количество и родъ добычи. Членъ Ору встрѣчается въ мифологіи Алтайцевъ (см. выше стр. 99). У Нила (Буддизмъ) лягушка, поддерживающая землю, представляетъ божество Урапъ-Мандзи-шири; народное названіе лягушки Алтинъ-мелекей.

50. Къ стр. 78. Выставленіе шкуръ жертвенныхъ упоминается у Георги относительно Вогуличей (Bemerk. e. Reise im Russ. Reiche, 1775 г., стр. 596—600) и у Новицкаго относительно Остяковъ (въ его Кратк. Опис. ост. нар.); объ Осетинахъ см. В. Миллера, Осет. Эт., II, стр. 242 (о выставленіи шкуръ животнаго на шестѣ на мѣстѣ громоваго удара) и у Гакстаузена, Закавказскій край, ч. II, 129. У другихъ сѣверныхъ народовъ на жертвенныхъ мѣстахъ скопляли черепа съ рогами убитыхъ оленей. У Вогуличей Георги также указываетъ на выставленіе черепа; его вѣшаютъ на ближайшее дерево. Въ Туруханскомъ краѣ шкурой жертвеннаго животнаго, снятою не рѣдко съ рогами и копытами, покрываются сани, въ которыхъ хранятся домашніе фетиши (Трегьяковъ, въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 438). У Тунгусовъ и Гиляковъ на Амурѣ упоминаются выставленія на колѣ только медвѣжьей головы, особеннымъ образомъ приготовленной. Алтайское слово таилга конечно то же, что бурятское таилганъ или тайлаганъ; ср. тахылганъ по алтайски — насыпь изъ камней, то же, что у Монголовъ обо. У Качинскихъ Татаръ жертвоприношеніе называется таирга. Брызганье молокомъ по алтайски чачылга (по монгол. пасылъ по бурятски хахылъ); цзилганъ, цагилганъ молнія по монгольски.

51) Къ стр. 79. Идолы въ видѣ алтайскаго Каршита указываются у Самоѣдовъ, которые въ память о томъ, что птицы одѣя летаютъ къ Нуму, дѣлаютъ истугана въ видѣ летящей птицы, посаженной на палочку (Кушелевскій, Земля Ялмалъ, стр. 110 и 116). Имя Каршитъ, можетъ быть, происходитъ отъ *карчига*, „ястребъ“, — значеніе, близкое къ другому наименованію тѣхъ же деревянныхъ птицъ *шонхоргъ*, „соколы“.

52) Къ стр. 79. Различіе странъ свѣта при выставкѣ жертвеннаго животнаго замѣчено у Самоѣдовъ; когда колятъ оленя въ честь Нума, то ставятъ животное головой на востокъ; когда же въ честь Авъ-Весако, то на западъ;

сѣвъ мясо, головы выставляютъ на колъ, соблюдая тоже правило относительно странъ свѣта (Этн. Сборн., IV, 62 и 63). Слѣдовательно самоѣдскій Нумъ соответствуетъ алтайскому Ульгеню, а самоѣдскій Авъ-Весако—Ерлигу.

53) Къ стр. 80. О существованіи общественныхъ жертвоприношеній у Алтайцевъ намъ слышать не довелось; у Качинцевъ такой обрядъ есть, какъ это видно изъ доставленной намъ въ рукописи замѣтки туземца г. Катанова; обрядъ этотъ называется тагтай или тагтаирга, „нагорное жертвоприношеніе“. Желая отблагодарить Бога за дарованіе благополучія или желая очистить себя отъ грѣховъ (чабал кирек), Татары разъ въ годъ собираются на гору. Наканунѣ назначеннаго дня привозятъ березу и ставятъ ее въ юртѣ; къ одной изъ вѣтвей ея привязываютъ бѣлую и черную ленты въ знакъ хорошихъ и дурныхъ дѣлъ человѣка. На слѣдующій день утромъ всѣ Татары, собравшіеся изъ улусовъ, ѣдутъ на гору, взявъ съ собою барановъ для жертвы, вина и березу. Прибывъ на гору, сначала ставятъ березу и утверждаютъ ее, обкладывая камнями; передъ березой устриваютъ столъ, колятъ барана, варятъ мясо и выставляютъ на столъ; затѣмъ вся толпа вмѣстѣ съ шаманомъ, не одѣтымъ въ свой плащъ, обходитъ столъ съ березой три раза, при чемъ шаманъ произноситъ какія-то слова. Потомъ бросаютъ три куса мяса въ огонь, ѣдятъ мясо и пьютъ вино. Костей не раздробляютъ, а бросаютъ въ огонь и сожигаютъ. Сѣвъ мясо, возвращаются домой.

54) Къ стр. 82. Имя священной березки залма напоминаетъ тунгусско, слово calba, береза (Castren, Tung. Gram., стр. 120). Ср. также алтайское ялама, якутское салама, тряпки, навѣшиваемыя на священные предметы; вотяцкое чалма, „полотенце“; Вотяки навѣшиваютъ полотенца на березки, выставленные во время жертвоприношенія, на иконы въ избахъ и т. п. Можетъ быть, этою языческою терминологіей объяснится темное мѣсто болгарскаго лѣтописца о чулманской березѣ, посредствомъ которой совершено чудо исцѣленія царевны мусульманскими проповѣдниками (въ болгарскомъ царствѣ на Волгѣ).

55) Къ стр. 87. Въ рукописныхъ запискахъ Бурята Хангалова, которыя я видѣлъ въ Иркутскѣ, говорится, что Ерликъ-ханъ не властенъ надъ ухунъ-хатами, т. е. надъ хатами воды (См. Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XI, №№ 1—2, стр. 87). Это напоминаетъ нашу загадку: „Летѣла птица орелъ, садилась на престолъ: и царю мой Боже мой! далъ ты мнѣ волю надъ всѣми городами, надъ всѣми царями, не далъ ты мнѣ воли надъ щукой въ морѣ“ (Садовниковъ, Заг. № 1446, вар. 3); ср. также вар. е (надъ синимъ моремъ), и варианты в, г и д (надъ рыбой въ морѣ).

56) Къ стр. 89. Огонь почитается за проявленіе божества. Одна Бурятка на Мѣнѣ (въ вершинахъ Иркуты) на мой вопросъ: „Гдѣ живетъ Богъ и какой онъ?“ отвѣчала мнѣ: „Кто можетъ видѣть Бога! Никто его никогда не видѣлъ и не слышалъ; мы видимъ только огонь, горящій на очагѣ; а какой Богъ въ настоящемъ видѣ, мы ничего не знаемъ и никто не знаетъ!“—Айны думаютъ, что боговъ не видно; только очажный богъ выходитъ по ночамъ

изъ пепла въ видѣ хорошенькаго мальчика (Добротворскій, Аинско-русс. Слов., стр. 40).—У Якутовъ божество огня называется Анъ-дарханъ тоень или Алъ-отъ иччтя (Сборн. газ. Сибирь, Спб., 1876, стр. 418); иччтя значитъ хозяинъ; алъ вѣроятно монгольское *алъ*, „огонь“; отъ татарское „огонь“. То же спариваніе и въ монгольской молитвѣ къ огню Удъ-халай-ханъ! (Записки Имп. Археолог. Общ., т. XIII, стр. 238).

57) Къ стр. 90. Слову „хурей“ мы придали тотъ смыслъ („приди!“), какой даютъ ему мѣстные жители, знающіе оба языка, бурятскій и русскій. Д. Банзаровъ въ переводѣ молитвы огню (Учен. Зап. Фаз. универ., 1846, III, стр. 89), по видимому, это же восклицаніе перевелъ словомъ „поклоняемся“. Кличъ: уруй! есть и у Якутовъ. Порядить переводить: подай! ниспошли! и относить его къ междометіямъ. Въ санскритскомъ было слово ghar, означавшее бросаніе масла въ огонь (Max Muller, Lectures on the science of language, II ser., 369).

58) Къ стр. 91. Слѣды обычая складывать обо встрѣчаются въ Западной Европѣ (Liebrecht, Zur Volkskunde, 1879, s. 267—284); въ Европейской Россіи, именно въ Зырянской землѣ (Клавд. Поповъ, Зыряне и Зырянскій край въ Изв. Им. Общ. любит. естеств., антроп. и этногр., т. XIII, в. 2, стр. 19), на Уральскомъ хребтѣ у Башкиръ (Гофманъ, въ Горн. Журналѣ, 1868, № 4, с. 122: о горѣ Аунъ-куль), въ Вѣлоруссіи (Этн. Сб., в. III, ст. „Зап. о Гродн. губ.“, стр. 90).

59) Къ стр. 91. У Айновъ существуетъ обрядъ брызганья водки въ огонь деревянной лопаточкой (Сборн. историко-стат. свѣд. о Сибири, изд. Милютина, „Этногр. очеркъ южнаго Сахалина“, ст. Де-Прерадовича). О слѣдахъ этого обычая см. въ Труд. Этногр. Эксп. въ Зап. русск. край, III, 28; ср. также Grimm, Deut. Myth., 554; Zeitschr. Deut. Morg. Gesell., B. XXXI, H. II, u. III, s. 254.

60) Къ стр. 93. Онгоны, которые мы видѣли у Алтайцевъ, Бурятъ и Урянхайцевъ, преимущественно имѣютъ видъ куколъ, спитыхъ изъ цвѣтныхъ лоскутковъ. Тряпичныя куклы напоминаютъ тѣ куклы, которыя пьютъ Киргизки, когда у нихъ умереть мужъ. Предъ такою куклою вдова ежедневно въ опредѣленные часы плачетъ и причитаетъ, а вечеромъ кладетъ съ собой въ постель. Этотъ обычай мнѣ самому приходилось наблюдать у Киргизъ въ Зайлійскомъ краѣ. Тотъ же обычай существуетъ и у Самоѣдовъ; жена умершаго Самоѣда дѣлаетъ куклу на подобіе умершаго и одѣваетъ его въ такую же одежду, въ какой ходилъ покойникъ. Когда ѣдятъ, то и покойнику положить кушанья въ корытцо. Къ ночи жена раздѣваетъ куклу и кладетъ съ собой спать. Эти церемоніи соблюдаются болѣе года. Кушелевскій, Зем. Ялмалъ, Спб., 1868, стр. 120. Словомъ онгонъ, во множ. онгытъ, называютъ Монголы также тѣхъ духовъ, которыхъ призываютъ къ себѣ на помощь шаманы во время камланья; въ алтайскомъ—тѣ же духи называются узютъ, именемъ, которымъ также зовутъ вообще души умершихъ.

Банзаровъ (Ученныя Зап. Каз. унив., 1846, III, стр. 60) онгонъ, множ.

онготъ, переводить словами: души усопшихъ; слѣдовательно то же, что у алтайцевъ узюгъ. Онгоны, по его словамъ, вселяются въ людей и причипляютъ имъ болѣзни (*ibid.*, 100); то же самое Алтайцы думаютъ и объ узютахъ. Но Алтайцы идоловъ не зовутъ узютами. Въ поклоненіи онгонамъ Банзаровъ видитъ поклоненіе душамъ предковъ и выводитъ этотъ культъ изъ обычая дѣлать послѣ смерти покойника куклу, представляющую его (*ibid.*, стр. 97). На онгонахъ часто встрѣчаются изображенія шаманскаго дѣйствія: иногда на нихъ бываетъ представленъ человѣкъ, держащій въ рукѣ бубень (стр. 98 и 100, и фиг. 32); самые лоскутки, кажется, должны представлять шаманскій плащъ. На стр. 100 описанъ онгонъ, который представляетъ синюю шаманскаго плаща; другіе лоскутки можно принять за упрощеніе этого онгона; и на нихъ, какъ на шаманскомъ плащѣ, нашиты змѣевидные жгуты и куколки. Ср. рис. 95 и 97. Названія онгоновъ, каковы: манджакъ, ерень, сходятся съ названіями плаща. Этимъ изображеніемъ домашнихъ духовъ покровителей въ видѣ змѣй, мы полагаемъ, можно объяснить сліяніе представленій о домовыхъ и змѣяхъ у Славянъ. Въ албанскомъ также домовой и змѣя носятъ одно имя *ritoreia*, *Nahn*, *Alb. Stud.*, 187, 214. Дикари сѣверной Сибири и сѣверной Россіи кромѣ домашнихъ идоловъ, которые хранятся въ юртахъ или саняхъ, ставятъ еще другіе въ лѣсахъ или въ тундрѣ на горахъ; въ то время, какъ первые должны приносить здоровье домочадцамъ, вторые имѣютъ цѣлю доставить хорошій уловъ. Есть ли этотъ второй родъ идоловъ въ странѣ, посѣщенной нами, я упустилъ разузнать. Каменныхъ фетишей въ родѣ самоѣдскихъ (*Этн.*, Спб., IV, стр. 59) или допарскихъ *стор-юнкарговъ*, *Stor-juncage* (*Scheffer, Laponia*, 106), въ южной Сибири нѣтъ. Деревянные онгоны встрѣчаются въ южной Сибири, но рѣдко; по крайней мѣрѣ мнѣ удалось видѣть только одинъ такой онгонъ у Бурятъ, описанный на стр. 102 и 122. У Качинскихъ Татаръ встрѣчается деревянный онгонъ подъ названіемъ Ирлыкъ-хаанъ-агасте (*Катал. Минус. мѣстн. музея. Томскъ 1881*, стр. 96). Объ онгонахъ у Туруханскихъ инородцевъ говорится у Третьякова (*Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.*, II, стр. 429 и 438).

61) Въ стр. 92. У Якутовъ мѣсто джапка, кажется, занимаетъ онгонъ Кысь-танара (буквально дѣва-богъ), или полнѣе, Магыны-Кыса-тынырыхта; это горностаи, украшенный бездѣлушками и стоящій въ переднемъ углу; онъ переходитъ изъ рода въ родъ и составляетъ семейную святыню. „Присходитъ отъ шаманокъ“, сказано въ статьѣ, изъ которой заимствуемъ извѣстіе о немъ. Причиняетъ людямъ сумашествіе и др. болѣзни (*Сборн. газ. Сибирь*, стр. 417). На Руса существуетъ повѣрье: плывя по водѣ, не слѣдуетъ поминать зайца: водяной подниметъ бурю; по другому повѣрью не слѣдуетъ поминать медвѣдя (Аев. П. В., II, 644). Какъ будто заяцъ и медвѣдь носили одно имя. Въмѣсто медвѣдь слѣдуетъ говорить „раменскій или аевъ“ (*Сост. рыболовъ. въ Россіи*, т. IV, стр. 3). У Осетинъ дауеги — духи покровители людей (*Зап. Имп. Акад. Н.*, т. XIV, кн. II, 54). См. о зайцѣ, стр. 359.

Слово джапкъ имѣетъ у Алтайцевъ слѣдующія значенія: 1) онгонъ, сдѣланный изъ шкуры зайца; 2) животное, посвященное богамъ и увѣщанное

яламой или лентами; 3) наводненіе въ горныхъ рѣчкахъ послѣ дождеваго ливня или таянія снѣговъ; говорить: джапкъ суданъ чикты, то-есть „джапкъ изъ воды вышелъ“; 4) джапкъ-ту называются поклонныя горы, то-есть то же, что въ монгольскомъ хаирханъ и 5) Джапкъ есть собственное имя сына неба (см. стр. 233). Урянхайцы именемъ адыкъ-ту называютъ высокіе, уединенныя пики, ставшіе поклонными горами; ту на обоихъ языкахъ значить „гора“, адыкъ очевидно то же, что джапкъ. Тожество этихъ рѣченій поддерживается и другими образцами; вездѣ, гдѣ въ алтайскомъ стоитъ й, въ языкѣ тува — урянхайскомъ стоитъ д; напримѣръ:

алт.:	кайын, береза;	тува:	кадымъ;
	бойим, свой;		бодым;
	кѣйизъ, войлокъ;		видыс;
	куйю, зять;		худелу;
	куйрукъ, хвостъ;		худуру;
	бѣйникъ, высокій;		бедым;
потому и мѣйикъ,			адыкъ.

Въ урянхайскомъ — слово адыкъ, впрочемъ, не совмѣщаетъ всѣхъ значеній, какія съ нимъ соединяются въ алтайскомъ; такъ, онгонъ изъ зайчьей шкуры Урянхайцы зовутъ иренемъ; за то слово адыкъ распространяется на привѣшиваемыя къ священнымъ предместамъ ленты, тогда какъ у Алтайцевъ для этихъ лентъ есть особое названіе — ялама. Отъ урянхайскаго адыкъ, можетъ быть, происходитъ и монгольское хадакъ; такъ называются шелковые лоскуты или платки, которые въ монгольской обрядности играютъ особую роль: они подносятся и богамъ, и важнымъ людямъ въ знакъ уваженія. Подобный же, по видимому, переходъ совершился и съ вотяцкимъ словомъ чалма, которое стало означать всякое полотенце. Ср. наше ширинка и урянхайское иренъ (джиренъ), шаманскій плащъ, а также шнуръ съ жгутами и яламой. Хадаки употребляются въ Монголіи вмѣсто разнѣнныхъ денегъ (сл. съ разказомъ о Славянахъ у ал-Бекри, *Зап. Имп. Ак. Наукъ*, т. XXXII, кн. II, стр. 49). Джапкъ или микъ ср. съ алтайскимъ айыгъ „медвѣдь“, а урянхайское адыкъ съ урянхайскимъ же адыкъ, и монгольскимъ утыкъ „медвѣдь“. Представляемъ списокъ именъ медвѣдя и священныхъ предметовъ, сопоставленныхъ рядомъ.

Алтайск. джапкъ, заяцъ-фетишь и конь, посвященный богамъ.	Алт. айыгъ, медвѣдь.
Якутск. ытыкъ, чтимый, священный, посвященный. Voeth-link, s. 30.	Остяцк. jig, медвѣдь.
Урянх. адыкъ, конь, посвященный богамъ.	Урянх. адыкъ, медвѣдь.
Бачинск. ызыкъ, лошадь, посвященная духамъ.	Монгольск. утыкъ, медвѣдь.
Татары:	Якутск. эсе, медвѣдь.
	Тунгусск. <i>исіап</i> , медвѣдь.

Чувашск. йирихъ, вещи посвященные божеству. (Золотницкйй, Чуваш. Слов., 185). Остяцк. *jurex*, волкъ. Самоѣдск. уѣрѣ, медвѣдь (Поляновъ въ рукоп.) Юрацк. *work, wark* (Castren's Wörterverz. aus d. Samoied. Spr., s. 202).

У Аларскихъ Бурятъ заяцъ не занимаетъ такого первенствующаго мѣста, какъ у Алтайцевъ и Сойоновъ; но у другихъ Бурятъ онъ есть; см. Гомбоева, О древн. монг. обычаяхъ (въ Зап. Имп. Археолог. Общ., XIII, стр. 247). Выраженіе, находящееся въ одной южно-русской сказкѣ (Труды этнограф. эксп. въ Зап. русск. край, II, 451): „а зайчикъ за нянюку коло дитини“, напоминаетъ обычай Бурятъ привѣшивать къ дѣтской люлькѣ звѣриныя шкурки; я, напримѣръ, видѣлъ привѣшанную къ люлькѣ шкурку хорька. О „зайчьемъ богѣ“ у Литовцевъ см. П. С. Р. Л. II, 188.

62) Къ стр. 96. Ялама навѣшивается, кромѣ джайка, и во многихъ другихъ случаяхъ: на гривѣ живыхъ животныхъ, посвященныхъ божеству, къ шкуркамъ, служащимъ вмѣсто онгоновъ и вообще къ онгопамъ, какого бы вида они ни были, къ деревьямъ, почему либо удостоившимся почитанія, на шести или прутья, воткнутые въ обо и т. п. Съ алтайскимъ ялама ср. якутское салама, волосная нить, къ которой навязываются дары богамъ и нечистымъ духамъ (Поряд., Якутск. слов. рук.); это очевидно тоже, что алтайскій джайкъ, или вотяцкое чалма, т. е. шнуръ между двумя березками, увѣшанный полотнами. Относительно слѣдовъ обычая вѣшать яламу на западѣ см. о Хорутанахъ у Авон., II, В., II, 358; Срезн., Изсл. о яз. бог. др. сл., 28; о Русскихъ у Шейна, Русск. народныя пѣсни, М. 1870, стр. 442 (обѣщаніе увѣшать грушу лентами въ свадебной пѣснѣ); въ житіи Муромскаго князя Константина: „дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и симъ поклоняющеса“ (Карамаз., I, пр. 216); у Аварцевъ на Кавказѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, ст. „Авар. нар. ск“, стр. 14; въ сказкѣ царевна даетъ платокъ, велитъ кому-нибудь взойти на гору и взмахнуть; набѣгаютъ бурныя коровы, молокомъ ихъ наполняется глубокий колодезь; старики и старухи купаются въ немъ и молодѣютъ).

У Остяко-Самоѣдовъ на Оби по сообщенію г. Григоровскаго также существуетъ обычай увѣшивать деревья тряпочками въ даръ духамъ мѣстности, которыхъ они зовутъ: лозъ. Лозы духи ни злые, ни добрые, но будучи сильнѣе людей, они могутъ помѣшать человѣку на охотѣ; поэтому, каждый инородецъ считаетъ своей обязанностью принести каждому лозу какой-нибудь даръ, „коза“ (отъ глагола козынгу, „дарить“), привѣсивъ его къ извѣстному кусту или дереву. У каждаго юртъ, у каждаго овражка, на каждой горѣ и на берегу всякой рѣчки есть свой заветный бустъ или дерево, гдѣ инородцы приносятъ свои дары или козы своимъ лозамъ; эти деревья увѣшаны разными ленточками, тесемочками, тряпочками, ремешками и даже нитками. Все это дары лозу, покровителю той мѣстности. Это не жертва, говоритъ г. Григоровскій, а просто подачка; какъ кусокъ, брошенный собацѣ, чтобы не лаяла, чтобы лозъ не мѣшалъ въ дѣлѣ; по-

этому, всѣ эти привѣски инородцами не считаются священными; тѣмъ не менѣе, ни одинъ инородецъ не рѣшится спять съ дерева навѣшанную козу, опасаясь навлечь на себя гнѣвъ и мщеніе лоза.

63) Къ стр. 94. Выраженіе Сойонки: „два ерени, одинъ небесный, другой земной“, нужно, вѣроятно, понимать такъ: небесный — это Ерень громовникъ; земной — это медвѣдь.

64) Къ стр. 95. Ерень ср. съ дархатскимъ *дзеренъ* или *дзайренъ*, шаманъ, и съ урянхайскимъ *прей*, „медвѣдь“. Въ выраженіи: „Ерень былъ прежде куртъ“ подъ словомъ куртъ, можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть змѣю, а не червя. Ср. урянхайск. *удзунъ-куртъ*, „змѣя“.

65) Къ стр. 99. О Емегельджинѣ см. у Палласа, Sammlung historischer Nachrichten üb. die Mongol. Völkersch., Th. 2, s. 347; у Кастрена: Vorlesungen üb. die finnische Mythologie, s. 234; у Гомбоева: О древн. обыч. Монгол., въ Зап. Имп. Археолог. Общ., XIII, стр. 247. Георги и Палласъ описываютъ Емегельджина, какъ бурятскаго онгона. Порядишь въ своемъ якутскомъ словарѣ приводитъ слово: *эмялтъ*, мѣдный идолъ, пришиваемый впереди шаманской одежды. Емегень ср. въ тунгусск. *amican, amici*, медвѣдь. Въ алтайскомъ и дюрбютскомъ *эмегенъ* значить старуха; въ манджурскомъ *етеке*, тепа; въ самоѣдск. *етѣки*, мачиха; Schott, Altaische Stud., 4 II, s. 281; на языкѣ сѣверно-кавказскихъ Татаръ-горцевъ *эмегенъ* — старуха людоедка, соответствующая алтайской *джелъбегенъ* и киргизской *джаламаусъ*. Въ бурятскомъ старуха людоедка *замымынъ*. Емегельджинъ ср. съ калмыцкимъ *емегельданъ*, „бересклетъ“, *Evonimus europaeus* (Кирѣевскій, Флора нашихъ среднеазиатск. владѣній, стр. 153).

66) Къ стр. 104. Названіе Хурюкшуть ср. съ киргизскимъ Джеты-Каракине, Большая Медвѣдница.

67) Къ стр. 105. Въ русской дѣтской пѣснѣ: придетъ Захарка (вар. Макарка) на бѣлой лошади (на свадьбу волковой дочери лисицы), дѣтки на теляткахъ, слуги на собачкахъ (Шейнъ, Русск. нар. пѣсни, М. 1870, № 53, стр. 35).

68) Къ стр. 111. Имя хардуль, какъ и хардыкъ, прилагается къ высокимъ горамъ; оно соответствуетъ русскому восточно-сибирскому: „голецъ“. Здѣсь оба слова хардуль и хардыкъ употреблены въ смыслѣ горныхъ потоковъ. Не говоритъ ли это обстоятельство въ пользу смѣшенія у первобытнаго человека представлений о горахъ и потокахъ? Или фразу эту слѣдуетъ такъ понять: хардулы и хардыки пустили водяныя струи?

69) Къ стр. 111. Описаніе одѣянія дѣвъ Тулашинъ заимствовано отъ онгона; Греки эпитеты для своихъ божествъ иногда заимствовали отъ статуй; Венера, напримѣръ, называлась „вѣнчанная фіалками“, потому что ея статуи украшались вѣнками изъ фіалокъ (Chwolohn, Die Ssabier, II, s. 240).

70) Къ стр. 116. Онгонъ Борунъ-нхи (Борунъ ср. съ баранъ-гуресу, медвѣдь по бурятски) напоминаетъ нашего Волоса, скотьяго бога. Не дѣлали ли наши предки домашняго идола Волоса? Выраженіе „у св. Власія борода

въ маслѣ“, можетъ быть, не есть риторическое выраженіе о сдобныхъ яствахъ этого дня, а хранить въ себѣ указаніе на нѣкогда существовавшій обрядъ. Можетъ быть, и киргизскіе покровители скота: Ойсулъ-кара, Зенгъ-баба и пр. (см., Оч., II, стр. 152) также были онгонами. Коровы назывались у Киргизъ прежде дѣтми Зенгъ-бабы (см. выше стр. 368), въ родѣ того, какъ у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ называются Власевнами (Сабининъ въ ст. „Волосъ“, въ Ж. М. Н. Пр., XL, отд. II, стр. 27). Онгоны „телячій пастухъ“, кажется, есть и у Якутовъ; по крайней мѣрѣ у нихъ упоминается духъ-покровитель скота Сеги-тоенъ, Хара-бечи-тоенъ; онъ даетъ жеребятъ, телятъ и дѣтей (Сборн. газ. Сибирь, Сиб. 1876 г., стр. 416). Въ рукописной статьѣ г. Евг. Борисова называются духи-покровители скота у Якутовъ Иоторъ-уолъ и Иоторъ-кысъ (пастухъ и пастушка). Нилъ упоминаетъ бурятскаго пастушьего бога „сульбунду“, которому посвящаютъ лошадей (Будд., стр. 153).

71) Къ стр. 117. Идирхинъ ср. съ тунгусскимъ *ätirki*, медвѣдь; *ätirkän*, старикъ. У Рашидъ-Эддина встрѣчается племя Идеркинъ (Ист. Монголовъ, пер. Березина, стр. 200), въ Юаньчаомини племя Адаргинъ (Труд. Пек. Мисс., IV, 31) и лицо Итурганъ (*ibid.*, 97).

72) Къ стр. 123. Слово хатъ, по видимому, есть множ. ч. отъ ханъ. Буряты также доказываютъ, что хатъ значить: ханы, цари, но „ланъ“ въ смыслѣ духа мѣстности не употребляютъ. Алтайцы говорятъ не только о ханахъ, обитающихъ на небѣ, но и на землѣ; земные ханы живутъ на высокихъ горахъ; ихъ они насчитываютъ, по Радлову, 17; г. Радловъ приводитъ и имена ихъ (Вост. Обзор., № 7, стр. 12). Въ Монголіи мы встрѣчаемъ выраженія: Алтай-ханъ и Хангай-ханъ въ смыслѣ духовъ этихъ горныхъ системъ. Не означало ли слово ханъ нѣкогда родоначальника вообще, и не приняло ли оно значеніе царя только въ позднѣйшее время? Еще у Половцевъ это слово, по видимому, не имѣло послѣдняго значенія; съ одной стороны, старинный путешественникъ Раби Петахія говорить о нихъ: „общаго властителя не имѣють, но только князей и благородныя фамиліи“, съ другой, — въ русскихъ лѣтописяхъ иногда при описаніи одной битвы перечисляются не одинъ, а нѣсколько хановъ. Подъ бурятскими хатами, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть души родоначальниковъ; Буха-ноинъ, родоначальникъ Бурятскаго племени, причисляется къ хатамъ. Въ призваніяхъ Алтайцевъ духъ Алтая называется Алтай-хангай (Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XVII, в. 4, стр. 244); не извѣстно, слѣдуетъ ли тутъ слово хангай принять за нарицательное или за собственное. У Осетинъ духи-покровители называются зады (зэд; см. Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. Ак. Наукъ, т. XIV, кн. II, стр. 54). Остяко-Самоѣды, по сообщенію г. Григоровскаго, вѣрятъ въ существованіе духовъ, которыхъ они называютъ „лозь“. Для каждой горы, лошины, ручейка, перелѣска и вообще для каждой мѣстности, по ихъ повѣрью, есть свой особый духъ, ни добрый, ни злой, одаренный силою свыше человѣческой. Это и есть лозъ. До своего крещенія Остяко-Самоѣды и Высшаго Бога называли: Варгъ-ловъ, то-есть-Великій лозъ. Лозы безтѣлесны, не имѣють определен-

наго вида, но могутъ появляться въ разныхъ образахъ. Такъ, лозы долины, деревъ, пригорковъ, ручейковъ и вообще всѣхъ мѣстностей, а также лозы разныхъ породъ животныхъ и звѣрей, данные во власть ворожецамъ (кэ-дичанъ) для услугъ имъ, показываются въ видѣ воробья безъ перьевъ, обтупутаго черною кожей съ перепончатыми крыльями, какъ у летучей мыши. Въ даръ лозамъ на деревья вѣшаютъ тряпочки (коза). Изъ лозовъ видѣляются: масси-лозь въ родѣ нашего лѣшаго, ютыго-лозь, „водяной“, массиная, „лѣсная-баба“, жена лѣшаго, юнѣ-гуссе, „людоѣдка“, и кондеганъ, „чортъ“. Всѣ эти пять духовъ представляются въ человѣческомъ образѣ, только большихъ размѣровъ, такъ что обыкновенный человѣкъ достигаетъ имъ только до колѣна. Это полу-духи, полу-люди; они обложены плотію, но ноги ихъ не оставляютъ слѣдовъ. Они живутъ семьями, имѣють женъ и дѣтей. Они стараются сбить человѣка-охотника съ дороги, заводятъ въ лѣсную глушь, вводятъ въ свои жилища, построенныя на манеръ инородческихъ „карамо“, тамъ кормятъ, приручаютъ къ себѣ и даже женятъ на своихъ дочеряхъ. Дѣти же, рожденныя отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ, бываютъ также полу-люди, полу-духи. Кромѣ того, были еще духи, которые теперь вымерли. Это были: кура, въ родѣ лѣснаго человѣка, и чвочен-зиди-чага-пая, подземная старуха. Кура имѣла видъ человѣка; подъ самымъ подбородкомъ у него находился лунъ, а потому онъ всегда смотрѣлъ кверху, задрывъ голову: на локтяхъ у него были полуаршинныя рогатины. Чвочен-зиди-чага-пая была маленькая, плюгавая бабѣнка, знавшая въ землѣ всѣ влады. Нѣкоторые инородцы, при встрѣчѣ съ нею, будто бы даже въ недавнее еще время, брали ее въ плѣнъ, приводили домой, и она всегда откупалась отъ нихъ серебряными деньгами, принося ихъ откуда-то, когда ей дадутъ свободу. Сообщеніе Григоровскаго о „курѣ“ ср. съ аварскимъ повѣрьемъ албасті, фантастическомъ существѣ, которое имѣетъ на груди костяной топоръ (Усларъ, Азб. аварск. яз.).

73) Къ стр. 124. Монгольскимъ сабдыкамъ, то-есть, духамъ мѣстностей, у Айновъ соотвѣтствуютъ сикасъма-камуні (см. Добровольскаго, Аино-русск. слов., въ Изв. и Учен. Зап. Каз. унив., 1875, № 2, стр. 40), у Черемисовъ вадыши (Вѣстн. Евр., 1867, дек., стр. 40). Умершій человекъ, по повѣрью Черемисовъ, тоже иногда дѣлается вадышемъ (*ibid.*).

74) Къ стр. 127. Dooriskui, имя оружія, которое Гесеръ-ханъ получалъ отъ своего небеснаго отца. Schott, Ueber die Sage v. Geser-chan въ Abhandl. v. Acad. d. Wissensch. zu Berlin, 1851, S. 288. Одинъ ср. съ ходзенискимъ одинъ, мужъ, хозяинъ, царь (Брылкинъ въ Мааковомъ Путеш. по Уссуріи, стр. 16). Ошинъ ср. съ остяцкимъ ошъ или ошника, медвѣдь; послѣднее ошника, можетъ быть, слѣдуетъ разбить: ошн-ика; ика по остяцки дѣхъ. Одинъ-Ошинъ напоминаетъ монгольское названіе Пиеядъ: Одунь-Мечинъ (или Мышинъ). У Якутовъ упоминается божество одноглазый сордахъ-чонохъ; чонохъ напоминаетъ монгольское чоно, волкъ; сордахъ ср. съ якутскимъ сырдык, свѣтъ у Бетлинга, стр. 164; по одному записанному нами указанію сардыкъ по якутски: луна. Въ русскихъ сказ-

какъ встрѣчается лихо одноглазое. См. также объ Одюгэ, стр. 24 и о Янысь-костю, стр. 130.

75) Къ стр. 128. Къ священнымъ горамъ въ Алтаѣ, почитаемымъ Алтайцами, слѣдуетъ еще прибавить бѣлокъ Яль-Менку или такъ-называемый по-русски Семиинскій бѣлокъ. Ему приносятъ жертвы. Въ призываніяхъ онъ называется Бай-Тере.

76) Къ стр. 128. Въ Финикін и Сирін почитались павшіе съ неба камни, которые назывались Bätilen (Böttiger's Ideen zur Kunst-Mythol., Leipzig, 1850, В. II, s. 16).

77) Къ стр. 130. Г. Григоровскій сообщилъ намъ слѣдующее о повѣртіи Остяко-Самоѣдовъ объ одноглазомъ существѣ, живущемъ въ озерѣ: Вблизи юртъ Канеровыхъ, недалеко отъ села Тогура-Кетской волости, есть озеро, называемое Пуруль-то. Въ этомъ озерѣ въ прежнія времена водился одноглазый бѣсъ, котораго называли Лѣка. Глазъ у него былъ на самомъ темени головы; этотъ глазъ былъ большой и свѣтился въ темнотѣ и даже подъ водою, какъ раскаленная головня. Лѣка схватывалъ людей, неосторожно подошедшихъ къ этому озеру, уносилъ въ воду и тамъ пожиралъ ихъ. Ближніе жители боялись не только плавать по озеру, но даже и близко подойти къ его берегу. Однажды какому-то бродячему Остяку, не знавшему о существованіи Лѣки, пришлось остановиться на берегу этого озера для ночлега. Была у него съ собою сѣть для ловли рыбы, а въ лѣсу близъ озера онъ нашелъ обласокъ (небольшую лодку), дно котораго было покрыто уже мохомъ; счистивъ мохъ, Остякъ убѣдился, что обласокъ цѣлъ и годенъ для плаванія. Ставивъ обласокъ въ воду и подыскавъ толстую, короткую палку вмѣсто весла, Остякъ поѣхалъ по озеру поставить свою сѣть, не попадетъ ли рыбы на ужинъ. Рыбы ему попало много; и все это были караси, да такіе большіе, до полуаршина длины каждый. Доставши сѣть съ карасями, онъ присталъ къ берегу, развелъ тутъ огонь и принялся готовить себѣ ужинъ. Распластавъ карасей, онъ поджаривалъ ихъ на вертелѣ. Когда совсемъ стемнѣло, и настала ночь, въ озерѣ поднялся необыкновенный шумъ; озеро заволновалось, и изъ глубины его показался одноглазый Лѣка. Выйди на берегъ, онъ подошелъ къ огню, поздоровался съ Остякомъ и спросилъ его: кто онъ, откуда, и что тутъ дѣлаетъ? Остякъ отвѣтилъ на его вопросъ, что слѣдовало, и пригласилъ Лѣку сѣсть у огня, обѣщая угостить его жареными карасями, которыхъ Лѣка жареными еще никогда не ѣдалъ. Лѣка сѣлъ, и чтобы лучше разглядѣть своего товарища, все наклонялъ свою голову впередъ, такъ какъ глазъ былъ у него на верхушкѣ головы; онъ свѣтился, какъ большой раскаленный уголь. Такъ сидѣли они, поглядывая другъ на друга, Лѣка—въ ожиданіи обѣщаннаго угощенія, Остякъ—придумывая средство, какъ бы избавиться отъ одноглазаго гостя. Карась зажарился; Лѣка поднялъ голову, чтобы взглянуть вверхъ; въ это самое время Остякъ раскрылъ брюхо карася, какъ книгу и каленными внутренностями положилъ его Лѣкѣ на макушку, на самый глазъ. Лѣка, обожженный каленными внутренностями карася, со всего размаху бросился въ озеро, и долго

потомъ Остякъ слышалъ въ водѣ крикъ и стоны, а тамъ все смолкло. Утромъ же, на восходѣ солнца, въ глубинѣ озера раздался дикій бабій ревъ и причитанія, какъ по покойникѣ. Это умершаго отъ обжора Лѣку оплакивала его мать, старуха; изъ этихъ причитаній Остякъ могъ только разслышать слова: „Сынъ мой Лѣка пропалъ“. Съ тѣхъ поръ на этомъ озерѣ стало безопасно; сосѣдніе жители стали по нему плавать и ловить карасей, не опасаясь болѣе попасть въ руки Лѣкѣ. Названіе же Пуруль-ту за этимъ озеромъ осталось и донынѣ. То или ту называется всякое озеро, въ которомъ водятся только караси; съ прибавкой пуруль имя это значитъ „озеро черной воды“, то-есть, очень глубокое. Впрочемъ, имеемъ пуруль-ту называютъ вообще озера, гдѣ обитаютъ какія-нибудь сверхъестественныя чудовища, или гдѣ, по повѣртію Остяковъ, водятся кволли козаръ, „мамонты-рыба“. Повѣртія объ одноглазыхъ великанахъ есть и у Осетинъ; они называютъ ихъ онгъ; этимъ именемъ Осетины называютъ также и медвѣди. Ср. ойхъ, „луна“, по чувашски, айгы „медвѣдь“, по алтайски.

78) Къ стр. 130. Греческое имя ночной бабочки *φπιδος* представляетъ, говоритъ Пикте, — темную связь съ *φπιδος*, „лихорадка“; тотъ же двойной смыслъ находится въ литовскомъ *drūgis* (Pictet, Orig. indo-europ., II, p. 524). Лихорадка по киргизски называется безгильдекъ; тѣмъ же именемъ Киргизы называютъ въ Тарбагатаѣ куропатку, *Lagopus alpinus*, живущую у снѣжной линіи, въ Кокчетавскомъ же округѣ Акмолин. обл.—стрепета. Названіе сибирской болѣзни омерячество (больной ею называется омерякъ) ср. съ тунгусск. *amiraka*, медвѣдь. Монгольское имя оспы, бурхатъ, ср. съ бурханъ, „богъ“. Одно изъ славянск. названій оспы: богине (Котляр., О погреб. обр., 193).

79) Къ стр. 130. Къ числу повѣрій о болѣзняхъ можемъ еще присоединить существующее въ Забайкальѣ—о цѣлебномъ свойствѣ птицы хойлюкъ, о которомъ мы сами отъ Бурятъ не слыхали, но извѣстія о которомъ попадаются въ книгахъ. Хойлюкомъ тамъ называютъ альпійскую галку, *Fregilus graculus*; если человѣка укуситъ бѣшеная собака, его везутъ на высокія горы, достаютъ перья этой птицы и ими окуриваютъ больного; если птицы добыть не могутъ, то стараются доставить больному возможность послушать крикъ этой птицы (См. также пр. Нпла, Будд., 274). Въ Монголіи именемъ хойлюкъ называется уже другая птица, именно большая курица *Megalo-perdix*, но также живущая близко къ снѣжной линіи. Повѣрій объ монгольскомъ хойлюкѣ не удалось услышать; у Киргизъ въ Тарбагатаѣ эта курица очень уважается и мясо ея считается приносящимъ какое-то благо, почему, если птицу убьютъ, то мясо дѣлятъ всѣмъ присутствующимъ при ѣдѣ. У Остяковъ именемъ *xui-luk* называется глухарь (Castren's, Ostjak. Spr., s. 107); у Качинск. Татаръ хайлахъ „галка“. Въ Юаньчао-миши упоминается въ числѣ предковъ Чингисъ-хана Хачи-Кюйлуъ (Труд. Пек. дух. миссіи, IV, стр. 30). Въ остяцкомъ имя хойлюкъ распадается на хой и люкъ; рядомъ съ *xui-luk* существуютъ негда-люкъ „глухарь“ и пен-люкъ, хандженгъ-люкъ, „копылиха“, *Auerhenne* (Castren's Ostjak. Spr., 109). Съ сходнымъ окончаніемъ существуютъ зоологическія названія: леглегъ „журавль“ кюринск.

на Кавказѣ (Усларъ), хаджи леглеъ, на кюринско-ахтинск. нарѣчій (запис. нами въ Тифлисѣ), журавль; якутск. лыгмы, „лѣсная утка“, *Anas erythrorus* (Böhtlingk, Jacut. Wörterb., 151). Ср. также новогреч., албанск. и пиндо-влахск. *λελέξ, λελεϊέξ*, „журавль“, „Storch“ (Hahn, Alban. Stud. III, 246); лелекъ, „козодой“ въ Вологодск. губ. и „летуч. мышь“ въ Новгор. губ.; лн-ляк, на южно-славянск. нарѣч. и по румынски „летучая мышь“.

80) Къ стр. 131. Филиновыя перья, прикалываемыя къ шапкамъ, Киргизы навываютъ или уку (уку по киргизски—филинъ) или каркара. Ср. хар-кира, монгол. имя журавля съ косичкой, *Grus Virgo*.

81) Къ стр. 132. Съ дюрбютскимъ обычаемъ вѣшать на двери кость ср. совѣтъ быка въ южно-русской сказкѣ убить его и „кости застромить за стрѣху“. Труды этн. эксп. въ зап.-русс. край, т. I, 138.

82) Къ стр. 133. Повѣрье о томъ, что царство Майтере наступитъ, когда хвостъ у зайца почернѣетъ, вѣроятно, находится въ связи съ напечатаннымъ нами, не ясно переданнымъ разказомъ о томъ, почему у зайца хвостъ черный (Оч., II, 167). Въ готентотской легендѣ мѣсяцъ поручилъ вшѣ идти и сказать людямъ: „Подобно тому, какъ я умираю и оживаю, и вы умирайте и оживайте“. Заяцъ, встрѣтивъ вошь, принялъ порученіе на себя, но сказалъ людямъ: „Подобно тому, какъ я умираю и погибаю, и вы умирайте и погибайте“. Когда заяцъ явился къ мѣсяцу, послѣдній, осердившись за переименованіе его словъ, ударилъ его палкой и раскололъ ему верхнюю губу, а заяцъ оцарапалъ мѣсяцу лицо, отчего на немъ пятна (Girard de Rialle, La mythologie comparée, Paris, 1878, p. 147; Басни и сказки дикихъ народовъ, пер. съ англ. С.-Пб., 1874, стр. 26). Жители острововъ Фиджи думаютъ, что мѣсяцъ хотѣлъ, чтобъ люди воскресали послѣ смерти, но крыса упростила боговъ, чтобы люди умирали, какъ крысы. На Каролинскихъ островахъ также вѣрятъ, что люди прежде воскресали подобно лунѣ, но что злой духъ былъ причиной того, что смерть сдѣлалась вѣчною (Girard de Rialle, 149). Индѣйскіе Khasias пятна на лунѣ приписываютъ тому, что теща мѣсяца бросаетъ ему въ лицо золу (ibid., 149). Въ Jagic's Archiv (III, 216) помѣщенъ, сообщенный Даничичемъ, текстъ сербской сказки о неблагодарномъ сынѣ, который, поддаваясь желанію своей злой жены, прогналъ своего отца изъ дома и заставилъ его питаться милостыней; однажды, когда отецъ вошелъ къ нимъ, они спрятали индѣйку, которую ѣли передъ тѣмъ, но когда вновь ее вынули по уходѣ отца, индѣйка превратилась въ жабу; жаба, прыгнувъ, вцѣпилась въ щеку сына и повисла; и онъ такимъ образомъ долженъ былъ носить ее вѣчно въ предостереженіе другимъ. Въ нашемъ разказѣ (Оч., II, 167) дочь также украдкой ѣстъ какое-то вкусное кушанье.

83) Къ стр. 133. Объ Остяко-самоѣдскихъ повѣрьяхъ о мамонтѣ сообщилъ намъ г. Григоровскій. Мамонта Остяко-Самоѣды на р. Оби называютъ сури-козарь, то-есть, „звѣрь козарь“ въ отличіе отъ кволли-козарь, то-есть, „рыбы козара“. Оба рода этихъ мнѣстическихъ животныхъ водятся въ глубокхъ мѣстахъ; сури-козарь преимущественно водится въ Оби, а кволли-

козарь въ ея притокахъ и въ глубокихъ озерахъ, затопляемыхъ весеннимъ разливомъ. Первый изъ нихъ своими рогами роетъ берега и даетъ рѣкѣ другое теченіе. Второй же, кволли-козарь, болѣе смирный, живетъ спокойно, пока какой-нибудь пловецъ не вздумаетъ нарушить его спокойствія плаваніемъ въ его водахъ. Тогда онъ проглатываетъ дерзкаго. Всѣ эти разказы имѣютъ, однако, одинъ исходъ: смѣльчакъ, проглоченный кволли-козаромъ, опомнившись внутри чудовища, вынимаетъ изъ ножней ножъ, всегда привѣшенный къ его поясу, и распарываетъ брюхо чудовищу. Тогда кволли-козарь бросается на берегъ, сглаживая на своемъ пути кочки и кусты, и окопѣваетъ въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ своего жилища, озера. Смѣльчакъ же вылѣзаетъ тогда изъ нутра чудовища. По мнѣнію Остяко-Самоѣдовъ, мясо и сури-козара, и кволли-козара имѣетъ то свойство, что чрезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти чудовища оно каменѣетъ, „пкоелле кандезимба“, какъ говорятъ они, то-есть, „замерзло въ камень“. По мнѣнію Остяко-Самоѣдовъ, мамонтъ дѣлается изъ лося; когда лось проживетъ свой вѣкъ и достигнетъ полной старости, онъ измѣняется и становится мамонтомъ: у него вырастаютъ вмѣсто роговъ клыки, и онъ пріобрѣтаетъ возможность жить въ водѣ и на сушѣ; предъ восходомъ солнца онъ иногда всплываетъ изъ глубины на поверхность воды, и спина его показывается въ видѣ опрокинутой большой лодки. Кволли-козарь дѣлается изъ большой щуки, если та проживетъ болѣе ста лѣтъ. Тогда она принимаетъ огромные размѣры, во время разлива рѣкъ выбираетъ для себя глубокое озеро безъ истоковъ и остается тамъ жить. Такія озера Остяко-Самоѣды называютъ обыкновенно пурулъ-то (озеро черной воды); по этимъ озерамъ опасаются не только плавать, но и ходить зимою по замерзшему льду. Вѣрятъ также, что люди, имѣющіе сношеніе съ лозами, то-есть, духами, поживъ на свѣтѣ и послужа лозамъ, просятъ этихъ лозовъ обратить ихъ въ кволли-козарь на извѣстное число лѣтъ, и тѣ исполняютъ это желаніе. По сообщенію свящ. Краснова, васюганскіе инородцы называютъ мамонта *веса*. О происхожденіи его одни говорятъ, что онъ родится отъ подобныхъ себѣ родителей, другіе же допускаютъ, что онъ образуется изъ медвѣдя, оленя и лося; послѣднее мнѣніе господствуетъ. Когда лось доживетъ до глубокой старости, потеряетъ зубы, рога и пр., онъ, чувствуя свой конецъ, переселяется, по выраженію инородцевъ, на другой свѣтъ, то-есть, въ воду. Тамъ онъ видоизмѣняется; у него вновь вырастаютъ зубы и рога, но рога не развѣтвленные, а прямые, идущіе отъ головы вдоль спины. Когда рога дойдутъ до такой длины, что начнутъ спускаться отъ спины къ заднимъ ногамъ, существованіе мамонта кончается и теперь уже навсегда. Существованіе мамонта предполагается всегда тамъ, гдѣ крутой берегъ осыпается и валится, и гдѣ около береговъ, въ тихихъ мѣстахъ, около такъ-называемыхъ заводей, бьютъ ключи. Осыпанье берега и обвалы приписываются тому, что мамонтъ ѣстъ будто бы корни деревьевъ и глину. Мимо такихъ мѣстъ инородцы не плаваютъ, опасаясь, чтобы мамонтъ не съѣлъ ихъ. Чудымскіе Татары, по сообщенію свящ. о. І. Соколова, называютъ мамонта *керъ* или *геръ*, другіе же изъ

них зовутъ его *сухъ-герсъ*, причисляя его къ водянымъ животнымъ (сухъ—вода; керъ, геръ, герсъ—мамонтъ). По повѣрью, впрочемъ мало распространенному, мамонта по его громадности и необычайной тяжести земля не могла сдерживать, а потому Богъ опредѣлилъ для него подземное жилище и назначилъ ему поддерживать землю.

84) Къ стр. 134. Кажется, то же повѣрье о бродящихъ душахъ шамановъ, о которомъ говорится у насъ, внушило Д. Банзарову фразу: „всѣхъ чаще онгонами дѣлаются шаманы“ (Учен. Зап. Казан. унив., 1846, III, 100). У Албанцевъ о призракахъ, которые называются *Кархаудолъ*, думаютъ, что они при жизни были Цыганами (Hahn, Alb. Stud., III, 43).

85) Къ стр. 134. Въ одной киргизской сказкѣ, которой я теперь не имѣю подъ рукой, описывается поѣздка богатыря за какое-то море. Премахнувъ на богатырскомъ конѣ на другую сторону огромнаго моря, богатырь увидѣлъ старика съ желѣзнымъ посохомъ. Они пошли вмѣстѣ съ этимъ старикомъ. Сначала богатырь видитъ коня; по одну сторону его чистая, прозрачная вода, по другую—свѣжій зеленый лугъ. Конь протянетъ голову къ водѣ, озеро отходить; онъ протянетъ голову къ травѣ, трава отходить; по объясненію старика съ желѣзной палкой это былъ скупой человѣкъ. Далѣе богатырь видитъ человѣка, который, нарубивъ подъ горой вязанку караганы, несетъ ее на гору; только онъ взнесъ ее и положилъ, какъ она скатилась назадъ подъ гору; человѣкъ снова спускается подъ гору, снова рубить и пр. Сказку эту я слышалъ отъ Киргиза Акмол. области. Осетинскія представленія о царствѣ мертвыхъ, о мукахъ, о переѣздѣ черезъ узкій мостъ и пр. обнаруживаются изъ рѣчей къ коню, которыя произносятся на похоронахъ. См. у Шифнера, „Осетин. тексты“, Зап. И. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II, 87; у В. Миллера, „Осет. этюды“, I, стр. 109. О представленіяхъ Чувашъ о мученіяхъ за гробомъ см. у Магнитскаго, Матер. къ объясн. стар. чуваш. вѣры, Казань, стр. 192.

Къ главѣ III-й.

Большая медвѣдица.

1) Къ стр. 136. Якуты у Бетангга: *Арангас сулус* (Jacut., Wörterb. стр. 8); у Порядина: *Арангасъ*. Порядинъ дѣлаетъ примѣчаніе: арангасъ—скирда на столбахъ, на которой древніе Якуты клали трупы почитаемыхъ покойниковъ въ гробахъ; въ другомъ мѣстѣ своего словаря г. Порядинъ даетъ созвѣдію имя Арангасъ и переводитъ: горизонтально. Бромъ Арангасъ. г. Порядинъ упоминаетъ еще созвѣдіе Тунгусъ-Арангасъ, то-есть, Тунгусскую Большую Медвѣдицу. Съ именемъ Арангасъ ср. *урумесе*, бѣлый медвѣдь; Урянхусъ, родъ у Волжскихъ Калмыковъ (см. 13 прим. къ I гл.); *Жарныгасъ*, киргизск. поколѣніе въ Букеевск. внутр. ордѣ (См. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. 2, с. 34). и бурятское *аранга*, полати на 4 столбахъ, устраиваемая для убитыхъ молніей. Монг. *харану*, кирг. *караны*—мракъ.

Койбалы: *Тьидеиенъ*, *Тьидиенъ*, *Дьидиенъ*. Castren, Versuch ein. Koi-bal. und Karag. Sprachl., 135.

Карагассы: *Тьетеиенъ*. Ibid. *Тьэдэаръ*, „семь звѣздъ“. Этн. Сборн., IV, 14. Изъ этого толкованія слѣдовало бы думать, что гаръ должно значить по карагасски звѣзда; но у Кастрена нѣтъ такого слова. Салбинск. нарѣчіе: *Тьетеиенъ-дѣлетесъ*. Castren, Versuch, 135.

Чулымскіе Татары: *Четеиенъ*, *Этеиенъ*. (Рукоп. сообщ. свящ. о. І. Соколова князю Кострову).

Тобольск. Татары: *Иттыманъ* (Гигаповъ, Граммат. тат. яз., Сиб. 1801, стр. 20).

Татары Миниръ Симб. губ. семь звѣздъ Больш. Медвѣдицы вонуть *Дже-дидиенъ*, а двѣ звѣзды между Большою Медвѣдицей и Полярною звѣздой: *Котанъ* и *Саратъ*, то-есть, сивая и соловая лошадь. Крещеные Татары Мамадышск. уѣзда: *Жидианъ*.

Башкиры: *Джитаганъ*. Сообщ. г. Малаховымъ.

Крымскіе горные Татары: *Едижанъ* „семь князей“, *Мажаръ*, „телега“ (рукоп. сообщ. г. Калачева). Татары въ селеніи Старый Крымъ: *Джестыменъ*. Не отсюда ли русское атаманъ, то-есть, главное лицо въ шайкѣ разбойниковъ? Менъ во второмъ членѣ крымскаго названія вм. ханъ въ родѣ того, какъ въ черемисскомъ вопманъ вм. чувашскаго вопкынъ (Знам., Горн. Черем. Каз. губ., Вѣстн. Евр. 1867, дек., 43; Золотн., Чув. Слов., 27). Мажаръ ср. съ сложнымъ Hetu Moger, т. е. семь мадяровъ или моджаровъ, подъ предводительствомъ которыхъ по анониму Бѣлы Венгры вышли изъ Сцитіи; число семь находится и въ венгерскомъ преданіи о переселеніи въ Венгрію Половцевъ (Уч. Зап. Ак. Н., по I и III отд., 1855, т. III, см. ст. Куника „О Торкахъ и Печенеггахъ“, стр. 740). По другому преданію, сохраненному Константиномъ Порфиророднымъ, Венгры вышли изъ страны Lebedias (Hunfalvi, Ethnographie von Ungarn, Buda-Pest, 139). Въ остяцкомъ семь tabet; первое t произносится, какъ среднее между tul, такъ что вѣсто tabet можно читать labet. Г. Остряковымъ въ Кабардѣ записано сказаніе о старцѣ Деветѣ, который сначала носился на суднѣ; судно остановилось на Ельбрусѣ и Деветъ сдѣлался отцомъ девяти (девятн?) сыновей; сказаніе сохранило только имя младшаго изъ нихъ, Аллаугана (Остряковъ, Народн. литер. Кабардинцевъ, Вѣстн. Евр., 1875, августъ).

Дагестанскіе Татары: *Едды-Кардашъ*, „семь братьевъ“ (сообщ. г. Габеркорнъ).

Сѣверо-кавказскіе Татары-горцы (общ. Урусбій, Малкаръ и др.): *Джестей*. (Сообщ. г. Урусбиевымъ). Къ этому имени Б. Медвѣдицы близки легендарныя и личныя имена: лѣтописное Едигей, киргизское и Барабинскихъ Татаръ Идыте (Radloff, Prob., IV, 35), бурятское Одыга (см. стр. 24), а также второй членъ аккадскаго имени звѣзды Юпитера по Ленорману: Amar-Utuki. Последнее *utuki*, по мнѣнію Ленормана, состоитъ изъ корня *ud* или *utu*, дополненаго суффиксомъ въ томъ же родѣ, какъ Mul-ge, Dam-ki (Lenormant, Langue primitive et les idiomes touraniens, Paris, 1875, p. 369).

Какъ называется Б. Медвѣдица на языкѣ Иссыккульскихъ Киргизъ, намъ узнать не удалось.

Чукчи: тѣло Б. Медвѣдицы *Huyotkenotsutlen*, *Uotkinautl*, хвостъ ея *Arquarkartergosten*, *Unapuger* (Vega expedit. vetenskapliga iakttagelser, af A. E. Nordenskiöld, B. I, s. 397).

Тунгусы: *Säktäwun* (собственно „ложе“), *Töki* (лосъ) (Castren, Grundzüge ein. Tunguss. Spr., S. 100), *Faula* (Hawlen), *Iwlyn*, *Howlun* (ibid. 120), *Xoglen*, *Höglen*, *Hawlan*, *Pöule*, *Faula* (Al. Czekanowski's Tung. Wört. в Mel. asiatiques, t. VIII. (8 Mai 1877), стр. 377).

Манджуры: *Наданъ-усиха*, то-есть, „семь звѣздъ“; *Найху*, *Абкай-шурде-чжень*. Захаровъ, Полн. манчж. сл., с. 210.

Лопари по Георги (Опис. народ., I, стр. 4) Большую Медвѣдицу называютъ лукомъ Цоука.

Остяко-Самоѣды: а) нарѣчія Байха: *Puorëa*, *Pord*, *Kiskael-puorëa*; б) Камасинскіе и Кетскіе: *Port*, *Parre*; 3) Натпумикольскіе: *Pëäre* (Castren Wörter a. d. Samojed. Spr., 203). Низовскіе инородцы на нижней Оби (Самоѣды?): *Портъ*, то-есть, лосъ (Григоровскій въ рукоп. сообщ.).

Верховскіе инородцы нижней Оби (Самоѣды?): *Пенкъ*, то-есть, лосъ (Григоровск., рукоп.).

Енисейскіе Остяки: *Форредя* (Третьяковъ въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415); ср. съ юрацкимъ парыдина, „медвѣдь“ (ibid., 298) и съ самоѣдскимъ *pord*, „лосъ“.

Юраки: *Som*, *So'om* (Castren, Wört. a. d. Samojed. Spr., 203).

Самоѣды Березовскіе: *Som* или *Siw-nungu*; послѣднее значить „семь звѣздъ“ (A. Schrenck, Reise, II, 278).

Котовцы: *Acanse*, то-есть, лосъ. Castren, Versuch e. Jen-Ostj. und Kot. Spr., 233.

Васюганскіе Остяки: *Нехъ*, то-есть, лосъ. Каждой отдѣльной звѣздѣ созвѣздія дается особое значеніе; первая звѣзда называется пунукъ, „голова“; вторая и третья называются вмѣстѣ: ка—семь, „два глаза“; четвертая и пятая: ка-кетъ, „двѣ руки“, шестая и седьмая: ка-куръ, „двѣ ноги“. У Остяковъ для отличія переднихъ и заднихъ ногъ, какъ у лоса, такъ и у всѣхъ другихъ животныхъ, употребляются выраженія „руки“ для переднихъ конечностей и „ноги“ только для заднихъ. Б. Медвѣдица имѣетъ для Васюганскихъ Остяковъ большое значеніе; ночью она служитъ для нихъ путеводителемъ; ее, слѣдовательно, было бы приличнѣе, чѣмъ другое созвѣздіе, назвать остяцкимъ Меркуріемъ, то-есть, „богомъ дорогъ“ и „вожакомъ путниковъ“. По ней же они судятъ и о перемѣнѣ погоды; если семь звѣздъ ея кажутся имъ какъ бы сближенными, они говорятъ: „Лосъ сжался въ кучу“ и ожидаютъ большихъ морозовъ; если, напротивъ, созвѣздіе какъ будто раздалось и промежутки между звѣздами увеличились, они говорятъ: „Лосъ растянулся“ и вѣрятъ, что будетъ впереди тепло или буранъ (Займствовано изъ рукоп. сообщ. свящ. П. Краснова).

Коряки по Крашенинникову (Опис. Камч., II, 22): *Елус-Кминъ*, что

Крашенинниковъ перевелъ „дикий олень“; въ спискѣ же коряцкихъ словъ (ibid., 160) кайнга, „медвѣдь“. Чукчи, по словамъ г. Нордвиста, даютъ имя *Utkan* отъ *utku*, „бѣлый медвѣдь“, не Б. Медвѣдицѣ, а созвѣздію Кассіопея, которое имѣетъ еще и другое имя: *Mel'utankin*, производное отъ *mel'otadlin*, „заяць“. Вообще, говорить Нордвистъ, Чукчи заимствуютъ имена для звѣздъ изъ міра животныхъ. (Nordguist, Bidrag till kännedomen om tshuoktschern, 32).

Черемисы: *Шордо*, то-есть, „лосъ“ (записано мною въ дер. Бимы. Елаб. у. Вятск. губ.) или *Шордо-шюдырь*, „лосъ звѣзда“. Черемисы въ этомъ созвѣздіи видятъ лоса съ четырьмя дѣтенышами и охотника съ собакой; послѣдніе осуждены вѣчно кружиться по небу за то, что они умертвили первыхъ, то-есть, молодыхъ лосей съ маткою (чего не слѣдовало бы имъ дѣлать). Относительно Б. Медвѣдицы существуетъ скороговорка: *шордо шюдырь шымъ гана савралтэн каласан гын суан лѣшь*, „если я произнесу семь разъ; семь лосыи звѣздъ (не переводя духа), то (за это) получу благодѣяніе (свыше)“ (Записано въ Бирскѣ учителемъ Дм. Антріевымъ).

Вотяки: *Джекъ-жукъ*, „ножка стола“ (Запис. мною въ Елаб. у. Вятск. губ.) Ср. съ монгольск. именемъ козодоя: *чогчогъ*; въ монгольск. сказаніяхъ встрѣчается мифическая птица Цакцагай (Алтанъ-Тобчи, стр. 22).

Мордва-эрая: *Нешке-лазынь-овто*, то-есть, медвѣдь бога Нешке; Нешке — богъ, управляющій среднимъ пчельникомъ, то-есть, міромъ и богъ настоящихъ пчелъ; онъ ѣздитъ на медвѣдѣ, большемъ любителѣ меда (сообщ. В. Н. Майновымъ). Мною записано отъ Мордвина Сергачск. у. Нижегород. губ. названіе Б. Медвѣдицы: *Курсакъ-паркъстъ*; курся — „кормысло“, изъ чего можно думать, что это, можетъ быть, Оріонъ; впрочемъ, есть другими записанныя имена и для Б. Медвѣдицы съ значеніемъ кормысла.

Мордва-Мокша: *Офта*, то-есть, „медвѣдь“ того же бога Нешке, по сообщ. В. Н. Майнова. Мною записано отъ одного мокшинскаго Мордвина: *Нуля-тлшштъ*, „четыре звѣзды“.

Финны балтійскіе: *Otāva*. Castren's, Finn. Myth., s. 54, 58. Не будетъ ли полная форма *Otāvan*, по сравненію финнскаго *Kalewa* съ русскимъ Колыванъ?

Эсты: *Rootsi-kabi* „шведскій быкъ“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Эсты зовутъ ее *Wana wanker* „старая телега“. Melang russ., 2, 1851—1855, p. 416.

Латыши Виндавск. у. (по словамъ моего спутника по Монголіи П. Д. Орлова, уроженца того уѣзда): *Кривораттъ*, „косая телега“.

Венгры: *Konkol*. Ср. съ тунгусск. гонглай, „лосъ“.

На кюринскомъ нарѣчій на Кавказѣ: *Йеддйаръ*; записано отъ милиціонера лезгина въ Тифлисѣ. Вѣроятно татарское личное имя Джетыгеръ или Едигеръ было однимъ изъ именъ Б. Медвѣдицы. Ср. тунгусское Этйгеръ, мифическій змѣй (Зап. Р. Географ. Общ. по общ. геогр., I, 419); Атагаръ-Мангысъ, многоголовое чудовище, стр. 454; Хотгоръ-хара-мангысъ, стр. 385, а также чяткуръ, зетхеръ, хоткоръ—чортъ по монгольски. Въ уйгурскомъ *atkir*, чудовище (Vambery, Die primit. Cult., стр. 185).

На талышскомъ нарѣчїи: *Хавъ-Боа* (сообщ. г. Габеркорнъ).

Кабардинцы: *Вагозашибль*, „звѣзды семь братьевъ“ (ваго—„звѣзда“). Надъ второй звѣздой справа находится маленькая звѣзда; это: *Вагозашибль я каныръ*, канъ (воспитанникъ, приемышъ) семи братьевъ. Одинъ князь отправилъ своего ребенка въ „каны“ къ семи братьямъ; въ то время, какъ его везли къ атакыкамъ, Плеяды, Вагоба, напали и хотѣли убить ребенка; но семь братьевъ подоспѣли и спасли мальчика (сообщ. Кабардинцемъ г. Хатановымъ). Ср. съ вступительнымъ разказомъ въ романѣ о семи мудрецахъ.

Лаки на Кавказѣ: *Аруль-цуку*, „семь козъ“. (Усларъ, Азб. Лакск. яз.).

Аварцы: *Уарани тибчи* „верблюжьи звѣзды“ (Сообщ. Д. Н. Анучинъ). У Услара верблюды по аварски: варани.

Ингуши: *Уоръ-вожъ* „семь братьевъ“ (записано мною отъ Ингуш-милиціонера въ Тифлисѣ). Казикумыхи также зовутъ Б. Медвѣдцу семью братьями, по сообщенію г. Анучина; вѣроятно, есть-какая нибудь легенда.

Осетины: *Ладзарта* (мн. ч.), „простыни“, а также *Фысима цѣуджитѣ*, то-есть, „идущіе на ночлегъ“ (сообщ. В. О. Миллеромъ). По другому показанію, записанному для насъ г. Вороновымъ отъ Осетиновъ Гизельскаго и Шанаевскаго селеній, *Авд-хон*, „семь сестеръ“; при этомъ Осетины сообщили повѣрье, что одна изъ сестеръ поблѣдѣла (см. ниже о Плеядахъ и въ сказкѣ № 186 объ опѣмѣвшей жепѣ, стр. 639).

Армяне въ Θεοδοσίη (въ Крыму): *Озтну атпаръ*, „семь братьевъ“.

Новогреческое названіе: „Астроч тѣ: Τριμωτῆρας“ (сообщ. И. Г. Троицкій). Арабское названіе Б. Медвѣдцы *Dubb*, „медвѣдь“, Пикте приписываетъ заимствованію у Грековъ, то-есть, считаетъ его за переводъ древне-греческаго: Ἄρκτος. Впрочемъ уже у Халдеевъ по Гезихію оно называлось Δαβουλή, что Ленорманъ ставитъ въ связь съ семитическимъ названіемъ медвѣдя, dubb (Lenormant, *Langue primitive et les idiomes touraniens*, Paris, 1875, p. 345).

Русскія областныя: *Возница*, Курск. губ. (Оп. обл. сл.); *Коромыслъ* Оренб. г. (ibid.); *Лоса*, Олон. г. (ibid.); *Лосъ*, Нижегород., Иркутск. (ibid.); *Сажары* Тульск. (ibid.); *Возъ*, южнорусское. Въ одномъ заговорѣ „быкъ-третьякъ смотрится въ небесную высоту на луну и колесницу“ (Зап. Им. Р. Геогр. общ. по этн., IV, 473). *Медвѣжатники* въ Новг. губ., въ дер. Запальницы; здѣсь же записано о созвѣздіи слѣдующее преданіе: „Змѣи слѣпы, и вотъ по какому случаю они стали такими. Жилъ нѣкогда одинъ царь; онъ былъ добродѣтельный, и при немъ подданнымъ его было хорошо; онъ имѣлъ семь сыновей и восемь дочерей и самъ пахалъ землю. Однажды, когда онъ былъ на полевой работѣ и легъ съ дѣтьми спать, во время сна змѣя высосала кровь изъ его дѣтей. Проснувшись и увидѣвъ своихъ дѣтей мертвыми, царь обратился къ Богу съ жалобой: „За что же мнѣ такое горе? Развѣ я не старался о благѣ своихъ подданныхъ?“ Богъ отвѣчалъ: „Это я попустилъ для твоего же прославленія. Отнынѣ ты будешь ходить солнцемъ и грѣть землю и людей, семь сыновей твоихъ станутъ Б. Медвѣдицей и будутъ

свѣтитъ ночами, когда ты будешь отдыхать!“ Змѣю же за это Богъ сдѣлалъ слѣпою“ (запис. г-жею Наумовой).

У Вамбери (*Die primitive Cultur des turko-tatar. Volkes*, Leipz., 1879, S. 154) приводятся по видимому киргизскія, а можетъ быть туркестанскія названія: Бол. Медвѣдцы — *jetî karakci*, двухъ звѣздъ, находящихся между нею и полярной звѣздой *kök-bogat* и *ak-bogat* и трехъ звѣздъ, лежащихъ между этими послѣдними и полярной звѣздой *arkan jolduz*, то-есть, канатъ-звѣзда. Каравчи киргизское „разбойникъ“ ср. съ самоѣдскимъ *харакси*, idem (Кумелевскій, *Земля Ялмалъ*, С.-Пб., 1868, стр. 152). Въ самоѣдскихъ словаряхъ Кастрена этого слова нѣтъ. Въ норской сказкѣ упоминается Очи-Каракшанъ, дѣвица, у которой семь братьевъ, Radlof, Prob., I, 421) Ср. монгольское Хурюкшутъ, семь или девять дѣвицъ (см. стр. 104). Въ барабинской сказкѣ (Radl., Prob., IV, s. 93) Алтанъ Сайинъ-Суме, достаетъ для хана семь сивыхъ лошадей Пурюкше (пурюкшенинг джиди ак пос ады). Керекшинъ по алт. козуля (Грамм. алт. яз., с. 208).

2) Къ стр. 136. Въ Очеркахъ, II, стр. 125, было приведено урянхайское имя-Джиды-Урганъ, которое есть, конечно, то же, что Джеды-бурханъ или Джиты-Пурганъ настоящаго выпуска (стр. 136). Вамбери, встрѣтивъ въ одномъ уйгурскомъ сочиненіи выраженіе иты-эрянъ (*erkian*), перевелъ его: „семь планетъ“, хотя самъ сознается въ примѣчаніи, что *erkian*, „столбъ“, „подпорка“ не совсемъ приличный эпитетъ для планетъ (*Zeitschr. d. Deut. Morg. Gesell.*, B. XXI, H. IV, s. 646). Это Иты-Эрянъ, вѣроятно, есть не семь планетъ, а Б. Медвѣдцы, урянхайское Джиды-Урганъ.

3) Къ стр. 136. Бурятское Долохъ-Кубынъ, можетъ быть, не монгольское „семь сыновей“, а якутское „семь лебедей“ отъ хуба, „лебедь“.

4) Къ стр. 136. Бурятскій эпитетъ убугунъ, „старикъ“ напоминаетъ классическіе эпитеты *senex*, *ὁ ἀρχαῖος*, которые придавались богу Сатурну, а также звѣздѣ Сатурну, а въ семитическомъ Бѣлу (*Bel*), котораго отождествляютъ съ Сатурномъ (*Chwolson, Die Ssabier und der Ssabismus*, St.-Pet., 1856. II, 275). Не перенесены ли эти имена на планету съ Б. Медвѣдцы? Культъ семи планетъ долженъ былъ явиться только впоследствии, когда планеты были наблюдениемъ выдѣлены изъ неподвижныхъ звѣздъ; до этого же открытія подъ „семью звѣздами“ или „семью богами“ первобытные дикари могли разумѣть Б. Медвѣдцу.

5) Къ стр. 136. И Пикте (*Ad. Pictet, Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs, essai de paleontologie linguistique*, Paris, 1859, t. II, p. 581), и Макс-Миллеръ отвергаютъ мысль, что Б. Медвѣдцы съ самаго начала назывались медвѣдемъ. Пикте говоритъ, что Б. Медвѣдцы въ Ригведѣ назывались *rkshas* „звѣзды“ или „медвѣди“, потому что *rkshā* значитъ и звѣзда и медвѣдь вмѣстѣ; онъ думаетъ, что значеніе „звѣзда“ древнѣе, потому что слово стоитъ во множ. числѣ, и что если въ созвѣздіи можно еще видѣть грубое сходство съ однимъ медвѣдемъ, то никакъ невозможно видѣть въ немъ нѣсколькихъ медвѣдей; *rkshas* значило сперва „звѣзды“ и только вслѣдствіе какой-то путаницы приняло значеніе „медвѣдя“, которое и рас-

пространилось на западъ. Максъ Миллеръ также не соглашается съ тѣмъ, чтобы человѣкъ далъ созвѣздію имя по звѣрю; сходство съ телегой онъ еще допускаетъ, но сходства созвѣздія съ медвѣдемъ, по его мнѣнію, не могъ видѣть человѣкъ; Максъ Миллеръ (*Lectures on the sciences of the language*, ser. II, p. 359) объясняетъ греческое названіе созвѣздія „Арктос“ слѣдующимъ образомъ: отъ санскритскаго корня *arçh*, „быть свѣтлымъ“ произошли формы *arçah*, „солнце“, *riksha*, „свѣтлая звѣзда“. Въ этомъ смыслѣ *riksha* ведійскими поэтами придавалось Б. Медвѣдицѣ; то же имя *riksha* придавалось и медвѣдю или за блескъ глазъ, говоритъ Максъ Миллеръ, — или за блескъ шерсти. Этимологическое значеніе *riksha* въ смыслѣ свѣтлыхъ звѣздъ въ послѣдствіи было забыто, *riksha* въ значеніи „медвѣдь“ сохранилось и было извѣстно всякому. Отъ того же корня *arçh* произошло и греческое *Arctos*. Когда Греки оставили свое центральное отечество и осѣли въ Европѣ, они сохранили имя *Arctos* для семи сѣверныхъ звѣздъ, но не зная, почему эти звѣзды въ началѣ получили это имя, они перестали говорить объ нихъ, какъ объ *arctoi* или о многихъ медвѣдяхъ, но говорили объ нихъ, какъ о Медвѣдѣхъ.

Это мнѣніе Макса Миллера падаетъ передъ фактами, заключающимися въ нашемъ списокѣ именъ Б. Медвѣдицы. Изъ этого списка видно, что многіе сѣверные народы даютъ Б. Медвѣдицѣ имя, если не медвѣдя, то все-таки животнаго; Остяки, низовскіе инородцы Нарымскаго края, васюганскіе инородцы, Енисейскіе Остяки, Тунгусы, Черемисы называютъ его именемъ, которое въ переводѣ означаетъ „лось“; русское областное названіе его на сѣверѣ и въ Сибири также Лось; на языкѣ Мордвы оно называется медвѣдемъ. Объяснять это заимствованіемъ отъ Аріицевъ, какъ это дѣлаетъ Пикте (l. c., p. 581) относительно арабскаго названія Б. Медвѣдицы *Dubb*, „медвѣдь“, едва ли возможно. Вполнѣ соглашаясь съ Пикте и Максомъ Миллеромъ, что названіе созвѣздія не могло явиться изъ сопоставленія его очертанія съ фигурой звѣря, мы полагаемъ однако, что нужно придумать новое объясненіе, почему звѣриное имя стало именемъ созвѣздія. Наша мысль останавливается на такомъ объясненіи: и у Аріицевъ, и у не Аріицевъ существовали общія мифологическія представленія о солнцѣ, грозовомъ явленіи, періодическихъ явленіяхъ въ жизни звѣрей и планеты вообще и о центральномъ созвѣздіи неба. И Аріецъ и сѣверный Азіатецъ наименовали созвѣздіе именемъ громовника, такъ какъ оно занимаетъ самое высокое мѣсто въ небѣ, громовникъ же первобытному человѣку могъ представляться въ животной формѣ: медвѣдя, волка (енисейскіе Остяки и теперь представляютъ своего громовника Упа въ видѣ волка; см. у Третьякова въ *Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр.*, II, 414), верблюда, лошади, коровы, слона, можетъ быть и лося у сѣверныхъ дикарей; отсюда и у тѣхъ, и у другихъ созвѣздіе носитъ звѣриное имя. Только въ послѣдствіи человѣческое воображеніе стало представлять громовника въ видѣ человѣка, сидящаго на животномъ, а еще позднѣе въ колесницѣ или телегѣ.

Оба животныя, медвѣдь и лось, замѣчательны по своей величинѣ, силѣ своихъ мускуловъ и силѣ голосоваго органа; поэтому неудивительно, если окажется смѣшеніе какъ въ именахъ ихъ, такъ и въ повѣрхьяхъ объ нихъ; ср. бога, „медвѣдь“ по самоѣдски (*Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр.* II, стр. 298), и богу, бугу олень по монгольски, алтайски и киргизски; гуресу животное вообще и въ частности олень или антилопа по монгольски, харагурсу, „медвѣдь“ по-монгольски. Ср. также латышское *lazis*, „медвѣдь“ и русское лошанить, „разрѣшаться отъ бремени“; говорится только о медвѣдицѣ (*Нижегор. Сборн.*, V, 309). На такое же смѣшеніе названій медвѣдя и лося указываетъ Гриммъ въ нѣмецкомъ (цитировано Максомъ Миллеромъ въ *Lect. on the sc. of lang.*, II, стр. 361). Отъ Русскихъ въ долину Тунги (*Иркутск. губ.*), я записалъ повѣрье о томъ, что медвѣдь грызетъ осину во время течи, чтобы усилить свою похотливость; у Монголовъ же обыкновеніе отыскивать похотливую траву (*Brunst-kraut*) приписывается лосю. Въ однихъ вариантахъ сказаній или повѣрій открытіе цѣлебной силы растений или миферальныхъ источниковъ приписывается медвѣдю (см. Анненкова, *Бот. Слов.*, стр. 241); въ другихъ, какъ напримѣръ, открытіе Эмарскихъ водъ въ Забайкальи, приписывается оленю.

У Татарскихъ племенъ очень распространена одна форма: Итыганъ, Джитыханъ, Джитыганъ, Тьедыганъ, Джидганъ, Джедиганъ или Жидиганъ, Четегень, Этегенъ, Едиханъ, Джетымень, Джетегей (стр. 136, 137 и 711. *Очер.*, II, 126). Если къ этимъ именамъ присоединить еще карагасское Тьедыгаръ, кюринское на Кавказѣ Йедийаръ, тангну-урянкайское Джиды-урганъ и киргизское Джеты-каракше, въ которыхъ заключается тотъ же первый членъ, что и въ выше приведенныхъ названіяхъ, то районъ этой формы станетъ довольно обширнымъ; онъ охватываетъ Татарскія племена отъ восточнаго Саяна и восточнаго конца Тянь-Шаня до Камы, Волги и южнаго берега Крыма. Названіе Итыганъ, Едиханъ самъ народъ переводитъ иногда „семь царей“; киргизское Джеты-каракше значитъ „семь воровъ“. Какъ ни проста эта этимологія, я позволю себѣ предложить вмѣсто нея другую. Одно изъ именъ медвѣдя въ монгольскомъ языкѣ, утыганъ, довольно близко въ татарскихъ именахъ Б. Медвѣдицы; въ виду того, что на многихъ другихъ языкахъ Большая Медвѣдица носитъ имя крупнаго звѣря, а на нѣкоторыхъ и прямо называется медвѣдемъ, можно полагать, что имена Итыганъ, Джетыганъ, Едиханъ, Жидиганъ суть только варіаціи монгольскаго утыганъ и всѣ означаютъ медвѣдь. Слово утыганъ состоитъ изъ корня уты и окончанія ганъ.

Для сравненія съ корнемъ уты, приводимъ слѣдующія названія звѣрей: ит, ыт, ыт—собака, по татарски, киргизски и урянхайски; йыда, id., по чувашски (*Золотн.*, Чув. сл., 15); уты выдра по якутски (*Pall. Zoogr.*, I, 77), тетъ, id., по остяко-самоѣдски (Третьяковъ, *Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по общ. географ.*, II), тоет, id., Нарымскіе Остяки (*Pall. Zoogr.*, I, 77), tjaedt, id., камассин. (*ibid.*), taedt, id., койбал. (*ibid.*), thitau, id., аринск., (*ibid.*); kuty, медвѣдь, по тунгусски (*Mel. asiatic.*, tirés du bull. d. Ac. d. sc. d. St. Ptb., t. VIII 1877, стр. 373). Не отсюда ли русское кить (въ простонародномъ

иногда рыба-титъ)? Та же замѣна инициаловъ дж, т, замѣчается и въ названіяхъ Б. Медвѣдицы: Итыганъ, Джетыганъ, Тидыганъ. Въ книжныхъ сказаніяхъ Востока встрѣчаются собственныя имена Дидэуганъ (Васильевъ, Ист. древн. вост. Азіи, въ Зап. Имп. Археолог. Общ., XIII, 32), Тодоянь (Труды Пек. дух. мисс., IV, 37), Кэтуганъ (Васильевъ, Ист. и древн. вост. Азіи, въ Зап. Имп. Археол. Общ., XIII, 10). Суффиксъ ганъ встрѣчается и въ другихъ звѣриныхъ монгольскихъ именахъ, наприм. тарбаганъ, „сурокъ“; шиндаганъ, „заяцъ“; въ другихъ языкахъ: мундукань, „заяцъ“ по тунгусски, гѣрмахонъ, „заяцъ“ по ходженски (Брылкинъ въ Путеш. по Уссури Маака, т. I, стр. 12), кучигень—сѣноставка, по алтайски.

Названіе „итыганъ“ (утыганъ) созвѣздіе могло получить еще тогда, когда человѣкъ не придумалъ еще особаго термина для цифры семь и только уже впоследствии, привыкнувъ къ виду созвѣздія, состоящаго изъ семи звѣздъ, онъ сталъ обозначать число семь тѣмъ же словомъ, которымъ звалъ и это созвѣздіе. Подобно тому, какъ для обозначенія числа пять онъ заимствовалъ имя руки, такъ и для числа семь онъ могъ искать выраженіе между именами предметовъ природы, особенно между устойчивыми группами звѣздъ на небѣ; здѣсь мы находимъ двѣ рѣзко выраженные группы: семь звѣздъ Больш. Медвѣдицы и три звѣзды въ поясѣ Оріона; гдѣ было найдти дикаря, другой равносильный фактъ въ окружающей природѣ, который послужилъ бы ему для образованія именъ чиселъ семи и трехъ?

Если наше предположеніе, что имя созвѣздія Джетыганъ древнѣе образованія слова джеты, „семь“, вѣрно, то и въ Джеты-каракше, киргизскомъ названіи того же созвѣздія, слѣдуетъ видѣть не тотъ смыслъ, который ему придаютъ сами Киргизы (семь воровъ), а иной. По киргизски, каракше значитъ воръ, и дѣйствительно, какъ у нихъ, такъ и у другихъ народовъ, какъ увидимъ ниже, Б. Медвѣдица представляется воромъ, разбойникомъ или похитителемъ; можно было бы думать и такъ, что названіе „семь воровъ“ явилось уже вслѣдъ за легендой. Но у Алтайцевъ каракше значитъ „красавица“; даѣе—у Шорцевъ есть сказаніе (Radloff, Proben, I, 411), хотя и не относимое прямо къ занимающему насъ созвѣздію, о красавицѣ Очи-каракше, у которой есть семь братьевъ. Можно помирить это разногласіе, измѣнивъ послѣдовательность въ исторіи мѣста въ такомъ родѣ: сначала дикарь далъ созвѣздію имя, потомъ сочинилъ о немъ легенду; въ одномъ вариантѣ легенды оно представлялось похитителемъ красавицы, въ другомъ—самой красавицей. Затѣмъ, дикарь собственное имя изъ легенды обратилъ въ нарицательное, вродѣ того, какъ и теперь еще имена лицъ изъ литературныхъ произведеній превращаются нами въ родовыя, какъ наприимѣръ, мошеровъ Тартюфъ. Подобное обыкновеніе можно указать и у полудивилизованныхъ націй. Часто встрѣчающееся въ нартовскихъ сказаніяхъ сѣвернаго Кавказа имя Сирдона, который представляется плутомъ большой руки, сдѣлалось у Осетинъ нарицательнымъ для плута, хитраго человѣка (Шифнеръ, Осетин. тексты, въ Записк. Имп. Аѣ. Н., т. XIV, кн. II, 1869, стр. 54). То же самое, вѣроятно, дѣлалъ и дикарь; легенды о Медвѣдицѣ рассказы-

вались различныя; одинъ народъ называлъ ее Каракше и разказывалъ о ней, какъ о ворѣ; другой то же звалъ ее Каракше, но говорилъ, что это необыкновенная красавица; первый потомъ сталъ употреблять слово каракше, какъ прозвище для замѣчательнаго вора, второй—то же слово для обозначенія замѣчательной красавицы. Съ послѣднимъ случаемъ совпадаетъ греческое названіе Б. Медвѣдицы Каллисто, которое также значитъ „красивая“; обыкновенно принято думать, что здѣсь эпитетъ kallisto обратился въ собственное имя. Не было ли здѣсь обратной послѣдовательности? Въ одной русской сказкѣ безымянный богатырь добываетъ предварительно не вѣсту своему другу Ивану Бѣлому, а потомъ самъ женится на дѣвицѣ Семи-красѣ (Тихонравовъ, Лѣт. русск. лит., V, 15); о похищеніи дѣвицы Насті-Самокрасти см. Труд. этн. эксп. въ Зап. Русск. край, т. II, стр. 39. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, князь Иванъ русскій богатырь побилъ рать Оеодула царя Змія, добываясь его дочери Кондурин (Пам. стар. русск. лит., в. II, стр. XVI); гондырь—медвѣдь по вотички. Оеодула г. Стасовъ сближаетъ съ качинскими Джедай-ханомъ (о тождествѣ послѣдняго съ Медвѣдицей, см. Очерки, II, къ гл. I прим. 27).

По видимому, и монгольское хуа или гоа, „красавица“, въ какой-то связи съ названіемъ Б. Медвѣдицы. Это слово, какъ второй членъ, входитъ въ имя Бодонджаровой матери Аланъ-гоа или Аланъ-гова; въ сказкахъ сибирскихъ Татаръ встрѣчаются женскія лица, въ именахъ которыхъ вторымъ членомъ стоитъ ко, въ другихъ—кога (Radloff, Proben, s. 386: Агылангъ-Ко; 698: Еджень-Ко; 577: Ала-ко; IV, s. 33: Тебене-гоа); очевидно, эти еще выпѣ живущія въ народѣ ко и кога то же, что книжное гоа или хуа. Что же касается до кога, оно почти тождественно съ бурятскимъ хого, „ланъ“, „моралуха“; это тѣмъ болѣе интересно, что начало родословной у Бодонджара начинается союзомъ волка съ сѣрою ланью; можетъ быть, эпизодъ о Бодонджаровой матери есть не что иное, какъ только варіація сказанія о волкѣ и лани. Одно изъ бурятскихъ названій Б. Медвѣдицы Долонъ-хого, то-есть, семь ланей. Не есть ли это только варіація имени Аланъ-гоа?

Признавая, что первоначальное значеніе слова каракше не было ни воръ, ни красавица, мы должны указать, какой же оно имѣло другой смыслъ. Приведенныя выше названія созвѣздія, заимствованныя отъ звѣрей, и предположеніе, что первобытное человѣчество сѣверной и средней Азіи сближалось Б. Медвѣдицу, громовника и крупныхъ ревушихъ звѣрей, наводятъ на мысль, что и для этого имени объясненіе нужно искать въ животномъ мірѣ. Прежде всего нужно замѣтить, что окончаніе ше встрѣчается и въ другихъ названіяхъ; такъ есть Урманше, поколѣніе у Киргизовъ, Джерепше, герой одной киргизской сказки; тотъ же герой въ алтайскомъ вариантѣ называется уже просто Джерень (Radloff, Proben I, 197 и III, 201). Встрѣчаются и звѣриныя имена съ этимъ окончаніемъ, какъ наприимѣръ, бурятское хурмуше, летучая мышь, алтайск. керекшинъ, козуля. Отбросивъ отъ каракше окончаніе ше, мы получаемъ форму карак. Медвѣдь по монгольски называется харагурсу, что собственно значитъ „черный звѣрь“. Можно

думать, что гуресу первоначально было именем самого медвѣдя и только потомъ сдѣлалось родовымъ; у Карагассовъ медвѣдь называется просто курсей; (Этн. сб., IV, 3). У Бурятъ монгольскому гуресу или гуресунъ вполне соответствуетъ гуругунъ; именемъ гуругунъ они зовутъ оленей, а для наименованія медвѣдя прибавляютъ хара; такимъ образомъ говорятъ: хара-гуругунъ. Монголы часто усѣкаютъ окончаніе сунъ и вмѣсто гуресунъ произносятъ гуресу, гурес; еслибы тотъ же обычай былъ примѣненъ къ бурятскому гуругунъ, мы имѣли бы форму гуруг, очень близкую къ карак; (ср. самоѣд. гарко, „медвѣдь“, Pall., Zoogr., I, 64; Зап. Им. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 289); намъ не удавалось слышать гуругунъ съ такимъ усѣченіемъ, но приходилось часто слышать аналогично кончающіяся слова: тарбаганъ, „сурокъ“, булыганъ, „соболь“ усѣченными такимъ образомъ: тарбыг, булыг.

Если эти соображенія вѣрны, то Джеты-каракше можно принять за парное тавтологическое имя медвѣдя въ родѣ самоѣдскаго haibide-sermik (Pallas, Zoogr., I, 64). Въ числѣ именъ поколѣній средней Азіи есть Джеты-ру или Джеты-уругъ (у Киргизъ Малой орды); его переводятъ обыкновенно „семь родовъ“, но эта народная этимологія едва ли заслуживаетъ довѣрія. Г. Березинъ сближаетъ Джеты-уругъ съ Еди-урусъ, народностью или владѣніемъ, о которомъ упоминаетъ Рашидъ-эддинъ въ своей „Исторіи Монголовъ“ (Зап. Им. Археолог. Общ., т. XIV, стр. 270); этотъ Еди-урусъ (можно бы перевести „семь Русскихъ“) помѣщается Рашидъ-эдиномъ въ вершинахъ р. Енисея. Въ текстѣ у Рашидъ-эдина стоятъ впрочемъ Еди-урунъ, а Еди-урусъ есть уже форма, восстановленная г. Березинымъ.

Уру по киргизски „воръ“. Семь воровъ по киргизски будетъ джеты уру. Такого названія Б. Медвѣдицы намъ самимъ не довелось услышать у Киргизъ (Казаковъ), но Англичанинъ Шау, путешествовавшій въ Камгартъ, приводитъ киргизскія (казацкія) имена этого созвѣздія: yetti yulduz, „семь звѣздъ“ и yetti ughri, „семь воровъ“ (Zeitschr. d. Gesellsch. für Erdkunde zu Berlin, 1882, B. XVI, H. VI, s. 449).

Существованіе этихъ варіацій, къ которымъ можетъ быть позволено будетъ отнести и урянхайское джидекъ-гарса, „хорекъ“, подрываютъ народную этимологію киргизскаго названія Б. Медвѣдицы: „семь воровъ“. Ни первый членъ Джеты, ни второй Каракше, первоначально не значили, вѣроятно, того, что подъ ними разумѣть теперь народъ. Джеты не значило семь, а состоитъ въ связи съ уты, корнемъ, который входитъ въ составъ монгольскаго имени медвѣдь, утыганъ; каракше также не значило первоначально воръ, а по видимому, было именемъ медвѣдя. Относительно Джеты слѣдуетъ еще замѣтить, что этимъ именемъ называется въ настоящее время одно поколѣніе у Урянхайцевъ; имя это произносится различно: Джеты, Джоту, Зоту; въ другомъ мѣстѣ мы сводимъ это имя съ Додотъ, Дьяуда, Дада (стр. 668 и Оч., в. II, прим. 27 къ гл. I); трудно согласиться, чтобы имя народа было создано изъ числа семь, или чтобы для этого было взято слово, которое значило бы вонючій (джыды по алт. вонючій). Разум-

нѣе предположить, что Джеты, Дьяуда, Додо, Дада—варіаціи имени громовника и медвѣдя, являющихся въ народныхъ повѣрьяхъ родоначальниками, по которымъ и должны были назваться нисходящіе потомки; тривиальныя же значенія: семь, вонючій, сусликъ, хорекъ и проч. явились позднѣе и теперь затемняютъ истинный путь, которымъ шелъ челоуѣкъ, создавая имена поколѣній и народовъ.

Кажется, и монгольское названіе Б. Медвѣдицы, Долонъ бурханъ, „семь боговъ“, имѣло первоначально другое значеніе. Относительно слова „бурханъ“ см. прим. къ № 54. По видимому, членъ „бурханъ“ въ монгольскомъ имени Б. Медвѣдицы не всегда такъ произносился. На это намекаетъ имя въ одномъ сказаніи, записанномъ нами у Дюрботовъ; сказаніе это есть варіантъ III-й главы сборника Шиддикуръ въ переводѣ Гомбоева. Въ Шиддикуръ герой носитъ имя Масангъ, въ нашемъ варіантѣ (№ 35, вар. г. и д.) Амынъ Цаганъ Бурекей или Бюрю. Въ обоихъ варіантахъ спускается на землю дѣнь, при помощи которой герой поднимается, но злая старуха разбиваетъ его палкой на семь частей; въ Шиддикуръ изъ семи кусковъ Масанга образовалось семь буддъ, въ нашемъ варіантѣ изъ семи частей Бурекея—семь звѣздъ Б. Медвѣдицы. Это свидѣтельствуетъ, что созвѣздіе носило пѣкогда имя Бурекей или Бюрю, которое, можетъ быть, есть только варіантъ слова „бурханъ“; ср. формы Тенгрекей и Тенгри-ханъ; послѣдняя форма въ урянхайскомъ переходитъ въ Терьханъ (Tängkäkäi встрѣчается у Радлова, Proben, I, 424; полное его имя: Ханъ-Курбусту Тэнгэрэкэй Куджо Цурхонъ Пакши). Случалось намъ также слышать отъ Монголовъ, что Бурханъ-бакши въ настоящее время обращенъ въ одну изъ звѣздъ Б. Медвѣдицы. Здѣсь опять какъ будто слово „бурханъ“ увлекаетъ народную мысль къ сопоставленію сказанія съ сѣвернымъ созвѣздіемъ. Этою связью между мифическимъ образомъ Бурхана-бакши и созвѣздіемъ, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить, почему семь колдуновъ, у которыхъ учился царевичъ въ Шиддикуръ, состоятъ въ нашемъ варіантѣ подъ вѣдомствомъ Бурхана-бакши.

Въ монгольскихъ варіантахъ сказки о хитромъ ворѣ является имя Долонъ-дундышъ, „семь Дундышей“; по смыслу сказки это семь братьевъ; въ видѣ семи братьевъ представляется не рѣдко и Б. Медвѣдица; противникъ семи Дундышей, ловко ихъ обманывающій, называется Гапциментышъ; въ другихъ варіантахъ хитрый обманщикъ называется Хутелю; по своему мѣсту этотъ Хутелю не соответствуетъ семи братьямъ, и потому его имя нельзя бы, по видимому, сводить съ первымъ членомъ имени братьевъ—Долонъ, но въ одной урянхайской сказкѣ есть имя: Джеты-тасъ-куделю, буквально: семь плѣшивыхъ зятьевъ (стр. 345; ср. Radl., Proben, II, 466); едва ли однако тутъ куделю не есть собственное имя, и притомъ то же самое, что и Хутелю. Подобозвучными съ Хутелю или Куделю именами представляются: Атиль или Идыль, названіе Волги у Татаръ и Калмыковъ; Ители, имя одного киргизскаго поколѣнія („Очерки“, II, 4); въ одной русской сказкѣ купеческій сынъ идетъ учиться къ Идолу (Нар. Ск., изд.

Эрленвейномъ, стр. 32). Не были ли эти формы: куделю, хутелю, джеты и долонъ именемъ созвѣздія, прежде чѣмъ начать обозначать что-нибудь другое?

Татарское имя Б. Медвѣдицы Итыганъ ср. съ именами нѣкоторыхъ горъ въ центральной Азіи: Адыганъ (см. стр. 208); Идыге, гора въ Киргизской степи подъ 49° с. ш. и 37° в. д.; Отханъ-тэнгри или Отханъ-хаирханъ, бѣлокъ подъ 47° с. ш. и 67° в. д.; послѣдній мы принимаемъ за Утекианъ-тэнгри Рашидъ-эддина. Переходъ формы Идыганъ или Адыганъ въ Отханъ возможенъ на основаніи перехода татарскаго к въ монгольское х (какъ въ словахъ: кара, хара, „черный“, казанъ, хасынъ, „котель“, Казакъ, Хасыкъ, „Киргизъ“ и пр.). Монголы, живущіе около бѣлка, толкуютъ его имя: „младшій Хапрханъ“, такъ какъ отханъ по монгольски значитъ „младшій изъ братьевъ“. Другое названіе младшаго сына „езень“ также встрѣчается въ ряду мнѳологическихъ именъ: Езенъ-ханъ, Ессень-тайши, Богдо-эдзень, Эдженъ-ко и др. Въ одной статьѣ говорится, что сибирскіе шаманы призываютъ: „Отецъ лясое небо, младшій сынъ плѣшиваго неба, сдѣлайте меня богатымъ!“ (приб. къ Ж. М. Н. Пр., 1846, 55—56). Это призываніе, конечно, есть не что иное, какъ призываніе къ Буханю, и фраза: „Отецъ лясое небо!“ есть переводъ монгольскаго имени Исыгы-маланъ-тэнгри (см. стр. 264). Вторая фраза, вѣроятно, должна быть восстановлена такъ: „Отханъ-маланъ-тэнгри“, при чемъ Отханъ вѣроятно вовсе не младшій сынъ, а татарское Идыганъ, мнѳическое имя, придававшееся между прочимъ Б. Медвѣдицѣ. Имя Идыганъ могло придаваться къ высокимъ горамъ на томъ же основаніи, какъ въ монгольскомъ и урянхайскомъ придаются имена хаирханъ или кайраканъ (см. прим. къ стр. 139, а также стр. 128, гдѣ говорится о терминѣ ыдыкъ-тагъ), то-есть, вслѣдствіе того, что Итыганъ значило, вѣроятно, „громовникъ“. О горѣ Адыганъ или Эдиганъ существуетъ повѣрье, что на ней слышится какой-то таинственный звукъ (Миссіонеръ, 1876, № 5, стр. 38). На связь идей о громовникѣ и Б. Медвѣдицѣ, можетъ быть, указываютъ также слѣдующіе факты:

а) Въ русскихъ вариантахъ сказки о Бухтанѣ Бухтановичѣ (Аеонас., Нар. Ск., в. 4, № 10) является Громъ-батько или царь-Огонь; въ аварской сказкѣ о Вукучи-ханѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, отд. 2, стр. 45), которая есть вариантъ Бухтана, вмѣсто Грома-батьки стоитъ, „семь царей“, что имѣетъ видъ перевода татарскаго Джеты-ганъ.

б) Семь куколъ на плащѣ шамана называются Яжилганъ или Бурганъ-ганъ (стр. 51). Выраженіе: „ихъ такъ называютъ на небѣ“ можно понимать такъ: семь дѣвъ суть семь звѣздъ, видимыхъ на небѣ. Яжилганъ ср. съ тат. яшинъ, „молнія“, съ монгол. цзайганъ, idem. Бурганъ ср. съ вторымъ членомъ монг. имени Б. Медвѣдицы: Долонъ-бурханъ.

в) Русская загадка: „что на свѣтѣ всего грознѣе?“ отгадывается: семь-десять семь громовъ (Садовниковъ, Загадки, № 2321). По бурятскому повѣрью, громъ производитъ Исыгы-маланъ-тэнгри, у котораго подъ вѣдомствомъ семь-десять семь тэнгри. Встрѣчается рядомъ съ представленіемъ о громѣ и другое число „девять“; гроза представляется въ видѣ девяти ангеловъ, гонящихъ змѣя

(Ж. М. Н. П., 1863, кн. 1); въ латышской пѣснѣ Перкуансу дается девять сыновей (Изв. общ. любител. естеств., антр. этногр., т. XII; Труды этн. отд., кн. II, № 47). Жители Этрурии, по Плинію, удары молній приписывали девяти богамъ (Böttiger, Ideen zur Kunst-Mythol., В. II, 94). По одной шведской хроникѣ образъ Тора имѣлъ въ рукѣ семь звѣздъ (Mannhardt, Germ. Myth., 142); ср. также мѣсто у того же автора о семи братьяхъ Björn'ахъ (Germ. Myth., 123).

Оріонъ.

6) Къ стр. 137. Названіе этого важнаго созвѣздія нашими собирателями этнографическихъ свѣдѣній и составителями словарей постоянно игнорируется. Его нѣтъ ни въ одномъ словарѣ сибирскихъ нарѣчій Кастрена, ни въ одномъ словарѣ горскихъ языковъ Услара.

Татары Елаб. и Мамад. уу. Вят. губ.: *Кіонто*, „коромысло“; *Кіянто-жон-догъ*, „коромысло-звѣзда“.

Татары Миширъ Симб. губ.: *Кесиде-бидбъзъ*, „коромысло-звѣзда“.

Башкиры близъ Верхнеуральска: *Аръ-Кусакъ*.

Крымскіе Татары въ Алуштѣ: *Сабанъ-анъ* (сообщ. г. А. Калачевымъ). Не происходятъ ли эти формы: *кіян-то*, *квен-де*, *сабан*, отъ встрѣчающихся въ монгольскихъ именахъ Оріона формъ Кобундей, Кобунъ?

Закавказскіе Турки: *Тарази*, „вѣсы“.

Чукчи поимъ Оріона называютъ *Раи* „китъ“ (Nordquist, Bidrag till kändaomen om tschouktschern, 32); для цѣлаго же созвѣздія тотъ же авторъ даетъ чукотскія имена: *Akarul'tenne*, *Rul'tenne* (Vega expedit. Vetenskapliga iakttagelser, af Nordenskiöld, В. I, 397).

Камчадалы: *Укалтежидъ* (Крашенинниковъ, Опис. Камч., II, 22).

Коряки: *Юнтаутъ* (Ibid., 160).

Нарымскіе инородцы на средней Оби (Самоѣды?): *идень нагуръ газе понкъ* „три плавательныя сѣти“, которыми добываютъ рыбу, плавая (рукоп. сообщ. г. Григоровскаго).

Черемисы: *Битбара-шудуръ*, „коромысло-звѣзда“.

Чуваши: *Квенде-шылдыръ*.

Вотяки: *Тарази*, „вѣсы“.

Мордва обоихъ нарѣчій: *Пинэ*, собака, посвященная по мокшинскому преданію шайтану, который въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ является даже подъ ея формою; самъ онъ такой же творецъ, какъ и Шкай или Чимпазъ („богъ неба“ у Мокши и „богъ солнца“ у Эраи) (сообщ. В. Н. Майновымъ).

Венгры: *Kaszahugy*. Ср. съ словацкимъ названіемъ того же созвѣздія Koszi и русскимъ — Кичиги.

Аварцы на Кавказѣ: *Ритциль-утмилъ*, „три звѣзды ровно“ (звѣзда-тцуа, звѣзды-тцуби) (сообщ. Д. Н. Анучинымъ).

Ингуши: *Сатибоджилки*; боджилки — трехугольный чурекъ (хлѣбъ);

Сати—сказочная мудрая женщина, часто упоминаемая въ сказаніяхъ о партахъ. Сати-бодильки будетъ значить: „чурекъ женщины Сати“ (запис. отъ Ингуша Сулеймана Бузуртанова въ Тифлисѣ). Г. Хатановъ сообщилъ намъ, что Кабардинцы знаютъ какое-то созвѣздіе: *Виполкумъ*; ваго „звѣзда“, лукумъ „четвероугольная лепешка“. Халхасцы имѣютъ тамгу чондымынъ, состоящую изъ трехъ кружковъ (см. Очерки, II, табл. XXVI, фиг. 3); тѣмъ же именемъ чондымынъ они называютъ плитки сыра, имѣющія вѣншее очертаніе, сходное съ этой тамгой.

Кюрицы (ахтинцы): *Речеречаръ*.

Кази-кумыхи: *Хами-турихи*, „вѣсы“ (?).

Кабардинцы: *Сшетляха*, „треногъ“ (сообщ. г. Хатановъ).

Осетины: *Ладзута* (мн. ч. отъ ладзга), „лазки“, а также *Уастырджиджи-багъ*, „конь св. Георгія“ (сообщ. Вс. О. Милеромъ). *Уастырди багъ*, трехногий „конь св. Георгія“ (записано отъ осетина Хонукова). По третьему показанію, *Уастырджиджи-саксынъ*, „треногъ“ (пути, которыми соединяютъ три ноги коня) св. Георгія. Уастырджи потерялъ треногу; Богъ помѣстилъ этотъ треногу на небѣ. По четвертому показанію, *Арта-хон*, „три сестры“, ишущія потеряннаго брата, Полярную звѣзду (запис. г. Вороновымъ отъ жителей селеній Гизельскаго и Шанаевскаго). Есть русскій народный разказъ о трехъ сестрахъ-вѣдьмахъ, которымъ послѣ смерти досталось весь вѣкъ горѣть на небѣ тремя звѣздами близъ Млечнаго пути; звѣзды эти называются „дѣвичьи зари“ (И. М. Н. Пр., 1863, июль, 21). Ладзга не значило ли посохъ, жезлъ въ родѣ бурятскаго харьбо, которая также сливается съ представленіемъ о конѣ (см. стр. 54)?

Уастырджи обыкновенно принимается за св. Георгія, какъ самими Осетинами, такъ и ишущими о нихъ, при чемъ послѣдніе считаютъ это имя за заимствованіе отъ христіанъ. Имя это разбивается на уас и тырджи, по другимъ произношеніямъ—тырги, кырги; однако уас не значитъ святой и переводится этимъ словомъ только потому, что оно и еще въ двухъ другихъ случаяхъ приставляется къ именамъ христіанскихъ именъ (Илья и Николай). Кырги или Тырджи, кажется, принимается за искаженіе христіанскаго: Георгій. Не будетъ ли, однако, ближе къ истинѣ предположить въ Уастырджи языческое имя, имя, можетъ быть, какого-нибудь созвѣздія? Такъ какъ Оріонъ не есть самъ Уастырджи, а только конь его, то самого Уастырджи нужно искать въ другомъ какомъ-нибудь созвѣздіи или въ другомъ свѣтилѣ. *Qyrin* кыргы какал-то птица, какъ это слѣдуетъ изъ одного осетинскаго текста (см. у Шифнера, „Осет. тексты“, въ Зап. Ак. Н., т. XIV, ч. II, стр. 62); въ киргизскомъ кыргый, птица ястребиной породы.

Грузины: *Сасцари*, „вѣсы“.

Армяне въ Закавказьѣ: *Киеркъ*, „вѣсы“.

Ассоры (сирійскіе христіане съ оз. Ванъ, приходящіе въ Тифлисъ): *Массетеръ*.

Греки въ Θεοδοσίи въ Крыму: *Τρία δελφί*, „три брата“.

Русскія областныя: *Кичи*, Тоб. губ. Поясъ въ созвѣздіи Оріона: *Три*

царя, Камч., Оренб., Челябин. уу. (Оп. обл. сл.). Въ Елаб. у. въ деревнѣ Ананьевой и слышалъ названіе *Кашеговы зубы* (требуетъ повѣрки). Щаповъ (въ Ж. М. Н. Пр., 1863, июль, 2) приводитъ еще форму *Кичаги*. Ср. съ башкирскимъ Аръ-Кусакъ и урянхайскимъ Гокчу-мэргэнъ-ашиакъ (Оч., II, 124). Гокчу-мэргэнъ, можетъ быть, то же самое, что киргизскій легендарный Ер-Гокчу (Оч., II, 158).

Нѣкоторые Сербы въ Колашинѣ зовутъ Оріона *Байфрактаръ*. Другіе же этимъ именемъ зовутъ комету, иначе называемую репата звѣзда; Гусиньцы также зовутъ ее *байфракма* (сообщ. П. А. Ровинскій).

Церковнослав.: *Крѣжилія*; см. Слов. Востокова. Ср. съ литовскимъ названіемъ Б. Медвѣдицы *Grizulo rotas*, „колесница Грижуля“.

7) Къ стр. 137. Большая часть помѣщенныхъ въ нашемъ текстѣ именъ Оріона означаетъ „три моралухи“ (три оленьихъ самки): учъ мыйгакъ, гурба маралъ или гурба сого. Поэтому очень вѣроятно, что и въ алтайскомъ Коголь-майманъ послѣдній членъ майманъ стоитъ въ связи съ хасутъ-урянхайскимъ иаймай, сѣверный олень (рукоп. списокъ хасутскихъ словъ, сост. П. А. Гельмерсеномъ). Имя Майманъ придается также одному алтайскому покровѣнію, при чемъ произносится и Найманъ. Отсюда слѣдуетъ, что имя Найманъ можно производить не отъ одного монгольскаго „восемь“, какъ думалъ Банзаровъ (въ Библ. вост. истор., Березина, II, 27), но съ равнымъ правомъ и отъ звѣрнаго имени.

8) Къ стр. 137. Треногий конь встрѣчается въ сказкахъ Крымскихъ Татаръ и Кавказскихъ горцевъ. На немъ ѣздитъ злой богатырь, похититель чужой жены родѣ нашего Кошеля. Въ одной крымской сказкѣ, которую приводимъ ниже, этотъ похититель на треногомъ конѣ называется Чернымъ Арабомъ. Въ чеченскихъ сказкахъ на треногомъ конѣ ѣздитъ одноглазый Ногай (Н. Семеновъ, Сказки и легенды Чеченцевъ, Владикавказъ, 1882, стр. 12—17). Въ нѣмецкихъ сказкахъ встрѣчается трехногий заяцъ или трехногий олень; въ послѣднемъ видѣ является иногда Люциферъ (Mannhardt, Germ. Myth., 409, 411 и 412).

Отъ Крымскаго Татарина записана С. Б. Тумановымъ въ Θεοδοσίи слѣдующая сказка о женитбѣ царскаго сына. У нѣкоего царя было три сына и три дочери. Умирая, отецъ оставилъ имъ такое завѣщаніе, чтобы дочерей выдавали замужъ за перваго сватающаго. За старшую дочь посватался левъ; старшіе братья не хотѣли за него выдавать, лишь меньшой братъ согласился и выдалъ; за вторую дочь посватался тигръ; старшіе братья опять не соглашались, младшій отдалъ; за третью сестру посватался Черный Воронъ, такой большой, что когда онъ летаетъ, бываетъ затменіе и чуть не землетрясеніе. Женись на младшей сестрѣ, Черный Воронъ сказалъ, что онъ готовъ къ услугамъ трехъ братьевъ, въ особенности радъ служить младшему. Два старшіе брата находили удовольствіе въ дворца и въ сообществѣ съ другими, лишь одинъ младшій братъ часто засиживался у окна своего дворца и смотрѣлъ изъ него вдаль; вдали видѣлся колодезь, въ которому приходили за водой женщины. Разъ видитъ онъ, пришли три женщины съ

бурдюками за водой, и стали между собою разговаривать, оставивши бурдюки въ сторонѣ. Царскій сынъ выстрѣлилъ изъ лука и своею стрѣлой прострѣлилъ два бурдюка, которые принадлежали младшей изъ трехъ женщинъ; та обернулась, и увидавъ испорченныя ведра, хотѣла проклясть того, кто это сдѣлалъ, но старшія сестры ее остановили, и она успѣла только проговорить: „Да будетъ онъ мучиться любовью къ дочери солнца и луны!“ Послѣ этихъ словъ царскій сынъ тотчасъ же получилъ нестерпимую боль въ сердцѣ и заболѣлъ. Братья его не знали, что съ нимъ дѣлать; пригласили знаменитыхъ медиковъ, которые порѣшили, что больной влюбленъ, только не могли отгадать, въ кого. Больной непремѣнно хотѣлъ узнать, гдѣ живетъ солнцева дочь; онъ пошелъ къ женщинѣ, у которой разбилъ ведра, предложилъ ей кучу золота, чтобъ она сказала ему, гдѣ живетъ солнцева дочь. Женщина сказать не сказала, а только рукой махнула въ ту сторону, гдѣ та живетъ; золото тоже не взяла, а взяла только малость за бурдюки. Царевичъ отпрашивается у братьевъ въ походъ за своею невѣстой. Братья отпустили, даютъ ему золотую уздечку, алмазное сѣдло и лучшаго коня. Долго онъ ѣхалъ, наконецъ заѣхалъ въ большой городъ, гдѣ есть двухъэтажные дома, и зашелъ въ одинъ домъ. Тамъ жила старуха; она прила волну въ восемнадцать окъ сразу; на веретенѣ у нея былъ каменный жерновъ; она сильна, какъ богатырь. Старуха уговаривала царевича не оставаться у нея ночевать, указывал на опасности; царевичъ все готовъ перенести; старуха говоритъ ему, что у нея собаки очень злы, что разъ, когда она во снѣ вытянулась, такъ что ноги ея высунулись изъ дому на дворъ, собаки ей обгрызли ноги; царевичъ предложилъ ей караулить собакъ по очереди. Переночевавши, царевичъ на утро увидѣлъ какое-то чудо: и на востокѣ солнце, и на западѣ солнце. Онъ спросилъ у старухи и та сказала: „Чудо есть Черный Воронъ, владѣтель всей здѣшней земли; онъ такой величины, что когда летаетъ, бываетъ затменіе; недавно онъ досталъ себѣ жену изъ царскаго дома“. „Это моя сестра!“ сказалъ царевичъ. „Нельзя ли тебѣ, добрая старуха, отправиться къ ней, попросить, чтобъ она повилаася со мной?“ „Ладно“, говоритъ старуха, — „есть только препятствіе; у него вѣсто стражи сорокъ львовъ и сорокъ тигровъ по обѣимъ сторонамъ дороги расположены; прежде, чѣмъ дойти до его жены, надо имѣть сорокъ окъ мяса, чтобы бросить львамъ, и сорокъ окъ мяса, чтобы бросить тиграмъ; иначе они разорвутъ; а я женщина бѣдная, мнѣ не начто покупать мяса“. Царевичъ далъ старухѣ денегъ; она пошла къ мяснику и къ его удивленію купила у него восемьдесятъ окъ мяса. Взявши мясо на спину, пошла она во дворецъ Чернаго Ворона, бросая по оку мяса на право и на лѣво звѣрямъ; подходитъ къ дому, она замѣтила, что у нея не восемьдесятъ окъ мяса было, а только семьдесятъ девять; послѣднему звѣрю не достало и онъ выхватилъ око мяса у нея изъ ноги. Старуха стала хромать и хромя вошла въ спальню къ женѣ Чернаго Ворона. Сестра, услыхавъ отъ старухи, что братъ ея находится у старухи въ домѣ, очень обрадовалась и просила прислать его къ ней пови-даться; старухѣ она вымѣчила ногу, отнявъ мясо отъ ея ноги у льва, ко-

торый еще не успѣлъ его проглотить; она приставила этотъ кусокъ къ ногѣ старухи и нога стала здоровой. Обрато старуха возвратилась безъ всякаго вреда, и передала приглашеніе царевичу; онъ тотчасъ же отправился къ сестрѣ; львы и тигры были смиренны, такъ какъ имъ дано было приказаніе пропустить. Сестра обрадовалась брату, стали они разговаривать; вдругъ онъ увидалъ, что посуда, стоящая на одной сторонѣ полки, перешла на другую сторону, противоположную. Это былъ знакъ, что Черный Воронъ приближается. Сестра спрятала брата въ шкафъ. Сдѣлалось затменіе; является Черный Воронъ, обтирается (?) и становится красивымъ мужчиной; онъ говоритъ женѣ, что у нея кто-то есть, спрашиваетъ: „кто?“ и грозитъ убить. Она говоритъ: „А что если это мой старшій братъ?“ Воронъ говоритъ, что убилъ бы и его. „А если это средній братъ?“ „Средній еще хуже, я бы его растерзалъ!“ „Ну, а если это мой младшій братъ?“ „Ну, этому я былъ бы радъ!“ „Хорошо!“ сказала она и отворила шкафъ. Царевичъ вышелъ, поздоровався съ зятемъ и разказалъ ему о причинѣ своего путешествія. Тогда Черный Воронъ подумалъ и сказалъ: „Я не знаю, гдѣ живетъ дочь солнца и луны, но я созову всѣхъ своихъ подвластныхъ птицъ; авось кто нибудь изъ нихъ знаетъ!“ Сдѣлавъ кличъ и началъ созывать все пернатое царство. Къ нему на зовъ начали слетаться птицы въ такомъ множествѣ, что три дня солнца не было видно. Когда всѣ собрались, онъ спросилъ ихъ: „Не знаетъ ли кто, гдѣ живетъ дочь солнца?“ Всѣ покачали только головами; только одна птица отвѣтила, что онѣ не всѣ еще собрались, что самыхъ дальнихъ нѣтъ еще; можетъ быть онѣ знаютъ? завтра и онѣ должны быть. На другой день дѣйствительно явились отдаленныя птицы, но онѣ то же не знали; сказали, что за ними еще птицы летятъ, можетъ быть онѣ знаютъ. Къ обѣду прилетѣли птицы самыя дальнія; онѣ то же не знали, по сказали, что за ними еще птица есть. Къ вечеру послѣдняя самая дальняя птица прилетѣла; она сказала, что она знаетъ, гдѣ живетъ дочь солнца, что она сосѣдка солнцевой дочери, но что птицамъ запрещено туда летать. Царевичъ просилъ ее хоть до ближайшаго мѣста довести, что онъ самъ найдетъ средство отправиться дальше. Птица велѣла ему взять на дорогу двухъ быковъ и двѣ бочки воды, такъ какъ мѣста, по которымъ она летаетъ, пустынно и безводно. Царевичъ сѣлъ съ своимъ конемъ на птицу и полетѣли. Прилетаютъ къ тому мѣсту, гдѣ она живетъ, къ ея дереву; тамъ высокій дубъ растетъ, на томъ дубу огромное гнѣздо, гдѣ ея дѣти пищать, ѣды просятъ. Вотъ когда ѣда вся кончилась, птица полетѣла за кормомъ, а царевичу поручила стеречь своихъ дѣтей. Жила эта птица 365 лѣтъ и всегда случалось такъ, что она улетала отъ дѣтей и, возвращаясь, уже не застала ихъ въ живыхъ; въ ея отсутствіе кто-то пожиралъ ея дѣтей. Когда птица улетѣла, царевичъ увидалъ громадную змѣю, которая, обвившись вокругъ дерева, позала къ птичьему гнѣзду. Царевичъ взялъ свой мечъ, разрубилъ змѣю на много частей и отдалъ куски птенцамъ. Возвратясь, птица увидала своихъ дѣтей живыми; въ благодарность за это она проглатываетъ царевича живымъ; онъ въ ея желудкѣ сталъ на ноги и слышитъ ея го-

лось: „И поѣла тебя, чтобы тебя усыновить, дать тебѣ возможность летать по поднебесью; отнынѣ ты мой сынъ и имѣешь способность летать“. Получивъ свободу, царевичъ полетѣлъ дальше къ царству солнца и луны. Прилетѣлъ и сѣлъ на крышу царскаго дома. Царь увидалъ птицу, поймалъ, ласкалъ, миловалъ и подарилъ своей дочери. Сорокъ дней она держала птицу въ клѣткѣ, наконецъ отворила дверцу и пустила птицу летать по компатѣ; царевна спала въ той же компатѣ. Разъ ночью царевичъ, вылетѣвъ изъ клѣтки, преобразился въ человѣка и выпилъ шербетъ, приготовленный для нея на ночь и снова птицей залѣзъ въ клѣтку. Царевна, проснувшись и не найдя шербета, позвала своихъ сорокъ служанокъ и стала допрашивать: „гдѣ шербетъ?“ Онѣ не знали и говорили только, что шербетъ былъ приготовленъ. На другую ночь поставили ей опять шербетъ, царевна притворилась спящей и увидала, что какой-то молодой человѣкъ пьетъ ея шербетъ; она открыла глаза и спросила его: „Ты какъ сюда попалъ?“ Онъ разказалъ ей всю правду. И за эту правду она предложила ему лечь съ нею въ постель. Долго продолжалась у нихъ эта любовь, наконецъ царевна упростила отца, чтобы онъ выдалъ ее за молодаго человѣка. Отецъ согласился и предложилъ ему царство послѣ своей смерти. Царевичъ объявилъ, что онъ соскучился по своей родинѣ, домой хочет ѣхать. Царь отпустилъ и далъ ему сорокъ верховыхъ лошадей и одну карету. Они поѣхали, на дорогѣ расположились отдохнуть, раскинули шатеръ; въ это время туманъ сильный палъ, прибылъ къ нимъ Черный Арабъ на треногой лошади, и повелительно закричалъ, чтобы царевна подала ему закурить трубку. Царевичъ сначала на это не соглашался, а потомъ сказалъ женѣ: „Возьми золотые щипцы и подай ему огня такъ, чтобы онъ тебя не видалъ“. Она такъ и сдѣлала, но Арабъ схватилъ ее за руку, привлекъ къ себѣ и ускокалъ; царевичъ за нимъ погнался и не могъ догнать. Тогда царевичъ опять пошелъ странствовать, опять пришелъ въ какой-то городъ, зашелъ въ домъ, гдѣ старуха прядетъ сразу 28 окъ пряжи; сила у нея необыкновенная и сердце доброе. Тутъ онъ увидалъ два солнца; старуха на его вопросъ отвѣчала, что въ ихъ сторонѣ есть чудо, Арабъ на треногой лошади, что недавно онъ укралъ у кого-то жену, которая его не любитъ. Царевичъ признался ей, что это у него онъ укралъ жену; старуха обѣщала ему помочь. Пошла старуха къ Арабу и говорить ему, что она волшебница, знаетъ, что его жена не любитъ его и можетъ вселить въ нее любовь къ нему. Арабъ обрадовался, отдалъ ей сорокъ ключей отъ сорока дверей, за которыми сидѣла его плѣнница. Какъ только старуха дошла до нея и разказала все, плѣнница согласилась бѣжать съ мужемъ. Они убѣжали. Приѣзжаетъ Арабъ домой, не находитъ своей плѣнницы, обращается къ своему коню и говоритъ: „Теперь ли поѣхать за ними въ погоню или послѣ того, какъ ты напѣшься?“ Конь отвѣчалъ, что надо дать ему поѣсть и выспаться; что они и послѣ того бѣглецовъ могутъ догнать. Дѣйствительно на другой день Арабъ догоняетъ ихъ, рубитъ царевича на куски, складываетъ куски въ мѣшокъ, привязываетъ мѣшокъ къ коню царевича и отпускаетъ. Конь возвращается къ Черному Ворону, такъ какъ былъ

взять отъ него. Сестра узнала въ кускахъ мяса своего брата, печалится; тогда старуха, мать Чернаго Ворона, посылаетъ за тремя гранатами (гранатъ по татар. нарѣ) и губкой, обмакнутой въ сокъ гранатоваго дерева; старуха склеиваетъ сокомъ разрубленные куски мяса, а гранатами оживляетъ его. Оживши, царевичъ снова летитъ въ погоню за женой и снова пристаётъ къ доброй старухѣ, опять объявляетъ ей о желаніи воротить жену. Старуха снова идетъ къ Черному Арабу съ предложеніемъ возбудить въ плѣнницѣ любовь къ нему. Арабъ далъ ей ключи и самъ куда-то уѣхалъ. Старуха, увида царевну, разказала ей, что ея мужъ здѣсь. Долго она не вѣрила, наконецъ, увидавъ его, повѣрила, но не рѣшилась опять бѣжать съ нимъ, чтобы не случилось опять того же. Она рѣшила вывѣдать у Араба хитростью силу его треногаго коня и притворилась, будто любитъ Араба. Увидя постель, посланную для нихъ обоимъ вмѣстѣ, Арабъ обрадовался и разказалъ ей, что у него есть девять луговъ и девять косяковъ лошадей, что на девятомъ лугу есть кобылица, которая, если побѣжитъ на сѣверъ, значить будетъ рожать и если родить, то это будетъ конь самый быстрый; что во время ея родовъ приходятъ четыре волка требовать добычи; что разъ онъ отправился за такими быстрыми конемъ, но у него не стало пицы для четвертаго волка, и потому четвертый волкъ схватилъ жеребенка за ногу; вотъ почему онъ и треногій; а можно и съ четырьмя ногами жеребенка получить отъ той же кобылицы. Царевна разказала все это своему мужу; тотъ напелъ кобылицу, подкараулилъ время родовъ, накормилъ всѣхъ четырехъ волковъ, взялъ жеребенка, да кстати взялъ и мать, жену посадилъ на кобылицу, самъ сѣлъ на жеребенка. И ускокали. Арабъ погнался за ними, но мать сказала своему треногому сыну: „Довольно тебѣ служить злу, пора дѣлать добрыя дѣла!“ Тогда треногій конь сбросилъ Араба внизъ и онъ убится.

Плеяды.

9) Къ стр. 137. Якуты: *Юргаль* (Порядинъ, рук. якут. слов. Г. Порядина дѣлаетъ примѣчаніе: юргаль—продыравливать; юргаль сапыкъ—многоголовчатый вередь).

Татары Миншаръ Симб. губ: *Илекъ-ондозъ*—„сито-звѣзда“. Карагассы: *Ыргаръ* (Этн. Сб., IV, 14).

Татары-горцы въ сѣверномъ Кавказѣ: *Ликерлеръ* (Сообщ. туземцемъ г. Саф. Урусбиевымъ); окончаніе леръ есть суффиксъ множ. числа; первую половину имени ср. съ осетинск. именемъ Б. Медвѣдпы Ладзартъ, гдѣ та также означаетъ множ. ч.

Крымскіе Татары (дер. Капсихоръ): *Улькэръ*.

Камчадалы: *Дежичъ* или *Ижичъ* (Крашенинниковъ, Опис. Камч., II, 22). Ср. *Ыжыхъ*, высшее божество у Гиляковъ, творецъ міра и виновникъ всякаго богатства (Древн. и Нов. Россія, 1881, февр., стр. 269).

Коряки: *Amaga* (Крашенин., Оп. Камч., II, 160).

Чукчи: *Uaetskatsop* (Vega-expedit. vetenskapliga iakttagelser, af Norden-skiold, B. I, 397).

Тунгусы на Алданѣ (Миддендорфъ въ Castren, Tung. gramm., 129) и на Амурѣ (Герстфельдъ, ibidem): *Urgol*.

Нарымскіе инородцы на Оби (Самоѣды?): *Нюнъ-оль-имаркъ*, заячья голова (Сообщ. Н. П. Григоровскій).

Черемисы: *Шоктэ-шудуръ* (Записано въ с. Бимы Елаб. у. Вят. губ.).

Вотяки: *Шерпужъ-кижели*, то-есть, рѣшето-звѣзда; *Вальвиръ-кижели* (Запис. въ Елабуж. у.).

Мордва на обонхъ нарѣчіяхъ *Веле*, что значитъ и рой, и деревня; на Веле живетъ Нешкепазъ въ стеклянномъ дворцѣ, вѣрше въ ледяномъ, такъ какъ „стеклянный“ и „ледяной“ звучатъ одинаково—*эи* (сообщ. В. Н. Майновымъ). Мною записано отъ Мордовки Мокши Пенз. губ. Чембарск. у.: *Сисэмъ-дянтъ*, „семь звѣздъ“, и отъ Мордовина Эрзя Сергачск. у. Нижег. губ.: *Сисэмъ-озятъ*, „семь воробьевъ“.

Чуваши: *Умляръ* (Золотн., Чув. Слов., 161); *Ала-шильдыръ*. Лопари по Георги (Опис. нар., I, 4): *Теико*, коровье сердце.

Финны: *Seula*, сито. Венгры: *Fiastyuk* (tyuk—курица); *Heteveny*. Hetn. венг. „семь.“ Ср. съ татарскимъ названіемъ Больш. Медвѣдицы: Джедигентъ.

Кабардинцы: *Валоба*, „многозвѣздіе“ (сообщ. г. Хатановъ).

Ингуши на Кавказѣ: *Четхэръ*.

Аварцы на Кавказѣ: *Далку*, сито (Усларъ, Аварск. азб., литогр.); *Тцаль-кади* отъ тцальку, „мѣшать тѣсто“. Созвѣдіе это извѣстно вездѣ, какъ имѣющее связь съ погодой и временами года (сообщ. Д. Н. Анучинъ).

Казикумыки: *Курчлю*, сито.

Осетины: *Авд хожі*, „семь сестеръ“, а также *Амбырда*, „собрание“, „сборище“ (сообщ. Вс. О. Миллеромъ). Мною записано осетинское *Нартъ-эмбыртъ*, собрание нартовъ. По увѣренію Осетинъ, созвѣдіе состоитъ изъ замкнутого круга: это пирующие парты; въ центрѣ его одна звѣзда: это бочка съ виномъ; нѣсколько звѣздъ внутри круга—разнощипки вина. У Кюринцевъ вообще во время пировъ гости дѣлятся на группы по семи; каждой группѣ подаютъ семь чурековъ въ салфеткѣ, мису супу, блюдо пилава и проч.

Грузины: *Кребули*, *Мравали*.

Армяне: *Астыгъ модарацъ*.

Русскія областныя: *Кучки*, Нижегород.; *Утичы* *инъздо*, въ Сибирь. Вятск. и др. *Ключи Петровы*, Воронежск.; *Птичы* *инъздо*, Курск., Оренб., Орл. (Опытъ обл. слов.) Въ Чебоксарск. у. Каз. губ.: *Попова семья* (ср. польское *Baby*); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи: *Стожаръ*.

П. А. Ровинскій записалъ въ Колашинѣ отъ потурченка изъ Гуспня слѣдующую легенду о Влашитахъ (Плеядахъ): Семь звѣздъ, называемыхъ *Влашита*, представляютъ собою 6 братьевъ *Асхаби-тефови* и седьмого пса *Еитмиръ*а. Шесть братьевъ были люди добраго рода и пользовались распо-

ложеніемъ своего народа; а прибыли въ то мѣсто какой-то краль, бегъ или вообще забить (главарь, поставляемый высшею властью), которому то было противно, и потому онъ рѣшился ихъ погубить. Они же, догадавшись о томъ, удалились въ одну пещеру со своимъ псомъ и какъ прибыли туда, заснули. Сколько спали, неизвѣстно; только пробудившись, почувствовали голодъ и послали одного изъ братьевъ въ городъ купить чего-нибудь. Когда онъ вошелъ въ городъ, всѣ на него смотрятъ и удивляются; даетъ онъ деньги, удивляются еще больше; такихъ денегъ никто не знаетъ. Тогда, распросивъ его обо всемъ, догадались, кто они, и оказалось, что они спали нѣсколько сотъ лѣтъ. Отпустивъ посланнаго, они пошли слѣдомъ за нимъ, чтобы привести всѣхъ братьевъ въ городъ; но пещеры никакъ не могли найти, и съ той поры въ честь ихъ Богъ и поставилъ тѣ семь звѣздъ на небѣ.

Для сравненія привожу мусульманскій разказъ, записанный мною въ Баянъ-аульскомъ округѣ отъ Киргиза г. Черманова. Въ городѣ Турѣ былъ царь Такианусъ; онъ повелѣлъ своимъ подданнымъ поклоняться ему, какъ Богу. Семь благочестивыхъ братьевъ рѣшились убѣжать; дорогой они встрѣтили настуха; онъ, узнавъ о причинѣ ихъ бѣгства, пошелъ съ ними; пошла за ними и его собака Хетмиръ. Братья стали гнать ее, боясь, что она выдастъ ихъ убѣжище. Одинъ изъ братьевъ бросилъ въ нее камнемъ и перешибъ ей ногу. Хетмиръ сказала: „Зачѣмъ меня отгоняете! Развѣ я безъ разума! И я понимаю, что человѣку неприлично называться Богомъ!“ И они взяли ее. Они укрылись въ пещерѣ; поочередно братья ходили въ городъ за провизіей. Однажды проснувшись утромъ; одинъ изъ братьевъ пошелъ въ городъ по обыкновенію и подаль въ лавкѣ монету. Лавочникъ сказалъ: „Гдѣ ты взялъ эту монету! Вѣрно ты нашелъ кладъ! Это монета царя Такиануса, который царствовалъ тысячу лѣтъ тому назадъ“. Повели его къ царю; царь самъ захотѣлъ поѣхать къ пещерѣ. Братья, узнавъ, что они проспали такъ долго, не захотѣли жить при новыхъ порядкахъ и пожелали умереть. И умерли.

Въ церковно-славянскомъ: *Власожельцы* (Слов. Востокова). Къ этому имени примѣчаніе Востокова: *Волосожары* (Даль, Иллюстр., 1845) и *Волосини* (Учен. Зап. 2-го отд. Ак. II, 2. 306).

Греки въ Θεοδοσίи въ Крыму одно созвѣдіе изъ семи звѣздъ называютъ *Леви*, другое изъ шестн *Эскиадельфи*, шесть братьевъ. Новогреческое названіе Плеядъ *Πλειάς*; народное *Πύλα* (сообщ. И. Е. Троицкій).

Зарница.

10) Къ стр. 137. Якуты: *Чолбонъ-сулузъ* (Поряд., рус. якут. слов.) Примѣчаніе г. Порядина: *чолбонъ* значитъ „свѣтлый“, „яркій“. Вамбери въ книгѣ *Die primitive Cultur d. turko-tat. Volkes*, 155, приводитъ имена *Чолбанъ*, *Цолбонъ*, *Чолманъ*. Въ Персіи, говоритъ онъ,—имя этой звѣзды *Zohra* занимаетъ въ мифахъ мѣсто Венеры.

Чулымскіе Татары вечернюю зарницу называютъ *Иниръ-цолбанъ*, а утреннюю *Танъ-цолбанъ* (рукоп. сообщ. свящ. о. І. Соколова).

Татары Мишарь Симб. губ.: *Заря-юндозъ*.

Тобольск. Татары: *Цултанъ* (Гигановъ, Грамм., 1801 г.). Вечерняя звѣзда: *Шибакъ-юлдузъ* (Будаговъ, Сравни. Сл., II, 363).

Сѣверно-кавказскіе Татары-горцы (общ. Урусбій, Малкаръ и др.): *Чолпонъ* (сообщ. уроженцемъ общ. Урусбій г. Саф. Урусбиевымъ).

Дагестанскіе Татары: *Карванъ-куиъ*, *Карванъ-кяиъ* (сообщ. г. Габеркорнъ).

Васюганскіе инородцы въ системѣ Оби (Остяки?) зарницу зовутъ *Куиъль*, утреннюю зарю—*Альми-куиъль*, вечернюю—*Итми-куиъль* (рукоп. сообщ. свящ. Краснова). Остяко-Самоѣды на Оби зарницу зовутъ: *кводде кызыганъ сей*; именемъ кызыганъ-сей, „небесный глазъ“ они зовутъ всякую звѣзду. Утреннюю зарницу они зовутъ кари кводде кызыганъ сей, вечернюю юди кводде кызыганъ сей, отъ словъ каремы, „утро“ и юдемы, „вечеръ“. Г. Григоровскій, сообщая это свѣдѣніе, дѣлаетъ примѣчаніе, что слово кызыганъ, въ смыслѣ „небесный“, встрѣчается только въ этомъ одномъ случаѣ; во всѣхъ же другихъ, напримѣръ небесный Богъ, небесное облако употребляется нунсунчегой отъ нунсунчъ, „небо“, буквально: „Божья комната“.

Черемисы: *Ижсеря* (?) (Знаменскій, „Горн. Черемисы“ въ Вѣстн. Евр., 1867, дек., 42).

Мордва Эрзя—*Чимпазынъ вара*, Мокша—*Шкайнъ валма*, то-есть, дыра или окно Чимпаза или Шкая; такихъ дыръ двѣ: въ одну Богъ предъ выходомъ смотритъ, поднялся ли міръ отъ сна, въ другую успокоился ли онъ предъ тѣмъ, какъ опочить самому (сообщ. В. Н. Майновымъ).

Кабардинцы: вечерняя зарница—*Нахушваго*; утренняя—*Пишблъ-пшаго* (сообщилъ г. Хатановъ).

Талышцы: *Нъзъ-барюиъ*, „передъ зарей“ (сообщ. г. Габеркорнъ).

Кюринцы на Кавказѣ: утренняя звѣзда *Экюиънъ-гедъ*.

Ингуши на Кавказѣ: *Сахулу-сэтхъ*.

Армяне: *Луиъ-астаъ*, лунная звѣзда.

Ассоры: *Маданъ-хопра*.

Осетины: *Бонвѣрнѣ*, приносящая день (отъ *бон*, „день“ и *авѣрун*, „приносить“ (сообщ. Вс. О. Миллеромъ). Г. Вороновымъ отъ Осетинъ сел. Гизельскаго и Шанаевскаго записано ими вечерней зарницы: *Кардадже сталлъ* (или Кардег-стали) травяная звѣзда; Осетины вѣрятъ, что когда она взойдетъ надъ Тереккомъ, быкъ вдоволь наѣстся травы.

Греки въ Θεодосія въ Крыму: *Кирванъ-геранъ*; въ дер. Калсикхоръ: *Саба илдызы* (?).

Русскія областныя: *Зорянка*, Петерб. губ. Лужск. у. (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по этн., IV, 273). Нѣкоторыя названія зарницы заимствованы изъ міра звѣрей, какъ русское *Волчья Звѣзда* (Аеонас., Поэт. Возвр., I, 762), литовское *Zwerinne* отъ *zweris* „волкъ“ чешское *Zviretnice*, *Zucerenice*; не значило ли и монголо-татарское цолбонъ, чолбонъ, солбонъ также „волкъ“? Ср.

киргизское въ Тарбагатаѣ атъ-джалманъ, тушканчикъ и Крымскихъ Татаръ атъ-чалманъ, то же самое.

Сербы въ Колашинѣ утреннюю звѣзду зовутъ *Даница* или *Преходница*, а вечернюю *Говедарица*, потому что съ появленіемъ ея какъ разъ время гнать говеда (то-есть, коровъ, воловъ) домой (сообщ. П. А. Ровинскій).

Будаговъ (Сравни. слов. турецко-татар. нар., II, 363) и Вамбери (Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes, Leipz., 1879, 155) сообщаютъ объ одномъ киргизскомъ повѣрѣ, что есть созвѣздіе *Sekis jolduz*, „восемь звѣздъ“, которыя являются на восточномъ горизонтѣ, восемь дней видны, на девятый сутки исчезаютъ, около десятаго дня опять выступаютъ и такъ въ теченіе мѣсяца три раза являются. Между этими звѣздами находится одна несчастливая (акребъ); если она встрѣтится каравану или войску, то случается съ ними какое-нибудь бѣдствіе, а при появленіи ея въ десятый день спины верховыхъ лошадей покрываются ранами. Вамбери даетъ ей имя *Жеинъ-джолдузъ*, *Zejan joldus*, Скорпионъ-звѣзда. Въ Персіи эта звѣзда называется *Gegzum* или *Akreb*, а также въ Персіи и Средней Азій зовутъ ее *Керванъ-куиъ* (*Kervan-kus*), „губитель каравановъ“, потому что караваны, вслѣдствіе ея сходства съ Оріономъ, видя въ ней знакъ приближающагося утра, чтобы во время достигъ до станціи, гонятъ животныхъ до того, что они умираютъ. Повѣрье о Керванъ-куиъ распространено на Кавказѣ и на Балканскомъ полуостровѣ. Одинъ Татаринъ изъ Темиръ-ханъ-Шуры на Кавказѣ называлъ имъ именемъ *Керуанъ* Б. Медвѣдицу; имъ не удалось дальнѣйшими распросами убѣдиться въ правдѣ этого показанія. Въ другихъ мѣстахъ показанія о звѣздѣ Керуанъ сбивчивы до того, что трудно приурочить это имя на небѣ. Азербиджанскіе Турки знаютъ звѣзду *Геранъ-кярванъ*, то-есть, смотрящую караваны; Кавказскіе Татары называютъ ее *Керуанъ-коранъ*, Ассоры—*Каруанъ-куиъ*. Впрочемъ, ассорское названіе было сказано на вопросъ: какъ зовутъ семь сѣверныхъ звѣздъ? Отъ Кюринца (изъ Самурзавани) мы записали слѣдующее: „Кромѣ утренней звѣзды, *Екюиънъ-гедъ*, есть еще свѣтлая звѣзда, которая по кюрински и по татарски называется *Керуанъ-керенъ*; одинъ караванъ, увидѣвъ ее въ небѣ и думая, что возшла утренняя звѣзда, отправился въ путь черезъ горы Салаватъ, но переналъ засыпало заваломъ и караванъ погибъ“. Албанцы одну звѣзду называютъ *олъ харѣтхъ*; это свѣтлая звѣзда, которая всходитъ въ полночь; при ея появленіи караваны начинаютъ выжигаться (Hahn, Alban. Stud., 137). Отъ Осетинъ я слышалъ о созвѣдѣи *Фысымъ пѣуджітѣ*, то-есть, о Б. Медвѣдицѣ, что она движется въ направленіи противоположномъ всѣмъ остальнымъ звѣздамъ. См. примѣчанія къ гл. IV, № 44, о движущемся противъ теченія винокуреномъ сварядѣ, о плывущемъ противъ теченія трупѣ женщины и пр. Въ этихъ сказаніяхъ, можетъ быть, выражены наблюденія первобытнаго чело-вѣка надъ неравнобѣрнымъ видимымъ движеніемъ звѣздъ, повешія къ открытію различія между планетами и неподвижными звѣздами.

Полярная звезда.

11) Къ стр. 137. Башкиры: *Тимуръ-казыкъ*, „железный столбъ“ (сообщ. г. М. В. Малаховымъ).

Калмыки на Волгѣ: *Altan Gadassun*, „Золотой воль“ (Bergmann, Nomad. Streifer. unt. Kalmücken, t. III, 42). Въ бурятскомъ произношеніи это имя было бы алтынъ-хатыгынъ; Рашидъ-Эддинъ (Зап. Имп. Археол. Общ., XIV, 154) предкомъ нѣкоторыхъ племенъ называетъ Алтанъ-Ходого. Въ башкирскомъ и киргизскомъ именахъ П. Звѣзды, вмѣсто алтынъ стоитъ темиръ: темиръ-казыкъ въ монгольскомъ было бы темиръ-хатысынъ, въ бурятскомъ темиръ-хатыгынъ; въ Алтанъ-Тобчи упоминается Темиръ-Хатаги, у котораго семь сыновей (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 64); ср. кабардинское преданіе о Хетагѣ, у котораго было семь сыновей (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, в. II, отд. 3, стр. 8). Рашидъ-Эддинъ говоритъ, что въ вѣкъ Чингисъ-хана „государемъ и главою племени“ Ойратъ былъ Хутуга-бикъ; вѣроятно, дѣло идетъ о предкѣ Ойратовъ; у этого Хутуга-бикъ было два сына: Иналджи и Дурадджи; ср. съ адыгейскими преданіями, по которымъ имена Хетагъ и Иналъ также стоятъ въ родственной связи, хотя въ обратной послѣдовательности (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, стр. 76—78; в. III, стр. 30); въ другомъ мѣстѣ Рашидъ-Эддинъ упоминаетъ имя Еди-Иналъ въ племени Киргизъ (стр. 130). Еще разъ Рашидъ-Эддинъ упоминаетъ (стр. 58) имя съ членомъ хутуку, именно Хутуку-нойонъ или Шики-хутуку (въ Юаньчао-миши—Шикиханъ; Труды Пек. дух. мисс., IV, 67); это былъ мальчикъ, найденный въ полѣ Чингисъ-ханомъ и переданный имъ на воспитаніе своей женѣ; эпизодъ этотъ напоминаетъ барабисскую сказку, въ которой старикъ находитъ ребенка въ степи, отдаетъ его женѣ на воспитаніе и даетъ имя Идыге-пи (см. прим. къ гл. IV, къ № 76). Калмыцкія на Волгѣ и дюрбютскія на Убса-норѣ легенды о предкѣ ихъ племени разбазываютъ, какъ о найденномъ (см. выше стр. 325; Очерки, II, 161; Позднѣвъ, „Образцы народн. лит.“, стр. 135); поэтому ойратскаго Хутуга-бикъ и найденныша Шики-Хутуку можно принять за одно лицо. Ср. съ именемъ предка Хангинскаго поколѣнія Оюгэ-бо (стр. 24), который охотился за тремя лебедями. О Хутуку-нойонѣ Рашидъ-Эддинъ (стр. 59) передаетъ, что онъ охотился за тридцатью оленями; объ охотѣ за тремя оленями см. въ примѣч. къ главѣ IV, № 38. Въ турецкихъ племенахъ это имя также нерѣдко является предкомъ: Ногаи дѣлились на три орды, которыя имѣли во главѣ своей трехъ братьевъ, потомковъ Едигея; Иссмыкъ-кульскіе Киргизы считаютъ своими предками Атагая и Тогая (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1851, V); Кундровскіе Татары считаютъ своимъ древнѣйшимъ правителемъ (предкомъ?) Эддыгъ (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1851, т. 2). Черкесы сами себя называютъ Адыге. У сѣверныхъ Киргизъ (Акмолд. обл.) есть легендарное имя Идыге-би, которое совпадаетъ съ бурятскимъ Оюгэ-бо,

если можно допустить филологическую связь между монгольск. бо, бугэ, „паханъ“ и турецкимъ би, „судья“, бей, бекъ, „князь“. Форма бугэ, можетъ быть, слышится въ сложномъ Хотуга-бикъ, или еще лучше, въ Бугу-Хатаги, какъ назывался одинъ изъ двухъ сыновей Аланъ-гоа (Алт. Тобчи, стр. 5; Труды Пек. дух. мисс., IV, 27). См. также прим. 37 къ гл. I.

Уйгурское имя П. Звѣзды *Altin Kazuk*, „Золотой колъ“ (Vambergy, Die primit. Cult. d. turko-tat. Volkes, 154).

Амурскіе Тунгусы: *Xada* (Castren, Tung. Gramm., 129).

Енисейскіе Остяки: *Нуа-чехуа*, „Божій гвоздь“ или рычагъ, на которомъ вертится все небо (Третьяковъ, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415).

Чукчи: *Aguat'kotkötsetlen* (Vega-expedit. vetenskapliga jakttagelser, at Nordenskiöld, B. I., 397).

Лопари: *Culdanaste*, „Pfahl-stern“ (Melang. russ., 2, 1851—1855, p. 416).

Эсты *Pöhja-nael*, „Nord-nagel“, гвоздь сѣвера (ibid.).

Осетины: *Аксакъ Темуръ* (ср. съ киргизскимъ и башкирскимъ; аксакъ вл. казыкъ?). Въ давнія времена, когда ангелы ходили вмѣстѣ съ людьми, жилъ злой человекъ Аксакъ-Темуръ. Въ определенное время дня онъ ходилъ за водою. Жили въ то же время семь братьевъ простяковъ (Ладзартъ, то-есть, Б. Медвѣдьяца) и ихъ сильно притѣснялъ Аксакъ-Темуръ. Они отправились къ Водяному (Донбедтыр), и чтобы расположить его къ себѣ, взяли у него питомца (змѣя) для выкормленія, полагая, что Аксакъ-Темуръ, боявшійся Водянаго, оставитъ ихъ въ покоѣ. Однако Аксакъ-Темуръ пришелъ къ нимъ и убилъ ихъ воспитанника. Братья пожаловались Водяному. Тотъ сказалъ имъ, что Аксакъ-Темуръ въ извѣстное время приходитъ къ водѣ, гдѣ они могутъ его подкараулить. Но Аксакъ-Темуръ какъ-то провѣдалъ ихъ планъ и пересталъ ходить къ водѣ. Братья начали ежедневно ходить къ водѣ, чтобы накрыть Темура; только къ утру они убѣждаются, что онъ не придетъ, и направляются къ нему, но разсвѣтъ скрываетъ его отъ ихъ глазъ (сообщ. Вс. Ф. Миллеромъ; см. также въ его Осет. Этюд., II, стр. 300). Ср. съ монгольск. сказаніемъ о верблюдѣ (темень), который ходитъ къ водѣ караулить морала (Оч., II, 168), а также гл. IV, № 35, вар. в. Въ чеченскихъ сказаніяхъ потеряннаго сына ищетъ Аксакъ-Темиръ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VI, ст. „Чечекск. темя“, стр. 41); въ сказаніяхъ Ингушей (тотъ же Сборникъ, в. VIII, ст. „Ингуши“, стр. 20) самъ потерянный мальчикъ носитъ имя „Хромой Темиръ“. Хромымъ (аксакъ) онъ сталъ потому, что отецъ перешагнулъ ему ногу, чтобы убавить у него быстроту бѣга.

Ингуши: *Кулаба сѣтх*.

Кабардинцы о какой-то свѣтлой звѣздѣ говорятъ: заныр дышэвятокэ зышяжя, „мать продалъ за шубу“. Существуетъ повѣрье, что одинъ сынъ продалъ свою мать за шубу или за свѣтлыя ризы. Въ память о такомъ преступленіи Богъ помѣстилъ шубу на небѣ (сообщ. Кабардинцемъ г. Хатаповымъ). На кабардинскомъ языкѣ г. Хатановъ называлъ еще какую-то звѣзду *Ваюлитъ* и созвѣздіе изъ четырехъ звѣздъ *Ваюлукумъ*.

Хюркилинцы: *Zurhava* (Усларъ, Азб. хюрк. яз.).

Кюринцы: *Qutbi* (Кутби) (Усларъ, Азб. кюр. яз.).

Сербы: *Смораци* (Лавровскій, Сербск. слов., 140).

12) Къ стр. 137. Первобытный человекъ, наблюдая небо и видимое движеніе звѣздъ, долженъ былъ замѣтить, что въ то время, какъ всѣ звѣзды закатываются за горизонтъ и даже исчезаютъ изъ глазъ на продолжительный періодъ времени, одна звѣзда, Полярная, остаются вѣчно на одномъ мѣстѣ. Вотъ гдѣ, могъ онъ думать, крѣпъ вселенной, или рука, держащая и направляющая, по путямъ другія свѣтила. На нѣкоторыхъ ідиомахъ сѣверной Азіи она называется желѣзнымъ или золотымъ коломъ. Б. Медвѣдица, отчетливо выступающая на небѣ, хотя движется подобно другимъ звѣздамъ, однако не сходитъ съ неба, не закатывается, какъ будто движется на привязи, прикрѣпленной къ Полярной звѣздѣ. Въ головѣ дикаря могла явиться идея о зависимости существованія вселенной отъ этихъ звѣздъ; еслибъ этотъ колъ (Полярная звѣзда) былъ выдернутъ, семь прикрѣпленныхъ къ нему звѣздъ сорвались бы съ своего мѣста, порядокъ движенія звѣздъ нарушился бы, и міръ постигла бы гибель. Отсюда повѣрья и легенды о копчии міра, связывающія ее съ Б. Медвѣдицей или съ числомъ семь. Киргизы видятъ въ Б. Медвѣдицѣ семь волковъ, гонящихся за иноходцами; когда догонятъ, конецъ міра (Аванас., Поэт. Возр., II, 762; Желѣзновъ, „Уральцы“, II, 281). По южнорусскому повѣрью есть на небѣ три сестрицы зарницы, при- ставленные сторожить пса, который прикованъ у М. Медвѣдицы на желѣзную цѣпь и хочетъ перегрызть ее; когда перегрызетъ, конецъ міра. Минусинскіе Татары вѣрятъ, когда семь собакъ съ желѣзными когтями сорвутся съ желѣзныхъ цѣпей, настанетъ конецъ міра (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ., 1855, VI, 191—8). Въ одной сказкѣ Минусинск. Татаръ (Mel. asiat., 3, Ueber d. Heldens. d. Minuss. Tat., 379) два брата Ай-Темусъ и Куй-Темусъ слышатъ, что скоро конецъ міру, что семь скованныхъ собакъ Джедай-хана сорвались съ цѣпей и лаютъ; затѣмъ прилетаютъ два ворона, вьющіе гнѣздо на желѣзной горѣ, и приносятъ вѣсть, что Ала-Картага убилъ Джедай-хана и сорвавшихся собакъ снова посадилъ на цѣпи. Въ книгѣ Еноха (гл. 18) разсказывается, что онъ видѣлъ мѣсто, гдѣ находятся семь звѣздъ, пылающихъ, какъ горы огня. Это тѣ звѣзды, „сказалъ ему ангелъ,—которые преступили повелѣнія Божіи; онѣ заключены здѣсь до кончины неба и земли“ (Порфирьевъ, Апокриф. сказанія о ветхозав. лицахъ и событ., 205). Нечистыя племена Гогъ и Магогъ Александръ Македонскій загналъ на сѣверъ и заключилъ горами, отверстіе заперъ желѣзными вратами. Горы разомкнулись, когда конецъ свѣта наступитъ: „Гогъ бѣ крылатъ, держать его двадцать девять человекъ чепьми разпеленъ на четыре страны, дабы не заѣлъ вси человекоядцы“ (Тихонравовъ, Памяти. отреч. литер., 259). Въ другомъ вариантѣ говорится „о затворенныхъ Татарехъ:“ тогда отверзутся врата сѣверная и изйдутъ силы языческія, (ibid.). Ср. нѣмецкія повѣрья о раѣ (Krebse), лежащемъ на цѣпи на днѣ

Mohrin'sкаго озера и обѣ угрѣ на днѣ пруда близъ Putzig'a (Zeitschrift für Ethnologie, 1881, N. 1 и 2, s. 28).

По другимъ татарскимъ повѣрьямъ, земля утверждена на рогу быка. Ср. съ русскою загадкой о колокольнѣ: стоитъ быкъ на горахъ о семи головахъ (Садовп., Заг. русск. нар., № 1004; сходная съ нею о льнѣ, № 1301; лѣтъ не вмѣсто ли монгольскаго лунъ, драконъ?) Въ сказкахъ Минусинскихъ Татаръ есть сорокорогій быкъ (сорокъ—по татарски кыркъ, рогъ мюз, урянх. менгустъ), на которомъ ѣздитъ Катай-ханъ; Катай-хана мы сближаемъ съ Джедай-ханомъ тѣхъ же минусинскихъ сказокъ и съ Джеды-ганомъ, то- есть, Б. Медвѣдицей. Къ этимъ повѣрьямъ примыкаетъ, вѣроятно, и русское о томъ, что земля стоитъ на семи или на трехъ китахъ. Въ стихѣ о Феодорѣ Тиронѣ вмѣсто кита Титъ-рыба и Кытра-рыба; кытръ—мамонтъ (Поповъ, Хроногр., I, 261). По другимъ (книжнымъ) сказаніямъ, земля держится на „великорыбѣ“, на „огнеродномъ китѣ“, на „змѣѣ“ Елеафамѣ, на „желѣзномъ столпѣ“ (Ж. М. Н. Просв., 1863, апрѣль, стр. 14). Ягичъ приводитъ „4 китове алаты“, „брави четверокрылати“ (Archiv, B. I, s. 128; Временникъ IX, 10). Катай-ханъ минусинскихъ сказокъ убиваетъ Акъ-хана („бѣлаго хапа“); дѣти Акъ-хана брошены въ колодезь, имѣющій 70 сажень глубины; къ колодезю приставлена стража изъ семи богатырей; вѣщій жеребенокъ является на помощь мальчику; на немъ мальчикъ, получающій потомъ имя Ай-Долей, вскарабкивается на высокую желѣзную гору, вступаетъ здѣсь въ бой съ Катай-ханомъ и убиваетъ его (Mel. asiat., t. III, livr. 4, p. 376). Въ другой сказкѣ Ай-Долей вступаетъ въ бой съ Катай-Алыпомъ, убиваетъ его, но не можетъ одолѣть Лебеда; послѣ девятилѣтняго боя съ нею, Ай-Долей погружается въ семнадцатый слой земли, гдѣ его прибиваютъ гвоздями къ черной мѣдной скалѣ, поднимающейся изъ глубины земли въ область солнца (ibid., p. 374). Въ третьей Акъ-ханъ своего семилѣтняго сына отвозитъ къ Джедай-хану, который живетъ при подошвѣ желѣзной горы на мѣстѣ, гдѣ небо сростается съ землей (ibidem, p. 379). Повѣрье Минус. Татаръ о желѣзной горѣ есть и у Радлова (Proben, II, 602); она находится на срединѣ земли; на ней стоитъ семилѣтняя береза. Сходство въ положеніи и одинаковое жительство на желѣзной горѣ говорятъ за тожество Катай-хана и Джедай-хана. Въ сказкахъ сѣверно-сибирскихъ Татаръ встрѣчается Кюдопъ-ханъ или Кидэпъ-ханъ (Radloff, Proben, IV, 58 и 187), а въ книжныхъ монгольскихъ и мусульманскихъ сказаніяхъ, о предкахъ Чингисъ-хана китайскій ханъ Алтанъ-ханъ; дада или Татары схватили Амбай-хана (или Амбагай-хана; ср. съ Комбу, Гомбугуръ, стр. 205 и 332) и передали его Алтанъ-хану китайскому, и тотъ привозилъ его къ деревянному ослу. Этотъ „китайскій ханъ“ можетъ быть есть не кто другой, какъ Джедай-ханъ (Катай-ханъ, Кидэпъ-ханъ). Такимъ же затемнѣніемъ можетъ быть объяснено и алтайское сказаніе о „китайскихъ собакахъ“, сѣвшихъ богатыря Сартактая (см. прим. къ гл. IV, къ № 61). Съ идеей о кончинѣ міра связывается представленіе о царствѣ мертвыхъ и его управителѣ. Современныя алтайскія, урянхайскія и монгольскія

повѣрья управителемъ царства мертвыхъ представляютъ Ерликъ-хана. Въ вышеприведенныхъ сказаніяхъ можно видѣть намеки на то, что нѣкогда тѣ же представленія соединялись и съ именемъ Джедай-хана (или Кидэпъ-хана). Катай-ханъ ѣздитъ на быкѣ подобно монгольскому Ерлику (стр. 242 и др.); въ царствѣ китайскаго хана или Джедай-хана прибываютъ герои гвоздями подобно тому, какъ въ царствѣ Ерлика всегда есть скованный плѣнникъ (стр. 173, 483). У Джедай-хана есть злые собаки, какъ и у Ерлика.

Высшее божество у качинскихъ Татаръ называется Джеты-кудай, „семь боговъ“; это названіе совершенно совпадаетъ съ монгольскимъ названіемъ Б. Медвѣдица Долонъ-бурханъ, „семь боговъ“, а потому можно и въ Джеты-кудай видѣть Б. Медвѣдицу. Можетъ быть, это имя было парнымъ тавтологическимъ и не заключало тепершняго смысла; ср. черем. шуды-водышъ, пермяцк. кады-вадышъ, русск. чудо-юдо. Только въ послѣдствіи второму члену кудай татарскія племена могли усвоить значеніе „богъ“, какъ Монголы усвоили то же значеніе второму члену монгольскаго имени Б. Медвѣдицы. Ориенталисты считаютъ турецкое кудай словомъ персидскимъ; самую лучшую этимологіей персидскаго куда считается данная Боппомъ; онъ производитъ это слово отъ санскритскаго q'a-d'āta, „самъ себя создавшій“, составленное въ родѣ прозвища Вишну Svaum-b'u буквально—„самъ собою сущій“ (Bopp, Vergleich. Grammat., B. I, § 35; Vullers, Lexicon persico-latinum etymolog., Bonnae, 1864, T. II, 660; Vambery, Die primit. Cult. d. turkotat. Volkes, 242). Вездѣ мы встрѣчаемъ слово богъ происходящимъ изъ времени докультурныхъ; почему турецкія племена должны составить исключеніе, забыть свое докультурное имя бога и принять чужое, которое могло быть составлено только въ позднее время головой, занимавшейся богословіемъ? Скорѣе примѣръ такой утраты своего слова былъ бы мыслимъ у западныхъ Аріицевъ, чѣмъ у не Аріицевъ отдаленнаго Востока, жившихъ почти внѣ исторической жизни. Плано Карпини говорить о Половцахъ, что они называли своего бога Камъ, то-есть, императоръ; камъ въ настоящее время значить только „шаманъ“; путешественнику слѣдовало бы написать: ханъ; но можетъ быть, въ древности обѣ профессіи сливались, и формы ханъ и ханъ суть только разныя прозношенія. Не есть ли это случай, когда второй членъ имени Б. Медвѣдицы Джетыганъ, подобно членамъ бурханъ и кудай, получилъ значеніе „богъ“? По сербскому сказанію, предъ царемъ солнцемъ двѣ дѣвы, заря утренняя и заря вечерняя, и семь судей (Афанас., Поэт. Возвр., I, 82). Въ галицкой поговоркѣ: „передъ богомъ солнцемъ судица-царица“ (ibid., 67). Въ сербской сказкѣ (ibid., II, 234), представляющей сходство съ нашими о Маркѣ богатомъ и съ монгольской о Бурханъ-бакии (стр. 273), юноша идетъ за разрѣшеніемъ темныхъ загадокъ къ Усуду (въ южно-русскихъ къ солнечной матери). Ср. русскія выраженія: суди-боги, Судьба Божія, Судъ Божій. Буслаевъ приводитъ выраженіе: „суди-боги на меня не складывай“ (Ист. Оч., I, 123); въ Волог. губ. въ Никол. у. крестьяне божищу, а по ней и весь передній уголъ зовутъ „суденъ“. Затменіе отъ Суда Божія (Сумцовъ въ Ж. М. Н. Пр., 1880, ноябрь, 92). Русская посло-

вида: „въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ“. Въ свадебной пѣснѣ: „поведу тебя къ Суду Божьему, ко золотому вѣнцу“ (Терещенко, Быть русск. нар., ч. II, стр. 110). Въ былинѣ богатырь Святгоръ пахалъ на Судъ Божій, на кузнеца, который выковалъ ему жениться въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки-кальки (Рыбн., I, 40). Въ сборникѣ Шейна дѣвка семицѣтка отгадываетъ загадки, изъ которыхъ послѣдняя разрѣшается словами: „безъ отвѣту Судьба Божья“ (Шейнъ, Русск. нар. пѣсни, стр. 367, № 2). Поговорка: „дожидайся солнечной матери, Суда Божія“ (Снѣгиревъ, Пословица, стр. 99). Въ чешской сказкѣ солнцева мать названа судицей (Афанас., Поэт. Возвр., II, 124). Ср. также съ горой Судомой, на которую будто бы спускалась пѣль съ неба, и съ горой Судимой (Шейнъ, Русск. нар. пѣсни, стр. 367, № 2). Подъ Судицами западные Славяне разумѣютъ то же, что означало древне-славянское Роженица, которая встрѣчается рядомъ съ именемъ Родъ. Родъ упоминается въ значеніи ада (Калачевъ, Архивъ истор.-юрд. свѣд., кп. II, полов. I, стр. XXIII) и творца (Афанас., Поэт. Возвр., II, 437). Въ азбуковникѣ Роженицы называются семью звѣздами; это семь планетъ; но едва ли съ планетами не стали ихъ отождествлять только въ послѣдствіи, съ развитіемъ астрономіи. Судицы—то же, что южно-русская доля, что вотицкій шудъ. Можетъ быть, и черемисскій шуды-водышъ, водяной духъ, имѣетъ средство съ вотицкимъ шудомъ. Повѣрья Мордвы помѣщаютъ судьбу въ водѣ; старуха Ведава (водяная баба) плететъ нити человѣческой судьбы (Майновъ, Оч. быта Мордвы, въ журн. Слово, 1879, июль, стр. 54). Формы суди-боги и судьба ср. съ формами Дажь-богъ, Стри-богъ и Дажь-бай, Астри-бай (Поповъ, Хроногр., I, 181).

По армянскому повѣрью, души покоятся на Б. Медвѣдицѣ. Въ академическ. армянск. словарѣ (изд. въ Венеціи въ 1749 г.) значится: „Югнъ-астегіанъ; такъ называется: 1) созвѣздіе изъ семи звѣздъ, 2) сооруженіе съ семью алтарями, 3) семь небесъ, и 4) царство небесное, какъ имѣющее семь лучей благодати св. Духа. По повѣрью Армянъ, „души усопшихъ праведныхъ переселяются на семизвѣздіе“. Этими сообщеніемъ мы обязаны г. Ерицеву. О повѣрьяхъ Нѣмцевъ относительно страны усопшихъ см. у Мангардта, Germ. Myth., 330 и слѣд. Страна эта называлась Engelland и находилась за облаками, куда можно было влетать только на журавлѣ или лебедѣ. Въ одной нѣмецкой пѣснѣ поется: da di sieben Sterne standen, standen si in Engelland. По древне-скандинавскому сказанію, въ мірѣ тѣней горитъ семь огней (Mannhardt, Germ. Myth., 310—311). Русскія повѣрья помѣщаютъ рай на горѣ, бѣлорусскія на желѣзной горѣ; для подниманья на нее требуется лѣстница о семи ступенькахъ. Въ первоначальныхъ представленіяхъ, вѣроятно, всѣ умершіе шли въ одно мѣсто; въ послѣдствіи страна блаженныхъ отдѣлилась отъ мѣста вѣчнаго мрака. Рай повсюду на европейскихъ языкахъ означаетъ садъ (Афанас., Поэт. Возвр., II, 139). Ср. съ представленіями о лиственницахъ или березахъ, растущихъ на желѣзной горѣ; у Третьякова (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 432) остяцкій шаманъ видитъ на небѣ семь лиственницъ, стоящихъ среди тундры. „Тутъ дѣ-

душка его (то-есть, предокъ его и всего человѣчества?) дѣлалъ бубенъ". У Киргизъ есть представленіе о какой-то блаженной странѣ, по которой текутъ семь рѣкъ; не съ этихъ ли представлений они перенесли на южную Джунгарію имя Семирѣчье, Джетысу? Въ индѣйскихъ пѣсняхъ Рагаасага „съ неба стекаютъ семь рѣкъ". Bollensen въ этой фразѣ дѣлаетъ примѣчаніе: „семь рѣкъ ведійской Индіи были перенесены на небо" (Zeitschr. Deut. Morgenl. Gesell., В. XXII, Н. IV, 613). Скорѣе на оборотъ; число было дано небомъ и на землѣ подсчитывалось сообразно съ сказаніями. Въ той же замѣткѣ Боллензенъ говоритъ, что Sagasvati названъ Saptasvasar, „семь сестеръ имѣющихъ".

Къ такимъ мифическимъ странамъ блаженныхъ, вѣроятно, нужно отнести и Ергенехонъ, откуда будто бы вышли Монголы. Послѣ титанической войны Сіюнчъ-хана и Ильхана, кончившейся поголовнымъ истребленіемъ монгольскаго народа, два брата Нукузъ и Кыянь бѣжали въ гору; тропинка, проложенная каменными башнями (ср. съ аварскою сказкой, въ которой олень, спасая героя отъ гибели, заноситъ его за семь горъ; Сборн. свѣд. о кавк. горд., в. II, отд. 1, стр. 48) завела ихъ на высокую гору, гдѣ они нашли долину, обильную злаками; въ Оч., II, 125, мы уже указали на сходство имени этой долины Эргенехонъ съ урянхайскимъ названіемъ Б. Медвѣдницы Джеты-Урганъ; ср. также съ Бурганъ-ганъ, названіемъ семи куколокъ на шаманскомъ плащѣ (стр. 51). Размножившееся потомство вышло изъ Ергенехона, расплавивъ желѣзный бокъ долины посредствомъ семидесяти мѣховъ. Нукузъ ср. съ Нехъ, именемъ Б. Медвѣдницы; у Кастрена лось по остяцки пох, поух (Vers. e. Ostjack. Sprachl.). Окончанія *узъ* и *изъ* обыкновенны въ монгольскихъ именахъ поколѣній, напримѣръ Иргизъ, Киргизъ, Монгусъ, Тунгусъ, и потому могутъ быть отброшены.

Млечный путь.

13) Къ стр. 138. Чукчи: *Tsueugie* (Vega-expedit. vetenskapliga iakttagelser, af Nordenskiöld, В. I, S. 397).

Енисейскіе Остяки: *Нуа-чирре*, то-есть, Божья спина (Третьяковъ, въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415).

Вотяки: *Луд жаяжек шурэ*, „дорога дикихъ гусей".

Крымскіе Татары на южномъ берегу: *Кябэ-элы* (Кябэ — страна, куда ходятъ хаджи, мусульманскіе паломники).

Сѣвернокавказскіе Татары-горцы: *Кой-джолъ*, „баранья дорога" (Сообщ. г. Саф. Урусбиевъ).

Дагестанскіе Татары: *Шамы-элы* и *Мякьянунъ-элы*, то-есть „дорога въ Мекку" (сообщ. г. Габеркорнъ).

Въ Закавказьи и вокругъ Чернаго моря у Турковъ Млечный путь принимается за разсыпанную соломѣ. По Вамбери восточные Турки зовутъ Млечный путь — *Hazilar-joli*, „путь пилигримовъ"; западные Турки *Saman ogrisi*, „соломокрадъ"; по персидски онъ называется *Kahkesan*, „несущій

соломѣ" (Vamberg, Die primit. Cult., s. 156). Киргизское названіе у того же автора *Kus zoli*, туркменск. *Kuslar joli*, „птичья дорога" (ibid., 155); у казанск. Татаръ *Kyk kaz juli*, „дорога дикихъ гусей" (ib., 156). Вѣроятно, Хаджиларъ вышеупомянутаго названія явилось вмѣсто кушларъ или казларъ; ср. съ именемъ ангела Kusanъ въ арабскомъ и тюрко-османскомъ названіи радуга (ib., 168).

Армяне Млечный путь называютъ „слѣдомъ содомокрада"; легенда разсказываетъ, что Вахангъ укралъ зимою у ассирійскаго родоначальника соломѣ и скрылся въ небѣ; Млечный путь образовался отъ того, что воръ обронилъ соломѣ дорогой (Кавказская старина, Тифлисъ, 1873, № 4 и 5, стр. 117). У Пякте (Orig. indo-europ., II, 583) приведено армянское названіе *jartkogh*, „воръ соломѣ".

Болгары: *Илва*, это сѣно, разоренное воромъ, который укралъ его у своего кума. Для обличенія его великаго грѣха (кума обидѣть считается великимъ грѣхомъ) оно записано на небѣ (Каравеловъ, Памяти. пар. быта Булгаръ, I, 184).

Сербы въ Колашинѣ: *Бумова солома* (сообщ. П. А. Ровинскій); легенда та же.

Албанцы: *хасте в кобмтерит* (Hahn, Alb. Stud., II, 201); *хасте*, солома; *кобмтерит* человѣкъ, несущій вѣнецъ во время вѣнчанія; онъ же крестный отецъ перваго ребенка. Буквальный переводъ имени Млечнаго пути, сдѣланный сампъ Ганомъ: *des Gefatters Stroh*, солома кума (Hahn, ibid., III, 43).

Осетины: *Арфанъ-фадъ* „слѣдъ Арфана"; Осетинамъ не безмизвѣстно сказаніе, что это дорога, усыпанная украденною соломѣ.

Ингуши: *Силасатэс чатэк дечит*, „солома, разсыпанная Силасатой". Силасата несла соломѣ, собираясь родить. Г. Анучину одинъ Чеченецъ объяснилъ, что это слѣдъ тропы, по которой медвѣдь тащилъ человѣка.

Кабардинцы: *Шухато* (сообщ. г. Хатановъ).

Грузины: *Харисъ-да-ирмисъ-навали*, „слѣдъ быка и оленя". Къ этому названію есть преданіе: быкъ и олень заспорили, кто кого перегонитъ; олень быстро побѣжалъ, оставилъ за собою слѣдъ пыли и не добѣжалъ до пѣли; а быкъ терпѣливо и тихо дошелъ до нея. Ср. Аррисъ и Ермисъ (Марсъ и Меркурій), двѣ звѣзды, стоящія рядомъ въ спискѣ планетъ въ древнихъ азбуковникахъ (Ил. М. Н. Пр., 1863, июль, с. 20—21).

Талышцы: *Шамъ вуровъ* (сообщ. г. Габеркорнъ).

Казикумыки: *Эссахъ холю*.

Греки въ Θεοδοσίи (въ Крыму): *Аспронъ-синифонъ*, то-есть, „бѣлое небо". Новогреческое народное: *Αρμός του Γορδάνου* (сообщ. И. Г. Троицкій).

Древне-нѣмецкое названіе: *Wuotanes wec*, *Wuotanes strāza*, *Iringes wec* (Iringesweg). Англосаксы одну изъ четырехъ дорогъ, пересѣкавшихъ Англію съ с. на ю. называли *Erminge-straete*, а имя Млечнаго пути, который назывался *Waetlinga straet*, давалось дорогѣ изъ Дувра въ Кардиганъ (Pictet, Orig. indo-europ., VI, 583). Нижне-нѣмецкое: *Kaupat* (Kuhpfad), „коровій путь".

Кипры: *Llwybr caer Gwdion*, „дорога изъ жилища Гвидіона". *Gwdion* или *Gwidion*, великій волхвъ, „master of the illusion and the phantasy", сынъ Донъа (последнимъ именемъ называлось созвѣздіе Кассіопея).

Литовцы: *Paukszczių kielės* то-есть, птичья дорога.

Русскія областныя: *Мышины тропки*, Нижегород. губ.; *Батыева дорога*, Тамб. и Тульск.; *Становище*, Тульск. (Оп. обл. сл.). *Дороги*, въ Лужск. у. Петерб. губ. (Зап. Геогр. Общ. по этн., IV, 273).

Радуга.

14) Къ стр. 138. Вотьяки: *ву уисъ*; „воду пьеть“; *вусъ похронъ*.

Остяко-Самоѣды на Оби: *юдереть*, т. е. „пьеть“ (Сообщ. Г. П. Григоровскимъ). По повѣрью Самоѣдовъ, радуга есть край плаща бога Пума (громовника), какъ то видно изъ ея названія *Numbani* (Этн. Сборн., IV, 293).

Камчадалы, по Крашенинникову, почитаютъ радугу за подзоръ на платъ бога Пиличуча или Вилюкая, который испускаетъ на землю громъ, молнію и дождь (Крашен., Оп. Камч., II, 75).

Мордва называетъ радугу *пиргене йонксъ*, дуга Пиргене, бога грома; онъ надѣваетъ ее въ видѣ украшенія, празднѹя то мгновеніе, когда оплодотворитъ „Вед'авынъ тектеръ“, дочь богини воды, тучу (сообщ. В. Н. Майновымъ). По другому свѣдѣнію, это подолъ бога Нешке, расшитый цвѣтною бумагой его матерью Анге-натѣй (Мельниковъ, Оч. Мордвы, въ Русск. Вѣстн., 1867, сент., стр. 401).

Лопари: *aijeke dauge*, arcum avi, лукъ дѣда, arcum Thoronis (Scheferi, Laponia, 96); *ajan joksa*, лукъ грома (Castren, Finn. Myth., 49).

Черемисы радугу называютъ *сонаръ-вюю*, то-есть, охотничья собака громовника; ея появленіе объясняется тѣмъ, что она будто спускается на рѣку или озеро утолять свою жажду (сообщ. г. Антріевымъ, учителемъ Бирской инородч. школы).

Якуты: *Sassyl igä*, „лисыя моча“ (Бѣтлингъ). Это сасыль-иге можно принять за подогнанное къ новому смыслу алтайское названіе громовника *Ижилганъ* (см. выше, стр. 51); ср. также монгол. *цаицганъ*, молнія.

Вамбери приводитъ имена радуги осм. *Alaim-saghma* отъ арабск. *alaim-i-seta*, „знакъ неба“, а также *Kausi Kusan* (арабск.), „лукъ облачнаго ангела Кузы“. Въ гирканской стени Вамбери самъ слышалъ еще названіе: *Chidr köprüsü*, „мостъ пророка Ильи“ (Die prim. Cultur, 168—169).

Тобольск. Татары: *аймуръ*, караванъ-юль (Гигановъ, Грамматика тат. яз., 1801, стр. 23).

На языгѣ сѣверно-кавказскихъ Татаръ-горцевъ радуга называется *текири кымычъ*, „божій мечъ“ (сообщ. г. С. Урусбиевъ). Второй членъ ср. съ урянхайскими названіями радуги: *джеленъ*, *телешъ*.

Въ монгольскомъ радуга—*солонго*; тѣмъ же именемъ солонго, въ другихъ нарѣчійхъ холонго, называется звѣровъ, извѣстный Русскимъ подъ именемъ колонка. Въ монгольскомъ сабля *селимъ*, въ бурятск. хельме (ср. якутск. *садама*, алт. *ялама*; см. на стр. 93 и въ примѣч. къ ней); о чудесной саблѣ Келимъ-селимъ см. стр. 424. Въ Холмской Руси громовыя стрѣлы народъ

называетъ кудями и думаетъ, что ихъ св. Илья пускаетъ въ чертей (Груды этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. I, в. 1, стр. 21).

Киргизское названіе радуги кемпырнынъ-кусагы, „овцевязъ старухи“ (см. Оч., II, стр. 127, гдѣ вкралась ошибка: вм. „Киргизы разказываютъ“ напечатано „Монголы разказываютъ“); у Урянхайцевъ овцевязъ называется *джеленъ*. Вмѣсто этого народнаго толкованія киргизскаго имени радуги, можеть быть, слѣдуетъ искать другое. Къ члену кемпыръ близка форма Камбаръ; это личное имя и теперь носятъ нѣкоторые Киргизы; есть киргизская былина о Камбаръ-біѣ. Имя Камбаръ или Камберъ встрѣчается и у Радлова (Proben, III, 112, IV, 332); см. также ниже въ примѣч. къ гл. IV, въ № 135. Въ крымско-татарскомъ имени радуги (см. ниже) вм. Кемпыръ первымъ членомъ стоитъ ягмуръ, „дождь“. Не было ли Кемпыръ именемъ громовника? Съ татарск. рѣченіемъ комбуръ соединяется понятіе о громѣ (Будаговъ, Сравн. слов., II, 163). Золотницкій въ своемъ чувашск. словарѣ приводитъ поволжскія названія радуги: чувашск. *сыурень-киберъ*, *сыувекъ-киберъ*, салаватъ киберъ и татарское салаватъ-купре; вторые члены въ обоихъ языкахъ понимаются, какъ мостъ. Не образовался ли второй членъ изъ кемпыръ чрезъ выпаденіе м? Киберъ, кумыръ ср. съ названіемъ (миопческой?) стрѣлы кюбуръ или куйбуръ (Труд. Пек. дух. миссіи, IV, стр. 107 и 217, а также въ старинномъ переводѣ балкирск. сказанія о Козу-Курпачѣ, напечатанномъ въ Казани). Форма камбаръ сходна съ вторымъ членомъ чувашско-черемисск. сложнаго Пигамбаръ или Пи-амбаръ; такъ называется божество, покровительствующее домашнему скоту, охраняющее его отъ волковъ и смѣшиваемое съ нашимъ Егоріемъ Храбрымъ (Золотницкій, Чув. Сл., 202, 203; его же, Невидим. міръ по шам. воззр. Черемисъ, 1877, стр. 23). Первый членъ этого имени ср. съ Піемъ въ одномъ болгарскомъ сказаніи (Верковичъ, Опис. быта Болгаръ, Изв. Общ. люб. естеств., антроп. и этн., т. XIII, в. 1, стр. 9: Пій первый сынъ Бога; онъ научилъ свое потомство садить виноградники и дѣлать вино; онъ открылъ огонь и желѣзо; въ заключеніе онъ былъ запертъ Богомъ въ пещеру). У горцевъ сѣвернаго Кавказа слову пахомпаръ, кажется, также придается какое-то немусульманское значеніе въ родѣ мелкихъ духовъ (ср. Вс. Миллеръ, Осетинск. Этюды, I, стр. 149). На нѣкоторыхъ кавказскихъ нарѣчійхъ это слово приносится пайхомаръ. Ср. грузинск. *мегамура* или *гамура*, „летучая мышь“. Второй членъ: *кусагы*, кушаки ср. съ якутск. *кусяга*; такъ называются металлическіе диски на шапанскихъ плащахъ (Порядинъ, Якут. слов.); тѣ же диски въ алт. называются *кузюмо*, въ монгол. *толи*; въ 25 прим. къ гл. II мы указали на сопоставленіе этого слова съ мѣсяцемъ въ самыхъ образцахъ народно-шаманской поэзіи; названія луны перьяцк. *тэлысь*, зырянск. *тѣлысь*, ост. *тэлысь* (Золотн., Чув. сл., 156) ср. съ урянхайск. *джеленъ* или *телешъ*, „радуга“; въ тунгусск. *dilaça*, „солнце“. Не назывался ли именами отъ того же корня также и болидъ (ср. сказаніе объ упавшемъ съ неба кудюногъ, стр. 110), явленіе, которое уму дикаря могло представляться среднею формою между молніей и солнцемъ.

Рядомъ съ монгольской формой солонго или холоного, *Mustela sibirica*, существуетъ монгольское шилунгунъ, „рысь“; въ бурятскомъ это слово измѣняется въ чилугунъ; ср. *sulaku*, лисица по тунгусски; халхасское солонго, „колонокъ“ въ манджурскомъ и тунгусскомъ переходитъ въ солохи, „колонокъ“ (Маакъ; Пут. по Уссуріи, I, 101). Не придавались ли эти формы грозному явленію? У Якутовъ есть слово сюлюкунъ, „водяной“ (Порядинъ, Якут. сл.); русско-сибирское областное въ Зап. Сибири „остроголовый шпликунъ“, то-есть, чортъ, вѣроятно заимствованное у инородцевъ и занесенное изъ Вост. Сибири. Остроголовые деревянные болванчики упоминаются путешественниками и у Самоѣдовъ (Этн. Сб., IV, 65); обь островерхихъ столбахъ, которые ставились Шведами у огня въ честь Тора см. у Мангардта, Germ. Myth., 236. Ср. также манджурск. шулихунъ, суженный къ концу, заостренный (Захаровъ, Мандж. сл., 686). Эта заостренная форма, можетъ быть, подражаніе формѣ стрѣлы, подь которою представлялась молнія. Съ инициаломъ т сходныя формы встрѣчаются въ личныхъ именахъ, какъ напр. Тюлюгунъ, Тэхэгенъ и пр. Ср. Тюльгунъ даетъ огонь Чингисъ-хану (стр. 229). При выпаденіи звука г отъ формы чулугунъ получается форма чилунъ или шилунъ; подь словомъ шилунъ или силунъ Манджуры разумѣютъ рысь. Въ тюркскихъ же нарѣчіяхъ по киргизски джиланъ, по карагасски чжуланъ (Castren, Koibal. und Karagas. Spr., 156), на языкѣ Крымскихъ Татаръ гиланъ, на языкѣ Черневыхъ Татаръ тиланъ, у Казанск. Татаръ планъ значить змѣя; въ монгольскомъ чилунъ, „камень“. Не потому ли, что этимъ именемъ, можетъ быть, сначала назывались аэролиты и камни, народнымъ повѣрьемъ принятые за упавшіе съ неба? Обь Урянхайцахъ есть сказаніе, что они происходятъ отъ камня (чилунъ). Не поконится ли оно на связи грозныхъ явленій съ представленіями о началѣ всякой жизни на землѣ? По монгольскому повѣрью, одна изъ мукъ въ аду состоитъ въ томъ, что грѣшнику разбиваютъ голову на каменной плитѣ камнемъ, похожимъ на корову: укыр-чилугунъ (Нилъ, Буддизмъ, 352). Укыр-хара-чило иногда встрѣчается въ сказкахъ, наприм. въ № 114 и 135 (стр. 441); въ № 111, вар. г (стр. 383) быкъ (укуръ) и камень (чило) являются отдѣльно.

На языкѣ Крымскихъ Татаръ радуга *ямуръ-хушагъ*, „поясъ дождя“, *чунъ-хулахъ*, „уши котла“ и *куртхаджа-хоинъ-джай-хинъ*, „разбѣжавшее стадо овецъ Хорхаджаны“, Хорхаджанъ собственное имя какой-то злой старой бабы (сообщ. А. Калачевымъ изъ Алушты). У Кондараки (Опис. Крыма, т. I, ч. II, стр. 2) *курдхаджа-кетень-джайланъ*, то-есть, вѣдьма, растянувшая полотно. Въ дер. Капсихоръ на южномъ берегу Крыма я написалъ имя радуги: *эбемъ-кушагъ*.

Вамбери (Die primit. Cult., 169) казанско-татарское *салаватъ-кунури* переводить: „мольба молить“ и даетъ еще другое татарское *сиратъ-кунури*, „мольба страшнаго суда“. Киргизы толкуютъ слово *салаватъ*: прошеніе, амнистія; Башкиры видятъ въ немъ имя богатыря.

У Дагестанскихъ Татаръ: *койсы-кюзя*, *ковсу-казахъ*, *хауфсу-хазыхъ*, *кесу-кузехъ* (съ арабскаго); также зовутъ радугу и Талышцы; народное

у Дагестанск. Татаръ *пайгамбардынъ-куришагъ*, „поясъ пророка“. Ср. въ нашихъ сказаніяхъ Добрыня Златой Поясъ, Тимоня Златой Поясъ (Квашнинъ, Самаринъ, въ Русск. Бесѣдѣ, 1871, май, 231).

Кюрицы на Кавказѣ: *ходжамъ джамъ*, (записано отъ г. Ибова, милиціонера въ Тифлясѣ). У Услара въ его литограф. азбукѣ Кюрииск. языка радуга—*јаері руи*, то-есть, „длинная дѣвушка“, но Кюринецъ, отъ котораго мы записывали, сказалъ, что этимъ послѣднимъ именемъ называется не радуга, а богъ въ видѣ краснаго пояса; появляется на одномъ мѣстѣ красное пятно, которое, разрастаясь, опоясываетъ тѣло, и когда поясъ сомкнется, человекъ моментально умираетъ.

У Чеченцевъ на Кавказѣ: *стиглинъ ладъ*, то-есть, „небесный лукъ“ (Усларъ, Азб. чеч. яз.).

У Ингушей: *силадъ*.

У Кабардинцевъ: *лягунукъ* (лягунъ-дужка у котла). При появленіи ея дѣти кричатъ: лягунукъ, лягунукъ! дѣкопинж дивунъ вошхъ кэшижынгымъ! то-есть „Радуга, радуга! Пойдемте домой! Больше дождя не будетъ!“

Турское названіе на Кавказѣ: *лати* (лат по турски и небо, и гора)—*дужка*, то-есть, небесный поясъ, что напоминаетъ, дѣлаетъ примѣчаніе Шифнеръ, литовское *dangaus josta*, (Учен. Зап. Ак. Н. по I и IV отд., 1855, т. III, ст. Шифнера: Кратк. характ. Турск. яз., стр. 91).

Казанкумыки: *суру курта*.

У Осетинъ: *сосланъ андура*, то-есть, Сослановъ лукъ (Вс. Миллеръ, Осет. Эт., II, 285); обыкновенно же *арвардынъ*, то-есть, небесный (арв) лукъ (ардын).

Ассоры: *шити маранъ*.

Греки въ Феодосіи (въ Крыму): *даратилъ*.

Громовый ударъ Кюрицы (Ахтинскіе) на Кавказѣ (по показанію г. Ибова) называютъ *алпанцай* и отличаютъ его отъ *цайлипе*, то-есть, какъ выразился г. Ибовъ, отъ „огня въ видѣ плети“, который сопровождаетъ громъ. Цайлипе всегда сопровождаетъ громъ, а алпанцай падаетъ рѣдко и бываетъ безъ дождя, но за то всегда убиваетъ.

Громъ.

15) Къ стр. 138. Къ № 1. Аюно ср. съ самоѣдск. *haigo*, молнія, собственно „огонь идола“.

16) Къ № 2. Алтайское Улы или Улу, конечно, есть то же, что монгольское лу или лунъ, „драконъ“. Ср. съ сербск. ала, змѣй, наводящій облака и градъ (Аванас., Поэт. Возр., II, 520), а также съ тюрко-татарск. именами змѣи (см. выше, стр. 744); встрѣчающіяся въ алтайскихъ сказаніяхъ Катънъ-джула, Кара-кула (Radloff, Proben, I, 62; II, 185; Mel. asiat., t. III, livrais. 4, p. 374) содержатъ вторые члены, сходные съ алтайскимъ улы. Сюда же, можетъ быть, слѣдуетъ отнести монгольское уланъ, когда оно встрѣчается въ легендарныхъ именахъ и даже когда въ названіяхъ урочищъ. Ср.

руссіи Зміуланъ, „вода Елена“, „вода Олыяно“, „водица Улянице“ (Труд. этн. эксп. въ Запад. русск. край, I, 1, 43; Н. Данильченко, Этн. свѣд. о Подол. губ., I, стр. 3), „мать сыра земля Уляна“ (Нижегор. Сборн., V, 260). Приведенныя на стр. 47 и 99 формы Улутъ-ханъ, Олыты-тесъ, записанныя г. Ядринцевымъ, по видимому, не слѣдуетъ принимать за неправильныя записи вмѣсто Булутъ-ханъ. Чокуръ-корукъ ср. съ цокуръ-номытъ, „кротъ“, который также преслѣдуется молніей. Форма шухуръ встрѣчается ниже въ № 4. Паръ, стоящій надъ зимовьемъ громовника, ср. съ словами Рашид-эдина о Бутъ-тэнгри, подъ которымъ ледъ таялъ и поднимался паръ (Зап. Археолог. Общ., XIV, 159).

17) Къ № 3. Тосъ ср. съ Олыты-тесъ на стр. 47. Тосъ по урянх. свинья; форма эта произошла чрезъ выпаденіе носоваго звука изъ *монгусъ*, свинья, какъ на другихъ татарскихъ нарѣчіяхъ. Въ сѣверной Монголіи есть гора Тосъ-хайрханъ. Въ монгольскихъ сказаніяхъ громовникъ также является иногда подъ именемъ Хурмустень-хана, напр. въ № 111 въ вар. 6, и въ № 145.

18) Къ № 4. У Нила, Буддизмъ, стр. 65: когда лу производитъ громъ, враждебный асури начинаетъ бить въ чудовищный кенгерге. Казии-кумыхи на Кавказѣ о громѣ думаютъ: Малаки (ангелъ) бьетъ въ землю, чтобы трава росла. Ингуши: млекъ (ангелъ) гонитъ тучу. Вотяки говорятъ о молніи *квасъ чиликия*, молнія сверкаетъ, о дождѣ *квадь саръ*, дождь идетъ; при этомъ объясняютъ, что Квадь—старый богъ, то-есть, богъ, которому прежде поклонялись.

19) Къ № 7. Кызылъ—красный. Ср. урянхайское (стр. 138) *кызантаци*, молнія. *Хасыль* или *хакыль*—ложка для возліянія молока у Монголовъ и Бурятъ. По показанію одного Урянхайца съ р. Елгеса, въ Точжи-урянхайской землѣ есть гора Отыкъ-кызылъ (въ монгол. переводѣ Уланъ-сэтертей); черезъ нее никто не можетъ проѣхать, не оставивъ всего краснаго, что съ нимъ есть; поэтому проѣзжающіе, переваливая черезъ гору, всегда выпаютъ красныя доскуты. Ср. у Сюань-Цаня (Memoires sur les contrées occid., trad. p. Stan. Sulien, t. I, p. 11).

20) Къ № 10. Банзаровъ (Учен. Зап. Каз. унив., 1846, III, 94) слово суддэ переводитъ „покровитель“; ср. съ именемъ онгона Зультунъ, (стр. 122). Банзаровъ приводитъ выраженіе: „мы здоровы подъ суддэ государя“; небо, правящее міромъ, также имѣетъ свое суддэ; оно-то олицетворено въ девяти тэнгри, *юсунъ-суддэ*, которыя встрѣчаются въ призываніяхъ. Они называются братьями, *аха дау йисунъ суддэ тэри*, „девять тэгри родныхъ братьевъ“. Банзаровъ припоминаетъ также, что Чингисханово знамя, состоявшее изъ девяти бунчуковъ, называлось *суддэ*. Суддэ (множ. ч. отъ суддэ) встрѣчается какъ имя монгольскаго поколѣнія (Зап. Археол. Общ., XIV, 163); ср. сълытъсь, „звѣзда“ на нарѣчій Косогольскихъ Урянхайцевъ. Исунъ-суддэ не будетъ ли значить „девять звѣздъ“ и не есть ли названіе какого-нибудь созвѣздія, въ которомъ полагалось такое число членовъ? См. также примѣчанія къ гл. IV, къ № 132. Объ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ пѣтъ особня пѣсни во время громоваго удара см. въ Сборн. свѣд. о кав-

казск. горцахъ, в. V, Религ. вѣров. Абхазцевъ, стр. 16; в. IX, ст. „Суевѣрія Осет.“, стр. 30; Матер. для описанія племенъ Кавказа, в. 1, ст. Урусбиева „Сказ. Татаръ-горцевъ“, стр. 36, а также объ обычаяхъ Албапцевъ собирать девять женщинъ по имени Маро и пѣтъ пѣсню послѣ ужаленія тарантула *меритъге*, см. Hahn, Alban. Stud., 157.

21) Къ № 12. Арахынъ, ср. съ корюкъ, бурундукъ по алтайски и урянхайски или съ харьхо, кротъ по дархатски; въ обоихъ звѣрей по мѣстнымъ повѣрьямъ бьетъ молнія. Шиткуръ или читкуръ, въ другихъ нарѣчіяхъ хоткоръ, ср. съ *kutker*, „летага“ по остяцки (Castren's, Vers. ein. ostjak. Spr., стр. 83). Объ Арахынъ см. гл. IV, № 43. Подобное же повѣрье о чортѣ, дразнящемъ Бога, есть и въ южной Россіи (Труды Этн. эксп. въ зап. рус. край, т. I, в. 1, стр. 19); въ скандинавской мифологіи Geirrodг прячется отъ брошеннаго Торомъ громоваго топора за столбъ, сближаемый Мангардтомъ со скалой, которою прикрывается Utgardaloki отъ удара Тора (Germ. Myth., 202). По повѣрью Ингушей на Кавказѣ, черти становятся другъ на друга, чтобы слушать, что Богъ говоритъ ангеламъ, и Богъ поражаетъ чертей молніей.

22) Къ № 13. О дельфинахъ, какъ мифическихъ ѣзовыхъ животныхъ, см. Böttiger, Ideen zur Kunst-Myth., В. II, s. 330. Одному изъ такихъ ѣзовыхъ дельфиновъ давалось даже собственное имя *Σειῶν*.

23) Къ № 15, 16 и 17. Лопари вѣрятъ, что громъ преслѣдуетъ кодуновъ. По осетинскому сказанію, громъ разразился надъ Батразомъ за то, что онъ убилъ злѣй. Вс. Миллеръ „Осет. Этюды“, I, 149.

24) Къ № 16. Васюганскіе Остяки, по сообщенію свящ. о. П. Краснова, имѣютъ такое повѣрье о летучей мыши: кто пмѣетъ летучую мышъ при себѣ, тотъ бываетъ счастливъ въ домашнихъ промыслахъ, рыболовствѣ, птицеловствѣ и др. Нѣкоторые зашиваютъ летучую мышъ въ шапки и одежду, но только эти шапки и одежду они носятъ дома, а не ходятъ въ нихъ въ лѣсъ на звѣриный промыселъ. Это потому, что медвѣдь издавна имѣетъ зло на летучую мышъ; онъ можетъ погнаться за шапкою въ шапкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, погубить и человека. По какому случаю медвѣдь злѣе на летучую мышъ—не извѣстно.

25) Къ № 23. Въ осетинскомъ сказаніи Батразъ началъ поддирать на 300 сажень, когда надъ нимъ разразился громъ. Къ этому добавлено, что онъ теперь называется Уаскыргіемъ (Вс. Миллеръ, Осет. Этюды, I, стр. 149). У Ингушей на Кавказѣ повѣрье о Тамажѣ, что онъ, разсердившись, увеличивается въ 15 разъ; Сб. свѣд. о кавк. горц. в. V, 13—14. Ср. также съ вырастающею старухой въ св. Амын-Цаганъ Бюрю, стр. 196. Въ Тифлисѣ нами записано отъ Лезгина Абдуль-Рашида Ибова, показаніе, что у Кюрипцевъ (Ахтинцевъ) есть повѣрье о привидѣніи алпаб, которое вырастаетъ на глазахъ человека до роста дерева; вовремя родовъ алпабъ вытаскиваетъ внутренности родильницы, отчего она умираетъ; въ предупрежденіе этого, родственники становятся на крышу дома и стрѣляютъ изъ ружей.

26) Къ стр. 143. Формы, сходныя съ хулу (первою половиной слова хулу-

гана) встрѣчаются въ сказкахъ: въ алтайской—въ сложномъ Кулумъ-кара (Radloff, Proben, I, 286), въ киргизской—въ сложномъ Наранъ-сулу (ibid., III, 321) и Баянъ-сулу (ibid. III, 269), въ барабинской—въ сложномъ Кунъ-сылу (ibid., IV, 65). Во всѣхъ случаяхъ такъ называется дѣвица, похищаемая или увозимая богатыремъ; наранъ ср. съ монгол. наръ, солнце, кунъ съ татарск. кунъ, день и солнце. Въ дюрбютской былини объ Иринъ-Сайпѣ (стр. 442) дѣвица, похищаемая богатыремъ, называется Наранъ-Хуухюнъ Наголынъ-Хоо; хуухюнъ ср. съ тунгусск. dzokun, „солнце“. Ср. также женскія имена Агыланъ-ко (Radloff, Proben, II, 386) и Аланъ гоа; послѣднюю похищаетъ Дува-Сохоръ въ книжномъ монгольскомъ сказаніи; въ членѣ Аланъ еще Сенковский усматривалъ тюркское иланъ, змѣя. Не были ли эти формы: Наголынъ (ср. съ тунгусск. наленга, „медвѣдь“), Аго-ланъ, Аланъ, Кулу (Кулумъ-кара ср. съ алт. карагула, „левъ“), сулу, хулу именами солнца? Въ сказкѣ или былини о Ховугу (Очерки, II, 175) конь богатыря называется Солонго; тѣмъ же именемъ: Солонгосъ (множествен. число отъ солонго) въ Алтанъ-Тобчи (стр. 18) называется народъ, среди котораго Чингисъ-ханъ живетъ съ дочерью солонгосскаго хана, забывъ свою законную жену; ср. съ „солнечнымъ городомъ“, въ которомъ въ нашей сказкѣ заживается Уруслапъ Залазаревичъ (Тихонравовъ, Лѣт. рус. лит., IV, 100). Не отъ того ли же корня происходятъ имя алтайскаго верховнаго божества Ульгенъ? У Якутовъ ilughön „летяга“ (Pall., Zoogr., I, 190). Такое же сходство можно видѣть и между именами Камъ-Курмосъ (стр. 328) и курмиши, бурятск. „летучая мышь“; Ерленъ-Номонъ-ханъ и ерленъ, татарск. „крыса“, „кротъ“; номонъ монгольск. „кротъ“; Нумъ самоѣдск. „богъ“ и нумоло, мордовск. „заяцъ“; Волгенче, божество молніи у Черемисовъ и мулгачъ, чувашск. „заяцъ“, Пилчучъ, громовникъ у Камчадаловъ (Крашенинниковъ, Описание Камчатки, II, 73 и 78) и biltschutsch, заяцъ (Lepus variabilis) по камчадалски (Pall., Zoogr., I, 146). Ср. также русскую загадку о громѣ и молніи: Туръ ходитъ по горамъ, а турица (мышь) по порамъ (Садовн., Заг. рус. нар., № 1940).

27) Къ стр. 143. Въ алтайскомъ сказаніи (Миссіонеръ, за 1877 годъ, № 20, стр. 160) описывается споръ между кускечекъ—немечкомъ (маленькою полевою мышью) и Чельбегенемъ, кто увидитъ первый восходящее солнце.

Названія растеній.

28) Aconitum napellus, хара хоросу. Ср. хара-гуресу, „медвѣдь“, монгольск. По Палласу, Башкиры Ас. Lycostomum зовутъ аю-кубши, „медвѣжья трава“. Вотяки зовутъ его гондыръ-нудо, „святъ медвѣдя“. Казанскіе Татары: аю табаны, „медвѣжья лапа“.

29) Archangelica officinalis, балтырганы. По русски балдырьянъ, по нѣм. Baldrian, по латышски Baldriņi, Baldriani, по чешски baldrian, paldran называется другое растеніе, именно маунъ, Waleriana officinalis. По бал-

кирски балтырганъ, Heracleum spondilium; киргизск. балдріанъ, Waleriana. Ср. *бультрыкъ*, возкъ на языкѣ Косогоз. и Хукск. Урянхайцевъ. Въ одной нѣмецкой дѣтской пѣсенкѣ Bullerjan, см. Manhardt, Germ. Myth., 387.

30) Atragene alpina, юргомышъ; ср. съ алт. *юргомышъ*, пауэъ.

31) Juniperus, арца. По якутски *арчы*—шаманское освященіе для изгнанія нечистыхъ духовъ пучкомъ сожженныхъ лучинокъ, взятыхъ преимущественно отъ дерева, разбитаго грозой. Порядинъ, Якут. слов., рукоп.

32) Lasiagrostis, дэрису, ср. съ польск. dyrsa, Bromus secalinus; русское тырса, тирса, Stipa.

33) Pulsatilla vulgaris, „кукушкинъ слѣдъ“. По русскому повѣрью, „богородская трава“ выростала по слѣдамъ плачущей Богородицы; по слѣдамъ уходившаго въ горы Буха-нонна выростала пихта (см. стр. 265, вар. 1); ср. также въ сказкѣ о Цаганъ-Нюрю золотые цвѣты, выросшіе на дѣтскихъ слѣдахъ (стр. 197). Богородица въ именахъ травъ иногда замѣщается кукушкой (Анненк., Бот. Слов.: Symplicium). По монгольски кукушка хухэй, дѣвица хуухюнъ.

34) Solanum dulcamara, узютъ-аши, „ѣда мертвыхъ“. По самоѣдски lattar-tobert-ри, можжевельникъ; lattar—трупъ; названіе кустарника въ переводѣ будетъ значить: дерево ягоды мертвыхъ. Castren's Wörterverz. aus d. Samojedisch. Sprache, 130.

Названія животныхъ.

35) Canis alpinus, субръ. Ср. Цубера, урочище къ с. отъ Улсутаю; Баянъ-Цумбуръ, гора въ южн. Монголіи (Пржевальскій, Монголія, т. I, см. на картѣ въ Алашанск. хребтѣ), Сумбуръ-ола, гора въ сѣв. Монголіи (Оч., I, 272). Гомбоевъ упоминаетъ имя какого-то мелкаго звѣрка зумбра (Алтанъ-Тобчи, стр. 9). Bos urus на славянск. языкахъ зубръ, у южныхъ Славянъ и Румыновъ zimbru (Cihac, Dict. d'etymol. dacorum., Francf., 1870, стр. 27).

36) Felis Leo. На Кавказѣ для льва существуютъ названія: осетинск. франк или фаранг, чеченск. луом, казикумыск. аслан и каплан, аварск. галбац, грузинск. аслан и лом. Въ Грамм. алт. яз., Казань, 1869, стр. 48 и 150, противъ слова „левъ“ стоитъ: арслан и орсыл айу; въ скобкахъ авторомъ поставлено: орсыл-ангъ? Не правильнѣе ли разбить это слово на орс и илан или орыс и лан? Вамбери разбиваетъ тюркскія названія звѣрей таимъ образомъ: ars-lan, левъ; kar-lan, тигръ; zirt-lan, Пуане; ku-lan, дикій оселъ; jil-an, jil-lan, змѣя; zu-an, ящерица, sic-an, мышь, kuj-an, заяцъ, zeir-an, антилопа и въ окончаніяхъ an и lan видитъ восточно-тюркское и монгольское анг, то-есть, „животное“, при чемъ замѣчаетъ, что lan древнѣйшая форма, удержавшая гласную (Die primit. Cult., s. 184—185). У сѣверн. Бурятъ существуетъ повѣрье о животномъ аргалынъ-занъ, которое когда-то жило на землѣ, а теперь живетъ подъ землей (ср. урянх. аргалынъ, каменн. барапъ); это повѣрье, конечно, относится къ маонту и аргалынъ, вѣроятно, то же, что орсыланъ. Въ прикамскомъ Поволжьѣ съ именемъ ирслень

соединяются повѣрья о летучемъ змѣѣ; г. Магнитскій передалъ мнѣ слѣдующій чувашскій разсказъ: „Есть такой змѣѣ, назыв. ырслень; если онъ за кѣмъ погонится, отъ его укушенія никто не уйдетъ; ѣхалъ одинъ Чувашъ; ырслень полетѣлъ за нимъ; Чувашенинъ погналъ лошадь, по какъ ни торопился, уѣхать не могъ. ырслень налетѣлъ на него и съ размаху попалъ въ пещуръ, бывшій на спинѣ чувашенина; въ пещурѣ были горячіе хлѣбы; ырслень попалъ между ними, и самъ испекся“. У Венгровъ имя orszlan носить похититель дѣвицъ (А. Веселовскій, Разыск. въ обл. русск. дух. стих., с. 149). Въ чеченскихъ сказкахъ похитителемъ дѣвицъ бываетъ или арже-погай, „черный погаецъ“ или гяуръ-орсай „невѣрный русскій“. (Сборн. свѣд. о кавказск. горц., въ VI. ст. Лаудаева: „Чеченск. племя“, 18). Киргизск. арыстанъ, можетъ быть, даетъ право осетинское Ростомъ и вообще иранское Рустемъ объяснять испорченнымъ Арсланъ, Урусланъ, а не на оборотъ, какъ дѣлаетъ г. Ор. Миллеръ.

37) *Mustela putorius et sibirica*. Формы гарса, хырса, гырса ср. съ корсакъ, корсукъ, киргизск.: *Canis corsak*, кырса, монгольск.: *idem*; *hirs*, персидск.: медвѣдь, арсъ, осетинск.: арсъ; керсъ, носорогъ въ уйгурск. словарѣ Клапрота; каршанъ, башкирск.: волкъ (Pall., Zoogr., I, 36); карзакъ, чувашск.: заяцъ-русакъ; барсукъ, борсукъ, порсукъ, *Melex Taxus* на разныхъ татарскихъ нарѣчіяхъ отъ Косогола до Дуная: борзъ, барсукъ, венгерск.: *idem*; *piris*, пырьсъ, черемиск.: кошма (Золотницъ, по рукоп. сообщ., Pall., Zoogr., I, 26); барсъ, русск.: *Felis irbis*; барисъ, каз. тат.: *idem*; джубарсъ, киргизск.: *Felis tigris*; въ журналѣ „Природа“, издав. Сабанѣевымъ, было приведено употребляемое будто бы въ Ташкентѣ имя для этого звѣря юль-барсакъ; бирсъ, бирсъ на кавказск. нарѣчіяхъ: Нуаена *striata*; борзъ, ингушск.: волкъ. Въ слѣдующихъ именахъ какъ будто прямая замѣна инициаловъ б и к: барсукъ (*Meles Taxus*) по остяцки корсукъ (зап. г. Поляковымъ на средн. теченіи Оби); чувашск. карзакъ, заяцъ-русакъ, по вотяцки прусахъ; монг. хара-гуресунъ, бурятск. баранъ-гурогунъ, медвѣдь, по последнемъ случаѣ баранъ значить черный, какъ и халхасское хара, по существованію словъ баръ, тигръ по халхасски, бартахъ, медвѣдь по бурятски, свидѣтельствуетъ, что баранъ могло и не быть эпитетомъ. Ср. также названія поперечины въ бубнѣ: баръ, барсъ, барзъ, марсъ, борзы.

38) *Mustela sibirica*. Курюнь ср. съ венгерск. *görgény*, хорекъ.

39) *Mustela vulgaris*. Тобольск. Татары: уршанъ (Гигановъ, Грамм. тат. яз., С.-Пб., 1801 г., стр. 37). Ср. воржанъ, южнорусск.: „летучая мышь“ (Данильченко, Этп. свѣд. о Подол. губ., 1869, в. I, 14).

40) *Pteromys volans*. Алтайская народная этимологія имени бобырганъ сходна съ бурятскимъ объясненіемъ имени удода, бобольджинъ. Удодъ въ мусульманскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ является на мѣстѣ киргизскаго байгуса, о которомъ Киргизы разсказываютъ то же, что Монголы о летучей мыши. Между удодомъ, летучею мышью и летягою есть, по видимому, мнѣшеская связь. Названіе крыльевъ кѣжі напоминаетъ названіе летучей мыши у Крымскихъ Татаръ: гедже-кушъ (ср. южнорусское кожанъ, летучая мышь).

Чулымск. Татары, по рукописн. сообщенію св. о. І. Соколова, летягу зовутъ паабарганъ. Съ абырганъ ср. мнѣологическія имена Абырганъ, змѣѣ, Моргонъ-хара, мнѣонескій шаманъ, обладавшій способностью взлетать къ небу.

41) *Spermophilus*. Отъ формы цзуръ не происходитъ ли названіе киргизскаго поколѣнія Сары-Джумартъ? Ср. съ дюрбютск. именемъ того же звѣрка: шаръ дзурмынь, Оч., II, 141. Последнее имя сходно съ Сарыкэрмэнъ („рыжая бѣлка“ по монг.), какъ по Шилъбергеру будто бы назывался у Татаръ въ его время таврическій Херсонесъ (Корсунъ). Имя Херсонъ считается греческимъ, но эта форма встрѣчается и въ сѣверной Монголіи: уроч. Кэрсонъ-чило лежитъ къ с. отъ Улассутая (Оч., I, 235), другое въ котловинѣ оз. Урюкь-норъ (*ibid.*, 330).

42) *Ursus arctos*. Бурятское бартахъ ср. съ венгерск. *pardus*, пантера. Въ Словѣ о полку Игоревѣ: „пардужій“; въ начальной лѣтописи: пардусъ. Дѣдомъ медвѣдь называется на многихъ языкахъ; по якутски эгэ, эсэ, медвѣдь и дѣдь; у Алтайцевъ абпѣякъ, медвѣдь и дѣдь; у Остяковъ жіг, медвѣдь и дѣдь; у Туингусовъ атігкан, медвѣдь и старикъ; у Урянхайцевъ убукъ, медвѣдь; по монгольски убугунъ, старикъ; ба-абагай, по монгольск. медвѣдь, абагай—дѣдь, утыгай по монгольск. медвѣдь и старѣйшина; по голѣдски мафа, медвѣдь и дѣдь.

43) *Vespertilio* и вообще *Microptera* у Чулымскихъ Татаръ (по сообщенію св. о. І. Соколова): арыганатъ, курнучучакъ, яртококъ. О ней есть у нихъ повѣрье: кто черезъ нее перешагнетъ, лишится дѣторожденія, а живущіи дѣти умрутъ; если положить ее на три ночи подъ изголовье, постыгнетъ безсонница. Джерганъ ср. съ черкасъ, бурундукъ у казацк. татаръ; Черкасами у насъ назывались казаки; Черкесы у своихъ сосѣдей извѣстны подъ именемъ Гивихи, Касоги; ср. казакъ, русск. областн. „летучая мышь“. Киргизами мы называемъ народъ, который самъ себя называетъ Казакъ.

44) Обращаютъ на себя вниманіе парныя, очень часто встрѣчающіяся въ названіяхъ летучей мыши. Кромѣ помѣщенныхъ на стр. 162 и Оч., II, 132, можно еще привести якутск. абасы — кримитчиги, черемиск. боду—буджиранга. Есть парныя и для другихъ животныхъ; у Палласа медвѣдь названъ по самоѣдски *haebidae*—*sermik*; у другихъ авторовъ эти члены приводятся въ разбивку; монгольское ба-абагай, можетъ быть, составлено изъ оба, чувашск. медвѣдь, аба, алт. дѣдь и абагай, монг. дѣдь. Въ алтайскомъ левъ назыв. орсылъ-айу. Въ котскомъ (*Castren's Vers. ein. Jeniss-ostj. Spr.*, 239) лисица сумаръ-когана (сумаре лисица по айински, коганъ лисица по остяцки). У Дюрбютовъ альпійскій волкъ называется цибръ-хайгыль. Ср. наши названія летучей мыши нѣт-опыръ, лят-опыръ, нѣмецкое *Fleder-maus* (въ румынскомъ *flutur*, бабочка, въ албанск. *flubotorez*, *idem*). Въ книжныхъ нашихъ сказаніяхъ встрѣчается парное: нага-астрахтуръ (астрафилъ, страфилъ; ср. съ астрапи, „молнія“ у крымск. Грековъ; Кондараки, Опис. Крыма т. I, ч. II, стр. 1); въ литовскихъ сказаніяхъ *gerto-venax*; въ нѣмецкихъ: *lindvurm*. Парныя встрѣчаются и въ именахъ грозоваго явленія. Черемисы почти сливаютъ свои божества грома и молніи въ одно имя Кудурчо-Волгенче; у Вотяковъ грозовой богъ Иньмаръ спаривается съ Кыдышиномъ

или Кольчиномъ; говорятъ: Инъмаръ-Кольчинъ; начало послѣдняго члена напоминаетъ вотяцкое кыле, „галъка“, инъкыле — „громовая стрѣла“. Въ нашихъ сказкахъ о лисицѣ, женящей сироту на царской дочери, являются рядомъ Громъ-батка и Царица-Моланья; въ бурятскихъ преданіяхъ небесный отецъ предка бурятскаго народа назыв. Исугъ-Маланъ-тэнгри; исугъ дѣдъ, тэнгри — небо (гремящее?); маланъ не будетъ ли молнія? Въ индѣйскомъ эпосѣ громъ и молнія также спариваются въ имени Indraghni, то-есть Индра и Агни (Mannhardt, Germ. Mith., 296; Holtzmann, вѣ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenland. Gesel., B. XXXII, H. II, 313—314); ср. съ русскою загадкой у Садовникова, Загад. русск. нар., № 2453. Лукъ и стрѣла постоянно спариваются въ эпическихъ разказахъ, какъ Монголами, такъ и тюрко-татарскими племенами; Урянхайцы говорятъ укѣ-джа, „стрѣла-лукъ“; Монголы: номынъ-сумынъ, „лукъ-стрѣла“. Монголы спариваютъ также солнце и луну: саръ-наръ или по бурятски харъ-наръ. Въ молитвѣ къ огню Монголы спариваютъ два его имени турецкое отъ и монгол. галъ: Удъ-Халай-ханъ (Зап. Археол. Общ., XII, стр. 238). Такія соединенія синонимовъ можно видѣть въ слѣдующихъ парныхъ: у Радлова (Proben, II, Vorwort, XII) упоминается народъ Итъ-Ногай; собака итъ по татарск., ногой по монгольски; ср. въ Эддѣ имена великановъ hundalfr и hundölfr, Hundalf и Hund-wolf; у Рашидъ-Эддина поколѣнне Хонгъ-Хотанъ; лебедь монгол. хонгъ, остяцк. котангъ; Ай-Толызы, имя героя въ сказкѣ абаканскихъ Татаръ (Radl., Proben, II, 176); мѣсяцъ ай татарск., тѣмъсь остяцк.; Тасъ-Тарагай, имя, которое въ алтайскихъ и урянхайскихъ сказкахъ получаетъ богатырь, когда принимаетъ видъ заморыша; лѣшивый тасъ по алтайски, тарагай по якутски; эшле-зенгеръ, по чувашски купорось; по Золотницкому (Чуваш. сл., стр. 9) отъ татарск. яшил, зеленый и зенгер, голубой. Иногда парныя имена представляютъ какъ будто только различныя произношенія; наприм. въ монгольскомъ имени козули дзуря-гурия; ср. наше чудо-юдо, черемисск. шуды-водишь, Качинск. Татаръ: Джеты-Кудай. Спариванія собственныхъ именъ практикуются и современными народами Средней Азии; часто сливаются имена сосѣднихъ урочищъ; такъ напримѣръ, Киргизы сливаютъ горы Ку и Кентъ въ одно имя Ку-Кентъ, рѣки Буконъ и Чигилекъ въ парное Буконъ-Чигилекъ, Тюмень и Тобольскъ въ Тюмень-Тобояскъ; известно, что Синкаме одного стариннаго путешественника по Азии разъяснилось спареніемъ городовъ Сининъ и Хами. Въ личныхъ именахъ и Монголы, и Киргизы любятъ парныя, какъ наприм.: Чиринъ-Дорчи, Балинъ-Цаганъ, Саинъ-Белекъ, Уланъ-Баяръ у Монголовъ, Коноръ-Кульджа, Кутайменды у Киргизовъ; тоже самое замѣчается въ именахъ поколѣній; наприм. у Киргизовъ: Кунъ-Садакъ, Кутту-Каданъ, Андо-Жужа; у Алтайцевъ спариваются нѣкоторыя отдѣльно существующія кости; смотри выше ст. 7. Ср. Роксъ-Алашы, Варъ-Хониты, Русъ-Варяги, Русъ и Поляне. Въ алтайскихъ и урянхайскихъ сказкахъ встрѣчается имя двухъ собакъ: Асыръ-Басыръ или Хасыръ-Басыръ (284 и II, 175); въ якутской сказкѣ (у Миддендорфа) парное Эрендахъ-Бурундахъ.

44) Columba, бурхынъ-шпбонъ, то-есть, „божья птица“; ср. съ чеченск. и осетинск. Солсановъ голубъ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. IV, ст. „Изъ чеченск. сказ.“, стр. 3). Мною записано ингушское названіе какой-то птицы, похожей на голубя: солса-кокъ, Солсановъ голубъ; Солсанъ избралъ ее своимъ голубемъ, поэтому она и кричитъ, сѣвъ на дерево: солса! солса!

45) Grus, бур. тохурюнъ. Ср. наше былинное Тугаринъ Змѣвичъ. Въ южно-русской сказкѣ Журавель является вмѣсто Кощея или Змѣя (Труд. этн. эксп. въ зап. русскій край, II, 250).

46) Имя жуаакъ, сходное съ телеутскимъ джузаакъ, можно слышать и отъ Крымскихъ Татаръ въ Крыму, оно придается какой-то почной птицѣ; Русскіе же въ Судакской долинѣ называютъ ее сплюкъ. Это не куликъ, какъ сказано на стр. 164, а какъ намъ сообщилъ М. П. Богдановъ, сова, Strix Scops. См. гл. IV, № 12.

47) Змѣя, урянх. удаун гурт, то-есть, длинный червь. Подобное смѣшеніе червя съ змѣей встрѣчается во многихъ языкахъ: въ осетинскомъ khaln, змѣя и червь, по аварски бороб, змѣя и червь (Усларъ, Азб. авар. яз.), по лакски шата, змѣя и червь (Усларъ, Азб. лак. яз.); Пикте приводятъ примѣры изъ арійскихъ языковъ: санскрит. krmī, krmī, червь, сканд. ormr, готск. wurm, червь и змѣя; финск. kärmēt, змѣя, а въ литовск. kirmis, вротъ. Сходное сближеніе имени змѣи съ четвероногомъ представляетъ также ежъ: греч. ἐχίς, випера и ἐχίνος ежъ; санскр. въ ведахъ hāuga, змѣя и латин. heres, erinaceus, ежъ; литов. angis, змѣя, egus, ежъ; русское ужъ и ежъ (южнорусск. іжъ). (Pictet, Origin indo-europ., I, 417, 453, 499, 500). Ср. киргизское керпе или керпекъ, „ежъ“ съ монгольскимъ гурбуль „ящерица“.

Къ главѣ IV.

1. Медвѣдь.

Въ Туранскомъ караулѣ Иркутск. губ. мною записаны слѣдующія повѣрья русскихъ казаковъ звѣролововъ. У осниманнаго медвѣдя на груди означается крестъ изъ мяса. Медвѣдь и волкъ — люди „омраченные“; они не могутъ видѣть человѣческое лицо; оно имъ кажется какъ огонь; все равно, что намъ смотрѣть на солнце. Отъ этого и волкъ, и медвѣдь, встрѣтившись, только разъ взглянуть на человѣка и потомъ уже не смотрятъ; и если звѣрь послѣ того бросается на человѣка, то опустивъ голову. Русскіе охотники, идя на медвѣдя въ чистомъ полѣ, нахлобучиваютъ шапку на глаза, чтобъ было меньше видно лица, чтобъ звѣрь не узналъ человѣка. Медвѣдь, въ какой бы трупѣ ни былъ, узнаетъ сразу, что близъ него ходитъ человѣкъ, а не кто другой. Буряты, по словамъ казаковъ, прежде чѣмъ бить медвѣдя въ берлогѣ, три раза прокричатъ ему: Ханъ хунъ бай-был хадыгыгы хумулт хатун байбыл улыгыгы хумулт, то-есть, если ты царь, то сними съ себя хадыки (то-есть, лукъ и стрѣлы; такъ толкуютъ Буряты; садакъ — колчанъ)! Если ты царица, сними съ себя полотенце (то-есть, выеппъ

изъ утробы дѣтей—толкуютъ Буряты)! Буряты думаютъ, что грѣхъ убить медвѣдицу съ зачатыми дѣтьми. Русскіе охотники увѣряютъ, что имъ никогда не доводилось убивать медвѣдицу въ берлогѣ и найти въ ея утробѣ хоть какое-нибудь „заверженіе“, между тѣмъ они убѣждены, что она всегда родитъ въ берлогѣ и выводитъ дѣтей вмѣстѣ съ пробужденіемъ отъ зимней спячки. Ханъ хунь буквально „царь человѣкъ“. Но едва ли это не царное имя звѣря, то-есть, и ханъ и хунь не были ли именами звѣря? Хунь ср. съ названіемъ тигра у косокольск. Урянховъ: кунгъ-гурохень (Radde, Reisen im Süd v. O. Sibirien, I, 93); ханъ, ганъ, канъ встрѣчаются въ видѣ суффиксовъ во многихъ именахъ звѣрей въ монгольскомъ и соотвѣтствуютъ окончаніямъ ан, анг и лан въ турецкихъ именахъ звѣрей. Ср. также имя Гунъ-Гурогунъ (стр. 185). Гурохень, гурогунъ „звѣрь“; кунгъ-гурогунъ Радде переводитъ „человѣкъ-звѣрь“. Въ лѣсу, говорятъ туранскіе охотники,—медвѣдь дѣлаетъ затеси, когда ходитъ, какъ будто спрашиваетъ: „Если кто его старше, выше?“ Одинъ Зуктей (такъ зовутъ Буряты Нижнеудинскаго округа и Тунгусовъ въ вершинахъ Оки) поспорилъ съ нимъ; шелъ тѣмъ же лѣсомъ и замѣтилъ топоромъ повые медвѣдя. На другой годъ медвѣдь еще выше одаралъ дерево, а человѣкъ выше и того. На третій годъ и человѣкъ, и медвѣдь сошлись разомъ у этого дерева, и человѣкъ убилъ медвѣдя. Отъ крестьянина дер. Веденьщина записано: „Медвѣдь просилъ у Бога дать ему большой палецъ; Богъ отказалъ. Кабы ему дать большой палецъ, то человѣку нужно бы было врыль, а собакѣ ружье. У него 12 конскихъ силъ“.

Енисейскіе Остяки думаютъ, что медвѣдь человѣкъ, что медвѣжья шкура только покровъ его, подъ которымъ скрывается существо, имѣющее человѣческій видъ и одаренное божескою силой и мудростью. Самоѣды говорятъ, что медвѣдь родился отъ женщины, имѣвшей любовную связь съ лѣшиномъ, „намтуръ“; у матери медвѣдя одна половина туловища была звѣриная, а другая человѣчья (Третьяковъ въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 486). Ср. съ преданіемъ о происхожденіи Гунновъ отъ колдуній, изгнанныхъ Готскимъ королемъ Филимеромъ въ пустыню, гдѣ они вступили въ связь съ лѣшинами. Имя Гуннъ ср. съ формами: хунъ-ханъ гунъ-гурогунъ и пр. Разказы о сожителствѣ съ медвѣдемъ совпадаютъ съ разказами о связяхъ женщинъ съ лѣшинами. Въ Ж. М. Н. Пр., 1863, кн. 1, стр. 36 помѣщенъ записанный въ Казанск. губ. разказъ о дѣвицѣ, уведеной лѣшиномъ и прижившей съ нимъ дѣтей. О сынѣ женщины и медвѣдя, богатырь, разказывается въ русскихъ и инородческихъ сказкахъ; у Аѳанас., Народн. русск. сказки, в. IV, № 11, и вып. VIII, № 6; Пермск. сб., ч. II, стр. 168; аварск. сказка на Кавказѣ „Медвѣжье ухо“ въ Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, ст. „Нар. ав. ск.“, 16—24; сказка о женщинѣ, уведеной медвѣдемъ на тундру, есть у Алеутовъ и записана г. Гребницкимъ.

По повѣрью Васюганскихъ Остяковъ, медвѣдь былъ прежде человѣкъ богатырь, который въ жизни своей любилъ ходить часто въ лѣсъ; всякій разъ онъ возвращался, однако, домой благополучно, но однажды заблудился въ лѣсу и зашелъ въ такое мѣсто, что ему нельзя было выйти ни взадъ,

ни впередъ. Оставалось одно: перелѣзть черезъ огромную колоду, бывшую тутъ и поросшую на четверть мхомъ. Но сколько не пытался богатырь перелѣзть черезъ эту колоду въ своей одеждѣ, не могъ этого сдѣлать. Тогда онъ снялъ съ себя верхнюю и нижнюю одежду, положилъ ее около колоды и перелѣзъ черезъ нее нагишомъ. Какъ только онъ перелѣзъ, какъ почувствовалъ тяжесть въ своемъ тѣлѣ; осмотрѣлъ себя и увидѣлъ, что тѣло его покрылось такою шерстью, какую мы видимъ теперь на медвѣдяхъ. Богатырь испугался своего новаго вида и рѣшился перелѣзть назадъ черезъ ту же колоду, чтобы найти свою одежду и прикрыть шерсть, покрывшую его тѣло. Перелѣзъ обратно ему удалось, но одежды онъ не нашелъ ни на томъ мѣстѣ, гдѣ ее оставилъ, ни на какомъ другомъ. Ее унесъ, по объясненію Остяковъ, дьяволъ; шерсть на тѣлѣ богатыря образовалась изъ мха, когда онъ перелазилъ черезъ покрытую мхомъ колоду. Все это съ богатыремъ сдѣлалъ дьяволъ. Богатырь, не имѣя человѣческой одежды и будучи покрытъ шерстью, не пошелъ въ такомъ видѣ жить къ людямъ, а сталъ скитаться по лѣсу и питаться тѣмъ, что только найдетъ себѣ въ лѣсу (ср. съ сказаніемъ о гордомъ царѣ Аггеѣ у А. Н. Веселовскаго, „Разысканія“, въ Зап. Ак. Наук., т. II, стр. 107 и 149 и о дятлѣ, рисус, у Овидія, Метам., XIV, 320). Принявъ звѣрскій видъ, богатырь сохранилъ внутреннюю сторону человѣка: умъ, совѣсть и знаніе остяцкаго языка. Признавая въ медвѣдѣ совѣстливость, при неожиданной встрѣчѣ съ нимъ въ лѣсу Остяки и промышленники, стараясь подѣйствовать на его совѣсть, ведутъ съ нимъ разговоръ въ такомъ родѣ: „За чѣмъ ты ищешь насъ и гоняешься за нами? Что мы сдѣлали тебѣ худое?... Говори!... Ты хочешь ѣсть и ищешь себѣ въ лѣсу пищу? Такъ все равно, и мы хотимъ ѣсть и ищемъ себѣ пищу!... Неужели одна только дорога? Тебѣ дорога, намъ другая! Ну что ты отворачиваешься отъ насъ и не смотришь на насъ прямо?“ и пр. Въ то время, какъ они ведутъ подобный разговоръ, медвѣдь, какъ увѣряютъ Остяки, стоитъ какъ вкопанный, уставивъ глаза свои въ землю, и слушаетъ ихъ. Остяки стараются разговоръ съ медвѣдемъ продлить до тѣхъ поръ, пока всѣ, сколько есть человѣкъ въ товариществѣ, не зарядятъ свои ружья и вообще не приготовятся къ бою съ медвѣдемъ. Остяки не только допускаютъ въ медвѣдяхъ человѣческій умъ и совѣсть, но и приписываютъ ему даже высшій умъ; они говорятъ о медвѣдѣ: „медвѣдь все знаетъ“. Въ силу такого повѣрья они не любятъ разговаривать о медвѣдяхъ, особенно съ такимъ собесѣдникомъ, который позволяетъ себѣ шутки и насмѣшки надъ звѣремъ. Если когда и приходится Остяку говорить о медвѣдѣ по необходимости, то говорить онъ о немъ съ какимъ-то страхомъ и благоговѣніемъ, стараясь не упоминать слова „медвѣдь“, а замѣняя его мѣстоимѣніемъ „онъ“. Медвѣдь, по повѣрью Остяковъ, знаетъ всѣ разговоры человѣка, которые касаются его, гдѣ бы эти разговоры ни велись, въ домѣ ли, въ другомъ мѣстѣ, хотя самъ медвѣдь находится въ это время въ лѣсу; онъ знаетъ, кто его боится, кто нѣтъ. Тѣмъ людямъ, которые о немъ говорятъ хорошо, боятся его и относятся къ нему съ уваже-

ніемъ, онъ старается не показываться въ лѣсу, чтобы не испугать ихъ; такимъ людямъ онъ никогда не вредитъ и не желаетъ вредить; напротивъ, людей, которые о немъ худо думаютъ и замышляютъ его убить, а въ особенности тѣхъ, которые принимаютъ ложно осяцкую присягу, онъ самъ ищетъ въ лѣсу, подкарауливаетъ ихъ, вредитъ имъ и даже причиняетъ смерть. Остяки боятся даже мертвыхъ и съѣденныхъ медвѣдей; когда Остяки убьютъ и съѣдятъ медвѣдя, кости его выносятъ на улицу и кладутъ ихъ съ словами: „Ты не серчай на насъ! это не мы тебя съѣли! это тебя съѣли сороки да вороны“ (сообщ. свящ. П. Красновъ).

У Ингушей на Кавказѣ о происхожденіи медвѣдя изъ человѣка рассказываютъ слѣдующее: одна женщина сѣла на крышу дома и стала считать звѣзды; когда сосчитала, стала медвѣдицей и убѣжала въ лѣсъ; отъ нея-то и произошли медвѣди. По русскимъ повѣрьямъ медвѣдь человѣкъ, хотѣвшій крикомъ испугать Бога, ходившаго по землѣ (Драгомановъ, Мало-русс. пред., стр. 5; Труды этн. эксп. въ зап. русск. край, т. I, в. 1, стр. 50; Афанас., Народн. лег., стр. XI; Данильченко, Этн. свѣд. о Подол. губ., Камен.-Подол., 1869, в. I, стр. 13); по повѣрью, рассказанному послѣднимъ авторомъ, это былъ мельникъ Герасимъ, хотѣвшій испугать Христа, надѣвъ шубу шерстью вверхъ.

Объ уваженіи медвѣдя Обдорскими Самоѣдами см. Schrenck, Reise nach d. Nordost. d. europ. Russland, Th. I, s. 408; Вотьяками въ Изв. Общ. археолог., ист. и этн. при Казанск. унив., т. II (1879), стр. 16. Ороchonъ, отправляясь на охоту, надѣваетъ на грудь мѣдный щитикъ съ изображеніемъ медвѣдя, и убивъ дичь, жпромъ ея мажутъ изображение (сообщ. г. Родваномъ). Инородцы Туруханскаго края привѣщиваютъ медвѣжьи когти къ оленю для охраны отъ волковъ (Третьяковъ въ Зап. Р. Г. Общ. по этн., II, 486). Изъ множества духовъ, говоритъ тотъ же авторъ, — едва ли не первенствуетъ у шамановъ тотъ, который имѣетъ образъ медвѣдя. Туруханскіе инородцы всѣ убѣждены, что медвѣдь понимаетъ „весь умъ человѣка“ (ibid). Алтайцы думаютъ, что онъ все слышитъ черезъ землю. Для открытія истины сибирскіе инородцы заставляютъ клясться передъ норой медвѣдя или зубомъ его (въ Туруханскомъ краѣ), или передъ его шкурой. Вѣроятно, монгольское вѣрованіе, что „небо все знаетъ, отъ него ничто не укроется“ (Банзаровъ въ Уч. Зап. Казан. унив., 1846, III, 66), относилось не къ одному небу, и монгольское восклицаніе: „небо ты вѣдай! тенгри, чи меде!“ было влѣтвенною фразой также и предъ медвѣжьей шкурой или головой. Въ нашихъ сказкахъ медвѣдь иногда замѣщается змѣемъ (Тр. этн. эксп. въ зап. русск. край, т. II, с. 138); это показываетъ, что и у насъ медвѣдю приписывалась сверхъестественная сила.

На востокѣ Сибири, у Айновъ и Гиляковъ сохранились „медвѣжьи праздники“, то-есть, закланія медвѣдя въ жертву, сопровождаемыя пиромъ (Депрерадовичъ, въ Сборникѣ свѣден. о Сибири, изд. Б. Милютина, т. II, в. 1, стр. 32—39; Добротворскій въ Учен. Зап. Казанск. универ., 1875, № 2, стр. 41, и № 4, стр. 60—62; Кириловъ, „Гиляки“ въ Др. и Нов. Россіи, 1881, февр.

273—275). Медвѣжонокъ ловится живой и откармливается въ срубѣ; въ день смерти его привязываютъ къ столбу и украшаютъ стружками, затѣмъ убиваютъ стрѣлой изъ лука. Мясо съѣдаютъ, а голову и шкуру вѣшаютъ на дерево; это у Гиляковъ жертва Шыху. Слѣды такихъ медвѣжьихъ праздниковъ есть и западнѣе; у Бурятъ онъ описанъ г. Стуковымъ въ Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. VIII, стр. 162. У Лопарей погребеніе медвѣдя совершалось съ множествомъ обрядовъ (Этн. Сб., VI, 250); пляскѣ надъ медвѣжьей шкурой у Остяковъ упоминается у Григ. Новицкаго въ рукоп. „Кратк. опис. Остяцк. народа“. О медвѣжьей пляскѣ на Кавказѣ см. Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 1, стр. 10. Не смена ли изъ медвѣжьего праздника, когда животное, поддерживаемое натянутыми веревками изъ ремней, ведутъ къ смертному столбу, изображена на входѣ въ церковь св. Креста въ городѣ Laint-Lo во Франціи (Didron, Ann. archeolog. I, art. Chasses emblem. et serpent, par Schmit, p. 124)?

Нѣкоторые инородцы приписываютъ медвѣдю божеское происхожденіе; Остяки называютъ его сыномъ неба, который оставляетъ небо вопреки отцу (Поляковъ, Письма и отч. о путеш. въ долину Оби, въ прилож. къ XXX т. Зап. Ак. Н., № 2, стр. 64). Вогулы въ медвѣжьихъ пѣсняхъ называютъ медвѣдя сыномъ высшего бога, который по зависти низведенъ съ неба на землю. Къ этому повѣрью приближаются повѣрья камскаго Поволжья о Кереметѣ, сынѣ неба, который спустился на землю; связь Керемета съ медвѣдемъ проглядываетъ и въ томъ, что онъ принимаетъ образъ медвѣдя, когда захочетъ показаться людямъ (Вѣстн. Евр., 1867, дек., стр. 50). Ср. манджурск. курица, звѣрь, похожій на тигра съ свиною щетиною, и пр. Захаровъ, Мандж. сл., 295.

Къ вар. а. Карабты ср. съ киргизск. карабче, воръ. Имя Курупчи встрѣчается въ сложныхъ женскихъ (Кара-Курупчи, Алтынъ-Курупчи) въ сказкахъ Качинскихъ Татаръ (Mel. Asiat., t. III, livr. 4, p. 377 et 383). Въ болгарскомъ эпосѣ встрѣчается форма Арапче; такъ называется противникъ то Стояна, то Марко-кравевича; въ другихъ сказаніяхъ противникомъ Стояна является медвѣдь, а противникомъ Марко-кравевича „Русскій“ царь (Буслаевъ, Ист. Оч., I, 342). Въ одной пѣснѣ Марко воюетъ противъ Арапа, который съ моря заперъ дороги, увозитъ дѣвицъ и продаетъ ихъ на чужбинѣ; въ другой состязается съ „Чернымъ арапиномъ“. Изъ другихъ героев, Вѣлко или Велко бьется съ Арапче; Воинъ находитъ себѣ измѣнника и врага въ „Черномъ Арапѣ“; „При юнаци“ увозятъ дѣвицу; братья ея ѣдутъ въ землю „арапску“ и находятъ сестру у Арапъ-аги; у нея уже родился „арапинче черно“ (Болгар. пѣсни, изд. Безсонова, стр. 42—45).

Къ вар. б. Джелъбага, конечно, то же самое, что алт. джелбегень. Мезиль ср. съ урянх. бисилъ, налимъ (рукоп. спис. словъ косог. Урянх., Гельмерсена).

Къ вар. г. То же повѣрье есть и у Лопарей; см. въ газ. „Голосъ“, 1880, № 172, въ ст. „Лопарскія сказки и легенды“. Абтахъ, якутск. „кол-

дунъ" (Порял., Якутск. слов.); авата, по тунгусски — чернобурая лисица (Маакъ, Пут. по Уссури, I, 108).

Къ вар. д. Сказаніе объ отрубленномъ пальцѣ сближаетъ медвѣдя съ суркомъ. Русскіе въ Томск. губ. говорятъ: Когда Богъ создалъ міръ, медвѣдь остался недоволенъ тѣмъ, что у него большой палецъ не былъ отставленъ, какъ у человѣка. Онъ сѣлъ на городьбу и сталъ просить Бога отставить палецъ (Этн. Сб., VI, ст. Южн. часть Томск. губ.). Разказы о богѣ, упавшемъ съ испугавшейся лошади, относятся также къ Гесеръ-хану; см. стр. 250.

Къ вар. и. Какъ, съ одной стороны, медвѣдь считается оборотнемъ шаманомъ, такъ съ другой — о шаманахъ существуютъ повѣрья, что они знаютъ искусство обращаться въ медвѣдя. Во время камланья они ворчатъ по звѣриному, руками дѣлаютъ „кошачьи лапы“, какъ бы готовясь грызть и царапать; можетъ быть первоначально и одѣяніе ихъ состояло изъ покрытыхъ шерстью звѣриныхъ шкуръ; самоѣдскіе шаманы Туруханскаго края прицѣпляютъ къ сапогамъ медвѣжьи когти (Зап. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 486); о медвѣжьихъ головахъ на шаманскихъ шапкахъ упоминается у Шренка (Reisen nach der Nord-Osten d. Russland, I, 408).

Къ вар. і. Русское повѣрье: чтобы сдѣлаться оборотнемъ, пушью перекувыркнуться чрезъ 12 ножей, поставленныхъ вверхъ острыми концами (О предразсудк. въ Нижегород. губ., ст. А. М., стр. 13).

2. Летучая мышь.

Отъ астраханскаго Калмыка въ Царицынѣ мною записанъ слѣдующій вариантъ: На горѣ Сумеръ-ула жилъ царь птицъ Ханъ-Гариде (то-есть, орелъ какъ пояснилъ самъ разказчикъ). Его жена или самка снесла яйца, вывела дѣтей и говоритъ царю: „Для нашихъ дѣтей нужно сдѣлать гнѣздо изъ птичьихъ когтей и птичьихъ перьевъ; поэтому собери всѣхъ птицъ и отъ каждой возьми по когтю и по перу“. Собрали всѣхъ птицъ, одной птицы „гурбылга“ нѣтъ; три дня ея не было, наконецъ она явилась. Ханъ-Гариде спросилъ ее: почему она не явилась по первому зову. Гурбылга отвѣчала: „Ты вѣдь не далъ мнѣ очей видѣть въ ясный день и не далъ крыльевъ летать въ сырую погоду!“ Дѣйствительно, эта птица не летаетъ въ ясные дни и въ сырую погоду. „Что же ты узнала, такъ долго летѣвши сюда?“ спрашиваетъ Ханъ-Гариде гурбылгу. — „Я узнала“, отвѣчаетъ гурбылга, — „что ночей болѣе, чѣмъ дней“. „Почему же не по ровну?“ спросилъ Ханъ-Гариде. „Я присчитываю къ ночамъ и пасмурные дни“, отвѣчаетъ гурбылга, — „потому что могу летать во время ихъ, какъ и по ночамъ“. „А еще что узнала?“ „Узнала, что мертвыхъ людей больше, чѣмъ живыхъ, потому что я присчитываю къ мертвымъ и спящихъ людей, такъ какъ они, подобно мертвымъ, ничего не знаютъ и еще узнала, что женщинъ больше чѣмъ мужчинъ, потому что и тѣхъ мужчинъ нужно считать за женщинъ, которые слушаются своихъ женъ“. Тогда Ханъ-Гариде сказалъ своей женѣ: „Послѣдняя изъ

всѣхъ птицъ падо мной смѣется!“ И распустилъ птицъ, сказавъ имъ, будто онъ собиралъ ихъ только для того, чтобы посмотреть. Вотъ какъ самая послѣдняя птица совершила великое дѣло!“

Хитрый характеръ, приписываемый летучей мышѣ, едва ли можетъ быть объясненъ наблюденіями надъ правами звѣрка; вѣроятно, въ эти разказы вошли элементы изъ наблюденій надъ другими звѣрями, какъ напримѣръ, надъ медвѣдемъ, съ которымъ летучая мышь имѣетъ то общее, что засыпаетъ на зиму. Четыре темы соединяются съ именемъ летучей мыши.

а) Захватъ царской власти. Ср. съ разказомъ объ амынь-цаганъ-хулугушѣ, стр. 143. Въ сказкѣ „Таска-матиръ“ (Radl., Prob., II, 700) узурпаторомъ является Удзэнгъ; онъ притворяется больнымъ; его воспитатель Таръ-пегъ беретъ его себѣ на загривокъ; отпечатки ногъ Удзэнга на крыльцахъ Таръ-пега служатъ потомъ Удзэнгу поводомъ настаивать, что онъ настоящій пегъ, а Таръ-пегъ его рабъ. Тема „царь на загривкѣ“ встрѣчается и въ книжномъ монгольскомъ сказаніи о первомъ тибетскомъ царѣ Кузень-сандалиту (Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., s. 21—23; Алтанъ-Тобчи, стр. 3). Ср. имена летучей мыши: гедже-кушъ или просто гедже у Крымскихъ Татаръ, русское кожанъ; куджо — сѣноставка по монгольски; будонгъ-худзе — хорежъ по монгольски; козанъ, заяцъ у Качинск. Татаръ; сасыкъ кузень — хорежъ по киргизски. Съ разказомъ о летучей мышѣ на спинѣ Ханъ-Гариде ср. мѣста у Веселовскаго: „Слав. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ“, стр. 226 (гандарва на крылѣ Сунанны); у Порфирьева: „Апокр. сказ. о вѣтхоз. лиц. и соб.“, стр. 76 (журавей на рукѣ Соломона), и въ тибетскомъ Дзанг-лунѣ о царѣ Асокѣ (Der Weise und d. Thor, überstz. v. Schmidt, SPtb. 1843, s. 217).

б) Непригодность женскаго совѣта. Въ Собраніи сочиненій Желѣзнова приведено мѣсто изъ старой рукописи: „Въ книгѣ блаженнаго Августина речется: что есть хуже въ скотахъ? козелъ. Что есть хуже во звѣряхъ? ѣжъ. Въ рыбахъ? рыба-ракъ. Во птицахъ? птица *натануръ*. Въ человѣкахъ? Въ чело-вѣдехъ нѣсть того хуже, которымъ жена владѣетъ“ (стр. 38). Вѣроятно и въ другихъ случаяхъ подъ птицей, дающей царю совѣтъ не слушать жены, т. е. подъ гурбылгы, байгусомъ (стр. 367), удономъ, а также и подъ Ускузъ-уломъ слѣдуетъ разумѣть летучую мышъ. Та же тема встрѣчается: 1) въ южнорусской сказкѣ про Кука (Тр. этн. экзи. въ зап. русск. край, т. II, стр. 110); Кука соотвѣтствуетъ Ханъ-Гаридею, а крукъ (воронъ) летучей мышѣ; 2) въ киргизской сказкѣ о байгусѣ (Оч., II, 147 и IV, 367). Киргизскій вариантъ о байгусѣ помѣщенъ также въ „Иллюстр. мірѣ“, 1880 г., № 7, стр. 98. См. прим. къ № 104.

в) Отказъ въ подати. Кюринская поговорка на Кавказѣ: „онъ, какъ летучая мышъ; когда на воробьевъ болѣзнь находить, онъ изъ мышей; когда на мышей болѣзнь находить, онъ изъ воробьевъ“, то-есть, умѣетъ увернуться отъ всякой напасти (Усларъ, Азб. кюринск. яз.) Ср. Liebrecht, „Zur Volkskunde“, s. 121.

г) Посѣщеніе любовницы ночью. Этотъ сюжетъ, очевидно, вызванъ на-

блюденіемъ надъ образомъ жизни животнаго, которое летаетъ только въ сумерки, а днемъ прячется въ трещины скалъ, гдѣ виситъ головою внизъ. Въ сказаніи Казанскихъ Татаръ, записанномъ мною отъ Татарина изъ дер. Яммуриной (Елабужск. у.), солище враждебно относится къ жарканату (летучей мыши) за то, что онъ напомнилъ солнцу Божій приказъ ходить отъ востока до запада, когда оно, утомившись, остановилось. Солнце, осердившись, сказало жарканату, чтобы онъ не смѣлъ впередъ летать днемъ; въ противномъ случаѣ оно сожжетъ его крылья. Ср. Mannhardt, Germ. Myth., 188, а также южнославянскіе рассказы о Троянѣ, осетинскій рассказъ о Батиразѣ или Батразѣ, который умеръ оттого, что солище растопило его мѣдный черепъ (Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. И. Акад. Наук., т. XIV, кн. II, 43), скандинавское сказаніе объ alvis, летавшей ночью къ королю и погибшей вслѣдствіе того, что король, развлекая ее разговорами, задержалъ ее у себя до разсвѣта, классическій рассказъ объ Амурѣ и Психеѣ, мусульманскія сказанія о Сулейманѣ-пайхомаѣ и птицѣ анкаа (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. I, стр. 36—42) и финское о Лемминкейненѣ, преслѣдуемомъ лучами солнца (Castr., Finn. Myth., s. 38).

Имя Батиразъ ср. съ осетинскимъ биттиръ (или хаунибиттиръ), „летучая мышь“; то же имя биттиръ для летучей мыши и у Ингушей. Другая черта, приписываемая Батразу, подпрыгиваніе или взлетаніе къ небу, какъ бы означающее его споръ съ громомъ, напоминаетъ азіатскія повѣрья о летучей мыши и летягѣ (№ 10, вар. б и прим. къ № 47). Батразъ называется также Уаскыргіемъ, именемъ, которое филологи расчлѣняютъ на уас и кырги (Вс. Миллеръ, Осет. этюды, I, стр. 119); қүргү какая-то птица, судя по смыслу одной сказки (см. Шифнеръ, Осет. тексты, стр. 62). Скандинавское alvis ср. съ монгольск. ольби, „летяга“. Развлеченіе разговорами съ цѣлью опозднить къ сроку встрѣчается въ разказѣ о раздатѣ вѣръ въ прикамскомъ Поволжьѣ; Кереметь, сидящій на деревѣ, своими разговорами задерживаетъ идущаго къ раздатѣ предка Черемисовъ, а потомъ „слетаетъ“ на землю (Бехтеревъ, Воткин. Вѣстн. Евр., 1880 г., сентябрь, стр. 169); Кереметь ср. съ алтайскимъ курмесь, „злой духъ“ и бурятскимъ хурмуше, „летучая мышь“. Въ одномъ италіанскомъ вариантѣ сказки объ Амурѣ и Психеѣ ночной посѣтитель называется Truone e lampe, „громъ и молнія“ (Liebrecht, Zur Volkskunde, s. 321); ср. съ парными именами, которыя приведены выше, на стр. 751 и 752. Чеченскій рассказъ о птицѣ анкаа, переносающей въ свое гнѣздо среди моря царевича, спрятавшагося въ убитаго коня (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. I, стр. 36) ср. съ осетинскою сказкой о птицѣ Пакондзи (или Авцѣронъ—Пасконди), переносающей Амипрана въ быкъ на небо (Вс. Миллеръ, Осет. этюды, I, 67) и съ орломъ, переносающимъ Урызмага на камень среди моря, гдѣ живутъ водяные, донбетур (Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. Акад. Наук., т. XIV, кн. II, стр. 71—86). Грузинское названіе летучей мыши гамура или мегамура; не помогло ли это обстоятельство привлеченію въ чеченскую сказку имени пайхомаѣ?

Къ вар. б. Общее убѣжденіе древнихъ было, говоритъ Лазо,—что добро

вольная смерть невиннаго спасаетъ жизнь осужденнаго виновнаго (Lassaulx, Studien des classischen Alterthums, s. 277). Нисхожденіе въ царство Ерлика съ цѣлью возвратитъ похищенную душу царевича находится въ связи съ мѣстными повѣрьями о болѣзни и смерти (см. стр. 64 и 85). Изъ этихъ повѣрій и изъ мистерій шамана (стр. 64), по видимому, возникъ разказъ о путешествіи богатыря въ адъ по порученію хана; цѣль поѣздки бываетъ въ этихъ разказахъ иногда видоизмѣнена; вмѣсто души больнаго богатырь ѣдетъ добывать невѣсту-дѣвицу, живаго бога (стр. 423), винокуранный снарядъ (стр. 428), шапку (стр. 167), ножикъ (стр. 415), но иногда и прямо говорится о душѣ (напр. относительно богатырей Гесеръ-хана, Иринъ-Сайна и Аюбодисатта, см. стр. 316 и 482 и прим. къ № 50). Имя Гесеръ-ханъ напоминаетъ алтайское Газыръ-гамъ, которое переходитъ въ Кезеръ (см. № 64 и примѣч. къ нему). Газыръ-гамъ, кажется, тождественъ съ Тарханъ-бо, который также былъ приглашаемъ лечить царскаго сына.

Къ вар. в. Появленіе рядомъ Жарканата и Ускузь-ула, при чемъ Ускузь-улъ какъ будто вытѣсняетъ Жарканата изъ сюжета, можетъ быть объяснено слияніемъ въ одинъ двухъ вариантовъ, изъ которыхъ въ одномъ вмѣсто Жарканата стояло Ускузь-улъ. Ханскій сынъ Джангызь-улъ и приковаанный Тэнгренгызь-улы (сынъ неба), вѣроятно, одно лицо, также какъ и Джаячи-ханъ, вѣроятно, есть никто иной, какъ самъ Тэнгиръ-ханъ; въ словахъ джангызь и тенгиръ окончанія тѣ же, какъ въ турецкомъ тенгисъ, море и венгерскомъ tenger, море; такіа замѣны окончаній въ турецкихъ нарѣчіяхъ не рѣдкость. Въ якутскомъ волкъ называется почтительно тангара-ула, „сынъ неба“; это имя можно принять за тавтологию: тангара, монгольское тенгри—небо (громовое?); ула, алтайское улы, громовникъ, драконъ.

Жарканатъ по алт. летучая мышь. Первый членъ имени другаго лица ускузь ср. съ алт. уско, јускен, урянх. кускз, крыса, съ урянх. джаскз, летучая мышь. Разказчикъ Санашъ не хотѣлъ подъ Жарканатомъ видѣть летучую мышь; онъ говорилъ, что Жарканатъ былъ человекъ, который только носилъ имя „Летучая Мышь“. Но сходство этого варианта съ вар. г, и особенно съ вар. а, гдѣ излѣченіе царскаго сына приписывается Жарканату, указываютъ, что и здѣсь прежде подразумѣвалась летучая мышь. Ускузь въ алт. значить сирота. Киргизское байгушъ, „бѣдняга“ также напоминаетъ имя птицы байгушъ (стр. 367). Урянхайское абырганъ, „летяга“ и монголо-урянхайское Абырганъ или Абыркъ, „мнѣнческій змѣй“, ср. съ кавказскою формой абрекъ, человекъ, отказавшійся отъ человѣческаго общества: по аварски абурикъ, по ингушски эбиргъ (ср. также съ аварскими аварагъ, пророкъ, апарагъ, скиталецъ, бездомный). Но типъ сироты идетъ не столько къ летучей мыши, живущей общественно, сколько къ одинокому скитальцу лѣсовъ, медвѣдю.

У Рашидъ-эддина (Зап. Имп. Археол. Общ., т. XIV, 52) Хабуль-ханъ приглашаетъ шамана Будуй Джиркыла для излѣченія своего шурина Санътегина; шаманъ не могъ излѣчить больнаго, и родственники послѣдняго убили шамана. Имя больнаго Санътегинъ соответствуетъ болѣе имени

самого хана алтайскаго сказанія, чѣмъ его сына; Джаячи, монгольск. заячи— духъ покровитель; бурятск. зайнъ, зал—счастье. Ср. съ разказомъ о сынѣ неба Джанкѣ и Бобырганѣ (стр. 233) и народною этимологіей имени летяги: бобырганъ (см. стр. 160). Можетъ быть въ прежней, болѣе подробной легендѣ о Джанкѣ также было приглашеніе. Въ имени Рашидъ-эддиновскаго шамана слышится одинъ корень съ именемъ алтайскаго шамана; джиркылъ ср. съ нынѣ существующими: джарканатъ, джергашъ, „летучая мышь“ (стр. 162). Не было ли формы джиркыланъ подобно турецкимъ: арсланъ, куланъ, джиганъ и др. названіямъ животныхъ и не есть ли форма джиркылъ такое же усѣченное отъ джиркыланъ, какъ въ алтайскомъ арсылъ отъ арсланъ (Грамм. алт. яз., стр. 48)? Въ монгольск. есть слово джиргаланъ, счастье, а также марево. На Кавказѣ существуютъ названія летучей мыши: въ кюринскомъ языкѣ қарқулув, въ ахтинск. нарѣчій кюринскаго қірқарген, въ аварскомъ дергел или гергел. Жена Гесеръ-хана, Жиргылынъ, вколачиваетъ стрѣлу въ глазъ чудовищу (стр. 255). Г. Березинъ имя шамана Будуй Джиркыла (Будуй ср. съ черемисскимъ названіемъ летучей мыши боду буджерапа, записаннымъ мною въ Елабуж. у.; на Кавказѣ въ хюркилинскомъ летучая мышь: пада) сближаетъ съ именемъ Игитъ-Иркылъ-Ходжа (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 23); Иркылъ есть другое проназваніе имени Джиркылъ; Ходжа ср. съ гедже, летучая мышь на татарск. нарѣчійхъ южной Россіи; игитъ ср. съ джигитъ въ имени Ельдигенъ-Джигитъ-ханъ (стр. 296, вар. д). По словамъ Рашидъ-эддина, Игитъ-Иркылъ-Ходжа былъ установитель обрядовъ и церемоній; можетъ быть, Иркылъ сначала былъ самъ предметомъ обожанія, божественнымъ лицомъ, которому приписывалось учрежденіе общественности; въ прикамскомъ Поволжѣ существуютъ преданія о лицахъ, устанавливавшихъ между людьми поклоненіе своему лицу; подобно горные Черемисы разказываютъ о Юнгикирдинъ вадышѣ (Знаменскій, Горн. Черем. Каз. губ., Вѣстн. Европ., 1867, дек., стр. 52), а также о Кереметѣ (Бехтеревъ въ Вѣст. Евр., 1830, сент., стр. 169; Магнитскій, Матер. къ объясн. чуваш. вѣры, стр. 2). Всѣ эти разказы, можетъ быть, отголоски сказанія въ родѣ остякаго о нисшествіи медвѣдя съ неба на землю для установленія правды на землѣ. Темиръ, первый членъ имени сына неба, значить „железо“. Ленорманъ въ одной изъ своихъ статей (Les premières civilisations, t. 1, p. 88) предлагаетъ совпаденіе классическихъ именъ желѣза, σίδηρος и звѣзды, sideris объяснять тѣмъ, что первое знакомство съ желѣзомъ люди сдѣлали по упавшимъ съ неба аэролитамъ. Въ Азін мы встрѣчаемъ форму темиръ въ приложеніи къ названію Полярной Звѣзды (Темиръ-казыкъ, Аксакъ-Темиръ; стр. 735). Въ числѣ легендарныхъ именъ встрѣчаются парныя: Темиръ-ханъ и Темиръ-сана; первое часто встрѣчается въ числѣ трехъ братьевъ (какъ въ алтайскихъ, такъ и кавказскихъ сказаніяхъ; см. стр. 70). Темиръ-сана также упоминается въ числѣ мненческихъ братьевъ (стр. 224 и 298) и постоянно является рядомъ съ Амырсана; обѣ формы, темир и амыр, помногу легенды, относящейся къ историческому Амурсанѣ, встрѣча-

ются и въ другихъ преданіяхъ; о формѣ Темиръ см. 37 прим. къ гл. II; амыр мы находимъ въ названіи мненческаго звѣря Абырганъ (Амыргъ-могай, Амырга-джиганъ).

Къ вар. д. Ср. съ разказами о журавлѣ алтайскимъ (стр. 185) и якутскимъ (стр. 627). По повѣрью Болгаръ, анеты (щръ-келе или шра-кукеле) переносятъ ласточекъ черезъ море (Каравеловъ, Пам. нар. быта болгарск., I, 260). Народныя повѣрья о ласточкахъ и летучихъ мышахъ имѣютъ общія черты; о первыхъ въ Малороссіи говорятъ, что онѣ на зиму укрываются въ воду, „сѣпавшись лапками“ одна за другую (Труды этн. эксп. въ зап. русскій край, I, 1, 59); этотъ образъ перезимовки очевидно навѣявъ наблюденіемъ надъ летучими мышами. Вар. д ср. также съ сказаніемъ о Ханъ-Гариде, несущемъ на своей спинѣ летучую мышь и о верблюдѣ и аминъ-цаганъ-хулугунъ (стр. 143); перепелъ замѣстилъ летучую мышь, можетъ быть, потому, что кричитъ по вечерамъ; „будене“ иногда встрѣчается въ сказкахъ; см. стр. 372 и Radloff, Proben, IV, 109; ср. также съ именами Бодунъ (стр. 326). Будене въ осетинск. сказкѣ (Матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. I, отд. II, стр. 27) и Бодонджаръ; въ послѣднемъ второй членъ тотъ же, что начало въ именахъ летучей мыши въ турецкомъ джарканатъ и монгольскомъ шарисыпъ.

Къ вар. жс. Нитка, по которой жена беркутиха узнаетъ своего мужа въ собраніи птицъ, встрѣчается въ сказаніи о Гесеръ-ханѣ (стр. 254). Обыкновеніе летучей мыши проводить день, прижавшись къ отвѣсной поверхности (головой внизъ), могло вызвать у первобытнаго человѣка представленіе о томъ, что такое для всякаго другого животнаго естественное положеніе определено въ наказаніе за какое-нибудь преступленіе. Отсюда могли получить начало сказанія о пригвожденіи къ стѣнѣ и повѣшеніи (иногда головой внизъ). О повѣшеніи см. прим. къ № 49; мѣста о пригвожденіи въ сѣверо-азиатскихъ сказаніяхъ указаны въ Очерк., II, 57 прим. къ V гл. Объ изображеніяхъ Амура, привязаннаго къ столбу, у древнихъ, см. Böttiger, Ideen zur Kunst-Mythologie, B. II, s. 473 и 474, въ статьѣ: Die Fabel von Amor und Psyche. Въ нашихъ апокрифическихъ сказаніяхъ Кирикъ пригвожденъ къ столбу (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., III, 603—609). У Рашидъ-Эддина (Зап. Имп. Р. Археолог. Общ., XIV, 55) Норъ-Буйрюкъ приказываетъ Мергуза, Ванова отца, прибить къ деревянному ослу (модонъ-ельджигенъ?); Мергузъ ср. съ урянхайск. именемъ летучей мыши джергасъ (стр. 162); абырганъ (переходитъ въ амырганъ)—летяга по урянхайски.

Къ вар. з. Названіе Кохъ-Цехде первымъ членомъ напоминаетъ Кукъ южнорусской сказки (Тр. этн. эксп. въ зап. русск. край, т. II, стр. 110), вторымъ монгольское имя ночной птицы козодоя: цогцогъ. Въ Алтанъ-Тобчи птица цакпагай называется семидесяти-голоскою (стр. 22). Отвѣтъ летучей мыши ср. съ сѣверно-индѣйскимъ сказаніемъ о летучей мыши (см. Liebrecht „Zur Volkskunde“, S. 103), будто бы думающей, что она потому ноги къверху держитъ, когда спитъ, что поддерживаетъ ими небо; иначе оно упадетъ. Опорой неба, по всей вѣроятности, представлялась Полярная Звѣзда;

ея неподвижное положеніе, вопреки общему свойству звѣздъ совершать видимое движеніе, должно было внушить мысль, что въ ней заключается залогъ прочнаго бытія міра. Оно же, вѣроятно, послужило основаніемъ къ сочиненію сказаній о прикованномъ на вершинѣ горы, то-есть на вершинѣ неба. По осетински Полярная Звѣзда называется Аксакъ Темиръ; ср. съ такша хамыгынъ, „людоѣдка“ по бурятски, и джавсы, „летучая мышь“ по урянхайски.

Въ монгольскихъ и алтайскихъ сказаніяхъ царемъ птицъ, собирающимъ ихъ въ сборище, является Ханъ-Гариде; на западѣ въ мусульманскихъ легендахъ царь, собирающій птицъ къ себѣ на помощь, отираваясь въ походъ, и знающій ихъ языкъ—Соломонъ. Къ Соломоновой женѣ относится и разказъ о женѣ Ханъ-Гариды, требующей постройки изъ птичьихъ посовъ; летучая мышь замѣнена удоомъ (Weil, Biblische Legenden d. Musulmänn., 246). Удою же, по мнѣнію Грюнбаума, приноситъ Соломону шамиръ (Thumare въ Gesta Romanorum, Tamiir у Gervasius von Tilbury); см. статью Грюнбаума: Beiträge z. vergl. Mythol. въ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch., В. XXXI, Н. II и III, s. 205. Ночныя посѣщенія также иногда стоятъ въ связи съ именемъ Соломона (см. Сборн. свѣд. о кавказ. горц., в. 1, стр. 36—42). И на Востокѣ имя Ханъ-Гариде иногда замѣщается сходнымъ именемъ; въ Оч., II, стр. 159 (№ 15) въ разказѣ о ласточкѣ и осѣ стоитъ Ханъ-Гариде, въ настоящемъ выпускѣ № 14 стоитъ Шулмусень-ханъ. На Кавказѣ въ лакскомъ языкѣ челму—воробей; хѣчара челму летучая мышь; варани челму (верблюду воробей)—страусъ (Усларъ, Азб. лакск. яз.). Въ мусульманскихъ и семитическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и удою является Венера (Balkis); въ монгольскихъ и татарскихъ парѣвяхъ звѣзда Венера носитъ названія: Чолпанъ, Шолпанъ, Цолбанъ, Цолмонъ, Солбанъ, Джилбы. Ср. царь Чалпанъ у Гильфердинга, Онежск. былинны, № 12.

3. Хоттунъ птица.

Ср. съ тарбагатайскимъ названіемъ летучей мыши: джаргакъ—хотунъ (Очерки, II, 139).

4. Маны.

Число семь напоминаетъ Б. Медвѣдицу. Семь сыновей Маны ср. съ 7 сыновьями Мунлика (Юаньчаомиши, стр. 137) или Мингликъ-Эчигѣ (Зап. Археол. Общ., XIV, стр. 158); въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ Мунликъ также представляется загордившимся. Мунликъ ср. съ манулъ, та же кошка по монгол. Семь сыновей насчитывается и у Мунулунъ (Труд. Вост. Отд. Археол. Общ., ч. XIII, стр. 162). Дурныя послѣдствія отъ неудачной охоты за маны ср. съ монгольскими повѣрьями о сурченѣ (Оч., II, 152) и съ камчадалскими о ящерицахъ; Камчадалы принимаютъ ящерицъ за пословъ изъ подземнаго міра и предсказателей смерти; если ящерица уйдетъ не убитая, на Камчадала нападетъ тоска (Крашенинниковъ, Опис. Камч.,

ч. II, стр. 350; ср. у Миллера, Сиб. Ист., стр. 40 объ аринцахъ). Названія манъ, манъ, манулъ ср. съ звѣринными именами: меанг, собака по койбальски, мингей, лисица по койбальски, минги, id. по камассински. Домашняя кошка по урянхайски мій. Въ вар. ж. вж. маны стоитъ мій, кошка. Съ возстановленнымъ носовымъ форма Мунулунъ получила бы видъ: мунгулунъ. Семь братьевъ, охотящихся на муйгака въ вар. а, d, с есть, по видимому, Б. Медвѣдица; ср. вар. з номера 35. Въ вариантѣ а барсукъ получаетъ ударъ въ лобъ, отъ котораго у него образуется лысина. Ср. калъджангъ, барсукъ по тунгус., калъджанъ, лысый по алт., халдзынъ, лысый по монг.

5. Семь братьевъ.

Ср. Аванас., Русск. Нар. Св., в. 4, № 23. Замаскированная яма встрѣчается въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ; см. стр. 232; Алтанъ Тобчи, стр. 15. См. также стр. 386. Въ телеутской сказкѣ всѣ братья звѣри, и только старшій называется Джельбегень. Не слѣдуетъ ли и въ этомъ послѣднемъ видѣть звѣринное имя, и именпо имя медвѣдя, такъ какъ Джельбегень занимаетъ первое мѣсто. Въ числѣ нынѣ существующихъ въ сѣверной Азіи звѣринныхъ именъ встрѣчаются: albag, „соболь“ у качинскихъ Татаръ, al-puga, alpaka, „летяга“ у Котовцевъ (Castren, Vers. Koibal. und Karagass. Sprg., s. 77); см. выше стр. 160, хасутск. ольбого, „летяга“; элбихъ, jilbigae, Canis procyonoides по манджурски (Захар., Мандж. Сл., 79; Radde Reise, I, 75); ольби или олюбъ-хулугапа, летяга по монгольски, олюбо, летяга по бурятски. Въ монгольскомъ есть халбагай, колница; эта птица въ нашихъ сказкахъ иногда является вмѣсто Могуль-птицы. Въ чеченской сказкѣ, которая представляетъ вариантъ алтайской о Тарданакѣ, завязанномъ Джельбегенемъ въ мѣшокъ, Джельбегеню соответствуетъ медвѣдь, завязывающій въ мѣшокъ мальчика, ходившаго собирать груши (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. IV, стр. 32). Монгольское олюбъ, летяга ср. съ формами алыпъ у Киргизъ и Татаръ, олыпъ у Чувашей, „великаанъ“. Подъ этимъ именемъ разумѣются исполнинскіе аборигены страны, жившіе въ ней до прихода нынѣшнихъ жителей; разказы о нихъ тѣ же, что русскіе о чуди. У Вотяковъ тѣ же разказы соединяются съ именемъ аланъ-гасаръ. У Осетинъ алыпъ — особенный необыкновенный конь (Вс. Миллеръ, Осет. Этюд., I, 154). Ипородцы прикамскаго Поволжья кости мамонта, находимыя въ земныхъ слояхъ, называютъ „костями алыповъ“ и особаго имени для мамонта не имѣютъ; поэтому можно думать, что они мамонта звали алыпомъ, представляя его не звѣремъ, а великаномъ-человѣкомъ. Не отсюда ли сѣверно-европейскія названія верблюда: готск. ulbandus, древне-сѣв. нѣмецк. olpenta, древне-сакс. olvund, англо-сакс. olfend, сканд. alfalldi? Шлегель и Гриммъ находили это имя стоящимъ въ связи съ южно-европейскими именами слона: греч. ἐλέφας, латин. elephas, герм. и испан. elephant, итал. liofante, старо-франц. olifant, oriflant, старо-сѣвер. нѣм. helfant, elafant, англосакс. elpend, ylpend, elp, ylp (откуда ylpen-ban, нѣм. elfenbein). Пикте (Pictet, Lettre sur les origines de quelques noms de l'élé-

phant a m. E. Burnouf въ Nouveau journal asiatique, 1843, t. II, serie 4 (sept-oct), p. 134—165) колеблется принять это мнѣніе и думаетъ что имена верблюда сѣверной Европы происходятъ изъ другого источника; въ то же время онъ говоритъ: имя elephant къ удивленію не находится ни въ одномъ идиомѣ Востока. Бошаръ выводитъ elephant отъ еврейскаго eleph, быкъ; Поттъ принимаетъ Бошаровское объясненіе и окончаніе auto находитъ въ прибавкѣ къ слову eleph слова hindi, „индѣйскій“ подобно тому, какъ слово тамариндъ составилось изъ tamag hindi, то-есть, индѣйская финиковая пальма. Пикте эти этимологіи отвергаетъ и предлагаетъ свою; онъ видитъ въ elephant фонетически измѣненное индѣйское āirāvata; такъ въ индѣйской мнѣологіи называется царь слоновъ, на которомъ разѣзжается Индра. Это имя произошло отъ irāvat, „океанъ“ и означаетъ „сынъ океана“. Слоны Индры потому получили это имя, что вышли изъ моря. Не было ли неарійское имя мамонта омытъ распространено въ доисторическое время по всей Европѣ вмѣстѣ съ нынѣшними повѣрьями о немъ и заимствовали ли европейскіе Аріицы имя слона отъ неарійцевъ, жившихъ до нихъ въ Европѣ? Окончаніе ant ср. съ именемъ антъ, которое и теперь еще употребляется въ смыслѣ „великанъ“, какъ въ Западной Европѣ (Ж. М. Н. Пр., 1879, ноябрь, стр. 83), такъ и на Кавказѣ (Ногмовъ, Истор. Адыгейск. народа, Тифлисъ, 1861, стр. 18). Не было ли elephant парнымъ тавтологическимъ именемъ? Въ киргизскомъ людѣхъ или людѣдка называется джалмаусъ; у сѣверо-кавказскихъ Татаръ-горцевъ Джалмаусъ является въ одномъ сказаніи, относящемся къ затменію луны, собственнымъ именемъ людѣдки; людѣдка же вообще на ихъ языкѣ — емегенъ. Сравнивая татарскія слова есауль, каанъ съ монгольскими дзасагуль, хаганъ, можно допустить вмѣсто джалмаусъ болѣе полную форму джалмагусъ; опущенное въ киргизскомъ г еще слышно въ алтайскомъ джелбегенъ. У Радлова (Proben, II, 225) встрѣчается форма Ала-мангысъ; не изъ нея ли образовалось джал-маусъ чрезъ выпаденіе носоваго звука? Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ Джелбегенъ представляется чудовищемъ, имѣющимъ семь (стр. 561 и Миссіонеръ за 1877 годъ, № 20) или 9 головъ (стр. 561 и Castren, Reisen und Erinnerung., 243), Finn. Myth, 148); слѣдовательно соответствуетъ многоголовому Мангысу монгольскихъ сказокъ. Подобно послѣднему, и онъ представляетъ цѣль для поѣздовъ богатырей. Джелбегенъ—представлялся, кажется, иногда летучимъ; у Радлова (Proben, II, 508) упоминается птица Джалбагай; ср. съ Желбага, стр. № 34, вар. з. Въ одномъ старинномъ русскомъ памятникѣ встрѣчается алеаконъ вмѣсто греческаго ὁ ἰέραξ, „соколъ“ (Пыпинъ, Оч. лит. ист. стар. пов. и сказ. русск., 1857, стр. 161). Въ нашихъ былинахъ встрѣчается Соловей разбойникъ, гнѣздо котораго находится на семи (Рыбн., I, 47; IV, 21) или на 9 дубахъ (Кирѣев., в. IV, 49); эпитетъ „разбойникъ“ прилагается къ Б. Медвѣдницѣ (см. стр. 718). Въ малорусскихъ сказкахъ Соловью разбойнику; приписывается похищеніе женщины (Буслаевъ, Русск. богат. эпосъ). Въ сборникѣ Кирѣевскаго („Пѣсни“, в. 1, отд. IV, 80) Ильа Муромецъ находитъ заставу: семь сыновъ вора разбойничка (то-есть Соловья разбой-

ника?). Младшій изъ братьевъ говоритъ: вонъ ѣдетъ нашъ батюшка! то-есть, совершенно въ томъ же родѣ, какъ въ другомъ вариантѣ („Пѣсни“, стр. 37) говоритъ младшая дочь Соловья разбойника. На стр. 43 у Соловья 9 сыновъ. Девять братьевъ разбойниковъ, взявшихъ въ полонъ свою сестру см. въ „Нижегор. Сборн.“, III, 117. Дочь Соловья, Пелька, бросаетъ въ Илью подворотней. Ср. съ старухой, бросающей желѣзной палкой въ Амынь-Паганъ-Бурекея (№ 35, вар. d) и женой Шумусъ-хагана въ Шиддикурѣ (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по этн., VI, стр. 26), бросающей желѣзную съ пылающимъ пламенемъ палку въ Масанга. Соловей по отчеству Рахматовичъ (Рыбн., I, 53, II, 27); Рахмановичъ (ibid., III, стр. 7); Соловей, птица рахманная (ibid., II, 329). Другой Соловей это Соловей Будимировичъ (у Рыбникова, II, 194: Гудиморовичъ).

6. Тарбаганъ.

Всѣ повѣрья о тарбаганѣ или суркѣ, вѣроятно, первоначально относились къ медвѣдю (ср. № 1, вар. z), а еще прежде къ громовнику; отсюда представленія о немъ, какъ о стрѣлкѣ, истреблявшемъ звѣрей. Въ вар. a онъ стрѣляетъ въ хищную птицу тельгенъ (ср. съ Шидыр-Тюльгуномъ, который даетъ Чингисъ-хану огонь; см. стр. 229), въ вар. б въ птицу Канъ-герей, въ вар. в и z въ солнце (см. прим. къ № 69), въ вар. d въ ласточку (харада по торгоутски). Названіе тарбаганъ можно разбить на части тар и баганъ. На Иртышѣ въ степной его части Русскіе тарбаганами зовутъ тушканчиковъ, которые въ Хамы у тамошнихъ туркестанцевъ носятъ имя таръ. Первымъ членомъ слово „тарбаганъ“ сходно съ началомъ монгольскаго Тарханъ (Теугри-ханъ?) Поводъ къ повѣрью, что тушканчикъ (алыгдага) конь тарбагана, подало можетъ быть созвучіе имени звѣрка съ словомъ алагдага, „жеребенокъ“. Лошадь у Бодонъ-джара по Сананъ-сэдану назыв. Uruk-sussuk, то-есть, хомякъ (Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., 61). По алтайскому повѣрью сусликъ есть конь птички талант-теле (см. Оч., III, стр. 242). Представленіе стрѣлка сиротой въ вар. e также напоминаетъ одинокаго скитальца сибирскихъ лѣсовъ и пойдетъ къ многосемейному сурку. Отрубленный членъ является въ сказаніяхъ о кровосмѣшеніи; см. въ сказаніяхъ о Чингисѣ, стр. 229 и 230, вар. б и z; вар. б. сходенъ съ разказомъ въ Алтанъ-тобчи (стр. 41), гдѣ похищенная женщина, лишающая своего похитителя членовъ, есть невѣстка похитителя. Въ киргизской легендѣ о кровосмѣшеніи мужчины лишается глазъ, закапывается въ землю и становится подземнымъ жителемъ, подобно тарбагану, за несогласіе на кровосмѣшеніе (ср. съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Моисѣѣ Угрии; Карамз., II, прим. 5). Въ Алтанъ-тобчи у похитителя (Елбекъ-хана) отбить мизинецъ—переходъ отъ темы оскотленія къ тому виду разказа, который передается о тарбаганѣ. Общая идея сказаній о суркѣ—наказанная хвастливость богатыря или гордаго охотника. Нерѣдко въ сказаніяхъ и повѣрьяхъ инородцевъ проводится гуманная мысль о грѣхѣ немилосерднаго истребленія звѣрей; см. стр. 66 и 404. Ср. въ Дзангунѣ о томъ же (Der Weise und. d.

Thor, 1843, s. 123); казнь истребителя звѣрей наказывается стрѣляніемъ въ его голову огненными стрѣлами. У Вогуличей на праздникахъ существуетъ обрядъ стрѣлянн въ голову медвѣдя; не имѣетъ ли онъ того же значенія?

11. Дергачъ.

У Вербицкаго (Правосл. Обзор., 1867 г., ч. I, стр. 163) рѣшето комаровъ родится отъ каждаго выкрика удода, который по телеутски назыв. кэрэль-дэй кукукъ, то-есть, „заика-кукушка“.

12. Ускозь-уль.

Въ Крыму одну ночью кричащую птицу Татары называютъ исакъ; птицы этой породы кричатъ: исакъ! къ утру сходятся, а потомъ опять разлучаются. По повѣрью Татаръ это были два любовника, юноша и дѣвица, бракъ которыхъ не состоялся, потому что не понравился отцу дѣвѣ.— Ср. съ Эсакъ у Овидія, Метам., XI, 749.

14. Ласточка и оса.

Вариантъ Крымск. Татаръ см. Кондараки, Опис. Крыма, т. III, ч. XIII, с. 133. На Кавказѣ нами записанъ ингушскій разказъ: змѣй (бехм), стерегшій рай (эльсы мале), послалъ одну птицу узнать, чье мясо слаще; ласточка встрѣтилась посланной птицѣ, когда та уже возвращалась, и отняла у нея кусокъ человѣческаго мяса, который та несла на пробу змѣю; за это змѣй хотѣлъ покарать ласточку, погнался за нею, но она успѣла улѣтѣть отъ него; змѣю удалось только выкусить у ней хвостъ, отчего онъ у нея и теперь съ развилкомъ. Ласточка по монгольски харацай, харада; ср. хара, „мѣсяць“.

18. Тажа.

Ср. у Нила, Буддизмъ, стр. 65: лу проводить зиму въ морской пучинѣ. Бѣлый цвѣтъ имѣетъ какое-то отношеніе къ грому. Меркиты во время грозы садятся на бѣлыхъ коней (Оч., II, 44), урянхайскіе шаманы камлаютъ на бѣломъ войлокѣ. Киргизское поколѣніе Сююндуки, какъ намъ довелось слышать въ Балнѣ-аульск. округѣ, во время грома покрываютъ посуду съ молокомъ чѣмъ-нибудь не бѣлымъ, потому что бѣлое привлекаетъ молнію. Ср. съ повѣрьемъ о летучихъ мышахъ, сажащихся на бѣлое. Къ вар. б. Индра оставляетъ небо и скрывается въ воду, пока его тронъ забираетъ узурпаторъ Nahusha (Holzmann, Indra въ Zeitschr. d. Deut. Morg. Gesellsch., 1878, B. XXXII, H. II, s. 310).

19. Налимъ.

Ср. съ ведскімъ сказаніемъ объ обратившемся въ карпа вендскомъ королѣ (Veckenstedt, Wendische Märchen, Garz, 1880, s. 33). Эти сказанія

вѣроятно, находятся въ связи въ представленіи о громовникѣ, временно удаляющемся на дно моря или озера и остающемся тамъ до своего возрожденія; см. повѣрья о бѣлой совѣ, стр. 184. По бурятскому повѣрью, налимъ—предокъ поколѣнія Икирить. Ср. сказаніе о мзилѣ, № 1 вар. б.

20. Царь звѣрей.

Въ словарѣ, приложенномъ къ „Грамматикѣ алтайскаго языка“, Казань, 1869 г., Карагула переведено по русски „левъ“ (стр. 48). Имя Карагула встрѣчается въ сказкахъ, какъ темная сила; см. стр. 371. Для обозначенія льва оно стало употребляться, по видимому, только въ позднее время; когда сосѣди, подошедшіе къ краю съ юга, стали разказывать, что есть на свѣтѣ звѣрь, сильнѣе медвѣдя, Алтайцы обратились къ своимъ сказкамъ, нашли тамъ Карагулу и предположили, что звѣрь, о которомъ имъ говорить, и есть давно извѣстный имъ Карагула. Какъ далеко занесено это слово на западъ, показываетъ имя большой кошки каракаль, Felis casaca, которая водится въ степяхъ сѣверной Персіи. Вѣроятно, въ началѣ Карагула было именемъ медвѣдя и громовника; затѣмъ медвѣдь получилъ другое имя, и Карагула остался только въ сказкахъ, какъ сильное существо или какъ чудовищный звѣрь. Турецкое племя, подвигавшееся на западъ, давало новымъ звѣрямъ вакантныя сказочныя имена; такимъ образомъ получилъ свое имя и каракаль. Вар. б. ср. съ записанною г. Борисовымъ якутскою сказкой о журавлѣ; стр. 627. См. Veckenstedt, Wendische Märchen, Graz, 1880, стр. 424, № 4.

21. Гунъ гуругунъ.

Сходные варианты есть у Казанскихъ Татаръ. Разказывается о шуралѣ, то-есть, лѣшемъ и его дочери (см. Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., VI, 253), у Сибирскихъ Татаръ (Radloff, Proben, IV, 109; сказка о Кара-кѣкѣлѣ), у Чеченцевъ на Кавказѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., IV, ст. Ахріева „Изъ чечен. сказ.“, стр. 11), у Южно-Руссовъ (Тр. этн. эксп. въ зап.-русс. край, II, 250). Въ Нижегород. губ. говорятъ, что въ семикъ по землѣ ходитъ Семикъ съ Семичихой; въ эти дни наряжаются, какъ въ святки, и ходятъ по парно, парень съ дѣвицей; парень одѣвается дѣвицей, дѣвица парнемъ; собираютъ яйца, при сборѣ приговариваютъ: „Семику съ Семичихой пожалуйте по яичку!“ Въ полѣ дѣлаютъ яичницу, сѣдаютъ парами, цѣлуются черезъ яичную пленку и съ этого времени считаются лумами. Въ бурятскомъ людѣдка называется хамыгынъ, что очевидно въ связи съ емегенъ „бабушка“ по монг., „старуха“ по алтайски, етеси, „тетя“ по самоѣдски, емегенъ, „людѣдка“ сѣверно-кавказскихъ Татаръ горцевъ. Горская людѣдка представляется въ видѣ старухи съ грудями, заброшенными за плечи (Вѣст. Евр., 1869, авг., ст. Острякова „Нар. лит. Кабардинцевъ“). См. также Veckenstedt Wendische Märchen, S. 183—184, разк. о Schirman'ѣ и Schirrawa'ѣ.

Татарскій разказъ записанъ нами отъ Татарина дер. Ямурзипой Елабужск. у. Дѣдъ разказчика Иманай любилъ лѣсные промыслы и проводилъ по многу времени въ урманѣ. Однажды онъ започевалъ въ лѣсу; онъ разложилъ костеръ и грѣлся. Ночью къ нему подошелъ, прилясывая, какой-то человекъ съ желѣзнымъ шестомъ; это былъ Шурали. Побесѣдовавъ, они легли спать; почью Шурали всталъ и положилъ свой шестъ въ огонь, чтобы накалился. Когда онъ отошелъ отъ костра, Иманай вскочилъ, положилъ на свое мѣсто чурбанъ, прикрылъ его своею шубой, а самъ съ ружьемъ залѣзъ на дерево. Вернувшись къ костру, Шурали выпулъ желѣзо и пригвоздилъ мнимо-спящаго сосѣда; въ это время Иманай выстрѣлилъ и ранилъ Шурали; Шурали сказалъ Иманай: „Я долженъ умереть; по слѣду моей крови ты найдешь въ лѣсу жилище, гдѣ живетъ моя дочь“. Иманай нашелъ жилище и сталъ жить съ дочерью Шурали. Всякій разъ, когда онъ подходилъ къ ея дому, онъ предупреждалъ откапливаніемъ или стукомъ. Такъ требовала дочь Шурали. Однажды ему захотѣлось увидѣть, что она дѣлаетъ передъ его приходомъ; онъ вошелъ безъ шума; и увидѣлъ ея сидящую и чешущую свои волосы, которые она сняла съ головы, какъ шапку и держала на колѣняхъ. Тотчасъ же она упала на полъ мертвою. Ср. съ приведеннымъ выше (стр. 754) самоѣдскимъ повѣрьемъ о медвѣдяхъ, что они происходятъ отъ женщины, вступившей въ связь съ лѣшикомъ, а также съ общеизвѣстнымъ сказаніемъ о Гушпахъ, которые будто бы произошли отъ союза лѣшихъ съ козодуньями. Радде (Reisen, B. I, S. 93) приводитъ слово Косогольскихъ Урянховъ kung-gurochen, которыми они обозначаютъ будто бы тигра; вѣроятно, ему передали имя мифическаго гунъ-гурогунъ, которое, можетъ быть, и въ дѣйствительности Урянхайцы начали примѣнять къ тигру (см. выше, стр. 754).

26. Кара-кулакъ.

Киргизы Акмоллинской области говорятъ, что сильнѣйшій звѣрь на свѣтѣ—кара-кулакъ (черное ухо); величиной онъ съ кулакъ, но сила его превосходитъ силу медвѣдя и тигра. Въ этомъ повѣрьѣ, очевидно, скрывается память о сказочной темной силѣ Каракулѣ. У Алтайцевъ, кромѣ Каракулы, въ сказкахъ упоминаются еще Хатынь-Джула, Айранъ-Джула; второй членъ джула; вѣроятно, есть то же, что кула, и напоминаетъ джиланъ, джуланъ, змѣя; этотъ корень слышится въ татарскомъ и киргизскомъ названіи тигра: юлбарсъ и джолбарсъ. Примѣръ подобнаго же перехода мифическаго имени на звѣря въ осетинскомъ: оигъ у Осетинъ циклопъ, одноглазый великанъ, собственно левъ. (Сборн. свѣд. о кавк. горц., VIII, ст. „Въ осетин. аулѣ“, стр. 17). Ср. тюркск-аикъ, „медвѣдь“. У Остяко-Самоѣдовъ на Оби, по сообщенію г. Григоровскаго, самый сильный звѣрь на землѣ называется Тегалду-тоуэнтъ-мадуръ; какого онъ вида и роста, они не знаютъ, и думаютъ что онъ не водится и не водился въ ихъ мѣстахъ.

27. Амынь-саганъ-хулугуна.

Хулугуна, хулагана по монг. значить „мышь“. Корень хулу содержится въ алтайскомъ имени Каракула и въ киргизскомъ Кара-кулакъ; въ послѣднемъ второй членъ кулакъ можно принять за хулагана съ отпадѣніемъ окончанія ана. Повѣрье о томъ, что амынь-саганъ-хулугуна сосетъ кровь изъ дѣтей ср. съ повѣрьемъ Вендовъ о Golep, которые будто имѣютъ видъ сусликовъ; они высасываютъ кровь у людей и поѣдаютъ труны недавно похороненныхъ людей: Veckenstedt, Wendische Märchen, S. 354. Кромѣ Golep этими занимаются жабы и драконы (ibid. стр. 393 и 414). У Албанцевъ дѣтей поѣдаютъ Ljubia; Hahn, Alban. Stud., 162. Первые два члена: Амынь-Цаганъ встрѣчаются также въ имени Амынь-Цаганъ-Бурекей, что говорить о неумѣстности перевода этихъ членовъ словами „бѣлоротая“, какъ дѣлаютъ сами Буряты. Имя Цаганъ-аманъ-кула встрѣчается въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ у Рашидъ-эдиша (Ж. М. И. Пр., т. 79, 1858. ст. Березина, „Нашествіе Монг. на Россію“, стр. 226 — 227); г. Березинъ перевелъ это имя „бѣломордая соврасая лошадь“. Чингисъ-ханъ охотился; въ цѣпь попалъ Джебе; одинъ изъ спутниковъ Чингиса, сидѣвшій на лошади Цаганъ-аманъ-кула, пустилъ въ Джебе стрѣлу, но промахнулся; Джебе тоже пустилъ стрѣлу и убилъ лошадь подъ противникомъ, потомъ самъ пришелъ къ Чингису, повинился предъ нимъ въ смерти лошади и обѣщаль въ замѣнъ убитой добыть 100 бѣломордыхъ лошадей. У Якутовъ въ каждомъ родѣ есть свой заступникъ, посредникъ между людьми и небомъ; его представляютъ въ видѣ бѣлогубаго жеребца или бѣлогубой кобылы (Щукинъ, Поѣздка въ Якутскъ, стр. 276; кн. Костровъ, Оч. юрид. быт. Як. въ Зап. Р. Геогр. Общ. по этн., VIII, 292). У Хотогойту есть повѣрье о благодѣтельномъ вліяніи бѣлоротыхъ мышей (Оч., II, 152 и прим. стр. 36). Выраженіе „бѣлоротый“ или „бѣлогубый“, вѣроятно, есть позднѣйшее домышленіе. Въ Шиддикурѣ встрѣчается имя Амугуланъ; такъ называется царевичъ, отправляющійся за святымъ трупомъ; Амоглонъ-ханъ, гора въ восточной Монголіи (См. Опис. пути братьевъ Бутиныхъ, Иркутскъ, 1871 г., стр. 51). Амынь ср. съ Ама, мать шамановъ, и съ Амъ, страшный подземный дьяволъ у Енисейскихъ Остяковъ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 423).

Повѣрья объ ужахъ, змѣяхъ, вѣдмахъ, сосущихъ коровъ, очень распространены въ Россіи и Европѣ (Тр. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, т. I, в. 1, стр. 65; Аванас., Поэт. Возвр., II, 560). Казанскіе Татары, когда корова возвращается съ поля съ окровавленнымъ выменемъ, говорятъ, что ее сосала змѣя. Урянхайское и алтайское повѣрье приписываетъ высасываніе молока изъ коровъ или козъ тупканчику; по халхасски онъ называется алыкъ-дага, по торгоутски яманъ. Въ Орловской губ. о ласточкѣ повѣрье, будто она мститъ за разореніе гнѣзда тѣмъ, что, подлетая подъ корову, портитъ у ней молоко (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., II, 21); подобное повѣрье о мести за гнѣздо порчей молока

чаще относится къ ужа́мъ. Такое смѣшеніе ласточекъ съ змѣями можетъ быть обусловлено тѣмъ, что эта птица носить имя одного корня съ нѣкоторыми именами змѣи: пастрица—змѣя у Полабскихъ Славянъ, гуштеръ—огненный змѣй у южныхъ Славянъ; ср. также птица Юстрица въ русской загадкѣ (Садовниковъ № 20, 29), настырь—летучая мышь въ Орловск. губ. (Зап. Р. Г. Общ. по этн., II, 21). Объ аистѣ существуютъ повѣрья, что онъ мститъ за разореніе гнѣзда пожаромъ. Другія названія аиста: гайстеръ и бусель; первое близко къ гуштеръ, второе напоминаетъ „мысль“ (мысь) Слова о Полку Игоревѣ, которую сближали съ скандинавскою бѣлкой, бѣгающей по мировому дереву (то-есть, съ молніей); въ другомъ мѣстѣ „Слова“ упоминается „мыслено древо“. Не было ли „мысль“ именемъ летучей мыши, или летаги? Случай объѣма имени аиста съ почными птицами и летучими четвероногими представляютъ формы: леглекъ по албански и румынски аистъ, лилякъ болгарск., лилякъ рум., лилякъ сербск., лылыкъ южно-русс. (Данильченко) въ Каменецъ-Подольск. г., делекъ въ Новг. губ. Череп. у. (Барсовъ) летучая мышь, делекъ въ Волог. губ. Ник. у.—козодой. Млечный путь имѣетъ областное названіе „Мышины тропы“. Сходное имя слышится въ окончаніи сложныхъ: Коромысло, обл. названіе Б. Медвѣдицы, Гостомысль, имя повгородскаго старѣйшины.

28. Змѣи.

Къ вар. 6. Въ Томской губ. есть повѣрье: есть „змѣи-огневики“, которыя бросаются на человѣка, если отъ него надеть на нихъ тѣнь, и пробираются въ него. О томъ же повѣрьѣ см. Азанае, Поэт. Возвр., II, 527. См. также въ прим. къ № 64 мѣсто о Бохоли-хара. Въ Новгородск. губ. Боровичск. у. повѣрье: молніи входятъ въ землю, а на зарѣ входятъ въ растеніе „заря“, и оно вслѣдствіе того разцвѣтаетъ (сообщ. г-жей Наумовой). Ср. „ревунъ“, *Epilobium angustifolium*; въ Калужской губ. о немъ повѣрье: реветъ по зарямъ. По нѣмецкому повѣрью, громовыя стрѣлы лежатъ въ землѣ семь лѣтъ, семь дней и семь часовъ, послѣ чего выходятъ на земную поверхность. (Mannhardt, Götterwelt, 204).

29. Дерево Оронъ-Ганцханъ-модонъ.

Вѣроятно, подъ этимъ именемъ скрывается то древообразное расположеніе перистыхъ облаковъ, которое по нѣмецки называется Vetterbaum или Vindbaum; по народному повѣрью оно всегда предвѣщаетъ ненастье и дѣйствительно бываетъ обращено основаніемъ на западъ, а вершиной на востокъ. Дерево Оронъ упоминается въ катонскомъ преданіи о предѣѣ (Оч., II, 162); см. № 53 и 76 и прим. къ нимъ.

30. Дзандынъ модо.

Русское повѣрье о камнѣ іакинфѣ: чтобы добыть его, бросаютъ мясо въ пропасть; камень прилипаётъ къ мясу; орлы, живущіе въ тѣхъ мѣстахъ, прилетаютъ на запахъ, берутъ мясо и поднимаются на вершины горъ; съѣвъ мясо, камень оставляютъ на горахъ: „Древности“, I, ст. Шеппинга „Символика камней“. Ср. также Пѣсни, собр. Кирѣевск., в. 2, стр. 100 и 102 (объ орлиныхъ перьяхъ и камнѣ тиронѣ); Рыбн., I, 295. Похищеніе змѣи абырга вмѣстѣ съ деревомъ напоминаетъ алтайское сказаніе о мѣсяцѣ, упосящемъ Джельбегеня вмѣстѣ съ деревомъ, на которомъ онъ сидѣлъ (см. стр. 192, вар. 1).

31. Трава Буху-аранай.

Русскіе охотники въ Тункѣ (Иркутской губ.) говорятъ о медвѣдѣ, что во время яра онъ грызетъ осину и оттого пьянѣетъ. Въ другихъ мѣстахъ существуютъ повѣрья объ отыскиваніи медвѣдемъ корней, но не съ цѣлью охмѣленія; такъ Вотяки вѣрятъ, что медвѣдь осенью копаётъ и ѣстъ корень растенія *Aconitum Lycopodium*, который и повергаетъ его въ зимнюю спячку; это растеніе Вотяки называютъ гондырь-кудо, свать медвѣдя. У Русскихъ для него есть имена: сонъ-трава, сонъ-даръ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., т. VI, 173 и 198). По туркестанскому повѣрью есть любовная трава, „анкъ-ути“, то-есть, „медвѣжья трава“. Третій видъ повѣрья: медвѣдь роетъ коренья, какъ цѣлебное средство. По нѣмецки именемъ *Hirschbrunst* называется грибокъ *Fallus impudicus*, L. Связь растенія съ идеей о кровосмѣшеніи, на которую указываетъ это повѣрье, замѣчается и въ сказаніи о макѣ (стр. 351). Добываніе травы „буху“ въ вар. 6 напоминаетъ наши повѣрья о разрывѣ-травѣ и вотяціи о травѣ улыбъ. Послѣднимъ именемъ Вотяки зовутъ *Sedum Telephium*; они приписываютъ ей возбуждающее половую страсть свойство, но прибавляютъ, что это не настоящая улыбъ; настоящая восстанавливаетъ мужское безсиліе, воскрешаетъ змѣй и достается хитро. Для этого нужно найти табунъ змѣй и убить одну; тогда змѣи припасутъ траву улыбъ, проведутъ ея вдоль тѣла мертвой змѣи, и та оживетъ. Тогда траву нужно подобрать. Ср. осетинское повѣрье объ Аркызовѣ зубѣ (Вс. Миллеръ, Осет. эт., I, 39 и 41). У Ингушей на Кавказѣ разрывъ трава называется чай бутс, „медвѣжья трава“. Ее можно найти такимъ родомъ: нужно огородить плетнемъ отверстіе норы ежа; тогда ежъ припасетъ этой травы, притронется до плетня, плетень раскроется; ежъ оставитъ траву; тогда ее можно будетъ взять.

32. Камень дзада.

По якутскому повѣрью сата—особое вещество, которымъ можно вызвать ненастье, напримѣръ, будто бы печеночный камень, привязанный къ пруту при

быстромъ верченіи по воздуху вызываетъ бурю; при этомъ вызывающій прокликаетъ себя и свое потомство (Порядипъ, якут. сл., рук.). Въ рукописномъ спискѣ якутскихъ словъ, составленномъ г. Евг. Борисовымъ, сата переведено словами: „насланный шаманомъ вѣтеръ и холодъ“. У Осетинъ подобныя повѣрья связываются съ рахус, то-есть, съ цѣвью, на которой въ дому виситъ котелъ (Об. свѣд. о кавк. горц., в. VIII, ст. „Въ осетин. аулѣ“ стр. 16); по аварски цѣвъ ракас; то же слово имѣетъ еще значеніе: „идти гуськомъ“ (Усларъ, Азб. аварск. яз.). Шеферъ разказываетъ о веревкахъ съ узлами, которыя употреблялись на сѣверѣ Скандинавскаго полуострова колдунами съ цѣлью поднять вѣтры морскіе; кушцы, которые были удержаны у береговъ противными вѣтрами, покупали попутные вѣтры у колдуновъ. Олай Магнусъ приписываетъ это финляндскимъ колдунамъ, Циглеръ относитъ къ Лапландцамъ; Schefer, Histoire de Laponie, p. 113. У Крымскихъ Татаръ есть повѣрье о камнѣ аразы, который находятъ у воловъ подъ желчью, и который даетъ тѣлесную полноту (Кондаракіи, Опис. Крыма, т. III, ч. XI, с. 16).

33. Мѣсяць.

Къ вар. а. Въ другихъ сказаніяхъ Алтайцевъ Джельбегень является противникомъ Тарданака, который, по словамъ миссіонера о. В. Вербицкаго, у Черневыхъ Татаръ замѣняется Мешпереконъ или Машпаракомъ. Сказка о Джельбегенѣ и Тарданакѣ записана Радловымъ (Ргоб., I, 28); семиголовый Джельбегень кладетъ Тарданака, пахавшаго землю, въ мѣшокъ, относитъ въ свой домъ и хочетъ его сварить; Тарданакъ освобождается изъ мѣшка и бросаетъ дѣтей Джельбегеня въ котелъ съ кипяткомъ; потомъ и самаго Джельбегеня Тарданакъ обвариваетъ, опрокидывая на него котелъ. Варіанты этого сказанія записаны также миссіонеромъ о. Вербицкимъ и напечатаны въ журналѣ „Миссіонеръ“, 1877, № 20. Чельбегени были богатыри, ставшіе людоедами; небо посылало для ихъ истребленія солнце, оно сожгло ихъ всѣхъ, исключая семиглаваго (чети-башту) Чельбегеня, который скрылся въ глубокую, доходящую до центра земли, каменную пещеру. Солнце бокомъ старалось войти въ пещеру, но не могло и ушло на небо; когда солнце возвратилось безъ успѣха на небо, сталъ спускаться на землю мѣсяць; онъ увидѣлъ, что Чельбегень гонится за мальчикомъ сиротою, чтобы съѣсть его, но мальчикъ забрался на высокую талину (ср. съ Торомъ, спасающимся отъ наводненія на дерево; Manhardt, Germ. Myth., 202). Чельбегень вырвалъ талину съ корнемъ и вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней мальчикомъ бросился въ озеро. Мѣсяць отхватилъ себѣ правое плечо, потомъ лѣвое, и такимъ образомъ уцѣлѣвъ, бросился за Чельбегенемъ; когда они воевали, брызги летѣли чрезъ близъ стоящую гору. Мѣсяць, схвативъ талину, Чельбегеня и мальчика, унесъ ихъ на небо. На мѣсяцѣ всегда можно видѣть Чельбегеневу голову и таловый кустъ. По другому варіанту, Чельбегень погнался за Тарданакомъ, но тотъ успѣлъ залезть на желѣзное

дерево. Чельбегень сталъ рубить это дерево и усталъ. Къ нему подошла красная лисица, обманула его и забросила топоръ въ озеро, предварительно иступивъ его. Чельбегень досталъ топоръ изъ озера; лисица и въ другой разъ обманула Чельбегеня, перемѣнивъ красную шерсть на черную и вновь забросила топоръ; но Чельбегень опять досталъ его изъ озера и принялся рубить дерево. Тарданакъ смотритъ на небо и видитъ: въ девяти тучахъ летятъ вороны, такъ что изъ-за нихъ закрылось солнце. Чельбегень, слышавъ вороній крикъ, спустился въ озеро. Вороны спросили у Тарданака: „Гдѣ Чельбегень?“ Тарданакъ указалъ на озеро и вороны вступили въ бой съ Чельбегенемъ, кончившійся гибелью послѣдняго (ср. съ разказомъ о папѣ Римскомъ въ Этногр. Сборн., IV, стр. 148 и съ примѣч. къ № 88). Послѣ этого Тарданакъ сошелъ съ дерева; всѣ люди происходятъ отъ Тарданака или Мешперека. Якуты видятъ въ пятнахъ на лунѣ одного великаго шамана, который когда-то давно вздумалъ вступить въ борьбу съ луною, но едва успѣлъ до нея прикоснуться, какъ тотчасъ же прильнулъ къ ней вмѣстѣ съ бубномъ (Третьяковъ, Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.; II, 415). Ср. о шаманѣ, вылетѣвшемъ съ бубномъ изъ огня на скалу, Оч., II, 172; разказъ очевидно относится къ Тарханъ-бо. Варіантъ о мѣсяцѣ и Ельбегенѣ разказанъ г. Ядринцевымъ (въ Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, 249) съ добавленіемъ, что такъ какъ унесенному на небо Ельбегеню нечего было тамъ ѣсть, то мѣсяць согласился 15 дней кормить его своимъ тѣломъ, а 15 дней Ельбегень долженъ въ свою очередь кормить мѣсяць. Здѣсь мнѣ объ Ельбегенѣ сходится не съ затмѣніемъ, а съ фазами. Въ Кубанской области сохранилось слѣдующее преданіе о затмѣніи луны, изъ Куб. Вѣд. перепечатанное въ Моск. Вѣд. 1882, № 219: Въ незапамятныя времена жилъ князь; у него родилась дочь по имени Джалмаусъ (въ киргизскомъ джалмаусъ—людоедка, пожирающая скотъ и людей); въ первую же ночь по ея рожденію исчезли ведро воды и теленокъ, и такъ потери стали дѣлаться каждый день, а княжеская дочь быстро полнѣла. Догадались, что княжеская дочь не простая смертная, а емегенъ (женщина громаднаго роста, пожирающая животныхъ и людей). Одинъ изъ ея братьевъ, Кіилы, спасаясь отъ гибели, ушелъ на берегъ Черпаго моря и жилъ тамъ, занимаясь рыболовствомъ; поймавъ однажды большую рыбу, онъ нашель въ ней ценяты и вырастилъ ихъ. Задумавъ побывать на родинѣ, Кіилы оставилъ собакъ, взявъ съ нихъ немного шерсти; на родинѣ онъ никого не нашель, кромѣ сестры и кузнеца. Сестра принимаетъ его, раскладываетъ огонь, потомъ отрываетъ у коня брата одну ногу, потомъ другую и т. д., пока не кончаетъ коня совсѣмъ. Кіилы по совѣту мыши, вышедшей изъ норы, убѣгаетъ, Джалмаусъ гонится за нимъ. Тогда Кіилы призываютъ собакъ, и тѣ разрываютъ Джалмаусъ; осталась одна голова съ стальными зубами; собаки ухватились, одна за волосы, другая за нижнюю челюсть, и хотѣли разорвать голову, но она поднялась вмѣстѣ съ собаками на луну. Съ тѣхъ поръ голова вѣчно враждуетъ съ луною, а собаки стерегутъ послѣднюю; онѣ круглый годъ не смыкаютъ глазъ и только одинъ разъ въ

году засыпають. Тогда голова бросается на луну, и та темнѣетъ; въ это время жители Кубанской области стрѣляютъ и кричатъ, собаки просыпаются, оттаскиваютъ голову въ сторону и луна свѣтлѣетъ. Осетинскій вариантъ этого сказанія сообщенъ г. Вс. Миллеромъ (въ „Осет. Эт.“, II, 297). Вѣсто емегени Джалмаусъ клыкастая дѣвушка (не заключается ли въ выраженіи „кылка-стая“ въ осетинскомъ архаическаго имени злаго существа?); братьевъ у нея семь; одинъ изъ нихъ, удаляющійся отъ семьи и соотвѣтствующій Килы, по имени не названъ;мышь, дающая ему совѣты убѣжать черезъ заднее окно, истолковывается душой матери юноши (ср. съ ролью Джонпай въ барабинской сказкѣ о Идыге, Radl., Prob., IV, 35). Во время бѣгства данные бѣглецу мышью вещи, разрастаясь хремучимъ лѣсомъ или горой, замедляютъ бѣгъ догоняющей злой сестры. Конечъ: юноша добѣгаетъ до башни, на вершинѣ которой живетъ его жена; она подаетъ ему руку, но въ это время за ногу юношу схватываетъ клыкастая сестра; женщины наконецъ уговариваются, чтобы двѣ недѣли въ мѣсяцъ юноша принадлежалъ одной, другія двѣ другой. Юноша сталъ мѣсяцемъ и ходитъ по небу; когда онъ въ рукахъ сестры, то она постепенно съѣдаетъ его, а потомъ жена снова его выкармливаетъ.

Къ вар. б. Подобный разказъ существуетъ у Казанскихъ Татаръ. Черемисовъ и Вотяковъ. Вотяки говорятъ, что злая мачиха очень рано по утрамъ выгоняла свою падчерицу за водой; дѣвушка стоя у потока, взмолилась мѣсяцу, хоть онъ бы пожалѣлъ ее; мѣсяцъ и взялъ ее къ себѣ, гдѣ ее съ ведрами и теперь видю (на Волынѣ дѣвицу съ коромысломъ видятъ въ Б. Медвѣдицѣ, Аван., Поэт. Возвр., I, 356). Вотяки прибавляютъ, что дѣвушка была Черемиска. Долганское повѣрье: мѣсяцъ, сжалившись надъ голоднымъ мальчикомъ, взялъ его на себя и, осквернившись чрезъ это, сталъ смертнымъ (Зап. Р. Г. Общ. по общ. геогр., II, 423). Въ русскихъ повѣрьяхъ мѣсяцъ уноситъ дѣвицу (ср. съ пѣней у Шейна, Русск. Нар. Пѣсни, М., 1870, стр. 523, № 24) или дитя. Въ Томск. губ. повѣрье: на мѣсяцъ долго смотрѣть не слѣдуетъ—утащить; замѣтивъ, что мѣсяцъ началъ отъ смотрѣнія на него чернѣть, нужно накрыть столъ скатертью, сѣсть подъ столъ и читать молитву, а сверху положить хлѣбъ. Мѣсяцъ унесетъ только хлѣбъ (Этн. Сб., VI, 117). Въ Вѣйскомъ округѣ записано мною: одна дѣвица гадала передъ мѣсяцемъ (гаданье производится такъ: садятся на перекрестокъ и наводятъ зеркало на мѣсяцъ или смотрятъ на ликъ луны, отражающійся въ проруби); мѣсяцъ сталъ спускаться къ дѣвицѣ; она испугалась и закричала. Родители посадили ее подъ столъ, а на столъ поставили хлѣбъ съ солью и тѣмъ спасли дочь. Въ Тункинскомъ селеніи (Иркутск. губ.) мѣсяцъ загадываютъ: „въ прорубь (прорубь) не заглянуть“. Ингуши на Кавказѣ пятна на лунѣ называютъ: уоши венна юпа, „сестра умершаго брата“. По ихъ повѣрью, на луну не слѣдуетъ смотрѣть прямо; луна въ печали оттого, что у нея умеръ братъ, и она не любитъ, чтобы на нее прямо смотрѣли; если кто на нее посмотритъ прямо, она тому скажетъ: „Пусть и у тебя не будетъ брата, какъ у меня“. Пятна, видимыя на лунѣ, и есть сама эта дѣвица, потерявшая брата (зап.

въ Тифлисъ отъ Ингуша Сулеймана Бузурганова). У Черемисовъ Бирскаго уѣзда, Уфимск. губ., повѣрье: на полнолуіе (тэмшэ тылызѣ) не слѣдуетъ указывать пальцемъ, чтобы не быть имъ проглоченнымъ подобно тому, какъ оно поступило съ дѣвицей, шедшею на рѣчку за водой. Если кто во время разговора о полнолуіи случайно укажетъ на него пальцемъ, тотъ тутъ же долженъ прикусить палецъ, которымъ указалъ (сообщ. учителемъ г. Антріевымъ). Название дѣвушки Черемиской въ вотскомъ сказаніи, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить такимъ образомъ: имя Черемисъ, вѣроятно, то же, что Кереметь (ср. алт. Курмосъ), означало чудовищное, злое существо; оно упоминалось въ легендахъ, особенно о затмѣніи или ущербѣ луны; это было то злое существо, которому приписывалось сглатываніе мѣсяца; можетъ быть, такъ назывался и самъ мѣсяцъ, такъ какъ въ повѣрьяхъ роль мѣсяца различная: то онъ уноситъ дѣвицу или дитя, то спасаетъ дѣвицу или дитя отъ враждебнаго существа. Какъ имя злаго существа, оно стало прозвищемъ враждебнаго или чужаго племени, которое само себя называетъ Мари. Чувашъ также видятъ на лунѣ дѣвицу съ коромысломъ (Магнитскій, „Матер. къ объясн. стар. чуваш. вѣры“, 64).

Къ вар. и и i. Олху или Алхы ср. съ манджурск. улху, „бѣлка“, тунгуск. узюки, „бѣлка“, ульги (ходженск.) „бурундукъ“; эти названія и монгольское ольби, „летяга“ различаются между собою только окончаніями.

Къ вар. л. Въ Томск. губ. есть повѣрье о кукушкѣ, что это царевна, у которой одна нога была обута, другая босая, когда она пустилась бѣжать (Этн. Сб., VI, 123). См. также у Садовникова, Сказки и предан. Самарск. края, стр. 6; Liebrecht, Zur Volkskunde, 363; Веселовскій въ ИК. М. И. Пр., 1879, сент., стр. 123; Hahn, Albanesische Stud., 191.

Къ вар. н. Имя альбинъ-читкуръ ср. съ Джельбегень, которое произносится также Ельбегень, и съ Гальбинъ-Минганъ-бурханъ, который заточаетъ Любодисатту (см. стр. 311). Объ альбинѣ см. у Банзарова, Учен. Зап. Каз. Унив., 1846, III, 97. Ср. алхмсъ, злой духъ по алтайски и дюрбютски. На Кавказѣ у Ингушей илбис, чортъ (записано мною); по аварски илбіс, чортъ (Усларъ, Азб. аварск. яз.). Съ приведенными здѣсь сказаніями ср. также легенды о животворной водѣ (стр. 209). Какъ тѣ, такъ и другія основаны очевидно на смѣшанныхъ наблюденіяхъ надъ фазами луны и затмѣніемъ свѣтила. Туруханскіе инородцы ущербъ луны объясняютъ похищеніемъ ея подземнымъ дьяволомъ „сыръ-кянда“ (Третьякова, Зап. Р. Г. Общ. по общ. геогр., II, 415). Фазы луны отразились на сказаніяхъ появленіемъ въ нихъ темы объ разрубаніи пополамъ; иногда мѣсяцъ самъ себя разрубаетъ пополамъ (стр. 774), иногда Бурханъ-Бакши (стр. 210) разрубаетъ злое существо, которое угрожаетъ мѣсяцу. Часто это сказаніе соединяется съ представленіями о водѣ: или дѣвушка беретъ воду въ ведро, или готовится животворная вода или во время похищенія и борьбы летятъ брызги; сл. съ народнымъ повѣрьемъ, что молодой мѣсяцъ оmyвается, то-есть, что во время новолуія всегда бываетъ ненастье. Умыванье водой есть въ сказкѣ о Тунгъ-Караттыханѣ (стр. 377); въ преданіи о Сартактаѣ вода добывается, вѣро-

ятно, для умыванья же (стр. 237); харъ или саръ, „мѣсяцъ“. Въ осетинск. сказкѣ (Вс. Миллеръ, Осет. эт., I, стр. 11) мненческое крылатое существо Пакондзи уноситъ на небо Мысырби, когда тотъ бралъ воду. На сходство алтайскихъ сказокъ о Тарданакѣ и Джельбегенѣ съ русскими о бабѣ-ягѣ указалъ уже Шифнеръ (Radloff, Proben, I, стр. XIII). Въ одномъ изъ русскихъ вариантовъ мальчикъ называется Тельпушекъ (Аван., Нар. Ск., в. 1. № 4); въ аварской сказкѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, вып. II, ст. Аварск. нар. сказ., стр. 25; A. Schiefner, Awarische Texte въ Mem. d. l'Acad. d. Sc. d. St. Pet., t. XIX, № 6, p. 25) мальчикъ названъ Чилбикъ, а вѣдьма Картъ. По Ипатьевской лѣтописи, Игоря, князя Сѣверскаго, плѣнилъ „Тарголове, мужъ именемъ Чилбукъ“. Въ вариантѣ, записанномъ о. Вербицкимъ, является и дерево, на которое спасается мальчикъ. Оно напоминаетъ другое, подъ которымъ или въ вѣтвяхъ котораго находятъ мальчика, избираемаго потомъ въ цари. Легенды о пайденышѣ-царѣ суть собственно легенды о родоначальникѣ племени или о первомъ человѣкѣ; Машпаракъ также первый человѣкъ. Ср. примѣч. къ № 76.

34. Большая Медвѣдица.

Г. Григоровскимъ намъ доставленъ остяцкій разказъ о созвѣздіи Лось (Большая Медвѣдица). Три охотника, Тунгусъ, Остякъ и Самоѣдъ промышляли звѣрей въ одномъ лѣсномъ мѣстѣ неподалеку другъ отъ друга. Однажды, будучи всѣ вмѣстѣ, они завидѣли лося и общимъ совѣтомъ рѣшили догнать его и убить. На этомъ же совѣтѣ возникъ у нихъ вопросъ, какъ они будутъ ѣсть мясо убитаго лося. Самоѣдъ сказалъ, что онъ будетъ жарить мясо на вертелѣ, Тунгусъ пожелалъ ѣсть сырое мясо, Остякъ же объявилъ, что онъ станетъ ѣсть вареное мясо; каждый пожелалъ ѣсть по обычаю своего племени. И пустились всѣ трое за лосемъ. А такъ какъ у Остяка не было съ собою котелка, чтобы варить лосиное мясо, то онъ вернулся въ свой станъ захватить котелокъ, надѣясь догнать своихъ товарищей охотниковъ. Взявъ котелокъ, онъ догналъ товарищей, уже пагонявшихъ лося. Тунгусъ былъ впереди, а Самоѣдъ отсталъ немного. Догнавъ товарищей, Остякъ обогналъ Самоѣда, но Тунгусъ уже былъ тогда такъ близко къ лосю, что ему оставалось только поразить звѣря „пальною“ (родъ рогатины). Тунгусъ былъ чародѣй, и занося палму, просилъ своихъ духовъ, въ томъ случаѣ, если онъ убьетъ лося, чтобы съ этого времени лоси водились бы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ Тунгусы, и чтобы ни одинъ Остякъ и ни одинъ Самоѣдъ не могли бы никогда убить ни одного лося. За эту услугу онъ обѣщалъ своимъ духамъ, убивъ лося, тотчасъ же обернуться назадъ и тою же пальною убить Остяка и Самоѣда. Но Остякъ также былъ хитрый и угадалъ мысли Тунгуса; онъ, взявъ вправо, пустил стрѣлу въ лося и убилъ его на повалъ. Тогда Тунгусъ, увидѣвъ свои чары разрушенными, обратился къ товарищамъ и сказалъ: „Еслибъ мнѣ удалось убить лося, а затѣмъ и

васъ, лоси стали бы водиться во множествѣ въ землѣ Тунгусовъ, но теперь будетъ не такъ; они будутъ водиться только въ землѣ Остяковъ“. Въ то же время всѣ три охотника вмѣстѣ съ лосемъ были перенесены на небо и стали созвѣздіемъ Лось. Четыре звѣзды созвѣздія это четыре ноги убитаго Остякомъ лося и разставлены такъ, какъ были во время бѣга; задняя правая нога сдѣлала шагъ къ передней и въ это время звѣрь былъ убитъ. Первая звѣзда въ хвостѣ созвѣздія — Тунгусъ; онъ налегаетъ на лося. Вторая звѣзда — Остякъ, отсторонившійся вправо; возлѣ него есть небольшая звѣздочка — это котелокъ Остяка. Третья звѣзда въ хвостѣ — Самоѣдъ. Впереди лося есть три звѣзды (двѣ рядомъ, а третья сзади) — это стрѣла, которою былъ пораженъ лось. Вмѣстѣ съ этимъ сказаніемъ г. Григоровскій сообщилъ и повѣрье Остяковъ, что бываютъ годы, когда Лось идетъ скорѣе другихъ созвѣздій и бѣгаетъ въ ноябрѣ и въ началѣ декабря передъ утромъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно бываетъ въ январѣ. Они замѣчаютъ, что въ эти годы весна бываетъ ранняя, дружная и многоводная и тогда бываетъ обильный промыселъ рыбы и звѣри. См. также Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 416 (объ охотѣ за оленемъ первыхъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ имѣетъ жену).

Къ вар. а. Исторія о томъ, что Плеяды потеряли одну изъ своихъ звѣздъ, разказывается и у дикарей Полинезій. Негры на Золотомъ берегу говорятъ, что Плеяды состоятъ изъ семи, а не изъ шести звѣздъ, какъ это людямъ кажется; что шесть изъ нихъ красивыя дѣвицы, а седьмая не отличается изяществомъ и потому, когда считаютъ звѣзды, прячется за сестеръ (Haliburton, Nature, 1881, № 631). См. наши вар. а, б, в, и и к. Въ южныхъ широтахъ нѣкоторые жители называютъ Плеяды „The seven Star“, Семизвѣздицей, въ родѣ того, какъ онѣ у Нѣмцевъ называются Siebengestirn; тѣмъ же именемъ Нѣмцы зовутъ и Б. Медвѣдицу. Подобное смѣшеніе именъ этихъ созвѣздій замѣчается и на востокѣ; въ вар. г. имя Плеядъ „Мечинъ“ является первымъ членомъ названія Большой Медвѣдицы. Смѣшеніе замѣчается и въ кавказскихъ сказаніяхъ объ исканіи потеряннаго сына (см. стр. 714 и 735; Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VI, стр. 41 и в. VIII, стр. 20).

Шесть по монгольски дзурганъ или дзурга. Сходныя формы встрѣчаются въ монгольскихъ легендахъ: Дзурганъ-бакши (стр. 272), Алтынъ-Зурге (стр. 202), Дзарга (вар. Джерге, Чарахай), Ерке, Ирхи; встрѣчаются въ Монголіи горы съ названіями: Баянь-Дзюрку (буквально: „богатое сердце“), Баянь-Чжипухэ, гора къ с. отъ Урги (Тимковскій, Путеш., ч. I, 70), Баянь-Джурекъ въ Киргизской степи, гдѣ прежде обитали калмыки (около Копала); въ киргизскомъ Джарыкѣ, названіе Венеры. Ср. съ видоизмѣненіями имени звѣрка бурундука: чирхи, чирей, джирхи, джирихи, тирьхи и также манджур. ярха, барсъ; йрга, Felis irbis; юрацк. ворга, медвѣдь; обдорскихъ Самоѣдовъ уйркъ, медвѣдь. (Захаровъ, Мандж. Сл., 191; Маагъ, Путеш. по Уссуріи, I, 115; Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 298, и пр.). Не было ли это именемъ Б. Медвѣдицы или Плеядъ или

другаго созвѣздія, и не стало ли оно числовымъ только уже впоследствии, когда укрѣпилось за Плеядами?

Къ вар. б и в. По повѣрью гренландскихъ Эскимосовъ, Anningat, „мѣсяцъ“, влюбленный въ свою сестру Mallino, преслѣдуетъ её по небу. У нѣкоторыхъ Австралійцевъ мѣсяцъ Mityan былъ прежде котомъ, который за свою любовь къ чужой женѣ обреченъ вѣчно бродить по небу (Girard de Rialle, Mythol. comparée, 149). Ср. киргизск. повѣрье о кошкѣ Малинѣ, ослѣпившей брата за отказъ вступить съ нею въ бракъ, послѣ чего онъ сталъ кротомъ (вѣчно живущимъ въ мракѣ?); кротъ по кирг. корь-тышканъ, по монг. сокуръ-комышъ; для Плеядъ есть названія: Укуръ, Угаръ, Ухэръ (стр. 137 и 193; Оч., II, 125). Въ нашихъ сказкахъ встрѣчается котъ, который вѣчно ходитъ на цѣпи (Аванас., Нар. Ск., изд. 1861 г., в. VI, № 68, вар. д, стр. 351). Въ венгерской сказкѣ (Jagic, Archiv für Slavische Philologie, IV, 625) Garabonczás diák вѣчно летаетъ на драконѣ, гоняясь за злой феей, которая похитила любимую имъ дѣвушку Попау. О Haskeberg'ъ, осужденномъ вѣчно витать въ воздухѣ за то, что убилъ своихъ 7 сыновей, см. Manhardt, Germ. Myth., 300. Въ русской сказкѣ вѣчнымъ перевозчикомъ дѣлается Марко богатый (Аванас., Нар. Ск., изд. 1863 г., в. 1, № 13, стр. 88). Вѣчный жидъ христіанской легенды представляется то вѣчно бродящимъ по землѣ, то прикованнымъ на цѣпи. Последнее сближаетъ его съ кавказскимъ миеомъ объ Амиранѣ, прикованномъ къ Ельбрусу. Вѣчный жидъ въ легендахъ носитъ имена: Малхъ, Картафилъ, Агасферъ, Маркъ. Вариантъ съ именемъ Картафилъ будто бы разказанъ армянскимъ епископомъ Матею Парижскому (А. Веселовскій, въ Ж. М. Н. Пр., 1880, июль, стр. 87). Ср. Картвели, какъ зовутъ себя Грузины Карталинцъ; Картвели былъ одинъ изъ трехъ легендарныхъ братьевъ родоначальниковъ (Вс. Миллеръ, Осет. Эт., I, 138). По скандинавской сагѣ Торъ, сынъ Одина, сховаля Локи (ср. литовское lokis, „лосъ“; русское Лось, Б. Медвѣдица) и привязалъ надъ тремя скалами; тутъ онъ лежитъ до свончанія вѣка. О скованномъ Люциферѣ (Lucifer, Зарница, Венера; по румынски Лучафуръ, Зарница) и волкѣ Фенрирѣ, „луноѣдъ“, см. Mannhardt, Germ. Myth., 87, 88. — Алтайское сказаніе о Джитыгапѣ, спускающемся на землю, ср. съ телеутскимъ о мѣсяцѣ, спускающемся для борьбы съ Джельбегенемъ. (Миссіонеръ за 1876 г., № 20, стр. 159). По русскому повѣрью, мѣсяцъ спускается на землю для похищенія дѣтей; по монгольскому и бурятскому повѣрью дѣтей похищаетъ читкуръ (см. 2 прим. къ гл. I). Рашидъ-Эдинъ разказываетъ эпизодъ о ребенкѣ Джиды-нопонѣ, котораго отъ преслѣдованія враговъ прячутъ въ шерсть (Зап. Археолог. общ., XIV, 190); здѣсь корень джиды прилагается не къ гонителю, а къ гонимому. Разказы о гоненіи младенца не были ли въ древней Руси прирѣзаны къ имени Хорсъ-Жидовниъ (см. прим. къ № 181)? Преданія о гонимомъ, прячущемся въ лѣсъ, Хорсъ есть въ сѣверн. Кавказѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, в. VIII, ст. „Ингуши“, стр. 26—27); съ Хорса эти преданія могли перейти въ апокрифическіе разказы о Христѣ, прячущемся въ солому, пшеницу и пр. О южно-русскомъ повѣрьѣ, по

которому Жиды перерождаются вмѣстѣ съ луной, см. у Веселовскаго въ Ж. М. Н. Пр., 1880, июль, стр. 87.

Къ вар. в. Ср. съ осетинскою сказкой о борьбѣ Амирана съ Авдѣрономъ Пакондзи; Амиранъ отрубаетъ ему изъ семи головъ шесть, съ одною головой Пакондзи улетаетъ на небо (Вс. Миллеръ, Осет. Эт., I, 145). Въ барабинской сказкѣ (Radloff, Proben, IV, 35) Идыге (Итаганъ?) исчезаетъ изъ юрты чрезъ дымовое отверстіе. Въ сказаніяхъ Черневыхъ Татаръ мѣсяцъ уноситъ Джельбегеня (ср. Джильби, Чолпанъ, Зарница). Въ киргизской сказкѣ змѣя, принимавшая видъ жены Соломона, поднимается на небо и становится звѣздою Зурой (Иллюстр. Миръ, 1880 г., № 7, стр. 98). Отвороченную голову ср. съ сказаніемъ о верблюдѣ (Оч., II, 167).

Къ вар. г, д и е. Всѣ три номера заимствованы изъ неизвѣстнаго намъ списка сборника „Шиддикуръ“. Первые два соответствуютъ главѣ III-й Шиддикура, а вар. е вступительному разказу. Вар. г и д кончаются комментаріемъ, что они относятся къ Б. Медвѣдицѣ; если же I-ю главу Шиддикура сравнить съ № 36, то и эту главу слѣдуетъ отнести къ Б. Медвѣдицѣ. Ими Шиддикуръ ср. съ формами читкуръ, Джедигеръ и проч. (см. стр. 713). Съ обоими именами соединяется мысль о похищеніи; читкуръ похищаетъ дѣтей (стр. 28); Шиддикуръ самъ похищается. Въ Шиддикурѣ вмѣсто Аминъ-Цаганъ-Бюрю стоитъ тугуль-хапшюртэй (то-есть, съ телячьей мордой) Масангъ; вмѣсто дѣтскихъ слѣдовъ онъ видитъ дѣвицу и ея слѣды; конецъ иначе: съ неба спускается цѣпь, по которой Масангъ поднимается, но жена Шумусень-хагана схватила желѣзную палку съ пылающимъ пламенемъ и ударила его по спинѣ, отчего Масангъ разсыпался на семь кусковъ, изъ которыхъ образовалось семь буддъ. Нѣкоторыми чертами сказаніе о Бюрю или Масангѣ сближается съ бурятскимъ преданіемъ о Буха-поинѣ (стр. 264); въ обоихъ: а) слѣды, на которыхъ появляется растительность (пихта, золотые цвѣты) и въ связи съ ними идущая дѣвица; б) борьба двухъ быковъ, небснаго и земнаго и в) бычья природа героя. Выдаваніе себя за лѣкаря съ цѣлью получить доступъ въ жилище врага есть и въ алтайск. сказкѣ (стр. 372). Подниманіе на цѣпи на небо ср. съ повѣрьемъ Енисейскихъ Остяковъ: каждый шаманъ имѣетъ въ себѣ духа „эсекинъ“, который во время камланья поднимаетъ шамана на небо посредствомъ опущенной веревки (Третьяковъ, Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 414); кинчъ вообще духъ, идолъ, по видимому то же, что у Монголовъ онгонъ, у Алтайцевъ узютъ; слѣдовательно, специальное имя духа, поднимающаго шамана, „эсе“; ср. хэсэ, посохи шамана, представляющіе коней, на которыхъ онъ ѣздитъ въ міръ духовъ. Алтайскую сказку объ Аранъ-Тайчы, который бросилъ Чыланъ-хана (царя-змѣя) къ небу и пока тотъ летѣлъ, не допуская его до земли, разсѣлъ его въ семи мѣстахъ, отчего Чыланъ-ханъ издохъ (Томск. губ. вѣд., 1882 г., № 33, стр. 534; Radloff, Proben, I, 418) ср. съ разказомъ въ Рамайяніи о царѣ Triçanku, котораго Viçrâmitra хотѣлъ унести на небо, но Индра сбросилъ его; Viçrâmitra удержалъ его, не допустивъ до земли, и онъ виситъ головой къ землѣ и блеститъ въ видѣ созвѣздія

изъ семи Rischis, то-есть, Б. Медвѣдицы (Angelo de Gubernatis, Die Thiere in der indogerm. Mytholog., üb. v. Hartmann, Leipz., 1874, S. 423). Семи чародѣямъ, у которыхъ учится царевичъ въ Шиддикурѣ, въ вар. е соотвѣтствуетъ Бурханъ-баши, у котораго подъ властью семь волшебниковъ; въ санскритскомъ семь Rischis, „семь мудрыхъ“, по мнѣнію Макса Миллера, были прежде семь Rikscha, то-есть, семь медвѣдей, и находятся въ связи съ названіемъ Б. Медвѣдицы.

Въ аварской сказкѣ „Медвѣжье Ухо“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2 „Аварск. нар. ск.“, 16—24; Schiefner. Awarische Texten, s. 12 in d. Memoir. d. l'Acad. d. Sc. d. St. Pet., t. XIX, № 6), герой сказки, сынъ женщины и медвѣдя, имѣющій медвѣжьи уши, встрѣчаетъ сначала дровосѣка, потомъ мельника, съ которыми составляетъ товарищество; затѣмъ слѣдуютъ жизнь вмѣстѣ, очередное домовничанье, посѣщенія Заячьяго всадника (анкиль рекерау), спусканіе героя на веревкѣ въ яму, вѣроломство товарищей, оставившихъ „Медвѣжье Ухо“ въ ямѣ, вытаскивъ изъ нея только богатство и царевну, драка между чернымъ и бѣлымъ баранами, наденіе „Медвѣжьяго Уха“ въ подземный міръ, пораженіе змѣя, залегавшаго воду и возвращеніе на этотъ міръ на орлѣ.

Въ Тифлисѣ отъ Ингуша Сулеймана Бузуртанова нами записана слѣдующая ингушская сказка о медвѣжьемъ сынѣ (че уа'): Одиъ пахарь, оставивъ быковъ на пашнѣ, пошелъ вырубить хворостину погонять быковъ и встрѣтилъ тамъ лежащую медвѣдицу, которая сказала, что если онъ съ нею не вступить въ связь, то она живаго не отпуститъ. Исполнивъ ея требованіе, пахарь началъ продолжать паханье. Къ нему подходитъ взрослый мужчина и говоритъ: „Отецъ, иди домой. Я попаду вмѣсто тебя!“ (ср. съ литовской о илотникѣ, напущемъ на Перупѣ и чортѣ и съ вотячкой о вотякѣ, у котораго пашню вспахали боги Иньмаръ и Колчинъ; послѣдній шелъ въ оглобляхъ, первый держался за рукоятку). „Какъ ты мнѣ сынъ?“ спрашиваетъ пахарь. „Ты мой отецъ, а та медвѣдица, которую ты недавно видѣлъ къ лѣсу, моя мать. Я сейчасъ родился и сразу сталъ большой“. Отецъ ушелъ; сынъ, оставшись въ полѣ, вспахалъ землю, потомъ пришелъ въ домъ къ отцу и сталъ у него жить, но вскорѣ сдѣлался абрекомъ (эбирки, эбиргъ; по аварски абурік, полакски ккарагъ; Усларъ, Азб. аварск. и лаекск. языковъ) и сталъ бродить въ лѣсу (о причинѣ удаленія сына разказчикъ ничего не сообщилъ; изгнаніе полумедвѣдя богатыря изъ дому родителей, какъ неудобнаго сожителя встрѣчается въ русской сказкѣ: „Иванъ Медвѣдко“ [Аванас., Р. Н. Ск., в. VI, стр. 89]; ср. также „Батракъ“ [в. V, стр. 42] и „Уруслунъ Залазаревичъ“ [Тихонравовъ, Лѣтописи, IV, 100]. Не представлялъ ли дикарь медвѣдя человѣкомъ, изгнаннымъ изъ человѣческаго общества? См. съ индѣйскимъ миеомъ о Варунѣ, изгоняющемъ своего сына Brhgu. Въ лѣсу онъ встрѣтилъ богатыря, который забавлялся тѣмъ, что вырывалъ деревья и бросалъ ихъ; увидѣвъ медвѣжьяго сына (че уа'), этотъ богатырь сказалъ: „Будь моимъ старшимъ братомъ!“ Далѣе еще нашелся третій товарищъ. Они сдѣлали въ лѣсу шалашъ и стали жить въ

немъ; въ первый день остался караульщикомъ въ шалашѣ первый товарищъ; пришелъ къ шалашу человѣкъ, самъ шести четвертей, борода семь четвертей, и сталъ просить поѣсть; караульщикъ не далъ; тогда гость связалъ караульщика, все, что хотѣлъ, забралъ и ушелъ. По уходѣ бородатаго человѣка караульщикъ развязался и притворился больнымъ; ничего не сказалъ товарищамъ. На другой день остается караульщикомъ другой товарищъ и съ нимъ случилось тоже; и онъ сказался больнымъ и скрылъ случившееся съ нимъ. На третій день остался Медвѣжій сынъ; бородатый человѣкъ пришелъ и сталъ просить поѣсть; Медвѣжій сынъ далъ ему; поѣвши, гость хотѣлъ связать хозяина, но Медвѣжій сынъ схватилъ его самого, ударилъ имъ въ дерево и всадилъ, какъ топоръ. Пришли товарищи, Медвѣжій сынъ говоритъ: „вонъ, посмотрите, ваша болѣзнь!“ Пошли смотрѣть, бородатаго человѣка нѣтъ—онъ вырвался и ушелъ; по крови пришли къ башнѣ и увидѣли на ней женщину; она спустила цѣпь и подняла ихъ къ себѣ; когда пришелъ старикъ съ бородой, товарищи убили его. Тогда они рѣшились всѣ вчетверомъ уйдти изъ башни; Медвѣжій сынъ спустилъ двухъ товарищей и женщину внизъ посредствомъ цѣпи, а самому спуститься нельзя было; женщина говоритъ ему: „Въ будущую пятницу (периски) придутъ три барана, черныи, красныи и бѣлыи, тогда ты падай на нихъ; если упадешь на чернаго, въ третій (подземный) міръ провалишься, если на краснаго, во второй (подземный) міръ провалишься, если на бѣлаго—будешь на этомъ свѣтѣ“. (ср. съ нашимъ № 91). Пришла пятница; Медвѣжій сынъ прыгнулъ, попалъ на чернаго, очутился въ самой преисподней (ср. съ ново-зеландск. сказкой, Liebrecht, Zur Volkskunde, 245), на крышѣ какой-то землянки, и заплакалъ, да такъ обильно, что слезы прошли севозъ крышу. Жившая въ землянкѣ женщина вышла посмотреть, отчего промокла крыша, увидѣла богатыря, спросила его, кто онъ и откуда, и получивъ отвѣтъ, пригласила жить къ себѣ. Онъ спустился въ землянку. Видитъ, она хочетъ печь хлѣбъ и собирается замѣсить его на мочи. „Зачѣмъ ты такъ хочешь сдѣлать?“ спросилъ ее Медвѣжій сынъ. Она ему отвѣчала: „Змѣй Сармыгъ (ср. сармикъ, sermik, и медвѣдь по самоѣдски) залегъ кругомъ родника; за воду здѣсь отдаютъ каждую пятницу дѣвицу; поэтому мы воды мало имѣемъ“. Медвѣжій сынъ взялъ десять ведеръ, пошелъ къ роднику и добылъ воды, но не довезъ до землянки; на его десять ведеръ набросились люди, животныя и птицы и все выпили прежде, чѣмъ онъ вернулся домой. Онъ снова пошелъ къ роднику и на этотъ разъ довезъ воду домой, напился самъ и мать напоилъ. Когда онъ бралъ воду во второй разъ, Сармыгъ сказалъ ему: „Два раза я тебѣ далъ воды, въ третій не смѣй приходить! иначе я тебя проглочу“. Медвѣжій сынъ взялъ шашку и пошелъ въ третій разъ; Сармыгъ проглотилъ его, но Медвѣжій сынъ прокопался шашкой около хвоста, вышелъ (ср. съ осетинскимъ Амираномъ; Вс. Миллеръ, Осет. Этюды, I, 63), изрубилъ Сармыга въ мелкіе куски и воткнулъ свою шашку въ тѣло змѣя, сказавъ ей: „Никто пусть не вынетъ тебя, кромѣ меня!“ Между тѣмъ, въ слѣдующую пятницу снарядили на съѣденіе царскую дочь; приходятъ—весь змѣй уже изрубленъ

(ср. Аванас., Н. Р. С., в. 2, № 27, стр. 80); царь обрадовался и велѣлъ искать человѣка, который вынулъ бы шапку. Никто не можетъ ее вынуть. Докладываютъ царю, что есть одинъ иностранный человѣкъ, живущій у женщины въ землянкѣ; онъ еще не пробовалъ вынуть шапку, но ему не вынуть. Позвали Медвѣжьяго сына, онъ вынулъ шапку. „Ты убилъ змѣя?“ спрашиваетъ царь. „А“, говоритъ онъ. „Чего хочешь, золота, скота, или мою дочь?“ спрашиваетъ царь. „Ничего“, говоритъ Медвѣжій сынъ, — „мнѣ не нужно. Только поставьте меня на верхній свѣтъ“. Царь говоритъ: „Это можетъ сдѣлать только орелъ, который живетъ среди моря на деревѣ“. Медвѣжій сынъ дошелъ до дерева; видитъ на деревѣ гнѣздо, и въ гнѣздѣ орловы дѣти, которыя говорятъ ему: „Сѣсть тебя нашъ отецъ, если увидитъ. Спрячься подъ наше гнѣздо“. Медвѣжій сынъ спрятался; прилетѣлъ орелъ и спрашиваетъ: „Что это воляетъ человѣкомъ?“ „Мы не летаемъ по свѣту“, говорятъ орлу дѣти; — „ты летаешь; отъ тебя, должно быть, воплетъ“. Потомъ они сказали орлу, что подъ гнѣздомъ спрятался человѣкъ и упростили его вынести Медвѣжьяго сына на свѣтъ. Орелъ согласился, но сказалъ Медвѣжнему сыну: „Когда я скажу въ первый разъ „акъ!“ ты дай мнѣ 18 буйволовъ; когда скажу во второй разъ: „акъ!“ ты дай мнѣ 18 воловъ; когда скажу въ третій разъ: „акъ!“ ты дай мнѣ 60 барановъ“. Медвѣжій сынъ запасся 18 буйволами, 18 волами и 60 баранами. Полетѣли. При первомъ крикѣ орла Медвѣжій сынъ отдалъ ему буйволовъ, при второмъ — быковъ, при третьемъ — барановъ, но не успѣлъ еще долетѣть до свѣта, какъ орелъ крикнулъ въ четвертый разъ: „акъ!“ Тогда Медвѣжій сынъ вырѣзалъ кусокъ мяса изъ своихъ ляшекъ и отдалъ орлу, а самъ пошелъ и захромалъ. Орелъ узналъ, откуда взято послѣднее мясо, отпрыгнулъ его назадъ и снова прилѣпилъ на старое мѣсто. Медвѣжій сынъ нашелъ своихъ товарищей около той же башни, женился на женщинѣ, сиущенной съ башни, женилъ и товарищей и сталъ жить.

Къ вар. и. Ср. съ семью братьями-охотниками въ №№ 4 и 5. Въ одной статьѣ покойнаго Чокана Великанова, оставшейся въ рукописи, по поводу киргизскаго названія Б. Медвѣдичи Джеты Каракчи сообщается, что это души семи разбойниковъ, которые днемъ воровали, а ночью каялись въ грѣхахъ, за что и были обращены послѣ смерти въ звѣзды. У этихъ семи воровъ находится похищенная дочь Плендѣ.

Къ вар. к. Кальпе ср. съ именами Зарницы. Джебь-хуньякъ (Оч., II, 127), Чолпанъ, Цолмонъ, Солбанъ и пр. (см. стр. 137), а Зура съ именами зарницы: татарск. Зуря, вотяк. Зоря, малоросс. Зоря, киргизск. Джарыкъ. Киргизское повѣрье о звѣздѣ Зура разказано г. Стремоуховымъ въ „Иллюстр. Миръ“, 1880, № 7. Зура была вѣдьма, которая хитростью заставила царя Соломона жениться на себѣ; первымъ ея дѣломъ послѣ бракосочетанія было потребовать кибитку, рѣшетка которой должна состоять изъ птичьихъ костей, а войлока изъ птичьяго пуха. Мудрая птица Байгусъ научаетъ Соломона, какъ избавиться отъ змѣи-жены. Былъ сдѣланъ желѣзный домъ; Соломонъ завелъ туда жену, заперъ, обложилъ домъ дровами и разжегъ желѣзные

стѣны дома. Когда дрова сгорѣли, и домъ остылъ, двери отворили; оттуда вышла змѣя, и сказавъ, что она вознесется на небо, станетъ звѣздой и оттуда будетъ посылать бѣды на людей, вышла и исчезла (ср. № 64, вар. а, б, е и и, а также № 63, вар. в, г, о, е и г). Соломонъ опечалился, но Байгусъ (сычъ) успокоилъ его и снабдилъ указаніями, какъ узнавать появленіе Зуры, ея положеніе на небѣ и путь ея слѣдованія (Зура ср. съ Сөрө: въ барабинской сказкѣ [Radloff, Prob., IV, 30] птица Зузуло говоритъ, что въ молодости она боролась съ дракономъ и забросила его на гору Сөрө; ср. Учъ-Сөрө, алтайск. имя горы Бѣдухи; см. 43 прим. къ гл. II). Киргизское преданіе о Зурѣ связываетъ сказанія о Б. Медвѣдичѣ съ легендами о Соломонѣ; дырявое ведро, упоминаемое въ вар. г и д, встрѣчается также и въ сказкѣ Арджи-Борджи, состоящей, какъ извѣстно, также въ связи съ сказаніями о Соломонѣ; въ Арджи-Борджи воду въ дырявомъ ведрѣ приносятъ женщина Шулмусъ. Относительно именъ Амынь-Цаганъ-Бюрю и Цаганъ-Бурекей слѣдуетъ замѣтить, что первые два члена Амынь-Цаганъ встрѣчаются въ названіи мыши Амынь-Цаганъ-Хулугуна (см. стр. 143 и 186); изъ нихъ первое: Амынь сходно съ Амма Балтійскихъ Финновъ (Castren, Finn. Myth., 45); второй членъ цаганъ ср. съ словомъ Черневыхъ Татаръ цаганъ — звѣзда, и тунгусскимъ dzokun, солнце. Этотъ же членъ является въ имени монгольскаго божества Цаганъ-убугунъ (бѣлый старикъ) (см. № 52 и прим. къ нему). Бюрю напоминаетъ турецкое бүри, волкъ; въ формѣ Буреке то же начало, а окончаніе какъ въ словахъ хэнгрике, „бубень“, Тэнгрикей (Radl., Prob., I, 424); послѣднее, вѣроятно, версія монгольскихъ Тенгри-ху, „сынъ неба“, или Тенгри-ханъ, „царь неба“.

Между русскими сказками сходный сюжетъ (чередованіе съ товарищами въ уединенномъ лѣсномъ домѣ, опусканіе богатыря въ отверстіе, ведущее въ подземный міръ и пр.) содержится въ сказкахъ „Медвѣдко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри“ (Аван., Р. С., в. VIII, № 6, вар. а), „Соска богатырь“ (тамъ же вар. б), „Иванъ-Сученко и Бѣлый Полянишъ“ (в. V, № 54), „Про богатыря Сухобродзенко и Настасью Прекрасную“ (Тр. этн. экс. въ Зап. русск. край, т. II, № 80) и „Покатыгорошко“ (ibid., № 62). Въ первой изъ перечисленныхъ сказокъ богатырь Медвѣдко происходитъ отъ сожительства женщины съ медвѣдемъ; половина его человѣчья, половина медвѣжья; въ сказкѣ о Сученкѣ (у Аванасьева) герой родится отъ суки; сука здѣсь явилась, вѣроятно, потомъ, вслѣдствіе того, что богатырь носилъ подходящее имя Сухо-Бродзенко, которое напоминаетъ монгольское Цаганъ-Бюрю. Полубычья порода, какъ у Цаганъ-Бурекея, въ русскихъ сказкахъ является при другомъ сюжетѣ (тремякратная битва со змѣями подъ мостомъ, бѣгство отъ матери змѣевъ, спасаніе въ кузницу, иногда проведеніе пахотной борозды плугомъ, запряженнымъ змѣихой). Эти сказки суть: „Бура-богатырь“ (Аван., Н. Р. С., в. VIII, № 2) и „Иванъ-Быковичъ“ (ibid., в. VII, № 3); съ тѣмъ же сюжетомъ, но безъ звѣринаго происхожденія героя: „Иванъ Попыловъ“ (Аван., Н. Р. С., в. II, № 30), „Покати горошекъ“ (в. III, № 2), „Иванъ, крестьянскій сынъ“ (в. IX, № 9), „Про Сученку бо-

ратыря" (Тр. этн. экс. въ Зап. русск. край, т. II, №№ 68 и 69), „Покаты горошко" (ibid., № 63) и „Иванъ Богодавецъ" (ib., № 64). Концы сказокъ о „Иванѣ-Быковичѣ", „Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ" и „Богатырѣ Сухобродзенкѣ" сходны съ нашимъ № 36; богатыри артелью добываютъ дѣвицу, иногда возвращаютъ похищенную; похитителемъ дѣвицы въ сказкахъ о Сученкѣ и Сухобродзенкѣ является Бѣлый Полянинъ. Такимъ образомъ, хотя эти сказки разнятся отъ Амынь-Цаганъ-Бюрю прямо, но чрезъ свое сходство съ № 36, онѣ равно находятся въ связи съ сказаніями о Б. Медвѣдницѣ. Напи Покоты Горошко, Коты Горошекъ не есть ли испорченное неарійское Джеты-Каракше, сохранившееся какъ киргизское названіе Б. Медвѣдницы? Соединеніе сходныхъ корней можно видѣть въ сказаніи Хотоповъ о хотонскомъ предкѣ и сорока (татарск. кыркъ, чувашск. кирихъ) служанкахъ его матери (Оч. II, 162). Въ киргизской сказкѣ у Баянъ-Сулу 40 подругъ (Radloff, Prob., III, 25); въ казакумыхской (Сборн. свѣд. о кавк. горц., I, стр. 52) у царя родится 40 мальчиковъ, которыхъ онъ сначала забрасываетъ за гору, но потомъ возвращаетъ и ищетъ имъ 40 невестъ, дочерей одного отца (ср. съ киргизской объ Итыгылѣ, гдѣ 9 сыновъ и 9 дочерей одного отца; Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., I, 526); похождения младшаго изъ 40 царевичей Сунуны напоминаютъ Амынь-Цаганъ-Бурекя или героя сказки № 36. Ср. преданіе Иссыкъ-кульскихъ Киргизъ о происхожденіи ихъ отъ сорока дѣвицъ (кыркъ-кызъ) и рыжей собаки. Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ въ первую поѣздку онъ встрѣчаетъ сорокъ разбойниковъ, во вторую попадаетъ къ королевичицѣ, у которой проѣзжіе богатыри проваливаются въ кровать (Рыби., III, № 11); въ вариантахъ (Кирѣевск., I, отд. VI, № 2, стр. 89) Ильѣ освобождаетъ изъ ея погребовъ сорокъ королей. Въ греческой Kirke Преллеръ видитъ луну (Preller, Griech. Myth., I, 355). Алтайская Очи-Каракишинъ, можетъ быть, не Б. Медвѣдница, какъ мы предположили (стр. 718), а луна; ср. бурятск. хара, „мѣсяцъ". Монгольская форма Тайджинъ-Арахы или ея перестановка Арахы-Тайджинъ могла быть соседними Тюрками понята, какъ кыркъ-тайджи, „сорокъ царевичей". Въ Крыму около села Зуи (близъ Карасу-базара) есть ужасная мусульманами мѣстность Хырхъ-азисъ, „сорокъ святыхъ"; христіане говорятъ, что тутъ сорокъ юношей были замучены за христіанскую вѣру (Кондараки, Опис. Крыма, т. I, ч. I, стр. 25). Русский путешественникъ XVII в. Оедотъ Котовъ разсказываетъ, что около Дербента въ огороженномъ каменными плитами мѣстѣ лежитъ сорокъ человѣкъ, „а бусурманы сказываютъ и арменья, что тѣ русскіе сорокъ мученики святые" (Ив. Забѣлинъ, Ист. русск. жизни, ч. I, стр. 374). Названіе крымской мѣстности Керкеръ (Чуфутъ-кале) Абульфеда толкуетъ: „сорокъ мужей" (Брунъ, О посел. итал. въ Газаріи, М. 1872, стр. 8). Въ 10 верст. отъ Сальянъ на Кавказѣ указываютъ остатки города Кархъ-Чарахъ, „сорокъ свѣтильниковъ" (Газета „Кавказъ", 1881, № 204). Въ Европейской Турціи и въ Крыму встрѣчаются названія кырк-келесе, „сорокъ церквей"; въ Болгаріи Кръелесе (Карав. Памятн., I, 180). Ср. также Каравилпса на Кавказѣ (Сборн. свѣд. о Кавказѣ, т. V, ст. Списокъ насел. мѣстн. Кавк. края, ч. I, № 334) и Каралезъ или Каралесъ въ

Крымъ (Кеппенъ, Крымск. Сб., 249). Нерѣдко число сорокъ является въ связи съ именемъ „русскій". Кромѣ вышеприведенныхъ сорока русскихъ мучениковъ, есть еще случаи: у Ибнъ-Фоплана сорокъ дѣвушекъ (по тат. кыркъ-кызъ) сидятъ на престолѣ вѣстѣ съ Русскимъ царемъ (Забѣлинъ, Ист. русск. жизни, ч. I, стр. 464); въ сказкѣ Кавказскихъ Татаръ-горцевъ упоминается Бодене, русскій переселенецъ, за которымъ постоянно движется „сорокъ" телегъ; въ той же сказкѣ упоминается сорокъ служанокъ (Мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. I, отд. 2, стр. 27); сорокъ похожихъ другъ на друга дѣвицъ въ крымской (Кондараки, Опис. Крыма, т. III, ч. XIII, стр. 55). Не образовались ли формы кырк-кызъ и Киргизъ изъ Каракше, втораго члена въ киргизскомъ имени Б. Медвѣдницы? Мнѣніе алтайское Киргизъ-ханъ (стр. 62), можетъ быть, было однимъ изъ именъ Б. Медвѣдницы. Можетъ быть, и Qirgis, стоящее въ книгѣ Filhrst на мѣстѣ Сатурна, не описка, какъ думаетъ г. Хвольсонъ (Die Ssabier, t. II, S. 172) вслѣдъ за Гаммеромъ, а имя этой планеты, перешедшее на нее съ Б. Медвѣдницы. Не было ли въ числѣ неарійскихъ мнѣніе формъ кыркъ-урусь, изъ которой могло получиться русское „сорокъ русскихъ"?

36. Долонъ-Эбугуть.

Эбугуть дѣдъ, старикъ; старикомъ зовутъ и медвѣдъ; ср. также убукъ, „медвѣдъ" (см. стр. 161); поэтому Долонъ-Эбугуть „семь медвѣдей". Такое же прямое указаніе на Б. Медвѣдницу, какъ въ № 36, содержится и въ датской сказкѣ (Grundwig, Dänische Volksmärch., ub. v. Leo, Leipz., 1878, S. 110), которая есть вариантъ нашей сказки о братьяхъ семи Семіонахъ (Аѳанас., Р. Н. Ск., вып. 2, стр. 182). Увозъ царской дочери рядомъ съ изцѣленіемъ царевича находится въ № 64; болгарскій разказъ о лѣченіи царевича отъ змѣи, вошедшей въ его утробу у Каравелова, Памятн. быта Болгаръ, I, 250. Товарищи, отличающіеся разными способностями и помогающіе добыть дѣвицу, находятся въ киргизской сказкѣ „Итыгылъ" (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. I, стр. 526). Итыгылъ—сынъ обѣднѣваго старика, брошеннаго старшими девятью сыновьями; онъ родился отъ того, что мать его поѣла мяса, свареннаго для проѣзжавшаго гостя. Прийдя въ возрастъ, Итыгылъ отыскиваетъ своихъ девять братьевъ, но они соглашаются приѣхать къ отцу только подъ тѣмъ условіемъ, если тотъ найдетъ для нихъ девять невестъ изъ одного дома. Старикъ ѣдетъ искать и находитъ юрту, изъ верхняго отверстія которой высовывается девять дѣвичьихъ покоющихъ головъ. Младшую, десятую, старикъ беретъ для Итыгыла; но дорогой шайтанъ, жившій въ озерѣ, схватываетъ старика за бороду и заставляетъ уступить ему Итыгыла на срокъ. Шайтанъ поручаетъ Итыгылу достать дочь Тохтамысъ-хана. Итыгылъ ѣдетъ и находитъ товарищей: одинъ мастеръ бѣгать, другой—ѣсть, третій—пить, четвертый—въ банѣ сидѣть. Товарищъ героя въ № 36 вбиваетъ выставленнаго на поединокъ борца въ землю, по видимому, головою внизъ; ср. съ приведеніемъ противника въ подобное положеніе въ другихъ

сказаніяхъ (см. прим. къ № 49). Стрѣляніе въ Алтынъ-зурге ср. съ стрѣляніемъ въ три солнца, № 6, вар. *в* и *г*, или въ птицу Канъ-гередей (вар. *б*).

Въ русскихъ сказкахъ сходныя черты см. у Аванас., Н. Р. С., в. VII, № 3; вып. V, № 54; в. IX, № 9; у Чубинскаго, Труды этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. II, № 80. Въ послѣдней встрѣчается и выслушиваніе птичьего разговора, что также есть и въ чеченской сказкѣ о Черкесъ-Исѣ и Чечень-Исѣ (Сбор. свѣд. о кавк. горц., в. IV, отд. 2, стр. 15—20).

37. Мечинъ.

Мечинъ по монгол. обезьяна; ср. бячянь, якут. кабарга (Bötlingk, Jacut. Wörterbuch); oboci, opoci (Mel. asiatiques, t. VIII, 1877, p. 366), апачи, обининъ (Третьяковъ въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 298)—тунгусск. медвѣдь; мышей, башкирск., лыче, почо, черемисск., бушей, вотяцк., Cervus tarandus. Въ книжныхъ монгольскихъ сказаніяхъ встрѣчается Шарабычинъ, какъ имя перваго предка (Нилъ, „Буддизмъ“, 30 и 303). Споръ коровы съ верблюдомъ или конемъ, кому раздавить Мечина, ср. съ споромъ росомахи и тигра или барсука и тигра, кому стрѣлять въ муйгаба (олень); см. стр. 176 и 177, вар. *а* и *д*. Варианты о верблюдѣ (темень), собирающемъ раздавить Мечина ср. съ № 35, вар. *в*; не называлась ли Б. Медвѣдица Темень? Ср. у Сананъ-Сэцэна: семь Тюмюдовъ, дологан тюмюд (тюмюд мн. ч., ед. ч. тюмюн); впрочемъ, у него есть и шесть Тюмюдовъ, дзурган тюмен (Gesch. d. Ost-Mong., S. 171).

38. Оріонъ.

Созвѣздіе является цѣлью охоты; народное воображеніе видитъ въ немъ трехъ оленей; объ охотникѣ хотя и говорится, что онъ также на небѣ, но точнаго указанія на звѣзду или созвѣздіе, называющееся его именемъ, намъ не удалось получить. Можетъ быть, подъ этимъ охотникомъ или мергеномъ разумѣлась Б. Медвѣдица или мѣсяцъ. Выше (стр. 778) нами помѣщенъ остицкій разказъ, въ которомъ охота перенесена на Б. Медвѣдицу: въ ней самой совмѣщаются и преслѣдуемое животное, и охотники; послѣднихъ трое. Не существуетъ ли такихъ вариантовъ, по которымъ охотникъ (или три охотника) есть Оріонъ, содержащій въ себѣ три звѣзды, стоящія рядомъ, а преслѣдуемое животное—Б. Медвѣдица, которая на многихъ сѣверныхъ нарѣчіяхъ называется Лосемъ? У Самоѣдовъ Туруханскаго края за Б. Медвѣдицей, Форрэдъ, охотится Полярная Звѣзда (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II 415). Охотой за моралухой начинается киргизская сказка о Козу-Курпешѣ (Radloff, Proben, III, 263); не указываетъ ли это на связь имени Курпешъ съ монгольскими именами Оріона, въ которыхъ есть членъ гурбы? Имена охотниковъ Сарыбай и Карабай ср. съ монгол. сара, бурят. хара, „мѣсяцъ“. О томъ, что подъ охотникомъ, преслѣдующимъ трехъ оленей, разумѣлся громовникъ, свидѣлствуетъ, во первыхъ,

его огненная стрѣла (вар. *к*), воторыхъ, его названіе Сагадай въ вар. *н*, такъ какъ Сагадаю же другое сказаніе (№ 82, вар. *г*) приписываетъ открытіе огня. Другое его имя Кобюндей, очевидно, находится въ связи съ именемъ Кобонъ-Цаганъ, Кобонъ-Чаганъ, или Кубынъ-Цаганъ, которымъ называется то его лошадь (о конѣ Чаганъ-Хобонъ см. стр. 389), то собака, то стрѣла, то самъ онъ. Кубынъ по монгол. ведро. Не стоятъ ли имена Оріона въ связи съ сказаніями о предкѣ, найденномъ въ ведрѣ (прим. къ № 76) или въ древесномъ дулѣ, какъ Рашидъ-Эддинъ разказываетъ о предкѣ Кыпчаковъ? Цаганъ по монг. самка сѣв. оленя, на яз. Чернев. Татаръ „звѣзда“; дзюкунъ по тунгус. „солнце“. Ср. Сюрдахъ—сюгъ, якутск. божество (сардыкъ якутск. „свѣтъ“, а также кажется „мѣсяцъ“). Не есть ли это парное родѣ монгольскаго: харъ—наръ „мѣсяцъ—солнце“? Кастреномъ записана у Минусинск. Татаръ сказка о Komdei-mirgan, который встрѣчается на охотѣ Ytjun Agach (ср. съ киргизскимъ Джеты-Каракше, Б. Медвѣдица), дочь Талайхана (морскаго царя), принявшую видъ черной лисицы; въ погонѣ за нею онъ ломаетъ себѣ ногу, вслѣдствіе чего не можетъ выстоять въ борьбѣ съ Djilbegän'омъ, который отрываетъ ему голову и уноситъ еѣ къ Ирлхану въ царство мертвыхъ. Отсюда къ жизни возвращаетъ его сестра его Кубай-ко, которая спускается въ царство мертвыхъ (Castren, Finn. Myth., 155 и Reisen und Erinn., 243). Въ варіаціяхъ Когудей-матыръ, Когольдей-мергенъ, Көгöль-майманъ и Гоголь-голодай, форма Коголь не происходитъ ли отъ глагола (въ алтайскомъ) кункель „звенѣть“ чрезъ опущеніе носоваго *н*? О Майманъ см. прим. 7 къ гл. III. Голодай ср. съ формами Колду (стр. 423) или Голто (стр. 212). Варіаціи Когутей, Когодей, Куутей, Ковде, Кохоце ср. съ хого, самка марала по бурят. Сагатай, вѣроятно, образовалось изъ Коготей, такъ какъ и хого имѣетъ въ халхасскомъ соотвѣтствующее: сого. Кокѣтей-мергенъ встрѣчается въ Радловскихъ Proben, II, 185. Кохоце ср. съ урянхайскимъ названіемъ Оріона Кокчу-мергенъ (Оч. II, 124; ср. также съ Кокочу, однимъ изъ 7 сыновей Мунлика; Зап. Археол. Общ., XIV, 158; Юаньчаомини, 134). Кусеге ср. съ башкирскимъ Аръ-Кусакъ (стр. 723).

Къ вар. *а*. Окровавленная (въ другихъ вариантахъ красная или огненная) стрѣла встрѣчается въ мусульманской легендѣ о Немвродѣ (Weil, Bibl. Legenden d. Musulmänner, Fr., 1845, S. 77). У Манджуръ „огненною звѣздой“, Тува—усиха, называется Марсъ (Захар., Мандж. Слов., 765). У Коряковъ по Крашенинникову Юпитеръ называется Ичиваламакъ, „красная стрѣла“ (Опис. Камч., II, 160). Чукчи, по словамъ Нордквиста, Альдебарана называютъ Tsetl'omakom, производнымъ отъ tsetl'и, „красный“ (Nordqvist, Bidrag till kännedom om tshuktschernä, S. 32). По словамъ г. Гребницкаго, Алеуты Командорскихъ острововъ Сириуса называютъ Чингаллахъ „красный“, „горячій“.

Къ вар. *ж*. Первый членъ имени Комбу-Дорчжи тотъ же, что въ имени Гомбугуръ (стр. 332). Въ манджурскомъ амба, тигръ (Маакъ, Путеш. по Уссури, I, 112). Рашидъ-Эддинъ разказываетъ объ Амбай-ханѣ или Амба-

гай-ханъ, что онъ былъ схваченъ Татарами, переданъ Алтанъ-хану и имъ пригвожденъ къ деревянному ослу (Зап. Археол. Общ., XIV, стр. 53 и 184). Амбагай (ср. амбагай, дархатск., дядя) былъ совмѣстникъ Хабуль-хана (у котораго было девять сыновей). Та же судьба постигла и Укинъ-Бурхана, который на стр. 54 названъ старшимъ сыномъ Хабуль-хана; Укинъ-Бурханъ былъ схваченъ Татарами и переданъ Алтанъ-хану китайскому, а этотъ пригвоздилъ его къ деревянному ослу (ср. съ Гомбугуромъ, приписаннымъ въ скалѣ, стр. 339). Не одно ли это лицо и Амбай-ханъ и Укинъ-Бурханъ, и не скрывается ли подъ обоими именами Б. Медвѣдица? Тема пригвожденія могла явиться въ связи съ созвѣздіемъ, вслѣдствіе его какъ бы пригвожденнаго положенія по отношенію къ Полярной звѣздѣ. Членъ бурханъ встрѣчается и въ имени созвѣздія (Долонъ-Бурханъ); Укинъ-Бурханъ одинъ изъ девяти братьевъ; число девять, можетъ быть, замѣщаетъ здѣсь число семь.

Къ вар. л. Названіе Хуху-Мунгунъ было уже нами сопоставлено съ формами Хуху-Монголъ, Ихи-Монголъ, Ихи-Мангысъ (прим. 6 въ гл. II); сюда же, можетъ быть, относится и форма Мунулунъ, или какъ у Рашидъ-Эддина: мать Мунулунъ (эхэ Мунулунъ?). Съ формой мангысъ ср. мыиакъ, муйгакъ, „олень“ (стр. 157). Въ сопоставленіи формъ Учъ-Муйгакъ и Ихи-Мангысъ, членъ учъ будетъ соответствовать члену ихи; ихи или ихъ по монгол. „мать“; учъ ср. съ монгольск. эджи, „мать“. По монгольски созвѣздіе назыв. Гурбы-Маралъ, что значитъ три оленя самки. Въ сказаніяхъ встрѣчаются имена Гурбустень-ханъ, Учъ-Курбустанъ (стр. 429), Гучинъ-Гурбу-Гурбиستانъ (стр. 429); последнее народъ понимаетъ, какъ „тридцать три Гурбистана“, но это, вѣроятно, народная этимологія. Изъ сравненія двухъ послѣднихъ формъ заключаемъ, что монгольское Гучинъ есть то же, что алтайское Учъ. Бурятскій Чурмусень-ханъ (стр. 329) имѣетъ трехъ сыновей, что намекаетъ на три звѣзды Оріона. Ср. также формы Ханъ-Тюрмаъ (см. прим. къ № 53), Камъ-Курмось (стр. 328), Ханъ-Хормусту (подъ послѣднимъ обыкновенно оріенталисты видятъ иранскаго Ормузда), Аджу-Хурмянъ (Оч., II, 16), мать Гурбесу (эджъ Гурбесу? Юанъчаомпиши, стр. 100, 105 и 108), киргизское Козу-Курпешъ; у Радлова (Ргов., I, 424): Курбусту Тэнгэрэкэй Куджу. Гурбустень-ханъ, Гучинъ-Гурбу-Гурбиستانъ, Ханъ-Хормусту представляются громовержцами; они бросаютъ на землю молнію. Не значило ли это Гурбустень то же самое, что Мангысъ, то-есть, змѣй (зендск. Azhi)? Ср. гурбюль, монгольск. „ящерица“; ежъ, котораго имена въ арійскихъ языкахъ часто смѣшиваются съ змѣйними (см. стр. 753), въ киргизскомъ называется керпекъ-шешень или керпе-чечень; второй членъ ср. съ киргизск. шеше или чече, „мать“ (= монгол. эджъ). Формы Курпешъ, Курмось и пр. ср. съ бурятск. курмиши, „летуч. мышъ“, формы: козу, учъ, куджу и пр. съ гедже, „летуч. мышъ“ у Крымскихъ Татаръ. Ср. переходы: Хаджи-тарханъ, Хозя-тороканъ, Астраханъ. У Русскихъ встрѣчаются сопоставленія: „Тараканчиковъ-Корабликовъ“ (Рыбн., I, 174), „села Тараханова, жена Коробанова“ (Древн. и Нов. Россія, 1879, № 11, стр. 269), „на морѣ на Коробанскомъ, много скота Тараканскаго“ (Даль, „Пословицы“, Садовниповъ, № 1864, М.).

Членъ гурбы встрѣчается въ монгольскомъ выраженіи: гурбы эрдэни, которое обыкновенно переводится: „три драгоцѣнности“. Не архаическія ли это формы, которыя не слѣдуетъ толковать современнымъ языкомъ? Эрдэни ср. съ Ертене въ урянхайск. сказкахъ (№ 132); Ертене-мергенъ добываетъ живаго бога; въ монгольской (№ 83, вар. з) самъ живой богъ называется Ердене-Дзо. Въ настоящее время члены Учъ и Гурбы имѣютъ значеніе числа „три“: первый въ турецкомъ, второй въ монгольскомъ; но не приобрѣли ли они это значеніе только впоследствии, когда эти имена были приурочены къ созвѣздію Оріонъ?

Къ вар. м. Въ бурятскомъ вмѣсто маралъ, „оленуха“ стоитъ хого. Въ татарскихъ южно-сибирскихъ сказкахъ у Радлова у женскихъ именъ вторымъ членомъ иногда бываетъ Ко или Кога, что очевидно, то же самое, что монгольское гоа или хуа, „красавица“. Хуа переходитъ въ ха; такъ Урянхайцы въ Таннуолѣ говорятъ Ха-хемъ им. Хуа-хемъ; ха ср. съ монгол. ца, сѣверный олень. Гоа-Маралъ, мать всего монгольскаго народа (Рашидъ Эдинъ въ Труд. Вост. Отд. Археол. Общ., XIII, стр. 4), можетъ быть, просто тавтологія (маралъ-оленья самка). Въ Алтанъ Тобчи (стр. 22) и у Сананъ Сэцэна упоминается Гурбельджинъ Гоа; ср. съ Гурбанъ Хого, названіемъ Оріона.

41. Открытіе неба.

Повѣрье о раскрытіи неба и дарованіи всякихъ благъ есть у Абхазцевъ (см. въ Азбукѣ абхазскаго языка, составл. Усларомъ, подъ словомъ раху) и у Чувашей (Магнитскій, Матер. къ объясн. стар. чуваш. вѣры, Каз., 1881 стр. 63).

42. Потопъ.

Изъ другихъ сибирскихъ инородцевъ преданіе о потопѣ записано у Енисейскихъ Остяковъ и у Черневыхъ Татаръ; по преданію первыхъ, отъ потопа спаслись только семь человѣкъ, сидѣвшихъ въ лодкѣ; прибывающая вода подняла ихъ къ самому небу, такъ что они сидѣли согнувшись подъ небеснымъ сводомъ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415). Ср. съ сказаніемъ о предѣхъ Монголовъ Нукузѣ и со сказаннымъ о немъ въ 12 прим. къ III гл., стр. 740. О преданіи Черневыхъ Татаръ см. Вост. Обзор., 1882 г., № 30. Всеобщее наводненіе, въ которомъ гибнетъ старый міръ, чтобы дать мѣсто новому, у Монголовъ называется галабъ или галабунъ. Ср. съ альбинъ, злой духъ, нападающій на луну (№ 34, вар. м), а также съ вторымъ членомъ въ имени божества Сайнъ-Гальбинъ-Минганъ-бурханъ, похищающаго Аю-Бобисатту (луну? № 68). Миѣ о пожираніи луны относится, по видимому, не къ одному затмѣнію, но и къ новолунію; по очень распространенному повѣрью новолуніе всегда сопровождается ненастьемъ; „молодой мѣсяцъ умывается“, говорятъ Русскіе. Не на этой ли почвѣ возникъ

миръ о галапахъ? Враждебная сила (альбинъ, гальбинъ, ельбегень) въ постоянныхъ попыткахъ погубить оба свѣтила; но пока она вредитъ имъ временно; окончательная же гибель свѣтилъ должна повзечь за собою гибель всего свѣта. По ламайскимъ вѣрованіямъ, галапъ—періодъ существованія міра. Народъ монгольскій галапомъ зоветъ и самый переворотъ, представляя его въ видѣ всемірнаго наводненія. Повѣствованіе о галапѣ, понятно, должно соединяться съ разказомъ о началѣ новаго міра и о первыхъ царяхъ или міродержителяхъ. Содержаніе нашей Голубиной книги распадается на слѣдующія статьи: 1) упоминаніе трехъ или пяти царей; 2) изложеніе космическихъ загадокъ; 3) перечень пра-предметовъ (мать-камень, мать-рыба и пр.; ср. Оч., II, 99); 4) упоминаніе о борьбѣ двухъ зайцевъ (ср. № 53); 5) упоминаніе о соборной церкви папы Римскаго Климента (въ одномъ разговорѣ отъ зубовъ въ соборной церкви лежитъ „святой безсмертный“ [Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., IV, 319]; въ другихъ болѣею частью упоминается „мѣсяцъ въ небѣ“), и 6) упоминаніе о рожденіи Соломона и Соломиди. Последнюю статью ср. съ сказаніями о сынѣ неба, найденномъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣла птица; иногда объ этомъ найденномъ (какъ на-примѣръ, о Чингисѣ) въ другихъ преданіяхъ разсказывается, что онъ былъ брошенъ въ море. Подъ Климентомъ въ Голубиной книгѣ, вѣроятно, разумѣется „папа римскій“ народныхъ повѣрій и легендъ; но повѣрью въ Новгород. губ., папа римскій каждый мѣсяцъ возрождается; мѣсяцъ старый и папа римскій становится старымъ, мѣсяцъ молодой и папа становится молодой (сообщ. г. Пѣвцовымъ); ср. съ сказаніями о Криво-Кривей въ Ромовѣ. Алеша Поповичъ (ср. Baby, Попова семья, названія созвѣздіи, стр. 730) по южно-русской думѣ также былъ брошенъ въ море. Ср. съ помехонскимъ преданіемъ о бояринѣ Колмо; см. прим. къ № 88. Clemens, родоначальникъ албанскаго племени Klementer, былъ овечьей пастухъ одного богатаго человека; хромая дочь послѣдняго Бубей забеременѣла отъ него; отецъ удалилъ ихъ въ горы, гдѣ они прижили сыновей, отъ которыхъ и пошли семь родовъ албанскихъ; Hahn, Alban. Stud., 183. Ст. областныя названія растений Inula Helenium и Verbascum Thapsus въ Бот. Словарѣ Анненкова. У Монголовъ есть какая-то книга: Сайпъ-Галабынъ-судуръ, „книга о добромъ Галабѣ“ (Галстунскій, Монголо-ойратск. законы, С.-Пб., 1880 г., стр. 124).

Къ вар. г. Алапъ-мелекей можно перевести „великанъ-лягушка“, если принять алапъ за татарское алыпъ. У Нила (Буддизмъ) землю поддерживаетъ Алтанъ-мелекей; у Бергмана (Nomad. Streifer. unter Kalmücken, III, 29)—золотая черепаха. Кэзэръ-Чингисъ-Кайраканъ даетъ имя народу Тува подобно тому, какъ Чингисъ-ханъ по Сананъ-Сэцэну переименовываетъ народъ Беде въ Хуху-Монголь. Повѣрье объ обязанности народа Тува поднести Чингисъ-Кайракану птицу езиръ напоминаетъ Киргизъ, которые поднесли Чингисъ-хану въ знакъ покорности кречета (Зап. Археолог. Общ., XIV, 131). См. ниже прим. къ № 76.

Къ вар. д. О той же горѣ Адыганъ говорится въ Миссіонерѣ за 1876 г., № 5, стр. 28, гдѣ она названа Эдиганъ; см. прим. къ III гл., стр. 722. По пре-

данію Черневыхъ Татаръ, корабль (жерепъ) съ Намой и его тремя сыновьями Соозунъ-ууломъ, Саръ-ууломъ и Вазыксой остановился на горѣ Улудагъ (Вост. Обзор., 1882, № 30, стр. 9). Имя среднего сына Саръ ср. съ монгольскимъ саръ, „мѣсяцъ“; въ бурятской легендѣ (№ 82, вар. е) средний изъ трехъ братьевъ также мѣсяцъ.

43. Вода вѣчной жизни.

Изъ вар. а и б вытекаетъ, что Мангысъ—Арахи. Урянхайцы вм. Арахи произносятъ Гарукъ или Карыкъ; ср. съ Каракше, вторымъ членомъ киргизск. имени Медвѣдицы. Семь поврежденій въ вар. а ср. съ Бюрю, разбитымъ на семь звѣздъ (стр. 198), съ Чылапъ-ханомъ у Радлова (Proben, I, 48) и у Вербицкаго (Томск. губ. вѣд., 1882, № 33, стр. 534) и съ Ghazan'омъ у Гаммера (Hammer, Hist. des Ilkhans, II, 108). Затменіе въ народныхъ повѣрьяхъ приписывается или звѣрю или колдуну. О русскихъ и славянскихъ повѣрьяхъ см. Аванас., Поэт. Возвр., I, 736, 750; II, 535; въ ст. Мельникова, Отеч. Зап., 1842, т. III; Этн. Сб., VI, 117; Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. I, в. 1, стр. 13. О финскихъ повѣрьяхъ см. у Кастрена, Finn. Myth., 64; виновникъ гибели свѣтила называется Louhi, Rahko и пр.; объ ущербѣ Финны говорятъ: „луна съѣдена“. Мордва приписываетъ затменіе вѣдунамъ; за вѣдуновъ принимаютъ огненные метеоры, идемевъ (Матер. для ист. и стат. Симб. губ., изд. Симб. стат. комит., в. II (1866), стр. 34). По чувашскому повѣрью, луну съѣдаетъ вубуръ (Золотницкій, Чувашск. сл., 157). Черемисы (по сообщенію г. Аптріева изъ Бирска) объясняютъ затменіе луны тѣмъ, что ея проглатываетъ *вуверъ* (чудовище), а на Пасху луну пожираютъ чародѣи и оборотни; подъ оборотнями разумѣются женщины, обладающія искусствомъ обращаться въ кошекъ, собакъ и пр. Эти женщины въ ночь на Пасху, рысая по чужимъ дворамъ и найдя гдѣ-нибудь оставленное перьяшливою хозяйкой бѣлье, отрѣзываютъ частички отъ этаго бѣлья, а прокравшись въ конюшню, отрѣзываютъ часть гривы у лошадей, затѣмъ всѣ оборотни со своею добычей отправляются къ какому-нибудь ключу, всѣ добытыя вещи впикиваютъ въ этотъ ключъ и тѣмъ портятъ скотъ и людей; послѣ того они поднимаются на небо жрать луну. По осетинскому повѣрью, луну и солнце пожираютъ звѣри май-хорта и хуръ-хорта (Сборн. свѣд. о Кавк. горц., в. IX, ст. Гатіева: „Суевѣріе у Осет.“, стр. 71). У Гаунскихъ Чукчей луну скрадываетъ шаманъ (Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., кн. III, стр. 95). Туруханскіе инородцы видятъ въ пятнахъ на лунѣ шамана, который хотѣлъ схватить луну, но прилипъ къ ней, а ущербъ объясняютъ похищеніемъ подземнымъ дьяволомъ *сыръ-нянда* (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415). О Камчадалахъ Крашенинниковъ говоритъ: „причины явленія не знаютъ“ (Опис. Камч., II, 22). Нордвистъ не говоритъ, что Чукчи думаютъ о затменіи, но они связываютъ, какъ ему казалось, съ колдовствомъ круги около солнца. Остяко-Самоѣды на Оби лунныя и солнечныя затменія, по сообщенію г. Н. П. Григоровскаго, объясняютъ не умѣютъ и выражаются о нихъ только словомъ каемба, закрылъ, покрылъ. О лунномъ затменіи они иногда

говорять: эрендъ титы каемба, то-есть, облако закрыло мѣсяцъ, но о солнечномъ затменіи никогда не говорятъ, что облако закрыло солнце, а просто выражаются: тельндъ каемба, то-есть, „закрылъ солнце, закрылъ свѣтъ“, кто же закрылъ свѣтила, имъ не извѣстно. Они все-таки понимаютъ, что облако не можетъ такъ закрыть солнце, чтобы день превратить въ ночь. Съ вопросами, обращенными къ солнцу и лунѣ объ Арахѣ въ вар. а и б, ср. русскія загадки о ростѣ: „заря, зарница... ключи потеряла, мѣсяцъ видѣлъ, а солнце срыло“; въ другихъ вариантахъ: „мѣсяцъ видѣлъ, не сказалъ, солнце увидало, подняло“; „солнце шло, ключи нашло, мѣсяцъ видѣлъ да не скажетъ“; (Садовниковъ, Загад. Р. Н., № 1935). Въ южно-русской полядѣ вино стерегла и не устерегла „дівка Варочка“ (Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, III, № 126). Въ финскихъ сказаніяхъ вопросы къ свѣтиламъ обращаются не по поводу напитка, а по поводу утраченного ребенка; мать Лемминкайнена спрашиваетъ о потерянномъ сынѣ, Дѣва Марія—о сынѣ Христѣ (Castren, Finn. Myth., 60). Точно также въ сказаніяхъ о св. Сисиніѣ похититель ребенка называется Гилло, въ одномъ вариантѣ Варахъ; вопросы обращаются не къ свѣтиламъ, а къ деревьямъ (А. Веселовскій, Разысканія, VI, 42—45). Похититель ребенка въ алтайскомъ сказаніи (Radloff, Proben, I, 415): Чилангханъ, „змѣй-царь“ (сл. стр. 744); имя похищенного ребенка Аранъ-Тайджи ср. съ Тайджинъ-Арахѣ въ № 43, вар. а.

У г. Остроумова („Китайскіе эмигранты“, Казань, 1879, стр. 32) Барындъ-Багышъ (то-есть, Бурханъ-Баши) разбиваетъ противника тарелкой. Раздвоеніе Арахына пополамъ ср. съ литовскимъ преданіемъ о томъ, что мѣсяцъ былъ разсѣченъ пополамъ за измѣну своей женѣ, солнцу. Къ мнѣнію о разсѣченіи мѣсяца, можетъ быть, относилось и сказаніе о Тайнт-Тирхинѣ, которому Чингисъ-ханъ разрубилъ лицо. По осетинскому сказанію, Балсагово колесо (Малсагово или Барсагово колесо; мѣсяцъ на кюринск. варц, лакск. барз [ср. съ лакскимъ же барцъ, съ чеченск., боурз, волкъ], солнце по лакск. барг, по чеченски малх), катясь, разрѣзываетъ пополамъ Батраза (Всев. Миллеръ, Осет. Эт., I, стр. 25) или Сослана (Всев. Миллеръ, Поѣздка въ Осетію, въ Русск. Мысли, 1881, кн. VIII, стр. 84); колесо это насылаетъ или Фуд—Юанне (Джетыганъ?) или самъ Богъ. Сосланъ, видя катящееся колесо, проситъ ольху и орѣшникъ задержать его; ольха отказалась, орѣховое дерево задержало; первое за это проклято Сосланомъ. Ср. у Веселовскаго, Разысканія, VI, 42. Преслѣдованіе Арахына ср. съ алтайскимъ сказаніемъ (№ 48) о Джанкѣ, преслѣдуемомъ летягу (бобырганъ по алтайски, абырганъ по урянхайски). Продѣваніе Мангысу повода въ носъ напоминаетъ одну халхасскую сказку, которую я слышалъ, но не успѣлъ записать. Содержаніе ея такое: Мальчикъ поймалъ зайца и хотѣлъ убить. Заяцъ убѣждаетъ сначала, что его не стоитъ убивать, выгоды нѣтъ: „Въ горахъ птица-ястребъ меня преслѣдуетъ, въ береговыхъ мѣстахъ—птица-элэ меня преслѣдуетъ, гдѣ мнѣ зайцу ходить? На полу шубы шкуры моей не хватить, на день мяса не хватить, стоитъ ли меня бить?“ (хадагѣй газыр харцхи шюбун шюрлюгун болно ергетей газыр ябухун элэ шюбун шюрлюгун болно хамагор ябухун тулай болхуб хорма

хурдык арисин уга хонок хурдык маха уга нама ю хена ална). Затѣмъ заяцъ общается пригодиться мальчику въ будущемъ, и тотъ оставляетъ ему жизнь. Потомъ мальчикъ ловитъ лисенка, волченка, медвѣженка и другихъ, всего шесть звѣрей. Всѣ они семеро живутъ вмѣстѣ. У мальчика была сестра, которая принимала къ себѣ другаго богатыря и хотѣла убить брата. Заяцъ подслушалъ ея разговоръ, и всѣ семеро бѣжали. Они находятъ у одного озера дѣвицу и телегу съ солью. На распросы, кто она и зачѣмъ тутъ, дѣвица отвѣчала, что она обречена на съѣденіе Мангысу; чудовище должно выйти изъ озера и съѣсть ее и соль. Мальчикъ побѣждаетъ Мангысу, продѣваетъ ему буйлы и даетъ дѣвицѣ отвести его. Отъ хана были посланы два вельможи (тушмюдъ) наблюдать за дѣвицей. Они провожаютъ ее къ хану, уговариваютъ ее умолчать объ истинномъ ея спасителѣ и себя выдаютъ за виновниковъ ея спасенія. Сказка кончается разоблаченіемъ коварства вельможъ. Представленіе о Мангысѣ на поводу ср. съ представленіями о Б. Медвѣдицѣ, прикрѣпленной арканомъ къ Полярной звѣздѣ. Разказъ объ опоганенномъ сосудѣ, въ которомъ была животворная вода, ср. съ распространеннымъ разказомъ о томъ, какъ при созданіи перваго человѣка злой духъ тайно пробрался къ слѣпку, изъ котораго долженъ былъ выйти первый человѣкъ, и оплевалъ его. По черемисской легендѣ, Кереметь въ отсутствіе творца Юмы осквернилъ тѣло только что сотвореннаго человѣка (Этн. Сб., VI, 120). См. ниже, прим. къ № 46. Не находится ли съ этимъ эпизодомъ въ связи обычай, описанный нами въ Оч., II, 97? Онъ, можетъ быть, не соблюдается, но слышать о немъ можно въ разныхъ мѣстахъ сѣверо-западной Монголіи. Въ названіи Арахѣ-амитынь второй членъ въ монгольск. значить „животное“, „живое существо“; ср. съ самоѣдскимъ: haibida, „медвѣдь“.

Къ вар. б. Въ осетинскомъ разказѣ (Вс. Миллеръ, Осет. эт., I, стр. 11) Амиранъ, проглоченный змѣемъ (заріаг калы), дѣлаетъ отверзстіе и вновь выходитъ на свѣтъ, но голый, потому что волосы его были уничтожены ядомъ въ змѣиной утробѣ. Ср. русскія загадки о мѣсяцѣ, какъ о лысомъ (Садовн., Заг., № 1835, вар. д, з, и № 1835). Въ одной русской сказкѣ мальчикъ также при помощи ножичка освобождается изъ рыбы пискарика (Труд. Курск. Статист. Комит., 1863, кн. I, стр. 531); изъ воды его выносятъ летѣвнія мпо семь птицъ. Въ другомъ осетинскомъ сказаніи Амирача высѣкаетъ изъ утробы своей любовницы его отецъ, Ростомъ (Осетин. этюд., I, 145).

Къ вар. в. Ср. съ южно-русскимъ повѣрьемъ о „непочатой“ водѣ (Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. I, в. I, стр. 43).

44. Изобрѣтеніе вина.

Къ вар. а. Бурхель, плывущій вверхъ по рѣкѣ ср. съ трупомъ захваченной Чингисъ-ханомъ женщины Гурбельджинъ Гоа, тоже плывущимъ противъ теченія (Алтанъ-Тобчи, стр. 28; см. также стр. 733). Винокуренный снарядъ по алтайск. джиракы, по вотяцки бургы, по черемисск. порго.

Жолобъ для стока воды при винокурении по монг. называется цорго; тѣмъ же именемъ называется и жолобъ въ дѣтской люлькѣ для стока мочи. По якутск. сорго—мѣховой жолобъ для пропуска мочи въ дѣтской люлькѣ (Поряд., Якут. слов., рук.). Имя женщины, захваченной Чингисомъ, находится въ какой-то связи съ парнымъ Темиръ-Олху; такъ называется ея могила (см. у Пржевальскаго, Монголія, I, стр. 139). Первый членъ встрѣчается въ названіяхъ Полярной звѣзды (стр. 734) и въ названіи одного урочища въ Монголіи: Темиръ-Цорго. Бурятское сказаніе принимаетъ рѣки за мочу Бухапонна (№ 53, вар. d); ср. разказъ объ Арахѣ, № 43, вар. a.

Къ вар. b. Ср. съ подобнымъ повѣрьемъ у Нижегород. Татаръ. Аванас., Поэт. Возр., I, 381.

Къ вар. a. Здѣсь Чингисъ замѣненъ Гесеромъ; Урянхайцы спариваютъ эти имена въ сложномъ Кезеръ-Чингисъ Кайраканъ (см. стр. 208); по видному, Кезеръ и Чингисъ—одно и то же лицо. О смѣшеніи Чингиса съ Хасаромъ см. у Позднѣева, „Монгольск. Лѣтопись“, 1883, С.-Пб., стр. XXVIII.

Къ вар. i. Ср. съ русскими загадками; у Садовникова № 2067, „ложь“ загадывается: диво варило пиво, слѣпой увидалъ, безногий за ковшомъ побѣжалъ... Ср. также прим. къ № 2067 и загадку о водѣ, № 2408; у Аванас. „Легенды“, стр. 43. Въ честь Индры пѣли: „Ты, побѣдитель Вритры, исцѣлилъ двухъ несчастныхъ: слѣпаго и хромого“. Хромой (или безногий) и ослѣпленный встрѣчаются въ нашихъ сказкахъ и былинахъ; у Аванас., Р. Н. С., в. V, № 35; в. VIII, № 23: безногий (Катома, Колтома, Иванъ Голой) садится на слѣпаго (Марка-бѣгуна). Ср. съ классическимъ мифомъ объ ослѣпленномъ Орионѣ (Preller, Griech. Myth., I, 369).

Въ записанныхъ нами вариантахъ въ связи съ изобрѣтеніемъ вина (включая сюда и животворную воду), являются имена: Очирвани, Бурханъ-Баеши, Чингисъ-ханъ, Гесеръ или Кезеръ, Галто-Бурханъ, Амида-Бурханъ и Адамъ-Ерликъ. Вотлцкая легенда объ изобрѣтеніи вина разказана Бехтеревымъ въ „Вѣстн. Евр.“, 1880, сент., стр. 151. Изобрѣтеніе или открытіе человѣку способа приготовленія вина приписано Кереметю, который при этомъ осквернилъ вино (кумышку), помѣстивъ въ него смерть. Русская пѣсня о пивѣ помѣщена въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по этн., IV, 53; у Аванас., Поэт. Возр., II, 487. Мордовская у Веселовскаго, Разысканія, VII, 234, и въ Матер. для ист. и статист. Симб. губ., в. VI (Симб., 1867), стр. 38.

45. Преданія объ урочищахъ 1. Р. Таджилу и скала Абымъ-бомъ.

Таджи — князь; лу — притяжательная частица; таджилу будетъ значить таджіева. Это не болѣе, какъ народная этимологія; указаніе на змѣй въ концѣ разказа намекаетъ на какую-то связь его съ змѣями; поэтому въ лу, можетъ быть, можно видѣть монгольск. лу, драконъ; ср. Тайчжинъ-Арахы, чудовище, плывущее луну (стр. 209), вѣроятно, змѣй. Таджи-лу не есть ли тавтологія? Въ сѣверной Монголіи встрѣчаются названія Ташилунъ и Ташилукъ; окончанія лунъ и лукъ не есть ли видоизмѣненія формы лунгъ,

которая сохранилась цѣлою въ имени Тумурлунгъ (Оч., II, 44, 93). Нѣмецкое Erlkönig ср. съ Ирль-ханъ Качинскихъ Татаръ, то же, что Ерликъ у Монголовъ. Ханъ, везущій свое дитя согласно обѣту, встрѣчается во многихъ сказкахъ южной Сибири.

45. Преданія объ урочищахъ 2. Ижимей.

Не находятся ли съ этимъ именемъ въ связи имена Ашемайли (Ашемайлу? ср. лу „драконъ“), Ачмайли, Ачамайлы (Оч., II, стр. 3 и къ гл. I прим. 2), Очамайли, узбекск. поколѣніе въ Шягрислѣзѣ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., VI, 217), Агамайли, узбекскій родъ въ Бухарѣ (Ханыковъ, Описаніе Бухарск. ханства, 1843, Спб., стр. 60). Можетъ быть, этими формами возможно будетъ объяснить появленіе на востокѣ имени Измайло (см. стр. 233), которое Петръ Гантимуровъ произносилъ иногда Змайло, и Измайль (Алтанъ-Тобчи, 70); Измаилу Алтанъ-Тобчи у Санапъ-Сэцэна соответствуетъ Исама. Ср. стр. 646.

45. Преданія объ урочищахъ 8. Лунъ-ханъ.

Въ Оч., II, 298 мы высказали предположеніе, что Улангомъ стоитъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ Иланъчжеу, „змѣиный городъ“ китайскихъ лѣтописей. Ср. членъ линъ-хумъ въ имени Джерже-линъ-хумъ у Рашидъ-Эддина, который мы сближаемъ съ хотогойтскимъ Уланъ-хунъ-тайджи (Оч., II, 76 прим. къ гл. V).

46. О сотвореніи міра.

Сходный съ вар. a и b разказъ уже былъ напечатанъ г. Радловымъ (Prob., I, 175 и въ Восточн. Обзор., 1882, № 7). Шифнеръ принялъ этотъ разказъ за заимствованіе отъ Русскихъ (Radloff, Proben, I, s. X). Варианты этого сказанія находятся у Тунгусовъ (Middendorf, Reise, B. IV, Th. 2, S. 1602), Черемисовъ (Этн. Сборн., IV, 210; Вѣстн. Европы, 1880, сент., 168 и 1867 г., дек., 48—49); Самоѣдовъ (Кушелевскій, „Сѣверный Полюсъ и земля Ямалъ“, стр. 116 — собственно о сотвореніи человѣка и собаки и дарованіи послѣдней шерсти); Вогуловъ (Hunfalvy, Ethnogr. von Ungarn, Budapest, 1877, S. 159: Elmpi [сынъ неба] вынулъ землю изъ моря по указанію Тарома), у Долгановъ и Якутовъ (Третьяковъ, въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415 и 421), Мордвы (Древн. и Нов. Россія, 1881, мартъ, стр. 594). Конечъ варианта b есть монголо-бурятское сказаніе о трехъ братьяхъ, сынахъ неба или о трехъ божествахъ, бросающихъ жребій объ обладаніи вселенной. Въ одномъ изъ этихъ сказаній (№ 79) одинъ изъ братьевъ носитъ имя Сагадай, напоминающее второй членъ сложнаго Цаганъ-Шукуты или Чукуты. Въ вариантѣ Радлова, помѣщенномъ въ Вост. Обзор., 1882, № 7, стр. 11, землю творитъ Тенгере-Кайраканъ — также съ товарищемъ, котораго онъ самъ же создалъ. Это былъ первый человѣкъ; за непослушаніе онъ былъ проклятъ Кайраканомъ и названъ Эрликкомъ.

Онъ соотвѣтствуетъ Цаганъ-Шукуты, такъ какъ онъ по повелѣнію Кайрана ныряетъ въ воду съ цѣлю достать земли. Въ вогульскомъ разказѣ ныряющій помощникъ творца также сынъ его. Въ черемисскомъ ныряетъ Кереметь, сынъ неба. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ помощникомъ творца является его сынъ (или его созданіе) и принимаетъ враждебное положеніе къ отцу; въ вотяцкихъ и ингушскихъ (на Кавказѣ) также является спорщикъ Богу, въ первыхъ Колдышинъ или Колчинъ, во вторыхъ Елта; послѣдній прямо называется сыномъ Бога; въ то время, какъ Эрликъ и Кереметь являются въ спорѣ съ Богомъ вредителями человѣку, ингушскій Елта является его сторонникомъ и защитникомъ. Колдышинъ въ легендахъ о хожденіи съ Иньмаромъ по землѣ, кажется, является враждебнымъ человѣку, но въ обрядѣ жертвоприношеній онъ представляется болѣе даже благотѣльнымъ, чѣмъ Иньмаръ. Объ Елта и Колдышинѣ не имѣемъ легендъ, разказывающихъ о ихъ участіи въ сотвореніи земли и нырѣніи въ воду, но, можетъ быть, такіе и отыщутся. Въ Прикамскомъ Поволжѣ существуютъ представленія о божествѣ, которому приписывается оплодотвореніе земли, паблюденіе за созрѣвающей нивой. У Мордвы это Анге-Патий, у Вотиковъ Му-Кылдышинъ или Му-Колчинъ, у Черемисовъ Меляндъ-ава (или Мландзаба; Изв. Русск. Геогр. Общ., т. XV, в. 3, стр. 52; Этн. Сборн., т. IV, стр. 210); у Чувашей, по видимому, эквивалентное божество называется Хирле-Сырь или Херле-сырь; это послѣднее имя обыкновенно переводятъ „Красная Земля“ (ср. съ повѣрьемъ Вотиковъ о красной глинѣ у Бехтерева, Вѣстн. Евр., 1881, сент., 151). У Магнитскаго (Мат. къ объясн. стар. чуваш. вѣры, Казань, 1881, стр. 67) сказано: хирле сырь, красная земля, яръ; богъ, оплодотворяющій землю; это есть общее названіе всѣхъ утесовъ съ красными обрывами, то-есть, красныхъ яровъ. Въ ст. св. Смѣлова „Очерки религ. вѣров. Чувашъ“, приложенной къ книгѣ Магнитскаго (стр. 251), Херле-сырь является спутникомъ Бога-Торы, когда тотъ ходилъ по землѣ. Херле-сырь, подобно вотяцкому Кылдышину, старается осудить человѣка на неудачу, но Богъ-Тора даетъ совѣты человѣку; ср. съ киргизскимъ сказаніемъ о Чопанъ-атѣ, (Оч., II, 153) и съ чувашскимъ о медвѣдѣ, (Михайловъ, Чувашск. заговоры и сказки, Казань, 1853, стр. 50—56) и тѣмъ выручаетъ его. Вѣроятно былъ, а можетъ быть еще найдутся и теперь сказанія Чувашей о Хирлесырѣ, какъ о помощникѣ Бога въ созданіи міра, соотвѣтствующемъ Цаганъ-Шукуты Пахрасовой легенды, Керемету черемисской, Ерлику алтайской. Херле или Хирле ср. съ алтайско-монгольскимъ Ерликъ и русскимъ Ярило. Въ „Изв. по Каз. епархіи“ № 2, есть разказъ о суднѣ, на которомъ плылъ русскій царь, и которое было остановлено Хирле-сыремъ противъ мѣстности, называющейся Хирлэ-сырь-кереметь; здѣсь Хирле-сырь соотвѣтствуетъ Оху или Морскому царю нашихъ сказокъ. У Знаменскаго (Вѣстн. Евр., 1867, дек., стр. 52) упоминаются черемисскіе вадыни, братья Юнги-кпрдны и Хирь-сырь, которые, повелѣвъ Черемиссамъ приносить имъ жертвы, бросились въ р. Юнгу и утонули. Юнги ср. съ вогуличскимъ Йонгобъ, „луна“.

Къ вар. в. У Алтайцевъ упоминается гора Сура; на ней находится сѣ-

далище семи Кудавъ, то-есть, семи боговъ (Джеты-Кудай?) и ихъ служителей ялчей (Радловъ въ „Вост. Обзор.“, 1882, № 7, стр. 12). Какъ жилище боговъ, эта гора соотвѣтствуетъ монгольской Сумерь-Ола (вар. Сумурь-Ола, Сумбурь-Ола). Гору Бѣлуху Алтайцы называютъ Учъ-Сюре; если это имя перенесено на землю съ неба, то первый членъ учъ, „три“, позволяетъ видѣть въ немъ названіе Орїона (ср. у Аванас., Поэт. Возвр., II, 468, о Триглавѣ, первой горѣ, вышедшей изъ всемірнаго потопа по хорутанск. повѣрью). См. стр. 689.

Къ вар. г. Тенгисъ произносится Тенисъ. Это несомнѣнно то же, что Чингисъ, которое встрѣчается въ вар. ж и з.

Къ вар. д. Еденъ-пууду-каанъ, или по другому произношенію, Едженъ-бугду-ханъ, есть Китайскій императоръ, Чаганъ-каанъ, то-есть, бѣлый царь—Русскій. По крайней мѣрѣ теперь эти имена такъ понимаются.

Къ вар. е. Главный богъ у сахалинскихъ Айно называется Муссири-сикасъ-макамуй; богъ, сохраняющій островъ (каммуй — богъ, муссири — островъ); онъ обитаетъ въ пѣдрахъ земли и въ случаѣ неудовольствія на людей стоитъ ему пошевелиться, какъ горы начнутъ разсѣдаться, дома разрушаются, деревья падаютъ и море кипитъ. (Сборн. ист.-стат. свѣд. о Сибири, изд. В. Милютина, „Этн. оч. южн. Сахалина“ ст. Денрерадовича). По киргизскому повѣрью, земля утверждена на сивомъ быкѣ (Оч., II, 153). По повѣрью Ингушей на Кавказѣ, земля стоитъ на быкѣ (уст); когда онъ пошевелится, бываетъ землетрясеніе (мохъ бекбо). По повѣрью Кюрипцевъ (Ахтинцевъ), земля утверждена на рогу краснаго быка (жеру яс). По повѣрью южнобережныхъ Татаръ въ Крыму, вѣтеръ (ель) держитъ воду, вода—рыбу (балыкъ), рыба быка, на рогу утверждена земля (записано въ Капсихорѣ); по другому: земля держится на буйволѣ, буйволъ на рыбѣ, рыба на водѣ, вода на вѣтрѣ, вѣтеръ на тѣмѣ. Уставши, буйволъ перемѣщаетъ землю съ одного рога на другой, чѣмъ вызываются землетрясенія. Когда буйволъ сдѣлаетъ известное число дыханій, наступитъ конецъ міра (запис. г. Калачевымъ въ Алуштѣ). По черемисскому повѣрью, земля утверждена на рогахъ быка; одинъ уже сломился; когда сломится и другой, наступитъ кончина міра (сообщ. г. Аптріевымъ, учителемъ въ Бирскѣ). По повѣрью Чулымскихъ Татаръ, землю поддерживаетъ мамонтъ (сообщ. св. I. Соколовымъ). Ср. съ разказами о летучей мыши, поддерживающей небо (см. прим. къ № 2). Мамонтъ въ говорѣ Воронеж. губ. индеръ (Зап. Акад. Наукъ, т. XXXVII, кн. 1, 1880 г., стр. 18); летучая мышь по мордовски по Альквисту: indrau.

Въ вар. ж и з творцами міра являются три лица, что напоминаетъ трехъ боговъ или трехъ братьевъ, спорящихъ объ обладаніи міромъ, тема, которая заключается и въ вар. б. Ср. № 79. Имена Шитаръ и Амурсана появляются выѣтъ и въ другихъ троицахъ; см. № 66. Иногда, кромѣ Амурсаны, встрѣчается Темирсана; стр. 224, вар. д. Не есть ли это двѣ версіи? Членъ Темиръ встрѣчается и въ другихъ соединеніяхъ: Темиръ-тайга (стр. 689), Тумурлюнгъ (Оч., I, 265), Тпмуръ-ханъ, одинъ изъ трехъ сыновей Ульгены, прострѣленный въ горло (стр. 70 и Изв. Русск. Геогр. Общ., 1881, т. XVII,

в. 4, стр. 243), Темиръ-ханъ, братъ Со-хана и сынъ Йо-хана (Вост. Обзор., 1882, № 7, стр. 12), Темиръ-Джурекъ, „железное сердце“ (Radloff, Proben, II, 264), Темиръ-Терекъ-Джиланъ-пи, „железный тополь змѣя князь“ (ibid., I, 71), Темиръ-Цорго, въ кавказскихъ преданіяхъ хромоу Темиръ, потерявший сына (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VI, стр. 41 и в. VIII, стр. 20), въ осетинскихъ Темиръ-ханъ, у котораго три сына: Тау-ханъ, Сау-ханъ и Донъ-ханъ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. IX, ст. изъ Осетинск. сказ., стр. 61).— Борьба Кезера съ Чингисомъ напоминаетъ ссору Чингисъ-хана съ своимъ братомъ Хасаромъ въ книжномъ монгольскомъ сказаніи; ср. также алтайскій разказъ о спорѣ Газыръ-гама съ Тостогошемъ (стр. 290) и дюрбютскій о борьбѣ Очиръ-вани съ Лусынъ-ханомъ (стр. 228). Въ чувашскомъ преданіи объ Ильѣ подаваніе раскаленнаго желѣза разказывается рядомъ съ хожденіемъ Бога и Херле-сыря; не потому ли, что и здѣсь эта тема связывалась съ сказаніемъ о сотвореніи міра (Магнитскій, Матер. о стар. чуваш. вѣрѣ, Казань, 1881, стр. 251)? Къ этой темѣ Ильѣ привлекается и въ русскомъ разказѣ: о встрѣчѣ Ильи и Вилогремича (или Старища Дивича; Библия для Чт., 1864, № 9; Журн. М. Н. Пр. 1868, май, стр. 624).

Въ вар. к богу Очирвани приписывается полученіе огня отъ Шитыръ-Тюльгуна; такимъ образомъ онъ смѣшивается съ Чингисъ-ханомъ. См. № 47, вар. б.

Въ Оч., II, 161 помѣщенъ разказъ о сотвореніи людей изъ бросаемыхъ камней; у Вотяковъ Елаб. у. мы записали преданіе: семь братьевъ били молотомъ по скалѣ и отшибали осколки; каждый осколокъ превращался въ человѣка; младшій братъ, вмѣсто того, чтобы при ударѣ говорить: „Господи благослови!“ приговаривалъ: „Будь проклятъ!“ Изъ его осколковъ вышли нечистые духи. По другому вотяцкому разказу, они явились иначе: Богъ пришелъ въ гости къ одному бѣдному человѣку; тотъ постыдился показать своихъ дѣтей, одѣтыхъ въ лохмотья, спряталъ ихъ, кого въ лѣсъ, кого въ баню, и Богу сказалъ, что у него дѣтей нѣтъ и не было. „Ну пусть же и не будетъ!“ сказалъ Богъ. Гдѣ кто былъ спрятанъ, тотъ тамъ и остался нечистымъ духомъ. Ср. съ черемисскимъ о водышахъ, сакчяхъ или шукчяхъ (Вѣстн. Евр., 1867, дек., 52; Вѣстн. Евр., 1880, сент., 168), а также съ русскимъ обонезскимъ о дѣтяхъ Адама (Майновъ въ журн. Знаніе, 1874, № 4, стр. 65).

47. Очирвани.

Очирвани ср. съ Очурманы Пахрасовой легенды (стр. 220—223); переходъ ванъ въ манъ встрѣчаемъ и въ имени Шидырванъ-Шудурманъ (стр. 308). Второй членъ маны ср. съ Маны, „всеобщую мать“ алтайскаго сказанія (стр. 176). Эти алтайскія сказанія указываютъ на связь имени ман, маны или манулъ съ идеей о сотвореніи міра и человѣка. Имя Очиръ-вани прилагается Монголами къ бѣлку близъ Уляссутая, который иначе называется

Отхонъ-хаирханъ или Отхонъ-тенгри; Отхонъ ср. съ татарскимъ названіемъ Б. Медвѣдицы Итыганъ и съ именемъ монгольскаго божества Этуганъ „мать вселенной“ (Банзаровъ въ Уч. Зап. Каз. унив., 1846, III, стр. 75; Schott въ Abhandl. Acad. d. Wissensch. zu Berlin, 1851, S. 285; см. выше, стр. 995). Первый членъ Очиръ ср. съ формами: Хаджиръ-Чингисъ-бо, упоминаемою въ той же выше приведенной статьѣ Банзарова, Хасаръ (извѣстный братъ Чингисъ-хана), Гесеръ (Гесеръ-ханъ), Газыръ (Газыръ-гамъ; стр. 290), и пр. У трехъ формъ: Хаджиръ-бо, Гесеръ-ханъ, Газыръ-гамъ члену вапи будутъ соответствовать: бо, ханъ и гамъ, изъ которыхъ бо и гамъ однозначущи и значать „шаманъ“. Отрибутъ бога Очиръ-вани, „очиръ“, ср. съ Aijeke wet-schega, громовый молотъ у Лапландцевъ (Schefferi, Lapponia, 96).

Къ вар. а. Разказъ объ освобожденіи Очиръ-вани изъ-подъ горы, которою онъ былъ прижатъ, ср. съ № 138, а также съ повѣрьюми о громовой силѣ, заключенной въ пещеру или гору, или о змѣяхъ, таящихся въ земной почвѣ, изъ которой онѣ при случаѣ съ необыкновенною силою вылетаютъ (№ 28, вар. б). Въ вар. а Очирвани является темною силою; въ разказѣ о Гэгерь-Меджитѣ, записанномъ нами (Оч., II, 154), злой ханъ названъ Ухиръ-Бама-ханъ. Не стоитъ ли Ухиръ вмѣсто Очиръ и Бама вмѣсто вани? О сближеніи именъ Бама-ханъ и Ванъ-ханъ см. Очерки, II, 39 прим. къ гл. V.

Къ вар. б. Замороженіе моря встрѣчается у Радлова, Proben, IV, S. 61; см. Очиръ-вани Акъ-Кобюкъ, см. Читкура Самыръ-Казанъ. Названіе Джаханъдас-егенъ ср. съ Джаханъбо, братомъ Вана Кирейскаго (Зап. Импер. Археолог. Общ., XIV, 98).

Къ вар. в. Разказъ о прижатой камнемъ головѣ змѣя находится въ сборникѣ Боричевскаго (Нов. и Пред., 112—6; Аван., Поэт. Возвр., II, 779; Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, II, 236); богатырь Валигора бросилъ на гору змѣя и прижалъ ему хвостъ, богатырь Вырвидубъ размозжилъ змѣю голову. Богатыри были братья; послѣдній, вскормленный волчицей, напоминаетъ Шяла, брата Гэгерь-Меджита, который вдвоемъ съ братомъ убиваетъ чудовищнаго Бамахана. Спускающагося на землю по повелѣнію неба Очирвани ср. съ Итыганомъ, спускающимся для истребленія шулмуса (стр. 194), мѣсяцемъ, спускающимся по повелѣнію Бога для уничтоженія Джельбегеня (стр. 190), Цаганъ-Бюрю, по просьбѣ Тэнгри-хана, вступающимъ въ борьбу съ чернымъ быкомъ, а также съ сибирскими повѣрьюми о медвѣдѣ, спустившемся съ неба на землю. О возможности сближенія Амьнъ-Цаганъ-Бурекея съ Гэгерь-Меджитомъ см. въ прим. къ № 59. Лосы или лосунъ ср. съ остяцкимъ лозъ; см. прим. 62 къ гл. II. Выраженіе „Очирвани обращается въ высокія страшныя горы“ ср. съ сказаннымъ объ божествѣ Очирбани у Тимковскаго, Пут., III, 391 (жилище его уединенный хребетъ).

47. Чингисъ-ханъ.

Преданія о Чингисъ-ханѣ встрѣчаются преимущественно въ восточной части Монголіи; на Западѣ, гдѣ намъ приходилось преимущественно путе-

пешествовать, это имя мало известно или преданія о немъ вытѣсняются преданіями о другихъ лицахъ. Вслѣдствіе того собранныя нами преданія о Чингисъ-ханѣ не многочисленны. По народнымъ преданіямъ Чингисъ-ханъ существо небеснаго происхожденія или, какъ выражается Сананъ-Сэцэнъ: „Чингисъ явился по волѣ „синяго вѣчнаго неба“, хуху-менгу-тэнгри“. Это былъ сынъ неба (въ бурятскихъ сказаніяхъ сынъ Хуху-Мунгу-тэнгри) есть Буха-ноинъ; см. № 53), найденный подъ деревомъ (вар. а). Вар. i ср. съ киргизскимъ (Radloff, Prob., III, 82): въ воду брошенъ не самъ Чингисъ-ханъ, а его беременная мать; она заключена въ ящикъ, который ловятъ два брата Домдагуль-Сокуръ и Токтагуль-Мергенъ. Разказъ сливается Чингиса съ Бодонджаромъ; и дюрбютскіе варианты о найденнѣ подъ деревомъ (№ 76) говорятъ не о Чингисѣ, а о Бодунѣ (то-есть, о Бодонджарѣ?). Такое же смѣшеніе у царевича Вакухта въ его исторіи Грузии. О Thingizъ, предкъ Тамерлана (Lang-Themour), онъ разказываетъ исторію Бодонджара (Brosset, Hist. de la Georgie, P. I, l. II, p. 650). Въ книжномъ сказаніи о Чингисѣ вмѣсто бросанія въ воду по приказу гонителя пританіе въ воду отъ гонителя. Ср. съ сказаніями о сынѣ неба (№ 48; въ вар. e пританіе въ воду); правда, здѣсь прячется не сынъ неба, а его убійца, но есть сказанія объ укрывательствѣ безроднаго мальчика, который могутъ быть отнесены къ сыну неба. Киргизскій Есекенъ-батыръ (Оч., II, 149) съ таганомъ на шеѣ (замѣтившимъ колодку Чингисъ-хана) брошенъ въ воду Мамыр-ханомъ; Мамырханъ ср. съ Бобырганомъ, гонителемъ сына неба въ № 48, вар. а. Имя Есекенъ ср. съ конд. јускен, „водяная крыса“ (Грамм. алт. яз., стр. 180); въ сказаніяхъ о сынѣ неба крокъ, тушканчикъ и др. грызуны прячутся отъ молніи. Перенесеніе сказанія о сидѣннѣ въ водѣ съ Чингиса на Есекея (то-есть, Есугая, Чингисова отца?) можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что вариантъ съ именемъ Есугая могъ жить одновременно съ подобнымъ же сказаніемъ о Чингисъ-ханѣ; повидимому объ Есугаѣ разказывалось то же, что о Чингисѣ. Нашъ вар. i также смѣшиваетъ Чингисъ-хана съ Есугаемъ, относя отравленіе къ сыну, а не къ отцу. У Якутовъ упоминается злое божество Ордахъ-Дзусюгай-Аи (Сборн. газ. Сибирь, Спб., 1876, стр. 416) или Жесюгай (Н. Шукинъ, Поѣздка въ Якутскъ, 1844, стр. 276), или Сюрдюгъ-Сюга (Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 406); Жесюгай, Сюга ср. съ первымъ членомъ бурятскаго Исыгы-Маланъ-тэнгри (стр. 264); такъ называется отецъ Буха-ноина, а съ послѣднимъ также связывается тема о мальчикѣ, брошенномъ въ люлькѣ. Не было ли вариантовъ объ Есугаѣ (или Есекенѣ), какъ о сынѣ неба, котораго гонителями были дада (ср. джыды, алт. сусинъ)? И на оборотъ, могло быть сказаніе о гонителѣ Есугаѣ и гонимомъ Дада (ср. о Джиди-войонѣ у Рашидъ-Эддина). Кромѣ прятанья въ водѣ, въ Алтанъ-Тобчи есть еще разказъ (стр. 10), какъ Чингисъ-ханъ прятался отъ Тайджитовъ въ неприступное мѣсто въ горахъ (въ пещеру?). Два раза онъ хотѣлъ оставить убѣжище, но дурныя знаменія останавливаютъ его и только въ третій разъ онъ выходитъ. Ср. съ русскою былинной (Рыбн., I, 312) о Шаркѣ и Дюкѣ (который

черезъ сопоставленіе вариантовъ Рыбн., I, 295 и 311, совпадаетъ съ Юнко). Въ Даранатѣ: браминъ Саро съ семью братьями погибъ отъ дракона; сынъ его, Шанку былъ сохраненъ родственниками и скрытъ въ домѣ, но драконъ проникъ въ домъ и умертвилъ Шанку. Мать, положивъ Шанку въ лодку, спускается внизъ по рѣкѣ, умоляя воскресить ея сына. Черезъ три дня плаванія одна женщина воскрешаетъ его (Васильевъ, Буддизмъ, ч. III, стр. 108; см. также стр. 13). Нѣкоторые сказанія называютъ Чингиса кузнецомъ, тарханомъ. Тимковскій упоминаетъ о наковальнѣ Чингисъ-хана близъ горы Дарханъ (Путеш., I, 169, 191—192 и 202); Пясецкій о его кузницѣ у горы Богдо-Улы (Пут., I, 79), Пржевальскій въ пескахъ Кузупчи на Желтой рѣкѣ (Монголія, I, 150). Извѣстія о смерти Чингисъ-хана повидимому взяты изъ мифическихъ сказаній; по Плано Карпини Чингисъ-ханъ убитъ молніей, по Марко-Поло умеръ отъ стрѣлы, попавшей ему въ колѣно, Сананъ-Сэцэнъ-вар. см. ниже. Локализція мифа о кузницѣ, о винокуреньномъ снарядѣ и пр., существованіе пѣсенъ о Чингисѣ, какъ изобрѣтателѣ винокуренья, появленіе его въ качествѣ творца земли въ урянхайскихъ повѣрьяхъ, свидѣтельствуютъ, что подъ Чингисъ-ханомъ народныхъ сказаній скрывается древнее божество средней Азии. Все, что разказывается теперь о Чингисѣ, вѣроятно начало разказываться не съ XIII вѣка, а жило уже въ устахъ народа давно и чуть ли не съ тѣмъ же именемъ Чингисъ. Если завоеватель принялъ имя Чингисъ-ханъ, то уже этимъ самымъ онъ назвалъ себя сыномъ неба. Поэтому нѣтъ надобности объяснять подражаніемъ китайскому двору появленіе у Чингиса этого званія. Точно также должно быть отвергнуто мнѣніе Банзарова, будто Чингисъ-ханъ „старался подражать Хормусдѣ“, изъ подражанія его 9 тэнгриамъ завелъ юсунъ урлукъ, „девять воеводъ“ и пр. Подъ Хормустой легендъ о Чингисѣ вѣроятно слѣдуетъ разумѣть Курбистанъ-хана народныхъ сказаній, отца всякаго „сына неба“. Банзаровъ говоритъ: „Даже кажется, что монгольскій завоеватель принялъ имя одного генія, почитавшагося сыномъ неба. Въ рукописи, сообщенной Поповымъ, упоминается геній Хаджиръ-Чингисъ-тэнгри“ (Учен. зап. Каз. унив., 1846, III, 69). Въ Библ. Вост. Ист., изд. Березиннымъ, Банзаровъ даетъ полное имя этого генія: Хаджиръ-Чингисъ-бо-тэнгри-кубунъ. Вотъ, вѣроятно, объ этомъ-то Хаджиръ-Чингисѣ и существовали тѣ легенды, которые теперь выдаются за подлинный разказъ о дѣствѣхъ и юности завоевателя.

Сказаніе о Чингисъ-ханѣ (Темучинѣ) ср. съ осетинской сказкой о Хамицѣ и Адеко (Сборн. свѣд. о Кавк. горц., в. V, стр. 27—35). Сходныя черты: предложеніе невѣсты, срочная жизнь жениха въ домѣ невѣсты (вѣроятно древній обычай, который въ сказаніи о Чингисѣ затемненъ), насильственная смерть на пиру, месть сына за смерть отца. Исугай—Хамицъ (вар. кабард. Химашъ, чеченск. Хамча), Темучинъ—Адеко (стрѣла котораго гремѣла, какъ громъ; ср. съ бурятскимъ Исыгы въ сложномъ Исыгы-Маланъ-тэнгри). Предупрежденіямъ Адеко, чтобы мужъ берегъ свою жену отъ оскорбленій, соответствуетъ напоминаніе Есугая, что сынъ его боится со-

бакъ (не разумѣлъ ли онъ Тайджіутовъ? ср. съ тайганъ, алт. „собака“ [Грамм. алт. яз., 258] и Тайчжинъ-Арахы; см. стр. 209). Темучинъ, какъ сыпъ коварно убитого отца—Батразъ. Обѣ обонхъ, Чингисъ и Батразъ есть повѣрье о подыргиваніи съ земли (см. вар. и и Вс. Миллеръ, Осет. эт., I, 149).—Батразъ отмстилъ за смерть отца тѣмъ, что убилъ Буре-Ферныга и его „девять“ сыновей, убійцъ своего отца; затѣмъ его преслѣдованію подвергаются Зады и Дауеги. Чингисъ также имѣетъ соперниковъ въ лицѣ „семи“ сыновей Мунлика, изъ которыхъ одного, Тибъ-тенгери онъ убиваетъ (см. прим. къ № 64). Тѣло Батраза по смерти отказывается войти въ Соійскій склепъ; гробница Чингисъ-хана на пути къ мѣсту погребенія останавливается и не движется. Батразъ смѣшивается съ Сосрыко вродѣ того, какъ Чингисъ сливается съ Кезеромъ или Гесеръ-ханомъ.

Въ вар. а, сходномъ съ сказаніемъ объ Одунтай-Водунтаѣ (№ 76) не упоминается о птицѣ на деревѣ; ср. впрочемъ у Тимковского, Путеш. въ Китай, ч. I, стр. 169 и Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., S. 71.

Къ вар. б. Разказъ о Шитыр-Тюльгунъ-ханѣ ср. съ разказомъ объ Ельбекъ-ханѣ (ольбого, „летига“; см. стр. 160 и 765) въ Алтанъ-Тобчи (стр. 42) и у Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. O.-Mong., 139—143). Ельбекъ-ханъ, отнявши чужую жену, въ борьбѣ съ противникомъ лишается мизинца (ср. въ русскомъ устномъ преданіи: Соломону отрубають палецъ по приказанію его матери; Данильченко, Этн. свѣд. о Подол. губ., Кам.-Под., 1869, I, стр. 10). Эпизодъ объ Ельбекѣ относится къ легендамъ о кровосмѣшеніи; онъ хотѣлъ завладѣть женой своего сына. Ср. съ киргизскимъ повѣрьемъ о кротѣ въ Оч., II, 148. Сказаніе о Шитыр-Тюльгунѣ (ср. ительге, ительгунъ, монгол. „ястребъ“, тюльку, тат. „лисица“, telga, самоѣдск., „солнце“) представляетъ также сходныя черты съ сказаніемъ о борьбѣ Чингисъ-хана съ тибетскимъ ханомъ Шидургу (Алтанъ-Тобчи; въ Юаньчаомиши: Бурханъ, стр. 145); обѣщаніе добыть звѣзды Цолмонъ и Мечинъ упоминается и въ Алтанъ-Тобчи (стр. 27); по заявленію Сананъ-Сэцэна Чингисъ-ханъ умеръ отъ какого-то насилія Гурбельджинъ-Гоа, жены тибетскаго царя; во время сна Чингиса она сдѣлала его тѣлу зло, отъ котораго онъ сталъ немощенъ, а сама утопилась въ Хара-муренѣ. По Алтанъ-Тобчи она тонетъ въ Хатунъ-голѣ; надъ ея тѣломъ насыпается холмъ Олху; у Сананъ-Сэцэна Темпръ-Олхо (стр. 103), у г. Пржевальскаго, который это преданіе слышалъ въ южной Монголіи (Монголія, т. I, стр. 139), Тумыр-Олху. Марко-Поло на гору Алхай указываетъ, какъ на мѣсто погребенія самаго Чингисъ-хана (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 109). Другіе авторы указываютъ, какъ на мѣсто могилы Чингисъ-хана, на гору Бурханъ-Халдунъ или Бурханъ-Гаддинъ (Тимковский, Пут., III, 191). Въ № 44, вар. а и е, Чингисъ является изобрѣтателемъ винокурения (ср. Алтанъ-Тобчи, стр. 23) и въ послѣднемъ вариантѣ къ нему приравнивается Голто-бурханъ. Не есть ли Бурханъ-Халдунъ то же, что и Голто-бурханъ? Сказанія о Чингисѣ и гунисомъ Атигѣ, кромѣ разказа о ихъ смерти, сходятся еще и въ томъ, что оба тайно погребены (Котляревскій, О погреб. об., 41); ср. также преданія о скриваніи смерти Хазар-

скаго хагана, литовскаго Криво-Кривейто и вел. кн. Владиміра (Бестужевъ-Рюм., Русск. Ист., 81; Бѣляевъ, Разказы изъ русск. ист., ч. IV, стр. 181). Полное имя жены Тибетскаго царя по Сананъ-Сэцэну: Шилугунъ-Гурбельджинъ-Гоа (ср. пр. 14 къ гл. III).

Вар. б намекаетъ, что Чингису приписывалось принесеніе огня; въ бурятской молитвѣ къ огню (см. 39 прим. къ гл. II) Банзаровъ подъ царницей Улукенъ разумѣетъ мать Чингиса, а подъ небожителемъ, высѣкшимъ (впервые?) огонь, самаго Чингиса. У Рашидъ Эддина (Зап. Археолог. Общ., XIV, 169), Сурганъ, избавивши Чингиса отъ враговъ Тайджіутовъ, снабдивъ его припасами, не далъ ему огнива (то-есть не открылъ огня?). Ср. съ № 82, вар. в: Богъ, создавъ людей, не далъ имъ огня, и съ Гезіодовымъ мнѣмъ о Прометѣѣ. Разказъ о Сурганѣ и Чингисѣ не есть ли вариантъ алтайскаго о Мешперетѣ, спасаемомъ отъ гибели мѣсяцемъ (см. прим. къ № 33)? Въ другихъ редакціяхъ вм. Сурганъ стоитъ Торгонъ (Тарханъ?), у d'Osmon'a Scheburgan (ср. Абырганъ, „змѣй“).

Къ вар. д и е. Кромѣ упоминаемыхъ нами, есть еще указанія на котель и таганъ Чингисъ-хана на Ольхонѣ (Риттеръ, Землевѣд. Азіи, V, Забайкалье, стр. 7); г. Юренскій въ своей статьѣ о Дэлунъ-Болдокѣ (Зап. Сиб. Отд. Геогр. общ., т. II, Смѣсь, стр. 5) упоминаетъ о чашѣ Чингисъ-хана въ горахъ Гентея; на Ононѣ близъ ур. Дэлунъ-Болдокъ, также указываютъ Тогонъ-чоло, то-есть камень, положенный на другіе камни, какъ котель на очагъ. Пржевальскій упоминаетъ Чингисову чашу въ южной Монголіи (Монголія I, 116). О Чингисовомъ таганѣ на остр. Ольхонѣ см. Миллеръ, Сиб. Ист., стр. 3.

Къ вар. и. Одинъ лама (Дубсыпъ-Очуръ) сообщилъ намъ, что первый человекъ на землѣ назывался Чилунгу; онъ былъ сынъ Чингисъ-Хурмусту-хана. Ср. съ прим. 14 къ гл. III.

Къ вар. к. Ср. съ полнымъ именемъ Одунтай-тайши: Гурбуштень-Тэн-гріинъ-Ку (Оч., II, 161). Имя Гурбуштень-ханъ или Хурмуштень-ханъ при-дается изи отцу Чингисъ-хана или ему самому; тотъ же корень слышенъ и въ именахъ ханской жены: Гурбельджинъ-Гоа (Алтанъ-Тобчи, стр. 28), Гурбесу (Труд. нек. дух. мисс., IV, 108). См. прим. къ № 79.

Къ вар. л. Отравленіе или спиваніе особенно сильнымъ или простымъ виномъ въ сказкахъ и былинахъ часто соединяется съ низверженіемъ въ яму; см. № 5 и 112. Въ книжномъ сказаніи эти темы распались: отравленіе разказано только объ Есугаѣ, яма—о Чингисѣ (Алтанъ-Тобчи, стр. 15; яму копаютъ Джингиръ-Бухэ).

Къ вар. м. Талденъ-ханъ ср. съ Тольты-ханъ въ № 79. Янгинъ-ола, Джингитенъ-дабанъ, Янджитъ-ола, какъ различно намъ произносили туземцы, суть вѣроятно варіаціи имени Шингисъ или Шингитъ. Наименованіе Ундюръ-сыхылынъ ср. съ Мао-ундюръ, гдѣ, по Юаньчаомиши (Труд. Пек. дух. мисс., IV, 86—89), Чингисъ-ханъ скрывался отъ Вана. Членъ сыхылынъ находится въ сложномъ имени урочища Дидахъ-сыхылынъ, гдѣ Ванъ былъ убитъ. Холмъ Талы-болдокъ напоминаетъ мѣстность Деліунъ-Болдокъ,

гдѣ будто бы родился Чингисъ-ханъ. На картѣ сѣвернаго Косогола, составленной г. Радде, назначена рѣчка Толай-Болдой-горхонъ, которая будто бы впадаетъ въ рѣку Ханга справа; это вѣроятно то же, что нашъ Талы-Болдокъ; вѣроятно Толай-Болдой-горхонъ есть рѣчка, текущая мимо холма того же имени. И на пути отъ устья Ханги въ долину р. Иркуты не пересѣкалъ такой рѣчки; можетъ быть она впадаетъ не въ Хангу, а въ Цаганъ-сайръ, или мнѣ ее назвали иначе. Мѣстность съ именемъ Делюнъ-Болдокъ была отыскана около Чиндантаской крѣпости въ Забайкальи и признана за родину Чингисъ-хана; Косогольскій Талы-Болдокъ имѣетъ не менѣе правъ на эту честь; вокругъ нея не одно мѣсто связано съ именемъ Чингисъ-хана. Притомъ Талы-Болдокъ холмъ, что болѣе согласность съ описаніемъ: чиндантаскій же Делюнъ-Болдокъ горизонтальное болото. По одному мѣстному преданію у Талы-Болдока былъ схваченъ Чингисъ; это преданіе какъ будто отождествляетъ Чингиса съ Шидырваномъ.

Къ вар. и. Способность Чингиса летать намекаетъ, что это имя придавалось какому-то летучему звѣрку; ср. якутское *tyngu*, „летучая мышь“; урянхайское же *джасъ*, „летучая мышь“ ср. съ именемъ Чингисова отца Есугай; грузинскій царевичъ Вакуштъ въ своей исторіи Грузии приписываетъ Чингисъ-хану рыжіе волосы *les cheveux roux* (M. Brosset, *Hist. de la Georgie*, I, 2, p. 443). Турума ср. съ Шидырваномъ (№ 66); смерть отъ незастегнутого ошейника съ алтайскимъ сказаніемъ о Тимурѣ (Изв. Русск. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, стр. 243). Турумъ медвѣжонокъ по урянхайски, цаурумъ, сусликъ по монг., турумъ, бурундукъ по остяцки (Castren, *Ostjak. Spr.*, 94). У Кастрена бѣжалъ изъ Китая Торосъ и былъ застигнутъ у Торосъ-дабана (Castren, *Reiseberichte*, S. 340). Торо ср. съ Джоро, первоначальнымъ именемъ Гесеръ-хана; см. прим. къ № 50.

48. Сынъ неба.

Легенда о сынѣ неба пайдена нами только въ Алтаѣ и въ западной части сѣверо-западной Монголіи, то-есть, у Алтайцевъ, Дюрбютовъ и западныхъ Халхасцевъ; есть ли она у Халхасцевъ, живущихъ восточнѣе Улассутовъ, мнѣ не извѣстно. У Урянхайцевъ въ системѣ верхняго Енисея мнѣ, не смотря на многочисленные разспросы, не довелось услышать эту легенду. На вопросъ о „сынѣ неба“, тэнградымы улы получался всегда разказъ о драконѣ, производящемъ громъ. Тэнградымы улы можно также переводить: небесный улы; улы тутъ будетъ то же, что у Монголовъ лу, драконъ. На вопросъ: кого бьетъ небо молніей? отвѣчали: камень и дерево. Наконецъ на вопросъ: преслѣдуетъ ли кто летягу или бурундука? отвѣчали невѣденіемъ.

Бобирганъ по алтайски летяга, по урянхайски абырганъ или афырганъ. Ср. наши формы: южнорусск. упырѣ, польск. *upiór*, сербск. *вепирѣ*, мертвецъ, ходящій по землѣ, вампирѣ; русск. *непопырѣ*, польск. *лятопырѣ*, сербск. *медопырѣ*, летучая мышь, сербск. *лепырѣ*, бабочка. Убырѣ, колдунъ, поѣдающій трупы по повѣрью Казанскихъ Татаръ (Золот-

ницкій, Чув. сл., 157; Зап. Русск., Геогр. Общ. по этн., т. VI, стр. 247); вубурѣ или вобурѣ—злое существо, которому Чуваши приписывается съѣданіе луны, то-есть, затменіе (Золотн., *ibid*), обурѣ по повѣрью Крымскихъ Татаръ (записанному г. А. Калачевымъ въ Алуштѣ), покойникъ, который при жизни былъ злымъ человекомъ; тѣло такого человека не подвергается гніенію; онъ высасываетъ по ночамъ молоко у излюбленной имъ коровы, а иногда и женщины; не прочь иногда подавить спящаго человека. Свящ. о. Борисъ Гавриловъ обизательно доставилъ намъ отрывокъ изъ своихъ записокъ о повѣрьяхъ относительно ибыра, существующихъ у Вотяковъ: „Ибырѣ по понятію однихъ, есть особый злой духъ, по понятію другихъ—душа умершаго ведуна (колдуна). Дѣятельность его заключается въ томъ, что онъ разными способами вредитъ людямъ, насылая болѣзни на нихъ и на ихъ скотину. Всѣ повальныя болѣзни людей и скота приписываются ибыру. Онъ воруетъ у беременныхъ женщинъ дѣтей въ первое время беременности, о чемъ подобныя женщины ни кому не говорятъ; въ противномъ случаѣ ихъ заподозрили бы въ дружбѣ съ ибыромъ. У подобныхъ женщинъ вмѣсто ребенка показывается только вода и кровь. Это бываетъ ночью во время сна и сама женщина ничего не чувствуетъ. Точно также, только чаще, воруетъ онъ телятъ и жеребятъ. Ибырѣ съѣдаетъ и покойниковъ, особенно если ихъ оставляютъ однихъ въ избѣ. Съѣвъ покойника, ибырѣ принимаетъ его видъ и ложится на его мѣсто; такимъ образомъ его хоронятъ. Узнать это можно во время обмыванія покойника, потому что отъ горячей или слишкомъ холодной воды ибырѣ вдрагиваетъ. Такое же повѣрье объ убырѣ есть у Татаръ, убырѣ есть особый духъ. Вотяцкій ибырѣ летаетъ къ нѣкоторымъ женщинамъ и дѣвушкамъ и живетъ съ ними супружескою жизнью. Такія женщины сильно худѣютъ и бываютъ склонны къ уединенію. У Татаръ къ женщинамъ ходитъ парей жегете (молодой нечистый духъ), къ мужчинамъ парей кызы (дѣвушка пери). Бываютъ ли дѣти отъ подобнаго сожителства, слышать не приводилось. Ибырѣ летаетъ въ видѣ огненнаго змѣя или коромысла, по землѣ катится огненнымъ шаромъ иногда большихъ размѣровъ. Если во время полета его оборвать шнурокъ у воротника, замѣняющій пуговицу, то ибырѣ опускается на землю, принимая видъ человека, и говоритъ остановившему его: „Зачѣмъ ты меня остановилъ? Вѣдь я не къ тебѣ летѣлъ?“ Затѣмъ поднимается въ видѣ огня опять на воздухъ и возвращается обратно, а летѣть туда, куда летѣлъ ранѣе, уже не можетъ. Мѣсто жительства ибыра, какъ особаго духа, не извѣстно, а какъ душа умершаго ведуна, онъ полнится съ его могилы. Ибырѣ особенно сильно проявляетъ свою дѣятельность въ ночь на великій четвергъ (кошуй по вотяцки, „страшная, противная ночь“). Вотяки въ эту ночь постоянно стрѣляютъ изъ ружей или хлопаютъ чѣмъ нибудь другимъ. Ибырѣ боится можжевельника, рябины (дерева), пороховаго запаха и стали или собственно черты, проведенной сталью „Юберѣ или йюберѣ по вотяцки дроздъ. Ср. съ Айварѣ, порога на Днѣпрѣ у Константина Порфиророднаго. Монгольскій врагъ сына неба ольби есть переводъ алтайскаго бобирганъ. Бобирганъ (урянх. афырганъ)

ср. также съ Абырганъ, названіемъ змѣя. Въ русск. духовномъ стихѣ гонимый Свѣтополкъ иногда называется Опорхоль; ср. финск. пергеле, демонъ, мордовск. пиргене, молнія; въ финск. сказкахъ злой Perkele гонится за царевичемъ, прорубается чрезъ волшебный лѣсъ, но тонетъ въ озерѣ, образовавшемся отъ выплеснутой чашки воды (Mel. russ., 1851—1855, ч. II, стр. 611). Въ русской сказкѣ за убѣгающею парой гонится Марко (Труд. Курск. стат. комит., 1863 г., кн. I, стр. 536—538). Монгольскій врагъ сына неба, ольби, есть переводъ алтайскаго бобырганъ. Остальные—или ночные грызуны, или ночная птица; грызуны, притомъ лазящіе по дереву или высоко подирыгивающіе, какъ тушканчикъ. Не даетъ ли это право и въ хула-джирга, а равно и въ джирень-кѡль видѣть какое-нибудь летучее ночное животное? Ср. съ приведенными на стр. 762 кавказскими названіями летучей мыши; жоргили или дзюрги, по вотицки воробей. Джирень-кѡль ср. съ якутскимъ Ерень-кыль (стр. 646). Только въ алтайскомъ вариантѣ поставлено имя сына неба Джанкъ (ср. уйхъ, чувашск. „мѣсяцъ“); въ монгольскихъ онъ не носитъ имени, если слова тэнгрийнъ-ху или тэнгрийнъ-кубунъ не считать за собственные имена. Только одинъ Джюрютъ, и то послѣ вопроса: „какъ звали сына неба?“ подумавъ, объявилъ: Темиръ-Бѡсь. Это имя встрѣчается въ былинѣ объ Иринъ-Сайнѣ (стр. 476); въ № 2, вар. в, скованный „сынъ неба“ Темиръ-Боко. Несомнѣнно, это одно и то же мифическое лицо (монгол. бѡсь, „вошь“ въ бурятск. переходитъ въ богунъ). Оковы указываютъ на неподвижное положеніе; ср. Темуръ-казыкъ, Аксакъ-тѣмуръ, „Полярная звѣзда“ (стр. 734 и 735). Боко по алтайски „сплать“ (по монг. бѡхѡ); это значеніе чуть ли не позднѣйшее; ср. тунгусск. бакаја, монгол. бабагай, самоѣдск. бого, богго, „медвѣдь“. О скованномъ медвѣдѣ см. стр. 215 и 646. Имена враговъ сына неба сводятся къ именамъ чудовищъ, слатыванію которыхъ приписывается затменіе луны; ольби ср. съ бурятск. альбинъ (стр. 193, вар. ж), съ урянх. Джельбага (стр. 192), съ алт. Джельбегень или Ельбегень (стр. 190—192, вар. а, в, ж); ялмынь варианта г ср. съ киргизск. атъ-джалманъ, Крымск. Татаръ атъ-чалманъ, „тушканчикъ“ и Чолпанъ, Цолманъ и друг. именами Венеры; и у Русскихъ: „Заря-заряница мѣсяцъ скрала“ (Мельниковъ въ Отеч. Зап., 1842, т. III). Бобырганъ ср. съ чувашск. вубуръ, съ черемисск. вуверъ, которому приписывается съѣденіе луны. Кюрюкъ ср. съ урянх. Гарукъ (Оч., II, 126) и монгол. Арахы или Арахп (стр. 191—193, вар. е, и и о). Изъ этихъ обличій какъ бы слѣдуетъ, что „сынъ неба“, гонимый врагами и мѣсяцъ, слатываемый чудовищами, одно и то же лицо. Связь представленій о мѣсяцѣ и новорожденномъ, указанная въ прим. къ № 34, дѣлаетъ отчасти понятнымъ придаваніе имени сына неба, тэнгрийнъ-ху, нѣкоторымъ предкамъ княжескихъ семействъ; такъ предокъ джюрютскихъ князей Одунъ-Тайши называется тэнгрийнъ-ку (Оч., II, 161); предокъ монгольскихъ князей Чингисъ-ханъ также сынъ неба (ср. Хаджиръ-Чингисъ-тэнгрийнъ-кубунъ; см. прим. къ № 47). Предокъ бурятскаго народа Буха-воинъ (первый членъ имени котораго ср. со вторымъ въ именахъ Темиръ-боко и Техо-бѡхѡ въ вар. ж) также считается сыномъ неба. Эти формы

боко, бѡхѡ, буха, бѡсь ср. съ тунгусск. bega, „мѣсяцъ“. Въ латышск. пѣсняхъ сынъ Божій (діава дэлс или діава дэлс) также повидимому сливается съ мѣсяцемъ (ср. №№ 89, 96, 98, 99, 100, 102, 106 и 108 въ Сборн. антр. и этн., изд. Дашковымъ, М., кн. II). Въ ингушскихъ сказаніяхъ сынъ бога назыв. Елта (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VIII, ст. Ингуши, стр. 12); это сказаніе примыкаетъ къ кругу разказовъ о хожденіи бога по землѣ; у Чувашей подобные разказы о Херле-сырь, у Вотяковъ о Колдысинѣ; есть ли у Черемисовъ такіе разказы, неизвѣстно. Въ монгольскихъ сказаніяхъ хожденіе по землѣ относится къ Бурханъ-бакши; о немъ въ записанныхъ нами сказаніяхъ не говорится, что онъ сынъ неба; у Радлова, однако, въ одной сойотской сказкѣ встрѣчается имя Курбусту-Тэнгрякзай Пурханъ-пакши (Prov., I, 424), гдѣ тэнгрякзай, конечно, есть не что иное, какъ монг. тэнгри-ху, „сынъ неба“. Разказы о ребенкѣ, котораго прячутъ подъ котель или въ телѣгу съ шерстью см. у Рашидъ-аддина о Джиданойонѣ, Зап. Археолог. Общ., XIV, 190; о Чингисъ-ханѣ, стр. 169; о Хайдуду, девятомъ сынѣ Дутумъ-Менена, Труд. Вост. Отд. Археолог. Общ., ч. XIII, стр. 17; въ осетинскомъ преданіи о Сана, сынѣ Тотика въ Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. III, ст. Шанаева, Осет. сказ., стр. 36. Въ нашихъ апокрифическихъ разказахъ пританье въ рожд., подъ солому, подъ траву: хриstopродавку, хриstopхоронку, хриstopрятку (въ Елаб. у. Вят. г.), припрятъ, руту (см. Анненк., Ботан. сл., стр. 7: Asop. excelsum., стр. 307: Ruta angustifolia; иногда растение называется копьемъ: Христова копье, Asop. excelsum; чуваш. охъ-туры, „наконечникъ стрѣлы“, Aspidium Filix mas; ibid, стр. 65). Въ духовныхъ стихахъ: „онъ темными лѣсами укрывался, бумажными листками устилался“ (Безсоновъ, Кал. перек., в. 4, № 329, стр. 137). Ср. у Садовникова, Сказки и пред. самарск. края, стр. 315; у Аванас., Н. Р. С., в. I, № 8; у Магнитскаго, Мат. о чувашск. вѣрѣ, стр. 245 и у Шейна, Русск. нар. пѣсни, стр. 198, № 52. О Хорсѣ, прячущемся въ лѣсу, чеченское сказаніе см. въ Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VIII, ст. Ахріева, Ингуши, стр. 26. О прячущемся черемисскомъ сынѣ неба Кереметѣ см. у Ст. Кузнецова, Сюрэмъ, въ Изв. Р. Общ., т. XV, в. 3, стр. 48 и у Магнитскаго, Мат., стр. 1 и 2. Гонителями Кереметя являются Татары (ср. дада, гонители Есугая) или чловѣкъ, за которымъ движется туча. О убіеніи Керемети людьми см. у Бехтерева въ Вѣстн. Евр., 1880, сент., стр. 169; у Золотницкаго, Невидим. міръ, стр. 24. Чувашаи разказываютъ о Калымѣ, что богатые возненавидѣли его за его милость къ бѣднымъ и убили (Магнитскій, Матеріалы, стр. 106 и 245). О мордовскомъ Нишки-пасѣ см. у Мельникова, Очерки Мордвы, въ Русск. Вѣстн., 1867, окт., стр. 399. Чувашское Калымъ ср. съ Колмо (см. прим. къ № 88). Черемисскій Клемъ-ханъ-кого-юмо (Вѣстн. Евр., 1867, дек., стр. 11) не то ли же самое, что чувашскій Калымъ? У Чувашей, Черемисовъ, Вотяковъ и Татаръ прикамскаго Поволжья существуетъ обрядъ гоненія на шайтана или чорта (Бехтеревъ въ Вѣстн. Евр., 1880, сент., стр. 161; Мозель, „Пермская губернія“, стр. 583; Магнитскій, Матеріалы, стр. 128; Гавриловъ, Произв. народ. слов. Вотяковъ, стр. 155). Не изъ такого ли обряда

создался классический мифъ объ Орестѣ, гонимомъ эринидами? Объ обычѣ гонять лисицу (ср. корсъ, хортъ, кыртъ, названія лисицы, собаки и волка) у Пѣмцевъ, см. Liebrecht, Zur Volkskunde, S. 263. Чувашъ обрядъ изгнанія чорта назыв. съурень, сренъ; ср. съ урянх. ерень (стр. 94). Въ чувашскомъ разказѣ (36 прим. къ гл. III) ырслень (ср. арсланъ, башкирк. лисица) является гонителемъ. — Звѣрки обвиняемые въ смерти „сына неба“, несутъ казнь; см. вар. 1, и, к, и Оч., II, 160; и наоборотъ, о Тэнградынъ-улы разказывается, какъ о прикованномъ въ царствѣ Ерлика (стр. 173). — Не слѣдуетъ ли въ имени популярнаго на Кавказѣ и въ Крыму Керъ-оглу видѣть алтайское Тэнгри-улы? — Не было ли вариантовъ, въ которыхъ врагомъ сына неба являлась летучая мышь, въ монг. шарисынъ? Буряты это слово должны были бы произнести шаригынъ или шарихынъ; ср. наше лѣтописное Шаруканъ и былинное Шаркъ-великанъ, а также въ словѣ о полку Игоревѣ: „поють время Бусово, летѣють мѣсть Шаруканю“.

49. Сказка о хитромъ ворѣ.

Всѣ семь сказокъ мы соединили въ одну группу на томъ основаніи, что въ нихъ много общаго. Такъ притворная смерть героя встрѣчается въ вар. 2 и 3; вымѣнъ быка въ вар. 2 и 3; корова, доставляющая серебро и золото (вар. 2) замѣнена въ вар. 5 подобною же кобылой; наконецъ вар. 1 роднится съ вар. 4 эпизодомъ о присвоеніи посредствомъ хитрости чужого скота. Эти варианты еще болѣе сродняются, если сравнивать ихъ съ другими уже извѣстными сказками о хитромъ ворѣ. Въ нашихъ сказкахъ о Яшкѣ-шутѣ кромѣ горшка, который самъ варитъ пищу, и доставляющей золото коровы, есть еще эпизодъ о присвоеніи скота, какъ и въ монгольскихъ вар. 1 и 4, а также разказъ о топорѣ въ котлѣ вмѣсто мяса, напоминающій лопатку въ вар. 4. Въ чеченской сказкѣ о Цазикѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. Ахріева, „Изъ чеченск. сказ.“, стр. 42—46) повторяются черты изъ сказки объ Андынь-Хурумчи (вар. 4 б и в): тѣ же формы обмановъ и намазыванье кровью губъ у овецъ. Шестидесять Орхустойцевъ, противники Цазика, убиваютъ его мать; ср. съ вар. 1 и съ вотяцкой сказкой у Гаврилова, Произв. нар. слов. у Вотяковъ, Казань, 1880 г., стр. 136—139. Въ киргизской сказкѣ объ Ежигельды (Radloff, Proben, III, 332): казанъ, кипящій безъ огня, лошадь,носящая золото и гибель противника въ водѣ; кромѣ того въ этой сказкѣ есть еще новые эпизоды: Ежигельды убиваетъ Джалмауса съ шестью дочерьми, потомъ обманываетъ Даугаръ-Алыпъ, одѣвается въ женское платье и притворяется лѣкаремъ; по жалобѣ Даугара царь велитъ поймать Ежигельды; новые эпизоды: разсыпанное золото и намазанные подошвы, покража верблюда съ казной, спаваніе водкой стражи и похищеніе царской дочери. Послѣдніе три эпизода находятся въ русской сказкѣ о Шибаршѣ (см. А. Веселовскій, Сказки объ Ив. Грозномъ, въ Древн. и Нов. Россіи, 1876 г., № 4, стр. 317); въ южно-русской о Климѣ и чортѣ (Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, II, 362)

два: 1) казна и водка и 2) похищеніе жены. Въ русской (Аванас., Н. Р. С., в. VI, № 6, вар. б, стр. 68) о ворѣ Климѣ: спаваніе стражи, сованіе мертвеца въ окно, покража бариновой жены, для чего Клима вѣшается на дерево внизъ головой; въ отрывкѣ изъ другого варианта, приведенномъ подъ строкой, Клима вѣшается на красной кромѣ (ср. съ вяткой въ сказаніяхъ о летучей мыши, стр. 175, и о Гесеръ-ханѣ, стр. 234). Въ концѣ сказки Климу хотять бросить въ воду и кладутъ въ кулѣ на бережокъ. Въ чеченской Цазика кладутъ на доску и отпускаютъ вплыть по рѣкѣ; онъ проплываетъ мимо трехъ пастуховъ; два отказались спасти, третій овечій пастухъ спасъ его изъ воды (ср. съ мѣстомъ Дараваты [Васильевъ, Буддизмъ, III, 108] о плывущемъ по рѣкѣ Шанку, съ книжнымъ сказаніемъ о Чингисѣ, сидящемъ въ водѣ и съ киргизскимъ объ Есекенѣ). На условномъ языкѣ нищихъ въ Минск. губ. климъ, „воръ“ (Зап. Акад. Н., т. XXXVII, кн. II, стр. 189). Въ южнорусской сказкѣ (Рудченко, Нар. южно-русс. ск., в. 2, стр. 139) вмѣсто царя или барина атаманъ сорока разбойниковъ (у Аванас., Н. Р. С., в. 8, № 27 семь разбойниковъ); эпизодъ этой сказки о богатомъ братѣ, который не могъ найти выхода изъ жилища разбойниковъ по таинственной силѣ иконы Богородицы ср. съ мордовской пѣсней о 30 разбойникахъ, ихъ атаманѣ Пене-Деманѣ (то-есть собакѣ Деманѣ) и женѣ Абыза, которая имѣла силу задержать разбойника; вмѣсто дѣвушки-чернавки рубить разбойниковъ Акула, жена Живалъ (И. М. Вн. Дѣл., 1839, № 10, окт., стр. 116). Обманываніе Ерлика посредствомъ обмѣна быка (вар. 2 и 3) есть въ сказкѣ о Джерканатѣ (то-есть летучей мыши? стр. 170). Сказки о летучей мыши (№ 2) представляютъ ее хитрымъ животнымъ; не слѣдуетъ ли и сказки о хитромъ ворѣ отнести къ эпосу о летучей мыши? Ср. имя Хурумчи съ бурятск. урмуше, хурмуше, „летучая мышь“, якутск. urjumschi, idem (Pall., Zoogr., I, 121). У Аванас., Н. Р. С., VI, № 8 воръ названъ Ерема. Въ вар. 2 встрѣчаются имена Шерпсень-ганъ и Шарисынъ-ханъ; одно ли это и то же лицо, для разказчика не было ясно. Шарисынъ, „летучая мышь“ по монгольски. Киргизское Ежи ср. съ гедже, летуч. мышь у Крымскихъ Татаръ. Какъ въ вар. 1, въ нѣкоторыхъ русскихъ вариантахъ хитрый обманщикъ имѣетъ противъ себя „семь“ разбойниковъ (ср. киргизское названіе Б. Медвѣдицы Джеты-Каракте, „семь воровъ“); въ другихъ жидъ (ср. татарск. названіе Б. Медвѣдицы Жиди-ганъ). Въ вар. 3 самъ обманщикъ назыв. Талынъ-Хутулчи, „семьдесятъ врадей“. Талынъ, Долонъ (въ имени Долонъ-Дондышъ) ср. съ первымъ членомъ монгольск. названія Б. Медвѣдицы Долонъ-Бурханъ. Въ киргизской сказкѣ объ Ежигельды противъ хитреца также семь лицъ: Джалмаусъ съ шестью сыновьями; въ чеченской противъ Цазика шестьдесятъ Орхустойцевъ; въ чеченской противъ Ботоко-Ширтта (ширтта — звѣрокъ ласка) шестьдесятъ Орхустойцевъ и Соска-Солса (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. Народн. Сказ., стр. 38). Въ именахъ хитреца встрѣчаются формы: Ганци, Андынь, Ежи. Ганци (ганцханъ, монгол., „одинокій“, то-есть сирота?) ср. съ Джангызъ-уль въ № 2, вар. в (джангызъ въ татарскомъ „одинокій“). Двухъ мальчиковъ въ

вар. 6, найденныхъ подъ корнями серебрянаго и золотого тополей, ср. съ дѣтьми, убѣгающими отъ мачихи въ Шидликурѣ; здѣсь дѣти названы Наранъ-гэрэлъ и Саранъ-гэрэлъ; наръ—солнце, саръ—луна. Привязаннаго къ дереву Ганци-Ментыша ср. съ повѣрьями о Б. Медвѣдицѣ (см. стр. 736, а также сл. прим. къ № 2) и съ мусульманской легендой о Христѣ, Weil, Bibl. Legend., 296. У Вотяковъ намъ удалось записать сказку слѣдующаго содержанія: Отецъ, выстроивъ новый домъ, посылаетъ въ него поочередно спать трехъ своихъ сыновей; утромъ послѣ каждой ночи онъ требуетъ, чтобы ночевальщикъ разказалъ, что видѣлъ во снѣ. Двое старшихъ разказали, что они видѣли: „Поить, кормить отца въ этомъ домѣ!“ Младшій увидѣлъ во снѣ, будто онъ омылъ свои ноги водой, а отецъ выпилъ эту воду. Онъ отказался разказать свой сонъ. Отецъ велѣлъ вывести его въ лѣсъ, нагаго привязать къ березѣ и оставить. Терпя зной и укушенія насѣкомыхъ, младшій сынъ все таки молчалъ. Братья оставили его привязаннымъ и ушли. Ъхали мимо купцы, увидѣли его, отвязали и увезли въ городъ. Здѣсь онъ впослѣдствіи становится царемъ. Отецъ его, при прежнемъ царѣ пріѣзжавшій занимать денегъ, является съ этой просьбой и къ новому царю, не подозревая въ немъ сына. Сынъ, прежде чѣмъ удовлетворить его просьбу и открыть истину, оставляетъ отца ночевать во дворцѣ. Ночью гость захотѣлъ пить и нашелъ тазъ съ водой, въ которой накануне царъ вымылъ свои ноги. Подумавъ: „царевы ноги чисты“, онъ выпилъ эту воду. Утромъ сынъ разказываетъ отцу о себѣ кто онъ, и почему не хотѣлъ разказать сна.—Подкинутую шубу въ вар. 4 ср. съ подсунутыми печатями въ монгол. сказкѣ Арджи-Борджи. Въ записанномъ нами вариантѣ (Оч., II, 155) есть имя Джитымъ-Сенге, второй членъ котораго тотъ же, что въ имени Балымъ-Сенге. Джитымъ по кирг. сирота. Вар. 2 ср. съ кавказскими сказками, кабардинскою „Три дочери старика“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. IX, стр. 108) и аварскою Езенъ-Зулхаръ (ibid., в. II, стр. 39). Эпизодъ съ волосами, снесенными водой (вар. 240), см. въ аварской сказкѣ Езенъ-Зулхаръ и въ Шидликурѣ, гл. XXIII. Уговоръ не входить въ домъ въ татарскомъ разказѣ о дочери Шурали'я (см. выше стр. 770). Боязнь чорта передъ колючими растеніями (вар. 2, б), каковы, напримѣръ, чертополохъ, чертогонъ и пр., рисуется и нашими повѣрьями. Въ осетинск. сказкѣ (Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. Ак. Н., т. XIV, кн. II, 1869, стр. 70) волка обманываетъ пойманная имъ ворона (халон), будто она боится быть сброшенной съ берега съ повѣшеннымъ ей на шею хлѣбами и бобами.—Сказку о Бамбу-Шиту и Дзулдзукѣ ср. съ древне-египетской о двухъ братьяхъ Бату и Анпу или Satu и Аперу (Lenormant, Les premières civilisations, t. I, Le roman des deux frères, p. 375; Wolf, Zeitschr. für Deut. Mythol., IV, 232). Жена старшаго брата Анпу, послѣ неудачной попытки обольстить младшаго брата Бату, оговариваетъ его и Анпу гонится за братомъ, пока по волѣ солнца не появляется рѣка, раздѣляющая братьевъ (ср. въ тат. сказкѣ съ рѣкой, раздѣляющею Идыге и Дзанпая: Radloff, Prob., IV, 48; въ чеченской сказкѣ: Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. IV, ст. Ахріева: Изъ чеченск. сказ., стр. 7). Бату убѣждаетъ брата въ своей невин-

ности, осклапаетъ себя и объявляетъ, что его жизнь отнынѣ будетъ заключена въ кедровой шишкѣ (ср. съ легендой города K'iu-tchi въ восточномъ Туркестанѣ, записанной китайскимъ монахомъ Сюанъ-Цаномъ; Memoire sur les contrées occident., traduit par St. Julien, t. I, p. 8); если кедровое дерево будетъ срублено, то и его постигнетъ смерть. Семь лѣтъ Анпу долженъ искать сердце брата и воскресить его. Послѣ того Бату поселился подъ кедровымъ деревомъ; боги послали ему жену. Волосы, посвященные ею рѣкѣ, пойманы прачками царя; царское войско взяло красавицу и срубило кедровое дерево; Бату умеръ. Анпу нашелъ сердце брата подъ кедровой шишкой и оживилъ его. Бату превращается въ быка; его вводятъ въ царскій дворецъ; царица узнаетъ его и приказываетъ убить быка. Изъ упавшей на землю канли быка вырастаютъ два дерева, которыя также по желанію царицы срублены; одна щепка попадаетъ въ ротъ царидѣ и она зачала; родился ребенокъ, который былъ все тотъ-же Бату въ новомъ видѣ. Имя Бамба ср. съ тунгусск. амба, амбанъ тигръ, (Маакъ, Путеш. на Уссурі, стр. 114 и въ прибавленіи стр. 11), что согласуется съ происхожденіемъ персонажа отъ тигрицы. См. сказки № 139 и 140.—Ежедневное возвращеніе Satu со скотомъ вечеромъ, при чемъ онъ всегда приносилъ вязанку травъ ср. съ легендами о Млечномъ пути и соломѣ (стр. 741).

Въ числѣ киргизскихъ сказокъ, доставленныхъ на петербургскій съѣздъ ориенталистовъ въ 1876 г., переведенныхъ г. Куртуковымъ и еще не изданныхъ, находится одна слѣдующаго содержанія: Царь Гарыкулъ, владѣющій сорока городами (это число какъ будто намекаетъ на этимологію царскаго имени; кырк—„сорокъ“ по киргизски), не имѣетъ дѣтей, какъ и его визирь. Оба они много молились о дарованіи имъ дѣтей. Однажды они ходили въ полѣ вдвоемъ, утомились и заснули; во снѣ царю привидѣлось, что у нихъ родятся дѣти; царь и визирь договорились, если родятся мальчикъ и дѣвочка, то женить ихъ, а если мальчики, то сдѣлать ихъ друзьями. Родились мальчики; царевичу дали имя Шеринъ, сыну визиря—Шакиръ. Мальчики стали юношами и жили въ большой дружбѣ. Однажды царъ выѣхалъ въ поле; царица соблазнилась красотой сына и стала подговаривать его взять ее женой, обѣщая хитростью убить отца. Сынъ отказался, а когда мать схватила его за руку, онъ ударилъ ее по лицу и зашибъ до крови. По возвращеніи царя царица оклеветала сына и царъ велѣлъ казнить его. Визирь пожалѣлъ царевича, призвалъ его и своего сына Шакира, далъ имъ аргамаковъ, запасу и драгоценныхъ камней и указалъ подземный ходъ изъ города, такъ какъ у всѣхъ сорока воротъ были поставлены часовые съ приказаніемъ никого не выпускать. Друзья выбрались изъ города и пріѣхали въ другой городъ, которымъ правилъ какой-то Малекъ, имѣвшій дочь красавицу Каракасъ. Черезъ женщину, приставленную къ красавицѣ, Шерину удалось, во время отсутствія Малека, проникнуть къ царевнѣ; но въ первое свиданіе Шеринъ заснулъ, и когда проснулся, то нашелъ только асыкъ (баранью кость), завернутую въ платокъ, сама же царевна уже ушла. Шакиръ растолковалъ ему, что этотъ подарокъ означаетъ сомнѣніе царевны, любить ли ее Шеринъ.

Потомъ Шерину удалось увидѣть царевну, но визири, которые сами хотѣли жениться на ней, узнали о посѣщеніяхъ царевича, улучили время и арестовали ихъ, заставъ вмѣстѣ. Въ тюрьмѣ царевна спрашиваетъ царевича, есть ли у него товарищъ? Тотъ сказалъ, что есть, и что его зовутъ Шакиромъ. Царевна даетъ золотую диллу одному изъ стражи и проситъ извѣстить Шакира, что его другъ въ тюрьмѣ. Шакиръ, одѣвшись въ женское платье, проникаетъ въ тюрьму подъ видомъ жены заключеннаго, принесшей въ корзинѣ ему обѣдъ, передаетъ свое платье и пустую корзину царевнѣ Каракасъ, платье съ царевны надѣваетъ на Шерина, а самъ одѣвается въ его платье. Царевна Каракасъ благополучно выходитъ изъ тюрьмы, принятая за приходившую женщину съ милостыней. Когда Малекъ возвратился съ полъ, ему предъявляютъ пойманныхъ, но на мѣсто царевны, видятъ какую-то другую дѣвицу. На распросы царя Шакиръ объявляетъ, что принцъ изъ царства Гарыкыла, что дѣвица это его сестра, которую хотѣлъ насильно захватить и увезти туркменскій ханъ, и что онъ, не надѣясь, чтобы Гарыкыль защитилъ его, приѣхалъ въ царство Малека искать его покровительства, и былъ здѣсь арестованъ, неизвѣстно по какой причинѣ. Царъ велѣлъ визирей казнить, визиремъ сдѣлалъ Шакира, а мнимую сестру его велѣлъ помѣстить въ однѣхъ покояхъ съ дочерью Каракасъ. Потомъ посредствомъ новой хитрости Шакиру удается устроить такъ, что самъ Малекъ выдаетъ свою дочь за Шерина. Ср. съ эпизодомъ въ монгольской Арджи-Бурджи, разсказываемымъ попугаемъ; Малеку соответствуетъ царь Цокту Илагук-сень, царевнѣ Каракасъ—дочь его Наранъ (солнце), Шерину—чиновникъ Саранъ (луна), а мѣсто Шакира занимаетъ Саранова жена.

Эпизодъ о женщинѣ, живущей съ львами и тиграми, къ которой приходитъ Дзудзукъ (стр. 240) ср. съ сказаніемъ о нохой-эртепъ (стр. 322) и съ южно-русскою сказкой о Трѣмсинѣ-Борисѣ, ходившемъ къ солнцу (Гр. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, т. II, стр. 294). Въ позднѣйшихъ русскихъ передѣлкахъ странствующихъ является солдатъ (въ легендѣ „Солдатъ и смерть“, Аван., „Русск. Лег.“, № 16, а также стр. 154). Захватъ Ерликова трона Балывомъ Сенге (стр. 242) ср. съ сказаніями о Соломонѣ, тронъ котораго временно занимаетъ, принявъ видъ самого царя или Аммадай (Zeit. d. Deutsch. Morgenlând. Ges., 1877, B. XXXI, H. II и III, стр. 223) или ангелъ. Въ вар. 4, 2 эпизодъ о спрятанныхъ мальчишкахъ, дающихъ отвѣты на вопросъ: чей скотъ, ср. съ черемисскимъ преданіемъ о захватѣ земли Макаромъ; въ чувашскихъ вариантахъ захватившій землю называется различно: Мыгыть, Сорумъ, Хыдымъ. Четыре сына, посаженные Макаромъ въ ямы, въ наказаніе за его жадность, умираютъ въ ямахъ (Магнитскій, Матер. къ объясн. стар. чувашск. вѣры, Казань, 1881, стр. 5); ср. съ вотяцкими преданіями о происхожденіи медвѣдя и чертей; см. выше стр. 800. Въ южно-русскихъ преданіяхъ также есть разказъ о присвоеніи земли посредствомъ подобнаго же обмана; сынъ, посаженный въ яму, въ наказаніе отцу былъ Богомъ сдѣланъ навѣки кротомъ (Драгомановъ, Малорусск. нар. предан., стр. 385). Кротъ на языкѣ Мордвы-эрзя называется maksazei (Wiedeman, Grammat d.

Ersa-mordw. Spr.); у Мордвы-мордвы maksaka (Ahlquist, Versuch e. Mokscha-mordw. Gramml.), по монгольски сокуръ; имя Сорумъ ср. съ монгол. цзурумъ, сусанъ, съ остяцкимъ турумъ, бурундукъ. По киргизскому повѣрью, кротъ, коръ, зарытъ въ землю за то, что отвергъ любовь сестры, которая обращена за это въ кошку малинь (Оч., II, 148); у Тобольск. Татаръ эта же кошка называется мизимъ; ср. съ персидск. palang, леопардъ; вотяцк. баланъ, рысь; у Вотяковъ пеле. у Пермиковъ и Зырянъ падъ, леляга. Можетъ быть мнѣ о сестрѣ Малинь и братѣ Корѣ разсказывался въ прикамскомъ Поволжѣ; адѣсь мы встречаемъ имена Балынъ-гузъ, Малимъ Хоззи, Мулла Хазей (см. Шпилевскій, Древніе города Каз. губ., стр. 61, 71, 94). Первый членъ этого имени ср. съ киргизскимъ малинь; второй: гузъ, хоззи, хазей ср. съ гедже, крымско-татарск. именемъ летучей мыши, см. стр. 759. На картѣ братьевъ Пицигани 1367 г. въ прикамскомъ Поволжѣ назначенъ городъ Sagabolam (Брунъ, Матер. для ист. Сугдеи). Въ мусульманскихъ разказахъ плутъ, соответствующій монгольскому Балынъ-Сенге, называется Насръ-Эддинъ; у Крымскихъ Татаръ къ этому имени прибавляется еще членъ Оджа (Кондараки, Опис. Крыма, Спб., 1875, т. III, ч. XIII, с. 108—113). У Казанскихъ Татаръ также есть разказы о Насръ-Эддинѣ, которому придается прозвище Кужа. Это былъ визиръ какой-то дѣвицы, царствовавшей въ Поволжѣ; Кужа Насръ-Эддинъ правилъ государствомъ, за что и прозванъ кужа, то-есть, хозяиномъ. Онъ былъ богоугодный человекъ, почему въ честь его были установлены жертвоприношенія на горѣ, извѣстной и теперь подъ именемъ Кужаларъ-тауы, „гора кужей“. Подъ старость онъ сдѣлался посягивателемъ народа и предметомъ многихъ анекдотовъ (Софійскій, О киреметяхъ крещеныхъ Татаръ казанск. края въ Изв. по каз. епарх. за 1877, № 24, стр. 7). Вѣроятно, Кужа казанское и Оджа крымское есть мѣстное имя, которое одно и было извѣстно Татарамъ до тѣхъ поръ, пока книжное вліяніе не принесло имъ другое имя: Насръ-Эддинъ. Въ вотяцкихъ сказкахъ плутъ называется Алдаръ-тазъ или Вистэмъ-тазъ (Гавриловъ, Произвед. нар. слов. у Вотяковъ. стр. 67, 68, 135 и 136), въ киргизскихъ есть плутоватый Алдаръ-косѣ (стр. 364). Тазъ по тат. плѣшивый, косѣ по киргизски безбородый; у Крымскихъ Татаръ кусе—человѣкъ, у котораго не растутъ борода и усы; у Османскихъ Турковъ летучая мышь jagasa, что собственно значитъ голый.

У Крымскихъ Татаръ есть слово кыръ-яланъ, „обманщикъ“ (Кеппенъ, Крымск. Сборн., 1837, с. 312); буквально оно можетъ быть переведено: „сорокъ обмановъ“. Не было ли это именемъ сказочнаго плута въродѣ Балынъ-сенге? Сложное кыръ-яланъ созвучно съ монгольскимъ джиргаланъ; см. стр. 762.

Къ вар. 5. Паденіе съ дерева ср. съ аварскою сказкой о богатырѣ Назнаѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. 2, стр. 71—75).

Къ вар. 6 близко стоитъ киргизская сказка о Джентаѣ, которую я слышалъ въ Семипалатинск. области, но не записать; Джентай имѣетъ богатаго брата; онъ приставляетъ къ его юртѣ трупъ, а потомъ берется за плату упредить его; богатый братъ приглашаетъ воровать старуху, мать

семи злых сыновей; Джентай тайно убивает старуху, а потом берется отвезти ее труп к ее сыновьям, помещает ее на одного верблюда и когда сыновья выбегают на встречу и начинают бегать и с жадностью ловить рассыпаемую Джентаем сласть, он устраивает падение мертвой старухи с верблюда и сам падает. Испуганные семь братьев не только не взыскивают за смерть матери, но еще закармливают Джентая, чтобы не взыскивал за ушиб. Приведение врага в положение вверх ногами часто встречается в сказаниях и поверьях. В Рамайане есть рассказ о царѣ Trisanku, который висит головой вниз и блесит в вид созвездия из семи Rischis, то-есть, Больш. Медвѣдницы (Angelo de Gubernatis, Die Thiere in der indogerm. Mythologie übs. v. Hartmann, Leipz., 423. См. также у Мангардта в его Germ. Myth., стр. 552 и 553). По южно-русскому поверью, вѣдьмы являются на перекрестки дорог, чтобы снимать звѣзды с неба, для чего взлѣзают на кресты вверх ногами (Тр. этн. эксп. в Зап.-русс. край, I, в. 1, с. 25 и 198); дѣволъ дразнить бога во время грозы, становясь у скалы ногами вверх (ibid., в. 1, с. 19); Вотяки вѣрятъ, что шайтанъ влзаетъ на дерево, становится вверх ногами и кажетъ Богу голый задъ; тогда молнія бьетъ въ это самое дерево. Богурславскіе Мордовки въ молитвахъ просятъ своего бога спасти ихъ отъ колдуна: „поставь его, Господи, вверхъ ногами“! (Мельниковъ, Оч. Мордвы, Русск. Вѣсти., 1867, окт., стр. 412). По поверью сибирскихъ крестьянъ, мѣсяцъ портятъ, становясь окарачь и смотря промежъ своихъ ногъ (Этн. Сб., VI, 117). Народъ въ Орлов. губ. вѣритъ, что летучая мышь вырываетъ изъ головы человѣка волосъ, вѣшаетъ его на сухой сукъ дерева и тѣмъ призываетъ на человѣка смерть (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., II, 21). Въ другихъ поверьяхъ говорится о повѣшеніи ужей или змѣй (см. Аѳанас., Поэт. Возр., II, 305 и 558; Чехи, чтобы вызвать дождь, вѣшаютъ змѣю на древесномъ сукѣ головою внизъ). Ср. въ „Прѣпіи Господа съ дѣволомъ“: дѣвола вѣшаютъ „стрѣлавою за пятъ“ (Тихонравовъ, Памятн. отреч. литер., стр. 284). Въ Алтанъ Тобчи (стр. 56): Сургана повѣсили такъ, чтобы руки и ноги висѣли внизъ; ср. сарисынъ, „летучая мышь“ по монгольски. У Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 153) Есень-хаганъ вѣшаетъ на деревѣ Боке-Сорсона, а потомъ Бого, сынъ Сорсона (стр. 169) вѣшаетъ самаго Есень-хагана на дерево. Въ русскихъ сказаніяхъ повѣшеніе вверхъ ногами или просто повѣшеніе рассказывается о князѣ Игорѣ, о бояринѣ Юрьѣ, повѣсившемся на суку (Изв. Имп. Русск. Археол. Общ., т. IX, въ ст. Рыковскаго „Оп. собр. истор. зап. о г. Рославль“, 498); о сестрѣ Кучковичей, повѣшенной на воротахъ (Карамз., III, прим. 43). Въ болгарскихъ рассказывается о повѣшеніи Стояна за измѣну побратиму и о Маркѣ-кравеничѣ, котораго изловилъ Демо-брдянинъ и хочетъ повѣсить на городской стѣнѣ (Безсон., Болгарск. пѣсни, 60 и 105). Постояннымъ мѣстомъ жительства Марка былъ замокъ Прилѣпъ; прилѣп по болгарски летучая мышь; Лавровскій, Сербск. Словарь. Въ кавказскихъ: въ аварской сказкѣ, Есень-Зулхаръ (Сб. свѣд. о кавк. горц., в. 2, отд. 2, стр. 39—45) и въ кабардинской (ibid., в. 6, стр. 108).

Въ вар. 1, 6 и 3. Обмѣнъ ѣздоваго животнаго съ придачей молотка см. также въ бурятскомъ сказаніи: Молонтей мѣняется съ Ирхы-номономъ (ср. Ерленть-номонъ-ханъ, какъ иногда называется Ерликъ) быками и даетъ ему молотокъ (стр. 266).

Къ вар. 3. О котлѣ на головѣ см. Mannhardt, Germ. Myth., 193; въ нашихъ былинахъ подъ колоколомъ является Пилигримище.

50. Гесыръ-ханъ.

Впервые съ сказаніемъ о Гесеръ-ханѣ познакомили Европу Бергманъ, который въ своихъ Streifereien unter den Kalmyken помѣстилъ такъ-называемаго у восточныхъ Монголовъ „малаго Гесера“; полный текстъ изданъ Шмидтомъ въ Петербургѣ въ 1836 г.; въ 1839 г. явился здѣсь его же переводъ на нѣмецкій языкъ подъ названіемъ Die Thaten Bogda Gesser-chan's. Шоттъ изложилъ его вкратцѣ въ Abhandlungen v. Academie d. Wissensch. zu Berlin, 1851 въ ст. подъ именемъ Ueber die Sage von Geserchan, выкинувъ обременительныя литературныя украшенія. Въ той же статьѣ Шоттъ сообщаетъ, что Венгерецъ Csoma Kōrsi въ своей тибетской грамматикѣ упоминаетъ тибетскую книгу подъ названіемъ Gesardung, „рассказъ о Gesarъ“, содержаніе которой, впрочемъ, не извѣстно за отсутствіемъ списковъ съ книги въ Европѣ. Нашъ вариантъ мало отличается отъ Шоттовой передачи; цѣлѣстныя прибавленія книжника сами собой выпали изъ памяти нашего рассказчика. Нашъ вариантъ не оконченъ, а потому мы дополняемъ его по Шотту, чтобы облегчить читателю сравненіе этого сказанія съ № 135. У Шмидта Нетайсара называется Jogo (ср. съ самоѣдскимъ jīgu, ire и пр., „мѣсяцъ“ [Castren, Wörterverz. aus d. Samoied Spr., S. 252] и съ монгольскимъ сара, саръ, „мѣсяцъ“); сцену съ быкомъ онъ продѣлываетъ надъ своимъ отцомъ Sanglun'омъ (шпоры и паденіе съ быка ср. съ сказкой Аргата, стр. 250). Затѣмъ на сцену выступаетъ дядя Tschotong (ср. съ Джеты, первымъ членомъ въ киргизскомъ имени Б. Медвѣдницы), который хочетъ погубить Джоро и насылаетъ на него „семь альбиновъ“. Но альбины сразу узнали Гесера и со страхомъ привѣтствовали его. Джоро приказалъ имъ свои семь лошадей оставить и уѣхать на семи деревянныхъ тростяхъ. Далѣе говорится о дѣвицѣ Aralgo-goa, дочери Ма-Bajan'a, которая шла по степи съ кизякомъ за спиной; въ то время, какъ она заснула среди степи, Джоро подкинулъ ей жеребенка и потомъ упрекнулъ дѣвицу въ неестественномъ сожителствѣ; дѣвица соглашается стать его женой, если онъ дастъ обѣщаніе никому не говорить объ ея несчастіи. (Это мѣсто уже Шифнеромъ въ Radloff, Proben, I, стр. XI, было сблизено съ мѣстомъ у Радлова, I, 425 о Пагай-Джоро; Пагай ср. съ тунгусск. bega, „луна“). Потомъ описывается поѣздка на пиръ къ ламѣ Tshoridong'у, на дочери котораго Чотонгъ хотѣлъ жениться и поѣзда Джоро къ Manggu, горополобному тигру, который свирѣпствовалъ на сѣверѣ и глоталъ людей. Три небесныя сестры предупреждаютъ Джоро объ опасности предпріятія (ср. Оч., II, 175),

но онъ все таки ѣдетъ и убиваетъ Мангу. Этимъ кончается вторая книга. Въ третьей книгѣ Джоро ѣдетъ къ китайскому императору, который тоскуетъ по умершей женѣ; Джоро воруетъ ее, кладетъ на ея мѣсто помѣть собаки и ускользаетъ отъ казни, прячась въ нору змѣи, въ огонь и пр., пока царь не отдастъ за него дочь Кипе-гоа (кунь, „солнце“, „день“ по татарски). Въ четвертой книгѣ разказывается, что Чотонгъ, воспользовавшись пребываніемъ Гесеръ-хана въ китайскомъ царствѣ, привязывается къ его женѣ Aralgo-goа, которая также называется Tümen-Usirgalang. Но женщина крѣпится. Тогда двадцатиголовый великанъ насылаетъ на Гесера болѣзнь, которая можетъ прекратиться только подъ условіемъ, если Aralgo-goа переселится въ жилище великана. Гесеръ выздоравливаетъ, узнаетъ о мѣстопребываніи жены, но не знаетъ, что ея удаленіе отъ его семейнаго очага было съ ея стороны жертвою. Онъ убиваетъ все великаново отродье: жена даетъ ему забыдушей воды, чтобы впредь онъ отъ нея не отлучался. Въ это время три хана-брата племени Ширайголь совѣтовались между собой, гдѣ достать невѣсту сыну одного изъ нихъ. Они послали вѣстниковъ и ворона принесла извѣстіе о существованіи другой жены Гесера Rogmo-goа; тогда духи-покровители трехъ царей обращаются въ трехцвѣтную птицу, которая летитъ въ Тибетъ, гдѣ живетъ Rogmo goa; птица садится на урку и убѣждается въ правдѣ извѣстія, принесеннаго вороной (ср. № 185). Тогда ханы идутъ съ безчисленнымъ войскомъ; ихъ встрѣчаетъ братъ Гесера, Schikir, бьется съ ними, но утомившись отъ битвы, пьетъ воду изъ рѣки Хатунъ и, опьянѣвъ, падаетъ въ сонъ; ханы отсѣкаютъ ему голову. Rogmo-goа беретъ голову и ласкаетъ ее (ср. въ Юаньчаомиши о головѣ Ванъ-хана. Труд. Пек. дух. мисс., IV, 100), потомъ посылаетъ стрѣлы къ Гесеру, который въ это время спалъ въ жилищѣ великановъ. Гесеръ просыпается, принимаетъ видъ нищаго, и идетъ сначала къ своему дядѣ Чотонгу, который, пользуясь его отсутствіемъ, хозяйничалъ въ его домѣ и дурно обходился съ отцомъ Гесера; мать свою Гесеръ находитъ обреченною собирать навозъ на топливо. Гесеръ приходитъ къ дядѣ и сначала объявляетъ ему, что Гесеръ будто бы умеръ, потомъ наказываетъ его. Затѣмъ онъ отправляется къ тремъ ханамъ и ложится у ключа, гдѣ ихъ дочери брали воду. Одна изъ нихъ полюбила Гесера (ср. съ сказаніемъ о шаманѣ Одюгъ Хогоръ-бо [стр. 24]; Гесеръ въ бурятскомъ произносится Гэгэръ; не стояло ли прежде вмѣсто окончанія ханъ другое, именно хамъ, то-есть шаманъ; тогда значеніе вторыхъ членовъ въ обоихъ случаяхъ совпало бы). Гесеръ убиваетъ ея жениха и всѣхъ богатѣйшихъ трехъ хановъ, а за тѣмъ и все племя Schiraigol'овъ. Въ послѣдней седьмой части во дворъ Гесера является Мангу подъ видомъ духовнаго лица. По просьбѣ Rogmo-goа гость обращаетъ Гесера въ осла и кладетъ на него сѣдло; но другая жена Гесера Abs'u Mergen уничтожаетъ чары. Мать Гесера отъ печали, что ея сынъ обратился въ осла, умираетъ. Это подаетъ поводъ Гесеру спуститься въ преисподнюю; подъ видомъ птицы Гаруди онъ является въ адъ, топоромъ разсѣкаетъ ворота, освобождаетъ душу своей матери и относитъ ее на небо. Этимъ кончаются похождения Гесера.

Нѣкоторыя части этого сказанія напоминаютъ Иринъ-Сайна (№ 135); Гесеръ бьется съ Мангусомъ, находитъ родителей своихъ въ поработленномъ состояніи, является къ врагу въ измѣненномъ видѣ, передъ кровавой расправой сообщаетъ о своей мнимой смерти; въ заключеніе спускается въ адъ и освобождаетъ заключенную тамъ душу. Повидимому оба сказанія есть эпическое изложеніе шаманской мистеріи у кровати больного; подъ Джоро и Ириномъ скрывается шаманъ, который отправляется въ адъ по душу больного человѣка; имена героевъ ср. съ дархатскимъ джаренъ, джайренъ и теленгитскимъ еренъ или джеренъ, „шаманъ“.

Имя Гэсеръ или Кэсеръ извѣстно и Урянхайцамъ, но разказывается ли у нихъ та же исторія, какую знаютъ Монголы, мнѣ не удалось разузнать. Урянхайское сказаніе своего Кэзера называетъ кайраканомъ, то-есть громовникомъ. Иногда у Урянхайцевъ является сложное: Чингисъ-Кэсеръ-Кайраканъ (№ 42, вар. 1); ср. съ упоминаемымъ Банзаровымъ: Чингисъ-Хаджиръ Тэнгри (Уч. Зап. Каз. Унив., 1846, III, 69); у Березина (Библ. восточ. историковъ) то же имя полнѣе: Чингисъ-Хаджиръ бо Тэнгрийнъ кубунъ. Послѣдніе три члена значатъ: „шаманъ сынъ неба“. Съ формой, приведенной Банзаровымъ, члены урянхайскаго сложнаго сопоставляются такимъ образомъ: Чингисъ=Чингисъ, Хаджиръ=Кэсеръ, Тэнгри=Кайраканъ. Съ формой изъ Березинской „Библ. вост. пис.“: Чингисъ=Чингисъ, Хаджиръ=Кэсеръ; бо не имѣетъ соответствующаго члена; Тэнгрийнъ-кубунъ=Кайраканъ. Въ халхасскомъ вмѣсто кубунъ стояло бы ху. Гэсеръ-ханъ въ вар. б и в также называется сыномъ неба. Членъ *Хаджиръ* ср. съ формами: 1) Каджиръ буура, верблюдъ громовника (стр. 141); 2) Хаджиръ, мистическая птица (стр. 182), 3) Очиръ-вани, имя бога (226).

У Киргизъ Гесеръ-ханъ, по видимому, является подъ именемъ Кадыра, который сливается съ мусульманскимъ Хизръ-Ильсомъ. У Киргизъ Баянъ-аул. окр. я записалъ: „Ильясъ и Казыръ были двоюродные братья; Киргизы неправильно произносятъ Кадыръ. Ильясъ помогаетъ страждущимъ отъ крушенія на водѣ; гдѣ онъ проходитъ, тамъ трава зеленѣетъ. Казыръ и Ильясъ выпили животворной воды, потому и не умираютъ. Казыръ каждому человѣку является три раза въ жизни, но не въ своемъ видѣ, а въ видѣ хромага или въ другомъ подобномъ родѣ.“ О Гецеръ-ханѣ у Рашидъ-Эддина см. въ Зап. Археолог. Общ., XIV, 113; фразу его о лѣкарствѣ Гецеръ-ханъ, которое въ древности называлось гадеръ, ср. съ худары, монг. „кабарга“. О волшебномъ камнѣ Кагыръ у Золотницкаго, Чуваш. Слов., стр. 186. Объ алтайск. божествѣ Кыгыръ-ханѣ у Вербицкаго, Зам. кочев. Алтайца, въ Вѣст. Геогр. Общ., т. XXIV, стр. 96.

Эпизодъ о птицѣ (сорокѣ или перепелкѣ), испугавшей лошадь, въ вар. а связанъ съ основаніемъ какого-то монастыря; въ русскомъ сказаніи объ основаніи Москвы сорока открываетъ убѣжище спрятавшагося боярина Кучки (Аванас., II. В., II, 606); въ киргизскомъ сказаніи жаворонокъ открываетъ убѣжище Козу-Курпеша; ср. Weil, Bibl. Legend., S. 50; Аванас., Поэт. Возр., II, 378. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 25) Хасаръ, братъ Чингиса, подстрѣ-

лил сороку. Испуганный внезапно богъ встрѣчается въ повѣрьяхъ о медвѣдѣ (стр. 756). Красная нитка, привязанная къ Гесеръ-хану женами, по которой онѣ узнаютъ его въ собраніи боговъ, напоминаетъ сказаніе о летучей мыши (стр. 174); въ этомъ послѣднемъ жена Бюргутъ; ср. съ именемъ Гесеръ-хановой жены Ана-Мергенъ. Товарищъ у Гесеръ-хана называется Барсъ-батыръ; не указываетъ ли это на существованіе другихъ вариантовъ, въ которыхъ вмѣсто Гесеръ герой назывался Барсомъ? Сливая два варианта въ одинъ, позднѣйшая редакция могла обратить одно имя въ помощника.

Въ вар. *в* отецъ Гесеръ-хана называется Хормысъ-ханъ. Ср. съ сказаніемъ, что Чингисъ-ханъ былъ сынъ Хормусты (Уч. Зап. Каз. универс., 1846, III, стр. 69).

51. Гегены.

Къ вар. *и*. Ср. Weil, Bibl. Legend., S. 230: ангелъ вызываетъ огонь съ земли предъ Соломономъ и показывать сатану.

Къ вар. *і*. Завертываніе сердца въ хадакъ ср. съ завертываніемъ печени Зеленаго царя (Джиланъ-ханъ?) въ ширинку въ сказкѣ объ Урусланѣ (Лѣт. русск. литер., в. IV, стр. 100).

52. Разные бурхыны.

Къ № 2. Цаганъ-Моринъ ср. Цаганъ-Бюрю (стр. 194).

Къ № 4. Цаганъ эбугенъ переводится обыкновенно: „бѣлый старикъ“. У Самоѣдовъ есть Нувыи ази, „бѣлый дѣдъ“. Второй членъ „старикъ“, „дѣдъ“ подастъ поводъ видѣть въ немъ или медвѣдя (см. 42 прим. къ III гл.) или предка племени. Ср. у Татищева о Якутахъ: „а (именемъ) Заха они называются отъ одного ихъ древняго владѣльца“ (Н. Поповъ, Н. В. Татищевъ, стр. 710). Цаганъ ср. съ сойотск. дзегенъ, алт. джегенъ, текенъ, якутск. сегянъ, сйэгянъ, сіэганъ, халхасск. дзехе, калмыцк. dschakan, „россомаха“, тунгусск. и ламутск. дзюкунъ, djokon, „выдра“, мотор. dschokon, „рысь“ (Радде въ Reise, V. I, 17; Третьяковъ въ Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 299; Pall. Zoogr., I, 29 и 74). Чаганъ у черневыхъ Татаръ „звѣзда“, dzokun у Тунгусовъ „солнце“, въ монгольскомъ цаган, чаган, „бѣлый“. Ср. также съ формами Дзюгу (Оч., II, 175), Сюгэ (въ сложномъ Сюрдугъ-сюга-тоенъ; Зап. Русск. геогр. Общ. по общ. геогр., II, 406; см. также прим. къ № 38). Эбугенъ или убугунъ ср. съ тунгусск. bega, „мѣсяцъ“. Хромота Цаганъ эбугена: ср. о Ерликѣ (стр. 130), о Шаркѣ-великанѣ (Рыбн. I, 312), о Есентайши (Алтанъ Тобчи, 56); боль въ ногахъ у Хонкиратовъ (Рашидъ-Эддинъ въ Зап. Археолог. общ., XIV, 137), у Ирхытовъ (стр. 6). Ср. также прозвище „хромецъ“, данное лѣтописью Ярославъ, мстителю за Бориса и Глѣба.

53. Буха-ноинъ.

Нисхожденіе Буха-ноина на землю (вар. *и*) ср. съ алтайскимъ сказаніемъ о мѣсяцѣ (стр. 190 и 774). Подобно алтайскому, и сказаніе о Буха-ноинѣ состоитъ въ связи съ идеей о предкѣ племени и съ повѣрьями о новорожденныхъ. Первый членъ имени Буха ср. съ тунг. bega, „мѣсяцъ“, а также съ самоѣдск. богго, „медвѣдъ“, съ тунгусск. bakaja, id, съ остяцкимъ моко, „молодой медвѣдъ“, съ монг. буха, „быкъ“, татар. буга, id., тат. богу, „олень“, а также съ вторымъ членомъ имени Темиръ-боко (стр. 173). Буха-ноина, являющагося пастухомъ въ вар. *в* ср. съ коровьимъ пастухомъ въ котонск. легендѣ о Гельгенѣ-пи (Оч., II 162). У Рашидъ-Эддина при Огузъ-ханѣ (то-есть Быкъ-ханѣ) также найденъ ребенокъ въ дуплѣ, предокъ племени Кипчакъ (Зап. Археолог. Общ., XIV, 19). Въ призываніяхъ баабай переводятъ отецъ; по тат. бабай „дѣдъ“; Казан. Татары о громѣ говорятъ: Тенгри-бабай гремитъ. Бодонъ-Хотонъ-иби переводятъ „мать Бодонъ-Хотонъ“. Бодонъ-Хотонъ ср. съ Одунь-Бодунъ (стр. 326). Пару Тенгри-Баабай и Иби ср. съ скиѣской парой Парајос и Аріа (Herod., IV, 59). Мать Бадавъ см. Оч., II, 3. Ильджихинъ ср. съ Ельджигенъ (№ 65); ильдбака, „медвѣдъ“, по остяцки (Castren, Wörterb. aus d. Samojed. Sprach., 203). Изы ср. съ эсэ, „медвѣдъ“ и „дѣдъ“ по якутски. Ирлиги-ханъ вѣроятно Ерликъ-ханъ (первый человекъ по повѣрью чернев. Татаръ; см. прим. 44 къ гл. II). Выри ср. съ полубыкомъ Бюрю; въ сѣв. зап. Монголіи есть озеро Бюрю-норъ или Брю-норъ (Оч., I, 66), о которомъ преданіе, что въ немъ утонулъ теленокъ, будто бы вынырнувшій потомъ въ озерѣ Талъ-норѣ, прошедши подземнымъ ходомъ. Юрюнь ср. съ якутскимъ Ай-Юрюнь-Тоёнъ (Сборн. газ. Сибирь, стр. 415) или Юрюнгъ-Аи-Тоёнъ („бѣлый добрый господинъ“, какъ переводитъ г. Гороховъ; Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 37) и монгольскимъ именемъ мнѣическаго дерева Орунь-Ганцханъ-Модонъ; и дерево (Оч., II, 162) и Буха-ноинъ (вар. *в*) питаютъ ребенка жидкостью, которую выдѣляютъ. У Якутовъ указываютъ божественную пару Аръ-Тоёнъ и Кюбей-Хотунъ; у нихъ сынъ Уляръ-Этинъ, „громъ“ (ст. Бюлера, Очерки Вост. Сибири, въ Отеч. Зап., стр. 206). У Кастрена въ бурятскомъ призываніи стоитъ: Есеге, есеге Malan-tengri, eke, eke Jören-tengri, то-есть отецъ, отецъ Маланъ-Тенгри! мать, мать Йоренъ-тэнгри (Castren, Versuch e. burjat. Spr., 236). Ср. сложныя Оронъ-Ганцханъ-Модонъ (№ 29), Оранъ-Телегей (стр. 995), Юрюнь-хатынь-эджи (стр. 264), Юрюнгъ-Аи-тоёнъ, Арангасъ (стр. 710). Не придавалась ли форма Юрюнгъ предмету, съ которымъ было связано понятіе о бѣломъ? Ср. съ самоѣдскимъ jigu, ire, „мѣсяцъ“. Забереженіе отъ свѣжины ср. съ преданіемъ о Мундусахъ (стр. 3). Когда свѣтъ валится хлопьями, какъ будто совиныя перья, Казанскіе Татары говорятъ: „япалакъ, япалакъ каръ джауады“ или полнѣе въ киргизск. редакціи: „джа-балакъ, джабалакъ, каръ джауады, джаманъ хатунъ кызъ табады“, то-есть

„какъ сова, снѣтъ идетъ, худая жена дѣвицу родить“. Джаманъ-хатунъ ср. съ Хатунъ-иби; мать по монгол. иби, по урянх. емь.

Къ вар. б. Борьбу двухъ быковъ сиваго и пестраго ср. съ борьбой двухъ звѣрей или двухъ зайцевъ, сѣраго и бѣлаго въ нашей Голубиной книгѣ (Безсоновъ, Кал. Перех., в. 2, стр. 273), а также въ Сибирской, такъ-называемой Кунгурской лѣтописи стр. 8.

Къ вар. е. Разказъ о Ханъ Джиргаѣ ср. съ алтайской сказкой о Джерканатѣ (стр. 170).

Къ вар. ж. Мѣсто о Молонтеѣ ср. съ Балынъ Сенге, стр. 241.

Къ вар. и. Булга-хара или Булганъ-хара, брошенный въ люльку, вѣроятно принадлежитъ къ ряду сказаній о сынѣ неба, брошенномъ въ воду или въ ящикъ или въ бочкѣ. Въ Алтанъ Тобчи (стр. 53) упоминается Болго-ноинъ, дитя, спасенное отъ смерти. Второй членъ Хара ср. съ бурятскимъ хара, „мѣсяцъ“.

Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ сказаніямъ о Буха-ноинѣ помѣщаемъ еще одно, записанное у Бурятъ въ Балаганскомъ вѣдомствѣ г. Хангаловымъ.

„Небо (тэнгэри) раздѣляется на Барулама-тэнгэри и Зулэмэ-тэнгэри; первыхъ считается пятьдесятъ пять тэнгэри, вторыхъ сорокъ четыре; первые помѣщаются на западѣ (бару), вторые на востокѣ (зу). Между западными 55-ю тэнгэри старшее у Кудинскихъ Бурятъ назыв. Заянь-Сагана, у балаганскихъ Ханъ-Тюрмасъ; нѣкоторые Кудинцы говорятъ, что Ханъ-Тюрмасъ восточное тэнгэри. Старшее изъ восточныхъ тэнгэри у Кудинцевъ называется Гужиръ, у балаганскихъ Ата-Уланъ. Нѣкогда у тэнгэри произошелъ расколъ: 54 тэнгэри ушли на западъ, 44 ушли на востокъ; одно тэнгэри осталось по срединѣ—это называется Сэгунъ-Сэбдэкъ; оно не принадлежало прежде ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, а потому и западные и восточные старались завладѣть имъ. Восточные говорили: „Старшіе братья, дайте намъ небо (тэнгэри) Сэгунъ-Сэбдэкъ, такъ какъ вы больше насъ десятию небами“. Тѣ не дали; такъ оно и осталось ни кому не принадлежащимъ. Его назвали Обо, „граница“. Бохо-Тэли, сынъ восточнаго неба Гужира, сталъ устранивать кузницу и ковать желѣзо, но оно ломалось на куски и не ковалось. Однажды западные тэнгэри слышатъ громъ и стукъ на восточной сторонѣ; тогда Бохо-Муя, сынъ западнаго неба Заянь-Сагана, пошелъ посмотрѣть, что дѣлаетъ восточные младшіе братья. Увидавъ тщетныя усилія Бохо-Тэли, онъ сказалъ ему: „если ты меня примешь въ соучастники, я помогу тебѣ“. Бохо-Тэли согласился; Бохо-Муя взялъ горный песокъ (хаданъ-харъ), бросилъ въ печь (хяха), гдѣ нагрѣвается желѣзо и они начали ковать. Послѣ этого Бохо-Муя не отдалъ кузницу Бохо-Тэли, и искусство ковать и кузницу оставилъ за собой, такъ что это искусство осталось за западнымъ небомъ, которое потомъ передало его и людямъ. Западное же небо взяло себѣ среднее небо, Сэгунъ-Сэбдэкъ или Обо, такъ что на Западѣ стало 55 тэнгэри, а не 54. Тогда произошло между западнымъ и восточнымъ тэнгэри неудовольствіе. Бохо-Тэли, сынъ восточнаго неба Гужира, началъ преслѣдовать Бохо-Муя за

обманъ и за захватъ кузницы, которую онъ, Бохо-Тэли, первый выдумалъ, а также за захватъ Сэгунъ-Сэбдэка. Тогда сыновья западнаго неба Заянь-Сагана спустились на землю Оборъ-Боксо (въ Монголіи), гдѣ и находились нѣкоторое время; потомъ Бохо-Муя сказалъ братьямъ: „Вы поднимитесь на небо, а я останусь здѣсь! меня будетъ преслѣдовать Бохо-Тэли“. Братья поднялись на небо. Бохо-Тэли спустился на землю, обратился въ пестраго пороza (таралэрэн буха) и пошелъ по слѣдамъ Буха-Муя. Послѣдній обратился въ пороza темносиняго цвѣта (хара хюхо буха), пошелъ чрезъ горы Горхонъ-Ула и чрезъ пороg Зетбольнѣнъ (на р. Селенгѣ) кругомъ Байкала чрезъ гору Оборъ Улятай, остановился на ровномъ мѣстѣ Талани и сталъ ждать противника, сказавъ: „если я упаду на спину, то будетъ бѣлый царь (Саганъ-ханъ или Арайнь-Богдо ханъ), а если упаду на брюхо, то будетъ монгольскій царь“ (Обори-Богдо ханъ). Такимъ образомъ Бохо-Муя или монгольскій пороzъ ждалъ своего противника. Въ это время подходитъ пестрый пороzъ или Бохо-Тэли; пороzy начали бодаться. Темносиній пороzъ, то-есть, Бохо-Муя, притворился; пестрый изъ всей силы бросилъ его черезъ голову; темносиній пороzъ упалъ на спину, предвѣщая, что будетъ царство Саганъ-хана. Вставъ съ земли, онъ удалился на сѣверную сторону Байкала; пестрый пороzъ опять узналъ, что онъ обманутъ, узналъ слова, которыя Бохо-Муя говорилъ передъ борьбой и пошелъ снова преслѣдовать его. Темносиній пороzъ легъ и обратился въ каменнаго пороza; пестрый боднулъ его изъ всей силы и обь рога каменнаго пороza прокололъ свою губу; еще боднулъ разъ и испортилъ свой дѣвный рогъ; конецъ его раскололся немного. Узнавъ, что онъ въ третій разъ обманутъ, Бохо-Тэли удалился, сказавъ: гунаи бухадаш хорик хэхэб гунжан унундуш хуняла хэхэб и еще сказалъ: „люди мнѣ будутъ приносить жертвы наравнѣ съ тобою“. Съ этими словами Бохо-Тэли удалился на востокъ, гдѣ сдѣлался Ерлентъ-ханомъ (тогохи дорбон). Темносиній пороzъ удалился въ Тункинскія горы.

Буряты считаютъ себя потомками Чингисъ-хана. Этотъ послѣдній жилъ за моремъ, имѣлъ 13 женъ. Объ немъ балаганскіе Буряты поютъ:

Гули танхан гожулхан иден
Голто бурхани бутэхэн иден
Ширэм танхан шимэлхэн иден
Чингис богдон ботохэн иден.

Одна изъ женъ Чингисъ-хана забеременѣла, родила и тайкомъ положила ребенка въ желѣзную люльку, замкнула желѣзными ключами и бросила на сѣверную сторону моря (Байкала). Ребенокъ упалъ подъ грудью (бойнокъ) темносиняго пороza, который лежалъ на сѣверной сторонѣ Байкала. Пороzъ кормилъ его, давая ему сосать шибэс то-есть волосы около дѣтороднаго члена. На сѣверной сторонѣ Байкала жили только двѣ шаманки: Асуханъ и Кусыханъ; онѣ были бездѣтны, начали шаманить и предсказали другъ другу, что у каждой родится сынъ; одна предсказала, что онъ уже родился и лежитъ у синяго пороza, и что онѣ должны его усыновить. Пошли взять ребенка,

но порозъ не далъ его; шаманки пришли домой, начали шаманить и узнали, что порозъ есть Буха-нойонъ-бабай, что ему нужно принести жертву изъ трехъ животныхъ: 1) большую кобылу бѣлую съ желтоватымъ отливомъ, саган шарга ботахан, 2) большого барана съ рогами, манху малан хуса и 3) темножелтого козла, шара харан тэхэ, и тогда только онъ уступить ребенка. Шаманки приесли жертву. Буха-нойонъ отдалъ ребенка, а самъ удалился въ Тункинскія снѣжныя горы. На пути онъ выдѣлилъ жидкость изъ мочевого пузыря; на орошенныхъ мѣстахъ выросли лихтя и верескъ, считаеваемые чистыми и священными у Бурятъ (жеронъ тагин жедо арбан тагин арса); гдѣ онъ лежалъ и катался, на томъ мѣстѣ осталось изображеніе каменного пороза. Указываютъ дерево, гдѣ будто онъ терся; тутъ теперь Буряты брызгаютъ и курятъ табакъ. По этому и говорятъ: покровитель и создатель Бурятъ Буха-нойонъ удалился на высокія горы; баруни джирен юсун мундарга тобшолжи булад. При благословеніяхъ всегда упоминаютъ Буха-нойона, какъ покровителя Бурятъ, напимѣръ, на свадьбахъ:

буха нойонъ бабая боног дорон шургарайн
будан хатан ибіз ума дорон шургарайн

Буха-нойонъ сдѣлался уханъ-хат'омъ или баруни-хат'омъ; вотъ почему Буряты говорятъ, что преслѣдуемые злыми духами души убѣгаютъ къ ухан хат или баруни-хат (водянымъ или западнымъ хат'амъ), у которыхъ и прячутся. Впослѣдствіи Буха-нойонъ женился на дочери неба по имени Буданъ-Хатанъ-иби, отъ которой имѣлъ 9 сыновей и дочь Эрхэ-Субэнь; эта дочь вышла замужъ за Шильбэндэръ-Саганъ-Мишеши, сына Албинъ-хана; у нихъ родился единственный сынъ Сандакъ-нойонъ-Мишеши; самъ Албинъ-ханъ есть сынъ Ерленъ-хана. Буданъ-Хатанъ-Иби есть дочь Эсэгэ-Маланъ-Тэнгри, который имѣлъ трехъ сыновей и 9 дочерей.

Девять сыновъ Буха-нойона выбрали на землѣ девять разныхъ горъ и стали ихъ хозяевами или царями, баруни-джирен-хат, „девятисто западныхъ царей“. Слѣдовательно, 90 западныхъ хатовъ суть сыны Буха-нойона. Имена ихъ: Буха-Саганъ-нойонъ есть Аmani-эжинъ (то-есть, хозяинъ устья Ангары, правильнѣе ея выхода изъ Байкала), Монгото-заринъ есть Мохони-эжинъ, Хилма-нойонъ—Хяктынъ-эжинъ (хозяинъ Кяхты), Мульма-нойонъ или Китаранъ-Заринъ—Торёнъ-эжинъ, Эмнекъ-Саганъ-нойонъ—Иркутъ-эжинъ (хозяинъ р. Иркуты), Тульмакъ-нойонъ—Туранъ-эжинъ, Ута-Саганъ-нойонъ—Улятъ-эжинъ, Хурба-Заринъ—Хужари-эжинъ и Моргонъ-Дэгэ-Уланъ-Зала; мѣсто жительства послѣдняго не показано. Шаманка Асуханъ усыновила и воспитала ребенка и дала ему имя Такша-Моргонъ (гандудаха-онцохон-такшаморгон, т. е. Булагатъ). Она жила съ нимъ у моря; подросши, Булагатъ ходилъ играть на берегъ моря съ тремя мальчиками, которые выходили изъ моря и поигравъ снова уходили въ воду. Одно изъ восточныхъ тэнгэри подъ названіемъ Хурмусъ имѣло дочь, которая неизвѣстно отъ кого стала беременною. Тогда она опустилась на землю, родила трехъ дѣтей, двухъ мальчиковъ и одну дочь, и положила ихъ на берегъ, гдѣ они и выросли. Потомъ она соз-

дала животное и дала ему имя „яманъ“ то-есть, козель; отъ него пошли и наши козлы. За тѣмъ она сказала: „я наравнѣ съ вами буду ѣсть жертвоприношенія, въ которыхъ будутъ козлы“. Вотъ почему на таялганахъ колятъ и козловъ. Эти-то незаконнорожденные дѣти отъ дочери неба Хурмусъ и выходили изъ воды. Шаманки узнали объ нихъ отъ Булагата, хотѣли поймать водяныхъ дѣтей, но не могли. Они дали Булагату таракъ и бршо и научили, угостивъ мальчиковъ, уговорить ихъ придти въ юрты. Однако напрасно. Наконецъ шаманки выдумали средство, поставили котелъ крѣпкаго тарасуну (водки изъ молока), дали его Булагату вмѣстѣ съ урюм'омъ (сливочными пѣнками) и отправили его на берегъ; здѣсь мальчикъ разослалъ данный ему шаманками бѣлый войлокъ, сѣлъ на него, ѣлъ урюмъ и запивалъ, вмѣсто воды, тарасуномъ. Дѣти вышли изъ воды, сѣли на войлокъ возлѣ Булагата и вмѣстѣ съ нимъ стали ѣсть урюмъ и запивать его тарасуномъ. Опынѣвъ, дѣти легли спать на войлокъ. Шаманки, караулившія издали, подошли ближе, подняли войлокъ со спящими дѣтьми и понесли домой. На морѣ поднялись страшныя волны, которыя и унесли дѣвочку; она обратилась въ нерпу и ушла въ море (хаб загахан болод далада оро); одинъ изъ мальчиковъ обратился въ черную бѣлку (хара-хэрмынгъ?) и убѣжалъ въ горы; остался на войлокѣ только одинъ мальчикъ. Другіе говорятъ, будто въ то время, какъ шаманки понесли дѣтей, на пути одно изъ нихъ проснулось и закричало: „возьми меня Молочное-море-мать и Недоступныя горы-отецъ!“ (хуп дала эхе минни абышъ хомор ула эсэгэ минни абышъ; Хубъ-дала вѣроятно тоже, что Сумъ-далай другихъ сказокъ, а Хоморъ-ула есть Сумуръ-Ола или Сумбуръ-ола). Въ это время на морѣ поднялись волны, бросились на берегъ и едва не унесли обѣихъ шаманокъ въ море; двое ушли отъ нихъ, одинъ къ матери-море, другой къ отцу Хоморъ-улѣ (ср. у Всев. Миллера, Осет. эт., I, 145). Третьяго мальчика Хусыкэнъ усыновила и дала ему имя Экиритъ (эрихъ ондохон экирит, „въ яру найденный Экиритъ“). Когда онъ былъ маленькимъ, его воспитывала рыба налимъ пестраго цвѣта, а матерью его было ущелье берега. Потому и говорится: эргин габа эхэ эрен гутар эсэгэ, „береговая щель—мать, пестрый налимъ отецъ“. Придя въ возрастъ, мальчики женились: Булагатъ, иначе Шобого-нойонъ, женился на дочери Аю-хана, заплативъ калмымъ животными. У Булагата было два сына: Бузганъ и Булганъ-Хара; Бузганъ женился, имѣлъ шесть сыновей и одну дочь. Булганъ-хара имѣлъ черную собаку, которая ловила звѣрей. Однажды онъ убѣжалъ на облаву (зэгэтэ аба) въ царство царя Халыхъ-хана и отличился ловкостью и мѣткостью; въ особенности отличалась его черная собака. Халыхъ-ханъ сталъ просить черную собаку и Булганъ-хара отдалъ ее, но взялъ за нее его дочь. У него былъ одинъ сынъ Тоглокъ. Шесть сыновей Бузгана выросли; изъ нихъ вышли отличные стрѣлки, въ особенности одинъ. Однажды сыновья Бузгана пригласили Тоглока, единственнаго сына Булганъ-хары, на облаву. Тоглокъ своею ловкостью и обиліемъ убитыхъ звѣрей возбудилъ зависть въ шести братьяхъ. Тоглокъ погнался за оленемъ; шесть братьевъ поѣхали сзади и одинъ изъ нихъ вы-

стрѣлилъ въ Тоглока, но попалъ только въ кисть шапки, во второй и третій разы попали въ сѣдло. Тоглокъ сказалъ: „я думалъ вы поѣхали охотиться на звѣрей, а вы поѣхали охотиться за мной“. Въ слезахъ онъ пріѣхалъ домой и сильно заболѣлъ; его вылечила его двоюродная сестра. Братъ, узнавъ, убили сестру; умирая, она бросала кровь или молоко отъ праваго соска западнымъ тэнгри, отъ лѣваго восточнымъ, говоря: „шесть сыновей Бузгана умрутъ бездѣтными, какъ сухое дерево, а единственный сынъ Булганъ-хары, Тоглокъ, будетъ имѣть дѣтей и многочисленное потомство!“ Тоглокъ женился два раза; отъ первой жены онъ имѣлъ шесть сыновей 1) Алгуй, 2) Булагъ-Саганъ, 3) Боржинъ-Данха, 4) Саганъ, 5) Булагъ-Саганъ-Бумалъ и 6) Хурхутъ. Отъ второй, которую онъ взялъ изъ племени Сэгэнъ, имѣлъ одного сына по имени Ашехаватъ. Экиритъ женился на дочери царя Олытъ-хана, отъ которой имѣлъ одного сына Запхи; Запхи имѣлъ 8 сыновей (или говорить, 4 сыновей и 4 племянниковъ): Абазай, Шоно, Хынгылдырь, Худыкъ-Саганъ, Манза; три сына умерли бездѣтными.

Усэй ханъ ср. съ Сайхай, женой Темуръ-Хадака у Сананъ-сэзена. Темуръ-Хадакъ отнимаетъ мальчика Бату-Монке у женщины Бахай (ср. татар. бака, „лягушка“), которая его дурно воспитывала. У ребенка выросъ наростъ, который Сайхай стерла серебряной чашкой (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 179). По Алтанъ-Тобчи (стр. 64) Бату-Менко (или Даянъ-ханъ) былъ отданъ на воспитаніе Хутугану (ср. утуганъ, „шаманка“), потомъ Бахайю, у котораго его отнимаетъ Темуръ-Хадакъ. Ср. съ осетинск. сказаніемъ о Хамицѣ: жена, „волочащая задницу по кочкамъ“, наростъ на спинѣ Хамица (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. Шанаева „Осет. карт. сказ.“, стр. 27). Нойонъ, второй членъ въ имени Буха-нойонъ, ср. съ нойонъ-гуресу, „тигръ“ (поюн гургусу: Radde, Reise, I, s. 93), нохай-хара-гуресу, „медвѣдь“, нохонъ-гуресу, „россомаха“ (Оч., II, 139). Разказъ Алтанъ-Тобчи о Темуръ-Хадакѣ въ семеромъ съ братьями отнимающемъ ребенка ср. съ кавказскими легендами о Б. Медвѣдицѣ, см. стр. 735. О Бату-Монке см. прим. къ № 66.

54. Бурхынъ-банши.

Бурханъ, по алт. пырканъ, по урянх. пурганъ, „богъ“. Ср. 1) съ вторымъ членомъ въ монгольск. имени Б. Медвѣдицы Доловъ-Бурхынъ; 2) съ Пёри-ханъ (волкъ-царь) въ № 131; Бурханъ-бакши въ вар. *i*, какъ и Пёри-ханъ, даритъ ящикъ, дающій богатство; 3) съ Абырганъ, Абырга-джиланъ, Абыргъ-могай, Амырга-могусъ, именами, которыя придаются чудовищному змѣю въ призываніяхъ шамановъ и въ сказкахъ; см. также у Тимковского о горѣ Абургъ (Путеш., I, 223); 4) съ Моргонъ-хара, именемъ перваго шамана по бурятскому сказанію (Изв. Вост. сиб. отд. Р. Геогр. Общ., т. XI, № 1 и 2, стр. 89); 5) съ абырганъ, „летяга“ по урянхайски; по алтайскому сказанію (№ 48) летяга подвергается гоненію отъ сына неба Джаика; Бурхынъ-бакши преслѣдуетъ Арахы; 6) съ амугаса, тунгусск. „медвѣдь“ (Castren, Tungus. Spr., s. 120), мырга-мафа, „тигръ“ (Маакъ, Путеш. по Уссури, I, стр. 112). Членъ бурханъ встрѣчается иногда въ монгольскихъ сложныхъ

именахъ высокихъ горъ, наприм. Бурханъ-ола; кромѣ того есть Буръ-хаирханъ, Буренъ-хаирханъ и Буренъ-ханъ; бурятское сказаніе ставитъ этотъ бѣлокъ въ связь съ представленіемъ о волкѣ (см. стр. 128). Второй членъ бакши у Бурятъ и Солоновъ произносится багышъ (у семирѣчинскихъ Солоновъ Барынды-багышъ; Остроумовъ, Китайскія эмигранты, Казань, 1879, стр. 32); багышъ ср. съ монгольскимъ мангысъ, „змѣй“, въ якутскомъ произношеніи могусъ, въ алтайскомъ моосъ. Есть парная форма Мингынъ-бурхынъ (стр. 277 и 301). Мангысу приписывается враждебное отношеніе къ мѣсяцу (№ 34, вар. *k*); сказаніе о Гесерѣ (стр. 818) помѣщаетъ Мангу на сѣверѣ т. е. тамъ, гдѣ находится Б. Медвѣдица. Въ духовномъ стихѣ о Цаганъ-дарике (см. № 68 и примѣч. въ немъ) Бурханъ-бакши принимаетъ видъ коня. Ср. также бура или бургазы, небесные кони (стр. 45 и 48).

Къ вар. *a*. Ср. съ № 79 и Оч., II, 149; въ 6 примѣч. къ V гл. II выпуска было указано на дѣтскую игру въ Володары, которую О. Миллеръ сближаетъ съ англійской дѣтской игрой въ избраніе короля Артура; отъ одного забайкальскаго казака я записалъ слѣдующую дѣтскую пѣсенку, которую поютъ при дѣлѣхъ играющихъ на двѣ стороны: „Первичики, друтички, на голуби, на жолобѣ, ставка, пленка, сучокъ, обручокъ! Заяцъ-мѣсяцъ сорвалъ травку, положилъ на лавку, кто взялъ — тотъ Туръ-король!“ Есть вотяцкія и чувашскія преданія о трехъ братьяхъ, основателяхъ деревень; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ разказывается объ уговорѣ или жребіѣ, бросаемомъ изъ-за обладанія участкомъ; одинъ братъ въ этихъ разказахъ обыкновенно получаетъ участокъ обманомъ (Б. Гавриловъ, Произвед. народн. слов. Вотяковъ, стр. 145). Въ преданіи объ основаніи вотяцкаго села Бусурманъ-Можга разказывается о подобномъ же бросаніи жребія и обманѣ одного брата. Младшій изъ трехъ братьевъ, Можга, по которому и село названо, за что-то разсерженнымъ отцомъ обозванъ былъ бусурманомъ. Вѣроятно въ первоначальной редакціи онъ-то и былъ обманщикъ. Въ нѣкоторыхъ прикамскихъ преданіяхъ о братьяхъ первопоселенникахъ встрѣчается тема проклятія одного изъ нихъ; Бипъ осуждаетъ брата Тобаха на малое потомство за то, что онъ не поклонился водруженному имъ столбу (Чуваш. пред. Бичур. прихода, Казань). Г. Износковъ передалъ мнѣ преданіе о трехъ братьяхъ: Тюлязи, Мамадай и Ряшъ; отъ первыхъ двухъ произошли деревни того же имени, Ряшъ не оставилъ потомства; мотивъ можетъ быть забытъ. Проклятіе за захватъ земли ясенѣ въ чувашскихъ сказаніяхъ о Макари и въ южно-русскомъ о кротѣ (см. выше, стр. 814). Ср. № 82, вар. *e*. Въ вотяцкомъ преданіи братья Можги бросали жребіи такимъ образомъ: участокъ долженъ достаться тому, кто, шнуръ въ кочку, переброситъ ее черезъ рѣку; ср. съ зырянской клятвой посредствомъ разрушенія кочки (Дневн. В. Латкина на Печорѣ, стр. 101), и съ клятвой заговорщиковъ противъ Чингисхана у Магья (цитировано у Опперта: Presbyter Johannes, стр. 105: *furent ébouler avec les pieds quelques terres, qui bordoient le rivières*). Одинъ изъ спорящихъ братьевъ предварительно тайкомъ отъ нихъ подрубаетъ свою кочку. Майтере ср. съ Бай-тере, какъ Алтайцы величаютъ въ своихъ призы-

ваніяхъ высокую гору Ялменну (по русски называемую Семинымъ бѣломъ). Бай въ татарскомъ „богатый“; въ монгольскомъ произносится байнъ (въ якутскомъ боюн, „звѣрь“). Въ примѣненіи къ шаманскимъ божествамъ эта форма встрѣчается въ именахъ Бай-ана или Пай-ана (стр. 69), у Якутовъ Бай-баянай (Сборн. газ. Сибирь, 1876, Спб., стр. 416; Порядинъ, Якут. слов. рукоп. и др.). Тере по урянхайски небо; ср. Даинъ-тере, имя перваго шамана по алтайск. сказанію. Князя косоогольскихъ Урянхайцевъ титулуютъ даинъ-нойонъ или дай-нойонъ, а также доро; нойонъ монгольск. „дворянинъ, князь“, доро то же самое по урянхайски. Дзаинъ, „медвѣдь“ по тунгусски. Алтайскаго Даинъ-тере мы сближаемъ съ Эгской каменной бабой Даинъ-Тирхинъ (см. прим. къ № 64), съ которой также связывается вѣра о возвращеніи къ жизни.

Къ вар. в. Въ алтайскомъ сказаніи пищу раздаетъ хитрый старикъ тремъ родамъ Ирхытовъ (Оч., II, 173); ср. у Рашидъ-эддина объ Игитъ-Иркыль-Ходжѣ (Зап. Археолог. общ., т. XIV, с. 24); въ нашихъ апокрифическихъ разказахъ пищу волкамъ раздаетъ Христосъ или Егорій (Аванас., Поэтич. Возвр., I, 710). Формы ирхытъ, иркыль ср. съ остяцкимъ иргех, волкъ, самоѣдскимъ уѣркъ, „медвѣдь“, алтайскимъ орсулъ въ сложномъ орсулъ-айу, „медвѣдь“; о Иркыль-ходжѣ и Джерке-лингъ-хумъ, предкъ Тайджиутовъ см. прим. къ № 135; имя Тайджиутъ ср. съ тайганъ, собака по алтайски (Грамм. алт. яз., стр. 109). Два сына Джеркелинга у Рашидъ-Эддина называются Кендучино и Улакшинъ-чино (чоно, монгол. „волкъ“); на волчью природу ихъ намекаетъ и самъ Рашидъ-эддинъ (I. с., стр. 188). Не перенесенъ ли и нашъ апокрифическій разказъ на Христа потому, что онъ разказывался можетъ быть о Хорсѣ (Хорсѣ ср. съ именами корсѣ, корсакъ, „степная лисица“; хортъ, хартъ, „ловчая собака“; ср. также башкирск. кыртъ, „волкъ“) и на Егорія (болгарск. Герги) потому, что на нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ близъ Чернаго моря для волка было имя gurg (Comes Gëza Kinn, Codex Comanicus, Buda-Pest, 1880, p. 12-). У Лапландцевъ по Шефферу было божество Storgjunkare, которое завѣдывало всѣми звѣрями, медвѣдями, волками, лисицами, оленями и вообще всѣми животными, которыми питались Лапландцы; онъ считался помощникомъ высшаго божества, Тора или Тьермеса, громовника (Scheffer, Histoire de Laponie, p. 69). У Черемисовъ такимъ вторымъ божествомъ былъ кажется Пигамбаръ, котораго теперь Черемисы смѣшиваютъ съ Егоріемъ. Не былъ ли и Бурханъ-бакши подобнымъ же вторымъ божествомъ монгольскаго шаманскаго Олимпа, первымъ помощникомъ Тэнгри-хана? Въ прикамскомъ Поволжѣ встрѣчаемся съ легендами о раздачѣ вѣры Богомъ родоначальникамъ разныхъ племенъ, при чемъ родоначальникъ племени, которому принадлежитъ редакція, обыкновенно опаздываетъ; предокъ Чувашей опоздалъ потому, что прокопался надъ обуваніемъ ногъ въ лапти (Магнитскій, Матер. къ объясн. чуваш. вѣры, стр. 246); шедшаго по вѣру Черемисина встрѣтилъ Кереметь и разговорами отвлекъ отъ цѣли (Этн. Сборн. IV, 20; Вѣстн. Евр., 1867, дек., 49; Вѣстн. Евр., 1880, сент., 169); когда Черемисинъ выслушалъ повелѣніе Божіе, сидѣвшій на деревѣ

въ видѣ селезня Кереметь слетѣлъ къ нему на землю и сталъ требовать поклоненія. Сидѣніе на деревѣ есть и въ разказахъ о раздачѣ пищи; въ разказѣ о Христѣ на деревѣ сидитъ человекъ, котораго Христосъ обрѣкаетъ на сѣденіе волку. У Аванасьева, Легенды, стр. 43, Егорія спрашиваютъ не волкъ, а Цыганъ, имѣющій семь сыновей (ср. Джехенъ, „россомаха“, въ монг. дзехенъ, первый сынъ у семисыновней Маны, стр. 176), чѣмъ ему питаться и получаетъ разрѣшеніе на воровской промыселъ. Во время нѣмецкихъ праздниковъ Kirmess дѣлали куклу, которую выставляли на шестѣ; она называлась Zachäus (Lippert, Christenthum, 1882. Berlin, S. 656).

Вар. d ср. съ чувашскимъ у Магнитскаго, Матер. къ объясн. чуваш. вѣры, стр. 29, и съ южно-русской въ Труд. этногр. экспед. въ Зап.-русскій край, II, 355; конецъ послѣдняго варианта ср. съ легендой о Кирикѣ и Улитѣ (Этн. Сборн., VI, стр. 121). Въ осетинскомъ разказѣ Богъ, одѣтый въ лохмотья, ходитъ по землѣ и велитъ тремъ волкамъ сѣсть бѣдняка съ женой и коровой, хотя этотъ бѣднякъ принялъ его хорошо; сѣдѣнные возродились въ богатствѣ; у бѣдняка послѣ того родилось семь сыновей (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. III, ст. Шанаева, „Осет. народ. сказ.“, стр. 8). Въ другомъ осетинскомъ разказѣ вмѣсто бога стоитъ Уастырджи (Сборн. свѣд. в. VII, стр. 22). Ср. съ монгольскимъ сказаніемъ о семи ламахъ, посѣтившихъ бѣдняка и улетѣвшихъ подъ видомъ семи ангировъ (Оч., II 166) и съ индѣйскимъ объ Индрѣ, который подъ видомъ странствующаго нищаго-богомольца пришелъ къ семи Rishi (Holtzmann, „Indra“ въ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesell., B. XXXII, H. II, S. 317). Разказъ о кормленіи своимъ тѣломъ звѣрей ср. съ алтайскимъ повѣрьемъ, записаннымъ г. Ядринцевымъ (Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, с. 249): мѣсяцъ соглашается поднятаго имъ на небо Ельбегеня кормить своимъ тѣломъ 15 дней съ условіемъ, чтобы другіе 15 дней Ельбегенъ кормилъ его, отчего и бывають ущербъ и наращеніе. Монгольское сказаніе о заячьей шкурѣ можетъ быть есть затемненный вариантъ сказанія о Ельбегенѣ, упесенномъ мѣсяцемъ; Монголы видятъ въ пятнахъ на мѣсяцѣ зайца, Алтайцы Ельбегеня. Не потому ли и въ монгольскомъ сказаніи о Гесеръ-ханѣ (или Джоро) является эпизодъ о накормленіи толпы мясомъ (стр. 254), что подъ Джоро можетъ быть скрывается мѣсяцъ? Въ монгольскомъ Дзанглунѣ есть разказъ о принцѣ Суссати, воплощеніи Будды, кормящемъ своимъ тѣломъ родителей, убѣгающихъ отъ своего гонителя Рахоли (Der Weise und. d. Thor, von Schmidt, Petb., 1843, S. XXV—XXXI); въ тибетскомъ Дзанглунѣ этого разказа нѣтъ; тѣмъ не менѣе первая глава переведеннаго Шмидтомъ Дзанглуна содержитъ рядъ разказовъ о Буддѣ, приносящемъ свое тѣло въ жертву, но не изъ прямаго состраданія къ извѣстнымъ людямъ, а ради провозглашенія истины (ibid., S. 1—20); въ другой главѣ есть разказъ о златошерстомъ звѣрѣ Кунтѣ, который приносить себя въ жертву изъ состраданія къ одному изъ царскихъ слугъ и позволяетъ снять съ себя шкуру (S. 101). Ср. съ обрядностью медвѣжьихъ праздниковъ сѣверной и восточной Сибири. Разказы о самоотдающемся въ жертву оленѣ извѣстны изъ сѣверной Россіи.

Въ вар. е. Ср. у Аванас., Легенды, стр. 118, у Безсонова, Кат. переход., т. I, стр. 692. Въ Дзанглунѣ, въ XIII главѣ (Der Weise und Thor, 1854, S. 97): Маслобойщикъ отказываетъ Буддѣ, просящему въ видѣ милостыни масла для излеченія своей болѣзни, и вмѣсто масла подаетъ комокъ выжимокъ, сопровождая свою подачку насмѣшкою; жена маслобойщика вернула ухившаго Будду и дала ему чашу масла. Маслобойщикъ за свой отказъ и насмѣшку присужденъ въ будущемъ вѣкѣ родиться уродомъ и разлучиться съ женой. Въ заключеніи разказа говорится, что этотъ маслобойщикъ родился въ послѣдствіи царевичемъ Донгдумомъ (см. прим. къ № 56).

Въ вар. ж содержится намекъ на насильственную смерть Бурхана-бакши. Разказа, въ которомъ прямо бы говорилось о его умерщвленіи, намъ не удалось услышать. Рашидъ-эддинъ (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 54) сообщаетъ объ Укинъ-бурханѣ (ср. Чоканъ-борканъ, туркм. поколѣніе; Вамбери Пут. въ Бухару), старшемъ сынѣ Хабуль-хана, который былъ схваченъ Татарами (Татарами же приписывается и смерть Есугая), выданъ китайскому хану и пригвожденъ къ деревянному ослу. Въ Юаньчаомини старшій сынъ Хабуль-хана называется Олъ-Бархатъ (ср. съ татарск. ель-барсъ, *Felis tigris*). У Абулгази пригвожденію подвергается Муркадъ-куджунъ, отецъ Мемикая. Въ другомъ мѣстѣ у Рашидъ-эдина та же исторія о Татарахъ и казни пригвожденіемъ къ деревянному ослу разказывается объ Амбагаѣ; у Абулгази вмѣсто Амбагаи стоитъ Мемикай, а у Ердмана *Nemu-kai*; ср. *amican*, тунгусск. „медвѣдь“; амба, амбанъ, тунгусск. „тигръ“ (Castren, Tung. Spr., 72: Маакъ, Путеш. по Уссурі, I, стр. 114 и въ прибавленіи: „Ходзенск. Словарь“, стр. 11). Ердманъ и Березинъ по поводу этихъ мѣстъ говорятъ, что подобная казнь была въ Китаѣ и ссылаются на китайскую драму, переведенную Сень-Жюльеномъ подъ названіемъ „L'Orpheline“. Слѣдуетъ ли подъ Татарами здѣсь разумѣть народъ? не было ли это имя темныхъ духовъ? Ср. съ разказами о гризунахъ, преслѣдуемыхъ молніями. (См. стр. 141 и 142).

Вар. и есть сжатый разказъ очень обширной главы изъ Дзанглунъ, который въ переводѣ Шмидта названъ: „Von der Demüthigung der sechs Irrlehrer“ (D. Weise und d. Thor. S. 67—85). Гоодомбы нашего разказа соответствуетъ Гаутамъ Дзанглунъ. Подобно Бурханъ-бакшиевой давшей отпрыски ковырялкѣ (см. также „Буддизмъ“, Нила, 219—227) въ сказаніи Казанскихъ Татаръ проростаетъ палка первыхъ проповѣдниковъ ислама въ краѣ (Шнилевскій, Древніе города Казанск. губ.), въ чувашскомъ преданіи пруть въ рукахъ Топая („Чувашск. преданія Бичуринск. прихода“, Казань, стр. 3). О борьбѣ Шигемуні съ Дзурганъ-бакши у Нила, „Буддизмъ“, стр. 330. Утрату Дзурганомъ трехъ бакши ср. съ сказаніемъ о Пледахъ, потерявшихъ одну звѣзду и оставшихся въ числѣ шести. Дзурганъ по монгольски шесть. Въ Монголіи встрѣчается названіе горъ Баянъ-Дзюрку, „богатое сердце“; ср. съ лопарскимъ именемъ Плеядъ (стр. 193 и 194).

Вар. і ср. съ № 51, вар. і, а также съ русскими сказками о Маркѣ богатымъ и съ главой XV тибетскаго Дзанглунъ (Schmidt, Der Weise und d.

Thor, S. 107—128), которая заключаетъ въ себѣ такой разказъ: Дряхлый старикъ хочетъ поступить въ монахи; онъ обращается къ разнымъ гелюнтамъ и подвижникамъ, но всѣ отказываются принять его; даже и гелюнтъ Schagibi не хочетъ это сдѣлать, находя его устарѣвшимъ для пониманія предметовъ религіи. Перенесенный чудеснымъ образомъ на берегъ моря, онъ видитъ муки грѣшниковъ; страданія жепщины, влюбленной въ самое себя, служанки, воровавшей кушанья, и охотника, который много истреблялъ дикихъ звѣрей. Послѣднему стрѣляли въ голову стрѣлами, лившими изъ себя огонь. Ср. съ вогуличскимъ обрядомъ стрѣланія во время медвѣжьего праздника въ голову выставленнаго мертваго медвѣдя; сообщ. г. Малаховымъ.

Въ русскихъ сказкахъ Василій Безчастный, пріемышъ Марки богатаго, ѣдетъ къ змѣю (Аванас., Нар. Ск., в. I, № 13) или людоѣду (ibid., в. II, стр. 121). Въ южно-русской сказкѣ Борисъ-Тремъ-сынъ идетъ къ Солнцовой матери (Труд. этн. эксп. въ Зап.—русс. край, стр. 292). Въ курской сказкѣ (Труды Курск. статист. комит., 1863, кн. I, стр. 536—538) у Марка 12 работниковъ и одна дочь Марья; дочь вышла замужъ за младшаго изъ работниковъ, что Маркѣ не понравилось; онъ задаетъ зятю мудренныя работы, которыя тотъ сначала исполняетъ при помощи своей жены, но потомъ молодые должны бѣжать, а Марко за ними гонится. Здѣсь Марко занимаетъ мѣсто морского царя другихъ сказокъ, что сближаетъ его съ Бурханомъ-бакши варианта і. Богатый по монг. байцъ, по татарск. бай, по тунгусск. мыргы (Брыкинъ въ прибавленіи въ Мааковомъ Пут. по Уссурі, I, 15). Морской царь въ нашихъ сказкахъ встрѣчается не рѣдко; иногда его замѣщаетъ Охъ (Аван., Нар. ск., в. VI, № 45; Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, т. II, №№ 102, 103 и 104; Рудченко, Нар. южнорус. сказки, в. II, № 29) или Аклянь-моря (Труды Курск. статист. комит., 1863, кн. I, с. 518), а въ аварскихъ Охай (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, отд. 2, стр. 52). Одинъ рядъ русскихъ вариантовъ, въ которыхъ выступаетъ Морской царь, содержитъ разказъ о плаваніи торговаго корабля и о бросаніи купца въ море (Садко и др.), въ другихъ разказъ о юношѣ, обѣщанномъ Морскому Царю (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, II, № 25) или Оху (ibid., 368, 372 и 375) и отданномъ ему на службу. Одинъ изъ вариантовъ послѣдняго рода вмѣсто Морского царя ставитъ Идола (Народн. ск., изд. Эрленвейна, с. 32); въ другомъ Морской царь называется „дидусъ“ (Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. II, № 5); у него передъ входомъ въ жилище два льва, подобно тому, какъ у входа въ жилище алтайскаго Ерлика двѣ собаки или у монгольскаго Далай-ламы два звѣря (стр. 335). Въ третьемъ вариантѣ юноша обѣщанъ морскому чудовищу Чуду-юдѣ (Аван., в. 6, № 49), въ четвертомъ медвѣдю, сидящему въ водѣ (Аван., в. 5, № 28). Въ Финской сказкѣ (Melang. russe. 2, 1851—1855; Ant. Schiefner, Ueber den Mythengehalt der finn. Märchen, S. 605) мальчикъ обѣщанъ какому-то Wääräpyöri; ср. поби, татарск. „волкъ“, Puorea, Peäre, Päre, самоѣдское, Б. Медвѣдница (Castren, Wörterverz. a. d. Samojed., 203). Въ сказкахъ Минусинскихъ Татаръ мѣсто Морского царя занимаетъ Джедай-ханъ или Катай-ханъ (Mel. asiat., 3, Ueb

die Heldensag. d. Minuss. Tat., p. 379, 375—377); о сближеніи Джедай-хана съ Б. Медвѣдницей см. Оч., в. II, прим. 27 къ главѣ V. Сказки о мальчикѣ, отданномъ Морскому Царю, кончаются обыкновенно тѣмъ, что ученикъ убѣгается вмѣстѣ съ дочерью Морскаго царя, а послѣдній гонится за бѣглецами. Въ сходныхъ разказахъ о бѣгствѣ погоней является вмѣсто Морскаго Царя: Царь-медвѣдь, Баба-яга и вѣдьма. Имя Баба-яга состоитъ изъ двухъ членовъ; второй членъ напоминаетъ эге, „медвѣдь“, по якутски (въ то же время и дѣдь); первый членъ встрѣчается у Казанскихъ Татаръ въ имени громовника Бабай-тэнгри; очень вѣроятно что бабаемъ назывался и медвѣдь, потому что бабай по тат. значить „дѣдь“, а титулъ дѣдь многими народностями придается медвѣдю. На рѣкѣ Удѣ въ Иркутской губерніи есть скала, которая назыв. Ехе-баба (Изв. Вост. Сиб. отд. Геогр. Общ., т. VII. № 2 и 3 (1876 года), стр. 87: Буряты переводятъ: „большой дѣдушка“). Въ сказкахъ Якутовъ встрѣчается Джага-Баба (стр. 640). Въ нѣкоторыхъ сказкахъ баба-яга замѣщается „вѣдьмой“; это слово въ южнорусскомъ имѣетъ мужскую форму „вѣдьмакъ“; была какъ будто профессія (вѣдьмачество), которую занимались и мужчины и женщины, вродѣ того, какъ у сибирскихъ и монгольскихъ дикарей существуютъ шаманы и шаманки; первые называются бѣ или хамъ, вторые утыганъ. Послѣднее слово известно и Тунгусамъ: idacon, шаманка (Castren, Tung. Spr., 75); uttucan, вѣдьма, людоѣдка; pl. uttucar (Melang. asiat., t. VII, S. 363). Вѣроятно и русское вѣдьма имѣло нѣкогда такой же миролюбивый смыслъ, какъ монгольское утыганъ, и только потомъ превратилось въ терминъ, исключительно обозначающій злое существо, которому приписывается похищеніе дѣтей изъ утробы матерей, повѣрье, близкое къ монгольскому о читкурѣ (см. стр. 28). Монгольское утыганъ, „шаманка“ ср. съ монгольск. же утыганъ, „медвѣдь“, тунгусск. хитucan, „медвѣженокъ“ (Mel. asiat., t. VIII, p. 379), а наше „вѣдьма“ съ южнорусскимъ вѣдьмедь. Славянское имя этого звѣря стоитъ уединенно среди другихъ названій его на арійскихъ языкахъ; изъ европейскихъ именъ медвѣдя только одно баскское mathgaman напоминаетъ его. Обѣимъ формамъ, славянской и баскской даютъ одинаковую этимологию; въ членахъ мед, math видятъ медъ (Pictet, Les origin. indo-europ., II, 408). Не будетъ ли вѣрнѣе, однако, предположить, что арійское имя медвѣдя у славянскихъ племенъ было вытѣснено именемъ, которое было въ ходу у аборигеновъ Европы, неарійцевъ? Не есть ли славянское медвѣдь спареніе двухъ видоизмѣненій одного и того же корня, которыя у аборигеновъ звучали можетъ быть вродѣ русскаго Чудо-юдо, черемисскаго шуды-водышъ, пермяцкаго кадышъ-водышъ (см. Золотницкій, Невид. міръ по шаман. воззр. Черемисъ, Казань, стр. 6; Знаменскій, Горные Черемисы въ Вѣстн. Европы, 1867, дек., стр. 52; Мозель, Пермская губ., 585), качинскаго Джеты-кудай? Ср. также Maunhardt, Germ. Myth., 418: Uden-Aden и др. сходныя формы. О парныхъ именахъ звѣрей см. выше стр. 751.

Членъ Марко въ русскихъ сказкахъ соединяется съ формами: „богатый“, „убогий“ (Рудченко, сказки, I, № 3), „бѣгунъ“ (Аванас., Н. Р. С., в.

VIII, № 23, вар. b; въ послѣднемъ случаѣ онъ слѣпъ, но на него садится безногий Калтома, и они продолжаютъ дѣятельность. Въ сказкѣ Аванас., Н. Р. С., изд. 3, в. I и II, стр. 167, Марко-богатый становится „вѣчнымъ перевозчикомъ“. См. прим. къ № 34, къ вар. б и в (стр. 780) о вѣчно движущемся (не закатывающемся за горизонтъ) Жидиганѣ.

55. Бегеръ-Мджитъ.

Эпизодъ подсовыванія печатей въ товаръ, чтобы потомъ обвинить странниковъ въ воровствѣ, заключающійся въ вариантѣ, помѣщенномъ въ Оч., II, стр. 154, ср. съ мусульманскою легендой о Юсуфѣ (А. Веселовскій въ Jagic's Archiv f. slav. Philologie, III, 569). Мджитъ (Меджитъ) ср. съ Шарьмакчинъ въ № 36, сары-мечъ въ Оч., II, гл. V, № 19, вар. б; Шарьбычинъ у Нила, Буддизмъ, стр. 30 и 303; Мечинъ, „Плеяды“ по монгольски.

56. Комбу-Дорджи.

Начало ср. съ сказкой Арджи-Борджи, а остальную часть съ № 57 и съ сказкой въ Оч., II, 173. Сваташе Чилунъ-Ташиюра ср. съ иранскимъ сказаніемъ о Кирѣ и Массагетской царицѣ Томирисѣ у Геродота (I, 205) и съ болгарскимъ о князѣ Борисѣ и царицѣ Теодорѣ (М. Соколовъ, изъ древн. ист. Болгарь, С.-Пб., 1879, стр. 227—241). Въ гл. XIII Дзанглуна, сходной съ нашимъ разказомъ о Даурганъ-Бааши (стр. 272), помѣщенъ вводный разказъ о царевичѣ Донгдумѣ (Dongdum), сходный съ № 56 (Der Weise und der Thor, St. Pet., 1843, s. 91). Царь Mahâschakuli имѣлъ 500 женъ, но не имѣлъ дѣтей. Богъ Dschadschin спустился съ неба, сдѣлавъ наваръ изъ травъ и дать его выпить царскимъ женамъ; старшая выпила наваръ на землю. Всѣ жены забеременѣли; тогда старшая жена собрала землю и воду съ нея выпила; родила и она, но уродливаго мальчика; ему дали имя Донгдумъ (ср. прим. къ № 32, вар. е), то-есть, древесный обрубокъ (Holzklotz). Онъ однако пріобрѣтаетъ любовь отца послѣ того, какъ прогналъ одинъ цѣлое войско враждебнаго царя. Отецъ Донгдума посылаетъ къ царю Лишивача сватать его красивую дочь, приказавъ посламъ представить отцу невесты вмѣсто уродливаго Донгдума другаго красиваго юношу. Царь Лишивача отдалъ свою дочь; царь Махашакули заказалъ Донгдumu посѣщать жену только ночью. Однажды спохи царя Махашакули сказали женѣ Донгдума: „Твой мужъ безобразенъ, какъ обрубокъ дерева; въ этомъ ты сама можешь убѣдиться, если посмотришь на него днемъ!“ Женщина ночью зажгла лампу и увидѣла своего безобразнаго спящаго мужа; мгновенно она удалась въ свое отечество. Донгдумъ отправляется искать ее; онъ беретъ свой лукъ и трубу и приходитъ къ царю Лишивачѣ; но тамъ шесть другихъ царей уже сватаются за его бѣжавшую жену (ср. съ Аранъ-Тайджи у Радлова, Proben, I, 415, и съ якутскою сказкой о Боско, № 186). Донгдумъ трубитъ въ свою трубу, и враждебное войско обращается въ бѣгство. Тогда Донгдумъ отрубаетъ шести царямъ головы; Лишивача снова отдаетъ свою дочь Донгдumu. Вернувшись

назадъ, Донгдумъ спросилъ жену о причинѣ ея бѣгства, и убѣдившись посредствомъ зеркала въ своемъ безобразіи, удаляется въ лѣсъ и хочетъ предать себя смерти, но въ это время богъ Dschadschin даетъ ему талисманъ, который дѣлаетъ его красивымъ. Ср. также съ сингалезской жатакой, переведенной Т. Стилемъ на англійскій языкъ и изданной въ Лондонѣ, а потомъ въ нѣмецкомъ переводѣ явившейся въ Петербургѣ (Ant. Schiefner, Awar. Texte, въ Mem. d. l'Ac. des Sc., Pet., VIII serie., t. XIX, № 6, s. XLVI). Бездѣтный царь называется Mahâçasuni; старшая жена не была разбужена, когда другія жены пили снадобье, доставленное Индрой; проснувшись, она узнаетъ, что снадобье было завернуто въ траву куца; она моетъ траву и выпиваетъ помои. Родится у нея сынъ съ 18 знаками безобразія; ему даютъ имя Куца. Дальнѣйшій ходъ разказа сходенъ съ предыдущимъ и съ разказомъ Ганджура о царевичѣ Суданѣ (см. прим. къ № 155). Донгдумъ ср. съ „Гезарь-дунгъ“, о которомъ у насъ сказано въ прим. къ № 50; Шмидтъ перевелъ: „разказъ о Гезарѣ“, но можетъ быть, дунгъ тутъ не значить разказъ, а есть второй членъ собственного имени. Членъ Тунгъ встрѣчается въ № 110 (Тунгъ-Каратты-ханъ) и № 186 (Тунгусъ), а также въ сказаніи о Ванѣ кирейскомъ; убійцы послѣдняго называются Хорису-Баджу и Тунгъ-шяль (у Абуль-гази: Хури-Сумаджу; въ переводѣ Саблукова: Хурій и Сумаджуть-Таника). Мы уже сближали эти имена съ персонажами сказки Арджи-Борджи, гдѣ братья Бегеръ-Меджитъ (Гегеръ-Меджитъ) и Шяль убиваютъ насильника Бама-хана (Ванъ-хана)? Не было ли варіанта сказки Арджи-Борджи, въ которомъ вмѣсто Бегеръ-Меджитъ или Гегеръ-Меджитъ (первый членъ этого имени тотъ же, что въ имени Гегеръ-ханъ, какъ Бураты приносятъ Гесеръ-ханъ), стояло Хорису-Меджитъ? Въ сказкѣ о Гесеръ-ханѣ мы встрѣчаемъ имя его товарища: Барсъ (см. прим. къ № 50). Въ южно-русскихъ сказкахъ о закодзованной и убѣгающей женѣ, которую мужъ идетъ отыскивать, жена носить имя Арысь-поле или Рису (въ зват. падежѣ: Аван., Русск. Нар. Ск., в. 5, № 27; Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. II, № 138). Одинъ вельможа совѣтуетъ царю Лишивача, чтобы рѣшить споръ между Донгдумомъ и шестью царями, разрѣзавъ жену на семь частей и раздѣлить. Ср. съ предложеніемъ Тунгуса (стр. 639) разрѣзавъ спорную жену пополамъ. Разказъ въ Дзанглунѣ кончается увѣреніемъ, что Донгдумъ есть не кто иной, какъ Будда (Гаутама), а шесть царей, имъ побѣжденных,—это тѣ шесть учителей (Дзурганъ-Бакши нашего № 54), которыхъ Гаутама побѣдилъ впоследствии на состязаніи. Исключительно ночныя посѣщенія Донгдума или Кусы ср. съ повѣрьями о летучей мыши (стр. 175 и прим. къ № 2).

57. О женѣ, заподозрѣнной въ связи съ ламой.

Подъ Бѣлымъ царемъ (Цаганъ-ханъ) конца сказки, вѣроятно, разумѣется сказочный Цаганъ-ханъ (см. Оч. II, 178); ср. формы Цаганъ-убугунъ, Цаганъ-дареке и пр.

59. Анъ-Богдоръ.

Начало этой сказки сходно съ сказкой Барабинскихъ Татаръ о Идыге (Radloff, Proben, IV, 35); въ послѣдней судей, разсудившимъ споръ, который не могъ рѣшить царь, является мальчикъ Идыге, въ монгольской то-варищѣ по играмъ семи мальчиковъ (можетъ быть, въ другихъ редакціяхъ одинъ изъ семи?); это число семь, можетъ быть, обязано своимъ появленіемъ имени Идыге, начало котораго иды (еди, джеты) по татарски будетъ „семь“ (ср. Идыганъ, В. Медвѣдица). Эпизодъ о спаваніи стражи и посѣщеніи царевниныхъ покоевъ напоминаетъ наши сказки о хитромъ ворѣ. Дальнѣйшій ходъ разказа соответствуетъ сказкѣ Арджи-Борджи или Гегеръ-Меджитъ. Выраженіе: „мальчикъ въ нору входилъ послѣ всѣхъ и изъ норы выходилъ послѣ всѣхъ“ не имѣетъ ли въ виду луну, выходящую на небо уже послѣ того, какъ на немъ заблестѣла Б. Медвѣдица (по представленіямъ Киргизъ „семь волковъ“)? Или, можетъ быть, оно имѣло другую редакцію: входилъ послѣ всѣхъ, выходилъ раньше всѣхъ? Тогда въ этомъ выраженіи можно было бы видѣть Зарницу, которая позже всѣхъ звѣздъ потухаетъ, раньше всѣхъ показывается. — Эпизоды о выниманіи эрдема изъ мертваго мальчика, плывущаго по рѣкѣ и о двухъ тронахъ, золотомъ и серебряномъ, также напоминаютъ Арджи-Борджи, только въ послѣдней не два, а одинъ тронъ. Ср. также лопарскій разказъ о медвѣдѣ, указавшемъ одной семьѣ на утонувшаго другаго медвѣдя, у котораго подъ шкурой нашли черезъ, наполненный золотомъ и серебромъ (см. въ газ. „Голосъ“ 1880, № 172 въ ст. „Лопарскія сказки и легенды“). Добывъ эрдемъ, мальчики тотчасъ же идутъ къ Анъ-Богдору; можетъ быть, была другая редакція, въ которой Анъ-Богдоръ посылалъ мальчиковъ добыть эрдемъ, и они ходили для этой цѣли къ семи волкамъ, какъ у насъ падчерица ходила за огнемъ къ бабѣ-ягѣ (у Остяковъ есть преданіе, что огонь былъ добытъ тремя братьями отъ медвѣдя; сообщ. И. Поляковымъ). Указанныя совпаденія сказки Анъ-Богдоръ съ сказкой Арджи-Борджи сближаютъ ее съ сказаніями объ увозѣ жены (Соломонъ и Китоврасъ). Въ средне-азиатскихъ сказаніяхъ увозъ жены содержится въ сказаніяхъ о шаманѣ Таниъ-Тирхинѣ, увезшемъ жену Чингисъ-хана (Оч., II, 157), о шаманѣ Тостогошѣ (№ 64, вар. 6), о Чингисъ-ханѣ, отнимающемъ у Тибетскаго царя Шидургу его жену Гурбельджинъ-гоа. Въ послѣднемъ разказѣ по Алтанъ-Тобчи (стр. 22) Шидургу предлагаетъ Чингису Мечинъ и Цолмонъ; то же и въ записанномъ нами варіантѣ о Шютурѣ Тюльгунѣ (стр. 229). Это можетъ быть истолковано въ смыслѣ существованія затерянныхъ варіантовъ, въ которыхъ Цолмонъ и Мечинъ являлись въ видѣ женскихъ персонажей. Въ алтайскихъ сказаніяхъ Итыганъ преслѣдуетъ Мечина и похищаетъ у него одну изъ звѣздъ, въ другихъ (№ 36) семь братьевъ (то-есть, семь звѣздъ Большой Медвѣдицы) похищаютъ дѣвицу; народныя повѣрья въ одной изъ семи звѣздъ Медвѣдицы видятъ то звѣзду изъ Плеядъ, то похищенную дѣвицу. Въ дру-

гихъ сказаніяхъ на землю спускается мѣсяцъ и преслѣдуетъ Джельбегеня; имя это въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ замѣщается Шулмусомъ, и сходно съ именами Зарницы: Джильбы, Чолпанъ, Шолманъ, Цолмонъ и др. (Имена этой звѣзды сближаются съ именами ночныхъ звѣрковъ; Джильбы имѣетъ параллельное ольби, олбо, „летяга“ по монгольски; Цолмонъ, Шолпанъ — алмынь, джалманъ, чалманъ по торгоутски, киргизски и на языкѣ крымскихъ Татаръ „тушканчикъ“; киргизское названіе звѣзды Джарыкъ имѣетъ созвучіе съ татарскимъ жарканатъ, „летучая мышь“. Въ классическомъ *Vesperugo*, „вечерняя звѣзда“ и „летучая мышь“). Не было ли вариантовъ объ Итыганѣ или мѣсяцѣ, уносящемъ дѣвицу Чолпанъ? Ср. съ Кальпе въ № 35, вар. к. Въ мусульманскихъ сказаніяхъ Соломонъ является мужемъ женщины, подъ видомъ которой скрывается нечистая сила (по монгольск. шулмусъ). Въ киргизской сказкѣ эта жена-змѣя узнана и подвергается сожженію, но окончательно уничтожить ее не удалось (какъ и Итыгану не удастся уничтожить вполнѣ Шулмуса); она поднимается на небо и является тамъ подъ видомъ звѣзды Зуры (Иллюстр. Миръ за 1880, № 7). Ср. Заря, Зоря, и т. п. названія звѣзды Зарницы на разныхъ нарѣчіяхъ прикамскаго Поволжья (см. стр. 732); *Sara*, вѣроятно, она же у Радлова (*Proben*, IV, 248). Въ сказкѣ Арджи-Борджи встрѣчается эпизодъ о женщинѣ-шулмусѣ и о ведрѣ безъ дна, которымъ она приносить воду. Тотъ же мотивъ содержится и въ сказкѣ объ Амынѣ Цаганъ-Буреке (стр. 196); эта вставка указываетъ на общность источника сказки о Амынѣ Цаганъ-Буреке и Гегеръ-Меджитѣ (Оч., II, 154); Амынъ Цаганъ-Буреке борется съ врагомъ Тенгри-хана, принимающимъ видъ черного быка; Гегеръ-Меджитъ также въ концѣ сказки вступаетъ въ бой съ Ухыръ-Бама-ханомъ; ухыръ, монгол. „корова“, Ухеръ, урянх. „Плеяды“. Ср. съ дюрбютскимъ сказаніемъ о коровѣ, вступающей въ бой съ чудовищемъ, которое потомъ обращается въ созвѣздіе Плеяды, стр. 203—204.

Имя Арджи-Борджи признается за испорченное санскритское раджа-Божа, то-есть, царь Божа, который жилъ въ V в. по Р. Х. (Веселовскій. Слав. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ. Спб., 1872, стр. 10). Однако у жителей сѣверной Азии есть слѣдующія формы: ардза-хордза, водка особаго свойства въ монгольск. сказкахъ (см. стр. 491, 503); сначала изъ молока будто бы выкуриваютъ обыкновенное вино, араху или тарасунъ; потомъ уже изъ этого вина сидятъ ардзу-хордзу, которой въ дѣйствительности, можетъ быть, и не бываетъ. См. впрочемъ у Небольсина, Опис. быта Калмыковъ Хошоут. улуса, стр. 49, гдѣ имя арза дается двойной перегнанной водкѣ, а харзо — тройной. Осадокъ отъ высидѣнной изъ молока водки въ видѣ творога по бурятски называется арса. Есть и формы: борса, бурятск., „сушеное мясо“; порса, сѣверно-сибирск., сушеная рыба. Порса для сѣверныхъ инородцевъ Сибири составляетъ одну изъ основъ ихъ пищи; точно также арса составляетъ главнѣйшую пищу у сѣверныхъ Бурятъ. Въ Алтанъ-Тобчи въ числѣ семи сыновей Даянъ-хана упоминаются два брата рядомъ Арсу-Болотъ и Барсу-Болотъ (стр. 68). И въ нашихъ сказаніяхъ встрѣчается подобное

парное; въ дѣтской присказкѣ: арци, барци (Тр. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, в. III, стр. 102); въ сказкѣ: юрза-мурза (*ibid.*, в. II, стр. 281). Въ числѣ записанныхъ Ст. И. Гуляевымъ въ Барнаулѣ отъ крестьянина Тупицына и еще не изданныхъ былинъ есть одна, въ которой Илья Муромецъ самъ себя называетъ Ширишь-Маришь. Этотъ отрывокъ Ст. И. Гуляевъ имѣлъ любезность списать для насъ. Прежде всего Тупицынъ разказалъ извѣстное преданіе о томъ, какъ Илья Муромецъ сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и потомъ получилъ силу богатырскую; какъ отецъ его купилъ ему жеребенка за 300 рублей, на которомъ онъ и отправился „поленѣчать“; затѣмъ слѣдуетъ ниже приводимый отрывокъ:

Выводилъ Илья Муромецъ добра коня
Изъ завоженьки, изъ новья;
Накладывалъ онъ потнички бумажные,
На потнички сѣдельшко черкасское;
Кладъ обѣтъ на палицу боѣвую,
На сабельку на острую,
На копье мурзаметское,
Чтобы не увязывать до города до Кіева,
До Солнышка до Сеславьева.
И ставалъ въ стременишко гомяшное
И садился въ сѣдельшко черкасское.
Не ясенъ соколъ въ перелетѣ леталъ,
Не бѣлый кречетъ перепархивалъ,
Тутъ ѣхалъ удалой доброй молодецъ
Старой казакъ Илья Муромецъ.
Онъ ѣдетъ ко городу ко Кидошу.
Надъ Кидошемъ градомъ по грѣхамъ учинилось:
Подступала сила поганая.
Билъ, топталъ онъ силу поганую,
Билъ, топталъ трои суточки,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слезаючи.
И во томъ во городѣ во Кидошѣ
Выходили попы-отцы, дьяконы,
Выносили образа и иконы святы,
И служили они службу молебную:
То ли городъ нашъ Богъ защитилъ,
То ли ангелъ святой —
И выбилъ, вытопталъ силу поганую?
И ѣдетъ старый казакъ ко городу ко Кидошу,
И ѣдетъ мимо той церкви соборной,
И говорятъ попы-отцы, дьяконы:
„Ой ты, гой еси, удалый, добрый молодецъ!

„Садись за столъ хлѣбъ-соль кушати!
 „Ты скажи намъ свою отчину!“
 Проговорилъ удалый, добрый молодецъ:
 „Я по поѣздѣ Ширишъ-Маришъ-Шиммаретинъ;
 „По потѣхѣ Борисъ, королевичъ младъ;
 „Не изволю я хлѣбъ-соль кушати.
 „А скажите мнѣ дорожку прямоѣзжую
 „Ко стольному ко городу ко Кіеву,
 „Ко ласковому князю Владиміру,
 „Ко солнышку ко Сеславьеву“.

Далѣ говорится о томъ, какъ Илья Муромецъ схватилъ Соловья-Разбойника, привезъ его въ Кіевъ, привязаннаго къ стремени, и заставилъ по требованію князя Владиміра „свистать по соловьиному, прошипѣть по змѣиному“.

Въ якутской сказкѣ, записанной г. Борисовымъ въ Верхоянскѣ и представляющей нѣкоторыя родственныя черты съ Арджи-Борджи, упоминается Тунгусъ Арджаманъ-Джарджаманъ. У Бурятъ есть слово: арджигаръ-борджигаръ; такъ, по показанію миссіонера природнаго Бурята о. Лк. Чистохина, Буряты зовутъ человѣка съ длинными волосами и длинными зубами. Вѣроятно сказочный терминъ. См. прим. 44 къ гл. III, гдѣ приведено парное харъ-наръ, „мѣсяцъ—солнце“. Не было ли парныхъ, въ которыхъ вмѣсто наръ стояло бы баръ. Въ № 49, вар. 2, а Бамба-шиту есть тигръ, по монгол. баръ, а въ № 139 ему соответствуетъ Дава, то-есть, солнце. Ср. наши формы сербаринникъ, шербаринникъ, „шиповникъ“, скарбариха, *Rubus caesius* (Анненковъ, Бот. Слов., 303); боровъ-серунъ въ сказкѣ о Коростѣ, записанной г. Адриановымъ въ Бійскомъ округѣ Томской губерніи.

60. Аю-чикты-ханъ.

У Бергмана (*Nomadische Streifereien unter d. Kalmüken*, Riga, 1805) помѣщенъ варіантъ этой сказки подъ названіемъ Go-Tschikitu. Въ примѣчаніи Бергманъ говоритъ, что въ другихъ варіантахъ часто вмѣсто Го-Чикиту стоятъ Ожоо-Tschikitu. Такъ называется не ханъ, а гонимый царевичъ; товарищъ его гоненій не братъ, а сестра Aerdäni-Zäzäk; имя ихъ отца—Uennäkar Törolkitu; злой духъ, который входитъ въ дочь пастуха и потомъ становится женой хана, называется Allalarpanga (Alabunga). Въ предисловіи къ этой сказкѣ Бергманъ говоритъ, что Го-Чикиту или Ожо-Чикиту есть одно изъ воплощеній Хонджимъ-Бодисады; ср. съ Аю-Бодисатой нашего № 68. Убѣжище гонимые находятъ въ странѣ Schampala, которая находится подъ управленіемъ Кутукту; въ эту страну направляетъ ихъ Ajaigo, главный министръ хана. Ср. съ Шигустей-Кутукту, къ которому отвозятъ на воспитаніе преслѣдуемаго младенца въ Алтанъ-Тобчи, стр. 62. Имя Шонъ-Доитъ въ вар. 6 ср. съ Шапъ-Тондубъ въ № 139. Черезъ этотъ номеръ сказка объ Аю-Чикты-ханѣ примыкаетъ къ сказкѣ о Бамба-Шиту и его братѣ

(№ 49, вар. 2, а). Въ иранскомъ разказѣ (цитированномъ А. Веселовскимъ изъ Шпигеля, Сказанія о Соломонѣ, стр. 118) о Тахмурасѣ (Takhmû-urupis) человѣкъ, отыскивающий трупъ своего брата, называется Джемъ. Вопросъ Аримана, чего боятся Тахмурасъ, находитъ себѣ параллельное мѣсто въ сказкѣ о Балинъ-Сенге. Въ Авестѣ Джемшидъ (Джемъ) кончаетъ свою жизнь тѣмъ, что Зохакъ велитъ распилить его пополамъ. Сожженіе ханской жены въ № 60 ср. съ концомъ жены Сулейманъ-Пейгамбара въ киргизской сказкѣ (Иллюстр. міръ, 1881 г., № 7). Имена Шоно, Шонъ, Шанъ напоминаютъ одного изъ братьевъ въ № 59, именно Шононъ-Хобунъ-Шолгу. Сказаніе о гонимыхъ царицею (мачихою) царевичахъ встрѣчается въ нашей Іоакимовской лѣтописи въ разказѣ о самобратахъ Борисѣ и Глѣбѣ и о Святохлѣ. Г. Веселовскій упоминаетъ новеллу о Мерлинѣ, въ которой у царя Ирода было семь мудрецовъ; они учатъ царя отыскать Мерлина, то-есть, дитя, рожденное безъ отца; новелла кончается тѣмъ, что семь мудрецовъ липаются своихъ головъ. Не передѣлана ли повелла изъ народнаго разказа, въ которомъ Мерлинъ былъ сыномъ Ирода, и семь мудрецовъ не явились ли на мѣстѣ гонительницы мачихи?—Названіе старшаго брата ср. съ аю, татарск. „медвѣдь“, шоно монгол. „волкъ“; бамбу № 49 ср. съ тунг. амба, „тигръ“.

61. Сартактай.

См. Оч., II, 80, 170 и прим. 86 къ V гл. Замерзаніе Сартактая въ озерѣ (вар. а) ср. съ подобнымъ же эпизодомъ у Радлова (*Proben*, IV, 61) о Акъ-Кобокѣ и Самыръ-Казанѣ, а также въ настоящемъ выпускѣ, № 47, вар. б. У Рашидъ-Эддина (*Зап. Археолог. Общ.*, XIV, 132) говорится, что Чингисъ-ханъ правителя племени Карлукъ переименовалъ изъ Арсланъ-хана въ Арслана Сартскаго, то-есть, Таджики; такъ понято и переведено г. Березиннымъ; въ текстѣ же, какъ видно изъ подстрочнаго примѣчанія, стоитъ: въ Арсланъ-Сартакты. Карлукъ въ восточномъ Тяньшанѣ—бѣлки, снѣговья горы (ср. сарлыкъ по халхасски, харлыкъ по бурятски, „тибетскій быкъ“); сардыкъ—бѣлки въ восточномъ Саянѣ у Бурятъ и Дархатовъ. Шмидтъ также принимаетъ за Малую Бухарію имя Сардакчинъ у Сананъ-Сэцэна (*Gesch. d. Ost-Mong.*, 91 и 384), съ владѣтелемъ котораго Амбагай-ханомъ ведетъ войну Чингисъ-ханъ на Байгаль-муренѣ. Въ русской былинѣ Сартакъ—зять царя Калина (Пѣсни, собр. Кирѣевск., в. 1, отд. IV, стр. 72); въ другихъ зять татарскаго хана называется то Лукоперомъ, то Тараканчикомъ Корабликовымъ (Пѣсни, в. 2, стр. 93 и Рыбинск., I, 174). Подъ Сартактаемъ сказанія разумѣютъ устроителя земли, богатыря, который проводилъ дороги (ср. въ Изв. Русск. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, стр. 249, съ кумандипскимъ преданіемъ о Ташъ-богатырѣ), каналы, наливалъ озера, насыпалъ горы, мостилъ мосты, въ родѣ нашего Егорія или нашей Ольги. На востокъ онъ смѣняется Чингисъ-ханомъ, а въ Тапну-олѣ Кезеромъ, котораго впрочемъ Урянхайцы сливаютъ съ Чингисомъ (№ 42, вар. 2); Алтайцы же имя Кезеръ сливаютъ

съ Сартактаемъ (№ 61, вар. д). У Рашидъ-Эддина (Зап. Археолог. Общ., стр. 157): Хоро-Хаджаръ багадуръ и Сартакъ-багадуръ были братья. У него же въ другомъ мѣстѣ оба имени сливаются въ одно: Сартакъ-Куджоръ (стр. 118), подобно тому, какъ у Радлова, *Prov.*, I, 188: Сартактай-Кезеръ. Сартактая (вар. д) съѣдаютъ котунскія собаки; вѣроятно—то же, что китайскія, съѣвши Кэзера (вар. э). Двѣ собаки у богатыря встрѣчаются во многихъ сказкахъ (см. стр. 284); Кокдей-мергенъ, охотившійся за тремя оленями, то-есть, за Орлономъ, также имѣетъ двухъ собакъ (№ 38, вар. е); если подѣ Кокдеемъ разумѣть созвѣздіе Большой Медвѣдицы, то пару собакъ можно видѣть въ двухъ звѣздахъ Дракона, которыя киргизскими и татарскими сказаніями ставятся въ связь съ созвѣздіемъ (стр. 711). Китайскими они могли назваться потому, что созвѣздіе могло носить имя Киданъ-ханъ вмѣсто нынѣшняго Итыганъ или Джитыганъ. Первый членъ этого имени также могъ подать поводъ къ представленію о собакахъ; собака по кирг. ить, по чувашски йида, по тува-урянхайски гыть. У Верхоянскихъ Тунгусовъ утинга, „волкъ“ (*Melang. asiat.*, tirés du Bull. de l'Ac. des sc., t. VIII, 26 avr. 1877, p. 370); не это ли слово, спариваясь съ монгольскимъ нохой, дало монгольское повѣрье о большой, съ корову, тангутской собакѣ, тангутъ-нохой. Ср. даньхэ, „собака“ у Киданей (Васильевъ, въ Зап. Археолог. Общ., т. XIII, стр. 191). Преданія о слѣдахъ богатыря разказываются у насъ объ Ильѣ Муромцѣ; см. Пѣсни, собр. Кирѣевск., в. IV, прилож., стр. XXXII. Легенды о камняхъ, насыпанныхъ чертомъ, см. въ Этн. Сборн., III, 181, а также у Вененштедта (*Wendische Märchen*, Graz, 1880, S. 298) о чортѣ (по вендски *zart*), оставившемъ слѣды ногъ и сидѣнья на камняхъ; онъ бросалъ камни, которые и теперь показываютъ. Сартакъ ср. съ якутскими формами: Ордахъ-сюгэ, Сюрдюгъ-сюга, которыми иногда переводятъ „злой топоръ“. Сырдыкъ у Бетлинга (стр. 164) „свѣтъ“, „святой“ по одному нами записанному показанію: „мѣсяць“.

63. Начало камства.

Вар. а ср. съ сказаніемъ о знакѣ на лицѣ Таниъ-Тирхина отъ сабельнаго удара (Оч., II, 157) и о Шидырванѣ, рождающемся со знаками казни на тѣлѣ (Оч., II, 169).

64. Тарханъ-бо.

Любезности В. П. Васильева мы обязаны слѣдующею выпиской изъ китайскаго сочиненія Монгу-ю-мудзи (гл. VII, л. 26): „Въ толкованіи на стихи въ честь Хориня Ылюй-Дао-шуана сказано: городъ Хоринъ находится въ древнемъ мѣстопробываніи Би-кя кэ-хана (Буха-хагана). При нашей династии (т. е. Юаньской) Тайцзунъ (т. е. Угэдэй) обнесъ его стѣной и построилъ въ немъ дворецъ Ванъ-анъ-гунъ. Въ 70 лѣ на с.-з. отъ города находятся развалины дворцоваго города (дворца и города?) Би-кя-кэ-хана; на с.-в.

въ 70 лѣ находится монументъ Цюэ (Кюэ)-Тэ-гинъ'я (Тэ-цзинъ) съ надписью Танскаго императора Минъ-хуана (Минъ-ди) годовъ правленія Кай-юань (713—742). По исторіи Тукюе, помѣщенной въ Танской исторіи, Кюэ-Тэгинъ былъ сынъ Гу-ду-лу кэ-хана и младшій братъ Би-кя-кэ-хана. Имя ему было Кюэ (Цюэ), а братья и сыновья кэ-хана называются тэгинъ (тэ-цзинъ). Въ 19 году Кай-Юань (732 г.) Кюэ-тэгинъ умеръ, и императоръ отъправилъ цзянь-цзюня Чжанъ-цзюй и ланъ-чжуна Люй-сяна съ грамотой для принесенія жертвы и постановленія памятника, для котораго императоръ самъ составилъ надпись, велѣлъ соорудить особый храмъ, вырубить каменную статую; и эта статуя существуетъ донынѣ (то-есть, при Юаньской династии). Какъ въ заголовкѣ памятника, такъ и въ самомъ текстѣ, вездѣ стоитъ Тѣ-цзинъ (гинъ), но въ новой Танской исторіи вмѣсто цзинъ вездѣ пишется лэ. Это ошибка. У всѣхъ Тукюесцевъ обычай и теперь называть сыновей и братьевъ кэ-хана тэ-цзинъ согласно съ надписью на памятникѣ. Къ этому переводу В. П. Васильевъ отъ себя прибавляетъ: „Очевидно, что тэцзинъ то же, что нынѣшнее тайцзы, тайчжи, какъ называются у Монголовъ всѣ происходящіе отъ княжескаго рода“. У Иакина, Собр. свѣд. о нар. средн. Азіи, ч. I, отд. II, стр. 332, братъ Би-кя-хана Могиляня названъ Кюэ-Дэлэ; китайскіе іероглифы цзинъ и лэ дѣйствительно похожи. Не относится ли это извѣстіе къ каменной бабѣ на р. Эгѣ? Намекъ на какое-то внѣшнее распоряженіе къ чествованію бабы заключается въ нашемъ вар. г. Цюэ-тегинъ ср. съ Саннъ-Тегинъ, по поводу котораго Рашидъ-Эддинъ разказываетъ исторію приглашенія шамана въ качествѣ цѣлителя (Зап. Археолог. Общ., IV, 52).

Даниъ-тере-тарханъ-бѣ ср. съ Таниъ-Тирхинъ (Оч., II, 157); Таниъ—Даниъ, Тирхинъ—Тарханъ; бѣ по монг. значить шаманъ, чѣмъ былъ и Таниъ-Тирхинъ; наконецъ, членъ тере значить „небо“, а Таниъ-Тирхину также придають имя Таниъ-Тэнгиръ, гдѣ тэнгиръ есть монгольское „небо“. Сходны и сюжеты: похищеніе женщины и казнь похитителя. По видимому, алтайскія и монгольскія легенды объ этомъ шаманѣ относятся къ тому шаману, о борьбѣ котораго съ Чингисъ-ханомъ разказывается въ книжныхъ сказаніяхъ. Въ этихъ сказаніяхъ шаманъ называется Бутъ-тэнгри (Зап. Археолог. Общ., XIV, 158) или Тѣбъ-Тэнгэри (Юаньчаомини, 136). Формы тэнгэри, тэнгри не суть ли варіаціи имени Чингисъ? Самые сказанія тоже смѣшиваютъ противниковъ. Такъ, по алтайскому сказанію, шаману дается имя Тарханъ; по монгольскому Чингисъ также назывался дарханъ (кузнецъ); см. у Тимковскаго, Путеш. въ Китай, I, 169; Oppert, *Presbyter Johannes*, Berlin, 1864, S. 59. Трехдневная смерть Тѣбъ-Тэнгэри какъ будто находитъ себѣ отголосокъ въ трехдневномъ укрывательствѣ Чингиса въ горѣ; см. прим. къ № 47. Имя Тѣбъ-Тэнгэри, вѣроятно, есть то же самое, что Тубутъ-Тангри у Абулфараджа, а онъ это имя прилагаетъ къ самому Чингису. Полнаго разъясненія этихъ сказаній нужно ожидать отъ собранія сибирскихъ сказокъ и повѣрій, потому что, кажется, всѣ эти имена относятся не къ лицамъ монгольской исторіи, а къ божествамъ, и теперь еще почитаемымъ въ Сибири. Даниъ-Тэнгиръ ср. съ якутскимъ Аи-Тангара, Богъ-

создатель; Ага-Тангара, отецъ-Богъ; Тарханъ ср. съ Анъ-дарханъ, Анъ-дарханъ-хотунъ, богиня вселенной и растений (Поряд., Якут. сл.). Татищевъ имѣлъ свѣдѣніе о какомъ-то Делчи (Темучинъ?) — Тарханъ-тегинъ, который, поселившись между Бурятами и Якутами, разобщилъ ихъ (Н. Поповъ, „Н. В. Татищевъ“, М., 1861, стр. 710). Тубуть-тангри (ср. съ Тенгриинъ-кубунъ у Банзарова; см. выше стр. 803) Оппертъ толкуетъ: „духъ покровитель Тибета“ и думаетъ, что изъ этого слова западные писатели сдѣлали Давидъ, имя, подъ которымъ является то сынъ пресвитера Іоанна, убиваемый Чингисомъ, то самъ Чингисъ. Не вѣрнѣ ли видѣть въ „тубуть“ собственное имя духа покровителя? Другое имя Чингиса — Темучинъ; ср. переходы: теме, „верблюдъ“ по монгольски, „тебѣ“, idem на языкѣ Хасутовъ-урянхайцевъ на Косоголѣ. Тубуть ср. съ остяцк. *tabet*, „семь“. Упоминаемый Банзаровымъ шаманъ Чингисъ-Хаджиръ (см. прим. къ № 47), вѣроятно, тотъ же божественный шаманъ Тарханъ-бо. Злой характеръ, который приписываютъ сказанію шаману, иногда приписывается и Чингису; онъ похититель женщины, узурпаторъ, нѣкоторые сказанія представляютъ его скотокрадомъ или разбойникомъ (Oppert, *Der Presbyter Johannes*, S. 59). Съ другой стороны шаману, по видимому, приписывалось божественное происхождение; ср. его имя Кукджу у Рашидъ-Эддина съ Кукджу у Радлова (Proben, I, 424), котораго полное имя: Курбусту Тэнгэрэкэй-Кукджу-Шурханъ-Пакши.

Къ вар. а. У Радлова въ призываніи шамана о прекращеніи дождя: „предка моего Паштыганъ я призываю“ (Вост. Обзор., № 7, стр. 12)! Тогошъ не слѣдуетъ ли раздѣлить на два члена: тосъ и тогошъ? Тосъ по урянхайски свинья; эта форма образовалась изъ болѣе полной тонгусъ, свинья, чрезъ выпаденіе носоваго звука; тогошъ, можетъ быть, версія той же формы съ выпаденіемъ только носоваго н. Въ сказаніяхъ встрѣчаются сходныя формы: Тонгусъ, Тенгисъ, Мангысъ, и пр. Якутская сказка, описывающая, какъ Тунгусъ отнимаетъ жену у Боско, и какъ тотъ вновь возвращаетъ ее себѣ, убивъ Тунгуса, можетъ быть, представляетъ болѣе цѣльную обработку того же сюжета, который заключается въ отрывкахъ о Тарханъ-бо и Даинъ-Тирхинъ. Тонгусъ, „свинья“, „вепръ“, на языкѣ Османлы-Турковъ произносится *domuz*. Семитическій богъ Тамузъ по Маймониду былъ убитъ за возвѣщеніе новаго культа (семи планетъ), то-есть, за нарушеніе стараго? По другимъ свѣдѣтельствамъ, Тамузъ любилъ Ва'алт (Венеру) и похитилъ ее отъ мужа; когда послѣдній вынелъ искать жену, Тамузъ убилъ его; но потомъ на самаго Тамуза напала свинья и разорвала его. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ смерть еще иначе описывается; убилъ его Марсъ, принявъ видъ веоря (Chwolohn, *Die Ssabier und der Ssabismus*, II, 206). Тамузъ, подъ именемъ Dumu-zi, былъ извѣстенъ уже Аккадцамъ (Lenormant, *Langue primitive et les idiomes touraniens*, Paris, 1875, p. 442); не слѣдуетъ ли Тамуза считать за божество, заимствованное Семитами у не семитскихъ аборигеновъ Передней Азіи?

Къ вар. а. Появленіе въ разказѣ двухъ сжигаемыхъ лицъ вмѣсто од-

ного можетъ быть объяснено соединеніемъ въ одинъ разказъ двухъ вариантовъ. Дарованіе ханомъ прозвища за особенное искусство или знаніе встрѣчается и въ другихъ разказахъ; ср. объ Илгысынъ-гэгэнѣ (№ 51, вар. е); Чингисъ-ханъ пожаловалъ Бадаю и Кишлику тарханство (Зап. Археол. общ., т. XIV, стр. 166; Юаньчаоминши, 124); Косогольскіе Дархаты получили дарханство отъ Китайскаго императора (за измѣну своему князю, равно какъ и Бадай и Кишликъ); званіе Дай-дарханъ пожаловано Даинъ-ханомъ семи старѣйшинамъ, которые помогли хану спастись бѣгствомъ изъ сѣчи (Schmidt, *Gesch. d. Ost-Mong.*, 189); ср. также въ Восточн. Сборн., С.-Пб., 1872, I, стр. 39, разказъ объ архаунѣ Чэби, получившемъ отъ Китайскаго императора тарханство за излѣченіе царевича посредствомъ напитка. Отсѣченіе лапы у Ерликовой собаки, которое совершаетъ Газыръ-гамъ, напоминаетъ сходнаго по имени Хасара, брата Чингисова, который, по Сананъ-Сэцэну (*Gesch. d. Ost-Mong.*, 101), попадаетъ стрѣлой въ колѣно старухѣ, насылающей моръ на Чингисово войско. Повѣрья о самоубійствѣ шамановъ распространены отъ Алтая до Байкала; г. Ядринцевъ слышалъ въ Алтайскія преданія о шаманѣ, который бросился въ рѣку Аргутъ. Эти болѣзненные явленія могутъ быть объяснены тѣмъ, что шаманы иногда люди, находящіеся въ ненормальномъ состояніи; роль шамана и для здороваго человѣка не можетъ быть привлекательною; нѣкоторые шаманы съ трудомъ несутъ наложенное на нихъ природой или обстоятельствами бремя. Русскіе прикащики въ Кобдо разказывали намъ объ одномъ монгольскомъ шаманѣ (гурьтунѣ), жившемъ и дѣйствовавшемъ въ куренѣ хошуна Цзахагинъ, что онъ жаловался на свою судьбу, сдѣлавшую его шаманомъ. Занятіе его было такъ тягостно для него, что онъ готовъ былъ бы, говорилъ онъ, — бѣжать въ Россію, еслибы было возможно тайно скрыться отъ своихъ земляковъ и надѣяться не быть выданнымъ. Кромѣ утомительнаго физическаго труда, и можетъ быть, болѣзненнаго состоянія во время шаманскаго дѣйствія, положеніе шамана отягчается еще народнымъ ропотомъ въ случаѣ неблагопріятнаго исхода предсказанія, а также, можетъ быть, и собственными сомнѣніями. Скентицизмъ явленіе не чуждое шаманистамъ; разказы, что шаманы — обманщики, случается часто слышать отъ мѣстныхъ жителей, и ихъ не слѣдуетъ приписывать постороннему вліянію; шаманистъ и безъ посторонняго вліянія имѣетъ поводы повѣрять свои вѣрованія, отъ которыхъ онъ ждетъ результатовъ вещественныхъ, а не духовныхъ. Поэтому случается слышать разказы о томъ, какъ простой Алтаецъ бросается на шамана во время камланья, бьетъ его и разбиваетъ въ щепки его бубенъ, или какъ другой шаманистъ, убѣдившись въ бесплѣнн онгоновъ помочь ему, выбрасываетъ ихъ, негодую на то, что такъ долго обманывался на ихъ счетъ.

Къ вар. б. Въ исторіи Грузіи царевича Вакухта есть разказъ о царѣ Вахтангѣ Горгасланѣ, который совершаетъ походъ противъ Осетинъ для возвращенія своей сестры, увезенной еще тогда, когда ей было три года. Царь вступаетъ въ поединокъ съ хазарскимъ богатыремъ Тарканомъ, отрубаетъ ему голову и увозитъ съ поля (Brosset, *Hist. de la Georgie*, P. I, l. I, p. 150 et 157;

Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, стр. 58—61).—Объ улыбающейся отрубленной головѣ см. въ Юаньчаомиши (стр. 100); разказъ этого сказанія очевидно находится въ связи съ теленгитскимъ; Даниъ ср. съ Таянъ, именемъ найманскаго хана; отрубленная голова принадлежит не Таяну, какъ слѣдовало-бы для согласія съ теленгитскимъ сказаніемъ, а Вану; это, вѣроятно, произошло отъ перестановки именъ персонажей. У Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 111) помѣщенъ слѣдующій разказъ о введеніи буддизма въ Монголіи: Гаданъ, ханъ монгольскій, заболѣлъ отъ власти дракона и послалъ Дорда-Тархана изъ рода Оймагуть звать Сакіа-Пандиту. Святому мужу доложили, что пріѣхалъ посолъ въ шапкѣ, какъ будто ястребъ сидитъ (уиль-брюкъ?). Сакіа-Пандита поѣхалъ, исцѣлилъ Гадана и многихъ обратилъ на путь истинный. Не есть ли это эпическая передача поѣздки шамана въ царство Ерлика по душу заболѣвшаго? Ср. съ разказомъ о первомъ насадителѣ христіанства въ Китаѣ Сэлигисы и его дѣдъ Чэби (Восточ. Сборн., С.-Пб., 1872, т. I, в. 1, стр. 39) и съ мусульманскими сказаніями Казанскихъ Татаръ о первыхъ проповѣдникахъ ислама въ Поволжьѣ. Окаменѣніе въ русскихъ сказкахъ постигаетъ Удаля-молодца (Нар. ск., изд. Эрленвейна, 50—72), Гнатъ-булата (Труды этн. эксп. въ Зап. русск. край); ср. съ финскою о Leppäpollku (Mel. russes, 1851—1855, т. II, р. 614) и съ аварскою о Езень-Зулхарѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, в. II, „Аварск. ск.“, стр. 39), а также съ русскимъ преданіемъ въ Вятской губерніи о богатыряхъ Онохѣ и Никулицѣ; въ послѣдней окаменѣваютъ друзья Онохи, не успѣвшіе до пѣтуховъ вернуться съ самоцвѣтными камнями для Никулицы. Во всѣхъ приведенныхъ сказкахъ окаменѣніе соединено съ сватовствомъ за дѣвицу; въ вятскомъ преданіи Оноха сватается за дочь богатыря Никулицы, у котораго семь богатырей. Но не называлась ли послѣднимъ именемъ сама добываемая дѣвица (имѣющая иногда семь братьевъ)? Никулица ср. съ именемъ вотицкаго божества: Му-колчинъ, Му-колчинъ, Остѣ-Колчинъ. Въ русскихъ былинахъ Добрыня Никитичъ обращенъ въ тура Марьей Игнатьевной (Кирѣев., в. 2, стр. 45), и Михайло Потыкъ заключенъ въ камень Настасьей Лебедью бѣлой Лиходѣвной (Рыбн., I, 213). Настасья Микулишна жена или Добрыни Никитича или Даниила Ловчанина. Разказъ о казни Онохи ср. съ былинной о Дунаѣ (туно—колдунъ, вѣщій у Вотяковъ), который жилъ съ Настасьей, дочерью короля въ Литвѣ. Сказаніе объ обезглавленномъ шаманѣ ср. съ классическимъ мифомъ о Персеѣ: отрубленная голова Горгоны; окаменѣніе. Персей поднесъ голову Аѳинѣ; въ азиатскихъ сказаніяхъ: голова Вана въ рукахъ Гурбэсу (Юаньчаомиши, стр. 100), голова Гесерова брата въ рукахъ Рогмо-гоа (стр. 818); Мырадылъ подноситъ голову Тохтамыша его женамъ (Radloff, Proben, IV, 54); въ нашихъ былинахъ Алеша подноситъ голову Тугарина Владиміровой женѣ Опракѣ.

Къ вар. е. Неуязвимость Тарханъ-бо сближаетъ его съ Шидырваномъ. Подобное же разказывается въ Крыму (въ Алуштѣ) о Чора-батырѣ, на Кавказѣ о дѣвочкѣ, которую не могли ни сжечь, ни утопить, пока Тхостъ не наложилъ на нее оковы (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. III, стр. 15), а у Зырянъ—

о ягъ-мортѣ (Изв. Общ. любит. естествознан., антр. и этн., XIII, в. 2, стр. 19—20). Чора-батырь (ср. съ Джоро, именемъ Гесеръ-хапа, стр. 817) былъ колдунъ; его рѣзали и другимъ способомъ терзали, но не могли убить; мать его сказала пазачамъ: „Что бы вы ни дѣлали, вамъ не убить его!“ Кто-то нашелся однако и посоветовалъ бросить его въ море; бросили, и онъ утонулъ; теперь онъ лежитъ въ морѣ и стережетъ сокровища (запис. г. Калачевымъ въ Алуштѣ; о сокровищѣ, хранящемся на небѣ или на днѣ озера см. Mannhardt, Germ. Myth., 150, 198, 269 и 642). Ногайцы ждутъ возвращенія Чоры; когда положеніе ихъ дойдетъ до крайности, Чора выйдетъ изъ пѣдръ земли и освободитъ Ногайцевъ (Кандараки, Опис. Крыма, 1875, т. III, ч. IX, стр. 100). Ср. съ нашими былинами о Егоріѣ Храбромъ: шлы его не берутъ, въ кипяткѣ онъ не тонетъ. Врагомъ Егорія являются: Θεοδορѣ, его собственный отецъ (Кирѣевск., Пѣсни, I), царь Кудреянище (ib., стр. 15), царь жиловскій Діоклитіанище изъ града Китаева (ib., стр. 23), царь Дадіанъ (корпи жидъ и тат часто замѣщаются; напримѣръ, въ названіяхъ растенія *Cirsium*: татаринъ, дѣдовникъ, жидовское кресло; см. также прим. къ № 66), у котораго подъ вѣдомствомъ „семь“ царей (семьдесятъ царей) или царь Агапей въ царствѣ Рахлинскомъ (ср. съ Арахалунъ, чудовище, глотающее луну; Тимковский, Путеш. въ Китай, ч. III, стр. 372). Преданія о первомъ и самомъ могущественномъ шаманѣ есть и у другихъ народовъ сѣверной Азіи. Г. Хангаловымъ записано два бурятскія преданія, одно о шаманѣ Бохоли-хара, другое о шаманѣ Моргонъ-хара (Изв. Вост. Сиб. Отдѣла Русск. Геогр. Общ., т. XI, № 1 и 2, стр. 87 и 89). Бохоли-хара имѣлъ книгу, полученную отъ Эсэгэ-Маланъ-Тэнгри, не уступалъ въ силѣ богамъ и даже однажды создалъ ребенка для одной бездѣтной женщины. Объ этомъ узналъ Эсэгэ-Маланъ; три посла его подъ видомъ замъ спустились на землю, взяли душу новорожденного и унесли на небо; Эсэгэ-Маланъ обратилъ ее въ муху, помѣстивъ въ бутылку и отверстіе бутылки закрывъ пальцемъ; Бохоли-хара, по просьбѣ матери, сѣлъ на бубенъ и возлетѣлъ на небо; обратившись въ осу, онъ ужалилъ Эсэгэ-Малана въ лобъ (у Грековъ былъ Jupiter muscaeus, напустившій мухъ на Алфея, и были изображенія Юпитера съ мушинными крыльями на щекахъ) см. Böttiger, Ideen z. Kunst-Mythol., Leipz., 1850, В. II, S. 139; богъ хотѣлъ убить осу, отнялъ палецъ отъ бутылки и освободилъ душу. Бохоли-хара изловилъ ее, оживилъ ребенка и похвалился своей силой. За это Эсэгэ-Маланъ разорвалъ его книгу и разрубилъ его бубенъ пополамъ. Девять сыновей Эсэгэ-Малана упростили отпустить шамана на землю, потому что онъ возвращаетъ съ земли стрѣлы, пускаемые ими съ неба (ср. Mannhardt, Germ. Myth., 141: о громовомъ молотѣ Тора, возвращающемся всякій разъ въ руки бога; Holtzmann's Indra в Zeitschr. d. deut. Morgel. Gesell., 1878, В. XXII, Н. II, s. 296: о копѣ Индры. По южнорусскому повѣрью громовая стрѣла черезъ семь лѣтъ по ударѣ выходитъ на дневную поверхность; Данильченко, Этн. свѣд. о Подол. губ., вып. I, стр. 1. Въ осетинской сказкѣ Сосрыко возвращаетъ на гору спущенный съ нея камень абра; см. Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. На-

родн. сказ. горцевъ, стр. 54. Эсэгэ-Маланъ все-таки осудилъ шамана скакать на черномъ камнѣ до тѣхъ поръ, пока сотрется камень, или изотрется самъ шаманъ. Если камень сотрется, Бохоли-хара вернется на землю; если онъ самъ, то погибнетъ шаманство. Бохоли-хара надѣлъ желѣзные сапоги и началъ скакать; камень стирается, и пришествіе Бохоли-хара наступаетъ. Въ другомъ бурятскомъ вариантѣ о первомъ шаманѣ Моргонъ-хара (ср. съ Абыртанъ-дазиланъ, Амрыкъ-могай и пр.) отъ скаканья на черномъ камнѣ величиною съ корову (о „черномъ коровьемъ камнѣ“ укыр-хара-чиго, см. 14 прим. къ III гл., стр. 744) не камень, а самъ шаманъ истирается. Скаканье на камнѣ ср. съ шаманомъ, который, отправясь къ Еркику по душу больного, долженъ прыгать между прилегающими краями земли и неба (стр. 65 и 37 прим. къ II гл.). Въ Далмациі близъ Imoschi есть рядъ отдѣльно стоящихъ скалъ и земляныхъ холмовъ, которые называются скаковыми камнями Марка Краевича, потому что Марко скакалъ на нихъ, когда былъ мальчикомъ. Въ Албаніи также въ двухъ мѣстахъ указываютъ слѣды прыгавшаго съ одной горы на другую Deli Marku (Hahn, Alb. Stud., 85). Второй членъ въ названіяхъ бурятскаго шамана, хара, ср. съ бурятскимъ хара „мѣсяцъ“. Огонь въ алтайской загадкѣ загадывается: „красноголовая старуха ржетъ и скачетъ“. Въ нартовскихъ сказаніяхъ Кавказа Сосрыко пляшетъ на камняхъ и истираетъ ихъ въ песокъ (Матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. 1, стр. 33). Въ бурятскомъ вариантѣ о Бохоли-хара книгу шамана съѣлъ баранъ, но Бохоли-хара закололъ его и на его лопаткѣ прочиталъ все; вотъ почему шаманы ворожатъ на лопаткѣ. Повѣрья о съѣденіи короною книгъ есть у Алтайцевъ (Вербицкій, „Зап. миссіонера“, въ Правосл. Обозр. за 1866 г.), у Чувашей (Сбоевъ, Иссл. о инород. Казан. губ., стр. 65) и у Васюганскихъ Остяковъ. Въ старину однажды Остякъ пригласилъ Русскаго идти вмѣстѣ на промыселъ; въ лѣсу они не оставляли другъ друга и не расходились далеко. Однажды они шли вмѣстѣ по луку, какъ вдругъ увидали, что съ неба передъ ними падаютъ двѣ калія-то бумаги. Русскій сказалъ: „Богъ спустилъ съ неба потому двѣ бумаги, что насъ двое; одну онъ спустилъ для меня, другую для тебя. Выбирай же себѣ ту, какую ту желаешь, а я возьму ту, которая останется“. Взяли каждый по бумагѣ; Русскій прочиталъ свою бумагу и положилъ за пазуху; Остякъ подержалъ свою бумагу въ рукахъ, посмотрѣлъ, что въ ней написано, и положилъ на пень, сказавъ: „Когда будемъ возвращаться съ дневнаго промысла къ нашему стану, тогда возьму ее“. Возвращаясь къ стану, они подошли къ пню, гдѣ была положена Остякова бумага; ея не оказалось; по слѣдамъ вокругъ пня промышленники догадались, что тутъ проходилъ лось и съѣлъ бумагу. Вотъ потому-то, говорятъ Остяки, — у насъ нѣтъ своей остяцкой грамоты (сообщ. свящ. П. Красновымъ). — Третій бурятскій вариантъ о древнемъ шаманѣ, ничего новаго не прибавляющій къ предыдущимъ, напечатанъ Шамковымъ по рукописи Бурята Балдонова (Живописн. Обозр., 1879, № 19, стр. 414); шаманъ названъ Хара-Гыргень. Наконецъ, вѣроятно, то же мифическое лицо нужно видѣть въ шаманѣ Убукгунѣ Улукчиновѣ въ разказѣ г.

Стукова (Зап. Спб. Отд. Геогр. Общ., т. VI, стр. 164); этотъ шаманъ, кромѣ того, что онъ обладалъ даромъ чудотворенія, описывается, какъ главный противникъ буддизма, съ которымъ приходилось бороться ламамъ при введеніи новой вѣры въ Забайкальи. Онъ иногда и теперь возрождается въ видѣ медвѣдя и другихъ животныхъ, чтобы вредить ламаистамъ. Легенды о немъ г. Стуковъ сообщаетъ по случаю медвѣжьего праздника у Бурятъ, на которомъ ему пришлось присутствовать; убитый тогда медвѣдь также былъ принятъ Бурятами за новое воплощеніе Убукгуна. Убукгунъ по бурятски „старикъ“; убукъ — „медвѣдь“ (стр. 161). Это же имя Эбугэ, Eboukéne, придается Бартанъ-багадурѣ (см. у Рашидь-Эддина, Труды Вост. Археолог. Общ., XIII, 68 и Aboulgazi, trad. par Desmaison, p. 73), который былъ пригвожденъ къ деревянному ослу. У Киргизъ также, по видимому, были легенды о первомъ шаманѣ. Въ одной рукописи Чокана Валиханова упоминается, что первый киргизскій шаманъ назывался Хорхутъ; онъ научилъ Киргизъ играть на кобзѣ и пѣть пѣсни. О немъ есть легенда, говоритъ Валихановъ, — по самой легенды не приводитъ (хорхо, монгол. „червь“; см. въ прим. 46 къ гл. III о смѣшеніи червя съ змѣей). Выше и ниже этого мѣста о Хорхутѣ онъ говоритъ о томъ, что шаманисты боялись смерти, и что бѣгство отъ смерти, постыдное съ мусульманской точки зрѣнія, составляетъ одинъ изъ постоянныхъ мотивовъ легендъ шаманскихъ народовъ. Изъ этого контекста можно заключить, что самое имя шамана народнымъ домысломъ ставилось въ связь съ татарскимъ глаголомъ хорк, „бояться“. Кастрень сообщаетъ о самоѣдскомъ шаманѣ Уріерѣ, мудрѣйшемъ и могущественнѣйшемъ изъ всѣхъ шамановъ; онъ съ двумя женами на нартахъ поднимался на небо. (Эти. Сборн., IV, 298). Вѣроятно, къ такому же вѣщему шаману относится разказъ Третьякова о шаманѣ, взлетѣвшемъ на луну (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415) и сообщеніе Фердинанда Миллера о древнемъ шаманѣ, который въ то же время былъ и разбойникъ (Müller, Unter Tungen und Jakuten, Leipz., 1882. S. 114). У Васюганскихъ Остяковъ свящ. о. Красновымъ записано слѣдующее сказаніе: Въ старину жили одновременно два какіе-то мудрые старика (подъ „мудрымъ старикомъ“ въ разказахъ Остяковъ разумѣется обыкновенно или богъ, или діаволъ, или шаманъ; кого слѣдуетъ разумѣть въ помѣщаемомъ разказѣ, сами Остяки не знали). Эти старики изслѣдовали и узнали все существующее на землѣ; умъ ихъ однакожъ не могъ успокоиться и ограничиться познаніемъ одной только земли; познавъ землю, онъ сталъ стремиться къ другимъ, еще большимъ знаніямъ: къ познанію неба и того, что есть подъ землею. Старики сообщили другъ другу о томъ, чѣмъ занята ихъ мысль, и сказали: „Намъ непремѣнно слѣдуетъ узнать, что такое небо, какой тамъ свѣтъ и что тамъ есть, а также нѣтъ ли и подъ землею свѣта? Съ этою цѣлью одинъ изъ насъ долженъ идти на небо, другой — подъ землю“. Какъ старики разсудили, такъ и сдѣлали. Одинъ поднялся на небо, другой ушелъ подъ землю. Поднявшійся на небо имѣлъ сына и сноху, сыновнюю жену, но онъ не взялъ ихъ съ собою. Спустя нѣкоторое время онъ сошелъ съ неба опять на зем-

лю и сказал своим семейнымъ: „Я былъ на небѣ, видѣлъ тамошній свѣтъ и тамошнее житье; жить тамъ несравненно лучше, чѣмъ на землѣ; я затѣмъ только и спустился, чтобы взять васъ съ собою на небо. Когда вы будете туда собираться, вотъ что, дѣти мои, соблюдайте: не берите съ собою на небо ничего стараго или ветхаго; все должно быть у васъ новое: и одежда, и обувь, и нарта“. Когда все было готово къ отъѣзду, старикъ, сынъ его и сноха сѣли въ нарту, и она стала какъ бы сама собою подниматься отъ земли кверху на небо. Дорогой старикъ замѣтилъ, что нарта медленно и тяжело поднимается. Онъ сталъ осматривать вещи и нашелъ на задней части нарты вмѣстѣ съ другими вещами старые остяцкіе чарки (башмаки); тогда старикъ взялъ топоръ и отрубилъ ту часть нарты, гдѣ лежали старые чарки. Какъ только онъ это сдѣлалъ, нарта стала легко и свободно подниматься все выше и выше и такимъ образомъ со старикомъ, сыномъ его и снохой очутилась на небѣ. Старикъ же, который ушелъ подъ землю, никогда не возвращался оттуда, а потому и осталось не извѣстно, есть ли подъ землей свѣтъ и жизнь. Ср. это сказаніе съ № 83; отрубаніе задняго конца нарты соответствуетъ отрубанію задней половины „живаго бога“. Въ сказаніи о самоѣдскомъ шаманѣ Уріерѣ одна нарта опускается отъ присутствія поношенной вещи. У Садовникова (Сказки и пред. Самар. края, стр. 26): Борма-Ярыжка вырѣзываетъ изъ плота каплю крови, отъ которой плоть сталъ тонуть. Крашенинниковъ разсказываетъ о камчадалскомъ богѣ Гаечѣ, который былъ первый побойникъ на землѣ; онъ поднялся на небо, потомъ вновь спустился на землю и научилъ людей нынѣшнему образу жизни. У него, какъ и у остякаго „мудраго старика“, были двѣ женщины (двѣ его дочери), которыхъ онъ взялъ съ собою на небо. Когда онъ спустился на землю, люди испугались его, какъ побойника и стали умирать. Ср. Оч., II, 167, № 26. Другое преданіе, записанное о. Красновымъ же у Васюганскихъ Остяковъ, разсказываетъ объ остяцкомъ идолѣ то, что южно-сибирскія преданія говорятъ о первомъ шаманѣ. Одинъ землеѣръ, измѣряя землю въ мѣстахъ, населенныхъ Остяками, нашелъ въ лѣсу случайно остякаго деревяннаго идола; онъ взялъ его съ собою съ намѣреніемъ въ первыхъ же юртахъ сжечь его въ присутствіи Остяковъ. Прибывъ въ юрты, землеѣръ приказалъ русскому рабочему, бывшему съ нимъ, затопить печь и бросить идола въ огонь. Когда дрова прогорѣли, деревянный идолъ оказался цѣль и невредимъ. Землеѣръ приказалъ рабочему вновь затопить печь и увеличить число дровъ; но и во второй разъ дрова прогорѣли, а идолъ былъ цѣль. Тогда землеѣръ велѣлъ разрубить идола на мелкія части и въ этомъ размелченномъ видѣ бросить его въ огонь. Только рабочій занесъ топоръ, какъ онъ вонзился вмѣсто идола ему въ ногу и перерубилъ жилу. Тогда землеѣръ испугался, самъ своими руками поднялъ идола, пошелъ въ лѣсъ и поставилъ его на томъ же мѣстѣ, откуда и взялъ. Ингушское преданіе на Кавказѣ: всѣ птицы хотѣли сжечь Махомедъ-пегемера и носили подъ него сѣно, солому и огонь, а ласточка и лягушка принесли воду и залили; за это пророкъ приказалъ никогда не убивать лягушекъ и ласточекъ (запис.

въ Тифлисѣ отъ Ингуша Сулеймъ Бузуртанова). Ср. съ русскимъ повѣрьемъ: лягушку не раздави, пойдетъ дождь.

Въ прикамскомъ Поволжьѣ существуютъ легенды: 1) О трехъ проповѣдникахъ ислама, изъ которыхъ одинъ испѣляетъ дочь хана и женится на ней; по одному варианту, его имя Зубейръ-бенъ-Джаде, по другому—Бюларъ. Въ краѣ указываютъ на три могилы мусульманскихъ святыхъ, можетъ быть, относящіяся къ тѣмъ же проповѣдникамъ. Одна изъ могилъ называется Меулимъ-Хоззя, другая—Шибелемъ-Хоззя; первое имя ср. съ Малумъ-Ходжа, названіемъ той же могилы по другому автору, Мулла-Хазей, названіемъ могилы въ другой мѣстности, Балынъ-гусъ, названіемъ горы, на которой лежатъ эти могилы (Шпилевскій, Древн. города Казан. губ., стр. 10, 26, 31, 61), и съ Мелимъ-хузя (Илемъ-хузя, Валимъ-хузя, Малемъ-хузя, Маюмъ-хозя) чувашскимъ фетишемъ (см. Золотницкій, Чуваш. слов., 151; Магнитскій, Матеріалы, стр. 69—75). Этотъ фетишъ замѣченъ въ уѣздахъ Чебоксарскомъ, Ядринскомъ и Козьмодемьянскомъ. Милимъ у Тоб. Татаръ—*Felis manul*, которая у Киргизъ называется малинъ, и о которой есть сказаніе (Оч., II, 148), что это была сестра крота (корь). Такое соединеніе (малинъ и корь), кажется, тоже не чуждо Поволжьѣ; ср. *Sagabolam*, городъ на Волгѣ на картѣ Пицигани 1367 года. 2) О невредимомъ выходѣ изъ огня: Казанскій ханъ собралъ всѣхъ змѣй въ одну яму, засыпалъ ихъ хворостомъ и соломой и велѣлъ сожечь; одинъ только змѣй вылетѣлъ невредимо и поднялся на воздухъ (Шпилевскій, I. с., 72). Въ томъ же краѣ записана легенда о дочери Болгарскаго царя, невредимо вышедшей изъ огня (Шпилевскій, I. с., 212). Къ Елабугѣ отнесена легенда объ огненномъ змѣѣ, который жилъ въ капищѣ и передъ приходомъ Русскихъ вылетѣлъ въ видѣ густаго дыма и оставилъ край (Рычковъ, Опытъ Казанской Истор., 1767 г.). Ср. также съ вотяцкимъ сказаніемъ о разрушеніи куалы въ Виткѣ (Бор. Гавриловъ, Произвед. народн. слов. Вотяковъ, стр. 152) и съ легендой о построеніи города Чебоксаръ (А. Фуксъ, Зап. о Чувашахъ и Черемис., стр. 109). Рядомъ съ сказаніями о исчезнувшемъ изъ края змѣѣ въ прикамскомъ Поволжьѣ существуютъ сказанія о удалившемся не извѣстно куда ханѣ или князѣ. У Башкировъ это Тураханъ (Древности, изд. Моск. Археолог. Общ., II, 46, 51 и 53), у Чувашей Торганъ, у Мордвы Тюштинъ (Древн. и Нов. Россія, 1881 г., мартъ, XIX, 3, ст. Дубасова, стр. 591). Чувашскій Торганъ былъ будто послѣдній національный царь у Чувашей, отличавшійся справедливостью; его время рисуется временемъ всеобщаго благосостоянія; онъ самъ же и жрецъ былъ и разъ въ году приносилъ жертву при общемъ собраніи народа (заимствовано изъ одной рукописи, написанной природнымъ Чувашемъ). 3) Легенда объ обезглавленномъ святомъ, идущемъ за своею катящеюся головой. Одинъ вариантъ приуроченъ къ сел. Карадуванъ близъ города Казани; трое мусульманскихъ святыхъ встрѣтили разбойниковъ, хотѣли помѣшать ихъ преступленію и навлекли на себя ихъ мечь; одному изъ святыхъ людей разбойники отрубили голову, но онъ, взявъ ее въ руки, пошелъ съ нею. Другой вариантъ говоритъ, что три проповѣдника были въ городѣ Казани во время взятія ея Русскими; когда одному изъ нихъ была отруб-

лена голова, она покатила отъ города по тому направленію, гдѣ теперь деревня Карадуванъ. Голова остановилась у Карадувана; адѣсь она и была похоронена вмѣстѣ съ туловищемъ (Шилевскій, I. с.) Ср. съ легендой Алуштинскихъ Татаръ въ Крыму о мѣстномъ святомъ Азисѣ, которому русскіе казаки отрубили голову; святой шесть верстъ несъ голову подъ мышкой до деревни Корбеклы, гдѣ и почилъ на вѣкъ (сообщ. А. Калачевымъ).

У Остяко-Самоѣдовъ на Оби есть преданіе, сообщенное намъ г. Григоровскимъ, что до прихода Русскихъ у рѣчки Подбельничной близъ села Новоильинскаго жили шаманы; тутъ былъ идолъ, серебряный младенецъ на серебряномъ блюдѣ. Онъ хранился въ обласкѣ (маленькой лодочкѣ) и былъ обернутъ берестою. Каждая женщина, родившая младенца, обязана была посѣтить это мѣсто и привезти идолу подарокъ. Здѣсь шаманы при звукѣ бубновъ раскрывали изъ-подъ бересты идола, показывали ему младенца и принимали отъ матери подарокъ идолу (ѣдза) и потомъ отпускали ее домой. Когда пришли Русскіе, шаманы порѣшили перенести идола въ болѣе скрытое мѣсто. Къ назначенному дню собралось множество окрестныхъ жителей; впереди въ большой лодкѣ поплыли шаманы, стуча въ бубны; въ серединѣ ихъ лодки стоялъ обласокъ съ идоломъ; сзади плыли въ лодкахъ другіе жители. Не извѣстно куда шаманы отвезли идола, но инородцы думаютъ, что они зарыли его на прежнемъ мѣстѣ у Подбельничной; это предположеніе они основываютъ на томъ, что родильницы и въ позднѣйшее время продолжали ѣздить къ мѣсту стараго пребыванія идола, а еслибъ идолъ былъ увезенъ, то онѣ ѣздили бы на новое мѣсто. Это мѣсто (около р. Подбельничной) и въ настоящее время считается священнымъ (здѣсь въ обрывѣ берега залегаютъ угли и обломки горшковъ съ узорами).

65. Ельджигень.

Усыновленіе чрезъ грудное молоко упоминается въ кабардинской сказкѣ объ Алауганѣ (въ ст. Острякова въ „Вѣстн. Европы“, 1879, августъ) и въ аварской сказкѣ „Морской конь“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, стр. 10). См. также въ ст. Грабовскаго „Бытъ жителей Ингушевск. округа“ (тотъ же Сборникъ, в. III, стр. 24), въ кабардинской сказкѣ (ibid., в. VI, отд. народ. сказаній, стр. 110), въ сказкѣ сѣверокавк. Татаръ-горцевъ (Матер. для описан. мѣстн. и плем. Кавказа, в. 1, стр. 9). О кавказскомъ обычаѣ кровниковъ сосать грудь матери убитаго съ цѣлю примиренія и усыновленія см. Сб. свѣд. о кавк. горц., в. III, ст. Эконом. бытъ жителей Ингушск. окр., стр. 20. У Русскихъ есть повѣрье о молочномъ братѣ Христа. Божья Матерь пла съ ребенкомъ степью; разбойники схватили ее и отвели въ плѣнъ; у главнаго разбойника былъ ребенокъ, который ревѣлъ и плакалъ до того, что чернѣлъ, какъ уголь. Мать ребенка спрашиваетъ Богородицу: „Отчего твой ребенокъ такой спокойный, смирный, а мой все реветъ? Не переѣднися ли и мой ребенокъ, если ты покормишь его своимъ молокомъ?“ Богородица исполнила ея просьбу, покормила дитя разбойника, и оно стало послѣ того спокойнѣе. Впослѣдствіи

разбойникъ отецъ умеръ; сынъ его, которому Богородица дала нѣсколько капель молока, выросъ и сталъ атаманомъ въ шайкѣ разбойниковъ, но въ теченіе всей его жизни капля молока Божьей Матери всегда удерживала его отъ слишкомъ большой жестокости. Этотъ разбойникъ, молочный братъ Христа, былъ впослѣдствіи на крестѣ рядомъ съ Христомъ и покаялся (запис. въ Бійск. окр. Томск. губ.). Хлѣбъ, замѣшанный на молокѣ матери, въ сербскомъ сказаніи о Змаѣ см. у Худякова, Матер. для изуч. нар. слов., стр. 25.

Вариантъ ж, если не перепутанъ, можетъ служить подтвержденіемъ высказаннаго въ „Очеркахъ“, II, прим. 105 и 120 къ гл. I и пр. 124 къ гл. V предположенія, что имена монгольскихъ божествъ Цаганъ-дарику и Ногонъ-дарику находятся въ связи съ сказаніемъ о первыхъ Киданьскихъ царяхъ. Къ числу приведенныхъ уже тамъ примѣровъ названій урочищъ можемъ еще привести одинъ: во времена Гулагу Монголы называли одну рѣчку въ Персиі, гдѣ зимовалъ ханъ, именемъ Tchagaton-Nagaton (Quatremere въ Collect. orient., t. I, p. 401).—По алтайски бузина: емегенъ-сюеги, „кость старухи“, или можетъ быть, „кость Емегена“, если подъ этимъ именемъ разумѣть собственное имя; ср. съ коющею костью нѣмецкихъ сказаній. Въ малорусскихъ вариантахъ дудка калиновая; калина по татарски боланъ или коро-боланъ. Не находится ли это названіе въ связи съ киргизскимъ сказаніемъ о Малинѣ, которая зарыла своего брата Коря (Оч., II, 148)? Разказъ о ханѣ съ ослиными ушами имѣетъ книжные варианты (см. Шиддикуръ, гл. XXII, въ Этн. Сборн., VI, стр. 94) и въ то же время является локализованнымъ въ сѣверо-западной Монголіи. Имя Ельджигень встрѣчается близъ Танпу-Олы какъ имя поколѣній; одно монгольское обитаетъ въ горахъ Ханъ-хухей, другое урянхайское въ долинѣ р. Хука (объ Ельджюкютахъ у Волжск. Калмыковъ см. П. Небольсинъ, Оч. быта Калм. Хошоут. ул., стр. 17). Рядомъ съ Урянхайцами Ельджигенами живетъ поколѣніе Джокду; близость этихъ именъ: Ельджигень и Джокду напоминаетъ сложное въ № 65 вар. б: Ельджигень-Джиктей. Въ Шиддикурѣ, гл. XXII, Этн. Сб., VI, стр. 94, имя хана съ ослиными ушами—Дайбангъ-хаганъ каракитайскій; въ алтайск. разказѣ, записанномъ Вербицкимъ (Томск. губ. вѣд., 1861, № 32), осель въ какой-то связи съ именемъ китайскаго народа: осель произошелъ изъ горы, сложенной Китайцами, а верблюды—изъ горы, сложенной Тибетцами. Ельджигень ср. съ остидкимъ ildakka, „медвѣдь“ (Castren, Wörterverz. aus d. Samoied. Spr., 203); это имя медвѣдя могло жить въ сѣверо-зап. Монголіи, когда ее населяли племена, родственныя Остякамъ, и осталось въ легендахъ послѣдующихъ насельниковъ; джигень, второй членъ въ имени Ельджигень, является съ другимъ окончаніемъ: джиктей, джикту, а также джигить. Всѣ эти формы встрѣчаются и въ названіяхъ поколѣній: Ельджигень, Джокду, Борджигить, Байджигить. Другое имя медвѣдя: аю, сохранилось въ краѣ (у Дюрбютовъ и Алтайцевъ) до настоящаго времени; отъ спаренія этого имени съ предыдущею формой образовалось Аю-джиктей-ханъ, которое въ дюрбютскомъ было осмыслено въ Аю-чиктей-ханъ, „ханъ съ медвѣжьими ушами“ (см. на стр. 283), въ родѣ аварскаго „Медвѣжье ухо“ (Сб. свѣд. о

кавк. горц., в. II, отд. V, стр. 16; A. Schiefner, Awarische Texten, S. 12), русского „Ивашко, Медвѣжи уши“ (Пермск. сборн., ч. II, с. 168). Въ монгольскомъ ельджигенъ получило значеніе осла; отсюда новое преобразование легенды; имя Ельджигенъ-джиктей-ханъ, которое живетъ еще у Урнихайцевъ, у Монголовъ перешло въ Ельджигенъ-чиктей-ханъ, „ханъ съ ослиными ушами“.

Мысль о временномъ, періодическомъ превращеніи человѣка въ звѣря, могла возникнуть на почвѣ шаманской вѣры въ искусство шамановъ обращаться во время камланья (которое обыкновенно совершается ночью) въ медвѣдя или звѣря. Не безъ вліянія на это повѣрье, были, можетъ быть, и наблюденія надъ ночнымъ свѣтиломъ; его фазы, въ которыхъ оно то уменьшается, то увеличивается, могли также истолковываться, какъ превращенія изъ одного вида въ другой. Ср. имена медвѣдя: азербидж. турк. ай, алтайск. айыгъ; имена луны: татарск. ай, чуваш. уйыгъ. Чаганъ или Паганъ, которое входитъ въ составъ именъ нѣкоторыхъ звѣздъ (см. стр. 137, 205), ср. съ чаганъ, у Черневыхъ Татаръ „звѣзда“ вообще. Не было ли это также именемъ луны?

Къ вар. е и ж. Киргизы Акмолл. обл. дикаго осла (Equus onager) зовутъ *альджиганъ*, то-есть, потерявшій разсудокъ (Словцовъ, въ Зап. сиб. отдѣла Геогр. Общ., кн. III, с. 113). Есть впрочемъ татарскій глаголъ *альджимекъ*, изнуряться, уставать, откуда причастіе *альджиганъ*, изнуренный, вышедшій изъ ума.

Къ вар. е. О выселеніи Китайцевъ на югъ изъ Сибири, испуганныхъ появленіемъ лѣса въ этой прежде будто бы голой странѣ, „понеже земля, какъ рогатая стала“, см. Миллеръ, Сиб. Ист., стр. 9.

66. Шидырванъ.

Молонъ-Тайджи, семилѣтній сынъ убитаго Тайсунгъ-хана, разсказываетъ Алтанъ-Тобчи (стр. 58),—былъ отвезенъ къ Мулихай-Унгу (у Сананъ-Сэцэна Мулихай-Онгъ, Schmidt, Gesch. Ost-Mong., 173); послѣдній возвелъ Милона на ханскій престолъ. Вельможи Мунезъ-хата и Буха (у Сананъ-Сэцэна одно лицо Ходобага), желая поссорить Мулихая съ ханомъ, оговорили перваго, будто онъ, подозрѣвая хана въ связи съ своею женой Самади (у Сананъ-Сэцэна Самантай), злоумышляетъ противъ хана, а потому совѣтывали ему предупредить врага и пойти на него съ войскомъ. Мулихай, увидѣвъ пыль, съ 300 воиновъ спрятался, а брата своего Монголь-дзаргучея отправилъ противъ Молонъ-хана; Молонъ былъ пойманъ и убитъ Мулихай-Унгомъ. У Сананъ-Сэцэна разсказывается ближе къ нашему № 13. Ходобага оговариваетъ Мулихай-Онга предъ ханомъ, а Мулихаю въ свою очередь сообщаетъ, что ханъ идетъ на него съ войскомъ и хочетъ, убивъ его, овладѣть его народомъ. Если сопоставить это сказаніе съ Шидырваномъ, то Мулихай-Унгъ будетъ соответствовать Шидырвану, Молонъ-ханъ—Еджень-хану и оговорищеи Мэнку-хата и Буха—Уй-джанджину или Сайнь-Нойону. Далѣе Алтанъ-Тобчи разсказываетъ, что по смерти Милона возведенъ на ханство младшій

братъ его Мандухули, который похороненъ въ мѣстности Магу-Ундуръ. На стр. 60 въ Алтанъ-Тобчи поясняется, что Молонъ-ханъ убитъ въ отмщеніе за то, что Богдо-эдзень и Хасаръ убили Бэктэра; это поясненіе представляетъ Мулихай-Унга врагомъ Богдо-Эдзена (то-есть, Чингисъ-хана)? Теперь Болотъ-Унгъ, сынъ хорчинскаго Шигустэй-багатура, хочетъ отмстить Мулихай-Унгу. Онъ нагоняетъ Мулихая и убиваетъ его семерыхъ братьевъ въ мѣстности Дологодунъ-тологой. Ср. съ Чингисъ-ханомъ, который убилъ одного изъ семерыхъ сыновей Мунлика; не образовалось ли Мулихай изъ Мунликъ черезъ выпаденіе н? См. примѣч. къ № 4. Мулихай послѣ гибели братьевъ бѣжалъ, скитался въ степи и умеръ. У Сананъ-Сэцэна отмщеніе за смерть Молонъ-хана выставляется дѣломъ Мандаголь-хана (Мандухули-хана); онъ посылаетъ противъ Мулихая Ünebolod Ong'a, который и убиваетъ Мулихая. У Болотъ-Унга, по Алтанъ-Тобчи, былъ младшій братъ Болго-ноянъ, который былъ спасенъ отъ избіенія женщиной Харакинъ-Тайбуцинъ (Харакинъ ср. съ вторымъ членомъ киргизскаго имени Медвѣдицы: Каракше). Онъ былъ сначала доставленъ къ Шигустей багатуру (то-есть, отцу своему?), а потомъ къ своему старшему брату Болотъ-Унгу, который и передалъ ему черное знамя (управленіе?); *ibid.*, стр. 53. По видимому, о томъ же Болго-ноянѣ разсказывается въ другомъ мѣстѣ (стр. 62), гдѣ онъ называется Баянь-Мунху-Болхо-джинангъ. Имя Баянь Мунху напоминаетъ Монкэбая у Рашидъ-Эддина (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, стр. 126.), Майка-бий у Киргизъ (Очерки, II, 149) и монгольскія созвучныя слова: *мунку*, *мунгынъ*, „вѣчный“, что напоминаетъ сказанія о не умирающемъ окончательно, а вѣчно возрождающемся мѣсяцѣ; *менгу*—серебро, металлъ одного цвѣта съ свѣтиломъ. Ср. у Хвольсона *Sinâ* „луна“, а также „серебро“ (Chwolsohn, Die Ssabier und d. Ssabismus, St. Pet. 1855, II, 156); *sahro*, „мѣсяцъ“, *sahrō* „серебро“ у алхимистовъ (*ibid.*, 656). Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 62) Мандухули является братомъ Болхо-джинана; исторія оклеветанія здѣсь вновь повторяется; гонимымъ является Болхо-джинангъ, котораго оговариваетъ Хонголи; у Сананъ-Сэцэна Хонгхолай, обвиняющій царевича въ томъ, что онъ живетъ съ ханскою женой Еке-Хабарту; когда Хонгхолай былъ казненъ ханомъ, съ тѣмъ же доносомъ является Исама-Тайджи. Изъ дальнѣйшаго хода разказа видно, что Исама Сананъ-Сэцэна тождественъ съ Измаиломъ Алтанъ-Тобчи. Слѣдовательно, Мандухули соответствуетъ Милону выше приведеннаго разказа, а Болхо—Мулихаю. Болхо убѣжалъ къ своей сестрѣ Богурунъ-гунджи, потомъ принужденъ былъ бѣжать отъ Ойратскаго Измаиль-тайджи, который отнялъ у него жену Шихэръ-тайху (стр. 63) или Шигуши-Шихэръ (стр. 62), дочь Шигустэя. Когда онъ скитался, жаждалъ и слѣзъ съ коня напиться кислаго молока, его узнала одна дѣвица, и Дзуншьебуты убили его. У Сананъ-Сэцэна разказапа другая исторія о Баянь-Монгке (стр. 165—169); здѣсь его гонителемъ является Есенъ-хаганъ ойродскій, котораго Сананъ-Сэцэнъ обыкновенно величаетъ повелителемъ сорока и четырехъ (ср. прим. 21 къ гл. I). Смерть Болхо напоминаетъ смерть Вана кирейскаго, который былъ убитъ Найманами въ то

ремя, какъ послѣ скитанія въ пустынѣ сошелъ съ коня напиться воды (Тр. Пек. Дух. мисси, IV, 99); мѣстность, гдѣ совершено было это убійство, названо въ Юаньчаомиши Дидиксаханъ; холмъ Ванъ-тологой, гдѣ будто бы арестованъ Шидырванъ, находится при подошвѣ горы, которую между прочимъ называютъ Бай-Ундуръ-Сыхылынь; это имя только послѣднимъ членомъ напоминаетъ мѣсто смерти Вана кирейскаго; первые же два члена Бай-Ундуръ ср. съ Мао-Ундуръ, гдѣ, по Юаньчаомиши (стр. 86—89), Ванъ кирейскій имѣлъ битву съ Чингисомъ, при чемъ и съ Магу-Ундуръ, былъ похороненъ Мандухули (Алт. Тобчи, стр. 60); не смѣшала ли Алтанъ-Тобчи мѣсто гибели Молона съ мѣстомъ погребенія Мандухули? Сходство въ содержаніи ведетъ къ заключенію, что въ записанныхъ нами вариантахъ о Шидырванѣ мы имѣемъ старую исторію о Мулиханѣ, Болхо или Молонѣ; если въ болѣе полномъ имени Мулиханъ-Унгъ послѣдній членъ соответствуетъ члену Ванъ (унгъ ср. съ торгоутскимъ онъ, то же, что халхасскій ванъ; Унгъ у Шмидта родоначальникъ Торгоутовъ), то первые члены Мулиханъ или Болхо являются формами еще болѣе сходными. У Абуль-фараджа Ванъ, ханъ кирейскій (Жуникъ въ Учен. Зап. Ак. Н. по I и II отд., т. II, стр. 761—764) названъ Malko Juchanap (Juchanap сирійская форма имени Іоаннъ). Въ Очеркахъ, II, 168—170, указаны варианты сказанія о Шидырванѣ, записанные Радловымъ и Шишмаревымъ; въ отчетѣ объ экспед. Бугинныхъ (Иркутск., 1871 г., стр. 66) сообщенъ еще вариантъ легенды о Шидырванѣ. Въ примѣчаніяхъ къ вып. II Очерковъ мы указали на сходныя черты въ сказаніи о борьбѣ Чингисхана съ Ваномъ кирейскимъ, а также въ китайскомъ лѣтописномъ разказѣ о Хели-ханѣ и измѣнѣ его вассала Сянъто. Изъ послѣдняго видно, что исторія объ измѣнѣ одного изъ монгольскихъ князей разказывалась въ Монголіи уже въ VII в. по Р. Х. Связь исторіи Вана кирейскаго съ Хели-ханомъ тукюэскимъ обнаруживается изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) изъ сходства въ содержаніи: Хелихану измѣняетъ одинъ изъ его вассаловъ; разбитый войсками Китайскаго императора, ханъ одинъ безъ войска ищетъ спасенія въ бѣгствѣ; 2) изъ сходства въ именахъ: Хелиханъ можно принять за испорченное китайскимъ произношеніемъ Кирейханъ, то-есть, ханъ Киреевъ; по смерти, говорится въ китайской лѣтописи, ему было даровано званіе вана; о Ванѣ также говорится, что ему званіе вана пожаловано Китайскимъ императоромъ (ср. № 64); милость эта дарована за усмиреніе мятежнаго предводителя Татаръ Султу-Мегуджинъ; не былъ ли это подвигъ въ родѣ усмиренія и доставленія ко двору Мангыса Ирипъ-Сайномъ (Оч., II, стр. 178) или Колду-бурхана Ергене-Мергеномъ (№ 132)? Другое имя Хели-хана было Дуби; оно напоминаетъ формы Тибъ-тангри, Туби-тангри, встрѣчающіяся въ легендѣ о Чингисханѣ (какъ имя одного шамана); впрочемъ у Абульфараджа самъ Темучинъ названъ Чингисъ-ханъ-Тубутъ-Тангри (М. Brosset, Hist. de la Georg., t. I, l. II, p. 485). Имя измѣнника Илихи, иначе Инанъ, напоминаетъ Эрке, брата Вана, который лишился послѣдняго престола, то-есть, совершилъ то же, что сдѣлалъ и Илихи. Наконецъ, 3) изъ поставленія исторіи Вана въ связь съ Инанчемъ

(то-есть, Инанемъ китайской лѣтописи) самими монгольскими и мусульманскими сказаніями о Ванѣ кирейскомъ (см. Оч., II, прим. стр. 51). Содержаніе сказанія о Ванѣ кирейскомъ въ общемъ сходно съ содержаніемъ сказанія о Шидырванѣ: Ванъ кирейскій составляетъ заговоръ противъ Чингиса; заговоръ этотъ выданъ Чингису, Ванъ бѣжалъ съ небольшимъ числомъ преданныхъ людей; несчастный герой въ обоихъ сказаніяхъ носитъ одно и то же имя; Ванъ кирейскій долженъ выслушивать упреки въ измѣнѣ; онъ былъ анда Чингиса, то-есть, другъ его. Измѣнники, выдавшие Вана, въ обоихъ разказахъ получаютъ званіе дарханъ.—Въ грузинской исторіи, написанной царевичемъ Вакуштомъ, исторія Ong-khan'a разказана слѣдующимъ образомъ: Темурчи былъ храбрый человекъ и ловкій стрѣлокъ; онъ поднесъ Онгъ-хану подарки; ханъ оцѣнилъ его доблести и приблизилъ къ себѣ; Темурчи усмирилъ всѣхъ противниковъ хана (не составлялъ ли одну изъ этихъ услугъ походъ Чингисхана на татарскаго предводителя Мэгуджинъ-Султу?). Почести, которыми за это ханъ осмыалъ Темурчи, возбудили зависть въ братѣ Онгъ-хана, по имени Outkin, и сынъ его Kolak'ъ или Koulak'ъ. Они оговорили Темурчи въ замыслахъ свергнуть хана. Онгъ-ханъ хотѣлъ убить Темурчи, но послѣдній, извѣщенный о томъ двумя лицами, бѣжалъ. Онгъ-ханъ погнался за нимъ и захватилъ его женъ и богатство; послѣднее было такъ велико, что войско едва двигалось; въ это время Темурчи напалъ на Онгъ-хана, и послѣдній былъ убитъ въ битвѣ (Brosset, Hist. de la Georg., t. I, l. II, p. 448). Въ другихъ разказахъ ссора произошла изъ-за отказа Вана отдать свою дочь (у Малья ея имя Serpetchou) замужъ за Чингиса (или его сына). Другой эпизодъ изъ жизни Чингисъ-хана—его борьба съ тангутскимъ царемъ, есть, по видимому, опять повтореніе той же исторіи. Измѣны нѣтъ, но, во первыхъ, имя тангутскаго царя Шидургу первою половиною напоминаетъ Шидырвана, во вторыхъ, въ Юаньчаомиши при немъ упоминается Ашаганъ-бо, что очень напоминаетъ брата Вана кирейскаго Джаханъбо; наконецъ, способность Шидургу къ превращеніямъ отчасти напоминаетъ чудесную природу Шидырвана. Разказъ о томъ, что Чингисъ-ханъ не можетъ убить Шидургу до тѣхъ поръ, пока самъ Шидургу не указываетъ ему на средство къ тому, напоминаетъ подобную же черту въ азіатскихъ сказкахъ, напр. у Радлова, Proben, IV, 66, 186, особенно 191; ср. также въ Юаньчаомиши, стр. 113. Сказаніе о Шидуръ-Тюльгунѣ нѣкоторыми чертами и сходствомъ перваго члена имени (Шидуръ и Шюдуръ) также напоминаетъ Шидургу (см. Оч., II, 84 прим. къ V гл.). Собаку, которая находится при Шидургу и своимъ лаемъ предсказываетъ общественную гибель, ср. съ средне-азіатскими повѣрьями о Б. Медвѣдицѣ, представляющими ее въ видѣ семи собакъ, освобожденіе съ цѣней и лай которыхъ предскажутъ кончину міра. Самое имя тангутскаго царя напоминаетъ имя Б. Медвѣдицы; послѣдняя на разныхъ татарскихъ нарѣчіяхъ называется Итыганъ, Джитыганъ, Жидиганъ и т. п.; это имя составлено изъ двухъ членовъ: джиты и ганъ; первый членъ имени Шидургу отличается отъ джиты только инициаломъ и приставкой въ концѣ р. Еще ближе къ имени Б. Медвѣдицы

имя Шидырвант; здѣсь второй членъ ганъ „царь“, замѣнено словомъ ванъ, по китайски „царь“, по монгольски „внзъ“. Съ приставкой р сходныя формы представляются въ именахъ: Итурганъ, личное имя въ Юаньчаомиши (стр. 97), Итурганъ у Рашидъ-Эддина (Тр. Вост. Отд. Арх. Общ., Т. XIII, стр. 144), Утаръ Карачи, поколѣніе у Киргизъ внутренней Букеевской орды (З. Имп. Р. Г. Общ., т. 2); ср. съ Джеты-каракше, киргизскимъ названіемъ Б. Медвѣдицы. Въ Юаньчаомиши тангутскій царь названъ Бурханъ; ср. съ послѣднимъ членомъ въ монгольскомъ названіи Б. Медвѣдицы Долонъ-бурханъ. Троекратную смерть Шидырвана ср. съ скандинавскимъ сказаніемъ о томъ, что Асы три раза сжигали гада-щизу изъ породы Вановъ за то, что она трижды лгала. Рашидъ-Эддинъ говоритъ, что настоящее имя Вана кирейскаго было Тогрулъ, и тутъ же поясняетъ, что Тогрулъ есть другое произношеніе имени Кунгрулъ; послѣднимъ именемъ будто бы называется птица, которую онъ описываетъ такимъ образомъ: „Никто ея не видалъ, но она извѣстна людямъ также, какъ на западѣ птица анка (въ Юаньчаомиши упоминается стрѣла анхуа, которою владѣетъ братъ Чингиса, Хасаръ [Тр. Пек. дух. миссіи, IV, 107]; вѣроятно, здѣсь слѣдуетъ разумѣть громовую стрѣлу); когти ея крѣпки, какъ сталь; однимъ налетомъ она убиваетъ до двухъ или до трехъсотъ другихъ птицъ; охотники-степняки имѣли случаи видѣть, какъ изъ воздуха падали сотни птицъ съ оторванными головами и крыльями и изломанными ногами, и догадывались, что это дѣло птицы кунгрулъ“ (Тр. восточ. Отд. Имп. Арх. Общ., ч. XIII, стр. 106). Это извѣстіе лѣтописи, что имя Вана было Тогрулъ или Кунгрулъ, вѣроятно, слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что Тогрулъ или Кунгрулъ было личнымъ именемъ въ отличіе отъ вана, которое было только титуломъ его, а въ смыслѣ мѣтологическаго синонима. Кунгрулъ ср. съ Кункеръ-ханъ (№ 69) и Кыпкери-кушъ (см. прим. къ № 69).

Намековъ на похищеніе дѣвицы или жены нѣтъ ни въ сказаніяхъ о Ванѣ кирейскомъ, ни въ сказаніи о Шидырванѣ; но они есть въ сходныхъ сказаніяхъ о Мулихаѣ и Болгоджинангѣ, а особенно въ исторіи борьбы Чингиса съ тибетскимъ царемъ Шидургу. Чингисъ, убивъ Шидургу, беретъ себѣ его жену Гурбельджинъ-гоа. Въ Очеркахъ, II, 157, мы помѣстили разказъ о Таинъ-Тирхинѣ, который увезъ жену у Чингисъ хана. По видимому, этотъ разказъ тотъ же, что и о тибетскомъ царѣ; онъ находится въ несомнѣнной связи съ разказомъ о борьбѣ Чингиса съ Таяномъ найманскимъ (см. прим. къ Тарханъ-бо). Разказъ кончается тѣмъ, что Чингисъ увозитъ жену Таяна, Гурбэсу, имя которой напоминаетъ Гурбельджинъ-гоа. Таянъ ср. съ Данинъ, однимъ изъ членовъ имени Тарханъ-бо. Шидургу названъ тангутскимъ или тибетскимъ царемъ; ср. съ Туби, Тибъ, Тубутъ, формами, которыя придавались шаману, являющемуся въ исторіи Чингисхана. Въ сказкѣ Барабинскихъ Татаръ (Radl., Prob., IV, 35) Идыге (ср. медвѣдь, монгол. ötogun, ötöge, ütege; бурятск. уменьшительное ötökoi; Schott, Altaische Studien, 281; у Радлова [Prob., I, 117] üdügä—замужняя женщина; по Кастрену, бурятск. otokoi, медвѣдица; въ уйгурскомъ atuk, aduk, „медвѣдь“, которое, по Шотту, перешло въ узбекскомъ

въ аіік и въ турецкомъ въ аіи, ай; ibid., 282) найденнымъ служить у хана Тохтамыша (Тохтамышъ ср. съ Тохта-беки, именемъ одного изъ противниковъ Чингисъ-хана); Идыге ловить для хана дичь и играетъ на балалайкѣ; жены Тохтамыша замѣчаютъ, что при входѣ Идыге въ юрту ханъ нечувствительно для себя встаетъ съ трона; извѣщенный объ этомъ, ханъ убѣждается потомъ и самъ въ этомъ невольномъ отдаваніи почести своему слугѣ, спрашиваетъ о причинѣ того у одного свѣдущаго человѣка и узнаетъ, что Идыге займетъ его тронъ. Тохтамышъ задумываетъ погубить Идыге; у дверей юрты съ вѣшной стороны ждутъ убійцы въ то время, какъ Идыге сидитъ въ юртѣ и играетъ на балалайкѣ. У Идыге находится тайный благодѣтель въ лицѣ Цанпая, который готовилъ кумысъ для Тохтамыша; Цанпай дѣлаетъ знаки Идыге; послѣдній угадываетъ ихъ значеніе и исчезаетъ изъ юрты, въ пѣмецкомъ текстѣ черезъ Filzdach (войлочную кровлю), въ татарскомъ: унунг тебезинан, то-есть, черезъ вершину дугъ, которыя образуютъ сводъ юрты. Цанпай посланъ за нимъ въ погоню; онъ догоняетъ Идыге тогда только, когда тотъ уже находится на другомъ берегу рѣки. Стоя на берегу, Цанпай держитъ рѣчь къ Идыге, которая напоминаетъ упреки Чингисъ-хана къ Вану кирейскому и Китайскаго императора Хели-хану (ср. также въ нашей былинѣ разговоръ Ильи Муромца съ каликой Иванищемъ; Орестъ Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 748). На дальнѣйшемъ своемъ пути Идыге встрѣчаетъ русскаго богатыря Анисима (въ татарскомъ текстѣ: Орыс падыр Анисым), убиваетъ его и захватываетъ его беременную жену, дочь хана Сатъ-темира, насильно увезенную Анисимомъ. (Указаніе въ Очерк., II, 128, прим. къ гл. II, на Идыгынъ-Тюмура не свидѣтельствуетъ ли, что сходный вариантъ живетъ въ устахъ народа въ восточной части Киргизской степи?). Идыге возвращаетъ дочь отцу, и тотъ отдаетъ ее за него замужъ. Отъ нея родится сынъ Мырадылъ, который нападаетъ на Тохтамыша; Тохтамышъ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ; утомленный въ дорогѣ, онъ спускается воалѣ одной юрты съ лошади, чтобы выпить кислаго молока; въ это время Мырадылъ догоняетъ его и убиваетъ. Эта сказка содержитъ въ себѣ нѣкоторыя сходныя черты съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Ванѣ кирейскомъ, который будетъ соответствовать Тохтамышу барабинской сказки. Служебныя отношенія Чингисхана къ Вану сближаютъ его съ Идыге; невольно возникаетъ вопросъ: не былъ ли этотъ эпизодъ о Чингисѣ и Ванѣ просто монгольской былинной, разказывавшей о Чингисѣ (по нѣкоторымъ сказаніямъ, подобно Идыге, найденномъ ребенкомъ въ степи), что онъ находился на службѣ у Ванъ-хана (подобно тому, какъ Идыге у Тохтамыша), и что ему, какъ и Идыге, было предопредѣлено занять престолъ послѣдняго, о чемъ заблаговременно стало извѣстно хану? Ванъ-ханъ хочетъ отдѣлаться отъ Чингиса; въ лѣтописныхъ сказаніяхъ это желаніе Ванъ-хана ничѣмъ не мотивировано—вѣроятно потому, что истинные мотивы, какъ чисто мѣтологическіе, редакціей лѣтописи были опущены; Ванъ составляетъ какой-то планъ, который однако выдаютъ два конюха, подслушавшіе разговоръ въ то время, какъ вносили въ юрту кобылье молоко (что напоминаетъ Цанпая); они пред-

упреждают Чингиса, который двигается против Вана съ войскомъ. Ванъ спасается бѣгствомъ, странствуетъ одинокій въ пустынь, подобно Тохтамышу, и наконецъ убить въ то время, какъ спустился съ лошади къ рѣкѣ, чтобъ утолить свою жажду. Ср. въ Труд. этногр. эксп. въ Зап.-русскій край, II, 337 (въ сказкѣ о Тромъ сынѣ); у Weil'я Bibl. Legend. d. Muselmänner, 1845 г., S. 50: юноша Каддаръ убиваетъ чудеснаго, рожденнаго скалой, верблюда въ то время, какъ онъ пилъ. Верблюдъ (по монгольски теме) поднялся на небо; изъ земли вышелъ огонь и сжегъ все племя Тамудовъ, изъ котораго вышелъ убійца верблюда; ср. также съ повѣрьемъ о тажа, стр. 184. Въ Магабаратѣ демонъ Раһи выпилъ воду безсмертія, предназначенную богамъ; солнце и луна, видѣвши это, извѣстили Вишну, который и отрубилъ демону голову. Но голова, ставъ безсмертною, преслѣдуетъ свѣтила (Pictet, Orig. indo-europ., II, 584). Имена при непосредственномъ сближеніи этихъ двухъ сказаній объ Идыге и Ванѣ не сходны; Тохтамышу соответствуетъ Ванъ, Идыгею—Чингисъ. Но если привлечь къ сравненію сказаніе о Шидырванѣ, то и въ именахъ можно найти сходство. Въ сказаніяхъ о Шидырванѣ не его противникъ (Едзень-ханъ, который, можетъ быть, стоитъ тутъ вмѣсто Чингисъ-хана), а Шидырванъ (или просто Ванъ) представляется гонимымъ: такимъ образомъ роли переменяются, и Идыге будетъ совпадать не съ Чингисомъ, а съ Шидырваномъ или Ваномъ. Имя Идыге близко къ Итыганъ, татарскому названію Б. Медвѣдницы. Родство барабинской сказки съ сказаніемъ о Ванѣ кирейскомъ скрывается также въ эпизодѣ о богатырѣ Анысимѣ. Имя Анысимъ ср. съ Онъ-ханомъ или Онъ-Сомомъ сибирскихъ лѣтописей (Миллеръ, Сиб. Исторія, 30—32); по одному сказанію, онъ убить простымъ Татаринномъ Чингіемъ; въ честь послѣдняго потомъ названъ городъ Чингидинъ или Тюмень; по другому, Онъ-сомъ убить Тюменскимъ княземъ Чингіемъ (Тюмень ср. съ Темучинъ); на стр. 32 у Миллера Чингій сибирскихъ сказаній сопоставленъ съ монгольскимъ Чингисъ-ханомъ. Здѣсь присвоенія жены противника нѣтъ; но у Жербилона сохранено преданіе, отнесенное имъ, впрочемъ, къ XVII вѣку: Сенге захватилъ жену Ончона, когда тотъ былъ на войнѣ, и потомъ убилъ его (Позднѣвъ, Монг. лѣтопись, стр. 170). Г. Березинъ сблизилъ сибирское лѣтописное извѣстіе съ исторіей Вана кирейскаго, то-есть, онъ видитъ въ Онъ-Сомѣ Ванъ-хана, а въ Чингисѣ—Чингисъ-хана. Вѣроятно, этотъ отрывокъ попалъ въ лѣтопись изъ какого-нибудь татарскаго варіанта сказки объ Идыге, которая, можетъ быть, разказывалась иначе; именно Онъ-Сомъ или Анысимъ занималъ мѣсто Тохтамыша; онъ похитилъ царскую дочь, а Идыге ѣздилъ ее выручать. Впослѣдствіи имя Тохтамыша, ставшее громкимъ въ западныхъ степяхъ Азіи, вытѣснило Онъ-Сому. Если Анысимъ дѣйствительно то же самое, что Онъ-Сомъ, то убійца его Идыге будетъ соответствовать простому Татарину Чингію, въ которомъ г. Березинъ, какъ сказано, видитъ Чингисъ-хана.

Въ киргизской сказкѣ Козу-Курпешъ уноситъ красавицу Баянъ-Суду въ дымовое отверстіе (Radloff, Proben, III, 238); Курпешъ ср. съ Гурбесу и Гурбельджинъ-Гоа. Въ чеченской сказкѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. IV,

въ ст. Попова „Ичкерія“, стр. 9—10) Кусай похитилъ невѣсту у Бухарца Ахмата и бѣжалъ съ нею въ аулъ Нашаха (въ Чечнѣ); здѣсь онъ встрѣтилъ своего стараго друга Мааша и поселился подлѣ него; живя съ нимъ въ дружбѣ, Кусай предложилъ ему породниться, имѣя въ виду беременность женъ своей и своего пріятеля. То же самое дѣлаютъ и въ киргизской сказкѣ Сарыбай и Карабай; у перваго родится дочь Баянъ-Суду, у втораго—сынъ Козу-Курпешъ; этотъ же мотивъ находится въ другой киргизской сказкѣ о двухъ преслѣдуемыхъ юношахъ (см. стр. 813). Кромѣ того, ср. съ осетинскою сказкой (у Всев. Миллера, Осет. этюды, I, 150), гдѣ выѣзжаютъ на охоту Кабардинецъ и Балкарецъ, мѣются подобно Сарыбаю и Карыбаю въ одну оленью самку, но о договорѣ поженить дѣтей не говорится. Кусай и Маашъ заключили условіе: если новорожденные будутъ мальчики, то пусть будутъ братья, если дѣвочки, то сестры, а если разныхъ половъ, то женихъ и невѣста. У Кусая родится сынъ Мулку, у Мааша дочь Яга. Между тѣмъ, Бухарецъ Ахматъ, ища Кусая, прибылъ въ Нашахъ и тайно убилъ его. Хузейматъ, мать Мулку, возвратилась тогда съ сыномъ къ братьямъ своимъ въ Бухару; ребенокъ ея съ раннихъ лѣтъ началъ обнаруживать свои необыкновенныя качества: нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду онъ уже твердо ходилъ и т. под. Живя въ Бухарѣ до 15 лѣтъ, онъ велъ себя дурно, не оказывалъ уваженія къ старшимъ, такъ что бухарскіе старшины рѣшили удалить его изъ своей среды. Они берутъ мальчика и его мать и вновь отвозятъ въ Ичкерію, на Кавказъ. Здѣсь мать посылаетъ сына въ Нашахъ, къ Маашу, просить свою суженую, его дочь, и Маашъ отдаетъ ее. И теперь указываютъ на развалины саали, извѣстныя подъ именемъ Мулкунъ-мэтыкъ, то-есть, Мулкуево мѣсто. Сравнивая эту сказку съ киргизскою о Козу-Курпешѣ находимъ въ ней общія черты: договоръ отцовъ о женитьбѣ дѣтей, которые находятся еще въ утробѣ матерей, похищеніе невѣсты, укрыванье въ скрытномъ мѣстѣ; преслѣдованіе похитителя соперникомъ и смерть отъ него; только то, что приписано въ киргизской сказкѣ одному Козу-Курпешу, здѣсь распределено между двумя лицами: Кусаемъ и Мулку. Кусай ср. съ киргизскимъ Козу, имени Курпешъ въ чеченской сказкѣ нѣтъ; вмѣсто того Мулку. Въ чеченской сказкѣ недостаетъ эпизода объ охотѣ за оленемъ. Онъ находится въ осетинской сказкѣ о Балкарцѣ; не стоитъ ли тутъ Балкарецъ вмѣсто Мулку? Въ кабардинскихъ сказаніяхъ о нартахъ есть Малхъ; о немъ упоминаетъ Ногмовъ въ своей „Исторіи Адых. народа“, стр. 47, но сказанія о немъ до сихъ поръ, кажется, никѣмъ не записаны. Подъ именемъ Балкарцевъ разумѣютъ иногда Татаръ-горцевъ сѣвернаго Кавказа, обитающихъ около Ельбруса; въ дѣйствительности Балкаръ есть имя только одного изъ обществъ этихъ горцевъ, тогда какъ другія общества носятъ имена Урусбій, Чегемъ и др. Варіанты о Козу-Курпешѣ близко подходятъ къ Казани; ихъ разказываютъ, или по крайней мѣрѣ, разказывали Башкиры. Не было ли и здѣсь варіантовъ съ именемъ Мулку? Въ Поволжьѣ мы встрѣчаемъ имя города Болгаръ, напоминающее сѣверно-кавказское Балкаръ. Кромѣ того, здѣсь появляется легендарное имя Милимъ-хузя, Мулла-хазей или Батынъ-гусъ; вторые члены

ср. съ Кусай чеченской сказки и Козу киргизской, а первые Мулла или Балынъ—съ Мулку? И въ монгольскихъ сказаніяхъ, какъ мы видѣли, рядомъ съ Мулихай и какъ бы замѣщая его, является имя Молонъ. Въ киргизской степи на р. Сарысу есть древняя могила Буланъ-ана и близъ нея другая Беленъ-ана; послѣдняя приставка ана значить „мать“, что указываетъ на какое-то мѣологическое значеніе этихъ именъ, въ родѣ черемисскаго божества Мелендѣва, „мать-земля“, Мюллендѣ-авя, Мландѣ-аба (Кузнецовъ, Сюрѣмъ, стр. 52; Золотницкій, Невид. мѣръ, стр. 22; Этногр. Сборн., IV, 210). Мулку ср. также съ черемисскимъ Кудурго-Волгендѣ; такъ называется божество грома; первый членъ этого имени есть собственно божество грома, второй—божество молніи. Въ бурятскихъ сказаніяхъ мы встрѣчаемъ имя Исыгы-Молонъ-Тэнгри (см. № 53). Соперникъ киргизскаго Козу-Курпеша, соответствующаго чеченскому Мулку, называется Кодоръ-би. Не были ли имена Мулку и Курпешъ мѣологическіе синонимы, вслѣдствіе чего въ однихъ мѣстахъ укоренились легенды съ первымъ именемъ, въ другихъ—тѣ же легенды съ другимъ? Ср. Булагачинъ и Керемучинъ, которыя часто встрѣчаются рядомъ (19 прим. къ I гл.). Между именами звѣрей встрѣчаемъ: булыганъ, булганъ, булыгъ—соболь по монгольски; малимъ (ср. Милимъ-хузи) на языкѣ Тобол. Татаръ, степная кошка Felis manul (тоже, что по киргизски малинъ); балагъ по вотяцки рысь; ралагъ на куманскомъ языкѣ—леопардъ (Cod Sman; ср. рлоп, огненный змѣй у Лужичанъ, Аванас., Поэт. Возвр., II, 555). Не лишнее указать здѣсь на киргизское повѣрье объ окраскѣ кошки малина (См. Оч., II, 148), которое въ свою очередь напоминаетъ алтайское повѣрье о бурндукѣ (корюкѣ), бичеванномъ отъ бога.

Общее заключеніе изъ этихъ сопоставленій можетъ быть такое: Всѣ разказы о Ванѣ кирейскомъ, погибшемъ отъ руки Чингисъ-хана, о Хелиханѣ, по смерти названномъ Ваномъ и погибшемъ во враждѣ съ Китайскимъ императоромъ (Едзень-ханомъ?), о Шидырванѣ, казненномъ Едзень-ханомъ, о сибирскомъ Онъ-Сомѣ, убитомъ рукой Татарины Чингиса, а также о Мулихай-Онѣ и Болго-джинонѣ, относятся къ одной мѣической личности. Имя Шидырванъ распадается на двѣ части, и страстотерпецъ, который разумѣется подъ этимъ именемъ, въ другихъ вариантахъ могъ являться только съ одною половиною имени; вотъ, можетъ быть, почему и появляются легенды, то о Ванѣ, то о Джада-нонѣ. Рашидъ-Эддинъ упоминаетъ (Зап. Археол. Общ. XIV, 99) какія-то „запрещенныя рожи Вана“; не были ли это мѣста поклоненія Вану, какія-нибудь таишаны? Средне-азиатскія племена, двигавшіяся на западъ, должны были занести эти сказанія въ Поволжье, въ южную Россію, на Кавказъ и на Балканскій полуостровъ. Разность этотъ могъ начаться давно; если нашъ взглядъ на исторію Хели-хана правиленъ, легенда о Ванѣ жила уже въ VII вѣкѣ въ центральной Азіи, то-есть, за 200 лѣтъ до призванія Варяговъ Русью (если китайская запись современна событіямъ). Средне-вѣковыя сказанія иногда сливали личность Вана кирейскаго съ пресвитеромъ Іоанномъ; по мнѣнію ученыхъ, поводомъ къ этому слиянію послужило только сходство именъ Іоаннъ и Ванъ; но едва ли роль не болѣе важную при этомъ

играли и легенды. Пресвитеръ Іоаннъ является въ западныхъ сказаніяхъ подъ формами: Presbyter Iohannes, Padescha prestegiani, Prester chan, Pres-tus Iohannes, Prebstre Jehan, Prestre Iohan, Preste Guan. Оппертъ приводитъ догадку ученаго Hyde, что Presbyter Iohannes могло возникнуть изъ невѣрно разслышанныхъ Phristoa и chan; такимъ образомъ Presbyter Iohannes могло звучать, какъ Pristoa-han (Pesb. Iohannes, S. 10). Фириштъ въ произношеніи Казанск. Татаръ пярштя, у Киргизъ пәристъ, „ангелъ“. Гаммеръ Пургштадтъ говоритъ, что Owang-chan, благодаря средне-вѣковымъ миссіонерамъ, не меньшую извѣстность получилъ подъ именемъ пресвитера Іоанна, какъ въ древнее мѣологическое время der Fisch Oannes als Gesetzgeber an der Küste des rothen Meeres. У Бероза эта рыба называется Одаконъ; она явилась изъ Чермнаго моря при Вавилонскомъ царѣ Едоранхѣ, который былъ седьмой между допотопными царями (Schwolsohn, Die Ssabier, II, 300—301). Въ западныхъ легендахъ Ванъ кирейскій иногда называется Давидомъ; иногда Давидъ причитается внукомъ Ванъ-хану, иногда самъ Чингисъ-ханъ выдается за Іоаннова внука (Ученныя Зап. Ак. Н. по I и II отд., т. II, стр. 761—764). Имя Давидъ Оппертъ объясняетъ формой Тубутъ, которая встрѣчается въ сказаніи о Чингисханѣ (смотри прим. къ № 64). Чавудъ на пѣкоторыхъ кавказскихъ нарѣчіяхъ, Чуфутъ на языкѣ Крымскихъ Татаръ, произносится вмѣсто Жидъ.—Въ вар. а, б, д и другихъ рядомъ съ Шидырваномъ стоитъ имя Амурсана (по произношенію Таранчей въ Кульдѣ Умрисена). Другая рядомъ форма Темиръ-сана какъ бы повтореніе той же самой. Можетъ быть, эти формы не обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно позднѣйшему герою монгольской исторіи, джунгарскому князю Амурсанѣ, а уже находились въ древнихъ сказаніяхъ. Сана ср. съ формою Шоно, которая часто встрѣчается въ сказаніяхъ.

Къ вар. г и н. Въ обоихъ этихъ вариантахъ указывается на заключеніе побратимства между Шидырваномъ и Амурсаной (№ 4) или между Шидырваномъ и Сайнъ-Нойномъ (№ 16). Легенда о клятвопреступленіи, вѣроятно, находится въ связи съ повѣрьюми сибирскихъ инородцевъ о медвѣдѣ, какъ представителѣ справедливости, блюстителѣ за исполненіемъ клятвъ и карателѣ за ихъ несоблюденіе. Ср. съ сказаніемъ о Дукланѣ (Безсоповъ, Кал. перек., в. III, № 136). Монгольское имя ванъ, „князь“, произносится: ванъ у Халхасцевъ, онъ у Тарбагатайскихъ Торгоутовъ, уанъ по хотогойтски; нѣкоторые Дюрбюты произносятъ это слово ун. Къ этимъ версиямъ слѣдуетъ присоединить убанъ и манъ, какъ Алтайцами и Бурятами произносятся второй членъ имени Шидырванъ: Шидыр-Убанъ и Шудурманъ. Нѣкоторыя изъ этихъ версій близки къ именамъ звѣрей; убанъ напоминаетъ алтайское аба, медвѣдъ, чувашское оба, медвѣдъ; самоѣдское уанъ и ванъ—собака (Этн. Сборн., IV, 52), монгольское манъ—кошка особой породы. (Felis manul). У Палласа вмѣсто самоѣдскаго уанъ стоитъ иеп, wen, иепоекое, weneku (Zoogr., I, 57); buang у Тавгинцевъ (Zoogr., ibid). Эта форма распространяется на югъ до Саяновъ, гдѣ находимъ meang у Койбаловъ,

„собака“ (Pall., Soogr., I, 57), *mingei*, лисица у Койбаловъ (Pallas, Soogr., I, 46); у Кастрена самоѣдскія имена для собаки: *wueno*, *wueng*, *bang*, *уменьш.* *wuenuko*, *wueniko* (Wörterverz. a. d. Samoied., 237). Такимъ образомъ носовой звукъ появляется и въ звѣриныхъ именахъ, какъ онъ замѣчается и въ версияхъ слова *ванъ* (*ум*, Мулихай-Унге или Мулихай-Онгъ). Кроме того, въ татарскомъ мы находимъ *ангъ*, животное вообще, въ частности иногда олень. Въ алтайскомъ *пунгъ* „каменный козель“ *Aegoceros sibiricus* (онъ же называется и *джунгма*). Въ Монголии этому имени, вѣроятно, обязаны своимъ происхожденіемъ такіа названія горъ, какъ *Пунгъ*, *Бунгъ*, *Бунхонту*. *Bangus*—имя божества земли у Енисейскихъ Остяковъ и также мамонтъ, по мнѣнію Кастрена (Vorlesungen üb. die Finn. Mythologie, S. 228). И такъ, мы имѣемъ въ звѣриныхъ именахъ формы: *уанъ*, *ванъ*, *манъ*, *ангъ*, *buang*, *meang*, *пунгъ*. Что одна изъ этихъ формъ могла получить значеніе княжескаго титула, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если только она придавалась сильному звѣрю въ родѣ медвѣдя. Въ тюрко-татарскихъ нарѣчіяхъ для обозначенія княжескаго званія существуютъ формы: *пегъ*, *бегъ*, *бей*, *бигъ*, *бий*, *ли*, съ которыми, говоритъ Вамбери, въ тѣсной связи стоитъ тюрко-тат. *бай*, *бой*, *бий*, „богатый“ (Vambergy, Die primit. Cultur d. türccotat. Volkes, S. 137). О Палладіи приводилъ форму *бегъ* въ связь съ монгольской *бѣ* или *бугъ*, „шаманъ“ и „старшина“ (Труд. Пек. дух. мис., IV, 228). Въ тюркскихъ языкахъ, по Вамбери, для выраженія о шаманѣ были формы: *багъ*, *бай*, *бѣй* (I. с., 246). У Киргизъ форма *бай*, „богатый“, употребляется также, какъ званіе хозяина (ср. съ обычаемъ нашихъ сѣверныхъ крестьянъ называть медвѣдя „хозяиномъ“) и входитъ въ составъ личныхъ именъ, какъ окончаніе, напримѣръ, *Кашкарбай*; въ половецкихъ именахъ вмѣсто *бай* является *опа* или *оба*, напримѣръ, *Алтынопа*, *Кулоба* (Карамз., II, прим. 200, 203, 350; III, прим. 60, 70). Въ якутскомъ *убай*, дядя, младшій братъ отца; вообще всѣ младшіе мужчины отъ отца (Порядинъ, Як. Слов., рук.). Въ алтайскомъ существуютъ формы: *Бай-Ульгень*, „богатый Ульгень“ и *Ульгень-ли* „Ульгень-князь“ (Вост. Обзор., 1882 г., № 7, гдѣ стоитъ *Ульгень-ри*, очевидно, вслѣдствіе опечатки). Въ тунгусскомъ *богатый мырга*; *тигръ мырга-мафа*, „богатый дѣдъ“; едва ли тутъ *мырга*—эпитетъ.

Къ вар. 2. Обрядъ, который совершилъ Шидырванъ при заключеніи договора съ князьями, напоминаетъ западные обряды при заключеніи брачннства. О Скифахъ см. въ Лѣтоп. русск. лит., изд. Тихонравова, в. I, 130. У Малея *Samocho* устраиваетъ заговоръ противъ Чингисхана; заговорщики клялись, ломая рѣчной берегъ (см. выше, стр. 827). У Мирхонда заговорщики убили лошадь, быка, овцу и собаку и сказали: „Если мы измѣнимъ, то да будемъ также убиты“. (Oppert, Pesb. Iohannes, S. 105). Легенды о заговорѣ *Samocho* или *Джамуки*, вѣроятно, варианты заговора *Вана*. Заговоръ по *Малею* выдаетъ Темучину женщина *Saour*, которая прежде жила у Темучина, а потомъ была замужемъ за однимъ изъ заговорщиковъ.

Къ вар. 3. Здѣсь Шидырванъ сливается съ Шоно-батыремъ (шоно, монг. „волкъ“), и разказъ представляетъ вариантъ извѣстныхъ сказаній о

Шоно изъ сборника Радлова (который г. Стасовъ сближалъ съ нашею былинной объ Ильѣ Муромцѣ; кстати замѣтить, что въ былинахъ объ этомъ богатырѣ иногда является калика Иванище). Отсѣченіе пальца вошло въ разказъ изъ повѣрій о медвѣдѣ и суркѣ (см. стр. 179). Старуха, напускающая моръ, встрѣчается также въ сказаніи о братѣ Чингиса, *Хасарѣ* (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mongol). Если поставить рядомъ два варианта *и 1*, то нельзя не увидѣть нѣкотораго сходства монгольскаго сказанія съ нашими книжными сказаніемъ объ *Акирѣ* премудромъ. Вар. № 11 разказываетъ о хитрости, употребленной врагами Шидырвана съ цѣлью погубить его; Шидырванъ здѣсь является, какъ *Акирь*, другомъ и совѣтителемъ царя; враги Шидырвана пишутъ подложныя письма, которыми дѣлаютъ друзей врагами. Въ вар. 4 Шидурманъ является изгнанникомъ изъ царства, вновь призываемымъ для спасенія отечества отъ враговъ, посредствомъ рѣшенія загадки, какъ и въ сказаніи объ *Акирѣ*. Поднятіе Шидырвана на воздухъ въ вар. 6 ср. съ лѣтаніемъ *Акира* на *Ногъ-птицахъ*.

Къ вар. 1. Шидырванъ носитъ еще другое имя *Шоголдыпъ*; ср. *Галданъ* въ сказаніяхъ о Шоно.

Къ вар. 3 и 4. Эпизодъ о богатырѣ *Гульдзѣ-Токчи* ср. съ мѣстомъ въ *Алтанъ-Тобчи*, стр. 72, о богатырѣ *Санинъ-Тулэгэнѣ*, который надѣвается на себя шлемъ *Бегерсена*.

Къ вар. 5. Оппертъ въ своей книгѣ: *Presbyter Iohannes in Sage und Geschichte*, Berlin, 1864, приводитъ разказъ *Абульфеда* о царствѣ *Paras* и *Туркахъ-Кафирахъ* (*Turku el kuffaru*). *Турки-Кафиры* напали на царство *Парасъ*, опустошили его и ушли не извѣстно куда. Разгнѣванный царь *Парасскій* отправляется за ними въ погоню; одинъ изъ среды враговъ берется провести его чрезъ пустыню, въ которой нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни; запасы, взятые съ мѣста, истреблены, а цѣль еще не достигнута; вожакъ говоритъ, что онъ заблудился; царь велитъ отрубить ему голову; ища выхода изъ пустыни, войско достигаетъ до страны, гдѣ живутъ *Жида*; они сказали *Парасскому* царю, что они союзники *Турковъ*, и что дурное замышляетъ противъ послѣднихъ, тотъ дурное дѣлаетъ и для нихъ. *Парасскій* царь сказалъ имъ, что если они не продадутъ ему припасовъ и не укажутъ дороги къ *Туркамъ*, то онъ отмститъ это на *Жидахъ*, которые живутъ въ его царствѣ; *Жида* приняли его и содержали въ довольствѣ въ теченіе 15 дней, а между тѣмъ дали знать *Туркамъ*. Эти стали въ горныхъ проходахъ, дали сраженіе *Парасскому* войску, многихъ убили, и *Paras* бѣжалъ въ числѣ немногихъ лицъ. Изъ работы Опперта вытекаетъ, съ одной стороны, тожество *Turku el kuffaru* *Абульфеда*, *Karher Togok* *Абулфараджа* съ подданными *Іоанна Пресвитера*, съ другой—тожество *Жида* *Абульфеда* и десяти колѣнъ еврейскихъ письма *Іоанна Пресвитера* съ *Татарами Vincentius'a Bellovasontis*, данниками короля *Давида*, сына пресвитера *Іоанна*, *Татарами Рубруквиса*, сосѣдями *Унвана*, и *Татарами Жуанвиля*; во всѣхъ трехъ послѣднихъ сочиненіяхъ *Чингисъ* является предводителемъ *Татаръ*, которые избираютъ его для сверженія иа пресвитера *Іоанна* или его сына (*Pres-*

byter Iohannes, S. 22, 59, 66 и 74); ср. съ сказаннымъ въ прим. 23 къ гл. I о именахъ поколѣній Джеты и Додо. Подъ этими и сходными имъ формами въ сказаніяхъ дальней Азии едва ли всегда слѣдуетъ разумѣть имя народа; иногда подъ ними, кажется, скрываются темныя, враждебныя силы, отъ которыхъ гибнетъ свѣтлый богъ. Примѣры такого замѣщенія формъ жид и тат встрѣчаются и на западѣ. У Мангардта приводится дѣтская пѣсенка (№ 22):

Majkäfer, fliej uff!
mah dinre mueder d'schür uff!
d'Judde kumme,
d'Heide kumme,
welle mit dir reche,
welle dich und dine kind zsamme zu dod steche.

Въ другомъ вариантѣ (№ 24) вм. Jude стоитъ Tattre. Въ третьемъ (№ 11) вмѣсто Жидовъ стоитъ „семь“:

Herrgottsschäpfchen, Flienwäppchen (Coccinella)!
dein Töpfchen kocht,
dein Kindelen ureischt,
da kommen ihr sieben mit Spiessen,
Wollen dich erschiessen...
(Mannhardt, Germ. Myth., 349, 352, 353).

Приводимъ для сравненія съ сказаніемъ о Ванѣ албанскую легенду о монастырѣ св. Іоанна (Jon по албански; Hahn, Albanesische Studien, Jena, 1854, S. 83—84): Іоаннъ, построившій этотъ монастырь, назывался Владимірскимъ будто бы потому, что родился въ городѣ Владимірѣ; онъ велъ набожную жизнь и занимался охотой, такъ какъ страна была тогда дикою; однажды онъ преслѣдовалъ державшаго въ когтяхъ крестъ бѣлаго сокола до тѣхъ поръ, пока тотъ не уронилъ креста; тамъ гдѣ послѣдній упалъ, Іоаннъ построилъ церковь. Жена, съ которою онъ жилъ въ дѣвственномъ бракѣ, желавшая другой любви, пожаловалась своему брату; тотъ хотѣлъ убить Іоанна, но мечъ не могъ взять его; Іоаннъ подаль свой мечъ, и тотъ отрубилъ ему голову; Іоаннъ взялъ свою голову въ руки и отвезъ ее самъ въ свою любимую церковь. Франки хотѣли вывезти его останки на чужбину и спустили гробницу съ ними въ рѣку, но гробница поплыла не внизъ, а вверхъ по рѣкѣ и остановилась противъ церкви, изъ которой была взята. По другому сказанію, Іоаннъ или Владиміръ былъ царь далматинскій, сынъ одного изъ трехъ братьевъ, сыновей царя Chualimir'a. При Владимірѣ на Далматію напалъ Болгарскій царь Самуилъ; Владиміръ со своимъ народомъ удалился на Mons obliquus (въ Черную гору, думаетъ Ганъ). Видя неприступность его убѣжища, царь отступилъ, оставивъ при подножьи горы часть войска. Между тѣмъ жупанъ этой горы (mons obliquus) сталъ сноситься съ

царемъ; Владиміръ поспѣшилъ предупредить его и отдался въ руки царя. Въ пѣвника влюбилась Cossaga, дочь царя; царь отдалъ дочь за него и далъ ему въ управленіе область. Затѣмъ царь умеръ; его наслѣдникъ былъ убитъ хитростью на охотѣ, по наущенію Константинопольскаго императора, своимъ родственникомъ Владиславомъ. Ставъ царемъ, Владиславъ началъ приглашать къ себѣ въ гости Владиміра. Жена посовѣтовала мужу вмѣсто себя послать къ царю ее; Владиміръ такъ и сдѣлалъ. Царь принялъ ее съ почетомъ и вновь сталъ приглашать самого Владиміра. Въ знакъ того, что у него въ головѣ были мысли честныя, онъ послалъ золотой крестъ, но такъ какъ Христосъ потерпѣлъ не на золотомъ, а на деревянномъ крестѣ, то Владиміръ потребовалъ деревянный (не по совѣту ли мудрой жены?) и царь послалъ ему такой съ двумя епископами и однимъ отшельникомъ. Тогда Владиміръ тронулся въ путь. Прибывъ въ резиденцію царя, онъ прежде всего вошелъ въ церковь, но при выходѣ изъ нея у церковныхъ дверей былъ обезглавленъ.

Къ вар. о. Ср. съ дымомъ куреній, поднимавшимся до небесъ отъ могилы убитыхъ Бориса и Глѣба въ нашихъ духовныхъ стихахъ: „явился столбъ красный огненный отъ земли до неба“, „становился тамъ дѣмьянъ-ладонъ вогненный столпъ поднебесный“ (Безсоновъ, Кал. переходіе).

Къ вар. п. Въ этомъ вариантѣ измѣнникомъ является Сайнъ-нойонъ; у Шишмарева—одинъ изъ князей аймака Сайнъ-нойона; наша редакція, вѣроятно, древнѣе и больше приближаетъ сказаніе о Шидырванѣ къ лѣтописному извѣстію о Хели-ханѣ; подъ Сайнъ-нойономъ (Сайнъ-нойонъ, можетъ быть, окажется тѣмъ же лицомъ, которое является въ другихъ исключительно восточно-монгольскихъ сказаніяхъ подъ именемъ Сайнъ-хана или Хайнъ-хана) можно видѣть измѣнника Хели-хана, сѣяньтосскаго князя Ияна, который въ лѣтописи иногда просто называется Сѣяньто.—Въ этомъ же вариантѣ желтый хадакъ, поднесенный китайскимъ чиновникомъ, самъ собою обвязывается вокругъ рукъ Шидырвана; не находится ли эта черта въ связи съ шаманскимъ обрядомъ связыванія вновь посвящаемаго шамана съ его учителемъ, старымъ шаманомъ? См. стр. 58. Въ нашемъ русскомъ свадебномъ обрядѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодымъ связываютъ руки полотенцемъ. Можетъ быть, при накопленіи свѣдѣній о свадебныхъ обрядахъ у нашихъ инородцевъ откроется болѣе соприкосновеній съ легендой о Ванѣ. Въ рукописной статьѣ г. Верещагина о Вотяхахъ села Сосновки, доставленной въ Географ. Общество, сообщенъ обычай, соблюдаемый во время свадьбы: когда поѣзжане жениха пріѣзжаютъ въ домъ невесты съ цѣлю увести ее въ домъ жениха, невеста прячется въ ржаномъ полѣ въ рожѣ (зимой же на гумнѣ); кто-нибудь изъ ея родственниковъ выдаетъ мѣсто ея укрывательства жениховымъ поѣзжанамъ за монету копѣекъ въ 10 или 20.

Къ вар. р. Сниманіе грудины указываетъ на обрядъ жертвоприношенія; у Монголовъ обычай изъ жертвеннаго животного вырѣзывать такъ-называемую зюльду (стр. 90). Эта черта сказанія приводитъ къ догадкѣ: не заклю-

чается ли въ сказаніи о Шидырванѣ описанія медвѣжьяго праздника, то есть, принесенія медвѣдя въ жертву богамъ?

Къ вар. с. Семь ангыровъ встрѣчаются и въ другомъ сказаніи, помѣщенномъ уже нами въ „Очеркахъ“, II, 166. Ср. семь мудрецовъ Angiras въ Ведахъ: Panis, злое существо, украдо коровъ у семи мудрецовъ Angiras (angiras ср. съ ѣнгуръ, янгуръ, „волкъ“ у Амурскихъ Тунгусовъ; Маакъ, Путеш. по Уссури, 106 и въ Прибавл., 14; по киргизскому повѣрью Б. Медвѣдица—семь „волковъ“). Мудрецы пожаловались Индрѣ, Индра послалъ искать коровъ собаку Sarata, которая нашла ихъ, но Panis далъ ей молока и Sarata скрыла отъ Индры истину; Индра ударилъ собаку палкой и она выблевала молоко. Ср. съ монгольскими повѣрьями о затмѣніи (стр. 210). Ангиръ красная утка, Vulpanser rutila, по монгольски.

67. Шуно.

Шоно по монгольски волкъ. Бурте-чино, предка Монголовъ, Говоръ въ своей „History of the Mongols“, I, 33, сближаетъ съ Ашина или Sena, предкомъ Тукюэцевъ. Буртечино — преслѣдуемый принцъ, одинъ изъ трехъ братьевъ, женившійся потомъ у озера и въ нѣкоторыхъ вариантахъ замѣняемый волкомъ; Сена—преслѣдуемый принцъ, перенесенный за рѣку и воспитанный волчицей. Въ вариантѣ Радлова (Proben, I, 206), у ойродскаго хана Конгодоа отъ старшей жены сынъ Шоно и отъ младшей три сына: Амырь-сана, Темиръ-сана и Калданъ-чэрѣ. Шоно убиваетъ тигра и привязываетъ его къ дереву; завидующіе братья оговариваютъ его, и ханъ велитъ изломать Шоно лопатки и бросить въ яму. Впослѣдствіи, когда хану грозитъ чужеземное нашествіе, Шоно вынимаютъ изъ ямы; онъ отражаетъ бѣду, но оставляетъ отечество навсегда. Въ другомъ вариантѣ (Proben, II, 380), семилѣтній Суну-матерь, сынъ Конгдайжи; на народъ Конгдайжи напалъ тигръ; Суну хочетъ идти стрѣлять въ него, отецъ отговариваетъ его: „Ты малъ еще, дитя мое!“ Суну однако убиваетъ тигра. Подданные Конгдайжи, испуганные силой богатыря, оговариваютъ его, будто онъ насилуетъ ихъ женъ и дочерей. Ханъ велитъ бросить его въ яму, изломавъ лопатки (ср. Mannhardt, Germ. Myth., 202; Юаньчаомиши, стр. 69: о Бури-боко; бури, татарск. „волкъ“). Затѣмъ Суну вынимаютъ изъ ямы, и онъ удаляется къ Бѣлому Царю (ср. № 74 и примѣч. къ нему). О братьяхъ Суну не упоминается, но по окончаніи разказа о немъ слѣдуетъ особый разказъ объ Амырь-Саранѣ, который также кончается тѣмъ, что уходитъ къ Бѣлому Царю. Въ древне-болгарскомъ сказаніи: Мартагонъ (Омортагъ), имѣющій трехъ сыновей, садитъ въ тюрьму Киннама (Соколовъ, Изъ древн. истор. Болгар., С.-Пб., 1879 г., стр. 122—134). У Кульджинскихъ Таранчей (Пантусовъ, Война Таранчей съ Китайцами, Казань, стр. 38) есть преданіе объ Умрисена или Умурсена; у Киргизъ—о Сна-батырѣ. Ср. съ парнымъ: шонгъ-бори, альпійскій волкъ (см. стр. 156); бѣлокъ въ вершинахъ Иркутъ называется Шоно-нойонъ и Буренъ-ханъ (см. стр. 128).

Калѣченъе ребенка, съ цѣлью убавить его силу въ будущемъ, разказывается о Лангъ-Тамерѣ (Гакстаузенъ, Закавказскій край, ч. I, стр. 158), въ осетинскихъ преданіяхъ о хромомъ Темирѣ или Аксакъ-Темирѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горд., вып. VI, ст. „Чечен. пл.“, стр. 41; вып. VIII, ст. „Ингуши“, стр. 20): отецъ Аксакъ-Темира, чтобъ уменьшить его прыткость въ бѣгѣ, переломилъ ему ногу въ дѣтствѣ. У Радлова (Proben, IV, 307) Цодай-ханъ велитъ избить младенцевъ; къ матери Аксакъ-Темира приставленъ ся родственникъ, который, жалѣючи родственницу, ограничивается тѣмъ, что нажимаетъ на животъ беременной женщины; женщина родитъ хромаго Аксакъ-Темира; ср. съ киргизскимъ преданіемъ о Чопанъ-атѣ (Оч., II, 153).

68. Цаганъ-дареке.

Палата въ своихъ Sammlungen hist. Nachr. üb. d. Mongol. Völkerschaften, Th. II, s. 87, кажется, того же Аю-бодисата разумѣть подъ именемъ Chondschin-boddi-sado; онъ живетъ на горѣ Будала вмѣстѣ съ Ногонъ-дареке и Цаганъ-дареке (у Бергмана: Nojon Dara äkä и Zagaan Dara äkä; Nomad. Streifer. unt. Kalmükten, th. III, S. 67). Онъ печальникъ рода чело-вѣческаго, борется съ злыми духами, души умершихъ, предназначенныя къ блаженству, направляетъ въ уготованное имъ жилище и облегчаетъ мало по малу муки осужденныхъ грѣшниковъ; онъ долженъ придти на землю воплощенный и собрать около себя всѣ души. Chondschin ср. съ названіемъ идола, которому по грузинскому царевичу Вакуштѣ поклонялись Уйгуры или Угуры: Koundjith, Koudjin, Kourdjin (Brosset, Hist. de la Georg., t. I, l. II, p. 486 и 487). Не потому ли Вакуштѣ и Рашидъ-эддинъ отзываются о вѣрованіяхъ и преданіяхъ Уйгуровъ, какъ о невѣроятныхъ и ложныхъ, что они слышали отъ нихъ разказъ о Аю-бодисатѣ, который смутилъ ихъ религіозное чувство. Вотъ слова Вакушта: les Ouighours, tribu dont l'histoire, merveilleuse et approchant de la fable, est réellement fabuleuse et fausse, en sort qu'il est inutile d'en parler ici (p. 490). Ср. у Рашидъ-эддина въ Зап. Археолог. Общ., XIV, 126. Сказаніе объ Аю-бодисатѣ ср. съ сказкой Черневыхъ Татаръ у Радлова (Proben, I, 418): Аранъ-Тайджи похищенъ еще изъ утробы матери Чиланъ-Монгусомъ (Чиланъ-ханомъ у Вербицкаго Томск. губ. вѣд., 1882 г., № 33, стр. 534) и въ подземномъ царствѣ прибѣгъ къ столбу; Алтынъ-Моко отправляется его освободить, но Аранъ-Тайджи самъ разрываетъ свои узы; по возвращеніи изъ подземнаго міра, Алтынъ-Моко подвергается нападенію двухъ богатырей Шойунъ-Таса и семиголоватаго Чельбегеня; Аранъ-Тайджи вступаетъ съ ними въ борьбу и освобождаетъ Алтынъ-Моко. Кончается сказка побѣдой Аранъ-Тайджи за своею невѣстой. Въ татарской сказкѣ сложное Сайнъ-Гальбинъ-Мингынъ какъ будто разбилось на отдѣльныя имена; Сайнъ ср. съ Шойунъ (дзаинъ, тунгусск. „медвѣдь“), Гальбинъ съ Чельбегенъ, Мингынъ съ Монгусъ, приставкой къ имени Чиланъ. Похищеніе на третій день ср. съ повѣрьями о похищеніи новорожденныхъ (см. стр. 27); у Албанцевъ третій день послѣ

рождения называется *Поганикомъ* (Погаикъ) ребенка (Hahn, Alban. Stud., 146). Исканіе матерью своего потеряннаго сына ср. съ поисками Божьей Матери въ нашихъ стихахъ и колыдахъ (Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, III, 367; Безсоновъ, Кал. Перех., в. 4, стр. 554). Тѣ Монголы, которыми знакомы русскія вѣрованія, смѣшиваютъ Цаганъ-дареке съ нашею Божьею Матерью. Поддержкой смѣшенія служатъ, можетъ быть, отчасти нѣкоторыя отдаленныя черты сходства въ живописныхъ изображеніяхъ той и другой; Цаганъ-дареке, какъ насъ нѣкоторые очевидцы увѣрили, изображается иногда съ младенцемъ на животѣ. Мнѣ не удалось видѣть такихъ изображеній, но образку Знаменья Божьей Матери, который былъ съ нами, Монголы всегда давали имя Цаганъ-дареке. Въ одномъ изъ апокрифическихъ народныхъ разказовъ (Безсоновъ, Кал. Перех., в. 4, стр. 116), Жиды о Богородицѣ спрашиваютъ: „не проходила ли бѣлоголовая“ (по монгол. будетъ цаганъ-теригунтей)? „Бѣлоголова корова“ въ загадкахъ у Садовникова, № 1833, вар. ж. Выраженіе „весь Баргу вышелъ плакать“ не находится ли въ связи съ сказаніемъ Рашидъ-аддина о Джиданойонѣ (Зап. Археолог. Общ., XIV, 190), преслѣдуемомъ врагами мальчикѣ, мать котораго была изъ племени Баргутъ? Эпизодъ со странникомъ ср. съ южнорусскимъ разказомъ о Пятницѣ, являющейся къ труднику или пустынику, который не владѣлъ ни руками, ни ногами (Веселовскій, въ Ж. М. Н. П., 1877, февр., стр. 212), и съ русскою сказкой о Силѣ Царевичѣ, который погребаетъ плававшего въ гробу по морю Ивашку-бѣлую рубашку (Аванас., Н. Р. С., изд. 1857, вып. III, стр. 120; Benfey, Orient und Occident, t. III, s. 93). Появленіе Бурхана-Бакши въ видѣ коня не намекаетъ ли, что сказаніе объ Аю-бодисатѣ есть эпическая обѣлка хожденія шамана въ царство Ерлика (см. примѣч. къ № 54)? Въ Алтанъ-Тобчи Аби-Бурки—то конь, то человѣкъ (стр. 61).

Вар. в ср. съ вендскою легендой (Veckenstedt, Wendische Märchen, Sagen und abergl. Gebräuche, Garz, 1880, S. 353) и болгарскою (Безсоновъ, Калики переходже) о невинно убитой сестрѣ, на крови которой выросла трава босиле; въ малорусскихъ повѣрьяхъ подобная трава стоитъ въ связи съ темой о кровосмѣшеніи; „Иванъ-да-Марья“ (иногда День-и-ночь) это—братъ и сестра, которые были брошены матерью, выросли вдаль другъ отъ друга и вступили въ бракъ (Анненковъ, Бот. Сл., 211). Въ Ведахъ Jamī (ночь) проситъ своего брата (день) сдѣлать ее своею женою, но братъ отклоняетъ просьбу, говоря: „грѣхъ брату жениться на сестрѣ“ (M. Müller, Lectures on the scienc. of language, II ser., 510); ср. съ русскою загадкой у Садовникова, З. Р. Н., № 1870. Не влеталъ ли разказъ о кровосмѣшеніи въ легенду о Цаганъ-дареке, и не она ли является въ монгольскихъ сказкахъ подъ именемъ Цаганъ-ханъ, когда это имя придается женщинѣ (№ 74 п. Оч., II, 174)? Тождественность этихъ персонажей чувствуется и самими Монголами, которые въ своихъ повѣрьяхъ слышатъ Цаганъ-дареке и Цаганъ-хана (см. Оч., II, 32); это чувство, можетъ быть, внушается имъ сказками и повѣрьями, которыхъ мы еще не знаемъ. Цаганъ-ханомъ въ № 74

называется дочь Чингисъ-хана; киргизская Акъ-бибе, родоначальница „акъ-хановъ“, бѣлыхъ царей, тоже дочь Чингиса (см. Radloff, Proben, III, 84), а о Чингисѣ есть легенды съ темой кровосмѣшенія. Гуречи въ вар. в, гурочинъ въ № 88 не собственные ли имена? См. примѣч. къ № 141. Тема о кровосмѣшеніи нерѣдко соединяется съ темой о боѣ отца съ сыномъ, какъ, напри-мѣръ, въ классическомъ о Едипѣ (брошенномъ въ долину Kipheron) и въ болгарскомъ о Іудѣ, сынѣ Рувима и Циборія (Безсоновъ, Кал. перех., в. IV, стр. 210). Боѣ отца съ сыномъ (или ссоры) заключается въ сказкѣ барабинскихъ Татаръ объ Идыге-би (Radloff, Proben, IV, 35); Мырадыл (Мыратъ, ibid., 245) вышибаетъ глазъ своему отцу Идыгею; въ нашихъ былинахъ Илья Муромецъ бьется съ своимъ сыномъ Борисомъ Збуть-королевичемъ. Матерью противника Ильи называется Семигорка баба Владимерка (Рыбн., II, 349) или баба Латымирка; въ одномъ южнорусскомъ заговорѣ есть выраженіе „мислю Владимиру!“ Латымирка ср. съ лятопырь, „летучая мышь“ (Fledermaus). Окончанія меръ, маръ встрѣчаются въ прикамскомъ Поволжьѣ: Бузымеръ, Билямаръ (село въ Вятск. губ.), Блатамаръ (названіе болгарскаго царя у арабскихъ писателей, по чтенію Хвольсона), Иньмаръ, высшее божество у Вотяковъ; послѣднее имя распадается на инъ „небо“, „облако“ (въ татарскомъ облако: блуть, булуть) и маръ. Не слѣдуетъ ли видѣть въ имени Владиміръ не славянское, а славянизированное не арійское имя? Не придавалось ли оно женѣ Владиміра, прославившейся своею доступностью для заѣзжихъ молодцевъ (ср. съ Ногонъ-дареке, № 65, вар. ж), и не называлась ли этимъ именемъ иногда та невѣста, которую добывали для царя богатыри? Въ колыдкѣ у Чубинскаго (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, III, стр. 303) гречная панна Марія теряетъ съ головы вѣнокъ, унесенный въ воду; три рыболова ловятъ его; одному она даетъ шелковый платокъ, другому золотой перстень, а за третьяго идетъ замужъ. Ср. съ пѣсеннымъ мотивомъ о полонянкѣ, вышедшей замужъ за брата перевозчика. Растеніе Thymus Serpillum въ разныхъ областяхъ носитъ имя: чаберъ, чиборъ, чебрикъ, чебрыкъ, зиберъ, дзиберъ, чамберъ, чебрикъ и др. (Анненковъ, Бот. Сл., 354); киргизское названіе того же растенія джиберъ (ib., 355). То же растеніе въ другихъ мѣстахъ называется богородскою травой. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ повѣрье: пла Богородица и плакала; гдѣ упали ея слезы, тамъ выросла богородская трава; чортъ создалъ другую, колючую траву, которая вытѣсняетъ теперь богородскую. Чаберъ на языкѣ Казанск. Татаръ: „красивый“, „красавица“. Не были ли формы чаберъ, дзиберъ и пр. именемъ женщины, о которой существовали сказанія, находившіяся въ связи съ повѣрьями о растеніи Th. Serpillum и потому перешедшія въ наши апокрифическія легенды?

69. Куннеръ-ханъ.

Хожденіе Абдулъ-Хотона ср. съ Сайнъ Амугуланъ-Ябудалту, который въ сборникѣ Шиддикуръ ходитъ за святымъ трупомъ (Этн. сб., VI, стр. 9 и 10)

и съ принцемъ Gedon'омъ Дзанглуна, который плаваетъ за чинтамани (Der Weise und der Thor, St. Pbg. 1843, S. 261—282), въ русскихъ сказкахъ съ Борисомъ Трёмсиномъ, который ходилъ къ солнцу (въ Тр. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, II, стр. 290; ср. также II, стр. 167, № 51—герой ходитъ къ золотой горѣ). Въ алтайской сказкѣ объ Иривъ-Шайнѣ (стр. 427) Ханкереханъ представляется одновременно ханомъ, шаманомъ и женщиной. Посѣщеніе юрты Канкере богатыремъ сходно съ разказами въ русской сказкѣ (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, II, стр. 7 и 11), въ которыхъ вмѣсто Канкере стоитъ солнце. Въ дархатской (№ 162) являются царицы Толниды и Шюринды; толи—дискъ, мѣдный кружокъ, зеркало; шюръ—коралль. Не означаетъ ли первое солнце (ср. dilasa, тунгусск. „солнце“), а второе не есть ли испорченное монгольское саръ, „мѣсяцъ“? Въ сказкахъ часто солнце и луна стоятъ рядомъ въ видѣ двухъ красивыхъ сестеръ царевнѣ. Можетъ быть, въ какой-нибудь другой редакціи объ Абдуль-Хотонѣ также подразумевались солнце (алтынъ, золото) и луна (шюръ, кораллы). Ср. также разказы о побѣдѣ за живымъ богомъ (№ 83); въ одномъ вариантѣ ханъ, идущій за живымъ богомъ, названъ Абтай (Аватай) ханъ, въ другомъ Алтынъ-Гартай; послѣднее не было ли именемъ живаго бога? Членъ Алтынъ сходенъ съ Колду, какъ живой богъ называется въ урянхайской сказкѣ (№ 132), второй членъ Гартай созвученъ съ ертене или ердене, первымъ членомъ названія живаго бога въ вар. 6 (стр. 333): Ердене-Дзо (русская загадка о солнцѣ: на дубѣ стародубѣ сидитъ птица веретеница; Садовниковъ, № 1817). О Ханъ-Дыкаровой (Ханъ-Тенгировой?) казнь, въ которой хранится рогъ однорога, звѣря, называемаго кергеденомъ, см. Карамз., Ист., VI, пр. 534. Въ сказкѣ Качинскихъ Татаръ птица Канкыри-кушъ выноситъ богатыря изъ подземнаго царства (Этн. Сборн., IV, 108); такимъ родомъ мифическій образъ приближается къ западному грифу, который по греческому мѣу стережетъ золото. Канкыри-кушъ, вѣроятно, то же, что алтайская птица Канъ-кереде, монгольск. Ханъ-Гариде, Ханъ-Гаридъ, Ханъ-Гарди и т. п. Послѣдній членъ этого имени ср. съ литовскимъ gerto-anax. Формы Канкыри, Кункяръ ср. съ хонгоръ, калмычк. соколъ, сонкоръ, монгол. idem. По словамъ о. Чивалкова (въ Улаѣ), въ телеутскихъ сказкахъ птицы Канъ-кереде нѣтъ; вмѣсто нея въ нихъ упоминается птица Пудайчи. Мусульмане (напримѣръ, въ Дагестанѣ) Хуньяромъ зовутъ Турецкаго султана (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, стр. 44). Вамбери считаетъ титулъ Chunkiar, осм. Hünkar, Hünkiar, —персидскаго происхожденія, но глубоко вкоренившимся въ жизни турецкихъ племенъ. Въ кочевомъ бытѣ у Тюрковъ, говоритъ онъ, старѣйшій и сильнѣйшій сочленъ, обязанный священнымъ долгомъ кровавой мести, у нѣкоторыхъ племенъ называется chunkiar (Vambery, Die primit. Cultur des turko-tatarisch. Volkes, Leipzig, 1879, s. 136). Нѣкоторые старинные арабскіе писатели, какъ напримѣръ, Ибнъ-Саидъ и Димешки, имя Хункаръ давали Венгерскому народу (Хвольсонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста о Хозарахъ, стр. 112 и 113). Заключение сказанія о книгѣ Абдула ср. съ замѣчаніями Бенфея о Nangasuna (Nagasena,

Nāgārdschuna), который спасаетъ царевича отъ преслѣдующихъ семи чародѣевъ (Mel. asiatiques, t. III, l. 2 (1858), p. 180).

70. Нохой-эртень.

Ср. съ южно-русскими сказками въ Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, т. I, в. 1, стр. 4 (солнце украдо дѣвицу, братъ идетъ возвращать ее и они убѣгаютъ вмѣстѣ); т. II, стр. 13 (мать солнца прячетъ зашедшаго къ ней мальчика); стр. 290 (Борисъ идетъ къ солнцу, гдѣ его принимаетъ мать солнца). Нашими повѣрьями на крайнемъ западѣ помѣщаются счастливые „рахмане“. О рожденіи „штановъ“ изъ капель или брызгъ во время восхода солнца, см. въ Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, I, в. 1, стр. 30. Черемисы вѣрятъ въ существованіе людей съ собачьими головами и коровьими ногами; они называютъ ихъ пій-нэрэшкэ (сообщ. г. Аптріевъ, учитель въ Бирскѣ). Въ южной Россіи сходныя повѣрья о „волохахъ“ или „волохатыхъ людяхъ“; о какихъ-то отношеніяхъ между „волохами“ и „цыганами“ см. у Костомарова въ Вѣстн. Европы, 1873, янв., стр. 16.

72. Идзиль-Цзай.

Подъ этимъ парнымъ именемъ можно видѣть наши рѣки Волгу (Идиль) и Уралъ (Яикъ); Астраханскіе Калмыки зовутъ Волгу Еджильмюрюнь. Киргизское названіе рѣки Ишима Исель не есть ли испорченное Идзиль? Начало имени Еджиль ср. съ монгольскимъ еджъ или еджи, „мать“. Озеро Косоголъ у мѣстныхъ жителей называется Еджъ, то-есть, „мать“; на югѣ Монголіи подобное же имя Эдзинъ придается рѣкѣ. Другое монгольское слово иби, также означающее „мать“, въ свою очередь дало, по видимому, начало многимъ рѣкамъ и озерамъ въ Монголіи, а именно: Ибить въ Дархатской землѣ, Имень или Ибень (въ сѣверовост. Монголіи близъ Хайлара), Эби-норъ (въ Джунгаріи), Емилъ въ Тарбагатаѣ (иби въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ переходитъ въ емъ) и проч. Большая сибирская рѣка Иртышъ въ своихъ вершинахъ называется Ебинъ. Болѣе употребительное имя озера Косоголъ Хубсугуль; начало этого имени ср. съ Хубъ-далай (см. стр. 825). Хубъ по бурятски значитъ выдра; другія названія выдры: киргизск. супъ, якутск. йиме, у Казанск. Татаръ кама.

73. Еджень-ханъ.

О желаніи отравить Чингисъ-хана, который въ Алтанъ-Тобчи называется Богдо-Эдзеномъ, см. въ записанныхъ нами преданіяхъ, № 47, вар. л. въ книжныхъ сказаніяхъ есть разказъ объ отравленіи Чингисханова отца Есугая.

74. Цаганъ-ханъ.

Ср. съ Индрой, который предоставляетъ Кагна'ѣ выбрать себѣ все, что хочетъ, кромѣ vajra, любимаго его орудія (Donnerkeil); см. Holtzmann's,

Indra n. d. Vorst. d. Mahābhārata въ Zeitschr. d. deutsch. Morgenl. Gesellsch., 1878, В. XXXII, Н. 2, s. 276. Въ „Очерк.“, II, 164: сынъ Чингисъ-хана тайно уноситъ бѣзюръ и съ нимъ счастье монгольскаго народа. Въ книжныхъ сказаніяхъ Сурганъ, давъ Чингисъ-хану все, не даетъ огнива (Зап. Археол. Общ., XIV, 170). У Осетинъ есть преданіе о выкраденномъ „булау“, которое было унесено въ Грузію; этому булау (по киргизски джелау, знамя; въ сказаніяхъ о Чинхисъ-ханѣ упоминается девятиножное или девятибунчужное знамя) и теперь еще Осетины приносятъ жертвы (Вс. Миллеръ, „Осет. Эт.“, I, 144). О бѣломъ знамени у Пржевальскаго, „Монголія“, I, 139: Чингисъ-ханъ даритъ русскому охотнику (Орусъ-гурбчинъ?) одну изъ своихъ женъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣлое знамя; такой чести Русскій удостоился за то, что убилъ двухсаженнаго волка. Ср. съ № 137 нашего собранія. У Саганъ-Сэцэна (въ переводѣ Шмидта, стр. 77) имя Цаганъ-ханъ также является совмѣстно съ Чингисъ-ханомъ; такъ называется ханъ Солонгосовъ, съ которымъ Темучинъ ведетъ войну и который наконецъ отдаетъ ему дѣвицу Хуланъ-гоа. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 18) солонгутскій ханъ названъ Буха-Цаганъ (буха „былъ“, цаганъ „бѣлый“); онъ даетъ Чингисъ-хану свою дочь Хулунъ. По Сананъ-Сэцэну и Рашидъ-Эддину, онъ даетъ ему не свою дочь, а дочь Даиръ-Усуна или Даиръ-Урсунъ; у Сананъ-Сэцэна Даиръ-Урсунъ принадлежитъ къ племени Солонгосъ-Мергетъ, у Рашидъ-Эддина къ племени Ухуръ-Мергитъ, у д'Оссона къ племени Огусъ (что по татар. значитъ быть, какъ и монгольское ухуръ; поэтому Буха-Цаганъ-ханъ и Даиръ-Урсунъ какъ будто тождественны).

76. Одунтай Бодунтай.

Сказаніе о найденнѣ, ставшемъ потомъ предкомъ, имѣетъ обширное распространеніе. Для сравненія приводимъ нѣкоторые изъ нихъ. 1) Сказаніе Волжскихъ Калмыковъ: Предокъ Калмыковъ Чоросъ былъ найденъ въ дуплѣ; народная этимологія сближаетъ Чоросъ съ цорго, „дупло“ (Позднѣвъ, Образцы народ. литер. монг. племенъ, С.-Пб., 1880, стр. 135). Имя Чоросъ ср. съ Торосъ, именемъ героя одного сойотскаго сказанія (см. Castren, Reiseberichte, S. 340), съ Джоро, первоначальнымъ именемъ Гессеръ-хана. У Палласа (Saml., I, 32) этому предку дано еще другое имя: Ulinda-Budun-Taischi; Палласъ разсказываетъ о немъ слѣдующее преданіе: За три поколѣнія до Чингисъ-хана жилъ Йобогонъ-мергенъ (Yoboghon-mergen), который совершалъ свои походы и передвиженія пѣшкомъ, такъ какъ телѣга подымитъ не выдерживала и ломалась. Отъ этого Йобогонъ-мергена ведутъ свое начало князья рода Хойтъ. Однажды Йобогонъ-мергенъ охотился и встрѣтилъ красивую дѣвушку; онъ взялъ ее въ жены, но та въ отсутствіи мужа завела еще связь съ Бо-ханомъ (Boh-khan) или Бо-нойономъ (или наконецъ Lusin-khan'омъ), который былъ князь, занимавшійся волшебствомъ. До возвращенія Йобогонъ-мергена, жена его родила сына, и услышавъ о возвра-

щеніи мужа, положила ребенка подъ дерево, гдѣ его и нашелъ настоящій его отецъ Бо-ханъ, или, благодаря своей вѣщей природѣ, или, по другой редакціи, будучи извѣщенъ о мальчикѣ посланцемъ отъ матери (бо—по монгол., бугъ по бурятски, шаманъ; исторія Цороса есть, повидимому, варіантъ легенды о младенцѣ Буганъ-хара, который былъ подкинутъ матерью къ его тайному отцу Вуха-нойону, см. стр. 265). Бо-ханъ далъ ребенку имя Улинда-Будунъ, потому, во первыхъ, что нашелъ его во время дурной погоды (будунъ), и во вторыхъ, что надъ ребенкомъ порхала ушастая сова (или шибунъ). Мальчику была вставлена въ ротъ трубка изъ листьевъ пригнутой вѣтви, по которой въ ротъ ему текъ питавшій его древесный сокъ; эта трубка напоминала трубу винокуреннаго снаряда (чоросъ); отсюда другое имя мальчика, Чоросъ. Судьба Йобогонъ-мергена разсказывается такимъ образомъ: Въ Китаѣ начались неспокойства (по другой редакціи—въ Тибетѣ); Китайцы пригласили Йобогонъ-мергена, и онъ, являсь съ своими Уйрятами, успокоилъ страну; коварные Китайцы однако испугались, что будутъ имѣть такого сильнаго сосѣда, и поднося ему дары за его услугу, отравили его. Судьба Йобогонъ-мергена напоминаетъ таковую же Есугая, Чингисова отца; имя Есугай или Есугэ сближаются съ монгольскимъ эписъ, отецъ или дѣдъ, Йобогонъ также значитъ дѣдъ или старикъ. Такимъ образомъ исторія Цороса сходится съ исторіей Чингиса въ трехъ чертахъ: а) въ сходствѣ судьбы отца, б) въ тождествѣ значенія имени отца, и в) въ одинаковыхъ обстоятельствахъ рожденія. Въ исторіи Чингисхана также можно указать на появленіе формы, сходной съ Йобогонъ; внучка Ванъ-хана, которую онъ домогается получить себѣ въ жены и получаетъ, уничтоживъ царство Ванъ-хана и приведя его самого къ смертельной гибели, называется Абики (ср. съ Абахай въ сказкѣ № 60; такъ называется одинъ изъ двухъ гопимыхъ царевичей; у Бергмана, Streifereien, IV, S. 10, этому царевичу соответствуетъ царица Aerdäni Zāzāk); ср. также съ Джамукой (вар. Zamuka Zizen), злоумышляющимъ противъ Чингиса. — 2) Ичкерійское преданіе на Кавказѣ: Два брата Елсанъ и Дишпи пришли на р. Хулхулау и поселились на ней; однажды они пошли вмѣстѣ на охоту и нашли въ лѣсу выдолбленную кадушку (хара) изъ чинары и внутри нея ребенка мужскаго пола, завернутаго въ бѣдное одѣяніе. Елсанъ рѣшилъ убить его, потому что это былъ подкидышъ, незаконнорожденное дитя; взять его, значило опозорить родъ. Но Дишпи сказалъ, что у него нѣтъ дѣтей, и ребенокъ замѣнитъ ему сына. Елсанъ уступилъ по любви къ брату; Дишпи отдалъ ребенка своей женѣ; дали ему имя Харачу (хара—кадушка, чу—внутри). Ср. съ монгольскимъ хара-гуресу, медвѣдь и съ формой Горѣчи или Гурочинъ, встрѣчающійся въ сказаніяхъ (см. стр. 319 и 352); Елсанъ ср. съ Елисыномъ, также воспитателемъ найденныша (Оч., II, 178). — 3) У Рашидъ-Эддина (Зап. Археол. Общ., т. XIV, стр. 19): Во время войны Огузъ-хана съ Итъ-бараками родился предокъ народа Кыпчаки и былъ положенъ въ дупло (по татарски кубукъ) дерева. Въ имени Итъ-бараки первый членъ ср. съ первымъ членомъ въ татарскомъ имени Б. Медвѣдницы: Иты-

ганъ; въ урянхайскомъ оно называется Иты-пурганъ.—4) По монгольскому сказанію, Чингисъ-ханъ найденъ ребенкомъ, лежавшимъ у основанія дерева (Оч., II, 173). Птица у Сананъ-Сэцэна является не во время его дѣтства, а передъ днемъ, когда его возводили въ хаганы; она по три утра взывала передъ юртой: Чингисъ! Чингисъ! Потому и дали ему имя Чингисъ-хаганъ; Schmidt, *Gesch. d. Ost-Mongol.*, s. 71.—5) Въ барабинскомъ сказаніи Идыге найденъ бездѣтнымъ старикомъ въ степи и имя свое получилъ отъ татарскаго итугъ, „сапогъ“, потому что былъ привезенъ старикомъ заткнутымъ за сапогъ (Radloff, *Proben*, IV, 35).—6) Самоѣдское племя Waratsyn происходитъ отъ дѣвушки, принесшей дитя, отца котораго не знали и потому о ребенкѣ насмѣшливо говорили warasjhowu, то-есть, „украденное на сторонѣ“ (Зап. Русск. Геогр. Общ., VIII, 214).—7) Ср. также въ „Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ“ (Тихонравовъ, Лѣт. русск. лит., V, 20), въ „Голубиной Книгѣ“ у Безсонова, Кал. Перех., ч. 1, с. 299 (дерево съ сидѣвшею на ней птицей толкуется рожденіемъ Соломона), въ Зап. Геогр. Общ. по этн., VI, 347 и въ „Повѣсти града Іерусалима“ (Тихонравовъ, Лѣт. русск. литер., вып. III, с. 34).—8) Котонское сказаніе о Гельгенъ-ли. См. Оч., II, 162. Дочь Котонскаго хана вышла гулять съ сорока служанками, выпила воды, забеременѣла и была изгнана отцомъ; въ изгнаніи она родила и положила ребенка подъ дерево березу; коровій пастухъ (огузчи; ср. Огузъ-ханъ въ легендѣ о предкѣ Кыпчаковъ; Ага-Огузъ въ № 187; ѳгусъайу, „медвѣдь-самецъ“ по телеутски по сообщенію о. Чивалкова) нагнувъ вѣтви дерева къ устамъ ребенка и тотъ сокомъ этой вѣтви питался. Ср. Veckenstedt, *Wendiche Marchen, Sagen und abergl. Gebräuche*, стр. 147: юноша, брошенный съ корабля въ море, спасается на островѣ и здѣсь семь дней питается деревомъ. Птицу Уйль, служившую отцомъ ребенку, ср. съ киргизскимъ преданіемъ о предкѣ Казбековъ (Оч., II, 4); названіе птицы уйль, ули ср. съ формами улы, „драконъ“ по алтайски, лу по монгольски, Ульгенъ верховное божество у Алтайцевъ; не отсюда ли Олють, ими народа?—9) Въ числѣ кавказскихъ легендъ о брошенномъ ребенкѣ есть одна, разсказываемая о камнѣ близъ минеральнаго ключа въ 5 верстахъ отъ кр. Ахты; на этомъ камнѣ есть отпечатокъ будто бы чело-вѣческаго сидѣнья. Одно еврейское дитя, „чавудзин сжал“, было брошено и голодало; какая-то добрая женщина взяла его на колѣни и покормила; это сидѣнье ея на камнѣ и отпечаталось (запис. въ Тифлисѣ отъ Кюринца Інбова).—10) Сказка сѣверно-кавказскихъ Татаръ-горцевъ разсказываетъ о Бѣдене, русскомъ переселенцѣ на Кавказъ, который занимался рыболовствомъ; одна изъ сорока служанокъ, бывшихъ у сосѣдней бнягини, пошла по воду, встрѣтила Бѣдене и зачала. Рожденный ею ребенокъ былъ брошенъ въ воду. Бѣдене подобралъ его и воспиталъ (Матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, Тифл., 1881, отд. II, стр. 27).—11) Монгололамайское сказаніе, помѣщенное у Сананъ-Сэцэна (Schmidt, *Gesch. d. Ost-Mongol.*, s. 21): У короля Patsala (мадзалай, „медвѣдь“ по монгольски), по имени Orogholuktschi, родился ребенокъ, волосы на головѣ голубые, пальцы соединенные, какъ у

гуся. Когда царь показалъ ребенка свѣдущимъ браминамъ, тѣ посоветовали убить его. Придворные, однако, какъ ни старались, не могли убить, положили ребенка въ мѣдный ящикъ и опустили въ Гангъ. У рѣки одинъ земледѣлецъ имѣлъ пашню; онъ остановилъ ящикъ и нашелъ въ немъ прекрасное дитя; чтобы скрыть его отъ царя, онъ положилъ его подъ деревомъ; птицы приносили ребенку лучшіе плоды, звѣри лучшіе куски мяса. Когда онъ подросъ и узналъ о своемъ происхожденіи, онъ пошелъ въ сѣверное сильное царство. Съ вершины гремящей горы боговъ девятью ступенями онъ сошелъ въ долину Ярлунга и достигъ башни съ четырьмя воротами. Здѣсь, встрѣтившіе его люди спросили его: кто онъ и откуда? Онъ указалъ пальцемъ на небо и разсказалъ свою исторію. Признавъ его сыномъ неба, они сдѣлали сѣдалище, посадили его на сѣдалище, и поднявъ на свои шеи, отнесли его на гору Schambu и объявили повелителемъ. Его имя было Sseger Ssandalitu Chagan Tül (Chagan Tül ср. съ названіемъ одного урочища въ Монголіи Цаганъ-соль. Сэгеръ—корова по остяцки, сыгырь у Казанск. Татаръ, откуда киргизское сыгырь). Ср. также преданія о Буханонинѣ (№ 53) и о Гесеръ-ханѣ (№ 50); у Осетинъ и Кабардинцевъ существуетъ сказаніе о Сосрыко или Созироко (Ногмова, *Ист. Адыгейскаго нар.*, Тифлисъ, 1861, стр. 47 или Кавк. Календарь на 1859 годъ, стр. 46). По однимъ сказаніямъ, Сосрыко рожденъ въ камнѣ, по другимъ—вырѣзанъ изъ чрева умершей матери; вообще онъ слыветъ побочнымъ сыномъ. Слово кесарихъ, съ которымъ Ногмовъ сближаетъ имя Созироко, значитъ по черкесски: „выпорокъ изъ матери“. Кость хотогойтская Кусеръ (Оч., II, 25) названа такъ будто бы потому, что происходитъ отъ незаконнорожденнаго. Происхожденіе отъ камня Монголы приписываютъ Урянхайцамъ.—12) Монгольское книжное сказаніе о Болхо-Джинонѣ у Сананъ, Сэцэна (Schmidt, *Gesch. d. Ost-Mong.*, 165—169): Есень-хаганъ былъ повелитель Ойратовъ; у Сананъ-Сэцэна онъ величается обыкновенно „повелитель сорока и четырехъ“ (см. прим. 21 къ гл. I). Онъ захватилъ власть надъ монгольскимъ народомъ; монгольскимъ ханомъ былъ Акбарджи; Ойраты зазвали его къ себѣ будто на пиръ, но въ юртѣ устроили яму и погубили его (хитростью же захватываетъ власть Удзэнгъ [Radloff's *Proben*, II, 700]; Удзэнгъ, сидящій на загривѣ Таръ-пэга, напоминаетъ монгольскаго Kūsūn schiregetu [Schmidt's *Gesch. d. Ost-Mongol.*, s. 21—23 и Алтанъ-Тобчи, стр. 3], то-есть, хана, возсѣдающаго на шеѣ; этотъ Kūsūn былъ сынъ короля по имени Urghulun [джиргаланъ?]; ср. приведенныя выше сказанія о летучей мыши № 2, вар. 2, и примѣч. къ этому №). Есень-хаганъ сталъ уговаривать свою дочь Цэцэнъ-бейджи выйти вновь замужъ, но она отказалась и призналась, что беременна. Есень порѣшилъ, если родится мальчикъ, убить его. Но Харгоцокъ, отецъ мальчика, подмѣнилъ ребенка дѣвочкой, дочерью Одой Емегена изъ племени Хулабадъ, мальчика же отдалъ женѣ Санъ-Халдура изъ Солонготовъ по имени Харакчинъ-Тайбучинъ. Мальчику дали имя Баянъ-Мөнгке. Есень продолжалъ преслѣдовать мальчика; тогда нашли одного изъ Ойратовъ, недовольнаго ханомъ, именно Ючетай Дай-бо, и поручили ему отвезти мальчика къ Монголамъ. Тотъ и

отвезъ ребенка къ Orodshu Schigüssutai изъ Ороговыхъ, который обручилъ мальчика съ своею дочерью Шикеръ. Между тѣмъ два ойратскіе вождя Алакъ-Джинсангъ и Темуръ-Джинсангъ напали на Есена и разгромили его; одинокій ханъ бродилъ въ степи и наткнулся на Bagho, сына Böke Ssorsson'a. Баго убилъ Есена и повѣсилъ его трупъ на дерево въ горахъ Kügei-chan. Впослѣдствіи Баянъ-Монгке (не тотъ ли Баянъ-Монгке подражывается у Рашидъ-Эддина подъ именемъ Монке-бая, первого хана Уйгуровъ, Зап. Имп. Археолог. общ. XIV, 126?) былъ привезенъ въ Монголію при Mandaghol chagan'ъ въ сопровожденіи жены Шикеръ-бейджи, Орочу-Шигустей и четырехъ вельможъ. Магдаголъ-хаганъ переименовалъ его въ Bolcho-Dschinong. Сананъ-Сэцэнъ (стр. 75) упоминаетъ Орочу-Шигуши, бурятскаго посла, который явился къ Чингисъ-хану съ кречетомъ (сонхоръ?); Шмидтъ (стр. 380) сближаетъ его съ Орусъ-иналомъ киргизскимъ у мусульманскихъ авторовъ. Не будутъ ли Орусъ-Иналъ, Орочу-Шигуши и Оручу Шигустей, а можетъ быть, и Иналъ-тере, слуга Хагорцога, помогающій ему спасать ребенка, одно и то же лицо, и ястребъ, котораго везетъ Орочу-Шигуши, не есть ли спасаемый мальчикъ? Ср. также въ сказкѣ Минусинск. Татаръ съ Акъ-Ханомъ, который по данному обѣщанію везетъ своего сына Ала-Картага (картага—ястребъ у казанск. татаръ) къ Джедай-хану (Mel. asiat., 3, Ueb. d. Heldensag. d. Minuss. Tat. v. A. Schiefner, S. 379). Имя Болхо, Болго (Алтанъ-Тобчи, стр. 53, 62) ср. съ Мулку чеченскаго преданія; когда мальчикъ Мулку подросъ, онъ обнаружилъ такой дурной нравъ, что соплеменники общественнымъ приговоромъ присудили выселить его изъ страны вмѣстѣ съ матерью (ослабленная тема бросанія въ море матери съ ребенкомъ, заключенныхъ въ бочку?). Тутъ же на Кавказѣ есть общество горскихъ Татаръ, которое живетъ по р. Малка и называется Балкаръ; другое общество тѣхъ же Татаръ называется Урусъ-бий. Такимъ образомъ и здѣсь формы Балка и Урусъ стоятъ близко.—Одинъ изъ главныхъ предковъ монгольскаго народа, Бодонъ-джаръ, получаетъ у Сананъ-Сэцэна полное имя Бодонджаръ-Монгъ-ханъ; это Монгъ ср. съ остяцкимъ названіемъ Большой Медвѣдицы Пенкъ (стр. 712). По Сананъ-Сэцэну Бодонджаръ, изгнанный братьями, ночь проводилъ въ шалашѣ, крытомъ травой (ср. съ образомъ жизни Боролдая-ху, Оч., II, 171), а днемъ ѣздилъ пить питье къ сосѣднему народу. Когда искавшій его братъ Белгетей спросилъ о немъ у этого народа, ему отвѣчали: „твой братъ ежедневно является къ намъ выпить свое питье; при его приближеніи всегда идетъ дождь; помедли немного и онъ придетъ“. Въ то время какъ они говорили, при безоблачномъ небѣ пошелъ дождь и Бодонджаръ пріѣхалъ (Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., S. 61.). Изъ этого разказа очевидно, что Бодонджаръ лице сверхъестественное, способное низводить дождь. Въ сочиненіи „Москва“ Свѣгирева и Мартынова, М. 1865, с. III, упоминаются два урочища, лежація въ Москвѣ рядомъ: Подонъ и Сара; авторы этой книги указываютъ на двѣ текущія рядомъ рѣчки въ Золотой ордѣ: Подонъ и Сара.—Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 53) Болго-Ноянъ (вѣроятно, тотъ же, Болго-Джинонгъ, стр. 62) вынесенъ изъ сраженія на

концѣ копья. Въ осетинскомъ сказаніи Сана, сынъ Тотика, вынесенъ изъ битвы въ мѣшкѣ съ шерстью. См. Сборн. свѣд. о кавк. горахъ, в. III, стр. 35—38.

Къ вар. а. Мордовское преданіе объ избраніи мѣста подлѣ поселенія посредствомъ вѣщаго сна стариковъ помѣщено въ Матер. для ист. и статист. Симб. губ., в. II (Симбирскъ, 1866), стр. 3.

77. Кайраканъ.

Тенгере-Кайраканъ по повѣрью Алтайцевъ есть творецъ земли и человека, „отецъ и мать человѣческаго рода“ (Радловъ въ „Вост. Обзор.“ 1882, № 7, стр. 11). Имя Камъ-Курмосъ ср. съ именами животныхъ: курмуше, урмуше, кэрминъ, бурятск. „летучая мышь“, кэрмынь, дюрбют. „бѣлка“, хэрми, халхас. „бѣлка“, гурмохунъ, тунгусс. „заяцъ“; въ манджурскомъ курима, звѣрь, похожій на тигра съ свиною щетиною (Захаровъ, Мандж. Сл., стр. 295), очевидно—какое-то мифическое существо, показывающее, что имя это придавалось нѣкогда крупному и сильному звѣрю. Ср. также ирбисъ, Felis irbis. Подобно тому, какъ монгольское Тенгри-ханъ распалось на многочисленныхъ тэнгировъ, какъ рядомъ съ алтайско-уринхайскимъ Кайраканомъ живетъ представленіе о множествѣ кайракановъ, такъ и рядомъ съ единоличнымъ Камъ-Курмосемъ появилось представленіе о множествѣ курмосей; кѳрмѳсъ—дѣволъ по алтайски (Грамм. алт. яз., стр. 212). Кѳрмѳсъ ср. съ черемисскимъ Кереметь. Смѣна окончаній с и т самая обыкновенная въ азиатской мифологической номенклатурѣ (ср. формы мангысъ и мангытъ). Шифнеръ въ предисловіи къ I-му тому Рубен Радлова сближаетъ курмосъ съ иранскимъ Ормуздомъ и монгольскія формы Курбистанъ, Курбусту и пр. принимаетъ за переходныя. Однако, сказанное нами въ примѣч. къ № 38 не показываетъ ли, что упомянутыя монгольскія формы самостоятельны и стоятъ въ связи съ сѣверно-азиатскими именами созвѣздія Оріонъ (въ которыхъ есть членъ Гурбы) и съ именами звѣрей, играющими роль въ мифологии или по своей значительной силѣ, или по загадочному образу жизни? Тѣмъ, что эта форма была именемъ Оріона, объяснится, почему Гурбустень-хану (стр. 442) или Чюрмусень-хану (стр. 329) придется три сына; это намекъ на три звѣзды въ поясѣ Оріона. Связь этой формы съ именемъ летучей мыши объяснитъ хитрый характеръ Камъ-Курмоса и сходныя черты преданія о немъ съ сказкой Андзынь-Хурумчи, именно одинаковое отношеніе къ Ерику. Наконецъ, предположеніемъ, что это имя придавалось и медвѣдью, объясняется связь представлений о Кереметѣ и медвѣдѣ, которое существуетъ у поволжскихъ инородцевъ; если Кереметь недоволенъ человѣкомъ, онъ является ему въ видѣ медвѣдя. Полученіе дара камланья отъ удара Ерика ср. съ № 64, вар. 1. Въ русскихъ сказаніяхъ богъ Ярило ударилъ золотомъ возгой по головѣ человѣка и тотъ сталъ съ умомъ (Мельниковъ, „Въ Лѣсахъ“, ч. IV, стр. 1). Поведеніе Камъ-Курмоса на небѣ ср. съ южнорусскою сказкой у Чубинскаго (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, т. II, стр. 9): юноша идетъ

къ солнцу и разбиваетъ у него кровать; ср. эту сказку съ южнорусской же о Борисѣ Треть-сынѣ (ibid., стр. 290). Покража быковъ у Тэнгри-хана приписывается алтайскимъ сказаніемъ бурундуку (Изв. Русск. Геогр. Общ. 1881, т. XVII, в. 4, стр. 249). Не соединилась ли эта тема съ формой курмось? Ср. съ Урумчи въ № 49 вар. 4; въ вар. 2, б., по видимому, тотъ же персонажъ обманомъ завладѣваетъ быкомъ Ерлика. Первый членъ въ имени Камъ-Курмось тотъ же, что въ парномъ камъ-катынь; такъ называется у Алтайцевъ и Урянхайцевъ шаманка (камъ—шаманъ, катынь—женщина), въ Codex Sumanicus камъ-катынь переведено incantatrix, то-есть, вѣдьма; это нѣсколько расширяетъ смыслъ термина; камъ-катынь ср. съ формой хонгъ-хотанъ или ку-катынь; подъ послѣднею татарскія сказки южной Сибири разумѣютъ дѣвъ, обращающихся въ лебедей, то-есть, существа, способныя къ оборотничеству, существа въ родѣ вѣдьмъ. Въ сказаніи на стр. 175 является птица Хотунъ вмѣсто летучей мыши.

78. Изобрѣтеніе письма.

См. Schmidt's Geschichte d. Ost-Mongol., S. 394.

79. Три сына Ханъ-Чурмусэнъ-Тэнгри'я.

Имя Ханъ-Чурмусэнъ-тэнгри ср. съ алтайскимъ будто бы прежнимъ названіемъ Кайракана (то-есть, громовника) Сары-тырмашъ (стр. 328), съ Ханъ-Тюрмасомъ бурятскаго сказанія (стр. 822), съ Камъ-Курмосемъ алтайскаго (стр. 328), и наконецъ, съ Гурбустенъ-ханомъ монгольскаго (стр. 429); послѣднему, какъ и Ханъ-Чурмусену, приписывается три сына (стр. 442). Легенда о трехъ сынахъ неба встрѣчается у Алтайцевъ; имена этихъ сыновей различны; кромѣ приведенныхъ на стр. 69 и 70, у другихъ авторовъ приводятся еще слѣдующія троицы: 1) г. Адриановъ (Изв. И. Русск. Геогр. Общ., 1881 г., в. IV, стр. 44) сообщаетъ вѣрованіе Черневыхъ Татаръ, что у Пай-Ульгена три сына или три брата: Чажипъ-канъ, Кыргызь-канъ, и Мурчакъ-канъ (бурчакъ, „градъ“, „горохъ“); другіе перечисляютъ трехъ братьевъ: Пай-Ульгенъ, Когушъ-канъ и Пакту-канъ. 2) У г. Радлова (Вост. Обзор., 1882, № 7, стр. 12): отъ Кайракана ведутъ свое начало три высшихъ бога: Бай-Ульгянъ, Кызаганъ-Тенгере и Мергенъ-Тенгере. — По монгольской былинѣ у неба три сына: Китынъ-Зеби, Китынъ-Арслынъ и Иривъ-Сайнъ (стр. 442); въ бурятской три сына грома: солнце, мѣсяцъ и огонь (стр. 332). У Якутовъ по Татищеву три невидимыя божества: Аръ-теугонъ, Шуго-тойгонъ (Счуготеугонъ) и Тайгара (Н. Попова, Н. В. Татищевъ, стр. 710). На западѣ у Ингушей на Кавказѣ три сына бога называются Воскресенье (Киринде?), Етеръ и Елта; у Вотяковъ существуютъ три божества: Султанъ (соотвѣтствуетъ востоку), Иньмаръ (полдню) и Акташъ (западу). При сопоставленіи этихъ именъ бросается въ глаза сходство нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ это видно изъ слѣдующаго ряда:

Въ бурятск.	Тольты	Сагадай
„ алт.	Солты-гаанъ	Ямгуръ Охту
„ ингуш.	Елта	„
„ вотск.	Султанъ	Акташъ

Ямгуръ-Охту алтайскій и Сагадай бурятскій представляютъ сходство и въ томъ еще, что первый считается виновникомъ грозъ, а второму приписывается открытіе огня. Акту — „блаженные“ у Алтайцевъ по Радлову („Вост. Обзор.“, 1882 г., № 8, стр. 12). Сказаніе о бросаніи жребія объ управленіи міромъ см. на стр. 269. Подобно сказанію о Бурханъ-Бакши, и въ другихъ вариантахъ одинъ изъ соперниковъ получаетъ проклятіе или становится царемъ подземнаго міра. Осетинскій Елта также навлекаетъ на себя гнѣвъ Бога. Г. Адриановъ (въ „Вост. Обзор.“, 1882, № 21) приводит еще сойотскій вариантъ: „Были три брата, Ерликъ-ханъ, Китайскій царь и Акъ-ханъ (то-есть, бѣлый царь); между ними завелъ споръ, кому изъ нихъ быть старшимъ (царемъ). Успѣли они рядомъ съ чашками въ рукахъ, и, закрывъ глаза, начали читать номы. Въ чашкѣ Ерлика было вино, у Китайскаго царя вода, а у Акъ-хана молоко. Во время молитвы въ чашку Ерликъ-хана упалъ съ неба цвѣтокъ. Китайскій царь, который съ умысломъ не прикрывалъ плотно глаза, тихонько переложилъ изъ чашки Ерлика цвѣтокъ въ свою чашку и затѣмъ объявилъ, что онъ вычиталъ объ упавшемъ къ нему цвѣтѣ. Ерликъ по всевѣденію своему и могуществу зналъ о поступкѣ Китайскаго царя и тогда же сказалъ ему: „Пусть ты будешь владѣть народомъ, но за то и этотъ народъ будетъ сплошь воры; краденнымъ же онъ будетъ и албанъ тебѣ платить“. Съ тѣхъ-то поръ Сойоты и стали ворами“. — Въ прикамскомъ Поволжѣ также встрѣчаются преданія о трехъ братьяхъ, но они приурочены къ исторіи заселенія края; братья обыкновенно представляются пришельцами, первыми колонистами извѣстной мѣстности; иногда разказывается, что они бросаютъ жребій о землѣ; обыкновенно одинъ обманываетъ другихъ и получаетъ лучший участокъ. См. выше примѣч. къ № 49, стр. 814 и № 32, а также Б. Гаврилова, Произв. нар. слов. Вотяковъ, стр. 145. Въ нѣкоторыхъ преданіяхъ прикамскаго Поволжья о братьяхъ одинъ изъ нихъ подвергается проклятію; намъ не удалось однако встрѣтить такого, чтобы проклятіе слѣдовало за обманъ при бросаніи жребія о землѣ.

Гаданье на цвѣтахъ въ ходу у нашего народа. Въ Никольск. у., Волог. губ., дѣлежъ сѣнокосныхъ луговъ производится посредствомъ бросанія жеребьевъ изъ цвѣтовъ. Растенію Polygonatum officinale въ Рязанск. губ. приписываютъ свойство чистить тѣло; но не всякій экземпляръ способенъ къ этому; чтобы узнать, пустой или цѣлбный экземпляръ въ рукахъ, дѣвица, обрывая одинъ листикъ за другимъ, произноситъ: пена! лупена! пена! лупена! Которое изъ этихъ словъ придется на послѣдній листикъ, по тому заключаютъ, годное или негодное растеніе. По этому употребленію Pol. officinale и носить имена: купена, купъ, купина, купень, купѣни, лупена, пена-лупена. Слово „пена“ встрѣчается и въ жеребьевыхъ дѣтскихъ пѣсенкахъ: „плыла

пена изъ-за моря, стали пену бить, колотить, вызыспрашивать“. По лепесткамъ купавы или кубышки *Nuphar luteum* гадаютъ о женитьбѣ, отрывая лепестки. Пучки или вѣнички, связанные изъ купальницы, *Ranunculus acris*, бросаютъ на бани, загадывая о смерти. Объ *Erigeron acris*, который называется купала, у Аппенкова сказано: растение это играло важную роль въ знахарствѣ и колдовствѣ.

Нашъ народъ знаетъ три звѣзды „дѣвичьи зори“ (ср. Три царя, областное названіе Оріона, стр. 724—725); это были три сестры вѣдмы, которымъ досталось горѣть близъ Млечнаго Пути (Ж. М. Н. Пр., 1863, июль, стр. 21); у Аванасьева: три сестрицы-заряницы приставлены сторожить пса, который прикованъ у М. Медвѣдицы (Поэт. Возвр., I, 762). Киргизы различаютъ три звѣзды—утреннюю Джарыкъ, вечернюю Джарыкъ и полуденную Джарыкъ. Въ Никол. у., Волог. губ., стожарами (ср. Стожаръ, „Плеяды“) называются три кола, вбитые въ землю въ рядъ, между которыми набивается сѣно для просушки. По числу колець это имя болѣе шло бы къ Оріону, чѣмъ къ Плеядамъ.—Формы Тирмашъ, Тюрмашъ ср. съ Торумъ, Тармъ, Тоормъ и пр., „Богъ“ и „небо“ на языкѣ Остяковъ и Вогуличей; торумъ, медвѣженокъ на языкѣ Урянхайцевъ; см. стр. 162.

80. Отчего ламы безъ штановъ ходятъ.

Южно-русское сказаніе, отчего чортъ безплатный: чортъ, подражая Богу создавшему человѣка, сдѣлалъ слѣпока, но не могъ оживить его; Богъ оживилъ чертовъ слѣпока, вышелъ волею и побѣждалъ за чертомъ; чортъ на ольху, волкъ откусилъ ему пятку. Данильченко, Этн. свѣд. о Подол. губ., Кіам. Под., 1869, стр. 13; Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, т. I, в. 1, стр. 23. Въ алтайскомъ сказаніи на дерево спасается Джельбегень (№ 34, вар. л); мѣсто объ откушенной пяткѣ измѣнилось въ сказаніе объ одной ногѣ, оставшейся не обутой. Ср. съ болгарскимъ сказаніемъ объ Иванѣ и Дукліанѣ (Безсоновъ, Кал. Перех., в. 3, № 136), русскимъ повѣрьемъ о кукушкѣ, у которой во время бѣгства или вылета въ окно одинъ башмакъ былъ сдернутъ (Этн. Сборн., VI, 123), киргизскимъ сходнымъ (Оч., II, 159) и бурятскимъ объ Одюго (стр. 24).

82. Огонь.

Къ вар. в. Въ Нижегородской губ. существуетъ повѣрье о летунахъ или летучихъ духахъ, являющихся къ тоскующимъ по умершимъ; они летаютъ медленно, полетъ ихъ подобенъ колыханію; цвѣтомъ они красные (О предразсудк. въ Нижегород. губ., ст. А. М., стр. 11).

Къ вар. е. Въ литовскомъ сказаніи солнце называется сыномъ грома; въ индѣйскомъ мнѣ огонь есть братъ Индры (Mannhardt, Germ. Myth., 143; ср. также стр. 205). Въ нашихъ памятникахъ: „И послѣ (Сварога) царствовалъ сынъ его солнце, сынъ Свароговъ, его же наричють Дажь Богъ.

Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажь Богъ, бѣ мужъ силенъ*; въ другомъ мѣстѣ: „И огнени молятся, зовуть его Сварожичемъ“ (Аванас., Поэт. Возвр., I, 65). Приговоръ отца-грома объ огнѣ ср. съ библейскимъ объ Іафетѣ: потомки твои населятъ шатры Сима (Иск. IX, 27). Тройное число сыновей встрѣчается въ сказаніяхъ о трехъ сыновьяхъ Гурбустень-хана или Ханъ-Чурмусень-Тэнгри и др. (см. прим. къ № 79). Въ другихъ сказаніяхъ о трехъ братьяхъ или трехъ богахъ, бросающихъ жребій, также одинъ проклинается, напримѣръ, въ монгольскомъ сказаніи, стр. 269, Бурханъ-баши; въ сойотскомъ, стр. 879, Ерликъ-ханъ и пр. Въ хронографѣ, описанномъ Поповымъ, рядъ болгарскихъ царей начинается тремя именами Авитохоль, Ирникъ и Гостунъ; послѣдній названъ намѣстникомъ; первые два изъ рода Ерми. Такъ какъ эти три имени стоятъ въ началѣ ряда, то очень можетъ быть, что они прибавлены къ историческому ряду изъ болѣе древняго преданія, въ основѣ котораго лежитъ мнѣ. Гостунъ ср. съ греческимъ Γεστία, Ерми съ греческимъ Ἐρμης. Членъ гость встрѣчается въ старо-славянскихъ именахъ: Радогость, который назывался также Swarozitz; Пирогость (съ которымъ, вѣроятно, стоитъ въ связи Пирогоща, прозвище иконы Божьей Матери); первую половину послѣдняго имени ср. съ греческимъ Περβς. Имя втораго царя Ирника представляетъ сходство съ эрне или арня, пятница по черемисски и по вотяцки. Вар. е ср. съ эстонскимъ сказаніемъ о сватовствѣ за дѣвицу Salme сыновей солнца, мѣсяца и звѣзды. За мѣсяцъ она не идетъ потому, что его лицо то слишкомъ узко, то слишкомъ широко; за солнце потому, что оно зло: во время сѣнокоса пускаетъ дождь, а во время проростанія овса дѣлаетъ засуху. За звѣзду же она идетъ охотно, потому что та пунктуально сидитъ въ своемъ домѣ на плечахъ Большой Медвѣдицы, на спинѣ Семиззвѣздицы (Плеяды? Castren, Finn. Myth., 54). Въ сказаніи Казанск. Татаръ о летучей мышѣ (см. стр. 760) послѣдняя, упрекая солнце за непослушаніе и остановку въ пути, говоритъ, что оно должно ходить безостановочно: въ противномъ случаѣ, тамъ гдѣ оно остановилось, трава сгоритъ, а тамъ, куда оно опоздало, трава сгниетъ.—Телеутская загадка объ огнѣ: кызылъ башту куртыяк кыйгыра кыйгыра чааб тур, „красноголовая старуха ржетъ и скачетъ“. Киргизская: саратсѣйген джирге чоб чикпайды, „на мѣстѣ, омоченномъ саврасымъ конемъ, трава не растетъ“. Ср. съ сербскою (Аванас., II, В., II, 5) и албанскою (Hahn, Alban. Stud., 161).

83. Поѣздка за живымъ богомъ.

Отголосокъ этого сказанія есть у Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 253). Abitai Ghalsagho Taidshi (у Тимковского Абида-Галсанъ-ханъ, Путеш. въ Китай, III, стр. 211) халхасскій посѣтилъ Далай-ламу съ цѣлью помолиться и поднести подарки; Далай-лама подарилъ ему образъ бога Wadschrapāni, который былъ тѣмъ замѣчательнѣе, что не сгорѣлъ въ огнѣ, сжегшемъ всѣ другія иконы. Легенда о поѣздкѣ монгольскаго хана въ Тибетъ сложилась, по видимому, изъ шаманскихъ сказокъ. Состязаніе

Абтай-сайн-хана съ Далай-ламой въ силѣ и чудотворствѣ ср. съ сѣверо-кавказскимъ сказаніемъ о Сосрыко, который по просьбѣ Нартовъ достаетъ огонь. Вокругъ огня лежитъ, свернувшись кольцомъ, голова подъ ногами, сияющій великанъ (змѣй?). Проснувшись, великанъ заставляетъ Сосрыко показать ему нартовскія игры; Сосрыко, ставъ у подошвы горы Капишкай, скаченный съ нея камень абра (вѣроятно громовую стрѣлу), ударивъ лбомъ, подгонялъ въ гору; затѣмъ Сосрыко наполняетъ ротъ стрѣлами, наконецъ ники отгрызаетъ, а дерево выбрасываетъ; раскаленный лемехъ проглатываетъ и охлажденный въ утробѣ возвращается. Все это съ успѣхомъ продѣлываетъ и великанъ. Потомъ Сосрыко погрузился на семь сутокъ въ семь морскихъ пучинъ и вышелъ изъ льда; великанъ же замерзъ во льду; въ это время Сосрыко отрубилъ ему голову и привезъ пылающую головню къ Нартамъ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. „Изъ кабард. сказаній о Нартахъ“, стр. 53). Въ другомъ осетинскомъ разказѣ описывается такое же состязаніе Сосрыко съ Елтаганомъ (Вс. Миллеръ, Осет. Этюды, I, 33). Имя Сосрыко, Созурго (Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. XIV, кн. II, стр. 87), Сосероко или Косирихъ (Ногмовъ, Ист. Адых. народа, 47; Вс. Миллеръ, Осет. Этюды, I, 7), которое Ногмовъ сближаетъ съ словомъ кесарихъ, вѣроятно, на основаніи народной этимологіи, ср. съ монгольскимъ Гесеръ-ханъ, которому также приписывается добываніе огня. Камень, который, разсѣдаясь, родитъ Сосрыко, напоминаетъ „мать камень“, изъ котораго рождается огонь; см. прим. 9 къ гл. I. Въ кабардинскихъ сказаніяхъ Сосрыко называется: „бриявая нога пастухова сына, вырощеннаго въ бѣломъ камнѣ“ (Ногмовъ, 48); не намека ли на происхожденіе Сосрыко отъ какаго-то пастуха? Батразъ также рождается изъ камня, отъ связи Сатаны съ пастухомъ. Темиръ хромой упоминается въ ингушскихъ сказкахъ; это былъ бараній пастухъ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., VIII, „Ингуши“, 20). Есть кака-то связь этого хромого Темира съ сказаніями о Батразѣ; у него потерялся сынъ, который оказался въ рабствѣ у Баркума, а Баркумъ есть ингушскій Батразъ.

Вѣроятно, разказъ о добываніи живаго бога принадлежалъ сначала къ ряду тѣхъ сказаній, въ которыхъ описывается поѣздка къ Ерликъ-хану. Двѣ собаки, которыя стоятъ предъ ставкой Далай-ламы въ вар. д, напоминаютъ алтайскихъ тайгалу-ить, пару собакъ, стерегущихъ входъ въ ставку Ерликъ-хана. (Въ дагестанской сказкѣ герой добываетъ птицу бурбулъ отъ дикой дѣвицы, у входа въ жилище которой стоятъ арсланъ и капланъ, то-есть, левъ и львица; Сборн. свѣд. о кавказ. горц., VIII, 22). Сказки о поѣздкѣ въ Ерликово царство находятся въ связи съ повѣрьюми о нисхожденіи въ подземный міръ камлающаго шамана (см. прим. къ № 135). На предположеніе, что сказаніе о добываніи живаго бога есть ничто иное, какъ поѣздка шамана въ царство Ерлика, наводитъ самое имя героя — Абтай по бурятски „колдунъ“; Порядинъ, якут. слов., рук.; по чувашски обада, по вотяцки обыда, „колдунья“. Мотивъ выбора предмета изъ ряда другихъ, совершенно сходныхъ другъ съ другомъ, также встрѣчается въ дру-

гихъ сказаніяхъ; преимущественно приходится выбирать невѣсту изъ сходныхъ дочерей царя (въ южно-русской сказкѣ про „морскаго царя“ герой выбираетъ невѣсту изъ 12 дочерей, которыя всѣ другъ на друга похожи; у воротъ царя стоятъ два льва; Труд. этн. экс. въ Зап.-русс. край, II, № 5), или выбирать своего сына, обращеннаго волшебникомъ въ ворона и стоящаго въ ряду другихъ вороновъ и т. п. Появленіе Далай-ламы на мѣстѣ Ерлика не слѣдуетъ ли объяснить тѣмъ, что первоначально въ этомъ сказаніи стояло Далай-ханъ, „морской царь“, который и былъ смѣшанъ съ Далай-ламой? Далай, „море“ по монгольски; по тунгуски море — лому. Въ сказкахъ Минусинскихъ Татаръ Талай-ханъ есть властитель надъ моремъ, которое отдѣляетъ нашъ міръ отъ міра Ирль-хана, то-есть, отъ міра мертвыхъ; онъ представляется людоедомъ (Castren's Finn. Myth., 154 и Nordisch. Reisen und Erinne., 254). Этого же Далай-хана, вѣроятно, разумѣетъ одна сойонская сказка у Радлова (Prob., I, 424), въ которой говорится, что вверху живетъ Шурханъ-ханъ Курбусту Тэнгэрэкэй, а внизу Карасанъ Аттыгъ (аттыгъ „медвѣдь“) ханъ Талай-ханъ.

Къ вар. а. Живой богъ носитъ названіе Гомбургуръ; собаки, кричащія передъ войной, напоминаютъ собаку тибетскаго царя Шидургу въ Алтанъ Тобчи, стр. 24, а также повѣрью о Большой Медвѣдицѣ (стр. 736). Гомбургуръ ср. съ Комбу-дорчжи, стр. 205 и 275; съ пригвожденнымъ Амбагаемъ у Саянъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 387).

Къ вар. б. Указаніе женщиной, какъ узнать святыню, напоминаетъ сказки о дочери морскаго царя, которая учитъ героя, какъ увести ее, а также разказы о выдачѣ женщиной тайны, какъ взять городъ. Подобныя сказанія часто встрѣчаются на Балканскомъ полуостровѣ (см. въ статьѣ Сырку въ Ж. М. Н. Пр., 1880 г., июнь, стр. 404; правдѣйское преданіе у Тепликова, Письма изъ Болгаріи, стр. 169—170, и на Кавказѣ, Сборн. свѣд. о кавказ. горц. в. V, ст. Пфаффа, Матер. для ист. осет., стр. 96). Въ Крыму наша лѣтопись разказываетъ его при взятіи Корсуни Владиміромъ. Икона Владимірской Божіей Матери указана Андрею Боголюбскому также женщинами. Отрубаніе части идола ср. съ мѣстомъ у Садовникова, Сказки и пред. Сам. края, и въ остяцкомъ преданіи. См. прим. къ № 64. О разрубаніи пополамъ см. Maппhardt, Germ. Myth., 163 и 164.

Къ вар. в. Эпизодъ съ конемъ, остановившимся на перевалѣ, ср. съ нашимъ сказаніемъ объ Андреѣ Боголюбскомъ, похитившимъ икону Владимірской Божіей Матери изъ Вышгорода (Карамз., т. III, прим. 383).

Къ вар. ж. По бурятскому сказанію, баранья лопатка потому употребляется при гаданьи, что на ней отразилось письмо изъ книги, которая была дана первому шаману Бохоли-хара, и которую съѣлъ баранъ (Изв. Вост. сиб. отд. Геогр. Общ., т. XI, №№ 1 и 2, стр. 90); см. прим. къ № 64.

Въ „Сбор. свѣд. о кавк. горц.“ въ IV, отд. 2, стр. 15—20, напечатана чеченская сказка: „Чеченецъ Иса и Черкесь-Иса“. Чеченецъ Иса былъ замѣчательный воръ; онъ и Черкесь Иса сдѣлались „присяжными друзьями“, и первый для послѣдняго хотѣлъ добыть жену. Вдвоемъ они пріѣзжаютъ въ

аулъ, гдѣ есть красавица, которая никому не показывается; одна вдова учить ихъ какъ поступать, и Чеченцу удастся похитить дѣвушку въ то время, какъ она вышла гулять въ садъ, состоящій изъ орѣшника. Конецъ сказки напоминаетъ наши сказки о Гнатъ-булатѣ (Чубинскій, Труды, т. II, стр. 321), Удалъ-молодцѣ (Нар. Ск., изд. Эрленвейна, стр. 50—72), Сучкѣ-продучкѣ (Труд. Курск. Стат. Ком., 1863, кн. I, 520).

Иначе эта сказка въ ингушской передачѣ, которую я записалъ въ Тифлисѣ отъ Ингуша милиціонера Сулеймана. У одной матери былъ единственный сынъ; были они очень бѣдны; мальчикъ приводилъ товарищей, съ которыми игралъ, къ себѣ въ гости и угощалъ яйцами. Мать однажды сказала ему: „Чѣмъ добывать въ домъ, ты только расходуешь домашнее добро“. Тогда мальчикъ надумался стать воромъ. Онъ укралъ у царя лошадь, которая была за девятью замками, привелъ ее къ себѣ, и помѣстилъ подъ своей землянкой. Царь послалъ людей искать, кто укралъ лошадь изъ подъ девяти замковъ; посланные не нашли. Воръ самъ пришелъ къ царю и говоритъ: „я укралъ вашу лошадь“. Царь сказалъ: „Я очень радъ, что въ моемъ государствѣ есть такой молодецъ, который можетъ украсть лошадь изъ-подъ девяти замковъ!“ Далъ ему золота и серебра и выстроилъ ему дворецъ, въ которомъ тотъ воръ и поселился. Имя ему было Черси-Иса. Разъ къ нему пришли 59 кабардинскихъ князей и просили поѣхать съ ними на добычу; такъ какъ онъ такой славный богатырь, то они разчитывали, что если поѣдутъ съ нимъ вмѣстѣ, то не вернутся съ пустыми руками. Они отправились въ городъ Тифлисъ; Иса оставилъ ихъ за городомъ, а самъ вошелъ внутрь; въ домѣ князя Ираклія было дѣвичье собраніе; Черси-Иса узналъ объ этомъ и сообщилъ своимъ товарищамъ. Ночью онъ вынесъ изъ собранія 59 дѣвицъ и шестидесятую дочь князя Ираклія. Дѣвицы они увезли домой. Черси-Иса, когда наступила ночь, приказываетъ дочери Ираклія раздѣть его; царевна отказывается и говоритъ, что онъ или можетъ отвезти ее домой и за это получить отъ царя золота и серебра или принять ее себѣ въ жены. Иса на это сказалъ, что прежде она будетъ его женой, а потомъ онъ за нее возьметъ золото съ царя. Когда онъ заснулъ, царевна взяла его лучшую лошадь и лучшее оружіе и бѣжала. Проснувшись, Иса надѣлъ самое худое, какое осталось, оружіе, сѣлъ на худую, какая осталась, лошадь и пустился въ погоню. У Мухета онъ догналъ царевну; она говоритъ ему: „теперь тебѣ не взять меня, потому что твоя лучшая лошадь и лучшее оружіе у меня въ рукахъ“. Черси-Иса хочетъ взять ее, но она разсѣкаетъ ему голову. Онъ падаетъ на землю. Тогда она завязала ему голову, надѣла на палецъ кольцо, и сказала: „если выздоровѣешь, пріѣзжай и покажи кольцо, по нему я тебя узнаю“, посадила его на лошадь и отправила домой. Черси-Иса выздоровѣлъ и вновь пріѣхалъ въ Тифлисъ; тутъ онъ нашелъ въ одномъ домѣ веселье по случаю свадьбы, въ другомъ плачь, въ третьемъ живетъ одинъ человекъ, который ни на веселье, ни на похороны нейдетъ. Черси-Иса зашелъ къ этому человеку и спрашиваетъ: что значать эти веселье и плачь. Тотъ объяснилъ, что гдѣ

плачь, тамъ умеръ главный священникъ, гдѣ веселье, тамъ выдаютъ замужъ дочь царя Ираклія. „А ты откуда?“ спросилъ житель у Черси-Исы. „Я изъ Кабарды“, отвѣчалъ Иса. „Не знаешь ли ты знаменитаго Черси-Исы“, доспрашивается хозяинъ дома. „Не знаю“, говоритъ Черси-Иса. Но тотъ сталъ приставать, и Черси-Иса признался, что это онъ и есть. Тогда хозяинъ объявилъ, что онъ называется Анди-Иса, и они стали братьями. Потомъ Черси-Иса разказалъ по требованію Анди-Исы, о причинѣ своего пріѣзда. Въ это время дочь Ираклія прислала за Анди-Исой звать его поиграть въ послѣдній разъ на пандорѣ (балалайкѣ); Анди-Иса взялъ кольцо у Черси-Исы и пошелъ. Царевна узнала кольцо и спрашиваетъ Анди-Ису: не убилъ ли онъ Черси-Ису, или онъ здѣсь? Тогда Анди-Иса объявилъ ей, что Черси-Иса здѣсь. Царевна приказала прійти Черси-Исѣ, а собраніе гостей распустила. Черси-Иса ночевалъ съ нею; утромъ она отсылаетъ его, онъ не хочетъ уйти безъ нея. Тогда она отворила окно и выбросила Черси-Ису; отлетѣлъ онъ на три версты, приходитъ къ Анди-Исѣ. Тотъ спрашиваетъ: „Что ты такъ долго?“ Черси-Иса разказалъ, какъ царевна выбросила его въ окно. Анди-Иса осердился и хотѣлъ разбить городъ: „Въ горсть зажму городъ и раздавлю въ пылъ!“ закричалъ онъ. Но Черси-Иса уговорилъ его не сердиться. Дочь Ираклія вышла замужъ за царя и ее отвезли въ другой городъ. На третью ночь, когда молодые вступаютъ на брачное ложе, Черси-Иса пошелъ ко дворцу, отрезалъ часовому голову, одѣлся въ его платье и ходитъ. Вышелъ царь и говоритъ ему: „ходи исправнѣе, караулъ получше!“ Когда царь вошелъ въ покои жены и сталъ приказывать ей разуть себя, та сказала, что онъ недостойнъ этого. „Какъ!“ говоритъ царь. — „Ты разувала пастуха Черси-Ису и не хочешь разуть царя!“ Царица отвѣчаетъ: „Если бы Черси-Иса случился здѣсь, онъ доказалъ бы, кто изъ васъ достоинѣе“. Черси-Иса вошелъ въ покой и спрашиваетъ: „Что съ царемъ сдѣлать? Кумыхскимъ ли кинжаломъ снять его голову или изъ грузинскаго перентъа (пистолета) прострѣлить его?“ „Сними кинжаломъ голову!“ сказала царица. Черси-Иса исполнилъ ея приказаніе. Онъ взялъ ее, пріѣхалъ въ Тифлисъ къ своему товарищу Анди-Исѣ и женился на ней.

84. Мынг хонгор атту Тюмендей и его внукъ Ерьсару.

Ерьсару ср. съ Сары-ерь, именемъ туркменскаго святаго, могила котораго на Мангышлакѣ (Вамбери, Путеш. въ средн. Азію, 1865, С. Пб.). Обѣщаніе отдать дѣтей въ сказкахъ Минусинскихъ Татаръ дается Китайхану или Джедайхану (*Melanges asiatiques*, t. III, l. IV, 1859, p. 375 и 379), въ русскихъ—морскому царю, медвѣдю, Оху (см. прим. къ № 54). Убѣгающія дѣти встрѣчаются въ бурятскомъ повѣрьѣ объ онгонѣ Тулашинѣ (см. стр. 107) и въ дюрбютской сказкѣ (№ 85). О Джельбага см. въ прим. къ № 5. Преслѣдованіе убѣгающихъ дѣтей ср. съ сѣверно-азиатскими легендами о Б. Медвѣдицѣ; въ № 35 вар. б и в она является вѣчно преслѣдуемою, но есть варианты, гдѣ она сама является преслѣдователемъ (см. Оч., II, 125). Рѣка, чрезъ которую при-

ходится переправляться бѣглецамъ, не Млечный ли путь? Три ели на противоположномъ берегу не вызваны ли видомъ трехзвѣднаго пояса Орiona? Спену съ бобромъ ср. съ вопросами, которые въ киргизской сказкѣ задаетъ сурокъ пробѣгающимъ мимо коню и коровѣ (Оч., II, 152). Три черты урянхайской сказки: бѣглянки, ищущія спасенія отъ вражеской силы на вершинѣ дерева (три дѣвицы, сидящія на деревѣ въ кабардинской сказкѣ; Сб. свѣд. о кавк. горц., в. VI, отдѣлъ народн. сказокъ, стр. 109), мнимый дождь и пролетающіе гуси, напоминаютъ наши сказки объ Ивашкѣ, бѣлой рубашкѣ. Выходъ замужъ и дальнѣйшій ходъ сказки представляютъ сходство съ монгольскимъ разказомъ объ Арья-Пало, который былъ переведенъ Шмидтомъ въ приложеніи къ Сананъ-Сэценовой исторіи (Gesch. d. Ost-Mong., S. 425—488). Приводимъ его вкратцѣ: У народа Беде былъ царь Тегусъ-Дзокту; жена его называлась Тегусъ-Гегенъ; у нихъ была единственная дочь Саманъ-Табадри и двѣ служанки-рабыни. Служанки завидовали почету, который всѣ отдавали царевнѣ и придумали средство унижить ее; онѣ уговорили царевну отправиться въ лѣсъ мыть бѣлье, взявъ съ собою тазы, золотой царевнинъ и мѣдные, принадлежавшіе служанкамъ. Въ лѣсу служанки стали убѣждать царевну опустить свой тазъ въ воду; царевна сначала отказывалась, но когда увидѣла, что тазы служанокъ плаваютъ, а не тонутъ, опустила и свой, но онъ тотчасъ же пошелъ ко дну. Тогда царевна велѣла одной изъ служанокъ пойти къ царю отцу и спросить: „Будутъ ли родители сердиться, если она вернется, или ужъ ей ѣхать въ чужое царство?“ Царь отвѣчалъ: „Золотыхъ тазовъ у меня много, а дочь одна!“ Служанка же, вернувшись къ царевнѣ на лошади, нагруженной припасами, сказала: „Царь осердился, прислалъ лошадь и припасы и велѣлъ убираться изъ его царства“. Всѣ три сѣли на одну лошадь, служанки впереди, царевна сзади, и поѣхали. Ихъ встрѣчаетъ молодой царь Амуголангъ-Ябукчи и спрашиваетъ: кто онѣ и куда поѣхали? Служанки отвѣчаютъ, что онѣ царскія дочери и поѣхали искать жениха. „А чѣмъ вы славны?“ спрашиваетъ царь. Одна служанка общаетъ горстью лоскутьевъ одѣтъ сто чело-вѣкъ, другая—горстью муки накормитъ сто чело-вѣкъ, а царевна родитъ ребенка съ золотою грудью. Царь беретъ царевну въ жены, а служанокъ заставляеть служить ей. Приближаются роды, царь ѣдетъ искать мамокъ. Въ это время царица родитъ золотогрудаго царевича; служанки питьемъ обезумливають ее, ребенка прячутъ подъ порогъ и оставляютъ только послѣдъ. Царь возвращается, проходитъ черезъ порогъ, что-то его дергаетъ; онъ велитъ изслѣдовать порогъ; служанки помѣщаютъ ребенка надъ верхнимъ косякомъ двери; тогда что-то волосы у хана трогаютъ; служанки перемѣщаютъ ребенка подъ тронъ, въ хлѣвъ, наконецъ зарываютъ въ саду. Тутъ вырастаетъ дерево, но его портятъ овцы; отъ одной овцы родится агневокъ, который превращается въ князя Ердени-Харалика; тотъ-то князь наконецъ и открываетъ отцу истинную исторію своей матери. Ердени-Хараликъ былъ воплощеніе Арья-Пало. Ср. Аванас., Н. Р. С., в. 3, № 13: сказка о косоручкѣ; Народн. ск., изд. Эрленвейна, стр. 28; ка-

бардинская сказка въ Сб. св. о кавк. горц., в. IX, стр. 108 и аварская, ib. вып. VI, стр. 39; послѣднія двѣ очень сходны между собою; содержаніе ихъ слѣдующее: Три сестры; царь женится на младшей; подмѣненные щенки; дѣти, дѣвочка и мальчикъ, брошены въ воду; тетки научаютъ дѣвочку посылать брата въ опасныя поѣздки; послѣдняя поѣздка къ дѣвицѣ, передъ которою юноши каменѣютъ; сестра оживляетъ окаменѣвшаго брата. Въ кабардинской сказкѣ дѣвица, передъ которой каменѣютъ люди, называется Айришъ-Айриша-канъ, въ аварской—Езень-Зухаръ.

Заимствованіе искусства врачеванія изломанныхъ конечностей у мышей см. въ барабинской сказкѣ о Кадышъ-мергенѣ (Radloff., Prob., IV, 77—78). Пастухъ, котораго встрѣчаетъ богатырь, подъѣзжая къ родинѣ своей невѣсты, есть и въ киргизской сказкѣ о Козу-Курпешѣ, который также убиваетъ пастуха и является въ домъ отца невѣсты одѣтымъ въ платье убитаго (Radloff, Prob., IV, 18). Имя Таракай встрѣчается въ алтайскихъ сказкахъ въ сложномъ имени Тасъ-Таракай (Radloff, Prob., I, 44); это имя богатырь обыкновенно принимаетъ, когда богатырскій видъ переимѣняется на невзрачный; „богатырь обратился въ Тасъ-Таракай“, переводятъ русскіе переводчики съ алтайскаго; улалинскій Телеутъ Иванъ Чивалковъ, служившій намъ вмѣсто переводчика, при передачѣ Урянхайцемъ этой сказки слово Таракай перевелъ: „голова, покрытая коростами“. Въ нашихъ загадкахъ пастухомъ очень часто загадывается мѣсяцъ; въ такихъ загадкахъ скотъ, который пасетъ этотъ пастухъ, иногда называется тараканскимъ. „Джеты тасъ куделю“ можно перевести: семь лысыхъ зятевъ. Въ монгольскомъ тасъ или тасо называется большая птица, Gyps himalaënsis, которая у Урянхайцевъ зовется езеръ. Соперничество Таракай въ сватовствѣ съ семью плѣшивыми ср. съ подобнымъ же соперничествомъ Тастаракая съ семью зайсанами въ выше указанной алтайской сказкѣ у Радлова (Prob., I, 44). О Куделю см. примѣч. 5 къ гл. III (стр. 721). Коварство зятевъ, присвоивающихъ себѣ дѣла Ерь Сару, сверженіе послѣдняго въ глубокую яму, извлеченіе его изъ ямы посредствомъ привезенной издалека конемъ богатыри дѣвицы, опускающей въ яму свои косы,—общія черты съ сказкой Абаканскихъ Татаръ о Сөдэй-мергенѣ (Radloff, Prob., 607). Ерь Сару=Сөдэй-Мэргенъ.—Обрѣзываніе частей лица встрѣчается въ одной осетинской сказкѣ о Маргуцѣ (ср. съ приведенными на стр. 794 именами луны на горскихъ языкахъ), который описывается, какъ пастухъ многочисленнаго скота; онъ лишилъ себя носа послѣ того, какъ убилъ свою жену и сына, вѣроятно, не подозрѣвая существованія послѣдняго (Сб. свѣд. о кавк. горц., в. III, стр. 19). Ослѣпленіе женщины, родившей ребенка съ серебряною шеей и золотою головой, ср. съ киргизскою легендой о Корытшканѣ или слѣпышѣ (Aspalax Syphenus), который не хотѣлъ вступить въ грѣховную связь съ своею сестрой и за это былъ ею ослѣпленъ, зарытъ въ землю и обращенъ въ слѣпыша. Эта связь представленій о кровосмѣшеніи и слѣпомъ звѣрѣ живетъ и въ повѣрьяхъ южной Россіи; по повѣрью въ Подольск. губ., зиньске щеня, Aspalax Syphneus, рождается

отъ женщины за ея грѣхъ; эти звѣрки ядовиты и за то слѣпы по Божьей волѣ (Н. Данильченко, Этнограф. свѣд. о Подольск. губ., Кам. Под., 1869, вып. 1, стр. 13). Ср. въ нашихъ былинахъ ослѣпленіе и зарываніе въ землю Касьяна, атамана сорока калекъ переходящихъ, по навѣсту жены Владиміровой (Рыбник., II, стр. 92, № 18). Настоящею причиною преслѣдованія Касьяна былъ отказъ отъ вступленія въ грѣховную связь съ царицей. Вѣроятно, киргизское повѣрье можно дополнить изъ урянхайскаго еще одною чертой, кромѣ ослѣпленія, именно поломкой рукъ; вывороченныя внаружи ладони переднихъ лапъ крота, прировненные къ копанію земли, могли подать поводъ къ легендѣ объ изломанныхъ рукахъ. Хотя ни урянхайское сказаніе, ни наши сказки о косоручкѣ не содержатъ въ себѣ намековъ на кровосмѣшеніе, но фигура косоручки, по видимому, заимствована отъ крота, и сказаніе о ней можно отнести къ эпосу объ этомъ животномъ. Не безъ значенія и то обстоятельство, что въ урянхайской сказкѣ новорожденный чудесный ребенокъ подмѣненъ звѣркомъ кѣй куске, то-есть, кротомъ. Ср. съ легендами о кровосмѣшеніи у Бевсонова (Кал. перех., в. 4, стр. 210: о Іудѣ, сынѣ Рувима, по прозванію Симона, и Циборіи) и у Чубинскаго (Труды этн. эксп. въ Запад.-русс. край, I, 1, 182: о Маріи Египетской и Андреѣ Критскомъ). Въ обоихъ легендахъ мать опускаетъ своего ребенка въ воду. Выбрасываніе ребенка матерью разсказывается и о Соломонѣ; въ сибирско-русскихъ сказаніяхъ о немъ говорится, что онъ еще въ утробѣ заговорилъ, услыхавъ разговоръ своей матери съ своею подругой о своихъ любовникахъ; ребенокъ произнесъ: „одна... другую каблукѣ (?) прикрываетъ“; мать осердилась за это на не родившагося еще сына, и когда онъ вышелъ на свѣтъ, она велѣла его выбросить; его подбросили къ одному кузнецу; кузнецъ принялъ ребенка, и такъ какъ онъ нашелъ его въ соломѣ, то далъ ему имя Соломонъ (зап. отъ г. Родвана, родомъ изъ г. Колывани Томск. губ.).

Соединеніе темъ утопленія дѣтей и кровосмѣшенія въ пѣснѣ у Шейна (Зап. Геогр. Общ. по отд. этн., т. V, стр. 542, № 452). Въ одной южнорусской колядкѣ, гречная панна Марія роняетъ вѣнокъ въ рѣку (вар. въ Дунай); она проситъ поймать вѣнокъ трехъ рыболововъ; одному обѣщаетъ шелковый платокъ, другому—золотой перстень, а третьему—„сама молода“ (Тр. этн. эксп. въ Запад.-русс. край, т. III, 300 и 303). Въ другихъ пѣсняхъ сходная сцена разсказывается о сестрѣ съ братьями. Ср. южно-русскія повѣрья о травѣ Иванъ да Марья (*Melampyrum nemorosum* или *Viola tricolor*), въ которую обратились братъ и сестра, брошенные матерью въ дѣтствѣ и потомъ поженившіеся; у Бевсонова, Кал. Перех., I, 697, стих. о Васильѣ и Софьюшкѣ и у Аванас., П. В., II, 506: повѣрье объ *Oscimum basilicum*. Въ болгарскомъ сказаніи на невинной крови вырастаетъ трава дятлина, которой у насъ даются имена ивасиѣ, светлебей, божій хлѣбъ. Сестрой, кровосмѣсительницей въ киргизской сказкѣ выставляется кошка малинъ; эта же кошка по алтайски и монгольски называется маны; бурятское моно-кохоръ, кротъ (*Radde, Reise*) представляетъ сліяніе двухъ именъ, разбитыхъ легендою на два отдѣльные персонажа

(малинъ и корь); у Алтайцевъ о маны говорится, что она мать всего, и что у нея семь сыновей; въ дюрбютской же редакціи этого повѣрья вмѣсто маны стоитъ баръ (*Felis tigris*); см. стр. 176. Разказъ о зарытомъ въ землю Корѣ ср. съ повѣрьями о громовой стрѣлѣ, уходящей въ землю. О травѣ „зарѣ“ см. прим. къ № 28; варницей у насъ называются нѣмыя молніи, которымъ приписывается созрѣваніе хлѣбовъ; Мордва, то же электрическое явленіе приписываетъ божеству, отъ котораго зависитъ плодородіе пивъ, и которое по черемисски называется Меляндъ-ава, „мать-земля“. *Melampyrum nemorosum*, кромѣ именъ Иванъ-да-Марья, братъ-да-сестра, День-и-Ночь, называется еще зубровая, зябрей (Анненковъ, Бот. Сл.); *Galeopsis tetrahit*—зубрей, зябрей, зябирь, жабрей, жаберъ, жабрихъ (*ibid.*); въ его цвѣтахъ также, какъ и въ цвѣтахъ *Mel. nemorosum* и *Gal. tetrahit*, двѣ краски:—желтая и синяя, чѣмъ и можетъ быть объяснено сходство именъ. *Thymus Serpillum* носитъ въ народѣ имена: чаберъ, чебрихъ и пр.; см. прим. къ № 68. О *Th. Serpillum* есть повѣрье, что она выросла на слезахъ Богородицы: Божья Матерь искала Христа и плакала; гдѣ пали ея слезы, тамъ и выросла эта травка, и распространилась потомъ по землѣ; чортъ создалъ другую колючую траву, которая теперь повсюду вытѣсняетъ богородскую (сообщ. г. Трусовымъ, уроженцемъ Пошехонскаго уѣзда). По „Голубиной книгѣ“ на слезахъ Богородицы выросла трава плакунъ (Аванас., П. В., II, 414); такое имя нашъ народъ придаетъ двумъ растеніямъ, сходнымъ тѣмъ, что у обоихъ вершина кончается длиннымъ султаномъ изъ малиновыхъ цвѣтовъ, именно *Epilobium angustifolium* и *Lythrum Salicaria*. По нѣмецкому повѣрью, на слезахъ Дѣвы Маріи выросла *Orchis mascula*, которая также имѣетъ султанъ малиновыхъ цвѣтовъ. У насъ это растеніе называется кукушкины слезы; кукушкѣ приписывается много растеній: кукушкины башмачки, кукушкины дары, зозулины черенчичи и пр. (Анн., Бот. Сл., 233, 236 и др.). Не обязано ли привлеченіе кукушки къ кругу этихъ повѣрій тому обстоятельству, что кукушка подбрасываетъ своихъ дѣтей въ чужія гнѣзда, обстоятельству, которымъ иногда начинаются легенды о кровосмѣшеніи? *Epil. angustifolium* называется копоръ, киперъ, кипрей, а также Иванъ-чай. Чаберъ, дзиберъ и пр. ср. съ татарскимъ и персидскимъ джуффаръ, мускусъ; джуффаръ, выхухоль на языкѣ Казанскихъ Татаръ; въ киргизскихъ сказаніяхъ Джуппаръ, первый конь на землѣ, предокъ нынѣшнихъ коней (Оч., II, 152). Папоротникъ называется мѣстами купоротникъ (Анн., Бот. Сл., 55). Съ темой о кровосмѣшеніи иногда связывается эпизодъ о боѣ сына съ отцомъ или убіеніе отца. Иногда разказъ о боѣ отца съ сыномъ стоитъ отдѣльно отъ темы кровосмѣшенія. Въ нашихъ былинахъ бой отца съ сыномъ разсказывается объ Ильѣ. Противникъ Ильи носитъ имена: Борисъ-Королевичъ, Бориско; въ сходныхъ былинахъ, но безъ упоминанія о родствѣ Ильи съ противникомъ—Идовинъ, Идолице; см. прим. къ № 135. Мать сына Ильи Муромца называется баба Семигорка, Латымка, Владимірка. Имя Владимірка или Латымка, вѣроятно, есть то же самое, что Владиміръ нашихъ былинъ; окон-

чаніе *ка* есть уступка духу русскаго языка, чтобы придать имени женскій родъ. Именемъ Владиміръ не называлась ли въ старинныхъ исчезнувшихъ вариантахъ жена Владиміра Опракса или Апраксѣвна? Такія перестановки именъ дѣло обыкновенное въ средней Азіи, гдѣ нерѣдко имя героя-богатыря былины въ другомъ вариантѣ является именемъ его невѣсты или жены и т. п. О женѣ Владиміра разказывается, что она хочетъ склонить на любовную связь Касьяна, калику переходящую; въ другихъ былинахъ она также рисуется женой невѣрною. Эти представленія о женщинѣ, вступающей въ любовную связь со многими (что Монголами разказывается о Ногонъ-Дареке, стр. 297), можетъ быть, находятся въ связи съ идеей о божествѣ, отъ котораго зависитъ плодородіе. — Имя Андрей, кромѣ легенды о Марѣ Египетской, является въ связи съ темой кровосмѣшенія въ сказаніи о Москвѣ (Карамз., т. II, прим. 301). Въ одномъ вариантѣ коварная жена повѣшена на воротахъ и разстрѣляна; убійцы ея мужа, зашитые въ коробы, брошены въ озеро. Ср. съ преданіемъ о бояринѣ Колмо; см. прим. къ № 88. Повѣшеніе на воротахъ есть въ кабардинской сказкѣ (Сб. св. о кавк. горц., в. VI, отд. народн. сказ., стр. 110); ср. также въ аварской (Сб. св. о кавк. горц., в. II, отд. нар. ск., стр. 40). Въ другомъ вариантѣ сказанія о Москвѣ Кучковичи являются любовниками Улиты Юрьевны, жены Даниловой. Въ Туранск. караулѣ Иркутск. губ. русское повѣрье: „Кири Улита страшная живетъ. Одна женщина сѣла пряхъ у окна въ день Кири-Улиты, ее убило громомъ. Не живетъ этотъ день безъ грома“. У Даля: кто на Кирика и Улиту жветъ, тотъ маньяки видитъ („Послов.“, 989). Къ историческому Андрею Боголюбскому приурочивается и сказаніе объ увозѣ Владимірской Божіей Матери изъ Вышгорода, см. прим. къ № 83.

Въ южно-русской сказкѣ „про дочку, гонимую мачихой“ (Труды Этногр. эксп. въ зап. край, II, 451), разказывается, что мачихина дочь, завидуя тому, что падчерица понравилась пану, и что онъ на ней женился, позвала ее купаться; тамъ она ударила ее розгой, приговаривая: „Лети, рисю, гускою!“ Та и улетѣла въ лѣсъ. У Аванасьева (Н. Р. С., в. 7, № 27) помѣщенъ только небольшой отрывокъ изъ этой сказки; обращенная женщина называется Арысь-поле. Арысь, рисю ср. съ русскимъ рысь, *Felis lynx*, киргизскимъ корсакъ, русскимъ на нижней Волгѣ корсъ, *Canis corsak*, южно-русскимъ въ Подольск. губер. коржанъ, летучая мышь, а также съ именемъ славянскаго божества Хорсъ. Ср. также съ прим. 37 къ гл. III. Поле ср. съ вотяцкимъ валанъ, баланъ, „рысь“; съ вотяцкимъ же пеле, пермяцкимъ и зырянскимъ палъ, „летяга“; по половецки *palang* „leopardus“ (Codex Cumanicus, изд. граф. Géza Kun, Budapest, 1880 г., стр. 98). Парное Арысь-поле ср. съ арс-ланъ, „левъ“ по монгольски и тюркски, „лисица“ по мещерски. Лѣтописная фраза: „Поляне, иже зовомая Русь“. Формы пили, бѣло встрѣчаются въ соединеніяхъ: Пилигримище, Билогремище, Бѣлояндрихъ; вторые члены отдѣльно: Индрихъ, Угрюмище. Василій Буслаевъ былъ отданъ въ обученіе къ Угрюмищу и выучился отъ него „не листы писать, а соколомъ летать“ (обертываться? Аванас., Нар. Ск. I, 51). Въ

другихъ сказкахъ герой отдается въ обученіе Оху, морскому царю, Идолу. Можетъ быть, въ старинныхъ утраченныхъ редакціяхъ вмѣсто Оха или Морскаго царя стояло иногда Пилигримище. Названія кустарника калины: *кага балам* татарское, *bolan* черемисск. и чувашск., вятско-татарск., башкирск., *joetel bolan* татарск., *koğorola* Крымск. Татаръ. Въ русскомъ чернобыль придается артемизин; кара по татарски черныи; былъ, конечно, сокращенное полынъ. О чернобыли существуютъ повѣрья (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край Кр., т. I, в. I 82; Анн., бот. сл., 42); между прочимъ въ одной сказкѣ дѣвицѣ, побывавшей въ царствѣ змѣй, дается зарокъ не говорить слово чернобыль; ср. съ обычаемъ народовъ Сибири не произносить серьезные термины въ родѣ имени медвѣдя или имени тученоснаго бѣлка. Въ одной былинѣ Тугаринъ, вмѣсто Змѣевича, названъ Бѣлевичемъ (Кирѣев., Пѣспи, IV, стр. 57). Названія растений носятъ иногда имена мифическихъ персонажей; многія изъ нихъ связаны съ легендой о страстотерпцѣ; такимъ образомъ имѣются травы: кровь св. Яна, Андреевъ крестъ, Иванъ да Марья и др. Красный цвѣтъ коры или ягодъ особенно подаетъ поводъ къ образованію такихъ повѣрій. Въ Красноярскѣ, Енис. губ., *Cornus* называется Христова розга; его вѣтвями стегали жида Христа, отчего онъ и имѣютъ красную кожу. Не было ли и о калинѣ легенды, что она выросла на мѣстѣ зарытаго страстотерпца? Татарское имя калины коро-баламъ ср. съ киргизскимъ коръ и малинъ. На другихъ нарѣчіяхъ калина называется чангишъ; въ монгольскихъ сказаніяхъ имя Чингисъ иногда связывается съ мыслью о кровосмѣшеніи; въ одномъ кровосмѣшеніе приписывается сыну Чингисхана, въ другомъ самому Чингису приписывается насиліе надъ женщиной; см. примѣч. къ № 47.

Конецъ № 84 представляетъ сходство съ вариантомъ киргизской сказки о Козу-Курпечѣ, находящимся въ рукописномъ собраніи киргизскихъ сказокъ, доставленныхъ къ петербургскому съѣзду ориенталистовъ; Козу-Курпечъ, убитый Кодаромъ, снова воскресаетъ по молитвѣ сорока муллъ; онъ ѣдетъ къ матери и находить, что его весь скотъ захваченъ его слугою Джидыбаемъ, а мать обращена въ служанку; онъ убиваетъ Джидыбая; въ это время подѣзжаетъ съ многочисленнымъ караваномъ Баянъ-Сулу; мать Козу-Курпеча выходитъ ее встрѣтить, но отъ радости умираетъ. Другая сходная черта: у Ерсару семь противниковъ, семь тасовъ; у Козу-Курпеча противникъ Кодаръ окруженъ 90 или 9 слугами. Третья сходная черта, умерщвленіе пастуха, указана выше.

85. Убѣгающій на быкѣ отъ шулума мальчикъ.

Ср. съ качинскою сказкой о Солбанъ-мергенѣ (Radloff, Prob., II, 392), гдѣ также сначала дѣтей уноситъ вѣщій конь, а потомъ они скрываются въ лиственницахъ. Солбанъ (Цолмонъ?) ср. съ Шулумъ (Шулмусъ?).

86. О предкѣ хойху.

Ср. съ исторіей о бодисатвѣ Шаръ-бычинъ-Мандѣ въ „Буддизмѣ“ пр. Нила, стр. 30, а также съ киргизскою легендой о родоначальникѣ племени Казбекъ („Очерки“, II, 4) и съ средневѣковою легендой о происхожденіи Гунновъ. По ходу разказа исторію о Шаръмакинѣ можно причислить къ кругу легендъ о кровосмѣшеніи, хотя этой послѣдней черты въ немъ и нѣтъ; № 87 также приурочивается къ Китайскѣ и Китайцу (см. также „Очерки“, II, стр. 81, о взглядѣ Монголовъ на ихъ метисацію съ Китайцами). Не была ли эта легенда о происхожденіи поколѣнія Джиды или Джеты, которое и теперь еще живетъ въ верховьяхъ Енисея, а также о предкѣ народа Кидань (почему, можетъ быть, къ легендѣ и примѣшивается имя китайскаго народа). Въ нашихъ сказаніяхъ мы встрѣчаемся съ именемъ Жидовинъ, который, по видимому, есть сынъ (незаконнаго?) сожителства Ильи Муромца, выросъ въ неизвестности о своемъ отцѣ, случайно встрѣчается съ нимъ и вступаетъ въ бой. Тему о ребенкѣ, подброшенномъ въ свинной хлѣвъ, ср. съ сказкой о Саламджѣ, найденномъ брошеннымъ въ соломѣ (Radloff, Proben, IV, 358), и особенно съ сказаніемъ о сынѣ Чингисъ-хана (стр. 230), за кровосмѣшеніе съ матерью изгнаннымъ въ степь; царевичъ сталъ предкомъ Киргизъ, въ память чего Киргизы брѣютъ волосы; послѣднее указаніе сближаетъ легенду о сынѣ Чингисъ-хана съ сыномъ Шаръ-макина; по другому сказанію („Оч.“, II, 164), киргизскій народъ произошелъ отъ сына Чингисъ-хана, изгнаннаго за кровосмѣшеніе съ матерью въ степь, гдѣ онъ вступилъ въ связь съ свиньей (по монгол. гахай). При этомъ онъ снесъ белюръ. Третье сказаніе приписываетъ подобное воровство дочери Чингисъ-хана, которой оно даетъ имя Чаганъ-ханъ (см. стр. 324). У Нила Ногонъ-дара является женой Шаръ-бычина. Въ осетинскихъ сказаніяхъ кровосмѣшеніе соединяется съ именами Урызмагъ и Сатана (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, „Осет. сказ.“, собр. Шанаевымъ, стр. 15). Урызмагъ въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ является въ формѣ Урызмагъ; рузмагъ — пятница на нѣкоторыхъ кавказскихъ нарѣчіяхъ; по чеченски пятница париски. Начало этихъ формъ, урыз, руз, парис, ср. съ именами звѣрей, приведенными въ прим. 37 къ гл. III. Объ обращеніи Урызмага въ собаку см. Сборникъ свѣд. о кавк. горц., IV, отд. II, стр. 21; Всев. Миллеръ, „Осет. этн.“, № XI.

88. Конь изъ тѣста.

Это, вѣроятно, одинъ изъ вариантовъ поѣздки въ царство мертвыхъ для похищенія души или живаго бога (огня?). Разказъ съ сходными чертами, записанный мною отъ Русскаго въ Томск. губ., помѣщенъ въ Этн. Сборн., VI, 148: „Одинъ былъ дока, черти ему на воздухѣ мостъ мостили и на бѣгу лошадь подковывали“. Онъ приходитъ въ хижину одной старухи и проситъ у ней сына (ср. Христосъ у жены Алилуевой, Безс., Кал. Перех., в. 4, № 330; въ Алтанъ Тобчи, 53: Тайджиуты приходятъ къ матери Темучина

и требуютъ выдачи ея сына; *ibid.*, 10). Старуха не отдаетъ сына. Въ это время туча изъ вороновъ палѣла и начала клевать трехъ голубей, сидѣвшихъ на крышѣ. Дока нарисовалъ коня, сѣлъ на него и выскакалъ изъ дома, но вороны его заклевали. Въ Шиддикурѣ, гл. VII (Этногр. Сб., VI, 45), жена человѣка, обращеннаго въ птицу, послѣ того, какъ она сожгла его птичью шкурку, должна была защищать палкой входъ въ свой домъ отъ злыхъ духовъ въ теченіе семи сутокъ; она не вытерпѣла, на седьмыи сутки вздремнула; духи унесли ея мужа. Она долго искала его въ горахъ, клича: шибегунъ герету (съ птичьимъ чехломъ), и наконецъ, нашла. Русскій разказъ изъ Томской губерніи разказчикъ называлъ: „о папѣ Римскомъ“. Это имя встрѣчается въ Голубиной книгѣ (Безсон., Кал. Перех.), именно изъ океана или изъ моря выходитъ церковь „святаго Климента, папа Римскаго“ (308), мощи „папа Римскаго, слава—Клементьева“ (276), церковь „Клима папа Римскаго“ (281). Имя „Климъ“ встрѣчается въ южно-русскомъ вариантѣ сказки о хитромъ ворѣ (Тр. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, II, 362), и въ велико-русскомъ (Аванас., VI, № 6, вар. 6; сказка кончается тѣмъ, что царь велитъ Климу бросить въ воду). Отъ г. Трусова мною записано преданіе объ озерѣ Колмо (близъ Шексны, Мологскаго уѣзда) и селѣ Капорѣ; около озера жилъ богатый бояринъ Колмо, у котораго была жена красавица; Капорскій князь, будучи однажды на охотѣ, заѣхалъ къ боярину въ гости; жена боярина сильно пригласилась ему, и онъ задумалъ, погубивъ мужа, завладѣть ею; онъ приказалъ своимъ людямъ схватить боярина, связать и бросить въ сосѣднее озеро, что тѣ и исполнили, а князь взялъ за себя его жену. Озеро по боярину и теперь слыветъ Колмово. И теперь Колмо стонетъ по ночамъ въ озерѣ. Рыбаки нашли однажды въ озерѣ серебряную подкову; Колмо былъ такъ богатъ, что лошадей подковывалъ серебряными подковами. Когда удятъ въ озерѣ, читаютъ заговоръ—просятъ удачи у Колмо. Ср. у А. Веселовскаго, „Разысканія“ въ Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. XL, кн. II, стр. 97: кипрскій царь отнимаетъ жену у Соломона. Въ Новгородск. губ. (сообщ. г. Пѣвцовымъ) есть повѣрье о папѣ Римскомъ, что онъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ старѣется и молодѣетъ; сходное повѣрье существовало о Криво-Кривейто, резиденція котораго называлась, Ромово. Есть дѣтскія пѣсенки о какомъ-то убитомъ дядѣ Романѣ. Имя Колмо встрѣчается нерѣдко на сѣверѣ Европейской Россіи: городъ Холмогоры, озеро Холмовское (въ 18 вер. отъ Пинеги), Колмогорская деревня въ Мезенск. у., гора Колмогорка въ Кемск. у., ручей Колморучей (Ефименко, Заволоцкая Чудь, Арханг., стр. 23 и др.), Колмовъ монастырь, прежде Паданская пустынь (Зап. Имп. Р. Г. Об. по этн., II, 59). Въ Монголіи озера: Холбо („Очерки“, I, 307), Хулму (*ibid.* 115); гора Калмы-тологой.

89. Хлѣбъ.

Ср. съ русскимъ (Аванас., Поэт. Возвр., I, 434, 482; Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, I, 1, 156), болгарскимъ (Каравеловъ, Памятн. нар.

быта Болгарь, I, 239) и осетинскимъ преданіями (Сборн. свѣд. о кавк. горц., IX, ст. Изъ осетинск. сказ., стр. 20).

90. Тигрь и быкъ братья.

Ср. съ разказомъ о тигрѣ и теленкѣ, которому тигрь навѣшиваетъ колокольчикъ (Оч., II, 163); въ нѣмецкихъ сказкахъ о Пинкелѣ, похищающемъ козла у великанши, рога послѣдняго были увѣшаны колокольчиками (Mannhardt, Germ. Myth., 176). О теленкѣ и львенкѣ, воспитывавшихся вмѣстѣ, см. въ Шиддикурѣ, гл. XX. Въ вар. а можно видѣть мнѣ о смѣнѣ дня и ночи, представленный въ видѣ вражды, кончающейся смертью обоихъ (то-есть, день прекращается ночью, а ночь днемъ). Въ бурятскихъ сказаніяхъ Буха-ноинъ, пестрый, небесный быкъ борется съ чернымъ быкомъ; пестрины на быкѣ, можетъ быть, пятна на лунѣ (по монгольски пестрый алыкъ, по татарски ала). Баръ, можетъ быть, вмѣсто наръ „солнце“.

96. Лунатизмъ.

Названіе разказу дано мною неправильно. На разспросы о лунатизмѣ Дюрбюты отвѣчали мнѣ невѣдѣніемъ о такомъ явленіи. Г. Григоровскій въ письмѣ ко мнѣ сообщаетъ объ Остяко-Самоѣдахъ, что они также не слыхивали о лунатикахъ.

97. Три товарища.

Ср. съ казыкумхскою сказкой въ Сборн. свѣд. о кавказ. горц., в. I, стр. 67.

98. Заячи.

Ср. у Афанасьева „Двѣ доли“, в. V, № 51. У Вотяковъ, Елаб. уѣзда, мною записанъ разказъ о бѣднякѣ, очень сходный съ № 51. Вмѣсто доли побои терпитъ „шудъ“ (въ каракиргизскомъ, какъ намъ сообщилъ г. Радловъ, кудъ, „счастье“); „воръ-шуд’ами“ Вотяки называютъ берестяныя коробки, служащія для храненія священныхъ предметовъ, которымъ приписывается благотѣльная сила; воршудъ имѣется въ каждой семьѣ; онъ хранится въ лѣтникѣ или шалашѣ, такъ называемой „куалъ“. Ставятъ его на полку у задней стѣны; такимъ образомъ по своему положенію онъ очень напоминаетъ алтайскій джайкъ. Въ Курской губерніи записанъ слѣдующій разказъ, въ которомъ вмѣсто доли является звѣрь саранча. Бѣдный братъ замѣчаетъ, что на пашнѣ его богатаго брата работаетъ звѣрь-саранча, съ его бѣднякова поля беретъ сѣмя и пересаживаетъ на поле къ богатому. Бѣднякъ начинаетъ бить саранчу; тогда саранча говорить, что у него, бѣдняка, есть своя саранча, и если онъ еѣ побьетъ, тогда и онъ будетъ богатѣть (Труд. Курск. стат. комит., 1863 г., кн. I, стр. 541—542). Имя саранча

ср. съ Джеренше въ киргизской сказкѣ у Радлова (Proben., IV, 201); та же сказка записана Радловымъ у Алтайцевъ, у которыхъ вмѣсто Джеренше стоитъ Джеренъ (Proben., I, 197). Форма джеренъ или еренъ употребляется Урянхайцами, почти какъ нарицательное для всѣхъ онгоновъ и соотвѣтствуетъ монгольскому слову онгонъ и алтайскому джайкъ. Можно предположить, что у одного изъ племенъ, жившихъ въ Курской губерніи, когда она еще была занята не Аріицами, былъ онгонъ подъ названіемъ джеренше или саранча; отъ не Аріидевъ это повѣрье перешло и къ позднѣйшему населенію изъ Русскихъ. Переходъ имени онгона на полевое насѣкомое можно объяснить такъ: имена онгоновъ у осѣдлыхъ жителей перешли на тѣхъ животныхъ, которые любятъ селиться около человѣка; у насъ и у Киргизъ ласточкамъ приписывается принесеніе богатства; о ласточкѣ говорится: „бабочка подъ-домъ носить огонь, ласточка—воду“ (Этн. Сб., VI, „Южн. часть Томск. губ.“). Въ Томской губ. есть повѣрье: въ томъ домѣ будутъ счастливы, гдѣ поселится звѣрокъ ласочка (*Mustela vulgaris*, которая въ нѣкоторыхъ областяхъ называется ласточка, ластица). Аистъ (южно-русс. гайстеръ; ср. съ обл. Орловск. губ. настыръ, „летучая мышь“; см. Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн., II, 21), устроившій гнѣздо на крышѣ, почитается добрымъ предзнаменованіемъ, а оставленіе имъ крыши предвѣщаетъ пожаръ. Чернымъ тараканамъ также приписывается благотѣльное вліяніе; случайно замѣтивъ чернаго таракана на полу, хозяйка бережно относитъ его за печь, чтобы кто-нибудь нечаянно не раздавилъ его; гдѣ появились черные тараканы, въ томъ домѣ будетъ довольство; чернымъ тараканамъ выставляютъ даже пищу, какъ домовому. Тараканы предсказываютъ пожаръ; передъ пожаромъ они удаляются изъ-дому. Имя этихъ насѣкомыхъ напоминаетъ форму тарханъ, о значеніи которой см. примѣч. къ № 64. Если съ именемъ тарханъ можно связать представленія о змѣѣ, то съ другой стороны и съ формой еренъ, вѣроятно, связывалось подобное же представленіе (ср. Еренъ-кылъ; стр. 646). Насѣкомыя, живущія около печи, могли получить имена онгоновъ потому, что нѣкоторые изъ послѣднихъ также помѣщаются близко около очага; имя саранча могло сначала перейти на домашняго сверчка и потомъ уже на истребителя нивъ. Ср. пружи и прусаки (по вотяцки прусаки, „заяць“). Нашими миеологами указана связь домового съ громовникомъ, но путь, которымъ громовникъ прошелъ подъ печь или подъ порогъ недостаточно ясенъ; онъ становится понятнымъ, если въ повѣрьяхъ о домовомъ и о долѣ видѣть слѣды повѣрій о домашнихъ идолахъ. Домовой помѣщается или подъ печкой или подъ порогомъ; онгоны также помѣщаются или подлѣ двери или противъ очага у задней стѣны, а иные еще ближе къ очагу.

100. Ерень-чэчэнъ и Яра-чэчэнъ.

См. у Радлова, Proben, I, 197; IV, 201.

101. Джиренше-шешенъ.

См. Оч., II, 158.

102. Умная жена и глупый мужъ.

Бала-аяга ср. съ Бѣль-Бѣлянинъ русскихъ сказокъ, который есть, по мнѣнію Ор. Миллера, мѣсяцъ (Хрестом., 169).

105. Предки скота.

Записанное въ Баянаульскомъ округѣ Семипал. области, это повѣрье представляетъ сравнительно съ помѣщеннымъ въ „Очеркахъ“, II, 152, позднѣйшую редакцію, явившуюся подъ мусульманскимъ вліяніемъ. Въ Крыму записано нами въ деревнѣ Капсихоръ преданіе: Вейсиль-коранъ былъ верблюжій пастухъ, угодившій пророку; онъ ходилъ за верблюдами и все плакалъ, молясь, какъ бы ему увидать пророка. Ой по монг. лѣсъ, а также горностаѣ (иначе онъ, уинъ; ср. имя поколѣнія у Урянхайцевъ Уинъ). Сложная форма Зенгъ-баба встрѣчается нерѣдко въ западномъ Туркестанѣ, какъ имя урочища; кромѣ указаннаго уже въ „Очеркахъ“ (II, прим. 31 къ гл. V), урочище съ этимъ именемъ встрѣчается въ Туркменіи, близъ Узоя (Гедройцъ, Предварит. отчетъ о геолог. изслѣд. на Аму-Дарьѣ, 8). Не версія ли это якутскаго Джахе-баба? Ср. Seng-baba, воспитанникъ тигрицы въ индѣйскомъ мифѣ (Bunsen, Die Iejaden, 441). О святомъ Чабанъ-ата есть преданія у Киргизъ Адаевцевъ; см. Сб. свѣд. о кавк. горц., в. VI, ст. „Преданія Адаевцевъ“, стр. 12. Джуппаръ, имя предка лошади (Оч., II, 152), ср. съ джуффаръ, дупаръ, „выхухоль“, джуфаръ, „мускусъ“ по персидски; въ имени киргизскаго поколѣнія Чубаръ-айгыръ второй членъ значитъ „жеребецъ“.

106. Алашаханъ.

См. Очерки, II, 148; въ сюжетахъ избранія царя часто является журавль (стр. 185); оппозицію журавлю составляетъ птица будене (перепелъ). Въ русскомъ разказѣ, какъ извѣстно, упоминается Гостомысль; ср. имя апста гайстеръ-бусѣль. Отдѣленіе отъ племени ср. съ отдѣленіемъ Шунобатыря съ придачей ему свиты, какъ это разказывается въ нѣкоторыхъ вариантахъ о немъ. О крикѣ „алашъ“ см. Оч., II, прим. 6 къ гл. V. Монголы во время атаки троекратно кричали Ahla! Ahla! Ahla! (Brosset, Hist. de la Georg., P. I, I. II, p. 519 и 518); можетъ быть, эти крики Ahla принадлежали Туркамъ, бывшимъ въ монгольскихъ полчищахъ. Это былъ военный кличъ въ родѣ нашего: керьлешъ или крлешъ (Буслаевъ, Ист. Оч., II, 76). О крикѣ хурей см. выше прим. 57 къ гл. II Якуты кричатъ уруй во время жертвоприношеній и при удачномъ уловѣ медвѣдя, лося и другихъ животныхъ (Изв. Вост.-сиб. отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 38). Въ центральной части Киргизской степи указывается могила Алача-хана. На Сары-су и на Кенгирѣ, по Шангину (въ Сибирск. Вѣстникѣ), находятся могилы Джанъ-ана и Белянъ-ана; послѣдняя въ днѣ бѣды отъ оз. Тезекуля. По разспросамъ г. Балкашина, который года четыре тому назадъ проѣхалъ

черезъ Голодную степь, въ верховьяхъ р. Нуры находится не Джанъ-ана, а Джуанъ-ана; при устьѣ Кара-Кенгира Булганъ-ана, выше ея Алача-ханъ; Белянъ-аны не знаютъ. Въ затерянныхъ теперь рукописныхъ запискахъ моего отца, который прошелъ вдоль р. Сарысу до ея низовья въ 40-хъ годахъ, я помню, упоминались могилы Булганъ-ана и Белянъ-ана. На картѣ Западной Сибири, изд. Военно-топогр. депо, на Сарысу назначено урочище Талмасъ-ана (ана по киргизски мать), можетъ быть, также могила. Въ атласѣ Ремезова 1701 года (С.-Пб., 1883), на лѣвомъ берегу Сарысу при знакахъ, изображающихъ какія-то постройки, находятся надписи: „мечать Булганъ-ана“, а ниже ея „Талмасата“. Могилы Алача-ханъ и Джучи-ханъ, по словамъ г. Балкашина, находятся при впаденіи Сары-Кенгира въ Кара-Кенгиръ, недалеко отъ зимовки Ердена Сандыбаева, батыря Кенисаринскаго времени. У Алача-хана сохранились стѣны, лѣстницы, своды; есть эмальированный кирпичъ.

109. Каратты-ханъ.

Въ сказкѣ Тарскихъ Татаръ душа Ташкана хранится подъ видомъ семи перенезокъ (пѣбне), которыя находятся въ одномъ изъ семи мараловъ (ср. Долонъ-хого, Б. Медвѣдица, стр. 136), приходящихъ пить изъ колодца подъ семью тополями (Radloff, Proben, IV, 109). О Суть-кулѣ см. стр. 70 и 692. Въ прикамскомъ Поволжьѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ Чуваши, встрѣчаются озера, которыя называются Шюды-куль, то-есть, свѣтлыя озера; думаютъ, что въ нихъ живутъ духи. У Золотницкаго, Чув. слов., 75: сьуда-куль. Ср. русск. обл. едигуль, адъ, крошечная. Объ одномъ изъ такихъ озеръ, лежащемъ близъ дер. Анчикъ-касы, г. Магнитскій сообщилъ мнѣ слѣдующія повѣрья: Грязная вода никогда не втекаетъ въ озеро, а всегда минуетъ его; по тому, какъ весною ледъ на озерѣ исчезаетъ, падаетъ ли на дно или разстается, не погружаясь, заключаютъ объ урожаѣ. Прежде озеро было при дер. Асламазъ, но изъ него вышла какая-то большая страшная рыба и перенеслась въ Анчикъ-касы; ни жители, ни собаки не смѣли къ рыбѣ подступиться. Налетѣли какія-то птицы стадами и исклевали это чудовище. Съ той поры озеро образовалось на нынѣшнемъ мѣстѣ. Въ сосѣднихъ съ Чуваши мѣстностяхъ встрѣчаются русскія названія: Свѣтлыя или Святныя озера; не переводы ли это прежняго, инородческаго шюды-куль? Въ Нижегород. губ. существуютъ сказанія объ озерахъ, на днѣ которыхъ существуютъ монастыри. Невидимый городъ блаженныхъ Китежъ находится у озера Свѣтлояра; вода озера почитается цѣлебною отъ болѣзни глазъ и отъ припадковъ у женщинъ, повторяющихся при каждомъ рожденіи новаго мѣсяца (Древн. и Нов. Россія, 1877 г., № 11). На днѣ озера Нестіаръ находится монастырь, въ которомъ „семь“ иноковъ (Нижегор. Сборн., IV, 24); оба монастыря стануть видимыми при кончинѣ міра. Золотницкій указываетъ на значеніе черемисскаго слова сот, которое по чувашски произносится съут, свѣтъ и придается къ имени высшаго божества: Сот-тня-

кого-юмо; сот или сота хотя и произносится горными Черемисами, какъ свѣт, свѣзт, сѣзт, но въ понятіяхъ ихъ оно тождественно съ лугово-черемисскимъ сѣзт и русскимъ „святой“, чѣмъ и поясняется приводимое г. Знаменскимъ „Свѣтъ-ханъ-кого-юмо“ (Золотницкій, Невид. міръ по шаман. воззр. Черемисовъ, Казань, 1877, стр. 9 и 10). Не скрывается ли въ этой чувашско-черемисской формѣ сот, сѣзт, свѣт первый членъ татарскаго имени Б. Медвѣдицы, и черемисское Свѣтъ-ханъ не есть ли татарское Жидиганъ? Въ русскомъ свѣтъ въ связи съ мѣсяцемъ; „свѣтель мѣсяцъ“ въ пѣсняхъ; въ Голубиной книгѣ: „бѣлый свѣтъ отъ самого Христа, отъ луны его“ (Безсон., Кал. перек., 231). Не слѣдуетъ ли и русское Святогоръ принять за форму, передѣланную изъ неарійской въ родѣ Едигеръ и т. п. (см. стр. 713)? Ст. формой сѣзт ср. начало имени перваго Болгарскаго царя Авитохла по хронографу, описанному Поповымъ.

110. Тунгъ Каратты ханъ.

Сходныя черты есть въ ново-зеландской сказкѣ, которая приведена Либрехтомъ въ *Zur Volkskunde*, S. 245. Въ черемисской сказкѣ (Знаменскій, Вѣстн. Евр., 1867, дек., 38): у Юмы была дочь, которую онъ спускалъ на землю по войлоку пасти скотъ; она научила человѣка похитить ее. Опущенное въ сосудъ кольцо, по которому женщина узнаетъ своего мужа, см. у Тихонравова, Памятн. стар. русск. лит., III, стр. 59; Аванас., Н. Р. С., в. 8, № 5. У Чеченцевъ обычай при заключеніи побратимства пить пополамъ стаканъ водки или молока, на дно котораго опущена золотая или серебряная монета; сходный обычай и у Осетинъ (Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. Ак. Наук., т. XIV, кн. II, стр. 54). Сопоставленіе формъ Амырга-Могусъ и Темиръ-Могусъ ср. съ сопоставленіями Амурсана и Темирсана въ другихъ сказаніяхъ (напримѣръ, стр. 667).

111. Боролдай ху.

См. „Очерки“, II, а также въ Труд. эксп. въ Зап.-русск. край, II, 204: сказка про Ивана Богатаго. У Радлова (Prob. IV, 358) переданъ вариантъ этой сказки Тобольскихъ Татаръ; бѣднякъ называется Саламджа; онъ былъ найденъ въ соломѣ и вскормленъ лисцей. Въ сибирскихъ вариантахъ русскаго сказанія о Соломонѣ онъ выброшенъ матерью въ поле за то, что, будучи еще въ утробѣ, упрекалъ мать за распутство; ребенка нашелъ одинъ крестьянинъ въ соломѣ и далъ ему имя Соломонъ. Скотъ и домъ, которымъ лисица овладѣваетъ для своего питомца Саламджи, принадлежатъ Джильбегену; въ монгольскихъ—Мангысу, въ русскихъ—Тугарину Змѣвичу. На Кавказѣ вариантъ записанъ у Аварцевъ (Об. свѣд. о кавказск. горцахъ, в. 2, отд. 2, стр. 45); герой сказки называется Букучиханъ; хитрѣя штуки продѣлываетъ лисица; вмѣсто Гурбустень-хана монгольскихъ сказокъ и Грома-батѣи русскихъ являются „семь царей“. — Къ вар. в.

У Бодонджара (Алтаъ-Тобчи, стр. 16) шалашъ изъ травы, какъ и у Боролдая (Оч., II, 171)

112. Батырь Чонунъ бель.

Не разказывалось ли въ этой сказкѣ о возвращеніи увезенной жепы? Появленіе въ сказкѣ Тончжи Молонъ-хана ничѣмъ не вызвано, и въ послѣдующемъ разказѣ онъ не упоминается. Не его ли слѣдуетъ видѣть ниже подъ видомъ старика, вступающаго въ бракъ съ эмеженой Хопчжи-харемъ? Бурятское сказаніе ведетъ человѣчество или свое племя отъ Исги Молонъ-тэнгри и Бодонъ-хатунъ-пби (см. № 53). Эпизодъ о Санхони-цецекъ ср. съ разказами о богатырѣ, спасаемомъ женщиною изъ ямы при помощи своихъ костей (сказка „Сбдѣй-мергенъ“ у Радлова, Prob. II, 607). Амынь-Цаганъ-Бюрю самъ Тэнгри-ханъ вытаскиваетъ на небо на цѣпи изъ жилища хана шулмусовъ (подземнаго царства? см. стр. 198); раньше Амынь-Цаганъ-Бюрю попадаетъ въ яму, изъ которой вылѣзаетъ по дереву. По видимому, сказка объ Амынь-Цаганъ-Бюрю слита изъ двухъ вариантовъ, въ которыхъ эпизодъ о ямѣ разказывался различно. Низверженіе въ яму у Саванъ Сэцэпа, стр. 81: Buke Tschilger копаетъ яму для Чингиса; въ Алтаъ Тобчи, стр. 15: Джингиръ-Буке. Отравленіе разказывается объ Есугаѣ, отцѣ Чингиса; онъ отравленъ на пиру Дада. Въ кабардинской сказкѣ Пши-Бадинокъ подвергается попыткѣ быть отравленнымъ на пиру партовъ, на которомъ предсѣдательствуетъ князь Дада (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, стр. 59). Приѣздъ Пши-Бадинокъ замѣчаетъ дѣвица, пошедшая за водой (какъ въ № 112 приближеніе Чонунъ-беля).—О змѣѣ, свернутомъ кольцомъ, см. въ Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, т. I, в. 1. стр. 36; у Аванас., Поэт. Воззр. II, 122, 549, 551; у Тарбагатайскихъ Торгоутовъ существуетъ повѣрье, что вокругъ спѣжной вершины горы Мустагъ въ хребтѣ Сауръ лежитъ, свернувшись кольцомъ, змѣй. Въ монгольскихъ сказкахъ вмѣсто ямы иногда стоитъ тамъ, „адъ“. Низверженіе въ яму, въ тамы, не равносильно ли забрасыванію на (темное ночное) небо? Форму тамы ср. съ Темиръ въ сложныхъ: Темиръ-казыкъ, „Полярная звѣзда“ и т. п. См. стр. 734 и прим. 37 къ гл. II.

113. Эртэнъ-ерге.

Ср. Аванас., Н. Р. С., в. V, № 21.

117. Тончжи-мергенъ.

Ср. съ сказкой Минусинск. Татаръ о Кокъ-ханѣ и Sary-Moko (Mel asiaticq., t. III, L. 4, p. 382) и сказаніемъ кавказскихъ Карачаевцевъ (въ Кубанской области) о Джалмаусъ и братѣ ея Килы, котораго собаки спасаютъ отъ сестры людоедки (см. прим. къ № 33 вар. а). Въ финской сказкѣ съ сестрой Pagalainen'a живетъ любовникъ, который съѣдаетъ Пагалайнена,

но собака послѣдняго съѣдаетъ любовника и оживляетъ хозяина. Въ сойотской сказкѣ (Radloff, Proben, I, 428) собаки Талай-хана (то-есть, морскаго царя) съѣдаютъ Пагай-джуро. Въ № 61 Сартакая (вар. Сартакай) съѣдаютъ котунскія собаки. Формы Пагай, Pagalainen, Буха ср. съ тунгусскимъ бѣга, „мѣсяцъ“, и самоѣдск. бого, богго „медвѣдь“, съ окончаніемъ русскаго росомаха, розсомака (Владиміровъ, Нѣсколько данныхъ для изуч. сѣв. рус. нарѣчій. Казань, 1878), зырянскаго лольмаха, Gulo borealis. Въ монгольскомъ махачинъ, „людоѣдь“, въ якутскомъ могусъ, „обжора“. Шарь-бухо ср. съ монгольскимъ шарь-макчинъ. Формы Джуро, Шарь, Саръ ср. съ самоѣдскими jiry, jirie, ire, are, igea, irgi, ega, „мѣсяцъ“ (Castren, Wörterverz. a. d. Samoied. Spr., S. 252) и съ монголо-урянхайскимъ ирей, „медвѣдь“. Такай ср. съ алтайскимъ текенъ, росомаха, съ окончаніемъ бурятскаго бартахы, „медвѣдь“; сложное Сартакай ср. также съ формами Така-джаранъ, Джеренъ-шешенъ и пр. (Зап. Археолог. Общ., XIV, 166; Radloff, Proben, I, 197 и IV, 201), и съ монголо-тюркскими формами картага, харцига, карчига, „ястребъ“; въ сказкахъ Минусинск. Татаръ богатырь Ала-картага („пестрый ястребъ“) убиваетъ Джедай-хана и связываетъ его семь собакъ (Mel. asiaticq., t. III, l. 4, p. 415); окончаніе цига, чига ср. съ цаганъ; въ кошунъ Таджи-Урянхай на вопросъ: какой кости? одинъ Монголъ отвѣтилъ мнѣ: харпаган ястай. Хар ср. съ бурятск. харъ, „мѣсяцъ“, цаганъ съ чаганъ, у Чернев. Татаръ „звѣзда“. Въ южнорусской сказкѣ Марко-Богатаго разрываютъ зятевы собаки (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, II, 341).

124. Сенге-хунъ-тайджи.

Ундуръ по монгол. „высокій“; такъ это слово и слѣдуетъ, можетъ быть, понимать въ нѣкоторыхъ сложныхъ названіяхъ горъ, какъ напримѣръ, Ундуръ или Индырь-Хаирханъ (Оч., II, 364), Ундуръ-Сыхылынъ (см. выше стр. 805). Въ другихъ случаяхъ нужно, кажется, исать для этой формы другаго значенія. У Туркменъ есть родъ Баж-индырь (Вамбери, Путеш. по средн. Азін). Въ тунгусскомъ эндуръ, „богъ“, а также „духъ“ (Брылкинъ, въ Путеш. по Уссури г. Маана, I, 14). Звѣриныя имена: хундуръ, „бообръ“, у Чувашъ; ундуръ, idem, у горныхъ Черемисъ; вандеръ у Остяковъ средняго теченія Оби, вантэръ у Назимовскихъ Остяковъ (запис. И. С. Поляковымъ), wondor у Богучичей (Pall., Zoogr., I, 77); gonter, „выдра“, у Остяковъ въ Самаровѣ; indrau, „летучая мышь“ у Мордвы-Мокши; гондырь, „медвѣдь“, у Вотяковъ; hidris, ydris, ydrif или андріонъ, ихневмонъ въ древнихъ bestiariis (онъ закапывается въ рѣчной илъ, даетъ себя проглотить крокодилу, прокусываетъ ему желудокъ и кишки и тѣмъ его убиваетъ). Въ азбуковникѣ, напечат. Сахаровымъ: „индрія звѣрь есть водный“; г. Вс. Миллеръ сблизилъ это повѣрье съ повѣрьями о мамонтѣ (Древн., VП, стр. 6). Позднѣе г. Поляковымъ найдено областное въ Воронежск. губ.: индэръ, „мамонтъ“ (Зап. Ак. Н., т. XXXVІІ, кн. I, 1888, стр. 18). Въ нѣмецкой загадкѣ кротъ и лягушка названы: uedrioan un adrioan (Wolf, Zeitschr.

f. Deut. Myth., III, 186). Вотяки думаютъ о кротѣ, что если случайно, вмѣсто того, чтобы прокопаться подъ дорогой, онъ выйдетъ на нее и увидитъ свѣтъ Божій, то долженъ умереть. То же самое Русскіе въ Сибирѣ разказываютъ о мамонтѣ, вышедшемъ изъ яру на дневную поверхность. Въ нашихъ былинахъ: Бѣлояндрихъ, Ондрище, Андронище (Рыбн., II, 238); послѣдній ставится вмѣсто Пилигримище. Въ загадкахъ: 1) *макъ*: Андронъ Андроновичъ сквозь землю проходилъ, огонь выносилъ (Садовниковъ, З. Р. Н., № 816); Дренъ Дреновичъ, Иванъ Ивановичъ, сквозь землю прошелъ, на головѣ огонь пронесъ (ibid., № 816, а); 2) *свѣтецъ*: Дронъ Дроновичъ, сквозь огня прохаживалъ, огонь на головѣ вынашивалъ (ibid., 198). Въ вотяцкой загадкѣ свѣтецъ загадывается также Андреемъ (Б. Гавриловъ, Произв. нар. слов. у Вотяковъ, стр. 114, № 30). Въ числѣ областныхъ названій растеній имя Андреева трава, Андреевъ крестъ прилагается къ вероникѣ, которая имѣетъ другія имена: Егорьево копы, Змѣева трава, змѣиный укусъ; послѣднее имя намекаетъ, вѣроятно, на легенду о травѣ, созданной Богомъ для лѣченія отъ болѣзней и обкушенной діаволомъ (ср. у Анненкова, Бот. сл. подъ именемъ Scabiosa Succisa). Имя Андрихъ встрѣчается въ лѣтописяхъ; въ Никоновской подъ 1004 г.: „Андриха Добрянкова храбраго отравою окормиша свои его слуги“ (Квашининъ-Самаринъ, въ ст. „Русск. быliny“, въ журн. „Бесѣда“, 1871, май, стр. 229). Въ апокрифическихъ сказаніяхъ апостолъ Андрей совершаетъ поѣздку къ челоукоядцамъ для освобожденія изъ тюрьмы апостола Маттея; темницу сторожатъ семь стражей; Андрей ѣдетъ туда на кораблѣ, которымъ правитъ Господь съ двумя ангелами. Въ другихъ сказаніяхъ Андрей странствуетъ къ Хазаренамъ, въ городъ Мирмидонъ (Васильевскій, Хожд. ап. Андрея, въ Ж. М. Н. Пр., 1877, янв., 59—69). Ср. надпись civ. quod margmorea на картѣ братьевъ Пицигани 1367 года, помѣщенную на terra incognita къ в. отъ Волги; подъ городомъ представлено дерево, изъ-подъ корней котораго струится источникъ (животворной воды?) подлѣ надписи: arboris do q... ag (u)a ex...t. Такое же дерево изображено и на картѣ Герберштейна близъ загадочнаго озера Kithau, изъ котораго будто бы вытекаетъ рѣка Обь. Снимокъ съ этой карты помѣщенъ у Миддендорфа (Reise, B. IV, Th. 1, s. 31). Вода жизни у корней Золотой березы встрѣчается въ сказкахъ Минусинск. Татаръ (Mel. asiaticq., t. III, l. 4, p. 418).

126. Дзюникъ-бо.

Лопарскій богатырь Лаврукаджъ былъ жожакомъ Русскихъ въ ихъ набѣгахъ на Лопъ и всегда губилъ ихъ своею ловкостью; Русскіе упоминаются въ числѣ семи лодокъ. Однажды онъ отчалилъ со всѣми семью лодками, оставивъ Русскихъ на островѣ безъ запаса, и они умерли отъ голода; въ другой разъ онъ связалъ всѣ семь лодокъ вмѣстѣ, велѣлъ Русскимъ лечь лицомъ ко дну, направилъ ихъ внизъ по р. Потіюки къ находящемуся на ней водопаду, самъ выскочилъ на береговой камень, а Русскіе погибли въ

водопадъ (Этн. Сборн., IV, 225). Ср. разказъ въ былинѣ о гибели Олега на мосту въ Овручѣ, въ лѣтописи Вручей; шестой порогъ на Днѣпрѣ у Константина Порфиророднаго называется Леанти или Веручи. Карельскій разказъ о порогѣ Юмѣ на р. Кемь см. въ Древн. и Нов. Россіи, 1880 г., февр., въ ст. Камкина: „Архангел. Карелы“, стр. 294—295. Число семь съ именемъ Русскихъ связываетъ и Димешки (Соловьевъ, Ист. Росс., т. I, стр. 348, прим. 150), разказывающій о семи островахъ на Черномъ морѣ, на которыхъ жили Руссы-разбойники. Ср. съ сложнымъ Еди-Урусъ, которое восстанавливаетъ г. Березинъ въ текстѣ Рашидъ-Эддина (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 270), и которое можно перевести „семь Русскихъ“; разбойничій характеръ приписывается Б. Медвѣдицѣ. Въ Лѣтоп. русск. лит., изд. Тихо-правовымъ, IV, стр. 86, приведенъ отрывокъ о семи женахъ, исходящихъ отъ моря; г. Некрасовъ сближаетъ ихъ съ русалками. Г. Гаркави (въ Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XII, въ ст. „О происхожд. нѣкот. геогр. назв. на Тавр. полуостр.“) указываетъ на мѣсто въ Александриадѣ, написанной поэтомъ Низами, въ которомъ разказывается о нашествіи на Абхазію, сдѣланномъ въ ночное время Руссомъ, жаднымъ до битвъ, le Russe avide de combats, изъ страны Геркъ и Аланъ, у Ердмана Аланъ-керкъ. То же парное упоминаетъ Катрмеръ (Histoire des Mongoles, t. I, p. 71); имя португальскаго города Alanguer, по увѣренію португальскихъ историковъ, образовалось изъ Alankerkana, что будто бы означало „церковь Алановъ“. Въ другомъ мѣстѣ поэмы Низами о Кипталѣ, вождѣ Русскихъ, сказано: Quintal leva une armée dans les sept provinces dépendantes de la Russie (буквально: les 7 Russes); см. Дорнъ, Каспій, стр. 501. Киптала Низаміевой поэмы Дорнъ сближаетъ съ Кандавлемъ Александриады, переведенной Шпигелемъ (ibid., стр. 1.). О сближеніи именъ Кандавля и Геркулеса см. Benfey, Orient und Occident, t. II, s. 17. Сложное Геркъ-Аланъ ср. съ монгольск. джиргаланъ, „счастье“, „блаженство“, а также „марево“, и съ крымско-татарск. кыркъ-аланъ, „плуть“ (Кеппель, Крымск. Сборн., 1837, стр. 312). Окончаніемъ своимъ джиргаланъ сходно съ названіями нѣкоторыхъ звѣрей, какъ напримѣръ арсланъ, капланъ и др.; начало ср. съ монг. джирхе или джирхъ, бурундукъ, торгоутск. хула-джиргы, летяга, урянх. джерканъ, летуч. мышъ, татарск. черкасъ, бурундукъ и джерканатъ, летучая мышъ, а также съ остяцкимъ жүгех, волкъ, самоѣдск. уѣркъ, медвѣдь, юракъ. ворга, медвѣдь, манджурск. ярха, барсъ и ходзенск. фрга, барсъ. Въ аварскомъ на Кавказѣ летучая мышъ назыв. гергел или дергел (Азб. авар. яз., Услара).

127. Галданъ-бошко и Побей-Хотунъ батырь-бели.

Истребленіе непріятелей орудіемъ, повертываемымъ въ рукѣ, ср. съ разказомъ о кievскомъ богатырѣ Чоботкѣ, поражавшемъ Татаръ чоботомъ. Чоботокъ сближался съ Ильей Муромцемъ (ср. съ Збуть въ имени сына Ильи: Борисъ Збуть Королевичъ). Выколупываніе драгоценности изъ Гомбугура ср. съ сурожскою легендой о Русскомъ князѣ Бравлинѣ (ср. Муров-

линъ вм. Муромецъ у Лассоты). Збуть ср. съ крымско-татарскимъ чуфуть, чумуть, „еврей“; сл. съ примѣч. къ № 181 (съ мѣстомъ о Збуть-королевичѣ и Жидовинѣ). Хабуту есть прозвище Хасара, брата Чингисъ-хана въ Алтанъ-Тобчи.

129. Бохолъ и Борзой.

Сидѣнье въ ямѣ ср. съ охотой на змѣя посредствомъ засады въ ямѣ (Буслаевъ, Ист. Оч., I, 274).

131. Ульберге.

Ср. съ сказкой Минусинскихъ Татаръ о мальчикѣ, поймавшемъ бѣлаго волка, который потомъ оказывается Бөрө-ханомъ (Mel. asiat., t. III, 1 4, p. 392). Бичакъ (то-есть, ножъ, за которымъ ѣдетъ богатырь) ср. съ башкирскимъ башакъ, „наконечникъ стрѣлы“ (сообщ. г. Малаховъ).

132. Эртене-мергенъ.

Ср. южно-русскую сказку въ Труд. эксп. въ зап. русск. край, II, 15: Оврамъ по совѣту сыча идетъ къ его отцу, солнцу, и получаетъ „яйце-бильце“, отъ котораго происходитъ множество скота. Въ сказкѣ Минусинскихъ Татаръ Агое (Этн. Сборн., IV, 86—94. У Шифнера Melanges asiat., t. III, 1. 4, стр. 377, вм. Агое стоятъ Агай, что онъ переводитъ „бѣлый мѣсяцъ“; въ Этногр. же Сборникѣ Агое переведено: „бѣлый лунъ“) богатырь ѣдетъ къ Соръ-кану (Сорджи?); въ пути ему встрѣчается море необъѣздное и два богатыря, между которыми нужно проѣхать, не глядя на нихъ (они соотвѣтствуютъ, по видимому, толкучимъ горамъ въ поѣздахъ другихъ богатырей). У Соркана двѣ дочери: Алтынъ-арахъ и Кышынъ-арахъ (ср. въ № 13, съ двумя красавицами Пори-хана, которыя, вѣроятно, были его дочери); Сорканъ отдаетъ дочь свою Алтынъ-арахъ за Агое (въ книжныхъ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ упоминается человекъ изъ племени Сүлдесъ по имени Сурганъ-Шира [Раш. Эдд. въ Зап. Археолог. общ., XIV, 68] или Сорханъ-Шира [Тр. Пек. дух. мисс., IV, 43] или Торганъ-Шара [Алт. Тобчи, II, 12], который не даетъ ему огня. Не намекъ ли на молнію и мнѣ объ открытіи огня? Одинъ изъ сыновей Сургана называется Джилаунъ [по Рашидъ-Эддину], Чилаоунъ [по Юаньчаомини], Чилагунъ [по Алтанъ Тобчи]. О Шилунгунъ или Чулунгунъ см. стр. 744). Имя Галто-бурханъ встрѣчается въ бурятской пѣснѣ о винѣ (см. стр. 212); въ другой строфѣ оно замѣнено именемъ: Чингисъ-ханъ; не было ли это одно изъ именъ Чингисъ-хана или его титулъ? Колду-Бурханъ ср. съ Бурханъ Халдунъ или Бурханъ Галдинъ, именемъ горы, которая часто встрѣчается въ сказаніяхъ о Чингисѣ, (Тимковскій, Путешеств. въ Китай, III, 191; Труды Пекинск. духовн. мисс.,

IV, 50; Зап. Имп. Археологич. Общ., XIV, 92, 144; Schmidt, Geschichte d. Ost-Mongolen, 57); такой горы до сей поры на картах Монголии не значится, но встречаются горы: Халдзунь-Бургутай, Халдзынь Бургонту (Пржевальский, Монголия, I, 182); холзань, *Aquila chrysaetos*, вероятно, с монгольского; бюргуть, орелъ, *Aquila imperialis*. У Алтайцевъ есть поклѣнне Кальджань-ирхитъ. Поѣздку за Колду-бурханомъ ср. с халхасскимъ разказомъ о добываніи Амитынь-бурхана. Въ обоихъ дѣло идетъ о добываніи „живаго бога“; отрубаніе пальца живому богу въ урянхайской сказкѣ ср. съ разрубаніемъ живаго бога пополамъ въ монгольской. Монгольское названіе Амитынь, замѣняющее урянхайское Колду, ср. съ формой Амида-бурханъ, которая какъ бы замѣщаетъ форму Голто въ бурятской пѣснѣ вину (№ 44, е). Между именами халхасскаго хана, вѣдущаго за живымъ богомъ, встрѣчается Алтынь-Гартай (№ 83, вар. б). Въ № 68 Аюдобисатъ привозитъ невѣсту, дочь Галдунъ-тэнгиря, чудесный конь, который потомъ оказывается Бурханомъ-Бахши. Членъ Алтынь встрѣчается во многихъ сложныхъ именахъ, какъ героическихъ лицъ, такъ и урочищъ въ Монголіи, и постоянно, хотя можетъ быть не всегда уместно, переводится „золотой“. Такъ мы знаемъ урочища: Алтынь-имель (золотое сѣдло), Алтынь-хухэй (золотая кукушка), Алтынь-кукэй, Алтынь-чѣчей, или выраженія Алтынь Гургүльдей (гургүльдейды—громъ гремитъ на языкѣ крымскихъ Татаръ), Алтынь-зурге, (см. выше стр. 202), Алтынь-тельхе (Altan dälākai у Шотта; Abhandlung. Acad. d. Wissensch. zu Berlin, 1851), Алтынь-мелекей (золотая лягушка) и пр. Въ сказкѣ Минусинскихъ Татаръ (Mel. asiat., III, Üb. Heldensag. d. Minussin. Tatar. v. A. Schiefner, S. 379; Этн. сб., IV, 112) встрѣчаются братья Кулаты и Чалаты; послѣдній всѣ вещи знаетъ, и къ нему ѣдутъ братья Ай-темузъ и Куй-темузъ узнавать, дѣйствительно ли близокъ конецъ міра; въ тѣхъ же сказкахъ встрѣчается Джалаты-мергенъ, который знаетъ языкъ всѣхъ звѣрей и знаетъ все, что случится (Mel. asiat., III, Schiefner's Die Märchen d. Minus. Tatar., S. 419); Ыкѣ-Чиледу въ Юаньчаомиши (Труд. Пек. дух. мисс., IV), Боке-Чиледу у Саванъ-Сэдэна (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mongolen), Ежи-гельды въ киргизской сказкѣ о хитромъ ворѣ (Radloff, Proben, III, 332); Канкильды, родъ киргизскій („Очерки“, II, 3); ханъ-чильдыкъ, монгольское названіе одной водяной птицы; бизъ-гельдекъ, киргизское названіе стрепета въ Акмола. области и куропатки въ Тарбагатаѣ (тѣмъ же именемъ называется и болѣзнь лихорадка).

У Вотяковъ Кыдышинъ — божество, которое ставится рядомъ съ Иньмаромъ, громовникомъ. Они вмѣстѣ ходятъ по землѣ; Иньмаръ, повидимому, представляется старикомъ, Кыдышинъ — молодымъ; во время общественныхъ жертвоприношеній первый день посвящается Иньмару, второй Кыдышину; если Иньмаръ громовникъ, то не будетъ ли Кыдышинъ соответствовать молніи? Кыдышинъ есть богъ плодородія; онъ ходитъ по межамъ и даетъ урожай нивамъ, слѣдовательно, соответствуетъ мордовской Ангепатяй, которая сближается съ зарницей (нѣмою молніей). Сходныя формы

Солтыганъ (см. стр. 70), Султанъ одно изъ трехъ божествъ у Вотяковъ. У Чувашей есть божество Сюльди-тора, по Сбоеву (Изслѣд. о инородц. Каз. губ.) повелитель надзвѣднаго міра; производить отъ чувашскаго сюлдыръ, „звѣзда“. Слово сульдэ напоминаетъ татарскія формы, служащія для обозначенія звѣзды: юлдузъ, джуддусъ, ытмысь, сытмысь и пр. См. с примѣч. 20 къ главѣ III. Бурятскаго онгона Зультынь ср. с манджурскимъ шилтанъ „шаманскій шестъ“ и килтанъ, „флагъ“; урянхайское призваніе едзень-сульдэ ср. съ Іезимъ-пій, упоминаемымъ въ алтайскомъ призваніи, производимомъ весной, когда цвѣтутъ цвѣты (см. стр. 70). Выраженіе Иренъ-юсунъ ср. съ Ерепъ-Чечень, Джеренъ-шешень (стр. 362; Radloff, Proben, I, 197). Едзень, шешень ср. съ монгол. еджъ, кирг. шеше, „мать“. Въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ встрѣчается Мужинъ Султу (Зап. Археолог. Общ., XIV, 55) или Мэгуджинъ-султу; не было ли это враждебное существо, которое Чингису было поручено усмирить въ родѣ того, какъ Иринъ-Сайнъ усмиряетъ Мангыса (Оч., II, 179). Банзаровъ форму: юсунъ-сульдэ сближаетъ съ знаменемъ Чингисъ-хана; по записанному нами сказанію оно также увозится, какъ и Колду-Бурханъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ старый обладатель его лишается счастья (см. № 74 и примѣч. къ нему). Сабля Кулеме-седиме, сама побивающая народъ (стр. 424), напоминаетъ подобныя же самоубыющія орудія другихъ сказокъ, какъ напримѣръ, моны или мына въ № 95. Седиме ср. съ выраженіемъ „Соломоновъ мечъ“, встрѣчающимся въ мусульманскихъ сказаніяхъ (см. Хвольсонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста о Хазарахъ, стр. 195).

134. Иринъ-Шайнъ-Чичирге.

Ср. съ аварскою сказкой „Медвѣжье ухо“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. 2, стат. „Народн. аварск. сказки“, стр. 16—24). Богатыря посылаютъ привести страшную старуху картъ, потомъ змѣя, въ разчетъ, что онъ въ этихъ поѣздкахъ погибнетъ. Но богатырь привозитъ чудовища, и царь проситъ поскорѣе отослать ихъ на свое мѣсто. Герой прижитъ царскою дочерью съ медвѣдемъ, который унесъ ее въ свою пещеру; мальчикъ, родившійся отъ этого брака, имѣлъ медвѣжьи уши, которыхъ онъ стыдился, и которые пряталъ подъ войлочные чехлы. Узнавъ отъ матери о томъ, что она нѣкогда была оскорблена медвѣдемъ, онъ убиваетъ медвѣдя, своего отца, а самъ уходитъ бродить по свѣту и занимается къ одному царю. Имя Иринъ ср. съ урянхайскимъ ирей, „медвѣдь“. Борьба сына съ отцемъ въ нашихъ сказкахъ разказывается объ Урусланѣ, имя котораго также сближаютъ съ звѣринымъ именемъ арсланъ, „левъ“; см. прим. 36 къ гл. III. У халхасской сказки объ Иринъ-Сайнѣ („Очерки“, II, 178) съ алтайскою сходныя черты: 1) поѣздка за Карагулой, соответствующая поѣздкѣ за Адгырь-Хара-Мангысомъ, 2) переправа черезъ ядовитыя воды, при чемъ конь повреждается; 3) поѣздка за дѣвицей; въ халхасской онъ ѣдетъ за невѣстой для хана, а не для себя; изъ конца сказки не видно, передалъ ли онъ ее хану: можетъ быть, она дѣлается женой самого богатыря. Сходство есть

и въ дюрбютской сказкѣ (№ 135), въ которой также есть поѣздки за невѣстой и къ Ерлику, при чемъ описаніе поѣздки къ Ерлику повторяетъ алтайскую сказку: задобриваніе стражей глазами, жилами и бабками вм. колева; поѣздки за Мангысомъ нѣтъ, но есть разказъ о побоищѣ съ Мангысами. Въ нашихъ былинахъ Илья Муромецъ привозитъ во дворъ къ князю Владимиру Соловья разбойника, который своимъ пѣніемъ также пугаетъ князя, какъ Канкере-ханъ своимъ камланьемъ пугаетъ Тойбонъ-хана алтайской сказки и Адгыръ-Хара-Мангысъ Цаганъ-хана халхасской. Г. Квашнинъ-Самаринъ сближаетъ русскую былинку съ извѣстіемъ Никоновской лѣтописи о томъ, что въ 1008 г. въ Кіевъ привели славнаго разбойника Могута („Вѣсѣда“, за 1871 г., кн. IV, стр. 85). Ср. съ Мангытъ, бурятскою вариацией имени Мангысъ, изъ которой чрезъ выпаденіе носоваго и могла образоваться форма магытъ. Имя Чичирге ср. съ schaschirgana, „сѣноставка“ на языкѣ Сойотовъ и Бурятъ (Radde, Reise, B. I, S. 229), tatschergana у Палласа (Zoogr., I, 150), сыгырганъ, то же животное по алтайски (см. выше стр. 159), dshigugkan, idem у Ламутовъ (Pall., Zoogr., I, 150), цацаре, молодая рысь по ходженски (Маалъ, Путеш. по Уссури, I, 112), а также съ цициргана, „облѣпиха“, ягодный колючій кустарникъ. Въ сѣверной Монголіи встрѣчаются урочища со сходными названіями: Цициргана („Очерки“, I, 303, III, 115), Цицирликъ (I, 137, 240, 287), Цициринъ-голъ (I, 213); названіе Цициргана дается иногда такимъ урочищамъ, гдѣ облѣпихи вовсе нѣтъ и быть не могло при нынѣшнихъ физическихъ условіяхъ тѣхъ урочищъ. Ср. также съ именемъ кавказскаго парта Сосрыко. Въ осетинской сказкѣ (Вс. Миллеръ, „Осет. Эт.“, I, 33 и 35) Сосрыко достаетъ головную золотую кожу съ Елатана и Муккары. Тойбонъ-хана, у котораго девять зайсановъ, ср. съ Рашидъ-Эддиновымъ Тумена-ханомъ, у котораго девять сыновей (Зап. Археолог. Общ., XIV, 189).

135. Иринъ-Сайнъ.

(Посвящено А. Н. Веселовскому).

Въ нашемъ собраніи имѣется три варианта этого сказанія: два монгольскихъ (изъ нихъ одинъ напечатанъ въ „Очеркахъ“, II, стр. 177, другой печатается здѣсь, и кромѣ того, въ краткой редакціи напечатанъ въ Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1880, в. II, стр. 172) и одинъ алтайскій. По показанію ламы Лубсынъ-Очура, уроженца хошуна Сайнъ-нойона, на его родинѣ также поютъ былинку о царскомъ сынѣ Иринъ-Зайнъ-Харынъ-Дунгу. Это сказаніе мы прежде всего сближаемъ съ мистеріей кама, приносящаго жертву Ерлику (см. выше, стр. 64); былины передаютъ въ эпической формѣ тотъ же сюжетъ, который содержится и въ лицедѣйствіи кама. Какъ камъ, такъ и Иринъ-Сайнъ, въ двухъ вариантахъ—алтайскомъ и дюрбютскомъ, ѣдутъ къ Ерлику, съ разницей только въ цѣляхъ: камъ ѣдетъ возвращать душу, похищенную у человека, вслѣдствіе чего тотъ заболѣлъ, Иринъ-

Шайнъ алтайскій ѣдетъ похитить джипракъ, вipoкуранный снарядъ, а Иринъ-Сайнъ монгольскій возвращать на небо души, заточенныя въ аду. Камъ на пути встрѣчаетъ препятствія: ужасную желѣзную гору, море, чрезъ которое приходится ѣхать по мосту изъ волоса, мѣстность, гдѣ сходятся и придаютъ концы земли и неба (толкучія горы?), страшныхъ собакъ и привратника, которые его не пускаютъ къ Ерлику, не получивъ подачки. Точно также Иринъ-Шайнъ алтайскій и Иринъ-Сайнъ монгольскій встрѣчаютъ неприступныя горы, непроходимыя лѣса и страшныхъ вороновъ и другихъ стражей, которыхъ нужно умиловать подачками, или съ которыми нужно сражаться. Эти черты единства усиливаются еще близостью имени богатыря Иринъ къ слову ерень, которое обозначаетъ у Урянхайцевъ и Алтайцевъ онгона, шаманскій плащъ, и по видимому, самого шамана, и къ дархатскому дзарень или дзайрень, „шаманъ“. Словомъ, сказаніе эпическими чертами передаетъ о томъ, какъ ерень (то-есть, камъ) спускается въ царство Ерлика съ цѣлью возвратить душу. Эти сказанія, вѣроятно, послужили первымъ матеріаломъ для космографіи дикарей; иногда сказка развиваетъ подробности въ описаніи видѣвшихся богатыремъ чудесъ въ такой степени, что сказка получаетъ видъ какъ бы вселенскаго путешествія, какъ въ сказкѣ Татаръ, живущихъ на р. Кіѣ, о Таскабатырѣ (Radlof, Proben, II, 700). Не изъ подобныхъ ли сказокъ пошло въ нашу лѣтопись извѣстіе о путешествіи Гюряты Роговича? Въ сказаніяхъ, однако, противъ шаманскаго лицедѣйства есть новыя черты и надбавки. Въ дюрбютскомъ вариантѣ Иринъ-Сайнъ сначала бьется съ темною силой, Хара-хурмукчиномъ, потомъ побиваетъ братьевъ Мангысовъ, опустошившихъ его землю и полонившихъ его народъ и родителей, и потомъ добываетъ себѣ невѣсту, дочь Тотурхай-илгысынъ-хана; только совершивъ эти подвиги, онъ наконецъ отправляется въ Ерликово царство и выводитъ души изъ ада. Въ алтайскомъ вариантѣ разказывается о трехъ поѣздкахъ: къ Кара-гулѣ (которую можно принять за соответствующую эпизоду о Мангысахъ), къ Канкере-хану и къ Ерлику. Поѣздка къ Канкере-хану соответствуетъ поѣздкѣ монгольскаго Иринъ-Сайна къ Тотурхай-Илгысыну, потому что алтайскій герой получаетъ здѣсь свою невѣсту. Въ алтайскомъ вариантѣ отецъ Иринъ-Шайна названъ Улакшинъ; въ этомъ имени можно видѣть Илгысына дюрбютскаго варианта, хотя онъ и занимаетъ другое мѣсто въ сказаніи. Въ монгольскомъ вариантѣ, напечатанномъ во II вып. „Очерковъ“, описываются двѣ поѣздки: одну Иринъ совершаетъ за Мангысомъ: эпизодъ, очень напоминающій поѣздку алтайскаго Иринъ-Шайна за Канкере-ханомъ; и Мангысъ, и Канкере-ханъ, привезенные героемъ, приводятъ хана въ ужасъ, и онъ, подобно нашему Владимиру въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ, проситъ богатыря поскорѣ удалить чудовище; въ другую поѣздку онъ привозитъ невѣсту для хана, дочь Ирбисенъ-хана (или Ирбисенъ-хана). Въ этомъ вариантѣ отецъ богатыря называется Эльсынъ-убугунъ, очевидно испорченное или измѣненное Улакшинъ. Улакшинъ по монгольски сука (пса и волка). Къ этимъ сказаніямъ объ Иринъ-Сайнѣ примыкаетъ алтайская сказка о Джербанатѣ, помѣщенная въ этомъ выпускѣ. Это былъ камъ, ко-

торый долженъ былъ по повелѣнію своего хана Джалчи спускаться въ царство Ерлика съ цѣлю возвратить душу заболѣвшаго ханскаго сына. Хотя разказчикъ и отрицалъ, что сказка подѣ Джерканатомъ разумѣтъ летучую мышь (джерканатъ—летучая мышь по алтайски), но, во первыхъ, эпизодъ, вставленный въ сказку, о томъ, какъ Ускузбулъ замедлилъ явиться на ханскій зовъ, занятый считаньемъ (стр. 170), иногда прямо приписывается летучей мышѣ (см. 173 [ср. стр. 176 и 367], а также въ южно-русскомъ вариантѣ; Труд. этн. эксп. въ Зап. русс. край, т. II, стр. 111); вторыхъ, другое алтайское сказаніе о Джерканатѣ (см. стр. 169, вар. а), тоже ходившемъ къ Ерлику по порученію Джалчи-хана и съ тою же цѣлю, прямо говоритъ, что Джерканатъ былъ прежде камъ, но обращенъ въ летучую мышь разсерженнымъ ханомъ. Отожествленіе Джерканата съ Иринъ-Сайномъ или съ какомъ, „еренемъ“, отправляющимся по душу къ Ерликъ-хану, ведетъ за собою новое сближеніе. Въ книжныхъ сказаніяхъ встрѣчается имя Джерке-Лингъ-хумъ (у Рашидъ-Эддина: Джеркэ-Лин-гунъ; Зап. Имп. Археол. Общ., XIV, стр. 183; въ Юаньчаомини: Чарахай-Линху; Труды Пек. дух. мисс., IV, стр. 31). Такъ назывался предокъ народа Тайджіутовъ. У Джеркэ-Лин-гуна по Рашидъ-Эддину было два сына: Кенду-чоно и Улакшинъ-чоно. Появленіе имени Улакшинъ рядомъ съ Джерке, хотя и не въ качествѣ отца, какъ надо было бы ожидать, а въ качествѣ сына, даетъ все-таки поводъ предполагать, что свѣдѣніе о Джерке-Лин-гунѣ зашло въ книги изъ народныхъ сказаній о Джерканатѣ, то-есть, о камѣ, обращенномъ въ летучую мышь. Джерке-лингъ не было ли именемъ летучей мыши? Первый членъ этого имени и теперь слышенъ въ именахъ летучей мыши, какъ напримѣръ, въ татарскомъ джерк-анатъ, въ урянхайскомъ джерк-ашъ; въ монгольскомъ есть слово джиргаланъ или дзиргаланъ; оно означаетъ счастье, а также (какъ мы узнали это у Дюрбютотъ) „маревъ“; соединеніе съ этимъ рѣченіемъ понятія о чемъ-то трясущемся одновременно можетъ напоминать и трясущагося шамана и порхающую летучую мышь. На стр. 762 мы привели кавказскія названія летучей мыши гергел или дергел, дергелув, қірқарген. Въ „Крымск. Сборникъ“ Кеппена приведено слово кырк-яланъ, которое представляетъ сравнительно съ дзиргаланъ разницу только въ начальномъ звукѣ; крымское слово означаетъ большаго плута, и, можетъ быть, осталось наслѣдіемъ отъ забытой сказки о плутѣ или хитромъ ворѣ, въ именахъ котораго на Востокѣ иногда легко угадывается имя летучей мыши (см. стр. 811). Въ южно-русской сказкѣ (Труд. этн. эксп. въ Зап. русс. край, № 34), соответствующей монгольской № 2, вар. з, вмѣсто летучей мыши стоитъ „крыкъ“.

Записанная нами легенда о Цаганъ-дарихе, распадаемая Дюрбютами, многими чертами сходится съ сказаніемъ объ Иринъ-Сайнѣ. Здѣсь также описывается поѣздка героя Аю въ адъ къ Ерлику, откуда онъ выводитъ грѣшниковъ, подобно Иринъ-Сайну дюрбютскаго варианта. Затѣмъ также есть эпизодъ его женитьбы, хотя онъ не ѣздитъ за невѣстой, а она сама къ нему пріѣзжаетъ. Отецъ невѣсты называется Галдунъ-Тенгиръ; имя это вто-

рымъ членомъ напоминаетъ Канкере-хана алтайскаго варианта. Сближая эти два сказанія, мы нѣсколько уясняемъ себѣ темное упоминаніе въ алтайскомъ вариантѣ о томъ, что передъ ставкой Канкере-хана стоитъ конь; въ стихѣ о Цаганъ-дарихе этотъ конь имѣетъ значеніе. Кромѣ того, въ стихѣ о Цаганъ-дарихе опять встрѣчается имя Улакшинъ; только это не отецъ Иринъ-Сайна, какъ въ алтайскомъ и халхасскомъ вариантахъ, а по видимому, дядька невѣсты (а можетъ быть, и отецъ ея; ср. въ дюрбютскомъ съ именемъ отца невѣсты Илгысынъ). Такимъ образомъ связь дюрбютскаго стиха съ алтайскимъ Иринъ-Сайномъ, а также и съ монгольскими, несомнѣнна; это, по нашему мнѣнію, новая редакція эпического переложенія камской мистеріи. Этимъ объясняется и появленіе коня и его имя въ сказаніи; конь, на которомъ камъ ѣздитъ въ царство Ерлика, называется Бурь или Аргамакъ; конь, на которомъ Аю ѣздитъ въ царство Ерлика, превращается въ Бурханъ-бакши.

Мы можемъ привести еще другую алтайскую сказку, которая обнаруживаетъ еще болѣе отношеній къ нашему стиху, именно записанную г. Радловымъ объ Аранъ-Тайджи. Этотъ Аранъ-Тайджи былъ ребенкомъ выретенъ изъ утробы жены Кокъ-хана (у Иринъ-Сайна въ новомъ монгольскомъ вариантѣ отецъ его Тэнгри-ханъ, то-есть, небо; кокъ въ татарскихъ языкахъ также употребляется въ значеніи небесной лазури); выкравъ его Чиланъ-Монгусъ (чиланъ по татарски змѣя). Подобно тому и Аю на третій день похищенъ Сайнъ-Гальбинъ-Мингунъ-бурханомъ; разказчикъ или пѣвецъ въ послѣднихъ двухъ словахъ видѣлъ смыслъ: „тысяча боговъ“ и увѣрялъ меня, что это божество такъ и изображается на буддійскихъ иконахъ въ видѣ множества человѣческихъ фигуръ. Изъ сопоставленія стиха съ сказкой объ Аранъ-Тайджи можно однако заключить, что Минганъ здѣсь явился просто вмѣсто Монгуса и есть, какъ можно думать, вариация послѣдняго имени. Аранъ-Тайджи былъ пригвожденъ семью гвоздями; Алтынъ-Моко, другъ Кокъ-хана, ѣдетъ освободить его, борется съ Чиланъ-Монгусомъ, но не можетъ одолѣть. Аранъ-Тайджи самъ, подобно Аю, расторгаетъ свои узы и помогаетъ Алтыну-Моко побѣдить Монгуса. Послѣ того Аранъ-Тайджи выходитъ на свѣтъ и спасаетъ Алтына-Моко отъ напавшихъ на него Шоюнъ-Таса и Чельбегеня. Появленіе, хотя и позднее, этихъ двухъ персонажей дополняетъ сходство сказаній; въ стихѣ врагомъ Аю является одинъ чловѣкъ Сайнъ-Гальбинъ-Минганъ; здѣсь изъ одного стало три: Шоюнъ (вмѣсто Сайнъ), Чельбегенъ (вмѣсто Гальбинъ) и Чиланъ-Монгусъ (вмѣсто Минганъ). Сказка заканчивается тѣмъ, что Аранъ-Тайджи, слѣдуя указанію Айдангъ-Арыгъ, жены Алтына-Моко, ѣдетъ за невѣстой Очу-Каракшинъ („злая красавица“), у которой семь братьевъ; она уже просватана за Саръ-Алтына, но Аранъ-Тайджи борется съ женихомъ и братьями невѣсты и одолеваетъ ихъ. Имя Алтынъ-Моко первымъ членомъ напоминаетъ Галдунъ-Тэнгиръ дюрбютскаго стиха; впрочемъ мѣста, которыя занимаютъ оба персонажа въ сказаніяхъ, не тѣ же. И такъ, въ дюрбютскомъ стихѣ и въ алтайской сказкѣ объ Аранъ-Тайджи мы находимъ четыре сходныя имени:

Монгусъ и Минганъ, Шоюнъ и Сайнъ, Чельбегень и Гальбинъ, Алтынъ и Галдунъ. Затѣмъ самое имя героя если не тождественно фонетически, за то можетъ быть принято за однозначущее. Аю—медвѣдь по татарски и дюрбютски; Аранъ же есть несомнѣнно только вариация формъ: Иринъ, Еренъ и пр., которыя въ свою очередь напоминаютъ монгольское ирей, медвѣдь. Ср. имя высшаго божества у Якутовъ Ай-Юрюнъ; здѣсь какъ будто взяты обѣ формы, и изъ сказки, и изъ стиха, то-есть, взяты и Иринъ и Аю, и слиты въ одно парное имя Ай-Юрюнъ (Аю-Иринъ?).

Сопоставленіемъ выше приведенныхъ вариантовъ, со включеніемъ въ то число и камской мистеріи, устанавливается на большую монгольскую былинку объ Иринъ-Сайнѣ и на стихъ о Цаганъ-Дарихе такой взглядъ, что эти произведенія народнаго творчества не суть заимствованія изъ южно-буддійскихъ сказаній, а возникли самостоятельно на шаманской почвѣ южной Сибири и сѣверной Монголіи. Еслибъ они были принесены извнѣ, то стояли бы особнякомъ отъ остальнаго міра монгольскихъ и татарскихъ мѣоувъ, не представляли ли бы такой филиальной связи съ другими сказаніями, а также съ обрядами сѣверной Азии, какая обнаруживается изъ сличенія ихъ, и главное, не допускали бы того анализа, который къ нимъ приложимъ. Общій строй сказанія объясняется изъ представленій сѣверно-азиатскихъ шаманистовъ о причинахъ болѣзней; отдѣльныя черты сказаній совпадаютъ съ представленіями шаманистовъ о царствѣ душъ и съ содержаніемъ камскаго дѣйствія у кровати больного. Собственные имена, встрѣчающіяся въ сказаніи, какъ мы видѣли, только подкрѣпляютъ сказанное выше. Основаніемъ сюжета послужила побѣдка кама на своемъ копѣ Буры въ темное царство Ерлика съ цѣлью возвратитъ отъ него похищенную душу. Въ описаніи подобной мистеріи, помѣщенномъ нами выше на стр. 64, камъ устраиваетъ дѣло съ Ерликомъ миролюбиво, посредствомъ закармливанія. Но не такъ подобострастенъ и ничтоженъ былъ мѣиическій шаманъ, о которомъ собраны нами легенды (см. № 64 и прим. къ нему); онъ похищалъ души у Ерлика, избивалъ собакъ, стоящихъ у входа въ его жилище, насмѣхался надъ безсиліемъ и глупостью Ерлика. Аналогично съ этимъ и въ сказаніяхъ объ Иринъ-Сайнѣ герою приписывается превосходство надъ темною силою.

У первобытнаго человѣка всѣ темныя явленія обобщались и сливались въ одно мрачное божество; поэтому въ сюжетѣ о смерти являются впутанными черты, заимствованныя отъ представленій о смѣнѣ дня ночью, зимы—лѣтомъ или о затмѣніи свѣтила. Такъ, въ сказаніи о Цаганъ-дарихе можно видѣть черты послѣдняго явленія; Аю, заключенный въ бомбы, это мѣсяцъ; Сайнъ-гальбинъ-минганъ-бурханъ — это то чудовище, которое, по повѣрью Монголовъ и южно-сибирскихъ Татаръ, слатываетъ мѣсяцъ. Ср. бурятское сказаніе о читкуръ-альбинѣ (см. № 34, вар. м). Есть еще одна черта, разительно показывающая, что сюжетъ сказанія объ Иринъ-Сайнѣ коренится на мѣстной почвѣ; мы разумѣемъ болѣе или менѣе ясныя намеки на лицо, которое называется „сыномъ неба“. Въ дюрбютскомъ вариантѣ это имя упоминается въ двухъ мѣстахъ: во первыхъ, на пиру у Тотурхай-илгысына въ

числѣ пирующихъ богатырей упоминается Темиръ-босъ, тэнгриинъ-кумунъ (въ буквальному переводѣ: сынъ неба Желѣзная Вошь); во вторыхъ, Тотурхай проситъ Иринъ-Сайна прежде полученія невѣсты освободитъ верблюда, скованнаго за ноги за то, что онъ сдѣлалъ какой-то вредъ сыну неба; въ царствѣ же Ерлика Иринъ-Сайнъ находитъ грѣшника, котораго не можетъ освободитъ; по словамъ Ерлика, это былъ человѣкъ, убившій своихъ отца, мать и учителя (Ср. съ колядкой въ Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. III, стр. 481). Въ алтайскомъ сказаніи о Джерканатѣ (см. стр. 170) эпизодъ о сынѣ неба уже яснѣе; Джерканатъ и Ускозь, спустившись въ царство Ерлика, находятъ тамъ скованнаго Темиръ-боко тэнгредымъ улы, то-есть, сына неба Темиръ-боко; они освобождаютъ его. Этотъ Темиръ-боко хотя и является тутъ лицомъ отдѣльнымъ отъ ханскаго сына, за душой котораго камы спустились подъ землю, но не окажется ли впоследствии, при накопленіи матеріала этого рода, что въ первоначальной редакціи это было одно лицо, и оно-то и было цѣлѣю побѣдки камовъ. Это можно предполагать изъ того, во первыхъ, что появленіе Темиръ-боко ходомъ сказанія не вызвано, во вторыхъ, прованіе тэнгредымъ-улы, сынъ неба, легко приложимо и къ имени ханскаго сына. Ханъ въ сказкѣ о Джерканатѣ называется Джаячи; по повѣрью Алтайцевъ, Джаячи-ханъ или Яячи-ханъ есть творецъ дѣтей; очевидно, это творецъ земли и всякой жизни на ней, сливающійся съ понятіемъ о громовникѣ, который по монгольски называется Тэнгри-ханъ; поэтому сынъ Джаячи-хапа можетъ быть названъ и сыномъ Тэнгри, то-есть, неба. Въ алтайскихъ легендахъ о сынѣ неба также эти имена сходятся: самъ сынъ неба называется Джаячи, что едва ли не есть только вариация имени Джаячи. Вѣроятно, въ первоначальной редакціи сказки о Джерканатѣ говорилось, что этотъ камъ спускался къ Ерлику по душу сына Джаячи-хана (онъ же Тэнгри-ханъ?), по имени Темиръ-боко. Въ монгольскомъ вариантѣ остался только легкій слѣдъ этой темы въ эпизодѣ о скованномъ верблюдѣ, о которомъ говорится, что онъ сдѣлалъ что-то вредное сыну неба; вѣроятно, это былъ самъ сынъ неба, и верблюдъ явился потому, что монгольское имя этого животнаго темень напоминало имя сына неба Темиръ; въ другомъ мѣстѣ той же дюрбютской былинки сохранено одно имя сына неба въ измѣненной формѣ Темиръ-босъ, не обрисованное ни какою эпическою чертой. Это могло такъ случиться: дюрбютское сказаніе объ Иринъ-Сайнѣ слагалось изъ многихъ вариантовъ, въ числѣ которыхъ были такіе, которые изображали его, подобно Джерканату, освободителемъ сына неба Темиръ-боко или Темиръ-боса, и такіе, которые посылали его добыть себѣ или хану невѣсту. Дюрбютскій вариантъ преимущественно держался послѣдней редакціи, но выдѣлилъ и черты изъ первой въ видѣ побочныхъ обстоятельствъ; такъ какъ мѣсто Темиръ-боко во второй редакціи занято невѣстой, то эта редакція должна была отодвинуть Темиръ-боко въ сторону, что она и сдѣлала, представивъ его гостемъ-богатыремъ. Легенды о сынѣ неба коренятся въ мѣо-логіи сѣверной Азии и находятся въ связи съ повѣрьями сѣверной Сибири о медвѣдѣ. Вогуличи, Айны (Добротворскій, „Аинскій Словарь“ въ Изв. и

Уч. Зап. Каз. Унив., 1875, № 2, стр. 41), Остяки считают его сыномъ неба; по мнѣнію Остяковъ, медвѣдь отпущенъ Туромомъ (небомъ), его отцемъ, на землю затѣмъ, чтобъ онъ „блѣ бы не правыхъ и злыхъ людей, былъ бы на землѣ представителемъ справедливости“ (Поляковъ, Писма о путеш. въ долину р. Оби, С.-Пб., 1877, стр. 62). Этимъ, можетъ быть, объясняется, почему страстотерпецъ въ стихѣ о Паганъ-дарихе называется Аю, то-есть, медвѣдь. Въ якутской сказкѣ (стр. 646) Арандахъ-Бурандахъ освобождаетъ заключеннаго въ подземелье медвѣдя, который называется Ага-Огусъ, то-есть Отецъ-быкъ.

Относительно частныхъ въ былинѣ объ Иринъ-Сайнѣ замѣтимъ слѣдующее:

Иринъ-Сайнъ родится съ кровавымъ пятномъ на рукѣ; подобное говорится и о Чингисъ-ханѣ: онъ родится съ комкомъ крови въ рукѣ. Замѣчательно начало сказанія о св. Георгіѣ, изъ англійскаго сборника Перси, приведенное г. Веселовскимъ въ его статьѣ: „Разысканія въ области русск. дух. стиховъ“ въ Зап. Имп. Ак. Н., т. XXXVII, кн. 1, стр. 113: Мать св. Георгія видитъ во снѣ, что она зачала дракона; спросили о томъ Kalub, the wise lady of the woods. Мальчика вырѣзали изъ утробы матери, пожертвовавъ въ пользу ребенка жизнью ея: на груди у ребенка былъ образъ дракона, на правой рукѣ крестъ цвѣта крови, на лѣвой ногѣ золотая повязка. Нѣсколько дней послѣ рожденія волшебница Kalub похищаетъ ребенка и воспитываетъ до 14-лѣтняго возраста, добиваясь его любви. Но Георгій ея же чарами заключаетъ ее въ скалу, освобождая другихъ сподвижниковъ. Св. Георгій называется у Русскихъ: Егорій и Юрій, въ былинахъ Егорій Храбрый; у Болгаръ Герги; у Чуди Угіана; у Казанск. Татаръ Джагурджа; у Осетинъ Уастырджи, Уастырги, Уаскерги. У сѣверо-кавказскихъ Татаръ-горцевъ (общ. Урусбій, Малкаръ и др.) есть „гяурге - кунъ“ (день Георгія?).

Невѣста Иринъ-Сайна называется Зандынъ-Толи; второй членъ по монгольски значить зеркало, а также круглая бляха, нашиваемая на шаманскій плащъ. См. прим. 25 къ гл. II. Иринъ-Сайнъ, по дюрбютскому сказанію, сынъ неба, Тенгри-хапа; онъ одинъ изъ трехъ братьевъ; два другіе носятъ названія Китынъ-Зеби и Китынъ-Арсланъ. Иринъ-Сайнъ по недоразумѣнію бьется съ своимъ братомъ Арсланомъ, который подъ видомъ волка стережетъ предѣлы какого-то царства; этотъ эпизодъ напоминаетъ богатыря Ивашку Бѣлую Поляницу въ сказкѣ объ Урусланѣ Залазаревичѣ (напечатанной въ Лѣт. русск. лит., Тихонравова, IV, стр. 100). Вообще въ этой сказкѣ много сходныхъ чертъ съ дюрбютскою былинной, а именно:

1) Эпизодъ о Ивашкѣ, конюхѣ отца Урусланова, Залозаря, который пасетъ тридцать лѣтъ табуны его и пригоняетъ ихъ; впереди бѣжитъ къ водопой вѣщій Арашъ. Подобно тому пастухъ Ахъ-сахалъ Адучи ловитъ для Иринъ-Сайна коня Хангиль-Таши-морина.

2) Урусланъ, возвращаясь изъ первой поѣздки на родину, находитъ

Киркоусово царство пустымъ; оно опустошено Данилой Бѣлымъ; царь и отецъ Уруслана уведены въ плѣнъ. Иринъ-Сайнъ, совершивъ поѣздки противъ Хара-Хурмукина, возвращается домой; земля его опустошена, отецъ, мать и весь народъ уведены въ плѣнъ братьями Мангысами; Мангысы въ монгольскихъ сказкахъ является на мѣстѣ нашего многоголоватаго змѣя или Тугарина-змѣевича; ср. прозвище Данилы Бѣлымъ съ прозвищемъ Тугарина Бѣловичемъ („Пѣсни“ Кирѣвскаго, IV, № 3, стр. 57).

3) Урусланъ идетъ освобождать отца и царя; онъ входитъ въ городъ плѣшій, „никто его не позна за простаго чловѣка мѣсто“. Точно также и Иринъ-Сайнъ является къ Мангысамъ въ обращенномъ, а не въ богатырскомъ видѣ.

4) Мечъ, которымъ можно убить Зеленаго царя, лежитъ подъ головой богатыря. Къ этому эпизоду можно приравнять въ дюрбютской былинѣ разказъ о смерти Мангыса, для отысканія которой Иринъ-Сайнъ долженъ предпринять отдаленную поѣздки. Возвратившись въ свой опустошенный нутукъ Иринъ-Сайнъ находитъ подъ тулго (очагомъ; ср. толгой, голова) записку, изъ которой узнаетъ, гдѣ найти доспѣхи и оружіе. Этотъ эпизодъ напоминаетъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ мѣсто, какъ онъ находитъ мечъ подъ богатырскою головой. См. интересную замѣтку г. Безсонова о братьяхъ Агрикановыхъ и о мечѣ Агрикановомъ (Тенгрикановомъ или Тегрикановомъ?) въ Пѣсняхъ Рыбникова, ч. II, стр. XXVI. Извлеченіе воткнутого глубоко меча встрѣчается также въ записанномъ нами нгушскомъ вариантѣ сказки о сынѣ медвѣдя (стр. 782) и въ № 181, стр. 615.

6) Князь Иванъ спрашиваетъ свою жену, а потомъ и самъ Урусланъ спрашиваетъ у дѣвицы, которыхъ нашелъ въ полѣ, есть ли богатырь его удаче. Подобный вопросъ задаетъ Хара-Хурмукинъ своей женѣ.

7) Эпизодъ о богатырѣ Ивашкѣ Бѣлой Поляницѣ, который семь лѣтъ стережетъ украину царства Индѣйскаго, и съ которымъ Урусланъ вступаетъ въ бой, соответствуетъ борьба Иринъ-Сайна съ Арсланомъ. Исходъ боя въ дюрбютской былинѣ другой: Урусланъ убиваетъ Ивашку, а Иринъ-Сайнъ кончаетъ примиреніемъ и признаніемъ во врагѣ своего брата; какъ будто въ русской редакціи разказъ раздвоился, и конецъ дружелюбнаго окончанія и побратимства перенесенъ на другое лицо, на Иванъ-князя, которому Урусланъ помогаетъ жениться на дочери Θεодуль-змѣя, имѣющаго пламенное копье, огненный щитъ. Г. Стасовъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы, сближаетъ Θεодула съ Джедай-ханомъ сказокъ Абаканскихъ Татаръ; Капакъ Калешъ находитъ своего роднаго брата Ай-Долея среди избитаго воинства и ѣдетъ добывать для него невѣсту, дочь Джедай-хапа. Имя дочери Θεодула змѣя—Кондурія; ср. гондырь, медвѣдь по вотяцк. Въ дюрбютской былинѣ Арсланъ если не помогаетъ, то даетъ совѣтъ Иринъ-Сайну, какъ съ успѣхомъ совершить поѣздки за невѣстой; мистическій характеръ Θεодуль-змѣя можно усматривать въ именахъ отца невѣсты другихъ монгольскихъ и алтайскихъ вариантовъ—въ Гаддунъ-Тенгирѣ и Канкере-ханѣ. Въ сказкѣ объ Иванѣ бѣломъ (Лѣт. русск. лит., V, 8), которая на половину

есть одинъ изъ эпизодовъ сказки объ Урусланѣ, Иванѣ Бѣлый является, какъ и Арсланъ, роднымъ, а не „названнымъ“ братомъ безыменному герою, соответствующему Уруслану. Иванъ Бѣлый соответствуетъ одновременно и князю Ивану (для него безыменный герой, какъ Урусланъ для князя Ивана, добываетъ невѣсту), и Ивану Бѣлой Поляницѣ (безыменный герой находитъ его также спящимъ, какъ и Урусланъ Поляницу). Сказка кончается тѣмъ, что герой ел, женивъ брата князя Ивана, и самъ добываетъ себѣ невѣсту Семикрасу. Ср. съ Араномъ-Тайджи, который, освободивъ Алтынъ-Мого, добываетъ себѣ невѣсту Очу-каракпинъ, имѣющую семь братьевъ.

Эти сходныя черты русскихъ сказокъ объ Урусланѣ и Иванѣ Бѣломъ съ сѣверноазиатскими наводятъ на мысль о единствѣ источника, изъ котораго тѣ и другія происходятъ. Какъ объяснить это сходство? Тѣмъ ли, что наши предки, живя на востокѣ въ Средней Азій, могли имѣть общую мифологию съ остальными племенами той первоначальной родины, и уходя на новыя мѣста, унесли съ собою сѣверносибирскія повѣрья и сказанія, или тѣмъ, что они, прийдя въ южную Россію, нашли тутъ вѣрованія и сказанія, сохранившіяся въ странѣ отъ ея самыхъ раннихъ поселенниковъ, которые могли быть пришельцами изъ сѣверной Азій; подобно своимъ предшественникамъ, Готамъ и другимъ Арійцамъ, и Славяне, смѣшиваясь съ остатками отъ прежнихъ обитателей страны, многое могли отъ нихъ усвоить и такое нѣчто, что этими послѣдними въ свою очередь было унаслѣдовано отъ еще болѣе древнихъ, и можетъ быть, самихъ раннихъ обитателей. Въ сказкѣ объ Урусланѣ есть однако черты, указывающія на позднѣйшее заимствование съ востока. Мы разумѣемъ мѣсто о птицахъ-хохотуняхъ. Чтобы достигъ до царства Зеленаго царя, Урусланъ долженъ былъ добыть птицу-хохотуня; пріѣхавъ онъ съ этою цѣлью на указанное мѣсто; „ажно лѣтитъ великое стадо птицъ-хохотуней да учали около дуба садиться кругомъ; посидѣвъ немного да сошли на землю да учали изметоватися красными дѣвцами“. Ясно, что эти хохотуни тѣ дѣвы-лебеди, о которыхъ говорится, какъ въ нашихъ западныхъ сказкахъ, такъ и въ восточныхъ; въ алтайскихъ и сибирско-татарскихъ сказкахъ эти дѣвы называются ку-катынь отъ словъ ку, „лебедь“, и катынь, „жена“, почему г. Радловъ въ своихъ Proben и переводитъ ихъ вездѣ Schwanfrau. Эти-то ку-катынь и явились въ русской сказкѣ подъ именемъ хохотуней. На языкѣ монгольскихъ сказокъ мы не встрѣтились термина, соответствующаго лебеди-дѣвѣ, хотя этотъ мифическій образъ въ нихъ и есть; тѣмъ не менѣе въ монгольскихъ сказаніяхъ встрѣчается имя Хонгъ-хотанъ; это имя одного поколѣнія (теперь такого поколѣнія въ сѣверной Монголіи, по видимому, нѣтъ); Мунликъ или Мингликъ современникъ Чиптисъ-хана, едва ли не изъ мифологии попавшій въ исторію и имѣвшій семь сыновей, считался родомъ изъ племени Хонгъ-хотанъ (Рашидъ-Эддинъ, Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, стр. 158); эти семь сыновей Мунлика у Сананъ Сэцэна названы Долонъ-хонгхотанъ, то есть, „семь хонгхотановъ“. Число семь напоминаетъ созвѣздіе Большую Медвѣдицу, семь

звѣздъ которой, кажется, фигурируютъ въ сѣверно-азиатской мифологіи подъ видомъ семи лебедей. Въмѣсто семи небесныхъ дѣвъ, представленныхъ въ видѣ куколокъ на воротникѣ плаща у алтайскаго шамана (стр. 51), на нагрудникахъ тунгусскихъ шамановъ, изображенныхъ у насъ въ табл. XXVI, находится изображеніе семи лебедей изъ желѣза. Самое имя Хонгхотанъ можно принять за парную тавтологію изъ однозначущихъ членовъ: хонгъ, „лебедь“ по монгольски, хотанъ, „лебедь“ по остяцки. Ср. съ тунгусскимъ названіемъ бубна хунктуунъ, а также съ алтайско-урянхайскимъ камъ-хатынь или камъ-хатынь, шаманка. Въ куманскомъ словарѣ камъ-хатынь переведено: incantatrix, „вѣдьма“, что нѣсколько отдалается отъ алтайско-урянхайскаго значенія. Нами на Кавказѣ записаны отъ Ингуша слѣдующія показанія о ингушскихъ повѣрьяхъ: женщина-чертъ называется „гамъ“; она можетъ сдѣлаться кошкой; когда она на кого-нибудь злится, у того коровы перестаютъ доиться, скотъ тощаетъ, словомъ, гамъ жить тому на свѣтѣ не даетъ. „Гамъ“ или „гамъ-сесекъ“ (сесекъ-женщина, то же, что татарск. катынь) по почамъ выдаиваетъ коровъ.—Въ сказкѣ объ Урусланѣ враждебныя силы носятъ названія Бѣлый Данила и Зеленый царь; въ Монголіи встрѣчаются формы съ эпитетами цаганъ, „бѣлый“ (Цаганъ-ханъ, Цаганъ-дарихе, Цаганъ-убугунъ) и погонъ, „зеленый“ (Ногонъ-дарихе). Урусланъ ѣдетъ за желчью зеленаго царя (по монгольски было бы Ногонъ-ханъ); въ монгольскихъ сказкахъ герой ѣздитъ за сердцемъ и печенью (стр. 71) Мангыса, то есть змѣя; ср. съ именами змѣй: татарск. джизланъ, чуваш. сьулэнь (ср. Зиланъ въ собственныхъ именахъ урочищъ въ Поволжьѣ), монгольск. могой или могай. Въ нашихъ сказкахъ и книжныхъ сказаніяхъ встрѣчается мифическая птица, которая называется Могуль, Нугай, Ногъ, Науй, Черногаръ; г. Веселовскій сближаетъ ее съ литовскою сказочною птицей wapagas, латышск. wapags, нѣмецко-прусс. gertoanax: anax вм. wapags, а также съ сербскимъ названіемъ страуса, ной. По своимъ качествамъ и роли въ сказкахъ эта птица соответствуетъ монгольскому мифическому змѣю Мангысу или Ханъ-Гариде. Къ имени Мангысъ очень часто прибавляется эпитетъ хара, черный. Въ дюрбютской былинѣ объ Иринъ-Сайнѣ Мангысъ является похитителемъ его отца и матери; въ сказкахъ кавказскихъ горцевъ Ногой обыкновенно является похитителемъ дѣвицы или женъ (см. Семеновъ, Сказки и легенды Чеченцевъ, Владикавказъ, 1882, стр. 12). Мангысъ иногда является въ видѣ птицы и носить на себѣ героя сказки по воздуху (№ 116). Образование формъ Могуль, Нугай, Науй и ной гораздо проще объясняется искаженіями формы мангысъ, чѣмъ предположеніемъ, что изъ названія страуса ной могли образоваться Могуль и Черногаръ. Имя Мангысъ является иногда именемъ поколѣній (см. стр. 11); поэтому имя Монголь можно принять за вариацию съ другимъ окончаніемъ; чрезъ опущеніе носоваго н получается форма могод, близкая къ Могуль; форма ногой близка къ монгольскому могай, „змѣя“, которое по значенію близко къ Мангысъ; Мангысъ въ сказкахъ иногда теряетъ носовое н и замѣняется формой могусъ (см. стр. 378); въ якутскомъ могусъ, „обжора“ и „баснословное чудовище“ (рукоп. списокъ якут. слов., сост. г. Евг. Борисовымъ). Замѣ-

чительно, что Большая Медвѣдница у двухъ сосѣднихъ народовъ, живущихъ на Оби, называется Нѣхъ и Пенкъ (стр. 712). Образование формы Ноой и Ной изъ Ногой встрѣчается въ именахъ алтайскихъ поколѣній (см. стр. 2). Кромѣ эпитета „хара“, Мангысу придавался, по видимому, другой: сары, „желтый“; по крайней мѣрѣ въ „Грамматикѣ алтайскаго языка“ есть форма сары-мангысь, „саранча“ (стр. 101). Переходъ монгольскаго мангысь въ алтайскомъ въ моосъ подтверждаетъ нашу догадку о происхожденіи окончанія киргизской формы джалмаусъ изъ монгольскаго мангысь.

Въ дюрбютской сказкѣ герой называется Иринъ-Сайномъ; братъ, съ которымъ онъ вступаетъ въ бой по недоразумѣнію, называется Арсланомъ; можетъ быть, были и такіе варианты въ Монголіи, въ которыхъ роли персонажей были переставлены, именно главный герой назывался Арсланомъ. Алтайская сказка объ Аранъ-Тайджи сближаетъ съ Иринъ форму Аранъ; выше мы привели также якутское Юрюнь, которое въ свою очередь можетъ быть сближаемо съ бурятскими, монгольскими и урянхайскими формами: Урунь, Оранъ (см. прим. 50 къ гл. II и къ №№ 29 и 53 главы IV). Въ русскихъ заговорахъ встрѣчается „змѣя Ирина“ (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по Этн., т. II, стр. 486). Формы: сбрень, сьурень, сренъ встрѣчаются у Чувашей; такъ называется день, когда выгоняютъ изъ деревни чертей (Магнитскій, Матер. къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 130—133). Не назывались ли сьуренями у Чувашей сами изгоняемые черти? Радуга по чувашски сьурень-киберъ (Золотницкій, Чув. слов., стр. 75). Въ бурятскихъ призываніяхъ форма Юрюнь, Йорень соединяется съ членомъ, означающимъ мать (стр. 821); это наводитъ на мысль, что и въ киргизскомъ сказочномъ имени Джеренше-пешень (въ алтайскомъ Джеренъ-чечень), второй членъ пешень, чечень, можетъ быть, значить не „мудрецъ“, а „мать“, пеше, чече. Въ примѣчаніяхъ къ „Гесырь-хану“ (№ 50) мы указали на сходство этого сказанія съ Иринъ-Сайномъ; другое имя Гесырь-хана есть Джоро; ср. съ различными видами имени одного и того же лица въ книжныхъ сказаніяхъ: Така-Джаранъ у Рашидъ-Эддина, Ыке-Черянь въ Юаньчаомини и Эке-Дзоро у Сананъ-Сэцэна; см. Труд. Вост. Отд. Археолог. Общ., т. XIII, стр. 227; въ тѣхъ же примѣчаніяхъ къ № 50 нами указано на существованіе сходныхъ названій луны: jiru, jirie, äre, ireä, irri, era (Castren, Wörterverz. a. d. Samoied., S. 252). Племя Хотогойту считаетъ своимъ предкомъ Иринъ-Сайнъ-Мергена Хунъ-Тайджи, по другимъ показаніямъ онъ называется Эрте-Сайнъ-Мергенъ Хунъ-Тайджи или Уланъ-Хунъ-Тайджи (Оч., II, 25). Во второмъ случаѣ вмѣсто Иринъ стоитъ Эрте, какъ будто это варіанція того же имени. Въ самомъ дѣлѣ въ урянхайской сказкѣ № 132 герой называется Ергене-Мергенъ, а самая сказка своимъ содержаніемъ напоминаетъ нѣсколько алтайскаго Иринъ-Шайна. Не замѣнялась ли форма Ерте формою Ерке? Ср. прим. 107 къ гл. I, гдѣ съ именемъ хотогойтскаго предка сближается предокъ Тайджигутовъ — Джерке-Линъ-гунъ. Эрте-Сайнъ-Хунъ-Тайджи или Уланъ-Хунъ-Тайджи, предокъ Хотогойту; у Рашидъ-Эддина: Джерке-Линъ-Гунъ, тайджигутскій предокъ, сынъ Хайду-хана. Сходными членами оказываются: Эрте и Джерке,

Уланъ и Линъ, Хунъ и Гунъ, Тайджи и тайджигутъ, Гайту и Хайду. У Сананъ-Сэцэна (Shmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 375) на мѣстѣ Хайду-хана въ родословной Чингисъ-хана стоитъ Хаджи-Кулюкъ (Chatschi külük). Ср. урянхайское ерень, онгонъ и чувашское йирихъ; въ именахъ звѣрей, встрѣчаются въ первыхъ: ирей, „медвѣдь“, урянх.; джара, дзара „ѣжъ“ монгол.; въ вторыхъ: жүгех, „волкъ“, остякъ; Ырхэ, манчжурск., названіе чернаго звѣря, похожего на тигра безъ переднихъ ногъ, Захар., Мандж. слов., 197; ярха, „тигръ“ по манчжур.; джирихъ, джирки, чирки, тирхи „бурундукъ“, монг.: urkä, ärgä, örgä, сурокъ по карагасски (Castren, Versuch. e. Koib. u. Kar. Spr., 87, 89). Между монгольскими именами голубя есть два — кугуль-джирны и кугуль-джирганъ.

Отъ Палладій въ Восточн. Сборникѣ, С.-Пб., 1872, т. I, в. 1, стр. 27, говоря объ Архаунахъ или Еркеунахъ, приводитъ имя ихъ главнаго божества Эркеунъ или Эрке. Нѣкоторые памятники выдаютъ Архауновъ за христіанъ изъ Монголовъ, другіе — за особое монгольское поколѣніе. Не слѣдуетъ ли въ этомъ Эрке видѣть варіанціи имени Бурханъ-баши, который также почитается учредителемъ религіи? Можетъ быть, Эрке есть турецкое произношеніе слова бурханъ. Ср. Большая Медвѣдница по монг. Долонъ-Бурхынъ, по урянхайски Джеты-Пурганъ или Джеты-Урганъ; на уйгурскомъ, по видимому, Еди-Эрканъ (см. стр. 715). Ср. также монгольск. бурхель и алтайское джиракы, „винокуреньный спарядъ“. Не къ тому ли же божеству Эрке относилось и выраженіе гурба-ердене, то есть, не было ли это сложное собственнымъ именемъ божества? Форма ердене или ертене встрѣчается иногда въ такихъ сложныхъ: Нохой-эртене (стр. 322), Ертене-мергенъ (стр. 416), гдѣ объясненіе ея нынѣшнимъ смысломъ этого слова „драгоценность“ оказывается неудобнымъ. Имя Эрке-Хара (хара, бурятск., „мѣсяцъ“) носитъ братъ Вана кирейскаго, подвергающійся гоненію со стороны послѣдняго.

Мѣсто о единственномъ грѣшникѣ, котораго Иринъ-Сайнъ не можетъ освободить изъ ада, кромѣ указанной коляды въ Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, III, стр. 481, ср. также съ другою, помѣщенной тамъ же на стр. 444. Въ „Голубиной книгѣ“ царя Давида спрашиваютъ: какой самый тяжкій грѣхъ, и онъ отвѣчаетъ: „кто блудитъ съ вумой крестовня, кто въ чреви сѣмена затравливаетъ, кто бранитъ отца съ матерью“. — О душахъ умершихъ, сидящихъ на деревѣ, см. у Котляревскаго „О погребальн. обычаяхъ“, 189 и слѣд., а также 197. — Ирпъ-Сайна въ утробѣ змѣи ср. съ осетинскою сказкой объ Амирапѣ (см. прим. къ № 43, вар. б). Судьбу родителей Ирпъ-Сайна въ плѣну у Мангысовъ, гдѣ они обращены въ пастуховъ, ср. съ сказкой о Ховугу (Оч. II, 175), съ нашимъ книжнымъ сказаніемъ объ Акирѣ Премудромъ, а также со стихами о Егоріѣ Храбромъ.

Къ эпизоду о Ирпъ-Сайнѣ, переѣхавшемъ черезъ хребетъ, привязавъ себя и коня къ стрѣлѣ (стр. 473): Въ осетинскомъ сказаніи о Батырадзѣ записанномъ Цораевымъ и напечатанномъ Шифлеромъ въ „Осет. текстахъ“ (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II, стр. 43—50), Батырадзъ влазитъ въ мортиру (цумбара) и велитъ своимъ семи слугамъ выстрѣлить; такимъ обра-

зомъ онъ перелетѣлъ черезъ городскую стѣну и очутился среди враговъ, которыхъ хотѣлъ истребить. Одинъ Осетинъ старикъ по поводу этого мѣста замѣтилъ: „Кому бы имѣть въ то время мортиры, когда еще въ его молодости немногіе имѣли ружья, сражались же большею частью лукомъ и стрѣлами“. Старикъ увѣрялъ, что въ прежней редакціи Батырадъ приказывалъ сдѣлать лукъ, который двѣнадцать быковъ съ трудомъ тащутъ, привязать себя къ стрѣлѣ и выстрѣлить. Это мѣсто о гумбарѣ можно объяснить такимъ образомъ: имя гумбара въ старину означало необыкновенный лукъ, лукъ громовника; Батырадъ приказалъ привязать себя къ стрѣлѣ этого лука; впоследствии имя лука было перенесено на огнестрѣльное орудіе, по силѣ превосходящее всякое другое. Въ другомъ вариантѣ Батырадъ заставляетъ засадить себя въ пушку Бораты; переводчикъ поясняетъ: въ пушку фампінъ Бораевыхъ. Но въ третьей осетинской сказкѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, стр. 15) именемъ Бораты называется осель, на которомъ ѣдетъ Урмагъ. Если полная форма чувашскаго и татарскаго члена въ имени радуги киберь, купре была въ родѣ этого осетинскаго гумбара, то чувашское названіе радуги съурень-киберъ и друг. (см. стр. 744; Золотницкій, Чуваш. слов., стр. 75) будетъ значить „лукъ Съуреня“ (Джиреня?), „лукъ Съувека“ или „лукъ Салавата“.

Птицу Зарынь, свившую гнѣздо на деревѣ дзакъ (стр. 431), ср. съ птицей Иро, которая свила гнѣздо на тѣлѣ Мисеръ-Улюка въ то время, когда онъ спалъ (у Рашидъ-Эддина, Зап. Имп. Археол. Общ., XIV, 154).—Имя Хурмучинъ ср. съ киргизск. урмуче, паукъ. Укушеніе паука, ужаленіе змѣи и ударъ молніи могли казаться сходными; жапан на нѣкоторыхъ турецкихъ языкахъ скорпіонъ, на другихъ змѣя.

Для сравненія съ обрядомъ постриженія Иринъ-Сайна приводимъ сообщенное намъ г. Григоровскимъ остиго-самоѣдское преданіе: Въ давнія времена еще до русскаго подданства у Остяко-Самоѣдовъ были сильные люди, „пагатуръ“; эти пагатуры ходили воевать сосѣднія племена на лодкахъ въ 60 гребей; лодки эти назывались анда. Предводителемъ войска (мюгъ) былъ пагатуръ; его помощниками „тубутъ“ и „мадуръ“; это были какъ бы воеводы; остальное войско называлось мютегинъ-гула. Пагатуръ, тубуты и мадуры были вооружены мечами, тѣга, и луками, ындъ, со стрѣлами, тысэ; на себя они надѣвали шлемы, квѣзи ёкъ, колчуги, квѣзи капоргъ, и латы, квѣзи поркондъ; была у нихъ также бранная труба, пыбы. При каждомъ новомъ походѣ былъ обязателенъ обрядъ присяги. Для этой цѣли пагатуръ садился на что-то въ родѣ стула съ золотымъ или серебрянымъ плетеньемъ, который назывался „альтонн куранъ покусаръ“ (съ золотымъ плетеньемъ) и комдѣи куранъ покусаръ (съ серебрянымъ плетеньемъ); въ руки ему подавали пожницы, „сыдовѣпа“. Тогда подходили къ нему поодиночкѣ всѣ тубуты, мадуры и всѣ мютегинъ-гула; каждый становился передъ нимъ на одно лѣвое колѣно, и пагатуръ, постригая человѣку волосы на лбу и на затылкѣ, произносилъ: неводжармондъ Номтъ верытымнекъ и менга юнгольджимбакъ, „клянись, что Богу вѣруешь и мнѣ повинуйся“. На эти слова

присягавшій отвѣчалъ: неводжау Номтъ верытымнау и тенга юнгольджимбекъ, то-есть: „клянусь, что въ Бога вѣрую и тебя послушаюсь“.

139. Шанъ-Дондубъ и Тамба Шанджи.

Ср. съ главой V Шиддикура (Этногр. сб., в. VI, стр. 35—40). Овдовѣвшій хаганъ, имѣвшій уже одного сына, вновь женился; новая жена также родила сына. Старшаго сына звали Наранъ-гэрэлъ (лучъ солнца), младшаго Саранъ-гэрэлъ (свѣтъ луны). Мать Саранъ-гэрэла, не желая, чтобъ ханскій престолъ достался Наранъ-гэрэлу, задумала погубить пасынка. Она притворилась больною и упросила мужа приказать изжарить для нея сердце Наранъ-гэрэла. Тогда оба мальчика убѣгаютъ изъ родительскаго дома. Дорогой Саранъ изнемогъ; Наранъ похоронилъ брата и пріютился у отшельника, который усыновилъ его. Сосѣдній хаганъ во время орошенія полей ежегодно бросалъ въ озеро въ жертву драконамъ человѣка, родившагося въ годъ барса, и потребовалъ мальчика у старика; старикъ посадилъ мальчика въ пересѣкъ и замазалъ глиной, будто въ немъ хлѣбное вино; когда ханскіе послы стали бить старика, мальчикъ самъ выскочилъ изъ пересѣка и отдался имъ. Его бросили въ озеро; за нимъ послѣдовала дочь хагана, которая полюбила его. Но царь драконовъ высадилъ ихъ невредимо на берегъ въ награду за ихъ великодушіе. Затѣмъ Наранъ женится на дѣвицѣ и возвращается къ своему отцу; мачиха, истекая кровью, умираетъ.

140. Гумъ-ханъ.

Ср. съ дюрбютскою сказкой о царевичахъ, гонимыхъ мачихой, стр. 283, и съ киргизскою—о Гарыкулѣ, приведенною нами на стр. 813.

141. Два бѣхѣ Комбу.

Вмѣсто „Русскій“, вѣроятно, въ текстѣ стоитъ Орусъ. Едва ли этому слову слѣдуетъ давать тотъ смыслъ, который приданъ разказчикомъ; скорѣе тутъ нужно видѣть архаическое слово. Подъ изгнанникомъ Орусомъ скрывается мифическій изгнанникъ, изгнанникъ легенды и сказокъ. Имя Уранга встрѣчается съ окончаніями на апъ или инъ: Урянханъ, Арангынъ (стр. 663); имя Уранга Солоны придаютъ Ороочонамъ (см. стр. 22); не слѣдуетъ ли здѣсь видѣть переходъ звука нг въ звуъ ч? Сказка объ изгнанникѣ Орусѣ представляетъ вариантъ сказки о Хунъ-гурогунѣ, гдѣ гурогунъ есть то же самое, что халхасское гурсунъ, то-есть, звѣрь. Такимъ образомъ подъ изгнанникомъ кажется разумѣлся лѣсной звѣрь, медвѣдь (хара-гурсу), и формы Хунъ-гурогунъ, арангынъ, ороочонъ, орусъ суть названія этого звѣря. Выше мы указали, что вмѣсто Рашидъ-эдинова Орусъ-инала, подносящаго ястреба Чингисъ-хану, у Сананъ-Сэцэна стоитъ Орочу-пингшей. Къ этому нужно прибавить, что Урянхайцы разказъ о поднесеніи ястреба Чингисъ-Кайракану относятъ къ своему народу. Черта изгнанничества удержалась

при имени Орусъ, по видимому, и на западѣ; въ монгольскихъ сказаніяхъ есть лицо Бодонджаръ, который изгнанъ братьями, живетъ уединенно у рѣки и занимается ловлей птицъ; у сѣверно-кавказскихъ Татаръ-горцевъ есть разказъ о Бѣдене, „русскомъ“ переселенцѣ, который ведетъ одинокую жизнь при подошвѣ Кавказа и занимается рыбною ловлей (Матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. I, отд. II, стр. 27).

148. Тангиль-мергенъ.

Ср. съ классическимъ мифомъ о Пелеѣ. Пелей припять, какъ бѣглый принцъ, при дворѣ царя Агаста; царица Астидамія клеветаетъ на принца передъ царемъ за отказъ въ любви; Пелей брошенъ на сѣденіе кентаврамъ; кентавры нападаютъ на него; онъ въ опасности быть пожранымъ и не находитъ своего ножа, который имѣлъ особенную силу и былъ данъ ему Гефестомъ; ножъ этотъ былъ выкраденъ въ то время, какъ Пелей спалъ. царемъ Агастомъ и заложенъ подъ коровій пометъ; кентавръ Хиронъ находитъ этотъ ножъ и подаетъ Пелею. Послѣ того Хиронъ продолжаетъ дружескія отношенія къ Пелею и научаеъ, какъ захватить морскую дѣву Фетиду; дѣвица эта въ рукахъ Пелея принимаетъ разные виды и наконецъ вновь принимаетъ человѣческій. Съ нею Пелей приживаетъ ребенка, котораго мать ночью кладетъ въ огонь, чтобъ уничтожить въ немъ унаслѣдованное отъ отца смертное. Пелей однажды замѣтилъ это и высказалъ порицаніе, послѣ чего Фетида скрылась. Мальчика Пелей отвезъ на воспитаніе къ Хирону, который кормилъ его мозгомъ медвѣдей и вебрей и внутренностями львовъ (Preller, Griech. Myth., II, 396). Маннгардтъ указываетъ, вскользь на родственность этого мифа съ сказкой о „двухъ братьяхъ“ (Wald-und Feld-kult., S. 49). Другой разказъ о Хаеринъ-Хара-беко (№ 138) своимъ эпизодомъ объ ящикѣ, спущенномъ внизъ по рѣкѣ, представляетъ сходство съ сказкой о „двухъ братьяхъ“ въ ея монгольской редакціи (№ 49, вар. 2).

155. Мани-Ветыръ-ханъ и Харъ-Горѣчи.

Ср. съ № 110 и съ сказкой изъ Гавьджуръ, переведенной Шифнеромъ (Awarische Texte, въ Mem. d. Ac. des Sc. de St. Pet., VII ser., t. XIX, № 6, s. XXVI). Изъ двухъ сосѣднихъ царей въ странѣ Pantschala у сѣвернаго подданные богатѣютъ, у южнаго бѣднѣютъ; узнавъ отъ министра, что сѣверный царь обогащеніемъ своихъ подданныхъ обязанъ дающему дождь Читраджанмѣ, сыну Наги (Nāga), живущему въ озерѣ, южный царь посылаетъ волшебника похитить сына Наги; около озера живутъ два охотника Masūraка и Phalaka; по просьбѣ Читраджанмы Палака убиваетъ волшебника, который вбилъ уже четыре гвоздя Khadira и прочиталъ заклинанія; за это сынъ озернаго царя ведетъ Палаку на дно озера, гдѣ онъ, по совѣту одного rishi, отшельника, выпрашиваетъ себѣ не промахивающіеся

арканъ. Царь сѣверной Панчалы былъ бездѣтенъ; по его молитвамъ бодисатва Bhadrakalpa вступилъ въ утробу царицы, и она родила сына, которому дали имя Sudhana. Палака во время охоты находитъ отшельника, который 40 лѣтъ провелъ въ пустынѣ; отъ него онъ узнаетъ, что на сосѣдній прудъ каждое 15-е число мѣсяца приходитъ Manoharā, дочь Друмы (Druma), царя Kinnara. При помощи своего аркана, полученнаго отъ озернаго царя, Палака ловитъ Маногару. Сопровождавшія дѣвицу Киннары разбѣжались; Маногара передаетъ Палакѣ Scheiteljuwel (джинсу?), силой которой она можетъ подниматься на небо; Палака передаетъ и дѣвицу, и Scheiteljuwel царевичу Суданѣ. Вельможа и совѣтникъ отца Суданы хочетъ погубить царевича. Въ это время жители горъ возмущены; семь разъ царское войско ходило на усмиреніе, но возвращалось разбитое; вельможа совѣтуетъ царю послать царевича, не давъ ему позволенія передъ отъѣздомъ видѣться съ Маногарой; Судана передаетъ своей матери Scheiteljuwel Маногары и отправляется въ походъ; прежде чѣмъ Судана достигъ до непріятеля, его усмиряетъ предводитель якшей (Jakscha), Панчала, посланный магараджей Висраваной. Якши окружили городъ мятежниковъ; отъ крика слоновъ и лошадей, отъ шума и звона оружія и колесницъ стѣны города пали и мятежники покорились и отворили царевичу Суданѣ городскія ворота. Во время отсутствія царевича царь, его отецъ, увидѣлъ сонъ, будто коршунъ разорвалъ его животъ и унесъ его внутренности. Вельможа, врагъ царевича, даетъ царю злой совѣтъ—выкупаться въ крови серна и помазаться жиромъ нечеловѣка, то-есть, демона; подъ демономъ же онъ разумѣлъ Маногару. Узнавъ о готовящейся участи, Маногара идетъ къ царицѣ и получаетъ отъ нея Scheiteljuwel; царь, выкупавшійся въ крови, ждетъ смерти Маногары; ее приводятъ, чтобъ убить, но она улетаетъ, оставивъ у того самого отшельника, который научилъ Палаку изловить ее, кольцо для передачи Суданѣ. Царевичъ, вернувшись изъ похода и получивъ кольцо, отправляется искать Маногару. На пути къ ней онъ преодолеваетъ препятствія: двухъ бодающихъ другъ друга барановъ, ракласу, желѣзныя губы которой то раскрываются, то смыкаются, кинучій колодезь, черезъ который онъ долженъ перепрыгнуть и проч. Достигнувъ до города Киннарскаго царя, Судана увидѣлъ Киннарцевъ, черпающихъ воду изъ пруда. Онъ спросилъ ихъ: „Зачѣмъ вамъ такъ много воды потребовалось?“ Они отвѣчали, что Маногара, дочь Киннарскаго царя, попала въ руки человѣка, и что человѣческій запахъ долженъ быть смытъ съ нея. Судана отпускаетъ въ сосудъ кольцо, по которому Маногара узнаетъ о его прибытіи. Они возвращаются на землю съ согласія отца Маногары. Ср. съ классическимъ мифомъ объ Орестѣ; Ифигенія—Маногара—Юсунъ; Агамемнонъ—отецъ Мани-Ветыръ-хана; Калхасъ—Хара-эмчи. Въмѣсто обмыванія небесной дѣвы, осквернившейся отъ прикосновенія къ людямъ, омовеніе статуи Артемиды, оскверненной прикосновениемъ чужеземцевъ.

Харъ-Горѣчи ср. съ хара-гуресу, „медвѣдь“. Джетыкуль ср. съ Итыгиль, который въ киргизской сказкѣ достаетъ для шайтана дочь Тохтамышъ-

хана (Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр., I, 526 и прим. къ № 36). Это предприятие исполнено, какъ въ сказкахъ о семи братьяхъ, добывающихъ невесту (см. № 36); въ русскихъ вариантахъ добываемая невеста оказывается лебедью-дѣвой. Въ № 110 Тунгъ-Каратты-ханъ обращается въ крысу, подъ видомъ которой портитъ досѣхи у Джюсунъ-хана; въ Ганджурѣ помощь царевичу оказываютъ якши; ср. урянхайск. джаксы, „летучая мышь“ (стр. 162). Имя Джюсунъ въ № 110 носитъ враждебный герою ханъ, въ № 155 Юсунъ имя небесной дѣвы. Ср. также съ Езенъ-Зулхаръ въ аварской сказкѣ (Awarische Texte, S. 94; Сб. свѣд. о кавк. горц., в. 2, стр. 39). Эпизодъ о крысахъ записанъ въ городѣ Хотанѣ въ VI в. китайскимъ монахомъ Сюань-цаномъ (Риттеръ, Землев. Азіи, Восточный Туркестанъ, русск. перев. Григорьева, в. 1, стр. 67 и слѣд.; Liebrecht, Zur Volkskunde, S. 13). Хунну сдѣлали нашествіе на Хотанъ; царь помолился царю крысъ, и въ ночь крысы изгрызли досѣхи у Хунну. Другія хотанскія легенды: Первымъ царемъ и родоначальникомъ хотанской династии былъ богъ Биджамынъ или Бишамынъ; Будду Хотанцы называли Виджи-фо (ср. съ Мечинъ, названіемъ Плеядъ). Первое заселеніе Хотана связывается съ бѣгствомъ одного князя изъ сосѣдняго царства, который ослѣпилъ сына царя и былъ изгнанъ (ср. съ № 48, вар. а и б). Рѣка прекращаетъ теченіе; духъ дракона рѣки, подъ видомъ женщины, выходитъ на сушу и требуетъ себѣ мужа вмѣсто прежняго, который умеръ; Мѣву, рѣшившійся на самопожертвованіе, вѣзжаетъ въ рѣку верхомъ на лошади (ср. съ № 182); лошадь изъ воды выноситъ барабанъ въ знакъ того, что Мѣву принять въ число боговъ и стать патрономъ города; барабанъ былъ вывѣшенъ на городскихъ воротахъ и издавалъ звуки, когда городу угрожало вражеское нашествіе (ср. съ собакой Тибетскаго царя Шидургу, Алтанъ Тобчи, стр. 24, и съ собаками Гомбугура въ № 83, вар. а). Буддійскій храмъ въ Хотанѣ былъ построенъ между двумя скалами, которыя назывались „бычьи рога“ (см. о Буханоинѣ, стр. 264). Статуя будды, которую везли изъ Кашмира, остановилась въ Хотанѣ и не хотѣла двинуться дальше (ср. съ № 83). Одинъ навильонъ при дворцѣ носилъ названіе „Семь Фениксовъ“; ср. Долонъ-Хонгъ-Хотанъ. Хотанское сказаніе о крысахъ давно уже сближаютъ съ египетскимъ разказомъ Геродота (II, 141) о царѣ-жрецѣ Сеѳосѣ или Сеѳонѣ (Sethon), которому крысы помогли прогнать царя Арабовъ Сеннахерима; предшественникъ Сеѳона былъ слѣпой царь Anysis, который былъ изгнанъ изъ Египта еѳіопскимъ царемъ Сабакномъ и 50 лѣтъ скрывался въ болотѣ, пока Сабакосъ не оставилъ Египетъ добровольно, услышавъ во снѣ приказаніе собрать всѣхъ жрецовъ и разрубить ихъ по животамъ. Ранѣе Анизія царствовалъ царь Микеринъ, который совершилъ насиліе надъ своей дочерью и похоронилъ ее въ пустой статуѣ телицы; царица отрѣзала руки тѣмъ, которые передали царевну ея отцу (кн. II, гл. 131; сл. съ прим. къ № 84).—Имя дѣвицы: „девятью девятью восемьдесятъ одну задачу рѣшившая“ ср. съ русскою свадебною пѣсней, въ которой молодецъ благодаритъ дѣвицу за рѣшеніе шести (или семи) загадокъ и въ заключеніе говоритъ: „а и быть тебѣ, дѣвица, за

мною да и жить со мною“ (Матер. для ист. и стат. Симбир. губ., изд. Симб. стат. комитета, в. VI [1867], стр. 72).

160. Боро болджоханъ туджи.

Ср. съ сербскою сказкой о невѣрной матери (Jagic, Archiv für Slavische Philologie, t. I, S. 273); вмѣсто бокширго—курица; вмѣсто майма-хуня (въ другихъ вариантахъ, вѣроятно, стоитъ Китаецъ) Жидъ. См. у Аванасьева, VIII, № 26 и Оч., II, 163, № 21. Конечъ монгольской сказки (обманъ при дѣлежѣ наслѣдства) ср. съ венгерскою сказкой о Garabonczás diák'ъ (Jagic, Archiv, t. IV, s. 625); Garabonczás diák ѣздитъ на драконѣ, подъ видомъ котораго скрывается дѣвица, обращенная въ этотъ видъ своею мачихой. Въ сибирско-татарскомъ вариантѣ (Radloff, Prob., IV, 477) мальчики брошены въ ящикъ въ воду; старшаго (по указанію птицы) избираютъ потомъ въ цари. Арабскій вариантъ изъ Мосула помѣщенъ въ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesell., B. XXXVI, H. II, S. 238; вмѣсто майма-хуня Жидъ; старшій изъ братьевъ избирается въ цари по указанію птицы.

166. Мальчинъ съ ушко.

Ср. Аванас., Н. Р. С., в. V, № 21 и Поэт. Возвр., II, 767. У Бекенштедта (Wendische Märchen und Sagen, S. 95) о Till Eulenspiegel'а.

168. Аргата-Унюгъ.

Семь волковъ, приморозившихъ хвосты, ср. съ повѣрьями о Б. Медвѣлицѣ, представляемой въ видѣ семи волковъ на цѣпи.

176. Хангавай.

Имя это въ рукописи г. Адрианова было иногда написано Хангамай, также какъ въ слѣдующей сказкѣ Кирвесъ иногда было замѣняемо формой Кирбесъ. Хангавай ср. съ вогуличскими: а) йонгобъ, „луна“, б) анкобо, названіе какого-то (медвѣжьяго?) праздника.

179. Человѣческая голова.

Г. Михайловымъ напечатана чувашская сказка: Мать поочередно посылаетъ своихъ трехъ дочерей за водой, и когда онѣ приносятъ воду, не выпускаетъ ихъ въ домъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ согласія выйти замужъ за роднаго брата. Младшая не соглашается на требованіе матери и упиливаетъ въ лодкѣ; за нею гонится обыда (вѣдьма); лодка садится на мель; пролетаютъ воронъ и сорока; бѣглянка проситъ ихъ полетѣть на ея родину и сказать ея роднымъ о ея положеніи, но воронъ и сорока отказываются. Кукушка летитъ по просьбѣ дѣвицы къ ея брату и везитъ ему заколотъ краснаго быка въ жертву богу Херле-сырю; тогда лодка съ дѣвицей

двинулась вновь по рѣкѣ (Спиридонъ Михайловъ, Чувашскіе разговоры и сказки, Казань, 1853, стр. 29—49).

181. Хэрэнъ-Кирвэсъ Хэмрэ-мергенъ.

Г. Адриановъ записалъ въ Бійскомъ округѣ Томск. губ. отъ русской крестьянки сказку о Коростѣ: Царскій сынъ подслушиваетъ разговоръ трехъ дѣвицъ и женится на младшей; жена родитъ ему трехъ золоторукихъ мальчиковъ, но Ягишна подмѣняетъ ихъ котенкомъ, щенкомъ и „сыномъ Коростой“; царскій сынъ велитъ заключить ихъ въ бочку и кинуть въ море; бочку прибываетъ къ острову, Короста выплываетъ ногами дно у бочки. Ёдутъ мимо купцы; Короста прячется на корабль, прѣзжаетъ ко двору царскаго сына, подслушиваетъ разказъ Ягишны о трехъ золоторукихъ мальчикахъ, находящихся въ заточеніи у медвѣдя въ норѣ, освобождаетъ ихъ, обманывая медвѣдя, и приводитъ мальчиковъ къ матери. Царскій сынъ узнаетъ объ островѣ и живущей на немъ матери съ тремя мальчиками, возвращаетъ ее въ свой домъ, а Ягишну приказываетъ разстрѣлять на воротахъ.—Въ другой сходной сказкѣ, записанной г. Адриановымъ тамъ же, герой называется Иваномъ, крестьянскимъ сыномъ. Короста вмѣсто желѣзнаго оленя и оружія Толонъ-Арыкъ-Дархана достаетъ борова-серуна и кота, который по столбу ходитъ; въ вариантахъ у Аванас. (в. VI, № 68) добываются въ одномъ самоѣлющая мельница и котъ, ходящій по золотому столбу, въ другомъ волкъ, который находится на оціанѣ, на островѣ Буанѣ, въ третьемъ молочная рѣка. Объ Ивалѣ, крестьянскомъ сынѣ, у Аванас. (в. VIII, № 9), совсѣмъ другой сюжетъ: Онъ три года по обѣту служить даровымъ перевозчикомъ и возвращаетъ царю похищенную у него дочь. Короста ср. съ лѣтописнымъ Коростенъ (Искорость); легенда о взятіи Коростена Ольгой разказывалась также о городѣ Хирсова; этотъ городъ г. Брунъ сближалъ съ замкомъ Хоросъ-Берменомъ близъ Азова (Брунъ, „Неудачн. осада Азова“ въ Зап. Одесс. общ. ист., VIII, стр. 6 и 19). Въ другихъ сказкахъ вышибаніе дна бочки ногами приписывается Збутъ Збутовичу; сынъ Ильи-Муромца, вступающій съ нимъ въ бой, носитъ имя Борисъ Збутъ-Боролевичъ. Збутъ ср. съ Соботекъ, Чеботекъ, прозвищемъ самаго Ильи Муромца по явленію Лассоты.

Г. Барсовымъ записана сказка о самобратахъ Борисѣ и Глѣбѣ: Царь, подслушавъ разговоръ трехъ дѣвицъ, выбираетъ третью, похваставшуюся золотомъ и серебряною ступней. Одна баба обратила царицу въ утку, а на ея мѣсто поставила свою дочь. Утка, подхвативъ слюну царя во время его охоты, родитъ двухъ мальчиковъ, самобратовъ Бориса и Глѣба. Царь приглашаетъ ихъ къ себѣ на пиръ, мачиха убиваетъ ихъ (Древн. и Нов. Россія 1879, № 9, стр. 403). Ср. русскія названія растений: семибратная кровь. *Hypericum perforatum*; оно же—заячья кровь, зелье святоянское, и зелье св. Ивана, *Iohannisblut*, *herbe de St. Jean*, *herbe à milles trous*, *chasse-diable* (Дивенъ, Бот. Слов., 1878, стр. 172). Въ Іоакимовской лѣтописи, въ исторіи

о двухъ гонимыхъ князьяхъ, отецъ ихъ названъ Борисомъ Даниловичемъ, а жена его, мачиха молодыхъ князей—Святохной.

Въ другихъ русскихъ сказкахъ имя Борисъ встрѣчается съ отрицательнымъ отъ предыдущаго содержаніемъ. Въ одной южно-русской (Труд. этн. эксп. въ зап. русск. край, II, № 76, стр. 290) находится имя Трёмснъ-Борисъ. Только что рожденный, онъ былъ унесенъ орломъ въ гнѣздо; его находятъ три брата и даютъ ему имя Трёмсинъ (трёмъ сынъ) Борисъ. Начало сказки сходно съ нѣмецкимъ сказаніемъ о Вольфъ-Дитрихѣ, котораго унесла волчица (Liebrecht, Zur Volkskunde, Heilbr., 1879, S. 463); добытый изъ ея норы охотниками, онъ былъ взятъ въ замокъ и получилъ прозвище „Волкъ“ (ср. съ примѣч. къ гл. IV, къ № 55 и 37 прим. къ III гл.). Другая южно-русская сказка (Труды этн. эксп. въ Зап. русск. край, II, № 86, стр. 337) разказываетъ о Тромъ сынѣ, не называя его Борисомъ; начало сходно. Мать закопала дитя; Богъ, Павло и Петръ оживили его; отсюда и „тромъ сынъ“. Ср. въ Оч., II, 176 съ оживленіемъ Ховугу тремя дѣвками и у Мангардта, Germ. Myth., 42 и 57, съ индѣйскимъ мифомъ о Ribhus, иногда представляемомъ въ числѣ трехъ и съ нѣмецкимъ о слѣбахъ, создающихъ изъ костей съѣденной коровы новую корову. Этимологія имени Трёмсинъ сближаетъ сказку о Борисѣ съ классическимъ мифомъ объ Орионѣ (трипаторъ; Preller, Griech. Myth., I, 371); одинъ изъ трехъ отцовъ—Гермесь. Добываніе меча находится въ ингушской сказкѣ о медвѣжьемъ сынѣ (см. стр. 782). Ср. также въ Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, II, стр. 7 и 11. Тромъ ср. съ Торумъ, громовникъ по остяцки, торумъ медвѣжонокъ по урянхайски; азиатская форма Хурмустенъ-ханъ также соединяется съ числомъ три (см. прим. къ № 79).

Борисъ и Глѣбъ кузнецы снасаютъ юношу, убѣгающаго отъ змія; самого змія запрягаютъ въ плугъ и проводятъ по землѣ борозду, которая и доселѣ называется Змѣевымъ валомъ (Буслаевъ, Истор. Оч., II, 107). Въ другихъ бѣгство приписывается Коршбуръ Попелюху (Драгомановъ, Малорусск. нар. преданія, 262), Ивану Попялову (Аванас. Св., в. II, № 30), Сученикѣ (Тр. этн. эксп. въ Зап. русскій край, II, 255 и 263). Борисъ и Глѣбъ Паликоны сжигаютъ снопы у тѣхъ, кто работаетъ въ день, имъ посвященный (Аванас., Поэт. Возвр., I, 479); ср. съ подобнымъ же повѣрьемъ о Кирикѣ и Улитѣ. Въ заговорѣ (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, I, в. 1, стр. 127, загов. № 10) имя Борисъ стоитъ рядомъ съ двумя другими Дынсъ и Лывко (отъ ихъ крови текутъ три рѣки; ср. съ Борис—тенъ). Можетъ быть, порчу имени Борисъ представляетъ также имя: Персидскій царевичъ (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, т. II, стр. 195). Буслаевъ (Ист. оч., II, 114) цитируетъ сказаніе о томъ, что въ городѣ Переяславлѣ чтили камень, лежавшій у потока за Борисомъ и Глѣбомъ; ср. преданія о Переяславѣ (Карамзинъ, I, прим. 471) и Переяславцѣ (Макаровъ, Русск. Пред., М., 1838, стр. 75). Шора Ногмовъ въ своей „Исторіи Адыгейск. народа“, Тифлисъ, 1861, стр. 125, сообщаетъ черкесское преданіе о князѣ Хатоужуко, который велитъ удавить двухъ братьевъ Жанъ-Боримаса и Жанъ-Борисхана, племянниковъ князя Шужія, скрывавшихся съ своимъ аталыкомъ въ пещерахъ и ущельяхъ. Шужія хочетъ от-

мстить за смерть племянниковъ и приглашаетъ Хатожуко будто бы на пиръ къ себѣ; гости собрались, но Хатожуко случайно не пріѣхалъ, и князю Шужія удалось убить только любимца Хатожукова Созирахо (Сосрыко?). Жена Шужія такъ оплакивала свою погибшую въ усобицахъ родню: „Ахъ, Жанъ-Боримасъ, ахъ, Жанъ-Борисханъ! Куда васъ дѣну для защиты отъ страшнаго смертоубійства! Васъ взяли въ пещеру ущелья Урди, кормили какъ лошадей или быковъ, но откормивъ, зарѣзали острыми ножами“. Не память ли это о медвѣжьемъ праздникѣ? Имя Борисъ встрѣчается въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ; такъ называется его сынъ, съ которымъ онъ вступаетъ въ бой. Кирѣвск., Пѣсни, в. I, отд. I, № 4: Борисъ Козловъ; № 5: Бориско; № 6: Збугъ-Борисъ Королевичъ; въ № 1: Татарченко; „кабы мать твоя не кума была“, говоритъ ему Ильѣ,—стр. 2; въ отд. IV, № 1: Нахвальщина; ср. чувашск. хвель „солнце“; № 2: Сокольниковъ-Нахвальничекъ. Рыбниковъ, т. I, стр. 75: Сокольниковъ; мать Сокольника Латымка; т. II, стр. 349: Сокольниковъ; мать Сокольника Семигорка баба Владимирка. Сокольниковъ ср. съ Скиломъ Геродотовой скинской легенды о братоубійствѣ (IV, 78, 80); сагылъ, якутск. „лисица“, дзайгылъ, дюрбют. альпійскій волкъ, шакаль на Кавказѣ особый видъ волка; у Грековъ въ Крыму скили, домашняя собака (Кондараки, Опис. Крыма, т. I, ч. II, стр. 17). Въ другихъ былинахъ эпизодъ о борьбѣ отца съ сыномъ разказывается о Саурѣ Ванидовичѣ и его сынѣ, Кирѣвск., Пѣсни, в. 2, стр. 113, и о Саулѣ Леванидовичѣ и его сынѣ, *ibid.* (Саула ср. съ Савліемъ Геродотовой легенды, IV, 76). Сходно съ тою же былинной разказывается другая, гдѣ противникомъ Ильѣ является Жидовинъ, хотя послѣдній за сына Ильѣ и не выдается. Имя Жидовинъ встрѣчается въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“ спареннымъ съ другимъ членомъ Хорсъ: „Два ангела громная есть: елленскій старецъ Перунъ и Хорсъ-Жидовинъ — два еста ангела молниина“. Хорсъ „Бесѣды“ не есть ли версія Бориса былины объ Ильѣ Муромцѣ? Не было ли имя сына Ильѣ Муромца сначала парнымъ Хорсъ-Жидовинъ, по другому произношенію Борисъ-Жидовинъ и не сохранился ли въ народной памяти только тѣ варианты, въ которыхъ это парное имя распалось на свои члены, вмѣстѣ съ чѣмъ и утратилась память о томъ, что Жидовинъ также сынъ Ильѣ Муромца? Не отголосокъ ли того же спариванія слѣдуетъ видѣть въ лѣтописномъ извѣстіи о Борисѣ Жидиславичѣ, воеводѣ Андрея Боголюбскаго? Личныя имена древней Руси: Жидиславъ, Жидята, можетъ быть, указываютъ, что форма жиди не явилась на Руси только послѣ знакомства съ Евреями, а обязана своимъ происхожденіемъ до-арійскому міру южной Россіи. Жидовинъ встрѣчаемъ какъ прозвище Анбала, убійцы Андрея Боголюбскаго (по поводу его лѣтописецъ вспомнилъ убійцу Глѣба Горясѣра). Въ одномъ старинномъ русскомъ сказаніи Египетскій царь Гаврило Черкасскій заказываетъ доктору Жидовину приготовить отраву для епископа Іоакима Александрійскаго; епископъ выпиваетъ отраву безъ вреда, а Жидовина разрываетъ отъ простой воды, которую въ томъ же сосудѣ подаетъ ему епископъ (рукопись прошлаго вѣка, принадлежащая Д. Н. Садовникову).

Въ сказаніи о Тарсеѣ-Жидовинѣ имя его сына, убитаго имъ, Малха ср. съ именемъ вѣчнаго жиди, Малха, который иногда замѣщается Маркомъ (Iudeu Marcu; Веселовскій, въ Ж. М. Н. Пр., 1880, июль, 86). Въ болгарскомъ эпосѣ Влькшинъ или Вукашинъ спорить о коронѣ съ Урошемъ: Марко-кравевичъ, сынъ его, высказывается за Уроша; спасаясь отъ отца, онъ слышитъ голосъ: „Бѣги въ церковь, Марко!“ (Безсоновъ, Болг. пѣсли, 33). Ср. съ кабардинскимъ преданіемъ о Хетагѣ, котораго спасаетъ крикъ: „Бѣги въ лѣсъ!“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. III, 30); мѣсто, гдѣ скрылся Хетагъ, получило имя Бираги дзэнджи цагаты, то-есть, волчьей голени. Бирагъ—волкъ по осетински; вирагъ, уирагъ—по осетински Еврей; это имя встрѣчается, кажется, только въ пословицахъ; болѣе употребительно для Евреевъ другое имя: дзуть (Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II (1869), стр. 11, пословица № 83 и стр. 15 и 22). Ср. выраженія: жиды-ураги (Зап. югозап. отд. Русск. Геогр. Общ., I, 1873, стр. 32—33), Juda waгагъ въ древне-саксонскомъ Heiland'ѣ, Джеты-уругъ, Джеты-каракше, Итъ-Баракъ, состоящія въ борьбѣ съ Огузъ-ханомъ, „быкомъ-царемъ“ (Зап. Имп. Р. Археолог. общ., т. XIV, стр. 18—19).

Эпизодъ о битвѣ отца съ сыномъ есть также въ сказкѣ объ Урус-ланѣ Залазаревичѣ (см. прим. 36 къ гл. III и стр. 913). О Хонгхотанѣ, кромѣ указанной тамъ цитаты, см. также Труд. Пек. дух. мисс., IV, 193; Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong, 64. У Абульгази вмѣсто Хонгхотанъ стоитъ Кунукмаръ, Qongqomar (Саблуковъ, стр. 51; Desmason, Histoire d. Mogols et. d. Tatares, 1874, p. 54). Хонгъ по монг. „лебедь“, хотунъ „госпожа“. О лебеди, женѣ шамана Одюга, см. стр. 24; Хориискіе Буряты женитьбу на лебеди приписываютъ своему предку Хоридою, и поютъ о немъ: хонгъ шобунъ горбултай хосунъ модонъ сэргэтэй ширунъ сулъ эсэгтэтэй алунгъ гова эгтэтэй Хоридой, „носившій фамилію Хонгъ, имѣвшій коновязью дерево березу, отцомъ Ширунъ-сула, матерью Алунгъ-гову, Хоридой“. По тому же сказанію Хоридой, Булагаты и Экиритъ вышли изъ морской пѣны и усыновлены шаманкою Асойханъ-одегонъ, обитавшею вмѣстѣ съ двумя родственными поколѣніями Атагаты и Хатагитъ. По другому преданію, эти три брата дѣти Буханонна и Вуданъ-хотунъ. (Памятн. кп. Иркут. губ. 1881 г., стр. 164—189). Ст. стр. 672 и 734.—Ловлю ребенка, выходящаго изъ воды въ № 181 ср. съ бурятскимъ сказаніемъ о шаманкѣ Асуйхапъ (стр. 824).—Наблюденіе надъ искалеченною мышью, наводящее на цѣлебную траву, см. въ № 84 (стр. 343).

Приводимъ случаи совпаденія корня жиди, геди и пр. съ числомъ семь: а) Въ сибирскомъ вариантѣ известной сказки о хитромъ ворѣ, записанномъ г. Адриановымъ въ Бійскомъ о. Томск. губ., Яшка-шутъ обманываетъ семь разбойниковъ (ср. киргизск. Джеты-Караке, Б. Медвѣдья); въ малорусскомъ вариантѣ вмѣсто семи разбойниковъ стоитъ „Жиды“. б) Поговорка: „На всякаго мірянина по семи Жидовиновъ“ (Даль, Послов., 149). в) Въ пѣснѣ: жидомиръ давить семь дѣтей (Шейнъ, Русск. пѣсни, стр. 244, № 8). г) Въ дѣтской пѣсенкѣ (*ibid.*, стр. 52, № 91): „Оедьба-воръ, укажи намъ дворъ на семи вер-

стахъ? Дворъ на семи верстахъ также у Соловья-разбойника (Кирѣевскій, Пѣсни, IV, прилож. XI; Рыбн., II, 332) и у Маришки (Кирѣевск., в. II отд. I, п. 7, стр. 69). д) Въ пѣмеккой дѣтской пѣснѣ Judde замѣщается чрезъ sieben; (см. стр. 864). е) Въ сербской молитвѣ противъ нежита семь или семьдесятъ ангеловъ, которые, кажется, отождествляются съ самимъ пежитомъ (Ж. М. Н. Пр. 1863, кн. 1, стр. 11). ж) Въ сказаніяхъ о св. Георгіѣ царь Дадіанъ имѣетъ по славянскимъ и латинскимъ вариантамъ семь подвластныхъ царей; по мусульманскимъ семьдесятъ князей (Киричниковъ, Св. Георгій и Егорій Храбрый, въ Ж. М. Н. II., 1878, дек., стр. 280). з) Гедиминъ, князь Литовскій, имѣлъ семь сыновей. По одной легендѣ онъ былъ конюхомъ литовскаго князя Витеня; въ заговорѣ съ его женой онъ убилъ его; по другой кн. Вытенецъ былъ убитъ громомъ; жену его взялъ рабъ его, конюшій Гедыманикъ (Антоновичъ, Очерки ист. вел. кн. Литовскаго, Кіевъ, 1878, стр. 39). и) Сидимонъ, родоначальникъ дворянской грузинской фамиліи Эрстовыхъ, есть старшій изъ семи сыновей Осигагата (Сб. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. Пфаффа, „Мат. для ист. Осет.“, 58—61). і) Городъ Θεοδοσία въ Крыму въ древности называлась *Αρδχόδα*, что на языкѣ Алановъ будто бы значило „семь боговъ“. У Осетинъ арвдзавда, „громовой ударъ“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. IX, ст. Гатіева: Суевѣрія и предразс. Осетинъ, стр. 29). Палластъ объяснялъ аланское имя крымской Θεοδοσίи изъ кистинскаго нарѣчія: цаг, семь и *da-da*, отецъ. Шора Ногмовъ (Ист. Адыг. нар., 78) говоритъ, что у Кабардинцевъ сохранилась память о боѣ Мстислава Тмутараканскаго съ Редедю; въ память о гибели Редеди поется пѣсня на свадьбахъ, во время жатвы и на другихъ сборищахъ съ припѣвомъ „о Ридадя!“ Редедя могъ припомниться автору по его собственному соображенію, но есть и другія показанія (Сб. свѣд. о кавк. горц., в. 2, отд. 3, стр. 4) о томъ, что у Кабардинцевъ существуетъ припѣвъ „оридадя!“ Въ Сибири на Иртышѣ и на югѣ Томск. губ. и теперь существуютъ русскія свадебныя пѣсни съ припѣвомъ: „уредиди!“ У Убинскихъ Хотоновъ къ пѣснямъ припѣваютъ: „джаарай!“ у Хамійскихъ Туркестанцевъ: „аире!“

Первый членъ въ эпитетѣ „самобраты“ встрѣчается въ выраженіяхъ: самовилы (есть и семь виль), Самородъ въ русскихъ былинахъ. Въ южно-славянскомъ встрѣчаются формы: Юдо жемская (Вс. Миллеръ въ Ж. М. Н. Пр., 1878, дек., 253—259); Симеонъ Юда въ галицкой поговорѣ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., II, 299), Szimon Juda въ чешской (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., VI, 287). Не былъ ли этотъ корень уже знакомъ жителямъ восточной Европы до принятія христіанства или даже до прихода сюда Аріицевъ? Въ русскомъ встрѣчаемъ формы: Семикъ и Семичиха (см. прим. къ № 21), семь Семіоновъ; въ южно-русскомъ заговорѣ „Семеново гнѣздо“, въ которомъ лежитъ Оленова змѣя (Труд. этн. экс. въ Зап. русск. край, т. I, в. 1, стр. 121). Форма юдо встрѣчается и отдѣльно; въ болгарскомъ Юдинскій царь (Ж. М. Н. II., 1878, дек. 253—259); ср. Идиганъ Едиханъ, гдѣ послѣдній членъ иногда толкуется народомъ: „царь“. Въ южно-русскомъ заговорѣ: Юдо и Юдыха (Труд. этн. экс. въ Зап.-русск.

край, т. I, в. 1, стр. 85); Юдо приравнивается заговоромъ къ мѣсячному видьмачу, Юдыха къ видьмѣ; не намека ли на повѣрье о вѣдьмахъ, портищихъ мѣсяцъ или похищающихъ ихъ на Васильевъ вечеръ? Самородъ встрѣчается только въ отечествахъ богатырей: царь Кумбаль Самородовичъ (Пѣсни Кирѣев., в. 2, стр. 108); царь Кунгуръ Самородовичъ (ib., 113). Рѣка Смородина не есть ли только женская форма того же имени? Въ рѣкѣ Смородинѣ тонетъ богатырь Добрыня; въ другихъ случаяхъ Смородина смѣняется рѣкою Почай: ср. гибель Василья Буслаева отъ „морской пучины“ (Авантас., в. I, № 11). Имя Почай перешло, по видимому, на земную рѣку; о рѣкѣ Почайнѣ близъ Нижняго Новгорода есть народное повѣрье, что она передъ кончиной міра выйдетъ изъ береговъ и затопитъ Нижній (Храмцовскій, Краткій оч. ист. Нижн. Новгорода, т. II, стр. 13). Второй членъ имени Самородъ, то-есть, Родъ, встрѣчается отдѣльно въ древнихъ памятникахъ и ставится рядомъ съ рожаницами, то-есть, съ семью звѣздами. Въ былинахъ объ Оникѣ вмѣсто смертельной рѣки или пучины является Смерть; у Рыбникова (I, 465) Оника встрѣчается: „чудо“. Г. Идановъ (Кіевск. Универс. извѣст., 1881, мартъ) сближаетъ былинну объ Оникѣ съ разказомъ о смерти Святогора; примѣриваніе гроба есть и въ одной татарской сказкѣ (Radloff, Proben, VI, 71), гдѣ въ гробъ ложится Акъ-Кѣбокъ, противникъ Кыдапъ-хана. Съ русскими загадками о смерти (Садовн., Загадки, № 2027 и слѣд.) сходны загадки о репейникѣ (№№ 839 и 842); въ числѣ названій этого растенія (Carduus) есть между прочимъ „мордовникъ“, „царь Муратъ“, оно же называется дѣдовникъ, татаринъ. По татарски оно называется шайтанъ-таягы, „чортова палка“, по вотяцки кый-боды, „посохъ“ или „батоги змѣи“, по черемиски шайтанъ-шоар-бондо, „посохъ чорта“. Не находится ли съ этимъ въ связи выраженіе „мертвецъ“ въ загадкахъ о грохѣ? Членъ „само“ встрѣчается также въ соединеніи съ членомъ рыгъ въ имени самарыга; такъ называется большой рябой коршунъ; чтобы отыскать „разрывъ-траву“, захватываютъ дѣтей самарыги и запираютъ; тогда мать приноситъ траву (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., II, 26). Ср. съ вотяцкимъ повѣрьемъ о травѣ улыбъ (см. стр. 773). Форма арыгъ часто встрѣчается въ татарскихъ сказкахъ: Алтынъ-Арыгъ, Ай-Арыгъ, Кунъ-Арыгъ; ср. также съ киргизскимъ Джеты-Уругъ (см. стр. 720). Разрывъ-трава въ другихъ мѣстахъ называется „спрыгъ-трава“. Ср. спорышъ, спарижъ, шпарышъ, парышъ, Polygonum aviculare (Анн., Ботан. Слов., 263); польск. sporysz, Gerniaria glabra; оно же zabie gronka, малорос. гримъ (ib., 166); спорыня, спорышъ, Sclerotium clavus (ib., 320); спрыгъ, Epilobium angustifolium (ib., 132). Въ киргизскомъ испарикъ, Delphinium (ib., 123). Съ растеніемъ Asparagus officinalis также соединяются названія: громовой камень, hromek (ib., 53). Въ одномъ старинномъ травникѣ говорится: „траву зимаргъ очень бѣла, сорви ее и брось на воду, то она противъ воды поплыветъ“, слѣдовательно, ей приписывается то же, что и „разрывъ-травѣ“ (Забѣлинъ, Ист. русск. жизни, II, 276). Движеніе противъ теченія встрѣчается въ осетинскомъ повѣрьѣ объ одномъ созвѣздіи или звѣздѣ (см.

стр. 733) и въ Алтанъ-Тобчи (стр. 28) о трупѣ царицы, надъ которою насыпанъ потомъ холмъ Темиръ-Олху. Въ мусульманскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ птицѣ Симургу приписывается доставленіе шамира. У Крымскихъ Татаръ чортъ достаетъ для Соломона „Джемире“. Сюлейманъ-Пейгамберъ, могущественный и богатый владѣтельный князь, жилъ въ замкѣ. Его не-сметныя стада барановъ пасли наемные работники. Однажды въ числѣ прочихъ онъ нанялъ въ пастухи чорта, не зная того, конечно. Задолго до условленнаго срока лѣнивый, а можетъ быть, и черезчуръ хитрый работникъ является къ Сюлейману-Пейгамберю и проситъ расчетъ за всѣ отработанные дни. Требованіе работника было странно и непонятно для хозяина: діаволь проситъ за свои труды „вѣру“. Сюлейманъ недоумѣвалъ; въ этомъ затрудненіи онъ обращается къ звѣрямъ. Въ княжескихъ чертогахъ перебывали всѣ сильные звѣринаго міра, но никто не могъ помочь ему. Только маленькій ежикъ (бирини) далъ ловкій совѣтъ; хитрецъ предложилъ царю послать чорта отыскать и поймать Джемире. Царь такъ и сдѣлалъ. Одураченный чортъ и по сей день бродитъ по свѣту и не можетъ никакъ изловить эту Джемире. На вопросъ записывателя сказанія: „что такое Джемире?“ Татаринъ отвѣтилъ, что это не духъ, не діаволь, не святой и не богъ; сказалъ только, что Джемире является на землю 12-го марта и приноситъ съ собою тепло. Отъ Джемире зависитъ также волненіе воды и колебаніе земной коры (зап. г. Калачевымъ въ Алунѣ).

Упоминаемый на стр. 613 восьмичашечный (сагысъ-аякху?) конь, можетъ быть, слѣдовало перевести восьминогий (сагысъ-аякху; аякъ и „чашка“, и „нога“).

182. Нумюсъ-Иргэнь.

Ары, второй членъ въ женскихъ именахъ ср. съ Арыгъ, часто встрѣчающимся въ женскихъ именахъ. Алтынъ-Ары ср. съ Алтынъ-Арыгъ (Mel. asiatic., t. III, l. 4, S. 412). Отче-Ары ср. съ Очы-Каракшинъ въ сказкѣ у Радлова (Proben. I, 421). Въ сказкахъ Минусинск. Татаръ Ütjün-Ageg, дочь Üsüt-chan'a, принимающая видъ черной лисицы; ее бичуетъ Комдей-миргенъ (Mel. asiat., t. III); ср. съ повѣрьями о бичеванномъ бурундукѣ; бурундукъ по урянхайски корюкъ.

184. Тызынь-богатырь.

На другомъ нарѣчій произносится Тыгынь. Повѣрья о пришествіи бѣлыхъ людей есть у Гиляковъ (см. Сибирская Газета, 1882 г., № 13, ст. „Русскіе колокола у Гиляковъ“) и у Корейцевъ (Русск. Вѣстн., 1882, февр., ст. Вс. Крестовскаго, „Очерки Южноуссур. края“, стр. 782). Въ гилянскомъ вариантѣ разказъ о сожителствѣ съ бѣлыми людьми женщины, оставшейся отъ вымершаго племени, ср. съ мѣстомъ о Хонджи-харэмъ-еменгъ на стр. 387. Корейскій разказъ связываетъ „бѣлыхъ людей“ съ свиньями. Бѣлый по монгольски цаганъ, свинья гахай.

186. Боско.

Ср. съ дюрботскою былинной объ Иринъ-Сайнѣ (№ 135). Сходныя черты: 1) поѣздка за невѣстой, у отца которой пируютъ женихи (въ Иринъ-Сайнѣ 14, въ Боско 9); 2) поѣздка богатыря по трудному порученію отца невѣсты; Иринъ-Сайнѣ вѣдѣтъ освобождать скованнаго верблюда, Боско розыскивать Гунтурунта, стараго друга отца невѣсты; 3) поѣздка съ цѣлью возвращенія уведенныхъ въ плѣнъ лицъ: въ Иринъ-Сайнѣ это отецъ и мать его, въ Боско его жена. Подобно Иринъ-Сайну, Боско убиваетъ своего противника и его жену. Противникъ Иринъ-Сайна называется Мангысъ; противникъ Боско — Арджиманъ-Джарджиманъ, родомъ Тунгусъ. По видимому, Тунгусъ въ этой сказкѣ не есть имя племени, а есть онологическая форма въ родѣ Мангысъ, Тенгисъ, Чингисъ (см. прим. къ № 50): подъ именемъ Тунгусъ, можно думать, разумѣлось у Якутовъ многоголовое чудовище, людоедъ. У Монголовъ есть повѣрье о большой собакѣ Тангутъ-похой; первый членъ Тангутъ не есть ли то же, что и Тунгусъ, только съ другимъ окончаніемъ; и монгольское Мангысъ въ бурятскомъ принимаетъ другое окончаніе и превращается въ Мангытъ. Появленіе формы Тунгусъ въ качествѣ имени племени можетъ быть отнесено къ позднѣйшему времени; встрѣтивъ чужое племя, Якуты могли дать ему имя, съ которымъ они уже привыкли соединять понятіе о чемъ-то враждебномъ и страшномъ. Подобный примѣръ представляетъ бурятское Мангытъ, „змѣй“, которымъ Буряты обозначаютъ теперь Русское племя. Риттеръ говоритъ, что Буряты Русскихъ зовутъ Манъ или Мангутъ; по Гмелину Мангутъ или Мунгутъ ругательное слово; по Палласу Буряты Русскихъ зовутъ Кара-Мангутъ (Риттера, Землевѣд. Азіи, V, Забайкалье, 141). Подобно Бурятамъ и Калмыки Казанскихъ Татаръ называютъ Мангысъ или Мангытъ (Небожсина, Хошнотовск. улусъ, 15). О подобномъ же значеніи слова Уранга см. прим. 13 къ гл. I. Народъ, извѣстный намъ подъ именемъ Урянхайцевъ, самъ себя называетъ Тува, по на первый вопросъ: кто ты такой? Урянхаецъ отвѣчаетъ обыкновенно не Тува, боясь быть не понятымъ, а Уранга, то-есть, называетъ себя именемъ, которое этому народу даютъ сосѣди, Монголы. Едва ли не въ томъ же родѣ народныя имена Иштякъ, Черемисъ (не вариация ли формы Кереметь?), Ноогай; по характеру соединяемыхъ представленій Иштякъ у Башкиръ и Киргизъ то же, что Уранга у Монголовъ. У Вотяковъ Ногай то же, что русское чудь, у Чеченцевъ Ногай въ родѣ нашего Кашей (см. прим. 36 къ гл. III). Нѣкоторые сказанія, соединенныя съ именемъ Русъ (стр. 962), кажется, позволяютъ предполагать, что и это имя, прежде чѣмъ оно было усвоено нашимъ племенемъ, прилагалось къ нему сосѣдями, какъ бранное. Можетъ быть, въ этомъ же направленіи слѣдуетъ исправить мнѣніе г. Буслаева, высказанное имъ по поводу именъ: Чудь, Обры, Половцы и пр.

Изъ „тонгусъ“ чрезъ вынаденіе носоваго н получается форма „тогусъ“, которую и встрѣчаемъ въ примѣненіи, по видимому, къ Б. Медвѣдицѣ у Ка-

чинских Татаръ; высшее божество у нихъ называется или Джеты-кудай (то-есть, „семь боговъ“; это, можетъ быть,—то же, что Джетыганъ [Б. Медвѣдица], гдѣ второй членъ ганъ замѣненъ редупликаціей перваго) или Тогозъ-кудай, то-есть, „девять боговъ“ (русс. переводъ Землевѣд. Азін К. Риттера, т. IV [дополненія къ III тому], стр. 574; Castren's Vorlesungen ub. d. Finnisch. Mythologie, S. 14). Не есть ли значеніе семь и девять, придаваемое теперь формамъ джеты и тогузъ, позднѣйшее, возникшее уже послѣ того, какъ люди привыкли эти формы соединять съ созвѣздіями, въ которыхъ насчитывали семь и девять звѣздъ? Что было какое-то девятизвѣздное почитаемое созвѣздіе, на это указываютъ сѣвероазиатскія повѣрья. Въ рукописномъ якутскомъ словарѣ Порядина говорится, что Якуты различаютъ двѣ Б. Медвѣдницы; одну называютъ Аррангасъ, а другую—Тунгусъ-Аррангасъ, то-есть, Тунгусскою Б. Медвѣдницей. Вѣроятно, Тунгусъ тутъ не эпитетъ, а собственное имя. Монголы, подобно Якутамъ, кромѣ семи звѣздъ Большой Медвѣдницы, почитали еще другія девять звѣздъ. Банзаровъ (въ Учен. Зап. Казанск. Универс., 1846, III, 73) говоритъ: „Не менѣе были почитаемы девять большихъ звѣздъ, которыя соотвѣтствовали девяти тепріямъ. Онѣ имѣли на людей одинакое же вліяніе, какъ и семь старцевъ“ (то-есть, Б. Медвѣдница). У Алтайцевъ также есть какал-то другая Медвѣдница—Итъ-Тидыганъ. При той очерченности, однако, которою отличается Б. Медвѣдница, это созвѣздіе едва ли могло подать поводъ къ счисленію до девяти. Не составлялся ли изъ девяти звѣздъ Орионъ, о которомъ сказанія Сѣверной Азіи путаются съ сказаніями о Б. Медвѣдницѣ? Вслѣдствіе этой путаницы и имя, придававшееся Ориону, могло перейти на Б. Медвѣдницу; тогда потребовалось для согласованія съ числовымъ значеніемъ имени присчитать къ числу семи еще два. Это дополненіе семи до числа девяти замѣтно въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ Сѣверной Азіи. Въ сказкѣ Минусинскихъ Татаръ (Mcl. asiat., III, Ueb. die Heldensag. d. Minuss. Tatar. v. A. Schiefner, 379; Этн. сб., IV, 115) упоминаются два ворона, которые свили гнѣздо на семи лиственницахъ, стоящихъ на Желѣзной горѣ (см. прим. 12 къ гл. III); ни припосытъ извѣстіе о смерти Джедай-хана. Ср. о Хурюкнутѣ, стр. 104. Въ одной изъ нашихъ былинъ рядомъ упомянуты: семь братьевъ Збродовичей (ср. семь братьевъ Грядовичей; Рыбн., I, 75), два брата Ханиловы (Кирѣевск., „Пѣсни“, I, 45). Киргизское повѣрье семь звѣздъ Б. Медвѣдницы ставитъ въ соотношеніе съ двумя свѣтлыми звѣздами Дракона (см. стр. 711 и Оч., II, 125). Въ татарскихъ и монгольскихъ сказкахъ (а также и въ южно-русскихъ) богатырю нерѣдко даются двѣ собаки, которыя въ монгольскихъ сказкахъ иногда называются Асырь-Басырь. Не представлялась ли иногда Б. Медвѣдница богатыремъ-охотникомъ, а двѣ звѣзды Дракона ея собаками? По алтайскимъ повѣрьямъ, при дверяхъ Ерлика стоятъ собаки; по бурятскимъ и монгольскимъ повѣрьямъ, онъ высылаетъ ночью двухъ пословъ; эти Ерликовы послы, напоминающіе двухъ собакъ индѣйскаго Ямы, вѣроятно,—тѣ же двѣ собаки мифическаго богатыря. Важность числа семи, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, довольно извѣстна. Происхожденіе этого уваженія относится

къ самому отдаленному времени, къ началу ассирійской цивилизаціи. Географическое распространеніе этого этнографическаго явленія также обширно; кромѣ передней Азіи, оно простирается на всю Европу и на всю сѣверную Азію. Чѣмъ внушено это уваженіе къ числу семи? Въ древнѣйшихъ преданіяхъ передней Азіи мы находимъ число семь связаннымъ съ семью планетами, но едва ли въ этихъ преданіяхъ заключается отвѣтъ на заданный вопросъ. Еслибы почитаніе числа семи возникло отъ почитанія семи планетъ, то какъ объяснить распространенность этого почитанія на всю Сибирь? Вліяніемъ ассирійско-халдейской цивилизаціи? Но во первыхъ, вліянія, которыя этотъ міръ могъ производить на востокъ, могли только совершаться путемъ проповѣдничества и торговыхъ сношеній, слѣдовательно, при посредствѣ единичныхъ силъ, обширныя же струи распространенія повѣрій и легендъ посредствомъ массовыхъ переселеній проходили въ обратномъ направленіи; во вторыхъ, на сѣверѣ Сибири мы видимъ стоящія въ связи съ почитаніемъ числа семи повѣрья сильно укоренившимися въ народныхъ вѣрованіяхъ, связанными съ туземною обрядностью, такъ что появленіе ихъ вслѣдствіе внѣшняго вліянія трудно допустить (см. Этн. Сборн., IV, 60; ст. Третьякова въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 429 и 433; у Иславина въ его книгѣ „Самоѣды“, С.-Пб., 1847, стр. 117: самоѣдскій Уэсако имѣетъ семь лицъ). Мы замѣчаемъ, что число семь здѣсь часто связывается съ представленіемъ о Б. Медвѣдницѣ; не тутъ ли и нужно искать начало почитанія этого числа? Приписывая это начало планетамъ, приходится думать, что до открытія планетъ не было и этого почитанія; однако сибирскіе инородцы, не выделяющіе планетъ изъ ряда неподвижныхъ звѣздъ, кромѣ Венеры, уже питаютъ это уваженіе къ семи. Къ тому же трудно допустить, чтобы столь замѣчательное, столь рѣзко выдающееся созвѣздіе, какова Б. Медвѣдница, не отразила своего вліянія на творческую дѣятельность ума первобытнаго человѣка. Грозное явленіе, солнце, луна и недосягаемое звѣздное небо съ господствующимъ на немъ сѣвернымъ созвѣздіемъ—вотъ были, вѣроятно, первые элементы почитанія; культъ планетъ явился уже позднѣе, съ развитіемъ наблюденій. Настоящее число планетъ, извѣстныхъ древнимъ, было не семь, а пять; къ нимъ присоединялись солнце и луна, и только тогда составлялось число семь. Уже эта неоднородность заставляетъ сомнѣваться, чтобы число планетъ послужило основаніемъ для священныхъ „семи“. Чаше всего въ сказкахъ и повѣрьяхъ встрѣчаются числа: три, семь и девять. Принимая за исходную точку семь планетъ, чѣмъ объяснить почитаніе числа три? Если же допустить участіе созвѣздіи въ образованіи понятій о числахъ, то почитаніе трехъ легко объясняется тремя звѣздами пояса Ориона. У Финскихъ и Тюркскихъ племенъ первоначальная система счисленія была семиричная; то же самое было и въ венгерскомъ языкѣ (Vambery, Die primitive Cultur des turko-tatarisches Volkes, Leipz., 1879, S. 115; Hunfalvi, Ethnographie von Ungarn, S. 154). Узбеки трехъ ханствъ и теперь еще для „восьми“ употребляютъ выраженіе „двумя менѣе десяти“ и для „девяти“—„однимъ

менше десяти". Это свидѣлствуетъ, что почитаніе числа семи или важность его у этихъ племенъ своимъ началомъ восходитъ къ эпохѣ образованія числовыхъ представленій. Въ одномъ аккадскомъ отрывкѣ, переведенномъ у Ленормана (*Etudes accadiennes*, III, 130), вѣроятно, слѣдуетъ подъ семью злыми богами, нападающими на мѣсяцъ, видѣть семь звѣздъ Б. Медвѣдицы. Въ сѣверно-азиатскихъ сказаніяхъ есть намеки на враждебность этого созвѣдія къ мѣсяцу. Поводомъ къ нападенію семи боговъ въ аккадской легендѣ чуть ли не былъ какой-то напитокъ; ср. съ сказаніемъ о Бурханъ-Багши.

Число семь часто замѣщается девятью; ср. у насъ въ № 4: у Маны то 7, то 9 сыновей; у Хазаровъ по Массуди было 7, по Эль-Истахри 9 судей; (у Качинскихъ Татаръ подземнымъ міромъ правятъ девять Ирль-хановъ; *Castren, Finn. Myth.*, 147). То же самое замѣчается въ арийскихъ повѣрьяхъ; ср. между прочимъ у Мангардта (*Mannhardt, Germ. Myth.*, 146, 160 и 161) то семь, то девять городовъ, въ которыхъ Индра или Вритра запираетъ воду. Число семь часто является въ сказаніи о родоначальникахъ человѣческаго племени. Такъ, семь предковъ человѣческаго рода насчитываютъ Якуты (*Middendorf, Sibir. Reise*, B. IV, Th. II, Lief. III, S. 1602), Енисейскіе Остяки (Третьяковъ въ *Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.*, II, 422), Буряты (стр. 216); семь предковъ племени въ сказаніяхъ: осетинскомъ о семи или девяти сыновьяхъ Оси-багатара (*Оборн. свѣд. о кавк. горц.*, в. V, стр. 58—61), албанскомъ о семи сыновьяхъ *Clemens'a*, родоначальника поколѣнія *Klementer*, и семи сыновьяхъ *Detali Bratosi*, родоначальника поколѣнія *Kastrati* (*Hahn, Alban. Stud.*, S. 183 и 188) и грузинскомъ (*Brosset, Hist. de la Georgie*, p. I, l. I, p. 16 и 218). Халдеи или другіе аборигены, положившіе свои доисторическія легенды въ основаніе ассирійской цивилизаціи, вѣроятно, до почитанія планетъ поклонялись уже Большой Медвѣдицѣ, которой и теперь еще въ сѣверной Азіи приносятся жертвы (см. стр. 80; Д. Банзаровъ въ *Учен. Зап. Каз. Univ.*, 1846, III, 73, говоритъ о жертвахъ Большой Медвѣдицы у Бурятъ) и чтили число семь. По монгольскому сказанію, раздѣленіе Монголіи на семь хошуновъ произошло послѣ Чингисова потомка Харасанца-Цзалаира (Гересандза-Дже-лаиръ), у котораго было семь сыновей. Харасанца Цзалаиръ ср. съ Карасанъ-Талай-ханъ у Радлова, *Prob.*, I, 424.

Эпизодъ похищенія жены Боско Тунгусомъ ср. съ сказкой Абаканскихъ Татаръ о Канъ-Тонгусѣ, похищающемъ сестру у Картага-мергена по имени Канъ-пурканъ (*Radloff, Prob.* II, 500). Канъ-пурканъ ср. съ Бурганъ-ганъ, именемъ семи небесныхъ дѣвъ (стр. 51). Имя девятого богатыря на пиру Сипирь-уола-темиръ-силирденъ ср. съ Тенгри-ху-Темиръ-боко въ сказаніи о Иринъ-Сайнѣ. Тангара-ула по якутски „сынъ неба“, такъ Якуты зовутъ волка. *Pall. Zoogr.*, I, 36. У Шмидта было какое-то калмыцкое сочиненіе, въ которомъ описывался пиръ Чингисъ-хана съ 9 орлоками (юсунъ орлокъ); Шмидтъ приводитъ имена этихъ орлоковъ (*Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong.*, s. 381). Не слѣдуетъ ли въ этомъ видѣть указанія на то, что нѣкоторыя

черты сказанія о Чингисѣ зашли въ него изъ сказки о моническомъ Чингисѣ, которая, можетъ быть, разказывалась въ родѣ дюрбютской обь Иринъ-Сайнѣ (гдѣ также перечисляются пирующие женихи) или въ родѣ якутской о Боско? Имя Боско ср. съ Бузувай въ № 84; это имя пастуха; по *Petit de la Croix* Есугай, имя Чингисханова отца является подъ формами: *Resoukai, Pisouka, Mysuka, Jesuka* (*Oppert, Presb. Iohannes*, 96). Съ обычаемъ отдавать известную часть убитаго звѣря проѣзжающему лицу ср. сказаніе монгольское о Добомергенѣ (*Труды Пек. дух. мисси*, IV, 25).

187. Богачъ Боилыть и бѣднякъ Бордо.

Еренкылъ ср. джиренхоль (№ 48, вар. е), Арахоль или Арахатунъ-дой (Арахи нашего № 43, вар. а), темнымъ существомъ, причиняющимъ лунныя затмѣнія (*Нилъ, Будизмъ*, 64), Карагула (стр. 371 и 427), Джиркылъ (стр. 762), а также съ алтайскимъ арсуль-айу, „левъ“, ходзенскимъ дзаргуль, манджурск. дзарху, *Canis alpinus*, *Pall* (Маакъ, Пут. по Уссури, I, 107), *djerkul*, *idem* (*Radde Reise*, I, 60). *Arendjula*, въ татарск. сказкахъ южной Сибири эпитетъ богатирской лошади (*Castren, Versuch e. Koib. u. Karag. Spr.*, 77). Окончаніе кыл, кула, джула ср. съ названіями змѣи на татарскихъ нарѣчіяхъ, приведенными въ прим. 14 къ гл. III (стр. 744), къ которымъ еще можно прибавить чувашское съуланъ (духъ Съуланъ, по повѣрью Чувашъ, Симб. губ., покровительствуетъ женщинамъ; Мальховъ, Симбирск. Чувашъ, Казань, 1877, стр. 12) и тунгусское *kulin* (*Castren, Grundz. e. Tung. Spr.*, 110). Въ якутской сказкѣ, вратѣцѣ положенной въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 37, Юрюнгъ-Уоланъ есть сынъ неба, спустившійся на землю.

Дополненія къ тексту.

Къ главѣ I.

Сбѣки и шуточные характеристики инородческих родовъ (сбѣковъ).

(Записано г. А. Адриановымъ въ 1881 г.).

У Тюркскихъ и Финскихъ племенъ, населяющихъ южную часть Сибири, Алтай, каждый народъ въ тѣсномъ смыслѣ, каждое нарѣчіе, дѣлится на роды, поколѣнія—*сбѣк* (кость), которые ведутъ свое происхожденіе отъ какого-либо общаго предка. Исторія каждого рода хранится въ преданіяхъ, въ настоящее время уже позабытыхъ и живущихъ въ памяти немногихъ стариковъ. Каждый родъ имѣетъ свое названіе, большею частію по предку: всѣ члены одного рода, хотя бы они и не знали другъ друга, считаются братьями, родными и потому не могутъ брать женъ изъ своего рода. При встрѣчѣ другъ съ другомъ, инородцы предлагаютъ первый вопросъ—какого сбѣка, кости, и если окажется—одного и того же, то они держатся какъ родные, помогаютъ другъ другу, мѣняются вещами или и совѣтъ ихъ дарить и вообще не отказываютъ ни въ какой просьбѣ, обращенной сородичемъ. Между родами всегда существуетъ извѣстный антагонизмъ и соревнованіе, которое выражается, напримѣръ, при борьбѣ, при бѣгахъ на лошадяхъ, при добычѣ звѣря, орѣховъ и т. д. Одержавшій верхъ становится предметомъ гордости цѣлаго рода. Впрочемъ, мнѣ не довелось ни разу убѣдиться, чтобъ этотъ антагонизмъ переходилъ во вражду между родами. Проявленіе этого антагонизма лучше всего выражается въ тѣхъ шуточныхъ или бранныхъ характеристикахъ, которыя сочиняетъ одинъ родъ про другой. Во время путешествія я записывалъ эти характеристики, когда мнѣ удавалось выпытать ихъ. Замѣчу при этомъ, что ихъ сообщали всегда съ крайнею неохотой, точно боясь этимъ обидѣть какого-либо родовича, и безъ сомнѣнія, сообщали мнѣ болѣе невинныя характеристики, ничего не упоминая про оскорбительныя и рѣзкія. Я приведу ихъ здѣсь всѣ въ переводѣ о. Василія Вербицкаго, любезно принявшаго на себя этотъ трудъ.

1) Сбѣкъ *Каларъ* обитаетъ по р. Мундыбашу, большому правому притоку Кондомы (ниже устья р. Тольбесъ), а также на степи по р. Камѣ. Пре-

даніе разказываетъ, что Ойроты, проходя съ огнемъ и мечемъ, встрѣтили народъ, который переваренную пищу кладетъ себѣ снова въ ротъ; подивились они ихъ младенческой простотѣ, побудившей начальника Ойротовъ произнести „калар!“ (останется). Съ тѣхъ поръ *Калары* и остались цѣлы отъ погрома. Про нихъ говорятъ: *Кабырга жерге кар жукас* (букву *ж* черневые татары произносятъ какъ русское *ч*), *Каларга мал жукас*, на косогорѣ сбѣгъ не держится—у Каларъ скотъ не ведется“.

2) Сбѣкъ *Шор*—самый распростраенный, занимаетъ почти все теченіе Кондомы. Онъ раздѣляется въ свою очередь еще на три сбѣка: Карашор, Сары-шор и Узутъ-шор. а) *Кара-шор* (давшій поводъ назвать чиновнику одну изъ волостей по р. Кондомѣ Карачерскою). Про нихъ разказываютъ, что однажды проголодавшіеся охотники добыли щуку; такъ какъ народу было много, и утолить голодъ всѣхъ щукой было не возможно, то налили въ котелъ побольше воды, въ надеждѣ на уху. Но снимая котелъ съ огня, они его опрокинули. Съ тѣхъ поръ и говорятъ про Кара-шоровъ: *Шардын шоры шортан мині*—„эхъ, ты, Шор—щучья уха“. *Кабырга жерге калба кон, алы шордын жоокы кон* „на косогорѣ родится много калбы (черемша—*Allium ursinum*), а у Шоровъ много разговоровъ“. *Митамини тубу жок, езерини кажы жок*, „у Шоровъ (тоже, впрочемъ, и у каларовъ) штаны безъ втокъ (безъ дна), а сбѣла безъ лука“. *Карасу кайнадын каймагын жген*, сваривши ключевую воду, кушали сметану“ [то-есть, пѣну на водѣ]. в) *Узут-шор*—этотъ родъ живетъ въ вершинахъ р. Кондомы (Карачерская вол.), а также въ системѣ р. Пызаса (Чегоралъ) и въ улусѣ Кузедѣвскомъ (Кондомско-Безбоитов. вол.). Про нихъ говорятъ: *Узут алажынын ара-зында одурган сынгырып табышкан*, „сидѣли въ кустарникахъ бузины, и находили другъ друга по свисту“. с) *Сары-шор*—по р. Кондомѣ. Объ этой кости не удалось записать.

3) *Челей* (Челей) составляетъ самостоятельныя волости Кондомско-Елейскую по р. Кухтенѣ близъ села Салтонскаго и Мрасско-Елейскую по р. Мрассу, а также входитъ въ составъ частію Карачерской вол. по рр. Кондомѣ, Кыдашу, Акиннѣ и Ндрапу (Актропу). Про нихъ говорятъ: *желейдин жери жок, састан жабал*, то-есть, у „Челеевъ земли нѣтъ, а если и есть немного, то она хуже болота“; или: *желтирек жерге кар жукас, желейге мал жукас*, то-есть, „на мысу сбѣгъ не держится, а у Челеевъ скотъ не ведется“.

4) *Четибер* (жетібер) образуетъ самостоятельную волость Кондомско-Итиберскую по степи, близъ села Салтонскаго, а также по рр. Кондомѣ, Ндрапу и Мундумашу. Про эту кость говорятъ: *жетти аниак терезі талишкан жери чок жетибер*, то-есть, у „Четиберовъ, спорившихъ о щукахъ семи медвѣдей, земли нѣтъ“.

5) *Карга* образуетъ самостоятельную волость по Мрассу при устьѣ р. Анзаса и частію входитъ въ составъ Кондомско-Елейской вол. по р. Мунжѣ. О нихъ не записано.

6) *Табыска*—по рр. Чумышу, Бахтѣ и Межену, ишутся Тагабской волости. *Тас табыска сас журтлуг, сагалак немнѣ, тос саадакты, тобан*

языкты! Олду тууза одус јаштыг ертпезин, кыс тууза кырык јаштыг ертпезин, то-есть, „О, вы плѣшивые Табыски, живущіе въ болотѣ, питающіеся сагалавами (маленькая усатая рыбка), сражающіеся берестяными луками, берушіе съ собою въ запасъ хлѣбную пыль (труху)! Если у васъ родится сынъ, то пусть не живетъ долѣе 30 лѣтъ, а если дочь, то 40 лѣтъ!“ Такое заклинаніе произнесли Ойроты ¹⁾.

7) *Каран* (передѣлано изъ *карам*—жадный)—живутъ въ улусахъ Кузедѣвскомъ и Подкатуновскомъ на р. Кондомѣ, Кондомско-Бежбойтовск. вол. Про нихъ говорятъ: *Казаныг тескері аскан*, то-есть, „варили пшцу подѣ котломъ“ (чтобъ никто не видалъ). *Казаныг устуне жаба тушкен*, то-есть, „упали на котелъ“ (схвативъ руками, чтобы никому не дать) ²⁾.

8) *Кызыл тая сѣк* (Красная гора)—по р. Мрассу около устья р. Кобырзу составляютъ Кызылскую вол. Про эту кость говорятъ: *Кызыл ет талажын таш аразына кысталишканар*, то-есть, „споря о красномъ мясѣ, стѣснились между камней“.

9) *Кобий*—образуетъ Кивійскую волость по р. Кобырзу.

10) *Кыйбык*—въ улузѣ Часовниковскомъ, близъ лѣваго берега Кондомы (Кондомско-Барсойтской вол.). *Табылада тазыл коп, Кыйбыкта кыс коп*, то-есть, „у таволги много корней, у Кыйбыка—дочерей“.

11) *Кереш*—самостоятельная волость по лѣвому притоку Кондомы р. Кичергѣ. Про эту кость говорятъ: *Алаш жабалы терек, кижі жабалы Кереш*, „изъ деревьевъ худшее—тополь, изъ людей—Керешъ“.

12) *Телемет*—образуетъ самостоятельную волость по рр. Бачату и Кондомѣ ниже г. Кузнецка.

13) *Тонгул*—въ улузѣ Керлегешскомъ на р. Чумышѣ; самостоятельная волость. Про нихъ говорятъ: *Тонгул тон пок кебрген*—„Тонгулъ грызъ мерзлый калъ“ (мой толмачъ былъ изъ этого сѣка, и потому, конечно, сказалъ мнѣ, что ничего не знаетъ про свою кость).

14) *Тастар* (плѣшивые)—по р. Біѣ. *Тастар улы пактанчык*—„Тастара дѣти хвастуны. *Тас кайым бажы јок, јекеніг бажы јок*... „у голой березы нѣтъ вершины, у розсомахи нѣтъ головы“... (что-то не досказано)—

15) *Тон*

16) *Юту*

17) *Шабат*

Эти сѣки живутъ по р. Біѣ, въ черни.

18) *Тайаш*—образуютъ особую волость по р. Пызасу, именуемую у администраторовъ сибирскихъ Мрасско-Изушерскою. Не знаю, на сколько заслуживаетъ вѣроятія объясненіе Чолышманскаго миссіонера, Телеута о. Михаила Чивалкова, происхожденія этой кости, но я его все-таки приведу. По мнѣнію о. Чивалкова, *Таш* передѣлано изъ *таяк*—баджокъ, то-есть, деревянное подобіе реміа, игравшее такую важную роль у Телеутовъ Багатскихъ и Чумчскихъ, во время камланія съ березой Ульгену. *Тайаш* это собственно *кошиг* (*качоган* по телеутски), то-есть, блядунъ, а *кош* (въ-

¹⁾ Сообщ. О. В. Вербицкимъ.

²⁾ Сообщ. имъ-же.

роятно, олицетвореніе развратнаго человѣка), за распутство былъ заброшенъ на седьмое небо камомъ Кадылбашемъ (это тотъ самый знаменитый камъ, который улетѣлъ изъ огня, когда кто-то захотѣлъ сжечь всѣхъ камовъ). Отецъ Михаилъ высказалъ увѣренность, что Тайш-сѣекъ есть въ сущности *тонгул-сѣекъ*. Словомъ, для меня осталось все не выясненнымъ относительно *Тайш-сѣека* и еще другаго—*Узут-шор*, по видимому, обитающаго тутъ же; я замѣтилъ только, что принадлежащіе къ этимъ костямъ инородцы стараются скрывать настоящее названіе своего сѣека и называютъ другимъ, чужимъ. Про *Тайашей* говорятъ: *казыл ет талажын таш аразына таралы*—„споривши о красномъ мясѣ, разсѣялись между камнями“.

19) *Себі* (русск. цѣпь)—обитаютъ въ волостяхъ Кондомско-Бежбойтовской и Кондомско-Барсойтской, на р. Кондомѣ, ниже устья р. Толбеса. Одинъ звѣропромышленникъ набрелъ въ Черни на женщину съ двумя дѣтьми, которая съ испугу забилась подѣ колодину. Звѣропромышленникъ привелъ женщину въ свой домъ, чтобы она не убѣжала, привязалъ ее на цѣпь. *Септн себілер сепке јадын симрген*—„сидѣвши на цѣпи, отжирѣли“. *Курені себізі јадын тапкан!*—„эй, ты, бурѣха, сорвавпаяся съ цѣпи и найденная подѣ колодой“.

20) *Кый*—самостоятельная волость по р. Кийзасу, притоку Мрассу. *Кыйкын јулузун талажын кеім алтына кірген*—„споривши о перьяхъ орла, забились подѣ кичимъ“ (кожа поверхъ потника, при сѣданіи коня).

21) *Шалкан*—особая волость по р. Лебеди (правый притокъ Біи), обозванная сибирскими администраторами „Щелкальской“. *Шалканыг сөбіг шал-танактан јаба*—„Шалканы хуже крапивы“.

22) *Шашкылы*—тамъ же, гдѣ и Шалканы (сами родовичи произносятъ *чалканы и чачкылы*). *Кирінде кирінде кірген шашкылы!*—„вы попали къ намъ въ плѣны!“

23) *Куманды*—двѣ волости по р. Біѣ (ниже Лебеди)—верхняя и нижняя Кумандинскія. *Куру каптан Курттуг ет јіген; нубурткадай кыр тапкан, піледей тат тапкан*—„изъ пустаго мѣшка ѣли мясо съ червями; на лѣдѣ нашли край и на оселкѣ ржавчину“. *Артым зайы алайды, кол зайы кәдешитіг*—„у васъ въ каждомъ порогѣ (руки) по котелку и въ каждомъ озерѣ по горшку“.

24) *Кузен*—особая волость по р. Біѣ, выше Лебеди. *Кулу ітпек тар-мышкан куле јала талашкан*—„изъ-за хлѣбовъ съ золою шути спорили“—*јамак кыстары кижее барбас јоонколу* (между прочимъ, эта кость живетъ по р. Ёнколы, впадающей справа въ р. Біѣ (*бне кірбес*—„дочери ихъ съ толстыми руками, не упомѣщающимися въ р. Біѣ, замужъ не выходятъ“). (Не заключается ли здѣсь намекъ на то, что р. Ёнколу не имѣетъ устья, то-есть, предѣ впаденіемъ въ Бію скрывается въ песокъ. Знакъ ј здѣсь произносится уже не какъ *ц*, а какъ *йотъ*).

25) *Комдош*—особая волость при р. Сары-Копшѣ, лѣвомъ притока Біи. *Ыныраным улузу ончозы козу јок*—„жители Ыныргы—всѣ слѣпы“.

26) *Кобок*—по р. Улагану, правому притоку Башкауса. *Кобоктунулузу*

кон, кобузу кума јараги табаты куртаган—„улуъ Кобёка великъ, но многіе изъ нихъ пригодны лишь на прислугу и въ горлѣ у нихъ завелись черви“. Разказываютъ, что въ древности было четыре брата Теленгета, отъ которыхъ пошли 4 сёека: 1) Тёблосъ, 2) Оргончи, 3) Кобёк и 4) Чабак (стало быть, всѣ 4 сёека между собою родственны).

27) Сагал—сёекъ по р. Чолышману.

28) Сил—тамъ же. Саадагын салкынталын, саралазын пору јин—„лукъ со стрѣлою вѣтеръ унесъ, а жеребенка волкъ съѣлъ“. Енеи-сал пійболас, улак терезі йіге кірбес—„бабка (повивальная) начальникомъ не бываетъ, а кожа козленка на выдѣлку не пригодна“.

29) Ытас—по р. Башкаусу. Кёбкѣтѣмъ казан кайнатпас, конгорулу аркыт туруспас, јері кічкѣту ытас—„у Кобёка котелъ не кипитъ, колокольчатый мѣхъ (для кумыса) не стоитъ, а у Джитаса (титасъ по мѣстн. произношенію) маловато земли“.

30) Керген—въ верхнемъ теченіи р. Бѣи, смежно съ Комдошами.

Какъ я выше сказалъ, всѣ члены одного рода сёека считаются родственниками и на этомъ основаніи въ супружество между собою не вступаютъ. Но есть сёеки, которые считаются и между собою родственными, и въ такомъ случаѣ члены этихъ сёековъ также кыс алытас, между собою не женятся; таковы, напримѣръ, родственные сёеки: Калар и Челей; Іоту и Куманды; Тастаръ и Куманды; Карашор и Узут шор.

Изъ сёековъ по дорогѣ я слышалъ объ Алмат-сёекѣ на Биле, на берегу Телецкого озера и Кыпчака на Башкаусъ и др. Про каждый сёекъ народомъ сложены шуточные или оскорбительныя, бранныя характеристики, и не одна, не двѣ, а по нѣскольку; но какъ я замѣтилъ выше, добродушные инородцы не охотно ихъ сообщали, не желая оскорблять тотъ или другой родъ, а тѣмъ болѣе не желая сообщать каждый о себѣ нестерпимыя характеристики. Смыслъ нѣкоторыхъ изъ нихъ затерялся, и преданіе не сохранило ихъ объясненія, но нѣтъ сомнѣнія, вызваны эти характеристики тѣми же предлогами, по которымъ они существуютъ и у насъ для различныхъ губерній или областей; у насъ говорятъ: „Сибирякъ — солёныя уши“, „Тюменцы — корчажники“ или „горшечники“, „Тобольки — лезвики“, „Томичи — аленичи“ или „бакланы“ и т. д. На Кондомѣ мнѣ называли еще сёекъ — Кадын-ал; можетъ быть, мой толмачъ не разобралъ, что ему говорили, и перевралъ, но о. Василій Вербицкій утверждаетъ, что такого сёека нѣтъ, а Кадын-ал есть улусъ Подкатуинскій, стоящій на правомъ берегу Кондомы, верстахъ въ 8 отъ улуса Кузедѣвскаго. Про обитателей этого улуса говорятъ: Алым Кадын-ал кызыл-даш кучиктаган курсакы куйкен. Пиланын мизин шыгара паскан—„дураки Катунцы! Красный камень взяли въ охапку и сожгли себѣ брюхо, а у ребятъ мозгъ выдавили“. Поводомъ къ этой насмѣлкѣ послужило слѣдующее преданіе: Въ мѣстности, гдѣ стоитъ Подкатуинскій улусъ, росъ богатырь, но дураковатый. Это-то сочетаніе въ богатырѣ силы съ глупостью и заставило Подкатуинцевъ порѣшить богатыря, для чего они придумали слѣдующее: На утесѣ г. Кадынъ (залежи жернового песчаника)

они раскалили большой камень; а отецъ богатыря и говоритъ: „Ну, милый сынъ, пойдѣ, встань на берегу рѣки и смотри на утесъ; мы оттуда будемъ гнать красного оленя, а ты его хватай и держи до моего прихода“. Раскалившійся камень полетѣлъ съ утеса Кадына, а богатырь его схватилъ. Камень прожигаетъ его богатырское сердце, но онъ говоритъ самъ себѣ: „Пусть всего ты меня изожжешь, а ужъ я тебя не выпущу, пока не прійдетъ батюшка“. И дѣйствительно, не выпустилъ, но за то и заплатился жизнью.

Къ гл. III.

Дѣтскія названія пальцевъ.

(Записано г. Адриановымъ въ 1881 г.).

У Черневыхъ Татаръ по р. Кондомѣ.	У Теленгитовъ по р. Улагау.	У Сойотовъ.
Большой	пат-паштыг	пат-падыр
Указательный	падын-гол	пашы-курлу
Средній	ортан-гол	орта-мерген
Безымянный	пычак-шлер	ова-чечен
Мизинецъ	кѣчи-пагай	кит-тобок

Эти названія пальцевъ шуточные, употребляемыя въ дѣтской игрѣ.

Къ гл. IV (стр. 182).

Птица дуудынкъ.

Когда птица дуудынкъ закричитъ, всѣ птицы должны повиноваться, прятаться; сама она небольшая. Птица ительги нанесла яицъ; слетѣлись орлы и отняли гнѣздо; ительги не могъ справиться и улетѣлъ. Черезъ недѣлю онъ вернулся, а за нимъ еще какая-то небольшая птица, которая одного за другимъ всѣхъ орловъ перебила. Думаютъ, что это была дуудынкъ.

(Зап. мною отъ Калмыка Астраханск. губ., въ городѣ Царицынѣ).

Къ примѣчаніямъ.

Къ гл. II.

Къ прим. 16. Кресть на нарѣчій Тобольск. Татаръ кацы (Гигановъ Грамм. тат. яз., С.-Пб., 1801 г., стр. 55). По осетински дзуаръ; дзуаръ-текти, то-есть, „летучій дзуаръ“, называется падающая звѣзда. По грузински джаварп.

Къ гл. III.

Большая Медвѣдица.

Качинскіе Татары: *Джытыганъ* (изъ рукоп. ст. г. Попова).

Якуты: *Арангасъ сулуъ*, „навѣсъ звѣзда“; арангасъ—навѣсъ на 4, 6 или 8 столбахъ; въ сказкахъ: алтынъ-арангасъ, „мѣдный навѣсъ“ строится въ домѣ пѣвсты для пріѣхавшаго жениха; на немъ женихъ лежитъ, не спускаясь на землю, чтобъ не оскверниться (Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 36).

Зырянск.: *Лампату* „лыжный слѣдъ“ (сообщ. г. Г. Лыткинымъ). Мною отъ одного Зыряннина Яренск. у., пріѣзжавшаго въ Петербургъ, записано: *Ой-кодзюль*; ой—„ночь“, кодзюль—„звѣзда“.

Алеуты на Командорск. островахъ: *Итмажъ*; М. Медвѣдица—*Итмакуча*; итхажъ, „олень“, „лось“ на языкѣ Уналашкинскихъ Алеутовъ; у Камчадаловъ Б. Медвѣдица называется именемъ, которое въ переводѣ значитъ сохатый (сообщ. г. Гребницкимъ).

Оріонъ.

Качинскіе Татары: *Усъ-мыйгажъ* (изъ рукоп. ст. г. Попова).

Якуты: *Омукъ-юрияля*, ламутскія Пленды (Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 37).

Плеяды.

Качинскіе Татары: *Алыэръ* (изъ рукоп. ст. г. Попова).

Якуты: *Юрияль*, „продушина“, „дувалка“ (Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 36).

Зыряне: *Вой кодзул*, „почная звѣзда“; *Луръял кодзул*, „надголовная звѣзда“ (сообщ. г. Лыткинымъ). Отъ вышеупомянутаго Зыряннина Яренск. у. мною записано: *Чежъ-котыръ*, „табунъ утовъ“, чежъ—утѣа; котыръ—матка съ щенцами.

Зарница.

Зыряне: *Рытја кма кодзул*, „звѣзда вечерней зари“ (сообщ. г. Лыткинымъ).

Полярная звѣзда.

Зыряне: *Войла дор вест кодзул*, „звѣзда противъ ночной страны“ (сообщ. г. Лыткинымъ).

Алеуты на Командорскихъ островахъ: *Адажъ*; отецъ—адакъ (сообщ. г. Гребницкимъ).

Сказанное на стр. 736 о значеніи Б. Медвѣдицы въ смыслѣ прочности вселенной и ея порядка ср. съ употребленіемъ китайскими писателями выраженія „держать въ своей рукѣ окончность Большой Медвѣдицы—*Pe-teou*“ въ смыслѣ „царствовать“, „управлять“ (*Memoires sur les contrées occidentales par Hiouen-Tsang, traduit par St. Julien, p. XLV*).

Млечный путь.

Зыряне: *Каъ лебзан ту*, „дорожка, по которой летятъ птицы“ (сообщ. г. Лыткинымъ).

Алеуты на Уналашкѣ: *инимъ-аснида*; иникъ, „небо“, „верхъ“, „асягидакъ“, *linea alba*; у Инсеевскихъ Алеутовъ Млечный путь: *Куссумъ хасса*, „полоса наверху“ (сообщ. г. Гребницкимъ). Объ армянскомъ повѣрѣ о соломокрадѣ см. Матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. II, отд. II, стр. 24.

Радуга.

Качинскіе Татары: *кугуртъ чѣлы* (изъ рукоп. ст. г. Попова); кугуртъ, „громъ“; чель, „дорога“.

Якуты: *кустукъ* (Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. III, № 3, стр. 39). Кустукъ по якутски „стрѣла“.

Зыряне: *би-мегиръ*, „огненная дуга“; *бижа-мбижа*, „быкъ съ коровой“; *жен вуджъ*, „дубъ Божій“. Иен—„Богъ“, „сильный“, „удивительный“, „дивный“ (сообщ. г. Лыткинымъ). Отъ Зыряннина Яренск. у. мною записано: *жен-вужъ*.

Сѣверное сіяніе.

Отъ Зыряннина Яренск. у. записано: *остинъ*.

Къ прим. 26. Къ числу именъ мелкихъ звѣрцовъ, сходныхъ съ именемъ миенческаго звѣря, слѣдуетъ привести еще урянхайское абырганъ, афырганъ, „летага“; ср. съ Абырганъ, „змѣй“.

Къ гл. IV.

Къ № 38. Въ сказкахъ Минусинскихъ Татаръ Kögel-chan, шаманъ, за которыми ходятъ семь сѣрыхъ собакъ (*Mel. asiatiques, t. III, l. 4, p. 423*).

Къ № 44, вар. б. Въ сказаніяхъ о сотвореніи человѣка постоянно является караульщикомъ голый пестъ.

Къ № 50. Гесеръ-хана, вѣдущаго подъ видомъ заморыша къ Чоридонгу вмѣстѣ съ дядей Зотынъ-нойономъ, ср. у Радлова съ Тасъ-таракаемъ, вѣдущимъ къ Ай-хану; см. Зотынъ-нойонъ у Радлова *jätgi janzanъ*, „семь зайсановъ“ (*Proben, I, въ нѣм. стр. 44, въ тат. стр. 44*). Зайсанъ по алтайски то же, что нойонъ по монгольски.

Къ № 66. Въ легендѣ, послужившей сюжетомъ для известной китайской драмы „Китайскій сирота“, находятся между прочимъ слѣдующіи черты: Злой царь Ling-kong преслѣдуетъ своего министра Чао-туна; онъ приглашаетъ его на пиръ и приготовляетъ снаружи дворца засаду, но поваръ искуснымъ намекомъ заставляетъ Чао-туна воздержаться отъ вина, что даетъ ему возможность своевременно убѣжать изъ дворца. Съ именемъ Чао-тунъ связано число три: врагъ его Ту-ап-ку убиваетъ вмѣстѣ съ нимъ трехъ его братьевъ, и сверхъ того, триста другихъ его родственниковъ. Заточенную во дворцѣ беременную царевну ср. ст. № 9; родившійся мальчикъ, котораго ожидала смерть, тайно вынесенъ изъ дворца въ коробѣ, прикрытой травами. Отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій царевича спасенъ тѣмъ, что одинъ человекъ выдаетъ за него своего сына, котораго солдаты и разсѣкаютъ на три части (ср. съ нашею легендой о Кирикѣ и Улитѣ и съ монгольской о Болго-ноянѣ). Драма кончается торжествомъ гонимаго царевича. Ту-анъ-ку присужденъ къ медленной смерти; онъ приговоренъ къ деревянному ослу. Царскій министръ приказываетъ солдатамъ: „Soldats, prenez-moi ce brigand, clonez-le sur l'âne de bois et disséquez le lentement en trois mille morceaux. Quand vous aurez coupé toute sa peau et enlevé toute sa chaire, vous fendrez sa poitrine et vous lui trancherez la tête“ (Tchao-chi-kou-eul ou l'Orphelin de la Chine, traduit par Stan. Julien, Paris, 1834, p. 127). Ст. Жюльенъ не дѣлаетъ къ этому мѣсту никакого примѣчанія о томъ, есть ли другія указанія въ памятникахъ о существованіи въ древнемъ Китаѣ подобной казни. Медленное уничтоженіе тѣла напоминаетъ ущербъ луны. Сюжетъ для этой драмы заимствованъ изъ китайскаго историка Сы-ма-цзяня, жившаго за 100 л. до Р. X., а Сы-ма-цзянь относитъ эту исторію за 600 лѣтъ до Р. X.

Къ № 68. Изображеніе женщины съ ребенкомъ на животѣ есть у Аспелина (Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, III, p. 131).

Алфавитный указатель.

А.

Аба—покол. Татаръ, 669.
Абагази—мио. лицо, 113.
Абаганъ—рѣка, 327.
Абагы—см. Абахи.
Абаденъ-хубынъ-шошки—дѣйств. лицо ск., 403.
Абазай—пред. Бурятъ, 826.
Абай-Гесеръ-Богдо—см. Гесеръ-ханъ.
Абаканъ—р. въ Алтаѣ, 10, 72, 128, 155, 618, 664.
Абакты—предокъ Киргизъ, 14.
Абакъ—предокъ Киргизъ, 14, 669.
Абакъ Кирей—дѣйств. л. ск., 669.
Абакъ-Кирей—Кирг. покол., 670.
Абатай Сай ханъ—дѣйств. л. ск., 336—340.
Абатай-Санъ-ханъ—халхасскій ханъ, 333—340.
Абахай—дѣйств. л. ск., 873.
Абахай-ары—дѣйств. л. ск., 618, 619.
Абахай-дангинъ—дѣйств. л. ск., 392—395.
Абахай-Пецекъ—дѣйств. л. ск., 284, 285.
Абахи, Абагы—дьяволъ, 647.
Абашей—Бурятъ, 174, 184, 203, 206, 251, 266, 289, 329.
Абданъ—предокъ Киргизъ, 14.
Абджи-нойонъ—предокъ Дюрбютовъ, 326, 327.
Абрахимъ—предокъ Киргизъ, 15.
Абдулъ - Хотонъ, Абдылъ - Хотонъ—дѣйств. л. ск., 320, 321, 869, 870.
Абенъ—предокъ Киргизъ, 18.
Аби-Бурки—мио. конь, 868.
Абида-Галсанъ-ханъ—истор. лицо, 881.
Абида—дѣйств. л. ск., 873.
Абишь—предокъ Киргизъ, 16.
Абкай-шурдечженъ—созвѣздіе, 712.
Аблаи—киргиз. ханъ, 16.
Абраганъ—подземн. божество, 218.
Абрыгъ-могай—мио. змѣй, 826.
Абрыгъ-Сэсэнъ-Мангытхай—дѣйств. л. ск., 255, 256.

Абрыкчи-Бурханъ—дѣйств. л. ск., 482.
Абрыкъ—мио. змѣй, 761.
Абай-сайнъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 332, 870, 882.
Абульгази—восточн. историкъ, 666, 669, 830.
Абульфараджъ—вост. пис., 841, 854, 863.
Абульфеда—араб. пис., 786, 863.
Абурга—гора, 826.
Абхазія—страна, 902.
Абхазцы, Абхазы—народъ, 675, 747, 791.
Абыганъ—гора, 128.
Абыганъ—мио. лицо, 70, 72, 692.
Абызъ—дѣйств. л. ск., 811.
Абымъ-бомъ, Абомъ-бомъ—мѣстность, 214, 215, 666, 796.
Абырга—мио. рыба, 226.
Абырга-джиланъ—мио. змѣй, 50, 826, 846.
Абырга-могай—мио. змѣй, 188, 500, 511, 543.
Абырганъ—мио. змѣй, 751, 761, 763, 805, 808, 826, 943.
Абысь-камъ—дѣйств. л. ск., 77, 290, 291.
Абысь-Кыдай—дѣйств. л. ск., 290.
Абысь-Тостогошъ—дѣйств. л. ск., 293.
Абэ-Гэсеръ-богдо-ханъ—см. Гесеръ-ханъ.
Аварцы—народъ, 702, 714, 723, 730, 782, 844, 898.
Авары—древн. народъ, 651.
Аватай-Сайнъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 339.
Августинъ Блаженный—церк. пис., 759.
Авд-хој,—созвѣзд., 714, 730.
Авеста—свящ. книга, 839.
Авитихоль—болгарск. царь, 881, 898.
Австралийцы—народъ, 780.
Авдаронъ Пакондзи—мио. птица, 760, 781.
Авцаронъ-Пасконди—мио. птица, 760.

Авз-Весако—божество, 687, 696, 698.
 Агай—дйств. л. ск., 903.
 Агамайли—узбек. покол., 797.
 Агамемнонь—дйств. л. ск., 921.
 Ага-огусь—мио. быкъ, 646, 874.
 Агапей—царь въ ск., 845.
 Агарь—рѣка, 21.
 Агаряне—народъ, 690.
 Агасферъ—дйств. л. ск., 780.
 Ага-Тангара—якут. божество, 842.
 Аггей—дйств. л. ск., 755.
 Агинское бурятское вѣдомство, 143, 168, 263.
 Агни—божество, 752.
 Агое—дйств. л. ск., 690, 903.
 Аголангъ—дйств. л. ск., 748.
 Агризаны братья—дйств. л. ск., 913.
 Агу-Ногонъ—мио. птица, 486—488.
 Агылангъ-ко, Агылангъ-ко—дйств. л. ск., 719, 747.
 Агирь—дйств. л. ск., 207.
 Агирь—рѣка, 188.
 Агисъ—предокъ Киргизъ, 19.
 Агисъ-бастахъ-Андурай—дйств. л. ск., 633.
 Адай, Адаевцы—бирг. покол., 671, 896.
 Адай—предокъ Бурятъ, 23.
 Адай—дйств. л. ск., 411, 412.
 Адай-дархатъ, Адай-таргытъ—народъ, 21, 671.
 Ада-кпжи—имя Ерлика, 70.
 Адамъ—дйств. л. ск., 693, 800.
 Адамъ-Ерликъ—дйств. л. ск., 71, 214, 220, 796.
 Адамъ-Тотой-Тэнгрэ—мио. лицо, 69, 70.
 Адаргинъ—племя, 704.
 Адахъ—звѣзда, 942.
 Адгырь-Хара-Мангысъ—дйств. л. ск., 905, 906.
 Адербиджанские Турки—народъ, 1, 653.
 Аджи-Сурджи-бакши—дйств. л. ск., 373, 374, 376.
 Аджу-Хурмянъ—хотонскій предокъ, 790.
 Адзыргень-голь—рѣка, 292.
 Адриановъ—членъ экспедици, 86, 556, 559, 583, 618, 647, 650, 683, 833, 878, 879, 923, 924, 927, 936, 941.
 Адучи—дйств. л. ск., 439, 440.
 Ады-ганъ—гора, 208, 690, 722, 792.
 Адыгс—народъ, 734.
 Адыкъ—богатырск. конь, 423, 424.
 Азисъ—мусульм. святой, 850.
 Азия—страна, 651, 652, 661, 669, 671, 672, 674, 678, 681, 689, 693, 694, 716, 719, 722, 733, 736, 752, 762, 765, 803, 836, 842, 845, 864, 890, 910, 914, 922, 932—934.
 Азовское море, 632.

Азовъ—городъ, 924.
 Азузъ—божество у Сабеевъ, 689.
 Ай-арыгъ—дйств. л. ск., 570, 929.
 Айбике—родоначальница кирг. народа, 16.
 Айваръ—порогъ на Днѣпрѣ, 807.
 Ай-ганъ—дйств. л. ск., 425, 426.
 Айгулакъ—уроч., 95.
 Айдабулъ—предокъ Киргизъ, 17, 18.
 Айдангъ-Арыгъ, дйств. л. ск., 909.
 Ай-Долей—дйств. л. ск., 682, 737, 913.
 Айдошь—предокъ Киргизъ, 15.
 Айканъ—дйств. л. ск., 557, 569, 570.
 Ай-каратъ—богатырск. конь, 558.
 Аймакъ—предокъ Киргизъ, 16.
 Айносы, Айны—народъ, 54, 675, 688, 698, 699, 705, 756, 799, 911.
 Айраканъ—предокъ Киргизъ, 18.
 Айрапъ-джула—мио. лицо, 770.
 Айришъ-Айриша-канъ—дйств. л. ск., 887.
 Ай-Тангара—якут. божество, 841.
 Ай-Темусъ—дйств. л. ск., 736, 904.
 Ай-Тоёнъ, Ай-Тоёнъ—божество, 631, 640.
 Ай-Толмыс—дйств. л. ск., 752.
 Айтъ—пред. Киргизъ, 14.
 Айтъ-коджа—пред. Киргизъ, 18.
 Айтмбекъ—пред. Киргизъ, 18.
 Ай-ханъ—дйств. л. ск., 614, 943.
 Аича—пред. Киргизъ, 17.
 Ай-Юрюнь—якут. божество, 910.
 Ай-Юрюнь-Тоёнъ—якут. божество, 821.
 Акай—предокъ Киргизъ, 17.
 Аканъ—пред. Киргизъ, 17.
 Акаста царь—дйств. л. ск., 920.
 Акбарджи—ханъ монг., 875.
 Акбасъ—пред. Киргизъ, 18.
 Акдербисъ—пред. Киргизъ, 17.
 Акиръ Премудрый—дйств. л. ск., 863, 917.
 Акианъ-море—дйств. л. ск., 831.
 Аккадцы—древн. народъ, 842.
 Акканъ—дйств. л. ск., 593, 594.
 Акканъ-Алтынъ-ганъ—дйств. л. ск., 618, 619.
 Акксы—пред. Киргизъ, 16.
 Акмолинская область, 19, 734, 770, 904; округъ, 666, 707.
 Акнусагъ—дйств. л. ск., 578—582.
 Аксагалдай—дйств. л. ск., 583—585.
 Аксакаль-Ашякъ—дйств. л. ск., 416.
 Аксакъ-Темиръ—дйств. л. ск., 867.
 Аксакъ-Темиръ, Аксакъ-Темиръ, Аксакъ-Тимуръ—звѣзда, 690, 735, 762, 764, 808.
 Аксантакъ—богатырск. конь, 624.
 Аксаратъ—богатырск. конь, 566, 568, 571—573.

Аксары—пред. Киргизъ, 14.
 Акскылды—дйств. л. ск., 507, 508.
 Актай—пред. Киргизъ, 18.
 Акташъ—божество у Вотяковъ, 692, 878, 879.
 Акту—блаженные, 879.
 Акъ—Джеть—урянх. покол., 668.
 Акъ-Додотъ—урянх. покол., 668.
 Акула—дйств. л. ск., 811.
 Ак-ханъ—дйств. л. ск., 208, 423, 682.
 Акча—чернев. Татаринъ, 373.
 Акчабай—пред. Киргизъ, 18.
 Акша—пред. Киргизъ, 18.
 Акшинъ—рѣка, 937.
 Акъ-бибе—дйств. л. ск., 869.
 Акъ-бей—дйств. л. ск., 369.
 Акъ-бура—пред. Киргизъ, 19.
 Акъ-джоль—пред. Киргизъ, 14.
 Акъ-Джоту—урянх. покол., 12, 668.
 Акъ-ирень—онгонъ, 95.
 Акъ-Каратъ—богатырск. конь, 576.
 Акъ-Кобокъ—дйств. л. ск., 801, 839, 929.
 Акъ-кулъ—пред. Киргизъ, 18.
 Акъ-Мангышъ—урянх. сумынь, 11.
 Акъ-сары—пред. Киргизъ, 18.
 Акъ-софы—пред. Киргизъ, 14, 15.
 Акъ-тагъ—гора, 412.
 Акъ-татай—море, 557.
 Акъ-таскылъ—гора, 577.
 Акъ-ханъ—дйств. л. ск., 423, 737, 876, 879.
 Алабей-алты-азакты—богатырск. конь, 572.
 Ала-гошѣкъ—пред. Киргизъ, 19.
 Ала-гула—мио. страна, 72.
 Алакаинъ—уроч., 69.
 Ала-Картага—дйств. л. ск., 736, 876, 900.
 Ала-Ко—дйств. л. ск., 719.
 Алакъ-Джингсанъ—дйств. л. ск., 876.
 Ала-Мангыкъ—дйств. л. ск., 682.
 Ала-Мангысъ—дйств. л. ск., 766.
 Аланъ—страна, 902.
 Аланъ-Гасаръ—мио. народъ, 671, 748.
 Аланъ-Керкъ—страна, 902.
 Аланы—народъ, 902, 928.
 Аланъ-гоа—дйств. л. ск., 719, 735, 748.
 Аланъ-гоа—дйств. л. ск., 719.
 Алапъ-мелекей—мио. лягушка, 208, 792.
 Аларская степь, 411, 412.
 Аларские Буряты—см. Буряты.
 Аларъ—уроч., 112.
 Аласа-ханъ—дйств. л. ск. 689.
 Алатырь—мио. камень, 690.
 Алауганъ—дйств. л. ск., 849.
 Алача-ханъ—дйств. л. ск., 896, 897.

Алачи-Укуръ Хара-батыръ—дйств. л. ск., 483.
 Алашанскій хребетъ, 749.
 Алашанъ—страна, 231.
 Алаша-ханъ—дйств. л. ск., 368, 896.
 Ала-шилдыръ—созвѣзд., 730.
 Алашъ—военный кличъ кирг. народа, 368.
 Албанія—страна, 846.
 Албанцы—народъ, 682, 710, 733, 741, 747, 771, 867.
 Албинъ-ханъ—дйств. л. ск., 824.
 Албинъ-Цаганъ—мио. горы, 439.
 Алгуй—предокъ Бурятъ, 826.
 Алдавъ—островъ, 730.
 Алдаръ-косе—дйств. л. ск., 364, 365, 815.
 Алдаръ-тазъ—дйств. л. ск., 815.
 Алдбаранъ—звѣзда, 739.
 Алдиръ—пред. Киргизъ, 16.
 Александриада—вост. поэма, 902.
 Александръ Македонскій—736.
 Алексѣй—Телеутъ, 226, 286.
 Алеуты—народъ, 754, 789, 942, 943.
 Алеша Поповичъ—дйств. л. ск., 792.
 Алибекъ—пред. Киргизъ, 18.
 Алике—пред. Киргизъ, 17.
 Алилуева жена—дйств. л. ск., 892.
 Алимбетъ—пред. кирг. нар., 16, 17.
 Алимень—пред. Киргизъ, 18.
 Аллатъ—покол. въ Бухарѣ, 668.
 Аллауганъ—дйств. л. ск., 711.
 Алматы—покол. алт. нар., 7, 62, 141, 177, 181, 940.
 Алмусъ—дьяволъ, 429.
 Алтай—пред. Киргизъ, 19.
 Алтай—горная система, 1, 2, 10, 40, 43, 54, 57, 61, 64, 75, 78, 95, 125, 128, 142, 200, 206, 220, 262, 286, 300, 304, 328, 431, 438, 445, 465, 653—656, 658, 660, 661, 663, 666, 667, 682, 683, 691, 693, 806, 843, 936.
 Алтанъ-Сайнъ-Суме—дйств. л. ск., 715.
 Алтайская миссія, 649.
 Алтай-ханъ—горн. духъ, 704.
 Алтайцы—народъ, 1, 2, 9, 27, 36, 38—42, 46, 49—51, 62, 63, 68—70, 77—79, 83, 89—91, 93—98, 100, 123, 128—131, 133, 135—138, 141, 161, 165, 181, 182, 189, 190, 193, 206, 207, 225, 286, 618, 650, 653—656, 658, 660, 666—668, 672, 678, 682, 689, 691, 692, 697—702, 704, 718, 750—752, 756, 769, 770, 774, 781, 798, 799, 806, 827, 829, 839, 843, 846, 851, 861, 874, 877—879, 889, 895, 904, 907.
 Алтанъ-сегсэ—дйств. л. ск., 486, 487.
 Алтанъ-тобчи—монгольская лѣтопись,

668, 713, 734, 735, 749, 759, 763, 765, 767, 791, 795, 797, 802, 804, 805, 816, 819, 820, 822, 826, 835, 836, 838, 852—854, 863, 868, 871, 872, 875, 876, 883, 892, 899, 903, 922, 930.
 Алтанъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 737, 790.
 Алтанъ-Ходого—предокъ монг. народа, 734.
 Алтекэ-сарымъ—киргиз. покол., 16.
 Алтынопа—личн. имя, 862.
 Алтынъ-Айра—дѣйств. л. ск., 667.
 Алтынъ-арахъ—дѣйств. л. ск., 903.
 Алтынъ-Арбий—дѣйств. л. ск., 572.
 Алтынъ-Ары—дѣйств. л. ск., 618, 619, 930.
 Алтынъ-Арыгъ—дѣйств. л. ск., 558, 567, 573, 929, 930.
 Алтынъ-Ганджуръ-Танджуръ—свищ. книги, 262.
 Алтынъ-Гартай-ханъ—дѣйств. л. ск., 332, 333, 340, 341, 870, 904.
 Алтынъ-Горголтэй—дѣйств. л. ск., 184.
 Алтынъ-Гургульдей—мн. птица, 904.
 Алтынъ-делегей—божество, 691.
 Алтыпъ - Дзандынъ - Абахай - Эгечи—дѣйств. л. ск., 505, 506.
 Алтынъ-Зотви—книга, 519.
 Алтынъ-Зурге—предм. въ сказ., 779, 788, 904.
 Алтынъ-имель—гора, 904.
 Алтынъ-Иргекъ—дѣйств. л. ск., 573, 574, 622, 624.
 Алтынъ-базыкъ—звѣзда, 137.
 Алтынъ-канъ—дѣйств. л. ск., 556, 557.
 Алтынъ-Картага—дѣйств. л. ск., 568, 569, 575.
 Алтынъ-Кокъ-кызылторгукунекты—дѣйств. л. ск., 557—560, 562—565.
 Алтынъ-кукэй—гора, 904.
 Алтынъ-куль—озеро, 602, 607, 608.
 Алтынъ-Күрүпчи—дѣйств. л. ск., 757.
 Алтынъ-Кымышъ—дѣйств. л. ск., 573—577.
 Алтынъ-мелекей—мн. лягушка, 697, 792, 904.
 Алтынъ-Моко—дѣйств. л. ск., 867, 909, 914.
 Алтынъ-норъ—озеро, 24.
 Алтынъ-Очиръ—звѣзда, 138.
 Алтынъ-Сабакъ—дѣйств. л. ск., 556—557, 622.
 Алтынъ-Сабакъ епчизы—дѣйств. л. ск., 566.
 Алтынъ-Сагасу—звѣзда, 138.
 Алтынъ-тагъ—мн. гора, 556—559, 563, 572, 578, 581, 624.
 Алтынъ-Тангине—дѣйств. л. ск., 426, 427.
 Алтынъ-тау—гора, 128.
 Алтынъ-тельке, Алтынъ-тельхе—боже-

ство, 450, 695, 696, 904.
 Алтынъ-Тона—дѣйств. л. ск., 566, 577—583.
 Алтынъ-Торо—пред. Киргизъ, 17.
 Алтынъ-ту—гора, 370.
 Алтынъ-Тулго—дѣйств. л. ск., 578, 580—582.
 Алтынъ-Улугуй—горы, 691.
 Алтынъ-ульбекъ—дѣйств. л. ск., 560—562, 565.
 Алтынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 588—590.
 Алтынъ-Хатысынъ—уроч., 152.
 Алтынъ-хуль—мн. озеро, 373, 374.
 Алтынъ-хухэй—гора, 904.
 Алтынъ-чагай—дѣйств. л. ск., 596—600.
 Алтынъ-Чилтысъ—дѣйств. л. ск., 561, 581, 582.
 Алтынъ-чиргай ноёнъ—духъ покровитель, 126.
 Алтынъ-Чобе—дѣйств. л. ск., 566—574.
 Алтынъ-чочей—гора, 904.
 Алтынъ-шагай—дѣйств. л. ск., 186.
 Алтынъ-шаргы-моритэй-Хаирханъ—духъ покровитель, 126.
 Алтанъ-Шата—гора, 453, 469.
 Алтыпъ-Эргекъ—дѣйств. л. ск., 872, 573.
 Алтынъ-Эчжинъ—дѣйств. л. ск., 386.
 Алтычи-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 466.
 Алунта—сел., 723, 744, 799, 807, 844, 845, 849, 930.
 Алфей—дѣйств. л. ск., 845.
 Алха—см. Олху.
 Алхай—гора, 804.
 Алхы—чудовище, 777.
 Алхы—см. Олху.
 Алхынсай—мн. лицо, 118.
 Алъ-отъ-и ччита—божество огня у Якутовъ, 699.
 Алымчи-Дайсынъ—дѣйств. л. ск., 482.
 Алысай—пред. Киргизъ, 16, 19.
 Альбинъ-Цаганъ-гоби—стель въ сказаніи, 453, 457, 469.
 Альджанъ—пред. Киргизъ, 14, 18.
 Альквистъ—учен., 799.
 Альни-кунъль—звѣзда, 732.
 Альчинбай—пред. Киргизъ, 16.
 Альчинъ—пред. Киргизъ, 14.
 Алэ—пред. Киргизъ, 15.
 Аля—богатырск. конь, 454.
 Аляшаръ-тырга—дѣйств. л. ск., 386.
 Ама—мн. лицо, 771.
 Аманбай—пред. Киргизъ, 16.
 Аmani-эжинъ—дѣйств. л. ск., 824.
 Аманкулъ—пред. Киргизъ, 19.
 Аманъ—пред. Киргизъ, 18.
 Аманъ-гельды—пред. Киргизъ, 16.
 Амаръ-юмаръ—мн. страна, 72.

Амбагай-ханъ—дѣйств. л. ск., 737, 789, 790, 830, 839, 883.
 Амбай-ханъ—дѣйств. л. ск., 737, 789, 790.
 Амганъ-Цаганъ—горн. проходъ, 445, 450.
 Амгулунъ-Едиликчи-ханъ—дѣйств. л. ск., 199.
 Амида-Бурханъ—божество, 796.
 Аминъ-савички—дѣйств. л. ск., 330.
 Амирапъ—дѣйств. л. ск., 760, 780, 781, 783, 795, 917.
 Амиты-бурхынъ—божество, 482, 484.
 Амитъ-Даба-Бурхынъ—божество, 311, 313.
 Амитъ-Даба-улапъ-гегетей—божество, 261.
 Амитынъ-бурханъ—божество, 904.
 Амоголошъ-ханъ—гора, 771.
 Амрыкъ-могай—мн. зѣй, 763, 846.
 Амуголангъ-Ибукчи—дѣйств. л. сказ., 886.
 Амугулангъ—дѣйств. л. ск., 771.
 Аму-Дарья—рѣка, 896.
 Амурсана, Амурсана—дѣйств. л. сказ., 224, 225, 298—300, 303—305, 307, 308, 667, 799, 861, 898.
 Амурскій край, 688.
 Амуръ—греч. богъ, 760, 763.
 Амуръ—рѣка, 40, 659, 683, 692, 697, 730.
 Амъ—духъ подз. міра, 771.
 Амы-голынъ-ханъ—дѣйств. л. сказ., 256.
 Амы-гмынгъ-ханъ—дѣйств. л. сказ., 232, 233, 309.
 Амынъ-саганъ-хулугуна—мн. звѣрь, 771.
 Амынъ-Цаганъ-Бурекей—дѣйств. л. ск., 194—196, 198, 199, 721, 747, 767, 770, 771, 785, 786, 801, 836.
 Амынъ-цаганъ-хулугуна—мн. мышъ, 143, 174, 186, 187, 785.
 Амынъ-Цаганъ-Бюрю—дѣйств. л. ск., 196, 747, 781, 785, 786, 899.
 Амырга-джиланъ—мн. зѣй, 763.
 Амырга-могусъ—мн. зѣй, 378, 826, 898.
 Амыръ-бай-сахылынь—буд. монастырь, 408.
 Амыръ-Гол, Амыръ-гуя—дѣйств. л. ск., 254, 256.
 Амы-Цаганъ—мн. баранъ, 472.
 Амырсана, Амыръ-сапа—дѣйств. л. ск., 762, 866.
 Амыръ-саранъ—дѣйств. л. ск., 866.
 Анай—пред. Киргизъ, 17.
 Ана-Мергенъ, см. Ана-Мэргынъ-Хатунъ.
 Ана-Мэргынъ-Хатунъ—дѣйств. л. ск.,

256, 257, 820.
 Ананда—дѣйств. л. ск., 271.
 Анапьева—деревня, 725.
 Анаполійскіе турки—народъ, 1.
 Анбалъ—дѣйств. л. ск., 926.
 Ангара—рѣка, 216, 403, 655, 824.
 Ангаренъ-ноинъ—духъ покровитель, 84.
 Ангепатий—божество, 691, 696, 742, 798, 904.
 Англія—страна, 741.
 Англосаксы—народъ, 741.
 Анголынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 302.
 Ангудай—русс. сел., 6, 43, 57, 59, 78, 141, 160.
 Андаръ—уринх. сумпы, 11.
 Андзыпъ-хурумчи—дѣйств. л. ск., 244—247, 810, 877.
 Анди-Иса—дѣйств. л. ск., 885.
 Андо-Бара—онгонъ, 113—115.
 Андо-Жужа—покол. кирг. нар., 752.
 Андрей—дѣйств. л. ск., 901.
 Андрей Боголюбскій—русс. князь, 883, 890, 926.
 Андрей Критскій—дѣйств. л. ск., 888, 890.
 Андрихъ—истор. лицо, 901.
 Андрониде—дѣйств. л. ск., 682, 901.
 Андронъ Андроновичъ—имя въ заглавѣ, 901.
 Аписій—дѣйств. л. ск., 922.
 Анисимъ—дѣйств. л. ск., 857.
 Анисымъ—дѣйств. л. ск., 857, 858.
 Анненковъ—русс. ученый, 155, 682, 717, 749, 792, 809, 868, 869, 879, 880, 889, 901, 924.
 Анпу—дѣйств. л. ск., 812, 813.
 Антоновичъ, В.—русс. учен., 928.
 Антропъ—рѣка, 937.
 Апучинъ, Д. Н.—русс. учен., 714, 723, 730, 741.
 Анчикъ-касы—сел., 897.
 Анъ-Богдоръ—дѣйств. л. ск., 279, 280, 282, 283, 835.
 Анъ-дарханъ-тоенъ—божество огня у Якутовъ, 699.
 Анъ-дарханъ-хотунъ—якутск. божество, 842.
 Анъ-Долманъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 256.
 Анымъ-Мергенъ-хатунъ—дѣйств. л. ск., 330, 331.
 Анымъ-Хара-тагай—мн. море, 439.
 Аозъ—пред. Киргизъ, 16.
 Апраксевна—дѣйств. л. въ былинѣ, 890.
 Аптей-джиптей—мн. слово, 522, 523.
 Аптрёвъ—собираетъ сказ., 713, 742, 777, 793, 799, 871.
 Арабы—народъ, 681, 922.

Аравия—страна, 656.
Арагасъ—созвѣзд., 710.
Араинъ-Богдо-ханъ—мио. лицо, 823.
Арашанъ—пред. Киргизъ, 19.
Аралбай—пред. Киргизъ, 19.
Аралго-гоа—дѣйств. л. ск., 695, 818.
Араль-Дзубъ—дѣйств. л. ск., 402.
Ара-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 596, 599.
Арангасъ—созвѣзд., 662, 663, 710, 821, 932, 942.
Арангынъ—народъ, 919.
Арандахъ-Бурандахъ—дѣйств. л. ск., 912.
Аранъ-Тайджи—дѣйств. л. ск., 794, 833, 867, 909, 914, 916.
Аранъ-Тайчы—дѣйств. л. ск., 781.
Арапче—дѣйств. л. ск., 757.
Арапъ—дѣйств. л. ск., 757.
Аранъ-Ага—дѣйств. л. ск., 757.
Арасай—рѣка, 671.
Арахалунъ—чудовище, 845.
Арахалунъ-дой—чудовище, 935.
Арахи—чудов., 793, 794, 808.
Арахи-амитынъ—дѣйств. л. ск., 209, 210, 795.
Арахолъ—чудовище, 935.
Арахы—чудовище, 191—193, 212, 292, 808, 826, 935.
Арахынъ—дѣйств. л. ск., 747, 794.
Арахынъ-Шиткуръ—мио. лицо, 141.
Арахы-Тайджинъ—дѣйств. л. ск., 786.
Арашъ—конь въ ск., 912.
Арашия—пред. Киргизъ, 19.
Арба—мио. змѣй, 50.
Арбынь-гурба-Дагнэ—духи горь, 215.
Аргамакъ—мио. конь, 681, 909.
Аргата—дѣйств. л. ск., 249, 250, 647.
Аргатъ-Унюгъ—дѣйств. л. ск., 923.
Аргуй—богатырск. конь, 435, 438, 439.
Аргутъ—рѣка, 667, 843.
Аргынъ—пред. Киргизъ, 14, 670.
Аргынъ—покол. Татаръ, 668.
Аргыны—покол. Киргизъ, 666.
Аргыть-саръ-уңюгунъ—дѣйств. л. ск., 352.
Ардабай—пред. Киргизъ, 16.
Арджакъ—урянк. сумынь, 11.
Арджаманъ-Джарджаманъ—дѣйств. л. ск., 638, 641, 838, 931.
Арджи-Борджи—дѣйств. л. ск., 279, 785, 812, 814, 833, 834, 835, 836, 838.
Ардэга Уланъ—горы, 476.
Аржаная—гора, 149, 214.
Аржанту—гора, 149.
Аржанъ—иранск. божество, 839.
Арийцы—народъ, 651, 652, 662, 671, 716, 738, 766, 914, 928.
Аріонъ—древній музыкантъ, 679.
Аркай—колчанъ, 492.

Аркызовъ зубъ, 773.
Армяне—народъ, 714, 724, 730, 732, 739, 741.
Аролбай-Эго-ханъ—дѣйств. л. ск., 600—618.
Аррисъ—звѣзда, 741.
Арсандола—духъ подземнаго міра, 639, 640.
Арсланъ—дѣйств. л. ск., 750, 913, 914, 916.
Арсланъ—левъ въ ск., 405, 406.
Арсланъ-Ганъ—царь звѣрей, 169, 502.
Арсланъ-Сартактъ—ист. лицо, 839.
Арсланъ-Сартскій—истор. лицо, 839.
Арсланъ-ханъ—истор. лицо, 839.
Арсланъ-Цаганъ—горы, 439, 453, 457, 469, 476, 478, 481.
Арслынъ-Ола—мио. гора, 318, 319.
Арслынъ-Тергитей—дѣйств. л. ск., 482—484.
Арсу-Болотъ—дѣйств. л. ск., 836.
Арта-курюнъ-аскыръ—богатырск. конь, 416.
Арта-хонъ—созвѣзд., 724.
Артемида—божество древн. грековъ, 921.
Ар-Торхоликъ—рѣка, 61, 139.
Артуръ—дѣйств. л. ск., 827.
Артынъ—пред. Киргизъ, 17.
Арфанъ-фадъ—Млечный путь, 741.
Архауны—назв. христіанъ въ древней Монголіи, 917.
Архыпъ—рѣка, 292.
Архытъ-хара—богатырскій колчанъ, 434.
Аршанты—горы, 287.
Аршанъ или Аржанъ—китайская торговая фирма, 217.
Арши-цаганъ-лама—дѣйств. л. ск., 402.
Аръ-Кусаеъ—созвѣзд., 723, 725, 789.
Аръ-теугонъ—якут. божество, 878.
Аръ-Тоёнъ—якутск. божество, 726, 821.
Аръ-Хангай—гора, 458.
Арыбджанъ-Зая-Бандида—свящ. лицо, 328.
Арысь-похе—дѣйств. л. ск., 834, 890.
Ары-Сююрту-Уланъ—мио. гора, 482.
Арья-Балынъ—божество монг. народа, 297.
Арья-Пало—дѣйств. л. ск., 886.
Арюнь-Иденъ-Ханъ—дѣйств. л. ск., 272.
Асать—пред. Киргизъ, 18.
Асинская бурятская управа, 76.
Асламазъ—сел., 897.
Асока царь—дѣйств. л. ск., 759.
Аспелинъ—шведск. учен., 683, 686, 687, 944.
Аспронъ-синифонъ—млечн. путь, 741.

Ассоры—народъ, 724, 732, 733, 745.
Астидамия—дѣйств. л. ск., 920.
Астраханская губ., 941.
Астраханъ—городъ, 790.
Астри-бай—славянское божество, 739.
Астыгъ-модарапъ—созвѣзд., 730.
Асуйханъ, Асуханъ—дѣйств. л. ск., 114, 267, 268, 823, 824.
Асхаби-Тефови—созвѣзд., 730.
Асы—скандин. мио. племя, 856.
Асырь-Басырь—мио. собаки, 399, 670, 752, 932.
Атага—созвѣзд., 730.
Атагай—пред. Киргизъ, 15, 16, 18, 734.
Атагозы—пред. Киргизъ, 16.
Атамбулъ—пред. Киргизъ, 14.
Ата-санданъ—дерево, упомин. въ ск., 375.
Ата-Уланъ—дѣйств. л. ск., 822.
Атбасарскій округъ, 658.
Атбашъ-Ертене—мио. конская голова, 358.
Атгаръ-Хара-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 454, 513.
Атгаръ-Шаръ-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 529, 713.
Атиль—дѣйств. л. ск., 721.
Атка—пред. Киргизъ, 15.
Аттила—предводитель Гунновъ, 697, 804.
Атуйхинъ—мио. лицо, 113.
Атучи-Аксага-Ашыкъ—дѣйств. л. ск., 416, 417, 419, 421.
Атхыръ-хара-мангысъ—дѣйств. л. ск., 513, 530, 531.
Атъ-Тьетыгэнь—созвѣзд., 136.
Афа—миоел. существо, 675.
Аха—дѣйств. л. ск., 216.
Ахмать—дѣйств. л. ск., 859.
Ахметъ—дѣйств. л. ск., 404.
Ахріевъ—собираетъ ск., 769, 809, 810, 812.
Ахта—крѣп., 874.
Ахтипы—народъ, 746, 747.
Ахъ-сахалъ-Алучи—дѣйств. л. ск., 438, 466, 467, 912.
Ацекъ—дѣйств. л. ск., 803.
Ачамайли—узбек. покол., 797.
Ачиларъ-Джумаларъ, Ачыларъ—Юмаларъ—мио. страна, 72.
Ашаганъ-бо—дѣйств. л. ск., 855.
Ашахай—бурятск. покол., 22.
Ашемайли—узбек. покол., 797.
Ашехаватъ—пред. бурят. народа, 826.
Ашехай—пред. Бурятъ, 23.
Ашина—пред. Тукуэскихъ хановъ, 866.
Аширбекъ—пред. Киргизъ, 16.
Ашмадай—дѣйств. л. ск., 814.
Аю—пред. Киргизъ, 18.

Аю-бодисатта—дѣйств. л. ск., 178.
310—319, 675, 761, 777, 791, 838, 867, 868, 904, 908—910, 912.
Аюханъ Будыханъ—дѣйств. л. ск., 251.
Аю-Чикты-ханъ—дѣйств. л. ск., 283—285, 838.
Аюша—монголь, 188.
Ая-хубилганъ, 319.
Аювасевъ—русс. учен., 660, 688.
690, 722, 732, 736, 738, 739, 745, 754, 755, 771, 772, 776, 778, 780, 782, 784, 785, 788, 793, 796, 799, 801, 809, 811, 814, 816, 819, 828—834, 860, 868, 880, 881, 886, 888, 890, 893, 894, 898, 899, 923—925.
Аюина—греч. богиня, 844.

В.

Баатырь—подземн. божество, 218.
Бабай-Зайсанъ—урянк. князь, 655.
Бабай-тэнгри—божество, 832.
Бабасанъ—пред. Киргизъ, 15.
Баба-ята—дѣйств. л. ск., 323, 832.
Бабмыъ—пред. Киргизъ, 19.
Багаденъ-чило—гора, 231.
Багай—пред. Киргизъ, 18.
Багатудъ—покол. Ойратовъ, 667.
Багма-хатунъ—дѣйств. л. ск., 310, 313.
Баго—дѣйств. л. ск., 876.
Багысъ—предокъ Киргизъ, 15.
Бадай—дѣйств. л. ск., 843.
Баданъ—родоначальница Киргизъ, 821.
Бадзырь-огурды—урянк. кошунъ, 11.
Бадмъ-Араши—мио. престолъ, 312.
Бадыханъ—пред. Бурятъ, 23.
Бадыхонъ—покол. Бурятъ, 22.
Бажиндырь—туркм. покол., 900.
Байана—божество, 691, 692, 828.
Бай-баянай—божество Якутъ, 691, 828.
Байбекъ—пред. Киргизъ, 17.
Бай-Бородай—дѣйств. л. ск., 379, 380, 381, 694.
Бай-бура—пред. Киргизъ, 19.
Бай-бурулъ—божество, 63, 69, 328.
Байбурэ—пред. Киргизъ, 16.
Бай-габылъ—пред. Киргизъ, 15.
Байгалъ-мурень—мѣстность, 839.
Байгара—сумынь, 11.
Байгашинъ—онгонъ, 107.
Байгозы—пред. Киргизъ, 16.
Байгусъ—дѣйств. л. ск., 367, 784, 785.
Байгутту—пред. Киргизъ, 18.
Байгызъ—пред. Киргизъ, 18.
Байгынъ—мио. конь, 112.
Байдалы—пред. Киргизъ, 19.
Байдаулетъ—пред. Киргизъ, 19.
Байджигитъ—кирг. покол., 665, 851.
Байкаль—оз., 23, 25, 124, 128, 129, 665, 823, 824, 843.

Байкара—пред. Киргизъ, 18.
 Байкаръ—пред. Киргизъ, 18.
 Байкушукъ—пред. Киргизъ, 15.
 Байма—дѣйств. л. ск., 412.
 Баймамбетъ—пред. Киргизъ, 15.
 Баймбетъ—пред. Киргизъ, 15.
 Баймуратъ—пред. Киргизъ, 18.
 Бай-мурза—пред. Киргизъ, 19.
 Баймурунъ—пред. Киргизъ, 17.
 Байнъ-Джиргылъ—Дюрбютъ, 194, 327.
 Байнъ-Джурекъ—гора, 779.
 Байнъ-Дзюрку—гора, 691, 779.
 Байнъ-Дорджи—дѣйств. л. ск., 384.
 Байнъ-ола—гора, 232, 691.
 Байнъ-Уланъ—уроч., 231.
 Байнъ-хаирханъ—гора, 691.
 Байнъ-Хуйныкъ—дѣйств. л. ск., 501, 502.
 Байнъ-Цаганъ—Дюрбютъ, 190, 216, 227, 235, 237, 257, 260, 269, 274, 285, 287, 352, 356, 357, 649, 650, 752.
 Байнъ-Чжирухъ—гора, 779.
 Байрактаръ—созвѣзд., 725.
 Байрименъ-дабанъ—горн. прох., 217.
 Байръ-ханъ—шаманка, 128.
 Байсанкуръ—пред. Монголовъ, 672.
 Бай-теке—пред. Киргизъ, 14.
 Бай-тере—божество, 706, 827.
 Байтерекъ—пред. Киргизъ, 18.
 Байтокъ—пред. Киргизъ, 19.
 Байты—народъ, 326, 654.
 Бай-тыкой—пред. Киргизъ, 14.
 Бай-Ульганъ—божество, 862, 878.
 Бай-Ундуръ-Сыхылынь—гора, 854.
 Байха—покол. Остяко-Самоѣдовъ, 712.
 Байшинту—уроч., 217.
 Бай-шума—пред. Киргизъ, 18.
 Байшуме—пред. Киргизъ, 17.
 Бакай—Алтаецъ, 218.
 Бакаль—пред. Киргизъ, 16.
 Бакыръ—пред. Киргизъ, 15.
 Бала аякъ—мѣсяцъ, 366.
 Балаганъ, Бала-ханъ—дѣйств. л. ск., 287—289.
 Бала-мергентъ—дѣйств. л. ск., 404.
 Балбенъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 306.
 Балдоновъ—Бурятъ, 846.
 Балдынъ—Дархатъ, 303.
 Баляхай—мие. лицо, 74, 75, 126, 694.
 Балванскій полуостровъ, 733, 860, 883.
 Балкаръ—татарск. общ. на Кавказѣ, 859, 876.
 Балкашинъ—лицо, сообщ. свѣд., 658, 670, 896, 897.
 Балсагово колесо, 794.
 Балта-гара—пред. Киргизъ, 18.
 Балтыръ—Бурятъ, 86.
 Балханъ—оз., 655.
 Балъ-Дорджи лама—дѣйств. л. ск., 297.
 Балыкса—дѣйств. л. ск., 793.

Балыкчи—урянх. покол., 11, 179, 665.
 Балынъ-гузъ, Балынъ-гусъ—гора, 815, 849, 859.
 Балынъ-Сенге—дѣйств. л. ск., 241—243, 244, 812, 814, 815, 822, 839.
 Балъчинъ—пред. Киргизъ, 19.
 Бама-ханъ—дѣйств. л. ск., 834.
 Бамба-питу—дѣйств. л. ск., 237—239, 241, 812, 838.
 Бамба Вади—дѣйств. л. ск., 275.
 Бандынъ-Цзанъ—дѣйств. л. ск., 488—490.
 Банзаровъ—русскій ученый, 659, 661, 667, 674, 688, 691, 695, 696, 699, 700, 710, 727, 746, 755, 777, 801, 803, 805, 819, 849, 905, 932, 934.
 Банту-тологой—см. Банту тологой.
 Банчинъ Богдо, Банчинъ-Далай-лама—свящ. лицо, 292, 333, 335.
 Бара, Баръ-убюгунъ—онгонъ, 122.
 Бараба—страна, 655, 658.
 Барастыръ—дѣйств. л. ск., 692.
 Барга-Буратъ—покол. Ойратовъ, 667.
 Баргана—пред. Киргизъ, 18.
 Баргу, Баргутъ—племя, 868.
 Баргу-солонъ—покол. Солоновъ, 22, 188.
 Баркумъ—дѣйств. л. ск., 882.
 Баркынды-багышъ—дѣйств. л. ск., 794, 827.
 Барнауль—городъ, 837.
 Барнутъ—покол. Дархатъ, 21.
 Барсагово колесо, 794.
 Барсовъ—авт., 772, 924.
 Барсу-Болотъ—дѣйств. л. ск., 836.
 Барсъ—дѣйств. л. ск., 820, 834.
 Барсъ Батыръ—дѣйств. л. ск., 255.
 Бартанъ-багадуръ—пред. Монголовъ, 847.
 Баруламъ-тэнгери—дѣйств. л. ск., 822.
 Барунъ-далай—назв. оз. Косоголь, 128.
 Барунъ-Дзу—страна, 332.
 Барчинъ-Хара-Бюргутъ—дѣйств. л. ск., 477.
 Баръ, Паръ—дѣйств. л. ск., 177, 178.
 Баръ-Зайсанъ—пред. Дюрбютъ, 327.
 Баръ-Тайга—гора, 354.
 Баръ-Убюгунъ—см. Бара.
 Барынъ—покол. крымск. Татаръ, 668.
 Барьманбекъ—пред. Киргизъ, 18.
 Басентинъ—пред. Киргизъ, 15.
 Басыръ—собака, упом. въ ск., 234, 399, 505, 507, 671.
 Баташъ—покол. въ Бухарѣ, 668.
 Батеръ-Богатырь—дѣйств. л. ск., 629.
 Батиразъ, Батразъ, Батыразъ—дѣйств. л. ск., 747, 760, 794, 804, 882, 917, 918.
 Батракъ—дѣйств. л. ск., 782.
 Бату—дѣйств. л. ск., 812, 813.

Бату-Менко, Бату-Монке — дѣйств. л. ск., 826.
 Батыева дорога—Млечн. путь, 742.
 Батырадъ—см. Батиразъ.
 Батыръ Бели, Батыръ Бель—дѣйств. л. ск., 304, 306, 335, 336.
 Батыръ-Цзанъ—дѣйств. л. ск., 544.
 Батыръ-Чонунъ-Бель — дѣйств. л. ск., 899.
 Бауджилъ—см. Тамджинъ Чоджилъ.
 Бахай—дѣйств. л. ск., 826.
 Бахта—рѣка, 937.
 Бахтаганъ—божество, 218.
 Бахыкъ—пред. Бурятъ, 23.
 Бахынъ—мие. лицо, 118.
 Бачать—селеніе и рѣка, 2, 64, 667, 938.
 Башкаузъ—рѣка, 1, 293, 327, 667, 939, 940.
 Башкиры—народъ, 1, 19, 652, 653, 655, 699, 711, 723, 734, 744, 748, 849, 859, 931.
 Бан—пред. Киргизъ, 16.
 Баягаль-Итчита-Балахъ — дѣйств. л. ск., 634.
 Баянай—божество, 691.
 Баянъ—пред. Киргизъ, 18.
 Баянъ-ауль—сел. и округъ, 13, 19, 131, 404, 649, 658, 666, 731, 768, 819, 896.
 Баянъ-джурекъ—гора, 691.
 Баянъ-дзюрку—гора, 830.
 Баянъ-Мбигке — дѣйств. л. ск., 853, 875, 876.
 Баянъ-Мунху-Болходжинанъ—дѣйств. л. ск., 853.
 Баянъ-Сулу—дѣйств. л. ск., 691, 786, 858, 859, 891.
 Баянъ-Цумбуръ—гора, 749.
 Бегендыкъ—пред. Киргизъ, 17, 19.
 Бегерсенъ—дѣйств. л. ск., 863.
 Бегеръ-Мджидъ—дѣйств. л. ск., 833, 834.
 Беде—народъ, 674, 792, 886.
 Бёдене—дѣйств. л. ск., 874, 920.
 Безсоновъ—русс. пис., 757, 809, 816, 822, 830, 865, 868, 874, 880, 888, 898, 913, 927.
 Бейкемъ—рѣка, 11, 583, 618, 654, 664, 668.
 Бейсъ—пред. Киргизъ, 18.
 Беконъ Беренъ—рѣка, 217.
 ал-Бекри—арабск. писатель, 701.
 Бектасъ—пред. Киргизъ, 19.
 Бектемиръ—пред. Киргизъ, 16.
 Бектеръ-Джанджинъ — дѣйств. л. ск., 360—362.
 Бекъ-булатъ—пред. Киргизъ, 16.
 Бела—венг. лѣтописецъ, 711.
 Белгетей—дѣйств. л. ск., 876.
 Белекъ—Теленгитъ, 96, 97.

Беленъ-ана, Белянъ-ана — развалины, 860, 896, 897.
 Бельгунъ—богатырск. конь, 250.
 Бельджинарь—дѣйств. л. ск., 427.
 Бельтысъ—рѣка, 21.
 Бельчиръ—бурятск. улусъ, 192.
 Бергманъ—авт.; 792, 817, 838, 867, 873.
 Бердалы—пред. Киргизъ, 18.
 Бердыгуль—пред. Киргизъ, 16.
 Бердысъ—пред. Киргизъ, 16.
 Березинъ—русс. учен., 660, 665, 667, 669, 720, 725, 771, 803, 830, 839, 858, 902.
 Береме-Чочжи—дѣйств. л. ск., 327.
 Берозъ—древн. писат., 861.
 Бертъ-Эръ — дѣйств. л. ск., 641, 643—647.
 Берюдзаны—дѣйств. л. ск., 297.
 Бесермене — народъ, 670.
 Вестужевъ-Рюминъ—русс. учен., 805.
 Бетлингъ — нѣм. учен., 705, 710, 742, 840.
 Бехринъ—покол. въ Бухарѣ, 668.
 Бехтеревъ—авт., 760, 796, 798, 809.
 Би—дѣйств. л. ск., 280, 281.
 Бигедеръ—дѣйств. л. ск., 422.
 Бигъ-ханъ-Могилянъ—истор. лицо, 841.
 Биджиминъ—божество, 922.
 Биджи-фо—божество, 922.
 Бикджанъ—пред. Киргизъ, 18.
 Бикше—пред. Киргизъ, 19.
 Бикъ-кэханъ—истор. лицо, 840.
 Биле—уроч., 940.
 Биликинъ—дѣйств. л. ск., 425, 426.
 Билогремиче—дѣйств. л. ск., 800, 890.
 Бильджинарь. Билчинарь—дѣйств. л. ск., 425, 427.
 Билукай—божество, 694, 742.
 Вилямаръ—село, 869.
 Вилляръ—разв. города, 46.
 Вимы—селеніе, 713, 730.
 Бираги-дзенджи-пагатъ—уроч., 927.
 Бирить—уроч., 310.
 Бирскъ—городъ, 742, 777, 793, 799, 871.
 Битбара-шудуръ—созвѣзд., 723.
 Бишамынъ—божество, 922.
 Биширилыты Ванъ—монг. князь, 12, 299, 300, 308, 406, 534.
 Бишъ—дѣйств. л. ск., 827.
 Бійсенъ—пред. Киргизъ, 18.
 Бійскій—округъ, 8, 29, 776, 838, 851, 924, 927.
 Вія—рѣка, 9, 123, 938—940.
 Влатамаръ—болгарскій царь, 869.
 Воба—предокъ Киргизъ, 15.
 Бобырганъ—гора, 128.
 Бобырганъ—дѣйств. л. ск., 69, 233—235, 762, 802.
 Богдановъ, М. Н.—русс. учен., 753.

831, 832, 835, 840, 853, 855, 856, 866,
873, 880, 881, 883, 885, 897, 902, 914,
916, 917, 923, 927, 931—934, 942, 943.
Бонварна—звѣзда, 732.
Бо-нойонъ—дѣйств. л. ск., 872.
Боппъ—иѣм. учен., 738.
Бораевы—фамилія на Кавказѣ, 918.
Бораты—сказочн. пушка, 918.
Ворбокай-капъ—дѣйств. л. ск., 559.
Ворголтай—рѣка, 12.
Ворджигить—поколѣніе, 665—758.
Борджонъ—пред. Бурятъ, 23.
Вордо—дѣйств. л. ск., 641, 935.
Боржинъ-Далха—пред. Бурить, 826.
Ворзой—дѣйств. л. ск., 411, 412, 903.
Бориско—дѣйств. л. ск., 889, 926.
Борисовъ—собиравше сказ., 625, 638,
645, 647, 650, 704, 769, 774, 838, 915.
Борисъ—русск. князь, 820.
Борисъ—болгарск. князь, 833.
Борисъ—дѣйств. л. ск., 839, 865, 924,
925.
Борисъ Даниловичъ—дѣйств. л. ск.,
925.
Борисъ Жидиславичъ—дѣйств. л. ск.,
926.
Борисъ Жидовинъ—дѣйств. л. ск., 926.
Борисъ-Збуть-Королевичъ—дѣйств. л.
ск., 838, 869, 889, 902, 924.
Борисъ Козловъ—дѣйств. л. ск., 926.
Борисъ - Трѣмсинъ, Борисъ - Трѣмъ-
сынъ—дѣйств. л. ск., 831, 870, 871,
878.
Боричевскій—авт., 801.
Борма-Ярыжка—дѣйств. л. ск., 848.
Боро-Волдзейгъ Тологой—горы, 385,
386.
Боро-Боргосунъ—уроч., 215.
Боровичскій уѣздъ, 772.
Бородай-ху—дѣйств. л. ск., 379, 381,
382, 876, 898, 899.
Боролдзай-ху—дѣйств. л. ск., 381—383.
Боролдзой Обогонъ—дѣйств. л. ск.,
517—519.
Боро-Нахылъ—пред. Дюрбютовъ, 326.
Борѣ-ханъ—дѣйств. л. ск., 903.
Борсукъ—дѣйств. л. ск., 176, 177.
Бортогонъ—покол. Солоновъ, 22.
Борунъ-ижи—онгонъ, 703.
Ворцугуть—покол., 665.
Боръ-джапргай—дѣйств. л. ск., 266.
Борысъ—дѣйств. л. ск., 925.
Боръ-Итчита-Ворбухай—дѣйств. л. ск.,
634.
Боско, Боско-чалай-долонхса—дѣйств.
л. ск., 629, 632, 633, 842, 931, 934
935.
Борой-бушилъ-болотъ-сяганъ—дѣйств.
л. ск., 268.
Ботоко-Ширта—дѣйств. л. ск., 811.

Булгаты—дѣйств. л. ск., 267, 268.
Булгаша, Ханъ-Булгаша—онгонъ, 115,
116.
Булгунъ-Абахай Цицзинъ — дѣйств. л.
ск., 503.
Булгучинъ—покол. Дюрбютзовъ, 20.
Булоть-хурэ—дѣйств. л. ск., 391—395.
Булунъ—уроч., 583.
Булунъ-Тохой—уроч., 287.
Булуть-ганъ—онгонъ, 96, 691.
Булуть-ханъ—дѣйств. л. ск., 746.
Булъмеръ—село, 869.
Бунгуй—дѣйств. л. ск., 268.
Бунгъ—гора, 862.
Бунхонту—гора, 862.
Бура, Буры—мио. конь, 680.
Бурганъ-ганъ — онгонъ, 51, 687, 722,
934.
Бургустай—рѣка, 516.
Буреке, Бурекей—дѣйств. л. ск., 194,
785.
Бурень—рѣка, 11, 77, 80, 94, 101, 136,
140, 144, 695.
Бурень-хаирханъ—гора, 827.
Бурень-ханъ—гора, 827, 866.
Буре-Ферныгъ—дѣйств. л. ск., 804.
Бурешн—пред. Кяргизъ, 19.
Бури-боко—дѣйств. л. ск., 866.
Бурканъ-Бакишн—дѣйств. л. ск., 378.
Бурканъ Ха лама—дѣйств. л. ск., 422—
424.
Буркель—гора, 230.
Буроны—онгонъ, 409.
Бурте-чино—пред. Монголоуъ, 866.
Буруль-ханъ—дѣйств. л. ск., 503—506,
Буруль-Цохуръ—богат. конь, 394.
Бурутканъ—покол. Бурятъ—268.
Бурханъ-Бакишн—дѣйств. л. ск., 179.
192, 198, 200, 209, 210, 225, 226, 244,
258, 259, 268 — 276, 318, 407, 494,
555, 556, 721, 738, 777, 782, 794, 796,
809, 826, 828, 830, 831, 868, 879, 881,
904, 909, 917, 934.
Бурханъ-Галдинъ—гора, 804, 903.
Бурханъ-Ола—гора, 827.
Бурханъ-Халдунъ—гора, 804, 903.
Бурханъ—дѣйств. л. ск., 804, 856.
Бурхатъ—мио. лицо, 73.
Бурхонт - Боксенъ - Дабанъ, Бурхунъ-
Боксетей-Дабанъ—гора, 335, 336.
Бурхонъ-Хаганъ-Лама—дѣйств. л. ск.,
514.
Буръ-хаирханъ—гора, 827.
Буры—миоич. конь, 909, 910.
Бурьтунъ—покол. Бурятъ, 23.
Бурьтынъ—онгонъ, 120.
Бурюнъ-ханъ—гора, 129.
Буря богатиръ—дѣйств. л. ск., 785.
Бурятай—дѣйств. л. ск., 268.
Бурятъ—онгонъ, 102, 122.

Бурлты—народъ, 21—23, 25, 30, 31, 37, 40, 54, 55, 57, 63, 68, 76, 79, 80, 83—87, 92, 93, 104—106, 114, 119, 121—129, 131, 133, 135—138, 141, 143, 148, 152, 157, 161, 164, 165, 168, 174, 184, 192, 215, 216, 231, 264, 266—268, 283, 329, 403, 407, 655, 663, 665, 672, 686, 688, 695, 698—700, 702, 704, 707, 720, 746, 849, 751, 753, 754, 757, 771, 810, 822—824, 827, 832, 834, 836, 838, 839, 842, 847, 861, 906, 931, 934.
—Аларскіе, 22, 25, 26, 28—30, 33, 36—40, 49, 54—57, 59, 66, 68, 73, 74, 78, 80, 81, 84, 89, 91—93, 103, 106, 117, 120, 121, 123, 126, 128, 131—133, 135—138, 141—143, 149, 153, 168, 174, 181, 184, 187, 207, 212, 213, 262, 290, 309, 332, 411, 663, 702.
—Балаганскіе, 23, 33, 37, 49, 55, 76, 117, 121, 126, 128, 264, 822.
—Забайкальскіе, 137, 138, 165, 168, 184, 190.
—Ингуренскіе, 129, 332.
—Иркутскіе, 74, 125, 650.
—Кударинскіе, 129.
—Кудинскіе, 55, 822.
—Селенгинскіе, 161, 162.
—Тункинскіе, 38, 93, 127, 137, 141, 153, 154, 168, 169, 181, 264, 267, 695.
Буслаевъ—русс. учен., 690, 738, 896, 903, 925, 931.
Буслаевъ, Василий—русс. богатырь, 690, 890, 929.
Бусурманъ-Можга—село, 670, 827.
Бусъ—дѣйств. л. ск., 810.
Бутины—авт., 771, 854.
Бутушъ—Алтаецъ, 176, 215.
Буть-тэнгри—дѣйств. л. ск., 746, 841.
Буунчукъ—Теленгитъ, 7, 44, 62, 69, 142, 204, 233, 328.
Буха—дѣйств. л. ск., 852.
Буха-ноинъ—дѣйств. л. ск., 25, 32, 33, 84, 87, 88, 126, 264—268, 329, 704, 722, 749, 781, 802, 808, 821, 822, 824, 826, 875, 894, 923.
Бухара—городъ и ханство, 655, 666, 668, 671, 830, 859.
Бухари-атахъ—дѣйств. л. ск., 629.
Бухарія Малая—страна, 839.
Бухаръ—Киргизъ, 17, 18.
Буха-Саганъ—дѣйств. л. ск., 824.
Буха-хаганъ—истор. лицо, 840.
Буха-Цаганъ—дѣйств. л. ск., 872.
Бухтанъ-Бухтановичъ—дѣйств. л. ск., 722.
Бухтарма—рѣка, 655, 658.
Буху аранай—мнѣ. трава, 188, 773.
Бухунъ Букдеринъ—божество, 311, 313.
Буйръ-норъ—оз., 188.

Буянты—рѣка, 287.
Буянъ—островъ, 924.
Бызаубай—пред. Киргизъ, 17.
Быбыль—пред. Киргизъ, 16.
Бѣлая—гора, 412, 413.
Бѣлевичъ Тугаринъ—дѣйств. л. ск., 891.
Бѣлогримичъ—дѣйств. л. ск., 682.
Бѣлоруссія—страна, 699.
Бѣлояндрихъ—дѣйств. л. ск., 682, 890, 901.
Бѣлуха—гора, 128, 785, 799.
Бѣль-Бѣлянинъ—дѣйств. л. ск., 896.
Бѣлый Полянинъ—дѣйств. л. ск., 785, 786.
Бѣлый царь—дѣйств. л. ск., 283, 625, 866.
Бѣлиевъ—русс. истор., 805.
Бѣгерь Мджитъ—дѣйств. л. ск., 275.
Бѣгтеръ—дѣйств. л. ск., 853.
Бѣль Шакджимини—божество, 313, 314.
Бѣсень—пред. Киргизъ, 15.
Бюларъ—дѣйств. л. ск., 849.
Бюлеръ—авт., 688, 821.
Бюргунъ—Урянхаецъ, 167.
Бюргутъ—Урянхаецъ, 212, 225, 288, 290, 332, 342, 358, 359, 379, 381, 416, 424, 427.
Бюргутъ—дѣйств. л. ск., 820.
Бюркутпай—пред. Киргизъ, 17.
Бюрб—пред. Киргизъ, 15.
Бюрю—дѣйств. л. ск., 721, 781, 793, 821.
Бюрю-норъ—оз., 821.

В.

Вагоба—созвѣзд., 714, 730.
Вагозашибль—созвѣзд., 714.
Ваголитъ—звѣзда, 735.
Ваголукумъ—созвѣзд., 724, 735.
Вакупитъ царевичъ—груз. истор., 802, 806, 843, 855, 867.
Вала—рѣка, 670.
Валигора—дѣйств. л. ск., 801.
Валимъ-хузя—чувап. фетишь, 849.
Валихановъ Чоканъ—авт., 784, 847.
Вальвиръ-кижели—созвѣзд., 730.
Вамбери—венгерск. писат., 671, 678, 681, 713, 715, 731, 733, 735, 738, 740—742, 744, 749, 750, 862, 870, 885, 900.
Ванджинъ лама—дѣйств. л. ск., 335.
Ванту-Тологой, Ванъ-Тологой—холмъ, 232, 299, 300, 303, 306, 307, 408, 854.
Ванъ—озеро, 724.
Ванъ-анъ-гунъ—монг. дворець, 840.
Ванъ-Тологой, см. Ванту.
Ванъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 801, 818, 834, 861.

Ванъ—ханъ Кирѣевъ, 668, 763, 801, 805, 834, 844, 853—858, 860—862, 864, 865, 873, 917.
Варгъ-лозь—божество, 704.
Варочка—дѣйств. л. ск., 794.
Варуна—инд. богъ, 782.
Варъ-Хониты—народъ, 752.
Варяги—народъ, 860.
Василій, Василий Безсчастный—дѣйств. л. ск., 831, 888.
Васильевскій—русс. учен., 901.
Васильевъ, В. П.—синологъ, 659, 718, 803, 811, 840, 841.
Васюганскіе инородцы, 732.
Васюганъ—рѣка, 676.
Вахангъ—дѣйств. л. ск., 741.
Вахтангъ Горгасланъ—груз. царь, 843.
Веденьщина—деревня, 754.
Веды—свящ. книги, 866, 868.
Ведьва—божество, 739, 742.
Вейсиль-Коранъ—дѣйств. л. ск., 896.
Векенштедтъ—собирагель ск., 840, 923.
Веле—созвѣзд., 730.
Велко—дѣйств. л. ск., 757.
Вельяминовъ-Зерновъ—русс. ученый, 668, 670.
Венгрія—страна, 711.
Венгры—народъ, 711, 713, 723, 730.
Венды—народъ, 771.
Венера—греч. богиня, 703, 764, 779, 842.
Венера—звѣзда, 731, 779, 780, 808, 933.
Венеція—городъ, 739.
Вербицкій—авт., 45, 64, 78, 83, 661, 664, 768, 774, 778, 793, 819, 846, 851, 867, 936, 938, 940.
Верещагинъ—авт., 865.
Верковичъ—авт., 671, 743.
Веручи—порогъ на Днѣпрѣ, 902.
Верхнеуральскъ—городъ, 723.
Верхоянскъ—городъ и его округъ, 625.
Веселовскій—русс. учен., 750, 755, 759, 777, 780, 794, 796, 810, 833, 838, 868, 893, 912, 915, 927.
Виллапова—городъ въ Италіи, 679.
Вистамъ-тазъ—дѣйств. л. ск., 815.
Витень, князь—дѣйств. л. ск., 928.
Витковскій—авт., 46.
Вишну—инд. богъ, 738, 858.
Видина—злое существо, 673.
Владимірка—дѣйств. л. ск., 889.
Владиміровъ—авт., 900.
Владиміръ—русскій князь, 805, 838, 844, 865, 883, 888, 889, 890, 906, 907.
Владиміръ—дѣйств. л. въ албан. легендѣ, 864.
Владиміръ—русс. городъ, 864.
Владиміръ—городъ въ Европ. Турціи, 864.
Владиміръ, о.—начальникъ алт. мис-сін, 10.

Владиміръ Мономахъ—русс. князь, 690.
Владиславъ—дѣйств. л. ск., 865.
Владимыръ—названіе мѣсяца въ заговорѣ, 869.
Власожельцы—созвѣзд., 731.
Влашители—созвѣзд., 730.
Влькашинъ—дѣйств. л. ск., 927.
Вогузы, Вогуличи—народъ, 656, 664, 697, 757, 767, 797, 880, 900, 911.
Возница—созвѣзд., 714.
Возъ—созвѣзд., 714.
Вой-кодзуль—созвѣзд., 942.
Войла-доръ-вестъ—звѣзда, 942.
Волга—рѣка, 717, 721, 734, 871, 849, 890, 901.
Волгенче—божество, 748.
Вологодск. губернія, 708, 738, 772, 879, 880.
Володаръ—дѣтская игра, 689, 827.
Волосожары—созвѣзд., 731.
Волость—слав. богъ, 703, 704.
Волосыни—созвѣзд., 731.
Волхъ—дѣйств. л. ск., 902.
Волчьа звѣзда—звѣзда, 732.
Волынъ—русс. область, 689, 776.
Вольф-Дитрихъ—дѣйств. л. ск., 925.
Воронежск. губернія, 682, 730, 799, 900.
Вороновъ—лицо, сообщ. свѣдѣнія, 714, 724, 732.
Востоковъ—русс. учен., 725, 731.
Вотская—пятина, 688.
Вотяки—народъ, 45, 46, 52, 671, 692, 693, 696, 698, 713, 723, 730, 740, 742, 746, 748, 755, 760, 765, 773, 776, 798, 800, 807, 809, 810, 812, 815, 816, 827, 844, 865, 869, 878, 879, 894, 900, 901, 904, 905, 931.
Вреде—путешественникъ, 656.
Вритра—инд. богъ, 796, 934.
Вручей—городъ, 902.
Вукашинъ—дѣйств. л. ск., 927.
Вълко—дѣйств. л. ск., 757.
Вывидубъ—дѣйств. л. ск., 801.
Витенець—дѣйств. л. ск., 928.
Вышгородъ—древн. городъ, 883, 890.
Вятка, Вятск. губернія, 730, 653, 670, 849.

Г.

Габеркорнъ—лицо, сообщ. свѣд., 711, 714, 732, 740, 741.
Гавриловъ, Бор.—авт., 144, 807, 809, 810, 815, 827, 849, 879, 901.
Гаданъ—монг. ханъ, 844.
Гадолиту—рѣка, 309.
Гадъсь—скала, 230.
Гачъ—камчад. богъ, 693, 848.

Газарія—страна, 786.
 Газыр-гамъ—дѣйств. л. ск., 290, 291, 761, 800, 801, 843.
 Гайшерды—пред. Киргизъ, 18.
 Гакстаузенъ—нѣм. учен., 697, 867.
 Гакта-хонходыр—покол. Бурятъ, 23.
 Гакша-хамыгынъ—дѣйств. л. ск., 186.
 Галданъ—дѣйств. л. ск., 863.
 Галданъ-бошко—дѣйств. л. ск., 410, 902.
 Галдзушинъ—онгонъ, 121.
 Галдума—дѣйств. л. ск., 187.
 Галдунъ-тенгиръ, Галдунъ-тэнгиръ—дѣйств. л. ск., 904, 908, 913.
 Галдынъ-Тенгрий—божество, 317—319.
 Галсанъ—Дархатъ, 306, 408.
 Галстунскій—авт., 792.
 Галто-бурханъ—дѣйств. л. ск., 796, 903.
 Галынъ-Габикъ—богатырск. стрѣла, 433.
 Гальбинъ-Минганъ-бурханъ—дѣйств. л. ск., 777.
 Гамбы-гарбы—божество, 261.
 Гаммеръ-Пургиталь—нѣм. учен., 787, 793, 860.
 Гангенъ-Муренъ, Гангъ—рѣка, 335, 875.
 Ганджуръ-Тацдажуръ—свят. книги, 325, 335, 429, 491, 512, 834, 920, 922.
 Ганджуръ-Паганъ—горы, 439, 476.
 Гантимуровъ—Тунгусъ, 169, 186, 193, 206, 216, 233, 256, 302, 330, 797.
 Ганци-Мептышъ—дѣйств. л. ск., 235—237, 721.
 Ганъ—нѣм. учен., 864.
 Ганъ-су—китайск. провинція, 653.
 Гарди-Церби-ханъ—дѣйств. л. ск., 462.
 Гаркави—ориенталистъ, 902.
 Гартуль, Сартуль—покол. Бурятъ, 23, 25.
 Гарудай, Гаруди—мнѣ. птица, 693, 818.
 Гарукъ—чудовище, 793, 808.
 Гарыкуль—дѣйств. л. ск., 813, 814, 919.
 Гатевъ—авт., 793, 928.
 Гаутама—основатель буддизма, 830, 834.
 Гахай-Бакиши—божество, 227, 261, 263.
 Гахай-Тологой-Тюлюкчи—дѣйств. л. ск., 539, 540.
 Гашангана—дѣйств. л. ск., 312.
 Гвидионъ—кимрск. богъ, 741.
 Гегеръ-Меджидъ—дѣйств. л. ск., 834, 835, 836.
 Гегеръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 834.
 Гедиминъ—литовск. князь, 928.
 Гедройцъ—авт., 896.
 Гедыманикъ—дѣйств. л. ск., 928.
 Геваръ-дунгъ—тиб. книга, 834.
 Гезихій—древн. писат., 714.
 Гезюдъ—класс. пис., 805.
 Геликъ—дѣйств. л. ск., 406—408.
 Геликъ-Армьба-Ганъ-Ола—гора, 439.
 Гельгенъ-пи—дѣйств. л. ск., 821, 874.
 Гельмерсенъ—русс. учен., 165, 725, 757.
 Гелюнгъ-Сахылъ—дѣйств. л. ск., 292.
 Гелюхене-комнагонъ—бурятск. названіе Тунгусовъ, 25.
 Гениринъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 524, 527.
 Гентей—хребетъ, 805.
 Генъ—нѣм. учен., 656.
 Георги—путешеств., 656, 696, 697, 703, 712, 730.
 Георгій—дѣйств. л. ск., 912, 928.
 Геранъ-кирванъ—звѣзда, 733.
 Герасимъ мельникъ—дѣйств. л. ск., 755.
 Герберштейнъ—старин. путеш., 901.
 Герги—христ. имя, 828, 912.
 Гересандза-Джеларъ—предокъ монг. князей, 934.
 Геркулесъ—греч. герой, 902.
 Геркъ—страна, 902.
 Германия—страпа, 663.
 Гермесъ—греческ. богъ, 688.
 Геродотъ—греч. истор., 833, 922, 926.
 Герстфельдъ—русс. путеш., 730.
 Гесеръ-ханъ, Гесиръ-ханъ, Гесэръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 210, 250, 251, 255—258, 260, 261, 276, 330, 331, 660, 671, 675, 705, 758, 761—763, 796, 801, 804, 806, 811, 817—820, 827, 829, 834, 844, 845, 872, 875, 882, 916, 943.
 Гецеръ-ханъ—волш. лекарство, 819.
 Гефестъ—греч. богъ, 920.
 Гигановъ—авт., 732, 742, 750, 941.
 Гизельское селеніе, 724, 732.
 Гизихи—народъ, 751.
 Гиксы—древн. народъ, 681.
 Гильфердингъ—русс. пис., 764.
 Гиляки—народъ, 674, 697, 729, 756, 757, 930.
 Глѣбъ—русс. князь, 820, 865, 839, 924.
 Гмелинъ—нѣм. учен. 931.
 Гнатъ-булатъ—дѣйств. л. ск., 844, 884.
 Гоа-Мараль—дѣйств. л. ск., 791.
 Го-Баниъ—дѣйств. л. ск., 319.
 Гоби—пустыня, 270, 311.
 Говедярица—звѣзда, 733.
 Говорсъ—англ. писат., 866.
 Гоголь-голодай—дѣйств. л. ск., 206, 789.
 Гогъ—мнѣ. народъ, 736.
 Гокчу-мэргэнъ-ашьякъ—дѣйств. л. ск., 725.
 Голодная степь, 897.
 Голто-бурханъ—божество, 789, 804, 904.
 Голто-Мого-ханъ—дѣйств. л. ск., 486.
 Голубиная книга, 682, 792, 822, 889, 893, 897, 917.

Голуметь—рѣка, 23.
 Голхондо—мнѣ. лицо, 119.
 Гольцманъ—нѣм. писатель, 695.
 Гомбоевъ—авт., 702, 703, 721, 749.
 Гомбугуръ—ламайск. богъ, 205, 332, 338, 339, 737, 790, 883, 902, 922.
 Гомбу-Гушету-Ханъ—дѣйств. л. ск., 339.
 Гондолъ-царь—дѣйств. л. ск., 486—488.
 Гончикъ—дархатъ, 296, 410.
 Гонъ-Саюнъ—покол. Якутовъ, 661.
 Гоодомба—дѣйств. л. ск., 830.
 Горбушентъ-Тэнгрий-Иу—божество, 805.
 Горгасланъ—груз. царь, 843.
 Горгона—мнѣ. лицо, 844.
 Горечи—дѣйств. л. ск., 873.
 Гороховъ—авт., 821.
 Горыня—дѣйств. л. ск., 785.
 Горхонъ-Ула—гора, 823.
 Горьскръ—дѣйств. л. ск., 926.
 Гостомыслъ—дѣйств. л. ск., 772, 896.
 Гостунъ—болгарск. царь, 881.
 Готолъ—покол. Бурятъ, 23.
 Готы—народъ, 663, 754, 914.
 Го-Чивиту—дѣйств. л. ск., 838.
 Грабовскій—авт., 850.
 Гребникий—натуралистъ, 754, 789, 942, 943.
 Греки—народъ, 672—674, 688, 714, 716, 724, 731, 732, 741, 745, 751, 845, 926.
 Григоровскій—миссіонеръ, 677, 702, 704—706, 708, 712, 723, 730, 732, 770, 778, 779, 793, 850, 894, 918.
 Грижуля колесница—созвѣзд., 725.
 Гриммъ—нѣмец. учен., 765.
 Громъ-батько—дѣйств. л. ск., 722, 752, 898.
 Грузины—народъ, 724, 730, 741, 760, 780.
 Грузія—страна, 806, 843, 872.
 Грюнбаумъ—нѣмец. пис., 764.
 Грядовичи—русскіе богатыри, 932.
 Губюръ—пред. Киргизъ, 15.
 Гуджиръ—уроч., 233.
 Гудулу кэханъ—истор. лицо, 841.
 Гужиръ—дѣйств. л. ск., 822.
 Гужиръ-тэнгри—онгонъ, 121.
 Гуйднень-Саниъ-Гелюнгъ—дѣйств. л. ск., 312.
 Гула-гу—персидск. государь, 851.
 Гульдэ-Токчи—дѣйств. л. ск., 303, 305, 863.
 Гуляевъ—собр. сказ., 837.
 Гумбольтъ—нѣмец. ученый, 128.
 Гумбугуръ—божество, 410.
 Гумъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 495, 919.
 Гундионъ-Гурмюль-Хара-Ула—гора, 316.

Гунны—народъ, 651, 754, 770, 892.
 Гунтурантай—дѣйств. л. ск., 636—638, 931.
 Гунунъ-Хонгуръ—богатырск. конь, 476.
 Гунъ-гурогунъ—мнѣ. животное, 769.
 Гупинъ—Халхасецъ, 139—141, 175, 244, 261, 292, 294, 398, 401, 403, 406, 534, 547.
 Гупинъ—богатырск. конь, 454, 458.
 Гупинъ-Настай-Мекеле—дѣйств. л. ск., 432, 433, 437, 440—442, 444—447, 451—455, 463, 465, 470, 480.
 Гупинъ-Хара-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 454, 458.
 Гунъ-хара-усу—мнѣ. воды, 476.
 Гурба-Когонъ—мнѣ. олени, 205.
 Гурбанъ-Мушинъ—созвѣзд., 137.
 Гурбанъ-Сокъ—созвѣзд., 137.
 Гурбанъ-Хого—созвѣзд., 137, 791.
 Гурбелъджинъ-Гоа—дѣйств. л. ск., 791, 795, 804, 805, 835, 856, 858.
 Гурбесу—дѣйств. л. ск., 790, 805, 844, 856, 858.
 Гурбу-Сого—созвѣзд., 137, 205.
 Гурбустентъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 429, 448, 451, 452, 790, 877, 878, 805, 881.
 Гурбы-Мараль—созвѣзд., 137, 205, 790.
 Гурбы-Огульдзы—уроч., 446.
 Гурбы-Эрдени—три драгоцѣнности, 499.
 Гурочинъ—дѣйств. л. ск., 873.
 Гурунъ-Барыкъ, Гурунъ-гурогенъ—созвѣзд., 137, 206.
 Гурунъ-Гурогенъ—созвѣзд., 137.
 Гусинцы—сербы, 725, 730.
 Гучинъ-Гурбу-Номту-Тэнгиръ—божество, 470.
 Гучинъ-Гурбу-Хурмусту—божество, 460, 461, 465, 481, 482.
 Гэгэръ, Кэгэръ—дѣйств. л. ск., 251.
 Гэгэръ-Меджитъ—дѣйств. л. ск., 801.
 Гюря-Тороговичъ—дѣйств. л. ск., 907.

Д.

Дабысынъ-Дабанъ—горн. проходъ, 299.
 Дабысынъ-Далай—море, 460.
 Дава—дѣйств. л. ск., 838.
 Дава-Тайджи—дѣйств. л. ск., 495, 496.
 Давидъ—дѣйств. л. ск., 842, 861, 863, 917.
 Дагестанъ—страна, 870.
 Дагнэ, Дагинэ—небесная дѣва, 227, 374, 375, 377, 378, 382, 383, 516, 517.
 Дагуръ—народъ, 25.
 Дада—народъ, 720, 721, 802, 899.
 Дада князь—дѣйств. л. ск., 899.
 Даданъ—царь, 845, 928.
 Даж-бай—слав. богъ, 739.
 Дажъ-богъ—славян. богъ, 739, 881.
 Дайбангъ-хаганъ—дѣйств. л. ск., 851.

Дай-дарханъ—звание, 843.
 Даинъ-Дэрхэ—каменная баба, 230, 291, 292.
 Даинъ-тере, Даинъ-дере—дѣйств. л. ск., 293, 828, 841.
 Даинъ-Тирхинъ—дѣйств. л. ск., 828.
 Даинъ-Тэнгиръ, Даинъ-Тэнгри—дѣйств. л. ск., 293, 841.
 Даинъ-ханъ—истор. лицо, 843.
 Даиръ-Урсунъ—дѣйств. л. ск., 872.
 Даиръ-Усунъ—дѣйств. л. ск., 872.
 Дамбы-Цаганъ—дѣйств. л. ск., 481.
 Далай-кузнецъ—дѣйств. л. ск., 433.
 Далай-лама—дух. л., 232, 332, 333, 335—337, 340, 341, 410, 429, 495, 831, 881—883.
 Далай-Тайши—пред. Дюрбютовъ, 326.
 Далай-ханъ—дѣйств. л. ск., 20, 883.
 Далмація—страна, 846, 864.
 Далхай—пред. Бурятъ, 23.
 Даль, В. И.—русск. писат., 790, 927.
 Данджинъ-Хошучи—пред. Дюрбютовъ, 326.
 Данило—дѣйств. л. ск., 890.
 Данило Белый—дѣйств. л. ск., 913, 915.
 Данило Ловчанинъ—дѣйств. л. ск., 844.
 Данильченко—авт., 675, 689, 746, 750, 771, 772, 804, 845, 888.
 Даничичъ—сербск. писат., 708.
 Даница—звѣзда, 733.
 Дараната—тибетск. книга, 803, 811.
 Дариху-бурхынъ—божество, 429.
 Дарханъ—гора, 803.
 Дархатская земля, 299, 300, 303, 305, 307, 406, 407, 409, 410, 488, 534, 647, 650, 655, 871.
 Дархатъ—онгонъ, 73, 111, 122, 126.
 Дархаты—народъ, 13, 21, 22, 25, 37, 78, 93, 101, 103, 119, 137, 142, 156, 161, 162, 164, 175, 176, 181, 188, 192, 244, 295, 296, 299, 300, 303, 307, 407, 408, 534, 535, 647, 653, 671, 695, 839, 843.
 Дархынъ-хонгоръ—богат. конь, 384.
 Даугаръ-Алышъ—дѣйств. л. ск., 810.
 Даудъ—предокъ Киргизъ, 15.
 Дауеги—народъ, 804.
 Даулетенбетъ—пред. Киргизъ, 17.
 Даулетъ—пред. Киргизъ, 16.
 Дачинъ-Хошучи—пред. Дюрбютовъ, 326.
 Даинъ-ханъ—истор. лицо, 826, 836.
 Дебачи—монг. князь, 326.
 Деветъ—дѣйств. л. ск., 711.
 Деждитъ-Аха—дѣйств. л. ск., 406, 407, 534.
 Дежичъ—созвѣзд., 729.
 Делпунъ Болдокъ, Делконъ-Болдокъ—уроч., 805, 806.

Деманъ—дѣйств. л. ск., 811.
 Демичи-Ерень—дѣйств. л. ск., 369—371.
 Демон-Брданинъ—дѣйств. л. ск., 816.
 Деперадовичъ—авт., 675, 687, 799.
 Делчи—дѣйств. л. ск., 842.
 Дерменъ—покол. Узбековъ, 671.
 Детханъ-лама—дѣйств. л. ск., 526.
 Джаба—пред. Киргизъ, 16.
 Джабагашъ—пред. Алтайцевъ, 7.
 Джабакъ—покол. Алтайцевъ, 7, 62, 193.
 Джавотэй—пред. Киргизъ, 16.
 Джага-Баба—дѣйств. л. ск., 640, 641, 832.
 Джагурджа—татарск. имя св. Георгія, 912.
 Джадыки—покол. Киргизъ, 670.
 Джанкъ—онгонъ, 91, 93, 94, 96, 233—235, 692, 701, 762, 794, 808, 826.
 Джайлау—пред. Киргизъ, 16, 17.
 Джайрау—пред. Киргизъ, 18.
 Джаксылыкъ—пред. Киргизъ, 14.
 Джаламанъ—пред. Киргизъ, 17.
 Джалаты-мергенъ—дѣйств. л. ск., 904.
 Джалбагай—птица, 766.
 Джалбыратъ—Урянхаецъ, 424.
 Джалмаусъ—дѣйств. л. ск., 766—776, 811.
 Джаманай—пред. Киргизъ, 15.
 Джаманъ—пред. Киргизъ, 17, 18.
 Джамбы-лама—дѣйств. л. ск., 544—546.
 Джамука—дѣйств. л. ск., 862, 873.
 Джамцинъ-Солонъ, 22, 188, 235, 297, 306, 339, 351, 407, 410, 411, 555.
 Джанабай—пред. Киргизъ, 18.
 Джанабатыръ—пред. Киргизъ, 16.
 Джанабылъ—пред. Киргизъ, 17.
 Джанай—пред. Киргизъ, 15, 18.
 Джанай-чеченъ-тумазы—дѣйств. л. ск., 591, 592, 594.
 Джангельды—пред. Киргизъ, 18.
 Джангызъ-улъ—дѣйств. л. ск., 761, 811.
 Джангыс-дабанъ—горн. прох., 301.
 Джангыс-Улы—дѣйств. л. ск., 170—172.
 Джанджи-мукъ—дѣйств. л. ск., 585.
 Джанджинъ-Мергенъ-Вана хошунъ, 231.
 Джандостъ—пред. Киргизъ, 17.
 Джандосъ—пред. Киргизъ, 15.
 Джанпбекъ—пред. Киргизъ, 16, 18.
 Джанксы—пред. Киргизъ, 16.
 Джанта—пред. Киргизъ, 17.
 Джантакъ—пред. Киргизъ, 18.
 Джанту—пред. Киргизъ, 16.
 Джантыкей—предокъ, 670.
 Джантыкъ—предокъ, 670.
 Джанузакъ—пред. Киргизъ, 16.
 Джанчузъ—пред. Киргизъ, 18.
 Джанъ-ана—развалины, 896, 897.
 Джанъ-базаръ—пред. Киргизъ, 19.

Джанъ-кара—пред. Киргизъ, 17.
 Джанъ-кошекъ—пред. Киргизъ, 16.
 Джанъ-мурза—пред. Киргизъ, 19.
 Джанысъ—пред. Киргизъ, 15.
 Джаппай—Урнхайка, 61, 231.
 Жансылъ—дѣйств. л. ск., 209.
 Жарканатъ—дѣйств. л. ск., 169—173, 761.
 Жарыкъ—имя Ульгени, 70.
 Жарыкъ—звѣзда, 784, 779, 784, 836, 880.
 Жарылганъ—пред. Киргизъ, 17.
 Жарылгапъ—пред. Киргизъ, 17.
 Жауаръ—пред. Киргизъ, 15.
 Жакханьбо—дѣйств. л. ск., 801, 855.
 Жакханьдзе-гегенъ—дух. лицо, 227, 257, 260, 801.
 Жаке-баба—дѣйств. л. ск., 896.
 Жаячи-ханъ—дѣйств. л. ск., 169, 170, 691, 692, 761, 762, 908, 911.
 Жебе—дѣйств. л. ск., 771.
 Жевлукъ—оз., 186.
 Жедай-ханъ—дѣйств. л. ск., 692, 719, 736—738, 831, 832, 876, 885, 900, 913, 932.
 Жедегенъ—созвѣздие, 711, 717, 730.
 Жедегеръ—личн. имя, 781.
 Жеде-бурханъ—созвѣздие, 715.
 Жедеганъ—созвѣздие, 136.
 Жекеенъ—дѣйств. л. сказ., 176, 177.
 Жеке-кукъ—созвѣздие, 713.
 Желайръ—покол. татаръ, 688, 670.
 Жельбага—дѣйств. л. ск., 167, 178, 189, 190, 192, 341, 342, 757, 765, 766, 772, 774, 777, 778, 780, 781, 808, 880, 885.
 Жельбегенъ, Жильбегенъ, Ельбегенъ, Чельбегенъ, Тельбегенъ—чудовище, 561, 773, 774, 778, 780, 781, 801, 808, 836, 898, 909.
 Жельбы-хуньякъ—звѣзда, 784.
 Жемире—име. существо, 690, 930.
 Жемишдъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Жемиъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Жентай—дѣйств. л. ск., 815.
 Джерге—дѣйств. л. ск., 779.
 Джеренше-шепенъ—дѣйств. л. ск., 364, 365, 719, 895, 916.
 Джеренъ, Джеренъ—дѣйств. л. ск., 719, 895.
 Джеренъ-шепенъ, Джеренъ-чеченъ—дѣйств. л. ск., 900, 905, 916.
 Джерканатъ—дѣйств. л. ск., 811, 822, 907, 908, 911.
 Джерке-лин-гунъ, Джерке-Лингъ-хумъ—дѣйств. л. ск., 828, 908, 916.
 Джеръ-балыкъ—рѣка, 682.
 Джесь Маадыръ—име. лицо, 140, 207.
 Джесь-Тумана, Джесь-Томана—богатырск. стрѣла, 344, 389.

Жетегей—созвѣздие, 711, 717.
 Жеты—поколѣние Урянхайцевъ, 721, 864, 892.
 Жетыганъ—созвѣздие, 80, 136, 193, 194, 200, 671, 717, 718, 722, 737, 738, 794, 932.
 Жетыгеръ—личн. имя, 713.
 Жеты-гуръ—божество, 70.
 Жеты-каракше, Жеты-Каракчи—созвѣздие, 703, 718, 720, 784, 786, 789, 811, 856, 927.
 Жеты-Кудай—божество, 738, 752, 799, 832, 932.
 Жетыкулъ—дѣйств. л. ск., 921.
 Жетыменъ—созвѣздие, 671, 711, 717.
 Жеты-пурганъ—созвѣздие, 917.
 Жеты-ру—покол. Киргизъ, 720.
 Жеты-Сару—покол. Алтайцевъ, 7, 8.
 Жеты-су—страна, 740.
 Жеты-Тасъ—дѣйств. л. ск., 345—348, 721.
 Жеты-Таянджи-кулъ—дѣйствит. л. ск., 376.
 Жеты-Урганъ—созвѣздие, 740, 917.
 Жеты-уругъ—покол. Киргизъ, 720, 927, 929.
 Жибей—рѣка, 11.
 Жибзунъ-Хамбы, Жибзунъ-Цамбу—дух. лицо, 271, 328.
 Жигенъ-Джильбынъ-Хара—дѣйств. л. ск., 437.
 Жигилигенъ-дабанъ—горн. прох., 21.
 Жида-нойонъ—дѣйств. л. ск., 780, 802, 809, 860, 868.
 Жиды—урянх. покол., 892.
 Жидыбай—дѣйств. л. ск., 891.
 Жиланъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 820.
 Жилаунъ—дѣйств. л. ск., 903.
 Жилбы—звѣзда, 764.
 Жилкышъ-ата—мусульм. святой, 368.
 Жильбегенъ, см. Жельбегенъ.
 Жильбы—звѣзда, 780, 781, 836.
 Жингиръ-Бухе—дѣйствит. л. ск., 805, 899.
 Жинигенъ-дабанъ—горный проходъ, 805.
 Джинсанъ-суме—буддйскій храмъ, 310, 313.
 Джиргынты—рѣка, 430.
 Джиренше-шепенъ—дѣйств. л. ск., 895.
 Джирмылъ—дѣйств. л. ск., 935.
 Джитасъ—покол. Алтайцевъ, 940.
 Джитыганъ—созвѣздие, 136, 692, 711, 717, 780, 840, 855, 942.
 Джитымъ-Сенге—дѣйств. л. ск., 811.
 Джиты-Пурганъ—созвѣздие, 136, 715.
 Джиты-тасъ—покол. Алтайцевъ, 9.
 Джиты-Урганъ—созвѣздие, 715, 717.
 Джитыханъ—созвѣздие, 717.
 Джихджитъ—божество, 261.

Джипункубъ Бурханъ—божество, 500.
Джингалы—пред. Киргизъ, 17, 18.
Джовду—покол. Урянхайцевъ, 12, 672, 851.
Джолумбетъ—пред. Киргизъ, 17.
Джонпай—дѣйств. л. ск., 776.
Джоро—дѣйств. л. ск., 660, 806, 817—819, 829, 845, 872, 916.
Джоту—покол. Дархатовъ и Урянхайцевъ, 10, 22, 720.
Джуанъ-ана—развалины, 897.
Джуджу лама—дѣйств. л. ск., 407.
Джумь-софа—пред. Киргизъ, 17.
Джуманъ—пред. Киргизъ, 19.
Джумартъ—пред. Киргизъ, 18.
Джумбуль-дорджи-ханъ—дѣйств. л. ск., 232.
Джунгарія—страна, 655, 659, 740.
Джунпаръ—мнѣ. конь, 681, 889, 896.
Джунъ-кара—пред. Киргизъ, 18.
Джучи-хана—развалины могилы, 897.
Джусунъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 374—376, 922.
Дзабхынъ—рѣка, 20, 149, 654.
Дзайгыль—рѣка, 11.
Дзалзынъ—дѣйств. л. ск., 500.
Дзалутай—мергенъ, 503—512.
Дзанглунъ—тиб. книга, 759, 767, 829, 830, 833, 834, 869.
Дзандынъ-Модо—мнѣ. дерево, 188, 511, 773.
Дзанпай—дѣйств. л. ск., 812.
Дзанъ-Хаясынъ—богатырск. конь, 441, 443, 445.
Дзарга—дѣйств. л. ск., 779.
Дзасакту-ханъ—монгол. кн., 306.
Дзиндзилкы—караулъ, 299.
Дзосъ-дабанъ—горн. прох., 445.
Дзулдзукъ—дѣйств. л. ск., 237—241, 812, 814.
Дзулту—Дархатъ, 493, 531, 544, 556.
Дзунгаръ—покол. Бурятъ, 310.
Дзундунъ—Дархатъ, 512.
Дзунпибути—дѣйств. л. ск., 853.
Дзурганъ-бакши—дѣйств. л. ск., 779, 830, 833, 834.
Дзурхайчи бакши—божество, 312.
Дзюгу—дѣйств. л. ск., 820.
Дзюкджинъ-Омбо—дѣйств. л. ск., 271.
Дзюнкъ-бо—дѣйств. л. ск., 408—410, 901.
Дзюнь-далай—название оз. Байкала, 128.
Дзюрку—богатырск. конь, 485.
Дидиксахалъ—уроч., 805, 854.
Дидэуганъ—поколѣние, 718.
Дизавулъ—ханъ турецкій, 667.
Димешки—араб. пис., 870, 902.
Дипни—дѣйств. л. ск., 873.
Доклитанище—дѣйств. л. ск., 845.

Двѣпръ—рѣка, 807, 902.
Добомергенъ—дѣйств. л. ск., 935.
Добротворскій—авт., 677, 688, 699, 705, 756, 911.
Добрыня—русс. богатырь, 745, 844.
Добрянковъ—истор. лицо, 901.
Додо—урянх. покол., 721, 864.
Долой—дѣйств. л. ск., 641—643.
Додотъ—урянх. покол., 720.
Додъ-норъ—озеро, 21.
Довшинъ—предокъ, 667.
Докшинъ-Хара-Кюрюль—дѣйств. л. ск., 474, 475.
Долганы—народъ, 797.
Дологодунъ-тологой—мѣстность, 853.
Долонъ бурханъ—созвѣздіе, 136, 194, 687, 721, 722, 738, 790, 811, 826, 917.
Долонъ-Дондышъ—дѣйств. л. ск., 235—237, 721, 811.
Долонъ Кубынъ—созвѣздіе, 136.
Долонъ Мундурго—бѣлокъ, 127.
Долонъ-убугутъ, Долонъ-Эбугутъ—созвѣздіе, 136.
Долонъ-Хатынъ—дѣйств. л. ск., 441.
Долонъ Хобдокъ—дѣйств. л. ск., 368.
Долонъ-хого, Долонъ-хогонь—созвѣздіе, 136, 695, 719, 897.
Долонъ-Хонгхотанъ—дѣйств. л. ск., 914, 922, 927.
Долонъ-хугынъ—уроч., 76, 694.
Долонъ Читкуръ—дѣйств. л. ск., 518.
Долонъ-Эбугутъ—дѣйств. л. ск., 200, 787.
Дондагуль-Сокуръ—дѣйств. л. ск., 802.
Донбедтыръ—водяной, 735.
Донгдумъ—дѣйств. л. ск., 830, 833, 834.
Дондукъ—пред. Киргизъ, 16.
Дондукъ-Церенъ—истор. лицо, 217, 326, 327.
Дондой—предокъ, 667.
Дононгъ-Хундей—дѣйств. л. ск., 270.
Дононъ-Хара-Мангыс—дѣйств. л. ск., 454, 459.
Донъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 800.
Дорбонъ-ойродъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 289.
Дорботъ—народъ, 20.
Дорда-Тарханъ—дѣйств. л. ск., 844.
Дорджи—Халхасецъ, 351.
Дорджиджалбы—дѣйств. л. ск., 402.
Доринкэ—богатырск. конь, 454.
Дормой—предокъ, 233.
Дорнъ—русс. уч., 663, 902.
Дороги—Млечн. путь, 742.
Дорошенко—дюжинный писарь, 39.
Дорджи-Танъ—гора, 223.
Досанъ—пред. Киргизъ, 18.
Досканъ—пред. Киргизъ, 15.
Дѣше-Тологой—гора, 306.
Драгомановъ—русс. пис., 754, 814.

Дравонъ—созвѣздіе, 840, 932.
Дренъ Дреновичъ—имя въ загадкѣ, 901.
Дронъ-Дроновичъ—имя въ загадкѣ, 901.
Друма—дѣйств. л. ск., 920.
Дуа-Сохоръ—предокъ Монголовъ, 667.
Дубасовъ—авт., 849.
Дуби—дѣйств. л. ск., 854.
Дубыня—дѣйств. л. ск., 785.
Дува Сохоръ—дѣйств. л. ск., 748.
Дувръ—городъ, 741.
Дугунъ-Текенъ—уроч., 410.
Дуклианъ—дѣйств. л. ск., 861, 880.
Дулакъ—пред. Киргизъ, 16.
Дуланге—народъ, 661.
Дуланъ-ола—хребетъ, 129.
Дулатъ—предокъ Киргизъ, 14.
Дунай—дѣйств. л. ск., 844.
Дунай—рѣка, 750.
Дурбент-Ойраты—народъ, 654, 666.
Дурбент-хара-Уланъ—уроч., 465.
Дурманъ-ноинъ—мнѣ. лицо, 111.
Дурмянъ—покол., 671.
Дурьгунъ—покол. Бурятъ, 23.
Дутумъ-менецъ—пред. Монголовъ, 809.
Дутъ-Банинъ—дѣйств. л. ск., 270, 271.
Дынисъ—имя въ заговорѣ, 925.
Дыдигемъ—созвѣздіе, 711.
Дьяуда—покол., 720, 721.
Дэлюнь-болдокъ—уроч., 805.
Дэрэнъ-изи—онгонъ, 107, 113.
Дэтхэ-Тэнгри—божество, 470.
Дюгуръ-Дзайсанъ—дѣйств. л. ск., 335.
Дюйсембэ—предокъ Киргизъ, 16, 17.
Дюйсенбай—пред. Киргизъ, 18.
Дюкъ—дѣйств. л. ск., 802.
Дюрбюльджинъ-хангай—горы, 459.
Дюрбюльская земля, 326, 327.
Дюрбюты, Дюрбю—народъ, 20, 27, 37—39, 78, 89, 124, 125, 131, 132, 136, 137, 150, 152, 189, 203, 229, 262, 325, 360, 407, 410, 535, 650, 654, 660, 666, 671, 693, 721, 751, 806, 808, 851, 861, 894, 908.
Дюргучи-Батырь—дѣйств. л. ск., 308.
Дюркесту Дюркунъ-Ханъ—дѣйств. л. ск., 272.

Е.

Ебинъ—рѣка, 871.
Ебоганъ—озеро, 186.
Европа—страна свѣта, 651—653, 674, 699, 716, 766, 771, 928, 933.
Египетъ—страна, 922.
Егорій Храбрый—дѣйств. л. ск., 743, 828, 829, 839, 845, 912, 928.
Еды-Кардашъ—созвѣздіе, 711.
Еденъ-пууду-каанъ—дѣйств. л. ск., 224, 799.

Едженъ-бугду-ханъ—прозвище кит. имп-ра, 799.
Едженъ-Ко—дѣйств. л. ск., 719.
Едженъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 187, 225, 285, 290, 302, 303, 323, 324, 356, 663, 871.
Едженъ-Кайраканъ—дѣйств. л. ск., 208.
Еджилъ—рѣка, 871.
Еджъ—озеро, 871.
Едзень-ханъ—китайскій императоръ, 258, 259, 287, 288, 291, 298—300, 304—308, 321, 361, 408, 409, 489, 490, 858, 860.
Едзень-Сульде—божество, 140.
Едиганъ—рѣка, 286.
Едигей—истор. лицо, 711, 734.
Едигеръ—личн. имя, 713, 898.
Еди-Иналъ—предокъ, 734.
Едипъ—дѣйств. л. ск., 869.
Еди-урунъ—страна, 720.
Еди-Урусь—страна, 720, 902.
Едиханъ—созвѣздіе, 717, 928.
Еди-Эрканъ—созвѣздіе, 917.
Едоранхъ—мнѣ. царь, 861.
Еженъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 302.
Ежигельды, дѣйств. л. ск., 810, 811, 904.
Езенъ-Зулхартъ, дѣйств. л. ск., 812, 816, 844, 887, 922.
Езенъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 722.
Езымъ—горн. духъ, 48.
Еже-Хабарту—дѣйств. л. ск., 853.
Елабуга—городъ и уѣздъ, 725, 730, 770, 800, 809, 849, 894.
Елбекъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 767, 804.
Елеафамъ—мнѣ. змѣй, 737.
Елегесъ, Елегешъ—рѣка, 10, 61.
Елейскій улусъ, 128.
Елисынъ—дѣйств. л. ск., 873.
Елсанъ—дѣйств. л. ск., 873.
Елта—дѣйств. л. ск., 693, 799, 809, 878, 879.
Елтаганъ—дѣйств. л. ск., 906.
Елуе-Кыингъ—созвѣздіе, 712.
Ельбегенъ—дѣйств. л. ск., 192, 775, 777, 808, 829.
Ельбекъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 767, 804.
Ельбичи-хамъ—дѣйств. л. ск., 288.
Ельбурсъ—гора, 711, 780, 859.
Ельджигенъ—покол. Урянхайцевъ, 12, 102, 296, 665.
Ельджигенъ—дѣйств. л. ск., 821, 850, 851.
Ельджигенъ-Джигитъ, Ельджигенъ-Джиктей—дѣйств. л. ск., 762, 850, 852.
Ельджигенъ-чиктей-ханъ—дѣйств. л. ск., 852.
Ельджюкоть—калм. покол., 851.
Ельтекъ—подзем. божество, 218.
Ельчибай—пред. Киргизъ, 15.

Емегельджинъ, Емегенъ-онгонъ, 99, 101, 122, 123, 703.
 Емилъ—рѣка, 660.
 Енгы-улъ—дѣйств. л. ск., 359.
 Ёнилъ—рѣка, 583.
 Енисей—рѣка, 10, 72, 618, 654, 720, 806.
 Ёнколь—рѣка, 939.
 Енохъ—дѣйств. л. ск., 736.
 Ербей-Ширбей—богатырск. конь, 344.
 Ерге-бурге—дѣйств. л. ск., 390.
 Ергене-хонъ—страна, 659, 660, 740.
 Ердене-Дзо—божество, 791, 870.
 Ердени-Хараликъ—дѣйств. л. ск., 886.
 Ердень-Сандыбаевъ—Киргизъ, 897.
 Ердманъ—учен., 830, 902.
 Ерельдей—дѣйств. л. ск., 218.
 Ерельтъ заиранъ—Дархатъ, 245, 519.
 Ерень-Чеченъ, Ерень-чэчэвъ—дѣйств. л. ск., 362, 363, 895, 905.
 Ерень—мио. лошадь, 454.
 Ерень, аг-ерень—онгонъ, 62, 80, 94, 703.
 Ерень-кыль, Еренькыль—мио. змѣй, 808, 895, 935.
 Ерень Сайинъ-Гунынъ Настай-Мекеле—дѣйств. л. ск., 430, 452.
 Ерикъ—дѣйств. л. ск., 670.
 Ерицевъ—армян. пис., 739.
 Ерке—дѣйств. л. ск., 667, 779.
 Еркеуны—название христіанъ въ древн. Монголіи, 917.
 Ерленъ-номонъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 177, 694, 817, 823, 824.
 Ерликъ-кайраканъ—подземн. духъ, 62, 68, 225.
 Ерликъ-ханъ—божество, 62, 64—66, 67, 69, 71, 79, 86, 87, 88, 91, 129, 130, 167, 169—173, 180, 218, 219, 225, 241—245, 259, 290, 319, 328, 329, 415, 416, 426—429, 451, 481, 483, 504, 516, 617, 661, 680, 688, 689, 692—694, 698, 738, 761, 797, 798, 810, 811, 814, 817, 820, 821, 831, 843, 844, 846, 868, 877—879, 881—883, 906—911, 939.
 Ерми—древн. болгар. родъ, 881.
 Ермисъ—звѣзда, 741.
 Ерусланъ—дѣйств. л. ск., 719, 913.
 Ерь-Гокчу—дѣйств. л. ск., 725.
 Ерьса-абыганъ—божество, 47.
 Ерь-Сару—дѣйств. л. ск., 341, 344—348, 885, 887, 891.
 Ергене-мергенъ—дѣйств. л. ск., 416—424, 791, 854, 916, 917.
 Ергень-ерге—дѣйств. л. ск., 387—391.
 Ескенъ-батыръ—дѣйств. л. ск., 802, 811.
 Есенъ—дѣйств. л. ск., 666, 875, 876.
 Есенъ-тайши—дѣйств. л. ск., 722, 820.
 Есенъ-хаганъ—дѣйств. л. ск., 816, 853, 875.

Есугай—дѣйств. л. ск., 802, 803, 805, 806, 809, 830, 871, 873, 899, 935.
 Етеръ—дѣйств. л. ск., 878.
 Ефименко—авт., 893.
 Ехе-баба—скала, 832.
 Ехиньтъ—покол. Бурятъ, 192.

Ж.

Жанъ-Боримасъ—дѣйств. л. ск., 925, 926.
 Жанъ-Борисханъ—дѣйств. л. ск., 925, 926.
 Жарныгасъ—покол. Киргизъ, 710.
 Ждановъ—авт., 929.
 Желтая рѣка, 803.
 Желъзновъ—авт. 736, 759.
 Жербельонъ—иезуитъ въ Китаѣ, 858.
 Жесюгай—Якутск. богъ, 802.
 Жисянь-джолдузъ—звѣзда, 733.
 Живай—дѣйств. л. ск., 811.
 Жидигаянъ—созвѣздіе, 711, 717, 811, 855, 898.
 Жидовинъ—дѣйств. л. ск., 889, 892, 903, 926.
 Жиды—народъ, 780, 781, 868.
 Жидята—славянск. имя, 926.
 Жиргылынъ—дѣйств. л. ск., 762.
 Жуанвиль—старин. франц. писат., 863.
 Журавель—дѣйств. л. ск., 753.
 Жускэй-батыръ—дѣйств. л. ск., 232.
 Жюльентъ—франц. учен., 830, 944.

З.

Забѣлинъ—русс. учен. 786, 787.
 Загали—мио. олень, 226.
 Загры-Варди—дѣйств. л. ск., 275.
 Зады—народъ, 804.
 Зайсанъ—оз. и долина, 655, 658.
 Залозаръ—дѣйств. л. ск., 912.
 Замбы-данзынгъ—мио. дерево, 223.
 Замбы-Теби—мио. страна, 441.
 Зандынъ-Тагне—дѣйств. л. ск., 317—319.
 Зандынъ-Толи—дѣйств. л. ск., 479, 480, 912.
 Запальницы—деревня, 714.
 Запхи—пред. Бурятъ, 826.
 Зарница—звѣзда, 137, 780, 781, 784, 835, 836, 943.
 Зарыкъ—мио. птица, 431, 918.
 Заса Шикыръ—дѣйств. л. ск., 256, 257.
 Заха—предокъ якутовъ, 820.
 Захарка—имя въ обрядовой пѣснѣ, 703.
 Захаровъ—русс. учен., 712, 765, 779, 789, 877.
 Захень Зондыръ—мио. дерево, 226.
 Заяни-алтынъ-чара судуръ—книга судбъ, 392.

Заянь-Саганъ—дѣйств. л. ск. 822, 823.
 Заячи—духъ покровитель, 77, 359, 360.
 Заячій всадникъ—дѣйств. л. ск., 782.
 Заяша, Заянь—онгонъ, 107.
 Збродовичи братья—русс. богатыри, 932.
 Збутъ Борисъ Королевичъ—дѣйств. л. ск., 902, 903, 926.
 Зекци-Паганъ—мио. старухи, 471.
 Зеленый царь—дѣйств. л. ск., 820, 913, 914, 915.
 Зенгъ Баба—предокъ коровъ, 368, 704, 896.
 Зилантъ—мио. змѣй, 915.
 Змай—мио. змѣй, 851.
 Змайло—предокъ, 797.
 Змиуланъ—дѣйств. л. ск., 746.
 Знаменскій, П.—русс. учен., 681, 693, 695, 711, 732, 762, 798, 832, 897.
 Золотая орда, 876.
 Золотницкій—авт., 672, 711, 717, 750, 752, 793, 806, 807, 809, 819, 832, 849, 860, 897, 898, 916.
 Золотой берегъ въ Африкѣ, 779.
 Зоря—звѣзда, 784.
 Зорянка—звѣзда, 732.
 Зоту—покол. Дархатъ, 22.
 Зоть—покол. Урянхайцевъ, 12, 720.
 Зотынъ-нопонъ, Зотынъ-хара-Буха—дѣйств. л. ск., 251, 252, 254, 255, 943.
 Зохаъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Зубейръ-бенъ-Джаде—дѣйств. л. ск., 849.
 Зудъ—страна, 668.
 Зузуло—мио. птица, 785.
 Зукденъ, Зуктей—покол. Бурятъ, 672, 753.
 Зултынъ, Зултынъ—бурятск. онгонъ, 121, 122, 746, 905.
 Зулэмэ-тэнгэри—дѣйств. л. ск., 822.
 Зура—звѣзда, 781, 784, 785, 836.
 Зургенъ-Зандынъ—богатырск. конь, 474, 475.
 Зурхасъ—звѣзда, 736.
 Зуря—звѣзда, 200, 784.
 Зуя—село, 786.
 Зынъ Заха Зоготонъ—имя якутск. народа, 672.
 Зыра—богатырск. духъ, 7.
 Зыряне—народъ, 656, 664, 695, 699, 815, 844, 942, 943.

И.

Ибенъ—рѣка, 871.
 Ибитъ—рѣка, 871.
 Ибнъ-Даста—араб. пис., 870, 905.
 Ибнъ-Сайдъ—араб. писат., 870.
 Ибнъ-Фодланъ—араб. пис., 787.
 Иванище, калика—дѣйств. л. ск., 857, 863.

Иванъ—дѣйств. л. ск., 880, 924.
 Иванъ Богатый—дѣйств. л. ск., 898.
 Иванъ-Богодавецъ—дѣйств. л. ск., 786.
 Иванъ Быковичъ—дѣйств. л. ск., 785.
 Иванъ Вѣлый—дѣйств. л. ск., 719, 913, 914.
 Иванъ Голой—дѣйств. л. ск., 796.
 Иванъ Грозный—русс. царь, 810.
 Иванъ Ивановичъ—имя въ загадкѣ, 901.
 Иванъ князь—дѣйств. л. ск., 913, 914.
 Иванъ крестьянскій сынъ—дѣйств. л. ск., 924.
 Иванъ Медвѣдко—дѣйств. л. ск., 782.
 Иванъ Попыловъ—дѣйств. л. ск., 785, 925.
 Иванъ Сученко—дѣйств. л. ск., 785.
 Ивашка Бѣлая Поляница—дѣйств. л. ск., 912—914.
 Ивашка, бѣлая рубашка—дѣйств. л. ск., 690, 852, 868, 886.
 Игитъ Иркыль-ходжа—дѣйств. л. ск., 762, 828.
 Игорь—русс. вел. князь, 689, 816.
 Игорь—кн. Сѣверскій, 778, 810.
 Иденъ-нагуръ-газе-понкъ—созвѣздіе, 723.
 Идеркинъ—племя, 704.
 Иджинъ-ханъ—горн. духъ, 127.
 Иджихынъ—мио. липа, 127.
 Идзиль Цзай—рѣка, 323, 871.
 Идиль—рѣка, 871.
 Идинскіе Буряты, см. Буряты.
 Идирхинъ—онгонъ, 117, 120, 704.
 Идолище—дѣйств. л. ск., 889.
 Идолъ—дѣйств. л. ск., 721, 831, 891.
 Идыганъ—созвѣздіе, 835.
 Идыге-би—дѣйств. л. ск., 404, 672, 711, 722, 734, 776, 781, 812, 835, 856—858, 869, 874.
 Идыганъ-Тюмуръ—родоначальникъ, 857.
 Идыль—дѣйств. л. ск., 721.
 Идырь Арсланъ—дѣйств. л. ск., 476.
 Иеддйаръ—созвѣздіе, 713, 717.
 Ижеръ—звѣзда, 732.
 Ижимей—гора, 215, 797.
 Ижичъ—созвѣздіе, 729.
 Избась—пред. Киргизъ, 15.
 Измайло—предокъ, 233, 797.
 Измаиль-Тайджи—дѣйств. л. ск., 853.
 Износковъ—авт., 827.
 Ики Арагъ—уроч., 287.
 Икиратъ, Икиритъ—монг. покол., 660, 769.
 Иланъ-одунъ—звѣзда, 138.
 Иланъчжеу—древн. городъ, 797.
 Илгысынъ-гэгэнъ—дух. л., 257, 258, 843.
 Илгысынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 475, 479, 480, 907, 909.

Илекей—пред. Киргизъ, 17.
Илекъ-ондозъ—созвѣдіе, 729.
Илемъ-хузя—чуваш. фетишъ, 849.
Илихи—дѣйств. л. ск., 854.
Ильгельды—пред. Киргизъ, 16.
Ильджихинъ—божество, 821.
Ильминскій—русскій ученый, 649, 650.
Ильгуверъ—пред. Киргизъ, 18.
Ильханъ—дѣйств. л. ск., 740.
Илья—христiан. св., 742.
Илья Муромецъ—русск. богатырь, 689, 766, 767, 800, 837, 838, 840, 857, 863, 869, 889, 892, 902, 903, 906, 907, 924, 926.
Ильясъ—мусул. святой, 819.
Иманай—дѣйств. л. ск., 770.
Иманалы—пред. Киргизъ, 14.
Иматенундуръ—уроч., 84, 126.
Иматинскій улусъ, 126.
Имень—рѣка, 660, 871.
Инакъ-гере—дѣйств. л. ск., 876.
Иналджи—предокъ, 734.
Иналь—предокъ, 734.
Инанчъ—истор. лицо, 854.
Инанъ—князь, 854, 855, 865.
Имбакиа юрты, 687.
Ингирасъ—поколѣніе, 669.
Ингуенскіе Буряты—см. Буряты.
Ингуши — народъ, 673, 674, 681, 714, 723, 730, 732, 735, 741, 745—747, 755, 760, 773, 776, 777, 780, 782, 799, 809, 848, 850, 867, 882, 884, 915.
Индія—страна, 740.
Индра—индѣйскій богъ, 695, 752, 766, 768, 781, 796, 829, 834, 845, 934.
Индриль, Индрихъ—мнѣ. звѣрь, 682, 890.
Индриа—мнѣ. звѣрь, 682.
Индуръ-Хаирханъ—гора, 900.
Инимъ-асягида—Млечный путь, 943.
Инырь-полбанъ—звѣзда, 731.
Иньмаръ—божество, 693, 696, 751, 752, 782, 798, 869, 878, 904.
Иня—рѣка, 2.
Йобогонъ-мергенъ — пред. Монголовъ, 872, 873.
Йорень—бурятск. божество, 821, 916.
Ио-ханъ—дѣйств. л. ск., 800.
Ираклій—грузинск. царь, 884, 885.
Ирбисень-ханъ—дѣйств. л. ск., 907.
Ирбисъ—дѣйств. л. ск., 176, 177, 178.
Иргай-Ширгай—дѣйств. л. ск., 393—395.
Иргень—поколѣніе, 664.
Иргизъ—поколѣніе, 740.
Иргыль—урянх. сумынъ, 10, 11, 664.
Иргыль-бугъ—мнѣ. лицо, 117.
Иренъ-юсунъ—божество, 905.
Иренъ—мнѣ. лицо, 207.
Иренъ-Шайнъ-Чичирге—дѣйств. л. ск., 427—429, 692.

Иреть—рѣка, 128.
Ирбисень-ханъ—дѣйств. л. ск., 907.
Ирина—мнѣ. змѣя, 916.
Ирингенъ-голь—рѣка, 292.
Ирингъ—дѣйств. л. ск., 670.
Иринчинъ—Дархатъ, 324.
Иринъ-Зайнъ-Харынъ-Дунгу—дѣйств. л. ск., 906.
Иринъ-игынъ-шошолыкъ—мнѣ. лицо, 116.
Иринъ-игытъ-хатъ—божество, 262.
Иринъ-Сайнъ-Гунынъ-Настай-Меке-ле—дѣйств. л. ск., 429, 442, 452, 455, 479, 650, 747, 761, 808, 819, 854, 878, 905—913, 915—917, 931, 934, 935.
Иринъ-Сайнъ-Мергенъ-Хунъ-Тай-джи—предокъ Хотогойтцевъ, 916.
Иринъ-Шайнъ-Чичирге—дѣйств. л. ск., 870, 905—907, 916.
Иринъ-Ба-Эльдженъ—хошунъ, 293.
Иритъ-Обогонъ—дѣйств. л. ск., 512.
Иритъ-Хара—богатырск. дугъ, 512.
Иркутскъ—городъ и губернія, 26, 53, 55, 152, 161, 289, 290, 309, 654, 698, 714, 753, 771, 773, 776, 832, 890.
Иркутъ—рѣка, 22, 23, 25, 136—138, 168, 216, 698, 806, 866.
Иркыль-ходжа—дѣйств. л. ск., 762, 828.
Иркытъ—поколѣніе, 2, 6, 7, 141, 176, 182, 660, 661, 664.
Иркэ—пред. Киргизъ, 16.
Иржабай—пред. Киргизъ, 18.
Ирлыгы-ханъ—божество, 821.
Ирлыкъ-юмынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 266.
Ирль-ханъ—божество, 789, 797, 883, 934.
Ирнахъ—сынъ Аттилы, 696.
Ирникъ—болгар. царь, 697, 881.
Иро—мнѣ. птица, 918.
Ирога—монг. божество, 696.
Иродъ—дѣйств. л. ск., 839.
Ир-сары-мугъ—дѣйств. л. ск., 584—587.
Иртышъ—рѣка въ урянх. землѣ, 11.
Иртышъ—рѣка въ Сибири, 655, 658, 667, 767, 928.
Ирхедархатъ—народъ, 407.
Ирхи—дѣйств. л. ск., 779.
Ирхитъ—сумынъ, 11, 12.
Ирху—дѣйств. л. ск., 216.
Ирхы-номонъ—дѣйств. л. ск., 266, 817.
Ирхытъ—покол. Сойотовъ, 94, 406, 664.
Ирхыты—Алт. покол., 820, 828.
Иръ-назаръ—пред. Киргизъ, 18.
Исама—дѣйств. л. ск., 797, 853.
Исатай—пред. Киргизъ, 17.
Иса-чеченецъ—дѣйств. л. ск., 883.
Исебекъ—пред. Киргизъ, 19.
Исель—рѣка, 871.
Исенбай—пред. Киргизъ, 18.

Исенгуль—пред. Киргизъ, 18.
Исентай—пред. Киргизъ, 17.
Исень—пред. Киргизъ, 16, 18, 19.
Исеньгельды—пред. Киргизъ, 19.
Искорость—древн. городъ, 924.
Иславинъ—авт., 933.
Иссыкъ-куль—оз., 734.
Истець—народъ, 19.
Исугай—дѣйств. л. ск., 803.
Исуакъ—князь, 671.
Исууль-судъ—божество, 746.
Исыгы-Малай-тэнгри, Исыгы-Молонъ-тэнгри—божество, 142, 206, 264—266, 722, 752, 802, 803, 860.
Итаганъ—созвѣдіе, 781.
Ители—покол. Киргизъ, 721.
Итмакуча—созвѣдіе, 942.
Итмахъ—созвѣдіе, 942.
Итин-кунль—звѣзда, 732.
Итога—божество, 696.
Итпасаръ—пред. Киргизъ, 18.
Иттыганъ—созвѣдіе, 711.
Итурганъ—дѣйств. л. ск., 856.
Итурганъ—лицо упом. въ сказ. 704, 856.
Итъ-аякъ—пред. Киргизъ, 17.
Итъ-бараки—народъ, 873, 927.
Итъ-куста—пред. Киргизъ, 17.
Итъ-Ногай—народъ, 752.
Итъ-Тидыганъ—созвѣдіе, 932.
Итъ-Тьздегенъ—созвѣдіе, 136.
Итыганъ—созвѣдіе, 136, 672, 690, 696, 717, 718, 722, 801, 835, 836, 840, 855, 873.
Итыгиль, Итыгыль—дѣйств. л. ск., 786, 787, 921.
Иты-пурганъ—созвѣдіе, 874.
Иты-Удрекъ—уроч., 288.
Иты-Эрканъ—созвѣдіе, 715.
Ихе-Монголь, Ихл-Монголь—народъ, 674, 790.
Ихе-Тагны—мнѣ. лицо, 317.
Ихи-Бурхынъ—дѣйств. л. ск., 190.
Ихимаилгынъ—онгонъ, 104.
Ихи-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 190, 790.
Ихинъ-Чихинъ—мнѣ. дерево, 435.
Ихиритъ—покол. Бурятъ, 22, 25, 669.
Ичиваламакъ—звѣзда, 789.
Ичкерійцы—народъ, 873.
Ичкерія—страна, 859.
Ичкюрихъ—божество, 70.
Ишига-Тайши—пред. Дюрбютовъ, 326.
Иши-Джалсынъ—Дархатъ, 539.
Ишимъ—рѣка, 871.
Иштякъ—народъ, 931.
Ифигенія—дѣйств. л. ск., 921.

I.

Иакинѣ, о.—синологъ, 144, 661, 669, 675, 841.

Иафетъ—библ. лицо, 881.
Иезимъ-пий—алт. божество, 905.
Иер-еези—духъ земли, 70.
Ийбовъ—кюрипецъ, 745, 747, 874.
Иоакимъ—еп. Александрійскій, 926.
Иоаннъ—дѣйств. л. албан. ск., 864.
Иоаннъ Мандевильскій—старин. писат., 696.
Иоаннъ пресвитеръ—мнѣ. лицо, 842, 860, 861, 863.
Иотнъ-астеганъ—созвѣдіе, 739.
Иоторъ-кысъ—духъ покровитель, 704.
Иоторъ-уоль—духъ покровитель, 704.
Иоту—покол. чернев. Татаръ, 938, 940.
Иотъ-Байгаль-Итчита—дѣйств. л. ск., 634.
Иуда—дѣйств. л. ск., 869, 888.
Иурлыкъ кодзуль—созвѣдіе, 942.
Із—дѣйств. л. ск., 216.
Ія—рѣка, 216.

Е.

Каанъ-кередей—мнѣ. птица, 693.
Каанымъ—божество, 218.
Кабакъ—рѣка, 327.
Кабарда—страна, 885.
Кабардинцы—народъ, 724, 730, 732, 735, 741, 745, 769, 859, 875, 928.
Кабыль—пред. Киргизъ, 16, 18.
Кавказскіе горы—725, 769.
Кагырь—волш. камень, 819.
Кагырь-ханъ—злой духъ, 130.
Кадаръ—дѣйств. л. ск., 858.
Каджиръ-Буура—мнѣ. верблюды, 141, 819.
Кадринъ—рѣка, 327.
Кадылбашъ—дѣйств. л. ск., 68, 939.
Кадынъ—гора, 940.
Кадырбекъ—пред. Киргизъ, 17.
Кадырь—дѣйств. л. ск., 819.
Кадышъ-мергенъ—дѣйств. л. ск., 887.
Казабъ—народъ, 652, 655, 720, 722, 751.
Казанганъ—пред. Киргизъ, 16.
Казанская губернія—653, 730, 754, 830.
Казанъ—городъ, 649, 660, 665, 668, 743, 749, 769, 827, 830, 849, 859, 866, 924.
Казбекъ—покол. Киргизъ, 674, 874, 892.
Каземъ-Бекъ—русск. учен. 669.
Казибекъ—пред. Киргизъ, 16.
Казн-кумыки, Казы-кумыки—народъ, 694, 714, 724, 730, 741, 745, 746.
Казы—пред. Киргизъ, 19.
Казыръ—мусульм. святой, 819.
Кайганъ—дѣйств. л. ск., 577.
Кайраканъ, Кайраканъ-кудай—боже-ство, 62, 63, 69, 77, 80, 91, 95, 96, 225, 327, 328, 694, 797, 798, 877.
Кайраканъ—онгонъ, 96.

Кай-Теберь—бродь, 476.
 Кай-Юань—годы правления въ Китаѣ, 841.
 Кай лебзанъ туй—Млечный путь, 943.
 Кака-бай—пред. Киргизъ, 16.
 Какай—дѣйств. л. ск., 176.
 Каларь—покол. чернев. Татаръ, 936, 937, 940.
 Калачевъ—русс. учен., 739.
 Калачевъ, А.—лицо, сообщив. свѣд., 711, 723, 744, 799, 807, 845, 850, 930.
 Калбинскій—хребетъ, 655.
 Калданъ-чэрѣ—дѣйств. л. ск., 866.
 Калибекъ—пред. Киргизъ, 19.
 Калинъ-царь—дѣйств. л. ск., 839.
 Каліучинъ—урянх. сумынь, 12.
 Калка—см. Халха.
 Калкаманъ—пред. Киргизъ, 17, 19.
 Калмыки—народъ, 77, 660, 721, 734, 758, 779, 792, 851, 931, 941.
 астраханскіе: 661, 663, 665, 668, 680, 710, 871, 872.
 Калмы-тологой—гора, 893.
 Калтаръ—богатырск. конь, 584, 586, 587.
 Калужская губ., 772.
 Калыбъ-Теберъ—мнѣ. лѣсъ, 476.
 Калымъ—онгонъ, 96.
 Калымъ—дѣйств. л. ск., 809.
 Кальджакшинъ—имя Тунгусск. народа, 665.
 Кальджанъ-Ирхытъ—алтайск. покол., 2, 665, 904.
 Кальпе—дѣйств. л. ск., 200, 784, 836.
 Кама—рѣка, 717, 936.
 Камбаръ, Камберъ—личн. имя, 743.
 Камбаръ-бій—дѣйств. л. ск., 743.
 Камду—рѣка, 94.
 Каменецъ-Подольская—губ., 772.
 Камкинъ—авт., 902.
 Камногонъ—имя народа, 25.
 Камчадалы—народъ, 676, 694, 723, 729, 742, 748, 764, 793, 942.
 Камчатка—страна, 725, 748, 789.
 Камъ—божество у Половцевъ, 738.
 Камъ-кадылбашъ—дѣйств. л. ск., 288.
 Камъ-Курмосъ—дѣйств. л. ск., 328, 748, 790, 877, 878.
 Канакъ-Калешъ—дѣйств. л. ск., 913.
 Канга-Каратъ—богат. конь, 584, 586, 587.
 Кангынъ-Цаганъ-эгечи—дѣйств. л. ск., 491.
 Кандавлъ—дѣйств. л. ск., 902.
 Канеровы-юрты—уроч., 706.
 Канкере-ханъ—дѣйств. л. ск., 428, 429, 870, 906, 907, 909, 913.
 Канкильды—кирг. покол., 904.
 Канкыри—мнѣ. птица, 870.
 Канское озеро, 186.

Канъ-бозра—богат. конь, 620.
 Канъ-Гарида, Канъ-Гереде, Канъ-Карида, Канъ-Кереде—мнѣ. птица, 169, 179, 185, 389—391, 767, 788, 870.
 Канъ-губа-хулунъ—мнѣ. жеребецъ, 346.
 Канъ-Джанкъ—см. Джанкъ.
 Канъ-мергенъ—дѣйств. л. ск., 557, 574, 575, 577, 620, 621.
 Канъ-пурканъ—дѣйств. л. ск., 934.
 Канъ-Тона—дѣйств. л. ск., 579, 581, 583.
 Канъ-Тонгусъ—дѣйств. л. ск., 934.
 Канъ-Улетэй—дѣйств. л. ск., 372.
 Капшккай—гора, 882.
 Калорье—село, 893.
 Кансикоръ—деревня, 729, 732, 744, 799, 896.
 Капчакъ—дѣйств. л. ск., 220.
 Кара-Азмагъ—покол., 2.
 Карабай—дѣйств. л. ск., 788, 859.
 Карабай—пред. Киргизъ, 18.
 Карабатыръ—пред. Киргизъ, 15.
 Карабты-ханъ—дѣйств. л. ск., 167, 414—416, 423, 757.
 Каравеловъ—авт., 741, 763, 786, 787, 893.
 Карага-Короба-Булуръ-Аймага—дѣйств. л. ск., 639.
 Карагассы—народъ, 1, 652, 655, 668, 672, 710, 720, 729, 744, 765.
 Карагат-ханъ—лицо дѣйств. въ сказ., 559, 565.
 Кара-Гула, Кара-гула, Кара-гулакъ—дѣйств. л. ск., 177, 178, 185, 186, 371, 372, 427, 745, 769—771, 905, 907, 935.
 Карагызъ—пред. Киргизъ, 18.
 Карадасъ—дѣйств. л. ск., 567—571, 574.
 Кара-Джоту—покол. Урянхайцевъ, 668.
 Кара-Доратъ—богатыр. конь, 557.
 Карадуванъ—сел., 849, 850.
 Кара-Ирхытъ—покол., 2.
 Кара-канъ—дѣйств. л. ск., 564.
 Каракасъ—дѣйств. л. ск., 813, 814.
 Кара-Кенгиръ—рѣка, 897.
 Каракилиса—мѣстность, 786.
 Кара-Киргизы—народъ, 1, 652, 655, 656.
 Кара-Кисекъ—пред. Киргизъ, 15, 16.
 Кара-кѣкѣль—дѣйств. л. ск., 769.
 Кара-кула—см. Кара-гула.
 Кара-кулакъ—мнѣ. звѣрь, 770, 771.
 Каракулъ—дѣйств. л. ск., 770.
 Кара-курмесь—темный духъ, 99.
 Кара-Курупчи—дѣйств. л. ск., 757.
 Кара-Кушканъ—божество, 218.
 Каракше—созвѣдіе, 719, 787, 793, 853.
 Каралезъ, Каралесъ—мѣстность, 786.
 Кара-Манманъ—покол., 2, 8.
 Кара-Мангутъ—бурятск. прозвище русскихъ, 931.
 Кара-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 599, 600.

Кара-Манджи—покол., 8.
 Карамзинъ—русс. историкъ, 688, 702, 767, 816, 862, 925.
 Кара-Могусъ—дѣйств. л. ск., 580—582.
 Кара-Мукъ—дѣйств. л. ск., 566, 574.
 Каранъ—покол. чернев. Татаръ, 938.
 Кара-пыратъ, Кара-Братъ—покол., 8, 661.
 Карасанъ-Талай-ханъ—дѣйств. л. ск., 883, 934.
 Кара-Сойонъ—покол., 2.
 Кара-софы—пред. Киргизъ, 14.
 Карау-базаръ—городъ, 786.
 Кара-Сурунъ-Юла-Шилу-Частой—дѣйств. л. ск., 634.
 Каратанда—уроч., 667.
 Кара-Тоёхесъ—покол., 2, 9, 662.
 Кара-Тотошъ—покол., 2.
 Каратты-ханъ, Караты-ханъ—дѣйств. л. ск., 371—373, 376, 377, 416—421, 424, 591—594, 597, 598, 897.
 Караулъ—пред. Киргизъ, 14, 18.
 Караханъ—дѣйств. л. ск., 589, 590.
 Карахты-ханъ—дѣйств. л. сказ., 558.
 Карачаевцы—плем., 899.
 Карачерская волость, 937.
 Карашоръ—покол. чернев. Татаръ, 937, 940.
 Карашъ—подземн. божество, 218.
 Карга—покол. черн. Татаръ, 937.
 Кардаджесталъ—звѣзда, 732.
 Кардег-стали—звѣзда, 732.
 Карджасъ—пред. Киргизъ, 17, 18.
 Карджитъ—дѣйств. л. ск., 634.
 Кардиганъ—городъ, 741.
 Карелы—народъ, 902.
 Карики—пред. Киргизъ, 19.
 Каркаралы—селение, 404.
 Карлукъ—плем., 839.
 Карлыкъ—горы, 839.
 Каролинскіе острова, 708.
 Карпыкъ—пред. Киргизъ, 19.
 Карсэнь-кириней—покол. Киргизъ, 16.
 Картага-мергенъ—дѣйств. л. ск., 934.
 Карталинія—страна, 780.
 Картафилъ—дѣйств. л. ск., 780.
 Картвели—народъ, 780.
 Картъ—дѣйств. л. ск., 778.
 Каруанъ-кушъ—созвѣдіе, 733.
 Карунынъ-оруги—Млечный путь, 138.
 Кархъ-Чарахъ—слѣды города, 786.
 Карчитъ—божество, 70.
 Каршитъ—божество, 218, 697.
 Карыкъ—чудовище, 793.
 Каскарау—предокъ Киргизъ, 14.
 Касоги—народъ, 751.
 Каспійское море, 653.
 Кассіопея—созвѣдіе, 713, 741.
 Кастрень—финск. учен., 723, 730, 735, 740, 742, 744, 749, 751, 765, 766, 789, 793, 821, 856, 862, 872.

Кастыкъ—предокъ Киргизъ, 14.
 Басынь—дѣйств. л. ск., 888, 890.
 Катай-Алыпъ—дѣйств. л. ск., 737.
 Катай-ханъ—дѣйств. л. ск., 682, 737, 738, 831.
 Катановъ—лицо, сообщ. свѣд., 677, 683.
 Катигорошекъ—дѣйств. л. ск., 660.
 Каткандашъ—дѣйств. л. ск., 582, 583.
 Катомъ—дѣйств. л. ск., 796.
 Катрмеръ—франц. учен., 902.
 Катунъ—рѣка, 1, 2, 78, 133, 208, 286, 287, 327, 666.
 Катчигыр-ханъ—дѣйств. л. ск., 597, 598.
 Катсы—предокъ Киргизъ, 15.
 Катэнь-джула—дѣйств. л. ск., 745.
 Кашгаръ—городъ, 720.
 Кашка-Буурулъ—дѣйств. л. ск., 327, 328.
 Кашкарбай—личн. имя, 862.
 Кашмиръ—страна, 922.
 Кашеговы зубы—созвѣдіе, 725.
 Кашей—дѣйств. л. ск., 931.
 Каюмъ-Насыровъ—авт., 695.
 Квадь—божество, 746.
 Квашинъ-Самаринъ—авт., 745, 901, 906.
 Квенде-ѳндозъ, Квенде-шилдыръ—созвѣдіе, 723.
 Кводде-кызыганъ-сей—звѣзда, 732.
 Кебисъ-Бюдыръ—дѣйств. л. ск., 476.
 Кедей—пред. Киргизъ, 17.
 Ке-Замбылай—дѣйств. л. ск., 476.
 Кезеръ-Чингисъ-Кайраканъ—дѣйств. л. ск., 208, 212, 225, 332, 761, 796, 800, 804, 819, 839.
 Келекъ—Алтаецъ, 68, 293.
 Кельгиръ-Сайханъ—уроч., 439.
 Кельдибекъ—пред. Киргизъ, 16, 18.
 Кемпыръ—личное имя, 743.
 Кемскій уѣздъ, 893.
 Кемчикъ—рѣка, 11, 95, 291, 661, 666.
 Кенгирбай—пред. Киргизъ, 18.
 Кенгиръ—рѣка, 896.
 Кенджебай—пред. Киргизъ, 18.
 Кенджегаръ—пред. Киргизъ, 18.
 Кендже-софы—предокъ Киргизъ, 15.
 Кенду-чино, Кенду-чоно—предокъ Монголовъ, 908.
 Кенисара—киргизск. султанъ, 897.
 Кентъ—горы, 404, 752.
 Кенги—оз., 47, 68, 186, 293.
 Кешпенъ—авт., 688, 787, 815, 902, 908.
 Кераитъ—поколѣніе, 669.
 Керванъ-кушъ—созвѣдіе, 733.
 Кергенъ—покол. черн. Татаръ, 940.
 Кергиль—поколѣніе, 2, 4.
 Кергутъ—поколѣніе, 654, 667.
 Керей—подземн. божество, 218.
 Керель-ду—дѣйств. л. ск., 694.
 Кереметь—божество, 681, 693, 757, 760, 777, 795, 796, 798, 809, 828, 829, 877.

Керемучинъ—поколѣніе, 20, 665, 860.
Керешъ—покол. чернев. Татаръ, 938.
Керкеръ—сел., 786.
Керлегешскій улусъ, 938.
Керуанъ-керенъ, Керуанъ-Коранъ—со-
звѣздіе, 733.
Керъ-оглу—дѣйств. л. ск., 810.
Кесъпы—горы, 128.
Кетеджанъ—пред. Киргизъ, 16.
Кечубай—пред. Киргизъ, 17.
Кивійская волость, 938.
Кидани, Киданъ—народъ, 675, 840, 892.
Киданъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 929.
Кидошъ—мнѣ. городъ, 837.
Киданъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 737, 738.
Киликъ—богатырск. конь, 442.
Кимры—народъ, 741.
Кинерка—рѣка, 938.
Киннамъ—дѣйств. л. ск., 866.
Киннары—народъ, 921.
Кинталъ—дѣйств. л. ск., 902.
Кипчакъ—предокъ Киргизъ, 14.
Кипчакъ—племя, 2, 5, 6, 668, 821.
Кирбесъ—дѣйств. л. ск., 923.
Кирванъ-геранъ—звѣзда, 732.
Кирвесь—дѣйств. л. ск., 923.
Киргизская степь—722, 779.
Киргизъ-каанъ—мнѣ. лицо, 69.
Киргизъ-норъ—оз., 20.
Киргизъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 787.
Киргизы—народъ, 1, 2, 10, 13, 19, 133,
138, 147, 148, 152, 154, 157, 164, 165,
186, 187, 200, 230, 365, 367, 368, 405,
649, 652—659, 661, 665—667, 670, 680,
691, 699, 707, 708, 710, 711, 717—720,
722, 734, 736, 740, 742, 743, 750—752,
759, 765, 770, 784, 787, 792, 819, 835,
847, 849, 852, 853, 856, 860, 862, 866,
880, 892, 894, 931.
Киргизы Исыкульскіе, 712, 734, 786.
Киргисъ—урянх. сумынь, 11, 92.
Кирей—предокъ Киргизъ, 14.
Кирентъ—покол., 666.
Кирикъ—дѣйств. л. ск., 763, 829, 890,
925, 944.
Кириловъ—авт., 756.
Кири-Улита—дѣйств. л. ск., 890.
Киркоусъ—дѣйств. л. ск., 913.
Киропалакъ—чудовище, 682.
Киръ—перс. царь, 833.
Кирѣвскій—русс. пис., 703, 766, 773,
786, 839, 840, 844, 845, 891, 926, 928,
929, 932.
Китаевъ градъ въ ск., 845.
Китаецъ—дѣйств. л. ск., 490, 545, 546.
Китайъ—страна, 64, 277, 657, 663, 665,
678, 806, 830, 844, 873.
Китайскій царь—дѣйств. л. ск., 879.
Китай-ханъ—дѣйств. л. ск., 885.
Китайцы—народъ, 10, 227, 233, 250,

251, 291, 300, 302, 306, 336, 339, 350,
351, 361, 365, 366, 403, 532, 657, 851,
852, 866, 873, 892.
Китаранъ-Зоринъ-Торонъ-Эжинъ—по-
кров. духъ, 824.
Китатъ-манджи—покол., 8.
Китатъ-Тотошъ—покол., 2.
Китежъ—мнѣ. городъ, 897.
Китмиръ—звѣзда, 730.
Китоврасъ—дѣйств. л. ск., 226, 759,
835, 836.
Китой—рѣка, 22, 411, 412.
Китынъ-Арстанъ—дѣйств. л. ск., 442,
470—472, 480, 878, 912.
Китынъ-Зеби—дѣйств. л. ск., 878, 912.
Китытъ-ху—дѣйств. л. ск., 529—531.
Кичаги—созвѣздіе, 725.
Кичиги—созвѣздіе, 723, 724.
Киши-Чолбанъ—созвѣздіе, 137, 205.
Кишликъ—дѣйств. л. ск., 843.
Киамать-Торо—божество, 693.
Кіевъ—городъ, 837, 838, 906, 928.
Кіилибъ—богат. конь, 452.
Кіилы—дѣйств. л. ск., 775, 776, 899.
Кійсыкпекъ—пред. Киргизъ, 19.
Кійтынъ-Зеби—дѣйств. л. ск., 442, 452,
453, 465, 470.
Кіонто—созвѣздіе, 723.
Кія—рѣка, 907.
Кіанто-жондозъ—созвѣздіе, 723.
Клемъ-ханъ-ного-юмо—божество, 809.
Климентъ, Климъ—римскій папа, 893.
Клико—дѣйств. л. ск., 811, 893.
Климъ, Климъ—дѣйств. л. ск., 810, 893.
Ключи Петровы—созвѣздіе, 730.
Кобдо—рѣка, 13, 20, 41, 68, 94, 285,
650, 653, 660, 664, 691.
Кобдо—городъ, 147, 148, 150, 178, 287,
649, 650, 678, 681, 843.
Кобей—пред. Киргизъ, 16.
Кобій—покол. чернев. Татаръ, 938.
Кобогошъ—предокъ, 7.
Кобокъ—покол., 7, 167, 939, 940.
Коболу—покол., 2.
Кобонъ-Чаганъ, Кобонъ-Чаганъ—
дѣйств. л. ск., 205, 789.
Кобундей, Кобунъ—созвѣздіе, 723.
Кобунъ-Сайра—уроч., 326.
Кобырзу—рѣка, 938.
Кобэкъ—пред. Киргизъ, 18.
Кобюндей Мергенъ—дѣйств. л. ск.,
205, 789.
Когать—звѣзда, 711.
Когненъ-Чаганъ—богат. конь, 205.
Когодей Мергенъ—дѣйств. л. ск., 206,
789.
Коголей-мергенъ—дѣйств. л. ск., 789.
Коголь-Майманъ—дѣйств. л. ск., 204,
660, 725, 789.
Коголь-Майманъ—поколѣніе, 2, 8.

Когудей-матиръ—дѣйств. л. ск., 789.
Когутей-мергенъ—дѣйств. л. ск., 205,
206, 789.
Когушъ-канъ—божество, 878.
Кодаръ—дѣйств. л. ск., 891.
Коджагуль—пред. Киргизъ, 15.
Коджанъ—пред. Киргизъ, 18.
Коджебергенъ—пред. Киргизъ, 17.
Коджобай—пред. Киргизъ, 16.
Кодогинъ-Кокё-Зогуль—волкъ, 469.
Кодончи-кыпчакъ—предокъ, 6.
Кодонъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 737.
Кодоргъ ташъ—мнѣ. камень, 286.
Кодоръ-би—дѣйств. л. ск., 860.
Кожемберды—пред. Киргизъ, 18.
Козгакъ—пред. Киргизъ, 15.
Козганъ—пред. Киргизъ, 17, 18.
Козоръ—дѣйств. л. ск., 288.
Козу-Курнешъ, Козу-Курпачъ—дѣйств.
л. ск., 691, 747, 788, 790, 819, 858,
859, 860, 887, 891.
Козыбакъ—пред. Киргизъ, 15.
Козьмодемьянскій уѣздъ, 849.
Койбагаръ—пред. Киргизъ, 16.
Койбалы—народъ, 652, 668, 710, 861,
862.
Кой-джолъ—Млеч. путь, 740.
Койсары—пред. Киргизъ, 15, 17.
Койсойманъ—пред. Киргизъ, 17.
Коканъ—пред. Киргизъ, 16.
Кокдей-мергенъ—дѣйств. л. ск., 840.
Кокётей-мергенъ—дѣйств. л. ск., 789.
Кок-кал—скала, 559, 563, 567.
Кокко-котель—горн. перев., 287.
Кокёль—дѣйств. л. ск., 468, 469, 480.
Кокочу—дѣйств. л. ск., 789.
Кокуй-куль—оз., 404.
Кокце—дѣйств. л. ск., 789.
Кокчетаевскій округъ, 131, 707.
Кокчу-кузъ—предокъ Киргизъ, 15.
Кокчулутуны—племя, 94, 654.
Кокчу-мергенъ—дѣйств. л. ск., 789.
Кокъ Джанджинъ—дѣйств. л. ск., 324.
Кокъ Лусай-ханъ—дѣйств. л. ск., 531.
Кокъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 899, 909.
Коллапинъ—городъ, 725, 730, 733, 741.
Колду-бурханъ—божество, 421—424,
789, 854, 870, 903—905.
Колдысый, Колдысый, Кыдысый—
божество, 693, 751, 798, 809, 904.
Колмо—дѣйств. л. ск., 792, 809, 890,
893.
Колмово—оз., 893.
Колмовъ монастырь, 893.
Колмогорка—гора, 893.
Колмогорская деревня, 893.
Колморучей—рѣка, 893.
Колтома—дѣйств. л. ск., 796, 833.
Колчинъ, Кольчинъ—вотѣц. богъ, 752,
782, 798.

Колыванъ—русс. богатырь, 713.
Колыванъ—городъ, 888.
Командорскіе острова, 789, 942.
Команы—народъ, 696.
Комбу—дѣйств. л. ск., 497, 498, 737.
Комбу—Урянхаецъ, 293.
Комбу—бѣхъ—дѣйств. л. ск., 919.
Комбу-Дорчи—дѣйств. л. ск., 205, 276,
277, 789, 833, 833.
Комдей-миргенъ—дѣйств. л. ск., 930.
Комдошъ—покол. черн. Татаръ, 202,
939.
Конай—пред. Киргизъ, 18.
Конгдайки—дѣйств. л. ск., 866.
Конгодон-ханъ—дѣйств. л. ск., 866.
Конграй, Конграй-сайхай—страна, 10,
664.
Конгратъ—предокъ Киргизъ, 14.
Конгураты-бикжи—дѣйств. л. ск., 560
—562.
Кондараки—авт., 55, 672, 680, 744, 751,
763, 774, 786, 787, 815, 845, 926.
Кондома—рѣка, 618, 653, 936, 937, 938,
939, 940, 941.
Кондомско-Барсоятская волость, 938,
939.
Кондомско-Бежбоятовская волость, 937,
938, 939.
Кондомско-Елейская волость, 937.
Кондомско-Итиберская волость, 937.
Кондубай—пред. Киргизъ, 15.
Кондурія—дѣйств. л. ск., 719, 913.
Коворъ-Кульджа—личное имя, 752.
Конрой—рѣка, 72.
Константинъ Порфирородный—древн.
пис., 711, 807, 902.
Конуръ—предокъ Киргизъ, 14.
Кональ—городъ, 691, 779.
Копбджанъ—предокъ Киргизъ, 16.
Корабликовъ—дѣйств. л. ск., 839.
Коранъ—пред. Киргизъ, 19.
Корбеклы—селен., 850.
Корейцы—народъ, 930.
Коробанова—дѣйств. л. ск., 790.
Коробанское море, 790.
Коромыслъ—созвѣздіе, 714, 772.
Короста—дѣйств. л. ск., 838, 924.
Коростень—городъ, 924.
Корсунъ—городъ, 751, 883.
Коршбуры Понелюхъ—дѣйств. л. ск.,
925.
Коръ—дѣйств. л. ск., 815, 851, 887, 889.
Коряки—народъ, 712, 723, 730, 789.
Косирихъ—дѣйств. л. ск., 882.
Косоголь—оз., 12, 13, 21, 103, 127, 128,
133, 144, 155, 296, 652, 655, 658, 664,
665, 750, 806, 842, 871.
Костомаровъ, Н. И.—русс. историкъ,
871.
Костровъ, кн.—авт., 771.

Косубай—пред. Киргизъ, 19.
Косутай—пред. Киргизъ, 17.
Котанъ—пред. Киргизъ, 14.
Коткоръ-Мундусъ — пред. Мундусовъ, 4, 660.
Котляревскій — русск. учен., 707, 804, 917.
Котовцы—народъ, 665, 712, 765.
Котовъ Оедотъ — стар. русск. путеш., 786.
Котоголъ—уроч., 126.
Котонскій ханъ—дѣйств. л. ск., 874.
Котоны—народъ, 20, 320.
Коттубай—пред. Киргизъ, 16.
Коттумбетъ—пред. Киргизъ, 16, 17.
Коту, Котунъ—уроч., 68, 287, 289, 293.
Коты горошекъ—дѣйств. л. ск., 786.
Коурай—народъ, 665.
Кохоце—дѣйств. л. ск., 789.
Кохъ-Цехце—дѣйств. л. ск., 175, 763.
Кочень—пред. Киргизъ, 15.
Кочкорбай—киргиз. богатырь, 218.
Кочкоръ-Мундусъ—покол., 2, 4.
Кошагачъ—уроч., 78, 94, 215, 666.
Кошѣкъ—пред. Киргизъ, 17.
Кошкарбай—пред. Киргизъ, 16.
Кошкаръ—пред. Киргизъ, 18.
Кошанъ—пред. Киргизъ, 19.
Кошей—дѣйств. л. ск., 725, 753.
Коянбай—пред. Киргизъ, 15.
Красная гора, 43.
Красновъ—священникъ, 676, 677, 680, 687, 709, 712, 732, 747, 755, 846, 847, 848.
Красноярскъ—городъ, 655, 665, 891.
Крашенинниковъ—русск. путеш., 673, 676, 693, 694, 712, 713, 723, 729, 730, 742, 748, 764, 789, 793, 848.
Кребули—созвѣздіе, 730.
Кресъ-идысъ—созвѣздіе, 138.
Криво-Кривейто — литов. дух. л., 792, 805, 893.
Криворатъ—созвѣздіе, 713.
Кру-ѣлы—Млечный путь, 138.
Кружилія—созвѣздіе, 725.
Крыжинъ—русск. путеш., 664, 668.
Крымскій-ханъ, 668.
Крымъ—полуостровъ, 55, 671, 672, 714, 717, 724, 731, 732, 741, 744, 751, 753, 768, 774, 786, 787, 797, 799, 810, 844, 849, 883, 896, 926, 928.
Крымъ-ходжа—пред. Киргизъ, 18.
Крыклесие—мѣстность, 786.
Крюнъ Дзандынъ ола—мнѣ. гора, 444.
Ку—рѣка, 752.
Куандыкъ — пред. Киргизъ, 15, 16, 18, 19.
Куаншъ—пред. Киргизъ, 16.
Куарыгъ — покол. Чулымскихъ Татаръ, 1.

Кубай-госъ—дѣйств. л. сказ., 624.
Кубай-ко—дѣйств. л. сказ., 789.
Кубанская область, 775, 776, 899.
Кубашъ—дѣйств. л. ск., 574, 575.
Кубекъ—пред. Киргизъ, 16.
Кубынъ-Цаганъ — дѣйств. л. сказ., 206, 789.
Кубыръ-Чолмонъ—звѣзда, 137, 207.
Кувандыкъ—покол. Киргизъ, 658.
Кугульдей Матырь — дѣйств. л. сказ., 204.
Кудай—божество, 142, 171, 799.
Кудай-базыру—уроч., 344, 387.
Кудайбергенъ—пред. Киргизъ, 18.
Кудай-берды—пред. Киргизъ, 15, 16.
Кудреянниче, царь—дѣйств. л. ск., 845.
Кудурго-Волгендзе — черем. божество, 751, 860.
Кудюръ—богатырск. дукъ, 433, 477.
Кужа—дѣйств. л. ск., 815.
Кужаларъ-Тауы—гора, 815.
Кузедѣвскій улусъ—937, 938, 940.
Кузень—покол. чернев. Татаръ, 939.
Кузень-сандалигу—дѣйств. л. ск., 759.
Кузень ширегу ханъ — дѣйств. л. ск., 220, 224.
Кузнецкій округъ, 29, 41, 45, 667, 938.
Кузнецовъ—авт., 809, 860.
Кузупчи—пески, 803.
Кузь-Тайгине—дѣйств. л. ск., 426, 427.
Куиртысъ—рѣка, 125.
Куй-Темусъ—дѣйств. л. ск., 736, 904.
Кукджу—дѣйств. л. ск., 842.
Ку-Кентъ—горы, 752.
Куклинъ—Забайкальскій казакъ, 190.
Кукъ—птица, 759, 763.
Куланъ—пред. Киргизъ, 19.
Кулатай—пред. Киргизъ, 16, 17.
Кулаты—дѣйств. л. ск., 904.
Кулба-сѣтъ—звѣзда, 735.
Кулеме-селиме—мнѣнч. сабля, 420, 421, 422, 424, 905.
Кулоба—личн. имя у Половцевъ, 862.
Кулукъ—селеніе, 136, 137.
Кулубай—пред. Киргизъ, 18.
Кулумъ-кара—дѣйств. л. ск., 748.
Кулунду-Талбу—уроч., 667.
Куль-кара—пред. Киргизъ, 18.
Кульджа—городъ, 687, 861.
Куль-ханъ—дѣйств. л. сказ., 614.
Кулюкъ—пред. Киргизъ, 17, 18.
Кулюкъ—пред. Киргизъ, 17.
Кулюстей-мергенъ — дѣйств. л. ск., 419—421.
Куманда — покол. черн. Татаръ, 1, 9, 44, 70, 97, 98, 130, 193, 939.
Куманы—народъ, 680.
Кумбалъ Самородовичъ—дѣйств. л. ск., 929.
Кумова солома—Млечн. путь, 741.

Кумуль-Чамалъ—уроч., 8.
Кумушъ-тагъ—мнѣ. гора, 556, 563.
Кумыспай—пред. Киргизъ, 16.
Кумышская волость, 653.
Кумюсъ Иргэкъ — дѣйств. л. ск., 618, 621, 622, 930.
Кунарыгъ — дѣйств. л. ск., 579, 580, 582.
Кунграй-Сагай—страна, 10.
Кунгурулъ—мнѣ. птица, 856.
Кунгуръ Самородовичъ—дѣйств. л. ск., 929.
Кунделенъ—рѣка, 124.
Кундыкаръ—пред. Киргизъ, 16.
Кунеръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 322.
Купикъ—русск. учен., 663, 711, 854.
Кунканъ—дѣйств. л. ск., 567, 579.
Кункеръ Залчи — дѣйств. л. ск., 329, 333—335.
Кункеръ Маца-ханъ — дѣйств. л. ск., 321.
Кункеръ-ханъ — дѣйств. л. ск., 215, 320, 321, 869.
Кункарь—мнѣ. птица, 870.
Кункыръ-каанъ — дѣйств. л. ск., 224.
Кунтъ—мнѣ. звѣрь, 829.
Кунумаръ—покол., 927.
Кунъ—нѣм. учен., 693.
Кунъ-Арыгъ—дѣйств. л. ск., 929.
Кунъ-ганъ—дѣйств. л. ск., 426.
Куньль—звѣзда, 732.
Кунъ-Садакъ—покол. Киргизъ, 752.
Кунъ-сылу—дѣйств. л. ск., 747.
Кунъ-Ханъ—дѣйств. л. ск., 530, 531.
Куплюнъ — дѣйств. л. ск., 515.
Курайская степь, 214, 215.
Курашъ—пред. Киргизъ, 16.
Курбеджинъ-норъ—озеро, 517.
Курбистанъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 803, 877.
Курбустунъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 372, 877.
Курбусту-Тэнгекэй-Кукджу-Пурханъ-Накши—дѣйств. л. ск., 790, 809, 842.
Курде-Орчоулукчи-ханъ — дѣйств. л. ск., 319.
Кургутъ—древн. шаманъ, 671.
Курманалы—пред. Киргизъ, 18.
Курмось, Курмось—злой духъ, 43, 171, 222, 226, 234, 777, 790.
Курпешъ—дѣйств. л. ск., 788, 790.
Курсары—пред. Киргизъ, 14, 18.
Курская—губ., 686, 714, 730, 894, 895.
Курсякъ-наркъсъ—созвѣздіе, 713.
Куртуковъ—переводчикъ, 813.
Курубашъ—дѣйств. л. ск., 571—573.
Курукпай—шаманка, 235.
Курумсукъ—уроч., 21.
Курунгай—мнѣ. лисица, 445.
Курунчи—дѣйств. л. ск., 757.

Курчлю—созвѣздіе, 730.
Курюлей-Мергенъ — дѣйств. л. ск., 515—517.
Курюмесь—злой духъ, 222.
Куса—дѣйств. л. ск., 834.
Кусай—дѣйств. л. ск., 859, 860.
Кусеге-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 137, 206, 789.
Кускунъ-кайранъ, Кускунъ-куйранъ — дѣйств. л. ск., 425 — 427.
Кускунъ-сайранъ—дѣйств. л. ск., 425.
Куссумъ-хасса—Млечный путь, 943.
Кусыханъ—дѣйств. л. ск., 823.
Кусаръ—поколѣніе, 875.
Кутай-Менды—дѣйств. л. ск., 405, 752.
Кутанъ—онгонъ, 96.
Кутби—звѣзда, 736.
Кутезекъ—поколѣніе, 572.
Кутту-Каданъ—покол. Киргизъ, 752.
Куттумбетъ—пред. Киргизъ, 19.
Кутукту—дѣйств. л. ск., 838.
Кутха—божество, 693.
Кутчанъ—пред. Киргизъ, 19.
Куутей-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 206, 789.
Кухтенъ—рѣка, 937.
Кучки—созвѣздіе, 730.
Кучко—дѣйств. л. ск., 819.
Кучковичи—дѣйств. л. ск., 816, 890.
Кучунъ-мукъ—дѣйств. л. ск., 622.
Кучурлинское—озеро, 186.
Күшелевскій—авт., 682, 697, 699, 715, 797.
Кушукъ—пред. Киргизъ, 16.
Кшеркъ—созвѣздіе, 724.
Кыгырь-ханъ—божество, 819.
Кызданбекъ—пред. Киргизъ, 17.
Кызыганъ-Тенгере—божество, 878.
Кызылъ-боркъ—предокъ Киргизъ, 14.
Кызылъ-гая—уроч., 291, 938.
Кызылъ-гуртъ—уроч., 670.
Кызылъ-гуртъ—пред. Киргизъ, 16.
Кызылъ-Корюнь—мнѣ. хорекъ, 140.
Кызыльцы—народъ, 652, 938.
Кызымъ-куртъ—предокъ, 670.
Кый—покол. чернев. Татаръ, 939.
Кыйбыкъ—покол. чернев. Татаръ, 938.
Кыйзасъ—рѣка, 939.
Кылдашъ—рѣка, 937.
Кылды—пред. Киргизъ, 14.
Кылдышинъ—см. Колдышинъ.
Кынкири-кушъ—мнѣ. птица, 856.
Кыпчаки—поколѣніе, 2, 293, 789, 873, 874, 940.
Кыргызъ-канъ—божество, 878.
Кыркысъ—урях. покол., 12, 92, 136, 139, 144.
Кырындай—гора, 418.
Кыскъ—дѣйств. л. ск., 176, 177.
Кыстай-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 570, 576, 577.

Кысь-танара—онгонъ, 700.
Кысылъ—рѣка, 125.
Кытень-Кыталынь—дѣйств. л. ск., 644.
Кытра-рыба—мн. рыба, 737.
Кышынъ-арахъ—дѣйств. л. ск., 903.
Кыянъ—дѣйств. л. ск., 740.
Кэзэръ-Чингисъ-Кайраканъ — дѣйств. л. ск., 792.
Кэикюлюкъ—дѣйств. л. ск., 432.
Кэипъ—дѣйств. л. ск., 476.
Кэргэшь—дѣйств. л. ск., 220.
Кэрдэкъ-ноентъ-баабай—духъ покровитель, 126.
Кэрсонъ-чило—уроч., 751.
Кэспій—Таленгитъ, 169.
Кэтуганъ—собств. имя, 718.
Кюбей-хотунъ—божество, 821.
Кюе-Дэлэ—истор. лицо, 841.
Кюе-Тегинъ—ист. лицо, 840, 841.
Кюринцы—народъ, 724, 730, 732, 733, 736, 745, 747, 759, 799, 875.
Кюрюль—дѣйств. л. ск., 475—479.
Кябэ-ёлы—Млеч. путь, 740.
Кярванъ-кушъ, Кярванъ-кяшъ—звѣзда, 732.
Кяхта—слобода, 260, 824.

Л.

Лаванъ—Бурятъ, 297, 298.
Лавровский—русс. учен., 736.
Лаврукаджъ—дѣйств. л. ск., 901.
Ладзартъ—созвѣдіе, 714, 729, 735.
Ладзгута—созвѣдіе, 724.
Ланджимъ—дѣйств. л. ск., 275.
Лани—народъ, 714.
Лама-ава—божество, 262.
Ламай-предокъ, 233.
Лама-Чочжи—дѣйств. л. ск., 327.
Ламнырь-Чугнукъ—дѣйств. л. ск., 228.
Лампату—созвѣдіе, 942.
Ламуты—народъ, 906.
Лангъ-Тамеръ—дѣйств. л. ск., 867.
Ланъ-Дарма-ханъ—дѣйств. л. ск., 298.
Лапландія—страна, 40.
Лапландцы—народъ, 774, 828.
Лассота—старин. пис., 903, 924.
Латкинъ—авт., 827.
Латымірка—дѣйств. л. ск., 869, 889, 926.
Латышцы—народъ, 713.
Лаудаевъ—кавказецъ, 750.
Леанти—порогъ на Днѣпрѣ, 902.
Лебедь—рѣка, 939.
Леви—звѣзда, 731.
Лезгины—народъ, 747.
Лёка—одноглазый бѣсъ, 706, 707.
Лемминкейненъ—дѣйств. л. ск., 760, 794.
Лена—рѣка, 625, 662.

Ленорманъ—франц. учен., 711, 714, 715, 762, 934.
Лепехинъ—русс. путеш., 656.
Летынь-Хамбу—уроч., 304, 306, 308.
Ликерлеръ—созвѣдіе, 729.
Литва, Литовцы—народъ, 663, 674, 702, 742, 844.
Лиходѣвна—дѣйств. л. ск., 844.
Лишивача—дѣйств. л. ск., 833.
Локи—дѣйств. л. ск., 780.
Лондонъ—городъ, 834.
Лопари, Лопъ—народъ, 674, 677, 680, 695, 712, 730, 735, 742, 747, 757, 835, 901.
Лоса—созвѣдіе, 714.
Лосунъ-хатъ—духъ воды, 469.
Лосы, Лосунъ—дѣйств. л. ск., 228.
Лось—созвѣдіе, 714, 716, 778, 780, 788.
Лу—драконъ, 499, 518, 519, 549.
Лубсынъ-Гончикъ-Дабы—Уринхаецъ, 122, 127, 300.
Лубсынъ-лама—Дюрбютъ, 230, 258, 292.
Лубсынъ-Очуръ—Халхасецъ, 258, 270, 805, 906.
Лу-Гуна хошунъ, 139, 140, 175, 293, 296, 488.
Лужичане—народъ, 860.
Лужск. уѣздъ—732, 742.
Лузынь-Саты—Дюрбютъ, 234.
Лунъ-астагъ—звѣзда, 732.
Лука-калѣба—дѣйств. л. ск., 739.
Лукоперъ—дѣйств. л. ск., 839.
Лунъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 217, 797.
Лусай-ханъ, Лусень-ханъ, Лусынъ-ханъ—божество, 261, 285, 297, 330, 429, 441, 479, 494, 499, 509, 510, 512, 515, 517, 519 — 522, 555, 800.
Лучафуръ—звѣзда, 780.
Лывко—имя, упом. въ заговорѣ, 925.
Лытнинъ—лицо, сообщ. свѣд., 942, 943.
Люй-сянь—истор. лицо, 841.
Люциферъ—дѣйств. л. ск., 725, 780.
Ляйханъ-сурукдыкъ—духъ покровитель, 128.

М.

Маакъ—русс. путеш., 670, 684, 691, 692, 713, 744, 758, 779, 789, 813, 826, 830, 831, 900, 906, 935.
Маашъ—дѣйств. л. ск., 859.
Маевъ—авт., 658.
Магабарата—инд. поэма, 858.
Магди—дѣйств. л. ск., 404.
Магнитскій—авт., 673, 681, 710, 750, 762, 777, 799, 798, 800, 804, 814, 828, 849, 897.
Магогъ—мн. народъ, 736.
Магу-Ундуръ—мѣстность, 853, 854.

Магвы-Кыса-тывырхтахъ—онгонъ, 700.
Маданъ-хопра—звѣзда, 732.
Маджикъ—пред. Киргизъ, 19.
Маджи-шири—дѣйств. л. ск., 224.
Мажаръ—созвѣдіе, 711.
Майдери—божество, 33, 133, 411, 708.
Майка-бій—кирг. предокъ, 853.
Майкы—пред. Киргизъ, 16.
Майлибала—пред. Киргизъ, 15.
Майманъ—покол. Алтайцевъ, 2, 725, 789.
Маймонидъ—старин. евр. писат., 842.
Майновъ—авт., 713, 723, 730, 732, 739, 742, 800.
Майтере—божество, 260, 269, 827.
Макарий—русс. духов. писат., 688.
Макаровъ—авт., 925.
Макаръ—дѣйств. л. ск., 119, 814, 827.
Македонія—страна, 671.
Ма-кошѣкъ—пред. Киргизъ, 16.
Максъ-Миллеръ—англ. учен., 668, 782.
Макшинъ-Бади-ханъ—дѣйств. л. ск., 275.
Маланъ-Тенгри—божество, 821.
Малаховъ—авт., 711, 734, 831, 903.
Малая Киргиз. орда, 666, 670.
Малая Медвѣдица—созв., 942.
Малбакты—пред. Киргизъ, 18.
Малгызъ—пред. Киргизъ, 18.
Малекъ—дѣйств. л. ск., 813.
Малемъ-хузя—чуващ. фетишь, 849.
Малимъ-хозя—могила святаго, 815.
Малинь—дѣйств. л. ск., 780, 815, 851.
Малка—рѣка, 876.
Малкаръ—тат. общество на Кавказѣ, 732, 912.
Малкаръ—пред. Киргизъ, 17.
Маловы послы—дѣйств. л. ск., 689.
Малороссія—страна, 675, 762.
Малсагово колесо—794.
Малумъ-ходжа—могила святаго, 849.
Малхъ—дѣйств. л. ск., 780, 859, 927.
Мальховъ—авт., 935.
Малъя—франц. учен., 827, 855, 862.
Мамадышскій уѣздъ, 144.
Мамалай—дѣйств. л. ск., 827.
Маманъ—пред. Киргизъ, 18.
Мамбетнай—пред. Киргизъ, 16.
Мамбетъ-Алы—пред. Киргизъ, 17.
Мамыкъ—предокъ Кипчаковъ, 5.
Мамыр-ханъ—дѣйств. л. ск., 802.
Манатъ—пред. Киргизъ, 16.
Мангартъ—нѣм. учен., 661, 671, 673, 682, 688, 694, 816, 864, 934.
Мангу, Мангусъ—чудовище, 818, 819, 827.
Мангутъ—бурятск. прозвище русскихъ, 931.
Мангырбе-бурханъ—божество, 270.

Мангыръ—богатырск. плеть, 444.
Мангысъ—дѣйств. л. ск., 191, 192, 209, 212, 299, 379—381, 386, 387, 399, 433, 455, 458, 460—465, 475, 490, 495, 502—507, 509, 510, 514, 526, 528—530, 766, 790, 793—795, 827, 842, 854, 898, 905—907, 913, 915, 917.
Мангытхай—дѣйств. л. ск., 186, 206, 251, 252, 255, 256, 323.
Мангытъ—покол. Татаръ, 668.
Мангытъ, Мангытъ-ханъ—чудовище, 301, 906, 931.
Мангытъ-хара—богатырск. плеть, 435, 457, 469.
Мангышлакъ—полуостровъ, 884.
Мангышъ—урянх. сумынь, 11.
Мандаголь-хасанъ—дѣйств. л. ск., 853, 876.
Мандай—пред. Киргизъ, 15.
Мандахей—мн. лицо, 117.
Манджи—покол., 2, 8.
Манджишири-бурганъ—божество, 261, 427.
Манджракъ—покол. Дархатовъ, 21.
Манджу—бурятскій шаманъ, 283.
Манджуры—народъ, 298, 712, 744, 789.
Мандухули—дѣйств. л. ск., 853, 854.
Мандырга—гора, 23.
Манза—пред. Бурятъ, 826.
Манвановъ—Бурятъ, 256.
Мани-Ветуръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 523, 525—527, 920.
Маногара—дѣйств. л. ск., 921.
Мансоръ—пред. Киргизъ, 18.
Манулъ—дѣйств. л. ск., 178.
Манухай—духъ покров., 126.
Манъ—бурятск. прозвище русскихъ, 931.
Манъ—дѣйств. л. ск., 499.
Маны—дѣйств. л. ск., 176, 177, 764, 800, 829, 934.
Мао-ундуръ, Мао-ундюръ—уроч., 805, 854.
Маргуцъ—дѣйств. л. ск., 887.
Мари—народъ, 777.
Маришка—дѣйств. л. ск., 928.
Марія—дѣйств. л. ск., 799, 869, 888.
Марко-богатый—дѣйств. л. ск., 738, 780, 808, 830—833, 900.
Марко-бѣгунъ—дѣйств. л. ск., 796.
Марко-Кравеичъ—дѣйств. л. ск., 757, 816, 927.
Марко-краль—дѣйств. л. ск., 846.
Марко-Поло—стар. путеш., 803, 804.
Маркъ—дѣйств. л. ск., 780, 927.
Маро—женск. имя, 747.
Марсъ—звѣзда, 741, 789.
Марсъ—греч. богъ, 842.
Мартагонъ—дѣйств. л. ск., 866.
Мартиновъ—авт., 876.

Марья—дѣйств. л. ск., 831; египетская—888, 890; Игнатъевна—844.
Масангъ—дѣйств. л. ск., 721, 781, 767, 781.
Маскутъ—киргизъ, 17.
Массетеръ—созвѣздіе, 724.
Массуди—араб. пис., 934.
Матакпай—пред. Киргизъ, 19.
Матхановъ—Бурятъ, 30, 57, 111, 112, 119, 134, 141, 174, 185, 192, 211, 216, 226, 265, 268, 323, 650.
Маты—урянх. покол., 13.
Матоей—дѣйств. л. ск., 901.
Матоей Парижскій—стар. пис., 780.
Махагаль—божество, 262, 411, 430, 449, 466.
Маха-Ланджимъ—дѣйств. л. ск., 275.
Махарандза—божество, 430.
Махашакули—дѣйств. л. ск., 833.
Махомедъ-пегемеръ—дѣйств. л. ск., 848.
Махунай—дѣйств. л. ск., 289.
Махэшинъ—мнѣ. народъ, 323.
Машпарагъ—дѣйств. л. ск., 774, 775, 778.
Маямъ-хозя—чуваши. фетишъ, 848.
Медвѣдица—созвѣздіе, 793.
Медвѣдко—дѣйств. л. ск., 785.
Медвѣдь—дѣйств. л. ск., 753.
Медвѣжатники—созвѣздіе, 714.
Медвѣжій сынъ—дѣйств. л. ск., 783, 784.
Медвѣжье ухо—дѣйств. л. ск., 754, 782.
Межень—рѣка, 937.
Мезенскій уѣздъ, 893.
Мейеръ—авт., 666, 670, 671.
Мекеле—дѣйств. л. ск., 432, 441, 443, 445, 447—451, 453, 454, 456—469, 471—485.
Меле-бурхынъ—дѣйств. л. ск., 205.
Мелекей—мнѣ. лягушка, 694.
Мелимъ-хузы—чуваши. фетишъ, 849, 860.
Мельниковъ, П.—авт., 689, 691, 742, 793, 803, 809, 816, 877.
Меляндъ-ава—божество, 696, 798, 860, 889.
Мемикай—дѣйств. л. ск., 830.
Менгу-кызы—дѣйств. л. ск., 347.
Менджебай—пред. Киргизъ, 18.
Мендышъ—Алтаецъ, 141.
Менебай—пред. Киргизъ, 18.
Мѣнтукъ—пред. Киргизъ, 15.
Мѣнтъ—уроч., 127, 128, 698.
Мервъ—городъ, 652.
Мергенъ-дзайсанъ, дѣйств. л. ск., 304.
Мергенъ-Тенгере—божество, 878.
Мергенъ-Шары-Тогой—мнѣ. уроч., 439.
Мергузъ—дѣйств. л. ск., 763.
Меретъ—покол. Алтайцевъ, 2, 3.
Меркитъ—покол. Алтайцевъ, 2, 3, 664.
Меркитъ—покол. Киргизъ, 768.

Меркурий—греческ. богъ, 712.
Мерлинъ—дѣйств. л. ск., 839.
Метиль-Хара—дѣйств. л. ск., 432.
Меулимъ-хозя—могила святаго, 849.
Мечинъ—созвѣздіе, 193, 194, 198, 200, 203, 204, 779, 783, 804, 833, 835, 922.
Мечинъ-Бакши—божество, 261.
Мечинъ-Солбы—звѣзда, 137.
Мечирткэ—дѣйств. л. ск., 177.
Мечи-хуаръ—дѣйств. л. ск., 361.
Мешперекъ—дѣйств. л. ск., 774, 775, 778, 805.
Миддендорфъ—русс. академикъ, 645, 730, 752, 901.
Миллеръ, Г. Ф.—историкъ, 804, 805, 852, 858.
Миллеръ, В.—профессоръ, 697, 710, 714, 724, 732, 735, 743, 745, 747, 760, 765, 773, 776, 778, 780, 781, 783, 794, 795, 825, 859, 872, 882, 892, 900, 906, 928.
Миллеръ, О.—профессоръ, 689, 750, 827, 857, 896.
Миллеръ, Фердинандъ—путеш., 847.
Милютинъ, В.—издатель, 756, 799.
Минганъ-бурханъ, Минганъ-бурхынъ—божество, 277, 430, 675, 827.
Мингаты, Мингыты—народъ, 299, 653, 864.
Мингликъ-Эчигэ—дѣйств. л. ск., 764, 914.
Мингъ—покол. въ Бухарѣ, 668.
Мингытъ—урянх. покол., 11.
Минская губернія, 811.
Минусинскій округъ, 144, 207, 661.
Минъ-ди—кит. им-рь, 841.
Минъ-Хуанъ—кит. им-рь, 841.
Мирмидонъ—городъ въ сказ., 901.
Мирхондъ—персид. истор., 862.
Мисеръ-Улюкъ—дѣйств. л. ск., 918.
Михайловъ—авт., 798, 923.
Михайло Потыкъ—дѣйств. л. ск., 844.
Михаленковъ—казакъ, 649.
Мійрямъ-софы—пред. Киргизъ, 14, 15, 17, 19.
Міѣву—дѣйств. л. ск., 922.
Мланде-аба, черем. божество, 798, 860.
Млечный путь, 138, 740, 741, 772, 813, 880, 886.
Моглянъ—древній ханъ, 841.
Мого-ханъ—дѣйств. л. ск., 486.
Могуль—мнѣ. птица, 765, 915.
Могуль—дѣйств. л. ск., 906.
Модонъ-обо—уроч., 61.
Модонъ-Тюрелтей-Талгырь—дѣйств. л. ск., 195—197.
Модоръ—покол., 2.
Можга—дѣйств. л. ск., 670, 827.
Мозель—авт., 676, 809, 832.
Моисей Угринъ—дѣйств. л. ск., 767.
Моиславъ—дѣйств. л. ск., 690.

Мокша—см. Мордва.
Мологскій уѣздъ, 893.
Молонтей—дѣйств. л. ск., 266, 817, 822.
Молонъ-Тайджи—дѣйств. л. ск., 852.
Молонъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 384, 853.
Момиръ-Эрдени—мнѣ. камень, 523.
Монголъ—дѣйств. л. ск., 548, 549.
Монголъ-дзаргучей—дѣйств. л. ск., 852.
Монгото-зарипъ—покров. духъ, 824.
Монготуй-Олы—мнѣ. гора, 254.
Монгошъ—урянх. покол., 11.
Монгучъ—поколѣніе, 740.
Монгу-ю-муцзи—кит. книга, 840.
Мондо-байсинъ, уроч., 127.
Монке-бай—уйгурск. ханъ, 853, 876.
Моргонъ-Дэгэ-Уланъ-Зала—покров. духъ, 824.
Моргонъ-хара—дѣйств. л. ск., 690, 751, 826, 845, 846.
Мордва—народъ, 691, 696, 716, 723, 730, 732, 739, 742, 793, 797, 798, 809, 816, 849, 889.
Мордва-Мокша—713, 723, 730, 732, 815, 900.
Мордва-Эрзя—713, 723, 730, 732, 814.
Мори-ирхи-изи-онгонъ, 106.
Моринъ-нойонъ—горный духъ, 127.
Морово—предокъ, 233.
Морской царь—дѣйств. л. ск., 798, 831, 832, 891.
Москва—городъ, 672, 819, 876, 890.
Мосуль—городъ, 923.
Мохои-эжинъ—покров. духъ, 824.
Мочалы—пред. Киргизъ, 16.
Мравали—созвѣздіе, 730.
Мрасса—рѣка, 653, 937, 938, 939.
Мрасско-Елейская волость, 937.
Мрасско-Изуперская волость, 938.
Мстиславъ—Гмутараканскій князь, 928.
Мугай—мнѣ. птица, 675.
Мугамедъ-али—пред. Киргизъ, 19.
Мудай—Теленгитъ, 167, 193.
Муджинъ-Султу—племя, 905.
Музыганъ-канъ—предокъ Муцдусовъ, 3, 62, 69.
Муйгакъ—дѣйств. л. ск., 176.
Муинъ—пред. Киргизъ, 19.
Муккары—дѣйств. л. ск., 906.
Му-Колдышинъ—вотия. богъ, 798.
Му-Колчинъ—вотия. божество, 844.
Му-Колчинъ—божество Вотиковъ, 696, 798, 844.
Мулгочинъ—хошунъ, 665.
Мулихай Онгъ, Мулихай-Унгъ—дѣйств. л. ск., 852 — 854, 856, 860, 861.
Мулуу—дѣйств. л. ск., 859, 860, 876.
Мулкунъ-мэтыкъ—урочище, 859.
Мулла-Хазей—могила святаго, 815, 849, 859.
Мулъма-нойонъ—покров. духъ, 824.

Му-Монто—дѣйств. л. ск., 846—488.
Муму-Колчинъ—божество у Вотиковъ, 696.
Мундей—урянх. сумынъ, 12.
Мундузъ, Мундусъ—предокъ, 660, 667.
Мундумашъ, Мундыбашъ—рѣка, 936, 937.
Мундура—гора, 412.
Мундургонъ—бѣлокъ, 128, 129.
Мундусъ—Алт. покол., 2, 3, 4, 62, 660, 821.
Мунжа—рѣка, 937.
Муни-ола—хребетъ, 659.
Мунко-саганъ, Мунко-Сардыкъ—бѣлокъ, 127 — 129, 232, 306, 665.
Мунко-хуредякъ—бѣлокъ, 665.
Мунка-хата—дѣйств. л. ск., 852.
Мунликъ—дѣйств. л. ск., 764, 789, 804, 853, 914, 927.
Мунулунъ—дѣйств. л. ск., 764, 765, 790.
Муратъ—пред. Киргизъ, 19.
Муратъ-царь—название растенія, 929.
Мурзагуль—пред. Киргизъ, 17.
Мури—мнѣ. народъ, 119.
Муркатъ-куджунъ—дѣйств. л. ск., 830.
Муровлинъ—дѣйств. л. ск., 902.
Муромскій князь Константинъ, 702.
Мурчагъ-канъ—божество, 878.
Мусатай—пред. Киргизъ, 17.
Муссири-сикасьма-камуи—божество, 799.
Мустагъ—гора, 899.
Муsulманкулъ—пред. Киргизъ, 16.
Мусунъ-дабанъ—горн. прох., 300.
Мутукъ-Даинъ—дѣйств. л. ск., 500, 501.
Мучеке—пред. Киргизъ, 16, 17.
Му-шибонъ—мнѣ. птица, 186.
Михетъ—городъ на Кавказѣ, 884.
Мыгытъ—дѣйств. л. ск., 814.
Мый—дѣйств. л. ск., 177, 178.
Мынбай—пред. Киргизъ, 18.
Мындай—пред. Киргизъ, 18.
Мынджынъ—пред. Киргизъ, 17.
Мынхэнь-хара угунъ—животворн. вода, 210, 211.
Мырадылъ—дѣйств. л. ск., 672, 857, 869.
Мыратъ—дѣйств. л. ск., 869.
Мырджибай—пред. Киргизъ, 19.
Мырзагельди—пред. Киргизъ, 17.
Мырзанбекъ—пред. Киргизъ, 17.
Мысрби—дѣйств. л. ск., 778.
Мыши—созвѣздіе, 137.
Мышины троны—Млечн. путь, 742, 772.
Мыота—селеніе, 41, 130.
Мэгуджинъ Султу—племя, 855, 905.
Мэнку тургеле, Мэнку Дургюль—дѣйств. л. ск., 429, 475.

Мәнъ—рѣка, 286.
Мэрзынь богдо-ханъ — дѣйств. л. ск., 332.
Мюлландэ-авя—черем. божество, 860.
Мюсю-мукэ—дѣйств. л. ск., 564.
Мякьянунъ-ѣлы—Млечн. путь, 740.
Мялимъ-хузя—чуваши. фетишъ, 859.
Мятень—пред. Киргизъ, 18.

Н.

Наванъ—Бурятъ, 128, 307.
Нага—дѣйств. л. ск., 920.
Наглынъ-Хоо — дѣйств. л. ск., 442 — 453.
Наданъ-усиха—созвѣздіе, 712.
Наджиръ-Хара—гора, 453, 457, 469.
Наджи-тархынъ — дѣйств. л. ск., 435.
Надырь-софы—пред. Киргизъ, 14, 15.
Назаръ—пред. Киргизъ, 17.
Назикпай—пред. Киргизъ, 18.
Назнай—дѣйств. л. ск., 815.
Назыкпай—пред. Киргизъ, 16.
Найба—Алтаецъ, 142.
Найдыкъ—Урянхайка, 61.
Найдынъ — Халхасецъ, 178, 181, 210, 258, 271, 272, 275, 299, 333, 355, 381, 387, 399.
Найма—рѣка, 2.
Наймавъ — покол. Киргизъ, 14, 660; Алтайцевъ, 220, 725; древн. народъ, 853.
Найтектэй-мергенъ—дѣйств. л. ск., 432.
Найху—созвѣздіе, 712.
Наль-хатунъ—мнѣ. лицо, 111.
Налыбырь—дѣйств. л. ск., 641, 643.
Нама—дѣйств. л. ск., 793.
Наманай—пред. Киргизъ, 16.
Намчи хара моринъ—богатырск. конь, 316—318.
Нанбай—пред. Киргизъ, 18.
Нанъ-Шанъ—хребетъ, 652.
Наранъ—дѣйств. л. ск., 814.
Наранъ-гэрэлъ—дѣйств. л. ск., 812, 919.
Наранъ-сулу—дѣйств. л. ск., 748.
Наранъ-Хуухунъ Наглынъ-Хоа — дѣйств. л. ск., 747.
Нарбай—пред. Киргизъ, 18.
Нарбы Тэягиръ—мнѣ. лицо, 318.
Нарзы-моранъ—мнѣ. рѣка, 199, 325.
Наринъ-Замбы—дерево, 456.
Наринъ-сумынь—рѣка, 664.
Наринъ-Хоро—рѣка, 306.
Наринъ-шилбы-Идирхинъ—мнѣ. лицо, 118, 119.
Нарсынъ-Гуали—дѣйств. л. ск., 508—510, 512.
Нартъ-эмбыртэ—созвѣздіе, 730.
Нартъ-алыкъ — богатырск. конь, 348, 349.

Нартъ-Банджинъ — дѣйств. л. ск., 257, 258.
Нарымскій край, 716.
Нарындынъ-Дагине, Нарындынъ Хатунъ — дѣйств. л. ск., 528, 529.
Нарынъ - Хуухунъ - Наглынъ - Хоо — дѣйств. л. ск., 442, 452.
Насръ-Эдинъ—дѣйств. л. ск., 815.
Настасья-Лебедь-бѣлая—дѣйств. л. ск., 844; Микулишна, 844; Прекрасная, 785.
Настя Самокрастя—дѣйств. л. ск., 719.
Науи—мнѣ. птица, 915.
Наумова—доставительница сообщений, 772.
Наурызъ—пред. Киргизъ, 19.
Нахурай—онгонъ, 105.
Нахушваго—звѣзда, 732.
Нашахэ—аулъ въ Чечнѣ, 859.
Ндрапъ—рѣка, 937.
Неболинъ — авт., 661, 663, 665, 666, 668, 670, 680, 836, 851, 931.
Невельскій—адмиралъ, 675.
Негры—народъ, 779.
Некрасовъ—дѣйств. л. ск., 902.
Нема-Тайджи — дѣйств. л. ск., 495, 496.
Немвродъ—дѣйств. л. ск., 789.
Нерчинскъ—городъ, 664.
Нестіаръ—оз., 897.
Нѣтай Сара—дѣйств. л. ск., 252—255, 817.
Нехъ—созвѣздіе, 712, 740, 916.
Нешке—божество, 713, 730, 742.
Нигды-улусъ, 216.
Нижегородская губернія, 653, 675, 714, 730, 742, 758, 769, 880.
Нижеудинскій округъ, 25, 754.
Нижній Новгородъ—городъ, 929.
Низами—восточ. пис., 902.
Никола Можайскій — дѣйств. л. ск., 690.
Никольскій уѣздъ, 738, 772, 879, 880.
Никулица — дѣйств. л. ск., 844.
Нилгынскій улусъ, 54, 55, 84, 125, 126.
Нилханъ-наргынъ—уроч., 128.
Нилъ, еп.—авт., 677, 682, 686 — 689, 697, 704, 707, 744, 746, 768, 788, 792, 833, 892, 935.
Нилытшъ—созвѣздіе, 713.
Нишки-пасъ—божество, 809.
Новгородская Губернія, 708, 714, 772, 792, 893.
Новицкій — авт., 697, 757.
Новоильинское село, 850.
Новороссія—страна, 688.
Ногай—предокъ Киргизъ, 14; дѣйств. л. ск., 725, 931.
Ногаи, Ногайцы — народъ, 653, 668, 734, 845.
Ногмовъ—авт., 766, 859, 875, 882, 925, 928.

Ногой—мнѣ. племя, 931; дѣйств. л. ск., 915; покол., 2, 8; предокъ, 8.
Ногонъ-дара, Ногонъ-дареке, Ногонъ-Дариху—божество, 271, 297, 319, 320, 499, 500, 851, 867, 869, 890, 892, 915.
Ногонъ-тэмэпъ - тэнгэрлеръ кызъ — дѣйств. л. ск., 611—616.
Ногонъ Тэнгеринъ—онгонъ, 409.
Ногъ—мнѣ. птица, 863, 915.
Ной—алт. покол., 916.
Нойнъ - хутухта, Нойонъ - Хутухта—духов. лицо, 260, 407, 534.
Номгонъ Убашинъ Дабанъ—гора, 334.
Номгошу—мнѣ. лицо, 119.
Номъ Тологой—деревица, 188.
Ноой—алт. покол., 916.
Норвегія—страна, 663.
Нордквистъ—авт., 713, 789, 793.
Норъ-Буйрукъ—дѣйств. л. ск., 763.
Ноурузбай—пред. Киргизъ, 15.
Нохой, Ноой, см. Ногой.
Нохой-эртене — мнѣнч. народъ, 322, 870, 917.
Нуа-чехуа—звѣзда, 735.
Нуа-чирриэ—Млечный путь, 740.
Нувый ази—самодѣ. божество, 820.
Нугай—мнѣ. птица, 915.
Нүкузъ—дѣйств. л. ск., 740.
Нумъ—божество, 697, 698, 742.
Нусабай—пред. Киргизъ, 16.
Нура—рѣка, 897.
Нуралы—пред. Киргизъ, 14.
Нурбай—пред. Киргизъ, 19.
Нуръ-бике—жена кирг. предка, 16, 17.
Нуръ-сумынь—урянх. сумынь, 11.
Нъзъ-барюшъ—звѣзда, 732.
Нъмы, 691, 739, 779, 810.
Нюнъ-олъ-имаръ—созвѣздіе, 730.
Нюрба—казначей въ монастырѣ, 41, 49.

О.

Обо—дѣйств. л. ск., 822.
Обори-Богдо-ханъ—мнѣ. лицо, 823.
Оборъ-Боксо—дѣйств. л. ск., 823.
Оборъ-Улятай—дѣйств. л. ск., 823.
Обры—древн. народъ, 931.
Объ—рѣка, 667, 676, 702, 708, 723, 730, 732, 742, 750, 757, 770, 793, 901, 911, 916.
Ова—гора, 128.
Овидій—древній писат., 755, 767.
Оврамъ—дѣйств. л. ск., 903.
Оврүчъ—городъ, 902.
Огузъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 821, 873, 874.
Огуртенъ - урянхай, Ухыртенъ - урянхай—племя, 13.
Огусъ—племя, 872.
Одаконъ—мнѣ. рыба, 861.
Оджа—дѣйств. л. ск., 815.

Одинъ—сканд. богъ, 780; горный духъ, 127.
Одинъ-Ошинъ—созвѣздіе, 705.
Одой-Емегентъ—дѣйств. л. ск., 875.
Одой-ханъ—дѣйств. л. ск., 206.
Одунъ-Бодунъ, Одунтай-Бодунтай — предокъ джурбютскихъ князей, 229, 325, 326, 804, 805, 808, 821, 872.
Одунъ-мышинъ, Одунъ-мышитъ, Одунъ-Мечинъ—созвѣздіе, 111, 137, 705.
Одунъ-Солбынь—звѣзда, 137.
Одюзъ-Хогоръ-бо, Одюзъ — древн. шаманъ, 24, 672, 706, 711, 734, 818, 880, 927.
Оидыль-цаганъ—мнѣ. имя, 111.
Ой-кодзюль—созв., 942.
Ой-кузнецъ—дѣйств. л. ск., 433.
Оймагутъ—монгол. покол., 844.
Оинъ-Иргепъ—покол., 664.
Оинъ-шибонъ—мнѣ. птица, 84.
Ойо-Чикиту—дѣйств. л. ск., 838.
Оира—покол., 669.
Ойратъ, Ойротъ, Ойродъ — народъ, 2, 654, 660, 661, 666, 667, 669, 734, 875, 937, 938.
Ойродъ-канъ, Ойродъ-ханъ — дѣйств. л. ск., 207, 291, 298, 666, 667.
Ойсүзъ-кара, Ойсъ-кара—киргиз. святой, 368, 704.
Ойтынъ - Мэргэнъ - Тэбэнэ—дѣйств. л. ск., 229.
Ой - Тюрельтэй - Тэлыгиръ — дѣйств. л. ск., 195—197.
Ойхо-охолпонъ-Олотъ — дѣйств. л. ск., 283.
Ока—рѣка 22, 216, 652, 654, 661, 754.
Окторго-Долонъ-Бурхынъ — созвѣздіе, 137.
Окторгой-Джеды-Бурханъ — созвѣздіе, 136.
Олай-Магнушъ—иностр. учен., 774.
Олбо—злой духъ, 142, 430.
Олзеты—рѣка, 430.
Оленева змѣя, 928.
Олѣнь-дабанъ—горн. прох., 21, 535.
Олѣты, Олюты—народъ, 21, 232, 320, 325, 410, 473, 664, 665, 667, 874.
Олимпъ—гора, 828.
Олѣкбондинъ-джентисъ-покози—дѣйств. л. ск., 428.
Олонко—Алтаецъ, 177, 215.
Олосы—народъ, 663.
Олотъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 283.
Олху, Алхы—дѣйств. л. ск., 192, 777; холмъ, 804.
Оль-Бархакъ—дѣйств. л. ск., 830.
Олышъ—мнѣ. народъ, 671.
Олытъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 826.
Олыты-кыстаръ—мнѣ. лицо, 47.
Олыты-тёсъ—божество, 47, 746.
Олыяно—цѣлебн. вода, 746.

Ольберге—дѣйств. л. ск., 412, 413.
Ольга—русс. княгиня, 689, 839, 924.
Ольге—оз., 691.
Ольгэръ—созв., 942.
Ольджегелды—пред. Киргизъ, 19.
Ольхонъ—остр., 129, 215, 805.
Олюты см. Олёты.
Омаръ—пред. Киргизъ, 15.
Омогай, Омогой—предокъ Якутовъ, 625, 662.
Омскъ—городъ, 15, 658.
Омукъ-юргяля—созвѣздіе, 942.
Онгенъ-Тэнгиръ—дѣйств. л. ск., 275.
Онгонъ-Кокъ-Ола—гора, 432.
Онгонъ-Ола—гора, 406.
Онгу, Онгурёнъ—уроч., 290.
Онъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 853.
Ондронище—дѣйств. л. ск., 901.
Онежская область, 764.
Онзасъ—рѣка, 556.
Оника—дѣйств. л. ск., 929.
Ононь—рѣка, 805.
Оноха—дѣйств. л. сказ., 844.
Онд-Гериль-хатынь—небесная дѣва, 437.
Ончикъ-зайсанъ—пред. Дюрбютовъ, 327.
Ончонъ—дѣйств. л. ск., 858.
Онъ-Гала-ханъ—божество, 262.
Онъ-Сомъ—сибир. царь, 858, 860.
Онъ-ханъ—сибир. царь, 858.
Оорцугъ—покол., 665.
Опорхоль—дѣйств. л. ск., 808.
Оппертъ—нѣм. уч., 827, 842, 861—863.
Опракса—дѣйств. л. ск., 844, 890.
Оразъ—пред. Киргизъ, 17.
Оранъ-телегей—божество, 77, 92, 101, 125, 127, 225, 691, 417, 419, 421, 689, 691, 695, 697, 821, 916.
Оранъ-эззи—мнѣ. лицо, 391, 697.
Оргольджинъ—уроч., 111.
Оргончи—алт. поколѣніе, 940.
Ордахъ-Дзусюгай-Аи—якутск. богъ, 802.
Ордахъ-сюгэ—якутск. богъ, 840.
Орду-Цаганъ—сказоч. гора, 435.
Оренбургская губернія, 725, 730.
Оренбургъ—городъ, 658.
Орестъ—греч. герой, 810, 920.
Оржанту—гора, 214.
Оронъ—созвѣздіе, 137, 660, 670, 713, 718, 723—725, 788, 790, 791, 796, 799, 840, 877, 880, 886, 932, 933, 942.
Орланъ-мергенъ—дѣйств. л. ск., 260.
Орловская губ., 771, 772.
Орловъ, П. Д.—спутникъ экспедиціи, 671, 713.
Ормуздъ—иранск. богъ, 790, 877.
Орогоды—племя, 876.
Ородинъ-ханъ—мнѣ. книга, 315.
Оролынъ—дѣйств. л. ск., 693.

Оролынъ-мангысъ—дѣйств. л. ск., 397, 398.
Оролынъ-читкуръ—дѣйств. л. ск., 395, 401, 402, 417.
Оронъ-Ганцханъ-Модонъ—мнѣ. дерево, 187, 298, 772.
Орочоны—народъ, 138, 663, 677, 688, 697, 755, 919.
Орочу-Шигустей, Орочу-Шигуши—дѣйств. л. ск., 876, 919.
Орунъ-Ганцханъ-Модонъ—мнѣ. дерево, 821.—
Орунъ-Дэльхы—божество, 125.
Орусь—пред. Киргизъ, 18; имя русскаго народа, 663, 664; имя, встрѣчающееся въ сказ., 919, 920.
Орусь-гурочинъ—дѣйств. л. ск., 872.
Орусь-Иналъ—древн. князь, 876, 919.
Орусь-ханъ, Орусень-ханъ—дѣйств. л. сказ., 225, 304, 322.
Орусь-Цаганъ-Бёко—дѣйств. л. ск., 489.
Орфей—древн. музык., 679.
Орхонъ—рѣка, 12, 108, 410.
Орхонъ-хулубахча—дѣйств. л. ск., 233.
Орхустойцы—дѣйств. л. ск., 810, 811.
Орчинъ-солонъ—покол., 22, 663.
Оръ-куремесъ—онгонъ, 99, 697.
Осетины—народъ, 674, 697, 700, 704, 707, 710, 714, 718, 724, 730, 732, 735, 741, 747, 765, 770, 774, 775, 843, 872, 875, 879, 898, 912, 918, 928.
Осетія—страна, 674, 794.
Оси-багатаръ—дѣйств. л. ск., 928, 934.
Османлы-турки—народъ, 815, 842.
Османъ—пред. Киргизъ, 15, 16, 17.
д'Оссонъ—франц. учен., 872.
Остроумовъ—авт., 794, 827.
Остриковъ—авт., 711, 769, 850.
Ость-Колцинъ, вотяк. божество, 844.
Остяки—народъ, 656, 664, 676, 677, 680, 682, 697, 701, 702, 706, 707, 712, 732, 751, 755—757, 778, 779, 851, 900, 912, 934.
Остяки Васюганскіе, 676, 677, 680, 687, 712, 716, 747, 754, 847, 848.
Остяки Енисейскіе, 712, 716, 735, 740, 754, 771, 778, 779, 781, 791, 835, 836, 862.
Остяки нарымскіе, 717, 730.
Остяко-Самовды—народъ, 676, 677, 702, 704, 708, 709, 712, 717, 732, 742, 770, 793, 850, 894, 918.
Отёнъ—пред. Киргизъ, 19.
Отконъ-Цаганъ-Дагине—дѣйств. л. ск., 499.
Отукъ-батырь—дѣйств. л. ск., 304.
Отучи—дѣйств. л. ск., 191, 261.
Отханъ-хаирханъ, Отхонъ-тентри—гора, 722, 801.
Отче-ары—дѣйств. л. ск., 618—620, 930.

Отыкъ-кызылъ—гора, 746.
Офта—созвѣздіе, 713.
Охай—дѣйств. л. ск., 831.
Охтну-ахпаръ—созвѣздіе, 714.
Охтырганъ—царевна, 528.
Охъ—дѣйств. л. ск., 798, 831, 885, 891.
Очамайли—узбек. покол., 797.
Очи-Каракиши—дѣйств. л. ск., 715, 718, 786.
Очиръ-Вани, Очирвани-тэнгиръ, Очир-бани—божество, 192, 209, 223, 225—228, 257, 260, 261, 285, 292, 298, 314, 334, 335, 340, 430, 449, 450, 466, 796, 800, 801, 819.
Очиръ-даръ-лама—духовн. л., 217.
Очу-Каракиши, Очы-Каракиши—дѣйств. л. ск., 909, 914, 930.
Очурманы—дѣйств. л. ск., 220, 221—223, 800.
Ошинъ—горн. духъ, 127.
Оюмъ—пред. Киргизъ, 17.
Ою-Чикты-ханъ—дѣйств. л. ск., 283—285, 672.

П.

Павзаній—древ. писатель, 673.
Павло—дѣйств. л. ск., 925.
Пагай-джуро—дѣйств. л. ск., 817, 900.
Пагалайненъ—дѣйств. л. ск., 899.
Паданская пустынь, 893.
Падеринъ—рисовальщикъ, 98.
Падпакиши—дѣйств. л. ск., 424—427.
Пай-ана—алт. божество, 69, 691, 828.
Пай-ульгенъ—божество, 691, 878.
Пакондзи—мнѣ. птица, 760, 778, 781.
Пакту ханъ—божество, 878.
Пакьянъ шаманъ, 48.
Палака—дѣйств. л. ск., 920, 921.
Пала-муусъ—пред. покол. Манджи, 8.
Паланъ—покол., 2.
Паликона—прозвище свв. Бориса и Глѣба, 925.
Палкинъ—переводчикъ при экспедиціи, 21, 52, 142, 174, 176, 188, 244, 308, 320, 340, 383, 408, 409, 488, 647, 649, 650.
О. Палладій—русс. ориенталистъ, 663, 862, 917.
Палласъ—русс. путеш., 656, 662, 688, 691, 703, 717, 720, 748, 750, 751, 861, 867, 872, 928.
Пантусовъ—авт., 866.
Панчала—страна, 920, 921.
Парасъ—царство, 863.
Паръ—дѣйств. л. ск., 176, 177.
Паспауль—гора, 48.
Пахрасъ—Халхасецъ, 223, 279, 798, 800.
Паштыгашъ—древн. шаманъ, 842.

Пекинъ—городъ, 258, 285, 287, 299, 302—304, 307, 360, 361, 488, 664.
Пеле—уроч., 9.
Пелей—дѣйств. л. ск., 920.
Пелька—дѣйств. л. ск., 767.
Пене-Деманъ—дѣйств. л. ск., 811.
Пензенская губ., 653.
Пенкъ—созвѣздіе, 712, 876, 916.
Переяславецъ—русс. богатиръ, 925.
Переяславль—городъ, 925.
Перино—озеро, 672.
Перкуанъ—дѣйств. л. ск., 723.
Пермикинъ—путеш., 665.
Пермская губ., 809, 832.
Пермяки—народъ, 664, 676, 680, 815.
Персей—греч. герой, 844.
Перси—англ. издатель, 912.
Персія—страна, 731, 733, 769.
Персы—народъ, 681.
Перунъ—божество, 782, 926.
Песчаная—рѣка, 7, 182, 650.
Петерб. губернія, 732, 742.
Петлинъ—казакъ-путеш., 665.
Петропавловскъ—городъ, 652, 658.
Петръ—дѣйств. л. ск., 925.
Печенѣги—народъ, 651, 711.
Печора—рѣка, 827.
Пи-амбаръ—божество, 743.
Пигамбаръ—божество, 743, 828.
Пикте—франц. учен., 707, 714—716, 741, 753, 765.
Пилигримище—дѣйств. л. ск., 682, 817, 890, 891, 901.
Пилячучъ—божество, 694, 742, 748.
Пинегъ—городъ, 893.
Пинкель—дѣйств. л. ск., 894.
Пинэ—созвѣздіе, 723.
Пиргене—божество, 742.
Пирогость—слав. личн. имя, 881.
Пидигани—составитель старин. картъ, 815, 849, 901.
Пиеагоръ—древній музык., 679.
Плано Карпини—старин. путеш., 696, 738, 803.
Плеяды—созвѣздіе, 137, 705, 714, 729, 779, 780, 784, 830, 836, 880, 881, 922, 942.
Плиній—древ. писатель, 723.
Плѣва—Млечн. путь, 741.
Побей-Хотунъ батырь-бели—дѣйств. л. ск., 410, 902.
Поволжье—страна, 670—672, 690, 693, 696, 749, 757, 762, 765, 798, 809, 815, 828, 836, 844, 848, 849, 860, 869, 879, 897, 915.
Потаникъ—названіе дня, 868.
Подкатунскій улусъ, 940.
Подольск. губ., 804, 887, 888, 890.
Подонъ—уроч., 876.
Подбельничная—рѣка, 850.

Позднѣвъ—авт., 650, 667 — 667, 692, 734, 796, 872.
 Полатигорошекъ, Полатыгорошко — дѣйств. л. ск., 785, 786.
 Полабскіе славяне, см. Славяне.
 Полинезія—страна, 779.
 Половцы—народъ, 651, 680, 704, 711, 738, 931.
 Поляковъ—авт., 663, 750, 757, 835, 900, 912.
 Поляне—народъ, 752, 890.
 Полярная звѣзда — 137, 694, 734, 736, 762—764, 788, 790, 795, 796, 899, 942, Поморское царство, 739.
 Попій—алт. зайсанъ, 77.
 Попова семья—созвѣдіе, 730, 792.
 Поповъ, Н. — авт., 656, 661, 672, 820, 842, 878, 927.
 Поповъ, А. — русск. учен., 737, 739, 881, 898.
 Поповъ—авт., 859.
 Поповъ, Клавд.—авт., 656.
 Поповъ—монголистъ, 803.
 Поповъ—учитель въ Минус. окр., 942, 943.
 Порбакай-канъ—дѣйств. л. ск., 562.
 Пори-ханъ — дѣйств. л. ск., 177, 413, 826, 903.
 Поро-нинджиль—дѣйств. л. ск., 562.
 Порсукъ, см. Борсукъ.
 Портъ—созвѣдіе, 712.
 Порфирьевъ—авт., 736, 759.
 Порядниъ—состав. словаря, 663, 682, 683, 687, 691, 699, 703, 710, 729, 731, 743, 749, 758, 773, 774, 795, 828, 842, 862.
 Постниковъ — миссіонеръ, 41, 64, 76, 134, 208, 220, 223, 279.
 Потобъ—Алтаецъ, 289.
 Потсіоки—рѣка, 901.
 Поттъ—нѣмецк. учен., 766.
 Потыкъ—богатырь, 690.
 Пошехонскій уѣздъ, 869, 889.
 Почай—мнѣ. рѣка, 929.
 Пѣчѣкъ, Почукъ—Алтаецъ, 6, 8, 141, 170, 189, 224.
 Преллеръ—нѣмецк. учен., 786.
 Преходница—звѣзда, 733.
 Пржевальскій — путеш., 662, 663, 749, 796, 803—805, 872.
 Прилѣпъ—замокъ, 816.
 Прометей—дѣйств. л. ск., 805.
 Пруссъ—народъ, 663.
 Психей—греч. богиня, 760.
 Псурманъ—пред. Киргизъ, 18, 670.
 Птичье гнѣздо—созвѣдіе, 730.
 Пудайчи—мнѣ. птица, 870.
 Пунтъ—гора, 862.
 Пурулъ-то—оз., 706, 707.
 Пурутъ, Прутъ—покол., 2.

Пурханъ-Курбусту—Тэнггекэй, дѣйств. л. ск., 883.
 Пурюкше—дѣйств. л. ск., 715.
 Пфафъ—авт., 883, 928.
 Пши-Бадинокъ—дѣйств. л. ск., 899.
 Пшэбл-пшаго—звѣзда, 732.
 Пызасъ—рѣка, 556, 937, 938.
 Пыпинъ—русск. пис., 766.
 Пѣвцовъ—путеш., 792, 893.
 Писецкій—авт., 803.
 Пятница—дѣйств. л. ск., 696, 868.

Р.

Раби-Петахія—старин. пис., 704.
 Радде—путеш., 769, 806, 820.
 Радловъ—ученый, 1, 156, 650, 655, 682, 691—693, 704, 711, 718, 719, 721, 737, 742, 745, 747, 752, 763, 766, 769, 774, 776, 778, 781, 790, 791, 793, 797, 799—802, 809, 833, 836, 839, 840, 842, 854—856, 858, 862, 866, 867, 869, 874, 875, 877—879, 883, 887, 894, 895, 898, 899, 909, 914, 923, 930, 934, 943.
 Рай—пред. Киргизъ, 18.
 Рамайяна—инд. поэма, 781, 816.
 Рахлинское царство, 845.
 Рахмановичъ—дѣйств. л. ск., 767.
 Рахматовичъ—дѣйств. л. ск., 767.
 Рахоли—дѣйств. л. ск., 829.
 Рашидъ-Эддинъ—персид. историкъ, 20, 653, 661, 662, 664, 665, 668, 669, 671, 672, 704, 720, 722, 734, 746, 752, 761—763, 771, 780, 789—791, 797, 802, 805, 809, 819, 821, 828, 830, 839, 840—842, 846, 853, 856, 860, 867, 868, 872, 873, 876, 902, 903, 906, 908, 914, 916, 919.
 Реа—греч. богиня, 673.
 Редедъ—дѣйств. л. ск., 928.
 Ремезовъ—составитель атласа, 897.
 Речеречаръ—созвѣдіе, 724.
 Ривиль-хама—духъ покровитель, 128.
 Ригведа—свящ. книга, 715.
 Ригъ—дѣйств. л. ск., 670.
 Римскій Климентъ—дѣйств. л. ск., 792.
 Римскій папа—дѣйств. л. ск., 775.
 Риттеръ—нѣмецк. учен., 665, 805, 922, 931, 932.
 Ритциль-утгаль—созвѣдіе, 723.
 Рихтгофенъ—нѣмецк. учен., 659.
 Ровинскій—путеш., 664, 725, 730, 733, 741.
 Рогмо-гоа—дѣйств. л. ск., 844.
 Роговъ—авт., 680.
 Родванъ—доставитель сказ., 138, 184, 697, 755, 888.
 Родъ—слав. божество, 739, 929.
 Роженица—слав. божество, 739.
 Роксъ-Аланы—народъ, 752.

Романъ—дѣйств. л. ск., 893.
 Ромово—мѣстность, 792, 893.
 Рославль—городъ, 816.
 Ростомъ—дѣйств. л. ск., 750, 795.
 Россія—страна, 651, 659, 671, 672, 686, 689, 699, 700, 730, 742, 747, 762, 771, 829, 843, 871.
 Рубрукъ—старин. путеш., 863.
 Рувимъ—дѣйств. л. ск., 869, 888.
 Рудченко—соб. ск., 811, 831, 832.
 Румыны—народъ, 749.
 Русская земля, 320, 321, 408, 497.
 Русскіе — народъ, 152, 155, 161, 164, 165, 227, 356, 625, 626, 663, 664, 671—673, 677, 681, 682, 702, 717, 753, 754, 758, 767, 773, 808, 872, 901, 902.
 Русскій царъ—дѣйств. л. ск., 291, 330, 408, 757.
 Русскъ—дѣйств. л. ск., 902.
 Русскы—народъ, 902.
 Рустемъ—дѣйств. л. ск., 750.
 Русъ—народъ, 278, 279, 403, 700, 752, 860, 890, 926, 931.
 Русъ-Варяги—народъ, 752.
 Рыбниковъ — авт., 673, 690, 739, 767, 773, 786, 790, 802, 803, 820, 839, 844, 913, 926, 928, 929, 932.
 Рыковъ—авт., 816.
 Римскій папа—дѣйств. л. ск., 893.
 Рысамбетъ—пред. Киргизъ, 16.
 Рыспай—пред. Киргизъ, 16.
 Рысь—пред. Киргизъ, 18.
 Рымта-кыа-кодзулъ—звѣзда, 942.
 Рычковъ—стар. русск. пис., 849.
 Рязанская губернія, 879.
 Ряшъ—дѣйств. л. ск., 827.

С.

Саба-идлызы—звѣзда, 732.
 Сабанъ-аягъ—созвѣдіе, 723.
 Сабанѣвъ—авт., 750.
 Сабен—народъ, 689.
 Саблукъ—ориенталистъ, 666, 669, 927.
 Сабуй-я-бай-тоіго, дѣйств. л. ск., 633—637.
 Сабунъ-хабанъ—горн. прох., 304.
 Савельевъ—археологъ, 680.
 Савлій—дѣйств. л. ск., 926.
 Сагадай—дѣйств. л. ск., 329, 332, 692, 789, 797, 879.
 Сагайская степь, 10.
 Сагалъ—алт. покол., 2, 940.
 Сагантынь—пред. Бурятъ, 23.
 Саганъ—пред. Бурятъ, 826.
 Саганъ-ноинъ—дѣйств. л. ск., 329.
 Саганъ-Солбы—звѣзда, 137.
 Саганъ-ханъ—мнѣ. лицо, 823.
 Сагай-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 206, 789.

Сагашту-ханъ—дѣйств. л. ск., 417.
 Садикбекъ—пред. Киргизъ, 18.
 Садко—дѣйств. л. ск., 673, 831.
 Садовниковъ—авт., 693, 694, 698, 722, 736, 748, 752, 772, 777, 790, 794—796, 809, 848, 867, 868, 883, 901, 926, 929.
 Сажары—созвѣдіе, 714.
 Сазанъ—пред. Киргизъ, 16.
 Сайдалы—пред. Киргизъ, 19.
 Сайдыкъ—дѣйств. л. ск., 555.
 Сайдутъ—покол., 661, 669.
 Саингеле—дѣйств. л. ск., 583, 584.
 Сайнь-Амугуланъ-Ябудагъ—дѣйств. л. ск., 869.
 Сайнь-Белекъ—личное имя, 752.
 Сайнь-Галабынь-судуръ—монг. книга, 792.
 Сайнь-Гальбинъ-Мингынъ-бурхынъ — божество, 311—314, 450, 791, 867, 909, 910.
 Сайнь-нойонъ—монг. князь, 306, 852, 861, 865; его хопунъ, 906.
 Сайнь-Тегинъ—дѣйств. л. ск., 761, 841.
 Сайнь-Тулэгэнъ—дѣйств. л. ск., 863.
 Сайпъ-ханъ—монг. князь, 335, 336.
 Сайнь-Хунъ-Тайджи — дѣйств. л. ск., 530, 531.
 Сайнь-Цохуръ-мори—богатырск. конь, 503.
 Сайхай—дѣйств. л. ск., 826.
 Сай-ханъ—дѣйств. л. ск., 295.
 Сакей—пред. Киргизъ, 19.
 Сакіа-Пандита—дух. л., 844.
 Салавата лукъ—радуга, 918.
 Салаватъ—горы, 733.
 Саламджа—дѣйств. л. ск., 892, 898.
 Саларцы—народъ, 653.
 Сали-Кальджиги—предокъ Монголовъ, 665.
 Салтонское село, 937.
 Салтыганъ—божество, 905.
 Салтыковъ—Бурятъ, 267, 332.
 Саль—алт. покол., 940.
 Сальджакъ—урянх. покол., 11, 21, 39, 77, 80, 92, 94, 125, 136, 140, 141, 144, 160—162, 167, 665, 695.
 Сальджи-бай—пред. Киргизъ, 15.
 Сальджиуты—покол., 665.
 Сальхинъ—богатырск. конь, 505, 522, 523.
 Сальянъ—сел., 786.
 Самади—дѣйств. л. ск., 852.
 Самай—пред. Киргизъ, 18.
 Самантай—дѣйств. л. ск., 852.
 Саманъ-Табадри—дѣйств. л. ск., 886.
 Самаркандъ—городъ, 658.
 Самарово—сел., 900.
 Самарская губ., 777.
 Самбай-дагине—дѣйств. л. ск., 373—377.
 Самгытай—рѣка, 12.

Самдынъ—шаманка, 61.
Самородъ—дѣйств. л. ск., 928, 929.
Самойды—народъ, 656, 664, 674, 677, 682, 687, 696, 697, 699, 702, 724, 742, 744, 754, 778, 779, 788, 797, 820, 933; березовскіе, 712; обдорскіе, 756.
Самратъ—пред. Киргизъ, 18.
Самумль—болгарск. царь, 864.
Самурзаканъ—селеніе, 733.
Самыръ—Казанъ—дѣйств. л. ск., 801, 839.
Сана—дѣйств. л. ск., 809, 877.
Саналэнъ—Чымыкъ—дѣйств. л. ск., 284.
Сананъ-Сэценъ—монг. лѣтописецъ, 654, 665, 666—668, 694, 767, 788, 791, 792, 797, 802—805, 816, 826, 839, 843, 844, 852, 853, 872, 874, 876, 839, 843, 844, 852, 853, 881, 883, 886, 899, 904, 914, 916, 917, 919.
Санащъ—Алтаецъ, 173, 288, 291, 355, 429.
Сангай—горы, 265.
Сангай—онгонъ, 96, 99.
Сангинъ—Далай—озеро, 654, 661.
Сандадь-нойонъ-Мишени — дѣйств. л. ск., 824.
Санджи — дѣйств. л. ск., 4.
Санхе-Зукденъ—отдѣлъ Бурятск. народа, 23.
Санхони-цедекъ—дѣйств. л. ск., 386, 899.
Санъ—дѣйств. л. ск., 280, 281.
Санъ-хадуръ—дѣйств. л. ск., 875.
Саныль-Хани-хуухуль-Гургюмъ-Гоо—небесная дѣва, 437.
Сара—рѣка, 876.
Саракарахты—дѣйств. л. ск., 567, 568, 571.
Сарандза-Гомбу-ханъ — дѣйств. л. ск., 297.
Саранъ—дѣйств. л. ск., 814.
Саранъ-гэрэлъ—дѣйств. л. ск., 812, 919.
Сараса—деревня, 40.
Саратъ—звѣзда, 711.
Саратъ-Сабы-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 622.
Сардакчинъ—страна, 839.
Сарджанъ—пред. Киргизъ, 15.
Сарике—пред. Киргизъ, 18.
Сариъ—пред. Киргизъ, 17, 18.
Сарисынъ — Дюрбютъ, 138, 174, 178, 182, 183, 187, 189, 190, 199, 211, 216, 217, 224—226, 228, 234, 261, 262, 271, 272, 275, 286, 319, 321, 323, 325, 327, 329, 331, 335, 353, 356, 359, 360, 366, 486, 650.
Сарисынъ—Баабга, Сарисынъ-Бакба-гай—дѣйств. л. ск., 173—174.
Сармантай—пред. Киргизъ, 19.
Сармыгъ—мнѣ. змѣй, 783.
Саро—дѣйств. л. ск., 803.

Сартакай—дѣйств. л. ск., 900.
Сартактай — дѣйств. л. ск., 285—288, 737, 777, 900.
Сартактай-Кезеръ—дѣйств. л. ск., 286, 840.
Сартактенъ-буху—канава, 287.
Сартакъ—дѣйств. л. ск., 839, 840.
Сартакъ-багадуръ—дѣйств. л. ск., 840.
Сартакъ-Куджоръ—дѣйств. л. ск., 840.
Сартаулъ, Сартоль, Сартуль—халхасск. хошунъ, 23, 25, 270, 296, 654.
Сартъ—пред. Киргизъ, 18.
Сартъ—покол. Алтайцевъ, 2.
Сарты—народъ въ Туркестанѣ, 158.
Сару-чалъ—онгонъ, 96.
Саръ-Алтынъ—дѣйств. л. ск. 909.
Саръ-уулъ—дѣйств. л. ск., 793.
Сары—предокъ Киргизъ, 14, 15.
Сары-Алматъ—покол. Алтайцевъ, 2, 72.
Сарыбай—дѣйств. л. ск., 788, 859.
Сарыгатъ-беръ-тулуну — дѣйств. л. ск., 563.
Сарыг-иргитъ—покол. Алтайцевъ, 11.
Сары-Далай—мнѣ. море, 371, 428.
Сары-Джумартъ—покол. Киргизъ, 751.
Сары-еръ—дѣйств. л. ск., 885.
Сары-Кенгиръ—рѣка, 897.
Сары-Кошпа—рѣка, 939.
Сары-кулъ—пред. Киргизъ, 18.
Сары-кэрмэнъ—городъ, 751.
Сары-Мангышъ—урянх. сумынъ, 11.
Сары-сойонъ—покол. Алтайцевъ, 2, 293.
Сары-софы—пред. Киргизъ, 14, 15.
Сары-су—рѣка, 860, 896, 897.
Сары-Тоелесъ—покол. Алтайцевъ, 2.
Сары-Тырмашъ — дѣйств. л. ск., 328, 878.
Сарышоръ — покол. чернев. Татаръ, 937.
Сары-Юсунъ—пред. Киргизъ, 670.
Сасцари—созвѣдіе, 724.
Сатана—дѣйств. л. ск., 892.
Сати—дѣйств. л. ск., 724.
Сатибоджилъки—созвѣдіе, 723, 724.
Сатурнъ—звѣзда, 715, 787.
Сатурнъ—греч. богъ, 673, 715.
Сатъ-Темиръ—дѣйств. л. ск., 857.
Сатылганъ—пред. Киргизъ, 17.
Саулъ-Леванидовичъ—дѣйств. л. ск., 926.
Сауръ-Ванидовичъ—дѣйств. л. ск., 926.
Сауръ—хребетъ, 899.
Саусканъ-сайранъ—дѣйств. л. ск., 426, 427.
Сау-ханъ—дѣйств. л. ск., 800.
Сафьяновъ—минусинскій кунецъ, 618.
Сахалинъ—островъ, 675.
Сахаровъ—авт., 900.
Саховъ—Бурятъ, 168, 301.
Сахулу-сэтхъ—звѣзда, 732.
Сая—урянх. сумынъ, 11.
Саянцы—народъ, 1.

Саяны, Саянскій хребетъ, 61, 301, 303, 652, 653, 655, 656, 717, 839, 861.
Сбоевъ—авт., 905.
Сварогъ—слав. божество, 880, 881.
Сварожичъ—слав. божество, 881.
Свѣтлояръ—оз., 897.
Свѣтлыя озера, 897.
Свѣтъ-ханъ-кого-юмо — черемис. божество, 898.
Святогоръ—русс. богатырь, 739, 898, 929.
Святополкъ—рус. кн., 808.
Святохна—дѣйств. л. ск., 839, 924.
Святые озера, 897.
Себи—покол. черн. Татаръ, 939.
Сегизъ-Сары—предокъ Киргизъ, 14.
Сегитосенъ—духъ покровитель, 704.
Седзенъ—рѣка, 128.
Седьтъ бурханъ—божество, 534.
Сейтъ—пред. Киргизъ, 19.
Сексенбай—пред. Киргизъ, 18.
Селенга—рѣка, 655.
Семеново гнѣздо, 928.
Семеновъ—авт., 725, 915.
Семи горка — дѣйств. л. ск., 869, 889, 926.
Семизвѣздца—созвѣдіе, 779, 881.
Семикрава—дѣйств. л. ск., 719, 914.
Семикъ—мнѣ. лицо, 769, 928.
Семинскій блокъ, 706, 828.
Семиналатинская область, 13, 649, 655, 815, 896.
Семирѣчье—страна, 740.
Семиты—раса, 662, 842.
Семичиха—мнѣ. лицо, 769, 928.
Семіоны—дѣйств. л. ск., 787, 928.
Сенге—дѣйств. л. ск., 858.
Сенге Дорджи — халхасецъ, 215, 231, 262, 325.
Сенгелинъ хунъ тайджи—дѣйств. л. ск., 407.
Сенгенъ - хунъ - тайджи, Сенге - хунъ-тайджи — дѣйств. л. ск., 406, 407, 900.
Сенге-ханъ—дѣйств. л. ск., 279.
Сенгылъ—дѣйств. л. ск., 251, 252.
Сенковский—русс. пис., 748.
Сенкубай—пред. Киргизъ, 16.
Сенкулъ—рѣка, 653, 654.
Сеннахеримъ—дѣйств. л. ск., 922.
Сербы—народъ, 725, 730, 733, 736, 741.
Сергачск. уѣздъ, 713.
Сердынъ-тоджа—пред. Киргизъ, 15.
Сеславьевъ — дѣйств. л. ск., 837, 838.
Сеткилинъ-Чымыкъ — дѣйств. л. ск., 284.
Сеоонъ—дѣйств. л. ск., 922.
Сеоосъ—дѣйств. л. ск., 922.
Сибирь — страна, 411, 651, 652, 653, 655, 656, 659, 662, 668, 673, 676, 682,

683, 688, 700, 716, 730, 744, 756, 797, 799, 828, 829, 878, 891, 897, 901, 910, 928, 933, 936.
Сигирь-Уола Темиръ Силирденъ — дѣйств. л. ск., 635.
Сидимонъ—дѣйств. л. ск., 928.
Силасата—дѣйств. л. ск., 741.
Сила Царевичъ — дѣйств. л. ск., 868.
Симбирская губ., 653.
Симеонъ Юда—названіе дня, 928.
Симонъ—дѣйств. л. ск., 888.
Симургъ—мнѣ. птица, 930.
Симъ—библ. лицо, 881.
Сининъ—городъ, 752.
Синкаме—городъ, 752.
Сирдонъ—дѣйств. л. ск., 718.
Сириусъ—звѣзда, 789.
Сиринъ—страна, 673, 706.
Сисэмъ-дяштъ, Сисэмъ-озясть — созвѣдіе, 730.
Сіюнъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 740.
Скандинавскій полуостр., 774.
Скиль—дѣйств. л. ск., 926.
Скорпионъ—звѣзда, 733.
Славяне — народъ, 663, 700, 701, 732, 749, 772, 914; полабскіе, 772.
Словцовъ—авт., 852.
Сморацъ—звѣзда, 735.
Смородина—мнѣ. рѣка, 929.
Смѣловъ—авт., 798.
Сна-батырь—дѣйств. л. ск., 866.
Снѣгиревъ—русс. пис., 739, 876.
Соботекъ—дѣйств. л. ск., 924.
Собринъ—обдорскій остякъ, 680.
Согуръ-туганъ ашакъ — дѣйств. л. ск., 389.
Содэй-мергенъ—дѣйств. л. ск., 887, 899.
Созироко—дѣйств. л. ск., 875, 926.
Созурвцо—дѣйств. л. ск., 882.
Сойонъ—урянх. сумынъ, 10.
Сойонъ—покол., 7, 11, 661, 664, 669.
Сойоны—народъ, 40, 80, 94, 554, 702, 703.
Сойотская земля, 650.
Сойоты—народъ, 618, 647, 652, 653 — 655, 661, 879, 906, 941.
Сонтъ—поколѣніе, 661, 664, 669.
Соколовъ—миссіонеръ, 136, 155—160, 162—164, 166.
Соколовъ, I. — священникъ, 709, 751, 799.
Соколовъ—авт. 833, 866.
Сокольниковъ-Нахвальничекъ — дѣйств. л. ск., 926.
Солбанъ, Солбынъ — звѣзда, 137, 764, 784.
Солбанъ-мергенъ—дѣйств. л. ск., 891.
Солбынъ—звѣзда, 137.
Солдаты — Бурятъ, 122, 142, 193, 232, 352, 382.

Солнцева мать—дѣйств. л. ск., 831.
 Солнышко Сеславьевъ—дѣйств. л. ск., 837.
 Соловей Будимировичъ—дѣйств. л. ск., 767.
 Соловей разбойникъ—дѣйств. л. ск., 766, 767, 838, 906, 928.
 Соловьевъ—русс. истор., 663, 902.
 Соломидія—дѣйств. л. ск., 792.
 Соломоновъ мечъ, 905.
 Соломонъ—дѣйств. л. ск., 690, 750, 759, 764, 781, 784, 785, 792, 804, 814, 820, 835, 836, 838, 888, 893, 898, 930.
 Солонго—богат. конь, 748.
 Солонгосовъ ханъ—дѣйств. л. ск., 872.
 Солонгосъ—народъ, 748.
 Солонгосъ Мергетъ—народъ, 872.
 Солонготы—народъ, 875.
 Солонь—народъ, 663, 827.
 Солсанъ—дѣйств. л. ск., 753.
 Солты-гаанъ, Солтыганъ—божество, 879.
 Солтынгаанъ—божество, 69.
 Союзунъ-уулъ—дѣйств. л. ск., 793.
 Сопійскій склепъ, 804.
 Сорбя-Хоя-Итчитя-Соодакъ-Бэго—дѣйств. л. ск., 634.
 Соргогой—рѣка, 23, 412.
 Сорджи—дѣйств. л. ск., 903.
 Сорджи-баши—дѣйств. л. ск., 421.
 Сѳрѳ—мнѣ. гора, 785.
 Сорочинская гора, 690.
 Сорукдзунъ Гомбу Джалбу—дѣйств. л. ск., 319.
 Сорумъ—дѣйств. л. ск., 814, 815.
 Сорханъ-Шира—дѣйств. л. ск., 903.
 Соръ-канъ—дѣйств. л. ск., 903.
 Сосероко—дѣйств. л. ск., 832.
 Соска богатырь—дѣйств. л. ск., 785.
 Соска-Солса—дѣйств. л. ск., 811.
 Сослановъ-лукъ—радуга, 745.
 Сосланъ—дѣйств. л. ск., 794.
 Сосновка—село, 865.
 Сосрыко—дѣйств. л. ск., 804, 845, 846, 875, 881, 906, 926.
 Сосыръ—Хасутъ-урияхаецъ, 182.
 Сот-ня-бого-юмо—черем. божество, 897.
 Софійскій—авт., 815.
 Софы—предки Киргизъ, 19, 670.
 Софьюшка—дѣйств. л. ск., 888.
 Со-ханъ—дѣйств. л. ск., 800.
 Спасскій—авт., 665.
 Сренъ Галда—дѣйств. л. ск., 309.
 Становище—Млечн. путь, 742.
 Старый Крымъ—селеніе, 711.
 Стасовъ—авт., 863, 913.
 Степановъ—авт., 688.
 Стожары—созвѣздіе, 730, 880.
 Стоянь—дѣйств. л. ск., 757, 816.
 Стремоуховъ—авт., 784.
 Стри-богъ—слав. богъ, 739.
 Стуковъ—авт., 757, 847.
 Суанъ—предокъ Киргизъ, 14.
 Сугадынь-эртене—драгоценность, 380.
 Сугду-сумуръ-уланъ—мнѣ. гора, 233.
 Судахская долина, 753.
 Судана—дѣйств. л. ск., 834, 921.
 Судима—гора, 739.
 Судины—мнѣ. сущ., 739.
 Судома—гора, 739.
 Суки-Боди—дѣйств. л. ск., 318.
 Сулай-ханъ—духъ водъ, 226.
 Сулдестъ—племя, 903.
 Сулейманъ Бузуртановъ—Ингушъ, 724, 776, 782.
 Сулейманъ-пайхомаръ, Сулейманъ-пейгамбаръ—дѣйств. л. ск., 760, 839.
 Султанъ—божество, 878, 879, 905.
 Султу-Мегуджинъ—татарск. покол., 854.
 Сульдн-Тэнгри, Сульдэ—божество, 224.
 Сумаджугъ-Таника—истор. лицо, 834.
 Сумберъ-ола, Сумбуръ-ола. Сумбуръ-ола—мнѣ. гора, 240, 391, 429, 515, 516, 555, 690, 799.
 Сумеръ-ола, Сумуръ-ола, Сумэръ-уланъ—мнѣ. гора, 70, 223, 314, 318, 372, 690, 692, 758, 799.
 Сумповъ—авт., 738.
 Сумъ-Далай—мнѣ. море, 189, 314, 318, 429, 692, 825.
 Сумеръ-уланъ, см. Сумеръ-ола.
 Суну-матиръ—дѣйств. л. ск., 866.
 Сунуна—дѣйств. л. ск., 786.
 Суокъ—монгол. караулъ, 20, 286.
 Супанна—дѣйств. л. ск., 759.
 Сурганъ—дѣйств. л. ск., 805, 816, 872.
 Сурганъ-Шира—дѣйств. л. ск., 903.
 Сурунзу Варди—дѣйств. л. ск., 275.
 Сурья Ханъ—дѣйств. л. ск., 275.
 Суря—гора, 798.
 Суссати—дѣйств. л. ск., 829.
 Суть-кулъ, Суть-хулъ—мнѣ. озеро, 70, 372, 389, 692, 897.
 Сухобродзенко—дѣйств. л. ск., 785, 786.
 Сученко—дѣйств. л. ск., 785, 786, 925.
 Сучжеу—городъ, 653.
 Сучка-продучка—дѣйств. л. ск., 884.
 Спитія—страна, 711.
 Шетляха—созвѣздіе, 724.
 Сыздыкъ—пред. Киргизъ, 16.
 Сы-ма-цзянь—кит. историкъ, 944.
 Сырку—авт., 883.
 Сы-чуанъ—китайск. провинція, 653.
 Съюевъ—названіе радуги, 918.
 Съюланъ—духъ покровитель у Чувашъ, 935.
 Съюрень—названіе радуги, 918.
 Съянь-то—древн. народъ, 669, 854, 865.

Сэгунъ-Сэбдэкъ—дѣйств. л. ск., 822, 823.
 Сэгэнь—племя, 826.
 Сэлигсы—дѣйств. л. ск., 844.
 Сэръ—горы, 20.
 Сюань-Цанъ—кит. путеш., 746, 813, 922.
 Сюку-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 490.
 Сюлейманъ-Пейгамберъ—дѣйств. л. ск., 930.
 Сюльди-гора—черемис. божество, 905.
 Сюрдюгъ-сюга, Сюрдахъ-сюгъ—якутск. богъ, 789, 802, 820, 840.
 Сюртъ-дабанъ—горн. прох., 337.
 Сюръ—мнѣ. гора, 692.
 Сютенгенъ—пред. Киргизъ, 18.
 Сюндукъ—покол. Киргизъ, 15—19, 658, 768.
 Сябырь—пред. Киргизъ, 15.
 Сяньби—поколѣніе, 660.

Т.

 Таба-Ярья—дѣйств. л. ск., 280—283.
 Табылды—пред. Киргизъ, 16.
 Табынь-Сала—уроч., 217.
 Табынь-Сахатъ—шаманъ, 187, 225, 227, 228, 230, 235.
 Табынь-хошуту—онгонъ, 120.
 Табыска—покол. чернев. Татаръ, 937, 938.
 Тавгинцы—народъ, 861.
 Тагабская волость, 937.
 Тагъ-чокуръ-атъ—богатырск. конь, 584, 585.
 Таджи-боко—духъ морей, 226.
 Таджики—народъ, 839.
 Таджику—рѣка, 214, 215, 796.
 Таджи-Уриянхай—хошунъ, 654, 655, 664, 900.
 Тажа—бѣлая сова, 184, 768.
 Тазкаанъ—мнѣ. женск. лицо, 69.
 Тазъ—пред. Киргизъ, 16.
 Тайашъ, Таяшъ—покол. черн. Татаръ, 938, 939.
 Тайбашинъ—пок. бурят. нар., 23.
 Тайбашинъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 266.
 Тайбинъ-ханъ—китайскій императоръ, 429.
 Тайганчи—см. Таянджи, 374.
 Тайганъ—мнѣ. собака, 66.
 Тайгара—божество, 878.
 Тайга-този—мнѣ. лицо, 71.
 Тайга-Чокуръ—богатырск. конь, 373.
 Тайгине—дѣйств. л. ск., 424, 425, 427.
 Тайгыль-итъ—мнѣ. собака, 290.
 Тайджи-Дава—дѣйств. л. ск., 495.
 Тайджине—см. Тайгине.
 Тайджинъ-Арахы—дѣйств. л. ск., 209, 786, 794, 796.
 Тайджи-Нема—дѣйств. л. ск., 495.
 Тайджи-Тэнгри—дѣйств. л. ск., 224.
 Тайджи-ханъ, дѣйств. л. ск., 265, 267, 268.
 Тайджиуты—древн. народъ, 802, 804, 805, 828, 892, 908, 916.
 Таймасъ—пред. Киргизъ, 19.
 Таянь-Дерхе—дѣйств. л. ск., 293.
 Таянь-Тирхинъ—дѣйств. л. ск., 794, 835, 840, 841, 856.
 Таянь-Тэнгиръ—дѣйств. л. ск., 841.
 Таярь-бергенъ—пред. Киргизъ, 17.
 Тайсунъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 852.
 Тайсы—народъ, 231.
 Тайтеке—пред. Киргизъ, 18.
 Тайтурская степь, 411.
 Тайфу—народъ, 231.
 Тайхынъ—мнѣ. лицо, 127.
 Тайцаунъ—кит. пм-ръ, 840.
 Тайчжинъ-Арахы—дѣйств. л. ск., 804.
 Тайчибай—пред. Киргизъ, 16.
 Така—уроч., 430.
 Така-джаранъ—дѣйств. л. ск., 668, 900, 916.
 Такианусъ—дѣйств. л. ск., 731.
 Такна-Моргонъ—дѣйств. л. ск., 824.
 Талай-Лама—духовн. л., 339.
 Талай-малай—пред. покол. Манджп, 8.
 Талай-ханъ—божество минус. Татаръ, 789, 883, 900.
 Таландай—горы, 418.
 Таласъ—рѣка, 655.
 Талда—рѣка, 59.
 Талденъ-ханъ, Талдэнъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 232, 805.
 Талмасъ-ана, Талмасъ-Ата—развалины, 897.
 Таль-норъ—оз., 821.
 Талы-болдокъ—холмъ, 232, 805—806.
 Талынъ-хутулчи—дѣйств. л. ск., 243, 811.
 Талынъ-Элькинъ-хара—дѣйств. л. ск., 454.
 Талышинцы—народъ, 732, 741, 744.
 Талани—уроч., 823.
 Тамажъ—дѣйств. л. ск., 747.
 Тамба-Шанджи—дѣйств. л. ск., 493—495, 919.
 Тамбовская губернія, 742.
 Тамджинъ-Чоджилъ—лама, 181.
 Тамдынъ—мнѣ. лицо, 140, 207.
 Тамерланъ—дѣйств. л. ск., 802.
 Тамуды—племя въ ск., 858.
 Тамузъ—семит. богъ, 842.
 Тамуръ-сана—дѣйств. л. ск., 667.
 Тамъ—пред. Киргизъ, 18.
 Тана-Герель—дѣйств. л. ск., 424—427.
 Танатаръ—пред. Киргизъ, 15.
 Тангаръ—мнѣ. лицо, 75.
 Тангунъ-ола—см. Танну-ола.

Тангракь—пред. Киргизь, 17.
 Тангутская—страна, 534.
 Тангутъ-нохой—мн. собака, 931.
 Тангуты—народъ, 180, 188, 337.
 Тангиль-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 512—517, 920.
 Танза—Урянхаецъ, 139, 212.
 Танну-ола—горн. хр., 10, 61, 215, 230, 299, 652, 653, 791, 839, 851.
 Танская—династ. кит. имп., 841.
 Тансыкъ-хара-сумынъ — богатырская стрѣла, 445.
 Танъ—дѣйств. л. ск., 499, 500.
 Танъ-цолбанъ—звѣзда, 732.
 Таныркуль—пред. Киргизь, 18.
 Тарази, Таразы—созвѣздіе, 670, 723.
 Таракай—дѣйств. л. ск., 887.
 Тараканово село—790.
 Тараканскій скотъ, 790.
 Тараканчиковъ-Корабликовъ — дѣйств. л. ск., 790.
 Тараканчикъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Таракты—пред. Киргизь, 14.
 Таракты—покол., 670.
 Таракъ—пред. Киргизь, 14.
 Таракъ-Тамга—покол., 670.
 Тара-Донху-Цастай—уроч., 326.
 Таранатъ-гегенъ—свящ. лицо, 335.
 Таранчи—народъ, 866.
 Таранъ—шаманъ, 7, 10, 43, 50, 51, 53, 57, 59, 60, 62, 68, 69, 72, 178, 215, 235, 291, 298, 328, 367.
 Тарбаганъ—дѣйств. л. ск., 177—180.
 Тарбогатай—горн. хр., 707, 733, 904.
 Тарголове—дѣйств. л. ск., 778.
 Таргутай-Кирилтухъ — дѣйств. л. ск., 694.
 Тарданаъ — дѣйств. л. ск., 765, 774, 775, 778.
 Тарданаъ-Мэргынъ—дѣйств. л. ск., 180.
 Тарджиъ-Дарджиъ — пред. Дюрбютовъ, 326.
 Тарисъ—рѣка, 11.
 Тарканъ—дѣйств. л. ск., 843.
 Тармы-Цаганъ — богатырск. кольчуга, 432.
 Таромъ—божество, 797.
 Тарсей жидовинъ—дѣйств. л. ск., 927.
 Тарха—богатырск. лукъ, 492.
 Тарханъ—дѣйств. л. ск., 805.
 Тарханъ-бо — дѣйств. л. ск., 289, 290, 671, 761, 767, 775, 840, 842, 844, 856.
 Тарханъ-бо-Даинъ-Тере—дѣйств. л. ск., 290, 293.
 Тарханъ-бэйди—дѣйств. л. ск., 298.
 Тарханъ-дурискъ—духъ покров., 127, 232.
 Тархи—божество, 534.
 Тархоликъ—рѣка, 139, 144, 215, 695.
 Таръ-пегъ—дѣйств. л. ск., 759, 875.

Таска-батыръ—дѣйств. л. ск., 907.
 Таска-матыръ—дѣйств. л. ск., 759.
 Таспулатъ—пред. Киргизь, 17.
 Тастаракай—дѣйств. л. ск., 372.
 Тастаръ—покол. черн. Татаръ, 938, 940.
 Тасъ-Кайя-Итчитя-Толь-Эгой—дѣйств. л. ск., 634.
 Тасъ-Таракай—дѣйств. л. ск., 752, 887, 943.
 Татай-эмэгэнъ—онгонъ, 122.
 Татары — народъ, 144, 664, 665, 670, 698, 701, 707, 717, 721, 744, 750, 751, 765, 767, 769, 790, 820, 830, 854, 863, 876, 902.
 Татары абаканскіе или минусинскіе, 1, 690, 736, 737, 752, 789, 831, 832, 876, 885, 887, 899, 901, 903, 904, 913, 930, 932, 943.
 Татары барабинскіе, 1, 19, 653, 655, 658, 711.
 Татары горцы, 653, 703, 711, 729, 732, 740, 742, 766, 769, 787, 850, 859, 874, 912, 920.
 Татары дагестанскіе, 711, 732, 733, 740, 744, 745.
 Татары казанскіе, 655, 672, 695, 711, 723, 744, 748, 760, 769—771, 776, 806—809, 815, 821, 830, 832, 844, 860, 869, 871, 875, 881, 889, 912, 931.
 Татары качинскіе, 40, 41, 49, 136, 138, 144, 160, 618, 652, 655, 671, 676, 677, 680, 691, 697, 698, 700, 701, 707, 738, 752, 757, 759, 765, 796, 870, 927, 932, 934, 942, 943.
 Татары крещенные, 711.
 Татары крымскіе, 653, 680, 711, 725, 729, 732, 740, 744, 750, 753, 759, 767, 774, 790, 799, 807, 808, 811, 815, 836, 849, 860, 891, 930.
 Татары кузнецкіе, 70, 692.
 Татары кундровскіе, 653, 666, 670, 734.
 Татары лебедянскіе, 1.
 Татары Миншаръ, 711, 723, 729, 732.
 Татары нижегородскіе, 796.
 Татары сибирскіе, 1, 650, 652, 655, 719, 769, 910.
 Татары тарскіе, 897.
 Татары тобольскіе, 711, 732, 742, 750, 815, 849, 860, 898, 941.
 Татары томскіе, 653.
 Татары черневые, 1, 40, 41, 44, 45, 48, 54, 67, 70, 97, 98, 129, 130, 136—138, 193, 556, 618, 653, 660, 662, 676, 678, 692, 774, 781, 785, 789, 791, 793, 832, 867, 900, 941.
 Татары чулымскіе, 653, 682, 709, 711, 732, 751, 799, 907.
 Татжилу—рѣка, 215.
 Татичевъ, В. Н.—русс. историкъ, 656, 661, 672, 820, 842, 878.

Таттимбетъ—пред. Киргизь, 16.
 Тау-ханъ—дѣйств. л. ск., 800.
 Тахмураъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Тачжи-Урянхай—хошунъ, 178.
 Ташилукъ—уроч., 796.
 Ташин-хай—предокъ, 660.
 Ташканъ—дѣйств. л. ск., 897.
 Ташкентъ—городъ, 404, 750.
 Ташъ—богатырск. конь, 425, 426.
 Ташъ-богатыръ—дѣйств. л. ск. 839.
 Ташъ-Куренъ—богатырск. конь, 424.
 Тащаконъ—Теленгитъ, 56.
 Таянжикъ—дѣйств. л. ск., 373—376.
 Таянъ-ханъ найманскій, 844, 856.
 Таянъ—покол. черн. Татаръ, 556.
 Теасъ-хара-чило—мн. камень, 440.
 Тебене-кога—дѣйств. л. ск., 719.
 Тебикъ-Уланъ-Дзалута—дѣйств. л. ск., 503, 504.
 Теби-ханъ, Бюрюнъ-ханъ, Узунъ-орой-ду—мн. гора, 503.
 Тегалду-тоузенъ-мадуръ—мн. животное, 770.
 Тегусъ-Гегенъ—дѣйств. л. ск., 886.
 Тегусъ-Дзонту—дѣйств. л. ск., 886.
 Теди-Гучинъ-Ханъ-Хурмушту — боже-ство, 441.
 Тежиганъ—божество, 70.
 Теко—созвѣздіе, 730.
 Телегей—дѣйств. л. ск., 225.
 Телегей—предокъ, 9, 225, 662.
 Телекуль—оз., 896.
 Теленгетъ—покол. черн. Татаръ, 938; покол. Алтайцевъ, 940.
 Теленгитъ—народъ въ Алтаѣ, 1, 2, 9, 10, 39, 40, 68, 73, 96, 97, 136, 138, 144, 150, 225, 286, 291, 653, 655, 662, 941; поколѣніе волжск. Калмыковъ, 661.
 Теленгитъ—предокъ Теленгитовъ, 9.
 Теленгутъ—покол., 661.
 Телеуты—народъ, 2, 9, 10, 27, 29, 38, 42, 48, 63, 68—70, 78, 79, 130, 136—138, 144, 160, 179, 180, 182, 193, 213, 286, 288, 649, 653, 661, 666, 667, 887, 938.
 Телесы—народъ, 667.
 Телецкое озеро, 9, 10, 48, 666, 667, 940.
 Телешъ—дѣйств. л. ск., 207.
 Тельбегенъ—см. Джельбегенъ.
 Тельцукъ—дѣйств. л. ск., 778.
 Темень-Шаръ-Боко—дѣйств. л. ск., 511.
 Темерчинская волость, 653.
 Темешъ—пред. Киргизь, 19.
 Темирбекъ—пред. Киргизь, 18.
 Темирсана или Темирсана. дѣйств. л. ск., 224, 293, 799, 889, 898.
 Темиръ—дѣйств. л. ск., 762, 763, 882.
 Темиръ-боко—дѣйств. л. ск., 689, 808, 821, 911.

Темиръ-босъ—дѣйств. л. ск., 235, 476, 477, 510, 689, 808, 911.
 Темиръ-Джурекъ—дѣйств. л. ск., 800.
 Темиръ-каанъ—божество, 69.
 Темиръ-казыкъ—звѣзда, 690, 762, 899.
 Темиръ-могусъ—чудовище, 378, 898.
 Темиръ-мукъ—дѣйств. л. ск., 585.
 Темиръ-Олко, Темиръ-Олку — холмъ, 796, 804, 930.
 Темиръ-сана—дѣйств. л. ск., 689, 762.
 Темиръ-софы—пред. Киргизь, 14, 15.
 Темиръ-тайга — мн. страна, 64, 689, 690, 799.
 Темиръ-Терекъ-Джиланъ—пи—дѣйств. л. ск., 800.
 Темиръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 689, 762, 800.
 Темиръ-ханъ-Шура—крѣпость, 733.
 Темиръ-хатаги—предокъ, 734.
 Темиръ-Цорго—рѣка, 800.
 Темиръ-Цорго—уроч., 796, 800.
 Темиръ-Цохуръ батыръ—дѣйств. л. ск., 385, 386.
 Темурчи—дѣйств. л. ск., 855.
 Темуръ-Джинганъ—дѣйств. л. ск., 876.
 Темуръ-казыкъ—звѣзда, 808.
 Темуръ-хадакъ—дѣйств. л. ск., 826.
 Темучинъ—истор. лицо, 803, 804, 842, 854, 858, 862, 872, 892.
 Тенгере-Кайраканъ—дѣйств. л. ск., 797, 877.
 Тенгинъ—рѣка, 668.
 Тенгисъ—мн. липо, 224, 799, 842.
 Тенгисъ—рѣка, 21, 654, 668.
 Тенгрекей—дѣйств. л. ск., 721.
 Тенгри-бабай—божество, 821.
 Тенгри-ханъ, Тенгре-ханъ — божество, 33, 138, 141, 142, 174, 184, 197, 227, 233—235, 425, 442, 480, 482, 555, 694, 721, 761, 767, 785, 801, 828, 836, 877, 878, 899, 909, 911.
 Тенгри-ху—дѣйств. л. ск., 785.
 Тенгри-ху-Темиръ-боко—дѣйств. л. ск., 934.
 Тенибекъ—пред. Киргизь, 18.
 Тенисъ—дѣйств. л. ск., 799.
 Тепляковъ—авт., 883.
 Тергитъ-Тайши—пред. Дюрбютовъ, 326.
 Тердынъ-Улы—божество, 140.
 Терекъ—рѣка, 732.
 Теренъ-тиби—онгонъ, 121.
 Терешенко—авт., 739.
 Термисъ—рѣка, 11, 37.
 Терсъ-Тамгалы—покол. Киргизь, 670.
 Тертеъ—покол. Бурятъ, 25.
 Тертъ—ата—предки Киргизь, 14.
 Теръ-Герельтей-ханъ — см. Тюре-Герельтей-ханъ.
 Теръ-норъ, Теръ-хулъ—оз., 11, 12, 95, 137, 138, 140, 179, 205, 296.

Теръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 375 — 381, 721.
Тёсъ—рѣка, 61, 300, 652.
Теспы—см. Кеспы.
Техе-Бехо, Техо-бохо—дѣйств. л. ск., 235, 808.
Тибетцы—народъ, 664, 851.
Тибетъ—страна, 332, 334, 335, 657, 659, 818, 842, 873, 881.
Тибу-тангри, Тибу-генгери—дѣйств. л. ск., 804, 854.
Тидыганъ—созвѣздіе, 718.
Тимковский—путеш., 691, 692, 779, 801, 803, 804, 826, 841, 845, 881, 903.
Тимоня Златой Поясъ—дѣйств. л. ск., 744.
Тимуръ—дѣйств. л. ск., 806.
Тимуръ-казыкъ—звѣзда, 734.
Тимуръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 799.
Тимуръ-ханъ—см. Темиръ-ханъ.
Тинигъ-ачакъ—дѣйств. л. ск., 591.
Титаганъ—дѣйств. л. ск., 200.
Титъ-рыба—мнѣ. рыба, 737.
Тифлисъ—городъ, 694, 708, 713, 714, 724, 741, 745, 747, 777, 782, 849, 874, 884, 925.
Тихонравовъ—русс. учен., 670, 681, 719, 736, 748, 782, 816, 828, 862, 874, 898, 902, 912.
Тиермесь—лапландск. богъ, 828.
Тлемись—пред. Киргизъ, 16.
Тлеу—покол. Киргизъ, 661.
Тлеу—пред. Киргизъ, 18.
Тлеубекъ—пред. Киргизъ, 17.
Тлеукъ—пред. Киргизъ, 16, 17.
Тлянчи—пред. Киргизъ, 16.
То—уроч., 326.
Тобахъ—дѣйств. л. ск., 827.
Тобольская губ., 674, 687, 724.
Тобольскъ—городъ, 652, 752.
Тобуклы—пред. Киргизъ, 15.
Тогай—предокъ, 734.
Тоглокъ—дѣйств. л. ск., 825, 826.
Тогозь-Кудай—божество, 932.
Тогонъ-чило—скала, 805.
Тогосъ-башты-джелъбегень—дѣйств. л. ск., 561.
Тогосъ-конгураты-бинжи—дѣйств. л. ск., 560, 561.
Тогосъ-чаячи—дѣйств. л. ск., 572.
Тоготъ-улусъ—селеніе, 126.
Тогруль—дѣйств. л. ск., 856.
То-гунъ—урянкайскій князь, 11.
Тогурастанъ—предокъ Киргизъ, 14.
Тогуру-Кетская—волость, 706.
Тогусъ—дѣйств. л. ск., 220.
Тогусъ-сары—предокъ, 670.
Тодошъ—дѣйств. л. ск., 220.
Тодоянь—собств. имя, 718.
Тоёлесъ—покол., 1, 2, 4, 9, 129, 177, 668.

Тойбонъ-Ханъ—дѣйств. л. ск., 427—429, 906.
Тоймасъ—пред. Киргизъ, 15.
Тойнь—пред. Дюрботовъ, 326.
Токань—пред. Киргизъ, 18.
Токкоджа—пред. Киргизъ, 18.
Токсанъ—пред. Киргизъ, 19.
Токтагуль-Мергентъ—дѣйств. л. ск., 802.
Токтасъ—пред. Киргизъ, 18.
Токточуръ—мнѣ. птица, 315.
Токъ-бура—пред. Киргизъ, 19.
Толай-Болдой-горхонъ—рѣка, 806.
Толгырь-Талъджинъ—дѣйств. л. ск., 319.
Толи-Занданъ-тайгнъ—дѣйств. л. ск., 467, 475.
Толиндынь-Ханъ—дѣйств. л. ск., 528, 542, 870.
Толонъ-Арыкъ-Дархана—дѣйств. л. ск., 608—611, 924.
Толонъ-Шюбгуръ-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 249, 250.
Толучакъ—дѣйств. л. ск., 427, 428.
Тольбесъ—рѣка, 936, 939.
Тольджамай—шаманка, 61.
Тольджинарь—дѣйств. л. ск., 425—427.
Тольты-ханъ—дѣйств. л. ск., 329, 805, 879.
Томприсъ—дѣйств. л. ск., 833.
Томская губернія, 161, 772, 776, 777, 838, 851, 892—894, 924, 928.
Томскъ—городъ, 653, 667.
Томъ—рѣка, 21.
Тонганъ, Тонгжуанъ—покол., 2, 6, 8.
Тонгокъ—покол., 2, 13.
Тонгуль—покол. черн. Татаръ, 938.
Тонгусъ—покол., 842.
Тонгъ—покол. чернев. Татаръ, 938.
Тонджен-Молонъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 385.
Тондыкъ—дѣйств. л. ск., 547, 548.
Тонжуанъ—дѣйств. л. ск., 220.
Тонсыгъ лама—дѣйств. л. ск., 227, 261.
Тончи-мергентъ—дѣйств. л. ск., 399, 400, 401, 899.
Тончи-Молонъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 899.
Тоодынъ—халхаск. покол., 330.
Тоблоъ—алт. покол., 940.
Тоондоръ—покол., 9.
Тоонъ—покол. кумандицевъ, 9.
Тоормъ—божество, 880.
Топай—дѣйств. л. ск., 830.
Топчи хара—мнѣ. книга, 340.
Тора—чуваш. богъ, 798, 806.
Торамень—покол. Туркменъ, 671.
Торганъ—дѣйств. л. ск., 849.
Торганъ-Шара—дѣйств. л. ск., 903.

Торгонъ—дѣйств. л. ск., 805.
Торгоуты—народъ, 654, 854, 861, 899.
Торджи Нелба—нижній адъ, 555.
Торки—народъ, 711.
Тормъ—божество, 880.
Торо—покол. Алтайцевъ, 2, 6, 660.
Торосъ—дѣйств. л. ск., 806, 872.
Торосъ-дабанъ—горн. прох., 806.
Тортогузы—покол. Киргизъ, 18, 19, 666.
Торумъ—божество, 880, 925.
Торхула—гора, 236, 287, 650.
Торцо—дѣйств. л. ск., 475—479.
Торъ—сканд. богъ, 722, 744, 747, 774, 780, 828, 845.
Тостогошъ—предокъ шамановъ, 62, 72, 290, 291, 293, 800, 835, 842.
Тостубашъ—дѣйств. л. ск., 289.
Тосъ-хаирханъ—гора, 746.
Тотжи-Урянхай—народъ, 63.
Тоти—птица, 319, 320.
Тотикъ—дѣйств. л. ск., 809.
Тотой—Теленгитка, 142, 177, 180, 193, 205, 215, 234.
Тотой-каанъ—мнѣ. лицо, 69.
Тотой-тенере—божество, 70.
Тоторъ—предокъ поколѣнія Манджи, 8.
Тоторъ манджи—покол., 8.
Тотошъ—покол., 2.
Тотурхай Илгысынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 467, 471, 475, 480, 907, 910, 911.
Тофа—имя карагаск. народа, 668.
Тохта-бики—дѣйств. л. ск., 857.
Тохтамысъ-ханъ, Тохтамышъ—дѣйств. л. ск., 787, 844, 857, 858, 921.
Точжи-огурды хошунъ, 11, 12.
Точжи-урянкай—страна, 746.
Трёмсинъ-Борисъ—дѣйств. л. ск., 814, 925.
Третьяковъ—авт., 676, 677, 680, 683, 687, 688, 697, 700, 716, 717, 735, 739, 740, 754, 775, 777, 781, 788, 797, 820, 847, 933, 934.
Триглавъ—гора, 799.
Три-паря—созвѣздіе, 725, 880.
Триа дельфи—созвѣздіе, 724.
Троицкій, И. Г.—профессоръ, 714, 731, 741.
Тромъ-сынъ—дѣйств. л. ск., 858, 925.
Троянь—дѣйств. л. ск., 760.
Трусовъ—доставитель сказаній, 889, 893.
Ту—рѣка, 327.
Ту-ан-ку—дѣйств. л. ск., 944.
Тува, Тува—народъ, 1, 26, 36, 37, 54, 77, 80, 90, 93, 130, 136—141, 192, 205, 208, 666, 931.
Туби-тангри, Тубутъ-Тангри—дѣйств. л. ск., 841, 842, 854, 860.
Тува. см. Тува.

Тува-усиха—звѣзда, 789.
Тугаринъ Бѣлевичъ—дѣйств. л. ск., 913.
Тугаринъ Змѣевичъ—дѣйств. л. ск., 753, 891, 898, 913.
Тугумъ ханъ—предокъ, 670.
Тугу-сакта—дѣйств. л. ск., 330.
Тузъ-улъ—дѣйств. л. ск., 359.
Туйбасъ—Алтаецъ, 2, 7, 289.
Тукей—пред. Киргизъ, 18.
Тукюе—народъ, 841.
Тулашинъ—онгонъ, 107, 108, 121, 703, 885.
Тулѣкпай—пред. Киргизъ, 18.
Тулѣкъ—пред. Киргизъ, 18.
Тулмагъ-нойонъ-Туранъ-эжинъ—по кров. духъ, 824.
Тулская губ., 686, 742.
Тулжичинъ—дѣйств. л. ск., 425, 426.
Тулюнъ—хошунъ, 12.
Тулюшъ—урянк. покол., 12, 668.
Тумановъ—фотогр., 330, 688, 725.
Туматъ—покол., 2, 12, 139.
Тумена-ханъ—монгол. ханъ, 669, 906.
Тумурлюнгъ—уроч., 797, 799.
Тумуръ-Джиргылъ—дѣйств. л. ск., 254—256.
Тумчугашъ—шаманъ, 76.
Тумыр-олху—холмъ, 804.
Тунгуска—рѣка, 692.
Тунгусъ—покол., 740.
Тунгусъ—дѣйств. л. ск., 834, 838, 842, 931, 932, 934.
Тунгусъ-Аррангасъ—созвѣздіе, 710, 932.
Тунгусы—народъ, 25, 162, 638—640, 656, 662, 664, 665, 676, 682, 683, 688, 692, 697, 701, 712, 716, 717, 730, 751, 754, 778, 779, 820, 832; амурскіе, 735, 866; верхоанскіе, 840.
Тунгъ-Каратты-ханъ—дѣйств. л. ск., 373—379, 777, 834, 898, 922.
Тунгъ-шяль—истор. лицо, 834.
Тунка—селен., 22, 23, 108, 111, 155, 161, 164, 169, 233, 265, 655, 717, 772, 773, 776.
Тункинскія горы, 823, 824.
Туицынь—сказатель былинъ, 837.
Туранскія минеральныя воды, 126.
Туранскій караулъ, 753, 890.
Туранцы—народъ, 681.
Тураханъ—дѣйств. л. ск., 849.
Турдубекъ—пред. Киргизъ, 16, 17.
Туркестанцы—народъ, 72, 658.
Туркестанъ—страна, 320, 658, 681, 813, 896, 922.
Турки—народъ, 769, 863, 896; адериби-жанскіе, 733; балканскіе, 1; закавказскіе, 723, 740; кавказскіе, 1; крымскіе, 1; саянскіе, 658.

Туремени — народъ, 1, 652, 671, 900; ихъ земля, 658, 896.
 Туркобай — пред. Киргизъ, 18.
 Туромъ — остяк. божество, 912.
 Турсунбекъ — пред. Киргизъ, 19.
 Турсунъ — дѣйств. л. ск., 404.
 Туртэ Дагбы — божество, 261.
 Турубъ, Турумъ — дѣйств. л. ск., 233.
 Турукъ — мнѣ. птица, 454.
 Турумъ — дѣйств. л. ск., 806.
 Турумъ-Бодонъ-хошуши см. Турубъ.
 Туруту — мнѣ. конь, 454.
 Туруханскій край, 676, 677, 683, 687, 697, 756, 777.
 Турция — страна, 786.
 Туръ — городъ, 731.
 Түрюши-ханъ — дѣйств. л. ск., 253.
 Туфа, Туха — название урянхайскаго народа, 12, 13, 668.
 Тухтугенъ-куру — горы, 20.
 Туше-Гунъ — монгольск. князь, 306.
 Тушету Ханъ — монгольск. князь, 336, 340.
 Тушцы — народъ, 745.
 Тхостъ — дѣйств. л. ск., 844.
 Тцалькади — созвѣздіе, 730.
 Тцетцесъ — византійск. писат., 682.
 Тшякъ — пред. Киргизъ, 16.
 Тыгынь — якут. богатырь, 930.
 Тыжиль-Кутху — божество, 694.
 Тызынь — якутск. богатырь, 625, 626, 930.
 Тырмашъ — дѣйств. л. ск., 880.
 Тытыганъ — созвѣздіе, 136.
 Тьедыганъ — созвѣздіе, 717.
 Тьедыгаръ — созвѣздіе, 717.
 Тьетегенъ, Тьидегенъ — созвѣздіе, 717.
 Тянь Шанъ — горн. хреб., 188, 652—656, 839.
 Тѣбъ-Тэнгэри — дѣйств. л. ск., 841.
 Тѣбиръ-ханъ — божество, 218.
 Тѣбсинъ Тюрельтей Тѣлгырь — дѣйств. л. ск., 195—197.
 Тѣкъ-мукъ — дѣйств. л. ск., 585.
 Тѣкэбай — пред. кирг. нар., 18.
 Тѣлэ — пред. Киргизъ, 17.
 Тѣлэгенъ — личн. имя, 744.
 Тѣмень-Ногонъ — дѣйств. л. ск., 615.
 Тѣмиръ Босъ — дѣйств. л. ск., 475.
 Тѣмиръ-сана — дѣйств. л. ск., 866.
 Тѣпгиринъ-гурба-басыгыт — онгонъ, 121.
 Тѣпгиринъ урту-шаръ — дѣйств. л. ск., 399.
 Тѣпгиръ Токтыкчи Едзень-ханъ — битайскій импер., 327.
 Тѣпгиръ Хормусты — дѣйств. л. ск., 518.
 Тѣпгиръ — добрые духи, 223.
 Тѣпгредынъ Улы — мнѣ. лицо, 140.
 Тѣпгре Кудай — божество, 290, 291.

Тѣпгре Тушету-Ханъ дѣйств. л. ск., 287.
 Тѣпгре-Хормусту ханъ — дѣйств. л. ск., 381.
 Тѣпгри-Горбустѣнт Ханъ — дѣйств. л. ск., 234.
 Тѣпгри-гурба-галдзушинъ — онгонъ, 106, 113.
 Тѣпгри-улы — дѣйств. л. ск., 810.
 Тѣпгри-ханъ, см. Тѣпгри-ханъ.
 Тѣпгри-ханъ Хормусту — дѣйств. л. ск., 194, 940, 346.
 Тѣпгри Цаганъ-ханъ — дѣйств. л. ск., 198.
 Тѣпгрии-ку, Тѣпгрии-ху — дѣйств. л. ск., 181, 325, 503, 510.
 Тѣпгрии-Буха — мнѣ. быкъ, 194.
 Тѣпгрии-ойдыл — Млечный путь, 138.
 Тѣпгрэ Бурканъ — божество, 141, 181.
 Тѣпгрэдынъ-улы — дѣйств. л. ск., 806, 810.
 Тѣпгрэкэй — дѣйств. л. ск., 785.
 Тѣпгрэнынъ-улы — дѣйств. л. ск., 173, 761.
 Тѣнебекъ — пред. Киргизъ, 17.
 Тѣнесъ — пред. Киргизъ, 15.
 Тѣрсинъ Дзурганъ Бакинъ — дѣйств. л. ск., 272.
 Тѣртэ — пред. Бурятъ, 23.
 Тѣбешъ — шаманъ, 56.
 Тѣюбъ — Дархатъ, 499.
 Тѣюлунъ — личное имя, 744.
 Тѣюлкчи — дѣйств. л. ск., 540—542.
 Тѣюлунгъ — пред. Киргизъ, 14.
 Тѣюлунъ — личное имя, 744.
 Тѣюлязи — дѣйств. л. ск., 827.
 Тѣюмедъ — покол., 667.
 Тѣюмендей — дѣйств. л. ск., 341, 885.
 Тѣюмень — городъ, 652, 752, 858.
 Тѣюменьги Бурканъ — дѣйств. л. ск., 180.
 Тѣюмюды — монг. покол., 788.
 Тѣюргунъ — бѣлокъ, 20, 124.
 Тѣюре Герельтей Ханъ — дѣйств. л. ск., 284, 285.
 Тѣюрки — племя, 1—20, 652, 653 — 658, 687, 693, 786, 870.
 Тѣюрмасъ — дѣйств. л. ск., 880.
 Тѣюштанъ — дѣйств. л. ск., 849.
 Тѣяибекъ — пред. Киргизъ, 16.
 Тѣянь-Шанъ — горн. хреб., 717.

У.

Уакъ — предокъ Киргизъ, 14.
 Уарани-тцоби — созвѣздіе, 714.
 Уаскерги, Уасмыргий — дѣйств. л. ск., 912.
 Уастырги — дѣйств. л. ск., 912.

Уастырдж — дѣйств. л. ск., 724, 829, 912.
 Уастырдж-бахъ — созвѣздіе, 724.
 Уастырдж-сахынъ — созвѣздіе, 724.
 Убиртыхъ Хормозъ — дѣйств. л. ск., 611—613.
 Убса — оз., 20, 136, 661.
 Убукгунъ Улукчиновъ — дѣйств. л. ск., 846, 847.
 Угада-Шилгы — богатырск. конь, 416, 418, 424.
 Угаръ — созвѣздіе, 137, 203, 780.
 Угатай Джилгы — богатырск. конь, 416.
 Угледъ — покол. Ойратовъ, 667.
 Угрюмище — дѣйств. л. ск., 682, 890.
 Угузъ-каанъ — мнѣ. лицо, 69.
 Угулунчи ханъ — дѣйств. л. ск., 555.
 Угуръ — покол. Бурятъ, 22.
 Угдэй — монголо-кит. имп-рь, 840.
 Уда — рѣка, 832.
 Удактай — мнѣ. страна, 33.
 Удалъ-молодецъ — дѣйств. л. ск., 844, 884.
 Удзэнгъ — дѣйств. л. ск., 759, 875.
 Удзюмта — рѣка, 430.
 Удзюмчи-солонъ — покол. Солоновъ, 22.
 Удзюмъ-гунъ — дѣйств. л. ск., 298.
 Удъ-хадай-ханъ — божество огня, 699, 752.
 Узбеки — народъ, 652, 671, 933.
 зун- жулъ — рѣка, 618.
 Узунъ-ачакъ — дѣйств. л. сказ., 591 — 594.
 Узутъ-шоръ — покол. Чернев. Татаръ, 556, 937, 939, 940.
 Уйбатъ — рѣка, 618.
 Уйгуры — народъ, 1, 653, 654, 669, 735, 867.
 Уй-джанджинъ — дѣйств. л. ск., 216, 298, 304, 852.
 Уйдинъ Гуна кошунъ, 230, 231.
 Уилханъ — рѣка, 292.
 Уиль — птица, 874.
 Уинъ — урянх. покол., 10, 12, 21, 664, 896.
 Уинъ — богатырск. конь, 476.
 Уинъ-Замбылай — дѣйств. л. ск., 476.
 Уйраты — народы, 873.
 Уйтынъ дабанъ — горн. прох., 457.
 Укальтежидъ — созвѣздіе, 723.
 Укертай — рѣка, 300.
 Укинъ-Бурханъ — дѣйств. л. ск., 790, 830.
 Уку — дѣйств. л. сказ., 177.
 Укуръ — созвѣздіе, 780.
 Укуръ Ганъ — дѣйств. л. ск., 193.
 Укыръ-хара-чило — камень, 744.
 Улаганъ — рѣка, 666, 934, 941.
 Улакшинъ — дѣйств. л. ск., 427, 907, 909.

Улакшинъ-чино, Улакшинъ-чоно — предокъ, монг. народа, 828, 908.
 Улала — селен., 8, 53, 148, 152, 153, 179, 180, 182, 208, 213, 218, 649, 666, 870.
 Улал-зары — шаманъ, 125.
 Улангомъ — монастырь и княж. ставка, 20, 41, 174, 178, 182, 216, 217, 262, 320, 321, 326, 327, 650, 797.
 Уланъ Аргата Уньюгу — дѣйств. л. ск., 552.
 Уланъ-Баяръ — личн. имя, 752.
 Уланъ-сатертей — гора, 746.
 Уланъ-Тологой — гора, 305, 399.
 Уланъ-Улукчунъ — дѣйств. л. ск., 334.
 Уланъ-Хатъ — онгонъ, 409.
 Уланъ-хорюгонъ — название жертвы, 85.
 Уланъ-Хунъ-Тайджи — монгол. предокъ, 797, 916.
 Уланъ-пахіусъ — священныя знамена, 123.
 Улахай-Тайши — предокъ Дюрбиотовъ, 326.
 Улбуръ-Шари — дѣйств. л. сказ., 325.
 Улей дабанъ — горн. прох., 306, 307, 309.
 Уленъ-шибонъ — мнѣ. птица, 84.
 Улинда-Будунъ — предокъ Калмыковъ, 873.
 Улита — дѣйств. л. ск., 829, 890, 925, 944.
 Улита Юрьевна — дѣйств. л. ск., 890.
 Улу — мнѣ. змѣй, 142, 177, 422, 423.
 Улудагъ — гора, 793.
 Улу-Далай — мнѣ. море, 207.
 Улукенъ, Улукэнъ — божество, 691, 805.
 Улутъ-ханъ — онгонъ, 99, 691; дѣйств. л. ск., 746.
 Улу-Хемъ, Улу-Кемъ — рѣка, 12, 40, 41, 61, 77, 78, 80, 94, 99, 128, 133, 136—138, 164, 165, 583, 618, 647, 649, 695.
 Уль — дѣйств. л. ск., 422.
 Улы, Улу — божество, 745.
 Улы-Кайраканъ — божество, 77, 139, 289.
 Ульберге — дѣйств. л. ск., 412—416, 903.
 Ульбо — урянхаецъ, 139, 225.
 Ульгенъ — божество, 47, 62, 64, 69, 70, 71, 79, 91, 130, 218, 331, 691, 692, 698, 748, 799, 874, 938.
 Ульгенъ-Пи — божество, 862.
 Ульгаръ, Улькаръ, Ульхэръ — созвѣздіе, 137, 729, 730.
 Уляница — цѣлебн. вода, 746.
 Уляръ-этингъ — божество, 821.
 Улясугай — городъ, 12, 289, 304, 749, 751, 806.
 Умрисена, Умурсена — дѣйств. л. ск., 861, 866.
 Умурзакъ — предокъ Киргизъ, 16.
 Уналапка — островъ, 943.

Унгира—поколѣніе, 669.
Унгунъ-мори — богатирск. конь, 507, 512.
Унгуты, Юнгуты—мнѣ. народъ, 116.
Унгъ—торгоут. предокъ, 854.
Ундольскій—собираетъ памятниковъ, 912.
Ундуръ дерхи-убугунъ—мнѣ. лицо, 76.
Ундюръ-бай-сахылынъ—гора, 232.
Ундюръ-Богдо—дух. лицо, 339, 407.
Ундюръ-Гегенъ—духов. лицо, 340, 406.
Ундюръ-Сыхылынъ—гора, 805, 900.
Унканъ—дѣйств. л. ск., 863.
Унцынъ — Халхасецъ, 232, 293, 298, 320.
Уоръ-вожъ—созвѣдіе, 714.
Ушъ—божество, 716.
Уразъ-Мухамедъ — касимовскій царевичъ, 668.
Уралъ—рѣка, 871; горн. хребетъ, 653, 699.
Уранга—народъ, 22, 662—664, 919, 931.
Уранга Солонъ—народъ, 919.
Уранъ-Мандзи-шири—божество, 697.
Урга—городъ, 179, 181, 259, 260, 301, 691, 779.
Урди—уроч., 926.
Урилинъ Цолмонъ—звѣзда, 137.
Уріеръ — дѣйств. л. ск., 847, 848.
Уркерь—созвѣдіе, 200.
Урманше—покол. Киргизъ, 719.
Урошъ—дѣйств. л. ск., 927.
Урта-Юзъ—Киргизск. орда, 658.
Урузманъ—дѣйств. л. ск., 681.
Уруль-цуу—созвѣдіе, 714.
Урумчи—дѣйств. л. ск., 878.
Урунгу—рѣка, 655.
Урунъ—мнѣ. дерево, 326.
Урунъ-Дельхе, Урунъ-Тельхе — божество, 691, 695, 916.
Урусбиевъ, Саф. — авт., 711, 729, 732, 740, 742, 747.
Урусбій—татарск. общество на Кавказѣ 732, 876, 859, 912.
Урусланъ — дѣйств. л. ск., 750, 820, 905, 913, 914, 915, 927; Залазаревичъ, 681, 748, 782, 912.
Урусъ-Янъ-Ола—гора, 497.
Уру-Цаганъ—мнѣ. верблюды, 471.
Уръ—рѣка, 292.
Урызманъ — дѣйств. л. ск., 681, 760, 892.
Урызманакъ—дѣйств. л. ск., 681.
Урызманъ—дѣйств. л. ск., 892.
Урызметъ—дѣйств. л. ск., 681.
Урянгусъ—народъ, 662, 663.
Урянха—народъ, 114, 662, 664.
Урянхайская земля, 10, 78, 128, 306.
Урянхайцы—народъ, 1, 10, 12, 13, 21, 22, 26, 36, 37, 40, 41, 49, 50, 54, 63,

68, 77, 78, 80, 90, 91, 93 — 95, 99 — 103, 114, 122, 123, 125, 128, 130, 132 — 134, 137, 144, 150, 152, 153, 165, 180, 189, 203, 206, 296, 356, 406, 649, 650, 653—655, 662 — 665, 668, 672, 680, 696, 697, 699, 701, 717, 743, 744, 746, 751, 752, 761, 770, 791, 793, 796, 806, 819, 828, 839, 875, 878, 880, 897, 895, 896, 907, 919, 931; ко-согольскіе, 12, 658, 660, 664, 746, 748, 770; хукскіе, 749.
Урянханъ—народъ, 662, 919.
Урянхигъ—народъ, 662.
Урянхэ—народъ, 663.
Урюкъ-норъ—оз., 751.
Усенъ—предокъ Киргизъ, 16.
Ускез-олъ—дѣйств. л. ск., 588—590.
Ускюзъ-улъ—дѣйств. л. ск., 768, 911.
Ускузъ-улъ—дѣйств. л. ск., 170—173, 182, 759, 761, 908.
Усларъ—ученый, 705, 708, 714, 723, 730, 735, 736, 745, 753, 759, 764, 774, 777, 780, 782, 791, 902.
Усмамбетъ—предокъ Киргизъ, 16.
Усури—рѣка, 758, 779, 789, 826, 830, 831, 900.
Устыаменогорскъ—городъ, 655.
Устюги Бурханъ—дѣйств. л. ск., 180.
Усудъ—дѣйств. л. ск., 738.
Усунъ-сайръ—рѣка, 232.
Усыня—дѣйств. л. ск., 785.
Усь-мынгахъ—созвѣдіе, 942.
Усэйханъ, Усэйхенъ — дѣйств. л. ск., 265, 826.
Усэтенъ—онгонъ, 28, 107, 121, 674.
Усюнъ-Дэюль—рѣка, 209, 333.
Утаръ Карачи—кирг. покол., 856.
Ута-Саганъ-нойонъ — Улять-эжинъ — покров. духъ, 824.
Утебай—предокъ Киргизъ, 17, 19.
Утеканъ-тэигри—гора, 722.
Утёмьсъ—предокъ Киргизъ, 16.
Утеуло—предокъ Киргизъ, 16.
Утиче гнздо—созвѣдіе, 730.
Утэнь—предокъ Киргизъ, 17.
Уфимск. губ., 775, 777.
Уха-дархатъ—народъ, 22, 671.
Уха-солбынъ—звѣзда, 137.
Уха-хемъ—гора, 671.
Ухеръ—созвѣдіе, 836.
Ухунъ-дабанъ—горн. прох., 457.
Ухуртенъ-голъ—рѣка, 305, 664.
Ухуртенъ уранга—народъ, 664.
Ухуръ Мергитъ—племя, 872.
Ухырь-Бама-ханъ—дѣйств. л. ск., 801, 836.
Ухырь-Урянхай—народъ, 13, 664.
Ухэръ—созвѣдіе, 137, 780.
Учарга—созвѣдіе, 137.
Учерекъ—созвѣдіе, 137.

Учь-Арка—созвѣдіе, 137.
Учьбурханъ—дѣйств. л. ск., 189.
Учь-Курбустанъ—дѣйств. л. ск., 171—173, 225, 429, 790.
Учь-мийгакъ, Учь-Муйгакъ, Учь-Мыйгакъ—137, 200, 204—206, 790.
Учь-Сорё, Учь-сюри, Учь-Сюре—гора, 128, 785, 799.
Ушейтанъ—дѣйств. л. ск., 33, 674.
Уширь—рѣка, 409.
Ушь-Мыйгакъ—созвѣдіе, 137.
Уэсако—самоѣд. божество, 933.

Ф.

Фенрирь—мнѣ. волкъ, 780.
Фиджи—острова, 708.
Филимеръ—король Готск., 754.
Финикия—страна, 673, 706.
Финляндія—страна, 663.
Финны—народъ, 656, 663, 664, 671, 713, 730, 785.
Фипскія племена, 652, 664, 696.
Фишеръ—историкъ Сибири, 676.
Форрэдъ—созвѣдіе, 712, 788.
Франки—народъ, 864.
Франція—страна, 757.
Фуксъ, А.—авт., 849.
Фысымма пауджитъ — созвѣдіе, 714, 733.
Фул-Юанне—дѣйств. л. ск., 794.

Х.

Хабаровъ — русскій прикащикъ, 649, 650.
Хабудъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 761, 790, 830.
Хабхенъ-Коколь — дѣйств. л. сказ., 467, 468.
Хавтъ-Боа—созвѣдіе, 714.
Хада—звѣзда, 735.
Хадако—самоѣд. божество, 696.
Хаджи-Кулюкъ—предокъ Монголовъ, 917.
Хаджиръ-ноёнъ — духъ покровитель, 126.
Хаджиръ-шибонъ—мнѣ. птица, 182.
Хаджиръ-Чингисъ-тенгри — дѣйств. л. ск., 801, 803, 808.
Хаджи-тарханъ—городъ, 790.
Хадзырь-далай—сказочн. море, 429.
Хасранъ-Хара-бёхо, Хаеринъ-хара-бёко—дѣйств. л. ск., 491—493, 513—516, 920.
Хазарскій хаганъ, 804.
Хазары, Хазарены — древн. народъ, 901, 905, 934.
Хайбенъ Харъ Курмэ—дѣйств. л. ск., 465.

Хайдутъ—поколѣніе, 661, 669.
Хайдунъ-ханъ—предокъ Монголовъ, 809, 916, 917.
Хайдылъ—дѣйств. л. ск., 209.
Хайларъ—городъ, 871.
Хайнъ-ханъ — дѣйств. л. ск., 23, 411, 865.
Ханрханъ—гора, 722.
Хайръ-Чидуръ—мнѣ. страна, 442.
Хайрынъ—дѣйств. л. ск., 500.
Хай-тебе—мнѣ. уроч., 439.
Хайханъ-хамыгынъ — дѣйств. л. ск., 393, 394.
Ха-кемъ—рѣка, 618.
Халама—дѣйств. л. ск., 421—424.
Халдаевъ—Бурятъ, 330.
Халдеп—древн. народъ, 714, 934.
Халдзунъ-Бюргутай—гора, 904.
Халдзу-Уланъ-муренъ—рѣка, 495.
Халдзынъ-Бургонту—гора, 904.
Халисъ-гоби—уроч., 534.
Халланъ-Ола Харылы Мохсоголъ—дѣйств. л. ск., 645, 646.
Халгинскій улусъ, 86.
Халтыкъ-Хамыръ—горн. прох., 299.
Халтынъ-убугунъ—мнѣ. лицо, 84.
Халтынъ ундюръ—уроч., 76, 126.
Халтэнь—мнѣ. имя, 119.
Халха—страна, 286, 304, 335.
Халха. Халхасцы—народъ, 25, 95, 168, 229, 291, 293, 340, 410, 535, 650, 654, 662, 667, 724, 806, 861.
Халыхъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 821.
Халха-голъ—мнѣ. рѣка, 445.
Хамбы-гегенъ—дѣйств. л. ск., 258.
Хамн—кит. городъ, 653, 752, 767.
Хамн-турше—созвѣдіе, 724.
Хаминъ—дѣйств. л. ск., 80, 826.
Хамногынъ — прозвище Тунгусовъ, 114, 119.
Хамча—дѣйств. л. ск., 803.
Хамъ—божество, 696.
Ханга—рѣка, 680.
Хангавай — дѣйств. л. ск., 583 — 587, 923.
Хангай—горн. хребетъ, 125, 62, 429, 431—434, 445, 458, 465, 653, 669.
Хангай-талай—мнѣ. море, 511.
Хангай-ханъ—горн. духъ, 73, 125, 704.
Хангаловъ—Бурятъ, 283, 488, 650, 693, 822, 845.
Хангамай—дѣйств. л. ск., 923.
Хангиль-Таши—богатирск. конь, 433—440, 444—447, 451, 452, 455—460, 463—470, 472 — 479, 481 — 484, 513, 912.
Хангинскій караулъ, 126, 184; курень, 122.
Хангинъ—покол. Бурятъ, 23, 120, 121.
Хангиль-Цаганъ—дѣйств. л. ск., 512.

Хандакь—Бурятъ, 141.
Ханкере-ханъ—дѣйств. л. сказ., 870.
Ханъ дѣйств. л. ск., 268.
Ханъ-алтай—духъ горъ, 125.
Ханъ-Гариде—мнѣ. птица, 173—176, 179, 183, 188, 217, 228, 346—348, 420, 430, 433, 440, 449, 461, 466, 502, 505, 511, 693, 758, 759, 763, 764, 870, 915.
Ханъ-джиргай—предокъ покол. Хондогоръ, 23; дѣйств. л. ск., 84, 114, 822.
Ханъ-Дыкаръ—дѣйств. л. ск., 870.
Ханъ-иннихъ—кочулахъ-ко—дѣйств. л. ск., 633.
Ханъ-Курбусту—дѣйств. л. ск., 721.
Ханъ-Мергѣй—дѣйств. л. ск., 216.
Ханъ-моринъ—гора, 127.
Ханъ-ныръилъ-тэнгри—предокъ, 119.
Ханъ-Сайнъ—дѣйств. л. ск., 435, 437.
Ханъ Сулейманъ—дѣйств. л. сказ., 367.
Ханъ-тайга—горы, 296.
Ханъ Тенгиръ, Ханъ-тэнгри—дѣйств. л. ск., 445, 870.
Ханъ-Тюрмасъ—дѣйств. л. сказ., 790, 822, 878.
Ханъ Хермыс-ханъ-Тэнгиръ-нойонъ—дѣйств. л. сказ., 251, 254, 257.
Ханъ-Хормусту—божество, 549, 790.
Ханъ Хулдзуръ Хайханъ Хамыгынъ—дѣйств. л. сказ., 393.
Ханъ-Хухей—хребетъ, 125, 654, 851.
Ханъ-цаганъ-аскыръ—мнѣ. конь, 206.
Ханъ Чинкей—дѣйств. л. сказ., 476.
Ханъ-Чурмусенъ-Тэнгри—дѣйств. л. сказ., 329, 878, 881.
Ханыковъ—учен., 666, 671.
Ханпиловы—русскіе богатыри, 932.
Ханъ-Балыкъ—рыба, 422.
Хара-аргалинту—горы, 20.
Харабалырханъ—покол. Бурятъ, 23.
Хара-бечи-тоенъ—духъ покровительствующ., 704.
Хара-Гыргенъ—дѣйств. л. ск., 846.
Хара-Дархатъ—покол. Дархатовъ, 21.
Хара-Джетъ—урялх. покол., 668.
Хара-джиргай—дѣйств. л. ск., 266.
Хара-джоту—сумынь, 12.
Хара-Додотъ—урялх. покол., 668.
Хара-Души—дѣйств. л. ск., 485.
Хара-иргитъ—поколѣніе, 11.
Хара-Иря—уроч., 408.
Харакчинъ-Тайбуцинъ—дѣйств. л. ск., 853, 875.
Хара-Лосуней-ханъ—дѣйств. л. ск., 472, 473, 479.
Хара-Лосуней-куку-буху—мнѣ. быкъ, 471.
Харалы-Харъ-Галдынъ—богатырск. конь, 443, 452, 466, 468.

Хара-Мангыс—дѣйств. л. ск., 385, 454, 455, 460, 463.
Хара-Мангышъ—сумынь, 11.
Хара-Махагалъ—божество, 325.
Хара-Муренъ—рѣка, 804.
Хара-Мукзуту—богатырск. конь, 420.
Хара-Нидунъ-Тайджи—дѣйств. л. ск., 237.
Хара-Сагашту-ханъ—дѣйств. л. ск., 416—420.
Харасанца-Цзаланъ—предокъ монг. князей, 934.
Хара-Тайгине—дѣйств. л. ск., 425, 427.
Хара-Того—уроч., 230.
Хара-Усу—оз., 287.
Хара-хошутъ—уроч., 216.
Хара-Хурмукчинъ—дѣйств. л. ск., 907, 913.
Харачу—дѣйств. л. ск., 873.
Харбагари—мнѣ. лицо, 119.
Харги-мандыръ—духъ покровитель., 126.
Харгоцокъ—дѣйств. л. ск., 875, 876.
Хардархытъ—покол. Дархатовъ, 22.
Харидай—дѣйств. л. ск., 441, 450, 452, 672.
Харисъ да - ирмисъ - навали — Млечн. путь, 741.
Харкира—бѣлокъ, 20, 124.
Хар-лосъ—черный мулъ, 337.
Хармы-Аво—онгонъ, 409.
Харнаръ-ижинъ—онгонъ, 121.
Харнута—покол. Дархатовъ, 21, 22.
Харъ-Бакши—дѣйств. л. ск., 500.
Харъ-ванчикъ, Харъ-банчикъ—царь онгоновъ, 409.
Харъ-Горѣчи—дѣйств. л. ск., 227, 523—525, 920.
Харъ-Лусай-ханъ—дѣйств. л. ск., 508, 511—512.
Харъ-Луса-Әмегенъ—онгонъ, 409.
Харъ-Малджинъ-Гоо-хатынъ—дѣйств. л. ск., 453.
Харъ-Тыгынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 382.
Харъ-Хурмукчинъ—дѣйств. л. ск., 442, 443, 445—453, 463, 465, 475, 650.
Харъ-Әмчи—дѣйств. л. ск., 525—527.
Харьдынъ—богатырск. конь, 266.
Харэн-хухунъ—мнѣ. лицо, 122.
Харясъ, Харятъ—бурят. покол., 23, 305.
Хасаръ—дѣйств. л. ск., 796, 800, 801, 819, 843, 853, 856, 863.
Хасутъ—урялх. покол., 12, 103, 122, 129, 133, 144, 181, 182, 842.
Хасымъ—имя Киргизск. народа, 230, 722.
Хасырхай-Хованъ-Шютенъ—дѣйств. л. ск., 513.
Хасыръ, Хасыръ-Басыръ—мнѣ. собака, 234, 505, 507, 514, 752.

Хата-Далай—мнѣ. океанъ, 228, 496.
Хатановъ—Кабардинецъ, 714, 724, 730, 732, 735, 741.
Хатоужо—дѣйств. л. ск., 925, 926.
Хатунъ-голь—рѣка, 231, 804, 818.
Хату-Ширюнъ—дѣйств. л. ск., 476.
Хатха-далай—мнѣ. море, 400.
Хаты-маилга—онгонъ, 105.
Хатынъ-Джула—мнѣ. л., 770.
Хатынъ-Сайнъ—дѣйств. л. ск., 435, 437.
Хатынъ-Хара-Хурмукчинъ—дѣйств. л. ск., 441, 444.
Хатынъ-Чинги—дѣйств. л. ск., 512.
Ха-хемъ—рѣка, 791.
Хачи-Кюйдукъ—предокъ, 707.
Хвольсонъ—учен., 787, 853, 869, 870, 905.
Хе-Даннъ—дѣйств. л. ск., 555.
Хели-ханъ—тукюск. ханъ, 854, 857, 860, 865.
Хельбонъ-Батыръ (будыръ)—дѣйств. л. ск., 528, 529.
Хемъ—рѣка, 299.
Хердыгытъ—урялх. покол., 11, 665.
Хередиъ, Хердиъ—урялх. покол., 11, 12, 665.
Херидъ—урялх. покол., 11.
Херле-сырь—см. Хирле-сырь.
Хермыс-ханъ—дѣйств. л. ск., 820.
Херсонесъ, Херсонъ—городъ, 751.
Хетагъ—дѣйств. л. ск., 734, 927.
Хетмиръ—собака, 731.
Хизръ-Ильясъ—мусульм. святой, 819.
Хилма-нойонъ—Хяктынъ-эжинъ—покров. духъ, 824.
Химанъ—дѣйств. л. ск., 803.
Хирле-сырь—чуваш. божество, 696, 798, 800, 809, 923.
Хиронъ—кентавръ, 920.
Хирсова—городъ, 924.
Хиръ-сыръ—дѣйств. л. ск., 798.
Хитыгиръ-заринъ онгонъ, 660.
Хитынъ-Хуху-голь—мнѣ. рѣка, 444.
Хо—богатырск. конь, 454, 458, 474, 475, 477.
Хобдо—рѣка, 438, 457, 459, 471, 473.
Хобугенъ-Шиль—уроч., 326.
Ховалыкъ—урялх. сумынь, 11.
Ховугу—дѣйств. л. ск., 748, 917, 925.
Хогоръ-бо—дѣйств. л. ск., 672.
Ходжагуль—пред. Киргизъ, 18.
Ходжингда—дѣйств. л. ск., 498, 499.
Ходзены—народъ, 692.
Ходобага—дѣйств. л. ск., 852.
Хо-ебинъ—рѣка, 125.
Хозары—народъ, 870.
Хозя-тороканъ—городъ, 790.
Хоикъ—покол., 12, 668.
Хоймаръ—гора, 216.
Хонтъ—покол., 654, 661, 667, 669, 872.

Хойтъ-омбо—титулъ урялх. князя, 661.
Хонръ-хушюгутъ—онгонъ, 104—106.
Хойхоры—народъ, 669.
Хойху—мусульмане въ Китаѣ, 669.
Хойхы—пред. Бурятъ, 23.
Холбо—оз., 893.
Холмовское—оз., 893.
Холмогоры—городъ, 893.
Холмская Русь, 742.
Холонгота-убюгунъ—онгонъ, 117.
Холь—сумынь, 11.
Хомбръ-ула—мнѣ. гора, 825.
Хомысчи—урялх. сумынь, 11.
Хонгодаръ—покол., 671.
Хонголи—дѣйств. л. ск., 853.
Хонгрень-дабанъ—горн. прох., 303.
Хонголай—дѣйств. л. ск., 853.
Хонгъ-хотанъ—поволѣніе, 672, 687, 752, 914, 915, 927.
Хонджимъ-Бодисада—монг. божество, 838.
Хони-Маилганъ—горн. прох., 303.
Хони-Хотой-Орунъ-Хальхинъ-Хуткур-дой—мнѣ. уроч., 255.
Хонкиратъ—монг. покол., 660, 669, 820.
Хопуковъ—Осетинъ, 724.
Хопуханъ-Шиль—уроч., 326.
Хонходоръ—дѣйств. л. ск., 268; поколѣніе Бурятъ, 22, 23, 57, 123, 671.
Хончжиха—божество, 341.
Хончхи-харемъ—дѣйств. л. ск., 386, 387, 899, 930.
Хоратъ—богатырск. конь, 584.
Хорету—уроч., 309.
Хори—уроч., 108, 111.
Хоринъ-хонръ-хухутъ—онгонъ, 107.
Хоринъ—древн. городъ, 840.
Хорису-Баджу—ист. лицо, 834.
Хормуста, Хормуста—прав. божество, 803, 820.
Хоро—рѣка, 299.
Хоролдай-Мергенъ-Ханъ—дѣйств. л. ск., 505—507.
Хоролмой—покол. Дархатовъ, 21, 410.
Хоронъ-Далай—мнѣ. море, 460, 461, 471.
Хоросъ-Керменъ—крѣпость, 924.
Хоро-Хаджаръ-багадуръ—дѣйств. л. ск., 840.
Хорсъ—слав. богъ, 780, 809, 828, 890; дѣйств. л. въ чеченск. ск., 780.
Хорсъ-Жидовинъ—громовой ангелъ, 780, 926.
Хортай-Мергенъ—дѣйств. л. въ ск., 503.
Хортонъ-могай—мнѣ. змѣй, 399.
Хорутане—народъ, 702.
Хорхаджанъ—мнѣ. лицо, 744.
Хорхутъ—дѣйств. л. ск., 847.

Хогань—городъ, 92.
Хотгорь-хара-мангыс—дѣйств. л. ск., 385, 454, 713.
Хотогойту, Хотогойту—племя, 298, 653, 654, 661, 669, 771.
Хотоны—народъ, 10, 320, 786, 928.
Хотунъ—птица, 176, 878.
Хотуга-бии—предокъ, 734, 735.
Хохоръ-Богдонъ—духъ покровитель, 126; шаманъ, 128.
Хохъ-Дзандынъ-ола—гора, 443.
Хо-Цохуръ—мнѣ. змѣй, 471.
Хочиръ—рѣка, 410.
Хошоутскій улусъ, 663.
Хопоуты—монг. покол., 473, 836.
Храмцовскій—авт., 929.
Христосъ—дѣйств. л. ск., 780, 794, 812, 828, 829, 850, 851, 889, 891, 892, 887.
Хромой-Темиръ—дѣйств. л. ск., 735.
Хуа-дархатъ—покол., 21, 671.
Хуа-хемъ—рѣка, 11, 39, 41, 77, 78, 80, 99, 101, 128, 583, 618, 649, 664, 671, 791.
Хубогай-Хуйныкъ—дѣйств. л. ск., 501, 502.
Хубсугуль—оз., 871.
Хубъ-далай—мнѣ. море, 692, 825, 871.
Хубий-хатунъ—божество, 672.
Хувальръ-дархатъ, Хуулуръ—покол., 21.
Худыкъ-Саганъ—пред. Бурятъ, 826.
Худяковъ—авт., 851.
Хузейматъ—дѣйств. л. ск., 859.
Хуй-Сальхинъ—мнѣ. кони, 476.
Хуинюгутъ—мнѣ. лицо, 117.
Хукъ—рѣка, 12, 21, 102, 122, 136, 137, 144, 206, 296, 300, 305, 664, 815.
Хулабадъ—племя, 875.
Хуланъ-гоа—дѣйств. л. ск., 872.
Хулму—оз., 893.
Хултэ-мергенъ—дѣйств. л. ск., 476.
Хулу—богатырск. конь, 476.
Хулхулау—рѣка, 873.
Хумуръ—мнѣ. гора, 33, 690.
Хунгира—покол., 669.
Хупкаръ—народъ, 870.
Хункаръ—турецкій султанъ, 870.
Хунну—народъ, 922.
Хунъ-Гурогунъ—дѣйств. л. ск., 185, 919.
Хунъ-Одунъ—созвѣздіе, 138.
Хунъ-гайджі—дѣйств. л. ск., 309, 499, 534, 535.
Хунъ-хере—воронъ, 518, 519.
Хурба-Заринъ-Хужари-эжинъ—покр. духъ, 824.
Хургинъ-заринъ—онгонъ, 104, 105.
Хургунъ-мори—богатырск. конь, 507, 512.
Хуреклыгъ—уринх. сумынъ, 12.
Хури-Сумаджу—истор. лицо, 834.

Хурмукчинъ—дѣйств. л. ск., 918.
Хурмустень-ханъ—божество, 63, 499, 501, 502, 518, 519, 549, 746, 805, 925.
Хурмусъ—дѣйств. л. ск., 824, 825.
Хуртунъ-Цохуръ-мори—богатырск. конь, 503.
Хурумчи—дѣйств. л. ск., 811.
Хурхутъ—покол. Бурятъ, 23, 671; его предокъ, 23, 826.
Хурюкипуть—бурятск. онгонъ, 104, 105, 703, 715, 932.
Хурюнь-Халдынъ-Халгачи—дѣйств. л. ск., 498, 499.
Хурюнь-Яманъ—богатырск. конь, 499.
Хусай-убюгунъ—онгонъ, 104, 105.
Хускупъ—уринх. покол., 11.
Хусыкэнь—дѣйств. л. ск., 825.
Хутелю—дѣйств. л. ск., 721.
Хутуганъ—дѣйств. л. ск., 826.
Хутуку-нойонъ, дѣйств. л. ск., 734.
Хутуль-ханъ—горный духъ, 127.
Хутухта—дух. л., 534.
Хуухунъ-Хутухта—дух. л., 260, 263, 298, 300, 307.
Хухень-батыръ-Хорулмой—дѣйств. л. ск., 409.
Хуху-Монголь—народъ, 790, 792.
Хуху-морьтунъ—предокъ, 57, 123.
Хуху-Мунгунъ-Тэнгри—божество, 206, 266, 709, 802.
Хуху-норъ—оз., 659.
Хухухото—городъ, 147, 296.
Хухэй—птица, 184.
Хухэ-Монголь—народъ, 674.
Хучи-Бёхо—дѣйств. л. ск., 528.
Хыдымъ—дѣйств. л. ск., 814.
Хынгылдыръ—пред. Бурятъ, 826.
Хырхъ-азисъ—дѣйств. л. ск., 786.
Хэби-Гунъ—монг. князь, 295.
Хэрдэкъ—уринх. покол., 11, 665.
Хэрэкъ-Кирвесъ-Хэмэрэ-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 600, 609—618.
Хэсылъ—рѣка, 409.
Хюркилинцы—народъ, 736.
Хятагай—народъ, 127.

Ц.

Цаатынь—покол. Калмыковъ, 668.
Цаганъ—пред. Дюрбютовъ, 326.
Цаганъ-Беко—дѣйств. л. ск., 489.
Цаганъ-Бурекей—дѣйств. л. ск., 785.
Цаганъ-Бюрю—дѣйств. л. ск., 194, 196, 197, 749, 785, 820.
Цаганъ-Дагине—дѣйств. л. ск., 499.
Цаганъ-дареке, Цаганъ-дариху—дѣйств. л. ск., 271, 297, 311—320, 499, 500, 650, 827, 834, 851, 867, 868, 909, 910, 912, 915.
Цаганъ-кюпочило—каменная баба, 216.

Цаганъ-Лусай-ханъ—дѣйств. л. ск., 514, 517.
Цаганъ-Моринъ—дѣйств. л. ск., 261, 820.
Цаганъ-моринъ-дагнэ—дѣйств. л. ск., 227.
Цаганъ-сайръ—рѣка, 806.
Цаганъ-Соль—уроч., 875.
Цаганъ-убугунъ—монг. божество, 785, 834, 915.
Цаганъ-Ула—гора, 471.
Цаганъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 232, 309, 310, 324, 403, 834, 863, 871, 872, 892, 906, 915.
Цаганъ-Чукуты—дѣйств. л. ск., 797.
Цаганъ-Шари—богатырск. конь, 476.
Цаганъ-шибо—птица, 234; богатырск. конь, 522.
Цаганъ-Шикуртей—дѣйств. л. ск., 335.
Цаганъ-Шукуты—дѣйств. л. ск., 797, 798.
Цаганъ-Шюккурту—книга, 550.
Цаганъ-Эбугенъ—божество, 261, 362, 661, 820.
Цазикъ—дѣйств. л. ск., 810, 811.
Цайлимъ-Цаганъ—озеро, 435.
Цайлюръ-Цаганъ-норъ—мнѣ. озеро, 443.
Цакцагай—мнѣ. птица, 713.
Цакылганъ-богатырь—дѣйств. л. ск., 476.
Цалку—созвѣздіе, 730.
Цаль—уроч., 326.
Цаметей-гегенъ—дѣйств. л. ск., 258.
Цангысъ—мнѣ. дерево, 433.
Цанде-Мергенъ-Хатунъ—дѣйств. л. ск., 514.
Цаннай—дѣйств. л. ск., 857.
Цанъ-Бомбу—свящ. книга, 227.
Царицынь—городъ, 758, 941.
Цахусъ—онгонъ, 122.
Ценкиръ-Цаганъ-Уланъ—мнѣ. гора, 455.
Ценки-Цаганъ-Хата—скала, 443.
Церинъ-Убаши—пред. Дюрбютовъ, 326.
Ценень-ханъ—дѣйств. л. ск., 188, 298, 306, 336.
Цибория—дѣйств. л. ск., 869, 888.
Циглеръ—нѣмец. учен., 774.
Цициргана—уроч., 906.
Цициринъ-голъ—рѣка, 906.
Цицирликъ—уроч., 906.
Цзанъ—дѣйств. л. ск., 545—547.
Цвахачинъ—хошунъ, 843.
Цзусылынъ—уроч., 649.
Цокту-Илагуksenъ, Цоктъ-Илгысынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 355, 814.
Цолбонъ—звѣзда, 731, 764.
Цолмонъ—звѣзда, 229, 764, 784, 804, 808, 835, 836.
Цораевъ—авт., 917.

Цорго—скала, 230.
Цорджи-лама—дѣйств. л. ск., 549.
Цоросъ—пред. Калмыковъ, 326, 873.
Цоука-дукъ—созвѣздіе, 712.
Цубера—уроч., 749.
Цуланъ—звѣзда, 732.
Цыгане—народъ, 710, 829.
Цээнъ-бейджи—дѣйств. л. ск., 875.
Цюльгумъ—уринхаецъ, 320, 517, 527.
Цюнкунъ—дѣйств. л. ск., 523.
Цюэ-тэгинъ—истор. л., 840, 841.

Ч.

Чаазунъ-уль—дѣйств. л. ск., 359.
Чабакъ—алтайск. покол., 940.
Чабанъ-ата—дѣйств. л. ск., 896.
Чавухъ—народъ, 861.
Чагантай—пред. Киргизъ, 17.
Чаганъ-аманъ-кула—лошадь, 771.
Чаганъ-каанъ—прозвище русск. императора, 799; дѣйств. л. ск., 224.
Чаганъ-Хобонъ—богатырск. конь, 389, 390, 789.
Чаганъ-Шукуты—дѣйств. л. ск., 220—223.
Чаганъ-чугурту увазы—дѣйств. л. ск., 591, 594.
Чатгысъ-чаячи—дѣйств. л. ск., 572.
Чадвакасъ—Киргизъ, 17.
Чажинъ-канъ—божество, 887.
Чантъ-каанъ—мнѣ. л., 69.
Чакабай—пред. Киргизъ, 15.
Чакырби—онгонъ, 96.
Чакцагай-Куюкунъ—мнѣ. птица, 434.
Чалаты—дѣйств. л. ск., 904.
Чалпанъ—дѣйств. л. ск., 764.
Чангаръ—пред. Киргизъ, 16, 17.
Чао-тунъ—дѣйств. л. ск., 944.
Чананъ—Алтаецъ, 288.
Чананъ-Ата—дѣйств. л. ск., 658.
Чанпрашты—Кирг. покол., 14.
Чалты—покол., 2.
Чарахай-Линху—дѣйств. л. ск., 779, 908.
Чахары—народъ, 227.
Чахыръ-Саянъ—дѣйств. л. ск., 370, 371.
Че—предокъ Дюрбютовъ, 326.
Чебеты—рѣка, 125.
Чебоксары—городъ, 849; уѣздъ, 730, 849.
Чегемъ—татар. общ. на Кавказѣ, 859.
Чегендыкъ—пред. Киргизъ, 19.
Чегораль—рѣка, 937.
Чезъ-котыръ—созвѣздіе, 942.
Чекановскій—русс. учен., 712.
Чеканъ—мнѣ. чудовище, 614.
Челей—покол. чернев. Татаръ, 937, 940.

Чельбегень (см. Джельбегень), 748, 774, 867.
 Чельсары-канъ—дѣйств. л. ск., 562, 563.
 Чердэкъ—покол., 11.
 Черемисы—народъ, 672, 681, 693, 695, 696, 705, 713, 716, 723, 730, 732, 742, 760, 762, 776, 777, 793, 797, 798, 809, 828, 832, 871, 898, 900, 931.
 Череновск. уѣздъ, 772.
 Черкасскій князь, Гаврило—египетск. владѣлецъ, 926.
 Черкесъ-Иса—дѣйств. л. ск., 788, 883.
 Черкесы—народъ, 734, 751.
 Чермановъ, Муса—Киргизъ, 14, 17, 404, 731.
 Черное море, 861.
 Черногаръ—мнѣ. птица, 915.
 Черное море, 111, 653, 740, 775, 904.
 Черный Арабъ—дѣйств. л. ск., 725, 728, 729, 757.
 Черный Воронъ—дѣйств. л. ск., 725—729.
 Черный Иртышъ—рѣка, 94, 655, 666.
 Черси-Иса—дѣйств. л. ск., 884, 885.
 Черскій—русс. ученый, 73, 74, 103, 124, 126, 128, 215, 264, 266, 332.
 Черткенинъ—покол., 665.
 Четегень—созвѣздіе, 711, 717.
 Четиберь—покол. черн. Татаръ, 937.
 Чехгэръ—созвѣздіе, 730.
 Чеченецъ-Иса—дѣйств. л. ск., 883, 884.
 Чеченцы—народъ, 725, 741, 745, 760, 769, 898, 915, 931.
 Чечень-Иса—дѣйств. л. ск., 788.
 Чечень-ханъ—дѣйств. л. ск., 367.
 Чечинъ-кызъ—дѣйств. л. ск., 585, 587.
 Чечня—страна, 674, 859.
 Чжанъ-цзюй—истор. л., 841.
 Чиналковъ, Иванъ—переводчикъ, 649, 650, 887.
 Чивалковъ, о. Михаилъ—миссіонеръ, 3, 6, 9, 10, 20, 21, 42, 53, 56, 62, 64, 66, 67, 70, 71, 90, 136, 156, 158, 178, 180, 182, 185, 190, 192, 204, 213, 214, 218, 226, 249, 286, 288, 331, 363, 649, 694, 870, 874, 938.
 Чиванъ—дархатъ, 299.
 Чигилекъ—рѣка, 752.
 Чикей—шаманъ, 61.
 Чилагунъ—дѣйств. л. ск., 903.
 Чиланъ-канъ—дѣйств. л. ск., 577, 578.
 Чиланъ-монгусъ—дѣйств. л. ск., 867, 909.
 Чиланъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 794, 867.
 Чилаоунъ—дѣйств. л. ск., 903.
 Чилбикъ—дѣйств. л. ск., 778.
 Чилбукъ—дѣйств. л. ск., 778.
 Чиликпай—пред. Киргизъ, 19.
 Чилинъ-Хара-Халдзынъ—богатырскій конь, 475.

Чилтысъ-канъ—дѣйств. л. ск., 661.
 Чилунгу—дѣйств. л. ск., 805.
 Чилунъ-Ташюръ—дѣйств. л. ск., 275, 276, 833.
 Чиманъ—пред. Киргизъ, 18.
 Чимпазъ—божество, 723, 732.
 Чимпазынъ-вара—звѣзды, 732.
 Чимыръ—предокъ Киргизъ, 14.
 Чингаллахъ—звѣзда, 789.
 Чингиджекъ—Уринхасецъ, 140, 167, 204.
 Чингинъ—городъ, 858.
 Чингисъ—дѣйств. л. ск., 225.
 Чингисъ-Кайраканъ—дѣйств. л. ск., 792, 919.
 Чингисъ-Кэзэръ-Кайраканъ—дѣйств. л. ск., 819.
 Чингисъ-Тэнгиръ—дѣйств. л. ск., 293.
 Чингисъ-Хаджиръ—дѣйств. л. ск., 819, 842.
 Чингисъ-ханъ—монгол. ханъ, 211, 228—231, 233, 295, 306, 324, 325, 667, 669, 674, 692, 694, 707, 734, 744, 746, 764, 765, 767, 771, 791, 792, 795, 796, 800—806, 808, 809, 811, 819, 820, 823, 827, 835, 839, 841—843, 853—858, 860—863, 869, 871—874, 876, 891, 892, 899, 903, 905, 915, 931, 934, 935.
 Чингисъ-ханъ-Тубутъ-Тангри—дѣйств. л. ск., 854.
 Чингисъ-хурмусту-ханъ—дѣйств. л. ск., 805.
 Чингій—дѣйств. л. ск., 858, 860.
 Чинъ-Темиръ—дѣйств. л. ск., 689.
 Чипчинъ-солонъ—поколѣніе, 22.
 Чиргэтъ—горы, 20.
 Чиринъ-Дорджи—Халхасецъ, 649, 752.
 Читкуръ—злой духъ, 142, 801.
 Читраджанма—дѣйств. л. ск., 920.
 Чистохинъ, о. Як.—миссіонеръ, 33, 137, 143, 161, 168, 180, 184, 189, 232, 264, 265, 369, 395, 403, 404, 650, 838.
 Чипиргана—караулъ, 215.
 Чичирге—дѣйств. л. ск., 905, 906.
 Членбай—пред. Киргизъ, 19.
 Чоботокъ—дѣйств. л. ск., 902.
 Чо-Джамцинъ—халхасецъ, 200, 205, 209, 226, 229, 230, 251, 269, 276, 277, 279, 323, 352.
 Чодырманъ—дѣйств. л. ск., 301, 302.
 Чока—пред. Киргизъ, 15.
 Чокай—пред. Киргизъ, 15.
 Чоканъ-борканъ—туркм. покол., 830.
 Чоканъ-Валихановъ—Киргизъ, 4, 784.
 Чокуръ-бейли—дѣйств. л. ск., 258.
 Чокуръ-коруъ (корюкъ)—дѣйств. л. ск., 139, 746.
 Чолбанъ, Чолбонъ—звѣзда, 137, 731.
 Чолманъ, Чолмонъ—звѣзда, 137, 731.

Чолпанъ—звѣзда, 764, 781, 784, 808.
 Чолпонъ—звѣзда, 732, 764, 781.
 Чолышманъ—рѣка, 940.
 Чоннутъ—покол. Дархатовъ, 21.
 Чонунъ-Бель—дѣйств. л. ск., 384—386.
 Чончу—Теленгитка, 141, 181, 226, 235, 286, 293, 321, 328.
 Чонъ—пред. Киргизъ, 19.
 Чопанъ-ата, —дѣйств. л. ск., 798, 867; мусульм. святой, 368.
 Чора-батыръ—дѣйств. л. ск., 844, 845.
 Чорекъ—пред. Киргизъ, 15.
 Чоридонгъ—дѣйств. л. ск., 943.
 Чорманъ—Киргизъ, 17, 18.
 Чоросъ—пред. Калмыковъ, 872, 873.
 Чотонгъ—дѣйств. л. ск., 817, 818.
 Чрѣнь—пред. Киргизъ, 18.
 Чубаръ-аигыр—киргиз. покол., 896.
 Чубинскій—собратель сказ., 788, 869, 877, 884, 888.
 Чувашы—народъ, 1, 681, 696, 702, 710, 713, 717, 723, 730, 750, 765, 777, 791, 798, 807, 809, 810, 828, 846, 849, 897, 900, 905, 916, 935.
 Чудо-юдо—чудовище, 831, 832.
 Чудъ—племя, 671, 912, 931; заволоцкая, 893.
 Чуйская степь, 177, 178, 181.
 Чукчи—народъ, 678, 712, 713, 723, 730, 735, 740, 789; чаунскіе, 793.
 Чулохамъ—шаманъ, 101.
 Чулту—Алтаецъ, 69.
 Чулумъ-Мундусъ—покол., 2, 4, 660.
 Чулунъ-Чипха—дѣйств. л. ск., 504.
 Чулышманъ—рѣка, 1, 10, 69, 666, 667.
 Чумышъ—рѣка, 937, 938.
 Чурмусенъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 692, 790.
 Чуткуръ-бурхынъ—дѣйств. л. ск., 199, 227.
 Чуть—дѣйств. л. ск., 247—249.
 Чүфутъ—народъ, 861.
 Чүфутъ-кале—сел., 786.
 Чуя—рѣка, 1, 2, 7, 30, 43, 44, 60, 68, 70, 95, 96, 133, 138, 142, 144, 149, 150, 153, 164, 167, 169, 180, 193, 214, 215, 286, 291, 404, 666.
 Чыланъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 781, 793.
 Чэби—дѣйств. л. ск., 843, 844.
 Чэбиль—пред. Киргизъ, 14.
 Чютуръ-ванъ—дѣйств. л. ск., 300.
 Чяльча—пред. Киргизъ, 17.

III.

Шабанъ—пред. Киргизъ, 18.
 Шабаршинъ—онгонъ, 115.
 Шабатъ—покол. черн. Татаръ, 938.
 Шабайсы—халхасск. князь, 12.
 Шагарская волость, 653.

Шагдуръ-Гутаевъ—Бурятъ, 265.
 Шагшагъ—гора, 218.
 Шаиджи—бурханъ—божество, 481.
 Шакиръ—дѣйств. л. ск., 813, 814.
 Шалканъ—покол. черн. Татаръ, 939.
 Шамъ—дѣйств. л. ск., 499.
 Шамъ-вуровъ—Млечн. путь, 741.
 Шамы-ёлы—Млечн. путь, 740.
 Шанаевское селеніе, 724, 732.
 Шанаевъ—авт., 809, 826, 829, 892.
 Шангинъ—авт., 896.
 Шанку—дѣйств. л. ск., 803, 811.
 Шанъ-Тондубъ—дѣйств. л. ск., 493, 494, 838, 919.
 Шарабадырхонъ—покол. Бурятъ, 23.
 Шара-бычинъ—дѣйств. л. ск., 788.
 Шарай-голъ—рѣка, 491, 493.
 Шара-Лама-ханъ—дѣйств. л. ск., 254.
 Шарголи-ханъ—дѣйств. л. ск., 256.
 Шаргольдзинъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 491—493.
 Шаргы-голъ—рѣка, 300, 305.
 Шаргынъ-моринъ-кутухта—духовн. л., 260.
 Шарень-Даячи—духовн. л., 260, 261.
 Шари-Китынъ—уроч., 291.
 Шаримни-Гоодомбы—дѣйств. л. ск., 272.
 Шарисенъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 811.
 Шарисынъ—дѣйств. л. ск., 174, 175.
 Шаркуйтунголъ—рѣка, 260.
 Шаркъ-великанъ—дѣйств. л. ск., 802, 810, 820.
 Шарнутъ—покол. Бурятъ и Дархатовъ, 21, 22.
 Шаруканъ—имя, упом. въ лѣтописи, 810.
 Шаръ-даячи-лама—духовн. л., 260.
 Шаръ-бѣко—дѣйств. л. ск., 510.
 Шаръ-бухо—дѣйств. л. ск., 399, 400, 900.
 Шаръ-бычинъ—дѣйств. л. ск., 833, 892.
 Шаръ-джатымъ—пред. Киргизъ, 15.
 Шаръ-макчинъ—дѣйств. л. ск., 350, 351, 833, 892.
 Шаръ-тарханъ—дѣйств. л. ск., 433.
 Шарътехе—назв. жертвы, 85.
 Шаръ-Усу—рѣка, 551.
 Шаръ-Хермилъ-түшемиль—дѣйств. л. ск., 528.
 Шарэнъ-Кобунъ-Моломъ-Тень—дѣйств. л. ск., 271.
 Шарятъ—покол. Бурятъ, 23, 25.
 Шатуйхинъ—мнѣ. лицо, 113.
 Шау—путеш., 720.
 Шахай-Туксырь—дѣйств. л. ск., 256, 257.
 Шахджи-мани—божество, 430, 449.
 Шацгай-ханъ—дѣйств. л. ск., 357, 538, 539.
 Пашковъ—русс. пис., 846.

Шашкылы—покол. черн. Татарь, 939.
Шведы—народъ, 744.
Шведии—страна, 663.
Шеннь—авт., 702, 703, 739, 776, 809, 888, 927.
Шексна—рѣка, 893.
Шелкальская волость, 98, 939.
Шепингъ—русс. пис., 773.
Шеринъ—дѣйств. л. ск., 813, 814.
Шерисенъ-ганъ—дѣйств. л. ск., 237, 240.
Шерпужъ-вижелъ—созвѣздіе, 730.
Шерь-хиттинъ—уряк. сумынъ, 12.
Шефферъ—иностран. учен., 680, 774, 828.
Шибарна—дѣйств. л. ск., 810.
Шибелимъ-Хоззи—могила святаго, 849.
Шибельдей—злой духъ, 575.
Шибирь—рѣка, 124.
Шивзи—народъ, 675.
Шигемунъ—дѣйств. л. ск., 830.
Шигимунъ—божество, 212.
Шигустей-багатуръ—дѣйств. л. ск., 853.
Шигустей-Кутукту—дѣйств. л. ск., 838.
Шигуши-Шихаръ—дѣйств. л. ск., 853.
Шиддикуръ—книга, 721, 767, 771, 781, 782, 812, 851, 869, 893, 894, 919.
Шиджиръ-батыръ—дѣйств. л. ск., 231.
Шигургу—дѣйств. л. ск., 804, 835, 855, 856, 883, 922.
Шидырванъ, Шитырванъ—дѣйств. л. ск., 12, 21, 215, 298—301, 303—308, 325, 407, 408, 800, 806, 840, 844, 852, 854—856, 860—863, 865, 866.
Шидыренъ-тологой—гора, 306.
Шидыръ-Тюльгунъ—дѣйств. л. ск., 767.
Шидыръ-Убанъ—дѣйств. л. ск., 861.
Шикджимунъ—божество, 182, 212.
Шикеръ—дѣйств. л. ск., 875, 876.
Шики-хутуку—дѣйств. л. ск., 734.
Шигурту-номъ—книга, 241, 242.
Шилугунъ-Гурбельджинъ-Гоа—дѣйств. л. ск., 805.
Шильбэндэръ-Саганъ-Мишени—дѣйств. л. ск., 824.
Шильды-Занги—дѣйств. л. ск., 403, 404.
Шилуось—дѣйств. л. ск., 178.
Шимки—селеніе, 163, 180, 184.
Шимынъ-бурхынъ—божество, 269.
Шингисъ—дѣйств. л. ск., 805.
Шингитъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 232, 805.
Шингыбыль—дѣйств. л. ск., 329.
Шингысъ—дѣйств. л. ск., 231.
Шингытъ-бурхынъ—божество, 330.
Ширайголъ—племя въ ск., 818.
Шира-Иркытъ—покол., 2.
Ширинъ—покол., 668.
Шитаръ—дѣйств. л. ск., 225, 799.
Шиткуръ—злой духъ, 747.
Шитырванъ—см. Шидырванъ.
Шитыръ-Тюльгунъ—дѣйств. л. ск., 226, 229, 800, 804.

Шифнеръ—учен., 681, 693, 710, 718, 724, 745, 760, 778, 782, 797, 812, 817, 876, 898, 903, 917, 920.
Шихаръ-тайху—дѣйств. л. ск., 853.
Шихитъ—рѣка, 21, 78, 125, 137, 299, 407, 408, 653, 668.
Шихмаревъ—консулъ, 854; прикащикъ на займѣ Сафьянова, 618.
Шихмаретинъ, Ширинъ-Маринъ—прозвище Ильи Муромца, 837, 838.
Шкай—морд. божество, 723, 732.
Шкайнъ-валма—звѣзда, 732.
Шлегель—нѣм. учен., 765.
Шмидтъ—нѣм. учен., 659, 757, 759, 767, 817, 829, 830, 839, 854, 872, 874—876, 878, 886, 927, 931.
Шоголдынъ—дѣйств. л. ск., 302, 863.
Шодонъ-Харъ-Тологой—гора, 335.
Шойунъ-Тасъ—дѣйств. л. ск., 867.
Шоктэ-шудуръ—созвѣздіе, 730.
Шолбанъ, Шолпанъ, Шолманъ—звѣзда, 137, 764, 836.
Шоно—предокъ Монголовъ, 826, 861, 866.
Шоно-батыръ—дѣйств. л. ск., 301, 862.
Шоно-Доитъ—дѣйств. л. ск., 285, 838.
Шоно-пойонъ—горн. духъ, 128, 866.
Шононъ-Хобунъ-Шолгу—дѣйств. л. ск., 283, 839.
Шонъ-би—дѣйств. л. ск., 404, 405.
Шонъ-Модонъ—мнѣ. дерево, 477, 479.
Шордо—созвѣздіе, 713.
Шорой-Бакши—дѣйств. л. ск., 227, 261.
Шоронги—горн. прох., 438.
Шоронъ-гуа—дѣйств. л. ск., 309.
Шоръ—покол. черн. Татарь, 1, 93.
Шоттъ—нѣм. учен., 675, 695, 703, 705, 817, 856, 904.
Шотханъ-Тологой—гора, 334.
Шошки—дѣйств. л. ск., 403.
Шошолыкъ—покол. Бурятъ, 23; рѣка, 122.
Шоюнъ-Тасъ—дѣйств. л. ск., 909, 910.
Шингель—нѣм. учен., 902.
Шилевскій—авт., 815, 830, 849, 850.
Шильбергеръ—старин. путеш., 751.
Шубунъ-Уланъ-Будунъ—дѣйств. л. ск., 528.
Шубуртъ-балы—пред. Киргизъ, 15.
Шуго-тойгонъ—божество Ялутовъ, 878.
Шудурманъ—дѣйств. л. ск., 308, 309, 800, 861, 863.
Шужинъ—дѣйств. л. ск., 925, 926.
Шуйская волость, 653.
Шулмусенъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 271, 764.
Шулмусъ—дѣйств. л. ск., 785, 836.
Шулузинъ—дѣйств. л. ск., 176, 177.
Шулумъ—дѣйств. л. ск., 891.

Шульмусъ—злой духъ, 176, 197, 198, 221—223, 237, 525.
Шуманакъ—пред. Киргизъ, 19.
Шумусенъ-хаганъ, Шумусъ-хаганъ—дѣйств. л. ск., 767, 787.
Шуно-батыръ—дѣйств. л. ск., 309, 310, 667, 866, 896.
Шуну—дѣйств. л. ск., 187.
Шуралъ—лѣсн. духъ, 770, 812.
Шухляго—Млечи. путь, 741.
Шыттыкуръ-Бурханъ—дѣйств. л. ск., 531, 533.
Шюгунъ-хара—мнѣ. лѣсъ, 471.
Шюдуръ-Тюльгунъ, Шютуръ-Тюльгунъ—дѣйств. л. ск., 835, 855.
Шюды-куль—оз., 897.
Шюринды—дѣйств. л. ск., 870.
Шюриндынъ-хатынь—дѣйств. л. ск., 542, 543.
Шю-Талай—мнѣ. море, 460.
Шюгунъ-бурханъ—божество, 481.
Шютунъ-Сактусъ—святиня монг. нар., 481.
Шябакъ-юлдузъ—звѣзда, 732.
Шягрисабъ—страна, 658.
Шяканъ—пред. Киргизъ, 17.
Шякшаъ—пред. Киргизъ, 15.
Шялъ—дѣйств. л. ск., 801, 834.
Шяль-ганъ—дѣйств. л. ск., 424—427.

Щ.

Щаповъ—русс. пис., 725.
Щукинъ—авт., 771, 802.

Ы.

Ыжыхъ—божество, 729, 757.
Ымыту—рѣка, 310.
Ынырга—сел., 939.
Ыргаръ—созвѣздіе, 729.
Ырскулъ, Рыскулъ—пред. Киргизъ, 15.
Ырспай—пред. Киргизъ, 16.
Ырсынбетъ—пред. Киргизъ, 17.

Ъ.

Ъке-Черянь—дѣйств. л. ск., 916.
Ъкъ-Чиледу—дѣйств. л. ск., 904.
Ълюй-Дао-шуанъ—истор. л., 840.

Э.

Эби-норъ—оз., 871.
Эбогонъ-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 508.
Эбугэ—прозвище Бартанъ-багадура, 847.
Эго-ханъ—дѣйств. л. ск., 600, 601, 603.
Эгъ—рѣка, 230, 288.
Эда—поэтич. произв., 690, 752.

Эддыга—предокъ, 734.
Эдеръ-Хара-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 459—461, 463, 464.
Эдженъ-ко—дѣйств. л. ск., 722.
Эдиганъ—гора, 722, 792.
Эке-Дзоро—дѣйств. л. ск., 916.
Экиритъ—бурятск. покол., 825, 826.
Экюнынъ-гедъ—звѣзда, 732, 733.
Эле—мнѣ. птица, 454.
Элегесъ—рѣка, 746.
Элэръ-Этинъ-Юла-Бура-Дохсунъ—дѣйств. л. ск., 634.
Эльге—уроч., 691.
Эльдженъ—покол. Уринхайцевъ, 22; халхасцевъ, 293, 294.
Эльдженъ-Джигитъ—дѣйств. л. ск., 295.
Эльдженъ-нойонъ—дѣйств. л. ск., 293—295.
Эльдженъ-чиктей-ханъ—дѣйств. л. ск., 294, 295, 297, 298, 672.
Эль-Истахри—араб. пис., 934.
Эльсынъ-убугунъ—дѣйств. л. ск., 907.
Эмарскіи минер. воды, 717.
Эмегенъ—онгонъ, 703; дѣйств. л. ск., 472.
Эмилэ—уроч., 326.
Эмекъ-Саганъ-нойонъ-Иркутъ-эжинъ—покров. духъ, 667, 824.
Эндырва-Цаганъ—богатырская стрѣла, 492.
Энетхикъ—страна, 182.
Энкедургеле—дѣйств. л. ск., 429.
Энке-Дургюль—дѣйств. л. ск., 475.
Энчу—Алтаецъ, 42, 43, 49—53, 57, 59, 60, 68, 204, 207, 289.
Эрги-Тохо—кони, 476.
Эргюль—уроч., 231.
Эрдечинъ-Торъ—святиня, 481.
Эрдене-Торхула—гора, 453.
Эрдени—Дзо, Эрдени—Цзо—буддиск. монаст., 332, 333, 410; божество, 333, 340.
Эрдени-Торхо-хара-ула—гора, 484.
Эрдени-Торъ-Хара-ола—гора, 443, 445.
Эрденэ-Абахай-Цецекъ—дѣйств. л. ск., 283, 284.
Эрель—Дархатъ, 409.
Эрендахъ-Бурундахъ—дѣйств. л. ск., 752.
Эренчинъ-Джончинъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 493.
Эренъ-Сайнъ-Гунынъ-Настай—Меколе—дѣйств. л. ск., 475.
Эренъ-Сайнъ-Кійтинъ-Хара-Душъ—дѣйств. л. ск., 485.
Эренъ-Сайнъ-Хамъ—богатырск. конь, 476.
Эренъ-кылъ—мнѣ. змѣй, 646.
Эренъ-Нидунъ-Торцо—дѣйств. л. ск., 474, 480.

Эрзя—см. Мордва.
Эристовы—грузинск. фам., 928.
Эрка, Эркеунъ—божество, 917; дѣйств. л. ск., 854.
Эрке-хара—дѣйств. л. ск., 917.
Эрки-Баханъ-Сѣнеке — дѣйств. л. ск., 476.
Эрлейнвейнъ — изд. сказокъ, 722, 831.
Эрленъ-Номонъ-ханъ — дѣйств. л. ск., 748.
Эрликъ-Номынъ-ханъ — божество подземн. міра, 316, 317, 481 — 483, 693, 797, 798.
Эрсъ—пред. Киргизъ, 18.
Эргене-мергенъ — дѣйств. л. ск., 416, 903.
Эртенъ-ерге—дѣйств. л. ск., 899.
Эрте-Сайнъ-Мергенъ-Хунъ-Тайджи — предокъ Хотогойтцевъ, 916.
Эрхэ-Субэнь—дѣйств. л. ск., 824.
Эсакъ—дѣйств. л. ск., 767.
Эскимосы—народъ, 780.
Эскіадельфи—созвѣздіе, 731.
Эссахъ-холю—Млечн. путь, 741.
Эстляндія—страна, 663.
Эсты—народъ, 713, 735.
Эсэгэ-Маланъ-Тэнгри — дѣйств. л. ск., 267, 488, 824, 845, 846.
Этегенъ—созвѣздіе, 711, 717.
Этвигтънбомъ—скала, 421.
Этрурія—страна, 722.
Этуганъ-экс—божество, 695, 696, 801.
Этыгеръ—мнѣ. змѣй, 713.
Эхе-бронъ—дѣйств. л. ск., 267.

Ю.

Юаньская династія кит. имперіи, 840, 841.
Юаньчаомини—кит. соч., 662, 669, 704, 707, 734, 764, 789, 790, 804, 805, 818, 830, 841, 843, 844, 854—856, 866, 903, 904, 916.
Юдинскій царь—дѣйств. л. ск., 928.
Юдо—мнѣ. существо, 928, 929.
Юдо-жемская—мнѣ. существо, 928.
Юды-самовилы—мнѣ. существа, 672.
Юдыха—мнѣ. существо, 928, 929.
Южно-Руссы—племя, 769.
Юлтаутъ—созвѣздіе, 723.
Юлюбъ—покол., 2, 660.
Юма—порогъ на р. Кеми, 902.
Юмо—черем. божество, 794, 898.
Юнга—рѣка, 798.
Юнгилрды—божество, 762, 798.
Юнко—дѣйств. л. ск., 803.
Юнъ-Кубынь—созвѣздіе, 137.
Юпитеръ—звѣзда, 711, 789; греч. богъ, 686.
Юраки—народъ, 676, 702, 712.

Юргаль—созвѣздіе, 729, 942.
Юренскій—авт., 805.
Юрій—христ. имя, 912; бояринъ въ ск., 816.
Юрронкумъ—имя Самоѣдовъ, 664.
Юрюнгъ-Аи-Тоенъ—якутск. богъ, 821, 916.
Юрюнгъ-Уоланъ—дѣйств. л. ск., 935.
Юрюнъ-хатынь-эджи—бурятск. божество, 821.
Юстрица—мнѣ. птица, 772.
Юсунъ—предокъ Киргизъ, 14, 669; дѣйств. л. ск., 921, 922.
Юсуфъ—дѣйств. л. ск., 833.
Юсынъ-юса—дѣйств. л. ск., 525, 526.
Юсь—лицо дѣйств. л. ск., 220.
Ючатай-Дай-бо—дѣйств. л. ск., 875.

Я.

Ябакъ—предокъ покол., 7.
Ябашъ—подземн. божество, 218.
Яга—дѣйств. л. ск., 859.
Яганъ-ёвунъ—богатырск. сѣдло, 513.
Ягичъ—учен., 737.
Ягишна—дѣйств. л. ск., 924.
Ягъ-мортъ—дѣйств. л. ск., 845.
Яджитенъ-дабанъ—горн. прох., 309.
Ядикъ—предокъ, 670.
Ядринскій уѣздъ, 849.
Ядринцевъ—русс. пис., 36, 40, 41, 44, 46—48, 54, 97, 98, 128, 129, 136—138, 142, 160, 181—183, 186, 193, 200, 206, 370, 660, 689, 716, 775, 829, 843.
Яжиганъ—сынъ Улыгя, 218.
Яжилганъ—онгонъ, 51, 722, 742.
Яикъ—божество, 218; рѣка, 871.
Яикъ-каанъ—мнѣ. лицо, 69, 218.
Яикъ-ту—гора, 128.
Якутскъ—городъ, 625, 626, 771.
Якуты—народъ, 1, 625, 626, 633, 639, 640, 650, 652, 656, 661—663, 672, 676, 682, 683, 687, 688, 691, 699, 701, 704, 705, 710, 717, 729, 731, 742, 744, 748, 771, 775, 797, 820, 821, 828, 832, 842, 878, 896, 910, 931, 932, 934, 942, 943.
Якшимбетъ—пред. Киргизъ, 16, 17.
Ялмалъ—земля, 797.
Яменко—гора, 706, 828.
Ялчи-кыпчакъ—предокъ, 6.
Яма—индѣйск. богъ, 932.
Ямандата—божество, 692.
Яматы—горы, 287.
Ямграту-Яжиганъ—божество, 69.
Ямгыр-охту-Яжиганъ—божество, 70, 268, 692, 879.
Яммурина—деревня, 760, 770.
Ямши—дѣйств. л. ск., 259.
Ямъ—божество, 693.
Ямышъ—оз., 655.

Янгинъ-ола—гора, 805.
Янгитъ—гора, 232.
Янгысъ—гора, 301.
Янгысъ-казыкъ—звѣзда, 137.
Янджисъ—гора, 301.
Янджитъ—гора, 301, 309, 805.
Янсыкъ-Улакчинъ—дѣйств. л. ск., 317, 318.
Янъ—личн. имя, 891.
Яныскостю—злой духъ, 130, 706.
Янъшанъ—горный хребетъ, 653.
Яранъ—имя Самоѣдовъ, 664.
Яра-чэчэнъ—дѣйств. л. ск., 362, 363, 895.
Яренскій уѣздъ, 942.
Ярило—древнерусск. божество, 798, 877.
Ярлунъ—долина, 875.
Ярославъ—русс. кн., 820.

А.

Abitai Ghalsagho Taidshi—историч. лицо, 881.
Abs'u Mergen—дѣйств. л. ск., 818.
Abulgazi—вост. пис., 847.
Acanse—созвѣздіе, 712.
Aerdäni-Zazäk — дѣйств. л. ск., 838, 873.
Ahlquist—авт., 815.
Aijeke—лопарскій богъ, 801.
Ajalgo—дѣйств. л. ск., 838.
Akarul'tenne—созвѣздіе, 723.
Akreb—звѣзда, 733.
Alabunga — дѣйств. л. ск., 838.
Alaim-saghma—радуга, 742.
Alanguer—городъ, 902.
Allalapanga—дѣйств. л. ск., 838.
Altan dälakäi—божество, 904.
Altan Gadassun—звѣзда, 734.
Alten Tactai — дѣйств. л. ск., 667.
Altin Kazuk—звѣзда, 735.
Amar-Utuki—звѣзда, 711.
Ammä—мнѣ. л., 785.
Anepu—дѣйств. л. ск., 812.
Angelo de Gubernatis — итал. учен., 782, 816.
Angiras—семь мудрецовъ, 866.
Anningat—мѣсяцъ, 780.
Anysis—египет. царь, 922.
Aria—скиѣское божество, 821.
Aralgo-goa—дѣйств. л. ск., 817, 818.
Arctos—созвѣздіе, 716.
Arzobä—городъ Θεοδοσία, 928.

Ө.

Ярубай-камъ—дѣйств. л. ск., 170.
Ярунхо—имя самоѣд. народа, 664.
Ясынъ-Чинха—дѣйств. л. ск., 504.
Яулубай—пред. Киргизъ, 14.
Я-хадако—божество, 696.
Япка-шутъ—дѣйств. л. ск., 810.
Ялчи-ханъ—божество, 69, 78, 911.

Өедоръ-Тиронъ—дѣйств. л. ск., 737.
Өедька-воръ—дѣйств. л. ск., 927.
Өеодора—греч. царица, 833.
Өеодоръ—дѣйств. л. ск., 845.
Өеодосія—городъ, 724, 725, 731, 732, 745, 928.
Өеодулъ-змѣй—дѣйств. л. ск., 719, 913.
Өетида—дѣйств. л. ск., 920.

В.

Arendjula—богатырск. конь, 935.
Arguarkartergosten—созвѣздіе, 712.
Арктос—созвѣздіе, 714.
Aspelin — швед. учен., 683, 686, 687, 944.
Астроу тѣс Трамонтанас — созвѣздіе, 714.
Ахсақ Темур—звѣзда 735.
Ayguatl'kotkötsetlen—звѣзда, 735.
Azhi—мнѣ. змѣй, 790.
Ba'alti—дѣйств. л. ск., 842.
Baby—созвѣздіе, 730, 792.
Bagno—дѣйств. л. ск., 876.
Balkis—божество, 764.
Bangus—остяч. божество, 862.
Bentey—нѣм. учен., 868, 870, 902.
Bergmann—нѣмец. путеш., 734.
Bnadrakalpa—дѣйств. л. ск., 920.
Biörn—дѣйств. л. ск., 723.
Blau—нѣмецк. писат., 680.
Böke Ssorsson—дѣйств. л. ск., 876.
Bolcho-Dschinong—дѣйств. л. ск., 876.
Bollensen—нѣмец. пис., 740.
Bötlingk—учен., 783.
Böttiger — нѣм. учен., 723, 747, 763, 845.
Brhgu—божество, 782.
Brosset — франц. учен., 802, 806, 843, 854, 855, 867, 896, 934.
Büke Tschilger—дѣйств. л. ск., 899.
Bunsen—авт., 896.
Burnouf—франц. учен., 766.

C.

Carabolam — городъ, 815.
Castren — финск. учен., 662, 663, 665, 668, 672, 691, 695, 703, 707, 711, 712, 715, 785, 789, 806, 817, 821, 826, 830, 832, 851, 883, 900, 916, 917, 932, 934, 935.
Χειρον — дѣйств. л. ск., 920.
Chidr kâprûsü — радуга, 742.
Chondschin-boddi-sado — божество, 867.
Chualimir — дагматинск. царь, 864.
Chwolsohn — учен., 662, 689, 715, 842, 853, 860.
Cihac — учен., 749.
Clemens — пред. албанцевъ, 792, 934.
Cossaga — дѣйств. л. ск., 865.
Csomo-Körösi — венгер. учен., 817.
Culdanaste — звѣзда, 735.

D.

Δαβουλη — созвѣздіе, 714.
Deli-Marku — дѣйств. л. ск., 846.
Desmaison — ориенталистъ, 847, 927.
Detali Bratosi — предокъ албан. народа, 934.
Didron — франц. учен., 679, 757.
Djilbegân — дѣйств. л. ск., 789.
Don — созвѣздіе, 741.
Dongdum — дѣйств. л. ск., 833.
Dooriskui — богатирск. оружіе, 705.
Dschadschin — дѣйств. л. ск., 833, 834.
Dubb — созвѣздіе, 714.
Dumu-zi — аккад. божество, 842.

E.

Eboukéne — прозвище Барганъ-багадуръ, 847.
Elmri — дѣйств. л. ск., 797.
Eloughei — уроч., 691.
Engelland — мнѣ. страна, 739.
Erlkönig — дѣйств. л. ск., 797.
Erminge-straete — Млечн. путь, 741.
Ερημ; — греч. богъ, 831.
Εστία — греч. божество, 881.

F.

Faula — созвѣздіе, 712.
Fiastyuk — созвѣздіе, 730.
Fihrist — араб. соч., 787.

G.

Garabonezas diak — дѣйств. л. ск., 780, 923.
Gedon — дѣйств. л. ск., 870.

Geirradr — дѣйств. л. ск., 747.
Gesser chan — дѣйств. л. ск., 817.
Geza Kuun — издатель Куманск. слов., 890.
Gezdum — созвѣздіе, 733.
Ghasan — дѣйств. л. ск., 793.
Girard de Rialle — авт., 708, 780.
Golen — мнѣ. суш., 771.
Go-Tschikitu — дѣйств. л. ск., 838.
Grizulo rotas — созвѣздіе, 725.
Grundwig — авт., 787.
Guan preste — мнѣ. лицо, 861.
Gun-Bilik — дѣйств. л. ск., 694.
Gwidion — кимрск. богъ, 741.

H.

Hackeberg — дѣйств. л. ск., 780.
Hahn — нѣмец. учен., 741, 747, 771, 777, 792, 846, 864, 868, 881, 934.
Haliburton — иностр. пис., 779.
Hammer — нѣм. уч., 793.
Hartmann — нѣм. уч., 782.
Hawlan — созвѣздіе, 712.
Hazilar-joli — Млечн. путь, 740.
Hemu-kai — дѣйств. л. ск., 830.
Herodot — греч. истор., 821.
Heteveny — созвѣздіе, 730.
Hetu Moger — предки Венгровъ, 711.
Höglen — созвѣздіе, 712.
Holtzmann — нѣмец. пис., 752, 768, 829, 845, 871.
Howlyn — созвѣздіе, 712.
Hundalf — мнѣ. суш., 752.
Hunfalvy — венг. пис., 711, 797, 933.
Hunwoli — мнѣ. суш., 752.
Huyotkenotsutlen — созвѣздіе, 712.
Hyde — англ. учен., 861.
Hymir — дѣйств. л. ск., 673.

I.

Iona — дѣйств. л. ск., 780.
Imoschi — мѣстность, 846.
Indra — инд. богъ, 845.
Indraghi — божество, 752.
Iringes ves — Млечн. путь, 734.
Iringweg — Млечн. путь, 741.
Itoga — божество, 696.
Iwlyn — созвѣздіе, 712.

J.

Jami — дѣйств. л. ск., 868.
Jagic — ученый, 780, 833, 923.
Jehan prebste — мнѣ. лицо, 861.
Jesouka — дѣйств. л. ск., 935.
Johannes prestus — мнѣ. лицо, 861.
Johan prestre — мнѣ. лицо, 861.
Jon — дѣйств. л. ск., 864.

Jören-tengri — божество, 821.
Jogo — дѣйств. л. ск., 817.
Juda Warag — дѣйств. л. ск., 927.
Jude — народъ, 864.
Judel — божество, 691.
Julien, Stanisl. — франц. учен., 943, 944.
Jupiter — богъ, 845.

K.

Kahkesan — Млечн. путь, 740.
Kalewa — дѣйств. л. ск., 713.
Καλλιστο — созвѣздіе, 719.
Kalmükien — народъ, 838.
Kalyb — дѣйств. л. ск., 912.
Kapher Torok — народъ въ сказ., 863.
Karna — дѣйств. л. ск., 871.
Karpaluk — назв. Азовск. моря, 682.
Kasirati — албан. покол., 934.
Kaszahugy — созвѣздіе, 723.
Kaupat — Млечн. путь, 741.
Kausi Kusah — радуга, 742.
Khadira — гвоздь, 920.
Khasias — народъ, 708.
Kinnaga — страна, 921.
Kirke — дѣйств. л. ск., 786.
Kiskael-puorğa — созвѣздіе, 712.
Kithay — оз., 901.
K'iu-tchi — городъ, 813.
Kiementer — алб. покол., 792, 934.
Kögel-chan — дѣйств. л. ск., 943.
Kolak — дѣйств. л. ск., 855.
Komdei-mirgan — дѣйств. л. ск., 789.
Konkol — созвѣздіе, 713.
Koszi — созвѣздіе, 723.
Koudjin — идолъ, 867.
Koulak — дѣйств. л. ск., 855.
Koundjith — идолъ, 867.
Kourdjin — идолъ, 867.
Kuça — дѣйств. л. ск., 834.
Kugei-chan — гора, 876.
Kune-goa — дѣйств. л. ск., 818.
Kusah — ангель, 741.
Kuslar joli — Млечн. путь, 741.
Küsün schiregetu — дѣйств. л. ск., 875.
Kus zoli — Млечн. путь, 741.
Kyk kaz juli — Млечн. путь, 741.

L.

Laint-Lo — городъ, 757.
Laponie — страна, 774.
Lasaulx — франц. учен., 761.
Lenormant — франц. учен., 812, 842.
Leppapollky — дѣйств. л. ск., 844.
Liebrecht — нѣмецк. учен., 699, 759, 760, 763, 777, 783, 810, 898, 925.
Ling-kong — дѣйств. л. ск., 944.
Lischiwatscha — дѣйств. л. ск., 833.
Ljubia — мнѣ. суш., 771.

Llwybr caer Gwdion — Млечн. путь, 741.
Louhi — мнѣ. л., 793.
Lucifer — дѣйств. л. ск., 780.
Lussim-khan — дѣйств. л. ск., 872.

M.

Ma-Bajan — дѣйств. л. ск., 817.
Mahacacuni — дѣйств. л. ск., 834.
Mahaschakuli — дѣйств. л. ск., 833.
Malan-tengri — божество, 821.
Malko-Juchanan — дѣйств. л. ск., 854.
Mallino — дѣйств. л. ск., 780.
Mandaghol-chagan — дѣйств. л. ск., 876.
Manggu — чудовище, 675, 817.
Mannhardt — нѣм. уч., 723, 725, 739, 744, 747, 749, 752, 760, 772, 774, 780, 817, 832, 845, 886, 880, 883, 925, 934.
Manohara — дѣйств. л. ск., 921.
Marko-Kraal — дѣйств. л. ск., 846.
Masaraca — дѣйств. л. ск., 920.
Max-Muller — англ. уч., 689, 699, 715, 716, 868.
Mel'utankin — созвѣздіе, 713.
Middendorf — путеш., 797, 934.
Mityan — дѣйств. л. ск., 780.
Mohrin'sкое озеро, 737.
Mortillet — франц. писатель, 679.
Müller — путеш., 847.
Mycérinus — дѣйств. л. ск., 922.
Mysuka — дѣйств. л. ск., 935.

N.

Naga — дѣйств. л. ск., 920.
Nagardchuna — дѣйств. л. ск., 871.
Nagasena — дѣйств. л. ск., 871.
Nahusha — дѣйств. л. ск., 768.
Nangasuna — дѣйств. л. ск., 870.
Nordenskiöld — путеш., 712, 723, 730, 735, 740.
Nord-nagel — звѣзда, 735.
Nordqvist — авт., 723, 789.
Numbanu — радуга, 742.

O.

Oann — мнѣ. лицо, 861.
Ojoo-Tschikitu — дѣйств. л. ск., 838.
Ong-khan — дѣйств. л. ск., 855.
Oppert — нѣм. уч., 841, 842, 935.
Orodschu-Schigüssutai — дѣйств. л. ск., 875.
Orogholuktschi — дѣйств. л. ск., 874.
d'Osso — франц. уч., 805.
Otava — созвѣздіе, 713.
Outkin — дѣйств. л. ск., 855.
Owang-chan — мнѣ. лицо, 861.

P.

Pagalainen—дѣйств. л. ск., 899.
Padescha-prestegiani—миѣч. лицо, 861.
Panis—злое существо, 866.
Pantschala—страна, 920.
Papaos—скиѣск. божество, 821.
Papaçara—пѣсня, 740.
Paras—царство въ ск., 863.
Päre—созвѣздіе, 831.
Parre—созвѣздіе, 712.
Patsala—страна, 874.
Paukszcziū-kieles—Млечн. путь, 742.
Peäre—созвѣздіе, 712, 831.
Perkele—злое сущ., 808.
Pesoukai—дѣйств. л. ск., 935.
Pe-teou—созвѣздіе, 943.
Peti de la Croix—франц. учен., 935.
Phalaka—дѣйств. л. ск., 920.
Pictet—франц. учен., 858.
Pisouka—дѣйств. л. ск., 935.
Plejaden—созвѣздіе, 896.
Πλειάδες—созвѣздіе, 731.
Pöhja-nael—звѣзда, 735.
Ford—созвѣздіе, 712.
Port—созвѣздіе, 712.
Poule—созвѣздіе, 712.
Preller—нѣм. учен., 786, 796, 920, 925.
Presbyter-Iohannes—миѣ. лицо, 861.
Prester-chan—миѣ. лицо, 861.
Πύλα—созвѣздіе, 731.
Puorëa—созвѣздіе, 712, 831.
Putzig—городъ, 737.

Q.

Qirgis—звѣзда, 787.
Qongqomar—нокол., 927.
Quatremere—франц. уч., 851.
Quintal—дѣйств. л. ск., 902.
Qutbi (кутби)—звѣзда, 736.

R.

Radde—путешеств., 661, 670, 754, 765, 770, 826, 935.
Radloff—ученый, 781, 785, 786, 794, 797, 810, 812, 817, 835, 856, 887, 891, 892, 897, 900, 904, 905, 907, 929, 934.
Rahkoï—чудовище, 793.
Rahu—демонъ, 858.
Rau—созвѣздіе, 723.
Ribhus—дѣйств. л. ск., 925.
Rikscha—дѣйств. л. ск., 782.
Rischis—дѣйств. л. ск., 816, 829; созвѣздіе, 782.
Rogmo-goä—дѣйств. л. ск., 818.
Rootsi-kabu—созвѣздіе, 713.
Rul'tenne—созвѣздіе, 723.
Russe—дѣйств. л. ск., 902.

S.

Sabacos—дѣйств. л. ск., 922.
Säktäwun—созвѣздіе, 712.
Salme—дѣйств. л. ск., 881.
Saman ogrisi—Млечн. путь, 740.
Samoho—дѣйств. л. ск., 862.
Sanglun—дѣйств. л. ск., 817.
Saour—дѣйств. л. ск., 862.
Saptasvasar—инд. божество, 740.
Sarama—миѣ. собака, 866.
Sarasvati—божество, 740.
Sary-Moko—дѣйств. л. ск., 899.
Sassyl igä—радура, 742.
Satu—дѣйств. л. ск., 812.
Schambu—гора, 875.
Schampala—страна, 838.
Scharübu—дѣйств. л. ск., 831.
Scheburgan—дѣйств. л. ск., 805.
Scheffer—нѣм. уч., 742, 774, 801, 828.
Schiefner—уч., 778, 782, 831, 834, 852, 904, 932.
Schikir—дѣйств. л. ск., 818.
Schiraigol—племя, 818.
Schirman—миѣ. сущ., 769.
Schirrawa—миѣ. сущ., 769.
Schmidt—нѣм. монголистъ, 674, 695, 804, 816, 826, 829, 830, 843, 844, 852, 863, 883, 904, 934.
Schott—нѣм. уч., 801, 856.
Schrenk—русс. ученый, 712, 756, 758.
Sekis-jolduz—созвѣздіе, 733.
Sena—предокъ Тукюэск. хановъ, 866.
Seng-baba—дѣйств. л. ск., 896.
Serpetchou—дѣйств. л. ск., 855.
Sethon—египетск. царь, 922.
Seula—созвѣздіе, 730.
Siebengestirn—созвѣздіе, 779.
Simrok—нѣм. уч., 690.
Siw-numgy—созвѣздіе, 712.
Som—созвѣздіе, 712.
So'om—созвѣздіе, 712.
Spiegel—нѣм. уч., 839.
Sseger-Ssandalituchagan—дѣйств. л. ск., 875.
Steele, Th.—авт., 834.
Storjunkare—лапландск. божество, 828.
Sudhana—дѣйств. л. ск., 921.
Svaum-b'u—имя Вишну, 738.
Swarozitz—слав. бож., 881.
Szimon Juda—дѣйств. л. ск., 923.

T.

Takbmö-urupis—дѣйств. л. ск., 839.
Tattre—народъ, 864.
Tchagaton-Nagaton—уроч., 851.
Thoronis—божество, 742.
Thorr—дѣйств. л. ск., 673.

Töki—созвѣздіе, 712.
Triçanku—дѣйств. л. ск., 781, 816.
Truone e lampe—дѣйств. л. ск., 760.
Tschotong—дѣйств. л. ск., 817.
Tsetl'omakom—звѣзда, 789.
Tshoridong—дѣйств. л. ск., 817.
Tsueygue—Млечный путь, 740.
Tümen-Disirgalang—дѣйств. л. ск., 818.
Tuonen—дѣйств. л. ск., 692.
Turku el kuffaru—народъ, 863.
Tyr—дѣйств. л. ск., 673.

U.

Uaetskatsop—созвѣздіе, 730.
Uennäkär Törölkitu—дѣйств. л. ск., 838.
Ukko—божество, 692.
Ulinda Bulun Taischi—дѣйств. л. ск., 872.
Umkap—созвѣздіе, 713.
Unapuger—созвѣздіе, 712.
Ünebolod Ong—дѣйств. л. ск., 853.
Uotkinautl—созвѣздіе, 712.
Urghulun—дѣйств. л. ск., 875.
Ürgöl—созвѣздіе, 730.
Üsüt-chan—дѣйств. л. ск., 930.
Utgardaloki—дѣйств. л. ск., 747.
Ütjün-Areg—дѣйств. л. ск., 930.

V.

Vambery—венг. писат., 713, 862, 933.
Veckenstedt—нѣм. пис., 768, 769, 771, 868, 874.

Vesperugo—звѣзда, 836.
Viçramitra—дѣйств. л. ск., 781.
Vincentius Bellovacensis—франц. писат., 863.
Vullers—нѣм. учен., 738.

W.

Waarapyorä—чудовище, 831.
Wadschrapäni—будд. бож., 881.
Waetlinga stract—Млечн. путь, 741.
Wana wanker—созв., 713.
Warätsyn—племя самоѣд., 874.
Weil—уч., 764, 789, 812, 819, 820, 858.
Wiedeman—уч., 814.
Wolf—нѣм. уч., 812, 900.
Wuotanes sträza—Млечн. путь, 741.
Wuotanes wesc—Млечн. путь, 741.

X.

Xoglen—созвѣздіе, 712.

Y.

Yriana—дѣйств. л. ск., 912.
Ytjyn Arach—дѣйств. л. ск., 789.

Z.

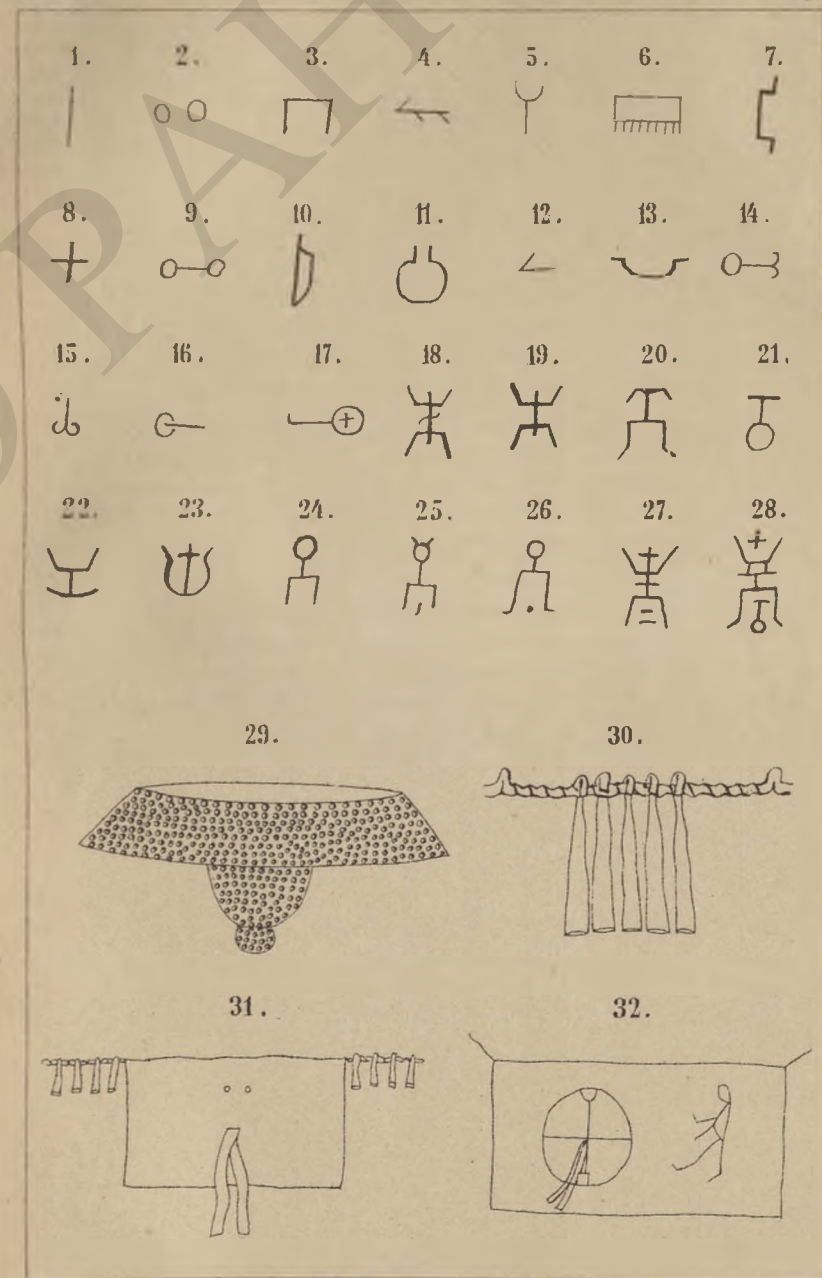
Zamuka Zizen—дѣйств. л. ск., 873.
Zejan joldus—звѣзда, 733.
Zohra—звѣзда, 731.
Zwerinne—звѣзда, 732.
Zwiretnice—звѣзда, 732.

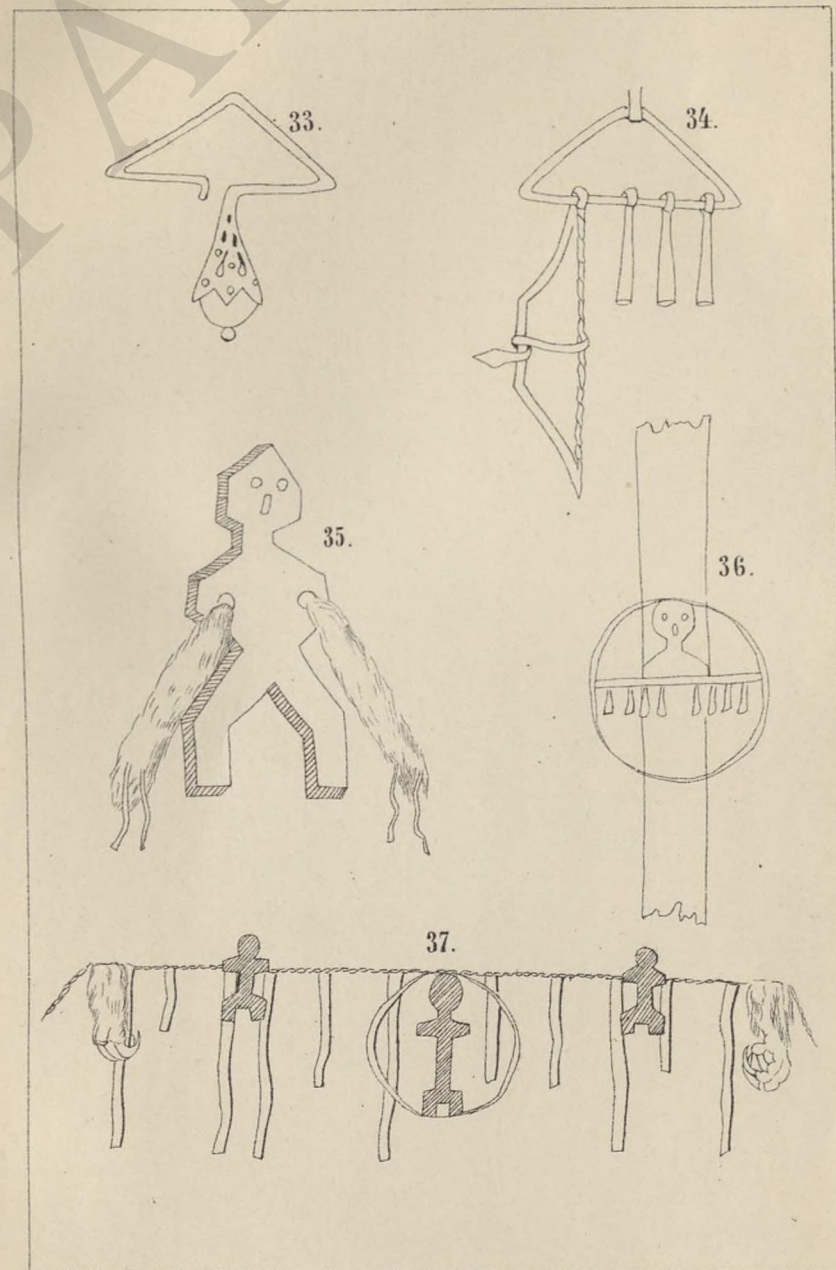
Опечатки и ошибки.

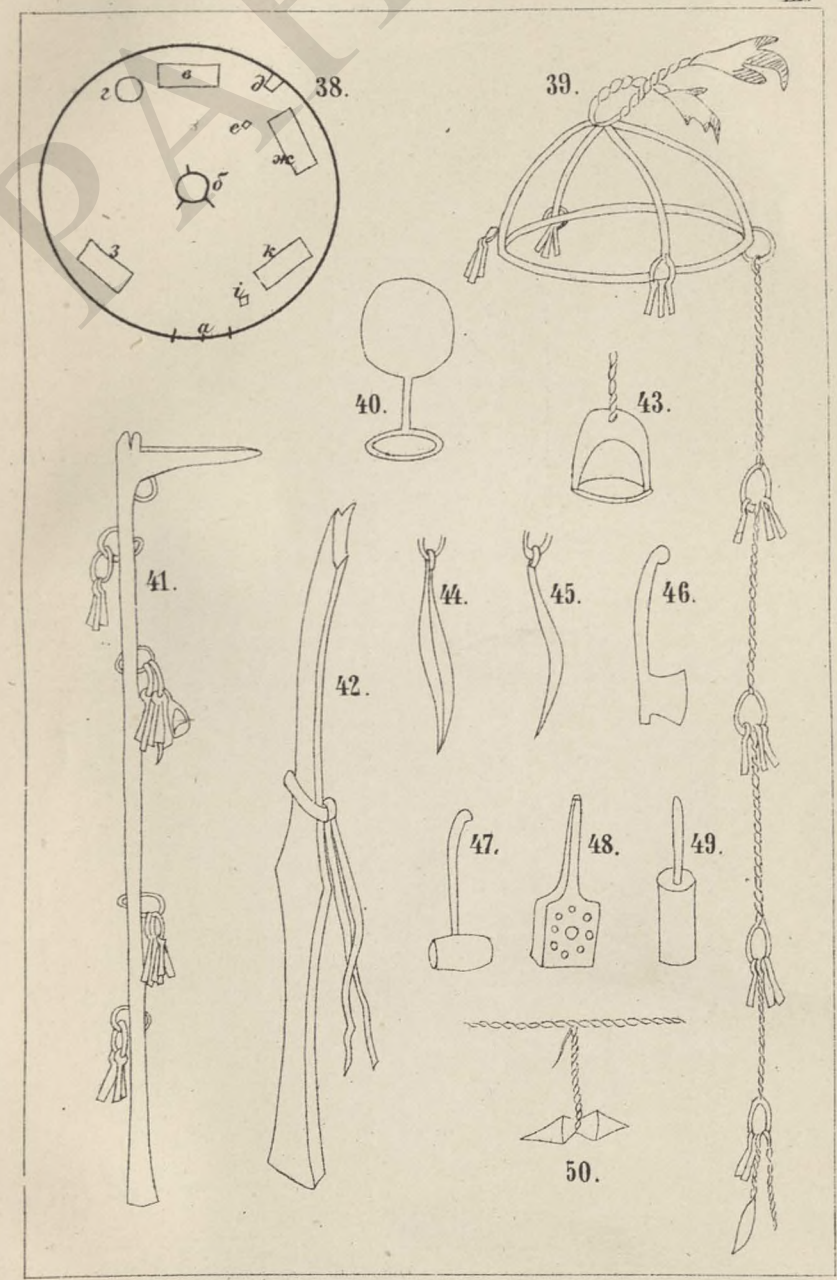
Стран.	Стр.	Напечатано:	Читай:
158	30	feo	Leo
185	4	a.	б.
193	16	A	Ай
205	10	Кокде-меренъ	Кокде-мерген
210	13	зэнгри	тэнгри
229	29	кремля	врежня
241	13	Банынъ	Балынъ
280	10	рдема	эрдема
351	12	Енъ	онъ
370	19	Демичи-Саяна	Демичи-Ерена

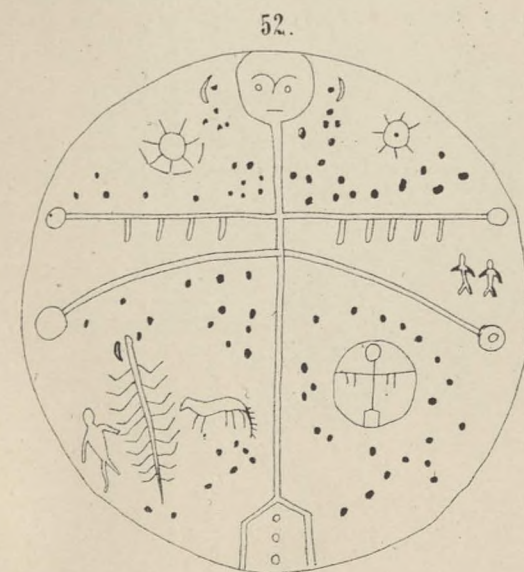
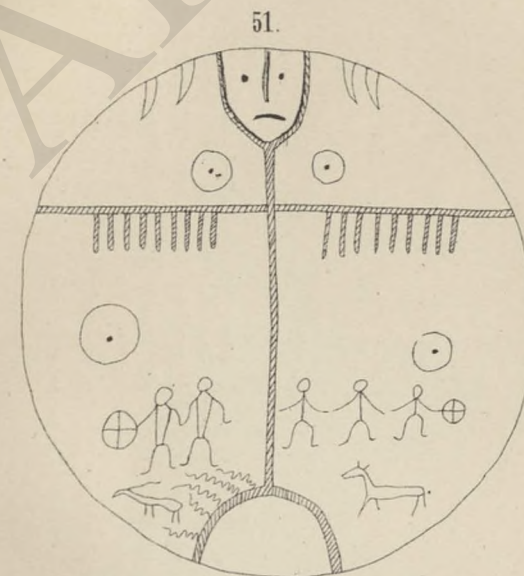
Стран.	Стр.	Напечатано:	Читай:
376	24	Суда	Куда
472	34	Ogis	Ovis
494	27	луги	слуги
499	11	онъ	она
—	19	Тамъ	Танъ
632	2	Бдско	Боско
656	26	Шогулами	Вогулами
660	22	Коголь-Найманъ	Коголь-Маймавъ
663	33	сятынѣ	святынѣ
681	32	лыкъ	лынъ
711	29	tul	t и l
718	29	каракше	каракшинъ
—	31	Очи-каракше	Очи-каракшинъ
735	34	Чечекск. темя	Чеченск. племя
738	10	Б. Медвѣдица	Б. Медвѣдицы
739	35	сем	семь
750	17	арсъ	idém
777	35	сыръ-кянда	сыръ-нянда
—	37	разрубаетъ пополамъ	обрубаетъ
793	33	Гаунскихъ	Чаунскихъ
830	26	Сенъ-Жюльеномъ	Стан. Жюльеномъ
854	8	при чемъ и съ Магу-Ундуръ былъ	и съ Магу-Ундуръ, гдѣ былъ
860	9	Кудурго	Кудурчо
863	8	№ 11	к
870	9	царицы	царь и царица
873	8	или	ули
897	19	семн	семью
907	35	онъ	Иринъ
912	25	Ugiana	Ygiana

Страницы 977—992 не существуетъ.

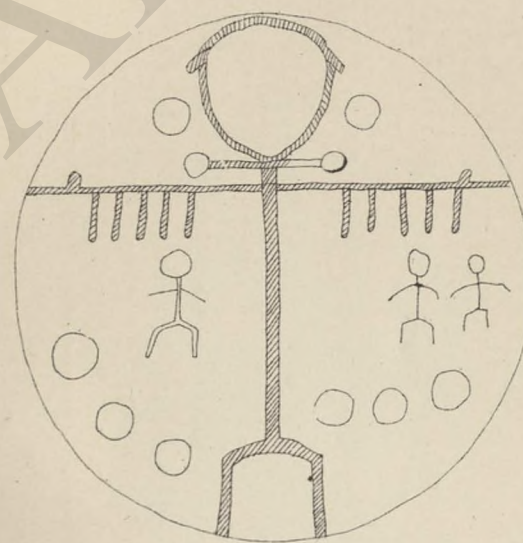

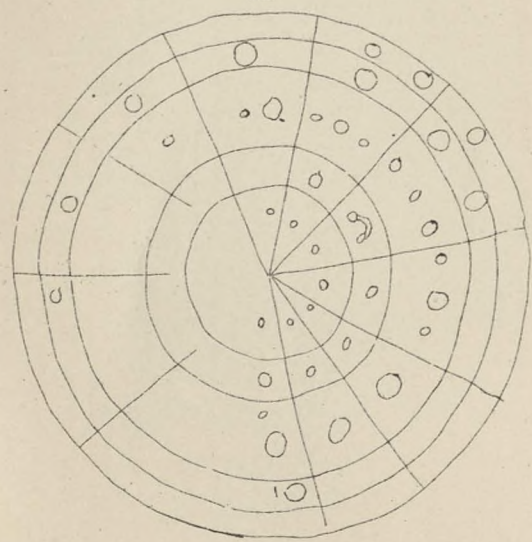

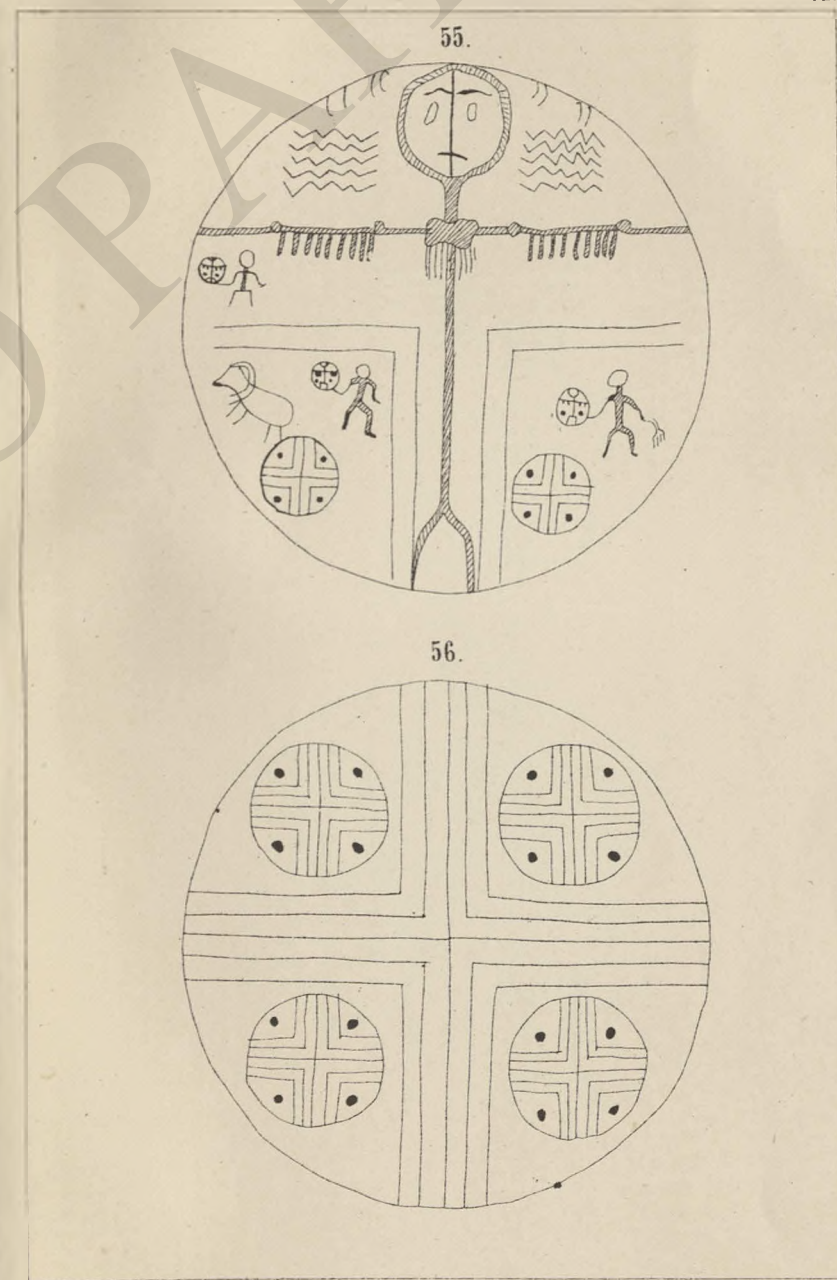

53.

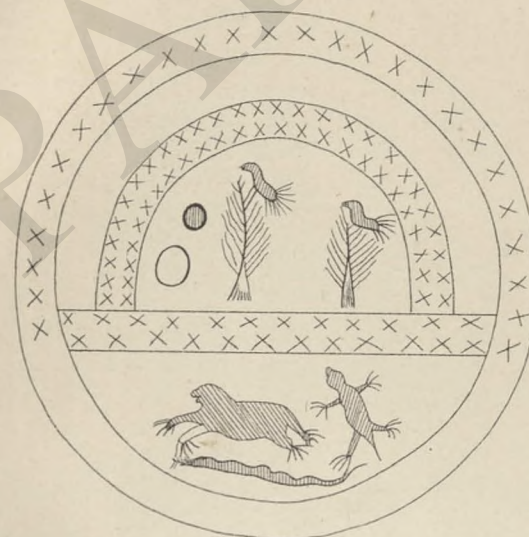

54.

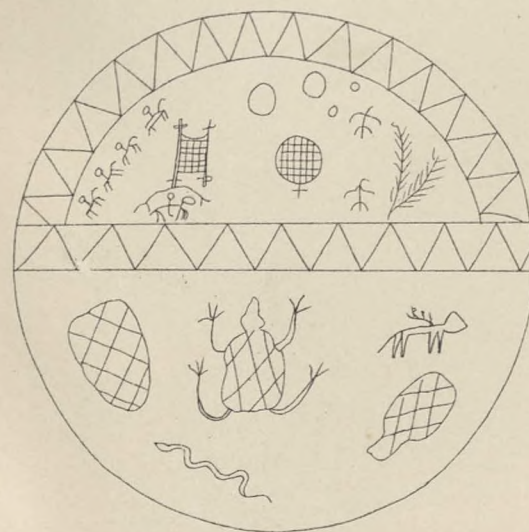

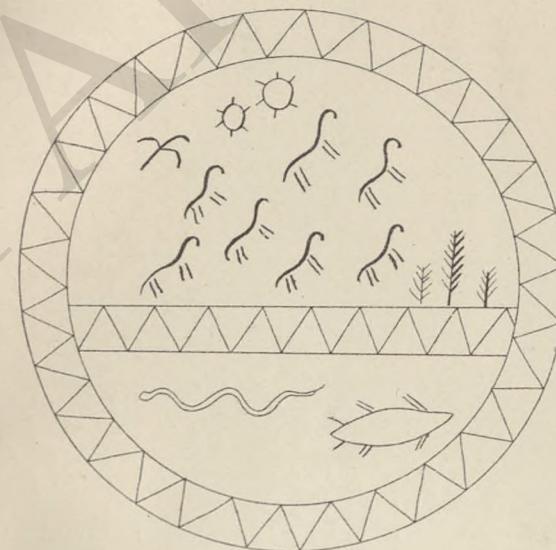
57.

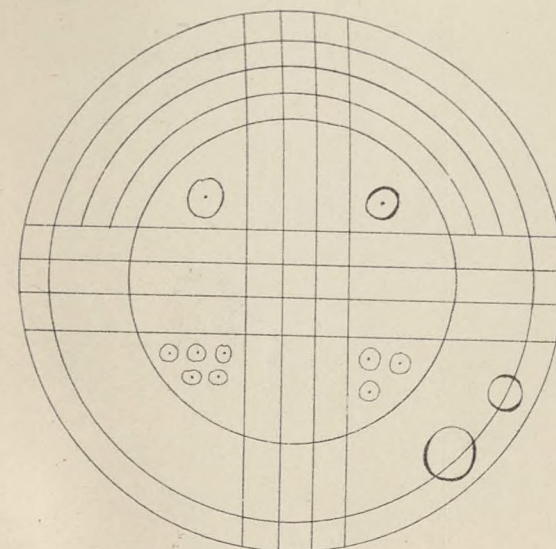
58.

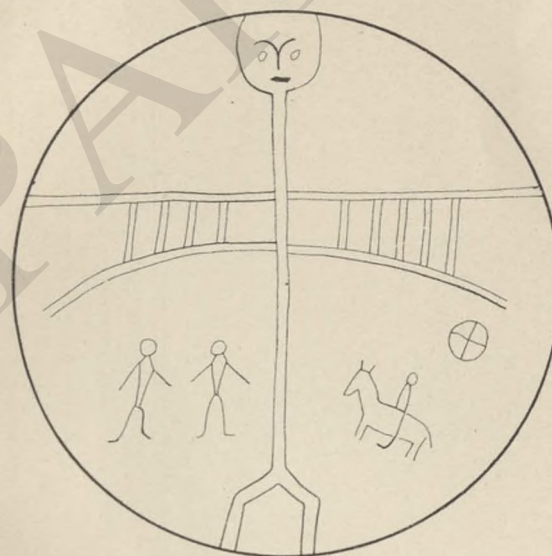
59.

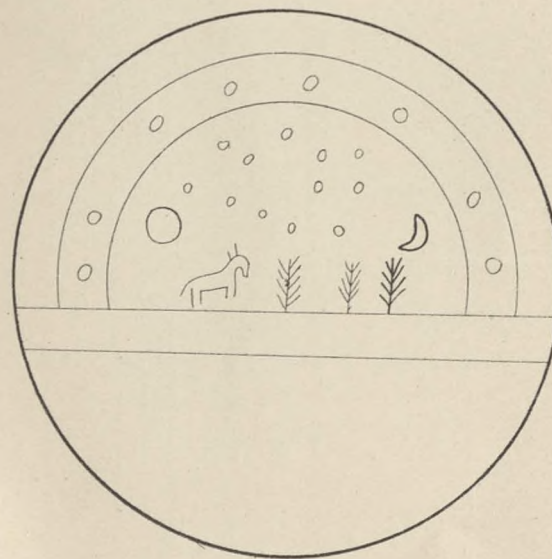
60.

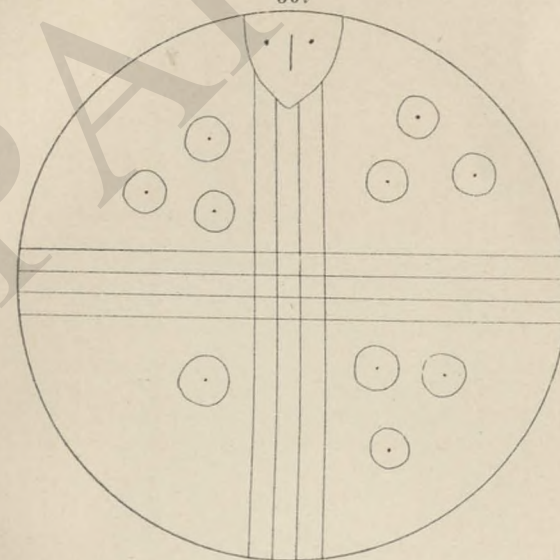
61.

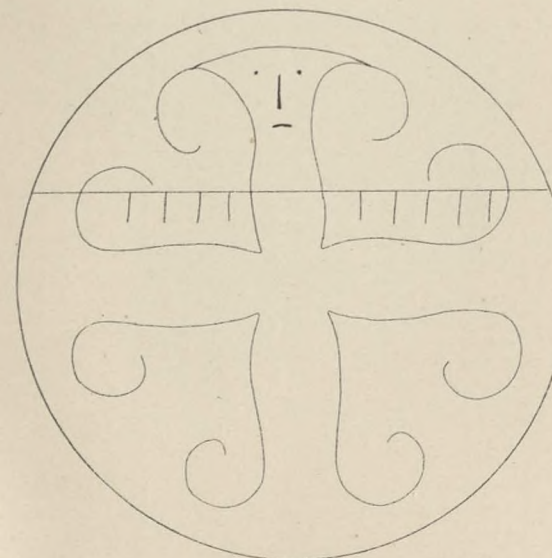
62.

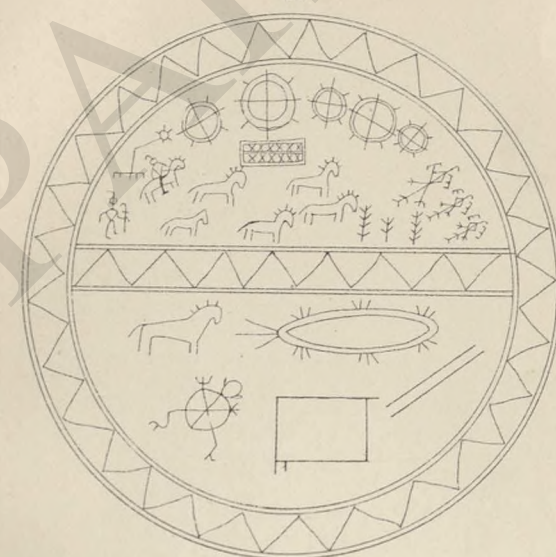
65.

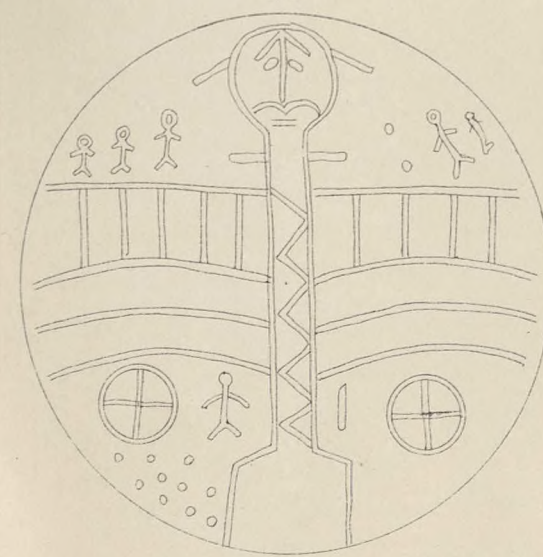
66.

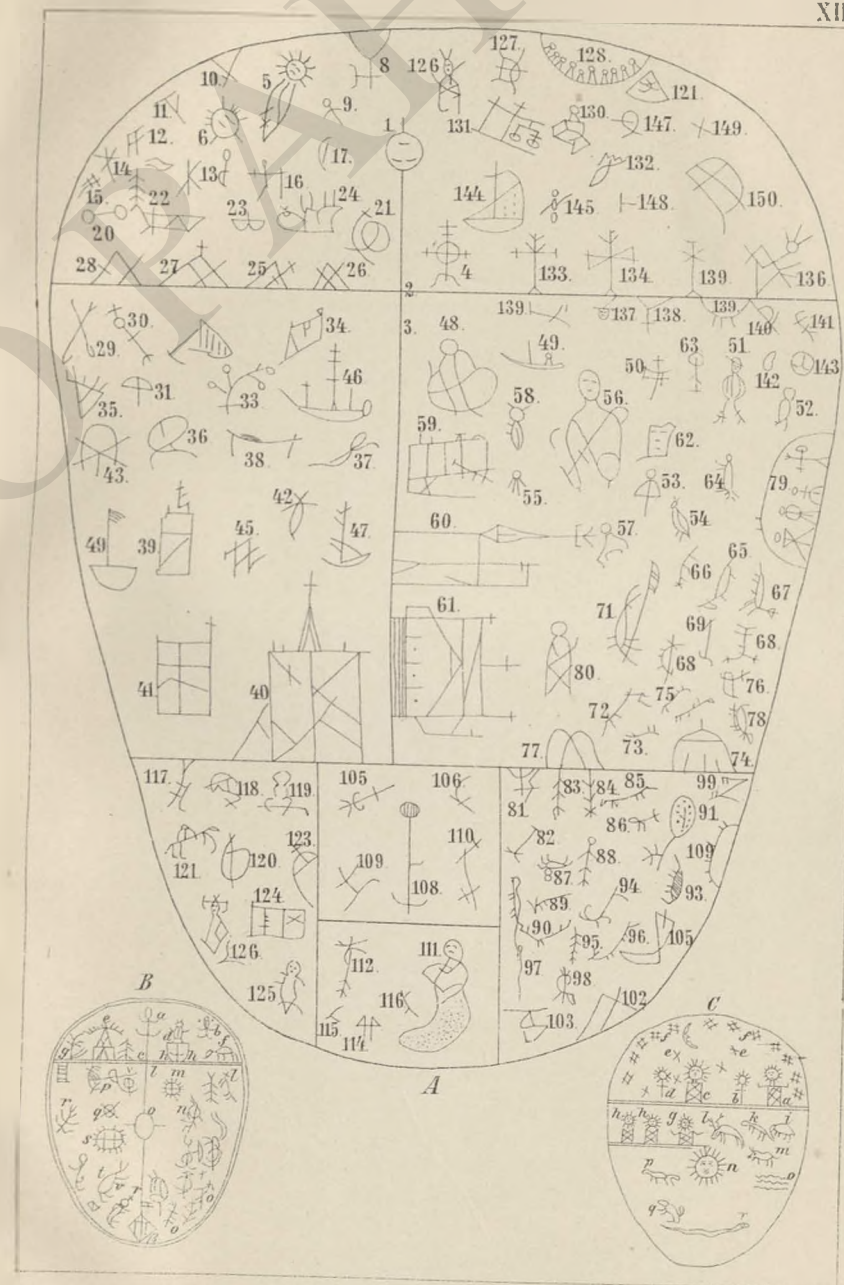

63.

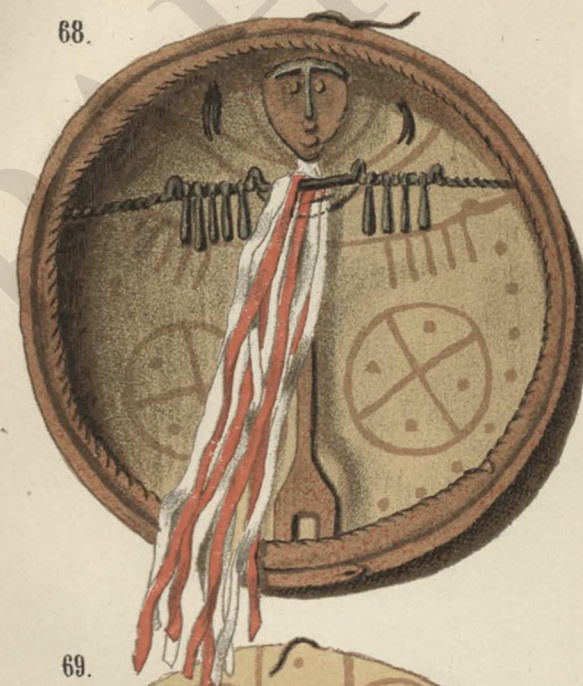

64.

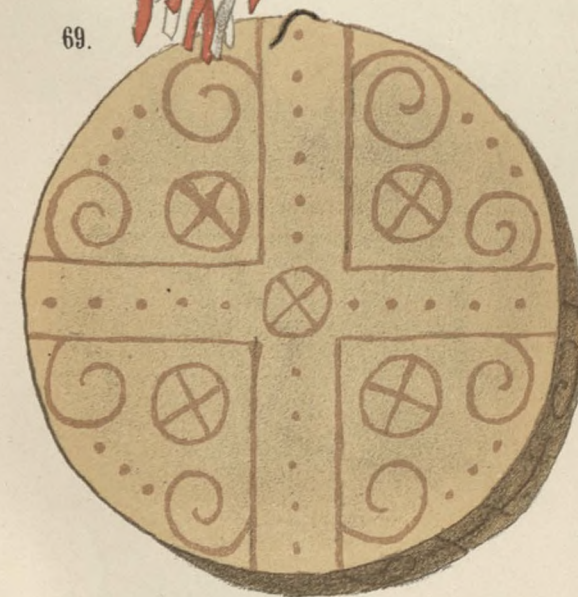

68.

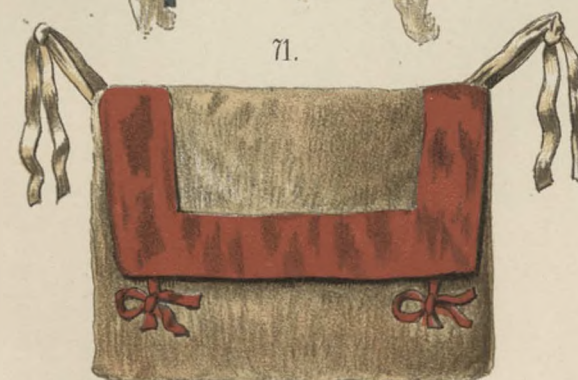
69.

70.

71.

72.

Лит. А. Ильина

73.

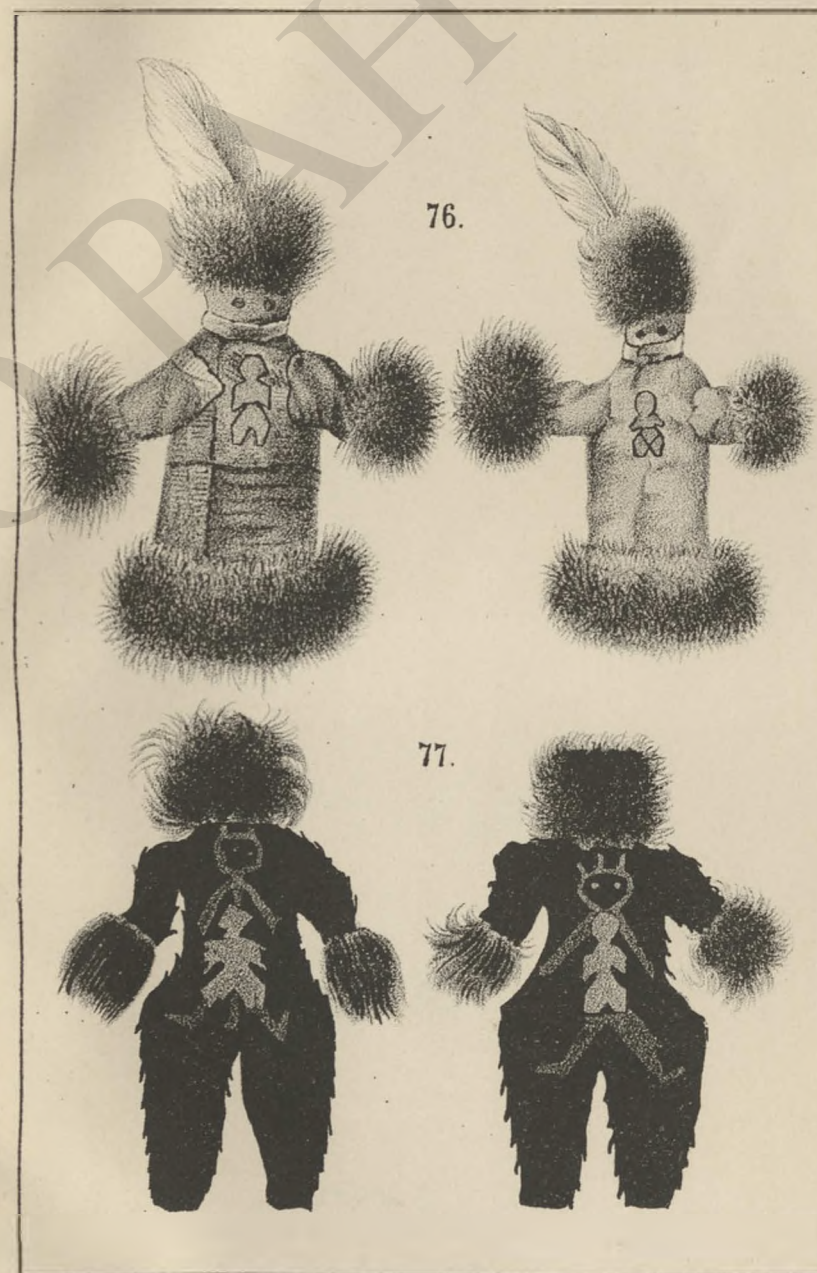

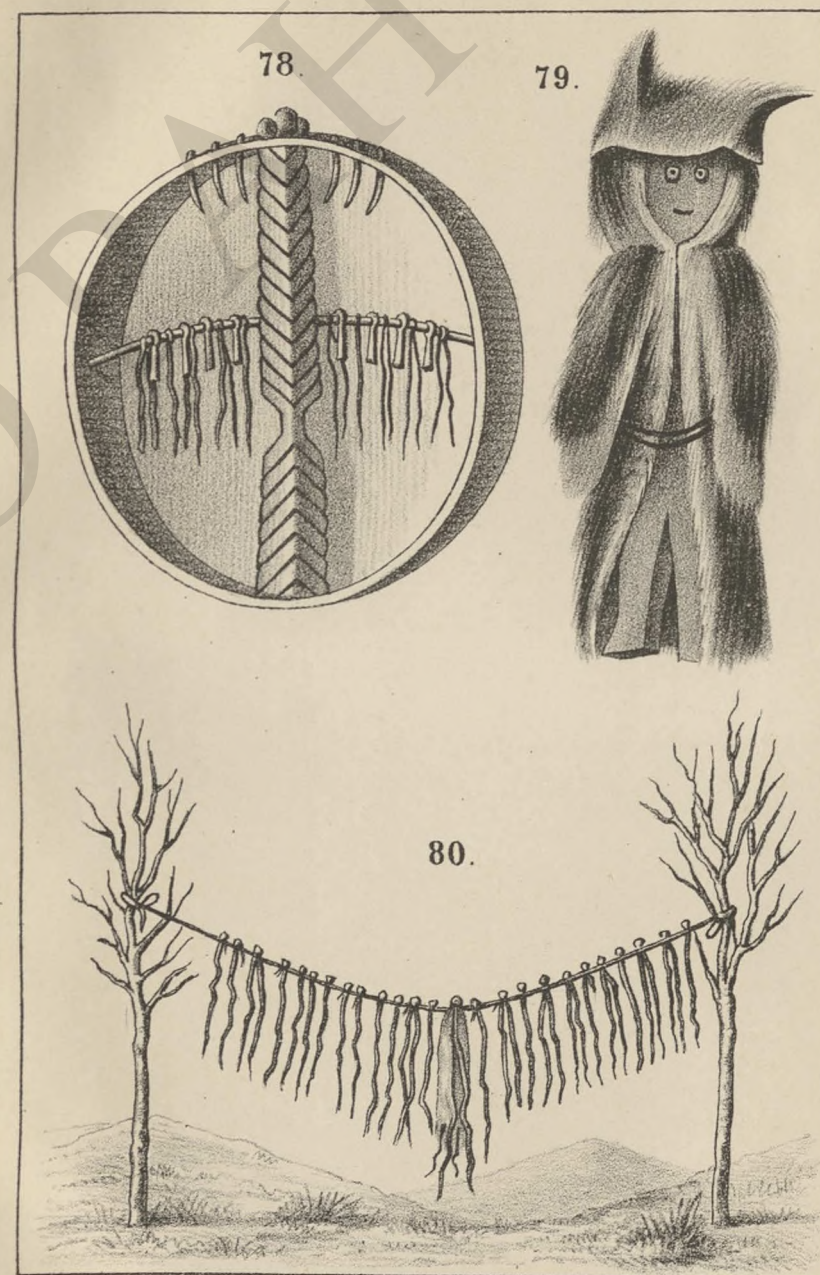
74.

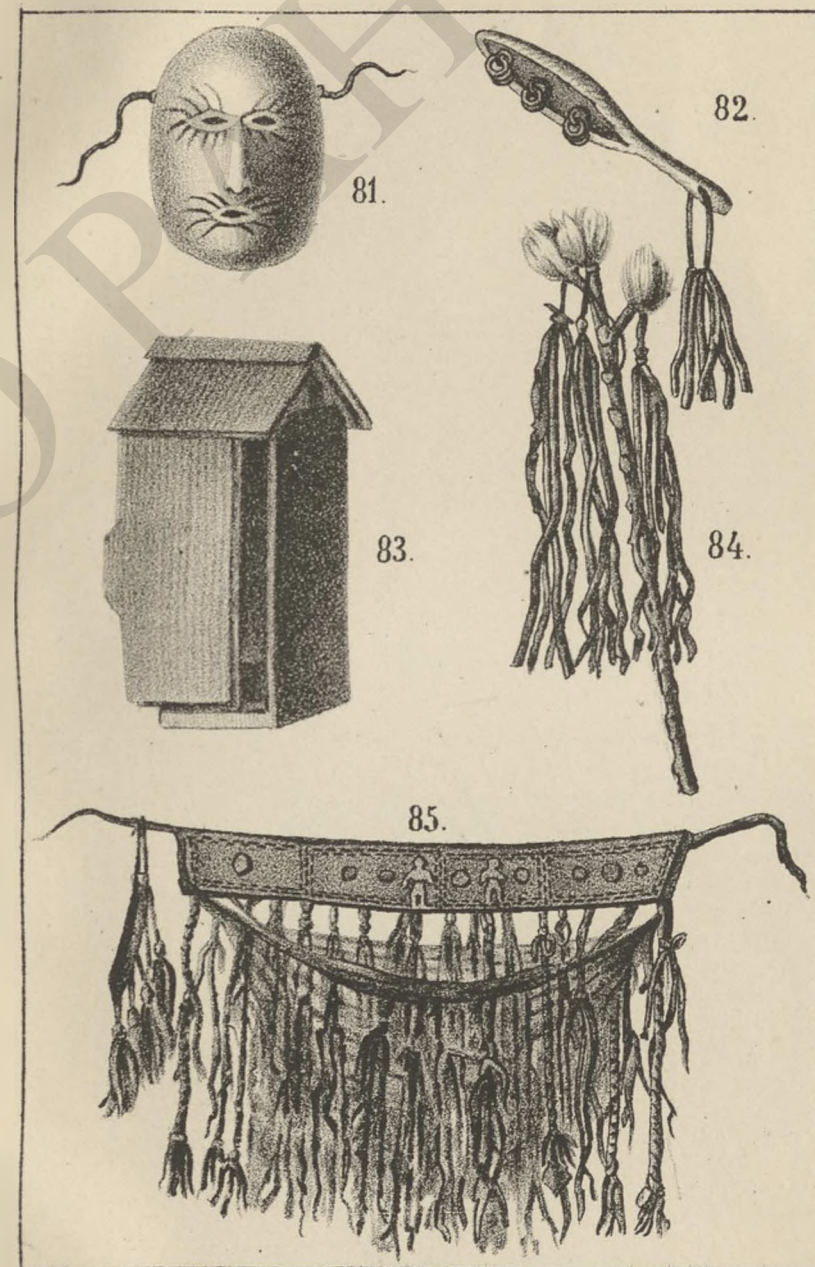

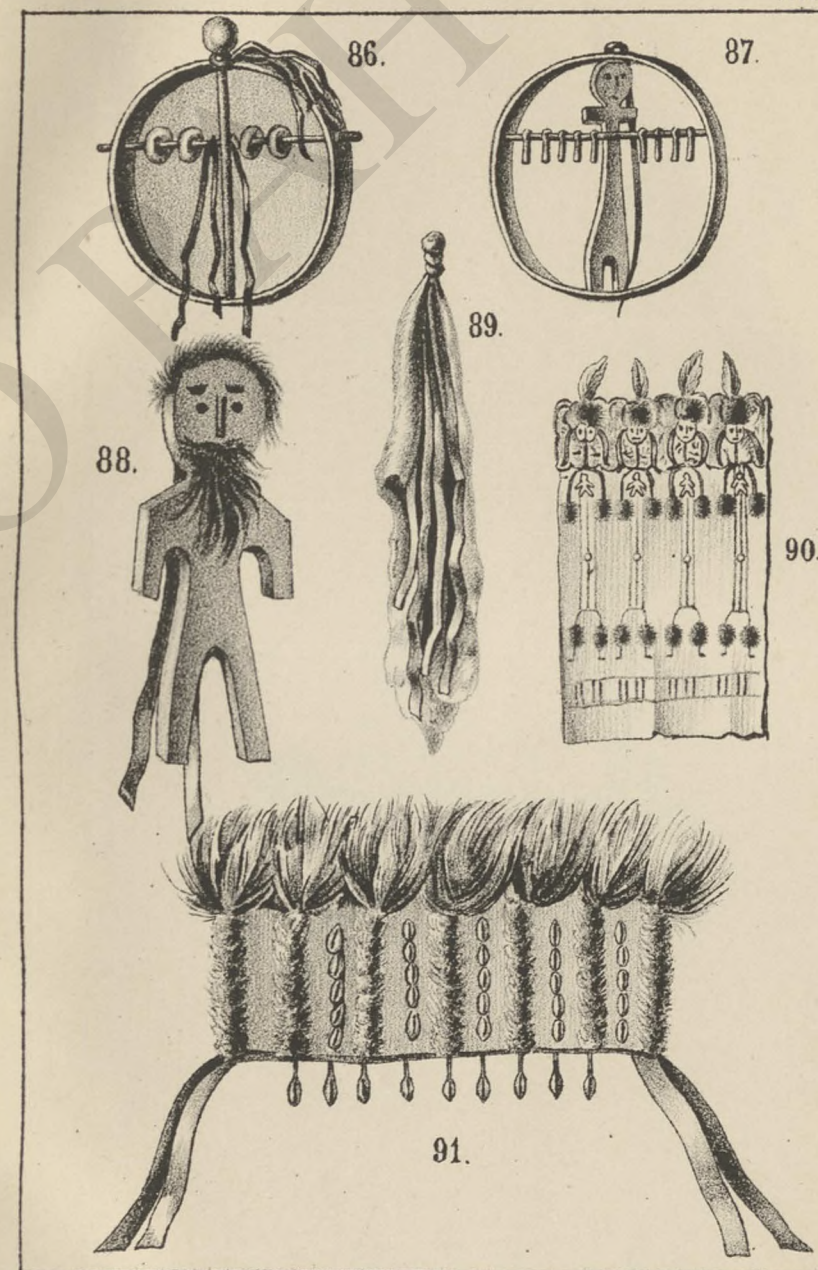
75.

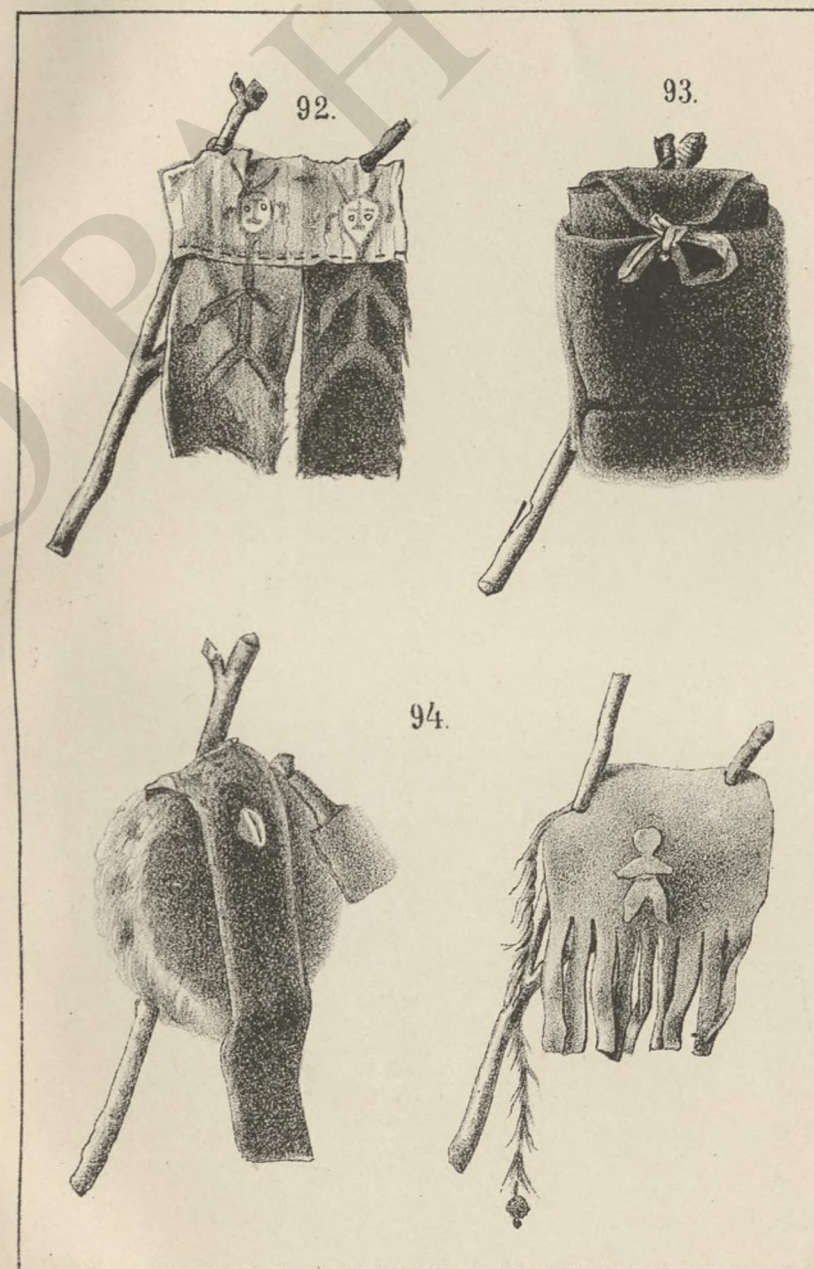

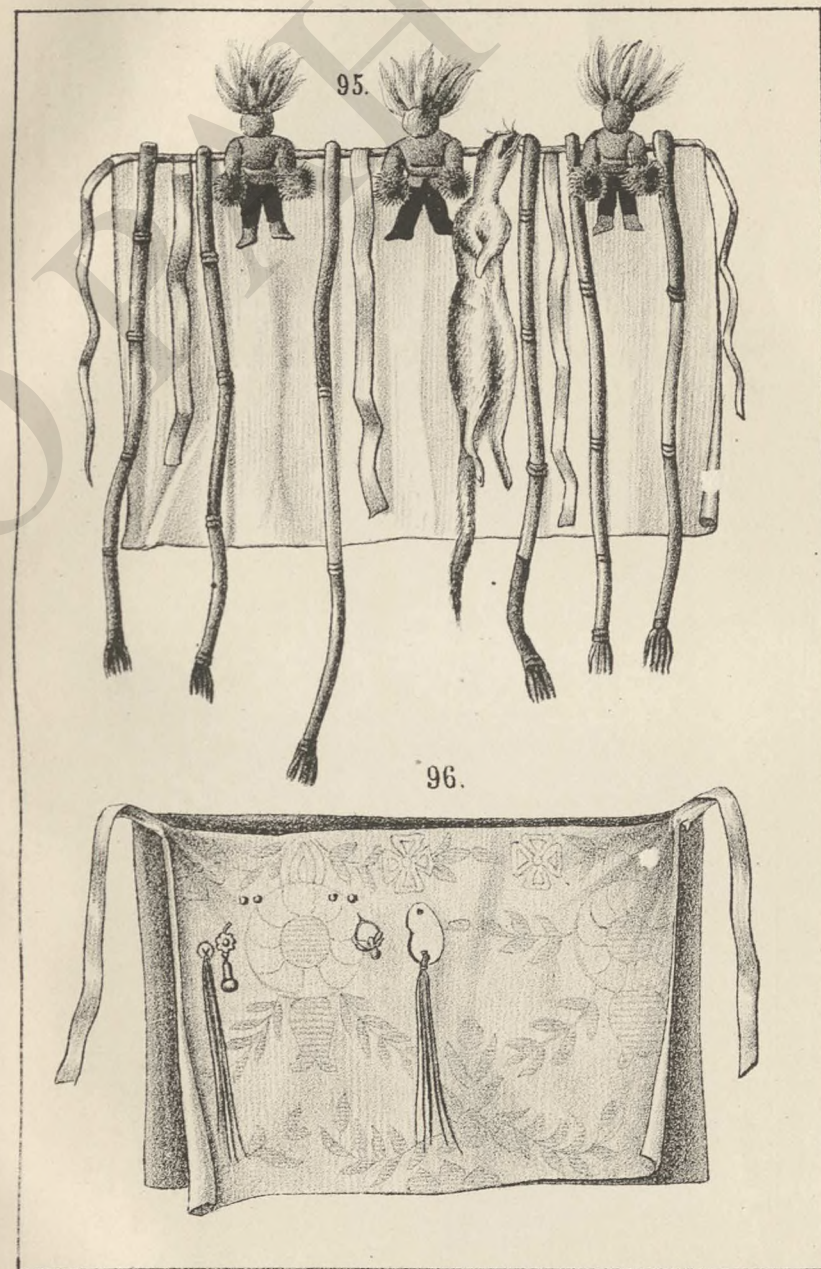

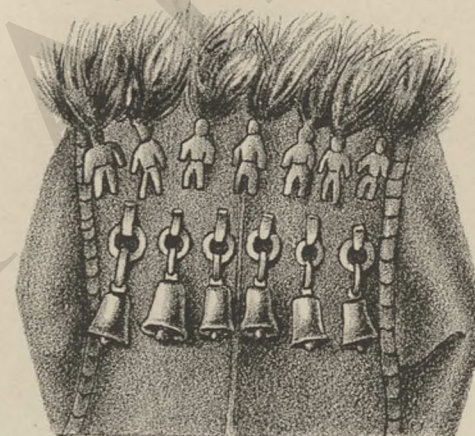

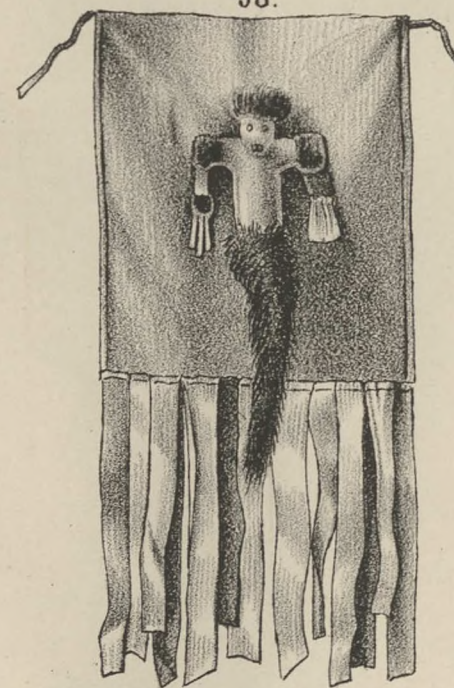

97.

98.

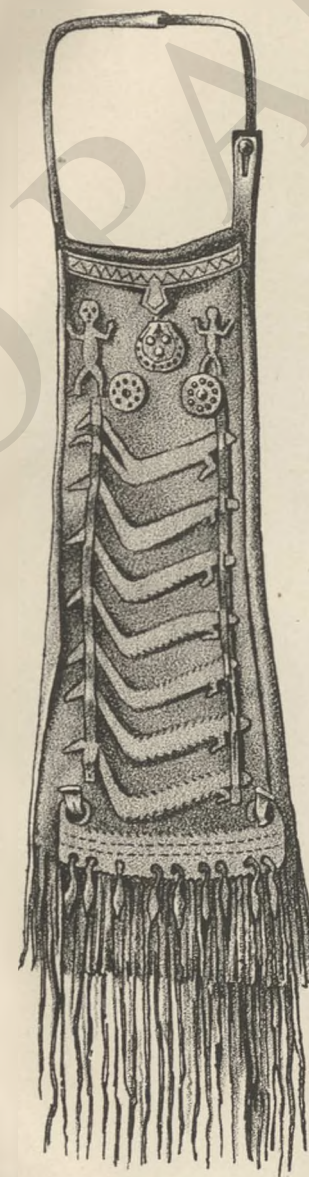
99.

100.

101.

102.

